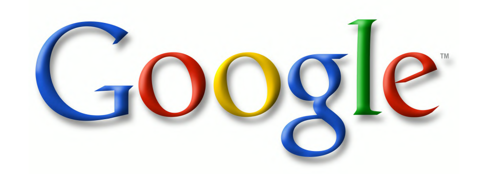
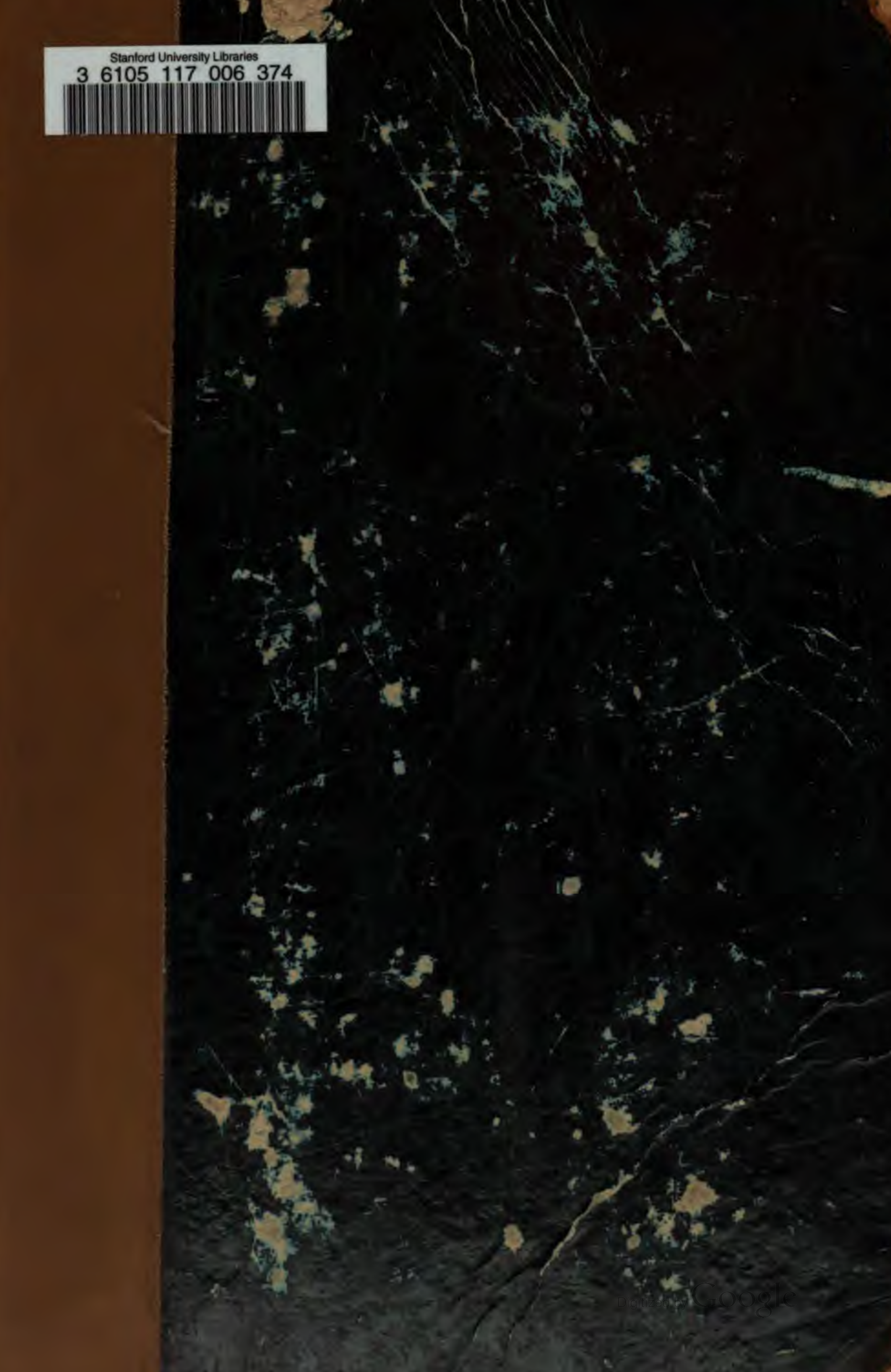




ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО,

сочиненіе

Н. М. КАРАМЗИНА.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ

ЗАКЛЮЧАЮЩИХЪ ВЪ СЕБѢ ДВѢНАДЦАТЬ ТОМОВЪ,

СЪ ПОЛНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ,

УКРАШЕННОЕ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,

ГРАВИРОВАННЫМЪ НА СТАЛИ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Изданіе

И. Эйнерлинга.

КНИГА II.

(ТОМЫ V, VI, VII и VIII.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1842.

ПЕЧАТАНО

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ V.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ ДОНСКІЙ.

Г. 1363 — 1389.

Гнѣвъ Ханскій. Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. Договоръ. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Язва. Великій пожаръ. Каменный Кремль. Частыя побѣды надъ Моголами. Разбои Новогородской вольницы. Междоусобія Тверскихъ Князей. Запустѣніе Херсона. Нашествіе Литвы. Война съ Орденомъ. Сила Мамая. Вторичное нашествіе Ольгерда. Благоразуміе Михаила Тверскаго. Любовь народная къ Димитрію. Знаменія. Возвращеніе Великаго Князя изъ Орды. Война съ Олегомъ. Новое впаденіе Литвы. Междоусобіе. Третіе нашествіе Ольгерда. Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. Послѣдній Тысячскій въ Москвѣ. Война съ Тверскимъ Княземъ. Первая смертная казнь въ Москвѣ. Походъ въ Болгарію. Начало Казани. Нашествіе Моголовъ. Пословица. Побѣда надъ Моголами. Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Дѣла церковныя. Нашествіе Мамаево. Измѣна Олегова. Славная битва Куликовская. Тамерланъ. Нашествіе Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступъ къ столицѣ. Вѣроломство Тохтамыша. Взятіе и разрушеніе Москвы. Скорбь Димитрія. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы. Изгнаніе Митрополита. Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ. Тяжкая дань. Миръ съ Олегомъ. Ссора и миръ съ Новымгородомъ. Крещеніе Литвы. Жестокость Князя Смоленскаго. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. Смерть Князя Нижегородскаго. Вражда между Великимъ Княземъ и Владиміромъ. Ихъ примиреніе. Новый порядокъ наслѣдства. Кончина Великаго Князя. Свойства Димитріевы. Строеніе городовъ и монастырей. Дѣла церковныя. Ересь Стригольниковъ. Крещеніе Перми. Сношенія съ Греціею. Путешествіе Пимена. Италіанцы въ нашей службѣ. Деньги вмѣсто кунъ. Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Кометы. Зима до 20 Апрѣля.

Г. 1363. Калита и Симеонъ готовили свободу нашу болѣе умомъ, нежели силою: настало время обнажить мечь. Увидимъ битвы кровопролитныя, горестныя для человѣчества, но благословенныя Геніемъ Россіи: ибо громъ ихъ пробудилъ ея спящую славу, и народу уничиженному возвратилъ благородство духа. Сіе важное дѣло не могло совершиться вдругъ и съ непрерывными успѣхами: Судьба испытываетъ людей и Государства многими неудачами на пути къ великой цѣли, и мы заслуживаемъ счастіе мужественною твердостію въ противностяхъ онаго.

Димитрій Іоанновичь, удостоенный Великокняжескаго сана Мурутомъ, желая господствовать безопаснѣе, искалъ благосклонности и въ другомъ Царѣ, Авдулѣ, сильномъ Мамаевою Ордою: Посолъ сего Хана явился съ милостивою грамотою, и Димитрій долженствовалъ вторично ѣхать въ Владиміръ, чтобы принять оную согласно съ древними обрядами. Хитрость безполезная: угождая обоимъ Ханамъ, Великій Князь оскорблялъ того и другаго; по крайней мѣрѣ утратилъ милость Сарайскаго, и возвратясь въ Москву, свѣдалъ, что Димитрій Константиновичь опять занялъ Владиміръ: ибо Мурутъ прислалъ ему съ сыномъ бывшаго Владѣтеля Бѣлозерскаго, Іоанномъ Ѳеодоровичемъ, и съ тридцатью слугами Ханскими ярлыкъ на Великое Княженіе (1). Но гнѣвъ Царскій уже не казался гнѣвомъ Небеснымъ: юный внукъ Калитинъ осмѣлился презрѣть оный, выступилъ съ полками, чрезъ недѣлю изгналъ Димитрія Константиновича изъ Владиміра, осадилъ его въ Суздалѣ, и въ доказательство великодушія позволилъ ему тамъ властвовать какъ своему присяжнику. Гнѣвъ Ханскій.

Мысль Великаго Князя или умныхъ Бояръ его, мало по малу искоренить систему Удѣловъ, оказалась ясно: онъ выслалъ Князей Стародубскаго и Галицкаго изъ ихъ наслѣдственныхъ горо-

Стѣсненіе Князей Удѣльныхъ. доръ, обязавъ Константина Ростовскаго быть въ точной и совершенной зависимости отъ Главы Россіи (2). Изумленные рѣшительною волею отрока господствовать единодержавно, вопреки обыкновенію древнему и закону отцевъ ихъ, они жаловались, но повиновались: первые отъѣхали къ Князю Андрею Нижегородскому, а Константинъ въ Устюгъ.

г. 1364. Договоръ. Въ сіе время Димитрій Іоанновичь лишился брата и матери. Тогда онъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, заключилъ договоръ, выгодный для обоихъ (3). Митрополитъ Алексій былъ свидѣтелемъ и держалъ въ рукахъ святый крестъ: юные Князья, окруженные Боярами, приложились къ оному, давъ клятву вѣрно исполнять условія, которыя состояли въ слѣдующемъ: «Мы клянемся жить подобно нашимъ родителямъ: мнѣ, Князю Владиміру, уважать тебя, Великаго Князя, какъ отца, и повиноваться твоей верховной власти; а мнѣ, Димитрію, не обижать тебя и любить, какъ меньшаго брата. Каждый изъ насъ да владѣетъ своею отчиною безспорно: я, Димитрій, частію моего родителя и Симеоновою; ты Удѣломъ своего отца. Пріятели и враги да будутъ у насъ общіе. Узнаемъ ли какое злоумышленіе? объявимъ его немедленно другъ другу. Бояре наши могутъ свободно переходить, мои къ тебѣ, твои ко мнѣ, возвративъ жалованье, имъ данное. Ни мнѣ въ твоемъ, ни тебѣ въ моихъ Удѣлахъ не покупать селъ, не брать людей въ кабалу, не судить и не требовать дани. Но я, Владиміръ, обязанъ доставлять тебѣ, Великому Князю, съ Удѣла моего извѣстную дань Ханскую. Сборы въ волостяхъ Княгини Іуліаніи принадлежатъ намъ обоимъ. Людей черныхъ, записанныхъ въ Сотни, мы не должны принимать къ себѣ въ службу, ни свободныхъ земледѣльцевъ, мнѣ и тебѣ вообще подвѣдомыхъ. Выходцамъ Ординскимъ отправлять свою службу, какъ въ старину бывало» (симъ именемъ означались Татары, коимъ наши Князья дозволяли селиться въ Россійскихъ городахъ). «Если буду чего искать на твоемъ Бояринѣ или ты на моемъ, то судить его моему и твоему чиновнику вмѣстѣ; а въ случаѣ несогласія между ними рѣшить тяжбу судомъ Третейскимъ. Ты, меньшій братъ, участвуй въ моихъ походахъ воинскихъ, имѣя подъ Княжескими знаменами всѣхъ Бояръ и слугъ своихъ: за что во время службы твоей будешь получать отъ меня жалованье.» — Отнимая Удѣлы свойственниковъ дальнихъ, Великій Князь не хотѣлъ поступить такъ съ ближнимъ, и Княженіе Московское оставалось еще раздробленнымъ. г. 1364

Между тѣмъ въ Сараѣ одинъ Ханъ смѣнялъ другаго: преемникъ Мурутовъ, Азисъ, думалъ также низвергнуть Калитина внука, и Димитрій Константиновичь снова получилъ Ханскую грамоту на Великое Княженіе, привезенную къ нему изъ Орды весною сыномъ его, Василіемъ, и Татарскимъ Вельможею Урусмандомъ; но сей Князь, видя слабость свою, далъ знать Димитрію Московскому, что онъ предпочитаетъ его дружбу милости Азиса, и навѣки отказывается отъ достоинства Великокняжескаго. Умѣренность, вынужденная обстоятельствами, не есть добродѣтель; однакожь Димитрій Іоанновичь изъявилъ ему за то благодарность. г. 1365 Андрей Константиновичь преставился въ Нижнемъ (4): желая наслѣдовать сію область, и свѣдавъ, что она уже занята меньшимъ братомъ его, Борисомъ, Князь Суздальскій прибѣгнулъ къ Московскому. Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ еще не перемѣнилось: Св. Сергій, Игуменъ пустынной Троицкой Обители, былъ вызванъ изъ глубины лѣсовъ и посланъ объявить Владѣтелю Нижегородскому, чтобы онъ ѣхалъ судиться съ братомъ къ Димитрію Іоанновичу. Борисъ, утвержденный между тѣмъ на престолѣ Ханскою грамотою, отвѣтствовалъ, что Князей судитъ Богъ. Исполняя данное ему отъ Митрополита повелѣніе, Сергій затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ; но и сія духовная казнь не имѣла дѣйствія. Надлежало привести въ движеніе сильную рать Московскую: Димитрій Суздальскій предводительствовалъ ею. Усмиреніе Князя Нижегородскаго. Тогда Борисъ увидѣлъ необходимость повиноваться: выѣхалъ на встрѣчу къ брату, уступилъ ему Нижній и согласился взять одинъ Городецъ; а Великій Князь, благодѣяніемъ привязавъ къ себѣ Димитрія Константиновича, женился послѣ на его дочери, Евдокіи: свадьбу праздновали въ Коломнѣ со всѣми пышными обрядами тогдашняго времени. г. 1366—1367

Язва. Сіе происшествіе случилось въ годъ ужасный для Москвы. Язва, описанная нами въ княженіе Симеоново, вторично посѣтила Россію. Во Псковѣ она возобновилась чрезъ 8 лѣтъ (и Князь Изборс-

г. 1363—1367. скій, Евстафій, съ двумя сыновьями былъ ея жертвою); а въ 1364 году купцы и путешественники завезли оную изъ Бездежа въ Нижній Новгородъ, въ Коломну, въ Переславль, гдѣ умирало въ день отъ 20 до 100 человѣкъ (5). Лѣтописцы говорятъ о свойствѣ и признакахъ болѣзни такимъ образомъ: «Вдругъ ударитъ какъ ножемъ въ сердце, въ лопатку, или между плечами; огонь пылаетъ внутри; кровь течетъ горломъ; выступаетъ сильный потъ и начинается дрожь. У другихъ дѣлаются желѣзы, на шеѣ, бедрѣ, подъ скулою, пазухою, или за лопаткою. Слѣдствіе одно: смерть неизбѣжная, скорая, но мучительная. Не успѣвали хоронить тѣлъ; едва десять здоровыхъ приходилось на сто больныхъ; несчастные издыхали безъ всякой помощи. Въ одну могилу зарывали семь, восемь и болѣе труповъ. Многіе домы совсѣмъ опустѣли; въ иныхъ осталось по одному младенцу.» Въ 1365 году зараза открылась въ Ростовѣ, Твери, Торжкѣ: въ первомъ городѣ скончались въ одно время Князь Константинъ Васильевичъ, его супруга, Епископъ Петръ, а во второмъ вдовствующая Княгиня Александра Михайловича съ тремя сыновьями, Всеволодомъ Холмскимъ, Андреемъ, Владиміромъ, — ихъ жены, также супруга и сынъ Константина Михайловича, Симеонъ, множество Вельможъ и купцевъ. Въ 1366 году и Москва испытала то же бѣдствіе. Сія жестокая язва нѣсколько разъ проходила и возвращалась. Въ Смоленскѣ она свирѣпствовала три раза: наконецъ (въ 1387 году) осталось въ немъ только пять человѣкъ, которые, по словамъ лѣтописи, вышли и затворили городъ, наполненный трупами.

Москва не-за-долго до язвы претерпѣла и другое несчастіе: пожаръ, какого еще не бывало, и который слыветъ въ лѣтописяхъ *великимъ пожаромъ Всесвятскимъ*, ибо начался церковію Всѣхъ Святыхъ (6). Сей городъ раздѣлялся тогда на *Кремль, Посадъ, Загородье* и *Зарѣчье*: въ два часа или менѣе огонь, развѣваемый ужасною бурею, истребилъ ихъ совершенно. Многіе Бояре и купцы не спасли ничего изъ своего имѣнія. — Видя, сколь деревянныя укрѣпленія ненадежны, Великій Князь въ общемъ совѣтѣ съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и съ Боярами, рѣшился построить *каменный Кремль*, и заложилъ его весною въ 1367 году. Надлежало, не

[Margin: Великій пожаръ.]

[Margin: Каменный Кремль.]

упуская времени, брать мѣры для безопасности отечества и столицы, когда Россія уже явно дѣйствовала противъ своихъ тирановъ: могли ли они добровольно отказаться отъ господства надъ нею и простить ей великодушную смѣлость? Мурза Ординскій, Тагай, властвуя въ землѣ Мордовской или въ окрестностяхъ Наровчата, выжегъ нынѣшнюю Рязань: Олегъ соединился съ Владиміромъ Димитріевичемъ Пронскимъ и съ Княземъ Титомъ Козельскимъ (однимъ изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго), настигъ и разбилъ Тагая въ сраженіи кровопролитномъ. Столь же счастливо Димитрій Нижегородскій съ братомъ своимъ, Борисомъ, наказалъ другаго сильнаго Могольскаго хищника, Булатъ-Темира. Сей Мурза, овладѣвъ теченіемъ Волги, разорилъ Борисовы села въ ея окрестностяхъ, но бѣжалъ отъ нашихъ Князей за рѣку Пьяну; многіе Татары утонули въ ней или были истреблены Россіянами; а самъ Булатъ-Темиръ ушелъ въ Орду, гдѣ Ханъ Азисъ велѣлъ его умертвить (7). — Сіи ратныя дѣйствія предвѣщали важнѣйшія.

[Margin: Частныя побѣды надъ Моголами.]

[Margin: г. 1367.]

Великій Князь, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Ордою многоглавою, старался утвердить порядокъ внутри отечества. Своевольство Новогородцевъ возбудило его негодованіе: многіе изъ нихъ, подъ названіемъ охотниковъ, составляли тогда цѣлые полки, и, безъ всякаго сношенія съ Правительствомъ, ѣздили на добычу въ мѣста отдаленныя. Такъ они (въ 1364 году) ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря съ молодымъ Вождемъ Александромъ Обакуновичемъ и сражались не только съ иноплеменными Сибирскими народами, но и съ своими Двинянами. Сей же Александръ и другіе смѣльчаки отправились внизъ по Волгѣ на 150 лодкахъ (8); умертвили въ Нижнемъ великое число Татаръ, Армянъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ; взяли ихъ имѣніе, женъ, дѣтей; вошли въ Каму, ограбили многія селенія въ Болгаріи и возвратились въ отчизну, хвалясь успѣхомъ и добычею. Узнавъ о томъ, Великій Князь объявилъ гнѣвъ Новогородцамъ; велѣлъ захватить ихъ чиновника въ Вологдѣ, ѣхавшаго изъ Двинской области, и сказать имъ, что они поступаютъ какъ разбойники, и что купцы иноземные находятся въ Россіи подъ защитою Государя. Правительство, извиняясь невѣдѣніемъ, нашло способъ умилостивить Димитрія.

[Margin: Разбои Новогородской вольницы.]

Г. 1367. Междоусобія Тверскихъ Князей. Самая язва не прекратила междоусобія Тверскихъ Князей. Василій Михайловичъ Кашинскій, долговременный непріятель Всеволода Холмскаго, ссорился и съ братомъ его, Михаиломъ Александровичемъ (княжившимъ прежде въ Микулинѣ) за область умершаго Симеона Константиновича. Дядя хотѣлъ быть Главою Княженія; а племянникъ доказывалъ, что онъ, будучи сыномъ брата старшаго, есть наслѣдникъ его правъ и властелинъ всѣхъ частныхъ Удѣловъ (9). Они хотѣли рѣшить тяжбу судомъ духовнымъ: уполномоченный для того Митрополитомъ, Тверскій Епископъ обвинилъ дядю, но долженствовалъ самъ ѣхать въ Москву для отвѣта: ибо Василій и братъ Симеоновъ, Іеремій Константиновичъ, жаловались на его несправедливость Святому Алексію. Сіе дѣло казалось неважнымъ: открылись слѣдствія несчастныя для Твери и Москвы. Юноша Михаилъ имѣлъ достоинства, властолюбіе и сильнаго покровителя въ знаменитомъ Ольгердѣ Литовскомъ, женатомъ на его сестрѣ. Зная, что Великій Князь и Митрополитъ держатъ сторону Василіеву — зная также намѣреніе перваго господствовать самодержавно надъ всею Россіею — Михаилъ уѣхалъ въ Литву. Пользуясь его отсутствіемъ, Василій и Іеремій гнали усердныхъ къ нему Бояръ, и предводительствуя данною имъ отъ Димитрія Московскою ратію, опустошили Михаилову область, въ надеждѣ, что онъ не дерзнетъ возвратиться. Но Михаилъ спѣшилъ отмстить дядѣ и брату, ведя съ собою войско Литовское; взялъ Тверь, плѣнилъ свою тетку, и думалъ осадить Кашинъ, гдѣ заключился Василій; однакожь Епископъ примирилъ ихъ, съ условіемъ, что дядя уступитъ старѣйшинство племяннику, и будетъ довольствоваться областію Кашинскою.

Князь Московскій участвовалъ въ семъ мирѣ и подтвердилъ его. Но прозорливые совѣтники Димитріевы, боясь замысловъ Михаила — который назвался *Великимъ Княземъ Тверскимъ* (10), и хотѣлъ возстановить независимость своей области — употребили хитрость: ими, какъ вѣроятно, наученный, Іеремій Константиновичъ пріѣхалъ къ Димитрію съ новыми жалобами, требуя, чтобы онъ взялъ на себя распорядить Удѣлы въ Твери. Михаила позвали въ Москву дружелюбно и ласково: самъ Св. Алексій обнадежилъ его въ безопасности, увѣряя, что судъ Великаго Князя навсегда утвердитъ тишину въ Тверскихъ владѣніяхъ. Слово Митрополита и святость гостепріимства не дозволяли страшиться обмана. Михаилъ желалъ видѣть столицу Димитрія (уже славную тогда въ Россіи), узнать его лично, бесѣдовать съ благоразумными Вельможами Московскими: онъ въѣхалъ гостемъ, но сдѣлался невольникомъ. Нарядили Третейскій судъ; хотѣли предписывать законы Михаилу; удалили отъ него Бояръ Тверскихъ, и содержали ихъ какъ плѣнниковъ въ разныхъ домахъ съ Княземъ. Г. 1368. Обманъ недостойный Правителей мудрыхъ! и виновники не воспользовались онымъ. Лѣтописцы говорятъ, что прибытіе Ханскаго Вельможи, Карача, заставило совѣтниковъ Димитріевыхъ освободить утѣсненнаго Князя: сей Мурза, какъ вѣроятно, вступился за него; вѣроятно и то, что Св. Алексій, невольно вовлеченный въ дѣло противное совѣсти, удержалъ ихъ отъ дальнѣйшаго насилія. Михаилъ спѣшилъ удалиться, громогласно обвиняя Димитрія и Митрополита, хотя они клятвою обязали его быть довольнымъ и не жаловаться! Онъ уступилъ, безъ сомнѣнія также невольно, Городокъ или область Симеона Константиновича, Князю Іеремію, съ коимъ отправился туда чиновникъ Московскій.

Надлежало довершить оружіемъ, что начали коварствомъ. Василій Кашинскій умеръ (11): Великій Князь, какъ бы желая только защитить сына его, Михаила, отъ притѣсненій, послалъ войско въ Тверь; а Михаилъ Александровичъ ушелъ къ Ольгерду. Сей Литовскій Государь, болѣе двадцати лѣтъ воюя непрестанно съ Нѣмецкимъ Орденомъ, съ Поляками, Россіянами, купилъ славу Героя кровію безчисленнаго множества людей и пепломъ городовъ: равнодушно смотрѣлъ на изнуреніе своихъ подданныхъ, и бодрый въ лѣтахъ старости, все еще искалъ новыхъ пріобрѣтеній. Въ 1363 году онъ ходилъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ, или въ Подолію, и къ устью Днѣпра, гдѣ кочевали три Орды Могольскія (12); разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды; опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей, и похитилъ церковныя сокровища: съ того времени, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древній городъ, и Татары Заднѣпровскіе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы. Походъ къ берегамъ Чернаго моря не препятствовалъ Запустѣніе Херсона.

г. 1368. Ольгерду безпокоить Россію: Военачальники его взяли Ржевъ, а сынъ, Андрей Полоцкій (въ 1368 году), старался овладѣть другими пограничными мѣстами нашими. Россіяне также дѣйствовали наступательно, и юный Князь Владиміръ Андреевичь ознаменовалъ свое мужество счастливымъ успѣхомъ, изгнавъ Литву изъ города Ржева. Въ сихъ обстоятельствахъ Ольгердъ долженъ былъ ревностно вступиться за шурина, который предлагалъ ему итти прямо къ Москвѣ и смирить дерзкаго юношу, уже столь рѣшительнаго въ замыслахъ самовластія. Собравъ многочисленные полки, онъ выступилъ къ предѣламъ Россіи съ братомъ Кестутіемъ, также посѣдѣвшимъ въ битвахъ, и съ сыномъ его, отрокомъ Витовтомъ, будущимъ Героемъ, грознымъ для всѣхъ народовъ сосѣдственныхъ. Лѣтописцы расказываютъ, что Кестутій, возвращаясь однажды съ войскомъ изъ Пруссіи, увидѣлъ въ Полонгѣ красавицу, именемъ Бириту, и влюбился въ нее: давъ идоламъ своимъ обѣтъ вѣчно сохранить дѣвство и за то слывя богинею въ народѣ, она не хотѣла быть женою храбраго Князя; но Кестутій насильно сочетался съ нею бракомъ. Отъ сей Бириты родился знаменитый Витовтъ.

Нашествіе Литвы.

Князь Смоленскій, добровольно или принужденно, соединилъ дружину свою съ полками Литовскими, которые шли, не зная, куда: ибо Ольгердъ умѣлъ хранить тайну въ важныхъ предпріятіяхъ, чтобы нападать внезапно, и любилъ побѣждать хитростію еще болѣе, нежели силою ([13]). Онъ былъ окруженъ Россіянами и купцами иноземными; но цѣль его похода оставалась неизвѣстною въ Москвѣ до самаго того времени, какъ сей завоеватель приближился къ нашимъ границамъ. Изумленный Великій Князь отправилъ гонцевъ во всѣ области для собранія войска, и желая остановить стремленіе непріятеля, велѣлъ Боярину, Димитрію Минину, итти впередъ съ одними полками Московскими, Коломенскими и Дмитровскими. Вторымъ начальникомъ былъ Воевода Князя Владиміра Андреевича, именемъ Іакинѳъ Шуба. Уже Ольгердъ какъ левъ свирѣпствовалъ въ Россійскихъ владѣніяхъ: не уступая Моголамъ въ жестокости, хваталъ безоружныхъ въ плѣнъ, жегъ города; убилъ Князя Стародубскаго, Симеона Димитріевича Крапиву, а въ Оболенскѣ Князя Константина Юрьевича, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго ([14]), и близъ Тростенскаго озера ударилъ всѣми силами на Воеводу Минина. Многіе наши Князья, Бояре легли на мѣстѣ, и полки Московскіе были истреблены совершенно. Ольгердъ, истязая плѣнниковъ, спрашивалъ: гдѣ Великій Князь? и есть ли у него войско? Всѣ отвѣтствовали единогласно, что Димитрій въ столицѣ и еще не успѣлъ соединить силъ своихъ. Побѣдитель спѣшилъ къ Москвѣ, гдѣ Великій Князь съ братомъ, Владиміромъ Андреевичемъ, съ Митрополитомъ Алексіемъ, со всѣми знаменитѣйшими людьми затворился въ Кремлѣ, велѣвъ обратить въ пепелъ окрестныя зданія ([15]). Три дни Ольгердъ стоялъ подъ стѣнами, грабилъ церкви, монастыри, не приступая къ городу: каменныя стѣны и башни устрашали его; а зимніе морозы не позволяли ему заняться трудною осадою. Довольный корыстію и множествомъ плѣнниковъ, онъ удалился, гоня передъ собою стада и табуны, отнятые у земледѣльцевъ и городскихъ жителей; вышелъ изъ Россіи, и хвалился тѣмъ, что она долго не забудетъ сдѣланныхъ имъ въ ней опустошеній. Въ самомъ дѣлѣ Великое Княжество не видало подобныхъ ужасовъ въ теченіе сорока лѣтъ, или со временъ Калиты, и свѣдало, что не одни Татары могутъ разрушать Государства.

г. 1368. Ноября 21.

Какъ скоро сія буря миновалась, Великій Князь отправилъ брата, Владиміра Андреевича, защитить Псковитянъ отъ Нѣмцевъ. Оскорбленные убіеніемъ нѣкоторыхъ Россіянъ на границахъ Ливоніи въ мирное время, Псковитяне (въ 1362 году) остановили у себя гостей Нѣмецкихъ, а жители Дерпта Новогородскихъ ([16]). Были съѣзды и переговоры. Новгородъ посылалъ Бояръ своихъ въ Дерптъ: наконецъ съ обѣихъ сторонъ задержаннымъ купцамъ дали свободу; однакожь Псковитяне взяли съ Нѣмцевъ не мало серебра за ихъ вѣроломство, и не могли долго ужиться съ ними въ мирѣ. Открылась новая ссора за границы: Посолъ отъ Великаго Князя ѣздилъ въ Дерптъ, и не успѣлъ ни въ чемъ. Въ слѣдъ за нимъ явилось войско Нѣмецкое, предводимое Магистромъ Вильгельмомъ Фреймерзеномъ, Архіепископомъ Фромгольдомъ и многими Коммандорами; выжгло окрестности Пскова, стояло сутки подъ его стѣнами и ночью ушло. «Къ несчастію» (говоритъ тамошній Лѣтописецъ) «Князь Александръ и главные чи-

Война съ Орденомъ.

новники наши были въ разъѣздѣ по селамъ, а мы ссорились съ Новымгородомъ.» Прибытіе Князя Владиміра Андреевича возстановило согласіе между ими; съ того времени Новогородцы дѣйствовали за-одно съ своими братьями, Псковитянами: принудили Нѣмцевъ бѣ-
г. 1369. жать отъ Изборска и вторично отъ Пскова; но сами тщетно осаждали Нейгаузенъ, и (въ 1371 году) заключили съ Орденомъ миръ.

Потрясенная нашествіемъ Литвы Москва имѣла нужду въ отдохновеніи: Великій Князь возвратилъ Михаилу спорную область Симеона Константиновича;
г. 1370—1371. но не замедлилъ снова объявить ему войну: принудилъ его вторично бѣжать въ Литву, взялъ Зубцевъ, Микулинъ, и плѣнилъ множество людей, чтобы ослабить Державу опаснаго противника. Раздраженный бѣдствіемъ своего невиннаго народа, Михаилъ вздумалъ свергнуть Димитрія посредствомъ Татаръ (17). Уже Мамай силою или хитростію соединилъ такъ называемую *Золотую* или Сарай-
Сила Мамая. скую Орду, гдѣ царствовалъ Азисъ, и свою Волжскую; объявилъ Ханомъ Мамантъ-Салтана и господствовалъ подъ его именемъ. Вѣроятно, что онъ былъ недоволенъ Димитріемъ, или, находясь въ дружелюбномъ сношеніи съ Ольгердомъ, хотѣлъ угодить ему; по крайней мѣрѣ, выслушавъ благосклонно Михаила, далъ ему грамоту на санъ Великаго Князя: Посолъ Ханскій долженствовалъ ѣхать съ нимъ въ Владиміръ. Но времена безмолвнаго повиновенія миновались: конные отряды Московскіе спѣшили занять всѣ пути, чтобы схватить Тверскаго Князя, и Михаилъ, ими гонимый изъ мѣста въ мѣсто, едва могъ пробраться въ Вильну.

Одержавъ побѣду надъ Крестоносцами Нѣмецкими, сѣдый Ольгердъ наслаждался или скучалъ тогда миромъ. Жена его, сестра Михаилова, усердно ходатайствовала за брата; а Димитрій сдѣлалъ Литвѣ новую, чувствительную досаду, посылавъ Воеводъ Московскихъ осаждать Брянскъ и тревожить владѣнія союзника
Вторичное нашествіе Ольгерда. ея, Князя Смоленскаго (18). Ольгердъ рѣшился вторично итти къ Москвѣ, какъ скоро болота и рѣки замерзли отъ перваго холода зимняго. Нѣсколько тысячь земледѣльцевъ шли впереди, прокладывая прямыя дороги. Войско не останавливалось почти ни днемъ, ни ночью; не смѣло ни грабить, ни жечь селеній, чтобы не тратить времени, и въ исходѣ

Ноября приступило къ Волоку Ламско- г. 1370—1371.
му, гдѣ начальствовалъ храбрый, опытный мужъ, Василій Ивановичь Березуйскій, одинъ изъ Князей Смоленскихъ, вѣрный слуга Димитріевъ. Три дни бились подъ стѣнами, и рать многочисленная не могла одолѣть упорства осажденныхъ, такъ, что Ольгердъ, потерявъ терпѣніе, съ досадою удалился отъ ничтожной деревянной крѣпости: ибо время казалось ему дорого. Но Россіяне оплакивали своего знаменитаго начальника: непріятельскій воинъ скрылся во рву, и видя Князя Березуйскаго стоящаго передъ городскими воротами, ударилъ его сквозь мостъ копіемъ. Сей вѣрный сынъ отечества, довольный спасеніемъ города, посвятилъ Небу послѣднія минуты жизни: онъ скончался Монахомъ.

6 Декабря Ольгердъ и правая рука его, мужественный Кестутій, расположились станомъ близъ Москвы; съ ними былъ и Князь Смоленскій Святославъ. Они 8 дней разоряли окрестности, сожгли Загородье, часть Посада, и вторично не дерзнули приступить къ Кремлю, гдѣ самъ Димитрій начальствовалъ: Митрополитъ Алексій находился тогда въ Нижнемъ Новѣгородѣ, къ сожалѣнію народа, всегда ободряемаго въ опасностяхъ присутствіемъ Святителя. Но Великій Князь и Бояре, предвидя слѣдствіе взятыхъ ими мѣръ, спокойно ожидали онаго. Братъ Димитріевъ, Владиміръ Андреевичь, стоялъ въ Перемышлѣ съ сильными полками, готовый ударить на Литовцевъ съ тылу; а Князь Владиміръ Димитріевичь Пронскій велъ къ Москвѣ Рязанское войско. Ольгердъ устрашился, и требовалъ мира; увѣрялъ, что не любя кровопролитія, желаетъ быть *вѣчно* нашимъ другомъ, и въ залогъ искренности вызвался отдать дочь свою, Елену, за Князя Владиміра Андреевича. Великій Князь охотно заключилъ съ нимъ *перемиріе* до Іюля мѣсяца (19). Не смотря на то, сей коварный старецъ шелъ назадъ съ величайшею осторожностію, боясь тайныхъ засадъ и погони: столь мало вѣрилъ онъ святости государственныхъ договоровъ и чести народа, имѣвшаго причину ненавидѣть его, какъ жестокаго злодѣя Россіи!

Не только страхъ быть окруженнымъ полками Россійскими, но и другія обстоятельства вселяли въ Ольгерда сіе нетерпѣливое желаніе мира: а именно, новые непріятельскіе замыслы Нѣмец-

каго Ордена, о коихъ слегка упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, и самая необыкновенная зима тогдашняя, которая наступила весьма рано и не дала земледѣльцамъ убрать хлѣба: въ Декабрѣ и Генварѣ было удивительное тепло; въ началѣ же Февраля поля открылись совершенно и крестьяне сжали хлѣбъ, осенью засыпанный снѣгомъ. Сія оттепель, испорченныя дороги, разлитіе рѣкъ и трудность доставать съѣстные припасы могли имѣть гибельныя слѣдствія для войска въ землѣ непріятельской. — Однимъ словомъ, Ольгердъ, думая только о себѣ, забылъ пользу своего шурина и не включилъ его въ договоръ мирный.

Оставленный зятемъ, Михаилъ вторично обратился къ Мамаю и выѣхалъ изъ Орды съ новымъ ярлыкомъ на Великое Княженіе Владимірское. Ханъ предлагалъ ему даже войско; но сей Князь не хотѣлъ онаго, боясь подвергнуть Россію бѣдствіямъ опустошенія и заслужить справедливую ненависть народа: онъ взялъ только Ханскаго Посла, именемъ Сарыхожу, съ собою (20). Узнавъ о томъ, Димитрій во всѣхъ городахъ Великаго Княжества обязалъ Бояръ и чернь клятвою быть ему вѣрными, и вступилъ съ войскомъ въ Переславль Залѣскій. Тщетно врагъ его надѣялся преклонить къ себѣ гражданъ Владимірскихъ; они единодушно сказали ему: «у насъ есть Государь законный; инаго не вѣдаемъ.» Тщетно Сарыхожа звалъ Димитрія въ Владиміръ слушать грамоту Хана: Великій Князь отвѣтствовалъ: «къ ярлыку не ѣду, Михаила въ столицу не впускаю, а тебѣ, Послу, даю путь свободный.» Наконецъ сей Вельможа Татарскій, вручивъ ярлыкъ Михаилу, уѣхалъ въ Москву, гдѣ, осыпанный дарами и честію, пируя съ Князьями, съ Боярами, славилъ Димитріево благонравіе. Михаилъ же, видя свое безсиліе, возвратился съ Мологи въ Тверь и разорилъ часть сосѣдственныхъ областей Великокняжескихъ.

г. 1371. Благоразуміе Михаила Тверскаго.

Между тѣмъ грамота Ханская оставалась еще въ его рукахъ: сильный Мамай не могъ простить Димитрію двукратное ослушаніе, имѣя тогда войско готовое ко впаденію въ Россію, къ убійствамъ и грабежу. Великій Князь долго совѣтовался съ Боярами и съ Митрополитомъ; надлежало или немедленно возстать на Татаръ, или прибѣгнуть къ старинному уничиженію, къ дарамъ и лести. Успѣхъ великодушной смѣлости казался еще сомнительнымъ: избрали второе средство, и Димитрій — безъ сомнѣнія зная расположеніе Мамаево — рѣшился ѣхать въ Орду, утвержденный въ семъ намѣреніи Моголомъ Сарыхожею, который взялся предупредить Хана въ его пользу. Народъ ужаснулся, воображая, что сей юный, любимый Государь будетъ имѣть въ Ордѣ участь Михаила Ярославича Тверскаго, и что коварный Сарыхожа, подобно злодѣю Кавгадыю, готовитъ ему вѣрную гибель. По крайней мѣрѣ никто не могъ безъ умиленія видѣть, сколь Димитрій предпочитаетъ безопасность народную своей собственной, и любовь общая къ нему удвоилась въ сердцахъ благодарныхъ. Митрополитъ Алексій провожалъ его до береговъ Оки: тамъ усердно молился Всевышнему, благословилъ Димитрія, Бояръ, воиновъ, всѣхъ Княжескихъ спутниковъ, и торжественно поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь Государя добраго (21); онъ самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности: но присутствіе его было нужно въ Москвѣ, гдѣ оставался Совѣтъ Боярскій, который уже по отбытіи Димитрія заключилъ миръ съ Литовскими Послами, въ слѣдствіе торжественнаго обрученія Елены, Ольгердовой дочери, за Князя Владиміра Андреевича: свадьба совершилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

г. 1371. Любовь народная къ Димитрію. Іюня 18.

Съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей изъ Орды; суевѣріе, устрашенное необыкновенными явленіями естественными, предвѣщало народу государственное бѣдствіе. Въ солнцѣ видны были черныя мѣста, подобныя гвоздямъ, и долговременная засуха произвела туманы, столь густые, что днемъ въ двухъ саженяхъ не льзя было разглядѣть лица человѣческаго; птицы, не смѣя летать, станицами ходили по землѣ (22). Сія тьма продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Луга и поля совершенно изсохли; скотъ умиралъ; бѣдные люди не могли за дороговизною купить хлѣба. Печальное уныніе царствовало въ областяхъ Великокняжескихъ: думая воспользоваться онымъ, Михаилъ Тверскій хотѣлъ завоевать Кострому; однакожь взялъ одну Мологу, обративъ въ пепелъ Угличь и Бѣжецкъ.

Знаменія.

Въ исходѣ осени усердные Москвитяне были обрадованы счастливымъ возвращеніемъ своего Князя: Ханъ, Царицы, Вельможи Ординскіе и въ особенности Темникъ Мамай, не предвидя въ немъ будущаго грознаго сопротивника,

Возвращеніе Великаго Князя изъ Орды.

Г. 1371. приняли Димитрія съ ласкою; утвердили его на Великомъ Княженіи, согласились брать съ онаго дань гораздо умѣреннѣйшую прежней и велѣли сказать Михаилу: «мы хотѣли силою оружія возвести тебя на престолъ Владимірскій; но ты отвергнулъ наше предложеніе, въ надеждѣ на собственное могущество: ищи же покровителей, гдѣ хочешь» (23)! Милость удивительная; но варвары уже чувствовали силу Князей Московскихъ и тѣмъ дороже цѣнили покорность Димитрія. Въ Ордѣ находился сынъ Михаиловъ, Іоаннъ, удержанный тамъ за 10,000 рублей, коими Михаилъ былъ долженъ Царю. Димитрій, желая имѣть столь важный залогъ въ рукахъ своихъ, выкупилъ Іоанна и привезъ съ собою въ Москву, гдѣ сей юный Князь жилъ нѣсколько времени въ домѣ у Митрополита; но, согласно съ правилами чести, былъ освобожденъ, какъ скоро отецъ заплатилъ Димитрію означенное количество серебра; Михаилъ же оставался непріятелемъ Великаго Князя: Воеводы Московскіе, убивъ въ Бѣжецкѣ Намѣстника Михаилова, опустошили границы Тверскія.

Тогда явился новый непріятель, который хотя и не думалъ свергнуть Димитрія съ престола Владимірскаго, однакожь всѣми силами противоборствовалъ его системѣ Единовластія, ненавистной для Удѣльныхъ Князей: то былъ смѣлый Олегъ Рязанскій, который еще
Война съ Олегомъ. въ государствованіе Іоанна Іоанновича показалъ себя врагомъ Москвы. Озабоченный иными дѣлами, Димитрій таилъ свое намѣреніе унизить гордость сего Князя, и жилъ съ нимъ мирно: мы видѣли, что Рязанцы ходили даже помогать Москвѣ, тѣснимой Ольгердомъ. Не опасаясь уже ни Литвы, ни Татаръ, Великій Князь скоро нашелъ причину объявить войну Олегу, неуступчивому сосѣду, всегда готовому спорить о неясныхъ границахъ между ихъ владѣніями. Воевода, Димитрій Михайловичь Волынскій, съ сильною ратію Московскою вступилъ въ Олегову землю, и встрѣтился съ полками сего Князя, не менѣе многочисленными, и столь увѣренными въ побѣдѣ, что они съ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ противниковъ. «Друзья!» говорили Рязанцы между собою: «намъ нужны не щиты и не копья, а только однѣ веревки, чтобы вязать плѣнниковъ, слабыхъ, боязливыхъ Москвитянъ.» *Рязанцы,* прибавляетъ Лѣтописецъ, *бывали искони горды и суровы:* суровость не есть мужество, и *смиренные, набожные* Москвитяне, устроенные Вождемъ искуснымъ, побили ихъ на голову (24). Олегъ едва ушелъ. Великій Князь отдалъ Рязань Владиміру Димитріевичу Пронскому, согласному зависѣть отъ его верховной власти. Но симъ не кончилась исторія Олегова: любимый народомъ, онъ скоро изгналъ Владиміра и снова за- Г. 1372
воевалъ всѣ свои области; а Димитрій, встревоженный иными, опаснѣйшими врагами, примирился съ нимъ до времени.

Михаилъ, все еще имѣя тѣсную связь съ Литвою, всячески убѣждалъ Ольгерда дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Великаго Князя, безъ сомнѣнія представляя ему, что время укрѣпитъ Димитрія въ мужествѣ и властолюбіи; что сей Государь, столь еще юный, рано или поздно отмститъ ему за двукратную осаду Москвы, и захочетъ возвратить отечеству прекрасныя земли, отторженныя Литвою отъ Россіи; что надобно низвергнуть опаснаго непріятеля или по крайней мѣрѣ частыми нападеніями ослаблять его силу. *Вѣчный миръ,* клятвенно утвержденный въ Москвѣ Литовскими Послами, и новый брачный союзъ съ Домомъ ея Князей произвели единственно то, что Ольгердъ не захотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, а послалъ Кестутія, Витовта, Андрея, сы- Новое впаденіе Литвы.
на своего, и Князя Димитрія Друцкаго разорять наше отечество. Не уступая брату ни въ скорости, ни въ тайнѣ воинскихъ замысловъ, Кестутій весною оса- Апрѣля 6.
дилъ Переславль, столь внезапно, что схватилъ многихъ земледѣльцевъ на поляхъ и Бояръ, выѣхавшихъ въ села для хозяйственныхъ распоряженій. Въ такое время, когда едва сошелъ снѣгъ и глубокія рѣки находились въ полномъ разливѣ, никто не ожидалъ непріятеля внутри Россіи. Впрочемъ сіе Литовское впаденіе было однимъ быстрымъ набѣгомъ: Кестутій выжегъ предмѣстіе, но снялъ осаду и соединился съ войскомъ Михаила, который опустошилъ села вокругъ Дмитрова, взявъ окупъ съ города (25). Обѣ рати двинулись къ Кашину; истребили селенія вокругъ его и также взяли дань съ гражданъ, а Князя Михаила Василіевича, преданнаго Димитрію, обязали клятвою быть подвластнымъ Тверскому. На возвратномъ пути Литовцы злодѣйствовали и въ самыхъ владѣніяхъ ихъ союзника; Михаилъ же,

372. оставивъ Намѣстниковъ въ Торжкѣ, величалъ себя побѣдителемъ.

Но побѣда еще ожидала его. Не зная, кто останется Главою Россіи, Михаилъ или Димитрій, Новогородцы (въ 1370 году) дали на себя грамоту первому, обѣщая ему повиноваться какъ своему законному Властителю, *если* Ханъ утвердитъ его въ Великокняжескомъ достоинствѣ. Когда же Димитрій возвратился изъ Орды съ Царскою милостію, тогда они заключили съ нимъ договоръ противиться общими силами Михаилу, Литвѣ и Рижскимъ Нѣмцамъ: Великій Князь обязывался самолично предводительствовать войскомъ или прислать къ нимъ брата, Владиміра Андреевича (26). Свѣдавъ, что Михаилъ занялъ Торжекъ, Новогородцы спѣшили выгнать оттуда его Намѣстниковъ, ограбили всѣхъ купцевъ Тверскихъ и взяли съ жителей клятву быть вѣрными ихъ древнему Правительству. Немедленно обступивъ Торжекъ, Михаилъ требовалъ, чтобы виновники сего насилія и грабежа были ему выданы, и чтобы жители снова приняли къ себѣ Тверскаго Намѣстника. Бояре Новогородскіе отвѣтствовали надменно; сѣли на коней и выѣхали въ поле съ гражданами (27). Мужество и число Тверитянъ рѣшили битву: смѣлый Воевода Новогородскій, Александръ Абакумовичь, побѣдитель Сибирскихъ народовъ, и знаменитые товарищи его пали мертвые въ первой схваткѣ; другіе бѣжали, и не спаслися: конница Михаилова топтала ихъ трупы, и Князь, озлобленный жителями, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданія обратились въ пепелъ, монастыри и церкви, кромѣ трехъ каменныхъ; множество людей сгорѣло или утонуло въ Тверцѣ, и побѣдители не знали мѣры въ свирѣпости: обдирали до-нага женъ, дѣвицъ, монахинь; не оставили на образахъ ни одного золотаго, ни серебрянаго оклада и съ толпами плѣнныхъ удалились отъ горестнаго пепелища, наполнивъ 5 скудельницъ мертвыми тѣлами. Лѣтописцы говорятъ, что злодѣйства Батыевы въ Торжкѣ не были такъ памятны, какъ Михаиловы.

Совершивъ сей подвигъ, Тверскій Князь готовился къ важнѣйшему. Набѣгъ Кестутіевъ, прервавъ мирную связь между Литвою и Россіею, долженствовалъ имѣть слѣдствіе, и старецъ Ольгердъ хотѣлъ предупредить Димитрія: зная твердо путь къ его столицѣ, со многочисленнымъ войскомъ устремился къ оной; шелъ, г.1372.
по своему обыкновенію, безъ отдыха, и соединясь съ Михаиломъ близъ Калуги (28), думалъ, что Москвитяне увидятъ Іюня 12.
его только на Поклонной горѣ. Но знамена Великаго Князя уже развѣвались въ полѣ: передовый отрядъ Московскій, быстро ударивъ на Ольгердовъ, гналъ бѣгущихъ до самаго ихъ главнаго войска. Россійское стало противъ Литовскаго, готовое къ бою; числомъ одно не уступало другому: надлежало одолѣть искусствомъ или храбростію. Между двумя станами находился крутый оврагъ и глубокая дебрь: ни тѣ, ни другіе не хотѣли сойти внизъ, чтобы начать битву, и нѣсколько дней миновало въ бездѣйствіи, коимъ воспользовался Ольгердъ для предложенія мира. Съ обѣихъ сторонъ желали онаго: если бы Россіяне одержали верхъ, то Литовцы, удаленные отъ своихъ границъ, могли быть истреблены совершенно; если бы Ольгердъ побѣдилъ, то Димитрій предалъ бы ему Россію въ жертву. Первый имѣлъ выгоду опытности; но самая сія опытность не позволяла ему вѣрить слѣпому случаю, отъ коего не рѣдко зависитъ успѣхъ или бѣдствіе на войнѣ. Зная же, что такъ называемый *вѣчный* миръ есть пустое слово, они заключили единственно перемиріе отъ 1 Августа до 26 Октября, и Вельможи Литовскіе именемъ Ольгерда, Кестутія и союзника ихъ, Святослава Смоленскаго, а Бояре Россійскіе именемъ Великаго Князя и брата его, Владиміра Андреевича, написали договоръ, включивъ въ него съ одной стороны Князей Тверскаго и Брянскаго, съ другой же Рязанскихъ, названныхъ *Великими* (29). Главныя условія были таковы: «Нѣтъ войны между нами. Путь нашимъ Посламъ и купцамъ вездѣ свободенъ. Князь Михаилъ долженъ возвратить все похищенное имъ въ областяхъ Великаго Княженія во время трехъ бывшихъ перемирій и вывести оттуда своихъ Намѣстниковъ; а буде они не выѣдутъ, то Димитрій можетъ ихъ взять подъ стражу, и самъ управиться съ Михаиломъ въ случаѣ новыхъ его насилій: Ольгерду же въ такомъ случаѣ не вступаться за шурина. Когда люди Московскіе, посланные въ Орду жаловаться на Князя Тверскаго, успѣютъ въ своемъ дѣлѣ, то Димитрій поступитъ, какъ угодно Богу и Царю: чего Ольгердъ не долженъ ставить ему въ вину. Михаилу нѣтъ дѣла до Великаго Княженія, а Ди-

г. 1372. митрію до Твери; они вѣдаются только чрезъ Пословъ. — Князь Литовскій обязанъ возвратить Димитрію сію договорную грамоту, буде вздумаетъ по истеченіи срока возобновить непріятельскія дѣйствія.»

Такимъ образомъ старецъ Ольгердъ заключилъ свои впаденія въ Россію, которыя могли бы имѣть гораздо вреднѣйшее слѣдствіе для ея цѣлости, если бы онъ нашелъ въ Димитріи менѣе бодрости и неустрашимости. Историкъ Литовскій, вмѣсто трехъ походовъ, описываетъ только одинъ, разсказывая слѣдующія обстоятельства, несогласныя съ извѣстіями нашихъ современныхъ Лѣтописцевъ: «Димитрій, надменный успѣхами своего оружія, хотѣлъ отнять у Литвы Витебскъ, Полоцкъ и Кіевъ; прислалъ Ольгерду *кремень, огниву, саблю*, и велѣлъ объявить, что Россіяне намѣрены въ Свѣтлую Недѣлю похристосоваться съ нимъ въ Вильнѣ огнемъ и желѣзомъ. Ольгердъ немедленно выступилъ съ войскомъ въ срединѣ Великаго поста и велъ съ собою Пословъ Димитріевыхъ до Можайска; тамъ отпустилъ ихъ, и давъ имъ зажженный фитиль, сказалъ: *Отвезите его къ вашему Князю. Ему ненужно искать меня въ Вильнѣ: я буду въ Москвѣ съ краснымъ лицомъ прежде, нежели этотъ фитиль угаснетъ. Истинный воинъ не любитъ откладывать: вздумалъ и сдѣлалъ.* — Послы спѣшили увѣдомить Димитрія о предстоящей опасности, и нашли его въ день Пасхи идущаго къ Заутренѣ; а восходящее солнце озарило на Поклонной горѣ станъ Литовскій. Изумленный Великій Князь требовалъ мира: Ольгердъ благоразумно согласился на оный, взявъ съ Россіянъ много серебра и всѣ ихъ владѣнія до рѣки Угры. Онъ вошелъ съ Боярами Литовскими въ Кремль, ударилъ копьемъ въ стѣну на память Москвѣ, и вручилъ *красное лицо* Димитрію» (30). — Не говоря о хронологическихъ ошибкахъ сего Историка, замѣтимъ только, что Угра не могла быть границею между Ольгердовымъ Государствомъ и Россіею, пока Смоленскъ оставался еще Княжествомъ особеннымъ или неприсоединеннымъ къ Литвѣ.

Ольгердъ не разсудилъ за благо нарушить перемирія, и года два не безпокоилъ Россіи. Иныя опасности явились; медленно, но грозно восходила туча надъ Великимъ Княженіемъ отъ береговъ Волги. Еще Димитрій соглашался быть данникомъ Моголовъ, однакожь не хотѣлъ терпѣть насилія съ ихъ стороны. Вопреки, можетъ быть, слову данному Ханомъ, Послы Мамаевы, пріѣхавъ въ Нижній съ воинскою дружиною, нагло оскорбили тамошняго Князя, Димитрія Константиновича, и гражданъ: сей Князь, исполняя, какъ вѣроятно, предписаніе Московскаго, велѣлъ или дозволилъ народу умертвить Пословъ, съ коими на- г. 137[?] Избіеніе Татаръ въ Нижнемъ. ходилось болѣе тысячи Мамаевыхъ воиновъ: главнаго изъ нихъ, Мурзу Сарайку, заключили въ крѣпости съ его особенною дружиною. Прошло около года: объявили Сарайкѣ, что онъ долженъ проститься съ товарищами, и что ихъ г. 137[?] будутъ содержать въ разныхъ домахъ. Испуганный сею вѣстію Мурза ушелъ отъ приставовъ, вбѣжалъ въ домъ Епископскій, зажегъ оный и съ помощію слугъ своихъ оборонялся: они пустили нѣсколько стрѣлъ и едва не ранили самого Суздальскаго Епископа, Діонисія; но скоро были всѣ жертвою народной злобы (31).

Неизвѣстно, старался ли Димитрій Константиновичь или Великій Князь оправдать сіе дѣло предъ судилищемъ Ханскимъ: по крайней мѣрѣ гордый Мамай не стерпѣлъ такой явной дерзости, и послалъ войско опустошить предѣлы Нижегородскіе, берега Кишц и Пьяны, гдѣ начальствовалъ Бояринъ Пареній, и гдѣ чрезъ нѣсколько дней не осталось ничего, кромѣ пепла и труповъ.

Сія месть не могла удовлетворить гнѣву Мамаеву: онъ клялся погубить Димитрія, и Россійскіе мятежники взялись ему въ томъ способствовать. Мы упоминали о знаменитости Московскихъ чиновниковъ, называемыхъ Тысячскими, которые, подобно Князьямъ, имѣли особенную благородную дружину и были, кажется, избираемы гражданами, согласно съ древнимъ обычаемъ, чтобы предводительствовать ихъ людьми военными (32). Димитрій уничтожилъ сей важный санъ, непріятный для самовластія Государей и для Бояръ, обязанныхъ уступать первенство чиновнику народному. Послѣдній Московскій Тысячскій, Послѣдній Т[ысячскій] Московскій. Василій Васильевичь Вельяминовъ, умершій Схимникомъ, оставилъ сына, именемъ Ивана, хотѣвшаго, можетъ быть, заступить мѣсто отца: недовольный Великимъ Княземъ, онъ вмѣстѣ съ богатымъ купцемъ Некоматомъ ушелъ къ Михаилу Тверскому, и представилъ ему случай воспользоваться злобою Мамая

г. 1375. на Димитрія, чтобы отнять Владиміръ у Московскаго Князя. Отправивъ коварнаго Вельяминова и Некомата къ Хану, Михаилъ самъ ѣздилъ въ Литву, и возвратясь въ Тверь, получилъ изъ Орды грамоту на Великое Княженіе. Мамай обѣщалъ ему войско: Ольгердъ также. Не давъ имъ времени исполнить столь нужное обѣщаніе, легкомысленный Князь Тверскій объявилъ войну Димитрію, послалъ своихъ Намѣстниковъ въ Торжекъ и сильный отрядъ къ Угличу.

Война съ Тверитянами. Великій Князь оказалъ дѣятельность необыкновенную, предвидя, что онъ въ одно время можетъ имѣть дѣло и съ Тверитянами, и съ Литвою, и съ Моголами: гонцы его скакали изъ области въ область; полки въ слѣдъ за ними выступали. Собралось войско, многочисленное, прекрасное, на равнинахъ Волока.—Всѣ Князья Удѣльные, или служащіе Московскому, находились подъ его знаменами: Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ; Димитрій Константиновичь Суздальскій (33) съ двумя братьями и сыномъ; Князья Ростовскіе, Василій и Александръ Константиновичи, съ двоюроднымъ ихъ братомъ, Андреемъ Ѳеодоровичемъ; Іоаннъ Смоленскій, Василій Ярославскій, Ѳеодоръ Михайловичь Моложскій, Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій(*), Василій Михайловичь Кашинскій (сынъ умершаго Михаила Васильевича), Андрей Стародубскій, Романъ Михайловичь Брянскій, Романъ Симеоновичь Новосильскій, Симеонъ Константиновичь Оболенскій и братъ его, Іоаннъ Торусскій. Нѣкоторые изъ сихъ Князей — на примѣръ, Смоленскій и Брянскій — не были Владѣтельными: ибо въ Смоленскѣ господствовалъ Святославъ, дядя сего Іоанна, а въ Брянскѣ сынъ Ольгердовъ. Въ Стародубѣ и Бѣлозерскѣ уже властвовали Намѣстники Московскіе (34). Оболенскъ, Торусса и Новосиль, древніе Удѣлы Черниговскіе въ землѣ Вятичей, подобно Ярославлю, Мологѣ и Ростову, зависѣли тогда отъ Великаго Княженія; однакожь имѣли своихъ особенныхъ Владѣтелей, потомковъ Св. Михаила Черниговскаго.

Димитрій, взявъ Микулинъ, 5 Августа осадилъ Тверь. Онъ велѣлъ сдѣлать два моста чрезъ Волгу, и весь городъ окружить тыномъ. Начались приступы кровопролитные. Вѣрные Тверитяне никогда не измѣняли Князьямъ своимъ: г. 1375. говѣли, пѣли молебны, и бились съ утра до вечера; гасили огонь, коимъ непріятель хотѣлъ обратить ихъ стѣны въ пепелъ, и разрушили множество туровъ, защиту осаждающихъ. Всѣ Михаиловы области были разорены Московскими Воеводами, города взяты, люди отведены въ плѣнъ, скотъ истребленъ, хлѣбъ потоптанъ; ни церкви, ни монастыри не уцѣлѣли: но Тверитяне мужественно умирали на стѣнахъ, повинуясь Князю и надѣясь на Бога. Осада продолжалась три недѣли: Димитрій съ нетерпѣніемъ ждалъ Новогородцевъ, которые явились наконецъ въ его станѣ, пылая ревностію отплатить Михаилу за бѣдствіе Торжка. Еще сей Князь, видя изнеможеніе своихъ воиновъ отъ ранъ и голода, ободрялъ себя мыслію, что Ольгердъ и Кестутій избавятъ его въ крайности: Литовцы дѣйствительно шли къ нему въ помощь; но узнавъ о силѣ Димитріевой, возвратились съ пути. Тогда оставалось Михаилу умереть или смириться: онъ избралъ послѣднее средство, и Владыка Евфимій со всѣми знатнѣйшими Тверскими Боярами пришелъ въ станъ къ Димитрію, требуя милости и спасенія.

Великій Князь показалъ достохвальную умѣренность, предписавъ Михаилу условія не тягостныя, согласныя съ благоразумною Политикою. Главныя изъ оныхъ были слѣдующія (35): «По благословенію отца нашего, Алексія Митрополита всея Руси, ты, Князь Тверскій, дай клятву за себя и за наслѣдниковъ своихъ признавать меня *старѣйшимъ* братомъ, никогда не искать Великаго Княженія Владимірскаго, нашея отчины, и не принимать онаго отъ Хановъ, также и Новагорода Великаго; а мы обѣщаемся не отнимать у тебя наслѣдственной Тверской области. Не вступайся въ Кашинъ, отчину Князя Василія Михайловича; отпусти захваченныхъ Бояръ его и слугъ, также и всѣхъ нашихъ, съ ихъ достояніемъ. Возврати колокола, книги, церковные оклады и сосуды, взятые въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ имѣніемъ гражданъ, нынѣ свободныхъ отъ данной ими тебѣ присяги: да будутъ свободны и тѣ, кого ты закабалилъ изъ нихъ грамотами. Но предаемъ забвенію всѣ дѣйствія нынѣшней Тверской осады: ни тебѣ, ни мнѣ не требовать возмездія за убытки, понесенные

(*) «Томъ IV, прим. 307» (отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

г. 1375. нами въ сей мѣсяцъ. — Князья Ростовскіе и Ярославскіе *со мною одинъ человѣкъ:* не обижай ихъ, или мы за нихъ вступимся. — Откажись отъ союза съ Ольгердомъ: когда Литва объявитъ войну Смоленскому» — тогда уже союзнику Димитріеву — «или другимъ Князьямъ, нашимъ братьямъ: мы обязаны защитить ихъ, равно какъ и тебя. — Въ разсужденіи Татаръ поступай согласно съ нами: рѣшимся ли воевать, и ты врагъ ихъ; рѣшимся ли платить имъ дань, и ты плати оную. — Когда я и братъ мой, Князь Владиміръ Андреевичъ, сядемъ на коней, будь намъ товарищъ въ полѣ; когда пошлемъ Воеводъ, да соединятся съ ними и твои.»

Въ другихъ статьяхъ сей договорной грамоты сказано, что Михаилъ, въ исполненіе прежнихъ условій, освободитъ всѣхъ людей Великокняжескихъ, задержанныхъ въ Твери имъ или его Боярами по долгамъ, искамъ и ручательству; что Бояре вольны отъѣхать для службы отъ Московскаго Князя къ Тверскому, или отъ Тверскаго къ Московскому, но лишаются въ такомъ случаѣ своихъ жалованныхъ помѣстьевъ; что села измѣнниковъ Ивана Вельяминова и Некомата принадлежатъ Димитрію; что земли и воды Новогородцевъ, изъ чести служащихъ Михаилу, остаются подъ вѣдѣніемъ Новагорода; что тамошніе купцы могутъ безопасно ѣздить чрезъ области Тверскія; что гражданинъ свободный обязанъ платить дань Князю той области, гдѣ живетъ: хотя бы и находился въ службѣ другаго, но подсуденъ единственно своему Государю; что въ дѣлахъ спорныхъ Бояре Московскіе и Тверскіе съѣзжаются для суда на границѣ, а въ случаѣ несогласія избираютъ Князя Олега Рязанскаго въ посредники; что бѣглые рабы, воры и душегубцы должны быть выдаваемы руками; что торговые Московскіе люди не платятъ въ Твери ничего, кромѣ законныхъ, издавна уставленныхъ пошлинъ; что всякой насильственный переводъ жителей изъ одной земли въ другую воспрещается, и проч. Довольный смиреніемъ гордаго соперника, Димитрій оставилъ ему всѣ права Князя независимаго и названіе *Великаго,* подобно Смоленскимъ и Рязанскимъ Князьямъ. Новогородцы же заключили особенный договоръ съ Михаиломъ, который обязался дать свободу ихъ плѣнникамъ, *Житымъ* (или нарочитымъ) и простымъ людямъ; возвратить товары, отнятые у купцевъ Новогородскихъ, возстановить древнія границы между обѣими землями, наблюдать правила добраго сосѣдства, не стоять за бѣглыхъ рабовъ, должниковъ (36), и проч. — Сія междоусобная война, счастливая для Великаго Князя, была долгое время оплакиваема въ Тверскихъ областяхъ, разоренныхъ безъ милосердія: ибо воевать значило тогда свирѣпствовать, жечь и грабить. Димитрій, руководствуясь обычаемъ какъ уставомъ народнымъ, не заслужилъ упрековъ отъ современниковъ, которые напротивъ того славили его великодушіе: ибо онъ не захотѣлъ совершенно истребить Твери (37) и свергнуть Михаила съ наслѣдственнаго престола. Лѣтописцы тѣмъ болѣе клянутъ истинныхъ виновниковъ сего бѣдствія, Ивана Вельяминова и Некомата, которые, дерзнувъ чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться въ Великое Княженіе, были казнены всенародно, къ устрашенію подобныхъ имъ злодѣевъ. Народъ Московскій, долго уважавъ и любивъ отца Иванова, чиновника столь знаменитаго, съ горестію смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго сына, прекраснаго лицемъ, благороднаго видомъ; она совершилась на древнемъ *Кучковѣ полѣ,* гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій.

Первая смертная казнь въ Москвѣ.

г. 1376. Великій Князь, распустивъ часть войска, послалъ другую на Болгаровъ съ Воеводою, Княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, женатымъ на его сестрѣ, Аннѣ (38). Сей Князь — одинъ изъ потомковъ Святополка II, какъ вѣроятно, или Романа Галицкаго — выѣхавъ изъ Волыніи служить Государю Московскому, усердствовалъ отличаться подвигами мужества. Казанская Болгарія, еще прежде Россіи покоренная Батыемъ, съ того времени зависѣла отъ Хановъ, и жители смѣшались съ Моголами. Мурза Булактемиръ, какъ мы упоминали, овладѣлъ ею въ 1361 году: послѣ властвовалъ тамъ Осанъ, непріятель Димитрія Константиновича Суздальскаго, сверженный имъ въ 1370 году. Взявъ съ собою Посла Ханскаго — слѣдственно дѣйствуя съ согласія Мамаева — сынъ Димитріевъ, Василій, и братъ, Князь Городецкій, ходили съ войскомъ въ Болгарію: приняли дары отъ Осана, но возвели на его мѣсто другаго Князя (39). Новый походъ Россіянъ въ сію землю имѣлъ важнѣйшую цѣль: Великій Князь, уже явный врагъ Моголовъ, хотѣлъ подчинить себѣ Болгарію. Сыновья Димитрія Суздаль-

Походъ въ Болгарію.

г. 1376. Марта 16. скаго соединились съ полками Московскими и приближились къ *Казани*, городу славному въ нашей Исторіи: сообщимъ любопытное преданіе о началѣ

Начало Казани. его. «Сынъ Батыевъ» — такъ говоритъ одинъ Лѣтописецъ XVI вѣка, бывшій любимымъ слугою Царя Казанскаго ([40]) — «сынъ Батыевъ, именемъ Саинъ, шелъ воевать Россію, но обезоруженный смиреніемъ и дарами ея Князей, остановился: тутъ онъ вздумалъ завести селеніе, гдѣ бы чиновники Татарскіе, посылаемые для собранія дани въ наше отечество, могли имѣть отдохновеніе. Мѣсто было изобильно, *пчелисто* и *пажитно;* но страшные зміи обитали въономъ: сыскался волхвъ, который обратилъ ихъ въ пепелъ. Ханъ основалъ городъ *Казань* (что значитъ *котелъ* или *золотое дно)* и населилъ его Болгарами, Черемисами, Вотяками, Мордвою, ушедшими изъ областей Ростовскихъ во время крещенія земли Русской; любилъ сіе мѣсто, гдѣ сближаются ея предѣлы съ Болгаріею, Вяткою, Перміею, и часто самъ пріѣзжалъ туда изъ Сарая: оно долгое время называлось еще *Саиновымъ Юртомъ.*» Сей Ханъ *Саинъ* былъ или Сартакъ, единственный Батыевъ сынъ, извѣстный по лѣтописямъ, или самъ Батый, коего Историкъ Татарскій, Абульгази, обыкновенно именуетъ *Сагиномъ* ([41]).

Казанцы встрѣтили Россіянъ въ полѣ: многіе изъ нихъ выѣхали на вельблюдахъ, думая видомъ и голосомъ сихъ животныхъ испугать нашихъ коней; другіе надѣялись произвести тоже дѣйствіе стукомъ и громомъ: но видя неустрашимость Россіянъ, побѣжали назадъ. Войско Россійское, истребивъ огнемъ села ихъ, зимовища, суда, заставило двухъ Болгарскихъ Владѣтелей, Осана и Махматъ-Салтана, покориться Великому Князю. Они дали ему и Димитрію Суздальскому 2000, а на воиновъ 3000 рублей, и приняли въ свой городъ Московскаго чиновника или таможенника ([42]): слѣдственно обязались быть данниками Россіи. Ободренная симъ успѣхомъ, она готовилась къ дальнѣйшимъ подвигамъ.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ Великаго Князя (ибо въ Ордѣ снова свирѣпствовала тогда язва), однакожь не упускалъ случая вредить Россіянамъ. Сосѣды Нижегородской области, Мордва, взялись указать Моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и Царевичь, именемъ Арапша, съ береговъ Синяго или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ Ханскими полками. Димитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ Великаго Князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждавъ Моголовъ, и надѣясь, что они раздумали итти къ Нижнему, послалъ Воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ Переславскихъ, Юрьевскихъ, Муромскихъ и Ярославскихъ: Князь Димитрій Константиновичь присоединилъ къ нимъ Суздальцевъ подъ начальствомъ сына, Іоанна, и другаго Князя, Симеона Михайловича ([43]). Къ несчастію, умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на степи Перевозской, тѣшиться ловлею звѣрей какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили ими телеги; спустивъ одежду съ плечъ, искали прохлады; другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобы пить крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая картина охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья Мордовскіе тайно подвели Арапшу, о коемъ говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности ([44]). Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на Россіянъ, столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами, и неся непріятеля на плечахъ. Погибло множество воиновъ и Бояръ: Князь Симеонъ Михайловичь былъ изрубленъ, Князь Іоаннъ Димитріевичь утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (осуждая безразсудность Воеводъ Димитріевыхъ, древніе Россіяне говорили въ пословицу: за *Пьяною люди пьяны*). — Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею, и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новагорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: никто не думалъ обороняться. Князь Димитрій Константиновичь ушелъ въ Суздаль; а жители спасались въ лод-

г. 1377. Нашествіе Моголовъ. Августа 2. Пословица.

г.1377. кахъ вверхъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить; сжегъ городъ, и такимъ образомъ наказавъ его за убіеніе Пословъ Мамаевыхъ, удалился, обремененный корыстію. Сынъ Димитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего возобновить обгорѣлую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата, Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

Въ то же время Моголы взяли нынѣшнюю Рязань: Князь Олегъ, изстрѣленный, обагренный кровію, едва могъ спастися. Впрочемъ они желали единственно грабить и жечь: мгновенно приходили, мгновенно и скрывались. Области Рязанская, Нижегородская были усыпаны пепломъ, въ особенности берега Суры, гдѣ Арапша не оставилъ въ цѣлости ни одного селенія (45). Многіе Бояре и купцы лишились всего имѣнія; въ томъ числѣ Лѣтописцы именуютъ одного знаменитаго гостя, Тараса Петрова: Моголы разорили шесть его цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудмою; видя, что собственность въ сихъ мѣстахъ ненадежна, онъ навсегда переѣхалъ въ Москву. — Чтобы довершить бѣдствіе Нижняго Новагорода, Мордовскіе хищники по слѣдамъ Татаръ разсѣялись злодѣйствовать въ его Уѣздѣ; но Князь Борисъ Константиновичь настигъ ихъ, когда они уже возвращались съ добычею, и потопилъ въ рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ еще плавали трупы Россіянъ. Сей Князь Городецкій вмѣстѣ съ племянникомъ, Симеономъ Димитріевичемъ, и съ Воеводою Великаго Князя, Ѳеодоромъ Свибломъ, въ слѣдующую зиму опустошилъ безъ битвы всю землю Мордовскую, истребляя жилища и жителей. Онъ взялъ въ плѣнъ женъ и дѣтей, также нѣкоторыхъ людей чиновныхъ, казненныхъ послѣ въ Нижнемъ. Народъ въ злобномъ остервененіи влачилъ ихъ по льду рѣки Волги и травилъ псами.

Сія безчеловѣчная месть снова возбудила гнѣвъ Мамаевъ на Россіянъ: ибо земля Мордовская находилась подъ властію Хана. Нижній Новгородъ, едва воз-
г.1378. никнувъ изъ пепла, вторично былъ взятъ Татарами: жители бѣжали за Волгу. — Князь Димитрій Константиновичь, будучи тогда въ Городцѣ, прислалъ объявить Мамаевымъ Воеводамъ, чтобы они удовольствовались окупомъ и не дѣлали зла его Княженію. Но исполняя въ точ- г.1378.
ности данное имъ повелѣніе, они хотѣли крови и развалинъ: сожгли городъ (46), Іюля 24.
опустошили Уѣздъ, и выходя изъ нашихъ предѣловъ, соединились еще съ сильнѣйшимъ войскомъ, посланнымъ отъ Мамая на самого Великаго Князя.

Димитрій Іоанновичь, свѣдавъ заблаговременно о замыслахъ непріятеля, имѣлъ время собрать полки, и встрѣтилъ Татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи. Мурза Бегичь предводительствовалъ ими. Они сами начали битву: перешли за рѣку и съ воплемъ Августа 11. Побѣда надъ Моголами.
поскакали на Россіянъ; видя же ихъ твердость, удержали своихъ коней: пускали стрѣлы; ѣхали впередъ легкою рысью. Великій Князь стоялъ въ срединѣ, поручивъ одно крыло Князю Даніилу Пронскому, а другое *Окольничему*, или ближнему Княжескому чиновнику, Тимоѳею (47). По данному знаку все наше войско устремилось противъ непріятеля, и дружнымъ, быстрымъ нападеніемъ рѣшило дѣло: Моголы обратили тылъ; бросая копья, бѣжали за рѣку. Россіяне кололи, рубили и топили ихъ въ Вожѣ цѣлыми тысячами. Нѣсколько именитыхъ Мурзъ находилось въ числѣ убитыхъ. Ночь и густая мгла слѣдующаго утра спасла остатокъ Мамаевыхъ полковъ. На другой день Великій Князь уже тщетно искалъ бѣгущаго непріятеля: нашелъ только разбросанные въ степяхъ шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненныя всякими товарами. Довольный столь блестящимъ успѣхомъ, онъ возвратился въ Москву. Сія побѣда достопамятна тѣмъ, что была первою, одержанною Россіянами надъ Татарами съ 1224 года, и не стоила имъ ничего, кромѣ труда убивать людей: столь измѣнился воинственный характеръ Чингисханова потомства! Юный Герой Димитрій, торжествуя оную вмѣстѣ со всѣми добрыми подданными, могъ сказать имъ словами Библіи: *Отступило время отъ нихъ: Господь же съ нами* (48)!

Мамай — истинный Властелинъ Орды, во всемъ повелѣвая Ханомъ — затрепеталъ отъ гнѣва, услышавъ о гибели своего войска; собралъ новое, и столь быстро двинулся къ Рязани, что тамошній Князь, Олегъ, не имѣлъ времени ни ждать вспоможенія отъ Великаго Князя, ни приготовиться къ отпору; бѣжалъ изъ столицы за Оку, и предалъ отечество въ жертву варварамъ. Но Мамай, кровопролитіемъ и разрушеніями удо-

г. 1377. влетворивъ первому порыву мести, не хотѣлъ итти далѣе Рязани и возвратился къ берегамъ Волги, отложивъ рѣшительный ударъ до инаго времени ([49]).

Успѣхи въ войнѣ съ Литвою. Димитрій успѣлъ между тѣмъ смирить Литву. Славный Ольгердъ умеръ въ 1377 году, не только Христіаниномъ, но и Схимникомъ по убѣжденію его супруги, Іуліаніи, и Печерскаго Архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя Александра, а въ Монашествѣ Алексія, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ Вѣры Іисусовой. Нѣкоторые Лѣтописцы повѣствуютъ, что онъ гналъ Христіанъ и замучилъ въ Вильнѣ трехъ усердныхъ исповѣдниковъ Спасителя, включенныхъ нашею Церковію въ ликъ Святыхъ ([50]); но Литовскій Историкъ славитъ его терпимость, сказывая, что Ольгердъ казнилъ 500 Виленскихъ гражданъ за насильственное убіеніе семи Францисканскихъ Монаховъ и торжественно объявилъ свободу Вѣры. Смерть сего опаснаго властолюбца обѣщала спокойствіе нашимъ югозападнымъ границамъ, тѣмъ болѣе, что она произвела въ Литвѣ междоусобіе. Любимый сынъ и преемникъ Ольгердовъ, Ягайло, злодѣйски умертвивъ старца Кестутія, принудилъ сына его, младаго Витовта, искать убѣжища въ Пруссіи. Андрей Ольгердовичъ Полоцкій, державъ сторону дяди, ушелъ во Псковъ, далъ клятву быть вѣрнымъ другомъ Россіянъ и пріѣхалъ въ Москву служить Великому Князю. Перемиріе, заключенное съ Литвою въ 1373 году, было давно нарушено: ибо Москвитяне еще при жизни Ольгерда ходили осаждать Ржевъ ([51]). Пользуясь раздоромъ его сыновей, Димитрій въ началѣ зимы

г. 1379. Декабря 9. отрядилъ своего брата, Владиміра Андреевича, Князей Волынскаго и Полоцкаго, Андрея Ольгердовича, съ сильнымъ войскомъ къ Стародубу и Трубчевску, чтобы сію древнюю собственность нашего отечества снова присоединить къ Россіи. Оба города сдалися; но Полководцы Димитріевы, какъ бы уже не признавая тамошнихъ обитателей единокровными братьями, дозволяли воинамъ плѣнять и грабить. Въ Трубчевскѣ княжилъ братъ Андреевъ, Димитрій Ольгердовичъ: ненавидя Ягайла, онъ не хотѣлъ обнажить меча на Россіянъ, дружелюбно встрѣтилъ ихъ съ женою, съ дѣтьми, со всѣми Боярами, и предложилъ свои услуги Великому Князю, который, въ благодарность за то, отдалъ ему Переславль Залѣсскій *съ судомъ и съ пошлиною* ([52]). — Такимъ образомъ Димитрій г. 1379.
могъ надѣяться въ одно время и свергнуть иго Татаръ, и возвратить отечеству прекрасныя земли, отнятыя у насъ Литвою. Сія великая мысль занимала его благородную душу, когда онъ свѣдалъ о новыхъ грозныхъ движеніяхъ Орды, и долженствовалъ остановить успѣхи своего оружія въ Литвѣ, чтобы противоборствовать Мамаю.

Но прежде описанія знаменитѣйшаго изъ воинскихъ подвиговъ древней Россіи предложимъ Читателю церковныя дѣла сего времени, коими Димитрій, не смотря на величайшую государственную опасность, занимался съ особенною ревностію.

Еще въ 1376 году Патріархъ Филоѳей самъ собою поставилъ Кипріана, ученаго Сербина, въ Митрополиты для Россіи; но Великій Князь, негодуя на то, объявилъ, что Церковь наша, пока живъ Св. Алексій, не можетъ имѣть другаго Пастыря ([53]). Кипріанъ хотѣлъ преклонить къ себѣ Новогородцевъ, и сообщилъ имъ избирательную грамоту Филоѳееву: Архіепископъ и народъ отвѣтствовали, что воля Государя Московскаго въ семъ случаѣ должна быть для нихъ закономъ. Отверженный Россіянами, Кипріанъ жилъ въ Кіевѣ и повелѣвалъ Литовскимъ Духовенствомъ, въ надеждѣ скоро заступить мѣсто Св. Алексія: ибо сей добродѣтельный старецъ уже стоялъ на прагѣ смерти. Но Великій Князь въ мысляхъ своихъ назначилъ ему инаго преемника. Дѣла церковныя.

Между всѣми Московскими Іереями отличался тогда Священникъ села Коломенскаго, Митяй, умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ, острою памятію, пріятнымъ голосомъ, красотою лица, величественною наружностію и благородными поступками, такъ, что Димитрій избралъ его себѣ въ отцы Духовные и въ *Печатники,* то есть, ввѣрилъ ему храненіе Великокняжеской печати ([54]): санъ важный по тогдашнему обычаю! Со дня на день возрастала милость Государева къ сему человѣку, наставнику, Духовнику всѣхъ Бояръ, равно свѣдущему въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Онъ величался какъ Царь, по словамъ Лѣтописцевъ: жилъ пышно, носилъ одежды драгоцѣнныя, имѣлъ множество слугъ и Отроковъ. Прошло нѣсколько лѣтъ: Димитрій, желая возвести его на степень еще знаменитѣйшую, предложилъ ему заступить мѣсто Спасскаго Архимандри-

г. 1379. та, Іоанна, который въ глубокой старости посвятилъ себя тишинѣ безмолвія. Хитрый Митяй не соглашался, и былъ силою введенъ въ монастырь, гдѣ надѣли на него клобукъ Инока вмѣстѣ съ мантіею Архимандрита, къ удивленію народа, особенно къ неудовольствію Духовныхъ. «Быть до обѣда бѣльцемъ» (говорили они), «а послѣ обѣда Старѣйшиною Монаховъ есть дѣло безпримѣрное.»

Сей новый санъ открывалъ путь къ важнѣйшему. Великій Князь, предвидя близкую кончину Св. Алексія, хотѣлъ, чтобы онъ благословилъ Митяя на Митрополію. Алексій, искренній другъ смиренія, давно мыслилъ вручить Пастырскій жезлъ свой кроткому Игумену Сергію, основателю Троицкой Лавры (55): хотя Сергій, думая единственно о постѣ и молитвѣ, рѣшительно отвѣтствовалъ, что никогда не оставитъ своего мирнаго уединенія, но святый старецъ, или въ надеждѣ склонить его къ тому, или не любя гордаго Митяя (названнаго въ Иночествѣ Михаиломъ) отрекся исполнить волю Димитріеву, доказывая, что сей Архимандритъ еще *новоукъ* въ Монашествѣ. Великій Князь просилъ, убѣждалъ Митрополита: посылалъ къ нему Бояръ и Князя Владиміра Андреевича; наконецъ успѣлъ столько, что Алексій благословилъ Митяя, какъ своего Намѣстника, прибавивъ: «*если* Богъ, Патріархъ и Вселенскій Соборъ удостоятъ его править Россійскою Церковію.»

Св. Алексій (въ 1378 году) скончался, и Митяй, къ изумленію Духовенства, самовольно возложилъ на себя *бѣлый* клобукъ; надѣлъ мантію съ источниками и скрижалями; взялъ посохъ, печать, казну, ризницу Митрополита; въѣхалъ въ его домъ и началъ судить дѣла церковныя самовластно. Бояре, Отроки служили ему (ибо Митрополиты имѣли тогда своихъ особенныхъ свѣтскихъ чиновниковъ), а Священники присылали въ его казну извѣстные оброки и дани (56). Онъ медленно готовился къ путешествію въ Царьградъ, желая, чтобы Димитрій велѣлъ прежде Святителямъ Россійскимъ поставить его въ Епископы, согласно съ уставомъ Апостольскимъ или Номоканономъ. Великій Князь призвалъ для того всѣхъ Архіереевъ въ Москву: никто изъ нихъ не смѣлъ ослушаться, кромѣ Діонисія Суздальскаго, съ твердостію объявившаго, что въ Россіи одинъ Митрополитъ законно ставитъ Епископовъ. Великій Князь спорилъ, и г. 1379. наконецъ уступилъ, къ досадѣ Митяя.

Скоро обнаружилась явная ссора между симъ нареченнымъ Митрополитомъ и Діонисіемъ, ибо они имѣли наушниковъ, которые старались усилить ихъ вражду. «Для чего» — сказалъ первый Архіерею Суздальскому — «ты до сего времени не былъ у меня и не принялъ моего благословенія?» Діонисій отвѣтствовалъ: «Я Епископъ, а ты Попъ: и такъ можешь ли благословлять меня?» Митяй затрепеталъ отъ гнѣва; грозилъ, что не оставитъ Діонисія и *Попомъ*, когда возвратится изъ Царяграда, и что собственными руками споретъ скрижали съ его мантіи. Епископъ Суздальскій хотѣлъ предупредить врага своего и ѣхать къ Патріарху; но Великій Князь приставилъ къ нему стражу. Тогда Діонисій рѣшился на безчестный обманъ: далъ клятву не думать о путешествіи въ Константинополь, и представилъ за себя порукою мужа славнаго добродѣтелію, Троицкаго Игумена Сергія; получивъ же свободу, тайно уѣхалъ въ Грецію, и ввелъ невиннаго Сергія въ стыдъ (57). Сей случай ускорилъ отъѣздъ Митяя, который уже 18 мѣсяцевъ управлялъ Церковію, именуясь Намѣстникомъ. Въ знакъ особенной довѣренности Великій Князь далъ ему нѣсколько бѣлыхъ хартій, запечатанныхъ его печатію, дабы онъ воспользовался ими въ Константинополѣ сообразно съ обстоятельствами, или для написанія грамотъ отъ имени Димитріева, или для нужнаго займа денегъ. Самъ Государь, всѣ Бояре старѣйшіе, Епископы, проводили Митяя до Оки; въ Грецію же отправились съ нимъ 3 Архимандрита, Московскій Протопопъ Александръ, нѣсколько Игуменовъ, 6 Бояръ Митрополитскихъ, 2 переводчика и *цѣлый полкъ*, какъ говорятъ Лѣтописцы, всякаго рода людей, подъ главнымъ начальствомъ *Большаго* Великокняжескаго Боярина, Юрья Васильевича Кочевина-Олешинскаго, собственнаго Посла Димитріева. Казну и ризницу везли на телегахъ.

За предѣлами Рязанскими, въ степяхъ Половецкихъ, Митяй былъ остановленъ Татарами, и не испугался, зная уваженіе ихъ къ сану духовному. Приведенный къ Мамаю, онъ умѣлъ хитрою лестію снискать его благоволеніе, получилъ отъ новаго тогдашняго Хана Тюлюбека, Мамаева племянника, милостивый ярлыкъ (58), — достигъ Тавриды, и въ Ге-

г.1379. нуэзской Кафѣ сѣлъ на корабль. Уже Царьградъ открылся глазамъ Россійскихъ плавателей; но Митяй, какъ вторый Моисей (по выраженію Лѣтописца), долженствовалъ только издали видѣть цѣль своего путешествія и честолюбія: занемогъ и внезапно умеръ, можетъ быть весьма естественно; но въ такихъ случаяхъ обыкновенно раждается подозрѣніе: онъ былъ окруженъ тайными непріятелями; ибо, увѣренный въ особенной любви Великаго Князя, излишнею своею гордостію оскорблялъ и духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Тѣло его свезли на берегъ и погребли въ Галатѣ.

Вмѣсто того, чтобы увѣдомить Великаго Князя о происшедшемъ и ждать отъ него новой грамоты, спутники Митяевы вздумали самовольно посвятить въ Митрополиты кого нибудь изъ бывшихъ съ ними Духовныхъ: одни хотѣли Іоанна, Архимандрита Петровскаго, который первый учредилъ въ Москвѣ общее житіе братское (59); а другіе Пимена, Архимандрита Переславскаго. Долго спорили: наконецъ Бояре избрали Пимена, и будучи озлоблены укоризнами Іоанна, грозившаго обличить ихъ несправедливость предъ Великимъ Княземъ, дерзнули оковать сего старца. Честолюбивый Пименъ торжествовалъ, и нашедши въ ризницѣ Митяевой бѣлую хартію Димитрія, написалъ на оной письмо отъ Государя Московскаго къ Императору и Патріарху такого содержанія: «Посылая къ вамъ Архимандрита Пимена, молю, да удостоите его быть Митрополитомъ Россійскимъ: ибо не знаю лучшаго.» Царь и Патріархъ Нилъ изъявили сомнѣніе. «Для чего (говорили они) Князь вашъ требуетъ новаго Митрополита, имѣя Кипріана, поставленнаго Филоѳеемъ?» Но Пименъ и Бояре достигли своей цѣли щедрыми дарами, посредствомъ другихъ бѣлыхъ хартій Димитріевыхъ занявъ у купцевъ Италіянскихъ и Восточныхъ столь великое количество серебра, что сей Государь долго не могъ выплатить онаго. Смягченный корыстію, Патріархъ сказалъ: «не знаю, вѣрить ли Посламъ Россійскимъ; но совѣсть наша чиста» — и посвятилъ Пимена въ Софійскомъ храмѣ.

Оскорбленный вѣстію о кончинѣ Митяевой, Великій Князь едва вѣрилъ самовольству Пословъ своихъ; объявилъ Пимена наглымъ хищникомъ Святительства, и призвавъ въ Москву Кипріана заступить мѣсто Св. Алексія, встрѣтилъ его съ великими почестями, съ колокольнымъ звономъ, со всѣми знаками искренняго удовольствія (60); а Пимена велѣлъ остановить на возвратномъ пути, въ Коломнѣ, и за крѣпкою стражею отвезти въ Чухлому. Съ него торжественно сняли бѣлый клобукъ: столь власть Княжеская первенствовала у насъ въ дѣлахъ церковныхъ! Главный Бояринъ, Юрій Олешинскій, и всѣ сообщники Пименовы были наказаны заточеніемъ. Сіе случилось уже въ 1381 году, то есть, послѣ славной Донской битвы, которую мы теперь должны описывать. г.1379.

Нашествіе Мамаево. Мамай пылалъ яростію и нетерпѣніемъ отмстить Димитрію за разбитіе Ханскихъ полковъ на берегахъ Вожи; но видя, что Россіяне уже не трепещутъ имени Могольскаго и великодушно рѣшились противоборствовать силѣ силою, онъ долго медлилъ, набирая войско изъ Татаръ, Половцевъ, Харазскихъ Турковъ, Черкесовъ, Ясовъ, Буртановъ или Жидовъ Кавказскихъ, Армянъ и самыхъ Крымскихъ Генуэзцевъ (61): одни служили ему какъ подданные, другіе какъ наемники. Наконецъ, ободренный многочисленностію своей рати, Мамай призвалъ на совѣтъ всѣхъ Князей Ординскихъ и торжественно объявилъ имъ, что идетъ, по древнимъ слѣдамъ Батыя, истребить Государство Россійское. «Казнимъ рабовъ строптивыхъ!» сказалъ онъ въ гнѣвѣ: «да будутъ пепломъ грады ихъ, веси и церкви Христіанскія! Обогатимся Русскимъ золотомъ» (62)! Желая еще болѣе обнадежить себя въ успѣхѣ, Мамай вступилъ въ тѣсный союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ, который условился дѣйствовать съ нимъ за-одно. Къ симъ двумъ главнымъ утѣснителямъ и врагамъ нашего отечества присоединился внутренній измѣнникъ, менѣе опасный могуществомъ, но зловреднѣйшій коварствомъ: Олегъ Рязанскій, воспитанный въ ненависти къ Московскимъ Князьямъ, жестокосердый въ юности, и зрѣлымъ умомъ мужескихъ лѣтъ наученный лукавству. Испытавъ въ полѣ превосходную силу Димитрія, онъ началъ искать его благоволенія; будучи хитръ, уменъ, *велерѣчивъ*, сдѣлался ему другомъ, совѣтникомъ въ общихъ дѣлахъ государственныхъ и посредникомъ — какъ мы видѣли — въ гражданскихъ дѣлахъ Великаго Княженія съ Тверскимъ (63). Думая, что грозное ополченіе Мамаево, усиленное Ягайловымъ, должно необходимо г.1380.

Г.1380. сокрушить Россію — страшась быть первою жертвою онаго и надѣясь хитрымъ предательствомъ не только спасти свое Княжество, но и распространить его владѣнія паденіемъ Московскаго, Олегъ вошелъ въ переговоры съ Моголами и съ Литвою чрезъ Боярина Рязанскаго, Епифана Кореева; заключилъ съ ними союзъ и тайно условился ждать ихъ въ началѣ Сентября мѣсяца на берегахъ Оки (64). Мамай обѣщалъ ему и Ягайлу всѣ будущія завоеванія въ Великомъ Княженіи, съ тѣмъ, чтобы они, получивъ сію награду, были вѣрными данниками Ханскими.

Измѣна Олегова.

Димитрій въ исходѣ лѣта свѣдалъ о походѣ Мамаевомъ, и самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, далъ ему знать, что надобно готовиться къ войнѣ (65). «Мамай *со всѣмъ царствомъ* идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя,» писалъ онъ къ Великому Князю: «Ягайло также; *но еще рука наша высока*: бодрствуй и мужайся!» Въ обстоятельствахъ столь важныхъ, рѣшительныхъ, первою мыслію Димитрія было спѣшить въ храмъ Богоматери и молить Всевышняго о заступленіи. Облегчивъ сердце изліяніемъ набожныхъ чувствъ, онъ разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ Великаго Княженія, чтобы собирать войско и немедленно вести оное въ Москву. Повелѣніе его было исполнено съ рѣдкимъ усердіемъ: цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Князья Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Ярославскіе, съ своими слугами, — Бояре Владимірскіе, Суздальскіе, Переславскіе, Костромскіе, Муромскіе, Дмитровскіе, Можайскіе, Звенигородскіе, Углицкіе, Серпуховскіе съ *Дѣтьми Боярскими* (66) или съ воинскими дружинами составили полки многочисленные, которые одни за другими вступали въ ворота Кремлевскія. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за отечество и Вѣру. Казалось, что Россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени Татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъ-естественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду Вожскую; исчисляли всѣ бѣдствія претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцевъ. Князья, Бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство Хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей? Счастливъ Государь, обнажая мечь по движенію столь добродѣтельному и столь единодушному! Народъ, до временъ Калиты и Симеона оглушаемый непрестанными ударами Моголовъ, въ бѣдности, въ отчаяніи, не смѣлъ и думать о свободѣ: отдохнувъ подъ умнымъ правленіемъ Князей Московскихъ, онъ вспомнилъ древнюю независимость Россіянъ, и менѣе страдая отъ ига иноплеменниковъ, тѣмъ болѣе хотѣлъ свергнуть оное совершенно. Облегченіе цѣпей не миритъ насъ съ рабствомъ, но усиливаетъ желаніе прервать оныя. Г.1380.

Каждый ревновалъ служить отечеству: одни мечемъ, другіе молитвою и дѣлами Христіанскими. Между тѣмъ, какъ юноши и мужи блистали оружіемъ на стогнахъ Москвы, жены и старцы преклоняли колѣна въ святыхъ храмахъ; богатые раздавали милостыню, особенно Великая Княгиня, супруга нѣжная и чувствительная (67); а Димитрій, устроивъ полки къ выступленію, желалъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми Князьями и Воеводами, принять благословеніе Сергія, Игумена уединенной Троицкой Обители, уже знаменитой добродѣтелями своего основателя. Сей святый старецъ, отвергнувъ міръ, еще любилъ Россію, ея славу и благоденствіе: Лѣтописцы говорятъ, что онъ предсказалъ Димитрію кровопролитіе ужасное, но побѣду — смерть многихъ Героевъ православныхъ, но спасеніе Великаго Князя (68); упросилъ его обѣдать въ монастырѣ, окропилъ святою водою всѣхъ бывшихъ съ нимъ Военачальниковъ и далъ ему двухъ Иноковъ въ сподвижники, именемъ Александра Пересвѣта и Ослябю, изъ коихъ первый былъ нѣкогда Бояриномъ Брянскимъ и витяземъ мужественнымъ (69). Сергій вручилъ имъ знаменіе креста на Схимахъ и сказалъ: «вотъ оружіе нетлѣнное! да служитъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ!» Димитрій выѣхалъ изъ Обители съ новою и еще сильнѣйшею надеждою на помощь Небесную.

Въ тотъ часъ, когда полки съ распущенными знаменами уже шли изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія (70), будучи провождаемы Духовенствомъ съ крестами и чудотворными иконами, Великій Князь

молился надъ прахомъ своихъ предмѣстниковъ, Государей Московскихъ, въ церкви Михаила Архангела, воспоминая ихъ подвиги и добродѣтели. Онъ нѣжно обнялъ горестную супругу, но удержалъ слезы, окруженный свидѣтелями и сказавъ ей: «Богъ нашъ заступникъ!» сѣлъ на коня. Однѣ жены плакали. Народъ стремился въ слѣдъ за воинствомъ, громогласно желая ему побѣды. Утро было ясное и тихое: оно казалось счастливымъ предзнаменованіемъ. — Въ Москвѣ остался Воеводою Ѳеодоръ Андреевичь, блюсти столицу и семейство Княжеское.

Въ Коломнѣ соединились съ Димитріемъ вѣрные ему сыновья Ольгердовы, Андрей и Димитрій, предводительствуя сильною дружиною Полоцкою и Брянскою ([71]). Великій Князь хотѣлъ осмотрѣть все войско; никогда еще Россія не имѣла подобнаго, даже въ самыя счастливыя времена ея независимости и цѣлости: *болье ста-пятидесяти тысячъ* всадниковъ и пѣшихъ стало въ ряды, и Димитрій, выѣхавъ на обширное поле Дѣвичье, съ душевною радостію видѣлъ ополченіе столь многочисленное, собранное его Монаршимъ словомъ въ городахъ одного древняго Суздальскаго Княженія, нѣкогда презираемаго Князьями и народомъ южной Россіи. Скоро пришла вѣсть, что Мамай, совокупивъ всю Орду, уже три недѣли стоитъ за Дономъ и ждетъ Ягайла Литовскаго. Въ тоже время явился въ Коломнѣ Посолъ Ханскій, требуя, чтобы Димитрій заплатилъ Моголамъ ту самую дань, какую бралъ съ его предковъ Царь Чанибекъ. Еще не довѣряя силамъ своимъ и боясь излишнею надменностію погубить отечество, Димитрій отвѣтствовалъ, что онъ желаетъ мира, и не отказывается отъ дани *умѣренной*, согласно съ прежними условіями, заключенными между имъ и Мамаемъ; но не хочетъ разорить земли своей налогами тягостными въ удовлетвореніе корыстолюбивому тиранству. Сей отвѣтъ казался Мамаю дерзкимъ и коварнымъ. Съ обѣихъ сторонъ видѣли необходимость рѣшить дѣло мечемъ.

Димитрій свѣдалъ тогда измѣну Олега Рязанскаго и тайныя сношенія его съ Моголами и съ Литвою; не ужаснулся, но съ видомъ горести сказалъ: «Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ([72])!» и принявъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, 20 Августа выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Тамъ настигъ его Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, и Великій Воевода Тимоѳей Васильевичь, со всѣми остальными полками Московскими. 26 Августа войско переправилось за Оку, въ землю Рязанскую, а на другой день самъ Димитрій и *Дворъ* Княжескій, къ изумленію Олега, увѣрившаго своихъ союзниковъ, что Великій Князь не дерзнетъ имъ противоборствовать, и захочетъ спастися бѣгствомъ въ Новгородъ или въ пустыни Двинскія ([73]). Слыша о силахъ Димитрія, равно боясь его и Мамая, Князь Рязанскій не зналъ, что ему дѣлать; скакалъ изъ мѣста въ мѣсто; отправлялъ гонцевъ къ Татарамъ, къ Ягайлу, уже стоявшему близъ Одоева; трепеталъ будущаго и раскаивался въ своей измѣнѣ; чувствуя, сколь ужасенъ страхъ въ злодѣйствѣ, онъ завидовалъ опасностямъ Димитрія, ободряемаго чистою совѣстію, Вѣрою и любовію всѣхъ добрыхъ Россіянъ.

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и Князья разсуждали съ Боярами, тамъ ли ожидать Моголовъ, или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, Князья Литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій Шведовъ ([74]). Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ Св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ Татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ Воеводъ, и сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ,» 7 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густый туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Въ срединѣ находились Князья Литовскіе, Андрей и Димитрій Ольгердовичи, Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій и Бояринъ Николай Васильевичь; въ собственномъ же полку Великокняжескомъ Бояре Іоаннъ Родіоновичь Квашня, Михаилъ Бряновъ, Князь Іо-

Сентября 8.

Славная битва Куликовская.

г.1380. аннъ Васильевичь Смоленскій; на правомъ крылѣ Князь Андрей Θеодоровичь Ростовскій, Князь Стародубскій того же имени и Бояринъ Θеодоръ Грунка; на лѣвомъ Князь Василій Васильевичь Ярославскій, Θеодоръ Михайловичь Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ; въ Сторожевомъ полку Бояринъ Михаилъ Іоанновичь, внукъ Акинѳовъ, Князь Симеонъ Константиновичь Оболенскій, братъ его Князь Іоаннъ Торусскій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ Князь Владиміръ Андреевичь, внукъ Калитинъ, Димитрій Михайловичь Волынскій (75), побѣдитель Олега и Болгаровъ, мужъ славный доблестію и разумомъ. — Романъ Михайловичь Брянскій, Василій Михайловичь Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду Государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству, Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* Великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за Христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ (76).

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ Вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила Татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные Бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ Князя» — говорили они — «смотрѣть на битву, видѣть подвиги Воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, Государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды» (77). Но Димитрій г.1380. отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый ударилъ на враговъ, и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь Христіанъ и невѣрныхъ (78). Ряды смѣшались: индѣ Россіяне тѣснили Моголовъ, индѣ Моголы Россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые Московскіе неопытные юноши — думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ Большимъ или Княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще Князь Владиміръ Андреевичь, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечь, и сказалъ Владиміру: «теперь наше время.» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на Моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ Христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки Россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телегъ, коней, вельблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями (79).

Мужественный Князь Владиміръ, Герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ Княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ

г. 1380. съѣзжались къ нему Князья и Полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать объ немъ вѣсти (80). Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ Воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли Великаго Князя лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, Князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «Государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена Христіанскія надъ трупами Моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ.—Шлемъ и латы его были иссѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего Князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый Князьями и Боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество Россіянъ, но въ четверо болѣе непріятелей (81), такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ Историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячь. Князья Бѣлозерскіе, Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные Бояре Симеонъ Михайловичь, сынъ Тысячскаго Николай Васильевичь, внукъ Акинѳовъ Михаилъ, Андрей Серкизъ, Волуй, Бренко, Левъ Морозовъ и многіе другіе положили головы за отечество: а въ числѣ ихъ и Сергіевъ Инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ Печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другаго Сергіева Священновитязя, Осляби, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова (82). Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, Великій Князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный Воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за г. 1380. оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла Россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ Субботу Дмитровскую (83), доколѣ существуетъ Россія.

Ягайло въ день битвы находился не болѣе какъ въ 30 или въ 40 верстахъ отъ Мамая: узнавъ ея слѣдствіе, онъ пришелъ въ ужасъ и думалъ только о скоромъ бѣгствѣ, такъ, что легкіе наши отряды нигдѣ не могли его настигнуть. Со всѣхъ сторонъ счастливый Димитрій, однимъ ударомъ освободивъ Россію отъ двухъ грозныхъ непріятелей, послалъ гонцевъ въ Москву, въ Переславль, Кострому, Владиміръ, Ростовъ и другіе города, гдѣ народъ, свѣдавъ о переходѣ войска за Оку, денно и нощно молился въ храмахъ. Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной произвело восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею навѣки; что Орда пала и не возстанетъ; что кровь Христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его *Донскимъ*, а Владиміра Андреевича *Храбрымъ* (84), и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго. Увидимъ, что оно, къ сожалѣнію, не имѣло тѣхъ важныхъ, прямыхъ слѣдствій, какихъ Димитрій и народъ его ожидали; но считалось знаменитѣйшимъ въ преданіяхъ нашей Исторіи до самыхъ временъ Петра Великаго, или до битвы Полтавской: еще не прекратило бѣдствій Россіи, но доказало возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Для чего Димитрій не хотѣлъ воспользоваться побѣдою, гнать Мамая до береговъ Ахтубы и разрушить гнѣздо тиранства? Не будемъ обвинять Великаго Князя въ оплошности. Татары бѣжали, однакожь все еще сильные числомъ, и могли въ Волжскихъ Улусахъ собрать полки новые; надлежало итти въ слѣдъ

Г.1380. за ними съ войскомъ многолюднымъ: какимъ образомъ продовольствовать оное въ степяхъ и пустыняхъ? Народу кочующему нужна только паства для скота его, а Россіяне долженствовали бы везти хлѣбъ съ собою, видя впереди глубокую осень и зиму, имѣя лошадей не пріученныхъ питаться одною изсохшею травою. Множество раненыхъ требовало призрѣнія, и побѣдители чувствовали нужду въ отдохновеніи. Думая, что Мамай никогда уже не дерзнетъ возстать на Россію, Димитрій не хотѣлъ безъ крайней необходимости подвергать судьбу Государства дальнѣйшимъ опасностямъ войны, и въ надеждѣ заслужить счастіе умѣренностію, возвратился въ столицу. Шествіе его отъ поля Куликова до вратъ Кремлевскихъ было торжествомъ непрерывнымъ (85). Вездѣ народъ встрѣчалъ побѣдителя съ веселіемъ, любовію и благодарностію; вездѣ гремѣла хвала Богу и Государю. Народъ смотрѣлъ на Димитрія какъ на Ангела-хранителя, ознаменованнаго печатію Небеснаго благоволенія. Сіе блаженное время казалось истиннымъ очарованіемъ для добрыхъ Россіянъ: оно не продолжилось!

Уже зная всю черноту души Олеговой, и свѣдавъ еще, что сей измѣнникъ старался вредить Московскимъ полкамъ на возвратномъ ихъ пути чрезъ области Рязанскія, истреблялъ мосты, даже захватывалъ и грабилъ слугъ Великокняжескихъ, Димитрій готовился наказать его. Тогда именитѣйшіе Бояре Рязанскіе пріѣхали въ Москву объявить, что Князь ихъ ушелъ съ своимъ семействомъ и Дворомъ въ Литву; что Рязань поддается Герою Донскому и молитъ его о милосердіи. Димитрій отправилъ туда Московскихъ Намѣстниковъ; но хитрый Олегъ, бывъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнанникомъ, умѣлъ тронуть его чувствительность знаками раскаянія и возвратился на престолъ, съ обѣщаніемъ отказаться отъ Ягайловой дружбы, считать Великаго Князя старшимъ братомъ и быть съ нимъ за-одно въ случаѣ войны или мира съ Литвою и Татарами. Въ семъ письменномъ договорѣ сказано, что Ока и Цна служатъ границею между Княженіями Московскимъ и Рязанскимъ; что мѣста, отнятыя у Татаръ, безспорно принадлежатъ тому, кто ихъ отнялъ; что городъ *Тула*, названный именемъ Царицы *Тайдулы*, жены Чанибековой, и нѣкогда управляемый ея Баскаками, остается собственностію Димитрія, равно какъ и бывшая Мордовская область, Мещера, купленная имъ у тамошняго крещенаго Князя, именемъ Александра Уковича (86). Великодушіе дѣйствуетъ только на великодушныхъ: суровый Олегъ могъ помнить обиды, а не благотворенія; скоро забылъ милость Димитрія, и воспользовался первымъ случаемъ нанести ему вредъ. Г.1380.

Уничиженный, поруганный Мамай, достигнувъ своихъ Улусовъ въ видѣ робкаго бѣглеца, скрежеталъ зубами и хотѣлъ еще отвѣдать силъ противъ Димитрія; но судьба послала ему инаго непріятеля. Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, изгнанный изъ Орды Капчакской Ханомъ Урусомъ (87), снискалъ дружбу славнаго Тамерлана, который, смиренно называясь Эмиромъ или Княземъ Моголовъ Чагатайскихъ, уже властвовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію сего втораго Чингиса Тохтамышъ, объявивъ себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близъ нынѣшняго Маріуполя, и на томъ мѣстѣ, гдѣ Моголы въ 1224 году истребили войско нашихъ соединенныхъ Князей, былъ разбитъ на голову; оставленный невѣрными Мурзами, бѣжалъ въ Кафу, и тамъ кончилъ жизнь свою: Генуэзцы обѣщали ему безопасность, но коварно умертвили его, чтобы угодить побѣдителю или завладѣть Мамаевою казною (88). Тохтамышъ воцарился въ Ордѣ и дружелюбно далъ знать всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, что онъ побѣдилъ *ихъ врага общаго*. Димитрій принялъ Ханскихъ Пословъ съ ласкою, отпустилъ съ честію, и въ слѣдъ за ними отправилъ собственныхъ съ богатыми дарами для Хана; то же сдѣлали и другіе Князья. Но дары не дань, и ласки не рабство: надменный, честолюбивый Тохтамышъ не могъ удовольствоваться привѣтствіями: онъ хотѣлъ властвовать какъ Батый или Узбекъ надъ Россіею. Тамерланъ.

Въ слѣдующее лѣто Ханъ послалъ къ Димитрію Царевича Акхозю и съ нимъ 700 воиновъ, требовать, чтобы всѣ Князья наши, какъ древніе подданные Моголовъ, немедленно явились въ Ордѣ. Россіяне содрогнулись. «Давно ли» — говорили они — «мы одержали побѣду на берегахъ Дона? не уже ли кровь Христіанская лилась тщетно?» Государь думалъ согласно съ народомъ, и Царевичу въ Нижнемъ Новѣгородѣ сказали, что Г.1381.

г.1381. Великій Князь не отвѣтствуетъ за его безопасность, если онъ пріѣдетъ въ столицу съ воинскою дружиною (89). Акхозя возвратился къ Хану, отправивъ въ Москву нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей. Даже и сіи люди, устрашенные знаками народной ненависти Россіянъ къ Моголамъ, не посмѣли туда ѣхать; а Димитрій, излишно надѣясь на слабость Орды, спокойно занимался дѣлами внутренняго правленія.

Прошло около года: Ханъ молчалъ, но въ тишинѣ готовился дѣйствовать.
г.1382. Вдругъ услышали въ Москвѣ, что Татары захватили всѣхъ нашихъ купцевъ въ землѣ Болгарской и взяли у нихъ суда для перевоза войска Ханскаго чрезъ
Нашествіе Тохтамыша. Волгу; что Тохтамышъ идетъ на Россію; что вѣроломный Олегъ встрѣтилъ его близъ границы, и служитъ ему путеводителемъ, указывая на Окѣ безопасные броды (90). Сія вѣсть, привезенная изъ Улусовъ нѣкоторыми искренними доброхотами Россіянъ, изумила народъ: еще великодушная рѣшимость Правителей могла бы воспламенить его ревность, и Герой Донскій съ мужественнымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ, спѣшили выступить въ поле; но другіе Князья измѣнили чести и славѣ. Самъ тесть Великаго Князя, Димитрій Нижегородскій, свѣдавъ о быстромъ стремленіи непріятеля, послалъ къ Хану двухъ сыновей съ дарами. Одни увеличивали силу Тохтамышеву; иные говорили, что отъ важнаго урона, претерпѣннаго Россіянами въ битвѣ Донской, столь кровопролитной, хотя и счастливой, города оскудѣли людьми военными: наконецъ совѣтники Димитріевы только спорили о лучшихъ мѣрахъ для спасенія отечества, и Великій Князь, потерявъ бодрость духа, вздумалъ, что лучше обороняться въ крѣпостяхъ, нежели искать гибели въ полѣ. Онъ удалился въ Кострому съ супругою и съ дѣтьми, желая собрать тамъ болѣе войска, и надѣясь, что Бояре, оставленные имъ въ столицѣ, могутъ долго противиться непріятелю.

Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и шелъ прямо къ Москвѣ, гдѣ господствовало мятежное безначаліе. Народъ не слушался ни Бояръ, ни Митрополита, и при звукѣ колоколовъ стекался на Вѣче (91), вспомнивъ древнее право гражданъ Россійскихъ, въ важныхъ случаяхъ рѣшить судьбу свою большинствомъ голосовъ. Смѣлые хотѣли умереть въ осадѣ, робкіе спасаться бѣгствомъ; первые стали на стѣнахъ, на башняхъ, и г.1382. бросали камнями въ тѣхъ, которые думали уйти изъ города; другіе, вооруженные мечами и копьями, никого не пускали къ городскимъ воротамъ; наконецъ, убѣжденные представленіями людей благоразумныхъ, что въ Москвѣ останется еще не мало воиновъ отважныхъ, и что въ долговременной осадѣ всего страшнѣе голодъ, позволили многимъ удалиться, но въ наказаніе отняли у нихъ все имущество. Самъ Митрополитъ Кипріанъ выѣхалъ изъ столицы въ Тверь, предпочитая собственную безопасность долгу церковнаго Пастыря: онъ былъ иноплеменникъ! Волненіе продолжалось: народъ, оставленный Государемъ и Митрополитомъ, тратилъ время въ шумныхъ спорахъ, и не имѣлъ довѣренности къ Боярамъ.

Въ сіе время явился достойный Воевода, юный Князь Литовскій, именемъ Остей, внукъ Ольгердовъ, посланный, какъ вѣроятно, Димитріемъ. Умомъ своимъ и великодушіемъ, столь сильно дѣйствующимъ въ опасностяхъ, онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ сердца, ободрилъ слабыхъ. Купцы, земледѣльцы окрестныхъ селеній, пришедшіе въ Москву съ дѣтьми и съ драгоцѣннѣйшею собственностію, — Иноки, Священники требовали оружія (92). Немедленно образовались полки; каждый занялъ свое мѣсто, въ тишинѣ и благоустройствѣ. (Мужественный Князь Остей.) Дымъ и пламя вдали означили приближеніе Моголовъ, которые, слѣдуя обыкновенію, жгли на пути всѣ деревни, и 23 Августа обступили городъ. Нѣкоторые ихъ чиновники подъѣхали къ стѣнѣ, и зная Русской языкъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь Димитрій? Имъ отвѣтствовали, что его нѣтъ въ Москвѣ. Татары, не пустивъ ни одной стрѣлы, ѣздили вокругъ Кремля, осматривали глубину рвовъ, башни, всѣ укрѣпленія, и выбирали мѣста для приступовъ; а Москвитяне, въ ожиданіи битвы, молились въ церквахъ; другіе же, менѣе набожные, веселились на улицахъ; выносили изъ домовъ чаши крѣпкаго меду и пили съ друзьями, разсуждая: «Можемъ ли бояться нашествія поганыхъ, имѣя городъ твердый и стѣны каменныя съ желѣзными воротами? Непріятели скроются, когда испытаютъ нашу бодрость, и свѣдаютъ, что Великій Князь съ сильными полками заходитъ имъ въ тылъ.» Сіи храбрецы, всходя на стѣну и видя

Г. 1382. малое число Татаръ, смѣялись надъ ними [93]; а Татары издали грозили имъ обнаженными саблями, и ввечеру, къ преждевременной радости Москвитянъ, удалились отъ города.

Сіе войско было только легкимъ отрядомъ: въ слѣдующій день явилась главная рать, столь многочисленная, что осажденные ужаснулись. Самъ Тохтамышъ предводительствовалъ ею. Онъ велѣлъ немедленно начать приступъ. Москвитяне, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, были осыпаны непріятельскими. Татары стрѣляли съ удивительною мѣткостію, пѣшіе и конные, стоя неподвижно или на всемъ скаку, въ обѣ стороны, взадъ и впередъ [94]. Они приставили къ стѣнѣ лѣсницы; но Россіяне обливали ихъ кипящею водою, били камнями, толстыми бревнами, и къ вечеру отразили. Три дни продолжалась битва; осажденные теряли многихъ людей, а непріятель еще болѣе: ибо не имѣя стѣнобитныхъ орудій, онъ упорствовалъ взять городъ силою. И воины и граждане Московскіе, одушевляемые примѣромъ Князя Остея, старались отличить себя мужествомъ. Въ числѣ Героевъ Лѣтописцы называютъ одного суконника, именемъ Адама, который съ воротъ Флоровскихъ застрѣлилъ любимаго Мурзу Ханскаго. Видя неудачу, Тохтамышъ употребилъ коварство, достойное варвара.

Приступъ къ столицѣ.

В четвертый день осады непріятель изъявилъ желаніе вступить въ мирные переговоры. Знаменитые чиновники Тохтамышевы, подъѣхавъ къ стѣнамъ, сказали Москвитянамъ, что Ханъ любитъ ихъ какъ *своихъ* добрыхъ *подданныхъ*, и не хочетъ воевать съ ними, будучи только личнымъ врагомъ Великаго Князя; что онъ немедленно удалится отъ Москвы, буде жители выдутъ къ нему съ дарами, и впустятъ его въ сію столицу, осмотрѣть ея достопамятности. Такое предложеніе не могло обольстить людей благоразумныхъ; но съ Послами находились два сына Димитрія Нижегородскаго, Василій и Симеонъ: обманутые увѣреніями Тохтамыша, или единственно исполняя волю его, они какъ Россіяне и Христіане дали клятву, что Ханъ сдержитъ слово и не сдѣлаетъ ни малѣйшаго зла Москвитянамъ [95]. Храбрый Остей совѣтовался съ Боярами, съ Духовенствомъ и народомъ: всѣ думали, что ручательство Нижегородскихъ Князей надежно; что излишняя недовѣрчивость можетъ быть пагубна въ семъ случаѣ, и что безразсудно подвергать столицу дальнѣйшимъ бѣдствіямъ осады, когда есть способъ прекратить ихъ. Отворили ворота: Князь Литовскій вышелъ первый изъ города и несъ дары; за нимъ Духовенство съ крестами, Бояре и граждане. Остея повели въ станъ Ханскій — и тамъ умертвили. Сіе злодѣйство было началомъ ужаса: по данному знаку обнаживъ мечи, тысячи Моголовъ въ одно мгновеніе обагрились кровію Россіянъ безоружныхъ, напрасно хотѣвшихъ спастися бѣгствомъ въ Кремль: варвары захватили путь, и вломились въ ворота; другіе, приставивъ лѣсницы, взошли на стѣну. Еще довольно ратниковъ оставалось въ городѣ, но безъ вождей и безъ всякаго устройства: люди бѣгали толпами по улицамъ, вопили какъ слабыя жены и терзали на себѣ волосы, не думая обороняться. Непріятель въ остервененіи своемъ убивалъ всѣхъ безъ разбора, гражданъ и Монаховъ, женъ и Священниковъ, юныхъ дѣвицъ и дряхлыхъ старцевъ; опускалъ мечь единственно для отдохновенія и снова начиналъ кровопролитіе. Многіе укрывались въ церквахъ каменныхъ: Татары отбивали двери, и вездѣ находили сокровища, свезенныя въ Москву изъ другихъ, менѣе укрѣпленныхъ городовъ. Кромѣ богатыхъ иконъ и сосудовъ, они взяли, по сказанію Лѣтописцевъ, несмѣтное количество золота и серебра въ Казнѣ Великокняжеской, у Бояръ старѣйшихъ, у купцевъ знаменитыхъ, наслѣдіе ихъ отцевъ и дѣдовъ, плодъ бережливости и трудовъ долговременныхъ. Къ вѣчному сожалѣнію потомства, сіи грабители, обнаживъ церкви и домы, предали огню множество древнихъ книгъ и рукописей, тамъ хранимыхъ, и лишили нашу Исторію, можетъ быть, весьма любопытныхъ памятниковъ [96].

26 Августа. Вѣроломство Тохтамыша.

Взятіе и разрушеніе Москвы.

Не будемъ подробно описывать всѣхъ ужасовъ сего несчастнаго для Россіи дня: легко представить себѣ оные. И въ наше время, когда непріятель, раздраженный упорствомъ осажденныхъ, силою входитъ въ городъ, что можетъ превзойти бѣдствіе жителей? ни язва, ни землетрясеніе. А Татары со временъ Батыевыхъ не смягчились сердцемъ, и въ своей Азовской роскоши утративъ отчасти прежнюю неустрашимость, сохранили всю дикую свирѣпость народа степнаго. Обремененные добычею, утружденные злодѣйствами, наполнивъ тру-

Г.1382. нами городъ, они зажгли его и вышли отдыхать въ поле, гоня передъ собою толпы юныхъ Россіянъ, избранныхъ ими въ невольники. — «Какими словами» — говорятъ Лѣтописцы — «изобразимъ тогдашній видъ Москвы? Сія многолюдная столица *кипѣла* прежде *богатствомъ и славою* (97): въ одинъ день погибла ея красота; остались только дымъ, пепелъ, земля окровавленная, трупы и пустыя, обгорѣлыя церкви. Ужасное безмолвіе смерти прерывалось однимъ глухимъ стономъ нѣкоторыхъ страдальцевъ, изсѣченныхъ саблями Татаръ, но еще не лишенныхъ жизни и чувства.»

Войско Тохтамышево разсыпалось по всему Великому Княженію. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ, имѣли участь Москвы. Жители Переславля бросились въ лодки, отплыли на средину озера, и тѣмъ спаслися отъ погибели; а городъ былъ сожженъ непріятелемъ (98). Близъ Волока стоялъ съ дружиною смѣлый братъ Димитріевъ, Князь Владиміръ Андреевичь: отпустивъ мать и супругу въ Торжекъ, онъ внезапно ударилъ на сильный отрядъ Моголовъ и разбилъ его совершенно. Извѣщенный о томъ бѣглецами, Ханъ началъ отступать отъ Москвы; взялъ еще Коломну и перешелъ за Оку. Тутъ вѣроломный Князь Рязанскій увидѣлъ, сколь милость Татаръ, купленная гнусною измѣною, ненадежна: они поступали въ его землѣ какъ въ непріятельской; жгли, убивали, плѣнили жителей, и заставили самого Олега скрыться. Тохтамышъ оставилъ наконецъ Россію, отправивъ шурина своего, именемъ Шихомата, Посломъ къ Князю Суздальскому.

Скорбь Димитрія. Съ какою скорбію Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, пріѣхавъ съ своими Боярами въ Москву, увидѣли ея хладное пепелище и свѣдали всѣ бѣдствія, претерпѣнныя отечествомъ, и столь неожидаемыя послѣ счастливой Донской битвы! «Отцы наши» — говорили они, проливая слезы (99) — «не побѣждали Татаръ, но были *менѣе* насъ злополучны!» Дѣйствительно *менѣе* со времени Калиты, памятныхъ началомъ устройства, безопасности, и малодушные могли винить Димитрія въ томъ, что онъ не слѣдовалъ правиламъ Іоанна I и Симеона, которые искали милости въ Ханахъ для пользы государственной; но Великій Князь, чистый въ совѣсти предъ Богомъ и народомъ, не боялся ни жалобы современниковъ, ни суда потомковъ; хотя скорбѣлъ, однакожь не терялъ бодрости, и надѣялся умилостивить Небо своимъ великодушіемъ въ несчастіи. Г.1382.

Онъ велѣлъ немедленно погребать мертвыхъ и давалъ гробокопателямъ по рублю за 80 тѣлъ: что составило 300 рублей (100): слѣдственно въ Москвѣ погибло тогда 24,000 человѣкъ, кромѣ сгорѣвшихъ и потонувшихъ: ибо многіе, чтобы спастись отъ убійцъ, бросались въ рѣку. Еще не успѣли совершить сего печальнаго обряда, когда Димитрій послалъ Воеводъ Московскихъ наказать Олега, приписывая ему успѣхъ Тохтамышевъ и бѣдствіе Великаго Княженія. Подданные должны были отвѣтствовать за своего Князя: онъ ушелъ, предавъ ихъ въ жертву мстителямъ, и войско Димитріево, остервененное злобою, въ конецъ опустошило Рязань, считая оную гнѣздомъ измѣны и ставя жителямъ въ вину усердіе ихъ къ Олегу. — Вторымъ попеченіемъ Димитрія было возобновленіе Москвы; стѣны и башни Кремлевскія стояли въ цѣлости: Ханъ не имѣлъ времени разрушить оныя. Скоро кучи пепла исчезли, и новыя зданія явились на ихъ мѣстѣ; но прежнее многолюдство въ столицѣ и въ другихъ взятыхъ Татарами городахъ уменшилось надолго. Изгнаніе Олега. Возстановленіе Москвы.

Въ то время, когда надлежало дать Церкви новыхъ Іереевъ вмѣсто убіенныхъ Моголами, святить оскверненные злодѣйствами храмы, утѣшать, ободрять народъ Пастырскими наставленіями, Митрополитъ Кипріанъ спокойно жилъ въ Твери. Великій Князь послалъ за нимъ Бояръ своихъ (101), но объявилъ его, какъ малодушнаго бѣглеца, недостойнымъ управлять Церковію, и возвративъ изъ ссылки Пимена, поручилъ ему Россійскую Митрополію; а Кипріанъ съ горестію и стыдомъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ господствовалъ сынъ Ольгердовъ, Владиміръ, Христіанинъ Греческой Вѣры. Столь рѣшительно поступалъ Димитрій въ дѣлахъ церковныхъ, живо чувствуя достоинство Государя, любя отечество, и желая, чтобы Духовенство служило примѣромъ сей любви для гражданъ! Онъ могъ досадовать на Кипріана и за дружескую связь его съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ, который, вопреки торжественному обѣту и письменному договору 1375 года, не хотѣлъ участвовать ни въ славѣ, ни въ бѣдствіяхъ Московскаго Княженія, и тѣмъ изъявилъ холодность къ общей пользѣ Изгнаніе Митрополита.

Ненависть Князя Тверскаго къ Димитрію.

Россіянъ. Скоро обнаружилась и личная, давнишняя ненависть его къ Димитрію: какъ бы обрадованный несчастіемъ Москвы и въ надеждѣ воспользоваться злобою Тохтамыша на Великаго Князя, онъ съ сыномъ своимъ, Александромъ, уѣхалъ въ Орду, чтобы снискать милость Хана и съ помощію Моголовъ свергнуть Донскаго съ престола (102).

Не время было презирать Тохтамыша и думать о битвахъ: разоренное Великое Княженіе требовало мирнаго спокойствія, и народъ унылъ. Великодушный Димитрій, скрѣпивъ сердце, съ честію принялъ въ Москвѣ Ханскаго Мурзу, Карача, объявившаго ему, что Тохтамышъ, страшный во гнѣвѣ, умѣетъ и миловать преступниковъ въ раскаяніи.

г. 1383. Апрѣля 23. Сынъ Димитріевъ въ Ордѣ.

Сынъ Великаго Князя, Василій, со многими Боярами поѣхавъ Волгою на судахъ въ Орду, знаками смиренія столь угодилъ Хану, что Михаилъ Тверскій не могъ успѣть въ своихъ проискахъ, и съ досадою возвратился въ Россію. Но милость Тохтамышева дорого стоила Великому Княженію: кровопійцы Ординскіе, называемые Послами, начали снова являться въ его предѣлахъ, и возложили на оное весьма тягостную дань, въ особенности для земледѣльцевъ:

г. 1384. Тяжкая дань.

всякая деревня, состоящая изъ двухъ и трехъ дворовъ, обязывалась платить полтину серебромъ (103); города давали и *золото*. Сверхъ того, къ огорченію Государя и народа, Ханъ въ залогъ вѣрности и осьми тысячь рублей долгу удержалъ при себѣ юнаго Князя Василія Димитріевича, вмѣстѣ съ сыновьями Князей Нижегородскаго и Тверскаго. Однимъ словомъ, казалось, что Россіяне долженствовали проститься съ мыслію о государственной независимости какъ съ мечтою; но Димитрій надѣялся вмѣстѣ съ народомъ, что сіе рабство будетъ не долговременно; что паденіе мятежной Орды неминуемо, и что онъ воспользуется первымъ случаемъ освободить себя отъ ея тиранства (104).

Для того Великій Князь хотѣлъ мира и благоустройства внутри отечества; не мстилъ Князю Тверскому за его вражду, и предлагалъ свою дружбу самому вѣроломному Олегу. Сей послѣдній неожидаемо разграбилъ Коломну,

г. 1385

плѣнивъ тамошняго Намѣстника, Александра Остея, со многими Боярами (105): Димитрій послалъ туда войско подъ начальствомъ Князя Владиміра Андреевича, но желалъ усовѣстить Олега, зная, что сей Князь любимъ Рязанцами и могъ быть своимъ умомъ полезенъ отечеству.

г. [illegible] Миръ съ Олегомъ.

Мужъ, знаменитый святостію, Игуменъ Сергій, взялъ на себя дѣло миротворца: ѣздилъ къ Олегу, говорилъ ему именемъ Вѣры, земли Русской, и смягчилъ его сердце, такъ, что онъ заключилъ съ Димитріемъ искренній, вѣчный союзъ, утвержденный послѣ семейственнымъ: Ѳеодоръ, сынъ Олеговъ, (въ 1387 году) женился на Княжнѣ Московской, Софіи Димитріевнѣ.

Ссора и миръ съ Новымгородомъ.

Великій Князь долженствовалъ еще усмирить Новогородцевъ. Они (въ 1384 году) дали Князю Литовскому, Патрикію Наримантовичу, бывшій Удѣлъ отца его: Орѣховъ, Кексгольмъ и половину Копорья; но тамошніе жители изъявили негодованіе. Сдѣлался мятежъ въ Новѣгородѣ: Славянскій Конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за сего Князя на Вѣчѣ Двора Ярославова; другіе Концы взяли противную сторону на Вѣчѣ Софійскомъ. Вооружались; шумѣли, писали разныя грамоты или опредѣленія и наконецъ согласились, вмѣсто упомянутыхъ городовъ, отдать Патрикію Ладогу, Русу и берегъ Наровскій, не считая нужнымъ требовать на то Великокняжескаго соизволенія (106). Сіе дѣло могло оскорбить Димитрія: онъ имѣлъ еще важнѣйшія причины быть недовольнымъ. Въ теченіе десяти лѣтъ оставляемые въ покоѣ сосѣдами, Новогородцы, какъ бы скучая тишиною и мирною торговлею, полюбили разбои, украшая оные именемъ *молодечества*, и многочисленными толпами ѣздили грабить купцевъ, селенія и города по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ. Въ 1371 году они завоевали Кострому и Ярославль, а въ 1375 вторично явились подъ стѣнами первой, гдѣ начальствовалъ Воевода Плещей: ихъ было 2000, а вооруженныхъ Костромскихъ гражданъ 5000; но малодушный Плещей, съ двухъ сторонъ обойденный непріятелемъ, бѣжалъ: разбойники взяли городъ, и цѣлую недѣлю въ немъ злодѣйствовали; плѣнили людей, опустошали домы, купеческія лавки, и бросивъ въ Волгу, чего не могли увезти съ собою, отправились къ Нижнему; захватили и тамъ многихъ Россіянъ, и продали ихъ какъ невольниковъ Восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Еще недовольные богатою добычею, сіи храбрецы, предводительствуемые какимъ-то Прокопіемъ и другимъ Смоленскимъ Атаманомъ, пустились далѣе внизъ по Волгѣ, къ Са-

г.1385. раю, и грабили безъ сопротивленія до самаго *Хазиторокаяя* или Астрахани, древняго города Козаровъ; наконецъ, обманутые лестію тамошняго Князя Могольскаго, именемъ Сальчея, были всѣ побиты; а Вятчане (въ 1379 году) истребили другую шайку такихъ разбойниковъ близъ Казани. Занятый опасностями и войнами, Димитрій терпѣлъ сію дерзость Новогородцевъ и видѣлъ, что она возрастала: Правительство ихъ захватывало даже его собственность, или доходы Великокняжескіе, и (въ 1385 году) отложилось отъ церковнаго суда Московской Митрополіи: Посадникъ, Бояре, *Житые* (именитые) и черные люди всѣхъ пяти Концевъ торжественно присягнули на Вѣчѣ, чтобы ни въ какихъ тяжбахъ, подсудныхъ Церкви, не относиться къ Митрополиту, но рѣшить оныя самому Архіепископу Новогородскому по Греческому Номоканону или Кормчей Книгѣ, вмѣстѣ съ Посадникомъ, Тысячскимъ и четырмя посредниками, избираемыми съ обѣихъ сторонъ изъ Бояръ и людей Житыхъ. Испытавъ безполезность дружелюбныхъ представленій и самыхъ угрозъ, огорчаемый строптивостію Новогородцевъ и явнымъ ихъ намѣреніемъ быть независимыми отъ Великаго Княженія, Димитрій прибѣгнулъ къ оружію, чтобы утвердить власть свою надъ сею знаменитою областію и со временемъ воспользоваться ея силами для общаго блага или освобожденія Россіи.

г.1386. Двадцать-шесть областей соединили своихъ ратниковъ подъ знаменами Великокняжескими: Москва, Коломна, Звенигородъ, Можайскъ, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Серпуховъ, Боровскъ, Дмитровъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Нижній, Кострома, Угличь, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичь, Бѣлозерскъ, Устюгъ. Самые подданные Новагорода, жители Вологды, Бѣжецка, Торжка (кромѣ знатнѣйшихъ Бояръ сего послѣдняго) взяли сторону Димитрія. Зимою, предъ самымъ Рождествомъ Христовымъ, онъ съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ и другими Князьями выступилъ изъ Москвы; не хотѣлъ слушать Пословъ Новогородскихъ, и въ день Богоявленія расположился станомъ въ тридцати верстахъ отъ береговъ Волхова, обративъ въ пепелъ множество селеній. Тамъ встрѣтилъ его Архіепископъ, старецъ Алексій, съ убѣдительнымъ моленіемъ простить вину Новогородцевъ, готовыхъ заплатить ему 8000 рублей. г.1386. Великій Князь не согласился, и Новогородцы, извѣщенные о томъ, готовились къ сильному отпору, подъ начальствомъ Патрикія и другихъ Князей, намъ неизвѣстныхъ ([107]); оградили валъ тыномъ, сожгли предмѣстія, двадцать четыре монастыря въ окрестностяхъ и всѣ домы за рвомъ въ трехъ Концахъ города, въ Плотинскомъ, въ Людинѣ и въ Неревскомъ; два раза выходили въ поле для битвы, ожидая непріятеля, и возвращались, не находя его. Имѣя войско довольно многочисленное, готовое сразиться усердно, и не пожалѣвъ ни домовъ, ни церквей для лучшей защиты города, они еще хотѣли отвратить кровопролитіе, и послали двухъ Архимандритовъ, 7 Іереевъ и 5 гражданъ, отъ имени пяти Концевъ, чтобы склонить Димитрія къ миру. Съ одной стороны знаки раскаянія и смиренія, съ другой твердость, но соединенная съ умѣренностію, произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. Великій Князь подписалъ мирную грамоту, съ условіемъ, чтобы Новгородъ всегда повиновался ему какъ Государю верховному, платилъ ежегодно такъ называемый *черный боръ*, или дань, собираемую съ чернаго народа, и внесъ въ казну Княжескую 8000 рублей за долговременныя наглости своихъ разбойниковъ. Новогородцы тогда же вынули изъ Софійскаго сокровища и прислали къ Димитрію 3000 рублей, отправивъ чиновниковъ въ Двинскую землю для собранія остальныхъ пяти тысячь: ибо Двиняне, имѣвъ также участіе въ разбояхъ Волжскихъ, долженствовали участвовать и въ наказаніи за оныя. Димитрій возвратился въ Москву съ честію и безъ всякаго урона, оставивъ въ областяхъ Новогородскихъ глубокіе слѣды ратныхъ бѣдствій. Многіе купцы, земледѣльцы, самые Иноки лишились своего достоянія, а нѣкоторые люди и вольности (ибо Москвитяне по заключеніи мира освободили не всѣхъ плѣнниковъ); другіе, обнаженные хищными воинами, умерли отъ холода на степи и въ лѣсахъ. — Къ несчастію, Новогородцы не пріобрѣли и внутренняго спокойствія: ибо Великій Князь, довольный ихъ покорностію, не отнялъ у нихъ древняго права избирать главныхъ чиновниковъ и рѣшить дѣла государственныя приговоромъ Вѣча. Такъ (въ 1388 году) три Конца Софійской Стороны возстали на Посадника Іосифа, и злобствуя на Торговую, гдѣ сей чиновникъ

г. 1386. нашелъ друзей и защитниковъ, болѣе двухъ недѣль не имѣли съ нею никакого сообщенія ([108]). Исполняя, кажется, волю Димитріеву, Новогородцы отняли Русу и Ладогу у Патрикія Наримантовича; а чрезъ два года отдали ихъ другому Князю Литовскому, Лугвенію Симеону Ольгердовичу, желая на случай войны съ Шведами или Нѣмцами имѣть въ немъ полководца и жить съ его братьями въ союзѣ.

Крещеніе Литвы. Въ сіе время Литва была уже въ числѣ Державъ Христіанскихъ. Ягайло (въ 1386 году) съ согласія Вельможъ Польскихъ женился на Ядвигѣ, дочери и единственной наслѣдницѣ ихъ умершаго Короля Людовика, принялъ Вѣру Латинскую въ Краковѣ вмѣстѣ съ достоинствомъ Государя Польскаго и крестилъ свой народъ волею и неволею ([109]). Чтобы сократить обрядъ, Литовцевъ ставили въ ряды цѣлыми полками: Священники кропили ихъ святою водою и давали имена Христіанскія: въ одномъ полку называли всѣхъ людей Петрами, въ другомъ Павлами, въ третьемъ Іоаннами, и такъ далѣе; а Ягайло ѣздилъ изъ мѣста въ мѣсто толковать на своемъ отечественномъ языкѣ Символъ Вѣры. Древній огнь Перкуновъ угасъ навѣки въ городѣ Вильнѣ; святыя рощи были срублены или обращены въ пепелъ, и новые Христіане славили милость Государя, дарившаго имъ бѣлые, суконные кафтаны: «ибо сей народъ (говоритъ Стриковскій) одѣвался до того времени одними кожами звѣрей и полотномъ.» Происшествіе, столь благословенное для Рима, имѣло весьма огорчительныя слѣдствія для Россіянъ: Ягайло, дотолѣ покровитель Греческой Вѣры, сдѣлался ея гонителемъ; стѣснялъ ихъ права гражданскія, запретилъ брачные союзы между ими и Католиками, и даже мучительски казнилъ двухъ Вельможъ своихъ, не хотѣвшихъ измѣнить Православію въ угодность Королю ([110]). Къ счастію, многіе Князья Литовскіе — Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій, братья его Скиригайло и Димитрій, Ѳеодоръ Волынскій, сынъ умершаго Любарта, и другіе — остались еще Христіанами нашей Церкви и заступниками единовѣрныхъ.

Впрочемъ, не смотря на разномысліе въ духовномъ законѣ, Ягайловы родственники служили Королю усердно, кромѣ одного Андрея Ольгердовича Полоцкаго, друга Димитріева и Москвитянъ. Между тѣмъ, какъ сей Князь дѣлилъ съ Димитріемъ опасности и славу г. 1386. на полѣ Куликовѣ, Скиригайло господствовалъ въ Полоцкой области; но скоро изгнанный жителями (которые, посадивъ его на кобылу ([111]), съ безчестіемъ и насмѣшками вывезли изъ города) онъ прибѣгнулъ къ Магистру Ливонскому, Конраду Роденштейну, и вмѣстѣ съ нимъ 3 мѣсяца держалъ (въ 1382 году) Полоцкъ въ осадѣ. Напрасно жители молили Новогородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиригайла: Новогородцы отправили только мирное посольство къ Ягайлу, а Конрадъ Роденштеинъ отвѣтствовалъ: «для кого осѣдлалъ я коня своего и вынулъ мечь изъ ноженъ, тому не измѣню вовѣки.» Мужество осажденныхъ заставило непріятеля отступить, и любимый ими Андрей съ радостію къ нимъ возвратился; но Скиригайло въ 1386 году, предводительствуя войскомъ Литовскимъ, взялъ сей городъ, казнилъ въ немъ многихъ людей знатныхъ, и плѣнивъ самого Андрея, отослалъ его въ Польшу, гдѣ онъ три года сидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи.

Сей несчастный сынъ Ольгердовъ имѣлъ вѣрнаго союзника въ Святославѣ Іоанновичѣ, Смоленскомъ Князѣ: желая отмстить за него, Святославъ вступилъ въ нынѣшнюю Могилевскую Губернію, и началъ свирѣпствовать какъ Батый въ землѣ населенной Россіянами, не только убивая людей, но и вымышляя адскія для нихъ муки: жегъ, давилъ, сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселяся отчаяніемъ сихъ жертвъ невинныхъ ([112]). Сколь вообще ни ужасны были тогда законы войны, но Лѣтописцы говорятъ о сихъ злодѣйствахъ Святослава съ живѣйшимъ омерзѣніемъ: онъ получилъ возмездіе. Войско его, осаждая Мстиславль, бывшій городъ Смоленскій, отнятый Литвою, увидѣло въ полѣ знамена непріятельскія: Скиригайло Ольгердовичь и юный Герой Витовтъ, сынъ Кестутіевъ, примирившійся съ Ягайломъ, шли спасти осажденныхъ. Святославъ мужественно сразился на берегахъ Вехри, и жители Мстиславскіе смотрѣли съ городскихъ стѣнъ на битву, упорную и кровопролитную. Она рѣшилась въ пользу Литовцевъ: Святославъ палъ, уязвленный копіемъ на вылетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испустилъ духъ. Племянникъ его, Князь Іоаннъ Васильевичь, также положилъ свою голову; а сы-

Марта 22. Жестокость Князя Смоленскаго.

Апрѣля 29.

г.1386. новья, Глѣбъ и Юрій, были взяты въ плѣнъ со многими Боярами. Побѣдители гнались за Россіянами до Смоленска: взяли окупъ съ жителей сего города, выдали имъ тѣла убитыхъ Князей, и посадивъ Юрія, какъ данника Литвы, на престолѣ отца его, вышли изъ владѣнія Смоленскаго. Глѣбъ Святославичь остался въ ихъ рукахъ аманатомъ.

Сіи происшествія долженствовали быть крайне оскорбительны для Великаго Князя: ибо Святославъ, отставъ отъ союза съ Литвою, усердно искалъ Димитріевой дружбы, и вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ служилъ щитомъ для Московскихъ границъ на Западѣ. Но Димитрій, опасаясь Литвы, еще болѣе опасался Моголовъ, и готовясь тогда къ новому разрыву съ Ордою, имѣлъ нужду въ г.1387. Бѣгство сына Димитріева изъ Орды. пріязни Ягайловой. Сынъ Великаго Князя Василій, три года живъ невольникомъ при Дворѣ Ханскомъ, тайно ушелъ въ Молдавію, къ тамошнему Воеводѣ Петру (113), нашему единовѣрцу, и могъ возвратиться въ Россію только чрезъ владѣнія Польскія и Литву. Димитрій отправилъ на встрѣчу къ нему Бояръ, поручивъ имъ, для личной безопасности Василіевой, склонить Ягайла къ друже- г.1388. Генваря 19. любію. Они успѣли въ дѣлѣ своемъ: Василій Димитріевичь прибылъ благополучно въ Москву, провождаемый многими Панами Польскими.

Вѣроятно, что бѣгство его изъ Орды было слѣдствіемъ намѣренія Димитріева свергнуть иго Тохтамышево: другіе случаи также доказываютъ сіе намѣреніе. Смерть Князя Нижегородскаго. Тесть Донскаго, Димитрій Константиновичь, преставился Схимникомъ въ 1383 году, памятный сооруженіемъ каменныхъ стѣнъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ и любовію къ отечественной Исторіи (ибо мы ему обязаны древнѣйшимъ харатейнымъ спискомъ Нестора). Сыновья его и дядя ихъ, Борисъ Городецкій, находились тогда въ Ордѣ, споря о наслѣдствѣ (114): Ханъ отдалъ Нижегородскую область дядѣ, а племянникамъ, Симеону и Василію, Суздаль, удержавъ послѣдняго аманатомъ въ Сараѣ. Скучавъ долго неволею и праздностію — тщетно хотѣвъ, подобно сыну Донскаго, бѣжать въ Россію — Василій умилостивилъ наконецъ Тохтамыша и пріѣхалъ съ его жалованною грамотою княжить въ Городцѣ. Но сія милость Ханская казалась ему неудовлетворительною: съ помощію Великаго Князя онъ и братъ его, Симеонъ Суздальскій, (въ 1388 году) отняли Нижній у дяди, и презрѣвъ грамоты г.1388. Ханскія, обязались во всякомъ случаѣ вѣрно служить Димитрію: Борисъ же остался Княземъ Городецкимъ, въ зависимости отъ Московскаго, который, дѣйствуя такимъ образомъ противъ воли Тохтамыша, явно показывалъ худое къ нему уваженіе.

Въ то время, какъ Россіяне Великаго Вражда между Великимъ Княземъ и Владиміромъ. Княженія съ надеждою или страхомъ могли готовиться ко второй Донской битвѣ, они были изумлены враждою своихъ двухъ главныхъ защитниковъ, Димитрій и Князь Владиміръ Андреевичь, братья и друзья, казались дотолѣ однимъ человѣкомъ, имѣя равную любовь къ отечеству и ко славѣ, испытанную общими опасностями, успѣхами и противностями рока. Вдругъ Димитрій, огорченный, какъ надобно думать, старѣйшими Боярами Владиміра и его къ нимъ пристрастіемъ, велѣлъ ихъ взять подъ г.1389. стражу, заточить, развезти по разнымъ городамъ. Сей поступокъ, доказывая власть Великокняжескую, могъ быть согласенъ съ законами справедливости, но крайне огорчилъ народъ, тѣмъ болѣе, что Татары начинали уже дѣйствовать противъ Россіи, взявъ нечаянно Переславль-Рязанскій: единодушіе первыхъ ея Героевъ было всего нужнѣе для безопасности Государства (115). Явивъ примѣръ строгости, Димитрій спѣшилъ удовлетворить желанію народа и собственнаго сердца: чрезъ мѣсяцъ, въ день Благовѣщенія, обнялъ брата какъ друга и новою договорною грамотою утвердилъ искренній съ нимъ союзъ. Въ ней сказа- Ихъ примиреніе. но, что Владиміръ признаетъ Димитрія отцемъ, сына его Василія братомъ *старшимъ*, Георгія Димитріевича *равнымъ*, а меньшихъ сыновей Великаго Князя *младшими* братьями; что они будутъ жить въ любви неразрывной, подобно какъ ихъ отцы жили съ Симеономъ Гордымъ, и должны взаимно объявлять другъ другу навѣты злыхъ людей, желающихъ поселить въ нихъ вражду; что ни Димитрію, ни Владиміру безъ общаго согласія не заключать договоровъ съ иными Владѣтелями; что первому не мѣшаться въ дѣла братнихъ городовъ, второму въ дѣла Великаго Княженія, но судить тяжбы Москвитянъ обоимъ вмѣстѣ чрезъ Намѣстниковъ, а въ случаѣ ихъ несогласія прибѣгать къ суду Митрополита или Третейскому, коего рѣшеніе остается закономъ и для Князей; что Великому Князю, ни Боярамъ его,

г.1389. не покупать селъ въ Удѣлѣ Владиміровомъ, ни Владиміру въ областяхъ, ему не принадлежащихъ; что если Димитрій, удовлетворяя нуждамъ государственнымъ, обложитъ данію своихъ Бояръ помѣстныхъ, то и Владиміровы обязаны внести такую же въ казну Великокняжескую; что гости, *суконники* и *городскіе люди* свободны отъ службы, и проч. Далѣе сказано, что Владиміръ, *если Богу* не угодно будетъ *избавить Россію отъ Моголовъ,* участвуетъ во всѣхъ ея тягостяхъ и даетъ Ханамъ *триста-двадцать* рублей въ число *пяти тысячь* Димитріевыхъ, по сей же соразмѣрности платя и долги государственные.

Новый порядокъ наслѣдства. Сія грамота наиболѣе достопамятна тѣмъ, что она утверждаетъ новый порядокъ наслѣдства въ Великокняжескомъ достоинствѣ, отмѣняя древній, по коему племянники долженствовали уступать оное дядѣ. Владиміръ именно признаетъ Василія и братьевъ его, въ случаѣ Димитріевой смерти, законными наслѣдниками Великаго Княженія.

Кончина Великаго Князя. Примиреніе державныхъ братьевъ казалось истиннымъ торжествомъ государственнымъ. Народъ веселился, не предвидя несчастія, коему надлежало случиться толь скоро и толь внезапно. Димитрію едва исполнилось сорокъ лѣтъ: необыкновенная его взрачность, дородство, густые черные волосы и борода, глаза свѣтлые, огненные, изображая внутреннюю крѣпость сложенія, ручались за долголѣтіе (116). Вдругъ, къ общему ужасу, разнеслася вѣсть о тяжкой болѣзни Великаго Князя: къ успокоенію народа сказали, что опасность ея миновалась; но Димитрій, не обольщая себя надеждою, призвалъ Игуменовъ Сергія и Севастіана, вмѣстѣ съ девятью главными Боярами, и велѣлъ писать духовное завѣщаніе. Объявивъ Василія Димитріевича наслѣдникомъ Великокняжескаго достоинства, онъ каждому изъ пяти сыновей далъ особенные Удѣлы: Василію Коломну съ волостями, Юрію Звенигородъ и Рузу, Андрею Можайскъ, Верею и Калугу, Петру Дмитровъ, Іоанну нѣсколько селъ, а Великой Княгинѣ Евдокіи разныя помѣстья и знатную часть Московскихъ доходовъ. Сверхъ областей наслѣдственныхъ, Димитрій отказалъ второму сыну Галичь, третьему Бѣлозерскъ, четвертому Угличь, купленные Калитою у тамошнихъ Князей Удѣльныхъ: сіи города дотолѣ не были еще совершенно присоединены къ Московскому Княженію. г.1389.

Нѣсколько дней Бояре и граждане утѣшались мнимымъ выздоровленіемъ любимаго ихъ Государя. Въ сіе время супруга его родила шестаго сына, именемъ Константина, окрещеннаго старшимъ братомъ, Василіемъ Димитріевичемъ, и Маріею, вдовою послѣдняго Тысячскаго (117). Но скоро болѣзнь вновь усилилась, и Великій Князь, чувствуя свой конецъ, желалъ видѣть супругу, еще слабую отъ слѣдствія родовъ; изъявляя удивительную твердость, долго говорилъ съ нею и съ дѣтьми; приказывалъ имъ быть во всемъ ей послушными и дѣйствовать единодушно, любить отечество и вѣрныхъ слугъ его. Бояре въ безмолвной горести стояли вдали: онъ велѣлъ имъ приближиться и сказалъ: «Вамъ, свидѣтелямъ моего рожденія и младенчества, извѣстна внутренность души моей. Съ вами я царствовалъ и побѣждалъ враговъ для счастія Россіи; съ вами веселился въ благоденствіи и скорбѣлъ въ злополучіяхъ; любилъ васъ искренно и награждалъ по достоинству; не касался ни чести, ни собственности вашей, боясь досадить вамъ однимъ грубымъ словомъ; вы были не Боярами, но Князьями земли Русской. Теперь вспомните, что мнѣ всегда говорили: *умремъ за тебя и дѣтей твоихъ.* Служите вѣрно моей супругѣ и юнымъ сыновьямъ: дѣлите съ ними радость и бѣдствія.» Представивъ имъ семнадцати-лѣтняго Василія Димитріевича какъ будущаго ихъ Государя, онъ благословилъ его; избралъ ему девять совѣтниковъ изъ Вельможъ опытныхъ (118); обнялъ Евдокію, каждаго изъ сыновей и Бояръ; сказалъ: *Богъ мира да будетъ съ вами!* сложилъ руки на груди и скончался. На другой день погребли Димитрія въ церкви Архангела Михаила. Трапезундскій Митрополитъ Ѳеогностъ, пріѣхавшій на то время гостемъ въ Москву, совершилъ сей печальный обрядъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми Епископами и Святымъ Игуменомъ Сергіемъ. Маія 19.

Свойства Димитріевы. Не льзя, по сказанію Лѣтописцевъ, изобразить глубокой душевной скорби Россіянъ въ семъ случаѣ: долго стенаніе и вопль не умолкали при Дворѣ и на стогнахъ: ибо никто изъ потомковъ Ярослава Великаго, кромѣ Мономаха и Александра Невскаго, не былъ столь любимъ народомъ и Боярами, какъ Димитрій, за его великодушіе, любовь ко

г. 1389. славѣ отечества, справедливость, добросердечіе. Воспитанный среди опасностей и шума воинскаго, онъ не имѣлъ знаній почерпаемыхъ въ книгахъ, но зналъ Россію и науку правленія (119); силою одного разума и характера заслужилъ отъ современниковъ имя *орла высокопарнаго* въ дѣлахъ государственныхъ; словами и примѣромъ вливалъ мужество въ сердца воиновъ, и будучи младенецъ незлобіемъ, умѣлъ съ твердостію казнить злодѣевъ. Современники особенно удивлялись его смиренію въ счастіи. Какая побѣда въ древнія и новыя времена была славнѣе Донской, гдѣ каждый Россіянинъ сражался за отечество и ближнихъ? но Димитрій, осыпаемый хвалами признательнаго народа, опускалъ глаза внизъ и возносился сердцемъ единственно къ Богу всетворящему.—Цѣломудренный въ удовольствіяхъ законной любви супружеской, онъ до конца жизни хранилъ дѣвическую стыдливость, и ревностный во благочестіи подобно Мономаху, ежедневно ходилъ въ церковь, всякую недѣлю въ Великій постъ пріобщался Святыхъ Таинъ и носилъ власяницу на голомъ тѣлѣ; однакожь не хотѣлъ слѣдовать обыкновенію предковъ, умиравшихъ всегда Иноками: ибо думалъ, что нѣсколько дней или часовъ Монашества передъ кончиною не спасутъ души, и что Государю пристойнѣе умереть на тронѣ, нежели въ кельѣ.

Такимъ образомъ Лѣтописцы изображаютъ намъ добрыя свойства сего Князя; и славя его какъ *перваго побѣдителя Татаръ,* не ставятъ ему въ вину, что онъ далъ Тохтамышу разорить Великое Княженіе, не успѣвъ собрать войска сильнаго, и тѣмъ продлилъ рабство отечества до временъ своего правнука.

Димитрій сдѣлалъ, кажется, и другую ошибку: имѣвъ случай присоединить Рязань и Тверь къ Москвѣ, не воспользовался онымъ: желая ли изъявить великодушное безкорыстіе? но добродѣтели Государя, противныя силѣ, безопасности, спокойствію Государства, не суть добродѣтели. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ изгнаніемъ Михаила Тверскаго, шурина Ольгердова, раздражить Литвы, и думалъ, что Олегъ, хитрый, дѣятельный, любимый подданными, лучше Московскихъ Намѣстниковъ сохранитъ безопасность юго-восточныхъ предѣловъ Россіи, если искренно съ нимъ примирится для блага отечества. — Димитрій прибавилъ къ Московскимъ владѣніямъ г. 1389. одну купленную имъ Мещеру, и подчинивъ себѣ Князей Ярославскихъ, не хотѣлъ отнять у нихъ наслѣдственнаго Удѣла, довольный правомъ предписывать имъ законы (120).

Въ княженіе Донскаго были основаны города Курмышъ и Серпуховъ: первый (въ 1372 году) Борисомъ Константиновичемъ Городецкимъ, а вторый (въ 1374) Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, который, чтобы приманить туда людей, далъ жителямъ многія выгоды и льготу, оградилъ его дубовыми стѣнами и сдѣлалъ въ немъ Намѣстникомъ своего Окольничаго, Якова Юрьевича Новосильца. Новогородцы, въ 1384 году начавъ строить каменную крѣпость Яму на берегу Луги (нынѣ Ямбургъ), совершили оную въ 33 дни; а въ 1387 обвели Порховъ также кирпичными стѣнами, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ (121). — Знаменитые монастыри Чудовъ, Андроньевъ, Симоновскій въ Москвѣ, Высоцкій близъ Серпухова, и другіе остались также памятниками временъ Донскаго. Первые два основаны Митрополитомъ Алексіемъ (который, обогативъ Чудовскую Обитель драгоцѣнными, золотыми сосудами, селами, рыбными ловлями, завѣщалъ погребсти себя въ оной), послѣдніе Святымъ Сергіемъ Радонежскимъ. Игуменъ Симонова монастыря, Ѳеодоръ, племянникъ Сергіевъ и Духовникъ Великаго Князя, отличаясь умомъ и знаніями, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Константинополь: поставленный тамъ въ Архимандриты, онъ исходатайствовалъ у Патріарха Нила, чтобы его Обитель называлась Патріаршею и ни въ чемъ не зависѣла отъ Митрополита Россійскаго (122). Исполняя волю Князя Владиміра Андреевича, своего друга, Св. Сергій избралъ прекрасное мѣсто въ двухъ верстахъ отъ новаго города Серпухова, и собственными руками заложивъ монастырь Высоцкій, оставилъ въ немъ игуменствовать любимаго ученика, именемъ Аѳанасія, который послѣ выѣхалъ навсегда изъ отечества, недовольный изгнаніемъ Митрополита Кипріана, и преставился въ Царѣградѣ.

Строеніе городовъ и монастырей.

Церковныя дѣла, важныя по тогдашнему времени, заботили Великаго Князя не менѣе государственныхъ. Онъ простилъ Митрополита Пимена единственно въ досаду Кипріану, но не могъ имѣть къ нему ни любви, ни уваженія, и желалъ дать Церкви инаго, достойнѣйшаго

Дѣла церковныя.

г. 1380. Пастыря. Мы говорили о Епископѣ Діонисіи, врагѣ Митяя: обманомъ уѣхавъ въ Константинополь, онъ нашелъ милость въ Патріархѣ и возвратился оттуда съ саномъ *Архіепископа* Суздальскаго, Нижегородскаго и Городецкаго (123). Будучи хитръ, ласковъ, благотворителенъ, Діонисій умѣлъ оправдать себя въ глазахъ Димитрія и заслужилъ его доброе мнѣніе достохвальнымъ подвигомъ Христіанскаго учителя. Еще во время Алексія Митрополита открылась

Ересь Стригольниковъ.

въ Новѣгородѣ ересь *Стригольниковъ*, названныхъ такъ отъ имени Карпа Стригольника, человѣка простаго, но ревностнаго суевѣра, утверждавшаго, что Іереи Россійскіе, будучи поставляемы за деньги, суть хищники сего важнаго сана, и что истинные Христіане должны отъ нихъ удаляться. Многіе люди, думая согласно съ нимъ, перестали ходить въ церковь, и народъ, озлобленный ихъ нескромными, дерзкими рѣчами, утопилъ въ Волховѣ трехъ главныхъ виновниковъ раскола, Карпа и Діакона Никиту съ товарищемъ (124). Сія излишняя строгость, какъ обыкновенно бываетъ, не уменшила, но втайнѣ умножила число еретиковъ: Архіепископъ Новогородскій Алексій писалъ о томъ къ Патріарху Нилу, который уполномочилъ Діонисія искоренить зло средствами благоразумнаго убѣжденія. Діонисій отправился въ Новгородъ, во Псковъ, гдѣ Стригольники имѣли также своихъ учениковъ; доказывалъ имъ, что плата, опредѣленная закономъ, не есть лихоимство, и наконецъ примирилъ ихъ съ Церковію, къ удовольствію всѣхъ правовѣрныхъ. Отдавая справедливость сей заслугѣ, Великій Князь желалъ видѣть Діонисія на мѣстѣ Пимена, и велѣлъ ему ѣхать въ Константинополь для поставленія, будучи увѣренъ въ согласіи Патріарха. Воля Димитріева дѣйствительно исполнилась; но Владиміръ Ольгердовичь Кіевскій остановилъ новаго Митрополита на возвратномъ пути изъ Греціи въ Москву, объявивъ, что Кипріанъ есть Глава всей Россійской Церкви — и честолюбивый Діонисій умеръ въ Кіевѣ подъ стражею. Такимъ образомъ Великій Князь два раза не имѣлъ успѣха въ избраніи Митрополитовъ, и какъ бы обезоруженный неблагопріятностію судьбы, хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобы древняя столица Св. Владиміра и Москва имѣли одного Пастыря духовнаго. Начался судъ между Пименомъ и Кипріаномъ въ Царѣградѣ, куда Великій Князь, въ слѣдъ за первымъ, отправилъ Симоновскаго Архимандрита, Ѳеодора, съ грамотами и дарами. Прошло около трехъ лѣтъ, и дѣло рѣшилось ничѣмъ: Кипріанъ остался Митрополитомъ Кіевскимъ, а Пименъ, возвратясь въ Москву, черезъ годъ уѣхалъ опять въ Грецію, тайно отъ Великаго Князя, расположеннаго къ нему весьма немилостиво: что случилось за мѣсяцъ до кончины Димитріевой. г. 1380.

Крещеніе Перми.

Важнѣйшимъ происшествіемъ для Церковной Исторіи сего времени было обращеніе Пермянъ въ Христіанскую Вѣру. Вся обширная страна отъ рѣки Двины до хребта горъ Уральскихъ издревле платила дань Россіянамъ; но довольные серебромъ и мѣхами, тамъ собираемыми, они не принуждали жителей къ перемѣнѣ Закона. Юный Монахъ, сынъ одного Устюжскаго церковника, именемъ Стефанъ, воспламенился ревностію быть Апостоломъ сихъ идолопоклонниковъ; выучился языку Пермскому, изобрѣлъ для него новыя особенныя буквы, числомъ 24, и перевелъ на оный главныя церковныя книги съ Славянскаго (125); хотѣлъ также узнать языкъ Греческій и долго жилъ въ Ростовскомъ монастырѣ Св. Григорія Богослова, чтобы пользоваться тамошнею славною библіотекою. Изготовивъ себя ко званію народнаго учителя, онъ взялъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа, Герасима, Намѣстника Митрополіи, и Великокняжескія грамоты для своей безопасности; отправился въ Пермь, и началъ проповѣдывать Бога истиннаго людямъ грубымъ, невѣждамъ, но добродушнымъ. Они слушали его съ изумленіемъ; нѣкоторые крестились охотно; другіе, въ особенности жрецы или кудесники Пермскіе, встревоженные сею новостію, говорили: «Какъ вѣрить человѣку, изъ Москвы пришедшему? Не Россіяне ли издревле угнетаютъ Пермь тяжкими данями? Отъ нихъ ли ждать намъ истины и добра? Служа многимъ богамъ отечественнымъ, извѣданнымъ благодѣяніями долговременными, безумно промѣнять ихъ на одного, чуждаго и неизвѣстнаго. Они посылаютъ намъ соболей, куницъ и рысей, коими Вельможи Русскіе украшаются, торгуютъ и дарятъ Хановъ, Грековъ и Нѣмцевъ. Народъ! твои учители суть опытные старцы; а сей иноплеменникъ юнъ лѣтами, слѣдственно и разумомъ.» Но Стефанъ подъ защитою Княжескихъ грамотъ,

г. 1390. Неба и своей кротости болѣе и болѣе успѣвалъ въ душеспасительномъ дѣлѣ; умноживъ число новыхъ Христіанъ до тысячи, онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Выми и славилъ Творца вселенныя на языкѣ Пермскомъ; а жители, самые упорные въ язычествѣ, съ любопытствомъ смотрѣли на обряды Христіанскаго богослуженія, дивяся красотѣ храма. Наконецъ, желая доказать имъ безсиліе идоловъ, Стефанъ обратилъ въ пепелъ одну изъ ихъ знаменитѣйшихъ кумирницъ. Народъ видѣлъ и безмолвствовалъ въ ужасѣ, кудесники вопили, святый мужъ проповѣдывалъ. Тщетно главный волхвъ, именемъ Пама, хотѣлъ защитить свою Вѣру: кумиры, разрушенные пламенемъ, свидѣтельствовали ихъ ничтожность. Онъ вызвался пройти невредимъ сквозь огонь и воду, требуя, чтобы Стефанъ сдѣлалъ тоже. «Я не повелѣваю стихіями,» отвѣтствовалъ смиренный Инокъ: «но Богъ Христіанскій великъ: иду съ тобою.» Пама думалъ только устрашить его: видя же смѣлость противника, отказался отъ испытанія, и тѣмъ довершилъ торжество истинной Вѣры. Убѣжденные мудрымъ ученіемъ Стефана, жители цѣлыми толпами крестились и вмѣстѣ съ нимъ сокрушали идоловъ, въ домахъ, на улицахъ, дорогахъ и въ рощахъ, бросая въ огонь драгоцѣнныя кожи звѣрей, приносимыя въ даръ симъ деревяннымъ богамъ, и полотняныя тонкія пелены, коими ихъ обвивали. Пишутъ, что главными идолами народа Пермскаго и Обдорскаго были *Воипель* и такъ называемая *Золотая баба*, или каменное изображеніе старухи съ двумя младенцами; что суевѣрные, убивая лучшихъ своихъ оленей въ честь ея, кровію оныхъ мазали ротъ и глаза истукану, отвѣчавшему на вопросы любопытныхъ о тайнахъ судьбы; что близъ того мѣста, въ горахъ, часто раздавался звукъ, подобный трубному, и проч. Создавъ еще двѣ церкви, Стефанъ завелъ при оныхъ училища, чтобы образовать молодыхъ людей для сана Іерейскаго, и поѣхалъ въ Москву требовать учрежденія особенной Епископіи Пермской. Великій Князь лично зналъ и любилъ его. Митрополитъ Пименъ также. Они нашли Стефана достойнымъ Епископскаго сана, и сей новый Святитель, возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, заслужилъ имя отца Пермянъ: училъ, благодѣтельствовалъ; во время голода доставлялъ имъ хлѣбъ изъ Вологды, и ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать за нихъ у Правительства (126). Однимъ словомъ, введеніе Христіанства въ сихъ мѣстахъ, утвержденнаго одною Апостольскою проповѣдію и силою добродѣтели, было счастливою эпохою для обитателей и въ самомъ ихъ гражданскомъ состояніи: народъ благодарный донынѣ съ любовію говоритъ тамъ о дѣлахъ своего перваго наставника, описанныхъ Инокомъ Епифаніемъ, ученикомъ Св. Сергія. Употребивъ всю жизнь на благотвореніе, Стефанъ хотѣлъ закрыть глаза въ Москвѣ, гдѣ и преставился въ княженіе Василія Димитріевича (въ 1396 году) съ названіемъ Святаго; тѣло его погребено въ Кремлѣ, въ церкви Преображенія. г. 1390.

Сношенія съ Греціею. Между достопамятностями Димитріева времени должно замѣтить частыя путешествія Греческихъ духовныхъ сановниковъ, особенно изъ Палестины, въ Москву для собранія милостыни. Знаменитѣйшій изъ нихъ былъ Іерусалимскій Архимандритъ Нифонтъ, который посредствомъ золота, вывезеннаго имъ изъ Россіи, достигъ Патріаршества (127). Утѣсняемые невѣрными, Греки пользовались усердіемъ нашихъ предковъ къ Святымъ Мѣстамъ, и требуя денегъ для возстановленія храмовъ разоренныхъ, употребляли оныя болѣе на мірскія, нежели на церковныя нужды. — Вообще Греція, приближаясь къ своему конечному паденію, и недоброжелательствомъ Рима какъ бы исключенная изъ системы Державъ Христіанскихъ, была въ самой тѣсной связи съ единовѣрною Россіею, которая начинала воскресать въ Москвѣ, и хотя не могла защитить Константинополя, но удѣляла ему часть своего избытка, посылая дары Императору и Патріарху. Житель Цареградскій во глубинѣ нашего Сѣвера, какъ прежде въ Кіевѣ, находилъ для себя второе отечество, гдѣ люди ученые столько любили языкъ его, что Алексій Митрополитъ даже въ Русскихъ грамотахъ подписывалъ имя свое по-Гречески. Въ Константинополѣ обитало всегда множество Россіянъ, привлекаемыхъ купечествомъ или набожностію, и жившихъ тамъ обыкновенно въ монастырѣ Св. Іоанна Предтечи. Чтобы дать Читателю ясное понятіе о тогдашнемъ пути отъ Москвы до Царяграда, приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ записокъ одного Россійскаго духовнаго са-

Путешествіе Пимена.

г.1389. повника, бывшаго въ Греціи вмѣстѣ съ Митрополитомъ Пименомъ (128).

«Мы выѣхали изъ Москвы» — пишетъ онъ — «13 Апрѣля въ 1389 году, во Вторникъ Страстныя недѣли, и Митрополитъ велѣлъ Епископу Смоленскому, Михаилу, вмѣстѣ съ Архимандритомъ Спасскимъ Сергіемъ записывать всѣ достопамятности сего путешествія. Пробывъ Великую Субботу въ Коломнѣ, отправились мы Окою въ день Пасхи къ Рязани, гдѣ, за нѣсколько верстъ отъ Переславля, встрѣтили насъ сыновья Олеговы: наконецъ и самъ Князь со всѣми Боярами и со крестами. Дружелюбно угостивъ Пимена, онъ проводилъ его изъ города въ Ѳомино Воскресеніе; а Воевода Княжескій, Станиславъ, долженствовалъ охранять насъ въ пути до рѣки Дона: ибо въ сихъ мѣстахъ бываютъ частые разбои. За нами везли на колесахъ три струга съ большою лодкою, и въ Четвертокъ спустили ихъ на рѣку Донъ. Въ Пятницу мы пріѣхали къ урочищу Киръ-Михайлову, гдѣ прежде находился городъ. Тутъ откланялись Митрополиту Бояре Олеговы и Епископы, Ермій Рязанскій, Ѳеодоръ Ростовскій, Евфросинъ Суздальскій, Даніилъ *Звенигородскій* (129). Исаакій же Черниговскій и Михаилъ Смоленскій въ Воскресенье сѣли съ Пименомъ на суда и поплыли внизъ рѣкою Дономъ.

«Не льзя вообразить ничего унылѣе сего путешествія. Вездѣ голыя, необозримыя пустыни; нѣтъ ни селенія, ни людей; одни дикіе звѣри, козы, лоси, волки, медвѣди, выдры, бобры, смотрятъ съ берега на странниковъ какъ на рѣдкое явленіе въ сей странѣ: лебеди, орлы, гуси и журавли непрестанно парили надъ нами. Тамъ существовали нѣкогда города знаменитые (130): нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ.

«Въ Понедѣльникъ миновали мы рѣку Мечу и Сосну, во Вторникъ Острую Луку, въ Среду Кривый Боръ (131), а въ шестый день плаванія устье Воронежа. 9 Маія встрѣтилъ насъ Князь Юрій Елецкій» (потомокъ Михаила Черниговскаго) «съ своими Боярами и со множествомъ людей. Исполняя данное ему Олегомъ повелѣніе, онъ изъявилъ Митрополиту искреннее дружелюбіе и снабдилъ его всѣмъ нужнымъ.

«Оттуда приплыли мы къ Тихой Соснѣ, и на ея берегахъ увидѣли рядъ бѣлыхъ каменныхъ столповъ, подобныхъ малымъ стогамъ (132): работа и видъ г.1389. прекрасны!

«Оставивъ за собою рѣки Червленый Яръ, Битюгъ и Хоперъ, въ пятое Воскресеніе послѣ Свѣтлаго миновали мы устье Медвѣдицы и другихъ рѣкъ, а во Вторникъ *Серкліо* (Саркелъ?), городъ древній, а нынѣ только развалины (133). Тутъ въ первый разъ на обѣихъ сторонахъ Дона показались Татары Сарыхозина Улуса и бесчисленное множество ихъ скота, овецъ, козъ, воловъ, вельблюдовъ, коней. Мысль, что мы уже вступили въ землю сихъ варваровъ, приводила насъ въ трепетъ; но они не сдѣлали никому обиды, а только спрашивали вездѣ, куда ѣдемъ, и давали намъ молока. Такимъ образомъ проплывъ еще мимо Улуса Булатова и Акбугина, мы на канунѣ Вознесенія достигли Азова, города Фряжскаго и Нѣмецкаго; а въ Недѣлю Святыхъ Отцевъ перегрузились въ корабль на устьѣ Дона.» Тутъ путешественникъ разсказываетъ, что Генуэзцы, у коихъ Пименъ (въ 1380 году) занималъ деньги въ Греціи на имя Великаго Князя, схватили его какъ неисправнаго должника и хотѣли заключить въ темницу; однакожь Митрополитъ откупился серебромъ и благополучно отправился въ свой путь Азовскимъ и Чернымъ моремъ.

Осыпая въ Москвѣ единовѣрныхъ Грековъ благодѣяніями, Димитрій привлекалъ въ Россію и другихъ Европейцевъ. Между его грамотами находимъ одну, данную Андрею *Фрязину* (вѣроятно Генуэзцу) на область Печерскую, Итальянцы въ нашей службѣ. бывшую прежде за дядею сего Андрея, Матѳеемъ Фрязиномъ (134). Въ грамотѣ сказано, чтобы жители ему повиновались, и что онъ, слѣдуя древнимъ уставамъ, долженъ блюсти тамъ общее спокойствіе. Димитрій, Глава Новогородцевъ, имѣлъ, какъ видно, право давать Намѣстника Печерянамъ, ихъ подданнымъ. Такимъ образомъ Москва и въ XIV вѣкѣ не чуждалась иностранцевъ, которые могли быть нужны для ея гражданскаго образованія, и мнѣніе, что до времёнъ Іоанна III она не имѣла никакого сношенія съ Западомъ Европы, есть ложное. Азовскіе и Таврическіе Генуэзцы служили посредниками между Италіею и нашимъ Сѣверомъ.

Въ государствованіе Донскаго Россіяне Великаго Княженія оставили куны, замѣнивъ оныя мелкою, серебряною монетою, для коей служила обраДеньги вмѣсто кунъ.

г.1389. цемъ Татарская. Моголы въ древнемъ своемъ отечествѣ и въ Китаѣ вмѣсто денегъ употребляли древесную кору и лоскутки кожаные съ клеймомъ Ханскимъ; но въ Бухаріи и въ Капчакѣ имѣли собственную серебряную и мѣдную монету: первая называлась *тангою*, вторая *пулою* (135). Россіяне симъ именемъ назвали и свою, то есть, серебряную *деньгами*, а мѣдную *пулами*. Послѣднія уже ходили и при отцѣ Донскаго; а древнѣйшія изъ серебряныхъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, биты въ княженіе Димитрія, вѣсомъ $^{1}/_{4}$ золотника, съ изображеніемъ всадника. Въ мирномъ условіи Тверскаго Князя съ Димитріемъ, заключенномъ въ 1375 году, еще упоминается о *рѣзаняхъ* или мелкихъ кунахъ; но въ позднѣйшихъ договорахъ цѣны вещей опредѣляются только *алтынами* и *деньгами* (коихъ считалось 6 въ алтынѣ).

Огнестрѣльное искусство въ Россіи. Послѣдній годъ Димитріева княженія особенно достопамятенъ началомъ огнестрѣльнаго искусства въ Россіи. Пишутъ, что Монахъ Францисканскій, Константинъ Анклиценъ или Бартольдъ Шварцъ, изобрѣлъ порохъ около половины XIV вѣка, и сообщилъ сіе важное открытіе Венеціянамъ, воевавшимъ тогда съ Генуэзцами. Французы въ 1338 году уже знали оное, и Король Англійскій, Эдуардъ III, въ славной битвѣ при Креси (въ 1346), разилъ непріятелей пушками. Вѣроятно, что Аравитяне еще гораздо ранѣе употребляли порохъ. Восточные Историки XIII столѣтія описываютъ его дѣйствіе, и Гренадскій Владѣтель, Абалвалидъ Исмаилъ Бенъ Ассеръ, въ 1312 году имѣлъ снарядъ огнестрѣльный. Нѣтъ сомнѣнія, что и Монахъ Рогеръ Баконъ за 100 лѣтъ до Бартольда Шварца умѣлъ составлять порохъ: ибо ясно говоритъ, въ своемъ твореніи de nullitate Magiæ о свойствѣ и силѣ онаго. Сказаніе нашего собственнаго Лѣтописца, что въ 1185 году Князь Половецкій, Кончакъ, возилъ съ собою Хараэскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, также заставляетъ думать, что оружіе сего человѣка могло быть огнестрѣльное. Но въ Россіи оно не употреблялось до 1389 года, когда, по извѣстію одной лѣтописи, вывезли къ намъ изъ земли Нѣмецкой *арматы* и *стрѣльбу огненную*, съ того времени свѣданную Россіянами. Хотя еще въ описаніи Московской осады 1382 года упоминается о *пушкахъ*; но такъ назывались у насъ прежде не нынѣшнія воинскія орудія сего имени, а большіе самострѣлы или махины, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ. — При сынѣ Донскаго, Василіи, уже дѣлали въ Москвѣ и порохъ (136).

Кометы. Наконецъ, описавъ исторію временъ Димитрія, прибавимъ, что Лѣтописцы наши, согласно съ другими, говорятъ о явленія Кометъ зимою въ 1368 и весною въ 1382 годахъ (137): вторая, по ихъ мнѣнію, предвѣстила грозное Тохтамышево нашествіе. Достойно замѣчанія, что въ слѣдующій годъ около Москвы снѣгъ лежалъ цѣлый мѣсяцъ послѣ Святой Пасхи и люди ѣздили на саняхъ до 20 Апрѣля. Разныя небесныя знаменія, чудесныя для невѣжества, также засухи и великіе пожары были весьма обыкновенны въ государствованіе Димитрія. Зима до 20 Апрѣля.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ДИМИТРІЕВИЧЬ.

Г. 1389 — 1425.

Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Характеръ Аристократіи. Договоръ. Политика Василіева. Бракъ. Великій Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки. Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ. Дѣла съ Новымгородомъ. Нашествіе Тамерлана. Славная икона Владимірская. Бѣдствіе Азова. Дѣла Литовскія. Взятіе Смоленска. Свиданіе Великаго Князя съ Витовтомъ. Россія Литовская. Дѣла Новогородскія. Происшествія въ Ордѣ. Замыслы Витовта. Наши завоеванія въ Болгаріи. Война Витовта съ Моголами. Эдигей. Кончина Князя Тверскаго. Временная независимость Великаго Княженія. Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго. Политика Витовта. Неудовольствія Новогородцевъ. Злодѣйство Князя Смоленскаго. Разрывъ съ Литвою. Свидригайло. Войны съ Ливоніею. Нашествіе Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владиміра Храбраго. Происшествія въ Ордѣ. Дѣла Новогородскія. Язва. Голодъ. Мысль о преставленіи свѣта. Кончина и характеръ Василія. Завѣщаніе. Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ. Дѣла церковныя. Судная грамота. Разныя извѣстія. Добродѣтель супруги Донскаго.

Г. 1389. Димитрій оставилъ Россію готовую снова противоборствовать насилію Хановъ: юный сынъ его, Василій, отложилъ до времени мысль о независимости, и былъ возведенъ на престолъ въ Владимірѣ Посломъ Царскимъ, Шахматомъ. Такимъ образомъ достоинство Великокняжеское сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ. Уже никто не спорилъ съ нимъ о сей чести. Хотя Борисъ Городецкій, старѣйшій изъ потомковъ Ярослава II, немедленно по кончинѣ Донскаго отправился въ Сарай; но цѣлію его исканій былъ единственно Нижній Новгородъ, отнятый у него племянниками. Тохтамышъ, неблагодарно предпріявъ воевать сильную Имперію Тамерланову, велѣлъ ему ѣхать за собою къ границамъ Персіи; наконецъ дозволилъ остаться въ Сараѣ, и разоривъ многіе города бывшаго своего заступника, по возвращеніи въ Улусы отпустилъ Бориса въ Россію съ новою жалованною грамотою на область Нижегородскую ([138]).

Августа 15. Великое Княженіе сдѣлалось наслѣдіемъ Владѣтелей Московскихъ.

Великій Князь, едва вступивъ въ лѣта юношества, могъ править Государствомъ только съ помощію Совѣта: окруженный усердными Боярами и сподвижниками Донскаго, онъ заимствовалъ отъ нихъ сію осторожность въ дѣлахъ государственныхъ, которая ознаменовала его тридцати-шестилѣтнее княженіе, и которая бываетъ свойствомъ Аристократіи, движимой болѣе заботливымы предвидѣніями ума, нежели смѣлыми внушеніями великодушія, равно удаленной отъ слабости и пылкихъ страстей. Опасаясь правъ дяди Василіева, Князя Владиміра Андреевича, основанныхъ на старѣйшинствѣ и на славѣ воинскихъ подвиговъ, господствующіе Бояре стѣснили, кажется, его власть и не хотѣли дать ему надлежащаго участія въ правленіи: Владиміръ, ни въ чемъ не нарушивъ договора, заключеннаго съ Донскимъ — бывъ всегда ревностнымъ стражемъ отечества, и довольный жребіемъ Князя второстепеннаго — оскорбился неблагодарностію племянника, и со всѣми ближними уѣхалъ въ Серпуховъ, свой удѣльный городъ, а изъ Серпухова въ Торжекъ. Сія несчастная ссора, какъ и бывшая съ отцемъ Василія, скоро прекратилась возобновленіемъ дружественной грамоты 1388 года. Владиміръ, сверхъ его прежняго Удѣла и трети Московскихъ доходовъ, получилъ Волокъ и Ржевъ: за то обѣщалъ повиноваться юному Василію какъ старѣйшему, ходить на войну съ нимъ или съ полками Великокняжескими, *сидѣть въ осадѣ*, гдѣ онъ велитъ, и проч.; а съ Волока платить Ханамъ 170 рублей въ число пяти тысячь Василіевыхъ ([139]). Г. 1390.

Характеръ Аристократіи.

Договоръ.

Обстоятельство, что Владиміръ Андреевичь во время раздора съ племянникомъ жилъ въ области Новогородской, достойно замѣчанія. Владѣтели Московскіе, присвоивъ себѣ исключительное право на санъ Великокняжескій, считали

г.1390. ли и Новгородъ наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ, вопреки его древней, основанной на грамотахъ Ярославовыхъ свободѣ избирать Князей. Отъ того сыновья Калитины, Симеонъ, Іоаннъ, при восшествіи на престолъ были въ раздорѣ съ симъ гордымъ народомъ: Василій также; и Новогородцы охотно дали убѣжище недовольному Владиміру, чтобы имѣть въ немъ опору на всякой случай; но видя искреннее примиреніе дяди съ племянникомъ, желали и сами участвовать въ ономъ. Дѣло шло единственно о чести или обрядѣ. « Мы рады повиноваться Князю Московскому, » говорили они: «только прежде напишемъ условія какъ люди вольные.» Сіи условія по обыкновенію состояли въ опредѣленіи извѣстныхъ правъ Княжескихъ и народныхъ. Василій не захотѣлъ спорить, и въ присутствіи Бояръ Новогородскихъ, въ Москвѣ, утвердивъ печатію договорную грамоту, отправилъ къ нимъ въ Намѣстники Вельможу Московскаго, Евстафія Сыту ([140]). — Замѣтимъ, что со временъ Калиты Новогородцы уже не имѣли собственныхъ, особенныхъ Князей, повинуясь Великимъ или Московскимъ, которые управляли ими чрезъ Намѣстниковъ: ибо Наримантъ, Патрикій, Лугвеній и другіе Князья, Литовскіе и Россійскіе, съ того времени находились у нихъ единственно въ качествѣ Воеводъ, или частныхъ властителей.

Политика Василіева. Три предмета долженствовали быть главными для Политики Государя Московскаго: надлежало прервать или облегчить цѣпи, возложенныя Ханомъ на Россію — удержать стремленіе Литвы на ея владѣнія, усилить Великое Княженіе присоединеніемъ къ оному Удѣловъ независимыхъ. Въ сихъ трехъ отношеніяхъ Василій Димитріевичь дѣйствовалъ съ неусыпнымъ попеченіемъ, но держась правилъ умѣренности, боясь излишней торопливости и добровольно оставляя своимъ преемникамъ дальнѣйшіе успѣхи въ славномъ дѣлѣ государственнаго могущества.

Бракъ. На семнадцатомъ году жизни онъ сочетался бракомъ съ юною Софіею, дочерью Витовта, сына Кестутіева ([141]). Изгнанный Ягайломъ изъ отечества, сей витязь жилъ въ Пруссіи у Нѣмцевъ. Въ одной изъ лѣтописей сказано, что Василій, въ 1386 году бѣжавъ изъ Орды въ Молдавію, на пути въ Россію былъ задержанъ Витовтомъ въ какомъ-то Нѣмецкомъ городѣ, и наконецъ, освобожденный съ условіемъ жениться на его дочери, чрезъ пять лѣтъ исполнилъ сіе обѣщаніе, согласно съ честію и пользою государственною. Уже Витовтъ славился разумомъ и мужествомъ; имѣлъ также многихъ друзей въ Литвѣ, и по всѣмъ вѣроятностямъ не могъ долго быть изгнанникомъ. Василій надѣялся пріобрѣсти въ немъ или сильнаго сподвижника противъ Ягайла или посредника для мира съ Литвою. Бояре Московскіе, Александръ Поле, Белевутъ Селиванъ, ѣздили за невѣстою въ Пруссію и возвратились чрезъ Новгородъ. Князь Литовскій, Иванъ Олгимонтовичь, проводилъ ее до Москвы, гдѣ совершилось брачное торжество къ общему удовольствію народа. г.1391. Января 9.

Скоро Великій Князь отправился къ Хану. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Царевичь Беткутъ, посланный Тохтамышемъ отъ береговъ Волги и Казанки сквозь дремучіе лѣса къ Сѣверу, разорилъ Вятку, гдѣ со временъ Андрея Боголюбскаго обитали Новогородскіе выходцы въ свободѣ и независимости, торгуя или сражаясь съ Чудскими сосѣдственными народами ([142]). Слухъ о благосостояніи сей маленькой Республики вселилъ въ Моголовъ желаніе искать тамъ добычи и жертвъ корыстолюбія. Изумленные внезапнымъ ихъ нашествіемъ, жители не могли отстоять городовъ, основанныхъ среди пустынь и болотъ въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ: одни погибли отъ меча, другіе навѣки лишились вольности, уведенные въ плѣнъ Беткутомъ; многіе спаслися въ густотѣ лѣсовъ, и предпріяли отмстить Татарамъ. Новогородцы, Устюжане соединились съ ними, и на большихъ лодкахъ рѣкою Вяткою доплывъ до Волги, разорили Жукотинъ, Казань, Болгарскіе, принадлежащіе Ханамъ города, и пограбили всѣхъ купцевъ, ими встрѣченныхъ. Однакожь не сіи случаи заставили Великаго Князя ѣхать въ Орду: намѣреніе его обнаружилось въ слѣдствіяхъ, составившихъ достопамятную эпоху въ постепенномъ возвышеніи Московскаго Княженія. Онъ былъ принятъ въ Ордѣ съ удивительною ласкою. Еще никто изъ Владѣтелей Россійскихъ не видалъ тамъ подобной чести. Казалось, что не данникъ, а другъ и союзникъ посѣтилъ Хана. Утвердивъ Нижегородскую область за Княземъ Борисомъ Городецкимъ, Тохтамышъ, согласно съ мыслями Вельможъ своихъ, не усом- г.1392. Іюля 16. Великій Князь въ Ордѣ. Разореніе Вятки.

нился: признать Василія наслѣдственнымъ его Государемъ. Великій Князь хотѣлъ еще болѣе, и получилъ все по желанію: Городецъ, Мещеру, Торусу, Муромъ. Послѣднія двѣ области были древнимъ Удѣломъ Черниговскихъ Князей и никогда не принадлежали роду Мономахову. Столь особенная благосклонность изъясняется обстоятельствами времени. Тохтамышъ, начавъ гибельную для себя войну съ грознымъ Тамерланомъ, боялся, чтобы Россіяне не пристали къ сему завоевателю, который, желая наказать неблагодарнаго повелителя Золотой Орды, шелъ отъ моря Аральскаго и Каспійскаго къ пустынямъ сѣверной Азіи. Хотя Лѣтописцы не говорятъ того, однакожь вѣроятно, что Василій, требуя милостей Хана, обѣщалъ ему не только вѣрность, но и сильное вспоможеніе: какъ Глава Князей Россійскихъ, онъ могъ ручаться за другихъ, и тѣмъ обольстить или успокоить преемника Мамаева; корыстолюбіе Вельможъ Ординскихъ и богатые дары Василіевы рѣшили всякое сомнѣніе. Уже Тохтамышъ двинулся съ полками на встрѣчу къ непріятелю за Волгу и Яикъ ([143]): Великій Князь спѣшилъ удалиться отъ кровопролитія: а Посолъ Ханскій, Царевичь Уланъ, долженствовалъ возвести его на престолъ Нижегородскій.

Октября 26. Три мѣсяца Василій былъ въ отсутствіи: народъ Московскій праздновалъ возвращеніе юнаго Государя какъ особенную милость Небесную. Еще не доѣхавъ до столицы, Великій Князь изъ Коломны отправилъ Бояръ своихъ съ Ханскою грамотою и съ Посломъ Царевичемъ въ Нижній, гдѣ Князь Борисъ, недоумѣвая, что ему дѣлать, собралъ Вельможъ на совѣтъ. Но знатнѣйшій изъ нихъ, именемъ Румянецъ, оказался предателемъ. Князь хотѣлъ затворить ворота городскія. «Посолъ Царевъ» (сказалъ Румянецъ) «и Бояре Московскіе ѣдутъ сюда единственно для утвержденія любви и мира съ тобою: впусти ихъ и не оскорбляй ложнымъ подозрѣніемъ. Окруженный нами, вѣрными защитниками, чего можешь страшиться?» Князь согласился, и поздно увидѣлъ измѣну. Бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ, ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія ихъ Государемъ. Тщетно Борисъ звалъ къ себѣ дружину свою. Коварный Румянецъ отвѣтствовалъ: «мы уже не твои» — и съ

Нижній Новгородъ и Суздаль присоединены къ Москвѣ.

другими единомышленниками предалъ Бориса слугамъ Великокняжескимъ ([144]). Самъ Василій съ Боярами старѣйшими прибылъ въ Нижній, гдѣ учредивъ новое правленіе, поручилъ сію область Намѣстнику, Димитрію Александровичу Всеволожу. Такъ рушилось, съ своими Удѣлами, особенное Княжество Суздальское, коего именемъ долго называлась сильная Держава, основанная Андреемъ Боголюбскимъ, или всѣ области сѣверо-восточной Россіи между предѣлами Новогородскими, Смоленскими, Черниговскими и Рязанскими. — Борисъ чрезъ два года умеръ. Его племянники, Василій, прозваніемъ Кирдяпа, и Симеонъ, бѣжавъ въ Орду, напрасно искали въ ней помощи. Хотя Царевичь Эйтякъ вмѣстѣ съ Симеономъ (въ 1399 году) приступалъ къ Нижнему и взялъ городъ обманомъ; но имѣя у себя едва тысячу воиновъ, не могъ удержать онаго ([145]). Супруга Симеонова, бывъ долго подъ стражею въ Россіи, нашла способъ уйти въ землю Мордовскую, подвластную Татарамъ, и жила въ какомъ-то селеніи у Христіанской церкви, сооруженной Хивинскимъ Туркомъ Хазибабою: Бояре Великаго Князя, посланные съ отрядомъ войска, взяли сію несчастную Княгиню и привезли къ Москву. Между тѣмъ ея горестный супругъ, лишенный отечества, друзей, казны, восемь лѣтъ скитался съ Моголами по дикимъ степямъ, служилъ въ разныя времена четыремъ Ханамъ, и наконецъ прибѣгнулъ къ милости Великаго Князя, который возвратилъ ему семейство и позволилъ избрать убѣжище въ Россіи. Симеонъ, изнуренный печалями, добровольно удалился въ независимую область Вятскую, гдѣ и скончался чрезъ пять мѣсяцевъ (въ 1402 году), бывъ жертвою общей пользы государственной. Старшій братъ Симеоновъ, Василій Кирдяпа, умеръ также въ изгнаніи. Сыновья Василіевы и Борисовы то служили при Дворѣ Московскомъ, то уходили въ Орду; а внукъ Кирдяпинъ, Александръ Ивановичь Брюхатый, женился послѣ на дочери Великаго Князя, именемъ Василисѣ ([146]).

Дѣла съ Новгородомъ. Руководствуясь правилами государственнаго блага, Василій и въ другихъ случаяхъ не боялся казаться ни излишно властолюбивымъ, ни жестокимъ. Такъ въ слѣдствіе вторичнаго несогласія съ Новогородцами, не хотѣвшими платить ему *черной* или народной дани, изъявилъ онъ строгость необыкновен-

Г. 1392. ную, хитро соединяя выгоды мирскія свои съ честію Главы Духовенства. Митрополитъ Кипріанъ, безспорно заступивъ мѣсто умершаго въ Царѣградѣ Пимена, ѣздилъ (въ 1392 году) изъ Москвы въ Новгородъ; съ пышными обрядами служилъ Литургію въ Софійскомъ храмѣ; велегласно училъ народъ съ амвона, и двѣ недѣли пировалъ у тамошняго Архіепископа, Іоанна, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими чиновниками, которые въ знакъ особеннаго уваженія, отъ имени всего города подарили ему нѣсколько дворовъ. Но сіе дружелюбіе измѣнилось, когда Митрополитъ въ собраніи гражданъ объявилъ, чтобы они, слѣдуя древнему обыкновенію, относились къ нему въ дѣлахъ судныхъ. Посадникъ, Тысячскій и всѣ отвѣтствовали единодушно: «мы клялися, что не будемъ зависѣть отъ суда Митрополитовъ и написали грамоту.» *Дайте мнѣ оную,* сказалъ Кипріанъ: *я сорву печать*, *и сниму съ васъ клятву*. Народъ не хотѣлъ, и Кипріанъ уѣхалъ съ великою досадою (147). Зная, сколь Митрополиты пребываніемъ своимъ въ Москвѣ способствовали знаменитости ея Князей и нужны для ихъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ Единовластіи, Василій съ жаромъ вступился за Пастыря Церкви. Посолъ Великокняжескій представилъ Новогородцамъ, что они, съ 1386 года платя Донскому народную дань, обязаны платить ее и сыну его; обязаны также признать Митрополита судіею въ дѣлахъ гражданскихъ, или испытаютъ гнѣвъ Государевъ. Новогородцы отвѣчали, что народная дань издревле шла обыкновенно въ общественную казну, а Князь довольствовался однѣми пошлинами и дарами; что второе требованіе Василія, касательно Митрополита, противно ихъ совѣсти (148). Сей отвѣтъ былъ принятъ за объявленіе войны. Полки Московскіе, Коломенскіе, Звенигородскіе, Дмитровскіе, предводимые дядею Великаго Князя, Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ, и сыномъ Донскаго, Юріемъ, взяли Торжекъ и множество плѣнниковъ въ областяхъ Новагорода, куда сельскіе жители съ имѣніемъ, съ дѣтьми бѣжали отъ меча и неволи. Уже рать Московская, совершивъ месть, возвратилась, когда Василій узналъ, что Торжекъ, оставленный безъ войска, бунтуетъ, и что ревностный доброхотъ Великокняжескій, именемъ Максимъ, убитъ друзьями Новогородскаго Правительства.

Тутъ онъ рѣшился неслыханною у насъ Казнь. дотолѣ казнію устрашить мятежниковъ: велѣлъ Боярамъ своимъ итти съ полками въ Торжекъ, взыскать виновниковъ убійства и представить въ Москву. Привели семдесятъ человѣкъ. Народъ собрался на площади и былъ свидѣтелемъ зрѣлища ужаснаго. Осужденные на смерть, сіи преступники исходили кровію въ мукахъ: имъ медленно отсѣкали руки, ноги, и твердили, что такъ гибнутъ враги Государя Московскаго! . . . Василій еще не имѣлъ и двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія: дѣйствуя въ семъ случаѣ равно какъ и въ другихъ, по совѣту Бояръ, онъ хотѣлъ страхомъ возвысить достоинство Великокняжеское, которое упало вмѣстѣ съ Государствомъ отъ разновластія. — Новогородцы съ своей стороны искали себѣ удовлетворенія въ разбояхъ: взяли Кличенъ, Устюжну; сожгли Устюгъ, Бѣлоозерскъ, не щадя и святыхъ храмовъ, обдирая иконы и книги церковныя: пытали богатыхъ людей, чтобы узнать, гдѣ скрыты ихъ сокровища; плѣняли гражданъ, земледѣльцевъ, и наполнивъ добычею множество лодокъ, отправили все внизъ по Двинѣ. Два Князя предводительствовали сими хищниками: Романъ Литовскій и Константинъ Іоанновичь Бѣлозерскій, коего отецъ и дѣдъ пали въ славной Донской битвѣ (149). Сей юный Князь, не захотѣвъ быть подручникомъ Государя Московскаго, вступилъ въ службу Новагорода, его непріятеля. Но война не продолжилась: ибо Новогородцы, извѣдавъ твердый характеръ Василія, разсудили, что лучше уступить ему требуемую имъ дань, нежели отказаться отъ купеческихъ связей съ Московскими владѣніями и подвергать опасностямъ свою торговлю Двинскую, которой онъ, господствуя надъ Устюгомъ и Бѣлымозеромъ, легко могъ препятствовать: обстоятельство всегда рѣшительное въ ихъ ссорахъ съ Великими Князьями. Надлежало удовольствовать и Митрополита, тѣмъ необходимѣе, что Патріархъ Константинопольскій, Антоній, взялъ его сторону и велѣлъ имъ сказать: «повинуйтеся во всемъ Главѣ Церкви Россійской.» И такъ они прислали знатнѣйшихъ людей въ Москву умилостивить Государя смиренными извиненіями и вручить Кипріану судную грамоту. Митрополитъ благословилъ ихъ, а Великій Князь отправилъ Бояръ въ Новгородъ для утвержденія мира. Съ ними ѣздилъ

Г.1400. и Посолъ Митрополитовъ, коему чиновники и народъ дали тамъ 350 рублей въ знакъ дружелюбія.

Нашествіе Тамерлана. Въ то время, когда юный Василій, пріобрѣтеніями и строгостію утверждая свое могущество, съ радостію взиралъ издали на внѣшнія и внутреннія опасности Капчакской ненавистной Орды, — въ то самое время онъ увидѣлъ новую тучу варваровъ, готовую истребить счастливое твореніе Іоанна Калиты, Героя Донскаго и его собственное, то есть, вторично обратить Россію въ кровавое пепелище. Мы упоминали о Тамерланѣ, Тимурѣ или Темиръ-Аксакѣ (150): будучи сыномъ одного ничтожнаго Князька въ Имперіи Чагатайскихъ Моголовъ, и рожденный во дни ея паденія, когда безначаліе, раздоры, властолюбіе Эмировъ предали оную въ жертву Хану Кашгарскому и Гетамъ или Калмыкамъ, онъ въ первомъ цвѣтѣ юности замыслилъ избавить отечество отъ неволи, — возстановить величіе онаго, наконецъ покорить вселенную и громомъ славы жить въ памяти вѣковъ. Вздумалъ и совершилъ. Явленіе сихъ исполиновъ въ мірѣ, безжалостно убивающихъ милліоны, ненасытимыхъ истребленіемъ, и разрушающихъ древнія зданія гражданскихъ обществъ для основанія новыхъ, ничѣмъ не лучшихъ, есть тайна Провидѣнія. Движимые внутреннимъ безпокойствомъ духа, они стремятся отъ труднаго къ труднѣйшему, губятъ людей и въ награду отъ нихъ требуютъ себѣ названія Великихъ. Первые подвиги Тамерлановы были достохвальны: подъ защитою горъ и пустынь собирая вѣрныхъ товарищей, пріучая ихъ и себя къ воинской доблести, неутомимо тревожа Гетовъ, онъ безчисленными успѣхами купилъ славу Героя. Враги побѣжденные удалились; Держава Чагатайская возвратила свою независимость. Но ему надлежало еще смирить враговъ внутреннихъ, Эмировъ властолюбивыхъ, и самаго бывшаго друга и главнаго сподвижника, Гуссейна: они погибли, и народный сеймъ единодушно возгласилъ Тимура, на тридцать-пятомъ году его жизни, Монархомъ Чагатайской Державы и Сагебъ-Керемомъ или *владыкою міра*. Сидя въ златомъ вѣнцѣ на престолѣ сына Чингисханова, опоясанный Царскимъ поясомъ, осыпанный, по Восточному обыкновенію, золотомъ и каменьями драгоцѣнными, Тимуръ клялся Эмирамъ, стоящимъ предъ нимъ на колѣнахъ, оправдать дѣлами свое новое Г.1400. достоинство и побѣдить всѣхъ Царей земли. Боясь казаться народу хищникомъ, сей лукавый властолюбецъ жаловалъ потомковъ Чингисовыхъ въ Великіе Ханы, держалъ ихъ при себѣ и повелѣвалъ будто бы только именемъ сихъ законныхъ Государей Могольскихъ. Война слѣдовала за войною, и каждая была завоеваніемъ. Въ 1352 году, за семь лѣтъ до его восшествія на престолъ Чагатайскій, укрываясь въ пустыняхъ отъ непріятелей, онъ не имѣлъ въ мірѣ ничего, кромѣ одного тощаго коня и дряхлаго вельблюда; а чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался Монархомъ двадцати шести Державъ въ трехъ частяхъ міра. Овладѣвъ восточными берегами моря Каспійскаго, устремился на Персію, или древній Иранъ, гдѣ, между рѣками Оксомъ и Тигромъ, долго царствовалъ родъ Чингисовъ, но тогда, вмѣсто Монарха, господствовали многіе Князья слабые: одни смиренно облобызали коверъ Тимурова престола; другіе сражались и гибли. Богатый Ормусъ заплатилъ ему дань золотомъ: Багдадъ, нѣкогда столица великихъ Калифовъ, покорился. Уже вся Азія отъ моря Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тифлиса до Евфрата и пустынной Аравіи, признавала Тимура своимъ повелителемъ, когда онъ, собравъ Эмировъ, сказалъ имъ: «Друзья и сподвижники! счастіе, благопріятствуя мнѣ, зоветъ насъ къ новымъ побѣдамъ. Имя мое привело въ ужасъ вселенную; движеніемъ перста потрясаю землю. Царства Индіи намъ отверсты: сокрушу, что дерзнетъ противиться, и буду владыкою оныхъ» (151). Эмиры изумились: цѣпи горъ высокихъ, глубокія рѣки, пустыни, огромные слоны и милліоны воинственныхъ жителей устрашали ихъ воображеніе. Но Тимуръ, увѣренный въ своемъ счастіи, шелъ смѣло по слѣдамъ Героя Македонскаго въ сію цвѣтущую страну міра, гдѣ Исторія полагаетъ колыбель человѣческаго рода, и куда искони стремились завоеватели, отъ Вакха до Семирамиды, отъ Сезостриса до Александра Великаго; въ страну славнѣйшую древностію преданій, но менѣе другихъ извѣстную по лѣтописямъ. Тимуръ перешелъ Индъ, взялъ Дели (гдѣ уже болѣе трехъ вѣковъ властвовали Султаны Магометанской Вѣры) и на берегахъ Гангеса истребивъ множество Гебровъ огнепоклонниковъ, остановился у той славной ска-

Г. [illegible] лы, которая, имѣя видъ телицы, извергаетъ изъ нѣдръ своихъ сію знаменитую въ баснословіи Востока рѣку. Тамъ свѣдалъ онъ о бунтѣ Христіанъ Грузинскихъ, о блестящихъ успѣхахъ Баязетова оружія, и возвратился; смирилъ первыхъ, не взирая на ихъ неприступныя горы, и не терпя равнаго себѣ въ воинской славѣ, хотѣлъ, чтобы Султанъ Турецкій удержалъ быстрое стремленіе своихъ завоеваній, которыя въ окрестностяхъ Евфрата сближались съ Могольскими. «Знай» — писалъ онъ къ Баязету (152) — «что мои воинства покрываютъ землю отъ одного моря до другаго; что Цари служатъ мнѣ тѣлохранителями и стоятъ рядами предъ шатромъ моимъ; что судьба у меня въ рукахъ и счастіе всегда со мною. Кто ты? муравей Туркоманскій: дерзнешь ли возстать на слона? Если ты въ лѣсахъ Анатоліи одержалъ нѣсколько побѣдъ ничтожныхъ; если робкіе Европейцы обратили тылъ предъ тобою: славь Магомета, а не храбрость свою . . . Внемли совѣту благоразумія: останься въ предѣлахъ отеческихъ, какъ они ни тѣсны; не выступай изъ оныхъ, или погибнешь.» Гордый Баязетъ отвѣтствовалъ равнодушно: «Давно желаю воевать съ тобою. Хвала Всевышнему: ты идешь на мечь мой!» Баязетъ имѣлъ время изготовиться къ сей войнѣ: ибо врагъ его, раздраженный тогда Султаномъ Египетскимъ, устремился къ Средиземному морю. Сирія, Египетъ, украшаемые древнею славою и развалинами, казались Тимуру завоеваніемъ лестнымъ. Разбивъ Мамелюковъ подъ стѣнами Алепа, въ тотъ самый часъ, когда свирѣпые Моголы лили кровь единовѣрцевъ въ семъ городѣ, Тимуръ спокойно бесѣдовалъ съ учеными мужами Алепскими и краснорѣчиво доказывалъ имъ, что онъ другъ Божій; что одни упрямые враги его будутъ отвѣтствовать Небу за претерпѣваемыя ими бѣдствія. Сей хитрый лицемѣръ дѣйствительно при всякомъ случаѣ изъявлялъ набожность, предъ битвами обыкновенно совершалъ молитву на колѣнахъ, за побѣды торжественно благодарилъ Всевышняго, и на пути къ Дамаску, гдѣ надлежало ему сразиться съ войскомъ Египетскимъ, остановилъ многочисленные полки свои, чтобы въ глазахъ ихъ смиренно поклониться мнимому гробу Ноеву, священному для Мусульмановъ. Султанъ Египетскій, Фаручь, заключилъ въ темницу Пословъ Могольскихъ: Г. [illegible] Тимуръ писалъ къ нему: «Великіе завоеватели собираютъ воинства, ищутъ опасностей и битвъ единственно для чести и памяти безсмертной. Сей грозный шумъ ополченій, гдѣ милліоны людей бываютъ въ движеніи, производимъ любовію ко славѣ, а не къ стяжанію: ибо человѣкъ можетъ насытиться въ день одною половиною хлѣба. Ты дерзнулъ оскорбить меня: если бы камни говорить могли, они научили бы тебя осторожности.» Побѣдивъ Фаруча, онъ съ ласкою угостилъ въ шатрѣ своемъ ученаго Кади Веледдина, присланнаго жителями Дамаска умилостивить его; говорилъ съ нимъ объ исторіи народовъ (ибо всѣ происшествія міра, Востока и Запада, по словамъ современнаго Арабскаго Писателя, были ему извѣстны); хвалилъ Государей милосердыхъ, и такъ мало заботился о снисканіи сей добродѣтели, что оставилъ въ Дамаскѣ однѣ кучи пепла. Нигдѣ Татары не находили столько богатства, золота и великихъ драгоцѣнностей, какъ въ семъ городѣ, гдѣ шесть вѣковъ цвѣла торговля. — Скоро рѣшилась и судьба Баязетова. Страшные Янычары уступили превосходному числу, мужеству или счастію Моголовъ. Плѣнивъ Баязета, Тимуръ обнялъ его, посадилъ на коврѣ Царскомъ рядомъ съ собою и старался утѣшить разсужденіями о тлѣнности мірскаго величія: отнявъ у него корону, подарилъ ему одежду драгоцѣнную, и хвастовствомъ великодушія еще болѣе, нежели своею побѣдою, унизилъ сего бывшаго знаменитаго Монарха. — Обложивъ данію Султана Мамелюковъ, Османовъ, Императора Греческаго; властвуя отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Гангеса, Тимуръ жилъ въ Самаркандѣ и называлъ себя Главою лучшей половины міра. Въ сію столицу возвращался онъ послѣ всякаго завоеванія, наслаждаться кратковременнымъ отдохновеніемъ; украшалъ великолѣпно мечети, разводилъ сады, и желая слыть благотворителемъ людей, соединялъ каналами рѣки, строилъ новые города, въ надеждѣ, что слабые умы, ослѣпляемые призраками лицемѣрныхъ государственныхъ добродѣтелей, простятъ ему множество разрушенныхъ имъ городовъ древнихъ, убіеніе милліоновъ и высокія пирамиды головъ человѣческихъ, коими его Моголы знаменовали свои побѣды на мѣстѣ кровопро-

г. 1393. литія, на пепелищахъ Дели, Багдада, Дамаска, Смирны.

Еще Тимуръ не совершилъ всѣхъ описанныхъ нами завоеваній, когда, оскорбленный неблагодарностію Тохтамыша, онъ въ первый разъ приближился къ границамъ Россіи. Войско его шло отъ Самарканда и рѣки Сигона черезъ Ташкентъ, Ясси или Туркестанъ, за коимъ уже начиналось владѣніе Капчакской Орды, въ нынѣшнихъ степяхъ Киргизскихъ. Стоя на высокомъ холмѣ, Тимуръ долго съ удивленіемъ смотрѣлъ на ихъ необозримыя, гладкія равнины, подобныя морю, и велѣлъ тутъ, въ память вѣкамъ, соорудить высокую каменную пирамиду съ означеніемъ Эгиры и дня, когда онъ вступилъ въ сіи ужасныя пустыни. Четыре мѣсяца шли Татары къ Сѣверу, питаясь наиболѣе мясомъ дикихъ козъ, сайгаковъ, птичьими яйцами и травою. Звѣриная ловля представляла въ сихъ пустыняхъ зрѣлище шумной войны. Разсыпаясь на великомъ пространствѣ, Моголы составляли кругъ и гнали звѣрей прямо къ ставкѣ Императорской при звукѣ оружія и трубъ. Тимуръ выѣзжалъ на конѣ, и встрѣчая цѣлыя стада всякаго рода животныхъ, стрѣлялъ любыхъ; наконецъ, утомленный охотою, входилъ въ шатеръ свой обѣдать. Тогда воины бросались на звѣрей, убивали всѣхъ безъ остатка, разводили безчисленные огни и садились пировать до вечера. Скудный ручей или мутное озеро бывали для нихъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ самымъ счастливѣйшимъ открытіемъ. — Достигнувъ пятидесятаго Градуса Широты, между рѣками Эмбою и Тоболомъ, войско остановилось. Тимуръ въ богатой одеждѣ и въ Царскомъ вѣнцѣ сѣлъ на коня; имѣя въ рукѣ златую державу, объѣхалъ всѣ полки, и довольный ихъ исправностію, вооруженіемъ, бодрымъ духомъ, велѣлъ итти далѣе, къ берегамъ Урала. Тамъ показалась многочисленная рать Тохтамышева. Сей Ханъ презрѣлъ совѣтъ умныхъ Вельможъ, которые говорили ему, что страшно быть врагомъ счастливаго: ненавидя въ Тимурѣ хищника власти, принадлежащей потомкамъ Чингисхановымъ, онъ грозился свергнуть его съ трона. Ежедневныя сшибки передовыхъ отрядовъ заключились кровопролитнымъ сраженіемъ въ степяхъ Астраханской Губерніи: разбитый Тохтамышъ бѣжалъ за Волгу; а Тимуръ на ея берегахъ великолѣпно праздновалъ свою побѣду, среди обширнаго луга, г. 1393. гдѣ прекрасныя невольницы разносили яства въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ; окруженный своими женами, онъ сидѣлъ на престолѣ Капчакскомъ и съ удовольствіемъ внималъ пѣснямъ, коими стихотворцы Могольскіе славили сей блестящій успѣхъ его оружія, и которыя были названы *Фатенамей Капчакъ*, или *торжествомъ Капчакскимъ*; двадцать-шесть дней Эмиры и воины пировали, наслаждаясь всѣми утѣхами роскоши. Но Тимуръ не хотѣлъ быть долѣе въ сей завоеванной имъ странѣ, и тѣмъ же путемъ, чрезъ 11 мѣсяцевъ, возвратился въ Самаркандъ.

Прошло около трехъ лѣтъ. Тохтамышъ, оставленный въ покоѣ непріятелемъ, снова господствовалъ надъ Ордою Капчакскою, и снова послалъ войско разорять сѣверную Персію. «Во имя всемогущаго Бога» — писалъ къ нему Тамерланъ — «спрашиваю, съ какимъ намѣреніемъ ты, Ханъ Капчакскій, управляемый Демономъ гордости, выступаешь изъ своихъ предѣловъ? Развѣ забылъ ты послѣднюю войну, когда рука моя обратила въ прахъ твои силы, богатства и владѣнія? Неблагодарный! вспомни, сколь нѣкогда оказалъ я тебѣ милостей! Еще можешь раскаяться. Хочешь ли мира? хочешь ли войны? избирай; мнѣ все едино. Но самая глубина морская не скроетъ врага отъ нашей мести.» Тохтамышъ хотѣлъ войны, и расположился станомъ на берегу Терека: ибо Монархъ Чагатайскій былъ уже г. 1395. въ Дербентѣ. Между Терекомъ и Курою близъ нынѣшняго Екатеринограда, произошло славное въ Восточныхъ лѣтописяхъ кровопролитіе. Потомки Чингисхановы сражались между собою въ ужасномъ остервененіи злобы, и гибли тмами. Правое крыло и средина войска Тамерланова замѣшались; но сей свирѣпый Герой, рожденный быть счастливымъ, умѣлъ твердостію исторгнуть побѣду изъ рукъ Тохтамышевыхъ: окруженный врагами, изломавъ копіе свое, уже не имѣя ни одной стрѣлы въ колчанѣ, хладнокровно давалъ Вождямъ повелѣніе сломить густыя толпы непріятельскія. Стрѣлки его, чтобы остаться неподвижными, цѣлыми рядами бросались на колѣна, и лѣвое крыло шло впередъ. Еще Ханъ Золотой Орды могъ бы новымъ усиліемъ рѣшить битву въ свою пользу: но прежде времени ослабѣвъ духомъ, бѣжалъ. Тамерланъ гнал-

г. 1395. ся за нимъ до Волги, гдѣ, объявивъ Койричака Аглена, сына Урусова, Властителемъ Орды Капчакской, надѣлъ на него вѣнецъ Царскій (153).

Сіи удары, нанесенные Моголами Моголамъ, изнурили силы Волжскихъ и долженствовали веселить Россіянъ мыслію о близкой счастливой свободѣ отечества. Надѣялись, что Тамерланъ, сокрушивъ непріятеля, вторично отступитъ къ границамъ своей Имперіи, и что внутреннія междоусобія Орды Капчакской довершатъ ея гибель. Но грозный завоеватель Востока въ слѣдъ за бѣгущимъ Тохтамышемъ устремился къ Сѣверу; перешелъ Волгу, степи Саратовскія, и вступивъ въ наши юго-восточные предѣлы, взялъ Елецъ, гдѣ господствовалъ Князь Ѳеодоръ, отрасль Карачевскихъ Владѣтелей и данникъ Олега Рязанскаго (154). Вѣсть о нашествіи сего новаго Батыя привела въ ужасъ всю Россію. Ожидали такого же общаго разрушенія, какое за 160 лѣтъ передъ тѣмъ было жребіемъ Государства нашего; разсказывали другъ другу о чудесныхъ завоеваніяхъ, о свирѣпости и несмѣтныхъ полкахъ Тамерлановыхъ; молились въ церквахъ и готовились къ Христіанской смерти, безъ надежды отразить силу силою. Но Великій Князь бодрствовалъ въ Совѣтѣ Бояръ мудрыхъ, и въ сіе рѣшительное время явилъ себя достойнымъ сыномъ Димитрія: не устрашился ни славы Тамерлана, ни четырехъ сотъ тысячь Моголовъ, которые, по слуху, шли подъ его знаменами: велѣлъ немедленно собираться войску и самъ принялъ начальство, въ первый разъ украсивъ юношеское чело свое шлемомъ браннымъ и напомнивъ Москвитянамъ тѣ незабвенные дни, когда Герой Донскій ополчался на Мамая. Уже многіе изъ Воеводъ Димитріевыхъ скончали жизнь; другіе, служивъ отцу, хотѣли служить и сыну; старцы сѣли на коней и явились предъ полками въ доспѣхахъ, обагренныхъ кровію Татарскою на Куликовѣ полѣ. Народъ ободрился: войско шло охотно, тѣмъ же путемъ, которымъ велъ оное Донскій противъ Мамая, и Великій Князь, поручивъ Москву дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, сталъ за Коломною на берегу Оки, ежедневно готовый встрѣтить непріятеля.

Между тѣмъ всѣ церкви Московскія были отверсты съ утра до глубокой ночи. Народъ лилъ слезы предъ олтарями г. 1395.
и постился. Митрополитъ училъ его и Вельможъ Христіанскимъ добродѣтелямъ, торжествующимъ въ бѣдствіяхъ. Но слабые трепетали. Желая успокоить граждан любезной ему столицы, Великій Князь писалъ къ Митрополиту изъ Коломны, чтобы онъ послалъ въ Владиміръ за иконою Дѣвы Маріи, съ коею Андрей Боголюбскій переѣхалъ туда изъ Вышегорода и побѣдилъ Болгаровъ. Славная икона Владимірская. Сіе достопамятное пренесеніе славнаго въ Россіи Образа изъ древней въ ея новую столицу было зрѣлищемъ умилительнымъ: безчисленное множество людей на обѣихъ сторонахъ дороги преклоняло колѣна, съ усердіемъ и слезами взывая: *Матерь Божія! спаси землю Русскую!* Жители Владимірскіе провождали икону съ горестію: Московскіе приняли съ восхищеніемъ, какъ залогъ мира и благоденствія. Митрополитъ Кипріанъ, Епископы и все Духовенство въ ризахъ служебныхъ, съ крестами и кадилами; за ними Владиміръ Андреевичъ Храбрый, семейство Великокняжеское, Бояре и народъ встрѣтили святыню внѣ града на *Кучковѣ полѣ*, гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій: увидѣвъ оную вдали, пали ницъ, и въ радостномъ предчувствіи уже *благодарили* Небо (155). Поставили Образъ въ Соборномъ храмѣ Успенія и спокойнѣе ждали вѣстей отъ Великаго Князя.

Тамерланъ, плѣнивъ Владѣтеля Елецкаго со всѣми его Боярами, двинулся къ верховью Дона и шелъ берегами сей рѣки, опустошая селенія. Знаменитый Персидскій Историкъ сего времени, Шерефеддинъ, любя хвалить добродѣтели своего Героя, признается, что Тамерланъ, подобно Батыю, усыпалъ трупами поля въ Россіи, убивая не воиновъ, а только людей безоружныхъ. Казалось, что онъ хотѣлъ итти къ Москвѣ; но вдругъ остановился, и цѣлыя двѣ недѣли бывъ неподвиженъ, обратилъ свои знамена къ Югу и вышелъ изъ Россій- Августа 26.
скихъ владѣній. Безъ сомнѣнія не одно смѣлое, великодушное ополченіе Князя Московскаго произвело сіе удивительное для современниковъ дѣйствіе: надлежитъ искать и другихъ причинъ вѣроятныхъ. Хотя Историки Восточные повѣствуютъ, что Моголы Чагатайскіе обогатились у насъ несмѣтною добычею и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоцѣнными, кусками *тонкаго полотна Антіохій-*

Г. 1395. *скаго и Русскаго* (156); однакожь вѣроятнѣе, что сокровища, найденныя ими въ Ельцѣ, и въ нѣкоторыхъ городкахъ Рязанскихъ, не удовлетворяли ихъ корыстолюбію и не могли наградить за труды похода въ землѣ сѣверной, большею частію лѣсистой, скудной пажитями и въ особенности тѣми изящными произведеніями человѣческаго ремесла, коихъ употребленіе и цѣну свѣдали Татары въ образованныхъ странахъ Азіи. Наступала дождливая осень: съ людьми обыкшими кочевать въ мѣстахъ плодоносныхъ и теплыхъ благоразумно ли было итти далѣе къ Сѣверу, чтобы встрѣтить зиму во всѣми ея жестокостями? И путь къ Москвѣ надлежало еще открыть битвою съ войскомъ довольно многочисленнымъ, которое умѣло побѣдить Мамая. Завоеваніе Индіи, Сиріи, Египта, богатыхъ Природою и торговлею, славныхъ въ Исторіи міра, плѣняло воображеніе Тамерлана: Россія, къ счастію, не имѣла для него сей прелести. Онъ спѣшилъ удалиться отъ непогодъ осеннихъ, и по теченію Дона спустился къ его устью.

Сія вѣсть радостно изумила наше войско. Никто не думалъ гнаться за врагомъ, который, еще не видавъ знаменъ Великаго Князя, не слыхавъ звука воинскихъ трубъ его, какъ бы въ смятеніи бѣжалъ къ Азову. Юный Государь могъ бы приписать спасеніе отечества великодушной своей твердости, но вмѣстѣ съ народомъ приписалъ оное силѣ сверхъестественной, и возвратясь въ Москву, соорудилъ каменный храмъ Богоматери съ монастыремъ на древнемъ *Кучковомъ полѣ* (157): ибо, какъ пишутъ современники, Тамерланъ отступилъ въ самый тотъ день и часъ, когда жители Московскіе на семъ мѣстѣ встрѣтили Владимирскую икону. Оттолѣ Церковь наша торжествуетъ праздникъ Срѣтенія Богоматери 26 Августа, въ память вѣкамъ, что единственно особенная милость Небесная спасла тогда Россію отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ завоевателей.

Бѣдствіе Азова. Что Тамерланъ готовилъ Москвѣ, то испыталъ несчастный Азовъ, богатый товарами Востока и Запада. Многочисленное Посольство, составленное изъ купцевъ Египетскихъ, Венеціянскихъ, Генуэзскихъ, Каталонскихъ и Бискайскихъ, встрѣтило Монарха Чагатайскаго на берегу Дона съ дарами и ласками. Онъ успокоилъ ихъ на словахъ, и въ тоже время велѣвъ одному изъ Эмировъ осмотрѣть городскія укрѣпленія, внезапно приступилъ къ онымъ. Азовъ и богатства его исчезли. Ограбивъ лавки и домы, умертвивъ или оковавъ цѣпями всѣхъ тамошнихъ Христіанъ, которые не успѣли спастися бѣгствомъ на суда, Моголы обратили городъ въ пепелъ (158). — Завоевавъ землю Черкесскую и Ясскую, взявъ самыя неприступныя крѣпости въ Грузіи, Тамерланъ у подошвы Кавказа далъ праздникъ войску. Въ огромномъ шатрѣ, окруженномъ блестящими столпами, среди Вельможъ и Полководцевъ, онъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и при звукѣ шумныхъ мусикійскихъ орудій пилъ Грузинское вино, желая здравія и дальнѣйшихъ побѣдъ своимъ неутомимымъ сподвижникамъ. Увѣдомленный о непокорствѣ жителей Астраханскихъ, Тамерланъ, презирая холодъ зимній и глубокій снѣгъ, пошелъ къ сему городу, укрѣпленному, сверхъ каменныхъ, *ледяными стѣнами*; срылъ его до основанія; разрушилъ огнемъ и столицу Ханскую, Сарай; наконецъ удалился къ границамъ своей Имперіи, предавъ, какъ онъ сказалъ, Державу Батыеву *губительному вѣтру истребленія*. Орда Капчакская находилась тогда въ жалостномъ состояніи: утративъ безчисленное множество людей въ битвахъ съ Моголами Чагатайскими, она была еще театромъ кровопролитныхъ междоусобій. Три Хана спорили о господствѣ надъ нею: Тохтамышъ, Койричакъ и Тимуръ Кутлукъ (159). Сей послѣдній, будучи также рода Батыева, и служивъ Тамерлану, въ противность его волѣ остался въ степяхъ Капчакскихъ, набиралъ войско и величалъ себя истиннымъ Царемъ Ординскимъ.

Сіи происшествія, благопріятныя для России, успокоивъ Великаго Князя въ разсужденіи Моголовъ, позволили ему обратить вниманіе на Литву, которою нѣсколько лѣтъ управлялъ Скиригайло, Намѣстникъ своего брата, Короля Польскаго. Но съ 1392 года тамъ уже властвовалъ независимо тесть Василіевъ, Витовтъ Александръ, въ слѣдствіе мира и договора съ Королемъ Ягайломъ, уступившимъ ему и Волынію съ Брестомъ. Одаренный отъ природы умомъ хитрымъ, Витовтъ пылалъ властолюбіемъ и принявъ отъ Нѣмцевъ Вѣру Христіанскую, сохранилъ въ душѣ всю жестокость язычника (160); не только, по- Дѣла Литовскія.

г. 1395. добно другимъ завоевателямъ, равнодушно жертвовалъ въ битвахъ безчисленнымъ множествомъ людей для пріобрѣтенія новыхъ земель, но смѣло нарушалъ и всѣ святѣйшіе уставы нравственности: игралъ клятвами, измѣнялъ: безжалостно лилъ кровь своихъ ближнихъ; умертвилъ трехъ сыновей Ольгердовыхъ: Вигунта Кревскаго отравилъ ядомъ, Нариманта повѣсилъ на деревѣ и разстрѣлялъ; Коригайлу отсѣкъ голову. Въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ господствовалъ ихъ братъ, Корибутъ: Витовтъ плѣнилъ его, и выгнавъ Владиміра Ольгердовича изъ Кіева, отдалъ нашу древнюю столицу Скиригайлу, который, подобно Владиміру, исповѣдывалъ Вѣру Греческую, былъ щедръ къ народу, но свирѣпъ нравомъ, любилъ вино до крайности и жилъ не долго. Единственно ли по личной ненависти, или чтобы угодить коварному Витовту, желавшему взять себѣ Кіевъ, Архимандритъ монастыря Печерскаго зазвалъ Скиригайла въ гости, напоилъ, и далъ ему отраву, столь явно, что весь городъ зналъ причину его смерти ([161]). Народъ жалѣлъ объ немъ: слѣдственно не имѣлъ участія въ злодѣйствѣ; а Витовтъ, приславъ туда Князя Іоанна Ольшанскаго въ качествѣ своего Намѣстника, не думалъ о наказаніи сего злодѣйства, и тѣмъ какъ бы объявилъ себя тайнымъ совиновникомъ онаго. Скоро присоединилъ онъ къ Литовской Державѣ и всю Подолію, гдѣ княжилъ внукъ Ѳеодора Коріятовича, именемъ также Ѳеодоръ, присяжникъ Ягайловъ ([162]). Слабый Король Польскій не дерзалъ ни въ чемъ противиться мужественному, рѣшительному сыну Кестутіеву, и даже предавалъ ему единокровныхъ братьевъ. Вдовствующая супруга Ольгердова, Іуліанія, скончала дни свои въ Витебскѣ, и меньшій сынъ ея, Свидригайло, занявъ сей городъ силою, велѣлъ тамошняго Намѣстника Королевскаго сбросить съ высокой стѣны: оскорбленный тѣмъ Ягайло молилъ Витовта о мести. Она совершилась, но только въ пользу Государя Литовскаго, который, завоевавъ Друцкъ, Оршу и Витебскъ *съ помощію огнестрѣльнаго снаряда*, отправилъ къ Королю плѣненнаго имъ Свидригайла, а владѣніе его взялъ себѣ. Кромѣ Литвы, господствуя въ лучшихъ областяхъ древней Россіи, Витовтъ хотѣлъ похитить и самый остатокъ ея достоянія.

Князь Смоленскій, Юрій Святославичь, шуринъ сего Князя, служилъ ему г. 1395. при осадѣ Витебска, какъ данникъ Литвы ([163]); но Витовтъ, желая совершенно покорить сіе Княженіе, собралъ войско многочисленное, и распустивъ слухъ, что идетъ на Тамерлана, вдругъ явился подъ стѣнами Смоленска, гдѣ Юріевы братья ссорились другъ съ другомъ объ Удѣлахъ: самъ Юрій находился тогда въ Рязани у тестя своего, Олега. Глѣбъ Святославичь, старшій изъ братьевъ, пріѣхалъ съ Боярами въ станъ Литовскій: Витовтъ, обласкавъ его какъ друга, сказалъ, что слыша о раздорѣ Князей Смоленскихъ, желаетъ быть посредникомъ между ими и за каждымъ утвердить наслѣдственную собственность. Легковѣрные Святославичи спѣшили къ нему съ дарами, провождаемые всѣми знатнѣйшими Боярами, такъ, что въ крѣпости не оставалось ни одного Воеводы, ни стражи. Ворота городскія были отворены; народъ, въ слѣдъ за Князьями, стремился толпами видѣть Героя Литовскаго, готоваго бороться съ великимъ Тамерланомъ. Но какъ скоро несчастные Князья вступили въ шатеръ Витовтовъ, сей коварный объявилъ ихъ своими плѣнниками; велѣлъ зажечь предмѣстіе, и въ ту же минуту устремился на городъ. Никто не противился: Взятіе Смоленска. Литовцы грабили, плѣнили жителей, и взявъ крѣпость, провозгласили Витовта Государемъ сей области Россійской. Народъ былъ въ изумленіи ([164]). Отправивъ Князей Смоленскихъ въ Литву, а Глѣбу Святославичу давъ въ Удѣлъ мѣстечко Полонное, Витовтъ старался утвердить за собою столь важное пріобрѣтеніе: жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Смоленскѣ: поручилъ его Намѣстнику Князю Литовскому Ямонту, и чиновнику Василью Борейкову; тревожилъ легкими отрядами землю Рязанскую и дружески пересылался съ Великимъ Княземъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Димитріевичъ съ прискорбіемъ видѣлъ сіе новое похищеніе Россійскаго достоянія, и не могъ быть ослѣпленъ ласками тестя; но ему казалось благоразумнѣе соблюсти до времени пріязнь его и цѣлость хотя Московскаго Княжества, нежели подвергнуть гибели сію единственную надежду отечества, войною съ Государемъ сильнымъ, мужественнымъ, алчнымъ ко славѣ и къ пріобрѣтеніямъ. Василій осторожный, разсмотрительный, имѣлъ отважность, но только въ

г. 1396. Свиданіе Великаго Князя съ Витовтомъ. случаѣ необходимости, когда слабость и нерѣшительность ведутъ къ явному бѣдствію; онъ сразился бы съ Тамерланомъ, сокрушителемъ Имперій: но съ Витовтомъ еще можно было хитрить, и Великій Князь самъ поѣхалъ къ нему въ Смоленскъ, гдѣ, среди веселыхъ пировъ наружнаго дружелюбія, они утвердили границы своихъ владѣній. Въ сіе время уже почти вся древняя земля Вятичей (нынѣшняя Орловская Губернія съ частію Калужской и Тульской) принадлежала Литвѣ: Карачевъ, Мценскъ, Бѣлевъ, съ другими удѣльными городами Князей Черниговскихъ, потомковъ Святаго Михаила, которые волею и неволею поддалися Витовту (165). Захвативъ Ржевъ и Великія Луки, властвуя отъ границъ Псковскихъ съ одной стороны до Галиціи и Молдавіи, а съ другой до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, сынъ Кестутіевъ былъ Монархомъ всей южной Россіи, оставляя Василію бѣдный Сѣверъ, такъ, что Можайскъ, Боровскъ, Калуга, Алексинъ, уже граничили съ Литовскимъ владѣніемъ. — Дѣла Ординскія были также предметомъ совѣщанія сихъ двухъ Государей, изъ коихъ одинъ мыслилъ только избавиться отъ ига, а другой возложить оное на самихъ Хановъ, или столь обезсилить ихъ, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для его областей полуденныхъ. — Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ находился въ Смоленскѣ Митрополитъ Кипріанъ, ходатайствуя за пользу нашей Церкви или собственную. Давъ слово не притѣснять Вѣры Греческой, Витовтъ оставилъ Кипріана Главою Духовенства въ подвластной ему Россіи, и Митрополитъ, поѣхавъ въ Кіевъ, жилъ тамъ 18 мѣсяцевъ (166).

Россія Литовская.

Вѣроятно, что Великій Князь взялъ обѣщаніе съ тестя своего не безпокоить и предѣловъ Рязанскихъ; по крайней мѣрѣ, свѣдавъ, что Олегъ самъ вошелъ въ Литовскія границы и началъ осаду Любутска (близъ Калуги), Василій послалъ туда Боярина, представить ему, сколь безразсудно оскорблять сильнаго. Олегъ возвратился; но Витовтъ уже хотѣлъ мести: вступилъ въ его землю (167); истребилъ множество людей; заставивъ Олега укрыться въ лѣсахъ, вышелъ съ добычею и плѣномъ. Сіе дѣйствіе не нарушило добраго согласія между имъ и Василіемъ Димитріевичемъ. Обагренный кровію бѣдныхъ Рязанцевъ, онъ заѣхалъ въ Коломну видѣться съ Великимъ Княземъ и весело праздновалъ тамъ нѣсколько дней, осыпаемый ласками и дарами. г. 1396.

Дѣла Новогородскія. Непосредственнымъ, явнымъ слѣдствіемъ сего вторичнаго свиданія было общее ихъ Посольство къ Новогородцамъ съ требованіемъ, чтобы они прервали дружескую связь съ Нѣмцами, врагами Литвы. Витовтъ съ неудовольствіемъ видѣлъ также, что сынъ убитаго имъ Наримонта Ольгердовича, Патрикій, и Князь Смоленскій, Василій Іоанновичь, нашли въ Новѣгородѣ убѣжище отъ его насилія; а Великій Князь могъ досадовать на чиновниковъ Новогородскихъ за то, что они, въ противность договору, опять не хотѣли зависѣть въ судныхъ дѣлахъ отъ Митрополита. Кипріанъ, вторично бывъ у нихъ въ 1395 году вмѣстѣ съ Посломъ Константинопольскаго Патріарха, безполезно доказывалъ имъ, сколь такое нарушеніе обѣта несогласно съ доброю совѣстію и съ честію. Впрочемъ, смягченный дарами жителей, выѣхалъ оттуда мирно, благословивъ Архіепископа и народъ (168). Имѣлъ ли Василій Димитріевичь какую нибудь досаду на Ливонскихъ Нѣмцевъ, требуя отъ Новагорода разрыва съ ними, или желалъ сего единственно въ угодность тестю, неизвѣстно: вѣроятнѣе, что онъ только искалъ предлога для исполненія своихъ замысловъ, которые обнаружились въ послѣдствіи. Новогородцы съ удивленіемъ выслушали Посольство Московское и Витовтово Бывъ семь лѣтъ въ враждѣ съ Нѣмцами по дѣламъ купеческимъ, они въ 1391 году примирились торжественно на общемъ съѣздѣ въ Изборскѣ, гдѣ находились Депутаты Любека, Готландіи, Риги, Дерпта, Ревеля; обоюдно чувствуя нужду въ свободной торговлѣ, условились предать вѣчному забвенію взаимныя обиды, и Нѣмцы, пріѣхавъ въ Новгородъ, возстановили тамъ свою Контору, церковь и дворы (169). Сія торговля процвѣтала тогда болѣе, нежели когда нибудь; изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Германіи купцы ежегодно являлись на берегахъ Волхова со всѣми ремесленными произведеніями Европы; и Новогородцы, ни мало не расположенные исполнить волю Государя Московскаго, еще менѣе Витовтову, отвѣтствовали: «Господинъ Князь Великій! у насъ съ тобою миръ, съ Витовтомъ миръ и съ Нѣмцами миръ;» не хотѣли слушать

г.1396. угрозъ; но съ честію отпустили Пословъ назадъ.

Великій Князь — чаятельно, предвидѣвъ сей отказъ — немедленно *объявилъ гнѣвъ*, то есть войну Новугороду, и спѣшилъ воспользоваться ея правомъ. Земля Двинская издавна имѣла богатую торговлю, получая такъ называемое серебро *Закамское* и лучшіе мѣха съ границъ Сибири; славилась и другими выгодными промыслами, въ особенности птицеловствомъ, для коего Великіе Князья, въ силу договоровъ съ Новымгородомъ, ежегодно отправляли туда *сокольниковъ*, предписывая въ грамотахъ земскому начальству давать имъ подводы и кормъ (170). Еще Іоаннъ Калита замышлялъ овладѣть совершенно Двинскою землею: правнукъ его желалъ исполнить сіе намѣреніе, и сдѣлалъ то безъ всякаго кровопролитія. Не рѣдко утѣсняемые Новогородскимъ корыстолюбивымъ Правительствомъ, Двиняне дружелюбно
г.1397. встрѣтили рать Московскую, охотно поддалися Василію Димитріевичу, и приняли отъ него Намѣстника, Князя Ѳеодора Ростовскаго. Самые Воеводы Новогородскіе, тамъ бывшіе, въ слѣдствіе тайныхъ сношеній съ Москвою, объявили себя вѣрными слугами Великаго Князя, который въ сіе время занялъ Торжекъ, Волокъ Ламскій, Бѣжецкій Верхъ и Вологду. Новогородцы ужаснулись: вмѣстѣ съ Заволочьемъ они лишались способа не только имѣть изъ первыхъ рукъ важныя произведенія климатовъ Сибирскихъ, но и выгодно торговать съ Нѣмцами, которые всего болѣе искали у нихъ мѣховъ драгоцѣнныхъ. Архіепископъ Новогородскій, Іоаннъ, Посадникъ Богданъ и знаменитѣйшіе чиновники спѣшили въ Москву; но Великій Князь, лично оказавъ имъ ласку, не хотѣлъ слышать о возвращеніи Двинской земли.

г.1398. Тогда отчаяніе пробудило воинственный духъ въ Новогородцахъ. Они собралися на Вѣче и требовали благословенія отъ Архіепископа, сказавъ ему: «Когда Великій Князь измѣною и насиліемъ беретъ достояніе Святыя Софіи и Великаго Новагорода, мы готовы умереть за правду и за нашего *Господина, за Великій Новгородъ.*» Архіепископъ благословилъ ихъ, и всѣ граждане дали клятву быть единодушными. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, предводительствуя осмью тысячами воиновъ, обратилъ въ пепелъ *старый* Бѣлозерскъ, а жители *новаго* откупились шестидесятью рублями. г.1398. Князья Бѣлозерскіе и Воеводы Московскіе, тамъ бывшіе, пріѣхали въ станъ Новогородскій съ изъявленіемъ покорности. Разоривъ богатыя волости Кубенскія близъ Вологды, Новогородцы три недѣли безъ успѣха осаждали Гледенъ, сожгли посады Устюга, даже Соборную въ немъ церковь, и взявъ тамъ славную чудотворную икону Богоматери, въ насмѣшку именовали ее своею плѣнницею (171). Войско ихъ раздѣлилось: 3000 пошли къ Галичу грабить и плѣнить людей; 5000, вступивъ въ Двинскую землю, осадили крѣпость Орлецъ, гдѣ заключился Намѣстникъ Великокняжескій съ Двинскими Новогородскими Воеводами, которые передались къ Государю Московскому. Нападали и оборонялись съ равнымъ усиліемъ близъ мѣсяца; наконецъ осажденные принуждены были сдаться: чѣмъ рѣшилась судьба всѣхъ Двинскихъ областей. Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь въ одной рукѣ держалъ мечь казни *для* измѣнниковъ, въ другой милостивую грамоту *для* жителей, готовыхъ раскаяться въ винѣ своей: толпами стекаясь къ его знаменамъ, они смиренно *били челомъ*, въ надеждѣ на милосердіе Великаго Новагорода. Посадникъ оковалъ цѣпями главнаго Двинскаго Воеводу, Новогородскаго Боярина Іоанна съ братьями, Айфаломъ, Герасимомъ и Родіономъ; Великокняжескаго Намѣстника, Ѳеодора Ростовскаго, отнявъ у него казну, отпустилъ къ Государю со всѣми людьми воинскими; обложилъ Московскихъ купцевъ тремя стами рублей, а Двинскихъ жителей двумя тысячами; взялъ у нихъ еще 3000 коней, и возвратился съ торжествомъ въ Новгородъ. Окованные измѣнники были представлены народу: Іоанна скинули съ моста въ Волховъ; братья его, Герасимъ и Родіонъ, постриглись въ Монахи, съ дозволенія Архіепископа и гражданъ; Айфалъ ушелъ съ дороги. — Зная мѣру силъ своихъ, и ни мало не ослѣпленные удачею мести, Новогородцы предложили миръ Великому Князю. Посадникъ Іосифъ и Тысячскій явились во дворцѣ его съ дарами и съ видомъ хитраго смиренія; не могли обольстить Государя проницательнаго, но успѣли во всемъ: ибо Василій зналъ, что Новогородцы въ то же время имѣли сношенія съ Витовтомъ, предлагали ему на нѣкоторыхъ условіяхъ быть ихъ Главою и покровите-

Г.1398. лемъ ([172]). Великій Князь не сомнѣвался, что они могли дѣйствительно, въ случаѣ крайности, приступить къ Литвѣ, и скрывъ внутреннюю досаду, отказался отъ Двинской земли, Вологды и другихъ владѣній Новогородскихъ; далъ имъ миръ и послалъ брата своего, Андрея, для исполненія всѣхъ условій онаго. Тогда Витовтъ, считая себя осмѣ-
Г.1399. яннымъ, немедленно отослалъ къ Новогородцамъ мирный договоръ, заключенный съ ними въ самый первый годъ восшествія его на престолъ Литовскій. Они также возвратили ему дружественную грамоту: что было объявленіемъ войны и называлось посылкою *разметныхъ грамотъ*. Но Витовтъ отсрочилъ сію войну, занимаясь приготовленіями къ другой, важнѣйшей.

Происшествія въ Ордѣ. Тохтамышъ, по отшествіи Тамерлана, собралъ новыя силы: еще большая часть Орды признавала его своимъ Ханомъ. Онъ вступилъ въ Сарай, отправилъ Посольства къ Державамъ сосѣдственнымъ и называлъ себя единственнымъ повелителемъ Батыевыхъ Улусовъ ([173]). Но Тимуръ Кутлукъ, или, по нашимъ лѣтописямъ, Темиръ Кутлуй — напалъ на него внезапно, побѣдилъ, и взялъ Сарай. Тохтамышъ съ своими Царицами, съ двумя сыновьями, съ казною и съ Дворомъ многочисленнымъ бѣжалъ въ Кіевъ, искать защиты сильнаго Витовта, который съ удовольствіемъ объявилъ себя покровителемъ столь знаменитаго изгнанника, гордо обѣщая возвратить ему Царство. Уже Витовтъ отвѣдалъ счастія противъ Моголовъ, и въ окрестностяхъ Азова плѣнивъ цѣлый Улусъ, населилъ ими разныя деревни близъ Вильны, гдѣ потомство ихъ живетъ и донынѣ ([174]).
Замыслы Витовта. Онъ утѣшался мыслію слыть побѣдителемъ народа, коего ужасалась Азія и Европа, — располагать трономъ Батыевымъ, открыть себѣ путь на Востокъ и сокрушить самого Тамерлана. Готовя ударъ рѣшительный, Герой Литовскій желалъ, какъ вѣроятно, склонить и Великаго Князя къ содѣйствію: по крайней мѣрѣ въ сіе время пріѣзжалъ отъ него Посолъ въ Москву, Князь Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій. Ничто не могло быть для Россіи благопріятнѣе войны между двумя народами, ей равно ненавистными: надлежало ли способствовать перевѣсу того или другаго? Ханы Ординскіе требовали отъ насъ дани: Литовцы совершеннаго подданства. Великое Княжество Москов-

ское, отсылая серебро въ Улусы, еще Г.1399. гордилось независимостію въ сравненіи съ бывшими Княжествами Днѣпровскими, и благоразумный Василій Димитріевичь, не смотря на мнимую дружбу тестя, зналъ, что онъ, захвативъ Смоленскую область, готовъ взять и Москву. И такъ, вмѣсто полковъ, Великій Князь отправилъ въ Смоленскъ, гдѣ находился Витовтъ, супругу свою съ Боярами и привѣтливыми словами. Лукавый отецъ ея не уступалъ въ ласкахъ зятю: великолѣпно угостилъ дочь, нашихъ Бояръ, и въ знакъ родительской нѣжности далъ ей множество иконъ съ памятниками Страстей Господнихъ, вывисанными изъ Греціи однимъ Княземъ Смоленскимъ ([175]).

Не хотѣвъ участвовать въ замышляемой борьбѣ Литвы съ Моголами, Василій въ то же время не устрашился самъ поднять на нихъ мечь, чтобы отмстить имъ за разореніе Нижняго Новагорода, о коемъ мы выше упоминали. Онъ послалъ брата своего, Князя Юрія Димитріевича, въ Казанскую Болгарію съ Наши завоеванія въ Болгаріи. сильнымъ войскомъ, которое взяло ея столицу (и нынѣ извѣстную подъ именемъ *Болгаровъ*), Жукотинъ, Казань, Кременчугъ ([176]); три мѣсяца опустошало сію торговую землю и возвратилось съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки Россійскіе не ходили столь далеко въ Ханскія владѣнія, и Василій Димитріевичь слылъ съ того времени *Завоевателемъ Болгаріи*; но время истинныхъ, прочныхъ завоеваній для Россіи еще не наступило.

Можетъ быть, хитрый Великій Князь въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Витовтомъ представлялъ ему сей счастливый походъ какъ дѣйствіе союза, заключеннаго ими противъ Моголовъ; но Государь Литовскій, не менѣе хитрый, видѣлъ въ зятѣ тайнаго, опаснаго врага, который только до случая оставлялъ его спокойно владѣть наслѣдіемъ Ярославова потомства. Безопасность Литовскихъ пріобрѣтеній въ Россіи требовала гибели Княженія Московскаго, уже сильнаго; и Витовтъ, обѣщаясь возстановить власть Тохтамыша надъ Золотою Ордою, Заяицкою, Болгаріею, Тавридою и Азовомъ, именно поставилъ въ условіе, какъ увѣряютъ наши Лѣтописцы, чтобы сей Ханъ отдалъ Москву Литвѣ ([177]).

Долго Витовтъ готовился къ важному походу, собирая войско въ Кіевѣ. Тщет-

г.1399. но Польская Королева Ядвига, хваляся прозицаніемъ будущаго, предсказывала ему бѣдствіе (178): слабый Ягайло далъ брату знатнѣйшихъ Воеводъ своихъ: Спитка Краковскаго, Сандивогія Остророгскаго, Доброгостія Самотульскаго, Іоанна Мазовскаго и другихъ съ отборными ратниками. Знамена Литовскія развѣвались предъ самыми стѣнами Кіева, украшенныя трофеями побѣдъ Гедимина, Ольгерда и Кестутія. Дружины нашихъ Князей, данниковъ Витовта, стояли въ рядахъ съ Литовцами, Жмудью, Волохами, а Моголы Тохтамышевы полкомъ особеннымъ, равно какъ и 500 богато-вооруженныхъ Нѣмцевъ, присланныхъ Великимъ Магистромъ Прусскаго Ордена. Пятдесятъ Князей, Россійскихъ и Литовскихъ, подъ верховнымъ начальствомъ Витовта предводительствовали ратію, многочисленною и бодрою.

Въ сіе время явился Посолъ Тимура Кутлука. Именемъ своего Хана онъ говорилъ Князю Литовскому: «Выдай мнѣ Тохтамыша, врага моего, нѣкогда Царя великаго, нынѣ бѣглеца презрѣннаго: такъ непостоянна судьба жизни!» Витовтъ сказалъ (179): «иду видѣться съ Тимуромъ» — и пошелъ къ Югу тѣмъ самымъ путемъ, коимъ нѣкогда ходилъ Мономахъ разить дикихъ Половцевъ. За рѣками Сулою и Хоролемъ, на берегахъ Ворсклы стоялъ Тимуръ Кутлукъ съ Моголами, болѣе желая мира, нежели битвы. «Почто идешь на меня?» велѣлъ онъ сказать Витовту: «я не вступалъ никогда въ землю твою съ оружіемъ.» Князь Литовскій отвѣтствовалъ: «Богъ готовитъ мнѣ владычество надъ всѣми землями. Будь моимъ сыномъ и данникомъ, или будешь рабомъ.» Тимуръ неотступно предлагалъ миръ; признавалъ Витовта *старѣйшимъ;* соглашался даже, по словамъ нашихъ Лѣтописцевъ, платить ему ежегодно нѣкоторое количество серебра. Гордый Князь Литовскій, подражая хвастовству Восточному (180), хотѣлъ еще, чтобы Моголы изображали на своихъ деньгахъ знаменіе или печать его: въ такомъ случаѣ обѣщалъ не помогать Тохтамышу. Ханъ требовалъ срока на три дни, и между тѣмъ дарилъ, чествовалъ, ласкалъ Витовта Посольствами. Сіе удивительное смиреніе было, кажется, одною хитростію, чтобы продлить время и соединиться съ остальными полками Татарскими.

Эди-гей. Все перемѣнилось, когда пришелъ въ станъ къ Моголамъ сѣдый Князь Эдигей, славный умомъ и мужествомъ. Онъ г.1399. былъ вторымъ Мамаемъ въ Ордѣ и повелѣвалъ Ханомъ; нѣкогда служилъ Тамерлану и носилъ на себѣ знаки его милостей. Свѣдавъ отъ Тимура о мирныхъ условіяхъ, предложенныхъ Витовтомъ, Эдигей сказалъ: «лучше умереть,» и требовалъ свиданія съ Княземъ Литовскимъ. Они съѣхались на берегу Ворсклы. «Князь храбрый!» говорилъ Вождь Татарскій: «Царь нашъ справедливо могъ признать тебя отцемъ: ты его старѣе лѣтами, но моложе меня: и такъ изъяви мнѣ покорность, плати дань и на деньгахъ Литовскихъ изобрази печать мою.» Сія насмѣшка привела Витовта въ ярость: онъ громогласно возвѣстилъ битву и привелъ полки въ движеніе. Благоразумнѣйшій изъ Воеводъ его, Спитко Краковскій, видя множество Татаръ, еще совѣтовалъ искать мира и на условіяхъ честныхъ для обѣихъ сторонъ; но юные витязи Литовскіе кричали: «сокрушимъ невѣрныхъ!» и знаменитый Панъ Щуковскій, гордый сердцемъ, дерзкій языкомъ, сказалъ ему: «Если по любви къ женѣ прекрасной и къ наслажденіямъ роскоши ты боишься смерти, то не охлаждай другихъ, готовыхъ отдать жизнь за славу.» Великодушный Спитко отвѣтствовалъ: «Несчастный! я паду въ битвѣ, а ты обратишь тылъ» (181). Войско Августа 12. Литовское перешло за Ворсклу и сразилось.

Рать Ханская была многочисленнѣе. Витовтъ надѣялся на свои пушки и пищали; но сіи орудія, какъ говорятъ Лѣтописцы, дѣйствовали слабо въ открытомъ полѣ, гдѣ Татары, разсыпаясь, могли нападать на ряды Литовскіе съ боку: скажемъ лучше, что искусство огнестрѣльное находилось тогда во младенчествѣ; не умѣли заряжать скоро, ни съ легкостію обращать пушку во всѣ стороны. Однакожь Литовцы привели въ смятеніе толпы Эдигеевы, и считали себя уже побѣдителями, когда Тимуръ Кутлукъ, ученикъ Тамерлановъ, зашелъ имъ въ тылъ и стремительнымъ ударомъ сломилъ полки ихъ. Тохтамышъ прежде всѣхъ оставилъ мѣсто сраженія; за нимъ Витовтъ и надменный Панъ Щуковскій; а великодушный Спитко умеръ Героемъ. Ужасное кровопролитіе продолжалось до самой глубокой ночи: Моголы рѣзали, топтали непріятелей, или брали въ плѣнъ, кого хотѣли. Ни Чингисханъ, ни Батый не одерживали побѣды совершеннѣйшей. Едва ли третія

г. 1399. часть войска Литовскаго спаслася. Множество Князей легло на мѣстѣ, и въ томъ числѣ Глѣбъ Святославичь Смоленскій, Михаилъ и Димитрій Даниловичи Волынскіе, потомки славнаго Даніила, Короля Галицкаго — сподвижникъ Димитрія Донскаго, Андрей Ольгердовичь, который, бѣжавъ отъ Ягайла, нѣсколько времени жилъ во Псковѣ, и возвратился служить Витовту — Димитрій Брянскій, также сынъ Ольгердовъ и также вѣрный союзникъ Донскаго — Князь Михайло Евнутіевичь, внукъ Гедиминовъ — Іоаннъ Борисовичь Кіевскій — Ямонтъ, Намѣстникъ Смоленскій и другіе ([182]). Ханъ Тимуръ Кутлукъ гналъ остатки непріятельскаго войска къ Днѣпру, взялъ съ Кіева 3000 рублей серебра Литовскаго въ окупъ, а съ монастыря Печерскаго особенно 30 рублей; оставилъ тамъ своихъ Баскаковъ, и погромивъ Витовтовы области до самаго Луцка, возвратился въ Улусы. — Такъ Литовскій Герой, хотѣвъ удивить міръ великимъ подвигомъ, снискалъ одинъ стыдъ, лишился войска, открылъ Моголамъ путь въ свои владѣнія, и долженъ былъ опасаться еще дальнѣйшихъ худыхъ слѣдствій.

Вѣсть о несчастіи его произвела въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ, въ Рязани, дѣйствіе двоякое: жалѣли о многихъ Россіянахъ падшихъ подъ знаменами Литовскими; съ изумленіемъ видѣли, сколь могущество Орды еще велико; боялись новой гордости, новаго тиранства Хановъ, и вмѣстѣ утѣшались мыслію, что силы опасной Литвы ослабѣли. Но Витовтъ имѣлъ въ Россіи истиннаго друга, который огорчился бы его бѣдствіемъ, если бы успѣлъ свѣдать оное. Сей другъ, Князь Михаилъ Тверскій, преставился почти въ самое то время, когда Ханъ разбилъ Литовцевъ ([183]). Безполезно истощивъ всѣ способы вредить Донскому, Михаилъ Александровичь жилъ наконецъ мирно, ибо видѣлъ, что правленіе юнаго Василія не уступаетъ Димитріеву ни въ силѣ, ни въ мудрости; оставивъ намѣреніе лишить Владѣтелей Московскихъ Великокняжескаго сана и вообще противиться успѣхамъ ихъ могущества, онъ заключилъ даже оборонительный союзъ съ Василіемъ на случай впаденія въ Россію Моголовъ, Нѣмцевъ, Ляховъ, Литвы, но тайно держался Витовта, какъ естественнаго недоброжелателя или завистника Москвы, и (въ 1397 году) посылалъ къ нему сына, Іоанна, женатаго на Маріи, сестрѣ Витовтовой, безъ сомнѣнія не г. 1399. столько для родственнаго свиданія, сколько для важныхъ государственныхъ переговоровъ.

Хотя Василій не изъявлялъ никакихъ враждебныхъ намѣреній въ разсужденіи Твери, однакожь Князь ея съ безпокойствомъ видѣлъ, что онъ весьма ласково принялъ его племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго, который, не хотѣвъ зависѣть отъ дяди, уѣхалъ въ Москву, сочетался бракомъ съ Анастасіею, сестрою Великаго Князя, и былъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ ([184]). Имѣя 66 лѣтъ отъ рожденія, Михаилъ еще бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; но вдругъ занемогъ столь жестоко, что въ нѣсколько дней всѣ его силы исчезли. Онъ написалъ духовную грамоту: отдалъ старшему сыну, Іоанну, Тверь, Новый Городокъ, Ржевъ, Зубцевъ, Радиловъ, Вобрынъ, Опоки, Вертязинъ; другому сыну, Василію, и внуку Іоанну Борисовичу Кашинъ съ Коснятинымъ; а меньшему, Ѳеодору, два городка Микулина, повелѣвая имъ жить въ любви и слушаться брата старшаго. Обстоятельства кончины его достопамятны. Къ нему возвратились тогда Послы изъ Константинополя, Тверскій Протопопъ Даніилъ и церковники, которые ѣздили съ милостынею въ Грецію и привезли отъ Патріарха въ даръ Князю икону Страшнаго Суда. Забывъ болѣзнь и слабость, онъ всталъ съ ложа, встрѣтилъ сію икону на дворѣ, цѣловалъ оную съ великимъ усердіемъ, и пригласилъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшее Духовенство вмѣстѣ съ нищими, слѣпыми и хромыми; братски обѣдалъ съ ними, и водимый слугами, каждому изъ гостей поднесъ такъ называемую *прощальную чашу* вина, моля ихъ, чтобы они благословили его. Никто не могъ удержаться отъ слезъ. Облобызавъ дѣтей, Бояръ, слугъ, Михаилъ пошелъ въ Соборную церковь, поклонился гробу отца и дѣда, указалъ мѣсто для своей могилы, и сталъ на паперти, гдѣ собралося множество людей, которые смотрѣли на него съ горестнымъ умиленіемъ. Сей нѣкогда величественный Князь, бывъ необыкновенно высокъ и дороденъ, казался уже тѣнію; блѣдный, слабый, едва передвигалъ ноги. Народъ плакалъ и безмолвствовалъ; но когда Михаилъ, смиренно преклонивъ голову, сказалъ: «иду отъ людей къ Богу: братья! отпустите меня съ искреннимъ благословеніемъ!» тогда всѣ

Кончина Князя Тверскаго.

Г. 1399. зарыдали, единодушно восклицая: «Господь благословитъ тебя, Князь добрый!» Онъ сошелъ съ ступеней. Сыновья и Бояре хотѣли вести его во дворецъ: но Михаилъ, къ изумленію ихъ, указалъ рукою на Лавру Св. Аѳанасія; приведенный въ сей монастырь, былъ тамъ постриженъ Епископомъ Арсеніемъ, названъ Матѳеемъ, и въ седьмый день скончался, съ именемъ Князя умнаго, милостиваго и *грознаго* въ похвальномъ смыслѣ: ибо онъ, какъ сказано въ лѣтописи, *не потакалъ Боярамъ*, любя правосудіе; истребилъ въ своемъ Княженіи разбои, воровство, ябеду; уничтожилъ *злые налоги торговые;* утвердилъ города, успокоилъ села, такъ, что жители другихъ областей тысячами переселялись въ Тверскую. — Съ жизнію Михаила исчезло и благоденствіе сего Княженія: начались Боярскія смуты и раздоры между его сыновьями. Іоаннъ, узнавъ о торжествѣ Хана и несчастіи своего шурина, отправилъ Посольство къ первому, смиренно моля, чтобы онъ далъ ему жалованную грамоту на всю землю Тверскую (185). Послы уже не застали Тимура Кутлука: онъ умеръ; но
Г. 1400. сынъ его, Шадибекъ, исполнилъ желаніе Іоанна, который, пользуясь милостивыми ярлыками Ханскими, вопреки совѣтамъ матери сталъ утѣснять братьевъ и племянника. Они искали защиты въ Москвѣ. Великій Князь безкорыстно старался мирить ихъ, хотя и не надолго. Два раза Іоаннъ приступалъ къ Кашину, и держалъ брата, Василія Михайловича, какъ плѣнника въ Твери; освободилъ его, но послалъ въ Кашинъ своихъ Намѣстниковъ. Въ семъ междоусобіи Лѣтописцы обвиняютъ наиболѣе невѣстку Іоаннову, вдовствующую супругу Бориса Михайловича, родомъ Смолянку; впрочемъ онъ гналъ и сына ея, желая быть единовластнымъ. Въ угодность, можетъ быть, Государю Московскому Іоаннъ примирился съ зятемъ его, Княземъ Холмскимъ, и не мѣшалъ ему спокойно жить въ Удѣлѣ отцевскомъ; но сей Князь, скоро умершій Схимникомъ и бездѣтнымъ, долженъ былъ отказать свою наслѣдственную область сыну Іоаннову, Александру (186). Однимъ словомъ, Удѣльная Система вообще клонилась тогда въ Россіи къ паденію.

Не смотря на ослабленіе Литовскихъ силъ, Князь Тверскій желалъ остаться другомъ Витовта, и возобновилъ съ нимъ прежній союзъ, одобренный и, согласно съ ихъ волею, утвержденный Г. 1400. Государемъ Василіемъ Димитріевичемъ, который не думалъ объявить себя врагомъ тестя (уважая льва, хотя и раненнаго), особенно по тому, что имѣлъ причину опасаться Орды (187): ибо со времени нашествія Тамерланова прервалъ всѣ сношенія съ нею, какъ бы не зная, кого признавать ея Главою: Тохтамыша, или Шадибека, или Койричака. Одни внутренніе раздоры Моголовъ, не утишенные и славною ихъ побѣдою надъ Литвою, не дозволяли имъ обратить вниманія на Москву. — Витовтъ съ своей стороны болѣе нежели когда нибудь искалъ дружбы Великаго Князя, чтобы удалить его отъ союза съ Олегомъ и съ изгнанникомъ Смоленскимъ, Юріемъ Святославичемъ, который выдалъ дочь свою, Анастасію, за Василіева брата, Юрія; тогда же сынъ Владиміра Храбраго, Іоаннъ, женился на внукѣ Олеговой. Легко было предвидѣть, что Князь Смоленскій захочетъ воспользоваться несчастіемъ Литвы; въ самомъ дѣлѣ онъ неотступно убѣждалъ тестя возвратить ему престолъ: чего желалъ тайно и Василій Димитріевичь, однакожь не согласился помогать имъ. Увѣренные по крайней мѣрѣ въ его искреннемъ доброхотствѣ, Олегъ и Юрій, собравъ войско, Г. 1401. незапно осадили Смоленскъ, гдѣ жители, ненавидя Литовское правленіе, отворили ворота и съ восхищеніемъ приняли своего законнаго Князя. Къ сожалѣнію, день народнаго торжества и веселія обратился въ день лютаго кровопролитія: Юрій Святославичь, ослѣпленный местію, умертвилъ Витовтова Намѣстника, Князя Романа Михайловича Брянскаго, происшедшаго отъ Св. Михаила Черниговскаго, и множество Бояръ Смоленскихъ, которые держали сторону Литвы (188). Онъ не зналъ, что милость въ такихъ случаяхъ благопріятствуетъ не только человѣколюбію, но и собственнымъ выгодамъ Государя. Головы отцевъ и мужей пали: жены, дѣти и друзья убіенныхъ остались, возбуждали въ народѣ ненависть къ свирѣпому Князю и могли говорить: «иноплеменный Витовтъ здѣсь властвовалъ мирно; Князь Россійскій возвратился лить нашу кровь.» Одна жестокость раждаетъ часто необходимость другой. Когда Витовтъ, узнавъ о взятіи Смоленска, явился предъ стѣнами онаго съ войскомъ, съ пушками, многіе изъ граждан хотѣли сдаться Литвѣ. Умыселъ ихъ открылся: Юрій казнилъ

Временная независимость Великаго Княженія.

Удача и неблагоразуміе Князя Смоленскаго.

всѣхъ безъ пощады, и на сей разъ отразивъ непріятеля, заключилъ съ нимъ перемиріе.

г. 1402. Ободренный своимъ успѣхомъ и неудачами Литвы, Князь Рязанскій послалъ сына, именемъ Родслава, воевать Брянскъ, имѣя намѣреніе, если можно, освободить и сей древній Черниговскій Удѣлъ отъ власти иноплеменниковъ. Но Витовтъ успѣлъ взять мѣры. Однимъ изъ лучшихъ его Полководцевъ былъ Лугвеній-Симеонъ Ольгердовичь: еще въ 1392 году онъ возвратился въ Литву изъ Новагорода, и женился на сестрѣ Василія Димитріевича ([189]), Маріи (которая, живъ съ нимъ пять лѣтъ, преставилась въ Мстиславлѣ, откуда тѣло ея привезли въ Москву). Лугвеній, отряженный Витовтомъ, соединился съ Александромъ Патрикіевичемъ Стародубскимъ, встрѣтилъ Рязанцевъ у Любутска, и побивъ ихъ на голову, плѣнилъ самого Родслава. Сей успѣхъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ весьма важенъ для Витовта: ободрилъ Литву, устрашилъ Россіянъ. Ненавидя Олега, Витовтъ мстилъ ему жестокимъ заключеніемъ сына его въ оковы и въ темницу, въ которой онъ томился три года, и наконецъ, за 2000 рублей, получилъ свободу. Старецъ Олегъ не могъ пережить сего несчастія и скончался Инокомъ: Князь ума рѣдкаго и славнѣйшій изъ всѣхъ Рязанскихъ Владѣтелей; долговременный, лукавый врагъ Донскаго и Москвы, но любимый своимъ народомъ и достохвальный въ его послѣднихъ усиліяхъ возвратить отечеству Литовскія завоеванія. Имѣвъ Христіанское имя Іакова, онъ названъ въ Монашествѣ Іоакимомъ и погребенъ въ Обители Солотчинской, имъ основанной близъ Рязани ([190]). Сынъ его, Θеодоръ, сѣлъ на престолѣ отца, утвержденный въ семъ наслѣдствѣ грамотою Хана Шадибека. (Чрезъ нѣкоторое время онъ былъ изгнанъ Княземъ Пронскимъ, Іоанномъ Владиміровичемъ; а послѣ, заключивъ съ нимъ миръ, княжилъ спокойно, будучи въ тѣсной связи съ шуриномъ своимъ, Государемъ Московскимъ).

г. 1403. Витовтъ еще нѣсколько времени оставлялъ Юрія Смоленскаго въ покоѣ. Собравъ силы, онъ послалъ Лугвенія на Вязьму, зная мужество сего Ольгердова сына и довѣренность къ нему Россіянъ, которые любили его какъ единовѣрнаго. Лугвеній овладѣлъ Вязьмою безъ кровопролитія, плѣнивъ ея Князя, Іоанна Святославича ([191]). Тогда Витовтъ со г. 1404. всѣми полками двинулся къ Смоленску; цѣлыя семь недѣль осаждалъ его съ величайшимъ усиліемъ, ежедневно стрѣляя изъ пушекъ, но отступилъ безъ малѣйшаго успѣха: столь крѣпокъ былъ городъ, и столь упорно защищаемъ Юріемъ. Потерпѣли однѣ волости Смоленскія, разоренныя Литвою. Юрій, опасаясь новаго нападенія, желалъ видѣться съ Великимъ Княземъ; оставилъ въ Смоленскѣ супругу, Бояръ, и давъ имъ слово возвратиться немедленно, спѣшилъ въ Москву. Василій Димитріевичь принялъ его дружелюбно. «Будь моимъ великодушнымъ покровителемъ,» говорилъ Юрій: «Витовтъ тебя уважаетъ: примири насъ, или защити меня, если онъ презритъ твое ходатайство. Когда же не хочешь того, будь Государемъ моимъ и Смоленскимъ. Желаю лучше служить тебѣ, нежели видѣть иноплеменника на престолѣ Мономахова потомства.» Предложеніе казалось лестнымъ. Но зная твердое намѣреніе Витовта снова покорить Смоленскъ, чего бы то ни стоило; зная, что присоединить сіе Княженіе къ Москвѣ есть объявить ему войну, Великій Князь не соглашался быть ни ходатаемъ, ни защитникомъ, ни Государемъ Смоленска, слѣдуя правилу жить въ мирѣ съ Литвою, пока Витовтъ не касался собственныхъ Московскихъ владѣній. Такъ говорятъ Лѣтописцы; однакожь долговременное пребываніе Юрія въ Москвѣ свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ, что онъ не терялъ надежды успѣть въ своемъ исканіи: измѣнники предупредили его.

Будучи врагомъ опасной Литвы, сей Князь, къ несчастію, имѣлъ враговъ еще опаснѣйшихъ между Смоленскими Боярами, озлобленными казнію ихъ ближнихъ: пользуясь его отсутствіемъ, они тайно призвали Витовта и сдали ему городъ. Полки Литовскіе безъ малѣйшаго сопротивленія вступили въ крѣпость, обезоружили воиновъ, взяли нѣкоторыхъ вѣрныхъ Бояръ подъ стражу, впрочемъ не дѣлая жителямъ никакого вреда, соблюдая тишину, благоустройство. Супруга Юріева была отправлена въ Литву, и Витовтъ, занявъ всю Смоленскую область, вездѣ опредѣлилъ своихъ чиновниковъ, къ неудовольствію измѣнниковъ Россійскихъ, которые надѣялись управлять ею; но гражданамъ Политика Витовта. и сельскимъ жителямъ даровалъ особенную льготу, желая отвратить народъ

г. 1404. отъ Юрія и привязать къ себѣ (192): въ чемъ успѣлъ совершенно, и чрезъ нѣсколько лѣтъ въ кровопролитной съ Нѣмцами битвѣ, гдѣ болѣе 60,000 человѣкъ легло на мѣстѣ, одержалъ побѣду единственно храбростію вѣрныхъ ему Смоленскихъ воиновъ. — Такимъ образомъ взявъ древній городъ Россійскій въ первый разъ обманомъ, вторично измѣною, Витовтъ благоразумною политикою утвердилъ его за Литвою на 110 лѣтъ, и тѣмъ заключилъ ея важныя присвоенія въ Россіи. Время счастливыхъ возвратовъ было для насъ уже не далеко.

Нечаянная вѣсть о взятіи Смоленска поразила Юрія Святославича; изумила и Великаго Князя, такъ, что онъ вообразилъ себя обманутымъ, и призвавъ Юрія, осыпалъ его укоризнами, говоря: «Ты хотѣлъ единственно обольстить меня лукавыми предложеніями: Смоленскъ не могъ сдаться Литвѣ безъ твоего повелѣнія» (193). Напрасно сей несчастный Князь увѣрялъ, что виною тому измѣна Бояръ: Василій остался въ подозрѣніи, и Юрій, не находя въ Москвѣ ни защиты, ни самой личной для себя безопасности, рѣшился искать той и другой въ вольномъ Новѣгородѣ.

Неудовольствія Новогородцевъ. Государствованіе Василія Димитріевича было для Новогородцевъ временемъ безпокойнымъ: они никакъ не могли долго жить съ нимъ въ мирѣ, видя его непрестанныя покушенія на ихъ свободу и достояніе. Такъ онъ (въ 1401 году) велѣлъ Митрополиту задержать въ Москвѣ Новогородскаго Архіепископа Іоанна, который ревностно ходатайствовалъ за гражданскія права своей духовной паствы (194). Такъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, воины Великокняжескіе схватили въ Торжкѣ двухъ знаменитыхъ Бояръ, непріятныхъ Государю, и взяли все ихъ имѣніе. Такъ рать Московская безъ объявленія войны вступила въ Двинскую землю, будучи предводима Новогородскими измѣнниками, Айфаломъ и братомъ его, Герасимомъ разстригою, ушедшимъ изъ монастыря: они плѣнили Двинскаго Посадника, многихъ Бояръ, и вездѣ грабили безъ милосердія; но разбитые въ Колмогорахъ, оставили плѣнниковъ и бѣжали. (Сей мятежникъ Айфалъ, не успѣвъ въ замыслахъ противъ отечества, разбойничалъ послѣ на Камѣ и Волгѣ, имѣя у себя до 250 судовъ; былъ въ плѣну у Татаръ и наконецъ убитъ на Вяткѣ Михайломъ Разсохинымъ, подобнымъ ему бѣглецомъ г. 1404. Новогородскимъ). — Хотя Великій Князь освободилъ взятыхъ въ Торжкѣ Бояръ и Архіепископа Іоанна, болѣе трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ кельѣ Николаевскаго монастыря; однакожь Новгородъ ждалъ и впредь съ его стороны такихъ же утѣсненій, будучи готовъ противиться онымъ.

Юрій Святославичъ, съ сыномъ Ѳеодоромъ, братомъ Владиміромъ и Княземъ Симеономъ Мстиславичемъ Вяземскимъ, явился тамъ среди народа и смиренно просилъ убѣжища. Новогородцы любили казаться великодушными въ такихъ случаяхъ. Мысль быть покровителями одного изъ знаменитѣйшихъ Князей Россійскихъ, гонимаго Витовтомъ, отверженнаго Великимъ Княземъ, льстила ихъ гордости. Они приняли изгнанника съ ласкою, и сдѣлали еще болѣе: дали ему 13 городовъ въ управленіе (195): Русу, Ладогу и другіе, съ условіемъ, чтобы онъ, какъ воинъ мужественный, ревностно блюлъ цѣлость ихъ владѣній, не щадя ни трудовъ, ни жизни. Взаимныя клятвы утвердили сей договоръ, равно непріятный Витовту и Василію Димитріевичу. Первый, будучи тогда уже въ мирѣ съ Новымгородомъ, жаловался, что его злодѣй сыскалъ тамъ дружбу и довѣренность; а Великій Князь съ неудовольствіемъ видѣлъ, что сей народъ въ случаѣ столь важномъ дѣйствуетъ самовластно, безъ всякаго сношенія съ Москвою. Впрочемъ Юрій не долго жилъ въ области Новогородской: привыкнувъ господствовать неограниченно, онъ скучалъ своею зависимостію отъ народнаго Вѣча, и возвратился въ Москву съ новою надеждою на покровительство Ва- г. 1406. силія Димитріевича, который, начиная тогда ссориться съ Витовтомъ за впаденіе Литвы въ границы Пскова, принялъ Юрія весьма дружелюбно и сдѣлалъ Намѣстникомъ въ Торжкѣ. Но сей несчастный изгнанникъ скоро лишился и милости Великаго Князя и сожалѣнія людей, въ глазахъ цѣлой Россіи возложивъ на себя знаменіе гнуснаго преступника.

Злодѣйство Князя Смоленскаго. Князь Симеонъ Мстиславичь Вяземскій раздѣлялъ съ нимъ бѣдствіе изгнанія какъ другъ и знаменитый слуга его. Онъ имѣлъ прекрасную, добродѣтельную супругу, именемъ Іуліанію. Равно жестокій и сластолюбивый, Юрій пылалъ вожделѣніемъ осквернить ложе Симеоново; не успѣлъ въ томъ ни соблазномъ, ни коварными хитростями, и дерзнулъ

г. 1406 на явное злодѣяніе: въ своемъ домѣ, среди веселаго пира, убилъ Князя Вяземскаго, и думалъ воспользоваться ужасомъ несчастной супруги. Но любя непорочность болѣе всего въ мірѣ, она схватила ножъ, и хотѣвъ ударить имъ насильника въ горло, уязвила въ руку. Одно чувство уступило мѣсто другому; любострастіе гнѣву. Юрій, обнаживъ мечь, догналъ Іуліанію на дворѣ, изрубилъ ее въ куски, и велѣлъ бросить въ рѣку ([196]). Такая гнусность могла постыдить вѣкъ: впечатлѣніе, произведенное оною въ сердцахъ современниковъ, оправдало его. Юрій, подобно Каину ознаменованный печатію злодѣйства, гонимый всеобщимъ презрѣніемъ, не смѣя показаться ни Князьямъ, ни народу, уѣхалъ въ Орду; скитался въ степяхъ нѣсколько мѣсяцевъ и кончилъ жизнь въ одномъ пустынномъ монастырѣ области Рязанской. Онъ былъ послѣднимъ изъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ, происшедшихъ отъ внука Мономахова, Ростислава Мстиславича.

Разрывъ съ Литвою. Наконецъ пришло время явной вражды между Государемъ Московскимъ и Литвою. Псковъ, освобожденный Новогородцами отъ всѣхъ обязанностей подданства, былъ управляемъ собственными законами; принималъ Намѣстниковъ отъ Василія Димитріевича, но избиралъ себѣ чиновниковъ и Князей или Воеводъ, иногда чужеземныхъ: такъ Андрей Ольгердовичь и сынъ его, Іоаннъ, нѣсколько времени начальствовали въ ономъ ([197]). Сія вольность не даровала благоденствія Псковитянамъ: угрожаемые съ одной стороны Ливонскимъ Орденомъ, съ другой Витовтомъ, напрасно требовали они защиты отъ своихъ братьевъ, Новогородцевъ, которые завидовали успѣхамъ ихъ счастливой торговли, и не только отказывались помогать имъ, не только въ мирныхъ договорахъ съ Нѣмцами, съ Литвою, умалчивали о Псковѣ, но даже сами тѣснили и приходили осаждать его; не имѣя успѣха въ сихъ нападеніяхъ, мирились, и всегда неискренно. Сверхъ того онъ вторично былъ жертвою язвы, которая нѣсколько разъ возобновлялась. Чтобы воспользоваться его несчастіемъ, коварный Витовтъ, будто бы честно объявляя войну, послалъ *разметную* Псковскую *грамоту* къ Новогородцамъ, напалъ неожидаемо на владѣнія Псковитянъ, взялъ городъ Коложе и плѣнилъ 11,000 Россіянъ. Въ то же время Магистръ Ливонскій опустошилъ селенія вокругъ г. 1406. Изборска, Острова, Котельна. Еще не теряя бодрости, Псковитяне немедленно отмстили Витовту разореніемъ Великихъ Лукъ и Новоржева, ему подвластныхъ; отняли у Литвы Коложское знамя, и разбили Нѣмцевъ близъ Киремпе: но вѣдая мѣру силъ своихъ, прибѣгнули къ Государю Московскому. Хотя они, подобно Новугороду, имѣли свою особенную систему политическую, и въ самомъ дѣлѣ мало зависѣли отъ Великаго Князя: однакожь Василій, называясь ихъ Государемъ, рѣшился доказать истину сего названія; отправилъ къ нимъ брата, Константина Димитріевича, и требуя удовлетворенія отъ Витовта, началъ собирать полки. Его *система осторожности* не перемѣнилась: онъ хотѣлъ мира, но хотѣлъ доказать и готовность къ войнѣ въ случаѣ необходимости, чтобы удержать хищность Литвы и спасти остатокъ независимой Россіи.

Витовтъ отвѣтствовалъ гордо. Призвавъ въ союзъ къ себѣ Іоанна Михайловича Тверскаго, Великій Князь послалъ Воеводъ на Литовскіе города: Серпейскъ, Козельскъ и Вязьму ([198]). Воеводы возвратились безъ успѣха: огорченный симъ худымъ началомъ, и думая, что Витовтъ со всѣми силами устремится на Москву, Василій Димитріевичь рѣшился возобновить дружелюбную связь съ Ордою, вопреки мнѣнію старыхъ Бояръ; требовалъ вспоможенія отъ Шадибека и представлялъ, что Литва есть общій ихъ врагъ. Не было слова о дани и зависимости: Василій искалъ только союза Татаръ, и юный Шадибекъ, управляемый доброхотами Государя Московскаго, дѣйствительно прислалъ ему нѣсколько полковъ. Выступивъ въ поле, Великій Князь сошелся съ Витовтомъ близъ Крапивны (въ Тульской Губерніи). Вмѣсто битвы, начались переговоры: ибо ни съ которой стороны не хотѣли отважиться на случай рѣшительный, и Герой Литовскій, помня претерпѣнное имъ бѣдствіе на берегахъ Ворсклы, уже научился не вѣрить счастію. Заключили перемиріе и разошлися.

Мира не было. Литовцы чрезъ нѣ- г. 1407. сколько мѣсяцевъ сожгли и присоединили къ своимъ владѣніямъ Одоевъ, гдѣ княжили потомки Св. Михаила Черниговскаго, бывъ въ нѣкоторой зависимости отъ сильнѣйшихъ Владѣтелей Рязанскихъ ([199]); а Великій Князь взялъ

Димитровецъ, но снова заключилъ перемиріе съ тестемъ подъ Вязьмою, и также не на-долго. Еще за годъ до сего времени выѣхалъ въ Москву изъ Литвы сынъ Князя Іоанна Ольгимонтовича, Александръ Нелюбъ, со многими единоземцами: вступивъ въ нашу службу, онъ получилъ себѣ во владѣніе городъ Переславль Залѣсскій. Въ слѣдъ за нимъ

г. 1408. Свидригайло. прибылъ въ Москву Свидригайло Ольгердовичь, который, будучи недоволенъ даннымъ ему отъ Витовта Удѣломъ Сѣверскимъ, Брянскимъ, Стародубскимъ, и замышляя господствовать надъ всею Литвою, вздумалъ предложить услуги свои Великому Князю. Ему сопутствовали Епископъ Черниговскій Исакій, Князья Звенигородскіе, Александръ и Патрикій, Ѳеодоръ Александровичь Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михайло Хотетовскій, Урустай Минскій, и цѣлый полкъ Бояръ Черниговскихъ, Сѣверскихъ, Брянскихъ, Стародубскихъ, Любутскихъ, Рославскихъ, такъ, что дворецъ Московскій весь наполнился ими, когда они пришли къ Государю. Москвитяне съ любопытствомъ смотрѣли на своихъ единоплеменниковъ, уже принявшихъ обычаи иноземные; а Бояре южной Россіи дивились величію Москвы (за сто лѣтъ едва извѣстной по имени), красотѣ ея церквей, святыхъ Обителей, и пышности Двора Василіева, напомнившей имъ древнія преданія о блестящемъ Дворѣ Ярослава Великаго. Всего же болѣе дивились они въ ней благоустройству гражданскому, необыкновенному въ ихъ странахъ, гдѣ троны Владимірова потомства стояли пусты, и гдѣ Паны Литовскіе, искажая языкъ Славянскій, давали чуждые законы народу. Великій Князь осыпалъ пришельцевъ милостями, и къ общему удивленію отдалъ Свидригайлу въ Удѣлъ не только Переславль, Юрьевъ, Волокъ, Ржевъ и половину Коломны, но даже столицу Владимірскую съ селами, доходами и людьми, какъ сказано въ лѣтописи ([200]): столь выгодною казалась ему дружба сего Ольгердова сына. Легкомысленный, надменный Свидригайло увѣрительно говорилъ о тайныхъ связяхъ своихъ съ Вельможами Литовскими; хвалился завоевать съ помощію Москвитянъ въ нѣсколько мѣсяцевъ всю землю Витовтову; обѣщалъ Василію Новгородъ Сѣверскій и склонилъ его къ возобновленію непріятельскихъ дѣйствій противъ тестя. Великій Князь не былъ легковѣренъ; но могъ надѣяться, что имѣя съ собою г. 1408. Ягайлова брата, или подлинно найдетъ друзей въ Литвѣ, или пріобрѣтетъ миръ выгодный. Въ послѣднемъ отчасти и не обманулся. Витовтъ встрѣтилъ зятя на берегахъ Угры. Многочисленное войско его состояло, кромѣ Литвы, изъ полковъ Кіевскихъ (предводимыхъ Олелькомъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгердовымъ), Смоленскихъ, и даже изъ Нѣмцевъ, присланныхъ къ нему Великимъ Магистромъ Прусскимъ ([201]). Тщетно Свидригайло искалъ измѣнниковъ въ станѣ Литовскомъ: самые Россіяне, служа Витовту, готовы были мужественно ударить на полки Великокняжескіе. Но зять и тесть наблюдали равную осторожность; съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали только легкими отрядами, избѣгая главнаго сраженія; наконецъ, въ слѣдствіе многихъ переговоровъ, согласились въ мирныхъ условіяхъ, назначивъ Угру предѣломъ между Литвою и Московскими владѣніями въ нынѣшней Калужской Губерніи. Города Козельскъ, Перемышль, Любутскъ, возвратились къ Россіи и были съ того времени Удѣломъ Владиміра Андреевича *Храбраго*. Сохраняя честь свою, Великій Князь не хотѣлъ выдать Свидригайла Витовту и, кажется, обязалъ тестя не безпокоить впредь области Псковитянъ, которые послѣ заключили съ Литвою миръ особенный.

Впрочемъ покровительство Василія Войны съ Ливоніею. Димитріевича не доставило Пскову безопасности. Братъ его, Константинъ, взявъ за Наровою Нѣмецкій городокъ Порхъ, уѣхалъ назадъ въ Москву; а Магистръ Ливонскій, Конрадъ Фитингофъ, соединясь съ Курляндцами, разбилъ Псковитянъ: три Посадника и 700 лучшихъ гражданъ легло на мѣстѣ. Еще два раза входилъ онъ въ ихъ владѣнія, жегъ села, плѣнялъ людей, не щадя и Новогородцевъ, которые, злобствуя на Псковитянъ, отказались и тогда дѣйствовать съ ними за-одно противъ общихъ непріятелей. Сіи частыя войны съ Ливоніею обыкновенно не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій. Хотя Нѣмцы мыслили присоединить Псковъ къ своимъ владѣніямъ съ согласія Витовта и Свидригайла (какъ то видно изъ договора, заключеннаго между ими въ 1402 году): но имѣя болѣе властолюбія, нежели силы, они только грабили, убивали нѣсколько сотъ человѣкъ и чувствовали нужду въ мирѣ для выгодъ торговли ([202]). Народное Право съ обѣихъ сторонъ такъ

г. 1408. мало уважалось, что иногда умерщвляли Пословъ: въ Нейгаузенѣ (въ 1414 году) изрубили Псковскаго, во Псковѣ Дерптскаго. Сія вражда прекратилась въ 1417 году мирнымъ договоромъ на 10 лѣтъ, и Великій Князь участвовалъ въ ономъ какъ посредникъ. Но Псковитяне, честно соблюдая миръ съ Нѣмцами, снова возбудили на себя гнѣвъ Витовта, который принуждалъ ихъ объявить войну Ливоніи. Напрасно старались они вторично снискать его дружбу Посольствами въ Литву и въ Москву. Витовтъ грозилъ имъ непрестанно; однакожь не сдѣлалъ ничего болѣе, вѣроятно изъ уваженія къ зятю, коего Псковитяне всегда признавали своимъ верховнымъ Государемъ, и который давалъ имъ Князей или Намѣстниковъ. Три раза начальствовалъ тамъ Константинъ, братъ Василіевъ; послѣ Князья Ростовскіе, Андрей и Θеодоръ Александровичи, сынъ послѣдняго Александръ и Θеодоръ Патрикіевичь Литовскій.

Доселѣ государствованіе Василія было славно и счастливо: онъ усилилъ Великое Княженіе знаменитыми пріобрѣтеніями безъ всякаго кровопролитія; видѣлъ спокойствіе, благоустройство, избытокъ гражданъ въ областяхъ своихъ; обогатилъ казну доходами; уже не дѣлился ими съ Ордою и могъ считать себя независимымъ. Хотя Послы Ханскіе отъ времени до времени являлись въ Москвѣ (Царевичь Эйтякъ въ 1403 году, и Мирза, Казначей Шадибековъ, въ 1405): но, вмѣсто дани, получали единственно маловажные дары, и возвращались съ отвѣтомъ, что Великое Княженіе Московское будто бы оскудѣло и не въ силахъ платить серебра Ханамъ (203). Напрасно Тимуръ Кутлукъ и Шадибекъ звали къ себѣ Василія: онъ не хотѣлъ послать къ нимъ никого изъ своихъ братьевъ или Бояръ старѣйшихъ, ожидая, чѣмъ кончатся междоусобія Ординскія. Еще Тохтамышъ, отверженный Витовтомъ, скитался по отдаленнымъ Улусамъ, искалъ друзей и надѣялся возвратить себѣ Царство; когда же, настигнутый въ пустыняхъ, близъ Тюменя, отрядомъ войска Шадибекова, онъ палъ въ сраженіи: Великій Князь, съ намѣреніемъ питать мятежъ въ Ордѣ, далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ его. Слабый Ханъ молчалъ, а знаменитый Эдигей, сподвижникъ Тамерлановъ, побѣдитель Витовта, Князь всемогущій въ Улусахъ, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Василіемъ; давалъ ему ласковое имя сына и коварный совѣтъ воевать Литву, въ то же время совѣтуя Витовту искоренить Московское Княженіе. г. 1408. Такъ Моголы, нѣкогда страшные одною силою, уже начали хитрить въ слабости, стараясь производить вражду между Государями, для нихъ опасными. Въ 1407 году, когда Князь Тверскій, Іоаннъ Михайловичь, пріѣхалъ Волгою на судахъ въ Ханскую столицу (чтобы судиться тамъ съ Юріемъ Всеволодовичемъ, братомъ умершаго Іоанна Холмскаго, желавшимъ присвоить себѣ Тверское Княженіе), сдѣлалась въ Ордѣ перемѣна: Булатъ-Салтанъ изгналъ Шадибека, зятя Эдигеева, и сѣлъ на Царство, но еще болѣе отъ своихъ предшественниковъ зависѣлъ отъ Эдигея. Нашествіе Эдигея. Сей хитрый старецъ — видя, что Государь Московскій и Витовтъ никакъ не хотятъ отважиться на рѣшительную войну между собою — предпріялъ наконецъ оружіемъ смирить перваго; готовя рать многочисленную, все еще увѣрялъ его въ своей ревностной дружбѣ, и писалъ къ нему, выступивъ въ походъ: «Се идетъ Царь Булатъ съ Великою Ордою наказать Литовскаго врага твоего за содѣянное имъ зло Россіи. Спѣши изъявить Царю благодарность: если не лично, то пришли хотя сына, или брата, или Вельможу.» Съ сею грамотою пріѣхалъ въ Москву одинъ изъ чиновниковъ Татарскихъ. Василій имѣлъ друзей въ Ордѣ и зналъ о ратныхъ ея движеніяхъ; но по всѣмъ извѣстіямъ думалъ, что Моголы дѣйствительно хотятъ воевать Литву: ибо Эдигей умѣлъ скрыть свою истинную цѣль отъ самыхъ Вельможъ Ханскихъ. Никто не безпокоился въ Москвѣ, гдѣ, по сказанію одного Лѣтописца, уже мало оставалось Бояръ старыхъ, и гдѣ юные совѣтники Великокняжескіе мечтали въ гордости, что они могутъ легко обманывать старца Эдигея и располагать въ нашу пользу силами Моголовъ. Однакожь Василій Димитріевичь былъ изумленъ скорымъ походомъ Ханскаго войска и немедленно отправилъ Боярина Юрія въ станъ онаго, чтобы имѣть вѣрнѣйшее свѣдѣніе о намѣреніи Татарскаго Полководца; велѣлъ даже собирать войско въ городахъ, на всякой случай. Но Эдигей, задержавъ Юрія, шелъ впередъ съ великою поспѣшностію — и чрезъ нѣсколько дней услышали въ Москвѣ, что полки Ханскіе стремятся прямо къ ней.

Сія вѣсть поколебала твердость Вели-

Г. 1408. подвижнаго Совѣта: Василій не дерзнулъ на битву въ полѣ и сдѣлалъ то же, что его родитель въ подобныхъ обстоятельствахъ: уѣхалъ съ супругою и съ дѣтьми въ Кострому, оставивъ защитниками столицы дядю, Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра со множествомъ Бояръ и Духовныхъ сановниковъ (Митрополитъ Кипріанъ уже скончался). Великій Князь надѣялся на крѣпость стѣнъ Московскихъ, на дѣйствіе своихъ пушекъ и на жестокую тогдашнюю зиму, неблагопріятную для осады долговременной. Не одна робость, какъ вѣроятно, заставила его удалиться. Онъ могъ скорѣе Боярина или Намѣстника подвигнуть сѣверные города Россійскіе къ единодушному возстанію противъ непріятеля для избавленія столицы, и Татары не могли спокойно осаждать ее, зная, что Великій Князь собираетъ тамъ войско. Но граждане Московскіе судили иначе, и роптали, что Государь предаетъ ихъ врагу, спасая только себя и дѣтей. Напрасно Князь Владиміръ, украшенный сѣдиною честной старости и славною памятію Донской битвы, ободрялъ народъ своимъ величественнымъ спокойствіемъ въ опасности: слабые унывали. Чтобы Татары не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ Кремлевскимъ, сей Князь велѣлъ зажечь вокругъ посады (204). Нѣсколько тысячь домовъ, гдѣ обитали мирныя семейства трудолюбивыхъ гражданъ, запылали въ одно время. Жители не думали спасать имѣнія, и толпами бѣжали къ городскимъ воротамъ. Отцы, матери, лишенные крова, ведя за руку или неся дѣтей, молили единственно о томъ, чтобы ихъ впустили въ оныя: необходимость предписывала жестокій отказъ, ибо отъ излишняго многолюдства опасались голода въ крѣпости. Зрѣлище было страшно: вездѣ огненныя рѣки и дымъ облаками, смятеніе, вопль, отчаяніе. Къ довершенію ужаса, многіе злодѣи грабили въ домахъ, еще не объятыхъ пламенемъ, и радовались общему бѣдствію.

Ноября 30, ввечеру, Татары показались, но вдали, опасаясь дѣйствія огнестрѣльныхъ городскихъ орудій. Декабря 1 пришелъ самъ Эдигей съ четырмя Царевичами и многими Князьями, сталъ въ Коломенскомъ, отрядилъ 30,000 въ слѣдъ за Василіемъ къ Костромѣ, и послалъ одного изъ Царевичей, именемъ Булата, сказать Іоанну Михайловичу Тверскому, чтобы онъ немедленно шелъ къ нему со всею его ратію, самострѣлами и пушками (205). Между тѣмъ полки Татарскіе разсыпались по областямъ Великаго Княженія: взяли Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Нижній-Новгородъ, Городецъ: то есть, сожгли ихъ, плѣнивъ жителей, ограбивъ церкви и монастыри. Счастливъ, кто могъ спастися бѣгствомъ! Не было ни малѣйшаго сопротивленія. Россіяне казались стадомъ овецъ, терзаемыхъ хищными волками. Граждане, земледѣльцы, падали ницъ предъ варварами; ждали рѣшенія судьбы своей, и Моголы отсѣкали имъ головы, или разстрѣливали ихъ въ забаву; избирали любыхъ въ невольники, другихъ только обнажали: но сіи несчастные, оставляемые безъ крова, безъ одежды среди глубокихъ снѣговъ въ жертву страшному холоду и мятелямъ, большею частію умирали. Плѣнниковъ связывали и вели какъ псовъ на смычкахъ: иногда одинъ Татаринъ гналъ передъ собою человѣкъ сорокъ (206). Тогда открылось, сколь защитники иноплеменные ненадежны: гордый Свидригайло, начальствуя въ Владимірѣ и въ пяти другихъ городахъ, имѣя воинскую многочисленную дружину, обязанный милостію Великаго Князя, которая не измѣнялась и со времени неудачнаго похода Литовскаго, бѣжалъ и скрылся въ лѣсахъ отъ Моголовъ. (Сей мнимый Герой, обличивъ свое малодушіе, скоро выѣхалъ изъ Россіи съ великимъ богатствомъ и стыдомъ, ограбивъ на пути нѣкія села и пригороды).

Эдигей, обложивъ Москву, нетерпѣливо ждалъ къ себѣ Князя Тверскаго съ орудіями стѣнобитными и не предпринималъ ничего противъ города; но Іоаннъ Михайловичь поступилъ въ семъ случаѣ какъ истинный Россіянинъ и другъ отечества: онъ гнушался мыслію способствовать гибели Московскаго Княженія, хотя и весьма опаснаго для независимости Тверскаго; поѣхалъ къ Эдигею одинъ съ немногими Боярами, и возвратился изъ Клина, будто бы отъ нездоровья (207). Сіе великодушіе могло стоить ему дорого: къ счастію, судьба спасла и Тверь и Москву.

Полки Ханскіе, которые гнались за Великимъ Княземъ, не могли настигнуть его и, къ досадѣ Эдигея, пришли назадъ. Не смотря на ослушаніе Іоанна Тверскаго и недостатокъ въ нужныхъ для осады снарядахъ, сей Вождь Ординскій

Г.1408. упорствовалъ взять Москву, если не приступомъ, то голодомъ, и хотѣлъ зимовать въ Коломенскомъ. Но вѣсти, полученныя имъ отъ Хана, разстроили его намѣреніе. Уже прошелъ тотъ вѣкъ, когда наслѣдники Батыевы исчисляли рать свою не тысячами, а тмами, и могли въ одно время громить Востокъ и Западъ: внутреннія несогласія, кровопролитія, язва, Герой Донскій и Тамерланъ столь уменьшили многолюдство въ Улусахъ, что Булатъ, отправивъ войско въ Россію, остался беззащитнымъ, и едва не былъ плѣненъ какимъ-то мятежнымъ Ординскимъ Царевичемъ, хотѣвшимъ овладѣть его столицею. Ханъ заклиналъ Полководца своего возвратиться немедленно. Обстоятельства дѣйствительно были таковы, что Эдигей не могъ терять времени, съ одной стороны опасаясь Великаго Князя, собиравшаго въ Костромѣ войско, а съ другой еще страшнѣйшихъ враговъ въ Ордѣ; призвалъ Вельможъ на совѣтъ, и положилъ чрезъ нѣсколько часовъ отступить отъ нашей столицы; но желая казаться побѣдителемъ, а не бѣгущимъ, сколько для чести, столько и для самой безопасности, послалъ объявить Московскимъ начальникамъ, что соглашается не брать ихъ города, если они дадутъ ему окупъ.

Москва представляла зрѣлище и ратной дѣятельности и ревностныхъ подвиговъ благочестія; съ утра до ночи воины стояли на стѣнахъ, Священники въ отверстыхъ храмахъ пѣли молебны, народъ постился. «Богатые» — говоритъ Лѣтописецъ — «обѣщали Небу наградить бѣдныхъ, сильные не тѣснить слабыхъ, судіи быть правосудными, — и солгали предъ Богомъ» ([205])! Владиміръ Андреевичь, Князья, Бояре, цѣлыя три недѣли тщетно ждали приступа, и не имѣя запасовъ хлѣбныхъ, страшились голода. Удивленные предложеніемъ Эдигея, и не зная, что сдѣлало его миролюбивымъ, они съ радостію дали ему 3000 рублей, и прославили милость Божію, когда сей Князь, отправивъ впередъ добычу съ обозомъ, 21 Декабря выступилъ изъ Коломенскаго; взялъ еще на возвратномъ пути Рязань, и скоро удалился отъ предѣловъ Россійскихъ. Но слѣды сего ужаснаго нашествія остались на долго неизгладимы въ оныхъ. «Вся Россія» — пишутъ современники — «отъ рѣки Дона до Бѣлаозера и Галича, была потрясена сею грозою. Цѣлыя волости опустѣли. Кто избавился отъ смерти и неволи, тотъ оплакивалъ ближнихъ или утрату имѣнія. Вездѣ *туга* и скорбь, предсказанныя нѣкоторыми книжниками года за три или за четыре. Многія удивительныя знаменія также возвѣстили гнѣвъ Божій: со многихъ святыхъ иконъ текло муро, или капала кровь,» и проч. Суевѣріе всегдашнее въ такихъ случаяхъ: люди слабые, пораженные внезапнымъ ударомъ, обыкновенно ищутъ сверхъестественныхъ предзнаменованій его въ минувшемъ времени, какъ бы надѣясь впредь лучшимъ вниманіемъ къ таинственнымъ указаніямъ Судьбы отвращать подобныя бѣдствія. Г.1408.

Впрочемъ Эдигей, кромѣ добычи и плѣнниковъ, не пріобрѣлъ ничего важнаго симъ подвигомъ, къ коему онъ нѣсколько лѣтъ готовился, и грозное письмо, отправленное имъ съ пути къ Великому Князю, не имѣло никакихъ слѣдствій. Оно достопамятно: предлагаемъ его содержаніе ([206]).

«Отъ Эдигея поклонъ къ Василію, по думѣ съ Царевичами и Князьями. — Великій Ханъ послалъ меня на тебя съ войскомъ, узнавъ, что дѣти Тохтамышевы нашли убѣжище въ землѣ твоей. Вѣдаемъ также происходящее въ областяхъ Московскаго Княженія: вы ругаетесь не только надъ купцами нашими, не только всячески тѣсните ихъ, но и самыхъ Пословъ Царскихъ осмѣиваете. Такъ ли водилось прежде? Спроси у старцевъ: земля Русская была нашимъ вѣрнымъ Улусомъ; *держала страхъ*, платила дань, чтила Пословъ и гостей Ординскихъ. Ты не хочешь знать того — и что же дѣлаешь? Когда Тимуръ сѣлъ на Царство, ты не видалъ его въ глаза, не присылалъ къ нему ни Князя, ни Боярина. Минуло Царство Тимурово: Шадибекъ 8 лѣтъ властвовалъ: ты не былъ у него! Нынѣ царствуетъ Булатъ уже третій годъ: ты, старѣйшій Князь въ Улусѣ Русскомъ, не являешься въ Ордѣ! Всѣ дѣла твои не добры. Были у васъ нравы и дѣла добрыя, когда жилъ Бояринъ Ѳеодоръ Кошка и напоминалъ тебѣ о Ханскихъ благотвореніяхъ. Нынѣ сынъ его недостойный, Іоаннъ, Казначей и другъ твой: что скажетъ, тому вѣришь, а думы старцевъ земскихъ не слушаешь. Что вышло? разореніе твоему Улусу. Хочешь ли княжить мирно? призови въ совѣтъ Бояръ старѣйшихъ: Илію Іоанновича, Петра Константиновича, Іоанна Никитича и другихъ, съ Письмо Эдигеево.

г.1408. [illegible]-согласныхъ въ доброй думѣ; пришли къ намъ одного изъ нихъ съ древними оброками, какіе вы платили Царю Чанибеку, да не погибнетъ въ конецъ Держава твоя. Все, писанное тобою къ Ханамъ о бѣдности народа Русскаго, есть ложь: мы нынѣ сами видѣли Улусъ твой, и свѣдали, что ты собираешь въ немъ по рублю съ двухъ сохъ: куда жь идетъ серебро? Земля Христіанская осталась бы цѣла и невредима, когда бы ты исправно платилъ Ханскую дань; а нынѣ бѣгаешь какъ рабъ! . . . Размысли и научися!» — Но Великій Князь не хотѣлъ слушаться ни приказаній, ни совѣтовъ его, свѣдавъ о новомъ мятежѣ въ Ордѣ; возвратился въ столицу, и съ любовію обнялъ дядю своего, Владиміра Андреевича, довольный по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ, не имѣвъ способа защитить другіе города, сдалъ ему Москву въ цѣлости.

г.1410. Кончина Владиміра Храбраго. Сей знаменитый внукъ Калитинъ жилъ не долго и преставился съ доброю славою Князя мужественнаго, любившаго пользу отечества болѣе власти. Онъ первый отказался отъ древнихъ правъ семейственнаго старѣйшинства, и былъ изъ Князей Россійскихъ *первымъ дядею служившимъ племяннику*. Кратковременныя ссоры его съ Донскимъ и Василіемъ происходили не отъ желанія присвоить себѣ Великокняжескій санъ, а только отъ смутъ Боярскихъ. Сія великодушная жертва возвышала въ Владимірѣ предъ судилищемъ потомства достоинство Героя, который счастливымъ ударомъ рѣшилъ судьбу битвы Куликовской, а можетъ быть и Россіи. Въ Архивѣ нашихъ древностей хранятся договоры сего Князя съ Василіемъ и завѣщаніе. Онъ возвратилъ племяннику города Волокъ и Ржевъ, взявъ отъ него въ замѣну Угличь, Городецъ на Волгѣ, Козельскъ, Алексинъ, не въ Удѣлъ временный, а въ наслѣдственное владѣніе или въ отчину, съ обязательствомъ, въ случаѣ смерти Василіевой, повиноваться его сыну какъ Государю верховному, ходить съ нимъ самимъ на войну и посылать дѣтей своихъ съ полками Московскими (210). Въ духовной записи Владиміръ Андреевичъ поручаетъ супругу и дѣтей Великому Князю; отказываетъ свою треть Москвы всѣмъ пяти сыновьямъ вмѣстѣ, такъ, чтобы они вѣдали ее погодно; старшему сыну, Іоанну, даетъ Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ, (а буде сей городъ снова отойдетъ къ Литвѣ, то Любутскъ) г.1410. — Симеону Боровскъ и половину Городца: другую половину Ярославу, вмѣстѣ съ Малоярославцемъ (названнымъ такъ отъ имени сего Владимірова сына) — Андрею Радонежъ — Василію Перемышль и Угличь — супругѣ Еленѣ Ольгердовнѣ множество селъ (въ томъ числѣ Коломенское, Таининское, и славную мельницу на устьѣ Яузы); ей же съ меньшими дѣтьми большой дворъ Московскій (другимъ сыновьямъ особенные домы и сады). Свидѣтелями духовной были Игумены Никонъ Радонежскій, Савва Спасскій и 5 Бояръ Владиміровыхъ. Какъ сія, такъ и договорныя, выше упомянутыя грамоты свидѣтельствуютъ, что Великій Князь и Владиміръ, надѣясь избавиться отъ ига Моголовъ, еще не были въ томъ увѣрены: ибо послѣдній обязывается дѣлить съ первымъ Ординскія тягости и платить ему за Угличь 105 рублей на семь тысячь рублей Ханской дани, а за Городецъ 160 р. на 1500 р.

Въ самомъ дѣлѣ Великій Князь, при новой перемѣнѣ въ Ордѣ, еще на время отказался отъ государственной независимости. Происшествія въ Ордѣ. Темиръ, неизвѣстный по лѣтописямъ Восточнымъ, свергнулъ Булата, и прогнавъ Эдигея къ берегамъ Чернаго моря, долженъ былъ уступить престолъ г.1411.
Канчака Зелени-Салтану, сыну Тохтамышеву, другу Витовтову, нашему недоброжелателю, г.1412.
который прислалъ въ Россію грозныхъ Пословъ, и въ досаду Василію Димитріевичу хотѣлъ возстановить Княженіе Нижегородское, объявивъ сыновей Бориса Константиновича и Кирдяпы законными его наслѣдниками (211): чего они искали въ Ордѣ, и смѣлѣйшій изъ нихъ, Даніилъ Борисовичъ, за годъ до того времени съ дружиною Князей Болгарскихъ разбилъ въ Лысковѣ брата Василіева, Петра Димитріевича; а Воевода Даніиловъ съ Казанскимъ Царевичемъ, Талычемъ, ограбилъ Владиміръ, имѣя у себя не болѣе пяти сотъ Моголовъ и Россіянъ: столь унизилась знаменитая столица Боголюбскаго! Лѣтописцы, въ объясненіе сего случая, сказываютъ, что она тогда не имѣла стѣнъ; что ея Намѣстникъ, Юрій Васильевичъ Щека, былъ въ отсутствіи, и что непріятели тайно пришли лѣсомъ изъ-за рѣки Клязмы въ самый полдень, когда всѣ граждане спали! Самъ Митрополитъ, преемникъ Кипріановъ, Фотій, будучи въ сіе время близъ Владиміра, на Святомъ озерѣ, едва могъ спастися

г. 1412. отъ Татаръ бѣгствомъ въ непроходимыя пустыни Сенскія. Впрочемъ ни Лысковская побѣда, ни опустошеніе домовъ и церквей Владимірскихъ, не могли возвратить Даніилу родительскаго престола: союзники его, Казанскіе Моголы, немедленно ушли назадъ съ добычею. Но ярлыкъ Хана въ рукахъ Князей Нижегородскихъ, дружба Зелени-Салтана съ Витовтомъ, новый тѣсный союзъ Іоанна Михайловича Тверскаго съ Государемъ Литовскимъ, у коего сынъ его, Александръ, гостилъ въ Кіевѣ (212), и намѣреніе Іоанново ѣхать въ Орду, казались Василію Димитріевичу столь опасными, что онъ рѣшился самъ искать благосклонности Хана, и провождаемый всѣми знатнѣйшими Вельможами, съ богатыми дарами отправился въ столицу Капчакскую.

Но Зелени-Салтана уже не стало: другой сынъ Тохтамышевъ, Керимбердей, застрѣлилъ сего недруга Россіянъ, и воцарился. Сей новый Ханъ, какъ вѣроятно, по смерти отца имѣлъ съ другими братьями убѣжище въ областяхъ Московскихъ, и слѣдственно основанное на признательности благорасположеніе къ Василію: по крайней мѣрѣ Великій Князь, имъ обласканный, достигъ своей цѣли; то есть, возвратился съ увѣреніемъ, что бывшіе Владѣтели Суздальскіе не найдутъ въ немъ (Ханѣ) покровителя, а Витовтъ друга, особенно ко вреду Россіи. Іоаннъ Михайловичь Тверскій, также милостиво принятый Керимбердеемъ, съ его согласія удержалъ за собою Кашинъ, не смотря на всѣ исканія брата, Василія Михайловича (213). Сей бѣдный Князь, взятый подъ стражу Намѣстниками Тверскими, ушелъ изъ заключенія, скитался по лѣсамъ, былъ въ Москвѣ, у Хана, и не могъ нигдѣ найти защиты. Василій Димитріевичь хотя привезъ его съ собою изъ Орды, однакожь не хотѣлъ въ угодность изгнаннику ссориться съ Іоанномъ, который изъявилъ столько великодушія въ бѣдственное для Москвы время, и въ личномъ съ нимъ знакомствѣ, при Дворѣ Хана, доказалъ ему искренними объясненіями, что не имѣетъ никакихъ вредныхъ для Великаго Княженія замысловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Василій, будучи въ Ханской столицѣ, снова обязался платить дань Моголамъ: онъ платилъ ее, кажется, до самаго конца жизни своей, не смотря на внутренніе безпорядки, на частыя перемѣны въ Ордѣ. Керимбердей, другъ Россіянъ, былъ непріятелемъ Витовта, который, желая свергнуть его съ престола, объявилъ Царемъ г. 1412 —1422 Капчакскимъ Князя Могольскаго, именемъ Бетсабула, и въ Вильнѣ торжественно возложилъ на него знаки Царскаго достоинства: богатую шапку и шубу, покрытую сукномъ багрянымъ (214). Керимбердей, побѣдивъ сего Витовтова Хана, отсѣкъ ему голову; но скоро погибъ отъ руки своего брата, Еремфердена, бывшаго усерднымъ союзникомъ Государя Литовскаго. Кромѣ сего главнаго Хана, непрестанно являлись въ Улусахъ иные Цари, воевали между собою или грабили наши предѣлы: такъ (въ 1415 году) одинъ изъ нихъ, выжегъ Елецъ, убивъ тамошняго Князя; такъ Царь Баракъ, сынъ Койричака, побѣдивъ другаго, именемъ Куйдадата, приступалъ (въ 1422 году) къ Одоеву, и плѣнилъ множество людей, но долженъ былъ оставить ихъ, настигнутый въ степяхъ Княземъ Юріемъ Романовичемъ Одоевскимъ и Мценскимъ Воеводою, Григоріемъ Протасьевичемъ, которые послѣ, соединясь съ Друцкими Князьями, разбили и Куйдадата. Сей Царь тревожилъ набѣгами и Литовскія и Россійскія области: по чему Витовтъ, свѣдавъ о приближеніи его къ Одоеву, требовалъ содѣйствія отъ Великаго Князя; и хотя Москвитяне не успѣли взять участія въ битвѣ: однакожь Витовтовы Полководцы, плѣнивъ двухъ женъ Куйдадатовыхъ, одну отправили къ своему Государю, а другую въ Москву. — Между тѣмъ и старецъ Эдигей, уступивъ Орду Капчакскую или Волжскую сыновьямъ Тохтамышевымъ, властвовалъ какъ Государь независимый въ Улусахъ Черноморскихъ. Будучи врагомъ Витовта, онъ (въ 1416 году) разорилъ многія Литовскія области; не могъ взять укрѣпленнаго Кіевскаго замка, но ограбилъ и сжегъ всѣ тамошнія церкви вмѣстѣ съ Печерскою Лаврою, плѣнилъ нѣсколько тысячь гражданъ, такъ, что съ сего времени, по словамъ Историка Длугоша, Кіевъ опустѣлъ совершенно. Наконецъ Эдигей, желая спокойствія, прислалъ въ даръ Витовту трехъ верблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27 коней, съ слѣдующею грамотою: «Князь знаменитый! въ трудахъ и подвигахъ честолюбія застигла насъ обоихъ унылая старость: посвятимъ миру остатокъ жизни. Кровь, пролитая на-

г. 1425—1462. ли въ битвахъ взаимной ненависти, уже поглощена землею; слова бранныя, коими мы другъ друга огорчали, развѣяны вѣтромъ; пламя войны очистило сердца наши отъ злобы; вода угасила пламя» (²¹⁵). Они заключили миръ.

Имѣя долговременную рать съ Прусскимъ Орденомъ, Витовтъ жилъ мирно съ Василіемъ Димитріевичемъ, который даже не отказался помогать ему войскомъ. Въ 1422 году, при осадѣ *Голуба* или Кульма, были у Витовта союзныя дружины Московская и Тверская, или *Великіе Россіяне*, какъ сказано въ тогдашней перепискѣ Ордена (²¹⁶). Увѣряя зятя въ своей пріязни, Витовтъ въ тоже время грозилъ Новогородцамъ, какъ Державѣ особенной. Желая быть въ другѣ и съ Литовскимъ Государемъ и съ

Дѣла Новогородскія. Московскимъ, они вторично приняли къ себѣ Ольгердова сына, Лугвенія, начальствовать въ ихъ областныхъ городахъ, а брата Василіева, Константина Димитріевича, Намѣстникомъ Великокняжескимъ въ столицу (²¹⁷); но сія Политика не имѣла совершеннаго успѣха. Примирясь съ Нѣмцами, Витовтъ и Король Ягайло велѣли Лугвенію ѣхать въ Литву, и всѣ трое вмѣстѣ возвратили мирныя грамоты Новогородцамъ. Лугвеній писалъ, что онъ, бывъ у нихъ только на жалованьѣ, разрываетъ сію связь, непріятную его братьямъ, которые составляютъ съ нимъ одного человѣка. «Да будетъ война между нами»! сказали Вѣчу Послы Королевскіе и Витовтовы именемъ двухъ Государей: «вы обѣщали и не хотѣли дѣйствовать съ нами противъ Нѣмцевъ; вы торжественно злословите насъ и называете *погаными*; вы благотворите сыну врага нашего, Юрія Святославича.» Θеодоръ Юрьевичь Смоленскій дѣйствительно жилъ тамъ и пользовался великодушною защитою Правительства: сей юный Князь вздумалъ объявить своимъ покровителямъ, что не хочетъ быть для нихъ виною опасной вражды; онъ немедленно удалился въ Нѣмецкую землю. Новогородцы могли бы обратиться къ Великому Князю; но не имѣя къ нему довѣренности, старались сами обезоружить Витовта, и ссора кончилась миромъ (въ 1414 году), *на старыхъ условіяхъ*, какъ сказано въ лѣтописи: ибо Государь Литовскій не думалъ прямо воевать съ ними, а только искушалъ ихъ твердость угрозами, въ надеждѣ, что сія народная Держава согласится имѣть одну политическую систему съ Литвою, однихъ друзей г. 1425—1462. и непріятелей: то есть, давать ему или войско или серебро въ случаѣ войны съ Нѣмцами. Властолюбіе его тогда не простиралось далѣе: ибо Василій Димитріевичь, уступивъ тестю Смоленскъ, безъ кровопролитія не уступилъ бы Новагорода, который издревле считался областію Великокняжескою. Однакожь Новогородцы поставили на своемъ, удержавъ право мириться и воевать по собственной волѣ, а не въ угодность Государю Литовскому.

Во все княженіе Василія Димитріевича они не имѣли никакой *важной* рати съ непріятелями внѣшними. Толпы Шведовъ грабили иногда въ окрестностяхъ городка Ямы (нынѣ Ямбурга), въ Кореліи и на берегахъ Невы, но уходили немедленно: Россіяне, въ наказаніе за то, сожгли предмѣстіе Выборга и нѣсколько селъ въ окрестностяхъ. Двинскій Посадникъ, Яковъ Стефановичь, ходилъ съ малочисленною дружиною воевать предѣлы Норвегіи; а *Мурмане* или Норвежцы, числомъ до пяти сотъ, приплывъ въ лодкахъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ Архангельскъ, обратили въ пепелъ 3 церкви и злодѣйски умертвили Иноковъ Монастырей Николаевскаго и Михайловскаго. — Съ Ливонскими Нѣмцами (въ 1420 году) былъ у Новогородцевъ дружелюбный съѣздъ на берегу Наровы: именемъ первыхъ самъ Магистръ Сифертъ, Ландмаршалъ Вальрабе, Ревельскій Коммандоръ Дидрихъ и Фогтъ Венденскій Іоаннъ, отъ Россіянъ же Намѣстникъ Московскій, Князь Θеодоръ Патрикіевичь, два Посадника и три Боярина утвердили вѣчный миръ на древнихъ условіяхъ временъ Александра Невскаго, касательно границъ и торговли (²¹⁸) Госвинъ, Феллинскій Коммандоръ, и Ругодивскій или Нарвскій Фогтъ, Германъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ.

Сія вольная Держава долѣе обыкновеннаго наслаждалась тогда и внутреннимъ гражданскимъ спокойствіемъ. Только одинъ случай возмутилъ оное. Расскажемъ его въ доказательство, какія маловажныя причины могутъ иногда волновать общество народное. Нѣкто людинъ или простой гражданинъ, именемъ Стефанъ, злобствуя на Боярина Данила Божина, схватилъ его на улицѣ, крича: «добрые люди! помогите мнѣ управиться съ злодѣемъ.» Народъ взялъ сторону людина, и безъ всякаго изслѣ-

г. 1418 —1423. дованія сбросилъ Данила съ мосту. Одинъ добродушный рыболовъ не далъ утонуть невинному Боярину, а народъ въ неистовствѣ разграбилъ домъ сего человѣка. Дѣло могло бы тѣмъ кончиться; но Данило, желая мести, посадилъ своего обидчика въ темницу: о чемъ узнавъ, всѣ граждане Торговой Стороны взволновались, ударили въ Вѣчевый колоколъ, надѣли доспѣхи, взяли знамя и пришли въ Кузмодемьянскую улицу, гдѣ жилъ Бояринъ Данило: въ нѣсколько минутъ домъ его былъ сравненъ съ землею и Стефанъ освобожденъ. Завидуя избытку Бояръ, и приписывая имъ дороговизну хлѣба, они разграбили множество дворовъ и монастырь Св. Николая, утверждая, что въ немъ Боярскія житницы. Сторона Софійская, гдѣ обитали граждане знатнѣйшіе, противилась ихъ злодѣяніямъ, и также вооружилась. Звонили въ колокола, бѣгали, вопили, и стараясь занять Большой мостъ, стрѣляли другъ въ друга. Однимъ словомъ, казалось, что свирѣпый непріятель вошелъ въ городъ, и что жители, по ихъ древнему любимому выраженію, умираютъ *за Святую Софію*. Въ сіе самое время сдѣлалась ужасная гроза: отъ непрестанной молніи небо казалось пылающимъ; но мятежъ народа былъ еще ужаснѣе грозы. Тогда Архіепископъ Новогородскій Симеонъ, возведенный на сію степень по жребію изъ простыхъ Иноковъ (не будучи даже ни Священникомъ, ни Діакономъ), мужъ рѣдкихъ добродѣтелей, собралъ все Духовенство въ храмѣ Софійскомъ, облачился въ ризы Святительскія, и провождаемый Клиросомъ вышелъ къ народу, сталъ посреди мосту, и взявъ въ руки животворящій крестъ, началъ благословлять обѣ Стороны. Въ одно мгновеніе шумъ и волненіе утихли; толпы сдѣлались неподвижны; оружіе и шлемы упали на землю, и вмѣсто ярости изобразилось на лице умиленіе. «Идите въ домы свои съ Богомъ и съ миромъ!» вѣщалъ добродѣтельный Пастырь — и граждане въ безмолвіи, въ тишинѣ, въ духѣ смиренія и братства, разошлися ([219]). Сей достопамятный случай прославилъ Архіепископа Симеона.

Съ Великимъ Княземъ жили Новогородцы въ мирѣ, болѣе притворномъ, нежели искреннемъ: они не преставали ни опасаться Василія, ни досаждать ему. Въ 1417 году измѣнники, бѣглецы Новогородскіе, Симеонъ Жадовскій и Михайло Разсохинъ, собравъ толпы бродягъ на Вяткѣ, въ Устюгѣ, вмѣстѣ съ Бояриномъ брата Василіева, Юрія Димитріевича, изъ областей Великокняжескихъ нападали на Двинскую землю и сожгли Колмогоры; за то Бояре Новогородскіе, выгнавъ сихъ разбойниковъ, сами ограбили Устюгъ, будто бы безъ вѣдома Правительства, такъ же, какъ Разсохинъ и Жадовскій дѣйствовали будто бы безъ всякаго сношенія съ Москвою ([220]). Ссора Василія Димитріевича съ братомъ Константиномъ, въ 1420 году, подала Новогородцамъ случай сдѣлать не малую досаду первому. Слѣдуя новому уставу въ правахъ наслѣдственныхъ, Великій Князь требовалъ отъ братьевъ, чтобы они клятвенно уступили старѣйшинство пятилѣтнему сыну его, именемъ Василію. Константинъ не хотѣлъ сдѣлать того и лишился Удѣла; Бояръ его взяли подъ стражу: имѣніе ихъ описали. Злобствуя на Великаго Князя, онъ уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ Правительство, ни мало не боясь Василіева гнѣва, съ отмѣнными ласками приняло Константина Димитріевича, дало ему въ Удѣлъ всѣ города, бывшіе за Лугвеніемъ, и какой-то особенный денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною* ([221]). Великій Князь долженъ былъ оскорбиться; но скрылъ гнѣвъ, и примирился съ братомъ, огорчаемый тогда ужасными естественными бѣдами отечества.

Язва, которая со временъ Симеона Язва. Гордаго нѣсколько разъ посѣщала Россію, ужаснѣе прежняго открылась въ княженіе Василія Димитріевича: во Псковѣ и въ Новѣгородѣ была четыре раза, и дважды въ областяхъ Московскихъ, Тверскихъ, Смоленскихъ, Рязанскихъ. Признаки и слѣдствія оказывались тѣ же: а именно, железа, кровохарканіе, ознобъ, жаръ, — и смерть неминуемая. Иногда приходила сія гибельная чума во Псковъ изъ Ливонскаго Дерпта, иногда изъ другихъ мѣстъ, или возобновлялась отъ употребленія вещей зараженныхъ. Опустошивъ Азію, Африку, Европу, она нигдѣ не свирѣпствовала такъ долго, какъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отъ 1352 года до 1427 въ разныя времена безчисленное множество людей было ея жертвою: въ одномъ Новѣгородѣ, по извѣстію Нѣмецкаго Историка Кранца, умерло 80,000 человѣкъ въ 6 мѣсяцевъ: «люди (говоритъ онъ) ходя падали на улицахъ и въ одну ми-

г. 1415 —1423. нуту испускали духъ; здоровые шли погребать усопшихъ, и внезапно лишаясь жизни, въ той же могилѣ были сами погребаемы» (222). Ни посты, ни чинъ Ангельскій не спасали: алчная смерть, въ городахъ и селахъ наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ святыхъ Обителяхъ душевнаго мира. Строили церкви; отказывали имѣніе монастырямъ: иныхъ средствъ не употребляли. Суевѣрные Псковитяне, желая смягчить Небо, сожгли 12 мнимыхъ вѣдьмъ, и зная по преданію, что древнѣйшая церковь Христіанская, въ ихъ городѣ созданная, была посвящена Св. Власію, возобновили оную на старомъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что Господь скорѣе услышитъ тамъ ихъ моленіе о концѣ сего бѣдствія. Еще не довольно: въ 1419 году выпалъ глубокій снѣгъ 15 Сентября, когда еще хлѣбъ не былъ убранъ; сдѣлался общій голодъ и продолжался около трехъ лѣтъ во всей Россіи (Голодъ.); люди питались кониною, мясомъ собакъ, кротовъ, даже трупами человѣческими; умирали тысячами въ домахъ и гибли на дорогахъ отъ зимняго необыкновеннаго холода въ 1422 году. Сперва продавался оковъ ржи (или 8 осминъ) по рублю, въ Костромѣ по два, въ Нижнемъ по шести рублей (что составляло фунтъ съ ¼ серебра); наконецъ не-гдѣ было купить осьмины. Зная, что во Псковѣ находилось много ржи запасной, жители Новогородскіе, Тверскіе, Московскіе, Чудь, Корела, толпами устремились въ сію область, богатые покупать и вывозить хлѣбъ, а скудные кормиться милостынею. Скоро цѣна тамъ возвысилась, и четверть ржи стоила уже около двухъ рублей. Псковитяне, запретивъ вывозъ хлѣба, изгнали всѣхъ пришельцевъ, и сіи бѣдные съ женами, съ дѣтьми умирали на большой дорогѣ. Кромѣ того, Москва и Новгородъ были приводимы въ ужасъ частыми пожарами. Въ 1421 году необыкновенное наводненіе затопило большую часть Новагорода и 19 монастырей; люди жили на кровляхъ; множество домовъ и церквей обрушилось. Къ симъ страшнымъ явленіямъ надлежитъ еще прибавить зимы безъ снѣга, бури неслыханныя, дожди *каменные* и славную Комету 1402 года, для суевѣровъ Италіи предвѣстницу смерти Миланскаго Герцога, Іоанна Галеаса. Однимъ словомъ, Россіяне ждали конца міру, и сію мысль имѣли самые просвѣщеннѣйшіе (Мысль о преставленіи свѣта.) люди тогдашняго времени. «Іисусъ Христосъ»—говорили они—«сказалъ, что въ послѣдніе дни будутъ великія знаменія небесныя, гладъ, язвы, брани и неустройства: возстанетъ языкъ на языкъ, Царство на Царство: все видимъ нынѣ. Татары, Турки, Фряги, Нѣмцы, Ляхи, Литва, воюютъ вселенную. Что дѣлается въ нашемъ православномъ отечествѣ? Князь возстаетъ на Князя, братъ оститъ мечь на брата, племянникъ *куетъ* копіе на дядю» (223). Въ самыхъ дѣлахъ государственныхъ о томъ упоминалось. Когда Псковитяне (въ 1397 году) заключали миръ съ Новогородцами, Архіепископъ Іоаннъ, будучи между ими посредникомъ, склонилъ ихъ къ дружелюбію словами: «дѣти! видите уже послѣднее время!» г. 1415 —1423.

Среди общаго унынія и слезъ, какъ говорятъ Лѣтописцы, Василій Димитріевичь преставился на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, съ именемъ (г. 1425, Февраля 27. Кончина и характеръ Василія.) Властителя благоразумнаго, не имѣвъ любезныхъ свойствъ отца своего, добросердечія, мягкости во нравѣ, ни пылкаго воинскаго мужества, ни великодушія геройскаго, но украшенный многими государственными достоинствами, чтимый Князьями, народомъ, уважаемый друзьями и непріятелями. Присвоивъ себѣ Нижній Новгородъ, Суздаль, Муромъ, — вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ въ древней землѣ Вятичей: Торусу, Новосиль, Козельскъ, Перемышль, равно какъ и цѣлыя области Великаго Новагорода: Бѣжецкій Верхъ, Вологду и проч., сей Государь утвердилъ въ своемъ подданствѣ Ростовъ, коего Владѣтели, со временъ Іоанна Даніиловича зависѣвъ отъ Москвы, сдѣлались уже дѣйствительными слугами Василія, посылаемые имъ въ качествѣ Намѣстниковъ управлять другими городами. Въ Хлыновской лѣтописи сказано, что онъ посылалъ войско на Вятку съ Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, но не могъ овладѣть ею: современныя же грамоты доказываютъ, что Василій дѣйствительно присоединилъ ее къ Московскимъ областямъ, и что братъ его, Юрій, Князь Галицкій, господствовалъ надъ оною. Впрочемъ сія народная Держава еще сохраняла свои древніе уставы гражданской вольности. Не хотѣвъ мечемъ покорять ни Рязани, ни Твери, Василій имѣлъ рѣшительное большинство надъ Князьями ихъ и слѣдственно

г. 1425. приближался къ Единовластію въ Россіи; усилилъ Державу Московскую пріобрѣтеніями важными, сохранилъ ея цѣлость отъ хищности Литовской, и менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ платилъ дань Моголамъ (224). Можетъ быть, онъ сдѣлалъ ошибку въ Политикѣ, давъ отдохнуть Витовту, разбитому Ханомъ; можетъ быть, ему надлежало бы возобновить тогда дружелюбную связь съ Ордою, и вмѣстѣ съ Олегомъ Рязанскимъ ударить на Литву, чтобы соединить южную Россію съ сѣверною, а послѣ тѣмъ удобнѣе свергнуть иго Ханское. Но всѣ ли обстоятельства намъ извѣстны? Успѣхъ предпріятія столь великаго и смѣлаго былъ ли дѣйствительно вѣроятенъ? Князь Московскій, Государь шести или семи нынѣшнихъ Губерній въ сѣверной Россіи, имѣлъ ли способъ сокрушить Витовта, который, властвуя надъ ея лучшею, многолюднѣйшею половиною и надъ всею Литвою, располагая также силами Польши, легко могъ, утративъ одно войско на берегахъ Ворсклы, собрать другое? Великій Князь безъ сомнѣнія не думалъ щадить тестя и не жертвовалъ отечествомъ какой нибудь семейственной слабости (бывъ нѣсколько разъ готовъ сразиться съ Витовтомъ въ полѣ); но дѣйствовалъ такъ по лучшему своему государственному разумѣнію. Смѣлость оправдывается только успѣхомъ; безвременная, неудачная губитъ Державы — и часто благодарность отечества принадлежитъ тому, кто безъ крайности не дерзалъ на опасность, и не искалъ имени *Великаго*.

Довольно, что Василій умѣлъ обуздывать тестя, и не далъ ему поглотить остальныхъ владѣній независимой Россіи. Съ 1408 года они жили въ непрерывномъ согласіи, и года за два до кончины Великаго Князя супруга его ѣздила къ отцу въ Смоленскъ, можетъ быть не только для свиданія, но и для важныхъ государственныхъ переговоровъ (225). Василій, кажется, чувствовалъ себя близкимъ къ смерти; хотѣлъ заблаговременно взять мѣры къ утвержденію сына на престолѣ Великокняжескомъ, и въ завѣщаніи своемъ говоритъ, что онъ поручаетъ его, вмѣстѣ съ матерію, дружескому заступленію тестя и брата, Государя Литовскаго, который именемъ Божіимъ ему въ томъ обязался (226). Вѣроятно, что Княгиня Софія въ семъ важномъ дѣлѣ была посредницею между отцемъ и супругомъ. Василій оставлялъ сына младенцемъ; зналъ честолюбіе братьевъ, въ особенности Юрія и Константина; предвидѣлъ, что они могутъ воспротивиться новому уставу наслѣдства, подчиняющему дядей племяннику, и надѣялся, что сильный и не менѣе гордый Витовтъ, признательный къ лестной его довѣренности, захочетъ оправдать ее ревностію къ пользѣ юнаго внука, согласной съ нашею государственною: ибо древній, многосложный, неясный законъ родоваго старѣйшинства болѣе всего питалъ междоусобіе въ Россіи. Могъ ли Великій Князь дѣйствительно ожидать безкорыстныхъ услугъ отъ тестя, посѣдѣвшаго въ козняхъ властолюбія? Но сія довѣренность кажется болѣе хитростію, нежели слабодушнымъ легковѣріемъ; она состояла только въ словахъ, и возлагая на Витовта обязанность защитить сына Василіева въ случаѣ насилія со стороны дядей, не давала Литвѣ никакихъ способовъ поработить Москву: ибо Совѣтъ Великокняжескихъ Бояръ, пѣстуновъ Государя-отрока, зналъ, чего требовать отъ иноплеменнаго покровителя, и до чего не допускать его.

Завѣщаніе. Въ семъ завѣщаніи Василій, *благословляя* сына *Великимъ Княженіемъ* и поручая матери, отказываетъ ему все родительское наслѣдіе и собственный *примыслъ* (Нижній Новгородъ, Муромъ), *треть Москвы* (ибо другія двѣ части принадлежали сыновьямъ Донскаго и Владиміра Андреевича), Коломну и села въ разныхъ областяхъ; сверхъ того *большой лугъ* за Москвою рѣкою, Ходынскую мельницу, дворъ Ѳоминскій у Боровицкихъ воротъ и загородный у Св. Владиміра; а изъ вещей драгоцѣнныхъ золотую шапку, бармы, крестъ Патріарха Филоѳея, каменный сосудъ Витовтовъ, хрустальный кубокъ, даръ Короля Ягайла, и проч.; всѣ иныя вещи отдаетъ супругѣ, также и многія волости, прибавляя: «тамъ Княгиня моя господствуетъ и судитъ до кончины своеи; но должна оставить ихъ въ наслѣдство сыну: села же, ею купленныя, вольна отдать, кому хочетъ. Дочерямъ отказываю каждои по пяти семей изъ рабовъ моихъ; Княгинины холопи остаются служить ей: прочихъ освобождаю» (227). Грамота скрѣплена восковыми печатями, четырмя Боярскими и пятою Великокняжескою съ изображеніемъ Всадника; а внизу подписана Митропо-

г. 1425. литомъ Фотіемъ (Греческими словами). Замѣтимъ, что Василій Димитріевичь уже именно объявляетъ здѣсь сына преемникомъ своимъ въ достоинствѣ Великокняжескомъ; но при жизни старшаго сына, Іоанна, умершаго отрокомъ, написавъ подобное же завѣщаніе, говоритъ въономъ (228): «а дасть Богъ Князю Ивану Великое Княженіе держати:» слѣдственно еще предполагаетъ необходимость Ханскаго на то согласія. Сія первая духовная сочинена около 1407 года, и скрѣплена одною серебряною, вызолоченною печатію съ изображеніемъ Св. Василія Великаго и съ надписью: *Князя Великаго Василія Димитріевича всея Руси.*

Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ. Въ числѣ грамотъ сего времени сохранился также договоръ Великаго Князя съ Ѳеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ, писанный въ 1403 году. Ѳеодоръ, обязываясь чтить Василія старѣйшимъ братомъ, называетъ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича равными себѣ, а другихъ сыновей Донскаго меньшими братьями; даетъ слово не имѣть никакихъ сношеній съ Ханами и съ Литвою безъ вѣдома Василіева, увѣдомлять его о всѣхъ движеніяхъ или намѣреніяхъ Орды, жить въ любви съ Князьями Торусскими и Новосильскими, слугами Великаго Князя; признаетъ Оку границею своихъ и Московскихъ владѣній, и проч. Василій же, уступивъ ему Тулу, обѣщаетъ не подчинять себѣ ни земли Рязанской, ни ея Князей; именуетъ Ѳеодора *Великимъ* Княземъ, но вообще говоритъ языкомъ верховнаго, хотя и снисходительнаго, или умѣреннаго въ властолюбіи повелителя (229).

Къ блестящимъ для Россіи дѣяніямъ Василіева государствованія принадлежитъ услуга, оказанная симъ Великимъ Княземъ Императору Греческому, Мануилу. Уже славное Царство Константина Великаго находилось при послѣднемъ издыханіи. Уступивъ всю Малую Азію, Ѳракію и другія владѣнія Османскимъ Туркамъ, которые осаждали и Царьградъ, спасенный единственно Тамерланомъ, счастливымъ врагомъ Баязетовымъ; утративъ почти все, кромѣ столицы, Мануилъ находился въ крайности, и не имѣя казны, не могъ имѣть и войска, нужнаго для своей защиты. Свѣдавъ о семъ жалостномъ оскудѣніи Монарха единовѣрнаго, Василій Димитріевичь не только самъ отправилъ къ нему (въ 1398 году) знатное количество серебра съ Монахомъ Ослѣбею, бывшимъ Любутскимъ Болярчемъ, но уговорилъ и другихъ Князей Россійскихъ сдѣлать то же (230). Сіи дары были приняты въ Константинополѣ съ живѣйшею благодарностію: Царь, Патріархъ, народъ прославили великодушіе Россіянъ; и Мануилъ, чтобы еще болѣе утвердить дружелюбную связь съ Москвою, женилъ (въ 1414 году) сына своего, Іоанна, на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ. И такъ брачные союзы между Государями Восточной Имперіи и Россійскими начались и заключились невѣстами одного имени. Бракъ первой Анны, супруги Владиміра Святаго, имѣлъ счастливыя дѣйствія для Греціи; но внука Донскаго видѣла тамъ одни бѣдствія, и чрезъ три года скончалась отъ мороваго повѣтрія (231). Супругъ ея царствовалъ подъ именемъ Іоанна Палеолога и не оставилъ дѣтей. г. 1425. Дары посланные въ Грецію. Дочь Василіева за Императоромъ.

Дѣла церковныя. Церковныя дѣла сего времени особенно достопамятны въ нашей Исторіи. Мы видѣли, что при Димитріи Россія имѣла двухъ Митрополитовъ: сѣверная Пимена, южная Кипріана. Кончина перваго соединила обѣ Митрополіи, и Кипріанъ, бывъ для того въ Царѣградѣ, выѣхалъ оттуда съ великою пышностію, провождаемый двумя Греческими Митрополитами, Адріанопольскимъ и Гаанскимъ, тремя Архіепископами (Ѳеодоромъ Ростовскимъ, Евфросиномъ Суздальскимъ, Исаакіемъ Черниговскимъ), Епископомъ Михаиломъ Смоленскимъ, Грекомъ Іеремією Рязанскимъ и Ѳеодосіемъ (*) Туровскимъ (232). Великій Князь, Бояре и народъ съ великою честію встрѣтили Кипріана въ Котлахъ, радуясь, что Глава всего Духовенства Россійскаго снова будетъ обитать въ Московской столицѣ, и зная уже личныя его достоинства. Въ самомъ дѣлѣ сей Митрополитъ имѣлъ жаркое усердіе къ Вѣрѣ и нравственность непорочную, строго судилъ неправды Епископовъ, и не дозволялъ имъ противиться власти Княжеской. Такъ онъ справедливо наказалъ Епископа Тверскаго, Евфимія Вислена, обвиняемаго Княземъ, Духовенствомъ и народомъ въ разныхъ беззаконіяхъ; свелъ его съ Епископіи и велѣлъ ему жить въ кельѣ Чудова монастыря; а Епископа Туровскаго, Анто-

(*) См. Калайдовича о Туровскомъ Епископѣ, XVI (отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

г.1425. нія, въ угодность Витовту лишивъ и сана Святительскаго, отнявъ у него *бѣлый* клобукъ, ризницу, источники и скрижали, заключилъ въ Симоновской Обители. Другой Епископъ Литовской Россіи, Савва Луцкій, (въ 1401 году) призванный на Соборъ девяти Архіереевъ въ Москвѣ, долженствовалъ отказаться отъ своей Епархіи: вѣроятно, также имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ Витовтовъ. Мы говорили о судьбѣ Архіепископа Новогородскаго Іоанна, около трехъ лѣтъ сидѣвшаго въ монастырѣ Николаевскомъ единственно по негодованію Великаго Князя на сего ревностнаго ходатая правъ Новогородскихъ. Дѣйствуя всегда согласно съ пользою или волею Государственныхъ Властителей, Кипріанъ сохранилъ подъ своимъ начальствомъ Епархіи южной Россіи и былъ отмѣнно любимъ Василіемъ Димитріевичемъ. Мы должны упомянуть здѣсь о грамотѣ, будто бы данной Кипріану симъ Государемъ на суды церковные, и внесенной въ нѣкоторыя новѣйшія лѣтописи, съ прибавленіемъ, что она выписана изъ стараго Московскаго Номоканона (233). Въ ней сказано: «Се азъ Князь Великій Василій Димитріевичь, размысливъ съ отцемъ своимъ, Митрополитомъ Кипріаномъ, возобновляю древніе уставы церковные прадѣда моего, Св. Владиміра, и сына его, Ярослава, согласно съ Греческимъ Номоканономъ . . . Въ лѣто 6911» (1403). Сіи два устава, мнимый Владиміровъ и Ярославовъ, суть явно подложные: могъ ли благоразумный Василій Димитріевичь вѣрить ихъ истинѣ? могъ ли самъ Митрополитъ предложить Государю законы столь нелѣпые, по которымъ надлежало платить за бранное слово, сказанное женщинѣ, во сто разъ болѣе, нежели за гнуснѣйшія преступленія и злодѣйства (234)? Кипріанъ славился не только благочестіемъ, но и дарованіями разума. Уважаемый Константинопольскимъ Духовенствомъ, онъ былъ призванъ имъ на Соборъ, чтобы торжественно низвергнуть беззаконнаго Патріарха Макарія, и вмѣстѣ съ знаменитѣйшими Греческими Святителями подписалъ имя свое на *свиткѣ* Макаріева *осужденія*. Любя уединеніе, онъ жилъ большею частію внѣ Москвы, въ селѣ Голенищевѣ, между Воробьевыми горами и Поклонною, гдѣ наслаждаясь пріятными видами и тишиною, переводилъ книги съ Греческаго и сочинилъ житіе Св. Петра Митрополита (235), въ коемъ, г.1425. говоря о себѣ весьма скромно, описываетъ видѣнныя имъ мятежи и бѣдствія въ Греціи. Какъ ревностный учитель Вѣры, онъ имѣлъ удовольствіе обратить трехъ знаменитыхъ Вельможъ Ханскихъ: Бахтыя, Хидыря и Мамата, которые выѣхали изъ Орды въ Москву, и просвѣщенные его бесѣдами, захотѣли креститься. Сей торжественный обрядъ совершился на берегу Москвы рѣки, въ присутствіи Великаго Князя и всего Двора, при колокольномъ звонѣ и радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа. Москвитяне плакали отъ умиленія, видя древнихъ гордыхъ враговъ своихъ смиренно внимающихъ гласу Митрополита, и веселились мыслію, что торжество нашей Вѣры предзнаменуетъ и близкое торжество нашего отечества. Названные именами трехъ Святыхъ Отроковъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, сіи новокрещенные ходили вмѣстѣ по городу, дружелюбно кланялись народу и были имъ привѣтствуемы какъ братья (236). — Уважаемый и любимый, Кипріанъ скончался въ маститой старости, за нѣсколько дней до смерти (въ 1406 году) написавъ грамоту къ Василію Димитріевичу, ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ, Боярамъ, Духовенству, мірянамъ, благословляя ихъ и требуя Христіанскаго прощенія. Архіепископъ Ростовскій, Григорій, читая оную въ слухъ надъ гробомъ его въ Успенскомъ Соборѣ, произвелъ общее рыданіе. Съ того времени всѣ новѣйшіе Митрополиты Московскіе списывали сію грамоту и приказывали читать ее на своемъ погребеніи.

Преемникомъ Кипріановымъ былъ (въ 1409 году) Фотій, Морейскій Грекъ, который зналъ хорошо языкъ Славянскій, хотя обыкновенно писалъ имя свое по-Гречески (237): мужъ разумный и добродѣтельный, какъ говорятъ Лѣтописцы, но весьма несчастливый въ своемъ церковномъ правленіи. Пріѣхавъ въ сѣверную Россію, опустошенную тогда Эдигеемъ, онъ съ великою ревностію старался о возстановленіи Митрополитскаго достоянія, расхищеннаго и непріятелемъ и корыстолюбцами. Стяжанія церковныя были захвачены міряпами; села, земли, воды, пошлины отняты: надлежало отыскивать ихъ и тягаться съ людьми сильными, съ Князьями, съ Боярами: чѣмъ Фотій возбудилъ на себя досаду многихъ; говорили, что онъ не-

г. 1415. чется болѣе о мірскомъ, нежели о духовномъ; винили его въ излишнемъ корыстолюбіи, можетъ быть отчасти и справедливо; по крайней мѣрѣ самъ Великій Князь ему не доброхотствовалъ, и не любя Митрополита, смотрѣлъ по видимому равнодушно и на вредъ, скоро претерпѣнный Митрополіею.

Хитрый Витовтъ безъ сомнѣнія издавна видѣлъ съ неудовольствіемъ свои Россійскія земли подъ духовною властію Святителя иноудержавнаго. Митрополиты наши именовались Кіевскими, но жили въ Москвѣ, усердствовали ея Государямъ, и повелѣвая совѣстію людей, питали духъ братства между южною и сѣверною Россіею, опасный для Правленія Литовскаго; сверхъ того, собирая знатные доходы въ первой, истощали ея богатство и переводили оное въ Московское Великое Княженіе. Благоразумная Политика Кипріанова удаляла исполненіе Витовтова замысла: сей Пастырь, выѣхавъ изъ Литовскихъ владѣній въ Москву, какъ въ столицу Государя правовѣрнаго, слѣдственно и Митрополіи, не оставлялъ Кіева; посѣтивъ его въ 1396 году, жилъ тамъ около осьмнадцати мѣсяцевъ; ѣздилъ и въ другія южныя Епархіи; вообще угождалъ Витовту. Фотій, Монахъ отъ юности, мало свѣдущій въ дѣлахъ государственныхъ, и воспитанный въ ненависти къ Латинской Церкви, не искалъ милости въ Витовтѣ, усердномъ Католикѣ; не хотѣлъ даже быть въ областяхъ его, и требовалъ единственно доходовъ оттуда. Тогда Витовтъ; созвавъ Епископовъ южной Россіи, предложилъ имъ избрать особеннаго Митрополита, и велѣлъ подать себѣ жалобу на Фотія какъ на Пастыря нерадиваго. Тщетно Фотій хотѣлъ отвратить ударъ: онъ спѣшилъ въ Кіевъ, чтобы примириться съ Витовтомъ или ѣхать въ Константинополь къ Патріарху; но ограбленный въ Литвѣ, долженствовалъ возвратиться въ Москву. Намѣстники его были высланы изъ южной Россіи, волости и села Митрополитскія описаны на Государя и розданы Вельможамъ Литовскимъ (238). Согласно съ желаніемъ Духовенства, Витовтъ послалъ въ Константинополь ученаго Болгарина, именемъ Григорія Цамблака, ласковыми письмами убѣждая Императора и Патріарха поставить сего достойнаго мужа въ Митрополиты Кіевскіе. Когда же, доброхотствуя Фотію, Патріархъ не исполнилъ его воли, всѣ Епископы южной Россіи съѣхались г. 1415. въ Новогродокъ, и сами собою, въ угодность Государю, посвятили Цамблака въ Митрополиты, написавъ во всенародное извѣстіе слѣдующую достопамятную грамоту (239):

«Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ, свыше исходяй отъ Отца свѣтомъ. И мы пріяли сей даръ Небесный; и мы утѣшились онымъ, Епископы странъ Россійскихъ, друзья и братья по Духу Святому, смиренный *Архіепископъ* Полоцкій и Литовскій, Ѳеодосій, Епископъ Исаакій Черниговскій, Діонисій Луцкій, Герасимъ Владимірскій, Севастіанъ Смоленскій, Харитоній Хельмскій, Евфимій Туровскій. Видя запустѣніе Церкви Кіевской, главной въ Руси, имѣя Пастыря только именемъ, а не дѣломъ, мы скорбѣли душею: ибо Митрополитъ Фотій презиралъ наше духовное стадо; не хотѣлъ ни править онымъ, ни видѣть его; корыстовался единственно нашими церковными доходами, и переносилъ въ Москву древнюю утварь Кіевскихъ храмовъ. Богъ милосердый подвигнулъ сердце Великаго Князя Александра Витовта, Литовскаго и многихъ Русскихъ земель Господаря; онъ изгналъ Фотія и просилъ инаго Митрополита отъ Царя и Патріарха; но ослѣпленные неправедною мздою, они не вняли моленію праведному. Тогда Великій Князь собралъ насъ Епископовъ, всѣхъ Князей Литовскихъ, Русскихъ и другихъ подвластныхъ ему, Бояръ, Вельможъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ — и мы въ Новомъ Градѣ Литовскомъ, въ храмѣ Богоматери, по благодати Святаго Духа и преданію Апостольскому посвятили Кіевской Церкви Митрополита, именемъ Григорія, и свергнули Фотія, представивъ его вины Патріарху, да не рекутъ люди сторонніе: *Государь Витовтъ иной Вѣры; онъ не печется о Кіевской Церкви*, которая есть мать Русскимъ, ибо Кіевъ есть мать всѣмъ градамъ нашимъ. Епископы издревле имѣли власть ставить Митрополитовъ, и при Великомъ Князѣ Изяславѣ посвятили Климента. Такъ и Болгары, древнѣйшіе насъ въ Христіанствѣ, имѣютъ собственнаго Первосвятителя; такъ и Сербы, коихъ земля не можетъ равняться ни величествомъ, ни множествомъ народа съ областями Александра Витовта. Но что говорить о Болгарахъ и Сербахъ! Мы послѣдовали уставу Апостоловъ, которые предали намъ,

г. 1425. ученикамъ своимъ, благодать Св. Духа, равно дѣйствующую на всѣхъ Епископовъ. Собираяся во имя Господне, Святители вездѣ могутъ избирать достойнаго учителя и Пастыря, Самимъ Богомъ избираемаго. Да не скажутъ легкомысленные: *отлучимся отъ нихъ, когда они удалились отъ Церкви Греческой!* Нѣтъ: мы хранимъ преданія Святыхъ Отцевъ, клянемъ ереси, чтимъ Патріарха Константиноградскаго и другихъ; имѣемъ одну Вѣру съ ними, но отвергаемъ только беззаконную въ церковныхъ дѣлахъ власть, присвоенную Царями Греческими: ибо не Патріархъ, но Царь даетъ нынѣ Митрополитовъ, торгуя важнымъ Первосвятительскимъ саномъ. Такъ Мануилъ, любя не славу Церкви, а корысть свою, въ одно время прислалъ намъ трехъ Митрополитовъ: Кипріана, Пимена и Діонисія. Сіе было виною многихъ долговъ, убытковъ, мятежа, убійства (240), и — что всего хуже — безчестія для нашей Митрополіи. Разсудивъ же, что не подобаетъ Царю-мірянину ставить Митрополитовъ за деньги, мы избрали достойнаго Первосвятителя. . . Въ лѣто 6924 Индикта, Ноября 15» (въ 1415 году).

Тщетно Фотій писалъ грамоты къ Вельможамъ и народу южной Россіи, опровергая незаконное посвященіе Григорія, какъ дѣло одной мірской власти или *иновѣрнаго мучителя,* врага истинной Церкви (241): древняя единственная Митрополія наша раздѣлилась оттолѣ на двѣ, и Московскіе Первосвятители оставались только по имени Кіевскими. Григорій Цамблакъ, мужъ ученый и книжный, замышляя для славы своей соединить Церковь Греческую съ Латинскою, ѣздилъ для того съ Литовскими Панами въ Римъ и въ Константинополь, но возвратился безъ успѣха и скончался въ 1419 году, хвалимый въ южной Россіи за свое усердіе къ Вѣрѣ и проклинаемый въ Московской Соборной церкви какъ отступникъ (242). Онъ уставилъ торжествовать память Св. Параскевы Тарновской и написалъ ея житіе вмѣстѣ со многими Христіанскими поученіями. Преемникомъ его въ Кіевской Митрополіи былъ Герасимъ, Смоленскій Епископъ, поставленный Константинопольскимъ Патріархомъ въ 1433 году (243).

Судная грамота. Отвергая мнимую Василіеву грамоту о судѣ церковномъ, между памятниками его княженія нашли мы другую, гораздо несомнительнѣйшую, о судѣ гражданскомъ. Она тѣмъ любопытнѣе, что со г. 1425. временъ Ярослава Великаго до XV вѣка не встрѣчалось намъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ архивахъ, ничего относительнаго къ древнему Россійскому законодательству. Сія судная грамота писана къ Двинскимъ жителямъ, когда они въ 1397 году признали себя подданными Государя Московскаго, и содержитъ слѣдующее (244):

«Буде я, Великій Князь, опредѣлю къ вамъ въ Намѣстники своего Боярина, или Двинскаго, то они должны поступать согласно съ симъ предписаніемъ.

«Ежели сдѣлается убійство, то сыскать убійцу; ежели не найдутъ его, то волость платитъ Намѣстнику 10 рублей; за рану кровавую 30 бѣлокъ, за синюю 15 бѣлокъ; а преступникъ наказывается особенно.

«Кто обезчеститъ Боярина словами или ударитъ, съ того взыскиваютъ Намѣстники пеню по чину или роду обиженнаго.

«Буде драка случится въ пиршествѣ, и тамъ же прекратится миромъ: то Намѣстникамъ и Дворянамъ нѣтъ дѣла; а буде миръ сдѣлается уже послѣ, то Намѣстникъ беретъ куницу *шерстью.*

«Перепахавъ или перекосивъ межу на одномъ полѣ или на одномъ лугу, виновный даетъ барана, за перепаханную межу сельскую 30 бѣлокъ, за Княжескую 120 бѣлокъ; но его не вязать. — Вообще всѣ судимые, дающіе порукъ, остаются свободны. Съ человѣка скованнаго Дворянамъ судейскимъ не просить ничего; всякое обѣщаніе въ такомъ случаѣ недѣйствительно.

«У кого найдется краденое, но кто сведетъ съ себя татьбу, и доищется вора: тому нѣтъ наказанія. Воръ же платитъ въ первый разъ цѣну украденнаго; за преступленіе вторичное наказывается тяжкою денежною пенею, а въ третій разъ виселицею. Тать во всякомъ случаѣ долженъ быть заклейменъ.

«Уличенный въ *самосудѣ* платитъ 4 рубля; а самосудъ есть то, когда гражданинъ или земледѣлецъ, схвативъ татя, отпуститъ его за деньги, а Намѣстники о семъ узнаютъ.

«Кто, будучи вызываемъ къ суду, не явится, на того Намѣстники даютъ грамоту *правую безсудную* или обвинительную.

«Господинъ, ударивъ холопа своего и нечаянно убивъ до смерти, не отвѣтствуетъ за то Намѣстникамъ.

г. 1425. «Въ тяжбахъ со всякаго рубля Намѣстнику полтина.

«Обиженные Намѣстникомъ приносятъ жалобу мнѣ, Великому Князю. Я потребую его къ отвѣту; и буде въ срокъ не явится, то велю Приставу Княжескому поступить съ нимъ какъ съ виновнымъ.

«Двинскіе купцы не должны быть судимы ни въ Устюгѣ, ни въ Вологдѣ, ни въ Костромѣ. Если будутъ обличены въ татьбѣ, то представить ихъ ко мнѣ, Великому Князю, и ждать моего суда, или жаловаться на нихъ Двинскимъ моимъ Намѣстникамъ.

«Двиняне торгуютъ безъ пошлины во всѣхъ областяхъ Великаго Княженія, платя единственно Устюжскимъ и Вологодскимъ Намѣстникамъ двѣ мѣры соли съ ладіи, а съ воза двѣ бѣлки.» и проч. Далѣе опредѣляется платежъ Дворянамъ или судейскимъ Отрокамъ (какъ они въ древней Русской Правдѣ именуются) за трудъ и переѣзды.

Сіи законы уже не сходствуютъ съ Уставомъ Ярослава Великаго, опредѣляя смертную казнь за воровство, наказываемое у насъ въ старину одною денежною пенею. — Подъ именемъ *бѣлокъ*, упоминаемыхъ здѣсь въ означеніи цѣнъ, должно разумѣть не древнія векши, или кожаную монету, а дѣйствительныя бѣльи шкуры, такъ же, какъ въ другомъ мѣстѣ сей грамоты сказано, что Намѣстникъ за драку беретъ куницу *шерстью*: слѣдственно кунью шкуру. Нѣтъ вѣроятности, чтобы виновныи за кровавую рану и за перепаханіе межи платилъ только 30 *векшей*: сумму ничтожную по цѣнѣ древнихъ кожаныхъ денегъ. Впрочемъ сіи деньги, или *куны*, тогда еще ходили въ Двинской землѣ: ибо Новогородское Правительство отмѣнило ихъ уже въ 1410 году, замѣнивъ оныя мѣдными грошами Литовскими и Шведскими Ортугами, а въ 1420 году серебряною монетою, подобною Московской и другимъ Россійскимъ, продавъ мѣдную Нѣмцамъ. То же сдѣлали и Псковитяне; и съ сего времени во всей Россіи начала ходить собственная монета серебряная. Куны наконецъ столь унизились въ цѣнѣ, что въ 1407 году Псковитяне давали ими 15 гривенъ за полтину серебра (245).

Въ прибавленіи къ Исторіи Василія Димитріевича сообщимъ слѣдующія извѣстія:

Въ его Княженіе Россіяне начали считать годы мірозданія съ Сентабря мѣсяца, оставивъ древнее лѣтосчисленіе съ Марта. Вѣроятно, что Митрополитъ Кипріанъ первый ввелъ сію новость, подражая тогдашнимъ Грекамъ (246). г. 1425. Разныя извѣстія.

Уже при Димитріи Донскомъ нѣкоторые знаменитые граждане именовались по родамъ или фамиліямъ, вмѣсто прозвищъ, коими различались прежде люди одного имени и отчества (247): при Василіи сіе обыкновеніе утвердилось, и древнія Славянскія имена вышли изъ употребленія.

Въ сіе время Москва славилась иконописцами, Симеономъ чернымъ, старцемъ Прохоромъ, Городецкимъ жителемъ, Даніиломъ и Монахомъ Андреемъ Рублевымъ, столь знаменитымъ, что иконы его въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ служили образцемъ для всѣхъ иныхъ живописцевъ. Въ 1405 году онъ расписалъ церковь Св. Благовѣщенія на Дворѣ Великокняжескомъ, а въ 1408 Соборную Св. Богоматери въ Владимірѣ, первую вмѣстѣ съ Грекомъ Ѳеофаномъ и съ Прохоромъ, а вторую съ Даніиломъ. – И въ литейномъ художествѣ Москва имѣла искусныхъ мастеровъ. одинъ изъ нихъ (въ 1420 году) научилъ Псковскаго гражданина Ѳеодора лить свинцовыя доски для кровли церковной: за что Псковитяне дали ему 46 рублей. Дерптскіе Нѣмцы, скрывая отъ Россіянъ всѣ успѣхи полезныхъ художествъ, никакъ не хотѣли присылать къ нимъ своихъ мастеровъ (248)

Въ 1404 году Монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ Сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжескомъ дворѣ, за церковію Благовѣщенія, и стоили болѣе полутораста рублей, то есть, около тридцати фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему произведенію искусства какъ чуду (249).

Въ 1394 году Великій Князь, желая болѣе укрѣпить столицу, велѣлъ копать ровъ отъ Кучкова поля, или нынѣшнихъ Срѣтенскихъ воротъ, до Москвырѣки, глубиною въ человѣка, а шириною въ сажень. Для сего, къ неудовольствію граждавъ, надлежало разметать многіе домы: ибо ровъ шелъ сквозь улицы и дворы (250). Слѣдственно Москва была тогда уже обширнѣе нынѣшняго Бѣлаго города.

Въ 1390 году знатный юноша, именемъ Осей, сынъ Великокняжескаго пѣстуна, былъ смертельно уязвленъ ору-

г. 1425. жіемъ въ Коломнѣ *на игрушкѣ*, какъ сказано въ лѣтописи ([251]): сіе извѣстіе служитъ доказательствомъ, что предки наши, подобно другимъ Европейцамъ, имѣли рыцарскія игры, столь благопріятныя для мужества и славолюбія юныхъ витязей.

Въ посланіи Митрополита Фотія, писанномъ въ 1410 году къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, находимъ нѣкоторыя достопамятныя черты относительно къ тогдашнимъ понятіямъ, обыкновеніямъ и нравамъ. Фотій велитъ наказывать эпитимією мужа и жену, которые совокупились бракомъ безъ церковнаго, Іерейскаго благословенія, и вѣнчать свадьбы послѣ Обѣдни, а не въ полдень, не ночью; дозволяетъ третій бракъ единственно молодымъ людямъ, не имѣющимъ дѣтей, и съ условіемъ не входить въ церковь пять лѣтъ, или заслужить прощеніе искреннимъ, ревностнымъ покаяніемъ, слезами и сокрушеніемъ сердца; возбраняетъ дѣвицамъ замужство прежде двѣнадцати лѣтъ; всѣхъ, дерзающихъ пить вино до обѣда, лишаетъ причащенія; строго осуждаетъ непристойную брань именемъ отца или матери; запрещаетъ Духовенству торговать и лихоимствовать, Инокамъ и Черницамъ жить въ одномъ монастырѣ, вдовымъ Іереямъ быть въ женскихъ Обителяхъ, людямъ легковѣрнымъ слушать басни и принимать *лихихъ бабъ съ узлами*, съ ворожбою и съ зеліемъ. Сей Митрополитъ изъявлялъ отмѣнное усердіе къ истинному Христіанскому просвѣщенію и писалъ многія учительныя посланія къ Духовенству, Князьямъ и народу ([252]).

Василій Димитріевичъ за 18 лѣтъ до кончины своей оплакалъ смерть матери, Евдокіи, славной умомъ, а еще болѣе Христіанскими добродѣтелями, и сравниваемой Лѣтописцами съ Маріею, супругою внука Мономахова, Всеволода Великаго, въ ревности къ украшенію церквей. Она построила Вознесенскій Дѣвическій монастырь въ Кремлѣ, церковь Рождества Богоматери и другія, расписанныя Грекомъ Ѳеофаномъ и Симеономъ Чернымъ ([253]). Сія Княгиня набожная сколь любила добродѣтель, столь ненавидѣла ея личину: изнуряя тѣло свое постами, хотѣла казаться тучною; носила на себѣ нѣсколько одеждъ; украшалась бисеромъ, являлась вездѣ съ лицемъ веселымъ, и радовалась, слыша, что злословіе представляетъ ея цѣломудріе сомнительнымъ. Говорили, что Евдокія желаетъ нравиться, и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей, особенно Юрія Димитріевича, который не могъ скрыть своего безпокойства отъ матери. Евдокія призвала ихъ, и свергнула съ себя часть одежды: сыновья ужаснулись, видя худобу ея тѣла и кожу совершенно изсохшую отъ неумѣреннаго воздержанія. «Вѣрьте — сказала она — что ваша мать цѣломудренна; но видѣнное вами да будетъ тайною для міра. Кто любитъ Христа, долженъ сносить клевету и благодарить Бога за оную» ([254]). Но злословіе скоро умолкло: Евдокія, не за-долго до кончины оставивъ міръ, и названная въ монашествѣ Евфросиніею, преставилась съ именемъ Святой Угодницы Божіей. г. 1425. Добродѣтель супруги Донскаго.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛІЕВИЧЪ ТЕМНЫЙ.

Г. 1425 — 1462.

Чудо. Междоусобіе. Язва. Нашествіе Литвы. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта. Происшествія Литовскія. Набѣги Татаръ. Судъ въ Ордѣ. Междоусобія. Злодѣйство. Распря съ Новымгородомъ. Рожденіе Іоанна Великаго. Дань Ордынская. Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ. Царство Казанское. Смерть Димитрія Краснаго. Соборъ Флорентійскій. Новая вражда. Дѣла Новогородскія. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествіе Царя Казанскаго. Плѣнъ Великаго Князя. Ужасъ и бѣдствіе Москвы. Разбой Князя Тверскаго. Освобожденіе Василія. Землетрясеніе. Злодѣйство Шемякино. Ослѣпленіе Великаго Князя. Безразсудность Шемяки. Пословица. Вѣроломство. Смиреніе Василія. Обрученіе юнаго Іоанна. Изгнаніе Шемяки. Клятва. Благоразумное правленіе Василіево. Булла Папы. Іоаннъ Соправитель. Договоры. Достопамятное посланіе. Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Нашествіе Татаръ. Смерть Шемяки. Успѣхи Единовластія. Усмиреніе Новагорода. Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Неблагодарность Василіева. Покореніе Вятки. Дѣла Псковскія. Набѣги Татаръ. Кончина и свойства Василіевы. Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Суевѣріе. Перемѣна монеты въ Новѣгородѣ. Дѣла церковныя. Взятіе Константинополя Турками. Начало Крымской Орды.

г. 1425. Новый Великій Князь имѣлъ не болѣе десяти лѣтъ отъ рожденія. Подобно отцу и дѣду въ началѣ ихъ государствованія, онъ зависѣлъ отъ Совѣта Боярскаго, но не могъ равняться съ ними ни въ счастіи, ни въ душевныхъ способностяхъ. Не бывъ еще никогда жертвою внутренняго междоусобія, Великое Княженіе Московское при Василіи Темномъ долженствовало испытать сіе зло и видѣть уничиженіе своего Вѣнценосца, имъ заслуженное. Только Провидѣніе, обстоятельства и вѣрность народная, какъ бы вопреки худымъ совѣтникамъ Престола спасли знаменитость Москвы и Россію.

Чудо. Сей Князь еще въ колыбели именовался *Великимъ* по слѣдующему происшествію, коего истину утверждаютъ Лѣтописцы. Мать его не скоро разрѣшилась отъ бремени и терпѣла ужасныя муки. Безпокойный отецъ просилъ одного святаго Инока Іоанновской Обители молиться о Княгинѣ Софіи. «Не тревожься!» отвѣтствовалъ старецъ: «Богъ даруетъ тебѣ сына и наслѣдника всей Россіи.» Между тѣмъ Духовникъ Великокняжескій, Священникъ Спасскаго Кремлевскаго монастыря, сидѣлъ въ своей кельѣ и вдругъ услышалъ голосъ: « иди и дай имя *Великому Князю Василію.*» Священникъ отворилъ дверь, и не видя никого, удивился; спѣшилъ во дворецъ, и свѣдалъ, что Софія дѣйствительно въ самую ту минуту родила сына. Невидимаго вѣстника, приходившаго къ Духовнику, сочли Ангеломъ; младенца назвали Василіемъ, и народъ съ сего времени видѣлъ въ немъ своего будущаго Государя, ожидая отъ него, какъ вѣроятно, чего нибудь необыкновеннаго ([255]). Надежда осталась безъ исполненія, но могла быть причиною особеннаго усердія Москвитянъ къ сему внуку Донскаго. г. 1425.

Междоусобіе. Василій Димитріевичь преставился ночью: Митрополитъ Фотій въ тотъ же часъ послалъ своего Боярина, Іакинѳа Слебятева, въ Звенигородъ къ Князю Юрію Димитріевичу, съ требованіемъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ меньшими братьями, призналъ племянника Великимъ Княземъ ([256]). Но Юрій, всегда имѣвъ надежду, въ противность новому уставу, быть преемникомъ старшаго брата, не захотѣлъ ѣхать въ Москву, удалился въ Галичь, и свѣдавъ о торжественномъ восшествіи юнаго Василія на Великокняжескій престолъ, отправилъ къ нему Посла съ угрозами. Ни дядя, ни племянникъ не думалъ уступить старѣйшинства; и хотя заключили перемиріе до Петрова дни, однакожь Юрій, не теряя времени, собиралъ войско въ городахъ своего Удѣла. Великій Князь предупредилъ его, и вмѣстѣ съ другими дядями выступилъ къ Костромѣ. Юрій ушелъ въ Новгородъ Нижній; наконецъ за рѣку Суру, откуда Константинъ Димитріевичь, отправленный въ слѣдъ за нимъ съ полками Великокняжескими, возвратился въ Москву безъ всякой битвы ([257]). Юрій требовалъ новаго перемирія

г. 1425. на годъ; а Василій по совѣту матери, дядей и самого Витовта Литовскаго, послалъ къ нему въ Галичь Митрополита Фотія, который, бывъ встрѣченъ за городомъ всѣмъ Княжескимъ семействомъ, съ изумленіемъ увидѣлъ тамъ множество собраннаго изъ разныхъ областей народа. Юрій думалъ похвалиться безчисленностію своихъ людей, и густыми толпами ихъ усыпалъ всю гору при въѣздѣ въ Галичь съ Московской стороны: но Митрополитъ, отгадавъ его мысль, съ насмѣшкою далъ ему чувствовать, что крестьяне не воины, и сермяги не латы. Начали говорить о мирѣ: Юрій не хотѣлъ онаго, требуя единственно перемирія, и столь разгнѣвалъ Фотія, что сей Первосвятитель, не благословивъ ни Князя, ни города, немедленно уѣхалъ. Въ лѣтописи сказано, что въ самый день Митрополитова отбытія сдѣлался моръ въ Галичѣ; что Юрій, приведенный тѣмъ въ ужасъ, верхомъ поскакалъ въ слѣдъ за Фотіемъ и догнавъ его за озеромъ, въ селѣ Пасынковѣ, слезами и раскаяніемъ убѣдилъ возвратиться; что благословеніе Пастыря, данное народу, прекратило болѣзнь, и Князь послалъ въ Москву двухъ Вельможъ заключить миръ, обѣщавъ не искать Великаго Княженія, пока Царь Ординскій рѣшитъ, кому принадлежитъ оное.

Смутное начало Василіева княженія предвѣщало бѣдствія государственныя России, еще опустошаемой тою язвою, которую мы описали въ исторіи отца его, и которая съ Троицына дни возобновилась въ Москвѣ, завезенная туда изъ Ливоніи черезъ Псковъ, Новгородъ и Тверь, гдѣ въ одинъ годъ скончались

Язва. г. 1426—1431. Князь Іоаннъ Михайловичь, сынъ Іоанновъ Александръ и внукъ Юрій Александровичь, княживъ мѣсяцъ. Братъ Юріевъ, Борисъ, сѣлъ на Тверскомъ престолѣ, отдавъ племяннику, Іоанну Юрьевичу, городъ Зубцевъ и взявъ подъ стражу дядю своего, Василія Михайловича Кашинскаго. Въ Москвѣ преставились дядя Великаго Князя Петръ Димитріевичь и три сына Владиміра Храбраго, Андрей, Ярославъ и Василій. Въ Торжкѣ, Волокѣ, Дмитровѣ и въ другихъ городахъ умерло множество людей. Отличнымъ знакомъ сей новой язвы былъ синій или багровый пузырь на тѣлѣ: синій предзнаменовалъ неизбѣжную смерть въ третій день, а багровый выгнивалъ, и недужные оставались живы. Лѣтописецъ говоритъ, что съ сего времени, какъ нѣкогда съ Ноева потопа, вѣкъ человѣческій сократился въ России, и предки наши сдѣлались щедушнѣе, слабѣе; что въ разныхъ мѣстахъ были страшныя явленія; что отъ великой засухи (въ 1430 году) воды истощились; земля, боры горѣли; люди среди густыхъ облаковъ дыма не могли видѣть другъ друга; звѣри, птицы и рыбы въ рѣкахъ умирали; вездѣ голодъ и болѣзни свирѣпствовали ([258]). Однимъ словомъ, послѣдніе годы Василія Димитріевича и первые сына его составляютъ печальнѣйшую эпоху нашей Исторіи въ XV вѣкѣ. Язва возобновлялась еще во Псковѣ и въ Москвѣ около 1442 и 1448 года. г. 1426—1431.

Непріятели внѣшніе также безпокоили Россію. Корыстолюбивый Витовтъ, не боясь малолѣтнаго Василія, (въ 1426 году) приступилъ къ Опочкѣ, городу Псковскому, съ войскомъ многочисленнымъ, въ коемъ были даже Богемцы, Волохи и дружина Хана Татарскаго, Махмета. Жители употребили хитрость: сдѣлали тонкій мостъ передъ городскими воротами, укрѣпивъ его однѣми веревками, и набивъ подъ нимъ, въ глубокомъ рвѣ, множество острыхъ кольевъ; а сами укрылись за стѣнами. Непріятели, не видя никого, вообразили, что крѣпость пуста, и толпами бросились на мостъ: тогда граждане подрѣзали веревки. Литовцы, падая на колья, умирали въ мукахъ: другіе же, взятые въ плѣнъ, терпѣли еще лютѣйшія: граждане сдирали съ нихъ кожу, въ глазахъ Витовта и всего осаждающаго войска ([259]). Сіе варварство имѣло счастливый успѣхъ: ибо Князь Литовскій — увѣренный, что Россіяне будутъ обороняться до послѣдняго издыханія — отступилъ къ Вороначу. Тутъ сдѣлалась страшная буря съ грозою, столь необыкновенная, что Литовцы ожидали преставленія свѣта, и самъ Витовтъ, обхвативъ руками шатерный столпъ, въ ужасѣ вопилъ: *Господи помилуй!* Сіе худое начало расположило его къ миру. Псковитяне, тревожимые Нѣмцами, оставленные Новогородцами, обманутые надеждою и на посредничество Великаго Князя, коего Посолъ не могъ ничего для нихъ сдѣлать, обязались заплатить Витовту 1450 рублей серебра. Чрезъ два года онъ посѣтилъ и богатыхъ Новогородцевъ, которые спорили съ нимъ о границахъ и дерзнули назвать его из- Нашествіе Литвы.

г. 1426 —1431. мѣнниковъ. Современный Историкъ Польскій описываетъ ихъ людьми мирными, преданными сластолюбію и роскоши: въ надеждѣ на свои непроходимыя болота они смѣялись надъ угрозами Витовта и велѣли ему сказать, что варятъ медъ для его прибытія; но сей старецъ, еще бодрый и дѣятельный, со многочисленнымъ войскомъ открылъ себѣ путь сквозь опасныя зыби такъ называемаго *Чернаго лѣса*. Десять тысячь работниковъ шли впереди съ сѣкирами, устилая дорогу срубленными деревьями, которыя служили мостомъ для пѣхоты, конницы и снаряда огнестрѣльнаго, пищалей, *тюфяковъ* и пушекъ. Витовтъ осадилъ Порховъ. Лѣтописцы, разсказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ, сдѣланная Нѣмецкимъ мастеромъ Николаемъ, называемая *Галкою* и привезенная на 40 лошадяхъ, однимъ выстрѣломъ сразила каменную городскую башню и стѣну въ церкви Св. Николая; но разлетѣлась на части и своими обломками умертвила множество Литовцевъ, въ томъ числѣ и самого мастера вмѣстѣ съ Воеводою Полоцкимъ. Въ городѣ начальствовалъ Посадникъ Григорій и знаменитый мужъ Исаакъ Борецкій: не имѣя ни малой надежды отстоять крѣпость, они выѣхали къ непріятелю и предложили ему 5000 рублей; а Новогородцы, прислававъ Архіепископа Евфимія съ чиновниками въ станъ Литовскій, также старались купить миръ серебромъ. Витовтъ могъ бы безъ сомнѣнія осадить и Новгородъ; однакожь — разсуждая, что вѣрное лучше невѣрнаго — взялъ 10,000 рублей, за плѣнниковъ же особенную тысячу, и сказавъ: «впредь не смѣйте называть меня ни измѣнникомъ, ни бражникомъ» возвратился въ Литву. Сія дань, составляя не менѣе пятидесяти-пяти пудъ серебра, была тягостна для Новогородцевъ, которые собирали ее по всѣмъ ихъ областямъ и въ Заволочьѣ: каждые десять человѣкъ вносили въ казну рубль: слѣдственно въ Новогородской землѣ находилось не болѣе ста-десяти тысячь людей или владѣльцевъ, платившихъ государственныя подати (260).

Не смотря на сіи непріятельскія дѣйствія Витовта въ сѣверо-западной Россіи, онъ жилъ мирно съ юнымъ внукомъ своимъ, Великимъ Княземъ; обязалъ его даже клятвою не вступаться ни въ Новогородскія, ни въ Псковскія дѣла, и въ 1430 году дружески пригласилъ къ себѣ въ гости (261). Съ Василіемъ отправился въ Литву и Митрополитъ Фотій. Въ Трокахъ нашли они сѣдаго; осьмидесятилѣтняго Витовта, окруженнаго сонмомъ Вельможъ Литовскихъ. Скоро съѣхались къ нему многіе гости знаменитые: Князья Борисъ Тверскій, Рязанскій, Одоевскіе, Мазовскіе, Ханъ Перекопскій, изгнанный Господарь Волошскій Илія, Послы Императора Греческаго, Великій Магистръ Прусскій, Ландмаршалъ Ливонскій съ своими сановниками, и Король Ягайло. Лѣтописцы говорятъ, что сей торжественный съѣздъ Вѣнценосцевъ и Князей представлялъ зрѣлище рѣдкое; что гости старались удивить хозяина великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностію слугъ, а хозяинъ удивлялъ гостей пирами роскошными, какихъ не бывало въ Европѣ, и для коихъ ежедневно изъ погребовъ Княжескихъ отпускалось 700 бочекъ меду, кромѣ вина, Романеи, пива, — а на кухню привозили 700 быковъ и яловицъ, 1400 барановъ, 100 зубровъ столько же лосей и кабановъ. Праздновали около семи недѣль, въ Трокахъ и въ Вильнѣ: но занимались и важнымъ дѣломъ: оно состояло въ томъ, что Витовтъ, по совѣту Цесаря Сигизмунда (имѣвшаго съ нимъ, въ Генварѣ 1429 года, свиданіе въ Луцкѣ) хотѣлъ назваться *Королемъ* Литовскимъ и принять вѣнецъ отъ руки Посла Римскаго. Къ досадѣ сего величаваго старца, Вельможи Польскіе воспротивились его намѣренію, боясь, чтобы Литва, сдѣлавшись особеннымъ Королевствомъ, не отдѣлилась отъ Польши, къ ихъ вреду обоюдному: чего дѣйствительно тайно желалъ хитрый Цесарь. Тщетно грозилъ Витовтъ: самъ Папа, взявъ сторону Ягайловыхъ Вельможъ, запретилъ ему думать о вѣнцѣ Королевскомъ, и веселые пиры заключились болѣзнію огорченнаго хозяина. Всѣ разъѣхались: одинъ Фотій жилъ еще нѣсколько дней въ Вильнѣ, стараясь, какъ вѣроятно, о присоединеніи Кіевской Митрополіи къ Московской; наконецъ, отпущенный съ ласкою, свѣдалъ въ Новогродкѣ о смерти Витовта (262). Сей Князь, тогда славнѣйшій изъ Государей сѣверной Европы, былъ для нашего отечества ужаснѣе Гедимина и Ольгерда, своими завоеваніями стѣснивъ предѣлы Россіи на Югѣ и Западѣ; въ тѣлѣ маломъ вмѣщалъ душу великую; умѣлъ пользоваться случаемъ и временемъ, повелѣвать

[Margin notes: г. 1426—1431. Съѣздъ въ Литвѣ. Характеръ Витовта.]

г. 1425—1431. народомъ и Князьями, награждать и наказывать; за столомъ, въ дорогѣ, на охотѣ занимался дѣлами; обогащая казну войною и торговлею, собирая несмѣтное множество серебра, золота, расточалъ оныя щедро, но всегда съ пользою для себя; человѣколюбія не вѣдалъ; смѣялся надъ правилами государственнаго нравоученія; нынѣ давалъ, завтра отнималъ безъ вины; не искалъ любви, довольствуясь страхомъ; въ пирахъ отличался трезвостію и подобно Ольгерду не пилъ ни вина, ни крѣпкаго меда, но любилъ женъ, и не рѣдко оставляя рать въ полѣ, обращалъ коня къ дому, чтобы летѣть въ объятія юной супруги. Съ нимъ, по словамъ Историка Польскаго (263), возсіяла и затмилась слава народа Литовскаго, къ счастію Россіи, которая безъ сомнѣнія погибла бы навѣки, если бы Витовтовы преемники имѣли его умъ и славолюбіе; но Свидригайло, братъ Ягайловъ, и Сигизмундъ, сынъ Кестутіевъ, одинъ послѣ другаго властвовавъ надъ Литвою, изнуряли только ея силы междоусобіемъ, воинами съ Польшею, тиранствомъ и грабительствомъ. Свидригайло, зять Князя Тверскаго, Бориса, всегда омраченными парами вина, служилъ примѣромъ вѣтрености и неистовства, однакожь былъ любимъ Россіянами за его благоволеніе къ Вѣрѣ Греческой. Братъ Витовтовъ, Сигизмундъ, изгнавъ Свидригайла — бывшаго потомъ нѣсколько лѣтъ пастухомъ въ Молдавіи — господствовалъ какъ ужаснѣйшій изъ тирановъ, и палимый страстію златолюбія, губилъ Вельможъ, купцевъ, богатыхъ гражданъ, чтобы овладѣть ихъ достояніемъ; не вѣря людямъ, вмѣсто стражи держалъ при себѣ дикихъ звѣрей, и не могъ спастися отъ ножа убійцъ: Князья Іоаннъ и Александръ Черторижскіе, внуки Ольгердовы, умертвили сего изверга, коего преемникомъ былъ (въ 1440 году) сынъ Ягайловъ, Казимиръ; а добродушный сынъ Сигизмундовъ, Михаилъ, умеръ изгнанникомъ въ Россіи, отравленный какимъ-то злодѣемъ по наущенію Вельможъ Литовскихъ, какъ думали. — Новогородцы въ 1431 году заключили мирный договоръ съ Свидригайломъ, а въ 1436 съ Сигизмундомъ (264).

Происшествія Литовскія.

Что въ сіе время происходило въ Ордѣ, о томъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Въ 1426 году Татары плѣнили нѣсколько человѣкъ въ Украйнѣ Рязанской; другая многочисленная толпа ихъ, предводительствуемая Царевичемъ Княземъ, чрезъ три года опустошила Галичь, Кострому, Плесо и Лугъ. Единственною цѣлію сихъ впаденій былъ грабежъ. Настигнувъ хищниковъ, Рязанцы отняли у нихъ и добычу и плѣнныхъ; а дяди Князя Великаго, Андрей и Константинъ Димитріевичи, ходили въ слѣдъ за Царевичемъ до Нижняго. Они не могли догнать непріятеля: но Князь Стародубскій-Пестрый и Θеодоръ Константиновичь Добрынскій, недовольные ихъ медленностію, тайно отдѣлились отъ Московскаго войска съ своими дружинами, и на голову побили задній отрядъ Татарскій. Осенью въ 1430 году Князь Ординскій Айдаръ воевалъ Литовскую Россію и приступалъ ко Мценску; отраженный тамошнимъ храбрымъ начальникомъ, Григорьемъ Протасьевымъ, употребилъ обманъ: давъ ему клятву въ дружествѣ, вызвалъ его изъ города и взялъ въ плѣнъ. Золотая Орда повиновалась тогда Хану Махмету, который, уважая Народное Право, осыпалъ Айдара укоризнами, а мужественнаго Воеводу, Григорія, ласками, и возвратилъ ему свободу: примѣръ чести, весьма рѣдкій между варварами! Въ томъ же году, весною, Великій Князь посылалъ Воеводу своего, Князя Θеодора Давидовича Пестраго, на Волжскую и Камскую Болгарію, гдѣ Россіяне взяли не мало плѣнниковъ (265).

Набѣги Татаръ. г. 1426—1431.

Миновало около шести лѣтъ послѣ заключеннаго юнымъ Василіемъ мира съ дядею его, Юріемъ: условіе, рѣшить споръ о Великомъ Княженіи судомъ Ханскимъ, оставалось безъ исполненія: для того ли, что Цари непрестанно мѣнялись въ мятежной Ордѣ, или Василій хотѣлъ уклоняться отъ сего постыднаго для нашихъ Князей суда, въ надеждѣ смирить дядю? Они дѣйствительно въ 1428 году клятвою утвердили договоръ, чтобы каждому остаться при своемъ (266); но Юрій, года три живъ спокойно, объявилъ войну племяннику. Тогда Великій Князь предложилъ дядѣ ѣхать къ Царю Махмету: согласились, и Василій, раздавъ по церквамъ богатую милостыню, съ горестнымъ сердцемъ оставилъ Москву; въ прекрасный лѣтній день, Августа 15, обѣдалъ на лугу близъ Симонова монастыря, и не могъ безъ слезъ смотрѣть на блестящія главы ея храмовъ. Никто изъ Князей Московскихъ не погибалъ въ Ордѣ: Бояре утѣшали юнаго Василія разсказами о чести и лас-

г. 1428 —1431. махъ, оказанныхъ тамъ его родителю; но мысль, отдать себя въ руки невѣрнымъ и съ престола знаменитаго упасть къ ногамъ варвара, омрачала скорбію душу сего слабаго юноши. За нимъ отправился и Юрій. Они вмѣстѣ прибыли въ Улусъ Баскака Московскаго, Булата, друга Василіева и непріятеля Юріева. Но сей послѣдній имѣлъ заступника въ сильномъ Мурзѣ Тегинѣ, который увезъ его съ собою зимовать въ Тавриду и далъ слово исходатайствовать ему Великокняжеское достоинство. Къ счастію Василія, былъ у него Бояринъ хитрый, искательный, велерѣчивый, именемъ Іоаннъ Димитріевичь: онъ умѣлъ склонить всѣхъ Ханскихъ Вельможъ въ пользу своего юнаго Князя, представляя, что имъ будетъ стыдно, если Тегиня одинъ доставитъ Юрію санъ Великокняжескій; что сей Мурза необходимо присвоитъ себѣ власть и надъ Россіею и надъ Литвою, гдѣ господствуетъ другъ Юріевъ, Свидригайло; что самъ Царь Ординскій уже не посмѣетъ ни въ чемъ ослушаться Вельможи толь сильнаго, и что всѣ другіе сдѣлаются рабами Тегини. Такія слова уязвили *какъ стрѣла,* по выраженію Лѣтописца, сердце Вельможъ Ханскихъ, въ особенности Булата и Айдара: они усердно начали ходатайствовать у Царя за Василія и чернить Тегиню, такъ, что легковѣрный Махметъ наконецъ обѣщалъ имъ казнить смертію сего Мурзу, буде онъ дерзнетъ вступиться за Юрія. Весною дядя Василіевъ пріѣхалъ изъ Тавриды въ Орду; а съ нимъ и Тегиня, который, свѣдавъ о расположеніи Царя, уже не смѣлъ ему противорѣчить. Махметъ нарядилъ судъ, чтобы рѣшить споръ дяди съ племянникомъ, и самъ предсѣдательствовалъ въ онομъ. Василій доказывалъ свое право на престолъ новымъ уставомъ Государей Московскихъ, по коему сынъ послѣ отца, а не братъ послѣ брата, долженствовалъ наслѣдовать Великое Княженіе. Дядя, опровергая сей уставъ, ссылался на лѣтописи и на завѣщаніе Димитрія Донскаго, гдѣ онъ (Юрій), въ случаѣ кончины Василія Димитріевича, названъ его преемникомъ (267). Тутъ Бояринъ Московскій, Іоаннъ, сталъ предъ Махметомъ и сказалъ: «Царь верховный! молю, да позволишь мнѣ, смиренному холопу, говорить за моего юнаго Князя. Юрій ищетъ Великаго Княженія по древнимъ правамъ Россійскимъ, а Государь нашъ по твоей милости, вѣдая, что оно есть твой Улусъ: отдашь его, кому хочешь. Одинъ требуетъ, другой молитъ. Что значатъ лѣтописи и мертвыя грамоты, гдѣ все зависитъ отъ воли Царской? Не она ли утвердила завѣщаніе Василія Димитріевича, отдавшаго Московское Княженіе сыну? Шесть лѣтъ Василій Василіевичь на престолѣ: ты не свергнулъ его, слѣдственно самъ признавалъ Государемъ законнымъ.» Сія, дѣйствительно хитрая рѣчь имѣла успѣхъ совершенный: Махметъ объявилъ Василія Великимъ Княземъ и велѣлъ Юрію *вести подъ нимъ коня:* древній обрядъ Азіатскій, коимъ означалась власть Государя верховнаго надъ его подручниками или зависимыми Князьями. Но Василій, уважая дядю, не хотѣлъ его уничиженія; а какъ въ сіе время возсталъ на Махмета другой Царь Могольскій, Кичимъ-Ахметъ, то Мурза Тегиня, пользуясь смятеніемъ Хана, выпросилъ у него для Юрія городъ Дмитровъ, область умершаго Князя Петра Димитріевича. Племянникъ и дядя благополучно возвратились въ Россію, и Вельможа Татарскій, Уланъ Царевичь, торжественно посадилъ Василія на тронъ Великокняжескій въ Москвѣ, въ храмѣ Богоматери у златыхъ дверей (268). Съ сего времени Владиміръ утратилъ право города столичнаго, хотя въ титулѣ Великихъ Князей все еще именовался прежде Москвы.

Судъ въ Ордѣ.

г. 1432.

Судъ Ханскій не погасилъ вражды между дядею и племянникомъ. Опасаясь Василія, Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова, куда Великій Князь немедленно прислалъ своихъ Намѣстниковъ, изгнавъ Юріевыхъ (269). Скоро началась и явная война отъ слѣдующихъ двухъ причинъ. Московскій Вельможа Іоаннъ, оказавъ столь важную услугу Государю, въ награду за то хотѣлъ чести выдать за него дочь свою. Или невѣста не нравилась жениху, или Великій Князь вмѣстѣ съ матерію находилъ сей бракъ неприличнымъ: Іоаннъ получилъ отказъ, и Василій женился на Маріи, дочери Ярослава, внукѣ Владиміра Андреевича Храбраго. Надменный Бояринъ оскорбился. «Неблагодарный юноша обязанъ мнѣ Великимъ Княженіемъ и не устыдился меня обезчестить,» говорилъ онъ въ злобѣ, и выѣхалъ изъ Москвы, сперва въ Угличь къ дядѣ Василіеву, Константину Димитріевичу, потомъ въ Тверь и наконецъ въ Галичь къ Юрію. Обоюдная ненависть къ Государю Московско-

Междоусобія.

му служила для нихъ союзомъ: забыли прошедшее и вымышляли способъ мести. Бояринъ Іоаннъ не сомнѣвался въ
г. 1433. успѣхѣ войны: положили начать оную, какъ можно скорѣе. Между тѣмъ сыно-
Февра-ля 8. вья Юріевы, Василій Косой и Димитрій Шемяка, дружески пируя въ Москвѣ на свадьбѣ Великаго Князя, сдѣлались ему непріятелями отъ страннаго случая, который на долгое время остался памятнымъ для Москвитянъ. Князь Димитрій Константиновичь Суздальскій нѣкогда подарилъ нареченному зятю своему, Донскому, золотой поясъ съ цѣпями, осыпанный драгоцѣнными каменьями; Тысячскій Василій, въ 1367 году, во время свадьбы Донскаго, тайно обмѣнялъ его на другой, гораздо меньшей цѣны, и далъ сыну Николаю, женатому на Маріи, старшей дочери Князя Суздальскаго ([270]). Переходя изъ рукъ въ руки, сей поясъ достался Василію Юріевичу Косому и былъ на немъ въ часъ свадебнаго Великокняжескаго пиршества. Намѣстникъ Ростовскій, Петръ Константиновичь, узналъ оный, и сказалъ о томъ матери Василія, Софіи, которая обрадовалась драгоцѣнной находкѣ, и, забывъ пристойность, торжественно сняла поясъ съ Юріевича. Произошла ссора: Косой и Шемяка, пылая гнѣвомъ, бѣжали изъ Дворца, клялись отмстить за свою обиду, и немедленно исполняя повелѣніе отца, уѣхали изъ Москвы въ Галичь.

Прежде они хотѣли, кажется, быть миротворцами между Юріемъ и Великимъ Княземъ: тогда же, вмѣстѣ съ Бояриномъ Іоанномъ, старались утвердить родителя въ злобѣ на Государя Московскаго. Не теряя времени, они выступили съ полкомъ многочисленнымъ; а юный Василій Васиіевичь ничего не вѣдалъ, до самаго того времени, какъ Намѣстникъ Ростовскій прискакалъ къ нему съ извѣстіемъ, что Юрій въ Переславлѣ. Уже Совѣтъ Великокняжескій не походилъ на Совѣтъ Донскаго или сына его: безпечность и малодушіе господствовали въ ономъ. Вмѣсто войска, отправили Посольство на встрѣчу къ Галицкому Князю съ ласковыми словами ([271]). Юрій стоялъ подъ стѣнами Троицкаго монастыря, онъ не хотѣлъ слышать о мирѣ: Вельможа Іоаннъ и другіе Бояре его ругали Московскихъ и съ безчестіемъ указали имъ возвратный путь. Тогда Великій Князь собралъ нѣ-
Апрѣ-ля 25. сколько пьяныхъ воиновъ и купцевъ; въ двадцати верстахъ отъ столицы, на г. 1433.
Клязьмѣ, сошелся съ непріятелемъ, и видя силу онаго, бѣжалъ назадъ; взялъ мать, жену; уѣхалъ въ Тверь, а изъ Твери въ Кострому, чтобы отдаться въ руки побѣдителю: ибо Юрій, вступивъ въ Москву и всенародно объявивъ себя Великимъ Княземъ, пошелъ туда и плѣнилъ Василія, который искалъ защиты въ слезахъ. Бояринъ Іоаннъ, думая согласно съ сыновьями Галицкаго Князя, считалъ всякое снисхожденіе неблагоразуміемъ. Юрій также не славился мягкимъ сердцемъ; но имѣлъ слабость къ одному изъ Вельможъ своихъ, Симеону Морозову, и принявъ его совѣтъ, далъ въ Удѣлъ племяннику Коломну. Они дружески обнялися. Дядя праздновалъ сей миръ веселымъ пиршествомъ, и съ дарами отпустилъ Василія въ его Удѣльный городъ.

Открылось, что Морозовъ или обманулъ своего Князя, или самъ обманулся. Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отвсюду сзывать къ себѣ народъ, Бояръ, Князей: всѣ шли къ нему охотно, ибо признавали его законнымъ Государемъ, а Юрія хищникомъ, согласно съ новою системою наслѣдства, благопріятнѣйшею для общаго спокойствія. Сынъ, восходя на тронъ послѣ отца, оставлялъ все, какъ было, окруженный тѣми же Боярами, которые служили прежнему Государю: напротивъ чего братъ, княжившій дотолѣ въ какомъ нибудь особенномъ Удѣлѣ, имѣлъ своихъ Вельможъ, которые, переѣзжая съ нимъ въ наслѣдованную по кончинѣ брата землю, обыкновенно удаляли тамошнихъ Бояръ отъ правленія и вводили новости, часто вредныя. Столь явныя выгоды и невыгоды вооружали всѣхъ противъ старой мятежной системы наслѣдственной и противъ Юрія. Въ нѣсколько дней Москва опустѣла: граждане не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ, и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, гдѣ не доставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ. Однимъ словомъ, сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, многолюдною и шумною. Въ Москвѣ же царствовали уныніе и безмолвіе: человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ, и самые послѣдніе жители готовились къ переселенію. Случай единственный въ нашей Исторіи, и произведенный не столько любовію къ особѣ Василія,

г.1433. столько усердіемъ къ правилу, что сынъ долженъ быть преемникомъ отца въ Великокняжескомъ санѣ!

Юрій укорялъ своего любимца, Морозова, неблагоразумнымъ совѣтомъ; а сыновья его, Косой и Шемяка, будучи нрава жестокаго, не удовольствовались словами: пришли къ сему Боярину въ набережныя сѣни, и сказавъ, «ты погубилъ нашего отца!» собственною рукою умертвили его (272). Боясь гнѣва родительскаго, они выѣхали въ Кострому. Князь же Юрій, видя невозможность остаться въ Москвѣ, самъ отправился въ Галичь, велѣвъ объявить племяннику, что уступаетъ ему столицу, гдѣ Василій скоро явился съ торжествомъ и славою, имъ не заслуженною, провождаемый Боярами, толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ. Зрѣлище было необыкновенное: вся дорога отъ Коломны до Москвы представлялась улицею многолюднаго города, гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь въ слѣдъ за Государемъ, какъ *пчелы за маткою*, по старому, любимому выраженію нашихъ Лѣтописцевъ.

Но бѣдствія Василіева княженія только что начинались. Хотя Юрій заключилъ миръ, возвратилъ племяннику Дмитровъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ разными волостями, и далъ слово навсегда отступиться отъ большихъ сыновей, признавъ ихъ въ договорной грамотѣ врагами общаго спокойствія (273): однакожь скоро нарушилъ обѣщаніе, пославъ къ дѣтямъ свою Галицкую дружину, съ которою они разбили Московское войско на рѣкѣ Куси. Великій Князь разорилъ Галичь. Юрій ушелъ къ Бѣлуозеру: со-
г.1434. бравъ же силы, и призвавъ Вятчанъ, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, Косымъ, Шемякою, Димитріемъ Краснымъ, одержалъ въ Ростовскихъ предѣлахъ столь рѣшительную побѣду надъ Василіемъ, что сей слабодушный Князь, не смѣвъ возвратиться въ столицу, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда на Мологу, въ Кострому, въ Нижній; а Юрій, осадивъ Москву, черезъ недѣлю вступилъ въ Кремль, плѣнилъ мать и супругу Василіеву. Народъ былъ въ горести. «Не измѣняй мнѣ въ злосчастіи,» писалъ Великій Князь къ двоюродному брату, Іоанну, сыну умершаго Андрея Можайскаго (274). Іоаннъ отвѣтствовалъ ему: «Государь! я не измѣняю тебѣ въ душѣ; но у меня есть городъ и мать: я долженъ мыслить объ ихъ безопасности; и такъ ѣду къ Юрію.» Уже Шемяка и Димитрій Крас- г.1434. ный стояли съ войскомъ въ Владимірѣ, готовясь итти къ Нижнему: Василій трепеталъ и думалъ бѣжать въ Орду: на сей разъ счастіе услужило ему лучше Москвитянъ.

Юрій, снова объявивъ себя Великимъ Княземъ, договорными грамотами утвердилъ союзъ съ племянниками своими, Іоанномъ и Михаиломъ Андреевичами, Владѣтелями Можайска, Бѣлаозера, Калуги, и съ Княземъ Іоанномъ Ѳеодоровичемъ Рязанскимъ, требуя, чтобы они не имѣли никакого сношенія съ изгнанникомъ Василіемъ (275). Достойно замѣчанія, что сіи грамоты начинаются словами: *Божіею милостію*, которыя прежде не употреблялись въ государственныхъ постановленіяхъ . . . Въ грамотѣ Рязанской сказано, что Тула принадлежитъ Іоанну, и что онъ не долженъ принимать къ себѣ Мещерскихъ Князей въ случаѣ ихъ невѣрности или бѣгства: сіи Князья, подданные Государя Московскаго, происходили, какъ вѣроятно, отъ Александра Уковича, у коего Димитрій Донскій купилъ Мещеру.—Юрію было около шестидесяти лѣтъ отъ рожденія: не имѣя ни ума проницательнаго, ни души твердой, онъ любилъ власть единственно по тщеславію, и безъ сомнѣнія не возвысилъ бы Великокняжескаго сана въ народномъ уваженіи, если бы и могъ удержаться на престолѣ Московскомъ. Но Юрій внезапно Іюля 6. скончался, оставивъ духовную, писанную, кажется, еще за-долго до его смерти (276): дѣля между сыновьями только свои наслѣдственные города, онъ велитъ имъ платить *Великому Князю* съ Галича и Звенигорода 1026 рублей въ счетъ Ордынской *семитысячной* дани: слѣдственно или Василій тогда еще не былъ изгнанъ, или Юрій мыслилъ возвратить ему Великое Княженіе (что менѣе вѣроятно). Сынъ Юріевъ, Косой, немедленно принялъ на себя имя Государя Московскаго и далъ знать о томъ своимъ братьямъ; они же, не любя и презирая его, отвѣтствовали: «когда Богъ не захотѣлъ видѣть отца нашего на престолѣ Великокняжескомъ, то мы не хотимъ видѣть на ономъ и тебя;» примирились съ Василіемъ, и выгнали Косаго изъ столицы. Въ знакъ благодарности Великій Князь, возвратясь на Московскій престолъ, отдалъ Шемякѣ Угличь со Ржевомъ, наслѣдственную область умершаго дяди ихъ, Констан-

г. 1434. тина Димитріевича, а Красному Бѣжецкій Верхъ, удержавъ за собою Звенигородъ, Удѣлъ Косаго, и Вятку. Мы имѣемъ ихъ договорную грамоту, наполненную дружескими съ обѣихъ сторонъ увѣреніями (277). Шемяка, слѣдуя обыкновенію, именуетъ въ оной Василія старѣйшимъ братомъ, отдаетъ себя въ его покровительство, обязывается служить ему на войнѣ, и платить часть Ханской дани, съ условіемъ, чтобы Великій Князь одинъ сносился съ Ордою, не допуская Удѣльныхъ Владѣтелей ни до какихъ хлопотъ.

Сіе дружество между Князьями равно малодушными и жестокосердыми не могло быть истиннымъ. Мы уже видѣли характеръ Шемяки, который не устыдился обагрить собственныхъ рукъ кровію Вельможи Морозова: увидимъ и Василіевъ въ дѣлѣ гнусномъ, достойномъ Азіатскаго варвара.

Но братъ Шемякинъ, Косой, еще превосходилъ ихъ въ свирѣпости: имѣя товарища въ бѣгствѣ своемъ, какого-то Князя Романа, онъ велѣлъ отрубить ему руку и ногу, за то, что сей несчастный хотѣлъ тайно оставить его (278)! Напрасно искавъ заступниковъ въ Новѣгородѣ, ограбивъ берега Мсты, Бѣжецкую и Двинскую область, Косой съ толпами бродягъ вступилъ въ сѣверные предѣлы Великаго Княженія: разбитый близъ Ярославля, ушелъ въ Вологду, плѣнилъ тамъ чиновниковъ Московскихъ, и съ новымъ войскомъ явился на берегахъ Костромы, гдѣ Великій Князь заключилъ съ нимъ миръ, отдавъ ему городъ Дмитровъ. Они не долго жили въ согласіи: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Косой выѣхалъ изъ Дмитрова въ Галичь, призвалъ Вятчанъ, и взявъ Устюгъ на договоръ, вѣроломно убилъ Василіева Намѣстника, Князя Оболенскаго, вмѣстѣ со многими жителями. Въ сіе время Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Великаго Князя на свадьбу, помолвивъ жениться на дочери Димитрія Заозерскаго: злобясь на его брата, Василій оковалъ Шемяку цѣпями и сослалъ въ Коломну (279). Дѣйствіе столь противное чести не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ враждебныхъ умыслахъ сего Юріева сына, еще не доказанныхъ и весьма сомнительныхъ. Наконецъ въ Ростовской области встрѣтились непріятели: Косой предводительствовалъ Вятчанами и дружиною Шемяки; съ Василіемъ находились меньшій братъ Юрьевичей, Димитрій Красной, Іоаннъ Можайскій и Князь Іоаннъ Баба, одинъ изъ Друцкихъ Владѣтелей, пришедшій къ нему съ полкомъ Литовскихъ копейщиковъ (280). Готовилась къ битвѣ; но Косой, считая обманъ дозволенною хитростію, требовалъ перемирія. Неосторожный Василій заключилъ оное и распустилъ воиновъ для собранія съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ сдѣлалась тревога: полки Вятскіе во всю прыть устремились къ Московскому стану, въ надеждѣ плѣнить Великаго Князя, оставленнаго ратниками. Тутъ Василій оказалъ смѣлую рѣшительность: увѣдомленный о быстромъ движеніи непріятеля, схватилъ трубу воинскую, и подавъ голосъ своимъ, не тронулся съ мѣста. Въ нѣсколько минутъ станъ наполнился людьми: непріятель вмѣсто оплошности, вмѣсто изумленія, увидѣлъ предъ собою блескъ оружія и стройные ряды воиновъ, которые однимъ ударомъ смяли его, погнали, разсѣяли. Несчастный Юрьевичь, готовивъ плѣнъ Василію, самъ попался къ нему въ руки: Воевода Борисъ Тоболинъ и Князь Іоаннъ Баба настигли Косаго въ постыдномъ бѣгствѣ (281). Совершилось злодѣйство, о коемъ не слыхали въ Россіи со втораго-надесять вѣка: Василій далъ повелѣніе ослѣпить сего брата двоюроднаго. Чтобы успокоить совѣсть, онъ возвратилъ Шемякѣ свободу и города Удѣльные. Въ договорной грамотѣ, тогда написанной, Шемяка именуетъ старшаго брата недругомъ Великаго Князя, обязываясь выдать все его имѣніе, въ особенности святыя иконы и кресты, еще отцемъ ихъ изъ Москвы увезенные; отказывается отъ Звенигорода, предоставляя себѣ полюбовно раздѣлить съ меньшимъ братомъ, Димитріемъ Краснымъ, другія области наслѣдственныя и данныя ему Великимъ Княземъ въ Угличѣ и Ржевѣ (282).—Несчастный слѣпецъ жилъ послѣ того 12 лѣтъ въ уединеніи, какъ бы забвенный всѣми и самыми единокровными братьями. Великій Князь будетъ наказанъ за свою жестокость, лишенный права жаловаться на подобнаго ему варвара.

Злодѣйство.

Спокойный внутри Московскаго владѣнія, сей юный Государь имѣлъ тогда распрю съ Новогородцами, которые въ самомъ началѣ его княженія посылали войско наказать Устюжанъ за ихъ грабительство въ Двинской землѣ, и взяли

Распри съ Новгородомъ.

г.1434 съ сего города въ окупъ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей, въ досадѣ Василія. Но онъ, не желая явной войны съ ними, вызвался отдать имъ всѣ родителемъ его захваченныя Новогородскія земли въ уѣздахъ Бѣжецкаго Верха, Волока Ламскаго, Вологды, съ условіемъ, чтобы и Бояре ихъ возвратили ему собственность Княжескую; однакожь не исполнялъ обѣщанія и не присылалъ Дворянъ своихъ для развода земель, пока Новогородцы не уступили ему *черной дани*, собираемой въ Торжкѣ. Въ г. 1437 —1440. договорной грамотѣ, написанной по сему случаю, именно сказано, что Великій Князь беретъ по новой гривнѣ съ четырехъ земледѣльцевъ (*), или съ сохи, въ которую впрягаются двѣ лошади, а третья на подмогу: что плугъ и ладья считаются за двѣ сохи: неводъ, лавка, кузница и чанъ кожевный за одну; что земледѣльцы, работающіе изъ половины, платятъ только за полсохи; что наемники мѣсячные, лавочники и старосты Новогородскіе свободны отъ всякой дани; что если кто, оставивъ свой дворъ, уйдетъ въ господскій или утаитъ соху, то платитъ за вину вдвое, и проч. ([283]).— Сей договоръ заключенъ былъ единственно на годъ: послѣ чего Новогородцы опять ссорились съ Василіемъ, смѣясь надъ мнѣніемъ тѣхъ людей, которые совѣтовали имъ не раздражать Государей Московскихъ. Лѣтописцы повѣствуютъ, что внезапное паденіе тамошней великолѣпной церкви Св. Іоанна наполнило сердца ужасомъ, предвѣстивъ близкое паденіе Новагорода ([284]); гораздо благоразумнѣе можно было искать сего предвѣстія въ его нетвердой системѣ политической, особенно же въ возрастающей силѣ Великихъ Князей, которые болѣе и болѣе увѣрялись, что онъ подъ личиною гордости, основанной на древнихъ воспоминаніяхъ, скрываетъ свою настоящую слабость. Однѣ непрестанныя опасности Государства Московскаго, со стороны Моголовъ и Литвы, не дозволяли преемникамъ Іоанна Калиты заняться мыслію *совершеннаго* покоренія сей народной Державы, которую они старались только обирать, зная богатство ея купцевъ. Такъ поступилъ и Василій: зимою въ концѣ 1440 года двинулся съ войскомъ къ Новугороду,

(*) «См. Пушк.» т. е. Пушкинское Собраніе (отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

и на пути заключилъ съ нимъ миръ, г. 1437 —1440. взявъ 8000 рублей. Между тѣмъ Псковитяне, служа Великому Князю, успѣли разорить нѣсколько селеній въ областяхъ Новогородскихъ, а Заволочане въ Московской ([285]). — Въ сей самый годъ (1440), Генваря 22, родился у Василія сынъ, Тимоѳей-Іоаннъ, коему Провидѣніе, сверхъ многихъ великихъ дѣлъ, назначило сокрушить Новгородъ. Могла ли, по тогдашнему образу мыслей, будущая судьба Государя столь чрезвычайнаго утаиться отъ мудрыхъ гадателей? Пишутъ, что Новогородскій добродѣтельный старецъ, именемъ Мисаилъ, въ часъ Іоаннова рожденія пришелъ къ Архіепископу Евфимію, и сказалъ: «Днесь Великій Князь торжествуетъ: Господь даровалъ ему наслѣдника. Зрю младенца, ознаменованнаго величіемъ: се Игуменъ Троицкія Обители, Зиновій, креститъ его, именуя Іоанномъ! Слава Москвѣ: Іоаннъ побѣдитъ Князей и народы. Но горе нашей отчизнѣ: Новгородъ падетъ къ ногамъ Іоанновымъ, и не возстанетъ» ([286])! Лѣтописцы не сомнѣвались въ истинѣ сего чудеснаго сказанія, изобрѣтеннаго безъ сомнѣнія уже въ то время, когда сынъ Василіевъ совершилъ безсмертные свои подвиги.

Рожденіе Іоанна Великаго.

Василій старался жить дружно съ Ханомъ, и по вѣрному свидѣтельству грамотъ платилъ ему обыкновенную дань, вопреки нѣкоторымъ Лѣтописцамъ, сказывающимъ, что Царь Махметъ, любя его, освободилъ Россію отъ всѣхъ налоговъ ([287]). Впаденія Татаръ въ Рязанскія области не тревожили Москвитянъ; но перемѣна, случившаяся въ Ордѣ, нарушила спокойствіе Великаго Княженія. Махметъ (въ 1437 году) былъ изгнанъ изъ Улусовъ братомъ своимъ, Кичимомъ, искалъ убѣжища въ Россіи и занялъ Бѣлевъ, городъ Литовскій. Оказавъ нѣкогда благодѣяніе Василію, онъ надѣялся на его дружбу, и крайне изумился, услышавъ, что Великій Князь приказываетъ ему немедленно удалиться отъ предѣловъ Россійскихъ. Сей Ханъ, въ самомъ изгнаніи гордый, не хотѣлъ повиноваться, имѣя у себя около трехъ тысячъ воиновъ. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Василій послалъ туда многочисленную рать, ввѣривъ оную братьямъ, Шемякѣ и Димитрію Красному, Вождямъ столь недостойнымъ, что они казались народу атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ ни одного селенія въ цѣлости: вездѣ гра-

Дань Ордынская.

Изгнанный Ханъ въ Бѣлевѣ.

г. 1437 —1440. били, отнимали скотъ, имѣніе, и нагружали возы добычею. Конецъ отвѣтствовалъ началу. Приступивъ къ Бѣлеву, Московскіе Воеводы отвергнули всѣ мирныя предложенія Махмета, устрашеннаго ихъ силою, и вогнали Татаръ въ крѣпость, убивъ зятя Царева (288). На другой день Ханъ выслалъ трехъ Князей для переговоровъ. «Отдаю въ залогъ вамъ моего сына, Мамутека,» велѣлъ онъ сказать нашимъ Полководцамъ: «сдѣлаю все, чего требуете. Когда же Богъ возвратитъ мнѣ Царство, обязываюсь блюсти землю Русскую, и не брать съ васъ никакой дани.» Воеводы Московскіе не хотѣли ничего слушать. «И такъ смотрите!» сказали Князья Махметовы, возвысивъ голосъ, и перстомъ показывая имъ на Россійскихъ воиновъ, которые въ сію минуту толпами бѣжали отъ городскихъ стѣнъ, гонимые какимъ-то внезапнымъ ужасомъ. Вся рать Московская дрогнула и съ воплемъ устремилась въ бѣгство: Шемяка и другіе Князья также. Моголы едва вѣрили глазамъ своимъ; наконецъ поскакали за Россіянами, сѣкли ихъ, топтали, и возвратились къ Хану съ вѣстію, что многочисленное войско Великокняжеское исчезло какъ дымъ. Успѣхъ столь блестящій не ослѣпилъ Махмета: сей благоразумный Ханъ предвидѣлъ, что ему, отрѣзанному отъ Улусовъ, не льзя удержаться въ Россіи и бороться съ Василіемъ: онъ выступилъ изъ Бѣлева и чрезъ землю Мордвы прошелъ въ Болгарію, къ тому мѣсту, гдѣ находился древній Саиновъ Юртъ, или Казань, въ 1399 году опустошенная Россіянами (289). Около сорока лѣтъ сей городъ состоялъ единственно изъ развалинъ и хижинъ, гдѣ укрывалось нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Махметъ, выбравъ новое лучшее мѣсто, близъ старой крѣпости построилъ новую, деревянную, и представилъ оную въ убѣжище Болгарамъ, Черемисамъ, Моголамъ, которые жили тамъ въ непрестанной тревогѣ, ужасаемые частыми набѣгами Россіянъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ Казань наполнилась людьми. Изъ самой Золотой Орды, Астрахани, Азова и Тавриды стекались туда жители, признавъ Махмета Царемъ и защитникомъ. Такимъ образомъ сей изгнанникъ Капчакскій сдѣлался возобнотелемъ или истиннымъ первоначальникомъ Царства Казанскаго, основаннаго на развалинахъ древней Болгаріи, Государства образованнаго и торговаго. Моголы слѣшались въономъ съ Болгарами и составили одинъ народъ, коего остатки именуются нынѣ Татарами Казанскими; и коего имя около ста лѣтъ приводило въ трепетъ сосѣдственныя области Россійскія. Уже въ слѣдующій годъ Махметъ съ легкимъ войскомъ явился подъ стѣнами Москвы, откуда Василій, болѣзливый, малодушный, бѣжалъ за Волгу, оставивъ въ столицѣ начальникомъ Князя Юрія Патрикіевича Литовскаго. Къ счастію, Татары не имѣли способа овладѣть оною: удовольствовались грабежемъ, сожгли Коломну и возвратились съ добычею. — Между тѣмъ въ Большой или Золотой Ордѣ господствовалъ братъ Махметовъ, Кичимъ, среди опасностей, мятежей и внутреннихъ непріятелей. Моголы, ослѣпленные безразсудною злобою, терзали другъ друга, упиваясь собственною кровію. Первѣйшій изъ Князей Ординскихъ, именемъ Мансуръ, погибъ тогда отъ руки Хана Кичима.

Царство Казанское.

После несчастнаго приступа къ Бѣлеву Василій не могъ имѣть довѣренности ни къ усердію, ни къ чести сыновей Юріевыхъ, Шемяки и Димитрія Краснаго; однакожь (въ 1440 году) возобновилъ дружественный союзъ съ ними на прежнихъ условіяхъ: то есть, оставилъ ихъ мирно господствовать въ отцевскомъ Удѣлѣ и пользоваться частію Московскихъ доходовъ (290). Меньшій братъ, Димитрій, скоро умеръ въ Галичѣ, достопамятный единственно наружною красотою и странными обстоятельствами своей кончины. Онъ лишился слуха, вкуса и сна; хотѣлъ причаститься Святыхъ Таинъ, и долго не могъ, ибо кровь непрестанно лила у него изъ носу. Ему заткнули ноздри, чтобы дать причастіе. Димитрій успокоился, требовалъ пищи, вина; заснулъ — и казался мертвымъ. Бояре оплакали Князя, закрыли одѣяломъ, выпили по нѣскольку стакановъ крѣпкаго меду и сами легли спать на лавкахъ въ той же горницѣ. Вдругъ мнимый мертвецъ скинулъ съ себя одѣяло, и не открывая глазъ, началъ пѣть стихиры. Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Разнесся слухъ о семъ чудѣ: дворецъ наполнился любопытными. Цѣлые три дни Князь пѣлъ и говорилъ о душеспасительныхъ предметахъ, узнавалъ людей, но не слыхалъ ничего; наконецъ дѣйствительно умеръ съ именемъ Святаго: ибо — какъ сказываютъ Лѣтописцы — тѣло его, чрезъ 23 дни открытое для погребенія въ Московскомъ Соборѣ

г. 1440. Смерть Димитрія Краснаго.

1440. Архангела Михаила, казалось живымъ безъ всякихъ знаковъ тлѣнія и безъ синеты (291). — Шемяка наслѣдовалъ Удѣлъ Краснаго, и еще нѣсколько времени жилъ мирно съ Великимъ Княземъ.

Соборъ Флорентійскій. Въ сіи два года внутренняго спокойствія Москвитяне и вся Россія были тревожимы соблазномъ въ важномъ дѣлѣ церковномъ, о коемъ Лѣтописцы говорятъ весьма обстоятельно, и которое, минутно польстивъ властолюбію Рима, утвердило отцевъ нашихъ въ ненависти къ Папамъ. Митрополитъ Фотій преставился въ 1431 году, написавъ умилительную грамоту къ Великому Князю и ко всему народу: онъ весьма краснорѣчиво изображаетъ въ ней претерпѣнныя имъ въ Святительствѣ печали; жалѣетъ о дняхъ своей мирной, уединенной юности; оплакиваетъ раздѣленіе Митрополіи, безвременную кончину Василія Димитріевича, бѣдствія и междоусобія Великаго Княженія (292). Шесть лѣтъ по смерти Фотія Церковь наша сиротствовала безъ Главы „отъ внутреннихъ смятеній Государства Московскаго. Сими обстоятельствами думалъ воспользоваться Митрополитъ Литовскій, Герасимъ, и старался подчинить себѣ Епископовъ Россіи, не безъ успѣха: онъ посвятилъ въ Смоленскѣ только Новогородскаго Архіепископа, Евфимія; другіе не хотѣли имѣть съ нимъ никакого дѣла. Наконецъ Василій созвалъ Святителей и велѣлъ имъ назначить Митрополита: всѣ единодушно выбрали знаменитаго Іону, Архіерея Рязанскаго. «Такимъ образомъ» — говорятъ Лѣтописцы —«исполнилось достопамятное слово блаженнаго Фотія, который, посѣтивъ однажды Симоновскую Обитель, и видя тамъ юнаго Инока, мирно спящаго, съ удивленіемъ смотрѣлъ на его кроткое, величественное лице; долго разспрашивалъ объ немъ Архимандрита, и сказалъ, что сей юноша будетъ первымъ Святителемъ въ землѣ Руской: то былъ Іона.» Но предсказаніе исполнилось уже послѣ: ибо Константинопольскій Патріархъ, еще до прибытія Іоны въ Царьградъ, посвятилъ намъ въ Митрополиты Грека Исидора, родомъ изъ Ѳессалоники, славнѣйшаго Богослова, равно искуснаго въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ, хитраго, гибкаго, краснорѣчиваго (293). Исидоръ не за-долго до сего времени былъ въ Италіи и снискалъ любовь Папы: вѣроятно даже, что онъ по согласію съ нимъ домогался власти надъ Россійскою Церковію, дабы тѣмъ 1440. лучше способствовать важнымъ намѣреніямъ Рима, о коихъ теперь говорить будемъ.

Супругъ Княжны Московской, Анны, Іоаннъ Палеологъ, царствовалъ въ Константинополѣ, непрестанно угрожаемомъ силою Турецкою; лишенный едва не всѣхъ областей славной Державы своихъ предковъ — стѣсненный въ столицѣ, и на берегахъ самаго Воспора видя знамена Амуратовы — сей Государь искалъ покровителя въ Римскомъ Первосвященникѣ, коего воля хотя уже не была закономъ для Государей Европы, однакожь могла еще дѣйствовать на ихъ Совѣты. Старецъ умный и честолюбивый, Евгеній IV, сидѣлъ тогда на Апостольскомъ престолѣ: онъ именемъ Св. Петра обѣщалъ Императору Іоанну воздвигнуть всю Европу на Турковъ, если Греки мирно, безпристрастно разсмотрѣвъ Догматы обѣихъ Церквей, согласятся во мнѣніяхъ съ Латинскою, чтобы навѣки успокоить совѣсть Христіанъ и быть единымъ стадомъ подъ началомъ единаго Пастыря. Евгеній требовалъ не безмолвной покорности, но торжественнаго прѣнія: истина, объясненная противорѣчіями, долженствовала быть общимъ уставомъ Христіанства. Императоръ совѣтовался съ Патріархами. Еще древнія предубѣжденія сильно отвращали ихъ отъ духовнаго союза съ надменнымъ Римомъ; но Амуратъ II уже измѣрялъ окомъ Царьградъ, какъ свою добычу: предубѣжденія умолкли. Положили, да будетъ *осьмый* Соборъ Вселенскій въ Италіи. Тамъ, кромѣ Царя и знатнѣйшаго Духовенства обѣихъ Церквей, надлежало собраться всѣмъ Государямъ Европы въ духѣ любви Христіанской; тамъ Іоаннъ Палеологъ, вступивъ съ ними въ братскій союзъ единовѣрія, долженствовалъ убѣдительно представить имъ опасности своей Державы и Церкви православной, гремя въ ихъ слухъ именемъ Христа и Константина Великаго: успѣхъ могъ ли казаться сомнительнымъ? Евгеній ручался за оный и сдѣлалъ еще болѣе: взялъ на себя всѣ расходы, коихъ требовало путешествіе Императора и Духовенства Греческаго въ Италію: ибо Византія, нѣкогда гордая и столь богатая, уже не стыдилась тогда жить милостынею иноплеменниковъ! Вооруженныя суда Евгеніевы явились въ пристани Царяграда: Императоръ съ братомъ своимъ, Димитріемъ

г. 1440. Деспотомъ, съ Константинопольскимъ Патріархомъ Іосифомъ и съ семью стами первѣйшихъ сановниковъ Греческой Церкви, славныхъ ученостію или разумомъ, сѣли на оныя (24 Ноября, 1437 года) въ присутствіи безчисленнаго множества людей, которые громогласно желали имъ, чтобы они возвратились съ миромъ церковнымъ и съ воинствомъ Крестоносцевъ для отраженія невѣрныхъ (294).

Между тѣмъ Іона возвратился въ свою Рязанскую Епархію, хотя безполезно съѣздивъ въ Грецію, но обласканный Царемъ и Патріархомъ, которые, отпуская его съ честію, сказали ему: «жалѣемъ, что мы ускорили поставить Исидора, и торжественно обѣщаемъ тебѣ Россійскую Митрополію, когда она вновь упразднится». За нимъ прибылъ въ Москву и новый Митрополитъ, не только именемъ, но и дѣломъ Іерархъ *всей Россіи:* ибо Герасима Смоленскаго уже не было (Свидригайло, господствуя надъ Литвою, въ 1435 году сжегъ его на кострѣ въ Витебскѣ, узнавъ, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ Кестутіевичемъ, врагомъ сего неистоваго сына Ольгердова). Задобренный ласковыми письмами Царя и Патріарха, Василій встрѣтилъ Исидора со всѣми знаками любви, дарилъ, угощалъ въ Кремлевскомъ дворцѣ (295); но изумился, свѣдавъ, что Митрополитъ намѣренъ ѣхать въ Италію. Сладкорѣчивый Исидоръ доказывалъ важность будущаго осьмаго Собора и необходимость для Россіи участвовать въ ономъ. Пышныя выраженія не ослѣпили Василія. Напрасно ученый Грекъ описывалъ ему величіе сонма, гдѣ Востокъ и Западъ, устами своихъ Царей и Первосвятителей, изрекутъ неизмѣняемыя правила Вѣры. Василій отвѣтствовалъ: «Отцы и дѣды наши не хотѣли слышать о соединеніи Законовъ Греческаго и Римскаго; я самъ не желаю сего. Но если мыслишь иначе, то иди; не запрещаю тебѣ. Помни только чистоту Вѣры нашей и принеси оную съ собою!» Исидоръ клялся не измѣнять Православію, и въ 1437 году, Сентября 8, выѣхалъ изъ Москвы съ Епископомъ Суздальскимъ Авраміемъ, со многими духовными и свѣтскими особами, коихъ число простиралось до ста. Сіе *первое* путешествіе Россіянъ въ Италію описано однимъ изъ нихъ съ великою подробностію: сообщимъ здѣсь нѣкоторыя обстоятельства онаго (296). г. 1440.

Новогородскій Архіепископъ Евфимій, бывъ тогда въ Москвѣ, проводилъ Исидора до своей Епархіи; а Князь Тверскій, Борисъ, послалъ съ нимъ въ Италію Вельможу Ѳому. Митрополитъ отъ Вышняго Волочка плылъ рѣкою Мстою до Новагорода, гдѣ, равно какъ и во Псковѣ, Духовенство и гражданство изъявило усердную къ нему любовь дарами и пиршествами. Доселѣ онъ казался ревностнымъ наблюдателемъ всѣхъ обрядовъ Православія; но выѣхавъ изъ Россіи, немедленно обнаружилъ соблазнительную наклонность къ Латинству. Встрѣченный въ Ливоніи Дерптскимъ Епископомъ и нашими Священниками (ибо въ семъ городѣ находились двѣ Русскія церкви), Исидоръ съ благоговѣніемъ приложился къ крестамъ Духовенства Католическаго, и потомъ уже къ образамъ Греческимъ: сопутники его ужаснулись, и съ того времени не имѣли къ нему довѣренности. Архіепископъ, чиновники Рижскіе также осыпали Митрополита ласками: веселили музыкою и пирами. Тамъ онъ получилъ письмо отъ Великаго Магистра Нѣмецкаго, учтивое, ласковое: сей знаменитый Властитель предлагалъ ему свои услуги и совѣты для безопаснаго путешествія чрезъ Орденскія владѣнія. Но Исидоръ сѣлъ въ Ригѣ на корабль, отправивъ болѣе двухъ сотъ лошадей сухимъ путемъ, и (19 Мая 1438 года) присталъ къ берегу въ Любекѣ, откуда чрезъ Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Бамбергъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ и Тироль проѣхалъ въ Италію, вездѣ находя гостепріимство, дружелюбіе, почести, и вездѣ осматривая съ любопытствомъ не только монастыри, церкви, но и плоды трудолюбія, Искусствъ, ума гражданскаго. Съ какимъ удивленіемъ Россіяне, дотолѣ не выѣзжавъ изъ отечества, загрубѣвшаго подъ игомъ варваровъ, видѣли въ Нѣмецкой землѣ города цвѣтущіе, зданія прочныя удобныя и красивыя, обширные сады, каменные водоводы, или, по ихъ словамъ, рукою человѣка пускаемыя рѣки! Достойно замѣчанія, что Эрфуртъ показался имъ самымъ богатѣйшимъ въ Германіи городомъ, наполненнымъ всякими товарами и хитрыми произведеніями рукодѣлія. Горы Тирольскія изумили нашихъ путешественниковъ свои-

Г. 1440. ми снѣжными громадами, современными рожденію оныхъ (какъ говоритъ Авторъ) и превышающими теченіе облаковъ: зрѣлище въ самомъ дѣлѣ разительное для жителей плоской земли, въ особенности непонятное для нихъ смѣшеніемъ климатовъ: ибо Россіяне въ одно время видѣли тамъ и вѣчное царство зимы, на вершинахъ горъ, и плодоносное лѣто со всѣми его красотами, неизвѣстными въ нашемъ сѣверномъ отечествѣ: лимоны, померанцы, каштаны, миндаль и гранаты, растущіе на отлогостяхъ Тирольскихъ, среди цвѣтниковъ естественныхъ. — Августа 18 Исидоръ прибылъ въ Феррару.

Въ семъ городѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ ожидали его Императоръ и Папа, какъ Главу Россійской знаменитой Церкви, мужа ученѣйшаго и друга Евгеніева. Кромѣ духовныхъ сановниковъ, Кардиналовъ, Митрополитовъ, Епископовъ, тамъ находились Послы Трапезундскіе, Иверскіе, Арменскіе, Волошскіе; но, къ удивленію Іоанна Палеолога, не было ни Императора Нѣмецкаго, ни другихъ Вѣнценосцевъ Западныхъ. Латинская Церковь представляла тогда жалостное зрѣлище раздора; уже семь лѣтъ славный въ Исторіи *Соборъ Базельскій*, дѣйствуя независимо и въ противность Евгенію, смѣялся надъ его Буллами, давалъ законы въ дѣлахъ Вѣры, обѣщалъ искоренить злоупотребленія духовной власти, и преклонилъ къ себѣ почти всѣхъ Государей Европейскихъ, которые для того отказались участвовать въ Италіянскомъ Соборѣ (297). Однакожь засѣданія начались съ великою торжественностію въ Феррарѣ, въ церкви Св. Георгія, послѣ долговременнаго спора между Императоромъ Іоанномъ и Папою о мѣстахъ: Евгеній желалъ сидѣть среди храма, какъ Глава Вѣры; Іоаннъ же хотѣлъ самъ предсѣдательствовать, подобно Царю Константину во время Собора Никейскаго. Рѣшили тѣмъ чтобы въ срединѣ церкви, противъ олтаря, лежало Евангеліе; чтобы на правой сторонѣ Папа занималъ первое, возвышенное мѣсто между Католиками, а ниже его стоялъ тронъ для отсутствующаго Императора Нѣмецкаго; чтобы Царь Іоаннъ сидѣлъ на лѣвой, также на тронѣ, но далѣе Папы отъ олтаря (298). Надлежало согласиться въ четырехъ мнѣніяхъ: 1) объ исхожденіи Св. Духа, 2) о чистилищѣ, 3) о квасныхъ просфорахъ, 3) о первенствѣ Папы. Съ обѣихъ сторонъ выбрали Г. 1440. Ораторовъ: Римляне Кардиналовъ Альбергати, Іуліана, Епископа Родосскаго и другихъ; Греки трехъ Святителей, Марка Ефесскаго (мужа ревностнаго, велерѣчиваго), Исидора Россійскаго и юнаго Виссаріона Никейскаго, славнаго ученостію и разумомъ, но излишно уклоннаго въ разсужденія Догматовъ Вѣры. Пятнадцать разъ сходились для прѣнія о Св. Духѣ: наши единовѣрцы утверждали, что Онъ исходитъ единственно отъ Отца; а Римляне прибавляли: *и Сына,* ставя въ доказательство нѣкоторыя древнія рукописи Святыхъ Отцевъ, отвергаемыя Греками какъ подложныя. Умствовали, истощали всѣ хитрости богословской Діалектики и не могли согласиться въ сей части Символа: выраженіе Filioque оставалось камнемъ претыканія. Уже Марко Ефесскій гремѣлъ противъ Латинской ереси, и вмѣсто духовнаго братства ежедневно усиливался духъ раздора. Греки скучали въ отдаленіи отъ домовъ своихъ и жаловались на худое содержаніе: Евгеній также, не видя успѣха, скучалъ безполезными издержками, и въ концѣ зимы уговорилъ Императора переѣхать во Флоренцію, будто бы опасаясь язвы въ Феррарѣ, но въ самомъ дѣлѣ для того, что Флорентійцы дали ему не малую сумму денегъ за честь видѣть Соборъ въ ихъ городѣ (299).

Не льзя безъ умиленія читать въ Исторіи о послѣднихъ тайныхъ бесѣдахъ Іоанна Палеолога, въ коихъ сей несчастный Государь изливалъ всю душу свою предъ Святителями Греческими и Вельможами, изображая съ одной стороны любовь къ Правовѣрію, а съ другой бѣдствія Имперіи и надежду спасти ее посредствомъ соединенія Церквей (300). «Думаю только о благѣ отечества и Христіанства,» говорилъ онъ: «послѣ долговременнаго отсутствія возвратимся ли безъ успѣха, съ единымъ стыдомъ и горестію? Не мыслю о своихъ личныхъ выгодахъ: жизнь кратковременна, а дѣтей не имѣю; но безопасность Государства и миръ Церкви для меня любезны.» Митрополитъ Россійскій осуждалъ упрямство Марка Ефесскаго и другихъ Святителей, говоря: «лучше соединиться съ Римлянами душею и сердцемъ, нежели безъ всякой пользы уѣхать отсюда: и куда поѣдемъ?» Виссаріонъ еще убѣдительнѣе представлялъ жалостное состояніе Имперіи. Наконецъ, по мно-

г. 1439. [illegible] прѣніяхъ, Греки уступили, и согласились, 1) что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына; 2) что опрѣсноки и квасный хлѣбъ могутъ быть равно употребляемы въ священнодѣйствіи; 3) что души праведныя блаженствуютъ на небесахъ, грѣшныя страдаютъ, а среднія между тѣми и другими очищаются, *или* палимыя огнемъ, *или* угнетаемыя густымъ мракомъ, *или* волнуемыя бурею, *или* терзаемыя инымъ способомъ; что всѣ люди тѣлесно воскреснутъ въ день суда и явятся предъ судилищемъ Христовымъ, дать отчетъ въ дѣлахъ своихъ; 3) что Папа есть Намѣстникъ Іисуса Христа и Глава Церкви; что Патріархъ Константинопольскій занимаетъ вторую степень, и такъ далѣе. 6 Іюля (1439 года) было послѣднее засѣданіе Собора въ Каѳедральномъ храмѣ Флорентійскомъ, гдѣ обѣ Церкви совокупили торжественность и великолѣпіе своихъ обрядовъ, чтобы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на сердца людей. Въ присутствіи безчисленнаго народа, между двумя рядами Папскихъ тѣлохранителей, вооруженныхъ палицами, одѣтыхъ въ латы серебряныя и держащихъ въ одной рукѣ пылающія свѣчи, Евгеній служилъ Обѣдню (301); гремѣла музыка Императорская; пѣли славу Вседержителя на языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Папа, воздѣвъ руки на небо, проливалъ слезы радости, и величественно благословивъ Царя, Князей, Епископовъ, чиновниковъ Республики Флорентійской, велѣлъ Кардиналу Іуліану и Архіепископу Виссаріону читать съ амвона *хартію соединенія*, написанную слѣдующимъ образомъ: «Да веселятся небеса и земля! Разрушилось средостѣніе между Восточною и Западною Церковію; миръ возвратился на краеугольный камень Христа; два народа уже составляютъ единый; мрачное облако скорби и раздора исчезло; тихій свѣтъ вожделѣннаго согласія сіяетъ паки. Да ликуетъ мать наша, Церковь, видя чадъ своихъ, послѣ долговременнаго разлученія, вновь совокупленныхъ любовію; да благодаритъ Всемогущаго, Который осушилъ ея горькія объ нихъ слезы. А вы, вѣрные сыны міра Христіанскаго, благодарите мать вашу, Церковь Каѳолическую, за то, что Отцы Востока и Запада не устрашились опасностей пути дальняго, и великодушно сносили труды, дабы присутствовать на семъ святомъ Соборѣ и воскресить любовь, коея уже не было между Христіанами.» Слѣдуютъ г. 1439. упомянутыя статьи примиренія и согласія въ Догматахъ Вѣры, подписанныя Евгеніемъ, осмью Кардиналами, двумя Патріархами Латинскими (Іерусалимскимъ и Градскимъ), осьмью Архіепископами, пятидесятью Епископами и другими сановниками; а отъ имени Грековъ Императоромъ, тремя мѣстоблюстителями престоловъ Патріаршихъ (ибо Іосифъ, Патріархъ Константинопольскій, скончался за нѣсколько дней до того во Флоренціи), семнадцатью Митрополитами, Архіепископами и всѣми бывшими тамъ Святителями (302), кромѣ одного Марка Ефесскаго, неумолимаго старца, презрителя угрозъ и корысти. Свѣдавъ, что сей твердый мужъ не подписалъ хартіи, Папа гнѣвно воскликнулъ: «и такъ мы ничего не сдѣлали!» и требовалъ, чтобы Императоръ или принудилъ его къ согласію, или наказалъ какъ ослушника; но Марко тайнымъ отъѣздомъ спасся отъ гоненія.

Выгоды, пріобрѣтенныя уступчивостію Грековъ, состояли для нихъ въ томъ, что Евгеній далъ имъ нѣсколько тысячъ флориновъ, обязался прислать въ Константинополь 300 воиновъ съ двумя галерами для охраненія сей столицы, и въ случаѣ нужды обѣщалъ Іоанну именемъ Государей Европейскихъ гораздо сильнѣйшее вспоможеніе. Греки хотѣли еще, чтобы толпы богомольцевъ, ежегодно отправляясь изъ Европы моремъ въ Палестину, всегда приставали въ Царѣградѣ для выгоды тамошнихъ жителей: Папа включилъ и сію статью въ договоръ; наконецъ съ великою честію отпустилъ Императора, который, бывъ два года въ отсутствіи, возвратился въ Грецію оплакать безвременную кончину своей юной супруги, Маріи, и видѣть общій мятежъ Духовенства (303). Узнавъ происшедшее на Флорентійскомъ Соборѣ, оно раздѣлилось во мнѣніяхъ: нѣкоторые хотѣли держаться его постановленій; другіе, и большая часть, вопили, что истинная Церковь гибнетъ, и что не Пастыри вѣрные, но измѣнники, ослѣпленные златомъ Римскимъ, заключили столь беззаконный, столь унизительный для Грековъ союзъ съ Папою; что одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ, и проч. Сіи послѣдніе одержали верхъ. Вопреки Императору и новому Патріарху Митрофану, ревностному защитнику Соединенія,

ГЛАВ. народъ бѣжалъ изъ храмовъ, гдѣ священнодѣйствовали ихъ единомышленники, оглашенные еретиками, отступниками, такъ, что не смотря на усилія Папы Евгенія и преемника его, не смотря на явную, неминуемую гибель своего отечества, Греки захотѣли лучше умереть, нежели согласиться на исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на опрѣсноки и чистилище. Достопамятный примѣръ твердости въ богословскихъ мнѣніяхъ! Впрочемъ сомнительно, чтобы Папа могъ тогда спасти Имперію, если бы Восточная Церковь и покорилась его духовной власти. Вѣки Крестовыхъ ополченій миновали; ревностный духъ Христіанскаго братства уступилъ мѣсто малодушной Политикѣ въ Европѣ: каждый изъ Вѣнценосцевъ имѣлъ свою особенную государственную систему, искалъ пользы во вредѣ другихъ и не довѣрялъ имъ. Нѣмецкая земля, бывъ ѳеатромъ жестокой войны, произведенной расколомъ Іоанна Гусса, болѣе и болѣе слабѣла въ долговременное, ничтожное царствованіе Фридерика III. Англія и Франція съ величайшимъ усиліемъ боролись между собою. Испанія, еще раздѣленная, не простирала мыслей своихъ далѣе собственныхъ ея предѣловъ. Португаллія занималась единственно мореплаваніемъ и новыми открытіями въ Африкѣ: Италія церковными дѣлами, торговлею и внутренними распрями. Данія и Швеція, бѣдныя людьми и деньгами, соединялись на краткое время ко вреду обоюдному, и непрестанно опасаясь другъ друга, не мѣшались въ дѣла иныхъ Державъ Европейскихъ. Только Венгрія и Польша нѣсколько времени бодрствовали на берегахъ Дуная, изъявляя ревность противиться успѣхамъ Амуратова оружія; но Варнская битва, столь несчастная для Короля Владислава, на-долго отвратила ихъ отъ войны съ мужественными Турками. Еще духовная власть сильно дѣйствовала надъ умами и въ Совѣтахъ государственныхъ; но уже не имѣла прежняго единства. Мнимая божественность Папъ исчезла: Соборы, Костницкій и Базельскій, судили и низвергали ихъ. Сіи шумные сонмы Церковной Аристократіи издали готовили паденіе духовной и совершенную независимость мірской власти. Іерархи разныхъ земель уже разнствовали и въ мысляхъ, во многихъ отношеніяхъ предпочитая особенныя выгоды своихъ Государствъ Папинымъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Европы могъ ли Евгеній ручаться за единодушіе Вѣнценосцевъ ея, чтобы сокрушить Оттоманскую Державу, или погибнуть на берегахъ Воспора для спасенія Византіи? Устрашенные побѣдами Амурата и Магомета II, Государи Западные трепетали въ бездѣйствіи. Тщетно Герой Албаніи, знаменитый Скандербегъ, давалъ имъ примѣръ великодушія, одинъ съ горстію людей отражая многочисленное воинство Султанское: ни мало не способные подражать ему, они не стыдились вовлекать его въ ихъ собственныя междоусобія, къ удовольствію невѣрныхъ (304). — Однимъ словомъ, Іоаннъ Палеологъ не только не успѣлъ, но, по всѣмъ вѣроятностямъ, и не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи, чтобы соединеніемъ двухъ Церквей отвратить конечную гибель Имперіи Греческой. ГЛАВ.

Главныя орудія сего мнимаго соединенія, Архіепископъ Виссаріонъ и Митрополитъ Исидоръ, были награждены отъ Папы Кардинальскими шапками; первый остался въ Италіи; вторый съ именемъ Легата Апостольскаго для всѣхъ земель сѣверныхъ отправился изъ Флоренціи 6 Сентября (305); сѣлъ на корабль въ Венеціи, переѣхалъ Адріатическое море и чрезъ Далмацію и Кроатскую землю прибылъ въ столицу Венгріи, въ Будинъ, откуда написалъ грамоты во всѣ подвѣдомыя ему Епархіи Литовскія, Россійскія, Ливонскую, изъясняя такимъ образомъ: «Исидоръ, милостію Божіею преосвященный Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, *Легатъ отъ ребра* (a latere) *Апостольскаго*, всѣмъ и всякому Христіанину вѣчное спасеніе, миръ и благодать. Возвеселитеся нынѣ о Господѣ: Церковь Восточная и Римская навѣки совокупилися въ древнее мирное единоначаліе. Вы, добрые Христіане Церкви Константинопольской, Русь, Сербы, Волохи, и всѣ вѣрующіе во Христа! пріимите сіе святое соединеніе съ духовною радостію и честію. Будьте истинными братьями Христіанъ Римскихъ. Единъ Богъ, едина Вѣра: любовь и миръ да обитаютъ между вами! А вы, племена Латинскія, также не уклоняйтеся отъ Греческихъ, признанныхъ въ Римѣ истинными Христіанами: молитеся въ ихъ храмахъ, какъ они въ вашихъ будутъ молиться. Исповѣдуйте грѣхи свои тѣмъ и другимъ Священникамъ безъ различія; отъ тѣхъ и другихъ принимайте тѣло Хри-

г.1440. стово, равно святое и въ прѣсномъ и въ кисломъ хлѣбѣ. Такъ уставила общая мать ваша, Церковь Каѳолическая,» и проч.

Исидоръ спѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ Духовенство встрѣтило его какъ единственнаго Митрополита всѣхъ Россійскихъ Епархій, и весною 1440 году прибылъ въ Москву, съ грамотою отъ Папы къ Великому Князю ([306]). Евгеній извѣщалъ его «о благословенномъ успѣхѣ Флорентійскаго Собора, славномъ въ особенности для Россіи: ибо Архипастырь ея болѣе другихъ способствовалъ оному.» Письмо отъ начала до конца было ласково и скромно. Папа молилъ Василія быть милостивымъ къ Исидору и давать ему тѣ церковные оброки, коими издревле пользовались наши Митрополиты. Духовенство и народъ съ нетерпѣніемъ ожидали своего Первосвятителя въ Кремлевскомъ храмѣ Богоматери. Исидоръ явился окруженный многими сановниками: предъ нимъ несли крестъ Латинскій и три серебряныя *палицы*. Россіяне удивились сей новости, и еще болѣе, когда Митрополитъ въ Литургіи помянулъ Евгенія Папу, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ. Когда же, по окончаніи службы, Діаконъ Исидоровъ, въ стихарѣ и съ орaріемъ ставъ на амвонѣ, велегласно прочиталъ грамоту Флорентійскаго Осьмаго Собора, столь несогласную съ древнимъ ученіемъ нашей Церкви: тогда всѣ, духовные и міряне, въ изумленіи смотрѣли другъ на друга, не зная, что мыслить о слышанномъ. Имя Собора Вселенскаго, Царя Іоанна, и согласіе знатнѣйшихъ православныхъ Іерарховъ Греціи, искони нашихъ учителей, заграждали уста: безмолвствовали Епископы и Вельможи.

Въ семъ общемъ глубокомъ молчаніи раздался только одинъ голосъ — Князя Великаго. Съ юныхъ лѣтъ зная твердо уставы Церкви и мнѣнія Святыхъ Отцевъ о Символѣ Вѣры, Василій увидѣлъ отступленіе Грековъ отъ ея правилъ, воспылалъ ревностію обличить беззаконіе, вступилъ въ прѣніе съ Исидоромъ, и торжественно наименовалъ его лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ, призвалъ на совѣтъ Епископовъ, Бояръ, искусныхъ въ книжномъ ученіи, и велѣлъ имъ основательно разсмотрѣть Флорентійскую Соборную грамоту. Всѣ прославили умъ Великаго Князя. Святители и Вельможи сказали ему: «Государь! мы дремали; ты единъ за всѣхъ бодрствовалъ, открылъ истину, спасъ г.1440. Вѣру: Митрополитъ *отдалъ ее на златѣ* Римскому Папѣ, и возвратился къ намъ съ ересью.» Исидоръ силился доказывать противное, но безъ успѣха: Василій посадилъ его за стражу въ Чудовѣ монастырѣ, требуя, чтобы онъ раскаялся, отвергнувъ соединеніе съ Латинскою Церковію. Такимъ образомъ хитрость, рѣдкій даръ слова и великій умъ сего честолюбиваго Грека, имѣвъ столь много дѣйствія на Флорентійскомъ Соборѣ, гдѣ ученѣйшая Греція состязалась съ Римомъ, оказались безсильными въ Москвѣ, бывъ побѣждены здравымъ смысломъ Великаго Князя, увѣреннаго, что перемѣны въ Законѣ охлаждаютъ сердечное усердіе къ оному, и что неизмѣняемые Догматы отцевъ лучше всякихъ новыхъ мудрованій. Узнавъ же, что Исидоръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тайно ушелъ изъ монастыря, благоразумный Василій не велѣлъ гнаться за нимъ, ибо не хотѣлъ употребить никакихъ жестокихъ мѣръ противъ сего сверженнаго имъ Митрополита, который, въѣхавъ въ Россію гордо, пышно и величаво, бѣжалъ изъ нее какъ преступникъ, въ страхѣ, чтобы Москвитяне не сожгли его подъ именемъ еретика на кострѣ ([307]).

Исидоръ благополучно достигъ Рима съ печальнымъ извѣстіемъ о нашемъ упрямствѣ, и въ награду за свой ревностный подвигъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Думѣ Кардиналовъ, еще именуясь *Россійскимъ;* а Великій Князь, съ согласія всѣхъ Епископовъ, вторично избравъ Іону въ Митрополиты, (въ 1443 году) отправилъ Боярина Полуехта въ Константинополь съ грамотою къ Царю и Патріарху, въ коей описываетъ всю исторію нашего Христіанства со временъ Владиміра, и говоритъ далѣе ([308]): «По кончинѣ блаженнаго Фотія земля Русская нѣсколько лѣтъ оставалась безъ духовнаго Пастыря, волнуемая нашествіемъ варваровъ и внутреннимъ междоусобіемъ: наконецъ мы послали къ вамъ Епископа Рязанскаго, Іону, мужа отъ юныхъ лѣтъ благочестиваго и добродѣтельнаго, желая, да поставите его въ Митрополиты; но вы, или отъ замедленія нашего, или слѣдуя единственно прихоти самовластія, дали намъ Исидора. Богу извѣстно, что я долго колебался и мыслилъ отвергнуть его; но ласковая грамота Патріархова, моленіе Посла вашего и сладкорѣчивое

г.1440. смиреніе Исидорово тронули мое сердце... Когда же онъ, вопреки своей клятвѣ, измѣнилъ Православію: тогда мы созвали боголюбивыхъ Святителей нашей земли, да изберутъ новаго достойнѣйшаго Митрополита, какъ и прежде, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, у насъ бывало. Но хотимъ соблюсти обрядъ древній: требуемъ твоего Царскаго согласія и Патріаршаго благословенія, увѣряя васъ, что никогда произвольно не отлучимся отъ Церкви Греческой, доколѣ стоитъ Держава Русская. И такъ ожидаемъ, что вы исполните мое прошеніе и не замедлите увѣдомить насъ о вашемъ здравіи, да возвеселимся духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.» Сей Посолъ не доѣхалъ до Константинополя: ибо Василій приказалъ ему возвратиться, свѣдавъ тогда, какъ говоритъ Лѣтописецъ, совершенное отступленіе Императора Греческаго отъ истинной Вѣры. Съ того времени Іона первенствовалъ, кажется, въ дѣлахъ нашей Церкви, хотя еще и не былъ торжественно признанъ ея Главою (309); а Епископы южной Россіи снова имѣли особеннаго Митрополита, посвященнаго въ Римѣ, именемъ Григорія Болгарина, ученика Исидорова, вмѣстѣ съ нимъ ушедшаго изъ Москвы. Они держались Флорентійскаго Соединенія, которое въ Литвѣ и въ Польшѣ доставило имъ всѣ выгоды и преимущества Духовенства Латинскаго, подтвержденныя въ 1443 году указомъ Владислава III (310). Преемникъ Владиславовъ, Казиміръ, даже уговаривалъ Великаго Князя признать Кіевскаго Іерарха Главою и Московскихъ Епископовъ, представляя, какъ вѣроятно, что духовное единоначаліе утвердитъ благословенный союзъ между сѣверною и южною Россіею; но Святители наши предали Григорія анаѳемѣ. Московская Митрополія осталась независимою, а Кіевская подвластною Риму, будучи составлена изъ Епархій Брянской, Смоленской, Перемышльской, Туровской, Луцкой, Владимірской, Полоцкой, Хельмской и Галицкой (311).

Такія слѣдствія имѣлъ славный Соборъ Флорентійскій. Еще нѣсколько лѣтъ защитники и противники его писали, спорили, опровергали другъ друга; наконецъ бѣдствіе, постигшее Константинополь, пресѣкло и споры и долговременныя усилія властолюбиваго Рима для подчиненія себѣ Византійской Церкви. Духовенство же Московское, отвергнувъ соблазнъ, тѣмъ болѣе укрѣпилось въ Догматахъ Православія. г.1440.

Россіяне имѣли нужду въ мирѣ церковномъ, чтобы великодушнѣе сносить несчастія государственныя, коими Небо скоро посѣтило наше отечество.

Уже осенью въ 1441 году открылась новая вражда между Великимъ Княземъ и Димитріемъ Шемякою, который, свѣдавъ о приближеніи Московскаго войска къ Угличу, бѣжалъ въ Новогородскую область, и собравъ нѣсколько тысячь бродягъ, вмѣстѣ съ Княземъ Александромъ Черторижскимъ, выѣхавшимъ къ нему изъ Литвы, внезапно подступилъ къ Москвѣ: хотя Игуменъ Троицкій, Зиновій, примирилъ ихъ; но Шемяка, боясь Василія, далъ знать Новогородцамъ что желаетъ навсегда къ нимъ переселиться. Они гордо сказали: «Да будетъ, Князь, твоя воля! Если хочешь къ намъ, мы тебѣ рады; если не хочешь, какъ тебѣ угодно» (312). Сей отвѣтъ или не полюбился ему, или тогдашнія обстоятельства Новагорода отвратили его отъ намѣренія искать тамъ убѣжища: Шемяка остался въ своемъ Удѣлѣ. Новая вражда.

Новгородъ, волнуемый внутри, угрожаемый извнѣ, не имѣлъ ни твердаго правленія, ни ясной политической системы. Въ 1442 году народъ, безъ всякаго доказательства обвиняя многихъ людей въ зажигательствѣ, жегъ ихъ на кострахъ, топилъ въ Волховѣ, побивалъ каменьемъ. Худые урожаи и десятилѣтняя дороговизна приводили гражданъ въ отчаяніе. «Вопль и стенаніе (говоритъ Лѣтописецъ) раздавались на площадяхъ и на улицахъ; бѣдные шатались какъ тѣни, падали, умирали, дѣти предъ родителями, отцы и матери предъ дѣтьми; одни бѣжали отъ голода въ Литву, или въ землю Нѣмецкую, или во Псковъ; другіе изъ хлѣба шли въ рабство къ купцамъ Магометанской и Жидовской Вѣры. Не было правды ни въ судахъ, ни во градѣ. Возстали ябедники, лжесвидѣтели, грабители; наши старѣйшины утратили честь свою, и мы сдѣлались поруганіемъ для сосѣдовъ» (313). Къ симъ народнымъ бѣдствіямъ присоединились внѣшнія опасности. Слабая Держава можетъ существовать только союзомъ съ сильными: ослѣпленный Новгородъ досаждалъ всѣмъ и не имѣлъ друзей. Одинъ изъ Князей Суздальскихъ, Василій Юрьевичь, внукъ Кирдяпинъ и наслѣдственный врагъ Мос- г. 1442—1445. Дѣла Новогородскія.

г. 1440—1445. квы, былъ ласково принятъ Новогородцами и начальствовалъ у нихъ въ Ямѣ. Къ неудовольствію же Великаго Князя они вызвали изъ Литвы внука Ольгердова, Іоанна Владиміровича, и дали ему свои пригороды въ угодность Казиміру; между тѣмъ не угодили и послѣднему. Казиміръ хотѣлъ, чтобы они взяли отъ него Намѣстниковъ въ свою столицу и явно отложились отъ Василія Васильевича, говоря: «для васъ единственно я не заключилъ съ нимъ мира: поддайтесь мнѣ, и вы будете со всѣхъ сторонъ безопасны» (314). Новогородцы, еще не расположенные измѣнить Русскому отечеству, посмѣялись надъ властолюбіемъ Казиміра: отпустили Іоанна въ Литву, и вторично приняли къ себѣ Лугвеніева сына, Юрія, бывшаго въ Москвѣ. Тщетно Псковитяне искали ихъ дружбы и давали имъ примѣръ благоразумія, стараясь быть въ тѣсной связи съ Москвою, которая долженствовала рано или поздно спасти сѣверо-западную Россію отъ хищности иноплеменниковъ. Князья — иногда Россійскіе, иногда Литовскіе — начальствовали во Псковѣ, но всегда именемъ Великаго Князя, съ его согласія, и присягали въ вѣрности сперва ему, а потомъ народу. Слѣдуя инымъ правиламъ, Новогородцы видѣли въ гражданахъ сей области уже не братьевъ, а слугъ Московскихъ, и своихъ совмѣстниковъ въ выгодахъ Нѣмецкой торговли. Тѣ и другіе воевали, мирились, заключали договоры, особенно съ Державами иноземными, не думая о благѣ общемъ. Новогородцы въ 1442 году взяли всѣхъ Нѣмецкихъ купцевъ подъ стражу (316): Псковитяне дружелюбно торговали съ Ганзою. Въ Шведской Финляндіи властвовалъ тогда Государственный Маршалъ, Карлъ Кнутсонъ, получивъ ее въ Удѣлъ отъ Верховнаго Совѣта и Короля: онъ жилъ въ Выборгѣ, и стараясь ничѣмъ не оскорблять Новогородцевъ, злобился на Псковитянъ, которые повѣсили нѣсколько Чухонцевъ за воровство въ землѣ своей: мстилъ имъ, безъ объявленія войны бралъ людей въ плѣнъ и требовалъ окупа. Въ 1443 году Магистръ Ливонскаго Ордена, Финке фонъ-Обербергенъ, возобновилъ миръ съ областію Псковскою на 10 лѣтъ и былъ непріятелемъ Новогородцевъ: сжегъ предмѣстіе Ямы, и велѣлъ сказать имъ какъ бы въ насмѣшку, что не онъ, а Герцогъ Клевскій изъ заморья воюетъ Россію.

г. 1440—1445. Такъ сказано въ нашей лѣтописи: бумаги Нѣмецкаго Ордена, хранящіяся въ древнемъ Кенигсбергскомъ Архивѣ, объясняютъ для насъ сей предлогъ войны съ ея достопамятными обстоятельствами (316). Еще въ 1438 году Великій Магистръ Нѣмецкій писалъ къ Новогородскому Князю Юрію, чтобы онъ благосклонно принялъ юнаго Принца Клевскаго, Эбергарда, ѣдущаго въ Палестину черезъ Россію, и доставилъ ему всѣ способы для пути безопаснаго; но Эбергардъ возвратился въ Ригу съ жалобами на претерпѣнныя имъ въ Новогородской землѣ оскорбленія. Рыцари за него вступились и собрали войско, которое будто бы само собою, безъ ихъ вѣдома, начало непріятельскія дѣйствія. Финке, увѣрялъ, что Орденъ желаетъ единственно удовлетворенія за обиду Принца Клевскаго и за многія другія, сдѣланныя Нѣмцамъ *безпокойными, наглыми Россіянами, любящими отнимать чужое и жаловаться.* Великій Герцогъ Литовскій, Казиміръ, былъ между ими посредникомъ, величаясь именемъ *Государя Новогородцевъ*, единственно потому, что они со временъ Гедиминовыхъ принимали къ себѣ Литовскихъ Князей, въ областные начальники; но Финке, благосклонно встрѣтивъ Казиміровыхъ Пословъ, не устыдился взять подъ стражу Новогородскаго, даже ограбилъ его и выслалъ *нагаго* изъ Ливоніи. — Раздраженные Новогородцы опустошили Ливонскія селенія за Наровою: Нѣмцы землю Водскую, берега Ижеры и Невы; опять приступили къ Ямѣ и хотѣли пушками разрушить ея стѣны, но черезъ пять дней сняли осаду. Нѣмецкіе Лѣтописцы прибавляютъ, что Россіяне заманили Магистра въ какое-то ущелье и побили у него множество воиновъ; что онъ, желая отмстить имъ новымъ нападеніемъ въ ихъ предѣлы, возвратился съ новою неудачею и стыдомъ (317). Несмотря на то, гордый Финке вторично отвергнулъ мирныя предложенія Новогородцевъ, сказавъ ихъ Посламъ въ Ригѣ, что не заключитъ мира, если они не уступятъ ему всей рѣки Наровы съ островомъ. Доселѣ дѣйствовавъ только собственными силами, Ливонцы предпріяли наконецъ вооружить на Россіянъ знатную часть Европы, посредствомъ Великаго Магистра Прусскаго, бывшаго въ тѣсной связи съ Римомъ и съ Государями Сѣверными; хотѣли уже не грабежа, не маловажныхъ ошибокъ, но рѣ-

г. 1448—1445. шительнаго удара. Въ 1007 году Орденъ заключилъ договоръ съ Королемъ Даніи, Норвегіи и Швеціи, Христофоромъ, чтобы совокупными силами воевать землю Новогородскую Нѣмцамъ взять Копорье и Нейшлотъ, Шведамъ Орѣховъ, Ландскрону, и проч. Великій Магистръ Прусскій убѣждалъ Папу содѣйствовать молитвою и деньгами къ усмиренію *невѣрныхъ* Россіянъ; писалъ къ Императору, къ Курфирстамъ, и вызывалъ изъ Германіи всѣхъ православныхъ витязей служить Богу и Его матери, казнить *отступниковъ злочестивыхъ* на берегахъ Волхова; писалъ также ко всѣмъ городамъ Ганзейскимъ, къ Любеку, Висмару, Ростоку, Грейфсвальдену, чтобы они запретили купцамъ своимъ возить хлѣбъ въ Новгородъ. Вооруженныя Ливонскія суда заняли Неву и брали въ добычу всякой нагруженный съѣстными припасами корабль, идущій въ Ладожское озеро, не исключая ни союзныхъ Шведскихъ, ни Прусскихъ. Войско Нѣмецкаго Ордена отправилось моремъ изъ Данцига и сухимъ путемъ изъ Мемеля къ Нарвѣ: пѣхота, конница и пушкари, съ Рыцаремъ Генрихомъ, искуснымъ въ употребленіи огнестрѣльнаго снаряда. Въ Бранденбургѣ, Эльбингѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ городахъ Прусскихъ народъ торжественно молился о счастливомъ успѣхѣ *Христіанскаго оружія противъ язычниковъ* (contra paganos) Новогородскихъ и союзниковъ ихъ, *Москвитянъ, Волоховъ* и *Татаръ*: Латинскія Обѣдни и церковные ходы долженствовали склонить Небо къ совершенному истребленію сей Россійской народной Державы, болѣе именемъ, нежели силами *великой*, опустошенной тогда голодомъ и болѣзнями.

Какія были слѣдствія мѣръ столь важныхъ и грозныхъ? Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано единственно, что Ливонскіе Рыцари, Король Шведскій и *Прусскій* (то есть, Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена) въ 1408 году имѣвъ битву съ Новогородцами на берегахъ Наровы, ушли назадъ; а Двиняне близъ Ненoксы разбили Шведовъ, которые приходили туда моремъ изъ Лапландіи (318). – Ни *Татары*, ни *Волохи*, ни *Москвитяне* не помогали Новугороду. «Я даю ему Князей, но безъ войска,» писалъ Казимиръ къ Нѣмцамъ. Въ бумагахъ Орденскихъ упоминается только о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который въ 1007 году ѣхалъ изъ Моравіи *съ шестью стами всадниковъ* на помощь къ Новогородскому Князю Юрію, сыну Лугвеніеву. г. 1443—1445.

Въ сіе время Новогородцы имѣли еще двухъ непріятелей: Князь Борисъ Тверскій безжалостно грабилъ ихъ землю, и народъ Югорскій, угнетаемый ими, объявилъ себя независимымъ. Воеводы Двинскіе, Василій Шенкурскій и Михайло Яковлевъ, пришли къ нимъ съ тремя тысячами воиновъ. Жители употребили хитрость. «Дайте намъ время собрать дань,» говорили они: «сдѣлавъ расчетъ между собою, мы покажемъ вамъ урочища и станы;» но усыпивъ Россіянъ обѣщаніями и ласками, побили ихъ на голову. Новогородцы оружіемъ усмирили сихъ бунтующихъ данниковъ а Князя Тверскаго старались усовѣстить словами дружелюбными; заключили наконецъ союзъ съ добрыми Псковитянами и перемиріе съ Нѣмцами на 25 лѣтъ (319).

Гораздо важнѣйшія происшествія ожидаютъ насъ въ Московскомъ Великомъ Княженіи. Смерть Витовта, дѣда, опекуна Василіева, уничтоживъ связь притворнаго дружества между Литвою и нашимъ Государствомъ, возобновила ихъ естественную, взаимную ненависть другъ ко другу, еще усиленную раздоромъ Церковнымъ. Непріятели Казимировы искали убѣжища въ Москвѣ: сынъ Лугвеніевъ, Князь Юрій, выѣхавъ изъ Новагорода, и занявъ вооруженною рукою Смоленскъ, Полоцкъ, Витебскъ, но будучи не въ силахъ противиться Казимиру, бѣжалъ къ Великому Князю. Однакожь войны не было до 1444 года: въ сіе время, зимою, Василій послалъ двухъ служащихъ ему Царевичей Могольскихъ на Брянскъ и Вязьму. Нечаянность ихъ впаденія благопріятствовала успѣху, если можно назвать успѣхомъ грабежъ и кровопролитіе безполезное: Татары и Москвитяне опустошили села и города почти до Смоленска. Явились мстители: 7000 Литовцевъ, предводимыхъ семью Панами, разорили беззащитныя окрестности Козельска, Калуги, Можайска, Вереи Собралось нѣсколько сотъ Россіянъ подъ начальствомъ Воеводъ Можайскаго, Верейскаго и Боровскаго: презирая многочисленность непріятеля, они смѣло ударили на Казимировыхъ Пановъ въ Война. г. 1445.

1444. Суходровѣ, и были разбиты. Впрочемъ Литовцы, не взявъ ни одного города, удалились съ плѣнниками (320).

Великій Князь не могъ отразить ихъ для того, что имѣлъ дѣло съ другимъ непріятелемъ. Царевичь Золотой Орды, именемъ Мустафа, желая добычи, вступилъ въ Рязанскую область, плѣнилъ множество безоружныхъ людей, и взявъ за нихъ окупъ, ушелъ; но скоро опять возвратился къ Переславлю, требуя уже не денегъ, а только убѣжища. Настала зима необыкновенно холодная, съ глубокими снѣгами, жестокими морозами и вьюгами: Татары не могли достигнуть Улусовъ, лишились коней и сами умирали въ полѣ. Граждане Переславскіе, не смѣя отказать имъ, впустили ихъ въ свои жилища; однакожь не на-долго: ибо Василій послалъ Князя Оболенскаго съ Московскою дружиною и съ Мордвою выгнать Царевича изъ нашихъ предѣловъ (321). Мустафа, равно опасаясь и жителей и рати Великокняжеской, по требованію первыхъ вышелъ изъ города, сталъ на берегахъ рѣчки Листани и спокойно ожидалъ непріятелей. Съ одной стороны наступили на него Воеводы Московскіе съ конницею и пѣхотою, вооруженною *ослопами* или палицами, топорами и рогатинами; съ другой Рязанскіе *Козаки* и Мордва на лыжахъ (*), съ сулицами, копьями и саблями. Татары, цѣпенѣя отъ сильнаго холода, не могли стрѣлять изъ луковъ, и не смотря на свою малочисленность, смѣло пустились въ ручной бой. Они конечно не имѣли средства спастися бѣгствомъ; но отъ нихъ зависѣло отдаться въ плѣнъ безъ кровопролитія: Мустафа не хотѣлъ слышать о такомъ стыдѣ, и бился до изнуренія послѣднихъ силъ. Никогда Татары не изъявляли превосходнѣйшаго мужества: одушевленные словами и примѣромъ начальника, рѣзались какъ изступленные и бросались грудью на копья. Мустафа палъ Героемъ, доказавъ, что кровь Чингисова и Тамерланова еще не совсѣмъ застыла въ сердцѣ Моголовъ; другіе также легли на мѣстѣ; плѣнниками были одни раненые, и побѣдители, къ чести своей, завидовали славѣ побѣжденныхъ. — Чрезъ нѣсколько времени Татары Золотой Орды — желая, какъ вѣроятно, отмстить за Мустафу — воевали области Рязанскія и Мордовскія; но не сдѣлали ничего важнаго.

Храбрость Мустафы.

(*) «*Ртахъ:* это родъ санокъ? Сибирск.» (Отмѣтка Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

Нашествіе Царя Казанскаго.

Непріятель опаснѣйшій явился съ другой стороны, Царь Казанскій, Улу-Махметъ; взялъ старый Новгородъ Нижній, оставленный безъ защиты, и шелъ къ Мурому (322). Великій Князь собралъ войско; Шемяка, Іоаннъ Андреевичь Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій и Василій Ярославичь Боровскій, внукъ Владиміра Храбраго, находились подъ Московскими знаменами. Махметъ отступилъ: передовый отрядъ нашъ разбилъ Татаръ близъ Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Не желая во время тогдашнихъ зимнихъ холодовъ гнаться за Царемъ, Великій Князь возвратился въ столицу. Весною пришла вѣсть, что Махметъ осадилъ Нижній Новгородъ, пославъ двухъ сыновей, Мамутека и Ягуба, къ Суздалю. Уже полки были распущены: надлежало вновь собирать ихъ. Василій Васильевичь съ одною Московскою ратію пришелъ въ Юрьевъ, гдѣ встрѣтили его Воеводы Нижегородскіе: долго терпѣвъ недостатокъ въ хлѣбѣ, они зажгли крѣпость и ночью бѣжали оттуда. Чрезъ нѣсколько дней присоединились къ Москвитянамъ Князья Можайскій, Верейскій и Боровскій, но съ малымъ числомъ ратниковъ. Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ и не далъ ему ни одного воина; а Царевичь Бердата, другъ и слуга Россіянъ, еще оставался назади (323). Великій Князь Іюля 6. расположился станомъ близъ Суздаля, на рѣкѣ Каменкѣ: слыша, что непріятель идетъ, воины одѣлись въ латы, и поднявъ знамена, изготовились къ битвѣ; но долго ждавъ Моголовъ, возвратились въ станъ. Василій ужиналъ и пилъ съ Князьями до полуночи; а въ слѣдующій день, по восхожденіи солнца отслушавъ Заутреню, снова легъ спать. Тутъ узнали о переправѣ непріятеля чрезъ рѣку Нерль: сдѣлалась общая тревога. Великій Князь, схвативъ оружіе, выскочилъ изъ шатра, и въ нѣсколько минутъ устроивъ рать, бодро повелъ оную впередъ, при звукѣ трубъ, съ распущенными хоругвями. Но сіе шумное ополченіе, предводимое внуками Донскаго и Владиміра Храбраго, состояло не болѣе, какъ изъ 1500 Россіянъ, если вѣрить Лѣтописцу; силы Государства Московскаго не уменьшились: только Василій не умѣлъ подражать дѣду и словомъ творить многочисленныя воинства;

1445. земля оскудѣла не людьми, но умомъ Правителей.

Впрочемъ сія горсть людей казалась сонмомъ Героевъ, текущихъ къ вѣрной побѣдѣ. Князья и воины не уважали Татаръ; видѣли ихъ превосходную силу, и вопреки благоразумію схватились съ ними на чистомъ полѣ близъ монастыря Евфиміева. Непріятель былъ вдвое многочисленнѣе ([324]); однакожь Россіяне первымъ ударомъ обратили его въ бѣгство, можетъ быть притворное: онъ хотѣлъ, кажется, чтобы наше войско разстроилось. По крайней мѣрѣ такъ случилось: Москвитяне, видя тылъ непріятельской рати, устремились за нею безъ всякаго порядка; всякой хотѣлъ единственно добычи; кто обдиралъ мертвыхъ, кто безъ памяти скакалъ впередъ, чтобы догнать обозъ Царевичей или брать плѣнниковъ. Татары вдругъ остановились, поворотили коней и со всѣхъ сторонъ окружили мнимыхъ побѣдителей, разсѣянныхъ, изумленныхъ. Еще Князья наши старались возстановить битву; сражались толпы съ толпами, воинъ съ воиномъ, долго, упорно; вездѣ число одолѣло, и Россіяне, положивъ на мѣстѣ 500 Моголовъ, были истреблены. Самъ Великій Князь, личнымъ мужествомъ заслуживъ похвалу — имѣя простреленную руку, нѣсколько пальцевъ отсѣченныхъ, тринадцать язвъ на головѣ, плеча и грудь синія отъ ударовъ — отдался въ плѣнъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Верейскимъ и знатнѣйшими Боярами. Іоаннъ Можайскій, оглушенный сильнымъ ударомъ, лежалъ на землѣ: оруженосцы посадили его на другаго коня и спасли. Василій Ярославичь Боровскій также ушелъ; но весьма не многіе имѣли сіе счастіе. Смерть или неволя были жребіемъ остальныхъ. Царевичи выжгли еще нѣсколько селъ, два дни отдыхали въ монастырѣ Евфиміевѣ, и снявъ тамъ съ несчастнаго Василія златые кресты, послали оные въ Москву, къ его матери и къ супругѣ, въ знакъ своей побѣды ([325]).

Плѣнъ Великаго Князя.

Столица наша затрепетала отъ сей вѣсти: Дворъ и народъ вопили. Москва видала ея Государей въ злосчастіи и въ бѣгствѣ, но никогда не видала въ плѣну. Ужасъ господствовалъ повсюду. Жители окрестныхъ селеній и пригородовъ, оставляя домы, искали убѣжища въ стѣнахъ Кремлевскихъ: ибо ежечасно ждали нашествія варваровъ, обманутые слухомъ о силѣ Царевичей. Новое бѣдствіе довершило жалостную судьбу Москвитянъ и пришельцевъ: ночью сдѣлался пожаръ внутри Кремля, столь жестокій, что не осталось ни одного деревяннаго зданія въ цѣлости: самыя каменныя церкви и стѣны въ разныхъ мѣстахъ упали; сгорѣло около трехъ тысячь человѣкъ и множество всякаго имѣнія ([326]). Мать и супруга Великаго Князя съ Боярами спѣшили удалиться отъ сего ужаснаго пепелища: онѣ уѣхали въ Ростовъ, предавъ народъ отчаянію въ жертву. Не было ни Государя, ни правленія, ни столицы. Кто могъ, бѣжалъ; но многіе не знали, гдѣ найти пристанище, и не хотѣли пускать другихъ. Чернь въ шумномъ совѣтѣ положила укрѣпить городъ: избрали властителей; запретили бѣгство; ослушниковъ наказывали и вязали; починили городскія ворота и стѣны; начали строить и жилища. Однимъ словомъ, народъ самъ собою возстановилъ и порядокъ изъ безначалія и Москву изъ пепла, надѣясь, что Богъ возвратитъ ей и Государя. — Между тѣмъ, пользуясь ея сиротствомъ и несчастіемъ, хищный Князь Борисъ Александровичь Тверскій прислалъ Воеводъ своихъ разграбить въ Торжкѣ все имѣніе купцевъ Московскихъ ([327]).

Ужасъ и бѣдствіе Москвы.

Іюля 14.

Разбой Князя Тверскаго.

Не смотря на пороки или недостатки Василія, Россіяне Великаго Княженія видѣли въ немъ единственнаго законнаго Властителя и хотѣли быть ему вѣрными: плѣнъ его казался имъ тогда главнымъ бѣдствіемъ. Царевичи, хотя и побѣдители, вмѣсто намѣренія итти къ Москвѣ — чего она въ безразсудномъ страхѣ ожидала — мыслили единственно какъ можно скорѣе удалиться съ добычею и съ важнымъ плѣнникомъ, имѣя столь мало войска. Отъ Суздаля они пришли къ Владиміру ([328]); но только погрозивъ жителямъ, черезъ Муромъ возвратились къ отцу въ Нижній. Самъ Махметъ опасался Россіянъ и не разсудилъ за благо остаться въ нашихъ предѣлахъ; зная расположеніе Шемяки, отправилъ къ нему Посла, именемъ Бигича, съ дружескими увѣреніями; а самъ отступилъ къ Курмышу, взявъ съ собою Великаго Князя и Михаила Верейскаго.

Августа 25.

Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику. Онъ принялъ Царскаго Мурзу съ величайшею ласкою: угостилъ, и послалъ съ нимъ къ Махмету Дьяка Ѳе-

г. 1445. дора Дубенскаго для окончанія договоровъ. Дѣло шло о томъ, чтобы Василію быть въ вѣчной неволѣ, а Шемякѣ Великимъ Княземъ подъ верховною властію Царя Казанскаго. Но Махметъ, долго не имѣвъ вѣсти о Бигичѣ, вообразилъ или повѣрилъ слуху, что Шемяка убилъ его и хочетъ господствовать въ Россіи независимо. Еще и другое обстоятельство могло способствовать счастливой перемѣнѣ въ судьбѣ Василія. Одинъ изъ Князей Болгарскихъ или Могольскихъ, именемъ Либей, завладѣлъ тогда Казанью (послѣ онъ былъ умерщвленъ сыномъ Ханскимъ, Мамутекомъ). Желая скорѣе возвратиться въ Болгарію, Царь совѣтовался съ ближними, призвалъ Великаго Князя, и съ ласкою объявилъ ему свободу, требуя отъ него единственно умѣреннаго окупа и благодарности ([329]). Василій, прославивъ милость Неба и Царскую, выѣхалъ изъ Курмыша съ Княземъ Михаиломъ, съ Боярами и со многими Послами Татарскими, коимъ надлежало проводить его до столицы; отправилъ гонца въ Москву къ Великимъ Княгинямъ и самъ въ слѣдъ за нимъ спѣшилъ въ любезное отечество. Между тѣмъ Дьякъ Шемякинъ и Мурза Бигичь плыли Окою отъ Мурома къ Нижнему: услышавъ о свободѣ Великаго Князя, они возвратились отъ Дудина монастыря въ Муромъ, гдѣ Намѣстникъ, Князь Оболенскій, взялъ Бигича подъ стражу.

Октября 1. Освобожденіе Василія.

Въ тотъ самый день, когда Царь отпустилъ Василія въ Россію — 1 Октября — Москва испытала одинъ изъ главныхъ естественныхъ ужасовъ, весьма необыкновенный для странъ сѣверныхъ: землетрясеніе. Въ шестомъ часу ночи поколебался весь городъ, Кремль и посадъ, домы и церкви; но движеніе было тихо и непродолжительно: многіе спали и не чувствовали онаго; другіе обезпамятѣли отъ страха, думая, что земля отверзаетъ нѣдра свои для поглощенія Москвы ([330]). Нѣсколько дней ни о чемъ иномъ не говорили въ домахъ и на Красной площади; считали сей феноменъ предтечею какихъ нибудь новыхъ государственныхъ бѣдствій, и тѣмъ болѣе обрадовались нечаянному извѣстію о прибытіи Великаго Князя. Не только въ столицѣ, но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ добрые подданные веселились какъ въ день свѣтлаго праздника, и спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переславлѣ нашелъ Василій мать, супругу, сыновей своихъ, многихъ Князей, Бояръ, Дѣтей Боярскихъ и вообще столько ратныхъ людей, что могъ бы смѣло итти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная встрѣча напомнила величіе Героя Димитрія, привѣтствуемаго народомъ послѣ Донской битвы: дѣдъ плѣнялъ Россіянъ славою, внукъ трогалъ сердца своимъ несчастіемъ и неожидаемымъ спасеніемъ. — Но Василій (17 Ноября) съ горестію въѣхалъ въ столицу, медленно возникающую изъ пепла; вмѣсто улицъ и зданій видѣлъ пустыри; самъ не имѣлъ дворца, и живъ нѣсколько времени за городомъ въ домѣ своей матери, на Ваганковѣ, занялъ въ Кремлѣ дворъ Князя Литовскаго, Юрія Патрикіевича.

Землетрясеніе.

Еще мѣра золъ, предназначенныхъ судьбою сему Великому Князю, не исполнилась: ему надлежало испытать лютѣйшее, въ доказательство, что и на самой землѣ бываетъ возмездіе по дѣламъ каждаго. Опасаясь Василія, Димитрій Шемяка бѣжалъ въ Угличь, но съ намѣреніемъ погубить неосторожнаго врага своего, который, еще не вѣдая тогда всей его злобы и повѣривъ ложному смиренію, новою договорною грамотою утвердилъ съ нимъ миръ ([331]). Димитрій вступилъ въ тайную связь съ Іоанномъ Можайскимъ, Княземъ слабымъ, жестокосердымъ, легкомысленнымъ, и безъ труда увѣрилъ его, что Василій будто бы клятвенно обѣщалъ все Государство Московское Царю Махмету, а самъ намѣренъ властвовать въ Твери. Скоро присталъ къ нимъ и Борисъ Тверскій, обманутый симъ вымысломъ, и страшась лишиться Княженія ([332]). Главными ихъ наушниками и подстрекателями были мятежные Бояре умершаго Константина Димитріевича, завистники Бояръ Великокняжескихъ; сыскались измѣнники и въ Москвѣ, которые взяли сторону Шемяки, вообще нелюбимаго: въ числѣ ихъ находились Бояринъ Иванъ Старковъ, нѣсколько купцевъ, Дворянъ, даже Иноковъ. Умыслили не войну, а предательство; положили нечаянно овладѣть столицею и схватить Великаго Князя; наблюдали всѣ его движенія и ждали удобнаго случая.

Злодѣйство Шемяки.

г. 1446. Василій, слѣдуя обычаю отца и дѣда, поѣхалъ молиться въ Троицкую Обитель ([333]), славную добродѣтелями и мощами Св. Сергія, взявъ съ собою двухъ

г. 1446. сыновей съ малымъ числомъ придворныхъ. Заговорщики немедленно дали о томъ вѣсть Шемякѣ и Князю Можайскому, Іоанну, которые были въ Рузѣ, имѣя въ готовности цѣлый полкъ вооруженныхъ людей. Февраля 12 ночью они пришли къ Кремлю, гдѣ царствовала глубокая тишина; никто не мыслилъ о непріятелѣ; всѣ спали: бодрствовали только измѣнники, и безъ шума отворили имъ ворота. Князья вступили въ городъ, вломились во дворецъ, захватили мать, супругу, казну Василіеву, многихъ вѣрныхъ Бояръ, опустошивъ ихъ домы; однимъ словомъ, взяли Москву. Въ ту же самую ночь Шемяка послалъ Іоанна Можайскаго съ воинами къ Троицкой Лаврѣ.

Великій Князь, ничего не зная, слушалъ Обѣдню у гроба Св. Сергія. Вдругъ вбѣгаетъ въ церковь одинъ Дворянинъ, именемъ Бунко, и сказываетъ о происшедшемъ. Василій не вѣритъ. Сей Дворянинъ служилъ прежде ему, а послѣ отъѣхалъ къ Шемякѣ, и тѣмъ болѣе казался вѣстникомъ ненадежнымъ. «Вы только мутите насъ,» отвѣтствовалъ Василій: «я въ мирѣ съ братьями» (334) — и выгналъ Бунка изъ монастыря; но одумался и послалъ нѣсколько человѣкъ занять гору на Московской дорогѣ. Передовые воины Іоанновы, увидѣвъ сихъ людей, извѣстили о томъ своего Князя: онъ велѣлъ закрыть 40 или 50 саней цыновками, и спрятавъ подъ ними ратниковъ, отправилъ ихъ къ горѣ. Стражи Василіевы дремали, не вѣря слуху о непріятелѣ, и спокойно глядѣли на мнимый обозъ, который, тихо въѣхавъ на гору, остановился: цыновки слетѣли съ саней; явились воины и схватили оплошную стражу. Тогда — увѣренные, что жертва въ ихъ рукахъ — они сѣли на коней и пустились во всю прыть къ селу Клементьевскому. Уже Василій не могъ сомнѣваться въ опасности, собственными глазами видя скачущихъ всадниковъ: бѣжитъ на конюшенный дворъ, требуетъ лошадей, и не находитъ ничего готоваго; всѣ люди въ изумленіи отъ ужаса; не знаютъ, что говорятъ и дѣлаютъ. Уже всадники предъ вратами монастырскими. Великій Князь ищетъ убѣжища въ церкви: пономарь, впустивъ его, запираетъ двери. Чрезъ нѣсколько минутъ монастырь наполнился людьми вооруженными: самъ Іоаннъ Можайскій подъѣхалъ на конѣ къ церкви и спрашивалъ, гдѣ Великій Князь? Услышавъ его голосъ, Василій громко закричалъ: «Братъ любезный! помилуй! Не лишай меня святаго мѣста: никогда не выду отсюда: здѣсь постригуся; здѣсь умру.» Взявъ съ гроба Сергіева икону Богоматери, онъ немедленно отперъ южныя двери церковныя, встрѣтилъ Іоанна, и сказалъ ему: «Братъ и другъ мой; животворящимъ крестомъ и сею иконою, въ сей церкви, надъ симъ гробомъ Преподобнаго Сергія клялися мы въ любви и вѣрности взаимной; а что теперь дѣлается надо мною, не понимаю.» Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Государь! если захотимъ тебѣ зла, да будетъ и намъ зло. Нѣтъ, желаемъ единственно добра Христіанству, и поступаемъ такъ съ намѣреніемъ устрашить Махметовыхъ слугъ, пришедшихъ съ тобою, чтобы они уменьшили твой окупъ.» Великій Князь поставилъ икону на ея мѣсто, палъ ницъ предъ ракою Св. Сергія и началъ молиться громогласно, съ такимъ умиленіемъ, съ такимъ жаромъ, что самые злодѣи его не могли отъ слезъ удержаться; а Князь Іоаннъ, кивнувъ головою предъ образами, спѣшилъ выйти изъ церкви, и тихо сказалъ Бояриву Шемякину, Никитѣ: «возьми его!» Василій всталъ и спросилъ: «гдѣ братъ мой, Іоаннъ?» *Ты плѣнникъ Великаго Князя, Димитрія Юрьевича,* отвѣчалъ Никита, схвативъ его за руки. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ Василій. Жестокій Вельможа посадилъ несчастнаго Князя въ голыя сани вмѣстѣ съ какимъ-то Монахомъ и повезъ въ столицу; а Московскихъ Бояръ всѣхъ оковали цѣпями: другихъ же слугъ Великокняжескихъ ограбили и пустили нагихъ.

На другой день привезли Василія въ Москву прямо на дворъ къ Шемякѣ, который жилъ въ иномъ домѣ; на четвертый день, ночью, ослѣпили Великаго Князя, отъ имени Димитрія Юрьевича, Іоанна Можайскаго и Бориса Тверскаго, которые велѣли ему сказать: «для чего любишь Татаръ и даешь имъ Руcскіе города въ кормленіе? для чего серебромъ и золотомъ Христіанскимъ осыпаешь невѣрныхъ? для чего изнуряешь народъ податями? для чего ослѣпилъ ты брата нашего, Василія Косаго?» — Вмѣстѣ съ супругою отправили Великаго Князя въ Угличь, а мать его Софію въ Чухлому. Сыновья же Василіевы, Іоаннъ и Юрій, подъ защитою своей невинности спаслися отъ гонителей:

Февраля 16. Ослѣпленіе Великаго Князя.

г. 1446. пѣстуны, сокрыли ихъ въ монастырѣ и ночью уѣхали съ ними къ Князю Ряполовскому, Ивану, въ село Боярово, не далеко отъ Юрьева ([335]). Сей вѣрный Князь съ двумя братьями, Симеономъ и Димитріемъ, вооружился, собралъ людей, сколько могъ, и повезъ младенцевъ, надежду Россіи, въ Муромъ, укрѣпленный и безопаснѣйшій другихъ городовъ.

Ужасъ господствовалъ въ Великомъ Княженіи. Оплакивали судьбу Василія, гнушались Шемякою. Князь Боровскій, Василій Ярославичь, братъ Великой Княгини Маріи, не хотѣвъ остаться въ Россіи послѣ такого злодѣянія, отъѣхалъ въ Литовскую землю, гдѣ Казимиръ далъ ему въ Удѣлъ Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль. Но Дворяне Московскіе, хотя и съ печальнымъ сердцемъ, присягнули Димитрію Шемякѣ, всѣ, кромѣ одного, именемъ Ѳеодора Басенка, торжественно объявившаго, что не будетъ служить варвару и хищнику. Димитрій велѣлъ оковать его: Басенокъ ([336]) ушелъ изъ темницы въ Литву со многими единомышленниками къ Василію Ярославичу, который сдѣлалъ его и Князя Симеона Ивановича Оболенскаго начальниками въ Брянскѣ. Шемяка, принявъ на себя имя Великаго Князя, отдалъ Суздаль презрительному сподвижнику своему, Іоанну Можайскому; но скоро взялъ у него назадъ сію область и въ слѣдствіе письменнаго договора уступилъ, вмѣстѣ съ Нижнимъ, съ Городцемъ и даже съ Вяткою, какъ законную наслѣдственную собственность, внукамъ Кирдяпинымъ, Василію и Ѳеодору Юрьевичамъ; то есть, безсмысленно хотѣлъ уничтожить полезное дѣло Василія I, присоединившаго древнее Суздальское Княженіе къ Москвѣ. Въ договорной грамотѣ Шемяка, предоставивъ себѣ единственно честь старѣйшинства, соглашается, чтобы Юрьевичи, подобно ихъ прадѣду Димитрію Константиновичу, тестю Донскаго, господствовали независимо и сами управлялись съ Ордою ([337]); обѣ стороны равно обязываются не входить ни въ какіе особенные переговоры съ несчастнымъ слѣпцемъ Василіемъ; села и земли, купленныя Московскими Боярами вокругъ Суздаля, Городца, Нижняго, долженствовали безденежно возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, и проч. Что заставило Шемяку быть столь благосклоннымъ къ двумъ изгнанникамъ, которые, не хотѣвъ служить Василію Темному, скитались по Россіи изъ мѣста въ мѣсто? Онъ боялся народной ненависти и малодушно искалъ опоры въ сихъ братьяхъ, изъ коихъ старшій, служа Новугороду, отличился въ битвѣ съ Нѣмцами и славился храбростію. Не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность Москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемякинѣ*, донынѣ употребительной ([338]). г. 1446. Безразсудность Шемяки. Пословица.

Онъ не умертвилъ Великаго Князя единственно для того, что не имѣлъ дерзости Святополка I; лишивъ его зрѣнія, оправдывался закономъ мести и собственнымъ примѣромъ Василія, который ослѣпилъ Шемякина брата. Но Москвитяне — соглашаясь, что несчастіе Василіево было явнымъ попущеніемъ Божіимъ — усердно молили Небо избавить ихъ отъ Властителя недостойнаго; воспоминали добрыя качества слѣпца: его ревность въ Правовѣріи, судъ безъ лицепріятія, милость къ Князьямъ Удѣльнымъ, къ народу, къ самому Шемякѣ. Лазутчики Димитрія въ столицѣ, на площади, въ домахъ Бояръ и гражданъ, видѣли печаль, слышали укоризны; даже многіе города не поддавались ему. Въ сихъ обстоятельствахъ надлежало Шемякѣ показать смѣлую рѣшительность: къ счастію, злодѣи не всегда имѣютъ оную; устрашаются крайности, и не достигаютъ цѣли. Онъ боялся младенцевъ Великокняжескихъ, хранимыхъ въ Муромѣ Князьями Ряполовскими, вѣрными Боярами и малочисленною воинскою дружиною; но не хотѣлъ употребить насилія: призвалъ въ Москву Рязанскаго Епископа Іону, и сказалъ ему: «Мужъ святый! обѣщаю доставить тебѣ санъ Митрополита; но прошу твоей услуги. Иди въ свою Епископію, въ городъ Муромъ; *возьми* дѣтей Великаго Князя *на свою епитрахиль* и привези ко мнѣ: я готовъ на всякую милость; выпущу отца ихъ; дамъ имъ Удѣлъ богатый, да господствуютъ въономъ и живутъ въ изобиліи.» Іона, не сомнѣваясь въ его искренности, отправился въ Муромъ, и ревностно старался успѣть въ Димитріевомъ порученіи. Бояре колебались. «Если не послушаемъ Святи-

г. 1446. тели» — думали они — «что Димитрій силою возметъ Муромъ и дѣтей Великокняжескихъ: что будетъ съ ними, съ несчастнымъ ихъ родителемъ и съ нами?» Бояре требовали клятвы отъ Іоны, и привели младенцевъ въ храмъ Богоматери, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, торжественно принялъ ихъ съ церковной пелены на свою епитрахиль, въ удостовѣреніе, что Димитрій не сдѣлаетъ имъ ни малѣйшаго зла (339). Князья Ряполовскіе и друзья ихъ, успокоенные обрядомъ священнымъ, сами поѣхали съ драгоцѣннымъ залогомъ къ Шемякѣ,
Маія 6. бывшему тогда въ Переславлѣ. Сей лицемѣръ плакалъ будто бы отъ умиленія: ласкалъ, цѣловалъ юныхъ невинныхъ племянниковъ; угостилъ обѣдомъ и дарами, а на третій день отправилъ съ тѣмъ же Іоною къ отцу въ Угличь. Іона возвратился въ Москву и занялъ домъ Митрополитскій; но Василій и семейство его остались подъ стражею. Шемяка не исполнилъ обѣта.

Вѣроломство. Сіе вѣроломство изумило Бояръ: добрые Князья Ряполовскіе были въ отчаяніи. «Не дадимъ веселиться злобѣ,» сказали они и рѣшились низвергнуть Димитрія. Къ нимъ пристали Князь Иванъ Стрига Оболенскій, Вельможа Ощера и многіе Дѣти Боярскіе (340): условились съ разныхъ сторонъ итти къ Угличу; въ одинъ день и часъ явиться подъ его стѣнами, овладѣть городомъ, освободить Василія. Заговоръ не имѣлъ совершеннаго успѣха; однакожь произвелъ счастливое дѣйствіе. Узнавъ намѣреніе Ряполовскихъ, тайно выѣхавшихъ изъ Москвы, Димитрій отправилъ Воеводу своего въ догонъ за ними; но сіи мужественные витязи разбили дружину Шемякину, и видя, что умыселъ ихъ открылся, поѣхали въ Литву къ Василію Ярославичу Боровскому, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять мѣры въ пользу Великаго Князя. Они проложили туда путь всѣмъ ихъ многочисленнымъ единомышленникамъ: изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію, проклиная Шемяку, который трепеталъ въ Московскомъ дворцѣ, ежедневно получая вѣсти о всеобщемъ негодованіи народа. Призвавъ Епископовъ, онъ совѣтовался съ ними и съ Княземъ Іоанномъ Можайскимъ, освободить ли Василія? чего неотступно требовалъ Іона, говоря ему: «Ты нарушилъ уставъ правды; ввелъ меня въ грѣхъ, постыдилъ мою старость. Богъ накажетъ тебя, если не выпустишь Великаго Князя г. 1446. съ семействомъ и не дашь имъ обѣщаннаго Удѣла. Можешь ли опасаться слѣпца и невинныхъ младенцевъ? Возьми клятву съ Василія, а насъ Епископовъ во свидѣтели, что онъ никогда не будетъ врагомъ твоимъ.» Шемяка долго размышлялъ; наконецъ согласился.

Должны ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Но злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія. Димитрій хотѣлъ, по тогдашнему выраженію, *связать душу* Васиаіеву Крестомъ и Евангеліемъ, такъ, чтобы не оставить ему на выборъ ничего, кромѣ рабскаго смиренія или ада; пріѣхалъ въ Угличь со всѣмъ Дворомъ, съ Князьями, Боярами, Епископами, Архимандритами; велѣлъ позвать Василія, обнялъ его дружески, винился, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ прощенія великодушнаго. «Нѣтъ?» отвѣтствовалъ Великій Князь съ сердечнымъ умиленіемъ: «я одинъ Смиреніе Василія. во всемъ виновенъ; пострадалъ за грѣхи мои и беззаконія; излишно любилъ славу міра и преступалъ клятвы; гналъ васъ, моихъ братьевъ; губилъ Христіанъ и мыслилъ еще изгубить многихъ; однимъ словомъ, заслуживалъ казнь смертную. Но ты, Государь, явилъ милосердіе надо мною и далъ мнѣ средство къ покаянію.» Слова лились рѣкою вмѣстѣ съ слезами; видъ, голосъ, подтверждали ихъ искренность. Шемяка былъ совершенно доволенъ: всѣ другіе плакали, славя Ангельское смиреніе души Василіевой. Можетъ быть, Великій Князь дѣйствительно говорилъ и чувствовалъ одно въ порывѣ Христіанской набожности, которая питается уничиженіемъ земной гордости. Обрядъ крестнаго цѣлованія заключился великолѣпною трапезою у Шемяки: Василій обѣдалъ у него съ супругою и съ дѣтьми, со всѣми Вельможами и Епископами; принялъ богатые дары и Вологду въ Удѣлъ; пожелалъ Димитрію благополучно властвовать надъ Московскимъ Государствомъ и съ своими домашними отправился къ берегамъ Кубенскаго Сентября 15. озера.

Скоро увидѣлъ Шемяка свою ошибку. Василій, пробывъ нѣсколько дней въ Вологдѣ какъ въ печальной ссылкѣ, поѣхалъ на богомолье въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь, гдѣ умный Игу-

г. 1446. менъ Трифонъ, согласно съ его желаніемъ, объявилъ ему, что клятва, данная имъ въ Угличѣ, не есть законная, бывъ дѣйствіемъ неволи и страха. «Родитель оставилъ тебѣ въ наслѣдіе Москву,» говорилъ Трифонъ: «да будетъ грѣхъ клятвопреступленія на мнѣ и на моей братіи! Иди съ Богомъ и съ правдою на свою отчину; а мы за тебя, Государя, молимъ Бога.» Игуменъ и всѣ Іеромонахи благословили Василія на Великое Княженіе. Онъ успокоился въ совѣсти. Ежедневно приходило къ нему множество людей изъ разныхъ городовъ, требуя чести служить вѣрою и правдою истинному Государю Россіи; въ томъ числѣ находились знатнѣйшіе Бояре и Дѣти Боярскіе. Василій уже не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Вологду, но прибылъ въ Тверь, гдѣ Князь Борисъ Александровичь, оставивъ прежнюю злобу, вызвался помогать ему, съ условіемъ, чтобы онъ женилъ сына своего, семилѣтняго Іоанна, на его дочери, Маріи. Торжественное обрученіе дѣтей утвердило союзъ между отцами, и Тверская дружина усилила Великокняжескую (341). Василій рѣшился итти къ Москвѣ.

Обрученіе юнаго Іоанна.

Съ другой стороны спѣшили туда Князья Боровскій, Ряполовскіе, Иванъ Стрига Оболенскій, Ѳедоръ Басенокъ, собравъ войско въ Литвѣ (342). На пути они нечаянно встрѣтили Татаръ и готовились къ битвѣ съ ними; но открылось, что сіи мнимые непріятели шли на помощь къ Василію, предводимые Царевичами Касимомъ и Ягупомъ, сыновьями Царя Улу-Махмета «Мы изъ земли Черкасской и друзья Великаго Князя,» говорили Татары; «знаемъ, что сдѣлали съ нимъ братья недостойные; помнимъ любовь и хлѣбъ его; желаемъ теперь доказать ему нашу благодарность..» Князья Россійскіе дружески обнялися съ Царевичами и пошли вмѣстѣ.

Шемяка, свѣдавъ о намѣреніи Василія, и желая не допустить его до Москвы, расположился станомъ у Волока Ламскаго; но Великій Князь, увѣренный въ доброхотствѣ ея граждань, тайно отправилъ къ нимъ Боярина Плещеева съ малочисленною дружиною Сей Бояринъ умѣлъ обойти рать Шемякину, и ночью, на канунѣ Рождества, былъ уже подъ стѣнами Кремлевскими. Въ церквахъ звонили къ Заутренѣ; одна изъ Княгинь ѣхала въ Соборъ: для нее отворили Никольскія ворота, и дружина Великокняжеская, пользуясь симъ случаемъ, вошла въ городъ. Тутъ раздался стукъ оружія: Намѣстникъ Шемякинъ убѣжалъ изъ церкви; Намѣстникъ Іоанна Можайскаго попался въ руки къ Василіевымъ Воеводамъ, которые въ полчаса овладѣли Кремлемъ. Бояръ непріятельскихъ оковали цѣпями; а граждане съ радостію вновь присягнули Василію (343). г. 1446.

Димитрій Шемяка услышалъ въ одно время, что Москва взята, и что отъ Твери идетъ на него Великій Князь, а съ другой стороны Василій Ярославичь Боровскій съ Татарами: не имѣя довѣренности ни къ своему войску, ни къ собственному мужеству, Димитрій и Можайскій ушли въ Галичь, оттуда въ Чухлому и въ Каргополь, взявъ съ собою мать Василіеву, Софію. Великій же Князь соединился близъ Углича съ Василіемъ Боровскимъ и завоевалъ сей городъ, подъ коимъ убили одного изъ храбрѣйшихъ его Воеводъ, Литвина Юрія Драницу; въ Ярославлѣ нашелъ Царевичей, Касима съ Ягупомъ, и при восклицаніяхъ усерднаго народа вступилъ въ Москву, пославъ Боярина Кутузова сказать Шемякѣ: «Братъ Димитрій! какая тебѣ честь и хвала держать въ неволѣ мать мою, а свою тетку? Ищи другой славнѣйшей мести, буде хочешь: я сижу на престолѣ Великокняжескомъ!» Димитрій совѣтовался съ Боярами. Видя изнеможеніе своихъ людей, утомленныхъ бѣгствомъ — желая смягчить Великаго Князя, и чувствуя въ самомъ дѣлѣ безполезность сего залога — онъ велѣлъ знатному Боярину своему, Михаилу Сабурову, проводить Великую Княгиню до Москвы. Василій встрѣтилъ мать въ Троицкой Лаврѣ (344); а Бояринъ Сабуровъ, имъ обласканный, вступилъ къ нему въ службу.

г. 1447. Изгнаніе Шемяки.

Февраля 17.

Князья Шемяка и Можайскій искали мира посредствомъ Василія Ярославича Боровскаго и Михаила Андреевича, брата Іоаннова; винились, давали обѣты вѣрности. Шемяка отказывался отъ Звенигорода, Вятки, Углича, Ржева: Іоаннъ отъ Козельска и разныхъ волостей; тотъ и другой обязывался возвратить все похищенное ими въ Москвѣ: казну, богатые кресты, иконы, имѣніе Княгинь и Вельможъ, древнія грамоты, ярлыки Ханскіе, требуя единственно, чтобы Василій оставилъ ихъ обоихъ мирно господствовать въ Уделахъ наслѣдственныхъ и не призывалъ къ себѣ

г. 1447. до избранія Митрополита, который одинъ могъ надежно ручаться за личную для нихъ безопасность въ столицѣ ([345]). Великій Князь простилъ Іоанна, и далъ ему Бѣжецкій Верхъ, изъ уваженія къ его брату, Михаилу Андреевичу, и сестрѣ Анастасіи, супругѣ Бориса Тверскаго; но еще не хотѣлъ примириться съ Шемякою. Полки Московскіе шли къ Галичу. Наконецъ, убѣжденный ходатайствомъ ихъ общихъ родственниковъ, Василій простилъ и Шемяку, который обязался страшными клятвами быть ему искреннимъ другомъ, славить милость его до послѣдняго издыханія и никогда не мыслить о Великомъ Княженіи. Крестная или клятвенная грамота Димитріева, тогда написанная, заключалась сими словами: «Ежели преступлю обѣты свои, да лишуся милости Божіей и молитвы Святыхъ Угодниковъ земли нашея, Митрополитовъ Петра и Алексія, Леонтія Ростовскаго, Сергія, Кирилла и другихъ; не буди на мнѣ благословенія Епископовъ Русскихъ», и проч. — Великій Князь съ торжествомъ возвратился изъ Костромы въ Москву, отпраздновавъ миръ и Пасху въ Ростовѣ у Епископа Ефрема.

Клятва.

Своимъ послѣднимъ несчастіемъ какъ бы примиренный съ Судьбою, и въ слѣпотѣ оказывая болѣе государственной прозорливости, нежели доселѣ, Василій началъ утверждать власть свою и силу Московскаго Княженія. Возстановивъ спокойствіе внутри онаго, онъ прежде всего далъ Митрополита Россіи, коего мы восемь лѣтъ не имѣли отъ раздоровъ Константинопольскаго Духовенства и отъ собственныхъ нашихъ смятеній. Епископы Ефремъ Ростовскій, Аврамій Суздальскій, Варлаамъ Коломенскій, Питиримъ Пермскій съѣхались въ Москву; а Новогородскій и Тверскій прислали грамоты, изъявляя свое единомысліе съ ними ([346]). Они, въ угодность Государю, посвятили Іону въ Митрополиты, ссылаясь будто бы, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, на данное ему (въ 1437 году) Патріархомъ благословеніе; но Іона въ грамотахъ своихъ, написанныхъ имъ тогда же ко всѣмъ Епископамъ Литовской Россіи, говоритъ, что онъ избранъ по уставу Апостоловъ Россійскими Святителями, и строго укоряетъ Грековъ Флорентійскимъ Соборомъ. По крайней мѣрѣ съ того времени мы сдѣлались уже совершенно независимы отъ Константинопо-

Благоразумное правленіе Василіево.

г. 1448.

ля по дѣламъ Церковнымъ: что служитъ къ чести Василія. Духовная опека Грековъ стоила намъ весьма дорого. Въ теченіе пяти вѣковъ, отъ Св. Владиміра до Темнаго, находимъ только шесть Митрополитовъ-Россіянъ; кромѣ даровъ, посылаемыхъ Царямъ и Патріархамъ, иноземные Первосвятители, всегда готовые оставить наше отечество, брали, какъ вѣроятно, мѣры на сей случай, копили сокровища и заблаговременно пересылали ихъ въ Грецію. Они не могли имѣть и жаркаго усердія къ государственнымъ пользамъ Россіи; не могли и столько уважать ея Государей, какъ наши единоземцы. Сіи истины очевидны; но страхъ коснуться Вѣры, и перемѣною въ ея древнихъ обычаяхъ соблазнить народъ, не дозволялъ Великимъ Князьямъ освободиться отъ узъ духовной Греческой власти; несогласія же Константинопольскаго Духовенства по случаю Флорентійскаго Собора представили Василію удобность сдѣлать то, чего многіе изъ его предшественниковъ хотѣли, но опасались. — Избраніе Митрополита было тогда важнымъ государственнымъ дѣломъ: онъ служилъ Великому Князю главнымъ орудіемъ въ обузданіи другихъ Князей. Іона старался подчинить себѣ и Литовскія Епархіи: доказывалъ тамошнимъ Епископамъ, что преемникъ Исидоровъ, Григорій, есть Латинскій еретикъ и лжепастырь; однакожь не достигъ своей цѣли, и возбудилъ только гнѣвъ Папы, Пія II, который нескромною Буллою (въ 1458 году) объявилъ Іону, *злочестивымъ сыномъ*, *отступникомъ*, и проч. ([347]).

г. 1448.

Булла Папы.

Вторымъ попеченіемъ Василія было утвердить наслѣдственное право юнаго сына: онъ назвалъ десятилѣтняго Іоанна соправителемъ и *Великимъ Княземъ*, чтобы Россіяне заблаговременно привыкли видѣть въ немъ будущаго Государя: такъ именуется Іоаннъ въ договорахъ сего времени, заключенныхъ съ Новымгородомъ и съ разными Князьями ([348]). Во время несчастія Василіева Новогородцы признали Шемяку своимъ Княземъ и заставили его клятвенно утвердить всѣ древнія права ихъ: Василій, желая тогда отдохновенія и мира, также далъ имъ крестный обѣтъ не нарушать сихъ правъ, довольствоваться старинными Княжескими пошлинами и не требовать народной или Черной дани. Знатнѣйшіе сановники Новагорода прі-

г. 1449 — 1456. Іоаннъ соправитель.

Договоры.

г. 1449 —1450. ѣзжали въ Москву и написали договоръ, во всемъ подобный тѣмъ, какіе они заключали съ Ярославомъ Ярославичемъ и другими Великими Князьями XIII вѣка. — Столь же снисходительно поступилъ Василій и со внуками Кирдяпы: оставилъ ихъ господствовать въ Нижнемъ, въ Городцѣ, въ Суздалѣ, съ условіемъ, чтобы они признавали его своимъ верховнымъ повелителемъ, отдали ему древніе ярлыки Ханскіе на сей Удѣлъ, не брали новыхъ и вообще не имѣли сношенія съ Ордою (349). —Князь Рязанскій, Іоаннъ Ѳеодоровичь, обязался грамотою не приставать ни къ Литвѣ, ни къ Татарамъ; быть вездѣ за-одно съ Василіемъ, и судиться у него въ случаѣ раздоровъ съ Княземъ Пронскимъ; а Великій Князь обѣщалъ уважать ихъ независимость, возвративъ Іоанну многія древнія мѣста Рязанскія по берегамъ Оки; Бориса же Тверскаго называетъ въ грамотѣ *равнымъ себѣ братомъ*, увѣряя, что ни онъ Василій, ни сынъ его не будетъ мыслить о присоединеніи Твери къ Московскимъ владѣніямъ, хотя бы Татары и предложили ему взять оную. Изъ благодарности къ вѣрнымъ своимъ друзьямъ и сподвижникамъ, Василію Ярославичу Боровскому и Михаилу Андреевичу, брату Іоанна Можайскаго, Великій Князь утвердилъ за первымъ Боровскъ, Серпуховъ, Лужу, Хотунь, Радонежъ, Перемышль, а за вторымъ Верею, Бѣлоозеро, Вышегородъ, оставивъ имъ обоимъ часть въ Московскихъ сборахъ, и даже освободивъ нѣкоторыя области Михаилова Удѣла на нѣсколько лѣтъ отъ Ханской дани, то есть, взявъ ее на себя. Сіи грамоты были всѣ подписаны Митрополитомъ Іоною, который способствовалъ и доброму согласію Василіеву съ Казиміромъ. Посолъ Литовскій, Гарманъ, былъ тогда въ Москвѣ съ письмами и съ дарами; а Великій Князь посылалъ въ Литву Дьяка своего, Стефана. Іона, называясь отцемъ обоихъ Государей, увѣрялъ Казиміра, что Василій искренно хочетъ жить съ нимъ въ любви братской.

Новое вѣроломство Шемяки. Новое вѣроломство Шемяки нарушило спокойствіе Великаго Княженія. Еще въ концѣ 1447 года Епископы Россійскіе отъ имени всего Духовенства писали къ нему, что онъ не исполняетъ договора: не отдалъ увезенной имъ Московской казны и драгоцѣнной святыни; грабитъ Бояръ, которые перешли отъ него въ службу къ Василію; сманиваетъ къ себѣ людей Великокняжескихъ; тайно сносится съ Новымгородомъ, съ Іоанномъ Можайскимъ, съ Вяткою, съ Казанью (350). Надъ *Синею* или Ногайскою Ордою, разсѣянною въ степяхъ между Бузулукомъ и Синимъ или Аральскимъ моремъ, отчасти же между Чернымъ и рѣкою Кубою, господствовалъ Седи-Ахметъ (351), коего Послы пріѣзжали къ Великому Князю: Шемяка не хотѣлъ участвовать въ издержкахъ для ихъ угощенія, ни въ дарахъ Ханскихъ, отвѣтствуя Василію, что Седи-Ахметъ не есть истинный Царь. « Ты вѣдаешь» Достопамятное посланіе. — писали Святители къ Димитрію — «сколь трудился отецъ твой, чтобы присвоить себѣ Великое Княженіе, вопреки волѣ Божіей и законамъ человѣческимъ, лилъ кровь Россіянъ, сѣлъ на престолѣ и долженъ былъ оставить его; выѣхалъ изъ Москвы только съ пятью слугами; и самъ звалъ Василія на Государство; снова похитилъ оное — и долго ли пожилъ? Едва достигъ желаемаго, и се въ могилѣ, осужденный людьми и Богомъ. Что случилось и съ братомъ твоимъ? Въ гордости и высокоуміи онъ рѣзалъ Христіанъ, Иноковъ, Священниковъ: благоденствуетъ ли нынѣ? Вспомни и собственныя дѣла свои. Когда безбожный Царь Махметъ стоялъ у Москвы, ты не хотѣлъ помогать Государю и былъ виною Христіанской гибели: сколько истреблено людей, сожжено храмовъ, поругано дѣвицъ и Монахинь? Ты, ты будешь отвѣтствовать Всевышнему. Напалъ варваръ Мамутекъ: Великій Князь *сорокъ разъ* посылалъ къ тебѣ, молилъ итти съ нимъ на врага; но тщетно! Пали вѣрные воины въ битвѣ крѣпкой: имъ вѣчная память, а на тебѣ кровь ихъ! Господь избавилъ Василія отъ неволи: ослѣпленный властолюбіемъ, и презирая святость крестныхъ обѣтовъ, ты, вторый Каинъ и Святополкъ въ братоубійствѣ, разбоемъ схватилъ, злодѣйски истерзалъ его: на добро ли себѣ и людямъ? Долго ли господствовалъ? и въ тишинѣ ли? Не безпрестанно ли волнуемый, порѣваемый страхомъ, спѣшилъ изъ мѣста въ мѣсто, томимый въ день заботами, въ нощи сновидѣніями и мечтами? Хотѣлъ большаго, но изгубилъ свое меньшее. Великій Князь снова на престолѣ, и въ новой славѣ: ибо даннаго Богомъ человѣкъ не отнимаетъ. Одно милосердіе Василіево спасло тебя. Государь еще повѣрилъ клятвѣ твоей и паки видитъ измѣну. Плѣняемый честію

г. 1446—1450. Великокняжескаго имени, суетною, если она не Богомъ дарована; или движимый златолюбіемъ, или уловленный прелестію женскою, ты дерзаешь быть вѣроломнымъ, не исполняя клятвенныхъ условій мира: именуешь себя Великимъ Княземъ, и требуешь войска отъ Новогородцевъ, будто бы для изгнанія Татаръ, призванныхъ Василіемъ и доселѣ имъ не отсылаемыхъ. Но ты виною сего: Татары немедленно будутъ высланы изъ Россіи, когда истинно докажешь свое миролюбіе Государю. Онъ знаетъ всѣ твои происки. Тобою наущенный, Казанскій Царевичь Мамутекъ оковалъ цѣпями Посла Московскаго. Седи-Ахмета не признаешь Царемъ; но развѣ не въ сихъ же Улусахъ отецъ твой судился съ Великимъ Княземъ? Не тѣ ли же Царевичи и Князья служатъ нынѣ Седи-Ахмету? Уже миновало шесть мѣсяцевъ за срокъ, а ты не возвратилъ ни святыхъ крестовъ, ни иконъ, ни сокровищъ Великокняжескихъ. И такъ мы, служители олтарей, по своему долгу молимъ тебя, Господинъ Князь Димитрій, очистить совѣсть, удовлетворить всѣмъ праведнымъ требованіямъ Великаго Князя, готоваго простить и жаловать тебя изъ уваженія къ нашему ходатайству, если обратишься къ раскаянію. Когда же въ безумной гордости посмѣешься надъ клятвами, то не мы, но самъ возложишь на себя тягость духовную: будешь чуждъ Богу, Церкви, Вѣрѣ, и проклятъ навѣки со всѣми своими единомышленниками и клевретами.» — Сіе посланіе не могло тронуть души, ожесточенной злобою. Прошло два года безъ кровопролитія, съ одной стороны въ убѣжденіяхъ миролюбія, съ другой въ тайныхъ и явныхъ козняхъ. Наконецъ Димитрій рѣшился воевать. Онъ хотѣлъ нечаянно взять Кострому; но Князь Стрига и мужественный Θеодоръ Басенокъ отразили приступъ. Узнавъ о томъ, Василій собралъ и полки и Епископовъ, свидѣтелей клятвы Шемякиной, чтобы побѣдить или устыдить его. Самъ Митрополитъ провождалъ войско къ Галичу. Какъ усердный Пастырь душъ, онъ еще старался обезоружить враговъ: успѣлъ въ томъ, но не на-долго. Шемяка не переставалъ коварствовать и замышлять мести. Тогда — видя, что одинъ гробъ можетъ примирить ихъ — Василій уже хотѣлъ дѣйствовать рѣшительно; призвалъ многихъ Князей, Воеводъ изъ другихъ городовъ, и составилъ ополченіе сильное. Шемяка, думая сперва уклониться отъ битвы, пошелъ къ Вологдѣ; но, вдругъ перемѣнивъ мысли, расположился станомъ близъ Галича: укрѣплялъ городъ, ободрялъ жителей, и всего болѣе надѣялся на свои пушки. Василій, лишенный зрѣнія, не могъ самъ начальствовать въ битвѣ: Князь Оболенскій предводительствовалъ Московскими полками и союзными Татарами. Оставивъ Государя за собою, подъ щитами вѣрной стражи, они стройно и бодро приближались къ Галичу. Шемяка стоялъ на крутой горѣ, за глубокими оврагами; приступъ былъ труденъ. То и другое войско готовилось къ жестокому кровопролитію съ равнымъ мужествомъ: Москвитяне пылали ревностію сокрушить врага ненавистнаго, гнуснаго злодѣяніемъ и вѣроломствомъ; а Шемяка обѣщалъ своимъ первенство въ Великомъ Княженіи со всѣми богатствами Московскими. Полки Василіевы имѣли превосходство въ силахъ, Димитріевы выгоду мѣста. Князь Оболенскій и Царевичи ожидали засады въ дебряхъ; но Шемяка не подумалъ о томъ, воображая, что Москвитяне выдутъ изъ овраговъ утомленные, разстроенные и легко будутъ смяты его войскомъ свѣжимъ: онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ непріятель отъ береговъ озера шелъ медленно по тѣснымъ мѣстамъ. Наконецъ Москвитяне достигли горы и дружно устремились на ея высоту; заднія ряды ихъ служили твердою опорою для переднихъ, встрѣченныхъ сильнымъ ударомъ полковъ Галицкихъ. Схватка была ужасна: давно Россіяне не губили другъ друга съ такимъ остервененіемъ. Сія битва особенно достопамятна, какъ *послѣднее* кровопролитное дѣйствіе Княжескихъ междоусобій . . . Москвитяне одолѣли: истребили почти всю пѣхоту Шемякину, и плѣнили его Бояръ; самъ Князь едва могъ спастися: онъ бѣжалъ въ Новгородъ. Василій, услышавъ о побѣдѣ, благодарилъ Небо съ радостными слезами; далъ Галичанамъ миръ и своихъ Намѣстниковъ; присоединилъ сей Удѣлъ къ Москвѣ и возвратился съ веселіемъ въ столицу (352).

Послѣдняя изъ знаменитыхъ битвъ Княжескаго междоусобія. Г. 1450, Генваря 27.

Новогородцы не усомнились принять Димитрія Шемяку, величаясь достоинствомъ покровителей знаменитаго изгнанника, и надѣясь чрезъ то имѣть болѣе средствъ къ обузданію Василія въ замыслахъ его самовластія; не хотѣли

г. 1450. помогать Димитрію, однакожь не мѣшали ему явно готовиться къ непріятельскимъ дѣйствіямъ противъ Великаго
Іюля 29. Князя, и собирать воиновъ, съ коими онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ взялъ Устюгъ (353). Шемяка мыслилъ завоевать сѣверный край Московскихъ владѣній, хотѣлъ пріобрѣсти любовь жителей, и для того не касался собственности частныхъ людей, довольствуясь единственно ихъ присягою; но тѣ, которые не соглашались измѣнить Великому Князю, были осуждены на смерть: безчеловѣчный Шемяка навязывалъ имъ камни на шею и топилъ сихъ добродѣтельныхъ гражданъ въ Сухонѣ. Не теряя времени, онъ пошелъ къ Вологдѣ, чтобы открыть себѣ путь въ Галицкую землю; но не могъ завладѣть ни однимъ городомъ и возвратился въ Устюгъ, гдѣ Великій Князь около двухъ лѣтъ оставлялъ его въ покоѣ.

Нашествіе Татаръ. Въ сіе время Татары занимали Василія. Казань уже начала быть опасною для Московскихъ владѣній: въ ней царствовалъ Мамутекъ, сынъ Махметовъ, злодѣйски умертвивъ отца и брата (354). Въ 1446 году 700 Татаръ Мамутековой дружины осаждали Устюгъ и взяли окупъ съ города мѣхами, но возвращаясь потонули въ рѣкѣ Ветлугѣ. Отрокъ Великокняжескій, десятилѣтній Іоаннъ Василіевичь, чрезъ два года ходилъ съ полками для отраженія Казанцевъ отъ Муромскихъ и Владимірскихъ предѣловъ. Другія шайки хищниковъ Ординскихъ грабили близъ Ельца и даже въ Московской области: Царевичь Касимъ, вѣрный другъ Василіевъ, разбилъ ихъ въ окрестностяхъ Похры и Битюга. Гораздо болѣе страха и вреда претерпѣла
г. 1451. наша столица отъ Царевича Мазовши: отецъ его, Седи-Ахметъ, Ханъ Синей или Ногайской Орды, требовалъ дани отъ Василія, и хотѣлъ принудить его къ тому оружіемъ. Великій Князь шелъ встрѣтить Царевича въ полѣ; но свѣдавъ, что Татары уже близко и весьма многочисленны, возвратился въ столицу, приказавъ Князю Звенигородскому не пускать ихъ черезъ Оку. Сей малодушный Воевода, объятый страхомъ, бѣжалъ со всѣми полками, и далъ непріятелю путь свободный; а Василій, ввѣривъ защиту Москвы Іонѣ Митрополиту, матери своей Софіи, сыну Юрію и Боярамъ — супругу же съ меньшими дѣтьми отпустивъ въ Угличь — разсудилъ за благо удалиться къ берегамъ Волги, чтобы ждать тамъ Городскихъ г. 1451. Воеводъ съ дружинами (355).

Скоро явились Татары, зажгли поса- Іюля 2. ды и начали приступъ. Время было сухое, жаркое; вѣтеръ несъ густыя облака дыма прямо на Кремль, гдѣ воины, осыпаемые искрами, пылающими головнями, задыхались и не могли ничего видѣть, до самаго того времени, какъ посады обратились въ пепелъ, огонь угасъ и воздухъ прояснился. Тогда Москвитяне сдѣлали вылазку: бились съ Татарами до ночи и принудили ихъ отступить. Не смотря на усталость, никто не мыслилъ отдыхать въ Кремлѣ: ждали новаго приступа; готовили на стѣнахъ пушки, самострѣлы, пищали. Разсвѣтало; восходитъ солнце, и Москвитяне не видятъ непріятеля: все тихо и спокойно. Посылаютъ лазутчиковъ къ стану Мазовшину: и тамъ нѣтъ никого; стоятъ однѣ телеги, наполненныя желѣзными и мѣдными вещами; поле усѣяно оружіемъ и разбросанными товарами. Непріятель ушелъ ночью, взявъ съ собою единственно легкія повозки, а все тяжелое оставивъ въ добычу осажденнымъ. Татары, по сказанію Лѣтописцевъ, услышавъ вдали необыкновенный шумъ, вообразили, что Великій Князь идетъ на нихъ съ сильнымъ войскомъ, и безъ памяти устремились въ бѣгство. Сія вѣсть радостно изумила Москвитянъ. Великая Княгиня Софія отправила гонца къ Василію, который уже перевозился за Волгу, близъ устья Дубны. Онъ спѣшилъ въ столицу, прямо въ храмъ Богоматери, къ ея славной Владимірской иконѣ; съ умиленіемъ славилъ Небо и сію заступницу Москвы; облобызавъ гробъ Чудотворца Петра и принявъ благословеніе отъ Митрополита Іоны, нѣжно обнялъ мать, сына, Бояръ; велѣлъ вести себя на пепелище, утѣшалъ гражданъ, лишенныхъ крова: говорилъ имъ: «Богъ наказалъ васъ за мои грѣхи: не унывайте. Да исчезнутъ слѣды опустошенія! Новыя жилища да явятся на мѣстѣ пепла! Буду вашимъ отцемъ; даю вамъ льготу; не пожалѣю казны для бѣдныхъ.» Народъ, утѣшенный сожалѣніемъ и милостію Государя, *почилъ* (какъ сказано въ лѣтописи) *отъ минувшаго зла*; и гдѣ за день господствовалъ неописанный ужасъ, тамъ представилось зрѣлище веселаго праздника. Василій обѣдалъ съ своимъ семействомъ, Митрополитомъ, людьми знатнѣйшими: граждане, не имѣя домовъ,

угощали другъ друга на стогнахъ и на кучахъ обгорѣлаго лѣса.

Г. 1452. Видя снова миръ и тишину въ Великомъ Княженіи, Василій не хотѣлъ долѣе терпѣть Шемякина господства въ Устюгѣ: не мало времени готовился къ походу; наконецъ выступилъ изъ Москвы: самъ остановился въ Галичѣ, а сына своего, Іоанна, съ Князьями Боровскимъ, Оболенскимъ, Ѳеодоромъ Басенкомъ и съ Царевичемъ Ягупомъ (братомъ Касимовымъ) послалъ разными путями къ берегамъ Сухоны. Шемяка по видимому не ожидалъ сего нападенія: не дерзнулъ противиться, оставилъ въ Устюгѣ Намѣстника, и бѣжалъ далѣе въ сѣверные предѣлы Двины; но и тамъ, гонимый отрядами Великокняжескими, не нашелъ безопасности: бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто, и едва могъ пробраться въ Новгородъ. Воеводы Московскіе не щадили нигдѣ друзей сего Князя: лишали ихъ имѣнія, вольности, и посадивъ Намѣстниковъ Василіевыхъ въ области Устюжской, возвратились къ Государю съ добычею (356). Но еще Шемяка былъ живъ и въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: смерть его казалась нужною для

Г. 1453. Смерть Шемяки. государственной безопасности: ему дали яду, отъ коего онъ скоропостижно умеръ. Виновникъ дѣла, столь противнаго Вѣрѣ и законамъ нравственности, остался неизвѣстнымъ. Новогородцы погребли Шемяку съ честію въ мона-

Іюля 23. стырѣ Юрьевскомъ. Подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ сего жестокаго Василіева недруга и былъ пожалованъ въ Дьяки (357). Великій Князь изъявилъ нескромную радость.

Успѣхи Единовластія. Г. 1454. Какъ бы ободренный смертію опаснаго злодѣя, онъ началъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе въ пользу Единовластія. Іоаннъ Можайскій не хотѣлъ вмѣстѣ съ нимъ итти на Татаръ: Великій Князь объявилъ ему войну, и заставилъ его бѣжать со всѣмъ семействомъ въ Литву, куда ушелъ изъ Новагорода и сынъ Шемякинъ (358). Жители Можайска требовали милосердія. «Даю вамъ миръ вѣчный,» сказалъ Великій Князь: «отнынѣ навсегда вы мои подданные.» Намѣстники Василіевы остались тамъ управлять народомъ.

Усмиреніе Новагорода. Новогородцы давали убѣжище непріятелямъ Темнаго, говоря, что Святая Софія никогда не отвергала несчастныхъ, изгнанниковъ. Кромѣ Шемяки, они приняли къ себѣ одного изъ Князей Суздальскихъ, Василія *Гребенку*, не хотѣвшаго зависѣть отъ Москвы. Великій Князь имѣлъ и другія причины къ неудовольствію (359): Новогородцы уклонялись отъ его суда, утаивали Княжескія пошлины и называли приговоры Вѣча вышнимъ законодательствомъ, не слушаясь Московскихъ Намѣстниковъ и слѣдуя правилу, что уступчивость благоразумна единственно въ случаѣ крайности. Сей случай представился. Они знали, что Василій готовится къ походу; слышали угрозы; получили наконецъ *разметныя грамоты* въ знакъ объявленія войны — и все еще думали быть непреклонными. Великій Князь, провождаемый Дворомъ, Г. 1456. прибылъ въ Волокъ, куда, не смотря на жестокую зиму, полки шли за полками, такъ, что въ нѣсколько дней составилась рать сильная. Тутъ Новогородцы встревожились, и Посадникъ ихъ явился съ челобитьемъ въ Великокняжескомъ станѣ. Василій не хотѣлъ слушать. Князь Оболенскій-Стрига и славный Ѳеодоръ Басенокъ, Герой сего времени, были посланы къ Русѣ, городу торговому, богатому, гдѣ никто не ожидалъ нападенія непріятельскаго: Москвитяне взяли ее безъ кровопролитія и нашли въ ней столько богатства, что сами удивились. Войску надлежало немедленно возвратиться къ Великому Князю: оно шло съ плѣнниками; за нимъ везли добычу. Воеводы остались назади, имѣя при себѣ не болѣе двухъ сотъ Боярскихъ Дѣтей и ратниковъ: вдругъ показалось 5000 конныхъ Новогородцевъ, предводимыхъ Княземъ Суздальскимъ. Москвитяне дрогнули; но Стрига и Ѳеодоръ Басенокъ сказали дружинѣ, что Великій Князь ждетъ побѣдителей, а не бѣглецовъ; что гнѣвъ его страшнѣе толпы измѣнниковъ и малодушныхъ; что надобно умереть за правду и за Государя. Новогородцы хотѣли растоптать непріятеля: глубокій снѣгъ и плетень остановили ихъ. Видя, что они съ головы до ногъ покрыты желѣзными доспѣхами, Воеводы Московскіе велѣли стрѣлять не по людямъ, а по лошадямъ, которыя начали бѣситься отъ ранъ и свергать всадниковъ. Новогородцы падали на землю; вооруженные длинными копьями, не умѣли владѣть ими; передніе смѣшались: задніе обратили тылъ, и Москвитяне, убивъ нѣсколько человѣкъ, привели къ Василію знатнѣйшаго Новогородскаго Посадника, именемъ Михаила

г. 1456. Туду, взятаго ими въ плѣнъ на мѣстѣ сей битвы (360).

Извѣстіе о томъ привело Новгородъ въ страхъ несказанный. Ударили въ Вѣчевый колоколъ; народъ бѣжалъ на Дворъ Ярославовъ; чиновники совѣтовались между собою, не зная, что дѣлать; шумъ и вопль не умолкалъ съ утра до вечера. Граждан было много, но мало воиновъ смѣлыхъ; не надѣялись другъ на друга; рѣдкіе надѣялись и на собственную храбрость; кричали, что не время воинствовать, и лучше вступить въ переговоры. Отправили Архіепископа Евфимія, трехъ Посадниковъ, двухъ Тысячскихъ и 5 Выборныхъ отъ людей Житьихъ; велѣли имъ не жалѣть ласковыхъ словъ, ни самыхъ денегъ въ случаѣ необходимости. Сіе Посольство имѣло желаемое дѣйствіе. Архіепископъ нашелъ Василія въ Яжелбицахъ; обходилъ всѣхъ Князей и Бояръ, склоняя ихъ быть миротворцами; молилъ самого Великаго Князя не губить народа легкомысленнаго, но полезнаго для Россіи своимъ купечествомъ, и готоваго загладить впредь вину свою искреннею вѣрностію. Обѣщанія не могли удовлетворить Василія: онъ требовалъ серебра и разныхъ выгодъ. Новогородцы дали Великому Князю 8500 рублей и договорною грамотою обязались платить ему Черную или народную дань, Виры или судныя пени; отмѣнили такъ называемыя *Вѣчевыя грамоты*, коими народъ стѣснялъ власть Княжескую; клялися не принимать къ себѣ Іоанна Можайскаго, ни сына Шемякина, ни матери, ни зятя его, и никого изъ лиходѣевъ Василіевыхъ; отступились отъ земель, купленныхъ ихъ согражданами въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской; обѣщали употреблять въ государственныхъ дѣлахъ одну печать Великокняжескую, и проч.; а Василій въ знакъ милости уступилъ имъ Торжекъ (361). Въ семъ мирѣ участвовали и Псковитяне, которые, забывъ долговременную злобу Новогородцевъ, давали имъ тогда помощь и находились въ раздорѣ съ Василіемъ. Такимъ образомъ Великій Князь, смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго.

Рязанскій Князь воспитывается въ Москвѣ. Въ то время умеръ въ Монашествѣ Князь Рязанскій Іоаннъ Ѳеодоровичь, внукъ славнаго Олега, поручивъ осьмилѣтняго сына, именемъ Василія, и дочь Ѳеодосію Великому Князю. Сія довѣренность была весьма опасна для независимости Рязанскаго Княженія: Василій Темный, желая будто бы лучше воспитать дѣтей Іоанновыхъ, взялъ ихъ къ себѣ въ Москву, но пославъ собственныхъ Намѣстниковъ управлять Рязанью, властвовалъ тамъ какъ истинный Государь (362).

Неблагодарность Василія. Властолюбіе его, кажется, болѣе и болѣе возрастало, заглушая въ немъ святѣйшія нравственныя чувства. Внукъ славнаго Владиміра *Храбраго*, Василій Ярославичь Боровскій, шуринъ, вѣрный сподвижникъ Темнаго, жертвовалъ ему своимъ владѣніемъ, отечествомъ; гнушаясь злодѣйствомъ Шемяки, не хотѣлъ имѣть съ нимъ ни какихъ сношеній; осудилъ себя на горькую участь изгнанника, искалъ убѣжища въ землѣ чуждой, и непрестанно мыслилъ о средствахъ возвратить несчастному слѣпцу свободу съ престоломъ. Какая вина могла изгладить память такой добродѣтельной заслуги? И вѣроятно ли, чтобы Ярославичь, усердный другъ Василія, сверженнаго съ престола, заключеннаго въ темницѣ, измѣнилъ ему въ счастіи, когда сей Государь уже не имѣлъ совмѣстниковъ и властвовалъ въ мирномъ величіи? Доселѣ Князь Боровскій не изъявлялъ излишняго честолюбія, довольный наслѣдственнымъ Удѣломъ и частію Московскихъ пошлинъ; охотно уступилъ Василію области дѣда своего, Угличь, Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, взявъ за то Бѣжецкій Верхъ съ Звенигородомъ, и новыми грамотами обязался признавать его сыновей наслѣдниками Великаго Княженія (363). Вѣроятнѣе, что Василій, желая сдѣлаться единовластнымъ, искалъ предлога снять съ себя личину благодарности, тягостной для малодушныхъ: клеветники могли услужить тѣмъ Государю, расположенному быть легковѣрнымъ — и Великій Князь, (Іюля 10.) безъ всякихъ околичностей взявъ шурина подъ стражу, сослалъ его въ Угличь. Удѣлъ сего мнимаго преступника былъ объявленъ Великокняжескимъ достояніемъ; а сынъ Ярославича, Іоаннъ, ушелъ съ мачихою въ Литву, и вмѣстѣ съ другимъ изгнанникомъ, Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, вымышлялъ средства отмстить ихъ гонителю. Они заключили тѣсный союзъ между собою, написавъ слѣдующую грамоту (отъ имени юнаго Князя Боровскаго): «Ты, Князь Иванъ Андреевичь, будешь мнѣ старшимъ братомъ. Великій Князь вѣролом-

г. 1456. но изгналъ тебя изъ наслѣдственной области, а моего отца безвинно держитъ въ неволѣ. Пойдемъ искать управы: ты владѣнія, я родителя и владѣнія. Будемъ однимъ человѣкомъ. Безъ меня не принимай никакихъ условій отъ Василія. Если онъ уморитъ отца моего въ темницѣ, клянися мстить; если освободитъ его, но съ тобою не примирится, клянуся помогать тебѣ. Если Богъ даруетъ намъ счастіе побѣдить или выгнать Василія, будь Великимъ Княземъ: возврати моему отцу города его, а мнѣ дай Дмитровъ и Суздаль. Не вѣрь клеветникамъ и не осуждай меня по злословію: что услышишь, скажи мнѣ и не сомнѣвайся въ истинѣ моихъ крестныхъ оправданій. Что завоюемъ вмѣстѣ, городовъ или казны, изъ того мнѣ треть; а буде по грѣхамъ не сдѣлаемъ своего добраго дѣла; то останемся и въ изгнаніи неразлучными: въ какой землѣ найдешь себѣ мѣсто, тамъ и я съ тобою,» и проч. ([364]). Сбылося только послѣднее ихъ чаяніе: они долженствовали умереть изгнанниками. Враги Государя Московскаго имѣли убѣжище въ Литвѣ, но не находили тамъ ни сподвижниковъ, ни денегъ. Казимиръ отправлялъ дружелюбныя Посольства къ Василію, думая единственно о безопасности своихъ Россійскихъ владѣній. — Напрасно также вѣрные слуги Ярославича, съ горестію видя нѣсколько лѣтъ заточеніе своего Князя, мыслили освободить его: взаимно обязались въ томъ клятвою, условились тайно ѣхать въ Угличь, вывести Князя изъ темницы, и бѣжать съ нимъ за границу. Умыселъ открылся. Сіи люди исполняли долгъ усердія къ законному ихъ Властителю, несправедливо утѣсненному; но Великій Князь наказалъ ихъ какъ злодѣевъ, и притомъ съ жестокостію необыкновенною: велѣлъ нѣкоторымъ отсѣчь руки и голову, другимъ отрѣзать носъ, иныхъ *бить кнутомъ* ([365]). Они погибли безъ стыда, съ совѣстію чистою. Народъ жалѣлъ объ нихъ.

Присвоивъ себѣ Удѣлъ Галицкій, Можайскій и Боровскій, Василій оставилъ только Михаила Верейскаго Княземъ Владѣтельнымъ; другихъ не было: внуки Кирдяпины, нѣсколько лѣтъ правивъ древнею Суздальскою областію въ качествѣ Московскихъ присяжниковъ, волею или неволею выѣхали оттуда ([366]). Уже всѣ доходы Московскіе шли въ казну Великаго Князя; всѣ города управлялись его Намѣстниками. Одна Вятка, г. 1458. бывъ частію Галицкой области, не хотѣла повиноваться Василію: жители ея, какъ мы видѣли, помогали Юрію, Шемякѣ, Косому, и за нѣсколько лѣтъ до того времени сами собою выжгли Устюжскую крѣпость Гледенъ. Князь Ряполовскій, посланный смирить Вятчанъ, г. 1458 —1459. Покореніе Вятки. долго стоялъ у Хлынова и возвратился безъ успѣха: ибо они задобрили Воеводъ Московскихъ дарами. Въ слѣдующій годъ пошло туда новое сильное войско съ Великокняжескою дружиною, съ многими Князьями, Боярами, Дѣтьми Боярскими; присоединивъ къ себѣ Устюжанъ, взяло городки Котельничь, Орловъ, и покорило Вятчанъ Государю Московскому. Однакожь духъ вольности не могъ вдругъ исчезнуть въ сей народной державѣ, основанной на законахъ Новогородскихъ. Василій удовольствовался данію и правомъ располагать ея воинскими силами ([367]).

Любя умножать власть свою, онъ еще не дерзалъ коснуться Твери, гдѣ Князь Борисъ Александровичь, сватъ его, скончался независимымъ (въ 1461 году), оставивъ престолъ сыну, именемъ Михаилу ([368]). — Василій не тѣснилъ болѣе и Новогородцевъ, и дружелюбно гостилъ у нихъ (въ 1460 году) около двухъ мѣсяцевъ, изъявляя милость къ нимъ и Псковитянамъ, которые прислали ему Дѣла Псковскія. въ даръ 50 рублей, жаловались на Нѣмцевъ и требовали, чтобы онъ позволилъ Князю Александру Черторижскому остаться у нихъ Намѣстникомъ. Василій согласился; но Черторижскій самъ не захотѣлъ того и немедленно уѣхалъ въ Литву. Псковитяне желали имѣть у себя Василіева сына, Юрія: отпущенный родителемъ изъ Новагорода, сей юноша былъ встрѣченъ ими съ искреннею радостію и возведенъ на престолъ въ храмѣ Троицы; ему вручили славный мечь Довмонта: Юрій взялъ его и клялся оградить имъ безопасность знаменитаго Ольгина отечества. Надлежало отмстить Ливонскимъ Нѣмцамъ, которые, утвердивъ миръ съ Россіянами на 25 лѣтъ, сожгли ихъ церковь на границѣ. Но дѣло обошлось безъ войны: Орденъ требовалъ перемирія, заключеннаго потомъ съ *согласія Великокняжескаго* на пять лѣтъ въ Новѣгородѣ, куда пріѣзжали для того Послы Архіепископа Рижскаго и Дерптскіе; а Князь Юрій въ слѣдъ за родителемъ возвратился въ Москву, получивъ въ даръ отъ Псковитянъ 100

г. 1456 —1459. рублей и вмѣсто себя оставивъ у нихъ Намѣстникомъ Іоанна Оболенскаго Стригу ([369]).

Набѣги Татаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что Василій въ послѣдніе годы жизни своей или совсѣмъ не платилъ дани Моголамъ, или худо удовлетворялъ ихъ корыстолюбію: ибо они, не смотря на собственныя внутренія междоусобія, часто тревожили Россію, и приходили не шайками, но цѣлыми полками. Два раза войско Седи-Ахметовой Орды вступало въ наши предѣлы: Воевода Московскій, Князь Иванъ Юрьевичь, побѣдилъ Татаръ на сей сторонѣ Оки, ниже Коломны ([370]); а сынъ Великаго Князя, Іоаннъ, мужественно отразилъ ихъ отъ береговъ ея: послѣ чего Ахматъ, Ханъ Большой Орды, сынъ Кичимовъ, осаждалъ Переславль Рязанскій, но съ великою потерею и стыдомъ удалился, виня главнаго Полководца своего, Казата Улана, въ тайномъ доброхотствѣ къ Россіянамъ. — Царь Казанскій былъ также непріятелемъ Москвитянъ: Великій Князь хотѣлъ самъ итти на Казань; но встрѣченный его Послами въ Владимірѣ, заключилъ съ ними миръ.

Кончина и свойства Василіевы. Василій еще не достигъ старости: несчастія и душевныя огорченія, имъ претерпѣнныя, изнурили въ немъ тѣлесныя силы. Онъ явно изнемогалъ, худѣлъ, и думая, что у него сухотка, прибѣгнулъ къ мнимому цѣлебному средству, тогда обыкновенно употребляемому въ оной: жегъ себѣ тѣло горящимъ трутомъ; сдѣлались раны, начали гнить, и больной, видя опасность, хотѣлъ умереть Монахомъ: ему отговорили ([371]). Василій написалъ духовную: утвердилъ Великое Княженіе за старшимъ сыномъ, Іоанномъ, вмѣстѣ съ третію Московскихъ доходовъ (другія же двѣ отказалъ меньшимъ сыновьямъ); Юрію отдалъ Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и все имѣніе матери своей, Софіи (которая преставилась Инокинею въ 1453 году); третіему сыну, Андрею Большому, Угличь, Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ; четвертому, именемъ Борису, Волокъ Ламскій, Ржевъ, Рузу и села прабабы его, Маріи Голтяевой, по ея завѣщанію; Андрею Меньшему Вологду, Кубену и Заозерье; а матери ихъ Ростовъ (съ условіемъ не касаться собственности тамошнихъ Князей), городокъ Романовъ, казну свою, всѣ Удѣльныя волости, которыя бывали прежде за Великими Княгинями, и всѣ, имъ купленныя или отнятыя у знатныхъ измѣнниковъ (что

г. 1456 —1461. составляло великое богатство); сверхъ того клятвою обязалъ сыновей слушаться родительницы не только въ дѣлахъ семейственныхъ, но и въ государственныхъ ([372]). Такимъ образомъ онъ снова возстановилъ Удѣлы, довольный тѣмъ, что Государство Московское (за исключеніемъ Вереи) остается подвластнымъ одному Дому его, и не заботясь о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ: ибо думалъ болѣе о временной пользѣ своихъ дѣтей, нежели о вѣчномъ государственномъ благѣ; отнималъ города у другихъ Князей только для выгодъ собственнаго личнаго властолюбія; слѣдовалъ древнему обыкновенію, не имѣвъ твердости быть навѣки основателемъ новой, лучшей системы правленія, или Единовластія. Всего страннѣе то, что Василій въ духовномъ завѣщаніи *приказываетъ* супругу и дѣтей своихъ Королю Польскому, Казиміру, называя его братомъ. Оно подписано Митрополитомъ Ѳеодосіемъ, который за годъ до того времени былъ поставленъ нашими Святителями изъ Архіепископовъ Ростовскихъ на мѣсто скончавшагося Іоны. — Василій преставился на сорокъ-седьмомъ году жизни, хотя несправедливо именуемый первымъ Самодержцемъ Россійскимъ со временъ Владиміра Мономаха ([373]), однакожь дѣйствительно приготовивъ многое для успѣховъ своего преемника: г. 1462, Марта 27. началъ худо; не умѣлъ повелѣвать, какъ отецъ и дѣдъ его повелѣвали; терялъ честь и Державу, но оставилъ Государство Московское сильнѣйшимъ прежняго: ибо рука Божія, какъ бы вопреки малодушному Князю, явно влекла оное къ величію, благословивъ доброе начало Калиты и Донскаго.

Жестокость тогдашнихъ нравовъ. Кромѣ междоусобія, государствованіе Темнаго ознаменовалось разными злодѣйствами доказывающими свирѣпость тогдашнихъ нравовъ. Два Князя ослѣплены, два Князя отравлены ядомъ ([374]). Не только чернь въ остервененіи своемъ безъ всякаго суда топила и жгла людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ; не только Россіяне гнусным образомъ терзали военоплѣнныхъ: даже законныя казни изъявляли жестокость варварскую. Іоаннъ Можайскій, осудивъ на смерть Боярина, Андрея Дмитріевича, всенародно сжегъ его на кострѣ вмѣстѣ съ женою за мнимое волшебство. Москва въ первый разъ увидѣла такъ называемую торговую казнь, неизвѣстную нашимъ благороднымъ предкамъ: самыхъ

г. 1446. именитыхъ людей, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, начали всенародно *бить кнутомъ*. Сіе унизительное для человѣчества обыкновеніе заимствовали мы отъ Моголовъ.

Суевѣріе. Суевѣріе и нелѣпыя понятія о случаяхъ естественныхъ господствовали въ умахъ, и лѣтописи сего времени наполнены извѣстіями о чудесныхъ явленіяхъ: то небо пылало въ огняхъ разноцвѣтныхъ, то вода обращалась въ кровь; образа слезили; звѣри перемѣняли свой видъ обыкновенный. Въ 1446 году Генваря 3, по баснословному сказанію Новогородскаго Лѣтописца, шелъ сильный дождь, и сыпались изъ тучи на землю рожь, пшеница, ячмень, такъ, что все пространство между рѣкою Мстою и Волховцемъ, верстъ на пятнадцать, покрылось хлѣбомъ, собраннымъ крестьянами и принесеннымъ въ Новгородъ, къ радостному изумленію его жителей, угнетаемыхъ дороговизною въ съѣстныхъ припасахъ [375].

Перемѣна въ деньгахъ. Сей же Лѣтописецъ, изображая тогдашнія несгодья своей отчизны, причисляетъ къ онымъ и перемѣну въ деньгахъ. Посадникъ, Тысячскій и знатные граждане, избравъ пять мастеровъ, велѣли имъ перелить старую серебряную монету и вычитать за трудъ по деньгѣ съ двухъ гривенъ; а скоро отмѣнили и старые рубли, или куски серебра, къ великому огорченію народа, который долго волновался и кричалъ, что Правительство, подкупленное монетчиками, старается единственно дать имъ работу, не думая объ его убыткѣ. Нѣсколько человѣкъ, оговоренныхъ въ дѣланіи подложной монеты, утопили въ Волховѣ; другихъ ограбили [376].

Дѣла Пермскія. Мы описали святые подвиги Стефана Пермскаго, который водворилъ Христіанство на берегахъ сѣверной Камы: преемниками его въ Епископствѣ сей еще мало-извѣстной страны были Исаакій и Питиримъ, ревностные наставники и благотворители тамошнихъ обитателей. Дикіе народы сосѣдственные, омраченные тьмою идолопоклонства, возненавидѣли новыхъ Христіанъ Пермскихъ и тревожили ихъ своими набѣгами: такъ Князь Вогуличей, именемъ Асыка, съ сыномъ Юмшаномъ приходилъ (въ 1455 году) воевать берега Вычегды, и вмѣстѣ съ другими плѣнниками захвативъ самого Епископа Питирима, злодѣйски умертвилъ сего добродѣтельнаго Святителя [377]. — Здѣсь въ первый разъ упоминается о Вогуличахъ въ дѣяніяхъ нашей Исторіи. г. 1446.

Въ сіе время былъ основанъ знаменитый монастырь Соловецкій, на дикомъ островѣ Бѣлаго моря, среди лѣсовъ и болотъ. Еще въ 1429 году благочестивый Инокъ Савватій водрузилъ тамъ крестъ и поставилъ уединенную келлію; а Св. Зосима, чрезъ нѣсколько лѣтъ, создалъ церковь Преображенія, устроилъ Общежительство и выходилъ въ Новѣгородѣ жалованную грамоту на весь островъ, данную ему отъ Архіепископа Іоны и тамошняго Правительства за осмью свинцовыми печатями [378]. Какъ въ иныхъ земляхъ алчная любовь къ корысти, такъ у насъ Христіанская любовь къ тихой, безмолвной жизни расширяла предѣлы обитаемые, знаменуя крестомъ ужасныя дотолѣ пустыни, неприступныя для страстей человѣческихъ.

Россіяне при Василіи Темномъ были поражены несчастіемъ Греціи какъ ихъ собственнымъ. Народъ, именуемый въ Восточныхъ лѣтописяхъ Гоцами, въ Византійскихъ Огузами или Узами, единоплеменный съ Торками, которые долго скитались въ степяхъ Астраханскихъ, служили Владиміру Святому, обитали послѣ близъ Кіева, и до самаго нашествія Татаръ составляли часть Россійскаго коннаго войска [379] — сей народъ мужественный, способствовавъ въ Азіи основанію и гибели разныхъ Державъ (Гасневидской, Сельчукской, Харазской) наконецъ подъ именемъ *Турковъ Османскихъ* основалъ сильнѣйшую Монархію, ужасную для трехъ частей міра, и еще донынѣ знаменитую. Османъ или Отоманъ, Эмиръ Султана Иконійскаго, воспользовался паденіемъ его Державы, разрушенной Моголами: сдѣлался независимымъ; захватилъ около 1292 года нѣкоторыя мѣста въ Виѳиніи, въ Пафлагоніи, въ Архипелагѣ, и далъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ счастливаго властолюбія, коимъ они столь удачно воспользовались, что въ концѣ XIV вѣка уже господствовали надъ всею Малою Азіею и Ѳракіею, обложивъ данію Константинополь. Тамерланъ и междоусобіе сыновей Баязетовыхъ могли только на время удержать быстрое стремленіе Османскихъ завоеваній: оно возобновилось при Амуратѣ, и наконецъ при Магометѣ II увѣнчалось паденіемъ Византіи, которое не было внезапностію: Европа долго ожидала его съ безпокой-

г. 1462. ствомъ; но побѣды, одержанныя Турками надъ Королями Венгерскими, Сигизмундомъ и Владиславомъ, вселяли ужасъ въ Государей Европейскихъ, нечувствительныхъ къ воплю Грековъ, надъ коими восходила туча разрушенія. Самые Греки — когда Магометъ явно готовился осадить ихъ столицу, распоряжалъ полки, строилъ крѣпости на берегахъ Воспора — въ безумномъ отчаяніи проклинали другъ друга за Богословскія мнѣнія! Славный Кардиналъ Исидоръ, бывшій Митрополитъ Россійскій, находился тогда въ стѣнахъ Византіи и предлагалъ Царю Константину именемъ Папы сильное вспоможеніе, съ условіемъ, чтобы Духовенство Греческое утвердило постановленіе Флорентійскаго Собора. Царь, Вельможи, Іерархи, согласились: народъ не хотѣлъ о томъ слышать; ревностные Иноки, Монахини, восклицали на стогнахъ: «горе Латинской ереси! образъ Богоматери спасетъ насъ» (380)! . . . Но знамя Султанское уже развѣвалось предъ вратами Св. Романа. Магометъ съ двумя стами тысячами воиновъ и съ тремя стами судовъ приступилъ къ Царюграду, гдѣ считалось 100,000 жителей, а вооружилось только пять тысячь, гражданъ и Монаховъ, для его защиты: другіе единственно плакали, молились въ церквахъ и звонили въ колокола, чтобы менѣе трепетать отъ грома Магометовыхъ пушекъ! Сія горсть людей, усиленная двумя тысячами иноземцевъ подъ начальствомъ храбраго Генуэзскаго Витязя Джустиніани, представляла все могущество Восточной Имперіи! Греки ожидали чуда для ихъ спасенія; но случилось, чему необходимо надлежало случиться: Магометъ, разрушивъ стѣны, по трупамъ Янычаровъ вошелъ въ городъ, и славная смерть великодушнаго Царя Константина достойно заключила бытіе Имперіи: онъ палъ среди непріятелей, сказавъ: «для чего не могу умереть отъ руки Христіанина?» . . . Вѣроятно, что нѣкоторые изъ нашихъ единоземцевъ были очевидными тому свидѣтелями: по крайней мѣрѣ Лѣтописецъ Московскій разсказываетъ весьма

Взятіе Константинополя Турками.

подробно о всѣхъ обстоятельствахъ осады и взятія Константинопольскаго, съ ужасомъ прибавляя, что храмъ Святыя Софіи, гдѣ Послы Владиміровы въ десятомъ вѣкѣ плѣнились величіемъ и красотою истиннаго богослуженія, обратился въ мечеть Джеміророка. Греція г. 14.. была для насъ какъ бы вторымъ отечествомъ: Россіяне всегда съ благодарностію воспоминали, что она сообщила имъ и Христіанство, и первыя художества, и многія пріятности общежитія. Въ Москвѣ говорили о Царѣградѣ такъ, какъ въ новѣйшей Европѣ со времени Людовика XIV говорили о Парижѣ: не было инаго образца для великолѣпія церковнаго и мірскаго, для вкуса, для понятія о вещахъ. Однакожь, соболѣзнуя о Грекахъ, Лѣтописцы наши безпристрастно судятъ ихъ и Турковъ, изъясняясь слѣдующимъ образомъ: «Царство безъ грозы есть конь безъ узды. Константинъ и предки его давали Вельможамъ утѣснять народъ; не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ мужества; судіи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ, а полки Греческіе величались только цвѣтною одеждою; гражданинъ не стыдился вѣроломства, а воинъ бѣгства, и Господь казнилъ Властителей недостойныхъ, умудривъ Царя Магомета, коего воины играютъ смертію въ бояхъ и судіи не дерзаютъ измѣнить совѣсти. Уже не осталось теперь ни единаго Царства православнаго, кромѣ Русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе Св. Меѳодія и Льва Мудраго, что Измаильтяне овладѣютъ Византіею; исполнится, можетъ быть, и другое, что Россіяне побѣдятъ Измаильтянъ и на седьми холмахъ ея воцарятся» (381). О семъ древнемъ пророчествѣ мы упоминали въ Исторіи Ярослава Великаго: оно служило тогда утѣшеніемъ для Россіянъ. Другіе народы Европейскіе, не имѣя тѣсныхъ связей съ Греціею, оставались почти равнодушными къ ея бѣдствію; а Папа, Николай V, хвалился, что онъ предсказалъ ей гибель за нарушеніе Флорентійскаго договора. Хотя Кардиналъ Исидоръ, плѣненный въ Царѣградѣ Турками, но ушедшій изъ неволи, по возвращеніи въ Италію писалъ ко всѣмъ Государямъ Западнымъ, что они должны возстать на Магомета, *предтечу Антихристова* и *чадо Сатаны*: однакожь сіе краснорѣчивое посланіе (внесенное въ лѣтописи Латинской Церкви) осталось безъ дѣйствія (382). Награжденный за свое усердіе и страданіе милостію Папы, Исидоръ умеръ въ Римѣ съ именемъ Константинопольскаго Патріарха, и былъ погребенъ въ церкви Св. Петра, до конца жизни сѣтовавъ о паденіи Греческой

1463. Имперіи, любезнаго ему отечества, коего спасенію хотѣлъ онъ пожертвовать чистою Вѣрою своихъ предковъ.

Впрочемъ Россіяне, жалѣя о Греціи, ни мало не думали, чтобы могущество новой Турецкой Имперіи было и для насъ опасно. Тогдашняя Политика наша не славилась прозорливостію, и за ближайшими опасностями не видала отдаленныхъ: Улусы и Литва ограничивали кругъ ея дѣятельности; Ливонскіе Нѣмцы и Шведы занимали единственно Новогородцевъ и Псковитянъ; все прочее составляло для насъ міръ чуждый, предметъ одного любопытства, а не государственнаго вниманія.

Начало Крымской Орды. Съ Василіева времени сдѣлалась извѣстною *Крымская Орда*, составленная Эдигеемъ изъ Улусовъ Черноморскихъ. Повѣствуютъ, что сей знаменитый Князь, готовясь умереть, заклиналъ многочисленныхъ сыновей своихъ не дѣлиться: но они раздѣлились и всѣ погибли въ междоусобіи (383). Тогда Моголы Черноморскіе избрали себѣ въ Ханы осьмнадцати-лѣтняго юношу, одного изъ потомковъ Чингисовыхъ (какъ увѣряютъ), именемъ Ази, спасеннаго отъ смерти и воспитаннаго какимъ-то земледѣльцемъ въ тишинѣ сельской. Сей юноша, изъ благодарности къ своему благотворителю принявъ *его* имя, назвался Ази-*Гирей*: въ память чего и всѣ Ханы Крымскіе до самыхъ позднѣйшихъ временъ г. 1463. назывались *Гиреями*. Другіе же Историки пишутъ, что Ази-Гирей, сынъ или внукъ Тохтамышевъ, родился въ Литовскомъ городѣ Трокахъ, и что Витовтъ доставилъ ему господство въ Тавридѣ (384); по крайней мѣрѣ сей Ханъ былъ всегда усерднымъ другомъ Литвы и не тревожилъ ея владѣній, которыя простирались до самаго устья рѣкъ Днѣпра и Днѣстра (385). Покоривъ многіе Улусы въ окрестностяхъ Чернаго моря, Ази-Гирей основалъ новую независимую Орду Крымскую, обложилъ данію города Генуэзскіе въ Тавридѣ, имѣлъ сношеніе съ Папою, и желая наказать Татаръ Волжскихъ за частыя ихъ впаденія въ области Казимировы, разбилъ врага нашего, Хана Седи-Ахмета, который, спасаясь отъ него бѣгствомъ, искалъ пристанища въ Литвѣ и былъ тамъ заключенъ въ темницу: «дѣло весьма несогласное съ государственнымъ благоразуміемъ,» пишетъ Историкъ Польскій (386): «способствуя уничиженію Волжской Орды, мы готовили себѣ опасныхъ непріятелей въ Россіянахъ, дотолѣ слабыхъ подъ ея игомъ.» — Сіе новое гнѣздо хищниковъ, славныхъ подъ именемъ Татаръ Крымскихъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ безпокоило наше отечество.

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ ОТЪ НАШЕСТВІЯ ТАТАРЪ ДО ІОАННА III.

Сравненіе Россіи съ другими Державами. Слѣдствіе нашего ига. Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Благое дѣйствіе Вѣры. Измѣненіе гражданскаго порядка. Начало Самодержавія. Медленные успѣхи Единодержавія. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія. Выгоды Духовенства: характеръ нашего. Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ. Правосудіе. Искусство ратное Происхожденіе Козаковъ. Купечество. Изобрѣтенія. Художества. Словесность. Пословицы. Пѣсни. Языкъ.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ Читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія.

Было время, когда она, рожденная, возвеличенная Единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ Европейскимъ Державамъ, основаннымъ на развалинахъ Западной Имперіи народами Германскими; имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ Варяжскими или Нѣмецкими Князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость и Сравненіе Россіи съ другими Державами.

съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, не испроверженной варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть безъ сомнѣнія сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ Христіанствѣ и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, Единодержавіе и свободу гражданскую. Что въ началѣ XI вѣка была Европа? ѳеатромъ Помѣстнаго (Феодальнаго) тиранства, слабости Вѣнценосцевъ, дерзости Бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не надолго; осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы исчезли вмѣстѣ съ ними.

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія: мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенія и города откупались отъ утѣснительной власти Бароновъ; Государи по собственному движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промышлености и для самыхъ нравовъ; лучшая Исправа (Полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Іустиніанова Кодекса въ Амальфи было счастливою эпохою для Европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка Латинскаго доставляло способъ и Духовнымъ и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы явно перемѣнялось въ лучшее; а Россія со временъ Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечемъ и пламенемъ Княжескихъ междоусобій, такъ, что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ Державъ Западныхъ въ государственномъ образованіи.

Нашествіе Батыево испровергло Россію. Могла угаснуть и послѣдняя искра жизни; къ счастію, не угасла: имя, бытіе сохранилось; открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе въ ней размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, Ученые ободрялись Правительствами; возникали Университеты для вышнихъ Наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; Дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Если бы Моголы сдѣлали у насъ то же, что въ Китаѣ, въ Индіи, или что Турки въ Греціи; если бы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ Государства. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ Князей. Но такъ называемые *Послы Ординскіе* и Баскаки,

Слѣдствіе нашего ига.

представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли; самые купцы, самые бродяги Могольскіе обходились съ нами какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ? нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ; обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе, и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ временъ Василія Ярославича

до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности ([387]). Когда же сія ужасная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпененіе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни означаютъ ожесточеніе сердецъ, и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: «не убивайте виновнаго; жизнь Христіанина священна:» не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ, Димитрій, уставилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ инаго способа устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ: иго Татарское ввело тѣлесныя наказанія; за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? — Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней Исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ Княжеской и народной злобы ([388]); чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однакожь дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторыя добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ.

Введеніе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній.

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что Россіяне видѣли въ нихъ бичь гнѣва Небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей Вышней мести, подобно какъ чернь донынѣ мыслитъ, что не льзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; не доставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ иными благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде Князья дѣйствовали мечемъ, въ сіе время низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе Полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и славѣ: Герой Донской битвы о вѣнцахъ Мученическихъ ([389]). Если мы въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе Вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени Русскаго мы возвышали себя именемъ Христіанъ, и любили отечество какъ страну Православія.

Благодѣйствіе Вѣры.

Внутренній государственный порядокъ измѣнился: все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, исчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ Царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ, легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новагорода и Пскова, умолкъ Вѣчевый колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о Вѣчѣ Московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица, угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная Государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать Тысячскихъ, которые важностію и блескомъ своего народнаго сана возбуждали зависть не только въ Княжескихъ чиновникахъ, но и въ Князьяхъ ([390]).

Измѣненіе гражданскаго порядка.

Происхожденіе нашихъ Бояръ теряется въ самой глубокой древности: сіе достоинство могло быть еще старѣе

Княжескаго, означая витязей и граждан знатнѣйшихъ, которые въ Славянскихъ Республикахъ предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ Государемъ ([391]): но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ Бояръ, какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые Княжескіе Бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтверждалась законная свобода Бояръ переходить изъ службы одного Князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ, Бояринъ съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичь, въ Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія ([392]). Однимъ словомъ, сіи государственные сановники издревле казались народу мужами верховными, и занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую Аристократію. Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число Владѣтельныхъ Князей уменьшилось, а власть Государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство Боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ Бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. — Власть народная также благопріятствовала силѣ Бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ Князя на граждан, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго, сія опора исчезла. Надлежало или повиноваться Государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться Князю. — Однимъ словомъ, раждалось Самодержавіе. *Начало Самодержавія.*

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и Бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ Судьбы для Россіи. Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли Государя Единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія Государства, и бореніе двухъ властей, Княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался Диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные, ни медленныя думы Аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, не служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою Правителей. Власть Боярская производила у насъ *Боярскія смуты*. Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость Государю, но часто волнуется и страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе Князей Россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ Ханами ([393]). Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ Единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надлежало совершить то и другое.

История свидѣтельствуетъ, что есть время для заблужденій и для истины: сколько вѣковъ Россіяне не могли живо увѣриться въ томъ, что соединеніе Княженій необходимо для ихъ государственнаго благоденствія! Нѣкоторые Вѣнценосцы начинали сіе дѣло, но слабо, безъ ревности достойной онаго; а преемники ихъ опять все разрушали. Даже и Москва, болѣе Кіева и Владиміра наученная опытами, какъ медленно и недружно двигалась къ государственной цѣлости! Уставилось лучшее право наслѣдственное; древніе Удѣлы возвращались къ Великому Княженію: но оно, снова раздробляясь на части между сыновьями, внуками, правнуками Іоанна Калиты, въ истинномъ смыслѣ все еще не было единымъ Государствомъ; даже судное право, пошлины, доходы Московскіе принадлежали имъ совокупно. Такъ называемое *братское старѣйшинство* Великаго Князя состояло въ томъ, что Удѣльные Владѣтели, имѣя свои особенные гражданскіе уставы, законы, войска, монету, обязывались имѣть съ нимъ одну политическую систему, давать ему войско и серебро для Хановъ. Но сіе обязательство было условное: если онъ нарушалъ договоръ, всегда *Медленные успѣхи Единодержавія.*

обоюдный; если утѣснялъ ихъ, то они могли, возвративъ крестныя грамоты, законно искать управы мечемъ. Народъ, граждане, Бояре Удѣльные знали только своего Князя, не присягали Государю Московскому, и въ случаѣ междоусобной войны лили кровь его подданныхъ, не заслуживая имени бунтовщиковъ. Такъ было еще и при Василіи Темномъ. Однакожь Великій Князь имѣлъ уже столько перевѣса въ силахъ, что могъ легко сдѣлаться единовластнымъ: все зависѣло отъ рѣшительной воли и твердаго характера; все изготовилось къ счастливой перемѣнѣ: теперь означимъ или напомнимъ Читателю, какими средствами?

Постепенная знаменитость Москвы. Москва, будучи однимъ изъ бѣднѣйшихъ Удѣловъ Владимірскихъ, ступила первый шагъ къ знаменитости при Даніилѣ, которому внукъ Невскаго, Іоаннъ Димитріевичь, отказалъ Переславль Залѣсскій, и который, побѣдивъ Рязанскаго Князя, отнялъ у него многія земли. Сынъ Даніиловъ, Георгій, зять Хана Узбека, присоединилъ къ своей области Коломну, завоевалъ Можайскъ и выходилъ себѣ въ Ордѣ Великое Княженіе Владимірское; а братъ Георгіевъ, Іоаннъ Калита, погубивъ Александра Тверскаго, сдѣлался истиннымъ Главою всѣхъ иныхъ Князей, обязанныя тѣмъ не силѣ оружія, но единственно милости Узбековой, которую снискалъ онъ умною лестію и богатыми дарами.

Предложимъ замѣчаніе любопытное: *иго Татаръ обогатило казну Великокняжескую*, исчисленіемъ людей, установленіемъ поголовной дани, и разными налогами, дотолѣ неизвѣстными, собираемыми будто бы для Хана, но хитростію Князей обращенными въ ихъ собственный доходъ: Баскаки, сперва тираны, а послѣ мздоимные друзья нашихъ Владѣтелей, легко могли быть обманываемы въ затруднительныхъ счетахъ ([394]). Народъ жаловался, однакожь платилъ; страхъ всего лишиться изыскивалъ новые способы пріобрѣтенія, чтобы удовлетворять корыстолюбію варваровъ. Такимъ образомъ мы понимаемъ удивительный избытокъ Іоанна Даніиловича, купившаго не только множество селъ въ разныхъ земляхъ, но и цѣлыя области, гдѣ малосильные Князья, подверженные наглости Моголовъ и тѣснимые его собственнымъ властолюбіемъ, волею или неволею уступали ему свои наслѣдственныя права, чтобы имѣть въ немъ защитника для себя и народа. Сіи такъ называемые *Окупные Князьки* оставались между тѣмъ въ своихъ проданныхъ владѣніяхъ, пользуясь нѣкоторыми доходами и выгодами ([395]). Угличь, Бѣлоозеро, Галичь, Ростовъ, Ярославль сдѣлались снова городами Великокняжескими, какъ было при Всеволодѣ III.

Такъ возвеличилъ Москву Іоаннъ Калита, и внукъ его, Димитрій, дерзнулъ на битву съ Ханомъ... Сей Герой не пріобрѣлъ почти ничего, кромѣ славы; но слава умножаетъ силы — и наслѣдникъ Димитріевъ, ласкаемый, честимый въ Ордѣ, возвратился оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ или съ жалованною грамотою на Суздаль, Городецъ, Нижній; возстановилъ такимъ образомъ *древнее Суздальское Великокняженіе Боголюбскаго* во всей полнотѣ онаго, и мирнымъ присвоеніемъ бывшихъ Удѣловъ Черниговскихъ — Мурома, Торусы, Новосиля, Козельска, Перемышля — распространилъ Московскую Державу, которая, съ прибавленіемъ Вятки, составляла уже знатную часть древней единовластной Россіи Ярослава Великаго, будучи сверхъ того усилена внутри твердѣйшимъ началомъ Самодержавія. Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечемъ: Князья Московскіе поклонами въ Ордѣ — дѣйствіе оскорбительное для нашей гордости, но спасительное для бытія и могущества Россіи! Ярославъ обуздывалъ народъ и Бояръ своимъ величіемъ: смиренные тиранствомъ Хановъ, они уже не спорили о правахъ съ Государемъ Московскимъ, требуя отъ него единственно покоя и безопасности со стороны Моголовъ; видѣли прежнихъ Владѣтельныхъ Князей слугами Донскаго Василія Димитріевича, Темнаго, и менѣе жалѣли о своей древней вольности.

История не терпитъ Оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему: ибо сіе мудрованіе несвойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется. Нашествіе Батыево, кучи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное, составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ Государствъ; однакожь и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны. Лучше, если бы кто нибудь изъ Зло имѣетъ и добрыя слѣдствія.

потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ Единовластія въ Россіи, и правилами Самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ.

Выгоды Духовенства.

Однимъ изъ достопамятныхъ слѣдствій Татарскаго господства надъ Россіею было еще возвышеніе нашего Духовенства, размноженіе Монаховъ и церковныхъ имѣній. Политика Хановъ, утѣсняя народъ и Князей, покровительствовала Церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе; ласкала Митрополитовъ и Епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто, изъ уваженія къ Пастырямъ, прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ Св. Алексій Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ Обителяхъ, и мѣняя одежду Княжескую, Боярскую, на мантію Инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и Государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ (396). Всякой, готовясь умереть, что нибудь отказывалъ Церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ Ординскихъ и Княжескихъ, благоденствовали; сверхъ украшенія храмовъ и продовольствія Епископовъ, Монаховъ, оставалось еще не мало доходовъ на покупку новыхъ имуществъ. Новогородскіе Святители употребляли Софійскую казну въ пользу государственную (397); но Митрополиты наши не слѣдовали сему достохвальному примѣру. Народъ жаловался на скудость: Иноки богатѣли. Они занимались и торговлею, увольняемые отъ купеческихъ пошлинъ. — Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ Монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя Обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но и достояніемъ; гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма не многіе изъ нынѣшнихъ монастырей Россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ: всѣ другіе остались памятникомъ сего времени.

Характеръ нашего Духовенства.

Однакожь, не смотря на свою знаменитость и важность, Духовенство наше не оказывало излишняго властолюбія, свойственнаго Духовенству Западной Церкви, и служа Великимъ Князьямъ въ государственныхъ дѣлахъ полезнымъ орудіемъ, не спорило съ ними о мірской власти. Въ раздорахъ Княжескихъ Митрополиты бывали посредниками, но избираемыми единственно съ обоюднаго согласія, безъ всякаго дѣйствительнаго права; ручались въ истинѣ и святости обѣтовъ, но могли только убѣждать совѣсть, не касаясь *меча мірскаго*, сей обыкновенной угрозы Папъ для ослушниковъ ихъ воли; отступая же иногда отъ правилъ Христіанской любви и кротости, дѣйствовали такъ въ угодность Государямъ, отъ коихъ они совершенно зависѣли, ими назначаемые и свергаемые (398). Однимъ словомъ, Церковь наша вообще не измѣнялась въ своемъ главномъ, первобытномъ характерѣ, смягчая жестокіе нравы, умѣряя неистовыя страсти, проповѣдуя и Христіанскія и государственныя добродѣтели. Милости Ханскія не могли ни задобрить, ни усыпить ея Пастырей: они въ Батыево время благословляли Россіянъ на смерть великодушную, при Димитріи Донскомъ на битвы и побѣду. Когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, старецъ, Митрополитъ Іона, взялъ на себя отстоять Кремль или погибнуть съ народомъ, и наконецъ, буде вѣрить лѣтописямъ, въ восторгѣ духа предвѣстилъ Василію близкую независимость Россіи (399). — Исторія подтверждаетъ истину, предлагаемую всѣми Политиками-Философами, и только для однихъ легкихъ умовъ сомнительную, что Вѣра есть особенная сила государственная. Въ Западныхъ странахъ Европейскихъ Духовная власть присвоила себѣ мірскую отъ того, что имѣла дѣло съ народами полудикими — Готѳами,

Лонгобардами, Франками — которые, овладѣвъ ими и принявъ Христіанство, долго не умѣли согласить онаго съ своими гражданскими законами, ни утвердить естественныхъ границъ между сими двумя властями: а Греческая Церковь возсіяла въ Державѣ благоустроенной, и Духовенство не могло столь легко захватить чуждыхъ ему правъ. Къ счастію, Святый Владиміръ предпочелъ Константинополь Риму.

Такимъ образомъ имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти Государей и выгодамъ Духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ домашней жизни, въ языкѣ Россіянъ? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, Бояре, купцы, ремесленники наши живали въ Улусахъ, а Вельможи и купцы Ордынскіе въ Москвѣ и въ другихъ городахъ. Но Татары были сперва идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными*; и чѣмъ удобнѣе принимали Византійскіе, освященные для насъ Христіанствомъ, тѣмъ болѣе гнушались Татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ Европейскимъ, нежели Азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала: но для того, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а мы остались, какъ были. Ея путешественники XIII вѣка не находили даже никакого различія въ одеждѣ нашей и Западныхъ народовъ (400): то же безъ сомнѣнія могли бы сказать и въ разсужденіи другихъ обычаевъ. Какъ въ Италіи, Франціи, Англіи съ паденія Рима, такъ у насъ съ призванія Князей Варяжскихъ все въ главныхъ чертахъ сдѣлалось Нѣмецкимъ, смѣшеннымъ съ остатками первобытныхъ обычаевъ Славянскихъ: къ чему послѣ присоединилось занятое нами отъ Грековъ. Древній характеръ Славянъ являлъ въ себѣ нѣчто Азіатское; являетъ и донынѣ: ибо они, вѣроятно, послѣ другихъ Европейцевъ удалились отъ Востока, кореннаго отечества народовъ. Не Татары выучили нашихъ предковъ стѣснять женскую свободу и человѣчество въ холопскомъ состояніи, торговать людьми, брать законныя взятки въ судахъ (что нѣкоторые называютъ Азіатскимъ обыкновеніемъ): мы все то видѣли у Славянъ и Россіянъ гораздо прежде. Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ: но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скиѳовъ: напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ (401). Новыя понятія, новыя вещи требуютъ новыхъ словъ: что народъ гражданскій могъ узнать отъ кочующаго?

Мы не приняли обычаевъ Татарскихъ.

Татары не вступались въ наши судныя дѣла гражданскія. Во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ Государь давалъ законы и судилъ чрезъ своихъ Намѣстниковъ и Дворянъ: недовольные ими жаловались ему; ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ сего времени не упоминается о Приказахъ. Отъ Намѣстника зависѣли Дворскіе и Сотники; первые судили холопей, вторые поселянъ; такъ было и въ Удѣлахъ. Тяжбы между подданными двухъ разныхъ Княженій рѣшились Боярами, съ обѣихъ сторонъ избираемыми: въ случаѣ ихъ несогласія назначался посредникъ, или *Третейскій судъ*, коего рѣшеніе уже всегда исполнялось. Правосудіе тогдашнее не имѣло, по видимому, твердаго основанія и большею частію зависѣло отъ произвола судящихъ. *Русская Правда* лишилась достоинства и силы общаго народнаго уложенія, вмѣсто коего давали судьямъ наказы или грамоты Княжескія, весьма краткія, неопредѣлительныя (402). Кромѣ Двинской судной грамоты Василія Димитріевича мы имѣемъ еще двѣ пятаго-надесять вѣка: Псковскую и Новогородскую. Въ обѣихъ говорится о *законныхъ поединкахъ* въ случаѣ доноса сомнительнаго. Такое странное обыкновеніе господствовало въ цѣлой Европѣ нѣсколько вѣковъ, заступивъ мѣсто *искушеній посредствомъ огня и воды*. Въ *Русской Правдѣ* нѣтъ еще ни слова о сихъ поединкахъ; но въ 1228 году они уже были въ Россіи способомъ доказывать свою невинность предъ судіями, и назывались *Полемъ*. Искусство и сила казались дѣйствіемъ суда Небеснаго: одолѣть въ бою значило оправдаться. Тщетно Духовенство противилось столь несогласному съ Христіанскою Вѣрою

Правосудіе.

уставу: Митрополитъ Фотій (въ 1410 году) писалъ къ Новогородскому Архіепископу Іоанну, что поединщики не должны вкушать тѣла и крови Христовой; что всякой, кто умертвитъ человѣка въ бою, отлучается отъ Церкви на 18 лѣтъ, и что Іереи не могутъ отпѣвать убитыхъ ([403]): но древній обычай былъ сильнѣе убѣжденій Духовенства, церковной казни и разсудка. Въ грамотѣ Псковской опредѣлены нѣкоторыя судныя пени ([404]); на примѣръ, за вырваніе бороды надлежало платить 2 рубля. Далѣе назначаются разныя денежныя взысканія: на примѣръ, за барана хозяину 6 денегъ, за овцу десять, а судьѣ три; объявляются недѣйствительными купля, продажа и мѣна, совершаемыя въ пьянствѣ; запрещается Княжескимъ людямъ держать корчмы и продавать медъ, а женщинамъ нанимать за себя судныхъ поединщиковъ, и проч. Сія грамота есть только отрывокъ или прибавленіе къ инымъ уставамъ; Новогородская же именно ссылается на другія нам неизвѣстныя грамоты, и содержитъ въ себѣ единственно особенныя постановленія, изъ коихъ явствуетъ, что Архіепископъ въ судахъ церковныхъ руководствовался Номоканономъ, а Посадникъ и Намѣстники Великокняжескіе старыми уставами Новогородскими; что они брали пошлину съ дѣлъ; что Тысячкій имѣлъ свою особенную управу; что судьи ѣздили по городамъ, обязанные рѣшить всякое дѣло въ опредѣленный срокъ или заплатить пеню; что вмѣстѣ съ судьями и *Докладчиками* засѣдали Присяжные, знаменитые граждане, Бояре и Житые люди; что дѣло предлагалось такъ называемыми *Разскащиками* или Стряпчими, а записывалось Дьякомъ или Секретаремъ съ приложеніемъ ихъ печатей; что мужья отвѣтствовали въ судахъ за женъ, а за вдовъ сыновья; что жены Боярскія и людей Житыхъ присягали дома; что холопи могли свидѣтельствовать только на холопей, а *Псковитяне* никогда; что прежде законнаго осужденія никто не могъ быть лишаемъ свободы, и всякому обвиняемому давался срокъ; что истецъ и отвѣтчикъ подвергались тяжкому взысканію, если беззаконно обносили другъ друга или судей; что уличенный въ насильственномъ владѣніи платилъ пеню Великому Князю и Новугороду, Бояринъ 50 рублей, Житый двадцать, а *Младшій* гражданинъ десять: слѣдственно наказаніе умножалось по мѣрѣ знатности или богатства преступниковъ. Къ суду Святительскому относились, кромѣ церковныхъ преступленій, всѣ дѣла Іереевъ, Иноковъ, людей монастырскихъ и проч.; а буде они имѣли дѣло съ мірянами, то Намѣстники и судьи Епископскіе рѣшили оное вмѣстѣ съ Княжескими или городскими чиновниками ([405]). Въ Новѣгородѣ Святительскія денежныя пени были гораздо тягостнѣе иныхъ; на примѣръ, отъ суднаго рубля получалъ Владыка, Намѣстникъ или Ключникъ его за печать гривну, а Посадникъ, Тысячкіе и судьи ихъ только семь денегъ. Такъ ли было и въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ, мы не знаемъ; но видимъ, что Духовенство наше вездѣ старалось умножать свои права судебныя, доказывая ихъ древность мнимыми церковными уставами Св. Владиміра и Ярослава Великаго. Послѣднимъ рѣшителемъ въ судахъ церковныхъ былъ Митрополитъ: Новогородцы въ 1385 году отняли у него сіе доходное право, уставивъ, чтобы Архіепископъ и главные ихъ чиновники вершили всѣ дѣла независимо или безъ отчета.

Вообще съ XI вѣка мы не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ; но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства: чему виною были замѣшательства и непостоянство въ Правленіи внутреннемъ. Князья, не увѣренные въ твердости своихъ престоловъ, судя народъ по необходимости и для собственнаго прибытка, старались уменьшать для себя затрудненія: совѣсть, присяга, здравый умъ естественный казались самымъ простѣйшимъ способомъ рѣшить тяжбы, согласно съ древними обыкновеніями и безъ всякихъ письменныхъ, общихъ правилъ. Законодатель опредѣлялъ единственно родъ наказаній и денежныя пени для главныхъ преступленій: смертоубійства, воровства и проч. Судъ духовный, основанный на Кормчей Книгѣ или Номоканонѣ, былъ не лучше гражданскаго: ибо сіи законы Греческіе во многомъ не шли къ Россіи и долженствовали часто уступать мѣсто произволу судей. Въ такомъ состояніи находилось правосудіе и въ другихъ земляхъ Европейскихъ около десятаго вѣка; но въ пятомъ-надесять, имѣя училища законовѣдѣнія и Римское

Право, Европа въ семъ отношеніи уже далеко нас опередила.

Не менѣе отстали мы и въ искусствѣ ратномъ: Крестовые походы, духъ Рыцарства, долговременныя войны и наконецъ образованіе строевыхъ, всегдашнихъ войскъ произвели великіе успѣхи онаго во Франціи и въ другихъ земляхъ (406); а мы, кромѣ пороха, въ теченіе сихъ вѣковъ не узнали и не пріобрѣли ничего новаго. Составъ нашей рати мало измѣнился. Всѣ главные чиновники государственные: Бояре *Старшіе*, *Большіе*, *Путные* (или помѣстные, коимъ давались земли, доходы казенные, *путевые* и другіе), *Окольничіе* или ближніе къ Государю люди, и Дворяне, были истиннымъ сердцемъ, лучшею, благороднѣйшею частію войска, и собственно именовались *Дворомъ Великокняжескимъ*. Вторый многочисленнѣйшій родъ записныхъ людей воинскихъ назывался *Дѣтьми Боярскими*: въ нихъ узнаемъ прежнихъ Боярскихъ Отроковъ; а Княжескіе обратились въ Дворянъ. Всякой древній, областный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣтей Боярскихъ, которые составляли воинскую дружину первыхъ (407). Купцы и граждане безъ крайности не вооружались, а земледѣльцы никогда (408). Герой Донскій умѣлъ вывести въ поле 150,000 ратниковъ; но для сего требовалось усилій необыкновенныхъ. Часто войско не успѣвало собраться, когда непріятель уже стоялъ подъ Москвою. Древніе обычаи не скоро уступаютъ мѣсто лучшимъ. Чтобы имѣть всегда полки готовые и не распускать ихъ, надлежало бы опредѣлить имъ жалованье: Государи наши скупились или не могли сдѣлать того безъ отягощенія подданныхъ налогами.

Искусство ратное.

Иностранные Писатели говорятъ, что Россіяне сего времени сражались подобно Моголамъ: «не стоя на мѣстѣ, а на скаку дѣйствуя стрѣлами и копьями, то нападая, то вдругъ отступая» (409). Но лѣтописи наши доказываютъ противное: хотя главное и лучшее войско состояло всегда изъ конницы, однакожь мы имѣли и пѣхоту: становились въ ряды сомкнутые; отдѣляли часть войска впередъ, чтобы открыть или удерживать непріятеля, а другую скрывали въ засадѣ; одни полки начинали битву, другіе ждали времени и случая ударить на врага; въ срединѣ находились обыкновенно такъ называемыя *большія* или Княжескія знамена подъ защитою Дворянъ. Мы умѣли пользоваться мѣстомъ; располагались станомъ за оврагами и дебрями. Полководцы наши изъявляли иногда смѣлую рѣшительность великаго ума воинскаго, какъ Герой Донскій, быстрымъ движеніемъ предупредивъ соединеніе Мамая съ Ягайломъ. Куликовская битва достопамятна не только храбростію, но и самымъ искусствомъ. Александръ Невскій также показалъ оное въ сраженіи со Шведами и съ Ливонскими Меченосцами. Лѣтописцы отмѣнно славятъ ратный умъ Димитрія Волынскаго, побѣдителя Болгаровъ, Олегова и Мамаева: чѣмъ въ государствованіе Темнаго отличались Князь Василій Оболенскій и Московскій Дворянинъ Θеодоръ Басенокъ (410). — Однакожь Россіяне XIV и XV вѣка вообще не могли равняться съ предками своими въ опытности воинской, когда частыя битвы съ непріятелями внѣшними и междоусобныя не давали засыхать крови на ихъ мечахъ, и когда они, такъ сказать, жили на полѣ сраженія. Кровь лилася и во время ига Ханскаго, но рѣдко въ битвахъ: видимъ много убійствъ, но гораздо менѣе ратныхъ подвиговъ.

Замѣтимъ, что лѣтописи временъ Василія Темнаго въ 1444 году упоминаютъ о *Козакахъ* Рязанскихъ, особенномъ легкомъ войскѣ, славномъ въ новѣйшія времена. И такъ Козаки были не въ одной Украйнѣ, гдѣ имя ихъ сдѣлалось извѣстно по Исторіи около 1517 г. (411); но вѣроятно, что оно въ Россіи древнѣе Батыева нашествія, и принадлежало Торкамъ и Берендѣямъ, которые обитали на берегахъ Днѣпра, ниже Кіева. Тамъ находимъ и первое жилище Малороссійскихъ Козаковъ. Торки и Берендѣи назывались *Черкасами* (412): Козаки также. Вспомнимъ *Касоговъ*, обитавшихъ, по нашимъ лѣтописямъ, между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ; вспомнимъ и страну *Казахію*, полагаемую Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сихъ же мѣстахъ; прибавимъ, что Оссетинцы и нынѣ именуютъ Черкесовъ *Касахами* (413): столько обстоятельствъ вмѣстѣ заставляютъ думать, что Торки и Берендѣи, называясь *Черкасами*, назывались и *Козаками*; что нѣкоторые изъ нихъ, не хотѣвъ покориться ни Моголамъ, ни Литвѣ, жили какъ вольные люди на островахъ Днѣпра, огражденныхъ скалами, непроходимымъ тростникомъ и болотами; приманили къ себѣ многихъ Россіянъ, бѣжавшихъ отъ угне-

Происхожденіе Козаковъ.

тенія; смѣшались съ ними, и подъ именемъ *Козаковъ* составили одинъ народъ, который сдѣлался совершенно Русскимъ, тѣмъ легче, что предки ихъ, съ десятаго вѣка обитавъ въ области Кіевской, уже сами были почти Русскими. Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христіанскую Республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ Татарами мѣстахъ; взялись быть защитниками Литовскихъ владѣній со стороны Крымцевъ, Турковъ, и снискали особенное покровительство Сигизмунда I, давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ ихъ именемъ. Они раздѣлились на *сотни* и *полки*, коихъ Глава или Гетманъ въ знакъ уваженія получилъ отъ Государя Польскаго, Стефана Батори, знамя Королевское, бунчукъ, булаву и печать([414]). Сіи-то природные воины, усердные къ свободѣ и къ Вѣрѣ Греческой, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достояніе онаго. — Собственно такъ называемые Козаки *Запорожскіе* были частію Малороссійскихъ: Сѣча ихъ, или земляная крѣпость ниже Днѣпровскихъ пороговъ, служила сперва сборнымъ мѣстомъ, а послѣ сдѣлалась жилищемъ холостыхъ Козаковъ, не имѣвшихъ никакого промысла, кромѣ войны и грабежа. — Вѣроятно, что примѣръ Украинскихъ Козаковъ, всегда вооруженныхъ и готовыхъ встрѣтить непріятеля, далъ мысль и сѣвернымъ городамъ нашимъ составить подобное земское войско. Область Рязанская, наиболѣе подверженная нападенію Ординскихъ хищниковъ, имѣла и болѣе нужды въ такихъ защитникахъ. Люди молодые, бездомовные, записывались въ Козаки, побуждаемые къ тому или нѣкоторыми особенными, гражданскими выгодами — можетъ быть, освобожденіемъ отъ всякихъ податей — или прелестію добычи воинской ([415]). Въ Исторіи слѣдующихъ временъ увидимъ *Козаковъ Ординскихъ, Азовскихъ, Ногайскихъ* и другихъ: сіе имя означало тогда *вольницу, наѣздниковъ, удальцевъ*, но не *разбойниковъ*, какъ нѣкоторые утверждаютъ, ссылаясь на лексиконъ Турецкій ([416]): оно безъ сомнѣнія не бранное, когда Витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и Вѣру, добровольно такъ назвалися.

Россія, не смотря на всѣ бѣдствія, нанесенныя ей Моголами, въ XIV и въ XV вѣкѣ имѣла знатное купечество. Древній, славный *путь Греческій* для нас закрылся: открылись новые пути торговли, съ Востокомъ чрезъ Орду, съ Константинополемъ и съ Западомъ чрезъ Азовъ посредствомъ рѣки Дона. Купцы, торгующіе шелковыми тканями, назывались въ Москвѣ *Сурожанами*, по имени Сурожскаго или Азовскаго моря ([417]): ибо онѣ привозились къ намъ изъ Азова. Сіи купцы были главными, вмѣстѣ *съ суконниками*, которые продавали Нѣмецкія сукна, получая оныя изъ Новагорода, гдѣ цвѣла торговля Ганзейская. За сіи иностранныя произведенія мы платили мѣхами. Россія была тогда привольемъ звѣрей, птицъ и ловцевъ. Еще непроходимые, дремучіе лѣса осѣняли большую часть земли: тишина, царствуя въ глубокомъ уединеніи пустынь, благопріятствовала размноженію всякаго рода животныхъ. Какъ въ XI столѣтіи дикіе кони, буйволы, вепри, олени стадами гуляли въ лѣсахъ южной Россіи, такъ въ сѣверной около пятаго-надесять вѣка бобры, козы, лоси витали на свободѣ: лебеди стаями плавали на рѣкахъ и озерахъ ([418]). Россія, скудная людьми — отъ недавности своего населенія, отъ меча, отъ плѣненія, отъ частыхъ голодовъ и язвы — тѣмъ болѣе изобиловала дикими сокровищами Природы, коихъ источники всегда иссякаютъ отъ возрастающаго многолюдства. Ординскіе купцы живали въ Москвѣ, въ Твери, въ Ростовѣ; они доставляли намъ товары ремесленной Азіи и лошадей, а брали въ обмѣнъ (сверхъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, нашихъ собственныхъ и Пермскихъ) множество ловчихъ птицъ, соколовъ, кречетовъ, привозимыхъ въ Великое Княженіе изъ Двинской земли. Вѣроятно, что Россіяне передавали Моголамъ и Нѣмецкія сукна, такъ же, какъ Нѣмцамъ плоды Азіатскаго ремесла. Казань заступила мѣсто древняго Царства Болгарскаго: купцы Московскіе и другіе торговали въ ней съ Востокомъ. — Ханы для своихъ выгодъ покровительствовали у насъ торговлю, чтобы мы, обогащаясь ею, тѣмъ исправнѣе платили Ординскую дань. Славный Венеціянскій путешественникъ, Марко Пауло, бывъ около 1270 года въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ

Купечество.

Каспійскаго моря, говоритъ о *Хладной* Россіи, сказывая, что ея жители были, вообще хороши лицемъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками* (419): мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемаго нами отъ Нѣмецкихъ купцевъ и черезъ Югру изъ Сибири. Новогородцы обѣщали Михаилу Тверскому 6000 фунтовъ серебра, а Витовту дѣйствительно заплатили около шестидесяти пудовъ: что прежде открытія Америки было весьма много. Не знаемъ за-подлинно, сколько мы ежегодно давали Ханамъ; однакожь извѣстно, что въ 1384 г. съ каждой *деревни* собиралось для нихъ около 12 золотниковъ серебра; а *деревня* состояла тогда обыкновенно изъ двухъ или трехъ дворовъ. Города платили иногда и золотомъ (420). Кромѣ сего земледѣльцы вносили въ казну Великокняжескую по гривнѣ съ сохи; кузнецы, рыбаки, лавочники также по гривнѣ (что составляло болѣе двухъ золотниковъ серебра). Дань Ханская отчасти возвращалась къ намъ изъ Орды торговлею. Наконецъ мы столько имѣли серебра, что могли отмѣнить мордки или *куны*, древнія наши *ассигнаціи*, бывшія не менѣе пяти сотъ лѣтъ въ обращеніи, и весьма полезныя для успѣховъ промышлености за недостаткомъ въ металлахъ. Казна, соблюдая умѣренность въ выпускѣ сихъ кожаныхъ знаковъ, умѣла держать ихъ въ цѣнѣ до самаго нашествія Батыева: тогда упали, куны: ибо Моголы не брали ихъ вмѣсто серебра; онѣ ходили еще нѣсколько времени въ Новѣгородѣ и Псковѣ, не имѣвшихъ тѣсной связи съ Ордою; но скоро и тамъ исчезли отъ затрудненія въ торговыхъ счетахъ съ другими Россіянами, которые уже не признавали достоинства *мордокъ:* что прежде называлось *кунами*, стало называться *деньгами* (421) — и древняя кожаная гривна, оцѣненная на серебро, обратилась въ десятую часть рубля. Нѣтъ сомнѣнія, что сія перемѣна имѣла вредныя слѣдствія для внутренней торговли, вдругъ уменьшивъ въ Россіи количество денегъ. Города купеческіе имѣли серебро; но другіе, менѣе торговые, долженствовали нуждаться въ знакахъ для оцѣнки вещей: такъ въ землѣ Двинской, по уничтоженіи кожаныхъ лоскутковъ, называемыхъ кунами и векшами, опять ходили дѣйствительныя шкуры куницъ и бѣлокъ вмѣсто денегъ, какъ было у насъ въ самую глубокую древность; то есть, возобновилась непосредственная мѣна вещей, обыкновенная въ состояніи полудикихъ народовъ.

Касательно нашей внутренней торговли замѣтимъ, что ея свобода и выгоды обыкновенно входили въ условія государственныхъ постановленій. Владѣтельные Князья, опредѣляя легкія законныя пошлины съ купеческихъ возовъ и лодокъ, прибавляли въ договорныхъ грамотахъ: «а купцамъ торговать безъ *рубежа* или безъ *зацѣпокъ*» (422). Кромѣ перевоза иностранныхъ вещей изъ мѣста въ мѣсто, жители нѣкоторыхъ областей промышляли своими особенными произведеніями: Новогородскіе хмѣлемъ и льномъ, Новоторжскіе кожами, Галичане и Двиняне солью. Соль Галицкая уже славилась при Донскомъ. Псковитяне въ 1364 году также завели-было соляныя варницы, но скоро оставили. Хлѣбъ и рыба составляли знатнѣйшій изъ торговъ внутреннихъ. Частые неурожаи, бѣдственные для народа, обогащали купцевъ проворливыхъ.

Изобрѣтенія, художества, роскошь, познанія, словесность.

Хотя Моголы какъ бы заградили насъ отъ Европы; хотя уже Вѣнценосцы ея не вступали съ нашими въ брачные союзы, и кромѣ Иннокентіева Посольства къ Александру Невскому, кромѣ Исидорова путешествія въ Италію, не было у насъ никакихъ государственныхъ сношеній съ Западомъ; хотя вообще иностранныя лѣтописи сего времени почти не упоминаютъ о Россіи: однакожь, черезъ торговыя связи Новагорода съ Германіею, Москвитяне довольно скоро узнавали важнѣйшія Европейскія открытія, какъ-то изобрѣтеніе бумаги и пороха. Въ XV вѣкѣ мы уже перестали употреблять хартію или пергаменъ, замѣнивъ его гораздо дешевѣйшею тряпичною бумагою, покупаемою у Нѣмцевъ, которые доставляли намъ и снарядъ огнестрѣльный (423). Москва и Галичъ оборонялись пушками; но въ описаніи полевыхъ битвъ говорится только о стрѣлахъ, мечахъ и копьяхъ: кажется, что пушки и пищали употреблялись единственно для защиты городовъ. — Къ художествамъ Русскимъ прибавилось одно новое: монетное; по крайней мѣрѣ со временъ Ярослава или со XII вѣка мы, кажется, не имѣли онаго. Монетчики назывались *денежниками*. — Памятниками тогдашняго зодчества остались нѣкоторыя довольно красивыя

державы, въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ. По лѣтописямъ извѣстно, что Св. Ольга жила въ каменномъ дворцѣ: въ Москвѣ же, кромѣ церквей и городскихъ стѣнъ, не было ни одного каменнаго зданія до XV вѣка: ибо Князья и Вельможи предпочитали деревянные домы какъ благопріятнѣйшіе для здоровья. Сверхъ того частые мятежи и государственныя неустройства отвращали самыхъ богатыхъ людей отъ мысли строить долговременно и прочно; гдѣ нѣтъ твердаго порядка гражданскаго, тамъ рѣдко бываютъ и твердыя зданія. Новогородскій Архіепископъ Евфимій въ 1433 году поставилъ у себя на дворѣ *каменную съ тридцатью дверями палату*, украшенную живописью и боевыми часами, а Митрополитъ Іона такую же въ 1419 году, съ домовымъ храмомъ Положенія Ризъ; первую строили Нѣмецкіе Архитекторы. – Среди нынѣшней Москвы находилось еще не мало рощей и луговъ. Князья, Бояре имѣли свои мельницы, разные сады и домы загородные. Роскошь состояла во множествѣ слугъ, въ богатой одеждѣ, въ высокомъ домѣ, въ глубокихъ погребахъ, наполненныхъ бочками крѣпкаго меда; а всего болѣе въ созиданіи храмовъ и въ драгоцѣнныхъ окладахъ иконъ. Упомянувъ о слугахъ, замѣтимъ, что Великіе Князья, умирая, обыкновенно давали своимъ холопамъ волю (424): такъ поступали и другіе знатные люди.

Нѣтъ сомнѣнія, что древній Кіевъ, украшенный памятниками Византійскихъ художествъ, оживляемый стеченіемъ купцевъ иностранныхъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, превосходилъ Москву пятаго-надесять вѣка во многихъ отношеніяхъ. Мы загрубѣли, однакожь не столько, чтобы умъ лишился всей животворной силы своей и не оказывалъ ни въ чемъ успѣховъ. Греція до самаго ея паденія не преставала дѣйствовать на Россію: брала отъ насъ серебро, но давала намъ вмѣстѣ съ мощами и книги. Основаніемъ Московской Патріаршей библіотеки, извѣстной въ ученой Европѣ, была Митрополитская, заведенная во время господства Ханскаго надъ Россіею и богатая не только церковными рукописями, но и древнѣйшими твореніями Греческой Словесности (425). Знаніе Еллинскаго языка составляло ученость, почти необходимую для знатнѣйшаго Духовенства, которое находилось въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ Царемградомъ. Такимъ образомъ церковная наша зависимость, вредная въ смыслѣ Политики, благопріятствовала у насъ просвѣщенію; то есть, не давала ему совершенно угаснуть, по крайней мѣрѣ въ Духовенствѣ. Любопытные міряне искали свѣдѣній въ монастыряхъ: вопрошали Иноковъ о предметахъ Христіанства и нравственности, о самыхъ государственныхъ дѣяніяхъ временъ минувшихъ: ибо тамъ жила Исторія Россійская, какъ и прежде; тамъ, усерднымъ перомъ Черноризцевъ, она изображала плачевную судьбу отечества, мѣшая повѣствованіе съ наставленіями. Волынскій Лѣтописецъ приводитъ мѣста изъ Гомера: Московскій упоминаетъ о Пиѳагорѣ и Платонѣ (426). Кромѣ церковныхъ или душеспасительныхъ книгъ, мы имѣли отъ Грековъ всемірныя лѣтописи и разныя историческія, нравственныя, баснословныя повѣсти; на примѣръ: о *храбрости Александра Македонскаго*, переводъ Арріана — о *Синагрипѣ, Царѣ Адоровѣ* — о *витязяхъ древности* — о *богатствахъ Индіи* (427), и проч. Вторая изъ сихъ повѣстей есть Арабская (изданная на Французскомъ языкѣ въ продолженіи *Тысячи-одной ночи*): вѣроятно, что она въ XIII или въ XIV вѣкѣ была переведена на Русской съ Греческаго. Между тогдашними произведеніями собственной нашей Словесности достопамятны піитическое изображеніе Куликовской битвы и похвала Димитрію Донскому. Первое, сочиненное Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, многими чертами напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*, хотя и менѣе стихотворно. На примѣръ (428): «Князь Владиміръ такъ говоритъ Димитрію: Воеводы наши крѣпки, витязи Русскіе славны, кони ихъ борзы, доспѣхи тверды, щиты червленые, копья злаченыя, сабли булатныя, *курды* Ляцкія, колчаны Фряжскіе, сулицы Нѣмецкія; всѣ пути знакомы имъ, берега Оки свѣдомы. Хотятъ витязи положить свои головы за Вѣру Христіанскую и за обиду Великаго Князя Димитрія . . . Великая Княгиня Евдокія съ женами Воеводскими сидитъ печально въ златоверхомъ теремѣ, подъ окнами южными, смотритъ въ слѣдъ супругу милому, льетъ слезы ручьями, и приложивъ руки къ персямъ, такъ вѣщаетъ: Боже великій! умоляю Тебя смиренно: сподоби меня еще видѣть моего друга, славнаго между люд-

ми, Князя Димитрія! Помоги ему на враговъ рукою крѣпкою! Да не падутъ Христіане отъ Мамая невѣрнаго, какъ пали нѣкогда отъ злаго Батыя! Да спасется остатокъ ихъ и да славитъ имя Твое святое! Уныла земля Русская: только на Тебя уповаемъ, Око Всевидящее! Имѣю двухъ младенцевъ беззащитныхъ: кому закрыть ихъ отъ вѣтра бурнаго, отъ зноя палящаго? Возврати имъ отца, да царствуютъ во вѣки! . . .

«Славный Волынецъ, мужъ исполненный ратной мудрости, на канунѣ битвы, въ глубокую ночь, зоветъ Великаго Князя въ чистое поле, да узнаетъ тамъ судьбу отечества. Впереди станъ Мамаевъ: за нами Россійскій. *Внимай!* сказалъ Волынецъ. . . и Димитрій, обратяся къ Мамаеву стану, слышитъ стукъ и кличь, подобный шуму многолюднаго торжища или созидаемаго града, или звуку трубъ безчисленныхъ. Далѣе грозно воютъ звѣри и кричатъ вороны: гуси и лебеди плещутъ крылами по рѣкѣ Непрядвѣ и предвѣщаютъ грозу необычайную. *Обратися къ стану Русскому!* говоритъ Волынецъ — *что слышишь?* . . . . *Все тихо*, отвѣтствуетъ Димитрій: *вижу только сліяніе огней небесныхъ съ блестящими зарями* . . . . Волынецъ сходитъ съ коня; ухомъ приникаетъ къ землѣ; слушаетъ долго; встаетъ и безмолвствуетъ. Великій Князь требуетъ отповѣди. *Добро и зло ожидаетъ насъ*, говоритъ ему сей мудрый витязь: *плачутъ обѣ страны, единая какъ вдовица, другая какъ дѣва жалобнымъ гласомъ свирѣли. Ты побѣдишь, Димитрій; но много, много падетъ нашихъ!* Димитрій пролилъ слезы . . .

«Сходятся рати подъ густою мглою. Знамена Христіанскія воспрянули; кони подъ всадниками присмирѣли; звучатъ трубы наши громко, Татарскія глухо. Стонетъ земля на Востокъ до моря, на Западъ до рѣки Дуная. Поле отъ тягости перегибается; воды изъ береговъ выступаютъ. . . Часъ насталъ. Каждый воинъ, ударивъ по коню, воскликнулъ: *Господи! помози Христіанамъ!* и быстро впередъ устремился . . . Сразились, не только оружіемъ, но и *сами о себя избивая другъ друга;* умирали подъ ногами конскими; задыхались отъ тѣсноты на полѣ Куликовѣ. Зари кровавыя блистаютъ отъ сіянія мечей; лѣсъ копій трещитъ и ломается. Удалые витязи наши какъ величественная дубрава склонялись на землю. О чудо! разверзлося небо надъ полками Димитрія; видимъ свѣтлое облако, исполненное рукъ человѣческихъ, которыя держатъ лучезарные вѣнцы для побѣдителей . . . И се воины Князя Владиміра рвутся изъ засады на Мамая, какъ соколы на стадо гусиное, какъ гости на пиръ брачный; ударили, и врагъ бѣжитъ, восклицая: *увы тебѣ, Мамай вознесся до небесъ, и въ адъ нисходишь!*» и проч.

Въ похвальномъ словѣ Димитрію есть сила и нѣжность. Описывая добродѣтели сего Великаго Князя, сочинитель говоритъ (429): «Нѣкоторые люди заслуживаютъ похвалу въ юношествѣ, другіе въ лѣта средніи, или въ старости: Димитрій всю жизнь совершилъ во благѣ. Пріявъ власть отъ Бога, онъ съ Богомъ возвеличилъ землю Русскую, которая во дни его княженія *воскипѣла* славою; былъ для отечества стѣною и твердію, а для враговъ огнемъ и мечемъ; кротко-повелителенъ съ Князьями, тихъ, *увѣтливъ* съ Боярами; имѣлъ умъ высокій, сердце смиренное; взоръ красный, душу чистую; мало говорилъ, разумѣлъ много; когда же говорилъ, тогда Философамъ заграждалъ уста; благотворя всѣмъ, могъ назваться *окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, трубою спящихъ въ опасности* . . . Когда же великій *Царь* земли Русскія, Димитрій, заснулъ сномъ вѣчнымъ: тогда *аеръ* возмутился, земля потряслася, люди ужаснулись. О день скорби и *туги*, день мрака и бѣдствія, вопля и захлипанія! Народъ вѣщалъ: *о горе намъ, братіе! Князь Князей преставился; звѣзда, сіяющая міру, склонилась къ западу!*» — О супружеской взаимной любви Димитрія и Великой Княгини Евдокіи сказано такъ: «Оба жили единою душею въ двухъ тѣлахъ; оба жили единою добродѣтелію, какъ *златоперсистый* голубь и *сладкогглаголивая* ластовица съ умиленіемъ смотряся въ чистое зерцало совѣсти . . . Видя же его мертваго на одрѣ, Княгиня горько восплакала, проливая *слезы огненныя;* гласъ ея какъ утреннее шептаніе ластовицы, какъ органы сладкозвучные. Такъ вѣщаетъ горестная: Зашелъ свѣтъ очей моихъ; погибло сокровище моей жизни! Гдѣ ты, безцѣнный? Почто не отвѣтствуешь супругѣ? . . . Цвѣтъ прекрасный! для чего увядаешь столь рано? виноградъ многоплодный! уже ты не дашь плода моему сердцу, ни сладости душѣ моей! . . .

Возври, возври на меня; обратися ко мнѣ на одрѣ своемъ; промолви слово! Не уже ли забылъ меня? Се жена и дѣти твои! . . . Кому супругу приказываешь? на кого сиротъ оставляешь? . . . Царь мой милый! какъ обниму тебя? какъ послужу тебѣ? . . . Гдѣ честь твоя и слава? Былъ Государемъ всей земли Русской: нынѣ мертвъ и ничѣмъ не владѣешь! Побѣдитель народовъ побѣжденъ смертію! Измѣнилась твоя слава вмѣстѣ съ лицемъ твоимъ! . . . О жизнь души моей! не знаю, какъ ласкать, какъ миловать тебя! . . . Багряницу многоцѣнную промѣнялъ ты на сіи ризы бѣдныя! Не моего наряда одежду на себя возлагаешь! . . . Отвергнувъ Княжескій вѣнецъ, худымъ платомъ главу покрываешь! Изъ палаты красной въ сей гробъ переселяешься! . . . Ахъ! если бы Господь услышалъ молитву мою! . . . Молися и ты за свою Княгиню, да умру съ тобою, бывъ неразлучна съ тобою въ жизни! . . . Еще юность насъ не оставила; еще старость насъ не постигла! Ахъ! не долго я радовалась моимъ другомъ! За веселіе пришли слезы, за утѣхи скорбь несносная! . . . Почто я родилася? или почто не умерла прежде тебя? Тогда я не видала бы твоей кончины, а своей погибели! . . . Не слышишь жалкихъ рѣчей моихъ; не умиляешься моими слезами горькими! Крѣпко уснулъ, Царь мой; не могу разбудить тебя! Съ какой войны пришелъ ты, любезный? Отъ чего столь утомился? Звѣри земные идутъ на ложе свое, а птицы небесныя летятъ ко гнѣздамъ: ты же, любезный, отходишь навѣки отъ своего дому! . . . Кому уподоблю, какъ назову себя! Вдовою ли? ахъ! не знаю сего имени! Женою ли? но Царь оставилъ меня! . . . Вдовы старыя! утѣшайте меня! Вдовы юныя! плачьте со мною! Горесть вдовья жалостнѣе всѣхъ горестей. . . Боже великій, Царь Царей! Ты единъ буди мнѣ истиннымъ утѣшителемъ!» — Сіи приведенныя нами мѣста суть, кажется, лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія. Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.

Сверхъ церковнаго наставленія и мудрыхъ изрѣченій Св. Писанія, которыя Пос- ...вались въ память людей, Россія ... особенную систему нравоученія ...хъ народныхъ пословицахъ. Многія изъ оныхъ несомнительно относятся къ сему времени; на примѣръ: *гдѣ Царь, тамъ и Орда*; или: *такали, такали Новогородцы, да и протакали* (430). Нынѣ умники пишутъ: въ старину только говорили; опыты, наблюденія, достопамятныя мысли въ вѣкъ малограмотный сообщались изустно. Нынѣ живутъ мертвые въ книгахъ: тогда жили въ пословицахъ. Все хорошо придуманное, сильно сказанное, передавалось изъ рода въ родъ. Мы легко забываемъ читанное, зная, что въ случаѣ нужды можемъ опять развернуть книгу: но предки наши помнили слышанное; ибо забвеніемъ могли навсегда утратить счастливую мысль или свѣдѣніе любопытное. Добрый купецъ, Бояринъ, рѣдко грамотный, любилъ внучатамъ своимъ твердить умное слово дѣда его, которое обращалось въ семейственную пословицу. Такъ разумъ человѣческій въ самомъ величайшемъ стѣсненіи находитъ какой нибудь способъ дѣйствовать, подобно какъ рѣка, запертая скалою, ищетъ тока хотя подъ землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками. — Вѣроятно, что и нѣкоторыя народныя пѣсни Русскія, въ особенности истори- Пѣсни. ческія о благословенныхъ временахъ Владиміра Святаго, были сочинены въ вѣки нашего рабства государственнаго; когда воображеніе, унывая подъ игомъ невѣрныхъ, любило ободряться воспоминаніемъ прошедшей славы отечества. Русской поетъ въ веселіи и въ печали. — Вообще языкъ нашъ отъ XIII до XV Языкъ. вѣка пріобрѣлъ болѣе чистоты и правильности. Оставляя употребленіе собственнаго Русскаго, необразованнаго нарѣчія, Писатели тщательнѣе держались Грамматики церковныхъ книгъ или древняго Сербскаго, коего памятникъ есть наша Библія (431), и коему слѣдовали они не только въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ, но и въ выговорѣ или въ изображеніи словъ; однакожъ, подобно Лѣтописцу Нестору, ошибались иногда и на употребленіе: отъ чего въ слогѣ нашемъ закоренѣла пестрота, освященная древностію, такъ, что мы и нынѣ въ одной книгѣ, на одной страницѣ пишемъ *злато* и *золото*, *гладъ* и *голодъ*, *младость* и *молодость*, *пію* и *пью*. Еще не время было для Россіянъ дать языку ту силу, гибкость, пріятность, тонкость, которыя соединяются съ выспренними успѣхами разума въ мирномъ благоденствіи гражданскихъ обществъ, съ бога-

тствомъ мыслей и знаній, съ образованіемъ вкуса или чувства изящности: по крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши трудились надъ яснѣйшимъ выраженіемъ своихъ мыслей, смягчали грубые звуки словъ, наблюдали въ ихъ теченіи какую-то плавность (432). Наконецъ, не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однакожь не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколь оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ, что Исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что Оно назначило Россіи быть долговѣчною.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VI.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III ВАСИЛІЕВИЧЪ.

Г. 1462—1472.

Вступленіе. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу. Договоръ съ Князьями Тверскимъ и Верейскимъ. Дѣла Псковскія. Ахматъ возстаетъ на Россію. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта. Кончина супруги Іоанновой. Избраніе новаго Митрополита. Походы на Казань. Война съ Новымгородомъ. Явленіе Кометъ. Завоеваніе Перми. Нашествіе Ахмата на Россію. Смерть Юрія, Іоаннова брата.

Г. 1462. Вступленіе. Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки Княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется Держава сильная, какъ бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, въ грубости; но Правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются Искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; Посольства Великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ Дворамъ знаменитымъ; Посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: Императоръ, Папа, Короли, Республики, Цари Азіатскіе привѣтствуютъ Монарха Россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія: Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей Исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ-три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіянъ. Г. 1462.

Іоаннъ на двѣнадцатомъ году жизни сочетался бракомъ съ Маріею, Тверскою Княжною; на осьмнадцатомъ уже имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, прозваніемъ *Младаго*, а на двадцать-второмъ сдѣлался Государемъ. Но въ лѣта пылкаго юношества онъ изъявлялъ осторожность свойственную умамъ зрѣлымъ, опытнымъ, а ему природную: ни въ началѣ, ни послѣ не любилъ дерзкой отважности; ждалъ случая, избиралъ время; не быстро устремлялся къ цѣли, но двигался къ ней размѣренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнѣніе и правила вѣка. Назначенный Судьбою возстановить Единодержавіе въ Россіи, онъ не вдругъ предпріялъ сіе великое дѣло и не считалъ всѣхъ средствъ дозволенными. Московскіе Намѣстники управляли Рязанью; малолѣтный Князь ея, Василій, воспитывался въ нашей столицѣ: Іоаннъ однимъ словомъ могъ бы присоединить его землю къ Великому Княженію, но не хотѣлъ того, и послалъ шестнадцати-лѣтняго Василія господствовать въ Рязани, выдавъ за него меньшую сестру свою, Анну (1). Признал также независимость

Г. 1464. Князь Рязанскій отпущенъ въ свою столицу.

г. 1464. Твери, заключивъ договоръ съ шуриномъ, Михаиломъ Борисовичемъ, какъ съ братомъ и *равнымъ* ему *Великимъ* Княземъ (²); не требовалъ для себя никакого старѣйшинства; далъ слово не вступаться въ *Домъ Святаго Спаса*, не принимать ни Твери, ни Кашина отъ Хана; утвердилъ границы ихъ владѣній, какъ онѣ были при Михаилѣ Ярославичѣ. Зять и шуринъ условились дѣйствовать за-одно противъ Татаръ, Литвы, Польши и Нѣмцевъ; вторый обязывался не имѣть никакого сношенія съ врагами перваго, съ сыновьями Шемяки, Василія Ярославича Боровскаго, и съ Можайскимъ; а Великій Князь обѣщалъ не покровительствовать враговъ Тверскаго. Михаилъ Андреевичь Верейскій по договорнымъ грамотамъ уступилъ Іоанну нѣкоторыя мѣста изъ своего Удѣла и призналъ себя *младшимъ* въ отношеніи къ самымъ меньшимъ его братьямъ; впрочемъ удержалъ всѣ старинныя права Князя Владѣтельнаго (³).

Договоръ съ Князьями.

Псковитяне оскорбили Іоанна. Василій Темный не за-долго до кончины своей далъ имъ въ Намѣстника, безъ ихъ воли, Князя Владиміра Андреевича: они приняли его, но не любили и скоро выгнали: даже обругали и столкнули съ крыльца на Вѣчѣ. Владиміръ поѣхалъ жаловаться въ Москву, куда въ слѣдъ за нимъ прибыли и Бояре Псковскіе. Три дни Великій Князь не хотѣлъ ихъ видѣть; на четвертый выслушалъ извиненія, простилъ и милостиво дозволилъ имъ выбрать себѣ Князя. Псковитяне избрали Князя Звенигородскаго, Ивана Александровича; Іоаннъ утвердилъ его въ семъ достоинствѣ, и сдѣлалъ еще болѣе: прислалъ къ нимъ войско, чтобы наказать Нѣмцевъ за нарушеніе мира: ибо жители Дерпта посадили тогда нашихъ купцевъ въ темницу. Сія война, какъ обыкновенно, не имѣла важныхъ слѣдствій. Нѣмцы съ великимъ стыдомъ бѣжали отъ передоваго отряда Россійскаго; а Псковитяне, имѣя у себя нѣсколько пушекъ, осадили Нейгаузенъ, и посредствомъ Магистра Ливонскаго скоро заключили перемиріе на девять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Епископъ Дерптскій, по древнимъ грамотамъ, заплатилъ какую-то дань Великому Князю не утѣсняя въ семъ городѣ ни жителей Русской слободы, ни церквей нашихъ (⁴). Воевода Іоанновъ, Князь Ѳеодоръ Юрьевичь, возвратился въ Москву, осыпанный благодарностію Псковитянъ и дарами, которые состояли въ тридцати рубляхъ для него и въ пятидесяти для всѣхъ бывшихъ съ нимъ Бояръ ратныхъ.

Дѣла Псковскія.

г. 1464 —1465.

Новогородцы не взяли участія въ сей войнѣ, и даже явно доброжелательствовали Ордену: въ досаду имъ Псковитяне отложились отъ ихъ Архіепископа, хотѣли имѣть своего особеннаго Святителя, и просили о томъ Великаго Князя. Еще Новгородъ находился въ дружелюбныхъ сношеніяхъ съ Москвою и слушался ея Государя: благоразумный Іоаннъ отвѣтствовалъ Псковитянамъ: «Въ дѣлѣ столь важномъ я долженъ узнать мнѣніе Митрополита и всѣхъ Русскихъ Епископовъ. Вы и старшіе братья ваши, Новогородцы, моя отчина, жалуетесь другъ на друга; они требовали отъ меня Воеводы, чтобы смирить васъ оружіемъ: я не велѣлъ имъ мыслить о семъ междоусобіи, ни задерживать вашихъ Пословъ на пути ко мнѣ; хочу тишины и мира; буду праведнымъ судіею между вами (⁵).» Сказавъ, совершилъ дѣло миротворца. Псковитяне возвратили церковныя земли Архіепископу Іонѣ и взаимными клятвами подтвердили древній союзъ братскій съ Новогородцами. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Духовенство Псковское, будучи весьма недовольно правленіемъ Іоны, обвиняемаго въ безпечности и корыстолюбіи, хотѣло безъ его вѣдѣнія рѣшить всѣ церковныя дѣла по Номоканону, и съ согласія гражданскихъ чиновниковъ написало судную для себя грамоту; но Великій Князь вторично вступился за древнія права Архіепископа: грамоту уничтожили, и все осталось, какъ было.

Три года Іоаннъ властвовалъ мирно и спокойно, не сложивъ съ себя имени данника Ординскаго, но уже не требуя милостивыхъ ярлыковъ отъ Хана на достоинство Великокняжеское и, какъ вѣроятно, не платя дани, такъ, что Царь Ахматъ, повелитель Волжскихъ Улусовъ, рѣшился прибѣгнуть къ оружію; соединилъ всѣ силы и хотѣлъ итти къ Москвѣ (⁶). Но счастіе, благопріятствуя Іоанну, воздвигло Орду на Орду: Ханъ Крымскій, Ази-Гирей, встрѣтилъ Ахмата на берегахъ Дона: началася кровопролитная война между ими, и Россія осталась въ тишинѣ, готовясь къ важнымъ подвигамъ.

г. 1465. Ахматъ возстаетъ на Россію.

Кромѣ внѣшнихъ опасностей и непріятелей, юный Іоаннъ долженъ былъ внутри Государства преодолѣть общее уныніе сердецъ, какое-то разслабленіе,

г. 1466. Всеобщая мысль о скоромъ преставленіи свѣта.

дремоту силъ душевныхъ. Истекала седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра по Греческимъ Хронологамъ: суевѣріе съ концемъ ея ждало и конца міру. Сія несчастная мысль, владычествуя въ умахъ, вселяла въ людей равнодушіе ко славѣ и благу отечества (7); менѣе стыдились государственнаго ига, менѣе плѣнялись мыслію независимости, думая, что все не на-долго. Но печальное тѣмъ сильнѣе дѣйствовало на сердца и воображеніе. Затмѣнія, мнимыя

г. 1466—1467.

чудеса ужасали простолюдиновъ болѣе, нежели когда нибудь. Увѣряли, что Ростовское озеро цѣлыя двѣ недѣли страшно выло всякую ночь и не давало спать окрестнымъ жителямъ (8). Были и важныя, дѣйствительныя бѣдствія: отъ чрезвычайнаго холода и морозовъ пропадалъ хлѣбъ въ поляхъ; два года сряду выпадалъ глубокій снѣгъ въ Маѣ мѣсяцѣ (9). Язва, называемая въ лѣтописяхъ *железою*, еще искала жертвъ въ Россіи, особенно въ Новогородскихъ и Псковскихъ владѣніяхъ, гдѣ, если вѣрить исчисленію одного Лѣтописца, въ два года умерло 250,652 человѣка; въ одномъ Новѣгородѣ 48,402, въ монастыряхъ около 8,000 (10). Въ Москвѣ, въ другихъ городахъ, въ селахъ и на дорогахъ также погибло множество людей отъ сей заразы (11).

г. 1467. Кончина супруги Іоанновой.

Огорчаясь вмѣстѣ съ народомъ, Великій Князь сверхъ того имѣлъ несчастіе оплакать преждевременную смерть юной, нѣжной супруги, Маріи. Она скончалась внезапно: Іоаннъ находился тогда въ Коломнѣ: мать его и Митрополитъ погребли ее въ Кремлевской церкви Вознесенія (гдѣ со временъ Василія Димитріевича начали хоронить Княгинь). Сію неожидаемую кончину приписывали дѣйствію яда, единственно потому, что тѣло умершей вдругъ отекло необыкновеннымъ образомъ. Подозрѣвали жену Дворянина Алексѣя Полуевктова, Наталью, которая, служа Маріи, однажды посылала ея поясъ къ какой-то ворожеѣ. Доказательства столь невѣрныя не убѣдили Великаго Князя въ истинѣ предполагаемаго злодѣйства; однакожъ Алексѣй Полуевктовъ шесть лѣтъ не смѣлъ показываться ему на глаза (12).

Къ горестнымъ случаямъ сего времени Лѣтописцы причисляютъ и то, что Первосвятитель Θеодосій, добродѣтельный, ревностный, оставилъ Митрополію. Причина достопамятна. Набожность, питаемая мыслію о скоромъ преставленіи свѣта, способствовала неумѣренному размноженію храмовъ и Священнослужителей: всякой богатый человѣкъ хотѣлъ имѣть свою церковь. Празднолюбцы шли въ Діаконы и въ Попы, соблазняя народъ не только грубымъ невѣжествомъ, но и развратною жизнію. Митрополитъ думалъ пресѣчь зло: еженедѣльно собиралъ ихъ, училъ, вдовыхъ постригалъ въ Монахи, распутныхъ лишалъ сана и наказывалъ безъ милосердія. Слѣдствіемъ было, что многія церкви опустѣли безъ Священниковъ. Сдѣлался ропотъ на Θеодосія, и сей Пастырь строгій, но не весьма твердый въ душѣ, съ горести отказался отъ правленія.

Избраніе новаго Митрополита.

Великій Князь призвалъ въ Москву своихъ братьевъ, всѣхъ Епископовъ, духовныхъ сановниковъ, которые единодушно избрали Суздальскаго Святителя, Филиппа, въ Митрополиты; а Θеодосій заключился въ Чудовѣ монастырѣ, и взявъ въ келлію къ себѣ одного прокаженнаго, ходилъ за нимъ до конца жизни, самъ омывая его струпы (13). Россіяне жалѣли о Пастырѣ столь благочестивомъ, и страшились, чтобы Небо не казнило ихъ за оскорбленіе святаго мужа.

Походъ на Казань.

Наконецъ Іоаннъ предпріялъ воинскими дѣйствіями разсѣять свою печаль и возбудить въ Россіянахъ духъ бодрости. Царевичь Касимъ, бывъ вѣрнымъ слугою Василія Темнаго, получилъ отъ него въ Удѣлъ на берегу Оки Мещерскій городокъ, названный съ того времени *Касимовымъ*; жилъ тамъ въ изобиліи и спокойствіи; имѣлъ сношенія съ Вельможами Казанскими, и тайно приглашенный ими свергнуть ихъ новаго Царя, Ибрагима, его пасынка, требовалъ войска отъ Іоанна, который съ удовольствіемъ видѣлъ случай присвоить себѣ власть надъ опасною Казанью, чтобы успокоить наши восточныя границы, подверженныя впаденіямъ ея хищнаго, воинственнаго народа (14). Князь Иванъ Юрьевичь Патрекеевъ и Стрига-Оболенскій выступили изъ Москвы съ полками:

Сент. 14.

Касимъ указывалъ имъ путь, и думалъ внезапно явиться подъ стѣнами Ибрагимовой столицы; но многочисленная рать Казанская, предводимая Царемъ, уже стояла на берегу Волги, и принудила Московскихъ Воеводъ итти назадъ. Въ семъ неудачномъ, осеннемъ походѣ Россіяне весьма много претерпѣли отъ ненастья и дож-

г.1467. лей, тонули въ грязи, бросали доспѣхи, уморили своихъ коней, и сами, не имѣя хлѣба, ѣли въ постъ мясо (что могло случиться тогда единственно въ ужасной крайности). Однакожь возвратились всѣ живы и здоровы. Царь не смѣлъ гнаться за ними, а послалъ отрядъ къ Галичу, гдѣ Татары не могли сдѣлать важнаго вреда: ибо Великій Князь успѣлъ взять мѣры, занявъ воинскими дружинами всѣ города пограничные: Нижній, Муромъ, Кострому, Галичь (15).

Немедленно другая рать Московская съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ
6 Декабря. пошла изъ Галича въ Черемисскую землю (въ нынѣшнюю Вятскую и Казанскую Губернію) сквозь дремучіе лѣса, уже наполненные снѣгомъ, и въ самые жестокіе морозы. Повелѣніе Государя и надежда обогатиться добычею дали вои-
г.1468. намъ силу преодолѣть всѣ трудности. Болѣе мѣсяца шли они по лѣснымъ пустынямъ, не видя ни селеній, ни пути предъ собою: не люди, но звѣри жили еще на дикихъ берегахъ Ветлуги, Усты, Кумы. Вступивъ въ землю Черемисскую, изобильную хлѣбомъ и скотомъ — управляемую собственными Князьями, подвластную Царю Казанскому — Россіяне истребили все, чего не могли взять въ добычу; рѣзали скотъ и людей; жгли не только селенія, но и бѣдныхъ жителей, избирая любыхъ въ плѣнники. Наше право войны было еще древнее, варварское; всякое злодѣйство въ непріятельской странѣ считалось законнымъ. — Князь Симеонъ доходилъ почти до самой Казани, и безъ битвы проливъ множество крови, возвратился съ именемъ побѣдителя. — Князь Иванъ Стрига-Оболенскій выгналъ Казанскихъ разбойниковъ изъ Костромской области. Князь Даніилъ Холмскій побилъ другую шайку ихъ близъ Мурома; только не многіе спаслися бѣгствомъ въ дремучіе лѣса, оставивъ своихъ коней. Муромцы, Нижегородцы опустошили берега Волги въ предѣлахъ Ибрагимова Царства.

Іоаннъ еще хотѣлъ подвига важнѣйшаго, чтобы загладить первую неудачу, и смирить Ибрагима; собралъ всѣхъ Князей, Бояръ, и самъ повелъ войско къ границѣ, оставивъ въ Москвѣ меньшаго брата, Андрея. По древнему обыкновенію нашихъ Князей онъ взялъ съ собою и десятилѣтняго сына своего, чтобы заблаговременно пріучить его къ ратному дѣлу. Но сей походъ не совершился. Узнавъ о прибытіи Литовскаго, Казимирова Посла, Якова Писаря, то есть Секретаря Государственнаго, Іоаннъ велѣлъ ему быть къ себѣ въ Переславль и ѣхать назадъ къ Королю съ отвѣтомъ; а самъ, неизвѣстно для чего, возвратился въ Москву (16), пославъ изъ Владиміра только малый отрядъ на Кичменгу, гдѣ Казанскіе Татары жгли и грабили села. Оставивъ намѣреніе лично предводительствовать ратію, Іоаннъ далъ повелѣніе Воеводамъ итти къ берегамъ Камы изъ Москвы, Галича, Вологды, Устюга и Кичменги съ Дѣтьми Боярскими и Козаками. Главными начальниками были Руно Московскій и Князь Иванъ Звенецъ Устюжскій. Всѣ соединились въ землѣ Вятской, подъ Котельничемъ, и шли берегомъ рѣки Вятки, землею Черемисскою, до Камы, Таяуги и Перевоза Татарскаго, откуда поворотили Камою къ Бѣлой Воложкѣ, разрушая все огнемъ и мечемъ, убивая, плѣняя беззащитныхъ. Настигнувъ въ одномъ мѣстѣ 200 вооруженныхъ Казанцевъ, Воеводы Московскіе устыдились дѣйствовать противъ нихъ всѣми силами, и выбрали охотниковъ, которые истребили сію толпу, взявъ въ плѣнъ двухъ ея начальниковъ. Иныхъ битвъ не было: Татары, привычные ко впаденіямъ въ чужія земли, не умѣли оборонять своихъ. Перехвативъ на Камѣ множество богатыхъ купеческихъ судовъ, Россіяне съ знатною добычею возвратились черезъ Великую Пермь къ Устюгу и въ Москву (17). — Съ другой стороны хо- Іюня [illegible]
дилъ на Казанцевъ Воевода Нижегородскій, Князь Ѳеодоръ Хрипунъ Ряполовскій, съ Московскою дружиною, и встрѣтивъ на Волгѣ отрядъ Царскихъ тѣлохранителей, побилъ его на голову. Въ числѣ плѣнниковъ, отосланныхъ къ Іоанну въ Москву, находился знаменитый Князь Татарскій, Хозюмъ Бердей (18).

Но Казанцы между тѣмъ присвоили себѣ господство надъ Вяткою: сильное войско ихъ, вступивъ въ ея предѣлы, такъ устрашило жителей, что они, не имѣя большаго усердія къ Государямъ Московскимъ, безъ сопротивленія объявили себя подданными Царя Ибрагима (19). Сіе легкое завоеваніе было не прочно: Казань не могла бороться съ Москвою.

Въ слѣдующую весну Іоаннъ пред- г.1469.
пріялъ нанести важнѣйшій ударъ сему Царству. Не только Дворъ Великокняжескій съ Боярскими Дѣтьми всѣхъ городовъ и всѣхъ Удѣловъ, но и Москва-

Г. 1469. скіе лучшіе вмѣстѣ съ другими жителями столицы вооружились подъ особеннымъ начальствомъ Князя Петра Васильевича Оболенскаго-Нагаго. Главнымъ предводителемъ былъ назначенъ Князь Константинъ Александровичь Беззубцевъ, а мѣстомъ соединенія Нижній Новгородъ. Полки сѣли на суда въ Москвѣ, въ Коломнѣ, въ Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ. Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ростовцы, Ярославцы, Костромичи плыли Волгою, другіе Окою, и въ одно время сошлися при устьѣ сихъ двухъ величественныхъ рѣкъ (20). Такое знаменитое судовое ополченіе было зрѣлищемъ любопытнымъ для Сѣверной Россіи, которая еще не видала подобныхъ.

Уже главный Воевода, Князь Константинъ, сдѣлавъ общія распоряженія, готовился итти далѣе; но Іоаннъ, вдругъ перемѣнивъ мысли, написалъ къ нему, чтобы онъ до времени остался въ Нижнемъ Новѣгородѣ, и только легкими отрядами, составленными изъ охотниковъ, тревожилъ непріятельскую землю на обѣихъ сторонахъ Волги. Лѣтописцы не сказываютъ, что побудило къ тому Іоанна; но причина кажется ясною: Царевичь Касимъ, виновникъ сей войны, умеръ; жена его, мать Ибрагимова, желала склонить сына къ дружбѣ съ Россіею; и Великій Князь надѣялся безъ важныхъ усилій воинскихъ достигнуть своей цѣли, и смирить Казань. Случилось не такъ.

Воевода объявилъ Князьямъ и чиновникамъ волю Государеву: они единогласно отвѣтствовали: «мы всѣ хотимъ казнить невѣрныхъ,» и съ его дозволенія немедленно отправились, по тогдашнему выраженію, *искать ратной чести*, имѣя болѣе ревности, нежели благоразумія; подняли парусы, снялись съ якоря, и пристань скоро опустѣла. Воевода остался въ Нижнемъ почти безъ войска, и даже не избралъ для нихъ главнаго начальника. Они сами увидѣли необходимость сего: приплывъ къ мѣсту Стараго Нижняго Новагорода, отпѣли тамъ молебенъ въ церкви Преображенія, роздали милостыню, и въ общемъ совѣтѣ выбрали Ивана Руна въ предводители.
Мая 21. Имъ не велѣно было ходить къ Казани; но Руно сдѣлалъ по своему: не теряя времени, спѣшилъ къ Царской столицѣ (21), и передъ разсвѣтомъ вышедши изъ судовъ, стремительно ударилъ на ея посадъ съ крикомъ и трубнымъ звукомъ. Утренняя заря едва освѣтила небо: Казанцы еще спали. Казань. Россіяне безъ сопротивленія вошли въ улицы; грабили, рѣзали; освободили бывшихъ тамъ плѣнниковъ Московскихъ, Рязанскихъ, Литовскихъ, Вятскихъ, Устюжскихъ, Пермскихъ, и зажгли предмѣстіе со всѣхъ сторонъ. Татары съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми запираясь въ домахъ, были жертвою пламени. Обративъ въ пепелъ все, что могло сгорѣть, Россіяне усталые, обремененные добычею, отступили, сѣли на суда и пошли къ Коровничьему острову, гдѣ стояли цѣлую недѣлю безъ всякаго дѣла: чѣмъ Руно навлекъ на себя подозрѣніе въ измѣнѣ. Многіе думали, что онъ, пользуясь ужасомъ Татаръ, сквозь пламя и дымъ предмѣстія могъ бы войти въ городъ, но силою отвелъ полки отъ приступа, чтобы тайно взять окупъ съ Царя (22). По крайней мѣрѣ никто не понималъ, для чего сей Воевода, имѣя славу разума необыкновеннаго, тратитъ время; для чего не дѣйствуетъ или не удаляется съ добычею и плѣнниками?

Легко было предвидѣть, что Царь не будетъ дремать въ своей, кругомъ обожженной столицѣ: наконецъ Русской плѣнникъ (23), выбѣжавъ изъ Казани, принесъ вѣсть къ нашимъ, что Ибрагимъ соединилъ всѣ полки Камскіе, Сыплинскіе, Костяцкіе, Бѣловолжскіе, Вотяцкіе, Башкирскіе, и готовится въ слѣдующее утро наступить на Россіянъ конною и судовою ратію. Воеводы Московскіе спѣшили взять мѣры: отобрали молодыхъ людей и послали ихъ съ большими судами къ Ирихову острову, не велѣвъ имъ ходить на узкое мѣсто Волги; а сами остались на берегу, чтобы удерживать непріятеля, который дѣйствительно вышелъ изъ города. Хотя молодые люди не послушались Воеводъ и стали какъ бы нарочно въ узкомъ протокѣ, гдѣ непріятельская конница могла стрѣлять въ нихъ: однакожь мужественно отбили ее. Воеводы столь же удачно имѣли бой съ лодками Казанскими, и прогнавъ оныя къ городу, соединились съ своими большими судами у Ирихова острова, славя побѣду и Государя.

Тутъ прибылъ къ нимъ главный Воевода, Князь Константинъ Беззубцевъ, изъ Нижняго Новагорода, свѣдавъ, что они, въ противность Іоаннову намѣренію, подступили къ Казани. Доселѣ успѣхъ служилъ имъ оправданіемъ: Константинъ хотѣлъ еще важнѣйшаго

1469 отправилъ гонцевъ въ Москву, съ вѣстію о происшедшемъ, и въ Вятку, съ повелѣніемъ, чтобы ея жители немедленно шли къ нему подъ Казань (24). Онъ еще не зналъ ихъ коварства. Іоаннъ, пославъ весною главную рать въ Нижній, въ тоже время приказалъ Князю Даніилу Ярославскому съ отрядомъ Дѣтей Боярскихъ и съ полкомъ Устюжанъ, а другому Воеводѣ, Сабурову, съ Вологжанами плыть на судахъ къ Вяткѣ, взять тамъ всѣхъ людей годныхъ къ ратному дѣлу и съ ними итти на Царя Казанскаго. Но Правители Вятскихъ городовъ, мечтая о своей древней независимости, отвѣтствовали Даніилу Ярославскому: «Мы сказали Царю, что не будемъ помогать ни Великому Князю противъ него, ни ему противъ Великаго Князя; хотимъ сдержать слово, и остаемся дома.» У нихъ былъ тогда Посолъ Ибрагимовъ, который немедленно далъ знать въ Казань, что Россіяне изъ Устюга и Вологды идутъ къ ея предѣламъ съ малыми силами. Отказавъ въ помощи Князю Ярославскому, Вятчане отказали и Беззубцеву, но выдумали только иной предлогъ, говоря: «когда братья Великаго Князя пойдутъ на Царя, тогда и мы пойдемъ.» Около мѣсяца тщетно ждавъ полковъ Вятскихъ, не имѣя вѣсти отъ Князя Ярославскаго, и начиная терпѣть недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, Воевода Беззубцевъ пошелъ назадъ къ Нижнему.

На пути встрѣтилась ему вдовствующая Царица Казанская, мать Ибрагимова, и сказала, что Великій Князь отпустилъ ее съ честію и съ милостію; что война прекратится, и что Ибрагимъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ Іоанновымъ. Успокоенные ея словами, Воеводы наши расположились на берегу праздновать Воскресный день, слушать обѣдню и пировать (25). Но вдругъ показалась рать Казанская, судовая и конная. Россіяне едва успѣли изготовиться. Сражались до самой ночи: Казанскія суда отступили къ противному берегу, гдѣ стояла конница, пуская стрѣлы въ нашихъ, которые не захотѣли биться на сухомъ пути, и ночевали на другой сторонѣ Волги. Въ слѣдующее утро ни тѣ, ни другіе не думали возобновить битвы; и Князь Беззубцевъ благополучно доплылъ до Нижняго.

Не столь счастливъ былъ Князь Ярославскій. Видя непослушаніе Вятчанъ, онъ рѣшился итти безъ нихъ, чтобы въ окрестностяхъ Казани соединиться съ главною Московскою ратію. Увѣдомленный о походѣ его, Ибрагимъ загородилъ Волгу судами и поставилъ на берегу конницу. Произошла битва, достопамятная мужествомъ обоюднымъ: хватались за руки, сѣклись мечами. Главные изъ Воеводъ Московскихъ пали мертвые; другіе были ранены или взяты въ плѣнъ; но Князь Василій Ухтомскій ознаменовалъ многочисленность храбростію: сцѣпившись съ Ибрагимовыми судами, разилъ непріятелей ослѣпленныхъ, и топилъ ихъ въ рѣкѣ. Устюжане, вмѣстѣ съ нимъ оказавъ рѣдкую неустрашимость, пробились сквозь Казанцевъ, достигли Новагорода Нижняго и дали знать о томъ Іоанну, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, прислалъ имъ *два золотыя деньги* и нѣсколько кафтановъ. Устюжане отдали *деньги* своему Іерею, сказавъ ему: «молись Богу за Государя и православное воинство; а мы готовы и впредь такъ сражаться (26).»

Обманутой лживыми обѣщаніями Ибрагимовой матери, недовольный нашими Воеводами, Іоаннъ предпріялъ новый походъ въ ту же осень, вручивъ предводительство своимъ братьямъ, Юрію и Андрею. Весь Дворъ Великокняжескій и всѣ Князья *Служилые* находились съ ними. Въ числѣ знатнѣйшихъ Воеводъ упомянуты Князя Ивана Юрьевича Патрикеева; Даніилъ Холмскій велъ передовый полкъ (27); многочисленная рать шла сухимъ путемъ, другая плыла Волгою; обѣ подступили къ Казани, разбили Татаръ на вылазкѣ, отняли воду у города, и принудили Ибрагима заключить миръ *на всей воли* Государя Московскаго: онъ исполнилъ всѣ его требованія. Онъ возвратилъ свободу нашимъ плѣнникамъ, взятымъ въ теченіе 40 лѣтъ (28). Сентября 1.

Война съ Новымгородомъ. Сей подвигъ былъ первымъ изъ знаменитыхъ успѣховъ государствованія Іоаннова: вторый имѣлъ еще благопріятнѣйшія слѣдствія для могущества Великокняжескаго внутри Россіи. Василій Темный возвратилъ Новогородцамъ Торжекъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донскаго, Василіемъ Димитріевичемъ, оставались за Москвою. Еще не увѣренные въ твердости Іоаннова характера, и даже сомнѣваясь въ немъ по первымъ дѣйствіямъ сего Князя, ознаменованнымъ умѣренностію, миролюбіемъ, они вздумали быть смѣлыми, въ надеждѣ показаться ему страшными;

унизить гордость Москвы, возстановить древнія права своей вольности, утраченныя излишнею уступчивостію ихъ отцевъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣреніемъ приступили къ дѣлу: захватили многіе доходы, земли и воды Княжескія; взяли съ жителей присягу только именемъ Новагорода; презирая Іоанновыхъ Намѣстниковъ и Пословъ, властію Вѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на Городищѣ, мѣстѣ не подлежащемъ народной управѣ; дѣлали обиды Москвитянамъ (29). Государь нѣсколько разъ требовалъ отъ нихъ удовлетворенія: они молчали. Наконецъ пріѣхалъ въ Москву Новогородскій Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ обыкновенными дѣлами земскими; но не было слова въ отвѣтъ на жалобы Іоанновы. «Я ничего не знаю,» говорилъ Посадникъ Боярамъ Московскимъ: «Великій Новгородъ не далъ мнѣ никакихъ о томъ повелѣній.» Іоаннъ отпустилъ сего чиновника съ такими словами: «Скажи Новогородцамъ, моей отчинѣ, чтобы они, признавъ вину свою, исправились; въ земли и воды мои не вступалися, имя мое *держали честно и грозно по старинѣ*, исполняя обѣтъ крестный, если хотятъ отъ меня покровительства и милости; скажи, что терпѣнію бываетъ конецъ, и что мое не продолжится.»

Великій Князь въ то же время написалъ къ вѣрнымъ ему Псковитянамъ, чтобы они, въ случаѣ дальнѣйшей строптивости Новогородцевъ, готовились вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать противъ сихъ ослушниковъ. Намѣстникомъ его во Псковѣ былъ тогда Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, знаменитый Воевода, который съ Московскою дружиною защитилъ сію область въ послѣднюю войну съ Нѣмцами: изъ отмѣннаго уваженія къ его особѣ Псковитяне дали ему судное право во всѣхъ *двенадцати* своихъ пригородахъ, а дотолѣ Князья судили и рядили только въ *семи*: прочіе зависѣли отъ народной власти (30). Бояринъ Московскій, Селиванъ, вручилъ Псковитянамъ грамоту Іоаннову. Они сами терпѣли разныя досады отъ Новогородцевъ (31); однакожь, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, отправили къ нимъ Посольство съ предложеніемъ быть миротворцами между ими и Великимъ Княземъ. «Не хотимъ кланяться Іоанну, и не просимъ вашего посредства,» отвѣтствовали тамошніе Правители: «но если вы добрососѣды и наши друзья, то вооружитесь за насъ противъ самовластія Московскаго (32).» Псковитяне сказали: «увидимъ» — и дали знать Великому Князю, что они готовы помогать ему всѣми силами.

Между тѣмъ, по сказанію Лѣтописцевъ, были страшныя знаменія въ Новѣгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе Херсонскіе колокола въ монастырѣ на Хутынѣ сами собою издавали печальный звукъ; кровь являлась на гробахъ, и проч. (33). Люди тихіе, миролюбивые, трепетали и молились Богу: другіе смѣялись надъ ними и мнимыми чудесами. Легкомысленный народъ болѣе нежели когда нибудь мечталъ о прелестяхъ свободы; хотѣлъ тѣснаго союза съ Казимиромъ, и принялъ отъ него Воеводу, Князя Михаила Олельковича, коего братъ, Симеонъ, господствовалъ тогда въ Кіевѣ съ честію и славою, *подобно древнимъ Князьямъ Владимірова племени*, какъ говорятъ Лѣтописцы (34). Множество Пановъ и витязей Литовскихъ пріѣхало съ Михаиломъ въ Новгородъ. Г. 1470.

Въ сіе время скончался Новогородскій Владыка Іона: народъ избралъ въ Архіепископы Протодіакона Ѳеофила, коему не льзя было ѣхать въ Москву для поставленія безъ согласія Іоаннова (35): Новогородцы чрезъ Боярина своего, Никиту, просили о томъ Великаго Князя, мать его и Митрополита. Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для пріѣзда Ѳеофилова въ столицу, и мирно отпуская Посла, сказалъ ему: «Ѳеофилъ, вами избранный, будетъ принятъ съ честію и поставленъ въ Архіепископы; не нарушу ни въ чемъ древнихъ обыкновеній, и готовъ васъ жаловать, какъ мою отчину, если вы искренно признаете вину свою, не забывая, что мои предки именовались Великими Князьями Владимірскими, *Новагорода и всея Руси*.» Посолъ, возвратясь въ Новгородъ, объявилъ народу о милостивомъ расположеніи Іоанновомъ. Г. 1471. Многіе граждане, знатнѣйшіе чиновники и нареченный Архіепископъ Ѳеофилъ хотѣли воспользоваться симъ случаемъ, чтобы прекратить опасную распрю съ Великимъ Княземъ; но скоро открылся мятежъ, какого давно не бывало въ сей народной Державѣ.

Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и нравамъ Славянскимъ, которые удаляли женскій полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданства, жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго Посадника

г. 1471. Исаака Борецкаго, мать двухъ сыновей уже взрослыхъ, именемъ Мареа, предпріяла рѣшить судьбу отечества. Хитрость, велерѣчіе, знатность, богатство и роскошь доставили ей способъ дѣйствовать на Правительство. Народные чиновники сходились въ ея великолѣпномъ (36) или, по тогдашнему, *чудномъ* домѣ пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ. Такъ Св. Зосима, Игуменъ монастыря Соловецкаго, жалуясь въ Новѣгородѣ на обиды Двинскихъ жителей, въ особенности тамошнихъ прикащиковъ Боярскихъ, долженъ былъ искать покровительства Мареы, которая имѣла въ Двинской землѣ богатыя села. Сперва, обманутая клеветниками, она не хотѣла видѣть его; но послѣ, узнавъ истину, осыпала Зосиму ласками, пригласила къ себѣ на обѣдъ вмѣстѣ съ людьми знатнѣйшими и дала Соловецкому монастырю земли (37). Еще не довольная всеобщимъ уваженіемъ и тѣмъ, что Великій Князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ Боярина Московскаго (38), сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію Лѣтописцевъ, выйти замужъ за какого-то Вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ. Князь Михаилъ Олельковичь, служивъ ей нѣсколько времени орудіемъ, утратилъ ея благосклонность и съ досадою уѣхалъ назадъ въ Кіевъ, ограбивъ Руссу (39). Сей случай доказывалъ, что Новгородъ не могъ ожидать ни усердія, ни вѣрности отъ Князей Литовскихъ; но Борецкая, открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ въ необходимости искать его защиты противъ утѣсненій Іоанновыхъ. Въ числѣ ревностныхъ друзей Посадницы былъ Монахъ Пименъ, Архіепископскій Ключникъ: онъ надѣялся заступить мѣсто Іоны и сыпалъ въ народъ деньги изъ казны Святительской, имъ расхищенной. Правительство свѣдало о томъ, и заключивъ сего коварнаго Инока въ темницу, взыскало съ него 1000 рублей пени (40). Волнуемый честолюбіемъ и злобою, Пименъ клеветалъ на избраннаго Владыку Ѳеофила, на Митрополита Филиппа; желалъ присоединенія Новогородской Епархіи къ Литвѣ, и лаская себя мыслію получить санъ Архіепископа отъ Григорія Кіевскаго, Исидорова ученика, помогалъ Мареѣ совѣтомъ, козньми, деньгами.

Видя, что Посольство Боярина Никиты сдѣлало въ народѣ впечатлѣніе противное ея намѣренію и расположило многихъ гражданъ къ дружелюбному сближенію съ Государемъ Московскимъ, Мареа предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Ея сыновья, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленнымъ сонмомъ людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно сказали, что настало время управиться съ Іоанномъ; что онъ не Государь, а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ Властелинъ; что жители его суть вольные люди и не *отчина* Князей Московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казимиръ, и что не Московскій, а Кіевскій Митрополитъ долженъ дать Архіепископа Святой Софіи. Громогласное восклицаніе: «не хотимъ Іоанна! да здравствуетъ Казимиръ!» служило заключеніемъ ихъ рѣчи. Народъ восколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ и кричали: «да исчезнетъ Москва!» Благоразумнѣйшіе сановники, старые Посадники, Тысячскіе, Житые люди хотѣли образумить легкомысленныхъ согражданъ и говорили: «Братья! что вы мышляете? измѣнить Руси и православію? поддаться Королю иноплеменному и требовать Святителя отъ еретика Латинскаго? Вспомните, что предки наши, Славяне, добровольно вызвали Рюрика изъ земли Варяжской; что болѣе шести сотъ лѣтъ его потомки законно княжили на престолѣ Новогородскомъ; что мы обязаны истинною Вѣрою Святому Владиміру, отъ коего происходитъ Великій Князь Іоаннъ, и что Латинство донынѣ было для насъ ненавистно.» Единомышленники Мареины не давали имъ говорить; а слуги и наемники ея бросали въ нихъ каменьями, звонили въ Вѣчевые колокола, бѣгали по улицамъ и кричали: «хотимъ за Короля!» Другіе: «хотимъ къ Москвѣ православной, къ Великому Князю Іоанну и къ отцу его, Митрополиту Филиппу!» Нѣсколько дней городъ представлялъ картину ужаснаго волненія. Нареченный Владыка Ѳеофилъ ревностно противоборствовалъ усиліямъ Мареиныхъ друзей и говорилъ имъ: «или не измѣняйте православію или не буду никогда Пастыремъ отступниковъ: иду назадъ въ смирен-

гибельную волю, откуда вы извлекли меня на позорище мятежа.» Но Борецкіе превозмогли, овладѣли правленіемъ и погубили отечество, какъ жертву ихъ страстей личныхъ (41). Совершилось, чего издавна желали завоеватели Литовскіе, и чѣмъ Новгородъ стращалъ иногда Государей Московскихъ: онъ поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Дѣйствіе беззаконное: хотя сія область имѣла особенные уставы и вольности, данныя ей, какъ извѣстно, Ярославомъ Великимъ; однакожь составляла всегда часть Россіи и не могла перейти къ иноплеменникамъ безъ измѣны или безъ нарушенія коренныхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на Естественномъ Правѣ. Многочисленное Посольство отправилось въ Литву съ богатыми дарами и съ предложеніемъ, чтобы Казимиръ былъ Главою Новогородской Державы на основаніи древнихъ уставовъ ея гражданской свободы. Онъ принялъ всѣ условія, и написали грамоту слѣдующаго содержанія:

«*Честный* Король Польскій и Князь Великій Литовскій заключилъ дружественный союзъ съ нареченнымъ Владыкою Ѳеофиломъ, съ Посадниками, Тысячскими Новогородскими, съ Боярами, людьми Житьими, купцами и со всѣмъ Великимъ Новымгородомъ; а для договора были въ Литвѣ Посадникъ Аѳанасій Евстафіевичъ, Посадникъ Димитрій Исаковичъ (Борецкій) . . . отъ людей Житьихъ Панфилъ Селифонтовичъ, Кириллъ Ивановичъ . . . Вѣдать тебѣ, честному Королю, Великій Новгородъ по сей крестной грамотѣ и держать на Городищѣ своего Намѣстника Греческой Вѣры, вмѣстѣ съ Дворецкимъ и Тіуномъ, коимъ имѣть при себѣ не болѣе пятидесяти человѣкъ. Намѣстнику судить съ Посадникомъ на дворѣ Архіепископскомъ, какъ Бояръ, Житьихъ людей, Младшихъ гражданъ, такъ и сельскихъ жителей, согласно съ правдою, и не требовать ничего, кромѣ судной законной пошлины; но въ судъ Тысячскаго, Владыки и монастырей ему не вступаться. Дворецкому жить на Городищѣ во дворцѣ и собирать доходы твои вмѣстѣ съ Посадникомъ; а Тіуну вершить дѣла съ нашими приставами. Если Государь Московскій пойдетъ войною на Великій Новгородъ, то тебѣ Господину, честному Королю, или въ твое отсутствіе Радѣ Литовской дать намъ скорую помощь. — Ржева, Великія Луки и Холмовскій погостъ остаются землями Князя Новогородскими; но платятъ дань тебѣ, честному Королю. — Новогородецъ судится въ Литвѣ по вашимъ, Литвинъ въ Новѣгородѣ по нашимъ законамъ безъ всякаго притѣсненія . . . Въ Руссѣ будешь имѣть десять соляныхъ варницъ; а за судъ получаешь тамъ и въ другихъ мѣстахъ, что издревле установлено. Тебѣ, честному Королю, не выводить отъ насъ людей, не купить ни селъ, ни рабовъ, и не принимать ихъ въ даръ, ни Королевѣ, ни Панамъ Литовскимъ; а намъ не тамить законныхъ пошлинъ. Посламъ, Намѣстникамъ и людямъ твоимъ не брать подводъ въ землѣ Новогородской, и волости ея могутъ быть управляемы только нашими собственными чиновниками. — Въ Лукахъ будетъ твой и нашъ Тіунъ: Торопецкому не судить въ Новогородскихъ владѣніяхъ. Въ Торжкѣ и Волокѣ имѣй Тіуна; съ нашей стороны будетъ тамъ Посадникъ. — Купцы Литовскіе торгуютъ съ Нѣмцами единственно чрезъ Новогородскихъ. Дворъ Нѣмецкій тебѣ не подвластенъ: не можешь затворить его. — Ты, честный Король, не долженъ касаться нашей православной Вѣры: гдѣ захотимъ, тамъ и посвятимъ нашего Владыку (въ Москвѣ или въ Кіевѣ); а Римскихъ церквей не ставить нигдѣ въ землѣ Новогородской. — Если примиришь насъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, то изъ благодарности уступимъ тебѣ всю народную дань, собираемую ежегодно въ Новогородскихъ областяхъ; но въ другіе годы не требуй оной. — Въ утвержденіе договора цѣлуй крестъ къ Великому Новугороду за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую *въ правду, безъ извѣта;* а Послы наши цѣловали крестъ *Новогородскою душею* къ честному Королю за Великій Новгородъ» (42).

И такъ сей народъ легкомысленный еще желалъ мира съ Москвою, думая, что Іоаннъ устрашится Литвы, не захочетъ кровопролитія и малодушно отступится отъ древнѣйшаго Княжества Россійскаго. Хотя Намѣстники Московскіе, бывъ свидѣтелями торжества Марѳиныхъ поборниковъ, уже не имѣли никакого участія въ тамошнемъ правленіи, однакожь спокойно жили на Городищѣ, увѣдомляя Великаго Князя о всѣхъ происшествіяхъ. Не смотря на свое явное отступленіе отъ Россіи, Новогородцы хотѣли казаться умѣренны-

ими справедливыми; твердили, что отъ Іоанна зависитъ остаться другомъ Святой Софіи; изъявляли учтивость его Боярамъ, не позволяли Суздальскаго Князя Василья Шуйскаго-Гребенку, начальствовать въ Двинской землѣ, опасаясь, чтобы рать Московская не отняла сей важной для нихъ страны.

Еще желая употребить послѣднее миролюбивое средство, Великій Князь отправилъ въ Новгородъ благоразумнаго чиновника, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ (43): «Люди Новогородскіе! Рюрикъ, Св. Владиміръ и Великій Всеволодъ Юрьевичъ, мои предки, повелѣвали вами; я наслѣдовалъ сіе право: жалую васъ, храню, но могу и казнить за дерзкое ослушаніе. Когда вы бывали подданными Литвы? Нынѣ же раболѣпствуете иновѣрнымъ, преступая священные обѣты. Я ничѣмъ не оскорбилъ васъ, и требовалъ единственно древней законной дани. Вы измѣнили мнѣ: казнь Божія надъ вами! Но еще медлю, не любя кровопролитія, и готовъ миловать, если съ раскаяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отечества.» Въ то же время Митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ: «Слышу о мятежѣ и расколѣ вашемъ. Бѣдственно и единому человѣку уклониться отъ пути праваго: еще ужаснѣе цѣлому народу. Трепещите, да страшный серпъ Божій, видѣнный Пророкомъ Захаріею, не снидетъ на главу сыновъ ослушныхъ. Вспомните реченное въ Писаніи: *бѣгай грѣха яко отъ змія; бѣгай отъ прелести, яко отъ лица змѣина.* Сія *прелесть* есть Латинская: она уловляетъ васъ. Развѣ примѣръ Константинополя не доказалъ ея гибельнаго дѣйствія? Греки царствовали, Греки славились во благочестіи: соединились съ Римомъ, и служатъ нынѣ Туркамъ. Доселѣ вы были цѣлы подъ крѣпкою рукою Іоанна: не уклоняйтеся отъ *святой, великой старины*, и не забывайте слова Апостола: *Бога бойтеся, а Князя чтите.* — Смиритеся, и Богъ мира да будетъ съ вами (44)!» — Сіи увѣщанія остались безполезны: Мареа съ друзьями своими дѣлала, что хотѣла въ Новѣгородѣ. Устрашаемые ихъ дерзостію, люди благоразумные тужили въ домахъ и безмолвствовали на Вѣчѣ, гдѣ клевреты или наемники Борецкихъ вопили: Новгородъ Государь намъ, а Король покровитель!» Однимъ словомъ, Лѣтописцы сравниваютъ тогдашнее состояніе сей народной Державы съ древнимъ Іерусалимомъ, когда Богъ уже готовился предать его въ руки Титовы: Страсти господствовали надъ умомъ; и Совѣтъ Правителей казался сонмомъ заговорщиковъ.

Послы Московскіе возвратились къ Государю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма, но одинъ мечь можетъ смирить Новогородцевъ. Великій Князь изъявилъ горесть: еще размышлялъ, совѣтовался съ матерью, съ Митрополитомъ, и призвалъ въ столицу братьевъ, всѣхъ Епископовъ, Князей, Бояръ и Воеводъ. Въ назначенный день и часъ они собралися во дворцѣ: Іоаннъ вышелъ къ нимъ съ лицемъ печальнымъ: открылъ Государственную Думу, и предложилъ ей на судъ измѣну Новогородцевъ. Не только Бояре и Воеводы, но и Святители отвѣтствовали единогласно: «Государь! возьми оружіе въ руки!» Тогда Іоаннъ произнесъ рѣшительное слово: «да будетъ война!» и еще хотѣлъ слышать мнѣніе Совѣта о времени благопріятнѣйшемъ для ея начала, сказавъ: «Весна уже наступила: Новгородъ окруженъ водою, рѣками, озерами и болотами непроходимыми. Великіе Князья, мои предки, опасались ходить туда съ войскомъ въ лѣтнее время, и когда ходили, то теряли множество людей.» Съ другой стороны поспѣшность обѣщала выгоды: Новогородцы не изготовились къ войнѣ, и Казиміръ не могъ скоро дать имъ помощи. Рѣшились не медлить, въ надеждѣ на милость Божію, на счастіе и мудрость Іоаннову. Уже сей Государь пользовался общею довѣренностію: Москвитяне гордились имъ, хвалили его правосудіе, твердость, прозорливость; называли любимцемъ Неба, Властителемъ Богоизбраннымъ; и какое-то новое чувство государственнаго величія вселилось въ ихъ душу (45).

Іоаннъ послалъ *складную грамоту* къ Новогородцамъ, объявляя имъ войну съ исчисленіемъ всѣхъ ихъ дерзостей, Маія 23.
и въ нѣсколько дней устроилъ ополченіе: убѣдилъ Михаила Тверскаго дѣйствовать съ нимъ за-одно, и велѣлъ Псковитянамъ итти къ Новугороду съ Московскимъ Воеводою, Княземъ Ѳеодоромъ Юрьевичемъ Шуйскимъ; Устюжанамъ и Вятчанамъ въ Двинскую землю подъ начальствомъ двухъ Воеводъ, Василья Ѳедоровича Образца и Бориса Слѣпаго Тютчева (46); Князю Даніилу Холмскому съ Дѣтьми Боярскими изъ Іюня 6.

1471. Москвы къ Русѣ, а Князю Василью Ивановичу Оболенскому-Стригѣ съ Татарскою конницею къ берегамъ Меты.
Іюня 12.

Сіи отряды были только передовыми. Іоаннъ, слѣдуя обыкновенію, раздавалъ милостыню и молился надъ гробами Святыхъ Угодниковъ и предковъ своихъ; наконецъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита и Епископовъ, сѣлъ
Іюня 20. на коня и повелъ главное войско изъ столицы. Съ нимъ находились всѣ Князья, Бояре, Дворяне Московскіе и Татарскій Царевичь Даніаръ, сынъ Касимовъ. Сынъ и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, остались въ Москвѣ: другіе братья, Князья Юрій, Андрей, Борисъ Васильевичи, и Михаилъ Верейскій, предводительствуя своими дружинами, шли разными путями къ Новогородскимъ границамъ; а Воеводы Тверскіе, Князь Юрій Андреевичь Дорогобужскій и Иванъ Жито, соединились съ
Іюня 29. Іоанномъ въ Торжкѣ. Началося страшное опустошеніе. Съ одной стороны Воевода Холмскій и рать Великокняжеская, съ другой Псковитяне, вступивъ въ землю Новогородскую, истребляли все огнемъ и мечемъ (47). Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ Востока и Запада неслися къ берегамъ Ильменя. Москвитяне оказывали остервененіе неописанное: Новогородцы измѣнники казались имъ хуже Татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Лѣтописцы замѣчаютъ, что Небо, благопріятствуя Іоанну, изсушило тогда всѣ болота; что отъ Маія до Сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю: зыбь отвердѣла; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный, и гнало скотъ по лѣсамъ, дотолѣ непроходимымъ.

Псковитяне взяли Вышегородъ. Холмскій обратилъ въ пепелъ Русу. Не ожидавъ войны лѣтомъ и нападенія столь дружнаго, сильнаго, Новогородцы послали сказать Великому Князю, что они желаютъ вступить съ нимъ въ переговоры и требуютъ отъ него *опасной грамоты* для своихъ чиновниковъ, которые готовы ѣхать къ нему въ станъ. Но въ то же время Марѳа и единомышленники ея старались увѣрить сограждан, что одна счастливая битва можетъ спасти ихъ свободу. Спѣшили вооружить всѣхъ людей, волею и неволею; ремесленниковъ, гончаровъ, плотниковъ одѣли въ доспѣхи и посадили на коней; другихъ на суда. Пѣхота поѣхала плыть озеромъ Ильменемъ къ Русѣ, а конница, сильнѣйшая многочисленностію, шла туда берегомъ. Холмскій стоялъ между Ильменемъ и Русою, на Коростынѣ: пѣхота Новогородская приближалась тайно къ его стану, вышла изъ судовъ, и не дождавшись коннаго войска, стремительно ударила на оплошныхъ Москвитянъ. Но Холмскій и товарищъ его, Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь, храбростію загладили свою неосторожность: положили на мѣстѣ 500 непріятелей, разсѣяли остальныхъ, и съ жестокосердіемъ, свойственнымъ тогдашнему вѣку, приказали отрѣзать плѣнникамъ носы, губы, послали ихъ искаженныхъ въ Новгородъ (48). Москвитяне бросили въ воду всѣ латы, шлемы, щиты непріятельскіе, взятые въ добычу ими, говоря, что войско Великаго Князя богато собственными доспѣхами и не имѣетъ нужды въ измѣнническихъ.

Новогородцы приписали сіе несчастіе тому, что конное ихъ войско не соединилось съ пѣхотнымъ, и что особенный *полкъ Архіепископскій* отрекся отъ битвы, сказавъ: «Владыка Ѳеофилъ запретилъ намъ поднимать руку на Великаго Князя, а велѣлъ сражаться только съ невѣрными Псковитянами (49).» Желая обмануть Іоанна, Новогородскіе чиновники отправили къ нему вторано Посла, съ увѣреніемъ, что они готовы на миръ, и что войско ихъ еще не дѣйствовало противъ Московскаго (50). Но Великій Князь уже имѣлъ извѣстіе о побѣдѣ Холмскаго, и ставъ на берегу озера Коломны, приказалъ сему Воеводѣ итти за Шелонь на встрѣчу къ Псковитянамъ, и вмѣстѣ съ ними къ Новугороду; Михаилу же Верейскому осадить городокъ Демонъ. Въ самое то время, когда Холмскій думалъ переправляться на другую сторону рѣки, онъ увидѣлъ непріятеля столь многочисленнаго, что Москвитяне изумились. Ихъ было 5,000, а Новогородцевъ отъ 30,000 до 40,000: ибо друзья Борецкихъ еще успѣли набрать и выслать нѣсколько полковъ, чтобы усилить свою конную рать. Но Воеводы Іоанновы, сказавъ дружинѣ: «настало время послужить Государю; не убоимся ни трехъ сотъ тысячь мятежниковъ; за насъ правда и Господь Вседержитель,» бросились на конахъ въ Шелонь, съ крутаго берега, и въ глубокомъ мѣстѣ; однакожь никто изъ Москвитянъ не усомнился слѣдовать ихъ примѣру; никто не утонулъ; и всѣ,
Іюля 9. Іюля 14.

1471. благополучно переѣхавъ на другую сторону, устремились въ бой съ восклицаніемъ: *Москва* (51)! Новогородскій Лѣтописецъ говоритъ, что соотечественники его бились мужественно и принудили Москвитянъ отступить, но что конница Татарская, бывъ въ засадѣ, нечаяннымъ нападеніемъ разстроила первыхъ и рѣшила дѣло (52). Но по другимъ извѣстіямъ Новогородцы не стояли ни часу: лошади ихъ, язвимыя стрѣлами, начали сбивать съ себя всадниковъ; ужасъ объялъ Воеводъ малодушныхъ и войско неопытное; обратили тылъ; скакали безъ памяти и топтали другъ друга, гонимые, истребляемые побѣдителемъ; утомивъ коней, бросались въ воду, въ тину болотную; не находили пути въ лѣсахъ своихъ, тонули или умирали отъ ранъ; иные же проскакали мимо Новагорода, думая, что онъ уже взятъ Іоанномъ. Въ безуміи страха имъ вездѣ казался непріятель, вездѣ слышался крикъ: *Москва! Москва* (53)! На пространствѣ двѣнадцати верстъ полки Великокняжескіе гнали ихъ, убили 12,000 человѣкъ, взяли 1700 плѣнниковъ, и въ томъ числѣ двухъ знатнѣйшихъ Посадниковъ, Василія-Казимера съ Димитріемъ Исаковымъ Борецкимъ (54); наконецъ утомленные возвратились на мѣсто битвы. Холмскій и Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь, трубнымъ звукомъ возвѣстивъ побѣду, сошли съ коней, приложились къ образамъ подъ знаменами и прославили милость Неба. Боярскій сынъ, Иванъ Замятня, спѣшилъ извѣстить Государя, бывшаго тогда въ Яжелбицахъ, что одинъ передовый отрядъ его войска рѣшилъ судьбу Новагорода; что непріятель истребленъ, а рать Московская цѣла. Сей вѣстникъ вручилъ Іоанну договорную грамоту Новогородцевъ съ Казимиромъ, найденную въ ихъ обозѣ между другими бумагами, и даже представилъ ему человѣка, который писалъ оную (55). Съ какою радостію Великій Князь слушалъ вѣсть о побѣдѣ (56), съ такимъ негодованіемъ читалъ сію законопреступную хартію, памятникъ Новогородской измѣны.

Холмскій уже нигдѣ не видалъ непріятельской рати, и могъ свободно опустошать села до самой Наровы или Нѣмецкихъ предѣловъ (57). Городокъ Демонъ сдался Михаилу Верейскому. Тогда Великій Князь послалъ *опасную грамоту* къ Новогородцамъ съ Бояриномъ ихъ, Луною; соглашаясь вступить съ ними въ договоры, прибылъ въ Русу и явилъ примѣръ строгости, велѣвъ отрубить головы знатнѣйшимъ плѣнникамъ, Боярамъ Димитрію Исакову, Мареину сыну, Василью Селезневу Губѣ, Кипріяну Арбузееву и Іеремію Сухощоку, Архіепископскому Чашнику, ревностнымъ благопріятелямъ Литвы; Василія-Казимера, Матвѣя Селезнева и другихъ послалъ въ Коломну, окованныхъ цѣпями; нѣкоторыхъ въ темницы Московскія; а прочихъ безъ всякаго наказанія отпустилъ въ Новгородъ (58), соединяя милосердіе съ грозою мести, отличая главныхъ дѣятельныхъ враговъ Москвы отъ людей слабыхъ, которые служили имъ только орудіемъ. Рѣшивъ такимъ образомъ участь плѣнниковъ, онъ расположился станомъ на устьѣ Шелони.

Іюля 24.

Іюля 27.

Въ сей самой день новая побѣда увѣнчала оружіе Великокняжеское въ отдаленныхъ предѣлахъ Заволочья. Московскіе Воеводы, Образецъ и Борисъ Слѣпый, предводительствуя Устюжанами и Вятчанами, на берегахъ Двины сразились съ Княземъ Василіемъ Шуйскимъ, вѣрнымъ слугою Новогородской свободы. Рать его состояла изъ двѣнадцати тысячь Двинскихъ и Печерскихъ жителей; Іоаннова только изъ четырехъ. Битва продолжалась цѣлый день съ великимъ остервененіемъ. Убивъ трехъ Двинскихъ знаменоносцевъ, Москвитяне взяли хоругвь Новогородскую, и къ вечеру одолѣли врага. Князь Шуйскій раненный едва могъ спастися въ лодкѣ, бѣжалъ въ Колмогоры, оттуда въ Новгородъ; а Воеводы Іоанновы, овладѣвъ всею Двинскою землею, привели жителей въ подданство Москвы (59).

Миновало около двухъ недѣль послѣ Шелонской битвы, которая произвела въ Новогородцахъ неописанный ужасъ. Они надѣялись на Казимира, и съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей отъ своего Посла, отправленнаго къ нему черезъ Ливонію, съ усильнымъ требованіемъ, чтобы Король спѣшилъ защитить ихъ; но сей Посолъ возвратился, и съ горестію объявилъ, что Магистръ Ордена не пустилъ его въ Литву (60). Уже не было времени имѣть помощи, ни силъ противиться Іоанну. Открылась еще внутренняя измѣна. Нѣкто, именемъ Упадышъ, тайно доброхотствуя Великому Князю, съ единомышленниками своими въ одну ночь заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ въ Новгородѣ: Правители казнили се-

1471. го человѣка ([61]); не смотря на всѣ несчастія, хотѣли обороняться: выжгли посады, не жалѣя ни церквей, ни монастырей; учредили безсмѣнную стражу: день и ночь вооруженные люди ходили по городу, чтобы обуздывать народъ; другіе стояли на стѣнахъ и башняхъ, готовые къ бою съ Москвитянами. Однакожь миролюбивые начали изъявлять болѣе смѣлости, доказывая, что упорство безполезно; явно обвиняли друзей Мароы въ приверженности къ Литвѣ, и говорили: «Іоаннъ передъ нами; а гдѣ нашъ Казимиръ?» Городъ, стѣсненный Великокняжескими отрядами и наполненный множествомъ пришельцевъ, которые искали тамъ убѣжища отъ Москвитянъ, терпѣлъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; дороговизна возрастала; ржи совсѣмъ не было на торгу: богатые питались пшеницею; а бѣдные вопили, что Правители ихъ безумно раздражили Іоанна и начали войну, не подумавъ о слѣдствіяхъ ([62]). Вѣсть о казни Димитрія Борецкаго и товарищей его сдѣлала глубокое впечатлѣніе какъ въ народѣ, такъ и въ чиновникахъ: доселѣ никто изъ Великихъ Князей не дерзалъ торжественно казнить первостепенныхъ гордыхъ Бояръ Новогородскихъ. Народъ разсуждалъ, что времена перемѣнились; что Небо покровительствуетъ Іоанна и даетъ ему смѣлость вмѣстѣ съ счастіемъ; что сей Государь правосуденъ: караетъ и милуетъ; что лучше спастися смиреніемъ, нежели погибнуть отъ упрямства. Знатные сановники видѣли мечь надъ своею головою: въ такомъ случаѣ рѣдкіе жертвуютъ личною безопасностію правилу или образу мыслей. Самые усердные изъ друзей Мароиныхъ, тѣ, которые ненавидѣли Москву по ревностной любви къ вольности отечества, молчаніемъ или языкомъ умѣренности хотѣли заслужить прощеніе Іоанново. Еще Мароа силилась дѣйствовать на умы и сердца, возбуждая ихъ противъ Великаго Князя: народъ видѣлъ въ ней главную виновницу сей бѣдственной войны; онъ требовалъ хлѣба и мира.

Холмскій, Псковитяне и самъ Іоаннъ готовились съ разныхъ сторонъ обступить Новгородъ, чтобы совершить послѣдній ударъ: не много времени оставалось для размышленія. Сановники, граждане единодушно предложили нареченному Архіепископу Θеофилу быть ходатаемъ мира. Сей разумный Инокъ со многими Посадниками, Тысячскими и людьми Житыми всѣхъ пяти Концевъ отправился на судахъ озеромъ Ильменомъ къ устью Шелони, въ станъ Московскій. Не смѣя вдругъ явиться Государю, они пошли къ его Вельможамъ и просили ихъ заступленія: Вельможи просили Іоанновыхъ братьевъ, а братья самого Іоанна. Чрезъ нѣсколько дней онъ дозволилъ Посламъ стать предъ лицемъ своимъ. Θеофилъ вмѣстѣ со многими духовными особами и знатнѣйшіе чиновники Новогородскіе, вступивъ въ шатеръ Великокняжескій, пали ницъ, безмолствовали, проливали слезы. Іоаннъ, окруженный сонмомъ Бояръ, имѣлъ видъ грозный и суровый. «Господинъ, Князь Великій!» сказалъ Θеофилъ, «утоли гнѣвъ свой, утиши ярость, пощади насъ, преступниковъ, не для моленія нашего, но для своего милосердія! Угаси огнь, палящій страну Новогородскую; удержи мечь, ліющій кровь ея жителей ([63])!» Іоаннъ взялъ съ собою изъ Москвы одного ученаго въ лѣтописяхъ Дьяка, именемъ Стефана Бородатаго, коему надлежало исчислить передъ Новогородскими Послами всѣ древнія ихъ измѣны ([64]); но Послы не хотѣли оправдываться, и требовали единственно милосердія. Тутъ братья и Воеводы Іоанновы ударили челомъ за народъ виновный; молили долго, неотступно. Наконецъ Государь изрекъ слово великодушнаго прощенія, слѣдуя, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, внушеніямъ Христіанскаго человѣколюбія и совѣту Митрополита Филиппа помиловать Новогородцевъ, если они раскаются ([65]); но мы видимъ здѣсь дѣйствіе личнаго характера, осторожной Политики, умѣренности сего Властителя, коего правиломъ было: *не отвергать хорошаго для лучшаго,* не со всѣмъ вѣрнаго. Авг. 11.

Новогородцы за вину свою обѣщали внести въ казну Великокняжескую 15,500 рублей или около осьмидесяти пудъ серебра, въ разные сроки, отъ 8 Сентября до Пасхи; возвратили Іоанну прилежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезены, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, мѣста уступленныя Василію Темному, но послѣ отнятыя ими; обязались въ назначенныя времена платить Государямъ Московскимъ *черную* или народную дань, также и Митрополиту судную пошлину; клялися ставить своихъ Архіепископовъ только въ Москвѣ, у гроба Св. Петра Чудо-

Г.1471. творца, въ Дому Богоматери; не имѣть никакого сношенія съ Королемъ Польскимъ, ни съ Литвою; не принимать къ себѣ тамошнихъ Князей и враговъ Іоанновыхъ: Князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; отмѣнили такъ называемыя Вѣчевыя грамоты; признали верховную судебную власть Государя Московскаго, въ случаѣ несогласія его Намѣстниковъ съ Новогородскими сановниками; обѣщались не издавать впредь судныхъ грамотъ безъ утвержденія и печати Великаго Князя, и проч. Возвращая имъ Торжекъ и новыя свои завоеванія въ Двинской землѣ, Іоаннъ по обычаю цѣловалъ крестъ, въ увѣреніе, что будетъ править Новымгородомъ согласно съ древними уставами онаго, безъ всякаго насилія. Сіи взаимныя условія или обязательства изображены въ шести, тогда написанныхъ грамотахъ, отъ 9 и 11 Августа, въ коихъ юный сынъ Іоанновъ именуется также, подобно отцу, Великимъ Княземъ всей Россіи (66). Помиривъ еще Новгородъ съ Псковитянами, Іоаннъ увѣдомилъ своихъ Полководцевъ, что война прекратилась; ласково угостилъ Ѳеофила и всѣхъ Пословъ; отпустилъ ихъ съ милостію, и въ слѣдъ за ними велѣлъ ѣхать Боярину Ѳеодору Давидовичу, взять присягу съ Новогородцевъ на Вѣчѣ. Давъ слово забыть прошедшее, Великій Князь оставилъ въ покоѣ и самую Марѳу Борецкую, и не хотѣлъ упомянуть объ ней въ договорѣ, какъ бы изъ презрѣнія къ слабой женѣ. Исполнивъ свое намѣреніе, наказавъ мятежниковъ, свергнувъ тѣнь Казимирову съ древняго престола Рюрикова, онъ съ честію, славою и богатою добычею возвратился въ Москву. Сынъ, братъ, Вельможи, воины и купцы встрѣтили его за 20 верстъ отъ столицы, народъ за семь, Митрополитъ съ Духовенствомъ передъ Кремлемъ на
Сент. 1. площади. Всѣ привѣтствовали Государя какъ побѣдителя, изъявляя радость (67).

Еще Новгородъ остался Державою народною; но свобода его была уже единственно милостію Іоанна и долженствовала исчезнуть по мановенію Самодержца. Нѣтъ свободы, когда нѣтъ силы защитить ее. Всѣ области Новогородскія, кромѣ столицы, являли отъ предѣловъ восточныхъ до моря зрѣлище опустошенія, произведеннаго не только ратію Великокняжескою, но и шайками вольницы: граждане и жители сельскіе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ходили туда вооруженными толпами изъ Московскихъ владѣній грабить и питаться. Погибло множество людей. Къ довершенію бѣдствія, 9,000 человѣкъ, призванныхъ въ Новгородъ изъ Уѣздовъ для защиты онаго, возвращаясь осенью въ свои домы на 180 судахъ, утонули въ бурномъ Ильменѣ (68). Зимою Священноинокъ Ѳеофилъ съ духовными и мірскими сановниками пріѣхалъ въ Москву и былъ поставленъ въ Архіепископы (69). Когда сей торжественный обрядъ совершился, Ѳеофилъ на амвонѣ смиренно преклонилъ выю предъ Іоанномъ и молилъ его умилосердиться надъ знатными Новогородскими плѣнниками, Василіемъ Казимеромъ и другими, которые еще сидѣли въ Московскихъ темницахъ: Великій Князь даровалъ имъ свободу, и Новгородъ принялъ ихъ съ дружелюбіемъ, а Владыку своего съ благодарностію, легкомысленно надѣясь, что время, торговля, мудрость Вѣча и правила благоразумнѣйшей Политики исцѣлятъ глубокія язвы отечества.

Въ исходѣ сего года явилась Комета, Г.1472. Явленіе Кометъ.
въ началѣ слѣдующаго другая (70); народъ трепеталъ, ожидая чего нибудь ужаснаго. Іоаннъ же, не участвуя въ страхѣ суевѣрныхъ, спокойно мыслилъ о важномъ завоеваніи. Древняя славная Біармія или Пермь уже въ XI вѣкѣ платила дань Россіянамъ, въ гражданскихъ отношеніяхъ зависѣла отъ Новагорода, Завоеваніе Перми.
въ церковныхъ отъ нашего Митрополита, но всегда имѣла собственныхъ Властителей, и торговала съ Москвитянами какъ Держава свободная. Присвоивъ себѣ Вологду, Великіе Князья желали овладѣть и Пермію, однакожъ дотолѣ не могли: ибо Новогородцы крѣпко стояли за оную, обогащаясь тамъ мѣною Нѣмецкихъ суконъ на мѣха драгоцѣнные и на серебро, которое именовалось *Закамскимъ* и столь прельщало хитраго Іоанна Калиту (71). Въ самомъ Шелонскомъ договорѣ Новогородцы включили Пермь въ число ихъ законныхъ владѣній (72); но Іоаннъ III, подобно Калитѣ дальновидный и гораздо его сильнѣйшій, воспользовался первымъ случаемъ исполнить намѣреніе своего прашура безъ явной несправедливости. Въ Перми обидѣли нѣкоторыхъ Москвитянъ: сего было довольно для Іоанна: онъ послалъ туда Князя Ѳеодора Пестраго съ войскомъ, чтобы доставить имъ законную управу.

Полки, выступивши изъ Москвы зимою, на Ѳоминой недѣлѣ приплыли къ рѣкѣ Черной, спустились на плотахъ до мѣстечка Айфалинскаго, сѣли на коней и близъ городка Искора встрѣтились съ Пермскою ратію. Побѣда не могла быть сомнительною: Князь Ѳеодоръ разсѣялъ непріятелей; плѣнилъ ихъ Воеводъ, Кача, Бурмата, Мичкана, Зырана; взялъ Искоръ съ иными городками, сжегъ ихъ, и на устьѣ Почки, впадающей въ Колву, заложилъ крѣпость; а другой Воевода, Гаврило Нелидовъ, имъ отряженный, овладѣлъ Уросомъ и Чердынью, схвативъ тамошняго Князя Христіанской Вѣры, именемъ Михаила.
Іюня 26. Вся земля Пермская покорилась Іоанну, и Князь Ѳеодоръ прислалъ къ нему, вмѣстѣ съ плѣнными, 16 сороковъ черныхъ соболей, драгоцѣнную шубу соболью, 29 *поставовъ* Нѣмецкаго сукна, 3 панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя. Сіе завоеваніе, коимъ владѣнія Московскія прислонились къ хребту горъ Уральскихъ, обрадовало Государя и народъ, обѣщая важныя торговыя выгоды, и напомнивъ Россіи счастливую старину, когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, брали мечемъ чуждыя земли, не теряя собственныхъ. — Вѣроятно, что Пермскій Князь Михаилъ возвратился въ свое отечество, гдѣ послѣ господствовалъ и сынъ его, Матѳей, какъ присяжникъ Іоанновъ. Первымъ *Россійскимъ* Намѣстникомъ Великой Пермя былъ въ 1505 году Князь Василій Андреевичь Коверъ ([73]).

Нашествіе Ахмата. Доселѣ Великій Князь еще не имѣлъ дѣла съ главнымъ врагомъ нашей независимости, съ Царемъ Большой или Золотой Орды, Ахматомъ, коего толпы въ 1468 году нападали единственно на Рязанскую землю, не дерзнувъ итти далѣе: ибо въ упорной битвѣ съ тамошними Воеводами потеряли много людей ([74]). Благоразумный Іоаннъ, готовый къ войнѣ, хотѣлъ удалить ее: время усиливало Россію, ослабляя могущество Хановъ. Но другой естественный врагъ Москвы, Казиміръ Литовскій, употреблялъ всѣ способы подвигнуть Ахмата на Великаго Князя. Дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, купилъ въ Литвѣ одного Татарина, именемъ Мисюря, Витовтова плѣнника, котораго внукъ, Кирей, рожденный въ холопствѣ, бѣжалъ отъ Іоанна въ Польшу, и снискалъ особенную милость Казимирову ([75]). Сей Государь хотѣлъ употребить его въ орудіе своей ненависти къ Россіи, посылалъ его въ Золотую Орду съ ласковыми грамотами, съ богатыми дарами, и предлагалъ Ахмату тѣсный союзъ, чтобы вмѣстѣ воевать наше отечество. Кирей имѣлъ умъ хитрый, зналъ хорошо и Татаръ и Москву: доказывалъ Хану необходимость предупредить Іоанна, замышляющаго быть Самовластителемъ независимымъ; подкупалъ Вельможъ Ординскихъ, и легко склонилъ ихъ на свою сторону: ибо они недоброжелательствовали Великому Князю за его къ нимъ презрѣніе или скупость. Уже Москва не удовлетворяла ихъ алчному корыстолюбію; уже Послы наши не пресмыкались въ Улусахъ съ мѣшками серебра и золота. Главный изъ Вельможъ Ханскихъ, именемъ Темиръ, всѣхъ ревностнѣе помогалъ Кирею; но цѣлый годъ миновалъ въ однихъ переговорахъ. Междоусобія Татаръ не дозволяли Ахмату удалиться отъ береговъ Волги, и въ то время, когда Посолъ Литовскій твердилъ ему о древнемъ величіи Хановъ, знаменитая ихъ столица, городъ Сарай, основанный Батыемъ, не могъ защитить себя отъ набѣга смѣлыхъ Вятчанъ: приплывъ Волгою и слыша, что Ханъ кочуетъ верстахъ въ пятидесяти оттуда, они въ расплохъ взяли сей городъ, захватили всѣ товары, нѣсколько плѣнниковъ, и съ добычею ушли назадъ, сквозь множество Татарскихъ судовъ, которыя хотѣли преградить имъ путь ([76]). Наконецъ Ахматъ, взявъ мѣры для безопасности Улусовъ, отправилъ съ Киреемъ собственнаго Посла къ Казимиру, обѣщалъ немедленно начать войну, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣйствительно вступилъ въ Россію съ знатными силами, удержавъ при себѣ Московскаго чиновника, который былъ посланъ къ нему отъ Государя съ мирными предложеніями ([77]).

Великій Князь, узнавъ о томъ, отрядилъ Боярина Ѳеодора Давидовича съ Коломенскою дружиною къ берегамъ Оки; за нимъ Даніила Холмскаго, Князя Оболенскаго-Стригу и братьевъ своихъ съ иными полками; услышалъ о приближеніи Хана къ Алексину, и самъ немедленно выѣхалъ изъ столицы въ Коломну, чтобы оттуда управлять движеніями войска. При немъ находился и сынъ Касимовъ, Царевичь Даніяръ, съ своею дружиною: такимъ образомъ Политика Великихъ Князей вооружала Моголовъ противъ Моголовъ. Но еще

г.1472. сильно дѣйствовалъ ужасъ Ханскаго имени: не смотря на 180,000 воиновъ, которые стали между непріятелемъ и Москвою, занявъ пространство ста-пятидесяти верстъ (78); не смотря на общую довѣренность къ мудрости и счастію Государя, Москва страшилась, и мать Великаго Князя съ его сыномъ для безопасности уѣхала въ Ростовъ (79).

Ахматъ приступилъ къ Алексину, гдѣ не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ (80); однакожь граждане побили множество непріятелей. На другой день Татары сожгли городъ вмѣстѣ съ жителями; бѣгущихъ взяли въ плѣнъ, и бросились цѣлыми полками въ Оку, чтобы ударить на малочисленный отрядъ Москвитянъ, которые стояли на другомъ берегу рѣки. Начальники сего отряда, Петръ Ѳедоровичь и Семенъ Беклемишевъ, долго имѣвъ перестрѣлку, хотѣли уже отступить, когда сынъ Михаила Верейскаго, Князь Василій, прозваніемъ Удалый, подоспѣлъ къ нимъ съ своею дружиною, а скоро и братъ Іоанновъ, Юрій. Москвитяне прогнали Татаръ за Оку и стали рядами на лѣвой сторонѣ ея, готовые къ битвѣ рѣшительной: новые полки непрестанно къ нимъ подходили съ трубнымъ звукомъ, съ распущенными знаменами. Ханъ Ахматъ внимательно смотрѣлъ на нихъ съ другаго берега, удивляясь многочисленности, стройности оныхъ, блеску оружія и доспѣховъ. «Ополченіе наше (говорятъ Лѣтописцы) колебалось подобно величественному морю, ярко освѣщенному солнцемъ.» Татары начали отступать, сперва тихо, медленно; а ночью побѣжали, гонимые однимъ страхомъ: ибо никого изъ Москвитянъ не было за Окою. Сіе нечаянное бѣгство произошло, какъ сказывали, отъ жестокой заразительной болѣзни, которая открылась тогда въ Ахматовомъ войскѣ (81). — Великій Князь послалъ Воеводъ своихъ въ слѣдъ за непріятелемъ; но Татары въ шесть дней достигли до своихъ *Катуновъ* или Улусовъ, откуда прежде шли къ Алексину шесть недѣль: Россіяне не могли или не хотѣли выгнать ихъ, взявъ г.1472. нѣсколько плѣнниковъ и часть обоза непріятельскаго; а Великій Князь распустилъ войско, удостовѣренный, что Ханъ не скоро осмѣлится предпріять новое впаденіе въ Россію. Между тѣмъ Казимиръ, союзникъ Моголовъ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія въ ихъ пользу: имѣя важную распрю съ Государемъ Венгерскимъ и занятый дѣлами Богеміи, сей слабодушный Король предалъ Ахмата такъ же, какъ и Новогородцевъ. Іоаннъ возвратился въ Москву съ торжествомъ побѣдителя. Авг.23.

Скоро послѣ того онъ и всѣ Москвитяне были огорчены преждевременною кончиною Князя Юрія Васильевича. Меньшіе братья его и самъ Великій Князь находились въ Ростовѣ, у матери, тогда нездоровой. Митрополитъ Филиппъ не смѣлъ безъ повелѣнія Іоаннова хоронить тѣла Юріева, которое, въ противность обыкновенію, четыре дни стояло въ Церкви Архангела Михаила. Великій Князь пріѣхалъ оросить слезами гробъ достойнаго брата, не только имъ, но и всѣми искренно любимаго за его добрыя свойства и за ратное мужество, коимъ онъ славился. — Юрій скончался холостымъ на тридцать-второмъ году жизни, и въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свое имѣніе матери, братьямъ, сестрѣ, Княгинѣ Рязанской, поручивъ имъ выкупить разныя, заложенныя имъ вещи, серебреныя, золотыя, и даже сукна Нѣмецкія: ибо на немъ осталось болѣе семи-сотъ рублей долгу (82). О городахъ своихъ — Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ — онъ не упоминаетъ въ духовной. Іоаннъ, присоединивъ ихъ къ Великому Княженію, досадилъ завистливымъ братьямъ; но мать благоразумными увѣщаніями прекратила ссору, отдавъ Андрею Васильевичу мѣстечко Романовъ: Великій Князь уступилъ Борису Вышегородъ, а меньшему Андрею Торусу, утвердивъ грамотами наслѣдственные Удѣлы за ними и за дѣтьми ихъ (83).

Смерть Юрія, Іоаннова брата.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1472 — 1477.

Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства изъ Рима и въ Римъ. Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана. Посла Венеціянскаго. Пренія Легата Папскаго о Вѣрѣ. Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи. Выѣзжіе Греки. Братья Софіины. Посольства въ Венецію. Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. Льютъ пушки, чеканятъ монету. Дѣла съ Ливоніею, съ Литвою, съ Крымомъ, съ Большою Ордою, съ Персіею. Посолъ Венеціянскій Контарини въ Москвѣ.

Г. 1472. Бракъ Іоанновъ съ Греческою Царевною. Посольства въ Рима и въ Римъ.

Въ сіе время судьба Іоаннова ознаменовалась новымъ величіемъ посредствомъ брака, важнаго и счастливаго для Россіи: ибо слѣдствіемъ онаго было то, что Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную; что Государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества; что мы, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ ними, узнали много новаго, полезнаго какъ для внѣшней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоденствія.

Послѣдній Императоръ Греческій, Константинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ братьевъ, Димитрія и Ѳому, которые, подъ именемъ Деспотовъ господствуя въ Пелопоннесѣ или въ Мореѣ, ненавидѣли другъ друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II: Турки овладѣли Пелопоннесомъ. Димитрій искалъ милости въ Султанѣ, отдалъ ему дочь свою въ Сераль и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ Энъ во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь невѣрными, съ женою, съ дѣтьми, съ знатнѣйшими Греками ушелъ изъ Корфу въ Римъ, гдѣ Папа, Пій II, и Кардиналы, уважая въ немъ остатокъ древнѣйшихъ Государей Христіанскихъ, и въ благодарность за сокровище, имъ привезенное: за главу Апостола Андрея (съ того времени хранимую въ церкви Св. Петра) назначили сему знаменитому изгнаннику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго жалованья (84). Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями новаго Папы, Павла II, не заслуживая оныхъ своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ и соблазнительнымъ; но юная сестра ихъ, дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою и разумомъ, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха, и замышляя тогда воздвигнуть всѣхъ Государей Европейскихъ на опаснаго для самой Италіи Магомета II, хотѣлъ симъ бракомъ содѣйствовать видамъ своей Политики. Къ удивленію многихъ, Павелъ обратилъ взоръ на Великаго Князя Іоанна, по совѣту, можетъ быть, славнаго Кардинала Виссаріона: сей ученый Грекъ издавна зналъ единовѣрную Москву и возрастающую силу ея Государей, извѣстныхъ и Риму по дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецкимъ Орденомъ, и въ особенности по Флорентійскому Собору, гдѣ Митрополитъ нашъ, Исидоръ, представлялъ столь важное лице въ церковныхъ преніяхъ. Отдаленность, благопріятствуя баснословію, раждала слухи о несмѣтномъ богатствѣ и многочисленности Россіянъ. Папа надѣялся во-первыхъ чрезъ Царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго Соединенія, убѣдить Іоанна къ принятію оныхъ и тѣмъ подчинить себѣ нашу Церковь; во вторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Греціи отъ ига Магометова. Въ слѣдствіе сего намѣренія Кардиналъ Виссаріонъ, въ качествѣ нашего единовѣрца, отправилъ Грека, именемъ Юрія, съ письмомъ къ Великому Князю (въ 1469 году), предлагая ему руку Софіи, знаменитой дочери Деспота Морейскаго, которая будто бы отказала двумъ женихамъ, Королю Французскому и Герцогу Медіоланскому, не желая быть супругою Государя Латинской Вѣры (85). Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхали въ Москву два Венеціянина, Карлъ и Антонъ, братъ и племянникъ Ивана Фрязина, денеж- Г. 1472.

Г. 1472. ника или монетчика, который уже давно находился въ службѣ Великаго Князя, переселясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды, и принявъ Вѣру Греческую.

Сіе важное Посольство весьма обрадовало Іоанна; но, слѣдуя правиламъ своего обыкновеннаго, хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, Митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ Бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего сѣнь покоила* нѣкогда *все Христіанство* православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею, и дастъ Монархамъ нашимъ права Императоровъ Греческихъ. — Великій Князь желалъ чрезъ собственнаго Посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи, и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему Венеціянскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона; увѣрилъ Іоанна въ красотѣ Софіи, и вручилъ ему живописный образъ ея (86), вмѣстѣ съ листами отъ Папы для свободнаго проѣзда нашихъ Пословъ въ Италію за невѣстою: о чемъ Павелъ особенно писалъ къ Королю Польскому, именуя Іоанна любезнѣйшимъ сыномъ, Государемъ *Московіи*, Новагорода, Пскова и другихъ земель (87). — Между тѣмъ сей Папа умеръ, и слухъ пришелъ въ Москву, что мѣсто его заступилъ Калистъ: Великій Князь въ 1472 году, Генваря 17, отправилъ того же Ивана Фрязина со многими людьми въ Римъ, чтобы привезти оттуда Царевну Софію, и далъ ему письмо къ новому Папѣ. Но дорогою узнали Послы, что преемникъ Павловъ называется Сикстомъ: они не хотѣли возвратиться для переписанія грамоты; вычиствивъ въ ней имя Калиста, написали Сикстово, и въ Маѣ прибыли въ Римъ.

Папа, Виссаріонъ и братья Софіины приняли ихъ съ отмѣнными почестями. 22 Мая, въ торжественномъ собраніи Кардиналовъ, Сикстъ IV объявилъ имъ о Посольствѣ и сватовствѣ Іоанна, Великаго Князя *Бѣлой Россіи* (88). Нѣкоторые изъ нихъ сомнѣвались въ православіи сего Монарха и народа его; но Папа отвѣтствовалъ, что Россіяне участвовали въ Флорентійскомъ Соборѣ и приняли Архіепископа или Митрополита отъ Латинской Церкви; что *они желаютъ нынѣ имѣть у себя Легата Римскаго, который могъ бы изслѣдовать на мѣстѣ обряды Вѣры ихъ и заблуждающимся указать путь истинный;* что ласкою, кротостію, снисхожденіемъ надобно обращать сыновъ ослѣпленныхъ къ нѣжной матери, т. е. къ Церкви; что Законъ не противится бракосочетанію Царевны Софіи съ Іоанномъ. Г. 1472.

25 Мая Послы Іоанновы были введены въ Тайный Совѣтъ Папскій, вручили Сиксту Великокняжескую, писанную на Русскомъ языкѣ грамоту съ золотою печатію и поднесли въ даръ шестдесятъ соболей. Въ грамотѣ сказано было единственно такъ: «Сиксту, Первосвятителю Римскому, Іоаннъ, Великій Князь Бѣлой Руси, кланяется и проситъ вѣрить его Посламъ.» Именемъ Государя они привѣтствовали Папу, который въ отвѣтѣ своемъ хвалилъ Іоанна за то, что онъ, какъ добрый Христіанинъ, *не отвергаетъ Собора Флорентійскаго*, и не принимаетъ Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ, избираемыхъ Турками; что хочетъ совокупиться бракомъ съ Христіанкою, воспитанною въ столицѣ Апостольской, и что *изъявляетъ приверженность къ Главѣ Церкви*. Въ заключеніе Святый Отецъ благодарилъ Великаго Князя за дары. — Тутъ находились Послы Неаполитанскіе, Венеціянскіе, Медіоланскіе, Флорентійскіе и Феррарскіе. Іюня 1 Софія въ церкви Св. Петра была обручена Государю Московскому, коего лице представлялъ главный изъ его повѣренныхъ, Иванъ Фрязинъ.

Іюня 12 собралися Кардиналы для дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россійскими Послами, *которые увѣряли Папу о ревности ихъ Монарха къ благословенному соединенію Церквей*. Сикстъ IV, такъ же какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнать Магомета изъ Царяграда, хотѣлъ, чтобы Государь Московскій склонилъ Хана Золотой Орды воевать Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть Татаръ на Султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что для сего нужно только послать въ Орду тысячь десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары Хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ Су-

танскія области чрезъ Паннонію; но что Король Венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное войско чрезъ свою Державу; что сіи вѣроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бываютъ злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда Татаръ оказалась бы равно бѣдственною и для Турковъ и для Христіанъ. Однимъ словомъ, Послы Московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и Папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца Грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣснителей (89).

Такъ говорятъ церковныя лѣтописи Римскія о Посольствѣ Московскомъ. Дѣйствительно ли Великій Князь манилъ Папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго Собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на Государя, употребляя во зло его довѣренность? или Католики, обманывая самихъ себя, не то слышали и писали, что говорилъ Посолъ нашъ? сіе остается неяснымъ. — Папа далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію Легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими Римлянами; а Царевичи Андрей и Мануилъ отправили Посломъ къ Іоанну Грека Димитрія. Невѣста имѣла свой особенный Дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ присоединились и другіе Греки, которые надѣялись обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути, и велѣлъ, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали Царевну съ надлежащею честію, давали ей съѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и въ Германіи, до самыхъ областей Московскихъ. 24 Іюня она выѣхала изъ Рима, Сентября 1 прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на лучшемъ кораблѣ въ Ревель; 21 Сентября вышла тамъ на берегъ и жила десять дней, пышно угощаемая на иждивеніе Ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля черезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно переѣхала море. Посолъ Московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ Государя и Россіи (90).

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: Правители готовили дары, запасъ, медъ и вина для Царевны; разсылали всюду гонцевъ; украшали суда, лодки, и 11 Октября выѣхали на гладкое Чудское озеро, къ устью Эмбаха, встрѣтить Софію, которая со всѣми ея многочисленными спутниками тихо подъѣзжала къ берегу. Посадники, Бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ виномъ кубки, ударили челомъ своей будущей Великой Княгинѣ. Достигнувъ наконецъ земли Русской, гдѣ Провидѣніе судило ей жить и царствовать; видя знаки любви, слыша усердныя привѣтствія Россіянъ, она не хотѣла медлить ни часу на берегу Ливонскомъ: Степенный Посадникъ принялъ ее и всѣхъ бывшихъ съ нею на суда. Два дни плыли озеромъ; ночевали у Св. Николая въ Устьяхъ, и 13 Октября остановились въ монастырѣ Богоматери: тамъ Игуменъ съ братіею отпѣлъ за Софію молебенъ; она одѣлась въ *Царскія ризы*, и встрѣченная Псковскимъ Духовенствомъ у городскихъ воротъ, пошла въ Соборную церковь, гдѣ народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Папскаго Легата, Антонія, на его червленную одежду, высокую Епископскую шапку, перчатки, и на серебряное, литое распятіе, которое несли передъ нимъ. Къ соблазну нашихъ Христіанъ правовѣрныхъ, сей Легатъ, вступивъ въ церковь, не поклонился святымъ иконамъ; но Софія велѣла ему приложиться къ образу Богоматери, замѣтивъ общее негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣнился Царевною, которая съ живѣйшимъ усердіемъ молилась Богу, наблюдая всѣ обряды Греческаго Закона. Изъ церкви повели ее въ Великокняжескій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію гостепріимство изъявлялось дарами: Бояре и купцы поднесли Софіи пятьдесятъ рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная къ усердію Псковитянъ, она чрезъ пять дней выѣзжая оттуда, сказала имъ съ ясностію: «Спѣшу къ моему и вашему Государю; благодарю чиновниковъ, Бояръ и весь Великій Псковъ за угощеніе, и рада при всякомъ случаѣ ходатайствовать въ Москвѣ по дѣламъ вашимъ.» — Въ Новгородѣ была ей такая же встрѣча отъ Архіепископа, Посадниковъ, Тысячскихъ, Бояръ и купцевъ; но Царевна спѣшила въ Москву, гдѣ Іоаннъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ (91).

Уже Софія находилась въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, когда Великій Князь призвалъ Бояръ на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе. Легатъ Папскій, желая имѣть болѣе важности

г. 1472. въ глазахъ Россіянъ, во всю дорогу ѣхалъ съ Латинскимъ *крыжемъ*: то есть, предъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о коемъ мы выше упоминали. Великій Князь не хотѣлъ оскорбить Легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидѣвъ сей торжественный обрядъ иновѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣніе Бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ нашимъ Посломъ, Иваномъ Фрязиномъ, что не должно запрещать того изъ уваженія къ Папѣ; другіе, что доселѣ въ землѣ Русской не оказывалось почестей Латинской Вѣрѣ; что примѣръ и гибель Исидора еще въ свѣжей памяти. Іоаннъ отнесся къ Митрополиту Филиппу, и сей старецъ съ жаромъ отвѣтствовалъ: «Буде ты позволишь въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ передъ Латинскимъ Епископомъ, то онъ внидетъ въ единыя врата, а я, отецъ твой, изъиду другими вонъ изъ града. Чтить Вѣру чуждую есть унижать собственную.» Великій Князь немедленно послалъ Боярина, Ѳеодора Давидовича, взять крестъ у Легата и спрятать въ сани. Легатъ повиновался, хотя и съ неудовольствіемъ: тѣмъ болѣе спорилъ Иванъ Фрязинъ, осуждая Митрополита. «Въ Италіи (говорилъ онъ) честили Пословъ Великокняжескихъ: слѣдственно въ Москвѣ надобно честить Папскаго.» Сей Фрязинъ, будучи въ Римѣ, таилъ перемѣну Вѣры своей, сказывался Католикомъ, и въ самомъ дѣлѣ, принявъ Греческій Законъ въ Россіи только для мірскихъ выгодъ, внутренно исповѣдывалъ Латинскій, считая насъ суевѣрами. Но Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь исполнилъ повелѣніе Государя.

Царевна въѣхала въ Москву 12 Ноября, рано по утру, при стеченіи любопытнаго народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви: принявъ его благословеніе, она пошла къ матери Іоанновой, гдѣ увидѣлась съ женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе: послѣ чего слушали обѣдню въ деревянной Соборной церкви Успенія (ибо старая каменная была разрушена, а новая недостроена). Митрополитъ служилъ со всѣмъ знатнѣйшимъ Духовенствомъ и великолѣпіемъ Греческихъ обрядовъ; наконецъ обвѣнчалъ Іоанна съ Софіею, въ присутствіи его матери, сына, братьевъ, множества Князей и Бояръ, Легата Антонія, Грековъ и Римлянъ (92). На другой день Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ, торжественно представленные Великому Князю, вручили ему письма и дары.

Заключеніе Ивана Фрязина и Тревизана. Посла Венеціянскаго.

Въ то время, когда Дворъ и народъ въ Москвѣ праздновали свадьбу Государя, главный пособникъ сего счастливаго брака, Иванъ Фрязинъ, вмѣсто чаемой награды заслужилъ оковы. Возвращаясь въ первый разъ изъ Рима чрезъ Венецію и называясь Великимъ Бояриномъ Московскимъ, онъ былъ обласканъ Дожемъ, Николаемъ Троно, который, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой Орды, вздумалъ отправить туда Посла чрезъ Москву, чтобы склонить Хана къ нападенію на Турцію. Сей Посолъ, именемъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ Дожа къ Великому Князю и съ прозьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ Хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать Государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить ему все нужное для путешествія въ Орду, и пришедши съ нимъ къ Великому Князю, назвалъ сего Посла купцемъ Венеціянскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи: Легатъ Папскій и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана — зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ Государю. Іоаннъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію. Едва Легатъ Папскій и Греки могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умоливъ Государя, чтобы онъ прежде обослался съ Сенатомъ и Дожемъ Венеціянскимъ (93).

Ласкаемый въ Москвѣ, Посолъ Римскій, согласно съ даннымъ ему отъ Папы наставленіемъ, домогался, чтобы Россія приняла уставъ Флорентійскаго Собора. Можетъ быть, Іоаннъ, во время сватовства искавъ благосклонности Папы, давалъ сію надежду словами двусмысленными, но будучи уже супругомъ Софіи, не хотѣлъ о томъ слышать. Лѣтописецъ говоритъ, что Легатъ Антоній

Преніе Легата Папскаго о Вѣрѣ.

имѣлъ пренія съ нашимъ Митрополитомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; что Митрополитъ, опираясь на особенную мудрость какого-то Никиты,

Московскаго книжника (94), ясно доказалъ истину Греческаго Исповѣданія, и что Антоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: «нѣтъ книгъ со мною.»—Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, Легатъ и Посолъ Софіиныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для Папы и Царевичей отъ Великаго Князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію Нѣмецкихъ Историковъ, обѣщавъ Сиксту IV наблюдать внушенныя ей правила Западной Церкви, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною Христіанкою Вѣры Греческой (95).

Г. 1473. Генв. 26.

Слѣдствія Іоаннова брака для Россіи.

Главнымъ дѣйствіемъ сего брака (какъ мы уже замѣтили) было то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ Императоровъ Византійскихъ, и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственныя сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ; говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того многіе Греки, пріѣхавшіе къ намъ съ Царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и въ языкахъ, особенно въ Латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными отъ Турецкаго варварства книгами Московскія церковныя библіотеки и способствовали великолѣпію нашего Двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ Византійскаго, такъ, что съ сего времени столица Іоаннова могла дѣйствительно именоваться новымъ Царемградомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожденію Наукъ въ Италіи, имѣло счастливое вліяніе и на Россію. — Нѣкоторые знатные Греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Константинополя: на примѣръ, въ 1485 году, Іоаннъ Палеологъ Рало (96), съ женою и съ дѣтьми, а въ 1495 *Бояринъ* Ѳеодоръ Ласкиръ съ сыномъ Димитріемъ. Софія звала къ себѣ и братьевъ; но Мануилъ предпочелъ Дворъ Магомета II, уѣхалъ въ Царьградъ, и тамъ, осыпанный благодѣяніями Султана, провелъ остатокъ жизни въ изобиліи: Андрей же, совокупившись бракомъ съ одною распутною Гречанкою, два раза (въ 1480 и 1490 году) пріѣзжалъ въ Москву и выдалъ дочь свою, Марію, за Князя Василія Михайловича Верейскаго; однакожь возвратился въ Римъ (гдѣ лежатъ кости его подлѣ отцевскихъ въ храмѣ Св. Петра). Кажется что онъ былъ не доволенъ Великимъ Княземъ: ибо въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свои права на Восточную Имперію не ему, а иновѣрнымъ Государямъ Кастиліи, Фердинанду и Елисаветѣ (97); хотя Іоаннъ, по свойству съ Царями Греческими, принялъ и гербъ ихъ, орла двуглаваго, соединивъ его на своей печати съ Московскимъ: то есть, на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой всадникъ попирающій дракона, съ надписью: «*Великій Князь, Божіею милостію Господарь всея Руси* (98).»

Выѣзды Грековъ.

Братья Софіины.

Г. 1474.

Новый гербъ Россіи.

Въ слѣдъ за Легатомъ Римскимъ Великій Князь послалъ въ Венецію Антона Фрязина съ жалобою на Тревизана (99), велѣвъ сказать Дожу: «кто шлетъ Посла чрезъ мою землю тайно, обманомъ, не испросивъ дозволенія, тотъ нарушаетъ уставы чести.» Дожъ и Сенатъ, услышавъ, что бѣдный Тревизанъ сидитъ въ Москвѣ подъ стражею окованный цѣпями, прибѣгнули къ ласковымъ убѣжденіямъ, прося, чтобы Великій Князь освободилъ его для общаго блага Христіанъ и отправилъ къ Хану, снабдивъ всѣмъ нужнымъ для сего путешествія, изъ дружбы къ Республикѣ, которая съ благодарностію заплатитъ сей долгъ. Іоаннъ умилостивился (100), освободилъ Тревизана, далъ ему семдесятъ рублей, и вмѣстѣ съ нимъ пославъ въ Орду Дьяка своего возбуждать Хана противъ Магомета II, увѣдомилъ о томъ Венеціянскаго Дожа. Сіе новое Посольство въ Италію особенно любопытно тѣмъ, что главою онаго былъ уже не иноземецъ, но Россіянинъ, именемъ Семенъ Толбузинъ, который взялъ съ собою Антона Фрязина въ качествѣ переводчика, и сверхъ государственнаго дѣла имѣлъ порученіе вывезти оттуда искуснаго зодчаго.

Посольства въ Венецію.

Здѣсь въ первый разъ видимъ Іоанна пекущагося о введеніи художествъ въ Россію: ознаменованный величіемъ духа, истинно Царскимъ, онъ хотѣлъ не только ея свободы, могущества, внутренняго благоустройства, но и внѣшняго великолѣпія, которое сильно дѣйствуетъ на воображеніе людей, и принадлежитъ къ успѣхамъ ихъ гражданскаго состоянія. Владиміръ Святый и Ярославъ Великій украсили древній Кіевъ памятниками Византійскихъ Ис-

г. 1473. кусствѣ: Андрей Боголюбскій призывалъ оныя и на берега Клязьмы, гдѣ Владимірская церковь Богоматери еще служила предметомъ удивленія для сѣверныхъ Россіянъ; но Москва, возникшая въ вѣки слезъ и бѣдствій, не могла еще похвалиться ни однимъ, истинно величественнымъ зданіемъ. Соборный храмъ Успенія, основанный Св. Митрополитомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и Митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу Владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего Двора; перенесли въ оную изъ старой гробы Князя Георгія Даніиловича и всѣхъ Митрополитовъ (самъ Государь, сынъ его, братья, знатнѣйшіе люди несли мощи Св. Чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы). Сей храмъ еще не былъ достроенъ, когда Филиппъ Митрополитъ, скоро послѣ Іоаннова бракосочетанія, преставился, испуганный пожаромъ, который обратилъ въ пепелъ его Кремлевскій домъ: обливаясь слезами надъ гробомъ Св. Петра, и съ любовію утѣшаемый Великимъ Княземъ, Филиппъ почувствовалъ слабость въ рукѣ отъ паралича; велѣлъ озвезти себя въ монастырь Богоявленскій, и жилъ только одинъ день, до послѣдней минуты говоривъ Іоанну о совершеніи новой церкви ([101]). Преемникъ его Геронтій (бывшій Коломенскій Епископъ, избранный въ Митрополиты Соборомъ нашихъ Святителей) также ревностно пекся объ ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію Государя и народа ([102]). Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ достойный быть первымъ въ Россійской Державѣ, Іоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками, учениками Нѣмцевъ, и велѣлъ Толбузину, чего бы то ни стоило, сыскать въ Италіи Архитектора опытнаго для сооруженія Успенской Каѳедральной церкви. Вѣроятно даже, что сіе дѣло было главною виною его Посольства. Уже Италія, пробужденная зарею Наукъ, умѣла цѣнить памятники древней Римской, изящной Архитектуры, презирая Готическую, столь несоразмѣрную, неправильную, тяжелую, и Арабскую, расточительную въ мелочныхъ украшеніяхъ. Образовался новый, лучшій вкусъ въ зданіяхъ, хотя еще и несовершенный, но Италіянскіе Архитекторы уже могли назваться превосходнѣйшими въ Европѣ. г. 1475.

Принятый въ Венеціи благосклонно отъ новаго Дожа, Марчелла, и взявъ съ Республики семь сотъ рублей за все, чѣмъ снабдили Тревизана въ Москвѣ изъ казны Великокняжеской, Толбузинъ нашелъ тамъ зодчаго, Болонскаго уроженца, именемъ Фіоравенти-Аристотеля, котораго Магометъ II звалъ тогда въ Царьградъ для строенія Султанскихъ палатъ, но который захотѣлъ лучше ѣхать въ Россію, съ условіемъ, чтобы ему давали ежемѣсячно по десяти рублей жалованья, или около двухъ фунтовъ серебра. Онъ уже славился своимъ искусствомъ (*), такъ, что Правительство съ трудомъ отпустило его, въ угожденіе Государю Московскому. Прибывъ въ столицу нашу, сей художникъ осмотрѣлъ развалины новой Кремлевской церкви: хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что известь наша не имѣетъ достаточной вязкости, а камень не твердъ, и что лучше дѣлать своды изъ плиты. Онъ ѣздилъ въ Владиміръ, видѣлъ тамъ древнюю Соборную церковь, и дивился въ ней произведенію великаго искусства; далъ мѣру кирпича; указалъ, какъ надобно обжигать его, какъ растворять известь; нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монастыремъ: махиною, неизвѣстною тогдашнимъ Москвитянамъ и называемою *бараномъ*, разрушилъ до основанія стѣны Кремлевской церкви, которыя уцѣлѣли въ ея паденіи; выкопалъ новые рвы, и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія, донынѣ стоящій предъ нами, какъ знаменитый памятникъ Греко-Италіянской Архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ Искусства, своимъ твердымъ основаніемъ, расположеніемъ, соразмѣрностію, величіемъ ([103]). Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, Августа 12, Митрополитомъ Геронтіемъ съ Епископами.

Зодчій Аристотель строитъ въ Москвѣ храмъ Успенія.

Чтобы представить Читателямъ въ

(*) Здѣсь въ прежнихъ изданіяхъ было сказано: *построилъ въ Венеціи большую церковь и ворота, отмѣнно красивыя*. Сіи слова рукою Исторіографа исключены изъ собственнаго его экземпляра.

г. 1473. Строеніе другихъ церквей, палатъ и стѣнъ Кремлевскихъ. одномъ мѣстѣ все сдѣланное Іоанномъ для украшенія столицы, опишемъ здѣсь и другія зданія его времени. Довольный столь счастливымъ опытомъ Аристотелева искусства, онъ разными Посольствами старался призывать къ себѣ художниковъ изъ Италіи (104): создалъ новую церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, а за нею — на площади, гдѣ стоялъ теремъ — огромную палату, основанную Маркомъ Фрязиномъ въ 1487 году и совершенную имъ въ 1491 съ помощію другаго Италіянскаго Архитектора, Петра Антонія (105). Она долженствовала быть мѣстомъ торжественныхъ собраній Двора, особенно въ случаѣ Посольствъ иноземныхъ, когда Государь хотѣлъ являться въ величіи и блескѣ, слѣдуя обычаю Монарховъ Византійскихъ. Сія палата есть такъ называемая *Грановитая*, которая въ теченіе трехъсотъ двадцати лѣтъ сохранила всю цѣлость и красоту свою: тамъ видимъ и нынѣ тронъ Вѣнценосцевъ Россійскихъ, съ коего они въ первые дни ихъ царствованія изливаютъ милости на Вельможъ и народъ. — Дотолѣ Великіе Князья обитали въ деревянныхъ зданіяхъ: Іоаннъ (въ 1492 году) велѣлъ разобрать ветхій дворецъ и поставить новый на Ярославскомъ мѣстѣ, за церковію Архангела Михаила; но не долго жилъ въ ономъ: сильный пожаръ (въ 1493 году) обратилъ весь городъ въ пепелъ, отъ Св. Николая на Пескахъ до поля за Москвою рѣкою и за Срѣтинскою улицею: Арбатъ, Неглинную, Кремль, гдѣ сгорѣли дворы Великаго Князя и Митрополитовъ со всѣми житницами на Подолѣ, обрушилась церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ (подъ коею хранилась казна Великой Княгини Софіи), и вообще не осталось ни одного цѣлаго зданія, кромѣ новой палаты и Соборовъ (въ Успенскомъ обгорѣлъ олтарь, крытый Нѣмецкимъ желѣзомъ). Государь переѣхалъ въ какой-то большой домъ на Яузу, къ церкви Св. Николая Подкопаева, и рѣшился соорудить дворецъ каменный, заложенный въ Маѣ 1499 года Медіоланскимъ Архитекторомъ, Алевизомъ, на старомъ мѣстѣ, у Благовѣщенія; глубокіе погребы и ледники служили основаніемъ сего великолѣпнаго зданія, совершеннаго черезъ девять лѣтъ и нынѣ именуемаго *дворцемъ теремнымъ*. Между тѣмъ Іоаннъ жилъ на своемъ Кремлевскомъ дворѣ въ деревянныхъ хоромахъ, а иногда на Воронцовѣ полѣ. Угождая Государю, знатные люди также начали строить себѣ каменные домы: въ лѣтописяхъ упоминается о палатахъ Митрополита, Василія Ѳедоровича Образца и Головы Московскаго, Димитрія Владиміровича Ховрина (106). г. 1473.

Величественныя Кремлевскія стѣны и башни равномѣрно воздвигнуты Іоанномъ: ибо древнѣйшія, сдѣланныя въ княженіе Димитрія Донскаго, разрушились, и столица наша уже не имѣла каменной ограды. Антонъ Фрязинъ въ 1385 году, Іюля 19, заложилъ на Москвѣ рѣкѣ стрѣльницу, а въ 1488 другую, Свибловскую, съ тайникомъ или подземельнымъ ходомъ; Италіянецъ Марко построилъ Беклемишевскую; Петръ Антоній Фрязинъ двѣ надъ Боровицкими и Константино-Еленскими воротами, и третію Фроловскую; башня надъ рѣчкою Неглинною совершена въ 1492 году неизвѣстнымъ Архитекторомъ. Окружили всю крѣпость высокою, твердою, широкою стѣною, и Великій Князь приказалъ сломать вокругъ не только всѣ дворы, но и церкви, уставивъ, чтобы между ею и городскимъ строеніемъ было не менѣе ста-девяти саженей (107). Такимъ образомъ Іоаннъ украсилъ, укрѣпилъ Москву, оставивъ Кремль долговѣчнымъ памятникомъ своего царствованія, едва ли не превосходнѣйшимъ въ сравненіи со всѣми иными Европейскими зданіями пятаго-надесять вѣка. — Послѣднимъ дѣломъ Италіянскаго зодчества при семъ Государѣ было основаніе новаго Архангельскаго Собора, куда перенесли гробы древнихъ Князей Московскихъ изъ ветхой церкви Св. Михаила, построенной Іоанномъ Калитою, и тогда разобранной (108). — Кромѣ зодчихъ, Великій Князь выписывалъ изъ Италіи мастеровъ пушечныхъ и серебрениковъ. Фрязинъ, Павелъ Дебосисъ, въ 1488 году слилъ въ Москвѣ огромную Царь-пушку (109). Въ 1494 году выѣхалъ къ намъ изъ Медіолана другой художникъ огнестрѣльнаго дѣла, именемъ Петръ. Италіянскіе серебреники начали искусно чеканить Русскую монету, вырѣзывая на оной свое имя: такъ на многихъ деньгахъ Іоанна Васильевича видимъ надпись: Aristoteles (110): ибо сей знаменитый Архитекторъ славился и монетнымъ художествомъ (сверхъ того лилъ пушки и колокола). — Однимъ словомъ, Іоаннъ, чувствуя превосходство другихъ Европейцевъ въ гражданскихъ

Льютъ пушки, чеканятъ монету.

г. 1472—1474. искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась Русскихъ; доставлялъ Вѣрѣ и Духовенству образовать умъ и нравственность людей: не думалъ въ философическомъ смыслѣ просвѣщать народа, но хотѣлъ доставить ему плоды Наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи. — Теперь обратимся къ государственнымъ происшествіямъ.

Дѣла съ Ливоніею. Западъ Россіи, Нѣмцы и Литва были предметомъ Іоаннова вниманія. Князь Ѳеодоръ Юрьевичь Шуйскій, нѣсколько лѣтъ властвовавъ во Псковѣ какъ Государевъ Намѣстникъ, и свѣдавъ, что тамошніе граждане, не любя его, послали къ Великому Князю требовать себѣ инаго Правителя, уѣхалъ въ Москву. Псковитяне желали вторично имѣть своимъ Княземъ Ивана Стригу, или Бабича, или Стригина брата, Князя Ярослава: Государь далъ имъ послѣдняго, сказавъ, что первые нужны ему самому для ратнаго дѣла (111). Въ то же время Псковитяне извѣстили Іоанна о непріятельскомъ расположеніи Ливонскаго Ордена. Еще не минулъ срокъ перемирія, заключеннаго ими съ Магистромъ въ 1463 году на девять лѣтъ, когда Нѣмцы, подведенные Русскими лазутчиками, сожгли нѣсколько деревень на берегахъ Синяго озера (112): Псковитяне, казнивъ своихъ измѣнниковъ, удовольствовались жалобами на вѣроломство Ордена. Въ 1471 году Магистръ прислалъ брата своего сказать имъ, что онъ намѣренъ переселиться изъ Риги въ Феллинъ, и желаетъ соблюсти дружбу съ ними, требуя, чтобы они не вступались въ землю и воды за Краснымъ городкомъ. Псковитяне отвѣтствовали, что Магистръ воленъ жить, гдѣ ему угодно; что миръ съ ихъ стороны не будетъ нарушенъ, но что упомянутыя мѣста издревле суть достояніе Великихъ Князей (113). Условились рѣшить споръ на общемъ съѣздѣ, и назначили время. Уже Іоаннъ, замышляя быть истиннымъ Государемъ всей Россіи, не считалъ дѣлъ Псковскихъ или Новогородскихъ какъ бы чуждыми для Москвы: онъ послалъ своего Боярина выслушать требованія Ордена; но переговоры, бывшіе въ Нарвѣ и въ Новѣгородѣ, не имѣли успѣха: Нѣмецкіе Послы уѣхали назадъ съ досадою, и Великій Князь, исполняя желаніе Псковитянъ, отправилъ къ нимъ войско, составленное изъ городскихъ полковъ и Дѣтей Боярскихъ, коими предводительствовалъ славный мужъ, Князь Даніилъ Холмскій, имѣя подъ своимъ начальствомъ болѣе двадцати Князей. Чиновники Псковскіе, встрѣтивъ сію знатную рать съ хлѣбомъ и съ медомъ, удивились ея многочисленности, такъ, что она едва могла помѣститься въ городѣ, за рѣкою Великою. Холмскій нетерпѣливо желалъ вступить въ Ливонію: къ несчастію, сдѣлалась оттепель въ Декабрѣ мѣсяцѣ; рѣки вскрылись; не было ни зимняго, ни лѣтняго пути; воины скучали праздностію, а граждане убыткомъ, ибо должны были безденежно кормить и людей и коней. Съ Москвитянами пришло нѣсколько сотъ Татаръ: сіи наемники силою отнимали у жителей скотъ и разные запасы, пока Холмскій строгостію не унялъ ихъ, опредѣливъ, что городъ обязанъ ежедневно давать на содержаніе полковъ.

Но сей убытокъ былъ вознагражденъ счастливыми слѣдствіями. Слухъ о прибытіи Московской рати столь испугалъ Магистра и Епископа Дерптскаго, что они немедленно прислали своихъ чиновниковъ для возобновленія мира (114): первый на двадцать пять, а вторый на тридцать лѣтъ, съ условіемъ, чтобы Нѣмцамъ не вступаться въ земли Псковитянъ, давать вездѣ свободный путь ихъ купцамъ и не пропускать въ Россію изъ Ливоніи ни меда, ни пива. Въ семъ договорѣ участвовали и Новогородцы, коихъ войско также готовилось дѣйствовать противъ Ордена вмѣстѣ съ Великокняжескимъ. Такъ Іоаннъ вводилъ единство въ систему внѣшней Политики Россійской, къ крайнему безпокойству нашихъ западныхъ сосѣдовъ, видѣвшихъ, что Новгородъ, Псковъ и Москва дѣлаются одною Державою, управляемою Государемъ благоразумнымъ, миролюбивымъ, но рѣшительнымъ въ намѣреніяхъ и сильнымъ въ исполненіи. Получивъ извѣстіе, что Магистръ и Правительство Дерптское клятвою утвердили мирныя условія, Князь Холмскій возвратился въ Москву съ честію и съ даромъ двухъ сотъ рублей отъ признательныхъ Псковитянъ, которые особенною грамотою, отправленною съ гонцемъ, изъявили благодарность Іоанну за его милостивое вспоможеніе.

Но Великій Князь не былъ доволенъ ни ими, ни Холмскимъ: ими за то, что они дерзнули, вмѣсто знатныхъ людей, прислать къ нему гонца; а Князь Холмскій заслужилъ гнѣвъ Іоанновъ какою-

г. 1473 —1474. то виною, вѣроятно не умышленною: ибо сей Государь, строгій по праву и правиламъ, скоро простилъ ему оную, взявъ съ него *клятвенную грамоту* слѣдующаго содержанія: «Я Князь Данило Дмитріевичь Холмскій билъ челомъ Государю за мою вину посредствомъ Господина Геронтія Митрополита и Епископовъ: во уваженіе чего онъ простилъ меня, слугу своего; а мнѣ Князю Данилу быть ему вѣрнымъ до конца жизни и не искать службы въ иныхъ земляхъ. Когда же преступлю клятву, да лишуся милости Божіей и благословенія Пастырскаго въ сей вѣкъ и въ будущій: Государь же и дѣти его вольны казнить меня (115),» и проч. Сверхъ того Вельможи дали восемь *поручныхъ грамотъ* за Холмскаго, обязываясь, въ случаѣ его измѣны, внести въ казну двѣ тысячи рублей. Іоаннъ же, въ знакъ искренняго прощенія, пожаловалъ Князя Даніила Бояриномъ (116).

Псковитяне, услышавъ о гнѣвѣ Государя, немедленно отправили къ нему Князя Ярослава Васильевича съ тремя Посадниками и многими Боярами: Іоаннъ не пустилъ ихъ къ себѣ на глаза, даже въ городъ, такъ, что они простоявъ пять дней въ шатрахъ на полѣ, должны были ѣхать обратно; наконецъ, смягченный ихъ скорбію и новымъ торжественнымъ Посольствомъ, сей хитрый Государь принялъ отъ нихъ въ даръ сто пятдесятъ рублей и милостиво объявилъ, что будетъ править своею Псковскою отчиною согласно съ древними грамотами Великихъ Князей (117): то есть, онъ хотѣлъ, наблюдая во всемъ достоинство Монарха, пріучить и Вельможъ и гражданъ къ благоговѣнію предъ его священнымъ саномъ, и грозя внѣшнимъ непріятелямъ, умножалъ внутреннюю силу Россіи строгимъ дѣйствіемъ Само державной власти.

Дѣла съ Литвою. Доселѣ Іоаннъ не имѣлъ никакихъ извѣстныхъ дѣлъ, ни сношеній съ Литвою, сильнымъ ударомъ меча исхитивъ изъ ея рукъ Новгородъ, и до времени оставляя Казимира тщетно злобиться на Россію. Одни Псковитяне пересылались съ симъ Королемъ, желая дружелюбно утвердить границы между его и своими владѣніями. Съ обѣихъ сторонъ честили и дарили Пословъ, съѣзжались сановники на рубежѣ и не могли согласиться въ прѣніяхъ. Самъ Казимиръ былъ въ Полоцкѣ, обѣщался собственными глазами осмотрѣть всѣ спорныя мѣста, но не сдержалъ слова (118). Лаская Псковитянъ, онъ давалъ имъ чувствовать, что признаетъ ихъ народомъ вольнымъ, независимымъ отъ Москвы и готовъ всегда жить въ дружбѣ съ ними. Осенью въ 1473 году открылись непріятельскія дѣйствія между Москвитянами и Литвою. Первые, ограбивъ городъ Любутскъ, ушли назадъ съ добычею и съ плѣнниками; а Любчане напали на Князя Симеона Одоевскаго, Россійскаго подданнаго, убили его въ сраженіи, но не могли ничего завоевать въ нашихъ предѣлахъ. Вѣроятно, что сей случай заставилъ Казимира отправить въ Москву Посла, именемъ Богдана, или съ жалобами, или съ дружественными предложеніями, на которыя Іоаннъ отвѣтствовалъ ему чрезъ своего Посла, Василія Китая (119): слѣдствіемъ было то, что сіи Государи остались только внутренно непріятелями, не объявляя войны другъ другу.

Хитрая Политика Іоаннова еще яснѣе видна въ дѣлахъ Ординскихъ сего времени. Царь Казанскій жилъ тогда спокойно и не тревожилъ Россіи, однакожь былъ опаснымъ для насъ сосѣдомъ: чтобы имѣть въ рукахъ своихъ орудіе противъ Казани, Великій Князь подговорилъ одного изъ ея Царевичей, Муртозу, сына Мустафы, къ себѣ въ службу и далъ ему Новгородокъ Рязанскій съ волостями (120).

Ханъ Таврическій или Крымскій, знаменитый Ази-Гирей, умеръ около 1467 года, оставивъ шесть сыновей. Нордоулата, Айдара, Усмемаря, Менгли-Гирея, Ямгурчея и Милкомана (121), изъ коихъ старшій, Нордоулатъ, заступилъ мѣсто отца, но сверженный братомъ, Менгли-Гиреемъ, искалъ убѣжища въ Польшѣ. Сіе обстоятельство и союзъ Казимировъ съ непріятелемъ Таврической Орды, Ханомъ Волжскимъ, Ахматомъ, возбудивъ въ Менгли-Гиреѣ недовѣреніе къ Королю Польскому, дали мысль прозорливому Іоанну искать дружбы новаго Царя Крымскаго, посредствомъ одного богатаго Жида (122), именемъ Хози Кокоса, жившаго въ Кафѣ, гдѣ купцы наши часто бывали для торговли съ Генуэзцами. Зная по слуху новое могущество Россіи и личныя достоинства Государя ея, Менгли-Гирей столь обрадовался предложенію Іоаннову, что немедленно написалъ къ нему ласковую грамоту, привезенную въ Москву Исупомъ, шуриномъ Хози Кокоса (123). Такъ на- Дѣла съ Крымомъ.

г. 1474. чалася дружелюбная связь между сими двумя Государями, непрерывная до конца ихъ жизни, выгодная для обоихъ, и еще полезнѣйшая для насъ: ибо она, ускоривъ гибель Большой или Золотой Орды, и развлекая силы Польши, явно способствовала величію Россіи.

Іоаннъ послалъ въ Крымъ толмача своего Иванчу, желая заключить съ Ханомъ торжественный союзъ; а Менгли-Гирей въ 1473 году прислалъ въ Москву чиновника Ази-Бабу, который именемъ его клятвенно утвердилъ предварительный мирный договоръ между Крымомъ и Россіею, состоящій въ томъ, чтобы Царю Менглю-Гирею, *Уланамъ* и Князьямъ его быть съ Іоанномъ въ братской дружбѣ и любви, противъ недруговъ стоять за-одно, не воевать Государства Московскаго, разбойниковъ же и хищниковъ казнить, плѣнныхъ выдавать безъ окупа, все насиліемъ отнятое возвращать сполна, и съ обѣихъ сторонъ ѣздить Посламъ свободно безъ платежа купеческихъ пошлинъ. — Вмѣстѣ съ Ази-Бабою отправился въ Крымъ Посломъ Бояринъ Никита Беклемишевъ, коему, сверхъ упомянутаго мирнаго договора, даны были еще прибавленія: первое въ такихъ словахъ: «ты, Великій Князь, обязанъ слать ко мнѣ Царю *поминки* или дары ежегодные.» Государь велѣлъ Беклемишеву согласиться на сіе единственно въ случаѣ неотступнаго Ханскаго требованія. Во второмъ прибавленіи Іоаннъ обѣщался дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ совокупно противъ Хана Золотой Орды, Ахмата, если онъ (Менгли-Гирей) самъ будетъ помогать Россіи противъ Короля Польскаго — Никита Беклемишевъ долженъ былъ увѣриться въ пріязни ближнихъ Князей Царевыхъ, одарить ихъ соболями, заѣхать въ Кафу, изъявить благодарность Хозѣ Кокосу за оказанную имъ услугу въ сношеніяхъ съ Крымскимъ Царемъ, и требовать отъ тамошняго Консула, чтобы Генуэзцы выдали Россійскимъ купцамъ отнятые у нихъ товары на двѣ тысячи рублей, и впредь не дѣлали подобнаго насилія, вреднаго для успѣховъ взаимной торговли.

Ноября 15. Беклемишевъ возвратился въ Москву съ Крымскимъ Посломъ, Довлетекомъ Мурзою, и съ клятвенною Ханскою грамотою ([124]), на коей Іоаннъ, въ присутствіи сего Мурзы, цѣловалъ крестъ въ увѣреніе, что будетъ точно исполнять всѣ условія союза. — Довлетекъ жилъ въ Москвѣ четыре мѣсяца и поѣхалъ назадъ въ Тавриду съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Алексѣемъ Ивановымъ Старковымъ, коего наказъ состоялъ въ слѣдующемъ: «*Сказать Хану:* Князь Великій Іоаннъ *челомъ бьетъ*. Ты пожаловалъ меня себѣ братомъ и другомъ, чтобы намъ имѣть общихъ пріятелей и враговъ: благодарствую за твое жалованье. — Ты хочешь, чтобы я принялъ къ себѣ Зенебека Царевича: въ минувшее лѣто онъ просился въ мою службу; но я отказалъ ему, считая его твоимъ недругомъ: нынѣ послалъ за нимъ въ Орду, чтобы сдѣлать тебѣ угодное. — Мы взаимно обязались крѣпкимъ словомъ любви по нашей Вѣрѣ; не преступай клятвы; я исполню свою.» Но въ семъ заключенномъ между Россіею и Крымомъ договорѣ не упоминалось именно ни объ Ахматѣ, ни о Казимирѣ. Іоаннъ не обязывался воевать съ первымъ, ибо Менгли-Гирей не далъ клятвы дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею противъ послѣдняго. Старковъ долженствовалъ объявить Хану, что одно не можетъ быть безъ другаго. Сверхъ того ему велѣно было жаловаться на Кафинскихъ Генуэзцевъ, ограбившихъ какого-то Россійскаго Посла и нашихъ купцевъ: въ случаѣ неудовлетворенія Іоаннъ грозилъ силою управиться съ сими разбойниками. — Наконецъ Посолъ Московскій имѣлъ приказаніе вручить дары Манкупскому Князю *Исайку* (изъ благодарности за дружелюбное принятіе Никиты Беклемишева) и развѣдать чрезъ Хозю Кокоса, сколько тысячь золотыхъ готовитъ сей Владѣтель въ приданое за своею дочерью, которую онъ предлагалъ въ невѣсты сыну Великаго Князя, Іоанну Іоанновичу ([125]). Извѣстно, что Манкупъ (нынѣ мѣстечко въ Тавридѣ, на высокой, неприступной горѣ), былъ прежде знаменитою крѣпостію и назывался *городомъ Готѳскимъ:* ибо тамъ съ третьяго вѣка обитали Готѳы Тетракситы ([126]), Христіане Греческой Вѣры, данники Козаровъ, Половцевъ, Моголовъ, Генуэзцевъ, но управляемые собственными Властителями, изъ коихъ послѣдній былъ сей Исайко, пріятель Іоанновъ по единовѣрію.

г. 1475. Мартъ.

Старковъ не могъ исполнить данныхъ ему повелѣній: ибо все перемѣнилось въ Тавридѣ. Братъ Ханскій Айдаръ, собравъ многочисленную толпу преданныхъ ему людей, изгналъ неосторожнаго Менгли-Гирея, бѣжавшаго въ Кафу

г. 1475. къ Генуэзцамъ. Скоро явился на Черномъ морѣ сильный Турецкій флотъ подъ начальствомъ Визиря Магометова, Ахмета Паши; сей искусный Вождь, приставъ къ берегамъ Тавриды, въ шесть дней овладѣлъ Кафою, гдѣ въ первый разъ кровь Русская пролилася отъ меча Оттомановъ: тамъ находилось множество нашихъ купцевъ; нѣкоторые изъ нихъ лишились жизни, другіе имѣнія и вольности (127). Генуэзцы ушли въ Манкупъ, какъ въ неприступное мѣсто; но Визирь осадилъ и сію крѣпость. Пишутъ, что ея начальникъ, выѣхавъ на охоту, былъ взятъ въ плѣнъ Турками, и что осажденные, потерявъ бодрость, искали спасенія въ бѣгствѣ, гонимые, убиваемые непріятелемъ. Истребивъ до основанія Державу Генуэзскую въ Тавридѣ, болѣе двухъ вѣковъ существовавшую, и покоривъ весь Крымъ Султану, Ахметъ Паша возвратился въ Константинополь, съ великимъ богатствомъ и съ плѣнниками, въ числѣ коихъ былъ и Менгли-Гирей съ двумя братьями (128). Султанъ обласкалъ сего Хана, назвалъ законнымъ Властителемъ Крыма, и велѣвъ изобразить его имя на монетѣ, отправилъ господствовать надъ симъ полуостровомъ въ качествѣ своего присяжника. — Но Менгли-Гирей, еще не успѣвъ возстановить въ Тавридѣ порядка, разрушеннаго Турецкимъ завое-
г. 1476. ваніемъ, былъ вторично изгнанъ оттуда Ахматомъ, Царемъ Золотой Орды, котораго сынъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, овладѣлъ всѣми городами Крымскими (129).

Іоаннъ, огорченный новымъ бѣдствіемъ Менгли-Гирея, въ то же время свѣдалъ, что Ахматъ, добровольно или принужденно, уступилъ Тавриду Царевичу Зенебеку, который прежде искалъ службы въ Россіи. Зенебекъ, ставъ Ханомъ Крымскимъ, не ослѣпился своимъ временнымъ счастіемъ, предвидѣлъ опас-
г. 1477. ности и прислалъ въ Москву чиновника, именемъ Яфара Бердѣя, узнать, можетъ ли онъ, въ случаѣ изгнанія, найти у насъ безопасное убѣжище. Великій Князь отвѣтствовалъ ему чрезъ гонца (130): «Еще не имѣя ни силы, ни власти, и будучи единственно *Козакомъ*, ты спрашивалъ у меня, найдешь ли отдохновеніе въ землѣ моей, если конь твой утрудится въ полѣ? Я обѣщалъ тебѣ безопасность и спокойствіе. Нынѣ радуюсь твоему благополучію; но если обстоятельства перемѣнятся, то считай мою землю вѣрнымъ для себя пристанищемъ.» Сей гонецъ долженъ былъ изъясниться съ Зенебекомъ наединѣ и предложить ему возобновленіе союза, заключеннаго между Россіею и Менгли-Гиреемъ. г. 1477.

Въ семъ сношеніи не было слова о Царѣ Большой Орды, Ахматѣ, который, не смотря на свое неудачное покушеніе смирить Іоанна оружіемъ, еще именовался нашимъ верховнымъ Властителемъ и требовалъ дани. Пишутъ, что Великая Княгиня Софія, жена хитрая, честолюбивая, не преставала возбуждать супруга къ сверженію ига, говоря ему ежедневно: «долго ли быть мнѣ рабынею Ханскою?» Въ Кремлѣ находился особенный для Татаръ домъ, гдѣ жили Послы, чиновники и купцы ихъ, наблюдая за всѣми поступками Великихъ Князей, чтобы извѣщать о томъ Хана; Софія не хотѣла терпѣть столь опасныхъ лазутчиковъ; послала дары женѣ Ахматовой и писала къ ней, что она, имѣвъ какое-то видѣніе, желаетъ создать храмъ на Ординскомъ подворьѣ (гдѣ нынѣ церковь Николы Гостунскаго): проситъ его себѣ, и даетъ вмѣсто онаго другое. Царица согласилась: домъ разломали, и Татары, выѣхавъ изъ него, остались безъ пристанища: ихъ уже не впускали въ Кремль. Пишутъ еще, что Софія убѣдила Іоанна не встрѣчать Пословъ Ординскихъ, которые обыкновенно привозили съ собою *басму*, образъ или *болванъ* Хана; что древніе Князья Московскіе всегда выходили пѣшіе изъ города, кланялись имъ, подносили кубокъ съ молокомъ кобыльимъ, и для слушанія Царскихъ грамотъ подстилая мѣхъ соболій подъ ноги чтецу, преклоняли колѣна. На мѣстѣ гдѣ бывала сія встрѣча, создали въ Іоанново время церковь, именуемую донынѣ Спасомъ *на Болвановкѣ* (131). — Однакожь, въ надеждѣ скоро видѣть гибель Орды, какъ необходимое слѣдствіе внутреннихъ ея междоусобій, Великій Князь уклонялся отъ войны съ Ахматомъ, и манилъ его обѣщаніями; платилъ ему, кажется, и нѣкоторую дань: ибо въ грамотахъ, тогда писанныхъ, все еще упоминается о *выходѣ Ординскомъ* (132). Въ 1474 году былъ въ Улусахъ нашъ Посолъ Никифоръ Басенковъ, а въ Москвѣ Ханскій, именемъ Карачукъ: съ послѣднимъ находилось 600 служителей и 3200 торговыхъ людей, которые привели 40,000 Азіатскихъ лошадей для

Дѣла съ Большею Ордою.

г. 1474 —1477. продажи въ Россіи (133). Въ 1475 году Дьякъ Іоанновъ, Лазаревъ, возвратился изъ Большой Орды съ извѣстіемъ, что Ханъ отпустилъ Венеціянскаго Посла, Тревизана, въ Италію моремъ, не изъявивъ желанія воевать съ Турками (134). Изгнавъ Менгли Гирея изъ Крыма, Ахматъ, ободренный симъ успѣхомъ, велѣлъ гордо сказать Іоанну чрезъ Мурзу, именемъ Бочюка, чтобы онъ вспомнилъ древнюю обязанность Россійскихъ Князей, и немедленно самъ ѣхалъ въ Орду поклониться Царю своему (135): Великій Князь дружелюбно угостилъ Бочюка, послалъ съ нимъ въ Улусы Тимоѳея Бестужева, вѣроятно и дары но не думалъ исполнить требованія Ахматова.

Дѣла съ Персіею. Въ сіе время мы имѣли сношеніе и съ Персіею, гдѣ царствовалъ славный Узунъ-Гассанъ, Князь племени Туркоманскаго, овладѣвшій всѣми странами Азіи отъ Инда и Окса до Евфрата (136). Слыша о знаменитыхъ успѣхахъ его оружія, дѣятельная Республика Венеціянская отправила къ нему Посла, именемъ Контарини, съ предложеніемъ дѣйствовать общими силами противъ Магомета II. Контарини ѣхалъ туда черезъ Польшу, Кіевъ, Кафу, Мингрелію, Грузію, и встрѣтилъ въ Экбатанѣ чиновника Великокняжескаго, Марка Руфа, Италіянскаго или Греческаго уроженца, который имѣлъ переговоры съ Царемъ Узуномъ. Великій Князь безъ сомнѣнія искалъ дружбы Персидскаго завоевателя, съ намѣреніемъ угрожать ею Хану Большой Орды, Ахмату: сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что Узунъ-Гассанъ, семидесятилѣтній, но бодрый старецъ, вообще ненавидѣлъ Моголовъ, завидѣвъ нѣкогда отъ Тамерлановыхъ слабыхъ наслѣдниковъ, и владѣя южными берегами Каспійскаго моря, былъ въ сосѣдствѣ съ Ахматовыми Улусами. Посолъ Московскій отправился назадъ въ Россію вмѣстѣ съ Персидскимъ; въ числѣ ихъ спутниковъ находился и Контарини: ибо — свѣдавъ, что Кафа завоевана Турками — онъ уже не хотѣлъ прежнимъ путемъ возвратиться въ Италію, и ввѣрилъ судьбу свою Марку Руфу, который взялъ съ собою его и Монаха Французскаго, Людовика, называвшагося Патріархомъ Антіохійскимъ и Посломъ Герцога Бургундскаго (137). Мы имѣемъ описаніе ихъ любопытнаго путешествія. Они ѣхали изъ Тифлиса черезъ *Кирополь* или Шамаху, *богатую шелкомъ*, Дербентъ и Астрахань, гдѣ господствовали три брата, племянники Ахматовы.

Посолъ Венеціянскій, Контарини, въ Москвѣ.

Городъ сей состоялъ изъ землянокъ, обнесенныхъ худою стѣною; а жители хвалились древнею торговою знаменитостію онаго, сказывая, что ароматы, привозимые нѣкогда въ Венецію, шли отъ нихъ Волгою и Дономъ. Тамошніе купцы доставляли въ Москву шелковыя ткани, покупая въ Россіи мѣха и сѣдла. Имя Великаго Князя было особенно уважаемо въ Астрахани за его щедрость и пріязнь къ ея Ханамъ, которые ежегодно отправляли къ нему Посольства. Марко Руфъ и Контарини съ величайшею осторожностію ѣхали по степямъ Донскимъ и Воронежскимъ, боясь хищныхъ Татаръ; не видали ничего, кромѣ неба и земли; часто имѣли недостатокъ въ водѣ; не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ; сами дѣлали плоты, гдѣ надлежало переправляться через рѣки, и восхвалили милость Божію, когда достигли благополучно до Рязанской области, лѣсной, мало населенной, но обильной хлѣбомъ, мясомъ, медомъ, и совершенно безопасной для путешественниковъ. Выѣхавъ изъ Астрахани 10 Августа, они прибыли въ Москву 26 Сентября въ 1476 году, видѣвъ только два города на пути, Рязань и Коломну. Немедленно представленный Государю, и три раза обѣдавъ за его столомъ вмѣстѣ со многими Боярами, Контарини хвалитъ величественную Іоаннову наружность, осанку, привѣтливость, умное любопытство. «Когда я» — пишетъ онъ — «говоря съ нимъ, изъ почтенія отступалъ назадъ, сей Монархъ всегда самъ приближался ко мнѣ, съ отмѣннымъ вниманіемъ слушалъ мои слова; весьма строго осуждалъ поступокъ нашего единоземца, Ивана Баптиста Тревизана, но увѣрялъ меня въ своемъ особенномъ дружествѣ къ Венеціянской Республикѣ; дозволилъ мнѣ видѣть и Великую Княгиню Софію, которая обошлась со мною весьма ласково, приказавъ, чтобы я кланялся отъ нее нашему Дожу и Сенату.» Контарини жилъ въ домѣ Италіянскаго зодчаго, Аристотеля; но ему велѣно было переѣхать въ другой. Не имѣя денегъ для пути, онъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ изъ Венеціи. Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ осматривать границы юго-восточныхъ областей своихъ, подверженныхъ набѣгамъ степнымъ Татаръ: когда же возвратился, то немедленно приказалъ, изъ уваженія къ Венеціянской Республикѣ, ссудить его изъ казны нуж-

Г. 1474 —1477.

ною суммою денегъ. Сверхъ того Контарини получилъ въ даръ тысячу червонцевъ и шубу. Передъ отъѣздомъ обѣдая во дворцѣ, онъ долженъ былъ выпить серебряную стопу крѣпкаго меда и взять ее себѣ въ знакъ особенной Государевой благосклонности. Іоаннъ дозволилъ ему не пить, сказавъ, что иноземцы могутъ не слѣдовать Русскимъ обычаямъ, и прощаясь съ нимъ (въ Генварѣ 1477 года) весьма милостиво, желалъ, чтобы Республика Венеціянская осталась навсегда другомъ Москвы. Въ то же время Великій Князь отпустилъ и Монаха Французскаго, Людовика, который, называя себя Патріархомъ Антіохійскимъ, но исповѣдуя Вѣру Латинскую, былъ задержанъ въ Москвѣ какъ обманщикъ: ходатайство Контариніево и Марка Руфа возвратило ему свободу. — Однимъ словомъ, Контарини, строго осуждая тогдашніе нравы Россіянъ, ихъ нетрезвость, грубость, любовь къ праздности, говоритъ о личныхъ свойствахъ и разумѣ Іоанна съ великою похвалою.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1475 — 1481.

Совершенное покореніе Новагорода. Обозрѣніе исторіи его отъ начала до конца. Рожденіе Іоаннова сына, Василія-Гавріила. Посольство въ Крымъ. Сверженіе ига Ханскаго. Ссора Великаго Князя съ братьями. Походъ Ахмата на Россію. Краснорѣчивое посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю. Разореніе Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшаго, брата Іоаннова. Посольство въ Крымъ.

Такимъ образомъ до Тибра, моря Адріатическаго, Чернаго и предѣловъ Индіи обнимая умомъ государственную систему Державъ, сей Монархъ готовилъ знаменитость внѣшней своей Политики утвержденіемъ внутренняго состава Россіи. — Ударилъ послѣдній часъ Новогородской вольности! Сіе важное происшествіе въ нашей Исторіи достойно описанія подробнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ возсѣлъ на престолъ съ мыслію оправдать титулъ Великихъ Князей, которые со временъ Симеона Гордаго именовались *Государями всея Руси;* желалъ ввести совершенное Единовластіе, истребить Удѣлы, отнять у Князей и гражданъ права несогласныя съ онымъ, но только въ удобное время, пристойнымъ образомъ, безъ явнаго нарушенія торжественныхъ условій, безъ насилія дерзкаго и опаснаго, вѣрно и прочно: однимъ словомъ, съ наблюденіемъ всей свойственной ему осторожности. Новгородъ измѣнялъ Россіи, приставъ къ Литвѣ; войско его было разсѣяно, гражданство въ ужасѣ: Великій Князь могъ бы тогда покорить сію область; но мыслилъ, что народъ, вѣками пріученный къ выгодамъ свободы, не отказался бы вдругъ отъ ея прелестныхъ мечтаній; что внутренніе бунты и мятежи развлекли бы силы Государства Московскаго, нужныя для внѣшней безопасности; что должно старые навыки ослаблять новыми и стѣснять вольность прежде уничтоженія оной, дабы граждане, уступая право за правомъ, ознакомились съ чувствомъ своего безсилія, слишкомъ дорого платили за остатки свободы, и наконецъ, утомляемые страхомъ будущихъ утѣсненій, склонились предпочесть ей мирное спокойствіе неограниченной Государевой власти. Іоаннъ простилъ Новогородцевъ, обогативъ казну свою ихъ серебромъ, утвердивъ верховную власть Княжескую въ дѣлахъ судныхъ и въ Политикѣ; но, такъ сказать, не спускалъ глазъ съ сей народной Державы, старался умножать въ ней число преданныхъ ему людей, питалъ несогласіе между Боярами и народомъ, являлся въ правосудіи защитникомъ невинности, дѣлалъ много добра, обѣщалъ болѣе. Если Намѣстники его не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ жалобамъ истцевъ, то онъ винилъ недо-

Совершенное покореніе Новагорода.

статокъ древнихъ законовъ Новогородскихъ, хотѣлъ самъ быть тамъ, изслѣдовать на мѣстѣ причину главныхъ неудовольствій народныхъ, обуздать утѣснителей, и (въ 1475 году) дѣйствительно, призываемый Младшими гражданами ([138]), отправился къ берегамъ Волхова, поручивъ Москву сыну. Сіе путешествіе Іоанново — безъ войска, съ одною избранною, благородною дружиною ([139]) — имѣло видъ мирнаго, но торжественнаго величія: Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода, коего знатнѣйшіе сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встрѣчу съ привѣтствіями и съ дарами, съ жалобами и съ оправданіемъ: Старые Посадники, Тысячскіе, люди Житые, Намѣстникъ и Дворецкій Великокняжескіе, Игумены, чиновники Архіепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Іоанна Владыка Ѳеофилъ, Князь Василій Васильевичь Шуйскій-Гребенка, Посадникъ и Тысячскій Степенные, Архимандритъ Юріева монастыря и другіе первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, бѣлаго и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ Государемъ. За ними явились Старосты улицъ Новогородскихъ; послѣ Бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоками, винными ягодами. Безчисленныя толпы народныя встрѣтили Іоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ слушалъ Литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ Владыку, Князя Шуйскаго, Посадниковъ, Бояръ, и 23 Ноября въѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ, у вратъ Московскихъ, Архіепископъ Ѳеофилъ, исполняя Государево повелѣніе, со всѣмъ Клиросомъ, съ иконами, крестами и въ богатомъ Святительскомъ облаченіи принялъ его, благословилъ, и ввелъ въ храмъ Софіи, въ коемъ Іоаннъ поклонился гробамъ древнихъ Князей: Владиміра Ярославича, Мстислава Храбраго — и привѣтствуемый всѣмъ народомъ, изъявилъ ему за любовь благодарность; обѣдалъ у Ѳеофила, веселился, говорилъ только слова милостивыя, и взявъ отъ хозяина въ даръ 3 постава Ипрскихъ суконъ ([140]), сто корабельниковъ (Нобилей или двойныхъ червонцевъ) ([141]), рыбій зубъ и двѣ бочки вина, возвратился въ свой дворецъ на Городище.

г.1475.

За днемъ пиршества слѣдовали дни суда. Съ утра до вечера дворецъ Великокняжескій не затворялся для народа. Одни желали только видѣть лице сего Монарха и въ знакъ усердія поднести ему дары; другіе искали правосудія. Паденіе Державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ: такъ было и въ Новѣгородѣ. Правители не имѣли ни любви, ни довѣренности гражданъ; пеклися только о собственныхъ выгодахъ; торговали властію, тѣснили неиріятелей личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и друзьямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобы ихъ воплемъ заглушать на Вѣчѣ жалобы утѣсняемыхъ. Цѣлыя улицы, чрезъ своихъ повѣренныхъ, требовали Государевой защиты, обвиняя первѣйшихъ сановниковъ. «Они не судьи, а хищники,» говорили челобитчики, и доносили, что Степенный Посадникъ, Василій Ананьинъ, съ товарищами пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей на тысячу рублей товара, многихъ убилъ до смерти. Другіе жаловались на грабежъ Старостъ. Іоаннъ, еще слѣдуя древнему обычаю Новогородскому, далъ знать Вѣчу, чтобы оно приставило стражу къ обвиняемымъ; велѣлъ имъ явиться на судъ, и самъ выслушавъ ихъ оправданія, рѣшилъ — въ присутствіи Архіепископа, знатнѣйшихъ чиновниковъ, Бояръ — что жалобы справедливы; что вина доказана; что преступники лишаются вольности; что строгая казнь будетъ имъ возмездіемъ, а для другихъ примѣромъ. Обративъ въ ту же минуту глаза на двухъ Бояръ Новогородскихъ, Ивана Аѳанасьева и сына его, Елевферія, онъ сказалъ гнѣвно: «Изъимите! вы хотѣли предать отечество Литвѣ.» Воины Іоанновы оковали ихъ цѣпями, также Посадника Ананьина и Бояръ, Ѳедора Исакова (Марѳина сына), Ивана Лошинскаго и Богдана. Сіе дѣйствіе самовластія поразило Новогородцевъ; но всѣ, потупивъ взоръ, молчали.

На другой день Владыка Ѳеофилъ и многіе Посадники явились въ Великокняжескомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой скорби моля Іоанна, чтобы онъ приказалъ отдать заключенныхъ Бояръ на поруки, возвративъ имъ свободу. «Нѣтъ,» отвѣтствовалъ Государь Ѳеофилу: «тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новугороду извѣстно, что сіи люди сдѣлали много зла отечеству, и нынѣ волнуютъ его своими козлями.» Онъ послалъ глав-

ныхъ преступниковъ, отосланныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходатайству Архіепископа и Вѣча, освободилъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, приказавъ взыскать съ нихъ денежную пеню: чѣмъ и заключился грозный судъ Великокняжескій. Снова начались пиры для г. 1476. Государя и продолжались около шести недѣль. Всѣ знатнѣйшіе люди угощали его роскошными обѣдами: Архіепископъ трижды, другіе по одному разу, и дарили деньгами, драгоцѣнными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами, и проч. На примѣръ, Князь Василій Шуйскій подарилъ три половинки сукна, три камки, тридцать корабельниковъ, два кречета и сокола; Владыка двѣсти корабельниковъ, пять поставовъ сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и двѣ меда; въ другой же разъ триста корабельниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ (вѣсомъ въ фунтъ), два рога, окованные серебромъ, серебряную мису (вѣсомъ въ шесть фунтовъ), пять сороковъ соболей и десять поставовъ сукна; Василій Казимеръ золотой ковшъ (вѣсомъ въ фунтъ), сто корабельниковъ и два кречета; Яковъ Коробъ двѣсти корабельниковъ, два кречета, рыбій зубъ и поставъ *рудожелтаго* сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельниковъ, десять поставовъ сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверхъ того Степенный Посадникъ, Ѳома, избранный на мѣсто сверженнаго Василія Ананьина, и Тысячскій Есиповъ поднесли Великому Князю отъ имени всего Новагорода тысячу рублей. Въ день Рождества Іоаннъ далъ у себя обѣдъ Архіепископу и первымъ чиновникамъ, которые пировали во дворцѣ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чиновники готовили пиршества; но Великій Князь объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву, и только принялъ отъ нихъ назначенные для него дары. Лѣтописецъ говоритъ, что не осталось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который бы не поднесъ чего нибудь Іоанну, и самъ не былъ отдаренъ милостиво, или одеждою драгоцѣнною, или камкою, или серебрянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и проч. — Никогда Новогородцы не изъявляли такого усердія къ Великимъ Князьямъ, хотя оно происходило не отъ любви, но отъ страха: Іоаннъ ласкалъ ихъ, какъ Государь можетъ ласкать подданныхъ, съ видомъ мило- г. 1476. сти и привѣтливаго снисхожденія.

Великій Князь, пируя, занимался и дѣлами государственными. Правитель Швеціи, Стенъ Стуръ, прислалъ къ нему своего племянника, Орбана, съ предложеніемъ возобновить миръ, нарушенный впаденіемъ Россіянъ въ Финляндію (142). Іоаннъ угостилъ Орбана, принялъ отъ него въ даръ статнаго жеребца, и велѣлъ Архіепископу именемъ Новагорода утвердить на нѣсколько лѣтъ перемиріе съ Швеціею по древнему обыкновенію. — Послы Псковскіе, вручивъ Іоанну дары, молили его, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ перемѣнъ въ древнихъ уставахъ ихъ отечества; а Князь Ярославъ, тамошній Намѣстникъ, пріѣхавъ самъ въ Новгородъ, жаловался, что Посадники и граждане не даютъ ему всѣхъ законныхъ доходовъ. Великій Князь отправилъ туда Бояръ, Василія Китая и Морозова, сказать Псковитянамъ, чтобы они въ пять дней удовлетворили требованіямъ Намѣстника, или будутъ имѣть дѣло съ Государемъ раздраженнымъ (143). Ярославъ получилъ все желаемое. — Бывъ девять недѣль въ Новѣгородѣ, Іоаннъ выѣхалъ оттуда со множествомъ серебра и золота, какъ сказано въ лѣтописи (144). Воинская дружина его стояла по монастырямъ вокругъ города и плавала въ изобиліи; брала, что хотѣла: никто не смѣлъ жаловаться. Архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе чиновники проводили Государя до перваго стана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался веселъ, доволенъ. Но судьба сей народной Державы уже была рѣшена въ умѣ его.

Заточеніе шести Бояръ Новогородскихъ, сосланныхъ въ Муромъ и въ Коломну, оставило горестное впечатлѣніе въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ: они жаловались на самовластіе Великокняжеское, противное древнему уставу, по коему Новогородецъ могъ быть наказываемъ только въ своемъ отечествѣ. Народъ молчалъ, изъявляя равнодушіе; но знатнѣйшіе граждане взяли ихъ сторону, и нарядили Посольство къ Великому Князю: самъ Архіепископъ, три Посадника и нѣсколько Житыхъ людей пріѣхали въ Москву бить челомъ за своихъ несчастныхъ Бояръ. Два раза Владыка Ѳеофилъ обѣдалъ во дворцѣ, однакожь не могъ умолить Іоанна, и съ горестію уѣхалъ на Страстной недѣлѣ, не

г. 1477. хотѣвъ праздновать Пасхи съ Государемъ и съ Митрополитомъ (145).

Между тѣмъ рѣшительный судъ Великокняжескій полюбился многимъ Новогородцамъ, такъ, что въ слѣдующій годъ нѣкоторые изъ нихъ отправились съ жалобами въ Москву; въ слѣдъ за ними и отвѣтчики, знатные и простые граждане, отъ Посадниковъ до земледѣльцевъ: вдовы, сироты, Монахини. Другихъ же позвалъ самъ Государь: никто не дерзнулъ ослушаться. «Отъ временъ Рюрика (говорятъ Лѣтописцы) не бывало подобнаго случая: ни въ Кіевъ, ни въ Владиміръ не ѣздили судиться Новогородцы: Іоаннъ умѣлъ довести ихъ до сего уничиженія (146).» Еще онъ не сдѣлалъ всего: пришло время довершить начатое.

Умное правосудіе Іоанново плѣняло сердца тѣхъ, которые искали правды и любили оную: утѣсненная слабость, оклеветанная невинность находили въ немъ защитника, спасителя, то есть, истиннаго Монарха, или судію непричастнаго низкимъ побужденіямъ личности: они желали видѣть судную власть въ однѣхъ рукахъ его. Другіе, или завидуя силѣ первостепенныхъ согражданъ, или ласкаемые Іоанномъ, внутренно благопріятствовали Самодержавію. Сіи многочисленные друзья Великаго Князя, можетъ быть, *сами собою,* а можетъ быть и по согласію съ нимъ вымыслили слѣдующую хитрость. Двое изъ оныхъ, чиновникъ Назарій и Дьякъ Вѣча, Захарія, въ видѣ Пословъ отъ Архіепископа и всѣхъ соотечественниковъ, явились предъ Іоанномъ (въ 1477 году) и торжественно наименовали его *Государемъ* Новагорода, вмѣсто *Господина,* какъ прежде именовались Великіе Князья въ отношеніи къ сей народной Державѣ. Въ слѣдствіе того Іоаннъ отправилъ къ Новогородцамъ Боярина, Ѳеодора Давидовича, спросить, что они разумѣютъ подъ названіемъ *Государя?* хотятъ ли присягнуть ему какъ *полному Властителю,* единственному законодателю и судіи? соглашаются ли не имѣть у себя Тіуновъ, кромѣ Княжескихъ, и отдать ему Дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто Вѣча (147)? Изумленные граждане отвѣтствовали: «мы не посылали съ тѣмъ къ Великому Князю; это ложь.» Сдѣлалось общее волненіе. Они терпѣли оказанное Іоанномъ самовластіе въ дѣлахъ судныхъ какъ *чрезвычайность,* но ужаснулись мысли, что сія чрезвычайность будетъ уже *закономъ;* что древняя пословица: *Новгородъ судится своимъ судомъ*, утратитъ навсегда смыслъ, и что Московскіе Тіуны будутъ рѣшить судьбу ихъ. Древнее Вѣче уже не могло ставить себя выше Князя, но по крайней мѣрѣ существовало именемъ и видомъ: Дворъ Ярославовъ былъ святилищемъ народныхъ правъ: отдать его Іоанну значило торжественно и навѣки отвергнуться оныхъ. Сіи мысли возмутили даже и самыхъ мирныхъ гражданъ, расположенныхъ повиноваться Великому Князю, но въ угодность собственному, внутреннему чувству блага, не слѣпо, не подъ остріемъ меча, готоваго казнить всякаго по мановенію Самовластителя. Забвенные единомышленники Мареины воспрянули какъ бы отъ глубокаго сна, и говорили народу, что они лучше его предвидѣли будущее; что друзья или слуги Московскаго Князя суть измѣнники, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенился, искалъ предателей, требовалъ мести. Схватили одного знаменитаго мужа, Василія Никифорова, и привели на Вѣче, обвиняя его въ томъ, что онъ былъ у Великаго Князя и далъ клятву служить ему противъ отечества. «Нѣтъ,» отвѣтствовалъ Василій: «я клялся Іоанну единственно въ вѣрности, въ доброжелательствѣ, но безъ измѣны моему истинному Государю, Великому Новугороду; безъ измѣны вамъ, моимъ господамъ и братьямъ.» Сего несчастнаго изрубили въ куски топорами (148); умертвили еще Посадника, Захарію Овина, который ѣздилъ судиться въ Москву и самъ доносилъ гражданамъ на Василія Никифорова; казнили и брата его, Козьму, на дворѣ Архіепископскомъ; многихъ иныхъ ограбили, посадили въ темницу, называя ихъ совѣтниками Іоанновыми: другіе разбѣжались. Между тѣмъ народъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла Послу Московскому и многочисленной дружинѣ его: сановники честили ихъ, держали около шести недѣль, и наконецъ отпустили именемъ Вѣча съ такою грамотою къ Іоанну: «Кланяемся тебѣ, *Господину нашему,* Великому Князю; а *Государемъ* не зовемъ. Судъ твоимъ Намѣстникамъ будетъ на Городищѣ по старинѣ; но твоего суда, ни твоихъ Тіуновъ у насъ не будетъ. *Дворища Ярославля* не даемъ. Хотимъ жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою и нами (въ г. 1477.

г.1477. 1471 году). Кто же предлагалъ тебѣ быть *Государемъ* Новогородскимъ, тѣхъ самъ знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь также казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А тебѣ, Господинъ, челомъ бьемъ, чтобы ты держалъ насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію (149).» Такъ писали они, и еще сильнѣе говорили на Вѣчѣ, не скрывая мысли снова поддаться Литвѣ, буде Великій Князь не откажется отъ своихъ требованій (150).

Но Іоаннъ не любилъ уступать, и безъ сомнѣнія предвидѣлъ отказъ Новогородцевъ, желая только имѣть видъ справедливости въ семъ раздорѣ. Получивъ ихъ смѣлый отвѣтъ, онъ съ печалію объявилъ Митрополиту Геронтію, матери, Боярамъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя Государя, запирается въ томъ, дѣлаетъ его лжецомъ предъ глазами всей земли Русской, казнитъ людей вѣрныхъ своему законному Монарху какъ злодѣевъ, и грозится вторично измѣнить святѣйшимъ клятвамъ, Православію, отечеству. Митрополитъ, Дворъ и вся Москва думали согласно, что сіи мятежники должны почувствовать всю тягость Государева гнѣва. Началось молебствіе въ церквахъ; раздавали милостыню по монастырямъ и богадѣльнямъ; отправили гонца въ Новгородъ съ *грамотою складною* (251) или съ объявленіемъ войны, и полки собралися подъ стѣнами Москвы. Медленный въ замыслахъ важныхъ, но скорый въ исполненіи, Іоаннъ или не дѣйствовалъ или дѣйствовалъ рѣшительно, всѣми силами: не осталось ни одного мѣстечка, которое не прислало бы ратниковъ на службу Великокняжескую. Въ числѣ ихъ находились и жители областей Кашинской, Бѣжецкой, Новоторжской: ибо Іоаннъ присоединилъ къ Москвѣ часть сихъ Тверскихъ и Новогородскихъ земель.

Поручивъ столицу юному Великому Князю, сыну своему, онъ самъ выступилъ съ войскомъ 9 Октября, презирая трудности и неудобства осенняго похода въ мѣстахъ болотистыхъ. Хотя Новогородцы и взяли нѣкоторыя мѣры для обороны, но знали слабость свою, и прислали требовать *опасныхъ грамотъ* отъ Великаго Князя для Архіепископа Ѳеофила и Посадниковъ, коимъ надлежало ѣхать къ нему для мирныхъ переговоровъ (152). Іоаннъ велѣлъ остановить сего посланнаго въ Торжкѣ, также и другаго; обѣдалъ въ Волокѣ у брата, г.1477. Бориса Васильевича, и былъ встрѣченъ именитымъ Тверскимъ Вельможею, Княземъ Микулинскимъ, съ учтивымъ приглашеніемъ заѣхать въ Тверь, отвѣдать хлѣба-соли у Государя его, Михаила. Іоаннъ вмѣсто угощенія требовалъ полковъ, и Михаилъ не смѣлъ ослушаться, заготовивъ, сверхъ того, всѣ нужные съѣстные припасы для войска Московскаго. Самъ Великій Князь шелъ съ отборными полками между Яжелбицкою дорогою и Мстою; Царевичь Даніяръ и Василій Образецъ по Замстѣ; Даніилъ Холмскій предъ Іоанномъ съ Дѣтьми Боярскими, Владимірцами, Переславцами и Костромитянами; за нимъ два Боярина съ Дмитровцами и Кашинцами; на правой сторонѣ Князь Симеонъ Ряполовскій съ Суздальцами и Юрьевцами; на лѣвой братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, и Василій Сабуровъ съ Ростовцами, Ярославцами, Угличанами и Бѣжичанами; съ ними также Воевода матери Іоанновой, Семенъ Пѣшекъ, съ ея Дворомъ; между дорогами Яжелбицкою и Демонскою Князья Александръ Васильевичь и Борисъ Михайловичь Оболенскіе; первый съ Колужанами, Алексинцами, Серпуховцами, Хотуничами, Москвитянами, Радонежцами, Новоторжцами (153); вторый съ Можайцами, Волочанами, Звенигородцами и Ружанами; по дорогѣ Яжелбицкой Бояринъ Ѳеодоръ Давидовичь съ Дѣтьми Боярскими Двора Великокняжескаго и Коломенцами, также Князь Иванъ Васильевичь Оболенскій со всѣми его братьями и многими Дѣтьми Боярскими. 4 Ноября присоединились къ войску Іоаннову полки Тверскіе, предводимые Княземъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ Микулинскимъ.

Въ Еглинѣ, Ноября 8, Великій Князь потребовалъ къ себѣ задержанныхъ Новогородскихъ *опасчиковъ* (то есть, присланныхъ за *опасными грамотами*): Старосту Даниславской улицы, Ѳеодора Калитина, и гражданина Житаго, Ивана Маркова. Они смиренно ударили ему челомъ, именуя его *Государемъ*. Іоаннъ велѣлъ имъ дать пропускъ для Пословъ Новогородскихъ. — Между тѣмъ многіе знатные Новогородцы прибыли въ Московскій станъ и вступили въ службу къ Великому Князю, или предвидя неминуемую гибель своего отечества, или спасаясь отъ злобы тамошняго народа,

г.1471. которыхъ Князь велѣлъ Бояръ, подозрѣваемыхъ въ тайныхъ связяхъ съ Москвою (154).

Ноября 19, въ Палинѣ, Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовый отрядъ брату своему, Андрею Меньшему, и тремъ храбрѣйшимъ Воеводамъ: Холмскому съ Костромитянами, Θеодору Давидовичу съ Коломенцами, Князю Ивану Оболенскому Стригѣ съ Владимірцами; *въ правой рукѣ* велѣлъ быть брату, Андрею Большему, съ Тверскимъ Воеводою, Княземъ Микулинскимъ, съ Григоріемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ, съ Дмитровцами и Кашинцами; въ *лѣвой* брату, Князю Борису Васильевичу, съ Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ Воеводою матери своей, Семеномъ Пѣшкомъ; а въ собственномъ полку Великокняжескомъ знатнѣйшему Боярину, Ивану Юрьевичу Патрекееву, Василію Образцу съ Боровичами, Симеону Ряполовскому, Князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ дружинами, также всѣмъ Переславцамъ и Муромцамъ. Передовый отрядъ долженъ былъ занять Бронницы (155).

Еще не довольный многочисленностію своей рати, Государь ждалъ Псковитянъ. Тамошній Князь Ярославъ, ненавидимый народомъ, но долго покровительствуемый Іоанномъ — бывъ даже въ явной войнѣ съ гражданами, не смѣвшими выгнать его, и пьяный имѣвъ съ ними битву среди города (156) — наконецъ по указу Государеву выѣхалъ оттуда. Псковитяне желали себѣ въ Намѣстники Князя Василья Васильевича Шуйскаго: Іоаннъ отправилъ его къ нимъ изъ Торжка, и велѣлъ, чтобы они немедленно вооружились противъ Новагорода. Обыкновенное ихъ благоразуміе не измѣнилось и въ семъ случаѣ: Псковитяне предложили Новогородцамъ быть за нихъ ходатаями у Великаго Князя; но получили въ отвѣтъ: «или заключите съ нами особенный тѣсный союзъ какъ люди вольные, или обойдемся безъ вашего ходатайства» (157). Когда же Псковитяне, исполняя Іоанново приказаніе, грамотою объявили имъ войну, Новогородцы одумались и хотѣли, чтобы они вмѣстѣ съ ними послали чиновниковъ къ Великому Князю; но Дьякъ Московскій, Григорій Волнинъ, пріѣхавъ во Псковъ отъ Государя, нудилъ ихъ немедленно сѣсть на коней и выступить въ поле. г.1471. Между тѣмъ сдѣлался тамъ пожаръ: граждане письменно извѣстили Іоанна о своей бѣдѣ, называя его *Царемъ Русскимъ* и давали ему разумѣть, что не время воевать людямъ, которые льютъ слезы на пеплѣ своихъ жилищъ (158); однимъ словомъ, всячески уклонялись отъ похода, предвидя, что въ паденіи Новагорода можетъ не устоять и Псковъ. Отговорки были тщетны: Іоаннъ велѣлъ, и Князь Шуйскій (159), взявъ осадныя орудія — пушки, пищали, самострѣлы — съ семью Посадниками вывелъ рать Псковскую, которой надлежало стать на берегахъ Ильменя, при устьѣ Шелони.

Ноября 23 Великій Князь находился въ Сытинѣ, когда донесли ему о прибытіи Архіепископа Θеофила и знатнѣйшихъ сановниковъ Новогородскихъ. Они явились. Θеофилъ сказалъ: «*Государь* Князь Великій! я, богомолецъ твой, Архимандриты, Игумены и Священники всѣхъ семи Соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Ты возложилъ гнѣвъ *на свою отчину*, на Великій Новгородъ; огнь и мечь твой ходятъ по землѣ нашей; кровь Христіанская льется. Государь! смилуйся: молимъ тебя со слезами (160): дай намъ миръ и освободи Бояръ Новогородскихъ, заточенныхъ въ Москвѣ!» А Посадники и Житые люди говорили такъ: «*Государь* Князь Великій! Степенный Посадникъ Θома Андреевъ и Старые Посадники, Степенный Тысячскій Василій Максимовъ и Старые Тысячскіе, Бояре, Житые, купцы, черные люди и весь Великій Новгородъ, твоя отчина, мужи вольные, бьютъ тебѣ челомъ, и молятъ о мирѣ и свободѣ нашихъ Бояръ заключенныхъ.» Посадникъ Лука Θедоровъ примолвилъ: «Государь! челобитье Великаго Новагорода предъ тобою: повели намъ говорить съ твоими Боярами.» Іоаннъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день Послы Новогородскіе были съ дарами у брата Іоаннова, Андрея Меньшаго, требуя его заступленія. Іоаннъ приказалъ говорить съ ними Боярину, Князю Ивану Юрьевичу. Посадникъ Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь принялъ въ милость Великій Новгородъ, мужей вольныхъ, и мечь свой унялъ.» — Θеофилактъ Посадникъ: «Желаемъ освобожденія Бояръ Новогородскихъ.» — Лука

1 лѣт. Посадникъ: «Желаемъ, чтобы Государь всякіе четыре года ѣздилъ въ свою отчину, Великій Новгородъ, и бралъ съ насъ по тысячѣ рублей; чтобы Намѣстникъ его судилъ съ Посадникомъ въ городѣ; а чего они не управятъ, то рѣшитъ самъ Великій Князь, пріѣхавъ къ намъ на четвертый годъ; но въ Москву да не зоветъ судящихся!» — Яковъ Ѳедоровъ: «Да не велитъ Государь вступаться своему Намѣстнику въ особенные суды Архіепископа и Посадника!» — Житые люди сказали, что подданные Великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ Намѣстнику и Посаднику въ Новѣгородѣ, а сами хотятъ судиться единственно на Городищѣ; что сіе несправедливо, и что они просятъ Великаго Князя подчинить тѣхъ и другихъ суду Новогородскому (161). — Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: «Челобитье наше предъ Государемъ: да сдѣлаетъ, что ему Богъ положитъ на сердце!»

Іоаннъ въ тотъ же день велѣлъ Холмскому, Боярину Ѳеодору Давидовичу, Князю Оболенскому-Стригѣ и другимъ Воеводамъ подъ главнымъ начальствомъ брата его, Андрея Меньшаго, итти изъ Бронницъ къ Городищу и занять монастыри, чтобы Новогородцы не выжгли оныхъ. Воеводы перешли озеро Ильмень по льду, и въ одну ночь заняли всѣ окрестности Новогородскія (162).

25 Ноября Бояре Великокняжескіе, Иванъ Юрьевичь, Василій и Иванъ Борисовичи, дали отвѣтъ Посламъ. Первый сказалъ: «Князь Великій Іоаннъ Васильевичь всея Руси тебѣ, своему богомольцу Владыкѣ, Посадникамъ и Житымъ людямъ такъ отвѣтствуетъ на ваше челобитье.» — Бояринъ Василій Борисовичь продолжалъ: «Вѣдаете сами, что вы предлагали намъ, мнѣ и сыну моему, чрезъ сановника Назарія и Дьяка Вѣчеваго, Захарію, быть вашими Государями; а мы послали Бояръ своихъ въ Новгородъ узнать, что разумѣете подъ симъ именемъ! Но вы заперлися, укоряя насъ, Великихъ Князей, насиліемъ и ложью: сверхъ того дѣлали намъ и многія иныя досады. Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія; но вы болѣе и болѣе лукавствовали, и мы обнажили мечь, по слову Господню: *аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, обличи его наединѣ; аще не послушаетъ, поими съ собою два или три свидѣтеля; аще ли и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь Церкви; аще ли и о Церкви нерадѣти начнетъ, будете яко же язычникъ и мытарь.* Мы посылали къ вамъ и говорили: *уймитеся, и будемъ васъ жаловать*: но вы не захотѣли того, и сдѣлались намъ какъ бы чужды. И такъ, возложивъ упованіе на Бога и на молитву нашихъ предковъ, Великихъ Князей Русскихъ, идемъ наказать дерзость.» — Бояринъ Иванъ Борисовичь говорилъ далѣе именемъ Великаго Князя: «Вы хотите свободы Бояръ вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣдаете, что весь Новгородъ жаловался мнѣ на ихъ беззаконія, грабежи, убійства: ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ истцевъ; и ты, Григорій Кипріановъ, отъ имени Никитиной улицы; и ты, Владыка, и вы Посадники, были свидѣтелями ихъ уличенія. Я мыслилъ казнить преступниковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы молили меня о томъ. Пристойно ли намъ нынѣ упоминать о сихъ людяхъ?» — Князь Иванъ Юрьевичь заключилъ сими словами отвѣтъ Государевъ: «буде Новгородъ дѣйствительно желаетъ нашей милости, то ему извѣстны условія.»

Архіепископъ и Посадники отправились назадъ съ Великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности. — 27 Ноября Іоаннъ, подступивъ къ Новугороду съ братомъ Андреемъ Меньшимъ и съ юнымъ Верейскимъ Княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею (163); велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, Князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмскому въ Аркадьевскомъ, Сабурову у Св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидьбѣ (164), Князю Василію Верейскому на Лисьей Горкѣ, а Боярину Ѳеодору Давидовичу и Князю Ивану Стригѣ на Городищѣ. 29 Ноября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ, Князь Борисъ Васильевичь, и сталъ на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ Архіепископа. — 30 Ноября Государь велѣлъ Воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣстныхъ припасовъ до 10 Декабря, а 11 число быть всѣмъ на-лицо, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ же день

г. 1477. послалъ гонца сказать Намѣстнику Псковскому, Князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Новугороду съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (165).

Новогородцы хотѣли сперва изъявлять неустрашимость; дозволили всѣмъ купцамъ иноземнымъ выѣхать во Псковъ съ товарами; укрѣпились деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова; заградили сію рѣку судами; избрали Князя Василія Шуйскаго-Гребенку въ Военачальники, и не имѣя друзей, ни союзниковъ, не ожидая ни откуда помощи, обязались между собою клятвенною грамотою быть единодушными, показывая, что надѣются въ крайности на самое отчаяніе, и готовы отразить приступъ, какъ нѣкогда предки ихъ отразили сильную рать Андрея Боголюбскаго. Но Іоаннъ не хотѣлъ кровопролитія, въ надеждѣ, что они покорятся, и взялъ мѣры для доставленія всего нужнаго многочисленной рати своей. Исполняя его повелѣніе, богатые Псковитяне отправили къ нему обозъ съ хлѣбомъ, пшеничною мукою, колачами, рыбою, медомъ и разными товарами для вольной продажи; прислали также и мостниковъ (166). Великокняжескій станъ имѣлъ видъ шумнаго торжища, изобилія; а Новгородъ, окруженный полками Московскими, былъ лишенъ всякаго сообщенія. Окрестности также представляли жалкое зрѣлище: воины Іоанновы не щадили бѣдныхъ жителей, которые въ 1471 году безопасно скрывались отъ нихъ въ лѣсахъ и болотахъ, но въ сіе время умирали тамъ отъ морозовъ и голода (167).

Декабря 4 вторично прибылъ къ Государю Архіепископъ Ѳеофилъ съ тѣми же чиновниками, и молилъ его только о мирѣ, не упоминая ни о чемъ иномъ. Бояре Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Ѳеодоръ Давидовичь и Князь Иванъ Стрига отпустили ихъ съ прежнимъ отвѣтомъ, что Новогородцы знаютъ, какъ надобно бить челомъ Великому Князю. — Въ сей день пришли къ городу Царевичь Даніяръ съ Воеводою, Василіемъ Образцемъ, и братъ Великаго Князя, Андрей Старшій, съ Тверскимъ Воеводою: они расположились въ монастыряхъ Кирилловѣ, Андреевѣ, Ковалевскомъ, Волотовѣ, на Деревеницѣ и у Св. Николы на Островкѣ (168).

Видя умноженіе силъ и непреклонность Великаго Князя — не имѣя ни смѣлости отважиться на рѣшительную битву, ни запасовъ для выдержанія осады долговременной — угрожаемые и мечемъ г. 1477. и голодомъ, Новогородцы чувствовали необходимость уступить, желали единственно длить время, и безъ надежды спасти вольность надѣялись переговорами сохранить хотя нѣкоторыя изъ ея правъ. Декабря 5 Владыка Ѳеофилъ съ Посадниками и съ людьми Житьими, ударивъ челомъ Великому Князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Новагорода сказалъ: «Государь! мы, виновные, ожидаемъ твоей милости: *признаемъ* истину Посольства Назаріева и Дьяка Захаріи; но какую власть желаешь имѣть надъ нами?» Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ чрезъ Бояръ: «Я доволенъ, что вы признаете вину свою и сами на себя свидѣтельствуете. Хочу властвовать въ Новѣгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ.» — Архіепископъ и Посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день. — Между тѣмъ пришло войско Псковское, и Великій Князь расположивъ его въ Бискупицахъ, въ селѣ Ѳедотинѣ, въ монастырѣ Троицкомъ на Варяжи, приказалъ знаменитому своему художнику, Аристотелю, строить мостъ подъ Городищемъ, какъ бы для приступа. Сей мостъ, съ удивительною скоростію сдѣланный на судахъ черезъ рѣку Волховъ, своею твердостію и красою заслужилъ похвалу Іоаннову (169).

7 Декабря Ѳеофилъ возвратился въ станъ Великокняжескій съ Посадниками и съ Выборными отъ пяти Концевъ Новогородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ Бояръ. Архіепископъ молчалъ: говорили только Посадники. Яковъ Коробъ сказалъ: «Желаемъ, чтобы Государь велѣлъ Намѣстнику своему судить вмѣстѣ съ нашимъ Степеннымъ Посадникомъ.» — Ѳеофилактъ: «Предлагаемъ Государю ежегодную дань со всѣхъ волостей Новогородскихъ, съ двухъ сохъ гривну.» — Лука: «Пусть Государь держитъ Намѣстниковъ въ нашихъ пригородахъ; но судъ да будетъ по старинѣ.» — Яковъ Ѳедоровъ билъ челомъ, чтобы Великій Князь не выводилъ людей изъ владѣній Новогородскихъ, не вступался въ отчины и земли Боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ всѣ просили, чтобы Государь не требовалъ Новогородцевъ къ себѣ на службу, и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверозападные предѣлы Россіи.

Бояре донесли о томъ Великому Кня-

г. 1477. зю, и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ признали меня Государемъ; а теперь хотите мнѣ указывать, какъ править вами? — Ѳеофилъ и Посадники били челомъ и сказали: Не смѣемъ *указывать;* но только желаемъ вѣдать, какъ Государь намѣренъ властвовать въ своей Новогородской отчинѣ: ибо Московскихъ обыкновеній не знаемъ.» Великій Князь велѣлъ своему Болрину, Ивану Юрьевичу, отвѣтствовать такъ: «Знайте же, что въ Новѣгородѣ не быть ни Вѣчевому колоколу, ни Посаднику, а будетъ одна власть Государева; что какъ въ странѣ Московской, такъ и здѣсь хочу имѣть волости и села; что древнія земли Великокняжескія, вами отнятыя, суть отнынѣ моя собственность. Но снисходя на ваше моленіе, обѣщаю не выводить людей изъ Новагорода, не вступаться въ отчины Бояръ, и судъ оставить по старинѣ.»

Прошла цѣлая недѣля: Новгородъ не присылалъ отвѣта Іоанну. Декабря 14 явился Ѳеофилъ съ чиновниками и сказалъ Боярамъ Великокняжескимъ: «Соглашаемся не имѣть ни Вѣча, ни Посадника; молимъ только, чтобы Государь утолилъ навѣки гнѣвъ свой и простилъ насъ искренно, съ условіемъ не выводить Новогородцевъ въ Низовскую землю, не касаться собственности Боярской, не судить насъ въ Москвѣ и не звать туда на службу.» Великій Князь далъ слово. Они требовали присяги. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Государь не присягаетъ. «Удовольствуемся клятвою Бояръ Великокняжескихъ или его будущаго Намѣстника Новогородскаго,» сказали Ѳеофилъ и Посадники: но и въ томъ получили отказъ; просили *опасной грамоты*: и той имъ не дали. Бояре Московскіе объявили, что переговоры кончились.

Тутъ любовь къ древней свободѣ въ послѣдній разъ сильно обнаружилась на Вѣчѣ. Новогородцы думали, что Великій Князь хочетъ обмануть ихъ, и для того не даетъ клятвы въ вѣрномъ исполненіи его слова. Сія мысль поколебала въ особенности Бояръ, которые не стояли ни за Вѣчевый колоколъ, ни за Посадника, но стояли за свои отчины. «Требуемъ битвы!» восклицали тысячи: «умремъ за вольность и Святую Софію!» Но сей порывъ великодушія не произвелъ ничего, кромѣ шума, и долженъ былъ уступить хладнокровію разсудка. Нѣсколько дней народъ слушалъ пренія г. 1477. между друзьями свободы и мирнаго подданства: первые могли обѣщать ему одну славную гибель среди ужасовъ голода и тщетнаго кровопролитія; другіе жизнь, безопасность, спокойствіе, цѣлость имѣнія: и сіи наконецъ превозмогли. Тогда Князь Василій Васильевичь Шуйскій Гребенка, доселѣ вѣрный защитникъ свободныхъ Новогородцевъ, торжественно сложилъ съ себя чинъ ихъ Воеводы и перешелъ въ службу къ Великому Князю, который принялъ его съ особенною милостію (170).

29 Декабря Послы Вѣча, Архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе граждане, снова прибыли въ Великокняжескій станъ, хотя и не имѣли *опаса*; изъявили смиреніе, и молили, чтобы Государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуетъ свою Новогородскую отчину. Іоаннъ приказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: «Милость моя не измѣнилась; что обѣщалъ, то обѣщаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ по старинѣ, цѣлость собственности частной, увольненіе отъ Низовской службы; не буду звать васъ въ Москву; не буду выводить людей изъ страны Новогородской.» Послы ударили челомъ и вышли; а Бояре Великокняжескіе напомнили имъ, что Государь требуетъ волостей и селъ въ землѣ ихъ. Новогородцы предложили ему Луки Великія и Ржеву Пустую: онъ не взялъ. Предложили еще десять волостей Архіепископскихъ и монастырскихъ: не взялъ и тѣхъ. «Избери же, что тебѣ самому угодно,» сказали они: «полагаемся во всемъ на Бога и на тебя.» Великій Князь хотѣлъ половины всѣхъ волостей Архіепископскихъ и монастырскихъ: Новогородцы согласились, но убѣдили его не отнимать земель у нѣкоторыхъ бѣдныхъ монастырей. Іоаннъ требовалъ вѣрной описи волостей, и въ знакъ милости взялъ изъ Ѳеофиловыхъ только десять: что, вмѣстѣ съ монастырскими, составляло около 2700 *обежъ* или тяголъ, кромѣ земель Новоторжскихъ, также ему отданныхъ (171). — Прошло шесть дней въ переговорахъ.

Января 8 Владыка Ѳеофилъ, Посад- г. 1478. ники и Житые люди молили Великаго Князя снять осаду: ибо тѣснота и недостатокъ въ хлѣбѣ произвели болѣзни въ городѣ, такъ, что многіе умирали. Іоаннъ велѣлъ Боярамъ своимъ условиться съ ними о дани, и хотѣлъ брать по семи денегъ съ каждаго земледѣльца; но

г.1478. согласился уменьшить сію дань втрое (172). « Желаемъ еще другой милости, » сказалъ Ѳеофилъ: « молимъ, чтобы Великій Князь не посылалъ къ намъ своихъ писцовъ и даньщиковъ, которые обыкновенно тѣснятъ народъ; но да вѣритъ онъ совѣсти Новогородской: сами исчислимъ людей, и вручимъ деньги, кому прикажетъ; а кто утаитъ хотя единую душу, да будетъ казненъ. » Іоаннъ обѣщалъ.

Января 10 Бояре Московскіе требовали отъ Ѳеофила и Посадниковъ, чтобы Дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для Великаго Князя, и чтобы народъ далъ ему клятву въ вѣрности. Новогородцы хотѣли слышать присягу: Государь послалъ ее къ нимъ въ Архіепископскую палату, съ своимъ Подъячимъ (173). На третій день Владыка и сановники ихъ сказали Боярамъ Іоанновымъ: «Дворъ Ярославовъ есть наслѣдіе Государей, Великихъ Князей: когда имъ угодно взять его, и съ площадью, да будетъ ихъ воля. Народъ слышалъ присягу и готовъ цѣловать крестъ, ожидая всего отъ Государей, какъ Богъ положитъ имъ на сердце, и не имѣя уже инаго упованія. » Дьякъ Новогородскій списалъ сію клятвенную грамоту, а Владыка и пять Концевъ утвердили оную своими печатями (174). Января 13 многіе Бояре Новогородскіе, Житые люди и купцы присягнули въ станѣ Іоанновомъ. Тутъ Государь велѣлъ сказать имъ, что пригороды ихъ, Заволочане и Двиняне будутъ оттолѣ цѣловать крестъ на имя Великихъ Князей, не упоминая о Новѣгородѣ; чтобы они не дерзали мстить своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни Псковитянамъ, и въ случаѣ споровъ о земляхъ ждали рѣшенія отъ Намѣстниковъ, не присвоивая себѣ никакой своевольной управы (175). Новогородцы обѣщались и вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ просили, чтобы Государь благоволилъ изустно и громко объявить имъ свое милосердіе. Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: «Прощаю, и буду отнынѣ жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великій Новгородъ.»

Января 15 рушилось древнее Вѣче, которое до сего дня еще собиралось на Дворѣ Ярослава. Вельможи Московскіе, Князь Иванъ Юрьевичь, Ѳеодоръ Давидовичь и Стрига-Оболенскій, вступивъ въ палату Архіепископскую, сказали, что Государь, внявъ моленію Ѳеофила, всего священнаго Собора, Бояръ и гражданъ, навѣки забываетъ вины ихъ, г.1478. въ особенности изъ уваженія къ ходатайству своихъ братьевъ, съ условіемъ: чтобы Новгородъ, давъ искренній обѣтъ вѣрности, не измѣнялъ ему ни дѣломъ, ни мыслію (176). Всѣ знатнѣйшіе граждане, Бояре, Житые люди, купцы цѣловали крестъ въ Архіепископскомъ домѣ, а Дьяки и воинскіе чиновники Іоанновы взяли присягу съ народа, съ Боярскихъ слугъ и женъ въ пяти Концахъ. Новогородцы выдали Іоанну ту грамоту, коею они условились стоять противъ него единодушно, и которая скрѣплена была пятидесятью-осмью печатями (177).

Января 18 всѣ Бояре Новогородскіе, Дѣти Боярскіе и Житые люди били челомъ Іоанну, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ объявили, что сія служба, сверхъ иныхъ обязанностей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ извѣщать Великаго Князя о всякихъ злыхъ противъ него умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и требуетъ скромности въ тайнахъ Государевыхъ (178). Они обѣщали то и другое. — Въ сей день Іоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; Января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ Инокини (179)), къ Митрополиту и къ сыну съ извѣстіемъ, что онъ *привелъ Великій Новгородъ во всю волю свою*; на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ, Житыхъ людей и купцевъ съ дарами, и послалъ своихъ Намѣстниковъ, Князя Ивана Стригу, и брата его, Ярослава, занять Дворъ Ярославовъ: а самъ не ѣхалъ въ городъ, ибо тамъ свирѣпствовали болѣзни.

Наконецъ, 29 Января, въ Четвертокъ Масленой недѣли, онъ съ треми братьями и съ Княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ Литургію, возвратился на Паозерье, и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Новогородцевъ. Архіепископъ предъ столомъ поднесъ ему въ даръ панагію обложенную золотомъ и жемчугами, струѳово яицо окованное серебромъ въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Февраля 1 онъ велѣлъ взять подъ стражу Купеческаго Старосту, Марка Памфиліева, Февраля 2 славную Марѳу Борецкую (180) съ ея внукомъ Василіемъ

г. 1478. Ѳеодоровымъ (коего отецъ умеръ въ Муромской темницѣ), а послѣ изъ Житыхъ людей Григорія Кипріанова, Ивана Кузмина, Акинѳа съ сыномъ Романомъ и Юрія Репехова, отвезти въ Москву, и все ихъ имѣніе описать въ казну. Сіи люди были единственною жертвою грознаго Московскаго Самодержавія, или какъ явные, непримиримые враги его, или какъ извѣстные друзья Литвы. Никто не смѣлъ за нихъ вступиться. Февраля 3 Намѣстникъ Великокняжескій, Иванъ Оболенскій-Стрига, отыскалъ всѣ письменные договоры, заключенные Новогородцами съ Литвою, и вручилъ ихъ Іоанну. – Все было спокойно; но Великій Князь прислалъ въ городъ еще двухъ иныхъ Намѣстниковъ, Василія Китая и Боярина Ивана Зиновьевича, для соблюденія тишины, велѣвъ имъ занять домъ Архіепископскій.

Февраля 8 Іоаннъ вторично слушалъ Литургію въ Софійской церкви и обѣдалъ у себя въ станѣ съ братомъ Андреемъ Меньшимъ, съ Архіепископомъ и знатнѣйшими Новогородцами. Февраля 12 Владыка Ѳеофилъ предъ Обѣднею вручилъ Государю дары: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ; вызолоченную кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ тридцать одинъ фунтъ съ половиною, и 200 корабельниковъ(181). — Февраля 17, рано по утру, Великій Князь отправился въ Москву; на первомъ станѣ, въ Ямнахъ, угостилъ обѣдомъ Архіепископа, Бояръ и Житыхъ людей Новогородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдарилъ всѣхъ, отпустилъ съ милостію въ Новгородъ, и пріѣхалъ въ столицу 5 Марта. Въ слѣдъ за нимъ привезли въ Москву славный Вѣчевый колоколъ Новогородскій и повѣсили его на колокольнѣ Успенскаго Собора, на площади. — Если вѣрить сказанію современнаго Историка, Длугоша, то Іоаннъ пріобрѣлъ несмѣтное богатство въ Новѣгородѣ, и нагрузилъ 300 возовъ серебромъ, золотомъ, каменьями драгоцѣнными, найденными имъ въ древней казнѣ Епископской, или у Бояръ, коихъ имѣніе было описано, сверхъ безчисленнаго множества шелковыхъ тканей, суконъ, мѣховъ и проч. Другіе цѣнятъ сію добычу въ 14,000,000 флориновъ (182): что безъ сомнѣнія увеличено.

Такъ Новгородъ покорился Іоанну, болѣе шести вѣковъ слывъ въ Россіи и г. 1478. въ Европѣ Державою народною или Республикою, и дѣйствительно имѣвъ образъ Демократіи: ибо Вѣче гражданское присвоивало себѣ не только законодательную, но и вышнюю исполнительную власть; избирало, смѣняло не только Посадниковъ, Тысячскихъ, но и Князей, ссылаясь на жалованную грамоту Ярослава Великаго; давало имъ власть, но подчиняло ее своей верховной; принимало жалобы, судило и наказывало въ случаяхъ важныхъ; даже съ Московскими Государями, даже и съ Іоанномъ заключало условія, *взаимною* клятвою утверждаемыя, и въ нарушеніи оныхъ имѣя право мести или войны; однимъ словомъ, владычествовало какъ собраніе народа Аѳинскаго или Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лице Новагорода, который именовался *Государемъ*. Не въ правленіи вольныхъ городовъ Нѣмецкихъ — какъ думали нѣкоторые Писатели – но въ первобытномъ составѣ всѣхъ Державъ народныхъ, отъ Аѳинъ и Спарты до Унтервальдена или Глариса, надлежитъ искать образцевъ Новогородской политической системы, напоминающей ту глубокую древность народовъ, когда они, избирая сановниковъ вмѣстѣ для войны и суда, оставляли себѣ право наблюдать за ними, свергать, въ случаѣ неспособности, казнить въ случаѣ измѣны или несправедливости, и рѣшить все важное или чрезвычайное въ общихъ совѣтахъ. Мы видѣли, что Князья, Посадники, Тысячскіе въ Новѣгородѣ судили тяжбы и предводительствовали войскомъ: такъ древніе Славяне, такъ нѣкогда и всѣ иные народы не знали различія между воинскою и судебною властію. Сердцемъ или главнымъ составомъ сей Державы были Огнищане или Житые люди, то есть, домовитые или владѣльцы: они же и первые воины, какъ естественные защитники отечества; изъ нихъ выходили *Бояре* или граждане знаменитые заслугами. Торговля произвела купцевъ: они, какъ менѣе способные къ ратному дѣлу, занимали вторую степень; а третью свободные, но бѣднѣйшіе люди, названные Черными. Граждане *Младшіе* явились въ новѣйшія времена и стали между купцами и Черными людьми. Каждая степень безъ сомнѣнія имѣла свои права: вѣроятно, что Посадники и Тысячскіе избирались только изъ Бояръ; а другіе сановники изъ Житыхъ, купцевъ и Млад-

г. 1478. шихъ гражданъ, но не изъ Черныхъ людей, хотя и послѣдніе участвовали въ приговорахъ Вѣча ([183]). Бывшіе Посадники, въ отличіе отъ Степенныхъ или настоящихъ именуясь *Старыми*, преимущественно уважались до конца жизни. — Умъ, сила и властолюбіе нѣкоторыхъ Князей, Мономаха, Всеволода III, Александра Невскаго, Калиты, Донскаго, сына и внука его, обуздывали свободу Новогородскую, однакожь не перемѣнили ея главныхъ уставовъ, коими она столько вѣковъ держалась, стѣсняемая временно, но никогда не отказываясь отъ своихъ правъ.

Обозрѣніе Исторіи Новагорода. История Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней Россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою Славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени Державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами Финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ: покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей, и будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ Монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной, и давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ Варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть Княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ ([184]), еще во XII посылалъ корабли въ Любекъ ([185]); сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири, и горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христіанской; передавалъ Европѣ товары Азіатскіе и Византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой Натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла Европейскаго, первыя открытія Искусствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ ([186]), славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои г. 1478. стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ ([187]); на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ Орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ Святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную пословицу: *кто противъ Бога и Великаго Новагорода* ([188])? Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань Ордынскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи Республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и не рѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискусственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладія, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: «ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ ([189]).» Здѣсь Посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечь въ сердце, и велитъ нести себя больнаго на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиненъ; торжествуетъ, и навѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни ([190]). Тутъ достойный Архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ Новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга ([191]). Въ битвахъ съ врагами иноплеменными Посадники, Ты-

г. 1478. сячскіе умирали впереди за Святую Софію (192). Святители Новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами Пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты, и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался *Владычнимъ* (193); будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ, и не боялись ни гнѣва Митрополитовъ, ни мести Государей Московскихъ (194). — Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: *Новогородская честь, Новогородская душа,* служило иногда вмѣсто клятвы (195). — Республика держится добродѣтелію, и безъ нее упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ Державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ (196): такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя, и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со времени Іоанна Калиты. Богатые Новогородцы стали откупаться серебромъ отъ Князей Московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе, и манитъ къ себѣ Властелина. Ополченія Новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ Государей, Литовскаго или Московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна. г. 1478.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать Республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новогородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однакожь Исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, Государь Московскій поставилъ одну грань своего Царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная Древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. — Императоръ Гальба сказалъ; «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею (197).» Историкъ Русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность Новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи.»

Здѣсь умолкаетъ *особенная* Исторія Новагорода. Прибавимъ къ ней остальныя извѣстія о судьбѣ его въ государствованіе Іоанна. Въ 1479 году Великій Князь ѣздилъ туда, смѣнилъ Архіепископа Ѳеофила, будто бы за тайную связь съ Литвою (198), и прислалъ въ Москву, гдѣ онъ черезъ шесть лѣтъ умеръ въ Обители Чудовской, какъ послѣдній изъ знаменитыхъ народныхъ Владыкъ; преемникомъ его былъ Іеромонахъ Троицкій, именемъ Сергій, избранный *по жребію* изъ трехъ духовныхъ особъ: чѣмъ Великій Князь хотѣлъ изъявить уваженіе къ древнему обычаю Новогородцевъ, отнявъ у нихъ право имѣть *собственныхъ* Святителей

г. 1479. (199). Сей Архіепископъ, не любимый гражданами, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ Троицкую Обитель за болѣзнію. Мѣсто его заступилъ Чудовскій Архимандритъ Геннадій. — Не могъ вдругъ исчезнуть духъ свободы въ народѣ, который пользовался ею столько вѣковъ, и хотя не было общаго мятежа, однакожь Іоаннъ видѣлъ неудовольствіе и слышалъ тайныя жалобы Новогородцевъ: надежда, что вольность можетъ воскреснуть, еще жила въ ихъ сердцѣ; не рѣдко обнаруживалась природная имъ строптивость; открывались и злые умыслы. Чтобы искоренить сей опасный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству рѣшительному: въ 1481 году велѣлъ взять тамъ подъ стражу знатныхъ людей: Василія Казимера съ братомъ Яковомъ Коробомъ, Михаила Берденева и Луку Ѳедорова, а скоро и всѣхъ главныхъ Бояръ, коихъ имущество, движимое и недвижимое, описали на Государя. Нѣкоторыхъ, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, пытали: они сами доносили другъ на друга; но приговоренные къ смерти, объявили, что взаимные ихъ доносы были клеветою, вынужденною муками: Іоаннъ велѣлъ разослать ихъ по темницамъ; другимъ, явно невиннымъ, далъ помѣстья въ областяхъ Московскихъ. Въ числѣ богатѣйшихъ гражданъ, тогда заточенныхъ, Лѣтописецъ именуетъ *славную* жену Анастасію и Боярина Ивана Козмина: у первой въ 1476 году пировалъ Великій Князь съ Дворомъ своимъ: а вторый уходилъ въ Литву съ тридцатью слугами, но будучи недоволенъ Казимиромъ, возвратился въ отчизну и думалъ по крайней мѣрѣ умереть тамъ спокойно (200). — Въ 1487 году перевели изъ Новагорода въ Владиміръ 50 лучшихъ семействъ купеческихъ. Въ 1488 году Намѣстникъ Новогородскій, Яковъ Захарьевичь, казнилъ и повѣсилъ многихъ Житыхъ людей, которые хотѣли убить его, и прислалъ въ Москву болѣе осьми тысячь Бояръ, именитыхъ гражданъ и купцевъ, получившихъ земли въ Владимірѣ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ; а на ихъ земли, въ Новгородъ, послали Москвитянъ, людей служивыхъ и гостей (201). Симъ переселеніемъ былъ навѣки усмиренъ Новгородъ. Остался трупъ: душа исчезла; иные жители, иные обычаи и нравы, свойственные Самодержавію. Іоаннъ въ 1500 году, съ согласія Митрополитова, роздалъ всѣ Новогородскія церковныя г. 1481. имѣнія въ помѣстье Дѣтямъ Боярскимъ (202).

Одинъ Псковъ еще сохранилъ древнее гражданское образованіе, Вѣче и народныхъ сановниковъ, обязанный тѣмъ своему послушанію. Великій Князь, довольный его содѣйствіемъ въ походѣ Новогородскомъ, прислалъ ему въ даръ кубокъ, и милостиво обѣщалъ *не премѣнять старины;* а свѣдавъ, что Послы Великокняжескіе дѣлаютъ тамъ наглыя обиды жителямъ, съ гордостію отвергаютъ дары Вѣча, но своевольно берутъ у гражданъ и поселянъ, что имъ вздумается, онъ строго запретилъ такія насилія (203). Въ семъ случаѣ, какъ и въ другихъ, видимъ Іоанново правило согласовать вводимое имъ Единовластіе съ уставомъ естественной справедливости, и не отнимать ничего безъ вины. Псковъ удержалъ до времени свои законы гражданскіе, ибо не оспоривалъ Государевой власти отмѣнить ихъ.

Довольный славнымъ успѣхомъ Новогородскаго похода, Іоаннъ скоро насладился и живѣйшею семейственною радостію. Софія была уже матерію трехъ дочерей: Елены, Ѳеодосіи и второй Елены (204); хотѣла сына, и вмѣстѣ съ супругомъ печалилась, что Богъ не исполняетъ ихъ желанія. Для сего ходила она Рожденіе Василія-Гавріила. пѣшкомъ молиться въ Обитель Троицкую, гдѣ, какъ пишутъ, явился ей Св. Сергій, держа на рукахъ своихъ благовиднаго младенца, приближился къ Великой Княгинѣ и *ввергнулъ его въ ея нѣдра:* Софія затрепетала отъ видѣнія столь удивительнаго; съ усердіемъ облобызала мощи Святаго, и чрезъ девять мѣсяцевъ родила сына, Василія-Гавріила. Сію повѣсть разсказывалъ самъ Василій (уже будучи Государемъ) Митрополиту Іоасафу (205). Послѣ того Софія имѣла четырехъ сыновей: Георгія, Димитрія, Симеона, Андрея, дочерей Ѳеодосію и Евдокію (206).

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженія: слѣдуетъ другая, еще важнѣйшая: торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Большей или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой Политики, которая неусыпно искала дружбы Хановъ Таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и г. 1478—1480. Литву. Не долго Зенебекъ господствовалъ въ Тавридѣ: Менгли-Гирей изгналъ

г. 1479—1480. его, воцарился снова и прислалъ извѣстить о томъ Іоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравленіемъ, а скоро (въ 1480 году) и Боярина, Князя Ивана Звенца (207). Сей Посолъ долженъ былъ сказать Хану, что Великій Князь, изъ особенной къ нему дружбы, принялъ къ себѣ не только изгнаннаго Царя Зенебека, но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, жившихъ прежде въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему; что Государь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ противъ Ахмета, если онъ будетъ ему поборникомъ противъ Казимира Литовскаго. На сихъ условіяхъ надлежало Послу заключить союзъ съ Ханомъ: для чего и дали ему *шертную* или клятвенную грамоту съ повелѣніемъ изъяснить Вельможамъ Крымскимъ, сколь усердно Государь доброжелательствуетъ ихъ Царю. Сверхъ того Бояринъ Звенецъ имѣлъ порученіе отдать Хану на-единѣ тайную грамоту, утвержденную крестнымъ цѣлованіемъ и золотою печатію: сею грамотою, по желанію Менгли-Гирея написанною, Великій Князь обязывался дружески принять его въ Россіи, буде онъ въ третій разъ лишится престола; не только обходиться съ нимъ какъ съ Государемъ вольнымъ, независимымъ, но и способствовать ему всѣми силами къ возвращенію Царства. Испытавъ непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотѣлъ взять мѣры на случай ея новыхъ превратностей и заблаговременно изготовить себѣ убѣжище: сія печальная мысль расположила его къ самому вѣрному дружеству съ Іоанномъ. Бояринъ Звенецъ успѣлъ совершенно въ дѣлѣ своемъ: заключили союзъ, искренностію и Политикою утвержденный; условились вмѣстѣ воевать или мириться; наблюдать всѣ движенія Ахмата и Литвы; тайно или явно мѣшать ихъ замысламъ, вреднымъ для той или другой стороны; наконецъ обѣимъ Державамъ, Москвѣ и Крыму, дѣйствовать какъ единой во всѣхъ случаяхъ.

Посольство въ Крымъ.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ, по извѣстію нѣкоторыхъ Лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявить свободу Россіи слѣдующимъ образомъ. Сей Ханъ отправилъ въ Москву новыхъ Пословъ требовать дани. Ихъ представили къ Іоанну: онъ взялъ *басму* (или образъ Царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами (208); велѣлъ умертвить Пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: «спѣши объявить Царю видѣнное тобою; что сдѣлалось съ его *басмою* и Послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.» Ахматъ воскипѣлъ яростію. «Такъ поступаетъ рабъ нашъ, Князь Московскій!» говорилъ онъ своимъ Вельможамъ, и началъ собирать войско. Другіе Лѣтописцы, согласнѣе съ характеромъ Іоанновой осторожности и съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе Ханское единственно наущеніямъ Казимировымъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей Государь послалъ одного служащаго ему Князя Татарскаго, именемъ Акирея Муратовича (209), въ Золотую Орду, склонить Ахмата къ сильному впаденію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось благопріятнымъ: Орда была спокойна; племянникъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о Царствѣ, наконецъ съ нимъ примирился (210). Злобствуя на Великаго Князя за его ослушаніе (211) и не довольный умѣренностію даровъ его, Ханъ условился съ Королемъ, чтобы Татарамъ итти изъ Волжскихъ Улусовъ къ Окѣ, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480 году) двинулся къ предѣламъ Московскимъ со всею Ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ Князей Татарскихъ. — Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчастная распря Іоаннова съ братьями: обстоятельства ея достойны замѣчанія (212).

Сверженіе ига Ханскаго.

Государь, смѣнивъ Намѣстника бывшаго въ Великихъ Лукахъ, Князя Ивана Оболенскаго-Лыка, велѣлъ ему заплатить большее количество серебра тамошнимъ гражданамъ, которые приносили на него жалобы, отчасти несправедливыя. Князь Лыко въ досадѣ уѣхалъ къ брату Іоаннову, Борису, въ Волокъ Ламскій, пользуясь древнимъ правомъ Боярскимъ переходить изъ службы Государя Московскаго къ Князьямъ Удѣльнымъ. Іоаннъ требовалъ сего бѣглеца отъ брата; но Борисъ отвѣтствовалъ: «не выдаю, а если онъ виновенъ, то нарядимъ судъ.» Вмѣсто суда Великій Князь приказалъ Намѣстнику Боровскому тайно схватить Лыка, гдѣ бы то ни

Ссора Великаго Князя съ братьями.

г. 1478—1480. было, и скованнаго представить въ Москву: что онъ и сдѣлалъ. Князь Борисъ Васильевичь оскорбился; писалъ къ брату, Андрею Суздальскому, о семъ беззаконномъ насиліи, и говорилъ, что Іоаннъ тиранствуетъ, презираетъ святые древніе уставы и единоутробныхъ, не далъ имъ части ни изъ Удѣла Юріева, ни изъ областей Новогородскихъ, завоевавъ ихъ вмѣстѣ съ ними; что терпѣнію долженъ быть конецъ, и что они не могутъ послѣ того жить въ Государствѣ Московскомъ. Андрей былъ такого же мнѣнія: собравъ многочисленную дружину, оба съ женами и дѣтьми выѣхали изъ своихъ Удѣловъ; не хотѣли слушать Боярина Іоаннова, посланнаго уговорить ихъ (213); спѣшили къ Литовской границѣ, злодѣйствуя на пути огнемъ и мечемъ какъ въ землѣ непріятельской; остановились въ Великихъ Лукахъ и требовали отъ Казимира чтобы онъ за нихъ вступился. Король, обрадованный симъ случаемъ (214), далъ городъ Витебскъ на содержаніе ихъ семействъ, къ крайнему безпокойству всѣхъ Россіянъ, устрашенныхъ вѣроятностію междоусобной войны (215). Между тѣмъ Великій Князь подозрѣвалъ мать свою въ тайномъ согласіи съ его братьями, зная отмѣнную любовь ея къ Андрею (216), и хотѣлъ быть великодушнымъ: послалъ къ нимъ Ростовскаго Святителя, Вассіана, съ Бояриномъ Василіемъ Ѳеодоровичемъ Образцемъ, и предлагалъ миръ искренній, обѣщая Андрею, сверхъ наслѣдственнаго Удѣла, Алексинъ и Калугу (217). Но братья съ гордостію отвергнули всѣ убѣжденія Вассіановы и милость Іоаннову.

Походъ Ахмата на Россію. Тогда услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по условію съ нимъ напалъ на Литовскую Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣйствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ своихъ Улусахъ только женъ, дѣтей и старцевъ, Іоаннъ велѣлъ Крымскому Царевичу Нордоулату и Воеводѣ Звенигородскому, Князю Василью Ноздреватому, съ небольшимъ отрядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мѣрѣ устрашить Хана (218). Москва въ нѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сынъ Великаго Князя Младый Іоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы въ Серпуховъ 8 Іюня; а дядя его, Андрей Меньшій, изъ своего Удѣла. Самъ Государь еще оставался въ Москвѣ недѣль шесть; наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 23 Іюля отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему, Михаилу Андреевичу Верейскому, и Боярину Князю Ивану Юрьевичу, Духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ Митрополита, находился тамъ Архіепископъ Ростовскій, Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества (219). Супруга Іоаннова выѣхала съ Дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлаозера; а мать его, Инокиня Марѳа, внявъ убѣжденіямъ Духовенства, къ утѣшенію народа осталась въ Москвѣ (220).

г. 1480. Великій Князь принялъ самъ начальство надъ войскомъ, прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ (221). Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Димитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, Воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію, которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *отъ нетерпѣнія:* ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала исчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу: гордый Витовтъ, презирая остатки Капчакскаго Ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, но Государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости Государства, не въ личномъ мужествѣ: цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостію, славнѣе гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣд-

Г. 1480. ствію. Сіи мысли казались благоразуміемъ Великому Князю и нѣкоторымъ изъ Бояръ, такъ, что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ Рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ, въ надеждѣ соединиться тамъ съ Королевскими полками, или вступить въ Россію съ той стороны, откуда его не ожидали. Великій Князь, давъ повелѣніе сыну и брату итти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебирались въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ, и видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ Хана. Многіе кричали въ ужасѣ: «Государь выдаетъ насъ Татарамъ! отягощалъ землю налогами, и не платилъ дани Ордынской! разгнѣвилъ Царя, и не стоитъ за отечество!» Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного Лѣтописца ([222]), столь огорчило Великаго Князя, что онъ не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерію, Духовенствомъ и Боярами. «Иди же смѣло на врага!» сказали ему единодушно всѣ Духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдый, ветхій старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству воскликнулъ: «Смертнымъ ли бояться смерти? Рокъ неизбѣженъ. Я старъ и слабъ, но не убоюся меча Татарскаго, не отвращу лица моего отъ его блеска ([223])». — Іоаннъ желалъ видѣть сына, и велѣлъ ему быть въ столицу съ Даніиломъ Холмскимъ: сей пылкій юноша не поѣхалъ, отвѣтствуя родителю: «ждемъ Татаръ;» а Холмскому: «лучше мнѣ умереть здѣсь, нежели удалиться отъ войска.» Великій Князь уступилъ общему мнѣнію, и далъ слово крѣпко противоборствовать Хану. Въ сіе время онъ помирился съ братьями, коихъ Послы находились въ Москвѣ; обѣщалъ жить съ ними дружно, надѣлить ихъ новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спѣшили къ нему съ своею воинскою дружиною для спасенія отечества. Мать, Митрополитъ, Архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣтники, а всего болѣе опасность Россіи, къ чести обѣихъ сторонъ, прекратили вражду единокровныхъ ([224]). — Іоаннъ взялъ мѣры для защиты городовъ; отрядилъ Дмитровцевъ въ Переславль ([225]), Москвитянъ въ Дмитровъ; велѣлъ сжечь посады вокругъ столицы, и 3 Октября, принявъ благословеніе отъ Митрополита, поѣхалъ къ войску. Никто ревностнѣе Духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечемъ. Первосвятитель Геронтій, знаменуя Государя крестомъ, съ умиленіемъ сказалъ: «Богъ да сохранитъ твое Царство и дастъ тебѣ побѣду, якоже древле Давиду и Константину! Мужайся и крѣпися, о сынъ духовный! какъ истинный воинъ Христовъ. Добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы; ты не наемникъ! Избави врученное тебѣ Богомъ словесное стадо отъ грядущаго нынѣ звѣря. Господь намъ поборникъ!» Всѣ Духовные примолвили: *Аминь! буди тако!* и молили Великаго Князя не слушать мнимыхъ друзей мира, коварныхъ или малодушныхъ.

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ, городокъ на берегу Лужи ([226]), и далъ знать Воеводамъ, что будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ легкій передовый отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Угру. 8 Октября, на восходѣ солнца, вся сила Ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ Великаго Князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускали стрѣлы: Россіяне дѣйствовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ, и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пищалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по Литовской землѣ для собранія съѣстныхъ припасовъ ([227]). Между тѣмъ многіе Татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали нашимъ: «Дайте путь Царю, или онъ силою дойдетъ до Великаго Князя, а вамъ будетъ худо.»

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ Воеводами: всѣ изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, Боярина Ощеру и Григорія Мамона, коего мать была сожжена Княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство ([228]); сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей го-

1480. раздо болѣе отечества, и не преставали *шептать* Государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего Духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ войны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали Великому Князю о судьбѣ его родителя, Василія Темнаго, плѣненнаго Татарами; не устыдились думать, что Государи Московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на Хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства, онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго трудами осьмнадцати лѣтъ, и не увѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, Государь послалъ Боярина, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ мирными предложеніями къ Ахмату и Князю Ординскому, Темиру. Но Царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары, и сказалъ Боярину: «я пришелъ сюда наказать *Ивана* за его неправду, за то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ, не бьетъ челомъ и уже *девять* лѣтъ не платилъ дани. Пусть самъ явится предо мною: тогда Князья наши будутъ за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость (229).» Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у *Царскаго стремени* вымолить себѣ прощеніе. Великій Князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе, и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя Вельможу, Никифора Басенка, угодника Ординскаго. Государь и на то не согласился (230). Переговоры кончились.

Свѣдавъ объ нихъ, Митрополитъ Геронтій, Архіепископъ Вассіанъ и Паисій, Игуменъ Троицкій, убѣдительными грамотами напоминали Великому Князю обѣтъ его стоять крѣпко за отечество и Вѣру. Старецъ Вассіанъ писалъ такъ (231):

Посланіе Архіепископа Вассіана къ Великому Князю.

«Наше дѣло говорить Царямъ истину: что я прежде изустно сказалъ тебѣ, славнѣйшему изъ Владыкъ земныхъ, о томъ нынѣ пишу, ревностно желая утвердить твою душу и Державу. Когда ты, внявъ моленію и доброй думѣ Митрополита, своей родительницы, благовѣрныхъ Князей и Бояръ, поѣхалъ изъ Москвы къ воинству съ намѣреніемъ ударить на врага Христіанскаго, мы, усердные твои богомольцы, денно и нощно припадали къ олтарямъ Всевышняго, да увѣнчаетъ тебя Господь побѣдою. Что же слышимъ? Ахматъ приближается, губитъ Христіанство, грозитъ тебѣ и отечеству: ты же предъ нимъ уклоняешься, молишь о мирѣ и шлешь къ нему Пословъ; а нечестивый дышетъ гнѣвомъ и презираетъ твое моленіе? . . . Государь! какимъ совѣтамъ внимаешь? людей недостойныхъ имени Христіанскаго. И что совѣтуютъ? повергнуть ли щиты, обратиться ли въ бѣгство? Но помысли, отъ какой славы и въ какое уничиженіе низводятъ они твое величество! Предать землю Русскую огню и мечу, церкви разоренію, тьмы людей погибели! Чье сердце каменное не изліется въ слезахъ отъ единыя мысли? О Государь! кровь паствы вопіетъ на небо, обвиняя пастыря. И куда бѣжать? гдѣ воцаришься, погубивъ данное тебѣ Богомъ стадо? *Взыграеши ли яко орелъ, и посреди ли звѣздъ гнѣздо себѣ устроишь? свергнетъ тебя Господь и оттуду* . . . Нѣтъ, нѣтъ? уповаемъ на Вседержителя. Нѣтъ, ты не оставишь насъ, не явишься бѣглецомъ, и не будешь именоваться предателемъ отечества! . . . Отложи страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ крѣпости Его? Единъ поженетъ тысящу, и два двигнутъ тьму, по слову мужа святаго: *не суть боги ихъ яко Богъ нашъ!* Господь мертвитъ и живитъ: Онъ дастъ силу твоимъ воинамъ. Язычникъ, Философъ Демокритъ, въ числѣ главныхъ Царскихъ добродѣтелей ставитъ прозорливость въ мірскихъ случаяхъ, твердость и мужество. Поревнуй предкамъ своимъ: они не только землю Русскую хранили, но и многія иныя страны покоряли; вспомни Игоря, Святослава, Владиміра, коихъ данники были Цари Греческіе, и Владиміра Мономаха, ужаснаго для Половцевъ; а прадѣдъ твой великій, хвалы достойный Димитрій, не сихъ ли невѣрныхъ Татаръ побѣдилъ за Дономъ? Презирая опасность, сражался впереди; не думалъ: *имѣю жену, дѣтей и богатство; когда возьмутъ землю мою, вселюся индѣ* — но сталъ въ лице Мамаю, и Богъ осѣнилъ главу его въ день брани. Не уже ли скажешь, что ты обязанъ клятвою своихъ предковъ не поднимать руки на Хановъ? Но Димитрій

г. 1480. поднялъ оную. Клятва принужденная разрѣшается Митрополитомъ и нами: мы всѣ благословляемъ тебя на Ахмата, не Царя, но разбойника и *Богоборца*. Лучше солгать и спасти Государство, нежели истинствовать и погубить его. По какому святому закону ты, Государь православный, обязанъ уважать сего злочестиваго самозванца, который силою поработилъ нашихъ отцевъ за ихъ малодушіе, и воцарился, не будучи ни Царемъ, ни племени Царскаго? То было дѣйствіемъ гнѣва Небеснаго; но Богъ есть отецъ чадолюбивый: наказуетъ и милуетъ; древле потопилъ Фараона и спасъ Израиля: спасетъ и народъ твой, и тебя, когда покаяніемъ очистишь свое сердце: ибо ты человѣкъ и грѣшенъ. Покаяніе Государя есть искренній обѣтъ блюсти правду въ судахъ, любить народъ, не употреблять насилія, оказывать милость и виновнымъ . . . Тогда Богъ возставитъ намъ тебя, Государя, яко древле Моисея, Іисуса и другихъ, освободившихъ Израиля, да и новый Израиль, земля Русская, освободится тобою отъ нечестиваго Ахмата, новаго Фараона: Ангелы снидутъ съ небесъ въ помощь твою; Господь пошлетъ тебѣ отъ Сіона жезлъ силы, и одолѣеши враговъ, и смятутся, и погибнутъ. Тако глаголетъ Господь: *Азъ воздвигохъ тя, Царя правды, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя, да послушаютъ тебе языцы, и крѣпость Царей разрушиши; и Азъ предъ тобою иду, и горы сравняю, и двери мѣдныя сокрушу, и затворы желѣзныя сломлю* . . . и даруетъ тебѣ Всевышній Царство славное, и сынамъ сыновъ твоихъ въ родъ и родъ во вѣки. А мы Соборами Святительскими день и нощь молимъ Его, да разсыплются племена нечестивыя, хотящія брани; да будутъ омрачены молніею небесною и яко псы гладные да лижутъ землю языками своими! Радуемся и веселимся, слыша о доблести твоей и Богомъ даннаго тебѣ сына: уже вы поразили невѣрныхъ; но не забуди слова Евангельскаго: *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*. — Наконецъ прошу тебя, Государь, не осудить моего худоумія; писано бо есть: *дай мудрому вину, и будетъ мудрѣе*. Да будетъ тако! Благословеніе нашего смиренія на тебѣ, на твоемъ сынѣ, на всѣхъ Боярахъ и Воеводахъ, на всемъ Христолюбивомъ воинствѣ . . . Аминь.»

Прочитавъ сіе письмо, достойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, г. 1480. какъ сказано въ лѣтописи [232], *исполнился веселія, мужества и крѣпости*; не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды, и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его, Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялися съ видомъ искренней любви, чтобы вмѣстѣ служить отечеству и Христіанству.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи: Россіяне и Татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли *поясомъ Богоматери*, охраняющимъ Московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую свою конницу къ Городищу Опакову, и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку [233]: Воеводы Іоанновы не пустили Татаръ на свой берегъ. Ахматъ злобился; грозилъ, что морозы откроютъ ему путь черезъ рѣки; ждалъ Литовцевъ и зимы. О Литовцахъ не было слуха; но въ исходѣ Октября настали сильные морозы: Угра покрывалась льдомъ, и Великій Князь приказалъ всѣмъ нашимъ Воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ Ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы [234].

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но Бояре и Князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Іоаннъ страшится и не хочетъ битвы. Полки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ Лѣтописцевъ: Татары, видя лѣвый берегъ Угры оставленный Россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти, и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, Ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось зрѣлище удивительное; два воинства Ноября 7. бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свояси, разоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ, за то, что Казиміръ не далъ ему помощи [235]. Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе Ханское на Россію: Царь не могъ ворваться въ ея предѣлы; не вывелъ ни одного плѣнника Московскаго. Только сынъ его, Амуртоза, на возвратномъ пути захватилъ часть нашей Украйны [236]; но былъ немедленно изгнанъ оттуда братьями Великаго Князя, посланными съ войскомъ въ слѣдъ

г. 1480. за непріятелемъ. Одинъ Лѣтописецъ Казанскій удовлетворительно изъясняетъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что Крымскій Царевичь, Нордоулатъ, и Князь Василій Ноздроватый счастливо исполнили повелѣніе Іоанново: достигли Орды, взяли *Юртъ Батыевъ* (вѣроятно Сарай), множество плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ конецъ истребить сіе гнѣздо нашихъ злодѣевъ, если бы Уланъ Нордоулатовъ, именемъ Обуязъ, не помѣшалъ тому своими представленіями. «Что дѣлаешь?» сказалъ онъ своему Царевичу: «вспомни, что сія древняя Орда есть наша общая мать; всѣ мы отъ нее родились. Ты исполнилъ долгъ чести и службы Московской: нанесъ ударъ Ахмату: довольно; не губи остатковъ;» Нордоулатъ удалился; а Ханъ, свѣдавъ о разореніи Улусовъ, оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю (237). Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, Великій Князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе Лѣтописцы славятъ единственно милость Божію, и говорятъ: «Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію (238)!» Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго, за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и независимость Государства. Народъ веселился; а Митрополитъ уставилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ Іюня 23 (239) въ память освобожденія Россіи отъ ига Моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству.

Разореніе Большей Орды и смерть Ахмата. Ахматъ имѣлъ участь Мамая. Онъ вышелъ изъ Литвы съ богатою добычею: Князь *Шибанскихъ* или Тюменскихъ Улусовъ, Ивакъ, желая отнять ее, съ Ногайскими Мурзами, Ямгурчеемъ, Мусою, и съ шестнадцатью тысячами Козаковъ гнался за нимъ отъ береговъ Волги до Малаго Донца, гдѣ сей Ханъ, близъ Азова, остановился зимовать, распустивъ своихъ Улановъ. Ивакъ приближился ночью, окружилъ на разсвѣтѣ Царскую *бѣлую вежу*, собственною рукою умертвилъ спящаго Ахмата, безъ сраженія взялъ Орду, его женъ, дочерей, богатство, множество г. 1480. Литовскихъ плѣнниковъ, скота; возвратился въ Тюмень и прислалъ объявить Великому Князю, что злодѣй Россіи лежитъ въ могилѣ (240). Еще такъ называемая Большая Орда не совсѣмъ исчезла, и сыновья Ахматовы удержали въ степяхъ Волжскихъ имя Царей; но Россія уже не покланялась имъ, и знаменитая столица Батыева, гдѣ наши Князья болѣе двухъ вѣковъ рабolѣпствовали Ханамъ, обратилась въ развалины, донынѣ видимыя на берегу Ахтубы: тамъ среди обломковъ гнѣздятся змѣи и ехидны (241). — Отселѣ Татары Шибанскіе и Ногайскіе, коихъ Улусы находились между рѣкою Бузулукомъ и моремъ Аральскимъ (242), являются дѣйствующими въ нашей Исторіи и въ сношеніяхъ съ Москвою, не рѣдко служа орудіемъ ея Политикѣ. Князь Ивакъ Тюменскій хвалился происхожденіемъ своимъ отъ Чингиса и правомъ на тронъ Батыевъ, называя Ахмата, его братьевъ и сыновей дѣтьми Темиръ-Кутлуя, а себя истиннымъ Царемъ *Бесерменскимъ* (243); искалъ дружбы Іоанновой и величался именемъ равнаго ему Государя, уже не дерзая требовать съ насъ дани и мыслить, чтобы Россіяне были природными подданными всякаго Хана Татарскаго.

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ для избавленія Государства отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и Державы, Москвитяне, веселяся и торжествуя, не были совершенно довольны Государемъ: ибо думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Іоаннъ, готовясь къ войнѣ, послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о столицѣ, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ Великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами Боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей какъ непріятелей (244). И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное

сверженіе Ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной, чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная, и предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

Тѣмъ болѣе народъ славилъ твердость нашего Духовенства, и въ особенности Вассіана, коего посланіе къ Великому Князю ревностные друзья отечества читали и переписывали съ слезами умиленія. Сей добродѣтельный старецъ едва имѣлъ время благословить начало государственной независимости въ Россіи: занемогъ и скончался, оплакиваемый всѣми добрыми согражданами (245). Славная память его осталась навѣки неразлучною съ памятію нашей свободы. — Тогда же преставился и братъ Великаго Князя, Андрей Меньшій, любимый народомъ за вѣрность и бодрую дѣятельность, оказанную имъ противъ Ахмата (246). Въ духовномъ завѣщаніи онъ признаетъ себя должникомъ Іоанна, получивъ отъ него 30,000 рублей для платежа въ Орды, въ Казань и Царевичу Даніяру; велитъ выкупить разныя вещи, отданныя имъ въ залогъ Ивану Фрязину и другимъ; не оставивъ ни дѣтей, ни жены, отказываетъ Государю Удѣлъ свой, его сыновьямъ иконы, кресты, поясы и цѣпи золотыя, братьямъ Андрею и Борису нѣкоторыя волости. Троицкому монастырю 40 деревень на Вологдѣ и проч. (247). Такимъ образомъ дѣлая себя единственнымъ наслѣдникомъ своихъ ближнихъ, умирающихъ бездѣтными, Великій Князь новыми договорными грамотами утвердилъ за Андреемъ старшимъ, за Борисомъ и за дѣтьми ихъ, Удѣлы родительскіе съ частію Московскихъ пошлинъ; далъ еще первому городъ Можайскъ, а второму нѣсколько селъ, съ условіемъ, чтобы они не вступались въ его пріобрѣтенія, настоящія и будущія. Въ сихъ грамотахъ упоминается объ издержкахъ Ординскихъ (248): хотя Великій Князь уже не мыслилъ быть данникомъ, но предвидѣлъ необходимость подкупать Татаръ, чтобы располагать ихъ остальными силами въ нашу пользу. Содержаніе Царевича Даніяра и братьевъ Менгли-Гиреевыхъ, Нордоулата и Айдара, сосланнаго за что-то въ Вологду (249); наконецъ дары посылаемые въ Тавриду, въ Казань, въ Ногайскіе Улусы, требовали не малыхъ расходовъ, въ коихъ Андрей и Борисъ Василіевичи обязывались участвовать (250).

г. 1480.

Кончина Андрея Меньшаго брата Іоаннова.

г. 1481.

Посольство въ Крымъ.

Благополучно отразивъ Ахмата, свѣдавъ о гибели его, и миромъ съ братьями успокоивъ какъ Россію, такъ и собственное сердце, Іоаннъ послалъ къ Менгли-Гирею Боярина Тимоѳея Игнатьевича Скрябу (251), съ извѣстіемъ о своемъ успѣхѣ и съ напоминаніемъ, чтобы сей Ханъ не забывалъ ихъ договора дѣйствовать всегда общими силами противъ Волжской Орды и Казимира, въ случаѣ, если преемники Ахматовы или Король замыслятъ опять воевать Россію. Бояринъ Тимоѳей долженъ былъ говорить въ особенности съ Княземъ Крымскимъ, Именекомъ, нашимъ доброжелателемъ, и вручить его сыну, Довлетеку, *опасную грамоту* съ золотою печатію для свободнаго пребыванія во всѣхъ Московскихъ владѣніяхъ: ибо Довлетекъ, не вѣря спокойствію мятежной Тавриды, просилъ о томъ Іоанна. Странное дѣйствіе судьбы: Россія, столь долго губимая Татарами, сдѣлалась ихъ покровительницею и вѣрнымъ убѣжищемъ въ несчастіяхъ!

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1480 — 1490.

Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Литовскія Дѣла. Ханъ Крымскій опустошаетъ Кіевъ. Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ. Король Венгерскій Матѳей въ дружбѣ съ Іоанномъ. Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Завоеваніе Твери. Присоединеніе Удѣла Верейскаго къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ Владѣтельныхъ. Происшествія Рязанскія. Покореніе Казани. Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву. Посольство Ногайское. Покореніе Вятки. Завоеваніе земли Арской. Кончина Іоанна Младаго. Казнь врача. Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. Сверженіе Митрополита; избраніе новаго.

Г. 1480. Война съ Ливонскимъ Орденомъ. Въ сіе время Іоаннъ предпріялъ нанести ударъ Ливонскимъ Нѣмцамъ. Еще въ 1478 году, покоряя Новгородъ, Московская рать входила въ ихъ Нарвскіе предѣлы и возвратилась оттуда съ добычею (252). Скоро послѣ того купцы Псковскіе были задержаны въ Ригѣ и въ Дерптѣ: у нѣкоторыхъ отняли товары, другихъ заключили въ темницу. Псковитяне сдѣлали тоже и съ купцами Дерптскими; но не хотѣли войны, и считая себя въ мирѣ съ Нѣмцами, удивились, когда Рыцари заняли Вышегородокъ. Сіе извѣстіе пришло во Псковъ ночью; ударили въ Вѣчевый колоколъ; граждане собралися, и на разсвѣтѣ выступили противъ непріятеля. Оставивъ Вышегородокъ, Нѣмцы явились подъ Гдовомъ. Съ помощію Великаго Князя, и съ его Воеводою, Княземъ Андреемъ Никитичемъ Ногтемъ, присланнымъ изъ Новагорода, Псковитяне заставили ихъ бѣжать, сожгли Костеръ на рѣкѣ Эмбахѣ, взяли тамъ нѣсколько пушекъ, осаждали Дерптъ и возвратились обремененные добычею. Сіе впаденіе Россіянъ въ Дерптскую землю описано самимъ Магистромъ Ливонскимъ, Бернгардомъ, въ донесеніи его къ Главѣ Прусскаго Ордена (253): нѣтъ лютости, въ которой бы онъ не обвинялъ ихъ; убіеніе людей безоружныхъ было легчайшимъ изъ злодѣйствъ, ими будто бы совершенныхъ. Напомнимъ Читателю сказаніе Византійскихъ Историковъ о свирѣпости древнихъ Славянъ или повѣствованіе нашихъ Лѣтописцевъ о набѣгахъ Татарскихъ: Россіяне, по словамъ Бернгарда, едва ли не превзошли тогда сихъ варваровъ. Магистръ готовилъ месть: свѣдавъ, что Воевода Московскій, недовольный Псковитянами, Г. 1480. ушелъ отъ нихъ съ своею дружиною, и что Іоаннъ занятъ войною съ Ахматомъ, Бернгардъ требовалъ помощи, людей и денегъ отъ Прусскаго Ордена; желая дѣйствовать всѣми силами, но боясь упустить время, приступилъ къ Изборску: не могъ взять его, и выжегъ только окрестности. Псковитяне, видя огонь и дымъ, жаловались на своего Князя, Василія Шуйскаго, что онъ пьетъ и грабитъ ихъ, а защитить не умѣетъ. Нѣмцы обратили въ пепелъ городокъ Кобылій, умертвивъ до четырехъ тысячь жителей, и наконецъ (въ 1480 году, Августа 20) осадили Псковъ. Войско ихъ, какъ пишутъ, состояло изъ 100,000 человѣкъ, большею частію крестьянъ, худо вооруженныхъ и совсѣмъ неспособныхъ къ ратнымъ дѣйствіямъ, такъ, что необозримый станъ его за рѣкою Великою походилъ на Цыганскій (254): шумъ и безпорядокъ господствовали въ ономъ. Но Псковитяне ужаснулись. Многіе бѣжали, и самъ Князь Шуйскій уже садился на коня, чтобы слѣдовать примѣру малодушныхъ: граждане остановили его; дѣлали мирныя предложенія Магистру, съ обрядами священными носили вокругъ стѣнъ одежду своего незабвеннаго Героя Довмонта, и наконецъ исполнились мужества. Бернгардъ, имѣя 13 Дерптскихъ судовъ съ пушками, старался зажечь городъ. Нѣмцы пристали къ берегу: тутъ Россіяне, вооруженные сѣкирами, мечами, камнями, устремились въ бой, и смяли ихъ въ рѣку. Нѣмцы тонули, бросаясь на суда; а ночью, снявъ осаду, ушли (255). «Мы тщетно предлагали Россіянамъ битву въ полѣ,» говоритъ Бернгардъ въ

г. 1480. письмѣ къ начальнику Прусскаго Ордена: «рѣка Великая не допустила насъ до города (256)». Ожидая новаго нападенія, Псковитяне требовали защиты отъ братьевъ Іоанновыхъ, Андрея и Бориса, которые ѣхали тогда изъ Великихъ Лукъ въ Москву съ сильною дружиною; но сіи Князья отвѣтствовали, что имъ не время думать о Нѣмцахъ, и мимоѣздомъ ограбили нѣсколько деревень, за то, какъ сказано въ одной лѣтописи, что Псковитяне, опасаясь Іоаннова гнѣва, не хотѣли принять къ себѣ ихъ Княгинь, бывшихъ въ Литвѣ (257).

Магистръ, испытавъ неудачу, распустилъ войско: сія оплошность дорого стоила бѣдной землѣ его. Свѣдавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Ордена, и не имѣя уже другихъ враговъ, Іоаннъ послалъ Воеводъ, Князей Ивана Булгака и Ярослава Оболенскаго, съ двадцатью тысячами на Ливонію, кромѣ особенныхъ полковъ Новогородскихъ, предводимыхъ Намѣстниками, Князем Василіемъ Ѳеодоровичемъ и Бояриномъ Иваномъ Зиновьевичемъ. Псковъ былъ мѣстомъ соединенія Россійскихъ силъ, достаточныхъ для завоеванія всей Ливоніи; но умѣренный Іоаннъ не хотѣлъ онаго, имѣя въ виду иныя, существеннѣйшія пріобрѣтенія: желалъ единственно вселить ужасъ въ Нѣмцевъ и тѣмъ на-долго успокоить наши сѣверо-
г. 1481. западные предѣлы. Въ исходѣ Февраля, 1481 году, рать Великокняжеская, конница и пѣхота, вступила въ Орденскія владѣнія и раздѣлилась на три части: одна пошла къ Маріенбургу, другая къ Дерпту, третья къ Вальку (258). Непріятель нигдѣ не смѣлъ явиться въ полѣ: Россіяне цѣлый мѣсяцъ дѣлали, что хотѣли въ землѣ его; жгли, грабили; взяли Феллинъ, Тарвастъ, множество людей, лошадей, колоколовъ, серебра, золота; захватили обозъ Магистра: едва и самъ Бернгардъ не попался имъ въ руки, бѣжавъ изъ Феллина за день до ихъ прихода. Нѣкоторые города откупались: Лѣтописецъ обвиняетъ корыстолюбіе Князей Булгака и Ярослава, тайно бравшихъ съ нихъ деньги (259). Всѣхъ болѣе потерпѣли Священники: Москвитяне ругались надъ ними, сѣкли ихъ и жгли, какъ сказано въ бумагахъ Орденскихъ (260): Дворянъ, купцевъ, земледѣльцевъ, женъ, дѣтей отправляли тысячами въ Россію и тяжелые обозы съ добычею. Весенняя распутица освободила наконецъ Ливонію: полки наши возвратились во Псковъ; а Бернгардъ, оплакивая судьбу Ордена, винилъ во всемъ Великаго Магистра Прусскаго, не давшаго ему помощи; другіе же обвиняли Епископа Дерптскаго, который, имѣя свое особенное войско, не хотѣлъ дѣйствовать совокупно съ Рыцарями (261). Но обстоятельства перемѣнились: Орденъ три вѣка боролся съ Новогородцами и Псковитянами, часто несогласными между собою: Единовластіе давало Россіи такую силу, что бытіе Ливоніи уже находилось въ опасности. — Въ 1483 г. 1482 —1483.
году Послы Іоанновы заключили въ Нарвѣ перемиріе съ Нѣмцами на 20 лѣтъ (262).

Съ Литвою не было ни войны, ни мира. Іоаннъ предлагалъ миръ, но требовалъ нашихъ городовъ и земель, коими завладѣлъ Витовтъ; а Король требовалъ Великихъ Лукъ и даже Новагорода (263). Литовскія дѣла. Съ обѣихъ сторонъ недоброжелательствовали другъ другу, стараясь вредить тайно и явно. Россія имѣла друзей въ Литвѣ между Князьями единовѣрными: трое изъ нихъ, Ольшанскій, Михаилъ Олельковичь и Ѳеодоръ Бѣльскій, правнуки славнаго Ольгерда, будучи недовольны Казимиромъ, замыслили поддаться Іоанну съ ихъ Удѣлами въ землѣ Сѣверской (264). Сіе намѣреніе открылось: Король велѣлъ схватить двухъ первыхъ; а Бѣльскій (въ 1482 году) ушелъ въ Москву, оставивъ въ Литвѣ юную супругу на другой день своей женитьбы. Такъ сказано о семъ происшествіи въ нашихъ лѣтописяхъ. Историкъ Польскій говоритъ слѣдующее: «Князья Сѣверскіе, пріѣхавъ въ Вильну, хотѣли видѣть Короля; но стражъ не позволилъ имъ войти во дворецъ, и дверью прихлопнулъ одному изъ нихъ ногу: Казимиръ осудилъ сего воина на смерть, однакожь не могъ укротить тѣмъ злобы Князей: считая себя несносно обиженными, и давно имѣя разныя досады на Правительство Литовское, къ нимъ неблагосклонное за иновѣріе, они поддалися Государю Московскому (265)». Іоаннъ, въ надеждѣ воспользоваться услугами Бѣльскаго, принялъ его съ отмѣнною милостію и далъ ему въ отчину городокъ Демонъ.

Казимиръ поставилъ 10,000 ратниковъ въ Смоленскѣ (266), однакожь не смѣлъ начать войны; ласково угостилъ въ Гроднѣ чиновниковъ Пскова и снисходительно удовлетворилъ всѣмъ ихъ требованіямъ въ спорныхъ дѣлахъ съ Литвою; между тѣмъ совѣтовалъ Ахма-

г. 1482—1488. товымъ сыновьямъ, Сеидъ-Ахмату и Муртозѣ, тревожить Россію, и старался отвлечь Хана Менгли-Гирея отъ нашего союза: въ чемъ едва было и не успѣлъ, подкупивъ Вельможу Крымскаго, Именека, который склонилъ Государя своего заключить (въ 1482 году) миръ съ Литвою. Но Іоаннъ разрушилъ сей замыслъ: Послы Великокняжескіе (267), Юрій Шестакъ и Михайло Кутузовъ, сильными представленіями заставили Менгли-Гирея снова объявить себя непріятелемъ Казимировымъ, такъ, что онъ въ 1482 году, осенью, со многочисленными конными толпами явился на берегахъ Днѣпра, взялъ Кіевъ, плѣнилъ тамошняго Воеводу, Ивана Ходковича, опустошилъ городъ, сжегъ монастырь Печерскій и прислалъ къ Великому Князю Дискосъ и Потиръ Софійскаго храма, вылитые изъ золота (268). Сей случай оскорбилъ православныхъ Москвитянъ, которые видѣли съ сожалѣніемъ, что Россія насылаетъ варваровъ на единовѣрныхъ, жечь и грабить святыя церкви, древнѣйшіе памятники нашего Христіанства; но Великій Князь, думая единственно о выгодахъ государственныхъ, изъявилъ благодарность Хану (269), убѣждая его и впредь ревностно исполнять условія ихъ союза. «Я съ своей стороны» — приказывалъ къ нему Іоаннъ — «не упускаю ни единаго случая дѣлать тебѣ угодное: содержу твоихъ братьевъ въ Россіи, Нордоулата и Айдара, съ немалымъ убыткомъ для казны моей.» Великій Князь въ самомъ дѣлѣ поступалъ какъ истинный, усердный другъ Менгли-Гиреевъ. Взаимная ненависть Хановъ Крымской и Золотой Орды не прекратилась смертію Ахмата, несмотря на то, что Султанъ Турецкій, правомъ верховнаго Мусульманскаго Властителя, запретилъ имъ воевать между собою (270). Скитаясь въ Донскихъ степяхъ съ особеннымъ своимъ Улусомъ, Царь Муртоза, при наступленіи жестокой зимы (въ 1485 году), искалъ убѣжища отъ голода въ окрестностяхъ Тавриды: Менгли-Гирей вооружился, плѣнилъ его, отослалъ въ Кафу и разбилъ еще Улусъ Князя Золотой Орды, Темира; но сей Князь въ слѣдующее лѣто, соединясь съ другимъ Ахматовымъ сыномъ (271), нечаянно напалъ на Тавриду — когда жители и воины ея занимались хлѣбопашествомъ — едва не схватилъ самого Менгли-Гирея, освободилъ Муртозу и съ добычею удалился въ степи. Великій Князь, свѣдавъ о томъ, немедленно отрядилъ войско на Улусы Ахматовыхъ сыновей и прислалъ къ Менгли-Гирею многихъ Крымскихъ плѣнниковъ, выручениыхъ Россіянами (272).

Ханъ Крымскій опустошилъ Кіевъ.

Сыновья Ахматовы воюютъ съ Крымскимъ Ханомъ.

Король Венгерскій Матеей въ дружбѣ съ Іоанномъ.

Въ Венгріи царствовалъ Матеей Корвинъ, сынъ славнаго Гуніада, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ. будучи непріятелемъ Казимира, онъ искалъ дружбы Государя Московскаго, и въ 1482 году прислалъ къ нему чиновника, именемъ Яна (273); а Великій Князь, принявъ его благосклонно, вмѣстѣ съ нимъ отправилъ къ Королю Дьяка Ѳедора Курицына, чтобы утвердить договоръ, заключенный въ Москвѣ между сими двумя Государствами, и размѣняться грамотами. Обѣ Державы условились вмѣстѣ воевать Королевство Польское въ удобное для того время. — Венгрія, бывъ нѣкогда въ частыхъ сношеніяхъ съ южною Россіею, уже около двухъ сотъ лѣтъ какъ бы не существовала для нашей Исторіи: Іоаннъ возобновилъ сію древнюю связь, которая могла распространить славу его имени въ Европѣ и способствовать нашему гражданскому образованію. Великій Князь требовалъ отъ Матеея, чтобы онъ доставилъ ему 1) художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ оныхъ; 2) *Размысловъ* или Инженеровъ; 3) серебрениковъ для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4) зодчихъ для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5) горныхъ мастеровъ, искусныхъ въ добываніи руды золотой и серебреной, также въ отдѣленіи металла отъ земли. «У насъ есть серебро и золото,» велѣлъ онъ сказать Королю: «но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи намъ, и тебѣ услужимъ всѣмъ, что находится въ моемъ Государствѣ (274).» — Дьякъ Курицынъ, возвращаясь въ Москву, былъ задержанъ Турками въ Бѣлѣгородѣ, но освобожденъ стараніемъ Короля и Менгли-Гирея. Новыя взаимныя Посольства, ласковыя письма и дары утверждали сію пріязнь. Іоаннъ (въ 1488 году) подарилъ Матеею чернаго соболя съ коваными золотыми ноготками, обсаженными крупнымъ Новогородскимъ жемчугомъ (275); въ знакъ особеннаго уваженія допускалъ къ себѣ Пословъ Венгерскихъ, изустно говорилъ съ ними, дозволялъ имъ садиться и самъ подавалъ кубокъ вина. Зная, что дружество Государей бываетъ основано на Политикѣ, онъ внимательно наблюдалъ Матееву и предписывалъ

г. 1462 —1468. своимъ Посламъ разв҃ѣдывать о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турціею, Римскимъ Императоромъ, съ Богеміею и съ Казимиромъ.

Въ сіе время явилась новая знаменитая Держава въ сосѣдствѣ съ Литвою и сдѣлалась предметомъ Іоанновой Политики. Мы говорили о началѣ Молдавскаго Княжества (276), управляемаго Воеводами, коихъ имена едва намъ извѣстны до самаго Стефана IV или Великаго, дерзнувшаго обнажить мечь на ужаснаго Магомета II, и славными побѣдами, одержанными имъ надъ многочисленными Турецкими воинствами, вписавшаго имя свое въ Исторію рѣдкихъ Героевъ: мужественный въ опасностяхъ, твердый въ бѣдствіяхъ, скромный въ счастіи, приписывая его только Богу, покровителю добродѣтели, онъ былъ удивленіемъ Государей и народовъ, съ малыми средствами творя великое. Вѣра Греческая, сходство въ обычаяхъ, употребленіе одного языка въ церковномъ служеніи и въ дѣлахъ государственныхъ, необыкновенный умъ обоихъ Властителей, Россійскаго и Молдавскаго, согласіе ихъ выгодъ и правилъ служили естественною связію между ими. Стефанъ, кромѣ Турковъ, опасался честолюбиваго Казимира и Менгли-Гирея: первый хотѣлъ, чтобы Молдавія зависѣла отъ Королевства Польскаго; вторый, будучи присяжникомъ Султана, угрожалъ ей нападеніемъ. Іоаннъ могъ содѣйствовать ея независимости и безопасности, обуздывая Короля страхомъ войны, а Менгли-Гирея дружественными представленіями, съ условіемъ, чтобы и Стефанъ, въ случаѣ нужды, помогалъ Россіи усердно. Сей *Воевода и Господарь* — такъ называетъ онъ себя въ своихъ грамотахъ (277) — противуборствуя насиліямъ Султановъ, утѣснителей Греціи, имѣлъ еще особенное право на дружество зятя Палеологовъ, который принялъ гербъ ихъ и съ нимъ обязательство быть врагомъ Магометовыхъ наслѣдниковъ.

Бракъ сына Іоаннова съ Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавскаго. Такимъ образомъ расположенные къ искреннему союзу, Іоаннъ и Стефанъ утвердили оный семейственнымъ: вторый предложилъ выдать дочь свою, Елену, за старшаго сына Іоаннова, избравъ въ посредницы мать Великаго Князя (278). Бояринъ Михайло Плещеевъ съ знатною дружиною въ 1482 году отправился за невѣстою въ Молдавію, гдѣ и совершилось обрученіе. Стефанъ отпустилъ дочь въ Россію съ своими Боярами: Лаикомъ, Синкомъ, Герасимомъ г. 1462 —1468. и съ женами ихъ. Она ѣхала черезъ Литву: Казимиръ не только далъ ей свободный путь, но и прислалъ дары въ знакъ учтивости (279). Прибывъ въ Москву послѣ Филиппова заговѣнья, Елена жила въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери Великаго Князя, и до свадьбы имѣла время познакомиться съ женихомъ. Ихъ обвѣнчали въ самый праздникъ Крещенія (280). Увидимъ, что Судьба не благословила сего союза.

Хитрою внѣшнею Политикою утверждая безопасность Государства, Іоаннъ возвеличилъ его внутри новымъ успѣхомъ Единовластія. Онъ уже покорилъ Новгородъ, взялъ Двинскую землю, завоевалъ Пермь отдаленную; но въ осмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное Княжество, Державу равнаго себѣ Государя, по крайней Завоеваніе Твери. мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженная Московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потопленіемъ. Князь Михаилъ Борисовичь, шуринъ Іоанновъ, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей Государь утвердилъ его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить тронъ или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, какъ то свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; но личная ненависть Казимирова къ Великому Князю, примѣръ бывшихъ Тверскихъ Владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ малодушныхъ, обратили Михаила къ Королю: будучи вдовцемъ (281), онъ вздумалъ жениться на его внукѣ (282), и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Дотолѣ Іоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая Тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покоѣ: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ, и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485 году). Сей Князь, затрепетавъ, спѣшилъ умилостивить Іоанна жертвами: отказался отъ имени *равнаго* ему брата, призналъ себя *младшимъ*, уступилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался всюду ходить съ нимъ на войну (283). Тверскій Епископъ былъ посредникомъ, и Великій Князь,

г. 1482—1490. желая обыкновенно казаться умѣреннымъ, долготерпѣливымъ, отсрочилъ гибель сей Державы. Въ мирной договорной грамотѣ, тогда написанной, сказано, что Михаилъ разрываетъ союзъ съ Королемъ и безъ вѣдома Іоаннова не долженъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній, ни съ сыновьями Шемяки, Князя Можайскаго, Боровскаго, ни съ другими Россійскими бѣглецами; что онъ клянется за себя и за дѣтей своихъ вовѣки не поддаваться Литвѣ; что Великій Князь обѣщаетъ не вступаться въ Тверь и проч. (284). Но сей договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ Тверской независимости: Іоаннъ въ умѣ своемъ рѣшилъ ея судьбу, какъ прежде Новогородскую; началъ тѣснить землю и подданныхъ Михаиловыхъ: если они чѣмъ нибудь досаждали Москвитянамъ, то онъ грозилъ и требовалъ ихъ казни; а если Москвитяне отнимали у нихъ собственность, и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имѣютъ защитника въ своемъ Государѣ, искали его въ Московскомъ: Князья Микулинскій и Дорогобужскій вступили въ службу Великаго Князя, который далъ первому въ помѣстье Дмитровъ, а второму Ярославль. Въ слѣдъ за ними пріѣхали и многіе Бояре Тверскіе (285). Что оставалось Михаилу? готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Іоанну письмо Михаилово къ Королю, достаточное свидѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо Князь Тверскій обѣщалъ не сноситься съ Литвою, а въ семъ письмѣ еще возбуждалъ Казимира противъ Іоанна. Несчастный Михаилъ отправилъ въ Москву Епископа и Князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Іоаннъ велѣлъ Намѣстнику Новогородскому, Боярину Якову Захарьевичу, итти со всѣми силами ко Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и братьями, выступилъ изъ Москвы 21 Августа со многочисленнымъ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Аристотелю); Сентября 8 осадилъ Михаилову столицу и зажегъ предмѣстіе. Чрезъ два дни явились къ нему всѣ тайные его доброжелатели Тверскіе, Князья и Бояре, оставивъ Государя своего въ несчастіи. Михаилъ видѣлъ необходимость или спасаться бѣгствомъ или отдаться въ руки Іоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Литву. Тогда Епископъ, Князь Михаилъ Холмскій съ другими Князьями, Боярами и земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрность къ ихъ законному Властителю, отворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему какъ общему Монарху Россіи. Великій Князь послалъ Бояръ своихъ и Дьяковъ взять присягу съ жителей; запретилъ воинамъ грабить; 15 Сентября въѣхалъ въ Тверь, слушалъ Литургію въ храмѣ Преображенія, и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе Княжество сыну, Іоанну Іоанновичу; оставилъ его тамъ, и возвратился въ Москву. Чрезъ нѣкоторое время онъ послалъ Бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей (286). г. 1482—1490.

Столь легко исчезло бытіе Тверской знаменитой Державы, которая отъ временъ Святаго Михаила Ярославича именовалась *Великимъ* Княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ Россіянамъ въ промышлености, славился мужествомъ и вѣрностію къ Государямъ. Князья Тверскіе имѣли до 40,000 коннаго войска; но будучи врагами Московскихъ, не хотѣли участвовать въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и тѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдствіи.* Михаилъ Борисовичь кончилъ дни свои изгнанникомъ въ Литвѣ, не оставивъ сыновей.

Іоаннъ извѣстилъ Матѳея, Короля Венгерскаго, о покореніи Твери, и велѣлъ сказать ему: « Я уже началъ воевать съ Казимиромъ, ибо Князь Тверскій его союзникъ. Намѣстники мои заняли разныя мѣста въ Литовскихъ предѣлахъ, и Ханъ Менгли-Гирей, исполняя мою волю, огнемъ и мечемъ опустошаетъ Казимировы владѣнія. И такъ помогай мнѣ, какъ мы условились (287)». Но Матѳей, отнявъ тогда у Императора знатную часть Австріи и Вѣну, хотѣлъ отдохновенія въ старости. « Душевно радуюсь » — писалъ онъ къ Великому Князю — « успѣхамъ твоего Единовластія въ Россіи. Я готовъ исполнить договоръ и вступить въ землю общаго врага нашего, когда узнаю, что ты всѣми силами противъ него дѣйствуешь. Ожидаю сей вѣсти. » Между тѣмъ, воз-

Г. 1482—1488. буждая другъ друга къ войнѣ Польской, они не начинали ее и занимались иными дѣлами.

Присоединеніе Верейскаго Удѣла къ Москвѣ. Князья Ростовскіе, Ярославскіе лишены правъ владѣтельныхъ.

Взявъ Тверь мечемъ, Іоаннъ грамотою присвоилъ себѣ Удѣлъ Верейскій. Единственный сынъ и наслѣдникъ Князя Михаила Андреевича, Василій, женатый на Гречанкѣ Маріи, Софіиной племянницѣ, долженъ былъ еще при жизни родителя выѣхать изъ отечества, бывъ виною раздора въ семействѣ Великокняжескомъ, какъ сказываетъ Лѣтописецъ (288). Іоаннъ, въ концѣ 1483 года обрадованный рожденіемъ внука, именемъ Димитрія (289), хотѣлъ подарить невѣсткѣ, Еленѣ, драгоцѣнное узорочье первой Княгини своей; узнавъ же, что Софія отдала его Маріи или мужу ея, Василію Михайловичу Верейскому, такъ разгнѣвался, что велѣлъ отнять у него все женнино приданное и грозилъ ему темницею. Василій въ досадѣ и страхѣ бѣжалъ съ супругою въ Литву; а Великій Князь, объявивъ его навѣки лишеннымъ отцевскаго наслѣдія, клятвенною грамотою обязалъ Михаила Андреевича не имѣть никакого сообщенія съ сыномъ измѣнникомъ, и города Ярославецъ, Бѣлоозеро, Верею по кончинѣ своей уступить ему, Государю Московскому, въ потомственное владѣніе (290). Михаилъ Андреевичь умеръ весною въ 1485 году (291), сдѣлавъ Великаго Князя наслѣдникомъ и душеприкащикомъ, не смѣвъ въ духовной ничего отказать сыну въ знакъ благословенія, ни иконы, ни креста, и моля единственно о томъ, чтобы Государь не пересуживалъ его судовъ (292).

Присоединяя Удѣлы къ Великому Княженію, Іоаннъ искоренялъ и всѣ остатки сей несчастной для Государства системы. Ярославль уже давно зависѣлъ отъ Москвы, но его Князья еще имѣли особенныя наслѣдственныя права, несогласныя съ Единовластіемъ: они добровольно уступили ихъ Государю. Половина Ростова еще называлась отчиною тамошнихъ Князей, Владиміра Андреевича, Ивана Ивановича, дѣтей ихъ и племянниковъ: они продали ее Великому Князю (293). — Симъ возстановилась цѣлость сѣверной Россійской Державы, какъ была оная при Андреѣ Боголюбскомъ или Всеволодѣ III. Усиленное сверхъ того подданствомъ Новагорода и всѣхъ его обширныхъ владѣній, также Удѣловъ Муромскаго и нѣкоторыхъ Черниговскихъ, Великое Княженіе Московское было уже достойно имени Государства. — Но Рязань еще сохраняла видъ Державы особенной: любя сестру свою, Княгиню Анну, Іоаннъ позволялъ супругу и сыновьямъ ея господствовать тамъ независимо. Зять его, Василій Ивановичь, преставился въ 1483 году, отказавъ большему сыну, Ивану, Великое Княженіе Рязанское, съ городами Переславлемъ, Ростиславлемъ и Пронскимъ, а Ѳеодору меньшему Перевитескъ и Старую Рязань съ третію доходовъ Переславскихъ. Сіи два брата жили мирно, слушаясь родительницы, которая брала себѣ четвертую часть изъ всѣхъ казенныхъ пошлинъ, и въ 1486 году заключили между собою договоръ (294), чтобы одному наслѣдовать послѣ другаго, если не будетъ у нихъ дѣтей, и чтобы никакимъ образомъ не отдавать своего Княжества въ иной родъ. Они боялись, кажется, чтобъ Государь Московскій не объявилъ себя ихъ наслѣдникомъ.

Г. 1482—1488. Происшествія Рязанскія.

Новый блестящій успѣхъ прославилъ оружіе Іоанново. Еще въ 1478 году Царь Казанскій, нарушивъ клятвенные обѣты, воевалъ зимою область Вятскую, приступалъ къ ея городамъ, опустошилъ села и вывелъ оттуда многихъ плѣнниковъ, будучи обманутъ ложною вѣстію, что Іоаннъ разбитъ Новогородцами и самъ-четвертъ ушелъ раненный въ Москву (295). Великій Князь отмстилъ ему весною: Устюжане и Вятчане выжгли селенія въ окрестностяхъ Камы; а Воевода Московскій, Василій Образецъ, на берегахъ Волги: онъ доходилъ изъ Нижняго до самой Казани и приступилъ къ городу; но страшная буря заставила его удалиться. Царь Ибрагимъ просилъ мира, заключилъ его и скоро умеръ (296), оставивъ многихъ дѣтей отъ разныхъ женъ. Казань сдѣлалась театромъ несогласія и мятежа чиновниковъ: одни хотѣли имѣть Царемъ Магметъ-Аминя, меньшаго Ибрагимова сына, коего мать, именемъ Нурсалтанъ, дочь Темирова, сочеталась вторымъ бракомъ съ Ханомъ Таврическимъ, Менгли-Гиреемъ (297); другіе держали сторону Алегама, старшаго сына, и съ помощію Ногаевъ возвели его на престолъ, къ неудовольствію Іоанна, который доброжелательствовалъ пасынку своего друга, Менгли-Гирея, зналъ ненависть Алегамову къ Россіи, и сверхъ того опасался тѣснаго союза Казани съ Ногаями. Юный Магметъ-Аминь пріѣхалъ въ Москву (298): Вели-

кій Князь далъ ему въ помѣстье Коширу и наблюдалъ всѣ движенія Алегамовы. Воеводы Московскіе стояли на границахъ; вступали иногда и въ Казанскую землю ([299]). Царь мирился; нелюбимый подданными, обѣщалъ быть намъ другомъ, обманывалъ и злодѣйствовалъ ([300]). Наконецъ Іоаннъ, видя непримиримую его злобу, въ Апрѣлѣ 1487 года послалъ Магметъ-Аминя и славнаго Даніила Холмскаго съ сильною ратію къ
г. 1487. Казани. Маія 18 Холмскій осадилъ ее: Іюля 9 взялъ городъ и Царя. Сію радостную вѣсть привезъ въ Москву Князь Θедоръ Ряполовскій ([301]): Іоаннъ велѣлъ пѣть молебны, звонить въ колокола, и съ умиленіемъ благодарилъ Небо, что Оно предало ему въ руки Мамутеково Царство, гдѣ отецъ его, Василій Темный, лилъ слезы въ неволѣ. Но мысль, совершенно овладѣть симъ древнимъ Болгарскимъ Царствомъ и присоединить оное къ Россіи, еще не представлялась ему или казалась неблагоразумною: народъ Вѣры Магометовой, духа ратнаго, безпокойнаго, не легко могъ быть обузданъ властію Государя Христіанскаго, и мы еще не имѣли всегдашняго, непремѣннаго войска, коему надлежало бы хранить страну завоеванную, обширную и многолюдную. Іоаннъ только назвался *Государемъ Болгаріи* ([302]), но далъ ей собственнаго Царя: Холмскій его именемъ возвелъ Магметъ-Аминя на престолъ, казнилъ нѣкоторыхъ знатныхъ Улановъ или Князей, и прислалъ Алегама въ Москву, гдѣ народъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ, видя Царя Татарскаго плѣнникомъ въ нашей столицѣ. Алегамъ съ двумя женами былъ сосланъ въ Вологду; а мать, братья и сестры его въ Карголомъ на Бѣлѣозерѣ.

Сношенія съ Ханомъ Крымскимъ. Іоаннъ немедленно увѣдомилъ о семъ счастливомъ происшествіи Менгли-Гирея, и въ особенности Царицу Нурсалтанъ, умную, честолюбивую, желая, чтобы она, изъ благодарности за ея сына, имъ возвеличеннаго, способствовала твердости союза между Россіею и Крымомъ ([303]). Сія искренняя, взаимная пріязнь не измѣнялась. Великій Князь увѣдомлялъ Менгли-Гирея о замыслахъ Хановъ Ординскихъ, о частыхъ ихъ сношеніяхъ съ Казиміромъ; и свѣдавъ, что они двинулись къ Тавридѣ, отрядилъ Козаковъ съ Нордоулатомъ, бывшимъ Царемъ Крымскимъ, на Улусы Золотой Орды; велѣлъ и Магмедъ-Аминю тревожить ее нападеніями ([304]); совѣтовалъ также Менгли-Гирею возбудить Ногаевъ г. 1487. противъ сыновей Ахматовыхъ. Сообщеніе между Тавридою и Россіею подвергалось крайнимъ затрудненіямъ, ибо Волжскіе Татары хватали въ степяхъ, кого встрѣчали, на берегахъ Оскола и Мерли: для того Іоаннъ предлагалъ Хану уставить новый путь черезъ Азовъ съ условіемъ, чтобы Турки освобождали Россіянъ отъ всякой пошлины. Сія безопасность пути нужна была не только для государственныхъ сношеній и купцевъ, но и для иноземныхъ художниковъ, вызываемыхъ Великимъ Княземъ изъ Италіи и ѣздившихъ въ Москву черезъ Кафу. Кромѣ обыкновенныхъ гонцевъ, отправлялись въ Тавриду и знаменитые Послы: въ 1486 году Семенъ Борисовичь, въ 1487 Бояринъ Димитрій Васильевичь Шеинъ ([305]), съ ласковыми грамотами и дарами, весьма умѣренными; на примѣръ, въ 1486 году Іоаннъ послалъ Царю три шубы — рысью, кунью и бѣличью — три соболя и корабельникъ, женѣ его и брату, Калгѣ Ямгурчею, по корабельнику, а дѣтямъ по червонцу. За то и самъ хотѣлъ даровъ: узнавъ, что Царица Нурсалтанъ достала славную Тохтамышеву жемчужину (которую, можетъ быть, сей Ханъ похитилъ въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ) онъ неотступно требовалъ ее въ письмахъ и наконецъ получилъ отъ Царицы. — Какъ истинный другъ Менгли-Гирея, Іоаннъ способствовалъ его союзу съ Королемъ Венгерскимъ, и не далъ ему сдѣлать важной политической ошибки. Сей случай достопамятенъ, показывая умъ Великаго Князя и простосердечіе Хана. Братья Менгли-Гиреевы, Айдаръ и Нордоулатъ, добровольно пріѣхавъ въ Россію, уже не имѣли свободы выѣхать оттуда. Ханъ Золотой Орды, Муртоза, желалъ переманить Нордоулата къ себѣ и (въ 1487 году) прислалъ своего чиновника въ Москву съ письмами къ нему и къ Великому Князю, говоря первому: «Братъ и другъ мой, сердцемъ праведный, величествомъ знаменитый, опора Бесерменскаго Царства! ты вѣдаешь, что мы дѣти единаго отца; предки наши, омраченные властолюбіемъ, возстали другъ на друга: не мало было зла и кровопролитія; но раздоры утихли: слѣды крови омылися млекомъ и пламень вражды погасъ отъ воды любовной. Братъ твой, Менгли-Гирей, снова возбудилъ междоусобіе: за что Господь наказалъ его столь многими

Посольство Муртозы, сына Ахматова, въ Москву.

г.1487. злодѣями. Ты, краса отечества, живешь среди невѣрныхъ: сего мы не можемъ видѣть спокойно, и шлемъ твоему величеству *тяжелый поклонъ съ легкимъ даромъ* чрезъ слугу, Шихъ-Баглулла: открой ему тайныя свои мысли. Хочешь ли оставить страну злочестія? Мы пишемъ о томъ къ *Ивану*. Гдѣ ни будешь, будь здравъ и люби наше братство (306).» Письмо къ Великому Князю содержало въ себѣ слѣдующее: «Муртозино слово Ивану. Знай, что Царь Нордоулатъ всегда любилъ меня: отпусти его, да возведу на Царство, свергнувъ моего злодѣя, Менгли-Гирея. Удержи въ залогъ жену и дѣтей Нордоулатовыхъ: когда онъ сядетъ на престолъ, тогда возметъ ихъ у тебя добромъ и любовію.» Великій Князь посмѣялся надъ гордостію Муртозы; задержавъ его Посла, извѣстилъ о томъ Менгли-Гирея, и прибавилъ, что Король Польскій тайно зоветъ къ себѣ другаго брата Ханскаго, Айдара. Но Менгли-Гирей, не весьма прозорливый, скучая множествомъ заботъ, самъ желалъ уступить Нордоулату половину трона, чтобы онъ, вмѣстѣ съ нимъ царствуя, своимъ умомъ и мужествомъ облегчилъ ему тягость власти. «Отправь его ко мнѣ,» писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну: «мы забудемъ прошедшее. Айдара же не боюсь: пусть идетъ, куда хочетъ.» Великій Князь отвѣтствовалъ, что не можетъ исполнить требованія столь неблагоразумнаго; что властолюбіе не знаетъ ни братства, ни благодарности; что Нордоулатъ, бывъ самъ Царемъ въ Тавридѣ, не удовольствуется частію власти, имѣя дарованія и многихъ единомышленниковъ; что долгъ пріязни есть остерегать пріятеля, и не соглашаться на то, что ему вредно (307). Сіи представленія образумили и, можетъ быть, спасли Менгли-Гирея.

Посольство Ногайское.

Несчастная судьба Алегама оскорбила Шибанскихъ и Ногайскихъ Владѣтелей, связанныхъ съ нимъ родствомъ: Царь Ивакъ, Мурзы Алачъ, Муса, Ямгурчей
г.1489. и жена его, прислали въ Москву грамоты, убѣждая въ нихъ Іоанна освободить сего плѣнника. Ивакъ писалъ къ Великому Князю: «Ты мнѣ братъ: я Государь Бесерменскій, а ты Христіанскій. Хочешь ли быть въ любви со мною? отпусти моего брата, Алегама. Какая тебѣ польза держать его въ неволѣ? Вспомни, что ты, заключая съ нимъ договоры, обѣщалъ ему доброжелательство и пріязнь.» Мурзы изъявляли въ своихъ письмахъ болѣе смиренія, говоря, что они шлютъ Великому Князю *тяжелые поклоны съ легкимъ даромъ*, и ждутъ отъ него милости; что отцы ихъ жили всегда въ любви съ Государями Московскими; что обстоятельства удаляли Юртъ Иваковъ отъ предѣловъ Россіи, но что сей Царь, побѣдивъ недруговъ, снова къ ней приближился и хочетъ Іоанновой дружбы. Послы Ногайскіе желали еще, чтобы купцы ихъ могли свободно пріѣзжать къ намъ и торговать вездѣ безъ пошлинъ. Государь велѣлъ объявить имъ слѣдующій отвѣтъ: «Алегама, обманщика и клятвопреступника, мною сверженнаго, не отпускаю; а другомъ вашимъ быть соглашаюсь, если Царь Ивакъ казнитъ разбойниковъ, людей Алегамовыхъ, которые у него живутъ и грабятъ землю мою и сына моего, Магмедъ-Аминя: если возвратитъ все похищенное ими и не будетъ впредь терпѣть подобныхъ злодѣйствъ.» Въ ожиданіи сего требуемаго удовлетворенія Іоаннъ задержалъ въ Москвѣ одного изъ Пословъ, отпустилъ другихъ, и велѣлъ, чтобы Ногайцы ѣздили въ Россію всегда чрезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою землею, какъ они пріѣхали (308). Сіи сношенія продолжались и въ слѣдующіе годы, представляя мало достопамятнаго для Исторіи. Видимъ только, что Орда Ногайская, кочуя на берегахъ Яика и близъ Тюменя, имѣла разныхъ Царей и сильныхъ Мурзъ или Князей Владѣтельныхъ; называясь ихъ другомъ, Іоаннъ говорилъ съ ними языкомъ повелителя; *дозволилъ* Князю Мусѣ, внуку Эдигееву и племяннику Темирову, выдать дочь свою за Магмедъ-Аминя, но не велѣлъ послѣднему выдавать сестры за сына Мурзы Ногайскаго, Ямгурчея, коего люди, вмѣстѣ съ жителями Астраханскими, грабили нашихъ рыболововъ на Волгѣ (309); не смотря на всѣ убѣдительныя прозьбы Ногайскихъ Владѣтелей, держалъ Алегама въ неволѣ, отвѣтствуя: «изъ уваженія къ вамъ даю ему всякую льготу;» посылалъ къ нимъ гонцевъ и дары, Ипрскія сукна, кречетовъ, рыбьи зубы, не забывая и женъ ихъ, которыя въ своихъ приписахъ именовались его *сестрами;* но, строго наблюдая пристойность въ Дворскихъ обрядахъ и различая Пословъ, Великій Князь изъяснялся съ Ногайскими единственно черезъ второстепенныхъ санов-

г. 1489. никовъ, Казначеевъ и Дьяковъ. Главною цѣлію Іоанновой Политики въ разсужденіи сего кочеваго народа было возбуждать его противъ Ахматовыхъ сыновей и не допускать до впаденія въ землю Казанскую, гдѣ Магмедъ-Аминь царствовалъ какъ присяжникъ и *данникъ* Россіи: ибо въ тогдашнихъ бумагахъ находимъ жалобу Магмедъ-Аминя на чиновника Московскаго, Өедора Киселева, который сверхъ обыкновенныхъ пошлинъ взялъ у жителей Цывильской области нѣсколько кадокъ меда, лошадей, куницъ, бобровъ, лисьихъ шкуръ и проч. ([310]).

Покореніе Вятки. Подчинивъ себѣ Казань, Государь утвердилъ власть свою надъ Вяткою. Въ то время, когда Холмскій дѣйствовалъ противъ Алегама, безпокойный ея народъ, не менѣе своихъ братьевъ, Новогородцевъ, привязанный къ древнимъ уставамъ вольности, изъявилъ непослушаніе, и выгналъ Намѣстника Великокняжескаго. Не смотря на многочисленность войска, бывшаго въ Казанскомъ походѣ, Іоаннъ имѣлъ еще иное въ готовности, и послалъ Воеводу, Юрія Шестака-Кутузова, смирить мятежниковъ; но Вятчане умѣли обольстить Кутузова: принявъ ихъ оправданіе, онъ возвратился съ миромъ ([311]). Великій Князь назначилъ другихъ Полководцевъ, Князя Даніила Щеню и Григорья Морозова, которые съ 60,000 воиновъ приступили къ Хлынову. Жители обѣщались повиноваться, платить дань и *служить службы* Великому Князю, но не хотѣли выдать главныхъ виновниковъ бунта: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова. Воеводы грозили огнемъ: велѣли окружить городъ плетнями, а плетни берестомъ и смолою. Оставалось нѣсколько минутъ на размышленіе: Вятчане представили Аникіева съ товарищами, коихъ немедленно послали окованныхъ къ Государю. Народъ присягнулъ въ вѣрности. Ему дали новый уставъ гражданскій, согласный съ Самодержавіемъ, и вывели оттуда всѣхъ нарочитыхъ земскихъ людей, гражданъ, купцевъ съ женами и дѣтьми въ Москву ([312]). Іоаннъ поселилъ земскихъ людей въ Боровскѣ и въ Кременцѣ, купцевъ въ Дмитровѣ, а трехъ виновнѣйшихъ мятежниковъ казнилъ: чѣмъ и пресѣклось бытіе сей достопамятной народной Державы, основанной выходцами Новогородскими, въ исходѣ втораго надесять вѣка ([313]), среди пустынь и лѣсовъ, гдѣ въ тишинѣ и неизвѣстности обитали г. 1489. Вотяки съ Черемисами. Долго Исторія молчала о Вяткѣ: малочисленный ея народъ, управляемый законами Демократіи, строилъ жилища и крѣпости, пахалъ землю, ловилъ звѣрей, отражалъ нападенія Вотяковъ, и мало по малу усиливаясь размноженіемъ людей, болѣе и болѣе успѣвая въ гражданскомъ хозяйствѣ, вытѣснилъ первобытныхъ жителей изъ мѣстъ привольныхъ, загналъ ихъ во глубину болотистыхъ лѣсовъ, овладѣлъ всею землею между Камою и Югомъ, устьемъ Вятки и Сысолою; началъ торговать съ Пермяками, Казанскими Болгарами, съ восточными Новогородскими и Великокняжескими областями; но еще не довольный выгодами купечества, благопріятствуемаго рѣками судоходными, сдѣлался ужасенъ своими дерзкими разбоями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ. Вологда, Устюгъ, Двинская земля опасались сихъ Русскихъ Норманов столько же, какъ и Болгарія: легкія вооруженныя суда ихъ непрестанно носились по Камѣ и Волгѣ. Въ исходѣ XIV вѣка уже часто упоминается въ лѣтописяхъ о Вяткѣ. Полководецъ Тохтамыша выжегъ ея города: сынъ Донскаго присвоилъ себѣ власть надъ оною, внукъ стѣснилъ тамъ вольность народную, правнукъ уничтожилъ навѣки. Воеводы Іоанновы вмѣстѣ съ Вяткою покорили и землю *Арскую* (гдѣ нынѣ городъ Арскъ); сія область древней Болгаріи имѣла своихъ Князей, взятыхъ тогда въ плѣнъ и приведенныхъ въ Москву: Государь отпустилъ ихъ назадъ, обязавъ клятвою подданства. Завоеваніе земли Арской.

Среди блестящихъ дѣяній государственныхъ, ознаменованныхъ мудростію и счастіемъ Вѣнценосца, онъ былъ пораженъ несчастіемъ семейственнымъ. Кончина Іоанна Младаго. г. 1490. Достойный наслѣдникъ Великаго Князя, Іоаннъ Младый, любимый отцемъ и народомъ, пылкій, мужественный въ опасностяхъ войны, въ 1490 году занемогъ ломотою въ ногахъ (что называли тогда *камчюгою* ([314]). За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сыновья Рала Палеолога, бывъ въ Италіи, привезли съ собою изъ Венеціи, вмѣстѣ съ разными художниками, лекаря, именемъ мистра Леона, родомъ Жидовина ([315]): онъ взялся вылечить больнаго, сказавъ Государю, что ручается за то своею головою. Іоаннъ повѣрилъ и велѣлъ ему лечить сына. Сей Медикъ, болѣе смѣлый, нежели искусный, жегъ больному ноги стеклян-

г. 1490. ми сосудами, наполненными горячею водою, и давалъ пить какое-то зеліе. Недугъ усилился: юный Князь долго страдавъ, къ неописанной скорби отца и подданныхъ скончался, имѣвъ отъ рожденія 32 года ([316]). Іоаннъ немедленно приказалъ заключить Мистра Леона въ темницу и черезъ шесть недѣль казнилъ всенародно на Болвановѣ за Москвою Казнь врача. рѣкою ([317]). Въ семъ, для насъ жестокомъ дѣлѣ народъ видѣлъ одну справедливость: ибо Леонъ обманулъ Государя и самъ себя обрекъ на казнь. Такую же участь имѣлъ въ 1485 году и другой врачь, Нѣмецъ Антонъ, лекарствами уморивъ Князя Татарскаго, сына Даніярова: онъ былъ выданъ роднымъ головою, и зарѣзанъ ножемъ подъ Москворѣцкимъ мостомъ, къ ужасу всѣхъ иноземцевъ, такъ, что и славный Аристотель хотѣлъ немедленно уѣхать изъ Россіи: Іоаннъ разгнѣвался и велѣлъ заключить его въ домѣ; но скоро простилъ ([318]).

Строгій въ наказаніи бѣдныхъ неискусныхъ врачей, сей Государь въ то же время изъявилъ похвальную умѣренность въ случаѣ важномъ для Вѣры, въ Соборъ на еретиковъ Жидовскихъ. расколѣ столь бѣдственномъ, по выраженію современника, Св. Іосифа Волоцкаго, что благочестивая земля Русская не видала подобнаго соблазна отъ вѣка Ольгина и Владимірова. Разскажемъ обстоятельства. Былъ въ Кіевѣ Жидъ именемъ Схарія, умомъ хитрый, языкомъ острый: въ 1470 году пріѣхавъ въ Новгородъ съ Княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, онъ умѣлъ обольстить тамъ двухъ Священниковъ, Діонисія и Алексія; увѣрилъ ихъ, что законъ Моисеевъ есть единый Божественный; что Исторія Спасителя выдумана; что Христосъ еще не родился; что не должно покланяться иконамъ, и проч. Завелась Жидовская ересь ([319]). Попъ Алексій назвалъ себя Авраамомъ, жену свою Сарррою, и развратилъ, вмѣстѣ съ Діонисіемъ, многихъ Духовныхъ и міранъ, между коими находился Протоіерей Софійской Церкви, Гавріилъ, и сынъ знатнаго Боярина, Григорій Михайловичь Тучинъ. Но трудно понять, чтобы Схарія могъ столь легко размножить число своихъ учениковъ Новогородскихъ, если бы мудрость его состояла единственно въ отверженіи Христіанства и въ прославленіи Жидовства: Св. Іосифъ Волоцкій даетъ ему имя *Астролога* и *чернокнижника:* и такъ вѣроятно, что Схарія обольщалъ Россіянъ Іудейскою Каббалою, наукою плѣнительною для невѣждъ любопытныхъ и славною въ XV г. 1490. вѣкѣ, когда многіе изъ самыхъ ученыхъ людей, (на примѣръ, Іоаннъ Пикъ Мирандольскій) искали въ ней разрѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ загадокъ для ума человѣческаго. Каббалисты хвалились древними преданіями, будто бы дошедшими до нихъ отъ Моисея; многіе увѣряли даже, что имѣютъ Книгу, полученную Адамомъ отъ Бога, и главный источникъ Соломоновой мудрости; что они знаютъ всѣ тайны Природы, могутъ изъяснять сновидѣнія, угадывать будущее, повелѣвать Духами; что сею наукою Моисей восторжествовалъ надъ Египетскими волхвами, Илія повелѣвалъ огнемъ небеснымъ, Даніилъ смыкалъ челюсти львамъ; что Ветхій Завѣтъ исполненъ хитрыхъ иносказаній, объясняемыхъ Каббалою; что она творитъ чудеса посредствомъ нѣкоторыхъ словъ Библіи, и проч. Не удивительно, если сіи внушенія произвели сильное дѣйствіе въ умахъ слабыхъ, и хитрый Жидъ, овладѣвъ ими, увѣрилъ ихъ и въ томъ, что Мессія еще не являлся въ мірѣ. — Внутренно отвергая святыню Христіанства, Новогородскіе еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными въ исполненіи всѣхъ обязанностей благочестія, такъ, что Великій Князь въ 1480 году взялъ Поповъ Алексія и Діонисія въ Москву, какъ Пастырей отличныхъ достоинствами: первый сдѣлался Протоіереемъ храма Успенскаго, а вторый Архангельскаго. Съ ними перешелъ туда и расколъ, оставивъ корень въ Новѣгородѣ. Алексій снискалъ особенную милость Государя, имѣлъ къ нему свободный доступъ, и тайнымъ своимъ ученіемъ прельстилъ Архимандрита Симоновскаго, Зосиму, Инока Захарію, Дьяка Великокняжескаго Ѳедора Курицына и другихъ. Самъ Государь, не подозрѣвая ереси, слыхалъ отъ него рѣчи двусмысленныя, таинственныя: въ чемъ послѣ каялся наединѣ Святому Іосифу, говоря, что и невѣстка его, Княгиня Елена, была вовлечена въ сей Жидовскій расколъ однимъ изъ учениковъ Алексіевыхъ, Иваномъ Максимовымъ ([320]). Между тѣмъ Алексій до конца жизни пользовался довѣренностію Государя, и всегда хваля ему Зосиму, своего единомышленника, былъ главною виною того, что Іоаннъ, по смерти Митрополита Геронтія, возвелъ сего Архи-

г. 1490. мандрита Симоновскаго (въ 1490 году) на степень Первосвятителя (321). «Мы увидѣли» — пишетъ Іосифъ — «чадо Сатаны на престолѣ Угодниковъ Божіихъ, Петра и Алексія; увидѣли хищнаго волка въ одеждѣ мирнаго пастыря. Тайный Жидовинъ еще скрывался подъ личиною Христіанскихъ добродѣтелей.

Наконецъ Архіепископъ Геннадій открылъ ересь въ Новѣгородѣ: собравъ всѣ объ ней извѣстія и доказательства, прислалъ дѣло на судъ Государю и Митрополиту вмѣстѣ съ виновными, большею частію Попами и Діаконами; онъ наименовалъ и Московскихъ ихъ единомышленниковъ, кромѣ Зосимы и Дьяка Ѳедора Курицына. Государь призвалъ Епископовъ, Тихона Ростовскаго, Нифонта Суздальскаго, Симеона Рязанскаго, Вассіана Тверскаго, Прохора Сарскаго, Филоѳея Пермскаго, также многихъ Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ, и велѣлъ Соборомъ изслѣдовать ересь (322). Митрополитъ предсѣдательствовалъ. Съ ужасомъ слушали Геннадіеву обвинительную грамоту: самъ Зосима казался изумленнымъ. Архіепископъ Новогородскій доносилъ, что сіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, *грызутъ оныя зубами,* повергаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству Небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и безмолвствуя при усердныхъ Христіанахъ, дерзостно развращаютъ слабыхъ. Призвали обвиняемыхъ: Инока Захарію, Новогородскаго Протопопа Гавріила, Священника Діонисія и другихъ (глава ихъ, Алексій, умеръ года за два до сего времени). Они во всемъ заперлися (323); но свидѣтельства, Новогородскія и Московскія, были не сомнительны. Нѣкоторые думали, что уличенныхъ надобно пытать и казнить; Великій Князь не захотѣлъ того, и Соборъ, дѣйствуя согласно съ его волею, проклялъ ересь, а безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе (324). Такое наказаніе по суровости вѣка и по важности разврата было весьма человѣколюбиво. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней лицемъ къ хвосту, въ одеждѣ выворoченной, въ шлемахъ берестовыхъ, острыхъ, какіе изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ и съ надписью: *се есть Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы г. 1490. въ улицу; народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Тѣ, которые хвалили сіе дѣйствіе какъ достойное ревности Христіанской, безъ сомнѣнія осуждали умѣренность Великаго Князя, не хотѣвшаго употребить ни меча, ни огня для истребленія ереси. Онъ думалъ, что клятва Церковная достаточна для отвращенія людей слабыхъ отъ подобныхъ заблужденій.

Но Зосима, не дерзнувъ на Соборѣ покровительствовать своихъ обличенныхъ тайныхъ друзей, остался въ душѣ еретикомъ; соблюдая наружную пристойность, скрытно вредилъ Христіанству, то изъясняя ложно Св. Писаніе, то будто бы съ удивленіемъ находя въ немъ противорѣчія; иногда же, въ порывѣ искренности, совершенно отвергая ученіе Евангельское, Апостольское, Святыхъ Отцевъ, говорилъ пріятелямъ: «что такое Царство Небесное? что второе пришествіе и воскресеніе мертвыхъ? кто умеръ, того нѣтъ, и не будетъ». Придворный Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ и многіе его сообщники также дѣйствовали во мракѣ; имѣли учениковъ; толковали имъ Астрологію, Іудейскую мудрость, ослабляя въ сердцахъ Вѣру истинную. Духъ суетнаго любопытства и сомнѣнія въ важнѣйшихъ истинахъ Христіанства обнаруживался въ домахъ и на торжищахъ: Иноки и свѣтскіе люди спорили о Естествѣ Спасителя, о Троицѣ, о святости иконъ, и проч. Всѣ зараженные ересію составляли между собою нѣкоторый родъ тайнаго общества, коего гнѣздо находилось въ палатахъ Митрополитовыхъ: тамъ они сходились умствовать и пировать. — Ревностные враги ихъ заблужденій были предметомъ гоненія: Зосима удалилъ отъ церкви многихъ Священниковъ и Діаконовъ, которые отличались усердіемъ къ православію и ненавистію къ Жидовскому расколу. «Не должно (говорилъ онъ) злобиться и на еретиковъ: Пастыри духовные да проповѣдуютъ только миръ!»

Такъ повѣствуетъ Св. Іосифъ, основатель и начальникъ монастыря Волоколамскаго, Историкъ, можетъ быть, не совсѣмъ безпристрастный: по крайней мѣрѣ смѣлый, неустрашимый противникъ ереси: ибо онъ еще во время Зосимина Первосвятительства дерзалъ об-

г. 1490. лишать ее, какъ то видимъ изъ письма его къ Суздальскому Епископу, Нифонту. «Сокрылись отъ насъ» — пишетъ Іосифъ — «отлетѣли ко Христу древніе орлы Вѣры, Святители добродѣтельные, коихъ гласъ возвѣщалъ истину въ саду Церкви, и которые истерзали бы когтями всякое око, не право зрящее на божественность Спасителя. Нынѣ шипитъ тамо змій пагубный, изрыгая хулу на Господа и Его Матерь (325).» Онъ заклинаетъ Нифонта очистить Церковь отъ неслыханнаго дотолѣ соблазна, открыть глаза Государю, свергнуть Зосиму: что и совершилось. Увѣрился ли Великій Князь въ расколѣ Митрополита, неизвѣстно; но въ 1494 году, безъ суда и безъ шума, велѣлъ ему какъ бы добровольно удалиться въ Симоновъ, а оттуда въ Троицкій монастырь, за то, какъ сказано въ лѣтописи, что сей Первосвятитель не радѣлъ о Церкви и любилъ вино (326). Благоразумный Іоаннъ не хотѣлъ, можетъ быть, соблазнить Россіянъ всенароднымъ осужденіемъ Архипастыря, имъ избраннаго, и для того не огласилъ его дѣйствительной вины.

Сверженіе Митрополита.

Преемникъ Зосимы въ Митрополіи былъ Игуменъ Троицкій, Симонъ. Здѣсь Лѣтописцы сообщаютъ намъ нѣкоторыя весьма любопытныя обстоятельства. Когда Владыки Россійскіе въ Великокняжеской Думѣ нарекли Симона достойнымъ Первосвятительства, Государь пошелъ съ нимъ изъ дворца въ церковь Успенія, провождаемый сыновьями, внукомъ, Епископами, всѣми Боярами и Дьяками. Поклонились иконамъ и гробамъ Святительскимъ; пѣли, читали молитвы и тропари. Іоаннъ взялъ будущаго Архипастыря за руку, и выходя изъ церкви, въ западныхъ дверяхъ *предалъ* Епископамъ, которые отвели его въ домъ Митрополитовъ. Тамъ, отпустивъ ихъ съ благословеніемъ, сей скромный мужъ обѣдалъ съ Иноками Троицкаго монастыря, съ своими Боярами и Дѣтьми Боярскими. Въ день посвященія онъ ѣхалъ на *осляти*, коего велъ знатный сановникъ Михайло Русалка. Совершились обряды, и новый Митрополитъ долженъ былъ итти на свое мѣсто. Вдругъ священнодѣйствіе

Избраніе новаго.

остановилось; пѣніе умолкло: взоры г. 1490. Духовенства и Вельможъ устремились на Іоанна. Государь выступилъ и громогласно сказалъ Митрополиту: «Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ Государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей великій престолъ Архіерейства руковозложеніемъ Архіепископовъ и Епископовъ нашего Царства. Воспріими жезлъ Пастырства; взыди на сѣдалище старѣйшинства во имя Господа Іисуса; моли Бога о насъ — и да подастъ тебѣ Господь здравіе со многоденствомъ». Тутъ хоръ пѣвчихъ возгласилъ *Исполлаэти Деспота*. Митрополитъ отвѣтствовалъ: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ мирно твое Богопоставленное Царство, Самодержавный Владыко! да будетъ оно многолѣтно и побѣдительно со всѣми повинующимися тебѣ Христолюбивыми воинствами и народами! Во вся дни живота твоего буди здравъ, творя добро, о Государь Самодержавный!» Пѣвчіе возгласили Іоанну многолѣтіе. — Великіе Князья всегда располагали Митрополіею, и нѣтъ примѣра въ нашей Исторіи, чтобы власть духовная спорила съ ними о семъ важномъ правѣ; но Іоаннъ хотѣлъ утвердить оное священнымъ обрядомъ: самъ указалъ Митрополиту престолъ, и торжественно дѣйствовалъ въ храмѣ: чего мы доселѣ не видали.

Къ успокоенію правовѣрныхъ, новый Митрополитъ ревностно старался искоренить Жидовскую ересь; еще ревностнѣе Іосифъ Волоцкій, который, имѣя доступъ къ Государю, требовалъ отъ него, чтобы онъ велѣлъ по всѣмъ городамъ искать и казнить еретиковъ. Великій Князь говорилъ, что надобно истреблять развратъ, но безъ казни, противной духу Христіанства; иногда, выводимый изъ терпѣнія, приказывалъ Іосифу умолкнуть; иногда обѣщалъ ему подумать (327), и не могъ рѣшиться на жестокія средства, такъ, что многіе дѣйствительные или мнимые еретики умерли спокойно; а знатный Дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ еще долго пользовался довѣренностію Государя и былъ употребляемъ въ дѣлахъ Посольскихъ (328).

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1491 — 1496.

Заключеніе Андрея, Іоаннова брата. Смерть его и Бориса Василіевича. Посольства Императора Римскаго и наши къ нему. Открытіе Печерскихъ рудниковъ. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ. Посольства въ Крымъ. Литовскія дѣла. Смерть Казимира: сынъ его, Александръ, на тронѣ Литовскомъ. Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы. Переговоры о мирѣ и сватовствѣ. Злоумышленіе на жизнь Іоаннову. Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра. Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою.

г. 1491—1493. Заключеніе Андрея, Іоаннова брата.

Обратимся къ государственнымъ происшествіямъ. — Великій Князь жилъ мирно съ братьями до кончины матери, Инокини Марѳы: она преставилась въ 1484 году (329), и съ того времени началось взаимное подозрѣніе между ими. Андрей и Борисъ не могли привыкнуть къ новому порядку вещей и досадовали на властолюбіе Іоанна, который, непрестанно усиливая Государство Московское, не давалъ имъ части въ своихъ пріобрѣтеніяхъ. Лишенные защиты и посредничества любимой, уважаемой родительницы, они боялись чтобы Великій Князь не отнялъ у нихъ и наслѣдственныхъ Удѣловъ. Іоаннъ также, зная сіе внутреннее расположеніе братьевъ, помня ихъ бѣгство въ Литву и наглыя злодѣйства въ предѣлахъ Россійскихъ, не имѣлъ къ нимъ ни довѣренности, ни любви; но соблюдалъ пристойность, не хотѣлъ быть явнымъ утѣснителемъ, и въ 1486 году обязался новою договорною грамотою не присвоивать себѣ ни Андреевыхъ, ни Борисовыхъ городовъ, требуя, чтобы сіи Князья не входили въ переговоры съ Казимиромъ, съ Тверскимъ изгнанникомъ Михаиломъ, съ Литовскими Панами, Новогородцами, Псковитянами, и немедленно сообщали ему всѣ ихъ письма (330). Слѣдственно Іоаннъ опасался тайной связи между братьями, Литвою и тѣми Россіянами, которые не любили Самодержавія: можетъ быть, и зналъ объ ней, желая прервать оную или въ противномъ случаѣ не оставить братьямъ уже никакого извиненія. Еще они съ обѣихъ сторонъ удерживались отъ явныхъ знаковъ взаимнаго недоброжелательства, когда Андрею Василіевичу сказали, что Великій Князь намѣренъ взять его подъ стражу: Андрей хотѣлъ бѣжать; одумался, и велѣлъ Московскому Бояряну, Ивану Юрьевичу, спросить у Государя, чѣмъ онъ заслужилъ гнѣвъ его? Бояринъ не дерзнулъ вмѣшаться въ дѣло столь опасное. Андрей самъ пришелъ къ брату, и хотѣлъ знать вину свою. Великій Князь изумился: ставилъ Небо во свидѣтеля, что не думалъ сдѣлать ему ни малѣйшаго зла, и требовалъ, чтобы онъ наименовалъ клеветника. Андрей сослался на своего Боярина, Образца: Образецъ на слугу Іоаннова, Мунта Татищева; а послѣдній признался, что сказалъ то единственно въ шутку. Государь, успокоивъ брата, далъ повелѣніе отрѣзать Татищеву языкъ: ходатайство Митрополитово спасло несчастнаго отъ сей казни; однакожь его высѣкли кнутомъ (331). Въ 1491 году Великій Князь посылалъ войско противъ Ординскихъ Царей, Сеидъ-Ахмута и Шигъ-Ахмета, которые хотѣли итти на Тавриду, но удалились отъ ея границъ, свѣдавъ, что Московская рать уже стоитъ на берегахъ Донца. Полководцы Іоанновы, Царевичь Салтаганъ, сынъ Нордоулатовъ, и Князья Оболенскіе, Петръ Никитичь и Рѣпня, возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго (332). Въ семъ походѣ долженствовали участвовать и братья Великаго Князя; но Андрей не прислалъ вспомогательной дружины къ Салтагану. Іоаннъ скрылъ свою досаду. Осенью, Сентября 19, пріѣхавъ изъ Углича въ Москву, Андрей былъ цѣлый вечеръ во дворцѣ у Великаго Князя. Они казались совершенными друзьями: бесѣдовали искренно и весело. На другой день Іоаннъ черезъ Дворецкаго, Князя Петра Шастунова, звалъ брата къ себѣ на обѣдъ, встрѣтилъ ласково, поговорилъ съ нимъ, и вышелъ въ другую комнату, отославъ Андреевыхъ Бояръ въ столовую *гридню*, гдѣ

г. 1491—1498. ихъ всѣхъ немедленно взяли подъ стражу. Въ то же время Князь Симеонъ Ивановичь Ряполовскій со многими иными Вельможами явился передъ Андреемъ, хотѣлъ говорить и не могъ ясно произнести ни одного слова, заливаясь слезами; наконецъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Государь Князь Андрей Василіевичь! поиманъ еси Богомъ, да Государемъ Великимъ Княземъ, Иваномъ Василіевичемъ, всея Руси, братомъ твоимъ старѣйшимъ.* Андрей всталъ и съ твердостію отвѣтствовалъ: «*воленъ Богъ, да Государь братъ мой; а Всевышній разсудитъ насъ въ томъ, что лишаюсь свободы безвинно.*» Андрея свели на Казенный дворъ, оковали цѣпями, и приставили къ нему многочисленную стражу, состоящую изъ Князей и Бояръ; двухъ его сыновей, Ивана и Димитрія, заключили въ Переславлѣ; дочерей оставили на свободѣ([333]): Удѣлъ же ихъ родителя присоединили къ Великому Княженію. Чтобы оправдать себя, Іоаннъ объявилъ Андрея измѣнникомъ: ибо сей Князь, нарушивъ клятвенный обѣтъ, замышлялъ возстать на Государя съ братьями Юріемъ, Борисомъ и съ Андреемъ Меньшимъ, переписывался съ Казимиромъ и съ Ахматомъ, наводя ихъ на Россію; вмѣстѣ съ Борисомъ уѣзжалъ въ Литву; наконецъ ослушался Великаго Князя и не посылалъ Воеводъ своихъ противъ Сеидъ-Ахмута ([334]). Только послѣдняя вина имѣла видъ справедливости: другія, какъ старыя, были заглажены миромъ въ 1479 году; или надлежало уличить Андрея, что онъ уже послѣ того писалъ къ Казимиру. Однимъ словомъ, Іоаннъ въ семъ случаѣ поступилъ жестоко, оправдываясь, какъ вѣроятно, въ собственныхъ глазахъ извѣстною строптивостію Андрея, государственною пользою, требующею безпрекословнаго Единовластія, и примѣромъ Ярослава I, который также заключилъ брата. — Государь тогда же потребовалъ къ себѣ и Бориса Василіевича: сей Князь съ ужасомъ и трепетомъ явился въ Московскомъ дворцѣ, но черезъ три дни былъ съ милостію отпущенъ назадъ въ Волокъ ([335]). Андрей въ 1493 году умеръ въ темницѣ, къ горести Великаго Князя, по увѣренію Лѣтописцевъ. Разсказываютъ, что онъ (въ 1498 году) призвавъ Митрополита и Епископовъ во дворецъ, встрѣтилъ ихъ съ лицемъ печальнымъ; безмолвствовалъ, заплакалъ

Смерть Андрея и Бориса Василіевича.

г. 1491—1498. и началъ смиренно каяться въ своей жестокости, бывъ виною жалостной, безвременной кончины брата. Митрополитъ и Епископы сидѣли: Государь стоялъ передъ ними и требовалъ прощенія. Они успокоили его совѣсть: отпустили ему грѣхъ, но съ пастырскимъ душеспасительнымъ увѣщаніемъ ([336]). — Борисъ Василіевичь также скоро преставился. Сыновья его, Θеодоръ и Иванъ, наслѣдовали достояніе родителя. Въ 1497 году они уступили Великому Князю Коломенскія и другія села, взявъ за нихъ Тверскія. Иванъ Борисовичь, умирая въ 1503 году, отказалъ Государю Рузу и половину Ржева, вмѣстѣ съ его *воинскою рухлядью*, доспѣхами и конями ([337]). Такъ въ Государствѣ Московскомъ исчезали всѣ особенныя наслѣдственныя власти, уступая Великокняжеской.

Между тѣмъ и внѣшнія политическія отношенія России болѣе и болѣе возвышали достоинство ея Монарха. Послы Ольгины находились въ Германіи, при Оттонѣ I, а Нѣмецкіе въ Кіевѣ около 1075 года; Изяславъ I и Владиміръ Галицкій искали покровительства Римскихъ Императоровъ; Генрикъ IV былъ женатъ на Княжнѣ Россійской, и Фридерикъ Барбарусса уважалъ Всеволода III ([338]): но съ того времени мы не имѣли сообщенія съ Имперіею, до 1486 года, когда знатный Рыцарь, именемъ Николай Поппель, пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ Фридерика III, безъ всякаго особеннаго порученія, единственно изъ любопытства. «Я видѣлъ» — говорилъ онъ — «всѣ земли Христіанскія и всѣхъ Королей: желаю узнать Россію и Великаго Князя ([339]).» Бояре ему не вѣрили и думали, что сей иноземецъ съ какимъ нибудь злымъ намѣреніемъ подосланъ Казимиромъ Литовскимъ; однакожь Поппель, удовлетворивъ своему любопытству, благополучно выѣхалъ изъ Россіи, и чрезъ два года возвратился въ качествѣ Посла Императорскаго съ новою грамотою отъ Фридерика и сына его, Короля Римскаго, Максимиліана, писанною въ Ульмѣ 26 Декабря, 1488 года. Принятый ласково, онъ въ первомъ свиданіи съ Московскими Боярами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, Даніиломъ Холмскимъ и Яковомъ Захарьевичемъ, говорилъ слѣдующее: «Выѣхавъ изъ Россіи, я нашелъ Императора и Князей Германскихъ въ Нюренбергѣ; бесѣдовалъ съ ними о странѣ вашей, о Великомъ Князѣ, и вывелъ ихъ изъ заблуж-

Посольства Императора Римскаго и нами къ нему.

г. 1489 —1490. денія: они думали, что Іоаннъ есть данникъ Казимировъ. *Нѣтъ,* сказалъ я: *Государь Московскій сильнѣе и богатѣе Польскаго; Держава его неизмѣрима, народы многочисленны, мудрость знаменита.* Однимъ словомъ, самый усерднѣйшій изъ слугъ Іоанновыхъ не могъ бы говорить объ немъ иначе, ревностнѣе и справедливѣе. Меня слушали съ удивленіемъ, особенно Императоръ, въ часъ обѣда ежедневно разговаривая со мною. Наконецъ сей Монархъ, желая быть союзникомъ Россіи, велѣлъ мнѣ ѣхать къ вамъ Посломъ со многочисленною дружиною. Еще ли не вѣрите истинѣ моего званія? За два года я казался здѣсь обманщикомъ, ибо имѣлъ съ собою только двухъ служителей. Пусть Великій Князь пошлетъ собственнаго чиновника къ моему Государю: тогда не останется ни малѣйшаго сомнѣнія.» Но Іоаннъ уже вѣрилъ Послу, который именемъ Фридериковымъ предложилъ ему выдать его дочь, Елену или Ѳеодосію, за Албрехта, Маркграфа Баденскаго, племянника Императорова, и желалъ видѣть невѣсту. Великій Князь отвѣтствовалъ ему черезъ Дьяка, Ѳедора Курицына, что вмѣстѣ съ нимъ отправится въ Германію Посолъ Россійскій, коему велѣно будетъ изъясниться о семъ съ Императоромъ, и что обычаи наши не дозволяютъ прежде времени показывать юныхъ дѣвицъ женихамъ или сватамъ. — Второе предложеніе Поппелево состояло въ томъ, чтобы Іоаннъ запретилъ Псковитянамъ вступаться въ земли Ливонскихъ Нѣмцевъ, подданныхъ Имперіи. Государь велѣлъ отвѣтствовать, что Псковитяне владѣютъ только собственными ихъ землями и не вступаются въ чужія.

Весьма достопамятна третія аудіенція, данная Послу Фридерикову въ *набережныхъ сѣняхъ*, гдѣ самъ Великій Князь слушалъ его, отступивъ нѣсколько шаговъ отъ своихъ Бояръ. «Молю о скромности и тайнѣ,» сказалъ Поппель: «ежели непріятели твои, Ляхи и Богемцы, узнаютъ, о чемъ я говорить намѣренъ: то жизнь моя будетъ въ опасности. Мы слышали, что ты, Государь, требовалъ себѣ отъ Папы *Королевскаго* достоинства; но знай, что не Папа, а только Императоръ жалуетъ въ Короли, въ Принцы и въ Рыцари. Если желаешь быть Королемъ, то предлагаю тебѣ свои услуги. Надлежитъ единственно скрыть сіе дѣло отъ Монарха Польскаго, который боится, чтобы ты, сдѣлавшись ему равнымъ Государемъ, не отнялъ у него древнихъ земель Россійскихъ.» Отвѣтъ Іоанновъ изображаетъ благородную, истинно царскую гордость. Бояре сказали Послу такъ: «Государь, Великій Князь, Божіею милостію наслѣдовалъ Державу Русскую отъ своихъ предковъ, и *поставленіе* имѣетъ отъ Бога, и молитъ Бога, да сохранитъ оную ему и дѣтямъ его вовѣки; а поставленія отъ иной власти никогда не хотѣлъ и не хочетъ (340)». Поппель не смѣлъ болѣе говорить о томъ, и вторично обратился къ сватовству. «Великій Князь» — сказалъ онъ — «имѣетъ двухъ дочерей: если не благоволитъ выдать никоторой за Маркграфа Баденскаго, то Императоръ представляетъ ему въ женихи одного изъ Саксонскихъ знаменитыхъ Принцевъ, сыновей его племянника (Курфирста Фридерика); а другая Княжна Россійская можетъ быть супругою Сигизмунда, Маркграфа Бранденбургскаго, коего старшій братъ есть зять Короля Польскаго.» На сіе не было отвѣта, и Поппель скоро отправился изъ Москвы въ Данію чрезъ Швецію, для какого-то особеннаго Императорскаго дѣла: Государь же послалъ въ Нѣмецкую землю Грека, именемъ Юрія Траханіота, или Трахонита, выѣхавшаго къ намъ съ Великою Княгинею, Софіею, давъ ему слѣдующее наставленіе:

I. Явить Императору и сыну его, Римскому Королю Максимиліану, вѣрющую Посольскую грамоту (341). Увѣрить ихъ въ искренней пріязни Іоанновой. — II. Условиться о взаимныхъ дружественныхъ Посольствахъ и свободномъ сообщеніи обѣихъ Державъ. — III. Ежели спросятъ, намѣренъ ли Великій Князь выдать свою дочь за Маркграфа Баденскаго? то отвѣтствовать, что сей союзъ не пристоенъ для знаменитости и силы Государя Россійскаго, брата древнихъ Царей Греческихъ, которые, переселясь въ Византію, уступили Римъ Папамъ. Но буде Императоръ пожелаетъ сватать нашу Княжну за сына своего, Короля Максимиліана: то ему не отказывать, и дать надежду. — IV. Искать въ Германіи и принять въ службу Россійскую полезныхъ художниковъ, горныхъ мастеровъ, Архитекторовъ и проч.» На издержки дано было ему 80 соболей и 3000 бѣлокъ (342). Іоаннъ написалъ съ

г. 1484 —1493. нишъ дружественныя грамоты къ Бургомистрамъ Нарвскому, Ревельскому и Любекскому.

Траханіотъ поѣхалъ (22 Марта) изъ Москвы въ Ревель, оттуда въ Любекъ и Франкфуртъ, гдѣ былъ представленъ Римскому Королю Максимиліану, говорилъ ему рѣчь на языкѣ Ломбардскомъ и вручилъ дары Великокняжескіе, 40 соболей, шубы горностаевую и бѣличью. Докторъ, Георгъ Торнъ, именемъ Максимиліана отвѣчалъ Послу на томъ же языкѣ, изъявляя благодарность и пріязнь сего Вѣнценосца къ Государю Московскому ([343]). Посла осыпали въ Германіи ласками и привѣтствіями. Король Римскій, встрѣчая его, сходилъ обыкновенно съ трона и сажалъ подлѣ себя; то же дѣлалъ и самъ Императоръ. Они стоя подавали ему руку въ знакъ уваженія къ Великому Князю ([344]). Болѣе ничего не знаемъ о переговорахъ Траханіота, который возвратился въ Москву 16 Іюля, 1490 года, съ новымъ Посломъ Максимиліановымъ, Георгомъ Делаторомъ ([345]). Не за-долго до того времени умеръ славный Король Матѳей, и Паны Венгерскіе соглашались избрать на его мѣсто Казимирова сына, Владислава, Государя Богемскаго, въ досаду Максимиліану, считавшему себя законнымъ наслѣдникомъ Матѳеевымъ. Сіе обстоятельство соединяло Австрійскую Политику съ нашею: Максимиліанъ хотѣлъ завоевать Венгрію, Іоаннъ южную Литовскую Россію: они признавали Казимира общимъ врагомъ, и Делаторъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе успѣть въ государственномъ дѣлѣ, объявилъ желаніе Римскаго Короля (тогда вдоваго) быть Іоанну зятемъ: хотѣлъ видѣть юную Княжну и спрашивалъ о цѣнѣ ея приданаго. Отвѣтъ состоялъ въ учтивомъ отказѣ: Послу изъяснили наши обычаи. Какой стыдъ для отца и невѣсты, если бы сватъ отвергнулъ ее! Могъ ли знаменитый Государь съ безпокойствомъ и страхомъ ждать, что слуга иноземнаго Властителя скажетъ объ его дочери? Изъяснили также Делатору, что Вѣнценосцамъ не прилично торговаться въ приданомъ; что Великій Князь безъ сомнѣнія назначитъ его по достоинству жениха и невѣсты, но уже послѣ брака; что надобно согласиться прежде въ дѣлѣ важнѣйшемъ, а именно въ томъ, чтобы Княжна Россійская, если будетъ супругою Максимиліана, не перемѣняла Вѣры, имѣла у себя церковь Греческую и Священниковъ. Для послѣдняго Великій Князь требовалъ увѣрительной записи; но Делаторъ сказалъ, что онъ для сего не уполномоченъ. И такъ перестали говорить о бракѣ. г. 1484 —1493.

Однакожь союзъ государственный заключился, и написали договоръ слѣдующаго содержанія:

«По волѣ Божіей и нашей любви мы Іоаннъ, Божіею милостію Государь всея Русіи, Владимірскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Югорскій, Вятскій, Пермскій, Болгарскій (то есть, Казанскій) и проч. условились съ своимъ братомъ, Максимиліаномъ, Королемъ Римскимъ и Княземъ Австрійскимъ, Бургонскимъ, Лотарингскимъ, Стирскимъ, Каринтійскимъ и проч. быть въ вѣчной любви и согласіи, чтобы помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ. Если Король Польскій и дѣти его будутъ воевать съ тобою, братомъ моимъ, за Венгрію, твою отчину: то извѣсти насъ, и поможемъ тебѣ усердно, безъ обмана. Если же и мы начнемъ *добывать* Великаго Княженія Кіевскаго и другихъ земель Русскихъ, коими владѣетъ Литва: то увѣдомимъ тебя, и поможешь намъ усердно, безъ обмана. Если и не успѣемъ обослаться, но узнаемъ, что война началася съ твоей или моей стороны: то обязываемся немедленно итти другъ ко другу на помощь. — Послы и купцы наши да ѣздятъ свободно изъ одной земли въ другую. На семъ цѣлую крестъ къ тебѣ, моему брату... Въ Москвѣ, въ лѣто 6998 (1490), Августа 16 ([346]).»

Сей первый договоръ съ Австріею, написанный на хартіи, былъ скрѣпленъ золотою Великокняжескою печатію. Делаторъ, видѣвъ супругу Іоаннову, Софію ([347]), поднесъ ей въ даръ отъ Максимиліана сѣрое сукно и попугая; а Государь, пожаловавъ его въ *Золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя *острогн* или шпоры, какъ бы въ знакъ Рыцарскаго достоинства ([348]). Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы Августа 19, вмѣстѣ съ нашими Послами, Траханіотомъ и Дьякомъ Васильемъ Кулешинымъ. Наказъ, имъ данный, состоялъ въ слѣдующемъ: 1) «Вручить Максимиліану договорную Іоаннову грамоту и присягнуть въ вѣрномъ исполненіи условій. 2) Взять съ него такую же, писанную языкомъ Славянскимъ; а буде напишутъ оную по-Нѣмецки или по-Латини ([349]), то изъ-

г. 1491—1505. яснить, что обязательство Великаго Князя не имѣетъ силы, ежели въ грамотѣ будутъ отмѣны противъ Русской» (ибо Траханіотъ и Кулешинъ не знали сихъ двухъ языковъ). 3) «Максимиліанъ долженъ утвердить союзъ цѣлованіемъ креста передъ нашими Послами. 4) Объявить Королю согласіе Іоанново выдать за него дочь, съ условіемъ, чтобы она не перемѣняла Закона. 5) Сказать ему, что Посламъ его и Московскимъ лучше ѣздить впредь чрезъ Данію и Швецію, для избѣжанія непріятностей, какія могутъ имъ встрѣтиться въ Польскихъ Владѣніяхъ. 6) Требовать, чтобы онъ далъ Великому Князю лекаря искуснаго въ цѣленіи внутреннихъ болѣзней и ранъ. 7) Привѣтствовать единственно Короля Римскаго, а не Императора: ибо Делаторъ, будучи въ Москвѣ, не сказалъ Великому Князю ни слова отъ Фридерика.» Не смотря на государственную важность заключаемаго съ Австріею союза, Іоаннъ, какъ видимъ, строго наблюдалъ достоинство Россійскаго Монарха, и въ сіе же время отослалъ изъ Москвы безъ отвѣта слугу Поппелева, который пріѣзжалъ въ Россію за живыми лосями для Императора, но съ письмомъ не довольно учтивымъ отъ господина своего. Не взявъ даровъ Поппелевыхъ, богатаго мониста съ ожерельемъ, Великій Князь милостиво принялъ отъ его слуги двѣ обьяри, и далъ ему за то 120 соболей, цѣною въ 30 червонцевъ (350).

Траханіотъ и Кулешевъ писали къ Государю изъ Любека, что Король Датскій и Князья Нѣмецкіе, свѣдавъ объ ихъ прибытіи въ Германію, и желая добра Казимиру, замышляли сдѣлать имъ остановку въ пути; что Посолъ Максимиліановъ ѣдетъ вмѣстѣ съ ними и возметъ мѣры для ихъ безопасности; что Римскій Король уже завоевалъ многія мѣста въ Венгріи. Они наѣхали Максимиліана въ Нюренбергѣ, вручили ему дары отъ Іоанна и Великой Княгини (80 соболей, камку и птицу кречета); явили письменный договоръ, имъ одобренный и клятвенно утвержденный, но не упоминали о сватовствѣ, ибо слышали, что Максимиліанъ, долго не имѣвъ отвѣта отъ Великаго Князя, въ угожденіе своему отцу помолвилъ на Княжнѣ Бретанской. Пробывъ тамъ отъ 22 Марта до 23 Іюня (1491 года), Послы Іоанновы возвратились въ Москву Августа 30 съ Максимиліановою союзною грамотою, которую Великій Князь приказалъ отдать въ хранилище государственное (351). г. 1491—1505.

Въ слѣдъ за ними Король Римскій вторично прислалъ Делатора, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ клятвеннаго Іоаннова обѣта исполнять заключенный договоръ. Государь сдѣлалъ тоже, что Максимиліанъ: цѣловалъ крестъ передъ его Посломъ. Изъявивъ совершенное удовольствіе и благодарность Короля, Делаторъ молилъ Великаго Князя не досадовать за помолвку его на Принцессѣ Бретанской, и разсказалъ длинную исторію въ оправданіе сего поступка. «Король Римскій» — говорилъ онъ — «весьма желалъ чести быть зятемъ Великаго Князя; но Богъ не захотѣлъ того. Разнесся въ Германіи слухъ, что я и Послы Московскіе, въ 1490 году отплывъ на двадцати четырехъ кораблях изъ Любека, утонули въ морѣ. Государь нашъ думалъ, что Іоаннъ не свѣдалъ о его намѣреніи вступить въ бракъ съ Княжною Россійскою. Дальнее разстояніе не дозволяло отправить новаго Посольства, и согласіе Великаго Князя было еще не вѣрно. Между тѣмъ время текло. Князья Нѣмецкіе требовали отъ Императора, чтобы онъ женилъ сына и предложили въ невѣсты Анну Бретанскую. Фридерикъ убѣдилъ Максимиліана принять ея руку. Когда же Государь нашъ узналъ, что мы живы, и что Княжна Россійская могла быть его супругою: то искренно огорчился, и донынѣ жалѣетъ о невѣстѣ столь знаменитой.» Сія справедливая или выдуманная повѣсть удовлетворила Іоанновой чести: онъ не изъявилъ ни малѣйшей досады, и не отвѣчалъ Послу ни слова. Делаторъ, какъ бы въ знакъ особенной, неограниченной къ нему довѣренности Максимиліановой, извѣстилъ Великаго Князя о тайныхъ видахъ Австрійской Политики. Долговременная война Нѣмецкаго Ордена съ Польшею рѣшилась (въ 1466 году) совершенною зависимостію перваго отъ Казимира, такъ, что Великій Магистръ Лудвигъ назвалъ себя его присяжникомъ, и Рыцарство, нѣкогда Державное, стенало подъ игомъ чужеземной власти. Максимиліанъ тайно возбуждалъ Орденъ свергнуть сіе иго и снова прибѣгнуть къ оружію; но Магистры Нѣмецкій и Ливонскій требовали отъ него, чтобы онъ прежде доставилъ имъ важное покровительство Монарха Россійскаго, сильнаго

Г. 1491—1492. и древняго. Делаторъ убѣждалъ Великаго Князя послать Московскаго чиновника въ Ливонію для переговоровъ, дать ея Рыцарямъ вѣчный миръ, не тѣснить ихъ и *взять Орденъ въ его милостивое соблюденіе.* — Столь же усердно ходатайствовалъ Посолъ за Швецію. Государственный ея Правитель, Стенъ-Стуръ, находился въ дружественной связи съ Максимиліаномъ, и жаловался ему на обиды Россіянъ, которые въ 1490 году ужаснымъ образомъ свирѣпствовали въ Остерботнѣ: жгли, рѣзали, мучили жителей, присвоивая себѣ господство надъ Финляндіею (352). Делаторъ молилъ Іоанна оставить сію несчастную землю въ покоѣ. Наконецъ предлагалъ, чтобы Московскіе Послы ѣздили въ Имперію чрезъ Мекленбургъ и Любекъ, а не чрезъ Данію, гдѣ въ разсужденіи ихъ не соблюдаются уставы чести и гостепріимства: ибо Король держитъ сторону Казимирову. — Замѣтимъ, что Посолъ Максимиліановъ въ своихъ аудіенціяхъ именовалъ Великаго Князя *Царемъ;* такъ и наши Послы называли Іоанна въ Германіи: Нѣмцы же въ переводѣ дипломатическихъ бумагъ употребляли имя Кайсеръ, Imperator, вмѣсто Царя (353).

Отвѣтъ Великаго Князя, сообщенный Послу Казначеемъ Дмитріемъ Владиміровичемъ и Дьякомъ Ѳеодоромъ Курицынымъ, былъ такой: «Я заключилъ искренній союзъ съ моимъ братомъ Максимиліаномъ; хотѣлъ помогать ему всѣми силами въ завоеваніи Венгріи, и готовился самъ сѣсть на коня; но слышу, что Владиславъ, сынъ Казимировъ, объявленъ тамъ Королемъ, и что Максимиліанъ съ нимъ примирился: слѣдственно мнѣ теперь нечего дѣлать. Однакожь вмѣстѣ съ тобою отправлю къ нему Пословъ. Не измѣню клятвѣ. Если братъ мой рѣшится воевать, то иду немедленно на Казимира и сыновей его, Владислава и Албрехта. Въ угодность Максимиліану буду посредникомъ его союза съ Господаремъ Молдавскимъ Стефаномъ. Что касается до Магистровъ Прусскаго и Ливонскаго, то я готовъ взять ихъ въ мое храненіе. Послѣдній желаетъ условиться о мирѣ съ моими особенными Послами и вмѣсто *челобитья* писать въ договорахъ *моленіе*; но да будетъ все по старому. Прежде онъ *билъ челомъ* вольному Новугороду: нынѣ да имѣетъ дѣло съ тамошними моими Намѣстниками, людьми знатными.» — О Швеціи не было слова въ отвѣтѣ. Г. 1491—1492.

Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12 Апрѣля, 1492 года (354), съ Великокняжескимъ Приставомъ, коему надлежало довольствовать его всѣмъ нужнымъ до самой границы. Такъ обыкновенно бывало: Приставы встрѣчали и провожали Пословъ. Маія 6 снова отправился Траханіотъ съ Дьякомъ Михайломъ Яропкинымъ въ Германію. Ему велѣно было именемъ Іоанновымъ *спросить Максиміліана о здравіи, но не править поклона:* ибо Делаторъ въ первой аудіенціи не кланялся ни Великому Князю, ни супругѣ его отъ своего Короля, а спрашивалъ только о здравіи (355). Наказъ сего Посольства былъ слѣдующій:

«Объявить Максимиліану, что Великій Князь, вступивъ съ нимъ въ союзъ, желалъ вѣрно исполнять условія, и для того не хотѣлъ говорить о мирѣ съ Посломъ Литовскимъ, бывшимъ въ Москвѣ: слѣдственно и Король Римскій не долженъ мириться съ Богеміею и Польшею безъ Іоанна, который готовъ, въ случаѣ его вѣрности, дѣйствовать съ нимъ за-одно всѣми силами, ему Богомъ данными. — Если онъ заключилъ миръ съ Владиславомъ, то развѣдать о тайныхъ причинахъ онаго. Узнать всѣ обстоятельства и виды Австрійской Политики: имѣетъ ли Максимиліанъ сильныхъ доброжелателей въ Венгріи, и кого именно? не для того ли уступаетъ оную Владиславу, чтобы воевать съ Государемъ Французскимъ, который, по слуху отнимаетъ у него невѣсту, Анну Бретанскую? — Ежели бракъ Римскаго Короля не состоялся, то искуснымъ образомъ внушить ему, что Великій Князь, можетъ быть, не отринетъ его вторичнаго сватовства, когда Императоръ и Максимиліанъ пришлютъ къ нему убѣдительную грамоту съ *человѣкомъ добрымъ»* (то есть, знатнымъ). «Въ такомъ случаѣ изъясниться о Вѣрѣ Греческой, о церкви и Священникахъ. А буде Король женится на Принцессѣ Бретанской, то говорить о сынѣ его, Филиппѣ, или о Саксонскомъ Курфирстѣ Фридерикѣ. Навѣдаться также о пристойныхъ невѣстахъ для сына Государева, Василія, изъ дочерей Королевскихъ, и проч.; но соблюдать благоразумную осторожность, чтобы не повредить Государевой чести. — Заѣхать къ Саксонскому Курфирсту, поднести ему

г. [illegible] въ даръ 40 соболей и сказать: Великій Князь благодаритъ тебя за охраненіе его Пословъ въ землѣ твоей: и впредь охраняй ихъ, равномѣрно и тѣхъ, которые ѣздятъ къ намъ изъ *странъ Италійскихъ*. Дозволяй художникамъ, твоимъ подданнымъ, переселяться въ Россію: за что Великій Князь готовъ служить тебѣ всѣмъ, чѣмъ изобилуетъ земля его.»

Послы наши имѣли письма къ Герцогу Мекленбургскому, къ Бургомистрамъ и Ратманамъ городовъ Нѣмецкихъ, о свободномъ ихъ пропускѣ: въ Нарвѣ и въ Ревелѣ они должны были вручить сіи грамоты *сидя*. — Донесенія, писанныя ими къ Государю въ пути, любопытны своею подробностію, вмѣщая въ себѣ извѣстія не только о главныхъ дѣлахъ Европейской Политики, но и купеческія: на примѣръ, о дороговизнѣ хлѣба во Фландріи, гдѣ ластъ ржи стоилъ тогда 100 червонцевъ ([356]). Описывая войну Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, Траханіотъ и Яропкинъ говорятъ о союзѣ перваго съ Англіею, Шотландіею, Испаніею, Португалліею и со всѣми Князьями Нѣмецкими; о мирѣ его съ Владиславомъ, который обязался ему заплатить за Венгрію 100,000 червонцевъ, объявивъ Максимиліана послѣ себя наслѣдникомъ; увѣдомляютъ также о походѣ Султанскаго войска въ Сервію; однимъ словомъ, представляютъ всѣ движенія Европы очамъ любопытнаго Іоанна, который хотѣлъ быть самъ однимъ изъ ея великихъ Монарховъ.

Приплывъ на кораблѣ изъ Ревеля въ Германію, Траханіотъ и Яропкинъ жили нѣсколько мѣсяцевъ въ Любекѣ — не зная, куда ѣхать къ Максимиліану, занятому тогда Французскою войною — и для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ими получаемыхъ, приняли въ Государеву службу тамошняго славнаго *книгопечатника*, Варѳоломея, который далъ имъ клятву таить содержаніе оныхъ. Они нашли Максимиліана въ Кольмарѣ, гдѣ и были отъ 15 Генваря до 23 Марта. Политика его уже перемѣнилась: сей Государь, довольный условіями заключеннаго съ Владиславомъ мира, не думалъ болѣе о сѣверномъ союзѣ, употребляя всѣ усилія противъ Франціи. Послы наши — не сдѣлавъ, кажется, ничего — возвратились въ Москву въ Іюлѣ 1493 года ([357]).

Такимъ образомъ прекратились на сей разъ сношенія Великокняжескаго Двора съ Имперіею, хотя и не имѣвъ важныхъ государственныхъ слѣдствій, однакожь удовлетворивъ честолюбію Іоанна, который поставилъ себя въ оныхъ на-равнѣ съ первымъ Монархомъ Европы. — Связь съ Германіею доставила намъ и другую существенную выгоду. Новое велелѣпіе Двора Московскаго, новыя Кремлевскія зданія, сильныя ополченія, Посольства, дары, требовали издержекъ, которыя истощали казну болѣе, нежели прежняя дань Ханская. Доселѣ мы пользовались единственно чужими драгоцѣнными металлами, добываемыми внѣшнею торговлею и мѣною съ Сибирскими народами черезъ Югру: сей послѣдній источникъ, какъ вѣроятно, оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся: ибо въ лѣтописяхъ и въ договорахъ XV вѣка уже нѣтъ ни слова о *серебрѣ Закамскомъ* ([358]). Но издавна былъ у насъ слухъ, что страны полунощныя, близъ Каменнаго Пояса, изобилуютъ металлами: присоединивъ къ Московской Державѣ Пермь, Двинскую землю, Вятку, Іоаннъ желалъ имѣть людей свѣдущихъ въ горномъ искусствѣ. Мы видѣли, что онъ писалъ о томъ къ Королю Венгерскому ([359]); но Траханіотъ, кажется, первый вывезъ ихъ изъ Германіи. Въ 1491 году два Нѣмца, Иванъ и Викторъ, съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ отправились изъ Москвы искать серебряной руды въ окрестностяхъ Печеры ([360]). Черезъ семь мѣсяцевъ они возвратились съ извѣстіемъ, что нашли оную, вмѣстѣ съ мѣдною, на рѣкѣ Цыльмѣ, верстахъ въ двадцати отъ Космы, въ трехъ стахъ отъ Печеры и въ 3500 отъ Москвы, на пространствѣ десяти верстъ. Сіе важное открытіе сдѣлало Государю величайшее удовольствіе, и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; имѣли и золотыя деньги или медали Россійскія. Въ собраніи нашихъ древностей хранится снимокъ золотой медали 1497 году съ изображеніемъ Св. Николая: въ надписи сказано, что *Великій Государь* вылилъ сей *единый талеръ* изъ золота для *Княгини* (Княжны) своей, Ѳеодосіи ([361]). На серебряныхъ деньгахъ Іоаннова времени обыкновенно представлялся всадникъ съ мечемъ.

Открытіе Печерскихъ рудниковъ.

Можетъ быть, слухъ о новыхъ, въ сѣверной Россіи открытыхъ, богатыхъ рудникахъ скоро дошелъ до Германіи и возбудилъ тамъ любопытство увѣриться

г. [illegible]

г. [illegible]—[illegible]. въ справедливости оное (Европа еще не знала Америки, и нуждаясь въ драгоцѣнныхъ металлахъ, долженствовала брать живѣйшее участіе въ такомъ открытіи): по крайней мѣрѣ въ 1492 году пріѣхалъ въ Москву Нѣмецъ Михаилъ Снупсъ съ письмомъ къ Великому Князю отъ Максимиліана и дяди его, Австрійскаго Эрцгерцога Зигмунда, княжившаго въ Инсбрукѣ: они дружески просили Іоанна, чтобы онъ дозволилъ сему путешественнику осмотрѣть все любопытное въ нашемъ отечествѣ, учиться языку Русскому, видѣть обычаи народа и пріобрѣсти знанія нужныя для успѣховъ общей Исторіи и Географіи. Снупсъ, обласканный Великимъ Княземъ, немедленно изъявилъ желаніе ѣхать въ дальнѣйшія страны полуночныя и на Востокъ, къ берегамъ Оби. Іоаннъ усомнился, и наконецъ рѣшительно отказалъ ему. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ, Снупсъ отправился назадъ въ Германію прежнимъ путемъ, чрезъ Ливонію, съ слѣдующимъ письмомъ отъ Великаго Князя къ Максимиліану и Зигмунду: «Изъ дружбы къ вамъ мы ласково приняли вашего человѣка, но не пустили его въ страны отдаленныя, гдѣ течетъ рѣка Обь, за неудобностію пути: ибо самые люди наши, ѣздящіе туда для собранія дани, подвергаются не малымъ трудамъ и бѣдствіямъ. Мы не дозволили ему также возвратиться къ вамъ чрезъ владѣнія Польскія или Турецкія: ибо не можемъ отвѣтствовать за безопасность сего пути. Богъ да блюдетъ ваше здравіе ([362]).» Вѣроятно, что Іоаннъ опасался сего Нѣмца какъ лазутчика, и не хотѣлъ, чтобы онъ видѣлъ наши сѣверо-восточныя земли, гдѣ открылся новый источникъ богатства для Россіи.

Посольство Датское. Вторымъ достопамятнымъ Посольствомъ описываемыхъ нами временъ было Датское. Если не Данія, то по крайней мѣрѣ Норвегія издревле имѣла сношенія съ Новымгородомъ, по сосѣдству съ его сѣверными областями. Дворъ Ярослава Великаго служилъ убѣжищемъ для ея знаменитыхъ изгнанниковъ ([363]); Александръ Невскій хотѣлъ женить сына на дочери Гаконовой ([364]); мы упоминали также о договорѣ Норвегіи съ Правительствомъ Новогородскимъ въ 1326 году ([365]): но отдаленная Москва скрывалась во мракѣ неизвѣстности для трехъ Сѣверныхъ Королевствъ до того времени, какъ Великій Князь сдѣлался Самодержцемъ всей Россіи, отъ береговъ Волги до Лапландіи. Пріязнь, бывшая между тогдашнимъ Королемъ Датскимъ, Іоанномъ, сыномъ Христіановымъ, и Казиміромъ, заставила перваго нарушить долгъ гостепріимства въ разсужденіи Пословъ Московскихъ, когда они ѣхали въ Любекъ чрезъ его земли: ибо Траханіотъ и Яропкинъ жаловались на претерпѣнныя ими въ ней обиды; но существенныя выгоды государственныя перемѣнили образъ мыслей сего Монарха: будучи врагомъ Шведскаго Правителя, онъ увидѣлъ пользу быть другомъ Великаго Князя, чтобы страхомъ нашего оружія обуздывать Шведовъ, и Посолъ Датскій (въ 1493 году) заключилъ въ Москвѣ союзъ любви и братства съ Россіею. Грекъ Дмитрій Ралевъ и Дьякъ Зайцовъ отправились въ Данію для размѣна договорныхъ грамотъ ([366]). г. [illegible]—[illegible].

Упомянемъ также о двухъ Посольствахъ Азіатскихъ. Неизмѣримая Держава, основанная завоеваніями дикаго Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять въ своемъ величіи и раздѣлилась: однакожь имя Царства Чагатайскаго, составленнаго изъ Бухаріи и Хорасана, еще гремѣло въ Азіи: Султанъ Абусаидъ, внукъ Тамерланова сына, Мирана, господствовалъ отъ береговъ моря Каспійскаго до Мультана въ Индіи, и въ 1468 году убитый Персидскимъ Царемъ Гассаномъ, оставилъ сію обширную страну въ наслѣдіе сыновьямъ, коихъ междоусобіе предвѣстило ихъ общую гибель. Гуссейнъ Мирза, правнукъ втораго Тамерланова сына, Омара, завладѣлъ Хорасаномъ; прославился многими побѣдами, одержанными имъ надъ Татарами-Узбеками; любилъ добродѣтель, Науки; слышалъ о величіи Государя Россійскаго, и желая его дружбы, въ 1489 году прислалъ въ Москву какого-то *богатыря* Уруса для заключенія союза съ Іоанномъ ([367]). Можетъ быть, онъ хотѣлъ, чтобы Великій Князь, имѣя связь съ Ногаями, возбудилъ ихъ противъ Узбековъ. Но Царство Чагатайское отжило вѣкъ свой: Ханъ Узбекскій, Шай-Бегъ, въ началѣ XVI вѣка изгналъ Гуссейновыхъ сыновей изъ Хорасана, овладѣвъ и Бухаріею, откуда послѣдній Султанъ Тамерланова рода, Баборъ, ушелъ въ Индостанъ, гдѣ Судьба опредѣлила ему быть основателемъ Имперіи такъ называемаго *Великаго Могола*. Чагатайское посольство.

Иверія, или нынѣшняя Грузія, иско-

г. 1491—1493. ни славилась воинскою доблестію своего народа, такъ, что ни Персидское, ни Македонское оружіе не могло поработить его: славилась также богатствомъ (древніе Аргонавты искали *Златаго руна* въ сосѣдственной съ нею Мингреліи). Завоеванная Помпеемъ, она дѣлается съ того времени извѣстною въ Римской Исторіи, которая именуетъ намъ ея разныхъ Царей, данниковъ Рима. Одинъ изъ нихъ, Фарасманъ II, вѣрный другъ Императора Адріана, удостоился чести приносить богамъ жертву въ Капитоліи и видѣть свой изваянный образъ въ храмѣ Беллоны на берегу Тибра. Но далѣе не находимъ уже никакихъ извѣстій о сей странѣ до раздѣленія Имперіи; знаемъ только, что Христіанская Вѣра начала тамъ утверждаться еще со временъ Константина Великаго; что Св. Симеонъ Столпникъ способствовалъ успѣхамъ ея; что Иверія, имѣя всегда собственныхъ Царей или Князей, зависѣла то отъ Монарховъ Персидскихъ, то отъ Императоровъ Греческихъ, была покорена Моголами и въ 1476 году подвластна Царю Персидскому, Узунъ-Гассану (368). Нѣтъ сомнѣнія, что Россія издревле находилась въ связи съ единовѣрною Грузіею: Изяславъ I, какъ извѣстно, былъ женатъ на Княжнѣ Абассинской, а сынъ Андрея Боголюбскаго супругомъ славной Грузинской Царицы, Тамари (369). Сія связь, прерванная нашествіемъ Батыевымъ, возобновилась: Послы Князя Иверскаго, Александра, именемъ Нарыманъ и Хоземарумъ, въ 1492 году пріѣхали къ Іоанну, требовать его покровительства (370). Уважаемый въ Персіи и въ странахъ окрестныхъ, Великій Князь могъ дѣйствительно быть заступникомъ своихъ утѣсненныхъ единовѣрцевъ, которые оплакивали паденіе Греціи, и подъ игомъ варваровъ закоснѣвъ въ невѣжествѣ, имѣли нужду въ совѣтахъ нашего Духовенства для Христіанскаго просвѣщенія. Александръ въ грамотѣ своей смиренно именуетъ себя *холопомъ* Іоанна, его же называетъ великимъ Царемъ, *свѣтомъ зеленаго неба, звѣздою темныхъ, надеждою Христіанъ, подпорою бѣдныхъ, закономъ, истинною управою всѣхъ Государей, тишиною земли* и ревностнымъ *обѣтникомъ Св. Николая*.

Занимаясь дѣлами Европы и Азіи, могъ ли Іоаннъ оставить безъ примѣчанія Державу Оттоманскую, которая уже столь сильно дѣйствовала на судьбу трехъ частей міра? Какъ зять Палеологовъ и сынъ Греческой Церкви, утѣсняемой Турками, онъ долженствовалъ быть врагомъ Султановъ; но не хотѣлъ себя обманывать: видѣлъ, что еще не пришло время для Россіи бороться съ ними; что здравая Политика велитъ ей употреблять свои юныя силы на иные предметы, ближайшіе къ истинному благу ея: для того, заключая союзы съ Венгріею и Молдавіею, не касался дѣлъ Турецкихъ, имѣя въ виду одну Литву, нашего врага естественнаго. Выгодная торговля купцевъ Московскихъ въ Азовѣ и Кафѣ, управляемой Константинопольскими Пашами, зависимость Менгли-Гирея (важнѣйшаго союзника Россіи) отъ Султановъ, и надежда вредить Казимиру чрезъ Оттоманскую Порту склоняли Іоанна къ дружбѣ съ нею: онъ ждалъ только пристойнаго случая, и тѣмъ болѣе обрадовался, узнавъ, что Султанскіе Паши, говоря въ Бѣлѣгородѣ съ Дьякомъ его, Ѳедоромъ Курицынымъ, объявили ему желаніе ихъ Государя искать Іоанновой пріязни (371). Великій Князь поручилъ Менгли-Гирею основательно развѣдать о семъ предложеніи, и Султанъ, Баязетъ II, отвѣтствовалъ: «ежели Государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ: то будетъ и мнѣ братъ (372).» Слѣдующее происшествіе служило поводомъ къ первому государственному сношенію между нами и Портою. Купцевъ Россійскихъ обижали въ Азовѣ и въ Кафѣ, такъ, что они перестали наконецъ ѣздить въ Султанскія владѣнія. Паша Кафинскій жаловался на то Баазету, слагая вину на Менгли-Гирея, будто бы отвратившаго Россіянъ отъ торговли съ симъ городомъ; а Менгли-Гирей хотѣлъ, чтобы Іоаннъ оправдалъ его въ глазахъ Султана. Удовлетворяя требованію оклеветаннаго друга, и какъ бы единственно изъ снисхожденія, Великій Князь написалъ такую грамоту къ Баязету (373):

Первое дружелюбное сношеніе съ Султаномъ Турецкимъ.

«Султану, *вольному* Царю Государей Турскихъ и *Азямскихъ*, земли и моря, Баязету, Іоаннъ Божіею милостію единый правый, наслѣдственный Государь всея Руси и многихъ иныхъ земель отъ Сѣвера до Востока. Се наше слово къ твоему Величеству. Мы не посылали людей другъ ко другу спрашивать о здравіи; но купцы мои ѣздили въ страну твою и торговали, съ выгодою для обѣихъ Державъ. Они уже нѣсколько разъ жаловались мнѣ на твоихъ чиновни-

г. 1491—1493. ковъ: я молчалъ. Наконецъ, въ теченіе минувшаго лѣта, Азовскій Паша принудилъ ихъ копать ровъ и носить каменья для городскаго строенія. Сего мало: въ Азовѣ и въ Кафѣ отнимаютъ у нашихъ купцевъ товары за полцѣны: въ случаѣ болѣзни одного изъ нихъ, кладутъ печать на имѣніе всѣхъ: если умираетъ, то все остается въ казнѣ; если выздоравливаетъ, отдаютъ назадъ только половину. Духовныя завѣщанія не уважаемы: Турецкіе чиновники не признаютъ наслѣдниковъ, кромѣ самихъ себя, въ Русскомъ достояніи. Узнавъ о сихъ обидахъ, я не велѣлъ купцамъ ѣздить въ твою землю. Прежде они платили единственно законную пошлину и торговали свободно: отъ чего же родилось насиліе? знаешь ли или не знаешь онаго?... Еще одно слово: отецъ твой (Магометъ II) былъ Государь великій и славный: онъ хотѣлъ, какъ сказываютъ отправить къ намъ Пословъ съ дружескимъ привѣтствіемъ; но его намѣреніе, по волѣ Божіей, не исполнилось. Для чего же не быть тому нынѣ? Ожидаемъ отвѣта. Писано въ Москвѣ, 31 Августа» (въ 1492 году). — Менгли-Гирей долженъ былъ доставить сію грамоту Баязету: увидимъ слѣдствіе.

Посольство въ Крымъ. Тѣсная связь Іоаннова съ Ханомъ Таврическимъ не ослабѣвала, утверждаемая частыми Посольствами и дарами. Въ 1490 году ѣздилъ въ Тавриду Князь Василій Ромодановскій съ увѣреніемъ, что войско наше готово всегда тревожить Золотую Орду (374). Сія тѣнь Батыева Царства скиталась изъ мѣста въ мѣсто: иногда переходила за Днѣпръ, иногда удалялась къ предѣламъ страны Черкесской, къ берегамъ Кумы. Тщетно сыновья Ахматовы вмѣстѣ съ Царемъ Астраханскимъ, Абдылъ-Керимомъ, замышляли впаденіе въ Тавриду, оберегаемую съ одной стороны Россіянами, Магметъ-Аминемъ Казанскимъ и Ногаями, а съ другой Султаномъ, который далъ Менгли-Гирею 2000 воиновъ для его защиты. Крымцы отгоняли стада у Волжскихъ Татаръ, и въ одной кровопролитной сшибкѣ убили сына Ахматова, Едигея. — Въ 1492 году новый Посолъ Іоанновъ, Лобанъ Колычевъ, убѣждалъ Менгли-Гирея воевать Литовскія владѣнія, представляя, что Ординскіе Цари злодѣйствуютъ ему единственно по внушеніямъ Казимировымъ (375). Ханъ отвѣтствовалъ: «Я съ братомъ моимъ, Великимъ Княземъ, всегда одинъ человѣкъ, и строю теперь при устьѣ Днѣпра, на старомъ *городищѣ*, новую крѣпость, чтобы оттуда вредить Польшѣ.» Сія крѣпость была *Очаковъ*, основанный на какихъ-то древнихъ развалинахъ. Братъ Ханскій, Усмемиръ, и племянникъ Довлетъ жили у Казимира: Великій Князь, для безопасности Менгли-Гирея, старался переманить ихъ въ Россію, но не могъ; въ угодность ему принялъ также меньшаго пасынка его, Абдылъ-Летифа, и съ честію отправилъ къ Царю Казанскому, Магметъ-Аминю. Менгли-Гирей желалъ еще, чтобы онъ далъ Каширу въ помѣстье Царевичу Мамытеку, сыну Мустафы: сіе требованіе не было уважено, равно какъ и другое, чтобы Іоаннъ заплатилъ 33,000 алтынъ, взятыхъ Ханомъ въ долгъ у жителей Кафинскихъ для строенія Очакова. «Не строеніемъ безполезныхъ крѣпостей, отдаленныхъ отъ Литвы» — приказывалъ Великій Князь къ своему другу — «но частыми впаденіями въ ея земли долженъ ты безпокоить общихъ враговъ нашихъ.» Ханъ любилъ дары; просилъ кречетовъ и соболей для Турецкаго Султана: Государь давалъ, однакожь не безкорыстно, и (въ 1491 году) походомъ Воеводъ Московскихъ на Улусы Золотой Орды оказавъ услугу Менгли-Гирею, хотѣлъ, чтобы онъ въ знакъ благодарности прислалъ къ нему свой *большой красной лалъ*. Замѣтимъ еще, что Ханъ Крымскій, опасаясь Іоаннова подозрѣнія, сносился съ Царемъ Казанскимъ только чрезъ Москву: всякую грамоту ихъ переводили и читали Государю, который думалъ, что осторожность не мѣшаетъ дружбѣ (376).

Такъ было до 1492 года, когда важная перемѣна случилась въ Литвѣ и перемѣнила систему Россіи. Не смотря на взаимную ненависть между сими двумя Державами, никоторая не хотѣла явной войны. Казимиръ, уже старый и всегда малодушный, боялся твердаго, хитраго, дѣятельнаго и счастливаго Іоанна, увѣнчаннаго славою побѣдъ; а Великій Князь отлагалъ войну по внушенію государственной мудрости: чѣмъ болѣе медлилъ, тѣмъ болѣе усиливался и вѣрнѣе могъ обѣщать себѣ успѣхи; неусыпно стараясь вредить Литвѣ, казался готовымъ къ миру и не отвергалъ случаевъ объясняться съ Королемъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ. Съ 1487 до 1492 года Литовскіе Послы, Князь Тимоѳей Мосальскій, Смоленскій Бояринъ Литовскія дѣла.

г. 1491 —1493. Ивашковъ, Остромиловъ, Хребтовичь и Наместникъ Утенскій, Клочко, пріезжали въ Москву съ разными жалобами. Со времени Витовта Удельные Князья древней земли Черниговской, въ нынешнихъ Губерніяхъ Тульской, Калужской Орловской, были подданными Литвы: видя наконецъ возрастающую силу Іоанна, склоняемые къ нему единоверіемъ и любезнымъ ихъ сердцу именемъ Русскимъ, они начали переходить къ намъ съ своими отчинами, и для успокоенія совести давали только знать Казимиру, что слагаютъ съ себя обязанность его присяжниковъ. Уже некоторые Одоевскіе, Воротынскіе, Белевскіе, Перемышльскіе Князья служили Московскому Государю, и вели непрестанно войну съ своими родственниками, которые еще оставались въ Литве. Такъ Василій Кривый, Князь Воротынскій, опустошилъ несколько местъ въ земле Королевской ([377]). Сыновья Князя Симеона Одоевскаго взяли городъ ихъ дяди, Феодора, Одоевъ, расхитили казну, пленили мать его. Дружина Князя Димитрія Воротынскаго обратила въ пепелъ многія Брянскія села. Князь Иванъ Белевскій силою принудилъ брата, Андрея, отложиться отъ Короля. Казимиръ жаловался, что Іоаннъ принимаетъ изменниковъ и терпитъ ихъ разбои; что многія Литовскія места отошли къ намъ; что Великія Луки и Ржева не хотятъ платить ему дани, и проч. Іоаннъ ответствовалъ ему на словахъ и чрезъ собственныхъ Пословъ, что сіи жалобы большею частію несправедливы: что Великія Луки и Ржева суть искони Новогородскія области; что Казимировы подданные сами обижаютъ Россіянъ; что ссорныя дела должны быть решены на месте общими судіями; что Князья племени Владимірова, добровольно служивъ Литве, имеютъ право съ наследственнымъ своимъ достояніемъ возвратиться подъ сень ихъ древняго отечества. Государь требовалъ, чтобы Казимиръ отпустилъ въ Россію жену Князя Бельскаго, не обременялъ нашихъ купцевъ налогами и возвратилъ отнятое у нихъ насиліемъ въ его земле, казнилъ обидчиковъ, дозволилъ Посламъ Великокняжескимъ свободно ездить чрезъ Литву въ Молдавію, и проч. «Государь вашъ» — сказалъ Король чиновнику Іоаннову, Ярошкину — «любитъ требовать, а не удовлетворять: я долженъ следовать его примеру.» Однакожь взаимно соблюдалась учтивость: Литовскіе Послы обедали у Государя; не только онъ, но и юный сынъ его, Василій Іоанновичь, приказывалъ съ ними дружескіе поклоны къ Казимиру; въ знакъ пріязни Великій Князь освободилъ даже многихъ Поляковъ, которые находились пленниками въ Орде. Въ Мае 1492 году былъ отправленъ въ Варшаву (*) Иванъ Никитичь Беклемишевъ съ предложеніемъ, чтобы Король отдалъ намъ городки Хлепенъ, Рогачевъ и другія места, издревле Россійскія, и чтобы съ обеихъ сторонъ выслать Бояръ на границу для изследованія взаимныхъ обидъ. Но Беклемишевъ возвратился съ известіемъ, что Казимиръ умеръ 25 Іюня; что старшій его сынъ, Албертъ, сделался Королемъ Польскимъ, а меньшій Александръ, Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Смерть Казимира. Сынъ его Александръ на тронѣ Литовскомъ.

Сей случай казался благопріятнымъ для Россіи: Литва, избравъ себе инаго Властителя, уже не могла располагать силами Польши, которая не имела вражды съ нами и долженствовала следовать особенной государственной системе. Іоаннъ немедленно послалъ Константина Заболоцкаго къ Менгли-Гирею, убедить его, чтобы онъ воспользовался смертію Короля и шелъ на Литовскую землю, не отлагая похода до весны; что Волжская Орда кочуетъ въ отдаленныхъ восточныхъ пределахъ и не опасна для Тавриды; что ему никогда не будетъ лучшаго времени отмстить Казимировымъ сыновьямъ за все злыя козни отца ихъ ([378]). — Другой Великокняжескій чиновникъ, Иванъ Плещеевъ, отправился къ Стефану Молдавскому, вероятно съ такими же представленіями ([379]). Начались и непріятельскія действія съ нашей стороны: Князь Феодоръ Телепня-Оболенскій, вступивъ съ полкомъ въ Литву, разорилъ Мценскъ и Любутскъ; Князья Перемышльскіе и Одоевскіе, служащіе Іоанну, пленили въ Мосальске многихъ жителей, Наместниковъ и Князей съ ихъ семействами; другой отрядъ завоевалъ Хлепенъ и Рогачевъ ([380]).

Непріятельскія дѣйствія противъ Литвы.

Между темъ новый Государь Литовскій, Александръ, всего более желалъ мира съ Россіею, отъ юныхъ летъ слышавъ непрестанно о величіи и победахъ ея Самодержца. Вернейшимъ средствомъ снискать Іоаннову пріязнь каза-

(*) «Краковъ» (Собственноручная поправка Исторіографа на его экземпляре).

г. 1491 —1493.

лось ему супружество съ одною изъ его дочерей, и Намѣстникъ Полоцкій, Янъ, писалъ о томъ къ первому Воеводѣ Московскому, Князю Ивану Юрьевичу, представляя, что Россія и Литва наслаждались счастливымъ миромъ, когда дѣдъ Іоанновъ, Василій Димитріевичь, совокупился бракомъ съ дочерію Витовта (381). Скоро явилось въ Москвѣ и торжественное Посольство Литовское (382).

Переговоры о мирѣ и сватовствѣ.

Панъ Станиславъ Глѣбовичь, вручивъ вѣрющую грамоту, объявилъ Іоанну о смерти Казимира, о восшествіи Александра на престолъ, и требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Ему отвѣтствовали, что мы должны были отмстить Литвѣ за грабежи ея подданныхъ; что плѣнники будутъ освобождены, когда Александръ удовольствуетъ всѣхъ обиженныхъ Россіянъ, и проч. Станиславъ, пируя у Воеводы Московскаго, Князя Ивана Юрьевича, въ веселомъ разговорѣ упомянулъ о сватовствѣ: онъ былъ не трезвъ, и для того не получилъ отвѣта; а на другой день сказалъ, что Литовскіе Сенаторы желаютъ сего брака, но что ему велѣно тайно развѣдать о мысляхъ Великаго Князя. Дѣло столь важное требовало осторожности: не входя ни въ какія изъясненія, Послу дали чувствовать, что надобно утвердить искренній, вѣчный миръ прежде, нежели говорить о сватовствѣ; что миръ легко можетъ быть заключенъ, если Правительство Литовское удержится отъ *лишнихъ рѣчей* и требованій неосновательныхъ. То же написалъ и Князь Иванъ Юрьевичь къ Намѣстнику Полоцкому.

Станиславъ уѣхалъ изъ Москвы и непріятельскія дѣйствія продолжались.

г. 1493.

Князья Воротынскіе, Симеонъ Ѳеодоровичь съ племянникомъ Иваномъ Михайловичемъ, вступивъ въ нашу службу, засѣли города Литовскіе, Серпейскъ и Мещовскъ: Воевода Смоленскій, Панъ Юрій, и Князь Симеонъ Можайскій выгнали ихъ оттуда; но Государь послалъ сильное войско, Московское и Рязанское, которое взяло приступомъ Серпейскъ и городокъ Опаковъ; а Мещовскъ сдался. Въ числѣ плѣнниковъ находились многіе знатные Смоляне и Паны Двора Александрова (383). Другое наше войско покорило Вязму: ея Князья, присягнувъ Государю, остались въ наслѣдственномъ владѣніи; также и Князь Мезецкій, выдавъ Іоанну своихъ двухъ братьевъ, сосланныхъ въ Ярославль за ихъ усердіе къ Литвѣ (384). Князья Воротынскіе завоевали Мосальскъ (385).

г. 1493.

Злоумышленіе на жизнь Іоаннову.

Въ сіе время открылось въ Москвѣ гнусное злоумышленіе, коего истинный виновникъ уже тлѣлъ во гробѣ, но которое едва не исполнилось и не пресѣкло славнаго теченія Іоанновой жизни. Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для Государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами. Кто же уставитъ, что Вѣнценосецъ имѣетъ право тайно убить другаго, находя его опаснымъ для своей Державы: тотъ разрушитъ связь между гражданскими обществами, уставитъ вѣчную войну, безпорядокъ, ненависть, страхъ, подозрѣніе между ими, совершенно противные ихъ цѣли, которая есть безопасность, спокойствіе, миръ. Не такъ разсуждалъ отецъ Александровъ, Казимиръ: онъ подослалъ къ Іоанну Князя Ивана Лукомскаго, племени Владимірова, съ тѣмъ, чтобы злодѣйски убить или отравить его. Лукомскій клялся исполнить сіе адское порученіе, привезъ съ собою въ Москву ядъ, составленный въ Варшавѣ (*), и будучи милостиво обласканъ Государемъ, вступилъ въ нашу службу; но какою-то счастливою нескромностію обнаружилъ свой умыселъ: его взяли подъ стражу; нашли и ядъ, коимъ онъ хотѣлъ умертвить Государя, чтобы сдержать данное Казимиру слово. Злодѣйство столь необыкновенное требовало и наказанія чрезвычайнаго: Лукомскаго и единомышленника его, Латинскаго толмача, Поляка Матіаса, сожгли въ клѣткѣ на берегу Москвы-рѣки (386). Князь Ѳеодоръ Бѣльскій также впалъ въ подозрѣніе, и былъ сосланъ въ Галичь: ибо Лукомскій доказывалъ, что сей легкомысленный родственникъ Казимировъ хотѣлъ тайно уѣхать отъ насъ въ Литву. Открылись и другіе преступники, два брата Алексѣй и Богданъ Селевины, граждане Смоленскіе: будучи плѣнниками въ Москвѣ, они жили на свободѣ, употребляли во зло довѣренность Государеву къ ихъ честности, имѣли связь съ Литвою и посылали вѣсти къ Александру Литовскому. Богдана засѣкли кнутомъ до смерти: Алексѣю отрубили голову.

(*) «Польшѣ» (Собственноручная поправка Исторіографа на его экземплярѣ).

г.1493. Такое происшествіе не могло расположить Іоанна къ миру: онъ непрестанно побуждалъ Менгли-Гирея воевать Литву. Посолъ Александра, Князь Глинскій, находился тогда въ Крыму, и требовалъ, чтобы Ханъ свесъ городъ Очаковъ, построенный имъ на Литовской землѣ. Въ угодность Великому Князю, Менгли-Гирей задержалъ Глинскаго, зимою подступилъ къ Кіеву, и выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ ([387]). Между тѣмъ Воевода Черкасскій, Богданъ, разорилъ Очаковъ, къ великой досадѣ Хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго. «Мы ничего важнаго не сдѣлаемъ врагамъ своимъ, если не будемъ имѣть крѣпости при устьѣ Днѣпра,» писалъ Менгли-Гирей къ Великому Князю ([388]), увѣдомляя, что Александръ посредствомъ Султана Турецкаго предлагалъ ему миръ и 13,500 червонцевъ за Литовскихъ плѣнниковъ, но что онъ, какъ вѣрный союзникъ Іоанновъ, не хотѣлъ о томъ слышать; что сей новый Государь Литовскій, слѣдуя Политикѣ отца, возбуждаетъ Ахматовыхъ сыновей противъ Тавриды и Россіи; что Царь Ординскій, Шигъ-Ахмедъ, женатый на дочери Ногайскаго Князя Мусы, и за то сверженный съ престола, опять царствуетъ вмѣстѣ съ братомъ Сеидъ-Махмутомъ ([389]); что войско Крымское всегда готово итти на нихъ и на Литву, и проч. Въ самомъ дѣлѣ Менгли-Гирей не преставалъ тревожить Александровыхъ владѣній набѣгами и грабежемъ.

Посольство Князя Мазовецкаго въ Москву. Новый союзникъ представился Іоанну, Владѣтельный Князь Мазовецкій, Конрадъ, племени древнихъ Вѣнценосцевъ Польскихъ. Будучи тогда врагомъ сыновей Казимировыхъ, онъ желалъ вступить въ тѣсную связь съ Россіею и прислалъ въ Москву Варшавскаго Намѣстника, Ивана Подосю, сватать за него одну изъ дочерей Великаго Князя. Сей бракъ казался пристойнымъ и выгоднымъ для нашей Политики; но Государь не хотѣлъ вдругъ изъявить согласія, и самъ отправилъ Пословъ въ Мазовію для заключенія предварительнаго договора съ ея Княземъ: 1) о вспоможеніи, которое онъ даетъ Россіи противъ сыновей Казимировыхъ; 2) о назначеніи вѣна для будущей супруги его: то есть, Іоаннъ требовалъ, чтобы она имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи ([390]). — Не знаемъ, съ какимъ отвѣтомъ г.1493. возвратились Послы; но сіе сватовство не имѣло дальнѣйшихъ слѣдствій, вѣроятно отъ перемѣны обстоятельствъ.

Если и Казимиръ, Государь Литвы и Польши, опасался войны съ Іоанномъ: то Александръ, властвуя единственно надъ первою, и не увѣренный въ усердной помощи брата, могъ ли безъ крайности отважиться на кровопролитіе? Менгли-Гирей опустошалъ, Стефанъ Молдавскій грозилъ, заключивъ тѣсный союзъ между собою посредствомъ Іоанна ([391]), и слѣдуя его указаніямъ. Но всего опаснѣе былъ самъ Великій Князь, именемъ отечества и единовѣрія призывая къ себѣ всѣхъ древнихъ Россіянъ, которые составляли большую часть Александровыхъ подданныхъ. Уже Москва расширила свои предѣлы до Жиздры и самаго Днѣпра, дѣйствуя не столько мечемъ, сколько приманомъ. Въ городахъ, въ селахъ и въ битвахъ страшились измѣны..— И такъ Александръ рѣшительно хотѣлъ искренняго, вѣчнаго мира.

Не столь легко изъяснить обстоятельствами миролюбіе Іоанна; все ему благопріятствовало: онъ имѣлъ сильное, опытное войско, друзей въ Литвѣ и счастіе, важное въ дѣлахъ человѣческихъ; видѣлъ ея боязнь и слабость; могъ обѣщать себѣ рѣдкую славу и даже Христіанскую заслугу, то есть, возвратить отечеству лучшую его половину, а Церкви шесть или семь знаменитыхъ Епархій, насиліемъ Латинскимъ отторженныхъ отъ ея истиннаго, общаго Пастырства. Но мы знаемъ характеръ Іоанновъ, для коего умѣренность была закономъ въ самомъ счастіи: знаемъ умъ его, который не любилъ отважности, кромѣ необходимой. Властвовавъ уже болѣе тридцати лѣтъ въ непрестанной и часто безпокойной дѣятельности, онъ хотѣлъ тишины, согласной съ достоинствомъ великаго Монарха и благомъ Державы. Вообще люди на шестомъ десятилѣтіи жизни рѣдко предпринимаютъ трудное и менѣе обольщаются успѣхами отдаленными. Покушеніе завоевать всю древнюю южную Россію возбудило бы противъ насъ не только Польшу, но и Венгрію, и Богемію, гдѣ царствовалъ братъ Александровъ, Владиславъ; надлежало бы воевать долго и не распускать полковъ: что казалось тогда невозможностію. Союзъ Хана Крымскаго и Стефана Великаго, полезный для усмиренія Литвы, не могъ быть весьма надеженъ въ

г. 1493. усильномъ бореніи съ сими треми Государствами. Менгли-Гирей зависѣлъ отъ Султана, готоваго иногда оказывать услуги Венгріи и Польшѣ: хотя не измѣнялъ Іоанну, однакожь не во всемъ удовлетворялъ ему: на примѣръ, безъ его вѣдома освободилъ Глинскаго, ссылался съ Александромъ и дѣйствовалъ противъ Литвы слабо, недружно ([392]). Стефанъ же имѣлъ болѣе ума и мужества, нежели силъ, истощаемыхъ имъ въ войнахъ съ Турками. — Замѣтимъ наконецъ, что время уже пріучило Сѣверную Россію смотрѣть на Литовскую какъ на чуждую землю; въ обычаяхъ и нравахъ сдѣлалась перемѣна, и связь единородства ослабѣла. Іоаннъ, отнявъ у Литвы нѣкоторыя области, былъ доволенъ симъ знакомъ превосходства силъ, и лучше хотѣлъ миромъ утвердить пріобрѣтенное, нежели войною искать новыхъ пріобрѣтеній.

Въ слѣдъ за Литовскими Послами, бывшими въ Москвѣ, Великій Князь отправилъ Дворянина Загряскаго къ Александру, съ объявленіемъ, что отчины Князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ, служащихъ Государю, будутъ впредь частію Россіи, и что Литовское Правительство не должно вступаться въ оныя. Въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряскому, Іоаннъ по своему обыкновенію назвалъ себя Государемъ *всей Россіи*. Сей Посолъ имѣлъ также письмо отъ юнаго сына Іоаннова, Василія, къ изгнаннику, Князю Василію Михайловичу Верейскому, коему дозволялось возвратиться въ Москву: ибо Великая Княгиня Софія исходатайствовала ему прощеніе ([393]). Въ Вильнѣ отвѣчали Загряскому, что новые Послы Александровы будутъ въ Москву: они дѣйствительно пріѣхали въ исходѣ Іюня съ требованіемъ, чтобы Іоаннъ не только отдалъ ихъ Государю всѣ захваченныя Россіянами Литовскія области, но и казнилъ виновниковъ сего насилія; сверхъ того изъявили негодованіе, что Великій Князь употребляетъ въ грамотахъ титулъ новый и *высокій*, именуясь Государемъ *всей Россіи* и многихъ земель; а въ заключеніе сказали Воеводѣ Московскому, Ивану Юрьевичу, что Александръ, по желанію Сенаторовъ Литовскихъ, готовъ начать переговоры о вѣчномъ мирѣ ([394]). Отвѣтъ Іоанновыхъ Бояръ состоялъ въ слѣдующемъ: «Князья Воротынскіе и другіе искони были слугами нашихъ Государей. Пользуясь *негодою Россіи*, Литва завладѣла ихъ странами: теперь иныя времена. — Великій Князь не пишетъ въ грамотахъ своихъ ничего *высокаго*, а называется Властителемъ земель, данныхъ ему Богомъ.»

Въ Генварѣ 1494 году *Великіе Послы* Литовскіе, Воевода Троцкій, Петръ Яновичь Бѣлой и Станиславъ Гастольдъ, Староста Жмудскій, прибыли въ Москву для заключенія мира. Они хотѣли возобновить договоръ Казимировъ съ Василіемъ Темнымъ, а наши Бояре древнѣйшій Ольгердовъ съ Симеономъ Гордымъ и отцемъ Донскаго. Первые уступали Іоанну Новгородъ, Псковъ и Тверь въ вѣчное потомственное владѣніе, но требовали всѣхъ иныхъ городовъ, коими завладѣли Россіяне въ новѣйшія времена. «Вы уступаете намъ не свое, а наше,» сказали Бояре. Спорили долго, хитрили и нѣсколько разъ прерывали сношенія; наконецъ согласились, чтобы Вязма, Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Торуса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера остались за Россіею; а Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и нѣкоторыя иныя мѣста по Угру за Литвою ([395]). Князьямъ Мезецкимъ или Мещовскимъ дали волю служить, кому они хотятъ. Александръ обѣщалъ признать Великаго Князя *Государемъ всей Россіи*, съ тѣмъ, чтобы онъ не требовалъ Кіева. Тогда Послы Литовскіе, вторично представленные Іоанну, начали дѣло сватовства, и Государь изъявилъ согласіе выдать дочь свою, Елену, за Александра, взявъ слово, что онъ не будетъ нудить ее къ перемѣнѣ Вѣры. На другой день, Февраля 6, въ комнатахъ у Великой Княгини Софіи они увидѣли невѣсту, которая чрезъ Окольничаго спросила у нихъ о здоровьѣ будущаго супруга. Тутъ, въ присутствіи всѣхъ Бояръ, совершилось обрученіе. Станиславъ Гастольдъ заступалъ мѣсто жениха, ибо старшему Послу, Воеводѣ Петру, *имѣвшему вторую жену*, не дозволили быть дѣйствующимъ въ семъ обрядѣ. Іереи читали молитвы. Обмѣнялись перстнями и крестами, висящищими на золотыхъ цѣпяхъ.

г. 1494. Миръ съ Литвою. Іоаннъ отдаетъ дочь свою, Елену, за Александра.

Февраля 7 Послы именемъ Александра присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мира, а Великій Князь цѣловалъ крестъ

г.1494. въ томъ же. Главныя условія договора, написаннаго на хартіи съ золотою печатію, были слѣдующія; 1) «Жить обоимъ Государямъ и дѣтямъ ихъ въ вѣчной любви и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ; 2) владѣть каждому своими землями по древнимъ рубежамъ. 3) Александру не принимать къ себѣ Князей Вяземскихъ, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ, Перемышльскихъ, Бѣлевскихъ, Мещерскихъ, Говдыревскихъ, ни Великихъ Князей Рязанскихъ, остающихся *на сторонѣ* Государя Московскаго, коему и рѣшить ихъ спорныя дѣла съ Литвою; 4) двухъ Князей Мезецкихъ, сосланныхъ въ Ярославль, освободить; 5) въ случаѣ обидъ выслать общихъ судей на границу; 6) измѣнниковъ Россійскихъ, Михаила Тверскаго, сыновей Князя Можайскаго, Шемяки, Боровскаго, Верейскаго, никуда не отпускать изъ Литвы: буде же уйдутъ, то вновь не принимать ихъ; 7) Посламъ и купцамъ ѣздить свободно изъ земли въ землю,» и проч. (396). — Сверхъ того Послы дали слово, что Александръ обяжется грамотою не безпокоить супруги въ разсужденіи Вѣры. Они три раза обѣдали у Государя и получили въ даръ богатыя шубы съ серебряными ковшами (397) Отпуская ихъ, Великій Князь сказалъ изустно: «Петръ и Станиславъ! милостію Божіею мы утвердили дружбу съ зятемъ и братомъ Александромъ; что обѣщали, то исполнимъ. Послы мои будутъ свидѣтелями его клятвы (398).»

Для сего Князья Василій и Симеонъ Ряполовскіе, Михайло Яропкинъ и Дьякъ Ѳедоръ Курицынъ были посланы въ Вильну (399). Александръ, присягнувъ, размѣнялся мирными договорами; написалъ также грамоту о Законѣ будущей супруги, но вмѣстилъ слова: «если же Великая Княгиня Елена сама захочетъ принять Римскую Вѣру, то ея воля» Сіе дополненіе едва не остановило брака: Іоаннъ гнѣвно велѣлъ сказать Александру, что онъ по видимому не хочетъ быть его зятемъ. Бумагу переписали, и
г.1495. Генваря 6. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ нашей столицѣ Великое Посольство Литовское. Воевода Виленскій, Князь Александръ Юрьевичь, Князь Янъ Заберезенскій, Намѣстникъ Полоцкій, Панъ Юрій, Намѣстникъ Бряславскій, и множество знатнѣйшихъ Дворянъ пріѣхали за невѣстою, блистая великолѣпіемъ въ одеждѣ, въ услугѣ и въ украшеніи коней своихъ. Въ вѣрющей грамотѣ Александръ именовалъ Великаго Князя отцемъ и тестемъ. Выслушавъ рѣчь Посольскую, Іоаннъ сказалъ: «Государь вашъ, братъ и зять мой, восхотѣлъ прочной любви и дружбы съ нами: да будетъ! Отдаемъ за него дочь свою. — Онъ долженъ помнить условіе, скрѣпленное его печатію, чтобы дочь наша не перемѣняла Закона ни въ какомъ случаѣ, ни принужденно, ни собственною волею. — Скажите ему отъ насъ, чтобы онъ дозволилъ ей имѣть придворную церковь Греческую (400). Скажите, да любитъ жену, какъ Законъ Божественный повелѣваетъ, и да веселится сердце родителя счастіемъ супруговъ! — Скажите отъ насъ Епископу и Панамъ вашей Думы Государственной, чтобы они утверждали Великаго Князя Александра въ любви къ его супругѣ и въ дружбѣ съ нами. Всевышній да благословитъ сей союзъ!»

Генваря 13 Іоаннъ, отслушавъ Литургію въ Успенскомъ храмѣ со всѣмъ Великокняжескимъ семействомъ и съ Боярами, призвалъ Литовскихъ Вельможъ къ церковнымъ дверямъ, вручилъ имъ невѣсту и проводилъ до саней. Въ Дорогомиловѣ Елена остановилась и жила два дни: братъ ея, Василій, угостилъ тамъ Пановъ роскошнымъ обѣдомъ; мать ночевала съ нею, а Великій Князь два раза пріѣзжалъ обнять любезную ему дочь, съ которою разставался навѣки. Онъ далъ ей слѣдующую записку: «Память Великой Княжнѣ Еленѣ. Въ божницу Латинскую не ходить, а ходить въ Греческую церковь: изъ любопытства можешь видѣть первую или монастырь Латинскій, но только однажды или два раза. Если свекровь твоя будетъ въ Вильнѣ и прикажетъ тебѣ итти съ собою въ божницу, то проводи ее до дверей и скажи учтиво, что идешь въ свою церковь.» — Невѣсту провожали Князь Симеонъ Ряполовскій, Бояринъ Михайло Яковлевичь Русалка и Прокофій Зиновьевичь съ женами, Дворецкій Дмитрій Пѣшковъ, Дьякъ и Казначей Василій Кулешинъ, нѣсколько Окольничихъ, Стольниковъ, Конюшихъ, и болѣе сорока знатныхъ Дѣтей Боярскихъ. Въ тайномъ наказѣ, данномъ Ряполовскому, велѣно было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ Греческой церкви, въ Русской одеждѣ, и при совершеніи брачнаго обряда на вопросъ Епископа о любви ея къ Александру отвѣтствовала:

Г.1495. любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болтаки, кромѣ Закона; держать ми Греческій, а ему не нудить меня къ Римскому. Іоаннъ не забылъ ничего въ своихъ предписаніяхъ, назначая даже, какъ Еленѣ одѣваться въ пути, гдѣ и въ какихъ церквахъ пѣть молебны, кого видѣть, съ кѣмъ обѣдать, и проч. (401).

Ея путешествіе отъ предѣловъ Россіи до Вильны было веселымъ торжествомъ для народа Литовскаго, который видѣлъ въ ней залогъ долговременнаго, счастливаго мира. Въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Вельможи и Духовенство встрѣчали ее съ дарами и съ любовію, радуясь, что кровь Св. Владиміра соединяется съ Гедиминовою; что Церковь Православная, сирая, безгласная въ Литвѣ, найдетъ ревностную покровительницу на тронѣ; что симъ брачнымъ союзомъ возобновляется древняя связь между единоплеменными народами. Александръ выслалъ знатнѣйшихъ чиновниковъ привѣтствовать Елену на пути и самъ встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны, окруженный Дворомъ и всѣми Думными Панами. Невѣста и женихъ, ступивъ на разостланное алое сукно и золотую камку, подали руку другъ другу, сказали нѣсколько ласковыхъ словъ, и вмѣстѣ въѣхали въ столицу, онъ на конѣ, она въ саняхъ, богато украшенныхъ (402). Невѣста въ Греческой церкви Св. Богоматери отслушала молебенъ: Боярыни Московскія расплели ей косу, надѣли на голову кику съ покрываломъ, осыпали ее хмѣлемъ и повели къ жениху въ церковь Св. Станислава, гдѣ вѣнчалъ ихъ, на бархатѣ и на соболяхъ, Латинскій Епископъ и нашъ Священникъ Ѳома. Тутъ былъ и Виленскій Архимандритъ Макарій, Намѣстникъ Кіевскаго Митрополита (403); но не смѣлъ читать молитвъ. Княгиня Ряполовская держала надъ Еленою вѣнецъ, а Дьякъ Кулешинъ скляницу съ виномъ. — По совершеніи обрядовъ Александръ торжественно принялъ Бояръ Іоанновыхъ; начались веселые пиры: открылись и взаимныя неудовольствія.

Давно замѣчено Историками, что рѣдко брачные союзы между Государями способствуютъ благу Государствъ: каждый Вѣнценосецъ желаетъ употребить свойство себѣ въ пользу; вмѣсто уступчивости раждаются новыя требованія, и тѣмъ чувствительнѣе бываютъ отказы. Кажется, что Іоаннъ и Александръ въ семъ случаѣ не хотѣли обмануть другъ друга, но сами обманулись: по крайней мѣрѣ первый дѣйствовалъ откровеннѣе, великодушнѣе, какъ должно сильнѣйшему; не уступалъ, однакожь и не мыслилъ коварствовать, съ прискорбіемъ видя, что надежда обѣихъ Державъ не исполнилась и что свойство не принесло ему мира надежнаго. Г.1495.

Новыя неудовольствія между Россіею и Литвою.

Еще во время сватовства Александръ съ досадою писалъ въ Москву о новыхъ обидахъ, дѣлаемыхъ Россіянами Литвѣ (404): Іоаннъ обѣщалъ управу; но самъ былъ не доволенъ тѣмъ, что Александръ именовалъ его въ грамотахъ только Великимъ Княземъ, а не Государемъ всей Россіи. Весною пріѣхалъ изъ Литвы Маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами: вручивъ ихъ Государю и семейству его, онъ жаловался ему на Молдавскаго Воеводу, Стефана, разорившаго городъ Браславль, и на Пословъ Московскихъ, Князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые, ѣдучи изъ Вильны въ Москву, будто бы грабили жителей; требовалъ еще, чтобы всѣ Россійскіе чиновники, служащіе Еленѣ, были отозваны назадъ: «ибо она имѣетъ довольно своихъ подданныхъ для услуги.» Іоаннъ обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ; но досадовалъ, что Александръ не позволилъ ни православному Епископу, ни Архимандриту Макарію вѣнчать Елены, не соглашается построить ей домовую церковь Греческаго Закона, удалилъ отъ нее почти всѣхъ Россіянъ, и весьма худо содержитъ остальныхъ. Жалоба на Московскихъ Пословъ была клеветою: напротивъ того они дорогою терпѣли во всемъ недостатокъ (405). — Отпустивъ Станислава, Великій Князь послалъ гонца въ Вильну навѣдаться о здоровьѣ Елены, и далъ ему два письма, одно съ обыкновенными привѣтствіями, а другое съ тайными наставленіями, желая чтобы она не имѣла при себѣ чиновниковъ, ни слугъ Латинской Вѣры, и никакъ не отпускала нашихъ Бояръ, изъ коихъ главнымъ былъ тогда Князь Василій Ромодановскій, присланный въ Вильну съ женою (406). Для переписки съ родителемъ Елена употребляла Московскаго Подьячаго и должна была скрывать оную отъ супруга: положеніе весьма опасное и непріятное! Юная Великая Княгиня, одаренная здравымъ смысломъ и нѣжнымъ сердцемъ, вела себя съ удивительнымъ благоразуміемъ, и со-

г. 1495. храня долгъ покорной дочери, не измѣняла мужу, ни государственнымъ выгодамъ ея новаго отечества, никогда не жаловалась родителю на свои домашнія неудовольствія, и старалась утвердить его въ союзѣ съ Александромъ. Въ сіе время разнесся слухъ въ Вильнѣ, что Ханъ Менгли-Гирей идетъ на Литву: Елена вмѣстѣ съ супругомъ писала къ Іоанну, чтобы онъ, исполняя договоръ, защитилъ ихъ; о томъ же писала и къ матери въ выраженіяхъ убѣдительныхъ и ласковыхъ ([407]).

Великій Князь находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ: безъ вѣдома и безъ участія Менгли-Гиреева вступивъ въ тѣсный союзъ съ Александромъ, ихъ бывшимъ непріятелемъ, онъ извѣстилъ Хана Таврическаго о семъ важномъ происшествіи, увѣряя его въ неизмѣнной дружбѣ своей, и предлагая ему также помириться съ Литвою. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ, сильный искренностію и прямодушіемъ, содержалъ въ себѣ упреки, отчасти справедливыя. «Съ удивленіемъ читаю твою грамоту,» писалъ Ханъ къ Государю: «ты вѣдаешь, измѣнялъ ли я тебѣ въ дружбѣ, предпочиталъ ли ей мои особенныя выгоды, усердно ли помогалъ тебѣ на враговъ твоихъ! *Другъ и братъ великое дѣло; не скоро добудешь его:* такъ я мыслилъ и жегъ Литву, громилъ Улусы Ахматовыхъ сыновей, не слушалъ ихъ предложеній, ни Казимировыхъ, ни Александровыхъ: что жь моя награда? Ты сталъ другомъ нашихъ злодѣевъ, а меня оставилъ имъ въ жертву!... Сказалъ ли намъ хотя единое слово о своемъ намѣреніи? Не разсудилъ и подумать съ твоимъ братомъ ([408])!» Однакожь Менгли-Гирей все еще держался Великаго Князя, и даже снова клялся умереть его вѣрнымъ союзникомъ: не отвергалъ и мира съ Литвою, требуя единственно, чтобы Александръ удовлетворилъ ему за понесенные имъ въ войнѣ убытки.

И такъ Іоаннъ могъ бы легко примирить зятя съ Ханомъ; но прежде надлежало удостовѣриться въ искренней дружбѣ перваго: отвѣтствуя ему, что договоръ съ нашей стороны будетъ исполненъ, и что войско Россійское готово защитить Литву, если Менгли-Гирей не согласится на миръ, Іоаннъ послалъ въ Вильну Боярина Кутузова, съ требованіемъ, чтобы Александръ непремѣнно позволилъ супругѣ своей имѣть домовую церковь, не принуждалъ ее носить Польскую одежду, не давалъ ей слугъ Римскаго Исповѣданія, писалъ въ грамотахъ весь титулъ Государя согласно съ условіемъ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ Россію, и чтобы наконецъ отпустилъ въ Москву жену Князя Бѣльскаго ([409]). Въ угодность зятю, Великій Князь отозвалъ изъ Вильны Бояръ Московскихъ, коихъ Александръ считалъ опасными доносителями и ссорщиками: остались при Еленѣ только Священникъ Ѳома съ двумя Крестовыми Дьяками и нѣсколько Русскихъ поваровъ. Не смотря на то, зять не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Іоанновыхъ, отвѣтствуя на первое, что уставъ предковъ его запрещаетъ строить вновь церкви нашего Исповѣданія, и что Елена можетъ ходить въ приходскую, которая недалеко отъ дворца. «Какое мнѣ дѣло до вашихъ уставовъ?» возражалъ Государь: «у тебя супруга православной Вѣры, и ты обѣщалъ ей свободу въ Богослуженіи.» Но Александръ упрямился; не отпустилъ даже и Княгини Бѣльской, говоря, что она сама не ѣдетъ въ Россію. г. 1495.

Къ симъ досадамъ онъ присовокупилъ новую. Султанъ Турецкій, Баязетъ, получивъ грамоту Великаго Князя ([410]), и строго запретивъ утѣснять купцевъ нашихъ, торгующихъ въ Кафѣ и Азовѣ, немедленно отправилъ въ Москву Посла съ дружественными увѣреніями: Александръ велѣлъ ему и бывшимъ съ нимъ Константинопольскимъ гостямъ возвратиться изъ Кіева въ Турцію, приказавъ къ Іоанну, что никогда Султанскіе Послы не ѣзжали въ Россію чрезъ Литву, и что они могутъ быть лазутчиками ([411]). г. 1495 —1496.

Однакожь Великій Князь еще изъявлялъ доброхотство зятю, и далъ ему знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей соглашаются жить въ мирѣ съ Литвою ([412]). Сего недовольно: услышавъ, что Александръ, по совѣту Думныхъ Пановъ, готовъ отдать въ Удѣлъ меньшему брату, Сигизмунду, Кіевскую область, Іоаннъ писалъ къ Еленѣ, чтобы она всячески старалась отвратить мужа отъ намѣренія столь вреднаго. Повторимъ собственныя слова его: «Я слыхалъ о неустройствахъ, какія были въ Литвѣ отъ Удѣльнаго правленія. И ты слыхала о нашихъ собственныхъ бѣдствіяхъ, произведенныхъ разновластіемъ въ княженіе отца моего; помнишь, что и самъ я терпѣлъ отъ братьевъ. Чему быть доброму, когда Сигиз-

г. 1495 —1496. мундъ сдѣлается у васъ особеннымъ Государемъ? Совѣтую, ибо люблю тебя, милую дочь свою; не хочу вашего зла. Если будешь говорить мужу, то говори единственно отъ себя (413).» Въ семъ случаѣ Іоаннъ явилъ образъ мыслей достойный Монарха сильнаго и великодушнаго: имѣлъ досаду на зятя, но какъ искренній другъ предостерегалъ его отъ гибельной погрѣшности, не смотря на то, что Россія могла бы воспользоваться ею.

Сіе великодушіе, по видимому, не тронуло Александра: онъ съ грубостію отвѣтствовалъ, что не видитъ расположенія къ миру въ нашихъ союзникахъ, Менгли-Гиреѣ и Стефанѣ, непрестанно враждующихъ Литвѣ; что тесть указываетъ ему въ его дѣлахъ, и не даетъ никакой управы. Огорченный Великій Князь, жалуясь Еленѣ на мужа ея, спрашивалъ, для чего онъ не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ? «Для того» — писалъ Александръ къ тестю — «что ты завладѣлъ многими городами и волостями, издавна Литовскими; что пересылаешься съ нашими недругами, Султаномъ Турецкимъ, Господаремъ Молдавскимъ и Ханомъ Крымскимъ, а доселѣ не помирилъ меня съ ними, вопреки нашему условію имѣть однихъ друзей и непріятелей; что Россіяне, не взирая на миръ, всегда обижаютъ Литовцевъ. Если дѣйствительно желаешь братства между нами, то возврати мое и съ убытками, запрети обиды, и докажи тѣмъ свою искренность: союзники твои увидѣвъ оную, престанутъ мнѣ злодѣйствовать (414).» Елена въ сей грамотѣ приписала только поклонъ родителю. г. 1495 —1496.

Всѣ неудовольствія Александровы происходили, кажется, отъ того, что онъ жалѣлъ о городахъ, уступленныхъ имъ Россіи, и съ прискорбіемъ оставлялъ Елену Греческою Христіанкою. Іоаннъ не отнялъ ничего новаго у Литвы послѣ заключеннаго договора; видя же упрямство, несправедливость и грубости зятя, бралъ свои мѣры. Бояринъ Князь Звенецъ поѣхалъ къ Менгли-Гирею: извиняясь, что за худою зимнею дорогою не увѣдомилъ его во-время о сватовствѣ Александровомъ, Іоаннъ убѣждалъ Хана забыть прошедшее. «Не требую» — говорилъ онъ — «но соглашаюсь, чтобы ты жилъ въ мирѣ съ Литвою; а если зять мой будетъ опять тебѣ или мнѣ врагомъ, то мы возстанемъ на него общими силами (415).» Вѣроятно, что Іоаннъ такимъ же образомъ писалъ и къ Стефану Молдавскому: по крайней мѣрѣ сіи два союзника Россіи не спѣшили мириться съ Александромъ, и Великій Князь въ случаѣ войны могъ надѣяться на ихъ усердную помощь.

ГЛАВА VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1495—1503.

Заложенъ Иваньгородъ. Гнѣвъ Великаго Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи. Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами. Іоаннъ въ Новѣгородѣ. Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Дѣла Казанскія. Первое наше Посольство въ Константинополь. Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго. Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и сына, Василія. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука своего, юнаго Димитрія Іоанновича; мирится съ супругою, казнитъ Бояръ и называетъ Василія Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова. Посолъ изъ Шамахи. Посольство въ Венецію и въ Константинополь. Завоеваніе земли Югорской или сѣверо-западной Сибири. Посланъ Воевода въ Казань. Разрывъ съ Литвою. Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну. Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевскіе добровольно покоряются. Мѣстничество нашихъ Воеводъ. Битва на берегахъ Ведроши. Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ. Переговоры о мирѣ. Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Новая побѣда надъ Литвою близъ Мстиславля. Война съ Орденомъ. Сраженіе близъ Изборска. Болѣзнь въ Ливонской рати. Россіяне опустошаютъ Ливонію. Царь Большой Орды, Шихъ-Ахметъ, помогаетъ Литвѣ. Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства. Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета. Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя. Іоаннъ, заключивъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ. Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. Папа старается о мирѣ. Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ. Хитрость Великаго Князя. Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

Имѣя Литву главнымъ предметомъ своей Политики, Государь съ тою же дѣятельностію занимался и другими внѣшними дѣлами, важными для чести и безопасности Россіи. Онъ велѣлъ въ 1492 году заложить каменную крѣпость противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, съ высокими башнями, и назвалъ ее, по своему имени, *Иваньгородъ*, къ великому безпокойству Ливонскихъ Нѣмцевъ, которые однакожь не могли ему въ томъ воспрепятствовать, и въ 1493 году продолжили миръ съ Россіею на десять лѣтъ (416). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ — такъ пишетъ Нѣмецкій Историкъ — «всенародно сожгли въ Ревелѣ одного Россіянина, уличеннаго въ гнусномъ преступленіи (417), и легкомысленные изъ тамошнихъ гражданъ сказали его единоземцамъ: *мы сожгли бы и вашего Князя, если бы онъ сдѣлалъ у насъ то же.* Сіи безразсудныя слова, пересказанныя Государю Московскому, возбудили въ немъ столь великій гнѣвъ, что онъ изломалъ трость свою, бросилъ на землю, и взглянувъ на небо, грозно произнесъ: *Богъ суди мое дѣло и казни дерзость.*» А нашъ Лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы обижали купцевъ Новогородскихъ, грабили ихъ на морѣ, безъ обсылки съ Іоанномъ и безъ изслѣдованія варили его подданныхъ въ котлахъ, дѣлая несносныя грубости Посламъ Московскимъ, которые ѣздили въ Италію и въ Нѣмецкую землю (418). Раздраженный Государь требовалъ, чтобы Ливонское Правительство выдало ему Магистратъ Ревельскій (419), и получивъ отказъ, велѣлъ схватить Ганзейскихъ купцевъ въ Новѣгородѣ: ихъ было тамъ 49 человѣкъ, изъ Любека, Гамбурга, Грейфсвальда, Люнебурга, Мюнстера, Дордтмунда, Билефельда, Унны, Дуизбурга, Эймбека, Дудерштата, Ревеля и Дерпта. Запечатали Нѣмецкіе гостиные дворы, лавки и божницу; отняли и послали въ Москву всѣ товары, цѣною на милліонъ гульденовъ (420); заключили несчастныхъ въ тяжкія оковы и въ душныя темницы. Вѣсть о семъ бѣдственномъ случаѣ произвела тревогу во всей Германіи. Давно не бывало подобнаго: Новгородъ въ самыхъ пылкихъ ссорахъ съ Ливонскимъ Орденомъ щадилъ купцевъ Ганзейскихъ, имѣя нужду во многихъ вещахъ, ими доставляемыхъ Россіи: ибо они привозили къ намъ не только Фламандскія сукна и другія Нѣмецкія рукодѣлія, но и соль, медь, пшеницу (421). Ганза находилась

Заложенъ Иваньгородъ.

Гнѣвъ Великаго Князя на Ливонскихъ Нѣмцевъ, и заключеніе всѣхъ купцевъ Ганзейскихъ въ Россіи.

Г. 1495.

г. 1495. тогда на вышшей степени ея силы и богатства. Новогородская Контора сего достопамятнаго купеческаго союза издавна считалась матерію другихъ: ударъ столь жестокій произвелъ всеобщее замѣшательство въ дѣлахъ онаго. Послы Великаго Магистра, семидесяти городовъ Нѣмецкихъ и зятя Іоаннова, Александра, пріѣхали въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія купцевъ, предлагая съ обѣихъ сторонъ выслать судей на островъ рѣки Наровы для разбора всѣхъ неудовольствій (422). Миновало болѣе года: заключенные томились въ темницахъ. Наконецъ Государь умилостивился, и велѣлъ отпустить ихъ: нѣкоторые умерли въ оковахъ, другіе потонули въ морѣ на пути изъ Ревеля въ Любекъ; не многіе возвратились въ отечество, и всѣ лишились имѣнія: ибо имъ не отдали товаровъ (423). Симъ пресѣклась торговля Ганзейская въ Новѣгородѣ, бывъ для него источникомъ богатства и самаго гражданскаго просвѣщенія въ то время, когда Россія, омраченная густыми тѣнями варварства Могольскаго, симъ однимъ путемъ сообщалась съ Европою. Іоаннъ безъ сомнѣнія сдѣлалъ ошибку, послѣдовавъ движенію гнѣва; хотѣлъ исправить оную и не могъ: Нѣмецкіе купцы уже страшились ввѣрять судьбу свою такой землѣ, гдѣ единое мановеніе грознаго Самовластителя лишало ихъ вольности, имѣнія и жизни, не отличая виновныхъ отъ невинныхъ. Любекъ, Гамбургъ и другіе союзные города, пострадавъ за Ревель, имѣли причину жаловаться на жестокость Іоанна, который думалъ только явить гнѣвъ и милость, въ надеждѣ, что Нѣмцы, смиренные наказаніемъ, съ благодарностію возвратятся на свое древнее торжище: чего однакожъ не случилось. Люди охотнѣе подвергаются морскимъ волнамъ и бурямъ, нежели беззаконному насилію Правительствъ. Дворы, божница, лавки Нѣмецкія опустѣли въ Новѣгородѣ; торговля перешла оттуда въ Ригу, Дерптъ и Ревель, а послѣ въ Нарву, гдѣ Россіяне мѣнялись своими произведеніями съ чужестранными купцами (424).

Такъ Великій Князь въ порывѣ досады разрушилъ благое дѣло вѣковъ, къ обоюдному вреду Ганзы и Россіи, въ противность собственному его всегдашнему старанію быть въ связи съ образованною Европою. Нѣкоторые Историки умствуютъ, что Іоаннъ видѣлъ въ Ганзейскихъ купцахъ проповѣдниковъ народной вольности, питающихъ духъ мятежа въ Новѣгородѣ, и для того гналъ ихъ (425); но сія мысль не имѣетъ никакого историческаго основанія, и не согласна ни съ духомъ времени, ни съ характеромъ Ганзы, которая думала единственно о своихъ торговыхъ выгодахъ, не вмѣшиваясь въ политическія отношенія граждакъ къ Правительству, и не смотря на покореніе Новагорода, еще нѣсколько лѣтъ купечествовала тамъ свободно. Другіе пишутъ, что Великій Князь сдѣлалъ то въ угожденіе Королю Датскому, ея непріятелю; что они условились вмѣстѣ воевать Швецію; что Король уступалъ Іоанну знатную часть Финляндіи, требуя уничтоженія Ганзейской Конторы въ Новѣгородѣ (426). Сіи два Монарха дѣйствительно заключили между собою тѣсный союзъ. Наши Послы возвратились изъ Копенгагена съ новымъ Посломъ Датскимъ (427), и скоро Воеводы Россійскіе, Князь Щеня, Бояринъ Яковъ Захарьевичь, Князь Василій Ѳедоровичь Шуйскій, осадили Выборгъ. Приготовленія и силы наши были велики. Желая изъявить особенное усердіе, Псковитяне съ каждыхъ десяти сохъ поставили вооруженнаго всадника, и на шумномъ Вѣчѣ обезчестили многихъ Іереевъ, которые доказывали Номоканономъ, что жители церковныхъ селъ не должны участвовать въ земскихъ ополченіяхъ (428). Но Россіяне около трехъ мѣсяцевъ стояли подъ Выборгомъ, и не могли взять его. Увѣряютъ, что тамошній начальникъ, храбрый витязь Кнутъ Поссе, видя ихъ уже на стѣнѣ крѣпости, зажегъ башню, гдѣ лежалъ порохъ: она съ ужаснымъ трескомъ взлетѣла на воздухъ, а съ нею и множество Россіянъ; другіе, оглушенные, израненные обломками, пали на землю; остальные бѣжали, гонимые страхомъ и мечемъ осажденныхъ. Сей случай, едва ли не баснословный, долго жилъ въ памяти Финовъ подъ именемъ *Выборгскаго треска* и прославилъ мнимое волшебное искусство Кнута Поссе (429). Воеводы наши удовольствовались только опустошеніемъ селъ на пространствѣ тридцати или сорока миль.

Союзъ съ Даніею. Война съ Шведами.

Желая распорядить на вмѣстѣ военныя дѣйствія, Іоаннъ самъ ѣздилъ въ Новгородъ со внукомъ Димитріемъ и сыномъ Юріемъ, оставивъ старшаго сына, Василія, въ Москвѣ. Уже сей городъ не имѣлъ ни прежняго многолюдства, ни

Іоаннъ въ Новѣгородѣ.

величавыхъ Бояръ, ни купцевъ именитыхъ; но Архіепископъ Геннадій и Намѣстники старались пышною встрѣчею удовлетворить вкусу Іоаннову ко всему торжественному: Святитель, Духовенство, чиновники, народъ ждали Государя на Московской дорогѣ; радостныя восклицанія провождали его до Софійской церкви: онъ обѣдалъ у Геннадія со Дворомъ своимъ, который состоялъ изъ осьми Бояръ Московскихъ, четырехъ Тверскихъ, трехъ Окольничихъ, Великаго Дворецкаго, Постельничаго, Спальничаго, трехъ Дьяковъ, пятидесяти Князей и многихъ Дѣтей Боярскихъ (430).

Походъ на Гамскую землю или Финляндію. Г. 1496.

Воеводы, Князь Василій Косой, Андрей Ѳедоровичь Челяднинъ, Александръ Владиміровичь Ростовскій и Димитрій Васильевичь Щеинъ, посланные на *Гамскую землю*, *Ямь* или Финляндію, разбили 7000 Шведовъ. Самъ Государственный Правитель, Стенъ Стуръ, находился въ Або, имѣя сорокъ тысячь воиновъ, и хотѣлъ встрѣтить Россіянъ въ полѣ; но далъ имъ время уйти назадъ съ добычею и плѣнниками (431). Іоаннъ возвратился въ Москву, приказавъ двумъ братьямъ, Князьямъ Ивану и Петру Ушатымъ, собрать войско въ области Устюжской, Двинской, Онѣжской, Вагской, и весною итти на Каянію или *на десять рѣкъ* (432). Сей походъ имѣлъ важнѣйшее слѣдствіе: Князья Ушатые не только разорили всю землю отъ Кореліи до Лапландіи, но и присоединили къ Россійскимъ владѣніямъ берега Лименги, коихъ жители отправили Посольство къ Великому Князю въ Москву и дали клятву быть его вѣрноподданными. За то Шведскій чиновникъ, Свантъ Стуръ, съ двумя тысячами воиновъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ приплывъ на семидесяти легкихъ судахъ изъ Стокгольма въ рѣку Нарову, взялъ Ивань-городъ. Тамошній начальникъ, Князь Юрій Бабичь, первый ушелъ изъ крѣпости; а Воеводы, Князья Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стояли не далеко оттуда съ полкомъ многочисленнымъ, видѣли приступъ Шведовъ и не дали никакой помощи гражданамъ (433). Зная, что ему не льзя удержать сего мѣста, Свантъ уступалъ оное Ливонскому Рыцарству; но Магистръ отказался отъ пріобрѣтенія столь опаснаго. Шведы разорили часть крѣпости, и спѣшили удалиться съ тремя стами плѣнниковъ.

Война кончилась тѣмъ, что Король Датскій, другъ Іоанновъ, сдѣлался Государемъ Швеціи, согласно съ желаніемъ ея Сената и Духовенства. Г. 1498. Онъ старался всячески соблюсти пріязнь Великаго Князя и, можетъ быть, отдалъ ему нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи. Два раза (въ 1500 и въ 1501 году) Послы его были въ Москвѣ, а наши въ Даніи (434), вѣроятно для утвержденія безспорныхъ границъ между обѣими Державами. Финляндія наконецъ отдохнула, претерпѣвъ ужасныя бѣдствія отъ нашихъ частыхъ впаденій, такъ, что Шведскій Государственный Совѣтъ, обвиняя бывшаго Правителя Стена во многихъ жестокостяхъ, сказалъ въ Манифестѣ: «онъ злодѣйствовалъ въ Швеціи какъ Россіяне въ Финляндіи (435)!» Главною причиною сей войны было, кажется, упрямство Стена, который никакъ не хотѣлъ относиться къ Новогородскимъ Намѣстникамъ, требуя, чтобы самъ Великій Князь договаривался съ нимъ о мирѣ: Іоаннъ досадовалъ на такую гордость, и желалъ смирить оную (436).

Дѣла Казанскія.

Доселѣ Царь Казанскій вѣрно исполнялъ обязанность нашего присяжника; но угождая Іоанну, тѣснилъ подданныхъ и былъ ненавидимъ Вельможами, которые тайно предлагали Владѣтелю Шибанскому, Мамуку, избавить ихъ отъ тирана. Магмедъ-Аминь, узнавъ о томъ, требовалъ защиты въ Москвѣ, и Государь прислалъ къ нему Воеводу, Князя Ряполовскаго, съ сильною ратію (437). Измѣнники бѣжали: Мамукъ удалился отъ предѣловъ Казанскихъ; все было тихо и спокойно. Магмедъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, но чрезъ мѣсяцъ самъ явился въ Москвѣ, съ вѣстію, что Мамукъ, незапно изгнавъ его, царствуетъ въ Казани. Сей новый Царь умѣлъ только грабить: жадный къ богатству, отнималъ у купцевъ товары, у Вельможъ сокровища, и посадилъ въ темницу главныхъ своихъ доброжелателей, которые предали ему Казань, измѣнивъ Магмедъ-Аминю. Онъ хотѣлъ завоевать городокъ Арскій: не взялъ его, и не могъ уже возвратиться въ Казань, гдѣ граждане стояли на стѣнахъ съ оружіемъ, велѣвъ сказать ему, что имъ не надобенъ Царь-разбойникъ. Мамукъ ушелъ во свояси; а Вельможи Казанскіе отправили Посольство къ Іоанну, смиренно извиняясь Г. 1497. передъ нимъ, но виня и Магмедъ-Аминя въ несносныхъ для народа утѣсненіяхъ. «Хотимъ имѣть инаго Царя отъ руки твоей,» говорили они: «дай намъ втораго Ибрагимова сына, Абдылъ-Летифа.»

г. 1497. Іоаннъ согласился и послалъ сего меньшаго пасынка Менгли-Гиреева въ Казань, гдѣ Князья Симеонъ Даниловичь Холмскій и Ѳедоръ Палецкій возвели его на Царство, заставивъ народъ присягнуть въ вѣрности къ Россійскому Монарху. — Чтобы удовольствовать и Магмедъ-Аминя, Великій Князь далъ ему въ помѣстье Каширу, Серпуховъ и Хотунь, къ бѣдствію жителей, коимъ онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ алчнымъ корыстолюбіемъ и злобнымъ нравомъ.

Сіе происшествіе могло обезпокоить Нурсалтанъ, жену Менгли-Гирееву: Іоаннъ далъ ей знать о томъ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ, увѣряя, что Казань всегда будетъ собственностію ея рода (438). Благодаря Великаго Князя, она увѣдомляла его о своемъ возвращеніи изъ Мекки и намѣреніи ѣхать въ Россію для свиданія съ сыновьями. Менгли-Гирей прислалъ Іоанну въ даръ яхонтовый перстень Магомета II (439), и старался утвердить Султана Баязета въ благосклонномъ къ намъ расположеніи. Хотя Посолъ Турецкій и не доѣхалъ до Москвы (440), однакожь Іоаннъ рѣшился тогда отправить своего въ Константинополь, чтобы изъявить признательность Султану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михайлу Андреевичу Плещееву (441): Ханъ Крымскій далъ ему письма и вожатыхъ. Цѣлію Посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу въ торговлѣ съ областями Султанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ онаго не упоминается ни о чемъ иномъ; сказано только, чтобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Іоаннова дружества къ Баязету и къ юному сыну его, Магмеду Шихзодѣ, Кафинскому Султану, строго наблюдалъ достоинство Великаго Князя; чтобы *правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣняхъ,* и никому изъ другихъ Пословъ не уступалъ мѣста; чтобы говорилъ рѣчь единственно Султану, а не Пашамъ, и проч. Плещеевъ, исполняя въ точности наказъ Государевъ, своею гордостію удивилъ Дворъ Баязетовъ. Обласканный Пашами въ Константинополѣ, и слыша, что его на другой день представятъ Султану, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ ихъ даровъ, которые состояли въ драгоцѣнной одеждѣ, ни десяти тысячь Оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и сказалъ присланному отъ нихъ чиновнику: «Мнѣ съ Пашами нѣтъ рѣчи; ихъ платья не надѣну; денегъ не хочу; буду говорить г. 1497. только съ Султаномъ.» Однакожь Баязетъ отпустилъ Плещеева съ ласковою отвѣтною грамотою, и сдѣлалъ все, чего требовалъ Іоаннъ въ разсужденіи нашихъ купцевъ. «Государь Россійскій,» — писалъ онъ къ Менгли-Гирею — «съ коимъ искренно желаю быть въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-то невѣжду: для сего не посылаю съ нимъ моихъ людей въ Россію, опасаясь, чтобы ихъ тамъ не оскорбили. Уважаемый отъ Востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сынъ мой, Правитель Кафы, сносится съ Іоанномъ.» Но соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловался самому Великому Князю на его Посла, и писалъ къ нему слѣдующее: «Ты отъ чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа *къ моему порогу:* онъ видѣлъ меня и вручилъ мнѣ твою грамоту, которую я приложилъ къ своему сердцу, видя, что желаешь быть намъ другомъ. Послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою землю: они увидятъ и скажутъ тебѣ нашу правду, равно какъ и сей, ѣдущій назадъ въ свое отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ *нашимъ великимъ поклономъ* къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ: ибо кого ты любишь, того и мы любимъ (442).» — Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношеніе Россіи съ Оттоманскою Державою! Ни та, ни другая не могла предвидѣть, что Судьба готовитъ ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе Магометанскихъ Царствъ въ мірѣ и первенство Христіанскаго оружія!

Первое наше посольство въ Константинополь.

Плещеевъ возвратился въ Москву тогда, какъ Дворъ, Вельможи и народъ были ужаснымъ образомъ волнуемы происшествіями горестными для Іоаннова сердца. Мы видѣли, что съ XV вѣка уставилось новое право наслѣдственное въ Россіи, по коему уже не братья, а сыновья были преемниками Великокняжескаго достоинства; но кончина старшаго Іоаннова сына произвела вопросъ: «кому быть наслѣдникомъ Государства, внуку ли Димитрію или Василію Іоанновичу?» Великій Князь колебался: Бояре думали разно, одни доброхотствуя Еленѣ и юному сыну ея, другіе Софіи и Василію; первыхъ было гораздо болѣе, отчасти по любви, которую всѣ имѣли къ великодушному отцу Димитріеву, отчасти и потому, что мать его окружали г. 1498.

г. 1498. только Россіяне: Софію же многіе Греки, непріятные нашимъ Вельможамъ. Друзья Еленины утверждали, что Димитрій естественнымъ образомъ наслѣдовалъ право своего родителя на Великое Княженіе; а Софіины доброжелатели отвѣтствовали, что внукъ не можетъ быть предпочтенъ сыну — и какому? происшедшему отъ крови Императоровъ Греческихъ. Софія и Елена, обѣ хитрыя, честолюбивыя, ненавидѣли другъ друга, но соблюдали наружную пристойность. Великая Княгиня Рязанская, Анна, гостила тогда въ Москвѣ у брата, равно ласкаемая его супругою и невѣсткою: онъ могъ еще наслаждаться семейственными удовольствіями; продержалъ сестру нѣсколько мѣсяцевъ, склонилъ ее выдать дочь за Князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго, и съ любовію отпустилъ въ Рязань, гдѣ надлежало быть свадьбѣ (443).

Рязанская Княгиня въ Москвѣ и выдаетъ дочь за Бѣльскаго.

Скоро по отъѣздѣ Анны донесли Государю о важномъ заговорѣ. Дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ увѣрилъ юнаго Василія, что родитель его хочетъ объявить внука наслѣдникомъ: сей Дьякъ и нѣкоторые безразсудные молодые люди предлагали Василію погубить Димитрія, уйти въ Вологду, и захватить тамъ казну Государеву. Они втайнѣ умножали число своихъ единомышленниковъ и клятвою обязались усердно служить сыну противъ отца и Государя. Іоаннъ, узнавъ о томъ, воспылалъ гнѣвомъ. Обвиняемыхъ взяли въ допросъ, пытали, и вынудивъ отъ нихъ признаніе, казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Дьякамъ Стромилову и Гусеву, Князю Ивану Палецкому и Скрябину отсѣкли голову: Аѳанасію Яропкину и Поярку ноги, руки и голову; многихъ иныхъ Дѣтей Боярскихъ посадили въ темницу, и къ самому Василію приставили во дворцѣ стражу. Гнѣвъ Іоанновъ палъ и на Софію: ему сказали, что къ ней ходятъ мнимыя колдуньи съ зеліемъ; ихъ схватили, обыскали и ночью утопили въ Москвѣ-рѣкѣ (444). Съ того времени Государь не хотѣлъ видѣть супруги, подозрѣвая, кажется, что она мыслила отравить ядомъ невѣстку Елену и Димитрія. Въ семъ случаѣ Намѣстникъ Московскій, Князь Иванъ Юрьевичь, и Воевода Симеонъ Ряполовскій дѣйствовали явно какъ ревностные друзья Іоаннова внука и недоброжелатели Софіины.

Гнѣвъ Іоанновъ на супругу и на сына, Василія.

Елена торжествовала: Великій Князь немедленно назвалъ ея сына своимъ преемникомъ, и возложилъ на него вѣнецъ Мономаховъ. Искони Духовные Россійскіе Пастыри благословляли Государей при восшествіи ихъ на престолъ, и сей обрядъ совершался въ церкви (445); но древніе Лѣтописцы не сказываютъ ничего болѣе: здѣсь въ первый разъ видимъ Царское вѣнчаніе, описанное со всѣми любопытными обстоятельствами. Въ назначенный день Государь, провождаемый всѣмъ Дворомъ, Боярами и чиновниками, ввелъ юнаго, пятнадцатилѣтняго Димитрія въ Соборную церковь Успенія, гдѣ Митрополитъ съ пятью Епископами, многими Архимандритами, Игуменами, пѣлъ молебенъ Богоматери и Чудотворцу Петру. Среди церкви возвышался амвонъ съ тремя сѣдалищами: для Государя, Димитрія и Митрополита. Близъ сего мѣста лежали на столѣ вѣнецъ и бармы Мономаховы. Послѣ молебна Іоаннъ и Митрополитъ сѣли: Димитрій стоялъ предъ ними на вышней степени амвона. Іоаннъ сказалъ: «Отче Митрополитъ! издревле Государи, предки наши, давали Великое Княжество первымъ сынамъ своимъ: я также благословилъ онымъ моего перворожднаго, Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало: благословляю нынѣ внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя Великимъ Княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новогородскимъ: и ты, отче, дай ему благословеніе.» Митрополитъ велѣлъ юному Князю ступить на амвонъ, всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ, и положивъ руку на главу его, громко молился, да Господь, Царь Царей, отъ Святаго жилища Своего благоволитъ воззрѣть съ любовію на Димитрія; да сподобитъ его помазатися елеемъ радости, пріять силу свыше, вѣнецъ и скипетръ Царствія; да возсядетъ юноша на престолъ правды, оградится всеоружіемъ Святаго Духа, и твердою мышцею покоритъ народы варварскіе; да живетъ въ сердцѣ его добродѣтель, вѣра чистая и правосудіе. Тутъ два Архимандрита подали бармы: Митрополитъ, ознаменовавъ Димитрія крестомъ, вручилъ ихъ Іоанну, который возложилъ оныя на внука. Митрополитъ тихо произнесъ слѣдующее: «Господи Вседержителю и Царю вѣковъ! се земный человѣкъ, Тобою Царемъ сотворенный, преклоняетъ главу въ моленіи къ Тебѣ, Владыкѣ міра. Храни его подъ кровомъ Своимъ: правда и миръ да сіяютъ во дни его; да живемъ съ нимъ тихо и покойно

г. 1498. Великій Князь торжественно вѣнчаетъ на Царство внука. Февраля 4.

г.1498. въ чистотѣ душевной!»... Архимандриты подали вѣнецъ: Іоаннъ взялъ его изъ рукъ Первосвятителя и возложилъ на внука. Митрополитъ сказалъ: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Читали Ектенію и молитву Богоматери. Великій Князь и Митрополитъ сѣли на своихъ мѣстахъ. Архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ: за нимъ ликъ Священниковъ и Діаконовъ. Митрополитъ всталъ, и вмѣстѣ съ Епископами поздравилъ дѣда и внука: также сыновья Государевы, Бояре и всѣ знатные сановники. Въ заключеніе Іоаннъ сказалъ юному Князю: «Внукъ Димитрій! я пожаловалъ и благословилъ тебя Великимъ Княжествомъ; а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость, и пекись о всемъ Христіанствѣ.» — Великіе Князья сошли съ амвона. Послѣ обѣдни Іоаннъ возвратился въ свой дворецъ, а Димитрій, въ вѣнцѣ и въ бармахъ, провождаемый всѣми дѣтьми Государевыми (кромѣ Василія) и Боярами, ходилъ въ Соборъ Архангела Михаила и Благовѣщенія, гдѣ сынъ Іоанновъ, Юрій, осыпалъ его въ дверяхъ золотыми и серебряными деньгами (446). — Въ тотъ день былъ великолѣпный пиръ у Государя для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Лаская юнаго Димитрія, онъ подарилъ ему крестъ съ золотою цѣпію, поясъ осыпанный драгоцѣнными каменьями, и сердоликиковую крабію Августа Цесаря (447).

Не смотря на сіи знаки любви ко внуку, грозное чело Іоанново изъявляло мучительное смятеніе его души, такъ, что самые усердные доброжелатели Елены — самые тѣ, которые своими доносами и внушеніями возбудили гнѣвъ Государевъ на Софію и Василія — не смѣли радоваться, опасаясь перемѣны. Страхъ ихъ былъ весьма основателенъ. Іоаннъ любилъ супругу, по крайней мѣрѣ чтилъ въ ней отрасль знаменитаго Императорскаго Дома, двадцать лѣтъ благоденствовалъ съ нею, пользовался ея совѣтами, и могъ по суевѣрію, свойственному и великимъ людямъ, приписывать счастію Софіи успѣхи своихъ важнѣйшихъ предпріятій. Она имѣла тонкую Греческую хитрость (448) и друзей при Дворѣ. Василій, коего рожденіе, прославленное чудомъ (449), было столь вожделѣнно для отца, не могъ лишиться всѣхъ правъ на любовь его. Вина сего юнаго Князя — если и не сомнительная — находила извиненіе въ незрѣлости ума и въ легкомысліи молодыхъ лѣтъ. Но миновалъ годъ: Россія уже привыкла къ мысли, что Димитрій, любезный, непорочный сынъ отца памятнаго благороднымъ мужествомъ, и внукъ двухъ великихъ Государей (450), будетъ ея Монархомъ. Открылось, что дѣдъ украсилъ вѣнцемъ сего юношу какъ жертву обреченную на погибель.

Къ сожалѣнію, Лѣтописцы не объясняютъ всѣхъ обстоятельствъ сего любопытнаго происшествія, сказывая только, что Іоаннъ возвратилъ наконецъ свою нѣжность супругѣ и сыну, велѣлъ снова изслѣдовать бывшіе на нихъ доносы, узналъ козни друзей Елениныхъ, и считая себя обманутымъ, явилъ ужасный примѣръ строгости надъ знатнѣйшими Вельможами, Княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикеевымъ, двумя его сыновьями и зятемъ, Княземъ Симеономъ Ряполовскимъ, обличенными въ *крамолѣ* (451): осудилъ ихъ на смертную казнь, не взирая на то, что Иванъ Юрьевичь, праправнукъ славнаго Ольгерда, былъ родный племянникъ Темнаго, сынъ дочери Великаго Князя Василія Димитріевича, Маріи (452), и тридцать-шесть лѣтъ вѣрно служилъ Государю какъ первый Бояринъ въ дѣлахъ войны и мира: отецъ же Ряполовскаго, одинъ изъ потомковъ Всеволода Великаго, спасалъ Іоанна въ юности отъ злобы Шемякиной (453). Государь по видимому увѣрился, что они, усердствуя Еленѣ, оклеветали предъ нимъ и Софію и Василія: не знаемъ точной истины; но Іоаннъ во всякомъ случаѣ былъ обманутъ кознями той или другой стороны: жалостная участь Монарховъ, коихъ легковѣріе стоитъ чести или жизни невиннымъ! Князю Ряполовскому отсѣкли голову на Москвѣ-рѣкѣ; но Митрополитъ Симонъ, Архіепископъ Ростовскій и другіе Святители ревностнымъ ходатайствомъ спасли Патрикеевыхъ отъ казни: Иванъ Юрьевичь и старшій его сынъ, Бояринъ Василій Косой, постриглись въ Монахи: первый въ Обители Св. Сергія, а вторый Св. Кирилла Бѣлозерскаго; меньшій сынъ Юрьевича, Иванъ Мынинда, остался подъ стражею въ домѣ (454). Сія *первая знаменитая Боярская опала* изумила Вельможъ, доказавъ, что гнѣвъ Самодержца не щадитъ ни сана, ни заслугъ долговременныхъ.

Іоаннъ мирится съ супругою и казнитъ Бояръ. Г.1499.

Февраля 5.

Чрезъ шесть недѣль Іоаннъ назвалъ

г. 1499. Называетъ Василія Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова.

Василія *Государемъ*, *Великимъ Княземъ Новагорода и Пскова;* изъявлялъ холодность къ невѣсткѣ и ко внуку; однакожь долго медлилъ и совѣстился отнять старѣйшинство у послѣдняго, данное ему предъ лицемъ всей Россіи и съ обрядами священными. Еще Димитрій именовался Великимъ Княземъ Владимірскимъ и Московскимъ; но Дворъ благоговѣлъ предъ Софіею, удаляясь отъ Елены и сына ея: ибо предвидѣли будущее. Могъ ли Іоаннъ, столь счастливо основавъ Единовластіе въ Россіи, предать ее по своей кончинѣ въ жертву новому, вѣроятному междоусобію двухъ Князей Великихъ, сына и внука? Могла ли и Софія быть спокойною, не свергнувъ Димитрія? Однимъ словомъ, его паденіе казалось уже необходимымъ. — Псковитяне, съ удивленіемъ и неудовольствіемъ свѣдавъ, что Іоаннъ далъ имъ Государя особеннаго, послали къ нему знатнѣйшихъ чиновниковъ, жаловались на такую новость, и молили, чтобы Димитрій, какъ будущій наслѣдникъ Россійской Державы, остался и Главою земли ихъ. Великій Князь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ: «Развѣ я не воленъ въ моемъ сынѣ и внукѣ? Кому хочу, тому и дамъ Россію. Служите Василію.» Пословъ заключили въ башню, но скоро освободили (455).

Сіе время безъ сомнѣнія было самымъ печальнѣйшимъ Іоанновой жизни: однакожь Монархъ являлъ и тогда непрестанную дѣятельность въ отношеніяхъ государственныхъ. Въ Шамахѣ господствовалъ Султанъ Махмутъ, внукъ Ширванъ-Шаха, данника Тамерланова и сыновей его (456). Слабость и бѣдствія ихъ преемниковъ, смерть завоевателя Персидскаго, Узунъ-Гассана, и малодушіе его наслѣдниковъ возвратили независимость сей странѣ Каспійской. Махмутъ, величаясь достоинствомъ Монарха, желалъ имѣть любовь и дружбу съ Государями знаменитыми, каковъ былъ Іоаннъ. Онъ прислалъ въ Москву Вельможу своего, Шебеддина, съ учтивыми и ласковыми словами, на которыя отвѣтствовали ему такими же (457); но Государь не счелъ за нужное отправить собственнаго Посла въ Шамаху, свѣдавъ, можетъ быть, о завоеваніяхъ Измаила Софи, мнимаго потомка Аліева, который около сего времени назвался Шахомъ, овладѣлъ Ираномъ, Багдадомъ, южными окрестностями моря Каспійскаго, и сдѣлался основателемъ сильной

Посолъ изъ Шамахи.

Державы Персидскихъ Софіевъ, во дни отцевъ нашихъ уничтоженной Тахмасомъ Кулы-Ханомъ.

г. 1499.

Тогда же Іоаннъ посылалъ въ Венецію Грека Дмитрія, Ралева сына, съ Митрофаномъ Карачаровымъ, и къ Султану Баязету Алексѣя Голохвастова, съ коимъ отправились многіе наши купцы въ Азовъ рѣкою Дономъ (они грузились на Мечѣ у Каменнаго Коня (458)). Голохвастовъ, имѣя учтивыя письма къ Баязету и къ сыну его, Магмеду Шихзодѣ, долженъ былъ исходатайствовать разныя выгоды Московскимъ торговымъ людямъ въ Баязетовыхъ владѣніяхъ, и сказать Пашамъ Султанскимъ слѣдующія слова: «Великій Князь не вѣдаетъ, чѣмъ вы обвиняете бывшаго у васъ Россійскаго Посла Михайла Плещеева; но знайте, что многіе Государи шлютъ Пословъ къ нашему, чтущему и жалующему ихъ ради своего имени: Султанъ можетъ въ томъ удостовѣриться опытомъ.» Голохвастовъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился съ отвѣтными грамотами отъ Баязета и Шихзоды: послѣдній присылалъ изъ Кафы въ Москву и собственнаго чиновника, который обѣдалъ у Великаго Князя (459). Но дѣло шло, какъ и прежде, единственно о безопасной и свободной торговлѣ.

Посольства въ Венецію и въ Константинополь.

Въ сей годъ Іоаннъ утвердилъ власть свою надъ сѣверо-западною Сибиріею, которая издревле платила дань Новугороду. Еще въ 1465 году — по извѣстію одного Лѣтописца (460) — Устюжанинъ, именемъ Василій Скряба, съ толпою вольницы ходилъ за Уральскія горы воевать Югру, и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ Князей, Калпака и Течика: взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности, Іоаннъ отпустилъ сихъ Князей въ отечество, обложилъ Югру данію, и милостиво наградилъ Скрябу. Сіе завоеваніе оказалось недѣйствительнымъ или мнимымъ: подчинивъ себѣ Новгородъ, Іоаннъ (въ Маѣ 1483 году) долженъ былъ отрядить Воеводъ, Князя Ѳедора Курбскаго Чернаго и Салтыка-Травина (461), съ полками Устюжскими и Пермскими на Вогуличей и Югру. Близъ устья рѣки Пелыни разбивъ Князя Вогульскаго, Юмшана, Воеводы Московскіе шли внизъ по рѣкѣ Тавдѣ мимо Тюменя до Сибири, оттуда же берегомъ Иртыша до Великой Оби въ землю Югорскую, плѣнили ея Князя Молдана, и съ богатою добычею возвратились чрезъ пять мѣсяцевъ въ Устюгъ. Вла-

г.1499. дѣтели Югорскіе или *Кодскіе* требовали мира, коего посредникомъ былъ Епископъ Пермскій Филоѳей; присягнули въ вѣрности къ Россіи и *пили воду съ золота* предъ нашими чиновниками, близъ устья Вымы; а Юмшанъ Вогульскій съ Епископомъ Филоѳеемъ самъ пріѣзжалъ въ Москву, и милостиво обласканный Великимъ Княземъ, началъ платить ему дань, бывъ дотолѣ, равно какъ и отецъ его, Асыка, ужасомъ Пермской области. Но конечное покореніе сихъ отдаленныхъ земель совершилось уже въ 1499 году: Князья Симеонъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій Бражникъ, предводительствуя пятью тысячами Устюжанъ, Двинянъ, Вятчанъ, плыли разными рѣками до Печоры, заложили на ея берегу крѣпость, и 21 Ноября отправились на лыжахъ къ Каменному Поясу ([462]). Сражаясь съ усиліемъ вѣтровъ, и засыпаемые снѣгомъ, странствующіе полки Великокняжескіе съ неописаннымъ трудомъ всходили на сіи, во многихъ мѣстахъ неприступныя горы, гдѣ и въ лѣтніе мѣсяцы не является глазамъ ничего, кромѣ ужасныхъ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречетовъ, но гдѣ, подъ мшистыми гранитами, скрываются богатыя жилы металловъ и цвѣтные камни драгоцѣнные. Тамъ встрѣтили Россіяне толпу мирныхъ Самоѣдовъ, убили 50 человѣкъ и взяли въ добычу 200 оленей; наконецъ спустились въ равнины, и достигнувъ городка Ляпина (нынѣ Вогульскаго мѣстечка въ Березовскомъ уѣздѣ) исчислили, что они прошли уже 4650 верстъ. За Ляпинымъ съѣхались къ нимъ Владѣтели Югорскіе, земли Обдорской, предлагая миръ и вѣчное подданство Государю Московскому. Каждый изъ сихъ Князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанновы ѣхали также на оленяхъ, а воины на собакахъ, держа въ рукахъ огнь и мечь для истребленія бѣдныхъ жителей. Курбскій и Петръ Ушатовъ взяли 32 города. Заболоцкій 8 городовъ (то есть, мѣстъ укрѣпленныхъ острогомъ), болѣе тысячи плѣнниковъ и пятьдесятъ Князей; обязали всѣхъ жителей (Вогуличей, Югорцевъ или, какъ вѣроятно, Остяковъ и Самоѣдовъ) клятвою вѣрности, и благополучно возвратились въ Москву къ Пасхѣ. Сподвижники ихъ разсказывали любопытнымъ о трудахъ, ими перенесенныхъ; о высотѣ Уральскихъ горъ, коихъ хребты скрываются въ облакахъ, и которыя, по мнѣнію Географовъ, назывались въ древности Рифейскими или Гиперборейскими; о звѣряхъ и птицахъ неизвѣстныхъ въ нашемъ климатѣ; о видѣ и странныхъ обыкновеніяхъ жителей Сибирскихъ: сіи разсказы, повторяемые съ прибавленіемъ, служили источникомъ баснословія о чудовищахъ и *нѣмыхъ людяхъ*, будто бы обитающихъ на Сѣверо-Востокѣ; о другихъ, которые по смерти снова оживаютъ, и проч. ([463]). — Съ того времени Государи наши всегда именовались Князьями *Югорскими*; а въ Европѣ разнесся слухъ, что мы завоевали древнее отечество *Угровъ* или Венгерцевъ; сами Россіяне хвалились тѣмъ ([464]), основываясь на сходствѣ именъ и на преданіи, что единоплеменникъ Аттилинъ, славный Маджарскій Воевода Альмъ, вышелъ изъ глубины Азіи сѣверной, или Скиѳіи, гдѣ много соболей и драгоцѣнныхъ металловъ: Югорія же, какъ извѣстно, доставляла издревле серебро и соболей Новугороду ([465]). Даже и новѣйшіе Ученые хотѣли доказывать истину сего мнѣнія сходствомъ между языкомъ Вогуличей и Маджарскимъ или Венгерскимъ ([466]).

Завоеваніе земли Югорской.

Іоаннъ посылалъ еще войско въ Казань съ Княземъ Ѳеодоромъ Бѣльскимъ, узнавъ, что Шибанскій Царевичь Агалакъ, братъ Мамуковъ, ополчился на Абдылъ-Летифа: Агалакъ ушелъ назадъ въ свои Улусы, и Бѣльскій возвратился; а для защиты Царя остались тамъ Воеводы, Князь Михайло Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которые чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отразили Ногайскихъ Мурзъ, Ямгурчея и Мусу, хотѣвшихъ изгнать Абдылъ-Летифа ([467]). г.1500.

Посланъ Воевода въ Казань.

Но дѣла Литовскія всего болѣе заботили тогда Іоанна: взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный и войну, которая осталась навѣки памятною въ лѣтописяхъ обѣихъ Державъ, имѣвъ столь важныя для оныхъ слѣдствія.

Разрывъ съ Литвою.

Александръ могъ двумя способами исполнить обязанность Монарха благоразумнаго: или стараясь искреннею пріязнію заслужить Іоаннову для цѣлости и безопасности Державы своей, или въ тишинѣ изготовляя средства съ успѣхомъ противоборствовать Великому Князю, умножая свои ратныя силы, отвлекая отъ него союзниковъ, пріобрѣтая

г.1500. ихъ для себя: вмѣсто чего онъ досаждалъ тестю по упрямству, по зависти, по слѣпому усердію къ Латинской Вѣрѣ; приближалъ войну, и не готовился къ оной; не умѣлъ расторгнуть опасной для него связи Іоанновой съ Менгли-Гиреемъ, ни съ Стефаномъ Молдавскимъ, искавъ только безполезной дружбы бывшаго Шведскаго Правителя, Стена, и слабыхъ Царей Ординскихъ; однимъ словомъ не умѣлъ быть ни пріятелемъ, ни врагомъ сильной Москвы. Великій Князь еще нѣсколько времени показывалъ миролюбіе: освобождая купцевъ Ганзейскихъ, говорилъ, что дѣлаетъ то изъ уваженія къ ходатайству зятя; не отвергалъ его посредничества въ дѣлахъ съ Швеціею (468); объяснялъ несправедливость частыхъ Литовскихъ жалобъ на обиды Россіянъ. Въ 1497 году войско Султанское перешло Дунай, угрожая Литвѣ и Польшѣ: Іоаннъ велѣлъ сказать зятю, что Россіяне въ силу мирнаго договора готовы помогать ему, когда Турки дѣйствительно вступятъ въ Литву. Но сіе обѣщаніе не было искреннимъ: Султанъ успѣлъ бы взять Вильну прежде, нежели Россіяне тронулись бы съ мѣста. Къ счастію Александра, Турки удалились (469). Досадуя на Стефана за разореніе Браславля, онъ хотѣлъ воевать Молдавію: Великій Князь просилъ его не тревожить союзника Москвы (470). «Я всегда надѣялся» — отвѣтствовалъ Александръ — «что зять тебѣ дороже свата: вижу иное.» Въ 1499 году пріѣхалъ въ Москву Литовскій Посолъ, Маршалокъ Станиславъ Глѣбовичь, и представленный Іоанну, говорилъ такъ именемъ своего Князя (471): «Въ угодность тебѣ, нашему брату, я заключилъ наконецъ союзъ любви и дружбы съ Воеводою Молдавскимъ Стефаномъ. Нынѣ слышимъ, что Баязетъ Султанъ ополчается на него всѣми силами, дабы овладѣть Молдавіею: Братья мои, Короли Венгерскій, Богемскій, Польскій, хотятъ вмѣстѣ со мною защитить оную. Будь и ты нашимъ сподвижникомъ противъ общаго злодѣя, уже владѣющаго многими великими Государствами Христіанскими. Держава Стефанова есть ограда для всѣхъ нашихъ: когда Султанъ покоритъ ее, будетъ равно опасно и намъ и тебѣ.... Ты желаешь, чтобы я въ своихъ грамотахъ именовалъ тебя *Государемъ всей Россіи*, по мирному договору нашему: не отрицаюсь, но съ условіемъ, чтобы ты письменно и навѣки утвердилъ за мною городъ Кіевъ . . . Къ изумленію и прискорбію моему, свѣдалъ я, что ты, вопреки клятвенному обѣту искренняго доброжелательства, умышляешь противъ меня зло въ своихъ тайныхъ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ. Братъ и тесть! вспомяни душу и Вѣру.» Сей упрекъ имѣлъ видъ справедливости: Іоаннъ, (въ 1498 году) пославъ въ Тавриду Князя Ромодановскаго будто бы для того, чтобъ прекратить вражду Менгли-Гирея съ Александромъ, велѣлъ на-единѣ сказать Хану: «Мирись, если хочешь; а я всегда буду за-одно съ тобою на Литовскаго Князя и на Ахматовыхъ сыновей.» Александръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — имѣлъ въ рукахъ своихъ выписку изъ тайныхъ бумагъ Ромодановскаго, и прислалъ оную въ Москву для улики. Казначей и Дьяки Великокняжескіе отвѣтствовали Послу, что Іоаннъ, будучи сватомъ и другомъ Стефану, не откажется дать ему войска, когда онъ самъ того потребуетъ; что Государь никогда не утвердитъ Кіева за Литвою, и что сіе предложеніе есть нелѣпость; что Ромодановскій дѣйствительно говорилъ Менгли-Гирею вышеприведенныя слова, но что виною тому самъ Александръ, будучи въ дружбѣ съ непріятелями Россіи, сыновьями Ахматовыми.

Зная трудныя обстоятельства Воеводы Молдавскаго, Іоаннъ не препятствовалъ ему мириться съ Литвою; но тѣмъ пріятнѣе было Великому Князю, что Менгли-Гирей изъявлялъ постоянную ненависть къ наслѣдникамъ Казимировымъ, отвергая всѣ Александровы мирныя предложенія, или требуя отъ него Кіева, Канева и другихъ городовъ, завоеванныхъ нѣкогда Батыемъ, то есть невозможнаго. Онъ убѣждалъ Іоанна немедленно итти на Литву войною, обѣщая ему даже помощь Баязетову; но въ то же время самъ не вѣрилъ Султану и писалъ откровенно къ Великому Князю, что мыслитъ на всякой случай о безопасномъ для себя убѣжищѣ внѣ Тавриды. Вотъ собственныя слова его: «Султаны *не прямые люди*; говорятъ то, дѣлаютъ другое. Прежде Кафинскіе Намѣстники зависѣли отъ моей воли; а нынѣ тамъ сынъ Баязетовъ: теперь еще молодъ и меня слушается; но за будущее не льзя ручаться. У стариковъ есть пословица, что *двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ*. Если начнемъ ссориться, то

г.1500. будетъ худо; а гдѣ худо, оттуда бѣгутъ люди. Ты можешь достать себѣ Кіевъ и городокъ Черкаскъ: я съ радостію переселюсь на берегъ Днѣпра; наши люди будутъ твои, а твои наши. Когда же *ни добромъ, ни лихомъ* не возмемъ Кіева, ни Черкаска, то не льзя ли хотя вымѣнить ихъ на другія мѣста? что утѣшитъ мое сердце и прославитъ имя твое.» Іоаннъ отвѣчалъ: «Ревностно молю Бога о возвращеніи намъ древней отчины, Кіева, и мысль о ближнемъ сосѣдствѣ съ тобою, моимъ братомъ, весьма для меня пріятна (472).» Онъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ письмахъ какъ друга, желая располагать его силами противъ Литвы, въ случаѣ явнаго съ нею разрыва.

Но Александръ столь мало надѣялся на успѣхъ своего оружія, и Великій Князь столь любилъ умѣренность въ счастіи, столь былъ доволенъ послѣднимъ миромъ съ Литвою, что не смотря на безпрестанныя взаимныя досады, жалобы, упреки, война едва ли могла бы открыться между ими, если бы въ распрю ихъ не замѣшалась Вѣра. Іоаннъ долго сносилъ грубости зятя; но терпѣніе его исчезло, когда надлежало защитить Православіе отъ Латинскихъ Фанатиковъ. Какъ ни скромно вела себя Елена, какъ ни таилась въ своихъ домашнихъ прискорбіяхъ, увѣряя родителя, что она любима мужемъ, свободна въ исполненіи обрядовъ Греческой Вѣры и всѣмъ довольна: однакожь Іоаннъ не преставалъ безпокоиться, посылалъ ей душеспасительныя книги, твердилъ о Законѣ, и свѣдавъ, что Духовникъ ея, Священникъ Ѳома, высланъ изъ Вильны, съ удивленіемъ спрашивалъ о винѣ его. «Онъ мнѣ неугоденъ,» сказала Елена: «буду искать другаго (473).» Наконецъ (въ 1499 году) увѣдомили Великаго Князя, что въ Литвѣ открылось гоненіе на Восточную Церковь; что Смоленскій Епископъ, Іосифъ, взялся обратить всѣхъ единовѣрцевъ нашихъ въ Латинство; что Александръ нудитъ къ тому и супругу, желая угодить Папѣ и въ лѣтописяхъ Римской Церкви заслужить имя Святаго. Можетъ быть, онъ хотѣлъ и государственнаго блага, думая, что единовѣріе подданныхъ утверждаетъ основаніе Державы: сіе неоспоримо; но предпріятіе опасно: должно знать свойство народа, приготовить умы, избрать время и дѣйствовать болѣе хитростію, нежели явною силою, или вмѣсто желаемаго добра произведешь бѣдствія: г.1500. для того язычникъ Гедиминъ, Католикъ Витовтъ, и отецъ Александровъ, впрочемъ суевѣрный, никогда не касались совѣсти людей въ дѣлахъ Закона. Встревоженный извѣстіемъ, Іоаннъ немедленно отправилъ въ Вильну Боярскаго сына, Мамонова, узнать подробно всѣ обстоятельства, и велѣлъ ему на-единѣ сказать Еленѣ, чтобы она, презирая льстивыя слова и даже муки, сохранила чистоту Вѣры своей. Такъ и поступила сія юная, добродѣтельная Княгиня: ни ласки, ни гнѣвъ мужа, ни хитрыя убѣжденія коварнаго отступника, Смоленскаго Владыки, не могли поколебать ея твердости въ Законѣ: она всегда гнушалась Латинскимъ, какъ пишутъ Историки Польскіе (474).

Между тѣмъ гоненіе на Греческую Вѣру въ Литвѣ продолжалось. Кіевскаго Митрополита Макарія (въ 1497 году) злодѣйски умертвили Перекопскіе Татары близъ Мозыря (475): Александръ обѣщалъ Первосвятительство Іосифу Смоленскому. Въ угодность ему, сей честолюбивый Владыка, Епископъ Виленскій Альбертъ Таборъ и Монахи Бернардинскіе ѣздили изъ города въ городъ склонять Духовенство, Князей, Бояръ и народъ къ соединенію съ Римскою Церковію: ибо по смерти Кіевскаго Митрополита, Григорія, Святители Литовской Россіи, отвергнувъ уставъ Флорентійскаго Собора, не хотѣли зависѣть отъ Папы и снова принимали Митрополитовъ отъ Патріарховъ Константинопольскихъ (476). Іосифъ доказывалъ, что Римскій Первосвятитель есть дѣйствительно Глава Христіанства; Виленскій Епископъ и Бернардины вопили: «да будетъ едино стадо и единъ Пастырь!» Александръ грозилъ насиліемъ: Папа въ краснорѣчивой Буллѣ изъявлялъ свою радость, что еретики озаряются свѣтомъ истины, и присылалъ въ Литву мощи Святыхъ (477). Но ревностные въ Православіи Христіане гнушались Латинскимъ соблазномъ, и многіе выѣхали въ Россію. Знатный Князь, Симеонъ Бѣльскій, первый поддался Государю Московскому съ своею отчиною: за нимъ Князья Мосальскіе и Хотетовскій, Бояре Мценскіе и Серпейскіе; другіе готовились къ тому же, и вся Литва находилась въ волненіи (478). Принимая къ себѣ Литовскихъ Князей съ ихъ помѣстьями, Іоаннъ нарушалъ мирный договоръ; но оправдывался необходимостію быть по-

г. 1500. кровителемъ единовѣрцевъ, у коихъ отнимаютъ миръ совѣсти и душевное спасеніе.

Видя опасность своего положенія, Александръ прислалъ въ Москву Намѣстника Смоленскаго, Станислава (479), написавъ въ вѣрющей грамотѣ весь Государевъ титулъ, и требуя, чтобы Іоаннъ взаимно исполнилъ договоръ, удовлетворилъ всѣмъ жалобамъ Литовскихъ подданныхъ, и выдалъ ему Князя Симеона Бѣльскаго вмѣстѣ съ другими бѣглецами, коихъ онъ будто бы никогда не мыслилъ *гнать за Вѣру*, и которые безстыднымъ образомъ на него клевещутъ. «Поздно братъ и зять мой исполняетъ условія,» отвѣтствовалъ Великій Князь: «именуетъ меня наконецъ Государемъ всей Россіи; но дочь моя еще не имѣетъ придворной церкви и слышитъ хулы на свою Вѣру отъ Виленскаго Епископа и нашего отступника, Іосифа. Что дѣлается въ Литвѣ? строятъ Латинскія божницы въ городахъ Русскихъ; отнимаютъ женъ отъ мужей, дѣтей у родителей и силою *крестятъ* въ Законъ Римскій. То ли называется *не гнать за Вѣру?* и могу ли видѣть равнодушно утѣсняемое Православіе? Однимъ словомъ, я ни въ чемъ не преступилъ условій мира, а зять мой не исполняетъ оныхъ.»

Новыя измѣны устрашили Александра. Князь Иванъ Андреевичь Можайскій и сынъ Шемякинъ, Иванъ Димитріевичь, непримиримые враги Государя Московскаго, пользовались въ Литвѣ отмѣнною милостію Казимира, такъ, что онъ далъ имъ въ наслѣдственное владѣніе цѣлыя области въ южной Россіи: первому Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечь; второму Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій (480), гдѣ, по смерти сихъ двухъ Князей, господствовали ихъ дѣти: сынъ Можайскаго, Симеонъ, и внукъ Шемякинъ, Василій, вѣрные присяжники Александра до самаго того времени, какъ онъ вздумалъ обращать Князей и народъ въ Латинство. Сіе безразсудное дѣло рушило узы любви и вѣрности, соединявшіе Государя съ подданными. Слѣдуя примѣру Бѣльскаго, Симеонъ и Василій Ивановичи, забывъ наслѣдственную вражду, предложили Великому Князю избавить ихъ и подвластные имъ города отъ Литовскаго ига (481). Тогда Іоаннъ рѣшился дѣйствовать силою противъ зятя: послалъ чиновника, именемъ Телешева, объявить ему, чтобы онъ уже не вступался въ отчину Симеона Черниговскаго, ни Василія Рыльскаго, которые добровольно присоединяются къ Московской Державѣ, и будутъ охраняемы ея войскомъ (482). Телешевъ долженъ былъ вручить Александру и *складную грамоту*: то есть, Іоаннъ, *сложивъ съ себя крестное цѣлованіе*, объявлялъ войну Литвѣ за принужденіе Княгини Елены и всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ къ Латинству. Грамота оканчивалась словами: «хочу стоять за Христіанство, сколько мнѣ Богъ поможетъ.»

Князья Черниговскій и Рыльскій поддаются Іоанну.

Тщетно Александръ желалъ отклонить войну, увѣряя, что онъ всякому дастъ полную свободу въ Вѣрѣ, и немедленно отправитъ Пословъ въ Москву: Государь дозволилъ имъ пріѣхать, но уже бралъ города въ Литвѣ. Войскомъ нашимъ предводительствовалъ бывшій Царь Казанскій, Магмедъ-Аминь (483), но дѣйствовалъ и всѣмъ управлялъ Бояринъ Яковъ Захарьевичь. Мценскъ и Серпейскъ сдалися добровольно. Брянскъ не могъ сопротивляться долго: тамошній Епископъ и Намѣстникъ, Станиславъ Бардашевичь, были отосланы въ Москву. Князь Симеонъ Черниговскій и внукъ Шемякинъ, встрѣтивъ Москвитянъ на берегу Кондовы, съ радостію присягнули Іоанну: то же сдѣлали и Князья Трубчевскіе (или Трубецкіе), потомки Ольгердовы. Усиленный ихъ дружинами, Воевода Яковъ Захарьевичь овладѣлъ Путивлемъ, плѣнилъ Князя Богдана Глинскаго съ его женою и занялъ безъ кровопролитія всю Литовскую Россію отъ нынѣшней Калужской и Тульской Губерніи до Кіевской. — Другая Московская рать, предводимая Бояриномъ (484) Юріемъ Захарьевичемъ (прапрадѣдомъ Царя Михаила Θеодоровича) вступила въ Смоленскую область и взяла Дорогобужъ.

Завоеваніе Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа.

Мая.

Князья Трубчевскіе покоряются. Августа 6.

Необходимость защитить свою Державу вооружила наконецъ Александра. Обнаживъ мечь съ трепетомъ, и чувствуя себя неспособнымъ къ ратному дѣлу, онъ искалъ Полководца между своими Вельможами. Не за-долго до того времени Гетманъ Литовскій, Петръ Бѣлый, старецъ уважаемый Дворомъ и любимый народомъ, будучи на смертномъ одрѣ, сказалъ горестному Александру: «Князь Острожскій, Константинъ, можетъ замѣнить меня отечеству, будучи украшенъ достоинствами рѣдкими (485).» Таковъ дѣйствительно былъ сей мужъ, одинъ изъ потомковъ славнаго Романа

г. 1500. Галицкаго (486), имѣя весьма скромную наружность, малый ростъ, но великую душу. Еще немногіе вѣдали его доблесть, которая оказалась послѣ въ тридцати битвахъ, счастливыхъ для оружія Литовскаго; но всѣ отдавали ему справедливость въ добродѣтеляхъ государственныхъ, гражданскихъ и семейственныхъ: «дома благочестивый Нума» (писалъ объ немъ Легатъ Римскій къ Папѣ), «въ сраженіяхъ Ромулъ: къ сожалѣнію, онъ *раскольникъ*, ослѣпленъ излишнимъ усердіемъ къ Греческой Вѣрѣ и не хочетъ отступить ни на волосъ отъ ея Догматовъ (487).» Не смотря на то, Александръ возвелъ Константина на степень Гетмана Литовскаго и — что еще важнѣе — вручилъ ему главное Воеводстю противъ Россіянъ, его братьевъ и единовѣрцевъ: такую довѣренность имѣлъ къ его чести и присягѣ! Въ самомъ дѣлѣ никто не служилъ Литвѣ и Польшѣ усерднѣе Острожскаго, брата Россіянъ въ Церкви, но страшнаго врага ихъ въ полѣ. Смѣлый, бодрый, славолюбивый, сей Вождь одушевилъ слабые полки Литовскіе: знатнѣйшіе Паны и рядовые воины шли съ нимъ охотно на битву. Самъ Александръ остался въ Борисовѣ: Константинъ выступилъ изъ Смоленска.

Между тѣмъ Іоаннъ прислалъ въ Дорогобужъ Князя Даніила Щеню съ Тверскою силою (488), велѣвъ ему предводительствовать *Большимъ* или главнымъ Полкомъ, а Юрію Захарьевичу *Сторожевымъ* или оберегательнымъ, къ досадѣ сего честолюбиваго Боярина, не хотѣвшаго зависѣть отъ Князя Даніила; но Государь далъ знать Юрію, чтобы онъ не смѣлъ противиться волѣ Самодержца; что всякое мѣсто хорошо, гдѣ служишь отечеству и Монарху; что предводитель Сторожеваго полку есть товарищъ главнаго Воеводы и не долженъ обижаться своимъ саномъ (489). Здѣсь видимъ древнѣйшій примѣръ такъ называемаго *Мѣстничества*, столь вреднаго въ послѣдствіи для Россійскихъ воинствъ.

Мѣстничество нашихъ Воеводъ.

Битва на берегахъ Ведроши.

Близъ Дорогобужа, среди обширнаго Митькова поля, на берегахъ рѣки Ведроши стояли Іоанновы Полководцы, Даніилъ Щеня и Юрій, готовые къ бою. Князь Острожскій зналъ отъ плѣнниковъ о числѣ Россіянъ, надѣялся легко управиться съ ними, и смѣло шелъ сквозь болотистыя, лѣсистыя ущелья къ нашему стану. Передовый Московскій полкъ отступилъ, чтобы заманить Литовцевъ на другой берегъ рѣки. Тутъ началась кровопролитная битва. Долго и мужество и силы казались равными: съ обѣихъ сторонъ сражалось тысячь восемдесятъ или болѣе; но Воеводы Іоанновы имѣли тайную засаду, которая внезапнымъ ударомъ смяла непріятеля (490). Литовцы искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ легло на мѣстѣ тысячь восемь; множество утонуло въ рѣкѣ: ибо наша пѣхота зашла имъ въ тылъ и подрубила мостъ. Военачальникъ Константинъ, Намѣстникъ Смоленскій Станиславъ, Маршалки Григорій Остюковичь и Литаворъ Хребтовичь, Князья Друцкіе, Мосальскіе, Паны и чиновники были взяты въ плѣнъ; весь обозъ и снарядъ огнестрѣльный достался въ руки побѣдителю. Съ сею счастливою для насъ вѣстію прискакалъ въ Москву Дворянинъ Михайло Плещеевъ. Государь, Бояре, народъ изъявили радость необыкновенную. Никогда еще Россіяне не одерживали такой побѣды надъ Литвою, ужасною для нихъ почти не менѣе Моголовъ въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ. Слыхавъ отъ своихъ дѣдовъ, какъ знамена Ольгердовы развѣвались передъ стѣнами Кремлевскими, какъ Витовтъ похищалъ цѣлыя Княжества Россіи, и съ какимъ трудомъ благоразумный сынъ Донскаго, Василій Димитріевичь, спасъ ея послѣднее достояніе, ликующіе Москвитяне дивились Іоанновой и собственной ихъ славѣ! — Князя Острожскаго вмѣстѣ съ другими знатными плѣнниками привезли въ Москву окованнаго цѣпями, по сказанію Литовскаго Историка (491); но Іоаннъ чтилъ его и склонялъ вступить въ нашу службу. Константинъ долго не соглашался: наконецъ, угрожаемый темницею, присягнулъ въ вѣрности Россійскому Монарху, весьма неискренно; ему дали чинъ Воеводы и земли: но онъ, Литвинъ душею, не могъ простить своихъ побѣдителей, желалъ мести, и совершилъ оную чрезъ нѣсколько лѣтъ, какъ увидимъ. г. 1500. Іюля 14.

Довольный искусствомъ и мужествомъ нашихъ Полководцевъ, Іоаннъ въ знакъ чрезвычайной милости послалъ къ нимъ знатнаго чиновника *спросить о ихъ здравіи*, и велѣлъ ему сказать *первое слово* Князю Даніилу Щенѣ, а *второе* Князю Іосифу Дорогобужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ (492). — Скоро также пришла вѣсть, что соединенные полки Новогородскіе, Псковскіе и Великолуцкіе, разбивъ непріятеля близъ Ловати, взяли Торопецъ (493). Въ семъ вой-

г.1500. скѣ были племянники Государевы, Князья Иванъ и Ѳеодоръ, сыновья брата его, Бориса: они начальствовали только именемъ, подобно Царю Магмедъ-Аминю: Новогородскій Намѣстникъ, Андрей Ѳедоровичъ Челяднинъ, велъ *Большой Полкъ*, имѣлъ знамя Великокняжеское, избиралъ частныхъ предводителей и давалъ всѣ повелѣнія. — Государь хотѣлъ увѣнчать свои успѣхи взятіемъ Смоленска; но дождливая осень, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и зима, отмѣнно снѣжная, заставили его отложить сіе предпріятіе (494).

Въ самомъ началѣ войны онъ спѣшилъ извѣстить Менгли-Гирея, что пришло для нихъ время ударить съ обѣихъ сторонъ на Литву. Сообщеніе между Россіею и Крымомъ было весьма невѣрно: Азовскіе Козаки разбойничали въ степяхъ Воронежскихъ, ограбили нашего Посла, Князя Кубенскаго, принужденнаго бросить свои бумаги въ воду, а другаго, Князя Ѳедора Ромодановскаго, плѣнили (495). Не смотря на то, Менгли-Гирей, какъ усердный нашъ союзникъ, уже въ Августѣ мѣсяцѣ громилъ Литву. Сыновья его, предводительствуя пятнадцатью тысячами конницы, выжгли Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславль, нѣсколько городовъ въ Польской Галиціи, и вывели оттуда множество плѣнниковъ (496). — Желая довершить бѣдствіе зятя, Великій Князь старался воздвигнуть на него и Стефана Молдавскаго, обязаннаго договорами помогать Россіи въ случаѣ войны съ Литвою (497).

Ханъ Крымскій опустошаетъ Литву и Польшу.

Въ сихъ несчастныхъ обстоятельствахъ Александръ дѣлалъ, что могъ, для спасенія Державы своей: укрѣпилъ Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ (498); писалъ къ Стефану, что ему будетъ стыдно нарушить мирный договоръ, заключенный между ими, и служить орудіемъ сильному къ утѣсненію слабаго; предлагалъ свою дружбу Менгли-Гирею, убѣждая его слѣдовать примѣру отца, постояннаго союзника Казимирова, и называя Государя Московскаго вѣроломнымъ, хищникомъ, лютымъ *братоубійцею* (499); въ то же время отправилъ Посла въ Золотую Орду склонять Хана, Шигъ-Ахмета, къ нападенію на Тавриду (500); въ Польшѣ, въ

г.1501. Богеміи, въ Венгріи, въ Германіи (501) нанималъ войско, не жалѣя казны, и заключилъ тѣсный союзъ съ Ливоніею. Хотя силы Ордена никакъ не могли равняться съ нашими; но тогдашній Магистръ онаго, Вальтеръ Фонъ-Плеттенбергъ, былъ мужъ необыкновенныхъ достоинствъ, благоразумный правитель и военачальникъ искусный: такіе люди умѣютъ съ малыми средствами дѣлать великое и бываютъ опасными непріятелями. Воспитанный въ ненависти къ Россіянамъ, иногда безпокойнымъ и всегда неуступчивымъ сосѣдамъ; досадуя на Великаго Князя за бѣдствіе, претерпѣнное Нѣмецкими купцами въ Новѣгородѣ, и за другія новѣйшія обиды, Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ Имперскаго Сейма въ Ландау, въ Вормсѣ, также отъ богатыхъ городовъ Ганзейскихъ (502), и думая, что война Литовская не позволитъ Іоанну дѣйствовать противъ Ордена большими силами, обязался быть вѣрнымъ сподвижникомъ Александровымъ. Написали договоръ въ Венденѣ, утвержденный Епископомъ Рижскимъ, Дерптскимъ, Эзельскимъ, Курляндскимъ, Ревельскимъ, и всѣми чиновниками Ливоніи: условились вмѣстѣ ополчиться на Россію, дѣлить между собою *завоеванія*, и въ теченіе десяти лѣтъ одному не мириться безъ другаго (503).

г.1501. Союзъ Александра съ Ливонскимъ Орденомъ.

Но Князь Литовскій въ самомъ дѣлѣ не мыслилъ о *завоеваніяхъ:* извѣдавъ опытомъ могущество Іоанново, утративъ и войско и знатную часть своей Державы, не хотѣлъ безъ крайности искать новыхъ ратныхъ опасностей и бѣдствій. Въ началѣ 1501 года пріѣхали въ Москву Послы отъ Королей, его братьевъ, Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго, а за ними и чиновникъ Александровъ, Станиславъ Нарбутъ. Именуя Великаго Князя братомъ и сватомъ, Короли желали знать, за что онъ вооружился на зятя; предлагали ему миръ; обѣщали удовлетвореніе; хотѣли, чтобы Іоаннъ освободилъ Литовскихъ плѣнниковъ и возвратилъ завоеванныя имъ области. Посолъ Александровъ предлагалъ то же, и говорилъ: «Ты *открылъ* лютую войну и *пустилъ огонь* въ нашу землю; *засѣлъ* многія области Александровы, и прислалъ грамоту складную поздно; взялъ въ плѣнъ Гетмана и Пановъ, высланныхъ единственно для обереженія границы (504). Уйми кровопролитіе. Большіе Послы Литовскіе готовы ѣхать къ тебѣ для мирныхъ переговоровъ.» Казначей и Дьяки Великокняжескіе именемъ Іоанна отвѣтствовали, что зять его навлекъ на себя

Переговоры о миръ.

г. 1501. войну неисполненіемъ условій; что Государь, обнаживъ мечь за Вѣру, не отвергаетъ мира пристойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія; что онъ ждетъ Большихъ Пословъ Литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе. — Послы обѣдали во дворцѣ; но отпуская ихъ, Государь не подалъ имъ ни вина, ни руки.

Александръ избранъ въ Польскіе Короли. Прошло нѣсколько времени: Александръ молчалъ, и Нѣмецкіе воины, имъ нанятые, грабя жителей въ собственной его землѣ, имѣли сшибки съ нашими отрядами ([505]). Великій Князь рѣшился продолжать войну, не смотря на то, что его зять, по смерти Албрехта сдѣлался Королемъ Польскимъ, слѣдственно могъ располагать силами двухъ Державъ ([506]). Сынъ Іоанновъ, Василій, съ Намѣстникомъ Княземъ Симеономъ Романовичемъ долженъ былъ изъ Новагорода итти къ сѣвернымъ предѣламъ Литвы ([507]); а другое войско, подъ начальствомъ Князей Симеона Черниговскаго или Стародубскаго, Василія Шемякина, Александра Ростовскаго и Боярина Воронцова, близъ Мстиславля одержало знаменитую побѣду надъ Княземъ Михаиломъ Ижеславскимъ ([508]) и Воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ: положивъ на мѣстѣ около семи тысячь непріятелей, оно взяло множество плѣнниковъ и всѣ знамена; впрочемъ удовольствовалось только разореніемъ Мстиславскихъ окрестностей и возвратилось въ Москву. (Новая побѣда надъ Литвою. Ноября 14.)

Война съ Орденомъ. Уже Магистръ фонъ-Плеттенбергъ дѣйствовалъ какъ ревностный союзникъ Литвы и врагъ Іоанновъ. Купцы наши спокойно жили и торговали въ Дерптѣ: ихъ всѣхъ (числомъ болѣе двухъ сотъ) нечаянно схватили, ограбили, заключили въ темницы ([509]). Началась война, славная для мужества Рыцарей, еще славнѣйшая для Магистра, но безполезная для Ордена, бѣдственная для несчастной Ливоніи. Исполняя договоръ, и думая, что Король Александръ также исполнитъ его, то есть, всѣми силами съ другой стороны нападетъ на Россію, Плеттенбергъ собралъ 4,000 всадниковъ, нѣсколько тысячь пѣхоты и вооруженныхъ земледѣльцевъ ([510]); вступилъ въ область Псковскую; жегъ, истреблялъ все огнемъ и мечемъ. Воеводы, Намѣстникъ Князь Василій Шуйскій съ Новогородцами, а Князь Пенко Ярославскій съ Тверитянами и Московскою дружиною пришли защитить Псковъ, но долго не хотѣли отважиться на битву ([511]); ждали особеннаго указа Государева, получили его и сразились съ непріятелемъ, 27 Августа, въ десяти верстахъ отъ Изборска. Ливонскій Историкъ пишетъ, что Россіянъ было 40,000 ([512]): сіе превосходство силъ оказалось ничтожнымъ въ сравненіи съ искуснымъ дѣйствіемъ огнестрѣльнаго снаряда Нѣмецкаго. Приведенные въ ужасъ пушечнымъ громомъ, омраченные густыми облаками дыма и пыли, Псковитяне бѣжали; за ними и дружина Московская, съ великимъ стыдомъ, хотя и безъ важнаго урона ([513]). Въ числѣ убитыхъ находился Воевода, Иванъ Бороздинъ, застрѣленный изъ пушки. — Бѣглецы кидали свои вещи и самое оружіе; но побѣдители не гнались за сею добычею, взятою жителями Изборскими, которые, раздѣливъ ее между собою, зажгли предмѣстіе, изготовились къ битвѣ, и на другой день мужественно отразили Нѣмцевъ. (г. 1501. Сраженіе на Сирицѣ.)

Псковъ трепеталъ: всѣ граждане вооружились; отъ двухъ третьему надлежало итти съ копьемъ и мечемъ противъ гордаго Магистра, который безжалостно опустошалъ села на берегу Великой, и 7 Сентября сжегъ Островъ, гдѣ погибло 4000 людей въ пламени, отъ меча или во глубинѣ рѣки, между тѣмъ, какъ наши Воеводы стояли неподвижно въ 3 верстахъ, а Литовцы приступали къ Опочкѣ, чтобы, взявъ сію крѣпость, вмѣстѣ съ Нѣмцами осадить Псковъ ([514]). Къ счастію Россіянъ, открылась тогда жестокая болѣзнь въ войскѣ Плеттенберга: отъ худой пищи и недостатка въ соли сдѣлался кровавый поносъ; всякой день умирало множество людей. Не время было думать о геройскихъ подвигахъ. Нѣмцы спѣшили восвояси: Литовцы также удалились ([515]). Самъ Магистръ занемогъ, съ трудомъ достигнулъ своего замка, и распустилъ войско, желая единственно отдохновенія. (Болѣзнь въ рати Ливонской.)

Но Іоаннъ желалъ мести и поручилъ оную храброму Князю Даніилу Щенѣ, побѣдителю Константина Острожскаго. Въ глубокую осень, не смотря на дожди, чрезвычайное разлитіе водъ и худыя дороги ([516]), сей Московскій Воевода вмѣстѣ съ Княземъ Пенкомъ опустошилъ всѣ мѣста вокругъ Дерпта, Нейгаузена, Маріенбурга, умертвивъ или взявъ въ плѣнъ около 40,000 человѣкъ ([517]). Рыцари долго сидѣли въ крѣпостяхъ; на- (Октяб. 18—24. Россіяне опустошаютъ Ливонію.)

конецъ, въ темную ночь, близъ Гельмета ударили на станъ Россіянъ: стрѣляли изъ пушекъ; сѣклись мечами, во тьмѣ и безпорядкѣ. Воевода нашей передовой дружины, Князь Александръ Оболенскій, палъ въ сей кровопролитной битвѣ. Но Рыцари не могли одолѣть и бѣжали ([518]). Полкъ Епископа Дерптскаго былъ истребленъ совершенно. «Не осталось ни одного человѣка для вѣсти,» говорить Лѣтописецъ Псковскій: «Москвитяне и *Татары* не *саблями свѣтлыми* рубили поганыхъ, а били ихъ какъ вепрей шестоперами.» — Щеня и Пенко доходили почти до Ревеля, и зимою возвратились, причинивъ неописанный вредъ Ливоніи. Нѣмцы отплатили намъ разореніемъ предмѣстія Ивангородскаго, умертвивъ тамошняго Воеводу, Лобана Колычева, и множество земледѣльцевъ въ окрестностяхъ Краснаго ([519]).

г. 1502.

Царь Большой Орды, Шигъ-Ахметъ помогаетъ Литвѣ.

Какъ мужественный Плеттенбергъ отвлекъ знатную часть Іоанновыхъ силъ отъ Литвы, такъ Шигъ-Ахметъ, непримиримый злодѣй Менгли-Гиреевъ, обуздывалъ Крымцевъ. Онъ съ двадцатью тысячами своихъ Улусниковъ, конныхъ и пѣшихъ, расположился близъ устья Тихой Сосны, подъ Дѣвичьими горами: на другомъ берегу Дона стоялъ Ханъ Крымскій, съ двадцатью пятью тысячами, въ укрѣпленіи, ожидая Россіянъ. «Люди твои» — писалъ онъ къ Великому Князю — «ходятъ въ судахъ рѣкою Дономъ: пришли съ ними нѣсколько пушекъ, для одной славы: врагъ уйдетъ.» Какъ ни занятъ былъ Іоаннъ войною Литовскою и Нѣмецкою, однакожь немедленно выслалъ помощь союзнику: Магметъ-Аминь велъ нашихъ *служилыхъ* Татаръ, а Князь Василій Ноздроватый Москвитянъ и Рязанцевъ; за ними отправлялись пушки водою. Но Менгли-Гирей не дождался ихъ, отступилъ, извиняясь голодомъ, и ручался Іоанну за скорую гибель Золотой Орды ([520]). Съ того времени Крымцы дѣйствительно не давали ей покоя ни лѣтомъ, ни зимою, и зажигали степи, въ коихъ она скиталась. Напрасно Шигъ-Ахметъ звалъ къ себѣ Литовцевъ: подходилъ къ Рыльску и не видалъ ихъ знаменъ; видѣлъ только наши и войско Іоанново готовое къ бою; жаловался, винилъ Александра, говоря ему чрезъ своихъ Пословъ: «Для тебя мы ополчились, сносили труды и нужду въ пустыняхъ ужасныхъ; а ты оставляешь насъ безъ помощи, въ жертву гладу и Менгли-Гирею.» Новый Король посылалъ Хану дары, обѣщалъ и войско, но обманывалъ или медлилъ, занимаясь тогда праздествами въ Краковѣ ([521]). Между тѣмъ Князья, Уланы бѣжали толпами отъ Шигъ-Ахмета. Оставленный и самою любимою женою, которая ушла въ Тавриду ([522]); будучи въ ссорѣ съ братомъ, Сеитъ-Махмутомъ, желавшимъ тогда имѣть пристанище въ Россіи ([523]); досадуя на Короля Польскаго, и зная худые успѣхи его оружія, Шигъ-Ахметъ рѣшился искать дружбы Іоанновой, и въ концѣ 1501 года прислалъ въ Москву Вельможу Хаза, предлагая союзъ Великому Князю съ условіемъ воевать Литву, ежели онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ вступаться за Менгли-Гирея ([524]). Политика не злопамятна: Іоаннъ охотно соглашался быть другомъ Шигъ-Ахмета, чтобы отвратить его отъ Литвы; только не могъ пожертвовать ему важнѣйшимъ союзникомъ Россіи: для того послалъ въ Орду собственнаго чиновника съ ласковыми привѣтствіями, но съ объявленіемъ, что враги Менгли-Гиреевы не будутъ никогда нашими друзьями ([525]). Ослѣпленный личною ненавистію, Шигъ-Ахметъ лучше хотѣлъ зависѣть отъ милости своего бывшаго данника, Государя Московскаго, нежели примириться съ единовѣрнымъ братомъ, Ханомъ Таврическимъ, и погубилъ остатки Батыева Царства: весною въ 1502 году Менгли-Гирей внезапнымъ нападеніемъ сокрушилъ оные; разсыпалъ, истребилъ или взялъ въ плѣнъ изнуренныя голодомъ толпы, которыя еще скитались съ Шигъ-Ахметомъ; прогналъ его въ отдаленныя степи Ногайскія и торжественно извѣстилъ Іоанна, что древняя Большая Орда уже не существуетъ ([526]). «Улусы злодѣя нашего въ рукѣ моей,» говорилъ онъ: «а ты, братъ любезный, слыша столь добрыя вѣсти, ликуй и радуйся!»

г. 1502.

Ханъ Крымскій совершенно истребляетъ сіи остатки Батыева Царства.

Замѣтимъ, что Лѣтописцы наши едва упоминаютъ о семъ происшествіи: ибо Россіяне уже презирали слабую Орду, еще не давно трепетавъ Ахматова могущества. — Поздравляя Менгли-Гирея съ одолѣніемъ ихъ общаго врага, Іоаннъ писалъ къ нему, чтобы онъ не забывалъ гораздо важнѣйшаго, то есть, Короля Польскаго, и навсегда безопасный отъ злобы Ахматовыхъ сыновей, довершилъ побѣду надъ Литвою. Имѣя единствен-

г. 1502. но сію цѣль, Великій Князь мыслилъ даже возставить Шигъ-Ахмета: пересылаясь съ нимъ, обѣщалъ ему Астрахань, съ условіемъ, чтобы сей изгнанникъ клятвенно обязался быть врагомъ Литвы и доброжелателемъ Хана Крымскаго (527). Такимъ образомъ Шигъ-Ахметъ могъ еще остаться Царемъ по милости Государя, коему болѣе всѣхъ иныхъ надлежало бы ненавидѣть племя Батыево! Но увлеченный Судьбою, онъ съ двумя братьями, Козякомъ и Халекомъ, поѣхалъ въ Царьградъ къ Султану Баязету. Ихъ остановили. Султанъ велѣлъ имъ сказать, что для враговъ Менгли-Гиреевыхъ нѣтъ пути въ Турецкую Имперію. Гонимые Царевичами Крымскими, они бѣжали въ Кіевъ, и вмѣсто помощи нашли тамъ неволю: Шигъ-Ахмета, братьевъ, слугъ его взяли подъ стражу: ибо Государь Литовскій, уже не имѣя нужды въ союзѣ бѣглеца, думалъ, что сей несчастный можетъ быть для него залогомъ мира съ Тавридою. « Враги твои въ моихъ рукахъ, » приказывалъ онъ къ Менгли-Гирею: «отъ меня зависитъ на зло тебѣ освободить Ахматовыхъ сыновей, если не примиришься со мною (528).» Но Іоаннъ убѣждалъ Хана не вѣрить ему и писалъ: «Въ противность всѣмъ уставамъ Литовцы заключили своего союзника, который долгое время служилъ имъ орудіемъ: такъ нѣкогда поступили и съ Седи-Ахматомъ; такъ и сія новая жертва ихъ вѣроломства погибнетъ въ темницѣ. Будь спокоенъ: они уже не освободятъ твоего злодѣя, ибо должны опасаться его мести (529).» Предсказаніе Великаго Князя исполнилось: бывъ еще нѣсколько лѣтъ игралищемъ Литовской Политики — то съ уваженіемъ чествимый во дворцѣ какъ знаменитый Властитель, то осуждаемый на самую тяжкую неволю какъ преступникъ — Шигъ-Ахметъ изъявлялъ великодушіе въ бѣдствіи; и представленный на Сеймъ Радомскій, торжественно обвинялъ Короля, сказавъ: « Ты льстивыми обѣщаніями вызвалъ меня изъ дальнихъ странъ Скиѳіи и предалъ Менгли-Гирею. Утративъ мое войско и все Царское достояніе, я искалъ убѣжища въ землѣ друга, а другъ встрѣтилъ меня какъ непріятеля и ввергнулъ въ темницу. Но есть Богъ » (примолвилъ онъ, воздѣвъ руки на небо): «предъ Нимъ будемъ судиться, и вѣроломство твое не останется безъ наказанія. » Ни краснорѣчіе, ни истина сихъ упрековъ не тронули Александра, коего Вельможи отвѣтствовали, что Шигъ-Ахметъ долженъ винить самого себя; что его воины грабили въ окрестностяхъ Кіева; что Король совѣтовалъ ему удалиться къ границамъ Россійскимъ, къ Стародубу, и тамъ искать добычи; что онъ упрямился, не хотѣлъ того сдѣлать, держался въ сосѣдствѣ съ опасною для него Тавридою, погубилъ свою рать и думалъ тайно уѣхать къ Султану, безъ сомнѣнія съ какимъ нибудь вреднымъ для Польши и Литвы намѣреніемъ. Однимъ словомъ, сей именемъ послѣдній Царь Золотой Орды умеръ невольникомъ въ Ковнѣ, не доставивъ заключеніемъ своимъ ни малѣйшей выгоды Литвѣ. Самая жестокосердая Политика, хваляся иногда злодѣйствами счастливыми, признаетъ безполезныя ошибками. Іоаннъ лучше своего зятя умѣлъ соглашать ея законы съ правилами великодушія: въ то время, когда сыновья Ахматовы кляли вѣроломство Литовское, племянники сего врага нашего, Царевичи Астраханскіе, Исупъ и Шигавліяръ, хвалились милостію Великаго Князя, вступивъ къ нему въ службу (530). г. 1502.

Александръ вѣроломно заключаетъ Шигъ-Ахмета.

Не слушая никакихъ льстивыхъ предложеній Александровыхъ (531), Менгли-Гирей едва было не размолвился съ Іоанномъ по другой причинѣ. Свѣдавъ о многихъ несправедливостяхъ Царя Казанскаго (532), Абдылъ-Летифа, Государь велѣлъ Князю Василью Ноздроватому взять его, привезти въ Москву, и заточилъ на Бѣлоозеро, а въ Казань послалъ господствовать вторично Магметъ-Аминя, отдавъ ему жену бывшаго Царя, Алегама (533). Менгли-Гирей оскорбился и просилъ, чтобы Іоаннъ, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустилъ его или наградилъ помѣстьемъ. Ханъ писалъ: « Если не исполнишь сего, то уничтожится нашъ союзъ, весьма для тебя полезный: ибо счастливымъ дѣйствіемъ онаго враги твои исчезли и Государство твое распространилось. Старые, умные люди твердятъ, что лучше умереть съ добрымъ именемъ, нежели благоденствовать съ худымъ: а можешь ли сохранить первое, нарушивъ святую клятву братства между нами?... Посылаю тебѣ перстень изъ рога *Кагерденева*, Индѣйскаго звѣря, коего тайная сила мѣшаетъ дѣйствію всякаго яда: носи его на рукѣ и помни мою дружбу; а свою докажешь мнѣ, когда сдѣлаешь

Досада Хана Крымскаго на Великаго Князя.

г. 1502. то, о чемъ молю тебя неотступно ([534]).» Но Великій Князь опасался выпустить Летифа изъ Россіи, и давъ ему пристойное содержаніе, удовольствовалъ Менгли-Гирея, такъ, что сей Ханъ не переставалъ вмѣстѣ съ нимъ усердно дѣйствовать противъ Литвы. Войско Крымское, состоящее изъ 90,000 человѣкъ и предводимое сыновьями Ханскими, въ Августѣ 1502 года опустошило всѣ мѣста вокругъ Луцка, Турова, Львова, Браславля, Люблина, Вишневца, Бельза, Кракова.

Тогда же Стефанъ Молдавскій, пользуясь обстоятельствами, завоевалъ на Днѣстрѣ Колымью, Галичь, Снятинъ, Красное ([535]), и тѣмъ ослабилъ могущество Польши, хотя уже и не думалъ въ сіе время содѣйствовать нашимъ выгодамъ, ибо имѣлъ важную причину къ неудовольствію на Іоанна. Около трехъ лѣтъ дочь его, вдовствующая Княгиня Елена, среди Двора Московскаго находилась съ юнымъ сыномъ, Димитріемъ, какъ бы въ изгнаніи, оставленная прежними друзьями, угрожаемая немилостію Великаго Князя и ненавистію Софіи. Можетъ быть, открылись новые недозволенные происки честолюбивой Елены, или нескромныя слова, внушенныя ей досадою, оскорбили ея свекора, или клевета представила ему невѣстку въ видѣ опасной заговорщицы: не знаемъ; но Іоаннъ вдругъ разгнѣвался на Елену и на Димитрія, приставилъ къ нимъ стражу, запретилъ внуку именоваться Великимъ Княземъ и даже поминать ихъ въ церковныхъ молитвахъ; а чрезъ два дни объявилъ сына, Василія, Государемъ, наслѣдникомъ престола Всероссійскаго ([536]). Димитрію едва исполнилось 18 лѣтъ: въ такой юности онъ не могъ быть важнымъ соумышленникомъ матери, если и дѣйствительно виновной. Народъ жалѣлъ объ немъ, хотя ни Духовенство, ни Вельможи не смѣли осуждать приговора, изреченнаго Самодержцемъ. Но Россія утратила Стефанову дружбу: сѣдый Герой Молдавскій, оскорбленный бѣдствіемъ своей дочери и внука, возненавидѣлъ Іоанна, и старанія благоразумнаго Менгли-Гирея не могли примирить ихъ. Великій Князь любилъ исполнять только собственную волю; не терпѣлъ гордыхъ требованій, и въ отвѣтъ Хану Крымскому на вопросъ: для чего Димитрій лишенъ отцевскаго наслѣдія? » сказалъ: «Милость моя возвела внука на степень Государя, а немилость свергнула: ибо онъ и мать его досадили мнѣ. Жалуютъ того, кто служитъ или угождаетъ: грубящихъ за что жаловать ([537])?» Елена отъ горести и тоски скончалась въ Генварѣ 1505 года, а несчастный ея сынъ, бывшій наслѣдникъ Россійской Монархіи, остался подъ стражею какъ государственный преступникъ: никто не имѣлъ къ нему доступа, кромѣ малаго числа слугъ и надзирателей ([538]). г. 1502.

Іоаннъ заключаетъ невѣстку и внука, объявляетъ Василія наслѣдникомъ.

Разрывъ съ Стефаномъ Молдавскимъ.

Впрочемъ сей разрывъ между Стефаномъ и Великимъ Княземъ не имѣлъ никакихъ важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что первый задержалъ нашихъ Пословъ и художниковъ Италіянскихъ, которые ѣхали изъ Рима въ Москву ([539]): о чемъ Іоаннъ писалъ не только къ Менгли-Гирею, но и къ Султану Кафинскому, Баязетову сыну, убѣждая ихъ вступиться за такое нарушеніе Права Народнаго. Стефанъ отпустилъ Пословъ. Тщетно Король Александръ склонялъ его быть дѣятельнымъ врагомъ Россіи и союзникомъ Польши: Стефанъ не хотѣлъ возвратить ему завоеванной имъ Днѣстровской области до самой своей кончины. Сей великій мужъ умеръ въ 1504 году: готовый закрыть глаза навѣки, онъ далъ совѣтъ сыну Богдану и Вельможамъ покориться Оттоманской Имперіи, сказавъ: «Знаю, какъ трудно было мнѣ удерживать право независимаго Властителя. Вы не въ силахъ бороться съ Баязетомъ, и только разорили бы отечество. Лучше добровольно уступить то, чего сохранить не можете ([540]).» Богданъ призналъ надъ собою верховную власть Султана, и слава Молдавіи исчезла съ Господаремъ Стефаномъ, бывъ искусственнымъ твореніемъ его души великой.

Іоаннъ не терялъ времени въ бездѣйствіи; и желая увѣнчать свои побѣды новымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, въ Іюлѣ 1502 года отправилъ сына, Димитрія, со многочисленною ратію на Литву ([541]). Съ нимъ находились племянники Государевы, Ѳеодоръ Волоцкій, Иванъ Торуской; Бѣльскій, зять сестры его, Анны; Удѣльный Князь Рязанскій Ѳеодоръ; Князь Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій Рыльскій; Бояре Василій Холмскій, Яковъ Захарьевичь, Шеинъ; Князья Александръ Ростовскій, Михайло Корамышъ-Курбскій, Телятевскій, Рѣпня и Телепень Оболенскіе, Константинъ Ярославскій, Стрига-Ряполовскій. Цѣлію столь знаменитаго

г.1502. Осада Смоленска. ополченія былъ нашъ древній, столичный городъ Смоленскъ, укрѣпленный Природою и каменными стѣнами. Осада требовала искусства и большихъ усилій. Димитрій послалъ отряды къ Березинѣ и Двинѣ. Россіяне взяли Оршу, выжгли предмѣстіе Витебское, всѣ деревни до Полоцка, Мстиславля; плѣнили нѣсколько тысячь людей, но должны были за недостаткомъ въ продовольствіи удалиться отъ Смоленска ([542]), гдѣ начальствовали Воеводы Королевскіе, Станиславъ Кишка и Намѣстникъ его, Сологубъ, прославленные Историкомъ Литовскимъ за оказанное ими мужество ([543]). — Въ Декабрѣ того же года Князья Сѣверскіе, Симеонъ Стародубскій и внукъ Шемякинъ, Василій, съ Московскими и Рязанскими Воеводами опять ходили на Литву; не завоевали городовъ, но вездѣ распространили ужасъ жестокими опустошеніями ([544]).

Вѣрный союзникъ Александровъ, Вальтеръ Плеттенбергъ, снова хотѣлъ отвѣдать счастія въ поляхъ Россійскихъ, и съ 15,000 воиновъ приступилъ къ Изборску: разбилъ пушками стѣны, но боясь терять время, спѣшилъ осадить Псковъ. Онъ ждалъ Короля, давшаго ему слово встрѣтить его на берегахъ Великой ([545]). Сего не сдѣлалось: Литовцы остались въ своихъ предѣлахъ: однакожь Магистръ съ жаромъ началъ осаду: стрѣлялъ изъ пушекъ и пищалей; старался разрушить крѣпость ([546]). Къ счастію жителей, Воеводы Іоанновы, Даніилъ Щеня и Князь Василій Шуйскій, уже были не далеко съ полками сильными. Нѣмцы отступили: Воеводы отъ Изборска зашли имъ въ тылъ. Они увидѣли другъ друга на берегахъ озера Смолина. Плеттенбергъ, ободривъ своихъ великодушною рѣчью, употребилъ хитрость: двинулся съ войскомъ въ сторону, какъ бы имѣя намѣреніе спасаться бѣгствомъ. Россіяне кинулись на обозъ Нѣмецкій; другіе устремились за войскомъ и въ безпорядкѣ наскакали на стройные ряды непріятеля: смѣшенные дѣйствіемъ его огнестрѣльнаго снаряда, хотѣли мужествомъ исправить свою ошибку; сразились, но большею частію легли на мѣстѣ: остальные бѣжали. Магистръ не гнался за ними. Россіяне ободрились, устроились и снова напали. Если вѣрить Ливонскимъ Историкамъ, то нашихъ было 90,000. Нѣмцы бились отчаянно; пѣхота ихъ заслужила въ сей день славное названіе *желѣзной*. Оказавъ неустрашимость, хладнокровіе, искусство, Плеттенбергъ могъ бы одержать побѣду, если бы не случилась измѣна. Пишутъ, что Орденскій Знаменоносецъ, Шварцъ, будучи смертельно уязвленъ стрѣлою, закричалъ своимъ: «кто изъ васъ достоинъ принять отъ меня знамя?» Одинъ изъ Рыцарей, именемъ Гаммерштетъ, хотѣлъ взять его, получилъ отказъ, и въ досадѣ отсѣкъ руку Шварцу, который, схвативъ знамя въ другую, зубами изорвалъ оное; а Гаммерштетъ бѣжалъ къ Россіянамъ и помогъ имъ истребить знатную часть Нѣмецкой пѣхоты. Однакожь Плеттенбергъ устоялъ на мѣстѣ. Сраженіе кончилось: тѣ и другіе имѣли нужду въ отдыхѣ ([547]). Прошло два дни: Магистръ въ порядкѣ удалился къ границѣ и навѣки уставилъ торжествовать 13 Сентября или день Псковской битвы, знаменитой въ лѣтописяхъ Ордена, который долгое время гордился подвигами сей войны какъ славнѣйшими для своего оружія. — Замѣтимъ, что Полководцы Іоанновы гнушались измѣною Гаммерштета: недовольный холодностію Россіянъ, онъ уѣхалъ въ Данію, искалъ службы въ Швеціи, наконецъ возвратился въ Москву уже при Великомъ Князѣ Василіи, гдѣ Послы Императора Максимиліана видѣли его въ богатой одеждѣ среди многочисленныхъ Царедворцевъ.

Битва съ Магистромъ Ливонскимъ близъ Пскова. г.1502.

Не смотря на ревностное содѣйствіе и славу Плеттенберга, Король Польскій не имѣлъ надежды одолѣть Россію, сильную многочисленностію войска и великимъ умомъ ея Государя. Литва истощалась, слабѣла: Польша не охотно участвовала въ сей войнѣ разорительной. Самъ Римскій Первосвященникъ, Александръ VI, взялся быть посредникомъ мира, и въ 1503 году чиновникъ Короля Венгерскаго, Сигизмундъ Сантай, пріѣхалъ въ Москву съ грамотами отъ Папы и Кардинала Регнуса. Оба писали къ Великому Князю, что все Христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями Оттоманской Имперіи; что Султанъ взялъ два города Венеціянской Республики, Модонъ и Коронъ, угрожая Италіи; что Папа отправилъ Кардинала Регнуса ко всѣмъ Европейскимъ Государямъ, склонять ихъ на изгнаніе Турковъ изъ Греціи; что Короли Польскій и Венгерскій не могутъ участвовать въ семъ славномъ подвигѣ, имѣя врага въ Іоаннѣ; что Святый Отецъ, какъ Глава

Папа старается о мирѣ. Г.1503.

г. 1503. Церковь, для общей пользы Христіанства молитъ Великаго Князя заключить миръ съ ними, и вмѣстѣ съ другими Государями воевать Порту ([548]). Посолъ вручилъ ему и письмо отъ Владислава такого же содержанія, требуя, чтобы Іоаннъ далъ *опасную грамоту* для проѣзда Вельможъ Литовскихъ въ Москву. Бояре наши отвѣтствовали, что Великій Князь радъ стоять за Христіанъ противъ невѣрныхъ; что онъ, умѣя наказывать враговъ, готовъ всегда и къ миру справедливому; что Александръ, изъявивъ желаніе прекратить войну, обманулъ его; навелъ на Россію Ливонскихъ Нѣмцевъ и Хана Ординскаго; что Государь дозволяетъ Посламъ Королевскимъ пріѣхать въ Москву.

Послы явились; шесть знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ ([549]), изъ коихъ главнымъ былъ Воевода Петръ Мишковскій. Они предлагали вѣчный миръ, съ условіемъ, чтобы Іоаннъ возвратилъ Королю всю его *отчину*, то есть, всѣ завоеванные Россіянами города въ Литвѣ; освободилъ плѣнниковъ, примирился съ Ливонскимъ Орденомъ и съ Швеціею (гдѣ властолюбивый Стуръ, изгнавъ Датчанъ, снова былъ Правителемъ Государственнымъ). Великій Князь хладнокровно выслушалъ и рѣшительно отвергнулъ столь неумѣренныя требованія. «*Отчина* Королевская,» сказалъ онъ, «есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы съ Божіею помощію у него взяли, того не отдадимъ. Еще Кіевъ, Смоленскъ и многіе иные города принадлежатъ Россіи: мы и тѣхъ добывать намѣрены ([550]).» Возраженія Пословъ остались безъ дѣйствія: Іоаннъ былъ непоколебимъ. Наконецъ, вмѣсто вѣчнаго мира, условились въ перемиріи на шесть лѣтъ, и только *изъ особеннаго уваженія къ зятю* Государь возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, Рудью, Ветлицы, Шучью, Святыя Озерища; велѣлъ Намѣстникамъ, Новогородскому и Псковскому, заключить такое же перемиріе съ Орденомъ, а съ Правителемъ Шведскимъ не хотѣлъ имѣть никакихъ договоровъ. Тогда находились въ Москвѣ и Послы Ливонскіе: они въ письмахъ своихъ къ Магистру жаловались на грубость Іоаннову, Бояръ нашихъ, а еще болѣе на Пословъ Литовскихъ, которые не оказали имъ ни малѣйшаго вспоможенія, ни доброжелательства. Епископъ Дерптскій обязался, за ручательствомъ Магистровымъ, платить

Перемиріе съ Литвою и съ Орденомъ.

намъ какую-то старинную поголовную г. 1503. дань: ибо земля и городъ его, основанный Ярославомъ Великимъ, считались древнею собственностію Россіи. При обнародованіи сего условія во Псковѣ стрѣляли изъ пушекъ и звонили въ колокола ([551]).

Непріятельскія дѣйствія прекратились — ибо самая Россія, истощенная наборами многолюдныхъ ополченій, желала на время успокоиться — но вражда существовала въ прежней силѣ: ибо Александръ не могъ навсегда уступить намъ Витовтовыхъ завоеваній: Великій же Князь, столь счастливо возвративъ оныя Россіи, надѣялся со временемъ отнять у него и всѣ прочія наши земли. Потому Іоаннъ, извѣстивъ Менгли-Гирея о заключенномъ договорѣ, предлагалъ ему для вида также примириться съ Александромъ на 6 лѣтъ; но тайно внушалъ, что лучше продолжать войну; что Россія никогда не будетъ въ истинномъ, вѣчномъ мирѣ съ Королемъ, и время перемирія употребитъ единственно на утвержденіе за собою городовъ Литовскихъ, откуда всѣ худо-расположенные къ намъ жители переводятся въ иныя мѣста, и гдѣ нужно сдѣлать укрѣпленія; что союзъ ея съ Ханомъ противъ Литвы остается неизмѣннымъ ([552]).

Хитрость Великаго Князя.

Великій Князь дѣйствовалъ по крайней мѣрѣ согласно съ выгодами своей Державы: напротивъ чего Александръ, внутренно недовольный условіями перемирія, хотя и весьма нужнаго для его земли, слѣдовалъ единственно движеніямъ малодушной досады на врага сильнаго, счастливаго: онъ задержалъ въ Литвѣ нашихъ Бояръ и Великихъ Пословъ, Заболоцкаго и Плещеева, коимъ надлежало взять съ него присягу въ соблюденіи договора и требовать увѣрительной грамоты, за печатію Епископовъ Краковскаго и Виленскаго, въ томъ, что въ случаѣ смерти Александра наслѣдники его не будутъ принуждать Королевы Елены къ Римскому Закону ([553]). Іоаннъ, удивленный симъ нарушеніемъ общихъ государственныхъ уставовъ, желалъ знать предлогъ онаго. Король писалъ, что Послы остановлены за обиды, дѣлаемыя Россіянами Смоленскимъ Боярамъ: но скоро одумался, утвердилъ перемиріе и съ честію отпустилъ ихъ въ Москву ([554]). Тогда же схватили въ Литвѣ гонца нашего, посланнаго въ Молдавію: Александръ не

Александръ безразсудно досаждаетъ ему.

г.1503. хотѣлъ освободить его до рѣшительнаго мира съ Россіею; не хотѣлъ еще, чтобы Королева Елена исполнила волю родителя въ дѣлѣ семейственномъ: Іоаннъ велѣлъ ей искать невѣсты для брата, Василія, между Нѣмецкими Принцессами; но Елена отвѣчала, что не можетъ думать о сватовствѣ, пока Великій Князь не утвердитъ истинной дружбы съ Литвою (555).

Такими ничтожными способами могъ ли Король достигнуть желаемаго мира? скорѣе возобновилъ бы кровопролитіе, если бы Іоаннъ для государственной пользы не умѣлъ презирать маловажныхъ, безразсудныхъ оскорбленій: желая временнаго спокойствія, онъ терпѣлъ ихъ хладнокровно, и готовилъ средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего величія. г.1503.

ГЛАВА VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННОВА.

Г. 1503 — 1505.

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова. Завѣщаніе. Судъ и казнь еретиковъ. Посольство Литовское. Сношеніе съ Императоромъ. Василій женится на Соломоніи. Измѣна Царя Казанскаго. Впаденіе его въ Россію. Кончина Великаго Князя. Тогдашнее состояніе Европы. Іоаннъ творецъ величія Россіи. Устроилъ лучшее войско. Утвердилъ Единовластіе. Имя Грознаго. Жестокость его характера. Мнимая нерѣшительность есть осторожность. Названіе Великаго, приписанное ему иностранцами. Сходство съ Петромъ I. Титулъ Царскій. Бѣлая Россія. Умноженіе доходовъ. Законы Іоанновы. Городская и земская полиція. Соборы. Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ. Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру. Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы. Путешествіе въ Индію.

г.1503. Сей Монархъ не слабѣлъ ни въ проницаніи, ни въ бодрости, ни въ усердіи ко благу ввѣренной ему Небомъ Державы, вопреки своимъ уже преклоннымъ лѣтамъ и сердечнымъ горестямъ, необходимымъ въ жизни смертнаго. Онъ лишился тогда супруги (556): хотя, можетъ быть, и не имѣлъ особенной къ ней горячности; но умъ Софіи въ самыхъ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, ея полезные совѣты (557), и наконецъ долговременная привычка между ими сдѣлала для него сію потерю столь чувствительною, что здоровье Іоанново дотолѣ крѣпкое, разстроилось. Вѣря болѣе дѣйствію усердной молитвы, нежели искусству врачеванія, Государь поѣхалъ въ Лавру Св. Сергія, въ Переславль, въ Ростовъ и въ Ярославль, гдѣ находились знаменитыя святостію Обители (558). Тамъ, сопровождаемый всѣми дѣтьми, но безъ всякаго мірскаго величія, онъ въ видѣ простаго смертнаго умилялся предъ Богомъ, ожидая отъ Него исцѣленія или мирной кончины; но, вкусивъ сладость Христіанской

Кончина Софіи и болѣзнь Іоаннова.

набожности, спѣшилъ возвратиться на престолъ, чтобы устроить будущую судьбу Россіи. г.1503.

Онъ написалъ завѣщаніе, въ присутствіи знатнѣйшихъ Бояръ, Князей Василія Холмскаго, Даніила Щени, Якова Захарьевича, Казначея Димитрія Владиміровича и Духовника, Архимандрита Андрониковскаго, именемъ Митрофана, объявивъ старшаго сына, Василія Іоанновича, преемникомъ Монархіи, Государемъ всей Россіи и меньшихъ его братьевъ. Тутъ, въ исчисленіи всѣхъ областей Василіевыхъ, въ первый разъ упоминается о *Дикой Лапландіи* (559); далѣе сказано, что Старая Рязань и Перевитескъ составляютъ уже достояніе Государя Московскаго, бывъ отказаны Іоанну умершимъ его племянникомъ, сыномъ Великой Княгини Анны, Ѳеодоромъ; именуются также и всѣ города отнятые у Литвы, Мценскъ, Бѣлевъ, Новосиль, Одоевъ, кромѣ Чернигова, Стародуба, Новагорода Сѣверскаго, Рыльска: ибо тамошніе Князья хотя и поддалися Государю Московскому, но

Завѣщаніе.

г.1503. удержали право Владѣтельныхъ. Другимъ сыновьямъ Іоаннъ далъ богатыя отчины: Юрію Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Димитрію Угличь, Хлепень, Рогачевъ, Зубцовъ, Опоки, Мещовскъ, Опаковъ, Мологу; Симеону Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ; Андрею Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ, Новый Городокъ. Имѣя особенныхъ придворныхъ и воинскихъ чиновниковъ, пользуясь всѣми доходами своихъ городовъ и волостей, братья Василіевы не могли въ оныхъ судить душегубства, ни дѣлать монеты, и не участвовали въ выгодѣ откуповъ государственныхъ ([560]); однакожь Василій обязывался удѣлять имъ часть нѣкоторыхъ Московскихъ сборовъ и не покупать земель въ ихъ отчинахъ, которыя оставались наслѣдственными для ихъ сыновей и внуковъ ([561]). То есть, меньшіе сыновья Іоанновы долженствовали имѣть права только частныхъ владѣльцевъ, а не Князей Владѣтельныхъ. Одна Рязань еще представляла тѣнь вольной Державы: Князь ея, Іоаннъ, умеръ въ 1500 году, оставивъ пятилѣтняго сына, именемъ также Іоанна ([562]), подъ опекою матери, Агриппины, и бабки его, любимой сестры Великаго Князя, Анны, которая преставилась въ 1501 году, утвердивъ внука въ достоинствѣ независимаго Владѣтеля, но только именемъ: ибо Государь Московскій былъ въ самомъ дѣлѣ верховнымъ повелителемъ Рязани, ея войска и народа ([563]). — Исполняя желаніе отца, Василій и братья его обязались между собою грамотами жить въ согласіи, по родительскому завѣщанію ([564]).

Іоаннъ хотѣлъ утвердить и спокойствіе нашей православной Церкви. Въ сіе время возобновилось дѣло *Жидовской ереси*, нами описанной. Еще она не пресѣклась, хотя и скрывалась. Іосифъ Волоцкій въ Москвѣ, Архіепископъ Геннадій въ Новѣгородѣ неутомимо старались истребить сіе несчастное заблужденіе ума: первый только говорилъ и писалъ, вторый дѣйствовалъ въ своей Епархіи, откуда многіе изъ гонимыхъ еретиковъ бѣжали въ Нѣмецкую землю и въ Литву ([565]). Убѣжденный наконецъ представленіями Духовенства, или самъ видя упрямство от-

Судъ и казнь еретиковъ. ступниковъ, не исправленныхъ средствами умѣренности, ни клятвою Церковною, ни заточеніемъ, Великій Князь рѣшился быть строгимъ, опасаясь ка- г.1503. заться излишно снисходительнымъ или безпечнымъ въ дѣлѣ душевнаго спасенія. Созвавъ Епископовъ, онъ вмѣстѣ съ ними и съ Митрополитомъ снова выслушалъ доносы. Іосифъ Волоцкій засѣдалъ съ судіями, гремѣлъ краснорѣчіемъ, обличалъ еретиковъ и требовалъ для нихъ мірской казни. Главными изъ обвиняемыхъ были Дьякъ Волкъ Иванъ Курицынъ, посыланный къ Императору Максимиліану съ Юріемъ Траханіотомъ ([566]), — Дмитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, Некрасъ Рукавовъ и Кассіанъ, Архимандритъ Юрьевскаго Новогородскаго монастыря: они дерзнули говорить откровенно, утверждая мнимую истину своихъ понятій о Вѣрѣ; были осуждены на смерть и всенародно сожжены въ клѣткѣ ([567]); инымъ отрѣзали языкъ, другихъ заключили въ темницы или разослали по монастырямъ. Почти всѣ изъявляли раскаяніе; но Іосифъ доказывалъ, что раскаяніе, вынужденное пылающимъ костромъ, не есть истинное и не должно спасти ихъ отъ смерти. Сія жестокость скорѣе можетъ быть оправдана Политикою, нежели Вѣрою Христіанскою, столь небесно-человѣколюбивою, что она ни въ какомъ случаѣ не прибѣгаетъ къ мечу; единственными орудіями служатъ ей мирныя наставленія, молитва, любовь: таковъ по крайней мѣрѣ духъ Евангелія и книгъ Апостольскихъ. Но если кроткія наставленія не имѣютъ дѣйствія; если явный, дерзостный соблазнъ угрожаетъ Церкви и Государству, коего благо тѣсно связано съ ея невредимостію: тогда не Митрополитъ, не Духовенство, но Государь можетъ справедливымъ образомъ казнить еретиковъ. Сія пристойность была соблюдена: ихъ осудили, какъ сказано въ лѣтописяхъ, по *градскому* закону ([568]).

Узнавъ о болѣзни Іоанна, и думая, Посольство Литовское.
что приближеніе смерти легко можетъ ослабить твердость его въ правилахъ внѣшней Политики, Александръ чрезъ новыхъ Великихъ Пословъ, Воеводу Станислава Глѣбовича, Пана Юрья Зиновьевича и *Писаря* или Секретаря Государственнаго, Богдана Сапѣгу, предложилъ Великому Князю купить друже- г.1504.
ство Литвы уступкою ей нашихъ завоеваній. Король именовалъ Іоанна *отцемъ* и *братомъ:* Елена *кланялась* ему съ почтеніемъ и нѣжностію. Сей Монархъ, приближаясь ко гробу, безъ сомнѣнія

г.1504. желалъ бы провести остатокъ дней своихъ въ тишинѣ, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его любезной дочери зависѣло отъ согласія между ея родителемъ и супругомъ; но Іоаннъ зналъ свою обязанность: еще сидѣлъ на тронѣ, слѣдственно долженъ былъ мыслить только о благоденствіи отечества; не измѣрялъ вѣкомъ своимъ вѣка Россіи, смотрѣлъ далѣе гроба и хотѣлъ жить въ ея величіи. Бояринъ его, Яковъ Захарьевичь, сказалъ Посламъ Литовскимъ: «Великій Князь никому не отдаетъ своего. Желаете ли истиннаго, прочнаго мира? уступите Россіи и Смоленскъ и Кіевъ.» По многихъ преніяхъ Паны уѣхали (569), и Король увѣрился въ невозможности заключить вѣчный миръ съ Іоанномъ на условіяхъ, какихъ ему хотѣлось. Предметомъ дальнѣйшихъ сношеній между ими были единственно дѣла пограничныя: жаловались то наши, то Литовскіе подданные на обиды. Съ обѣихъ сторонъ обѣщали удовлетвореніе и раждались новыя неудовольствія. Знатный Королевскій чиновникъ, Евстафій Дашковичь, житель Волыніи, Вѣры Греческой, уѣхалъ въ Москву съ великимъ богатствомъ и со многими Дворянами: Александръ требовалъ, чтобы мы, согласно съ перемирною грамотою, выдали ему сего человѣка. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что грамотою опредѣлено выдавать татей, бѣглецовъ, холопей, должниковъ и злодѣевъ; а Дашковичь былъ у Короля Воеводою, не уличенъ ни въ какомъ преступленіи и добровольно вошелъ къ намъ въ службу, какъ то и въ старину дѣлалось невозбранно. — Чтобы имѣть вѣрныя извѣстія о внутреннихъ обстоятельствахъ Литвы, Государь посылалъ гонцевъ къ Еленѣ съ дарами, приказывая всегда дружески кланяться ея супругу (570).

Мы видѣли, что Политика Западной Европы уже находилась въ связи съ нашею: война Литовская, славная для Іоаннова оружія, придала намъ еще болѣе важности и знаменитости. Императоръ Максимиліанъ вспомнилъ о Россіи и выгодахъ ея союза противъ сыновей Казимировыхъ: онъ жалѣлъ о Венгріи, не охотно имъ уступленной Владиславу; думалъ возобновить свои требованія на сіе Королевство, и послалъ къ Великому Князю чиновника, именемъ Гартингера, который, выѣхавъ изъ Аугсбурга въ Августѣ 1502 года, прибылъ въ Москву не прежде, какъ въ Іюлѣ 1504 (571).

Сноше-нія съ Импе-рато-ромъ.

Слогъ Максимиліанова письма достоинъ г.1504. замѣчанія. «Слышу, говоритъ Императоръ, что *нѣкоторыя* сосѣдственныя Державы возстали на Россію. Помня клятвенные обѣты нашей взаимной любви, я готовъ помогать тебѣ, моему брату, совѣтомъ и дѣломъ.» Не сказано ни слова о Венгріи; но Посолъ, какъ надобно думать, говорилъ о томъ изустно Іоанновымъ Боярамъ. Въ другомъ особенномъ письмѣ Императоръ проситъ у Великаго Князя бѣлыхъ кречетовъ. Милостиво угостивъ Гартингера обѣденнымъ столомъ во дворцѣ, Іоаннъ отвѣтствовалъ Максимиліану, что Россію воевали Король Польскій и Магистръ Ордена, были наказаны и примирились съ нею на время; что если Императоръ, въ случаѣ новыхъ непріятельскихъ дѣйствій съ ихъ стороны, поможетъ Россіянамъ, то и Россіяне, исполняя договоръ, помогутъ Австріи овладѣть Венгріею. Государь извинялся, что не отправляетъ собственнаго Посла въ Германію: ибо Король Александръ и Магистръ Ливонскій безъ сомнѣнія остановили бы его на пути. — Въ слѣдую- г.1505. щемъ году тотъ же Гартингеръ, находясь въ Эстоніи, чрезъ Ивангородъ доставилъ въ Москву новыя грамоты отъ Максимиліана и сына его, Филиппа, Короля Испанскаго, къ Іоанну и юному Василію, *Царямъ* Россіи (572). Гартингеръ просилъ отвѣта на языкѣ Латинскомъ, сказывая, что Делаторъ умеръ, и что при Дворѣ ихъ нѣтъ уже ни одного человѣка знающаго Русской языкъ. Дѣло шло о Ливонскихъ плѣнникахъ: Максимиліанъ и Филиппъ убѣждали Великихъ Князей освободить сихъ несчастныхъ, изнуренныхъ долговременною неволею; а Гартингеръ ручался за безопасность нашего Посольства, если Іоаннъ велитъ кому нибудь изъ своихъ придворныхъ ѣхать въ Нѣмецкую землю на Ригу, чтобы сдѣлать тѣмъ удовольствіе Максимиліану. Но Великій Князь не сдѣлалъ сего: самъ писалъ къ Императору, а Василій къ Королю Филиппу, учтиво и ласково, съ объясненіемъ, что плѣнники немедленно будутъ свободны, когда Магистръ прерветъ дружественную связь съ Литвою. Однимъ словомъ, Іоаннъ по видимому уже худо вѣрилъ Максимиліану: платилъ только ласками за ласки, и дарилъ ему кречетовъ, но не хотѣлъ измѣнить для него своимъ правиламъ и жалѣлъ денегъ на безполезное Посольство въ Австрію.

г. 1505. Василій женится на Соломоніи.

Сынъ и наслѣдникъ Великаго Князя, Василій, имѣлъ уже 25 лѣтъ отъ рожденія и еще не былъ женатъ, въ противность тогдашнему обыкновенію. Политика осуждаетъ брачные союзы Государей съ подданными, особенно въ Правленіяхъ Самодержавныхъ: свойственники требуютъ отличія безъ достоинствъ, милостей безъ заслугъ; и сіи, такъ сказать, родовые Вельможи, пользуясь исключительными правами, рѣдко не употребляютъ оныхъ во зло, думая, что Государь обязанъ въ нихъ уважать самого себя, то есть, честь своего Дома. Нарушается справедливость, истощается казна, или семейственныя докуки вредятъ драгоцѣнному спокойствію Монарха. Зная сію, какъ и многія другія важныя для Единовластія истины по внушенію собственнаго Генія, Іоаннъ думалъ женить сына на Принцессѣ иностранной: будучи союзникомъ Даніи, онъ предлагалъ ея Королю утвердить ихъ взаимную дружбу свойствомъ: для того, можетъ быть, находился въ Москвѣ Датскій Посолъ около 1503 года ([573]); но Король — въ угожденіе ли Шведамъ, коихъ ему хотѣлось снова подчинить Даніи, и которые не любили Россіи, или затрудняясь иновѣріемъ жениха — уклонился отъ чести быть тестемъ наслѣдника Великокняжескаго и выдалъ дочь свою, Елисавету, за Курфирста Бранденбургскаго. Видя предъ собою близкую кончину, желая благословить счастливый бракъ сына и не имѣя уже времени искать невѣсты въ странахъ отдаленныхъ, Государь рѣшился тогда женить его на подданной. Пишутъ, что самъ Василій хотѣлъ того, уваживъ совѣтъ любимаго имъ Боярина, Грека Юрія Малаго, у котораго была дочь невѣста; но женихъ выбралъ иную, будто бы изъ 1500 благородныхъ дѣвицъ, представленныхъ для сего ко Двору: Соломонію, дочь весьма незнатнаго сановника Юрія Константиновича Сабурова, одного изъ потомковъ выходца Ординскаго, Мурзы Чета ([574]). Соломонія отличалась, какъ вѣроятно, достоинствами цѣломудрія, красотою, цвѣтущимъ здравіемъ; но въ выборѣ не участвовала ли и Политика? Можетъ быть, Іоаннъ лучше хотѣлъ вступить въ свойство съ простымъ Дворяниномъ, нежели съ Княземъ или съ Бояриномъ, чтобы имѣть болѣе способовъ наградить родственниковъ невѣстки безъ излишней щедрости и не удѣляя имъ особенныхъ правъ, несовмѣстныхъ съ званіемъ подданнаго. Отецъ Соломоніи былъ возвышенъ на степень Боярина уже въ царствованіе Василія ([575]). Но мудрый Іоаннъ не предвидѣлъ, что сей бракъ, приближивъ Годуновыхъ, ея родственниковъ, ко трону, будетъ виною ужасныхъ для Россіи бѣдствій и гибели Царскаго Дома!

Измѣна Царя Казанскаго.

Въ то время, когда Дворъ и столица ликовали, празднуя свадьбу юнаго Великаго Князя, Государь свѣдалъ о злобной измѣнѣ нашего Казанскаго присяжника, Магметъ-Аминя. Сей такъ называемый Царь всего болѣе любилъ корысть и лукавую жену свою, бывшую вдову Алегамову, которая нѣсколько лѣтъ жила невольницею въ Вологдѣ. Ненавидя Россіянъ какъ злодѣевъ ея перваго мужа, она замышляла кровопролитную месть, тайно бесѣдовала съ Вельможами Казанскими о средствахъ, и приступила къ дѣлу, возбуждая Магметъ-Аминя быть истиннымъ, независимымъ Владѣтелемъ. «Что ты? рабъ Московскаго тирана!» говорила ему Царица: «нынѣ на престолѣ, завтра въ темницѣ, и подобно Алегаму умрешь невольникомъ. Цари и народы презираютъ тебя. Воспряни отъ униженія къ величію; свергни иго или погибни достойнымъ славы ([576]).» Плѣнительныя ласки ея дѣйствовали еще сильнѣе краснорѣчія: она день и ночь, по словамъ Лѣтописца, *висѣла на шеѣ* у мужа, и достигла желаемаго. Забывъ милости Іоанна, своего названаго отца, и присягу, Магметъ-Аминь далъ ей слово отложиться отъ Россіи; но еще медлилъ, и послалъ одного изъ Вельможъ, Князя Уфимскаго, съ какими-то представленіями въ Москву. Будучи недоволенъ оными — угадывая, можетъ быть, и злое его намѣреніе — Іоаннъ велѣлъ ѣхать въ Казань Дьяку Михайлу Кляпику, чтобы объясниться съ Царемъ. Тогда Магметъ-Аминь рѣшился дѣйствовать явно. Насталъ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи, день славной ярмонки въ Казани, гдѣ гости Россійскіе съѣзжались съ Азіатскими мѣняться драгоцѣнными товарами, мирно и спокойно, не опасаясь ни малѣйшаго насилія: ибо Казань уже 17 лѣтъ считалась какъ бы Московскою областію. Въ сей день схватили тамъ Посла Великокняжескаго и нашихъ купцевъ: многихъ умертвили, не щадя ни женъ, ни дѣтей, ни старцевъ; иныхъ заточили въ Улусы Ногайскіе; ограбили всѣхъ безъ исключенія. Народы не любятъ

Іюня 24.

г. 1505. господъ чужеземныхъ: Казанцы, обольщенные и свободою и корыстію, служили усерднымъ орудіемъ воли Царской, въ изступленіи злобы лили кровь Москвитянъ и радовались отнятыми у нихъ сокровищами. «Магметъ-Аминь, сказано въ лѣтописи, наполнилъ цѣлую палату серебромъ Русскимъ, надѣлалъ себѣ золотыхъ вѣнцевъ, сосудовъ, блюдъ; уже перестaлъ ѣсть изъ мѣдныхъ котловъ или *опаницъ*, являясь на пирахъ въ сіяніи драгоцѣнныхъ каменьевъ и металловъ, въ убранствѣ истинно Царскомъ. Самые бѣдные Казанскіе жители разбогатѣли: носивъ прежде зимою и лѣтомъ овчины, украсились тканями шелковыми, и въ одеждахъ разноцвѣтныхъ какъ павлины гордо расхаживали предъ своими *катунами* или домами ([577])».

Впаденіе его въ Россію. Надменный убійствомъ мирныхъ гостей, Магметъ-Аминь вооружилъ 40,000 Казанцевъ, призвалъ 20,000 Ногаевъ, вступилъ въ Россію, умертвилъ нѣсколько тысячь земледѣльцевъ, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ посады. Воеводою былъ тамъ Хабаръ Симскій: имѣя мало воиновъ для защиты города, онъ выпустилъ изъ темницы 300 Литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ на Ведрошѣ; далъ имъ ружья и Государевымъ именемъ обѣщалъ свободу, если они храбростію заслужатъ ее. Сія горсть людей спасла крѣпость. Будучи искусными стрѣлками, Литовцы убили множество непріятелей и въ томъ числѣ Ногайскаго Князя, шурина Магметъ-Аминева, который, стоя близъ стѣны, распоряжалъ приступомъ ([578]). Видя его мертваго, Ногайскіе полки уже не хотѣли биться: сдѣлалась распря между ими и Казанцами; началось даже кровопролитіе. Царь едва могъ смирить ихъ; снялъ осаду и бѣжалъ во свояси. — Литовскіе плѣнники немедленно были освобождены, съ честію, благодарностію и дарами.

Великій Князь не успѣлъ наказать Магметъ-Аминя: высланные противъ него Московскіе Воеводы худо исполнили свою обязанность; имѣя около 100,000 ратниковъ, не пошли за Муромъ и дали непріятелю удалиться спокойно ([579]). Въ сіе время болѣзнь Іоаннова усилилась: подобно великому своему дѣду, Герою Донскому, онъ хотѣлъ умереть Государемъ, а не Инокомъ; склоняясь отъ престола къ могилѣ, еще давалъ повелѣнія для блага Россіи, и тихо скончался 27 Октября 1505 года, въ первомъ часу ночи, имѣвъ отъ рожденія 66 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, и властвовавъ 43 года, 7 мѣсяцевъ. Тѣло его погребли въ новой церкви Св. Архистратига Михаила. Лѣтописцы не говорятъ о скорби и слезахъ народа: славятъ единственно дѣла умершаго, благодаря Небо за такого Самодержца! (Кончина Великаго Князя. г. 1505.)

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ Государей избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить на-долго судьбу народовъ: онъ есть Герой не только Россійской, но и Всемірной Исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ Метафизики, не дерзая опредѣлять вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго. Іоаннъ явился на ѳеатрѣ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ Государей возникала въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы Феодальной или Помѣстной. (Тогдашнее состояніе Европы.) Власть Королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія, свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною Державою. Португаллія цвѣла, пріобрѣтая богатства успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, Искусствами, Науками и тонкою Политикою. Безпечность и равнодушіе Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его, Максимиліанъ, уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить Домъ Австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну Державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для Христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ Государствъ Сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій Короля Датскаго. Республика Швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпій-

г.1505. скихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ Монарховъ сильнѣйшихъ, и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза — сей торговый и воинскій союзъ осьми-десяти-пяти городовъ Нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи — пользовалась всеобщимъ уваженіемъ Государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство Ордена Ливонскаго и Нѣмецкаго. — Кромѣ успѣховъ власти Монархической и разумной Политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными Государствами — кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ Державъ — вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гуттенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе, которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и въ пользѣ изобрѣтенію буквъ. Коломбъ открылъ новый міръ, привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей Естества и для Философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой Природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, Исторіею Америки объяснилъ для себя Всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные объ ней слухи раждали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко де-Гамо, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Коломбъ Америку. Сіи два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленость, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу Державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ Министры смотрѣли на географическіе чертежи, и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи г.1505. между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы Правительствъ и для общественнаго духа Государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга Европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія Князей Московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги Ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ Татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Великое Княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою какъ двѣ ужасныя тѣни заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ Политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя Царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, за-

Іоаннъ творецъ величія Россіи.

г.1505. хватывая Удѣлы, расширяя владѣнія Московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе Государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе Державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и Царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ Политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ Держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Устроилъ лучшее войско. Совершая сіе великое дѣло, Іоаннъ преимущественно занимался устроеніемъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о сильныхъ его полкахъ. Онъ первый, кажется, началъ давать земли или помѣстья Боярскимъ Дѣтямъ ([580]), обязаннымъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья (отъ сего умножилось число ратниковъ); принималъ въ службу и многихъ Литовскихъ, Нѣмецкихъ плѣнниковъ, волею и неволею: сіи иноземцы жили за Москвою-рѣкою въ особенной слободѣ ([581]). Съ его времени также начинаются *Розряды* ([582]), которые даютъ намъ ясное понятіе о внутреннемъ образованіи войска, состоявшаго обыкновенно изъ пяти такъ называемыхъ *полковъ:* Большаго, Передоваго, Праваго, Лѣваго и Сторожеваго или запаснаго. Каждый имѣлъ своего Воеводу; но Предводитель Большаго Полку былъ главнымъ. Не дозволяя Вождямъ считаться между собою въ старѣйшинствѣ ([583]), Государь еще менѣе терпѣлъ непослушаніе воиновъ: сынъ Великокняжескій, Димитрій, возвратясь изъ-подъ Смоленска, жаловался, что многіе Дѣти Боярскіе безъ его вѣдома приступали къ городу, отлучались изъ стана и ѣздили грабить: Іоаннъ наказалъ ихъ всѣхъ, темницею г.1505. или торговою казнію([584]). Силою, устройствомъ, мужествомъ рати и Воеводъ побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, онъ лично не имѣлъ духа воинскаго. «Сватъ мой» — говорилъ объ немъ Стефанъ Молдавскій — «есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защитить земли своей ([585]).» То есть, Іоаннъ родился не воиномъ, но Монархомъ; сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скиптромъ искуснѣе, нежели мечемъ. Имѣя выспренній умъ для Государственной Науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды: Холмскій, Стрига, Щеня вели къ ней его легіоны. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ Вѣнценосцахъ. Одна необходимая для государственной цѣлости и независимости война есть законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ и Литвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласнаго съ нашимъ благомъ.

Внутри Государства онъ не только учредилъ Единовластіе — до времени оставивъ права Князей Владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ — но былъ и первымъ, истиннымъ Самодержцемъ России, заставивъ благоговѣть предъ собою Вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ Вѣнценосца. Князья племени Рюрикова и Св. Владиміра служили ему на-равнѣ съ другими подданными и славились титломъ Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное. Василій Темный оставилъ сыну только четырехъ Великокняжескихъ Бояръ, Дворецкаго, Окольничаго: Іоаннъ въ 1480 году имѣлъ уже 19 Бояръ и 9 Окольничихъ, а въ 1495 и 1496 годахъ учредилъ санъ Государственнаго Казначея, Постельничаго, Ясельничаго, Конюшаго ([586]). Имена ихъ вписывались въ особенную книгу для свѣдѣнія потомковъ. Все сдѣлалось чиномъ или милостію Государевою. Между Боярскими Дѣтьми

Утвердилъ Единовластіе.

г. 1505. придворными или младшими Дворянами находились сыновья Князей и Вельможъ. — Предсѣдательствуя на Соборахъ Церковныхъ, Iоаннъ всенародно являлъ себя Главою Духовенства; гордый въ сношенiяхъ съ Царями, величавый въ прiемѣ ихъ Посольствъ, любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ *цѣлованiя* Монаршей руки въ знакъ лестной милости (587); хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображенiе; однимъ словомъ, разгадавъ тайны Самодержавiя, сдѣлался какъ бы земнымъ Богомъ для Россiянъ, которые *съ сего времени* начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностiю волѣ Монаршей. Ему первому дали въ Россiи имя *Грознаго* (588), но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ, не будучи тираномъ подобно своему внуку, Iоанну Василiевичу Второму, онъ безъ сомнѣнiя имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели Монархiй славятся нѣжною чувствительностiю, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостiю. Пишутъ, что робкiя женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Iоаннова; что просители боялись итти ко трону; что Вельможи трепетали и на пирахъ во дворцѣ, не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда Государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчанiи, ожидая новаго *приказа* веселить его и веселиться (589). — Уже замѣтивъ строгость Iоаннову въ наказанiяхъ, прибавимъ, что самые знатные чиновники, свѣтскiе и духовные, лишаемые сана за преступленiя, не освобождались отъ ужасной торговой казни: такъ (въ 1491 году) всенародно сѣкли кнутомъ Ухтомскаго Князя, Дворянина Хомутова и бывшаго Архимандрита Чудовскаго, за подложную грамоту, сочиненную ими на землю умершаго брата Iоаннова (590).

Имя Грознаго.

Жестокость его характера.

Мнимая нерѣшительность есть осторожность.

Исторiя не есть похвальное слово, и не представляетъ самыхъ великихъ мужей совершенными. Iоаннъ какъ человѣкъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ какъ Государь на вышней степени величiя. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сiя осторожность есть вообще благоразумiе: оно не плѣняетъ насъ подобно великодушной смѣлости; но успѣхами медленными, какъ бы неполными, даетъ своимъ творенiямъ прочность. Что оставилъ мiру Александръ Македонскiй? славу. Iоаннъ оставилъ Государство удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ Правленiя, то, которое нынѣ съ любовiю и гордостiю именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россiя Олегова, Владимiрова, Ярославова погибла въ нашествiе Моголовъ: Россiя нынѣшняя образована Iоанномъ; а великiя Державы образуются не механическимъ слѣпленiемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ Державныхъ. Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Iоанновыхъ возвѣстили въ Исторiи славу его: знаменитый Лѣтописецъ Польскiй, Длугошъ, въ 1480 году заключилъ свое творенiе хвалою сего непрiятеля Казимирова (591). Нѣмецкiе, Шведскiе Историки шестаго-надесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго (592); а новѣйшiе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ (593): оба безъ сомнѣнiя велики; но Iоаннъ, включивъ Россiю въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введенiи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщенiи умовъ Науками: призывая художниковъ для украшенiя столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпiя, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россiю, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудiемъ въ дѣлахъ Посольскихъ или торговыхъ: любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому Монарху, къ чести, не къ униженiю собственнаго народа. Не здѣсь, но въ Исторiи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ Вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества. — Между иноземцами, которые искали тогда убѣжища и службы въ Москвѣ, достойны замѣчанiя Князь Таманскiй, Гуигурсисъ, жертва Султанскаго насилiя, и Кафинскiй Еврей Скарья: Государь милостивыми грамотами, скрѣпленными золо-

Сходство съ Петромъ I.

г. 1505. тою печатію, дозволивъ имъ быть къ себѣ, увѣрялъ ихъ въ особенномъ покровительствѣ и въ совершенной свободѣ выѣхать изъ Россіи, если не захотятъ въ ней остаться ([594]).

Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ Императора: Іоаннъ гордился древнимъ именемъ Великаго Князя и не хотѣлъ новаго; однакожь въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя *Царя* ([595]), какъ почетное титло Великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи. Такъ Изяславъ II, Димитрій Донскій назывались *Царями* ([596]). Сіе имя не есть сокращеніе Латинскаго Cæsar, какъ многіе неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сдѣлалось у насъ извѣстно по Славянскому переводу Библіи и давалось Императорамъ Византійскимъ, а въ новѣйшія времена Ханамъ Могольскимъ, имѣя на языкѣ Персидскомъ смыслъ *трона* или верховной власти ([597]); оно замѣтно также въ окончаніи собственныхъ именъ Монарховъ Ассирійскихъ и Вавилонскихъ: *Фаллассаръ*, Набонассаръ, и проч. — Исчисляя въ титулѣ своемъ всѣ особенныя владѣнія Государства Московскаго, Іоаннъ наименовалъ оное *Бѣлою Россіею*, то есть, великою или древнею, по смыслу сего слова въ языкахъ Восточныхъ ([598]).

Титулъ Царскій.

Бѣлая Россія.

Умноженіе доходовъ.

Онъ умножилъ государственные доходы пріобрѣтеніемъ новыхъ областей и лучшимъ порядкомъ въ собираніи дани, расписавъ земледѣльцевъ на сохи ([599]), и каждаго обложивъ извѣстнымъ количествомъ сельскихъ, хозяйственныхъ произведеній и деньгами: что записывалось въ особенныя книги. На примѣръ, два земледѣльца, высѣвая для себя 6 *коробей* или четвертей ржи, давали ежегодно Великому Князю 2 гривны и 4 деньги (около нынѣшняго серебренаго рубля), 2 четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя, такъ, что съ тягла сходило по нынѣшнимъ умѣреннымъ цѣнамъ болѣе двадцати рублей нашими ассигнаціями. Нѣкоторые крестьяне представляли въ казну пятую или четвертую долю собираемаго хлѣба, барановъ, куръ, сыръ, яица, овчины и проч. ([600]). Одни давали болѣе, другіе менѣе, смотря по изобилію или недостатку въ угодьяхъ. — Торговля также обогащала Казну болѣе прежняго. Россія сдѣлалась извнѣ независимою, внутри спокойною: Государь любилъ пышность, дотолѣ неизвѣстную, а г. 1505. купцы наши вмѣстѣ съ иноземными стремились удовлетворять новымъ потребностямъ Москвы, гдѣ находилось для нихъ нѣсколько гостиныхъ казенныхъ дворовъ, и гдѣ собиралась пошлина съ товаровъ и съ лавокъ ([601]). Іоаннъ перевелъ древнюю ярмонку изъ Холопьяго города въ Мологу, помѣстье сына его, Димитрія, и велѣлъ ему довольствоваться тамъ старыми купеческими сборами, не умножать ихъ, не вымышлять новыхъ, предписавъ его братьямъ, чтобы они не запрещали своимъ людямъ ѣздить на сію важную для Россіи ярмонку ([602]). Вѣроятно, что Казна имѣла также не малый доходъ отъ внѣшней торговли: не даромъ Великій Князь столь ревностно заботился объ ея безопасности въ Азовѣ и въ Кафѣ; не даромъ Послы его обыкновенно ѣзжали туда съ обозами купеческими, нагруженными пушнымъ, драгоцѣннымъ товаромъ, мѣхами собольими, лисьими, горностаевыми, зубами рыбьими, *Лунскими* (Нѣмецкими, Лондонскими) однорядками, холстомъ, юфтью: на что Россіяне вымѣнивали жемчугъ, шелкъ, тафту ([603]). Богатство *древнихъ* нашихъ Государей извѣстно болѣе по сказкамъ, нежели по дѣйствительнымъ историческимъ свидѣтельствамъ. Не говоря о дани, взятой Олегомъ съ Грековъ ([604]), знаемъ только, что Византійскій Императоръ Никифоръ далъ Святославу 15 центнеровъ золота ([605]), если вѣрить Льву Діакону, и что Мономахъ (какъ означено *буквою* въ рукописи его *Поученія*) привезъ отцу *триста* гривенъ сего металла ([606]). По крайней мѣрѣ *новѣйшіе* Великіе Князья не могли равняться богатствомъ съ Іоанномъ. «Каждому изъ сыновей моихъ» — говоритъ онъ въ завѣщаніи — «оставляю по нѣскольку ларцевъ съ казною, за ихъ и моею печатями, у Государственнаго Казначея, Печатника и Дьяковъ. Всѣ иныя сокровища, лалы, яхонты, жемчугъ, драгоцѣнныя иконы, сосуды, деньги, золото и серебро, соболи, шелковыя ткани, одежды — все, что находится въ моей казнѣ *постельной*, у Дворецкаго, Конюшаго, Ясельничихъ, Прикащиковъ въ Москвѣ, въ Твери, Новѣгородѣ, Бѣлоозерѣ, Вологдѣ и вездѣ — то все сыну моему Василію ([607]).» — Вспомнимъ, что кромѣ умноженія обыкновенныхъ, поземельныхъ и таможенныхъ доходовъ, открытія и произведенія Пермскихъ

г.1505. рудниковъ служили новымъ источникомъ богатства для государствованія Іоаннова.

Законы Іоанновы. Сей Монархъ, оружіемъ и Политикою возвеличивъ Россію, старался, подобно Ярославу I, утвердить ея внутреннее благоустройство общими гражданскими законами, въ коихъ она имѣла необходимую нужду, бывъ долгое время жертвою разновластія и безпорядка. Митрополитъ Геронтій, въ 1488 году отсылая нѣкоторыхъ лишенныхъ сана Іереевъ къ суду Государева Намѣстника, пишетъ въ своей грамотѣ, что они должны быть судимы, какъ уставилъ Великій Князь, по *Царскимъ Правиламъ*, или по законамъ Царей Греческихъ, внесеннымъ въ Кормчую Книгу (608): слѣдственно сія Книга служила тогда для насъ и гражданскимъ Уложеніемъ въ случаяхъ неопредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ. Но въ 1497 году Іоаннъ велѣлъ Дьяку Владиміру Гусеву собрать всѣ наши древнія судныя грамоты, разсмотрѣлъ, исправилъ, и выдалъ собственное Уложеніе, писанное весьма ясно, основательно (609). Главнымъ судіею былъ Великій Князь съ дѣтьми своими: но онъ давалъ сіе право Боярамъ, Окольничимъ, Намѣстникамъ, такъ называемымъ *Волостелямъ* и помѣстнымъ Дѣтямъ Боярскимъ, которые однакожь не могли судить безъ Старосты, Дворскаго и *лучшихъ людей*, избираемыхъ гражданами. Судьямъ воспрещалось всякое пристрастіе, лихоимство; но осужденный платилъ имъ и Дьякамъ ихъ десятую долю иска, сверхъ пошлины за печать, за бумагу, за трудъ. Все рѣшилось единоборствомъ: самое душегубство, зажигательство, разбой; виновнаго, то есть побѣжденнаго, казнили смертію: всю собственность его отдавали истцу и судьямъ. За *первую* татьбу, кромѣ церковной и *головной* (то есть, похищенія людей), сѣкли кнутомъ и лишали имѣнія, дѣлимаго между истцемъ и судьею; преступникъ бѣдный выдавался истцу головою. За *вторую* татьбу казнили смертію, и даже безъ суда, когда пять или шесть *добрыхъ* гражданъ утверждали клятвенно, что обвиняемый есть воръ извѣстный. Человѣка *подозрительнаго*, оговореннаго татемъ, пытали; но *безпорочнаго* не касались и требовали отъ него только поруки до объясненія дѣла. Несправедливое рѣшеніе судей уничтожалось Великимъ Княземъ, но безъ всякаго для нихъ наказанія. Съ жалобою, съ доно- г.1505. сомъ надлежало ѣхать въ Москву, или къ Намѣстнику, или къ Боярину, имѣвшему судную власть въ той области, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, за коимъ посылали *Недѣльщика* или Пристава. Являлись свидѣтели. Судья спрашивалъ: «можно ли имъ вѣрить?» *Допросите ихъ, какъ законъ и совѣсть повелѣваютъ*, отвѣтствовали судимые. Свидѣтели начинали говорить: обвиняемый возражалъ, заключая обыкновенно рѣчь свою такъ: «требую присяги и суда Божія; требую *поля* и единоборства» (610). Каждый вмѣсто себя могъ выставить бойца. Окольничій и Недѣльщикъ назначали мѣсто и время. Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука; сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкирами, мечами, на коняхъ или пѣшіе; иногда употреблялись и кинжалы. Пишутъ, что въ Москвѣ былъ славный, искусный и сильный боецъ, съ которымъ уже никто не смѣлъ схватиться, но котораго убилъ одинъ Литвинъ. Іоаннъ оскорбился; хотѣлъ видѣть побѣдителя, взглянулъ гнѣвно, плюнулъ на землю, и запретилъ судные поединки между своими и чужестранцами: ибо послѣдніе, зная превосходную силу Россіянъ, одолѣвали ихъ всегда хитростію.

Сіе уложеніе, древнѣйшее послѣ Ярославова, не должно удивлять насъ своею краткостію: гдѣ всѣ затрудненія въ тяжбахъ рѣшились острымъ желѣзомъ; гдѣ законодатель, такъ сказать, не распутывалъ ихъ узла глубокомысленными соображеніями, а разсѣкалъ его столь чуднымъ уставомъ: тамъ надлежало единственно дать правила для судебныхъ поединковъ. Видимъ, какъ и въ первобытныхъ нашихъ законахъ (611), великую довѣренность къ присягѣ, къ совѣсти людей. Тѣлесныя наказанія унижали человѣчество въ преступникахъ; но имя *добраго* гражданина, безъ всякаго инаго титла, было правомъ на государственное уваженіе; кто имѣлъ его, тотъ въ случаѣ свидѣтельства однимъ словомъ спасалъ невиннаго или губилъ виновнаго. — Несогласные съ разсудкомъ, поединки судебные могли однакожь утверждать безопасность Государства: они питали воинскій духъ народа.

Въ Уложеніи Іоанновомъ находятся весьма немногія постановленія о куплѣ, займѣ, наслѣдствѣ, земляхъ, межахъ, холопахъ, земледѣльцахъ. На примѣръ,

г.1505. 1) «Кто купилъ вещь новую при двухъ или трехъ честныхъ свидѣтеляхъ, тотъ уже не лишается ее, хотя бы она была и краденая; но *кромѣ лошади:*» слѣдственно лошадь возвращалась хозяину. — 2) «Если деньги или товары, взятые купцемъ, будутъ у него въ пути отняты, сгорятъ или утратятся безъ его вины: то ему дать время для платежа, и безъ всякаго росту; въ противномъ же случаѣ онъ, какъ виновный, отвѣтствуетъ всѣмъ имѣніемъ и головою». Сей законъ есть древній Ярославовъ. — 3) «Кто умретъ безъ духовной грамоты, не имѣя сына: того имѣніе и земли принадлежатъ дочери; а буде нѣтъ и дочери, то ближайшему родственнику. — 4) Между селами и деревнями должны быть загороды: въ случаѣ потравы взыскать убытокъ съ того, въ чью загороду прошелъ скотъ. Кто уничтожитъ межу или грань, того бить кнутомъ и взять съ него рубль въ удовлетвореніе истцу» (законъ Ярославовъ). — 5) «Кто три года владѣетъ землею, тому она уже крѣпка; но если истецъ Великій Князь, то сроку для иска полагается шесть лѣтъ: далѣе нѣтъ суда о землѣ. — 6) Крестьяне (или свободные земледѣльцы) отказываются изъ волости въ волость, изъ села въ село (то есть, переходятъ отъ одного владѣльца къ другому) за недѣлю до Юрьева дни, и черезъ недѣлю послѣ онаго. Пожилаго за дворъ назначается рубль въ степныхъ мѣстахъ, а въ лѣсныхъ 100 денегъ. — 7) Холопъ или рабъ, съ женою и дѣтьми, есть тотъ, кто даетъ на себя крѣпость, кто идетъ къ господину въ Тіуны» (законъ Ярославовъ) «и ключники сельскіе (но если дѣти служатъ другому господину или живутъ сами собою, то они не участвуютъ въ судьбѣ отца); кто женится на рабѣ; кто отданъ въ приданое или отказанъ по духовному завѣщанію. Если холопъ, взятый въ плѣнъ Татарами, уйдетъ отъ нихъ: то онъ уже свободенъ, и не принадлежитъ своему бывшему господину. Если отпускная, данная рабу, писана рукою господина, то она всегда дѣйствительна: иначе должна быть явлена Боярамъ и Намѣстникамъ, имѣющимъ судное право, и подписана Дьякомъ. — 8) Попа, Діакона, Монаха, Монахиню, старую вдову (которая питается отъ церкви Божіей) судитъ Святитель; а міряниму съ церковнымъ человѣкомъ судъ общій.» — Сіи законы, съ помощію Греческихъ, или Номоканона (612), были достаточны. г.1505. Древніе обычаи служили имъ дополненіемъ.

Іоаннъ учредилъ лучшую городскую Исправу или Полицію: онъ велѣлъ поставить на всѣхъ Московскихъ улицахъ *решетки* (или рогатки), чтобы ночью запирать ихъ для безопасности домовъ (613); не терпя шума и безпорядка въ городѣ, указомъ запретилъ гнусное пьянство (614); пекся о дорогахъ: завелъ почту, ямы, гдѣ путешественникамъ давали не только лошадей, но и пищу, если они имѣли на то приказъ Государевъ (615). Здѣсь же вмѣстимъ одну любопытную черту его заботливости о физическомъ благосостояніи народа. Открытіе Америки доставило Европѣ золото, серебро и болѣзнь, которая донынѣ свирѣпствуетъ во всѣхъ ея странахъ, искажая человѣчество, и которая съ удивительною быстротою разлила свой ядъ отъ Испаніи до Литвы. Сперва не знали ея причины, и лицемѣры нравственности не таились съ нею во мракѣ. Историкъ Литовскій пишетъ слѣдующее: «Въ 1493 году одна женщина привезла изъ Рима въ Краковъ болѣзнь *Французскую*. Сія ужасная казнь вдругъ постигла многихъ: въ числѣ ихъ находился и *Кардиналъ* Фридерикъ (616).» Слухъ о томъ дошелъ до Москвы: Великій Князь, въ 1499 году посылая въ Литву Боярскаго Сына, Ивана Мамонова, въ данномъ ему наставленіи говоритъ: «Будучи въ Вязьмѣ, развѣдай, не пріѣзжалъ ли кто изъ Смоленска съ недугомъ, въ коемъ тѣло покрывается болячками, и который называютъ Французскимъ (617)?» Іоаннъ хотѣлъ предохранить свой народъ отъ новаго бича Небеснаго.

Городская Земская Полиція.

Мы говорили о важнѣйшихъ дѣлахъ Церковныхъ. Кромѣ суда надъ еретиками, было еще три Собора: первый для уложенія Церковной Пасхаліи на осьмое тысящелѣтіе, которое настало въ 31 годъ Іоаннова государствованія. Суевѣрные успокоились; увидѣли, что земля стоитъ и небесный сводъ не колеблется съ исходомъ *седьмой тысячи* (618). Митрополитъ Зосима созвалъ Епископовъ и поручилъ Геннадію Новогородскому сдѣлать исчисленія Церковнаго Круга. Сей разумный Святитель написалъ введеніе, гдѣ свидѣтельствами Апостоловъ и правилами истиннаго Христіанства опровергаетъ всѣ мнимыя предсказанія о концѣ міра, извѣстномъ

Соборы.

г.1505. единому Богу. «Намъ должно, говоритъ онъ, не искать таинствъ сокровенныхъ отъ мудрости человѣческой, но молить Вседержителя о благоустройствѣ міра и Церкви, о здравіи и спасеніи великаго Государь нашего, да цвѣтетъ его Держава силою и побѣдою ([619]).» Сперва изложили Пасхалію только на 20 лѣтъ и дали разсмотрѣть оную Пермскому Епископу Филоѳею, котораго вычисленія утвердили ея вѣрность ([620]): послѣ того Геннадій означилъ на большихъ листахъ круги солнечные, лунные, Основанія, Эпакты, *въ руцѣ лѣто* и *ключи границъ* отъ 533 до 7980 года. Сей Соборъ утвердилъ, что годъ начинается въ Россіи вмѣстѣ съ Индиктомъ 1 Сентября ([621]).

Вторый Соборъ былъ при Симонѣ Митрополитѣ. Въ 1500 году раздавъ Новогородскія церковныя земли Дѣтямъ Боярскимъ, Великій Князь мыслилъ, что Духовенству, и въ особенности Инокамъ, непристойно владѣть безчисленными селами и деревнями, которыя возлагали на нихъ множество мірскихъ заботъ. Сіе важное дѣло именемъ Государя было предложено Митрополиту и всѣмъ Епископамъ въ общемъ ихъ Совѣтѣ ([622]). Іоаннъ не присутствовалъ въ ономъ. Митрополитъ послалъ къ нему Дьяка Леваша съ такими словами: «Отецъ твой, Симонъ Митрополитъ всея Русіи, Епископы и весь Освященный Соборъ говорятъ, что отъ Равноапостольнаго Великаго Царя Константина до позднѣйшихъ временъ вездѣ Святители и монастыри *держали грады, власти и села*: никогда Соборы Св. Отцевъ не запрещали сего; запрещали имъ единственно продавать недвижимое достояніе. При самыхъ предкахъ твоихъ, Великомъ Князѣ Владимірѣ, Ярославѣ, Андреѣ Боголюбскомъ, братѣ его Всеволодѣ, Іоаннѣ Даніиловичѣ, внукѣ блаженнаго Александра, современникѣ Чудотворца Петра Митрополита, и до нашего времени Святители и монастыри имѣли грады и власти, слободы и села, управы, суды, пошлины, оброки и дани церковныя. Не Святый ли Владиміръ, не Великій ли Ярославъ сказали въ Уставѣ своемъ: *кто преступитъ его изъ дѣтей или потомковъ моихъ; кто захватитъ церковное достояніе и десятины Святительскія, да будетъ проклятъ въ сей вѣкъ и будущій?* Самые злочестивые Цари Ординскіе, боясь Господа, щадили собственность монастырей и Святительскую: *не смѣли двигнути вещей недвижимыхъ*... И такъ не дерзаемъ и *не благоволимъ* отдать церковнаго стяжанія: ибо оно есть Божіе и неприкосновенно.» Великій Князь не захотѣлъ упорствовать; мыслилъ, но не совершилъ того, что и въ самомъ осьмомъ на-десять вѣкѣ еще казалось у насъ смѣлостію. Екатерина II чрезъ 265 лѣтъ исполнила мысль Іоанна III, присоединивъ земли и села церковныя къ государственному достоянію и назначивъ Духовенству денежное жалованье. г.1505

На третьемъ Соборѣ (въ 1503 году) Іоаннъ уставилъ съ Митрополитомъ, слѣдуя правиламъ Апостольскимъ и Св. Петра Чудотворца, чтобы ни Іереи, ни Діаконы вдовые не священнодѣйствовали. «Забывъ страхъ Божій» — сказано въ семъ приговорѣ — «многіе изъ нихъ держали наложницъ, именуемыхъ *полупопадьями*. Отнынѣ дозволяемъ имъ только, буде ведутъ жизнь непорочную, пѣть на крылосахъ и причащаться въ олтаряхъ, Іереямъ въ епитрахиляхъ, а Діаконамъ въ стихаряхъ, и брать четвертую долю изъ церковныхъ доходовъ: уличенные же въ порокѣ любострастія да живутъ въ мірѣ и ходятъ въ свѣтской одеждѣ. Еще уставляемъ, чтобы Монахамъ и Монахинямъ не жить никогда вмѣстѣ, но быть въ особенности монастырямъ женскимъ и мужескимъ ([623]),» и проч. — Грамотою сего же Собора, скрѣпленною подписями Святителей, запрещалось всякое церковное мздоимство. Не смотря на то, Архіепископъ Геннадій дерзнулъ явно брать деньги съ посвящаемыхъ имъ Іереевъ и Діаконовъ: строгій Іоаннъ, свергнувъ его съ престола Святительскаго, заперъ въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ онъ и кончилъ дни свои въ горести ([624]).

Ревностный ко благу и достоинству Церкви, Великій Князь съ удовольствіемъ видѣлъ новую честь Духовенства Россійскаго. Прежде оно искало милости въ Византійскихъ Святителяхъ: тогда Москва сдѣлалась Византіею, и Греки приходили къ намъ не только за дарами, но и за саномъ Святительскимъ. Въ 1464 году Митрополитъ Ѳеодосій поставилъ въ Москвѣ Митрополита Кесаріи. Патріархъ Іерусалимскій, угнетаемый тиранствомъ Египетскаго Султана, оставилъ Святыя мѣста и скончался на пути въ Россію. Она была утѣшеніемъ бѣдныхъ Грековъ, которые Поставленіе Кесарійскаго Митрополита въ Москвѣ.

Г. 1505. Россійскій монастырь на Аѳонской горѣ.

хвалились ея Православіемъ и величіемъ какъ бы ихъ собственнымъ. Знаменитые монастыри Аѳонскіе существовали нашими благодѣяніями, въ особенности монастырь Пантелеймона, основанный древними Государями Кіевскими ([625]).

Соглашая уваженіе къ Духовенству съ правилами всеобщей Монаршей власти, Іоаннъ въ дѣлахъ Вѣры соглашалъ терпимость съ усердіемъ ко Православію. Онъ покровительствовалъ въ Россіи и Магометанъ и самыхъ Евреевъ, но тѣмъ болѣе изъявлялъ удовольствія, когда Христіане Латинской Церкви добровольно обращались въ наше Исповѣданіе. Вмѣстѣ съ братомъ Великой Княгини Софіи, съ Италіянскими и съ Нѣмецкими художниками, въ 1490 году пріѣхалъ въ Москву Капланъ Августинскаго Ордена, именуемый въ лѣтописи Иваномъ *Спасителемъ;* онъ торжественно принялъ Греческую Вѣру, женился на Россіянкѣ и получилъ отъ Великаго Князя богатое село въ награду ([626]).

Капланъ Августинскаго Ордена принимаетъ Греческую Вѣру.

Описавъ государственныя и церковныя дѣянія, упомянемъ о нѣкоторыхъ бѣдствіяхъ сего времени. Въ 1478 и 1487 годахъ возобновлялся моръ въ сѣверо-западныхъ областяхъ Россіи, Устюгѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ. Были неурожаи, голыя зимы, чрезвычайныя разлитія водъ, необыкновенныя бури, и въ 1471 году, Августа 29, землетрясеніе въ Москвѣ. Цѣлые города обращались въ пепелъ, а столица нѣсколько разъ. Въ сихъ ужасныхъ пожарахъ, днемъ и ночью, Великій Князь самъ являлся на конѣ съ Дѣтьми Боярскими, оставляя трапезу и ложе: указывалъ, распоряжалъ, тушилъ огонь, ломалъ домы, и возвращался во дворецъ уже тогда, какъ все угасало ([627]).

Нѣкоторыя бѣдствія Іоаннова вѣка.

Наконецъ замѣтимъ еще двѣ достопамятности: первая относится къ исторіи нашихъ старинныхъ обычаевъ; вторая къ ученой исторіи древнихъ путешествій.

Іоаннъ, особенно любя свою меньшую дочь, не хотѣлъ разстаться съ нею и не искалъ ей жениховъ внѣ Россіи. Горестныя слѣдствія Еленина супружества, хотя и блестящаго, тѣмъ болѣе отвращали его отъ мысли выдать Ѳеодосію за какого нибудь иноземнаго Принца. Въ 1500 году онъ сочеталъ ее съ Княземъ Василіемъ Холмскимъ, Бояриномъ и Воеводою, сыномъ Даніила, славнаго мужествомъ и побѣдами, который умеръ чрезъ шесть лѣтъ по завоеваніи Казани ([628]). Сія свадьба описана въ прибавленіи Розрядныхъ Книгъ съ нѣкоторыми любопытными обстоятельствами. Знаменитый противникъ Ливонскаго Магистра, Героя Плеттенберга, Бояринъ и Полководецъ, Князь Даніилъ Пенко-Ярославскій, былъ въ *Тысяцкихъ,* а Князь Петръ Нагой-Оболенскій въ *Дружкахъ* съ ихъ женами. Въ поѣздѣ съ женихомъ находилось болѣе ста Князей и знатнѣйшихъ Дѣтей Боярскихъ. У саней Великихъ Княгинь Софіи и Елены, шли Бояре, Греческіе и Россійскіе. Свадьбу вѣнчалъ Митрополитъ въ храмѣ Успенія. Не забыли никакого обряда, нужнаго, какъ думали, для счастія супруговъ; всѣ желали его и предсказывали молодымъ; веселились, пировали водворцѣ до ночи. — Счастливыя предсказанія не сбылися: Ѳеодосія ровно черезъ годъ скончалась.

Г. 1505. Древнѣйшее описаніе Княжеской свадьбы.

Доселѣ Географы не знали, что честь одного изъ древнѣйшихъ, описанныхъ Европейскихъ путешествій въ Индію принадлежитъ Россіи Іоаннова вѣка. Нѣкто Аѳанасій Никитинъ, Тверскій житель, около 1470 года былъ по дѣламъ купеческимъ въ Деканѣ и въ Королевствѣ Гольконскомъ. Мы имѣемъ его записки([629]), которыя хотя и не показываютъ духа наблюдательнаго, ни ученыхъ свѣдѣній, однакожь любопытны, тѣмъ болѣе, что тогдашнее состояніе Индіи намъ почти совсѣмъ неизвѣстно. Здѣсь не мѣсто описывать подробности. Скажемъ только, что нашъ путешественникъ ѣхалъ Волгою изъ Твери до Астрахани, мимо Татарскихъ городовъ *Услана* и *Берекзаны;* изъ Астрахани въ Дербентъ, Бокару, Мазандеранъ, Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ и далѣе, сухимъ путемъ, къ горамъ Индѣйскимъ, до Бедера, гдѣ находилась столица Великаго Султана *Хоросанскаго;* видѣлъ *Индѣйскій Іерусалимъ,* то есть, славный Элорскій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ города, коихъ нѣтъ на картахъ; замѣчаетъ достопамятное; удивляется роскоши Вельможъ и бѣдности народа; осуждаетъ не только суевѣріе, но и худые нравы жителей, исповѣдующихъ Вѣру Брамы; вездѣ тоскуетъ о православной Руси, сожалѣя, если кто изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою Индѣйскихъ богатствъ, вздумаетъ ѣхать по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечества, гдѣ много перцу и красокъ, но мало *год-*

Путешествіе въ Индію.

г.1505. *наго для России*; наконецъ возвращается въ Ормусъ, и чрезъ Испагань, Султанію, Требизонтъ прибывъ въ Кафу, заключаетъ исторію своего шестилѣтняго путешествія, которое едвали доставило ему что нибудь, кромѣ удовольствія описать оное: ибо Турецкіе Паши отняли у него большую часть привезенныхъ имъ товаровъ. Можетъ быть Іоаннъ и не свѣдалъ о семъ любопытномъ странствіи: по крайней мѣрѣ оно доказываетъ, что Россія въ XV вѣкѣ имѣла своихъ Тавернье и Шарденей, г.1505. менѣе просвѣщенныхъ, но равно смѣлыхъ и предпріимчивыхъ; что Индѣйцы слышали объ ней прежде, нежели о Португаллін, Голландін, Англіи. Въ то время, какъ Васко де-Гама единственно мыслилъ о возможности найти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ Тверитянинъ уже купечествовалъ на берегу Малабара и бесѣдовалъ съ жителями о Догматахъ ихъ Вѣры.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VII.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ГЛАВА I.

ГОСУДАРЬ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ.

Г. 1505 — 1509.

Тѣсное заключеніе и смерть Іоаннова внука, Димитрія. Общій характеръ Василіева правленія. Посольство въ Тавриду. Царевичь Казанскій принимаетъ Вѣру нашу и женится на сестрѣ Великаго Князя. Походъ на Казань. Дѣла Литовскія. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ. Миръ. Союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Освобожденіе Летифа. Неудовольствія нашего Посла въ Тавридѣ. Мирный договоръ съ Ливоніею. Дѣла Пскова: конецъ его гражданской вольности.

Г. 1505 —1509. Василій пріялъ державу отца, но безъ всякихъ священныхъ обрядовъ, которые напомнили бы Россіянамъ о злополучномъ Димитріи, пышно вѣнчанномъ и сверженномъ съ престола въ темницу (1). Василій не хотѣлъ быть великодушнымъ: ненавидя племянника, помня дни его счастія и своего уничиженія, онъ безжалостно осудилъ сего юношу на самую тяжкую неволю, сокрылъ отъ людей, отъ свѣта солнечнаго въ тѣсной мрачной палатѣ (2). Изнуряемый горестію, скукою празднаго уединенія, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, безъ отрады, безъ надежды въ лѣтахъ цвѣтущихъ, Димитрій преставился въ 1509 году, бывъ одною изъ умилительныхъ жертвъ лютой Политики, оплакиваемыхъ добрыми сердцами и находящихъ мстителя развѣ въ другомъ мірѣ (3). Смерть возвратила Димитрію права Царскія: Россія увидѣла его лежащаго на великолѣпномъ одрѣ, торжественно отпѣваемаго въ новомъ храмѣ Св. Михаила и преданнаго землѣ подлѣ гроба родителева.

Смерть Димитрія.

Завѣщаніе, писанное симъ Княземъ въ присутствіи Духовника и Боярина, Князя Хованскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ и въ самой темницѣ имѣлъ казну, деньги, множество драгоцѣнныхъ вещей, отчасти данныхъ ему Василіемъ, какъ бы въ замѣну престола и свободы, у него похищенныхъ. Исчисливъ все свое достояніе, жемчугъ, золото, серебро (вѣсомъ болѣе десяти пудъ), Димитрій не располагаетъ ничѣмъ, а желаетъ единственно, чтобы нѣкоторые изъ его земель были отданы монастырямъ, всѣ крѣпостные слуги освобождены, вольные призрѣны, купленныя имъ деревни возвращены безденежно прежнимъ владѣльцамъ, долговыя записи уничтожены, и проситъ о томъ Великаго Князя безъ униженія и гордости, повинуясь судьбѣ, но не забывая своихъ правъ (4). Г. 1505 —1509.

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ Самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ Политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ важныя дѣла въ Совѣтѣ Бояръ, учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ Монархической власти (5), но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію (6); не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ Самодержавія.

Общій характеръ Василіева правленія.

Зная великую пользу союза Менгли-Гиреева, Василій нетерпѣливо желалъ возобновить его: увѣдомилъ Хана о кончинѣ родителя и требовалъ отъ него новой *Шертной* или клятвенной грамо-

Посольство въ Тавриду.

г. 1505. ты. Менгли-Гирей прислалъ ее съ двумя своими Вельможами: Бояре Московскіе нашли, что она не такъ писана, какъ данная имъ Іоанну, и предложили иную. Послы скрѣпили оную печатями, а Великій Князь отправилъ знатнаго Окольничаго, Константина Заболоцкаго, въ Тавриду, чтобы удостовѣриться въ искренней дружбѣ Хана и взять съ него присягу (7).

Измѣна Царя Казанскаго требовала мести. Въ сіе время братъ Алегамовъ, Царевичь Куйдакулъ, будучи нашимъ плѣнникомъ, изъявилъ желаніе принять Вѣру Христіанскую. Онъ жилъ въ Ростовѣ, въ домѣ Архіепископа: Государь велѣлъ ему пріѣхать въ Москву; нашелъ въ немъ любезныя свойства, умъ, доброправіе и ревность къ познанію истиннаго Бога (8). Его окрестили торжественно, на Москвѣ-рѣкѣ, въ присутствіи всего Двора: назвали Петромъ и черезъ мѣсяцъ удостоили чести быть зятемъ Государевымъ: Великій Князь выдалъ за него сестру свою, Евдокію, и симъ брачнымъ союзомъ какъ бы давъ себѣ новое право располагать жребіемъ Казани, началъ готовиться къ войнѣ съ нею.

Царевичь Казанскій принимаетъ нашу Вѣру и женится на сестрѣ Великаго Князя. г. 1506.

Димитрій, Василіевъ братъ, предводительствовалъ ратію, судовою и конною, съ Воеводами Ѳеодоромъ Бѣльскимъ, Шеиномъ, Княземъ Александромъ Ростовскимъ, Палецкимъ, Курбскимъ и другими (8). 22 Мая пѣхота Россійская вышла на берегъ близъ Казани. День былъ жаркой: утомленные воины сразились съ непріятельскими толпами передъ городомъ и тѣснили ихъ; но конница Татарская заѣхала имъ въ тылъ, отрѣзала отъ судовъ и сильнымъ ударомъ смѣшала Россіянъ. Множество пало, утонуло въ Поганомъ озерѣ или отдалось въ плѣнъ; другіе открыли себѣ путь къ судамъ, и ждали конной рати: она пришла; но Государь, свѣдавъ о первой неудачѣ и въ тотъ же день выславъ Князя Василія Холмскаго съ новыми полками къ Казани, не велѣлъ Димитрію до ихъ прибытія тревожить города. Димитрій ослушался, и посрамилъ себя еще болѣе. Время славной ярмонки Казанской приближалось: Магметъ-Аминь, величаясь побѣдою, и думая, что Россіяне уже далеко, 22 Іюня веселился съ Князьями своими на лугу Арскомъ, гдѣ стояло болѣе тысячи шатровъ, купцы иноземные раскладывали товары, народъ гулялъ, жены сидѣли подъ тѣнію наметовъ, дѣти играли.

Походъ на Казань.

Вдругъ явились полки Московскіе: «они какъ съ неба упали на Казанцевъ,» говоритъ Лѣтописецъ: топтали ихъ, рѣзали, гнали въ городъ; бѣгущіе давили другъ друга и задыхались въ тѣснотѣ улицъ. Россіяне могли бы легко взять Казань приступомъ: она сдалась бы имъ чрезъ пять или шесть дней; но утомленные побѣдители хотѣли отдохнуть въ шатрахъ: увидѣли тамъ яства, напитки, множество вещей драгоцѣнныхъ, и забыли войну; начался пиръ и грабежъ: ночь прекратила оные, утро возобновило. Бояре, чиновники нѣжились подъ Царскими наметами, любовались симъ зрѣлищемъ и хвалились, что они ровно черезъ годъ отмстили Казанцамъ убіеніе нашихъ купцевъ; воины пили и шумѣли; стража дремала. Но Магметъ-Аминь бодрствовалъ въ высокой стрѣльницѣ: смотрѣлъ на ликованіе безпечныхъ непріятелей, и готовилъ имъ месть за месть, внезапность за внезапность. 25 Іюня, скоро по восходѣ солнца, 20,000 конныхъ и 30,000 пѣшихъ ратниковъ высыпало изъ города и съ крикомъ устремилось на Россіянъ полусонныхъ, которыхъ было вдвое болѣе числомъ, но которые въ смятеніи бѣжали къ судамъ, какъ стадо овецъ, въ слѣдъ за Воеводами, безъ устройства, безъ оружія (10). Лугъ Арскій взмокъ отъ ихъ крови и покрылся трупами. Князь Курбскій, Палецкій, лишились жизни: Воевода Шеинъ остался плѣнникомъ; но спаслось еще столько людей, что они могли бы новою битвою загладить свою оплошность и робость: никто не мыслилъ о томъ; въ безпамятствѣ ужаса кидались на суда, отрѣзывали якори; спѣшили удалиться. Одна конница Московская подъ начальствомъ Ѳедора Михайловича Киселева и нашего служиваго Царевича Зденая, Нордоулатова сына (11), оказала нѣкоторую смѣлость: шла сухимъ путемъ къ Мурому, и въ 40 верстахъ отъ Суры настиженная Казанцами, отразила ихъ мужественно. Въ войскѣ у Димитрія находилось нѣсколько иноземцевъ съ огнестрѣльнымъ снарядомъ: только одинъ изъ нихъ привезъ свои пушки въ Москву. Товарищи его явились вмѣстѣ съ нимъ къ Государю, который, принявъ другихъ милостиво, сказавъ ему гнѣвно: «Ты берегъ снарядъ, а не берегъ себя: знай же, что люди искусные мнѣ дороже пушекъ» (12)! Василій не наказалъ Воеводъ изъ уваженія къ брату, глав-

г.1506. ному Полководцу, слѣдственно и главному виновнику сего бѣдствія; но Димитрій съ того времени уже не бывалъ никогда начальникомъ рати.

Такимъ образомъ и Василіево государствованіе, подобно Іоаннову, началось неудачнымъ походомъ на Казань. Честь и безопасность Россіи предписывали Великому Князю смирить Магметъ Аминя: уже знаменитый нашъ Полководецъ, Даніилъ Щеня, готовился итти къ берегамъ Волги ([13]); но вѣроломный присяжникъ изъявилъ раскаяніе: или убѣжденный Менгли-Гиреемъ, или самъ предвидя худыя слѣдствія войны для слабой Казани, онъ писалъ къ Василію весьма учтиво, прося извиненія и мира. Государь требовалъ освобожденія Посла нашего, Михайла Яропкина, также всѣхъ захваченныхъ съ нимъ купцевъ и военноплѣнныхъ Россіянъ: Магметъ-Аминь исполнилъ его волю: новою клятвенною грамотою обязался быть ему другомъ, и призналъ свою зависимость отъ Россіи, какъ было при Іоаннѣ ([14]).

Дѣла Литовскія. Въ сношеніяхъ съ Литвою Василій изъявлялъ на словахъ миролюбіе, стараясь вредить ей тайно и явно. Еще не зная о смерти Іоанновой, Король Александръ отправилъ Посла въ Москву съ обыкновенными жалобами на обиды Россіянъ ([15]). Государь выслушалъ, обѣщалъ законное удовлетвореніе, привѣтствовалъ Посла, но не далъ ему руки, для того, что въ Литвѣ свирѣпствовали заразительныя болѣзни. Извѣстіе о новомъ Монархѣ въ Россіи обрадовало Короля. Всѣ знали твердость Іоаннову: неопытность и юность Василіева казались брагопріятными для нашихъ естественныхъ недоброжелателей. Александръ надѣялся заключить миръ, приславъ въ Москву Вельможъ Глѣбова и Сапѣгу; но въ отвѣтъ на ихъ предложеніе, возвратить Литвѣ всѣ наши завоеванія, Бояре Московскіе сказали, что Великій Князь владѣетъ только собственными землями и ничего уступить не можетъ ([16]). Глѣбовъ и Сапѣга выѣхали съ неудовольствіемъ; а въ слѣдъ за ними Государь послалъ ([17]) объявить зятю о своемъ восшествіи на престолъ и вручить Еленѣ золотой крестъ съ мощами по духовной родителя. Василій призналъ жалобы Литовскихъ подданныхъ на Россіянъ совершенно несправедливыми, и, къ досадѣ Короля, напомнилъ ему въ сильныхъ выраженіяхъ, чтобы онъ не безпокоилъ супруги въ разсужденіи ея Вѣры. — Однимъ словомъ, Александръ г.1506. увидѣлъ, что въ Россіи другой Государь, но таже система войны и мира. Все осталось, какъ было. Съ обѣихъ сторонъ изъявлялась холодная учтивость. Король дозволилъ Греку Андрею Трахаміоту ѣхать изъ Москвы въ Италію черезъ Литву ([18]), въ угодность Василію, который взаимно оказывалъ снисхожденіе въ случаяхъ маловажныхъ: такъ, на примѣръ, отдалъ Митрополиту Кіевскому, Іонѣ, сына его, бывшаго у насъ плѣнникомъ ([19]).

Въ Августѣ 1506 года Король Александръ умеръ: Великій Князь немедленно послалъ чиновника Наумова съ утѣшительною грамотою ко вдовствующей Еленѣ; но въ тайномъ наказѣ предписалъ ему объявить сестрѣ, что она можетъ прославить себя великимъ дѣломъ, именно, соединеніемъ Литвы, Польши и Россіи, ежели убѣдитъ своихъ Пановъ избрать его въ Короли; что разновѣріе не есть истинное препятствіе; что онъ дастъ клятву покровительствовать Римскій Законъ, будетъ отцемъ народа и сдѣлаетъ ему болѣе добра, нежели Государь единовѣрный ([20]). Наумовъ долженъ былъ сказать тоже Виленскому Епископу Войтеху, Пану Николаю Радзивилу и всѣмъ Думнымъ Вельможамъ. Мысль смѣлая и по тогдашнимъ обстоятельствамъ удивительная, внушенная не только властолюбіемъ Монарха-юноши, но и проницаніемъ необыкновеннымъ. Литва и Россія не могли дѣйствительно примириться иначе, какъ составивъ одну Державу: Василій безъ наставленія долговременныхъ опытовъ, безъ примѣра, умомъ своимъ постигъ сію важную для нихъ обѣихъ истину; и если бы его желаніе исполнилось, то Сѣверъ Европы имѣлъ бы другую Исторію. Василій хотѣлъ отвратить бѣдствія двухъ народовъ, которые въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ рѣзались между собою, споря о *древнихъ* и *новыхъ* границахъ. Сія кровопролитная тяжба могла прекратиться только гибелію одного изъ нихъ; повинуясь Государю общему, въ духѣ братства, они сдѣлались бы мирными властелинами полунощной Европы.

Но Елена отвѣтствовала, что братъ ея супруга, Сигизмундъ, уже объявленъ его преемникомъ въ Вильнѣ и въ Краковѣ. Самъ новый Король извѣстилъ о томъ Василія, предлагая ему вѣчный миръ съ условіемъ, чтобы онъ возвра-

г.1506. тилъ свободу Литовскимъ плѣнникамъ и тѣ мѣста, коими завладѣли Россіяне уже послѣ шестилѣтняго перемирія. Сіе требованіе казалось умѣреннымъ; но Василій — досадуя, можетъ быть, что его намѣреніе царствовать въ Литвѣ не исполнилось — хотѣлъ удержать все, оставленное ему въ наслѣдіе родителемъ (21), и жалуясь, что Литовцы преступаютъ договоръ 1503 года, тревожатъ набѣгами владѣнія Князей Стародубскаго и Рыльскаго, жгутъ села Брянскія, отнимаютъ наши земли, послалъ Князя Холмскаго и Боярина Якова Захарьевича воевать Смоленскую область. Они доходили до Мстиславля, не встрѣтивъ непріятеля въ полѣ (22). Королевскіе Послы еще находились тогда въ Москвѣ: Сигизмундъ упрекалъ Василія, что онъ, говоря съ нимъ о мирѣ, начинаетъ войну (23).

Въ сіе время славный Константинъ Острожскій, измѣнивъ данной имъ Василію присягѣ, утвержденной ручательствомъ нашего Митрополита, бѣжалъ
г.1508. изъ Москвы въ Литву (24). Любовь къ отечеству и ненависть къ Россіи заставили его остыдить себя дѣломъ презрительнымъ: обмануть Государя, Митрополита, наружить клятву, уставъ чести и совѣсти. Никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства. — Сигизмундъ принялъ нашего измѣнника, Константина, съ милостію: Василій скоро отмстилъ Сигизмунду, объявивъ себя покровителемъ еще важнѣйшаго измѣнника Литовскаго.

Никто изъ Вельможъ не былъ въ Литвѣ столь знатенъ, силенъ, богатъ помѣстьями, щедръ къ услужникамъ и страшенъ для непріятелей, какъ Михаилъ Глинскій, коего родъ происходилъ отъ одного Князя Татарскаго, выѣхавшаго изъ Орды къ Витовту (25). Воспитанный въ Германіи, Михаилъ заимствовалъ обычаи Нѣмецкіе, долго служилъ Албрехту Саксонскому, Императору Максимиліану въ Италіи; славился храбростію, умомъ, и возвратясь въ отечество, снискалъ милость Александрову, такъ, что сей Государь обходился съ нимъ какъ съ другомъ, ввѣряя ему всѣ тайны сердечныя. Глинскій оправдывалъ сію любовь и довѣренность своими заслугами. Когда сильное войско Менгли-Гиреево быстрымъ нашествіемъ привело Литву въ трепетъ; когда Александръ, лежащій на смертномъ одрѣ почти въ виду непріятеля, требовалъ усердной защиты отъ Вельможъ и на- г.1508. рода: Глинскій сѣлъ на коня, собралъ воиновъ, и славнѣйшею побѣдою утѣшилъ Короля въ послѣднія минуты его жизни (26). Завистники молчали; но смерть Александрова отверзла имъ уста: говорили, что онъ мыслилъ овладѣть престоломъ и не хотѣлъ присягать Сигизмунду. Всѣхъ болѣе ненавидѣлъ и злословилъ его Вельможа Забрезенскій. Михаилъ неотступно убѣждалъ новаго Короля быть судіею между ими. Сигизмундъ медлилъ, доброхотствуя непріятелямъ Глинскаго, который вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и сказалъ ему: «Государь! мы оба, ты и я, будемъ раскаиваться; но поздно.» Онъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Василіемъ, уѣхалъ въ свой городъ Туровъ; призвалъ къ себѣ родственниковъ, друзей; требовалъ полнаго удовлетворенія отъ Сигизмунда и назначилъ срокъ. Слухъ о томъ достигъ Москвы, гдѣ знали все, что въ Литвѣ происходило: Государь угадалъ тайную мысль Михаилову и послалъ къ нему умнаго Дьяка, предлагая всѣмъ тремъ Глинскимъ защиту Россіи, милость и жалованье (27). Еще соблюдая пристойность, они ждали рѣшительнаго Королевскаго отвѣта: не получивъ его, торжественно объявили себя слугами Государя Московскаго, съ условіемъ, чтобы Василій оружіемъ укрѣпилъ за ними ихъ города въ Литвѣ, помѣстные и тѣ, которые имъ волею или неволею сладутся. Съ обѣихъ сторонъ утвердили сей договоръ клятвою. Пылая злобою мести, Михаилъ нечаянно схватилъ врага своего, Вельможу Михаила Забрезенскаго, въ увеселительномъ его домѣ близъ Гродна: отсѣкъ ему голову (28); умертвилъ многихъ другихъ Пановъ; составилъ полкъ изъ Дворянъ, слугъ и наемниковъ; взялъ Мозырь; заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ и Господаремъ Молдавскимъ (29), изъ коихъ первый обѣщалъ завоевать для него Кіевъ. Пишутъ, что Глинскіе дѣйствительно имѣли намѣреніе возстановить древнее Великое Княженіе Кіевское и господствовать въ немъ независимо; что многіе изъ тамошнихъ Бояръ присягнули имъ въ вѣрности; что Михаилъ думалъ жениться на вдовствующей супругѣ Симеона Олельковича, Анастасіи, и тѣмъ пріобрѣсти законное право на сіе Княжество, но что добродѣтельная Анастасія, гнушаясь его измѣною, не хотѣла о томъ слышать (30).

г. 1508. Война съ Сигизмундомъ, Александровымъ наслѣдникомъ.

Глинскій ждалъ Московской рати. Воеводы наши, Князья Шемякинъ, Одоевскіе, Трубецкіе, Воротынскіе, пришли къ нему на Березину, осадили Минскъ и разоряли все до самой Вильны; другіе воевали Смоленскую область (31). Желая и надѣясь сокрушить Литву, Василій двинулъ еще полки изъ Москвы и Новагорода къ Оршѣ: первые велъ знатный Бояринъ Яковъ Захарьевичь, послѣдніе славный Князь Даніилъ Щеня. Глинскій, Шемякинъ, оставивъ Минскъ, явились близъ Друцка, обязали тамошнихъ Князей присягою вѣрности къ Государю Россійскому и соединились подъ Оршею съ Даніиломъ: громили пушками стѣны ея; замышляли приступъ.

Никогда Литва не бывала въ опаснѣйшемъ положеніи: Россія возстала, Менгли-Гирей и Волохи готовились къ нападенію; внутри бунтъ и правленіе новое, коего всѣ тайны, всѣ способы были извѣстны Глинскому; наемные Королевскіе воины, Нѣмцы, требовали жалованья, а расточительность Александрова истощила казну (32). Но Сигизмундъ имѣлъ твердость, благоразуміе и счастіе, которое въ дѣлахъ міра не рѣдко смѣется надъ вѣроятностями ума. Съ необыкновенною дѣятельностію собравъ, устроивъ войско, онъ приблизился къ Оршѣ, чтобы спасти сію важную крѣпость. Полководцы Василіевы изумились, сняли осаду и стали на восточномъ берегу Днѣпра. Дней шесть непріятели черезъ сію рѣку смотрѣли другъ па друга: Россіяне ждали къ себѣ Литовцевъ, Литовцы Россіянъ (33). Наконецъ Воеводы Московскіе пошли къ Кричеву, Мстиславлю; разорили нѣсколько селъ и спѣшили назадъ, защитить собственные предѣлы: ибо Король вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ Дорогобужу, къ Бѣлой и къ Торопцу. Василій, поручивъ Князьямъ Стародубскому и Шемякину оберегать Украйну, велѣлъ Боярину Якову Захарьевичу стоять въ Вязмѣ, а Даніилу выгнать Литовскій отрядъ изъ Торопца, гдѣ жители, малодушно присягнувъ Сигизмунду, съ радостію встрѣтили нашего Воеводу, который донесъ Государю о бѣгствѣ непріятеля (34).

Хотя Василій по видимому не имѣлъ причины славиться успѣхами своихъ Полководцевъ, ни важными для Россіи слѣдствіями измѣны Глинскихъ: однакожь казался доволенъ первыми, и съ великою милостію угостилъ Михаила, г. 1508. который пріѣхалъ въ Москву, пировалъ во дворцѣ, былъ одаренъ щедро, не только одеждами богатыми, доспѣхомъ, Азіатскими конями, но и Московскими селами, съ двумя помѣстными городами, Ярославцемъ и Медынью. Братья Михаиловы оставались въ Мозырѣ, а люди, сокровища и знатнѣйшіе единомышленники, Князья Дмитрій Жижерскій, Иванъ Озерецкій, Андрей Лукомскій, въ Почепѣ. Михаилъ просилъ у Государя воиновъ для обереженія Турова и Мозыря: Василій далъ ему Воеводу, Князя Несвицкаго, съ Галицкими, Костромскими ратниками и съ Татарами (35).

Между тѣмъ Литовцы сожгли Бѣлую и взяли Дорогобужъ, обращенный въ пепелъ самими Россіянами (36). Константинъ Острожскій предводительствовалъ частію Сигизмундовой рати, обѣщая указать ей путь къ Москвѣ. Но Великій Князь не терялъ времени: самъ распорядилъ полки и велѣлъ имъ съ двухъ сторонъ, Холмскому изъ Можайска, Боярину Якову Захарьевичу изъ Вязьмы, итти къ Дорогобужу, гдѣ начальствовалъ Воевода Королевскій, Станиславъ Кишка: сей гордый Панъ, имѣвъ нѣкоторыя выгоды въ легкихъ сшибкахъ съ отрядами Россійскими, уже думалъ, что наше войско не существуетъ, и что бѣдные остатки его не дерзнутъ показаться изъ лѣсовъ: увидѣлъ полки Холмскаго и бѣжалъ въ Смоленскъ. — Такимъ образомъ непріятели выгнали другъ друга изъ своихъ предѣловъ, не бывъ ни побѣдителями, ни побѣжденными; но Король имѣлъ болѣе славы, среди опасностей новаго правленія и внутренней измѣны отразивъ внѣшняго сильнаго врага, столь ужаснаго для его двухъ предшественниковъ.

Не ослѣпляясь легкомысленною гордостію, боясь Менгли-Гирея и желая успокоить свою Державу, благоразумный Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, который не отринулъ его. Глинскій хвалился многочисленностію друзей и единомышленниковъ въ Литвѣ; но, къ счастію всѣхъ Правленій, измѣнники рѣдко торжествуютъ: сила беззаконная или первымъ возстаніемъ испровергаетъ законный уставъ Государства, или ежечасно слабѣетъ отъ нераздѣльнаго съ нею страха, отъ естественнаго угрызенія совѣсти, если не главныхъ дѣйствующихъ лицъ, то по

г. 1508. крайней мѣрѣ ихъ помощниковъ. Тщетно Глинскіе старались возмутить Кіевскую и Волынскую область: народъ равнодушно ждалъ происшествій; Бояре отчасти желали успѣховъ Михаилу, но не хотѣли бунтомъ подвергнуть себя казни; весьма не многіе присоединились къ нему, и войско его состояло едва изъ двухъ или трехъ тысячь всадниковъ; начальники городовъ были вѣрны Королю. Счастію Іоаннова оружія въ войнѣ Литовской способствовалъ Менгли-Гирей: Василій еще не видалъ въ немъ дѣятельнаго усердія къ пользамъ Россіи, и не смотря на союзную грамоту, утвержденную въ Москвѣ словомъ и печатію Ханскихъ Пословъ, разбойники Крымскіе безпокоили нашу Украйну, такъ, что Великій Князь долженъ былъ защитить оную войскомъ (37). Надежда, возбудить Ногаевъ къ сильному впаденію въ Литву, не исполнилась: слуга Василіевъ, Князь Темиръ, ѣздилъ къ Мурзамъ, Асану и другимъ, сыновьямъ Ямгурчея и Мусы, съ предложеніемъ, чтобы они, содѣйствуя намъ, отмстили Королю вѣроломное заключеніе Хана Шигъ-Ахмета, связаннаго съ ними родствомъ и дружбою: Темиръ долженъ былъ вести ихъ къ берегамъ Дона и Днѣпра; но не могъ успѣть въ своемъ порученіи (38). Сіи обстоятельства, моленіе вдовствующей Королевы Елены, рѣшительность Сигизмунда и сомнительный успѣхъ войны склонили Василія къ искреннему миролюбію. Король прислалъ изъ Смоленска въ Москву Станислава, Воеводу Полоцкаго, Маршалка Сапѣгу и Войтеха, Намѣстника Перемышльскаго, которые, слѣдуя обыкновенію, сначала требовали всего, а наконецъ

Миръ. удовольствовались не многимъ; хотѣли Чернигова, Любеча, Дорогобужа, Торопца, но согласились взять единственно пять или шесть волостей Смоленскихъ, отнятыхъ у Литвы уже въ государствованіе Василіево. Написали договоръ такъ называемаго вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви, доброжелательствовать и помогать другъ другу на всякаго непріятеля, кромѣ Менгли-Гирея и такихъ случаевъ, гдѣ будетъ *не возможно* исполнить сего условія (которое, слѣдственно, обращалось въ ничто). Король утверждалъ за Россіею всѣ пріобрѣтенія Іоанновы, а за слугами Государя Россійскаго, Князьями Шемякинымъ, Стародубскими, Трубецкими, Одоевскими, Воротынскими, г. 1508. Перемышльскими, Новосильскими, Бѣлевскими, Мосальскими, всѣ ихъ отчины и города. За то Василій обѣщалъ *не вступаться* въ Кіевъ, въ Смоленскъ, ни въ другія Литовскія владѣнія. Далѣе сказано въ договорѣ, что *Великій* Князь Рязанскій, Іоаннъ Іоанновичь, съ своею землею принадлежитъ къ Государству Московскому; что ссоры между Литовскими и Россійскими подданными должны быть разбираемы судьями общими, присяжными, коихъ рѣшенія исполняются во всей силѣ; что Посламъ и купцамъ обѣихъ Державъ вездѣ *путь чистъ* и свободенъ: ѣздятъ, торгуютъ, какъ имъ угодно; наконецъ, что Литовскіе и наши плѣнники освобождаются немедленно. О Глинскихъ не упоминается въ сей грамотѣ; но судьба ихъ была рѣшена: Василій призналъ Мозырь и Туровъ, города Михаиловы, собственностію Королевскою, обѣщая впредь уже не принимать къ себѣ никого изъ Литовскихъ Князей съ землями и помѣстьями (39). Онъ удовольствовался единственно словомъ Короля, что Глинскіе могутъ свободно выѣхать изъ Литвы въ Россію.

Послы Сигизмундовы были десять разъ у Государя и дважды обѣдали. Размѣнялись договорными грамотами. Сеймъ Литовскій одобрилъ всѣ условія. Король цѣловалъ крестъ въ присутствіи нашихъ Пословъ, въ Вильнѣ (40). Россіяне и Литовцы были довольны миромъ; но Глинскіе изъявляли негодованіе, и Сигизмундъ увѣдомилъ Великаго Князя, что Михаилъ не хочетъ ѣхать въ Москву, думая бѣжать въ степи съ вооруженными людьми своими и мстить равно обоимъ Государствамъ; но что войско Королевское уже идетъ смирить сего мятежника. Василій просилъ Короля не тревожить Глинскихъ и дать имъ свободный путь въ Россію. Проливая слезы, они выѣхали къ намъ изъ отечества со всѣми ближними. Литва жалѣла, а болѣе опасалась ихъ: Россія не любила: Великій Князь ласкалъ и честилъ, думая, что сіи измѣнники еще могутъ быть ему полезны.

Едва ли имѣя надежду и самое желаніе долго остаться въ мирѣ съ Литвою, Василій нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды, чтобы удостовѣриться въ важномъ для насъ союзѣ Менгли-Гиреевомъ. Можетъ быть, сей Царь и не участвовалъ въ набѣгѣ Крымскихъ разбойниковъ на Московскіе предѣлы, но усердіе

г.1508. его къ Россіи явно охладѣло: державъ Заболоцкаго долѣе года, онъ прислалъ гонца въ Москву съ требованіемъ, чтобы его пасынокъ, сверженный Царь Казанскій, Абдылъ-Летифъ, былъ отпущенъ въ Тавриду. Великій Князь не сдѣлалъ сего, однакожь возвратилъ Летифу свободу и милость, дозволилъ быть во дворцѣ, обѣщалъ Каширу въ помѣстье (41). Вѣроятно, что слухъ о мирныхъ переговорахъ Сигизмунда съ Василіемъ рѣшилъ наконецъ Менгли-Гирея утвердить дружбу съ нами: по крайней мѣрѣ онъ немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ Вельможъ своихъ въ Москву съ шертною *золотою* грамотою (42): далъ клятву за себя, за дѣтей и внучатъ, жить въ братствѣ съ Великимъ Княземъ, вмѣстѣ воевать и мириться, съ Литвою и съ Татарами; унимать, казнить своихъ разбойниковъ, покровительствовать нашихъ купцевъ и путешественниковъ; однимъ словомъ, исполнять всѣ обязанности тѣсной взаимной дружбы, какъ было въ Іоанново время.

Государь приказалъ встрѣтить Пословъ съ великою честію, звать во дворецъ къ обѣду, и *клалъ на нихъ руки* въ знакъ благоволенія. Они представили ему 16 грамотъ отъ Хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахани, обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ, латъ и серебряной чары *въ два ведра* (43); требовалъ какой-то дани, платимой ему Князьями Одоевскими (44); а всего болѣе желалъ, чтобы Государь позволилъ Абдылъ-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ Думу Боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе (45). Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ Думу и говорилъ такъ: «Царь Абдылъ-Летифъ! ты вѣдаешь, что отецъ мой лишилъ тебя свободы за вину не малую. Въ угодность нашему брату, Менгли-Гирею, забывъ твое преступленіе, я милостиво дарую тебѣ вольность и городъ. Выслушай условія.» Они состояли въ томъ, чтобы Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣть сношенія съ Литвою, ни съ другими нашими врагами, и чтобы Менгли-Гиреевы Послы утвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Летифъ винился, благодарилъ, считалъ себя недостойнымъ видѣть лице Государево; клялся не угнетать Христіанъ, не ругаться надъ святынею, доносить Великому Князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или Государства. Вмѣсто Каширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Достойно замѣчанія, что и самъ Великій Князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Летифу, такъ же, какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя требованіе Пословъ Крымскихъ и совѣтъ Бояръ.

Освобожденіе Летифа.

Намѣстникъ Перевицкій, Морозовъ, былъ отправленъ въ Тавриду изъявить благодарность за дружбу Хана, увѣрить его въ нашей, извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ, и сказать на-единѣ, что долгое молчаніе Менгли-Гиреево безпокоило Государя; что носился даже слухъ о присоединеніи Ханскихъ сыновей къ Сигизмундовой рати (46); что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ, но что Великій Князь остается другомъ Менгли-Гирея, и не боится новой, справедливой войны съ ихъ общимъ, естественнымъ недругомъ; что намъ не льзя послать людей съ огнестрѣльнымъ снарядомъ къ Астрахани, ибо нѣтъ судовъ въ готовности; что Россіи, утомленной войнами, хотя мирной съ Литвою, но угрожаемой Ливонскими Нѣмцами, нужно отдохновеніе; что самъ Іоаннъ иногда не посылалъ туда войска (47), и проч. Уже ветхій лѣтами и здоровьемъ, Менгли-Гирей не могъ жить долго: Василій г.1509. приказалъ Морозову тайно видѣться съ Ханскимъ старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ; обязать его клятвою въ дружбѣ къ Россіи и присягнуть ему въ нашей именемъ Государя.

Сей Посолъ имѣлъ непріятность въ Тавридѣ отъ своевольства и корыстолюбія Ханскихъ Вельможъ. Государь именно велѣлъ Морозову наблюдать свое достоинство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ униженія въ обрядахъ Посольскихъ: ибо Крымскіе Мурзы любили величаться передъ Россіянами, воспоминая старину. «Я сошелъ съ коня близъ дворца,» пишетъ Морозовъ къ Великому Князю: «у воротъ сидѣли Князья Ханскіе, и всѣ, какъ должно, привѣтствовали Посла твоего, кромѣ Мурзы Кудолра, дерзнувшаго назвать меня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ перевести сихъ гру-

Неудовольствія нашего посла въ Тавридѣ.

г.1509. быхъ словъ; а Мурза въ бѣшенствѣ хотѣлъ зарѣзать его, и силою выхватилъ шубу изъ рукъ моего Подьячаго, который несъ дары. Въ дверяхъ Ясаулы преградили мнѣ путь, бросивъ на землю жезлы свои, и требовали пошлины: я ступилъ на жезлы и вошелъ къ Царю. Онъ и Царевичи встрѣтили меня ласково; пили изъ чаши и подали мнѣ остатокъ. Я также поднесъ чашу имъ и всѣмъ Князьямъ, но обошелъ Кудояра и сказалъ Хану: *Царь, вольный человѣкъ! сей Мурза невѣжливъ: суди насъ... Называюсь, холопомъ твоимъ и Государя моего, но не Кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи: какъ онъ дерзнулъ грубить Послу и силою брать, что мы несли къ тебѣ?* Менгли-Гирей, выслушавъ, извинялъ Мурзу; но отпустивъ меня, бранилъ его и выгналъ.» Морозовъ не согласился вручить Хану своего посольскаго наказа, ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ, отвѣтствуя гордо Вельможамъ Царскимъ: «Рѣчи Великаго Князя вписаны у меня только въ сердцѣ, а дары его вамъ доставлены: болѣе ничего не требуйте.» Одинъ изъ сыновей Ханскихъ, жалуясь па скупость Василіеву, грозилъ Морозову цѣпями. «Цѣпей твоихъ не опасаюсь,» сказалъ Посолъ: «боюсь единственно Бога, Великаго Князя и Царя, вольнаго человѣка... Если оскорбите меня, то Государь уже никогда не будетъ присылать къ вамъ людей знатныхъ» ([48]). — Однакожь, не смотря на слабость отягченнаго лѣтами Менгли-Гирея, коему сыновья и Вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою остался до времени въ своей силѣ.

Мирный договоръ съ Ливоніею. Россія заключила тогда мирный договоръ и съ Ливоніею. Въ 1506 году вторично былъ у насъ Посолъ Императорскій, Гартингеръ, съ дружественнымъ письмомъ отъ Максимиліана, который снова просилъ Великаго Князя освободить Ливонскихъ плѣнниковъ. Василій сказалъ, что вольность ихъ зависитъ отъ мира. Наконецъ Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій и все Рыцарство прислали чиновниковъ въ Москву. Слѣдуя правилу отца, Государь не хотѣлъ самъ договариваться съ ними: они поѣхали въ Новгородъ, гдѣ Намѣстники, Даніилъ Щеня, Григорій Ѳедоровичь Давыдовъ и Князь Иванъ Михайловичь Оболенскій, дали имъ мирную грамоту отъ 25 Марта 1509 года впредь на 14 лѣтъ. Освободили плѣнныхъ; возобновили старыя, взаимныя г.1509. условія о торговлѣ и безопасности путешественниковъ въ обѣихъ земляхъ. Важнѣе всего было то, что Нѣмцы отреклись отъ союза съ Королемъ Польскимъ. Государь не забылъ и нашихъ церквей въ Ливоніи: Магистръ обязался блюсти ихъ. Въ тоже время Императоръ, ходатайствуя за Ганзу, писалъ къ Великому Князю, что она издревле къ обоюдной пользѣ купечествовала въ Россіи, и желаетъ возстановить свою Контору въ Новѣгородѣ, ежели возвратятъ Любчанамъ товары, несправедливо отнятые Іоанномъ, единственно по наущенію злыхъ людей. Василій отвѣтствовалъ Максимиліану: «Пусть Любчане и союзные съ ними 72 города шлютъ должное челобитье къ моимъ Новогородскимъ и Псковскимъ Намѣстникамъ: изъ дружбы къ тебѣ велю торговать съ Нѣмцами, какъ было прежде; но имѣніе отняли у нихъ за вину: его не льзя возвратить: о чемъ писалъ къ тебѣ и мой родитель» ([49]).

Дѣла Псковa. Утвердивъ спокойствіе Россіи, Василій рѣшилъ судьбу древняго, знаменитаго Пскова. Какое-то особенное снисхожденіе Іоанново позволило сей Республикѣ пережить Новогородскую, еще имѣть видъ народнаго правленія и хвалиться тѣнію свободы: могла ли уцѣлѣть она въ системѣ общаго Самодержавія? Примѣръ Новагорода ужасалъ Псковитянъ; но, лаская себя свойственною людямъ надеждою, они такъ разсуждали: «Іоаннъ пощадилъ насъ: можетъ пощадить и Василій. Мы спаслись при отцѣ благоговѣніемъ къ его верховной волѣ: не оскорбимъ и сына. Гордость есть безуміе для слабости. Не постоимъ за многое, чтобы спасти главное: то есть, свободное бытіе гражданское, или по крайней мѣрѣ долѣе наслаждаться онымъ.» Сіи мысли были основаніемъ ихъ Политики. Когда Намѣстники Великокняжескіе дѣйствовали беззаконно, Псковитяне жаловались Государю, молили неотступно, но смиренно. Ненавидя Князя Ярослава, они снова приняли его къ себѣ Намѣстникомъ ([50]): ибо такъ хотѣлъ Іоаннъ, который, можетъ быть, единственно отлагалъ до случая уничтожить вольность Пскова, несогласную съ государственнымъ уставомъ Россіи: войны, опасности внѣшнія, а наконецъ, можетъ быть, и старость помѣшали ему исполнить сіе намѣреніе. Юный Василій естественнымъ образомъ

г. 1509. довершилъ дѣло отца: искалъ, и легко нашелъ предлогъ. Хотя Псковитяне вообще изъявляли болѣе умѣренности, нежели пылкіе Новогородцы: однакожь, подобно всѣмъ Республикамъ, имѣли внутренніе раздоры, обыкновенное дѣйствіе страстей человѣческихъ. Еще въ Іоанново время былъ у нихъ мятежъ, въ коемъ одинъ Посадникъ лишился жизни; а другіе чиновники бѣжали въ Москву. Тогда же земледѣльцы не хотѣли платить дани гражданамъ: Вѣче самовластно наказало первыхъ, отыскавъ древнюю уставную грамоту въ доказательство, что они всегда считались данниками и работниками послѣднихъ. Іоаннъ обвинилъ самовольство Вѣча: Псковитяне едва смягчили его гнѣвъ моленіемъ и дарами (51). При Василіи управлялъ ими въ санѣ Намѣстника Князь Иванъ Михайловичь Рѣпня-Оболенскій, не любимый народомъ: питая несогласія между Старшими и Младшими гражданами, онъ жаловался на ихъ строптивость и въ особенности на главныхъ чиновниковъ, которые будто бы вмѣшивались въ его права и суды (52). Сего было довольно для Василія.

Осенью въ 1509 году онъ поѣхалъ въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ, съ зятемъ, Царевичемъ Петромъ, Царемъ Летифомъ, съ Коломенскимъ Епископомъ Митрофаномъ, съ знатнѣйшими Боярами, Воеводами, Дѣтьми Боярскими (53). Цѣль путешествія знали развѣ одни Вельможи Думные. Вездѣ народъ съ радостію встрѣчалъ юнаго Монарха: онъ ѣхалъ медленно, и съ величіемъ. Унылый Новгородъ оживился присутствіемъ Двора и войска отборнаго; а Псковитяне отправили къ Великому Князю многочисленное Посольство, семьдесятъ знатнѣйшихъ чиновниковъ и Бояръ, съ усерднымъ привѣтствіемъ и съ даромъ ста-пятидесяти рублей. Главный изъ нихъ, Посадникъ Юрій, сказалъ ему: «Отчина твоя, Псковъ, бьетъ тебѣ челомъ и благодаритъ, что ты, Царь всея Руси, *держишь насъ въ старинѣ* и милостиво обороняешь отъ всѣхъ иноплеменниковъ. Такъ дѣлалъ и великій твой родитель: за что мы готовы вѣрно служить тебѣ, какъ служили Іоанну и вашимъ предкамъ. Но будь правосуденъ: твой Намѣстникъ утѣсняетъ *добровольныхъ* людей, Псковитянъ. Государь! защити насъ» (54). Онъ милостиво принялъ даръ; выслушалъ жалобы; обѣщалъ управу. Послы возвратились и сказали Вѣчу слова Государевы: г. 1509. *но мысли сердечныя*, прибавляетъ Лѣтописецъ, *извѣстны единому Богу* (55). Василій велѣлъ Окольничему своему, Князю Петру Шуйскому-Великому, съ Дьякомъ Долматовымъ ѣхать во Псковъ и на мѣстѣ узнать истину. Они донесли, что граждане винятъ Намѣстника, а Намѣстникъ гражданъ; что ихъ примирить не возможно, и что одна власть Государева должна рѣшить сію тяжбу. Новые Послы Псковскіе молили Великаго Князя смѣнить Оболенскаго: Василій отвѣтствовалъ, что не пристойно смѣнить его какъ виновнаго безъ суда; что онъ приказываетъ ему быть въ Новгородъ вмѣстѣ со всѣми Псковитянами, которые считаютъ себя обиженными, и самъ разберетъ ихъ жалобы (56).

Здѣсь Лѣтописецъ Псковскій укоряетъ своихъ Правителей въ неосторожности: они письменно дали знать по всѣмъ волостямъ, чтобы недовольные Намѣстникомъ ѣхали судиться въ Великому Князю. Сыскалось ихъ множество; не мало и такихъ, которые поѣхали жаловаться Государю другъ на друга, и между ими были знатные люди, первые чиновники (57). Сіе обстоятельство предвѣщало Пскову судьбу Новагорода, гдѣ внутреннія несогласія и ссоры заставили гражданъ искать Великокняжескаго правосудія и служили Іоанну однимъ изъ способовъ къ уничтоженію ихъ вольности. Василій именно требовалъ къ себѣ Посадниковъ, для очной ставки съ Княземъ Оболенскимъ, велѣвъ написать къ Вѣчу, что если они не явятся, то *вся земля будетъ виновата* (58). Псковитяне содрогнулись: въ первый разъ представилась имъ мысль, что для нихъ готовится ударъ. Никто не смѣлъ ослушаться: девять Посадниковъ и купеческіе Старосты всѣхъ рядовъ отправились въ Новгородъ. Василій приказалъ имъ ждать суда и назначилъ срокомъ 6 Генваря. г. 1510.

Въ сей день, то есть, въ праздникъ Крещенія, Великій Князь, окруженный Боярами и Воеводами, слушалъ обѣдню въ церкви Софійской и ходилъ за крестами на рѣку Волховъ, гдѣ Епископъ Коломенскій, Митрофанъ, святилъ воду: ибо Новгородъ не имѣлъ тогда Архіепископа (59). Тамъ Вельможи Московскіе объявили Псковитянамъ, чтобы всѣ они шли въ Архіерейскій домъ къ Государю: чиновниковъ, Бояръ, купцевъ ввели въ палату; Младшихъ гражданъ ос-

г.1510. тановили на дворѣ. Они готовились къ суду съ Намѣстникомъ; но тяжба ихъ была уже тайно рѣшена Василіемъ (60). Думные Великокняжескіе Бояре вышли къ нимъ и сказали: «вы *поиманы* Богомъ и Государемъ Василіемъ Іоанновичемъ.» Знатныхъ Псковитянъ заключили въ Архіепископскомъ домѣ, а Младшихъ гражданъ, переписавъ, отдали Новогородскимъ Боярскимъ Дѣтямъ подъ стражу.

Одинъ купецъ Псковскій ѣхалъ тогда въ Новгородъ: узнавъ дорогою о семъ происшествіи, онъ бросилъ свой товаръ и спѣшилъ извѣстить согражданъ, что ихъ Посадники и всѣ именитые люди въ темницѣ. Ужасъ объялъ Псковитянъ. «Отъ трепета и печали (говоритъ Лѣтописецъ) засохли наши гортани, уста пересмягли. Мы видали бѣдствія, язву и Нѣмцевъ передъ своими стѣнами; но никогда не бывали въ такомъ отчаяніи» (61). Собралось Вѣче. Народъ думалъ, что ему дѣлать? *ставить ли щитъ противъ Государя? затвориться ли въ городѣ?* «Но война, разсуждали они, будетъ для насъ беззаконіемъ и конечною гибелію. Успѣхъ невозможенъ, когда слабость идетъ на силу. И всѣхъ насъ не много: что же сдѣлаемъ теперь безъ Посадниковъ и лучшихъ людей, которые сидятъ въ Новѣгородѣ?» Рѣшились послать гонца къ Великому Князю съ такими словами: «Бьемъ тебѣ челомъ отъ мала до велика, да жалуешь свою древнюю отчину; а мы, сироты твои, и прежде и нынѣ были отъ тебя, Государя, *неотступны* и ни въ чемъ не противились. Богъ и ты воленъ въ своей отчинѣ.»

Видя смиреніе Псковитянъ, Государь велѣлъ снова привести всѣхъ задержанныхъ чиновниковъ въ Архіепископскую палату и выслалъ къ нимъ Бояръ, Князя Александра Ростовскаго, Григорія Ѳедоровича, Конюшаго Ивана Андреевича Челяднина, Окольничаго Князя Петра Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Мисюря-Мунехина и Луку Семенова, которые сказали: «Василій, Божіею милостію Царь и Государь всея Руси, такъ вѣщаетъ Пскову: Предки наши, отецъ мой и мы сами доселѣ берегли васъ милостиво, ибо вы *держали имя наше честно и грозно*, а Намѣстниковъ слушались; нынѣ же дерзаете быть строптивыми, оскорбляете Намѣстника, вступаетесь въ его суды и пошлины. Еще свѣдали мы, что ваши Посадники и судьи земскіе не даютъ истинной управы, тѣснятъ, обижаютъ народъ. И такъ вы заслужили *великую опалу*. Но хотимъ теперь изъявить милость, если исполните нашу волю: уничтожите Вѣче и примете къ себѣ Государевыхъ Намѣстниковъ во Псковъ и во всѣ пригороды. Въ такомъ случаѣ сами пріѣдемъ къ вамъ помолиться Святой Троицѣ и даемъ слово не касаться вашей собственности. Но если отвергнете сію милость, то *будемъ дѣлать свое дѣло* съ Божіею помощію, и кровь Христіанская взыщется на мятежникахъ, которые презираютъ Государево жалованье и не творятъ его воли.» Псковитяне благодарили, и въ присутствіи Великокняжескихъ Бояръ цѣловали крестъ, съ клятвою служить вѣрно Монарху Россія, его дѣтямъ, наслѣдникамъ, до конца міра (62). Василій, пригласивъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, сказалъ имъ, что вмѣсто рати шлетъ во Псковъ Дьяка своего, Третьяка Долматова, и что они сами могутъ писать къ согражданамъ. Знатный купецъ, Онисимъ Манушинъ, поѣхалъ съ грамотою отъ чиновниковъ, Бояръ и всѣхъ бывшихъ въ Новѣгородѣ Псковитянъ къ ихъ народу. Они писали: «Предъ лицемъ Государя мы единомысленно дали ему *крѣпкое слово своими душами* за себя и за васъ, братья, исполнить его приказаніе. Не сдѣлайте насъ преступниками. Буде же вздумаете противиться, то знайте, что Великій Князь въ гнѣвѣ и въ ярости устремитъ на васъ многочисленное воинство: мы погибнемъ, и вы погибнете въ кровопролитіи. Рѣшитесь немедленно: послѣдній срокъ есть 16 Генваря. Здравствуйте» (63). г.1510.

Долматовъ явился въ собраніи гражданъ Псковскихъ, сказалъ имъ поклонъ отъ Великаго Князя, и требовалъ его именемъ, чтобы они, если хотятъ жить *по старинѣ*, исполнили *двѣ воли* Государевы: отмѣнили Вѣче, сняли колоколъ онаго, и во всѣ города свои приняли Великокняжескихъ Намѣстниковъ. Посолъ заключилъ рѣчь свою тѣмъ, что или самъ Государь будетъ у нихъ, добрыхъ подданныхъ, мирнымъ гостемъ, или пришлетъ къ нимъ воинство смирить мятежниковъ. Сказавъ, Долматовъ сѣлъ на степени Вѣча и долго ждалъ отвѣта: ибо граждане не могли говорить отъ слезъ и рыданія; наконецъ просили его дать имъ время на размышленіе до слѣдующаго утра. — Сей день и сія ночь

г. 1510. были ужасны для Пскова. Одни грудные младенцы, по словамъ лѣтописи, не плакали тогда отъ горести. На улицахъ, въ домахъ раздавалось стенаніе: всѣ обнимали другъ друга какъ въ послѣдній часъ жизни ([64]). Столь велика любовь гражданъ къ древнимъ уставамъ свободы! Уже давно Псковитяне зависѣли отъ Государя Московскаго въ дѣлахъ внѣшней Политики и признавали въ немъ судію верховнаго; но Государь дотолѣ уважалъ ихъ законы, и Намѣстники его судили согласно съ оными; власть законодательная принадлежала Вѣчу, и многія тяжбы рѣшились народными чиновниками, особенно въ пригородахъ ([65]): одно избраніе сихъ чиновниковъ уже льстило народу. Василій уничтоженіемъ Вѣча искоренялъ все старое древо самобытнаго гражданства Псковскаго, хотя и поврежденное, однакожь еще не мертвое, еще лиственное и плодоносное.

Народъ болѣе сѣтовалъ, нежели совѣтовался: необходимость уступить являлась всякому съ доказательствами неопровержимыми. Слышны были рѣчи смѣлыя, но безъ дерзости. Послѣднія торжественныя минуты издыхающей свободы благопріятствуютъ великодушію; но разсудокъ уже обуздываетъ сердце. На разсвѣтѣ ударили въ Вѣчевый колоколъ: сей звукъ представилъ гражданамъ мысль о погребеніи. Они собралися. Ждали Дьяка Московскаго. Долматовъ пріѣхалъ. Ему сказали: «Господинъ Посолъ! Лѣтописцы наши свидѣтельствуютъ, что *добровольные* Псковитяне всегда присягали Великимъ Князьямъ въ вѣрности: клялися непреложно имѣть ихъ своими Государями, не соединяться съ Литвою и съ Нѣмцами; а въ случаѣ измѣны подвергали себя гнѣву Божію, гладу, огню, потопу и нашествію иноплеменниковъ. Но сей крестный обѣтъ былъ взаимнымъ: Великіе Князья присягали не лишать насъ древней свободы; клятва таже, таже и казнь преступнику. Нынѣ воленъ Богъ и Государь въ своей отчинѣ, во градѣ Псковѣ, въ насъ и въ нашемъ колоколѣ! По крайней мѣрѣ мы не хотимъ измѣнить крестному цѣлованію, не хотимъ поднять руки на Великаго Князя. Если угодно ему помолиться Живоначальной Троицѣ и видѣть свою отчину, да ѣдетъ во Псковъ: мы будемъ ему рады, благодаря его, что онъ не погубилъ насъ до конца» ([66])! — Генваря 13 граждане сняли Вѣчевый ко-

Конецъ вольности Псковской.

г. 1510. локолъ у Святой Троицы, и смотря на него, долго плакали о своей *старинѣ* и *волѣ*.

Долматовъ въ ту же ночь поѣхалъ къ Государю съ симъ древнимъ колоколомъ и съ донесеніемъ, что Псковитяне уже не имѣютъ Вѣча. То же объявили ему и Послы ихъ ([67]). Онъ немедленно отправилъ къ нимъ Бояръ съ воинскою дружиною, обязать присягою гражданъ и сельскихъ жителей; велѣлъ очистить для себя дворъ Намѣстниковъ, а для Вельможъ своихъ, Дьяковъ и многочисленныхъ тѣлохранителей такъ называемый городъ Средній, откуда надлежало перевести всѣхъ жителей въ Большой городъ, и 20 Генваря выѣхалъ туда самъ съ братомъ, зятемъ, Царемъ Летифомъ, Епископомъ Коломенскимъ, Княземъ Даніиломъ Щенею, Бояриномъ Давыдовымъ и Михаиломъ Глинскимъ. Псковитяне шли къ нему на встрѣчу; имъ приказано было остановиться въ двухъ верстахъ отъ города. Увидѣвъ Государя, всѣ они пали ницъ. Великій Князь спросилъ у нихъ о здравіи. «Лишь бы ты, Государь, здравствовалъ!» отвѣтствовали Старѣйшины. Народъ безмолвствовалъ. Епископъ Коломенскій опередилъ Великаго Князя, чтобы вмѣстѣ съ Духовенствомъ Псковскимъ встрѣтить его предъ стѣною Довмонтовою. Василій сошелъ съ коня, и за крестами вступилъ въ церковь Св. Троицы, гдѣ Епископъ, отпѣвъ молебенъ, возгласилъ ему многолѣтіе, и благословляя Великаго Князя, громко произнесъ: «слава Всевышнему, Который *далъ* тебѣ Псковъ безъ войны ([68])!» Тутъ граждане, бывшіе въ церкви, горьва заплакали и сказали: «Государь! *мы не чужіе;* мы искони служили твоимъ предкамъ.» Въ сей день, Генваря 24, Василій обѣдалъ съ Епископомъ Коломенскимъ, съ Архимандритомъ Симоновскимъ Варлаамомъ, съ Боярами и Воеводами; а въ Воскресенье, Генваря 27, приказалъ собраться Псковитянамъ на дворѣ своемъ. Къ нимъ вышелъ Окольничій, Князь Петръ Шуйскій: держа въ рукѣ списокъ, онъ перекликалъ всѣхъ чиновниковъ, Бояръ, Старостъ, купцевъ, людей Житыхъ, и велѣлъ имъ итти въ большую Судебную избу, куда Государь, сидя съ Думными Вельможами въ Передней избѣ, прислалъ Князя Александра Ростовскаго, Конюшаго Челяднина, Шуйскаго, Казначея Дмитрія Владиміровича, Дьяковъ Долматова, Мисюря и другихъ. Они говорили такъ: «Знат-

г. 1510. ные Псковитяне! Великій Князь, Божіею милостію Царь и Государь всея Русіи, объявляетъ вамъ свое жалованье; не хочетъ вступаться въ вашу собственность: пользуйтесь ею, нынѣ и всегда. Но здѣсь не можете остаться: ибо вы утѣсняли народъ, и многіе, обиженные вами, требовали Государева правосудія. Возьмите женъ и дѣтей; идите въ землю Московскую, и тамъ благоденствуйте милостію Великаго Князя.» Ихъ всѣхъ, изумленныхъ горестію, отдали на руки Дѣтямъ Боярскимъ; и въ ту же ночь увезли въ Москву 300 семействъ, въ числѣ коихъ находились и жены бывшихъ подъ стражею въ Новѣгородѣ Псковитянъ. Они могли взять съ собою только малую часть своего достоянія, но жалѣли единственно отчизны. — Другихъ Среднихъ и Младшихъ гражданъ отпустили въ домы, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ *развода;* но ужасъ господствовалъ и плачь не умолкалъ во Псковѣ. Многіе, не вѣря обѣщанію и боясь ссылки, постриглись, мужья и жены, чтобы умереть на своей родинѣ (69).

Государь велѣлъ быть Намѣстниками во Псковѣ Боярину Григорію Ѳеодоровичу Давыдову (70) и Конюшему Челяднину, а Дьяку Мисюрю вѣдать дѣла Приказныя, Андрею Волосатому Ямскія; опредѣлилъ Воеводъ, Тіуновъ и Старостъ въ пригороды; уставилъ новый чеканъ для монеты и торговую пошлину, дотолѣ неизвѣстную въ землѣ Псковской, гдѣ купцы всегда торговали свободно и не платя ничего; роздалъ деревни сосланныхъ Псковитянъ Московскимъ Боярамъ; вывелъ всѣхъ гражданъ изъ Застѣнья или Средняго города, гдѣ находилось 1500 дворовъ; указалъ тамъ жить однимъ Государевымъ чиновникамъ, Боярскимъ Дѣтямъ и Москвитянамъ, а купеческія лавки перенести изъ Довмонтовой стѣны въ Большой городъ; выбралъ мѣсто для своего дворца и заложилъ Церковь Святой Ксеніи, ибо въ день ея памяти уничтожилась вольность Пскова (71); наконецъ, все устроивъ въ теченіе мѣсяца, оставивъ Намѣстникамъ тысячу Боярскихъ Дѣтей и 500 Новогородскихъ пищальниковъ, съ торжествомъ поѣхалъ въ Москву, куда отправили за нимъ и Вѣчевый колоколъ. Въ замѣну убылыхъ гражданъ, триста семействъ купеческихъ изъ десяти Низовыхъ городовъ были переселены во Псковъ (72).

«Такъ» — говоритъ Лѣтописецъ Ольгиной родины — «исчезла слава Пскова, г. 1510. плѣненнаго не иновѣрными, но своими братьями Христіанами. О градъ, нѣкогда великій! ты сѣтуешь въ опустѣніи. Прилетѣлъ на тебя орелъ многокрыльный съ когтями львиными, вырвалъ изъ нѣдръ твоихъ три кедра Ливанскіе: похитилъ красоту, богатство и гражданъ; раскопалъ торжища, или заметалъ дрязгомъ (73); увлекъ нашихъ братьевъ и сестеръ въ мѣста дальнія, гдѣ не бывали ни отцы ихъ, ни дѣды, ни прадѣды!»

Болѣе шести вѣковъ Псковъ, основанный Славянами-Кривичами, имѣлъ свои гражданскіе уставы, любилъ оные, не зналъ и не хотѣлъ знать лучшихъ, былъ *вторымъ Новымъгородомъ,* называясь его *меньшимъ братомъ,* ибо въ началѣ составлялъ съ нимъ одну Державу и до конца одну Епархію (74); подобно ему бѣдный въ дарахъ Природы, дѣятельною торговлею снискалъ богатство, а долговременною связію съ Нѣмцами художества и вѣжливость; уступая ему въ древней славѣ побѣдъ и завоеваній отдаленныхъ, долѣе его хранилъ духъ воинскій, питаемый частыми бранями съ Ливонскимъ Орденомъ. Какъ въ семействахъ, такъ и въ гражданскихъ обществахъ видимъ иногда наслѣдственныя добродѣтели: Псковъ отличался благоразуміемъ, справедливостію, вѣрностію; не измѣнялъ Россіи, угадывалъ судьбу ея, держался Великихъ Князей, желалъ отвратить гибель Новогородской вольности, тѣсно связанной съ его собственною; прощалъ сему завистливому народу обиды и досады; будучи остороженъ, являлъ и смѣлую отважность великодушія, на примѣръ въ защитѣ Александра Тверскаго, гонимаго Ханомъ и Государемъ Московскимъ (75); сдѣлался жертвою непремѣннаго Рока, уступилъ необходимости, но съ какимъ-то благороднымъ смиреніемъ, достойнымъ людей свободныхъ, и не оказавъ ни дерзости, ни робости своихъ Новогородскихъ братьевъ. — Сіи двѣ народныя Державы сходствовали во всѣхъ ихъ учрежденіяхъ и законахъ; но Псковитяне имѣли особенную степень гражданскую, такъ называемыхъ *Дѣтей Посадничьихъ,* ставя ихъ выше купцевъ и Житейскихъ людей (76): слѣдственно изъявляли еще болѣе уваженія къ сану Посадниковъ, давъ ихъ роду наслѣдственную знатность.

Великій Князь хотѣлъ сдѣлать удовольствіе Псковитянамъ, и выбралъ изъ

г.1510. нихъ 12 Старостъ, чтобы они вмѣстѣ съ Московскими Намѣстниками и Тіунами судили въ ихъ бывшихъ двѣнадцати пригородахъ по изданной имъ тогда Уставной грамотѣ (77). Но сіи Старосты не могли обуздывать хищности сановниковъ Великокняжескихъ, которые именемъ новыхъ законовъ отягчали налогами гражданъ и земледѣльцевъ, не внимали справедливымъ жалобамъ и казнили за оныя, такъ, что несчастные жители толпами бѣжали въ чужія земли, оставляя женъ и дѣтей. Пригороды опустѣли. Иностранцы, купцы, ремесленники, имѣвшіе домы во Псковѣ, не хотѣли быть ни жертвою, ни свидѣтелями насилія, и всѣ выѣхали оттуда. — «Мы одни остались,» прибавляетъ Лѣтописецъ: «смотрѣли на землю: она не разступалась; смотрѣли на небо: нельзя было летѣть вверхъ безъ крыльевъ.» г.1510. Узнавъ о корыстолюбіи Намѣстниковъ, Государь смѣнилъ ихъ, и прислалъ достойнѣйшихъ, Князей Петра Шуйскаго и Симеона Курбскаго, мужей правосудныхъ, человѣколюбивыхъ: они успокоили гражданъ и народъ; бѣглецы возвратились. Псковитяне не переставали жалѣть о своихъ древнихъ уставахъ, но престали жаловаться. Съ сего времени они, какъ и всѣ другіе Россіяне, должны были посылать войско на службу Государеву (78).

Такъ Василій употребилъ первые четыре года своего правленія, страхомъ оружія, безъ побѣдъ, но не безъ славы умиривъ Россію, доказавъ *наслѣдственное могущество* ея Государей для непріятеля внѣшняго, и непремѣнную волю ихъ быть внутри Самодержавными.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЕВА.

Г. 1510—1521.

Взаимныя досады Василіевы и Сигизмундовы. Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву. Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву. Раскаяніе Магметъ-Аминя. Разрывъ съ Менгли-Гиреемъ. Набѣги Крымцевъ. Война съ Литвою. Союзъ съ Императоромъ Максимиліаномъ. Мирный договоръ съ Ганзою. Посольство Турецкое. Взятіе Смоленска. Измѣна Глинскаго. Битва Оршинская. Измѣна Епископа Смоленскаго. Приступъ Острожскаго къ Смоленску. Набѣгъ Крымцевъ. Вторичное Посольство къ Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хана, Магметъ-Гирея, и наше къ нему. Болѣзнь и Посольство Царя Казанскаго. Впаденіе Крымцевъ. Союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Посольство Императора Максимиліана. Послы Литовскіе. Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. Переговоры о мирѣ. Посольство къ Максимиліану. Новые Послы отъ Императора. Смерть Летифа. Возобновленіе союза съ Крымомъ. Смерть Магметъ-Аминя. Шигъ Алей Царемъ въ Казани. Крымцы опустошаютъ Литву. Посольство къ Султану. Сношенія съ Магистромъ и съ Папою. Магистръ въ войнѣ съ Польшею. Походъ Воеводъ на Литву. Слабость Нѣмецкаго Ордена. Посольство къ Султану. Бунтъ въ Казани. Нападеніе Магметъ-Гирея на Россію. Хабаръ Симскій. Судъ Воеводъ. Станъ подъ Коломною. Посолъ Солимановъ. Посольство Литовское и перемиріе. Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи. Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

г.1510. Не долго Россія и Литва могли наслаждаться миромъ: чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи онаго возобновились взаимныя досады, упреки; обвиняли другъ друга въ неисполненіи договора, подозрѣвали въ непріятельскихъ замыслахъ; между тѣмъ хотѣли удалить войну. Сигизмундъ жаловался, что мы освободили не всѣхъ плѣнниковъ, и что Намѣстники Московскіе не даютъ управы его подданнымъ, у коихъ Россіяне, вопреки миру, отнимаютъ земли. г.1510. Василій доказывалъ, что и наши плѣнники не всѣ возвратились изъ Литвы; что Король, отпустивъ Московскихъ купцевъ, удержалъ ихъ товары; что сами Литовцы дѣлаютъ несносныя обиды Россіянамъ. Нѣсколько разъ предлагали съ обѣихъ сторонъ выслать общихъ судей на границу; соглашались, назна-

г. 1510.

чали время: но тѣ или другіе не явились къ сроку. Безпрепятственно отпустивъ Глинскихъ, Сигизмундъ раскаялся, заключилъ ихъ друзей въ темницу (79), и вздумалъ требовать, чтобы Великій Князь выдалъ ему самого Михаила съ братьями. Государь отвѣтствовалъ, что Глинскіе перешли въ его службу, когда Россія воевала съ Литвою, и что онъ никому не выдаетъ своихъ подданныхъ.

г. 1511 —1512.

Сношенія продолжались около трехъ лѣтъ (80): гонцы и Послы ѣздили съ изъявленіемъ неудовольствій, однакожь безъ угрозъ, до самаго того времени, какъ вдовствующая Королева Елена увѣдомила брата, что Сигизмундъ, вмѣсто благодарности за ея ревность къ пользамъ Государства его, оказываетъ ей нелюбовь и даже презрѣніе; что Литовскіе Паны дерзаютъ быть нагльми съ нею; что она думала ѣхать изъ Вильны въ свою маетность, въ Бряславль, но Воеводы Николай Радзивилъ и Григорій Остиковъ схватили ее въ часъ обѣдни; сказавъ: *ты хочешь бѣжать въ Москву*, вывели за рукава изъ церкви, посадили въ сани, отвезли въ Троки и держатъ въ неволѣ, удаливъ всѣхъ ея слугъ. Встревоженный симъ извѣстіемъ, Василій спрашивалъ у Короля, чѣмъ Елена заслужила такое поруганіе? и требовалъ, чтобы ей возвратили свободу, казну, людей, со всѣми знаками должнаго уваженія (81). Не знаемъ отвѣта. Другое происшествіе сего времени умножило досады Великаго Князя на Сигизмунда.

Намѣреніе брата Василіева, Симеона, бѣжать въ Литву.

Меньшій сынъ Іоанновъ, Симеонъ Калужскій, отличаясь пылкимъ нравомъ и легкомысліемъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ себя подданнымъ старшаго брата, жаловался на его самовластіе, на стѣсненіе древняго права Князей Удѣльныхъ, и внимая совѣтамъ нѣкоторыхъ мятежныхъ Бояръ своихъ, вздумалъ искать Сигизмундова покровительства, измѣнить Россіи, бѣжать въ Литву (82). Государь узналъ о томъ, призвалъ и хотѣлъ заключить Симеона. Раскаяніе юнаго Князя, моленіе братьевъ, Митрополита и всѣхъ Епископовъ смягчили гнѣвъ Василія: онъ далъ Симеону другихъ, надежныхъ Бояръ, и велѣлъ ему быть впредь благоразумнѣе, но съ горестію видѣлъ, что Сигизмундъ можетъ имѣть тайныхъ друзей въ самомъ семействѣ Великокняжескомъ. Сіе расположеніе не благопріятствовало миру: успѣхъ Литовскихъ козней въ Тавридѣ довершилъ необходимость войны. г. 1511 —1512.

Пріѣздъ Царицы Нурсалтанъ въ Москву.

Въ 1510 году жена Менгли-Гиреева, Нурсалтанъ, пріѣхала въ Москву съ Царевичемъ Саипомъ и съ тремя Послами, которые увѣряли Василія въ истинной къ нему дружбѣ Хана (83). Цѣлію сего путешествія было свиданіе Царицы съ ея сыновьями, Летифомъ и Магметъ Аминемъ. Великій Князь угощалъ ее какъ свою знаменитую пріятельницу, и чрезъ мѣсяцъ отпустилъ въ Казань, гдѣ она жила около года, стараясь утвердить сына въ искреннемъ къ намъ доброжелательствѣ, такъ, что Магметъ-Аминь новыми грамотами обязался быть совершенно преданнымъ Россіи, и еще недовольный клятвенными обѣтами вѣрности, желалъ во всемъ открыться Государю: для чего былъ посланъ къ нему Бояринъ Иванъ Андреевичь Челяднинъ, коему онъ чистосердечно исповѣдалъ тайну прежней измѣны Казанской, обстоятельства и вину ея, не пожалѣвъ и своей жены-прелестницы (84). Однимъ словомъ, Великій Князь не могъ сомнѣваться въ его искренности. Царица Нурсалтанъ по возвращеніи изъ Казани жила опять мѣсяцевъ шесть въ Москвѣ, ласкаемая, честимая при Дворѣ, и вмѣстѣ съ нашимъ Посломъ, Окольничимъ Тучковымъ, отправилась въ Тавриду, исполненная благодарности къ Василію, который имѣлъ всѣ причины вѣрить дружбѣ Менгли-Гиреевой, но обманулся.

Раскаяніе Магметъ-Амина.

Разрывъ съ Ханомъ Менгли-Гиреемъ.

Сей Ханъ престарѣлый, ослабѣвъ духомъ, уже зависѣлъ отъ своихъ легкомысленныхъ сыновей, которые хотѣли иной системы въ Политикѣ, или, лучше сказать, никакой не имѣли, слѣдуя единственно приманкамъ грабежа и корыстолюбія. Вельможи льстили Царевичамъ, ждали смерти Царя и хватали какъ можно болѣе золота. Такими обстоятельствами воспользовался Сигизмундъ, и сдѣлалъ, чего ни Казимиръ, ни Александръ никогда не могли сдѣлать: лишилъ насъ важнаго, долголѣтнаго Менгли-Гиреева союза, вопреки умной женѣ Ханской, ревностной въ пріязни къ Великому Князю. Литва обязалась давать ежегодно Менгли-Гирею 15,000 червонцевъ (85), съ условіемъ, чтобы онъ измѣнивъ своимъ клятвамъ, безъ всякаго неудовольствія на Россію, объявилъ ей войну, то есть, жегъ и грабилъ въ ея предѣлахъ. Сей тайный договоръ исполнился немедленно: въ Маѣ 1512 года

г. 1511—1512. Набѣги Крымцевъ.

сыновья Хановы, Ахматъ и Бурнашъ Гиреи, со многолюдными шайками ворвались въ области Бѣлевскія, Одоевскія, злодѣйствовали какъ разбойники и бѣжали, узнавъ, что Князь Даніилъ Щеня спѣшитъ ихъ встрѣтить въ полѣ (86). Хотя Государь совсѣмъ не ожидалъ впаденія Крымцевъ, однакожь не имѣлъ нужды въ долгихъ приготовленіяхъ: со времени его отца Россія уже никогда не была безоружною; никогда всѣ полки не распускались, смѣняясь только одни съ другими въ дѣйствительной службѣ (87). За Даніиломъ Щенею выступили и многіе иные Воеводы къ границамъ. Ахматъ-Гирей думалъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ опустошить Рязанскую землю; но Князь Александръ Ростовскій стоялъ на берегахъ Осетра, Князь Булгакъ и Конюшій Челядинъ на Упѣ: Ахматъ удалился. Болѣе смѣлости оказалъ сынъ Ханскій, Бурнашъ-Гирей: онъ приступилъ къ самой Рязанской столицѣ и взялъ нѣкоторыя внѣшнія укрѣпленія: города не взялъ. Воеводы Московскіе гнали Крымцевъ степями до Тихой Сосны (88).

Великій Князь зналъ истиннаго виновника сей войны, и желая усовѣстить Менгли-Гирея, представлялъ ему (89), что старая дружба, утвержденная священными клятвами и взаимною государственною пользою, лучше новой, основанной на подкупѣ, требующей вѣроломства и весьма ненадежной; что мы помнимъ услуги, а Литовцы помнятъ долговременную вражду сего Хана; что первое, возбуждая признательность, укрѣпляетъ связь дружества, а второе готовитъ месть, которая если не нынѣ, то завтра обнаружится. Менгли-Гирей, извиняя себя, отвѣчалъ, что Царевичи безъ его повелѣнія и вѣдома воевали Россію. Сіе могло быть справедливо (90): тѣмъ не менѣе постоянный, счастливый для насъ союзъ, дѣло Іоанновой мудрости, рушился навѣки, и Крымъ, способствовавъ возрожденію нашего величія, обратился для Россіи въ скопище губителей.

Скоро свѣдалъ Василій, что Король готовитъ полки и неотступно убѣждаетъ Менгли-Гирея дѣйствовать противъ насъ всѣми силами, желая вмѣстѣ съ нимъ начать войну лѣтомъ (91). Въ Думѣ Великокняжеской рѣшено было предупредить сей замыселъ: Государь послалъ

Война съ Литвою.

къ Сигизмунду *складную грамоту*, написалъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, исчислилъ всѣ знаки его непримиримой вражды, оскорбленіе

г. 1511—1512.

Королевы Елены, нарушеніе договора, стараніе возбудить Менгли-Гирея ко впаденію въ Россію, и заключилъ сими словами: «взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя и хочу стоять, какъ будетъ угодно Богу; а крестное цѣлованіе слагаю» (92). Тогда находились въ Москвѣ Послы Ливонскіе, которые, бывъ свидѣтелями нашего вооруженія, извѣстили своего Магистра, Плеттенберга, что никогда Россія не имѣла многочисленнѣйшаго войска и сильнѣйшаго огнестрѣльнаго снаряда; что Великій Князь, пылая гнѣвомъ на Короля, сказалъ: «доколѣ конь мой будетъ ходить и мечь рубить, не дамъ покоя Литвѣ» (93). Самъ Василій предводительствовалъ ратію и выѣхалъ изъ столицы 19 Декабря съ братьями Юріемъ и Димитріемъ, съ зятемъ Царевичемъ Петромъ и съ Михаиломъ Глинскимъ (94). Главными Воеводами были Князья Даніилъ Щеня и Рѣпня. Приступили къ Смоленску. Тутъ г. 1513.

гонецъ Королевскій подалъ Василію письмо отъ Сигизмунда, который требовалъ, чтобы онъ немедленно прекратилъ воинскія дѣйствія и вышелъ изъ Литвы, если не хочетъ испытать его мести. Великій Князь не отвѣтствовалъ, а гонца задержали. Назначили быть приступу ночью, отъ рѣки Днѣпра. Для ободренія людей выкатили нѣсколько бочекъ крѣпкаго меду: пилъ, кто и сколько хотѣлъ. Сіе средство оказалось весьма неудачнымъ. Шумъ и крикъ пьяныхъ возвѣстилъ городу нѣчто чрезвычайное: тамъ удвоили осторожность. Они бросились смѣло на укрѣпленія; но хмѣль не устоялъ противъ ужасовъ смерти. Встрѣченные ядрами и мечами, Россіяне бѣжали (95), и Великій Князь чрезъ два мѣсяца возвратился въ Москву, не взявъ Смоленска, разоривъ только села и плѣнивъ ихъ жителей.

Въ сіе время скончалась въ Вильнѣ вдовствующая Королева Елена, умная и добродѣтельная, бывъ жертвою горести, а не яда, какъ подозрѣвали въ Москвѣ отъ ненависти къ Литовцамъ (96): ибо Сигизмундъ имѣлъ въ ней важный залогъ для благопріятнаго съ нами мира, коего онъ желалъ, или еще не готовый къ войнѣ, или не довѣряя союзу Менгли-Гирея, и не имѣя надежды одинъ управиться съ Россіею. Онъ тогда же просилъ *опасныхъ грамотъ* въ Москвѣ для его Пословъ: Вельможи Литовскіе писали къ нашимъ Боярамъ, чтобы они

г.1513. своимъ ходатайствомъ уняли кровопролитіе (97). Письмо отъ гонца взяли въ Набережной Палатѣ, дали ему *опасную грамоту*, и Бояре отвѣтствовали Панамъ, что Великій Князь сдѣлалъ то единственно изъ уваженія къ ихъ предстательству. Срокъ назначенный въ грамотѣ минулъ: Сигизмундъ извѣстилъ Василія, что виною сего замедленія были Послы Римскіе, которые ѣдутъ въ Москву отъ Папы, и что вмѣстѣ съ ними будутъ и Литовскіе. Онъ просилъ новаго *опаса*, и получилъ его.

Іюня 14. Однакожь, не теряя времени, Государь вторично выступилъ изъ Москвы съ полками, отправивъ напередъ къ Смоленску знатную часть рати съ Бояриномъ Княземъ Рѣпнею и съ Окольничимъ Сабуровымъ (98). Намѣстникъ Смоленскій, Панъ Юрій Сологубъ, имѣя не мало войска, встрѣтилъ ихъ въ полѣ: битва рѣшилась въ нашу пользу, онъ заключился въ городѣ. Привели многихъ плѣнниковъ къ Василію въ Боровскъ, и Воеводы обложили Смоленскъ. Государь прибылъ къ нимъ въ станъ 25 Сентября. Началась осада; но худое искусство въ дѣйствіи огнестрѣльнаго снаряда и положеніе города, укрѣпленнаго высокими стѣнами, а еще болѣе стремнинами, холмами, дѣлали ее безуспѣшною. Что мы днемъ разрушали, то Литовцы ночью воздвигали снова. Тщетно Великій Князь писалъ къ осажденнымъ, или милостиво или съ угрозами, требуя, чтобы они сдалися. Миновало шесть недѣль. Войско наше усилилось приходомъ Новогородскаго и Псковскаго(99). Можно было упорствомъ и терпѣніемъ изнурить гражданъ: но глубокая осень, дожди, грязь, принудили Великаго Князя отступить. Россіяне хвалились единственно опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Смоленска и Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ Князь Василій Шуйскій, также со многочисленными полками.

Союзъ съ Императоромъ. Дѣйствуя мечемъ, Государь дѣйствовалъ и Политикою. Еще въ 1508 году — свѣдавъ отъ Михаила Глинскаго, что Венгерскій Король, Владиславъ, боленъ, и что Максимиліанъ опять замышляетъ овладѣть сею Державою — Великій Князь писалъ къ Императору о войнѣ Россіи съ Литвою, напоминалъ ему союзъ его съ Іоанномъ и предлагалъ возобновить оный. Михаилъ взялся тайно переслать Василіеву грамоту въ Вѣну (100). Дѣла Италіи и другія обстоятельства были виною того, что Максимиліанъ долго не г.1514. отвѣтствовалъ. Наконецъ въ Февралѣ 1514 года пріѣхалъ въ Москву Императорскій Посолъ, Совѣтникъ Георгій Шниценъ-Памеръ, который именемъ Государя своего заключилъ договоръ съ Россіею, чтобы общими силами и въ одно время наступить на Сигизмунда: Василію отнять у него Кіевъ и всѣ наши древніе города, а Максимиліану Прусскія области, захваченныя Королемъ. Обязались ни въ случаѣ успѣха, ни въ противномъ, какъ въ государствованіе Сигизмунда, такъ и послѣ, не разрывать сего союза, вѣчнаго, непремѣннаго; условились также въ свободѣ и безопасности для путешественниковъ, Пословъ и купцевъ въ обѣихъ земляхъ. Максимиліанъ и Василій именуютъ другъ друга братьями, Великими Государями и Царями. Русскую договорную грамоту перевели въ Москвѣ на языкъ Нѣмецкій, и вмѣсто слова Царь поставили Kayser. Въ Мартѣ Шниценъ-Памеръ отправился назадъ въ Германію съ Великокняжескимъ чиновникомъ, Грекомъ Дмитріемъ Ласкиревымъ, и съ Дьякомъ Елеазаромъ Суковымъ, предъ коими Максимиліанъ 4 Августа утвердилъ договоръ клятвою, собственноручною подписью и золотою печатію (101). Нѣмецкій подлинникъ сей любопытной грамоты, уцѣлѣвъ въ нашемъ Архивѣ, служилъ Петру Великому, законнымъ свидѣтельствомъ, что самые предки его назывались Императорами, и что Австрійскій Дворъ призналъ ихъ въ семъ достоинствѣ. — Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ новые Послы Максимиліановы, Докторъ Яковъ Ослеръ и Морицъ Бургштеллеръ, вручили Великому Князю хартію союза, были приняты съ отмѣнною ласкою, и не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ пышно угощаемы Намѣстниками: ихъ звали на обѣды, Дѣти Боярскіе встрѣчали у лѣсницы, знатные сановники на нижнемъ крыльцѣ, Намѣстники у дверей въ сѣняхъ; сажали въ первое мѣсто; хозяинъ, вставъ, подавалъ имъ двѣ чаши, пить здоровье Государей-братьевъ, соблюдая однакожь, чтобы гости начинали съ Россійскаго (102). Однимъ словомъ, никакимъ инымъ Посламъ не оказывалось болѣе чести, и безполезнѣе: ибо Максимиліанъ, опутанный дѣлами Южной и Западной Европы, скоро перемѣнилъ систему: выдалъ свою внуку, Марію, дочь Филиппа Кастильскаго, за племян-

г.1514. ника Сигизмундова, наслѣдника Владиславова, а юнаго Фердинанда, Филиппова сына, женилъ на дочери Короля Венгерскаго, и только именемъ остался союзникъ Россіи.

Въ сіе время Новогородскіе Намѣстники, Князь Василій Шуйскій и Морозовъ, заключили также достопамятное мирное условіе съ семидесятью городами Нѣмецкими, или съ Ганзою, на десять лѣтъ. Чтобы возобновить свою древнюю торговлю въ Новѣгородѣ, она рѣшилась забыть претерпѣнное купцами ея въ Россіи бѣдствіе: обязалась не имѣть дружбы съ Сигизмундомъ, ни съ его друзьями, и во всемъ доброхотствовать Василію, который велѣлъ отдать Нѣмцамъ дворы, мѣста и церковь ихъ въ Новѣгородѣ; позволилъ имъ торговать солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, медомъ, сельдями и всякими ремесленными произведеніями, обнадеживъ, что въ случаѣ войны съ Ливоніею или съ Швеціею Ганзейскіе купцы могутъ быть у насъ совершенно покойны. Уставили, чтобы Россіянъ судить въ Германіи какъ Нѣмцевъ, а Нѣмцевъ въ Новѣгородѣ какъ Россіянъ по однимъ законамъ; не наказывать первыхъ безъ вѣдома Намѣстниковъ Великокняжескихъ, а вторыхъ безъ вѣдома Ганзы; никого не лишать вольности безъ суда; разбойника, злодѣя казнить смертію: только не мстить его невиннымъ единоземцамъ (103). Великій Князь желалъ, исправляя ошибку Іоаннову, возстановить сію важную для насъ торговлю: но двадцати-лѣтній разрывъ и перемѣна въ политическомъ состояніи Новагорода ослабили ея дѣятельность, уменьшили богатство и пользу обоюдную. Рижскій Бургомистръ, Нейштетъ, около 1570 года будучи въ Новѣгородѣ, видѣлъ тамъ развалины древней каменной Нѣмецкой божницы Св. Петра и маленькій деревянный домикъ съ подваломъ, гдѣ еще складывались нѣкоторые товары Ганзейскіе (104).

Мирный договоръ съ Ганзою.

Уже Іоаннъ, какъ мы видѣли, искалъ пріязни Баязета, но единственно для безопасности нашихъ купцевъ въ Азовѣ и въ Кафѣ, еще не думая, чтобы Россія могла имѣть выгоды отъ союза съ Константинополемъ въ дѣлахъ внѣшней Политики: Василій хотѣлъ въ семъ отношеніи узнать мысли Султана, и свѣдавъ, что несчастный Баязетъ сверженъ честолюбивымъ, жестокимъ сыномъ, отправилъ къ Селиму Дворянина Алексѣева съ ласковымъ поздравленіемъ. г.1514. «Отцы наши» — писалъ Государь — «жили въ братской любви: да будетъ она и между сыновьями.» Послу, какъ обыкновенно, велѣно было не унижать себя, не кланяться Султану до земли, сложить только передъ нимъ руки; вручить ему дары, письмо, но не спрашивать объ его здравіи, если Селимъ не спроситъ о Василіевомъ. Алексѣевъ, принятый въ Константинополѣ весьма благосклонно, выѣхалъ оттуда съ Посломъ Султановымъ, Княземъ Мангупскимъ, Ѳеодоритомъ Камаломъ, знакомцемъ нашего именитаго чиновника, Траханіота, и, какъ вѣроятно, Грекомъ (105). Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ Августа до Мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди высланные къ нимъ отъ Великаго Князя. Сей первый Турецкій Посолъ въ Москвѣ возбудилъ любопытство ея жителей, которые съ удовольствіемъ видѣли, что грозные завоеватели Византіи ищутъ нашей дружбы. Его встрѣтили пышно: Великій Князь сидѣлъ въ Малой Набережной Палатѣ; вокругъ Бояре въ *саженыхъ* шубахъ; у дверей стояли *Княжата* и Дѣти Боярскіе въ *саженыхъ терликахъ*. Представленный Государю Княземъ Шуйскимъ, Посолъ отдалъ ему Султанскую грамоту, писанную на языкѣ Арабскомъ, а другую на Сербскомъ: цѣловалъ у Василія руку; объявилъ желаніе Селимово быть съ нимъ въ вѣчной любви, имѣть однихъ друзей и непріятелей; обѣдалъ во дворцѣ, въ Средней Златой Палатѣ (106). Великій Князь желалъ заключить съ Селимомъ договоръ письменный; но Камалъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія. «По крайней мѣрѣ — говорили Бояре — Государь долженъ знать, кто друзья и непріятели Султану, чтобы, согласно съ его предложеніемъ, быть имъ также другомъ и непріятелемъ.» Посолъ не смѣлъ входить въ объясненія столь важныя (107). — Селимъ убѣждалъ Великаго Князя изъ дружбы къ нему отпустить Летифа въ Тавриду, но получилъ отказъ.

Посольство Турецкое.

Во время переговоровъ съ симъ чиновникомъ Султанскимъ наше войско выступало изъ Москвы. Великій Князь пылалъ ревностію загладить неудачу двухъ походовъ къ Смоленску, думая

г. 1514. Взятіе Смоленска.

менѣе о собственной ратной славѣ, чѣмъ о вредѣ государственномъ, который могъ быть ихъ слѣдствіемъ: Литовцы уже переставали бояться нашихъ многочисленныхъ ополченій, и думали что, завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить нашу. Поощряя Василія къ неутомимости въ войнѣ, Михаилъ Глинскій ручался за успѣхъ новаго приступа къ Смоленску, съ условіемъ, какъ пишутъ, чтобы Великій Князь отдалъ ему сей городъ въ Удѣлъ наслѣдственный (108). По крайней мѣрѣ Глинскій оказалъ тогда Государю важную услугу, нанявъ въ Богеміи и въ Германіи многихъ людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, которые пріѣхали въ Москву черезъ Ливонію (109).

Самъ предводительствуя войскомъ, Великій Князь выѣхалъ изъ столицы 8 Іюня съ двумя братьями, Юріемъ и Симеономъ; третьему, Димитрію, велѣлъ быть въ Серпуховѣ; четвертаго Андрея, оставилъ въ Москвѣ съ Царевичемъ Петромъ. 220 Бояръ и Придворныхъ Дѣтей Боярскихъ находилось въ Государевой дружинѣ (110). Въ Тулѣ, на Угрѣ стояли полки запасные. Государь осадилъ Смоленскъ, и 29 Іюля начали стрѣлять по городу изъ-за Днѣпра, большими и мелкими ядрами, *окованными свинцемъ*. Лѣтописецъ хвалитъ искусство главнаго Московскаго пушкаря, именемъ Стефана: отъ ужаснаго дѣйствія его орудій колебались стѣны и люди падали толпами; а пушки Литовскія, разрываясь, били своихъ (111). Весь городъ покрылся густыми облаками дыма; многія зданія пылали; жители въ безпамятствѣ вопили, и простирая руки къ осаждающимъ, требовали милосердія. Въ тысячу голосовъ кричали со стѣны: «Государь Великій Князь! уйми мечь свой! Мы тебѣ повинуемся.» Пальба затихла. Смоленскій Епископъ, Варсонофій, вышелъ на мостъ, объявляя, что Воевода, Юрій Сологубъ, готовъ начать переговоры въ слѣдующій день. Великій Князь не далъ ни малѣйшаго срока и приказалъ снова громить крѣпость. Епископъ возвратился со слезами. Вопль народный усилился. Съ одной стороны смерть и пламя, съ другой убѣжденія многихъ преданныхъ Россіи людей дѣйствовали такъ сильно, что граждане не хотѣли слышать о дальнѣйшемъ сопротивленіи, виня Сигизмунда въ нерадивости. Воевода Юрій именемъ Королевскимъ обѣщалъ имъ скорое вспоможеніе: ему не вѣрили, и Духовенство, Князья, Бояре, мѣщане Смоленскіе послали сказать Государю, что они не входятъ съ нимъ ни въ какіе договоры, моля его единственно о томъ, чтобы онъ мирно взялъ ихъ подъ Россійскую Державу и допустилъ видѣть лице свое. Вдругъ прекратились всѣ дѣйствія непріятельскія. Епископъ, Архимандриты, Священники съ иконами и съ крестами, Намѣстникъ, Вельможи, чиновники Смоленскіе явились въ станѣ Россійскомъ, проливали слезы, говорили Великому Князю: «Государь! довольно текло крови Христіанской; земля наша, твоя отчина, пустѣетъ: пріими градъ съ *тихостію.*» Епископъ благословилъ Василія, который велѣлъ ему, Юрію Сологубу и знатнѣйшимъ людямъ итти въ Великокняжескій шатеръ, гдѣ они, давъ клятву въ вѣрности къ Россіи, обѣдали съ Государемъ и должны были остаться до утра; а другихъ отпустили назадъ въ городъ. Стража Московская смѣнила Королевскую у всѣхъ воротъ крѣпости. Герой Іоанновъ, старецъ Князь Даніилъ Щеня, на разсвѣтѣ вступилъ въ оную съ полками конными: переписавъ жителей, обязалъ ихъ присягою служить, доброхотствовать Государю Россійскому, не думать о Королѣ, забыть Литву.

Августа 1 Епископъ Варсонофій торжественно святилъ воду на Днѣпрѣ и съ крестами пошелъ въ городъ; за Духовенствомъ Великій Князь, Воеводы и все воинство въ стройномъ чинѣ. Бояре Смоленскіе, народъ, жены, дѣти встрѣтили Василія въ предмѣстіи *съ очами свѣтлыми*. Епископъ окропилъ святою водою Государя и народъ. Въ храмѣ Богоматери отпѣли молебенъ. Протодіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе побѣдителю. Благословивъ Великаго Князя животворящимъ крестомъ, Епископъ сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный Царь всея Русіи, на своей отчинѣ и *дѣдинѣ* града Смоленска!» Тутъ братья Государевы, Бояре, Воеводы, чиновники и всѣ жители Смоленскіе, поздравивъ его, начали цѣловаться другъ съ другомъ; плакали въ восхищеніи сердецъ, называясь родными, друзьями, единовѣрными. Окруженный воинскими сановниками, Василій сквозь толпы ликующаго народа прибылъ во дворецъ древ-

г. 1514. нихъ Князей Мономахова племени и сѣлъ на ихъ тронѣ, среди Бояръ и Воеводъ; призвалъ знатнѣйшихъ гражданъ, объявилъ имъ милость, далъ грамоту льготную и Намѣстника, Князя Шуйскаго; утвердилъ права собственности, личную безопасность, свободу, уставы Витовтовы, Александровы и Сигизмундовы (112); всѣхъ угостилъ обѣдомъ; жаловалъ соболями, бархатами, камками, златыми деньгами. Оставивъ Варсонофія на Святительскомъ престолѣ, онъ дозволилъ бывшему Градоначальнику Сологубу ѣхать въ Литву, также и всѣмъ Королевскимъ воинамъ, выдавъ на каждаго человѣка по рублю; а тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно записались къ намъ въ службу, по два рубля и по сукну Лунскому; не отнялъ земель ни у Дворянъ, ни у церквей; не вывелъ никого изъ Смоленска, ни Пана, ни гражданина (113); служивымъ людямъ назначилъ жалованье. Счастливый въ душѣ Государь изъявлялъ только любовь, снисхожденіе къ новымъ подданнымъ, радуясь, что совершилъ намѣреніе великаго отца своего и къ завоеваніямъ его прибавилъ столь блестящее. Взятіе Смоленска, говоритъ Лѣтописецъ, казалось свѣтлымъ праздникомъ для всей Россіи. Отнять чуждое лестно одному славолюбію Государя; но возвратить собственное весело народу.

Сто десять лѣтъ находился Смоленскъ подъ властію Литвы. Уже обычаи измѣнялись; но имя Русское еще трогало сердце жителей, и любовь къ древнему отечеству, вмѣстѣ съ братскимъ духомъ Единовѣрія, облегчили для Великаго Князя сіе важное завоеваніе, приписанное Сигизмундомъ измѣнѣ, ковнямъ Михаила Глинскаго, подкупу, обману (114). Сологубу отсѣкли въ Литвѣ голову (115): онъ конечно не былъ измѣнникомъ, отвергнувъ всѣ милостивыя предложенія Василіевы, не захотѣвъ ни за какое богатство, ни за какіе чины остаться въ Россіи. Въ дѣлахъ государственныхъ несчастіе бываетъ преступленіемъ. Но Михаилъ дѣйствительно могъ имѣть тайныя связи въ Смоленскѣ: по крайней мѣрѣ онъ думалъ, что ему изъ благодарности за его услуги, отдадутъ сей знаменитый городъ во владѣніе. Великій Князь не сдѣлалъ того, и смѣялся какъ увѣряютъ, надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую (116).

Государь немедленно отрядилъ Воеводъ Московскихъ и Смоленскихъ ко Мстиславлю, гдѣ княжилъ тогда одинъ изъ потомковъ Гедиминова сына, Евнутія, Михаилъ: не имѣя силъ противиться, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ нашему войску, присягнулъ Россіи, былъ у Великаго Князя, и милостиво имъ одаренный возвратился въ свою отчину. Граждане Кричева и Дубровны сами собою намъ поддалися (117). Довольный сими пріобрѣтеніями, Василій не желалъ иныхъ: учредилъ Правительство въ Смоленскѣ, оставилъ тамъ часть войска, другую послалъ къ Борисову, къ Минску, и самъ возвратился въ Дорогобужъ (118). Михаилъ Глинскій стоялъ со ввѣреннымъ ему отрядомъ близъ Орши. Измѣна Глинскаго. Никто не зналъ объ его злыхъ умыслахъ. Потерявъ надежду видѣть себя Владѣтельнымъ Княземъ Смоленскимъ, досадуя на Василія и жалѣя о Литвѣ, онъ тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявлялъ раскаяніе, обѣщалъ загладить прошедшее. Личная, справедливая ненависть къ измѣннику уступила явной пользѣ государственной: Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Утвердили договоръ клятвами; согласились, чтобы войско Литовское шло, какъ можно скорѣе, къ Днѣпру: ибо Михаилъ отвѣтствовалъ Королю за побѣду. Уже сіе войско находилось близъ Орши: Глинскій, узнавъ о томъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ изъ Россійскаго стана; но отъѣхалъ не далеко. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ Воеводу нашего, Князя Булгакова-Голицу, о бѣгствѣ измѣнника: Воевода въ ту же минуту съ легкою дружиною поскакалъ за нимъ въ обгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ въ верстѣ, толпа вооруженныхъ слугъ: ихъ и господина схватили и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ запираться: у него вынули изъ кармана Сигизмундовы письма (119). Готовясь къ смерти, онъ говорилъ смѣло о своихъ услугахъ и неблагодарности Василіевой. Государь приказалъ отвезти его скованнаго въ Москву; а Воеводамъ нашимъ, Князю Булгакову, Боярину Челяднину и многимъ другимъ итти на встрѣчу къ непріятельской рати. Константинъ Острожскій предводительствовалъ ею. Пишутъ, что нашихъ было 80,000, Литовцевъ же только 35,000, (120). Сошлися на берегахъ Днѣпра, и нѣсколько дней стояли тихо, Рос-

г.1514. сіяне на лѣвомъ, Литовцы на правомъ. Чтобы усыпить Московскихъ Воеводъ, Константинъ предлагалъ имъ разойтися безъ битвы (121), и тайно наводилъ мостъ въ пятнадцати верстахъ отъ ихъ стана. Узнавъ, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки, гордый Бояринъ Челяднинъ сказалъ: «мнѣ мало половины; жду ихъ всѣхъ, и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними» (122). Конница, пѣхота Литовская перешли, устроились, заняли выгодное мѣсто: началась кровопролитная битва. Увѣряютъ, что главные Воеводы Московскіе, Князь Булгаковъ-Голица и Бояринъ Челяднинъ, отъ зависти не хотѣли помогать другъ другу; что движенія нашего войска не имѣли связи, ни общей цѣли; что въ самомъ пылу сраженія Челяднинъ выдалъ Булгакова и бѣжалъ (123). По другимъ извѣстіямъ, Князь Константинъ употребилъ хитрость: отступилъ притворно, навелъ Россіянъ на пушки, и въ то же время зашелъ имъ въ тылъ (124). Всѣ говорятъ согласно, что Литовцы никогда не одерживали такой знаменитой побѣды надъ Россіянами: гнали, рѣзали, топили ихъ въ Днѣпрѣ и въ Кропивнѣ; тѣлами усѣяли поля между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челяднина и шесть иныхъ Воеводъ, тридцать семь Князей, болѣе 1500 Дворянъ и чиновниковъ (125); взяли обозъ, знамена, снарядъ огнестрѣльный; однимъ словомъ, въ полной мѣрѣ отмстили намъ за Ведрошскую битву. Мы лишились тридцати тысячь воиновъ: ночь и лѣса спасли остальныхъ. На другой день Константинъ торжествовалъ побѣду надъ своими единовѣрными братьями и Русскимъ языкомъ славилъ Бога за истребленіе Россіянъ (126); пышно угостилъ знатныхъ плѣнниковъ и немедленно отправилъ къ Сигизмунду, который велѣлъ Челяднина и Булгакова оковать цѣпями: слѣдственно наказалъ ихъ за то, что они услужили ему своимъ неразуміемъ. Сіи злосчастные Воеводы долго томились въ неволѣ, презираемые Литвою и какъ бы забвенные отечествомъ (127). — Сигизмундъ, будучи внѣ себя отъ радости, спѣшилъ извѣстить всю Европу о славѣ Литовскаго оружія; дарилъ Государей и Папу нашими плѣнниками (128); мыслилъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ ея прежнія завоеванія (129); что Василій не можетъ собрать новыхъ сильныхъ полковъ, и

Битва Оршинская. 8 Сентября.

что ему остается только бѣжать во глубину Московскихъ лѣсовъ. Король ошибся: сія блестящая побѣда не имѣла никакихъ важныхъ слѣдствій.

Съ первою вѣстію о нашемъ несчастіи прискакали въ Смоленскъ нѣкоторые раненные въ битвѣ чиновники Великокняжескіе. Весь городъ пришелъ въ волненіе. Многіе тамошніе Бояре думали, подобно Сигизмунду, что Россія уже пала: совѣтовались между собою, съ Епископомъ Варсонофіемъ, и рѣшились измѣнить Государю. Епископъ тайно послалъ къ Королю своего племянника, (130) съ увѣреніемъ, что если онъ немедленно пришлетъ войско, то Смоленскъ будетъ его. Но другіе вѣрные Бояре донесли о семъ умыслѣ Намѣстнику, Князю Василію Шуйскому, который, едва успѣвъ взять измѣнниковъ и самаго Епископа подъ стражу, увидѣлъ знамена Литовскія: самъ Константинъ съ шестью тысячами отборныхъ воиновъ явился предъ городскими стѣнами. Тутъ Шуйскій изумилъ его и жителей зрѣлищемъ ужаснымъ: велѣлъ на стѣнѣ, въ глазахъ Литвы, повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Святителя, надѣвъ на нихъ собольи шубы, бархаты, камки, а другимъ привязавъ къ шеѣ серебряные ковши или чарки, пожалованныя имъ отъ Великаго Князя (131). Константинъ воспылалъ гнѣвомъ: приступилъ къ Смоленску; но измѣнниковъ уже не было: граждане и воины бились мужественно съ Литвою. Константинъ ушелъ: Россіяне захватили не мало плѣнниковъ и часть обоза. Недостойнаго Пастыря, Варсонофія, отвезли въ Дорогобужъ къ Великому Князю, который, изъявивъ удовольствіе Шуйскому, и давъ всѣ нужныя повелѣнія для безопасности Смоленска, возвратился въ Москву (132). — Литовцы заняли только Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

Измѣна Епископа Смоленскаго.

Приступъ Острожскаго къ Смоленску.

Король желалъ отдохновенія и распустилъ войско; но сынъ Менгли-Гиреевъ Магметъ, узнавъ о побѣдѣ его, хотѣлъ воспользоваться ею, чтобы опустошить южныя владѣнія Россійскія, съ помощію новаго измѣнника нашего, Воеводы Евстафія Дашковича. Мы упоминали о семъ Литовскомъ бѣглецѣ, коего милостиво принялъ Іоаннъ (133), и который, служивъ нѣсколько лѣтъ Василію, ушелъ къ Сигизмунду въ слѣдъ за Константиномъ Острожскимъ. Получивъ отъ Короля во владѣніе Каневъ и Черкасы,

Набѣгъ Крымцевъ.

имѣя воинскія достоинства, смѣлость, мужество, Дашковичь прославился въ Исторіи Днѣпровскихъ Казаковъ, заслуживъ имя ихъ Ромула (134): образовалъ, устроилъ сіе легкое, дѣятельное, неутомимое ополченіе, коему удивлялась Европа; избралъ Вождей, ввелъ строгую подчиненность, далъ каждому воину мечь и ружье; наблюдалъ всѣ движенія Крымцевъ и преграждалъ имъ путь въ Литву. Дашковичь зналъ Россію и казался для насъ тѣмъ опаснѣе: вмѣстѣ съ Кіевскимъ Воеводою, Андреемъ Немировичемъ, онъ присоединился къ толпамъ Магметъ-Гиреевымъ, думая взять Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, гдѣ не было ни Князей, ни Московской рати: Шемякинъ и Князь Василій Стародубскій находились тогда у Государя (135). Непріятели, сверхъ многочисленной конницы, имѣли тяжелый снарядъ огнестрѣльный. Но Воеводы Сѣверскіе отстояли города: ибо Магметъ-Гирей боялся тратить людей на приступахъ; не слушался Литовскихъ предводителей, и заключилъ свой походъ бѣгствомъ.

Тѣмъ не менѣе Василій съ огорченіемъ видѣлъ, что измѣна Менгли-Гиреева въ пользу Литвы уменьшаетъ силы Россіи. Онъ искалъ новаго средства обратить Хана къ прежней системѣ. Посолъ Турецкій еще былъ въ Москвѣ: Государь отпустилъ его въ Константинополь съ своимъ ближнимъ Дворяниномъ, Васильемъ Коробовымъ, написавъ съ нимъ въ отвѣтной грамотѣ къ Султану о вѣроломствѣ Менгли-Гирея, и прося, чтобы Селимъ запретилъ Хану дружиться съ Литвою (136). Коробову надлежало стараться о заключеніи рѣшительнаго союза между Россіею и Портою Оттоманскою, съ обязательствомъ помогать другъ другу во всѣхъ случаяхъ, особенно противъ Литвы и Тавриды, ежели Менгли-Гирей не отступитъ отъ Сигизмунда. — Но Коробовъ не успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: Селимъ писалъ къ Государю, что пришлетъ въ Москву новаго Посла и не сдержалъ слова, будучи занятъ войною Персидскою. Уставили единственно правила свободной торговли въ Азовѣ и въ Кафѣ для нашихъ купцевъ.

Вторичное посольство къ Султану.

Въ сіе время не стало Менгли-Гирея (137): Россія могла бы справедливо оплакивать его кончину, если бы онъ былъ для Василія тоже, что для Іоанна. Сей достопамятный въ Исторіи Ханъ пережилъ самаго себя, бывъ въ послѣдніе годы только тѣнію Царя, и Великій Князь могъ ждать болѣе успѣха въ дѣлахъ съ его наслѣдникомъ, старшимъ сыномъ, Магметъ-Гиреемъ. Къ несчастію, новый Ханъ не походилъ на отца ни умомъ, ни добрыми качествами: вопреки Алкорану, любилъ пить до чрезмѣрности, раболѣпствовалъ женамъ, не зналъ добродѣтелей государственныхъ, зналъ одну прелесть корысти, былъ истиннымъ Атаманомъ разбойниковъ. Сначала онъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти дружбу Россіи, и съ честію отпустилъ Великокняжескаго Посла, Тучкова; но скоро, взявъ дары отъ Сигизмунда, прислалъ въ Москву Вельможу своего, Дувана, съ наглыми и смѣшными требованіями: писалъ, что взятіе Смоленска нарушаетъ договоръ Василіевъ съ Менгли-Гиреемъ, который будто бы пожаловалъ Смоленское Княженіе Сигизмунду; что Василій долженъ возвратить оное, также и Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Путивль, вмѣстѣ съ другими городами, будто бы данными Ханомъ, отцемъ его, Іоанну въ знакъ милости (138). Магметъ-Гирей требовалъ еще освобожденія всѣхъ Крымскихъ плѣнниковъ, дани съ Одоева, многихъ вещей драгоцѣнныхъ, денегъ; а въ случаѣ отказа грозилъ местію. Великій Князь не могъ образумить безсмысленнаго варвара; но могъ надѣяться на доброхотство нѣкоторыхъ Вельможъ Крымскихъ, въ особенности на втораго Менгли-Гиреева сына, Ахмата Хромаго, объявленнаго *Калгою Орды* или первымъ чиновникомъ по Ханѣ: для того вооружился терпѣніемъ, честилъ Посла, и въ удовольствіе Магметъ-Гирею освободилъ Летифа: ибо сей бывшій Царь Казанскій опять сидѣлъ тогда подъ стражею за непріятельскія дѣйствія Крымцевъ (139). Ему снова позволено было ѣздить во дворецъ и на охоту; но Великій Князь не согласился отпустить его къ матери, которая желала отправиться съ нимъ въ Мекку. — Бояринъ Мамоновъ повезъ отвѣтныя грамоты и дары Хану, весьма умѣренные (140). Онъ долженъ былъ сказать Магметъ-Гирею, что нелѣпыя его требованія суть плодъ Сигизмундова коварства; что Государь не только намѣренъ вѣчно владѣть Смоленскимъ Княженіемъ, но хочетъ отнять у Короля и всѣ иные древніе города наши; что Менгли-Гирей утвердилъ свое могущество дружбою Россіи, а не

Г. 1515. Смерть Менгли-Гирея. Посольство отъ новаго Хана Магметъ-Гирея и наше къ нему. Г. 1515—1516.

г. 1514 —1516. Литвы, и что мы готовы возобновить союзъ, ежели Ханъ съ искреннею любовію обратится къ Великому Князю и престанетъ намъ злодѣйствовать: ибо въ то самое время, когда его Посолъ выѣзжалъ изъ Москвы, Крымцы нападали на Мещеру и толпились въ окрестностяхъ Азова, угрожая предѣламъ Рязанскимъ. — Главнымъ порученіемъ Мамонова было преклонить къ намъ Вельможъ Ханскихъ.

Два обстоятельства помогли сначала его успѣху: Магметъ-Гирей тщетно ждалъ новыхъ даровъ отъ Сигизмунда и свѣдалъ, что Султанъ имѣетъ особенное уваженіе къ Великому Князю (141). Хотя Мамоновъ нѣсколько разъ былъ оскорбляемъ наглостію Царедворцевъ (142); хотя Магметъ-Гирей жаловался на скупость Василіеву: однакожь изъявилъ желаніе отстать отъ Короля и вызвался даже, въ залогъ союза, прислать одного изъ сыновей на житье въ Россію, ежели Великій Князь пошлетъ сильную рать водою на Астрахань. Уже написали и грамоту договорную, которую надлежало утвердить присягою въ день Менгли-Гиреева поминовенія, но Сигизмундъ успѣлъ во-время доставить 30,000 червонцевъ Хану (143): грамоту забыли, Посла Московскаго не слушали, и сынъ Магметъ-Гиреевъ, Царевичь Богатырь, устремился на Россію съ *голодными* толпами: ибо отъ чрезвычайныхъ жаровъ сего лѣта поля и луга изсохли въ Тавридѣ. Опустошивъ села Мещерскія и Рязанскія, Богатырь ушелъ; а Ханъ въ отвѣтъ на жалобы Великаго Князя просилъ его извинить молодость Царевича, который будто бы самовольно тревожилъ Россійскія владѣнія. Еще мирныя сношенія не прерывались: мѣсто умершаго въ Тавридѣ Мамонова заступилъ Боярскій сынъ Шадринъ, умный, дѣятельный (144). Весьма усердно помогалъ ему братъ Ханскій, Калга Ахматъ, ненавистникъ Литвы и другъ Россіи, гдѣ онъ на всякой случай готовилъ себѣ вѣрное убѣжищѣ. «Мы живемъ въ худыя времена», говорилъ Ахматъ Послу Московскому: «отецъ нашъ повелѣвалъ всѣми, дѣтьми и Князьями. Теперь братъ мой Царь, сынъ его Царь, и Князья Цари» (145). Истину сего доказывалъ Калга собственными поступками: господствуя въ Очаковѣ, нападалъ на Литовскіе предѣлы, вопреки дружбѣ Сигизмундовой съ Магметъ-Гиреемъ и писалъ къ Василію: «не думая ни о чемъ иномъ, возьми для меня Кіевъ: я помогу тебѣ завоевать Вильну, Троки и всю Литву» (146). Другіе Князья, также доброхотствуя намъ, враждовали Королю; увѣряли, что и Ханъ измѣнитъ ему, если Великій Князь будетъ только щедрѣе; а Магметъ-Гирею сказывали, что Россія намѣрена помогать его злодѣямъ, Ногаямъ и Астраханцамъ, если онъ не предпочтетъ ея союза Литовскому. Сіи Вельможи и безстыдное корыстолюбіе самого Хана произвели наконецъ то, что онъ, взявъ одною рукою Сигизмундово золото, занесъ другую съ мечемъ на его землю, не для услуги намъ, но единственно для добычи, пославъ 40,000 всадниковъ разорять южныя Королевскія владѣнія (147). Сей варваръ не боялся мести за свое вѣроломство, понимая, что Россія и Литва все простятъ ему, въ надеждѣ вредить черезъ него другъ другу. Между тѣмъ открылось новое важное обстоятельство, которое убѣждало его искать Василіевой пріязни.

Болѣзнь и посольство Царя Казанскаго. Царь Казанскій, Магметъ-Аминь, занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, онъ *кипѣлъ* гноемъ и червями; призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не имѣлъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго своего тѣла, и думалъ, что сія казнь послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянъ и за неблагодарность къ Великому Князю Іоанну. «Русской Богъ караетъ меня,» говорилъ онъ ближнимъ: «Іоаннъ былъ мнѣ отцемъ, а я, слушаясь коварной жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. Теперь гибну: къ чему мнѣ сребро и злато, престолъ и вѣнецъ, одръ многоцѣнный и жены красныя? Оставлю ихъ другимъ.» Чтобы умереть спокойнѣе, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Василія въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней украшенныхъ золотыми сѣдлами и червлеными коврами, Царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ, подарокъ Владѣтеля Персидскаго, столь богатый и хитро вытканный, что Нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ (148). Послы Казанскіе молили Великаго Князя объявить Летифа ихъ Владѣтелемъ въ случаѣ Магметъ-Аминевой смерти, обязываясь вѣчно зависѣть отъ Государя Московскаго и принимать Царей единственно отъ его руки (149). Написали грамоту: Окольничій Тучковъ ѣздилъ съ нею въ

г. 1515—1516. Казань, гдѣ Царь, Вельможи и народъ утвердили сей договоръ клятвами. Василій, въ доказательство своего благоволенія къ Магметъ-Аминю, пожаловалъ Летифу городъ Каширу.

Ханъ Крымскій принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Казани, опасаясь, чтобы тамошніе Князья послѣ Магметъ-Аминя не взяли къ себѣ на престолъ кого нибудь изъ Астраханскихъ, ненавистныхъ ему Царевичей. Для сего онъ посылалъ знатнаго человѣка въ Москву, дружески писалъ къ Великому Князю, хвалился разореніемъ Литвы, обѣщалъ немедленно дать свободу Московскимъ плѣнникамъ и заключить союзъ съ нами, если Государь возведетъ Летифа на Казанское Царство, отниметъ городокъ Мещерскій, бывшее Нордоулатово помѣстье у своего служиваго Царевича Астраханскаго Шигъ-Алея, уступитъ оное которому нибудь изъ сыновей Магметъ-Гиреевыхъ и рѣшится воевать Астрахань. Долго Василій отвергалъ сіе послѣднее условіе: наконецъ и на то г. 1517. согласился ([150]). Казалось, что всѣ препятствія исчезли. Въ Москву ждали новыхъ Пословъ Ханскихъ съ договорною грамотою: они не ѣхали; и Великій Князь узналъ, что Сигизмундъ, подобно ему неутомимый въ исканіи Магметъ-Гиреевой дружбы, умѣлъ опять задобрить Хана богатыми дарами. 20,000 Крымцевъ съ огнемъ и мечемъ нечаянно явились въ Россіи и дошли до самой Тулы, гдѣ встрѣтили ихъ Московскіе Воеводы, Князья Одоевскій и Воротынскій. Хищниковъ наказали: спасаясь бѣгствомъ, они тонули въ рѣкахъ и въ болотахъ; гибли отъ руки нашихъ воиновъ и земледѣльцевъ, которые засѣли въ лѣсахъ и не давали имъ ни пути, ни пощады, такъ, что весьма не многіе возвратились домой, нагіе и босые. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Князь Шемякинъ выгналъ Крымцевъ изъ области Путивльской и побилъ ихъ за Сулою ([151]).

Впаденіе Крымцевъ.

Не имѣвъ успѣха въ сношеніяхъ съ Ханомъ, Василій пріобрѣлъ въ сіе время двухъ знаменитыхъ, искреннихъ друзей въ Европѣ. Еще въ 1513 году Посолъ Короля Датскаго, Іоанна, находился въ Москвѣ, или по дѣламъ Шведскимъ, или для того, чтобы склонить насъ къ соединенію Греческой Церкви съ Римскою, какъ самъ Король писалъ къ Императору Максимиліану и Людовику XII ([152]). Сынъ Іоанновъ, Христіанъ II, памятный въ Исторіи ужасною свирѣпостію и прозваніемъ Нерона Сѣвернаго, въ 1517 году утвердилъ пріязнь съ Россією торжественнымъ договоромъ воевать общими силами — *гдѣ и когда будетъ возможно* — Швецію и Польшу ([153]), хотя Намѣстники Великокняжескіе въ 1510 году заключили съ первою шестидесятилѣтнее перемиріе ([154]). Посолъ нашъ, Дворянинъ Микулинъ, былъ въ Копенгагенѣ: Христіановъ, Давидъ Герольтъ, въ Москвѣ. Великій Князь позволилъ Датскимъ купцамъ имѣть церковь въ Новѣгородѣ и свободно торговать въ Россіи. — Усильно домогаясь властвовать надъ всею древнею Скандинавіею, Христіанъ не могъ содѣйствовать намъ противъ Сигизмунда; а Василій, занятый Литовскою войною, оставался единственно доброжелателемъ Христіана въ его бореніи со Шведскимъ Правителемъ Стуромъ. Однакожь тѣсная связь между сими двумя Государями устрашала ихъ враговъ: Сигизмундъ долженъ былъ опасаться Даніи, а Швеція Россіи ([155]).

Союзъ съ Королемъ Датскимъ.

Вторымъ союзникомъ нашимъ былъ Великій Магистръ Нѣмецкаго Ордена, Албрехтъ Бранденбургскій. Пламенный духъ сего воинственнаго братства, освященнаго Вѣрою и добродѣтелію, памятнаго великодушіемъ и славою первыхъ его основателей, угасъ въ странахъ Сѣвера ([156]): богатство не замѣняетъ доблести, и Рыцари-Владѣтели, нѣкогда сильные презрѣніемъ жизни, въ избыткѣ ея пріятностей увидѣли свою слабость. Покорители язычниковъ были покорены собратіями-Христіанами. Казимиръ и наслѣдники его уже взяли многіе Орденскіе города, именуя Великаго Магистра своимъ присяжникомъ. Рыцарство тосковало въ униженіи: хотѣло возвратить свою древнюю славу, независимость и владѣнія; молило Папу, Германію, Императора о защитѣ, и наконецъ обратилось къ Россіи, весьма естественно: ибо мы одни ревностно желали ослабить Сигизмунда. Хотя Нѣмецкій Орденъ, вступаясь за Ливонію, часто оглашалъ насъ въ Европѣ злодѣями, невѣрными, еретиками; но сіи укоризны были преданы забвенію, и крестоносные витязи Іерусалимскіе дружественно простерли руку къ Великому Князю ([157]). Албрехтъ прислалъ въ Москву Орденскаго чиновника, Дидриха Шонберга, принятаго со всѣми знаками уваженія. Въ такое время, когда Дворъ гевѣлъ и

Союзъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ.

г. 1517. обыкновенно не занимался дѣлами, на первой недѣлѣ Великаго поста, Шонбергъ имѣлъ переговоры съ Боярами, въ Субботу обѣдалъ у Государя, въ Воскресенье вмѣстѣ съ нимъ слушалъ Литургію въ храмѣ Успенія. Заключили наступательный союзъ противъ Короля ([158]). Магистръ требовалъ ежемѣсячно *шестидесяти тысячь золотыхъ Реинскихъ* на содержаніе десяти тысячь пѣхотныхъ и двухъ тысячь конныхъ воиновъ: Государь обѣщалъ, если Нѣмцы возьмутъ Данцигъ, Торнъ, Маріенвердеръ, Эльбингъ, и пойдутъ на Краковъ; однакожь не хотѣлъ включить въ договоръ, чтобы Россіи не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ Прусскихъ и нашихъ древнихъ городовъ, сказавъ Шонбергу: «отъ васъ надобно требовать обязательства, ибо вы еще не воюете; а мы уже давно въ полѣ, и дѣлаемъ, что можемъ» ([159]). Условились хранить договоръ въ тайнѣ, чтобы Король не успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Шонбергъ, получивъ въ даръ бархатную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ, отправился въ Кенигсбергъ, съ Дворяниномъ Загряскимъ ([160]). Размѣнялись клятвенными грамотами. Магистру хотѣлось, чтобы Великій Князь немедленно доставилъ 625 пудъ серебра въ Кенигсбергъ, гдѣ наши собственные чиновники могли бы обратить оное въ деньги и выдавать ихъ, въ случаѣ надобности, Нѣмецкимъ ратникамъ ([161]). Для сего новый Посолъ Орденскій, Мельхіоръ Робенштеннъ, былъ въ Москвѣ. Василій отвѣтствовалъ, что серебро готово, но что Нѣмцы должны прежде начать войну. — Магистръ Ливонскій, старецъ Плеттенбергъ, не участвовалъ въ семъ союзѣ: закоренѣлая ненависть къ Россіянамъ склоняла его, даже вопреки пользамъ Нѣмецкаго Ордена, доброжелательствовать Королю. Въ теченіе войны Литовской онъ съ досадою извѣщалъ Прусскаго Магистра о нашихъ выгодахъ, съ удовольствіемъ о неудачахъ ([162]), хотя и не могъ надѣяться на благодарность Короля, бывъ принужденъ отказаться отъ его дружбы въ угодность Великому Князю ([163]): положеніе весьма опасное для слабой Державы!

Отпуская Загряскаго въ Кенигсбергъ, Государь велѣлъ ему развѣдать тамъ о дѣлахъ Императора Максимиліана съ Королемъ Французскимъ, съ Венеціею; узнать, будетъ ли отъ него Посольство въ Москву, и въ какихъ сношеніяхъ онъ находится съ Сигизмундомъ ([164])? Уже Василій не имѣлъ надежды на помощь Императора въ сей войнѣ, слышавъ о свиданіи его съ Королями Венгерскимъ и Польскимъ въ Вѣнѣ, о брачныхъ союзахъ ихъ семейства; напротивъ того желалъ, чтобы Максимиліанъ объявилъ себя посредникомъ между Литвою и Россіею. Обѣ Державы хотѣли отдохновенія; но первая еще болѣе. Великій Князь молчалъ, а Сигизмундъ просилъ Императора доставить миръ Литвѣ. Для сего Посолъ Вѣнскаго Двора, Баронъ Герберштеннъ, мужъ ученый и разумный, прибылъ въ Москву ([165]). Представленный Государю, онъ съ жаромъ, искусствомъ и краснорѣчіемъ описалъ бѣдствіе междоусобія въ Европѣ Христіанской и торжество злочестивыхъ Султановъ, которые, пользуясь ея несогласіемъ, берутъ земли и Царства. «Начто» — сказано въ сей достопамятной рѣчи Посольской — «начто Монархи державствуютъ? ко благу Вѣры и для спокойствія подданныхъ. Такъ всегда мыслилъ Императоръ, и воевалъ не ради суетной славы, не ради пріобрѣтеній чуждаго, но для наказанія сварливыхъ, презирая опасность личную, самъ впереди, и съ меньшимъ числомъ побѣждая, ибо Господь за добродѣтель. Уже Максимиліанъ благоденствуетъ въ тишинѣ. Папа и вся Италія съ нимъ въ союзѣ. Королевства Испанскія, Неаполь, Сицилія и всѣ другія, числомъ *двадцать шесть*, и всѣ православныя, признаютъ въ его внукѣ, Карлѣ, своего наслѣдственнаго, законнаго Монарха. Король Португалліи ему родственникъ, Король Англіи издавна другъ сердечный, Датскій и Венгерскій сыновья и братья, ибо женаты на внукахъ Максимиліановыхъ; а Польскій имѣетъ къ Государю моему неограниченную довѣренность. Не буду говорить предъ тобою о твоемъ Величествѣ; вѣдаешь истинную, взаимную любовь, которая васъ соединяетъ. Оставались только Король Французскій и Венеція внѣ общаго Европейскаго братства: ибо всегда хотѣли особенныхъ выгодъ своихъ, не занимаясь благомъ Христіанства; но и тѣ уже изъявили миролюбіе: уже, какъ слышу, и договоръ подписанъ. Теперь да обозритъ человѣкъ вселенную, отъ Востока до Запада, отъ Юга до Сѣвера: кто изъ Вѣнценосцевъ православныхъ не связанъ съ Императоромъ или родствомъ

Посольство Императора Максимиліана.

г. 1517. или дружбою? Всѣ — и всѣ въ мірѣ, кромѣ Литвы и Россіи. Максимиліанъ послалъ меня къ тебѣ, въ надеждѣ, что ты, Государь знаменитый, въ честь и въ славу Божію успокоишь Христіанство и собственную землю: ибо миромъ цвѣтутъ Державы, войною изнуряются; побѣда измѣняетъ — и кто въ ней увѣренъ? — Доселѣ вѣщалъ Императоръ: прибавлю и мое слово. Будучи въ Вильнѣ, я говорилъ съ Посломъ Турецкимъ: онъ сказывалъ, что Султанъ завоевалъ Дамаскъ, Іерусалимъ и все Царство Египетское. Въ истинѣ сего увѣрялъ меня также одинъ благородный путешественникъ, который самъ былъ въ тѣхъ мѣстахъ. Государь! мы и прежде опасались Султанскаго могущества: не должны ли нынѣ еще болѣе опасаться?» — Ученый Посолъ говорилъ о Филиппѣ и Александрѣ Македонскихъ: славилъ миролюбіе отца, осуждалъ сына, ненасытнаго въ кровопролитіи (166), и проч.

Василій имѣлъ бы право укорять Императора нарушеніемъ договора съ Россіею; но зная, что такіе упреки безполезны, и что Политика легко все извиняетъ, онъ за доброе намѣреніе изъявилъ ему благодарность и свою готовность къ миру. Обязываясь быть посредникомъ совершенно безпристрастнымъ и даже объявить войну Литвѣ, если Король не согласится на предложенія умѣренныя, честныя, справедливыя, Максимиліанъ хотѣлъ, чтобы наши Уполномоченные съѣхались для того съ Литовскими въ Даніи или на границѣ, или въ Ригѣ: Великій Князь сказалъ, что переговоры должны быть въ Москвѣ, какъ всегда бывало, а не иначе, и далъ *опасную грамоту* для Королевскихъ Пословъ, назвавъ себя въ ней *Смоленскимъ* (167). Они пріѣхали: Янъ Щитъ, Намѣстникъ Могилевскій, и Богушъ, Государственный Секретарь, съ семидесятью Дворянами: но ихъ не впустили въ Москву: велѣли имъ жить въ Дорогомиловѣ: ибо Великій Князь узналъ, что войско Сигизмундово вступило въ наши предѣлы, и что самъ Король находился въ Полоцкѣ съ запасною ратію. *Послы Литовскіе.*

Сіе нападеніе было местію. За нѣсколько времени предъ тѣмъ Воевода Псковскій, Андрей Сабуровъ, безъ вѣдома Государева ходилъ съ тремя тысячами воиновъ на Литву: шелъ мирно, не дѣлалъ никакой обиды жителямъ и сталъ у Рославля, объявивъ гражданамъ, что бѣжитъ отъ Великаго Князя къ Королю. Они повѣрили и выслали ему, какъ другу, съѣстные припасы; но Сабуровъ нечаянно, въ торговый день, взялъ Рославль, обогатился добычею и вывелъ оттуда множество плѣнниковъ, изъ коихъ освободилъ только 18 купцевъ Нѣмецкихъ (168). Чтобы наказать Псковитянъ, Герой Сигизмундовъ, Константинъ Острожскій, хотѣлъ завоевать Опочку, гдѣ былъ Намѣстникомъ Василій Михайловичь Салтыковъ, достойный жить въ Исторіи: ибо онъ рѣдкимъ мужествомъ удивилъ своихъ и непріятелей. Литовцы вмѣстѣ съ наемниками Богемскими и Нѣмецкими двѣ недѣли громили пушками сію ничтожную крѣпость: стѣны падали; но Салтыковъ, воины его и граждане не слабѣли въ бодрой защитѣ, отразили приступъ, убили множество людей и Воеводу Сокола, отнявъ у него знамя. Между тѣмъ Воеводы Московскіе спѣшили къ Опочкѣ: изъ Великихъ Лукъ Князь Александръ Ростовскій, изъ Вязьмы Василій Шуйскій. Впереди были Князь Ѳеодоръ Оболенскій Телепневъ и храбрый мужъ Иванъ Лятцкій съ Дѣтьми Боярскими: они близъ Константинова стана въ трехъ мѣстахъ разбили на голову 14 тысячь непріятелей и новую рать, посланную Сигизмундомъ къ Острожскому; плѣнили Воеводъ, взяли обозъ и пушки (169). Наша главная сила шла прямо на Константина: онъ не захотѣлъ ждать ее, снялъ осаду, удалился скорыми шагами и не могъ спасти тяжелыхъ стѣнобитныхъ орудій, которыя остались трофеями Салтыкова. Россіяне загладили стыдъ Оршинской битвы, возложивъ на Константина знаменіе бѣглеца, по выраженію одного Лѣтописца. *Приступъ Острожскаго къ Опочкѣ. 6 Октября. Октября 18.*

Узнавъ о сей побѣдѣ, Великій Князь дозволилъ Посламъ Сигизмундовымъ торжественно въѣхать въ Москву и принялъ ихъ съ удовольствіемъ. «Король» — сказалъ онъ — «предлагаетъ миръ и наступаетъ войною. Теперь мы съ нимъ управились: можемъ выслушать мирныя слова его.» Переговоры начались весьма неумѣренными требованіями съ обѣихъ сторонъ. Мы хотѣли, чтобы Сигизмундъ отдалъ намъ Кіевъ, Витебскъ, Полоцкъ и другія области Россійскія, вмѣстѣ съ сокровищами и съ Удѣломъ покойной Королевы Елены, казнивъ всѣхъ наглыхъ Пановъ, оскорбителей ея чести; а Литовцы хотѣли имѣть не только Смоленскъ, Вязьму, Дорогобужъ, Путивль, всю землю Сѣ- *Октября 25. Переговоры о мирѣ.*

г.1517. верскую, но и половину Новагорода, Пскова, Твери (170). «Вотъ рѣчи *высокія*,» сказалъ Баронъ Герберштеинъ: «надобно искать средины или я заѣхалъ въ Москву безполезно.» Паны Щитъ и Богушъ объявили наконецъ, что Сигизмундъ согласится возобновить договоръ, заключенный между Великимъ Княземъ Iоанномъ и Королемъ Александромъ въ 1494 году. Посолъ Максимиліановъ убѣждалъ Василія уступить хотя одинъ Смоленскъ, ставя ему въ примѣръ умѣренность славнаго Царя Пирра (171), Максимиліана, отдавшаго Венеціянской республикѣ Верону, и самого Великаго Князя Iоанна, не хотѣвшаго отнять Казани у древнихъ ея Царей. Бояре Московскіе, умолчавъ о Пиррѣ, отвѣтствовали, что Императоръ могъ быть великодушенъ противъ Венеціи, но что великодушіе не есть законъ; что Казань была и есть въ нашемъ подданствѣ; что Великій Князь не имѣетъ обычая уступать свои отчины, данныя ему Богомъ и побѣдою. Увѣряя въ своемъ безпристрастіи, Герберштеинъ явно держалъ сторону Литовскихъ Пословъ; оправдывалъ Сигизмунда; говорилъ, что Василій не долженъ вѣрить бѣглецамъ и плѣнникамъ, которые приписываютъ разбои Магметъ-Гирея Сигизмундовымъ наущеніямъ; что мысль Государева, наслѣдовать Удѣлъ Елены, противна всѣмъ уставамъ: что оскорбители Королевы могутъ быть наказаны, если мы умѣримъ иныя требованія, и проч. Въ сихъ любопытныхъ прѣніяхъ видны искусство и тонкость разума Герберштеинова, грубость Литовскихъ Пословъ и спокойная непреклонность Василіева: языкъ Бояръ его учтивъ, благороденъ и доказываетъ образованность ума. Спорили много и долго, Смоленскъ былъ главнымъ препятствіемъ мира. Панъ Щитъ сказалъ: «Мы ѣдемъ: Небо казнитъ виновника кровопролитія:» *Не насъ*, отвѣтствовали Бояре. Государь, отпуская Пословъ, всталъ съ мѣста; велѣлъ кланяться Сигизмунду, и въ знакъ ласки далъ имъ руку. Все кончилось. Тогда Баронъ Герберштеинъ вручилъ Великому Князю особенную грамоту Максимиліанову о Михаилѣ Глинскомъ: Императоръ писалъ, что Михаилъ могъ быть виновенъ, но уже довольно наказанъ за то неволею; что сей мужъ имѣетъ знаменитыя достоинства, воспитанъ при Дворѣ Вѣнскомъ, служилъ вѣрно ему и Курфирсту Саксонскому; что Василій сдѣлаетъ г.1517. Максимиліану великое удовольствіе, если отпуститъ Глинскаго въ Испанію, къ его внуку Карлу. Государь не согласился, отвѣтствуя, что сей измѣнникъ положилъ бы свою голову на плахѣ, если бы не изъявилъ желанія принять нашу Вѣру; что отецъ и мать его были Греческаго Закона; что Михаилъ, въ Италіи легкомысленно риставъ къ Римскому, одумался, хочетъ умереть Христіаниномъ Восточной Церкви и порученъ Митрополиту для наставленія.

Посольство Максиміляну. Такимъ образомъ Посольство Максиміліаново не имѣло никакого успѣха; однакожь Герберштеинъ выѣхалъ изъ Москвы съ надеждою, что если не миръ, то хотя перемиріе остается возможнымъ между воюющими Державами. Великій Князь послалъ въ Вѣну Дьяка Владиміра Племянникова объяснить Императору нашу справедливость и требовать г.1518. его обѣщаннаго содѣйствія въ войнѣ противъ Сигизмунда (172). Сей Дьякъ не могъ нахвалиться учтивостію Максиміліана, который велѣлъ ему говорить рѣчь сидя, *въ колпакѣ;* посадилъ и нашего толмача Истому; при имени Великаго Князя снималъ шляпу; угостилъ ихъ пышно и ѣздилъ съ ними на охоту; предлагалъ имъ лучшихъ соколовъ въ даръ, и твердилъ, что не имѣетъ ничего завѣтнаго для своего брата, Великаго Князя. Но сія ласка происходила единственно отъ желанія прекратить войну Литовскую: ибо Максиміліанъ дѣйствительно замышлялъ тогда воздвигнуть всѣхъ Европейскихъ Государей на Султана, и видя слабость Короля, боялся, чтобы Россія не подавила его. «Цѣлость Литвы» — писалъ онъ къ Великому Магистру Нѣмецкому — «необходима для блага всей Европы: величіе Россіи опасно» (173). — Новые Послы Максиміліа- Новые послы отъ Императора. новы, Совѣтникъ Францискъ да-Колло и Антоній де-Конти, прибыли въ Москву съ Племянниковымъ (174), чтобы вторично ходатайствовать за Сигизмунда, или, какъ они говорили, за Христіанство; съ избыткомъ краснорѣчія представили картину Оттоманскихъ завоеваній въ трехъ частяхъ міра, отъ Воспора Ѳракійскаго до песковъ Египетскихъ, Кавказа и Венеціи; описали жалостное рабство Греческой Церкви, матери нашего Христіанства; униженіе святыни, гроба Спасителева, Назарета, Виѳлеема и Синая подъ властію Магометанъ; изъясняли, что Порта въ со-

г.1518. слѣдствѣ съ нами чрезъ Тавриду и можетъ скоро наложить тяжкую свою руку на Россію; изобразили свирѣпость, хитрость, счастіе Селима, упоеннаго кровію отца и трехъ братьевъ, *возжигающаго предъ собою свѣтильники отъ тука сердецъ Христіанскихъ* и давшаго себѣ имя *Владыки міра* (175); убѣждали Василія, какъ знаменитѣйшаго Царя Вѣрныхъ, итти за хоругвію Іисуса; наконецъ молили его объявить искренно, желаетъ ли или не желаетъ мира съ Литвою, чтобы *не плодить рѣчей* безполезно? Великій Князь хотѣлъ его, но не хотѣлъ возвратить Смоленска. Послы начали говорить о перемиріи на пять лѣтъ. Онъ соглашался, но съ условіемъ освободить всѣхъ плѣнниковъ; чего не принялъ Сигизмундъ, имѣя ихъ гораздо болѣе, нежели мы. Наконецъ Василій, въ угодность Императору, далъ слово не воевать Литвы въ теченіе 1519 года, если Король также не будетъ безпокоить Россіи, и если Максимиліанъ обяжется послѣ того вмѣстѣ съ Россіею наступить войною на Сигизмунда (176). Съ симъ предложеніемъ отправился въ Австрію Великокняжескій Дьякъ Борисовъ Но Максимиліанъ скончался. Василій жалѣлъ объ немъ какъ о своемъ знаменитомъ пріятелѣ, а Сигизмундъ оплакалъ его какъ усерднаго покровителя, въ такое время, когда новые враги возстали на Литву и Польшу.

Смерть Летифа. Абдылъ-Летифъ, названный преемникомъ Царя Магметъ-Аминя, умеръ въ Москвѣ (177), къ огорченію Великаго Князя: ибо Летифъ служилъ ему орудіемъ Политики или залогомъ въ отношеніи къ Тавридѣ и Казани. Но сіе происшествіе имѣло сначала благопріятныя для насъ слѣдствія. Желая завоевать Астрахань, Магметъ-Гирей не менѣе желалъ подчинить себѣ и Казань: содѣйствіе Россіи, нужное и для перваго, было еще необходимѣе для успѣха въ послѣднемъ намѣреніи. И такъ, услышавъ о смерти Летифа, зная близость Магметъ-Аминевой и назначивъ Казанскій престолъ брату своему, Саипъ-Гирею, Ханъ обратился къ дружбѣ Великаго Князя. Хотя многіе Вельможи и Царевичи усильно противились сему расположенію; хотя Калга, Ахматъ-Гирей, нашъ ревностный пріятель, былъ однимъ изъ нихъ злодѣйски убитъ: но доброжелатели Россіи, въ числѣ коихъ находился Князь Аппакъ, главный любимецъ Ханскій, превозмогли, и Магметъ-Гирей извѣстилъ Василія, что онъ г.1518. немедленно пришлетъ въ Москву сего Аппака съ клятвенною грамотою; что Возобновленіе союза съ Крымомъ. Крымцы уже воюютъ Литву; что мы ихъ усердною помощію истребимъ всѣхъ враговъ, если сами окажемъ услугу Хану: возьмемъ для него Астрахань или Кіевъ (178). Не упуская времени, Государь послалъ въ Тавриду Князя Юрья Пронскаго, а съ нимъ Дворянина Илью г.1519. Челищева, весьма угоднаго Царю. Они встрѣтили Аппака, который дѣйствительно привезъ въ Москву Шертную грамоту Ханскую, написанную слово въ слово по данному отъ насъ образцу, въ томъ смыслѣ, чтобы Великому Князю и Магметъ-Гирею соединить оружіе противъ Литвы и наслѣдниковъ Ахматовыхъ. Въ описаніи сего Посольства замѣтимъ нѣкоторыя любопытныя черты. Аппакъ явился въ чалмѣ и не хотѣлъ снимать ее предъ Василіемъ. «Что значитъ такая новость?» спросили наши Бояре: «ты Князь, однакожь не Азейскаго рода, не *Мольнинъ* (179), и никогда не бывалъ въ Меккѣ.» Аппакъ изъяснилъ, что Магметъ-Гирей дозволилъ ему ѣхать къ Магометову гробу, и въ знакъ сего украсилъ его голову знаменіемъ правовѣрія. Посолъ и чиновники Московскіе преклоняли колѣна, говоря другъ другу именемъ своихъ Государей (180). Онъ *здравствовался* съ Великимъ Княземъ и сталъ на колѣна, чтобы отдать Ханскія письма. Союзъ утвердился присягою. Хартія Шертная лежала на столѣ подъ крестомъ: Василій сказалъ: «Аппакъ! на сей грамотѣ клянуся моему брату, Магметъ-Гирею, дружить его друзьямъ, враждовать непріятелямъ. Тутъ не упоминается объ Астрахани; но даю слово вмѣстѣ съ нимъ объявить ей войну.» Государь поцѣловалъ крестъ, взявъ письменное обязательство съ Аппака въ вѣрности Магметъ-Гирея.

Смерть Магметъ-Аминя. Между тѣмъ судьба Казани рѣшилась не такъ, какъ думалъ Ханъ. Магметъ-Аминь въ ужасныхъ мукахъ закрылъ глаза навѣки: исполняя волю его и свой торжественный обѣтъ, Уланы и Вельможи Казанскіе требовали новаго Царя отъ руки Василія (181), давно знавшаго мысль Хана Крымскаго, но таившаго свою. Настало время или угодить Магметъ-Гирею, или сдѣлать величайшую досаду. Василій не колебался: какъ ни желалъ союза Тавриды, но еще болѣе опасался усилить ся Хана, который въ надменности властолюбія замышлялъ,

г. 1519. подчиненіемъ себѣ Астрахани и Казани, возстановить Царство Батыево, столь ужасное въ памяти Россіянъ. Одинъ безумный варваръ могъ въ такомъ случаѣ ждать ихъ услугъ и содѣйствія: не брату, а злодѣю Магметъ-Гирееву Василій готовилъ престолъ въ Казани, и послалъ туда Тверскаго Дворецкаго, Михаила Юрьева, объявить жителямъ, что даетъ имъ въ Цари юнаго Шигъ-Алея, внука Ахматова, который переѣхалъ къ Іоанну съ отцемъ своимъ, Шигъ-Авлеаромъ, изъ Астрахани, и, къ неудовольствію Магметъ-Гирея, владѣлъ у насъ городкомъ Мещерскимъ. Вельможи и народъ, изъявивъ благодарность, прислали въ Москву знатныхъ людей за Шигъ-Алеемъ. Димитрій Бѣльскій отправился съ ними и съ новымъ Царемъ въ Казань, возвелъ его на престолъ, взялъ съ народа клятву въ вѣрности къ Государю Московскому. Всѣ были довольны, и Шигъ-Алей, воспитанный въ Россіи, искренно преданный Великому Князю, какъ единственному своему покровителю, не имѣлъ иной мысли, кромѣ той, чтобы служить ему усердно въ качествѣ присяжника.

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани.

Сіе дѣлалось во время бытности Аппака въ Москвѣ, и хотя не помѣшало заключенію союза съ Тавридою, однакожь произвело объясненія. Посолъ съ удивленіемъ спросилъ, для чего Василій, другъ его Царя, отдалъ Казань внуку ненавистнаго Ахмата? «Развѣ нѣтъ у насъ Царевичей?» сказалъ онъ: «развѣ кровь Ординская лучше Менгли-Гиреевой? Впрочемъ я говорю только отъ своего имени, угадывая мысли Хана (182).» Василій увѣрялъ, что онъ думалъ возвести брата или сына Магметъ-Гиреева на сіе Царство, но что Казанскіе Вельможи непремѣнно требовали Шигъ-Алея, и если бы воля ихъ не исполнилась, то они взяли бы себѣ Царя изъ Ногаевъ или Астрахани, слѣдственно опаснаго непріятеля Россіи. Аппакъ замолчалъ, и скоро пришла въ Москву желанная вѣсть, что Ханъ уже дѣйствуетъ какъ нашъ ревностный союзникъ; что сынъ его, Калга Богатырь, совсѣмъ нечаянно вступивъ въ Литву съ тридцатью тысячами, огнемъ и мечемъ опустошилъ Сигизмундовы владѣнія едва не до самаго Кракова, на голову разбилъ Гетмана, Константина Острожскаго, плѣнилъ 60,000 жителей, умертвилъ еще болѣе и возвратился съ торжествомъ счастливаго разбойника, покрытый кровію и пепломъ (183). Доказавъ такимъ образомъ Королю, что мнимый союзъ варваровъ бываетъ хуже явной вражды (ибо производитъ оплошность), Магметъ-Гирей готовился доказать сію истину и Великому Князю; но еще около двухъ лѣтъ представлялъ лице нашего друга. Аппакъ выѣхалъ изъ Москвы весьма довольный милостію Государя, и новый Посолъ Россійскій, Бояринъ Ѳеодоръ Клементьевъ, заступилъ въ Тавридѣ мѣсто Князя Пронскаго (184). Зная, сколь Магметъ-Гирей боится Султана, Василій отправилъ въ Царьградъ Дворянина Голохвастова съ письмомъ къ Селиму, изъявляя сожалѣніе, что онъ долго не шлетъ къ намъ втораго, обѣщаннаго имъ Посольства для заключенія союза, который могъ бы обуздывать Хана, ужасая Литву съ Польшею (185). Голохвастовъ имѣлъ еще тайное порученіе видѣться въ Константинополѣ съ Гемметомъ Царевичемъ, сыномъ убитаго въ Тавридѣ Калги Ахмата. Носился слухъ, что Султанъ мыслитъ дать ему Крымское Ханство (186); а какъ отецъ его любилъ Россію, то Великій Князь надѣялся и на дружбу сына. Голохвастовъ долженъ былъ предложить Геммету покровительство Василіево, вѣрное убѣжище въ Москвѣ, Удѣлъ и жалованье. Гемметъ, непримиримый врагъ своего дяди, Магметъ-Гирея, могъ и въ изгнаніи быть намъ полезенъ, имѣя связи и друзей въ Тавридѣ: тѣмъ болѣе надлежало искать въ немъ пріязни, если милость Султанская готовила для него Ханство. — Посолъ нашъ возвратился благополучно. Гемметъ не сдѣлался Ханомъ, не пріѣхалъ и въ Россію; но Селимъ, написавъ къ Василію ласковый отвѣтъ, въ доказательство истинной къ нему дружбы велѣлъ своимъ Пашамъ тревожить Королевскія владѣнія (187); подтвердилъ также условія свободной торговли между обѣими Державами (188).

Крымцы опустошаютъ Литву.

Посольство къ Султану.

Изумленный нападеніемъ Магметъ-Гирея, Сигизмундъ узналъ, что и присяжникъ его Албрехтъ, Магистръ Нѣмецкаго Ордена, въ слѣдствіе заключеннаго имъ договора съ Россіею готовится къ войнѣ. Долго сей искренній союзъ не имѣлъ своего дѣйствія отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ Папа, Леонъ X, убѣждалъ Магистра не только остаться въ мирѣ съ Королемъ, но и быть посредникомъ между имъ и Россіею, предлагая ему главное Воеводство въ Христіанскомъ всенародномъ ополченіи, ко-

Сношенія съ Магистромъ Нѣмецкимъ и съ Папою.

г. 1519. ему надлежало собраться подъ знамена Вѣры, чтобы смирить гордость Султана. Сей Папа, славный въ Исторіи любовію къ Искусствамъ и Наукамъ гораздо болѣе, нежели Пастырскою ревностію и государственнымъ благоразуміемъ, представлялъ чрезъ Магистра и Великому Князю, что Константинополь есть законное наслѣдіе Россійскаго Монарха, сына Греческой Царевны; что здравая Политика велитъ намъ примириться съ Литвою, ибо *время воюетъ* сію Державу, и Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдниковъ; что смерть его разрушитъ связь между Литвою и Польшею, которыя безъ сомнѣнія изберутъ тогда разныхъ Владѣтелей и несогласіемъ ослабѣютъ; что все благопріятствуетъ величію Россіи, и мы станемъ на первой степени Державъ Европейскихъ, если, соединясь съ ними противъ Оттомановъ, соединимся и Вѣрою; что Церковь Греческая не имѣетъ Главы; что древняя сестра ея, Церковь Римская, возвыситъ нашего Митрополита въ санъ Патріарха, утвердитъ грамотою всѣ *добрые* наши обычаи, безъ малѣйшей перемѣны и новостей; что онъ (Папа) желаетъ украсить главу непобѣдимаго Царя Русскаго вѣнцемъ Царя Христіанскаго, безъ всякаго мірскаго возмездія или прибытка, единственно во славу Божію (189). Василій, какъ пишутъ, негодовалъ на Леона за то, что онъ торжественно праздновалъ въ Римѣ побѣду Сигизмундову въ 1514 году, объявивъ насъ еретиками (190); однакожь сей благоразумный Государь отвѣтствовалъ Магистру, что ему весьма пріятно видѣть доброе къ намъ расположеніе Папы и быть съ нимъ въ дружественныхъ сношеніяхъ по государственнымъ дѣламъ Европы; но что касается до Вѣры, то Россія была, есть и будетъ Греческаго Исповѣданія во всей чистотѣ и неприкосновенности онаго (191). Повѣренный Леоновъ въ Краковѣ и въ Кенигсбергѣ, Монахъ Николай Шонбергъ, желалъ ѣхать и въ Москву: Великій Князь обѣщалъ принять его милостиво, и дозволилъ Папѣ имѣть черезъ Россію сообщеніе съ Царемъ Персидскимъ (192). *Второю* виною Албрехтовой медленности былъ недостатокъ въ деньгахъ: онъ требовалъ ста тысячь гривенъ серебра отъ Великаго Князя, чтобы нанять воиновъ въ Германіи; но Великій Князь, опасаясь истощить казну свою безполезно, отвѣтствовалъ: «возьми прежде Данцигъ и г. 1519. вступи въ Сигизмундову землю;» а Магистръ говорилъ: «не могу ничего сдѣлать безъ денегъ.» По желанію Албрехта Василій написалъ дружественныя грамоты къ Королю Французскому и Нѣмецкимъ Избирателямъ или Курфирстамъ, убѣждая ихъ вступиться за Орденъ, утѣсняемый Польшею, и совѣтовалъ Князьямъ Германіи избрать такого Императора, который могъ бы сильною рукою защитить Христіанство отъ невѣрныхъ и ревностнѣе Максимиліана покровительствовать славное Рыцарство Нѣмецкое (193). Послы Магистровы были честимы въ Москвѣ, наши въ Кенигсбергѣ: Албрехтъ самъ ходилъ къ нимъ для переговоровъ, сажалъ ихъ за обѣдомъ на свое мѣсто, не хотѣлъ слушать *поклоновъ* отъ Великаго Князя, называя себя недостойнымъ такой высокой чести; приказывалъ къ нему *поклоны до земли;* училъ Нѣмцевъ языку Русскому (194); говорилъ съ умиленіемъ о благодѣяніяхъ, ожидаемыхъ имъ отъ Россіи для Ордена знаменитаго, хотя и несчастнаго въ угнетеніи; объявилъ Государю всѣхъ своихъ тайныхъ союзниковъ, и въ числѣ ихъ Короля Датскаго, Архіепископа Майнцскаго, Кельнскаго, Герцоговъ Саксонскаго, Баварскаго, Брауншвейгскаго и другихъ; увѣрялъ, что Папа Леонъ будетъ за насъ, если Сигизмундъ отвергнетъ миръ справедливый; въ порывѣ ревности даже не совѣтовалъ Василію мириться, чтобы Литва, находясь тогда въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, не имѣла времени отдохнуть (195). Великій Князь не сомнѣвался въ усердіи Магистра, но сомнѣвался въ его силахъ; наконецъ послалъ ему серебра на 14,000 червонцевъ для содержанія тысячи наемныхъ ратниковъ (196), къ удивленію Магистра Ливонскаго, Плеттенберга, который смѣялся надъ легковѣріемъ Албрехта, говоря: «я живу въ сосѣдствѣ съ Россіянами и знаю ихъ обычай; сулятъ много, а не даютъ ничего (197). Узнавъ же, что серебро привезли изъ Москвы въ Ригу, онъ вскочилъ съ мѣста, сплеснулъ руками и сказалъ: «чудо! Богъ явно помогаетъ Великому Магистру!» Слыша, что Албрехтъ дѣйствительно вызываетъ къ себѣ 10,000 ратниковъ изъ Германіи и всѣми силами ополчается на Короля; свѣдавъ, что война уже открылась между ими (въ концѣ 1519 года), Магистръ въ войнѣ съ Польшею.

г.1519. Великій Князь еще отправилъ знатную сумму денегъ въ Пруссію ([198]), желая Ордену счастія, славы и побѣды.

Походъ нашихъ Воеводъ на Литву. Между тѣмъ Россія и сама бодро дѣйствовала оружіемъ. Московская дружина, Новогородцы и Псковитяне осаждали въ 1518 году Полоцкъ; но голодъ принудилъ ихъ отступить: не малое число Дѣтей Боярскихъ, гонимыхъ Литовскимъ Паномъ Волынцемъ, утонуло въ Двинѣ. Въ Августѣ 1519 года Воеводы наши, Князья Василій Шуйскій изъ Смоленска, Горбатый изъ Пскова, Курбскій изъ Стародуба ходили до самой Вильны и далѣе, опустошая, какъ обыкновенно, всю землю; разбили нѣсколько отрядовъ и шли прямо на большую Литовскую рать, которая стояла въ Кревѣ, но удалилась за Лоскъ, въ мѣста тѣсныя и непроходимыя ([199]). Россіяне удовольствовались добычею и плѣномъ, несмѣтнымъ, какъ говоритъ Лѣтописецъ. Другіе Воеводы Московскіе, Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною Татарскою конницею приступали къ Витебску и Полоцку, выжгли предмѣстія, взяли внѣшнія укрѣпленія, убили множество людей ([200]). Третья рать подъ начальствомъ Θеодора Царевича, крещеннаго племянника Алегамова, также громила Литву ([201]). Польза сихъ нападеній состояла единственно въ разореніи непріятельской земли: Магистръ совѣтовалъ намъ предпріять важнѣйшее: сперва завоевать Самогитію, открытую, беззащитную и богатую хлѣбомъ; а послѣ итти въ Мазовію, гдѣ онъ хотѣлъ соединиться съ Россійскимъ войскомъ, чтобы ударить на Короля въ сердцѣ его владѣній, въ самое то время, когда наемные Нѣмецкіе полки, идущіе къ Вислѣ, устремятся на него съ другой стороны ([202]).

Положеніе Сигизмундово казалось весьма бѣдственнымъ. Не только война, но и язва опустошала его Державу ([203]). Лучшее Королевское войско состояло изъ Нѣмцевъ и Богемскихъ Славянъ: они, послѣ неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадою ушли во свояси и говорили столь обидныя для Сигизмунда рѣчи, что единоземцы ихъ уже не хотѣли служить ему ([204]). Лавры славнаго Гетмана, Константина, увяли. Города Литовскіе стояли среди усѣянныхъ пепломъ степей, гдѣ скитались толпами бѣдные жители деревень, сожженныхъ Крымцами или Россіянами. Но счастіе вторично спасло Сигизмунда ([205]). Онъ не терялъ бодрости; искалъ мира, не отказываясь отъ прежнихъ требованій, и заключилъ въ Москвѣ, чрезъ Пана Лелюшевича, только перемиріе на шесть мѣсяцевъ ([206]): г.1520. дѣйствовалъ въ Тавридѣ убѣжденіями и подкупомъ; укрѣплялъ границу противъ насъ, и всѣми силами наступилъ на Магистра, слабѣйшаго, однакожь весьма опаснаго врага, который имѣлъ тайныя связи въ Нѣмецкихъ городахъ Польши, зналъ ея способы, важныя мѣстныя обстоятельства, и могъ давать гибельные для нее совѣты Великому Князю. Слабость Нѣмецкаго Ордена. Албрехтъ предводительствовалъ не тысячами, а сотнями, ожидая серебра изъ Москвы и воиновъ изъ Германіи; сражаясь мужественно, уступалъ многочисленности непріятелей и едва защитилъ Кенигсбергъ, откуда Посолъ нашъ долженъ былъ для безопасности выѣхать въ Мемель ([207]). Наемники Ордена, 13,000 Нѣмцевъ, дѣйствительно явились на берегахъ Вислы, осадили Данцигъ, но разсѣялись, не имѣя съѣстныхъ запасовъ, ни вѣстей отъ Магистра. Воеводы Королевскіе взяли Маріенвердеръ, Голландъ и заставили Албрехта просить мира ([208]).

Но главнымъ Сигизмундовымъ счастіемъ была измѣна Казанская съ ея зловредными для насъ послѣдствіями. Если Ханъ Крымскій, свѣдавъ о воцареніи Шигъ-Алея, не вдругъ съ огнемъ и мечемъ устремился на Россію: то сіе происходило отъ боязни досадить Султану, коего отмѣнная благосклонность къ Великому Князю была ему извѣстна. Злоба Магметъ-Гирея на Василія. Селимъ, гроза Азіи, Африки и Европы, г.1521. умеръ: немедленно отправился въ Константинополь Посолъ Московскій, Третьякъ Губинъ, привѣтствовать его сына, Героя Солимана, на тронѣ Оттоманскомъ ([209]), и новый Султанъ велѣлъ объявить Магметъ-Гирею, чтобы онъ никогда не смѣлъ безпокоить Россіи ([210]). Посольство къ Султану. Тщетно Ханъ старался уничтожить сію дружбу, основанную на взаимныхъ выгодахъ торговли, и внушалъ Солиману, что Великій Князь ссылается съ злодѣями Порты, даетъ Царю Персидскому огнестрѣльный снарядъ и пушечныхъ художниковъ, искореняетъ Вѣру Магометанскую въ Казани, разоряетъ мечети, ставитъ церкви Христіанскія ([211]). Мы имѣли усердныхъ доброжелателей въ Пашахъ Азовскомъ и Кафинскомъ: утверждаемый ими въ пріязни къ намъ, Султанъ не вѣрилъ клеветамъ Магметъ-Гирея, который языкомъ разбойника

г.1521. сказалъ ему наконецъ: «чѣмъ же буду сытъ и одѣтъ, если запретишь мнѣ воевать Московскаго Князя (212)?» Готовясь покорить Венгрію, Солиманъ желалъ, чтобы Крымцы опустошали земли ея союзника. Сигизмунда; но Ханъ уже возобновилъ дружбу съ Литвою. Еще называясь *братомъ* Магметъ-Гиреевымъ, Великій Князь вдругъ услышалъ о бунтѣ Казанцевъ (213). Года три Шигъ-Алей царствовалъ спокойно и тихо, ревностно исполняя обязанность нашего присяжника, угождая во всемъ Великому Князю, оказывая совершенную довѣренность къ Россіянамъ и холодность къ Вельможамъ Казанскимъ: слѣдственно не могъ быть любимъ подданными, которые только боялись, а не любили насъ, и съ неудовольствіемъ видѣли въ немъ слугу Московскаго. Самая наружность Алеева казалась имъ противною, изображая склонность къ низкимъ, чувственнымъ наслажденіямъ, несогласнымъ съ доблестію и мужествомъ: онъ имѣлъ необыкновенно толстое, отвислое брюхо, едва замѣтную бороду и лице женское (214). Его добродушіе называли слабостію: тѣмъ болѣе жаловались, когда онъ, подвигнутый усердіемъ къ Россіи, наказывалъ злыхъ совѣтниковъ, предлагавшихъ ему отступить отъ Великаго Князя по примѣру Магметъ-Аминя (215). Такое общее расположеніе умовъ въ Казани благопріятствовало проискамъ Магметъ-Гирея, который обѣщалъ ея Князьямъ полную независимость, если они возьмутъ къ себѣ въ Царя брата его Саипа и соединятся съ Тавридою для возстановленія древней славы Чингисова потомства. Успѣхъ сихъ тайныхъ сношеній открылся весною въ 1521 году: Саипъ-Гирей съ полками явился предъ стѣнами Казанскими, безъ сопротивленія вступилъ въ городъ и былъ признанъ Царемъ: Алея, Воеводу Московскаго Карпова и Посла Великокняжескаго, Василія Юрьева, взяли подъ стражу, всѣхъ нашихъ купцевъ ограбили, заключили въ темницы, однакожь не умертвили ни одного человѣка: ибо новый Царь хотѣлъ показать умѣренность; объявилъ себя покровителемъ сверженнаго Шигъ-Алея, уважая въ немъ кровь Тохтамышеву; далъ ему волю ѣхать съ своею женою въ Москву, коней и проводника; освободилъ и Воеводу Карпова (216). Немедленно оставивъ Казань, Алей встрѣтился въ степяхъ съ нашими рыболовами, которые лѣтомъ обыкновенно жили на берегахъ Волги, у Дѣвичьихъ горъ (217), и тогда бѣжали въ Россію, испуганные возмущеніемъ Казанцевъ: онъ вмѣстѣ съ ними питался запасомъ сушеной рыбы, травою, кореньями; терпѣлъ голодъ, и едва могъ достигнуть Россійскихъ предѣловъ, откуда путешествіе его до столицы было уже какъ бы торжественнымъ: вездѣ чиновники Великокняжескіе ждали Царя-изгнанника съ привѣтствіями и съ брашномъ, а народъ съ изъявленіемъ усердія и любви. Всѣ Думные Бояре выѣхали къ нему изъ Москвы на встрѣчу. Самъ Государь на лѣсницѣ дворца обнялся съ нимъ дружески. Оба плакали. «Хвала Всевышнему!» сказалъ Василій: «ты живъ: сего довольно (218).» Онъ благодарилъ Алея именемъ отечества за вѣрность; утѣшалъ, осыпалъ дарами; обѣщалъ ему и себѣ управу: но еще не успѣлъ предпріять мести, когда туча варваровъ нашла на Россію. г.1521.

Бунтъ въ Казани.

Исхитивъ Казань изъ нашихъ рукъ, Магметъ-Гирей не терялъ времени въ бездѣйствіи: хотѣлъ укрѣпить ее за своимъ братомъ и для того сильнымъ ударомъ потрясти Василіеву Державу; вооружилъ не только всѣхъ Крымцевъ, но поднялъ и Ногаевъ; соединился съ Атаманомъ Козаковъ Литовскихъ, Евстафіемъ Дашковичемъ, и двинулся такъ скоро къ Московскимъ предѣламъ, что Государь едва успѣлъ выслать рать на берега Оки, дабы удержать его стремленіе. Главнымъ Воеводою былъ юный Князь Димитрій Бѣльскій; съ нимъ находился и меньшій братъ Государевъ, Андрей: они въ безразсудной надменности не совѣтовались съ мужами опытными, или не слушались ихъ совѣтовъ; стали не тамъ, гдѣ надлежало; перепустили Хана чрезъ Оку, сразились не во-время, безъ устройства, и малодушно бѣжали. Воеводы Князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, двое Замятниныхъ, положили свои головы въ несчастной битвѣ. Князя Ѳеодора Оболенскаго-Лопату взяли въ плѣнъ. Великій Князь ужаснулся, и еще гораздо болѣе, свѣдавъ, что другой непріятель, Саипъ-Гирей Казанскій, отъ береговъ Волги также идетъ къ нашей столицѣ (219). Сіи два Царя соединились подъ Коломною, опустошая всѣ мѣста, убивая, плѣняя людей тысячами, оскверняя святыню храмовъ, злодѣйствуя, какъ бывало въ старину при Батыѣ или Тохтамышѣ. Татары сожгли монастырь Св. Николая на Угрѣшѣ и

Нашествіе Магметъ-Гирея и Казанцевъ на Россію.

г. 1521. любимое село Василїево, Островъ, а въ Воробьевѣ пили медъ изъ Великокняжескихъ погребовъ, смотря на Москву. Государь удалился въ Волокъ собирать полки, вввѣривъ оборону столицы зятю, Царевичу Петру, и Боярамъ (220). Все трепетало. Ханъ 29 Іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, стоялъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, куда стекались жители окрестностей съ ихъ семействами и драгоцѣннѣйшимъ имѣнїемъ. Улицы заперлись обозами. Пришельцы и граждане, жены, дѣти, старцы, искали спасенія въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ, давили другъ друга. Митрополитъ Варлаамъ (преемникъ Симоновъ) усердно молился съ народомъ: Градоначальники распорядили защиту, всего болѣе надѣясь на искусство Нѣмецкаго пушкаря, Никласа. Снарядъ огнестрѣльный могъ дѣйствительно спасти крѣпость; но былъ недостатокъ въ порохѣ. Открылось и другое бѣдствіе: ужасная тѣснота въ Кремлѣ грозила неминуемою заразою. Предвидя худыя слѣдствія, слабые начальники вздумали — такъ повѣствуетъ одинъ чужеземный, современный Историкъ (221) — обезоружить Хана Магметъ-Гирея богатыми дарами: отправили къ нему Посольство и бочки съ крѣпкимъ медомъ. Опасаясь и нашего войска и неприступныхъ для него Московскихъ укрѣпленій, Ханъ согласился не тревожить столицы и мирно итти во-свояси, если Великій Князь, по уставу древнихъ временъ, обяжется грамотою платить ему дань. Едва ли самъ варваръ Магметъ-Гирей считалъ такое обязательство дѣйствительнымъ: вѣроятнѣе что онъ хотѣлъ единственно унизить Василія и засвидѣтельствовать свою побѣду столь обиднымъ для Россіи договоромъ. Вѣроятно и то, что Бояре Московскіе не дерзнули бы дать сей грамоты безъ вѣдома Государева: Василій же, какъ видно, боялся временнаго стыда менѣе, нежели бѣдствія Москвы, и предпочелъ ея мирное избавленіе славнымъ опасностямъ кровопролитной, не вѣрной битвы. Написали хартію, скрѣпили Великокняжескою печатью, вручили Хану, который немедленно отступилъ къ Рязани, гдѣ станъ его имѣлъ видъ Азіатскаго торжища: разбойники сдѣлались купцами, звали къ себѣ жителей, увѣряли ихъ въ безопасности, продавали имъ свою добычу и плѣнниковъ, изъ коихъ многіе даже безъ выкупа уходили въ городъ. Сіе было хитростію. г. 1521. Атаманъ Литовскій, Евстафій Дашковичь, совѣтовалъ Магметъ-Гирею обманомъ взять крѣпость: къ счастію, въ ней бодрствовалъ Окольничій, Хабаръ Симскій, сынъ Іоаннова Воеводы, Василія Образца, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго Новагорода (222). Ханъ, желая усыпить его, послалъ къ нему Московскую грамоту, въ удостовѣреніе, что война кончилась, и что Великій Князь призналъ себя данникомъ Крыма; а между тѣмъ непріятельскія толпы шли къ крѣпости, будто бы для отысканія своихъ бѣглецовъ. Симскій, исполняя уставъ чести, выдалъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ городѣ, и заплатилъ 100 рублей за освобожденіе Князя Ѳеодора Оболенскаго; но число Литовцевъ и Татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами, до самаго того времени, какъ Рязанскій искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положилъ ихъ множество на мѣстѣ: остальные въ ужасѣ разсѣялись. Коварный Ханъ притворился изумленнымъ: жаловался на сіе непріятельское дѣйствіе; требовалъ головы Іордановой, стращалъ местію, но спѣшилъ удалиться, ибо свѣдалъ о впаденіи Астраханцевъ въ его собственные предѣлы (223). Торжество Симскаго было совершенно: онъ спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую: постыдная хартія Московская осталась въ его рукахъ. Ему дали послѣ санъ Боярина. и — что еще важнѣе — внесли описаніе столь знаменитой услуги въ Книги Розрядныя и въ Родословныя на память вѣкамъ (224).

Хабаръ Симскій спасаетъ Рязань и честь Великаго Князя.

Сіе нашествіе варваровъ было самымъ несчастнѣйшимъ случаемъ Василіева государствованія. Предавъ огню селенія, отъ Нижняго Новагорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки, они плѣнили несмѣтное число жителей (225), многихъ знатныхъ женъ и дѣвицъ, бросая грудныхъ младенцевъ на землю; продавали невольниковъ толпами въ Кафѣ, въ Астрахани; слабыхъ, престарѣлыхъ морили голодомъ: дѣти Крымцевъ учились надъ ними искусству язвить, убивать людей. Одна Москва славила свое, по мнѣнію народа, сверхъ-естественное спасеніе: разсказывали о явленіяхъ и чудесахъ (226); уставили особенный крестный ходъ въ монастырь Срѣтенія, гдѣ мы донынѣ три раза въ годъ благодаримъ Небо за избавленіе сей древней

г. 1521. столицы отъ Тамерланова, Ахматова и Магметъ-Гиреева нападенія (227). Великій Князь, возвратясь, изъявилъ признательность Нѣмецкимъ чиновникамъ огнестрѣльнаго снаряда, Никласу и Іордану (228); но велѣлъ судить Воеводъ, которые пустили Хана въ сердце Россіи.

Судъ Воеводъ. Всѣ упрекали Бѣльскаго безразсудностію и малодушіемъ: а Бѣльскій слагалъ вину на брата Государева, Андрея, который, первый показавъ тылъ непріятелю, увлекъ другихъ за собою. Василій, щадя брата, наказалъ только одного Воеводу, Князя Ивана Воротынскаго, мужа весьма опытнаго въ ратномъ дѣлѣ и дотолѣ всегда храбраго. Вина его, кажется, состояла въ томъ, что онъ, будучи оскорбленъ надменностію Бѣльскаго, съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ ошибки сего юнаго Полководца, жертвовалъ самолюбію отечествомъ и не сдѣлалъ всего возможнаго для блага Россіи: преступленіе важное и тѣмъ менѣе извинительное, чѣмъ труднѣе уличить виновнаго! Лишенный своего помѣстья и сана, Князь Воротынскій долгое время сидѣлъ въ заключеніи: былъ послѣ освобожденъ, ѣздилъ ко Двору, но не могъ выѣхать изъ столицы (229).

Скоро пришло въ Москву извѣстіе о новомъ грозномъ для насъ замыслѣ Хана: онъ велѣлъ объявить на трехъ торгахъ, въ Перекопи, въ Крымѣ, въ Кафѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы его Уланы, Мурзы, воины не слагали съ себя оружія, не разсѣдлывали коней и готовились вторично итти на Россію (230). Татары не любили воевать въ зимнее время, безъ подножнаго корма: весною полки наши заняли берега Оки, куда прибылъ и самъ Великій Князь. Никог-

г. 1522. Станъ подъ Коломною. да Россія не имѣла лучшей конницы и столь многочисленной пѣхоты. Главный станъ, близъ Коломны, уподоблялся обширной крѣпости, подъ защитою огнестрѣльнаго снаряда, котораго мы прежде не употребляли въ полѣ (231). Сказываютъ, что Государь, любуясь прекраснымъ войскомъ и станомъ, послалъ вѣстника къ Магметъ-Гирею съ такими словами: «Вѣроломно нарушивъ миръ и союзъ, ты въ видѣ разбойника, душегубца, зажигальщика, напалъ нечаянно на мою землю. Имѣешь ли бодрость воинскую? иди теперь: предлагаю тебѣ честную битву въ полѣ.» Ханъ отвѣтствовалъ, что ему извѣстны пути въ Россію и время удобное для войны; что онъ не спрашиваетъ у непріятелей, гдѣ и когда сражаться (232). Лѣто проходило: Магметъ-Гирей не являлся. Въ Августѣ Государь возвратился въ Москву, г. 1522.
гдѣ Солимановъ Посолъ, Князь Мангупскій, Скиндеръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ ждалъ его, пріѣхавъ изъ Константинополя вмѣстѣ съ Третьякомъ-Губинымъ (233). Посолъ Солимановъ.

Послу оказали великую честь: Государь всталъ съ мѣста, чтобы спросить у него о здравіи Султана; далъ ему руку и велѣлъ сѣсть *подлѣ себя* (234). Не льзя было писать ласковѣе, какъ Солиманъ писалъ къ Василію, своему *вѣрному пріятелю* и *доброму сосѣду*, увѣряя, что желаетъ быть съ нимъ *въ крѣпкой дружбѣ* и *въ братствѣ;* но Скиндеръ говорилъ единственно о дѣлахъ торговыхъ, и купивъ нѣсколько драгоцѣнныхъ мѣховъ, уѣхалъ (235). — Не теряя надежды пріобрѣсти дѣятельный союзъ Оттоманской Имперіи, Василій еще посылалъ въ Константинополь ближняго Дворянина, Ивана Морозова, съ дружественными грамотами; однакожь не велѣлъ ему объявлять условій, на коихъ мы желали заключить письменный договоръ съ Портою: ибо Великому Князю, по обыкновенной гордости новаго Россійскаго Двора, хотѣлось, чтобы Султанъ прислалъ для того собственнаго Вельможу въ Москву (236). Сей опытъ былъ послѣднимъ съ нашей стороны: Солиманъ довольствовался учтивостями, не думая, кажется, чтобы Россія могла искренно содѣйствовать Оттоманамъ въ покореніи Христіанскихъ Державъ, и еще менѣе думая быть орудіемъ нашей особенной Политики; стѣсняя Венгрію, завоевавъ Родосъ, готовясь устремиться на Мальту, онъ требовалъ отъ насъ мира, товаровъ, и ничего болѣе.

Если бы Сигизмундъ въ одно время съ Магметъ-Гиреемъ и съ Казанскимъ Царемъ напалъ на Россію, то Великій Князь увидѣлъ бы себя въ крайности, и поздно бы узналъ, сколь судьба Государствъ бываетъ непостоянна, вопреки хитрымъ соображеніямъ ума человѣческаго. Но, къ счастію нашему, Король не имѣлъ сильнаго войска, боялся ужаснаго Солимана, зналъ вѣроломство Хана Крымскаго, и радуясь претерпѣнному нами отъ него бѣдствію, надѣялся только, что оно склонитъ Василія къ миролюбію. Государь въ самомъ дѣлѣ желалъ прекратить войну съ Литвою для скорѣйшаго обузданія Тавриды и Казани. Пользуясь обстоятельствами, Сигиз-

г. 1522. мундъ хотѣлъ договариваться о мирѣ не въ Москвѣ, какъ обыкновенно бывало, а въ Вильнѣ или въ Краковѣ: Великій Князь отвергнулъ сіе предложеніе, и знатный Королевскій чиновникъ, Петръ Станиславовичь, съ Секретаремъ Иваномъ Горностаемъ, пріѣхали въ Москву, когда еще Воеводы наши стояли у Коломны, готовые итти на Татаръ или на Литву ([237]). Не могли согласиться въ условіяхъ вѣчнаго мира: долго спорили о перемиріи; наконецъ заключили его на пять лѣтъ отъ 25 Декабря 1522 года. Смоленскъ остался нашимъ; границею служили Днѣпръ, Ивака и Меря ([238]). Уставили вольность торговли; поручили Намѣстникамъ Украинскимъ рѣшить тяжбы между жителями обоихъ Государствъ: но плѣнникамъ не дали свободы, къ прискорбію Василія, который долженъ былъ отказаться отъ сего требованія. Окольничій Морозовъ и Дворецкій Бутурлинъ ѣздили въ Краковъ съ перемирною грамотою. Литовскій Историкъ съ удивленіемъ говоритъ о пышности сихъ Вельможъ, сказывая, что подъ ними было пять сотъ коней ([239]). Два раза Сигизмундъ звалъ ихъ обѣдать, и два раза они уходили изъ дворца, чтобы не сидѣть за столомъ вмѣстѣ съ Папскими, Цесарскими и Венгерскими Повѣренными въ дѣлахъ: ибо сіе казалось для нихъ несовмѣстнымъ съ честію Великокняжескаго Посольства. Король утвердилъ грамоту присягою, облегчивъ судьбу нашихъ плѣнниковъ.

Посольство Литовское и перемиріе.

Такъ кончилась сія десятилѣтняя война Литовская, славная для Сигизмунда громкою побѣдою Оршинскою, а для насъ полезная важнымъ пріобрѣтеніемъ Смоленска, для обоихъ же Государствъ равно опустошительная, если отнесемъ къ ней гибельное нашествіе Магметъ-Гиреево. Достопамятнымъ слѣдствіемъ ея было уничтоженіе Нѣмецкаго Ордена, къ прискорбію Василія, который лишился въ немъ хотя и слабаго, но ревностнаго союзника. Уступивъ силѣ, жалуясь на скупость Великаго Князя, можетъ быть невольную по нашимъ умѣреннымъ доходамъ, и на худое усердіе своего народа, Магистръ искалъ мира и пожертвовалъ ему бытіемъ Рыцарства, славнаго въ лѣтописяхъ. Сигизмундъ призналъ Албрехта наслѣдственнымъ Владѣтелемъ Орденскихъ городовъ, съ условіемъ, чтобы они вѣчно завѣсили отъ Государей Польскихъ, и далъ Пруссіи гербъ Чернаго Орла, съ изображеніемъ буквы S, начальной Сигизмундова имени ([240]). Хотя съ перемѣною обстоятельствъ сіе знаменитое Палестинское братство отжило вѣкъ свой и казалось уже несоотвѣтственнымъ новому государственному порядку въ Европѣ: однакожь гибель учрежденія столь памятнаго своею великодушною цѣлію, законами суровой добродѣтели и геройствомъ первыхъ основателей, произвела всеобщее сожалѣніе. — Орденъ Ливонскій, бывъ около трехъ вѣковъ сопряженъ съ Нѣмецкимъ, остался въ печальномъ уединеніи, среди грозныхъ опасностей и между двумя сильными Державами, Россіею и Польшею, въ ненадежной, но въ полной свободѣ, какъ старецъ при двеляхъ гроба. Ливонскіе Рыцари давали Великому Магистру Нѣмецкому деньги и людей для войны: за что онъ торжественно объявилъ ихъ независимыми навѣки ([241]). Судьба также готовила имъ конецъ; но Плеттенбергъ еще жилъ, и какъ бы въ награду за свое великодушіе долженствовалъ спокойно умереть Главою свободнаго братства. Въ 1521 году онъ возобновилъ мирный договоръ съ Россіею на десять лѣтъ ([242]).

г. 1522. Конецъ Нѣмецкаго Ордена въ Пруссіи.

Новое перемиріе съ Ливонскимъ Орденомъ.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЕВА.

Г. 1521—1534.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Заключеніе К. Шемякина. Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Злодѣйства въ Казани. Бѣдствіе Крыма. Ханъ Сайдетъ-Гирей. Походы на Казань. Постриженіе Великой Княгини. Новый бракъ Великаго Князя. Сношенія съ Римомъ, съ Императоромъ Карломъ V. Перемиріе съ Литвою. Дружество съ Густавомъ Вазою. Посольства Солимановы. Набѣгъ Крымцевъ. Рать на Казань. Новый Царь въ Казани. Заточеніе Шигъ-Алея. Рожденіе Царя Іоанна Васильевича. Посольства Астраханскія, Молдавскія, Ногайское, Индѣйское. Набѣгъ Крымцевъ. Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Характеръ Василіевъ. Строгость и милость. Дѣло Максима Грека. Жалобы на Великаго Князя. Образъ жизни Василія, охота, Дворъ, обѣды, титулъ. Иноземцы въ Москвѣ. Законы. Строенія. Церковныя дѣянія. Разныя бѣдствія. Великіе современники Василіевы. Расколъ Лютеровъ.

Г. 1517—1523. Распространивъ Литовскою войною предѣлы Государства; Василій въ то же время довершилъ великое дѣло Единовластія внутри онаго. Еще Рязань была особеннымъ Княженіемъ, хотя треть городовъ ея, часть умершаго Князя Ѳеодора, принадлежала къ Московскому и Василій уже именовался *Рязанскимъ* ([243]). Еще Князья Сѣверскій и Стародубскій или Черниговскіи, называясь слугами Государя Россійскаго, имѣли права Владѣтелей. Василій, исполнитель Іоанновыхъ намѣреній, ждалъ только справедливаго повода къ необходимому уничтоженію сихъ остатковъ Удѣльной Системы.

Присоединеніе Рязани къ Москвѣ. Вдова, Княгиня Агриппина, нѣсколько лѣтъ господствовала въ Рязани именемъ своего малолѣтнаго сына, Іоанна ([244]): Василій оставлялъ въ покоѣ слабую жену и младенца, ибо первая во всемъ повиновалась ему какъ верховному Государю; но сынъ ея, достигнувъ юношескаго возраста, захотѣлъ вдругъ свергнуть съ себя опеку и матери и Великаго Князя Московскаго: то есть, властвовать независимо, какъ его предки, старѣйшіе въ родѣ Ярослава I ([245]). Пишутъ, что онъ торжественно объявилъ сіе Василію, вступилъ въ тѣсную связь съ Ханомъ Крымскимъ и мыслилъ жениться на дочери Магметъ-Гиреевой ([246]). Государь велѣлъ ему быть къ себѣ въ Москву: Князь Іоаннъ долго не ѣхалъ; наконецъ, обманутый совѣтомъ знатнѣйшаго Боярина своего, Симеона Крубина, явился предъ Василіемъ, который, уличивъ его въ неблагодарности, въ измѣнѣ, въ дружбѣ съ злодѣями Россіи, отдалъ подъ стражу, взялъ всю Рязань, а вдовствующую Княгиню Агриппину сослалъ въ монастырь. Сіе случилось въ 1517 году ([247]). Когда Магметъ-Гирей шелъ къ Москвѣ, Князь Іоаннъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, бѣжалъ оттуда въ Литву, гдѣ и кончилъ жизнь въ неизвѣстности ([248]). — Такимъ образомъ, около четырехъ столѣтій бывъ отдѣльнымъ, независимымъ Княженіемъ ([249]), Рязань въ слѣдъ за Муромомъ и за Черниговымъ присоединилась къ сѣвернымъ владѣніямъ Мономахова потомства, которыя составили Россійское Единодержавіе. Она считалась тогда лучшею и богатѣйшею изъ всѣхъ областей Государства Московскаго, будучи путемъ нашей важной торговли съ Азовомъ и Каффою, изобилуя медомъ, птицами, звѣрями, рыбою, особенно хлѣбомъ, такъ, что нивы ея по выраженію Писателей XVI вѣка, казались густымъ лѣсомъ. Жители славились воинскимъ духомъ; ихъ упрекали высокоуміемъ и суровостію. Чтобы мирно господствовать надъ ними, Великій Князь многихъ перевелъ въ другія области ([250]).

Князь Василій Шемякинъ Сѣверскій отличался доблестію воинскою, былъ ужасомъ Крыма, ненавистникомъ Литвы и вѣрнымъ стражемъ южной Россіи: за что Великій Князь оказывалъ ему милость и далъ городъ Путивль ([251]); но опасался и не любилъ его, во первыхъ помня ужасный характеръ дѣда Василіева, Димитрія, а во вторыхъ зная безпокойный духъ внука, смѣлаго, надменнаго своими достоинствами: для того неусыпно наблюдалъ за нимъ и съ тайнымъ удовольствіемъ видѣлъ непримиримую, взаимную злобу Князей Сѣверскихъ, Шемякина и Василія Симеоновича Стародубскаго, женатаго на сво- Заключеніе К. Шемякина.

г. 1517 —1523. ячинѣ Государевой. Послѣдній доносилъ, что первый ссылается съ Королемъ Сигизмундомъ и мыслитъ измѣнить Россіи; а Шемякинъ требовалъ суда и писалъ къ Великому Князю: «Прикажи мнѣ, *холопу* твоему, быть въ Москвѣ, да оправдаюсь изустно, и да умолкнетъ навѣки клеветникъ мой. Еще отецъ его, Симеонъ, злословилъ меня: сынъ хвалится безстыдствомъ и говоритъ: *уморю Шемякина, или самъ заслужу гнѣвъ Государевъ*. Изслѣдуй дѣло: если я виновенъ, то голова моя предъ Богомъ и предъ тобою» (252). Въ Августѣ 1517 года онъ пріѣхалъ въ Москву; на другой день, въ праздникъ Успенія, обѣдалъ съ Государемъ у Митрополита, совершенно оправдался и хотѣлъ, чтобы ему выдали лживыхъ доносителей. Ихъ было двое: одинъ слуга Князя Пронскаго, другой Стародубскаго, которые будто бы въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Литвѣ узнали о мнимой измѣнѣ Шемякина. Государь велѣлъ выдать перваго доносителя: втораго же объявилъ невиннымъ. Шемякинъ съ честію и съ новымъ жалованьемъ возвратился въ область Сѣверскую, гдѣ властвовалъ спокойно еще пять лѣтъ, переживъ своего злодѣя, Стародубскаго (253). Но въ 1523 году возобновились подозрѣнія: письменно обнадеженный Государемъ и Митрополитомъ въ личной безопасности, Шемякинъ вторично явился на судъ въ столицу, былъ обласканъ, а чрезъ нѣсколько дней заключенъ въ темницу, какъ уличенный въ тайной связи и перепискѣ съ Литвою. Сомнѣвались въ истинѣ сего обвиненія; разсказывали, что одинъ умный шутъ въ Москвѣ ходилъ тогда изъ улицы въ улицу съ метлою и кричалъ: *время очистить Государство отъ послѣдняго сора*, то есть, избавить оное отъ послѣдняго Князя Удѣльнаго (254). Народъ смѣялся, разгадывая остроумную притчу. Другіе осуждали Государя и въ особенности Митрополита, который обманулъ Шемякина своимъ ручательствомъ (255). Не за-долго до сего времени Варлаамъ, благочестивый, твердый и не льстецъ Великому Князю ни въ какихъ случаяхъ противныхъ совѣсти, долженъ былъ оставить Митрополію: на мѣсто его избрали Даніила, Игумена Іосифовскаго, молодаго, тритцатилѣтняго человѣка, свѣжаго, румянаго лицемъ, тучнаго тѣломъ и тонкаго умомъ (256). Думая о политическихъ выгодахъ болѣе, нежели о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, Даніилъ оправдывалъ заключеніе Шемякина и говорилъ, что Богъ избавилъ Великаго Князя отъ внутренняго, домашняго врага (257). Не такъ мыслилъ Игуменъ Троицкій, Порфирій, мужъ воспитанный въ пустынѣ и въ простыхъ обычаяхъ: онъ торжественно и смѣло ходатайствовалъ за *гонимаго* Князя, беззаконно отягченнаго цѣпями; прогнѣвалъ Государя, и сложивъ съ себя одежду Игуменскую, удалился въ лѣсную пустыню на Бѣлоозеро (258). — Шемякинъ умеръ въ темницѣ. Отъ супруги его, привезенной въ Москву, отлучили всѣхъ Боярынь, которыя составляли ея пышный Дворъ(259).— Симъ навсегда пресѣклись Удѣлы въ Россіи, хотя не безъ насилія, не безъ личныхъ жертвъ и несправедливостей, но безъ народнаго кровопролитія. Въ самыхъ благихъ, общеполезныхъ дѣяніяхъ государственныхъ видимъ примѣсь страстей человѣческихъ, какъ бы для того, чтобы Исторія не представляла намъ идоловъ, будучи Исторіею людей или несовершенства.

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ. Вмѣсто того, чтобы наказать Магметъ-Гирея за опустошеніе Россіи, Великій Князь желалъ какъ можно скорѣе съ нимъ примириться. Походъ на Тавриду казался опаснымъ и безполезнымъ: даль, степи, пустыни изнурили бы войско, и самый счастливый успѣхъ доставилъ бы намъ только скудную добычу: въ слѣдующее лѣто Крымцы могли бы снова явиться въ нашихъ предѣлахъ. Политика Великокняжеская ограничивалась Литвою: тамъ видѣли мы прочныя, естественныя, языкомъ и Вѣрою утверждаемыя пріобрѣтенія, нужныя для могущества Россіи; все другое относилось единственно къ сей цѣли. Посолъ Васильевъ, Наумовъ, еще оставался въ Тавридѣ и предлагалъ Хану миръ; а Магметъ-Гирей, готовя месть Астрахани, также хотѣлъ возобновить дружбу съ нами и прислалъ своихъ Пословъ въ Москву: самъ же выступилъ со многочисленнымъ войскомъ къ устью Волги.

Ханъ Крымскій взялъ Астрахань. Въ Астрахани господствовалъ тогда Усеинъ, сынъ умершаго Царя Ченибека (260): онъ искалъ покровительства Россіи, но не успѣлъ защитить себя отъ нашествія Магметъ-Гирея, который вмѣстѣ съ Ногайскимъ Княземъ Мамаемъ осадилъ Астрахань, изгналъ Усеина, и завоевавъ сей важный торговый

г. 1517—1523. городъ, исполнилъ такимъ образомъ свое давнишнее властолюбивое намѣреніе совокупить три Батыева Царства — Казань, Астрахань и Тавриду — въ единую Державу, которая могла бы и далѣе расшириться на Востокъ покореніемъ Ногаевъ, Шибанскихъ или Тюменскихъ и Хивинскихъ Моголовъ, примкнуть отъ моря Каспійскаго къ Персіи, къ Сибири и новыми тучами варваровъ угрожать образованному Западу. Василій предвидѣлъ сію опасность: для того, стараясь удержать Казань въ зависимости отъ Россіи, не хотѣлъ помогать Магметъ-Гирею на Астрахань, и договариваясь съ нимъ о мирѣ, заключилъ тѣсный союзъ съ ея Царемъ, коего Послы свѣдали въ Москвѣ о бѣдствіи ихъ отечества. Но безпокойство Великаго Князя было непродолжительно: варваръ можетъ имѣть властолюбіе, смѣлость и счастіе; только не умѣетъ пользоваться успѣхами: легко пріобрѣтая, легко и теряетъ. Магметъ-Гиреево величіе исчезло какъ сновидѣніе.

г. 1523. Злодѣйства въ Казани. Услышавъ о завоеваніи Астрахани, Саипъ-Гирей, Царь Казанскій, вздумалъ праздновать оное кровопролитіемъ: уже не боясь Россіи, и въ безумной гордости считая всякую дальнѣйшую умѣренность малодушіемъ, онъ велѣлъ умертвить всѣхъ Московскихъ купцевъ и Посла Государева, Василья Юрьева (261). Вѣсть о семъ ужасномъ злодѣйствѣ достигла Москвы въ одно время съ другою, весьма для насъ благопріятною: о внезапной Бѣдствія Крыма. гибели Магметъ-Гирея и бѣдствіяхъ Тавриды. Между тѣмъ, какъ онъ, торжествуя побѣду, веселился и пировалъ въ богатой Астрахани, сподвижникъ его, Князь Ногайскій, Мамай готовилъ ему сѣть, по внушеніямъ брата своего Агиша. «Что ты дѣлаешь?» говорилъ Агишъ: «служишь орудіемъ сильному, властолюбивому сосѣду, который мыслитъ поработить всѣхъ насъ, одного за другимъ. Опомнись, или будетъ поздно. Мамай согласился съ братомъ, условился въ мѣрахъ, и началъ доказывать Хану, что ихъ войско слабѣетъ духомъ и тѣломъ въ городѣ; что надобно стоять въ полѣ, гдѣ Татаринъ дышетъ свободно и пылаетъ мужествомъ. Магметъ-Гирей, принявъ совѣтъ, вышелъ изъ города; но въ станѣ велъ роскошную, безпечную жизнь, не воображая никакихъ опасностей: воины ходили безъ оружія. Вдругъ Агишъ и Мамай съ толпами Ногайскими окружаютъ Царскій шатеръ, въ коемъ Магметъ-Гирей спокойно обѣдалъ съ юнымъ сыномъ Богатырь-Солтаномъ: убиваютъ ихъ и многихъ Вельможъ; нападаютъ на станъ, рѣжутъ изумленныхъ Крымцевъ, гонятъ бѣгущихъ, топятъ въ Дону (262). г. 1523. Только двое изъ сыновей Ханскихъ, Казы-Гирей и Бибей, съ пятидесятью Князьями прибѣжали въ Тавриду: въ слѣдъ за ними вринулись и Ногаи въ ея беззащитные Улусы, захватили стада, выжгли селенія, плавали въ крови женъ и младенцевъ, которые укрывались въ лѣсахъ или въ ущелинахъ горъ. Вельможи Крымскіе собрали наконецъ тысячь двѣнадцать воиновъ и сразились съ Ногаями; но разбитые на голову, едва спаслися бѣгствомъ въ Перекопь, охраняемую Султанскими Янычарами. Въ тоже время Атаманъ Днѣпровскихъ Козаковъ, Евстафій Дашковичь, бывъ дотолѣ союзникомъ Крымскимъ, сжегъ укрѣпленія Очакова, и все истребилъ, что могъ, въ Тавридѣ.

Московскій Бояринъ Колычовъ, посланный еще къ Магметъ-Гирею, находясь въ Перекопи, былъ свидѣтелемъ сихъ происшествій. Когда Ногаи и Дашковичь удалились, сынъ Ханскій, Казы-Гирей, назвалъ себя Царемъ Тавриды; но долженъ былъ уступить престолъ дядѣ, Сайдетъ-Гирею, который съ Султанскимъ указомъ и съ Янычарами пріѣхавъ изъ Константинополя, удавилъ племянника въ Кафѣ, торжественно воцарился и спѣшилъ предложить Василію свою дружбу, хваляся могуществомъ и величіемъ. Ханъ Сайдетъ-Гирей. «Отецъ твой» — писалъ онъ къ Государю — «безопасно стоялъ за хребтомъ моего отца, и его саблею сѣкъ головы непріятелямъ. Да будетъ любовь и между нами. Имѣю рать сильную: Великій Султанъ мнѣ покровитель, Царь Астраханскій Усеинъ другъ, Казанскій Саипъ-Гирей братъ, Ногаи, Черкасы и Тюмень подданные, Король Сигизмундъ холопъ, Волохи *путники* мои и стадники. Исполняя волю Султанову, хочу жить съ тобою въ тѣсномъ братствѣ. Не тревожь моего единокровнаго въ Казани. Минувшее забудемъ. Литвѣ не дадимъ покоя,» и проч. Новый Ханъ требовалъ отъ Василія шестидесяти тысячь алтынъ, увѣряя, что истинные братья никогда не отказываютъ другъ другу въ такихъ бездѣлицахъ. Хотя въ Москвѣ знали, что Крымъ находится въ самомъ ужасномъ опустошеніи; что Сайдетъ-Гирей не могъ тогда имѣть ни

г.1523 двѣнадцать тысячь исправныхъ воиновъ: однакожь Великій Князь старался воспользоваться добрымъ расположеніемъ Хана и заключить съ нимъ союзъ, чтобы по крайней мѣрѣ не опасаться набѣговъ Крымскихъ; только не далъ ему денегъ, и въ разсужденіи Царя Казанскаго отвѣтствовалъ: «Государи воюютъ, но Пословъ и купцевъ не убиваютъ: нѣтъ и не будетъ мира съ злодѣемъ» (263).

Походы на Казань. Между тѣмъ, какъ шли переговоры съ Тавридою объ условіяхъ союза, войско наше дѣйствовало противъ Казани. Самъ Государь ѣздилъ въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Царя Шигъ-Алея и Князя Василія Шуйскаго съ судовою, а Князя Бориса Горбатаго съ конною ратію. Они не только воевали непріятельскую землю, убивая, плѣняя людей на берегахъ Волги, но сдѣлали и нѣчто важнѣйшее: основали городъ при устьѣ Суры, назвавъ его именемъ Василія, и стѣснивъ предѣлы Казанскаго Царства, сею твердынею защитили Россію: валъ, острогъ и деревянныя стѣны были достаточны для приведенія варваровъ въ ужасъ. Алей и Шуйскій возвратились осенью. Не трудно было предвидѣть, что Россіяне возобновятъ нападеніе въ благопріятнѣйшее время: Саипъ-Гирей искалъ опоры, и рѣшился объявить себя подданнымъ Великаго Солимана, съ условіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ мести Василіевой. Могъ ли дѣйствительно Глава Мусульмановъ не вступиться въ такомъ случаѣ за единовѣрнаго? Однакожь сіе заступленіе, весьма легкое и какъ бы мимоходомъ, оказалось безполезнымъ: Князь Манкупскій, Скиндеръ, находясь тогда въ Москвѣ единственно по дѣламъ купеческимъ, именемъ Султана объявилъ нашимъ Боярамъ, что Казань есть Турецкая область; но удовольствовался отвѣтомъ, что Казань была, есть и будетъ подвластна Россійскому Государю; что Саипъ-Гирей мятежникъ и не имѣетъ права дарить ею Султана (264).

г.1524. Весною полки гораздо многочисленнѣйшіе выступили къ Казани, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ завоевать оную. Въ судовой рати главными начальниками были Шигъ-Алей, Князья Иванъ Бѣльскій и Горбатый, Захарьинъ, Симеонъ Курбскій, Иванъ Лятцкій; а въ конной Бояринъ Хабаръ Симскій. Число воиновъ, какъ увѣряютъ, простиралось до 150 тысячь (265). Слухъ о семъ необыкновенномъ ополченіи столь устрашилъ Саипъ-Гирея, что онъ немедленно бѣжалъ въ Тавриду, оставивъ въ Казани юнаго, тринадцати-лѣтняго племянника, Сафа-Гирея, внука Менгли-Гиреева (266), и сказавъ жителямъ, что ѣдетъ искать помощи Султановой, которая одна можетъ спасти ихъ. Гнушаясь его малодушіемъ, ненавидя и боясь Россіянъ, они назвали Сафа-Гирея Царемъ, клялися умереть за него и приготовились къ оборонѣ, вмѣстѣ съ Черемисами и Чувашами. 7 Іюля судовая рать Московская явилась предъ Гостинымъ островомъ, выше Казани; войско расположилось на берегу, и 20 дней провело въ бездѣйствіи, ожидая Хабаря Симскаго съ конницею. Непріятель также стоялъ въ полѣ; тревожилъ Россіянъ частыми, маловажными нападеніями; изъявлялъ смѣлость. Презирая отрока Сафа-Гирея, Алей писалъ къ нему, чтобы онъ мирно удалился въ свое отечество и не былъ виновникомъ кровопролитія. Сафа-Гирей отвѣтствовалъ: «чья побѣда, того и царство: сразимся.» Въ сіе время загорѣлась Казанская деревянная крѣпость (267): Воеводы Московскіе не двинулись съ мѣста, дали жителямъ спокойно гасить огонь и строить новую стѣну; 28 Іюля перенесли станъ на луговую сторону Волги, къ берегамъ Казанки, и опять ничего не дѣлали; а непріятель жегъ нивы въ окрестностяхъ, и занявъ всѣ дороги, наблюдалъ, чтобы мы не имѣли никакихъ подвозовъ. Истративъ свои запасы, войско уже терпѣло недостатокъ — и вдругъ разнесся слухъ, что конница наша совершенно истреблена непріятелемъ. Ужасъ объялъ Воеводъ. Не знали, что предпринять: боялись итти назадъ и медленно плыть Волгою вверхъ; думали спуститься ниже устья Камы, бросить суда и возвратиться сухимъ путемъ чрезъ отдаленную Вятку. Оказалось, что дикіе Черемисы разбили только одинъ конный отрядъ Московскій; что мужественный Хабаръ въ двадцати верстахъ отъ Казани, на берегу Свіяги, одержалъ славную побѣду надъ ними, Чувашами и Казанцами, хотѣвшими не допустить его до соединенія съ Алеемъ; множество взялъ въ плѣнъ, утопилъ въ рѣкѣ, и съ трофеями прибылъ въ станъ главной рати (268).

Не столь счастливъ былъ Князь Иванъ Палецкій, который изъ Нижняго Новагорода шелъ на судахъ къ Казани съ

г.1524. хлѣбомъ и съ тяжелымъ снарядомъ огнестрѣльнымъ. Тамъ, гдѣ Волга, усѣянная островами, стѣсняется между ими Черемисы запрудили рѣку каменьемъ и деревьями. Сія преграда изумила Россіянъ. Суда, увлекаемыя стремленіемъ воды, разбивались одно объ другое или объ камни, а съ высокаго берега сыпались на нихъ стрѣлы и катились бревна, пускаемыя Черемисами. Погибло нѣсколько тысячь людей, убитыхъ или утонувшихъ (269); и Князь Палецкій, оставивъ въ рѣкѣ большую часть военныхъ снарядовъ, съ немногими судами достигъ нашего стана. Сіе бѣдствіе, какъ думаютъ, произвело извѣстную старинную пословицу: *въ одну сторону Черемиса, а съ другой берегися* (270). «Волга» — пишетъ Казанскій Историкъ — «сдѣлалась тогда для варваровъ златоструйнымъ Тигромъ: кромѣ пушекъ и ядеръ, они пудами вынимали изъ ея глубины серебро и драгоцѣнное оружіе Москвитянъ.»

Августа 15. Хотя Россіяне обступили наконецъ крѣпость и могли бы взять ее, тѣмъ вѣроятнѣе, что въ самый первый день осады убивъ лучшаго непріятельскаго пушкаря, видѣли замѣшательство Казанцевъ и худое дѣйствіе ихъ огнестрѣльнаго снаряда; хотя Нѣмецкіе и Литовскіе воины, наемники Государевы требовали приступа: но Воеводы, опасаясь неудачи и голода, предпочли миръ: ибо Казанцы, устрашенные побѣдою Симскаго, выслали къ нимъ дары, обѣщаясь немедленно отправить Посольство къ Великому Князю, умилостивить его, загладить свою вину. Малодушные или, по мнѣнію нѣкоторыхъ, ослѣпленные золотомъ начальники прекратили войну, сняли осаду и вышли изъ земли Казанской безъ славы и съ болѣзнію, отъ коей умерло множество людей, такъ, что едва ли половина рати осталась въ живыхъ. Главный Воевода, Князь Иванъ Бѣльскій, лишился милости Государевой; но Митрополитъ исходатайствовалъ ему прощеніе (271).

Послы Казанскіе дѣйствительно пріѣхали къ Государю; молили его, чтобы онъ утвердилъ Сафа-Гирея въ достоинствѣ Царя, и въ такомъ случаѣ обязывались, какъ и прежде, усердствовать Россіи (272). Василій требовалъ доказательствъ и залога въ вѣрности сего народа, постояннаго единственно въ обманахъ и злодѣйствѣ: впрочемъ желалъ обойтися безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Бояринъ, Князь Пенковъ, былъ г.1524. въ Казани для переговоровъ. Между тѣмъ Государь безъ оружія нанесъ ей ударъ весьма чувствительный, запретивъ нашимъ купцамъ ѣздить на ея лѣтнюю ярмонку и назначивъ для ихъ торговли съ Азіею мѣсто въ Нижегородской области, на берегу Волги, гдѣ нынѣ Макарьевъ: отъ чего сія славная ярмонка упала: ибо Астраханскіе, Персидскіе, Армянскіе купцы всего болѣе искали тамъ нашихъ мѣховъ, и сами Казанцы лишились вещей необходимыхъ, на примѣръ соли, которую они получали изъ Россіи (273). Но какъ трудно перемѣнять старыя обыкновенія въ путяхъ купечества, то мы, сдѣлавъ зло другимъ, увидѣли и собственный вредъ: не скоро можно было пріучить людей къ новому, дикому, ненаселенному мѣсту, гдѣ нѣкогда существовалъ уединенный монастырь, заведенный Св. Макаріемъ Унженскимъ и разрушенный Татарами при Василіи Темномъ (274). Цѣна Азіатскихъ ремесленныхъ произведеній у насъ возвысилась; открылся недостатокъ въ нужномъ, особенно въ соленой рыбѣ, покупаемой въ Казани. Однимъ словомъ досадивъ Казанскому народу, Великій Князь досадилъ и своему, который не могъ предвидѣть, что сіе юное торжище будетъ со временемъ нашею славною Макарьевскою ярмонкою, едва ли не богатѣйшею въ свѣтѣ. Жаловались, что Государь ищетъ себѣ непріятелей, равно какъ осуждали его и за основаніе города въ землѣ Казанской, хотя дальновиднѣйшіе изъ самыхъ современниковъ знали, что дѣло идетъ не объ истинномъ дружествѣ съ нею, но о вѣрнѣйшемъ ея, для насъ необходимомъ покореніи, и хвалили за то Великаго Князя (275). — Слѣдствіемъ переговоровъ между нами и Казанью было пятилѣтнее, мирное бездѣйствіе съ обѣихъ сторонъ.

Тогда Великій Князь, свободный отъ дѣлъ воинскихъ, занимался важнымъ дѣломъ семейственнымъ, тѣсно связаннымъ съ государственною пользою. Онъ былъ уже двадцать лѣтъ супругомъ, не имѣя дѣтей, слѣдственно и надежды имѣть ихъ. Отецъ съ удовольствіемъ видитъ наслѣдника въ сынѣ: таковъ уставъ Природы; но братья не столь близки къ сердцу, и Василіевы не оказывали ни великихъ свойствъ душевныхъ, ни искренней привязанности къ старѣйшему, болѣе опасаясь его какъ Государя, нежели любя какъ единокров- г.1525. Пострижение Великой Княгини.

г.1525. наго. Современный Лѣтописецъ повѣствуетъ, что Великій Князь, ѣдучи однажды на *позлащенной колесницѣ*, внѣ города, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо, заплакалъ и сказалъ: «птицы счастливѣе меня: у нихъ есть дѣти!» Послѣ онъ также со слезами говорилъ Боярамъ: «кто будетъ моимъ и Русскаго Царства наслѣдникомъ? братья ли, которые не умѣютъ править и своими Удѣлами?» Бояре отвѣтствовали: «Государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ: на ея мѣстѣ садятъ иную въ вертоградѣ» ([276]). Не только придворные угодники, но и ревностные друзья отечества могли совѣтовать Василію, чтобы онъ развелся съ Соломоніею, обвиняемою въ неплодіи, и новымъ супружествомъ даровалъ наслѣдника престолу. Слѣдуя ихъ мнѣнію, и желая быть отцемъ, Государь рѣшился на дѣло жестокое въ смыслѣ нравственности: немилосердо отвергнуть отъ своего ложа невинную, добродѣтельную супругу, которая двадцать лѣтъ жила единственно для его счастія; предать ее въ жертву горести, стыду, отчаянію; нарушить святый уставъ любви и благодарности. Если Митрополитъ Даніилъ, снисходительный, уклончивый, внимательный къ міру болѣе, нежели къ Духу, согласно съ Великокняжескимъ Синклитомъ призналъ намѣреніе Василіево законнымъ или еще похвальнымъ: то нашлись и Духовные и міряне, которые смѣло сказали Государю, что оно противно совѣсти и Церкви. Въ числѣ ихъ былъ пустынный Инокъ Вассіанъ, сынъ Князя Литовскаго, Ивана Юрьевича Патрикеева, и самъ нѣкогда знатнѣйшій Бояринъ, вмѣстѣ съ отцемъ въ 1499 году неволею постриженный въ Монахи за усердіе къ юному Великому Князю, несчастному Димитрію ([277]). Сей мужъ уподоблялся, какъ пишутъ, древнему Святому Антонію: его заключили въ Волоко-Ламскомъ монастырѣ, коего Иноки любили угождать мірской власти; а престарѣлаго Воеводу, Князя Симеона Курбскаго, завоевателя земли Югорской, строгаго постника и Христіанина, удалили отъ Двора: ибо онъ также ревностно вступался за права Соломоніи ([278]). Самые простолюдины — одни по естественной жалости, другіе по Номоканону — осуждали Василія ([279]). Чтобы обмануть законъ и совѣсть, предложили Соломоніи добровольно отказаться отъ міра: она не хотѣла. Тогда употребили насиліе: вывели ее изъ дворца, постригли въ Рожественскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, увезли въ Суздаль, и тамъ, въ женской Обители, заключили. Увѣряютъ, что несчастная противилась совершенію беззаконнаго обряда, и что сановникъ Великокняжескій, Иванъ Шигона, угрожалъ ей не только словами, но и побоями, дѣйствуя именемъ Государя; что она залилась слезами, и надѣвая ризу Инокини, торжественно сказала: «Богъ видитъ, и отмститъ моему гонителю» ([280]). — Не умолчимъ здѣсь о преданіи любопытномъ, хотя и не достовѣрномъ: носился слухъ, что Соломонія, къ ужасу и безполезному раскаянію Великаго Князя, оказалась послѣ беременною, родила сына, дала ему имя Георгія, тайно воспитывала его и не хотѣла никому показать, говоря: «въ свое время онъ явится въ могуществѣ и славѣ.» Многіе считали то за истину; другіе за сказку, вымышленную друзьями сей несчастной, добродѣтельной Княгини ([281]). г.1525.

Разрѣшивъ узы своего брака, Василій по уставу Церковному не могъ вторично быть супругомъ: чья жена съ согласія мужа постригается, тотъ долженъ самъ отказаться отъ свѣта. Но Митрополитъ далъ благословеніе, и Государь чрезъ два мѣсяца женился на Княжнѣ Еленѣ, дочери Василія Глинскаго, къ изумленію нашихъ Бояръ, которые не думали, чтобы родъ чужеземныхъ измѣнниковъ удостоился такой чести. Можетъ быть, не одна красота невѣсты рѣшила выборъ; можетъ быть, Елена, воспитанная въ знатномъ Владѣтельномъ Домѣ и въ обычаяхъ Нѣмецкихъ, коими славился ея дядя, Михаилъ, имѣла болѣе пріятности въ умѣ, нежели тогдашнія юныя Россіянки, научаемыя единственно цѣломудрію и кроткимъ, смиреннымъ добродѣтелямъ ихъ пола. Нѣкоторые думали, что Великій Князь изъ уваженія къ достоинствамъ Михаила Глинскаго женился на его племянницѣ, дабы оставить въ немъ надежнаго совѣтника и путеводителя своимъ дѣтямъ ([282]). Сіе менѣе вѣроятно: ибо Михаилъ послѣ того еще болѣе года сидѣлъ въ темницѣ, освобожденный наконецъ ревностнымъ ходатайствомъ Елены ([283]). — Свадьба была великолѣпна. Праздновали три дни. Дворъ блисталъ необыкновенною пышностію ([284]). Любя юную супругу, Василій желалъ ей нравиться не только ласковымъ обхожденіемъ съ нею, но и г.1526. Новый бракъ Великаго Князя.

г.1525. видомъ молодости, которая отъ него удалялась: обрилъ себѣ бороду и пекся о своей пріятной наружности (285).

Сношенія съ Римомъ. Въ теченіе пяти лѣтъ Россія имѣла единственно мирныя сношенія съ иными Державами. Еще при жизни Леона X одинъ Генуэзскій путешественникъ, называемый Капитаномъ Павломъ, съ дружелюбнымъ письмомъ отъ сего Папы и Нѣмецкаго Магистра Албрехта былъ въ Москвѣ, имѣя важное намѣреніе проложить купеческую дорогу въ Индостанъ черезъ Россію посредствомъ рѣкъ Инда, Окса или Гигона, моря Каспійскаго и Волги. Прежде счастливаго открытія Васка де-Гамы товары Индѣйскіе шли въ Европу или Персидскимъ Заливомъ, Евфратомъ, Чернымъ моремъ, или Заливомъ Аравійскимъ, Ниломъ и моремъ Средиземнымъ; но Португальцы въ началѣ XVI вѣка овладѣвъ берегами Индіи, захвативъ всю ея торговлю и давъ ей удобнѣйшій путь Океаномъ, мимо Африки, употребляли свою выгоду во зло, и столь возвысили цѣну пряныхъ зелій, что Европа справедливо жаловалась на безумное корыстолюбіе Лиссабонскихъ купцевъ. Говорили даже, что ароматы Индѣйскіе въ дальнемъ плаваніи теряютъ запахъ и силу. Движимый ревностію отнять у Португалліи исключительное право сей торговли, Генуэзскій путешественникъ убѣдительно представлялъ нашимъ Боярамъ, что мы въ нѣсколько лѣтъ можемъ обогатиться ею; что казна Государева наполнится золотомъ отъ купеческихъ пошлинъ; что Россіяне, любя употреблять пряныя зелья, будутъ имѣть оныя въ изобиліи и дешево; что ему надобно только узнать теченіе рѣкъ впадающихъ въ Волгу, и что онъ проситъ Великаго Князя отпустить его водою въ Астрахань. Но Государь, какъ пишутъ, не хотѣлъ открыть иноземцу путей нашей торговли съ Востокомъ (286). Павелъ возвратился въ Италію по смерти Леона X, вручилъ отвѣтную Василіеву грамоту Папѣ Адріану и въ 1525 году вторично пріѣхалъ въ Москву съ письмомъ отъ новаго Папы, Климента VII, уже не по торговымъ дѣламъ, но въ видѣ Посла, дабы склонить Великаго Князя къ войнѣ съ Турками и къ соединенію Церквей: за что Климентъ, подобно Леону, предлагалъ ему достоинство Короля (287). Сей опытъ, какъ и всѣ прежніе, не имѣлъ успѣха: Василій, довольный именемъ Великаго Князя и Царя, не думалъ о Королевскомъ, не хотѣлъ искать новыхъ враговъ и помнилъ худыя слѣдствія Флорентійскаго Собора; однакожь принялъ съ уваженіемъ и Посла и грамоту, честилъ его два мѣсяца въ Москвѣ и вмѣстѣ съ нимъ отправилъ въ Италію *гонца* своего, Димитрія Герасимова (288), о коемъ славный Историкъ того вѣка, Павелъ Іовій, говоритъ съ похвалою, сказывая, что онъ учился въ Ливоніи, зналъ хорошо языкъ Латинскій, былъ употребляемъ Великимъ Княземъ въ Посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣнскомъ; имѣлъ многія свѣдѣнія, здравый умъ, кротость и пріятность въ обхожденіи. Папа велѣлъ отвести ему богато украшенныя комнаты въ зáмкѣ Св. Ангела. Отдохнувъ нѣсколько дней, Димитрій въ великолѣпной Русской одеждѣ представился Клименту, поднесъ дары и письмо Государево, наполненное единственно учтивостями. Великій Князь изъявлялъ желаніе быть въ дружбѣ съ Папою, утверждать оную взаимными Посольствами, видѣть торжество Христіанства и гибель невѣрныхъ, прибавляя, что онъ издавна карастъ ихъ въ честь Божію. Ждали, что Димитрій объявитъ на словахъ какія нибудь тайныя порученія Государевы: онъ занемогъ въ Римѣ и долго находился въ опасности; наконецъ выздоровѣлъ, осмотрѣлъ всѣ достопамятности древней столицы міра, новыя зданія, церкви; хвалилъ пышное служеніе Папы, восхищался музыкою, присутствовалъ въ Кардинальскомъ Совѣтѣ, бесѣдовалъ съ учеными мужами, и въ особенности съ Павломъ Іовіемъ; разсказывалъ имъ много любопытнаго о своемъ отечествѣ; но, къ неудовольствію Папы, объявилъ, что не имѣетъ никакихъ повелѣній отъ Василія для переговоровъ о дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ. — Димитрій возвратился въ Москву (въ Іюлѣ 1526 года) съ новымъ Посломъ Климентовымъ, Іоанномъ Францискомъ, Епископомъ Скаренскимъ, коему надлежало доставить миръ Христіанству, то есть, Литвѣ (289). Явился и другой, еще знаменитѣйшій посредникъ въ семъ дѣлѣ. г.1526.

Карлъ V. Кончина Максиміліанова прервала сообщеніе нашего Двора съ Имперіею. Хитрый, властолюбивый юноша, Карлъ V, заступивъ мѣсто дѣда на ея престолѣ, не имѣлъ времени мыслить о Сѣверѣ, повелѣвая Испаніею, Австріею, Нидерландами, и споря о господствѣ надъ всею

1525. юго-западною Европою съ прямодушнымъ Героемъ, Францискомъ I. Долго ждавъ, чтобы Карлъ вспомнилъ о Россіи, Великій Князь рѣшился самъ отправить къ нему гонца съ привѣтствіемъ. За симъ возобновились торжественныя Посольства съ обѣихъ сторонъ. Австрійскій Государственный Совѣтникъ Антоній прибылъ въ Москву съ дружественными грамотами, а Князь Иванъ Ярославскій-Засѣкинъ ѣздилъ съ такими же отъ Василія къ Императору въ Мадритъ (290), въ то самое время, когда несчастный Францискъ I находился тамъ плѣнникомъ, и когда Европа не безъ ужаса видѣла быстрые успѣхи Карлова властолюбія, угрожавшаго ей *всемірною Монархіею* или зависимостію всѣхъ Державъ отъ единой сильнѣйшей, какой не бывало послѣ Карла Великаго въ теченіе семи вѣковъ. Только Россія, хотя уже съ любопытствомъ наблюдающая государственныя движенія въ Европѣ, но еще далѣе враждебной Литвы не зрящая для себя прямыхъ опасностей, оставалась вдали спокойною, и даже могла желать, чтобы Карлъ исполнилъ намѣреніе дѣда присоединеніемъ Венгріи и Богеміи ко владѣніямъ Австрійскаго Дома (какъ и случилось): ибо сіи двѣ воинственныя Державы, управляемыя Сигизмундовымъ племянникомъ, Людовикомъ, служили опорою Литвѣ и Польшѣ. Не имѣя никакого совмѣстничества съ Императоромъ и справедливо угадывая, что оно есть или будетъ между имъ и Королемъ Польскимъ, Великій Князь предложилъ Карлу склонить Сигизмунда къ твердому миру съ Россіею, или благоразумными убѣжденіями или страхомъ оружія, по торжественному Максимиліанову обѣщанію (291). Въ удовольствіе Василія Императоръ, отпустивъ Князя Засѣкина изъ Мадрита, вмѣстѣ съ нимъ послалъ Графа Леонарда Нугарольскаго, а братъ его, Эрцгерцогъ Австрійскій Фердинандъ, Барона Герберштейна въ Польшу, чтобы объясниться съ Королемъ въ разсужденіи мирныхъ условій и ѣхать въ Москву для окончанія сего дѣла. Но Сигизмундъ, уже опасаясь замысловъ Императора на Венгрію, худо вѣрилъ его доброжелательству и сказалъ Посламъ, что онъ не просилъ ихъ Государей быть миротворцами и можетъ самъ *унять Россію*, примолвивъ съ досадою: «какая дружба у Князя Московскаго съ Императоромъ? что они: ближніе сосѣды или родственники?» Однакожь послалъ къ Василію Воеводу своего, Петра Кишку, и Маршалка Богуша, которые въ слѣдъ за Графомъ Леонардомъ и Герберштейномъ пріѣхали въ нашу столицу. Великій Князь былъ въ Можайскѣ, увеселяясь звѣриною ловлею: тамъ и начались переговоры. Король возобновилъ старыя требованія на все отнятое у Литвы Іоанномъ, называя и Новгородъ и Псковъ ея достояніемъ; а мы хотѣли Кіева, Полоцка, Витебска. Посредники, Епископъ Скаренскій, Леонардъ и Герберштейнъ, совѣтуя обѣимъ сторонамъ быть умѣреннѣе, предложили Василію уступить Королю хотя половину Смоленска: Бояре объявили сіе невозможнымъ; отвергнули и перемиріе на двадцать лѣтъ, желаемое Сигизмундомъ; согласились единственно продолжить оное до 1533 года, и то изъ особеннаго уваженія къ Императору и Папѣ, какъ изъяснился Великій Князь, жалуясь на худое расположеніе Короля къ истинному миру и нелѣпость его требованій. Перемиріе съ Литвою. Споры о нашихъ границахъ съ Литвою остались безъ изслѣдованія, а плѣнники въ заточеніи. Посламъ Сигизмундовымъ была и личная досада: за столомъ Великокняжескимъ давали имъ мѣсто ниже Римскаго, Императорскаго и самаго Фердинандова Посла. Утверждая перемирную грамоту, Василій говорилъ рѣчь о своей пріязни къ Папѣ, Карлу, Эрцгерцогу; о любви къ тишинѣ, справедливости, и проч. На стѣнѣ висѣлъ золотый крестъ: Думный Бояринъ, снявъ его, обтеръ бѣлымъ платомъ. Дьякъ въ обѣихъ рукахъ держалъ хартіи договорныя. Великій Князь всталъ съ мѣста; указывая на грамоту, сказалъ: «исполню съ Божіею помощію»; взглянулъ съ умиленіемъ на крестъ, и тихо читая молитву, приложился къ оному. Тоже сдѣлали и Литовскіе чиновники. Въ заключеніе обряда пили вино изъ большаго кубка. Государь снова увѣрялъ Пословъ въ своемъ дружествѣ къ Клименту и къ Максимиліановымъ наслѣдникамъ; обратился къ Панамъ Литовскимъ, кивнулъ головою, велѣлъ имъ кланяться Сигизмунду и желалъ счастливаго пути (292). Они всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Можайска, а за ними наши Послы: Трусовъ и Лодыгинъ въ Римъ, Ляпунъ и Волосатый къ Императору и къ Эрцгерцогу, Окольничій Лятцкій къ Сигизмунду (293). — Хотя Король утвердилъ договоръ и клятвенно обязался быть нашимъ мир-

г.1526. нымъ сосѣдомъ, но взаимныя жалобы не могли прекратиться до самой кончины Василіевой: ибо Литовцы и Россіяне пограничные вели, такъ сказать, явную, всегдашнюю войну между собою, отнимая земли другъ у друга. Тщетно судьи съ обѣихъ сторонъ выѣзжали на рубежъ: то Литовскіе не могли дождаться нашихъ, то наши Литовскихъ. Къ неудовольствію Сигизмунда, Василій принялъ къ себѣ Князя Ѳедора Михайловича Мстиславскаго, выдалъ за него дочь сестры своей, Анастасію (294), сносился съ Господаремъ Молдавскимъ, непріятелемъ Литвы, и задержалъ (въ 1528 году) бывшихъ у насъ Королевскихъ Пословъ, свѣдавъ, что въ Минскѣ остановили Молдавскаго на пути его въ Россію. Король не хотѣлъ именовать Василія *Великимъ Государемъ*, а мы не хотѣли называть Короля *Россійскимъ* и *Прусскимъ*. По крайней мѣрѣ плѣнниковъ нашихъ и Литовскихъ, въ силу перемирія, продолженнаго еще на годъ, выпустили изъ темницъ и не обременяли цѣпями какъ злодѣевъ (295).

Дружество съ Густавомъ Вазою. Въ слѣдствіе одной изъ достопамятнѣйшихъ государственныхъ перемѣнъ въ мірѣ, Швеція, послѣ долговременнаго неустройства, угнетенія, безначалія, какъ бы обновленная въ своихъ жизненныхъ силахъ, образовалась, возставала тогда подъ Эгидою великаго мужа, Густава Вазы, который изъ рудокопни восшелъ на тронъ, озарилъ его славою, утвердилъ мудростію; возвеличилъ Государство, ободрилъ народъ, былъ честію вѣка, Монарховъ и людей. Освободивъ Королевство свое отъ ига Датчанъ, не думая о суетной воинской славѣ, думая только о мирномъ благоденствіи Шведовъ, Густавъ искалъ дружбы Василія и подтвердилъ заключенное съ Россіею перемиріе на 60 лѣтъ. Совѣтники его, Капутъ Эриксонъ и Біорнъ Классонъ, пріѣзжали для того въ Новгородъ къ Намѣстнику, Князю Ивану Ивановичу Оболенскому, и Дворецкому Сабурову, а Эрикъ Флемингъ въ Москву (296). Уже Христіанъ, ненавистный и Шведамъ и Датчанамъ, скитался изгнанникомъ по Европѣ: преемникъ сего Нерона, Король Фридерикъ, менѣе властолюбивый, призналъ независимость Швеціи, и Василій, слыша о великихъ дѣлахъ Густава, тѣмъ охотнѣе согласился жить съ нимъ въ мирномъ сосѣдствѣ: дозволилъ Шведскимъ купцамъ имѣть свой особенный дворъ въ Новѣгородѣ и торговать во всей Россіи; обѣщалъ совершенную безопасность Финскимъ земледѣльцамъ, которые боялись селиться близъ нашей границы, и велѣлъ, въ угодность Королю, заточить въ Москвѣ славнаго Датскаго Адмирала Норби. Сей воинъ мужественный, но свирѣпый, по изгнаніи Христіана завладѣлъ-было Готландіею, сдѣлался морскимъ разбойникомъ, не щадилъ никого, бралъ всѣ корабли безъ исключенія, и въ особенности злодѣйствовалъ Швеціи; наконецъ, разбитый ея флотомъ, бѣжалъ въ Россію, чтобы возбудить насъ противъ Густава (297). Великій Князь объявилъ Норби мятежникомъ и наказалъ его, въ удостовѣреніе, что хочетъ мира и тишины на Сѣверѣ. г.1526.

Посольства Солимановы. Утративъ надежду имѣть союзника въ Султанѣ, Василій милостиво угощалъ его Посланника, Скиндера, который еще три раза былъ въ Москвѣ, по торговымъ дѣламъ, и тамъ внезапно умеръ съ именемъ корыстолюбиваго и злаго клеветника: ибо онъ, несправедливо жалуясь на скупость и худый пріемъ Великаго Князя, хвалился, что убѣдитъ Солимана воевать съ нами; но умный Султанъ не могъ быть орудіемъ подлаго Грека, и не думая умножать числа своихъ непріятелей, оставался другомъ Россіи, хотя и безполезнымъ, и въ концѣ 1530 года писалъ къ Василію послѣднее ласковое письмо съ Туркомъ Ахматомъ, коему надлежало купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ (298).

Въ сіе время одни Крымскіе хищники тревожили Россію, не смотря на усилія Великаго Князя быть въ мирѣ съ Ханомъ и на союзныя грамоты, послѣ многихъ переговоровъ утвержденныя взаимною клятвою. Сайдетъ-Гирей, ненавидимый народомъ и Князьями за его любовь къ Турецкимъ обычаямъ, лилъ кровь знатнѣйшихъ людей и не могъ держаться на своемъ ужасномъ тронѣ, бывъ два раза изгнанъ племянникомъ, сыномъ Магметъ-Гирея, Исламомъ; примирился съ нимъ, далъ ему санъ Калги, грабилъ Литву и требовалъ денегъ отъ Василія, который, видя ненадежность Ханской власти, сдѣлался тѣмъ умѣреннѣе въ дарахъ. Послы Сайдетъ-Гиреевы находились въ Москвѣ, когда донесли Государю, что Царевичь Исламъ идетъ на Россію. Войско наше заняло берегъ г.1527. Оки, стояло долго, не видало непріятеля и разошлося осенью по городамъ: Набѣгъ Крымцевъ. вдругъ запылали села Рязанскія: Ис-

г. 1527. ламъ стремился къ Коломнѣ и Москвѣ. Но Воеводы, Князья Одоевскій и Мстиславскій, оставались на Угрѣ; не пустили разбойниковъ за Оку и съ великимъ урономъ прогнали, въ числѣ многихъ плѣнныхъ захвативъ перваго Исламова любимца, Янглыча Мурзу (299). Государь былъ въ Коломнѣ: раздраженный вѣроломствомъ Хана, онъ велѣлъ утопить Крымскихъ Пословъ (300). И съ варварами не должно быть варваромъ. Самъ Великій Князь устыдился такого дѣла и приказалъ объявить Хану, что Послы убиты Московскою чернію. Ни мало не удивленный ихъ казнію, столь несогласною съ Народнымъ Правомъ, Сайдетъ-Гирей винилъ только своего племянника, будто бы самовольно дерзнувшаго напасть на Россію; снова клялся въ истинномъ дружествѣ къ Василію, и нагло ограбивъ его Посла, не мѣшалъ Крымцамъ злодѣйствовать въ областяхъ Бѣлевскихъ и Тульскихъ. Наконецъ, сверженный съ престола Князьями и народомъ, бѣжалъ къ Султану. Но Россія ничего не выиграла сею перемѣною: сперва Исламъ, властвовавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тавридѣ, а послѣ Саипъ, бывшій Царь Казанскій, утвержденный Султаномъ въ достоинствѣ Хана, угрожали намъ войною и пламенемъ, хотя оба, гонимые Сайдетъ-Гиреемъ, прежде искали милости въ Великомъ Князѣ, *названомъ отцѣ* Ислама и *братѣ* Саипъ-Гирея: они непрестанно хотѣли богатыхъ даровъ (301).

Къ счастію, Казань усмирилась на время. Юный Сафа-Гирей, ненавистникъ Россіи, исполняя желаніе народа, требовалъ рѣшительнаго мира отъ Великаго Князя, винился передъ нимъ, обѣщался быть его вѣрнымъ присяжни-
г. 1529. комъ. Посолъ Московскій, Андрей Пильемовъ, взялъ съ Царя, Вельможъ и гражданъ клятвенную въ томъ грамоту; а Василій отправилъ къ нимъ свою съ Княземъ Иваномъ Палецкимъ. Но сей знатный чиновникъ узналъ въ Нижнемъ Новѣгородѣ, что Сафа-Гирей перемѣнилъ мысли, умѣлъ злобными внушеніями возбудить Казанцевъ противъ Россіи, согласилъ ихъ предложить ей новыя условія мира, и даже съ грубостію обезчестилъ Посла Великокняжескаго. Палецкій возвратился въ Москву, и Государь прибѣгнулъ къ оружію.

Страшное многочисленностію войско
г. 1530. въ судахъ и берегомъ выступило весною изъ Нижняго къ Казани подъ начальствомъ Князей Ивана Ѳеодоровича Бѣльскаго, Михаила Глинскаго, Горбатаго, Кубенскаго, Оболенскихъ и другихъ. г. 1530. Рать на Казань. Сафа-Гирей, одушевленный злобою, сдѣлалъ все, что могъ для сильной обороны: призвалъ свирѣпыхъ, дикихъ Черемисовъ и 30,000 Ногаевъ изъ Улусовъ тестя его Мамая; укрѣпилъ предмѣстія острогомъ съ глубокими рвами, отъ Булака Арскимъ полемъ до Казанки; примкнувъ новую стѣну съ двухъ сторонъ къ городу, осыпалъ ее землею и каменьемъ. Конные полки Московскіе, отразивъ пять или шесть нападеній смѣлаго непріятеля, соединились съ пѣхотою, которая вышла изъ судовъ на 10 Іюля. луговой сторонѣ Волги. Начались ежедневныя, кровопролитныя битвы. Казанцы, ободряемые Царемъ, не боялись смерти; но, изъявляя удивительную храбрость днемъ, не умѣли быть осторожными ночью: прекращая битву, обыкновенно пировали и спали глубокимъ сномъ до утра. Молодые воины полку Князя Оболенскаго, смотря издали при ясномъ свѣтѣ луны на острогъ, видѣли тамъ одну спящую стражу; вздумали отличить себя великимъ дѣломъ: тихо подползли къ стѣнѣ, натерли дерево смолою, сѣрою; зажгли и спѣшили извѣстить о томъ нашихъ Воеводъ. Въ одно время запылалъ острогъ, и Россіяне 16 Іюля. при звукѣ трубъ воинскихъ, съ грознымъ воплемъ, устремились на приступъ, конные и пѣшіе, одѣтые и полунагіе; сквозь дымъ и пламя ворвались въ укрѣпленіе; рѣзали, давили изумленныхъ Татаръ; взяли предмѣстіе; опустошили все огнемъ и мечемъ; кромѣ сгорѣвшихъ, убили, какъ пишутъ, 60,000 воиновъ и гражданъ, а въ числѣ ихъ и славнаго богатыря Казанскаго, Аталыка, ужаснаго видомъ и силою руки, омоченной кровію многихъ Россіянъ (302). Сафа-Гирей ушелъ въ городокъ Арскій: за нимъ гнался Князь Иванъ Телепневъ-Оболенскій съ легкимъ отрядомъ; а другіе Воеводы стояли на мѣстѣ, и такъ оплошно, что толпы Черемисскія взяли нашъ обозъ, семьдесятъ пушекъ, запасъ ядеръ и пороху, убивъ Князя Ѳеодора Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго и многихъ чиновниковъ. Тогда Россіяне приступили къ городу и могли бы овладѣть крѣпостію, гдѣ не было ни 12,000 воиновъ; но Бѣльскій, уже и прежде подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ (303), согласился на миръ: принявъ, какъ пишутъ, серебро отъ жителей, съ клят-

г. 1530. вою, что они немедленно отправятъ Пословъ къ Василію и не будутъ избирать себѣ Царей безъ его воли, сей главный Воевода отступилъ, къ досадѣ всѣхъ товарищей; хвалился именемъ великодушнаго побѣдителя и спѣшилъ въ Москву, ожидая новыхъ милостей отъ Государя, своего дяди по матери (304). Одинъ Лѣтописецъ увѣряетъ, что Василій, съ лицемъ грознымъ встрѣтивъ племянника, объявилъ ему смерть и только изъ уваженія къ ревностному ходатайству Митрополита смягчилъ сей приговоръ: окованный цѣпями, Бѣльскій сидѣлъ нѣсколько времени въ темницѣ, въ наказаніе за кровь, которую надлежало еще пролить для необходимаго покоренія Казани, два раза упущенной имъ изъ нашихъ рукъ. Но сего извѣстія нѣтъ въ дригихъ Лѣтописцахъ, и Бѣльскій чрезъ три года снова начальствовалъ въ ратяхъ (305).

Послы Казанскіе, знатные Князья Тагай, Тевекелъ, Ибрагимъ, пріѣхали и смиренно молили Государя, чтобы онъ простилъ народъ и Царя; увѣряли, что опытъ снялъ завѣсу съ ихъ глазъ, и что они видятъ необходимость повиноваться Россіи. Надлежало вѣрить или воевать: Государь хотѣлъ отдохновенія, ибо не могъ бы безъ чрезвычайнаго усилія, тяжкаго для земли, снарядить новую рать. Согласные на всѣ условія, Послы остались въ Москвѣ; а Великій Князь отправилъ съ гонцемъ клятвенныя грамоты къ Царю и народу Казанскому для утвержденія, требуя, чтобы всѣ наши плѣнники были освобождены и всѣ огнестрѣльныя орудія, взятыя у насъ Черемисами, присланы въ Россію. Сей гонецъ не возвратился: Сафа-Гирей, задержавъ его, писалъ къ Государю, что не можетъ исполнить договора, ни присягнуть, пока чиновники Казанскіе не выѣдутъ изъ Москвы; пока Великій Князь самъ не возвратитъ ему плѣнниковъ и пушекъ, взятыхъ Бѣльскимъ, и пока, вмѣсто гонца, кто нибудь изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Россійскихъ не пріѣдетъ въ Казань для размѣна клятвенныхъ грамотъ. Бояре наши съ укоризною объявили о томъ Посламъ Казанскимъ. Князь Тагай отвѣтствовалъ: «Слышали и знаемъ; но мы не лжецы и не клятвопреступники. Да исполнится воля Божія и Великаго Князя! Хотимъ служить ему усердно. Земля наша опустѣла; мужи знатные погибли или онѣмѣли въ ужасѣ. Сафа-Гирей дѣлаетъ, что хочетъ, съ своими Крымцами и Ногаями; распуская слухъ, что полки Московскіе идутъ на Казань, мутитъ умами, не держитъ слова и насъ вводитъ въ стыдъ. Не будетъ такъ: мы еще живы, имѣемъ друзей и силу. Изгонимъ Сафа-Гирея! Да изберетъ Государь достойнѣйшаго для насъ Властителя!« На сіе Бояре именемъ Великаго Князя сказали, что для Россіи все одно, кто ни царствуетъ въ Казани, Сафа-Гирей или другой, если будетъ только намъ послушенъ и вѣренъ въ клятвахъ. Тагай продолжалъ: «Напоминаемъ о невинномъ Шигъ-Алеѣ; онъ былъ жертвою злодѣевъ: да возвратится на престолъ, вѣрно служитъ Великому Князю и любитъ народъ! Пусть ѣдетъ съ нами въ городъ Василь: оттуда напишемъ къ Казанцамъ, къ Горнымъ и Луговымъ Черемисамъ, къ Князьямъ Арскимъ, о милости Государя, и скажемъ: *Царемъ мы умерли, а Великимъ Княземъ ожили; не хотимъ того, кто насъ не хочетъ.* Казанскіе плѣнники, тоскующіе въ неволѣ, имѣютъ отцевъ, братьевъ и друзей: всѣ къ намъ пристанутъ, и будетъ миръ вѣчный.» Василій совѣтовался съ Боярами; наконецъ отпустили Пословъ Казанскихъ съ Алеемъ въ Нижній Новгородъ, и Князь Тагай сдержалъ г. 1530—1531. слово: написалъ къ согражданамъ о гибельномъ для нихъ упрямствѣ Царя, возмутилъ народъ, свергнулъ Сафа-Гирея, который въ порывѣ злобы хотѣлъ было умертвить всѣхъ задержанныхъ въ Казани Россіянъ; но граждане и Вельможи объявили ему, чтобы онъ немедленно удалился. Жену его отправили въ Мамаевы Улусы и побили многихъ Ногаевъ, Вельможъ Крымскихъ, любимцевъ Сафа-Гиреевыхъ. Въ семъ благопріятномъ для насъ происшествіи не мало участвовала Казанская Царевна Горшадна, сестра Магметъ-Аминева. Сеитъ, Уланы, Князья, Мурзы извѣстили Василія объ изгнаніи Сафа-Гирея, и согласные быть подданными Россіи, молили, чтобы вмѣсто Шигъ-Алея, коего мести они страшатся, Великій Князь пожаловалъ имъ въ Цари меньшаго пятнадцатилѣтняго брата его, Еналея, владѣвшаго у насъ городкомъ Мещерскимъ. Ихъ желаніе исполнилось: Еналей со многочисленною дружиною былъ отправленъ въ Казань и возведенъ на престолъ Окольничимъ Морозовымъ, къ удовольствію мятежныхъ сановниковъ и легкомысленнаго народа. Всѣ отъ Царевны и

Новый Царь въ Казани.

г. 1530—1531. Сеита до послѣдняго гражданина, съ видомъ искренняго усердія, присягнули намъ въ подданствѣ, славя милость Государеву и любезныя свойства юнаго Царя, коему чрезъ нѣсколько лѣтъ надлежало быть жертвою ихъ неистовства! Но Василій не дожилъ до сей новой измѣны. Прошло три года въ мирѣ. Въ доказательство своего добраго расположенія къ Казанцамъ, Великій Князь уступилъ имъ всѣ бывшія у нихъ въ рукахъ Московскія пищали, чтобы они въ случаѣ непріятельскаго нападенія имѣли способъ обороняться, и дозволилъ Еналею жениться на дочери сильнаго Ногайскаго Мурзы Юсуфа, который могъ примирить его съ сею безпокойною Ордою. Важнѣйшія дѣла Казанскія, не только политическія, но и земскія, рѣшились въ Москвѣ, Государевымъ словомъ (306). — Между тѣмъ Шигъ-Алей, награжденный Каширою и Серпуховымъ, завидовалъ брату, и желая преклонить къ себѣ Казанцевъ, тайно сносился съ ними, съ Астраханью, съ Ногаями: происки его обнаружились, и злосчастный Алей, нѣкогда вѣрный слуга России, былъ какъ преступникъ заточенъ съ женою на Бѣлоозеро (307).

Заточеніе Шигъ-Алея.

Въ сіе время Василій, благоразуміемъ заслуживая счастіе въ дѣяніяхъ государственныхъ, сдѣлался и счастливымъ отцемъ семейства. Болѣе трехъ лѣтъ Елена, вопреки желанію супруга и народа, не имѣла дѣтей. Она ѣздила съ Великимъ Княземъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, Вологду, на Бѣлоозеро; ходила пѣшкомъ въ святыя Обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, со слезами молилась о чадородіи, и безъ услышанія. Добрые жалѣли о томъ: нѣкоторые, осуждая бракъ Василіевъ какъ беззаконный, съ тайнымъ удовольствіемъ предсказывали, что Богъ никогда не благословитъ онаго плодомъ вожделѣннымъ. Наконецъ Елена оказалась беременною. Какой-то *юродивый мужъ*, именемъ Доментіанъ, объявилъ ей, что она будетъ матерію *Тита, широкаго ума* (308), и — въ 1530 году, Августа 25, въ 7 часу ночи — дѣйствительно родился сынъ, Іоаннъ, столь славный добромъ и зломъ въ нашей Исторіи! Пишутъ, что въ самую ту минуту земля и небо потряслися отъ неслыханныхъ громовыхъ ударовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ съ ужасною, непрерывною молніею (309). Вѣроятно, что гадатели Двора Великокняжескаго умѣли растолковать сей случай въ пользу новорожденнаго: не только отецъ, но и вся Москва, вся Россія, по словамъ Лѣтописца, были въ восторгѣ. Чрезъ десять дней Великій Князь отвезъ младенца въ Троицкую Лавру, гдѣ Игуменъ Іоасафъ Скрыпицынъ вмѣстѣ съ благочестивѣйшими Иноками, столѣтнимъ Кассіаномъ Босымъ, Іосифова Волоколамскаго монастыря, и Св. Даніиломъ Переславскимъ окрестили его. Обливаясь слезами умиленія, родитель взялъ изъ ихъ рукъ своего дражайшаго первенца и положилъ на раку Св. Сергія, моля Угодника, да будетъ ему наставникомъ и защитникомъ въ опасностяхъ жизни. Василій не зналъ, какъ изъявить благодарность Небу: сыпалъ золото въ казны церковныя и на бѣдныхъ: велѣлъ отворить всѣ темницы, и снялъ опалу со многихъ знатныхъ людей, бывшихъ у него подъ гнѣвомъ: съ Князя Ѳедора Мстиславскаго, женатаго на племянницѣ Государевой и ясно уличеннаго въ намѣреніи бѣжать къ Польскому Королю; съ Князей Щенятева, Суздальскаго Горбатаго, Плещеева, Морозова, Лятцкаго, Шигоны и другихъ, подозрѣваемыхъ въ недоброжелательствѣ къ Еленѣ (310). Съ утра до вечера дворецъ наполнялся усердными поздравителями, не только Московскими, но и самыхъ отдаленныхъ городовъ жителями, которые хотѣли единственно взглянуть на счастливаго Государя и сказать ему: «мы счастливы вмѣстѣ съ тобою!» Пустынники, отшельники приходили благословить державнаго младенца въ пеленахъ, и были угощаемы за трапезою Великокняжескою. Въ знакъ признательности къ Угодникамъ Божіимъ, защитникамъ Москвы, Святымъ Митрополитамъ Петру и Алексію, Великій Князь заказалъ сдѣлать *для* ихъ мощей богатыя раки: для перваго *золотую* (311), для втораго серебряную. Однимъ словомъ, никто живѣе Василія не чувствовалъ радости быть отцемъ, тѣмъ болѣе, что онъ — вѣроятно, тревожимый совѣстію за разводъ съ несчастною, первою супругою — могъ видѣть въ семъ благословенномъ плодѣ втораго брака какъ бы знакъ Небеснаго умилостивленія. — Елена чрезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ родила еще сына Георгія (312). Тогда Государь женилъ меньшаго брата своего, Андрея, на Княжнѣ Хованской, Евфросиніи (313). Братья Симеонъ и Димитрій Іоанновичи скончались безбрачными: первый въ

Рожденіе Царя Іоанна Васильевича.

1518, а вторый въ 1521 году. Василій, кажется, не дозволялъ имъ жениться, пока не имѣлъ дѣтей, чтобы отнять у нихъ всякую мысль о наслѣдованіи престола.

Упомянемъ о разныхъ Посольствахъ сего времени. Не увѣренный ни въ союзѣ Тавриды, ни въ мирномъ расположеніи Литвы, Великій Князь тѣмъ благосклоннѣе отвѣтствовалъ на дружественныя предложенія Молдавскаго Воеводы, Петра, который (въ 1533 году) писалъ къ нему, чтобы онъ, будучи въ перемиріи съ Королемъ Сигизмундомъ и въ дружбѣ съ Султаномъ, *берегъ* его отъ перваго или убѣдилъ Солимана защитить оружіемъ Молдавію отъ нападенія Поляковъ. Великій Князь отправлялъ не только гонцевъ, но и важныхъ чиновниковъ къ сему Воеводѣ, мужественному, еще опасному для Польши, Литвы и Тавриды сосѣду (314).

г. 1533 —1533. Посольства Молдавскія.

Новый Царь Астраханскій, Касымъ, также предлагалъ тѣсный союзъ Великому Князю; но едва Посолъ его успѣлъ доѣхать до Москвы, Черкесы, взявъ Астрахань, убили Царя и съ богатою добычею удалились въ горы. Мѣсто Касымово заступилъ Акубекъ, но также не на-долго: въ 1534 году уже другой Царь Астраханскій, Абдылъ-Рахманъ, далъ на себя клятвенную грамоту Василію въ истинномъ къ нему дружествѣ (315). — Послы Ногайскіе тогда же находились въ Москвѣ единственно для исходатайствованія купцамъ своимъ дозволенія продавать лошадей въ Россіи (316).

Астраханскія.

Ногайское.

Но любопытнѣйшимъ Посольствомъ было Индѣйское, отъ Хана Бабура, одного изъ Тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя Имперіи Великихъ Моголовъ, о коемъ мы упоминали и который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣніе о Россіи: желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружелюбной связи съ ея Монархомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ, Хозею Уссеиномъ, предлагая, чтобы Послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій Князь принялъ Уссеина милостиво; отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но — какъ сказано въ лѣтописи — *не приказывалъ къ нему о братствѣ:* ибо не зналъ, что онъ, Самодержецъ или только *урядникъ* Индѣйскаго Царства (317)?

Индѣйское.

г. 1533 —1533.

Послѣ войны Казанской Россія наслаждалась спокойствіемъ. Были только слухи о непріятельскихъ замыслахъ Крымцевъ. Сафа-Гирей, изгнанный изъ Казани, дышалъ ненавистію, злобою, и всячески убѣждалъ Хана, дядю своего, ко впаденію въ Московскіе предѣлы. Наконецъ — когда Великій Князь по своему обыкновенію готовился ѣхать съ Дворомъ на любимую охоту въ Волокъ Ламскій, чтобы провести тамъ всю осень — узнали въ Москвѣ (14 Августа), что войско Ханское идетъ къ Рязани. Самъ Царевичь Исламъ, тогдашній Калга, увѣдомилъ о семъ Великаго Князя, слагая всю вину на Сафа-Гирея; однакожь шелъ вмѣстѣ съ нимъ, будто бы склоняя его къ миру. Увеличенные разсказы о силѣ непріятеля испугали Дворъ, такъ, что Государь, немедленно пославъ Воеводъ къ берегамъ Оки и въ слѣдъ за ними самъ 15 Августа выѣхавъ въ Коломну, велѣлъ Боярамъ Московскимъ изготовиться къ осадѣ, а жителямъ съ ихъ имѣніемъ перевозиться въ Кремль (318). На пути встрѣтились ему гонцы изъ Рязани отъ Намѣстника, Князя Андрея Ростовскаго, съ вѣстію, что Исламъ и Сафа-Гирей выжгли посады Рязанскіе, но что городъ будетъ крѣпкимъ щитомъ Москвы, если разбойники захотятъ осаждать его. Василій въ тотъ же часъ отрядилъ легкую конницу за Оку *добывать языковъ.* Смѣлый Воевода, Князь Димитрій Палецкій, нашелъ толпы хищниковъ близъ Зарайска; разбилъ ихъ и взялъ многихъ плѣнниковъ. Другой Воевода, Князь Оболенскій-Телепневъ-Овчина, съ Московскими Дворянами гналъ и потопилъ стражу непріятельскую въ Осетрѣ, но въ горячности наскакавъ на главную силу Царевичей, спасся только необычайнымъ мужествомъ. Ожидая за ними Великаго Князя со всѣми полками, Татары ушли въ степи. Война кончилась въ пять дней; но мы не могли отбить своихъ плѣнниковъ, уведенныхъ непріятелемъ въ Улусы. Многолюдныя села Рязанскія снова опустѣли, и Ханъ Саипъ-Гирей хвалился, что Россія лишилась тогда не менѣе ста тысячь людей (319). «Царевичи» — писалъ онъ къ Василію — «сдѣлали по своему, а не по моему; я велѣлъ имъ воевать Литву:

г. 1533. Набѣгъ Крымцевъ.

г.1533. они воевали Россію. Но упрекай себя. Князья говорятъ мнѣ: *что даетъ намъ дружба съ Москвою? по соболю въ годъ. А рать? тысячи.* Я не умѣлъ ничего отвѣтствовать имъ. Избирай любое: хочешь ли мира и союза? да будутъ дары твои по крайней мѣрѣ въ цѣну трехъ или четырехъ сотъ плѣнниковъ». Онъ требовалъ отъ Великаго Князя денегъ, ловчихъ птицъ, *хлѣбника* и *повара.* Калга Исламъ увѣрялъ Василія, какъ *названаго отца*, въ непремѣнномъ дружествѣ; а Сафа-Гирей писалъ къ нему съ такими угрозами: «Я былъ нѣкогда тебѣ сыномъ; но ты не захотѣлъ моей любви — и сколько бѣдствій пало на твою голову? Видишь землю свою въ пеплѣ и въ разореніи. Еще снова можешь сдѣлаться намъ другомъ, или не престанемъ воевать, пока здравствуютъ дяди мои, Царь и Калга; гдѣ узнаю врага твоего, соединюсь съ нимъ на тебя, и доверщу месть ужасную. Вѣдай!» Сіи грамоты были отданы чиновникамъ Великокняжескимъ Декабря 1: Государь уже находился при послѣднемъ издыханіи.

Болѣзнь и кончина Великаго Князя. Лѣтописцы говорятъ, что странное небесное знаменіе еще 24 Августа предвѣстило смерть Василіеву; что въ первомъ часу дня кругъ солнца казался вверху будто бы срѣзаннымъ; что оно мало по малу темнѣло среди яснаго неба, и что многіе люди, смотря на то съ ужасомъ, ожидали какой нибудь великой государственной перемѣны (320). Василій имѣлъ 54 года отъ рожденія; бодрствовалъ духомъ и тѣломъ; не чувствовалъ дотолѣ никакихъ припадковъ старости; не зналъ болѣзней; любилъ всегда дѣятельность и движеніе. Радуясь изгнанію непріятеля, онъ съ супругою и дѣтьми праздновалъ 25 Сентября, день Св. Сергія, въ Троицкой Лаврѣ; поѣхалъ на охоту въ Волокъ Ламскій, и въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который сперва нимало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго стегна явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Великій Князь съ нуждою доѣхалъ до Волока (321); однакожь былъ на пиру у Дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны, а на другой день ходилъ въ мыльню и обѣдалъ съ Боярами. Время стояло прекрасное для охоты: Государь выѣхалъ съ собаками; но отъ сильной боли возвратился съ поля, въ село Колпь, и легъ въ постелю. Немедленно призвали Михаила Глинскаго и двухъ Нѣмецкихъ Медиковъ, Николая Люева и Ѳеофила. г.1533. Лекарства употреблялись Русскія: мука съ медомъ, печеный лукъ, масть, горшки и сѣменники. Сдѣлалось воспаленіе: гной шелъ цѣлыми тазами изъ чирья. Боярскіе дѣти перенесли Государя въ Волокъ Ламскій. Онъ пересталъ ѣсть; чувствовалъ тягость въ груди, и скрывая опасность не отъ себя, но единственно отъ другихъ, послалъ Стряпчаго Мансурова съ Дьякомъ Путятинымъ въ Москву за духовными грамотами своего отца и дѣда, не велѣвъ имъ сказывать того ни Великой Княгинѣ, ни Митрополиту, ни Боярамъ. Съ нимъ находились въ Волокѣ, кромѣ брата, Андрея Іоанновича, и Глинскаго, Князья Бѣльскій, Шуйскій, Кубенскій: никто изъ нихъ не зналъ сей печальной тайны, кромѣ Дворецкаго Шигоны. Другой братъ Василіевъ, Юрій Іоанновичь, спѣшилъ къ нему изъ Дмитрова: Великій Князь отпустилъ его съ утѣшеніемъ, что надѣется скоро выздоровѣть; приказалъ везти себя въ Москву, шагомъ, въ саняхъ, на постелѣ; заѣхалъ въ Іосифову Обитель, лежалъ въ церкви на одрѣ, и когда Діаконъ читалъ молитву о здравіи Государя, всѣ упали на колѣна и рыдали: Игуменъ, Бояре, народъ. Василій желалъ въѣхать въ Москву скрытно, чтобы иноземные Послы, тамъ бывшіе, не видали его въ слабости, въ изнеможеніи; остановился въ Воробьевѣ, принялъ Митрополита, 21 Ноября. Епископовъ, Бояръ, воинскихъ чиновниковъ, и только одинъ показывалъ твердость: духовные и міряне, знатные и простые граждане обливались слезами. Навели мостъ на рѣкѣ, просѣкая тонкій ледъ. Едва сани Государевы взъѣхали, сей мостъ обломился: лошади упали въ воду; но Боярскіе Дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій Князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ Кремлевскія *постельныя хоромы,* онъ созвалъ Бояръ, Князей Ивана и Василія Шуйскихъ, Михаила Юрьевича Захарьина, Михайла Семеновича Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Казначея Головина, Дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ Дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю, сочиненную имъ во время Митрополита Варлаама (322); объявилъ трехлѣтняго сына, Іоанна, наслѣдникомъ Государства, подъ опекою матери и Бояръ до пятнад-

г. 1533. цати лѣтъ его возраста; назначилъ Удѣлъ меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь; не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописяхъ: но, къ сожалѣнію, сія важная хартія утратилась, и мы не знаемъ ея любопытныхъ подробностей.

Желая утвердить душу свою въ сіи торжественныя минуты, Государь тайно причастился. Бывъ дотолѣ на одрѣ недвижимъ, онъ съ легкою помощію Боярина Захарьина всталъ, принялъ Святые Дары съ вѣрою, любовію и слезами умиленія; легъ снова и хотѣлъ видѣть Митрополита, братьевъ, всѣхъ Бояръ, которые, узнавъ о недугѣ его, съѣхались изъ деревень въ столицу; сказалъ имъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Дѣвѣ Маріи, Святымъ Угодникамъ и Митрополиту; что дастъ ему Государство, наслѣдіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ, Юрія и Андрея; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ, да будетъ тишина въ Московской Державѣ, и да *высится* рука Христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ Боярамъ: «Вѣдаете, что Државство наше идетъ отъ Великаго Князя Кіевскаго, Святаго Владиміра; что мы природные вамъ Государи, а вы наши *извѣчные* Бояре. Служите сыну моему, какъ мнѣ служили: блюдите *крѣпко*, да царствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней правда! Не оставьте моихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ; не оставьте Михаила Глинскаго: онъ мнѣ ближній по Великой Княгинѣ. Стойте всѣ за-едно какъ братья, ревностные ко благу отечества! А вы, любезные племянники, усердствуйте вашему юному Государю въ правленіи и въ войнахъ; а ты, Князь Михаилъ, за моего сына Іоанна и за жену мою Елену долженъ охотно пролить всю кровь свою *и дать тѣло свое на раздробленіе!*»

Василій изнемогалъ болѣе и болѣе. Выславъ всѣхъ, кромѣ Глинскаго, Захарьина, ближнихъ Дѣтей Боярскихъ и двухъ врачей Люева и Ѳеофила, онъ требовалъ, чтобы ему впустили въ рану чего нибудь крѣпкаго; ибо она гнила и смердѣла. Захарьинъ утѣшалъ его вѣроятностію скораго выздоровленія. Великій Князь сказалъ Нѣмцу Люеву: «Другъ и братъ! ты добровольно пришелъ ко мнѣ изъ земли своей, и видѣлъ какъ я любилъ тебя и жаловалъ: можешь ли исцѣлить меня?» Люевъ отвѣтствовалъ: «Государь! слышавъ о твоей милости и ласкѣ къ добрымъ иноземцамъ, я оставилъ отца и мать, чтобы служить тебѣ; благодѣяній твоихъ не могу исчислить; но, Государь! не умѣю воскрешать мертвыхъ: я не Богъ!» Тутъ Великій Князь обратился къ Дѣтямъ Боярскимъ и молвилъ съ улыбкою: «Друзья! слышите, что я уже не вашъ!» Они горько заплакали; не хотѣли растрогать его, вышли вонъ и пали на землю какъ мертвые. Онъ забылся на нѣсколько минутъ; открылъ глаза и громко произнесъ: «да исполнится воля Божія! буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!» г. 1533.

Сіе было 3 Декабря. Игуменъ Троицкій, Іоасафъ, тихо приближился къ одру болящаго. Василій сказалъ ему: «Отче! молись за Государство, за моего сына и за бѣдную мать его! У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ Угоднику Сергію, клалъ на гробъ Святаго; поручилъ вамъ особенно: молитесь о младенцѣ Государѣ!» Онъ не велѣлъ Іоасафу выѣзжать изъ Москвы, и пользуясь слабыми остатками жизни, еще призвалъ Думныхъ Бояръ: Шуйскихъ, Воронцова, Тучкова, Глинскаго, Шигону, Головина и Дьяковъ; бесѣдовалъ съ ними отъ третьяго до седьмаго часа, о новомъ правленіи, о сношеніяхъ Бояръ съ Великою Княгинею Еленою во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, изъявляя удивительную твердость, хладнокровіе и заботливость о судьбѣ оставляемой имъ Державы. Пришли братья и неотступно молили его, чтобы онъ подкрѣпилъ свои силы пищею; но Василій не могъ ѣсть и сказалъ [323]: «смерть предо мною; желаю благословить сына, видѣть жену, проститься съ нею. . . . Нѣтъ! боюсь ея горести; видъ мой устрашитъ младенца.» Братья и Бояре настояли, чтобы онъ призвалъ Елену. Князь Андрей Іоанновичь и Михаилъ Глинскій пошли за нею. Государь возложилъ на себя крестъ Св. Петра Митрополита и хотѣлъ прежде видѣть сына. Братъ Еленинъ, Князь Иванъ Глинскій, принесъ его на рукахъ. Держа крестъ, Василій сказалъ младенцу: «Буди на тебѣ милость Божія и на дѣтяхъ твоихъ! Какъ Св. Петръ благословилъ симъ крестомъ нашего прародителя, Великаго Князя Іоанна Даніиловича, такъ имъ благословляю тебя, моего сына» [324]. Онъ просилъ надзирательницу, Боярыно-

г.1533. ню Агриппину ([325]), чтобы она неусыпно берегла своего Державнаго питомца, и слыша голосъ супруги, велѣлъ унести Іоанна. Князь Андрей и Боярыня Челяднина ([326]) вели Елену подъ руки: она страшно вопила и билась объ землю въ отчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, говоря: «мнѣ лучше; не чувствую никакой боли» — и съ нѣжностію молилъ успокоиться. Елена наконецъ ободрилась и спросила: «кому же поручаешь бѣдную супругу и дѣтей?» Василій отвѣчалъ: «Іоаннъ будетъ Государемъ; а тебѣ, слѣдуя обыкновенію нашихъ отцевъ, я назначилъ въ духовной своей грамотѣ особенное достояніе.» Исполняя желаніе супруги, онъ велѣлъ принести и меньшаго сына, Юрія; также благословилъ его крестомъ, и сказалъ, что онъ не забытъ въ духовной ([327]). — Умилительное прощаніе съ Еленою раздирало сердца жалостію: всѣ плакали и стенали. Она не хотѣла удалиться: Василій приказалъ вывести ее, и заплативъ послѣднюю дань міру, Государству и чувствительности, уже думалъ только о Богѣ.

Еще находясь въ Волокѣ, онъ говорилъ Духовнику своему, Протоіерею Алексію, и любимому старцу Мисаилу: «не предайте меня землѣ въ бѣлой одеждѣ! не останусь въ мірѣ, если и выздоровлю.» Отпустивъ Елену, Государь велѣлъ Мисаилу принести монашескую ризу, и спросилъ Игумена Кирилловской Обители, въ которой онъ издавна желалъ быть постриженнымъ; но сего Игумена не было въ Москвѣ. Послали за Іоасафомъ Троицкимъ, за образами Владимірской Богоматери и Св. Николая Гостунскаго. Духовникъ Алексій пришелъ съ Запасными Дарами, чтобы дать ихъ Василію въ самую минуту кончины ([328]). «Будь передо мною,» сказалъ Великій Князь: «смотри и не пропусти сего мгновенія.» Подлѣ Духовника стоялъ Стряпчій Государевъ, Ѳеодоръ Кучецкой, бывшій свидѣтелемъ Іоанновой смерти. Читали Канонъ на исходъ души. Василій лежалъ въ усыпленіи; потомъ, кликнувъ ближняго Боярина, Михайла Воронцова, обнялъ его съ горячностію; сказалъ брату Юрію: «помнишь ли преставленіе нашего родителя? я такъ же умираю» — и требовалъ немедленнаго постриженія, одобряемаго Митрополитомъ и нѣкоторыми Боярами; но Князь Андрей Іоанновичь, Воронцовъ и Шигона говорили, что Св. Владиміръ г.1533. не хотѣлъ быть Монахомъ и названъ Равноапостольнымъ; что Герой Донскій также скончался міряниномъ, но своими добродѣтелями безъ сомнѣнія заслужилъ Царствіе Небесное. Шумѣли, спорили, а Василій крестился и читалъ молитвы; уже языкъ его тупѣлъ, взоръ меркнулъ, рука упала: онъ смотрѣлъ на образъ Богоматери и цѣловалъ простыню, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидая священнаго обряда. Митрополитъ Даніилъ взялъ черную ризу и подалъ Игумену Іоасафу: Князь Андрей и Воронцовъ хотѣли вырвать ее. Тогда Митрополитъ съ гнѣвомъ произнесъ ужасныя слова: «*Не благословляю васъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!* Никто не отниметъ у меня души его. Добръ сосудъ сребряный, но лучше позлащенный!» Василій отходилъ. Спѣшили кончить обрядъ. Митрополитъ, надѣвъ епитрахиль на Игумена Іоасафа, самъ постригъ Великаго Князя, переименованнаго Варлаамомъ. Въ торопяхъ забыли мантію для новаго Инока: Келарь Троицкій, Серапіонъ, далъ свою. Евангеліе и Схима Ангельская лежали на груди умирающаго. Нѣсколько минутъ продолжалось безмолвіе: Шигона, стоя подлѣ одра, первый воскликнулъ ([329]): «Государь скончался!» и всѣ зарыдали. — Пишутъ что лице Василіево сдѣлалось вдругъ свѣтло; что, вмѣсто бывшаго несноснаго запаха отъ его раны, комната наполнилась благоуханіемъ. Митрополитъ омылъ тѣло и вытеръ хлопчатою бумагою.

Была полночь. Никто не спалъ въ Москвѣ. Съ ужасомъ ждали вѣсти: народъ толпился въ улицахъ. Плачь и вой раздался отъ дворца до Красной площади. Напрасно Бояре, сами заливаясь слезами, удерживали другихъ отъ громкаго стенанія, представляя, что Великая Княгиня еще не знаетъ о кончинѣ супруга. Митрополитъ, облачивъ умершаго въ полное Монашеское одѣяніе, вывелъ его братьевъ въ переднюю горницу и взялъ съ нихъ клятву быть вѣрными слугами Іоанна и матери его ([330]), не мыслить о Великомъ Княженіи, не измѣнять ни дѣломъ, ни словомъ. Обязавъ такою же присягою и всѣхъ Вельможъ, чиновниковъ, Дѣтей Боярскихъ, онъ пошелъ съ знатнѣйшими людьми къ Еленѣ, которая, видя ихъ, упала въ обморокъ и два часа не открывала глазъ.

г. 1533. Бояре безмолствовали: говорилъ одинъ Митрополитъ именемъ Вѣры, утѣшая со слезами ([331]).

Между тѣмъ ударили въ большой колоколъ: тѣло положили на одръ, принесенный изъ Чудова Монастыря, и растворили двери: народъ съ воплемъ устремился лобызать хладныя руки мертваго. Любимые пѣвчіе Василіевы хоромъ пѣли: *Святый Боже!* Ихъ никто не слыхалъ. Иноки Іосифова и Троицкаго монастыря несли тѣло въ церковь Св. Михаила. Елена не могла итти. Дѣти Боярскіе взяли ее на руки. Всѣ Бояре окружали гробъ: Князья Василій Шуйскій, Михаилъ Глинскій, Иванъ Телепневъ-Оболенскій и Воронцовъ шли за Еленою, вмѣстѣ съ знатнѣйшими Боярынями. Погребеніе было великолѣпно и скорбь неописанная въ народѣ. «Дѣти хоронили своего отца,» по словамъ Лѣтописцевъ, которые съ чувствительностію называютъ Василія *добрымъ*, *ласковымъ Государемъ* ([332]): имя скромное, но умилительное, и простота его ручается за его истину.

Характеръ Василіевъ. Василій стоитъ съ честію въ памятникахъ нашей Исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ — первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размѣренными благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приближился къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не Геніемъ, но добрымъ Правителемъ; любилъ Государство болѣе собственнаго великаго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной, вѣчной хвалы, которую не многіе Вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и не рѣдко губятъ; Василія сохраняютъ, утверждаютъ Державы, и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лице миловидное ([333]), взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели г. 1533. суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ ([334]). Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ Самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредною: наказывалъ Вельможъ, и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный Бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ Двора, жаловался на Великаго Князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастія для Государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ-рѣкѣ; а Дьяку Ѳедору Жареному отрѣзали языкъ за лживыя слова, оскорбительныя для Государевой чести ([335]). Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ, и думали, что Государь, какъ земный Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли, ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа Вѣнценосца могла унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою. — Кромѣ двухъ несчастныхъ жертвъ Политики, юнаго Великаго Князя Димитрія и Шемякина, сынъ Героя, Даніила Холмскаго, Воевода и Бояринъ Князь Василій, супругъ Государевой сестры, Ѳеодосіи, въ 1508 году былъ сосланъ на Бѣлоозеро и въ темницѣ умеръ. Такую же участь имѣлъ и знатный Дьякъ, Долматовъ: назначенный въ Посольство къ Императору Максимиліану, онъ не хотѣлъ ѣхать, отговариваясь своею бѣдностію: велѣли опечатать его домъ, нашли въ ономъ 3000 рублей денегъ и наказали Долматова какъ преступника ([336]). Государь простилъ Князей Ивана Воротынскаго и Шуйскихъ, которые думали уйти въ Литву ([337]). Иванъ Юрьевичь Шигона, бывъ нѣсколько лѣтъ въ опалѣ, сдѣлался послѣ однимъ изъ первыхъ любимцевъ Василіевыхъ, равно какъ и Георгій Малый Траханіотъ, Грекъ выѣхавшій съ Великою Княгинею Софіею: пишутъ, что онъ впалъ въ немилость отъ тайной связи съ купцемъ Греческимъ, Маркомъ, осужденнымъ въ Москвѣ за

г. 1533. какую-то опасную для Церкви ересь. Зная способности и необыкновенный разумъ Георгiя, Великiй Князь возвратилъ ему свою милость, совѣтовался съ нимъ о важнѣйшихъ дѣлахъ, и для того приказывалъ знатнымъ чиновникамъ возить его нездороваго во дворецъ на тележкѣ (338). Мужъ славный въ нашей Церковной Исторiи, Инокъ Максимъ Грекъ, былъ также въ числѣ знаменитыхъ, винныхъ или невинныхъ страдальцевъ сего времени. Судьба его достопамятна: разскажемъ обстоятельства.

Дѣло Максима Грека. Василiй, въ самые первые дни своего правленiя осматривая богатства, оставленныя ему родителемъ, увидѣлъ множество Греческихъ духовныхъ книгъ, собранныхъ отчасти древними Великими Князьями, отчасти привезенныхъ въ Москву Софiею, и лежавшихъ въ пыли, безъ всякаго употребленiя. Онъ хотѣлъ имѣть человѣка, который могъ бы разсмотрѣть оныя и лучшiя перевести на языкъ Славянскiй: не нашли въ Москвѣ и писали въ Константинополь. Патрiархъ, желая угодить Великому Князю, искалъ такого *Философа* въ Болгарiи, въ Македонiи, въ Ѳессалоникѣ; но иго Оттоманское задушило всѣ остатки древней учености: тьма и невѣжество господствовали въ областяхъ Султанскихъ. Наконецъ узнали, что въ славной Обители Благовѣщенiя, на горѣ Аѳонской, есть два Инока, Савва и Максимъ, Богословы искусные въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый въ изнеможенiи старости не могъ предпрiять дальняго путешествiя въ Россiю: вторый согласился исполнить волю Патрiарха и Великаго Князя. Въ самомъ дѣлѣ не льзя было найти человѣка способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Грецiи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ, во Флоренцiи; много путешествовалъ, зналъ разные языки, имѣлъ свѣдѣнiя необыкновенныя, прiобрѣтенныя въ лучшихъ Университетахъ и въ бесѣдахъ съ мужами просвѣщенными. Василiй принялъ его съ отмѣнною милостiю. Увидѣвъ нашу библiотеку, изумленный Максимъ сказалъ въ восторгѣ: «Государь! вся Грецiя не имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Италiя, гдѣ Латинскiй Фанатизмъ обратилъ въ пепелъ многiя творенiя нашихъ Богослововъ, спасенныя моими единоземцами отъ варваровъ Магометовыхъ» (339). Великiй Князь слушалъ его съ живѣйшимъ удовольствiемъ и поручилъ ему библiотеку; а ревностный Грекъ, описавъ всѣ, еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанiю Государеву перевелъ Толковую Псалтирь, съ помощiю трехъ Москвитянъ, Власiя, Димитрiя и Михайла Медоварцова (340). Одобренная Митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ Духовнымъ Соборомъ, сiя важная книга, прославивъ Максима, сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, такъ, что онъ не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Умный Грекъ не ослѣпился сею честiю: благодаря Василiя, убѣдительно требовалъ отпуска въ тишину своей Аѳонской Обители, и говорилъ: «тамъ буду славить имя твое; скажу моимъ единоземцамъ, что мiръ еще имѣетъ Царя Христiанскаго, сильнаго и великаго, который, если угодно Всевышнему, можетъ освободить насъ отъ тиранства невѣрныхъ.» Но Василiй отвѣтствовалъ ему новыми знаками благоволенiя и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ: время употребленное Максимомъ на переводы разныхъ книгъ, на исправленiе ошибокъ въ старыхъ переводахъ и на сочиненiя душеспасительныя, изъ коихъ знаемъ болѣе ста (341). Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ лишаемыхъ Государевой милости и возвращалъ имъ оную, къ неудовольствiю и зависти многихъ людей, въ особенности Духовенства и суетныхъ Иноковъ Iосифова монастыря, любимыхъ Великимъ Княземъ (342). Смиренный Митрополитъ Варлаамъ мало думалъ о земномъ; но преемникъ Варлаамовъ, гордый Даниилъ, не замедлилъ объявить себя врагомъ чужеземца. Говорили: «кто сей человѣкъ, дерзающiй искажать древнюю святыню нашихъ церковныхъ книгъ и снимать опалу съ Бояръ?» Одни доказывали, что онъ еретикъ; другiе представили его Великому Князю злоязычникомъ, неблагодарнымъ, втайнѣ осуждающимъ дѣла Государевы. Сiе было во время развода Василiева съ несчастною Соломонiею: увѣряютъ, что сей благочестивый мужъ дѣйствительно не хвалилъ онаго: по крайней мѣрѣ находимъ въ Максимовыхъ творенiяхъ *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя* (343). Любя вступаться за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ иногда рѣчи оскорбительныя для Госу-

г. 1533. даря и Митрополита. На примѣръ: несчастный Бояринъ, Иванъ Беклемишевъ, жалуясь ему на вспыльчивость Великаго Князя, сказалъ, что прежде достойные Церковные Пастыри удерживали Государей отъ страстей и несправедливости, но что Москва уже не имѣетъ Митрополита; что Даніилъ носитъ только имя и личину Пастыря, не мысля быть наставникомъ совѣсти, ни покровителемъ невинныхъ; что Максима никогда не выпустятъ изъ Россіи: ибо Великій Князь и Митрополитъ опасаются его нескромности въ чужихъ земляхъ, гдѣ онъ могъ бы огласить ихъ слабости ([344]). Наконецъ умѣли довести Государя до того, что онъ велѣлъ судить Максима: обвинили его и заточили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей какъ уличеннаго въ ложныхъ толкованіяхъ Св. Писанія и Догматовъ Церковныхъ: что, по мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ, было клеветою, вымышленною Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною, Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ и Митрополитомъ ([345]).

Жалобы на Великаго Князя. Въ государственныхъ бумагахъ сего времени находимъ, что знатные люди, не довольные Василіемъ, обвиняли его въ излишней надежности на самого себя, въ неуваженіи совѣтовъ, въ упрямствѣ, нетерпѣніи противорѣчій, не смотря на то, что онъ рѣшилъ всѣ дѣла *именемъ Боярскимъ*. «Іоаннъ» — говорили они — «не употреблялъ сего выраженія въ бумагахъ, но охотно слушалъ противорѣчія и любилъ смѣлыхъ; а Василій не чтитъ старыхъ людей и дѣлаетъ всѣ дѣла запершися самъ-третей, у постели.» Жаловались также на любовь его *къ новымъ обычаямъ*, привезеннымъ въ Москву Софіиными Греками, которые, по ихъ словамъ, *замѣшали* Русскую землю ([346]). Но всѣ такія, можно сказать, легкія обвиненія, если и справедливыя, доказывая, что Василій не былъ чуждъ обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ, опровергаютъ ли сказаніе Лѣтописцевъ о природномъ его добродушіи? Снискавъ общую любовь народа, онъ, по словамъ Историка Іовія, не имѣлъ воинской стражи во дворцѣ: ибо граждане служили ему вѣрными тѣлохранителями ([347]).

Образъ жизни Василія. Великій Князь, какъ говорили тогда, *судилъ* и *рядилъ землю* всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами ([348]); любилъ сельскую тишину; живалъ лѣтомъ въ Островѣ, Воробьевѣ или въ Москвѣ на Воронцовѣ г. 1533. полѣ до самой осени ([349]); часто ѣздилъ по другимъ городамъ и на псовую охоту, Охота. въ Можайскъ и Волокъ Ламскій; но и тамъ не забывалъ Государства: трудился съ Думными Боярами и Дьяками; иногда принималъ Пословъ иноземныхъ ([350]). Баронъ Герберштеинъ описываетъ такъ охоту Великокняжескую: «Мы увидѣли Государя въ полѣ; оставили лошадей своихъ и приближились къ нему. Онъ сидѣлъ на гордомъ конѣ, въ богатомъ терликѣ, въ высокой, осыпанной драгоцѣнными каменьями шапкѣ, съ златыми перьями, которыя развѣвались вѣтромъ; на бедрѣ висѣли кинжалъ и два ножа; за спиною, ниже пояса, кистень. Подлѣ него ѣхали съ правой стороны Царь Казанскій, Алей, вооруженный лукомъ и стрѣлами, а съ лѣвой два Князя молодые, изъ коихъ одинъ держалъ сѣкиру, другой булаву или шестоперъ; вокругъ болѣе трехъ сотъ всадниковъ.» Передъ вечеромъ сходили съ коней; разставляли шатры на лугу. Государь, перемѣнивъ одежду, садился въ своемъ шатрѣ на кресла, призывалъ Бояръ и весело бесѣдовалъ съ ними о подробностяхъ счастливой или неудачной ловли того дня. Служители подавали закуски, вино и медъ ([351]). — Самые древніе Князья наши, Всеволодъ I, Мономахъ и другіе любили звѣриную ловлю; но Василій едва ли не первый завелъ *псовую* охоту: ибо Россіяне въ старину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими ([352]).

Дворъ. Дворъ его былъ великолѣпенъ. Василій умножилъ число сановниковъ онаго, прибавивъ къ нимъ *Оружничаго*, *Ловчихъ*, *Крайчаго* и *Рындъ* ([353]). *Крайчій* былъ тоже, что нынѣ Оберъ-Шенкъ; а *Рындами* именовались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану: одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные маленькими серебряными топориками, они ходили передъ Великимъ Княземъ, когда онъ являлся народу; стояли у трона и казались иноземцамъ подобіемъ Ангеловъ небесныхъ; а въ воинскихъ походахъ хранили доспѣхъ Государевъ. — Смиренный въ церкви — гдѣ, удаляя отъ себя многочисленныхъ Царедворцевъ, онъ стоялъ всегда одинъ, у стѣны, близъ дверей, опираясь на свой посохъ ([354]) — Василій любилъ пышность во всѣхъ иныхъ торжественныхъ собраніяхъ, осо-

г. 1533. бенно въ пріемѣ иноземныхъ Пословъ. Чтобы они видѣли множество и богатство народа, славу и могущество Великаго Князя, для того, въ день ихъ представленія, запирались всѣ лавки, останавливались всѣ работы и дѣла: граждане въ лучшемъ своемъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали стѣны его. Изъ окрестныхъ городовъ призывали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Войско стояло въ ружьѣ. Чиновники за чиновниками, одни другихъ знатнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое молчаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близъ него, на стѣнѣ, висѣлъ образъ; передъ нимъ, съ правой стороны, лежалъ *колпакъ*, съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ усѣянной жемчугомъ, въ высокихъ *горлатныхъ* шапкахъ (355). —

Обѣды. Обѣды Великокняжескіе продолжались иногда до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя занимали мѣсто братья его или Митрополитъ; далѣе Вельможи и чиновники, между коими угощались иногда и простые воины, отличные заслугами. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, сіяло множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазіею и съ другими Греческими винами. Государь въ знакъ милости самъ къ нѣкоторымъ посылалъ кушанье: тогда они вставали и кланялись ему; другіе также вставали, изъ учтивости къ нимъ: за что надлежало ихъ благодарить особенными поклонами. Для сокращенія времени гости могли свободно разговаривать другъ съ другомъ. Бесѣды веселыя, благочинныя безъ принужденія, нравились Василію. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма ласково; называлъ ихъ Монарховъ великими; желалъ, чтобы они, утружденные дальнимъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго; предлагалъ имъ вопросы, и проч. «Когда мы» (пишетъ Францискъ да-Колло, Посолъ Максимиліановъ) «ночью возвращались домой изъ Кремля, всѣ улицы были освѣщены такъ ярко, что ночь казалась днемъ» (356). — Сверхъ даровъ, Посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, если они что нибудь покупали. Приставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ почетныхъ гостей. г. 1533.

Титулъ. Василій такъ же, какъ и родитель его, назывался только Великимъ Княземъ для Россіи, употребляя слѣдующій титулъ *въ сношеніяхъ съ Державами иноземными*: «Великій Государь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всея Руси и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новогородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода Низовской земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ» (357). Іоаннъ на предложеніе Императора, дать ему Королевское достоинство, отвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, гордо; а Василій на такое же предложеніе Папы Леона X не отвѣтствовалъ ни слова, вопреки баснямъ иностранныхъ Писателей, которые думали, что наши Великіе Князья издревле домогались Королевскаго титула.

Иноземцы въ Москвѣ. Слѣдуя во всемъ Іоанну, Василій старался привлекать иноземцевъ полезныхъ въ Россію. Кромѣ людей искусныхъ въ дѣлѣ воинскомъ, онъ первый изъ Великихъ Князей имѣлъ Нѣмецкихъ лекарей при Дворѣ. Мы упоминали о Люевѣ и Ѳеофилѣ: сей послѣдній былъ Любчанинъ, взятый въ плѣнъ Воеводою Сабуровымъ въ Литвѣ. Магистръ Прусскій ходатайствовалъ о свободѣ его; но Великій Князь сказалъ, что сей Нѣмецъ лечитъ одного изъ нашихъ Вельможъ и долженъ прежде возвратить ему здоровье, а послѣ требовать отпуска въ свою землю (358). Волею или неволею Ѳеофилъ остался въ Москвѣ, гдѣ находился и третій знаменитый лекарь, родомъ Грекъ, именемъ Марко, коего жена и дѣти жили въ Царѣградѣ. Султанъ писалъ къ Великому Князю: «Отпусти Марка къ его семейству; онъ заѣхалъ въ Россію единственно для торговли;» но Государь отвѣчалъ: «Марко издавна служитъ мнѣ добровольно, и лечитъ моего Новогородскаго Намѣстника; пришли къ нему жену и дѣтей» (359). Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нее.

Законы. Василій издалъ многіе законы для внутренняго благоустройства государствен-

г. 1533. наго, которые, вмѣстѣ съ Уложеніемъ отца его, вошли въ Судебникъ Царя Іоанна Василіевича. На примѣръ, сей Великій Князь уставилъ, чтобы владѣльцы Тверскіе, Оболенскіе, Бѣлозерскіе и Рязанскіе не продавали отчинъ своихъ жителямъ другихъ областей; чтобы наслѣдники людей, отказавшихъ имѣніе монастырямъ, не выкупали онаго, если въ завѣщаніи не дано имъ право на сей выкупъ, и проч. (360). Жалованная Смоленская грамота велитъ Намѣстникамъ отдавать всякое поличное истцамъ, искоренять ябедниковъ и немедленно освобождать судимаго, представляющаго надежныхъ порукъ; дозволяетъ мѣщанамъ безъ явки рубить лѣсъ около города; запрещаетъ Боярамъ кабалить вольныхъ людей и держать корчмы; опредѣляетъ пошлину судную, мировую, брачную, *стадную, убойную* (361), и показываетъ намъ тогдашнюю многосложную, запутанную, мелочную систему казенныхъ доходовъ, изобрѣтенную въ вѣки невѣжества. Важное и любопытное судное постановленіе сдѣлано было Василіемъ въ Новѣгородѣ: узнавъ, что Намѣстники и Тіуны кривятъ душею въ рѣшеніи тяжбъ, онъ велѣлъ избрать тамъ 48 Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы сіи люди, достойные общаго уваженія, по очереди судили всѣ дѣла съ Тіунами (362). Для чего не распространилъ онъ столь мудраго и благодѣтельнаго учрежденія на все Государство? Можетъ быть, другіе Россіяне еще не имѣли довольно гражданскаго ума и навыка: они молчали, а Новогородцы, воспоминая старину, жаловались и требовали. Самодержавіе не мѣшало Государю дать лучшимъ гражданамъ участіе въ судномъ правѣ. — Лѣтописцы хвалятъ еще Василія за утвержденіе тишины и безопасности въ Новѣгородѣ: онъ учредилъ тамъ пожарную и ночную стражу; велѣлъ, какъ и въ Москвѣ, замыкать ввечеру улицы рогатками, и совершенно прекратилъ воровство. Лишенные способа жить кражею и злодѣйствами, негодники ушли или обратились къ трудолюбію, выучились ремесламъ и сдѣлались людьми полезными (363).

Строенія. При семъ Великомъ Князѣ построены четыре важныя крѣпости съ каменными стѣнами: въ Нижнемъ Новѣгородѣ, Тулѣ, Коломнѣ и Зарайскѣ; первую строилъ Петръ Фрязинъ: она еще цѣла. Коширу и Черниговъ укрѣпили только валомъ и деревянными башнями. Въ Москвѣ Фрязинъ Алевизъ обложилъ Кремлевскіе рвы кирпичемъ и выкопалъ нѣсколько прудовъ въ предмѣстіяхъ (364). г. 1533. Въ Новѣгородѣ, опустошенномъ пожарами, чиновники Великокняжескіе размѣрили улицы, площади, ряды на образецъ Московскихъ (365). — Изъ храмовъ, созданныхъ Василіемъ, до-нынѣ существуютъ въ Москвѣ Кремлевская церковь Св. Николая Гостунскаго (на томъ мѣстѣ, гдѣ была деревянная) и Дѣвичій монастырь, основанный въ знакъ благодарности ко Всевышнему за взятіе Смоленска. Государь изъ собственной казны своей отложилъ на то 3000 рублей (около шестидесяти тысячь нынѣшнихъ), кромѣ дворцовыхъ селъ и деревень, данныхъ сему монастырю (366). Главнымъ строителемъ церковнымъ былъ тогда Фрязинъ Алевизъ *Новый*. Довершивъ храмъ Михаила Архангела, Василій (въ 1507 году) перенесъ туда гробы своихъ предковъ, и самъ назначилъ себѣ могилу подлѣ родителя (367). Соборъ Успенскій былъ (въ 1515 году) украшенъ живописью, *чудною* и столь искусною, говорятъ Лѣтописцы, что Великій Князь, Святители и Бояре, вступивъ въ церковь, сказали: «мы видимъ небеса!» Между иконописцами славился Россіянинъ, Ѳедоръ Едикеевъ, который расписывалъ церковь Благовѣщенія, соединенную съ новымъ, великолѣпнымъ дворцемъ, куда Василій перешелъ въ Маѣ 1508 году (368).

Церковныя дѣянія. Церковная Исторія Василіева государствованія, кромѣ мнимой ереси Максима Грека въ исправленіи священныхъ книгъ, представляетъ не много достопамятныхъ случаевъ. Уже давно мощи Алексія Митрополита, по сказанію Лѣтописцевъ, исцѣляли недужныхъ; но въ 1519 году были священнымъ обрядомъ утверждены во славѣ чудотворенія. Митрополитъ Варлаамъ донесъ Государю, что многіе слѣпцы, съ усердіемъ лобызая раку Алексія, прозрѣли. Собралось все Духовенство и несмѣтное число людей при колокольномъ звонѣ. Объявили чудеса и доказательства оныхъ. Пѣли молебенъ надъ святымъ гробомъ: Великій Князь, обливаясь слезами умиленія, первый поклонился оному и восхвалилъ милость Неба, которая во дни его царствованія открыла *второй источникъ* благодати и спасенія для Москвы. Свѣтло праздновали сей день, и Св. Алексій, въ народномъ мнѣніи, сталъ на ряду съ древнимъ Московскимъ

г.1533. Угодникомъ Божіимъ, Митрополитомъ Петромъ ([369]).

Не малымъ соблазномъ для Духовенства и мірянъ была тогдашняя ссора Архіепископа Новогородскаго, Серапіона, съ Св. Іосифомъ Волоцкимъ, за то, что сей послѣдній съ монастыремъ своимъ отложился отъ его вѣдомства къ Митрополіи ([370]). Великій Князь въ гнѣвѣ лишилъ Серапіона Епархіи, и Новогородцы, 17 лѣтъ не имѣвъ Святителя, съ радостію встрѣтили наконецъ знаменитаго Макарія, бывшаго Архимандрита Лужковскаго, согласно съ древнимъ обычаемъ поставленнаго къ нимъ въ Архіепископы. Лѣтописецъ ихъ славитъ сіе время какъ счастливѣйшее для его отчизны, гдѣ, молитвами ревностнаго Пастыря, вселилась тишина, сопутствуемая здравіемъ людей, обиліемъ и веселіемъ. Макарій первый учредилъ *общежительство* въ монастыряхъ Новогородскихъ и тѣмъ умножилъ вездѣ число Иноковъ, доставивъ имъ способъ жить безпечно: ибо прежде каждый изъ нихъ имѣлъ свое хозяйство, соединенное съ заботами. Строгій въ наблюденіи благочинія, онъ вывелъ Игуменовъ изъ всѣхъ женскихъ монастырей и далъ Инокинямъ Настоятельницъ; отличался также усердіемъ къ лѣпотѣ церковной: сдѣлалъ въ Софіи, на мѣсто обветшалыхъ, новыя богатыя Царскія двери и великолѣпный амвонъ; расписалъ стѣны, обновилъ иконы, между которыми древнѣйшія были Греческія: Спасителя и Апостоловъ, Петра и Павла, *устроенныя* (какъ сказано въ лѣтописи) *изъ золота и серебра*. — Въ первые годы Макаріева Архіепископства Лапландскіе Поморяне, обитавшіе близъ устья рѣки Нивы и Кандалажской Губы, прислали старѣйшинъ къ Великому Князю, моля его дать имъ учителей Христіанскихъ; а Государь велѣлъ Макарію отправить туда Софійскаго Іерея съ Діакономъ, которые просвѣтили жителей истиною Евангельскою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ еще отдаленнѣйшіе дикари, Лапландцы Кольскіе, изъявили Макарію желаніе креститься, и съ великимъ усердіемъ приняли Священниковъ. Такъ Россіяне, отъ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ, насаждали Вѣру Спасителеву, не употребляя ни малѣйшаго принужденія. Но сіи люди полудикіе, уже вѣруя во Христа, еще держались старыхъ обычаевъ: въ Пятинѣ Вотской, въ Ижерѣ, около Ивангорода, Ямы, Копорья, Ладоги, Невы, до Каяніи и Лапландіи, на г.1533. пространствѣ тысячи верстъ или болѣе, народъ еще обожалъ солнце, луну, звѣзды, озера, источники, рѣки, лѣса, камни, горы; имѣлъ жрецовъ именуемыхъ Арбуями, и ходя въ церкви Христіанскія, не измѣнялъ и кумирамъ. Макарій, съ дозволенія Государева, послалъ туда умнаго Монаха, Илію, съ наставительною грамотою къ жителямъ, которые, увѣряя его въ ихъ ревности къ Христіанству, говорили, что они не смѣютъ коснуться своихъ идоловъ, хранимыхъ ужасными духами. Илія зажегъ мнимые лѣса священные, бросилъ въ воду кумиры, удивилъ народъ, и проповѣдію Слова Божія довершилъ торжество Христіанства. Лѣтописецъ сказываетъ, что пятилѣтніе младенцы помогали сему добродѣтельному Иноку сокрушать мольбища идолопоклонниковъ ([371]). — Замѣтимъ, что не только Чудь, но и самые Россіяне въ XVI вѣкѣ еще усердно слѣдовали нѣкоторымъ языческимъ обыкновеніямъ. Жители Псковской области 24 Іюня праздновали день Купала: собирали травы въ пустыняхъ и въ дубравахъ съ какими-то суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ, на гудкахъ; молодыя жены, дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе: о чемъ ревностный Игуменъ Елеазаровской Обители, старецъ Памфилъ, съ укоризною писалъ къ Намѣстнику и сановникамъ Пскова въ 1505 году ([372]).

Угнетенное игомъ невѣрныхъ и бѣдностію, Духовенство Греческое, какъ и прежде, искало утѣшенія и благодѣяній въ Россіи. Константинопольскій Патріархъ Ѳеолиптъ (въ 1518 году) присылалъ къ намъ Янинскаго Митрополита Григорія съ Аѳонскими Иноками, чтобы разжалобить Великаго Князя описаніемъ ихъ печальнаго состоянія. Благословляя Христіанскую добродѣтель Россіянъ, они выѣхали изъ Москвы съ богатыми дарами. Будучи въ дружбѣ съ Султаномъ, Государь и самъ посылалъ милостыню въ Грецію съ своими чиновниками ([373]).

При Василіи (въ 1509 году) былъ церковный Соборъ въ Литовской Россіи, въ Вильнѣ: Духовенство наше не имѣло участія въ ономъ. Кіевскій Митрополитъ Іосифъ съ семью Епископами уставили тамъ весьма строгіе законы для нравственности Священниковъ, взявъ

г. 1533. мѣры, чтобы мірская власть не вмѣшивалась въ права Духовной. Дѣянія сего достопамятнаго Собора свидѣтельствуютъ, что Церковь Греческая пользовалася тогда въ Литвѣ свободою, независимостію, и была вѣрною кореннымъ уставамъ Православія ([374]).

Разныя бѣдствія. Въ 27 лѣтъ Василіева государствованія Россія испытала немалыя физическія бѣдствія: отъ 1507 до 1509 года свирѣпствовала язва съ *железою* въ Новѣгородѣ, и въ одну осень схоронено тамъ 15,000 человѣкъ; зимою въ 1512 году во многихъ областяхъ люди умирали кашлемъ; въ 1521 и 1532 году было во Псковѣ ужасное повѣтріе, отъ коего всѣ государственные чиновники разбѣжались, и которое миновалось, по извѣстію Лѣтописцевъ, отъ употребленія Святой воды, присланной Архіепископомъ Макаріемъ, Великимъ Княземъ и Митрополитомъ. Тогда же и въ Новѣгородѣ умерло болѣе тысячи жителей *отъ прыщей* ([375]). Были чрезвычайныя засухи: пишутъ, что лѣтомъ въ 1525 году около четырехъ недѣль солнце и луна не показывались на небѣ отъ густой мглы; что въ 1533 году отъ 29 Іюня до Сентября не упало ни одной дождевой капли на землю; что болота и ключи изсохли, лѣса горѣли: солнце тусклое, багровое, скрывалось за два часа до захожденія; люди въ день не распознавали другъ друга въ лице и задыхались отъ дымнаго смрада; путешественники, плаватели не видали пути; птицы не могли парить въ воздухѣ([376]). Напротивъ того лѣтомъ въ 1518 году недѣль пять шли непрестанно сильные дожди: рѣки выступили изъ береговъ; поля залились водою; прервалось сообщеніе между городами и селами. Великій Князь торжественными молебствіями старался умилостивить небо: Дворъ и народъ постились ([377]). — Общій неурожай въ 1512 году произвелъ неслыханную дороговизну: бѣдные умирали съ голоду ([378]). Въ Сентябрѣ 1515 года Москва имѣла недостатокъ въ хлѣбѣ: не льзя было купить ни четверти ржи. Въ 1525 году все съѣстное продавалось тамъ въ десять разъ дороже обыкновеннаго ([379]). Лѣтописцы жалуются на частые пожары (обвиняя въ томъ учрежденіе пороховыхъ заводовъ): въ Москвѣ, Псковѣ, особенно въ Новѣгородѣ, гдѣ (въ 1508 году) самыя каменныя палаты распадались отъ силы огня и сгорѣло 5314 человѣкъ ([380]). — Явленіе трехъ Кометъ (отъ 1531 до 1533 года) во всей Россіи приводило народъ въ ужасъ ([381]). г. 1533.

Описавъ дѣянія и случаи сего времени, напомнимъ Читателю, что оно, будучи достопамятно для Россіи благоразуміемъ ея Правленія, славно въ лѣтописяхъ Европы *во-первыхъ* рѣдкимъ собраніемъ Вѣнценосцевъ знаменитыхъ дѣлами и характеромъ, *во-вторыхъ* важнымъ Церковнымъ преобразованіемъ. Не многіе вѣки хвалятся такими Государями *современными*, каковы были Максиминіанъ, Карлъ V, Людовикъ XII, Францискъ I, Селимъ, Солиманъ, Генрикъ VIII, Густавъ Ваза: можемъ прибавить къ нимъ и Папу Леона X, и врага нашего, Сигизмунда. Всѣ они, за исключеніемъ Англійскаго и Французскихъ Королей, находились въ сношеніяхъ съ Василіемъ, ихъ достойнымъ современникомъ; всѣ имѣли умъ и дарованія отличныя. Но была ли счастлива Европа? Видимъ, какъ обыкновенно, необузданность властолюбія, зависть, козни, битвы и бѣдствія: ибо не одинъ умъ, но умъ и страсти дѣйствуютъ на ѳеатрѣ міра. Ужасаемая могуществомъ Оттоманской Имперіи, волнуемая бореніемъ Франціи съ силами Испаніи и Австріи, Европа въ тоже время была потрясена Церковнымъ мятежемъ, который скоро сдѣлался государственнымъ. Уже Духовная власть, или Папская, очерненная многими злоупотребленіями, давно слабѣла въ Западныхъ Державахъ, но упорствовала въ своихъ гордыхъ требованіяхъ, и не хотѣла обратиться къ истинному Духу Христіанства, вопреки успѣхамъ просвѣщенія. Явился бѣдный Инокъ, Мартинъ Лютеръ, который, свергнувъ съ себя монашескую одежду, и держа въ рукѣ Евангеліе, смѣлъ назвать Папу Антихристомъ: уличалъ его въ обманахъ, въ корыстолюбіи, въ искаженіи Святыни, и не смотря на церковныя клятвы, Соборы и гнѣвъ Карла V, основалъ новую Вѣру, хотя также на Евангельскомъ ученіи, но съ отверженіемъ многихъ важныхъ, значительныхъ обрядовъ, введенныхъ въ самомъ началѣ Христіанства и безъ сомнѣнія полезныхъ: ибо люди имѣютъ не только разумъ, но и воображеніе, не менѣе перваго дѣйствующее на сердце. Обнаживъ Богослуженіе, лишивъ оное торжественности, и какъ бы закрывъ для мысли небо, куда взоръ и духъ молящихся устремляются

Великіе современники Василіевы.

Расколъ Лютеровъ.

г. 1533. отъ велелѣпія Олтарей, отъ таинственнаго священнодѣйствія Литургіи, сей рѣшительный преобразователь удовольствовался одною нравственною проповѣдію; оказалъ еще болѣе ненависти къ Риму, нежели усердія къ Сіону; ссылаясь единственно на Христа и Апостоловъ, не подражалъ имъ въ кротости: подвергая Догматы Церкви суду ума, говорилъ языкомъ страстей, и лишивъ Папу Духовной власти во многихъ земляхъ Германіи, въ трехъ Сѣверныхъ Королевствахъ, въ бывшихъ владѣніяхъ Нѣмецкаго Ордена и въ Ливоніи, самъ представлялъ лице начальника Церковнаго, обязанный своимъ торжествомъ не фанатизму народному, а земнымъ расчетамъ Правителей: удерживая имя Христіанъ и Святыню Евангелія, новымъ Исповѣданіемъ они свергали съ себя иго зависимости отъ гордаго, взыскательнаго, корыстолюбиваго Рима; присоединяли дани и пошлины Церковныя къ своимъ доходамъ, и могли въ дѣлахъ совѣсти уже не бояться Духовнаго запрещенія. Многіе толкователи всемірныхъ происшествій говорятъ о Лютеранской Вѣрѣ какъ о великомъ благодѣяніи для человѣчества: она неоспоримо способствовала успѣхамъ просвѣщенія и лучшей нравственности, соединенной съ оными; но первымъ ея слѣдствіемъ были кровопролитія и новыя Секты Христіанскія, отчасти вредныя для самыхъ Правительствъ и спокойствія гражданскаго (382). Генрикъ VIII, написавъ книгу противъ Лютера, самъ послѣдовалъ его примѣру: оставилъ Римское Исповѣданіе и сдѣлался Главою Англиканскаго, связавъ оное крѣпкимъ узломъ съ пользою Королевской власти, и давъ себѣ волю удовлетворять своему гнусному любострастію перемѣною женъ. Однимъ словомъ, если враги Латинской Церкви справедливо винили ее въ невѣрности къ истинному Христіанству, то и ревностные Католики по совѣсти могли винить ихъ въ лицемѣріи, въ обманахъ и въ беззаконіи. г. 1533.

Сія важная перемѣна Церковная не укрылась отъ вниманія нашихъ современныхъ Богослововъ: объ ней разсуждали въ Москвѣ, и Грекъ Максимъ написалъ *Слово о Лютеровой ереси*, гдѣ, не хваля мірскаго властолюбія Папъ, строго осуждаетъ новости въ Законѣ, внушаемыя страстями человѣческими (383).

ГЛАВА IV.

СОСТОЯНІЕ РОССІИ.

Г. 1462 — 1533.

Правленіе. Войско. Правосудіе. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въѣздъ Пословъ. Иноземцы. Словесность. Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ сіе время отечество наше было *какъ бы новымъ свѣтомъ, открытымъ* Царевною Софіею для знатнѣйшихъ Европейскихъ Державъ. Въ слѣдъ за нею Послы и путешественники являясь въ Москвѣ, съ любопытствомъ наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа; записывали свои примѣчанія и выдавали оныя въ книгахъ, такъ, что уже въ первой половинѣ XVI вѣка состояніе и самая древняя Исторія Россіи были извѣстны въ Германіи и въ Италіи: Контарини, Павелъ Іовій, Францискъ да-Колло, въ особенности Герберштейнъ старались дать современникамъ ясное, удовлетворительное понятіе о сей новой Державѣ, которая вдругъ обратила на себя вниманіе ихъ отечества.

Ничто не удивляло такъ иноземцевъ, какъ Самовластіе Государя Россійскаго и легкость употребляемыхъ имъ средствъ для управленія землею. «Скажетъ, и сдѣлано,» говоритъ Баронъ Герберштейнъ: «жизнь, достояніе людей, мірскихъ и духовныхъ, Вельможъ и гражданъ, со- Правленіе.

вершенно зависитъ отъ его воли. Нѣтъ противорѣчія, и все справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества: ибо Русскіе увѣрены, что Великій Князь есть исполнитель воли Небесной. Обыкновенное слово ихъ: *такъ угодно Богу и Государю; вѣдаетъ Богъ и Государь.* Усердіе сихъ людей невѣроятно. Я видѣлъ одного изъ знатныхъ Великокняжескихъ чиновниковъ, бывшаго Посломъ въ Испаніи, сѣдаго старца, который, встрѣтивъ насъ при въѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ текъ съ лица его. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко сказалъ: *ахъ, Господинъ Баронъ! мы служимъ Государю не по вашему!* Не знаю, свойство ли народа требовало для Россіи такихъ Самовластителей, или Самовластители *дали* народу такое свойство» (384). Безъ сомнѣнія *дали*, чтобы Россія спаслась и была великою Державою. Два Государя, Іоаннъ и Василій, умѣли навѣки рѣшить судьбу нашего Правленія и сдѣлать Самодержавіе какъ бы необходимою принадлежностію Россіи, единственнымъ уставомъ Государственнымъ, единственною основою цѣлости ея, силы, благоденствія. Сія неограниченная власть Монарховъ казалась иноземцамъ *Тиранніею;* они въ легкомысленномъ сужденіи своемъ забывали, что *Тираннія* есть только злоупотребленіе Самодержавія, являясь и въ Республикахъ, когда сильные граждане или сановники утѣсняютъ общество. Самодержавіе не есть отсутствіе законовъ: ибо гдѣ *обязанность*, тамъ и *законъ:* никто же и никогда не сомнѣвался въ обязанности Монарховъ блюсти счастіе народное.

Воинство. Сіи иноземные наблюдатели сказываютъ, что Великій Князь, будучи для подданныхъ образомъ божества, превосходя всѣхъ иныхъ Вѣнценосцевъ въ *нравственномъ могуществѣ*, не уступалъ никому изъ нихъ и въ воинскихъ силахъ, имѣя *триста тысячь* Боярскихъ Дѣтей и *шестьдесятъ тысячь* сельскихъ ратниковъ, коихъ содержаніе ему ничего или мало стоило: ибо всякой Боярскій Сынъ, надѣленный отъ Казны землею, служилъ безъ жалованья кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ, и кромѣ Литовскихъ или Нѣмецкихъ пѣхотныхъ воиновъ, числомъ менѣе двухъ тысячь. Конница составляла главную силу; пѣхота не могла съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ непріятелей конныхъ. Оружіемъ были лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, иногда мечь, копье. Знатнѣйшіе имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ: вылитыя Италіянскими художниками для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ на лафетахъ. Въ битвахъ мы надѣялись болѣе на силу, нежели на искусство: обыкновенно старались зайти въ тылъ непріятелю, окружить его, вообще дѣйствовать издали, не въ рукопашь; а когда нападали, то съ ужаснымъ стремленіемъ, но непродолжительнымъ. «Они» — пишетъ Герберштеинъ — «въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ какъ бы говорятъ непріятелю: *бѣги, или мы сами побѣжимъ!* И въ общежитіи и въ войнѣ народы удивительно разнствуютъ между собою. Татаринъ, свѣрженный съ коня, обагренный кровію, лишенный оружія, еще не сдается въ плѣнъ; машетъ руками, толкаетъ ногою, грызетъ зубами, Турокъ, видя слабость свою, бросаетъ саблю и молитъ побѣдителя о милосердіи. Гонись за Русскимъ: онъ уже не думаетъ обороняться въ бѣгствѣ; но никогда не требуетъ пощады. Коли, руби его: молчитъ и падаетъ.» — Щадя людей и худо употребляя снарядъ огнестрѣльный, мы рѣдко брали города приступомъ, надѣясь изнурить жителей долговременною осадою и голодомъ. Располагались станомъ обыкновенно вдоль рѣки, не далеко отъ лѣса, въ мѣстахъ паственныхъ. Одни чиновники имѣли наметы; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ подсѣдельными войлоками, въ защиту отъ дождя. Обозовъ почти не было: возили все нужное на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою въ походъ нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники не знали иной пищи, кромѣ Воеводъ, которые иногда давали имъ вкуснѣйшіе обѣды. Полки имѣли своихъ музыкантовъ или трубачей. На Великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце. — Въ каждомъ полку особенные сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ, означая первыхъ для благоволенія Государева и наградъ, а другихъ для его немилости или общественнаго стыда. — Молодые люди обыкновенно готовили себя къ воинской службѣ богатырскими играми: выходили въ поле,

стрѣляли въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и побѣдителямъ была слава ([385]).

Правосудіе. Хваля ясность, простоту нашихъ законовъ и суда, не имѣвшихъ нужды ни въ толкователяхъ, ни въ стряпчихъ — не менѣе хваля и Василіеву любовь къ справедливости — иноземцы замѣчали однакожь, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василію, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: «Государь! я всегда вѣрю лучше богатому, нежели бѣдному», разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужомъ. Василій улыбнулся, и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія. — Не только законодательная, но и судная власть, какъ въ самую глубокую древность, принадлежала единственно Государю: всѣ другіе судьи были только его временными или чрезвычайными повѣренными, отъ Великокняжескихъ Думныхъ Совѣтниковъ до Тіуновъ сельскихъ. Государь не рѣдко уничтожалъ ихъ приговоры. Они не могли лишить жизни ни крестьянина, ни раба или холопа. Мірская власть наказывала и Духовныхъ. Иногда Митрополитъ жаловался на уголовныхъ судей, которые приговаривали Священниковъ къ кнуту и къ висѣлицѣ; судьи отвѣчали: «казнимъ не Священниковъ, а негодяевъ, по древнему уставу нашихъ отцевъ.» — Въ сочиненіи Іовія и Герберштейна находимъ первое извѣстіе о жестокихъ судныхъ пыткахъ, коими заставляли у насъ преступниковъ виниться въ ихъ злодѣяніяхъ: воровъ били по пятамъ; разбойникамъ капали сверху на голову и на все тѣло самую холодную воду и вбивали деревянныя спицы за ногти ([386]). Обыкновеніе ужасное, данное намъ Татарскимъ игомъ вмѣстѣ съ кнутомъ и всѣми тѣлесными, мучительными казнями.

Торговля. Торговля сего времени была въ цвѣтущемъ состояніи. Къ намъ привозили изъ Европы серебро въ слиткахъ, сукна, сученое золото, мѣдь, зеркала, ножи, иглы, кошельки, вина; изъ Азіи шелковыя ткани, парчи, ковры, жемчугъ, драгоцѣнные каменья; отъ насъ вывозили въ Нѣмецкую землю мѣха, кожи, воскъ; въ Литву и въ Турцію мѣха и моржовые клыки; въ Татарію сѣдла, узды, холсты, сукна, одежду, кожи, въ обмѣнъ на лошадей Азіатскихъ. Оружіе и желѣзо не выпускалось изъ Россіи. Въ Москву ѣздили Польскіе и Литовскіе купцы; Датскіе, Шведскіе и Нѣмецкіе торговали въ Новѣгородѣ; Азіатскіе и Турецкіе на Мологѣ, гдѣ существовалъ прежде Холопій городокъ, и гдѣ находилась тогда одна церковь. Сія ярмонка еще славилась своею знатною мѣною. Иноземцы обязывались показывать товары свои въ Москвѣ Великому Князю: онъ выбиралъ для себя, что ему нравилось; платилъ деньги и дозволялъ продажу остальныхъ. Пряныя зелія, шелковыя ткани и многія иныя вещи были у насъ дешевы въ сравненіи съ ихъ цѣною въ Германіи. Лучшіе мѣха шли изъ земли Печорской и Сибири. Платили иногда за соболя 20 или 30 золотыхъ флориновъ, за черную лисицу (употребляемую на Боярскія шапки) пятнадцать. Весьма уважались и бобры: ими опушивали нарядныя платья. Волчьи мѣха были дороги, рысьи дешевы. Горностай стоилъ три или четыре, бѣлка двѣ деньги и менѣе. — Съ товаровъ ввозимыхъ и вывозимыхъ брали въ казну пошлины, семь денегъ съ рубля, а за воскъ четыре деньги съ пуда сверхъ цѣны онаго. Россія считалась въ Европѣ землею изобильнѣйшею дикимъ или бортевымъ медомъ. — Монастырь Троицкій въ Смоленской области, на берегу Днѣпра, былъ главнымъ пристанищемъ для купцевъ Литовскихъ: они жили тамъ въ гостинницахъ и грузили товары, покупаемые ими въ Россіи для отправленія въ ихъ землю. — Нѣкоторыя мѣста особенно славились своими произведеніями для внутренней торговли: на примѣръ, Калуга деревянною, красивою посудою, Муромъ вкусною рыбою, Переславль сельдями, а еще болѣе Соловки, гдѣ находились лучшія соляныя варницы. — Многія судоходныя рѣки облегчали перевозъ товаровъ; но Россія еще не имѣла морей, кромѣ Сѣвернаго Океана, къ коему она примыкала своими полунощными, хладными пустынями. Иногда не большія суда ходили отъ устья Двины Бѣлымъ моремъ мимо Святаго Носа, Семи Острововъ и Шведской Лапландіи въ Норвегію и въ Данію. Симъ путемъ Датскій Посолъ возвращался изъ Москвы въ Норвегію съ на-

шимъ толмачемъ Истомою. Другой толмачь, именемъ Власій, плылъ Сухоною, Югомъ и Двиною до Бѣлаго моря, чтобы ѣхать оттуда въ Копенгагенъ. Сіе плаваніе считалось весьма опаснымъ и затруднительнымъ: купцы Скандинавскіе не смѣли ввѣрять оному своихъ товаровъ и держались Новагорода. — Любопытно знать, что Россіяне уже имѣли тогда свѣдѣніе о Китаѣ, и думали, что можно Сѣвернымъ Океаномъ достигнуть береговъ сей отдаленной Имперіи ([387]).

Деньги. Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новогородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ (который стоилъ два червонца), а мѣдныхъ *пулъ* 1200 въ гривнѣ. Новогородскія деньги имѣли почти двойную цѣну: ихъ было только 140 въ рублѣ. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь сидящій въ креслахъ и другой человѣкъ склоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ; *новыя* были цѣною въ половину менѣе старыхъ. Золотыя деньги ходили только иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гульдены и Ливонскія монеты, коихъ цѣна перемѣнялась. — Всякой серебреникъ билъ и выпускалъ монету: Правительство наблюдало, чтобы сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Государь не запрещалъ вывозить монету изъ Россіи, однакожь хотѣлъ, чтобы мы единственно мѣнялись товарами съ иноземцами, а не покупали ихъ на деньги. — Вмѣсто нынѣшняго *ста*, обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было *сорокъ* и *девяносто*; говорили: *сорокъ*, *два сорока*, или *девяносто*, *два девяноста* ([388]), и проч.

Бережливость Государей. Успѣхи торговли болѣе и болѣе умножали доходы Государевы. Современники славятъ богатство и бережливость Василія. Главная казна его хранилась на Бѣлѣозерѣ и въ Вологдѣ, какъ въ безопаснѣйшихъ и недоступныхъ для непріятеля мѣстахъ, окруженныхъ лѣсами и болотами непроходимыми ([389]). «Удивительно ли» — пишутъ иноземцы — «что Великій Князь богатъ? онъ не даетъ денегъ ни войску, ни Посламъ, и даже беретъ у нихъ, что они вывозятъ драгоцѣннаго изъ чужихъ земель: такъ Князь Ярославскій, возвратясь изъ Испаніи, отдалъ въ казну всѣ тяжелыя золотыя цѣпи, ожерелья, богатыя ткани, серебряные сосуды, подаренные ему Императоромъ и Фердинандомъ Австрійскимъ. Сіи люди не жалуются, говоря: *Великій Князь возьметъ*, *Великій Князь и наградитъ* ([390]).» Не тѣмъ безъ сомнѣнія Іоаннъ и Василій богатѣли, что не давали серебромъ жалованья войску (ибо помѣстья стоили серебра) и не тѣмъ, что брали иногда у Пословъ вещи, которыя имъ отмѣнно нравились; но мудрою бережливостію, точнымъ соображеніемъ предпріятій съ государственными способами, запасомъ на случай нужды: правило важное для благоденствія Державъ. Карлъ V съ сокровищами Новаго Свѣта часто не имѣлъ денегъ, а Великіе Князья наши могли хвалиться богатствомъ, издерживая менѣе, нежели получая.

Дороги и почта. Не смотря на дѣятельность торговли, Россія казалась путешественникамъ малонаселенною въ сравненіи съ иными Европейскими странами: рѣдкія жительства, степи, дремучіе лѣса, худыя, пустынныя, уединенныя дороги свидѣтельствовали, что сія Держава была еще новою въ гражданскомъ образованіи. Съ ужасомъ говоря о нашихъ распутицахъ, тлѣнныхъ мостахъ, опасностяхъ, неудобствахъ въ пути, чужестранцы хвалятъ исправность и скорость нашей почты: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя 6 денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на учрежденныхъ ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили сорокъ или пятьдесятъ. Усталыхъ кидали на дорогѣ; брали свѣжихъ въ первомъ селеніи или у проѣзжихъ ([391]).

Москва. Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами Кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими, прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, которые непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ ихъ домами, на обѣихъ сто-

ронахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутоберегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ, что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, исчисленныхъ по указу Великаго Князя; а сколько жителей, не извѣстно: но можно полагать ихъ гораздо за 100,000. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди, Митрополитъ, Князья, Бояре. Гостиный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города) обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, Азіатскихъ и Европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно, обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или въ шалашахъ (392).

Природныя, гражданскія свойства и обычаи.

Наши свойства казались наблюдателямъ и худыми и добрыми, обычаи любопытными и странными. Контарини пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ, а заключаютъ день въ питейныхъ домахъ: глазѣютъ, шумятъ, а дѣла не дѣлаютъ. Герберштеинъ напротивъ того съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающихъ въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи хмѣльнаго: для чего слобода за Москвою-рѣкою, гдѣ они жили, именовалась *Налейками*, отъ слова *наливай*. Великій Князь Василій, опасаясь дѣйствій худаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить вмѣстѣ съ ними. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенной важной причины и безъ фонаря. Тишина царствовала въ городѣ. Замѣчали, что Россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы, но склонны (особенно Москвитяне) къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность Новогородцевъ и Псковитянъ, которые тогда уже начинали измѣняться въ характерѣ. Пословица: *товаръ лицемъ продать*, служила уставомъ въ купечествѣ. Лихоимство не считалось стыдомъ: ростовщики брали обыкновенно 20 на 100, и еще хвалились умѣренностію; ибо въ древнія времена должники платили у насъ 40 на 100 (393). — «Рабство, несовмѣстное съ душевнымъ благородствомъ, было» (по словамъ Герберштеина) «общимъ въ Россіи: ибо и самые Вельможи назывались *холопями* Государя;» но имя не вещь: оно изображало только неограниченную преданность Россіянъ къ Монарху; а въ самомъ дѣлѣ народъ пользовался гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопи, или дворовые или сельскіе, потомки людей купленныхъ, военоплѣнныхъ, закономъ лишенныхъ вольности (394). Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ (такъ и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію;* могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но въ сіе время — или въ XVI вѣкѣ — уже одна государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка*, уже *гражданина покровительствуемаго закономъ* (395). Здѣсь видимъ успѣхъ нравственности и дѣйствіе лучшихъ гражданскихъ понятій. Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость, не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами (ибо хорошій поденщикъ въ Москвѣ выработывалъ съ утра до вечера двѣ деньги или около двадцати копѣекъ нынѣшнихъ) но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ-отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто изъ вольныхъ людей не хотѣлъ итти къ нему въ услуженіе; именемъ его бранились на площадяхъ (396). Гораздо несчастнѣе холопства было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у Дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни

двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя ([397]), переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только-что не умиралъ съ голоду: старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненныя силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зналъ, гдѣ будетъ его могила. Бѣдность раждаетъ презрѣніе: въ старину называли у насъ земледѣльцевъ *смердами*: въ XVI вѣкѣ *крестьянами*, то есть *Христіанами*, но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: ибо долговременные наши тираны, Батыевы Моголы, поносили Россіянъ симъ именемъ. — Вѣроятно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ Дворянамъ; по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали своихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться. Сынъ могъ быть нѣсколько разъ проданъ отцемъ; но въ четвертый разъ отпущенный господиномъ на волю, уже зависѣлъ единственно отъ себя.

Здѣсь представляется любопытный вопросъ: не уже ли никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-*владѣльцевъ*? По крайней мѣрѣ не знаемъ, когда они были. Видимъ, что Князья, Бояре, воины и купцы — то есть, *городскіе жители* — искони владѣя землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежала городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностію его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ, вѣроятно, сіе право мечемъ, въ такое время, до коего не восходятъ лѣтописи, ни преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ владѣльцамъ, имѣли свободу личную и движимую собственность.

Не только Бояре знатные, но и самые простые, бѣдные Дворяне казались спесивыми, недоступными. Къ первымъ никто не смѣлъ въѣхать на дворъ: оставляли лошадей у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами, опасаясь тѣмъ унизиться. Они вообще любили сидячую жизнь и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами: боялись показываться чужимъ людямъ; и въ церковь ходили рѣдко; дома шили, пряли. Одна забава считалась для нихъ позволенною: качели. Богатыя не пеклися о домашнемъ хозяйствѣ, которое лежало единственно на слугахъ и служанкахъ. Бѣдныя по неволѣ трудились; но самая бѣднѣйшая, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животнаго: стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила мимоходящихъ, чтобы они закололи сію птицу ей на обѣдъ. — Не смотря на строгое заключеніе женъ, бывали, какъ и вездѣ, примѣры невѣрности, тѣмъ естественнѣе, что взаимная любовь не участвовала въ бракахъ, и что мужья-Дворяне, находясь въ Государевой службѣ, рѣдко живали дома. Не женихъ обыкновенно сватался за невѣсту, но отецъ ея выбиралъ себѣ зятя и говорилъ о томъ съ отцемъ его. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги еще не знали другъ друга въ глаза. Когда нетерпѣливый женихъ домогался видѣть невѣсту, то родители ея всегда отвѣчали ему: «спроси у добрыхъ людей, какова она?» Приданое состояло въ одеждѣ, въ драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, въ слугахъ, въ коняхъ и проч.; а что родственники и пріятели дарили невѣстѣ, то мужъ долженъ былъ послѣ свадьбы возвращать имъ или платить деньгами. Герберштейнъ первый сказалъ, что жена Россіянка не увѣрена въ любви супруга безъ частыхъ отъ него побоевъ: сіе вошло въ пословицу, хотя могло быть только отчасти истиною, объясняемою для насъ древними обычаями Славянскими и грубою нравственностію временъ Батыева ига ([398]).

Спесивые противъ бѣдныхъ мѣщанъ, Дворяне и богатые купцы были гостепріимны и вѣжливы между собою. Гость, входя въ комнату, глазами искалъ святыхъ образовъ, шелъ къ нимъ, крестился, и нѣсколько разъ сказавъ въ слухъ: *Господи помилуй!* обращался къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже тебѣ здравія!* Они цѣловались, кланялись другъ другу, и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали, и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его до крыльца, а любимаго до самыхъ воротъ. Подчивали пріятелей медомъ, пивомъ, винами иноземными: Романеею, Мушкателемъ, Канарскимъ, бѣлымъ Рейнскимъ; лучшимъ считалась Мальвазія, употребляемая однакожь болѣе въ лекарство и во дворцѣ,

за Великокняжескою трапезою. Ужиновъ не знали: обѣды были изобильные и вкусные для самыхъ иноземцевъ, которые дивились у насъ множеству и дешевизнѣ всякаго скота, рыбы, птицъ, дичины, добываемой охотою псовою, соколиною, тенетами. Вообще роскошь тогдашняя состояла въ избыткѣ обыкновенныхъ, дешевыхъ вещей; умѣли хвалиться ею не разоряясь; бережливость не славилась добродѣтелію, ибо казалась естественною людямъ, которые еще не вѣдали прелестей изнѣженнаго вкуса. Дорогія одежды означали первостепенныхъ государственныхъ сановниковъ: если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ ними въ сихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ. Сіи наряды употреблялись бережно; вѣтреная мода не измѣняла оныхъ, и Вельможа оставлялъ свою праздничную одежду въ наслѣдство сыну. Платье Боярское, Дворянское, купеческое не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, широкое, длинное называлось *однорядками*; другое *охабнями*, съ воротникомъ; третіе *ферезями*, съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ; такое же длинное, съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами*; у всякаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ козыремъ; рубахи съ вышитымъ, разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ серебряною пуговицею; сапоги сафьянные, красные, съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы. — Домы не блистали внутреннимъ украшеніемъ: самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Сѣни огромныя, а двери низкія, и входящій всегда наклонялся, чтобы не удариться головою объ верхній косякъ (399).

Опишемъ нѣкоторыя достопамятныя обыкновенія. Посланникъ Великокняжескій, Димитрій, будучи въ Римѣ и бесѣдуя съ Павломъ Іовіемъ о нравахъ своего отечества, сказывалъ ему, что Россіяне, искони набожные, любя чтеніе душеспасительныхъ книгъ, не терпятъ проповѣди въ церквахъ, дабы слышать въ нихъ единственно Слово Господне, безъ примѣса мудрованій человѣческихъ, несогласныхъ съ простотою Евангельскою; что нигдѣ не имѣютъ такого священнаго уваженія къ храмамъ, какъ у насъ; что мужъ и жена, вкусивъ удовольствіе законной любви, не дерзаютъ войти въ церковь, и слушаютъ обѣдню стоя на папертн; что молодые, не скромные люди, видя ихъ тамъ, угадываютъ причину и своими насмѣшками заставляютъ женщинъ краснѣться; что мы весьма не любимъ Католиковъ, а Евреями гнушаемся и не дозволяемъ имъ въѣзжать въ Россію (400). — Сіе время особенно славилось открытіемъ многихъ святыхъ, цѣлебныхъ мощей; но Іоаннъ и Василій не всегда вѣрили молвѣ и разсказамъ народнымъ; а безъ согласія Государева Духовенство не умножало числа Святыхъ: когда же строгое изслѣдованіе и достовѣрныя свидѣтельства убѣждали Великаго Князя въ истинѣ чудесъ, то объявляли ихъ всенародно, звонили въ колокола, пѣли молебны, и недужные со всѣхъ сторонъ спѣшили ко праху новыхъ Угодниковъ, какъ нынѣ спѣшатъ къ новымъ славнымъ врачамъ, чтобы найти исцѣленіе.—Тогдашняя Христіанская набожность произвела одинъ умилительный обычай. Близъ Москвы было кладбище, называемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди добролюбивые въ Четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ сходились рыть могилы для странниковъ и пѣть Панихиды, въ успокоеніе души тѣхъ, коихъ имена, отечество и Вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли назвать ихъ, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно Христіанскія молитвы. Тамъ погребались тѣла находимыя въ окрестностяхъ города, а можетъ быть и всѣхъ иноземцевъ (401).

Іовій пишетъ, что Великіе Князья, подобно Султанамъ, избираютъ себѣ женъ за красоту и добродѣтель, ни мало не уважая знатности; что невѣстъ привозятъ изъ всей Россіи; что искусныя, опытныя бабки осматриваютъ ихъ тайныя прелести; что совершеннѣйшая или счастливѣйшая выходитъ за Государя, а другія въ тотъ же день за молодыхъ придворныхъ чиновниковъ (402). Сіе извѣстіе можетъ относиться единственно къ двумъ бракамъ Василія: ибо отецъ, дѣдъ и предки его женились обыкновенно на Княжнахъ Владѣтельныхъ. — Сообщимъ здѣсь любопытныя подробности изъ описанія Василіевой свадьбы 1526 года. Обрядъ Великокняжеской свадьбы.

«Державный женихъ, нарядясь, сидѣлъ въ *брусяной столовой избѣ* съ

своимъ поѣздомъ; а невѣста, Елена Глинская, съ женою Тысяцкаго, двумя свахами, Боярынями и многими знатными людьми шла изъ дому въ *среднюю палату*. Передъ нею несли двѣ *брачныя* свѣчи въ фонаряхъ, два коровая и серебряныя деньги. Въ сей палатѣ были сдѣланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два зголовья и два сорока черныхъ соболей; а третьимъ сорокомъ надлежало опахивать жениха и невѣсту. На столѣ, покрытомъ скатертью, стояло блюдо съ калачами и солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ; сестра ея, Княжна Анастасія, на жениховомъ; Боярыни вокругъ стола. Василій прислалъ туда брата, Князя Юрія, который, занявъ *большое мѣсто*, велѣлъ звать жениха. *Государь!* сказали ему: *иди съ Богомъ на дѣло*. Великій Князь вошелъ съ Тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился иконамъ, свелъ Княжну Анастасію съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали молитву. Жена Тысяцкаго гребнемъ чесала голову Василію и Еленѣ. Свѣчами *Богоявленскими* зажгли *брачныя* (403), обогнутыя соболями и вдѣтыя въ кольцы. Невѣстѣ подали кику и фату. На золотой мисѣ, въ трехъ углахъ, лежали хмѣль, соболи, одноцвѣтные платки бархатные, атласные, камчатные, и пѣнязи, числомъ по девяти въ каждомъ углѣ. Жена Тысяцкаго осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и Елену, опахиваемыхъ соболями. Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и сыры для всего поѣзда; а Еленинъ дружка раздавалъ ширинки. Поѣхали въ церковь Успенія: Государь съ братьями и Вельможами, Елена въ однихъ саняхъ съ женою Тысяцкаго и съ двумя *большими* свахами; за нею шли нѣкоторые Бояре и чиновники; передъ нею несли свѣчи и короваи. Женихъ стоялъ въ церкви на правой сторонѣ у столпа, невѣста на лѣвой. Они шли къ вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Знатнѣйшая Боярыня держала скляницу съ виномъ Фряжскимъ: Митрополитъ подалъ ее Государю и Государынѣ: первый, выпивъ вино, растопталъ скляницу ногою. Когда священный обрядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ красныхъ зголовьяхъ. Митрополитъ, Князья и Бояре поздравляли ихъ, пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ короваями отнесли въ спальню, или въ *сѣнникъ*, и поставили въ кадь пшеницы. Въ четырехъ углахъ сѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали колачи съ соболями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, одѣяло кунье, шуба; на лавкахъ стояли *оловяники* съ медомъ; въ головахъ кровати икона Рождества Христова, Богоматери и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Богоматери со младенцемъ; надъ дверью и надъ всѣми окнами, внутри и снаружи, кресты. Постелю стлали на двадцати-семи ржаныхъ снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ людьми ближними; ѣздилъ верхомъ по монастырямъ, и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. Князь Юрій Іоанновичь сидѣлъ опять *на большомъ мѣстѣ*, а Василій рядомъ съ Еленою; передъ ними поставили жаренаго пѣтуха: дружка взялъ его, обвернулъ верхнею скатертью и отнесъ въ спальню, куда повели и Молодыхъ изъ за-стола. Въ дверяхъ знатнѣйшій Бояринъ *выдавалъ* Великую Княгиню и говорилъ рѣчь. Жена Тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну наизворотъ, вторично осыпала новобрачныхъ хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили ихъ пѣтухомъ. Во всю ночь Конюшій Государевъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спальни съ обнаженнымъ мечемъ. На другой день супруги ходили въ мыльню и ѣли кашу на постелѣ.» Легко угадать разумъ сихъ обрядовъ, безъ сомнѣнія весьма древнихъ, отчасти, можетъ быть, Славянскихъ, отчасти Скандинавскихъ: нѣкоторые образовали любовь, согласіе, чадородіе, богатство; другіе должны были удалять дѣйствіе злаго волшебства.

Василій, находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Государями Европейскими, любилъ хвалиться ласкою, оказываемою ихъ Посламъ въ Россіи; но иноземцы жаловались на сей милостивый пріемъ, соединенный съ обрядами скучными и тягостными. Приближаясь къ границѣ, Посолъ давалъ о томъ знать Намѣстникамъ ближайшихъ городовъ. Ему предлагали множество вопросовъ: «изъ какой земли, отъ кого ѣдетъ? знатный ли человѣкъ? какого именно званія? бывалъ ли прежде въ Россіи? говоритъ ли нашимъ языкомъ? сколько съ нимъ людей, и какихъ?» О семъ немедленно доносили Великому Князю; а къ Послу высылали чиновника, который, встрѣтивъ его, не уступалъ ему дороги, и всегда требовалъ, чтобы онъ стоя выслушивалъ Государево привѣтствіе со всѣмъ Великокняжескимъ титуломъ, нѣсколько разъ повторяемымъ. Назначали дорогу и мѣста,

Въѣздъ чужеземныхъ Пословъ въ Россію.

гдѣ надлежало обѣдать, ночевать. Ѣхали тихо, иногда не болѣе пятнатцати или двадцати верстъ въ день: ибо ждали отвѣта изъ Москвы. Иногда останавливались въ полѣ, не смотря на зимній морозъ; иногда худо ѣли. За то Приставъ терпѣливо сносилъ брань иноземцевъ. Наконецъ Государь высылалъ Дворянъ своихъ къ Послу: тутъ везли его уже скорѣе и лучше содержали. Встрѣча передъ Москвою была всегда пышная: являлось вдругъ нѣсколько чиновниковъ въ богатыхъ одеждахъ и съ отрядомъ конницы; говорили рѣчи, спрашивали о здоровьѣ, и проч. Дворъ Посольскій находился близъ Москвы-рѣки: большое зданіе со многими комнатами, но совершенно пустыми; никто не жилъ въ семъ домѣ. Приставы служили гостямъ, непрестанно заглядывая въ роспись, гдѣ было все исчислено, все измѣрено, что надлежало давать Посламъ Нѣмецкимъ, Литовскимъ, Азіатскимъ: сколько мясныхъ блюдъ, меду, луку, перцу, масла, даже дровъ ([404]). Между тѣмъ придворные чиновники ежедневно спрашивали у нихъ, довольны ли они угощеніемъ? Не скоро назначался день представленія: ибо любили долго изготовляться къ оному. Послы сидѣли одни, не могли заводить знакомствъ, и скучали. Великій Князь къ сему дню, для ихъ торжественнаго въѣзда въ Кремль, обыкновенно дарилъ имъ коней съ богатыми сѣдлами.

Иноземные художники и ремесленники въ Москвѣ.

Кромѣ зодчихъ, денежниковъ, литейщиковъ, находились у насъ тогда и другіе иноземные художники и ремесленники. Толмачь Димитрій Герасимовъ, будучи въ Римѣ, показывалъ Историку Іовію портретъ Великаго Князя Василія, писанный безъ сомнѣнія не Русскимъ живописцемъ. Герберштейнъ упоминаетъ о Нѣмецкомъ слесарѣ въ Москвѣ, женатомъ на Россіянкѣ ([405]). Искусства Европейскія съ удивительною легкостію переселялись къ намъ: ибо Іоаннъ и Василій, по внушенію истинно великаго ума, дѣятельно старались присвоить оныя Россіи, не имѣя ни предразсудковъ суевѣрія, ни боязливости, ни упрямства, и мы, послушные волѣ Государей, рано выучились уважать сіи плоды гражданскаго образованія, собственность не Вѣръ и не языковъ, а человѣчества; мы хвалились исключительнымъ Православіемъ и любили святыню древнихъ нравовъ, но въ тоже время отдавали справедливость разуму, художеству Западныхъ Европейцевъ, которые находили въ Москвѣ гостепріимство, мирную жизнь, избытокъ. Однимъ словомъ, Россія и въ XVI вѣкѣ слѣдовала правилу: «хорошее отъ всякаго хорошо,» и никогда не была вторымъ Китаемъ въ отношеніи къ иноземцамъ.

Словесность.

Языкъ нашъ, то есть, Славянскій, былъ въ сіе время извѣстенъ отъ Каменнаго Пояса до Адріатическаго моря, Воспора Ѳракійскаго и Нила: имъ говорили при Дворѣ Турецкаго и Египетскаго Султановъ, жены ихъ, Ренегаты, Мамелюки ([406]). Мы имѣли въ переводахъ сочиненія Св. Амвросія, Августина, Іеронима, Григорія, Исторію Римскихъ Императоровъ (вѣроятно, Светонову), Марка Антонія и Клеопатры ([407]); но Іовій укоряетъ насъ совершеннымъ невѣжествомъ въ Наукахъ: въ Философіи, Астрономіи, Физикѣ, Медицинѣ, сказывая, что мы именуемъ лекаремъ всякаго, кто знаетъ нѣкоторыя цѣлебныя свойства растѣній. Успѣхи Словесности примѣчались въ чистѣйшемъ слогѣ лѣтописей, пастырскихъ духовныхъ посланій, святыхъ житій, и проч. Старецъ, Архіепископъ Ростовскій Вассіанъ, могъ назваться Демосѳеномъ сего времени, если истинное краснорѣчіе состоитъ въ сильномъ выраженіи мыслей и чувствъ: славное посланіе его къ Іоанну уже извѣстно Читателю ([408]). Житіе Св. Даніила Переяславскаго писано не безъ искусства, умно и пріятно ([409]). Особеннаго замѣчанія достойны два Слова: первое о рожденіи Царя Іоанна, второе похвальное Василію; въ томъ и въ другомъ есть прекрасныя мѣста; выпишемъ нѣкоторыя:

«Кто повѣдаетъ силу Господню и вся чудеса Его? Во дни наши совершилось дѣло Небесной любви, коего примѣры видѣли мы въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ: молитва отверзаетъ ложесна неплодныя! Господь милостію утѣшаетъ людей Своихъ въ отчаяніи: ибо славный и великій во Царяхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая ко Всевышнему; уже вступаетъ въ шестое десятилѣтіе жизни, и еще надѣется благословить чадо милое, вожделѣнное не только родителю, но и всей Державѣ Христіанской: она требуетъ Пастыря для дней будущихъ. Слышитъ Господь молитву и долго не исполняетъ, да болѣе и болѣе разгарается усердіемъ сердце Державнаго. О диво! Монархъ оставляетъ престолъ и величіе, идетъ съ жезломъ какъ бѣд-

ный странникъ въ Обители дальнія, смиренный видомъ и душею: се Царскія стопы его изображаются на пескахъ дикой пустыни! За нимъ добродѣтельная, премудрая Царица, ему подобная. Оба исполнены смиренія и надежды; оба вѣдаютъ, что *вѣра возмогаетъ и надежди не посрамитъ*. И бысть! лобызаемъ наслѣдника Державы! . . . . Когда бы Всевышній даровалъ Василію дщерь, и тогда бы сердце родителя возвеселилось, но едино: Господь даруетъ ему сына, да веселится и блаженствуетъ съ нимъ вся Россія!» — Въ похвальномъ Словѣ Василію такъ описаны дѣла и свойства его: «Сей Государь *добрѣ правилъ хоругвями* отечества, твердо укорененнаго Богомъ, подобно вѣковому древу; всегда благословляемый успѣхомъ, всегда спасаемый отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, покорялъ страны мечемъ и миромъ, а въ своей наблюдалъ правду, не усыпая ни умомъ, ни сердцемъ; бодрствовалъ надъ душами, питалъ въ нихъ добродѣтель, гналъ злобу, да не погрязнетъ корабль великой Державы его въ волнахъ беззаконія! Душа Царева свѣтилась яко зерцало, блистая въ лучахъ Божественной премудрости. Мы знаемъ, что Государь естествомъ тѣлеснымъ, равенъ всѣмъ людямъ; но властію не подобенъ ли Богу единому! Неприступенъ во славѣ земнаго Царствія: но есть вышнее, небесное, для коего онъ долженъ быть приступенъ и снисходителенъ къ людямъ. Тѣлу дано око, а міру Царь, да промышляетъ о благѣ его. Царь истинный царствуетъ надъ страстями, въ вѣнцѣ святаго цѣломудрія, въ порфирѣ закона и правды. Таковъ былъ Великій Князь Василій, правитель *велеумный*, наказатель добродѣтельный, истинный кормчій, образъ благости, столпъ твердости и терпѣнія; защитникъ Государства, отецъ Вельможъ и народа, мудрый *соглагольникъ* Духовенства; высокій житіемъ на престолѣ, смиренный сердцемъ яко въ пещерѣ, кротокъ взоромъ, почтенъ Божіею благостію; всѣхъ любилъ и любимъ всѣми: ближніе и дальніе припадали къ нему, отъ Синая и Палестины, отъ Италіи и Антіохіи, да узрятъ лице его, да услышатъ слово. Кто опишетъ его достоинства? Какъ Саламандръ, по сказанію Богослова, среди огня не сгараетъ; какъ свѣтлая рѣка, именуемая Каѳосъ, течетъ сквозь море и не теряетъ сладости водъ своихъ: такъ огнь страстей человѣческихъ, такъ бурное житейское море не повредило душѣ Василія: она чистою, благою воспарила отъ земли на небо. Однимъ словомъ, сей Великій Князь въ житіи богомудромъ уподоблялся Димитрію Іоанновичу Донскому.» (410). — Мы предложили здѣсь Читателю не *слова*, но *точныя мысли Авторовъ*: слова принадлежатъ вѣку, а мысли вѣкамъ.

Судя по слогу, можемъ отнести къ сему времени сочиненіе двухъ Русскихъ сказокъ: *о купцѣ Кіевскомъ* и *Дракулѣ, Мутьянскомъ Воеводѣ*. Въ первой описывается мучитель, именемъ *Сміянъ гордый*. Владѣтель неизвѣстной приморской страны, гибельной для всѣхъ плавателей, которые искали тамъ убѣжища отъ бурь, и не умѣли отгадать Царскихъ загадокъ: имъ надлежало отвергнуться Христа или умереть. Сынъ путешествующаго Кіевлянина, Борвосмыслъ, юный отрокъ, вдохновенный небесною мудростію, какъ новый Эдипъ рѣшитъ всѣ хитрыя задачи Сміяна, отсѣкаетъ ему голову въ присутствіи народа, садится на тронъ, проповѣдуетъ Вѣру Христову, плѣняетъ гражданъ, остается у нихъ Царемъ и женится на Сміяновой дочери (411). Вотъ содержаніе. Красотъ піитическихъ мало, остроумія также; разсказъ довольно складенъ. — Вторая повѣсть любопытнѣе. Дракула, хищникъ Мутьянской или Волошской Державы (о коемъ упоминается въ Византійской Исторіи Дуки около 1430 года) представленъ гонителемъ всякой неправды, обмановъ, воровства, и свирѣпымъ кровопійцею. Никто въ землѣ Волошской не дерзаетъ взять чужаго, ни обидѣть слабаго. Испытывая народъ, онъ поставилъ золотую чару у колодезя отдаленнаго отъ домовъ: мимоходящіе пили воду и не трогали богатаго сосуда. Искоренивъ злодѣевъ, сей Воевода казнилъ и за самыя легкія вины. Не только жена вѣроломная, любострастная, но и лѣнивая, у которой въ домѣ было не чисто или мужъ не имѣлъ хорошаго бѣлья, лишалась жизни. На площади, вмѣсто украшеній, висѣли трупы. Однажды пришли къ нему два Монаха изъ Венгріи: Дракула желалъ знать ихъ мысли о себѣ. «Ты хочешь быть правосуднымъ» — отвѣчалъ старѣйшій изъ нихъ — «но дѣлаешься тираномъ, наказывая тѣхъ, коихъ должны наказывать единственно Богъ и совѣсть, а не законъ гражданскій.» Другой хвалилъ тирана, какъ исполнителя судовъ Божествен-

ныхъ. Велѣвъ умертвить перваго Монаха, Дракула отпустилъ его товарища съ дарами, и наконецъ увѣнчалъ свои подвиги сожженіемъ всѣхъ бѣдныхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ въ землѣ Волошской, разсуждая: «начто жить людямъ, живущимъ въ тягость себѣ и другимъ?» Авторъ могъ бы заключить сію сказку прекраснымъ нравоученіемъ, но не сдѣлалъ того, оставляя читателямъ судить о *Философіи* Дракулы, который лечилъ подданныхъ отъ злодѣйства, пороковъ, слабостей, нищеты и болѣзней однимъ лекарствомъ: смертію! — Замѣтимъ, что древніе Русскіе *писцы* имѣли болѣе гордости, нежели *Писатели:* первые почти всегда означали имя свое въ концѣ переписанной ими книги, а вторые почти никогда, укрываясь такимъ образомъ отъ хвалы и критики: знаемъ творенія, не зная творцевъ. По крайней мѣрѣ видимъ, что предки наши занимались не только историческими или Богословскими сочиненіями, но и романами; любили произведеніе остроумія и воображенія.

Извѣстія о Востокѣ и Сѣверѣ Россіи.

Въ окончаніи сей статьи предложимъ нѣкоторыя извѣстія изъ Герберштеиновой книги о сосѣдственныхъ съ Россіею земляхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. Ногайскіе Татары, кочуя близъ моря Каспійскаго, раздѣлялись въ Василіево время на три Улуса, принадлежащіе тремъ Князьямъ братьямъ: Шидаку, Кошуму и Шигъ-Мамаю; первый жилъ въ городѣ Сарайчикѣ на Яикѣ; вторый повелѣвалъ всею землею между Кумою, Яикомъ и Волгою; третій господствовалъ надъ частію Сибири. Въ двадцати дняхъ пути отъ Шидаковыхъ владѣній, къ Востоку, обитали Юргенскіе или Хивинскіе Татары, повинуясь Баракъ-Солтану, брату сосѣдственнаго Хана Катайскаго или Киргизъ-Кайсакскаго, Бебсйда. За Вяткою и Перміею жили въ лѣсахъ Тюменскіе и Шибанскіе Моголы; первыхъ считалось не болѣе десяти тысячь. За Волгою находились еще Улусы Калмыковъ: сіе имя дано имъ *для* того, что они не стригли волосъ на головѣ, какъ другіе Моголы. Астрахань, знатнѣйшій *базаръ Татарскій*, славилась богатствомъ, а Шамаха, уже подвластная тогда Персіи, своими прекрасными шелковыми тканями. На Дону, въ двѣнадцати миляхъ отъ Азова, былъ городъ *Ахасъ* (гдѣ нынѣ Старый Черкаскъ) изобильный плодами, рыбою, дичью, веселый мѣстоположеніемъ, окруженный садами природными, богатый всѣмъ, что нужно человѣку для самой роскошной жизни. Говорили: «имѣй только огонь и соль: все прочее найдешь въ Ахасѣ?» — На восточномъ берегу Чернаго моря жили Авхасы; далѣе въ горахъ вольные Черкесы, не подвластные ни Туркамъ, ни Татарамъ, ужасные разбойники; текущими изъ горъ рѣками выплывая на лодкахъ въ море, они грабили суда купеческія; исповѣдывали Христіанскую Греческую Вѣру, употребляли въ Богослуженіи языкъ Славянскій, впрочемъ мало думали о Законѣ (412). — Близъ устья рѣки Фазиса, или Ріона, показывали островъ, гдѣ будто бы стоялъ корабль Язоновъ.

Описывая наружность Татаръ, Герберштеинъ сказываетъ, что они были средняго росту, черноволосые, широколицые съ маленькими, впалыми глазами, и что знатнѣйшіе носили длинныя плетенки или косы: въ семъ изображеніи еще узнаемъ истинныхъ Моголовъ, нынѣшнихъ Калмыковъ и Киргизовъ. Сему же Писателю обязаны мы изъясненіемъ достоинствъ и чиновъ Татарскихъ. Солтанами назывались сыновья Ханскіе, Уланами главнѣйшіе по Ханѣ сановники, Беями Князья, ихъ дѣти Мурзами, Первосвященники (Магометова рода) Сеитами (413).

Сѣверъ Россіи былъ еще предметомъ баснословія для самыхъ Москвитянъ. Увѣряли, что тамъ, на берегахъ Океана, въ горахъ, пылаетъ неугасимый огнь Чистилища; что въ Лукоморьѣ есть люди, которые ежегодно 27 Ноября, въ день Св. Георгія, умираютъ, а 24 Апрѣля оживаютъ снова; что они передъ смертію сносятъ товары свои въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди, въ теченіе зимы, могутъ брать оные, за всякую вещь оставляя должную плату и не смѣя обманывать: ибо мертвецы, воскресая весною, расчитываются съ ними и всегда наказываютъ безсовѣстныхъ; что тамъ есть и другіе чудесные люди, покрытые звѣриною шерстью, съ собачьими головами, съ лицемъ на груди, съ длинными руками, но безногіе; есть рыбы человѣкообразные, но только нѣмые и проч. Сіи басни питали любопытство грубыхъ умовъ. Однакожь Москвитяне уже знали имена всѣхъ главныхъ рѣкъ Западной Сибири. Они сказывали, что Обь вытекаетъ изъ озера (Телейскаго); что за сею рѣкою и за Иртышемъ находятся два города, *Серпоновъ* и *Грустина*, коихъ жители получаютъ жемчугъ

и драгоцѣнные каменья отъ *черныхъ людей,* обитающихъ близъ озера Китая. Мы обязаны были сими свѣдѣніями господству Великихъ Князей надъ землею Пермскою и Югорскою. Лапландія также платила намъ дань. Дикіе жители ея приходили иногда въ сосѣдственныя Россійскія области, начинали заимствовать нѣкоторыя гражданскія обыкновенія и ласково угощали купцевъ иноземныхъ, которые привозили къ нимъ вещи нужныя для хозяйства (414).

Вообще Герберштейново описаніе Россіи есть важное твореніе для нашей Исторіи XVI вѣка, хотя и содержитъ въ себѣ нѣкоторыя ошибки.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ VIII.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ІОАННЪ IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ II.

Г. 1533 — 1538.

Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Іоанна. Составъ Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинскій и Телепневъ. Присяга Іоанну. Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Общій страхъ. Измѣна К. Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго. Заключеніе и смерть Михаила Глинскаго. Смерть Князя Юрія. Бѣгство, умыселъ и заключеніе К. Андрея Іоанновича. Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ. Смерть К. Андрея. Дѣла внѣшнія. Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею. Молдавія. Посланникъ Турецкій. Астрахань. Дѣла Ногайскія. Посольство къ Карлу V. Присяга Казанцевъ. Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. Нападеніе Крымцевъ. Война съ Литвою. Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ. Строеніе крѣпостей въ Литвѣ. Набѣгъ Крымцевъ. Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ. Мятежъ Казани. Шигъ-Алей въ милости. Война съ Казанью. Побѣда надъ Литвою. Крѣпости на Литовской границѣ. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Ислама. Угрозы Саипъ-Гирея. Строеніе Китая города и новыхъ крѣпостей. Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Общая нелюбовь къ Еленѣ. Кончина Правительницы.

Г. 1533. Безпокойство Россіянъ о малолѣтствѣ Государя.

Не только искренняя любовь къ Василію производила общее сѣтованіе о безвременной кончинѣ его; но и страхъ, что будетъ съ Государствомъ? волновалъ души. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтнаго Властителя; никогда — если исключимъ древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственнаго въ рукахъ юной жены и чужеземки, Литовскаго, ненавистнаго рода. На тронѣ не бываетъ предателей: опасались Елениной неопытности, естественныхъ слабостей, пристрастія къ Глинскимъ, коихъ имя напоминало измѣну. Хотя лесть придворная славила добродѣтели Великой Княгини, ея боголюбіе, милость, справедливость, мужество сердца, проницаніе ума и явное сходство съ безсмертною супругою Игоря (1); но благоразумные уже и тогда умѣли отличать языкъ Двора и лести отъ языка истины: знали, что добродѣтель Царская, трудная и для мужа съ крѣпкими мышцами, еще гораздо труднѣе для юной, нѣжной, чувствительной жены, болѣе подверженной дѣйствію слѣпыхъ, пылкихъ страстей. Елена опиралась на Думу Боярскую: тамъ засѣдали опытные Совѣтники Трона; но Совѣтъ безъ Государя есть какъ тѣло безъ главы: кому управлять его движеніемъ, сравнивать и рѣшить мнѣнія, обуздывать самолюбіе лицъ пользою общею? Братья Государевы и двадцать Бояръ знаменитыхъ составляли сію верховную Думу: Князья Бѣльскіе, Шуйскіе, Оболенскіе, Одоевскіе, Горбатый, Пеньковъ, Кубенскій, Барбашинъ, Микулинскій, Ростовскій, Бутурлинъ, Воронцовъ, Захарьинъ, Морозовы; но нѣкоторые изъ нихъ, будучи областными Намѣстниками, жили въ другихъ городахъ, и не присутствовали въ оной (2).

Г. 1533. Составъ Государственной Думы.

Главные Вельможи Глинскій и Телепневъ.

Два человѣка казались важнѣе всѣхъ иныхъ по ихъ особенному вліянію на умъ Правительницы: старецъ Михаилъ Глинскій, ея дядя, честолюбивый, смѣлый, самимъ Василіемъ назначенный быть ей главнымъ совѣтникомъ (3), и Конюшій Бояринъ, Князь Иванъ Ѳеодоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, юный лѣтами и подозрѣваемый въ сердечной связи съ Еленою (4). Полагали, что сіи два Вельможи, въ согласіи между собою, будутъ законодателями Думы, которая рѣшила дѣла внѣшнія именемъ Іоанна, а дѣла внутреннія именемъ Великаго Князя и его матери (5).

Первымъ дѣйствіемъ новаго Правленія было торжественное собраніе Духо-

г. 1533. Присяга Іоанну. венства, Вельможъ и народа въ храмѣ Успенскомъ, гдѣ Митрополитъ благословилъ Державнаго младенца властвовать надъ Россіею и давать отчетъ единому Богу. Вельможи поднесли Іоанну дары, послали чиновниковъ во всѣ предѣлы Государства извѣстить гражданъ о кончинѣ Василія, и клятвеннымъ обѣтомъ утвердить ихъ въ вѣрности къ Іоанну (6).

Заключеніе Князя Юрія Іоанновича. Едва минула недѣля въ страхѣ и надеждѣ, вселяемыхъ въ умы государственными перемѣнами, когда столица была поражена несчастною судьбою Князя Юрія Іоанновича Дмитровскаго, старшаго дяди Государева, или оклеветаннаго или дѣйствительно уличеннаго въ тайныхъ видахъ беззаконнаго властолюбія: ибо сказанія Лѣтописцевъ несогласны. Пишутъ, что Князь Андрей Шуйскій, сидѣвъ прежде въ темницѣ за побѣгъ отъ Государя въ Дмитровъ, былъ милостиво освобожденъ вдовствующею Великою Княгинею, но вздумалъ измѣнить ей, возвести Юрія на престолъ, и въ семъ намѣреніи открылся Князю Борису Горбатому, усердному Вельможѣ, который съ гнѣвомъ изобразилъ ему всю гнусность такой измѣны. Шуйскій увидѣлъ свою неосторожность, и боясь доноса, рѣшился прибѣгнуть къ безстыдной лжи: объявилъ Еленѣ, что Юрій тайно подговариваетъ къ себѣ знатныхъ чиновниковъ, его самого и Князя Бориса, готоваго немедленно уѣхать въ Дмитровъ. Князь Борисъ доказалъ клевету и замыслъ Шуйскаго возмутить спокойствіе Государства: первому изъявили благодарность, а втораго посадили въ башню. Но Бояре, излишно осторожные, представили Великой Княгинѣ, что если она хочетъ мирно царствовать съ сыномъ, то должна заключить и Юрія, властолюбиваго, привѣтливаго, любимаго многими людьми и весьма опаснаго для Государя-младенца. Елена, непрестанно оплакивая супруга, сказала имъ: «вы видите мою горесть: дѣлайте, что надобно для пользы Государства.» Между тѣмъ нѣкоторые изъ вѣрныхъ слугъ Юріевыхъ, свѣдавъ о намѣреніи Бояръ Московскихъ, убѣждали Князя своего, совершенно невиннаго и спокойнаго, удалиться въ Дмитровъ. «Тамъ» — говорили они — «никто не посмѣетъ косо взглянуть на тебя; а здѣсь не минуешь бѣды.» Юрій съ твердостію отвѣтствовалъ: «Я пріѣхалъ въ Москву закрыть глаза Государю брату и клялся въ вѣрности къ г. 1533. моему племяннику; не преступлю цѣлованія крестнаго и готовъ умереть въ своей правдѣ» (7).

Но другое преданіе обвиняетъ Юрія, оправдывая Боярскую Думу. Увѣряютъ, что онъ дѣйствительно чрезъ Дьяка своего Тишкова, подговаривалъ Князя Андрея Шуйскаго вступить къ нему въ службу. «Гдѣ же совѣсть?» сказалъ Шуйскій: «вчера Князь вашъ цѣловалъ крестъ Государю Іоанну, а нынѣ манитъ къ себѣ его слугъ.» Дьякъ изъяснялъ, что сія клятва была невольная и беззаконная; что Бояре, взявъ ее съ Юрія, сами не дали ему никакой, вопреки уставу о присягахъ взаимныхъ. Шуйскій извѣстилъ о томъ Князя Бориса Горбатаго, Князь Борисъ Думу, а Дума Елену, которая велѣла Боярамъ дѣйствовать согласно съ ихъ обязанностію (8).

Замѣтимъ, что *первое* сказаніе вѣроятнѣе: ибо Князь Андрей Шуйскій во все правленіе Елены сидѣлъ въ темницѣ (9). Какъ бы то ни было, 11 Декабря взяли Юрія, вмѣстѣ со всѣми его Боярами, подъ стражу и заключили въ той самой палатѣ, гдѣ кончилъ жизнь юный Великій Князь Димитрій. Предзнаменованіе бѣдственное! ему надлежало исполниться.

Такое начало Правленія свидѣтельствовало грозную его рѣшительность. Жалѣли о несчастномъ Юріи; боялись тиранства: а какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ Государь, и самая Правительница дѣйствовала по внушеніямъ Совѣта, то Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей Олигархіи, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться отъ одного, нежели отъ двадцати гонителей. Самодержецъ гнѣвный уподобляется раздраженному Божеству, предъ Коимъ надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имѣютъ сей выгоды въ глазахъ народа: онъ видитъ въ нихъ людей ему подобныхъ, и тѣмъ болѣе ненавидитъ злоупотребленіе власти. Говорили, что Бояре хотѣли погубить Юрія, въ надеждѣ своевольствовать, ко вреду отечества (10); что другіе родственники Государевы должны ожидать такой же участи — и сіи мысли, естественнымъ образомъ представляясь уму, сильно дѣйствовали не только на Юріева меньшаго брата, Андрея, но и на ихъ племянниковъ, Князей Бѣльскихъ, столь ласково порученныхъ Василіемъ Боя- Общій страхъ.

Кончина Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго.

рамъ въ послѣднія минуты его жизни. Князь Симеонъ Θеодоровичъ Бѣльскій и знатный Окольничій Иванъ Лятцкій, родомъ изъ Пруссіи, мужъ опытный въ дѣлахъ воинскихъ, готовили полки въ Серпуховѣ на случай войны съ Литвою: недовольные Правительствомъ, они сказали себѣ, что Россія не есть ихъ отечество ([11]), тайно снеслися съ Королемъ Сигизмундомъ и бѣжали въ Литву. Сія неожидаемая измѣна удивила Дворъ, и новыя жестокости были ея слѣдствіемъ. Князь Иванъ Бѣльскій, главный изъ Воеводъ и Членъ Верховнаго Совѣта, находился тогда въ Коломнѣ, учреждая станъ для войска: его и Князя Воротынскаго съ юными сыновьями взяли, оковали цѣпями, заточили какъ единомышленниковъ Симеоновыхъ и Лятцкаго, безъ улики, по крайней мѣрѣ безъ суда торжественнаго; но старшаго изъ Бѣльскихъ, Князя Димитрія, также Думнаго Боярина, оставили въ покоѣ какъ невиннаго. — Дотолѣ считали Михаила Глинскаго душею и вождемъ Совѣта: съ изумленіемъ узнали, что онъ не могъ ни губить другихъ, ни спасти самого себя. Сей человѣкъ имѣлъ великодушіе, и бѣдственнымъ концемъ своимъ оправдалъ довѣренность къ нему Василіеву. Съ прискорбіемъ видя нескромную слабость Елены къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который, владѣя сердцемъ ея, хотѣлъ управлять и Думою и Государствомъ, Михаилъ, какъ пишутъ, смѣло и твердо говорилъ племянницѣ о стыдѣ разврата, всегда гнуснаго, еще гнуснѣйшаго на тронѣ, гдѣ народъ ищетъ добродѣтели, оправдывающей власть Самодержавную. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телепневъ предложилъ: Елена согласилась, и Глинскій, обвиняемый въ мнимомъ, нелѣпомъ замыслѣ овладѣть Государствомъ, вмѣстѣ съ ближнимъ Бояриномъ и другомъ Василіевымъ, Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, безъ сомнѣнія также добродѣтельнымъ, былъ лишенъ вольности, а скоро и жизни, въ той самой темницѣ, гдѣ онъ сидѣлъ прежде ([12]): мужъ знаменитый въ Европѣ умомъ и пылкими страстями, счастіемъ и бѣдствіемъ, Вельможа и предатель двухъ Государствъ, помилованный Василіемъ для Елены и замученный Еленою, достойный гибели измѣнника, достойный и славы великодушнаго страдальца въ одной и той же темницѣ! Глинскаго схоронили, безъ всякой чести, въ церкви

г. 1534.

Заключеніе и смерть Михаила Глинскаго.

Св. Никиты за Неглинною; но одумались, вынули изъ земли и отвезли въ монастырь Троицкій, изготовивъ тамъ пристойнѣйшую могилу для Государева дѣда; но Воронцовъ, только удаленный отъ Двора, пережилъ своихъ гонителей, Елену и Князя Ивана Телепнева: бывъ Намѣстникомъ Новогородскимъ, онъ умеръ уже въ 1539 году съ достоинствомъ Думнаго Боярина ([13]).

Еще младшій дядя Государевъ, Князь Андрей Іоанновичъ, будучи слабаго характера и не имѣя никакихъ свойствъ блестящихъ, пользовался наружными знаками уваженія при Дворѣ и въ Совѣтѣ Бояръ, которые въ сношеніяхъ съ иными Державами давали ему имя перваго попечителя Государственнаго ([14]); но въ самомъ дѣлѣ онъ ни мало не участвовалъ въ правленіи; оплакивалъ судьбу брата, трепеталъ за себя и колебался въ нерѣшимости: то хотѣлъ милостей отъ Двора, то являлъ себя нескромнымъ его хулителемъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ любимцевъ. Черезъ шесть недѣль по кончинѣ Великаго Князя, находясь еще въ Москвѣ, онъ смиренно билъ челомъ Еленѣ о прибавленіи новыхъ областей къ его Удѣлу: ему отказали, но, согласно съ древнимъ обычаемъ, дали, въ память усопшаго, множество драгоцѣнныхъ сосудовъ, шубъ, коней съ богатыми сѣдлами. Андрей уѣхалъ въ Старицу, жалуясь на Правительницу. Вѣстовщики и наушники не дремали: одни сказывали сему Князю, что для него уже готовятъ темницу; другіе доносили Еленѣ, что Андрей злословитъ ее. Были разныя объясненія, для коихъ Бояринъ, Князь Иванъ Шуйскій, ѣздилъ въ Старицу и самъ Андрей въ Москву: увѣряли другъ друга въ любви, и съ обѣихъ сторонъ не вѣрили словамъ, хотя Митрополитъ ручался за истину оныхъ. Елена желала знать, кто ссоритъ ее съ деверемъ? онъ не именовалъ никого, отвѣтствуя: «мнѣ самому такъ казалось!» Разстались ласково, но безъ искренняго примиренія.

г. 1536. Смерть Князя Юрія.

Въ сіе время — 26 Августа, 1536 года — Князь Юрій Іоанновичъ умеръ въ темницѣ *отъ голода*, какъ пишутъ ([15]). Андрей былъ въ ужасѣ. Правительница звала его въ Москву на совѣтъ о дѣлахъ внѣшней политики: онъ сказался больнымъ и требовалъ врача. Извѣстный лекарь Θеофилъ не нашелъ въ немъ никакой важной болѣзни ([16]). Елену тай-

но извѣстили, что Андрей не смѣетъ ѣхать въ столицу и думаетъ бѣжать. Между тѣмъ сей несчастный писалъ къ ней: «Въ болѣзни и тоскѣ *я отбылъ ума и мысли*. Согрѣй во мнѣ сердце милостію. Не уже ли велитъ Государь влачить меня отсюда на носилахъ?» Елена послала Крутицкаго Владыку Досиѳея, вывести его изъ неосновательнаго стра-
г. 1537. ха, или, въ случаѣ злаго намѣренія, объявить ему клятву церковную. Тогда же Бояринъ Андреевъ, отправленный имъ въ Москву, былъ задержанъ на пути, и Князья Оболенскіе, Никита Хромый съ Конюшимъ Телепневымъ, предводительствуя многочисленною дружиною, вступили въ Волокъ, чтобы гнаться за бѣглецомъ, если Досиѳеевы увѣщанія останутся безполезными. Андрею сказали, что Оболенскіе идутъ схватить его: онъ немедленно выѣхалъ изъ Старицы съ женою и съ юнымъ сыномъ; остановился въ шестидесяти верстахъ, думалъ и рѣшился — быть преступникомъ: собрать войско, овладѣть Новымгородомъ и всею Россіею, буде возможно; послалъ грамоты къ областнымъ Дѣтямъ Боярскимъ и писалъ къ нимъ: «Великій Князь младенецъ; вы служите только Боярамъ. Идите ко мнѣ: я готовъ васъ жаловать.» Многіе изъ нихъ дѣйствительно явились къ нему съ усердіемъ; другіе представили мятежныя грамоты въ Государственную Думу. Надлежало взять сильныя мѣры: Князь Никита Оболенскій спѣшилъ защитить Новгородъ, а Князь Иванъ Телепневъ шелъ съ дружиною въ слѣдъ за Андреемъ, который, оставивъ большую дорогу, поворотилъ влѣво къ Старой Русѣ. Князь Иванъ настигъ его въ Тюхоли: устроилъ воиновъ, распустилъ знамя и хотѣлъ начать битву. Андрей также вывелъ свою дружину, обнаживъ мечь; но колебался и вступилъ въ переговоры, требуя клятвы отъ Телепнева, что Государь и Елена не будутъ ему мстить. Телепневъ далъ сію клятву, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ Великая Княгиня, по словамъ Лѣтописца, изъявила гнѣвъ своему любимцу, который будто бы самъ собою, безъ вѣдома Государева, увѣрилъ мятежника въ безопасности, и велѣла Андрея оковать, заключить въ тѣсной палатѣ; къ Княгинѣ его и сыну приставили стражу; Бояръ его, совѣтниковъ, вѣрныхъ слугъ пытали, не смотря на ихъ знатный Княжескій санъ: нѣкоторые умерли въ мукахъ, иные въ

Бѣгство, умыселъ и заключеніе Князя Андрея Іоанновича.

Казнь Бояръ и Дѣтей Боярскихъ.

темницахъ; а Дѣтей Боярскихъ, взявшихъ сторону Андрееву, числомъ тридцать, повѣсили какъ измѣнниковъ на дорогѣ Новогородской, въ большомъ разстояніи одинъ отъ другаго. — Андрей имѣлъ участь брата: умеръ насильственною смертію чрезъ шесть мѣсяцевъ, и подобно ему, былъ съ честію погребенъ въ церкви Архангела Михаила. Онъ конечно заслуживалъ наказаніе, ибо дѣйствительно замышлялъ бунтъ; но казни *тайныя* всегда доказываютъ малодушную злобу, всегда беззаконны, и притворный гнѣвъ Елены на Князя Телепнева не могъ оправдать вѣроломства.

г. 1537.

Смерть Князя Андрея.

Такимъ образомъ въ четыре года Елениня правленія именемъ юнаго Великаго Князя умертвили двухъ единоутробныхъ братьевъ его отца и дядю матери, брата внучатнаго ввергнули въ темницу, обезчестили множество знатныхъ родовъ торговою казнію Андреевыхъ Бояръ, между коими находились Князья Оболенскіе, Пронскій, Хованскій, Палецкій. Опасаясь гибельныхъ дѣйствій слабости въ малолѣтство Государя Самодержавнаго, Елена считала жестокость твердостію; но сколь послѣдняя, основанная на чистомъ усердіи къ добру, необходима для государственнаго блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нѣтъ Правительства, которое для своихъ успѣховъ не имѣло бы нужды въ любви народной. — Елена предавалась въ одно время и нѣжностямъ беззаконной любви и свирѣпству кровожадной злобы!

Въ дѣлахъ внѣшней Политики Правительница и Дума не уклонялись отъ системы Василіевой: любили миръ и не страшились войны.

Дѣла политическія.

Извѣстивъ сосѣдственныя Державы о восшествіи Іоанновомъ на престолъ, Елена и Бояре утвердили дружественныя связи съ Швеціею, Ливоніею, Молдавіею, съ Князьями Ногайскими и съ Царемъ Астраханскимъ. Въ 1535 и 1537 году Послы Густава Вазы были въ Москвѣ съ привѣтствіемъ, отправились въ Новгородъ и заключили тамъ шестидесятилѣтнее перемиріе ([17]). Густавъ обязался не помогать Литвѣ, ни Ливонскому Ордену въ случаѣ ихъ войны съ нами. Условились: 1) выслать Пословъ на Оксу рѣку для возстановленія древнихъ границъ, бывшихъ между Швеціею и Россіею при Королѣ Магнусѣ; 2) Россіянамъ въ Швеціи, Шведамъ въ Россіи торговать свободно, подъ охране-

г. 1534—1538.

Перемиріе съ Швеціею и съ Ливоніею.

г. 1534—1538.

ніемъ законовъ; 3) возвратить бѣглецовъ съ обѣихъ сторонъ. Повѣренными Густава были Кнутъ Андерсонъ и Біорнъ Классонъ, а Россійскими Князь Борисъ Горбатый и Михайло Семеновичь Воронцовъ, Думные Бояре, Намѣстники Новогородскіе, которые, въ 1535 году, утвердили миръ и съ Ливоніею на семнадцать лѣтъ ([18]). Уже старецъ Плеттенбергъ, знаменитѣйшій изъ всѣхъ Магистровъ Ордена, скончался: преемникъ его, Германъ Фонъ Брюггеней, и Рижскій Архіепископъ отъ имени всѣхъ *Златоносцевъ* или Рыцарей, *Нѣмецкихъ Бояръ* и *Ратмановъ* Ливоніи убѣдительно молили Великаго Князя о дружбѣ и покровительствѣ. Уставили, чтобы рѣка Нарова, какъ и всегда, служила границею между Ливоніею и Россіею; чтобы не препятствовать взаимной торговлѣ никакими дѣйствіями насилія, и даже въ случаѣ самой войны не трогать купцевъ, ни ихъ достоянія; чтобы не казнить Россіянъ въ Ливоніи, ни Ливонцевъ въ Россіи безъ вѣдома ихъ Правительствъ; чтобы Нѣмцы *берегли* церкви и жилища Русскія въ своихъ городахъ, и проч. Въ окончаніи договора сказано: «А кто преступитъ клятву, на того Богъ и клятва, моръ, гладъ, огнь и мечь.»

Молдавія.

Воевода Молдавскій, Петръ Стефановичь, также ревностно искалъ нашего покровительства; хотя уже и платилъ легкую дань Султану, но еще именовался Господаремъ вольнымъ: имѣлъ свою особенную политическую систему, воевалъ и мирился, съ кѣмъ хотѣлъ, и правилъ землею какъ Самодержецъ. Россія единовѣрная могла вступаться за него въ Константинополѣ, въ Тавридѣ, и вмѣстѣ съ нимъ обуздывать Литву ([19]). Именитый Бояринъ Молдавскій, Сунжаръ, въ 1535 году былъ въ Москву, а нашъ Посолъ Заболоцкій ѣздилъ къ Петру съ увѣреніемъ, что Великій Князь не оставитъ его ни въ какомъ случаѣ. Россія дѣйствительно имѣла въ немъ весьма усерднаго союзника противъ Сигизмунда, коему онъ не давалъ покоя, готовый всегда разорять Польскія земли; но не могла быть ему щитомъ отъ грознаго Солимана, который (въ 1537 году) огнемъ и мечемъ опустошилъ всю Молдавію, требуя *урочной*, знатной дани и совершеннаго подданства отъ жителей. Они не смѣли противиться, однакожь вымолили у Султана право избирать собственныхъ Владѣтелей, и еще около ста лѣтъ пользовались онымъ ([20]). Турки взяли казну Господарскую, множество золота, нѣсколько Діадимъ, богатыхъ иконъ и крестовъ Стефана Великаго. Въ Москвѣ жалѣли о бѣдствіи сей единовѣрной Державы, не думая о способахъ облегчить ея судьбу. Правительница и Бояре не разсудили за благо возобновить сношенія съ Константинополемъ, и Солиманъ (въ 1538 году) приславъ въ Москву Грека Андреяна *для* разныхъ покупокъ, въ ласковомъ письмѣ къ юному Іоанну жаловался на сію холодность, хваляся своею дружбою съ его родителемъ ([21]).

Посланникъ Турецкій.

Астрахань.

Къ Царю Астраханскому, Абдылъ-Рахману, посылали Боярскаго сына съ предложеніемъ союза: опасаясь и Хана Крымскаго и Ногаевъ, Царь съ благодарностію принялъ оное, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ лишился трона: Ногаи взяли Астрахань, изгнали Абдылъ-Рахмана, и на его мѣсто объявили Царемъ какого-то Дервешелея ([22]). Имѣя съ Россіею выгодный торгъ, Князья сихъ многолюдныхъ степныхъ Ордъ, Шійдякъ, Мамай, Кошумъ и другіе, хотѣли быть въ мирѣ съ нею, но жаловались, что наши Козаки Мещерскіе не даютъ имъ покоя, тысячами отгоняютъ лошадей и берутъ людей въ плѣнъ; требовали удовлетворенія, даровъ (собольихъ шубъ, суконъ, доспѣховъ), уваженія и чести: на примѣръ, чтобы Великій Князь называлъ ихъ въ письмахъ *братьями* и *Государями*, какъ Хановъ не уступающихъ въ достоинствѣ Крымскому, и посылалъ къ нимъ не малочиновныхъ людей, а Бояръ для переговоровъ; грозили, въ случаѣ отказа, местію, напоминая, что отцы ихъ видали Москву, а дѣти также могутъ заглянуть въ ея стѣны; хвалились, что у нихъ 300 тысячь воиновъ, и летаютъ какъ птицы. Бояре обѣщали имъ управу и договаривались съ ними о свободной торговлѣ, которая обогащала Россію лошадьми и скотомъ: на примѣръ, съ Ногайскими Послами въ 1534 году было 5000 купцевъ и 50,000 лошадей, кромѣ другаго скота. Сверхъ того сіи Князья обязывались извѣщать Государя о движеніяхъ Крымской Орды и не впускать ея разбойниковъ въ наши предѣлы. Шійдякъ считалъ себя главою всѣхъ Ногаевъ и писалъ къ Іоанну, чтобы онъ давалъ ему, какъ Хану, *урочные поминки*. Бояре отвѣтствовали: Государь *жалуетъ* и Хановъ и Князей, смотря по

Дѣла Ногайскія.

г. 1534 —1538. ихъ *услугамъ*, а не даетъ никому *урока*.» Мамай, именуясь Калгою Шійдяковымъ, отличался въ грамотахъ своихъ краснорѣчіемъ и какою-то Философіею. Изъявляя Великому Князю сожалѣніе о кончинѣ его родителя, онъ говорилъ: «Любезный братъ! не ты и не я произвели смерть, но Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, дѣти наслѣдуютъ ихъ достояніе. Плачу съ тобою; но покоримся необходимости» (23)! Сіи Ногайскія грамоты, писанныя высокопарнымъ слогомъ Восточнымъ, показываютъ нѣкоторое образованіе ума, замѣчательное въ народѣ кочующемъ.

Посольство къ Карлу V. Правительница и Бояре хотѣли возобновить дружественную связь и съ Императоромъ: въ 1538 году Послы наши, Юрій Скобельцынъ и Дмитрій Васильевъ, ѣздили къ Карлу V и къ его брату, Фердинанду, Королю Венгерскому и Богемскому (24). Мы не имѣемъ ихъ наказа и донесеній.

Но главнымъ предметомъ нашей Политики были Таврида, Литва и Казань. Юный Іоаннъ предлагалъ союзъ Хану Саипъ-Гирею, миръ Сигизмунду и покровительство Еналею. Царь и народъ Казанскій новыми клятвенными грамотами обязались совершенно зависѣть отъ Россіи. Король Сигизмундъ отвѣтствовалъ гордо: «Могу согласиться на миръ, если юный Великій Князь уважитъ мою старость и пришлетъ своихъ Пословъ ко мнѣ или на границу» (25). Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанновымъ, Король требовалъ всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василіемъ; предвидя отказъ, вооружался и склонилъ Хана къ союзу съ Литвою противъ Россіи. Еще гонецъ нашъ не возвратился отъ Саипъ-Гирея, когда узнали въ Москвѣ о впаденіи Татаръ Азовскихъ и Крымскихъ, въ Рязанскія области, гдѣ, на берегахъ Прони, Воеводы Князья Пунковъ и Гатевъ побили ихъ на голову (26). За сей первый воинскій успѣхъ Іоаннова государствованія Воеводамъ торжественно изъявили благоволеніе Великаго Князя.

(Margin notes: Присяга Казанцевъ. — Гордый отвѣтъ Сигизмундовъ. — Нападеніе Крымцевъ.)

Хотя, увѣренные въ неминуемой войнѣ съ Королемъ, Правительница и Бояре спѣшили изготовиться къ ней: но Сигизмундъ предупредилъ ихъ. Съ особенною милостію принявъ нашихъ измѣнниковъ, Князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго, давъ имъ богатыя помѣстья (27) и слушая ихъ разказы о слабостяхъ Елены, о тиранствѣ Вельможъ, о неудовольствіи народа, Король замыслилъ вдругъ отнять у насъ всѣ Іоанновы и Василіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Кіевскій Воевода, Андрей Нѣмировъ со многочисленною ратію вступивъ въ предѣлы Сѣверскіе, осадилъ Стародубъ и выжегъ его предмѣстіе; но смѣлая вылазка Россіянъ, подъ начальствомъ храбраго мужа, Андрея Левина, такъ испугала Литовцевъ, что они ушли въ безпорядкѣ, а Намѣстникъ Стародубскій, Князь Александръ Кашинъ, прислалъ въ Москву 40 непріятельскихъ пушкарей со всѣмъ ихъ снарядомъ и съ знатнымъ чиновникомъ Суходольскимъ, взятымъ въ плѣнъ. Чтобы загладить первую неудачу, Литовцы сожгли худоукрѣпленный Радогощъ (гдѣ сгорѣлъ и мужественный Воевода Московскій, Матвѣй Лыковъ), плѣнили многихъ жителей, обступили Черниговъ и нѣсколько часовъ стрѣляли въ городъ изъ большихъ пушекъ. Тамъ былъ Воеводою Князь Ѳеодоръ Мезецкій, умный и бодрый. Онъ не далъ непріятелю приближиться къ стѣнамъ, искусно дѣйствуя снарядомъ огнестрѣльнымъ; и когда пальба ночью затихла, выслалъ Черниговцевъ ударить на станъ Литовскій, гдѣ сіе неожидаемое нападеніе произвело страшную тревогу: томные, сонные Литовцы едва могли обороняться; во тьмѣ убивали другъ друга; бѣжали во всѣ стороны; оставали намъ въ добычу обозъ и пушки. На разсвѣтѣ уже не было ни одного непріятеля подъ городомъ: Сигизмундовъ Воевода съ отчаяніемъ и стыдомъ ушелъ въ Кіевъ. Такъ Король обманулся въ своей надеждѣ завоевать Украйну, беззащитную, какъ ему говорили наши измѣнники, Бѣльскій и Лятцкій. Въ то же время другой Воевода его, Князь Александръ Вишневецкій, явился подъ стѣнами Смоленска: тамошній Намѣстникъ, Князь Никита Оболенскій, не далъ ему сжечь посада, отразилъ и гналъ его нѣсколько верстъ (28).

(Margin notes: г. 1534. Война съ Литвою. Сентября 3. — 13 Сентября.)

Узнавъ о сихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ, наша Боярская Дума, въ присутствіи юнаго Великаго Князя и Елены, требовала благословенія отъ Митрополита на войну съ Литвою; а Митрополитъ, обратясь къ Державному младенцу, сказалъ: «Государь: защити себя и насъ. Дѣйствуй: мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ?» Полки въ глубокую осень выступили изъ Москвы, съ двумя главными Воеводами, Князьями 28 Октября.

г. 1534. Михайломъ Горбатымъ и Никитою Оболенскимъ; любимецъ Елены, Телепневъ, желая славы мужества, велъ передовый полкъ. Отъ границъ Смоленска запылали села и предмѣстія городовъ Литовскихъ: Дубровны, Орши, Друцка, Борисова. Не встрѣчая непріятеля въ полѣ, и не занимаясь осадою крѣпостей, Воеводы Московскіе съ огнемъ и мечемъ дошли до Молодечны, гдѣ присоединился къ нимъ, съ Новогородцами и Псковитянами, Намѣстникъ Князь Борисъ Горбатый, опустошивъ всѣ мѣста вокругъ Полоцка, Витебска, Бряславля. Не смотря на глубокіе снѣга и жестокіе морозы, они пошли къ Вильнѣ: тамъ находился самъ Король, встревоженный близостію враговъ; заботился, приказывалъ, и не могъ ничего сдѣлать Россіянамъ, коихъ было около 150.000 (29). Легкіе отряды ихъ жгли и грабили въ пятнадцати верстахъ отъ Вильны. Но Воеводы наши, довольные его ужасомъ и разореніемъ Литвы — истребивъ въ ней жилища и жителей, скотъ и хлѣбъ, до предѣловъ Ливоніи, — не потерявъ ни одного человѣка въ битвѣ, съ плѣнниками и добычею возвратились въ Россію, чрезъ область Псковскую, въ началѣ Марта. — Другіе Воеводы, Князья Ѳедоръ Телепневъ и Тростенскіе, ходили изъ Стародуба къ Мозырю, Турову, Могилеву, и съ такимъ же успѣхомъ: вездѣ жгли, убивали, плѣняли, и нигдѣ не сражались (30). Не личная слабость престарѣлаго Сигизмунда, но государственная слабость Литвы объясняетъ для насъ возможность такихъ истребительныхъ *воинскихъ прогулокъ*. Не было устроеннаго, всегдашняго войска; надлежало собирать его долго, и Правительство Литовское не имѣло способовъ нашего — то есть, сильнаго, твердаго Самодержавія; а Польша, съ своими вельможными Панами составляя еще особенное Королевство, неохотно вооружалась для защиты Литвы. Къ чести Россіянъ Лѣтописецъ сказываетъ, что они въ грабежахъ своихъ не касались церквей православныхъ, и многихъ единовѣрцевъ великодушно отпускали изъ плѣна.

Слѣдствіемъ Литовскаго союза съ Ханомъ было то, что Царевичъ Исламъ возсталъ на Саипъ-Гирея за Россію, какъ пишутъ (31), вспомнивъ старую съ нами дружбу; преклонилъ къ себѣ Вельможъ, свергнулъ Хана и началъ господствовать подъ именемъ Царя; а Саипъ засѣлъ въ Киркорѣ, объявивъ Ислама мятежникомъ, и надѣялся смирить его съ помощію Султана. Сія перемѣна казалась для насъ счастливою: Исламъ, боясь Турковъ, предложилъ тѣсный союзъ Великому Князю, и писалъ, что 20,000 Крымцевъ уже воюютъ Литву. Бояре Московскіе, нетерпѣливо желая воспользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ новаго Хана, велѣли ѣхать Князю Александру Стригину Посломъ въ Тавриду: сей чиновникъ своевольно остался въ Новогородкѣ и написалъ къ Великому Князю, что Исламъ обманываетъ насъ: будучи единственно Калгою, именуется Царемъ, и не давно, въ присутствіи Литовскаго Посла Горностаевича, далъ Сигизмунду клятву быть врагомъ Россіи, исполняя волю Саипъ-Гирееву. Сіе извѣстіе было несправедливо: Стригину объявили гнѣвъ Государевъ, и вмѣсто его отправили Князя Мезецкаго къ Исламу, чтобы какъ можно скорѣе утвердить съ нимъ важный для насъ союзъ. Ханъ не замедлилъ прислать въ Москву и договорную, *шертную* грамоту; но Бояре, увидѣвъ въ ней слова: «кто недругъ Великому Князю, а мнѣ другъ, тотъ и ему другъ,» не хотѣли взять ее. Наконецъ Исламъ согласился исключить сіе оскорбительное для насъ условіе, клялся въ любви къ *младшему* своему брату Іоанну, и хвалился великодушнымъ безкорыстіемъ, увѣряя, что онъ презрѣлъ богатые дары Сигизмундовы, 10,000 золотыхъ и 200 поставовъ сукна; требовалъ отъ насъ благодарности, пушекъ, пятидесяти-тысячь *денегъ*, и жаловался, что Великій Князь не исполнилъ родительскаго духовнаго завѣщанія, коимъ будто-бы умирающій Василій въ знакъ дружбы отказалъ ему (Исламу) половину казны своей. Ханъ ручался за безопасность нашихъ предѣловъ, извѣстивъ Государя, что Саипъ-Гиреевъ Вельможа, Князь Булгакъ, вышелъ изъ Перекопи съ толпами разбойниковъ, но конечно не посмѣетъ тревожить Россіи. Хотя Булгакъ, въ противность Исламову увѣренію, вмѣстѣ съ Дашковичемъ, Атаманомъ Днѣпровскихъ Козаковъ, нечаяннымъ впаденіемъ въ Сѣверскую область сдѣлалъ не мало вреда ея жителямъ; хотя Бояре Московскіе именемъ Великаго Князя жаловались на то Исламу: однакожь соблюдали умѣренность

г. 1534. Исламъ господствуетъ въ Тавридѣ.

г. 1535.

1533.

въ упрекахъ, не грозили ему местію, а показывали, что вѣрятъ его искренней къ намъ дружбѣ (32).

Тогда прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Князя Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго: не хотѣвъ служить измѣнникамъ, они пограбили казну господъ своихъ, и донесли нашимъ Боярамъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы: Князь Василій Шуйскій, главный Воевода, съ Елениньмъ любимцемъ, Телепневымъ, который вторично принялъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля; нигдѣ не видали его, выжгли предмѣстіе Мстиславля, взяли острогъ, отправили плѣнниковъ въ Москву и шли безпрепятственно далѣе. Новогородцы и Псковитяне должны были съ другой стороны также вступить въ Литву, основать на берегахъ Себежскаго озера крѣпость и соединиться съ Шуйскимъ; но Предводители ихъ, Князь Борисъ Горбатый и Михайло Воронцовъ, только отчасти исполнили данное имъ повелѣніе; отрядивъ Воеводу Бутурлина съ Дѣтьми Боярскими къ Себежу,

Строеніе крѣпости въ Литвѣ. Іюня 29.

стали въ Опочкахъ, и не хотѣли соединиться съ Шуйскимъ (33). Бутурлинъ заложилъ Ивангородъ на Себежѣ, въ землѣ Литовской какъ бы въ нашей собственной; укрѣпилъ его, наполнилъ всякими запасами, работалъ около мѣсяца: никто ему не противился; не было слуха о непріятелѣ.

Однакожъ Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, послалъ 40,000 воиновъ въ наши собственныя южныя владѣнія, и между тѣмъ, какъ Шуйскій жегъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева, Воеводы Литовскіе, Панъ Юрій Радзивилъ, Андрей Нѣмировъ, Гетманъ Янъ Тарновскій, Князь Илья Острожскій и нашъ измѣнникъ, Симеонъ Бѣльскій, шли къ Стародубу. Свѣдавъ о томъ,

20 Августа. Набѣгъ Крымцевъ.

Московскіе Бояре немедленно выслали новые полки для защиты сего края; но вдругъ услышали, что 15,000 Крымцевъ стремятся къ берегамъ Оки; что Рязанскія села въ огнѣ и кровь жителей льется рѣкою; что Исламъ обманулъ насъ: прельщенный золотомъ Литовскимъ, услужилъ Королю симъ набѣгомъ, все еще именуясь Іоанновымъ союзникомъ, и безсовѣстно увѣряя, что не онъ, а Саипъ-Гирей воюетъ Россію (34). Пословъ Исламовыхъ взяли въ Москвѣ подъ стражу; немедленно возвратили шедшее къ Стародубу войско; собрали въ Коломнѣ нѣсколько тысячь людей. Князья Димитрій Бѣльскій и Мстиславскій отразили хищниковъ отъ береговъ Оки, гнались за ними, принудили ихъ бѣжать въ степи (35).

Но Литовцы, пользуясь содѣйствіемъ Крымцевъ и беззащитнымъ состояніемъ Малороссіи, приступили къ Гомелю: тутъ начальствовалъ малодушный Князь Оболенскій-Щепинъ: онъ ушелъ со всѣми людьми воинскими и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москву, гдѣ ввергнули его въ темницу (36).

Литовцы берутъ Гомель и Стародубъ.

Гомель сдался. Литовцы надѣялись взять и Стародубъ; но тамъ былъ достойный Вождь, Князь Ѳеодоръ Телепневъ: мужественный отпоръ ежедневно стоилъ имъ крови. Воеводы Сигизмундовы рѣшились продлить осаду, сдѣлали тайный подкопъ и

29 Августа.

взорвали стѣну: ужасный громъ потрясъ городъ; домы запылали; непріятель сквозь дымъ ворвался въ улицы. Князь Телепневъ съ своею дружиною оказалъ геройство; топталъ, гналъ Литовцевъ; два раза пробивался до ихъ стана: но стѣсненный густыми толпами пѣхоты и конницы, въ изнеможеніи силъ, былъ взятъ въ полонъ, вмѣстѣ съ Княземъ Ситцкимъ. Знатный мужъ, Князь Петръ Ромодановскій, палъ въ битвѣ; Никита Колычевъ умеръ отъ раны чрезъ два дни (37). 13,000 гражданъ обоего пола изгибло отъ пламени или меча; спаслися немногіе, и своими разсказами навели ужасъ на всю землю Сѣверскую. Въ Почепѣ, худо укрѣпленномъ, начальствовалъ бодрый Москвитянинъ Ѳеодоръ Сукинъ: онъ сжегъ городъ, велѣвъ жителямъ удалиться и зарыть, чего они не могли взять съ собою. Литовцы,

Сентября.

завоевавъ единственно кучи пепла, ушли восвояси; а Шуйскій, предавъ огню всѣ мѣста вокругъ Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску.

Измѣна Казани.

Число враговъ нашихъ еще умножилось новою измѣною Казани. Недовольные, какъ и всегда, господствомъ Россіи надъ ними; возбуждаемые къ бунту Саипъ-Гиреемъ; презирая юнаго Царя своего, и думая, что Россія съ Государемъ-младенцемъ ослабѣла и въ ея внутреннихъ силахъ, тамошніе Вельможи, подъ руководствомъ Царевны Горшадны (38) и Князя Булата, свергнули, умертвили Еналея за городомъ на бере-

г. 1535. гу Казанки, и снова призвавъ къ себѣ Сафа-Гирея изъ Тавриды, чтобы возстановить ихъ свободу и независимость, женили его на Еналеевой супругѣ, дочери Князя Ногайскаго, Юсуфа. Желая узнать обстоятельства сей перемѣны, Бояре послали гонца въ Казань съ письмами къ Царевнѣ и къ Уланамъ: онъ еще не возвратился, когда наши служивые Городецкіе Татары привезли вѣсть, что многіе изъ знатныхъ людей Казанскихъ тайно видѣлись съ ними на берегу Волги; что они не довольны Царевною и Княземъ Булатомъ, имѣютъ до пяти-сотъ единомышленниковъ, хотятъ остаться вѣрными Россіи и надѣются изгнать Сафа-Гирея, ежели Великій Князь освободитъ Шигъ-Алея и торжественно объявитъ его ихъ Царемъ (39). Бояре совѣтовали Еленѣ немедленно послать за Шигъ-Алеемъ, который все еще сидѣлъ въ заключеніи на Бѣлѣозерѣ: ему объявили Государеву милость, велѣли ѣхать

Шигъ-Алей въ милости. въ Москву и явиться во дворцѣ (40). Опишемъ достопамятныя подробности сего представленія.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ, и стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣяніяхъ къ нему отца Іоаннова, винился въ гордости, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ; славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли бога-

г. 1536. Генваря 9. тую шубу (41). Онъ желалъ представиться и Великой Княгинѣ. Василій Шуйскій и Конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у матери въ палатѣ Св. Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя Боярыни (42); далѣе, съ обѣихъ сторонъ, Бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность, называлcя холопомъ, завидовалъ брату Еналею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладить преступленіе (43). Вмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ, гордо и милостиво. «Царь Шигъ-Алей!» сказалъ онъ: «Василій Іоанновичь возложилъ на тебя опалу: Іоаннъ и Елена простили вину твою. Ты удостоился видѣть лице ихъ! Дозволяемъ тебѣ забыть минувшее; но помни новый обѣтъ вѣрности!» Алея отпустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фатьма-Салтанъ, встрѣченная у саней Боярынями (44), а въ сѣняхъ самою Еленою, обѣдала у нее въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостью на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ Вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и съ Боярынями. Служили Стольники и Чашники. Князь Рѣпнинъ былъ Кравчимъ Фатьмы. Елена въ концѣ обѣда подала ей чашу и — никогда, по сказанію Лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при Дворѣ Московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показывать, что въ ея рукѣ Держава Россіи (45).

Между тѣмъ война съ Казанью началася: ибо заговоръ нѣкоторыхъ Вельможъ ея противъ Сафа-Гирея не имѣлъ дѣйствія, и сей Царь отвѣтствовалъ грубо на письмо Іоанново (46). Московскіе Полководцы, Князь Гундоровъ и Замыцкій, должны были итти изъ Мещеры на Казанскую землю; но встрѣтивъ Татаръ близъ Волги, ушли назадъ и даже не извѣстили Государя о непріятелѣ, который, нечаянно вступивъ въ Нижегородскую область, злодѣйствовалъ въ ней свободно. Жители Балахны, имѣя болѣе храбрости, нежели искусства, вышли въ поле, и были разбиты. Воеводы Нижегородскіе сошлись съ Татарами подъ Лысковымъ: ни тѣ, ни другіе не хотѣли битвы; пользуясь темнотою ночи, Казанцы и Россіяне бѣжали въ разныя стороны. Сіе малодушіе Московскихъ Военачальниковъ требовало примѣра строгости: Князя Гундорова и Замыцкаго посадили въ темницу, а на ихъ мѣсто отправили Сабурова и Карпова, которые одержали наконецъ побѣду надъ многочисленными Казанскими и Черемисскими толпами въ Корякновѣ. Плѣнниковъ отослали въ Москву, гдѣ ихъ, какъ вѣроломныхъ мятежниковъ, всѣхъ безъ исключенія осудили на смерть (47).

Война Литовская продолжалась для насъ съ успѣхомъ, и существованіе новой Себежской крѣпости утвердилось знаменитою побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно видѣть сію крѣпость въ своихъ предѣлахъ: онъ велѣлъ Кіевскому Намѣстнику Нѣмирову взять ее, чего бы то ни стоило. Войско его, составленное изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ, обступило городъ. Началась ужасная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкари Литовскіе, вмѣсто непріятелей, били своихъ; ядра летѣли вправо и влѣво: ни одно не упало въ крѣпость. Россіяне же

Right margin notes: г. 1535. — Война съ Казанью. — Побѣда надъ Литвою. — 27 Февраля.

г.1536. стрѣляли мѣтко и сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе пятились къ озеру, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ними. Тутъ Воеводы Себежскіе, Князь Засѣкинъ и Тушинъ, не дали имъ опомниться: ударили, смяли, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки, и едва не всѣхъ истребили. Нѣмировъ на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска — и какъ сѣтовали въ Кіевѣ, въ Вильнѣ, въ Краковѣ, такъ веселились въ Москвѣ; показывали народу трофеи — честили, славили мужественныхъ Воеводъ. Елена, въ память сего блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Троицы въ Себежѣ [48]. Мы не давали покоя Литвѣ: возобновивъ Почепъ, Стародубъ, — основавъ на ея землѣ, въ Ржевскомъ Уѣздѣ, городъ Заволочье и Велижъ въ Торопецкомъ, Князья Горенскій и Барбашевъ выжгли посады Любеча, Витебска, взяли множество плѣнниковъ и всякой добычи [49].

Крѣпости на Литовской границѣ.

Слѣдуя правиламъ Іоанна и Василія, Дума Боярская не хотѣла дѣйствовать наступательно противъ Хана. Толпы его разбойниковъ являлись на берегахъ Быстрой Сосны и немедленно уходили, когда показывалось наше войско [50]. Онѣ дерзнули (въ Апрѣлѣ 1536 года) приступить къ Бѣлеву; но тамошній Воевода разбилъ ихъ на голову [51]. Хотя Исламъ, осыпанный Королевскими дарами, примирился-было съ Саипъ-Гиреемъ, чтобы вмѣстѣ тревожить Россію нападеніями: однакожь, уступая ему имя Царя, не уступалъ власти; началась новая ссора между ими, и вѣроломный Исламъ отправлялъ въ Москву гонца за гонцемъ съ дружескими письмами, изъявляя ненависть къ Саипу и къ Царю Казанскому Сафа-Гирею [52].

Перемиріе съ Литвою.

Уже Сигизмундъ — видя, что Россія и съ Государемъ-младенцемъ сильнѣе Литвы — думалъ о мирѣ; изъявлялъ негодованіе нашимъ измѣнникамъ: держалъ Лятцкаго подъ стражею [53], и столь немилостиво обходился съ Княземъ Симеономъ Бѣльскимъ, что онъ, пылая ненавистію къ Россіи, съ досады уѣхалъ въ Константинополь, искать защиты и покровительства Султанова. Еще въ Февралѣ 1536 года Королевскій Вельможа, Панъ Юрій Радзивилъ, писалъ къ любимцу Елены, Князю Телепневу (чрезъ его брата, бывшаго Литовскимъ плѣнникомъ) о пользѣ мира для обѣихъ Державъ: Телепневъ отвѣтствовалъ, что Іоаннъ не врагъ тишины [54]. Но долго спорили о мѣстѣ переговоровъ. Сигизмундъ, приславъ знатнаго чиновника поздравить Іоанна съ восшествіемъ на тронъ, желалъ, чтобы онъ, будучи юнѣйшимъ, изъ уваженія къ его лѣтамъ отправилъ своихъ Вельможъ въ Литву для заключенія мира; а Бояре Московскіе считали то несогласнымъ съ нашимъ государственнымъ достоинствомъ. Сигизмундъ долженъ былъ уступить, и въ началѣ 1537 года пріѣхалъ въ Москву Янъ Глѣбовичь, Полоцкій Воевода, съ четырмя стами знатныхъ Дворянъ и слугъ. г.1537. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: Литовцы Новагорода и Смоленска, мы Кіева и всей Бѣлоруссіи; не только спорили, но и бранились; устали, и рѣшились заключить единственно перемиріе на пять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы мы владѣли новыми крѣпостями, Себежемъ и Заволочьемъ, а Литва Гомелемъ [55]. Слѣдственно война кончилась уступкою и пріобрѣтеніемъ съ обѣихъ сторонъ, хотя и неважнымъ. Бояринъ Морозовъ и Князь Палецкій отвезли перемирную грамоту къ Сигизмунду. Они не могли склонить его къ освобожденію плѣнныхъ Россіянъ. Дозволивъ Великокняжескимъ Посламъ свободно ѣздить чрезъ Литву къ Императору и Королю Венгерскому, Сигизмундъ не согласился пропустить Молдавскаго чиновника къ намъ, сказавъ, что Воевода Петръ есть мятежникъ и злодѣй Польши [56].

Если Политика Великихъ Князей не терпѣла согласія Литвы съ Ханами Крымскими, всячески питая вражду между ими: то и Крымцы не любили видѣть насъ въ мирѣ съ Литвою, ибо война представляла имъ удобность къ грабежу въ нашихъ и Королевскихъ областяхъ. Исламъ, съ неудовольствіемъ свѣдавъ о мирныхъ переговорахъ, увѣрялъ Іоанна въ своей готовности наступить на Короля всѣми силами, и, въ доказательство ревностной къ намъ дружбы, увѣдомлялъ, что Князь Симеонъ Бѣльскій, пріѣхавъ изъ Константинополя въ Тавриду, хвалится съ помощію Султана завоевать Россію [57]. «Остерегись,» писалъ Исламъ: «властолюбіе и коварство Солимана мнѣ извѣстны: ему хочется поработить и Сѣверныя земли Христіанскія, твою и Литовскую. Онъ велѣлъ Пашамъ и Саипъ-Гирею собирать многочисленное войско, чтобы измѣнникъ

Дѣла Крымскія.

г. 1537. твой, Бѣльскій, шелъ съ нимъ на Россію. Одинъ я стою въ дружбѣ къ тебѣ и мѣшаю ихъ замыслу.» Бѣльскій дѣйствительно искалъ гибели отечества, и чтобы злодѣйствовать тѣмъ безопаснѣе, хотѣлъ усыпить Правительницу увѣреніями въ его раскаяніи: писалъ къ ней и требовалъ себѣ *опасной грамоты*, обѣщаясь немедленно быть въ Москвѣ, чтобы загладить вину своего бѣгства усердною службою. Могъ ли такой преступникъ ждать милосердія отъ Елены? Сіе мнимое раскаяніе было новымъ коварствомъ, и Правительство наше не усомнилось также прибѣгнуть къ обману, чтобы наказать злодѣя. Именемъ Іоанновымъ Бояре отвѣтствовали ему, что преступленіе его, извиняемое юностію лѣтъ, забывается навѣки; что и въ древнія времена многіе знаменитые люди уходили въ чужія земли, возвращались и снова пользовались милостію Великихъ Князей; что Іоаннъ съ любовію встрѣтитъ родственника, исправленнаго лѣтами и опытностію ([58]). Въ то же время послали изъ Москвы гонца и дары къ Исламу, съ убѣдительнымъ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ намъ или умертвилъ сего измѣнника. Но Ислама не стало: одинъ изъ Князей Ногайскихъ, Багый, другъ Саипъ-Гиреевъ, въ нечаянномъ нападеніи убилъ его, и плѣнивъ многихъ Крымцевъ, захватилъ между ими и Бѣльскаго, спасеннаго Судьбою для новыхъ преступленій: ибо Елена и Бояре тщетно хотѣли выкупить его, посылая деньги въ Ногайскіе Улусы будто бы отъ матери и братьевъ Симеоновыхъ: Князь Багый, въ угодность Хану, отослалъ къ нему сего важнаго плѣнника какъ его друга ([59]).

Смерть Исламова.

Смерть Исламова и возстановленное тѣмъ единовластіе Саипъ-Гирея въ Тавридѣ были для насъ весьма непріятны. Исламъ вѣроломствовалъ, но будучи врагомъ сверженнаго имъ Хана и Казанскаго Царя, находилъ собственныя выгоды въ союзѣ съ Россіею; а Саипъ-Гирей, покровительствуемый Султаномъ, имѣлъ тѣсную связь съ мятежною Казанью, и не безъ досады видѣлъ нашу дружбу къ Исламу, хотя мы, болѣе уважая послѣдняго какъ сильнѣйшаго, отъ времени до времени писали ласковыя грамоты и къ Саипу ([60]). Ханъ не замедлилъ оскорбить Великаго Князя: ограбилъ Посла Московскаго въ Тавридѣ; однакожь, какъ бы удовольствованный сею местію, извѣстилъ насъ о гибели своего злодѣя и предлагалъ Іоанну братство, желая даровъ и *запрещая* ему тревожить Казань. «Я готовъ жить съ тобою въ любви» — велѣлъ онъ сказать Великому Князю — «и прислать въ Москву одного изъ знатнѣйшихъ Вельможъ своихъ, если ты пришлешь ко мнѣ или Князя Василія Шуйскаго, или Конюшаго Телепнева, примириться съ *моею* Казанью и не будешь требовать дани съ ея народа; но если дерзнешь воевать, то не хотимъ видѣть ни Пословъ, ни гонцевъ твоихъ: мы непріятели; вступимъ въ землю Русскую, и все будетъ въ ней прахомъ» ([61])!

г. 1537. Угрозы Саипъ-Гирея.

Глава.

Въ сіе время полки наши готовились итти на Казань. Ея хищники, разсѣянные близъ Волги вѣрными Мещерскими Козаками, одержали верхъ надъ двумя Воеводами Московскими, Сабуровымъ и Княземъ Засѣкинымъ Пестрымъ, убитымъ въ сраженіи между Галичемъ и Костромою; а въ Генварѣ 1537 года самъ Царь Казанскій нечаянно подступилъ къ Мурому, сжегъ предмѣстіе, не взялъ города и бѣжалъ, увидѣвъ вдали наши знамена ([62]). Елена и Бояре, уже не опасаясь Литвы, хотѣли сильно дѣйствовать противъ Казани, отвергнувъ всѣ мирныя предложенія Сафа-Гирея; но угрозы Хана казались столь важными, что Государственный нашъ Совѣтъ рѣшился отложить войну, извѣстивъ Саипъ-Гирея и Казанскаго Царя о согласіи Великаго Князя на миръ, съ условіемъ, чтобы Сафа-Гирей остался присяжникомъ Россіи. Бояре отвѣтствовали Хану именемъ Іоанна: «Ты называешь Казань *своею;* но загляни въ *старыя лѣтописи:* не тому ли всегда принадлежитъ Царство, кто завоевалъ его? Можно отдать оное другому; но сей будетъ уже подданнымъ перваго, какъ верховнаго Владыки. Говоря о твоихъ мнимыхъ правахъ, молчишь о существенныхъ правахъ Россіи. Казань наша, ибо дѣдъ мой покорилъ ее; а вы только обманомъ и коварствомъ присвоивали себѣ временное господство надъ нею. Да будетъ все по старому, и мы останемся въ братствѣ съ тобою, забывая вины Сафа-Гиреевы. Отправимъ къ тебѣ знатнаго Посла, но не Шуйскаго и не Телепнева, которые по моей юности необходимы въ Государственной Думѣ ([63]).»

Симъ заключились дѣла внѣшней Политики Еленина правленія, ознаменованнаго и нѣкоторыми внутренними полезными учрежденіями, въ особенности

г. 1533. строеніемъ новыхъ крѣпостей, нужныхъ для безопасности Россіи.

Строеніе Китая города и новыхъ крѣпостей. Еще Великій Князь Василій, находя Кремль тѣснымъ для многолюдства Московскаго и недостаточнымъ для защиты онаго въ случаѣ непріятельскаго нашествія, хотѣлъ оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною. Елена исполнила его намѣреніе, и въ 1534 году, Маія 20, начали копать глубокій ровъ отъ Неглинной вокругъ посада, (гдѣ были всѣ купеческія лавки и торги) къ Москвѣ-рѣкѣ черезъ площадь Троицкую (мѣсто судныхъ поединковъ) и Васильевскій лугъ. Работали слуги придворные, Митрополитовы, Боярскіе и всѣ жители безъ исключенія, кромѣ чиновниковъ или знатныхъ гражданъ, и въ Іюнѣ кончили; а въ слѣдующемъ году, Маія 16, послѣ крестнаго хода и молебна, отпѣтаго Митрополитомъ, Петрокъ Малой, *новокрещеный* Италіянецъ, заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими), Всесвятскими (Варварскими) и Козмодемьянскими на Великой улицѣ (64). Сей городъ былъ названъ по-Татарски *Китаемъ* или *среднимъ*, какъ изъясняютъ (65). — Кромѣ двухъ крѣпостей на Литовской границѣ, Елена основала 1) въ Мещерѣ городъ Мокшанъ, на мѣстѣ издревле именуемомъ *Мурунза;* 2) Буйгородъ въ Костромскомъ Уѣздѣ; 3) крѣпость Балахну у *Соли*, гдѣ прежде находился посадъ; 4) Пронскъ на старомъ городищѣ. Владиміръ, Ярославль, Тверь, пожаромъ обращенные въ пепелъ, были снова выстроены; Темниковъ перенесенъ на удобнѣйшее мѣсто; Устюгъ и Софійскую сторону въ Новѣгородѣ окружили стѣнами; Вологду укрѣпили и распространили. Правительница, зная главную потребность Государства столь обширнаго и столь мало населеннаго, вызывала жителей изъ Литвы, давала имъ земли, преимущества, льготу, и не жалѣла казны для искупленія многихъ Россіянъ, увлекаемыхъ Татарами въ плѣнъ: для чего требовала вспоможенія отъ Духовенства и богатыхъ монастырей. На примѣръ, Архіепископъ Макарій (въ 1534 году) послалъ ей съ своей Епархіи 700 рублей, говоря: «душа человѣческая дороже золота.» Сей умный Владыка Новогородскій, пользуясь уваженіемъ Двора, ѣздилъ въ Москву не только молиться съ Митрополитомъ о благоденствіи Россіи, но и способствовать оному мудрыми совѣтами въ Государственной г. 1535. Думѣ (66).

Перемѣна въ цѣнѣ монеты. Къ чести Еленина правленія Лѣтописцы относятъ еще перемѣну въ цѣнѣ государственной монеты, вынужденную обстоятельствами. Изъ фунта серебра дѣлали прежде обыкновенно *пять рублей и двѣ гривны;* но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже десять рублей. Многіе люди богатѣли симъ ремесломъ и произвели безпорядокъ въ торговлѣ: цѣны измѣнились, возвысились; продавецъ боялся обмана, вѣсилъ, испытывалъ монету, или требовалъ клятвы отъ купца, что она не поддѣльная. Елена запретила ходъ обрѣзныхъ, нечистыхъ и всѣхъ старыхъ денегъ; указала перелить ихъ и чеканить изъ фунта *шесть рублей* безъ всякаго примѣса; а *поддѣльщиковъ* и *обрѣзчиковъ* велѣла казнить (имъ лили растопленное олово въ ротъ и отсѣкали руки). — Изображеніе на монетахъ осталось прежнее: Великій Князь на конѣ, но не съ мечемъ въ рукѣ, какъ дотолѣ, а съ *копіемъ:* отъ чего стали онѣ именоваться *копейками* (67).

Общая нелюбовь къ Еленѣ. Но Елена ни благоразуміемъ своей внѣшней Политики, ни многими достохвальными дѣлами внутри Государства не могла угодить народу: тиранство и беззаконная, уже всѣмъ явная любовь ея къ Князю Ивану Телепневу-Оболенскому возбуждали къ ней ненависть и даже презрѣніе, отъ коего ни власть, ни строгость не спасаютъ Вѣнценосца, если святая добродѣтель отвращаетъ отъ него лице свое. Народъ безмолвствовалъ на стогнахъ: тѣмъ болѣе говорили въ тѣсномъ, для тирановъ непроницаемомъ кругу семействъ и дружества о несчастіи видѣть соблазнъ на тронѣ (68). Правительница, желая обмануть людей и совѣсть, часто ѣздила съ Великимъ Княземъ на богомолье въ монастыри (69); но лицемѣріе, хитрость слабодушныхъ, заслуживаетъ единственно хвалу лицемѣрную и бываетъ предъ неумолимымъ судилищемъ нравственности новымъ обвиненіемъ. — Ко гласу оскорбляемой добродѣтели присоединялся и гласъ зависти: одинъ Телепневъ былъ истиннымъ Вельможею въ Думѣ и въ Государствѣ; другіе, старѣйшіе, назывались только именемъ Бояръ: никто не имѣлъ заслугъ, если не могъ угодить любимцу Двора. Желали перемѣны — и Великая

г. 1538. Апрѣля 3. Кончина Правительницы.

Княгиня, юная лѣтами, цвѣтущая здравіемъ, вдругъ скончалась. Современникъ, Баронъ Герберштеинъ, въ запискахъ своихъ говоритъ утвердительно, что Елену отравили ядомъ (70). Онъ видитъ въ семъ случаѣ одну *справедливую месть:* но ее нѣтъ ни для сына противъ отца, ни для подданнаго противъ Государя: а Елена, по малолѣтству Іоанна, законно властвовала въ Россіи. Худыхъ Царей наказываетъ только Богъ, совѣсть, Исторія: ихъ ненавидятъ въ жизни, клянутъ и по смерти. Сего довольно для блага гражданскихъ обществъ, безъ яда и желѣза; или мы должны отвергнуть необходимый уставъ Монархіи, что особа Вѣнценосцевъ *неприкосновенна.* Тайна злодѣянія не уменьшаетъ его. Гнушаясь онымъ, согласимся, что извѣстіе Герберштеина вѣроятно. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о болѣзни Елены. Она преставилась во второмъ часу дни, и въ тотъ же день погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ (71). Не сказано даже, чтобы Митрополитъ отпѣвалъ ея тѣло. Бояре и народъ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести. Юный Великій Князь плакалъ, и бросился въ объятія къ Телепневу, который одинъ былъ въ отчаяніи, ибо только одинъ могъ всего лишиться и не могъ уже ничего пріобрѣсти кончиною Елены. Народъ спрашивалъ съ любопытствомъ: кто будетъ править Государствомъ? г. 1538.

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1538—1547.

Паденіе и смерть К. Телепнева. Господство К. Василія Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйскаго. Господство его брата. Сверженіе Митрополита: избраніе Іоасафа. Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства. Набѣги внѣшнихъ непріятелей. Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйскаго. Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его. Прощеніе К. Владиміра Андреевича и его матери. Облегчаютъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. Впаденіе Царя Казанскаго. Нашествіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бѣгство непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бѣльскаго. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйскаго. Посвященіе Макарія. Перемиріе съ Литвою. Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею. Перемѣна въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое воспитаніе Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Паденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Литвою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

г. 1538. Паденіе и смерть К. Телепнева.

Нѣсколько дней протекло въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и въ козняхъ для Вельможъ честолюбивыхъ. Доселѣ Правительница замѣняла Государя: настало время совершенной Аристократіи или Державства Бояръ при семилѣтнемъ Государѣ. Не многіе изъ нихъ смѣли желать верховнаго владычества надъ Россіею: прочіе готовились единственно взять сторону того или другаго на выгоднѣйшихъ для своей личной пользы условіяхъ. Любимецъ Еленинъ, Князь Иванъ Телепневъ, не дремалъ въ бездѣйствіи: будучи другомъ и братомъ Іоанновой надзирательницы, Боярыни Агриппины Челядниной, онъ думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не отходилъ отъ него, ласкался къ нему, и надѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей; но число ихъ, съ перемѣною обстоятельствъ, уменьшилось и ревность охладѣла. Внезапная кончина Еленина — и не естественная, какъ мнили — предвѣщала явленіе новыхъ, сильнѣйшихъ Властителей: чтобы узнать, кто могъ г. 1538.

г.1538. быть ея тайнымъ виновникомъ, любопытные ждали, кто воспользуется оною? Сіе справедливое, или, не смотря на вѣроятность (какъ часто бываетъ), ложное подозрѣніе обратилось на старѣйшаго Боярина, Василія Васильевича Шуйскаго, потомка Князей Суздальскихъ, изгнанныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслѣдственнаго владѣнія: злобствуя на Московскихъ Государей, они служили Новугороду, и въ послѣдній день его свободы Князь Шуйскій-Гребенка былъ тамъ главнымъ Воеводою (72). Видя рѣшительное торжество Самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники, одинъ за другимъ, вступили въ службу Московскую и были знаменитѣйшими Вельможами. Князь Василій Васильевичь, занимавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при отцѣ Іоанновомъ (73), занималъ оное и при Еленѣ, и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика, который, уступая ему наружную честь, исключительно господствовалъ надъ Думою. Изготовивъ средства успѣха, преклонивъ къ себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей властолюбивый Князь жестокимъ дѣйствіемъ самовольства и насилія объявилъ себя Главою Правленія: въ седьмый день по кончинѣ Елениной велѣлъ схватить любезнѣйшихъ юному Іоанну особъ: его надзирательницу, Боярыню Агриппину, и брата ея, Князя Телепнева, — оковать цѣпями, заключить въ темницу, не смотря на слезы, на вопль Державнаго отрока. Не судъ и не праведная, но беззаконная, лютая казнь была жребіемъ несчастнаго Вельможи, коему за недѣлю предъ тѣмъ раболѣпствовали всѣ Князья и Бояре. Телепнева уморили голодомъ, какъ Правительница или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей Іоанновыхъ: но злодѣйство не оправдываетъ злодѣйства, и Лѣтописцы осуждаютъ сію личную месть, внушенную завистію къ бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ быть и любимцемъ сына ея (74). Телепневъ имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное честолюбіе; не боялся оставлять Двора для войны, и еще не довольный властію, хотѣлъ славы, которую даютъ дѣла, а не милость Государей. Сестру его, Боярыню Агриппину, сослали въ Каргополь и постригли въ Монахини. Дума, Государство и самъ Государь сдѣлались подвластны Василію Шуйскому и брату его, Князю Ивану, также знаменитому Члену Совѣта, гдѣ только одинъ Бояринъ могъ спорить съ ними о старѣйшинствѣ, Князь Димитрій Бѣльскій, родственникъ Іоанновъ: они искали его дружбы. Братъ Димитріевъ, Князь Иванъ Ѳеодоровичь, и Шуйскій, Андрей Михайловичь, сидѣли въ темницѣ: ихъ вмѣстѣ освободили съ честію какъ невинныхъ; первый занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто; втораго пожаловали въ Бояре (75). Ослѣпленный гордостію, Князь Василій Шуйскій хотѣлъ утвердить себя на вышней степени Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи вдовцемъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи, дочери Петра, Казанскаго Царевича (76). Но безпрекословное владычество сего Вельможи продолжалось только мѣсяцевъ шесть: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный, сдѣлался его непріятелемъ, будучи въ согласіи съ Митрополитомъ Даніиломъ, съ Дворецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными важными сановниками. Началось тѣмъ, что Бѣльскій просилъ юнаго Іоанна дать Князю Юрію Булгакову-Голицыну Боярство, а сыну знаменитаго Хабара Симскаго (77) санъ Окольничаго, не сказавъ ни слова Шуйскимъ, которые воспылали гнѣвомъ. Вражда усилилась бранью: съ одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусныхъ козняхъ; съ другой о самовластіи, о тиранствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое могущество: снова заключили Князя Ивана Бѣльскаго въ темницу, совѣтниковъ его разослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Дьяку Ѳедору Мишурину, измученному воинами, раздѣтому, обнаженному, отсѣкли голову на плахѣ предъ городскою тюрмою (78). Все сіе дѣлалось именемъ Шуйскихъ и Бояръ, имъ преданныхъ, а не именемъ Государя: то есть, беззаконно и нагло. Достойно замѣчанія, что старшій Князь Бѣльскій, Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣдственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣроятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ характеромъ.

Уже самовластный Вельможа, Князь Василій, считалъ себя какъ бы Царемъ Россіи: вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, которая могла быть естественною, но безъ сомнѣнія служила поводомъ къ разнымъ догадкамъ и заключеніямъ (79). Явивъ суетность властолюбія, она не исправила Бояръ Московскихъ, и братъ Василіевъ, Князь Иванъ Шуйскій, ставъ ихъ Главою, мыслилъ единственно о томъ, чтобы довершить месть

Господство К. Василія Шуйскаго.

Освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго.

Смута Боярская. К. Иванъ Бѣльскій снова заключенъ.

Смерть К. Василія Шуйскаго.

надъ врагами и сдѣлать, чего не успѣлъ или не дерзнулъ исполнить умершій братъ его. Ни святость Сана, ни хитрость ума не спасли Митрополита Даніила: замышлявъ съ Княземъ Иваномъ Бѣльскимъ свергнуть Шуйскихъ, онъ
г. 1539. самъ былъ сверженъ съ Митрополіи указомъ Боярскимъ и сосланъ въ монастырь Іосифовъ ([80]), гдѣ строгою, постною жизнію имѣлъ способъ загладить грѣхи своего придворнаго честолюбія и раболѣпства. Опасаясь упрековъ въ беззаконіи, Вельможи взяли съ Даніила запись, коею сей бывшій Архипастырь будто бы добровольно отказался отъ Святительства, чтобы молиться въ тишинѣ уединенія о Государѣ и Государствѣ. На его мѣсто Епископы поставили — *судьбами Божественными* и *Великокняжескимъ* (то есть, Боярскимъ) *изволеніемъ*, какъ сказано въ лѣтописи — Іоасафа Скрыпицына, Игумена Троицкаго.

Свержение Митрополита.

Избраніе Іоасафа.

Среди такихъ волненій и безпокойствъ, производимыхъ личнымъ властолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надлежащую твердость, единство, неусыпность для внутренняго благоустройства и внѣшней безопасности? Главный Вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не оказывалъ въ дѣлахъ ни ума государственнаго, ни любви къ добру; былъ единственно грубымъ самолюбцемъ; хотѣлъ только помощниковъ, но не терпѣлъ совмѣстниковъ; повелѣвалъ въ Думѣ какъ Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и величался до нахальства; на примѣръ, никогда не стоялъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постелю, клалъ ноги на кресла Государевы ([81]); однимъ словомъ, изъявлялъ всю низкую, малодушную смесь раба-господина. Упрекали Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи; писали, что онъ расхитилъ казну и наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ, велѣвъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его ближние, клевреты, угодники грабили безъ милосердія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ нажиточныя мѣста или должности государственныя. Такъ Бояринъ Андрей Михайловичъ Шуйскій и Князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, *свирѣпствовали какъ львы*, по выраженію современника: не только угнетали земледѣльцевъ, граждан беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли ложныхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ святыхъ Обителяхъ искали добычи съ лютостію Могольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить во Псковъ какъ въ вертепъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ иныя страны; торжища и монастыри опустѣли. — Къ сему ужасному бѣдствію неправосудія и насилія присоединялись частые, опустошительные набѣги внѣшнихъ разбойниковъ. Мы были — говорятъ Лѣтописцы — жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ: Ханъ Крымскій давалъ намъ законы, Царь Казанскій насъ обманывалъ и грабилъ. Первый, задержавъ Великокняжескаго чиновника, посланнаго къ Господарю Молдавскому, писалъ къ Іоанну: «Я сдѣлалъ то, что вы нѣсколько разъ дѣлали. Отецъ и мать твоя, не разумѣя государственныхъ уставовъ, ловили, злодѣйски убивали моихъ Пословъ на пути въ Казань: я также имѣю право мѣшать твоему сообщенію съ моимъ недругомъ Молдавскимъ. Ты хочешь отъ меня пріязни: для чего же изъясняешься грубо? Знаешь ли, что у меня болѣе ста тысячь воиновъ? Если каждый изъ нихъ плѣнитъ хотя одного Русскаго, сколько тебѣ убытка, а мнѣ прибыли? Не таюсь, ибо чувствую силу свою; все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю, что говорю. Гдѣ желаешь видѣться со мною? въ Москвѣ, или на берегахъ Оки? Знай, что буду къ тебѣ не одинъ, но съ великимъ Султаномъ, который покорилъ вселенную отъ Востока до Запада. Укажу ему путь къ твоей столицѣ. Ты же что мнѣ сдѣлаешь? Злобствуй какъ хочешь, а въ моей землѣ не будешь ([82])». Не только Іоаннъ III и Василій, но и Правительница, отъ времени до времени удовлетворяя корыстолюбію Хановъ, изъявляли по крайней мѣрѣ благородную гордость въ перепискѣ съ ними и не дозволяли имъ забываться. Владычество Шуйскихъ ознаменовалось слабостію и робкимъ малодушіемъ въ Политикѣ Московской: Бояре даже не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго Посла и купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани ([83]); а Царь Казанскій, увѣряя насъ въ своемъ миролюбіи, хотѣлъ, чтобы мы ежегодно присылали ему дары въ знакъ уваженія.

Характеръ К. Ивана Шуйскаго и грабежи внутри Государства.

Набѣги внѣшнихъ непріятелей.

г.1539. Напрасно ждали его уполномоченныхъ въ Москву: они не ѣхали, а Казанцы два года непрестанно злодѣйствовали въ областяхъ Нижняго, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владиміра, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки, Перми [84]; являлись единственно толпами, жгли, убивали, плѣнили, такъ, что одинъ изъ Лѣтописцевъ сравниваетъ бѣдствія сего времени съ Батыевымъ нашествіемъ, говоря: «Батый протекъ молніею Русскую землю: Казанцы же не выходили изъ ея предѣловъ, и лили кровь Христіанъ какъ воду. Беззащитные укрывались въ лѣсахъ и въ пещерахъ; мѣста бывшихъ селеній заросли дикимъ кустарникомъ. Обративъ монастыри въ пепелъ, невѣрные жили и спали въ церквахъ, пили изъ святыхъ сосудовъ, обдирали иконы для украшенія женъ своихъ усерязями и монистами; сыпали горящіе уголья въ сапоги Инокамъ и заставляли ихъ плясать; оскверняли юныхъ Монахинь; кого не брали въ плѣнъ, тѣмъ выкалывали глаза, обрѣзывали уши, носъ; отсѣкали руки, ноги и — что всего ужаснѣе — многихъ приводили въ Вѣру свою, а сіи несчастные сами гнали Христіанъ какъ лютые враги ихъ. Пишу не по слуху, но видѣнное мною, и чего никогда забыть не могу» [85]. Что дѣлали Правители Государства, Бояре? Хвалились своимъ терпѣніемъ предъ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ, изъясняясь, что Казанцы терзаютъ Россію, а мы, въ угодность ему, *не двигаемъ ни волоса* для защиты своей земли [86]! Бояре хотѣли единственно мира, и не имѣли его; заключили союзъ съ Ханомъ Саипъ-Гиреемъ [87], и видѣли безполезность онаго. Послы Ханскіе были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ Коширскомъ уѣздѣ [88]. Мы удовольствовались извиненіемъ, что Иминь не слушается отца и поступаетъ самовольно.

Посольства въ Царьградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Ганзою, союзъ съ Астраханью.

Другія внѣшнія дѣйствія Россіи болѣе соотвѣтствовали ея государственному достоинству. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ Москвы съ дружественными письмами къ Султану и къ Патріарху, Замыцкій изъ Новагорода къ Королю Шведскому: въ Константинополѣ и въ Стокгольмѣ оказали великую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре подтвердили купеческій договоръ съ Ганзою и возобновили союзъ съ Астраханью, гдѣ опять царствовалъ Абдылъ-Рахманъ. Послы Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милости. Литва, соблюдая перемиріе, не тревожила Россіи: старецъ Сигизмундъ въ покоѣ доживалъ вѣкъ свой [89].

Посольства Ногайскія.

г.1540. Заговоръ противъ Шуйскаго; освобожденіе К. Ивана Бѣльскаго и власть его.

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Аристократіи. Свергнувъ Митрополита Даніила, Князь Иванъ Шуйскій считалъ новаго Первосвятителя другомъ своимъ, но обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ отечеству, и видя неспособность Шуйскаго управлять Державою, или по инымъ, менѣе достохвальнымъ причинамъ, Митрополитъ Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣльскаго. Многіе Бояре пристали къ нему: одни говорили только о милосердіи, другіе о справедливости, и вдругъ именемъ Іоанновымъ, съ торжествомъ вывели Бѣльскаго изъ темницы, посадили въ Думу; а Шуйскій, изумленный дерзостію Митрополита и Бояръ, не успѣлъ отвратить удара: трепеталъ въ злобѣ, клялся отмстить имъ за измѣну, и съ того дня не хотѣлъ участвовать въ дѣлахъ, ни присутствовать въ Думѣ [90], гдѣ сторона Бѣльскихъ, одержавъ верхъ, начала господствовать съ умѣренностію и благоразуміемъ. Не было ни опалъ, ни гоненія. Правительство стало попечительнѣе, усерднѣе къ общему благу. Злоупотребленія власти уменшились. Смѣнили нѣкоторыхъ худыхъ Намѣстниковъ, и Псковитяне освободились отъ насилій Князя Андрея Шуйскаго, отозваннаго въ Москву. Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василій сдѣлалъ для Новогородцевъ: возвратила имъ судное право. *Цѣловальники* или Присяжные, избираемые гражданами, начали судить всѣ уголовныя дѣла независимо отъ Намѣстниковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ, лишенныхъ тѣмъ способа беззаконствовать и наживаться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ; славилъ милость Великаго Князя и добродѣтель Бояръ [91]. — Правительство заслужило еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго брата Іоаннова, юнаго Князя Владиміра Андреевича, и матери его, заключенныхъ Еленою: они переѣхали въ свой домъ и жили уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рождества Христова, мать и сынъ были представлены Іоанну. Имъ

Прощеніе Князя Владиміра Андреевича и матери его.

г. 1540. Облегчають судьбу К. Димитрія Углицкаго. возвратили богатыя помѣстья Андреевы и дозволили имѣть Дворъ, Бояръ и слугъ Княжескихъ (92). — Назовемъ ли милостію скудное, жалостное благодѣяніе, оказанное тогда же другому родственнику Іоаннову? Внукъ Василія Темнаго, сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій, еще находился въ числѣ живыхъ (93), забвенный всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ, отъ нѣжной юности до глубокой старости, сидѣлъ въ темницѣ, въ узахъ, одинъ съ Богомъ и мирною совѣстію, не оскорбивъ никого въ жизни, не нарушивъ ни какого устава человѣческаго, только за вины отца своего, имѣвъ несчастіе родиться племянникомъ Самодержца, коему надлежало истребить въ Россіи вредную Систему Удѣловъ, и который любилъ Единовластіе болѣе, нежели единокровныхъ. Правители, желая быть милосердыми, не рѣшились возвратить Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него міру (94): велѣли только освободить его отъ тягости цѣпей, впустить къ нему въ темницу болѣе свѣта и воздуха! Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій, можетъ быть, въ первый разъ смягчился тогда душею и пролилъ слезы благодарности, уже не гнетомый, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободнѣе. Онъ содержался въ Вологдѣ: тамъ и кончилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ, умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашествѣ. Оба лежатъ вмѣстѣ въ Вологодской церкви Спаса на Прилукѣ (95).

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, г. 1540 —1541. первый Вельможа, Князь Иванъ Бѣльскій, хотѣлъ и виновнаго брата своего, Симеона, возвратить отечеству и добродѣтели. Митрополитъ Іоасафъ взялся быть ходатаемъ. Извиняли преступника, чѣмъ только могли: юностію его лѣтъ, несноснымъ тиранствомъ и самовластіемъ Еленина любимца. Государь Прощеніе К. Симеона Бѣльскаго. простилъ: одно дѣйствіе, коимъ Исторія упрекаетъ Князя Ивана Бѣльскаго! Измѣнникъ, предатель, наводивъ враговъ на отечество, явился бы снова при Дворѣ и въ Думѣ съ почестями опредѣленными для вѣрныхъ, знаменитыхъ слугъ Государства! Но Симеонъ не воспользовался милосердіемъ, противнымъ уставу справедливости и блага гражданскихъ обществъ. Гонецъ Московскій уже не нашелъ Бѣльскаго въ Тавридѣ (96): сей измѣнникъ былъ въ полѣ съ Ханомъ, замышляя гибель Россіи: ибо Саипъ-Гирей клялся въ дружбѣ къ Великому Князю единственно для того, г. 1540 —1541. чтобы произвести въ насъ оплошность и нечаянностію впаденія открыть себѣ путь въ сердце Московскихъ владѣній. Но Дума, подъ начальствомъ Князя Ивана Бѣльскаго, радѣя о внутреннемъ благоустройствѣ, не выпускала изъ виду и внѣшней безопасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ приглашалъ и Царя Казанскаго итти на Россію: къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣйствовать въ одно время: первый ждалъ весны и подножнаго корма въ степяхъ; а вторый, не имѣя сильной рати судовой, боялся лѣтомъ оставить за спиною Волгу, гдѣ, въ случаѣ его бѣгства, Россіяне могли бы утопить Казанцевъ. Ободряемый нашимъ долговременнымъ терпѣніемъ и бездѣйствіемъ, Сафа-Гирей, въ Декабрѣ 1540 года миновавъ Нижній Новгородъ, Впаденіе Казанскаго Царя. успѣлъ безпрепятственно достигнуть Мурома, но далѣе не могъ ступить ни шага: воины и граждане бились мужественно на стѣнахъ и въ вылазкахъ; Князь Димитрій Бѣльскій шелъ изъ Владиміра, а Царь Алей съ своими вѣрными Татарами изъ Касимова, истребляя разсѣянныя толпы непріятелей въ Мещерской землѣ и въ селахъ Муромскихъ. Сафа-Гирей бѣжалъ назадъ, и такъ скоро, что Воеводы Московскіе не догнали его (97). — Сей не весьма удачный походъ умножилъ число недовольныхъ въ Казани: тамошніе Князья и знатнѣйшіи изъ нихъ, Булатъ, тайно писали въ Москву, чтобы Государь послалъ къ нимъ войско; что они готовы убить или выдать намъ Сафа-Гирея, который, отнимая собственность у Вельможъ и народа, шлетъ казну въ Тавриду. Бояре велѣли немедленно соединиться полкамъ изъ семнадцати городовъ въ Владимірѣ, подъ начальствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго; отвѣтствовали Булату ласково, обѣщая ему милость и забвеніе прошедшаго; но ждали дальнѣйшихъ вѣстей изъ Казани, чтобы послать туда войско (98).

Еще Ханъ Саипъ-Гирей скрывалъ г. 1541. свои замыслы: Посолъ Іоанновъ, Князь Александръ Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, именемъ Тагалдый, въ Москвѣ; но Бояре угадывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по согласію съ Крымомъ, и для того, на всякій случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ самъ юный Іоаннъ осмотрѣлъ его станъ. Ве-

г. 1541. Нашествіе Хана Крымскаго. сною узнали въ Москвѣ (чрезъ плѣнниковъ, ушедшихъ изъ Тавриды) что Ханъ двинулся къ предѣламъ Россіи со всею Ордою, не оставивъ дома никого, кромѣ женъ, дѣтей и старцевъ; что у него дружина Султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ; что къ нему присоединились еще толпы изъ Ногайскихъ Улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азова, что Князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть его путеводителемъ (99). Намѣстнику Путивльскому, Өедору Плещееву, велѣно было удостовѣриться въ истинѣ сего извѣстія: люди, посланные имъ въ степи, видѣли тамъ слѣды прошедшаго войска, тысячь ста или болѣе. Тогда Князь Димитрій Бѣльскій, въ санѣ главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій остался въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочисленныя дружины шли отовсюду къ Серпухову, Калугѣ, Тулѣ, Рязани. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили Хана близъ Дона: они смотрѣли на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже Саипъ-Гирей былъ на сей сторонѣ Дона; приступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ ея Воеводы, Назара Глѣбова (100). Іюля 28.

Между тѣмъ, какъ наши полки располагались станомъ близъ Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ, дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній Государь съ братомъ своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ Успенскомъ храмѣ, предъ Владимірскою иконою Богоматери и гробомъ Св. Петра Митрополита о спасеніи отечества; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ (101); «Боже! Ты защитилъ моего прадѣда въ нашествіе лютаго Темиръ-Аксака: защити и насъ, юныхъ, сирыхъ! Не имѣемъ ни отца, ни матери, ни силы въ разумѣ, ни крѣпости въ десницѣ; а Государство требуетъ отъ насъ спасенія!» Онъ позвалъ Митрополита въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: «Врагъ идетъ: рѣшите, здѣсь ли мнѣ быть, или удалиться?» Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непріятельскихъ нашествій никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали: «Когда Едигей шелъ къ столицѣ (102), Василій Димитріевичь удалился, чтобы собирать войско въ областяхъ Россійскихъ, но въ Москвѣ оставилъ Князя Владиміра Андреевича и своихъ братьевъ. Нынѣ Государь у насъ отрокъ, а братъ его еще малолѣтнѣе: дѣтямъ ли скакать изъ мѣста въ мѣсто и составлять полки? Не скорѣе ли впадутъ они въ руки невѣрныхъ, которые безъ сомнѣнія разсѣются и по инымъ областямъ, ежели достигнутъ Москвы?» Митрополитъ соглашался съ послѣдними и говорилъ: «Гдѣ искать безопасности Великому Князю? Новгородъ и Псковъ смежны съ Литвою и съ Нѣмцами; Кострома, Ярославль, Галичь, подвержены набѣгамъ Казанцевъ; и на кого оставить Москву, гдѣ лежатъ Святые Угодники? Димитрій Іоанновичь оставилъ ее безъ Воеводы сильнаго: что же случилось? Господь да сохранитъ насъ отъ такого бѣдствія! Нѣтъ нужды собирать войско: одно стоитъ на берегахъ Оки, другое въ Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ, и защитятъ Москву. Имѣемъ силу, имѣемъ Бога и Святыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ поручилъ возлюбленнаго сына: не унывайте!» Всѣ Бояре единодушно сказали: «Государь! останься въ Москвѣ!» и Великій Князь изустно далъ повелѣніе Градскимъ Прикащикамъ готовиться къ осадѣ. Ревность, усердіе оживляли воиновъ и народъ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святыя церкви и домы свои. Людей расписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады надолбами (103). Никто не мыслилъ о бѣгствѣ, и Лѣтописцы удивляются сему общему вдохновенію мужества какъ бы дѣйствію сверхъестественному. Великодушіе народа и войска.

То же было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно считались тогда въ старѣйшинствѣ или въ знатности родовъ между собою и не хотѣли зависѣть отъ младшихъ, ни отъ равныхъ, вопреки Государеву назначенію. Василій и отецъ его умѣли обуздывать ихъ *мѣстничество;* но юность Іоаннова, вселяя безстрашіе и дерзость въ главныхъ чиновникахъ, довела сіе зло до крайности. Прѣнія и вражда господствовали въ станахъ (104). Великій Князь послалъ Дьяка своего, Ивана Курицына, съ письмомъ къ Димитрію Бѣльскому и къ его знаменитымъ сподвижникамъ; убѣждалъ ихъ оставить всѣ личности, всѣ несогласія и свары, — соединиться духомъ и сердцемъ за отечество, за Вѣру и Государя юнаго, который уповаетъ единственно на Бога и на ихъ оружіе. «Ока

г. 1541. да будетъ неодолимою преградою для Хана!» писалъ Іоаннъ: «а если не удержитъ врага, то заградите ему путь къ Москвѣ своею грудью (105). Сразитесь крѣпко во имя Бога всемогущаго! Обѣщаю любовь и милость не только вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. Кто падетъ въ битвѣ, того имя велю вписать въ *Книги Животныя* (106); того жена и дѣти будутъ моими ближними.» Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ. «Такъ!» говорили они: «забудемъ вражду и самихъ себя; вспомнимъ милость Великаго Князя Василія; послужимъ Іоанну, коего слабая рука еще не владѣетъ оружіемъ; послужимъ *малому*, да отъ *великаго* честь пріимемъ! Если исполнится наше ревностное желаніе; если побѣдимъ, то не въ одной Русской, но и въ чуждыхъ, отдаленныхъ земляхъ прославимся. Мы не безсмертны: умремъ же за отечество! Богъ и Государь не забудутъ насъ.» Сіи, дотолѣ сварливые, упрямые Воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; назывались братьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или оставить кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи сильныя глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: «Хотимъ, хотимъ пить смертную чашу съ Татарами за Государя юнаго! Когда вы, отцы наши, согласны между собою, идемъ съ радостію на враговъ невѣрныхъ!» И всѣ полки двинулись впередъ, многочисленные, стройные и бодрые.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и сталъ на высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ Князей Ивана Турунтая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Татары — думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска — спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить Россіянъ, которые, дѣйствуя одними стрѣлами, сперва было дрогнули и замѣшались . . . Но приспѣли Князья Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками: Россіяне стали твердо. Скоро явились новыя, густыя толпы ихъ и ряды необозримые: Князья Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась

Іюля 30.

многочисленная Запасная Стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: «Вы обманули меня, увѣривъ, что Россія не въ силахъ бороться въ одно время съ Казанью и со мною. Какое войско! Ни я, ни опытные старцы мои не видывали подобнаго» (107). Объятый ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ летали ядра, пули и стрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: «идите сюда; мы васъ ожидаемъ!» г. 1541.

Наступила ночь: Воеводы Іоанновы, по словамъ Лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; не хотѣли отдыха; стукъ оружія и шумъ людей не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины одна за другою съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войскѣ; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы ставили пушки на холмахъ берега — и не дождался утра: терзаемый страхомъ, злобою, стыдомъ, ускакалъ въ телегѣ; за нимъ побѣжало и войско, истребивъ часть обоза, другую же и нѣсколько пушекъ Султановыхъ оставивъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Оттоманскіе Трофеи! — Съ сею счастливою вѣстію Димитрій Бѣльскій послалъ въ Москву Князя Ивана Кашина, а Князей Микулинскаго и Серебрянаго въ слѣдъ за Ханомъ. Они плѣнили отсталыхъ, которые извѣстили ихъ, что Саипъ-Гирей идетъ къ Пронску. Хваливщись стать на Воробьевыхъ горахъ и разорить всѣ области Московскія, онъ думалъ уменьшить стыдъ свой взятіемъ сей маловажной крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда главный нашъ Воевода отрядилъ впередъ новые полки, чтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ Россіи.

Бѣгство непріятеля.

3 Августа Саипъ-Гирей обступилъ Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ (108), у коего было не много людей, но много смѣлости: онъ пушками, кольями и каменьями отбилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ явился на стѣнѣ. «Сдайся», сказали они: «Царь обѣщаетъ тебѣ милость, или будетъ стоять здѣсь, пока

г. 1541. возметъ городъ.» Витязь отвѣтствовалъ: «Божіею волею ставится градъ, и никто не возметъ его безъ воли Божіей. Пусть Царь стоитъ: увидитъ скоро Воеводъ Московскихъ.» Саипъ-Гирей велѣлъ готовить туры для новаго, сильнѣйшаго приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ граждан, но и самыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежали на стѣнѣ; котлы кипѣли съ водою; надъ заряженными пушками горѣли фитили. Тогда осажденные получили вѣсть, что Князья Микулинскій и Серебряный уже близко (109): клики веселія раздались въ городѣ. Ханъ узналъ о томъ: сжегъ туры, и 6 Августа удалился отъ Пронска, гонимый нашими Воеводами до самаго Дона; а Князь Воротынскій разбилъ Царевича Иминя, который было-остановился для грабежа въ Одоевскомъ Уѣздѣ (110).

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдръ ея; славила Государя и Полководцевъ. Юность Іоаннова, умилительная для сердецъ во дни страха, была особенною прелестію и торжества народнаго, когда Державный отрокъ въ храмѣ Всевышняго благодарилъ Небо за спасеніе Россіи; когда именемъ отечества изъявлялъ признательность Воеводамъ, и когда они, тронутые его милостію, съ радостными слезами отвѣчали ему: «Государь! мы побѣдили твоими Ангельскими молитвами и твоимъ *счастіемъ*» (111)! Народъ всего болѣе вѣритъ *счастію*, и младыя лѣта Іоанновы открывали неизмѣримое поле для надежды. — Такъ чувствовали современники, которые видѣли въ Саипъ-Гиреѣ новаго Мамая или Тамерлана, и хвалились его бѣгствомъ какъ славнымъ для Россіи происшествіемъ. Они не думали о будущемъ. Что случилось, могло и впредь случиться. Россія, уже дѣйствительно сильная, оставалась еще жертвою *внезапныхъ* нападеній: мы хотѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но села наши пустѣли, и Государство лишалось главной своей драгоцѣнности: людей! Только опыты вѣковъ приводятъ истинныя мѣры государственной безопасности въ твердую систему.

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Правительства, стоялъ на вышней степени счастія, опираясь на личную милость Державнаго отрока уже зрѣющаго душею, — на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла человѣколюбія и справедливости. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ... и втайнѣ кипѣла злоба, коварствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, особенно дѣятельная при Дворѣ. Здѣсь Исторія наша представляетъ опасность великодушія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ, мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и Боярами, могъ бы помѣняться темницею съ Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и свободу и жизнь: но презрѣлъ безсильную злобу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе къ его ратнымъ способностямъ и далъ ему Воеводство: что назвали бы мы ошибкою великодушія, если бы оно имѣло цѣлію не внутреннее удовольствіе сердца, не добродѣтель, а выгоды страстей. Шуйскій, съ гнѣвомъ уступивъ власть своему неосторожному противнику, думалъ единственно о мести, и знаменитые Бояре, Князья Михайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій, Казначей Третьяковъ, вошли съ нимъ въ заговоръ, чтобы погубить Бѣльскаго и Митрополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣроятно, усердною любовію къ отечеству. Не было, кажется, и предлога благовиднаго: заговорщики хотѣли просто, низвергнувъ властелина, занять его мѣсто, и доказать не правость, а силу свою. Они преклонили къ себѣ многихъ Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ, не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, особенно въ Новѣгородѣ (112). Шуйскій, находясь съ полками въ Владимірѣ, чтобы итти на Казань, обѣщаніями и ласками умножилъ число своихъ единомышленниковъ въ войскѣ; взялъ съ нихъ тайную присягу, далъ знать Московскимъ клевретамъ, что время приступить къ дѣлу, и послалъ къ нимъ изъ Владиміра съ сыномъ, Княземъ Петромъ, триста надежныхъ всадниковъ (113). Ночью, 3 Генваря, сдѣлалась ужасная тревога въ Кремлѣ: заговорщики схватили Князя Ивана Бѣльскаго въ его домѣ и посадили въ темницу; также вѣрныхъ ему друзей, Князя Петра Щенятева и знатнаго сановника Хабарова: перваго извлекли задними дверьми изъ самой комнаты Государевой; окружили Митрополитовы келліи, бросали каменьями въ окна, и едва не умертвили Іоасафа, который бѣжалъ отъ нихъ на Троицкое подворье: Игу- г. 1542. Смута Бояръ. Паденіе К. Ивана Бѣльскаго.

г. 1542. менъ Лавры и Князь Димитрій Палецкій только именемъ Св. Сергія могли удержать неистовыхъ Дѣтей Боярскихъ ([114]), поднявшихъ руку на Архипастыря. Митрополитъ искалъ безопасности во дворцѣ, въ присутствіи юнаго Іоанна: но Государь, пробужденный свирѣпымъ воплемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ какъ несчастная жертва. Бояре съ шумомъ вошли за Іоасафомъ въ комнату Великаго Князя; взяли, отправили Митрополита въ ссылку, въ монастырь Кирилловъ на Бѣлѣозерѣ; велѣли придворнымъ Священникамъ, за три часа до свѣта, пѣть заутреню ([115]); кричали, господствовали, какъ бы завоевавъ Престолъ и Церковь; не думали о соблюденіи ни малѣйшей пристойности; дѣйствовали въ видѣ бунтовщиковъ; устрашили столицу. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій изъ Владиміра и сдѣлался вторично Главою Бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Щенятева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Тишина и спокойствіе возстановились. Но Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь перемѣны, добродѣтели Князя Ивана Бѣльскаго и общей къ нему любви, онъ велѣлъ убить его, по согласію съ Боярами, безъ вѣдома Государева ([116]). Три злодѣя умертвили сего несчастнаго Князя въ темницѣ: Вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христіанина просвѣщеннаго, какъ пишутъ современники ([117]). Нѣкогда подозрѣваемый въ тайномъ лихоимствѣ за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ ([118]), онъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣніи.

Ссылка Митрополита.

Новое господство К. Ивана Шуйскаго.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ его правленія ни мудрости, ни чистаго усердія къ государственному благу; могла единственно надѣяться, что власть сего человѣка, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума осталась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможѣ, утратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій оплакивалъ брата и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архипастырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтовать ему, смѣло противорѣчить Боярамъ и дѣйствовать на умы граждан Христіанскими увѣщаніями. Шуйскій и друзья его не хотѣли вторично ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архіепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельностію, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, оказалъ имъ услуги въ Новѣгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону ([119]), въ надеждѣ заступить мѣсто Іоасафа. Чрезъ семь дней нарекли Макарія Первосвятителемъ и возвели на Дворъ Митрополичій, а чрезъ десять дней посвятили ([120]). Такимъ образомъ Князь Иванъ Шуйскій самовластно свергнулъ двухъ Митрополитовъ единственно по личной къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда и законнаго предлога. Духовенство молчало и повиновалось. — Всѣ прежнія насилія, несправедливости возобновились. Льгота и права, данныя областнымъ жителямъ въ благословенное господствованіе Князя Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ ([121]). Россія сдѣлалась опять добычею клевретовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возрасталъ!

Посвященіе Макарія.

Важнѣйшимъ дѣломъ внѣшней Политики сего времени было новое перемиріе съ Литвою на семь лѣтъ, заключенное въ Москвѣ Королевскими Панами, Яномъ Глѣбовичемъ и Никодимомъ ([122]). Хотѣли и вѣчнаго мира съ обѣихъ сторонъ, но не согласились, какъ и прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались размѣна плѣнныхъ: Король требовалъ за то Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь, кажется, чтобы Литовскіе плѣнники не возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ, и чтобы Россійскіе не открыли намъ новыхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили единственно не воевать другъ друга и купцамъ торговать свободно. Сигизмундъ уже слабѣлъ: Паны договаривались именемъ его сына и наслѣдника, Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна читали грамоты: Великій Князь цѣловалъ крестъ и далъ руку Посламъ ([123]); а Бояринъ Морозовъ ѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велѣно было предстательствовать за нашихъ плѣнниковъ, чтобы ихъ не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь: послѣднее утѣшеніе для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть въ странѣ непріятельской! — Между тѣмъ спорили о земляхъ Себежскихъ и

Перемиріе съ Литвою.

г. 1542. другихъ; хотѣли и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посыланный для того въ Литву, долженъ былъ въ тайной бесѣдѣ съ ея Вельможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что Бояре Московскіе желаютъ знать ихъ мысли о пользѣ родственнаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина не находимъ отвѣта на сіе предложеніе (124).

Набѣги Крымцевъ, Ногаевъ. Дѣла Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавіею.

Испытавъ неудачу, Ханъ Саипъ-Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, отпустилъ Іоаннова Посла, Князя Александра Кашина, въ Москву, и далъ ему новую *шертную грамоту*; но сынъ Ханскій, Иминь, и хищные Мурзы тревожили набѣгами Сѣверскую область и Рязань (125). Воеводы Московскіе встрѣтили ихъ; побили Крымцевъ на славномъ полѣ Куликовѣ и гнали до рѣки Мечи (126). — Казанцы требовали мира; но Князь Булатъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Гирея, и писалъ о томъ къ Боярину, Димитрію Бѣльскому, а Царевна Горшадна къ самому Іоанну. Сія Царевна славилась ученостію и волхвованіемъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величіе Россіи. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей медлилъ и не заключалъ онаго (127).— Дружественныя сношенія продолжались съ Астраханью и съ Молдавіею. Царевичь Астраханскій, Едигеръ, пріѣхалъ служить въ Россію (128). Воевода Молдавскій, Иванъ Петровичь, внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Князю, что Солиманъ, изгнавъ его, умилостивился и возвратилъ ему Молдавію, но требуетъ, сверхъ ежегодной дани, около трехъ-сотъ-тысячь золотыхъ, коихъ не льзя собрать въ землѣ опустошенной (129). Господарь молилъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Перемѣна въ Правленіи.

Но смуты и козни придворныя занимали Думу болѣе, нежели внутреннія и внѣшнія дѣла государственныя. Не долго Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій пользовался властію: болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его отказаться отъ Двора. Онъ жилъ еще года два или три (130), не участвуя въ правленіи, но сдавъ оное своимъ ближнимъ родственникамъ, тремъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Ѳедору Ивановичу Скопину, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума выспренняго, любили только господствовать и г. 1542. не думали заслуживать любви согражданъ, ни признательности юнаго Вѣнценосца истиннымъ усердіемъ къ отечеству. Искусство сихъ Олигарховъ состояло въ томъ, чтобы не терпѣть противорѣчія въ Думѣ и допускать до Государя единственно преданныхъ имъ людей, удаляя всѣхъ, кто могъ быть для нихъ опасенъ или смѣлостію, или разумомъ, или благородными качествами сердца. Но Іоаннъ, приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ тягость беззаконной опеки, ненавидѣлъ Шуйскихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, свирѣпаго, и склонялся душею къ ихъ явнымъ или тайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ Совѣтникъ Думы, Ѳедоръ Семеновичь Воронцовъ (131). Олигархи желали пристойнымъ образомъ удалить его, и не могли; злобствовали, и видя возрастающую къ нему любовь Іоаннову, рѣшились прибѣгнуть къ насилію: во дворцѣ, въ торжествен- г. 1543. номъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя и Митрополита, Шуйскіе съ своими единомышленниками, Князьями Кубенскими, Палецкимъ, Шкурлятевымъ, Пронскими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шумнаго прѣнія о мнимыхъ винахъ сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова силою въ другую комнату, мучили, хотѣли умертвить. Юный Государь въ ужасѣ молилъ Митрополита спасти несчастнаго: Первосвятитель и Бояре Морозовы говорили именемъ Великаго Князя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, дали слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели па площадь и заключили въ темницу. Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ Митрополита и Бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если не льзя ему быть при Дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому (132). Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лѣтописецъ сказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ наступивъ на его мантію, изорвалъ оную въ знакъ презрѣнія.

Наглость Шуйскихъ.

Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданныхъ страстей въ Правителяхъ Государства ускорили перемѣну, желаемую народомъ и непрія-

г. 1543.

телями Шуйскихъ. Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душею, рѣдкимъ умомъ, особенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ главныя качества великаго Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный отца, матери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбіемъ, былъ на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе своими пороками, легко возникающими при самыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страстей, нѣмъ въ юной душѣ, и если, вмѣсто его, мудрый пѣстунъ не изъясняетъ ей законовъ нравственности. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока Державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго Вельможу у Государя и Государства, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: «пусть Державный веселится!» Окруживъ Іоанна толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и старцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство (133)! Они не думали толковать ему святыхъ обязанностей Вѣнценосца, ибо не исполняли своихъ; не пеклись о просвѣщеніи юнаго ума, ибо считали его невѣжество благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали сердце, презирали слезы Іоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ, въ надеждѣ на вѣтреность отрока, развлекаемаго ежеминутными утѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія,

Худое воспитаніе Іоанна.

ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ Бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнѣйшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые (134): первый засѣдалъ въ Думѣ; вторый имѣлъ знатный санъ Конюшаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, внушали тринадцатилѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ Бояръ и ругаются надъ самимъ Государемъ, угрожая смертію всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный Митрополитъ, недовольный дерзкимъ насиліемъ Шуйскихъ, оставилъ ихъ сторону и то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣли скрыть важный замыселъ: Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, слѣдуя обыкновенію, ѣздилъ осенью молиться въ Лавру Сергіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій съ знатнѣйшими сановниками, весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ; объявилъ съ твердостію, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣтника тиранства. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые на улицѣ истерзали, умертвили сего знатнѣйшаго Вельможу (135). Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали: народъ изъявилъ удовольствіе. Огласили злодѣянія убитаго. Пишутъ, что онъ, ненасытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ купли отнималъ Дворянскія земли, угнетая крестьянъ; что даже и слуги его господствовали и тиранствовали въ Россіи, не боясь ни судей, ни законовъ (136). Но сія варварская казнь, хотя и заслуженная недостойнымъ Вельможею, была ли достойна истиннаго Правительства и Государя? Она явила, что бѣдствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемниковъ; что не законъ и не справедливость, а

г. 1543.

Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ.

Декабря 29.

Паденіе Шуйскихъ.

г. 1543. только одна сторона надъ другою одержала верхъ, и насиліе уступило насилію: ибо юный Іоаннъ безъ сомнѣнія еще не могъ властвовать самъ собою: Князья Глинскіе съ друзьями повелѣвали его именемъ, хотя и сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что «съ того времени Бояре начали имѣть страхъ отъ Государя» (137).

Власть Глинскихъ.

Опалы и жестокость новаго Правленія дѣйствительно устрашили сердца. Сослали Θедора Шуйскаго-Скопина, Князя Юрія Темкина, Θому Головина и многихъ иныхъ чиновниковъ въ отдаленныя мѣста: а знатнаго Боярина, Ивана Кубенскаго, сына двоюродной тетки Государевой, Княжны Углицкой, посадили въ темницу (138): онъ находился въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался достоинствами, умомъ, тихимъ нравомъ (139). Его заключили въ Переславлѣ вмѣстѣ съ женою, тамъ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда злосчастный Князь Андрей Углицкій съ дѣтьми своими (140). Казнь, изобрѣтенная варварствомъ, была участію сановника придворнаго, Аθанасья Бутурлина, обвиненнаго въ дерзкихъ словахъ: ему отрѣзали языкъ предъ темницею въ глазахъ народа (141). Чрезъ пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Государь снова возложилъ на него опалу, также на Князей Петра Шуйскаго (142), Горбатаго, Димитрія Палецкаго и на своего любимца, Боярина Θедора Воронцова; простилъ ихъ изъ уваженія къ ходатайству Митрополита, но не надолго. Разнесся слухъ, что Ханъ Крымскій готовится итти къ нашимъ предѣламъ: сынъ его, Иминь, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ (143) свободно грабилъ въ Уѣздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ (гдѣ наши Воеводы только спорили о старѣйшинствѣ, не двигаясь съ мѣста для отраженія непріятеля). Самъ Іоаннъ, уже вступивъ въ лѣта юноши, предводительствовалъ многочисленною ратію, ѣздилъ водою на богомолье въ Угрѣшскій монастырь Св. Николая, прибылъ къ войску и жилъ въ Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ (144). Ханъ не явился. Воинскій станъ сдѣлался Дворомъ, и злые честолюбцы занимались козням. Однажды Государь, по своему обыкновенію выѣхавъ на звѣриную ловлю, былъ остановленъ пятидесятью Новогородскими пищальниками, которые хотѣли принести ему какія-то жалобы: Іоаннъ не слушалъ, и велѣлъ своимъ Дворянамъ разогнать ихъ. Новогородцы противились: началась битва; стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, умертвили съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десять. Государь возвратился въ станъ (145), и велѣлъ ближнему Дьяку, Василію Захарову, узнать, кто подучилъ Новогородцевъ къ дерзости и мятежу? Захаровъ, можетъ быть по согласію съ Глинскими, донесъ ему, что Бояре, Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы, Θедоръ и Василій, суть тайные виновники мятежа. Сего было довольно: безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, гнѣвный Іоаннъ велѣлъ отрубить имъ головы, объявивъ, что они заслужили казнь и прежними своими беззаконіями во время Боярскаго правленія (146)! Лѣтописцы свидѣтельствуютъ ихъ невинность, укоряя Θедора Воронцова единственно тѣмъ, что онъ желалъ исключительнаго первенства между Боярами, и досадовалъ, когда Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ милости. Способствовавъ паденію Шуйскихъ, и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчастный любимецъ положилъ голову на одной съ нимъ плахѣ!... Такъ новые Вельможи, пѣстуны или совѣтники Іоанновы, пріучали юношу-Монарха къ ужасному легкомыслію въ дѣлахъ правосудія, къ жестокости и тиранству! Подобно Шуйскимъ, они готовили себѣ гибель; подобно имъ, не удерживали, но стремили Іоанна на пути къ разврату, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать верховную власть благотворною, но чтобы утвердить ее въ рукахъ собственныхъ.

Жестокость правленія. Г. 1544—1546.

Въ отношеніи къ инымъ Державамъ мы дѣйствовали съ успѣхомъ и съ честію. Король Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигизмунду-Августу, который, извѣстивъ о томъ Великаго Князя, увѣрялъ Россію въ своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи исполнять заключенный съ нею договоръ (147). — Обманы Царя и Вельможъ Казанскихъ вывели Іоанна изъ терпѣнія. Двѣ рати, одна изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ день и часъ сошлися подъ стѣнами Казани, обратили въ пепелъ окрестности и *кабаки Царскіе*, убили множество людей близъ города и на берегахъ Свіяги, взяли знатныхъ плѣнниковъ и благополучно возвратились (148). Сіе внезапное нашествіе Россіянъ заставило думать Царя, что Казанскіе Вельможи тайно подвели ихъ: онъ хотѣлъ мстить; умертвилъ нѣкоторыхъ Князей, иныхъ выгналъ (149), и произвелъ всеобщее озлобленіе, коего слѣдствіемъ было то, что

Доброе согласіе съ Литвою.

Рать на Казань.

г.1546. Казанцы, требуя войска отъ Іоанна, желали выдать ему Сафа-Гирея съ тридцатью Крымскими сановниками. Государь обѣщалъ послать войско, но хотѣлъ, чтобы они прежде свергнули и заключили Царя. Бунтъ дѣйствительно открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ, и многіе изъ Крымцевъ были истерзаны народомъ. Сеитъ, Уланы, Князья, всѣ чиновники Казанскіе, давъ клятву быть вѣрными Россіи, снова приняли къ себѣ Царя Шигъ-Алея, торжественно возведеннаго на престолъ Князьями Димитріемъ Бѣльскимъ и Палецкимъ; веселились, праздновали, и снова измѣнили. Какъ бы въ предчувствіи неминуемаго, скораго конца Державы ихъ, они сами не знали, чего хотѣли, волнуемые страстями, и въ затмѣніи ума; взяли Царя не для того, чтобы повиноваться, но чтобы его именемъ управлять землею; держали какъ плѣнника, не дозволяли ему выѣзжать изъ города, ни показываться народу; пировали во дворцѣ и гремѣли оружіемъ; пили изъ златыхъ сосудовъ Царскихъ и брали оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключили въ темницу, даже умертвили нѣкоторыхъ и требовали, чтобы Царь въ письмахъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Лѣтописецъ сказываетъ, что Шигъ-Алей предвидѣлъ свою участь, и только изъ повиновенія къ Великому Князью согласился ѣхать въ Казань ([150]). Онъ терпѣлъ мѣсяцъ въ безмолвіи, имѣя довѣренность къ одному изъ знатнѣйшихъ Князей, именемъ Чурѣ, преданному Россіи. Сей добрый Вельможа не могъ усовѣстить Властителей Казанскихъ, тщетно грозивъ имъ пагубными слѣдствіями безумнаго непостоянства: раздраживъ Шигъ-Алея и боясь мести Іоанновой, они вздумали опять призвать Сафа-Гирея, который съ толпами Ногайскими уже былъ на Камѣ. Князь Чура извѣстилъ Алея о семъ заговорѣ, совѣтовалъ ему бѣжать, и приготовилъ суда. Насталъ какой-то праздникъ: Вельможи и народъ пили до ночи, заснули глубокимъ сномъ и не видали, какъ Царь вышелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ Волгою въ Россію ([151]); а Сафа-Гирей, въ третій разъ сѣвъ на престолѣ Казанскомъ, началъ царствовать ужасомъ: убилъ Князя Чуру и многихъ знатныхъ людей, окружилъ себя Крымцами, Ногаями, и ненавидя своихъ подданныхъ, хотѣлъ только держать ихъ въ страхѣ. Семдесятъ-шесть Князей и Мурзъ, братья Чурины, вѣрные Алею, и самые неистовые злодѣи его, обманутые Сафа-Гиреемъ, искали убѣжища въ Москвѣ. Въ слѣдъ за ними явились и Послы Горной Черемисы, съ увѣреніемъ, что ихъ народъ весь готовъ присоединиться къ нашему войску, если оно вступитъ въ Казанскіе предѣлы. Тогда была зима: отложивъ полную месть до лѣта, но желая удостовѣриться въ благопріятномъ для насъ расположеніи дикарей Черемисскихъ, Іоаннъ отрядилъ нѣсколько полковъ къ устью Свіяги. Князь Александръ Горбатый предводительствовалъ ими, и сражался единственно съ зимними вьюгами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не велѣно было осаждать Казани: онъ удовольствовался добычею, и привелъ съ собою въ Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которые служили намъ залогомъ въ вѣрности ихъ народа ([152]).

Шигъ-Алей Царемъ въ Казани, и бѣжитъ оттуда.

Походъ къ устью Свіяги.

Между тѣмъ Великій Князь ѣздилъ по разнымъ областямъ своей Державы, но единственно для того, чтобы видѣть славные ихъ монастыри и забавляться звѣриною ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюденій государственныхъ, не для защиты людей отъ притѣсненія корыстолюбивыхъ Намѣстниковъ. Такъ онъ былъ съ братьями Юріемъ Василіевичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ въ Владимірѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Ржевѣ, Твери, Новѣгородѣ, Псковѣ, гдѣ, окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ, не видалъ печалей народа, и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стенаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ншакахъ, и оставлялъ за собою слезы, жалобы, новую бѣдность: ибо сіи путешествія Государевы, не принося ни малѣйшей пользы Государству, стоили денегъ народу: Дворъ требовалъ угощенія и даровъ ([153]). — Однимъ словомъ, Россія еще не видала отца-Монарха на престолѣ, утѣшаясь только надеждою, что лѣта и зрѣлый умъ откроютъ Іоанну святое искусство царствовать для блага людей.

Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1546 — 1552.

Царское вѣнчаніе Іоанна. Бракъ Государевъ. Добродѣтели Анастасіи. Пороки Іоанновы и худое Правленіе. Пожары въ Москвѣ. Бунтъ черни. Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ. Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Перемѣна Двора и властей. Кротость Правленія. Судебникъ. Обузданіе Мѣстничества. Стоглавъ. Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ. Учрежденія Церковныя. Намѣреніе просвѣтить Россію. Воинскія дѣянія. Походъ на Казань. Перемиріе съ Литвою. Дѣла Крымскія. Смерть Царя Казанскаго. Походъ на Казань. Избраніе мѣста для новой крѣпости. Впаденіе Погаевъ. Основаніе Свіяжска. Покореніе Горной Стороны. Ужасъ Казанцевъ. Мирныя условія съ ними. Сюююбека. Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ. Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя. Переговоры съ Алеемъ. Царь оставляетъ Казань. Послѣдняя измѣна Казанцевъ.

Г. 1546. Царское вѣнчаніе Іоанна. Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ отъ рожденія. Онъ призвалъ Митрополита и долго говорилъ съ нимъ на-единѣ. Митрополитъ вышелъ отъ него съ лицемъ веселымъ, отпѣлъ молебенъ въ храмѣ Успенія, послалъ за Боярами — даже и за тѣми, которые находились въ опалѣ, — и вмѣстѣ съ ними былъ у Государя. Еще народъ ничего не вѣдалъ; но Бояре, подобно Митрополиту, изъявляли радость. Любопытные угадывали причину, и съ нетерпѣніемъ ждали открытія счастливой тайны.

Декабря 17. Прошло три дни (154). Велѣли собраться Двору: Первосвятитель, Бояре, всѣ знатные сановники окружали Іоанна, который, помолчавъ, сказалъ Митрополиту: «Уповая на милость Божію и на Святыхъ заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться: ты, отче, благословилъ меня. Первою моею мыслію было искать невѣсты въ иныхъ Царствахъ; но, разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи, по волѣ Божіей и твоему благословенію.» Митрополитъ съ умиленіемъ отвѣтствовалъ: «Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ! Благословляю оное именемъ Отца небеснаго.» Бояре плакали отъ радости, какъ говоритъ Лѣтописецъ, и съ новымъ восторгомъ прославили мудрость Державнаго, когда Іоаннъ объявилъ имъ другое намѣреніе: «еще до своей женитьбы исполнить древній обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на Царство*» (155). Онъ велѣлъ Митрополиту и Боярамъ готовиться къ сему великому торжеству, какъ бы утверждающему печатію Вѣры святый союзъ между Государемъ и народомъ. Оно было не новое для Московской Державы: Іоаннъ III *вѣнчалъ* своего внука *на Царство*; но совѣтники Великаго Князя — желая или дать болѣе важности сему обряду, или удалить отъ мыслей горестное воспоминаніе о судьбѣ Димитрія Іоанновича — говорили единственно о древнѣйшемъ примѣрѣ Владиміра Мономаха, на коего Митрополитъ Ефесскій возложилъ вѣнецъ, златую цѣпь и Бармы Константиновы (156). Писали и разсказывали, что Мономахъ, умирая, отдалъ Царскую утварь шестому сыну своему, Георгію; велѣлъ только хранить ее какъ зѣницу ока и передавать изъ рода въ родъ безъ употребленія, доколѣ Богъ не умилостивится надъ бѣдною Россіею и не воздвигнетъ въ ней истиннаго Самодержца, достойнаго украситься знаками могущества (157). Сіе преданіе вошло въ лѣтописи XVI вѣка, когда Россія дѣйствительно увидѣла Самодержца на тронѣ, и Греція, издыхая въ бѣдствіи, отказала намъ величіе своихъ Царей. Г. 1546.

Генваря 16, утромъ, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ находились всѣ Бояре; а Воеводы, Князья и чиновники, богато одѣтые, стояли въ сѣняхъ. Духовникъ Государевъ, Благовѣщенскій Протоіерей, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на златомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и Бармы (158), отнесъ ихъ (провождаемый Конюшимъ, Княземъ Михайломъ Глинскимъ, Казначеями и Дьяками) въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь: передъ нимъ Духовникъ съ крестомъ и Святою Г. 1547.

г.1547. водою, кромѣ людей на обѣихъ сторонахъ; за нимъ Князь Юрій Васильевичь, Бояре, Князья и весь Дворъ. Вступивъ въ церковь, Государь приложился къ иконамъ: священные лики возгласили ему многолѣтіе; Митрополитъ благословилъ его ([159]). Служили молебенъ. Посреди храма, на амвонѣ съ двѣнадцатью ступенями, были изготовлены два мѣста, одѣтыя златыми паволоками; въ ногахъ лежали бархаты и камки: тамъ сѣли Государь и Митрополитъ. Предъ амвономъ стоялъ богато-украшенный налой съ Царскою утварію: Архимандриты взяли и подали ее Макарію: онъ всталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ, и возлагая на него крестъ, Бармы, вѣнецъ, громогласно молился, чтобы Всевышній оградилъ сего Христіанскаго Давида силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ *для* строптивыхъ и *милостивое око* для послушныхъ. Обрядъ заключился возглашеніемъ новаго многолѣтія Государю. Принявъ поздравленіе отъ Духовенства, Вельможъ, граждан, Іоаннъ слушалъ Литургію, возвратился во дворецъ, ступая съ бархата на камку, съ камки на бархатъ. Князь Юрій Васильевичь осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами, изъ мисы, которую несъ за нимъ Михайло Глинскій ([160]). Какъ скоро Государь вышелъ изъ церкви, народъ, дотолѣ неподвижный, безмолвный, съ шумомъ кинулся обдирать *Царское мѣсто;* всякой хотѣлъ имѣть лоскутъ паволоки, на память великаго дня для Россіи.

Однимъ словомъ, сіе торжественное вѣнчаніе было повтореніемъ Димитріева, съ нѣкоторою перемѣною въ словахъ молитвъ, и съ тою разностію, что Іоаннъ III самъ (а не Митрополитъ) надѣлъ вѣнецъ на главу юнаго Монарха. *Современные* Лѣтописцы не упоминаютъ о *скипетрѣ*, ни о *мѵропомазаніи*, ни о *причащеніи* ([161]); не сказываютъ также, чтобы Макарій говорилъ Царю поученіе: самое умное, краснорѣчивое не могло быть столь дѣйствительно и сильно, какъ искреннее, умилительное воззваніе къ Богу Вседержителю, дающему и Властителей народамъ и добродѣтель Властителямъ! Съ сего времени Россійскіе Монархи начали уже не только въ сношеніяхъ съ иными Державами, но и внутри Государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться *Царями*, сохраняя и титулъ *Великихъ Князей,* освященный древностію; а книжники Московскіе объявили народу, что ими исполнилось пророчество Апокалипсиса о *шестомъ Царствѣ*, которое есть Россійское ([162]). Хотя титло не придаетъ естественнаго могущества, но дѣйствуетъ на воображеніе людей, и Библейское имя Царя, напоминая Ассирійскихъ, Египетскихъ, Іудейскихъ, наконецъ православныхъ Греческихъ Вѣнценосцевъ, возвысило въ глазахъ Россіянъ достоинство ихъ Государей. «Смирились» — говорятъ Лѣтописцы — «враги наши, Цари невѣрные и Короли нечестивые: Іоаннъ сталъ на первой степени Державства между ими!» Достойно примѣчанія, что Константинопольскій Патріархъ Іоасафъ, въ знакъ своего усердія къ Вѣнценосцу Россіи, въ 1561 году Соборною грамотою утвердилъ его въ санѣ Царскомъ, говоря въ ней: «Не только преданіе людей достовѣрныхъ, но и самыя лѣтописи свидѣтельствуютъ, что нынѣшній Властитель Московскій происходитъ отъ незабвенной Царицы Анны, сестры Императора Багрянороднаго, и что Митрополитъ Ефесскій, уполномоченный для того Соборомъ Духовенства Византійскаго, вѣнчалъ Россійскаго Великаго Князя, Владиміра, на Царство.» Сія грамота подписана тридцатью шестью Митрополитами и Епископами Греческими ([163]).

Бракъ Государевъ. Между тѣмъ знатные сановники, Окольничіе, Дьяки, объѣзжали Россію, чтобы видѣть *всѣхъ* дѣвицъ благородныхъ, и представить лучшихъ невѣстъ Государю: онъ избралъ изъ нихъ юную Анастасію, дочь вдовы Захарьиной ([164]), которой мужъ, Романъ Юрьевичь, былъ Окольничимъ, а свекоръ Бояриномъ Іоанна III. Родъ ихъ происходилъ отъ Андрея Кобылы, выѣхавшаго къ намъ изъ Пруссіи въ XIV вѣкѣ. Но не знатность, а личныя достоинства невѣсты оправдывали сей выборъ, и современники, изображая свойства ея, приписываютъ ей всѣ женскія добродѣтели, для коихъ только находили они имя въ языкѣ Русскомъ ([165]): Добродѣтели Анастасіи. цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ; не говорятъ о красотѣ: ибо она считалась уже необходимою принадлежностію счастливой Царской невѣсты. Совершивъ обрядъ вѣнчанія въ храмѣ Богоматери, Митрополитъ сказалъ новобрачнымъ: «Днесь Февраля 13. таинствомъ Церкви соединены вы навѣки, да вмѣстѣ покланяетесь Всевышнему и живете въ добродѣтели; а добродѣ-

г.1547. тель ваша есть правда и милость. Государь! люби и чти супругу; а ты, христолюбивая Царица, повинуйся ему. Какъ святый крестъ глава церкви, такъ мужъ глава жены. Исполняя усердно всѣ заповѣди Божественныя, узрите благая Іерусалима и миръ во Израилѣ.» Юные супруги явились глазамъ народа: благословенія гремѣли на стогнахъ Кремля. Дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней. Царь сыпалъ милости на богатыхъ: Царица питала нищихъ. Воспитанная безъ отца въ тишинѣ уединенія, Анастасія увидѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъ-естественнымъ пренесенную на ѳеатръ мірскаго величія и славы; но не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами, и все относя къ Богу, покланялась Ему и въ Царскихъ чертогахъ такъ же усердно, какъ въ смиренномъ, печальномъ домѣ своей вдовы матери. Прервавъ веселые пиры Двора, Іоаннъ и супруга его ходили пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провели тамъ первую недѣлю Великаго поста, ежедневно моляся надъ гробомъ Св. Сергія.

Пороки Іоанновы и худое правленіе. Сія набожность Іоаннова, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ, не могли укротить его пылкой, безпокойной души, стремительной въ движеніяхъ гнѣва, пріученной къ шумной праздности, къ забавамъ грубымъ, неблагочиннымъ. Онъ любилъ показывать себя Царемъ, но не въ дѣлахъ мудраго правленія, а въ наказаніяхъ, въ необузданности прихотей; игралъ, такъ сказать, милостями и опалами; умножая число любимцевъ, еще болѣе умножалъ число отверженныхъ; своевольствовалъ, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависѣлъ отъ Вельможъ, ибо не трудился въ устроеніи Царства, и не зналъ, что Государь истинно-независимый есть только Государь добродѣтельный. Никогда Россія не управлялась хуже: Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали, что хотѣли именемъ юноши-Государя; наслаждались почестями, богатствомъ, и равнодушно видѣли невѣрность частныхъ властителей; требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся предъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ, и быть ихъ слугою значило быть господиномъ въ Россіи ([166]). Намѣстники не знали страха — и горе угнетеннымъ, которые мимо Вельможъ шли ко Трону съ жалобами! Такъ граждане Псковскіе, послѣдніе изъ присоединенныхъ къ Самодержавію и смѣлѣйшіе другихъ, (весною въ 1547 году) жаловались новому Царю на своего Намѣстника, Князя Турунтая-Пронскаго, угодника Глинскихъ. Іоаннъ былъ тогда въ селѣ Островкѣ: семьдесятъ челобитчиковъ стояло передъ нимъ съ обвиненіями и съ уликами. Государь не выслушалъ: закипѣлъ гнѣвомъ; кричалъ, топалъ; лилъ на нихъ горящее вино; палилъ имъ бороды и волосы; велѣлъ ихъ раздѣть и положить на землю. Они ждали смерти. Въ сію минуту донесли Іоанну о паденіи большаго колокола въ Москвѣ; онъ ускакалъ въ столицу, и бѣдные Псковитяне остались живы ([167]). — Честные Бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ: шуты, скоморохи забавляли Царя, а льстецы славили его мудрость ([168]). Добродѣтельная Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ. Характеры сильные требуютъ сильнаго потрясенія, чтобы свергнуть съ себя иго злыхъ страстей и съ живою ревностію устремиться на путь добродѣтели. Для исправленія Іоаннова надлежало сгорѣть Москвѣ!

Сія столица ежегодно возрастала своимъ пространствомъ и числомъ жителей. Дворы болѣе и болѣе стѣснялись въ Кремлѣ, въ Китаѣ; новыя улицы примыкали къ старымъ въ посадахъ; домы строились лучше для глазъ, но не безопаснѣе прежняго: тлѣнныя громады зданій, гдѣ-гдѣ раздѣленныя садами, ждали только искры огня, чтобы сдѣлаться пепломъ. Лѣтописи Москвы часто говорятъ о пожарахъ, называя иные *великими* ([169]); но никогда огонь не свирѣпствовалъ въ ней такъ ужасно, какъ въ 1547 году. 12 Апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ съ богатыми товарами ([170]), гостиные казенные дворы, Обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію городской стѣны, пала въ рѣку и запрудила оную кирпичами. 20 Апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончары и кожевники ([171]); а 24 Іюня, около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинною, на Арбатской улицѣ, съ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай, Большой посадъ. Вся Москва представила зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами Пожары въ Москвѣ.

г. 1547. густаго дыма. Деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло как въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури, трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и въ другихъ частяхъ города. Спасали единственно жизнь: богатство, праведное и неправедное, гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги, даже мощи Святыхъ истлѣли (172). Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма: силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живый былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Изъ Собора вынесли только образъ Маріи, писанный Св. Петромъ Митрополитомъ, и *Правила Церковныя*, привезенныя Кипріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ мѣстѣ: къ счастію, огонь, разрушивъ кровлю и паперти, не проникъ во внутренность церкви. — Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Покровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской (173). Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли: дерева обратились въ уголь, трава въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по сказанію современниковъ, ни описать, ни вообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили, и выли какъ дикіе-звѣри. «Счастливъ» — говоритъ Лѣтописецъ — «кто, умиляясь душею, могъ плакать и смотрѣть на небо!» Утѣшителей не было: Царь съ Вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить Кремлевскій дворецъ; богатые также спѣшили строиться; о бѣдныхъ не думали. Симъ воспользовались непріятели Глинскихъ: Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Θеодоръ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Бояринъ Иванъ Петровичь Θедоровъ, Князь Юрій Темкинъ, Нагой и Григорій Юрьевичь Захарьинъ, дядя Царицы: они составили заговоръ; а народъ, несчастіемъ расположенный къ изступленію злобы и къ мятежу, охотно г. 1547. сдѣлался ихъ орудіемъ.

Въ слѣдующій день Государь поѣхалъ съ Боярами навѣстить Митрополита въ Новоспасской Обители. Тамъ Духовникъ его, Скопинъ-Шуйскій и знатные ихъ единомышленники объявили Іоанну, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Государь удивился, и велѣлъ изслѣдовать сіе дѣло Боярамъ, которые, чрезъ два дни пріѣхавъ въ Кремль, собрали гражданъ на площади и спрашивали, кто жегъ столицу? Въ нѣсколько голосовъ отвѣчали имъ: «Глинскіе! Глинскіе! Мать ихъ, Княгиня Анна, вынимала сердца изъ мертвыхъ, клала въ воду, и кропила ею всѣ улицы, ѣздя по Москвѣ. Вотъ, отъ чего мы сгорѣли!» Сію басню выдумали и разгласили заговорщики. Умные люди не вѣрили ей, однакожь молчали: ибо Глинскіе заслужили общую ненависть. Многіе поджигали народъ, и самые Бояре. Княгиня Анна, бабка Государева, съ сыномъ Михайломъ находилась тогда во Ржевскомъ своемъ помѣстьѣ. Другой сынъ ея, Князь Юрій, стоялъ на Кремлевской площади въ кругу Бояръ: изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ, и видя ярость черни, онъ искалъ безопасности въ церкви Успенія, куда вломился за нимъ и народъ. Совершилось дотолѣ неслыханное въ Москвѣ злодѣйство: мятежники въ святомъ храмѣ убили роднаго дядю Государева (174), извлекли его тѣло изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; разграбили имѣніе Глинскихъ, умертвили множество ихъ слугъ и Дѣтей Боярскихъ (175). Никто не унималъ беззаконія: Правительства какъ бы не было . . . .

Буйство черни.

Въ сіе ужасное время, когда юный Царь трепеталъ въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, а добродѣтельная Анастасія молилась, явился тамъ какой-то удивительный мужъ, именемъ Сильвестръ, саномъ Іерей, родомъ изъ Новагорода (176); приближился къ Іоанну съ подъятымъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ Пророка, и гласомъ убѣдительнымъ возвѣстилъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя легкомысленнаго и злострастнаго; что огнь Небесный испепелилъ Москву; что сила Вышняя волнуетъ народъ и ліетъ фіалъ гнѣва въ сердца людей. Раскрывъ Святое Писаніе, сей мужъ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ сонму Царей земныхъ; заклиналъ его быть

Чудное исправленіе Іоанна. Сильвестръ и Адашевъ.

г.1547. ревностнымъ исполнителемъ сихъ уставовъ; представилъ ему даже какія-то страшныя видѣнія ([177]), потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши, и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ; обливаясь слезами раскаянія, простеръ десницу къ наставнику вдохновенному; требовалъ отъ него силы быть добродѣтельнымъ — и пріялъ оную ([178]). Смиренный Іерей, не требуя ни высокаго имени, ни чести, ни богатства, сталъ у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Вѣнценосца на пути исправленія, заключивъ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновыхъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, коего описываютъ земнымъ Ангеломъ ([179]): имѣя нѣжную, чистую душу, нравы благіе, разумъ пріятный, основательный и безкорыстную любовь къ добру, онъ искалъ Іоанновой милости не для своихъ личныхъ выгодъ, а для пользы отечества, и Царь нашелъ въ немъ рѣдкое сокровище, друга, необходимо нужнаго Самодержцу, чтобы лучше знать людей, состояніе Государства, истинныя потребности онаго: ибо Самодержецъ съ высоты престола видитъ лица и вещи въ обманчивомъ свѣтѣ отдаленія; а другъ его какъ подданный стоитъ на ряду со всѣми, смотритъ прямѣе въ сердца и вблизи на предметы. Сильвестръ возбуждалъ въ Царѣ желаніе блага: Адашевъ облегчилъ Царю способы благотворенія. — Такъ повѣствуетъ умный современникъ, Князь Андрей Курбскій, бывшій тогда уже знатнымъ сановникомъ Двора. По крайней мѣрѣ здѣсь начинается эпоха Іоанновой славы, новая, ревностная дѣятельность въ Правленіи, ознаменованная счастливыми для Государства успѣхами и великими намѣреніями.

Во первыхъ, обуздали мятежную чернь, которая, на третій день по убіеніи Глинскаго, явилась шумною толпою въ Воробьевѣ, окружила дворецъ и кричала, чтобы Государь выдалъ ей свою бабку, Княгиню Анну, и сына ея, Михаила ([180]). Іоаннъ велѣлъ стрѣлять въ бунтовщиковъ: толпу разсѣяли; схватили и казнили нѣкоторыхъ; многіе ушли; другіе падали на колѣна и винились. Порядокъ возстановился. Тогда Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ: взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и г.1547. хлѣба.

Во вторыхъ, истинные виновники бунта, подстрекатели черни, Князь Скопинъ-Шуйскій съ клевретами обманулись, если имѣли надежду, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть Царемъ. Хотя Іоаннъ пощадилъ ихъ, изъ уваженія ли къ своему Духовнику и къ дядѣ Царицы, или за недостаткомъ ясныхъ уликъ, или предавъ одному суду Божію такое дѣло, которое, не смотря на беззаконіе способовъ, удовлетворяло общей, справедливой ненависти къ Глинскимъ: но мятежное господство Бояръ рушилось совершенно, уступивъ мѣсто единовластію Царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественнымъ дѣйствіемъ Вѣры утвердить благословенную перемѣну въ Правленіи и въ своемъ сердцѣ, Государь на нѣсколько дней уединился для поста и молитвы; созвалъ Святителей, умиленно каялся въ грѣхахъ, и разрѣшенный, успокоенный ими въ совѣсти, причастился Святыхъ Таинъ ([181]). Юное, пылкое сердце его хотѣло открыть себя предъ лицемъ России: онъ велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву людей избранныхъ, всякаго чина или состоянія, для важнаго дѣла государственнаго. Они собралися — и въ день Воскресный, послѣ Обѣдни, Царь вышелъ изъ Кремля съ Духовенствомъ, съ Крестами, съ Боярами, съ дружиною воинскою, на лобное мѣсто, гдѣ народъ стоялъ въ глубокомъ молчаніи. Отслужили молебенъ. Іоаннъ обратился къ Митрополиту и сказалъ ([182]): «Святый Владыко! знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери; а Вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными; моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ — и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ: не внималъ стенанію бѣдныхъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ! Вы, вы дѣлали, что хотѣли, злые крамольники, судіи неправедные! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилося? Я чистъ отъ сея крови! А вы ждите суда Небеснаго!» . . . Тутъ Государь поклонился на всѣ стороны, и продолжалъ: «Люди Божіи и

Рѣчь Государева на лобномъ мѣстѣ. Г.1547 — 1550.

Г. 1547—1550. нымъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны! Не льзя исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію Христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ.» Въ сей великій день, когда Россія въ лицѣ своихъ повѣренныхъ присутствовала на лобномъ мѣстѣ, съ благоговѣніемъ внимая искреннему обѣту юнаго Вѣнценосца жить для ея счастія, Іоаннъ въ восторгѣ великодушія объявилъ искреннее прощеніе виновнымъ Боярамъ; хотѣлъ, чтобы Митрополитъ и Святители также ихъ простили именемъ Судіи Небеснаго; хотѣлъ, чтобы всѣ Россіяне братски обнялися между собою; чтобы всѣ жалобы и тяжбы превратились миромъ до назначеннаго имъ срока (183). — Въ тотъ же день онъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ, обиженныхъ, и сказалъ ему торжественно: «Алексій: ты не знатенъ и не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое, не по твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ, да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ! Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они, похитивъ честь, беззаконствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго! Все рачительно испытывай, и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія» (184). Народъ плакалъ отъ умиленія вмѣстѣ съ юнымъ своимъ Царемъ.

Перемѣна Двора и властей. Царь говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на чету избранныхъ, Сильвестра и Адашева, которые приняли въ священный союзъ свой не только благоразумнаго Митрополита, но и всѣхъ мужей добродѣтельныхъ, опытныхъ, въ маститой старости еще усердныхъ къ отечеству (185) и прежде отгоняемыхъ отъ трона, гдѣ вѣтреная юность не терпѣла ихъ угрюмаго вида. Ласкатели и шуты онѣмѣли при Дворѣ; въ Думѣ заграждались уста навѣтникамъ и козноденямъ, а правда могла быть откровенною. Не смотря на довѣренность, которую Іоаннъ имѣлъ къ Совѣту, онъ самъ входилъ и въ государственныя и въ важнѣйшія судныя дѣла, чтобы исполнить обѣтъ, данный имъ Богу и Россіи. Вездѣ народъ благословилъ усердіе Правительства къ добру общему; вездѣ смѣняли недостойныхъ властителей: наказывали презрѣніемъ или темницею (186), но безъ излишней строгости; хотѣли ознаменовать счастливую государственную перемѣну не жестокою казнію худыхъ старыхъ чиновниковъ, а лучшимъ избраніемъ новыхъ, какъ бы объявляя тѣмъ народу, что злоупотребленія частной власти бываютъ обыкновеннымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ усыпленія или разврата въ главномъ Начальствѣ: гдѣ оно терпитъ грабежъ, тамъ грабители почти невинны, пользуясь дозволяемымъ. Только въ однихъ Самодержавныхъ Государствахъ видимъ сіи легкіе, быстрые переходы отъ зла къ добру: ибо все зависитъ отъ воли Самодержца, который, подобно искусному Механику, движеніемъ перста даетъ ходъ громадамъ, вращаетъ махину неизмѣримую, и влещетъ ею милліоны ко благу или бѣдствію.

Вообще мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для Царской власти. Весьма не многіе изъ прежнихъ Царедворцевъ — и самые злѣйшіе — были удалены; другихъ обуздали или исправили, какъ пишутъ (187). Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Өеодоръ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ бывшаго мятежа, терзаемый совѣстію, заключился въ монастырѣ (188). Въ Думу поступили новые Бояре: дядя Царицы, Захарьинъ, Хабаровъ (вѣрный другъ несчастнаго Ивана Бѣльскаго), Князья Куракинъ-Булгаковъ, Данило Пронскій и Дмитрій Палецкій, коего дочь, Княжна Іуліанія, удостоилась тогда чести быть супругою шестнадцати-лѣтняго брата Государева, Князя Юрія Васильевича (189). Отнявъ у ненавистнаго Михайла Глинскаго знатный санъ Конюшаго (190), оставили ему Боярство, помѣстья и свободу жить, гдѣ хочетъ; но сей Вельможа, устрашенный судьбою брата, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, Княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, бѣжалъ въ Литву. За ними гнался Князь Петръ Шуйскій: видя, что имъ не льзя уйти, они возвратились въ Москву, и взятые подъ стражу, клялися, что ѣхали не въ Литву, а на богомолье въ Оковецъ. Несчастныхъ уличили во лжи, но милостиво простили, извинивъ бѣгство ихъ страхомъ (191). — Въ самомъ семействѣ Государскомъ, гдѣ

Кротость правленія.

г.1547 —1550. прежде обитали холодность, недовѣреніе, зависть, вражда ([192]), Россія увидѣла миръ и тишину искренней любви. Узнавъ счастіе добродѣтели, Іоаннъ еще болѣе узналъ цѣну супруги добродѣтельной: утверждаемый прелестною Анастасіею во всѣхъ благихъ мысляхъ и чувствахъ, онъ былъ и добрымъ Царемъ и добрымъ родственникомъ: женивъ Князя Юрія Василіевича, избралъ супругу и для Князя Владиміра Андреевича, дѣвицу Евдокію, изъ рода Нагихъ ([193]); жилъ съ первымъ въ одномъ дворцѣ; ласкалъ, чтилъ обоихъ; присоединяя имена ихъ къ своему въ государственныхъ указахъ, писалъ: «Мы уложили съ братьями и съ Боярами» ([194]).

Желая уподобиться во всемъ Великому Іоанну III — желая, по его собственному слову, быть *Царемъ правды* ([195]) — онъ не только острилъ мечь на враговъ иноплеменныхъ, но, въ цвѣтущей юности лѣтъ, занялся и тѣмъ важнымъ дѣломъ государственнымъ, для коего въ самыя просвѣщенныя времена требуется необыкновенныхъ усилій разума, и коимъ немногіе Вѣнценосцы пріобрѣли истинную, безсмертную славу: *законодательствомъ*. Окруженный сонмомъ Бояръ и другихъ мужей свѣдущихъ въ искусствѣ гражданскомъ, Царь предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями Россіи въ ея гражданской и государственной дѣятельности. Судебникъ. Вышелъ *Судебникъ* (въ 1550 году) или *вторая Русская Правда*, вторая полная система нашихъ древнихъ законовъ, достойная подробнаго изложенія въ статьѣ особенной, гдѣ будемъ говорить вообще о тогдашнемъ состояніи Россіи. Здѣсь скажемъ единственно, что Іоаннъ и добрые его совѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не суетной славы, а вѣрной, явной пользы, съ ревностною любовію къ справедливости, къ благоустройству; не дѣйствовали воображеніемъ, умомъ не обгоняли настоящаго порядка вещей, не терялись мыслями въ возможностяхъ будущаго, но смотрѣли вокругъ себя, исправляли злоупотребленія, не измѣняя главной, древней основы законодательства; все оставили, какъ было и чѣмъ народъ казался довольнымъ: устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ; хотѣли лучшаго, не думая о совершенствѣ — и безъ учености, безъ Ѳеоріи, не зная ничего, кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество: ибо она есть вѣрное зерцало нравовъ и понятій вѣка. — Въ прибавленіяхъ къ Судебнику находится и важный по тогдашнему времени указъ о *мѣстничествѣ*: Государь еще не могъ совершенно искоренить сего великаго зла, а хотѣлъ единственно умѣрить оное, запретивъ Дѣтямъ Боярскимъ и Княжатамъ считаться родомъ съ Воеводами; уставилъ также, что Воевода Большаго Полку долженъ быть всѣхъ знатнѣе; что начальники Передоваго и Сторожеваго Полку ему одному уступаютъ въ старѣйшинствѣ и не считаются съ Воеводами Правой и Лѣвой руки; что Государю принадлежитъ судить о родахъ и достоинствахъ; что кто съ кѣмъ посланъ, тотъ тому и повинуется ([196]). Обузданіе мѣстничества.

Стоглавъ. Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и въ 1551 году, 23 Февраля, дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго Царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять Святителей, всѣ Архимандриты, Игумены, Бояре, сановники первостепенные сидѣли въ молчаніи ([197]), устремивъ взоръ на Царя-юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи и паденіи Царствъ отъ мудрости или буйства властей, отъ благихъ или злыхъ обычаевъ народныхъ; описалъ все претерпѣнное *вдовствующею* Россіею во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а послѣ развратной; упомянулъ о слезной кончинѣ дядей своихъ, о безпорядкахъ Вельможъ, коихъ худые примѣры испортили въ немъ сердце ([198]); но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ изобразилъ бѣдствіе Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа. «Тогда» — сказалъ онъ — «ужаснулась душа моя и кости во мнѣ затрепетали; духъ мой смирился, сердце умилилось. Теперь ненавижу зло и люблю добродѣтель. Отъ васъ требую ревностнаго наставленія, Пастыри Христіанъ, учители Царей и Вельможъ, достойные Святители Церкви! Не щадите меня въ преступленіяхъ; смѣло упрекайте мою слабость; гремите Словомъ Божіимъ, да жива будетъ душа моя» ([199])! Далѣе, изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бо-

г. 1547 — 1550.

Уставныя грамоты. Избраніе Присяжныхъ.

га способами, и доказавъ необходимость исправленія законовъ для внутренняго порядка, Царь предложилъ Святителямъ Судебникъ на разсмотрѣніе, и Грамоты Уставныя, по коимъ во всѣхъ городахъ и волостяхъ надлежало избрать Старостъ и Цѣловальниковъ или Присяжныхъ, чтобы они судили дѣла вмѣстѣ съ Намѣстниками или съ ихъ Тіунами, какъ дотолѣ было въ одномъ Новѣгородѣ и Псковѣ ([200]); а Сотскіе и Пятидесятники, также избираемые общею довѣренностію, долженствовали заниматься земскою исправою, дабы чиновники Царскіе не могли дѣйствовать самовластно и народъ не былъ безгласнымъ ([201]). — Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

Учрежденія церковныя.

Но симъ не кончилось его дѣйствіе: Государь, устроивъ Державу, предложилъ Святителямъ устроить Церковь: исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы Духовенства въ примѣръ мірянамъ; ученіемъ образовать достойныхъ служителей Олтаря; уставить правила благочинія, которое должно быть соблюдаемо въ храмахъ Божіихъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить Христіанство Россійское отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Самъ Іоаннъ именно означилъ всѣ болѣе или менѣе важные предметы для вниманія Отцевъ Собора, который назвали *Стоглавымъ* по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ ([202]). Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій онаго было заведеніе училищъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, чтобы Іереи и Діаконы, извѣстные умомъ и добрыми свойствами, наставляли тамъ дѣтей въ грамотѣ и страхѣ Божіемъ: учрежденіе тѣмъ нужнѣйшее, что многіе Священники въ Россіи едва умѣли тогда разбирать буквы, вытверживая наизусть службу церковную ([203]). Желая укоренить въ сердцахъ истинную Вѣру, Отцы Собора взяли мѣры для обузданія суевѣрія и пустосвятства: запретили тщеславнымъ строить безъ всякой нужды новыя церкви, а бродягамъ-тунеядцамъ келліи въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; запретили также, исполняя волю Государя, Епископамъ и монастырямъ покупать отчины безъ вѣдома и согласія Царскаго ([204]): ибо Государь благоразумно предвидѣлъ, что они могли бы сею куплею присвоить себѣ наконецъ большую часть недвижимыхъ имѣній въ Россіи, ко вреду общества и собственной ихъ нравственности. Однимъ словомъ, сей достопамятный Соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ, бывшихъ въ Кіевѣ, Владимірѣ и Москвѣ.

г. 1547 — 1550.

Намѣреніе просвѣтить Россію.

Къ симъ, можно сказать, великимъ намѣреніямъ Іоанна принадлежитъ и замыслъ его обогатить Россію плодами Искусствъ чужеземныхъ. Саксонецъ Шлиттъ въ 1547 году былъ въ Москвѣ, выучился языку нашему, имѣлъ доступъ къ Царю и говорилъ съ нимъ объ успѣхахъ художествъ, наукъ въ Германіи, неизвѣстныхъ Россіянамъ. Іоаннъ слушалъ, разспрашивалъ его съ любопытствомъ, и предложилъ ему ѣхать отъ насъ Посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чтобы вывезти оттуда въ Москву не только ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, Аптекарей, Типографщиковъ, но и людей искусныхъ въ древнихъ и въ новыхъ языкахъ — даже Ѳеологовъ ([205])! Шлиттъ охотно взялся услужить тѣмъ Государю и Россіи; нашелъ Императора, Карла V, въ Аугсбургѣ, на Сеймѣ, и вручилъ ему Іоанновы письма о своемъ дѣлѣ. Императоръ хотѣлъ знать мнѣніе Сейма: долго разсуждали, и согласились исполнить желаніе Царя, но съ условіемъ, чтобы Шлиттъ именемъ Іоанновымъ обязался клятвенно не выпускать Ученыхъ и художниковъ изъ Россіи въ Турцію, и вообще не употреблять ихъ способностей ко вреду Нѣмецкой Имперіи. Карлъ V далъ нашему Посланнику грамоту, съ дозволеніемъ искать въ Германіи людей годныхъ для службы Царя; а Шлиттъ набралъ болѣе ста-двадцати человѣкъ ([206]), и готовился плыть съ ними изъ Любека въ Ливонію. Но все разрушилось отъ низкой, завистливой Политики Ганзы и Ливонскаго Ордена. Они боялись нашего просвѣщенія; думали, что Россія сдѣлается отъ того еще сильнѣе, опаснѣе для сосѣдственныхъ Державъ; и своими коварными представленіями заставили Императора думать такъ же: въ слѣдствіе чего Сенаторы Любекскіе беззаконно посадили Шлитта въ темницу; многочисленные спутники его разсѣялись, и долго Іоаннъ не зналъ о несчастной судьбѣ своего Посланника, который, бѣжавъ наконецъ изъ заключенія, уже въ 1557 году возвратился въ Москву, одинъ, безъ денегъ, съ долгами и съ разными легкомысленными предложеніями: на примѣръ, чтобы Царь помогалъ Импе-

г. 1547—1550. ратору людьми и деньгами въ войнѣ Турецкой, далъ ему аманатовъ (двадцать-пять Князей и Дворянъ) въ залогъ вѣрности, обѣщался соединить Церковь нашу съ Латинскою, имѣлъ всегдашняго Посла при Дворѣ Карловомъ, основалъ Орденъ для Россіянъ и чужестранцевъ, нанялъ 6000 Нѣмецкихъ воиновъ, учредилъ почту отъ Москвы до Аугсбурга, и проч. (207). Хотя благое намѣреніе Царя не исполнилось совершенно, отъ недоброжелательства Любчанъ и Правительства Ливонскаго, послѣ имъ жестоко наказаннаго: однакожь многіе изъ Нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, вопреки запрещенію Императора и Магистра Ливонскаго умѣли тайно проѣхать въ Россію и были ей полезными въ важномъ дѣлѣ гражданскаго образованія (208).

Воинскія дѣйствія. Сіе истинно Царское дѣло совершалось подъ звукомъ оружія и побѣдъ, тогда необходимыхъ для благоденствія Россіи. Надлежало унять варваровъ, которые, пользуясь юностію Вѣнценосца и смутами Бояръ, столь долго свирѣпствовали въ нашихъ предѣлахъ, такъ что за 200 верстъ отъ Москвы, къ Югу и Сѣверо-Востоку, земля была усѣяна пепломъ и костями Россіянъ (209). Не оставалось ни селенія, ни семейства цѣлаго! Чтобы начать съ ближайшаго, зловреднѣйшаго непріятеля, семнадцати-лѣтній Іоаннъ, пылая ревностію славы, хотѣлъ самъ вести рать къ Казани, Походъ на Казань. и выѣхалъ изъ Москвы въ Декабрѣ мѣсяцѣ; но судьба искусила его твердость неудачею. Презирая нѣгу, онъ готовился терпѣть въ походѣ холодъ и мятели, обыкновенныя въ сіе время года: вмѣсто снѣга шелъ непрестанно дождь; обозы и пушки тонули въ грязи. 2 Февраля, когда Царь, ночевавъ въ Ельнѣ, въ 15 верстахъ отъ Нижняго, прибылъ на островъ Роботку, вся Волга покрылась водою: ледъ треснулъ; снарядъ огнестрѣльный провалился, и множество людей погибло. Три дни Государь жилъ на островѣ и тщетно ждалъ пути: наконецъ, какъ бы устрашенный худымъ предзнаменованіемъ, возвратился съ печалію въ Москву (210); однакожь велѣлъ Князю Димитрію Бѣльскому итти съ полками къ Казани, не для ея завоеванія, но чтобы нанести ей чувствительный ударъ. Царь Шигъ-Алей и другіе Воеводы шли изъ Мещеры къ устью Цивили и соединились тамъ съ Бѣльскимъ (211): Сафа-Гирей ждалъ ихъ на Арскомъ полѣ, гдѣ одинъ Князь Симеонъ Микулинскій съ передовою дружиною разбилъ его на голову и *втопталъ* въ городъ, плѣнивъ богатыря Азика и многихъ знатныхъ людей. Татары отмстили намъ разореніемъ Галицкихъ селъ; но Костромскій Воевода, Яковлевъ, истребилъ всю толпу сихъ хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ, убивъ ихъ предводителя, богатыря Арака (212). г. 1547—1550.

Не довольный сими легкими дѣйствіями нашей силы, Іоаннъ готовился къ предпріятію рѣшительному: для того желалъ мира съ Литвою, гдѣ ветхій Сигизмундъ кончилъ дни свои, а юный его наслѣдникъ, Августъ, занимался болѣе любовными, нежели государственными дѣлами, и не имѣлъ въ теченіе пяти лѣтъ никакого сношенія съ Москвою. Перемиріе съ Литвою. Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Уже срокъ перемирія исходилъ, а новый Король молчалъ, и даже не извѣстилъ Іоанна о смерти отца. Бояре наши, Князь Димитрій Бѣльскій и Морозовъ, писали о томъ къ Литовскимъ Вельможамъ и дали имъ знать, что мы ждемъ ихъ Пословъ для мирнаго дѣла. Въ Генварѣ 1549 года Воевода Витебскій, Станиславъ Кишка, и Маршалокъ Комаевскій пріѣхали въ Москву; вступили въ переговоры о вѣчномъ мирѣ; требовали, какъ обыкновенно, Новагорода, Пскова, Смоленска, городовъ Сѣверскихъ, и въ извиненіе сихъ нелѣпыхъ предложеній твердили Боярамъ: «*Посолъ какъ мѣхъ: что въ него вложишь, то и несетъ.* Исполняемъ данное намъ отъ Короля и Думы повелѣніе.» Бояре отвѣтствовали: «И такъ будемъ говорить единственно о перемиріи.» Заключили его на старыхъ условіяхъ. Но Паны Литовскіе не согласились внести новаго Царскаго титула въ грамоту. Съ обѣихъ сторонъ упрямились, такъ что Послы было уѣхали изъ Москвы (213): ихъ воротили — и, соблюдая перемиріе, спорили о титулѣ. Августъ признавалъ Іоанна только Великимъ Княземъ, а мы съ досады уже не называли Августа Королемъ. Были и другія неудовольствія. Государь, предлагая 2000 рублей выкупа за нашихъ знатныхъ плѣнниковъ, Князей Ѳеодора Оболенскаго и Михайла Голицу, получилъ отказъ, и самъ отказалъ Королю въ его требованіи, чтобы Евреи Литовскіе могли свободно торговать къ Россіи, согласно съ прежними договорами. «Нѣтъ,» отвѣчалъ Іоаннъ:

г. 1547 — 1550. «сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную: продавали у насъ смертоносныя зелія и злословили Христа Спасителя; не хочу объ нихъ слышать» (214). — Но ни Россія, ни Литва не желала войны.

Дѣла Крымскія. Одинъ Ханъ Саипъ-Гирей грозилъ мечемъ Іоанну, и былъ тѣмъ надменнѣе, что ему удалось тогда завоевать Астрахань, богатую купечествомъ, но скудную войскомъ и беззащитную, не смотря на пышное имя Царства, ею носимое. Взявъ сей городъ, Ханъ разорилъ его до основанія, вывелъ многихъ жителей въ Крымъ и считалъ себя законнымъ властелиномъ единоплеменныхъ съ ними Ногаевъ (215). Онъ самъ писалъ о томъ къ Іоанну; сказывалъ, что Кабардинцы и горные Кайтаки платятъ ему дань; хвалился своимъ могуществомъ, и говорилъ: «Ты былъ молодъ, а нынѣ уже въ разумѣ: объяви, чего хочешь? любви или крови? Ежели хочешь любви, то присылай не бездѣлицы, а дары знатные, подобно Королю, дающему намъ 15,000 золотыхъ ежегодно. Когда же угодно тебѣ воевать, то я готовъ итти къ Москвѣ, и земля твоя будетъ подъ ногами коней моихъ» (216). Зная, что Саипъ-Гирей возметъ дары, но не отступится отъ Казани, и что война съ нею должна быть и войною съ Крымомъ, Государь уже презиралъ гнѣвъ Хана, и засадилъ его Пословъ въ темницу, свѣдавъ, что онъ беретъ къ себѣ Московскихъ купцевъ въ домашнюю услугу какъ невольниковъ, и что въ Тавридѣ обезчестили нашего гонца (217). Однимъ словомъ, мы чувствовали силу свою и надѣялись управиться со всѣмъ Батыевымъ потомствомъ.

Смерть Царя Казанскаго. Въ сіе время (въ Мартѣ 1549 года) Казань лишилась Царя: Сафа-Гирей пьяный убился во дворцѣ и кончилъ жизнь внезапно, оставивъ двулѣтняго сына, именемъ Утемишъ-Гирея, коего мать, прекрасная Сююнбека, дочь Князя Ногайскаго Юсуфа, была ему любезнѣе всѣхъ иныхъ женъ (218): Вельможи возвели младенца Утемишъ-Гирея на престолъ, но искали лучшаго Властителя, и хотѣли, чтобы Ханъ Крымскій далъ имъ своего сына защитить ихъ отъ Россіянъ; а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ юнаго Царя, требуя мира (219). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что о мирѣ говорятъ только съ Послами; спѣшилъ воспользоваться мятежнымъ безначаліемъ Казани, и велѣлъ собираться полкамъ: Большому въ Суздалѣ, Передовому въ Шуѣ и въ Муромѣ, Сторожевому въ Юрьевѣ, Правому въ Костромѣ, Лѣвому въ Ярославлѣ (220). 24 Ноября самъ Государь выѣхалъ изъ Москвы въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ, благословивъ его, убѣждалъ Воеводъ, служить великодушно отечеству и Царю въ духѣ любви и братства, забыть гордость и мѣстничество, терпимое въ мирные дни, а на войнѣ преступное. Начальникомъ въ Москвѣ остался Князь Владиміръ Андреевичъ. Іоаннъ взялъ съ собою меньшаго брата, Князя Юрія, Царя Шигъ-Алея и всѣхъ знатныхъ Казанскихъ бѣглецовъ. Зима была ужасная: люди падали мертвые на пути отъ несноснаго холода. Государь все терпѣлъ и всѣхъ ободрялъ, забывъ нѣгу, роскошь Двора и ласки прелестной супруги (221). Въ Нижнемъ Новѣгородѣ соединились полки, и 14 Февраля стали подъ Казанью: Іоаннъ съ Дворянами на берегу озера Кабана, Шигъ-Алей и Князь Димитрій Бѣльскій съ главною силою на Арскомъ полѣ, другая часть войска за рѣкою Казанкою, снарядъ огнестрѣльный на устьѣ Булака и Поганомъ озерѣ. Изготовили туры и приступили къ городу. Дотолѣ Государи наши не бывали подъ стѣнами сей мятежной столицы, посылая единственно Воеводъ для наказанія вѣроломныхъ ея жителей: тутъ юный, бодрый, любимый Монархъ самъ обнажилъ мечь; все видѣлъ, распоряжалъ, своимъ голосомъ и мужествомъ призывалъ воиновъ ко славѣ и побѣдѣ легкой. Царь Казани былъ въ пеленахъ; ея знатнѣйшіе Вельможи погибли въ крамолахъ или передались къ намъ, окружали Іоанна и чрезъ своихъ тайныхъ друзей склоняли единоземцевъ покориться его великодушію. 60,000 Россіянъ стремилось къ крѣпости деревянной, сокрушаемой ужаснымъ громомъ стѣнобитныхъ орудій. Но послѣдній часъ для Казани еще не насталъ; сражались цѣлый день. Россіяне убили множество людей въ городѣ, Князя Крымскаго, Челбака, и сына одной изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни сдѣлалась оттепель; шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ взломало, дороги испортились, и войско, не имѣя подвозовъ, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и съ величайшимъ трудомъ итти назадъ. Отправивъ впередъ Большой полкъ и тяжелый сна-

Поход на Казань. (margin, right column, beside "полкамъ… Лѣвому")
г. 1550. 25 Февраля. (margin, right column, beside "дороги испортились")

г. 1550. рядъ, Государь самъ шелъ за ними съ легкою конницею, чтобы спасти пушки и удерживать напоръ непріятеля (222); изъявлялъ твердость, не унывалъ, и занимаясь только одною мыслію, низложеніемъ сего зловреднаго, ненавистнаго для Россіи Царства, внимательно наблюдалъ мѣста; остановился при устьѣ Свіяги, увидѣлъ высокую гору, называемую Круглою; и взявъ съ собою Царя Шигъ-Алея, Князей Казанскихъ, Бояръ, взъѣхалъ на ея вершину . . . Открылся видъ неизмѣримый во всѣ стороны: къ Казани, къ Вяткѣ, къ Нижнему и къ пустынямъ нынѣшней Симбирской Губерніи. Удивленный красотою мѣста, Іоаннъ сказалъ: «Здѣсь будетъ городъ Христіанскій; стѣснимъ Казань: Богъ вдастъ ее намъ въ руки.» Всѣ похвалили его счастливую мысль, а Шигъ-Алей и Вельможи Татарскіе описали ему богатство, плодородіе окрестныхъ земель — и Государь, въ надеждѣ на будущіе успѣхи, возвратился въ Москву съ лицемъ веселымъ.

Избраніе мѣста для новой крѣпости.

25 Марта.

Но всякая неудача кажется народу виною: извиняя юность Царя, упрекали главнаго Воеводу, Князя Димитрія Бѣльскаго; говорили, что имя Бѣльскихъ несчастливо въ Казанскихъ походахъ; разсказывали, что будто бы Казанцы въ своихъ набѣгахъ явно щадили помѣстья сего Боярина, изъ благодарности за его малодушіе или самую измѣну (223). Онъ въ тотъ же годъ умеръ, не бывъ конечно ни предателемъ, ни искуснымъ Полководцемъ, ни властолюбивымъ Вельможею: иначе Шуйскіе не дали бы ему спокойно засѣдать въ Думѣ на первомъ мѣстѣ, свергнувъ и погубивъ его брата, незабвеннаго Князя Ивана (224).

Ни Государь, ни войско не успѣли еще отдохнуть, когда пришла въ Москву вѣсть о замыслѣ Хана Саипъ-Гирея итти на Россію: немедленно полки двинулись къ границамъ, и самъ Іоаннъ осмотрѣлъ ихъ въ Коломнѣ, въ Рязани, но чрезъ мѣсяцъ возвратился въ Москву, ибо осень наступала, а непріятеля не было (225). — Зимою, вмѣсто Хана, явились другіе разбойники, Ногайскіе Мурзы, въ Мещерѣ и близъ Старой Рязани. Воеводы Іоанновы били ихъ вездѣ, гдѣ находили; гнали до воротъ Шацкихъ; взяли много плѣнниковъ, и съ ними Мурзу Теляка: холодъ истребилъ остальныхъ, и едва 50 человѣкъ спаслося (226). За то Государь милостиво угостилъ Воеводъ въ Кремлевской набережной палатѣ, и *жаловалъ* всѣхъ Дѣтей Боярскихъ *великимъ жалованьемъ.*

Впаденіе Ногаевъ.

Еще Казанцы надѣялись обмануть Іоанна, и писали къ нему о мирѣ. Ходатаемъ за нихъ былъ Князь Ногайскій Юсуфъ, тесть Сафа-Гирея, Властитель знаменитый умомъ и силою, такъ, что Султанъ Турецкій писалъ къ нему ласковыя грамоты, называя его *Княземъ Князей* (227). Юсуфъ хотѣлъ выдать дочь свою, вдову Сююнбеку, за Шигъ-Алея, чтобы согласить волю Іоаннову съ желаніемъ народа Казанскаго; представлялъ суету міра и земнаго величія, ссылался на Алкоранъ и на Евангеліе, убѣждая Государя не проливать крови и быть ему истиннымъ другомъ; винилъ умершаго зятя въ невѣрности, кровопійствѣ; винилъ и Казанскихъ чиновниковъ въ духѣ мятежномъ, но стоялъ за дочь и за внука. Іоаннъ сказалъ, что объявитъ условія мира, если Казанцы пришлютъ въ Москву пять или шесть знатнѣйшихъ Вельможъ — и, не теряя времени, въ самомъ началѣ весны — послѣ многихъ совѣщаній съ Думными Боярами и съ Казанскими изгнанниками, послѣ торжественнаго молебствія въ церквахъ, принявъ благословеніе отъ Митрополита — отпустилъ Шигъ-Алея съ пятью стами знатныхъ Казанцевъ и съ сильнымъ войскомъ къ устью Свіяги, гдѣ надлежало имъ *во имя Іоанново* поставить городъ, для коего стѣны и церкви, срубленныя въ лѣсахъ Углицкихъ, были посланы на судахъ Волгою (228). Князь Юрій Михайловичь Булгаковъ и Симеонъ Ивановичь Микулинскій, Дворецкій Данило Романовичь Юрьевъ (братъ Царицы), Конюшій Иванъ Петровичь Өедоровъ, Бояре Морозовъ и Хабаровъ, Князья Палецкій и Нагаевъ предводительствовали Московскою ратію. Изъ Мещеры вышелъ Князь Хилковъ, изъ Нижняго Новагорода Князь Петръ Серебряный-Оболенскій, изъ Вятки Бахтеяръ Зюзинъ съ Стрѣльцами и Козаками. Отняли у непріятеля всѣ перевозы на Волгѣ и Камѣ, всѣ сообщенія. Князь Серебряный первый распустилъ знамя на Круглой горѣ, 16 Мая, при закатѣ солнца; отпѣлъ тамъ вечернюю молитву, и рано, 18 Мая, нечаянно ударилъ на посадъ Казанскій: истребивъ около тысячи сонныхъ людей, болѣе ста Князей, Мурзъ, знатныхъ гражданъ, освободилъ многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, возвратился къ устью Свіяги и ждалъ главнаго войска (229).

г. 1551.

Основаніе Свіяжска.

г. 1551. Оно прибыло на судахъ 24 Мая, и радостными кликами привѣтствуя землю, которой надлежало быть *новою Россіею*, съ торжествомъ вышло на берегъ, гдѣ полки Князя Серебрянаго-Оболенскаго стояли въ рядахъ и показывали братьямъ свои трофеи. Густый лѣсъ осѣнялъ гору: оставивъ мечи, воины взяли сѣкиры, и въ нѣсколько часовъ ея вершина обнажилась. Назначили, размѣрили мѣсто, обошли вокругъ онаго со крестами, святили воду, основали стѣны, церковь во имя Рождества Богоматери и Св. Сергія, и въ четыре недѣли совершили городъ Свіяжскъ (230), къ изумленію окрестныхъ жителей, которые, видя сію грозную твердыню надъ главою ветхаго Казанскаго Царства, смиренно просили Шигъ-Алея взять ихъ подъ Державу Іоаннову (231). Вся Горная Сторона, Чуваши, Мордва, Черемисы — идолопоклонники Финскаго племени, нѣкогда завоеванные Татарами, и не привязанные къ нимъ ни единствомъ Вѣры, ни единствомъ языка — послали своихъ знатныхъ людей въ Москву, дали клятву въ вѣрности къ Россіи, получили отъ Царя жалованную грамоту съ золотою печатію, были приписаны къ новому городу Свіяжскому и на три года освобождены отъ *ясаковъ* или дани. Чтобы удостовѣриться въ ихъ искренности, Іоаннъ велѣлъ имъ воевать Казань; они не смѣли ослушаться, собрались, и перевезенные въ Россійскихъ судахъ на Луговую сторону, въ присутствіи нашихъ чиновниковъ имѣли битву съ Казанцами среди поля Арскаго: хотя, разсѣянные пушечными выстрѣлами, бѣжали въ безпорядкѣ, однакожь, не доказавъ храбрости, доказали по крайней мѣрѣ свою вѣрность (232). Ихъ Князья, Мурзы и Сотники въ теченіе сего лѣта непрестанно ѣздили въ Москву; обѣдали во дворцѣ, и награждаемые шубами, тканями, доспѣхами, конями, деньгами, славили милость Царя и хвалились новымъ отечествомъ. Государь сыпалъ тогда серебро и золото, не жалѣя казны для исполненія великихъ намѣреній. Довольный успѣхомъ Воеводъ, онъ прислалъ къ Шигъ-Алею множество золотыхъ медалей, чтобы раздать оныя войску.

Покореніе Горной Стороны.

Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани, гдѣ не было ни двадцати тысячь воиновъ. Подданные измѣняли ей, Князья и Мурзы тайно уходили къ Шигъ-Алею (233), а Россіяне опустошали ея ближайшія села, и никого не пускали въ городъ: отъ устья Суры до Камы и Вятки стояли наши отряды. На престолѣ Казанскомъ игралъ невинный, безсловесный младенецъ; вдовствующая Царица, Сююнбека, то плакала надъ нимъ, то веселилась съ своимъ любовникомъ, Крымскимъ Уланомъ Кощакомъ, ненавистнымъ народу, граждане укоряли Вельможъ, Вельможи другъ друга. Казанскіе чиновники желали покориться Іоанну: Крымскіе гнушались симъ малодушіемъ; ждали войска изъ Тавриды, изъ Астрахани, изъ Ногайскихъ Улусовъ — и надменный Кощакъ, гремя саблею, обѣщалъ побѣду Царицѣ: пишутъ, что онъ думалъ жениться на ней, умертвить ея сына и быть Царемъ. Но сдѣлался бунтъ (234): Крымцы, видя, что народъ готовъ выдать ихъ Московскимъ Воеводамъ, бѣжали, числомъ болѣе трехъ сотъ, Князей и сановниковъ. Они не могли спастися, вездѣ находили Россіянъ, и положили свои головы на берегу Вятки; а гордый Кощакъ и сорокъ-пять знатнѣйшихъ его единоземцевъ были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ (235). г. 1551.

Ужасъ Казанцевъ.

Тогда Казанцы, немедленно заключивъ перемиріе съ нашими Воеводами, отправили Пословъ къ Іоанну (236): молили, чтобы онъ снова далъ имъ Шигъ-Алея въ Цари; обязывались прислать къ нему младенца Утемишъ-Гирея, Царицу Сююнбеку, женъ и дѣтей оставленныхъ у нихъ Крымцами; хотѣли также освободить всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Іоаннъ согласился, вспомнивъ осторожную Политику своего дѣда, которая состояла въ томъ, чтобы не доводить врага до крайности, изнурять въ немъ силы, губить его безъ спѣха, но вѣрно; зависѣть отъ случая какъ можно менѣе, беречь людей какъ можно болѣе, и въ неудачахъ войны оправдываться ея необходимостію. Но дѣдъ Іоанновъ, наблюдая умѣренность, наблюдалъ и другое правило: *удерживать взятое*. Пославъ Адашева къ Воеводамъ, чтобы исполнить условія мира и объявить Шигъ-Алея Царемъ Казанскимъ, онъ велѣлъ отдать ему единственно Луговую Сторону, а Горную, завоеванную мечемъ Россіи, приписать къ Свіяжску. Сія мысль, раздѣлить владѣнія Казани, огорчила и народъ ея и самого Шигъ-Алея. «Чтожь будетъ мое Царство?» говорилъ онъ: «могу ли требовать любви отъ подданныхъ, усту-

Мирныя условія съ ними.

г. 1551. пивъ Россіи знатную часть земли ихъ?» Воеводы отвѣтствовали, что такъ угодно Іоанну. Тщетно Казанцы думали лукавствовать, отрицались отъ условій, не хотѣли выдать ни Царицы, ни плѣнниковъ. Воеводы сказали имъ рѣшительно: «или они будутъ въ рукахъ нашихъ, или Государь въ началѣ осени будетъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ для истребленія вѣроломныхъ.» Надлежало повиноваться, и Казанцы извѣстили Шигъ-Алея, что Царица съ сыномъ уже ѣдетъ въ Свіяжскъ.

Царица Сюювбека. Не только Сююнбека, но и вся Казань проливала слезы, узнавъ, что сію несчастную какъ плѣнницу выдаютъ Государю Московскому. Не укоряя ни Вельможъ, ни гражданъ, Сююнбека жаловалась только на судьбу: въ отчаяніи лобызала гробъ Сафа-Гиреевъ и завидовала его спокойствію. Народъ печально безмолвствовалъ: Вельможи утѣшали ее и говорили, что Іоаннъ милостивъ; что многіе Цари Мусульманскіе служатъ ему; что онъ изберетъ ей достойнаго между ими супруга и дастъ владѣніе. Весь городъ шелъ за нею до рѣки Казанки, гдѣ стояла богато-украшенная ладія. Сююнбека тихо ѣхала въ колесницѣ; пѣстуны несли ея сына. Блѣдная, слабая, она едва могла сойти на пристань, и входя въ ладію, съ умиленіемъ поклонилась народу, который палъ ницъ, горько плакалъ, желалъ счастія бывшей своей Царицѣ (237). Князь Оболенскій встрѣтилъ ее на берегу Волги, привѣтствовалъ именемъ Государя и повезъ на судахъ въ Москву съ Утемишъ-Гиреемъ и съ семействами знатныхъ Крымцевъ.

Такъ исполнилось первое условіе мира: Воеводы требовали еще свободы нашихъ плѣнниковъ и присяги всѣхъ Казанцевъ въ вѣрности къ Россіи: назначили день и стали у Казани, отъ Волги до Царева луга. Алей послалъ своихъ Вельможъ въ городъ, чтобы очистить дворецъ, и ночевалъ въ шатрѣ. Въ слѣдующее утро всѣ сановники и граждане собралися на лугу: выслушали написанную для нихъ клятвенную грамоту; благодарили Іоанна за даннаго имъ Царя, но долго не хотѣли уступить Горной Стороны. «И вы думаете» — сказали Бояре — «что Іоаннъ подобно вамъ легкомысленъ? Взгляните на устье Свіяги: тамъ городъ Христіанскій! Жители окрестныхъ земель торжественно поддалися намъ и воевали Казань: могутъ ли снова принадлежать ей? Забудьте старое: оно не возвратится.» Наконецъ г. 1551. *шертныя* грамоты были утверждены печатію Царскою, и подписью всѣхъ знатныхъ людей. Народъ присягалъ три дни, толпа за толпою (238). Шигъ-Алей въѣхалъ въ столицу. Бояре, Князь Юрій Булгаковъ и Хабаровъ, посадили его на тронъ — и дворъ Царскій наполнился Россійскими плѣнниками, изъ коихъ многіе лѣтъ двадцать страдали въ неволѣ. Алей объявилъ имъ свободу: они едва вѣрили своему счастію; обливались слезами, воздѣвали руки къ небу, славили Бога. «Іоаннъ царствуетъ въ Россіи!» говорили имъ Бояре: «идите въ отечество, и впредь уже не бойтеся плѣна!» Въ Свіяжскѣ надѣляли ихъ всѣмъ нужнымъ, одеждою, съѣстными припасами и послали Волгою вверхъ, числомъ 60,000, кромѣ жителей Вятскихъ и Пермскихъ, отправленныхъ инымъ путемъ. «Никогда» — пишутъ современники — «Россія не видала пріятнѣйшаго зрѣлища: то былъ новый исходъ Израиля!» Освобожденіе столь многихъ людей, основаніе Свіяжска, взятіе знатной части Казанскихъ владѣній и воцареніе Алея не стоили Іоанну ни одного человѣка: Россіяне вездѣ гнали, били непріятелей въ маловажныхъ встрѣчахъ, на берегахъ Камы, Волги, и только ихъ кровію обагрялись. — Князь Булгаковъ поѣхалъ къ Государю съ счастливою вѣстію. Бояринъ Данило Романовичь и Князь Хилковъ также возвратились. Хабаровъ съ пятью стами Московскихъ Стрѣльцовъ остался у Шигъ-Алея, а Князь Симеонъ Микулинскій, мужъ извѣстный умомъ и храбростію, въ Свіяжскѣ (239). Новое воцареніе Шигъ-Алея. Освобожденіе плѣнниковъ.

Еще Казань тишиною и вѣрностію къ Россіи могла бы продлить бытіе свое въ видѣ особеннаго Мусульманскаго Царства; но Рокъ стремилъ ее къ паденію. Напрасно Іоаннъ изъявлялъ милость и ласку къ ея Царю и Вельможамъ: дарилъ перваго богатыми одеждами, сосудами, деньгами — также и Царицу его, одну изъ бывшихъ женъ Сафа-Гиреевыхъ; дарилъ и всѣхъ знатныхъ Казанцевъ, предостерегалъ ихъ отъ гибельныхъ слѣдствій новой измѣны (240). Шигъ-Алей непрестанно докучалъ ему о Горной Сторонѣ, желая, чтобы онъ возвратилъ хотя половину или часть ея, и недовольный рѣшительными отказами, равнодушно видѣлъ, что Казанцы укрываютъ еще многихъ плѣнниковъ Россійскихъ, сажаютъ въ ямы, заключаютъ въ цѣпи; не хотѣлъ никого наказывать за Невѣрность Казанцевъ и жестокость ихъ Царя.

г. 1551. то, и говорилъ нашимъ сановникамъ: «боюсь мятежа!» Но свѣдавъ, что нѣкоторые Вельможи, по старому обычаю, втайнѣ крамольствуютъ, пересылаются съ Ногаями, замышляютъ убить его и всѣхъ Россіянъ, Алей не усомнился прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ: далъ пиръ во дворцѣ и велѣлъ рѣзать гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ: однихъ умертвили въ его столовой комнатѣ, другихъ на дворѣ Царскомъ, всего семдесятъ человѣкъ, самыхъ знатнѣйшихъ; палачами служили собственные Алеевы Князья и Стрѣльцы Московскіе. Два дни лилася кровь: народъ оцѣпенѣлъ; виновные и невинные разбѣжались отъ страха (241).

Переговоры съ Алеемъ. Сіе ужасное происшествіе открыло Іоанну необходимость искать иныхъ способовъ для усмиренія Казани. Онъ послалъ туда Адашева, который объявилъ Алею, что Государь не можетъ долѣе терпѣть злодѣйствъ Казанскихъ; что время успокоить сіе несчастное Царство и Россію; что Московскіе полки вступятъ въ его столицу, защитятъ Царя и народъ, утвердятъ ихъ и нашу безопасность. «Вижу самъ» — отвѣтствовалъ Алей съ горестію — «что мнѣ нельзя здѣсь царствовать: Князья и народъ ненавидятъ меня; но кто виною? Пусть Іоаннъ отдастъ намъ Горную Сторону: тогда поручусь за вѣрность Казани; иначе добровольно схожу со трона и ѣду къ Государю, не имѣя другаго убѣжища въ свѣтѣ. Но я Мусульманинъ, и не введу сюда Христіанъ; впрочемъ могу оказать вамъ услугу, если Государь удостовѣритъ меня въ своей милости: до отъѣзда моего изъ Казани погублю остальныхъ злыхъ Вельможъ, испорчу весь снарядъ огнестрѣльный и приготовлю легкую для васъ побѣду»(242). Съ симъ отвѣтомъ Адашевъ возвратился въ Москву, гдѣ находились Послы Казанскіе, Муралей Князь, Костровъ, Алимердинъ, личные непріятели Шигъ Алея.
г. 1552. Угадывая мысль Государеву, они — или съ общаго согласія единоземцевъ своихъ, или сами собою — донесли Іоанну, что ихъ Царь есть кровожадный убійца и наглый грабитель; что Казань желаетъ единственно избавиться отъ тирана и готова *повиноваться Намѣстнику Московскому*. «Если не исполнишь воли народа» — сказали Послы — «то откроется бунтъ, неминуемо и скоро. Удали бѣдствіе; удали ненавистнаго злодѣя. Пусть Россіяне займутъ нашу столицу: мы выѣдемъ въ предмѣстія или въ села; хотимъ во всемъ зависѣть отъ воли твоей; будемъ тебѣ усердными слугами; а если обманемъ, то наши головы да надутъ въ Москвѣ!» Не теряя времени, Іоаннъ снова послалъ Адашева въ Казань, чтобы *свести Царя съ престола въ угодность народу*; обѣщалъ Алею милость и жалованье, требуя, чтобы онъ безъ сопротивленія впустилъ наше войско въ городъ. Тутъ Алей вторично изъявилъ благородную твердость. «Не жалѣю о престолѣ,» говорилъ онъ Адашеву: «я не могъ или не умѣлъ быть на немъ счастливъ. Самая жизнь моя здѣсь въ опасности. Повинуюсь Государю: да не требуетъ только, чтобы я измѣнилъ Правовѣрію. Возьмите Казань, но безъ меня; возьмите силою или договоромъ, но не изъ рукъ моихъ.» Ни ласкою, ни угрозами Адашевъ не могъ склонить его къ тому, чтобы онъ сдалъ Царство Намѣстнику Государеву. Тайно заколотивъ нѣсколько пушекъ, и пищали съ порохомъ отправивъ въ Свіяжскъ (243), Алей выѣхалъ ловить рыбу на озеро со многими Уланами и Князьями; велѣлъ Московскимъ Стрѣльцамъ окружить ихъ и сказалъ симъ изумленнымъ чиновникамъ: «Вы думали убить меня, обносили въ Москвѣ, не хотѣли имѣть Царемъ, и требовали Намѣстниковъ отъ Іоанна: станемъ же вмѣстѣ предъ его судилищемъ!» Алей пріѣхалъ съ ними въ Свіяжскъ. Царь оставляетъ Казань.

Тогда Князь Симеонъ Микулинскій, назначенный управлять Казанью, далъ знать ея жителямъ, что воля ихъ исполнилась; что Алей сведенъ съ Царства, и что они должны присягнуть Государю Московскому. Казанцы соглашались: желали только, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ Свіяжскихъ Князей, Чапкуна и Бурнаша, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости (244). Сіи Князья поѣхали туда съ нашими чиновниками. Тишина царствовала въ Казани. Вельможи, граждане и самые сельскіе жители дали клятву въ вѣрности; очистили дворы для Намѣстника и войска; прислали въ Свіяжскъ жену Шигъ-Алееву; звали Князя Микулинскаго: встрѣтили его на берегу Волги и били ему челомъ какъ усердные *холопи* Государевы. Онъ шелъ съ полками. Воеводы уже отправили легкій обозъ въ Казань и готовились съ торжествомъ вступить въ ея

г. 1552. стѣны. Безъ важныхъ усилій, безъ кровопролитія Іоаннъ пріобрѣталъ знаменитое Царство: брался, такъ сказать, рукою за вѣнецъ онаго . . . . Вдругъ все перемѣнилось.

Послѣдняя измѣна Казанцевъ. Трое изъ Вельможъ Казанскихъ (245), отпущенные Княземъ Микулинскимъ въ городъ къ ихъ семействамъ, возмутили народъ ложною вѣстію, что Россіяне идутъ къ нимъ съ намѣреніемъ истребить всѣхъ жителей. Распространился ужасъ, сдѣлалось общее смятеніе; затворили крѣпость; начали вооружаться. Многіе Князья старались разувѣрить народъ, представляя, что Бояре Іоанновы торжественно клялися не трогать ни одного человѣка, ни въ городѣ, ни въ селахъ: обѣщались властвовать по законамъ, безъ насилія; оставить все, какъ было. Ихъ не слушали и кричали, что клятва Бояръ есть обманъ; что самъ Алей за тайну сказывалъ то своимъ ближнимъ людямъ. Узнавъ о семъ волненіи, Князь Микулинскій, Оболенскій, Адашевъ, оставили войско на Булакѣ и съ малочисленною дружиною подъѣхали къ городу (246): *ворота Царскія* были заперты, а стѣны покрыты людьми вооруженными. Вышли нѣкоторые чиновники, извиняли народъ, обѣщались усмирить его, но не сдержали слова: граждане никакъ не хотѣли впустить Россіянъ, захватили нашъ обозъ, многихъ Дѣтей Боярскихъ, и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ Воеводамъ, которые узнали, что Князь Чапкунъ, посланный ими въ лицѣ усерднаго слуги Государева изъ Свіяжска въ Казань для успокоенія жителей, обманулъ насъ и сдѣлался тамъ Главою мятежниковъ. Воеводы ночевали въ предмѣстіи: видя, что всѣ убѣжденія безплодны, они могли бы обратить его въ пепелъ и осадить городъ, но ждали Государева указа; мирно отступили къ Свіяжску, заключили всѣхъ бывшихъ съ ними Казанскихъ сановниковъ въ темницу, и немедленно отправили въ Москву Боярина Шереметева съ донесеніемъ о сей новой измѣнѣ. Она была послѣднею.

ГЛАВА IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1552.

Приготовленія къ походу Казанскому. Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Освобожденіе старца, К. Булгакова. Строеніе новыхъ крѣпостей. Начало Донскихъ Козаковъ. Новый Ханъ въ Тавридѣ. Дѣла Астраханскія. Болѣзнь въ Свіяжскѣ. Едигеръ Царь въ Казани. Посланіе Митрополита къ Свіяжскому войску. Совѣтъ о Казани. Выѣздъ Государевъ. Нашествіе Хана Крымскаго. Приступъ къ Тулѣ. Бѣгство Хана. Наши трофеи. Ропотъ въ войскѣ. Походъ. Осада. Первая битва. Буря. Ставятъ туры. Сильная вылазка. Дѣйствіе бойницъ. Наѣздникъ Князь Япанча. Утопленіе воиновъ. Раздѣленіе полковъ. Истребленіе Япанчина войска. Ожесточеніе Казанцевъ. Взорваніе тайника. Уныніе Казанцевъ. Дѣятельность Іоаннова. Взятіе острога и города Арскаго. Нападенія Луговой Черемисы. Мнимыя чародѣйства. Построеніе высокой башни. Предложенія Казанцамъ. Кровопролитное дѣло. Взорваніе тарасъ. Занятіе Арской башни. Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Устроеніе войска для приступа. Взорваніе подкоповъ и приступъ. Геройство съ обѣихъ сторонъ. Корыстолюбіе многихъ воиновъ. Великодушіе Іоанна и Бояръ. Доблесть К. Курбскаго. Взятіе Казани. Водруженіе креста у воротъ Царскихъ. Въѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ станѣ. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступленіе въ Казань. Зрѣлище Казани. Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву. Рожденіе Царевича. Встрѣча Іоанну. Рѣчь Государева къ Духовенству. Отвѣтъ Митрополитовъ. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

г. 1552. Приготовленія къ походу Казанскому. 24 Марта узналъ Государь о происшествіяхъ Казанскихъ: велѣлъ Шигъ-Алею ѣхать въ Касимовъ, а шурину своему, Данилу Романовичу, итти съ пѣхотною дружиною въ Свіяжскъ, объявивъ въ торжественномъ засѣданіи Думы, что

г. 1552. настало время сразить главу Казани. «Богъ видитъ мое сердце,» говорилъ онъ: «хочу не земной славы, а покоя Христіанъ. Могу ли нѣкогда безъ робости сказать Всевышнему: *се я и люди, Тобою мнѣ данные*, если не спасу ихъ отъ свирѣпости вѣчныхъ враговъ Россіи, съ коими не можетъ быть ни мира, ни отдохновенія?» Бояре хвалили рѣшительность Іоаннову, но совѣтовали ему остаться въ Москвѣ и послать Воеводъ на Казань: «ибо Россія имѣетъ не одного врага: если Крымцы, Ногаи въ отсутствіе Государя нападутъ на ея предѣлы, кто защититъ оные?» Іоаннъ отвѣтствовалъ, что возьметъ мѣры для безопасности Государства и *пойдетъ на свое дѣло*. Велѣли собираться войску, изъ дальнихъ мѣстъ въ Коломнѣ и Каширѣ, изъ ближайшихъ въ Муромѣ. Князья Александръ Борисовичь Горбатый и Петръ Ивановичь Шуйскій должны были вести Московскіе полки въ Нижній Новгородъ, Михайло Глинскій расположиться станомъ на берегахъ Камы съ Дѣтьми Боярскими, Стрѣльцами, Козаками, Устюжанами и Вятчанами, а Свіяжскіе Воеводы занять легкими отрядами перевозы на Волгѣ и ждать Іоанна (247).

Отношенія Россіи къ Западнымъ Державамъ. Готовясь къ знаменитому подвигу, юный Царь могъ быть увѣренъ въ миролюбіи Западныхъ Державъ сосѣдственныхъ. Швеція и Ливонія не требовали ничего, кромѣ свободной у насъ торговли. Съ Королемъ Польскимъ мы спорили о титулѣ и земляхъ Себежскихъ; грубили словами другъ другу, но съ обѣихъ сторонъ удалялись отъ войны. Августъ оказалъ даже ласку Іоанну, и не хотѣвъ прежде за деньги освободить Князя Михайла Булгакова-Голицу, освободилъ его даромъ; прислалъ въ Москву вмѣстѣ съ другимъ сановникомъ, Княземъ Селеховскимъ, и писалъ къ Царю: «Думая, что мы обязаны уважать вѣрность не только

Освобожденіе старца К. Булгакова. въ своихъ, но и въ чужихъ слугахъ, умирающихъ за Государя, даю свободу Великому Воеводѣ отца твоего. Всѣ иные знатные плѣнники Московскіе, взятые нами въ славной Оршинской битвѣ, уже во гробѣ.» Царь изъявилъ Августу искреннюю благодарность, и съ живѣйшею любовію принялъ старца Булгакова, 38 лѣтъ страдавшаго въ неволѣ; выслалъ ему богатую шубу, украсилъ его грудь золотою медалью, обнялся съ нимъ какъ съ другомъ. Изнуренный долговременнымъ несчастіемъ, утомленный дальнимъ путемъ, старецъ не г. 1552. могъ обѣдать съ Государемъ: плакалъ и благословлялъ милостиваго, Державнаго сына Василіева (248).

Не опасаясь ничего со стороны образованныхъ Державъ Европейскихъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе занимался безопасностію нашихъ юговосточныхъ предѣловъ. Двѣ вновь построенныя крѣпости — Михайловъ на Пронѣ, Шатскъ на Цнѣ — служили оградою для Рязани и Мещеры (249). Строеніе новыхъ крѣпостей. Но важнѣйшимъ страшилищемъ для варваровъ и защитою для Россіи, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, сдѣлалась новая воинственная Республика, составленная изъ людей говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу Вѣру, а въ лицѣ своемъ представляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіатскими чертами; Начало Донскихъ Козаковъ. людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ, иногда упрямыхъ, своевольныхъ, хищныхъ, но подвигами усердія и доблести изгладившихъ вины свои — говоримъ о славныхъ Донскихъ Козакахъ, выступившихъ тогда на ѳеатръ Исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что они же назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіе XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ, въ окрестностяхъ Дона; грабили Московскихъ купцевъ на дорогѣ въ Азовъ, въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими Воеводами въ степи для развѣдыванія о Ногаяхъ или Крымцахъ (250), и безпокоили набѣгами Украйну. Происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались Россійскими бѣглецами (251); искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ Улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ Сѣверную Европу; утвердились въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ (252), назвали *его*, думаю, *Черкасскимъ*, или Козачьимъ (ибо то и другое имя знаменовало одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской и могли сими браками сообщить дѣтямъ нѣчто Азіатское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ Султану, какъ Государю Азовской земли (253); но Козаки гнушались зависимостію отъ Магометанскаго Царства, признали надъ собою верховную власть Россіи — и въ 1549 году вождь ихъ Сарыазманъ, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣ-

г. 1552. шести на Дону: они завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ (254); обязывались служить вдали бдительною стражею для Россіи, своего древняго отечества, и водрузивъ знаменіе Креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, который доселѣ мало занимался нами, но тутъ открылъ глаза, увидѣлъ опасность и хотѣлъ быть дѣятельнымъ покровителемъ Сѣверныхъ владѣній Магометанскихъ. Въ Тавридѣ господствовалъ новый Ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ умершаго или сверженнаго Саипа (255): онъ взялся спасти Казань. Послы Солимановы убѣждали Князей Ногайскихъ, Юсуфа и другихъ, соединиться подъ хоругвію Магомета, чтобы обуздать наше властолюбіе. «Отдаленіе» — писалъ къ нимъ Султанъ — «мѣшаетъ мнѣ помогать Азову и Казани. Заключите тѣсный союзъ съ Ханомъ Крымскимъ. Я велѣлъ ему отпустить всѣхъ Астраханскихъ жителей въ ихъ отечество, мною возстановляемое. Немедленно пришлю туда и Царя; дамъ Главу и Казани изъ рода Гиреевъ; а до того времени будьте ея защитниками (256).» Но сіи Князья, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны. Астрахань, важная, необходимая для купечества Западной Азіи, возникала на развалинахъ: въ ней властвовалъ Ямгурчей (257): онъ вызвался быть усерднымъ слугою Іоанновымъ, и чиновникъ Московскій поѣхалъ къ нему для договора. Царевичь Астраханскій, Кайбула, сынъ Аккубековъ, женился въ Россіи на племянницѣ Шигъ-Алея, дочери Еналеевой, получивъ городъ Юрьевъ во владѣніе (258). — Опасаясь единственно Хана Крымскаго, Іоаннъ ждалъ вѣстей объ его движеніяхъ, и собирая войско, готовился имѣть дѣло съ двумя непріятелями: съ Казанью и Тавридою.

Новый Ханъ въ Тавридѣ.

Дѣла Астраханскія.

Между тѣмъ мятежники Казанскіе, пославъ искать себѣ Царя въ Ногайскихъ Улусахъ, взволновали Горную Сторону (259); къ несчастію, открылась весною ужасная болѣзнь въ Свіяжскѣ, цынга, отъ коей множество людей умирало. Воеводы были въ уныніи и въ бездѣйствіи, а Казанцы тѣмъ дѣятельнѣе: отчасти силою, отчасти убѣжденіями они заставили всѣхъ своихъ бывшихъ подданныхъ отложиться отъ Россіи. Государь велѣлъ Князьямъ Горбатому и Шуйскому спѣшить туда съ полками изъ Нижняго Новагорода; но печальныя вѣсти, одна за другою, приходили въ Москву: болѣзнь усиливалась въ Свіяжскѣ; Горные жители, дѣйствуя какъ непріятели, отгоняли наши табуны (260); Казанцы побѣждали Россіянъ въ легкихъ сшибкахъ, умертвивъ всѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Козаковъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ. Воеводы знали, что Астраханскій Царевичь, Едигеръ Магмедъ, ѣдетъ изъ Ногайскихъ Улусовъ съ 500 воиновъ: стерегли и не умѣли схватить его на пути; онъ пріѣхалъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ, давъ клятву быть неумолимымъ врагомъ Россіи.

Болѣзнь въ Свіяжскѣ.

Едигеръ Царь въ Казани.

Въ то же время Іоаннъ, къ прискорбію своему, узналъ, что не одна тѣлесная, но и душевная зараза господствуетъ въ Свіяжскѣ, наполненномъ людьми военными, которые думали, что они внѣ Россіи, слѣдственно и внѣ Закона, и среди ужасовъ смерти предавались необузданному, самому гнусному любострастію. Исполняя волю Іоаннову, Митрополитъ послалъ туда умнаго Архангельскаго Протоіерея Тимоѳея съ Святою водою, съ наставленіемъ словеснымъ и письменнымъ, къ начальникамъ и ко всѣмъ воинамъ (261). «Милостію Божіею, мудростію нашего Царя и вашимъ мужествомъ — писалъ онъ — твердыня Христіанская поставлена въ землѣ враждебной. Господь далъ намъ и Казань безъ кровопролитія. Мы благоденствуемъ и славимся. Литва, Германія ищутъ нашего дружества. Чѣмъ же можемъ изъявить признательность Всевышнему? исполненіемъ Его заповѣдей. А вы исполняете ли ихъ? Молва народная тревожитъ сердце Государево и мое. Увѣряютъ, что нѣкоторые изъ васъ, забывъ страхъ Божій, утопаютъ въ грѣхахъ Содома и Гоморра; что многія благообразныя дѣвы и жены, освобожденныя плѣнницы Казанскія, оскверняются развратомъ между вами; что вы, угождая имъ, *кладете бритву на брады свои*, и въ постыдной нѣгѣ стыдитесь быть мужами. Вѣрю сему, ибо Господь казнитъ васъ, не только болѣзнію, но и срамомъ. Гдѣ ваша слава? Бывъ ужасомъ враговъ, нынѣ служите для нихъ посмѣшищемъ. Оружіе тупо, когда нѣтъ добродѣтели въ сердцѣ; крѣпкіе слабѣютъ отъ пороковъ. Злодѣйство возстало; измѣна явилась, и вы уклоняете щитъ предъ ними! Богъ, Іоаннъ и Церковь призываютъ васъ къ раскаянію. Исправьтесь, или 21 Мая.

Посланіе Митрополита Свіяжскому войску.

г. 1555. увидите гнѣвъ Царя, услышите клятву Церковную.»

Государь то присутствовалъ въ Думѣ, то смотрѣлъ полки и снарядъ огнестрѣльный, изъявляя нетерпѣніе выступить въ поле. Бояринъ Князь Иванъ Ѳеодоровичь Мстиславскій и Князь Михайло Ивановичь Воротынскій, названный тогда, въ знакъ особенной къ нему милости Іоанновой, *Слугою Государевымъ* (262), вошли съ главною ратію въ Коломну. Передовую дружину вели Князья Иванъ Пронскій Турунтай и Димитрій Хилковъ, Правую Руку Бояринъ Князь Петръ Щенятевъ и Князь Андрей Михайловичь Курбскій, Лѣвую Князь Димитрій Микулинскій и Плещеевъ, Стражу Князь Василій Оболенскій-Серебряный и Симеонъ Шереметевъ, а собственную Царскую Дружину Князь Владиміръ Воротынскій и Бояринъ Иванъ Шереметевъ. Уже полки стояли отъ Каширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда съ запасами и пушками къ Нижнему-Новугороду: но въ Царскомъ Совѣтѣ было еще несогласіе: многіе думали, что лучше итти за Казань зимою, нежели лѣтомъ; такъ въ особенности мыслилъ Шигъ-Алей: Іоаннъ призвалъ его изъ Касимова въ Москву, осыпалъ милостями, далъ ему нѣсколько селъ въ Мещерѣ и дозволилъ жениться на вдовѣ Сафа-Гиреевой, Царицѣ Сююнбекѣ (263). Будучи не способенъ къ ратному дѣлу, ни духомъ слабымъ, ни тѣломъ чрезмѣрно тучнымъ, Алей славился умомъ основательнымъ (264). «Казань» — говорилъ онъ — «заграждена лѣсами, озерами и болотами: зима будетъ вамъ мостомъ.» Іоаннъ не хотѣлъ ждать, и сказавъ: «войско готово, запасы отправлены, и съ Божіею помощію найдемъ путь къ доброй цѣли», рѣшился ѣхать немедленно въ станъ Коломенскій.

Совѣтъ о Казани.

16 Іюня Государь простился съ супругою. Она была беременна: плакала, упала къ нему въ объятія. Онъ казался твердымъ; утѣшалъ ее; говорилъ, что исполняетъ долгъ Царя, и не боится смерти за отечество; поручилъ Анастасію Богу, а ей всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ; сказалъ: «милуй и благотвори безъ меня; даю тебѣ волю Царскую; отворяй темницы; снимай опалу съ самыхъ виновныхъ по твоему усмотрѣнію, и Всевышній наградитъ меня за мужество, тебя за благость» (265). Анастасія стала на колѣна и въ слухъ молилась о здравіи, о побѣдѣ, о славѣ супруга; укрѣпилась душею, и въ послѣднемъ нѣжномъ цѣлованіи явила примѣръ необыкновеннаго въ юной женѣ великодушія. Государь пошелъ въ церковь Успенія: долго молился (266); просилъ Митрополита и Епископовъ быть ревностными ходатаями за Россію предъ Богомъ, утѣшителями Анастасіи и совѣтниками брата его, Юрія, который оставался Главою Москвы. Святители, Бояре, народъ, проливая слезы, обнимали Государя. Вышедши изъ церкви, онъ сѣлъ на коня, и съ Дружиною Царскою поѣхалъ въ Коломенское, гдѣ обѣдалъ съ Боярами и Воеводами; былъ веселъ, ласковъ; хотѣлъ ночевать въ любимомъ селѣ своемъ Островѣ, и на семъ пути встрѣтилъ гонца, съ вѣстію изъ Путивля, что Крымцы густыми толпами идутъ отъ Малаго Дона Сѣверскаго къ нашей Украйнѣ (267). Не знали, кто предводительствуетъ ими: Ханъ или сынъ его. Государь не оказалъ ни малѣйшаго безпокойства; ободрялъ всѣхъ бывшихъ съ нимъ чиновниковъ, и говорилъ имъ: «Мы не трогали Хана; но если онъ вздумалъ поглотить Христіанство, то станемъ за отечество: у насъ есть Богъ!» Іоаннъ спѣшилъ въ Коломну, взявъ съ собою Князя Владиміра Андреевича, которого онъ хотѣлъ-было отпустить назадъ въ Москву изъ Острова.

Выѣздъ Государевъ. — Нашествіе Хана Крымскаго.

Въ Коломнѣ ожидали Государя новыя вѣсти (268): Крымцы шли къ Рязани. Іоаннъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе: велѣлъ стать Большому Полку у Колычева, Передовому у Мстиславля, а Лѣвой Рукѣ близъ Голутвина; совѣтовался съ Шигъ-Алеемъ: отправилъ его въ Касимовъ; вмѣстѣ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ осмотрѣлъ войско на берегахъ Оки; говорилъ рѣчи сановникамъ и рядовымъ; восхищалъ ихъ своею милостію, одушевлялъ бодростію, и вездѣ слышалъ восклицанія: «мы готовы умереть за Вѣру и за тебя, Царя добродѣтельнаго!» Избравъ мѣсто для битвы, онъ возвратился въ Коломну и написалъ въ Москву, къ Царицѣ и къ Митрополиту, что ждетъ Хана безъ ужаса, надѣясь на благость Всевышняго, на ихъ молитву и на мужество войска; что храмы въ Москвѣ должны быть отверсты, а сердца спокойны.

Іюня 19.

21 Іюня получили въ Коломнѣ извѣстіе, что Крымцы явились близъ Тулы. Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, Турунтай, Хилковъ, Воротынскій, спѣшили къ сему городу; но узнали, что

г.1552. непріятель былъ тамъ въ малыхъ силахъ, ограбилъ нѣсколько деревень и скрылся ([269]). 23 Іюня, когда Іоаннъ сидѣлъ за обѣдомъ, прискакалъ гонецъ отъ Князя Григорья Темкина, Намѣстника Тульскаго, писавшаго къ Царю: «Ханъ здѣсь — осаждаетъ городъ — имѣетъ много пушекъ и Янычаръ Султанскихъ.» Іоаннъ въ ту же минуту велѣлъ Царской Дружинѣ выступить изъ Коломны, а главной рати переправляться за Оку; отслушалъ молебенъ въ церкви Успенія, принялъ благословеніе отъ Епископа Θеодосія ([270]) и выѣхалъ на конѣ въ поле, гдѣ войско въ необозримыхъ рядахъ блистало, гремѣло оружіемъ — двинулось впередъ съ радостнымъ кликомъ и *шло на битву какъ на потѣху* ([271]). Лѣтописцы не сказываютъ числа, говоря только, что вся Россія казалась тамъ ополченною, хотя въ Свіяжскѣ, въ Муромѣ находилось еще другое, сильное войско, а Коломенское состояло единственно изъ Дворянъ, *Жильцовъ* ([272]) или отборныхъ Дѣтей Боярскихъ, изъ Новогородцевъ и прочихъ сѣверныхъ жителей. Ввечеру уже многіе полки были за Окою, и самъ Іоаннъ приближался къ Каширѣ. Тутъ новый гонецъ отъ Князя Темкина донесъ ему, что Тула спасена. 22 Іюня, въ первомъ часу дня, Ханъ приступилъ къ городу, стрѣляя изъ пушекъ огненными ядрами: домы загорѣлись и Янычары кинулись на стѣны. Тула для защиты своей не имѣла воиновъ, отправивъ ихъ всѣхъ на службу Государеву; но имѣла бодраго начальника и великодушныхъ гражданъ: одни тушили огонь, другіе бились мужественно, и Янычары не могли взять крѣпости. Ханъ отложилъ приступъ до слѣдующаго утра, а ночью удалился, свѣдавъ, что сильные полки идутъ отъ Каширы. Граждане Тульскіе стояли на стѣнахъ всю ночь: при свѣтѣ зари увидѣли бѣгство Татаръ; увидѣли съ другой стороны пыль столбомъ, и воскликнувъ: «Государь, Государь спѣшитъ къ намъ!» устремились въ слѣдъ за непріятелемъ; взяли его снарядъ огнестрѣльный; убили многихъ людей и шурина Ханскаго, Князя Камбирдея ([273]); самыя жены и дѣти помогали имъ. Тогда пришли Воеводы, Князья Щенятевъ, Курбскій, и стали на томъ мѣстѣ, гдѣ были шатры Ханскіе ([274]). — Обрадованный симъ успѣхомъ, Іоаннъ далъ отдохнуть войску и ночевалъ подъ Каширою.

Приступъ къ Тулѣ.

Бѣгство Хана.

На другой день онъ получилъ еще пріятнѣйшую вѣсть: Щенятевъ и Курбскій, имѣя только 15,000 воиновъ, разбили 30,000 или болѣе непріятелей, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ Тулы, не знали о бѣгствѣ Хана, шли къ нему и встрѣтили Россіянъ ([275]). Въ сей жестокой битвѣ Князь Андрей Курбскій, Вождь юноша, ознаменовался славными ранами: ему изсѣкли голову и плеча. Воеводы гнали Татаръ, и на берегахъ рѣчки Шевороны одержавъ новую побѣду надъ ними, освободили множество Россіянъ. Ханъ оставилъ намъ въ добычу обозъ и цѣлые табуны вельблюдовъ; а плѣнники объявили, что онъ шелъ на Москву, считая Государя подъ Казанью: узнавъ же о сильномъ Іоанновомъ ополченіи, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Тулу, чтобы съ меньшимъ стыдомъ бѣжать во свояси ([276]). — Легкіе отряды наши топтали Крымцевъ до самыхъ степей.

Іоаннъ возвратился въ Коломну, извѣстилъ Царицу, брата, Митрополита о славномъ изгнаніи врага, и послалъ въ Москву трофеи: пушки непріятельскія, вельблюдовъ, плѣнниковъ, чтобы обрадовать столицу свидѣтельствомъ нашей побѣды ([277]); а самъ распорядилъ походъ къ Казани двумя путями, объявивъ, что Дружина Царская, Лѣвая Рука и Запасный Полкъ должны итти съ нимъ на Владиміръ и Муромъ, главные же Воеводы на Рязань и Мещеру, чтобы сойтися съ Государемъ въ полѣ за Алатыремъ ([278]). — Въ войскѣ сдѣлался ропотъ: Новогородцы, Дѣти Боярскіе, жаловались, что Царь не даетъ имъ отдохновенія; что они уже нѣсколько мѣсяцевъ на службѣ и въ трудахъ; что имъ невозможно вынести дальняго похода, для коего не имѣютъ ни силъ, ни денегъ. Іоаннъ весьма огорчился; но, скрывъ досаду, велѣлъ переписать воиновъ усердныхъ, желающихъ служить отечеству, и тѣхъ, которые по лѣности или неспособности отказываются отъ славы участвовать въ великомъ подвигѣ. «Первые» — говорилъ онъ — «будутъ мнѣ любезны какъ дѣти; хочу знать ихъ нужды, и все раздѣлю съ ними. Другіе же могутъ остаться: мнѣ не надобно малодушныхъ!» Сіи слова произвели удивительное дѣйствіе. Всѣ сказали въ одинъ голосъ: «Идемъ, куда угодно Государю; а послѣ онъ увидитъ нашу службу и не оставитъ бѣдныхъ.» Самые безпомѣстные Дѣти Боярскіе молчали о своихъ

Намъ трофеи.

Ропотъ въ войскѣ.

г. 1552. недостаткахъ, въ надеждѣ на будущую милость Государеву.

Походъ. 3 Іюля тронулось все войско. Іоаннъ съ отмѣннымъ усердіемъ молился предъ иконою Богоматери, которая была съ Димитріемъ Донскимъ въ Мамаевой битвѣ и стояла въ Коломенскомъ храмѣ Успенія. На пути онъ съ умиленіемъ лобызалъ гробъ древняго Героя Россіи, Александра Невскаго, и благословилъ память Святыхъ Муромскихъ Угодниковъ, Князя Петра и Княгини Февроніи. Въ Владимірѣ донесли ему изъ Свіяжска, что болѣзнь тамъ прекратилась; что войско одушевлено ревностію; что Князья Микулинскій, Серебряный и Бояринъ Данило Романовичь ходили на мятежниковъ Горной Стороны, смирили многихъ и новою клятвою обязали быть вѣрными подданными Россіи ([279]). Въ Муромѣ увѣдомили Государя изъ Москвы, что супруга его тверда и спокойна надеждою на Провидѣніе; что Духовенство и народъ непрестанно молятъ Всевышняго о здравіи Царя и воинства. Митрополитъ писалъ къ Іоанну съ ласкою друга и съ ревностію Церковнаго учителя. «Будь чистъ и цѣломудренъ душею», говорилъ онъ: «смиряйся въ славѣ и бодрствуй въ печали. Добродѣтели Царя спасительны для Царства.» И Государь и Воеводы читали сію грамоту съ любовію. «Благодаримъ тебя» — отвѣтствовалъ Іоаннъ Митрополиту — «за Пастырское ученіе, вписанное у меня въ сердцѣ. Помогай намъ всегда наставленіемъ и молитвою. Идемъ далѣе. Да сподобитъ насъ Господь возвратиться съ миромъ для Христіанъ ([280])!» Онъ не терялъ ни часа въ бездѣйствіи: пѣшій и на конѣ смотрѣлъ полки, людей, оружіе; велѣлъ расписать Дѣтей Боярскихъ на сотни и выбрать начальника для каждой изъ воиновъ знатнѣйшихъ родомъ; отпустилъ Шигъ-Алея въ судахъ къ Казани съ Княземъ Петромъ Булгаковымъ и Стрѣльцами; послалъ дружину Яртоульную ([281]) наводить мосты, и 20 Іюля, въ слѣдъ за войскомъ переѣхавъ Оку, ночевалъ въ Саканскомъ лѣсу, на рѣкѣ Велетемѣ, въ 30 верстахъ отъ Мурома. Вторый станъ былъ на Шилекшѣ, третій подъ Саканскимъ городищемъ. Князья Касимовскіе и Темниковскій присоединились къ войску съ своими дружинами, Татарами и Мордвою. Августа 1 Государь святилъ воду на рѣкѣ Мянѣ. Въ слѣдующій день войско переправилось за Алатырь, и 4 Августа съ радостію увидѣло на берегахъ г. 1552. Суры полки Князей Мстиславскаго, Щенятева, Курбскаго, Хилкова. Обѣ многочисленныя рати шли дремучими лѣсами и пустынями, питаясь ловлею, ягодами и плодами. «Мы не имѣли запасовъ съ собою», пишутъ очевидцы: «вездѣ Природа до наступленія поста готовила для насъ изобильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами падали на землю предъ нами» ([282]).

Тутъ, у Борончеева городища, ждали Царя Послы Свіяжскіе и Черемисскіе съ донесеніемъ, что весь правый берегъ Волги ему повинуется въ тишинѣ и мирѣ ([283]). Мятежники раскаялись, и Царь въ знакъ милости обѣдалъ съ ихъ старѣйшинами. Они клялися загладить вину свою: очистили путь для войска въ мѣстахъ тѣсныхъ; навели мосты на рѣкахъ; хотѣли усердно служить намъ мечемъ подъ Казанью. — 6 Августа Іоаннъ на рѣчкѣ Киватѣ слушалъ Литургію и причастился Святыхъ Таинъ. 11 Августа Воеводы Свіяжскіе встрѣтили Государя съ конницею и пѣхотою; они шли тремя полками: въ первомъ Князь Александръ Горбатый и Вельможа Данило Романовичь; во второмъ Князья Симеонъ Микулинскій и Петръ Серебряный-Оболенскій съ Дѣтьми Боярскими; въ третьемъ Козаки и Горные жители, Черемисы съ Чувашами. Царь привѣтствовалъ и Воеводъ и воиновъ, числомъ болѣе двадцати тысячь ([284]); звалъ ихъ къ рукѣ; говорилъ съ ними; хвалилъ за устройство и мужество; угостилъ всѣхъ на лугу Бейскомъ: сановники, рядовые обѣдали подъ наметами шатровъ. Время и мѣста были прекрасныя; съ одной стороны являлись глазамъ зеленыя равнины, холмы, рощи, лѣса темные; съ другой величественная Волга съ дикими утесами, съ картинными островами: за нею необозримые луга и дубравы. Изрѣдка показывались селенія Чувашскія, въ крутизнахъ и въ ущельяхъ. Жители давали намъ хлѣбъ и медъ: самъ Государь въ постное время не имѣлъ иной вкуснѣйшей трапезы; пили чистую воду, и никто не жаловался: трезвость и веселіе господствовали въ станѣ ([285]).

Августа 13 открылся Свіяжскъ: съ любопытствомъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ Царь увидѣлъ сей юный, его велѣніемъ созданный градъ, знаменіе побѣды и торжества Христіанъ въ предѣлахъ зловѣрія. Духовенство съ

г. 1552. крестами, Князь Петръ Шуйскій и Бояринъ Заболоцкій съ воинскою дружиною приняли Іоанна въ вратахъ крѣпости. Онъ пошелъ въ Соборную церковь: тамъ Діаконы пѣли ему многолѣтіе, а Бояре поздравляли его какъ завоевателя и просвѣтителя земли Свіяжской. Осмотрѣвъ крѣпость, богатые запасы ея, красивыя улицы, домы, Государь изъявилъ благодарность Князю Симеону Микулинскому и другимъ начальникамъ; любовался живописными видами, и говорилъ Вельможамъ, что нѣтъ въ Россіи инаго, столь счастливаго мѣстоположенія. Для него изготовили домъ. «Мы въ походѣ,» сказалъ Іоаннъ — сѣлъ на коня, выѣхалъ изъ города и сталъ въ шатрахъ на лугу Свіяги.

Войско, утружденное путемъ, надѣялось отдохнуть среди изобилія и пріятностей сего новаго мѣста, куда съѣхалось множество купцевъ изъ Москвы, Ярославля, Нижняго, со всякими товарами; суда за судами входили въ пристань; берегъ обратился въ гостиный дворъ: на пескѣ, въ шалашахъ раскладывались драгоцѣнности Европейской и Азіатской торговли. Люди знатные и богатые нашли тамъ свои запасы, доставленные Волгою. Всѣ были *какъ дома* ([286]): могли вкусно ѣсть и пить, угощать друзей и роскошествовать . . . Но Іоаннъ, призвавъ Шигъ-Алея, Князя Владиміра Андреевича и всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ, положилъ съ ними немедленно итти къ Казани. Алей, будучи родственникомъ ея новаго Царя, Едигера, взялся написать къ нему убѣдительную грамоту, чтобы онъ не безумствовалъ въ надменности, не считалъ себя равносильнымъ великому Монарху Христіанскому, смирился и пріѣхалъ въ станъ къ Іоанну безъ всякой боязни. Написали и къ Вельможамъ Казанскимъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выдадутъ ему виновниковъ мятежа, то всѣ иные могутъ быть спокойны подъ его счастливою Державою. Сіи грамоты были посланы съ Татариномъ 15 Августа; а въ слѣдующій день войско уже начало перевозиться за Волгу ([287]).

Приступая къ описанію достопамятной осады Казанской, замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ Россіянамъ, и въ чертогахъ и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была *первымъ* нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаяніе истинно великодушное, такъ, что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною. Бывъ готовы мирно поддаться Іоанну, чтобы избавиться отъ лютости Шигъ-Алеевой, они въ теченіе пяти мѣсяцевъ имѣли время размыслить о слѣдствіяхъ. Казань съ Намѣстникомъ Іоанновымъ уже существовала бы единственно какъ городъ Московскій. Ея Вельможи и Духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и Вѣры; народъ ужаснулся рабства. Въ душахъ вспыхнула благородная любовь къ государственной независимости, къ обычаямъ, къ законамъ отцевъ: усиленная воспоминаніями древности — раздраженная ненавистію къ Христіанамъ, прежнимъ данникамъ, тогдашнимъ угнетателямъ Батыева потомства — она преодолѣла естественную склонность людей къ мирнымъ наслажденіямъ жизни; произвела восторгъ, жажду мести и крови, рвеніе къ опасностямъ и къ великимъ дѣламъ. Въ движеніи, въ пылу геройства Казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то они исчисляли всѣ безуспѣшные приступы наши къ ихъ столицѣ, и говорили другъ другу: «не въ первый разъ увидимъ Москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ назадъ во-свояси, и будемъ смѣяться надъ ними!» Таково было расположеніе Царя и народа въ Казани; но Іоаннъ предлагалъ милость, чтобы *исполнить мѣру долготерпѣнія*, согласно съ политикою его отца и дѣда.

19 Августа Государь съ 150,000 воиновъ ([288]) былъ уже на Луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей отправился на судахъ занять Гостиный островъ, а Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ везъ снарядъ огнестрѣльный, рубленыя башни и *тарасы* ([289]), чтобы дѣйствовать съ нихъ противъ крѣпости. Нѣсколько дней шли дожди; рѣки выливались изъ береговъ; низкіе луга обратились въ болота: Казанцы испортили всѣ мосты и гати. Надлежало вновь устроить дорогу. 20 Августа, на берегу Казанки, Іоаннъ получилъ отвѣтную грамоту отъ Едигера. Царь и Вельможи Казанскіе не оставили слова на миръ;

г. 1552. поносили Государя, Россію, Христіанство; именовали Алея предателемъ и злодѣемъ; писали: «все готово: ждемъ васъ на пиръ!» — Въ сей день войско увидѣло предъ собою Казань, и стало въ шести верстахъ отъ нее на гладкихъ, веселыхъ лугахъ, которые *подобно зеленому сукну* разстилались между Волгою и горою, гдѣ стояла крѣпость съ каменными мечетями и дворцомъ (290), съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами (набитыми внутри иломъ и хрящомъ). Два дни выгружали пушки и снаряды изъ судовъ. Тутъ явился изъ Казани бѣглецъ Мурза Камай (291), и донесъ Государю, что онъ ѣхалъ къ намъ съ 200 товарищей, но что ихъ задержали въ городѣ; что Царь Едигеръ, Кульшерифъ-Молла или Глава Духовенства, Князья Изенешъ Ногайскій, Чапкунъ, Аталыкъ, Исламъ, Аликей Нарыковъ, Кебекъ Тюмекскій и Дербышъ умѣли одушевить народъ злобою на Христіанъ; что никто не мыслитъ о мирѣ; что крѣпость наполнена запасами хлѣбными и ратными; что въ ней 30,000 воиновъ и 2700 Ногаевъ (292); что Князь Япанча (293) со многочисленнымъ отрядомъ конницы посланъ въ Арскую засѣку, вооружить, собрать тамъ сельскихъ жителей и непрестанными нападеніями тревожить станъ Россіянъ. Іоаннъ принялъ Камая милостиво; совѣтовался съ Боярами; велѣлъ *для* укрѣпленія изготовить на каждаго воина бревно, на десять воиновъ туръ (294); Большому и Передовому Полку занять поле Арское, Правой Рукѣ берегъ Казанки, Сторожевому устье Булака, Лѣвой Рукѣ стать выше его, Алею за Булакомъ у кладбища, а Царской Дружинѣ, предводимой имъ и Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, на Царевомъ лугу (295); строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ Государева слова — и 23 Августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Впереди шли Князья Юрій Шемякинъ-Пронскій и Ѳедоръ Троекуровъ съ Козаками пѣшими и Стрѣльцами; за Воеводами Атаманы, — Головы Стрѣлецкіе, Сотники, всякой по чину и въ своемъ мѣстѣ, наблюдая устройство и тишину. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, — распустили знамена и Святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ Воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и Государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ Героевъ, которые падутъ за Вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно *для* побѣды и торжества Христіанъ. Князь Владиміръ Андреевичь и Бояре отвѣтствовали ему со слезами: «Дерзай, Царю! мы всѣ единою душею за Бога и за тебя.» Духовникъ Іоанновъ, Протоіерей Андрей, благословилъ его и войско, которое изъявляло живѣйшее усердіе. Царь сѣлъ на аргамака, богато украшеннаго; взглянулъ на Спасителевъ образъ Святой хоругви, ознаменовалъ себя крестомъ, и громко сказавъ: «о Твоемъ имени движемся!» повелѣлъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто (296); не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что Царь Казанскій съ войскомъ отъ страха бѣжалъ въ лѣса; но опытные Воеводы говорили другъ другу: «будемъ тѣмъ осторожнѣе!» г. 1552.

Россіяне обступали Казань. 7000 Осада. Стрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана, и видя предъ собою — не болѣе, какъ въ двухъ стахъ саженяхъ (297) — Царскія палаты, мечети каменныя, лѣзали на высоту, чтобы пройти мимо крѣпости къ Арскому полю . . . Вдругъ раздался шумъ и крикъ: заскрыпѣли, отворились ворота, и 15,000 Татаръ, Первая битва. конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на Стрѣльцовъ: разстроили, сломили ихъ. Юные Князья, Шемякинъ и Троекуровъ, удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько Дѣтей Боярскихъ (298). Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣждали и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ, не смотря на сильную пальбу изъ города; взяли плѣнниковъ и медленно отступили, въ виду всѣхъ нашихъ полковъ, которые, спокойно идучи къ назначеннымъ для нихъ мѣстамъ, любовались издали симъ первымъ, славнымъ дѣломъ. Приказъ Государевъ въ точности исполнился: никто безъ его слова не кидался въ битву,

г. 1552. и воинская подчиненность ознаменовалась блестящимъ образомъ.

Полки окружили Казань. Разставили шатры и три церкви полотняныя: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Св. Сергія. Ввечеру Государь, собравъ Воеводъ, изустно далъ имъ всѣ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала Царскій и многіе шатры; потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ; что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться съ стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Москву за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ, и готовился зимовать подъ Казанью (299).

Буря.

25 Августа легкая дружина Князей Шемякина и Троекурова двинулась съ Арскаго поля къ рѣкѣ Казанкѣ, выше города, чтобы отрѣзать его отъ Луговой Черемисы, соединиться съ Правою Рукою и стать ближе къ стѣнѣ. Татары сдѣлали вылазку. Мужественный витязь, Князь Шемякинъ, былъ раненъ; но Князь Дмитрій Хилковъ, Глава всѣхъ передовыхъ отрядовъ, помогъ ему съ Дѣтьми Боярскими втоптать непріятеля въ крѣпость. — Ночью Сторожевый Полкъ и Лѣвая Рука безъ боя и сопротивленія разставили туры и пушки. Стрѣльцы окопались рвомъ; а Козаки, подъ самою городскою стѣною, засѣли въ каменной, такъ называемой Даировой банѣ. — Въ сіи два дни Іоаннъ не сходилъ съ коня, ѣздилъ вокругъ города и наблюдалъ мѣста удобнѣйшія для приступа (300).

Ставятъ туры.

26 Августа Большой Полкъ выступилъ передъ вечеромъ изъ стана: Князь Михайло Воротынскій шелъ съ пѣхотою и катилъ туры; Князь Иванъ Мстиславскій велъ конницу, чтобы помогать ему въ случаѣ нападенія. Государь далъ имъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ изъ собственной Дружины (301). Казанцы ударили на нихъ съ воплемъ; а съ башенъ и стѣнъ посыпались ядра и пули. Въ дыму, въ огнѣ непоколебимые Россіяне отражали конницу, пѣхоту сильнымъ дѣйствіемъ своихъ бойницъ, ружейною стрѣльбою, копьями и мечами; хладнокровно шли впередъ, втѣснили Татаръ въ городъ и наполнили его мосты непріятельскими тѣлами. Пищальники, Козаки стали на валу, стрѣляли до самой ночи и дали время Князю Воротын-

Сильная вылазка.

скому утвердить, насыпать землею туры въ пятидесяти саженяхъ ото рва, между Арскимъ полемъ и Булакомъ. Тогда онъ велѣлъ отступить имъ къ турамъ и закопаться подъ оными. Но темнота не прекратила битвы: Казанцы до самаго утра выходили и рѣзались съ нашими. Не было отдыха; ни воины, ни Полководцы не смыкали глазъ. Іоаннъ молился въ церкви, и ежечасно посылалъ своихъ знатнѣйшихъ сановниковъ ободрять біющихся. Наконецъ непріятель утомился; восходящее солнце освѣтило рѣшительную побѣду Россіянъ, и Государь велѣлъ пѣть въ станѣ благодарные молебны. Казанцы лишились въ семъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ людей, смѣлаго Князя Ислама Нарыкова, Сюнчелея богатыря и другихъ. Въ числѣ убитыхъ Москвитянъ находился добрый витязь, Леонтій Шушеринъ (302).

27 Августа Бояринъ Михайло Яковлевичь Морозовъ, прикативъ къ турамъ стѣнобитный снарядъ, открылъ сильную пальбу со всѣхъ нашихъ бойницъ; а пищальники стрѣляли въ городъ изъ окоповъ. — Казанцы скрывались за стѣнами; но желая добыть языка, напали на людей разсѣянныхъ въ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ стоялъ Князь Мстиславскій съ частію Большаго Полку. Сей Воевода успѣлъ защитить своихъ, обратилъ непріятеля въ бѣгство, плѣнилъ знатнаго Улана, именемъ Карамыша, и представилъ Государю, оказавъ личное мужество, и въ двухъ мѣстахъ бывъ уязвленъ стрѣлою (303). Плѣнникъ сказывалъ, что Казанцы, готовые умереть, не хотятъ слышать о мирныхъ переговорахъ.

Дѣйствіе бойницъ.

Въ слѣдующій день Россіяне ждали новой вылазки: непріятель явился съ другой стороны: вышелъ густыми толпами изъ лѣса на Арское поле, схватилъ стражу Передоваго Полку и кинулся на его станъ (304). Воевода, Князь Хилковъ, съ великимъ усиліемъ оборонялся, но имѣлъ нужду въ немедленной помощи. Князья Иванъ Пронскій, Мстиславскій, Юрій Оболенскій (305), одинъ за другимъ спѣшили удержать стремленіе непріятеля. Самъ Іоаннъ, отрядивъ къ нимъ часть Царской Дружины, сѣлъ на коня. Многіе изъ нашихъ чиновниковъ падали мертвые или раненые. Но число Россіянъ умножалось ежеминутно: они прогнали Татаръ въ лѣсъ и свѣдали отъ плѣнниковъ, что сіи толпы приходили съ Княземъ Япанчею, изъ укрѣпленія сдѣлан-

Нападеніе Князя Япанчи.

г. 1552. наго Казанцами на пути въ городъ Арскъ; что имъ велѣно не давать намъ покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми *наѣздами* ([306]).

29 Августа Воеводы Правой Руки, Князья Щенятевъ и Курбскій, подвинулись къ городу и начали укрѣплять туры вдоль рѣки Казанки подъ защитою Стрѣльцовъ; а дружина Князей Шемякина и Троекурова возвратилась на Арское поле, гдѣ снова показался непріятель изъ лѣса, и гдѣ Мстиславскій, Хилковъ, Оболенскій, стояли въ рядахъ, ожидая Татаръ, между тѣмъ, какъ иные Воеводы, Князь Дмитрій Палецкій, Алексѣй Адашевъ и Головы Царской Дружины ставили туры съ поля Арскаго до Казанки ([307]). Съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ пушекъ, ружей и луковъ: вылазки не было. Непріятель не отходилъ отъ лѣса, видя Россіянъ готовыхъ къ битвѣ; и ввечеру донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани. Съ сего времени Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо ста-пятидесяти тяжелыхъ орудій ([308]).

Утомленіе войска. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли удаляться отъ стана: Князь Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ ([309]). Сей опасный наѣздникъ держалъ Россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ Думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу Царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго Князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи, чтобы заслонить осаду, очистить лѣсъ, успокоить станъ нашъ. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, Князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ, и толпы его высыпали на поле. Россіяне, какъ бы устрашенные, дали тылъ. Татары гнали ихъ, втиснули въ обозъ, начали *водить круги* передъ нашими укрѣпленіями, и пускали стрѣлы дождемъ; а другія толпы, конныя и пѣшія, шли медленно въ боевомъ порядкѣ, прямо на станъ главнаго войска Московскаго. Тогда Князь Юрій Шемякинъ съ готовымъ полкомъ своимъ изъ засады устремился на Татаръ: они изумились; но, будучи уже не далеко отъ лѣса, должны были принять битву. Скоро явился и самъ Князь Александръ съ конными, многочисленными дружинами; а пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ Князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ ([310]); однимъ словомъ, истребили Япанчу.

Истребленіе Япанчина войска. Государь обнялъ Вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ; изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники Государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: «Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему» ([311]). Ожесточеніе Казанцевъ. Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ, плѣнныхъ согражданъ, и кричали: «лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой Христіанской руки!» Сіе остервененіе удивило Россіянъ и Государя.

Раздѣленіе полковъ.

Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному Нѣмецкому Размыслу (то есть, Инженеру) дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Мурза Камай извѣстилъ Государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземельнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ ([312]). Воеводы наши хотѣли отрыть сей тайникъ, но не могли ([313]), и Государь велѣлъ подкопать

г. 1552.

его отъ каменной Дауровой Бани, занятой нашими Козаками. Для сего Размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые подъ надзоромъ Князя Василья Серебрянаго и любимца Іоаннова, Алексѣя Адашева, рылись въ землѣ десять дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ подкопъ 11 бочекъ пороха и дали знать Государю. 5 Сентября, рано, Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ.

Взорваніе тайника.

Вдругъ, въ его глазахъ, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ; ворвались-было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться (314). Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ — и Государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа. Мы взяли не малое число плѣнныхъ; убили еще гораздо болѣе, и ждали слѣдствій.

Не смотря на рѣшительность Казанцевъ, послѣ сего бѣдственнаго для нихъ

Уныніе Казанцевъ.

случая обнаружилось уныніе въ городѣ; нѣкоторые изъ жителей думали, что все погибло, и что они уже не имѣютъ средствъ защиты. Но смѣлѣйшіе ободряли ихъ: рыли, и нашли ключь, малый, смрадный, коимъ надлежало довольствоваться всему городу; терпѣли жажду, пухли отъ худой воды, молчали и сражались.

Дѣятельность Іоаннова.

Іоаннъ оказывалъ удивительную дѣятельность; не знали, когда онъ имѣлъ отдохновеніе: всегда, рано и поздно, молился въ церкви или ѣздилъ вокругъ укрѣпленій; останавливался, говорилъ съ воинами, утверждалъ ихъ въ терпѣніи. Если Казанцы тревожили насъ всегдашнею стрѣльбою, то и мы не давали имъ покоя: днемъ и ночью гремѣли пушки Россійскія, заряжаемыя ядрами и камнями. Арскія ворота были до основанія сбиты: осажденные заградились въ семъ мѣстѣ тарасами.

6 Сентября Іоаннъ поручилъ Князю Александру Горбатому-Шуйскому взять острогъ, сдѣланный Казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди; съ нимъ были Бояре Данило Романовичь и Захарія Яковлевъ, Князья Булгаковъ и Палецкій, Головы Царской Дружины, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, Атаманы съ Козаками, Мордва Темниковская и Горные Черемисы, которые служили путеводителями. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и въ слѣдъ за смѣлыми Вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ на нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ.

Взятіе острога и города Арскаго.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знатную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ Казанскіе Вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые (315). Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане Арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса; но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ, куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ Христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, Князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ, что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости (316).

Нападенія Луговой Черемисы.

Еще опасности и труды не уменьшились. Лѣсъ Арскій уже не металъ стрѣлъ въ Россіянъ: за то Луговые Черемисы отгоняли наши табуны и тревожили станъ отъ Галицкой дороги. Стоящіе тутъ Воеводы Правой Руки ходили за ними и побили ихъ на голову; но опасаясь новыхъ нападеній, всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой Полкъ, который сверхъ того, занимая низкія равнины вдоль Казанки, болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ пальбы съ крѣпости (317), отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, Князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что Казанскіе

Мнимыя чародѣйства.

волшебники ежедневно, при восходѣ солнца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривля-

г. 1552. лись, махали одеждами на станъ Россійскій, производили вѣтръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту Бояръ Государь велѣлъ привезти изъ Москвы Царскій Животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана — и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла: настали красные дни, и войско ободрилось.

Построеніе высокой башни. Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, Россіяне построили тайно, верстахъ въ двухъ за станомъ, башню, вышиною въ шесть саженъ; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра, и возвѣстили оное залпомъ съ раската. Стрѣлки стояли выше стѣны, и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ: Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами; подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей *затинныхъ* (318), и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. — Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ Царемъ беззаконнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи (319). Предложенія Казанцамъ. Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, по выраженію Лѣтописца.

Между тѣмъ храбрый Князь Михайло Воротынскій подвигалъ туры ближе и ближе къ Арской башнѣ; наконецъ одинъ ровъ, шириною въ три сажени, а глубиною въ семь, отдѣлялъ ихъ отъ стѣны: Стрѣльцы, Козаки, Головы съ людьми Боярскими стояли за оными, бились до изнуренія силъ, и смѣнялись. Иногда же, не смотря на близость разстоянія, бой пресѣкался отъ усталости: Кровопролитное дѣло. тѣ и другіе воины отдыхали. Казанцы воспользовались однажды симъ временемъ: видя, что многіе изъ нашихъ сѣли обѣдать, и что у пушекъ осталось мало людей, они, числомъ до десяти тысячь, тихо вылѣзли изъ своихъ норъ, и подъ начальствомъ Вельможъ, главныхъ Царскихъ Совѣтниковъ, именуемыхъ Карачами, устремились къ турамъ, смяли Россіянъ и схватили ихъ пушки. Тутъ Князь Воротынскій самъ, а за нимъ и всѣ знатнѣйшіе чиновники кинулись въ сѣчу. «Не выдадимъ отцевъ!» кричали Россіяне и бились мужественно. Воеводы, Петръ Морозовъ, Князь Юрій Кашинъ, пали въ толпѣ, опасно уязвленные: ихъ отнесли въ станъ. Князь Михайло Воротынскій, раненный въ лице, не оставлялъ битвы: крѣпкій доспѣхъ его былъ изсѣченъ саблями. Многіе Головы Стрѣлецкіе лежали мертвые у пушекъ, и Казанцы еще не уступали намъ взятыхъ ими трофеевъ. Но явились Муромцы, Дѣти Боярскіе, *стародавные племенемъ и доблестію* (320): ударили, сломили непріятеля, втиснули въ ровъ. Побѣда рѣшилась. Казанцы давили другъ друга, тѣснясь въ воротахъ и вползая въ свои норы. Сіе дѣло было однимъ изъ кровопролитнѣйшихъ. Въ тоже время непріятель нападалъ и на туры Передоваго Полку, однакожь не весьма усильно (321). Государь видѣлъ собственными глазами оба дѣла: изъявивъ особенную милость Князю Михайлу Воротынскому и витязямъ Муромскимъ, онъ навѣстилъ раненныхъ Воеводъ, благодаря ихъ за усердную службу.

Уже около пяти недѣль Россіяне стояли подъ Казанью, убивъ въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячь непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей (322). Наступающая осень ужасала ихъ болѣе, нежели труды и битвы осады; всѣ хотѣли скораго конца. Чтобы облегчить приступъ и нанести осажденнымъ чувствительнѣйшій вредъ, Іоаннъ велѣлъ Взорваніе тарасъ. близъ Арскихъ воротъ подкопать тарасы и землянки, гдѣ укрывались жители отъ нашей стрѣльбы: 30 Сентября онѣ взлетѣли на воздухъ. Сіе страшное дѣйствіе пороха, хотя уже и не новое для Казанцевъ, произвело оцѣпенѣніе и тишину въ городѣ на нѣсколько минутъ; а Россіяне, не теряя времени, подкатили туры къ воротамъ Арскимъ, Аталыковымъ, Тюменскимъ. Думая, что насталъ часъ рѣшительный, Казанцы высыпали изъ города и схватились съ тѣми полками, коимъ велѣно было прикрывать туры. Битва закипѣла. Іоаннъ спѣшилъ ободрить своихъ — и какъ скоро они увидѣли его, то, единогласно воскликнувъ: «Царь съ нами!» бросились къ стѣнамъ; гнали, тѣснили непріятеля на мостахъ, въ воротахъ. Сѣ-

г. 1552. ча была ужасна. Громъ пушекъ, трескъ оружія, крикъ воиновъ раздавался въ облакахъ густаго дыма, который носился надъ всѣмъ городомъ. Не смотря на мужественное, отчаянное сопротивленіе, многіе Россіяне были уже на стѣнѣ, въ башнѣ отъ Арскаго поля, рѣзались въ улицахъ съ Татарами. Князь Михайло Воротынскій увѣдомилъ о томъ Государя, и требовалъ, чтобы онъ велѣлъ всѣмъ полкамъ итти на приступъ. Успѣхъ дѣйствительно казался вѣроятнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ вѣрнаго: большая часть войска находилась еще въ станѣ и не могла вдругъ ополчиться: излишняя торопь произвела бы безпорядокъ и, можетъ быть, неудачу, которая имѣла бы весьма худыя для насъ слѣдствія. Государь не уважилъ ревности войска: приказалъ ему отступить. Оно повиновалось неохотно: чиновники съ трудомъ вывели его изъ крѣпости и зажгли мосты. Но чтобы кровопролитіе сего жаркаго дня не осталось безплоднымъ, то Князь Воротынскій занялъ

Занятіе Арской башни. Арскую башню нашими стрѣлками ([323]): они укрѣпились турами и рядомъ твердыхъ щитовъ; сказали Воеводамъ: «здѣсь будемъ ждать васъ» — и сдержали слово: Казанцы не могли отнять у нихъ сей башни. — Во всю ночь пылали мосты, и часть стѣны обгорѣла; дѣйствіе нашего снаряда огнестрѣльнаго также во многихъ мѣстахъ разрушило оную. Казанцы поставили тамъ высокіе срубы, осыпавъ ихъ землею.

Наконецъ, 1 Октября, Іоаннъ объявилъ войску, чтобы оно готовилось *пить общую чашу крови* — то есть, къ приступу (ибо подкопы были уже готовы), и велѣлъ воинамъ *очистить душу* на канунѣ дня роковаго. Въ тотъ самый часъ, когда одни изъ нихъ смиренно исповѣдывали грѣхи свои предъ Богомъ и достойные съ умиленіемъ вкушали тѣло Христово, другіе, подъ громомъ бойницъ, метали въ ровъ землю и лѣсъ, чтобы проложить путь къ стѣнамъ. Еще Государь хотѣлъ испытать силу увѣщанія: Мурза Камай и сѣдые старѣйшины Горной Стороны, держа въ рукѣ знаменіе мира, приближились къ крѣпости, усыпанной людьми, и сказали имъ, что

Послѣднее предложеніе Казанцамъ. Іоаннъ въ послѣдній разъ предлагаетъ милосердіе городу, уже стѣсненному, до половины разрушенному; требуетъ единственно выдачи главныхъ измѣнниковъ и прощаетъ народъ. Казанцы отвѣтствовали въ одинъ голосъ: «Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, на стѣнѣ Русь: не боимся; поставимъ иную башню, иную стѣну; всѣ умремъ или отсидимся!» Тогда Государь началъ устроивать войско *къ великому дѣлу*.

Устроеніе войска для приступа. Чтобы заслонить тылъ отъ Луговой Черемисы, отъ Татаръ бродящихъ по лѣсамъ, отъ Ногайскихъ Улусовъ, и чтобы отрѣзать Казанцамъ всѣ пути для бѣгства, онъ приказалъ Князю Мстиславскому съ частію Большаго Полка, а Шигъ-Алею съ Касимовцами и жителями Горной Стороны занять дорогу Арскую и Чувашскую, Князю Юрію Оболенскому и Григорію Мещерскому съ Дворянами Царской Дружины Ногайскую, Князю Ивану Ромодановскому Галицкую; другой отрядъ Дворянъ, примыкая къ нему, долженъ былъ стоять вверхъ по Казанкѣ, на Старомъ Городищѣ ([324]). Отступивъ сихъ Воеводъ, Іоаннъ распорядилъ приступъ: велѣлъ быть впереди Атаманамъ съ Козаками, Головамъ съ Стрѣльцами и Дворовымъ людямъ ([325]), раздѣленнымъ на сотни, подъ начальствомъ отборныхъ Дѣтей Боярскихъ; за ними итти полкамъ Воеводскимъ: Князю Михайлу Воротынскому съ Окольничимъ Алексѣемъ Басмановымъ ударить на крѣпость въ проломъ отъ Булака и Поганаго озера; Князьямъ Хилкову въ Кабацкія ворота, Троекурову въ Збойливыя, Андрею Курбскому въ Ельбугины, Семену Шереметеву въ Муралеевы, Дмитрію Плещееву въ Тюменскія. Каждому изъ нихъ помогалъ особенный Воевода: первому самъ Государь; другимъ же Князья Иванъ Пронскій, Турунтай, Шемякинъ, Щенятевъ, Василій Серебряный Оболенскій и Дмитрій Микулинскій. Приказавъ имъ изготовиться къ двумъ часамъ слѣдующаго утра и ждать взорванія подкоповъ, Іоаннъ ввечеру уединился съ духовнымъ отцемъ своимъ, провелъ нѣсколько времени въ его душеспасительной бесѣдѣ и надѣлъ доспѣхъ ([326]). Тогда Князь Воротынскій прислалъ ему сказать, что Инженеръ кончилъ дѣло, и 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ; что Казанцы замѣтили нашу работу, и что не надобно терять ни минуты. Государь велѣлъ выступать полкамъ, слушалъ Заутреню въ церкви, отпустилъ Дружину Царскую, молился изъ глубины сердца .... Въ сію важную ночь, предтечу рѣшительнаго дня, ни Россіяне, ни Казанцы не думали объ успокоеніи. Изъ города видѣли необыкновенныя движенія въ на-

г. 1552. шемъ станѣ. Съ обѣихъ сторонъ ревностно готовились къ ужасному бою.

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: Россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши (327); ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе Іереевъ, которые служили Обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать Литургію. Когда Діаконъ предъ дверями Царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго (328) — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки Россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а Казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но Россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для Россіянъ. Число ихъ уменшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые, геройскимъ забвеніемъ смерти, ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились

Взорваніе подкоповъ, и приступъ.

Геройство съ обѣихъ сторонъ.

съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И г. 1552. въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю Литургію (329), причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего Отца Духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена Христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско Запасное однимъ кликомъ привѣтствовало Государя и побѣду (330).

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаянные Татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ оплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, схватывались за руки съ Россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла. Князь Михайло Воротынскій первый извѣстилъ Іоанна, что мы уже въ городѣ, но что битва еще кипитъ и нужна помощь. Государь отрядилъ къ нему часть своего полку; велѣлъ итти и другимъ Воеводамъ. Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили Татаръ къ укрѣпленному Двору Царскому. Самъ Едигеръ съ знатнѣйшими Вельможами медленно отступалъ отъ проломовъ, остановился среди города, у Тезицкаго или Купеческаго рва, бился упорно, и вдругъ замѣтилъ, что толпы наши рѣдѣютъ: ибо Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами Азіятской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки — и самые чиновники, коимъ приказалъ Государь итти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допускать до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ ожили и малодушные трусы, лежавшие на полѣ какъ бы мертвые или раненые; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, кашевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани; относили въ станъ, и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ (331). Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣрныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ, и думалъ, что Казанцы выгнали все наше войско изъ города. «Съ нимъ были» — пишетъ Курбскій — «великіе *Синклиты*, мужи вѣка отцевъ нашихъ, посѣдѣвшіе

Корыстолюбіе многихъ воиновъ.

г. 1552.

Великодушіе Іоанна и Бояръ.

въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ:» они дали совѣтъ Государю, и Государь явилъ великодушіе: взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣгущихъ (332). Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ; а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря нагрянуло на Татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ Духовные, Абизы, Сеиты, Молны (Муллы) и Первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили Россіянъ, не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервененіи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами. Едигеръ съ остальными Казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ Дворѣ Царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота.... Тутъ юныя жены и дочери Казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, подъ защитою своихъ прелестей; а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ Царя, еще бились усильно: наконецъ вышли, числомъ 10,000, въ заднія ворота, къ нижней части города. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ пресѣкъ имъ дорогу; удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ, на крутизнахъ; затруднялъ каждый шагъ; давалъ время нашимъ разить тылъ непріятеля, и сталъ въ Збойливыхъ воротахъ, гдѣ присоединилось къ нему еще нѣсколько сотъ Россіянъ. Гонимые, тѣснимые Казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ Воевода, Князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. «Слушайте,» сказали Казанцы: «доколѣ у насъ было Царство, мы умирали за Царя и отечество. Теперь Казань ваша: отдаемъ вамъ и Царя, живаго, неуязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле, испить съ вами послѣднюю чашу.» Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго престарѣлаго Вельможу или Карача, именемъ Заніеша, и двухъ *мамичей* или совоспитанниковъ Царскихъ (333); начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ и хотѣли итти къ стану нашей Правой Руки; но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво: кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и Дворѣ Царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные Князья Курбскіе, Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили па густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи (334). Но Татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ: они стояли, ибо не страшились смерти; стиснули нашихъ Героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, за-мертво на землю, — шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервененіемъ еще опасный для Россіянъ! Государь послалъ Князя Симеона Микулинскаго, Михайла Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса: Воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой: спаслись немногіе, и то раненые (335).

Доблесть К. Курбского.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча престала, но кровь лилася (336): раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ ямахъ; брали въ плѣнъ женъ и дѣтей или чиновниковъ (337). Дворъ Царскій, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей. Тогда главный Военачальникъ, Князь Михайло Воротынскій, прислалъ сказать Государю: «Радуйся, благочестивый Самодержецъ! Твоимъ мужествомъ и счастіемъ побѣда совершилась: Казань наша, Царь ея въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или въ плѣну; несмѣтныя богатства собраны: что прикажешь?» *Славить Всевышняго*, отвѣтствовалъ Іоаннъ, воздѣлъ руки на небо, велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвію, и собственною рукою на семъ мѣстѣ водрузивъ Животворящій крестъ, назначилъ быть тамъ первой церкви Христіанской (338). Князь Палецкій пред-

Взятіе Казани.

Водруженіе креста у воротъ Царскихъ.

г. 1552. ставилъ ему Едигера: безъ всякаго гнѣва и съ видомъ кротости Іоаннъ сказалъ: «Несчастный! развѣ ты не зналъ могущества Россіи и лукавства Казанцевъ?» Едигеръ, ободренный тихостію Государя, преклонилъ колѣна, изъявлялъ раскаяніе, требовалъ милости (339). Іоаннъ простилъ его, и съ любовію обнялъ брата, Князя Владиміра Андреевича, Шигъ-Алея (340), Вельможъ; отвѣтствовалъ на ихъ усердныя поздравленія ласково и смиренно; всю славу отдавалъ Богу, имъ и воинству; послалъ Бояръ и ближнихъ людей во всѣ дружины *съ хвалою и съ милостивымъ словомъ;* велѣлъ очистить въ городѣ одну улицу отъ воротъ Муралеевыхъ ко Двору Царскому, и въѣхалъ въ Казань: предъ нимъ Воеводы, Дворяне и Духовникъ его съ крестомъ; за нимъ Князь Владиміръ Андреевичъ и Шигъ-Алей. У воротъ стояло множество освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ плѣнниками въ Казани: увидѣвъ Государя, они пали на землю и съ радостными слезами взывали: «Избавитель! ты вывелъ насъ изъ Ада! Для насъ, бѣдныхъ, сирыхъ, не щадилъ головы своей!» Государь приказалъ отвести ихъ въ станъ и питать отъ стола Царскаго; ѣхалъ сквозь ряды складенныхъ тѣлъ и плакалъ; видя трупы Казанцевъ, говорилъ: «это не Христіане, но подобные намъ люди»; видя мертвыхъ Россіянъ, молился за нихъ Всевышнему, какъ за жертву общаго спасенія (341). При вступленіи во дворецъ Бояре, чиновники, воины снова поздравляли Іоанна. Они съ умиленіемъ говорили другъ другу: «Гдѣ царствовало зловѣріе, упиваясь кровію Христіанъ, тамъ видимъ крестъ животворящій и Государя нашего во славѣ» (342)! Всѣ единогласно, единодушно, въ умиленіи сердецъ, принесли благодарность Небу. Іоаннъ велѣлъ тушить огонь въ городѣ, и всю добычу, всѣ богатства Казанскія, всѣхъ плѣнниковъ, кромѣ одного Едигера, отдалъ воинству; взялъ только утварь Царскую, вѣнецъ, жезлъ, знамя Державное и пушки, сказавъ: «моя корысть есть спокойствіе и честь Россіи» (343)! Онъ возвратился въ станъ; хотѣлъ видѣть войско, и вышелъ къ полкамъ съ лицемъ свѣтлымъ. Они еще дымились кровію невѣрныхъ и своею; многіе витязи, по словамъ Лѣтописца, *сіяли ранами драгоцѣннѣйшими алмазовъ* (344). Іоаннъ сталъ предъ войскомъ и громко произнесъ рѣчь, исполненную любви и милости. «Воины мужественные!» говорилъ онъ: «Бояре, Воеводы, чиновники! въ сей знаменитый день *страдая* за имя Божіе, за Вѣру, отечество и Царя, вы пріобрѣли славу неслыханную въ наше время. Никто не оказывалъ такой храбрости; никто не одерживалъ такой побѣды! Вы новые Македоняне, достойные потомки витязей, которые съ Великимъ Княземъ Димитріемъ сокрушили Мамая! Чѣмъ могу воздать вамъ? . . . . Любезнѣйшіе сыны Россіи, тамъ, на полѣ чести, лежащіе! вы уже сіяете въ вѣнцахъ Небесныхъ вмѣстѣ съ первыми Мучениками Христіанства. Се дѣло Божіе: наше есть славить васъ во вѣки вѣковъ, вписать имена ваши на хартіи священной для поминовенія въ Соборной Апостольской Церкви. А вы, своею кровію обагренные, но еще живые для нашей любви и признательности! всѣ храбрые, коихъ вижу предъ собою! внимайте и вѣрьте моему обѣту любить и жаловать васъ до конца дней моихъ . . . Теперь успокойтесь, побѣдители!» Войско отвѣтствовало радостными кликами. Іоаннъ посѣтилъ, утѣшилъ раненыхъ; немедленно отправилъ шурина своего, Данила Романовича, въ Москву съ счастливою вѣстію къ супругѣ, къ Митрополиту, къ Князю Юрію; сѣлъ обѣдать съ Боярами, и далъ пиръ воинамъ (345). Сей великолѣпный праздникъ отечества украшался воспоминаніемъ минувшихъ золъ, чувствомъ настоящей славы и надеждою будущаго благоденствія.

Въѣздъ Государевъ въ Казань. Освобожденіе Россійскихъ плѣнниковъ. Рѣчь Іоанна къ войску. Пиръ въ станѣ.

Въ тотъ же день Іоаннъ послалъ жалованныя грамоты во всѣ окрестныя мѣста, объявляя жителямъ миръ и безопасность. «Идите къ намъ — писалъ онъ — безъ ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодѣйство уже наказано. Платите мнѣ, что вы платили Царямъ Казанскимъ.» Устрашенные бѣдствіемъ ихъ столицы, они разсѣялись по лѣсамъ: успокоенные милостивымъ словомъ Іоанновымъ, возвратились въ домы. Сперва жители Арскіе, а послѣ вся Луговая Черемиса прислали старѣйшинъ въ станъ къ Государю и дали клятву вѣрности (346).

Подданство Арской области и Луговой Черемисы.

3 Октября погребали мертвыхъ и совершенно очистили городъ. На другой день Іоаннъ съ Духовенствомъ, Синклитомъ и воинствомъ торжественно вступилъ въ Казань; избралъ мѣсто, заложилъ Каѳедральную церковь Благовѣщенія, обошелъ городъ со крестами, и посвятилъ его *Богу истинному* (347). Іе-

Торжественное вступленіе въ Казань.

г. 1552. реи кропили улицы, стѣны Святою водою, моля Вседержителя, да благословитъ сію новую твердыню Православія, да цвѣтетъ въ ней здравіе и доблесть, да будетъ вовѣки неприступною для враговъ, вовѣки неотъемлемою собственностію и честію Россіи! . . . Осмотрѣвъ всю Казань; назначивъ, гдѣ быть храмамъ, и приказавъ немедленно возобновить разрушенныя укрѣпленія, стѣны, башни, Государь съ Вельможами поѣхалъ во дворецъ, на коемъ развѣвалось знамя Христіанское.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ одно изъ знаменитыхъ Царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. Возникнувъ на развалинахъ Болгаріи, и поглотивъ ея бѣдные остатки, Казань имѣла и хищный, воинственный духъ Моголовъ, и торговый, заимствованный ею отъ древнихъ жителей сей страны ([348]), гдѣ издавна съѣзжались купцы Армянскіе, Хивинскіе, Персидскіе (и гдѣ онъ донынѣ сохранился: донынѣ Казанскіе Татары, потомки Золотой Орды и Болгаровъ, имѣютъ купеческія связи съ Востокомъ). Около 115 лѣтъ Казанцы намъ и мы имъ неутомимо враждовали, отъ перваго ихъ Царя, Махмета, у коего прадѣдъ Іоанновъ былъ плѣнникомъ, до Едигера, взятаго въ плѣнъ Іоанномъ, котораго дѣдъ уже именовался Государемъ *Болгарскимъ*, уже считалъ Казань нашею областію, но при концѣ жизни своей видѣлъ ея страшный бунтъ и не могъ отмстить за кровь Россіянъ, тамъ пролiянную ([349]). Новые мирные договоры служили поводомъ къ новымъ измѣнамъ, и всякая была ужасомъ для Восточной Россіи, гдѣ, на всей длинной чертѣ отъ Нижняго Новагорода до Перми, люди вѣчно береглися какъ на отводной стражѣ. Самая месть стоила намъ дорого, и самые счастливые походы иногда заключались истребленіемъ войска и коней отъ болѣзней, отъ трудностей пути въ мѣстахъ дикихъ, населенныхъ народами свирѣпыми. Однимъ словомъ, вопросъ: надлежало ли покорить Казань? соединялся съ другимъ: надлежало ли безопасностію и спокойствіемъ утвердить бытіе Россіи? Чувство государственнаго блага, усиленное ревностію Вѣры, производило въ побѣдителяхъ общій, живѣйшій восторгъ, и Лѣтописцы говорятъ о семъ завоеваніи съ жаромъ Стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ *великому зрѣлищу* Казани, обновляемой во имя Христа Спасителя, осѣняемой хоругвями, украшаемой церквами Православія, оживленной (послѣ ужасовъ кровопролитія, послѣ безмолвія смерти) присутствіемъ многочисленнаго, радостнаго войска, среди свѣжихъ трофеевъ, но уже въ глубокой мирной тишинѣ ликующаго на стогнахъ, площадяхъ, въ садахъ, и юнаго Царя сидящаго на славно-завоеванномъ престолѣ, въ блестящемъ кругу Вельможъ и Полководцевъ, у коихъ была только одна мысль, одно чувство: *мы заслужили благодарность отечества!* — Лѣтописцы сказываютъ, что небо благопріятствовало торжеству побѣды; что время стояло ясное, теплое, и Россіяне, осаждавъ Казань въ мрачную, дождливую осень, вступили въ нее какъ бы весною. г. 1552. Зрѣлище Казани.

6 Октября Духовникъ Государевъ съ Іереями Свіяжскими освятилъ храмъ Благовѣщенія ([350]). Въ слѣдующіе дни Іоаннъ занимался учрежденіемъ Правительства въ городѣ и въ областяхъ; объявилъ Князя Александра Горбатаго Шуйскаго Казанскимъ Намѣстникомъ, а Князя Василія Серебрянаго его товарищемъ; далъ имъ писменное наставленіе, 1500 Дѣтей Боярскихъ, 3000 Стрѣльцовъ со многими Козаками, и 11 Октября изготовился къ отъѣзду, хотя благоразумные Вельможи совѣтовали ему остаться тамъ до весны со всѣмъ войскомъ, чтобы довершить покореніе земли, гдѣ обитало пять народовъ ([351]): Мордва, Чуваши, Вотяки (въ Арской области), Черемисы и Башкирцы (вверхъ по Камѣ). Еще многіе изъ ихъ Улусовъ не признавали нашей власти; къ нимъ ушли нѣкоторые изъ злѣйшихъ Казанцевъ, и легко было предузнать опасныя того слѣдствія. Въ станѣ и въ Свіяжскѣ находилось довольно запасовъ для прокормленія войска. Но Іоаннъ, нетерпѣливо желая видѣть супругу и явить себя Москвѣ во славѣ, отвергнулъ совѣтъ мудрѣйшихъ, чтобы исполнить волю сердца, одобряемую братьями Царицы ([352]) и другими сановниками, которые также хотѣли скорѣе отдохнуть на лаврахъ. Отпѣвъ молебенъ въ церкви Благовѣщенія и поручивъ храненіе новой страны своей Іисусу, Дѣвѣ Маріи, Россійскимъ Угодникамъ Божіимъ, Царь выѣхалъ изъ Казани, ночевалъ на берегу Волги, противъ Гостинаго острова, и 12 Октября съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ Боярами и съ пѣхотными дружинами отплылъ въ ладіяхъ

Учрежденіе Правительства. Совѣтъ Вельможъ. Возвратный путь Государя въ Москву.

г. 1552. къ Свіяжску. Князь Михайло Воротынскій повелъ конницу берегомъ къ Василю городу, путемъ уже безопаснымъ, хотя и труднымъ (353).

Пробывъ только одинъ день въ Свіяжскѣ, и назначивъ Князя Петра Шуйскаго Правителемъ сей области, Іоаннъ 14 Октября подъ Вязовыми горами сѣлъ на суда. Въ Нижнемъ, на берегу Волги, встрѣтили его всѣ граждане со крестами, и преклонивъ колѣна, обливались слезами благодарности за вѣчное избавленіе ихъ отъ ужасныхъ набѣговъ Казанскихъ; славили побѣдителя, громогласно, съ душевнымъ восхищеніемъ, такъ, что сей *благодарный плачь,* заглушая пѣніе Священниковъ, принудилъ ихъ умолкнуть (354). Тутъ же Послы отъ Царицы, Князя Юрія, Митрополита, *здравствовали Государю на Богомъ данной ему отчинѣ, Царствѣ Казанскомъ* (355). Собравъ въ Нижнемъ все воинство; снова изъявивъ признательность своимъ усерднымъ сподвижникамъ; сказавъ, что разстается съ ними до перваго случая обнажить со славою мечь за отечество, онъ уволилъ ихъ въ домы; самъ поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Балахну въ Владиміръ, и въ Судогдѣ встрѣтилъ Боярина, Василія Юрьевича Траханіота, который скакалъ къ нему отъ Анастасіи съ вѣстію о рожденіи сына, Царевича Димитрія. Государь въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ Траханіота; благодарилъ Небо, плакалъ, и не зная, какъ наградить счастливаго вѣстника, отдалъ ему съ плеча одежду Царскую и коня изъ-подъ себя (356). Іоаннъ имѣлъ уже двухъ дочерей, Анну и Марію, изъ коихъ первая скончалась одиннадцати мѣсяцевъ (357): рожденіе наслѣдника было тайнымъ желаніемъ его сердца. Онъ послалъ шурина, Никиту Романовича, къ Анастасіи съ нѣжными привѣтствіями; останавливался въ Владимірѣ, въ Суздалѣ, единственно для того, чтобы молиться въ храмахъ, изъявлять чувствительность къ любви жителей, отовсюду стекавшихся видѣть лице его, свѣтлое радостію (358); заѣхалъ въ славную Троицкую Обитель Св. Сергія, знаменовался у гроба его, вкусилъ хлѣба съ Иноками, и 28 Октября ночевалъ въ селѣ Тайнинскомъ, гдѣ ждали его братъ, Князь Юрій, и нѣкоторые Бояре съ поздравленіемъ; а на другой день, рано, приближаясь къ любезной ему столицѣ, увидѣлъ на берегу Яузы (359) безчисленное множество

Рожденіе Царевича.

Встрѣча Іоанна.

народа, такъ, что на пространствѣ шести верстъ, отъ рѣки до посада, оставался только самый тѣсный путь для Государя и дружины его. Сею улицею, между тысячами Московскихъ гражданъ, ѣхалъ Іоаннъ, кланяясь на обѣ стороны; а народъ, цѣлуя ноги, руки его, восклицалъ непрестанно: «многая лѣта Царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю Христіанъ!» Тамъ, гдѣ жители Московскіе приняли нѣкогда Владимірскій образъ Богоматери, несущій спасеніе граду въ нашествіе Тамерлана — гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій — тамъ Митрополитъ, Епископы, Духовенство съ сею иконою, старцы Бояре, Князь Михайло Ивановичь Булгаковъ (360), Иванъ Григорьевичь Морозовъ, слуги отца и дѣда его, со всѣми чиноначальниками стояли подъ церковными хоругвями (361). Іоаннъ сошелъ съ коня, приложился къ Образу, и благословенный Святителями, сказалъ: «Соборъ Духовенства Православнаго! Отче Митрополитъ и Владыки! я молилъ васъ быть ревностными ходатаями предъ Всевышнимъ за Царя и Царство, да отпустятся мнѣ грѣхи юности, да устрою землю, да буду щитомъ ея въ нашествія варваровъ; совѣтовался съ вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, погасить огнь въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь Россіянъ, снять цѣпи съ Христіанскихъ плѣнниковъ, вывести ихъ изъ темницы, возвратить отечеству и Церкви. Дѣдъ мой, отецъ, и мы посылали Воеводъ, но безъ успѣха. Наконецъ, исполняя совѣтъ вашъ, я самъ выступилъ въ поле. Тогда явился другой непріятель, Ханъ Крымскій, въ предѣлахъ Россіи, чтобы въ наше отсутствіе истребить Христіанство. Вспомнивъ слово Евангельское: *бдите и молитеся, да не внидете въ напасть!* вы, достойные Святители Церкви, молились — и Богъ услышалъ васъ, и помогъ намъ — и Ханъ, гонимый единственно гнѣвомъ Небеснымъ, бѣжалъ малодушно!.. Ободренные явнымъ дѣйствіемъ вашей молитвы, мы подвиглись на Казань, благополучно достигли цѣли, и милостію Божіею, мужествомъ Князя Владиміра Андреевича, нашихъ Бояръ, Воеводъ и всего воинства, сей градъ многолюдный палъ предъ нами: судомъ Господнимъ въ единый часъ изгибли невѣрные *безъ вѣсти,* Царь ихъ взятъ въ плѣнъ, исчезла прелесть Магометова, на ея мѣстѣ водруженъ святый крестъ;

г. 1552.

Рѣчь Государева къ Духовенству.

г. 1552. области Арская и Луговая платятъ дань Россіи; Воеводы Московскіе управляютъ землею; а мы, во здравіи и веселіи, пришли сюда къ образу Богоматери, къ мощамъ великихъ Угодниковъ, къ вашей Святынѣ, въ свою любезную отчизну — и за сіе Небесное благодѣяніе, вами испрошенное, тебѣ, отцу своему, и всему Освященному Собору, мы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣмъ воинствомъ въ умиленіи сердца кланяемся» (362). Тутъ Государь, Князь Владиміръ и вся дружина воинская поклонились до земли. Іоаннъ продолжалъ: «Молю васъ и нынѣ, да ревностнымъ ходатайствомъ у престола Божія и мудрыми своими наставленіями способствуете мнѣ утвердить законъ, правду, благіе нравы внутри Государства; да цвѣтетъ отечество подъ сѣнію мира въ добродѣтели; да цвѣтетъ въ немъ Христіанство; да познаютъ Бога истиннаго невѣрные, новые подданные Россіи, и вмѣстѣ съ нами да славятъ Святую Троицу во вѣки вѣковъ. Аминь!»

Отвѣтъ Митрополитовъ. Митрополитъ отвѣтствовалъ: «Царю благочестивый! мы, твои богомольцы, удивленные избыткомъ Небесной къ намъ милости, что речемъ предъ Господомъ? развѣ токмо воскликнемъ: *дивенъ Богъ творяй чудеса!* . . Какая побѣда! какая слава для тебя и для всѣхъ твоихъ свѣтлыхъ сподвижниковъ. Что мы были? и что нынѣ? Вѣроломные, лютые Казанцы ужасали Россію, жадно пили кровь Христіанъ, увлекали ихъ въ неволю, оскверняли, разоряли святыя церкви. Терзаемый бѣдствіемъ отечества, ты, Царь великодушный, возложивъ *неуклонную* надежду на Бога Вседержителя, произнесъ обѣтъ спасти насъ; ополчился съ вѣрою; шелъ на труды и на смерть; *страдалъ до крови;* предалъ свою душу и тѣло за Церковь, за отечество — и благодать Небесная возсіяла на тебѣ, якоже на древнихъ Царяхъ, угодныхъ Господу: на Константинѣ Великомъ, Св. Владимірѣ, Димитріи Донскомъ, Александрѣ Невскомъ. Ты сравнялся съ ними — и кто превзошелъ тебя? Сей царствующій градъ Казанскій, гдѣ гнѣздился змій какъ въ глубокой норѣ своей, уязвляя, поядая насъ — сей градъ, столь знаменитый и столь ужасный, лежитъ бездушный у ногъ твоихъ; ты растопталъ главу змія, освободилъ тысячи Христіанъ плѣненныхъ, знаменіями истинной Вѣры освятилъ скверну Магометову — навѣки, навѣки успокоилъ Россію! Се дѣло Божіе, но чрезъ тебя совершенное! ибо ты помнилъ слово Евангельское: *рабе благій! въ малѣ былъ еси вѣренъ: надъ многими тя поставлю!* Веселися, о Царь любезный Богу и отечеству! Даровавъ побѣду, Всевышній даровалъ тебѣ и вождѣленнаго, первороднаго сына! Живи и здравствуй съ добродѣтельною Царицею Анастасіею, съ юнымъ Царевичемъ Димитріемъ, съ своими братьями, Боярами и со всѣмъ православнымъ воинствомъ въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ и на всѣхъ своихъ Царствахъ, въ сей годъ и въ предъидущія многія, многія лѣта. А мы тебѣ, Государю благочестивому, за твои труды и подвиги великіе со всѣми Святителями, со всѣми православными Христіанами кланяемся.» Митрополитъ, Духовенство, сановники и народъ пали ницъ предъ Іоанномъ; слезы текли изъ глазъ; благословенія раздавались, долго и непрерывно. г. 1552.

Тутъ Государь снялъ съ себя воинскую одежду, возложилъ на плеча порфиру, на выю и на перси крестъ Животворящій, на главу вѣнецъ Мономаховъ, и пошелъ за святыми иконами въ Кремль; слушалъ молебенъ въ храмѣ Успенія; съ любовію и благодарностію поклонился мощамъ Россійскихъ Угодниковъ Божіихъ, гробамъ своихъ предковъ; обходилъ всѣ храмы знаменитые, и спѣшилъ наконецъ во дворецъ. Царица еще не могла встрѣтить его: лежала на постелѣ; но увидѣвъ супруга, забыла слабость и болѣзнь: въ восторгѣ упала къ ногамъ Державнаго Героя, который, обнимая Анастасію и сына, вкусилъ тогда всю полноту счастія, даннаго въ удѣлъ человѣчеству.

Москва и Россія были въ неописанномъ волненіи радости. Вездѣ въ отверстыхъ храмахъ благодарили Небо и Царя; отовсюду спѣшили усердные подданные видѣть лице Іоанна; говорили единственно о великомъ дѣлѣ его, о преодолѣнныхъ трудностяхъ похода, усиліяхъ, хитростяхъ осады; о злобномъ ожесточеніи Казанцевъ, о блистательномъ мужествѣ Россіянъ, и возвышались сердцемъ, повторяя: «мы завоевали Царство! что скажутъ въ свѣтѣ» (363)?

Нѣсколько дней посвятивъ счастію семейственному, Іоаннъ, Ноября 8, далъ торжественный обѣдъ, въ Большой Грановитой палатѣ, Митрополиту, Епископамъ, Архимандритамъ, Игуменамъ, Князьямъ Юрію Васильевичу и Влади-

г. 1552. Пиръ во дворцѣ и дары Іоанновы.

міру Андреевичу, всѣмъ Боярамъ, всѣмъ Воеводамъ, которые мужествовали подъ Казанью. «Никогда, говорятъ Лѣтописцы, не видали мы такого великолѣпія, празднества, веселія во дворцѣ Московскомъ, ни такой щедрости.» Іоаннъ дарилъ всѣхъ, отъ Митрополита до простаго воина, ознаменованнаго или славною раною, или замѣченнаго въ спискѣ храбрыхъ; Князя Владиміра Андреевича жаловалъ шубами, златыми Фряжскими кубками и ковшами; Бояръ, Воеводъ, Дворянъ, Дѣтей Боярскихъ и всѣхъ воиновъ по достоянію одеждами съ своего плеча, бархатами, соболями, кубками, конями, доспѣхами или деньгами; три дни пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными, и три дни сыпалъ дары, коихъ по счету, сдѣланному въ казначействѣ, вышло на сорокъ-восемь тысячь рублей (около милліона нынѣшнихъ), кромѣ богатыхъ отчинъ и помѣстьевъ, разданныхъ тогда воинскимъ и Придворнымъ чиновникамъ (364).

г. 1552.

Чтобы ознаменовать взятіе Казани достойнымъ памятникомъ для будущихъ столѣтій, Государь заложилъ великолѣпный храмъ Покрова Богоматери, у воротъ Флоровскихъ или Спасскихъ, о девяти куполахъ: онъ есть донынѣ лучшее произведеніе такъ называемой Готической Архитектуры въ нашей древней столицѣ (365).

Сей Монархъ, озаренный славою, до восторга любимый отечествомъ, завоеватель враждебнаго Царства, умиритель своего, великодушный во всѣхъ чувствахъ, во всѣхъ намѣреніяхъ, мудрый Правитель, Законодатель, имѣлъ только 22 года отъ рожденія: явленіе рѣдкое въ Исторіи Государствъ! Казалось, что Богъ хотѣлъ въ Іоаннѣ удивить Россію и человѣчество примѣромъ какого-то совершенства, великости и счастія на тронѣ . . . Но здѣсь восходитъ первое облако надъ лучезарною главою юнаго Вѣнценосца.

ГЛАВА V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ГОСУДАРСТВОВАНІЯ ІОАННА IV.

Г. 1552 — 1560.

Крещеніе Царевича Димитрія и двухъ Царей Казанскихъ. Язва. Мятежи въ землѣ Казанской. Болѣзнь Царя. Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Смерть Царевича. Важная бесѣда Іоаннова съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ. Рожденіе Царевича Іоанна. Бѣгство Князя Ростовскаго. Ересь. Усмиреніе мятежей въ Казанской землѣ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Покореніе Царства Астраханскаго. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское. Подданство Черкесовъ. Дружба съ Ногаями. Дань Сибирская. Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію. Посолъ въ Англію. Дѣла Крымскія. Письмо Солиманово. Впаденіе Крымцевъ. Война Шведская. Сношенія съ Литвою. Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кирмень. Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю и беретъ Хортицу. Завоеваніе Темрюка и Тамана. Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ. Усердіе Вишневецкаго. Предложеніе союза Литвѣ. Дѣла Ливонскія. Важный замыселъ, приписываемый Іоанну. Состояніе Ливоніи. Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска. Начало войны Ливонской. Взятіе Нарвы. Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушіе Дерптскаго Бургомистра. Бѣгство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ. Кетлеръ беретъ Рингенъ. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію. За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій, Датскій. Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи. Нашествіе Крымцевъ. Впаденіе Россіянъ въ Тавриду. Союзъ Ливоніи съ Августомъ. Магистръ нарушаетъ перемиріе. Славная защита Ланса. Угрозы Августовы. Гонецъ отъ Императора. Новое разореніе Ливоніи. Взятіе Маріенбурга. Побѣды К. Курбскаго. Кончина Царицы Анастасіи.

г. 1552. Крещеніе Царевича Димитрія.

Какъ скоро Анастасія могла встать съ постели, Государь отправился съ нею и съ сыномъ въ Обитель Троицы, гдѣ Архіепископъ Ростовскій, Никандръ, крестилъ Димитрія у мощей Св. Сергія (366). — Насыщенный мірскою славою, Іоаннъ

заключилъ торжество государственное Христіанскимъ: два Царя Казанскіе, Утемишъ-Гирей и Едигеръ, пріяли Вѣру Спасителя. Перваго, еще младенца, крестилъ Митрополитъ въ Чудовѣ монастырѣ и нарекъ Александромъ: Государь взялъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ учить грамотѣ, Закону и добродѣтели ([367]). Едигеръ самъ изъявилъ ревностное желаніе озариться свѣтомъ истины, и на вопросы Митрополита: «не нужда ли, не страхъ ли, не мірская ли польза внушаетъ ему сію мысль?» отвѣтствовалъ рѣшительно: «нѣтъ! люблю Іисуса и ненавижу Магомета!» Священный обрядъ совершился на берегу Москвы-рѣки, въ присутствіи Государя, Бояръ и народа. Митрополитъ былъ воспріемникомъ отъ купѣли. Едигеръ, названный Симеономъ, удержалъ имя Царя; жилъ въ Кремлѣ, въ особенномъ большомъ домѣ; имѣлъ Боярина, чиновниковъ, множество слугъ, и женился на дочери знатнаго сановника, Андрея Кутузова, Маріи ([368]); пользовался всегда милостію Государя и доказывалъ искреннюю любовь къ Россіи, забывъ, какъ смутную мечту, и прежнее свое Царство и прежнюю Вѣру.

Г. 1553. Крещеніе двухъ Царей Казанскихъ.

26 Февраля.

Послѣ многихъ неописанно-сладостныхъ чувствъ душа Іоаннова уже вкушала тогда горесть. Смертоносная язва, которая подъ именемъ *железы* столь часто опустошала Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ, снова открылась во Псковѣ, гдѣ съ Октября 1552 до осени 1553 года было погребено 25,000 тѣлъ въ скудельницахъ, кромѣ множества схороненныхъ тайно въ лѣсу и въ оврагахъ ([369]). Узнавъ о семъ, Новогородцы немедленно выгнали Псковскихъ купцевъ, объявивъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пріѣдетъ къ нимъ, то будетъ сожженъ съ своимъ имѣніемъ. Осторожность и строгость не спасли Новагорода: язва въ Октябрѣ же мѣсяцѣ начала свирѣпствовать и тамъ и во всѣхъ окрестностяхъ. Полмилліона людей было ея жертвою; въ числѣ ихъ и Архіепископъ Серапіонъ, который не берегъ себя, утѣшая несчастныхъ. На его опасное мѣсто Митрополитъ поставилъ Монаха Пимена Чернаго изъ Андреяновской Пустыни; вмѣстѣ съ Государемъ торжественно молился, святилъ воду — и Пименъ, 6 Декабря съ умиленіемъ отслуживъ первую обѣдню въ Софійскомъ храмѣ, какъ бы притупилъ жало язвы: она сдѣлалась менѣе смертоносною, по крайней мѣрѣ въ Новѣгородѣ.

Язва.

Г. 1553.

Весьма оскорбился Государь и печальными вѣстями Казанскими, увидѣвъ, что онъ еще не все совершилъ для успокоснія Россіи. Луговые и Горные жители убивали Московскихъ купцевъ и людей Боярскихъ на Волгѣ ([370]): злодѣевъ нашли и казнили 74 человѣка; но скоро вспыхнулъ бунтъ: Вотяки и Луговая Черемиса не хотѣли платить дани, вооружились, умертвили нашихъ чиновниковъ, стали на высокой горѣ, у засѣки; разбили Стрѣльцовъ и Козаковъ, посланныхъ усмирить ихъ: 800 Россіянъ легло на мѣстѣ. Въ семидесяти верстахъ отъ Казани, на рѣкѣ Мешѣ, мятежники основали земляную крѣпость и непрестанно безпокоили Горную Сторону набѣгами. Воевода, Борисъ Салтыковъ, зимою выступивъ противъ нихъ изъ Свіяжска съ отрядомъ пѣхоты и конницы, тонулъ въ глубокихъ снѣгахъ: непріятель, катясь на лыжахъ, окружилъ его со всѣхъ сторонъ; въ долговременной, безпорядочной битвѣ Россіяне падали отъ усталости и потеряли до пяти сотъ человѣкъ. Самъ Воевода былъ взятъ въ плѣнъ и зарѣзанъ варварами; не многіе возвратились въ Свіяжскъ, и бунтовщики, гордяся двумя побѣдами, думали, что господство Россіянъ уже кончилось въ странѣ ихъ.

Мятежи въ земли Казанской.

Іоаннъ вспомнилъ тогда мудрый совѣтъ опытныхъ Вельможъ не оставлять Казани до совершеннаго покоренія всѣхъ ея дикихъ народовъ ([371]). Уныніе при Дворѣ было столь велико, что нѣкоторые Члены Царской Думы предлагали навсегда покинуть сію бѣдственную для насъ землю и вывести войско оттуда ([372]). Но Государь изъявилъ справедливое презрѣніе къ ихъ малодушію; хотѣлъ исправить свою ошибку, и вдругъ занемогъ сильною горячкою, такъ, что Дворъ, Москва, Россія въ одно время свѣдали о болѣзни его и безнадежности къ выздоровленію. Всѣ ужаснулись, отъ Вельможи до земледѣльца; мысленно искали вины своей предъ Богомъ, и говорили: «грѣхи наши должны быть безмѣрны, когда Небо отнимаетъ у Россіи такого Самодержца» ([373])! Народъ толпился въ Кремлѣ; смотрѣли другъ другу въ глаза и боялись спрашивать; вездѣ блѣдныя, слезами орошенныя лица — а во дворцѣ отчаяніе, смятеніе неописанное, тайный шопотъ между Боярами, которые дума-

Болѣзнь Царя.

г. 1553. ли, что въ семъ бѣдственномъ случаѣ имъ должно не стенать и не плакать, но великодушно устроить судьбу Государства. Представилось зрѣлище разительное. Іоаннъ былъ въ памяти. Дьякъ Царскій, Михайловъ, приступивъ къ одру, съ твердостію сказалъ болящему, что ему время совершить духовную. Не смотря на цвѣтущую юность, въ полнотѣ жизни и здравія, Іоаннъ часто говаривалъ о томъ съ людьми ближними (374): не устрашился, и спокойно велѣлъ писать завѣщаніе, объявивъ сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Бумагу написали; хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ, и собрали ихъ въ Царской столовой комнатѣ. Тутъ начался споръ, шумъ, мятежъ: одни требовали, другіе не давали присяги, и въ числѣ послѣднихъ Князь Владиміръ Андреевичь, который съ гнѣвомъ сказалъ Вельможѣ Воротынскому, укоряющему его въ ослушаніи: «смѣешь ли браниться со мною?» *Смѣю и драться,* отвѣтствовалъ Воротынскій, *по долгу усерднаго слуги моихъ и твоихъ Государей, Іоанна и Димитрія; не я, но они, повелѣваютъ тебѣ исполнить обязанность вѣрнаго Россіянина.* Іоаннъ позвалъ ослушныхъ Бояръ и спросилъ у нихъ: «Кого же думаете избрать въ Цари, отказываясь цѣловать крестъ на имя моего сына? Развѣ забыли вы данную вами клятву служить единственно мнѣ и дѣтямъ моимъ?.. Не имѣю силъ говорить много,» примолвилъ онъ слабымъ голосомъ: «Димитрій и въ пеленахъ есть для васъ Самодержецъ законный; но если не имѣете совѣсти, то будете отвѣтствовать Богу.» На сіе Бояринъ Князь Иванъ Михайловичь Шуйскій сказалъ ему, что они не цѣловали креста, ибо не видали Государя предъ собою; а Ѳеодоръ Адашевъ, отецъ любимца Іоаннова, саномъ Окольничій, изъяснился откровеннѣе такими словами: «Тебѣ, Государю, и сыну твоему мы усердствуемъ повиноваться, но не Захарьинымъ-Юрьевымъ, которые безъ сомнѣнія будутъ властвовать въ Россіи именемъ младенца безсловеснаго. Вотъ что страшитъ насъ! А мы, до твоего возраста, уже испили всю чашу бѣдствій отъ Боярскаго правленія.» Іоаннъ безмолвствовалъ въ изнеможеніи. Самодержецъ чувствовалъ себя простымъ, слабымъ смертнымъ у могилы: его любили, оплакивали, но уже не слушались, не

Марта 11.

береги: забывали священный долгъ покоить умирающаго; шумѣли, кричали надъ самымъ одромъ безгласно-лежащаго Іоанна — и разошлися. г. 1553.

Чего же хотѣли сіи дерзкіе сановники, можетъ быть дѣйствительно одушевленные любовію къ общему благу, дѣйствительно устрашенные мыслію о гибельныхъ для отечества смутахъ Боярскихъ, которыя снова могли водворяться въ Правительствующей Думѣ, къ ужасу Россіи, въ малолѣтство Димитрія? Они хотѣли возложить вѣнецъ на главу брата Іоаннова — не Юрія: ибо сей несчастный Князь, обиженный Природою, не имѣлъ ни разсудка, ни памяти (375) — но Владиміра Андреевича, одареннаго многими блестящими свойствами: умомъ любопытнымъ, острымъ, дѣятельнымъ, мужествомъ и твердостію. Предполагая самое чистое, благороднѣйшее побужденіе въ сердцахъ Бояръ, Лѣтописецъ справедливо осуждаетъ ихъ замыселъ самовольно ниспровергнуть наслѣдственный уставъ Государства, со временъ Димитрія Донскаго утверждаемый торжественною присягою, основанный на общемъ благѣ, плодъ долговременныхъ, старыхъ опытовъ и причину новаго могущества Россіи. Всѣ человѣческіе законы имѣютъ свои опасности, неудобства, иногда вредныя слѣдствія; но бываютъ душею порядка, священны для благоразумныхъ, нравственныхъ людей, и служатъ оплотомъ, твердынею Державъ. Предвидѣніе ослушныхъ Бояръ могло и не исполниться: но если бы малолѣтство Царя и произвело временныя бѣдствія для Россіи, то лучше было сносить оныя, нежели нарушеніемъ главнаго устава государственнаго ввергнуть отечество въ бездну всегдашняго мятежа неизвѣстностію наслѣдственнаго права, столь важнаго въ Монархіяхъ.

Къ счастію, другіе Бояре остались вѣрными совѣсти и закону. Въ тотъ же вечеръ Князья Иванъ Ѳеодоровичь Мстиславскій, Владиміръ Ивановичь Воротынскій, Дмитрій Палецкій, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, Михайло Яковлевичь Морозовъ, Захарьины-Юрьевы, Дьякъ Михайловъ присягнули Царевичу; также и юный другъ Государевъ, Алексѣй Адашевъ (376). Между тѣмъ донесли Іоанну, что Князья Петръ Щенятевъ, Иванъ Пронскій, Симеонъ Ростовскій, Дмитрій Нѣмый-Оболенскій во дворцѣ и на площади славятъ Князя Владиміра Андреевича, говоря: «лучше

г. 1553. служить старому, нежели малому и раболѣпствовать Захарьинымъ» (377). Истощая послѣднія силы свои, Государь хотѣлъ видѣть Князя Владиміра и такъ называемою *цѣловальною записью* обязать его въ вѣрности: сей Князь торжественно отрекся отъ присяги. Съ удивительною кротостію Іоаннъ сказалъ ему: «Вижу твое намѣреніе: бойся Всевышняго!» а Боярамъ, давшимъ клятву: «Я слабѣю; оставьте меня и дѣйствуйте по долгу чести и совѣсти.» Они съ новою ревностію начали убѣждать всѣхъ Думныхъ Совѣтниковъ исполнить волю Государеву. Имъ отвѣтствовали: «Знаемъ, чего вы желаете: быть господами; но мы не сдѣлаемъ по вашему.» Называли другъ друга измѣнниками, властолюбцами; гнѣвъ, злоба кипѣли въ сердцахъ, и каждое слово съ обѣихъ сторонъ было угрозою.

Въ часы сего ужаснаго смятенія Князь Владиміръ Андреевичь и мать его, Евфросинія, собирали у себя въ домѣ Дѣтей Боярскихъ и раздавали имъ деньги. Народъ изъявлялъ негодованіе. Благоразумные Вельможи говорили Князю Владиміру, что онъ безразсудно ругается надъ общею скорбію, какъ бы празднуя болѣзнь Царя; что не время жаловать людей, когда отечество въ слезахъ и въ страхѣ. Князь и мать его отвѣчали словами колкими, съ досадою; а Бояре, окружающіе Государя, уже не хотѣли пускать къ нему сего, явно злонамѣреннаго брата. Тутъ выступилъ на позорище чрезвычайный мужъ Сильвестръ, доселѣ главный совѣтникъ Іоанновъ, ко благу Россіи, но къ тайному неудовольствію многихъ, которые видѣли, что простый Іерей управляетъ и Церковію и Думою: ибо (по словамъ Лѣтописца) ему недоставало только сѣдалища Царскаго и Святительскаго: онъ указывалъ и Вельможамъ и Митрополиту, и судіямъ и Воеводамъ (378); мыслилъ, а Царь дѣлалъ. Сія власть, не будучи беззаконіемъ и происходя единственно отъ справедливой довѣренности Государевой къ мудрому совѣтнику, могла однакожь измѣнить чистоту его первыхъ намѣреній и побужденій: могла родить въ немъ любовь къ господству и желаніе утвердить оное навсегда: искушеніе опасное для добродѣтели! Всѣми уважаемый, не всѣми любимый, Сильвестръ терялъ съ Іоанномъ политическое бытіе свое, и соглашая личное властолюбіе съ пользою государственною, *можетъ быть*, тайно доброхотствовалъ сторонѣ Князя Владиміра Андреевича, связаннаго съ нимъ дружбою. По крайней мѣрѣ, видя остервененіе ближнихъ Іоанновыхъ противъ сего Князя, онъ вступился за него и говорилъ съ жаромъ: «кто дерзаетъ удалять брата отъ брата и злословить невиннаго, желающаго лить слезы надъ болящимъ?» Захарьины и другіе отвѣтствовали, что они исполняютъ присягу, служатъ Іоанну, Димитрію, и не терпятъ измѣнниковъ. Сильвестръ оскорбился и навлекъ на себя подозрѣніе. г. 1553.

Въ слѣдующій день Государь вторично созвалъ Вельможъ и сказалъ имъ: «Въ послѣдній разъ требую отъ васъ присяги. Цѣлуйте крестъ предъ моими ближними Боярами, Князьями Мстиславскимъ и Воротынскимъ: я не въ силахъ быть того свидѣтелемъ. А вы, уже давшіе клятву умереть за меня и за сына моего, вспомните оную, когда меня не будетъ; не допустите вѣроломныхъ извести Царевича: спасите его; бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ вамъ путь! . . . А вы, Захарьины, чего ужасаетесь? Поздно щадить вамъ мятежныхъ Бояръ: они не пощадятъ васъ; вы будете *первыми мертвецами*. И такъ явите мужество; умрите великодушно за моего сына и за мать его; не дайте жены моей на поруганіе измѣнникамъ!» Сіи слова произвели сильное дѣйствіе въ сердце Бояръ; они содрогнулись, и безмолвствуя вышли въ переднюю комнату, гдѣ Дьякъ Иванъ Михайловъ держалъ крестъ, а Князь Владиміръ Воротынскій стоялъ подлѣ него. Всѣ присягали въ тишинѣ и съ видомъ умиленія, моля Всевышняго, да спасетъ Іоанна, или да будетъ сынъ его подобенъ ему для счастія Россіи! Одинъ Князь Иванъ Пронскій-Турунтай, взглянувъ на Воротынскаго, сказалъ ему: «отецъ твой и ты самъ былъ первымъ измѣнникомъ по кончинѣ Великаго Князя Василія; а теперь приводишь насъ къ святому кресту!» Воротынскій отвѣчалъ ему спокойно: «да, я измѣнникъ, а требую отъ тебя клятвы быть вѣрнымъ Государю нашему и сыну его; ты правъ, а не хочешь дать ее!» Турунтай замѣшался и присягнулъ.

Но сей священный обрядъ не всѣхъ утвердилъ въ вѣрности. Князь Димитрій Палецкій, сватъ Государевъ, тесть Юрія, тогда же послалъ зятя своего, Василья Бороздина, къ Князю Владиміру Андреевичу и къ матери его, сказать имъ, что

г. 1553. если они дадутъ Юрію Удѣлъ, назначенный ему въ духовномъ завѣщаніи Великаго Князя Василія, то онъ (Палецкій) готовъ, вмѣстѣ съ другими, помогать имъ и возвести ихъ на престолъ (379)! Еще двое изъ Вельможъ оставались въ подозрѣніи: Князь Дмитрій Курлятевъ, другъ Алексѣя Адашева, и Казначей Никита Фуниковъ; они не были во дворцѣ за болѣзнію, но, по увѣренію доносителей, имѣли тайное сношеніе съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Курлятевъ на третій день, когда уже все затихло, велѣлъ нести себя во дворецъ и присягнулъ Димитрію: Фуниковъ также, но послѣдній. Самъ Князь Владиміръ Андреевичь обязался клятвенною грамотою *не думать о Царствѣ* и въ случаѣ Іоанновой кончины повиноваться Димитрію какъ своему законному Государю (380); а мать Владимірова долго не хотѣла приложить Княжеской печати къ сей грамотѣ; наконецъ исполнила рѣшительное требованіе Бояръ, сказавъ: «что значитъ присяга *невольная?*»

Сіи два дни смятенія и тревоги довели слабость болящаго до крайней степени; онъ казался въ усыпленіи, которое могло быть преддверіемъ смерти. Но дѣйствія Природы неизъяснимы: чрезвычайное напряженіе силъ иногда губитъ, иногда спасаетъ въ жестокомъ недугѣ. Въ какомъ волненіи была душа Іоаннова? Жизнь мила въ юности: его жизнь украшалась еще славою и всѣми лестными надеждами вѣнценосной добродѣтели. Въ кипѣніи силъ и чувствительности касаться гроба, падать съ престола въ могилу, видѣть страшное измѣненіе въ лицахъ: въ безмолвныхъ дотолѣ подданныхъ, въ усердныхъ любимцахъ непослушаніе, строптивость; Государю самовластному уже зависѣть отъ тѣхъ, коихъ судьба зависѣла прежде отъ его слова; смиренно молить ихъ, да спасутъ, хотя въ изгнаніи, жизнь и честь его семейства! Іоаннъ перенесъ ужасъ такихъ минутъ; огнь души усилилъ дѣятельность Природы, и болящій выздоровѣлъ, къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Хотя Князь Владиміръ Андреевичь и единомышленники его исполнили наконецъ волю Іоаннову и присягнули Димитрію; но могъ ли Самодержецъ забыть мятежъ ихъ и муку души своей, ими растерзанной въ минуты его боренія съ ужасами смерти?..

Что жь сдѣлалъ Іоаннъ (381)? всталъ съ одра исполненный милости ко всѣмъ Боярамъ, благоволенія и довѣренности г. 1553. къ прежнимъ друзьямъ и совѣтникамъ; далъ санъ Боярскій отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ опровергалъ Царское завѣщаніе (382); честилъ, ласкалъ Князя Владиміра Андреевича; однимъ словомъ, не хотѣлъ помнить, что случилось въ болѣзнь его, и казался только признательнымъ къ Богу за свое чудесное исцѣленіе!

Такова была наружность; но въ сердцѣ осталась рана опасная. Іоанну внушали, что не только Сильвестръ, но и юный Адашевъ тайно держалъ сторону Князя Владиміра (383). Не сомнѣваясь въ ихъ усердіи ко благу Россіи, онъ началъ сомнѣваться въ ихъ личной привязанности къ нему; *уважая* того и другаго, простылъ къ нимъ въ *любви;* обязанный имъ главными успѣхами своего царствованія, страшился быть неблагодарнымъ, и соблюдалъ единственно пристойность: шесть лѣтъ усердно служивъ добродѣтели и вкусивъ всю ея сладость, не хотѣлъ измѣнить ей, не мстилъ никому явно, но съ усиліемъ, которое могло ослабѣть въ продолженіе времени. Всего хуже было то, что супруга Іоаннова, дотолѣ согласно съ Адашевымъ и Сильвестромъ питавъ въ немъ любовь къ святой нравственности, отдѣлилась отъ нихъ тайною непріязнію (384), думая, что они имѣли намѣреніе пожертвовать ею, сыномъ ея и братьями выгодамъ своего особеннаго честолюбія. Анастасія способствовала, какъ вѣроятно, остудѣ Іоаннова сердца къ друзьямъ. Съ сего времени онъ непріятнымъ образомъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость (385), и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними, дѣлать по-своему: въ чемъ, какъ пишутъ, еще болѣе утвердило Царя слѣдующее происшествіе.

Путешествіе Іоанново въ Кирилловъ монастырь. Исполняя обѣтъ, данный имъ въ болѣзни, Іоаннъ объявилъ намѣреніе ѣхать въ монастырь Св. Кирилла Бѣлозерскаго вмѣстѣ съ Царицею и сыномъ. Сіе отдаленное путешествіе казалось нѣкоторымъ изъ его ближнихъ совѣтниковъ неблагоразумнымъ: представляли ему, что онъ еще не совсѣмъ укрѣпился въ силахъ; что дорога можетъ быть вредна и для младенца Димитрія; что важныя дѣла, въ особенности бунты Казанскіе, требуютъ его присутствія въ столицѣ. Государь не слушалъ сихъ представленій и поѣхалъ сперва въ Обитель Св. Сергія. Тамъ, въ старости, тишинѣ и Мая. молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ,

г. 1553. сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ (386), но освобожденный Іоанномъ какъ невинный страдалецъ. Царь посѣтилъ келлію сего добродѣтельнаго мужа, который, бесѣдуя съ нимъ, началъ говорить объ его путешествіи. «Государь!» сказалъ Максимъ, вѣроятно по внушенію Іоанновыхъ совѣтниковъ: «пристойно ли тебѣ скитаться по дальнимъ монастырямъ съ юною супругою и съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно искать только въ пустыняхъ: весь міръ исполненъ Его. Если желаешь изъявить ревностную признательность къ Небесной благости, то благотвори на престолѣ. Завоеваніе Казанскаго Царства, счастливое для Россіи, было гибелію для многихъ Христіанъ; вдовы, сироты, матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь ихъ своею милостію. Вотъ дѣло Царское» (387)! Іоаннъ не хотѣлъ отмѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ, какъ увѣряютъ, велѣлъ сказать ему чрезъ Алексѣя Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичь Димитрій будетъ жертвою его упрямства. Іоаннъ не испугался пророчества: поѣхалъ въ Дмитровъ, въ Пѣсношскій Николаевскій монастырь, оттуда на судахъ рѣками Яхромою, Дубною, Волгою, Шексною въ Обитель Св. Кирилла, и возвратился чрезъ Ярославль и Ростовъ въ Москву безъ сына: предсказаніе Максимово сбылося: Димитрій скончался въ дорогѣ (388). — Но важнѣйшимъ обстоятельствомъ сего, такъ называемаго *Кирилловскаго ѣзда* было Іоанново свиданіе въ монастырѣ Пѣсношскомъ, на берегу Яхромы, съ бывшимъ Коломенскимъ Епископомъ Вассіаномъ, который пользовался нѣкогда особенною милостію Великаго Князя Василія, но въ Боярское правленіе лишился Епархіи за свое лукавство и жестокосердіе (389). Маститая старость не смягчила въ немъ души: склоняясь къ могилѣ, онъ еще питалъ мірскія страсти въ груди, злобу, ненависть къ Боярамъ. Іоаннъ желалъ лично узнать человѣка, заслужившаго довѣренность его родителя; говорилъ съ нимъ о временахъ Василія и требовалъ у него совѣта, какъ лучше править Государствомъ. Вассіанъ отвѣтствовалъ ему на ухо: «Если хочешь быть истиннымъ Самодержцемъ, то не имѣй совѣтниковъ мудрѣе себя; держись правила, что ты долженъ учить, а не учиться — повелѣвать, а не слушаться. Тогда будешь твердъ на Царствѣ и грозою Вельможъ. Совѣтникъ мудрѣйшій Государя неминуемо овладѣетъ имъ.» Сіи ядовитыя слова проникли во глубину Іоаннова сердца. Схвативъ и поцѣловавъ Вассіанову руку, онъ съ живостію сказалъ: *самъ отецъ мой не далъ бы мнѣ лучшаго совѣта!* . . . «Нѣтъ, Государь! могли бы мы возразить ему: нѣтъ! совѣтъ, тебѣ данный, внушенъ духомъ лжи, а не истины. Царь долженъ не властвовать только, но властвовать благодѣтельно: его мудрость, какъ человѣческая, имѣетъ нужду въ пособіи другихъ умовъ, и тѣмъ превосходнѣе въ глазахъ народа, чѣмъ мудрѣе совѣтники, имъ выбираемые. Монархъ, опасаясь *умныхъ*, впадетъ въ руки *хитрыхъ*, которые въ угодность ему притворятся даже глупцами; не плѣняя въ немъ разума, плѣнятъ страсть, и поведутъ его къ своей цѣли. Цари должны опасаться не мудрыхъ, а коварныхъ или безсмысленныхъ совѣтниковъ.» Съ такими или подобными разсужденіями описываетъ Князь Курбскій злую бесѣду старца Вассіана, которая, по его увѣренію, растлила душу юнаго Монарха.

Іюнь. Смерть Царевича Димитрія.

Важная бесѣда Іоанна съ бывшимъ Епископомъ Вассіаномъ.

Но еще долгое время онъ не перемѣнялся *явно*: чтилъ мужей добролюбивыхъ, съ уваженіемъ слушалъ наставленія Сильвестровы, ласкалъ Адашева, и далъ ему санъ Окольничаго (390), употребляя его, вмѣстѣ съ Дьякомъ Михайловымъ, въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней Политики. Чрезъ девять мѣсяцевъ утѣшенный рожденіемъ втораго сына, Іоанна (391), Государь въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи показалъ величайшую довѣренность къ брату, Князю Владиміру Андреевичу: объявилъ его, въ случаѣ своей смерти, не только опекуномъ юнаго Царя, не только Государственнымъ Правителемъ, но и наслѣдникомъ Трона, если Царевичь Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ; а Князь Владиміръ далъ клятву быть вѣрнымъ совѣсти и долгу, не щадить ни самой матери, Княгини Евфросиніи, если бы она замыслила какое зло противъ Анастасіи или сына ея; не знать ни мести, ни пристрастія въ дѣлахъ государственныхъ, не вершить оныхъ безъ вѣдома Царицы, Митрополита, Думныхъ Совѣтниковъ, и не держать у себя въ Московскомъ домѣ болѣе ста воиновъ (392). — Въ самыхъ справедливыхъ наказаніяхъ Государь, какъ и прежде, слѣдовалъ движеніямъ милосердія; на примѣръ: Князь Симеонъ Ростовскій, знат-

Рожденіе Царевича Іоанна.

г. 1553. Бѣгство Князя Ростовскаго.

ный Вельможа, оказавъ себя въ болѣзнь Государя противникомъ его воли, не могъ быть спокоенъ духомъ; не вѣрилъ наружной тихости Іоанновой, мучился страхомъ, вздумалъ бѣжать въ Литву съ братьями и племянниками; сносился съ Королемъ Августомъ, съ Литовскими Думными Панами, открывалъ имъ государственныя тайны, давалъ вредные для насъ совѣты, чернилъ Царя и Россію. Онъ послалъ къ Королю своего ближняго, Князя Никиту Лобанова-Ростовскаго: его остановили въ Торопцѣ, допросили, узнали измѣну; и Князь Симеонъ, взятый подъ стражу, самъ во всемъ признался, извиняясь скудостію и малоуміемъ. Бояре единогласно осудили преступника на смертную казнь; но Государь, внявъ моленію Духовенства, смягчилъ рѣшеніе суда: Князя Симеона *выставили на позоръ* и заточили на Бѣлоозеро (393). — Въ дѣлѣ инаго рода оказалось

Ересь.

также милосердіе Іоанново: Донесли Государю, что возникаетъ опасная ересь въ Москвѣ; что нѣкто Матвѣй Башкинъ проповѣдуетъ ученіе совсѣмъ не-Христіанское, отвергаетъ таинства нашей Вѣры, Божественность Христа, дѣянія Соборовъ и святость Угодниковъ Божіихъ. Его взяли въ допросъ: онъ заперся, называя себя истиннымъ Христіаниномъ; но посаженный въ темницу, началъ тосковать, открылъ ересь свою ревностнымъ Инокамъ Іосифовскаго монастыря, Герасиму и Филоѳею; самъ описалъ ее, наименовалъ единомышленниковъ, Ивана и Григорья Борисовыхъ, Монаха Бѣлобаева и другихъ; сказалъ, что развратителями его были Католики, Аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣевъ; что какіе-то Заволжскіе Старцы въ искренней бесѣдѣ съ нимъ объявили ему такое же мнѣніе о Христѣ и Святыхъ; что будто бы Рязанскій Епископъ Кассіанъ благопріятствовалъ ихъ заблужденію, и проч. (394). Царь и Митрополитъ, Соборомъ уличивъ еретиковъ, не хотѣли употребить жестокой казни: осудили ихъ единственно на заточеніе, да не сѣютъ соблазна между людьми; а Епископа Кассіана, разбитаго параличемъ, отставили.

Доказавъ, что болѣзнь и горестныя ея слѣдствія не ожесточили его сердца — что онъ умѣетъ быть выше обыкновенныхъ страстей человѣческихъ и забывать личныя, самыя чувствительныя

г. 1553 — 1557.

оскорбленія — Іоаннъ съ прежнею ревностію занялся дѣлами государственными, изъ коихъ главнымъ было тогда усмиреніе завоеваннаго имъ Царства.

Усмиреніе мятежей въ Казанской земли.

Онъ послалъ Данила Адашева, брата Алексѣева, съ Дѣтьми Боярскими и съ Вятчанами на Каму (395); а знаменитыхъ доблестію Воеводъ, Князя Симеона Микулинскаго, Ивана Шереметева и Князя Андрея Михайловича Курбскаго въ Казань со многими полками. Они выступили зимою, въ самые жестокіе морозы; воевали цѣлый мѣсяцъ въ окрестностяхъ Камы и Меши; разорили тамъ новую крѣпость, сдѣланную мятежниками; ходили за Ашитъ, Уржумъ, до самыхъ Вятскихъ и Башкирскихъ предѣловъ; сражались ежедневно, въ дикихъ лѣсахъ, въ снѣжныхъ пустыняхъ; убили 10,000 непріятелей и двухъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Князя Янчуру Измаильтянина и богатыря Черемисскаго Алеку; взяли въ плѣнъ 6000 Татаръ, а женъ и дѣтей 15,000. Князья Иванъ Мстиславскій и Михайло Васильевичь Глинскій воевали Луговую Черемису, захватили 1600 именитыхъ людей, Князей, Мурзъ, чиновниковъ Татарскихъ, и всѣхъ умертвили (396). Воеводы и сановники, дѣйствуя ревностно, неутомимо, получили отъ Государя *золотыя медали,* лестную награду сего времени: ими витязи украшали грудь свою вмѣсто нынѣшнихъ крестовъ Орденскихъ (397). — Еще бунтъ не угасалъ; еще бѣглецы Казанскіе укрывались въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ, вездѣ волнуя народъ, грабили, убивали нашихъ купцевъ и рыболововъ на Волгѣ: строили крѣпости; хотѣли возстановить свое Царство. Одинъ изъ Луговыхъ Сотниковъ, Мамичь Бердей, призвавъ какого-то Ногайскаго Князя, далъ ему имя Царя, но самъ умертвилъ его какъ неспособнаго и малодушнаго: отрубивъ ему голову, взоткнулъ ее на высокое дерево и сказалъ: «Мы взяли тебя на Царство для войны и побѣды; а ты съ своею дружиною умѣлъ только объѣдать насъ! Теперь да царствуетъ голова твоя на высокомъ престолѣ» (398)! Сего опаснаго мятежника Горные жители заманили въ сѣти: дружелюбно звали къ себѣ на пиръ, схватили и отослали въ Москву: за что Государь облегчилъ ихъ въ налогахъ. Нѣсколько разъ земля Арская присягала и снова измѣняла: Луговая же долѣе всѣхъ упорствовала въ мятежѣ. Россіяне пять лѣтъ не опускали меча: жгли и рѣзали. Безъ пощады губя вѣроломныхъ, Іоаннъ награждалъ вѣрныхъ: многіе Казанцы добро-

г. 1533—1557. вольно крестились; другіе, не оставляя Закона отцевъ своихъ, вмѣстѣ съ первыми служили Россіи. Имъ давали землю, пашню, луга и все нужное для хозяйства. Наконецъ усилія бунтовщиковъ ослабѣли; вожди ихъ погибли всѣ безъ исключенія, крѣпости были разрушены, другія (Чебоксары, Лаишевъ) вновь построены нами и заняты Стрѣльцами. Вотяки, Черемисы, самые отдаленные Башкирцы приносили дань, требуя милосердія. Весною въ 1557 году Іоаннъ въ сію несчастную землю, наполненную пепломъ и могилами, послалъ Стряпчаго, Семена Ярцова, съ объявленіемъ, что ужасы ратные миновались, и что народы ея могутъ благоденствовать въ тишинѣ какъ вѣрные подданные Бѣлаго Царя. Онъ милостиво принялъ въ Москвѣ ихъ Старѣйшинъ и далъ имъ жалованныя грамоты.

Съ того времени Казань сдѣлалась мирною собственностію Россіи, сохраняя имя Царства въ титулѣ нашихъ Монарховъ. Учрежденіе Епархіи Казанской. Іоаннъ въ 1553 году Соборомъ Духовенства уставилъ для ея новыхъ Христіанъ особенную Епархію; далъ ей Архіепископа, уступающаго въ старѣйшинствѣ одному Новогородскому Владыкѣ; подчинилъ его духовному вѣдомству Свіяжскъ, Васильгородъ и Вятку; опредѣлилъ въ жалованье на церковные расходы десятину изъ доходовъ Казанскихъ ([399]). Первымъ Святителемъ былъ тамъ Гурій, Игуменъ Селижарова монастыря. Съ какою ревностію сей добродѣтельный мужъ, причисленный нашею Церковію къ лику Угодниковъ Божіихъ, насаждалъ въ своей паствѣ Вѣру Спасителеву, средствами истинно Христіанскими, ученіемъ любви и кротости: съ такимъ усердіемъ Намѣстникъ Государевъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, образовалъ сей новый край въ гражданскомъ порядкѣ, изглаждая слѣды опустошеній, водворяя спокойствіе, оживляя торговлю и земледѣліе. Села Царскія и Княжескія были отданы Архіепископу, монастырямъ и Дѣтямъ Боярскимъ ([400]).

Покореніе Царства Астраханскаго. Совершилось и другое, менѣе трудное, но также славное завоеваніе. Издревле, еще до начала Державы Россійской, при устьѣ Волги существовалъ городъ Козарскій, знаменитый торговлею, Атель или Балангіаръ ([401]); въ XIII вѣкѣ онъ принадлежалъ Аланамъ, именуемый Сумеркентомъ ([402]), а въ нашихъ лѣтописяхъ сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ *Асторокани*, будучи владѣніемъ Золотой Орды, и со времени ея паденія столицею особенныхъ Хановъ, единоплеменныхъ съ Ногайскими Князьями. Тѣснимые Черкесами, Крымцами, сіи Ханы слабые, невоинственные, искали всегда нашего союза, и послѣдній изъ нихъ, Ямгурчей, хотѣлъ даже, какъ мы видѣли ([403]), быть данникомъ Іоанновымъ, по, обольщенный покровительствомъ Султана, обманулъ Государя: присталъ къ Девлетъ-Гирею и къ Юсуфу, Ногайскому Князю, отцу Сююнбекину, который возненавидѣлъ Россію за плѣнъ его дочери и внука, сверженнаго нами съ престола Казанскаго. Посла Московскаго обезчестили въ Астрахани и держали въ неволѣ ([404]): Государь воспользовался симъ случаемъ, чтобы, по мнѣнію тогдашнихъ *книжниковъ*, возвратить Россіи ея древнее достояніе, гдѣ будто бы княжилъ нѣкогда сынъ Св. Владиміра, Мстиславъ: ибо они считали *Астрахань* древнимъ *Тмуторокане мъ*, основываясь на сходствѣ имени ([405]). Мурзы Ногайскіе, Исмаилъ и другіе, непріятели Юсуфовы, утверждали Іоанна въ семъ намѣреніи: молили его, чтобы онъ далъ Астрахань изгнаннику Дербышу, ихъ родственнику, бывшему тамъ Царемъ прежде Ямгурчея, и хотѣли помогать намъ всѣми силами ([406]). Государь, призвавъ Дербыша изъ Ногайскихъ Улусовъ, весною въ 1554 году послалъ съ нимъ на судахъ войско, не многочисленное, но отборное: оно состояло изъ Царскихъ Дворянъ, Жильцовъ, лучшихъ Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ, Козаковъ, Вятчанъ. Предводителями были Князь Юрій Ивановичь Пронскій-Шемякинъ и Постельничій Игнатій Вешняковъ, мужъ отлично храбрый ([407]). 29 Іюня достигнувъ Переволоки, Шемякинъ отрядилъ впередъ Князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова встрѣтилъ и побилъ нѣсколько сотъ Астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашей силѣ. Узнали отъ плѣнниковъ, что Ямгурчей стоитъ пять верстъ ниже города, а Татары засѣли на островахъ, въ своихъ Улусахъ. Россіяне плыли мимо столицы Батыевой, Сарая, гдѣ 200 лѣтъ Государи наши унижались предъ Ханами Золотой Орды; но тамъ были уже однѣ развалины! Видѣть, во время славы, памятники минувшаго стыда легче, нежели во время уничиженія видѣть памятники минувшей славы! . . . Въ сей нѣкогда ужасной странѣ, *полной мечей и копій*, обитала

г. 1555 — 1557. тогда безоружная, мирная робость: все бѣжало — и граждане и Царь. Шемякинъ 2 Іюля вступилъ въ безлюдную Астрахань; а Князь Вяземскій нашелъ въ Ямгурчеевомъ станѣ не мало кинутыхъ пушекъ и пищалей. Гнались за бѣгущими во всѣ стороны, до Бѣлаго озера и Тюмени: однихъ убивали, другихъ вели въ городъ, чтобы дать подданныхъ Дербышу, объявленному Царемъ въ пустынной столицѣ. Ямгурчей съ двадцатью воинами ускакалъ въ Азовъ. Настигли только женъ и дочерей его ([408]); также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые всѣ хотѣли служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя единственно жизни и свободы личной. Ихъ представили новому Царю: онъ велѣлъ имъ жить въ городѣ, распустивъ народъ по Улусамъ. Князей и Мурзъ собралося пять сотъ, а простыхъ людей десять тысячь. Они вмѣстѣ съ Дербышемъ клялися въ томъ, чтобы повиноваться Іоанну какъ верховному своему Властителю, присылать ему 40 тысячь алтынъ и 3 тысячи рыбъ, какъ ежегодную дань, а въ случаѣ Дербышевой смерти нигдѣ не искать себѣ Царя, но ждать, кого Іоаннъ или наслѣдники его пожалуютъ имъ въ Правители. Въ клятвенной грамотѣ, скрѣпленной печатями, сказано было, что Россіяне могутъ свободно ловить рыбу отъ Казани до моря, вмѣстѣ съ Астраханцами, *безданно* и *безъявочно*. — Учредивъ порядокъ въ землѣ, оставивъ у Дербыша Козаковъ (съ Дворяниномъ Тургеневымъ) для его безопасности и для присмотра за нимъ, Князь Шемякинъ и Вешняковъ возвратились въ Москву съ пятью взятыми въ плѣнъ Царицами и съ великимъ числомъ освобожденныхъ Россіянъ, бывшихъ невольниками въ Астраханскихъ Улусахъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ успѣхѣ Государь получилъ 29 Августа, въ день своего рожденія, празднуя его въ селѣ Коломенскомъ съ Митрополитомъ и со всѣмъ Дворомъ ([409]): изъявилъ живѣйшую радость; уставилъ церковное молебствіе; милостиво наградилъ Воеводъ; встрѣтилъ плѣнныхъ Царицъ съ великою честію и въ удовольствіе Дербышу отпустилъ назадъ въ Астрахань, кромѣ младшей изъ нихъ, которая на пути родила сына и вмѣстѣ съ нимъ крестилась въ Москвѣ; сына назвали *Царевичемъ Петромъ*, а мать Іуліаніею, и Государь женилъ на ней своего именитаго Дворянина, Захарію Плещеева ([410]). — Не долго Астрахань была еще особеннымъ Царствомъ: скоро вѣроломство Дербыша доказала необходимость учредить въ ней Россійское правительство: ибо нѣтъ надежной средины между независимостію и совершеннымъ подданствомъ Державы. Мужествомъ нашихъ Козаковъ отразивъ изгнанника Ямгурчея, хотѣвшаго завоевать Астрахань съ помощію Крымцевъ и сыновей Ногайскаго Князя Юсуфа, Дербышъ замыслилъ измѣну: не смотря на то, что Государь снисходительно уступилъ его народу всю дань перваго года, онъ тайно сносился съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, взявъ къ себѣ Царевича Крымскаго Казбулата въ должность Калги ([411]). Голова Стрѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, съ новою воинскою дружиною былъ посланъ обличить и наказать измѣнника. Дербышъ снялъ съ себя личину, вывелъ всѣхъ жителей изъ города, соединился съ толпами Ногайскими, Крымскими, и дерзко началъ войну, ободренный малочисленностію Россіянъ. Но у насъ былъ искренній, ревностный другъ: Князь Ногайскій Исмаилъ, своимъ ходатайствомъ доставивъ престолъ сему неблагодарному, помогъ Черемисинову — и Дербышъ, разбитый на голову (въ 1557 году), по слѣдамъ Ямгурчея бѣжалъ въ Азовъ ([412]). Тогда всѣ жители, удостовѣренные въ безопасности, возвратились въ городъ и въ окрестные Улусы, дали присягу Россіи, и не думали уже измѣнять, довольные своимъ жребіемъ подъ властію великой Державы, которой сила могла быть имъ защитою отъ Тавриды и Ногаевъ. Черемисиновъ утвердилъ за ними прежнюю собственность: острова, пашни; обложилъ всѣхъ данію легкою, наблюдалъ справедливость, пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность; однимъ словомъ, устроилъ все наилучшимъ образомъ для пользы жителей и Россіи.

Съ того времени Государь въ подписи своихъ грамотъ началъ означать лѣта Казанскаго и Астраханскаго завоеваній ([413]), коихъ эпоха есть безъ сомнѣнія самая блестящая въ нашей Исторіи среднихъ вѣковъ. Громкое имя *покорителя Царствъ* дало Іоанну, въ глазахъ Россіянъ-современниковъ, безпримѣрное величіе и возвысило ихъ государственное достоинство, плѣняя честолюбіе, питая гордость народную, удивительную для иноземцевъ, которые не понимали ся причины, ибо видѣли только гражданскіе недостатки наши въ сравненіи

г. 1553 —1557. съ другими Европейскими народами, и не сравнивали Россіи Василія Темнаго съ Россіею Іоанна IV: первый имѣлъ только 1500 воиновъ для ея защиты ([414]), а вторый взялъ чуждое Царство отрядомъ легкаго войска, не трогая своихъ главныхъ полковъ. Между сими происшествіями минуло едва столѣтіе, и народъ могъ естественно возгордиться столь быстрыми шагами къ величію. Не только иноземцы, но и мы сами не оцѣнимъ справедливо государственныхъ успѣховъ древней Россіи, если не вникнемъ въ обстоятельства тѣхъ временъ, не поставимъ себя на мѣстѣ предковъ и не будемъ смотрѣть ихъ глазами на вещи и дѣянія, безъ обманчиваго сображенія съ новѣйшими временами, когда все измѣнилось, умножились средства, прозябли сѣмена и насажденія. Великія усилія раждаютъ великое: а въ твореніяхъ государственныхъ начало едва ли не труднѣе совершенія.

Кромѣ славы и блеска, Россія, примкнувъ свои владѣнія къ морю Каспійскому, открыла для себя новые источники богатства и силы; ея торговля и политическое вліяніе распространились. Звукъ оружія изгналъ чужеземныхъ купцевъ изъ Астрахани: спокойствіе и тишина возвратили ихъ. Они пріѣхали изъ Шамахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика, со всякими товарами, весьма охотно платя въ Государеву казну уставленную пошлину. *Цари* Хивинскій и Бухарскій прислали своихъ знатныхъ людей въ Москву съ дарами, желая благоволенія Іоаннова и свободной торговли въ Россіи ([415]). Земля Шавкалская, Тюменская, Грузинская хотѣли быть въ нашемъ подданствѣ. Князья Черкесскіе, присягнувъ Государю въ вѣрности, требовали, чтобы онъ помогъ имъ воевать Султанскія владѣнія и Тавриду ([416]). Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Султанъ въ мирѣ съ Россіею, но что мы всѣми силами будемъ оборонять ихъ отъ Хана Девлетъ-Гирея. Вѣра Спасителева, насажденная между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ въ самыя древнія времена Имперіи Византійской, еще не совсѣмъ угасла въ сихъ странахъ; оставались ея темныя преданія и нѣкоторые обряды ([417]): извѣстность и могущество Россіи оживляли тамъ память Христіанства и любовь къ оному. Князья крестили дѣтей своихъ въ Москвѣ, отдавали ихъ на воспитаніе Царю, — нѣкоторые сами крестились.

Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское.

Подданство Черкесовъ.

Сынъ Князя Сибока, Кудадекъ-Александръ, и Темрюковъ, Салтанукъ Михаилъ, учились грамотѣ во дворцѣ Кремлевскомъ вмѣстѣ съ Сююнбекинымъ сыномъ. — Признательный къ усердію союзныхъ съ нами Ногаевъ, Государь позволилъ имъ кочевать въ зимнее время близъ самой Астрахани: они мирно и спокойно въ ней торговали. Князь Исмаилъ, убивъ своего брата, Юсуфа, писалъ къ Іоанну изъ городка Сарайчика ([418]): «Врага твоего уже нѣтъ на свѣтѣ, племянники и дѣти мои единодушно *дали мнѣ поводы уздъ своихъ:* я властвую надо всѣми Улусами.» Онъ совѣтовалъ Россіянамъ основать крѣпость на Переволокѣ, а другую на Иргизѣ (въ нынѣшней Саратовской Губерніи), гдѣ скитались нѣкоторые бѣглые Ногайскіе Мурзы, не хотѣвшіе ему повиноваться и быть намъ друзьями. Утверждая пріязнь дарами и ласками, Государь однакожь не дозволялъ Исмаилу въ шертныхъ грамотахъ называться ни *отцемъ* его, ни *братомъ*, считая то унизительнымъ для Россійскаго Монарха ([419]).

Дружба съ Ногаями.

Слухъ о нашихъ завоеваніяхъ проникъ и въ отдаленную Сибирь, коей имя, означая тогда единственно среднюю часть нынѣшней Тобольской Губерніи, было давно извѣстно въ Москвѣ отъ нашихъ Югорскихъ и Пермскихъ данниковъ. Тамъ господствовали Князья Могольскіе, потомки Батыева брата Сибана или Шибана ([420]). Вѣроятно, что они и прежде имѣли сношенія съ Россіею, и даже признали себя въ нѣкоторой зависимости отъ сильнаго ея Царя: Іоаннъ уже въ 1554 году именовался въ грамотахъ Властителемъ Сибири ([421]); но лѣтописи молчатъ о томъ до 1555 года: въ сіе время Князь Сибирскій, Едигеръ, прислалъ двухъ чиновниковъ въ Москву поздравить Государя со взятіемъ Казани и Астрахани ([422]). Дѣло шло не объ одной учтивости: Едигеръ вызвался платить дань Россіи, съ условіемъ, чтобы мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли. Государь увѣрилъ Пословъ въ своей милости, взялъ съ нихъ клятву въ вѣрности и далъ имъ *жалованную грамоту*. Они сказали, что въ Сибири 30,700 жителей: Едигеръ хотѣлъ съ каждаго человѣка давать намъ ежегодно по соболю и бѣлкѣ. Сынъ Боярскій, Дмитрій Куровъ, поѣхалъ въ Сибирь, чтобы обязать присягою Князя и народъ; возвратился въ концѣ 1556 года съ новымъ Посломъ Едигеровымъ,

Дань Сибирская.

г.1553 —1557. и, вмѣсто обѣщанныхъ *тридцати тысячь*, привезъ только 700 соболей. Едигеръ писалъ, что земля его, разоренная Шибанскимъ Царевичемъ, не можетъ дать болѣе; но Куровъ говорилъ противное, и Царь велѣлъ заключить Посла Сибирскаго. Наконецъ, въ 1558 году, Едигеръ доставилъ въ Москву дань полную, съ увѣреніемъ, что будетъ впредь исправнымъ плательщикомъ ([423]). Такимъ образомъ Россія открыла себѣ путь къ неизмѣримымъ пріобрѣтеніямъ на Сѣверѣ Азіи, неизвѣстномъ дотолѣ ни Историкамъ, ни Географамъ образованной Европы.

Прибытіе Англійскихъ кораблей въ Россію.

Сіе достопамятное время Іоаннова царствованія прославилось еще тѣснымъ союзомъ Россіи съ одною изъ знаменитѣйшихъ Державъ Европейскихъ, которая была внѣ ея политическаго горизонта, едва знала объ ней по слуху, и вдругъ, нечаянно, нашла доступъ къ самымъ отдаленнымъ, всѣхъ менѣе извѣстнымъ странамъ Государства Іоаннова, чтобы съ великою выгодою для себя дать намъ новыя средства обогащенія, новые способы гражданскаго образованія. Еще Англія не была тогда первостепенною морскою Державою, но уже стремилась къ сей цѣли, соревнуя Испаніи, Португалліи, Венеціи и Генуѣ; хотѣла проложить путь въ Китай, въ Индію Ледовитымъ моремъ, и весною въ 1553 году, въ царствованіе юнаго Эдуарда VI, послала три корабля въ Океанъ Сѣверный. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Капитанъ Ченселеръ. Разлученные бурею, сіи корабли уже не могли соединиться; два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской Лапландіи, въ пристани Арцинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣми людьми своими: зимою, въ 1554 году, рыбаки Лапландскіе нашли его мертваго, сидящаго въ шалашѣ за своимъ Журналомъ ([424]). Но Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до Бѣлаго моря; 24 Августа, 1553 года, вошелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу, гдѣ былъ тогда монастырь Св. Николая, и гдѣ послѣ основанъ городъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей, изумленныхъ явленіемъ большаго корабля; свѣдали отъ нихъ, что сей берегъ есть Россійскій; сказали, что имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо къ Царю и желаютъ завести съ нами торговлю ([425]). Давъ имъ съѣстные припасы, начальники Двинской земли, немедленно отправили гонца къ Іоанну, который тотчасъ понялъ важность сего случая, благопріятнаго для успѣховъ нашей торговли, — велѣлъ Ченселеру быть въ Москву и доставилъ ему всѣ возможныя удобности въ пути. Представленные Государю, Англичане съ удивленіемъ видѣли, по ихъ словамъ, *безпримѣрное* великолѣпіе его Двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ Бояръ въ златыхъ одеждахъ, блестящій тронъ, и на немъ юнаго Самодержца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ ([426]). Ченселеръ подалъ слѣдующую грамоту Эдуардову, писанную на разныхъ языкахъ *ко всѣмъ Сѣвернымъ и Восточнымъ* Государямъ:

«Эдуардъ VI вамъ, Цари, Князья, Властители, судіи земли, во всѣхъ странахъ подъ солнцемъ, желаетъ мира, спокойствія, чести, вамъ и странамъ вашимъ! Господь всемогущій даровалъ человѣку сердце дружелюбное, да благотворитъ ближнимъ и въ особенности странникамъ, которые, пріѣзжая къ намъ изъ мѣстъ отдаленныхъ, ясно доказываютъ тѣмъ превосходную любовь свою къ братскому общежитію. Такъ думали отцы наши, всегда гостепріимные, всегда ласковые къ иноземцамъ, требующимъ покровительства. Всѣ люди имѣютъ право на гостепріимство, но еще болѣе купцы, презирая опасности и труды, оставляя за собою моря и пустыни, для того, чтобы благословенными плодами земли своей обогатить страны дальнія и взаимно обогатиться ихъ произведеніями: ибо Господь вселенныя разсѣялъ дары Его благости, чтобы народы имѣли нужду другъ въ другѣ, и чтобы взаимными услугами утверждалась пріязнь между людьми. Съ симъ намѣреніемъ нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ предпріяли дальнее путешествіе моремъ, и требовали отъ насъ согласія. Исполняя ихъ желаніе, мы позволили мужу достойному, Гугу Виллоби, и товарищамъ его, нашимъ вѣрнымъ слугамъ, ѣхать въ страны, донынѣ неизвѣстныя, и мѣняться съ ними избыткомъ: брать, чего не имѣемъ, и давать, чѣмъ изобилуемъ, для обоюдной пользы и дружества. И такъ молимъ васъ, Цари, Князья, Властители, чтобы вы свободно пропустили сихъ людей чрезъ свои земли: ибо они не коснутся ничего безъ вашего дозволенія. Не забудьте человѣчества. Великодушно помогите имъ въ нуждѣ, и пріимите отъ

г. 1553—1557. нихъ, чѣмъ могутъ вознаградить васъ. Поступите съ ними, какъ хотите, чтобы мы поступили съ вашими слугами, если они когда-нибудь къ намъ заѣдутъ. А мы клянемся Богомъ, Господомъ всего сущаго на небесахъ, на землѣ и въ морѣ, клянемся жизнію и благомъ нашего Царства, что всякаго изъ вашихъ подданыхъ встрѣтимъ какъ единоплеменника и друга, изъ благодарности за любовь, которую окажете нашимъ. За симъ молимъ Бога Вседержителя, да сподобитъ васъ земнаго долголѣтія и мира вѣчнаго. Дано въ Лондонѣ, нашей столицѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5517, Царствованія нашего въ 7» (427).

Англичане, принятые милостиво, обѣдали у Государя въ Золотой Палатѣ, и съ новымъ изумленіемъ видѣли пышность Царскую. Гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда ста-пятидесяти слугъ также сіяла золотомъ (428). — Послѣ сего Ченселеръ имѣлъ переговоры съ Боярами, и былъ весьма доволенъ оными. Его немедленно отпустили назадъ (въ Февралѣ 1554 года) съ отвѣтомъ Іоанновымъ. Царь писалъ къ Эдуарду, что онъ, искренно желая быть съ нимъ въ дружбѣ, согласно съ ученіемъ Вѣры Христіанской, съ правилами истинной науки государственной и съ лучшимъ его разумѣніемъ, готовъ сдѣлать все ему угодное; что, принявъ ласково Ченселера, также же приметъ и Гуга Виллоби, если сей послѣдній будетъ у насъ; что дружба, защита, свобода и безопасность ожидаютъ Англійскихъ Пословъ и купцевъ въ Россіи (429). — Эдуарда не стало: Марія царствовала въ Англіи, и Ченселеръ, вручивъ ей Іоаннову грамоту съ Нѣмецкимъ переводомъ, произвелъ своими вѣстями живѣйшую радость въ Лондонѣ. Всѣ говорили о Россіи какъ о *вновь открытой* землѣ; хотѣли знать ея любопытную Исторію, Географію, и немедленно составилось общество купцевъ для торговли съ нею. Въ 1555 году Ченселеръ вторично отправился къ намъ на двухъ корабляхъ съ повѣренными сего общества, Греемъ и Киллингвортомъ (430), чтобы заключить торжественный договоръ съ Царемъ, коему Марія и супругъ ея, Филиппъ, письменно изъявили благодарность въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Іоаннъ съ новою милостію принялъ Ченселера и его товарищей въ Москвѣ; обѣдая съ ними, обыкновенно сажалъ ихъ передъ собою; говорилъ ласково, и называлъ Королеву Марію любезнѣйшею сестрою. Учредили особенный Совѣтъ для разсмотрѣнія правъ и вольностей, коихъ требовали Англичане: въ немъ присутствовали и купцы Московскіе. Положили, что главная мѣна товаровъ будетъ въ Колмогорахъ, осенью и зимою; что цѣны остаются произвольными, но что всякіе обманы въ куплѣ судятся какъ уголовное преступленіе. Іоаннъ далъ наконецъ торговую жалованную грамоту Англичанамъ, уставивъ въ ней, что они могутъ свободно купечествовать во всѣхъ городахъ Россіи, безъ всякаго стѣсненія, и не платя никакой пошлины — вездѣ жить, имѣть домы, лавки — нанимать слугъ, работниковъ и брать съ нихъ присягу въ вѣрности; что за всякую вину отвѣтствуетъ только виновный, а не общество; что Государь, какъ законный судія, имѣетъ право отнять у преступника честь и жизнь, но не касается имѣнія; что они изберутъ Старѣйшину для разбора ссоръ и тяжбъ между ими; что Намѣстники Государевы обязаны дѣятельно помогать ему въ случаѣ нужды для усмиренія ослушныхъ и давать орудія казни; что не льзя взять Англичанина подъ стражу, если Старѣйшина объявитъ себя его порукою; что Правительство немедленно удовлетворяетъ ихъ жалобамъ на Россіянъ и строго казнитъ обидчиковъ (431). — Главными изъ товаровъ, привезенныхъ Англичанами въ Россію, были сукна и сахаръ. Купцы наши предлагали имъ 12 рублей (или гиней) за половинку сукна и 4 алтына (или шиллинга) за фунтъ сахару; но сія цѣна казалась для нихъ низкою (432). г. 1553—1557.

Съ того времени пристань Св. Николая — гдѣ, кромѣ бѣднаго, уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ — оживилась и сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ. Англичане построили тамъ особенный, красивый домъ, а въ Колмогорахъ нѣсколько обширныхъ дворовъ для складки товаровъ. Имъ дали землю, огороды, луга. — Между тѣмъ, надѣясь открыть путь чрезъ Ледовитое море въ Китай, Капитанъ ихъ, Стефанъ Борро, отъ устья Двины доходилъ до Новой Земли и Вайгача, но устрашенный бурями и ледяными громадами, въ исходѣ Августа мѣсяца возвратился въ Колмогоры.

Въ 1556 году Ченселеръ отплылъ въ Англію съ четырмя, богато нагруженными кораблями и съ Посланникомъ Го-

г. 1553—1557. Посолъ въ Англію. сударевымъ, Іосифомъ Непѣею Вологжаниномъ ([433]). Счастіе, дотолѣ всегда благопріятное сему искусному мореплавателю, измѣнило ему: буря разсѣяла его корабли; только одинъ изъ нихъ вошелъ въ пристань Лондонскую. Самъ Ченселеръ утонулъ близъ Шотландскихъ береговъ; спасли только Посланника Іоаннова, который, лишась всего, былъ осыпанъ въ Лондонѣ дарами и ласками. Знатные сановники государственные и сто-сорокъ купцевъ со множествомъ слугъ, всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, въ богатой одеждѣ, выѣхали къ нему на встрѣчу. Онъ сѣлъ на коня, великолѣпно украшеннаго, и окруженный Старѣйшинами купечества, въѣхалъ въ городъ. Любопытные жители Лондонскіе тѣснились въ улицахъ, привѣтствуя Посланника громкими восклицаніями. Ему отвели одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ богатство уборовъ отвѣчало роскоши ежедневнаго угощенія; угадывали, предупреждали всякое желаніе гостя; то звали его на пиры, то водили обозрѣвать всѣ достопамятности Лондона, дворцы, храмъ Св. Павла, Вестминстеръ, крѣпость, ратушу. Принятый Маріею съ отмѣннымъ благоволеніемъ, Непѣя въ торжественный день Ордена Подвязки сидѣлъ въ церкви на возвышенномъ мѣстѣ близъ Королевы. Нигдѣ не оказывалось такой чести Русскому имени. Сей незнатный, но достойный представитель Іоаннова лица умѣлъ заслужить весьма лестный отзывъ Англійскихъ Министровъ: они донесли Королевѣ, что его умъ въ дѣлахъ равняется съ его благородною важностію въ поступкахъ ([434]). Вмѣстѣ съ грамотою Царскою вручивъ Маріи и Филиппу нѣсколько соболей, Непѣя сказалъ, что богатѣйшіе дары Іоанновы во время Ченселерова кораблекрушенія были расхищены Шотландцами. Королева послала къ Царю самыя лучшія произведенія Англійскихъ суконныхъ фабрикъ, блестящій доспѣхъ, льва и львицу ([435]); а Старѣйшины Россійскаго торговаго общества, въ послѣдній разъ великолѣпно угостивъ Непѣю въ залѣ Лондонскихъ суконниковъ, объявили, что не Дворъ, не Казна, но ихъ общество взяло на себя всѣ издержки, коихъ требовало его пребываніе въ Англіи, и что они сдѣлали то съ живѣйшимъ удовольствіемъ, въ знакъ своей добросердечной, ревностной, *нѣжной* дружбы къ нему и къ Россіи ([436]). Онъ получилъ отъ нихъ въ даръ золотую цѣпь во сто фунтовъ Стерлинговъ и пять г. 1553—1557. драгоцѣнныхъ сосудовъ; возвратился на Англійскомъ кораблѣ въ Сентябрѣ 1557 года и привезъ въ Москву ремесленниковъ, рудокоповъ и Медиковъ, въ числѣ коихъ былъ искусный Докторъ Стендишъ. Такъ Россія пользовалась всякимъ случаемъ заимствовать отъ иноземцевъ нужнѣйшее для ея гражданскаго образованія.

Съ удовольствіемъ читая ласковыя письма Маріи и Филиппа, которые именовали его въ оныхъ *великимъ Императоромъ;* слыша отъ Непѣи, сколько чести и пріязни оказали ему въ Лондонѣ и Дворъ и народъ, Іоаннъ обходился съ Англичанами какъ съ любезнѣйшими гостями Россіи; велѣлъ отвести имъ домы во всѣхъ торговыхъ городахъ, въ Вологдѣ, въ Москвѣ, и лично привѣтствовалъ ихъ столь милостиво, что они не могли безъ чувства живѣйшей благодарности писать о томъ къ своимъ Лондонскимъ знакомцамъ. Главный начальникъ Англійскихъ кораблей, прибывшихъ въ 1557 году къ устью Двины, Антоній Дженкисонъ, ѣздилъ изъ Москвы въ Астрахань, чтобы завести торговлю съ Персіею: изъявляя совершенную довѣренность къ видамъ Лондонскаго купечества, Государь обѣщалъ доставить оному всѣ способы для сего дальняго перевоза товаровъ. — Однимъ словомъ, связь наша съ Британніею, основываясь на взаимныхъ выгодахъ безъ всякаго опаснаго совмѣстничества въ Политикѣ, имѣла какой-то особенный характеръ искренности и дружелюбія, служила доказательствомъ мудрости Царя и придала новый блескъ его царствованію. — Открытіемъ Англичанъ немедленно воспользовались и другіе купцы Европейскіе: изъ Голландіи, изъ Брабанта начали приходить корабли къ сѣвернымъ берегамъ Россіи и торговать съ нею въ Корельскомъ устьѣ: что продолжалось отъ 1555 до 1557 года ([437]).

Сіи достопамятныя происшествія были не единственнымъ предметомъ Іоанновой дѣятельности. Усмиряя Казань, покоряя Астрахань, возлагая дань на Сибирь, распространяя власть свою до Персіи, а торговлю до Самарканда, Шельды и Темзы, Россія воевала и съ Ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, и съ Швеціею, и съ Ливоніею, неусыпно наблюдая Литву.

Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девлетъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ бы

г. 1553 — 1557. Дѣла Крымскія.

поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана (438); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ, онъ требовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы *не покупаемъ дружбы*, и скромно извѣстилъ его о взятіи Астрахани. Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева (439); и если бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячь побѣдителей (440) готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходитъ, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще не былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устрашали. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, верховнаго Властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ Князей Ногайскихъ (441), онъ таилъ свою непріязнь и въ знакъ уваженія писалъ *золотыми буквами* къ Іоанну, именовалъ его *Царемъ счастливымъ* и *Правителемъ мудрымъ;* напоминалъ ему о *старой любви*, и присылалъ въ Москву купцевъ за товарами (442). Еще и другая мысль склоняла Государя щадить Тавриду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ. Уже опыты доказывали ненадежность сего орудія; но мы хотѣли новыхъ опытовъ, чтобы удостовѣриться въ необходимости истребленія варваровъ, и оставили въ ихъ рукѣ огнь и мечь на Россію!

Письмо Солимана.

Видя ложь, обманы Девлетъ-Гирея, и свѣдавъ, что онъ идетъ воевать землю Пятигорскихъ Черкесовъ, нашихъ друзей, Государь (въ Іюнѣ 1555 года) послалъ Воеводу Ивана Шереметева изъ Бѣлева Муравскою дорогою съ тринадцатью тысячами Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ въ Мамаевы Луга, къ Перекопи, чтобы отогнать стада Ханскія (443). Но Девлетъ-Гирей отъ Изюмскаго Кургана своротилъ влѣво, и вдругъ устремился къ предѣламъ Россіи, имѣя тысячь шестьдесятъ войска. Шереметевъ, находясь близъ Святыхъ Горъ и Донца, открылъ сіе движеніе непріятеля, увѣдомилъ Государя и пошелъ въ слѣдъ за Ханомъ, къ Тулѣ. Самъ Іоаннъ немедленно выступилъ изъ Москвы съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, Царемъ Казанскимъ Симеономъ, со всѣми Воеводами и Дѣтьми Боярскими; уже не хотѣлъ, какъ бывало въ старину, ждать Крымцевъ на Окѣ, но спѣшилъ встрѣтить ихъ далѣе въ полѣ. Девлетъ-Гирей былъ между двумя войсками и не зналъ того. Нескромность Дьяковъ Государевыхъ спасла его отъ гибели: они писали изъ Москвы къ Намѣстникамъ Украинскимъ, что Ханъ въ сѣтяхъ; что спереди Царь, сзади Шереметевъ въ одно время стиснутъ, истребятъ непріятеля. Намѣстники разгласили счастливую вѣсть, которая дошла и до Хана, чрезъ жителей, захваченныхъ Крымцами (444). Въ ужасѣ онъ рѣшился бѣжать. Между тѣмъ мужественный, дѣятельный Шереметевъ взялъ обозъ Девлетъ-Гиреевъ, 60,000 коней, 200 аргамаковъ, 180 вельблюдовъ; отправилъ сію добычу во Мценскъ, въ Рязань; остался только съ семью тысячами воиновъ; во 150 верстахъ отъ Тулы, на Судбищахъ, встрѣтилъ всю непріятельскую силу и не уклонился отъ битвы: сломилъ передовый полкъ, отнялъ знамя Ширинскихъ Князей и ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Къ Хану привели двухъ плѣнниковъ (445): ихъ пытали; одинъ молчалъ, а другой не вынесъ мукъ и сказалъ ему о маломъ числѣ Россіянъ. Опасаясь нашего главнаго войска, но стыдясь уступить побѣду горсти отважныхъ витязей, Девлетъ-Гирей утромъ возобновилъ нападеніе всѣми полками. Бились часовъ восемь, и Россіяне нѣсколько разъ видѣли тылъ непріятеля; одни Янычары Султановы стояли крѣпко, берегли Хана и снарядъ огнестрѣльный. Къ несчастію, Герой Шереметевъ былъ раненъ: другіе Воеводы не имѣли его духа; усилія наши ослабѣли, а непріятель удвоилъ свои. Россіяне смѣшались; искали спасенія въ бѣгствѣ. Тутъ мужественные чиновни-

Воеводія Крымцевъ.

г. 1553 — 1557. ки, Алексѣй Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ, ударили въ бубны, затрубили въ трубы, остановили бѣгущихъ, и засѣли съ двумя тысячами въ буеракѣ: Ханъ трижды приступалъ, не могъ одолѣть ихъ, и боясь терять время, на закатѣ солнца ушелъ въ степи.

Государь приближался къ Тулѣ, когда донесли ему, что Шереметевъ разбитъ, и что Ханъ будто бы идетъ къ Москвѣ съ несмѣтною силою. Люди боязливые совѣтовали Царю итти назадъ за Оку, а смѣлые впередъ: онъ послушался смѣлыхъ и вступилъ въ Тулу, куда прибыли Шереметевъ, Басмановъ, Сидоровъ съ остаткомъ своихъ воиновъ. Узнавъ, что Ханъ спѣшитъ къ предѣламъ Тавриды, и что нельзя догнать его, Іоаннъ возвратился въ Москву. Онъ милостиво наградилъ всѣхъ усердныхъ сподвижниковъ Шереметева, не побѣдителей, но ознаменованныхъ славою отчаянной битвы. Многіе изъ нихъ умерли отъ ранъ, и въ томъ числѣ храбрый Воевода Сидоровъ, уязвленный пулею и копьемъ: отслуживъ Царю, онъ скинулъ съ себя обагренный кровію доспѣхъ и скончался въ мантіи Схимника (446).

Война Шведская. Въ сіе время Іоаннъ долженъ былъ обратить вниманіе на Швецію. Густавъ Ваза, съ безпокойствомъ видя возрастающее могущество Россіи, старался тайно вредить ей: сносился съ Королемъ Польскимъ, съ Ливоніею, съ Герцогомъ Прусскимъ, съ Даніею, чтобъ общимъ усиліемъ Сѣверныхъ Державъ противиться опасному Іоаннову властолюбію; и встревоженный нашею выгодною торговлею съ Англичанами, убѣждалъ Королеву Марію запретить оную, какъ несогласную съ благосостояніемъ Швеціи и дающую новыя средства избытка, новую силу естественнымъ врагамъ ея (447). Не смотря на то, ни Густавъ, ни Царь не хотѣлъ кровопролитія: первый чувствовалъ слабость свою, а послѣдній не имѣлъ никакихъ видовъ на завоеванія въ Швеціи. Но споры о неясныхъ границахъ произвели войну. Ссылаясь на старый договоръ Короля Магнуса съ Новогородцами (448), Россіяне считали рѣки Саю и Сестрь предѣломъ обѣихъ Державъ: Шведы выходили за сей рубежъ; ловили рыбу, косили сѣно, пахали землю въ нашихъ владѣніяхъ; именовали Сестрію совсѣмъ иную рѣку, и не слушали никакихъ возраженій (449). Россіяне жгли ихъ нивы, а Шведы жгли наши села, умертвивъ нѣсколько Боярскихъ Дѣтей и посадивъ одного изъ нихъ на колъ; отняли у насъ также нѣсколько погостовъ въ Лапландіи и хотѣли разорить тамъ уединенный монастырь Св. Николая на Печенгѣ, противъ *Варгава* (450). Новогородскій Намѣстникъ, Князь Димитрій Палецкій, отправилъ къ Королю Густаву сановника Никиту Кузмина: его задержали въ Стокгольмѣ какъ лазутчика по ложному донесенію Выборгскаго начальника (451), и Густавъ не далъ отвѣта Князю Палецкому, желая объясниться письменно съ самимъ Царемъ. Жители Новогородской области вооруженною рукою заняли нѣкоторыя спорныя мѣста: Шведы побили ихъ на голову. Еще съ обѣихъ сторонъ предлагали дружелюбно изслѣдовать взаимныя неудовольствія; назначили время и мѣсто для съѣзда повѣренныхъ: Шведскіе не явились. Государь велѣлъ Князю Ногтеву и Воеводамъ Новогородскимъ защитить границу; а Густавъ, опасаясь нападенія, самъ прибылъ въ Финляндію единственно для обороны. Но Адмиралъ его, Іоаннъ Багге, пылая ревностію отличить себя подвигомъ славы, убѣждалъ Короля предупредить насъ; отвѣтствовалъ ему за успѣхъ; донесъ, что слухъ носится о внезапной кончинѣ Царя; что Россія въ смятеніи; что онъ надѣется собрать двадцать тысячь воиновъ и проникнуть съ ними въ средину ея владѣній (452). Старецъ Густавъ, имъ обольщенный, согласился дѣйствовать наступательно; а Багге немедленно осадилъ Нотебургъ, или Орѣшекъ, съ конницею, пѣхотою, со многими вооруженными судами; громилъ стѣны изъ пушекъ и жегъ наши селенія. Россіяне взяли мѣры: крѣпость оборонялась сильно; съ одной стороны Князь Ногтевъ, съ другой Дворецкій Симеонъ Шереметевъ тѣснили непріятеля, разбивали его отряды, хватали кормовщиковъ, брали суда. Настала осень, и Багге, потерявъ не мало людей въ теченіе мѣсяца, возвратился въ Финляндію, хвалясь единственно тѣмъ, что Россіяне не могли преградить ему пути, и что онъ вездѣ мужественно отражалъ ихъ.

Зимою собралося многочисленное войско въ Новѣгородѣ; а Царь оказывалъ еще миролюбіе: Воеводы Московскіе писали къ Королю, что онъ, безсовѣстно нарушивъ перемиріе, будетъ виновникомъ ужаснаго кровопролитія, если въ теченіе двухъ недѣль самъ не выѣдетъ къ нимъ на границу или не пришлетъ

г. 1555 —1557. Вельможъ для разсмотрѣнія обоюдныхъ неудовольствій и для казни обидчиковъ. Вмѣсто Густава отвѣтствовали Выборгскіе чиновники, что Адмиралъ Багге началъ войну безъ Королевскаго повелѣнія; что Шведы, доказавъ Россіянамъ свое мужество, готовы возобновить старую дружбу съ ними. Но сей отвѣтъ казался неудовлетворительнымъ: Воеводы, Князья Петръ Щенятевъ и Дмитрій Палецкій, съ Астраханскимъ Царевичемъ Кайбулою вступили въ Финляндію: взяли въ оставленномъ Шведами городкѣ Кивенѣ семь пушекъ, сожгли его, и за пять верстъ отъ Выборга встрѣтили непріятеля, который, смявъ ихъ передовые отряды, расположился на горѣ. Мѣсто давало ему выгоду: Іоанновы искусные Воеводы обошли его, напали съ тылу, — рѣшили побѣду и плѣнили знатнѣйшихъ сановниковъ Королевскихъ (453). Шведы заключились въ Выборгѣ: три дни стрѣлявъ по городу, Россіяне не могли сбить крѣпкихъ стѣнъ; опустошили берега Воксы, разорили Нейшлотъ, и вывели множество плѣнниковъ. Лѣтописецъ говоритъ, что они продавали человѣка за гривну, а дѣвку за пять алтынъ. — Іоаннъ былъ доволенъ Воеводами; послалъ въ даръ Ногайскому Князю Исмаилу нѣсколько Шведскихъ доспѣховъ и писалъ къ нему: «Вотъ новые трофеи Россіи! Король *Нѣмецкій сгрубилъ* намъ: мы побили его людей, взяли города, истребили селенія (454). Такъ казнимъ враговъ: будь нашимъ другомъ!»

Густавъ, отъ самой юности примѣръ благоразумія между Вѣнценосцами, ибо умѣлъ быть Героемъ безъ воинскаго славолюбія, и великодушно избавивъ отечество отъ иноземнаго тирана, хотѣлъ всегда мира, тишины, благоденствія — Густавъ на старости могъ винить себя въ ошибкѣ легкомыслія: видѣлъ, что Швеція безъ союзниковъ не въ силахъ бороться съ Россіею, и прислалъ сановника Канута въ Москву. Онъ писалъ къ Іоанну учтиво, дружелюбно, требуя мира, обвиняя бывшаго Новогородскаго Намѣстника, Князя Палецкаго (тогда смѣненнаго), и доказывая, что не Шведы, а Россіяне начали войну (455). Канутъ представилъ дары Густавовы: десять *Шведскихъ лисицъ*, и хотя былъ Посланникомъ недруга, однакожь имѣлъ честь обѣдать съ Государемъ, ибо сей недругъ уже просилъ мира (456). Отвѣтствуя Густаву, Царь не соглашался съ нимъ въ причинахъ войны, но соглашался въ желаніи прекратить ее. «Твои люди» — писалъ онъ — «дѣлали ужасныя неистовства въ Корельской землѣ нашей: не только жгли, убивали, но и ругались надъ церквами, снимали кресты, колокола, иконы. Жители Новогородскіе требовали отъ меня *большихъ полковъ*, Московскихъ, Татарскихъ, Черемисскихъ и другихъ; Воеводы мои пылали нетерпѣніемъ итти къ Абову, къ Стокгольму: мы удержали ихъ, ибо не любимъ кровопролитія. Все зло произошло отъ того, что ты по своей гордости не хотѣлъ сноситься съ Новогородскими Намѣстниками, знаменитыми Боярами Великаго Царства. Если не знаешь, каковъ Новгородъ, то спроси у своихъ купцевъ: они скажутъ тебѣ, что его пригороды болѣе твоего Стокгольма (457). Оставь надменность, и будемъ друзьями.» Густавъ оставилъ ее: Послы его, Совѣтникъ Государственный Стенъ Эриксонъ, Архіепископъ Упсальскій Лаврентій, Епископъ Абовскій Михаилъ Агрикола, и Королевскій Печатникъ Олофъ Ларсонъ въ Февралѣ 1557 года пріѣхали въ Москву на 150 подводахъ, жили на Дворѣ Литовскомъ какъ бы въ заключеніи, не могли никого видѣть кромѣ Царскихъ чиновниковъ, поднесли Іоанну серебряный кубокъ съ часами (458), обѣдали у него въ Грановитой Палатѣ и должны были принять всѣ условія, имъ объявленныя. О рубежѣ не спорили: возобновили старый; но Послы долго требовали, чтобы мы освободили безденежно всѣхъ плѣнниковъ Шведскихъ, и чтобы Король имѣлъ дѣло единственно съ Царемъ. Бояре отвѣчали: 1) «Вы, какъ виновные, обязаны безъ выкупа отпустить Россіянъ, купцевъ и другихъ, вами захваченныхъ; а мы, какъ правые, дозволяемъ вамъ выкупить Шведскихъ плѣнниковъ, у кого ихъ найдете, если они не приняли нашей Вѣры. 2) Не безчестіе, а честь Королю имѣть дѣло съ Новогородскими Намѣстниками. Знаете ли, кто они? Дѣти или внучата Государей Литовскихъ, Казанскихъ или Россійскихъ (459). Нынѣшній Намѣстникъ, Князь Глинскій, есть племянникъ Михаила Львовича Глинскаго, столь знаменитаго и славнаго въ земляхъ Нѣмецкихъ. Скажемъ вамъ также *не въ укоръ*, но единственно *въ разсудъ*: кто Государь вашъ? Вѣнценосецъ, правда; но давно ли еще торговалъ волами? И въ самомъ великомъ Монархѣ смиреніе лучше надмѣ-

Г. 1557. ности.» Послы уступили: за то Бояре, желая изъявить снисхожденіе, согласились не именовать Короля въ договорѣ клятвопреступникомъ! Написали въ Москвѣ перемирную грамоту на сорокъ лѣтъ и велѣли Новогородскимъ Намѣстникамъ скрѣпить ее своими печатями ([460]). Между тѣмъ Посламъ оказывалась честь, какой ни отецъ, ни дѣдъ Іоанновъ никогда не оказывалъ Шведскимъ: ихъ встрѣчали и провожали во дворцѣ знатные сановники ([461]); угощали *на золотѣ*, пышно и великолѣпно. Вмѣсто дара Государь прислалъ къ нимъ двадцать освобожденныхъ Финляндскихъ плѣнниковъ ([462]). Историкъ Швеціи разсказываетъ, что Іоаннъ желалъ слышать богословское прѣніе Архіепископа Упсальскаго съ нашимъ Митрополитомъ: выбрали для того Греческій языкъ; но переводчикъ, не разумѣя смысла важнѣйшихъ словъ, толковалъ оныя столь нелѣпо, что Государь велѣлъ прекратить сей разговоръ, въ знакъ благоволенія надѣвъ золотую цѣпь на грудь Архіепископа ([463]).

Въ сей кратковременной Шведской войнѣ Король Августъ и Магистръ Ливонскій естественно доброжелательствовали Густаву; обѣщались и помогать ему, но оставались спокойными зрителями. Первый только ходатайствовалъ за него въ Москвѣ, убѣждая Іоанна не тѣснить Швецію, которая могла бы вмѣстѣ съ Польшею дѣйствовать противъ невѣрныхъ ([464]). «Я не тѣсню никого», писалъ Государь въ отвѣтъ Августу: «имѣю Царство обширное, которое отъ временъ Рюрика до моего непрестанно увеличивается; завоеванія не льстятъ меня, но стою за честь.» Возобновивъ перемиріе съ Литвою до 1562 года ([465]), Іоаннъ соглашался заключить и вѣчный миръ съ нею, если Августъ признаетъ его Царемъ; но Король упрямился, отвѣтствуя, что не любитъ новостей; что сей титулъ принадлежитъ одному Нѣмецкому Императору и Султану. Бояре наши явили его Посламъ грамоты Папы Климента, Императора Максимиліана, Султановы, Государей Испанскаго, Шведскаго, Датскаго, которые именовали еще дѣда, отца Іоаннова Царемъ; явили и новѣйшую грамоту Королевы Англійской: ничто не убѣдило Августа. Казалось, что онъ страшился титула болѣе, нежели силы Государя Россійскаго. Іоаннъ торжественно увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани: Король изъ-

Сношенія съ Литвою.

явилъ ему благодарность, и писалъ, что Г. 1557. радуется его побѣдамъ надъ невѣрными! Такое увѣреніе было одною учтивостію; но разбои Хана Девлетъ-Гирея, не щадившаго и Литвы, могли бы склонить сіи два Государства къ искреннему союзу, если бы не встрѣтились новыя, важныя противности въ ихъ выгодахъ.

Послѣднее впаденіе въ наши предѣлы дорого стоило Хану, который лишился не только обоза, но и знатной части войска въ битвѣ съ Шереметевымъ ([466]). Не смотря на то, онъ хвалился побѣдою и снова ополчался. Козаки подъ начальствомъ Дьяка Ржевскаго стерегли его между Днѣпромъ и Дономъ ([467]): они извѣстили Государя (въ Маѣ 1556), что Ханъ расположился станомъ у Конскихъ Водъ и мѣтитъ на Тулу или Козельскъ. Въ нѣсколько дней собралося войско: Царь осмотрѣлъ его въ Серпуховѣ и хотѣлъ встрѣтить непріятеля за Тулою ([468]); но узналъ, что вся опасность миновалась. Смѣлый Дьякъ Ржевскій, приманивъ къ себѣ триста Малороссійскихъ Литовскихъ Козаковъ съ Атаманами Млынскимъ и Есковичемъ, ударилъ на Исламъ-Кирмень, на Очаковъ; шесть дней бился съ Ханскимъ Калгою ([469]), умертвилъ множество Крымцевъ и Турковъ, отогналъ ихъ табуны, вышелъ съ добычею и принудилъ Девлетъ-Гирея спѣшить назадъ для защиты Крыма, гдѣ, сверхъ того, свирѣпствовали смертоносныя болѣзни. Въ сіе же время, къ удовольствію Государя предложилъ ему свои услуги одинъ изъ знатнѣйшихъ Князей Литовскихъ, потомковъ Св. Владиміра: Дмитрій Вишневецкій, мужъ ума пылкаго, отважный, искусный въ ратномъ дѣлѣ. Бывъ любимымъ вождемъ Днѣпровскихъ Козаковъ и начальникомъ Канева, онъ скучалъ мирною системою Августа; хотѣлъ подвиговъ, опасностей, и прельщенный славою нашихъ завоеваній, воскипѣлъ ревностію мужествовать подъ знаменами своего древняго отечества, коему Провидѣніе явно указывало путь къ необыкновенному величію. Вишневецкій стыдился предстать Іоанну въ видѣ бѣглеца: вышелъ изъ Литвы со многими усердными Козаками, занялъ островъ Хортицу близъ Днѣпровскаго устья, противъ Конскихъ Водъ ([470]); сдѣлалъ крѣпость, и писалъ къ Государю, что не требуетъ у него войска: требуетъ единственно чести именоваться Россіяниномъ, и запретъ Хана въ Тавридѣ,

Нападеніе Дьяка Ржевскаго на Исламъ-Кермень.

Князь Вишневецкій вступаетъ въ службу къ Царю, и беретъ Хортицу.

г. 1557. какъ въ вертепѣ. Обнадеженный Іоанномъ въ милости, сей удалецъ сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ оттуда пушки въ свою Хортицкую крѣпость, и славно отразилъ всѣ нападенія Хана, который 24 дни безъ успѣха приступалъ къ его острову. Съ другой стороны Черкесскіе Князья именемъ Россіи овладѣли двумя городками Азовскими, Темрюкомъ и Таманомъ, гдѣ было наше древнее Тмутороканское Княженіе (471). Девлетъ-Гирей трепеталъ; думалъ, что Ржевскій, Вишневецкій и Князья Черкесскіе составляютъ только передовый отрядъ нашего главнаго войска; ждалъ самого Іоанна, просилъ у него мира, и въ отчаяніи писалъ къ Султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Никогда — говоритъ современный Историкъ (472) — не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки Моголовъ, явно караемыхъ тогда гнѣвомъ Божіимъ. Улусы Ногайскіе, прежде многолюдные, богатые, опустѣли въ жестокую зиму 1557 года; скотъ и люди гибли въ степяхъ отъ несноснаго холода. Нѣкоторые Мурзы искали убѣжища въ Тавридѣ, и нашли въ ней язву съ голодомъ, произведеннымъ чрезвычайною засухою. Едва ли 10,000 исправныхъ конныхъ воиновъ оставалось у Хана; еще менѣе въ Ногаяхъ. Къ симъ бѣдствіямъ присоединялось междоусобіе. Въ Ногайской Ордѣ Улусы возставали на Улусы. Въ Тавридѣ Вельможи хотѣли убить Девлетъ-Гирея, чтобы объявить Царемъ Тохтамыша, жившаго у нихъ Астраханскаго Царевича, брата Шигъ-Алеева. Заговоръ открылся: Тохтамышъ бѣжалъ въ Россію, и могъ основательно извѣстить Государя о слабости Крыма (473).

Завоеваніе Темрюка и Тамана.

Моръ въ Ногайскихъ и Крымскихъ Улусахъ.

Но мы — по мнѣнію Историка, знаменитаго Курбскаго — не слѣдовали указанію перста Божія, и дали оправиться невѣрнымъ. Вишневецкій не удержался на Хортицѣ, когда явились многочисленныя дружины Турецкія и Волошскія, присланныя къ Девлетъ-Гирею Султаномъ: истощивъ силы и запасы, оставилъ свою крѣпость, удалился къ предѣламъ Литовскимъ, и занявъ Черкасы, Каневъ, гдѣ жители любили его, написалъ къ Іоанну, что, будучи снова готовъ итти на Хана, можетъ оказать Россіи еще важнѣйшую услугу покореніемъ ея скипетру всѣхъ южныхъ областей Днѣпровскихъ. Предложеніе было лестно; но Государь не хотѣлъ нарушить утвержденнаго съ Литвою перемирія: велѣлъ возвратить Черкасы и Каневъ Августу, призвалъ Вишневецкаго въ Москву и далъ ему въ помѣстье городъ Бѣлевъ со многими богатыми волостями, чтобы имѣть въ немъ страшилище какъ для Хана, такъ и для Короля Польскаго (474). — Между тѣмъ Девлетъ-Гирей отдохнулъ. Хотя онъ все еще изъявлялъ желаніе быть въ мирѣ съ Россіею; хотя съ честію отпустилъ нашего Посла Загряжскаго, державъ его у себя пять лѣтъ какъ плѣнника; доставилъ и союзную грамоту Іоанну, обязываясь въ знакъ искренней къ намъ дружбы, воевать Литву: однакожь предлагалъ условія гордыя и требовалъ *дани*, какую присылалъ къ нему Сигизмундъ и Августъ (475). «Для тебя» — говорилъ Девлетъ-Гирей — «разрываю союзъ съ Литвою: слѣдственно ты долженъ вознаградить меня.» Сыновья его дѣйствительно грабили тогда въ Волыніи и въ Подоліи, къ изумленію Августа, считавшаго себя ихъ другомъ. Они искали легкой добычи и находили ее въ сихъ плодоносныхъ областяхъ, гдѣ Королевскіе Паны гордо хвалились мужествомъ на пирахъ и малодушно бѣгали отъ разбойниковъ, не умѣя оберегать земли (476). Узнавъ о томъ, Государь созвалъ Бояръ: всѣ думали, что требованіе вѣроломнаго Девлетъ-Гирея не достойно вниманія; что надобно воспользоваться симъ случаемъ и предложить Августу союзъ противъ Хана. Снова послали Князя Вишневецкаго на Днѣпръ; дали ему 5000 Жильцовъ, Дѣтей Боярскихъ, Стрѣльцовъ и Козаковъ; велѣли имъ соединиться съ Князьями Черкесскими и вмѣстѣ воевать Тавриду (477); а къ Королю написалъ Іоаннъ, что онъ беретъ живѣйшее участіе въ бѣдствіи, претерпѣнномъ Литвою отъ гибельнаго набѣга Крымцевъ; что время имъ обоимъ вразумиться въ истинную пользу ихъ Державъ и общими силами сокрушить злодѣевъ, живущихъ обманами и грабежемъ; что Россія готова помогать ему въ томъ усердно всѣми данными ей отъ Бога средствами. Сіе предложеніе столь радостно удивило Короля, Вельможъ, народъ, связанный съ нами узами единокровія и Вѣры, что Посланника Московскаго носили на рукахъ въ Литвѣ, какъ вѣстника тишины и благоденствія для ея гражданъ, которые всегда ужасались войны съ Россіею. Честили его при Дворѣ, въ знатныхъ домахъ; славили умъ, великодушіе Іоанна. Ав-

Усердіе Вишневецкаго.

г. 1558.

Предложеніе союза Литвѣ.

г. 1553. густъ въ знакъ искренней любви освободилъ нѣсколько старыхъ плѣнниковъ Московскихъ и прислалъ своего Конюшаго Виленскаго, Яна Волчкова, изъявить живѣйшую благодарность Государю, обѣщаясь немедленно выслать в знатнѣйшихъ Вельможъ въ Москву для заключенія мира вѣчнаго и союза. Съ обѣихъ сторонъ говорили съ жаромъ о Христіанскомъ братствѣ; воспоминали судьбу Греціи, жертвы бывшаго между Европейскими Державами несогласія; хотѣли вмѣстѣ унять Хана и противиться Туркамъ (478). — Сіе обоюдное доброе расположеніе исчезло какъ мечта: дѣла снова запутались, и древняя взаимная ненависть, между нами и Литвою, воспрянула.

Дѣла Ливонскія. Виною тому была Ливонія. Съ 1503 года мы не имѣли съ нею ни войны, ни твердаго мира; возобновляли только перемиріе и довольствовались единственно купеческими связями. Съ ревностію предпріявъ возвеличить Россію не только побѣдами, но и внутреннимъ гражданскимъ образованіемъ, дающимъ новыя силы Государству, Іоаннъ съ досадою видѣлъ недоброжелательство Ливонскаго Ордена, который заграждалъ путь въ Москву не только людямъ искуснымъ въ художествахъ и въ ратномъ дѣлѣ, но вообще и всѣмъ иноземцамъ. «Уже Россія такъ опасна» — писали чиновники Орденскіе къ Императору — «что всѣ Христіанскіе сосѣдственные Государи уклоняютъ главу предъ ея Вѣнценосцемъ, юнымъ, дѣятельнымъ, властолюбивымъ, и молятъ его о мирѣ (479). Благоразумно ли будетъ умножать силы природнаго врага нашего сообщеніемъ ему искусствъ и снарядовъ воинскихъ? Если откроемъ свободный путь въ Москву для ремесленниковъ и художниковъ, то подъ симъ именемъ устремится тогда множество людей, принадлежащихъ къ злымъ Сектамъ Анабаптистовъ, Сакраментистовъ и другихъ, гонимыхъ въ Нѣмецкой землѣ: они будутъ самыми ревностными слугами Царя. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ замышляетъ овладѣть Ливоніею

Важный замыселъ приписываемый Іоанну. и Балтійскимъ моремъ, дабы тѣмъ удобнѣе покорить всѣ окрестныя земли: Литву, Польшу, Пруссію, Швецію.» По крайней мѣрѣ Іоаннъ не хотѣлъ терпѣть, чтобы Ливонцы препятствовали ему въ исполненіи благодѣтельныхъ для Россіи намѣреній, и готовилъ месть. Въ 1554 году Послы Магистра Генрика Фонъ-Галена, Архіепископа Рижскаго и Епископа Дерптскаго молили его возобновить перемиріе еще на 15 лѣтъ. Онъ соглашался, съ условіемъ, чтобы область Юрьевская или Дерптская платила ему ежегодно искони-уставленную дань. Нѣмцы изъявили удивленіе: имъ показали Плеттенбергову договорную грамоту, писанную въ 1503 году, гдѣ именно упоминалось о сей дани, забытой въ теченіе пятидесяти лѣтъ (480). Ихъ возраженій не слушали. Именемъ Государевымъ Адашевъ сказалъ: «или такъ, или нѣтъ вамъ перемирія!» Они уступили, и Дерптъ обязался грамотою, за ручательствомъ Магистра, не только впредь давать намъ ежегодно по Нѣмецкой маркѣ съ каждаго человѣка въ его области, но и за минувшія 50 лѣтъ представить въ три года всю недоимку. Магистръ клялся не быть въ союзѣ съ Королемъ Польскимъ и возстановить наши древнія церкви, вмѣстѣ съ Католическими опустошенныя Фанатиками новаго Лютеранскаго Исповѣданія въ Дерптѣ, Ревелѣ и Ригѣ: за что еще отецъ Іоанновъ грозилъ местію Ливонцамъ, сказавъ: «я не Папа и не Императоръ, которые не умѣютъ защитить своихъ храмовъ» (481). Торговлю объявили свободною, по волѣ Іоанна, которому жаловалась Ганза, что Правительство Рижское, Ревельское, Дерптское запрещаетъ ея купцамъ вводить къ намъ металлы, оружіе, доспѣхи, и хочетъ, чтобы Нѣмцы покупали наше сало и воскъ въ Ливоніи (482). Только въ одномъ устоялъ Магистръ: онъ не далъ слова пропускать иноземцевъ въ Россію: обстоятельство важное, которое дѣлало миръ весьма ненадежнымъ.

Съ сею грамотою, написанною въ Москвѣ и скрѣпленною печатями Ливонскихъ Пословъ, отправился въ Дерптъ Іоанновъ чиновникъ, Келарь Терпигоревъ, чтобы согласно съ обычаемъ, Епископъ и Старѣйшины утвердили оную своею клятвою и печатями. Но Епископъ, Бургомистръ и Совѣтники ихъ ужаснулись быть данниками Россіи, угощая Терпигорева, тайно разсуждали между собою; винили Пословъ Ливонскихъ въ легкомысліи, въ преступленіи данной имъ власти, и не знали, что дѣлать. Минуло нѣсколько дней: чиновникъ Московскій требовалъ присяги, не хотѣлъ ждать и грозился уѣхать. Тогда Епископскій Канцлеръ, тонкій Политикъ, предложилъ Совѣту обмануть Іоанна. «Царь силенъ оружіемъ, а не

г. 1556. хитръ умомъ», сказалъ онъ: «чтобы не раздражить его, утвердимъ договоръ, но объявимъ, что не можемъ вступить ни въ какое обязательство безъ согласія Императора Римскаго, нашего законнаго покровителя; отнесемся къ нему, будемъ ждать, медлить — а тамъ, что Богъ дастъ» (483)! Сіе мнѣніе одержало верхъ: присягнули и возвратили грамоту Послу Іоаннову, съ оговоркою, что она не имѣетъ полной силы безъ утвержденія Императорскаго. «Царю моему нѣтъ дѣла до Императора»! сказалъ Посолъ: «дайте мнѣ только бумагу; дадите и серебро.» Велѣвъ Дьяку завернуть грамоту въ шелковую ткань, онъ примолвилъ съ усмѣшкою: «береги: это важная вещь (484)» — Терпигоревъ донесъ Государю, что обрядъ исполненъ, но что Нѣмцы замышляютъ обманъ.

Іоаннъ молчалъ; но съ сего времени уже писался въ грамотахъ *Государемъ Ливонскія земли* (485). Въ Февралѣ 1557 года снова явились въ Москвѣ Послы Магистровы и Дерптскаго Епископа. Узнавъ, что они пріѣхали не съ деньгами, а съ пустыми словами, и желаютъ доказывать Боярамъ несправедливость нашего требованія, Царь велѣлъ имъ ѣхать назадъ, съ отвѣтомъ: «Вы свободно и клятвенно обязались платить намъ дань; дѣло рѣшено. Если не хотите исполнить обѣта, то мы найдемъ способъ взять свое» (486). Онъ запретилъ купцамъ Новогородскимъ и Псковскимъ ѣздить въ Ливонію, объявивъ, что Нѣмцы могутъ торговать у насъ спокойно; послалъ Окольничаго, Князя Шастунова, заложить городъ съ пристанью въ самомъ устьѣ Наровы (487), желая имѣть моремъ вѣрное, безопасное сообщеніе съ Германіею, и началъ готовиться къ войнѣ, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, обѣщала намъ дешевые успѣхи и легкое завоеваніе. Ливонія и въ лучшее, славнѣйшее для Ордена время, при самомъ великомъ мужѣ Плеттенбергѣ видѣла невозможность счастливо воевать съ Россіею: Орденъ, лишенный

Состояніе Ливоніи.

опоры Нѣмецкаго, сдѣлался еще слабѣе, и пятидесятилѣтній миръ, обогативъ землю, умноживъ пріятности жизни, роскошь, нѣгу, совершенно отучилъ Рыцарей отъ суровой воинской дѣятельности: они въ великолѣпныхъ замкахъ своихъ жили единственно для чувственныхъ наслажденій и низкихъ страстей (какъ увѣряютъ современные Лѣтописцы); пили, веселились, забывъ древнее происхожденіе ихъ братства, вину и г. 1556 цѣль онаго; гнушались не пороками, а скудостію; безстыдно нарушая святые уставы нравственности, стыдились только уступать другъ другу въ пышности, не имѣть драгоцѣнныхъ одеждъ, множества слугъ, богато убранныхъ коней и прекрасныхъ любовницъ. Тунеядство, пиры, охота были главнымъ дѣломъ знатныхъ людей въ семъ, по выраженію Историка, *земномъ раю* (488); а какъ жили Орденскіе, Духовные сановники, такъ и Дворяне свѣтскіе, и купцы, и мѣщане въ своемъ избыткѣ; одни земледѣльцы трудились въ потѣ лица, обременяемые налогами алчнаго корыстолюбія, но отличались не лучшими нравами, а грубѣйшими пороками въ безсмысліи невѣжества и въ гибельной заразѣ пьянства. Многосложное, раздѣленное Правительство было слабо до крайности: пять Епископовъ, Магистръ, Орденскій Маршалъ, восемь Коммандоровъ и восемь *Фохтовъ* владѣли землею; каждый имѣлъ свои города, волости, уставы и права; каждый думалъ о частныхъ выгодахъ, мало заботясь о пользѣ общей. Введеніе Лютеранскаго Исповѣданія, принятаго городами, свѣтскимъ Дворянствомъ, даже многими Рыцарями, еще болѣе замѣшало Ливонію: волнуемый усердіемъ къ новой Вѣрѣ, народъ мятежничалъ, опустошалъ Латинскія церкви, монастыри (489); Властители, отчасти за Вѣру, отчасти за корысть, возставали другъ на друга. Такъ преемникъ Магистра Фонъ Галена, Фирстенбергъ, свергнулъ и заключилъ Архіепископа Рижскаго, Маркграфа Вильгельма (послѣ освобожденнаго угрозами Короля Августа.) Для храненія самой внутренней тишины нанимая воиновъ въ Германіи, миролюбивый Орденъ не думалъ о способахъ противиться сильному врагу внѣшнему; не имѣя собственной рати, не имѣлъ и денегъ: Магистры, сановники богатѣли, а казна скудѣла, изводимая для ихъ удовольствій и пышности; они считали достояніе Орденское своимъ, а свое не Орденскимъ. Однимъ словомъ, избытокъ земли, слабость Правленія и нѣга гражданъ манили завоевателя.

Россія же была могущественнѣе прежняго. Кромѣ славы громкихъ завоеваній, мы пріобрѣли новыя вещественныя силы: усмиренные народы Казанскіе давали намъ ратниковъ; Князья Черкесскіе пріѣзжали служить Царю со много- Новое могущество Россіи. Лучшее образованіе войска.

г. 1556. людными конными дружинами. Но всего важнѣе было тогда новое, лучшее образованіе нашего войска, почти удвоившее силу онаго. Сіе знаменитое дѣло Іоаннова царствованія совершилось въ 1556 году, когда еще лилася кровь на берегахъ Волги, когда мы воевали съ Швеціею и ждали впаденія Крымцевъ: учрежденіе равно достопамятное въ воинскомъ и гражданскомъ законодательствѣ Россіи. Отъ временъ Іоанна III чиновники Великокняжескіе и Дѣти Боярскіе награждались землями, но не всѣ: другимъ давали судное право въ городахъ и волостяхъ, чтобы они, въ званіи Намѣстниковъ, жили судными оброками и пошлинами, храня устройство, справедливость и безопасность общую. Многіе честно исполняли свой долгъ; многіе думали единственно о корысти: тѣснили и грабили жителей. Непрестанныя жалобы доходили до Государя: смѣняя чиновниковъ, ихъ судили, и слѣдствіемъ было то, что самые невинные разорялись отъ тяжбъ и ябеды (490). Чтобы искоренить зло, Іоаннъ *отмѣнилъ судные платежи*, указавъ безденежно рѣшить тяжбы избираемымъ Старостамъ и Сотскимъ, а вмѣсто сей пошлины наложилъ общую дань на города и волости, на промыслы и земли, собираемую въ казну Царскими Дьяками; чиновниковъ же и Боярскихъ Дѣтей всѣхъ безъ исключенія уравнялъ или денежнымъ жалованьемъ или помѣстьями, сообразно съ ихъ достоинствомъ и заслугами; отнялъ у нѣкоторыхъ *лишнюю* землю и далъ неимущимъ, уставивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ Боярскихъ, такъ что владѣлецъ ста четвертей *угожей* земли долженъ былъ итти въ походъ на конѣ и въ доспѣхѣ, или вмѣсто себя выслать человѣка, или внести уложенную за то цѣну въ казну. Желая пріохотить людей къ службѣ, Іоаннъ назначилъ *всѣмъ* денежное жалованье во время похода и двойное Боярскимъ Дѣтямъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ сверхъ опредѣленнаго закономъ числа. Такимъ образомъ, измѣривъ земли, узнали нашу силу воинскую; доставивъ ратнымъ людямъ способъ жить безъ нужды въ мирное время и содержать себя въ походахъ, могли требовать отъ нихъ лучшей исправности и строже наказывать лѣнивыхъ, избѣгавшихъ службы. Съ сего времени, какъ говорятъ Лѣтописцы, число воиновъ нашихъ несравненно умножилось (491). Имѣвъ подъ Казанью 150,000, Іоаннъ чрезъ нѣсколько лѣтъ могъ выводить въ поле уже *до трехъ сотъ тысячъ* (492) всадниковъ и пѣшихъ. Послѣдніе, именуемые *Стрѣльцами* и вооруженные пищалями, избирались изъ волостныхъ сельскихъ людей, составляли *безсмѣнную рать*, жили обыкновенно въ городахъ, и были преимущественно употребляемы для осады крѣпостей: учрежденіе приписываемое Іоанну, по крайней мѣрѣ имъ усовершенное (493). Хотя оно еще не могло вдругъ измѣнить нашего древняго, Азіатскаго образа войны, но уже сближало его съ Европейскимъ; давало болѣе твердости, болѣе устройства ополченіямъ. — Прибавимъ къ сему неутомимость Россіянъ, ихъ физическую окрѣплость въ трудахъ, навыкъ сносить недостатокъ, холодъ въ зимнихъ походахъ, — вообще опытность ратную; прибавимъ наконецъ необъятную нравственную силу Государства Самодержавнаго, движимаго единою мыслію, однимъ словомъ Вѣнценосца юнаго, бодраго, который, по сказанію нашихъ и чужеземныхъ современниковъ, *жилъ только для подвиговъ войны и Вѣры* (494). Чего могли ожидать Ливонцы, имѣя дѣло съ такимъ непріятелемъ? погибели. г. 1556.

Всякое бореніе слабаго съ сильнымъ, возбуждая въ сердцахъ естественную жалость, склоняетъ насъ искать справедливости на сторонѣ перваго: но и Россійскіе и Ливонскіе Историки (495) винятъ Орденъ въ томъ, что онъ своимъ явнымъ недоброжелательствомъ, коварствомъ, обманами раздражилъ Іоанна, дѣйствуя по извинительному чувству нелюбви къ сосѣду опасному, но дѣйствуя неблагоразумно. Истинная Политика велитъ быть другомъ, ежели нѣтъ силъ быть врагомъ; прямодушіе можетъ иногда усовѣстить и властолюбца, отнимая у него предлогъ законной мести: ибо не легко наглымъ образомъ топтать уставы нравственности, и самая коварная или дерзкая Политика должна закрываться ея личиною. Іоаннъ, начиная войну Ливонскую, могъ тайно дѣйствовать по властолюбію, раждаемому или питаемому блестящими успѣхами; однакожь могъ искренно увѣрять себя и другихъ въ своей справедливости, обязанный сею выгодою худому расчету Ливонскихъ Властителей, которые, зная физическую силу Россіянъ, надѣялись ихъ проводить хитростію, Посольства-

г. 1558. ми, учтивыми словами, льстивыми обѣщаніями, и навлекли на себя ужасное двадцати-пятилѣтнее бѣдствіе, въ коемъ, среди развалинъ и могилъ, палъ ветхій Орденъ какъ утлое дерево.

Свѣдавъ о нашемъ вооруженіи, Магистръ Фирстенбергъ и Дерптскій Епископъ требовали отъ Царя *опасной грамоты для* проѣзда въ Москву ихъ новыхъ Пословъ. Іоаннъ далъ грамоту; но гонцы Нѣмецкіе видѣли у насъ вездѣ страшныя приготовленія къ войнѣ: обозы съ ратными запасами шли къ предѣламъ Ливоніи; вездѣ наводили мосты, учреждали станы, ямы, гостинницы по дорогѣ (496) — и въ исходѣ осени 1557 года уже сорокъ тысячь воиновъ стояло на границѣ подъ начальствомъ Шигъ-Алея, Бояръ Глинскаго, Данила Романовича, Ивана Шереметева, Князей Серебряныхъ, Андрея Курбскаго и другихъ знатныхъ сановниковъ (497). Кромѣ Россіянъ, въ семъ войскѣ были Татары, Черемисы, Мордва, Пятигорскіе Черкесы. Ждали только слова Государева, а Государь ждалъ Пословъ Ливонскихъ: они пріѣхали съ богатыми дарами и съ краснорѣчіемъ (498): Іоаннъ не хотѣлъ ни того, ни другаго. Алексѣй Адашевъ и Дьякъ Иванъ Михайловъ, указывая имъ на договорную хартію, требовали дани. Согласились наконецъ, чтобы Дерптъ, вмѣсто поголовной, ежегодно присылалъ намъ тысячу Венгерскихъ золотыхъ, а Ливонія заплатила 45,000 ефимковъ за воинскія издержки. Написали договоръ; оставалось исполнить его: но Послы объявили, что съ ними нѣтъ денегъ. Тогда Государь, какъ пишутъ, пригласилъ ихъ обѣдать во дворцѣ и велѣлъ подать имъ только *пустыя* блюда (499): они встали изъ-за стола голодные и поѣхали назадъ ни съ чѣмъ; а за ними войско наше, среди холодной, снѣжной зимы, 22 Генваря, съ огнемъ и мечемъ вступило въ Ливонію. Не смотря на то, что угрозы Іоанновы были ясны и приготовленія къ войнѣ давно извѣстны, Ливонскіе Властители изумились, пируя въ сіе время на пышной свадьбѣ какого-то знатнаго Ревельскаго чиновника (500). Россіяне дѣлали, что хотѣли въ землѣ, оставляя Нѣмцевъ сидѣть покойно въ городахъ укрѣпленныхъ. Князья Барбашинъ, Рѣпнинъ, Данило Ѳедоровичь Адашевъ громили Южную Ливонію на пространствѣ двухъ сотъ верстъ; выжгли посады Нейгауза, Киремпе, Маріенбурга, Курслава, Ульцена (501), и соединились подъ Дерптомъ съ главными Воеводами, которые взяли Алтентурнъ и также на пути своемъ все обратили въ пепелъ. Нѣмцы осмѣлились сдѣлать вылазку изъ Дерпта, конные и пѣшіе, въ числѣ пяти сотъ: ихъ побили на голову (502). Простоявъ три дни въ виду сей важной крѣпости, Воеводы пошли къ Финскому Заливу, — другіе къ рѣкѣ Аа; еще разбили Нѣмцевъ близъ Везенберга; сожгли предмѣстіе Фалькенау, Конготы, Лаиса, Пиркеля (503); были только въ пятидесяти верстахъ отъ Риги, въ тридцати отъ Ревеля, и въ концѣ Февраля возвратились къ Иванюгороду съ толпами плѣнниковъ, съ обозами богатой добычи, умертвивъ множество людей. Нѣмецкіе Историки говорятъ съ ужасомъ о свирѣпости Россіянъ, жалуясь въ особенности на шайки такъ называемыхъ *охотниковъ*, Новогородскихъ и Псковскихъ, которые, видя Ливонію беззащитною, вездѣ опустошали ея селенія, жестокостію превосходя самыхъ Татаръ и Черкесовъ, бывшихъ въ семъ войскѣ (504). Россіяне, посланные не для завоеванія, а единственно для разоренія земли, думали, что они исполняютъ долгъ свой, дѣлая ей какъ можно болѣе зла; и главный Полководецъ, Князь Михайло Глинскій, столько любилъ корысть, что грабилъ даже въ области Псковской, надѣясь на родственную милость Государеву, но ошибся: изъявивъ благоволеніе всѣмъ другимъ Воеводамъ, Іоаннъ въ справедливомъ гнѣвѣ велѣлъ доправить съ него все, беззаконно взятое имъ въ походѣ (505).

Начало войны Ливонской.

Совершивъ *казнь*, Воеводы Московскіе написали къ Магистру, что Нѣмцы должны единственно винить самихъ себя, дерзнувъ играть святостію договоровъ; что если они хотятъ *исправиться*, то могутъ еще умилостивить Іоанна смиреніемъ; что Царь Шигъ-Алей и Бояре готовы за нихъ ходатайствовать, изъ жалости къ бѣдной землѣ, дымящейся кровію. Ливонія дѣйствительно была въ жалостномъ состояніи: несчастные земледѣльцы, избѣжавшіе меча и плѣна, не могли помѣститься въ городахъ, умирали отъ изнуренія силъ и холода среди лѣсовъ, на кладбищахъ; вездѣ вопль народный требовалъ защиты или мира отъ Правителей, которые, на Сеймѣ въ Венденѣ долго разсуждавъ о лучшихъ мѣрахъ для ихъ спасенія, то гордо хваляся славою, мужествомъ предковъ, то съ ужасомъ воображая могу-

г. 1558. щество Царя, рѣшились вновь отправить Посольство въ Москву. Шигъ-Алей — коего одни изъ Ливонскихъ Историковъ именуютъ свирѣпымъ кровопійцею, а другіе весьма умнымъ, скромнымъ человѣкомъ (506) — взялся склонять Іоанна къ миру, дѣйствуя конечно по данному ему отъ Государя наказу. Но Судьба хотѣла, чтобы Орденъ былъ жертвою неразумія своихъ чиновниковъ, и чтобы сильный Іоаннъ, терзая слабую Ливонію, казался правымъ.

Ожидая Магистровыхъ Пословъ, Государь велѣлъ прекратить всѣ воинскія дѣйствія до 24 Апрѣля (507). Насталъ Великій постъ: благочестивые Россіяне спокойно говѣли и молились въ Иванѣгородѣ, отдѣляемомъ рѣкою отъ Нарвы, гдѣ Нѣмцы, новые Лютеране, презирая уставы древней Вѣры, не считали за грѣхъ пировать въ сіе время, и вдругъ, разгоряченные виномъ (508), начали стрѣлять въ Иваньгородъ. Тамошніе Воеводы, Князь Куракинъ и Бутурлинъ, извѣстили о томъ Государя, который велѣлъ имъ обороняться, и послалъ Князя Темкина, стоявшаго въ Изборскѣ, воевать ближайшіе предѣлы Ливоніи, чтобы наказать Нѣмцевъ за ихъ вѣроломство. Темкинъ выжегъ села въ окрестностяхъ Валка; разбилъ отрядъ непріятельскій, взялъ четыре пушки, и возвратился. Еще главная рать Московская не трогалась; но изъ Нарвы безпрестанно летали ядра въ Иваньгородъ и били жителей; а Нѣмцы Нарвскіе, какъ бы въ насмѣшку, приказывали къ Іоанновымъ Воеводамъ: «не мы, но Фохтъ Орденскій стрѣляетъ; не можемъ унять его» (509). Тогда Воеводы сами открыли сильную пальбу: ядра *огненныя* и каменныя осыпали Нарву въ теченіе недѣли; люди гибли; домы пылали, разрушались — и Нѣмцы, въ ужасѣ забывъ гордость, требовали пощады. Бургомистры, Ратманы выѣхали къ Воеводамъ; объявили, что ни въ чемъ не противятся Іоанновой волѣ; умолили ихъ прекратить стрѣльбу; дали заложниковъ и послали въ Москву Депутатовъ, Іоакима Крумгаузена и Арнта Фонъ-Дедена. Когда сіи Депутаты явились въ Кремлевскомъ дворцѣ, Окольничій Адашевъ и Дьякъ Михайловъ вышли къ нимъ отъ Государя и спросили, чего хотятъ они? *Быть, какъ мы были*, отвѣтствовалъ умный Крумгаузенъ: *не перемѣнять нашихъ законовъ; остаться городомъ Ливонскимъ; удовлетворить всѣмъ инымъ требованіямъ Царя милостиваго.* «Нѣтъ!» г. 1558. сказалъ Адашевъ: «мы не смѣемъ донести ему о такихъ условіяхъ. Вы дерзко нарушили перемиріе, стрѣляли въ Россіянъ, и видя гибель надъ собою, объявили, что готовы исполнить волю Царя; а Царю угодно, чтобы вы немедленно прислали въ Москву своего Орденскаго Властителя (Фохта Шнелленберга) и сдали намъ городъ: за что Іоаннъ милостиво обѣщаетъ не выводить васъ изъ домовъ; не касаться ни лицъ, ни собственности, ни древнихъ вашихъ обычаевъ; блюсти общее благоденствіе и свободу торговли; однимъ словомъ, владѣть Нарвою, какъ владѣли ею сановники Орденскіе. Такъ, и не иначе!» Депутаты, заплакавъ, присягнули Россіи за себя и за всѣхъ сограждань; были представлены Государю и получили отъ него жалованную грамоту. Велѣвъ увѣдомить о томъ Нарвское Правительство, Іоаннъ писалъ къ Воеводамъ, чтобы они берегли сей городъ, какъ Россійскій, отъ Магистра.

Но все перемѣнилось въ Нарвѣ: ея легкомысленные граждане, узнавъ, что Магистръ шлетъ къ нимъ 1000 воиновъ съ Коммандоромъ Ревельскимъ, ободрились, забыли страхъ и послали сказать нашему главному Воеводѣ, что Депутаты ихъ не имѣли власти предать отечество Царю Московскому (510); а Коммандоръ, думая воспользоваться нечаянностію, хотѣлъ схватить Россійскую стражу за рѣкою Наровою: ударилъ — и бѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ (511). Вѣсть о новомъ вѣроломствѣ Нѣмцевъ дошла до Москвы почти въ одно время съ другою, радостною, совершенно неожидаемою: съ вѣстію, что Нарва уже взята Россіянами!

Сіе происшествіе ославилось чудомъ. Взятіе Нарвы. Разсказываютъ, что пьяные Нарвскіе Нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее въ огонь, отъ коего вдругъ сдѣлался пожаръ (11 Мая) съ ужасною бурею. Россіяне изъ-за рѣки увидѣли общее смятеніе въ городѣ, и не слушаясь Воеводъ своихъ, устремились туда: кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ (512); выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Воеводы уже не могли быть праздными зрителями, и сами повели къ нимъ остальное войско. Въ нѣсколько минутъ все рѣшилось: Головы Стрѣлецкіе съ Бояр-

г. 1558. риномъ Алексѣемъ Басмановымъ и Даниломъ Адашевымъ (Окольничимъ, мужественнымъ братомъ любимца Государева) вломились въ Русскія ворота, а Иванъ Бутурлинъ въ Колыванскія; въ огнѣ и въ дыму рѣзали устрашенныхъ Нѣмцевъ, вогнали ихъ въ крѣпкій замокъ, называемый Вышегородомъ, и не дали имъ тамъ опомниться: громя его изъ всѣхъ пушекъ, своихъ и взятыхъ въ Нарвѣ, разбивали стѣны, готовили лѣстницы. Между тѣмъ два Коммандора, Феллинскій и Ревельскій, Кетлеръ и Зегегафенъ, съ сильною дружиною, пѣхотою, конницею и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ стояли въ трехъ миляхъ отъ города, видѣли пожаръ, слышали пальбу, и не двигались съ мѣста, разсуждая, что крѣпость, имѣющая каменныя стѣны и желѣзныя ворота, должна безъ ихъ помощи отразить непріятеля. Но къ вечеру замокъ сдался, съ условіемъ, чтобы побѣдители выпустили Фохта Шнелленберга, Нѣмецкихъ воиновъ и жителей, которые захотятъ удалиться. Вышли знатнѣйшіе только съ женами и дѣтьми, оставивъ намъ въ добычу все свое имѣніе; другіе отпустили семейства, а сами, вмѣстѣ съ народомъ, присягнули Царю въ вѣрности. Россіяне взяли 230 пушекъ и великое богатство; но, гася пожаръ, усердно и безкорыстно спасали достояніе тѣхъ жителей, которые сдѣлались нашими подданными. — Сіе важное завоеваніе, давъ Россіи знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Іоанна, что онъ съ великою пышностію торжествовалъ его въ Москвѣ и во всемъ Государствѣ; наградилъ Воеводъ и воиновъ; милостиво подтвердилъ жалованную грамоту, данную Крумгаузену и Фонъ-Дедену, не смотря на перемѣну обстоятельствъ; освободилъ всѣхъ Нарвскихъ плѣнниковъ; указалъ отдать собственность всякому, кто изъ вышедшихъ жителей Нарвы захочетъ возвратиться. Архіепископъ Новогородскій долженъ былъ немедленно отправить туда Архимандрита Юрьевскаго и Софійскаго Протоіерея, чтобы освятить мѣсто во имя Спасителя, крестнымъ ходомъ и молебнами *очистить отъ Вѣры Латинской и Лютеровой*, соорудить церковь въ замкѣ, другую въ городѣ, и поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, и которую нашли цѣлую въ пеплѣ (513).

Въ сіе время пріѣхали наконецъ Послы Ливонскіе въ Москву, братъ Магистра Фирстенберга, Ѳеодоръ, и другіе г. 1558. чиновники (514), не съ данію, но съ моленіемъ, чтобы Государь уступилъ ее землѣ разоренной. «Вся страна Дерптская» — говорили они Боярамъ — «стенаетъ въ бѣдствіи, и долго не увидитъ дней счастливыхъ. Съ кого требовать дани? вы уже взяли ее своимъ оружіемъ, — взяли въ десять разъ болѣе. Впредь можемъ исправиться, и тогда заплатимъ по договору.» Государь отвѣтствовалъ чрезъ Адашева: «Послѣ всего, что случилось, могу ли еще слушать васъ? Кто вѣритъ вѣроломнымъ? Мнѣ остается только искать управы мечемъ. Я завоевалъ Нарву и буду пользоваться своимъ счастіемъ. Однакожь, не любя кровопролитія, еще предлагаю средство унять его: пусть Магистръ, Архіепископъ Рижскій, Епископъ Дерптскій лично ударятъ мнѣ челомъ, заплатятъ дань *со всей Ливоніи*, и впредь повинуются мнѣ какъ Цари Казанскіе, Астраханскіе и другіе знаменитые Владѣтели: или я силою возьму Ливонію» (515). Послы ужаснулись, и сказавъ: «видимъ, что намъ здѣсь не будетъ дѣла», просили отпуска, который и дали имъ немедленно. Хотя Магистръ и Епископъ Дерптскій, пораженные судьбою Нарвы, уже готовы были заплатить намъ 60,000 ефимковъ; хотя, не безъ усилія, собрали и деньги (516): но время прошло: Государь требовалъ уже не дани Юрьевской, а подданства всей земли. Началась иная война, и Россіяне, снова вступивъ въ Ливонію, не довольствовались ея разореніемъ: они хотѣли городовъ и постояннаго владычества надъ нею.

25 Мая Князь Ѳеодоръ Троекуровъ и Данило Адашевъ осадили Нейшлосъ, а 6 Іюня взяли на договоръ. Тамошній Фохтъ вышелъ изъ крѣпости съ немногими людьми и съ пустыми руками, отдавъ все оружіе и достояніе побѣдителямъ. Жители города и всего Уѣзда (въ длину на 60, а въ ширину на 40 и 50 верстъ) Латыши и самые Нѣмцы признали себя подданными Россіи, такъ, что берега озера Чудскаго и рѣка Нарова, отъ ея верховья до моря, заключились въ нашихъ владѣніяхъ. Государь, пославъ къ Воеводамъ золотыя медали, велѣлъ исправить тамъ укрѣпленія и соорудить церковь во имя Св. Илариона: ибо въ день его памяти сдался Нейшлосъ. Жители Уѣзда и городка Адежскаго добровольно присягнули Іоанну, вмѣстѣ съ нѣкоторыми сосѣд-

Завоеваніе Нейшлоса, Адежа, Нейгауза.

г. 1558. ственными Везенбергскими волостями, и выдали Россіянамъ все казенное имѣніе, пушки, запасы (517).

Главная сила, подъ начальствомъ многихъ знатныхъ Воеводъ, Князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго, Андрея Курбскаго, шла къ Дерпту (518). Прежде надлежало взять Нейгаузъ, городъ весьма крѣпкій, гдѣ не было ни двухъ сотъ воиновъ, но былъ Витязь Орденскій, Укскиль Фонъ-Паденормъ, который, вооруживъ и гражданъ и земледѣльцевъ, около мѣсяца мужественно противился многочисленному войску. Съ симъ Героемъ Нѣмцы, по выраженію нашего Лѣтописца, *сидѣли на смерть:* бились отчаянно, неутомимо, и заслужили удивленіе Московскихъ Полководцевъ. Сбивъ стѣны, башни, Россіяне вошли въ городъ: Укскиль отступилъ въ замокъ съ горстію людей и хотѣлъ умереть въ послѣдней его развалинѣ; но сподвижники объявили ему, что не имѣютъ болѣе силъ — и Воеводы, изъ уваженія къ храбрости, дозволили имъ выйти *съ честію* (519). Сей примѣръ доказывалъ, что Ливонія, ограждаемая многими крѣпостями и богатая снарядомъ огнестрѣльнымъ, могла бы весьма затруднить успѣхи Іоаннова оружія, если бы другіе защитники ея, хотя и малочисленные, имѣли духъ Укскилевъ, а граждане добродѣтель Тилеву, одного изъ Бургомистровъ Дерптскихъ, который, въ тогдашнемъ собраніи Земскихъ Чиновъ сильно и трогательно изобразивъ бѣдствіе отечества, сказалъ: «Настало время жертвъ или погибели: лишимся всего, да спасемъ честь и свободу нашу; принесемъ въ казну свое золото и серебро; не оставимъ у себя ничего драгоцѣннаго, ни сосуда, ни украшенія; дадимъ Правительству способъ нанять войско, купить дружбу и защиту Державъ сосѣдственныхъ!» Но убѣжденія и слезы великодушнаго мужа не произвели никакого дѣйствія: его слушали и молчали (520)!

30 Іюля.

Великодушіе Дерптскаго Бургомистра.

Во время осады Нейгауза Магистръ Фирстенбергъ, Коммандоры и самъ Епископъ Дерптскій съ 8000 воиновъ (521) неподвижно стояли въ тридцати верстахъ оттуда, за Двиною и вязкими болотами, въ мѣстѣ неприступномъ, и не сдѣлали ничего для спасенія крѣпости; узнавъ же, что она сдалася, зажгли станъ свой и городокъ Киремпе, гдѣ находилось множество всякихъ припасовъ; спѣшили удалиться, бѣжали день и ночь, Магистръ къ Валку, а Епископъ къ Дерпту, гонимые нашими Воеводами, которые за 30 верстъ отъ Дерпта настигли и разбили Епископа, взяли его чиновниковъ въ плѣнъ, весь обозъ и снаряды. Магистръ, избравъ крѣпкое мѣсто близъ Валка, остановился: Воеводы велѣли передовой дружинѣ вступить съ нимъ въ битву, а сами начали обходить его и принудили бѣжать далѣе къ Венденy, такъ скоро и въ такой жаръ, что люди и лошади издыхали отъ усталости. Россіяне истребили весь заднiй отрядъ Фирстенберговъ, едва не схвативъ знаменитѣйшаго изъ Коммандоровъ, Готгарда Кетлера, подъ коимъ въ семъ дѣлѣ упала лошадь. Обозъ Магистровъ былъ нашею добычею, и Воеводы, извѣстивъ Государя, что непріятеля уже нѣтъ въ полѣ, обратились къ Дерпту (522).

Бѣгство Магистра.

г. 1558.

Въ сихъ для Ордена ужасныхъ обстоятельствахъ старецъ Фирстенбергъ сложилъ съ себя достоинство Магистра, и юный Кетлеръ, повинуясь Чинамъ, принялъ его со слезами (523). Славясь отличнымъ умомъ и твердостію характера, онъ вселялъ надежду въ другихъ, но самъ имѣлъ весьма слабую, и только изъ великодушія согласился быть — послѣднимъ Магистромъ издыхающаго Ордена! Чтобы употребить всѣ возможныя средства спасенія, Кетлеръ ревностно старался воспламенить хладныя сердца любовію къ отечеству, заклиналъ сановниковъ дѣйствовать единодушно, не жалѣть ни достоянія, ни жизни для блага общаго; собиралъ деньги и людей; требовалъ защиты отъ Императора, Короля Датскаго, Шведскаго, Польскаго; писалъ и къ Царю, моля его о мирѣ: но не видалъ желаемаго успѣха. Раздоръ, взаимныя подозрѣнія Ливонскихъ Властителей мѣшали всѣмъ добрымъ намѣреніямъ Магистра. Хотѣли спасенія, но безъ жертвъ, торжественно доказывая, что богатые люди не обязаны разоряться для онаго (524) — и Кетлеръ могъ единственно займомъ наполнить пустую казну Ордена для необходимыхъ, воинскихъ издержекъ. Помощи внѣшней не было. Императоръ Карлъ V, обнимавшій взоромъ своимъ всю Европу, уже оставилъ тогда короны и престолы; какъ вторый Діоклетіанъ удалился отъ міра, столь долго волнуемаго его властолюбіемъ, и хотѣлъ въ пустынѣ удивить людей особеннымъ родомъ славы, рѣдкой, но не менѣе суетной: славы ка-

Новый Глава Ордена.

Г. 1558. заться выше земнаго величія. Новый Императоръ Фердинандъ ссорился съ Папою, мирилъ Германію, опасался Турковъ, и только жалѣлъ о бѣдной Ливоніи; другіе Государи довольствовались обѣщаніемъ склонить Іоанна къ миролюбію; а Царь отвѣтствовалъ Кетлеру: «жду тебя въ Москвѣ, и смотря по твоему челобитью, изъявлю милость» ([525]). Сія *милость* казалась Магистру послѣднимъ изъ возможныхъ бѣдствій для Державнаго Ливонскаго Рыцарства: онъ лучше хотѣлъ погибнуть съ честію, нежели съ униженіемъ безполезнымъ.

Взятіе Дерпта и многихъ другихъ городовъ.

Воеводы Іоанновы не теряли времени: взявъ Киремпе, Курславъ и крѣпкій замокъ Вербекъ на Эмбахѣ ([526]), всѣми силами приступили къ Дерпту, славному богатствомъ жителей и многими общественными, благодѣтельными заведеніями. Кромѣ вооруженныхъ гражданъ, готовыхъ стоять за честь и вольность, двѣ тысячи наемныхъ Нѣмцевъ ([527]) были защитниками сего важнаго, искусно укрѣпленнаго мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Епископа, Германа Вейланда, который хвалился болѣе воинскою доблестію, нежели смиренною набожностію Христіанскаго Пастыря. Шесть дней продолжались битвы жестокія и достойныя *мужей Рыцарскихъ,* какъ пишетъ Воевода Курбскій, очевидецъ и правдивый судія дѣлъ ратныхъ. Но превосходная сила одолѣвала: вылазки дорого стоили осажденнымъ, и Россіяне, пользуясь густымъ туманомъ, заперли городъ со всѣхъ сторонъ турами, вели подкопы, ставили бойницы, разрушали стѣны пальбою, предлагая жителямъ самыя выгодныя условія, если они сдадутся. Епископъ не хотѣлъ сперва слышать о переговорахъ: но Магистратъ донесъ ему, что городъ не въ силахъ обороняться долго; что многіе изъ воиновъ и гражданъ пали въ вылазкахъ, или больны, или отъ усталости едва дѣйствуютъ оружіемъ; что пушки непріятельскія, вредя стѣнамъ, бьютъ людей и въ улицахъ. Послали тайныхъ вѣстниковъ къ Магистру: они возвратились благополучно. Магистръ писалъ, что Орденъ нанимаетъ воиновъ и молится о спасеніи Дерпта!

Главный Воевода Іоанновъ, Князь Петръ Ивановичь Шуйскій, былъ, по сказанію современнаго Ливонскаго Историка ([528]), мужъ добролюбивый, честный, благородный душею. Совершивъ подкопы и прикативъ туры къ самымъ стѣнамъ, онъ велѣлъ объявить съ барабаннымъ боемъ, что даетъ жителямъ два дни на размышленіе, а въ третій возьметъ Дерптъ приступомъ; что Іоаннъ торжественно обѣщаетъ имъ милость, свободу Вѣры, цѣлость ихъ древнихъ правъ и законовъ; что всякой можетъ безопасно выѣхать изъ города и безопасно возвратиться. Тогда Магистратъ и граждане единодушно сказали Епископу: «Мы готовы умереть, готовы обороняться, пока есть у насъ *блюдо на столѣ и ложка въ рукахъ,* если упорство наше будетъ достохвальнымъ мужествомъ, а не безсмысленною дерзостію; но благоразумно ли отвергать великодушныя предложенія Царя, когда въ самомъ дѣлѣ не имѣемъ силъ ему противиться?» Тоже говорили и воины Нѣмецкіе, требуя отпуска и свидѣтельства въ оказанной ими вѣрности; тоже и Священники Римской Вѣры, опасаясь упрямствомъ раздражить непріятеля. Епископъ согласился. Написали слѣдующія условія: «1) Государь даетъ Епископу монастырь Фалькенау съ принадлежащими къ оному волостями, домъ и садъ въ Дерптѣ; 2) подъ его вѣдомствомъ будутъ Духовенство и церкви Латинскія съ ихъ достояніемъ; 3) Дворяне, желающіе быть подданными Россіи, спокойно владѣютъ своими замками и землями; 4) Нѣмецкіе ратники выйдутъ изъ города съ оружіемъ и съ пожитками; 5) въ теченіе двѣнадцати дней всякой Дерптскій житель воленъ ѣхать, куда хочетъ; 6) Исповѣданіе Аугсбургское остается главнымъ и безъ всякихъ перемѣнъ; 7) Магистратъ *Нѣмецкій* всѣмъ управляетъ, какъ было, не лишаясь ни правъ, ни доходовъ своихъ; 8) купцы свободно и безъ пошлинъ торгуютъ съ Германіею и съ Россіею; 9) не выводить никого изъ Дерптской въ Московскія области; 10) кто захочетъ переселиться въ другую землю, можетъ взять или продать имѣніе; 11) граждане свободны отъ ратнаго постоя; 12) всѣ преступленія, самыя государственныя, даже оскорбленіе Царскаго Величества, судятся чиновниками Магистрата; 13) новые граждане присягаютъ Царю и Магистрату» ([529]). Благоразумный Шуйскій, уполномоченный Іоанномъ, не отвергнулъ ни одной статьи, руководствуясь не только человѣколюбіемъ, но и Политикою: надлежало милостію, снисхожденіемъ, духомъ умѣренности ослабить ненависть Ливонцевъ къ Рос-

г. 1558. сіи, и тѣмъ облегчить для насъ завоеваніе земли ихъ.

Когда уже всѣ условія были одобрены побѣдителемъ, и когда надлежало только скрѣпить оныя печатями, старецъ Антонъ Тиле, добродѣтельный Бургомистръ Дерптскій, еще выступилъ изъ безмолвнаго круга унылыхъ сановниковъ. «Свѣтлѣйшій Князь и Государь!» сказалъ онъ Епископу: «если кто-нибудь думаетъ, что Дерптъ можно спасти оружіемъ и битвою, да явится! Иду съ нимъ, и мы вмѣстѣ положимъ свои головы за отечество» (530)! Сія рѣчь, видъ, голосъ старца произвели сильное впечатлѣніе. Епископъ отвѣтствовалъ: «Мужъ достойный! никто изъ насъ не заслуживаетъ имени малодушнаго: уступаемъ необходимости.» — 18 Іюля Дерптъ сдался. Желая сдѣлать все возможное въ пользу несчастныхъ, Князь Шуйскій поставилъ стражу у воротъ и не велѣлъ пускать Россіянъ въ городъ, чтобы жители спокойно укладывались и выѣзжали; оберегалъ ихъ въ пути; давалъ имъ проводниковъ до мѣстъ безопасныхъ. Епископа отпустили въ Фалькенау съ двумя стами отборныхъ Московскихъ всадниковъ.

Когда все затихло въ городѣ, Депутаты Магистрата вручили Шуйскому ключи отъ крѣпости. Онъ сѣлъ на коня и торжественно вступилъ въ городъ. Впереди ѣхалъ младшій Воевода, держа въ рукѣ знамя мира (531); за нимъ Шуйскій, окруженный Депутатами и Каноникамн. На улицахъ въ два ряда стояли Государевы Дѣти Боярскіе. Уже народъ не страшился побѣдителей и съ любопытствомъ смотрѣлъ на ихъ мирное, стройное шествіе; самыя жены не прятались. Магистратъ поднесъ Шуйскому золотую чашу (532). Сей умный Князь, изъявивъ благодарность, сказалъ, что «его жилище и слухъ будутъ отверсты для всякаго; что онъ пришелъ казнить злодѣевъ и благотворить добрымъ» — ласково звалъ къ себѣ обѣдать Дерптскихъ чиновниковъ и Старѣйшинъ, далъ имъ въ зáмкѣ великолѣпный пиръ, и своимъ привѣтливымъ обхожденіемъ заслужилъ любовь общую. — Россіяне взяли въ Дерптѣ 552 пушки, также не мало богатства казеннаго и частнаго, оставленнаго тѣми жителями, которые выѣхали въ Ригу, въ Ревель, въ Феллинъ (533). Государь утвердилъ договоръ заключенный Воеводами; но велѣлъ Епископу Герману и знатнѣйшимъ Дерптскимъ сановникамъ быть въ Москву. г. 1558. Сей бывшій Державный Епископъ, проклинаемый въ отечествѣ за мнимую измѣну, уже не выѣхалъ изъ Россіи и кончилъ дни свои въ горести, слыша, что друзей и слугъ его, обвиняемыхъ въ тайномъ согласіи съ непріятелемъ, пытаютъ, казнятъ въ Ливоніи: чѣмъ Орденскіе Властители хотѣли закрыть свою слабость, увѣряя народъ, что одна измѣна причиною нашихъ выгодъ.

Но сія жестокость не затруднила успѣховъ для могущества, соединеннаго съ благоразуміемъ. Примѣръ Дерпта доказывалъ, что Іоаннъ умѣетъ щадить побѣжденныхъ: Шуйскій писалъ оттуда ко всѣмъ градоначальникамъ Ливонскимъ, требовалъ подданства, обѣщалъ, грозилъ (534) — и крѣпости Везенбергъ, Пиркель, Лаисъ, Оберпаленъ, Рингенъ или *Тушинъ*, Ацель, сдалися нашимъ Воеводамъ, которые вездѣ мирно выпускали Орденскихъ Властителей, довольствовались присягою жителей и не касались ихъ собственности; но все предавали огню и мечу въ областяхъ непокорныхъ: въ Феллинской, Ревельской, Венденской, Шваненбургской; сожгли посадъ Виттенштейна, гдѣ начальствовалъ юный мужественный Рыцарь, Каспаръ фонъ Ольденбокъ (535); разбили Нѣмцевъ въ полѣ, близъ Вендена и Шваненбурга; плѣнили двухъ знатныхъ чиновниковъ; взяли всего *двадцать* городовъ (536), и въ каждомъ оставивъ нужные запасы, охранное войско, въ концѣ Сентября пріѣхали къ Государю. Онъ былъ въ Троицкой Лаврѣ: встрѣтилъ ихъ съ милостію и веселіемъ; обнималъ, славилъ за ревностную службу; вмѣстѣ съ ними молился, благодарилъ Бога, и поѣхалъ въ Александровскую слободу, гдѣ изъ собственныхъ рукъ жаловалъ имъ шубы, кубки, доспѣхи; велѣлъ выбирать любыхъ изъ коней Царскихъ, и сверхъ того далъ богатыя помѣстья, а Дѣтямъ Боярскимъ земли и маетности въ завоеванной Ливоніи, чтобы они тѣмъ усерднѣе берегли оную (537).

Новые начальники, присланные туда изъ Москвы, Князья Дмитрій Курлятевъ и Михайло Рѣпнинъ, были менѣе счастливы: хотя завоевали еще городокъ Кавелехтъ, сожгли Верполь и побили Нѣмцевъ въ самомъ предмѣстіи Ревеля (538); но Магистръ и Воевода Архіепископа Рижскаго, Фелькерзамъ, собравъ болѣе десяти тысячь ратниковъ (539), осадили Рингенъ въ виду нашихъ полковъ и

г. 1558. Кетлеръ беретъ Рингенъ.

взяли сію крѣпость, не смотря на мужество ея защитника, Головы Стрѣлецкаго, Русина-Игнатьева, который съ двумя или тремя стами воиновъ держался въ ней около пяти недѣль, отразилъ два приступа, и не имѣлъ уже наконецъ ни фунта пороху ([540]). Воеводы Іоанновы оправдывались крѣпостію Нѣмецкаго стана, утомленіемъ своей рати, и хвалились побѣдою, одержанною ими надъ братомъ Магистровымъ, Іоанномъ Кетлеромъ, коего они плѣнили вмѣстѣ съ двумя стами шестидесятью Нѣмцами между Рингеномъ и Дерптомъ; но Магистръ самъ напалъ на нихъ, стопталъ дружину Князя Рѣпнина ([541]), и могъ бы отнять у насъ Дерптъ, гдѣ оставалось мало ратниковъ, а жители знатнѣйшіе тайно звали его къ себѣ. Къ счастію нашему, утружденные Нѣмцы хотѣли отдохновенія. Число ихъ уменьшилось до шести тысячь. Зная, что Полководцы Московскіе ждутъ вспоможенія и любятъ воевать зимою, Магистръ въ исходѣ Октября ушелъ назадъ, безчеловѣчно умертвивъ всѣхъ Россіянъ, взятыхъ имъ въ Рингенѣ ([542]); а мы снова заняли сей городъ. — Въ то же время непріятель отъ Лужи, Резицы и Валка тревожилъ набѣгами Псковскую область: сжегъ предмѣстіе Краснаго, монастырь Св. Николая близъ Себежа и множество селъ ([543]).

Недовольный Курлятевымъ и Рѣпнинымъ, Государь въ Декабрѣ мѣсяцѣ послалъ въ Ливонію мужественныхъ Воеводъ, Князей Симеона Микулинскаго, Василія и Петра Серебряныхъ, Ивана Шереметева, Михайла Морозова, Царевича Тохтамыша, Князей Черкесскихъ и войско сильное ([544]), чтобы итти прямо къ Ригѣ, опустошить землю, истреблять непріятеля въ полѣ. Готовые начать кровопролитіе, они писали къ Магистру, что отъ него зависитъ война и миръ; что Іоаннъ еще можетъ простить, если Нѣмцы изъявятъ покорность. Отвѣта не было.

г. 1559. Россіяне опустошаютъ Ливонію и Курляндію.

17 Генваря Россіяне вступили въ Ливонію: отъ городка Краснаго, захвативъ пространство ста верстъ или болѣе, шли на Маріенбургъ, и близъ Тирсипа встрѣтили Нѣмцевъ, коими предводительствовалъ Фелькерзамъ. Тутъ былъ одинъ Князь Василій Серебряный съ своею дружиною. Непріятель оказалъ мужество: знатнѣйшіе витязи Ордена и чиновники Архіепископа Рижскаго стояли въ рядахъ. Храбрый Фелькерзамъ и четыреста Нѣмцевъ пали въ битвѣ. Канцлеръ Архіепископовъ и тридцать лучшихъ Дворянъ находились въ числѣ плѣнниковъ ([545]); остальные разсѣялись, и Князь Серебряный открылъ безопасный путь войску до самаго моря. Зима была жестокая. Не занимаясь осадою большихъ крѣпостей, Вендена, Риги, Воеводы подступали единственно къ маленькимъ городкамъ. Нѣмцы уходили изъ нихъ. Одинъ Шмильтенъ не сдавался: Козаки наши разбили ломами каменную стѣну его и долго рѣзались въ улицахъ съ отчаяннымъ непріятелемъ ([546]). Россіяне брали пушки, колокола, запасы; предавали огню все, чего не могли взять съ собою; истребили такимъ образомъ одиннадцать городовъ; три дни стояли подъ Ригою, сожгли множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошили ея берега, приморскую землю, Курляндію до Пруссіи и Литвы; обогатились добычею, и съ несмѣтнымъ числомъ плѣнниковъ вышли, 17 Февраля, къ Опочкѣ, извѣстивъ Іоанна, что рать его цѣла, а Ливонія въ пеплѣ!

За Ливонію ходатайствуютъ Короли Польскій, Шведскій и Датскій.

Наконецъ явились ходатаи за сію несчастную землю. Мы оставили Короля Августа готоваго къ твердому миру и союзу съ Россіею противъ Хана ([547]): для чего въ Мартѣ 1559 года прибыли въ Москву Послы Литовскіе. Начали говорить о мирѣ: Іоаннъ хотѣлъ, чтобы обѣ Державы владѣли безспорно, чѣмъ владѣютъ; но Августъ въ первомъ словѣ требовалъ Смоленска! Сего мало: онъ предписывалъ намъ не воевать Ливоніи, будто бы отданной ему Императоромъ и Германскими Чинами! Іоаннъ велѣлъ Посламъ ѣхать назадъ, сказавъ: «Вижу, что Король перемѣнилъ свои мысли: да будетъ, какъ ему угодно! Ливонцы суть древніе данники Россіи, а не ваши: я наказываю ихъ за невѣрность, обманы, *торговыя вины* и разореніе церквей.» Послы уѣхали. Государь не согласился заключить и новаго перемирія съ Литвою; обѣщался только не нарушать стараго (до 1562 года), если Король будетъ давать лучшую управу Россіянамъ, обижаемымъ его подданными ([548]). — Однимъ словомъ, ясно было, что война Ливонская произведетъ Литовскую. Августъ думалъ не о томъ, чтобы великодушно спасти ветхій, слабый Орденъ, но чтобы не отдать его богатыхъ владѣній Іоанну, а взять себѣ, если можно. Желаніе весьма естественное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Ордена, Литвы и Россіи — весьма соглас-

г. 1560. ное съ благоразуміемъ Политики, которая осудила бы безпечность сего Монарха, если бы онъ не употребилъ всѣхъ способовъ исторгнуть Ливонію изъ рукъ Царя. Надлежало только имѣть рѣшительность и твердость: чего не доставало Августу. Онъ шелъ на войну, и хотѣлъ удалить ее; смѣло воображалъ оную впереди, ужасаясь мысли обнажить мечь немедленно.

Гораздо болѣе равнодушія, гораздо менѣе ревности оказывалъ другой заступникъ Ордена: старецъ Густавъ Ваза. Тщетно хотѣвъ противиться властолюбію Россіи соединенными силами Державъ Сѣверныхъ — видѣвъ, что Августъ и Магистръ не думали помогать ему въ войнѣ съ Іоанномъ, ограничиваясь единственно пустыми увѣреніями въ доброжелательствѣ — Густавъ писалъ къ Царю: «Не указываю тебѣ въ дѣлахъ твоихъ; не требую, но только въ угодность Императору Фердинанду молю тебя, какъ великодушнаго сосѣда, даровать миръ Ливоніи, изъ жалости къ человѣчеству и для общей пользы Христіанства. Я самъ не могу хвалиться искреннимъ дружествомъ и честностію Ливонцевъ: знаю ихъ по опыту! Если хочешь, то напишу къ нимъ, что они должны пасть къ ногамъ твоимъ съ раскаяніемъ и смиреніемъ (549). Уймешь ли кровопролитіе, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ буду свято хранить заключенный договоръ съ Россіею и чтить высоко твою дружбу.» Іоаннъ благодарилъ Густава за доброе расположеніе; изъяснялъ причину войны, и сказалъ: «если не имѣешь особеннаго желанія вступаться въ дѣла Ливоніи, то нѣтъ тебѣ нужды писать къ Магистру: я самъ найду способъ образумить его.»

Третьимъ ходатаемъ былъ Король Датскій, Фридерикъ II. Эстонія, какъ извѣстно, принадлежала нѣкогда его предкамъ (550). Тѣснимая Іоанномъ, и видя, что Орденъ не можетъ спасти ее, сія земля искала защиты отца Фридерикова, Христіана III: Ревель, вся Гарріа и Вирландія изъявили ему желаніе быть снова у него въ подданствѣ. Но Христіанъ, уже старый и близкій къ концу, отвѣчалъ равнодушно: «Мнѣ трудно править и своими землями: благоразумно ли искать еще новыхъ и за нихъ сражаться?» Однакожь далъ Эстоніи нѣсколько тысячь гульденовъ, нѣсколько пушекъ, и назначилъ Посольство въ Москву; между тѣмъ умеръ (551). Имѣя болѣе властолюбія и дѣятельности, сынъ его желалъ возвратить Даніи сію немаловажную область: писалъ къ Магистру, къ Епископу Ревельскому, къ Дворянству Эстонскому; обѣщалъ имъ не только ходатайство, но и войско въ случаѣ нужды; далъ Посламъ своимъ наставленіе и велѣлъ имъ спѣшить въ Москву. Уже болѣе сорока лѣтъ мы не имѣли никакого сношенія съ симъ Королевствомъ: Фридерикъ I и Христіанъ III считали безполезнымъ союзъ Россіи, столь уважаемый Христіаномъ II, другомъ Василія Іоанновича. Самыя торговыя связи прервалися между Копенгагеномъ и Новымгородомъ. Увѣдомивъ Іоанна, какъ *добраго, любезнаго сосѣда* о своемъ восшествіи на престолъ, изъявивъ ревностное желаніе быть ему другомъ и возстановить торговлю съ нами, уничтоженную *смутными обстоятельствами минувшихъ временъ*, Фридерикъ убѣдительно просилъ, чтобы онъ не тревожилъ Эстоніи, издревле области Датской, *только на время порученной Магистру*, и чтобы, благосклонно уваживъ безкорыстное его (Фридериково) ходатайство, даровалъ миръ и самому Ордену (552). Адашевъ именемъ Царя сказалъ Посламъ: «Мы со вниманіемъ слушали ваши рѣчи; читали грамоты писанныя Государями Россійскими къ Датскимъ и Датскими къ Россійскимъ; видѣли ихъ любовь взаимную; видѣли, что подданные обѣихъ Державъ свободно и выгодно торговали другъ съ другомъ. Если Король желаетъ возобновить сію счастливую дружбу, то и мы искренно расположены къ оной. Но удивляемся, что онъ находитъ Датскія владѣнія въ той землѣ, которая уже шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій Князь Георгій Владиміровичь, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ тамъ церкви Греческія, обложилъ всю землю данію — и съ того времени она не бывала достояніемъ иныхъ Государей. Знаю, что ея жители безъ вѣдома Россіи взяли-было къ себѣ двухъ Королевичей Датскихъ; но предки мои казнили ихъ за сію вину огнемъ и мечемъ, а Королевичей выслали; казнили и вторично, свѣдавъ, что Ливонцы тайно признали надъ собою мнимую власть Римскаго Цесаря. Если Фридерикъ не знаетъ сего, то мы велимъ явить вамъ древніе договоры Ордена съ Намѣстниками Новогородскими: читайте и разу-

Іоаннъ даетъ перемиріе Ливоніи.

г. 1559. мѣйте истину сказаннаго нами!... Было время, когда мы, сиротствуя во младенчествѣ, не могли защитить правъ своихъ: враги ликовали, тѣснили, губили Россію. Тогда и Магистръ и Епископы Ливонскіе не захотѣли платить намъ дани: брали ее съ земледѣльцевъ, съ городовъ, но для себя»... Описавъ вины ихъ, Государь продолжалъ: «И такъ да не вступается Фридерикъ въ Эстонію. Его земля Данія и Норвегія, а другихъ не вѣдаемъ. Когда же хочетъ добра Ливоніи, да совѣтуетъ ея Магистру и Епископамъ лично явиться въ Москвѣ предъ нами: тогда, изъ особеннаго уваженія къ Королю, дадимъ имъ миръ согласный съ честію и пользою Россіи. Назначаемъ срокъ: шесть мѣсяцевъ Ливонія можетъ быть спокойна!» Посламъ вручили *опасную грамоту* на имя Властителей Ливонскихъ, въ коей было сказано, что Царь *жалуетъ* перемиріе Ордену отъ Мая до Ноября 1559 года, и чтобъ Магистръ *или* самъ ударилъ ему челомъ въ Москвѣ, *или*, вмѣсто себя, прислалъ *знатнѣйшихъ людей* для вѣчнаго мирнаго постановленія ([553]). Симъ отдохновеніемъ Ливонія обязана была въ самомъ дѣлѣ не ходатайству Короля Фридерика, но услугамъ другаго, не исканнаго ею благопріятеля: Хана Девлетъ-Гирея. Іоаннъ долженствовалъ унять Крымцевъ, и чтобы не раздѣлять силъ, далъ на время покой Ордену, въ удостовѣреніи, что Россія всегда можетъ управиться съ симъ слабымъ непріятелемъ.

Князь Димитрій Вишневецкій, въ 1558 году посланный воевать Тавриду ([554]), доходилъ до устья Днѣпра, не встрѣтивъ ни одного Татарина въ полѣ: Девлетъ-Гирей со всѣми Улусами сидѣлъ внутри полуострова, ожидая Россіянъ. Вишневецкій возвратился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ мужественнаго Дьяка Ржевскаго съ Козаками. Между тѣмъ Ханъ, желая узнать, что дѣлается въ землѣ Казанской, посылалъ къ берегамъ Волги легкіе отряды, истребляемые Горными жителями и Козаками ([555]). Долго не смѣлъ онъ предпріять ничего важнаго, но услышавъ о войнѣ Ливонской, и повѣривъ ложной вѣсти, что всѣ наши силы заняты ею — что Россія беззащитна, и самъ Іоаннъ борется съ непріятелемъ страшнымъ на отдаленныхъ берегахъ моря Балтійскаго ([556]) — Девлетъ-Гирей ободрился, приманилъ къ себѣ многихъ Ногаевъ ([557]), и собравъ, какъ пишутъ, до ста тысячь всадниковъ г. 1559. зимою (въ Декабрѣ 1558 года) велѣлъ Нашествіе Крымцевъ. сыну своему, Магметъ-Гирею, итти къ Рязани, Улану Магмету къ Тулѣ, Ногаямъ и Князьямъ Ширинскимъ къ Коширѣ. Сіе войско уже достигло рѣки Мечи ([558]): тутъ плѣнники сказали Царевичу, что Іоаннъ въ Москвѣ, и что въ Ливоніи только малая часть нашей рати. Онъ изумился; спросилъ: гдѣ смѣлый Князь Вишневецкій? гдѣ храбрый Иванъ Шереметевъ? и свѣдавъ, что первый въ Бѣлевѣ, а послѣдній въ Рязани, и что Князь Михайло Воротынскій стоитъ въ Тулѣ съ полками сильными, Магметъ-Гирей не дерзнулъ итти далѣе: гонимый однимъ страхомъ, бѣжалъ назадъ и поморилъ не только лошадей, но и всадниковъ. Князь Воротынскій шелъ за нимъ до Оскола по трупамъ и не могъ его настигнуть; а Донскіе Козаки, пользуясь отсутствіемъ Крымскаго войска, близъ Перекопи разбили Улусы Ногаевъ, ушедшихъ отъ своего Князя, Ислама, къ Девлетъ-Гирею, и взяли 15,000 коней.

Чтобы Ханъ не имѣлъ времени образумиться, Іоаннъ приказалъ Князю Вишневецкому съ пятью тысячами легкихъ воиновъ итти на Донъ, построить суда, плыть къ Азову и съ сей стороны тревожить нападеніями Тавриду ([559]). Тогда же извѣстный мужествомъ Окольничій Данило Адашевъ выступилъ изъ Москвы къ Днѣпру съ дружиною Дѣтей Боярскихъ, съ Козаками и Стрѣльцами для нанесенія чувствительнѣйшаго удара непріятелю, смотря по обстоятельствамъ. Успѣхи Вишневецкаго были маловажны: онъ истребилъ нѣсколько сотъ Крымцевъ, хотѣвшихъ снова пробраться къ Казани; но юный, достойный братъ любимца Государева, Данило Адашевъ, искусствомъ и смѣлостію заслужилъ удивленіе современниковъ. Съ Введеніе Россіянъ въ Тавриду. осмью тысячами воиновъ ([560]) онъ сѣлъ близъ Кременчуга на ладіи, имъ самимъ построенныя въ сихъ, тогда населенныхъ мѣстахъ, спустился къ устью Днѣпра, взялъ два корабля на морѣ и присталъ къ Тавридѣ ([561]). Сдѣлалась неописанная тревога во всѣхъ Улусахъ; кричали: «Русскіе! Русскіе! и Царь съ ними!» уходили въ горы, прятались въ дебряхъ. Ханъ трепеталъ въ ужасѣ, звалъ воиновъ, видѣлъ только бѣглецовъ — и болѣе двухъ недѣль Адашевъ на свободѣ громилъ западную часть полуострова, жегъ Юрты, хваталъ стада

г. 1559. и людей, освобождая Россійскихъ и Литовскихъ невольниковъ. Наполнивъ ладіи добычею, онъ съ торжествомъ возвратился къ Очакову. Въ числѣ плѣнниковъ, взятыхъ на корабляхъ и въ Улусахъ, находились Турки: Адашевъ послалъ ихъ къ Пашамъ Очаковскимъ, велѣлъ имъ сказать, что Царь воевалъ землю своего злодѣя, Девлетъ-Гирея, а не Султана, коему всегда хочетъ быть другомъ. Паши сами выѣхали къ нему съ дарами, славя его мужество и добрую пріязнь Іоаннову къ Солиману. Между тѣмъ Ханъ опомнился: узналъ о малыхъ силахъ непріятеля, и гнался берегомъ за Адашевымъ, который медленно плылъ вверхъ Днѣпра, стрѣлялъ въ Татаръ, миновалъ пороги и сталъ у Монастырскаго острова, готовый къ битвѣ; но Девлетъ-Гирей, опасаясь новаго стыда, съ малодушною злобою обратился назадъ.

Вѣсть о семъ счастливомъ подвигѣ младаго витязя, привезенная въ Москву Княземъ Ѳедоромъ Хворостининымъ, его сподвижникомъ, не только Государю, но и всему народу сдѣлала величайшее удовольствіе. Митрополитъ служилъ благодарственный молебенъ. Читали торжественно донесеніе Адашева; радовались, что онъ проложилъ намъ путь въ нѣдра сего *темнаго* Царства, гдѣ дотолѣ *сабля Русская еще не обагрилась кровію невѣрныхъ* (562); воспоминали, что тамъ цвѣло нѣкогда Христіанство и Св. Владиміръ узналъ Бога истиннаго; думали, что Іоанну остается пожелать, и Крестъ снова возсіяетъ на берегахъ Салгира. Уже Государь хотѣлъ перемѣнить нашу древнюю, робкую систему войны противъ сихъ неутомимыхъ разбойниковъ и дѣйствовать наступательно (563): пославъ золотыя медали Адашеву и его товарищамъ, велѣлъ имъ быть къ себѣ для совѣта; но война Ливонская опять запылала сильнѣе прежняго и спасла Тавриду. Іоаннъ оставилъ только Ногаямъ и Козакамъ тревожить Хана (564), и писалъ къ нему въ отвѣтъ на его новыя мирныя предложенія: «Видишь, что война съ Россіею уже не есть чистая прибыль. Мы узнали путь въ твою землю и степями и моремъ. Не говори *безлѣпицы* и докажи опытомъ свое искреннее миролюбіе: тогда будемъ друзьями» (565). — Кромѣ Ногаевъ, послушныхъ Князю Исламу, вѣрному союзнику Россіи, и Донскихъ Козаковъ, Царь имѣлъ на Югѣ усердныхъ слугъ въ Князьяхъ Черкесскихъ: они требовали г. 1559. отъ насъ Полководца, чтобы воевать Тавриду, и Церковныхъ Пастырей, чтобы просвѣтить всю ихъ землю ученіемъ Евангельскимъ. То и другое желаніе было немедленно исполнено: Государь послалъ къ нимъ бодраго Вишневецкаго и многихъ Священниковъ, которые, въ дебряхъ и на скатахъ горъ Кавказскихъ основавъ церкви, обновили тамъ древнее Христіанство (566).

Давъ какъ бы изъ милости перемиріе Ордену, Государь не думалъ, чтобы Ливонцы нарушили оное: вывелъ большую часть войска изъ Эстоніи и ждалъ вѣстей отъ Магистра. Но Кетлеръ молчалъ; увѣренный, что надобно или побѣдить Россіянъ или принадлежать Россіянамъ, онъ рѣшился ѣхать не въ Москву, а въ Краковъ, чтобы склонить Августа къ дѣятельному, ревностному участію въ сей войнѣ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, и даже съ опасностію для самой независимости Ордена: ибо Ливонцы въ крайности хотѣли лучше зависѣть отъ Польши, нежели отъ Россіи, издревле имъ ненавистной. Еще достоинство Орденскаго Магистра не упало въ общемъ мнѣніи: юный Кетлеръ, одаренный пріятною наружностію, умомъ, краснорѣчіемъ, благородными душевными свойствами, предсталъ Августу въ смиренномъ величіи, окруженный многими знатными сановниками; сильно изобразилъ бѣдствіе Ливоніи, опасности самой Польши, страшные замыслы Іоанновы (567); доказывалъ необходимость войны для Короля и вѣроятность побѣды, не уменьшая многочисленности Россіянъ, но говоря съ презрѣніемъ о нашемъ искусствѣ ратномъ. Августъ желалъ знать мнѣніе Сейма: Вельможи Польскіе, тронутые краснорѣчіемъ Магистра, хотѣли немедленно обнажить мечь; а Литовскіе, лучше зная силу Россіи, совѣтовали употребить прежде всѣ иные способы для защиты Ордена: убѣдительное ходатайство, настоятельныя требованія, угрозы подкрѣпляемыя вооруженіемъ (568). Наконецъ подписали договоръ. Магистръ и Рижскій Архіепископъ отдали Королю Союзъ Ливоніи съ Августомъ. *въ залогъ* крѣпости Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашератъ, Дюннебургъ, Розитенъ, Луценъ, съ условіемъ заплатить ему семь сотъ тысячь гульденовъ по окончаніи войны; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣ-

г. 1559. лить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи ([569]).

Съ сею хартіею Кетлеръ возвратился въ Ливонію какъ съ трофеемъ: ободрилъ чиновниковъ и гражданъ; ручался за вѣрность Короля и за успѣхъ; требовалъ только усердія и великодушія отъ истинныхъ сыновъ отечества. Надежда блеснула въ сердцахъ. Увѣряли себя въ могуществѣ Литвы: воспоминали славную для нее битву Днѣпровскую ([570]); искали между извѣстными Воеводами Августовыми новымъ Константиновъ Острожскихъ. «Мы должны указать имъ путь къ побѣдѣ», говорилъ Кетлеръ: «кто требуетъ содѣйствія, долженъ дѣйствовать; первые обнаживъ мечь, увлечемъ друзей за собою въ поле.» Герцогъ Мекленбургскій, Христофъ, Коадъюторъ Рижскаго Архіепископа, привелъ изъ Германіи новую дружину наемниковъ. Сеймъ Имперскій обѣщалъ Кетлеру сто тысячь золотыхъ. Герцогъ Прусскій, Ревельскій Магистратъ и нѣкоторые усердные граждане ссудили его знатною суммою денегъ: такъ одинъ Рижскій лавошникъ далъ ему тридцать тысячь марокъ подъ росписку ([571]). Богатѣйшіе выходцы Дерптскіе хотѣли бѣжать въ Германію съ своимъ имѣніемъ: у нихъ взяли серебро и золото въ казну Орденскую. Симъ способомъ Магистръ удвоилъ число воиновъ, и зная, что Россіянъ мало въ Ливоніи, выступилъ изъ Вендена, за мѣсяцъ до назначеннаго въ

Магистръ нарушаетъ перемиріе. перемирной грамотѣ срока, осенью, въ ужасную грязь; нечаянно явился близъ Дерпта и на голову разбилъ неосторожнаго Воеводу Захарію, Плещеева, положивъ на мѣстѣ болѣе тысячи Россіянъ ([572]). Сіе нападеніе справедливо казалось Іоанну новымъ вѣроломствомъ: онъ поручилъ месть своимъ знаменитѣйшимъ Воеводамъ, Князьямъ Ивану Мстиславскому, Петру Шуйскому, Василію Серебряному, которые съ лучшими Дѣтьми Боярскими, Московскими и Новогородскими, спѣшили спасти завоеванную нами часть Ливоніи. Худыя дороги препятствовали скорому походу, и непріятель могъ бы имѣть важные успѣхи въ землѣ, гдѣ всѣ жители были на его сторонѣ, готовые свергнуть иго Россіянъ; но умъ и мужество двухъ нашихъ сановниковъ обратили въ ничто побѣду Магистрову.

Кетлеръ немедленно приступилъ къ Дерпту. Тамошній Воевода, Бояринъ Князь Андрей Кавтыревъ-Ростовскій, успѣлъ взять мѣры: заключилъ опасныхъ гражданъ въ ратушѣ ([573]); встрѣтилъ Нѣмцевъ сильною пальбою и сдѣлалъ удачную вылазку. Магистръ десять дней стоялъ въ верстѣ отъ города, стрѣляя изъ пушекъ безъ всякаго вреда для осажденныхъ. Морозы, вьюги, худая пища произвели ропотъ въ его станѣ. Наемные Германскіе воины не любили трудовъ. Кетлеръ долженъ былъ рѣшиться на долговременную, зимнюю осаду, или на приступъ: то и другое казалось ему неблагоразуміемъ. Крѣпкія стѣны охранялись многими бойницами, сильною дружиною и Воеводою искуснымъ; граждане не могли имѣть сношенія съ осаждающими и способствовать имъ въ успѣхѣ; а число Россіянъ въ полѣ ежедневно умножалось: они заходили въ тылъ къ Нѣмцамъ, показывая намѣреніе окружить ихъ ([574]). Принужденный удалиться отъ Дерпта, Магистръ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лаисъ, гдѣ находилось четыреста воиновъ съ неустрашимымъ Головою Стрѣлецкимъ, Кошкаровымъ. Нѣмцы поставили туры, разбили стѣну и не могли вломиться въ крѣпость: Россіяне изумили ихъ своимъ отчаяннымъ сопротивленіемъ, такъ что Кетлеръ, два дни приступавъ съ жаромъ, ушелъ назадъ къ Вендену какъ побѣжденный, и знатнымъ урономъ въ людяхъ, а еще болѣе уныніемъ воиновъ надолго лишилъ себя способа предпріять что-нибудь важное. Сія удивительная защита Лаиса есть одно изъ самыхъ блестящихъ дѣяній воинской Исторіи древнихъ и новыхъ временъ, если не число дѣйствующихъ, а доблесть ихъ опредѣляетъ цѣну подвиговъ. Князь Андрей Ростовскій прислалъ самого Кашкарова съ донесеніемъ о бѣгствѣ Нѣмцевъ. Государь изъявилъ живѣйшую благодарность тому и другому за спасеніе ввѣренныхъ имъ городовъ, нашей чести и славы ратной.

Славная защита Лаиса.

г. 1560.

Вѣроятно, что Магистръ, съ такимъ усиліемъ и спѣхомъ возобновивъ кровопролитіе, ждалъ отъ Августа, по уговору съ нимъ, какого нибудь движенія противъ Россіи: Король дѣйствительно готовилъ войско, но только готовилъ, и прислалъ въ Москву Секретаря своего, Володковича, съ грамотою, въ коей рѣшительно требовалъ, чтобы Іоаннъ вывелъ войско изъ Ливоніи и возвратилъ всѣ взятые имъ города: «иначе (писалъ онъ) я долженъ буду оружіемъ защитить мою собственность: ибо Магистръ

Угрозы Августовы.

г. 1560. торжественно назвалъ себя присяжникомъ Великаго Герцогства Литовскаго. Мнимыя права Россіи на Ливонію суть новый вымыселъ: ни отецъ, ни дѣдъ твой, ни ты самъ донынѣ не объявлялъ ихъ» (575). Володковичь словесно убѣждалъ Бояръ Московскихъ способствовать миру, открывая имъ за тайну, что Польскіе Вельможи готовы свергнуть Короля, если онъ не вступится за Ливонію. Іоаннъ, велѣвъ показать ему договорную Магистрову грамоту о Дерптской дани, сказалъ: «вотъ наше право!» и, по совѣту Бояръ, отвѣчалъ Августу: «Не только Богу и всѣмъ Государямъ, но и *самому народу* извѣстно, кому принадлежитъ Ливонія. Она, съ вѣдома и согласія нашего, избирая себѣ Нѣмецкихъ Магистровъ и *мужей духовныхъ*, всегда платила дань Россіи. Твои требованія смѣшны и непристойны. Знаю, что Магистръ ѣздилъ въ Литву и беззаконно отдалъ тебѣ нѣкоторыя крѣпости: если хочешь мира, то выведи оттуда всѣхъ своихъ начальниковъ, и не вступайся за измѣнниковъ, коихъ судьба должна зависѣть отъ нашего милосердія. Вспомни, что честь обязываетъ Государей и дѣлать и говорить правду. Искренно хотѣвъ быть въ союзѣ съ тобою противъ невѣрныхъ, не отказываюсь и теперь заключить его. *Жду* отъ тебя Пословъ и благоразумнѣйшихъ предложеній» (576). Іоаннъ *ждалъ* войны. Оставалось только знать, кому начать ее?

Гонецъ отъ Императора. Тогда же пріѣхалъ въ Москву гонецъ изъ Вѣны отъ Цесаря Фердинанда, который, не имѣвъ дотолѣ сношенія съ Россіею, писалъ къ Іоанну, что желаетъ его дружбы и проситъ не воевать Ливоніи, Имперской области. Письмо было учтиво и ласково; но Государь сухо отвѣтствовалъ Фердинанду, что «если онъ, подобно Максимиліану и Карлу V, дѣйствительно хочетъ дружества Россіи, то долженъ объясниться съ нимъ чрезъ Пословъ, людей именитыхъ: ибо съ гонцами не разсуждаютъ о дѣлахъ важныхъ» (577) — и не сказалъ болѣе ни слова, хотя Императоръ, какъ законный покровитель Ордена, справедливѣе Литвы и Даніи могъ за него вступиться.

Новое разореніе Ливоніи. Между тѣмъ Ливонія пылала. Россіяне въ слѣдъ за бѣгущимъ Кетлеромъ устремились изъ Дерпта съ огнемъ и мечемъ казнить вѣроломство; подступили къ Тарвасту, гдѣ находился старый Магистръ Фирстенбергъ, стоптали г. 1560. его въ сдѣланной имъ вылазкѣ, сожгли предмѣстіе и побили Нѣмцевъ у Феллина (578); а главные Воеводы Московскіе, Князья Мстиславскій, Шуйскій, Серебряный, разгромили всю землю отъ Псковскаго озера до Рижскаго Залива, въ уѣздахъ Венденскомъ, Вольмарскомъ, гдѣ еще многія мѣста оставались цѣлы до сего новаго и для бѣдныхъ жителей нечаяннаго впаденія. Напрасно искавъ Магистра и битвы въ полѣ, Воеводы пришли къ *Алысту* или Маріенбургу. Сей городокъ былъ тогда однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Ливоніи; стоялъ на островѣ среди большаго озера и казался недоступнымъ въ лѣтнее время: зима проложила къ нему путь, и Россіяне, подкативъ тяжелый снарядъ огнестрѣльный (коимъ управлялъ Бояринъ Михайло Морозовъ, славный Казанскою осадою) въ нѣсколько часовъ разбили до основанія стѣну. Нѣмцы благоразумно сдалися; но Глава ихъ, Коммандоръ Зибургъ, умеръ за то въ Кирхгольмской темницѣ: ибо Магистръ хотѣлъ, чтобы Орденскіе сановники защищали крѣпости подобно Укскилю и Кошкарову (579). Взятіе Маріенбурга. Воеводы, исправивъ стѣны, оставили въ Маріенбургѣ сильную дружину, возвратились во Псковъ, и получили отъ Государя золотыя медали. — Весною Россіяне опять ходили изъ Дерпта въ Эстонію; выманили Нѣмцевъ изъ Верпеля и засадою истребили всѣхъ до одного человѣка; а такъ называемые *сторонщики* Псковскіе, или вольница, уже не находя ничего въ Ливонскихъ селахъ, искали земледѣльцевъ въ лѣсахъ, и толпами гнали ихъ для продажи въ Россію (580).

Но Іоаннъ, предвидя неминуемую войну Литовскую, хотѣлъ какъ можно скорѣе управиться съ Орденомъ, и еще въ концѣ зимы послалъ новую рать къ Дерпту съ Княземъ Андреемъ Курбскимъ. Желая изъявить ему особенную довѣренность, онъ призвалъ его къ себѣ въ спальню; исчислилъ всѣ знаменитыя дѣла сего храбраго мужа, и сказалъ: «Мнѣ должно или самому ѣхать въ Ливонію или вмѣсто себя послать Воеводу опытнаго, бодраго, смѣлаго съ благоразуміемъ: избираю тебя, моего *любимаго!* Иди и побѣждай» (581)! Іоаннъ умѣлъ плѣнять своихъ ревностныхъ слугъ: Курбскій въ восторгѣ цѣловалъ руку Державнаго. Юный Государь обѣщалъ неизмѣнную милость, юный Боя-

г. 1560. ринъ усердіе до конца жизни: оба не сдержали слова, къ несчастію своему и Россіи!. . . . Помощникомъ Курбскаго былъ славный Данило Адашевъ. Они въ исходѣ Мая выступили изъ Дерпта къ *Бѣлому Камню* или Виттенштейну; взяли крѣпкій замокъ Епископа Ревельскаго, Фегефееръ (582); опустошили богатѣйшую область Коскильскую, гдѣ находилось множество прекрасныхъ усадебъ Рыцарскихъ, схватили отрядъ Нѣмецкій подъ самымъ Виттенштейномъ, и свѣдавъ отъ плѣнниковъ, что бывшій Магистръ Фирстенбергъ съ девятью полками, конными и пѣхотными, стоитъ въ осьми миляхъ отъ города, за вязкими болотами, рѣшились итти на него съ пятью тысячами легкихъ, отборныхъ воиновъ, пославъ въ Дерптъ обозы съ добычею. Цѣлый день Россіяне вязли въ болотахъ, и если бы Фирстенбергъ ударилъ въ сіе время, то съ меньшимъ числомъ истребилъ бы ихъ совершенно; но онъ ждалъ непріятеля на гладкомъ широкомъ полѣ, въ десяти верстахъ оттуда. Солнце садилось. Россіяне дали отдохнуть конямъ; шли тихо, въ лунную, самую яснѣйшую ночь, какая бываетъ лѣтомъ только въ мѣстахъ приморскихъ; увидѣли Нѣмцевъ готовыхъ къ бою, и сразились въ самую полночь. Около двухъ часовъ продолжалась сильная пальба; наши имѣли ту выгоду, что стояли лицемъ къ огнямъ непріятельскимъ и лучше могли цѣлить. Курбскій оставилъ назади запасное войско: оно приспѣло: Россіяне устремились впередъ, сломили, гнали Нѣмцевъ верстъ шесть, до глубокой рѣки, гдѣ мостъ обрушился подъ бѣгущими. Фирстенбергъ спасся съ немногими: одни утонули, другіе пали отъ меча или сдалися. Курбскій на восходѣ солнца возвратился къ Магистрову стану; взялъ весь его обозъ и привелъ въ Дерптъ сто семдесятъ чиновныхъ плѣнниковъ. — Сей Воевода въ два мѣсяца одержалъ еще шесть или семь побѣдъ: важнѣйшею была Феллинская. Фирстенбергъ охранялъ сію крѣпость: видя нѣсколько сотъ Татарскихъ всадниковъ передъ стѣнами, онъ выѣхалъ съ дружиною, попался въ засаду, и едва ускакалъ на борзомъ конѣ, оставивъ многихъ Рыцарей на мѣстѣ битвы (583).

Побѣды К. Курбскаго.

Но въ то время, какъ сильная рука Іоаннова давила слабую Ливонію, Небо готовило ужасную перемѣну въ судьбѣ его и Россіи.

Тринадцать лѣтъ онъ наслаждался полнымъ счастіемъ семейственнымъ, основаннымъ на любви къ супругѣ нѣжной и добродѣтельной. Анастасія еще родила сына, Ѳеодора, и дочь Евдокію (584); цвѣла юностію и здравіемъ: но въ Іюлѣ 1560 года занемогла тяжкою болѣзнію, умноженною испугомъ (585). Въ сухое время, при сильномъ вѣтрѣ, загорѣлся Арбатъ; тучи дыма съ пылающими головнями неслися къ Кремлю. Государь вывезъ больную Анастасію въ село Коломенское; самъ тушилъ огонь, подвергаясь величайшей опасности: стоялъ противъ вѣтра, осыпаемый искрами и своею неустрашимостію возбудилъ такое рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ, что Дворяне и Бояре кидались въ пламя, ломали зданія, носили воду, лазили по кровлямъ. Сей пожаръ нѣсколько разъ возобновлялся и стоилъ битвы: многіе люди лишились жизни или остались изувѣченными (586). Царицѣ отъ страха и безпокойства сдѣлалось хуже. Искусство Медиковъ не имѣло успѣха, и, къ отчаянію супруга, Анастасія 7 Августа, въ пятомъ часу дня, преставилась . . . Никогда общая горесть не изображалась умилительнѣе и сильнѣе. Не Дворъ одинъ, а вся Москва погребала свою *первую*, любезнѣйшую Царицу. Когда несли тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни Духовенству, ни Вельможамъ, тѣснясь на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали, и всѣхъ неутѣшнѣе бѣдные, нищіе, называя Анастасію именемъ матери. Имъ хотѣли раздавать обыкновенную въ такихъ случахъ милостыню: они не принимали, чуждаясь всякой отрады въ сей день печали (587). Іоаннъ шелъ за гробомъ: братья, Князья Юрій, Владиміръ Андреевичь и юный Царь Казанскій, Александръ, вели его подъ руки. Онъ стеналъ и рвался: одинъ Митрополитъ, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напоминать ему о твердости Христіанина. . . Но еще не знали, что Анастасія унесла съ собою въ могилу!

Кончина Царицы Анастасіи.

Здѣсь конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи: ибо онъ лишился не только супруги, но и добродѣтели, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

КОНЕЦЪ ОСЬМАГО ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ V ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Великій Князь, отпустивъ посла Авдулина, ѣздилъ изъ Владиміра въ Переславль Залѣсскій. — *Никон. Лѣт.* называетъ посла Муратова Иляковъ, и говоритъ, что Димитрій Суздальскій господствовалъ тогда въ Владимірѣ 12 дней (вмѣсто недѣль); Сей Лѣтописецъ прибавляетъ еще, что Димитрій Константиновичь, изъявивъ покорность Великому Князю, уѣхалъ въ Нижній къ своему брату Андрею.

(2) См. *Никон. Лѣт.* г. 1363, стр. 5, и *Ростовск.* Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано: «Тое же зимы новоевашася Князи Ростовскіе межъ собою со Княземъ Константиномъ *Андреевичемъ*; и побѣжалъ Князь изъ Ростова во Ржеву. Того же лѣта пріѣхалъ Князь *Владиміровичь* въ Ростовъ, а съ нимъ Князь Иванъ Ржевской съ войною въ великой силѣ, а Князь Константинъ *Владиміровичь* и братъ его побѣжали на Устюгъ.» *Въ то время*, сколько намъ извѣстно, не было въ Ростовѣ ни Константина *Андреевича*, ни Константина *Владиміровича*. Сей же Лѣтописецъ прибавляетъ, что Великій Князь плѣнилъ жену Димитрія Галицкаго.

(3) Іоаннъ Іоанновичь преставился въ 1364 году, Окт. 23, а мать его, Вел. Княгиня Александра, названная въ Монашествѣ Маріею, Дек. 27; первый погребенъ въ Архангельскомъ Соборѣ, а вторая въ придѣлѣ монастыря Спасскаго или Преображенскаго.

См. договорную грамоту въ *Древн. Рос. Вивліов.* I, 74. Писанная на бумагѣ, и безъ печатей, сія грамота не есть подлинникъ. Въ ней встрѣчаются выраженія: *по здадцѣ*, *на переѣары*. Первое значило: *по обстоятельствамъ*, или *по соображенію съ обстоятельствами*; а *переварами* назывались тѣ мѣста, гдѣ варили для Князей оброчный медъ.

(4) «Въ то же лѣто (1365) Іюнія во 2 день, преставися К. Андрей Костя. въ Черницѣхъ и въ Скимѣ, и положенъ бысть въ церкви Спаса» (въ Нижнемъ). Сей Андрей построилъ тамъ близъ двора своего каменную церковь Св. Архистратига Михаила. Въ *Троицкой*: «Княгиня же Василиса, много плакавше по Князи своемъ, пребысть вдовою 4. лѣта; пострижена бысть отъ Діонисья Архимандрита Печерскаго, и наречено бысть имя ей Ѳеодора. — Бысть ей тогда отъ рожденья лѣтъ 40; и раздавала все имѣнье свое церквамъ и монастыремъ и нищимъ, а слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ монастырѣ у Св. Зачатья, иже сама создала при Князи своемъ; живяше же въ молчаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами и слезами, стояніемъ нощнымъ и неспаніемъ; многащды и всю нощь безъ сна пребываше, егогда чрезъ день, егогда чрезъ два, иногда же и пять дней не ядяше; въ мовню не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; вина и меду не пьяше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхождаше; злобы ни на коего же не держаше но всѣмъ любовь имѣяше. Таковое же доброе и чистое житье ея видяще, мнози Болярыни, жены и вдовицы и дѣвици постригошася у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяноста, и вся общее житье имяху. Княгиня же Василиса, поживши въ Черницахъ девять лѣтъ и неболѣвши нѣколико дній, преставися ко Господу.»

Далѣе: «К. Димитрій Константиновичь съ матерію своею *Еленою* пріиде къ Новугороду Нижнему: Князь же Борисъ не соступися ему. Онъ же иде къ Москвѣ... Тое же зимы пріиде посолъ отъ Царя изъ Орды Байрамхозя и отъ Царицы Асанъ, и посадиша въ Новѣгородѣ Нижнемъ на Княженіи Князя Бориса.» Сынъ Димитрія Константиновича, Василій, ѣздившій въ Орду, прозывался Кирдяпою. — Далѣе: «Дошедшу Димитрію Константиновичу Бережца, и ту срѣте й Кн. Борисъ и доби челомъ ему.» Въ *Ростов.*: «тое же зимы (1367), Іаннуарія въ 18 день, женился Вел. К. Димитрій *вторымъ бракомъ*, понялъ за себя у Н. Дим. Константиновича дщерь Евдокію.» Въ *Троицк.* и другихъ лѣтописяхъ нѣтъ словъ: *вторымъ бракомъ*.

(5) Въ *Псков. Лѣт.*: «въ лѣто 6868 (1360) бысть во Псковѣ другый моръ. Тогда и Остаѳій Князь преставися, и два сына его, Карпъ и Алексій.» — Въ *Троицкой*: «въ лѣто 6872 бысть моръ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, и на уѣздѣ, и на Сару (Сурѣ) и на Кишии, и по странамъ... А пришелъ изъ Низу отъ Веадевка; а оттолѣ на Коломну, на другое лѣто въ Переяславль, на другое лѣто въ Москву,» и проч. Въ *Никонов.*: «на Бѣлѣозерѣ тогда ни единъ живъ обрѣтеся.» Далѣе въ лѣтописи *Ростов.* и *Никон.* Въ первой: «бысть моръ въ Торжку *угорщиною*.» Во второй: «Преставися Княгиня Великая Настасья Александрова, таже Княгиня *Авдотья* Константинова, таже К. Семенъ Константиновичь, а отчину свою удѣлъ и Княгиню приказа Князю Михаилу Александровичу. Таже преставися Княгиня Всеволожа Софея, и потомъ самъ Князь Всеволодъ, таже братъ его К. Андрей, таже Княгиня его Евдокія, и К. Володимеръ Александровичь.» — Въ Смоленскѣ язва была въ 1377, 1386 и 1387 году, а во Псковѣ еще въ 1389.

(6) См. *Троицк. Лѣт.* г. 6873 (1365). — Далѣе: «Тое же зимы Князь Великій, погадавъ съ братомъ съ Володимеромъ и со всѣми Бояры старѣйшими, и сдумаша ставити городъ каменъ Москву. Тое же зимы повезоша каменье къ городу. Тое же весны (1367) почали ставить городъ каменъ.»

(7) Тагай выжегъ Рязань въ 1365 году. Сраженіе было подъ Шишевскимъ лѣсомъ, на Войновѣ. Тагай ушелъ съ малымъ числомъ своихъ. Не отъ сего ли Мурзы городъ Тагай получилъ имя? — Упоминаемый здѣсь Титъ Козельскій названъ въ Родословныхъ Книгахъ *внукомъ* Св. Михаила Черниговскаго (что не вѣроятно по времени). — Далѣе: «Того жъ лѣта (1367) Булатъ-Темирь пограби уѣздъ до Волги и до Сундовити... По *зажитьямъ* множество Татаръ побьени быша» — то есть, въ разъѣздахъ для собранія съѣстныхъ припасовъ.

(8) Въ *Ростов.*: «той же зимы (1364) съ Югры Новогородцы пріѣхаша. Дѣти Боярскіе и люди молоды Воеводы, Александръ Обакуновичь, воеваша по Оби рѣкѣ и до моря, а другая половина на верхъ Оби и Двиняне сташа противу ихъ полкомъ, и избиша Двинянъ на *Кучкова*.» Въ *Троицкой*: «того жъ лѣта (1365) пойдоша Новгородци изъ Югры, а Двиняне *взяша Нукурью*.» Говорится объ одномъ происшествіи, но смыслъ несогласенъ: по *Ростов.* Новогородцы сражались съ Двинянами, а по *Троицк.* Двиняне вмѣстѣ съ ними ходили тогда воевать къ предѣламъ Сибири. — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Ходиша изъ Новагорода (въ 1366 году) люди молодыи на Влъгу безъ Новго-

родскаго слова» — безъ вѣдома Правителей — «а Воеводою Есипъ Варѳоломеевичь, Василій Ѳеодоровичь, Александръ Обакуновичь; того жь лѣта пріидоша вси здрави въ Новгородъ.» Въ *Троицкой:* «Пройдоша Волгою изъ Новагорода изъ Великаго 150 *ушкуевъ* (*лодокъ*) Ноугородци разбойници *ушкуйницы*, избиша Татаръ множество, Бесерменъ и Орменъ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, женъ и дѣтей, товаръ ихъ пограбиша, а съсуды (*суда*) ихъ, *кербати* и лодьи и учаны и *набусы* и струги, то все посѣкоша, а сами отъидоша въ Каму, и пройдоша до Болгаръ, такоже творяще и воююще.— Того же лѣта (1366) на зиму отъ Князя изымаша Василья *Даниловича* съ сыномъ на Вологдѣ, а онъ шелъ съ *Двины*, а того бяше не вѣдалъ, не стерегълся. Въ лѣто 6875 посылаша Новгородци послове къ Вел. Князю, и докончаша миръ, и Князь отпусти Василія и сына его Ивана, и Намѣстника своего присла въ Новгородъ.»

(9) См. *Никон. Лѣт.* IV, 5 и 12. Еще въ 1363 году Князь Василій Михайловичь ходилъ съ войскомъ къ Микулину, но помирился съ Михаиломъ. «Въ лѣто 6874 (1366) бысть розмирье Князю Василію, да Князю Іеремею (Константиновичу) со Княземъ съ Михайломъ Александровичемъ про удѣлъ Князя Семена Костянтиновича, и по Митрополичью повелѣнію судилъ ихъ Владыка Василей, и оправилъ Князя Михаила... Въ лѣто 6875 (1367) Князь Великій *Дмитрій* всѣхъ Князей Рускихъ приводяше подъ свою волю, а которые не повиновахуся, и на тѣхъ нача посягати, тако же и на Князя Михайла Тверскаго; и К. Михайло пойде въ Литву, а К. Василей и сынъ его, К. Михайло, и К. Іеремей приставомъ Митрополичьимъ позвали на Москву на судъ передъ Митрополита Владыку *Василія*, что ихъ судилъ не по правдѣ; и тако на Москвѣ про тотъ судъ Владыцѣ сотворися проторъ великъ, а во Твери Житейскимъ людемъ. Князь же Василей съ своею Княгинею и съ сыномъ Михайломъ и съ К. Іеремеемъ и со всею силою Кашинскою пріѣхаша во Тферь, и велику погибель створиша людемъ; и къ городку ратью ходили, и испросили себѣ помощи у Князя Великаго Дмитрія, и не вземше возвратилися назадъ, повоевавше власти (волости) и села. Рать Московская и Волоцкая извоеваша села Тверскія на сей странѣ Волги, церковныя и Св. Спаса Епископьи. Того жь лѣта въ осеннѣ, на завтріе по Дмитріевѣ дни, Князь Михайло Тферскій, пріѣхавъ изъ *Литвы* во Тферь своею ратью, и поималъ Княгиню Іеремееву и Княгиню Васильеву Елену и ее всѣхъ Бояръ и Бояръ *дяди*, и пошелъ ратью *Литовской* къ Кашину, и срѣтиша его отъ *дяди* и отъ Владыки послы въ Андреевскомъ селѣ... и въ томъ мѣстѣ рать увернулъ, а подъ *дядею* миръ взялъ со Княземъ съ Великимъ, съ Дмитріемъ... Князь же Михайло Княгиню Іеремееву отпусти, а на зиму о Крещеніи К. Михайло Васильевичь Кашинскій отъ отца своего пришедъ съ любовію ко Князю Михаилу Александровичу... Того же лѣта К. Іеремей сложи цѣлованіе крестное ко Князю Михайлу и поѣха на Москву.» — Удѣломъ Іеремеевымъ былъ *Дорогобужъ*, нынѣ село *Дорожево* въ Тверской Губерніи.

(10) См. ниже мирный договоръ сего Князя съ Димитріемъ. — Въ *Троицк.*: «Того же лѣта (1368) Кн. Вел. Дмитрій Иван., да Алексѣй Митрополитъ зазваша Князя Михайла *любовью* на Москву, и бысть имъ *судъ* на третей:» новѣйшіе переписчики, не понявъ сего выраженія, прибавили: «на третей *день!*» Далѣе: «Князь Михайло тогды сѣдѣлъ на Гавшинѣ дворѣ... и внезапу пріидоша отъ Орды Татарове, Карачь» (въ *Никонов.*: и Оендаръ и Тютекашъ) — «они же, подумавше, и тако попускаша ихъ (Михаила съ Бояры) въ своясн.» Въ *Русск. Лѣт.* Львова: «укрѣпиша его крестнымъ цѣлованіемъ.» Далѣе см. *Никон. Лѣт.*

(11) Въ Родословныхъ книгахъ сей Василій несправедливо названъ бездѣтнымъ, вмѣсто его внука, также Василія Михайловича.

(12) См. *Никон. Лѣт.* IV, 5, и *Больш. Чертеж.*, стр. 163. Стрыковскій пишетъ (*Хрон. Литов.* кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгіемъ и Ѳеодоромъ Коріатовичами, близъ Синей Воды, въ Подоліи, разбивъ трехъ Князей Могольскихъ, Кутлубака Солтана, Качибейнрея и Димейтере Солтана (будто бы еще въ 1331 году) прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Донъ; что Коріатовичи, завладѣвъ Подоліею, основали тамъ города *Бакоту*, Смотричь, *Каменецъ*, *Брацлавъ*, *Межибожъ*, *Теребовль* (развѣ только возобновили? ибо о сихъ городахъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ XI, XII и XIII вѣка) Винницу, Брославицу, Хмѣльникъ; что Волохи избрали себѣ Георгія Коріатовича въ Господари, но отравили его въ Сочавѣ и погребли въ каменномъ Васильевѣ монастырѣ за Борладомъ, и проч. Братья Коріатовичи, не довольные послѣ дядею, прибѣгнули къ Королямъ Венгерскому и Польскому. Ѳеодоръ со многими Россіянами переселился въ Венгрію, въ Мункачъ, гдѣ, называясь тамошнимъ Герцогомъ, основалъ монастырь и церковь Греческой Вѣры (см. Базиловича Notit. Fundationis Theodori Koriatovits pro Religiosis Ruthenis in monte Csernek ad Munkacs). — Далѣе см. Нарушевича *Таврикію*, стр. 108, и нашей *Исторіи* T. IV, примѣч. 146. — Литовцы взяли Ржевъ въ 1363 году. Въ *Никон. Лѣт.* безъ сомнѣнія ошибкою стоитъ *Коршева*, вмѣсто *Ржева*. — Далѣе: «К. Андрей Олгердовичь Полотскій воева Ховрачь, да Родень» (Рудню въ Смоленск. Губерніи). — О Витовтѣ см. Стрыков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 10. Онъ называетъ его обыкновенно *Витольдомъ*.

(13) «Обычай бо бѣ Ольгерду, егда куда поидяше на войну, тогда никому же невѣдущу воиномъ его, како хощетъ ити ратью; ни инымъ опришнимъ или внѣшнимъ, или иноземцомъ, или гостемъ, да не услышана будетъ дума его въ ушью иноземцемъ, и таковою хитростию Олгердъ многи земли поималъ, не толма силою, елико умѣньемъ воеваше.»

(14) Князь Симеонъ убитъ въ области *Холмъ*. Онъ былъ праправнукъ перваго Князя Стародубскаго, Іоанна Всеволодовича. — Городъ Оболенскъ (нынѣ слобода въ Калужской Губерніи, на рѣкѣ Нарѣ) принадлежалъ въ древней странѣ Вятичей, и слѣдственно къ областямъ Черниговскимъ. Отецъ Константина Оболенскаго, Юрій Торусскій, въ Родословныхъ Книгахъ названъ сыномъ Св. Михаила Черниговскаго!! Довольно, что онъ происходилъ отъ Михаила. — Тростенское озеро находится въ Москов. Губ., въ Рузскомъ уѣздѣ.

(15) «Примета дѣля,» сказано въ лѣтописяхъ — то есть, чтобы осаждающіе не могли сдѣлать примета къ стѣнамъ городскимъ. Въ *Троицк.*: «Олгердъ стоялъ около города (Кремля) 3 дни и 3 нощи; остановъ загородья пожже... Толь велико зло отъ Литвы не бывало въ Руси, аще и отъ Татаръ бывало; отъ Ѳедорчюковы рати (въ 1297 году) до Олгердовы лѣтъ 41.»

(16) *Лѣт. Псков.*: «Въ лѣто 6870 пригнавше Нѣмци избиша на *Лидвѣ* нѣколико головъ Псковскыхъ, а на миру, и Псковичи пріяша гостей Нѣмецкыхъ, и много на нихъ сребра поимавше, отпустиша на другое лѣто.» Въ *Новгород.*: «Въ лѣто 6871 пріѣхаша послове Нѣмецкіи, Юрьевьскіи и Великовѣдскіи (Феллинскіе) въ Новъгородъ на смолву съ Плесковичи; такоже и Плесковичи прі-

идоша въ Новгородъ, и повѣствовавше много, поидоша прочь, а миру не докончавъ. Пріимаша гость Новогородскій въ Юрьевѣ. — Того же лѣта ходивше Новогородци и послове изъ Концевъ по Ноярину въ Юрьевъ въ Нѣметскій, и смолвиша Нѣмецъ съ Плесковичи въ любовь, и бысть между ими мирно, и Плесковичи пустиша отъ себе Нѣмецкой гость, а Нѣмци Новогородскій.» — Въ *Псковской:* «Въ лѣто 6876 (1368) пріѣха посолъ отъ Князя Великаго Никита, и бывъ въ Юрьевѣ многы дни, и не учинивъ ни мало па добро ничтоже, пріѣха въ Псковъ, а за нимъ наборзѣ рать Нѣмецькая пріиде къ Пскову Сент. въ 24, и пожгоша Запсковіе и *полонищє* (по древнему *болонье*) и тоя же нощы отбѣгоша, а на миру... Тогда пе бысть въ градѣ Князя Александра, ни Посадниковъ, но по селомъ въ разъѣздѣ.» Въ одной краткой лѣтописи сказано: «Въ лѣто 6882 (1374) приѣхаже Князь Александръ *Полотскій* въ Плесковъ.» Болѣе ничего не знаемъ о семъ Князѣ, вѣроятно, происшедшемъ отъ древнихъ Князей Рогнѣдина племени. Далѣе: «Въ то жь время иная рать Нѣмецкая ходиша *торономъ* (набѣгомъ?) около Велья и по Залѣсью, и нѣколико мужей гнашась въ слѣдъ ихъ, и тамо побиша многыхъ добрыхъ людей. И Псковичи съ Кн. Александромъ идоша къ Новому городку (Нейгаузену) Нѣмецкому, а Селило Щербовскый съ дружиною отъѣхаша торономъ къ Кирьпигѣ (Kirumpiä, близъ Верро) и внезапу удари на нихъ рать Нѣмецкая, и ту убиша Селила... (по *Никоновской:* и Новогородскаго храбраго Захарью Давидовича со всѣмъ полкомъ)... А Псковичи, видяще немощь свою, похранивше битыя, возвратишась. Въ лѣто 6877 (1369) приидоша Нѣмци къ Изборску въ велицѣ силѣ, съ пороки, со всѣграды, съ бораны, хотяще разорити градъ и домъ Св. Николы, и стояша 18 дній, пороки шибающе, возграды привлачюще, и тлъкуще въ стѣну... Тогда же приспѣша Новгородци; Нѣмци же побѣгоша. Въ лѣто 6878 (1370) приидоша Нѣмци ко Пскову, и стояла 3 дни, и убиша на Запсковьи Якима Трондилова, Артемія Діанова брата, а Луку живого емше сведоша и тамо замучиша... и отъидоша прочь; а на зиму Псковичи, подъемше Новгородцевъ, идоша въ землю Нѣмецкую къ Новому городку: Новгородци же стоявше 3 дни, отъидоша взадъ. Псковичи же тогда шедше къ Кирьпигѣ, загониша посадъ и зажгоша, а Нѣмецъ избиша, а иніи въ погребѣхъ потхошась, и тако възвратишася съ множествомъ полона. Бысть же сіе розратіе Псковичемъ съ Нѣмци по 5 лѣтъ про обидное мѣсто про Жалачко. Много же бѣдъ въ та лѣта претрьпѣша, болѣзньми и моромъ и ратми. Тогда же миръ взяша съ Нѣмци.» — Въ *Новогород.:* «Лѣта 6875 (1367) не бѣша пословици (согласія) Псковичемъ съ Новгородци, и рать Нѣмецкая воеваша волость всю Псковскую... И прислаша въ Новъгородъ Псковичи съ поклономъ, ркуще: господо братіе! како печалуетеся нами, своею братьею молодшею? А въ то время приняли гость Новогородскый въ Юрьевѣ, а Новогородци пріяли гость Нѣмецкій; въ толко бяше не разверъжено крестное цѣлованіе съ Нѣмци, а за то не вьсѣдоша Новогородци по Псковичахъ... а на зиму бяше послали Саву Купрова въ Нѣмец. землю посломъ... Въ лѣто 6876 (1368) приходиша Нѣмци ратію великою, и Бискупъ и Местеръ, и Кумендери подъ Изборескъ... На ту же зиму пріиде Князя Вел. братъ Володимеръ въ Новгородъ... Въ лѣто 6878 ходиша Новогородци съ Плесковичи къ Новому городку Нѣмецкому, и отъидоша не вземше, занеже бяше твердъ» (въ *Троицкой* поставлено здѣсь имя *Орѣшка*; но Орѣшекъ принадлежалъ Новугороду)... «Въ лѣто 6879 (1371) ѣздиша на съѣздъ Юрьи Ивановичь Посадникъ Новогородскій, Селеверстъ Лентіевичь, Олисей Тысяцкой, Олександръ Колывановъ, Борисъ Конюшковичь, и докончаша миръ съ Нѣмци подъ Новымъ городкомъ.» См. Арнта Liefl. Chron. и Кельха Liefl. Gesch. г. 1363 и слѣд. — Арнтъ, повѣривъ Бреденбаху, сочинившему Bellum Livonicum anni MDLVIII, пишетъ, что *Московскій Царь* въ 1381 году съ 300,000 воиновъ осаждалъ Нейгаузенъ; что начальникъ сей крѣпости, усердно моливъ Бога объ ея спасеніи, на восходѣ солнца пустилъ въ осаждающихъ стрѣлу, которая пронзила сердце Русскому Государю; что Москвитяне немедленно отступили; что лукъ упомянутаго начальника Нейгаузенскаго висѣлъ въ главной церкви Дерптской, и что Царь Іоаннъ Васильевичь въ 1558 году увезъ его съ собою въ Москву, взявъ Дерптъ. Не въ 1381, а въ 1370 году Россіяне осаждали Нейгаузенъ: тутъ не было ни *Царя*, ни *трехъ сотъ тысячь*.

(17) «Тое же зимы (г. 1368) Князь Великій Дм. Ив. отступился Градка и всея части Удѣла Княже Семенова Князю Михаилу, и Князи Іеремея отпустили во Тверь» (*Никон. Лѣт.*). «Тогожь лѣта (1370) Князь Великій, пославъ на Тферь ко Князю Михаилу, цѣлованіе сложилъ по Госпожинѣ дни на третій день, и К. Михайло съ того розмирья поѣхалъ въ Литву. Князь Великій повелѣ воевати Тферь; а по Семеновѣ дни, паки собравъ воя многи, самъ ходилъ ратью,» и проч. — Имя *Золотой* Орды находится въ *Большемъ Чертежѣ*, а въ лѣтописяхъ его нѣтъ. — Въ *Троицк.*: «Въ лѣто 6878 (1370) Мамай у собе въ Ордѣ посадилъ Царя другаго, Мамантъ-Салтанъ.» — Посломъ Ханскимъ съ Михаиломъ (въ 1370 году) былъ Сарыхожа.

(18) См. *Никон. Лѣт.* г. 1369, и Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. — Ольгердъ приступилъ къ Волоку 26 Ноября 1370 году: *Никон. Лѣт.* ставитъ здѣсь годъ 1371, начиная его съ Сентября мѣсяца; а современные Лѣтописцы все еще продолжаютъ оный до Марта. — О Князѣ *Березуйскомъ* сказано: прежe много мужьствовахъ па ратехъ и много храбровахъ на бранехъ; и тако положи животъ свой, служа Князю вѣрою.» Слѣдственно, вопреки Родослов. Книгамъ, Березуйскіе происходятъ не отъ Юрія Святославича Смоленскаго, княжившаго при сынѣ Донскаго.

(19) До Петрова дни. — О замыслахъ Ордена см. *Никон. Лѣт.* IV, 28. Тамъ же о тогдашней зимѣ: «Снѣгъ сшелъ весь въ Великое говѣніе на Ѳедоровой недѣли во Вторникъ, а въ осениннѣ той хлѣбъ погнелъ подъ снѣгъ, и сжали люди хлѣбъ въ Великое говѣніе, какъ снѣгъ сшелъ, гдѣ рать не была Литовская.» — Только въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Михаилъ заключилъ въ сіе время особенный миръ съ Великимъ Княземъ. — Въ одной краткой лѣтописи находится еще слѣдующее извѣстіе о Литовскомъ нашествіи: «Ходилъ Ольгердъ и К. Святославъ Смоленскій ратью на Москву, и бысть въ 3 часъ нощи по всему небу аки кровь, и по земли снѣгъ аки кровавъ; и взя В. К. Святославъ Поротву, и отпусти вся люди тоя земли къ Смоленску съ Воеводою своимъ Возгривцемъ, а самъ иде къ Москвѣ, и гнавше Можайчи и побиша Смолянъ на лѣсѣ на Болонскомъ, а полонъ весь отъяша; тогда же и Верею (Ольгердъ и Святославъ) взяша.»

(20) *Никон. Лѣт.* г. 1371 — Сарыхожа уѣхалъ отъ Михаила съ Мологи, а Михаилъ возвратился въ Тверь чрезъ Бѣжецкъ Маія 23.

(21) Съ Димитріемъ поѣхалъ въ Орду Князь Андрей Ростовскій.

(22) Въ *Троицк.*: «Бысть знаменье въ солнци: мѣста черныя аки гвозди; а мгла велика стояла

порядку съ два мѣсяца, и вельми велика, яко двѣ сажени предъ собою не видѣти было человѣка въ лице; а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху со вадуха на землю, и тако по земли пѣши хожаху. Бяше же тогда жито посохло, а лѣсове и борове, и дубравы, и болота погораху; индѣ же и земля горяше.» Такая же засуха была и въ 1384 году (см. ниже, примѣч. 137). Въ *Никонов.* сказано, что Михаилъ, взявъ и Кострому, оставилъ тамъ своихъ Намѣстниковъ.

(23) Когда Мамай, передъ Донскою битвою, объявилъ Димитрію, чтобы онъ платилъ Хану дань временъ Чанибековыхъ, тогда Великій Князь отвѣтствовалъ: «готовъ платить, но единственно ту дань, въ коей мы съ тобою условились:» слѣдственно меньшую. — Далѣе см. *Никон. Лѣт.:* IV, 30, 31, который два раза говоритъ о К. Іоаннѣ Михайловичѣ, сказывая, что Димитрій въ 1371 году вывезъ его съ собою изъ Орды; что въ 1372 послы Великаго Князя привезли его же отъ Мамая, и что сей юный Князь былъ содержимъ въ Москвѣ весьма строго до 1373 г., когда Михаилъ помирился съ Димитріемъ. Въ *Троицк.* же и въ другихъ лѣтописяхъ сказано такъ: «сѣдѣлъ (Іоаннъ Михайловичь) у Алексія Митрополита на дворѣ, и тако пребысть *нѣколико время,* дондеже паки выкупиша его.» Сынъ Михаиловъ безъ сомнѣнія уже былъ свободенъ, когда Димитрій въ 1372 году заключалъ миръ съ Ольгердомъ и Тверью подъ Любутскимъ: ибо въ договорѣ (см. ниже) не упоминается объ Іоаннѣ.

(24) Сраженіе было на Скорнищевѣ. О глупыхъ прибавленіяхъ *Никон. Лѣтописца* не упоминаю. — Войско Димитріево вышло изъ Москвы 14. Дек. — Далѣе въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Олегъ плѣнилъ *зятя своего,* Владиміра Димитріевича, и подчинилъ его себѣ.

(25) *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Михаилъ Тверскій въ семъ 1372 г. посылалъ своего племянника, Димитрія Іереміевича, съ Воеводами на Кистму: что они плѣнили сыновей Воеводы *Андрея*, Давида и Бориса *Ивановичей;* что Михаилъ Васильевичь Кашинскій отказался отъ союза съ Тверскимъ Княземъ и взялъ сторону Великаго Князя, и проч. — Въ *Троицк. Лѣт.*: «Литва и Ляхи и Жемоть придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣли во Вторникъ» (или въ Среду на Ѳоминой недѣлѣ, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) «на заутріе по *Радуницѣ*, въ то время, егда обѣдню поють.» *Радуницею* назывался, думаю, какой нибудь языческій праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ въ началѣ Апрѣля: ибо Пасха была въ семъ году 28 Марта. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (въ *Троицк.*, въ *Ростовск.*) поставленъ здѣсь несправедливо 1373 годъ. Въ другихъ именно прибавленъ *десятый Индиктъ*, который отвѣтствуетъ году 1372: съ чѣмъ согласенъ и *Новогород. Лѣт.* Далѣе: «Князь Кестутей отъ Кашина пойде по Новоторжскимъ волостямъ, мимо Торжекъ, со своею Литвою, а Кн. Андрей Полотскій и со Кн. Димитріемъ Друтскимъ мимо Тферь идоша, и много зла сотвориша.

(26) Договоръ Новогородцевъ съ Михаиломъ Александровичемъ находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи подъ No 8. Сверхъ обыкновенныхъ условій тамъ сказано: «безъ Новогородьскаго ти слова, Княже, войны не замышляти... А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмечкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися; а Новгородьской ти души блюсти.» Къ грамотѣ привѣшены двѣ печати свинцовыя: Посадникова и Тысячскаго, Матвѣя *Фалелевича.* Въ началѣ не упомянуто о Владыкѣ: «Поклонъ отъ Посадника и отъ Тысячьскаго и отъ всихъ,» и проч. — Въ *Новогород. Лѣт.*: «о Петровѣ заговѣньи Новогородци, Великаго Князя мужи и Бояре Новогородскіе пріѣхаша въ Торжекъ города ставити.» Сообщаемъ здѣсь условіе Димитрія съ Новогородцами, выписывая его изъ Пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ;

«Се пріѣхали ко мнѣ, къ Великому Князю Д. И. всеа Руси, отъ отца моего Владыки Олексѣя и отъ Посадника Юрья, отъ Тисяцкого Олисея, и отъ всего Новагорода Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, а отъ черныхъ людей Воиславъ Поповичь, Василей Огафоновъ. Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначество: цѣловали есмы крестъ съ своимъ братомъ, со Княземъ съ Володимеромъ Андреевичемъ; а на томъ къ намъ цѣловали крестъ Иванъ Посадникъ, Василей Ѳедоровъ, Иванъ Борисовъ, Воиславъ Поповичь, Василей Огафоновъ, на томъ цѣловали крестъ ко мнѣ, ко Князю къ Великому къ Дмитрію Ивановичу всеа Руси, и къ моему брату, ко Князю къ Володимеру, въ одиначество всему Новугороду: ажь будеть обида со Князми Литовскими, или съ Тферскимъ Княземъ съ Михайломъ, Новугороду всѣсти на конь со мною, со Княземъ съ Великимъ, и съ моимъ братомъ, со Княземъ съ Володимеромъ, съ одного; а коли будеть мнѣ, Великому Князю Д. И. всеа Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всѣсти на конь на Князя на Литовскаго, или на Тферскаго на Князя на Михайла, мнѣ Князю Великому самому быти въ Новѣгородѣ, а любо брата ми послати, Князя Володимера въ Новгородъ; или будеть обида Новугороду съ Литовскимъ Княземъ, или съ Тферскимъ Княземъ, съ Михайломъ, или съ Нѣмци, мнѣ, Князю Великому Д. И. всеа Руси, и моему брату, Князю Володимеру, всѣсти по Новѣгородѣ съ одного по цѣлованью; а доколѣ ся Новгородъ съ Литовскимъ Княземъ и со Тферскимъ Княземъ Михайломъ не умирить, или съ Нѣмци, мнѣ Князю Великому и моему брату, Князю Володимеру, Новагорода не метати: любо ми самому быти Князю Великому въ Новѣгородѣ, или брата пошлю, доколѣ Новгородъ умирю; а пойдеть на насъ рать, ѣхати ми отъ васъ или брату моему безъ хитрости; а то намъ не въ измѣну; а Княженье бы Великое мое держати честно и грозно безъ обиды; а мнѣ, Князю Великому Д. И. всеа Руси, держати Новгородъ въ старинѣ безъ обиды.» — Упомянутые здѣсь чиновники, Посадникъ Юрій и Тысячскій Елисей, правительствовали въ Новѣгородѣ въ 1371 году (см. *Новогород. Лѣт.* г. 6879). Въ слѣдствіе сего условія Князь Владиміръ Андреевичь въ 1373 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ (см. ниже, примѣч. 137, подъ годомъ 1373).

(27) «И жда отъ нихъ (Михаилъ) мира до утра и до полудне; и бысть между ими раздоръ, и смятеся весь градъ, и посылаху послы со отвѣты, а все съ высокоуміемъ... Туже на первомъ соступѣ убіенъ бысть Воевода Новогородскій Александръ Абакуновичь, Иванъ Тимоѳеевичь, Иванъ Шаховъ, Григорій Щебелковъ... Инии, вбѣгше въ церковь Св. Спаса, ту задохшася... а женъ и дѣвицъ одираху до послѣднія наготы, рекше и до срачицы (иже и поганіи тако не творять): и тѣ истопишася въ рѣцѣ срама ради.»

(28) «Совокупишася подъ *Любутскомъ*:» нынѣ село Любулское въ Калужскомъ уѣздѣ.

(29) См. сію грамоту въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 88. Кромѣ Олега и Владиміра Пронскаго (умершаго въ томъ же году по *Никон. Лѣт.*), въ ней упоминается о Князѣ Рязанскомъ *Романѣ*, для насъ неизвѣстномъ; а Князь Димитрій Брянскій былъ сынъ Ольгердовъ. Съ Литовской стороны

заключили миръ Князь Борисъ Константиновичь, Кн. Андрей Ивановичь, Кн. Юрій Владиміровичь, Димитрій Обручевъ, Меркурій, Петръ и Лукьянъ; а съ Московской стороны Димитрій Михайловичь (Волынскій), Иванъ Михайловичь, Дмитрій Александровичь, Иванъ Ѳедоровичь. Въ концѣ сказано: «со Ржевы до исправы не сослати:» кого же? Литву или Россіянъ? — Надобно думать, что Михаилъ Тверскій заключилъ тогда особенный договоръ съ Димитріемъ.

(30) Стрыковск. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. Онъ называетъ Великаго Князя Димитріемъ *Семечкомъ* (Симеоновичемъ?) и полагаетъ, что Ольгердъ ходилъ къ Москвѣ въ 1332 году!!

(31) Въ *Троицк.*: «Новгородци Нижнева Новагорода побиша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ тысящу, а старѣйшину ихъ Сарайку яша и приведоша ихъ въ Новгородъ Нижній и съ его дружиною... Въ лѣто 6883, Марта 31, въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Князь Василій Дмитріевичь Суждальскій повелѣ Сарайку и его дружину розно розвести... и пришедъ стрѣла, коснуся Епископа перьемъ, вскрай подола крилъ мантьи его... А въ то время быша Князи на съѣздѣ.» — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что въ 1373 году многіе Князья Ординскіе погибли отъ междоусобія; что область Рязанская въ томъ же году была разорена Мамаевымъ войскомъ; что Вел. Князь все лѣто стоялъ съ полками на берегу Оки, куда пришелъ къ нему и Кн. Владиміръ Андреевичь изъ *Нижняго;* что они не пустили Татаръ за Оку; что въ 1374 году свирѣпствовалъ моръ въ улусахъ Ханскихъ, и что Димитрій находился во враждѣ съ Мамаемъ. Сіи извѣстія кажутся отчасти несправедливыми. Владиміръ Андреевичь, послѣ войны Литовской, жилъ одно лѣто въ Новѣгородѣ Великомъ до Іюля мѣсяца, (см. ниже, примѣч. 137, подъ годомъ 1373), а въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять *все лѣто* на берегахъ Оки? Татары опустошили Рязань не въ 1373, а въ 1378 году.

(32) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 123, и Т. IV, стр. 176. Въ лѣтописи: «Того же лѣта (1374), Сент. въ 17 день, преставися на Москвѣ послѣдній Тысяцкой, Василій Васильевъ сынъ Веньяминовича (или Вельяминовича) въ Чернцѣхъ и въ Схимѣ, и положенъ бысть у церкви Богоявленія.» Далѣе Некоматъ названъ *Сурожаниномъ:* такъ именовали у насъ купцевъ торгующихъ шелковыми тканями, привозимыми изъ Азова, отъ Генуэзцевъ: море Азовское, какъ мы уже замѣтили, называлось въ старину *Сурожскимъ*, отъ города *Сурожа* или Судака (см. ниже, примѣч. 133). Донынѣ рядъ, гдѣ продаются шелковыя матеріи, извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ *Суровскаго.* — Далѣе: «Князь же Михайло посла ихъ (Ивана и Некомата) въ Орду на Ѳедоровой недѣли, а самъ на Крестопоклонной ѣха въ Литву, и тамо мало пребывъ и пріѣде во Тферь; а Некоматъ пріиде изъ Орды Іуліа въ 14 день, а съ нимъ посолъ Ачихожа отъ Мамая со ярлыки къ Михаилу на Вел. Княженіе... Михаилъ же того же дни посла къ Москвѣ къ В. К. Димитрію сложити крестное цѣлованіе.»

(33) Съ братьями Борисомъ и Димитріемъ Ногтемъ (см. *Троицк. Лѣт.*), и съ сыномъ Симеономъ. — Іоаннъ Васильевичь Смоленскій долженъ быть сыномъ Василія Іоанновича, брата Святославова. — Василій Васильевичь Ярославскій есть внукъ Давидовъ. Меньшій братъ сего Василія, Романъ, какъ сказано въ Родослови. Книгахъ, построилъ городъ Романовъ. — Князь Ѳеодоръ Моложскій былъ сынъ Михаила Давидовича, слѣдственно двоюродный братъ Василія Васильевича Ярославскаго. — Ѳеодоръ Бѣлозерскій внукъ Михаила и правнукъ Глѣба Васильковича, перваго Князя Бѣлозерскаго. — Михаилъ Васильевичь Кашинскій преставился въ 1373 году. Въ *Никонов.*: «сынъ его, Князь Василей, по единому слову съ бабою своею, со Княгинею Еленою, и съ Бояры пріѣхалъ во Тверь къ Вел. Князю Михаилу съ челобитьемъ, и вдашася въ волю его... Князь Василей Кашинскій (въ 1374 году) побѣжалъ со Твери на Москву къ Вел. Кн. Димитрію.» — Андрей Ѳеодоровичь Стародубскій внукъ Іоанна Калистрата Стародубскаго.

(34) *Никонов. Лѣт.* IV, 5. — О войнѣ: «Вси Князи Рустіи, кійждо со своими полки, служаще Вел. Князю Димитрію, начаша воевати волости Тферскія; такоже и со всѣхъ порубежныхъ мѣстъ пріидоша на помощь Вел. Князю итожь отъ себе: Кашинцы и Новоторжцы... Авг. въ 1 день взяша городокъ Микулинъ... Стоящимъ же ратемъ 3 дни, и на четвертый день, въ Среду рано, приступиша ко граду, и туры прикатиша, и примѣтъ приметаша около всего города, и пойдоша біющеся ко Тмацкымъ воротамъ; мостъ же и стрѣльницу зажгоша... И убиша ту Семена Ивановича Добрыньского... и къ вечеру отступиша отъ града. Тако же и на другій день оступиша градъ и отъ Волги, и тако по многи дни біяхуся. — А Новогородцы стояли подъ Тферію 4 дни.» — Въ *Никонов. Лѣт.* сказано, что Вел. Князь взялъ, кромѣ Микулина, Зубцевъ и Бѣлградъ.

(35) *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 78. Сія грамота находится въ Архивѣ не подлинная, а списокъ ея даже неисправенъ; а въ печатной прибавлены еще нѣкоторыя ошибки: на примѣръ (стр. 81) вмѣсто *рубежа* поставленъ *грабежъ.* — Замѣтимъ слѣдующія мѣста: «*Выходомъ* ко Тфери Кашину не тянути»; то есть, Михаилъ не долженъ былъ требовать дани съ Князя Василія *для* Хана. — «А въ *Рокитну* ти (Михаилу) ся не вступати: что потягло ко Княженью къ Великому. — Отдати ти (Михаилу) все по Семенѣ *дни за недѣлю*» (все отнятое у подданныхъ Димитрія). — «Что мы у тобе (нынѣ) повоевали и поимали, а тому всему межи насъ *погребъ*» (предается забвенію). — «А какъ еси взялъ Торжекъ, а кто ти ся будетъ продалъ пословицею (изъ) Новоторжанъ *одерень* (въ крѣпость), тѣхъ ти отпустити, а грамоты *дерноватымъ* (крѣпости) подрати. — А почнутъ твои искати передъ наши Намѣстници или передъ волостели, хоженого въ городѣ *алтынъ*, а на правду (судъ) два; а дальній ѣздъ верста по *рѣзанѣ* (за дорогу), а на праву вдвое. — Холопа выдати осподарю, а съ головы дати пошлины гривну, а съ семьи четверть» (рубля).

(36) Сихъ грамотъ три. Первая: «Отъ Посадника отъ Михаила, отъ Тысячкого отъ Матвея, отъ Бояръ и отъ *Житьихъ людей*» — вмѣсто древнѣйшихъ *Огнищанъ:* см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 67, Т. IV, примѣч. 306, и ниже, прим. 106 — «и отъ черныхъ людей, и отъ всего Новагорода. Послаше Новгородъ Юрья и Якима къ Князю къ Михайлѣ на Тферь, а велѣлъ миръ имати на семъ, аже братью нашю попущати безъ окупа, Новгородскихъ Бояръ, и Новоторскихъ Бояръ, Житьихъ людей и чорныхъ людей, и сиротъ Новгородской волости, и Новоторьской волости, или хто давъ на порукѣ Новгородечь или Новоторжанинъ, а съ тыхъ порука на землю (прочь), или кого къ целованью привелъ, а съ тыхъ челованье на землю, или грамоты *дерноватым* на кого пописалъ, а тѣ грамотѣ подерѣть. А что Князь Михайло товаръ порубилъ (захватилъ) братьи нашей до Новоторьскаго взятья, а того товара весь Новгородъ велѣлъ Юрью и Якиму

отступится. А что товаръ Новгородскій и Новоторьскый въ Торжку взятъ въ полонъ, а того товара весь Новгородъ велѣлъ Юрью и Якиму отступится. А землѣ и водѣ старый рубежь по старымъ грамотамъ. А Намѣстникы свои съ Торшку сведетъ. А на семъ повелѣше весь Новгородъ Юрью и Якиму миръ взяти съ Княземъ съ Михайломъ, а повелѣша печати приложити изо всихъ пяти Кончевъ къ сей грамотѣ. Аже Князь Михайла почнеть послове свои слати въ Новгородъ, Новгородъ повелѣ Юрью и Якиму послове Михайлове поняти въ Новгородъ.»

Къ сей грамотѣ приложены одиннадцать печатей свинцовыхъ съ изображеніемъ слѣдующихъ словъ: 1) *Новгорочкая печать* и *Посаднича.* 2) *Печать Матѳея Фалелевича Тысячкого Новгорочкого.* 3) *Печать Селиве͡строва* (на другой сторонѣ образъ какого-то Святаго). 4) *Филипа Тысячкого* (на другой сторонѣ образъ съ надписью Филипъ). 5) *Яковля печать Посадника Новгорочкого* (на другой сторонѣ образъ Святаго Георгія). 6) *Печать Ондрѣянова, Посадника Новгорочкого* (на другой сторонѣ образъ Спасителевъ). 7) *Юрьева печать Ивановича, Посадника Новгорочкого.* 8) *Печать Онисіева, Тысячкого Новгорочкого.* 9) *Печать Евана Еремѣинича* (на другой сторонѣ изображеніе воина). 10) *Семенова печать Ондрѣивича.* 11) *Степанова печать* (на другой сторонѣ изображеніе воина). Вторая и третья грамоты напечатаны въ *Рос. Вивліоѳ.* I, 31, 33. Во второй: «Се докончa К. В. Михайло А. Тферскый, приславъ своего посла въ Новгородъ Михайла Константиновича, съ Архіепископомъ Новгородскымъ, съ Владыкою Олексѣемъ, съ Посадникомъ съ Юрьемъ, съ Тысячьскымъ съ Матвѣемъ и со всимъ Новымгородомъ.» Далѣе сказано, что прежній договоръ симъ уничтожается: «что послове Княжи Михайловѣ целовали крестъ къ Новугороду, съ тыхъ Новгородъ целованье снялъ; а что целовали Новгородскые послове къ Князю Михайлу, то целованье К. Михайло снялъ... Что товаръ поиманъ у Новгородскыхъ купецъ *рубежемъ* (насиліемъ) до Новоторжскаго взятья, тотъ товаръ подавати купцамъ все по целованью... А кто на се цѣлованье наступитъ, на того Богъ и Св. Богородица.» У сей грамоты привязаны 3 свинцовыя печати: Посадникова, Тысячскаго и Архіепископова. — Въ третьей грамотѣ: «которая села покуплена при Князи при Александрѣ (Невскомъ), при Ярославѣ, при Васильѣ, при Дмитріѣ, при Андреѣ, на тѣхъ селѣхъ куны (выкупить оныя)... а земля къ Новугороду.» Видно, что Князья, не смотря на всегдашнее обѣщаніе возвращать купленныя села Новугороду, не исполняли онаго.

(37) Князь же Великій, не хотя видѣти разоренья граду, не хотя видѣти кровопролитья Христіянскаго,» и проч. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Ольгердъ, раздраженный союзомъ Князя Смоленскаго съ Димитріемъ, разорилъ области перваго, а Татары Новосиль.

Въ *Троицк.*: «Того жь лѣта (1379), Авг. въ 30 день, во Вторникъ до обѣда, въ 4 часъ дни, Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, мечемъ потятъ бысть на *Кучковѣ полѣ*» (гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій: см. ниже) «у города у Москвы, повелѣньемъ Князя Великаго.» Вотъ первая *торжественная* казнь, о коей упоминаютъ наши Лѣтописцы. *Никонов.* прибавляетъ, что сей Иванъ Васильевъ Веньяминовъ на пути изъ Орды былъ обманомъ задержанъ въ Серпуховѣ и привезенъ въ Москву. — Некомата казнили въ 1383 году: «тое же зимы убьенъ бысть нѣкій *брехъ*» (вздорной человѣкъ?) «именемъ Некоматъ, за нѣкую крамолу бывшую и измѣну.» *Никон. Лѣт.* вздумалъ назвать сего измѣнника Коматомъ, *Княземъ Литовскимъ.*

(38) См. Родослов. Книги о родѣ Волынскихъ. Потомки Святополка-Михаила имѣли свои Удѣлы въ Волыніи, въ Туровѣ, Пинскѣ.

(39) «К. Димитрій Константиновичь посла брата своего Бориса и сына своего Василія со многими силами (съ ними же и посолъ Царевъ, Ачихожа) на Болгарскаго Князя Осана... и на княженіи посадиша Салтанъ-Бакова сына.» Въ *Никон. Лѣт.*: «(посла) на Болгары, рекше на Казань.» — Димитрій Констант. Суздальскій посылалъ съ войскомъ Московскимъ сыновей своихъ, Василія и Іоанна.

(40) См. *Сказаніе о Царствѣ Казанскомъ.* Авторъ пишетъ о себѣ: «Случи ми ся плѣнену быти варвары и въ Казань сведену... и взятъ мя Царь себѣ и сотвори мя предъ лицемъ своимъ.» — О значеніи слова *Казань* см. Лызлова *Скиѳск. Исторію.* Онъ говоритъ, что Казань строили наши работники.

(41) Hist. des Tatars, стр. 452. — Впрочемъ и другіе новѣйшіе Ханы прилагали къ имени своему названіе *Саинъ*, которое видимъ на монетахъ Татарскихъ XIV вѣка (см. St. Pétersbourg. Journ. v. 1781, II, 34).

(42) «А *Дарагу* и таможника посадиша.» Въ ярлыкахъ Ханскихъ часто упоминается о чиновникахъ *Дарагахъ* или собирателяхъ пошлины.

(43) Въ *Нижегородск. Лѣт.* Симеонъ названъ *Димитріевичемъ.* О прежнихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ Татаръ см. выше, примѣч. 31.

(44) См. *Никон. Лѣт.* IV, 51. — Оплошность Россіянъ описывается такъ: «Повѣдаша имъ Царевича Арапшу на Волчьи водѣ. Они же оплошишася и небреженьемъ хожаху: доспѣхи своя вскладоша на телеги, а ины въ сумы, а у иныхъ сулицы еще не насажены бяху, а щиты и копья не приготовлены, а ѣздять порты своя съ плечь спускавъ, а петли ростегавъ (у *Никон. Лѣт.* въ охабнехъ и сарафанѣхъ) аки роспрѣли: бяше бо имъ варно; а гдѣ наѣхаху въ зажитьи медъ или пиво, испиваху... по истинѣ за *Пьяною пьяни*» (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «пословка и донынѣ зовется: за *Піаною піани*»)... И доидоша наши *пару* (т. е. увидѣли паръ непріятельскаго стана), «и абье поганіи борзо udариша... Князь же Иванъ Димитр. вержеся на конѣ въ рѣку, и ту утопе... Ся же злоба здѣяся въ Недѣлю, въ 6 часъ дне о полднѣ... Горожане же Новгородстіи разбѣжашася въ судѣхъ къ Городьцу... Татарове же пріидоша къ Новуг. Нижнему Авг. въ 5 день въ Середу.... И сгорѣло церквей въ градѣ 32...., Отъидоша погани отъ града въ Пятницу... Того же Авг. пріеха Князь Василій Дмитріевичь изъ Суждаля въ Н. Нижній, и посла выняти изъ рѣки брата своего, и привезоша его въ Новгородъ, и положиша въ церкви каменной Св. Спаса въ притворѣ на правой сторонѣ, за недѣлю по Оспожинѣ дни, Авг. 23.»

(45) «Того же лѣта Арапша пограби Засурье все и огнемъ пожже.» *Никон. Лѣт.* прибавляетъ, что сей же Царевичь Волжской Орды умертвилъ многихъ нашихъ купцевъ, ограбивъ ихъ, и ходилъ опустошать Рязань. Абульгази (Histoire des Tatars, стр. 495) говоритъ, что Ханъ Фулатъ, который господствовалъ между Яикомъ и Сыромъ, имѣлъ сына Arab-Schah, вѣроятно, сего Арапшу.

Въ *Лѣт. Нижегородск.*: «Въ то же время въ Нижн. Новѣгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ сынъ; больше его изъ гостей не было. Откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ своею казною, и купилъ себѣ вотчины у Вел. Князя за Кудьмою рѣкою, на рѣчкѣ на Сундовакѣ, шесть

сехъ: *Садово* (въ немъ церковь Бориса и Глѣба), да *Ряховское*, *Запрудное*, *Залпчикова*, да *Мухарни;* а какъ запустѣлъ отъ Татаръ тотъ уѣздъ, тогда и гость съѣхалъ изъ Нижняго къ Москвѣ.» Далѣе въ лѣтописяхъ: «тое же осени поганая Мордва удариша на *уѣздъ*.» Древнѣйшіе лѣтописцы, вмѣсто *уѣзда*, обыкновенно употребляли имя *волости*. — О плѣнникахъ Мордовскихъ: «и на льду волочаще ихъ по Волгѣ, псы травиша» (Россіяне): не мертвыя тѣла, а живыхъ.

(46) «Градъ (Татары) пожгоша въ самый въ Борисъ день, а на заутріе отъидоша, и повоеваша Березово поле и уѣздъ весь. Тогды у Св. Спаса иконы пожгоша и двери выжгоша, иже чудно бѣша устроены мѣдью золоченою.»

(47) Имя *Окольничаго* произошло отъ слова *около:* то есть, сіи чиновники были около Государя. Изъясненія Татищева несправедливы. Окольничій могъ быть и воиномъ и судьею и Министромъ, уступая въ старшинствѣ однимъ Бояромъ. — Упоминаемый здѣсь Даніилъ Пронскій намъ неизвѣстенъ по Родословн. Книгамъ. — О сраженіи: «А се имена убитыхъ Князей: Хазибей, Коверга, Карагалукъ, Кострокъ, Бегичка.» Съ нашей стороны были убиты Димитрій Монастыревъ, да Назаръ Даниловичь Кусаковъ. Въ *Троицк. Лѣт.* названы здѣсь Татары *Половцами*.

(48) Кн. Моис. IV, 14, 10. — Въ *Троицк.*; «егда бысть побоище на Вожѣ съ Бегичемъ, изнимаша на той войнѣ нѣкоего Попа, отъ Орды пришедша» — (въ *Никон.* прибавлено: «Ивана Васильевича Тысяцкого: бѣ бо тогда Иванъ въ Ордѣ») — «и обрѣтоша у него злыхъ зелій лютыхъ мѣшекъ, и много истязавше его, послаша его на заточенье на Лаче озеро (въ Олонецкой Губерніи), идѣ же бѣ Данило заточеникъ.» — Далѣе: «Измаильтяне (Татары) прибѣгоша въ Орду къ своему Царю, паче же къ пославшему Мамаю: понеже Царь ихъ не владѣяше ничимъ же, но всяко старѣйшинство держаше Мамай.» Здѣсь Лѣтописецъ называетъ Вельможъ Татарскихъ *Альпаутами*.

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: Въ рукописи XVI вѣка, принадлежащей Москов. купцу А. С. Шульгину, находится *Слово о Даниилѣ Заточникѣ* (жившемъ въ XII вѣкѣ), если и не достовѣрное, если и не имъ писанное, то по крайней мѣрѣ любопытное: оно имѣетъ признаки древности и напоминаетъ нѣкоторыя старыя, уже забытыя Русскія пословицы. Сообщаемъ его здѣсь (съ нѣкоторыми выпусками).

«Вострубимъ, братіе, яко въ златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити сребреныя арганы, и возвѣемъ мудрости своя. Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Востани, слава моя, востани въ псалтыря и въ гуслехъ... Да разверзу въ притчахъ гаданіе мое... Но боюся, Господине, похуленія твоего на мя: азъ бо есмь яко она смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце аки лице безъ очію, и бысть умъ мой яко нощны вранъ на нырищи... и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Се же бѣхъ написахъ, бѣжахъ отъ лица художьства моего аки Агаря рабыня отъ Сарры. Но видѣхъ, Господине *Княже*, твое добросердіе къ себѣ и притекохъ ко обычной твоей любве... Азъ бо есмь, Княже Господине, яко трава блещавна, растуще за стѣною, на ню же ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, Княже Господине, всѣми обидимъ есмь, зане огражденъ есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя яко волкъ на ягня, но возри на мя, Господине, аки мати на младенца... Мы, Княже, желаемъ твоея милости: зане, Господине, кому любово,» (въ другомъ спискѣ: *Боголюбивое*), «а мнѣ горе лютое; кому *Бѣло* озеро, а мнѣ *черные*» (въ другомъ спискѣ: *черніе*) «смолы; кому *Лачь* озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, *плачь* горки; кому ти есть *Новъ*-городъ, а мнѣ *углы опали:* зане не процвѣте часть моя... Тѣмъ же не иму другу вѣры... Не лгалъ бо ми *Ростиславъ*» (сынъ Георгія Долгорукаго? см. ниже): «Князь *лѣпши бы ми смерть, а не Курское Княженіе*. Такожь и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ живот въ нищетѣ... Тѣмъ же вопію къ тебѣ, Княже, мой Господине: одержимъ есмь нищетою: помилуй мя, *сыне великаго Царя Владиміра*» (слѣдственно это писано къ сыну Владиміра Мономаха, Георгію Долгорукому, коему принадлежало Бѣлоозеро. Въ другомъ спискѣ Даніилова Слова сей Князь названъ *Ярославомъ:* Георгій могъ имѣть Славянское имя Ярослава)... «Избави мя отъ нищеты сія, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ клапцы... азъ бо есмь яко древо при пути: многи посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ. Всѣми обидимъ есмь, зане огражденъ есмь страхомъ грозы твоея. Яко же бо и олово гинетъ, часто разваряему: тако и человѣкъ пріемлетъ многія бѣды. Никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а человѣка печаль; печальну мужу засышутъ кости. Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ въ знойный день. Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери: тако и азъ, Княже Господине, радуюся твоей милости: весна бо украшаетъ цвѣты землю, а ты оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ Вельможъ погружаеми. Княже Господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ и образъ твой Государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой яко же прекрасный рай многоплодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядущь, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду пьющи, и праха нападша отъ мѣста завѣтрены. Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, Княже, рука твоя согбена на подаяніе убогимъ: ни чашею бо моря росчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити; яко же бо неводъ не удержитъ воды, но точію едны рыбы: тако и ты, Княже, не воздержи злата и сребра, но раздай людемъ. Паволока, испещренна многими шелки, красно лице являетъ: тако и Князь многыми людми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ... Яко же похвалися Езекѣи Царь посломъ Царя Вавилоньскаго, и показаше имъ множество сребра и злата; они же рѣша ему: нашъ Царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ воя: зане же мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти. Яко же рече Святославъ Князь (сынъ) Игоревъ, идый на Царя съ малою дружиною, и рече имъ: *братіе! намъ ли отъ града* (Царяграда) *погинути, или граду отъ насъ плѣнену быти? яко же Богъ повелитъ, тако и будетъ*» (сихъ словъ нѣтъ въ спискахъ Несторовой лѣтописи, намъ извѣстныхъ): поженетъ бо единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; надѣяся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижется во вѣкы» (не уже ли и это сказалъ Святополкъ язычникъ?). «*Дивья* за буяномъ кони пастаити, а

за добрымъ Княземъ воевати; многажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полкы безъ добраго Князя погибаютъ. Гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ кореніа, тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане Князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слуги бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужиться свободы; а злу господину служа, дослужиться большіа работы. Зане Князь щедръ аки рѣка безъ береговъ текуще сквозѣ дубравы, напаяюще не только человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а Князь скупъ аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А Бояринъ щедръ аки кладезь сладокъ, а скупъ Бояринъ аки кладезь солонъ. Не имѣй себѣ двора близъ Княжа двора; не держи села близъ Княжа села; Тіунъ бо его яко огнь *трепетицею* (трянпцею?) накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь *устрещися жженіе»* (можетъ быть: *не можешь устрещи съжженіе*) «портъ. Княже, Господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна: нищь бо мудръ яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ-несмысленъ, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ парай по воздуху. Но постави сосуды скудельничи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ... Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи (скажи); а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго (очи желаютъ) дому пировнаго... Безумныхъ ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами *ся* рождаютъ... ни жертвеца разсмѣшити (не льзя), ни безумна наказати. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе восплоаетъ по водѣ, коли свиніа почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится... Не видалъ есми неба польстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюща... Княже мой Господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огнь творитъ разженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: тако же и Князь не самъ впадаетъ во многіе въ вещи злыя, но думцы вводятъ; з добрымъ бо думцею Князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ... Не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрехъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ нотопырь, а не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣетъ. Дивѣе дива, кто поимаетъ жену злообразну прибытка ради. Нѣкогда же видѣхъ жену злообразну приничюще къ зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зерцало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую печаль пріимеши себѣ... Злая жена бьема бѣсится, а кротима высится; въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что есть жена зла? Гостинца неусыпаемая, купница бѣсовская, мірскы мятежь, ослѣпленіе уму, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію. Аще который мужъ имеtъ смотрити на красоту жены своея и на ея ласковыя словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ: то дай Богъ ему трясцею болѣти... Речетъ мужу: *Господине мой, свѣте очію моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю и воздрожатъ ми уды тѣла моего*... Нѣсть на земли болши женьскія злобы... Возвратимся на предняя словеса. Азъ бо, Княже Господине, ни за море ходилъ, ни отъ Философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ, тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ совокупихъ яко мѣхъ воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ Божіа промысла... Си словеса азъ Даниилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлоозерѣ, и запечатавъ въ воску и пустихъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ и принесена бысть ко Князю, и нача ея пороти, и узрѣ Князь сіе написаніе и повелѣ Даниила свободити отъ горкаго заточенія... Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роня богатество убогимъ... Яко же бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ. ... Рѣчь продолжена не добро, продолжена паволока. Господи! дай же Князю нашему силу Сампсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давыдову, и умножи вся человѣки подъ руку его. Люте бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть; паче всего ненавижь сторонника перетерялива. Аминь.» (Сообщено отъ Г. Калайдовича).

(49) «Татарове же Переславль Рязанскій взяша и огнемъ пожгоша, и волости повоеваша, а люди много посѣкоша и въ полонъ поведоша.» Въ *Никон.* сказано, что они сожгли и городъ *Дубокъ*, и что Олегъ бѣжалъ на сю сторону Оки.

(50) Княгиня же Іуліаніа, видя мужа своего, Олгерда, послѣднее дышуща, и зѣло печаловашеся о его спасеніи, и созва сыны своя, и отца своего духовнаго призва, Давида Архимандрита Печерскаго, и увѣща своего мужа, и Божіимъ поспѣшеніемъ сподоби его святаго крещенія... и святою Схимою того украсивше... и по малѣхъ днехъ преставися, и положиша тѣло его въ церкви Пресвятыя Богородицы въ Вилнѣ, юже *самъ созда*. По семъ же супружница его Іуліаніа преставися, и въ той же церкви погребоша тѣло ея... Бысть у Олгерда отъ первыя жены 5 сыновъ: Корибутъ, Скиригайло, Кярисайло, Свитригайло, Минигайло; отъ вторыя жены 7 сыновъ: Андрей Полоцкій, Владиміръ Бѣльскій (послѣ Кіевскій), Иванъ Острожскій, Яковъ (Ягайло), Легбенъ (Лугвеній) Волынскій, Василій Черторижскій, Оленко (Олелько) Кіевскій.» Стриковскій же называетъ сыновей первой Олгердовой супруги такъ: Владиміръ, Іоаннъ Зедзевитъ Подольскій, Симеонъ Лингвеній Мстиславскій, Вигунтъ, Андрей Полоцкій, Константинъ Чарторійскій, Ѳеодоръ Сангуско; а сыновей Іуліаніи: Ягайло-Владиславъ, Скиргайло-Казимиръ, Свидригайло-Болеславъ, Корибутъ-Димитрій, Димитрій, Вигунтъ-Василій.

Далѣе въ лѣтописи: «Того же году (1347) убіенъ бысть отъ Олгерда Круглецъ, нареченный во св. крещеніи Евстафій, за Вѣру Христіанскую, и положенъ бысть у Св. Николы въ Вильнѣ со сродники своими во гробѣ, съ великими Мученики Антоніемъ и Іоанномъ, иже пострадаша за правовѣрную же Вѣру.» См. ихъ житіе въ Минеяхъ, Апр. 14; см. также Стриков. *Литов. Хрон.* кн. XII, гл. 3. — Кестутій признавалъ Ягайла Великимъ Княземъ Литовскимъ; свѣдавъ же тайныя злоумышленія сего неблагодарнаго племянника, плѣнилъ его въ Вильнѣ; но возвратилъ ему свободу и далъ Княжество Витебское, оставивъ за собою Литву. Вѣроломный Ягайло скоро нашелъ способъ заманить дядю въ сѣти, и Кестутій былъ удавленъ въ темницѣ.

(51) «Того же лѣта (1376) Князь Великій посылалъ брата своего, Князя Володимера Андреевича, ратью ко Ржевѣ: онъ же стоя у города 3 не-

дѣли, посадъ пожже, а города не взя.» Князь Волыцскій, ходившій на Литву съ Владиміромъ, былъ Димитрій Михайловичь, супругъ сестры Великаго Князя, Анны.

(52) То есть, съ правомъ рѣшить дѣла тяжебныя и пользоваться доходами.

(53) См. *Степен. Кн.* I, 465: «Кипріанъ же *отъиде съ Москвы* въ Кіевъ.» — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Той же зимы (1376) присла Митрополитъ Кипріанъ изъ Литвы свои послове и Патріаршии грамоты къ Владыцѣ въ Новгородъ, и повѣствуетъ тако: благословилъ мя Патріархъ Филоѳей на всю Рускую землю... И Новогородци даша отвѣтъ: посылай къ Великому Князю... и Кипріанъ же сда на Москву къ Великому Князю.»

(54) «Бѣаше (Митяй) единъ отъ Коломенскихъ Поповъ (по *Никон. Лѣт.* сынъ Тѣшиловскаго Попа Ивана, иже на рѣцѣ Окѣ); тѣломъ высокъ, плечистъ, *рожайстъ* (ражъ), браду имѣя плоску и велику и свершенну; словесы рѣчистъ; гласъ имѣя доброгласенъ, износящъ; грамотѣ гораздъ, пѣти гораздъ, чести гораздъ, книгами говорити гораздъ; всѣми дѣлы Поповскими изященъ и по всему нарочитъ бѣ; и того ради избранъ бысть изволеньемъ Вел. Князя во отьчество и въ печатники, иже на себѣ ношаше печать *Князя Великаго.*» — Въ *Никон. Лѣт.*: «яко нѣкій Царь величашеся, многи слуги и Отроки имѣя; по вся дни ризами драгими намѣняшесь: никто же бѣ таковая одѣянія ношаше.» — Далѣе: «Старецъ Иванъ, нарѣцаемый *Непейца* Архимандр. Спасскій, иже Бога ради оставль Архимандритью въ старости глубоцѣй, и сниде въ келью молчанія.» Митяя постригъ Чудовскій Архимандритъ Елисей Чечетка.

(55) См. житіе Св. Сергія въ *Никон. Лѣт.* IV, 233. — *Далѣе* въ *Троицк.* г. 6885: «Князь Вел. Дмитрій Ив. просилъ у Алексія у Митрополита, дабы благословилъ Митяя на Митрополью. Алексій же не хотяше того створити, понеже *новоуку* сущу ему въ Черньнечествѣ, да не впадетъ въ пругло (сѣть) Дьяволѣ. Князь же Великій много нуди Митрополита... Алексій же Митрополитъ, *умоленъ бывъ и принуженъ,* не посули быти прошенью его, но извѣствуя Святительски, паче же пророчески, рече: *азъ не доволенъ благословити его, но оже даcть ему Богъ и Св. Богородица и Патріархъ, и Вселенскій Соборъ*... Тое же зимы, промежу говѣнья, Февр. во 12, въ Пятокъ, въ Завьтреную годину, преставися Преосв. Алексій Митрополитъ всея Руси, въ старости честнѣ и глубоцѣ, бывъ въ Митрополитѣхъ лѣтъ 24, и положенъ бысть на Москвѣ въ церкви Св. Архангела Михаила, честнаго его Чуда, иже самъ созда обчій монастырь.... Бяху же Епископи ставленья его Игнатій Ростовскій, Василій Рязанскій, Ѳеофилактъ Смоленскій, Иванъ Сарайскій, Пареѳеній Смоленскій, Филимонъ Коломенскій, Петръ Ростовьскій, Ѳеодоръ Тферьскій, Наѳанаилъ Брянскій, Аѳанасій Рязанскій, Алексій Суждальскій, Алексій Новогородьскій, Василій Тферьскій, Данило Суждальскій, Матѳей Сарайскій, Арсеній Ростовскій, Евѳимій Тферьскій, Діонисій Суждальскій, Герасимъ Коломенскій, Григорій Черниговскій, Данило Смоленскій... Бысть всѣхъ лѣтъ житія его 85; и заповѣда Князю Великому положити внѣуду церкви за олтаремъ, конечнаго ради смѣренья, Князь же Великій не всхотѣ положити кромѣ церкви таковаго господина честна Святителя, но въ церкви близъ олтаря положиша его. Князь же Вел. самъ стояше надъ нимъ, такоже и братъ его, Князь Володимеръ Андр., Князь Василій, сынъ Князя Великаго, шести лѣтъ сущу ему, а Князю Юрью Дмитріевичу три лѣтъ сущу.» — Въ Синодал. библіот., No 472, въ собраніи разныхъ творевій есть спискъ грамоты Алексіевой съ оглавленіемъ: «Граммата на паргаминѣ Св. Алексія Митрополита, подписанная по-Гречески рукою его *свойственною*, обрѣтающаяся въ доновой казнѣ Рязанскія Митрополіи; и печать привѣшена, на единой странѣ образъ Богородицы, на второй тоежде подписаніе по-Гречески изваяно имущая.» Въ началѣ такъ: «Благословенье Алексія Митрополита всея Руси къ всѣмъ Крестьяномъ обрѣтающимся въ передѣлѣ Черленаго Яру, и по карауломъ возлѣ Хопоръ до Дону, Попомъ и Дьякономъ, и къ Баскакомъ, и къ Сотникомъ и къ Бояромъ. Молюся Богови и Св. Богородици, да будете душею и тѣломъ вси добри здорови, да исполнивали бы есте заповѣди Божьи... И пріѣхалъ есмь къ Св. Софьи въ Митрополью всея Руси въ Кіевъ, и къ всѣмъ Крестьяномъ обрѣтающимся въ всей Руской земли Пастухъ и учитель; и имѣю великую тягость на собѣ, что ми молвити и учити всѣхъ на вся душеполезная и спасеная. И того ради многажды и Ѳеогностъ Митрополитъ писалъ къ вамъ, къ дѣтемъ своимъ, елико есть на пользу душамъ вашимъ. Вы же, какъ то и время являеть, что моихъ словъ и моего поученья не слушаете, но исполниваете волю тѣлесную и дѣла темная, а слова моего не слушаете. Не вѣдаете ли, что всеѣ Рускоѣ земли Владыки подъ моею властью суть, и въ моей воли, и язъ ихъ ставляю отъ благодати Пресвятаго Духа? Такоже и подана власть Владыцѣ вашему... Къ церквамъ всегда прибѣгайте съ женами и съ дѣтми, и что имѣете въ рукахъ, приносите къ церквамъ и къ Святынѣ; а Священниковъ и Мнишовъ любите, и просите молитвы ихъ; вдовицъ и сиротъ и полонниковъ и странныхъ милуйте и призирайте; иже въ темницахъ, посѣтите... О томъ же передѣлѣ по великую Ворону, возлѣ Хопоръ до Дону по карауломъ, церкви, что тотъ передѣлъ, какъ то пишутъ грамоты брата моего Максима Митрополита и Петра и Ѳеогноста, что сборомъ с●ориля на Костромѣ, и Владыка Софоній далъ грамоты изъ устъ своихъ, что ему отъ тѣхъ мѣстъ по тѣмъ грамотамъ не лзѣ вступатися въ тотъ передѣлъ чюжій; и явно есть, и вси вѣдають, что тотъ передѣлъ не Сарайскій. И нынѣже пакъ Владыка Аѳанасій Сарайскій увѣдалъ то, видѣвъ грамотъ тѣхъ, и за вину его показненъ отъ Митрополита писаньемъ, отступился того передѣла и отъ сихъ мѣстъ; Владыцѣ Аѳанасію Сарайскому нѣтъ власти въ томъ передѣлѣ, но власть Рязанская, Попы и Дьяконы поставляющаго Владыки, и власть дающаго. И нынѣ послалъ есмь къ вамъ Владыку Рязанскаго Василья съ грамотою своею, и вы поминайте его, а пошлину церковную дайте ему по обычаю. Аже исполните, какъ то пишу къ вамъ, душеполезная и спасеная, а грамоты послушаете, да пошлину церковную дадите, милость Божья и Святой Богородицы и мое благословенье да будеть съ вами, и съ женами вашими и съ дѣтми, и со всѣми Крестьяны.» Подпись: Ἀλέξιος ἐλέῳ Θεοῦ Μητροπολίτης πάσης Ῥωσσίας καὶ ὑπέρτιμος. То есть: «Алексій милостію Божіею Митрополитъ всея Россіи, и пречестенъ.

(56) Въ *Троицкой:* «съ Поповъ дань сбираше, *Сборное* и *Рожественное*, и уроки, и оброки, и пошлины Митрополичи... Но и еще дотолѣ, преже даже не пойде ко Царюграду, всхотѣ безъ Митрополита поставитися въ Епископы» (а не въ Митрополиты, какъ у Князя Щербатова и Штритера).

(57) «Князь же Великій отпусти Діонисья на томъ словѣ, што ти не ити ко Царюгороду безъ моего слова, но ждати до году Митяевы Митро-

польи. Діонисій же, съ недѣлю не поведливъ, бѣжаньемъ побѣжа ко Царюгороду.» Онъ Волгою изъ Нижняго отправился въ Сарай. *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Митяй крайне негодовалъ за то на Сергія; а въ житіи сего Чудотворца сказано, что онъ, приписывая его внушеніямъ и долговременное несогласіе Св. Алексія дать ему благословеніе на Митрополію, грозился во гнѣвѣ разорить обитель Троицкую, и что Сергій въ духѣ пророчества объявилъ своимъ Монахамъ: «никако же ему Митропольскаго сана воспріяти, но и Царскаго града не имать видѣти» (*Ник. Лѣт.* IV, 234). — Далѣе въ *Троицк.*: «Дерзну Митяй просяти паче силы прошенья, и рече Князю Великому: аще обрѣтохъ благодать предъ тобою, дай же ми прошенье, да ми даси харатью ненаписану, а запечатану твоею печатью, да ю возму съ собою въ Царьградъ на запасъ, да коли что ми надобѣ, да то напишу на ней. И далъ Князь Великій таковую харатью не едину, и рекъ: аще будетъ оскудѣніе или какова нужа, и надобѣ заняти тысячу сребра или колико, то се вы буди кабала.» Въ 1379 году, во Вторникъ, Іюля 26, Митяй или Михаилъ переѣхалъ Оку. Съ нимъ отправились Іоаннъ Архим. Петровскій, ПименъАрхим. Переславскій,Мартинъ Архим.Коломенскій, Дороѳей Печатникъ (Митротрополита), Сергій Озаковъ, Степанъ Высокій, Антоній Копье, Макарій Игуменъ Мисолинскій, Григорій Діаконъ Спасскій, Александръ Протопопъ Московскій, Давидъ Протодіаконъ, крылошане Владимірскіе и проч.

(58) Сей ярлыкъ напечатанъ, вмѣстѣ съ другими, въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* Въ началѣ такъ: «Мы Тюлюбекъ Царь Мамаевою мыслію *дядиною*;» а въ другихъ спискахъ: «Тюляково слово Мамаевою дядиною мысліо.» Содержаніе онаго есть то, что Ханъ, слѣдуя закону предковъ, освободилъ церковныхъ людей въ Россіи отъ всякой дани, съ условіемъ, чтобы Митяй или Михаилъ, будущій Митрополитъ, молился за него Богу, и проч. — Далѣе въ лѣтописи: «Внезапу Митяй разболѣся въ корабли и умре на мори. Нѣціи же повѣдаша, яко корабль тотъ тогда стояше на единомъ мѣстѣ, и не поступая съ мѣста, ни сѣмо, ни тамо, а ини корабли плаваху мимо. И вложиша Митяя въ варку (барку), еже есть въ меньшее судно, и привезоша мертваго въ Галату.»

(59) «Се бысть первый общему житью начальникъ на Москвѣ.» Іоаннъ говоритъ: «Азъ не обинуяся възглаголю на вы, яко не истинствуете ходяще.» Далѣе: «Позаймоваша оною кабалою серебра въ долгъ на имя Князя Великаго у Фрязъ и у Бесерменъ въ росты, еже и до сего дни тотъ долгъ растетъ.»

(60) «Князь Вел. посла по него (Кипріана) Игумена Ѳеодора Симоновьскаго, отца своего духовнаго, въ Кіевъ, зовучи его къ собѣ на Москву: а отпустилъ по него о Великомъ заговѣньи, и пріиде Кипріанъ Митрополитъ въ *Четвергъ* шестой недѣли по Пасцѣ, въ самый праздникъ Възнесенья, и многу звоненью бывшу, и многу народу сшедшуся на срѣтеніе его. Князь же Вел. прія его со многою любовью... И минувшу седьмому мѣсяцу, паки приде вѣсть: се Пиминъ грядеть изъ Цараграда на Русь... На Коломнѣ сняша съ него клобукъ бѣлый и розведоша около его дружину его, и думци его и клиросницы, и отъяша ризницу, и приставиша приставника, нѣкоего Боярина, Ивана Григорьева сына Чуриловича, нарицаемаго Драницю, и ведоша Пимина съ Коломны на Охну не занимая Москвы, а отъ Охны въ Переяславль, а отъ Переяславля въ Ростовъ, а отъ Ростова на Кострому, а съ Костромы въ Галичь, а изъ Галича на Чухлому, и тамо пребысть въ оземствованьи лѣто едино; но отъ Чухломы выведенъ бысть на Тверь: Господня бо есть земля и конци ея!» — Великій Князь по *Троиц.*, *Ростовск.*, и всѣмъ лѣтописямъ, кромѣ *Никонов.*, послалъ за Кипріаномъ уже во время Царя Тохтамыша, и Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву въ 1381 году.

(61) О Буртанахъ или Буртасахъ говоритъ Карпинъ: Brutaques, qu'on tient être Juifs, et qui portent la tête toute rase (см. Бержерон. изд. стр. 8). Донынѣ находится много Жидовъ въ землѣ Черкесской; а Буртанами называется теперь особенный, неизвѣстнаго происхожденія народъ между Кубанью и Антаромъ, богатый мѣдью и серебромъ. — Генуэзцы всегда именуются въ нашихъ лѣтописяхъ Фрягами.

(62) «Азъ такожде хощу створити, аки Батый... Обогатѣемъ Рускимъ златомъ,» и проч. Въ *Ростов. Лѣт.*: «Мамай же разгордѣвся мнѣвъ себе *яко Царя*:» слѣдственно онъ, вопреки *Никон. Лѣтописцу*, не былъ никогда Царемъ. Такъ сказано и въ *Новогород. Лѣт.*: «нѣкоему бо у нихъ *худу царствующу*, а все дѣющу у нихъ Князю Мамаю» (въ 1380 году). Здѣсь *худъ* не есть собственное имя, но означаетъ только *худаго* или слабаго Царя. Мы видѣли, что въ 1379 году Ханъ Татарскій, племянникъ Мамаевъ, назывался Тюлюбекъ (см. выше, примѣч. 58).

(63) См. выше, стр. 23.

(64) «Стати на брезѣ у Оки рѣки на Семень день.» Мамай говоритъ: сколько хощете Руские земли, тѣмъ васъ дарю, но только присягу имѣйте ко мнѣ.

(65) Въ *Ростов.*: «Бысть вѣсть отъ Орды мѣсяца Авг. къ Вел. Князю, яко воздвизается Измаильтескій родъ на Христіанъ.»

Мы имѣемъ два описанія сей войны: одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ *Ростов.* и другихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое напечатанное съ разными отмѣнами въ Кіевскомъ *Синопсисѣ* и въ *Никон. Лѣт.*, баснословное и сочиненное, можетъ быть, въ исходѣ XV вѣка *Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ*, какъ то именно означено въ одномъ спискѣ его, хранящемся въ библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, подъ титуломъ: *Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безчисленными Агаряны*, и проч. Не говоря о сказочномъ слогѣ, замѣтимъ явную ложь въ сей второй повѣсти. Тамъ сказано, что Димитрій, готовясь къ походу, совѣтовался въ Москвѣ съ Кипріаномъ Митрополитомъ; что онъ прикладывался къ образу Св. Богоматери, написанному Евангелистомъ Лукою, и что въ Донскомъ сраженіи убито *восемь* или *даже пятнадцать* Князей Бѣлоозерскихъ: но Кипріана еще не было тогда въ Москвѣ (см. выше примѣч. 60) — образа, написаннаго Лукою, также (см. выше, стр. 86) — и Князь Ѳеодоръ Романовичь Бѣлозерскій, убитый на Дону вмѣстѣ съ сыномъ, не имѣлъ иныхъ родственниковъ, кромѣ брата, именемъ Василія, коего сыновья сдѣлались, уже *гораздо послѣ*, родоначальниками Князей Андомскихъ, Кемскихъ, Бѣлосельскихъ и другихъ (см. *Родослов. Книгу*, II, 163). Историки Кн. Щербатовъ и Штриттеръ повторили сію сказку. Слѣдуя во всемъ *Ростов. Лѣтописцу*, мы впрочемъ не отвергаемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ вѣроятныхъ и сбыточныхъ, въ ней находящихся: ибо думаемъ, что Авторъ ея могъ пользоваться преданіями современниковъ.

Любопытные могутъ въ *Никон. Лѣт.* видѣть грамоты, будто бы писанныя Олегомъ и Ягайломъ къ Мамаю, также и грамоту Мамаеву къ нимъ. Далѣе разсказываются тамъ слѣдующія обстоятельства: «Свѣдавъ, что Мамай, убивъ Хана, назвался Царемъ, идетъ на Россію и стоитъ уже на

берегахъ Воронежа, *Димитрій*, по совѣту Митрополита Кипріана, велѣлъ Князьямъ готовить войско, и *Михаилъ Тверскій прислалъ* къ нему въ помощь своего племянника, Іоанна Всеволодовича Холмскаго. Князь Владиміръ Андреевичъ спѣшилъ изъ Боровска въ Москву, куда пріѣхали Мамаевы послы съ требованіемъ, чтобы Димитрій платилъ Хану древнюю дань, безъ всякаго уменьшенія. Согласно съ мнѣніемъ Митрополита, Великій Князь отправилъ къ Мамаю хитраго мужа, Захарію Тутчева (или Тетюшкова), давъ ему множество золота, серебра и двухъ переводчиковъ. Сей посолъ услышалъ въ землѣ Рязанской объ измѣнѣ Олеговой, также о союзѣ Ягайла съ Мамаемъ, и далъ знать о томъ Димитрію, который, пируя у *Тысячскаго* Николая Васильевича, получилъ новыя вѣсти о замыслахъ Мамаевыхъ. Великій Князь немедленно отправилъ *первую стражу* къ Быстрой или Тихой Соснѣ, избравъ *для* сего *дѣла* именитыхъ воиновъ, Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго (или Іакова Усатаго), Василья Тупика и другихъ, дабы развѣдать о непріятелѣ: объявилъ также всѣмъ Князьямъ, чтобы они 31 Іюля собралися въ Коломнѣ. Долго не имѣя никакого извѣстія съ границы, Димитрій послалъ туда, *со второю стражею*, Климента Полѣнина, Ивана Святослава и Григорія Судока, встрѣтившихъ на дорогѣ Василія Тупика: сей витязь ѣхалъ съ вѣстію, что Мамай, союзникъ Олеговъ и Ягайловъ, точно намѣренъ воевать Россію. Великій Князь приказалъ тогда собраться войску въ Коломнѣ 15 Августа. Явились мужественные Князья Бѣлозерскіе съ полками своими, Кн. Θедоръ *Симеоновичъ*, Кн. *Симеонъ* Михайловичъ, К. Андрей *Кемскій*, К. Глѣбъ *Каргопольскій* (Каргалонскій ?) и *Цыдонскій* (?), Князья *Андомскіе*, Ярославскіе, Устюжскіе, Андрей и Романъ Прозоровскіе, *Левъ Курбскій*, Дмитрій Ростовскій,» и проч. Оставимъ несказдицу повѣствованія: замѣтимъ единственно, что по *Троицк.* и *Ростов. Лѣт.* Михаилъ Тверскій не участвовалъ въ семъ ополченіи, и что послы Мамаевы нашли Димитрія уже въ Коломнѣ; что въ Москвѣ по кончинѣ Василія не было Тысячскихъ; что Князья Кемскіе, Андомскіе, Курбскіе принадлежатъ къ новѣйшимъ временамъ. — Надобно также знать, что разные списки сей баснословной повѣсти, мною читанные, во многомъ несогласны. На примѣръ, въ древнѣйшемъ изъ оныхъ (*Синодал. библ.* No 365) сказано, что не Тверитяне, а Новогородскіе *Посадники* пришли на помощь къ Димитрію въ Коломну съ 7000 воиновъ или, какъ въ другихъ спискахъ, съ 40,000. Главными предводителями наименованы Иванъ Васильевичь Посадникъ, сынъ его Димитрій, Θома Крестный, Димитрій Завережскій, Михаилъ Поповлевъ, Юрій Хромый. Тамошніе гости, Микула, Иванъ Васильевичь Усатой и Дмитрій Клочковъ, бывъ свидѣтелями Московскаго ополченія, возбудили въ согражданахъ ревность участвовать въ ономъ (см. въ Синодал. библіот. рукопись No 529 *О Древн. Рос. Государства*, Т. II, л. 274). За симъ извѣстіемъ слѣдуетъ: «убо, братія, стукъ стучитъ, а громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стукъ стучитъ великая рать, а гремятъ Русскіе удальцы злачеными шеломы и доспѣхи.» Похоже ли это на слогъ лѣтописи? — Въ *Синопсисѣ* прибавлено (согласно съ нѣкоторыми иными списками), что Захарія, прибывъ въ Орду, именемъ Вел. Князя спросилъ Мамая о здоровьѣ; что гнѣвный Мамай сбросилъ башмакъ съ правой ноги и сказалъ ему: «се ти дарую, отъ великія славы твоея пришедшу, отъ ноги моея отпадшее;» а своимъ воинамъ: «возмите дары Московскіе и купите себѣ плети: злато бо и сребро Князя Димитрія все будетъ въ руку моею; землю же его раздѣлю служащимъ мнѣ, а самаго поставлю стадо пасти верблюжее.» Захарія отвѣчалъ смѣло, и воины хотѣли убить его: Мамай удержалъ ихъ, и звалъ сего Боярина къ себѣ въ службу. Хитрый Захарія не отказался, но просилъ, чтобы ему дозволили прежде отправить Димитріево посольство. Мамай написалъ грамоту къ Вел. Князю, въ коей сказано: «вѣдомо ти есть, яко улусы нашими обладаешь: аще ли еси младъ, то пріиди ко мнѣ, да помилую тя.» Мурзы Ханскіе долженствовали вручить оную Димитрію; но Захарія, встрѣченный близъ Оки отрядомъ Россійскимъ, связалъ сихъ четырехъ Мурзъ, изорвалъ грамоту Ханскую, послалъ одного Татарина сказать о томъ ихъ Государю, и благополучно возвратился въ Москву. — Въ *Книгѣ о древн. Рос. Государ.* (Синодал. библіот. No 529, Т. II, л. 263) написано, что Димитрій, еще ничего не зная о Мамаевомъ походѣ, 2 Іюля пировалъ въ своемъ набережномъ теремѣ съ Боярами; что стражами границъ были Родіонъ Жидовиновъ, Поповичь Андрей Семеновъ и 50 иныхъ удальцевъ; что Андрей Семеновъ прискакалъ тогда въ Москву и сказалъ Великому Князю: «Мамай со всѣми силами кочуетъ на Воронежѣ, и мы его силу объѣхали въ 11 дней; а въ 12 день стражи Царевы меня поимали и поставили предъ Царемъ, и Царь меня спрашивалъ: вѣдомоль моему слугѣ, Митѣ Московскому, что азъ иду къ нему въ гости? а силы со мною 12 Ордъ и 3 Царства, а Князей со мною 33, опричь *Польскихъ;* а моей силы 703,000, а послѣ того числа пришли ко мнѣ великія Орды со двѣма Дворы, и тѣмъ числа не вѣдаю. Можетъ ли слуга мой всѣхъ насъ употчивать.?»

(66) Прежде они назывались *Дѣтскими* или *Отроками Боярскими*.

(67) Лѣт. Синодал. библіот. No 365: «Княгиня же Великая Овдотья многи милости сотвори убогимъ, сама же непрестанно ходя къ церкви день и нощь.»

(68) См. *Никон. Лѣт.* IV, 99 и 100, и Синодал. лѣт. No 365, л. 203 на обор.

(69) Такъ въ *Ростов. Лѣт.* Въ *Никон.* сказано, что Св. Сергій далъ имъ «крестъ Христовъ, нашитый на Схимахъ.» О сихъ Димитріевыхъ сподвижникахъ упоминается и въ житіи Св. Сергія.

(70) Ворота давно задѣланныя, первыя отъ Флоровскихъ или Спасскихъ къ Москвѣ рѣкѣ. Нынѣшнія башни Кремлевскія строены уже при Вел. Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ исходѣ XV вѣка, но сохранили имена древнѣйшихъ, то есть, построенныхъ Донскимъ.

Въ Синодал. Лѣт. No 365: «Князь же Великій съ братомъ Володимеромъ Андреевичемъ иде во церковь Архистратига и биша челомъ его Св. образу, и приступи ко гробомъ прародителей своихъ, и рекуще: хранители православныя, поборницы нашии! аще имаете дерзновеніе ко Господу, помолитеся о нашемъ согрѣшеніи, яко великое приключеніе намъ и чадомъ нашимъ: нынѣ убо подвизайтеся съ нами.» Тутъ же описано и прощаніе Димитрія съ Евдокіею. Далѣе: «Князь же Великій отпусти брата своего (Владиміра) *Брашевскою* дорогою, а Бѣлозерскія Князи *Болвановскою*, а самъ пойде на *Котелъ;* того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно имъ вмѣститися. Великая же Княгиня съ *снохою своею*» (которой *еще не было*) «и съ иными Княгинями взыде во свой златоверхій теремъ набережный и сѣде подъ южнымъ окномъ» — (описывается плачь ея)... «Поятъ же съ собою Князь Великій отъ гостей Сурожанъ 10 человѣкъ повѣданія ради, аще что случится, да повѣдаютъ вборзѣ на Москвѣ: Василья Капцу,

Сидора Ольферьева, Костянтина Волка, Кузму Кувырю, Семена Оптонова, (Коротонова), Михаила Сараева, Тимоѳея Веснкова, Дмитрея Черного, Ивана Щиха, Дмитрея Саларева... (Дементья Сараева)... Возится К. Володимеръ Андреевичь Москву рѣку на красномъ перевозѣ Брашевскомъ» (въ Боровскѣ), и проч. Тутъ и въ *Никон.* сказано, что Великій Князь въѣхалъ въ Коломну 28 Авг. въ *Субботу;* но сіе число было тогда *Вторникомъ.* Современные Лѣтописцы такъ не ошибались. Далѣе: «прежде же Вел. Князя сшидошась тамо Воеводы многи, и срѣтоша его на рѣчкѣ Сѣверкѣ, а Герасимъ Епископъ въ градныхъ вратѣхъ со кресты.»

(71) Такъ въ *Ростов. Лѣт.;* а по Никоновской сказкѣ Ольгердовичи соединились съ Димитріемъ уже близъ Дона на мѣстѣ Березѣ. Они названы пасынками второй жены Ольгердовой, будто бы *Анны* (вмѣсто Іуліаніи), воспитавшей ихъ въ Христіанской Вѣрѣ. См. въ *Никон. Лѣт.* переписку сихъ братьевъ между собою, когда они готовились итти въ помощь къ Димитрію. Въ *Архані. Лѣт.* сказано, что съ ними было войска 40,000.

Въ *Ростов. Лѣт.:* «И пріиде на Коломну, собравъ вой своихъ 150,000, опричь Князей Руских и Воеводъ Мѣстныхъ; отъ начала бо такова сила не бывала Князей Руских: бѣ бо всее силы числомъ съ полтараста тысящъ или съ двѣстѣ тысящъ» (кромѣ дружины Ольгердовичей). — Въ *Синодал. Лѣт.* No 365, л. 210: «Во утрій же день повелѣ Кн. Вел. выѣхати всѣмъ Воеводамъ на поле Дѣвиче и всѣмъ людемъ... и начаша многи гласы ратныхъ трубъ трубити, и варганы тепутъ (звучатъ), и стязи ревутъ наволочены, и въ саду Панфиловѣ сынове Рустіи наступиша поля Коломенскія... Князь же Великій съ братомъ Владимеромъ Андреевичемъ возрадовашася... И уряди коемуждо полку Воеводу, а къ себѣ пріимъ Князи Бѣлоозерскія (храбри бо быша), а брату своему далъ Князи Ярославскіе; а правую руку себѣ уряди, а лѣвую брату: а Князю Глѣбу Дрютцкому (въ *Никонов.* Брянскому) передовой полкъ, да Димитрею и Володимеру Всеволожимъ; Коломенскаго полку Воевода Микула Васильевичь, Володимерскаго полку Воевода Тимоѳей Волуевичь, Костромскаго Иванъ Родивоновичь Квашня, Переславской же Воевода Андрей Серкизовъ; а у Князя у Володимера Воевода Данило Белеутъ, Костянтинъ Конановичь; Кн. Ѳедоръ Елецкой и Воевода Мещерской Кн. Юрій, да Кн. Андрей съ своими полки пріидоша. Князь Великій повелѣ Оку рѣку возитися, заповѣдавъ, кто пойдетъ по Рязанской землѣ, да никто не прикоснется ни единому власу.» Далѣе сказано, что онъ послалъ впередъ третью стражу съ Семеномъ Меликомъ, Игнатіемъ Кренемъ, Ѳомою Тынинымъ, Петромъ Горскимъ, Карпомъ Олексинымъ и Петрушею Чюриковымъ.

(72) Въ *Ростов.*: Великій же Князь Димитрій, воздохнувъ изъ глубины сердца, рече: Господи! совѣты неправедныхъ разори... Не азъ почахъ... но онъ окаянный, новый Святополкъ.» Послѣ того Димитрій идетъ въ церковь и принимаетъ благословеніе Епископа Коломенскаго, Герасима. — Въ *Никонов.:* «бѣ ему (Димитрію) печаль, яко мало пѣшія рати, и остави у Лопасны Воеводу своего, Тимоѳея Васильевича Тысяцкого (сына), правнука Веньяминова, да егда пѣшія рати или конныя пойдутъ за нимъ, да проводитъ ихъ... и повелѣ счести силу свою, и баше ихъ вящше двою сотъ тысящъ.»

(73) Въ сказкѣ о войнѣ Мамаевой подробно описывается замѣшательство Олега, гнѣвъ Ягайла (будто бы уже Католика) на Князя Рязанскаго, и проч. Олегъ говоритъ своимъ Бояранъ: «азъ чаяхъ по правиломъ, яко не подобаетъ Вел. Князю противу Царя стояти: нынѣ убо что азъ сдумалъ?» Бояре отвѣтствуютъ: «сказываютъ въ вотчинѣ его Калугера именемъ Сергія, свята и прозорлива вельми: тотъ благословилъ его и вооружилъ противу намъ.» Далѣе: «пріиде Ягайло въ Одоевъ, и слыша, яко Олегъ убоялся, и пребысть Ягайло не подвизаяся.» Въ гнѣвѣ своемъ онъ говоритъ: «николи же Литва отъ Рязани не пріимаша разума.»

(74) См. въ Синодал. Лѣт. No 365, л. 217. Въ *Никон. Лѣт.:* «и ту пріидоша много пѣшаго воинства, и Житейстіи людіе, и купцы со всѣхъ земель... и начаша считати, и изочтоша ихъ вящше *четырехъ сотъ тысящь:*» вѣроятно ли?

Вопреки современному *Лѣтописцу*, *Никон.* говоритъ, что послы Сергіевы вручили Димитрію письмо его и *хлѣбецъ Богородицы* уже передъ самою битвою. Тамъ же: «и се внезапу пріидоша къ нему (Димитрію) два отъ стражей его, Петръ Горскій и Карпъ, и приведоша языкъ. Той повѣда, яко Царь на Кузминѣ гати, не спѣшитъ убо, но ожидаетъ Олга и Ягайла; по тріехъ же днехъ имать быти на Дону. И вопросиша его о силѣ Мамаевѣ; онъ же рече: многое множество.» Въ *Ростов.:* «Мамай же, слышавъ приходъ Вел. Князя къ Дону и изсѣченныя своя видѣвъ прибѣгшія къ нему... и рече Княземъ своимъ темнымъ: двигнемся и станемъ у рѣки Дону. Великій же Князь, слышавъ хваду Мамаеву, рече: Господи! не повелѣлъ еси въ чуждыя предѣлы преступати; азъ же не преступихъ. сіи же приходяще аки змія ко гнѣзду,» и проч. Въ Синод. Лѣт. No 365, л. 218 на обор.: «прибѣгоша 7 стражей въ 6 часъ дни, Семенъ Меликъ со дружиною, а за нимъ гонишась много Татаръ: мало его не угониша: уже бо узрѣша полки Рускія и возвратишася къ Царю... Семенъ же повѣдаетъ Вел. Князю, яко Царь на Гусинѣ броду; едина нощь промежъ нами; утре будутъ на Непрядву рѣку.»

(75) Въ Синодал. Лѣт. No 365, и въ *Никон.* сказано, что сей Воевода, Димитрій Боброкъ, пріѣхалъ тогда къ Вел. Князю съ Ольгердовичами: но онъ есть самый тотъ, который въ 1371 году разбилъ Олега, а послѣ ходилъ въ Болгарію: зять Вел. Князя, Димитрій Михайловичь Волынскій Боброковъ (см. *Родосл. Книгу*, II, 85).

(76) Синодал. Лѣт. No 365, л. 220: «Князь же Великій поимъ брата своего Володимера и Литовскіе Князи и Воеводы, и выѣхаша на мѣсто высоко... и видѣ полки велми учрежены достойно (Димитріемъ Волынскимъ)... и Князи Литовскіе ркуще: подобни суть Македонскому войску... У богатырей хоругови аки живи пашутся; доспѣхи же Рускія аки вода сильна во вся вѣтры колеблющеся, и шеломы на главахъ ихъ аки утренняя заря; *еловци* жь шеломовъ ихъ аки полымя огняное пашется... Князь же Великій, спадъ съ коня доловъ, и падъ на колѣну прямо Великому полку черному знамени, на немъ же бѣ образъ Владыки І. Христа, изъ глубины сердца нача призывати велегласно,» и проч. — Далѣе: «и коемуждо полку рече своими усты: братія моя милая, сынове Рускія,» и проч. Тутъ сказано, что сіе происходило еще наканунѣ битвы; но Димитрій, по *Ростов. Лѣтописцу*, распорядилъ войско въ самый ея день, перешедши за Донъ, въ *Ординскую землю.* Слѣдующую басню выписываемъ для любопытныхъ изъ *Никон. Лѣт.*, *Синопсиса* и другихъ:

«Рече Димитрей Волынецъ Вел. Князю: повѣмъ тебѣ, Княже, примѣту свою искусную; уже бо долго нощи вечерняя заря потухла. Князь же Ве-

ликій поимъ съ собою брата Володимера и Литовскіе Князи единь, и выѣхаша на поле Куликово, и ставъ посреди обоихъ полковъ, и обратися на полкъ Татарской и слыша стукъ великъ и кличь, аки торги снимаются, аки гради зиждуще, аки трубы гласяще. И бысть назади ихъ грозно волци воюще. На десной же странѣ ворони кличють, и бысть гласъ великъ птичь; вранове же играють по рѣцѣ той по Непрядвѣ: гуси и лебеди непрестанно крылѣ плещуще, необычную грозу подають. И рече Волынецъ: *слышасте ли сіа? обратите ся на полкъ Русскій.* И бысть тихость велика... токмо огневе многи и заря снимахуся... И сниде (Волынецъ) съ коня и паде на десное ухо и приниче на землю, и предлежа на долгъ часъ, и воста, и абіе пониче. И рече ему Князь Великій: что есть, брате? Онъ же не хотѣ сказати. Князь же много нудивъ его; онъ же рече: едина ти есть на пользу, а другая не на пользу. Слышахъ землю плачущуся на двое: едина страна аки вдовица нѣкая, а другая аки дѣвица, аки свирѣль... Азъ чаю побѣды, а нашихъ много падетъ. Князь же Великій прослезися. И рече Волынецъ: не подобаетъ сего въ полцѣ повѣдати никому же. Въ ту же нощь нѣкто Ѳома Хабычеевъ разбойникъ поставленъ сторожемъ отъ Вел. Князя на рѣцѣ на Чюрѣ на Михайловѣ, и откры ему Богъ видѣніе, и видѣ на высотѣ облакъ великъ, пріиде отъ Востока, и отъ полуденныя страны пріидоша двѣ уноши свѣтлы, имуще въ рукахъ по мечю остру, и ркуще полковникомъ Татарскимъ: *кто вы повелѣ требити отчество наше? намъ дарова Господь стрещи его* . . . и начаша сѣщи ихъ. И видѣша Василей Капица, да Семенъ Онтоновъ, отъ поля грядуща множество Еѳіопъ, ови на колесницахъ, ови на конехъ, и абіе внезапу явись Св. Петръ Митрополитъ, имѣя въ руцѣ жезлъ златъ . . . и нача съ яростію велією жезломъ своимъ ихъ прокалати . . . И Вел. Князь повелѣ никому же сего повѣдати.» — Далѣе: «Часу же второму наставшу, начаша трубити отъ обоихъ странъ: Татарскія жь трубы аки онѣмѣша... Великому жь Князю пресѣдающе на борзый конь, и ѣздящу по полкомъ . . . и сниде съ того коня на иной конь, и совлече съ себя приволоку Царскую и въ иную облечеся; той же конь дасть подъ Михаила подъ Ондреевича подъ Бренка, и ту приволоку на него положи, иже бѣ любимъ паче мѣры, и то черное знаменіе повелѣ надъ нѣмъ возити (въ *Никон. Лѣт.* Рындѣ своему), и подъ тѣмъ знаменемъ убіенъ бысть за Великого Князя. Великій же Князь, воздѣвъ руцѣ на небо и вложи въ нѣдра своя вынмъ крестъ живоносный, на немъ же бѣ воображеніе страсти Господни, въ немъ же бѣ древо животное, восплакася». . . (Тутъ будто бы привезли ему письмо отъ Св. Сергія). . . «И се внезапу сила Татарская великая съ *шоломяни* (высоты) грядуща, и нѣсть мѣста, гдѣ имъ разступитись, и сташа, копія закладше, стѣна у стѣны, кождо ихъ на плещи преднихъ своихъ, имуще преднія краче, а задніи должае. Князь же Великій съ своею силою съ другаго *шоломяни* пойде противу имъ, и бѣ страшно видѣти . . . Царь же Мамай съ трема съ темными Князи взыде на *мѣсто высоко* на *шоломя*, и ту сташа, хотя видѣти кровопролитіе . . . Выѣде изъ полку Татарскѣ. Печенѣгъ, богатырь великъ зѣло, и никто же смѣяше противу его. Тогда Пересвѣтъ Чернецъ, *Любчанинъ* (по *Ростов. Лѣт.* Брянчанинъ) родомъ, иже бѣ въ полку у Владимера и Всеволожа, двигся изъ полку вонъ и рече: азъ хощу съ нимъ видѣтися. И бѣ на немъ шеломъ Архангельского образа, вооруженъ бѣ Скимою; и рече: отци и братія! простите мя грѣшнаго, и братъ мой Ослябя моли Бога за мя . . . И напусти на Печенѣга, и рече: Игуменъ Сергій помози молитвою своею. Крестьяне же вси воскликнуша: Господи помози рабу своему! и ударишась крѣпко; мало что земля подъ ними не проторжесь; и спадоша съ коней оба, и умроша.»

(77) Синодал. Лѣт. No 365, л. 26: «Мы вси готовы есмя головы своя положити за тебя, за ласкова Государя; а тобѣ подобаетъ память творити и въ книгахъ писати, памяти дѣля Русскихъ сыновъ,» и проч. Въ *Ростов.* л. 370: «Онъ же отвѣща имъ: да како азъ возглаголю: *братія, потягнемъ вкупѣ*, а самъ лице свое почну крыти? яко же хощу словомъ, тако же и дѣломъ напередъ всѣхъ и предъ всѣми главу свою положити, да и прочіи пріимутъ дерзновеніе.» Далѣе: «Наѣха (Димитрій) на поганаго Царя *Теляка* (см. выше, примѣч. 58), на нареченнаго плотьнаго Діавола Мамая,» и проч.

(78) Древняя наша верста состояла изъ 1000 саженей, какъ показано въ старинныхъ Русскихъ Ариѳметикахъ.

(79) «Видѣша бо вѣрніи, яко въ сій часъ Ангели помогаху Христіаномъ, и Св. Мученикъ полки, Георгія побѣдоносца и Димитрія мироточиваго и благовѣрныхъ Князей самобратныхъ, Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ Воевода Архистратигъ Михаилъ. Тако же и погавіи видѣша полки тресолнечны по воздуху парящи, избивающе ихъ, и стрѣлы пламенны на поганыхъ идяху.» Въ *Синодал. Лѣт.* No 365: «Се слышахомъ отъ вѣрнаго самовидца отъ полку Кн. Володимера Андреевича, иже повѣда Вел. Князю видѣніе: въ шестую годину дни бысть надъ нами небо отверсто, изъ него же иде багряная заря и надъ нами низко держаше, и облакъ исполненъ рукъ, кождая рука держаше вѣнцы, ова потиры, ова проповѣди пророческія (ова цвѣты), и въ 6 часу дни многи вѣнця спустишася на Русскія полки.» Тутъ сказано, что Мамай ушелъ только съ четырмя воинами. Глупые басенники прибавляютъ, что онъ призывалъ боговъ *Перуна*, Соловата, *Мокоша*, Ираклія и *Хорса!* Далѣе: «Княжія же полки гоняще били ихъ до Содомлянъ и до становъ ихъ.»

— Въ *Никон.* и въ другихъ сказано, что Димитрій Волынскій удерживалъ Князя Владиміра, пока сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице; а въ 9 часу вѣтеръ повѣялъ сзади.

(80) Въ *Синодал. Лѣт.* No 365: «Рекоша Князи Литовскія: мнимъ, яко живъ есть, но уязвлѣнъ. Иной рече: азъ питаго часу видѣхъ его крѣпко бьющеся съ четырмя Татарины. Юрьевской же уноша, Степанъ Новосильской: азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ приходомъ пѣша идуща съ побоища, но уязвленна; того бо дѣля не дахъ ему коня, зане гонимъ бѣхъ трема Татарины . . . Оніи же наѣхаша Михаила Александров. Бренка, и чаяша его Великимъ Княземъ; и иніи же Кн. Ѳеодора Бѣлозерскаго, занеже приличенъ (похожъ) бяше.» — Въ *Ростов.*: «Нѣкто отъ благородныхъ воинъ, Костромичи родомъ, а быша въ полку у Воеводы Іоанна Родіоновича, Ѳеодоръ Сабуръ, да Григорей Холопищевъ, найдоша Вел. Князя въ дубровѣ велми язвена лежаща,» и проч. Выше сказано: «Самаго же Вел. Князя съ коня сбиша» (Татары). Въ *Никонов.* и въ другихъ прибавлено, что Димитрій, сбитый съ коня, сѣлъ на другаго, и будучи еще раненъ, отошелъ съ мѣста сраженія въ дубраву, и легъ подъ дерево. Въ *Ростов.*: «доспѣхъ его весь бяше избитъ, но на тѣлѣ его не бысть язвы.»

(81) Въ *Синодал. Лѣт.* No 365: «а поганыхъ въ четверо.» Нѣмецкій Историкъ Кранцъ, писавшій свою *Вандалію* въ концѣ XV вѣка, говоритъ о

сей *Донской битвѣ* (Wandal. кн. IX, стр. 207): Quo etiam tempore inter Russos et Tartaros maximum a memoria hominum habitum est prælium, in loco qui dicitur *Flawasser* (Blau-Wasser, Синяя Вода: см. ниже), ut solent ambæ nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere. Ferunt ducenta mortalium millia eo concidisse prælio. Russi tamen victores prædam non parvam abduxere in pecoribus: nam reliquam pene nullam possident. Nec tamen diu læti sunt ea victoria Russi: nam Tartari, Letuanis in societatem accitis, sequuti Russos jam reduces, et prædam, quam amiserant, retulerunt, et magnam in Russos stragem peregerunt. Erat autem annus LXXXI post mille trecentos a Christo nato. Quo etiam tempore in Lubica cœtus agebatur et conventus urbium omnium de societate, quam Hansam dixere. Послѣднее мѣсто выписано здѣсь для того, что оно можетъ изъяснить, какимъ образомъ свѣдали въ Германіи о Донской битвѣ: купцы Ганзейскіе, въ 1381 году имѣвшіе съѣздъ въ Любекѣ, могли привезти туда вѣсти изъ Новагорода, съ ними союзнаго. Кранцъ пишетъ, что «Россіяне взяли въ добычу множество скота (ибо у Татаръ почти нѣтъ инаго богатства), но не долго радовались своею побѣдою; что Татары, соединясь съ Литвою, устремились въ слѣдъ за нашими, отняли у нихъ добычу и множество ихъ побили.» Въ Линденблатовой рукописной Нѣмецкой Хроникѣ, которая идетъ до 1420 года, сказано такъ: «Въ семъ году (1380) была великая война во многихъ земляхъ: Россіяне сражались съ Татарами на *Синей Водѣ*, и съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ до *сорока-тысячь* человѣкъ. Россіяне одержали верхъ; но послѣ сей битвы встрѣтили Литовцевъ, союзниковъ Татаръ, и были истреблены ими: Литовцы взяли всю ихъ добычу.» Въ *Больш. Чертежѣ* 162: «Вверхъ по рѣкѣ Бокгу (Бугу) 50 верстъ (отъ его устья) пала въ Бокгъ рѣчка Синяя Вода, а (на ней) городъ Синяя Вода, 70 верстъ отъ Бокга.» Но Непрядва и Донъ такъ не назывались. — Въ Синодал. Лѣт. No 365 сказано, что въ Донскомъ сраженіи убито 40 Московск. Бояръ, 30 Серпуховскихъ, 22 Переславскихъ, 20 Костромскихъ, 30 Владимірскихъ, 50 Суздальскихъ, 40 Муромскихъ, 34 Ростовскихъ, 23 Дмитровскихъ, 60 Можайскихъ, 30 Звенигородскихъ, 15 Углицкихъ, а всѣхъ вообще 250,000; осталось же только 50,000 (по *Никон. Лѣт.* 40,000): какая нелѣпость! Въ *Ростов. Лѣт.* о числѣ убитыхъ нѣтъ ни слова; а въ *Никоновск.* сказано, что 8 Князей Бѣлозерскихъ (въ Синодал. Лѣт. *пятнадцать*) лежали мертвые другъ подлѣ друга.

(82) Въ приходской церкви Рождества Богоматери, разбирая колокольню сей церкви, называемой *Старымъ Симоновымъ* (см. ниже, примѣч. 122), въ царствованіе Екатерины II нашли древнюю гробницу подъ камнемъ, на коемъ были вырѣзаны имена Осляби и Пересвѣта: нынѣ она стоитъ въ трапезѣ; а камень закладенъ въ стѣнѣ. Въ *Архангел. Лѣт.* сказано, что Ослябя также убитъ въ Донскомъ сраженіи, вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ, и что Великій Князь, стоявъ 8 дней на мѣстѣ битвы, велѣлъ тѣла нарочитыхъ людей везти къ Москвѣ въ колодахъ.

(83) Между 18 и 26 числомъ Октября.

(84) Въ особенной исторіи Высоцкаго Серпуховскаго монастыря (см. *Опытъ историч. словаря монаст.* стр. 82), хранящейся въ сей обители, именно сказано, что Владиміръ былъ прозванъ *Храбрымъ*.

(85) По *Никон. Лѣт.* и другимъ Великій Князь прибылъ съ Куликова поля въ Коломну 21 Сент., отдыхалъ тамъ 4 дни, былъ встрѣченъ Митрополитомъ въ Андроньевѣ монастырѣ, Великою Княгинею во Флоровскихъ воротахъ, молился съ нею въ Соборахъ, вошелъ наконецъ *въ свое знамя, въ бережныя сѣни*, — ѣздилъ изъ Москвы въ Троицкую Лавру и заставилъ Св. Сергія отслужить панихиду за избіенныхъ на берегу Дона.

(86) См. *Древн. Росс. Вивліоѳ.* I, 90. Сія грамота есть списокъ, а не подлинникъ. Въ началѣ упоминается о Митрополитѣ *Кипріанѣ*, а послѣ о *Донскомъ сраженіи*: слѣдственно она писана въ 1381 или въ 1382 году, т. е. прежде изгнанія Кипріанова. О границахъ: «Межи нась роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны вверхъ по Оцѣ на Москов. сторонѣ Почепъ, Новый городокъ, *Лужа, Верея*, Боровескъ и иная мѣста Рязаньская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а нанизъ по Оцѣ по рѣку по Тщу, отъ усть Тщы вверхъ по Тщѣ, что на Москов. сторонѣ Тщы, то къ Москвѣ, а что на Рязаньской, то къ Рязани; а Володимерское по рубежъ, какъ было при нашемъ дѣдѣ, при Вел. Кн. Иванѣ Даниловичѣ... а что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселѣ потягло къ Москвѣ, Почепъ, Лопастна, уѣздъ Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ, Бродничь съ мѣсты, какъ ся отступили Князи Торускіе Ѳедору Святославичю, тѣ мѣста къ Рязани; а что мѣста Князя Вел. Дмитрія Иван. на Рязаньской сторонѣ, *Тула*, какъ было при Царицѣ при Тайдулѣ, и коли ее Баскаци вѣдали, въ то ся Князю Вел. Ольгу не вступати... А что мѣста Талица, Выползовъ, Такасовъ, та мѣста Князю Вел. Дмитрію. А что купля Кн. Великого, Мещера, какъ было при Александрѣ Уковичѣ, то Князю В. Дмитрію.» О семъ *Князѣ* А. Уковичѣ упоминается и въ новѣйшихъ Рязанскихъ договорахъ: см. ниже. Города Каломъ, Темниковъ, Елатомъ находились въ Мещерской области. — Далѣе: «А что Татарская мѣста отоймалъ Кн. Великій Д. Ив. за себя отъ Татаръ, та мѣста Велик. Кн. Дмитрію; а что Князь Вел. Олегъ, то Олгу... А изъ Рускихъ Князей кто Князю Вел. Дмитрію другъ и Князю Володимеру, то и В. Князю Олгу другъ... А что В. К. Дмитрій и К. Володимеръ билися на Дону съ Татары, отъ того времени что грабежъ или что поиманье у Князя В. у Дмитрія людій и у его брата, К. Володимера, тому межи насъ судъ вопчій: отдати то по исправѣ; а что ся ни дѣяло дотолѣ, какъ есмя цѣловали крестъ, тому всему погребъ до Спасова Преображенья дни за четыре дни; а судъ вопчій межь насъ отъ того праздника всему. А о чемъ судьи наши сопрутся, ѣдутъ на-Третей, кого себѣ изберутъ; а судомъ вопчимъ не переводити» (не судиться вторично); «а кто иметъ переводити, правый у того возметъ: а то ему не въ измѣну. Суженого не посужати» (не пересуживать):» суженое положеное дати. Холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, душегубца выдати по исправѣ; а пошлины съ семьи шесть денегъ, съ пѣшеходовъ 2 алтына, а съ одиного не имати. А мыты ны держати давныи, пошлыи; а непошлыхъ (небывалыхъ) мытовъ и пошлинъ не замышляти; а мыта съ воза по деньзѣ, а съ пѣшехода мыта нѣтъ,» и проч.

(87) См. Абульгази Hist. des Tatars и Эрбелот. Biblioth. Orient. подъ словомъ Timour. — Урусъ царствовалъ до 1360 году.

(88) «Срѣтошася на Калкахъ (въ *Ростов.* Калкахъ лѣсѣхъ)... и Тохтамышъ побѣди. Мамаевы же Князи сшедше съ коней своихъ и биша челомъ Царю Тохтамышу и даше ему правду (присягу) по своей Вѣрѣ... Мамай же побѣже съ своими единомышленники. Царь же Тохтамышъ посла

за в них въ погоню. Мамай же прибѣже близъ града Кафы и сослася съ Кафинцы по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избавленіе, и прибѣже въ Кафу со множествомъ злата и сребра... и ту отъ нихъ убіенъ бысть лестію.»

(89) Въ *Троицк.*: Тогó же лѣта выидоша изъ Орды Киличееве (послы) Князя Великого, Толбуга да Моишей, къ Госпожину дни. Того же лѣта Царь Тохтамышъ послалъ своего посла къ Вел. Князю,» и проч.

(90) Въ *Ростов.*: «А Князь Олегъ срѣте Тохтамыша прежде даже не вниде въ землю Рязанскую, и бысть ему помощникъ... и иная нѣкая словеса изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую и взяти каменный градъ Москву и недобыть Вел. Князя; и обведе Царя около всей своей вотчины... не хотяше бо добра намъ, но своему Княженію помогаше... К. Димитрій Констянтин. Суждальскій посла два сына своя, К. Василія, да К. Симеона, къ Тохтамышу. Они же не обрѣтоша его, и гнаша въ слѣдъ его нѣколико дней, и переяша дорогу его на Серначѣ, и постигоша его на Рязани.» Въ *Ростов.*: «поиде (Димитрій) во градъ свой Переяславль... и мимо Ростовъ на Кострому.» *Никон. Лѣт.* говоритъ, что Великая Княгиня оставалась въ Москвѣ, и выѣхала оттуда уже вмѣстѣ съ Митрополитомъ Кипріаномъ; но въ современной *Новогород. Лѣт.* сказано: «на Кострому побѣжа (Димитрій) съ Княгинею и съ дѣтми.» Такъ и въ *Архангельской*.

(91) Въ *Ростов.*: «и сотвориша *Вѣче* и позвониша во вся колокола.» — *Никон. Лѣт.* говоритъ, что народъ, выпустивъ изъ города Митрополита съ Великою Княгинею, ограбилъ ихъ: вѣроятно ли? народъ, по другимъ лѣтописямъ, грабилъ только простыхъ бѣглецовъ.

(92) «Бояре, Суконникы, Сурожане, Архимандриты, Игумены,» и проч. Въ *Никон. Лѣт.*: «пріидоша (Татары) въ полобѣда, и узрѣша ихъ со града, и вострубиша граждане. Они же сташа за два или за три стрѣлища отъ града,» и проч. Далѣе: «бѣ бо около града чисто, понеже граждане сами посады своя пожгоша и ни единаго тына или древа оставиша, блюдущесь примета ко граду.»

(93) Въ *Никон. Лѣт.* описываются здѣсь разныя мерзости: чего нѣтъ въ другихъ.

(94) «Овіи отъ нихъ стояще стрѣляху, а иніи скоро рищуще, а друзіи на конехъ скоро ѣздяще на обѣ руцѣ, напередъ и назадъ скоро и получно безъ погрѣхи стрѣляху.» Въ *Ростов.*: «друзіи же *тюфяки* пущаху на ня, иніи изъ самострѣлъ стрѣляху, и пороки шибаху, иніи *пушки* великіи пущаху.» *Тюфяками* и *пушками* назывались тогда, какъ надобно думать, особенныя махины, употребляемыя для защиты городовъ. Далѣе: «И той (Адамъ) примѣтивъ и назаменавъ единаго Татарина нарочита и славна, иже бѣ сынъ Князя Ординскаго, и напрягъ стрѣлу самострѣльную, и уязви въ сердце его гнѣвливое, и вскорѣ смерть ему нанесе. Се же бысть велика язва Татарамъ, яко и самому Царю тужити о немъ.»

(95) Въ *Архангельской*: «и на томъ словѣ К. Семенъ Суздальскій снемъ съ себе крестѣ и цѣлова Москвичемъ.»

Въ *Никонов.*: «убиша К. Остея, тайно вземше его въ полкъ свой.» Въ *Архангел.*: «К. Остея во Фроловскихъ воротѣхъ убиша.» Сіе случилось въ 7 часу дня.

(96) Въ *Троицк.*: «книгъ же толико множество снесено со всего города и изъ загородья и изъ селъ, и въ Зборныхъ церквахъ до тропа наметано, схраненья ради спроважено, то все безъ вѣсти створиша.»

(97) Въ *Ростов.*: «прежде бяше градъ Москва видѣти великій и чюденъ градъ, и много множество людей бяше въ немъ, кипя же богатствомъ и славою,» и проч. Въ числѣ убитыхъ Лѣтописцы именуютъ Симеона, Архимандрита Спасскаго, другаго Архимандрита Іакова, Игумена Іакинѳа Крылова, и проч.

(98) Въ *Никонов.* сказано, что Татары въ Переславлѣ едва было не захватили супруги Димитріевой, и что она уѣхала оттуда черезъ Ростовъ въ Кострому; что Татары хотѣли итти къ Твери, но были удержаны невидимою силою; что Михаилъ Тверскій отправилъ къ Хану дары съ Гурленомъ, и что Тохтамышъ прислалъ ему милостивую грамоту. — Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Владиміръ побилъ 6000 Татаръ. — Коломенскій Епископъ Герасимъ уѣхалъ тогда въ Новгородъ. — Тохтамышъ, выходя изъ Россіи, вмѣстѣ съ посломъ своимъ отправилъ къ Димитрію Константиновичу Суздальскому сына его, Симеона Димитріевича, а другаго сына, Василія Димитріевича, взялъ съ собою въ Орду.

(99) Въ *Троицк.*: «росплакаста ся има (Димитрію и Владиміру).

(100) Такъ въ *Ростов.*, а по *Троицк.* вдвое менѣе.

(101) Михаила Морозова и Симеона Тимоѳеевича. Кипріанъ выѣхалъ изъ Твери Окт. 3, а пріѣхалъ въ Москву Окт. 7.

(102) «Тое же осени К. Михаилъ иде въ Орду и съ сыномъ своимъ и пойде околицею, ища Великого Княженія... Тое же осени (1383) о Николаевѣ дни Кн. Михаилъ выйде изъ Орды безъ Великаго Княженья, а сынъ его Александръ остася въ Ордѣ. И Князя Василіа Димитріевича Царь у себе же оставивъ *въ осьми тысячахъ*,» то есть, считая 8000 рублей долгу на его отцѣ. *Никон. Лѣт.* изобрѣтаетъ слѣдующее: «Тохтамышъ пожаловалъ Князя Михаила его отчиною, Княженіемъ Тверскимъ, и рекъ ему: азъ улусы своя самъ знаю, и кійждо Князь Рускій по старинѣ служитъ мнѣ; а что неправда предо мною улусника моего Кн. Дмитрея Московскаго, и азъ его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою... Тогда же бѣ въ Ордѣ и Князь Василій Димитріевичь Московскій: смущаше бо ихъ нѣкій Князь Ординскій, обѣщавая комуждо дати Вел. Княженіе, яко и Царя, глаголяше, на сіе приведу.»

(103) Въ *Троицк.*: «тое же осени (1383) о Димитріевѣ дни бысть въ Володимірѣ лютъ посолъ, именемъ Адашъ Токтамышь... Тое же весны (1384) бысть великая дань тяжелая по всему Княженью Великому, всякому безъ отдатка (уступки), со всякіе *деревни* по *полтинѣ*. Тогда же и златомъ давали въ Орду» (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 250). *Деревня* означала прежде *одно* жилище крестьянское и состояла обыкновенно изъ малаго числа дворовъ: въ доказательство привожу слѣдующія мѣста изъ книги Помѣстнаго Приказа XVI вѣка, найденной мною въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ: «По старому письму деревня два двора, три человѣка. — Всѣхъ деревень по старому письму 15, а дворовъ въ нихъ 40 и 8, а людей 50 и 3 человѣка. — Деревень по старому письму 21, а дворовъ въ нихъ 45, а людей 48, а *обежъ* 47, а *сохъ* 16 безъ трети.» *Обжею* называлось тягло; въ каждой считалась треть *сохи*. Слово *полтина* происходитъ отъ глагола *располоть*: ибо она состояла изъ половины рубля или серебрянаго прута, *вдоль* раздвоеннаго. Въ семъ смыслѣ донынѣ употребляется слово *полоть* (ветчины) и *полотокъ*.

(104) См. ниже, примѣч. 115. Димитрій въ условіяхъ съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ говоритъ: «а оже вы Богъ ослободитъ отъ Орды.»

(105) «Марта въ 25, въ Лазареву Субботу, К. Олегъ взя Коломну изгономъ, и Намѣстника нанима Александра Андреевича, нарицаемаго Остея, и прочихъ Бояръ и лѣпшихъ мужей поведе съ собою, и злата и сребра и всякаго товара наимався, и отыде въ свою землю... Того жь лѣта Кн. Великій Дмитрій Ив. собравъ воя многы и посла брата своего, К. Володимера, на К. Ольга. На той войнѣ убиша Кн. Михаила, сына Андреева Полотьскаго Олгердовича на Рязани... Тое же осени въ Филипово говѣнье Игуменъ Сергій самъ ѣздилъ на Рязань ко К. Ольгу о мирѣ: прежде бо того мнози ѣздиша къ нему, и никто же возможе утолити его. Преподобный же старецъ кроткими словесы и благоувѣтливыми глаголы много бесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ и любви: К. же Олегъ преложи свирѣпьство свое на кротость, и умилися душею, и устыдѣся тодь свята мужа, и взя со К. Великимъ миръ вѣчный.»

(106) Въ *Ростов.*: «даша ему (Патрикію) Новогородци въ кормленье пригороды Орѣховъ и Корельскій и полъ Копорьи городка и Луское село... Пріѣхаша Орѣховци и Корельскыи съ жалобою къ Новугороду на Патрикія, и выѣха Кн. Патрикій въ Новгородъ, и подняша посуломъ (дарами) Славенскій Конецъ, и смути Новгородъ... Износиша Вѣче по двѣ недѣли на Ярославлѣ Дворѣ, а злѣ на сей сторонѣ 3 Концы другое Вѣче ставиша у Св. Софіи, и Тысяцкій Іосифъ не сойде на сю сторону въ Вѣче, и Плотничане добрые люди такоже не пойдоша. И бысть на *Черкисовѣ* (Мытаря и Фарисея) недѣли, удариша Славенскій Конецъ на Тысяцкого на Іосифовъ дворъ съ Вѣча со Ярославля Двора, и Плотничане Іосифа не выдаша, и биша грабежниковъ и полупиша; а тогда биша у Кн. Патрикія 2 человѣка въ дому, Корнилка Олисейкова, да Мишка Щекотова Поповича съ Подола. И бысть на Мясопустной недѣли во Вторникъ, Февр. въ 9 день: доспѣша 3 Концы Неревъскій Конецъ, и стояша у Св. Софіи на Вѣчи, всякій вворужившися аки на рать, отъ обѣда и до вечерни, и Плотницкій Конецъ, сослався послы съ трема Концы, на Славлянъ хотѣша ити, и заутра въ Среду не потягнуша Плотничане на Славляне съ 3 Концы, и 3 Концы списаша грамоты во одни слова обѣтные, и Славляне себѣ доспѣша и стояша со Княземъ на Ярославлѣ Дворѣ. Во Вторникъ же на Мясопустной недѣли и въ Четвертокъ Славляне мостъ Великій отъ своей стороны перебраша между двѣма городнями; и по усобной той рати поидоша вся пять Концовъ во одиночество... и грамоту написаша со Княземъ, и запечаташа на Вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ.»

Въ сіе время только однажды (въ 1377 году) ходили Новогородцы за границу къ Нѣмецкому (Шведскому) Новому городку на Овлѣ (въ *Ростовск.* Олвѣ) рѣкѣ: думаю, Нейшлоту или Олофсбургу, хотя Бишингъ и говоритъ, что сей городъ построенъ уже въ 1475... «И стояша подъ городомъ много дній, и посадъ весь взяша, и волость всю потравиша, и полона много приведоша.» Воеводами были Иванъ Ѳеодоровичь, Василій Борисовичь, Максимъ Ананьевичь.

Въ *Ростов.*: «Той же осени (1369) пошли Волгою 10 ушкуевъ (судовъ), а иніи шли Камою, и биша ихъ подъ Болгары... Дважды ходиша (г. 1370) Новогородцы Волгою, и много зла створиша... Того же лѣта (1371) ушкуйницы разбойницы Новагорода Великаго пришедше взяли Ярославль и Кострому... Идоша (въ 1374 г.) на низъ Вяткою ушкуйницы 90 ушкуевъ и пограбиша Вятку и взяша Болгары; хотѣша и градъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублевъ; и оттуда раздѣлишась на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волгѣ, и дошедше *Обухова*, пограбиша все Засурье и *Марькваш*ь, и перешедше за Волгу, суды всѣ изсѣкоша, а сами пойдоша къ Вяткѣ на конияхъ, и много селъ по Ветлугѣ идуще пограбиша... Того же лѣта (1375), егда бѣ Вел. Князь Димитрій подъ Тферію, изъ Вел. Новагорода идоша разбойницы въ 70 ушкуяхъ: Воевода же бѣ у нихъ Прокофь, а другій Смолнянинъ; и пріидоша къ Костромѣ... Видѣвше же, яко много бѣ Костромичь, раздѣлишась Новогородцы на 2 части: едину половину пустиша лѣсомъ втай, и обыдоша около по можжевелнику, и удариша на Костромичь въ тылъ, а друзіи въ лице... И пойдоша Новогородцы на низъ, и повернуша въ Каму, и много пограбиша по Камѣ, и внидоша паки въ Волгу... и пойдоша въ насадѣхъ къ Сараю, гостей Христіанъ грабяще, а Бесерменъ грабяще и убивающе,» и проч... «Того же лѣта (1379) Вятчане ходиша ратію въ *Арьскую* землю, и избиша разбойниковъ ушкуйниковъ, и Воеводу ихъ Рязана изъимавше убиша.»

Городъ Хазторокань или Астрахань есть, можетъ быть, древній Атель или Балангіаръ (см. сей *Исторіи* Т. I, стр. 25). Въ старыхъ Грузинскихъ Исторіяхъ Астрахань именуется *Хозаремъ*, какъ пишетъ Грузинскій Царевичь Сакаръ Вахтенговичь въ отвѣтахъ на вопросы Г. Татищева, бывшаго Астраханскимъ Губернаторомъ. Сіи отвѣты, писанные въ 1743 году, найдены мною въ бумажникахъ Г. Миллера, хранящихся въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No 316. Послѣ Козаръ господствовали Ясы отъ устья Волги къ Дербенту и далѣе.

Сообщимъ здѣсь и другіе замѣчательные отвѣты упомянутаго Царевича:

«Имя *Грузіи* извѣстно только Россіянамъ. Мы называемъ свое отечество *Картли*, по имени *Картлоса*, нашего праотца, сына Ноева. Персіяне называютъ Грузію *Гурчистаномъ*, Дагестанцы *Гурджемъ*, Греки *Георгіею*, отъ Св. Великомученика Георгія, коему Богъ особенно поручилъ защиту оныя. Картлосъ имѣлъ 6 сыновей: Михетоса, Кахоса, Бардоса, Кавказоса, Лесгоса и Егроса, коихъ именами назвалися разные предѣлы. — Отъ чего родилось имя Кабарды, неизвѣстно. Она принадлежала нѣкогда Грузинскимъ Царямъ, исповѣдуя Вѣру Христіанскую, истребленную Татарами и Князьями вышедшими изъ Египта (Аравитянами).»

Въ *Ростов.*: «Держа (Димитрій) гнѣвъ на Новгородъ, что взяли Новогородцы разбоемъ Кострому, и про *Княщины*:» то есть, Княжескую собственность, ими захваченную. Далѣе: «Тое же зимы (1384) пріѣхаша отъ Вел. Князя Димитрія съ Москвы Бояре его *черного бору* брати» (собирать дань съ чернаго народа) «по Новогородскимъ волостямъ: Ѳеодоръ Свиболъ, Іоаннъ Уда, Александръ Белеутъ, и иніи Бояре. Тогда ѣздиша Бояре Новогородскія на Городище тягатися со Княжими Бояры въ обидахъ, и побѣгоша съ Городища на Москву Свиблова чадь, а въ обидахъ исправы не учинили; а иніи осташа Низовцы въ городѣ обирать черного бору.» Однакожь видно, что Новогородцы удерживали сію дань: иначе Великій Князь, смиривъ ихъ послѣ, не имѣлъ бы нужды требовать, чтобы они исправно платили ему оную. Далѣе: «Бысть цѣлованіе въ Великій постъ (въ 1385 году) по Соборѣ на другой недѣли, цѣловаша крестъ Посадникъ Ѳеодоръ Тимоѳеевичь (въ *Никон.* Тысяцкой Богданъ Аввакумовичь) на Вѣчи, и всѣ Бояре, и Дѣти Боярскіе, и *Житьи* и черные люди, и вся 5 Концовъ, въ томъ, что не зватися къ Митрополиту, а судити Владыкѣ Алексію въ правду по Номоканону; на судѣ по-

нити дьвиа исцона дву Боярином съ стороны, тако же и *Житья* по два жь человѣка: Посаднику и Тысяцкому судити право. по крестному цѣлованію.» *Житьими* или *Житьыми* людьми назывались граждане *зажиточные*, нарочитые, или всѣ не принадлежавшіе къ черному народу. Въ XI вѣкѣ они назывались *Огнищанами* (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 67). — Въ *Никон. Лѣт.* прибавлено: «а Посаднику и Тысяцкому судити *свои* суды по *Рускому обычаю.*» Но здѣсь говорится только о церковномъ судѣ, а не о гражданскомъ.

(107) Въ *Ростов.*: «Въ Филиповъ постъ, предъ Рождествомъ Хр., Великій Князь пойде ратію, волости и села Новогородскіе воююще и жгуще... И Новогородцы послаша противу Вел. Князя Іова Аввакумовича и Іоанна Александровича съ челобитьемъ о миру. Великій же Князь миру не далъ, а послы ихъ отпусти... а самъ, не дошедъ Новагорода за 30 верстъ, и ста на полѣ: бяше бо уже Богоявленіе... И пріѣха Владыка Алексій къ Вел. Князю, рече: Господине Князь Великій! азъ тебе благословляю, а Вел. Новагорода вси людіе бьютъ челомъ, чтобы еси, Господине, учинилъ миръ, а за винные люди даютъ 8000 рублей ... И Владыка не послуша, но хотяше ити къ Новугороду. Владыка же посла напредъ себе въ Новгородъ Климонта Васильевича, Посаднича сына, глаголя: держите опасъ... и Новогородцы поставиша острогъ по осыпи хоромы; а К. Патрикій со Кн. *Романомъ Юрьевичемъ* и съ Копорскими Князи во градѣ быша, и Новогородцы выѣхаша (съ ними) на поле въ день Недѣльный до обѣда въ доспѣхахъ, и ѣхаша до Жилотуга, и вспятиша опять въ городъ послѣ обѣда; а Владыка Алексій пріѣха безъ миру. Бысть переполохъ великъ въ Новѣгородѣ: по Богоявленіи на четвертый день, въ Понедѣльникъ, промчеся вѣсть, что стоитъ Вел. Князь у Жилотуга. Новгородцы же начаша боятися... и вси въ доспѣсѣхъ выѣхаша на Жилотугъ: бяше бо сила велика и свѣтла рать Новогородская, конная и пѣшая, и вельми много охотниковъ бишися... И не обрѣтоша Низовцевъ и возвратишася, и послаша отъ того переполоха къ Вел. Князю Архимандрита два, да съ ними 7 Поповъ, да 5 Житейскихъ, съ Концевъ по человѣку; а въ то время Новогородцы пожгоша около града монастырей великихъ 24; а урочищи имъ сіи: на Церынѣ, Юріевъ, Рожественскій, Аркажъ, Духовъ, Борисоглѣбскій, Богородицынъ, Николинъ, Лазаревъ, и на Торговой сторонѣ Антоніевъ, Богородицынъ, Іоанновъ, на Волотовѣ, на Ковалевѣ, Рожественскій, Кириловъ, на Ситескѣ, на Лиркѣ, въ Нередицахъ, на Сковороткѣ, въ Шиловѣ; а церквей деревянныхъ погорѣло 6: Рожество въ Юріевѣ, Іоанна Милост. у Воскресенія, Симеона во Аркажи, Св. Михаила на Колмовѣ, на Городищи Космы и Даміана, да Георгіа Св.; а Плотническій Конецъ и Людинъ и Неревскій, и у всякой улицы внѣ города за рвомъ всѣ хоромы пожгли. А Св. Николая монастырь на Понедѣльи ратніи (непріятели) пожгли; церкви же не сожгли... А Новоторжскіе Большіе Бояре вси въ Новгородъ прибѣгли, а изъ иныхъ волостей сильно много наѣхаша, и тогда Христіаномъ не бяше пути, но гололедь... И послы Новогородскіе докончали миръ на всей старинѣ... И послаша къ Вел. Князю въ Ямна съ Посадниками съ Григоріемъ Якуновичемъ, да съ Василіемъ Ѳеодоровичемъ... И послаша въ Заволочье Посадника Ѳеодора Тимоѳеевича и Тимоѳея Юрьевича, сына Посаднича, и Юрія Димитріевича и иныхъ молодшихъ Дѣтей Боярскихъ брати то сребро на Заволочанахъ.» Послѣ узнаемъ, въ чемъ состоялъ такъ называемый *черный боръ*.

(108) «Всташа 3 Концы Софейской Стороны на Посадника Есипа Захаріинничь, и взвонивше Вѣче у Св. Софіи, и поидоша на дворъ его акы рать силнаа, и хоромы его развезоша; а Есипъ бѣжа за рѣку въ Плътницкій Конець... и вста за него Търговая сторона вся, и начаша люди лупити, а перевозниковъ бити отъ брега, а съсуды изсѣцаху... И снидошась въ любовь, и даша Посадничьство Василію Ивановичь.» Въ *Ростов.*: «Вел. Князь Литовскій, Лугвеній Олгердовичь, нареченный во св. крещеніи Симеонъ (въ 1388 г.), присла послы своя въ Новгородъ, Овгимонта и Братошу, хотя быти у нихъ и сѣсти на городкѣхъ, чѣмъ владѣлъ Наримонтъ... Того же лѣта (1389) пріѣха въ Новгородъ Кн. Симеонъ Олгердовичь Лугвеній на пригороды.»

(109) Въ *Ростов.*: «В. К. Ягайло Олгердовичь ѣздилъ женитися въ Угорскую землю къ Королю» — на дочери Короля Венгерскаго и Польскаго Людовика — «и женився, и тамо крестился въ Нѣмецкую Вѣру, и пришедъ изъ Угръ въ Литовскую землю крести Литву въ Нѣмецкую Вѣру, половину своего города Вилны.» См. Длугоша Hist. Polon. кн. X, стр. 108, и Стриков. *Хроник. Литов.* кн. XIII, гл. 5.

(110) Въ *Ростов.*: «Два Литвина Ягайловы большіе крещени во Христіанскую Вѣру: онъ же хотѣлъ ихъ крестити во свою же Вѣру, и не послушаша его: Король же Ягайло казни ихъ многими муками, и смерти велѣлъ предати.»

(111) Кранц. Wandalia, г. 1382, и Кельх. Lieff. Gesch. — Въ *Псков. Лѣт.*: «Того же лѣта (1382) Князь Местерь съ силами своими и К. Скиригайло пріидоша къ Полочку, и стоявше 13 недѣли, отъидоша.» Въ *Ростов.*: «Скиригайло ходилъ съ Литовскою силою и съ Нѣмецкою подъ Полтескъ (въ 1386 г.) и взя городъ, а Андреева сына убиша, а самого Андрея, брата своего, изымалъ и свелъ въ Литву.» Стриковскій, кн. XIII, гл. 4, пишетъ: «три лѣта убо въ твердыни Хенцынской въ темной башни за стражею сѣдяше, и посемъ, по заступленію иныхъ братій, отпущенъ.» Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ есть харатейный списокъ грамоты Андреевой, коею онъ въ 1385 году торжественно уступилъ все *Полоцкое* Княжество Рыцарямъ Ливонскимъ, съ условіемъ, чтобы ему и наслѣдникамъ его княжить тамъ въ качествѣ Орденскихъ присяжниковъ. Слова сей грамоты: de regno Ploscoviensi regnum in Ploskow, заставили думать ученаго Геннига, что здѣсь рѣчь идетъ о *Псковѣ*. См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 280.

(112) Въ *Ростов.*: «Въ Великій постъ, на Средокрестной недѣли, Марта въ 22 день Вел. Князь Святославъ Ивановичь Смоленскій со братаничемъ своимъ Кн. Іоанномъ Васильевичемъ, да К. Глѣбъ Святославичь, да братъ его Юрій пойдоша ратію ко граду Мстиславлю... Воеваху землю Литовскую, а кого гдѣ изымавше, нещадно мучаху: мужей и женъ и дѣтей; а иныхъ въ избахъ запирающе зажигаху, а младенцевъ на колъ востыкаху... Пріиде же Святославъ ко Мстиславлю на Страстной недѣли въ Среду, Апр. 18... и стояху подъ градомъ 11 дней... И бысть уже въ Недѣлю Ѳомину, въ полъутра, узрѣша Смольяне стяги Литовскіе. Въ первомъ полку бѣ В. К. Скиригайло, а въ другомъ братъ его Корибутъ, а въ третіемъ братъ ихъ Кн. Симеонъ-Лугвенъ; съ ними же и Витовтъ Кестутіевичь.» — То же говоритъ и Стриковскій, кн. XIII, гл. 4. Линденблатъ въ своей Хроникѣ (см. выше, примѣч. 81) пишетъ, что Литовцы, убивъ *Короля* Смоленскаго, взяли въ плѣнъ *четырехъ* сыновей его, въ 1386 году, а не въ 1387, какъ означено въ *Ростов. Лѣт.*

(113) Въ *Ростов.*: «Того же году (1386) К. Василій Димитріевичь, сынъ Вел. Князя Московскаго, прибѣже изъ Орды въ Подольскую землю, въ Великіе Волохи, къ Петру Воеводѣ.» Слѣдственно и Молдавію называли у насъ Подольскою землею. Далѣе: «Того же лѣта (1387) В. К. Димитрій отпусти Бояръ своихъ старѣйшихъ противу сыну своему... Тое же зимы, Іан. въ 19, приде къ Москвѣ К. Василій изъ Польскія земли, а съ нимъ Князи Лятскіе и Панове.» *Никон. Лѣт.* разсказываетъ, что Василій изъ Волошской земли пріѣхалъ въ *Нѣмецкую*, гдѣ находился тогда Витовтъ; что сей Литовскій Князь узналъ Василія, задержалъ и наконецъ освободилъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на его дочери. Какимъ образомъ Василій могъ ѣхать въ Россію через Пруссію?

(114) «Іюля въ 5 день (1383), въ Недѣлю, въ 6 часъ дни, преставися Кн. Вел. Дмитрій Костянт. въ Чернцѣхъ и Скимѣ, нареченный въ Св. крещеніи Ѳома, а во Мнишеск. чину Ѳеодоръ, и положенъ въ Новѣг. Нижнѣмъ въ церкви каменной, въ Св. Спасѣ, на правой сторонѣ подлѣ отца своего и подлѣ брата, Кн. Андрея, живъ отъ рождества своего всѣхъ лѣтъ 61: Царь же Тохтамышъ, слышавъ въ Ордѣ преставленье его, вдасть Княженіе Нижн. Новагорода Князю Борису, брату его, тогда сущу въ Ордѣ и съ сыномъ Иваномъ.» — Въ *Нижегородск. Лѣтописцѣ: «6882»* (а по *Троиц.* въ 1372 году) «Вел. Князь Дмитрій Константиновичь въ Нижнемъ повелѣ дѣлать каменную стѣну, и зачаты Дмитріевскіе ворота.» Въ концѣ харатейнаго Пушкинскаго Несторова списка сказано такъ: «началъ есмь писати книги сія Князю Великому *Дмитрію Констянтиновичу.*» — Далѣе въ лѣтописи: «Побѣже изъ Орды (въ 1386 г.) Князь Василій Димитріевичь Суждальскаго, и срѣте его посолъ (Царевъ), и изыма его и приведе во Орду къ Царю, и за то пріятъ отъ Татаръ истому велику.» Онъ пріѣхалъ изъ Орды въ 1388 году. Въ *Троиц.*: «тое же зимы Князь Василій да Кн. Семенъ Дмитріевичи, собравше воя многи съ своей отчины, Суждальцы и Городчане, и у Князя Великаго Дм. Ивановича испросиша себѣ силу, рать Можайскую и Звенигородскую и Волотьскую, и пріидоша къ Нов. Нижнему на своего дядю въ Вел. говѣнье, Марта въ 10 день во Вторникъ на Похвальной недѣли, и стояша 5 день, и умиришася: Князь Борисъ сступися имъ волостей Новогородскихъ, а они ему отступишася его одѣловъ.»

(115) Въ *Ростовск.*: «Татарове взяша Переяславль»: это случилось во время ссоры Великаго Князя съ Владиміромъ. Въ *Никонов.*: «того же лѣта (1387) предъ Петровымъ днемъ Татарове безвѣстно пріидоша на Рязань и повоеваша ю, да и Любутескъ, а Олга Князя мало не яша... Мѣсяца Августа (1388) изгономъ пригониша Татарове на украйны Рязанскія»...

См. договорн. грамоту въ *Древн. Рос. Вивліов.* I, 94. Въ сей грамотѣ сказано: «А чимъ мя благословилъ отецъ мой Кн. Вел. Иванъ въ городѣ Москвѣ и въ станѣхъ» (въ мѣстахъ, гдѣ собиралась дань Княжеская) «два жеребья и пошлинъ всѣхъ два жеребья, также и Коломна съ волостьми, и Звенигородъ, и Можаескъ съ волостьми и отъѣздными мѣсты и *Великимъ Княженьемъ,* того ти подо мною блюсти и подъ моимъ *сыномъ* и подъ моими дѣтьми. А чимъ благословилъ тобя отецъ твой, Кн. Андрей, въ городѣ Москвѣ, и въ станѣхъ треть, и пошлинъ всѣхъ треть, и Удѣломъ; а что ти далъ отецъ мой Городецъ въ Лопастны мѣсто, и ты мнѣ потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ, Алексѣемъ Митрополитомъ, и язъ тобя пожаловалъ,.. далъ ти есми Лужу и Боровескъ, и что тя ся достало Удѣла Княгинина Ульянина, того всего мнѣ и дѣтемъ моимъ подъ тобою блюсти и подъ твоими дѣтьми... Слати ны свои данщики вмѣстѣ. А что ти ся есмь былъ отступилъ дани въ Ростовцѣ и въ Перемышлѣ, а на то ны слати свои данщики вмѣстѣ, какъ было при нашемъ дѣдѣ; а что сберуть въ городѣ, и въ станѣхъ, и въ варяхъ» (мѣста, гдѣ варили медъ Княжескій) «тому ити въ мою казну, а мнѣ давати въ выходъ» (въ дань Хану). «А на Козловъ бродъ слати ти своего данщика: тѣмъ тя есмь пожаловалъ; а что сберуть, а тому ити въ мою казну, въ городьскую дань. *А оже ны Богъ избавить, ослободить отъ Орды*, ино мнѣ два жеребья, а тобѣ треть; а Ординская тягость и проторъ дати ти мнѣ съ своего Удѣла и отъ Княгинина Удѣла Ульянина съ твоее трети въ пять тысячь рублевъ 300 рублевъ и 20 рублевъ; а прибудеть ли, убудеть ли, ино по розочту; а долгъ Бесерменской, и проторъ, и Рускій долгъ, а то ны подняти по тому же по розочту. А что наши Ординци и *Дѣлюи*, а тѣмъ знати своя служба; а численыхъ людей блюсти ны съ одинаго, а земель ихъ не купити... А кто будетъ покупилъ земли данные, служни или черныхъ людей, а тѣ, кто взможетъ выкупити, ино выкупять, а не вамогуть выкупити, ино *потянуть къ чернымъ людемъ, а кто не всхочетъ тянути,* ино ся земель съступять, а земля чернымъ людемъ даромъ:» то есть, владѣльцы сихъ купленныхъ земель должны нести всѣ тягости черныхъ людей или быть съ ними подъ однимъ закономъ. Далѣе упоминается о Боярахъ *Путныхъ:* такъ назывались Бояре, коимъ давались земли съ правомъ собирать на *путяхъ* или дорогахъ пошлину. — Сихъ грамотъ двѣ: одна съ тремя восковыми печатями, а другая ветхая, безъ начала и конца, писанная отъ имени Владиміра къ Вел. Князю.

(116) Въ *Никон.* подъ годомъ 6889: «Бяше же крѣпокъ зѣло, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ вельми и тяжекъ; брадою жъ и власы черенъ; взоромъ же дивенъ зѣло.»

Въ Архивѣ (см. *Древ. Рос. Вивл.* I, 86 и 100) хранятся двѣ духовныя грамоты Димитріевы: одна безъ начала, писанная еще при Алексіи Митрополитѣ между годами 1371 и 1377 (ибо въ ней уже говорится о Василіи Димитріевичѣ), а вторая на длинномъ харатейномъ свиткѣ, сочиненная передъ смертію Великаго Князя; первая съ печатію Св. Алексія, на коей изображена Богоматерь, и съ Княжескою (обѣ серебряныя, вызолоченныя): другая же только съ печатію Димитріевою, на коей вырѣзанъ образъ Св. Димитрія Селунскаго и слова: *Князя Вел. Дмитрія Ивановича всея Русіи.* Кромѣ Митрополита, свидѣтелями перваго завѣщанія, писаннаго Дьякомъ Нестеромъ, были Окольничій Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Иванъ Ѳеодоровичь и Ѳеодоръ Андреевичь; а втораго Игумены Сергій и Севастіанъ, Бояре Димитрій Михайловичь (Волынскій?) Тимоѳей Васильевичь, Иванъ Родіоновичь, Симеонъ Васильевичь, Иванъ Ѳеодоровичь, Александръ Андреевичь, Ѳеодоръ Андреевичь, Иванъ Ѳеодоровичь, Иванъ Андреевичь: писалъ же оную Внукъ. Въ ней сказано: «Приказываю дѣти свои своей Княгинѣ; а вы, дѣти мои, живите за-одинъ, а матери своее слушайте во всемъ. А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ Кн. Василью, Кн. Юрью, Кн. Андрею, Кн. Петру; а братъ мой Князь Володимеръ вѣдаеть свою треть. Сына своего, Князя Василья, благословляю на *старишій путь* въ городѣ и въ станѣхъ моего Удѣла двою жеребьевъ половина, и въ пошлинахъ городскихъ половина; а

тянга изъ двою моихъ жеребьевъ Княгинѣ моей половина, а восьмичее мои два жеребья Княгинѣ моей. А на старшій путь сыну моему Князю Василью Васильцево сто, и Добрятиньская борть съ селомъ съ Добрятиньскимъ. А бортницы въ станѣхъ въ городскихъ, и конюшій путь и сокольничій и ловчій, тѣмъ сынове мои подѣлятся ровно. А численныхъ людій моихъ двою жеребьевъ сыномъ моимъ по частемъ, а блюдуть съ одиного. А се даю сыну своему Князю Василью Коломну со всѣми волостьми и съ тамгою, и съ мыты и съ бортью, и съ селы, и со всѣми пошлинами; а волости Коломенскіе Мещерка, Раменка, Песочна, Брашева съ селцемъ съ Гвоздною и съ Иванемъ, Гжеля, деревни Лѣвичинъ, Скульневъ, Маковець, Каневъ, Кочема, Камаревъ съ Берегомъ, Городна, Похряне, Устьмерско; а изъ Московскихъ селъ Митинъ Починокъ, Малаховское, Костянтиновское, Жырошкины деревни, Островское, Орининьское, Копотеньское, Хвостовское, у городу лугъ великій за рѣкою; а изъ *Юрьевскихъ* селъ своего прикупа Красное село съ Елезаровскимъ, съ Проватовымъ, да село Василевское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему Князю Юрью Звенигородъ. . . а волости Звенигородскіе Скирменово съ Бѣлми, Тростна, Негуча, Сурожыкъ, Замошьская слобода, Юрьева слобода, Руза городокъ, Ростовци, Кремична, Ѳоминьское, Угожь, Суходолъ съ Истею, съ Истервою, *Вышегородъ*, Плеснь, Дмитріева слободка; а изъ Московскихъ селъ . . . село Михалевское, да Домантовское, да лугъ Ходыньскій; а изъ Юрьевскихъ селъ ему прикупа моего село Кузмыдемьянское, да Краснаго села починокъ за Бездною придалъ есмь къ Кузмыдемьянскому, да село Богородицское въ Ростовѣ. А се даю сыну своему Князю Андрею Можаескъ . . . а волости Можайскіе Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, Вышнее, Глиньско, Иневичи съ Загорьемъ, Болонескъ, а Коржанъ да Мощнинъ Холмъ придалъ есмь къ Можайску; а се волости отъѣздные: Верея, Рудь, Гордошевичи, Гремичи, Заберега, Сутовъ, да село Рѣпиньское, да Ивановьское Васильевича въ Гремичахъ. А *Колуга* и Роша сыну же моему Князю Андрею, и что вытягалъ Бояринъ мой Федоръ Андреевичь на обчемъ *рѣтѣ* (съѣздѣ) Товъ и Медынь у Смолнянъ, а то сыну же моему Князю Андрею. А изъ Московскихъ селъ ему Напрудьское село, да Луциньское на Яузѣ съ мелницею, Деунаньское, Хвостовское въ Перемышлѣ, да лугъ Боровскій, а другій противу Воскресенья; а изъ Юрьевскихъ селъ ему Олексинское село на Пѣкшѣ. А се даю сыну своему Князю Петру: Дмитровъ . . . а се Дмитровскіе волости: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъѣздцемъ и Нобашъ; а изъ Московскихъ волостій Мушкова гора, Ижво, Раменка, слободка Княжа Иванова, Ворн, Корзенево, Рогожь, Загарье, Вохна, Селна, Гуслецъ, Шерна городокъ; а изъ Московскихъ селъ Новое село, Сулишинъ погостъ; а изъ Юрьевскихъ селъ ему прикупа моего село Богородицьское на Богонѣ. А се даю сыну своему Князю Ивану: Раменейце съ бортники, да Звѣрковское село съ Сохоньскимъ починкомъ, что отошло ото Князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему Князю Ивану: а въ томъ Удѣлѣ воленъ сынъ мой Князь Иванъ: который братъ до него будеть добръ, тому дасть. А се благословляю сына своего Князя Василья своею отчиною Великимъ Княженьемъ. А сына своего благословляю Князя Юрья своего дѣда куплею *Галичемъ* со всѣми волостьми, и съ селы, и со всѣми пошлинами, и съ тѣми селы, которые тягли къ Костромѣ, Микульское и Борисовское. А сына своего Князя Андрея благословляю куплею же дѣда своего Бѣлыми Озерами со всѣми волосьми, и Вольскимъ съ Шаготью; и Милолюбскій ѣзъ и съ слободками, что были дѣтій моихъ. А сына своего Князя Петра благословляю куплею же своего дѣда *Углечимъ Полемъ* и что къ нему потягло, да Тощною и Сямою. А се даю своей Княгинѣ изъ Великого Княженья у сына у своего у Князя у Василья изъ Переяславля *Юлку*, а изъ Костромы Иледамъ съ Комелою, а у Князя у Юрья изъ Галича Соль, у Князя у Андрея изъ Бѣлаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбскій ѣзъ; а изъ Володимерскихъ селъ Княгинѣ моей Ондреевское село; а изъ Переяславскихъ селъ Доброе село; а изъ удѣла сына своего Княжа Васильева Каневъ, Песочно, а изъ селъ Малиньское село, Лысцево; а изъ Княжа удѣла изъ Юрьева Юрьева слобода. Суходолъ, съ Истею, съ Истервою, да село Ондреевское, да Каменьское; а изо Княжа удѣла изъ Ондреева Верея, да Числовъ, да село Луциньское на Яузѣ съ мельницею: а изъ Княжа удѣла изъ Петрова Ижво, да Сяма. А что есмь далъ своей Княгинѣ изъ удѣла сына своего Княжа Васильева, и изо Княжа изъ Юрьева, изо Княжа изъ Ондреева, изо Княжа изъ Петрова волости и села, а что Богъ розмыслитъ о моей Княгинѣ, и тѣ волости и села во чьемъ удѣлѣ, по тому и есть. А се даю своей Княгинѣ свой примыслъ Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починкомъ и съ бортью, съ Вышегородскими бортники, Кропивну съ бортники . . . Желѣзкова слободка съ бортью, съ Ивановымъ селомъ съ Хорошброва, и съ Коньская слободка, Кузовская слободка, и что Княгини моее прикупъ . . . А по которая мѣста слободскіе волостели судили тѣ слободы при мнѣ, и Княгинѣ моее волостели судятъ по таже мѣста, какъ было при мнѣ. А что Княгини моее купля Лохно, то ее и есть. А на Коломнѣ мой примыслъ Самойлецевъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское: а то Княгини моей. А что ее село Рѣпеньское и прикупъ, то ее и есть. А изъ Московскихъ селъ даю своей Княгинѣ Семциньское село съ Ходыньскою мелницею, да Остафьевское село, да Илмовьское. А изъ Юрьевскихъ селъ даю ей куплю свою Петровское село, да Фроловьское, да Елохъ; а Холхолъ и Заячковъ, то моей Княгинѣ. А что ми дала Княгини Федосья Суду на Бѣлѣ Озерѣ, да Колашну и слободку, и что благословила Княгиню мою Городкомъ, да Волочкомъ, та мѣста вѣдаетъ Княгини Федосья до своего живота; а по ее животѣ то Княгинѣ моей . . . А которые деревни отъималъ былъ Князь Володимеръ отъ Лыткиньского села Княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянуть къ Лыткинскому селу моее Княгини. А по грѣхомъ котораго сына моего Богъ отъиметь, и Княгини моя подѣлить того удѣломъ сыновъ моихъ . . . А дасть ми Богъ сына (писано до рожденія Константинова) «и Княгини моя подѣлить его, возмя по части у большіе его братьи; а у котораго сына моего убудеть отчины, чѣмъ есмь его благословилъ, и Княгини моя подѣлить сыновъ моихъ изъ ихъ удѣловъ. . . А по грѣхомъ отъиметь Богъ сына моего Князя Василья, а хто будеть подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Княжъ Васильевъ удѣлъ; а того удѣломъ подѣлить ихъ моя Княгини. А вы, дѣти мои, слушайте своее матери . . . А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ, и сынъ мой Князь Василей возметь съ своего удѣла съ Коломны три ста руб. и сорокъ и два рубли, и Княгини моя дасть ему въ то серебро съ Песочны 50 руб. безъ 3 руб., а съ Канева дватцать руб. и два руб.

А Князь Юрьи возметь съ Звенигорода двѣсти руб. и семдесятъ руб. и два руб.; и Княгиня моя дасть ему въ то серебро съ Юрьевы слободы пятдесятъ руб., а съ Суходола полпятадесять руб., а съ Смолѧныхъ девять руб. а съ Спирменовскіе слободки девять руб. А Князь Ондрей возметь съ Можайска сто руб. и семдесятъ руб. безъ трехъ, а съ отъѣздныхъ мѣстъ семдесятъ руб. безъ дву, и Княгини моя дасть ему въ то серебро дватцать руб. и полтретья руб. съ Верен, а съ Числова полосма руб. а съ Заячкова дватцать руб. и два, съ Холкла десять руб., съ Желѣсковы девять руб., съ Исконьскіе слободки полсема руб., съ Кропивны полсема руб. А Князь Петръ возметь съ своего удѣла сто руб. и одинадцать, и Княгини моя дасть ему въ то серебро съ Ижва тритцать руб. А Князь Иванъ дасть Князю Василью съ Сохны пять р. а съ Раменейця дасть Князю Петру пять руб. а то возмуть въ тысячю р. а будеть болѣ или меньши, ино по тому розочту. А переменить Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметь дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть. . . А изъ тѣхъ волостій, и слободъ, и селъ, что есмь вымалъ у дѣтій своихъ изъ удѣловъ, а подавалъ Княгинѣ своей, а кому будеть жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людемъ учинить исправу Княгини моя; а дѣти мои въ то не вступаются. А что есмь далъ сыну своему Князю Ондрею Заберегу, за то дѣти мои вси дають оброкъ Святому Спасу пятнатцать руб. на годъ на Спасовъ день. А се благословляю дѣтій своихъ: сыну моему старишему Князю Василью икона Порамшина дѣла, чепь золота, что ми дала Княгиня Василиса, поясъ золотъ великій съ каменьемъ безъ ремени, поясъ золотъ съ ремешемъ Макарова дѣла, бармы, шапка золота; а сыну моему, Князю Юрью, поясъ золотъ новый съ каменьемъ съ жомчюгомъ безъ ремени, поясъ золотъ Шышкина дѣла, *вотола сажена*; а сыну моему, Князю Ондрею, снасть золота, поясъ золотъ старый Новгородьскій; а сыну моему, Князю Петру, поясъ золотъ съ каменьемъ пѣгій, поясъ золотъ съ калитою, да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ; а сыну моему, Князю Ивану, поясъ золотъ *татауръ*, да два ковша золоты по двѣ гривенки. А что ся останеть золото или серебро, или иное что ино есть, то мое моей Княгинѣ. А что ся останеть стадъ моихъ, тѣмъ моя Княгини подѣлится съ моими дѣтьми по частемъ. А хто будеть моихъ Казначеевъ, или хто будеть моихъ Дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали, или Посельскихъ, или Тіуновъ, или хто женился у тѣхъ, тѣ всѣ не надобѣ моей Княгини и моимъ дѣтемъ. . . А которой сынъ мой не иметъ слушати своее матери, а будеть не въ ее воли, на томъ не будеть моего благословенья. А дѣти мои, молодшая братья Княжи Васильевы, чтите и слушайте своего брата старишего въ мое мѣсто своего отца; а сынъ мой Князь Василій держыть своего брата Князя Юрья и свою братью молодшюю въ братствѣ безъ обиды. А хто моихъ Бояръ иметъ служити моей Княгинѣ, тѣхъ Бояръ, дѣти мои, блюдите съ одиного. А хто сю грамоту мою порушить, судить ему Богъ; а не будеть на немъ милости Божіи, ни моего благословенья, ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій.»

(117) Въ лѣтописяхъ сказано, что у Димитрія былъ еще старшій сынъ Даніилъ, но скоро умеръ. Пятый сынъ, Іоаннъ, скончался черезъ нѣсколько дней послѣ отца.

Марія была жена Василія Васильевича Веніаминова и мать казненнаго Ивана Васильевича. О Константинѣ Димитріевичѣ см. ниже примѣч. 122.

(118) Они такъ названы въ лѣтописяхъ: Димитрій Михайловичь, Тимоѳей Васильевичь, Іоаннъ Родіоновичь, *Димитрій Константиновичь*, Симеонъ *Іоанновичь*, Іоаннъ Ѳедоровичь, *Никита* Ѳедоровичь, *Ѳедоръ* Андреевичь, Іоаннъ Ѳедоровичь *Квашнинъ* — слѣдственно почти всѣ тѣже, которые были свидѣтелями Димитріева завѣщанія. Въ лѣтописяхъ прибавлено, что Димитрій, написавъ духовную грамоту, утвердилъ оную златою печатію.

Описываемыя здѣсь подробности взяты изъ *Слова о житіи и о преставленіи Вел. Кн. Димитрія Іоанновича Московскаго*. Оно, какъ твореніе современное, внесено въ *Ростовскую* и другія лѣтописи. Великій Князь скончался въ четвертый день по рожденіи Константина Димитріевича, во второмъ часу ночи. На погребеніи были Даніилъ Епископъ Смоленскій и Савва, Епископъ Сарскій.

(119) «Аще бо и книгамъ не наученъ сый добрѣ . . . И всякое смятеніе мірское исправляше яко *высокопарный орелъ*. . . Раскольницы же (см. ниже) и мятежницы Царства его погибоша . . . Очима же зряще къ земли, отъ нея же взятъ бѣ; душу же и умъ простираше къ небеси, идѣ же есть лѣпо пребывати ему . . . На престолѣ Царствѣмъ сѣдяше, Царьскую *багряницу* и вѣнецъ носяя, а на голомъ тѣлеси власяницу носяше, и во Мнишескій образъ по вся часы облещися желаше.»

(120) Димитрій въ своихъ договорныхъ грамотахъ пишетъ, что Князья Ростовскіе и Ярославскіе съ *нимъ одинъ человѣкъ*: то есть, они признавали его своимъ верховнымъ Государемъ, хотя и пользовались наслѣдственными правами Князей Владѣтельныхъ до самыхъ временъ Іоанна III. О сихъ потомкахъ Св. Ѳеодора Ростиславича Чернаго сказано такъ въ *Родословной Книгѣ*: «У Князя Ѳеодора Чернаго два сына, Давидъ и Константинъ прозвищемъ Улемцъ. У Давида 2 сына: Князь Василій, прозвищемъ Грозной; служилъ въ Ордѣ, а былъ на большомъ Княженіи на Ярославлѣ; да Князь Михайло, сѣлъ на удѣлѣ на Молозѣ. У Князя Василья 3 сына: Василій, а былъ послѣ отца на большомъ Княженіи на Ярославлѣ; да К. Глѣбъ, да Романъ: тотъ Романовъ городокъ поставилъ. У К. Василья Васильевича 5 сыновъ: К. Иванъ, да К. Ѳедоръ, который послѣ отца былъ на большомъ Княженьи на Ярославлѣ; да К. Семенъ Новленской, да К. Дмитрій Заозерской, да К. Воинъ.»

(121) «Того же лѣта благородный и христолюб. К. Волод. заложи градъ Серпоховъ въ своей отчинѣ и повелѣ его снарядити и срубити дубовъ. — Милостію Св. Софеи, а поспѣшеніемъ Св. Михаила Архистратига, а благословеніемъ Владыки Алексѣа поставиша Новогородци городъ каменъ на Лугѣ, на Ямѣ, только въ 33 дни . . . Благослови Владыка Алексѣй весь Новгородъ ставити городъ Порховъ каменъ, и посл*а*ша Ивана Ѳедоровичь, Фатьяна Есиповичь, и поставиша главными сребромъ Десственника Св. Софіи.»

(122) См. нашей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 383, и *Степен. Кн.*, гдѣ сказано: «Св. Алексій, шествіе творя въ Нижній Новградъ, воздвиже тамо церковь камену (во имя Благовѣщенія), и монастырь устрои и селы и водами удоволивъ, и ту у Кн. Бориса Константиновича крести сына Ивана. Кн. же Борисъ многія вещи движимыя и недвигомыя даде къ тому монастырю.» — Сей Митрополитъ учредилъ еще въ Владимірѣ обитель Царя Константина и Св. Елены. О строеніи Чудова монастыря сказано: «Постави въ немъ трапезу велію камену и погребы каменны, еже есть и донынѣ; многа же села, и люди, и езера, и нивы, и пажити подава монастырю тому.» Далѣе

см. *Никон. Лѣт.* IV, 227. Сынъ брата Сергіева, Стефана, Іоаннъ, на тринадцатомъ году отъ рожденія былъ постриженъ *дядею*, названъ Θеодоромъ, сподобился Священства и вздумалъ основать *для* себя особенный монастырь. Сергій желалъ, чтобы онъ по кончинѣ его игуменествовалъ въ Троицкой Лаврѣ; однакожъ далъ ему благословеніе и вмѣстѣ съ нимъ избралъ мѣсто для обители близъ Москвы, называемое *Симоновымъ*, гдѣ Θеодоръ построилъ каменную церковь во имя Успенія Богоматери. Митрополитъ Алексій поставилъ сего добродѣтельнаго Инока въ Игумены, а Патріархъ Нилъ (въ 1383 году) въ Архимандриты. «Нилъ, бесѣдовавъ съ нимъ любезно, зѣло возлюби его и учини монастырь Симоновскій во имя Патріарше, и грамоты свои даде Θеодору, дабы Митрополиту не владѣти монастыремъ Симоновскимъ ничимъ... По малѣ же времени Великій Князь и Святитель умолиша Θеодора, дабы былъ Епископъ граду Ростову... и бывшу ему въ Царѣградѣ, даде ему Антоній Патріархъ честь велію называтися *Архіепископомъ* Ростовскимъ: изначала же тамо Епископи бпша до лѣта 6898» (1390).

Въ Симоновскомъ монастырѣ хранится такъ называемая *Кормовая книга* съ слѣдующею надписью: «Великій Господинъ Святѣйшій Іосифъ Патріархъ всея великія *Росіи*, прежде бывый въ Симоновѣ монастырѣ *Архимаритъ*, изволи съ тое Кормовые книги по своей вѣрѣ для ветхости переписать новую Кормовую книгу... своею келейною казною, уставнымъ добрымъ письмомъ... и повелѣ тѣ обѣ Книги, ветхую и новую, отдати въ Симоновъ монастырь Архимариту Иліѣ съ братіею... Лѣта 7151 (1643) Февр. въ 20 день.» Вверху на листахъ подписано рукою Іосифа: «Смиренный Іосифъ Божіею милостію Патріархъ Московскій и всея *Русіи*.» Въ сей книгѣ сказано: «Далъ Государь Князь Великій Дмитрей Ивановичь *Донской* пречистой Богородицы въ домъ на Симоново волы на Волзѣ, ниже Новагорода, Еллиньскіе, да Люлеховскіе съ озеры и съ пески, и съ *заводми* и съ *подсальи*; да у Соли у Галической *колодязи соляные, да варницы*, да дворище дровяно, да дворъ на пріѣздъ Старцомъ и слугамъ; да селцо Борисовское съ деревнями по своей душѣ на поминокъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Далъ Кн. Вел. Василей Димитріевичь во Ржевскомъ уѣздѣ слободку Рожекъ съ деревнями и съ озеры и со всѣми угодьи, а въ слободкѣ церковь во имя Св. Чюдотворца Николы, да *ѣзъ* на рѣкѣ на Седижаровѣ, да съ своихъ Государевыхъ черныхъ волостей далъ въ монастырь оброку рыбы со Всегуцкіе волости 400 костоголова, да съ Кличевскіе волости 400 же костоголова на всякъ годъ по своей душѣ и своемъ братѣ по *Князѣ Константинѣ Димитріевичѣ*, *Инокѣ Касіянѣ*, на поминокъ. Далъ Князь Константинъ, Инокъ Касіанъ, Доньскаго сынъ, въ Ржевскомъ уѣздѣ во своемъ селѣ въ Снижкахъ по вся годы по 20 кадей ржи, да по 10 кадей овса, да по 5 кадей пшеницы, да по 10 сыровъ, да по пуду масла по своей душѣ на поминокъ. Въ лѣтѣ 7066, Апр. въ 13, на Св. недѣлѣ въ Среду, былъ Государь Царь Кн. Великій Иванъ Васильевичь всея Руси на Симоновѣ и приказалъ Архимариту Θеоктисту съ братію по Князѣ Констянтинѣ, Инокѣ Касіянѣ, панахиды и обѣдни служити, и колачи и рыбу и квасъ на братію имати съ болшова дворца отъ Дворецкаго... Да Государь же Царь *далъ* на Княжъ Констянтинову Иноку Касіянову гробницу покровъ бархатъ черв, а крестъ на немъ бархатъ червьчатъ... Въ лѣто 7069 Государь Царь Иванъ Васильевичь пожаловалъ *далъ* въ Симоновъ монастырь колоколъ Аглинъскіе земли по *Великомъ* Князѣ Костянтинѣ, Инокѣ Касіянѣ; а вѣсу на немъ 33 пуда, а кругъ колокола слова Нѣмецкіе.» Слѣдственно Кн. Константинъ Димитріевичь скончался Инокомъ Симонова монастыря: чего мы не знали. По сей книгѣ извѣстенъ день его смерти: Маія 9.

Великій Князь Василій Васильевичь и наслѣдники его также дарили сію обитель, а всѣхъ болѣе Царь Іоаннъ Васильевичь. Однажды присламъ онъ 15 рублей и на *Старое Симоново*, гдѣ нынѣ приходская древняя церковь Рождества Богоматери (см. выше, примѣч. 82). Вѣроятно, что тамъ былъ застроенъ Симоновъ монастырь, а послѣ перенесенъ на его нынѣшнее мѣсто. — Кромѣ Государей и Князей Удѣльныхъ, Бояре (въ особенности Мстиславскіе, Головины, Черкасскіе, Бутурлины) купцы и всякаго состоянія люди присылали Монахамъ деньги, вещи серебряныя, богатыя одежды, хлѣбъ, лошадей, и проч. Сіи вклады идутъ до 1681 году; *далѣе* ... бѣлая бумага.

Высоцкій монастырь основанъ въ 1374 году. Пишутъ, что Св. Сергій пришелъ изъ Троицкой обители въ Серпуховъ пѣшкомъ: ибо, желая трудовъ, не любилъ ѣздить.

Въ 1379 году онъ учредилъ еще монастырь на рѣкѣ Дубенкѣ по волѣ Великаго Князя (см. *Троиц. Лѣт.*), назвавшаго оный своимъ *присныимъ* монастыремъ. Въ житіи Сергія сказано, что Димитрій передъ битвою съ Мамаемъ обѣщался посвятить сію новую обитель Богоматери. Первымъ Игуменомъ былъ въ ней Леонтій (а не Савва) Іерей Троицкаго монастыря. Церковь ея святили Дек. 1.

Объ Аѳанасіи въ *Троицк.*: «и пребысть нѣколико лѣтъ во Игуменствѣ, и потомъ Бога ради оставль Игуменство, и пріиде въ Царьградъ, и купи себѣ келью, далъ 1 *драфатъ*, и тамо въ старости преставися.» Тамъ же, подъ годомъ 1389: «съ нимъ (Кипріаномъ) вкупѣ поѣха Игуменъ Аѳанасій изъ Серпохова съ Высокаго въ Кіевъ.» Авторъ *Историческаго Словаря Монастырей* (стр. 82) разсказываетъ басню, что послы Царя Іоанна Палеолога въ 1392 году умолили сего Игумена быть Константинопольскимъ Патріархомъ, и что Аѳанасій отправился съ ними въ Грецію.

(123) См. выше, стр. 32. Въ *Ростов.* и *Троиц.*: «Того жь лѣта Діонисій Епископъ посла изо Царягорода съ Черньцемъ съ Малахіемъ съ Философомъ икону, преписавъ, образъ Божія матери Одигитріа, въ тотъ же образъ, а другую икону посла тое же Божія матери на Русь; и едину убо поставиша въ Св. Спасѣ въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ, а другую въ Суждалѣ въ Сборной церкви... Тое же зимы (1382) приде изо Царягорода на Русь Діонисій, а въ Суждаль Генв. въ 6, и воду крестилъ на Богоявленіе, а исправилъ себѣ Архіепископью... и по немъ пребыти такоже инымъ Епископомъ въ тыхъ предѣлѣхъ. Вда ему Патріархъ фелонь съ четырми кресты, а стихарь съ источники; еще же вынесе изо Царягорода и Страсти Спасовы и мощи Святыхъ.» Далѣе въ *Троицк.* (г. 1374): «Діонисья, мужа кротка, смѣрена, хитра и разумна, промышлена же и разсудна, изящена въ писаніяхъ и учительна... и въ постномъ житьѣ провозсіявша, и любовь ко всѣмъ стяжавша,» и проч.

(124) Въ *Ростов.* г. 1375: «побиша *Стригольниковъ* еретиковъ: Діакона Никиту и Карпа простца и третіяго человѣка съ ними; свергоша ихъ съ мосту развратниковъ святыя Вѣры.» См. также *Никон. Лѣт.* IV, 46, и Св. Димитрія *Розыскъ*.

О Діонисіи см. *Новгород.* и *Никон. Лѣт.* г. 1382. «Пріиде изо Царягорода въ Новгородъ Великій Діонисій отъ Патріарха Нила съ благосло-

веніемъ и съ грамоты, въ нихъ же писано о проторехъ, иже на поставленіяхъ, укрѣпляя отъ соблазнъ и *отъ* ереси Стригольниковъ . . . Тако и сотвори въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и устави нятеми о проторехъ : ино бо есть мзда, ино исторы на поставленіяхъ. . . и поучивъ ихъ доволно и пріиде въ Суздаль Генв. въ 6 *день.*» Въ *Розысків* напечатана грамота Патріаршая ко Псковитянамъ; но Патріархъ названъ въ ней Филоѳеемъ, который умеръ еще въ 1376 году. Другая извѣстная намъ грамота о Стригольникахъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. № 164, *л.* 316) писана отъ имени Патріарха *Антонія*, правившаго Константинопольскою Церковію отъ 1387 до 1396 года. Тамъ сказано: «Посла наше смиреніе и Великій Сборъ боголюбиваго Архіепископа Суждалскаго Діонисія къ вамъ съ грамотами (къ Псковитянамъ), мужа честна и благочестива, и священныхъ канонъ *извѣстохранителя,*» и проч. — Посланія Митрополита Фотія къ Псковитянамъ доказываютъ, что ересь Стригольниковъ была и въ его время (см. ниже, примѣчаніе 292). — Далѣе въ лѣтописахъ: «Пойде (въ 1383 году) о Петровѣ дни во Царьгородъ Діонисій, Архіеп. Суждальскій, а Князь Великій Дм. Ив. отпустилъ съ нимъ вкупѣ отца своего духовнаго, Игумена Ѳеодора Симоновскаго, о управленьи Митропольи Руския . . . Пріиде (въ 1384 г.) изо Царягорода въ Кіевъ Архіеп. Діонисій, его же поставиша во Царѣгородѣ Митрополитомъ на Русь, и помышляше ити на Москву, хотя быти Митрополитомъ на Руси, и изъима его Кіевск. Кн. Володимеръ Олгердовичь, глагола ему: пошелъ еси на Митрополью во Царьгородъ безъ нашего повелѣнья. И тако пребысть въ нятьи и заточеньи до смерти, . . Окт. въ 15 (1385 г.) преставися въ Кіевѣ Архіеп. Діонисій, поставленный Митрополитомъ на Русь, и положенъ бысть въ Кіевской печерѣ Св. Антонья, и есть тѣло его и донынѣ цѣло и нетлѣнно.» Великій Князь отправилъ съ Діонисіемъ въ Царьградъ Духовника своего безъ сомнѣнія для того, чтобы способствовать ему въ исканіи сана Митрополитскаго. И могъ ли сей Архіепископъ вопреки Димитрію быть главою нашей Церкви, особенно послѣ исторіи Пименовой? Ясно, что все дѣлалось по волѣ Государя.

Далѣе: «Пріидоста изъ Царягорода 2 Митрополита Гречина, Матѳей и Никандръ, съ Архидіаконы и сановницы, и позываху Митрополита Пимина въ Царьгородъ (зимою въ 1384 г.) . . . Мая въ 9 (г. 1385) Пиминъ Митроп. пойде во Царьгородъ въ судѣхъ по Волзѣ къ Сараю. Аврамей, Игуменъ Ростовскій Низкій, пойде съ нимъ.» Игуменъ Ѳеодоръ отправился въ Царьградъ въ 1386 году. «Въ то же время изъ Новагорода изъ Нижняго Ефросинъ, Архимандритъ Діонисьевъ, пойде во Царьгородъ на поставленье своея Епископьи Суждальскія . . . По Петровѣ дни за недѣлю (въ 1388 г.), Іюля въ 6 день, въ Недѣлю приде Пиминъ на Русь изо Царягорода не на Кіевъ, но на Москву, а приде безъ исправы . . . Во Вторникъ на Страстной недѣлѣ (г. 1389) Пиминъ Митр. выѣхавъ съ Москвы и пойде во Царьгородъ, и поя съ собою Михаила Епископа Смоленскаго, да Сергія, Архимандр. Спасскаго, а Князя Великаго утаився . . . (*Никон. Лѣт.* IV, 159) Бѣ бо и распря нѣкая промежъ ихъ.»

(125) Въ Архивскихъ бумажникахъ Миллера, No 199, я нашелъ сію любопытную азбуку, взятую изъ древней рукописи о житіи и дѣлахъ Стефановыхъ. Вотъ сіи буквы:

а	б	г	д	е	ж	з	і	и
⅃	Ф	Ꙋ	λ	ɹ	Ш	П	ι	ʔ
к	л	м	н	о	п	р	с	т
Д	V	C	Υ	ђ	ϟ	V	C	Т
у	ц	ч	ш	ю	я			
Н	J	З	Ꙗ	Z	Ѱ			

Пермскія ихъ имена: *Анъ, Буръ, Гай, Дой, Е, Жой, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рей, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я.* Въ другомъ спискѣ сей азбуки еще прибавлены ь, ѳ, ѫ, и нѣкоторыя буквы изображены иначе.

Герасимъ былъ Намѣстникомъ Митрополіи послѣ кончины Митяевой. — Всѣ подробности взяты мною изъ житія Стефанова (см. *Минеи Чет.* Апрѣля 26; см. также *Степен. Кн.* I, 524—525, и *Ростов. Лѣт.* подъ год. 1396). Отецъ Стефана, прозваннаго *Храпомъ*, именовался Симеономъ, а мать Маріею. Арсеній, Епископъ Ростовскій, посвятилъ его въ Діаконы, а Герасимъ Коломенскій въ Священники. Древній Ростовскій монастырь Григорія Богослова уже не существуетъ нынѣ. — Въ *Степен. Кн.* такъ именованы народы Перміи и другихъ окрестныхъ земель: «*Двиняне*, Устюжане, Вилажане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гангане, Вятчане, Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь, Гамаль Чюсовая.» Объ *идолѣ Золотой Бабы* сказано въ рукописной Новогородской лѣтописи подъ г. 1398: «Преставися Св. Стефанъ . . . Сей научи Перьмскую землю Вѣрѣ Христовѣ . . . а прежде кланялися звѣремъ и древомъ, водѣ, огню и *Златой* Бабѣ.» Гваньини въ своей книгѣ Rer. Polon. II, 205, пишетъ: In hac Obdoriæ regione est quoddam antiquissimum idolum de lapide excisum, quod Moschovitis *Zolota Baba* dicitur, и проч. *Далѣе* онъ разсказываетъ, что сія изваянная Золотая Баба держала одного младенца на рукахъ, а другой стоялъ подлѣ и назывался ея внукомъ; что ей приносили въ жертву шкуры соболиныя и прочія; что люди ѣли сырыя кишки и мясо убитыхъ въ ея честь оленей, а жрецъ вопрошалъ между тѣмъ идола о будущемъ; что звукъ въ горахъ происходилъ, по мнѣнію Гваньини, или отъ искусственныхъ орудій, или отъ естественныхъ подземельныхъ каналовъ и вѣтра. См. также Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 61. Объ идолѣ *Воипелѣ* упоминается въ грамотѣ Митрополита Симона къ Пермякамъ (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164): «а кумиромъ бы есте не служили, ни Воипелю болвану.»

(126) Стефанъ ѣздилъ туда по лѣтописямъ въ 1386 году. О кончинѣ его: «Априліа въ 26 день преставися Еписк. Перм. Стеф., и положенъ бысть на Москвѣ въ монаст. Спаса, за стѣною . . . ему же на велицѣмъ Сборѣ по вся году возглашают вѣчную память.»

(127) Въ *Ростов.*, г. 6884: «Пріиде нѣкоторый Митрополитъ, именемъ Марко, отъ Прес. Богородицы изъ Синайскія горы милостыни ради. Въ то же лѣто пріиде изъ Іерусалима Архимандритъ, именемъ Нифонтъ, изъ монастыря Архан. Михаила, такоже милостыни ради на Русь, и паки собравъ милостыни отъиде, и ста тѣмъ на Патріаршество Іерусалимское.»

(128) См. выше, примѣч. 65. Въ описаніи Пименова путешествія въ Царьградъ сказано: «пріидохомъ въ монастырь Св. Іоанна, еже глаголется Греческимъ языкомъ Продромъ, Рускимъ же Предотеча, и ту поклонихомся, и успокоиша насъ добрѣ тамо живущая Русь.» *Никон. Лѣт.* IV, 158.

(129) Здѣсь говорится въ первый разъ о Епископахъ Московскаго Звенигорода.

(130) «Аще бо и бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ, мѣста точію (суть нынѣ); пусто жь все и ненаселено.» Сіи города могли быть Рязанскіе, опустошенные Татарами.

(131) У насъ были Князья *Кривоборскіе;* но оии произошли отъ Стародубскихъ.

(132) Не было ли тутъ кладбища Татарскаго? Въ *Больш. Чертежѣ* упоминается о семъ мѣстѣ такъ: «ниже устья Сосны, на Дону, *Донская бесѣда*, каменной столъ и каменные съсуды.»

(133) «Въ Недѣлю жь пятую минухомъ рѣку Медвѣдицу, и Горы Высокія рѣку, и Бѣлый Яръ рѣку; въ Понедѣльникъ же горы каменныя красныя, во Вторникъ же Терьклію» (по другимъ спискамъ *Серьклію*) «градъ минухомъ пловуще: не градъ же убо, но точію городище; тоже и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе Татаръ много зѣло.» Сіе городище *Серкліи* (или Козарскаго *Саркела*) было слѣдственно въ землѣ Донскихъ Козаковъ, около Качалинской Станицы, гдѣ Волга и Донъ сближаются, гдѣ находилась Царицынская *Линія*, и гдѣ Козары всего удобнѣе могли основать крѣпость *для* защиты своихъ владѣній отъ Волжскихъ Печенѣговъ (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 90). — *Далѣе:* «Въ Среду же минухомъ Великую Луку... въ Пятокъ Червленые горы... въ Понедѣльникъ Бузукъ рѣку; въ канонъ Вознесеньева дни приспѣхомъ, пловуще до моря, града Азова. Тогда же бо во Азовѣ живуще Фрязове и Нѣмцы.» — *Далѣе:* «И отступихомъ въ море, и бысть въ полунощи, кораблю стоящу на якорехъ... и догнаша насъ Фрязове въ *сандальцѣхъ* и наскакоша въ корабль нашъ борзостію, и бысть топотъ великій на мосту корабля... И рече ми Игнатей Епископъ: что, брате, сице стоишь, ничто же печали имѣя? сіи Фрязи нашего Господина Митрополита еише сковаша, и Ивана Протопопа, и Григорья Протодьякона, и Германа Архидіакона, и Михаила Діяка: должни бо имъ суть; мы жь съ ними безъ вины погибаемъ. — Таже воспросихомъ Старѣйшину Фрязь тѣхъ, что хотятъ и намъ створить? онъ же отвѣща глаголя: не бойтесь; что убо вашего, и вы своя вся возмете... Умолени быша Митрополитомъ, и довольну мзду взеише, всѣхъ насъ отпустиша невредимыхъ... И во второй день пойдохомъ оттуду... и пройдохомъ *устіе* Азовскаго моря (Воспоръ Киммерійскій); въ шестый же день, въ Субботу, минухомъ Кафинскій Лимень и Сурожъ.» Здѣсь *Сурожемъ* названъ городъ Судакъ, гдѣ въ VIII вѣкѣ Св. Стефанъ былъ Архіепископомъ; такъ называлось и море Азовское (см. *Воскресен. Лѣт.* II, 286). Далѣе путешественникъ разсказываетъ, что ихъ занесло вѣтромъ къ Синопѣ; что тамошніе граждане угостили Россіянъ пищею и виномъ; что они 15 дней пробыли въ Пандораклін, и взявъ *сандаліи*, отправились на оныхъ въ Астравію, гдѣ старались развѣдать о Турецкомъ Султанѣ Амуратѣ, который воевалъ съ Сербскимъ Царемъ Лазаремъ. Слѣдуетъ исторія Амурата, будто бы происшедшаго отъ Царя *Ачемійскаго* (по другимъ спискамъ *Аземійскаго, Аземскаго*) или *Армянскаго!* «Арканъ (Орханъ), правнукъ сего Христіанскаго Монарха, принялъ Вѣру Магометову, и былъ отцемъ двухъ сыновей, Солимана и Амурата. Послѣдній завоевалъ многія Государства, и сразился съ Лазаремъ Сербскимъ.» *Далѣе;* «Бѣ же нѣкто у Лазаря Сербскаго слуга вѣренъ сый; нѣцыи жь оклеветаша его, яко неправо служитъ Царю. Снидоша же ся полцы обои и бысть сѣча зла. Оклеветанъ же онъ, правую свою службу хотя показати, вниде въ полкъ Турскаго Царя Амурата, являя себя бѣжаща; ему же Турстіи полцы раступишась, дающе путь. Онъ же, являя себя съ любовію идуща ко Амурату, и внезапу вонзе мечь свой въ сердце его, и въ той часъ умре Амуратъ. Убіенъ же бысть и чюдный той слуга Христіянскій, и сице Турки смятошася... И вскорѣ Амуратова сына, Баазита, поставляютъ Царя надъ собою, и начаша одолѣвати Сербскаго Царя, и яша Лазаря руками, и Воеводъ его, и все воинство... Повелѣ же Баазитъ Сербскаго Царя Лазаря мечемъ посѣщи. Бысть же сія битва въ лѣто 6897 (1389). Сице убо намъ повѣдаша гражане, зане бѣхомъ въ Турской Державѣ, и мятежъ бысть велій въ той странѣ, и убоявшеся мятежа, отпусти Пиминъ Митропол. Черица Михаила ко Царюгороду, а Михаилъ Епискупъ Смоленскій *жене* и Игнатія, а Сергѣй Архимандритъ своего Черица.» Слѣдственно Авторъ — вѣроятно Монахъ — находился въ свитѣ Смоленскаго Епископа. Онъ былъ въ Константинополѣ до 1391 года, и собственными глазами видѣвъ коронованіе Царя Мануила, описываетъ оное такимъ образомъ:

«Той нощи бысть бдѣніе всенощное въ велицѣй церкви Патріаршей въ Софіи... Наставшужь дни, пріидохомъ тамо, и даша намъ смотрѣти сана того и чина на поставленіи. И снидеся народа многое множество, мужескій полкъ внутрь святыя церкви, а женскій на полатахъ, и сице дивно и любомудро бысть: вси убо женского полу стояху на полатахъ за шидяными запонами; лицъ ихъ украшенія прелестнаго никомуже отъ народа не видѣти... жены жь стояща на полатахъ видяху вся. Пѣвцыжь стояху украшени чюдно; ризы имѣяху аки священныя стихари широцы и долзи, сицеже и рукава ихъ широцы и долзи, ови камчаты, а друзіи же шидяны, наплечники ихъ со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ; на главахъ же ихъ воскрылцы остры со златомъ и съ бисеромъ и съ круживомъ, и многое ихъ множество собрано, и толико бысть чинно, яко написаны зряхуся. Старѣйшій жь ихъ бѣ мужъ дивенъ и красенъ зѣло, и сѣдинами аки снѣгъ бѣлѣяся. Бяху же ту и Римляне отъ Рима, и отъ *Испаніи Нѣмцы*, и Фрязове отъ Галаты, а иніи Цареградстіи, а иніи Зеновицы, а иніи Венейцы, а иніи Угры, и тѣхъ бѣяше чинъ видѣти чюденъ, и стояху на два лика, и койждо своея земли знамя имѣяху на себѣ, и одѣянія ови багряни бархаты, а друзіи вишневы бархаты, а иніи темносини бархаты, а иніи черным бархаты... Бѣяше же подъ полатами на правой сторонѣ чертоговъ 12; степени жь шириною двѣ сажени, а оболчени вси червленымъ червцемъ, на нихъ же поставлени два стола златіи. Тогдажь той нощи Царь Мануилъ на полатахъ бысть, и егда приспѣ первой часъ дни, сниде съ полатъ, и вниде во святую церковь предними великими двери, иже глаголются Царскіе двери, а пѣвцы пояху пѣніе пречюдно и странно, и несказанно умъ превосходяще; и бысть шествіе Царево толико тихо и кротко, три часы отъ преднихъ вратъ до чертога, а обаполъ Царя 12 оружниковъ, и отъ главъ ихъ и до ногъ ихъ все желѣзно; а предъ нимъ градяху два стяжка власы черны, а древо ихъ и ризы и шапки черлены; а предъ тѣми двѣма стяжки градяху Подвоискіе, а посохи ихъ сребромъ и златомъ окованы, а на концахъ ихъ жемчюгомъ осажено.

«Дошедшу жь Царю до чертога, и вниде въ пресвѣтлый той чертогъ, и облечеся въ Кесарскую багряницу и въ діядиму Кесарскую, и вѣнецъ Кесарскій около главы со столпчики возложи, и изыде изъ чертога и взыде наверхъ, и приведоша Царицу, и сѣдоша оба на столѣхъ златыхъ.

«Тогда убо начаша Божественную Литургію; а Царь сѣдитъ на златѣмъ столѣ; сицеже и Царица

сѣдитъ на златѣмъ столѣ, и егда хоташе быти Выходъ, и пришедше два великая Архидіякона ко Царю, и сотвориша поклонъ малъ, точію главы своя къ персемъ своимъ мало приклониша, благочинно зѣло и уставно, и воста Царь и пойде ко олтарю, а стяжки предъ нимъ градяху, и оружницы обаполъ его градяху. Вшедшу жъ Царю во Св. олтарь, сташа стяжки и оружницы предъ олтаремъ на обѣ странѣ Святыхъ дверей Царскихъ; и облекоша Царя во священный фелонецъ малъ, еже есть ризицы малы багряны, точію до пояса. Иде Царь на Выходъ, свѣщу въ руцѣ держа. Антоней же Патріархъ стояше на своемъ мѣстѣ среди церкви, и сотворяя Выходъ, взыде на священный амбонъ, и Царь съ нимъ, и принесоша къ Патріарху Царскій вѣнецъ на блюдѣ покровенъ, такожь и Царицынъ вѣнецъ. . . И благословившася у Патріарха два великая Архидьякона и идоша по Царицу, и пришедше къ ней, сотвориша поклонъ малъ . . . Пріиде Царица до амбона, и положи Патріархъ крестъ на Царя, и даде ему крестъ въ руку, и вземъ Кесарскій вѣнецъ, и возложи на главу его, а другій вѣнецъ даде ему въ руку его, и повелѣ ему возложити на Царицу его, сошедъ долѣ. Онъ же сниде долѣ, и помоавъ, долѣ стоя, Патріарху на амбонъ рукою и вѣнцемъ, и Патріархъ, стоя на амбонѣ, издалеча благослови рукою своею Царя и Царицу; они же оба купно равно сотвориша поклонъ къ Патріарху, и пойдоша на своя мѣста и сѣдоша на златыхъ столѣхъ; а Патріархъ Выходъ сотвори, и вниде во Св. олтарь Царскими дверми, и егда Херувимская пѣснь приспѣ, и шедше великая Архидьякова и сотвориша Царю поклонъ малъ . . . Тогда убо креставъ Царь со страхомъ и трепетомъ и съ великимъ вниманіемъ благочинно зѣло иде во олтарь, и одѣша его во священный фелонецъ, и преже всѣхъ шествова Царь предъ Св. Царскими дверми, въ перенесѣ свѣчу возженну въ руцѣ держа, сице изъ олтаря изыде и во олтарь вниде: преже всѣхъ онъ грядяше, и по нёмъ благочинно и уставно зѣло св. Великій Соборъ съ великою красотою и честію . . . яко умъ человѣческій превосходя. Многожь бяше шествіе ихъ со Св. дары, колико Херувимской пѣсни есть отъ начала и до конца, сице шествіе ихъ; пѣніе же бяше долго зѣло и красно. По пренесеніи во Св. олтарь Божественныхъ даровъ ходитъ Царь около престола, и пребысть Царь въ олтарѣ до Св. причащенія, и егда бысть время Св. Причащенію, и шедше великая Архидьякона, сотвориша поклонъ малъ Царицѣ . . . и егда сниде отъ престола Царица долѣ, и ту стоящіи народи разодраша всю опону чертожную Кесарскую, колику кто восхити себѣ. И иде Царица съ великимъ страхомъ и трепетомъ и умиленіемъ южными враты въ крыло олтаря, и даша ей Св. Причастіе; Царьже отъ Патріарха съ Священники причастись у престола Христова. Исшедшужь ему изъ олтаря, Патріархужь сѣдшу на своемъ Святительскомъ мѣстѣ изъ олтаря исшедшу, пріиде къ нему Царь въ Кесарьской багряницѣ и діадимѣ, и благослови его Патріархъ и Царицу его, и даде ему завѣтъ православія соблюдати непоколебимо своя Царская, и никакожь претворяти уставы древнія, ниже восхищати не своя, и стяжати преже всего страхъ Божій и смертную память, яко земля еси и паки въ землю пойдеши, и прочая. . . И по Патріарховыхъ глаголѣхъ никтожь можаше и смѣяше преже приступити ко Царю, и глаголати ему о здравіи, ни Князи, ни Бояре, ни вои. Но точію приступятъ къ нему мраморницы и гробоздателіе, принести показуютъ ему мраморы и каменіе отъ различныхъ лицъ, и глаголютъ, которымъ лицамъ велитъ быти Держава твоя гробу твоему? притчею воспоминающе ему, глаголюще: Человѣкъ еси смертенъ и тлѣненъ, мимоходя въ суетнѣмъ семъ исчезаемомъ и скоропогибаемомъ житіи, пецыся своею душею и благочестнѣ Царство строй; елико убо великъ еси, толико смиряй себе, понеже сильніи сильнѣе истязани будутъ; и якоже убо богохульніи согрѣшаютъ къ Богу, сицеже и горделивіи въ гордости своей согрѣшаютъ; но и паче имѣй убо всегда страхъ Господень и смиреніе и любовь и милость, и да сохраненъ будеши и соблюденъ небесною любовію Господнею и милостію. И сице имъ глаголавшимъ, якоже тамо во уставѣ писано есть, и потомъ идоша Князи и Стратилаты и Попы и вои и вси Вельможи, глаголюще ему по обычаю ихъ. И вѣнчавшусь ему на Царство, и посемъ благословись Царь у Патріарха съ великою тихостію и смиреніемъ, и изыде изъ церкви благочинно зѣло, якоже нѣкій Священноначальникъ великій, и осыпаша его ставратами народи, иже похваташа койждо руками своима. Сице древнее преданіе Царемъ бысть на поставленіяхъ ихъ на Царство, и сице поставляхуся.»

За тѣмъ Сочинитель описываетъ свое путешествіе въ Іерусалимъ.

(134) Сія грамота находится въ собраніи Двинскихъ. Вотъ она: «Се язъ Князь Великій Дмитрей Ивановичь пожаловалъ есмь Ондрѣя Фрязина Печерою, какъ было за его дядею за Матвеемъ за Фрязиномъ; а въ Перми емлеть подводы, какъ было и доселѣ; а вы, Печеряне, слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ. А ходить по пошлинѣ, какъ было при моемъ дѣдѣ, при Князи при Великомъ при Иванѣ, и при моемъ дядѣ при Князи при Великомъ при Семенѣ, и при моемъ отци при Князи при Великомъ при Иванѣ, такъ и при мнѣ.»

(135) Монетъ Ханскихъ у насъ довольно въ Кабинетахъ, съ разными Татарскими надписями. На многихъ изображены орлы, павлины, лебеди, тигры, львы, всадники, человѣческія головы, и слова: «Алкабъ Саинъ Ханъ халеде аллагу муккугу;» т. е.: «Алкабъ Саинъ Ханъ, коего царствованіе да продлитъ Божія милость» (см. St. Pétersbourg. Journ. г. 1781, Ч. II, стр. 24). Абульгази именуетъ *Саиномъ* Батыя; но можетъ быть и другіе Ханы такъ прозывались. На иныхъ вырѣзано имя Абул-Хаиръ-Хана или изрѣченія взятыя изъ Алкорана. Восемь или девять такихъ монетъ составляютъ вѣсомъ около золотника; иногда болѣе или менѣе. О тангѣ и пулѣ см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 542, и Дженкинсон. Путешествіе въ Бухарію, въ *Гаклуйтѣ* или въ Allgem. Reis. Ч. VII, стр. 527; см. также въ Бержероновъ. Voyage de Marc Paul, стр. 79, и Voyage de Mandeville, стр. 19. Герберштейнъ, стр. 41, сказываетъ, что въ Московской серебряной деньгѣ считалось 60 *пулъ*. Сіе имя сохранилось въ названіи *полушки*. Нѣкоторые умники производили имя *деньги* отъ *дня*, а *полушки* отъ *половины ушка*.

Въ Кабинетѣ С. Петербург. Академіи Наукъ, у Г. Круга и Графа А. И. Мусина-Пушкина есть нѣсколько пулъ или мѣдныхъ монетъ съ надписью: *Великаго Князя Ива . . . Иван . . .* На серебряныхъ монетахъ Донскаго видимъ изображеніе всадника, съ словами: *Великій Князь Дмит . . .* или птицы съ надписью: *Князя Великого Дмитрея*, и съ другою Татарскою, неясною. Мнѣ извѣстны еще двѣ монеты Удѣльныхъ Князей Димитріева времени: *Кашинская* и *Ростовская*; на первой изображенъ всадникъ, держащій на рукѣ птицу, и слова: *Князь Василья Михайлов. . .* и на второй человѣкъ съ сѣкирою, дерево, птица, голова какого-то звѣря и слова: *печать Кня... Ондр... Ф...* то есть: Андрея Ѳеодоровича Ростовскаго. Я ви-

дѣлъ также монеты съ словами: *Волод...* (можетъ быть, Князя Владиміра Андреевича *Храбраго или* Владиміра Пронскаго) и: *Князь Данило* (вѣроятно, не сынъ Невскаго, а *Борисовичь*, К. Нижегородскій, внукъ Константиновъ). — Спрашивается: *сколько* такихъ *денегъ* было въ *рублѣ?* Герберштейнъ пишетъ, что при Великомъ Князѣ Василіи Іоанновичѣ считалось въ рублѣ 200 Московскихъ денегъ (см. Rer. Moscov. Comment. стр. 41); но монеты сего времени гораздо легче Димитріевыхъ: ихъ болѣе десяти въ золотникѣ. Мы говорили о вѣсѣ рублей до 1535 года (см. нашей Исторіи Т. IV, примѣч. 250): Герберштейнъ цѣнитъ оные въ два червонца Венгерскіе: слишкомъ дорого по нынѣшнему отношенію серебра къ золоту! Древнія монеты, собранныя нашими любителями древностей — въ Кабинетѣ Академическомъ Графа А. И. Мусина-Пушкина, Г. Круга, Ивана Петровича Бекетова, Графа Ѳ. А. Толстаго и другихъ — раздѣляются на четыре класса: однѣ безъ надписи, съ изображеніемъ разныхъ звѣрей; вторыя съ Татарскою надписью (тѣ и другія не наши, вопреки мнѣнію Князя Щербатова); третьи съ Русскою и Татарскою (битыя, какъ вѣроятно, *для* платежа дани Ханамъ); четвертыя съ одною Русскою надписью. — Замѣтимъ, что въ Галиціи еще около 1355 года ходили такъ называемые *Русскіе* гроши, Grossi Ruthenicales (см. Энгеля Gesch. v. Halitsch, стр. 601). — Въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 85: «на правду два *алтына*, а дальній ѣздъ верста по *рѣзанѣ*.» Въ позднѣйшемъ договорѣ Вел. Князя съ Олегомъ Рязанскимъ говорится только объ алтынахъ и денгахъ (стр. 94): «а мыта съ воза по дензѣ.»

(136) Италіянецъ Полидоръ Виргилій, умершій въ 1555 году, въ книгѣ своей de Inventoribus rerum, сказываетъ, что порохъ и ружейной стволъ изобрѣтены Бартольдомъ, и что сей человѣкъ сообщилъ свое открытіе Венеціанамъ, безъ сомнѣнія не въ 1380 году, какъ многіе утверждали, а прежде, когда Эдуардъ III въ 1346 году имѣлъ пушки, и когда во Франціи порохъ извѣстенъ былъ съ 1338 года (см. Рапин. Hist. d'Angl. T. III, стр. 196, и Даніеля Hist. de France, T. III, стр. 467). — Нѣкоторые пишутъ, что порохъ и пушки, изобрѣтенные около XII вѣка въ землѣ Ахемской или Ашамской, употреблялись сперва въ Пегу, Китаѣ и проч. (см. Шульц. Gesch. des Osman. Reichs, кн. II, стр. 486). Авторъ XIII вѣка, Секретарь Египетскаго Царя Салеха, упоминаетъ о громѣ пушечномъ. Абу Абдала Эбнъ Алькатибъ, Испанскій Мавръ, пишетъ о снарядѣ огнестрѣльномъ Короля Гренадскаго, въ 1312 году осаждавшаго Базу (см. Fortgesetzt. Betracht. über die neuest. historisch. Schrift. Ч. II, стр. 480). Пельцель въ своей Богемской Исторіи доказываетъ, что ружейный стволъ изобрѣтенъ Браунскимъ гражданиномъ въ царствованіе Короля Іоанна, между 1310 и 1346 годами. — Рогеръ Баконъ, умершій въ 1294 году, въ упомянутомъ сочиненіи de nullitate magiæ пишетъ такъ: «Вы можете произвести громъ и молнію, когда хотите, если возьмете сѣры, селитры, угольевъ; смѣшаете ихъ и вложите въ какой нибудь заткнутый стволъ,» и проч. (см. Encyclopédie подъ словомъ Poudre). — О *живомъ огнѣ* Харазскаго Турка см. нашей *Исторіи* Т. III, примѣч. 68. О томъ, когда и какъ вошло въ Россію искусство огнестрѣльное, нашелъ я извѣстіе въ лѣтописи Голицынской, полученной мною отъ Графа Ѳ. А. Толстаго. Она писана полууставомъ, въ листъ, при Царѣ Алексіи Михайловичѣ. Въ ней сказано, *л.* 215: «въ лѣто 6897 вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу, и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти.» За симъ слѣдуетъ описаніе нашествія Тамерланова и чудо Богоматерина образа въ 1395 году.

Въ Княженіе Василія Димитріевича сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько дворовъ отъ дѣланія пороха.

(137) Въ *Троицк.*: «тое же зимы и тое весны являшеся нѣкое знаменіе на небеси на Встоцѣ предъ раннею зарею, аки столпъ огненъ и звѣзда копійнымъ образомъ» (см. Cométographie г. 1368 и 1382) . . . «Бысть Благовѣщенье на Св. Недѣли въ Среду, а снѣгъ лежалъ по Велицѣ дни съ четыре недѣли, а люди ѣздили на санехъ.» О другой Кометѣ, засухахъ и пожарахъ см. ниже въ семъ примѣчаніи.

Случаи Димитріева времени, о коихъ мы не упоминали:

Въ 1362 году преставились Романъ, Митрополитъ Литовскій и Волынскій, Даніилъ Епископъ Суздальскій и Епископъ Аѳанасій въ Костромѣ (см. *Никон. Лѣт.*). Моисей, бывшій Архіеп. Новогородскій, построилъ каменную церковь Благовѣщенія на Михайловѣ улицѣ, а преемникъ его, Алексій, также каменную церковь Св. Рождества *на сѣняхъ*, освященную имъ 1 Сент. Въ 1363 г. зимою Архіепископъ Моисей преставился: Алексій самъ положилъ его въ раку и погребъ въ монастырѣ Св. Михаила на Сковороткѣ. 25 Генв. расписана въ Новѣгородѣ церковь Богоматери на Волотовѣ, въ Моисеевѣ монастырѣ, повелѣніемъ Архіепископа. (Въ *Никон.*: «по обѣдѣ убо въ церкви Владыко Алексѣй Суздальскій благослови крестомъ Велик. Князя Андрея Константиновича Суждальскаго и Новагорода Нижняго, и въ той часъ изъ креста пойде миро.») Въ *Псковской:* «Упаде верхъ церкви Св. Троицы на третій день Петрова дни, и приставиша засаду Изборскую, и выносиша камень и звукъ.» — Въ 1364 г. купцы Новогородскіе и другіе набожные люди построили въ Торжкѣ церковь Преображенія, освященную Архіеп. Алексіемъ зимою. (Въ *Никон.*: «бысть стрѣляніе и шибеніе громное во Твери на Соборн. церковь, и знаменія многа, и молнія, и вихри . . . Андрей Констант. Суздальскій и Нижн. Новагорода пострижеся; бысть же духовенъ зѣло и добродѣтеленъ . . . Бысть сухмень велія, и воздухъ курашеся, и земля горяше.») Въ Новѣгородѣ построены 2 деревянныя церкви, Воздвиженія и Евангелиста Луки. Въ Корельскомъ городкѣ Яковъ Посадникъ совершилъ каменный костерь (башню). «Псковичи даша наймитомъ 5 рублей; они же, разбивше стѣны церкви Св. Троицы, звукъ выносиша въ Великую рѣку. Поставиша (Псковичи) 2 варницы на Рухѣ, и начаша соль варити, и то не сбыстся, и повергоша.» — Въ 1365 Алексій Митрополитъ заложилъ въ Москвѣ кам. церковь во имя Арханг. Михаила или бывшаго чуда его въ Хонѣхъ; она совершена въ то же лѣто. Митрополитъ Алексій отнялъ *Новогородскую* Епископію у *Суздальскаго* Владыки *Алексія:* Сей Епископъ скончался зимою (такъ въ *Никон.* и въ другихъ; но въ *Ростов.* сказано, что Алексій *Суздальскій* умеръ въ 1364 году, а Митрополитъ отнялъ Епископію *Новогородскую* у Владыки Алексія въ 1365: слѣдственно здѣсь разумѣется Владыка Вел. Новагорода: что подтверждается и Синодальною лѣтописью No 349, гдѣ вмѣсто словъ: «отня Епископью,» стоитъ: *Архіепископью*). Новогородскій Архіеп. Алексій поставилъ кам. церковь Срѣтенія на воротахъ въ монаст. Св. Антонія, Лазута кам. церк. Св. Николая на Ляткѣ, а другую заложили на Рядятинѣ улицѣ во имя Троицы. Въ Концѣ Славянскомъ было чудо: въ церкви Св. Петра шла роса отъ иконы Богоматери. «Псковичи наяша мастеровъ и даша дѣлу мзды 400 рублей; они

же заложиша церьковь Св. Троицы по старой основѣ.» (Въ *Никон.*: «бысть знаменіе, солнце аки кровь, и по немъ мѣста черныя; и мгла стояла съ полълѣта, и жары велицы; лѣсы и болота гораша, и рѣки пресхоша, и бысть страхъ велій... Пойде въ Орду К. Василей Кирдяпа, сынъ Князя Дмитрея Суздальского.») — Въ 1366 «Князь Кипрскій (въ *Никон.* Андрей Пигоръ) поплѣни градъ Александрію Египетьскую; изби вся ту живущая Сарацыни и Бесермены, Насавиты и Армены, и Турки, и Фрязы, и Черкасы, и Жиды; и про то разгнѣвася на Христіяны Царь Египетьскій Салтанъ, и посла рать на Антіохею и на Ярусалимъ; церкви разграбивъ, и двери ихъ каменьемъ загради, а иныя колодьемъ завалявъ извону (извнѣ), а Христіяны вся казнивъ, а имѣнья ихъ отня, а монастыри Синайскія разори, Игумены и Попы изби, а Епископы вверже въ темницу, а Михаила, Онтіохійскаго Патріарха, распя. И тогда же солнце погибе, Авг. въ 7 день по утру, въ 3 часъ дни; осталося его аки трехъ денъ молодъ мѣсяцъ; щербина бѣ ему съ полуденныя страны, но мраку аки синю отъ Запада приходящу, и пребысть тьма съ часъ единъ, дондеже обратися солнце щербиною къ земли, и тако нача паки свѣтъ свой припущати. Слышавъ же Царь Цареградскій Иванъ, печалуя, посла къ Салтану Египетьскому о миру со многими дары. Онъ же миръ створивъ, Патріарха (Іерусалимскаго) и Епископы отпусти, а церкви имъ паки предасть, а вся у нихъ 20,000 рублевъ сереброиъ, кромѣ много узорочья и даровъ.» Совершили въ Новѣгородѣ церковь на Рядятинѣ улицѣ. (Въ *Никон.*: «бысть сухмень и хлѣбная дороговь, и съ того люди мряху... Князь Михайло Александровичь Тверскій поставилъ градокъ Новой на Волзѣ.») — Въ 1367 Марта 20 скончался Тверскій Епископъ Ѳеодоръ въ Отрочѣ монастырѣ, и положенъ въ малой церкви Введенія, въ одномъ мѣстѣ съ Владыкою Андреемъ. Постриглась въ Нижнемъ вдовствующая супруга Князя Андрея Константиновича, Анастасія (по *Никон.*). Іюля 23 страшнымъ громомъ убило въ Городцѣ въ церкви Св. Лазаря, во время Вечерни, Монаховъ и Монахинь, а въ селахъ также не мало людей. Умерли Новогородскіе Посадники Онцифоръ и Никита. Во Псковѣ довершили церковь Св. Троицы, и поставили другую, Св. Іоанна Богослова, на Снетогорскомъ дворѣ. — Въ 1368 «на зиму присылаша Псковичи Онанью Посадника и Павла въ Новгородъ: Архіепископъ же Алексій посла во Псковъ отца своего духовнаго, Протопопа Іоанна, и Протодіакона, и священа бысть во Псковѣ церковь Св. Троицы Генв. въ 10... Тое же осени и тое зимы явися звѣзда хвостатая... Заложи Лазута церковь камену во имя Св. Петра конецъ Славна.» Новогородцы отправили въ Нѣмецкую землю посломъ Саву Купрова. Апрѣля 11, въ Вел. Четвертокъ, зажгло громомъ въ Суздалѣ церковь Св. Михаила и въ Городцѣ Михайловскій Соборъ. «Маіа въ 12 бысть пожаръ въ Новѣгородѣ: погорѣ Дѣтинецъ весь, и Владычень дворъ и Св. Софіа отъ Людогощи улицы, и Неревскій Конецъ по половинѣ улицъ въ (*Троицк.* по Головинѣ улицѣ) до Даньславли улицѣ, и Пльтницкій Конець весь отъ Св. Никиты до Радоковичь, и церкви, и людій нѣколико.» Въ *Никон.*: «Преставися Вел. Княгиня *Софья* Михаила *Ярославича* Тверскаго... Тое жь зимы Князь Михайло Васильевичь Кашинскій повелѣ изъ монастыря церковь Богородицы свести внутрь града и мѣсто то святое раскопати, и во гробѣхъ кости мертвыхъ разрушили издавна положенныхъ Иноковъ; и тое жь весны за многи дни бысть болѣзнь незнаема Князю и Княгинѣ его. Самаго же его Богъ помилова, а Княгиня его Василиса преставися Апр. въ 20 день. И тако Кн. Михайло Васил. устрашився, и прощенія проси у Владыки Василія; и повелѣ ему Владыка не до конца мѣсто то разорить, и поставилъ (*Князь*) тамъ малую церковь Св. Богородицы; потомъ и ту разнесли... Того жь лѣта гладъ великъ бысть во Твери.» — Въ 1369 Нѣмцы завоевали Литовскій городъ Ковенъ (по нѣкоторымъ спискамъ Кобекъ, Ковевъ). Преставился Князь Левъ Смоленскій. Князь Борисъ Константиновичь поставилъ въ Городцѣ Соборную церковь Св. Михаила. Осенью въ Твери срубили деревянную крѣпость и обмазали глиною. Въ Новѣгородѣ сгорѣлъ Славянскій Конецъ отъ Нутной улицы до Св. Иліи и до поля: «и церкви камены 4 огорѣша, а головѣ трее сгорѣша, и много товара погорѣ, а иные пограбили лихіе люди.» Тамъ заложили каменную церковь Св. Василія на Ярышовѣ улицѣ, а другую Св. Евпатія на Рогатицѣ. Архіепископъ черезъ годъ святилъ оныя. «Вел. Кн. Дмитрій Іоанновичь заложи городъ Переяславль; того же лѣта и срубленъ бысть.» Въ *Никон.*: «Князь Михайло Васильевичь Кашинскій ѣздилъ на Москву къ Митрополиту на своего Владыку Василья жаловаться. Олгердъ Гедимановичь ходилъ ратію на Нѣмцы, и много плѣненія сотворилъ.» — Въ 1370 большое разлитіе водъ весною; осенью и зимою знаменія: «аки столпъ по небу, и небо червлено, аки кроваво, и по снѣгу яко кровь.» Митрополитъ Алексій крестилъ Князя Іоанна Борисовича въ Нижнемъ. «Тамо уполэе многъ снѣгъ съ горы великой, еже надъ Волгою за Св. Благовѣщеньемъ, и засыпа дворы и съ людми.» (По *Никон.* ударилъ страшный громъ ночью 18 Авг., когда Великій Князь объявилъ войну Михаилу Тверскому). Во Псковѣ совершили камен. церковь Св. Георгія на Болотѣ. — Въ 1371 поставила Наталья въ Новѣгородѣ кам. церковь Св. Андрея Юродиваго на Сытескѣ Авг. 20. Сгорѣлъ Плотничьскій Конецъ и весь Подолъ отъ улицы Ильиной до Киловой. Сгорѣлъ весь Торжекъ. Изъ Іерусалима пріѣзжалъ Митрополитъ Германъ *для* собранія милостыни: «понеже много бѣ имъ насилія отъ поганыхъ Срацынъ.» Кн. Димитрій Констант. въ Нижнемъ поставилъ кам. церковь Св. Николая на Бечевѣ. Въ Русѣ построена также камен. церковь Св. Николая. У Великаго Князя Димитрія родился сынъ Василій 30 Декабря. Во Псковѣ совершили кам. церковь Св. Николая на Всосѣ. — Въ 1372 «у Св. Спаса въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ колоколъ болній позвонилъ самъ о себѣ трижды.» Въ Новѣгородѣ окопали рвомъ Концы Людинъ, Загородный, Неревскій; на Ильинѣ улицѣ поставили камен. церковь Св. Спаса, освященную Архіепископомъ. Въ Москвѣ 15 Авг. у гроба Св. Петра Митрополита «*прощенъ* (исцѣленъ) бысть нѣкій отрокъ семи лѣтъ, зане не имяше руки, прикорчившеся къ персемъ, и нѣму сущу ему; егда же Митрополитъ Алексій скончеваше Св. Литургію, тогда проглагола отрокъ, и простреся ему рука. То же видя Митрополитъ, повелѣ звонити, и пѣша канунъ мольбенъ со всѣмъ Зборомъ.» — Въ 1373 пріѣхалъ въ Новгородъ Князь Владиміръ Андреевичь и жилъ тамъ отъ третьей недѣли Вел. поста до Петрова дня. (Кн. Щербатовъ заключилъ изъ того, что Владиміръ ссорился съ Димитріемъ, искалъ убѣжища въ Новѣгородѣ, и проч.). Шелъ Волховъ семь дней вверхъ. Псковитяне поставили на другомъ мѣстѣ кам. церковь Петра и Павла, освященную Новгород. Архіеп. Алексіемъ, и другую Св. Власія. (По *Никон.* зимою преставились Князья Владиміръ Димитріевичь или Ярославичь Пронскій и Іеремій Тверскій. Новогородцы, заключенные въ Твери,

подкопали стѣну темницы своей и бѣжали. Михаилъ Васильевичь Кашинскій пріѣхалъ изъ Орды въ Кашинъ. Михаилъ Александровичь Тверскій окружилъ столицу свою рвомъ и валомъ, отъ Волги до *Тмаки*, взявъ работниковъ изъ Торжка и Тверскихъ областей). — Въ 1374 году, въ 1 Недѣлю Вел. поста, Митрополитъ Алексій поставилъ въ Москвѣ Епископомъ Суздалю Діонисія Архимандрита Печерскаго. Въ Новѣгородѣ построена церковь Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ: святилъ оную Архіепископъ. Сгорѣлъ весь Юрьевъ или Св. Георгія монастырь. Родился у Вел. Князя Димитрія сынъ Юрій въ Переславлѣ, Ноября 26; крестилъ его Игуменъ Сергій при Князѣ Димитріи Константиновичѣ Суздальскомъ, его братьяхъ, супругѣ и дѣтяхъ, также другихъ Князьяхъ и многихъ Боярахъ. Во Псковѣ *церковный мастеръ* Кириллъ соорудилъ кам. церковь Св. Кирилла; тамъ же довершена и другая кам. церковь Св. Тимоѳея. (По *Никон. Лѣт.* Митрополитъ Алексій поставилъ Евфимія Епископомъ Твери въ день Сорока Мучениковъ на *Средокрестной* недѣлѣ въ *Четвертокъ*, и вмѣстѣ съ посломъ Патріаршимъ, Кипріяномъ, отправился оттуда въ Переславль. Литовцы воевали съ Татарами Темиреза. Лѣтомъ совсѣмъ не шло *дождя*; скотъ и люди умирали отъ жаровъ и засухи, какъ въ Россіи, такъ и въ Ордѣ. Димитрій ссорился съ Мамаемъ). — Въ 1375 Корела *Семидесяцкая* поставила новый городокъ. Въ Новѣгородѣ совершили кам. церковь Козмы и Даміана на Холопьей улицѣ; а Посадникъ Юрій заложилъ церковь Св. Іоанна Златоуст. въ Околоткѣ. Родился какой-то Матвѣй Михайловъ. Занемогъ опасно Св. Игуменъ Сергій въ Великій постъ, и страдалъ до самаго Сентября. Іюля 29, въ Воскресенье, было знаменіе въ солнцѣ. «На тужъ зиму (Новогородскій) Владыка Алексѣй сыде съ Владычьства по своей воли въ Деревяницкій монастырь къ Св. Вьскресенію. Новогородци же въ скръби быша, и много галавъ, послаша къ Митрополиту Саву Архимандрита и Максима Онциѳоровичь съ Бояры, чтобы благословилъ сына своего Алексѣя въ домъ Св. Софіи, и Митрополитъ благослови Владыку и весь Новгородъ... и Новгородци послаша съ Вѣча, съ Ярославля Двора, къ Владыцѣ Намѣстника Вел. Князя, Ивана Прокшинича, и Посади. Юрья, и Тысяч. Олисея... и Владыка пріія челобитье, и пойде на свой Архіепископскій степень Марта въ 9.» Въ *Псковской*: «въ лѣта Вел. Князя Димитрія и Псковского Князя Матеея и Посадника Григорія Остафьинича Псковичи заложиша *четвертую* стѣну камену отъ Псковы до Великыя рѣкы по старой стѣнѣ: понеже была старая стѣнка злѣлана съ дубомъ, мало узвыш (выше) мужа, около всего посада.» (По *Никон.* Іюля 27, въ Твери, въ церкви Покрова, передъ иконою Богоматери ночью загорѣлась свѣча сама собою. Пріѣхала изъ Литвы Кестутіева дочь, Марія, невѣста Іоанна Михайловича Тверскаго: Епископъ Евфимій окрестилъ ее въ церкви Воздвиженія и на другой день обвѣнчалъ съ Іоанномъ въ Соборной церкви Св. Спаса, къ радости Кн. Михаила Тверскаго, отца Іоаннова). — Въ 1376, весною, шелъ Волховъ вверхъ 7 дней («се уже по третье лѣто тако идяше на заводъ») Отъ Патріарха Филоѳея пріѣзжали два Протодіакона, Георгій и Іоаннъ, къ Алексію Митрополиту. Кипріанъ поставленъ въ Митрополиты. Новогородскій Архіеп. Алексій съ Архимавд. Саввою, съ Юрьемъ Онциѳоровичемъ, Васильемъ Кузьминичемъ, Васильемъ Ивановичемъ и другими Боярами Авг. 13 отправился въ Москву, гдѣ Митрополитъ, Вел. Князь и Владиміръ Андреевичь обошлися съ нимъ весьма благосклонно. Онъ возвратился въ Новгородъ Окт. 17, въ Пятницу. (По *Никон.* былъ моръ въ Кіевѣ). — Въ 1377 Апрѣля 27 «оградися луна, и бысть отъ нея луча аки крестъ.» Весною горѣлъ Новгородъ «отъ Люгощи улицы до Яковли, отъ полуулицы до брега; згорѣ 7 церквей деревянныхъ, а каменныхъ огорѣ 3. Того же лѣта згорѣ отъ грома церк. Св. Богородицы на Михалицѣ. Преставися Архимандритъ Сава во Антоніевѣ монастырѣ, Маія въ 29:» Архіепископъ самъ погребалъ его. Совершена камен. церковь Бориса и Глѣба въ Плотникахъ: Архіеп. святилъ оную. (По *Никон.* Князь Ѳеодоръ *Звенигородскій*, мужественный великанъ, побилъ многихъ Татаръ. Сей Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Андреяна Звенигородскаго, внукомъ Тита, правнукомъ Мстислава Карачевскаго, праправнукомъ Св. Михаила Черниговскаго, сказывая, что мать Ѳеодорова была дочь Князя Литовскаго, Гаманта, и что дядя Ѳеодоровъ, Святославъ Титовичь, женился на Ѳеодорѣ, дочери Ольгердовой отъ Тверской Княжны, а третій сынъ Титовъ, Князь Иванъ Козельскій, на дочери Олега Рязанскаго). — Въ 1378 шелъ Волховъ вверхъ 7 дней. Іюня 29 знаменіе въ солнцѣ. Въ Новѣгородѣ построены 2 церкви, Св. Георгія и Никиты; третья на Добрынинѣ улицѣ Нерукотвореннаго образа: Архіепископъ святилъ оную въ день ея праздника. Дек. 5, въ часъ Заутрени, луна обратилась въ кровь, стояла 2 часа неподвижно, и снова сдѣлалась свѣтлою съ полуденной стороны, а помрачилась съ восточной. — Въ 1379 Сент. 11, въ Воскресенье, преставился сынъ Велик. Князя, Димитрія, Симеонъ. Въ Новѣгородѣ сгорѣло отъ Лукиной улицы до Чюдинцовой 8 улицъ и 12 церквей. Заложили тамъ 2 камен. церкви Св. Богоматери на Михалицѣ, и Флора и Лавра на Людгощей. Зимою пріѣхалъ въ Новгородъ Князь Литовскій, Юрій Наримантовичь. — Въ 1380 упала въ Коломнѣ новая каменная церковь, построенная на иждивеніе В. К. Димитрія. Іюня 15 освящена въ Серпуховѣ Соборная церковь Св. Троицы, основанная Кн. Владиміромъ Андр. «Биша челомъ весь Новгородъ Архіепископу, чтобы еси, господине, ялся ѣхати къ Вел. Князю, и Владыка пойде на Низъ за недѣлю до Цвѣтной недѣли; а съ нимъ Юрьи Ивановичь, Мих. Даниловичь, Юрьи Онциѳоровичь, Іевъ Обакумовичь, Ив. Ѳедоровичь, и иныхъ Бояръ много, и Житьихъ мужь. Князь же пріія ихъ въ любовь, а къ Новугороду крестъ цѣловалъ на всей старинѣ.» На Чюдскомъ озерѣ потонули 24 лодки Псковскія. (По *Никон.* Ноября 20 съѣзжались всѣ Россійскіе Князья: «велію любовь учиниша межъ собою»). — Въ 1381 у Князя Владиміра Андр. родился сынъ Іоаннъ: крестили его Митрополитъ и Св. Сергій. Въ Новѣгородѣ заложили кам. церковь Св. Димитрія на Славковѣ улицѣ. Построили тамъ же деревянную Св. Василія. (По *Никон.* въ Недѣлю всѣхъ Святыхъ былъ страшный громъ и вѣтръ). — Въ 1382 преставился Князь Василій Михайловичь Кашинскій, Маія 6, и погребенъ въ Соборн. церкви Воскресенія. Умеръ Михайло, отецъ Матвѣя (вѣроятно Лѣтописца). Въ Новѣгородѣ новая церковь Св. Димитрія, едва освященная Архіепископомъ, разсыпалась. Совершена камен. церковь Рождества на полѣ. Авг. 14 родился у Вел. Кн. Димитрія сынъ Андрей: крестилъ его Игуменъ Симонова монастыря Ѳеодоръ. Въ Новѣгородѣ на Нутной улицѣ заложена церковь Св. Филиппа, и другая Св. Іоанна въ Радоковичахъ (по нѣкоторымъ спискамъ уже въ 1383 г.). Князь Борисъ Городецкій поѣхалъ осенью въ Орду. Въ ту же осень какой-то Ѳедоръ Тимоѳеевичь убитъ лукавымъ его рабомъ. Зимою Пименъ Митрополитъ поставилъ въ Переславлѣ Сарайскаго Епископа Савву, въ присутствіи Матеея Грека,

Епископа Ростовскаго, и Владыки Даніила. — Въ 1383, Генв. 1, скончался Павелъ Высокій Печерскій Старецъ (въ Нижнемъ) книжный и чудный, о коемъ плакалъ и самъ Архіепископъ Суздальскій Діонисій. Сынъ Бориса Городецкаго, Іоаннъ, поѣхалъ къ отцу въ Орду; а Князь Димитрій Константиновичь Суздальскій отправилъ туда сына своего, Симеона. Митрополитъ зимою поставилъ въ Москвѣ двухъ Епископовъ, Михаила Смоленскаго и Стефана Пермскаго. Во Псковѣ совершены 3 кам. церкви на Гримячей горѣ: Св. Козмы и Даміана, Св. Николая и Св. Духа за стѣною. — Въ 1384 осенью выѣхалъ изъ Царяграда Θеодоръ Игуменъ Симоновскій: «ему же Патріархъ даде Архимандритію и лишшую честь паче иныхъ Архимандритовъ... Погорѣша лѣсы и сѣна по пожнямъ, а въ Новѣгородѣ бысть помраченіе на многи дни и нощи, яко и птицы падаху на землю и на водѣ, и не видяху, камо летѣти, и людіе не смѣяху ѣздити по езеромъ и по рѣкамъ, и бысть скорбь и туга.» Преставился на Пентикостной недѣлѣ Старецъ Илья, Келарь Троицкаго Сергіева монастыря, добрый и послушливый. Въ Новѣгородѣ, въ Неревскомъ Концѣ, сгорѣло 2 церкви, Св. Лазаря и Св. Петра. Осенью совершены тамъ церкви Св. Филиппа на Нутной улицѣ и Св. Іоанна въ Радоковицахъ; первую святилъ Архіепископъ. Во Псковѣ соорудили 2 кам. церкви: Св. Спаса у стараго костра и Воздвиженія на Дворѣ Княжескомъ. (Въ *Никон. Лѣт.*: «Сент. въ 23 день, въ 1 часъ дни, восшедшу солнцу, и пріиде туча съ западные страны къ Востоку, и помрачи свѣтъ до 3 часа... По малѣ облаки тѣ видяхусь желты и багряновидны и тонковидны. По инымъ же странамъ тогда облаки прехожаху въ полутра и во обѣдъ и по обѣдѣ; видѣ же огненныя облацы хожаху и искры падаху и зажигаху, и толь страшно бысть, яко второе Христово пришествіе мнѣти всѣмъ... Тоя же осени Кн. Вел. Михайло Тверскій женилъ сына своего, Кн. Бориса, у Вел. Князя Святослава Ивановича Смоленскаго, и вѣнчанъ бысть въ церкви Св. Спаса Ноября въ 8... Тожь зимы К. В. Михайло женилъ сына своего, Кн. Василья, у Кн. Владимера Олгердовича у Кіевскаго, и вѣнчанъ бысть во церкви Св. Спаса).» — Въ 1385 (а не въ 1386) сгорѣлъ весь Псковъ, Маія 8, отъ 6 до 9 часа дня; уцѣлили Соборная церковь и Дѣтинецъ или Кремль...» «И бысть сѣча Псковичамъ промежду себе, и много бысть мертвыхъ.» Тамъ поставили церковь Св. Θеодора. Въ Новѣгородѣ сгорѣла вся Торговая сторона: «на Данславлѣ улицѣ бысть пожаръ; загорѣся на Подолѣ Іюня 14; погорѣша оба Конца, Плотницкій и Славенскій, и церквей каменныхъ огорѣ 26, а древянныхъ сгорѣло 6. Горѣло весь день въ Среду, и заутра престало по обѣдѣ. У купцевъ въ коробіяхъ всякаго товара много погорѣло. Дымомъ задохлися 9 человѣкъ Василіевыхъ, да 2 сторожа; да сгорѣша трое нищихъ, да въ Павловѣ улицѣ на монастырѣ Иванъ, церковный росписникъ; въ церкви Св. Іоанна, конецъ Славна въ торгу, сторожъ затхнулся, такожде въ церкви Св. Пятницы, а другій живъ; въ церк. Воскресенія сторожъ, да странной; и всѣхъ душъ погибло 70. Только не горѣлъ Пресв. Богородицы на Михалицѣ монастырь, да на Микитинѣ улицѣ отъ Креста въ полѣ, и Красильницкая улица. А въ Среду за 6 дній до Петрова загорѣлося у Св. Мины въ обѣдню, и погорѣ по обѣ стороны отъ Князьцевы трубы въ Духовской улкѣ.» Іюня 29 родился Вел. Князю Димитрію сынъ Петръ: Игуменъ Сергій крестилъ его. Скончался Епископъ Ростовскій Матеей Грекъ, погребенный въ Соборн. церкви съ его предмѣстниками. Были осенью *пустые бъси*: думаю, метеоры, называемые *падающими звѣздами*. (По *Никон.* и нѣкоторымъ другимъ лѣтописямъ, наполненнымъ анахронизмами, В. К. Димитрій посылалъ войско на Муромъ, чтобы наказать тамошняго Князя за какое-то безчестіе). Переведено слово Св. Георгія Писида: хвала Богу, Творцу міра. — Въ 1386, Генв. 1, «въ часъ дня, егда люди отобѣдываютъ, погибе солнце, и пребысть во мрацѣ 2 часа, и паки свѣта исполнися.» Князь Борисъ Константиновичь ѣздилъ въ Орду весною, и возвратился осенью. Въ Городцѣ сгорѣла церковь Св. Михаила. Епископъ Пермскій Стефанъ Храпъ ѣздилъ въ Новгородъ за нѣкоторымъ дѣломъ. Іоакимъ Архимандритъ обновилъ старую церковь, *наполнивъ* оную иконами и книгами, построилъ кельи, монастырь, собралъ Иноковъ, далъ Игуменство трудолюбивому Іоанну, и такимъ образомъ устроилъ Общее Житіе Монашеское. Умеръ какой-то Симеонъ Яма въ Москвѣ и погребенъ въ монастырѣ Вознесенія. Царь Тохтамышъ (см. *Троиц. Лѣт.*) самъ убилъ свою Царицу Товлумбеку. Въ Новѣгородѣ на Иворовѣ улицѣ совершили кам. церк. Св. Димитрія (или Климента). Послѣ Св. недѣли сгорѣлъ Орѣховъ, и крѣпость повредилась: Новогородцы отправили туда Василія Кузмина, велѣвъ ему чинить стѣны и башни. Въ Новѣгородѣ сгорѣлъ конецъ Никитиной улицы. Осенью возвратился изъ Орды Кн. Александръ Михайловичь Тверскій. Во Псковѣ сдѣланы 3 каменныя башни у новой стѣны на приступѣ, и заложили камен. церк. Св. Георгія. (По *Никон.* воевали между собою Ординскіе Князья). — Въ 1387 Новогородцы окопали валомъ Торговую сторону. «Той же зимы пріѣжжаша Нѣмецкія послы въ Новгородъ о ропотномъ (спорномъ?) товарѣ и взяша миръ... Поновиша церковь кам. въ Торгу.» Весною преставился Князь Θеодоръ Θоминскій въ Схимѣ, названный въ Монашествѣ Симеономъ и погребенный въ монаст. Св. Спаса. Ушелъ изъ Орды Князь *Родславъ*, сынъ Олеговъ. (По *Никон.* Кн. Михаилъ Тверскій ссорился съ своимъ Епископомъ Евѳиміемъ и заставилъ его удалиться въ монастырь Св. Николая надъ Ручьемъ, въ Генварѣ мѣсяцѣ. Былъ моръ въ Смоленскѣ: въ городѣ осталось только 10 человѣкъ. «У града Твери, около валу, рубиша кожюхъ» — навѣсъ — «и землю насыпаша, и ровъ копаше глубже человѣка. Царь Аксакъ Темиръ пришедъ взялъ Орначь у Тохтамыша. Бысть поводь велика въ рѣкахъ»). — Въ 1388 Генв. 8 родилась Великому Князю Димитрію дочь Анна. Зимою скончался добродѣтельный ученикъ Св. Сергія, Исаакій Молчальникъ. «Сойде со Владычества Архіеп. Новогород. Алексій нездравія ради, на Преполовеніе, въ монастырь Воскресенія на Деревяницу, благословивъ своихъ дѣтей Новогородцевъ; былъ на Архіер. престолѣ 28 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ. Посадникъ Іосифъ Захарьевичь со старѣйшими мужи биша ему челомъ, еже бы былъ въ дому Св. Софіи, донлеже извѣдають, кто будеть Митрополитъ въ Русск. земли. Онъ же отречеся отнюдь, глаголя: изберите себѣ 3 мужа достойны, да положите 3 жребіи на св. трапезѣ... и избраша троихъ Игуменовъ и сотвориша 3 жребіи: въ первомъ написаша Игум. Іоанна монастыря Св. Спаса съ Хутыни, а въ другомъ Парѳенія изъ Благовѣщенскаго, а въ третіемъ Аѳанасія Рождественскаго. И Посадникъ Михаилъ Даниловичь самъ жребія метавъ, и положиша на престолѣ у Св. Софіи... И начаша Іереи Соборомъ пѣти Литургію, а Новогородцы стояша на Вѣчѣ у Св. Софіи... И Протопопъ Исмаилъ взѣмъ изнесе на Вѣче жребій Аѳанасіевъ, потомъ Парѳеніевъ, а Іоанновъ оста на престолѣ... И возлюбиша вси Богомъ избранна мужа, блага и кротка,

и народъ весь *отъ* мала и *до* велика течаху на Хутыню, и пояша его и возведоша на сѣни во Владычень Дворъ, и Архіеписк. Алексій благослови его во свое мѣсто, на Вознесеніе Господне, Маіа въ 7 день.» Во Псковѣ сооружена кам. церковь Рождества Хр. въ Домантовой стѣнѣ. Авг. 15 Пименъ Митрополитъ въ Владимірѣ поставилъ Рязанск. Епископа Ѳеогноста. Скончался Коломенскій Владыка Герасимъ. «Окт. въ 26 въ полунощи въздвижеся угъ (южный) вѣтръ, и внесе делъ въ Волховъ изъ озера, и вышибе изъ велик. мосту 9 городень... Пріѣхаша поклонщики съ Москвы отъ Пимена Митрополита звати Іоанна на поставленіе. Дек. въ 8 пойде Іоаннъ, а съ нимъ Посадн. Василей Ѳедоровичь, Тысяцк. Есипъ Фалелеевичь, Іевъ Абакуновичь, Тимоѳей Ивановичь и иныхъ много Бояръ, и паки пріидоша на Москву Генв. въ 10.» (По *Никон.* будто бы пріѣзжали въ Москву послы отъ Папы — о чемъ нигдѣ не говорится — и въ Новѣгородѣ былъ моръ). — Въ 1389 году «поставленъ бысть Іоаннъ Архіеп. въ преименитѣй церкви Св. Архистр. Михаила Генв. въ 17, въ Недѣлю; а на поставленіи былъ Смоленскій Владыка Михаилъ, Звенигородскій Даниіо, Сава Сарайскій и Ѳеогностъ Рязанскій; и въ той день створиша праздникъ свѣтелъ при Князи Великомъ *Дм.*; а въ Новгородъ пріиде Февр. въ 8, и срѣтоша его Игумены и вси Іереи со кресты, и Посадн. Василей Ивановичь, и Тысяцк. Григорей.» Генв. 18 у Кн. Владиміра Андр. родился въ *Дмитровѣ* сынъ Ярославъ-Аѳанасій. Пріѣхалъ въ Россію за милостынею Трапезунтскій Митрополитъ Грекъ Ѳеогностъ. Въ Вербную Недѣлю Пименъ Митрополитъ поставилъ Павла, бывшаго Архимандрита Рожественскаго монастыря въ Владимірѣ, Епископомъ на Коломну. Весною, послѣ Св. Недѣли, опасно занемогъ сынъ Вел. Князя, Юрій, но скоро выздоровѣлъ. «Бысть моръ во Псковѣ» (съ Мясопустной недѣли до Петрова дня) якоже не бывалъ таковъ; а знаменіе желѣзою и харканіемъ кровью; и ѣздилъ Владыка Іоаннъ въ Псковъ, и благослови градъ и *Князя Ивана Андреевича*, и молитвою его преста моръ... и просища Псковичи Іереевъ ко церквамъ, которые Іереи ходятъ безъ церквей... Тогда бысть и въ Блудинѣ городкѣ моръ и по всему Залѣсью желѣзою.» Въ Новѣгородѣ Посадникъ Григорій соорудилъ кам. церк. Покрова на воротахъ; на Лисьей горкѣ срубили деревянную Рожд. Богоматери, а другую на Сокольей горкѣ Св. Николая, гдѣ и монастырь учредили. 10 Маія, ввечеру, затмѣніе луны; кончилось передъ утреннею зарею. (По *Никон.* моръ въ Новѣгородѣ).

(138) Борисъ уже не засталъ Тохтамыша въ Сараѣ, догналъ его на пути, и ѣхалъ съ нимъ 30 дней. Ханъ велѣлъ ему возвратиться въ Сарай отъ мѣста называемаго Уруктанъ. — Въ *Никон. Лѣт.*: «Князь Борисъ пріиде» (въ 1390 или 1391 году) «отъ Царя въ свою отчину, въ Новгородъ Нижній, съ пожалованіемъ.»

(139) «Князь же Володимеръ съ сыномъ своимъ, со Княземъ Иваномъ, и съ Бояры поѣха въ свой Серпоховъ, и оттуда въ Торжекъ, и тамо пребысть въ Теребеньскомъ (селѣ) *дондеже* умиришася» (зимою, послѣ Крещенія). — Договорная Владимірова грамота съ Василіемъ напечатана въ *Собр. Государств. грамотъ*, I, 62. Тамъ сказано: «Дати ти, брате, мнѣ, Князю Великому, съ своее отчины въ пять тысячь рублевъ триста рублевъ и двадцать рублевъ, а съ Растовца, и съ Перемышля, и съ Козлова броду взяти ти собѣ въ то же серебро; а съ Волока ти дати мнѣ въ пять тысячь рублевъ сто рублевъ и семдесятъ рублевъ; а что прибудетъ или убудетъ, ино ти дати по розочту... Аци какимъ дѣломъ отоймется отъ тобе Ржева, и дати ми тобѣ во Ржевы мѣсто Ярополчь, да Медуши; а искати вы Ржевы, а тобѣ съ нами съ одиного. А что Ординская тягость и Коломенскій посолъ, коли еси былъ въ своей отчинѣ, а то намъ по розочту; а Володимерскіи послы, какъ ты выѣхалъ изъ своей отчины, а тотъ ти проторъ *не надобѣ*; а найду собѣ Муромъ, или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти *проторъ не надобѣ*. А что тобѣ Богъ дастъ иныхъ мѣстъ опричь Мурома и Торусы, а тотъ проторъ вамъ не надобѣ. А коли намъ взяти на своихъ Боярехъ на путныхъ, и тобѣ взяти на своихъ Боярехъ на десяти; а въ городъ намъ послати своихъ Намѣстниковъ и тобѣ своего Намѣстника... А которая дѣла учинятся межи нами, и намъ отослати своихъ Бояръ, ини переговоряться; а о чемъ сопруться, ини ѣдутъ на третій, кого собѣ изберуть; а котораго Князя Бояръ умолвятъ, тотъ Князь подъиметъ» (т. е. котораго Князя Бояръ обвинятъ, тому и платить убытки) «а Бояромъ вины нѣтъ. А закладни вы въ городѣ не держати; а съ дворомъ человѣка въ городѣ не купити, а блюсти ихъ съ одиного; а въ наше нелюбье наши Бояре намъ служили, а твои Бояре тобѣ служили... на нихъ нелюбья не держати»... Къ сей грамотѣ привѣшены три восковыя печати. Городъ Ржева или вышшій Ржевъ принадлежалъ отчасти Московскимъ Князьямъ, отчасти Тверскимъ.

(140) «Прислаша Новогородци къ Вел. Князю послы своя, Юрія Симеоновича, Аврама Внука, Кирила Адріановича, и докончаша миръ по старинѣ.»

(141) «Тое же осени (въ 1390 г.) Бояре Вел. Князя пріѣхаша въ Новгородъ изъ Нѣмецъ со Княжною Софіею, съ Витовтовою дщерію... и стояша на Городищи, и поѣхаша къ Москвѣ, и пріидоша съ нею къ Москвѣ Дек. въ 30 день.» См. выше, примѣч. 113. Линденблатъ пишетъ, что Витовтъ отправилъ дочь свою въ Россію изъ Данцига на кораблѣ; что въ семъ же году искали убѣжища въ Пруссіи наши Князья, изгнанные Литовскимъ: *Иванъ*, съ женою и дѣтьми, и *Іорге* von der Weisse; что Магистръ Нѣмецк. Орденa долженъ былъ въ 1391 г. послать къ Витовту *Короля* Смоленскаго, находившагося аманатомъ въ Маріенбургѣ: вѣроятно, К. Глѣба Святославича: см. выше, стр. 57, г. 1387.

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома, издан. 1819 года: Въ одной лѣтописи сказано: «Къ В. К. Витовту въ Нѣмцы, въ Маріинъ городокъ (Маріенбургъ) пріидоша послы изъ града Москвы, просяще дщери его за В. К. Василья Дмитріевича. Витовтъ же даде дщерь свою Княжну Софья за В. К. Московскаго, и отпусти ю изъ града изъ Маріина, а съ нею посла Князя *Монтивича*» (Іоанна Олгимунтовича Голшанскаго: см. Хронику Стрыковскаго, кн. XIII, гл. 8) «изъ града Гданска, и поидоша вси корабли за море, и пріидоша ко граду Пскову. Псковичи же великіе чести воздаша имъ и проводиша до Новагорода, и Новогородци же паки имъ честь воздаша, и проводиша до Москвы. Князь же Великій Василій противу ихъ послалъ братію свою, К. Андрея Владиміровича и К. Юрія Димитріевича, и иныхъ многихъ Князей и Бояръ, и срѣтоша Княжну Софію съ великими честьми. Тогда Митрополиту Кипріанъ со всѣмъ Освящен. Соборомъ срѣтили честно со кресты предъ градомъ Москвою, и сотвори бракъ, и вѣнчали Вел. Князя съ Вел. Княгинею Софіею, и бысть бракъ чюденъ.»

(142) См. о Вяткѣ сей Исторіи Т. III, стр. 22. «Въ лѣто 6899 (1391) Тохтамышъ посла Царевича своего, именемъ Бектута, на Вятку ратью.»

(143) «На Тохтомыша Царя пріиде изъ Царь силенъ отъ Самаркандскія» (въ другихъ спискахъ:

отъ *Шамахійскія, Шамахинскія*) «земли, и бысть сѣча велика; а Князь Василей Дмитріевичь утече отъ Царя за Яикъ, и пріиде на Москву; и послѣ пріиде изъ Орды посолъ Уланъ Царевичь, и посади Князя Вас. Дмитр. на Великое Княженіе.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сіе извѣстіе отнесено къ первому году Василіева государствованія; но онъ былъ только однажды у Тохтамыша, и Царевичь Уланъ посадилъ его не на Московскій, а Нижегородскій престолъ (см. *Книгу Степен.* I, 518).

(144) *Никон. Лѣт.* IV, 239: «Князя Бориса Константиновича и съ женою его и съ дѣтми, и доброхотовъ его повелѣ (Великій Князь) по градомъ розвести и вериги желѣзными связати.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано здѣсь: «Князь Василій Московскій ходилъ ратью въ Нижній Новгородъ на Князя Семена» (племянника Борисова); а послѣ говорится о бѣгствѣ Симеона съ братомъ Василіемъ Кирдяпою въ Орду. Въ *Никон. Лѣт.* прибавлено, что Великій Князь, исполняя повелѣніе Ханское, вторично ѣздилъ тогда въ Орду. Главная современная лѣтопись Василіева княженія есть *Троицкая*, гдѣ нѣтъ ни слова о семъ мнимомъ вторичномъ путешествіи.

(145) Въ *Троицк. Лѣт.*: «въ лѣто 6902 (1394) Индикта 2, Мая въ шестый день, по Велицѣ дни на четвертой недѣли въ Среду, преставися Князь Великій Борисъ Костянтиновичь, и положенъ бысть въ Суждалѣ, въ своей отчинѣ... Въ Петрово говѣнье Кн. Василій Дмитріевичь Суждальскій, да братъ его Кн. Семенъ, побѣгоша изъ Суждаля къ Ордѣ зѣло вскорѣ, и гонишася за ними, и не могоша постигнути... Тое же осени Князь Семенъ Суждальскій приде ратью къ Новугороду Нижнему... а люди затворишася въ городѣ; а Воеводы бяху у нихъ Володимеръ Даниловичь, Григорей Володимеровичь, Иванъ Лихорь; и бысть имъ бой по три дня... и взяша миръ: Христіане крестъ цѣловаша, а Татарове по своей Вѣрѣ... и Татарове створиша лесть, а клятву преступиша: пограбиша всѣхъ Христіанъ... а Князь Семенъ глаголаше: не азъ есмь створивый се, но Татарове... И тако Татарове Новгородъ взяша Окт. въ 25 день, и пребыша ту со двѣ недѣли, дондеже услышаша, што Князь Великій идетъ на ня ... и побѣжаша.»

(146) «Тое же осени (1401) Князь Великій посылалъ рать искати Княгини Семеновы, а Воеводы бяху у нихъ Иванъ Андреевичь Уда, да Өедоръ Глѣбовичь, и идоша на Мордву, и наѣхаша ю въ Татарьской землѣ на мѣстѣ Цибирца, и ту изнимаша Княгиню Семенову Александру у Св. Николы... и приведоша на Москву и съ дѣтьми, и пребысть на дворѣ Бѣлевутовѣ... Князь Семенъ Суждальскій (въ 1402 г.) сослався со Княземъ Великимъ и пріѣха изъ Орды на Москву, и возма миръ, и поѣха на Вятку... и тое же зимы, Дек. въ 21, преставися... 8 лѣтъ служивый по ряду въ Ордѣ не почивая четыремъ Царемъ: Тохтамышу, Темиръ-Аксаку, Темиръ-Кутлую и Шадибеку, а все поднимая рать на Князя Великого, како бы налѣсти свое Княженіе... Тое же зимы (1403) преставися Князь Василій Дмитріевичь Суждальскій, иже на Городцѣ былъ... Того же лѣта (1416) пріѣхали къ Велик. Князю на Москву Князи Новогородскіе, К. Иванъ Васильевичь и К. Иванъ Борисовичь, а сынъ его Александръ напередъ его пріѣхалъ за 2 года... Въ лѣто 6925 (1417) мѣс. Іуля преставися Князь Великій Нижнего Новагорода Іоаннъ Васильевичь на Москвѣ и положиша его въ церкви Архангела Михаила. Того же лѣта пріиде на Москву къ Вел. Князю Князь Данило Борисовичь Новогородскій... Въ лѣто 6926 (1418) Князь Данило Борисовичь съ братомъ Иваномъ Новогородскіе бѣжаша съ Москвы... Тое же зимы Князь Великій отдасть дщерь свою Василису за Князя Александра Ивановича Суждальскаго въ Недѣлю отъ Фарисей.» См. ниже примѣч. 254, подъ годомъ 1418. Братъ Даніиловъ, Князь Іоаннъ, прозывался *Тугой Лукъ*. Гробъ его въ Нижегородскомъ Соборѣ.

(147) Въ *Новогород. Лѣт.*: Февр. въ 11 день (г. 1392) пріѣха Митрополитъ въ Новгородъ, а съ нимъ Владыка Рязанскый, и Архіепископъ Иванъ стрѣте его со кресты въ ризахъ у Св. Спаса на Ильинѣ улицѣ, и Митрополитъ вшедъ во Св. Спасъ съ Владыкою своимъ и съ Архимандритомъ Нижняго Новагорода, *окрутишася* по своему сану въ ризы; и идяше Митрополитъ пѣшъ отъ Св. Спаса сквозѣ торгъ через Великій мостъ къ Св. Софіи; предъ нимъ идяху Подьяци его, въ рукахъ држаще свѣща горяща; и вшедъ въ Св. Софію, Литургію съверши. По Литургіи выде изъ олтаря Митрополитъ, вземъ крестъ воздвизальный, и взыде на амбонъ, и нача учити люди велегласно во всю церковь; они же слушаша словесъ его, и пріяша собѣ въ сердце, и даша ему подворье, многыя двора у Св. Ивана Предтечи на Чюденцевѣ улици ... Митрополитъ другую Литургію свръшилъ во Св. Николѣ на Княжѣ Дворѣ, а третью на Соборъ во Св. Софіи; и *потомъ* нача у Новагорода суда прошати, и Посадникъ Тимофей Юрьевичь и Тысяцкій Микита Өедоровичь и вси Новогородци отвѣщаша едиными усты,» и проч... «и онъ поѣхалъ по Сборѣ на третій день.» Въ *Никон. Лѣт.* многое не такъ.

(148) Въ *Троицк. Лѣт.* прибавлено: «Таковъ бо есть обычай Новогородцевъ: часто *праваютъ*» (присягаютъ) «ко Князю къ Великому, и паки *рагозятся*» (ссорятся) «и не чудися тому: бѣша бо человѣци суровы, непокориви, упрямчиви, непоставни... Кого отъ Князь не прогнѣваша? или кто отъ Князь угоди имъ, аще и Великій Александръ Ярославичь не уноровилъ имъ?... и аще хощеши распытовати, разгни книгу, Лѣтописецъ великій Руській, и прочти отъ Великаго Ярослава и до сего Князя нынѣшняго... Тое же весны (г. 1393) въ самый Великъ день снидшеся нѣціи отъ Новогородцевъ, Вѣчници, крамольници, суровіи человѣци, свѣрѣпіи людіе, убиша Максима, мужа благовѣрна... и Князь Великій разгнѣвася яростью великою зѣло... и повелѣньемъ Князя Великого казниша ихъ казнью различною, по единой комуждо ихъ усѣкающе имъ руцѣ и нозѣ,» и проч.

(149) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Новгородци, собравше воя многи, водою въ судѣхъ множьство насадовъ и ушкуевъ пришедше съ Двины ратью, взяша градъ Устюгъ весь и огнемъ пожгоша, и церковь чудную Сборную разграбиша, и множьство злата и сребра, еже есть въ ней, кузнь иконы Св. Богородицы, то все одраша, и стояша мѣсяцъ въ одиномъ мѣстѣ, на Устюзѣ и въ Юзѣ воююще, а люди изъ лѣсовъ выводяще... И въ то же время взяша Бѣлоозеро градъ и села,» и проч. Въ *Новогород. Лѣт.*: Новгородци охвочая рать» (охотники или вольница) «выѣхаша волости воевати, а съ ними два Князя... и Воеводы Новгородскыя Тимоөей Посадникъ Юрьевичь, Юрьи Онцифоровичь, Василій Синецъ, Тимоөей Ивановичь, Иванъ Александровичь, и взяша Кличенъ городокъ и Устюжно; а изъ Заволочья Новгородци съ Двиняны взяша Устюгъ градъ... И Новгородци, не хотя видѣти кровопролитья больше, послаша къ Великому Князю съ челобитьемъ о старинѣ, а къ Митрополиту грамоту цѣловальную... и Кипріянъ веемъ грамоту, рече: не буди на васъ сего грѣха... Тогды же пріѣхаша послы отъ Вел. Князя, Өедоръ Кошка Андреевичь, Иванъ Уда и Селиванъ, и по-

крѣпиша миръ . . . и Новгородци даша 350 рублевъ Князю и Митрополиту, что благословилъ Владыку Іоанна и весь Новгородъ; а за нимъ Княжьчины, а тѣ цѣловали къ Великому Князю, Княжьчинъ имъ не тяти; а то цѣлованіе было въ Филипово говѣнье . . . Пріѣха изъ Царяграда отъ Патріарха Антонія Вифлеемскый Владыка Михаилъ и привезлъ Новугороду 2 грамоты, поученіе Крестьяномъ» (въ *Никон. Лѣт.*: о проторехъ, иже на поставленіяхъ священныхъ) . . . А отъ Митрополита Кипріяна Бояринъ его Дмитрій пріѣхалъ (въ 1394 году), прошать сребра, 350 рублевъ, что ѣздилъ Кюръ Созоновъ, да Василій Щечкинъ въ Царьградъ къ Патріарху посломъ и скопилъ долгы, и Новгородци даша Дмитроку то сребро.» Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Новгородцы заплатили Кипріану 600 рублей, а послу его 350 рублей, можетъ быть за вышеупомянутый долгъ Цареградскій. О Новогородскихъ послахъ въ Грецію сказано въ другомъ мѣстѣ: «Новогородци послаша къ Патріарху просити благословенія, и Патріархъ имъ тако рекъ: повинуйтеся Митрополиту Русьскому во всемъ.»

(150) Темиръ или Тимуръ значитъ на Турецкомъ языкѣ *желѣзный*, а Ленкъ *хромый*: Европейцы изъ сихъ двухъ именъ составили имя *Тамерлана*, въ Русскихъ лѣтописяхъ называемаго Темиръ-Аксакомъ. Вотъ басня о его происхожденіи, внесенная въ нѣкоторыя изъ сихъ лѣтописей: «О семъ убо Темирѣ повѣдаша нѣцыи, яко исперва не Царь бѣ, ни сынъ Царевъ, ни племени Княжеска, ни Боярска, но отъ простыхъ нищихъ людей, отъ Заяицкихъ Татаръ, отъ Самарханьскія (Самаркандскія) страны, отъ Синія Орды, иже бѣ за Желѣзными Враты; ремествомъ же бѣ кузнецъ желѣзный, нравомъ же хищникъ и злодѣйственъ. Прежде же былъ рабъ, его же злонравія ради отверже отъ себе господинъ; онъ же, не имѣя чимъ питатися, крадяше. Еще бо ему младу сущу, и украде у нѣкоего овцу; онъ же ятъ его и преломи ему ногу и бедру на двое, и онъ же прекова себѣ ногу свою пребитую желѣзомъ, и хромаше, и того ради прозванъ бысть *Темиръ-Аксакъ*, иже толкуется *желѣзный хромецъ* . . . и бысть разбойникъ лютъ, и совокупишась къ нему мужи и юноши жестоци, и егда ихъ бысть числомъ яко сто, и нарекоша его надъ собою старѣйшину разбойникомъ; и егда же бысть ихъ и до тысящи, тогда уже называху его Княземъ; егда же и многи земли поплѣни, и страны, и Царства поималъ, тогда убо Царя его именоваху . . . а се имена тѣмъ землямъ: Чагадай, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя Орда, Ширазъ, Испагань, Орначь, Гилянь, Сизъ, Шибранъ, Шамахи, Савасъ, Арзунумъ, Тефлизи, Тевризи, Гурвустани, Обези, Гурзіи (Грузія), Багдатъ, Темирь-Кабы, рекше Желѣзная Врата, и Асурію и Вавилоньское Царство, и Іерусалимъ, и Севастію, и Арменію, и Дамаскъ Великій, и Сарай Великій поплѣни.»

Извѣстія, сообщаемыя здѣсь о Тамерланѣ, взяты нами изъ Эрбелотовой Bibliothèque Orientale и Histoire de Timur-Bec (т. е. Тимура *Князя*), connu sous le nom du Grand Tamerlan, сочиненный на Персидскомъ языкѣ Шерефеддиномъ Али, Писателемъ современнымъ, и переведенной Гм. Пети де-ла-Круа.

(151) Histoire de Timur-Bec, I, 203 — и III, 10.

(152) Histoire de Timur-Bec, III, 259. Сіе письмо украшено всѣми цвѣтами Восточнаго краснорѣчія. Назвавъ Баязета матросомъ, Тамерланъ говоритъ: «корабль твоей безмѣрной гордости носится въ пучинѣ твоего самолюбія: подбери же парусы своей дерзости и брось якорь раскаянія въ пристани искренности, да буря нашей мести не погубитъ тебя въ морѣ наказанія!»

(153) Histoire de Timur-Bec, II, 127 и 355.

(154) См. выше, стр. 67. Вопреки Татищеву, до сего времени нигдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ не упоминалось о *Князьяхъ Елецкихъ*. Родъ ихъ по *родословной Книгѣ* начинается съ сего Ѳеодора, можетъ быть Юріева сына.

(155) *Древн. Лѣт.* II, 270: «и тако на многѣ *благодареніе* приносяще,» и проч.

(156) Hist. de Timur-Bec, II, 363. Шерефеддинъ пишетъ здѣсь несправедливо, что Тамерланъ, завоевавъ всю Россію, взялъ и столицу ея, Москву.

(157) Въ *Троицк. Лѣт.*: «мѣсто то было тогда на *Кучковѣ полѣ*, близъ града Москвы на самой на велицѣй дорозѣ Володимерьской.» Въ *Никон.* и въ *Древн. Лѣт.* разсказывается, что въ тотъ самый день и часъ, когда жители Московскіе встрѣчали икону Маріи, Тамерланъ дремалъ въ шатрѣ своемъ и видѣлъ сонъ ужасный: высокую гору и съ ея вершины идущихъ къ нему многихъ Святителей съ золотыми жезлами; надъ ними, въ сіяніи лучезарномъ, явилась жена, благолѣпія и величія неописаннаго, окруженная тьмами молніеобразныхъ воиновъ, которые всѣ грозно устремились на Тамерлана. Онъ затрепеталъ, проснулся, и созвавъ Вельможъ, спрашивалъ о смыслѣ такого сновидѣнія. *Сія величественная жена* — отвѣтствовали мудрѣйшіе изъ нихъ — *есть Богоматерь, защитница Христіанъ*. И такъ мы не одолѣемъ ихъ, сказалъ Монархъ Чагатайскій, и велѣлъ полкамъ своимъ итти обратно.»

(158) Andreas de Redusiis de Quero, въ Chron. Tarvasiano, въ Муратори Script. Rerum Italicarum, T. XIX, стр. 802 — 805. Сей Андрей(*) говорилъ съ двумя купцами Венеціянскими, изъ коихъ одинъ былъ въ станѣ у Тамерлана, а другой лишился тогда въ Азовѣ трехъ сыновей и двѣнадцати тысячь червонцевъ. — Далѣе см. Hist. de Timur-Bec, T. II, 379.

(159) Въ нашихъ лѣтописяхъ сей послѣдній именуется Темиръ-Кутлуемъ.

(160) Въ нашихъ лѣтописяхъ сказано, что онъ прежде крестился въ Вѣру Греческую, а послѣ сдѣлался Католикомъ. Далѣе см. Стриковски. Хроник. кн. XIV, гл. 2.

(161) Стриковскій называетъ сего Игумена или Архимандрита Печерскаго Намѣстникомъ Митрополита (кн. XIV, гл. 2).

(162) Стриков. кн. XIV, гл. 2 и 3. Подолія, какъ говоритъ сей Историкъ, два раза была завоевана, Ольгердомъ въ 1339 году и Витовтомъ въ 1395, при двухъ Ѳеодорахъ Коріятовичахъ, въ ней княжившихъ. Витовтъ продалъ оную Королю Ягайлу за 200,000 копъ, или за 40,000 червонцевъ, а Ягайло Пану Степку; но когда Татары убили сего Пана, Витовтъ за ту же цѣну опять взялъ Подолію себѣ. Поляки снова овладѣли ею по смерти Витовта. — Далѣе см. также Стриков. кн. XIV, гл. 2.

(163) Стриков. кн. XV, гл. 7: «Витолду (Витовту) первая жена Анна, Князя Свантослава (Святослава) Смоленского дщерь, иже его изъ заключенія свободила.» См. выше, въ описаніи 1387 года.

(164) Стриков. кн. XIV, гл. 4. Смоленскъ былъ взятъ Сент. 28, во Вторникъ.

(165) Въ *Родословныхъ Книгахъ*: «И приступиша къ нему (Витовту) вси Князи пограничные съ вотчинами своими, отъ Кіева даже и до Ѳоминского приложишася къ Великому Князю Витовту.» О Великихъ Лукахъ и Ржевѣ см. ниже, примѣч. 197 и 386, подъ годомъ 1436. Далѣе см. Стриков. кн. XIV, гл. 4.

(166) «Тое же весны за 2 недѣли до Велика дни Князь Великій поѣха въ Смоленскъ, тако же и

(*) Исправлено по собственному экземпляру Исторіографа.

Кипріянъ Митрополитъ, и былъ у Витовта и на Великъ день поставилъ Насона Епископомъ въ Смоленьскѣ.»

(167) «О Покровѣ Витовтъ приде ратью на Рязань.»

(168) «Пріѣха въ Новгородъ Митрополитъ съ Патріаршимъ посломъ въ Великій постъ и запроси суда, и Новогородци суда ему не даша,» (а *Никон. Лѣт.* говоритъ: *даша*) — «и онъ пребылъ весну всю въ Новѣгородѣ и до Петрова говѣнія.» Князь Василій Іоанновичь Смоленскій и Патрикій Наримантовичь пріѣхали къ Новогородцамъ въ 1397 году.

(169) «Тое же осени (1391) послаша Новгородци на съѣздъ съ Нѣмцы въ Изборескъ Посадниковъ Василія Θеодоровича, Θеодора Тимоθеевича и Богдана Аввакумовича, и Тысяцкаго Іосифа Фалалеевича, и Василія Борисовича; а Нѣмецкіе послы пріѣхаша изъ заморья, изъ Любка, Готского берега, изъ Риги, Юрьева, Колывавя, и смиришася, и пріѣхавше въ Новгородъ тѣ же послы Нѣмецкіе, и товаръ свой поимали и крестъ цѣловали, и начаша дворы ставити вновь: зане бяше по семи головъ немиръ.» См. также Сарторія Gesch. des Hanseat. Bundes, II, 461.

(170) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 328. Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна: «Насла Князь Великій на Двину Бояръ своихъ, Андрея Албердова съ другы, ко всей Двинской свободѣ, а повѣствуя тако: чтобы есте задалися за Князь Великій... а онъ хощетъ васъ отъ Новагорода боронити... И Двипяне, Иванъ Микитинъ, и Бояре Двинскіи и вси Двиняне за Великій Князь задалися... и Князь Великій на крестномъ цѣлованіи у Новагорода отъялъ Волокъ Ламьскій, Тръжекъ и Вологду и Бѣжитьскій Връхъ, и къ Новугороду цѣлованіе сложилъ, и крестную грамоту скинулъ; а Новгородци грамоту крестную Князю Великому скинули. И посемъ присла Митрополитъ въ Новгородъ Столника своего Клименьтіа къ Владыцѣ, а повѣствуя тако: зоветь тя на Москву отецъ твой Митрополитъ о Святительскыхъ дѣлѣхъ... И Посадникъ и весь Новгородъ биша челомъ Владыцѣ, чтобы еси Князю Великому слово добро подалъ за свои дѣти... и послаша съ Владыкою Посадника Богдана Обакуновичь, Кирилу Дмитріевичь и Житьихъ людей... И Владыка рекъ Князю Великому, чтобы еси, господине сыну, отъ Новагорода, отъ своихъ мужій отъ волныхъ, нелюбіе бы еси отложилъ... а что еси у Новагорода отнялъ, того бы еси ступился... *а про вопчій* (общій) *судъ на порубежьи, а то, сыну, отложилъ бы еси, зане то не старина.*» Новогородцевъ надлежало по договорнымъ грамотамъ судить въ Новѣгородѣ; а Василій Димитріевичь, какъ видно, учредилъ судиться имъ общимъ судомъ на границѣ, въ случаѣ, когда подданные Великокняжескіе приносили на нихъ жалобу.

(171) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 186, и *Лѣт. Арханг.* стр. 98. Въ *Лѣт. Новогород.* сказано, что рать Новогородская состояла только изъ 3000. Далѣе: «По Велицѣ дни на веснѣ Новгородци ркоша Владыцѣ: не можемъ сего насилія тръпѣти отъ своего Князя Великого... Воеводы же Новогородскіи, Посадникъ Тимоθей Юрьевичь, Посадники Юрьи Дмитріевичь и Василій Борисовичь поидоша па Двипу къ городку Орлецу, и срѣте ихъ съ Вели Владычнь Волостель Исаіа, рекъ тако: господо Воеводы! наѣхавъ Князя Великого Бояринъ Андрей съ Іоанномъ съ Микитинымъ и съ Двиняны на Св. Софіи волость, на Вель, въ самъ Великъ день, и повоеваша, а на головахъ окупъ поимаша; а отъ Князя Великого пріѣхалъ въ засаду на Двину Князь Θедоръ Ростовьскій, городка блюсти и судити; а Двиньскыи Воеводы, Иванъ и Кононъ, съ своими другы волости Новогородскіи и Бояръ Новогородскихъ подѣлиша себѣ на части,» и проч. — Въ *Архангельск. Лѣт.*: «И Воеводы Новогородскія послаша рати 3000, и воеваша волости Галическія, а на полону окупъ имаша, а иной такъ пометаша, на комъ нечего взяти, а у Устюжанъ съ города и съ церквей *копейщины* просиша, и они имъ не дали, и Воеводы Новогородскія разгнѣвашася, да церковь Соборную Пречистые пограбиша, а икону чудотворную Одигитріе взяша въ полонъ, и несоше въ насадъ, и насадъ отъ берегу не пойде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: никой полоняникъ не связанъ на чужую землю нейдетъ. И пойдоша прочь, а церковь Соборную зажгоша, и пойдоша внизъ по Двинѣ воюючи къ Орлецу, и стояша 4 недѣли, и поставиша пороки; и выпедше Двиняне изъ Орлеца, и добиша челомъ... и Новогородцы нелюбіе имъ отдаша по Владычню наказу; а Воеводъ Заволочскихъ, Ивана и Конона, съ дружиною ихъ изымаша, а иныхъ смертью казниша, а Ивана и братью его Анθала и Герасима и Родіона, сковавше, съ собою поведоша къ Новугороду... а у Князя Θедора Ростовскаго присудъ и пошлины поимали, а у гостей Князя Великаго взяли съ него окупа 300 рублевъ... и поидоша къ Новугороду, и бысть на нихъ гнѣвъ Божій... начало имъ корчити руки и ноги, и хребты имъ ломити, и мало ихъ пріидоша здоровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть; и возбрани на нихъ Владыка Іоаннъ, и рече Воеводамъ: еже есте церковь Божію (въ Устюгѣ) обезчестили... и повелѣ имъ поставити церковь Соборную на Устюзѣ и чудотворныя иконы отвезти со всею крутою» (окладами) «и съ полономъ назадъ... И сотвориша обѣтъ, иконы поставиша во Св. Софеи, и пѣвше молебны, и бысть имъ милость отъ Бога; и Владыка обѣщася и постави церковь камену на воротѣхъ, Воскресеніе Христово.

(172) Въ лѣтописи Попа Іоанна: «Въ лѣто 6907 (1399) Князь Витовтъ присла въ Новгородъ грамоту разметную, рекъ тако: обезчествовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ Княземъ Великымъ быти, а васъ мнѣ было боронити; и вы за мене не ялися.» — Въ *Новогород. Лѣт.*: «сѣде на Княженіе въ Литвѣ Князь Витовтъ, и Новогородци (въ 1393 г.) взяша съ нимъ миръ по старинѣ.»

(173) См. *Никон. Лѣт.* г. 6905, а въ *Троицк.* г. 6906 или 1398.

(174) См. Стрыков. кн. XIV, гл. 4 и 5 — Нарушевича *Таврикію* стр. 110 — Длугоша Hist. Pol. кн. X, стр. 153, и Кромера кн. X.

(175) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же зимы (въ 1398 г.) Княгиня Великая Софія ѣздила въ Смоленскъ къ отцу своему и къ матери съ дѣтьми и съ Бояры и съ Боярынями, и пребывше въ Смоленскѣ 2 недѣли... принесе оттуду многіе иконы окованыя златомъ и сребромъ, еще же и часть честныхъ Страстей Спасовыхъ, еже бяху въ Смоленскѣ были давно принесены отъ Царягорода.» О разореніи Нижняго см. выше, стр. 76. По *Троицк. Лѣт.* и другимъ Симеонъ взялъ Нижній въ 1399 году, а по нѣкоторымъ еще въ 1395: первое лѣтосчисленіе достовѣрнѣе.

(176) Въ *Троицк. Лѣт.*: «взяша градъ *Болгары*, Жукотинъ, Казань, Кременьчукъ.» Въ *Ростов. Лѣт.*: «взяша градъ Болгарскій *Великій*:» слѣдственно о *Великимъ* назывался городъ Болгары, коего развалины донынѣ извѣстны. — Герберштейнъ въ своихъ извѣстіяхъ о Москвѣ говоритъ, что завоеваніе Болгаріи было достопамятнѣйшимъ дѣломъ Василія Димитріевича.

(177) Въ *Троицк. Лѣт.*: «азъ тя посажу въ Ордѣ на Царствѣ, а ты мя посадишь на Княженьи на Великомъ на Москвѣ.»

(178) Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 156.

(179) См. *Никон. Лѣт.*

(180) На примѣръ, Тамерланъ требовалъ подобной же чести отъ Монарховъ, имъ побѣждаемыхъ (Hist. de Timur-Bec).

(181) Длугош. Hist. Polon. кн. X, стр. 157.

(182) Въ *Псковск. Лѣт.*: «Того же лѣта (1393) Князь Андрей Олгердовичь пріѣха изъ Литвы, убѣжавъ отъ братьи изъ нятья Іюля въ 18.» Андрей оставилъ во Псковѣ сына, именемъ Іоанна, который въ 1400 году выѣхалъ оттуда, *сложивъ крестное цѣлованіе*. Іоаннъ Борисовичь есть, кажется, Іоаннъ Ольшанскій, бывшій Намѣстникъ Витовтовъ въ Кіевѣ. Въ *Новог. Лѣт.*: «убиша всѣхъ Князей именитыхъ 74... Татарове же поидоша по нихъ біюще на 500 верстъ до Кіева, а съ Кіева окупъ взяша 500 рублевъ» (въ другихъ подробнѣйшихъ означено *три тысячи*) «и Намѣстникы своя посадиша... Былъ Князь Витовтъ преже Христіанинъ, а имя ему Александръ, и отвръжеся Христіанства, и пріа Лядскую Вѣру.»

(183) Преставленіе Михаила Александровича описано кѣмъ-то по желанію Владыки Кирилла. Сей Князь занемогъ 15 или 16 Августа, постригся 20 Авг., и скончался 26 числа того же мѣсяца (см. *Лѣт. Никон.*, *Ростов.* и другія). Далѣе: «Тое же зимы (1397 г.) К. Іоаннъ Михайловичь Тферскій, зять Кестутіевъ, ѣздилъ въ Литву къ шурину своему, и со Княгинею и съ дѣтми.» См. выше, примѣч. 137, годъ 1375. — Между рукописями, находящимися въ Императорской Библіотекѣ, есть *списокъ* договорной грамоты К. Михаила Тверскаго съ В. К. Василіемъ Димитріевичемъ. Она такъ начинается: «*Божіею милостію*... по благословенію отца нашего, Кипреяна Митрополита.» Далѣе: «А имуть вамъ» (Тверскому Князю и сыновьямъ его) «Татарове давати нашу отчину Москву, Великое Княженіе и Великій Новгородъ, и вамъ ся не имати за нашу отчину, ни тобѣ, ни твоимъ дѣтемъ, ни братаничемъ... А быти намъ на Татары и на Литву, и на Нѣмци, и на Ляхи заодинъ; а пойдетъ на насъ Царь ратію, а всяду на конь самъ, и тобѣ, брате, послати ко мнѣ на помочь свои два сына, да два братанича, а сына ти одного у собе оставити; а пойдутъ на насъ Литва, или Нѣмци, или Ляхи, и тобѣ послати дѣти свои и братаничь на помочь.» Замѣтимъ, что слова: *Божіею милостію*, не встрѣчаются въ Архивскихъ грамотахъ до 1433 года (см. выше, стр. 154); древнѣйшія обыкновенно такъ начинаются: по благословенью отца нашего, Митрополита.» Далѣе въ грамотѣ: «А что есмя (Великій Князь) воевалъ со Царемъ, а положитъ на насъ въ томъ Царь вину, и тобѣ, брате, въ томъ намъ не дать ничего, а то намъ самимъ вѣдати.» Великій Князь воевалъ Ординскія владѣнія (см. выше, стр. 96) въ 1399 году; но вѣроятно, что здѣсь говорится о прежнихъ непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Далѣе: «къ Витовту ми (Василію) цѣлованіе сложити, а тобѣ (Михаилу) також ьявити Витовту, что есте съ нами одинъ человѣкъ... А *полонъ* ти, брате, нашъ Московскый и Велик. Новагорода отпустити безъ окупа.» Лѣтописцы не упоминаютъ о войнѣ Михаила съ Василіемъ. Далѣе: «Новыхъ тобѣ (Михаилу) мытовъ не замышляти; а на *старыхъ* ти мытѣхъ имати съ воза по *мордкѣ обѣушной*, а костки (дорожной пошлины) съ человѣка *мордка*.» Здѣсь цѣна означается *старою*, кожаною монетою.

(184) «Того же лѣта (1397) К. Іоаннъ Всеволодичь отъѣха со Тфери къ Москвѣ, и къ дади своему сложивъ цѣлованіе. Великій же Князь пріятъ его съ любовію и даде ему городъ Торжекъ. Тое же осени, Сент. въ 23 день, К. Іоаннъ Всев. поя сестру Великаго Князя Анастасію.»

(185) Въ *Лѣт. Троицк.*: «Тое же осени Сент. приде изъ Орды Княжь Михайловъ Киличей (посолъ), именемъ Ельча, а съ нимъ посолъ Темирь Кутлуевъ, именемъ Бекшикъ, да Саткинъ, послѣ живота его, и привезоша ярлыки писаны на его имя... Того же лѣта (1400) умре Царь Темиръ Кутлуй... Въ то же время Князь Иванъ Михайловичь посылалъ въ Орду, и выдоша изъ Орды Ѳедоръ Гурленъ, да Костянтинъ, а съ ними посолъ именемъ Софря, и вынесоша ему ярлыки отъ новаго Царя.»

(186) Въ *Никон. Лѣт.*: «Тверстіи Князи (въ 1400 г.) повелѣша своимъ Бояромъ крестное цѣлованіе сложити ко Князю Василью Михайловичю и Ѳеодору Михайловичю и ко Князю Ивану Борисовичю. Князь Василей же Михайловичь пришедъ къ своей матери Овдотьѣ и сказаше ей... и мати ихъ посла свои Боярѣ къ Вел. Кн. Ивану, а Василей и Ѳедоръ и внукъ ея, Кн. Иванъ, послаша своихъ Бояръ... Княгиня же Борисова вземъ сына своего и Бояринъ ея Воронецъ, аки въ древній бунтъ, и пришедше биша челомъ Великому Князю Ивану Михайловичю... и оттолѣ Князь Великій наипаче на свою братію нелюбье начатъ держати, а тѣхъ лукавую лесть возлюби... Тоя же осени К. В. Иванъ Тферскій у Кн. Василья Михайловича отнялъ озеро Луское и Входъ Іерусалима и даде братаничю Ивану Борисовичю. Князь Василей же посла къ нему Арсенія Владыку, прося суда общаго... и Князь Иванъ Михайловичь отвѣчалъ: не дамъ... и Кн. Василей поѣха въ Кашинъ... и родися сынъ у Княгини его Настасьи, и пріѣха къ нему мати его, изъ Сергіева монастыря Игуменъ Никонъ... и крестиша его и нарекоша Димитрей... Тое жъ осени Кн. Иванъ Всеволодичь Тферскій съ Вел. Кн. Иваномъ Михайловичемъ сослася, и иде со Княгинею своею во Тферь... и преставись Марта (въ 1402 г.) на Св. Недѣли въ Понедѣльникъ, въ самую Литургію, и положенъ въ Тфери... Того жь лѣта (1403) Кн. Вел. Иванъ Михайловичь пойде ратью къ Кашину... и возвратясь посла сына своего, Князя Александра, и Князь Василей утече къ Москвѣ, и Князь Великій Московскій смири ихъ... Тое жь зимы (въ 1405) предъ Велик. заговѣньемъ Василій Кашинскій пріѣде во Тферь, и пойма его Кн. Вел. Иванъ Михайловичь и Бояръ его поковаша. Тое жь зимы Кн. Юрьи Всеволодичь отъѣха со Тфери на Москву, боляше бо ся того же... Мѣсяца Апр. въ 17 во Тфери въ Великую Пятницу взяша миръ Кн. Иванъ и Василей Михайловичи .. и отпусти (Іоаннъ) брата съ любовію къ Кашинъ на Св. Недѣли въ Вторникъ. И не дождаша 3 мѣсяцовъ, и пакы бысть промежду ими нелюбье, и Князь Василій пакы выбѣжа на Москву, и Князь Иванъ посла на Кашинъ своя Намѣстники, и многу изгибель створиша Христіаномъ продажами и грабежемъ... Князь Великій Иванъ Михайловичь (въ 1406 г.) былъ въ Кашинѣ. Того жь лѣта К. Василей Кашинскій сославсь съ братомъ Иваномъ Михайловичемъ и пріѣха изъ Переславля во Тферь.»

(187) См. *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1401, и ниже письмо Эдигеево къ Великому Князю. Въ *Троицк. Лѣт.*: «Въ лѣто 6908 (1400) Князь Юрьи Дмитріевичь на Москвѣ оженися у Князя Юрья Святославича Смоленского, поя за ся дщерь его, именемъ Настасію... Тое же весны (г. 1401) Кн. Иванъ Володимеровичь оженися на Москвѣ у Князя у Ѳедора Ольговича Рязанскаго, поя за ся дщерь его Василису.»

(188) «Князь же Романъ тогда убьенъ бысть, а Княгиню его и дѣтей отпустиша... а Витовтъ тое же осени приходилъ къ Смоленску,» и проч. Линденблатъ, вмѣсто Смоленска, именуетъ здѣсь Новгородъ, сказывая, что жители развѣсили сѣти передъ стѣною, поймали въ нихъ 60 Литовцевъ, устрашили тѣмъ Витовта, сдѣлали вылазку, отняли у него пушки, лошадей и проч.

(189) См. *Лѣт. Троицк.* г. 6907. Марію погребли въ Московской церкви Св. Лазаря.

(190) Олегъ скончался въ 1402 году, Іюля 5 (см. *Троицк. Лѣт.*). Далѣе: «Иде Князь Ѳеодоръ ко Царю Шадибеку... и пожалова его Царь, даде ему отчину его и дѣдину... Князь Иванъ Володимеровичь Пронскій пріиде изъ Орды (въ 1408 г.) отъ Царя Булата 6 Сент. и сяде въ Пронскѣ, а съ нимъ посолъ Царевъ. Того жь лѣта (1409) Кн. Иванъ Пронскій, пришедъ съ Татары безвѣстно, Кн. Ѳеодора Ольговича съ Рязани сослалъ; онъ же бѣжа за Оку, а Князь Иванъ сяде на обѣихъ Княженіяхъ, на Рязанскомъ и на Пронскомъ... И пріиде на него Вел. Князь Ѳеодоръ Ольговичь, и бысть имъ бой на рѣцѣ на Смядвѣ Іюня въ 1 день, и поможе Богъ Князю Ивану... убиша Игнатія Семеновича Жеребцева, Воеводу Коломенского, Михаила Лялина, Ивана Брынка и много Коломнячь; Муромского же Воеводу, Семена Жирославича, изымаша, и многихъ Муромцевъ избиша... Того жь лѣта Князи Рязанстіи, Ѳеодоръ и Иванъ, миръ и любовь межи собою взяша.» Коломна и Муромъ принадлежали Московскому Государю: слѣдственно Великій Князь Василій Димитріевичь помогалъ Ѳеодору.

(191) См. *Троицк.* и Архив. *Кіевскую лѣтопись*, гдѣ сказано, что Лугвеній плѣнилъ въ Вязьмѣ и другаго Князя, Александра Михайловича. Далѣе см. *Лѣт. Троицк., Архангел.* и *Никон.* Витовтъ отступилъ отъ Смоленска послѣ Святой недѣли. Линденблатъ пишетъ, что Витовтъ и Король Ягайло посылали къ Смоленску Свидригайла, который въ отступленіи своемъ лишился многихъ людей... Въ *Лѣт. Троицк.*: «И потомъ Князь Юрьи, сослався со Княземъ Великимъ, и выѣха изъ города не во мнозѣ дружинѣ, а Княгиню и Бояры своя остави въ Смоленскѣ, а приказавъ имъ ждати себе на первый срокъ и на другій и на третій... а въ то время Витовтъ пріиде ратью къ Смоленску; гражане же, не могуще терпѣти глада и изнеможенья, градъ предаша.» Въ *Никон. Лѣт.*: «Смоленстіи Бояре крамолу злу сотворивше, послаша тайно къ Витовту, глаголюще: скоро пріиди подъ Смоленскъ, понеже вси тебя хотятъ... дондеже не пріидетъ съ Москвы Кн. Вел. Юрьи со многою силою Московскою.»

(192) Въ *Никон. Лѣт.*: «Въ Смоленцѣ (Витовтъ) свои Намѣстницы посади, Ляхи, и приказа людемъ Смоленскимъ лготу многу чинити, отводя ихъ отъ Кн. Юрья.» — О битвѣ съ Нѣмцами см. Гадебуш. Liefländ. Jahrbücher, г. 1410, стр. 23.

(193) См. *Архан. Лѣт.* Напротивъ того въ Архивской *Кіев. Лѣт.* сказано, что Великій Князь, доброхотствуя Витовту, нарочно остановилъ Юрія въ Москвѣ: извѣстіе невѣроятное.

(194) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна. Въ *Архангел.*: пріѣха Владыка Иванъ Новогородскій на Москву бити челомъ Великому Князю о Торжку, и Кипріанъ, по Великаго Князя слову, Владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не дали.» — Въ *Новогород. Лѣт.*: «Наславъ Великій Князь Бояръ своихъ, Александра Поля и Ивана Марина, на Торжокъ ратію въ 300 человѣкъ, имаша Семеона Васильевичь и Михайла Ѳеофилатова на крестномъ цѣлованіи, и живота ихъ изъ Св. Спаса поймаша... Въ самый Петровъ день» (въ 1401 году) «Ондрей Ивановичь и Посадниковъ Двинскыхъ Есіфа Филиповичь и Наума Ивановичь изымаша; и Степанъ Ивановичь, братъ его Михайло и Микита Головня, скопивъ около себе Важанъ и сугнавъ Аѳѳала и Герасима на Колмогорахъ,» и проч. (см. *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна)... «Ходилъ Аѳѳалъ» (въ 1409 г.) «на Болгары Камою и Волгою, 100 насадовъ Камою, а Волгою 100 и 50, и избиша ихъ въ Камѣ Татарове, а Аѳѳала яша и ведоша въ Орду; а Волжскіе насады не поспѣли... Уби» (въ 1418 г.) «Михайло Розсохинъ Аѳѳала на Вяткѣ.» — Въ *Троицк. Лѣт.*: «а былъ (Архіеп. Іоаннъ) во изниманьи 3 лѣта и 6 мѣсяцъ, а сѣдѣлъ въ монастырѣ у *Св. Николы у Стараго*:» на Перервѣ, по мнѣнію Митрополита Платона; но сей Никола Старый находился между Котлами и Москвою (см. ниже, примѣч. 239).

(195) Такъ въ *Никон. Лѣт.*: «Новогородцы же даша ему Русу, *Ладогу*, Орѣшекъ, Тиверскій, Корельскій, Копорью, Торжекъ, Волокъ Ламскій, Порховъ, Вышегородъ, *Яму*, Высокое, Копнинъ городецъ... Того же лѣта (1400) Новогородцы послаша Клементія Васильевича въ Литву къ Витовту о миру и любви, и взяша миръ по старинѣ.»

(196) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, въ *Ростов.* и другихъ, сказано, что Юрій убилъ Іуліанина супруга уже послѣ неудачи своей въ насиліи; но мы слѣдуемъ здѣсь *Архангельской*, гдѣ обстоятельства разсказаны яснѣе, съ прибавленіемъ, что Юрій владѣлъ половиною Торжка, а другою Князь Вяземскій. *Далѣе* въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же осени» (г. 1407) «на Вздвиженьевъ день преставися Князь Юрьи Святославичь Смоленскій, не въ своей отчинѣ, но на чужей сторонѣ въ изганьи, а своего Княженья лишенъ и своей Княгини и своихъ дѣтей, въ Рязанской земли въ пустынѣ, въ монастырѣ у нѣкоего Игумена Христолюбца, именемъ Петра, и ту нѣколико дней поболѣвъ, преставися, и проводиша его честно.» См. *Родословн. Книгу*, гдѣ означены Княжескіе и *Дворянскіе* роды, происшедшіе отъ Владѣтельныхъ Князей Смоленскихъ.

(197) Псковъ сдѣлался независимымъ въ княженіе Симеона Гордаго: см. Т. IV, стр. 163. Въ *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1406: «ходиша Псковичи съ Князя Великого Намѣстникомъ,» и проч. См. выше, примѣч. 182. Въ *Псков. Лѣт.*: «Тоя же весны (г. 1400) выѣха изъ Пскова Князь Иванъ Андреевичь, внукъ Олгердовъ, и цѣлованіе сложивъ.» Тамъ же, выше: Бысть рагоза» (ссора) «Новогородцемъ со Псковичами» (въ 1391 г.), «и пойдоша Новогородци къ Пскову ратью, и Псковичи послаша послы своя, *Лавра* и *Михайла*, и Попа Власьевского, и Ермолу Игумена Николинского, и срѣтоша Новогородъскую рать у Солци, и взяша миръ... Того же лѣта (г. 1392) Новогородци взяша миръ съ Нѣмци, а Псковичь вымириша» (исключили изъ мира) и Псковичи взяша особный миръ съ Нѣмци... Придоша Авг. 1» (г. 1393) «Новогородци ко Пскову ратью въ силѣ велицѣ, и стояша у Пскова 8 дней, и *дождавше* ночи, побѣгоша прочь посрамлени, пометавше многая своя замысленія, пороки и пускичи» (пращи) «и тогда убиша Копорского Іоана подъ *Олгиною горою*, а иныхъ многыхъ избиша на Выбутѣ, а инѣхъ руками яша при Владыцѣ Іоанѣ и Посадницѣ Ескѣ и Тысяцкомъ Никитѣ... Послаша» (г. 1398) «Псковичи Князь Григорія и Посадника Сысоя и Романа Посадника и иныхъ Бояръ въ Новгородъ, и взяша миръ вѣчный съ Новымгородомъ.» Въ *Новогород. Лѣт.*: «Приходиша» (въ 1397 г.) «послове Псковскіи, Кн. Григорій Остафьевичь... Филипъ Козачковичь, и биша челомъ

Архіепископу Вел. Новагорода... и Посадникъ Тимофей Юрьевичь и Тысяцкой Микита Өеодоровичь и вси Посадники и Тысяцкіи и Бояре и весь Вел. Новгородъ отъ Псковичь нелюбіе отложили и взаша миръ по старинѣ Іун. въ 18 день, зане не бяшеть миру по 4 годы.» — О язвѣ см. ниже. Далѣе въ *Псков. Лѣт.* г. 1401: «Тоя же зимы послаша Псковичи къ Князю Витовту Григорія Өедосовичь и Гаврила Намѣстника и взаша миръ вѣчный... Въ лѣто 6914 (1406) пріиде поганый отступникъ Витовтъ съ множествомъ ратныхъ, а миру не отказавъ, а розметную грамоту Псковскую отсла къ Новугороду, Февр. въ 5 день на Черкисовѣ недѣли въ Пятокъ, и много зла учинивше, отъидоша прочь... Того же мѣсяца, Февр. въ 28, Юрьи Посадникъ Козачковичь, поймя съ собою охвочихъ людей, Псковичь, Изборянъ, Островичь, Вороначянъ, Вельянъ, и шедше повоеваша Ржову и Луки, а на Лукахъ на Великыхъ и стягъ Коложьскый взаша... а къ Новогородцемъ послаша Псковичи и биша чоломъ, чтобы пособили: они же прислаша нѣколико мужей, съ лукавствомъ глаголюще: намъ Великый Новгородъ не указалъ, ни Владыка благословилъ ити на Литву; идемъ съ вами на Нѣмци... и возвратишась... Того же лѣта Князь Псковскый, Даниилей Александровичь, и Посадникъ Ларіонъ Дойниковичь и весь Псковъ идоша къ Полотску Іюля въ 30, и стояша подъ Полотскомъ 3 дни и 3 нощи, и возвратишась. Того же лѣта, Авг. въ 22, Князь Местерь пріиде къ Изборску, и ходиша 2 недѣли, плѣняюще и жгуще около Острова и Котелна, а подо Псковомъ не быша... и отъидоша... Въ лѣто 6915» (по *Троиц. Лѣт.* въ 1406 г.) Кн. Даниилей Александровичь и Посадникъ Юрьи Филиповичь пойдоша въ Нѣмецкую землю Окт. 7 и поймаша на рубежи на Сѣрици 7 Нѣмчиновъ, и усрѣтоша ихъ Нѣмецкая рать за 15 верстъ отъ Кирьяпеги, и Псковичи ударища: Нѣмци побѣгоша въ Кирьяпегу, пометавше кони и оружія, и Псковичи; стоявше нощь, возвратишася.» Въ *Троицк. Лѣт.* сей случай такъ описанъ: «Срѣте я» (Псковитянъ) «рать Нѣмецкая на рѣцѣ на Сѣрицѣ, и бысть имъ бой Окт. въ 9 день, и биша ихъ» (Нѣмцевъ) «и гонилися за ними 20 верстъ до Новагородка, и оттолѣ пошла рать Псковская къ Кирепегѣ; а нагадали были пойти къ Юрьеву, и ту стрѣтилъ ихъ Князь Великій, Нѣмечьскій Мистерь, со всѣмъ поморьемъ за Селиловымъ побоищемъ, и ту паки бысть бой, и паки поможе Богъ Псковичемъ, а Нѣмечьскій Мистерь убѣжалъ, а Псковичи гонилися до Кирепеги.» Далѣе въ *Псков. Лѣт.*: «И потомъ Псковичи послаша въ Великій Новгородъ, абы помогли на Нѣмець, и не помогоша. И потомъ биша чоломъ Князю Великому Василію Димитріевичь, абы помоглъ бѣднымъ Псковичемъ въ тошна времена, и Князь Великій разверже миръ съ своимъ тестемъ съ Витовтомъ, Псковскыя ради обиды.» Въ *Троицк. Лѣт.*: Пьсковичи съ Новогородци пріѣздиша ко Князю къ Великому на Москву, и въ Великое говѣнье Князь Великій посылалъ брата своего, Князя Петра, съ Бояры въ Новгородъ Великій Псковичемъ на помочь.»

(198) Въ *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1406: «К. В. Василей Дмитріевичь и В. К. Иванъ Михайловичь Тферскій сложиша крестное цѣлованіе къ Витовту.» Въ *Троицк. Лѣт.* подъ годомъ 1406: «Отпусти Великій Князь Воеводъ своихъ» (Маія 25) воевати земли Литовскія, къ Вязмѣ и къ Серпейску и къ Козельску. Они же не яша ничто же.» — О возобновленіи дружества съ Ордою см. *Никон. Лѣт.* V, 21. Тамъ сказано: «Сент. въ 7 день (г. 1406) Князь Великій пойде на Витовта и сташа на Плавѣ; а Кн. Вел. Иванъ Мих. Тферскій въ помощь посылалъ Великому Князю свою братью, Князи Василія Мих. Кашинского, да Князя Өеодора Мих., да сына своего, Князя Ивана, да Князя Ивана Еремеевича... и сташа на Пашковѣ гати,» и проч. Линденблатъ упоминаетъ о семъ походѣ Витовта, сказывая, что съ нимъ были и союзники его, Нѣмецкіе Рыцари, которые возвратились домой черезъ XV недѣль, воевавъ Россію 14 дней; что Государь Московскій собралъ множество Татаръ и всѣхъ Князей Россійскихъ.

(199) Въ *Родослов. Книгѣ* I, 180: «у Князя Семена Глуховского и Новосильского» (Михайлова сына) одинъ сынъ, Князь Романъ, а пришелъ изъ Новосили жити въ Одоевъ отъ насилія Татарскаго.» Одоевъ возвратился къ Россіи уже при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. — Въ *Троицк. Лѣт.* г. 1407; «по Троицынѣ дни въ Четвергъ, Мая 20, Литва взаша Одоевъ... Князь Великій на Спасовъ день пойде на Литовскую землю... и взялъ градъ Димитровець» (нынѣ деревня въ Калужской Губерніи, на рѣкѣ Протвѣ). Стриковскій говоритъ о причинѣ сей войны такъ: «Москвитяне близъ Путивля ограбили Литовскихъ путешественниковъ, отнявъ у нихъ двухъ бобровъ, кадь меду, двѣ сѣкиры и три кафтана. Витовтъ требовалъ удовлетворенія, и не получивъ его, объявилъ войну зятю.» Въ *Троицк.* г. 1406: «Тое же весны пріѣха ко Князю къ Великому въ рядъ служити изъ Литвы нѣкоторый Князь, именемъ Александръ, прозвище Нелюбъ, сынъ Княжь Ивановъ Олгимонтовъ, а съ нимъ множьство Литвы и Ляховъ,» и проч.

(200) Въ *Троицк. Лѣт.* г. 1408: «Іулія въ 8 день, въ Недѣлю, выѣха изъ града изъ Брянска Швитригайло, а на Москву пріѣха Іулія въ 26.» Въ другихъ лѣтописяхъ прибавлено, что Василій Димитріевичь отдалъ Свидригайлу едва не половину своего Великаго Княженія. Стриковскій пишетъ, что Свидригайло, выѣхавъ изъ Стародуба и Брянска, зажегъ ихъ.

(201) См. Стриков. *Хроник.* кн. XIV, гл. 8. Линденблатъ пишетъ, что Магистры Нѣмецкаго Ордена и Ливонскій, имѣвъ свиданіе съ Королемъ Польскимъ и Витовтомъ, ходили вмѣстѣ на Россію и возвратились со многими плѣнниками; что Витовтъ стоялъ на одномъ берегу рѣки, а Кн. Московскій на другомъ; что они заключили миръ, и проч. Смолянами предводительствовалъ Іоаннъ Корельковичь. — О городахъ см. ниже въ завѣщаніи Князя Владиміра Андреевича *Храбраго*. — Далѣе въ *Псков. Лѣт.* г. 1410: «въ Литву къ Витовту послаша Псковичи Якима Посадника и Терентія Өоминичь и Сидора Дѣдькова, и взаша миръ съ Витовтомъ, а опричь Новагорода.»

(202) Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находится договоръ *Болеслава-Свидригайла, Князя и наслѣдника Литвы* и *Россіи*, и *Владѣтеля Подоліи*, съ Орденомъ въ 1402 году. Согласно съ договоромъ, заключеннымъ между Вел. Магистромъ Нѣмецкимъ и Витовтомъ, Свидригайло уступаетъ Псковъ Ордену, когда сей городъ будетъ завоеванъ, Литовцами или Рыцарями: Die Lande und Herschaft der Russen zu Pleskow in aller Wyse, wy die gewonnen werden von uns adir von dem Orden in des Cempne, adir besondern, adir an uns kemen, so sol sy der Orden ewiglich alleyne behalden. — См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 300, 316, 317, 318, 319. Послѣднія содержатъ въ себѣ мирный договоръ Псковитянъ съ Орденомъ на 10 лѣтъ, заключенный въ 1417 году, въ Ригѣ, гдѣ находились посолъ Великаго Князя, именемъ Никита, и Псковскіе чиновники, Данило и Юрій. Василій Димитріевичь названъ *великимъ Королемъ* и даже *Императоромъ*: grotmechtighe Here, de grote

Koninge von Moskowe, de Russche Keyser. Условія были слѣдующія: 1) «Жить съ обѣихъ сторонъ въ мирѣ и доброжелательствѣ. 2) Купцамъ торговать свободно. 3) Въ обидахъ искать управы судомъ, а не мечемъ. 4) Россіянамъ не пропускать чрезъ свою землю враговъ Ордена, а Нѣмцамъ враговъ Россіянъ.» Магистръ Шпангеймъ писалъ къ Великому Магистру Прусскому, что сей миръ нуженъ для безопасности Ливонскаго Ордена, коему Витовтъ угрожаетъ войною. Достойны замѣчанія слѣдующія слова его о характерѣ Псковитянъ: Js sint wunderliche unbetutliche Luthe: was sie vor sich nemen, davon kan man in nicht gebrengen; то есть: странные, упрямые люди: что возмутъ себѣ въ голову, отъ того ихъ никакъ не отведешь.»

Сообщаемъ выписку изъ *Псков. Лѣт.* о всѣхъ происшествіяхъ: «Псковичи испросиша собѣ Князя, Костянтина» (въ 1407 году) «и пріѣха К. Костянтинъ въ Псковъ въ Вторникъ на Вербной недѣли, и съ Псковичами смысливше, създаша церковь во имя Св. Аѳанасія въ единъ день въ Недѣлю, и службу свершиша Марта въ 29, и по малѣ времени Кн. Великій Костянтинъ посла Князя своего, Костянтина Добровскаго, а Псковичи Іоанна Посадника Сидоровичь къ Новгороду помощи прошати противу поганыхъ Нѣмець; они же отрекошясь. Того же лѣта Кн. Вел. Костянтинъ и Посадникъ Романъ Сидоровичь совокупивше вся волости и пригороды, пойдоша за рѣку за Нарову, ови въ лодіяхъ, ови на конехъ, и перевезошась на заутріе Петрова дни, и пойдоша къ Порху. . и возвратишася съ множествомъ полона... Іуля въ 20 Костянтинъ поѣха изо Пскова на Москву... Того же лѣта Князь Местерь, събравъ силы многыя и Задвинскую силу Курскую» (Курляндскую) «пріиде отъ Бѣлого Камени въ землю Псковскую Авг. въ 18, а Псковичи безъ пригородовъ пойдоша противу имъ и усрѣтоша ихъ на броду у Выбути, а броды вси бяху *заворены ворами*, и стояша погани 4 дни, и многажды хотяху перебрести и не возмогоша: Псковичемъ біющемся съ ними, и пойдоша прочь... и Псковичи постигоша ихъ за Камномъ на Логовицкомъ полѣ, а Нѣмци станы сташа въ Недѣлю на вечернемъ годѣ» (времени) «Авг. въ 21... и Псковичи удариша на нихъ, и одолѣша Нѣмци, а Псковичи побѣгоша, и убиша на съступѣ Елевтія Лубку Посадника и Еѳрема Картача и Панкрата Посадниковъ.» (Арнтъ въ своей Хроникѣ пишетъ о *семи тысячахъ* Россіянъ, тогда убитыхъ, вмѣсто *семи сотъ*). «А въ то время иная рать Псковская ѣздиша въ лодьяхъ и въ насадѣхъ за Нарову, и егда быша на Псковскомъ озерѣ въ Осатнѣ, и Нѣмци въ шнекахъ ударишась на нихъ, и Псковичи пометавше 7 насадовъ и прочія посуди, и побѣгоша ко Пскову, и бысть Псковичемъ тогда многыя скорби, ово отъ Литвы, а иное отъ Нѣмець и отъ своея братьи отъ Новагорода... Въ лѣто 6916 (1408) на *Черкисовѣ* недѣли» (въ началѣ Февраля) «въ Субботу, на память Св. Власія, поганый Князь Местерь, събравъ силы и Литву подъемь, пріиде въ землю Псковецкую, и самъ станомъ стояше на Демяници 3 дни, и распусти воя по волостемъ; а иная рать пришедше подъ Велье, и стояша 4 дни... и отъидоша, не учинивше граду ничтоже; а подъ Вороночь пріѣхаша Литва, и Вороночани выѣхавше избиша Литвы 100 мужь, а инѣхъ руками яша, и воеваша Нѣмци всю залѣсскую страну и до Черехи, и прешедше за рубежь, воеваша въ Лежевицѣхъ и на Болотахъ, и на Дубскѣ, и на Гостени, и подъ Кошкинымъ городкомъ, и много забѣглыхъ Псковичь и Новгородцевъ овѣхъ иссѣкоша, овѣхъ плѣниша и пожгоша; а Псковичи посылаша въ Новгородъ и биша чоломъ со слезами о помощи... а они съ укоризнами Псковичемъ отрекошясь, и послѣ своего посогаша въ помощь къ Местеру, а Псковичемъ на зло. Тогда выѣха изо Пскова Князь Костянтинъ Бѣлозерскій, а Псковичемъ не учинивъ помощи никоея же; а Местерь и Нѣмци 2 недѣли ходиша по волостемъ Псковскымъ и по Новгородскымъ, сѣкуще и плѣняюще... и отъидоша... и Псковичи приведоша собѣ Князя Данилія Александровичь» (Ростовскаго?) изъ Порхова на Усрѣтеніе Господа І. Х., и пріяша его честно... Того же лѣта на весну, Маіа въ 6 день, пріѣхавше Нѣмци къ Велью и поймавше 40 головъ и побѣгоша, и Вельяни погнашася; они же погани подсадою удариша на нихъ и убиша Вельянъ 60 мужъ, и того же дни къ вечеру приспѣша Воропочани и сугнаша ихъ уже на рубежи... Погані же плѣненыя посѣкше, а сами побѣгоша, и убиша Нѣмець 30 мужъ... Того же Маіа Изборяни ходиша въ Нѣмецкую землю, и ударишася Нѣмци на нихъ и убиша ихъ 11 мужь... и Псковичи взяша съ Нѣмци перемирье до Усрѣтенія.» Между бумагами Кенигсбергскаго Архива есть два письма Вел. Магистра Прусскаго къ Витовту 1408 года, подъ № 621 и 625: въ первомъ онъ благодаритъ его за оказанную помощь Ливонцамъ противъ Россіянъ, но самъ отговаривается отъ дѣятельнаго участія въ сей войнѣ за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ и въ кормѣ для лошадей; въ другомъ пишетъ о намѣреніи Витовтовомъ дать Пскову властителя или Князя, отвѣтствуя, что надобно прежде свѣдать мнѣніе Магистра Ливонскаго. — Далѣе въ *Псков. Лѣт.*: «Тоя же зимы» (г. 1409) «препусгивъ по перемирью на третій день, Февр. 5, Князь Местерь, събравъ силы своя и Литву, повоева многы волости Псковскыя, а Новгородци всего того не брегоша, а на перечину Псковичемъ... и Нѣмци, ходивше недѣлю, отъидоша... Въ лѣто 6918 (1410) послаша Псковичи Ѳедоса Посадника и Юрья Вишкова Тимоѳеевичь бити чоломъ Князю Великому... и дасть имъ Князя Ѳеодора Александровичь Ростовского, и пріѣха во Псковъ Сент. въ 26. Тоя же зимы, Апр. въ 4, преставися Князь Псковскій Данилей Александровичь, и положиша мощи его въ Св. Троицѣ. Іуля въ 28 Посадникъ Ларіонъ и Посадникъ Иванъ и Микула ѣздиша подъ Кирьяпигу и взяша миръ съ Местеромъ, а опрочь Новагорода... Въ лѣто 6919» (1411) «Псковичи выпроводиша Князя Александра Ростовского и послаша къ Великому Князю Посадника Ивана Сидоровича и Ѳедора Шибалкиничь, и испросиша собѣ Князя Костянтина Дмитріевичь, меншего брата Великому Князю. Въ лѣто 6920 пріѣха въ Псковъ Кн. Вел. Костянтинъ Дмитріевичь Ноября въ 11. Того же лѣта (Псковичи) и миръ взяша съ Новгородцами по старинѣ... Князь Костянтинъ» (въ 1413 г.) «отъѣха въ Новгородъ и тамо пребысть годъ, и паки пріѣха во Псковъ... Кн. Костянтинъ» (въ 1414 г.) «поѣха изо Пскова на Москву въ Петрово говѣнье. Того же лѣта Псковичи потроша жито подъ Новымъ городкомъ» (Нейгаузеномъ) и скотъ отгнаша, и Юрьевци прислаша во Псковъ послы, а Псковичи послаша 2 человѣка въ Новой городокъ; они же погании единого иссѣкоша, а другаго въ погребъ въвергоша, и Псковичи противу того посолъ ихъ пріяша. На Воздвиженіе Господне» (въ 1415 г.) Нѣмци пріяша гостя Псковского, а Псковичи Нѣмецкій гость, и сѣдѣша обоиму и лѣто все, и потомъ Юрьевци прислаша пословъ своихъ и цѣловаша крестъ по старинѣ, и Псковичи отпустиша гостей, и посла единаго посѣкоша противу своего человѣка, а Нѣмци також отпустиша гостей Псковскыхъ Іул. въ 27. На весну, Марта въ 19, пріѣха во Псковъ Князь Андрей Александровичь Ростовскый... и цѣлова

крестъ къ Псковичамъ... Выгнаша» (въ 1417 г.) «Псковичи Князя Андрея Александровичь Іуля въ 17... Того же лѣта Псковичи быша рагозни» (въ ссорѣ) «съ Новгородцами, и послаша Ивана Посадника Сидоровичь и Ларіона и Акима и Юрья Винкова и иныхъ Бояръ, просяще мира, и Новгородци челобитья не пріяша. Того же лѣта Псковичи послаша къ Великому Князю Посадника Селивестра Левонтьевичь и Терентія Ѳомяничь, и испросиша собѣ Князя Ѳеодора Александровичь, и пріѣха въ Псковъ за 2 недѣли до Рождества. Кн. Ѳеодоромъ Александровичь и весь Псковъ» (въ 1418 г.) «послаша въ Новгородъ Микулу Посадника Павловичь и Андрея Ларивоновичь и Данила Филтяева и взяша миръ Авг. въ 28... Постригося въ болѣзни Кн. Ѳеодоръ Александровичь и отъѣха на Москву» (въ 1420 г.)... «Того же лѣта (1421) Кн. Витовтъ присла въ Псковъ своихъ людей и веляше разворгнути миръ съ Нѣмци, и Псковичи, држащесь крестного цѣлованія, того не восхотѣша, и послаша Селивестра Посадника и иныхъ Бояръ къ Витовту, глаголюще: на томъ, Княже, крестъ цѣловали, что намъ съ Нѣмци миръ держати, а по тобѣ не помогати; и Витовтъ оттоль нача гнѣвъ великъ держати на Псковичь. Того же лѣта Псковичи послаша къ Князю Великому Микулу Посадника и испросиша собѣ Князя Александра Ѳедоровичь... Кн. Александръ Ѳеод. пріѣха въ Псковъ Апр. въ 1 день... Псковичи» (въ 1423 г.) «послаша къ Князю Великому два Посадника, Юрья Винкова и Ѳеодора Шибалкина, и биша челомъ, чтобы Витовту за Псковичь доброе слово послалъ... и Князь Великый не учиня на добро ничего же... Князь Александръ Ростовскый выѣха изо Пскова и съ челядью... Псковичи» (въ 1424 г.) «послаша къ Князю Великому Ѳеодосіа Посадника и Бояръ просити Князя на Псковъ, и биша челомъ, абы печаловался о Псковѣ, и избавилъ бы отъ гнѣва Витовтова, и Князь Великый не учини ничего же, и дасть на Псковъ Князя Ѳеодора Патрикіевичь... Пріѣха въ Псковъ Кн. Ѳеодоръ Патрикіевичь... Псковичи съ Княземъ Местеромъ миръ утвердиша на 3 лѣта и крестъ съ обѣю сторонъ цѣловаша. Того же лѣта Псковичи послаша въ Литву къ Витовту Селивестра Посадника и съ нимъ Бояръ... и не обрѣтоша его въ Литовской земли и ѣхаша за Кыевъ въ Луческъ Великый, и наѣхаша его за Лучьскомъ 500 верстъ въ градѣ Кременци, и биша челомъ... Онъ же яростію гнѣва наполнився, отвѣтъ даде: *по старому цѣлованію!* Они же возвратишась, не учинивше на добро ничто же... Зимою (въ 1425 г.) послаша Псковичи къ Князю Великому Посадника Микулу Павловичь, и биша челомъ, чтобы избавилъ Псковъ отъ гнѣва Витовтова, и не учини ничто же.»

(203) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Въ лѣто 6911 приходилъ посолъ изъ Орды на Русь, Царевичь Энтякъ, и былъ на Москвѣ, да изобмолвилъ Микулу Татарина... Въ лѣто 6913 приде къ Великому Князю отъ Царя Шадибека посолъ, именемъ Мирза, иже бѣ Казначей Царевъ,» и проч. О хитрыхъ отговоркахъ Великаго Князя см. ниже въ письмѣ Эдигеевомъ; о смерти Тохтамыша въ *Архан. Лѣт.* (онъ убитъ въ 1406 году); о сношеніяхъ Эдигея съ Василіемъ въ *Никон.* V, 20, 21; объ изгнаніи Шадибека въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1408. Въ *Никон. Лѣт.*: Князь Вел. Иванъ Михайловичь Тферскій пріиде въ Орду, и былъ имъ судъ предъ новымъ Царемъ Булатъ-Салтаномъ, со Княземъ Юрьемъ Всеволодичемъ Тферск. о Велик. Княженіи Тферскомъ. Царь же и всѣ Князи отправиша Вел. Кн. Ивана, и отпусти его Царь; а Кн. Юрьи въ Ордѣ остася... Генв. въ 25 день (1408) пріиде изъ Орды В. К. Иванъ, а съ нимъ посолъ Царевъ, и срѣтоша его со кресты.»

(204) Примѣты къ крѣпостямъ дѣлались обыкновенно изъ сухаго лѣса, зажигаемаго осаждающими, чтобы огнемъ и дымомъ удалить осажденныхъ отъ стѣнъ. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 23.

(205) Въ *Троицк. Лѣт.*: Князь Ордынскій Едегей повелѣніемъ Булата Царя приде ратью, а съ нимъ 4 Царевичи, да прочія Князи Татарстіи, а се имена ихъ: Бучакъ Царевичь, Тегрибердій Царевичь, Алтымырь Царевичь, Булатъ Царевичь, Князь Великый Елегей, Князь Махметъ Исупусюлимсевъ сынъ, Князь Тегиня Шиховъ сынъ, Князь Сарай Урусаховъ сынъ, Князь Обрягимъ Темирязевъ сынъ, Князь Якшибій Егедеевъ сынъ, Князь Сентялибій, Князь Бурнакъ, Князь Ериклибердій... и бысть въ Филипово говѣнье Дек. въ 1 день, въ Субботу до обѣда приде Елегей къ Москвѣ... а за Княземъ за Великимъ въ погоню посланъ бысть Царевичь Тегрибердей, да Князь Якшибій сынъ Елегеевъ, да Князь Сентялибій, да съ ними избранныя рати 30,000,» и проч.

(206) См. *Троицк. Лѣт.* и *Никон.* V, 22, 24, 29. На возвратномъ пути въ Литву Свидригайло опустошилъ городъ Серпуховъ, осенью въ 1409 году.

(207) Въ *Троицк. Лѣт.*: «и таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Едегея разгнѣва, ни Князю Великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; се же створи *уменски,* паче же *истински.*» Въ *Никон. Лѣт.*: тое же зимы Едигеева рать и Тверскаго предѣла Дому Св. Спаса взяша волость Клинскую.» Далѣе въ *Троицк.*: «А въ то время въ Ордѣ нѣкый Царевичь пріобрѣте себѣ нѣкія споборники, паче же обрѣте себѣ время благополучно, егда вся Орда истощися: вси бо Татарове изыдоша на Русь воевати; мало же нѣцы отъ нихъ осташася около Царя... и Царевичь удари на ня изгономъ, устремися напрасно на Орду; но обаче спону» (препятствіе) «створи ему проводникъ его, его же и пресѣче: не бо приведе его на Царя, но на торгъ; еще же и мгла бысть велика. Но аще и желаемаго не получи, но и тако по премногу смутивъ я: за малымъ бо и самого Царя не захвати, и многъ мятежъ въ Ордѣ створивъ, отыде.» — Описаніемъ Эдигеева нашествія заключается харатейный *Троицкій Лѣтописецъ*. Видно, что сочинитель умеръ. Съ того времени до самой кончины Василія Димитріевича всѣ извѣстія кратки и неполны въ другихъ лѣтописяхъ.

(208) См. *Троицк. Лѣт.*

(209) См. *Ростов.* и *Никон. Лѣт.*

(210) См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, I, 69, 74. Въ договорной грамотѣ: «А каками дѣлы отымется отъ брата моего Князя Володимера, или отъ его дѣтей, Городець или Козлескъ, и мнѣ имъ дати въ Городци мѣсто Тошну, а въ Козельска мѣсто Рожа... а искати ны Городця и Козельска съ одиного... А отыметъ Богъ тобе, Великого Князя, и мнѣ, Господине, имѣти сына твоего въ твое мѣсто... А дати ми, Господине, тобѣ съ Углеча Поля въ семь тысячь рублевъ сто рублевъ и пять рублевъ, а съ Городця въ полторы тысячи рублевъ сто рублевъ и шестьдесять рублевъ... А что ся остало на Новѣгородѣ на Нижнемъ долгу стараго полчетверты тысячи рублевъ, а то ми, Господине, тобѣ дати по выходу по розочту... А на сей грамотѣ язъ, Князь Володимеръ Андреевичь, съ своими дѣтьми, со Княземъ съ Иваномъ, и съ Семеномъ, и съ Ярославомъ, и за свои дѣти за меньшіи, за Ондрея и за Василья, цѣловали есмы крестъ къ Великому Князю, и къ его сыну, ко Князю Ивану»... Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ восковыя печати. Она писана еще до рожденія Василія Васильевича Темнаго.

Въ духовномъ завѣщаніи пишетъ Владиміръ: «и Княгини моя на котораго сына помолвитъ и обвинитъ, и ты, брате старѣйшій, Князь Великій, на томъ то доправи... Ему» (сыну Ивану) «конюшій путь, бортницы, садовницы, бобровники, *Барыши* и *Делюи*, а (кто изъ) тыхъ бортниковъ или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ или *Барышовъ*, или *Делюевъ* не всхочетъ жить на тѣхъ землях, инъ земли лишонъ: пойди прочь, а сами сыну Князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные не будетъ; а земли ихъ сыну Князю Ивану.» И такъ *Барышами* и *Делюями* именовались особеннаго роду наймиты, которымъ давались земли съ обязательствомъ платить господину оброкъ. Далѣе: «а треть численыхъ людей своихъ въ Москвѣ и въ станѣхъ далъ есмь сыну Андрею и Василью на-полы; а женѣ, Княгинѣ Оленѣ, свою треть тамги Московскіе, и восьмчее, и гостиное, и вѣсчее пудовое, и пересудъ, и *серебряное литье*,» (то есть, пошлину, которую серебреники платили въ казну)... а *ѣзъ* дѣти мои подъ Городцомъ затепутъ съ одииного» (*ѣзомъ* называлась *забойка* или *заколъ* на рѣкѣ для ловленія рыбы)... «А розмыслитъ Богъ о Княгинѣ моей, по ее животѣ мытъ и тамга дѣтемъ моимъ, Князю Семену и Кн. Ярославу на-полы... а Коломенское село и съ зарѣцкими луги сыну Князю Ивану» (здѣсь нынѣшнее село *Тайнинское* названо *Танинскимъ*)... «Взявъ дань кто же на своемъ удѣлѣ, и пошлютъ ктожь своего Боярина за своимъ серебромъ вмѣстѣ ко казнѣ Великого Князя» (для отсылки къ Хану) ... «А по грѣхомъ отъиметъ Богъ сына котораго изъ сыновъ моихъ, а останется его жена, а не пойдетъ за мужъ, и сноха моя и съ своими дѣтьми сидитъ въ мужа своего удѣлѣ до своего живота, а дань даетъ ко казнѣ Великого Князя по уроку, что въ сей грамотѣ писано; а розмыслитъ Богъ о сносѣ моей, и тотъ удѣлъ сыну ее, а моему внуку; а не будетъ сына, а останется дчи, и дѣти мои всѣ брата своего дчерь выдадутъ за-мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся вси равно. А въ выходъ Великого Князя ко Ордѣ въ пять тысячь рублевъ имется дани дѣтемъ моимъ и Княгини моей и ихъ удѣломъ три ста рублевъ и дватцать рублевъ... А перемѣнитъ Богъ Орду, и Князь Великій не иметъ выхода давати во Орду, и дѣти мои; а что возметъ дани на Московскихъ станѣхъ, и на городѣ на Москвѣ, и на численыхъ людехъ, и дѣти мои возьмутъ свою треть дани Московскіе, а подѣлятся съ матерью вси равно по частемъ.... А что мои ключники не купленые, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ ненадобны, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣлѣ... А сыну Князь Ивану далъ есмь ему на Москвѣ Зворыкинъ дворъ, да Игнатьевъ дворъ, да Бутовъ садъ. А сыну Князю Семену, Князю Ярославу, далъ есмь имъ на-полы Княгини Великіе Марьинъ дворъ; а сыну Князю Семену за Неглинною Тереховъ садъ; а Княгинѣ моей съ меньшими дѣтьми, со Княземъ Андреемъ, со Княземъ съ Василіемъ, далъ есмь дворъ свой большой Московьской на-полы. А сыну Князю Ярославу, Князю Андрею, Князю Василью, далъ есмь имъ Чичаковъ садъ на-трое. А что есмь подавалъ своей Княгинѣ пошлины Московскіе, по ее животѣ чей будетъ годъ Москвя вѣдати сына моего, тотъ и тѣ пошлины вѣдаетъ. А соль на Городцѣ дѣти мои, Князь Семенъ, Князь Ярославъ, вѣдаютъ съ одиного... а иной не вступается никто въ Городецьскіе варницы... А писалъ есмь сю грамоту передъ отци своими, передъ Игуменомъ передъ Никономъ Радонежскимъ, передъ Игуменомъ передъ Савою Спасьскимъ; а туто были Бояре мои: Костянтинъ Ивановичь, Михайло Ивановичь, Олексѣй Григорьевичь, Ондрей Борисовичь, Григорей Михайловичь. А грамоту писалъ Мещеринъ.»

Въ *Никон. Лѣт.*: «Князь Володимеръ Андреевичь завѣща Княгини своей и дѣтемъ дати въ домъ Христовъ... и Фотію Митрополиту по себѣ и по своемъ роду село свое *Кудрино*» (нынѣ часть города Москвы) «и съ деревнями.» — О кончинѣ Владиміровой супруги см. ниже, примѣч. 371.

(211) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1410: «Едигей воевалъ поморскіе грады... Тое жь зимы (1411) сѣде на Царствѣ въ Ордѣ Царь Темиръ, а Едигей Князь вмалѣ убѣжа... Того жь лѣта Тохтамышевъ сынъ Салтанъ взя изгономъ Ординскія улусы и пограбилъ... Тое жь зимы» (въ 1412 г.) «сѣде Зелени-Салтанъ на Царствѣ, а Едигея прогна... Того жь лѣта отъ Царя Зелени-Салтана пріиде во Тферь посолъ лютъ, зовя съ собою Вел. Кн. Ивана Михайловича въ Орду... Того жь лѣта выйдоша изъ Орды Князи Нижняго Новагорода, пожаловани отъ Царя Зелени-Салтана ихъ отчиною.» Тамъ же, г. 1411: «Тое жь зимы Генв., па память Св. Ивана Кущника, бысть бой на Лысковѣ Князю Петру Дмитріевичу Московскому и Княземъ Ростовскимъ и Ярославскимъ и Суждальскимъ со Княземъ Даниломъ Борисовичемъ изъ Нижняго Новагорода и съ его братомъ, со Княземъ Иваномъ, и съ Болгарскими Князми и Жукотенскимъ... и ту убіенъ бысть Князь Данило Васильевичь... сташа же на костехъ Князи Новогородскіе и Казанстіи... Того жь лѣта Фотій Митрополитъ пойде съ Москвы въ Володимерь... и се Князь Данило Борисовичь Нижняго Новагорода, укрыся тайно отъ всѣхъ, приведе къ себѣ Царевича Тълыша, и посла съ нимъ изгономъ къ Володимерю Боярина своего, Семена Карамышева, а съ нимъ 250 Татаръ, а Руси полтретья ста же,» и проч. Далѣе: «Фотій Митрополитъ послѣ Вечерни пойде въ свою Митрополичью волость Іюля 2, и бывшу ему на *Сеньтомъ* озерѣ своемъ у Церкви Св. Преображенія, яже поставилъ Кипріянъ Митрополитъ и часто тамъ живалъ, зане же любилъ лѣсныя пустынная мѣста, и многія тамо озера Митрополичи и мѣста крѣпки и непроходимы, и тамо изъ Володимеря пріиде вѣсть къ Фотію... и отъиде въ лѣсы на озера свои Сенежскія. Татаромъ же не постигшимъ Фотія... и стадо градское взяша и посады пожгоша... Тогда жь въ Соборнѣй церкви затворися Ключарь, Священникъ Патрекій, родомъ Гречинъ, иже пріиде съ Фотіемъ изъ Грекъ, нарочитъ и много добродѣтеленъ мужъ, и поимавъ сосуды церковные серебряные и златые, и елико кузни поспѣша подхватити, и вознесе на церковь, и тамо нѣкіихъ людій посади, а самъ сошедъ лѣствицы отмета, и ста въ церкви единъ предъ образомъ Богородицы плачась, а Татарове кричаше Рускимъ языкомъ, да отворятъ имъ двери церковныя... и высѣкоша двери, и икону Богородицы одраша и всю церковь разграбиша, а Презвитера Патрекія начаша мучити о прочей кузни... Онъ же никако же не сказа... и на сковородѣ огненнѣ ставиша его, и за ногти щепы биша и кожу одраша и поги прорѣзавъ, уже вдернувъ, по хвостѣ у коня влачиша... и тако скончася... Глаголаху же, иже тогда въ плѣненіи томъ быша, яко толикое множество богатства снесоша» (Татары), «порты драгія и вещи многоцѣнныя складше яко селныя копны пожгоша, не могуще бо взяти съ собою, но точію златое и сребреное, и кузно, и драгоцѣнныя ризы... а денги мѣрками дѣлиша межь собою. Въ томъ пожарѣ и колокола разліяшась... Бысть же сіе Іюля 3. — Фотій же Митрополитъ постави у озера своего у Сенгу на брезѣ на лѣсу церковь Рождество Богородицы... и нача жити

тамо Священноинокъ Пахомей Болгаринъ, иже пріиде на Русь съ Фотіемъ, живый преже въ пустыни во Аммореійской у того же великого старца Ананія, у него же и Фотій... И пребысть Фотій въ Сенгу 4 недѣли и 3 дни во умилеріи... часто приходя и смотря лѣсы великія и дебри пустынныя и тишину и молчаніе веліе... И Князь Великій, Василей Дмитріевичь, посылаетъ къ нему, зовя его на Москву... и срѣте его, и бесѣдоваша о бывшемъ нашествіи,» и проч. — Озеро *Сенто* и нынѣ извѣстно въ Владимірской Губерніи, также и село *Синжаны*, гдѣ, какъ вѣроятно, были *Сенежскія* пустыни.

(212) *Никон. Лѣт.* г. 1411: «Князь Александръ Ивановичь Тверскій поѣхалъ со Твери въ Литву, и наѣхалъ Короля (Польскаго) и Витовта на Кіевѣ, а Зелени-Салтанъ» (еще не будучи Ханомъ) «тамо же бяше у Витовта... Того жь лѣта (1412) взяша единачество межи собою Витовтъ и Кн. Иванъ Михайловичь Тверскій.»

(213) *Никон. Лѣт.* г. 1412: «Августа въ 15 пойде въ Орду Кн. В. Иванъ Михайловичь Тферскій рѣкою Волгою въ судѣхъ, благословясь у Епископа Антонія... и проводиша его сынове его и множество народа со слезами, а съ нимъ Бояръ и слугъ множество; а иніи Бояре и слуги проводиша его до Нижняго... а въ Ордѣ до его прихода той злый нашъ недругъ Зелени-Салтанъ умре, застрѣленъ на войнѣ отъ брата своего Кириберднѣ.» Тамъ же, г. 1408: «Тое же осени Окт. Кн. Вел. Иванъ Мих. Тферскій пойде ратью къ Кашину на братанича своего, на Князя Ивана Борисовича; онъ же бѣже на Москву; а Кн. Вел. Иванъ Мих. пришедъ къ Кашину, помирися съ братомъ своимъ, Василіемъ Михайловичемъ Кашинскимъ; а сноху свою, Княгиню Борисову, приведе во Тферь, а на Кашинѣ посади Намѣстники своя и дань на нихъ взя»... Въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же весны Князь Юрья Всеволодичь Тферскій приде изъ Орды и приведе съ собою на помощь посолъ именемъ... добиваяся Кашина, да третьей части Тферя: Князь же Иванъ Михайловичь не съступися ему; они же възвратишася къ Царю Булатъ-Салтану.» Далѣе въ *Никон. Лѣт.*: «Дек. въ 8 день (1411), бывшу Князю Василью Михайловичу на праздникъ Св. Зачатія въ своемъ селѣ Стражковѣ, и поющимъ имъ вечерню уже по Прокимнѣ, и полетѣ отъ Кашина змій великъ зѣло и страшенъ, дыша огнемъ, и летяше отъ Востока къ Западу къ нѣкоему озеру, аки заря свѣтясь... Бысть межи Вел. Кн. Иваномъ Мих. и Василіемъ Мих. Кашинскимъ нелюбіе веліе (въ 1412 г.), и повелѣ Вел. Кн. Иванъ Кн. Василія Мих. изымати и Бояръ его и слугъ Іюня въ 28 день, а въ Кашинъ посла своего Намѣстника, а Княгиню его повелѣ привести во Тферь. Тажь на завтріе въ Четвертокъ по Вечерни посла за сторожи Кн. Василія Мих. на Новой городокъ, и бывшимъ имъ на Переволоцѣ, и сойдоша съ коней, и Князь преже всѣхъ погна на кони въ одномъ терликѣ и безъ кивера, и перебреде рѣку Тмаку, и погнаше не дорогами; и лучись ему въ нѣкоемъ селѣ обрѣсти человѣка, иже печашесь о немъ и храняше его втаю въ лѣсѣ, и переимая вѣсти и побѣже съ нимъ къ Москвѣ, а здѣ много искавше и не обрѣтоша... Кн. Василей Мих. пойде съ Москвы въ Орду ко Царю Зелени-Салтану... Авг. въ 1 день К. Великій Василей Дмитріевичь пойде въ Орду со множествомъ богатства и со всѣми Вельможами, да съ нимъ Князь Иванъ Васильевичь Ярославскій... Окт. о Дмитріевѣ дни выйде изъ Орды Великій Князь В. Дм... Дек. въ 24 пріиде Князь Василей Михайл. въ Кашинъ съ Татары, и Князь Иванъ Борисовичь, и застава Тферская въ городъ Кашинъ его не пустиша, и Кн. Василей Мих. опять пошелъ въ Орду... Князь Иванъ Мих. Тверскій пріиде во Тферь Апр. 9 въ день... и срѣтоша его со кресты.»

(214) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 394. Длугошъ называетъ Керимбердея сыномъ Зелени-Салтана (Solthan Zeledin). См. ниже, примѣч. 215. — *Никон. Лѣт.* г. 1415: «Пріидоша Татарове мнози и воеваша по Задонью власти Резанскія, и градъ Елецъ взяша и Елецкого Князя убиша; а иніи въ Резань убѣжаша... Того же лѣта (1422) Авг. въ 31 день Царь Баракъ побилъ Куйдата Царя... Царь Баракъ приходилъ» (въ Сент. 1422 г.) «къ Одоеву ратью... Царь Куйдадатъ» (въ исходѣ 1423 г.) «паки пріиде ратью къ Одоеву на Кн. Юрья Романовича Одоевскаго, и слыша то Витовтъ и посла къ Василью Дмитріевичу, чтобъ послалъ помощь на Царя, а самъ послалъ Кн. Андрея Михайловича ратью и Кн. Андрея Всеволодовича и Кн. Ивана нарицаемаго Бабу, и брата его Путяту Друцкихъ Князей, и Кн. Дмитрія Всеволодича и Григорья Протасьевича, Воеводу Мченского. Они же шедше со Княземъ Юрьемъ Романовичемъ Одоевскимъ Куйдата прогониша... и двѣ Царицы его поймаша... Тогда же убили и Когчю, богатыря Татарскаго, велика суща тѣломъ и силою.» — Абульгази называетъ Барака сыномъ Койричака или Каверцика, а 8 Тохтамышевыхъ сыновей слѣдующими именами: Dsatalodin, Dsabarbirdi, Kajuk, Karim-birdi, Iskander, Abusait, Chodsa, Kadir-birdi.

(215) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, стр. 375 и 409. Не давно издано на Нѣмецкомъ языкѣ *Путешествіе Шильтбергера, Мюнхенскаго уроженца, по землямъ Востока* въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка (Schiltbergers Reise in den Orient), имъ самимъ описанное и переведенное съ древней рукописи Пенцелемъ. Шильтбергеръ былъ взятъ въ плѣнъ Турками въ сраженіи 1395 года при Никополисѣ и разсказываетъ слѣдующее (стр. 38—78): «У внука Тамерланова, Абубахира, жилъ Царевичь Золотой Орды, именемъ *Зегра*. Послы сей Орды молили его возвратиться въ Улусы ея. Зегра отправился туда черезъ Ширванъ, *Бурсу* (Hursa), Шабранъ (Sinabram), Дербентъ, *Оригенсъ* (на островѣ рѣки *Эдиля*, Ателя или Волги), первый городъ Татарскій. Зегра пріѣхалъ къ Эдигею, который располагалъ Ханскимъ достоинствомъ и былъ то же, что Maior Domus. Въ Ордѣ царствовалъ Schuduchbochen (Шадибекъ): изгнавъ его, Эдигей выбралъ въ Ханы Polet (Булата), который царствовалъ полтора года и былъ изгнанъ Ханомъ Segelladin (Зелени-Салтаномъ). Tamir (Темиръ), братъ Булатовъ, свергнулъ Зелени-Салтана, но царствовалъ только 14 мѣсяцевъ: Зелени-Салтанъ снова явился, убилъ Темира, и черезъ 14 мѣсяцевъ самъ погибъ отъ руки своего брата, именемъ Thebac» (Кибака, извѣстнаго по современнымъ монетамъ и Турецкимъ лѣтописямъ). «Другой; меньшій братъ его, Kerunbardin (Керимбердей), изгналъ Кибака, а черезъ 5 мѣсяцевъ Кибакъ изгналъ Керимбердея; а Эдигей и Зебра изгнали Кибака. Зебра сдѣлался Ханомъ; но черезъ 9 мѣсяцевъ возсталъ на него и на Эдигея какой-то Machmud» (Махметъ? см. ниже, г. 1426—1431). «Зебра ушелъ въ Kestihipschach (Кипчакъ?), а Махметъ взялъ Эдигея въ полонъ. Но скоро Waroch» (Баракъ? см. выше, примѣч. 214) «изгналъ Махмета, а послѣ Махметъ Барака, а послѣ *Долабердъ* Махмета; но Махметъ черезъ 3 дни возвратился и убилъ врага своего. Наконецъ пришелъ Зебра, убилъ Махмета и сдѣлался Ханомъ.» — Далѣе Шильтбергеръ упоминаетъ о землѣ Horasmis, гдѣ городъ *Оригенсъ* (см. выше въ семъ примѣч.) — о землѣ Bestan, гдѣ

городъ Zulat, въ горахъ — о городахъ Bolar, Ibissibur, Asach (Азовъ?), или A'echen.., какъ именуютъ его Христiане, на рѣкѣ Tena (Донѣ), откуда идетъ рыба и воскъ въ Венецiю, въ Геную — о землѣ Kopsitzoch (Кипчакъ?) гдѣ городъ Sulchat — о городахъ Kaffa (Каѳѣ?) Karkeri на Черномъ морѣ, гдѣ жители Христiане Греческой Вѣры и гдѣ, подлѣ города Saruchetman (Херсона?), Св. Климентъ былъ утопленъ въ морѣ — о землѣ Strachas (Астрабатъ?), гдѣ жители Христiане Греческiе, злые разбойники — о странѣ Reussen или Россiи, которая находится въ подданствѣ у Татаръ. Онъ сказываетъ, что Татары *Красные* раздѣляются на три колѣна, именуемыя Kejat, Jabu, Mugal. Вообще всѣ его извѣстiя не ясны, безтолковы, но доказываютъ, что Шильтбергеръ дѣйствительно былъ въ сихъ мѣстахъ. Онъ возвратился въ Мюнхенъ въ 1427 году.

(216) Въ *Псков. Лѣт.* г. 1422: Витовтъ, събравъ силы многы, не токмо Литву, но Москвичь и Тѳеричь, иде на Прусы и взя градъ Голубъ и воева землю ихъ 3 мѣсяци, и возвратися миру не вземь, и многiи ратнiи его тогда гладомъ изомроша.» См. Гадебуша Liefl. Jahrbücher, г. 1422, стр. 54. Великiй Магистръ Нѣмецкаго Ордена въ 1413 году писалъ къ своему двоюродному брату, фонъ Плауэну, о союзѣ Витовта съ Новогородцами, Псковитянами и mit den großen Russen (между бумагами Кенигсберг. Архива No 631). Въ письмѣ своемъ къ Королю Богемскому (подъ No 632) говоритъ онъ о дружествѣ сего Литовскаго Князя *со всѣмъ народомъ Русскимъ*, mit der ganczen Russischen Czunge; а въ другомъ письмѣ (подъ No 641) проситъ Короля взять въ свою службу какого-то *Россiйскаго Герцога Вайселя*, выѣхавшаго въ Пруссiю, кажется, изъ Литвы.

(217) Въ *Новог.* Попа Iоанна, г. 1407: «Прiиде въ Новгородъ Кн. Семеонъ Олгердовичь... Прiиде въ Новгородъ Князь Костантинъ Дмитреевичь отъ Великаго Князя на Намѣстничество (въ 1408)... Лугвенъ (въ 1412 г.) съѣха въ Литву и Намѣстникы сведе съ пригородовъ Новогородскихъ... а Король Ягайло и Витовтъ и Лугвень вскинуша грамоты възметны къ Новугороду Генв. 2, а рекъ тако Король и Витовтъ: что были есте намъ ялися служить и вамъ было Нѣмцемъ такожь сложити, а съ нами заедино стати и закрѣпитися на обѣ сторонѣ въ запасъ... и мы къ вамъ послали Бояръ своихъ, Немира и Зиновья Братотича... и вы Немиру отвѣчали: не можетъ Новгородъ того учинити; какъ есмя съ Литовскымъ мирны, такъ есмя и съ Нѣмця мирны. Мы Кн. Лугвеня вывели отъ васъ, а съ Нѣмци есмы миръ вѣчный взяли и съ Угры и съ всѣми нашими граничьникы... А еще люди ваши намъ лаяли, насъ бесчествовали ... А Лугвень рече: дръжали мя есте у себе хлѣбокормленiемъ,» и проч. ... «Той же весны (1414) пойдоша въ Литву послове Новогородскiи, Посадникъ Юрья Онциѳоровичь, Оѳонасъ Федоровичь, сынъ Посадничь, Федоръ Трѣбло, и взяша съ Княземъ Витовтомъ миръ по старинѣ.»

Стриковскiй напротивъ того пишетъ басню, что въ семъ году Псковитяне и Новогородцы признали Витовта своимъ Государемъ; что первые обязались давать ему ежегодно 5000 червонцевъ, 50 Нѣмецкихъ коней, по двадцати кожь волчьихъ, медвѣжьихъ и лисьихъ: куницъ же, соболей, бѣлокъ и горностаевъ по сороку, а Новогородцы вдвое того; что Витовтъ сдѣлалъ начальникомъ во Псковѣ Князя Георгiя Носса, а въ Новѣгородѣ Князя Симеона Лигвмунта Гольшанскаго.

(218) Въ *Новог. Лѣт.*: «Того же лѣта (1392), вышедше изъ моря Нѣмци разбойницы въ рѣку Неву, взяша села по обѣ сторони рѣки за 5 верстъ до Орѣшка, и Кн. Симеонъ Лугвенiй съ Городчаны сугнавъ ихъ, избиша, а иныхъ разогнаша, и языковъ въ Новгородъ приведоша... Приходиша Нѣмци Свѣя (г. 1395) къ новому городку къ Ямѣ, и прочь пойдоша; и Князь Костантинъ съ Городчаны иныхъ изби, а инiи убѣжаша... Той же осени (г. 1397) Нѣмци взяша 7 селъ у Ямьского городка и пожгоша... Пришедъ Свiя (г. 1411) войною и взяша пригородъ Новогородскiй Тиверскiй, и Новогородци вскорѣ пойдоша на Свѣю только за 3 дни по сей вѣсти съ Кн. Семеномъ Олгердовичемъ, и пришедше въ Свѣйскую землю, села ихъ повоевавъ и пожгоша, а Свѣи много изсѣкоша, а у города Выбора охабень вземъ и пожгоша Марта въ 26, и прiидоша въ Новгородъ съ множествомъ полона; а Воеводы были Ѳома Есиповичь и Посадникъ Александръ Ѳоминичь, Иванъ Даниловичь, Григорей Богдановичь, Аѳанасъ Есиповичь, сынъ Посадничь, Ѳома Трошинкинъ, Дмитрiй Ивановичь, Андрей Ивановичь, Есипъ Филиповичь, Аврамъ Стефановичь; а Нѣмци у Выбора только единого Новогородця убиша, Павла съ Нутной улици.» — Далѣе: «Ходиша изъ Заволочья войною на Мурманы Новогородскымъ повелѣнiемъ, а Воевода Яковъ Стефановичь, Посадникъ Двиньскый, и повоеваша ихъ... Пришедше Мурмане войною» (въ 1419 году) «въ 500 человѣкъ въ бусахъ и въ шнекахъ, повоеваша въ Аргузѣ погостъ Корельскый и въ земли Заволоцкой погосты, въ Неноксѣ Корельскомъ монастырь Св. Николы, Конечный погостъ, Яковлю, Курью, Ондреяновъ берегъ, Кигъ островъ, Кярь островъ, Михайловъ монастырь, Чигловинъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а Христiанъ и Черноризецъ посѣкли; а Заволочане 2 шнеки Мурманъ избиша, а инiи избѣгоша на море.» — О Нѣмцахъ: «Той же осени (1420) прiидоша изъ Нѣметской земли послове отъ Местера Селивестра, Вельядскiй Кумендерь Гостило, и сестричичь Местеровъ Тимоѳей, и Воевода Ругодивскый Еремейко, и докончаша съ Княземъ Костантиномъ и съ всѣмъ В.Новымгородомъ, что быти на съѣздъ Местеру, а Князю Костантину и Новогородцемъ послати своихъ Бояръ, и послаша Намѣстника Князя Великого, Кн. Ѳедора Патрекеевичь, и Княжа Боярина Костянтинова, Андрея Костянтиновича, Посадника Новогородскаго Василiя Есиповичь, Посадника Оѳонаса Федоровичь, Якова Дмитреевичь, Михаила Юрьевичь, Наума Ивановичь; они же наѣхаша Местера на Наровѣ, и взяша вѣчный миръ по старинѣ, како былъ при Вел. Князѣ Александрѣ Ярославичь.» См. Арнта Liefl. Chron. г. 1420. *Еремейко* есть Германъ. Къ мирной грамотѣ были привѣшены 6 печатей. Я нашелъ Нѣмецкiй переводъ сей или другой грамоты между Архивскими Кенигсбергскими бумагами No 320. Начало: Von dem Grotzin Koninge Constantin Demytirson, von dem Burggrafen von Nogharden Mochytenson, von dem Hertzogen — v. Nogharden Cuseman Terentenson, van alle Grosszin Nogharden: ich Koning Constantyne Dymytirsen, ich habe gesant myne Boden Zachare, myner Boyaren Thezypisson und v. Nogharden ist Phyphylate Wassileusone, und haben geendiget eynen frede, alse vor uns und vor Pleskow mit dem Meister v. Riga und mit dem Bischope v. Darpte, и проч. Здѣсь Королемъ названъ Князь, Бургграфомъ Посадникъ, а *Герцогомъ* Тысячской. Въ договорѣ сказано, что рѣка Нарва служитъ границею; что Нѣмцы не должны на другой сторонѣ ея рубить лѣса, косить сѣна и проч.; не должны также изъ Выборга и Ревеля пропускать хлѣба сухимъ путемъ въ Россiю, ни Шведскаго войска; что купцы наши свободно ѣздятъ и торгуютъ въ Ливонiи: de soll haben eynen reynen Weg. Года не поставлено.

Чрезъ нѣсколько времени Новогородцы, будучи въ ссорѣ съ иноземными купцами, многихъ изъ нихъ заключили въ оковы, описали ихъ имѣніе и на воротахъ Нѣмецкаго двора повѣсили одного Россіянина за то, что онъ взялся отправить въ Германію письмо купца Ганнса (см. Гадебуш. Liefland. Jahrbuch. г. 1424).

(219) Въ *Новогород. Лѣт.* г. 1418: «Того жь мѣсяца (Апрѣля) сдѣяся тако наученіемъ Діаволимъ: человѣкъ нѣкый Степанко, изымавше Боярина Данила Ивановичь, Божина внука... Людіе же влечахуть его (Боярина) и казниша его ранами близъ смерти. Жена же нѣкая, отъвръгши женскую немощь и вземши мужескую крѣпость, вскочивши посреди сонмища, дасть ему раны, укаряюще его... и сведше его съ Вѣча, и сринуша съ мосту. Нѣкто же людинъ, Личковъ сынъ рыболовъ, въсхыти его въ челнъ... Начаша звонити Вѣче на Ярославлѣ дворѣ... И на Яневѣ улицѣ берегъ пограбиша... и Кузмодемьянци отъдаша Степанка и молиша Архіепископа, да пошлетъ къ собранію людску. Святитель же посла его съ Попомъ, да своимъ Бояриномъ: они же пріяша его, и пакы възъярившеся на иного Боярина, на Ивана Іевлича на Чюдинцевѣ улицѣ... И того же утра на Люгощѣ улицѣ изграбиша дворовъ много... и на Прускую пріидоша... и они отбишась... Того же дни въ лютую ту брань бысть громъ великъ и молніе блистаніе и дождь и градъ, или того ради, или строеніемъ Вышняго на потребу живущимъ народомъ... А въ то время прилучися быти Варламу Архимандриту Св. Георгія, и глагола ему Святитель: послѣдуй ми... И пріиде къ нему Посадникъ Федоръ Тимофеевичь съ иными Посадникы и Тысяцкыми, глаголюще, да уставитъ народъ. Владыка же посла Архимандрита Варлама и отца своего духовнаго и Протодіакона на Ярославль дворъ ко Св. Николѣ, да подають благословеніе его *Степенному*» (правительствующему) «Посаднику Василью Есиповичь и Тысяцкому Кузмѣ Терентьевичь и всему народу,» и проч.

(220) «Съ Вяткы, изъ Князя Великого отчины, Князь Бояринъ Юрьевъ Глѣбъ Семеновичь съ Новогородскими бѣглеци и съ Устьюжаны и съ Вятчаны изъѣхаша въ насадѣхъ безъ вѣсти Заволоцкую землю, и повоеваша волость Борокъ, Ивановыхъ дѣтей Васильевичь, и Емцу и Колмогоры вземъ и пожьгли, и Бояръ Новогородскыхъ изымаша, Юрья Ивановичь и брата его Самсона. Иванъ Федоровичь, братъ его Офонасъ, Гаврила Кириковичь, Исакъ Ондреевичь, сугнавъ ихъ подъ Моржомъ на островѣ, братію свою Самсона и Юрья отъяша, и полонъ весь съ животы, а ихъ отпустиша; а Василій Юрьевичь, сынъ Посадничь, Самсонъ Ивановичь, Гаврила Кириловичь, братъ его Григорей съ Заволочаны идоша за разбойникы въ погоню, и пограбиша Устьюгъ.»

(221) См. *Новогород. Лѣт.* Попа Іоанна, г. 1419. Константинъ пріѣхалъ въ Новгородъ Февр. 25 въ 1420 г., а возвратился въ Москву въ 1421.

(222) Кранц. Wandal. кн. XI, стр. 251: Russorum tum urbem clarissimam, Nougardiam vocant, tanta lues invasit epidemiæ, ut intra sex menses octuaginta hominum millia perirent, tanta, ut ferunt, celeritate, ut ambulantes in plateis mox deciderent, et ad sepulchra mortuorum qui sani tumulandis aliis advenerant, cum mortuis mortui tumularentur. Въ *Псков. Лѣт.*: «Бысть моръ въ Псковѣ, яко же не бывалъ таковъ» (въ 1390 г.): «гдѣ бо единому выкопали, ту и пятеро и десятеро положиша... Того же лѣта (1404) бысть моръ во Псковѣ съ Спасова дни; начаша преже мрети малыя дѣткы, и потомъ старыя и младыя, а знатьба» (признакъ) «бяше такова: аще кому явится гдѣ желѣза, то на другый или на третій день умираше; а пришелъ тотъ моръ изъ Юрьева отъ Нѣмець... Тоя жь осени (1406) бысть моръ великъ въ Псковѣ и по пригородомъ, а мряху желѣзою; тоя же осени бысть дождя много... Не на длъзѣ времени отъ Спасова дни» (въ 1410 году) «начаша въ Псковѣ и по волостемъ мрети малыя дѣтскы, и потомъ юноша и дѣвы, и мужи и жены, и старыя мряху, но мало; и бысть моръ великъ зѣло, и мнози тогда мужи и жены пріяша Ангельскый образъ... Тогда начаша искати, гдѣ была первая церковь Св. Власей, а на томъ мѣстѣ стояше дворъ Артемьевъ, воротове, и Псковичи давши ему сребро и изрывше дворъ, обрѣтоша престолъ, и на томъ мѣстѣ въ единъ день поставиша церковь во имя Св. Спаса, и освящаша и Литургію свершиша Сент. въ 14... и мряху тогда желѣзою отъ Спасова дни и до Крещенья... а пришло отъ Нѣмець изъ Юрьева.»

Въ *Новогород. Лѣт.*: «Того жь лѣта» (1389 или 1390) «бысть моръ въ Новѣгородѣ силенъ велми... Въ то же лѣто и зиму (1417) бѣ моръ страшенъ въ Новѣгородѣ, и въ *Ладозѣ*, и въ Русѣ, въ Порховѣ, въ Псковѣ и въ Торжьку, въ Дмитровѣ и въ Тфери... на всякъ день умираху толко, яко же не успѣваху погребати ихъ, а дворовъ много затвориша безъ людей. Прежь яко рогатиною ударить, и явится желѣза, или начнетъ кровію харкати и дрожь иметь и огнь ражжетъ по всѣмъ съставомъ человѣчьскымъ... и два Посадника преставишась въ Ангельскомъ чину, Иванъ Александровичь и Борисъ Васильевичь... Владыка Симеонъ съ кресты обходя около града... и Христіане ови на конехъ, ови пѣши изъ лѣса берена (бревна) привозивъ, поставиша церковь Св. Настасію, и свяща ю Арх. Симеонъ того же дни, а въ остаточныхъ бревнахъ поставиша церковь Св. Илію конець Пруской улици; а Новотръжане такожь единымъ утромъ Св. Аѳанасія, и Литургію съвръшиша... Въ си два лѣта» (1421 и 1422) «бысть гладъ и моръ великъ, и наметаша мертвыхъ 3 скудельници, едину у Св. Софіи за олтаремъ, а 2 у Рожества на полѣ.» Въ *Ростов. Лѣт.*: «тое же осени Сент. въ 8 день» (1421 г.) «поча быти болѣзнь коркотная, и на зиму гладъ бысть.» Далѣе въ *Новог. Лѣт.*: «Того же лѣта (1421) моръ бысть въ Новѣгородѣ желѣзою и хракъ кровію.»

(Въ *Троицк. Лѣт.*: «Тое же осени (1401) моръ бысть на люди въ Смоленьскѣ... Того же лѣта (1408) бысть моръ на люди по многымъ странамъ, а болѣсть такова: первое разболится человѣкъ, и руцѣ и нозѣ прикорчить, и шею скривить, и зубы скрегчеть, и кости хрястать, и съставы въ немъ троскотаху; кричить, вопить; у иныхъ же и мысль измѣнится, и умъ отымется; иные одинъ день поболѣвше умираху, а иные полтора дни, а иные два дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣваше 3 дни или 4, и паки здрави бываху. Сею же болѣстью умирали въ волостехъ во Ржевскихъ, Волотьскыхъ, Можайскихъ, Дмитревскихъ, Звенигородскихъ, Переяславскыхъ, Володимерскихъ, Рязаньскихъ, Торускихъ, Юрьевскихъ, есть же индѣ и по Московьскимъ волостемъ.»

Ростов. Лѣт.: «Въ лѣто 6928 (1420) бысть моръ силенъ на Костромѣ и въ Ярославлѣ, въ Галичѣ, во Плесѣ, въ Ростовѣ; почалъ отъ Успенія, и тако вымроша, яко и жита бѣ жати некому; а снѣгъ паде на Никитинъ день, и иде 3 дни и 3 нощи: паде его на 4 пяди, и потомъ сойде, и мало кто что сожа, и бысть гладъ по мору.»

Въ *Псков. Лѣт.* г. 1411: «Того же лѣта Псковичи сожгоша 12 жонкѣ вѣщихъ.»

Въ *Никон. Лѣт.* г. 1422: «Гладъ бысть великъ по всей Руской землѣ и по Новогородской; и мнози

людіе помроша съ голоду, а иніи изъ Руси въ Литву изыдоша, а иніи на путехъ съ лада и съ студени помроша: бѣ бо зима студена велми; а ини же и мертвыя скоты ядоша, и кони, и псы, и кошки, и кроты, и люди людей... и купиша тогда на Москвѣ оковъ ржи (4 четверти) по полутора рубля» (въ другихъ спискахъ *по рублю*) «а на Костромѣ по 2 рубли, а въ Нижнемъ Новѣгородѣ по 6 рублевъ.» Въ *Псков. Лѣт.* г. 1420: «На всю Рускую землю бысть гладъ великъ по три годы, и преже въ Новѣгородѣ и по всѣмъ ихъ волостемъ, и на Москвѣ, и по всей Московской и по Тферской, и толми бысть тамо дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ коврizѣ дати полтына, али како во портище; а ржи наша четверетка чего кто запросилъ, а иніи съ усердіемъ даваху; а еже бы гдѣ зобница купити ржи или овса, таковыхъ мало обрѣтаху... А въ Псковѣ тогда бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякого обилія извасыпаны на Крому: и пойдоша ко Пскову Новогородци, Корѣла, Чюдь, Вожани и Тферичи, и Москвичи, и просто рещи, съ всей Руской земли, и начаша по волостемъ и по пригородомъ и въ Псковѣ купяще рожь, возити за рубежь, и въ Псковѣ тогда бяше зобница ржи по 70 ногатъ, а жита по 50, а овса по 30 ногатъ, а на полтыну ржи $2\frac{1}{2}$ зобници... и накладоша тѣхъ пустотныхъ» (бѣдныхъ пришельцевъ) «въ Псковѣ 4 скуделници.»

Въ *Новогород.* Голицынск. *Лѣт.* г. 6929 (1421): «бысть вода велми велика въ Волховѣ и снесе 20 городенъ Великого мосту Апр. въ 21... мала же убо нѣкаа отъ части древеса остася у брега... и прочимъ мостомъ округъ града разрушенымъ быти; еще же и примостки уличніи разбишася... и храми инози испровержены быша... и нѣцы живяху на врьсѣхъ кождо храмины своея... друзіи же на ины мѣста преселишася... Иноци же убо не могуще ходити къ церкванъ, но иніи въ ладьици путьшествуютъ ко церквамъ; друзія же по доскамъ ходяще; во инѣхъ же церквахъ не мошно убо и Іереомъ Литургіи съвршати... Еще же и ограды садовныя разбьены быша, и еже въ нихъ древеса плодовита искоренена отъ буря вѣтряния... Христіане же глаголаху: не сіе ли хощетъ Богъ и нынѣ навести на ны наказаніе, яко же и при Нои? Се же бѣ мѣра вшествію воды горѣ до градныхъ вратъ Прускыя улицы. Въ то же пакы время, Маія въ 19, въ заговѣнье Петрово въ полунощи, бысть трусъ на небеси велій: вшедше туча силна съ полудни испуща громъ страшенъ и молнія огнена съ небеси блескающе, яко нѣсть можно человѣкомъ видѣти, и ста надъ градомъ, и убо тученосный облакъ на огненное видѣніе преложися... и бысть дождь силенъ и градъ, и убо *каменіе* валящеся изъ облака... Священникомъ же и самому Архіепископу пришедшимъ въ Св. Божію церковь, молящеся Богу,» и проч. См. ниже, примѣч. 254, подъ годомъ 1421.

Въ *Новогород. Лѣт.*: «Въ лѣто 6910 (1402) явися звѣзда хвостата на Западѣ, лучь имуще свѣтелъ, и пребысть мѣсяць Мартъ весь.» Въ *Никон. Лѣт.* подъ тѣмъ же годомъ: «Въ Великое говѣніе мѣс. Марта явись на Западѣ въ вечерней зарѣ звѣзда велика зѣло копейнымъ образомъ; въ верху ея лучь великъ сіяше обходяще ю же видѣхомъ за 12 дній на Востоцѣ восходящу и на Западѣ лѣтнемъ въ вечерней зарѣ сіяющу.» Въ *Псков. Лѣт.*: «Явися звѣзда хвостатаа на западной странѣ и всхожаше съ прочими звѣздами отъ *Свадебъ*» (Февр. мѣс.) до Вербной Субботы.» См. также Cométographie, г. 1402.

(223) Въ Голицын. *Новогород. Лѣт.* г. 6910: «Сбывается слово Евангельское, яко же самъ Спасъ во Евангеліи рече: въ послѣдняя дни будутъ знаменія велика на небеси... и гладове и пагуби и трусы... востанетъ языкъ на языкъ... Се бо въсташа ратующе ово Татарове, ово же Туркове, индѣ же Фрязове... Въстаютъ рати, и правовѣрный Князь на брата своего или на дядю... скуетъ копіе свое... и стрѣлами своими стрѣляетъ ближній ближнего... И понеже время послѣднее приходить,» и проч. — Въ *Новогор. Лѣт.* Попа Іоанна: «И Владыка Іоаннъ благослови Великій Новгородъ... а Псковичемъ бы есте нелюбья отдали, зане жь, дѣти, видите уже послѣднее время!»

(224) Великій Князь скончался въ третьемъ часу ночи.

Въ *договорн. грамотѣ* Василія *Димитріевича* съ Θеодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ (въ *Собр. Государст. Грамотъ* I, 65) сказано: «А со Княземъ съ Семеномъ съ Романовичемъ съ *Новосильскимъ* и съ *Торускими* Князи также взяти ти любовь... зане же ти Князи *со мною одинъ* человѣкъ:» то есть, они были его присяжниками. Перемышль и Козельскъ находились въ числѣ городовъ Князя Владиміра Андреевича *Храбраго* (см. въ его завѣщаніи). — Князья Ростовскіе были Намѣстниками во Псковѣ и Двинской землѣ, какъ мы выше сказали. — Въ Хлыновской лѣтописи: «Великій Князь Василій Димитрьевичь весною посылалъ рать на Вятку, съ Княземъ Семеномъ Ряполовскимъ, и ничто же успѣвъ, воротилисъ.» Въ договорной грамотѣ Василія Темнаго съ Юріемъ сказано: «также что тя пожаловалъ отецъ мой, Князь Великій Василей Дмитреевичь, *Вяткою* и съ слободами и со всѣми мѣсты» (см. *Древн. Рос. Вивліое.* I, 160). Увидимъ послѣ, что Кн. Ряполовскій ходилъ къ Вяткѣ уже при Тёмномъ. — Далѣе въ договорной Рязан. грамотѣ сказано: «на семъ, брате *молодшій*, Князь Великій Θедоръ Олговичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату *старѣйшему*... имѣти ти меня собѣ братомъ *старѣйшимъ*, а братью мою молодшюю, Кн. Володимера Ондреевича и К. Юрья Дмитреевича, имѣти собѣ *братьею;* а меньшюю нашу братью, К. Ондрея Дмитреевича и К. Петра, имѣти ти собѣ братьею *молодшею*... Быти ти съ нами вездѣ за одинъ по думѣ... а не приставать ти къ Татаромъ никоторою хитростью. А будетъ ти Киличея» (посла) «послати въ Орду... или къ тебѣ посолъ Татарской придеть, и тобѣ того почтити Крестьянского дѣля добра... А что ти слышевъ отъ Орды, а то ти намъ повѣдати... А что на Рѣзанской сторонѣ за Окою... какъ ся отступили Князи Торускіе Θедоръ Славичь, та мѣста къ Рѣзани... Такъ же мнѣ, Князю Великому, въ землю Рѣзанскую и во Князи Рѣзанскіе не вступатися; а со Княземъ съ Великимъ съ Иваномъ Володимеровичемъ взяти любовь по давнымъ грамотамъ. А что ся учинитъ межи васъ какова обида, и вамъ отслати своихъ Бояръ, ино учинятъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третей Митрополитъ; а кого Митрополитъ обвинитъ, ино обидное отдати; а не отдастъ, ино мнѣ, Князю Великому, оправити... На кого помолвитъ третей, и виноватой отдастъ; а не отдастъ, и правой пошлетъ къ Великову Князю Василью Дмитреевичу, и Князь Великій пошлетъ къ виноватому въ первые, и въ другіе, и въ третьи; а не послушаетъ виноватый и Кн. Велик. Василья Дмитреевича, а не отдастъ, Князю Великому исправити, а цѣлованья не сложити, а то ему не въ измѣну. А коли позоутся на третей, а въ то время рать на того будетъ, или посолъ Татарской въ землѣ, инъ за тѣмъ не поѣдетъ на третей, въ томъ ему вины нѣтъ... А что будетъ Мещерская мѣста, что купилъ отецъ твой, К. В. Олегъ Ивановичъ, или вы, или ваши Бояре, въ та мѣста тобѣ, Князю Вел. Θедору Олговичу, не вступатися; а земля

въ Мещерѣ по давнему, какъ было при Великомъ Князѣ Иванѣ Ярославичѣ и при Князи Александрѣ Уковичѣ... а что была рать отца моего въ твоей вотчинѣ при твоемъ отци, и Княже Романова Новосильского, и Князей Торускихъ, намъ отпустити полонъ весь; а что взято на полоняницѣхъ, а то намъ отдать... А третей межи насъ хто хочетъ, тотъ воименуетъ три Князи Крестьянскіе; а на комъ ищутъ, тотъ собѣ наберетъ изъ трехъ одиного... А пошлина съ бѣглеца съ семьи два алтына, а съ одинца алтынъ. А мыты мы держати старые пошлые... а мыта съ воза и въ городѣхъ и всѣхъ пошлинъ денга; а съ пѣшехода мыта нѣтъ, а иныхъ всѣхъ пошлинъ съ рубля алтынъ, а съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои денга, а Князей Великихъ лодьи пошлинъ нѣтъ... А что ся будетъ учинилося межи насъ въ перемирье обида, и межи Князя Великого Ивана, и межи Князя Романа, и межи Князей Торускихъ, то оправити по первой грамотѣ по перемирной. А всхочетъ съ тобою тость мой Князь Великій Витофтъ любви, ино тебѣ съ нимъ взяти любовь со мною по думѣ, какъ будетъ годно... Писана на Москвѣ въ лѣто 6911, Индикта 11, мѣсяца Ноября въ 25 день.»

(225) «Тое жь зимы» (въ 1422 или 1423 году) «Софья Васильева Дмитріевича съ сыномъ своимъ Васильемъ ѣздила ко отцу своему, Витовту, въ Смоленескъ; а Князь Великій, отпустивъ ея съ Москвы, самъ пойде на Коломну; а Фотій Митрополитъ у Витовта же былъ, а пошелъ напередъ Великія Княгини.»

(226) *Собраніе Госуд. Грамотъ* I, 82: «А приказываю своего сына, Князя Василья, и свою Княгиню и свои дѣти своему брату и тьстю, Великому Князю Витовту, какъ ми реклъ: *на Бозѣ, да на немъ!* какъ ся иметъ печаловати, и своей братьѣ молодшей Князю Ондрею Дмитреевичу, и Кн. Петру Дм. и Кн. Констянтину Дм. и Кн. Семену Володимеровичу, и Кн. Ярославу Володимеровичу, и ихъ братьѣ, по ихъ докончанью, какъ мы рекли.»

(227) См. тамъ же. Василій отказалъ сыну изъ селъ Московскихъ Островское, Орининское, Костянтиновское, Малаховское, деревни Жирошкины, Копотенское, сельцо подъ Москвою надъ Великимъ прудомъ, Хвостовское, и проч. Далѣе: «на Москвѣ дворъ Ѳоминской Ивановича у Боровицкихъ воротъ, да другій, што былъ за Михайломъ за Вяжемъ, да новой дворъ за городомъ у Св. Володимера... А сына своего Князя Василья благословляю своею вотчиною *Великимъ Княженьемъ*, чѣмъ мя благословилъ мой отецъ. А Княгинѣ моей изъ Костромы Иледамъ и съ Комелою... да Нерехта, и съ варницами, и съ бортники, и съ бобровники... А сына своего, К. Василья, благословляю своими примыслы, Новымъгородомъ Нижнимъ со всѣмъ, да своимъ же примысломъ Муромомъ со всѣмъ... А тѣ волости и села, што есмь подавалъ своей Княгинѣ, пославъ сынъ мой да моя Княгини опишютъ, да положатъ на нихъ дань по людемъ и по силѣ; и Княгини моя дастъ съ тѣхъ волостей и съ селъ дань по розочту, и имъ... А перемѣнитъ Богъ Орду, и Княгини моя емлетъ себѣ ту дань... а Волостели свои и Тіуни и доводщики судитъ сама... А тѣ волости и села Княгинѣ моей до ее живота; а по ее животѣ, ино сыну моему Князю Василью, опроче Гжели, да Семцинського села, да ее прикупа... вольна (въ томъ) Княгини моя, кому хочетъ дати, тому дастъ. А кто иметъ Бояръ служити моей Княгинѣ, и сынъ мой тѣхъ Бояръ блюдетъ. А благословляю сына своего Князя Василья Страстьми большими, да крестъ честный животворящій Патріаршъ *Филофеевскій*... даю ему икону Парамшина дѣла, да чепь хрестьчатую, что мя благословилъ отецъ мой, да шапку золотую, да бармы, да поясъ золотъ съ каменьемъ, что ми далъ отецъ мой, да другій поясъ мой на чепехъ съ каменьемъ, да третій поясъ енужъ на синемъ ремени. А изъ судовъ даю коропку сердоничную, да ковшъ золотъ Княжъ Семеновской, да судно оковано золотомъ, что ми дала мати моя, да каменное судно велико, что ми отъ В. К. отъ Витовта привезлъ Князь Семенъ, да кубокъ хрустальной, что ми Король прислалъ. А стада кобыльи моей Княгинѣ съ моимъ сыномъ на полы; а опроче того, что ми есть у мене, то все моей Княгинѣ. А холопи, которые есмь подавалъ своей Княгинѣ при своемъ животѣ, тѣ ей и есть; а дастъ моя Княгини моимъ дчеремъ изъ моихъ холоповъ по пяти семей; а опроче того всѣ холопи мои на слободу и съ женами и дѣтьми... А у сее грамоты были мои Бояре: Князь Юрій Патрикеевичь, Иванъ Дмитреевичь, Михайло Ондреевичь, Иванъ Ѳедоровичь, Михайло Ѳедоровичь, Ѳедоръ Ивановичь. А писалъ сю мою грамоту Олексѣй Стромиловъ» (въ другомъ спискѣ: «мой Дьякъ Тимоѳей Ачкасовъ»). А хто сю мою грамоту порушитъ, судитъ ему Богъ, а не будетъ на немъ мое благословенье въ сій вѣкъ, ни въ будущій.»

(228) Въ *Собраніи Грамотъ*, I, 72. Сія духовная писана по кончинѣ Митрополита Кипріана, но еще при жизни Василіевой матери, супруги Донскаго, умершей въ 1407 году. Іоаннъ же, сынъ Василія Димитріевича, преставился въ 1417 г. лѣтомъ. Въ семъ завѣщаніи сказано: даю моей Княгинѣ два села въ *опришнину*:» сіе имя сдѣлается ужасно при Царѣ Іоаннѣ Василіевичѣ! Далѣе: «А ты, сынъ мой, держи матерь свою во чти и въ матерствѣ, какъ Богъ реклъ... А о своемъ сынѣ и о своей Княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на Князи на Володимерѣ Ондреевичѣ, и на своей братьи... А у сее грамоты были мои Бояре: Князь Юрьи Ивановичь, Костянтинъ Дмитреевичь, Дмитрей Аѳинеевичь, Иванъ Дмитреевичь, Вол... Иванъ Федоровичь, Федоръ Федоровичь.»

Въ Архивѣ находится еще договорная грамота Василія Димитріевича съ братьями Андреемъ и Петромъ, въ которой онъ утверждаетъ за ними и за ихъ дѣтьми данные имъ отъ Донскаго Удѣлы, и проч.

(229 См. выше, примѣч. 224.

(230 Въ *Троицк. Лѣт.*: «Въ лѣто 6906 (1398) бысть Царьгородъ въ осадѣ... и рати стояху около города, поганіи Бесерменове, окаяннін Турковс, сынъ Амуратовъ, братъ Чалибѣевъ, Баазытъ, со всѣ стороны перея пути, и по морю и по суху, и тако стояша долго время, яко и до седми лѣтъ... Тогда Царь и Патріархъ и прочіи людьи въ печали бяху велицѣй и въ оскудѣньи, и то слышавъ Князь Великій и погадавъ съ Митрополитомъ и съ прочими Князьми Рускими, и послаша сребро милостыню во Царьгородъ. Съ Москвы поѣхалъ съ милостынею Родіонъ Чернецъ Ослѣбя» (не тотъ, который былъ въ сраженіи съ Мамаемъ на Куликовѣ полѣ?) «бывый преже Боляричъ Любутьскій; а Князь Михайло Тферскій послалъ своего Протопопа Данила... Царь же и Патріархъ много хваленья и благословенья всылаху Руси, и прислаша Князю Великому поминокъ, икону чудну, на ней же написанъ Спасъ и Ангели, и Апостоли, и Праведницы, а вси въ бѣлыхъ ризахъ; такожь и Князю Михайлу Тферскому прислаша икону Страшный судъ.» Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Митрополитъ Кипріанъ убѣдилъ и Рязанскаго Князя Олега и Витовта сдѣлать Грекамъ вспоможеніе. Въ другихъ прибавлено, что Россіяне отослали тогда 20,000 рублей серебра въ Царьградъ.

(231) См. Русскій переводъ Келрина, въ продолженіи его Исторіи; также Memor. Popul. II, 1033, и Дюканж. Famil. Aug. Byzant. 245. Въ одной краткой лѣтописи сказано: «того же лѣта (1404) приходила Царица Калоапова въ Св. Лавру» (Троицкую). Это не могла быть Анна, которая вышла замужъ черезъ 10 лѣтъ послѣ того. Ее погребли въ Константинополѣ, въ монастырѣ Богоматери, называемомъ του Λιβος.

(232) Въ *Троицк. Лѣт.:* «Въ лѣто 6898 (1390) пріиде Кипріанъ Митр. изо Царягорода на Русь, а съ нимъ придоста 2 Митрополита Грѣчина, Матѳей Андріанопольскій, а другый Никандръ Гаанскый, Ѳеодоръ *Епископъ* Ростовскій, Еѳросинъ Архіепископъ Суждальскій, Михайло Епископъ Смоленскій, Исакій *Епископъ* Черниговскій (*)» (въ *Ростов. Лѣт.* Исакій названъ Архіепископомъ: см. ниже; въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Патріархъ Антоній далъ *тогда* Ѳеодору Ростовскому *Архіепископію*) «и Еремея Грѣчинъ, Епископъ Рязанскій. Кипріанъ на Москву пріиде отъ Кіева въ Великое говѣнье на Средокрестной недѣли . . . а Ѳеодосъ Епископъ бысть Турову.» Въ *Никон Лѣт.:* «И срѣте (Митрополита) самъ Вел. Князь съ матерію своею Евдокіею и съ братіею и съ Бояры на Котлѣ . . . и облечеся во Святительскій санъ Кипріанъ у *Николы* у *Стараго*» (см. выше, примѣч. 194) «и пойде во градъ Москву.» Тутъ упоминается еще о Даніилѣ, Епископѣ Звенигородскомъ.

Въ харатейномъ *Церковномъ Уставѣ*, находящемся въ Синодальной библіотекѣ подъ No. 216, въ концѣ книги приписано слѣдующее:

«Въ лѣто 6898 (1390) позванъ бысть Кипреянъ Митрополитъ на Тферь Великымъ Княземъ Михайломъ Александровичемъ, и пойде съ Петрова дни ко Тфери, а съ нимъ 2 Митрополита Грѣчина, Матѳей и Никандръ Гаанскый, Владыка Михайло Смоленьскый, Стефанъ Пермьскый, и срѣте внукъ Князя Великого, Князь Александръ, за 30 верстъ отъ города Митрополита съ Бояры и съ великою честію. На другій день срѣте большій сынъ Князя Великого, Князь Иванъ, за 20 верстъ отъ города Митрополита . . . и въ день Суботный по Вечернѣ срѣте самъ Князь Великый Митрополита на Починцѣ за 5 верстъ отъ города . . . и выйде Митрополитъ противу Князя Великого изъ шатра далече . . . и цѣловастася любезно, и сѣдоста, и бесѣдоваста надолзѣ о ползѣ душевнѣй. Наутріа, въ день Недѣльный, Іуліа въ 8, срѣте Митрополита Князь Великый на Перекжрѣ съ дѣтми и съ братаничи и съ Бояры, и пойдоста ко граду. Устрѣтоша ихъ съ кресты предъ враты Володимерскыми у церкви Св. Муч. Георгіа, и цѣловаста честныя кресты. . . и одѣся въ Святительскую одежду и нача пѣти молебенъ Великому Спасу . . . и пойде въ церковь Спаса, и повелѣ заклати агнецъ и нача служити Св. Литургію. По отпѣтіи позванъ бысть Митрополитъ Великымъ Княземъ на пиръ и съ его братіею, Митрополиты, и съ Владыками и съ Черноризци и съ всѣми слугами; и бысть честь велика и дары по три дни. И бысть на четвертый день, събрашася Старци и Архимандриты, и Игумени, и Попове, и Дьякони и весь Священническый чинъ къ Князю къ Великому: онъ же съзва свои Бояре и съвокупи обои въ едино мѣсто, и посла къ Митрополиту; они же начаша жаловатись о мятежи церковнѣмъ на Евфимія, Епископа Божія Тфери града. Митрополитъ же совокупи Съборъ и нача судити, и *не обрѣтеся у Евфимія правда во устѣхъ его*, яко же рече Давидъ: мужъ кривъ не исправитъ дній своихъ. Архимандриты и Игумены и Попове и Бояре истязаши его во многихъ судѣхъ. Митрополитъ же суди по правиломъ Свят. Отецъ Съборомъ, и извергоша его. И нача просити Князь Великый Михайло у Митрополита Епископа: Митрополитъ же дасть ему своего Архидіакона Арсеніа, и поставленъ бысть Іуліа въ 24 въ день Недѣльный, и посадиша его въ Св. Спасѣ на столѣ честнѣ.» Сіе написано современникомъ и достовѣрнѣе *Никон. Лѣтописца*, именующаго жалобы на Евфимія Висленія клеветами.

Въ *Троицк. Лѣт.* подъ годомъ 1404: «Того же лѣта Кипріанъ Митрополитъ Антонья, Епископа Туровьского, сведе со Владычества его по повелѣнью Витовтову, и отъя отъ него санъ Епископскій, и ризницу его, и клобукъ его *бѣлый*, а источники и скрижали его спороти повелѣ, и приведе его отъ Турова на Москву, и посади въ кельи на манастырѣ, иже на Симоновѣ.»

Въ *Никон. Лѣт.* г. 1401: «Того же лѣта бысть Соборъ на Москвѣ . . . Было Владыкъ 9: Архіеп. Вел. Новаграда Иванъ, *Архіепископъ* Черниговскій Исакій, Архіеп. Ростовскій Григорій, Наѳанаилъ Еписк. Суздальскій, Еѳросинъ Еп. Рязан., Арсеней Еп. Тферскій, Ѳеогностъ Епископъ, Григорей Еп. Коломенскій, Сава Еп. Лутцкій . . . и на томъ Соборѣ отписася Архіеп. Иванъ Новогородскій своея Епископьи и Лутцкій Епископъ Сава, и повелѣ имъ Кипріянъ съ Москвы не изъѣзжати: бѣ бо на нихъ брань возложилъ Митрополитъ за нѣкія вещи Святительскія.»

(233) Сію грамоту выписываю здѣсь изъ Горюшкинскаго лѣтописца слово въ слово:

«Се азъ Князь Великій Василей Дмитреевичь всея Руси, сѣдъ съ своимъ отцемъ съ Кипріаномъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси, управилъ есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изнашедъ старый Номоканонъ, какъ управилъ прадѣдъ мой, Св. Князь Великій Володимеръ, и сынъ его, Князь Великій Ярославъ всее Руси, какъ управили они, сѣдъ съ Митрополиты, о судѣхъ церковныхъ, и списали Номоканонъ по Греческому Номоканону, что суды церковныя и вся оправданія церковная, какъ пошло издавна: по тому же и мы нынѣча управили, оже бы то неподвижно было: николи напередъ впрокъ ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ Велиціи Святіи Князи вписали и укрѣпили. Списанъ же бысть сей свертокъ изъ великого и старого Номоканона на Москвѣ въ лѣто 6911 Индикта, мѣсяца Ноября 11.»

(234) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 506, и Т. II, примѣч. 108. Въ мнимомъ Уставѣ Ярослава: «Аже кто зоветъ чюжу жену блядью Великихъ Бояръ, за соромъ ей *пять гривенъ золота;* а Епископу 5 гривенъ золота. . . Аже кто вблудитъ съ животиною, двѣнадцать гривенъ» (кунами, то есть, почти въ двадцать разъ менѣе, нежели за вышесказанную брань) . . . . «Аже кто зажжетъ дворъ или гумно, Епископу сто гривенъ» (кунами, или вдвое менѣе, нежели за словесное оскорбленіе жены Боярской).

(235) См. *Книгу Степен.* I, 423. Тамъ же стр. 558: «Пребывая въ своемъ селѣ на Голенищевѣ, между двою рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, идѣже тогда бысть оба полы лѣсъ многъ, идѣ же есть церковь Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, и пребывая тамо, Епископы и Попы ставляше, идѣ же и книги своею рукою писаше, и многія святыя книги съ Греческаго языка на Русскій языкъ преложи, и довольно писанія къ пользѣ намъ остави, и вел. Чудотворца, Петра Митрополита всея Русіи, житіе написа.» Татищевъ вздумалъ назвать Кипріана сочинителемъ *Степенной Книги;* но сей Митрополитъ

(*) „Келайд. XVI: см. Ростов. Лѣтоп. 402" (Отмѣтка Исторіографа на собств. его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

занимался только душеспасительными твореніями, а не Исторіею народа, ему чуждаго.

(236) См. ниже, примѣч. 254, подъ годомъ 1393. — Въ *Степен. Кн.* I, 558: «За 4 дни преже преставленія своего написа грамоту нѣкаку чудну прощальную... Быша же на погребеніи его Святителіе Григорій Архіеп. Ростов. и Митрофанъ Еписк. Сужд., и Иларіонъ Еп. Коломенскііі.» Любопытные найдутъ сію грамоту въ *Степ. Книгѣ* и въ лѣтописяхъ. Замѣтимъ только, что Митрополитъ именуетъ Василія Димитріевича Великимъ Княземъ *всея Руси*, другихъ же *Князей Великихъ* просто *Русскими*, и въ особенности говоритъ о Князьяхъ *Мѣстныхъ* или Помѣстныхъ. Въ концѣ: «Писана бысть грамота си у тріехъ Святитель, м. Сент. во 12 день, Индикта 15, въ лѣто 6915; а не подписалъ есмь немочи ради своея.»

(237) На примѣръ, въ духовномъ завѣщаніи Василія Димитріевича. Далѣе см. *Никон. Лѣт.* V, 33, 34, 51.

(238) Въ *Никон. Лѣт.* подъ годомъ 1414: «Многія клеветы на Фотія сотвориша къ Витовту, глаголюще: отъ начала Митрополиты столъ имѣяху Кіевъ... и се нынѣ Фотій все узорочіе церковное и сосуды преноситъ на Москву, и всю землю пусту сотвори тяжкими пошлинами... и Витовтъ собравъ Епископы, Исакія Черниговск., Θеодосія Полоцк., Діонисія Луцк., Герасима Владимірск., Ивана Галицк., Севастіяна Смоленск., Харитона Холмск., Павла *Червенскаго*, Евфимія Туровск., и рече: подобаетъ вамъ поставити Митрополита въ Кіевѣ... и повелѣ имъ жалобу написати къ себѣ на Фотія... Епископомъ же не хотящимъ сего... и не хотяще написаша... И пріиде вѣсть къ Фотію, еже клеветы многи сотвориша на него лукавіи человѣци, иже бѣжаша съ Москвы къ Черниговс. Владыцѣ и въ Литву... Фотій же восхотѣ ити въ Царьградъ... и прежъ въ Кіевъ... и поима его Витовтъ... и ограбивъ возврати къ Москвѣ... Тогда жь нѣкто гость съ торгомъ пріиде изъ Литвы и припаде къ Фотію, глаголя: прости мя... егда мало прежъ сихъ погорѣ Москва и мое богатство много, и азъ оскорбился... и пріиде на мя страхъ... и разумѣхъ, яко согрѣшихъ къ тебѣ: егда бо бѣ въ Литвѣ съ клеветники, злословихъ тя... и здѣ Фотій же благослови его... Бѣ же имя ему Θома Лазоревъ.» Далѣе описывается, какъ Епископы отрекались поставить особеннаго Митрополита Кіеву, но должны были повиноваться Витовту, грозившему имъ смертію. — Митрополитъ Григорій Цамблакъ называется также Семивлахомъ, Цемивлакомъ, Самблакомъ и Чамьблакомъ.

(239) См. *Никон. Лѣт.* V, 59.

(240) Здѣсь разумѣется, можетъ быть, насильственная смерть Митяева.

(241) Сіе письмо внесено въ нѣкоторыя лѣтописи. Фотій говоритъ: «Имѣемъ сего Чамьблака по Божественнымъ и священнымъ правиломъ извержена и отлучена и *проклята*; тако же и тѣхъ Епископь его съборяща неподобнаго, яко осужденныхъ имѣемъ ихъ... Кто же убо имѣеть его» (Цамблака) «Священникомъ и спріобщается ему, или благословеніе его пріимаеть, аще буди Епископъ или Священникъ, или кто мірскый человѣкъ, имѣемь того извержена и проклята... и молю вашю любовь, православныхъ Христіанъ, еже не сходитися вамъ съ тѣми ни въ которомъ дѣйствѣ, ни въ пищи, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, ни въ обѣты, ни въ мирѣ, ни въ любве» (см. въ Синодальной библіотекѣ лѣтопись въ листъ, No 349).

(242) См. *Каталогъ Митрополитовъ Кіевскихъ* подъ именемъ Григорія. Въ лѣтописяхъ г. 1417: «Рече Цамблакъ Митрополитъ къ Витовту: что ради ты, Княже, въ Лятской Вѣрѣ, а не въ православной? и отвѣща ему Витовтъ: аще хощеши не токмо единого мене видѣти въ своей православной Вѣрѣ, но и всѣхъ людей невѣрныхъ моея земли Литовскія, то иди въ Римъ и имѣй прю съ Папою и съ его мудрецы, и аще ихъ препреши, то мы вси Христіане будемъ; аще ли не препреши, то всѣхъ Христіанъ вашея Вѣры, иже въ моей земли, имамъ превратити въ свою Вѣру Нѣмецкую... Митрополитъ Цамблакъ пріиде изъ Рима въ Литву» (въ 1418 году). Линденблатъ (см. выше, примѣч. 81) пишетъ, что лживый Витовтъ въ 1417 году посылалъ на Соборъ въ Констанцію своихъ Епископовъ, будто бы желавшихъ *сдѣлаться Христіанами;* но что они, удививъ всѣхъ странностію своей одежды, не захотѣли покориться Римской Церкви.

(243) Ходыкевичь въ своихъ Dissert. Historico-crit. несправедливо пишетъ, что Митрополитъ Григорій управлялъ Церковію 22 года или до временъ Исидора. Въ *Каталогѣ Росс. Митроп.* сказано, что правовѣрные Россіяне Литовскіе, считая Григорія Папистомъ, на мѣсто его выбрали Герасима: что также есть ложь. Вотъ извѣстіе современное, найденное мною въ *Псков. Лѣт.* Синодальномъ: «Въ лѣто 6941 (1433) Смоленскый Владыка Герасимъ иде къ Царюграду, и Патріархъ постави его Митрополитомъ.»

(244) Выписываемъ сію грамоту отъ слова до слова изъ Пушкинскаго собранія Двинскихъ грамотъ:

«Се язъ, Князь Великій Василей Дмитріевичь всея Руси, пожаловалъ есмь Бояръ своихъ Двинскихъ, такъ же Сотского, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ Бояръ, пошлю Намѣстникомъ къ вамъ въ Двинскую землю, или кого пожалую Намѣстничествомъ изъ Двинскихъ Бояръ, и мои Намѣстници ходятъ по сей моей грамотѣ Великого Князя. Оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ, ино душегубца налищутъ, а не найдутъ душегубца, ино дадутъ Намѣстникомъ десять рублевъ, а за кровавую рану тритцать бѣлъ, а за синюю рану пятнатцать бѣлъ; а вина противу того. А кто кого налаетъ Боярина, или до крови ударитъ, или на немъ синевы будутъ: и Намѣстници судятъ ему по его отечеству бещестіе; такожь и слузѣ. А учинится бой въ пиру, а возмутъ прощеніе не выйдя изъ пиру: и Намѣстникомъ и Дворяномъ не взяти ничего. А вышедъ изъ пиру возмутъ прощеніе, ино Намѣстникомъ дадутъ по куницѣ шерстью. А другъ у друга межу переоретъ, или перекоситъ на одиномъ полѣ, вины баранъ; а межи селъ межа тритцать бѣлъ, а Княжа три сорока бѣлъ, а вязбы въ томъ нѣтъ. А кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ волны до чека ово татя, а отъ того Намѣстникомъ и Дворяномъ не взяти ничего, а татя въ первые продати противу поличного; а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя; а уличатъ въ третьи, ино повѣсити; а татя всякого пятнити. А съ самосуда четыре рубли; а самосудъ той, кто, изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а Намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино той самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ. А кого утяжутъ въ рублѣ, и Намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ, или менши, ино по томужъ. А на Орлецѣ Дворяномъ хожсного бѣлка, а ѣзды и позовы отъ Орлеца до Матигоръ двѣ бѣлки; ѣзду до Колмогоръ двѣ бѣлки; до Куръ острова двѣ бѣлки; до Чюхчелема двѣ бѣлки; до Ухтъ острова двѣ бѣлки; до Кургіи двѣ бѣлки; до Княжа острова четыре бѣлки; до Лисича острова семь бѣлокъ, а до конеч-

ныхъ дворовъ десять бѣлъ; до Нѣнаксы дватцать бѣлъ, до Уны тритцать бѣлъ, а съ Орлеца вверхъ по *Двинѣ* до Кривого бѣлка; до Ракулы двѣ бѣлки; до Новолока три бѣлки; до Челмахты четыре бѣлки; до Емци пять бѣлъ, до Калеи десять бѣлъ, до Куріи горы семьнатцать бѣлъ, до Тоймы Нижніе тритцать бѣлъ; а на правду въ двое, а *желѣзного* четыре бѣлки: только человѣка скуютъ, а не будеть по немъ поруки; а болѣ того Дворянину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити; а что въ желѣзѣхъ посулъ, то не въ посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ Дворянинъ, и Подвойскіи позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того Намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ не тутошной человѣкъ, ино его дадуть на поруцѣ. А отъ печати Намѣстникомъ по три бѣлки; а Дьякомъ отъ писма отъ судные грамоты двѣ бѣлки; а Сотскому и Подвойскому пошлинка съ лодьи по пузу ржи у гостя. А кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, и случится смерть, въ томъ Намѣстници не судятъ, ни вины не емлють. А приставомъ моимъ Великого Князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинять мои Намѣстници. А надъ нѣмъ учинять продажу сильно, а ударять ми на нихъ челомъ, и мнѣ Князю Великому велѣти Намѣстнику стати предъ собою на срокъ; а не станеть, ино на того грамота безсудная, и приставъ мой доправить. А гостю Двинскому гостити въ лодьяхъ, или на возѣхъ; съ лодіи на Устюзѣ Намѣстникомъ два пуза соли» (см. Т. II, примѣч. 267) «и съ воза двѣ бѣлки; а того болѣ Намѣстники не емлють у нихъ, ни пошлинники ничего. А на Вологдѣ дадуть съ лодіи два пуза соли, а съ воза по бѣлкѣ, а того болѣ не емлють у нихъ ничего; а въ лодіахъ или на возѣхъ коли поѣдуть, и Намѣстници Устюжскіе и Вологодскіе ихъ не уймають; а на Устюзѣ и на Вологдѣ и на Костромѣ ихъ не судять, ни на поруки ихъ не дають ни въ чемъ. А учинится татба отъ Двинскихъ людей съ поличнымъ, ино поставятъ ихъ съ поличнымъ передъ мною передъ Великимъ Княземъ, и язъ самъ тому учиню исправу. А чего кто иметь искати на нихъ, ино учинять имъ срокъ передъ моихъ Намѣстниковъ передъ Двинскихъ, ино учинять исправу имъ на Двинѣ. А куды поѣдуть Двиняне торговати, ино имъ не надобѣ во всей моей отчинѣ въ Великомъ Княженіи тамга, ни мытъ, ни костки, ни гостиное, ни явка, ни иные никоторые пошлины; а черезъ сю мою грамоту кто ихъ чѣмъ изобидить, или кто не иметь ходити по сей грамотѣ, быти ту отъ мене отъ Великого Князя въ казни.»

(245) Въ *Новгород. Лѣт.*: «Тогожь лѣта (1410) начаша торговати промежи себе *лобци* и гроши Литовьскими и *артугы* Нѣмецкими, а куны отложиша при Посадничьствѣ Григоріа Богдановичь и при Тысяцкомъ Василіи Есифовичь.» Въ другихъ старыхъ спискахъ: «начаша торговати бѣлками, *лобци* и гроши Литовьскыми и денги Московьскыми.» Въ новѣйшихъ спискахъ: «бѣльими лобци и грошми Литовскими . . . а куны отложиша, еже есть мордки куньи.» Невѣроятно, чтобы Новогородцы, отмѣнивъ куны, вмѣсто ихъ употребляли дѣйствительные *лобки бѣльи*, которые, подобно кунамъ, также не имѣли никакой существенной цѣны. *Лобками* названы здѣсь не *Любскіе* ли пфенниги, вмѣстѣ съ *артугами* ходившіе тогда въ Ливоніи? См. Гадебуш. подъ годомъ 1426, стр. 64. Въ *артугѣ* — Шведской монетѣ, ходившей съ XIV вѣка — было 8 пфенниговъ; а 24 артуга составляли марку. — Далѣе въ *Новгород. Лѣт.*: «Въ лѣто 6928 (1420) начаша Новогородци торговати *денги сребряными*, а артуги попродаша Нѣмцемъ, а торговали ими 9 лѣтъ.» Здѣсь нѣтъ уже ни слова о *лобкахъ бѣльихъ*.

Въ *Псков. Лѣт.* подъ г. 1424: «Того же лѣта Псковичи отложиша пѣнязми артугы торговати, и приставиша мастеровъ денги ковати въ чистомъ серебрѣ.»

Въ *Псков. Лѣт.* г. 6915: «соль по гривнѣ да по осми мордокъ пудъ, а *полтина серебра по пятнадцати гривенъ*.»

(246) Въ началѣ Василіева княженія по *Троиц.*, *Ростов.* и всѣмъ древнимъ лѣтописамъ (кромѣ новѣйшей *Никоновской*) годъ начинался еще съ Марта: такъ въ лѣто 6898 сказано, что Іюня 22 горѣла Москва, а послѣ въ томъ же году, Генв. 9, женился Великій Князь; что въ 1392 году лѣтомъ расписали Коломенскую церковь, а послѣ въ томъ же году Сент. 25 преставился Св. Сергій и Февр. 13 Даніилъ Ѳеофановичь. Но кончина Василія Димитріевича Февр. 27 полагается въ 1425 году: слѣдственно годъ уже начинался не съ Марта. Въ концѣ Кипріанова завѣщанія по древнему Троицкому списку означено *Сентября* 12, *Индиктъ* 15, лѣто 6915: слѣдственно годъ начался съ Сентября. Такъ и въ *Псков. Лѣт.* Одинъ *Новогор. Лѣтописецъ* сбивается еще на старину въ означеніи годовъ.

(247) Въ описаніи временъ Донскаго упоминали мы о Кореевѣ, *Мининѣ* и проч. Въ княженіе Василія встрѣчаются родовыя имена *Жадовскаго, Расохина, Неелова*, и проч. — Послѣдній Князь Славянскаго имени въ Москвѣ былъ сынъ Владиміра Андреевича Храбраго, Ярославъ.

(248) См. ниже, примѣч. 254, въ описаніи годовъ 1393, 1405, 1408 и 1410. Въ *Стоглавѣ* временъ Царя Іоанна Василіевича (г. 1551) сказано: «писати живописцомъ иконы съ древнихъ образовъ, какъ Греческіи живописцы писали, и какъ писалъ Андрей Рублевъ и прочіи пресловутыи живописцы.»

(249) Въ *Троицк. Лѣт.*: «Въ лѣто 6912, Индикта 12, Князь Великій замысли часникъ и постави е на своемъ дворѣ за церковью за Св. Благовѣщеньемъ. Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и разсчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ удараше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено. Мастеръ же и художникъ сему бѣяше нѣкоторый Чернецъ, иже отъ Святыя горы пришедый, родомъ Сербинъ, именемъ *Лазарь*; цѣна же сему бѣяше вящьше полуторяста рублевъ.»

(250) См. ниже, примѣч. 254 въ описаніи случаевъ 1394 года.

(251) Въ *Троицк. Лѣт.*: г. 6898: «тое же зимы по Рожествѣ Христовѣ на третій день Осей Кормиличичь Князя Великаго поколотъ бысть на Коломнѣ въ игрушкѣ.»

(252) См. *Посланіе Росс. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164, и ниже примѣч. 292. Выпишемъ нѣкоторыя мѣста: «Которыи не по закону живутъ съ женами, безъ благословенія Попоаска поялися, тѣмъ опитемья 3 лѣта какъ блуднику, да паки совокупити ихъ . . . А на пиру коли лучится которіи имутъ пити до обѣда, не давай тѣмъ Богородицына хлѣба. . . А третее поиманіе бы не было, но сожитіе: аще кто будетъ младъ, а дѣтій не будетъ у него, потому надобѣ разсуженіе, съ опитемьею съ великою поияти третью: въ церковь не входити 5 лѣтъ, ни Св. причащенія не пріимаетъ. Аще ли видитъ его Духовникъ, аще ли его заповѣди по большству

сохраняетъ, и видя его умиленья слезы и сокрушенія сердечная, и онъ полегчитъ ему епитимію. А еще учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престали отъ скверныхъ словесъ, что лаютъ отцевымъ и материнымъ . . . а которіи не имутъ слушати, а тѣхъ отъ церкви отлучайте. Такоже учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленія, ни зелія, ни вороженія, и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали . . . А коли творите вѣнчаніе, и вы въ дни вѣнчайте по обѣдній, а въ удевіе, въ полдни и въ полнощи не вѣнчайте . . . А который Игуменъ или Попы или Черньцы торговали прежъ сего или сребро давали въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ мѣстъ не было,» и проч.

(253) См. въ слѣдующемъ примѣч. г. 1393, и Степен. Кн. I, 510.

(254) *Степен. Кн*. I, 512. Слѣдуетъ выписка изъ лѣтописей о разныхъ случаяхъ Василіева княженія:

Въ 1389 году, Іюля 21, былъ пожаръ въ Москвѣ: «загорѣся отъ церкви Св. Аѳанасья, и мало не весь городъ Кремль погорѣ; нача горѣти какъ люди отобѣдываютъ, и ко вечерни едва преста.» Дек. 2 преставилась Княгиня Марія, супруга Андреева, мать Владиміров, въ Черницахъ и въ Схимѣ, названная въ Монашествѣ Мареою, и погребенная въ церкви Рождества, въ монастырѣ на рвѣ, ею основанномъ. — Въ 1390 году, Генв. 26, родился у Князя Владиміра Андреевича сынъ Ѳеодоръ. Весною, въ Великій постъ, умеръ Иванъ Родіоновичь, названный въ Монашествѣ Игнатіемъ, и погребенъ въ монастырѣ на Всходнѣ. Іюня 22, въ полдень, былъ въ Москвѣ пожаръ: загорѣлся посадъ за городомъ отъ Авраама Арминина и сгорѣло нѣсколько тысячь дворовъ до ночи. «Поставиша монастырь Св. Николы (въ Новѣгородѣ) конець Чюдинцевы улици. Той же осени свръшиша церк. кам. Св. Костянтина Царя и матере его Елены на Ростькинѣ улици . . . Февр. въ 8 (г. 1391) церковь сгорѣ Св. Дмитрій на Даньславлѣ улици въ обѣдъ, и много товара и запаса церковнаго; а зима стала до Яковля дни, и по Радуницахъ люди дрова возили изъ лѣса на коняхъ аки и зимній возъ . . . Погорѣ отъ Борковы улици и до Гзеня, а на другой сторонѣ отъ Микитины улици и до Дрaковичь, а на Пруской улици загорѣся, и погорѣ весь Людинъ Конець до Св. Алексѣя, и сгорѣ церквей древян. 15, и кам. 7 огорѣ, а людій 14, Іюня въ 5. А Новгородци взяли серебра 5000 у Св. Софіи съ полатей, скопленія Владычня Алексѣева, и раздѣлиша на 5 Концевъ, и поставиша костры каменны по обѣ стороны острога у всякой улици. Бысть знаменіе у Св. Якова на Яковли улици: у иконы Покрова текоша слезы изъ очію Окт. въ 1 на обѣднѣй, и Владыка Іоаннъ повелѣ строити полати у Св. Якова надъ двери Окт. въ 2, и бысть отъ Крестьянъ помету много Покрову. Тоя жь осени въ Филипово говѣнье паки воеваша Татарове Рязань . . . Князь Михайло Александровичь Тѳерскій прибавилъ Новагородка на Волзѣ съ приступа, и ровъ около копали, а по Тѳери доспѣша ворота у Св. Василія. Женись Князь Юрьи Всеволодичь Холмской, внукъ Александровъ, и вѣнчанъ бысть во Тѳери у Спаса Владыкою Арсеніемъ. Женилъ Князь Михайло Александровичь Тѳерскій сына своего на Москвѣ у Ѳедора у Кошки, Ондреева сына, у Собакина, и вѣнчанъ бысть въ Тѳери. Татарове воеваша Рязань . . . . Въ л. 6900 (1392) преставися въ Литвѣ Княгиня Олгердова Ульяна, въ Мнишескомъ чину Марина, и положена въ Кіевѣ въ печерѣ. Преставися Евѳимей Висленъ бывый Еписк. Тѳер. въ монаст. Св. Чюда на Москвѣ, и положенъ бысть за олтаремъ. Юрьи Онцифоровичь постави (въ Новѣг.) церковь Успеніе и монаст. устрои. Посадникъ Богданъ Обакумовичь съ своею братьею, съ уличаны, поставиша Св. Симеона кам. на Чюдинцевѣ улици. Мая 27 сгорѣ по обѣдѣ церк. древян. и монастырь на Лисичьей горѣ. Преставися Посадн. Василей Ѳедоровичь и Михайло Даниловичь.» Кипріанъ Митрополитъ поставилъ Ѳеодосія Епископомъ въ Полоцкъ. «По Велицѣ дни, на шестой недѣли въ Пятницу, преставися Святитель Архіепископъ Матеей Грѣчинъ, Митрополитъ Андреанопольскій, и служиша надъ нимъ Сборомъ, и положиша въ церкви Св. Архангела Михаила, Честнаго Его Чуда, идѣ же гробъ Алексія Митрополита. Того жь лѣта преставися Павелъ, Епископъ, Коломенскій . . . Кипріанъ Митрополитъ постави Григорья Архимандрита Епископомъ на Коломну . . . Подписана бысть на Коломнѣ церковь кам. Сборная Успенья, юже созда Кн. Великій Дмитрій Ивановичь дотолѣ еще за 10 лѣтъ... Сент. въ 25 преставися Игуменъ Сергій, святый старецъ». . . Слѣдуетъ въ *Троицк. Лѣт*. похвала Св. Сергію, листахъ на двадцати; нѣтъ ничего историческаго; одинъ наборъ словъ, иногда забавный. «Въ Псковѣ поставиша 6 пороковъ. Сент. въ 1 погибе мѣсяць предъ ранними зарями. Сент. въ 5 убіенъ бысть отъ Тохтамыша Царевичь Овибаба въ Ордѣ.» — Въ 1393 году, Февр. 13, въ Четвертокъ на Масленицѣ, скончался Даніилъ Ѳеофановичь, въ Монашествѣ Давидъ. «Пострижень бысть отъ самаго руки Кипріана Митрополита. Сій убо бысть единъ отъ Вельможъ, старѣйшихъ Боляръ, лѣпшій и вяшшій, иже правый доброхотъ Князя Великого, вѣрою и правдою служивый ему и въ Ордѣ и на Руси, яко же инъ никто же. . . . храборъ и голову свою складая по чужимъ странамъ, по незнаемымъ мѣстомъ, по невѣдомымъ землямъ . . . толику же любовь имѣ къ нему Князь Великій, яко прослезити ему по немъ и плакати на многъ часъ. Положенъ бысть въ монастыри Св. Михаила Честнаго Чуда, близъ гроба Алексія Митрополита, дяди его. . . По Велицѣ дни на четвертой недѣли въ Субботу на ночь преставися Игуменья Алексіевская Ульяна, отъ града Ярославля, дщи нѣкоего богата родителя и славна, сама же зѣло благобоязлива, черечьствовавши лѣтъ болѣ 30 и Игуменья бывши 90 Черницамъ, и общему житью женскому начальница сущи, и многимъ дѣвицамъ учительница бывши, и за премногую добродѣтель любима бысть отъ всѣхъ и почтена всюду, и положена подлѣ церковь. . . Того же лѣта Амуратовъ сынъ Челабій, иже Срацынски глаголется Амира, иже владѣя землею полуденною и всею землею Греческою, Македоніею, и Сербьскою, и Ефескою, Врусьскою, и Селевріею, и Колосаи, и Ѳессалоникія, и Сарацыны, и Бесермены, и Турки, со всѣхъ собравъ воя своя, и пойде ратію на Болгарского Царя и взя стольный градъ Терновъ, и Царя ихъ плѣнника створи и Патріарха, и мощи Святыхъ огнемъ пожже, и церковь Сборную идѣ же есть Патріархія, въ мезгитъ (мечеть) преврати. . . Іюля въ 29 преставися Князь Иванъ, сынъ Вел. Князя Дмитріевъ, братъ Василіевъ, во Мнишьскомъ чину Іоасафъ, и положенъ бысть въ монастырѣ на Москвѣ у Св. Спаса въ притворѣ, идѣже гробъ бабы его, Княгини Великіе Александры Ивановы... Сент. въ 21 преставися Иванъ Михайловичь, нарицаемый Тропарь, въ бѣльцѣхъ и положенъ въ своемъ монастыри на селѣ своемъ. . . Тое же осени пріѣхаша на Москву 3 Татарина, ко Князю Великому въ рядъ радишася, и биша ему челомъ, хотяще

ему служити, иже бѣша почестии и знакомити двора Царева — и въсхотѣша креститися . . . Кипріанъ Митрополитъ пріимъ я́, нача учити . . . и облечеся самъ во вся своя священныя ризы и со всѣмъ своимъ Клиросомъ бѣло образующимъ. . . . и позвониша во вся колоколы, и собрася мало не весь градъ, и снидоша на рѣку Москву, ту сущу Князю Великому . . . и ту на рѣцѣ Москвѣ самъ Митрополитъ крести я́. Бѣша же имъ по древнему по Татарския имена Бахты Хозя, Хидырь Хозя, Мамать Хозя, и наречени быша Онанія, Озарья, Мисаилъ, и бысть радость велика въ градѣ Москвѣ. . . и ти Татарина новокрещени хожаху вкупѣ, аки соузомъ любве связаема. . . Того же лѣта Княгиня Великая Овдотья Дмитріевая постави на Москвѣ церковь камену зѣло чудну, и украси ю съсуды златыми и серебреными .. и створила паче всѣхъ Княгинь Великихъ, развѣ точью Марья Княгини Всеволода, внука Мономахова, иже въ Володимири... Бѣ же то преже церквица мала въ томъ мѣстѣ древяна Св. Лазаря. Егда же сдана бысть каменная, наречена бысть во имя Св. Богородицы честнаго Ея Рождества. Уставишеся таковый праздникъ праздновати Сент. въ 8 день. Но и та малая церквица не бѣ оставлена, но внутри близь большаго олтаря причинена бысть служба Св. Лазаря ... и священа бысть Февр. въ 1 день въ Недѣлю Великимъ священьемъ Кипріаномъ Митрополитомъ, ту сущу Великому Князю и братьямъ его, Юрью и Андрею, и Петру и Костантину... Была зима зѣло студена, яко многимъ человѣкомъ измерзати и издыхати; не точью человѣки, но и скоти; еще брашну сущу во устѣхъ ихъ, внезапу обрѣстися мертву отъ мраза на пути. Поставиша церк. кам. Св. Богородицу на Лисичьи горкѣ. Пріиде Князь Бѣлозерскій Костянтинъ въ Новгородъ. Заложиша Псковичи перси у Крома, стѣну камену, и колоколницю поставиша... Тое же весны (въ 1394) была поводь велика всюду. Того же лѣта на Тфери Арсеній Епископъ постави церковь на рѣцѣ на Тмацѣ во имя Θеодосія и Антонія, и сгради кельи, и созва Мнихи, и посади Игумена. Іюля въ 9 день, въ Пятницу, Князю Володимеру Андреевичу родися сынъ Василій. Того же лѣта приходиша Нѣмцы ратью на Литву, и бысть имъ бой у Вильны, и Нѣмци отыдоша. Тое же осени замыслиша на Москвѣ копати ровъ: починокъ его съ Кучкова поля» (гдѣ нынѣ монастырь Срѣтенскій) «а конецъ устья его въ Москву рѣку; широта его сажень человѣча, а глубина въ человѣка стояща; и много убытка людемъ вспинилося въ томъ, понеже сквозѣ дворы копаша, и многи хоромы разметаша... Князь Михайло Тферскій вятчаную (ветхую) стѣну у града Твери повелѣ рушити, да брусіемъ рубити, и на другое лѣто скончаша... Князь Олегъ Рязанскій (по *Никон. Лѣт*) побилъ Татаръ Тохтамышевы Орды, иже приходиша изгономъ... Бысть въ Ордѣ Тохтамышевѣ бой на Волзѣ межи собою, и паде ихъ много Сент. 8... Поставиша Даньславли церковь камену Св. Дмитрія (въ Новѣгородѣ), и свяща ю Владыка Іоаннъ на праздникъ его... Отъяша Новогородци Посадничьство у Есипа Захариніча, и даша Богдану Обакумовичь. Той же осени погорѣ Владычьнъ дворъ, и за городомъ много улицъ и у Св. Софіи маковица огорѣ, а церквей камен. 8, а деревян. 2. Поставиша церковь древян. Св. Спасъ конецъ Кузмодемьяны улицѣ, и монастырь устроиша. Пріиде въ Новгородъ изъ Царяграда отъ Патріарха Антонія Виѳлеемьскый Владыка Михаилъ, а привезлъ 2 грамоты о поученіи Христіанскомъ... Ноября въ 28 день, въ Субботу, какъ обѣдню поютъ, преставися Θеодоръ Архіепископъ града Ростова и Ярославля, Бѣлаозери и Устюга, Углича Поля, Мологи, и положенъ бысть въ Сборной церкви Св. Богородица. — Въ лѣто 6903 (1395), Инд. 3, Марта въ 30, на Цвѣтной недѣли во Вторникъ, Князю Великому Василью родися сынъ Георгій... Мая въ 18 во Вторникъ у гроба Петра Митрополита прощена бысть нѣкая жена Евфимья... Іюня въ 4, въ Четвергъ, какъ обѣдню починаютъ, начата бысть подписывати новая церковь камен. на Москвѣ Рождество Св. Богородицы, а мастеры бяху Θеофанъ иконникъ Гръчинъ Филосовъ, да Семенъ Черный и ученици ихъ... Бысть пожаръ на Москвѣ: погорѣ нѣколико тысячь дворовъ за городомъ на посадѣ... Іюля въ 19 преставися Князь Борисъ Михайловичь Тферскій въ Кашинѣ и привезоша тѣло его на Тферь Іюля 22, и положено бысть въ Сборной церкви Спаса... Авг. 15 погорѣ отъ грому Новой городокъ Тферскій на Волзѣ на рѣцѣ на Старицѣ, въ Недѣлю по рану и церковь Св. Михаила.. Погибе солнце мѣс. Сент... Тое же зимы преставися Княгиня Иванова Всеволодича Тферскаго ... Дек. 26, въ Недѣлю, въ часъ нощи гиблъ мѣсяць, и бысть аки кровь, и по двою часу паки свѣта исполнися... Постави Исакъ Онкифовъ (въ Новѣгородѣ) церковь кам. Сборъ Св. Михаила въ Аркажи монастыри... Поставиша церковь кам. (во Псковѣ) въ Довмантовѣ стѣнѣ Св. Воскересенія, а другую Захарія Посадникъ Св. Николу на Волну.. Въ лѣто 6904 (1396), Марта въ 19, Кипріанъ Митрополитъ на Москвѣ поставилъ Григорія Епископомъ Ростову, а были на поставленьи Епископи Евросинъ Суждальскій, Арсеній Тферскій, Θеогностъ Рязанскій, Григорій Коломенскій, Θеодосій Подольскій... Іюня въ 21, въ 4 часъ нощи, гиблъ мѣсяцъ... Преставися Княгиня Васильева Михайловича, дщи Князя Володимера Олгердовича Кіевскаго, и положена бысть у Св. Спаса въ Тфери... Рождество Христово было въ Понедѣльникъ, и на ту нощь былъ громъ, а туча отъ полуденной страны... Тое же зимы Кипріанъ Митроп. посла въ Новгородъ Столника своего, Θеодора Тимоѳеева, по Владыку Ивана, зовя его къ собѣ о Святительскихъ дѣлѣхъ, и чествова Столника Митрополича и даде ему 60 рублевъ, и пойде на Москву, и пребысть на Москвѣ 2 дни, и отпусти его Митрополитъ съ благословеніемъ, и пріиде въ Новгородъ во Вторникъ на Св. недѣли... Погорѣ Онтоновъ монастырь» (близъ Новагорода) «и Св. Богородица огорѣ: бяше бо свинцемъ обита — и Срѣтеніе огорѣ. Сътворися знаменіе отъ образа Владычьня въ Св. Ипатьи на Щерковѣ улицѣ, аки вино идяше изъ иконы. Повелѣніемъ Владыки Іоанна побиша у Св. Софіи маковицу свинцемъ, коя въ пожаръ огорѣла. Сгорѣ церковь Св. Іоаннъ въ Ростькинѣ монастыри и иконы и книгы съгорѣша... Витовтъ Литовскій казнилъ смертною казнію Князя Ивана Михайловича и жену его и дѣти разведе и домъ его разграби.

«Генв. въ 15 (г. 1397) въ Понедѣльникъ Князю Великому, Василью Дмитріевичу, родися сынъ Иванъ. Пріѣздилъ Князь Александръ Патрикіевичь Стародубскій и былъ о Крещеньи на Москвѣ... Въ Великій постъ, мѣс. Марта, преставися Епископъ Даниллей, Владыка Смоленскій, и положенъ на Москвѣ въ монастырѣ у Св. Арханг. Михаила Чуда при Исакіи Архимандритѣ... Тое же весны преставися Семенъ Васильевичь. Того же лѣта Князь Александръ Ивановичь, внукъ Князь Михайловъ Тферьского, о Петровѣ заговѣньи оженися у Князя Θедора Михайловича у Моложьского... Окт. въ 7 день Кипріанъ Митр пріѣха изъ Кіева на Москву, а съ нимъ Епископы Михайло Смоленскій, Исакій Брянскій, Θедоръ Лучьскій... Паки пріиде Кн. Василій Ивановичь Смоленскій въ Новградъ, и пріяша его. Загорѣся на Щерковой улицѣ (въ Новѣгородѣ) и сгорѣ берегъ весь и Яковъ

берегъ безъ 3 дворовъ, и Розьважи берегъ весь, и Кузмодемьянъ берегъ весь и до Холопіи улици на память Андрея Стратилата. Преставися» (въ Новѣгородѣ) «Есипъ Фалелеевичь въ Минишескомъ чину... Бысть знаменіе въ церкви Св. Бориса и Глѣба» (во Псковѣ): 2 иконы, Св. Троица и Богородица, снидоша съ верхняго *тябла* и ле[illegible]а на Востокъ образомъ. Того же лѣта быша 2 знаменія: у дальняго Пантелейнона отъ иконы Богородицы слезы, и другое въ Довмантовѣ стѣнѣ у Св. Тимоѳея отъ иконы Богородицы слезы изъ обою оку Авг. въ 18. Посадникъ Ефремъ со Псковичи поставиша костеръ на Васильевѣ горкѣ.

«Генв. 20» (въ 1398 г.) «Кипріанъ Митр. постави Исакія Епископомъ въ Пермь. Князь Михайло Алекс. Тферскій постави церковь камену Св. Арх. Михаила на Волзѣ на Городцѣ, на рѣцѣ Старицѣ, и Арсеньемъ Еписк. священа бысть Ноября въ 8 день... Князь Иванъ Андреевичь и Кн. Григорій Остафьевичь и Захарія Посадникъ Костроминичь и Псковичи поставиша 3 костры на приступной стѣнѣ: одинъ на углѣ съ Великыя рѣки, а другый на Лужищи, а третій отъ Псковы на углѣ. Поставлена бысть» (во Псковѣ) «церковь камена Св. Богоявленіе»... (Въ *Никон. Лѣт.*: «Царь Тохтамышъ воевалъ поморскіе грады. Тохтамышевъ посолъ Темирь-Хоза былъ на Рязани у Вел. Князя Олга, а съ нимъ много Татаръ и коней и гостей. Владыка Иванъ Новогородскій постави церковь камену Св. Воскресенія на воротѣхъ и священа ю самъ. Михайло Крупа постави церковь кам. Св. Николы конецъ Чюдинцовы улицы»).

«Марта въ 27» (въ 1399 г.) «преставися Княгиня Великая Марья Семеновая» (супруга Симеона Іоанновича, внука Даніилова) «въ Черницахъ, во Мниш. чину Фетинія, и положена на Москвѣ въ монастырѣ Св. Спаса. Тое же весны Кн. Михайло Ал. Тферскій поставилъ церковь Св. Спаса. Изначала на томъ мѣстѣ была Соборная церковь Козма и Домьянъ, и Вел. Княгиня Тферская Оксинія Ярослава Ярославича съ сыномъ Михайломъ преложили ту церковь во имя Св. Преображенія, и стояла та церковь 100 лѣтъ до Вел. Кн. Михаила Александр. обновленія... и верхъ ея чудно позлати» (К. Михаилъ Алекс.) «и сотвориша каменосѣчцы отъ плиты зженыя и убѣлиша... Подписывали церковь кам. на Москвѣ Св. Михаила, а мастеръ бяше Ѳеофанъ иконникъ Гречинъ со ученики своими... Загорѣся (въ Новѣгородѣ) на Лубяницѣ, и погорѣ Плотничьскій Конецъ весь, а церквей кам. огорѣ 22, а придѣлъ 5, да церк. древяна, а душь погорѣ Богъ вѣсть, а инія на Волховѣ истопоша на память Св. Мемнона... Постави Архіеп. Іоаннъ съ Новогородци церковь Покровъ на Звѣринцѣ, и свяща ю самъ Окт. въ 1. Той же осени бысть помраченіе солнца, и явись серпъ на небеси, и потомъ явись солнце, кровавы луча испущающе съ дымомъ, мѣс. Окт. на память Св. Анастасіи. Той же зимы ходи Владыка Іоаннъ въ Псковъ на свой подъѣздъ, и Псковичи судъ ему даша мѣсяць судити по старинѣ. Поставлены (во Псковѣ) 2 церкви камены, Покровъ въ Домонтовѣ стѣнѣ и Св. Михаилъ на полѣ въ женьскомъ монастыри. Убіенъ бысть» (по *Никон. Лѣт.*) «Кн. Романъ Юрьевичь на Шелонѣ и погребенъ бысть у Св. Спаса въ Порховѣ. Въ Новѣгородѣ поставиша придѣлъ кам. у Богородицы Св. Мученицы Екатерины и Св. Алексѣя, Человѣка Божія.

«Ноября въ 30 день (1400 г.) въ Недѣлю на вечеръ преставися Князь Юрьи, сынъ Князя Великого Василья Дмитріевича, шести лѣтъ сущу ему, и положенъ въ церкви Св. Михаила... Заложи Владыка (Новогородскій) Іоаннъ городъ дѣтинець каменъ отъ Св. Бориса и Глѣба, мѣс. Іуля на память Св. Мученицы Голендухы, и Св. Воскресеніе на воротѣхъ подписано бысть. Поставиша церковь кам. на Яневѣ улицѣ Св. Царя Костянт. и матери его Елены, и свяща ю Владыка Іоаннъ... Князь Григорій Остафіевичь и Захарія Посадникъ и весь Псковъ здѣлаша новую стѣну къ старой на приступѣ отъ Великой рѣци до Пьсковы тлъще и выше, и поставиша 3 костры: первой на Незнановѣ горкѣ, второй у Лужскыхъ воротъ, третій у Куминыхъ... Въ предѣлѣхъ черленого Яру» (во *Никон. Лѣт.*) «въ карауліхъ возлѣ Копоръ у Дону Кн. Вел. Олегъ съ Пронскимъ Князи и съ Муромскимъ и Козельскимъ избиша множество Татаръ, и Царевича Маматъ-Салтана яша и иныхъ Князей Ординскихъ.

«Въ лѣто 6909 (1401) бысть изобрѣтеніе честныхъ Страстей Господа нашего. Сія же Страсти пріобрѣте Епископъ Діонисій Суждальскій, ходивый во Царьградъ, и тамо премногою цѣною искупи я... Потомъ же нѣколико время въ Суждалѣ скровени быша въ каменой стѣнѣ церковнѣй и зазданы невидимо; но въ сію весну обрѣтени быша и перенесени отъ Суждаля въ Переяславль, а оттуду на Москву... Царь Темиръ Аксакъ посылалъ сына своего боронити Царягорода отъ Турковъ; они же биша Турковъ... 6 Дек. Князю Великому Василью родился сынъ Данило, да не долго жилъ: толико 5 мѣсяць, и умре... Той же весны горѣ Владычній (Новогородскаго) городокъ Молвотици. Пріѣха въ Псковъ Архіеп. Іоаннъ, и вдаде Псковичемъ нѣколико серебра, и здѣлаша его серебромъ на Драчинѣ Всходѣ костеръ, а другый въ *куту* города. Кн. Григорій Остафиевичь и Захарія Посадникъ и весь Псковъ заложиша къ старой стѣнѣ новую тлъще и выше возлѣ Великую рѣку отъ Бурковыхъ воротъ отъ костра и до Крому. Бысть буря велика и сшибе крестъ съ Св. Троицы, и разбися весь. Тоя же зимы преставися Посадникъ Псковскый, Захарія Костроминичь, и положиша мощи его въ церкви Св. Рожества Марта въ 20 день, за 2 недѣли до Велика дни. (По *Никон. Лѣт.*) Августа въ нощи въ навечерни Успенія отъ полунощія и до свѣта движашесь столпы, а конецъ ихъ аверху аки кровь, и бяше страшно видѣти.

«Въ лѣто 6910 (1402) Маія въ 6 преставися Михайло, Владыка Смоленскій, бывъ въ Епископствѣ лѣтъ 19, и положенъ бысть у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ близъ гроба Старцева... Взяша миръ Новогородци съ Княземъ Юрьемъ Смоленскымъ. Поставиша Чюдинцевци церковь кам. Усѣкновеніе главы Іоанна, а Черпцицнци церк. кам. Варвару, а Посадникъ Кирила Онфреяновичь 3 Огроны придѣлъ у Св. Михаила на Пруской улици; а сеѣ зимы ѣздиша на конехъ чрезъ Влъховъ отъ Юрьева дни до Марта.

«Въ лѣто 6911 (1403) Іюня въ 9 преставися Сава, Епископъ Сарайскій, и былъ въ Епископствѣ 20 лѣтъ. Князь Иванъ Михайловичь Тферскій замыслилъ городъ на Волзѣ близко Ржевы во Опокахъ у Зубцева, да одиного лѣта срубленъ бысть; въ веснѣ почать, а въ осеннинѣ кончанъ. Тако же и на Городкѣ, на рѣцѣ на Старицѣ, въ томъ же лѣтѣ поставлена бысть церк. кам. Св. Николы: въ веснѣ почата, а въ осеннинѣ кончана и священа Ноября въ 13. Окт. въ 8, въ Недѣлю, Князь Андрей Дмитріевичь оженися на Москвѣ у Князя Александра Патрикеевича у Стародубскаго, поя за ся дщерь его, Огрофену. Тое же зимы предъ Великимъ заговѣньемъ Князь Иванъ Михайловичь Тферскій ожени сына своего, Князя Ивашка, у Князя .. и вѣнчанъ бысть Арсеніемъ Епископомъ. Поставиша купци Новогородскіи прасолы въ Русѣ церковь кам. Св. Борисъ и Глѣбъ. Погорѣ Плот-

нипскій Конецъ до Славковы улици, а Рогатица до Евпатія Св., а Лубяница до Св. Луки, а Славенскій весь Конецъ, а церкви каменыхъ 15 огорѣ; а горѣ въ Образовъ день. А Княжинскій берегъ, да Нѣмецкій дворъ не горѣ. Выгорѣ церковь кам. Св. Дмитрій, и всѣ иконы и книгы. Бысть вода суха, и рли (поля) вся сухы быша. Подписана бысть церковь Св. Богородица на Лисичьи горкѣ.

«Въ лѣто 6912 (1404) Іюня въ 22 день, въ Недѣлю, Кипріанъ Митрополитъ Тимоѳея Игумена отъ Св. Бориса и Глѣба постави Епископомъ въ Сарай. Іулія въ 20, въ Недѣлю, Кипріанъ Митр. съ Москвы поѣха въ Литву и къ Витовту и въ Кіевъ; и Намѣстника своего Тимоѳея Архимандрита и слугъ своихъ тамошнихъ пойма и отосла на Москву, и постави тамо Намѣстника своего Ѳеодосія, Архимандрита Спаскаго; сице же и слугъ своихъ избра... Приходиша (по *Никон. Лѣт.*) Татарове изгономъ на Рязань, и посла за ними въ погоню Кн. Вел. Ѳеодоръ Олговичь, и побиша Татаръ и полонъ отъяша... Сент. въ 13 во Тфери въ полдни бысть пожаръ, и сгорѣло дворовъ 100 и церковь Св. Иванъ Предтеча. Епископъ Арсеній Тферскій заложи церк. кам. Успенія на рѣцѣ на Тьмакѣ. Тое же ѳсени на Тфери преставися Княгини Марія Княжя Иванова Михайловича дчи Кестутьева, во Мнишеск. чину Мареа, и положена въ Соборной церкви Св. Спаса Ноября въ 30. Князь Даниль Александровичь и Кн. Григорій Остафьевичь, и Посадникъ Романъ, и Ефремъ, и Елевтей, и Панкратъ и весь Псковъ заложиша стѣну каменую возлѣ старую тлъще и выше отъ Псковы рѣки, отъ Крому и до Бродъ... Срубиша Переяславль... Постави Перфирій Намскій на Папоротнѣ церк. древ. Св. Николу и монастырь устрои.

«Тое же зимы (г. 1405) Генв. въ 13 Князю Великому Василью родися сынъ Князь Семенъ, да жилъ 12 недѣль и умре. Тое же зимы Кн. Володимеръ Андреевичь на Москвѣ ожени сына своего, Князя Семена, у Князя у Новосильского. Февр. въ 13 преставися Григорій, Владыка Коломенскій. Тое же зимы преставися Евфимій, Архимандритъ Суждальскій и добрый старецъ. Тое же зимы было не знаемо, голая зима безъ снѣгу, а разводье было до заговѣнья до Великаго, а роскалье было на Масленой недѣлѣ. Тое же весны почаша подписывати церковь кам. Св. Благовѣщеніе на Князя Великаго дворѣ, не ту, иже нынѣ стоитъ; а мастеры бяху Ѳеофанъ иконникъ Грьчинъ, да Прохоръ старецъ съ Городца, да Чернецъ *Андрей Рублевъ*, да того же лѣта и кончаша ю. Быша громи велици и молнья страшны, и многи человѣки громъ поби, и на Троицьской недѣлѣ во Вторникъ, въ обѣдню, бысть громъ страшенъ, и въ церкви, въ Св. Лазарѣ, иконы попалила молнія, а у Чуда у Михаилова Архимандритъ съ Черньци падоша на землю отъ страха; на долгъ часъ лежали обумерши; а на Архимандритовѣ дворѣ человѣка громъ заразилъ до смерти; а на Тфери въ тотъ же день громъ заразилъ церковь Св. Ивана Богослова и отъ грому згорѣ въ вечернюю годину; не токмо же се, но и по инымъ мѣстомъ по многымъ былъ таковъ громъ... Кипріанъ Митр. былъ въ Литовской земли, и бывшу ему въ Лучьскѣ, и ту постави Попа Гоголя во Владыки, и тотъ бысть Епископъ граду Володимерю; а съ Митрополитомъ служили на поставленьи Епископъ Холмскій, да другій Епископъ Лучьскій. Того же лѣта Витовтъ поѣха къ Королю, а Король Ягайло тако же поѣха къ Витовту, и съѣхашася въ градѣ Милолюбѣ; съ ними же и Митропол. Кипріанъ, и пребыша вкупѣ недѣлю цѣлу едину... Подписывали на Тфери церк. кам. Св. Михаила на Городкѣ. На Тфери Авг. въ 30, въ Недѣлю, священа бысть церковь кам. Св. Богородица на рѣцѣ на Тмацѣ, иже на Желѣнковѣ, юже свяща Еп. Арсеній... Окт. въ 1 день, въ Четвергъ, въ монастырѣ, иже на Симоновѣ, священа бысть церковь Успенія, юже замысли и основа Ѳеодоръ Игуменъ, а сверши ю Князь Великій при Иларіонѣ Архимандритѣ, иже 26 лѣтъ здана бысть. Ноября въ 1 день, въ Недѣлю, преставися Княгини Великая Евдокія Михайловая Александровича Тферьскаго, и положена бысть во Св. Спасѣ. Дек. въ 5 день преставися Княгини Евпраксія Ольговая Рязанского... Погорѣ на Яневѣ улицѣ (въ Новѣгородѣ) 15 дворовъ, а людій съгорѣ 6; по семъ погорѣ Людинъ Конець и Пруская улица до Св. Михайла, а въ Дѣтинцѣ до Владычня двора, и сгорѣ церкви древян. 5, а каменныхъ огорѣ 12, и Борисъ и Глѣбъ весь, а людій сьгорѣ 30. Преставися Посадникъ Василій Ивановичь, прiимъ Мнишескій чинъ... Постави (во Псковѣ) церк. кам. Карпъ Священноинокъ Св. Стефана въ монастырѣ Св. Спаса, а Св. Никола поставленъ бысть на Узвалѣ. Въ Петрово говѣніе нанде дождь и иде до Ильина дни, и наплънишася источници и рѣкы и езера, акы веснѣ... По Петровѣ дни со Тфери въ Кашинъ ѣздилъ Кн. Александръ Ивановичь... Преставися Ѳедосья, Матѳеева мать, Маія въ 18. Бысть чудо на Москвѣ въ домѣ Тютрюмовѣ, и отъ иконы Св. Богородица и Св. Николы иде миро. Князь Григорій Псковскій пострижеся въ Великыхъ Пустыняхъ...

«Генв. въ 1 день (1406 г.) въ Пятокъ Кипріанъ Митроп. пріѣхалъ изъ Кіева на Москву, а былъ тамъ лѣто едино и 5 мѣсяцъ, и потомъ со двѣ недѣлѣ минуло, преставися Архимандритъ Дороѳей Печатникъ, добрый нашъ старецъ... По Троицынѣ дни во Вторникъ на ночь передъ ранними зарями гибль мѣсяцъ и бысть аки кровь, и тако не исполнився, и зайде. Іюня въ 16 въ Среду, въ обѣдню, въ 4 часъ дни погибе солнце... По Петровѣ дни въ Новгородьской волости Нижнего бысть буря велика, а въ тотъ часъ изыде человѣкъ на поле и всѣде на конь воспряженъ съ колесницею, и взятъ вѣтръ съ конемъ и съ колесницею аки бурею носимъ, яко въ трусѣ и въ вихрѣ страшнѣ, дондеже невидимъ бысть, и на другій день обрѣтоша колесницу его на древѣ, висящу на версѣ высока древа, и то на друзѣй странѣ великія рѣки Волги; коня же кромѣ колесница мертва лежаща познаша; человѣкъ же безъ вѣсти: не вѣдѣ, камо ся дѣлъ... Авг. въ 26 день Кипріанъ Митр. Ларивона Архимандрита Симонова постави Епископомъ на Коломну. По семъ, минувшема двѣма недѣлама, поставленъ бысть Митрофанъ Епископомъ Суждалю: уже бо тогда Кипріану больну сущу на Голенищевѣ... Ноября въ 14 преставися Князь Родславъ Ольговичь Рязанскій... Пріиде въ Новградъ Князь Петръ, братъ Вел. Князя Василія, и пребысть полторы недѣли. Иде ледъ силенъ изъ озера (въ Новѣгородѣ) и вышибе изъ Великого мосту городни. Апр. въ 11 погорѣ Княжь дворъ на Торговой сторонѣ отъ Гочкова двора до Плесковского двора, а люди сгорѣ 6. Выгорѣ городъ Псковъ на Духовъ день при послѣ Великого Князя Микитѣ Нееловѣ, а загорѣлось отъ Оксентія отъ Байбородѣ, какъ обѣдню починаютъ пѣти; только не горѣ въ Довонтовѣ стѣнѣ до Кромъ. Поставлены 3 церкви: Рожество Св. Іоанна Предтечи въ Ростькинѣ монастырѣ и Св. Петръ и Павелъ въ Неревскомъ Концѣ и Св. Никита въ Плотницкомъ Концѣ. Тое жь осени во Тфери преставися Князь Дмитрей Еремеевичь и Княгиня Настасія Еремеевна, мати его. Брань бысть Матѳею Михайлову Маія въ 23. Іюня 17 солнце погибе.

«Генв. въ 16 (г. 1407) Князь Петръ Дмитріевичь ожевися, поя за ся Полуектову дщерь Васильева сына Васильевича Тысячьского, и бысть свадьба на Москвѣ. Февр. въ 13 день, въ Сборную Недѣлю, поѣха съ Москвы во Пьсковъ Князь Костянтинъ Дмитреевичь. Въ день Благовѣщенія преставися Еѳросинъ, Епископъ Суждальскій. Тое же весны Княгини Великая Овдотья Дмитріевая заложи церковь камену Вознесенія въ монастырѣ на Москвѣ внутри города. Тое же весны преставися Князь Василей, сынъ Княжь Федоровъ Ольговича Рязанского. Іюня въ 7, во Вторникъ, преставися Княгиня Великая Овдотья Дмитреевая, и положена въ церкви Св. Вознесенья. Преставися Ѳеогностъ, Епископъ Рязанскій. Пріиде изъ Цариграда въ Новгородъ Владыка Ѳеодулъ Трапизовскій милостыня ради. Іюня въ 6 погорѣ Неревскій Конецъ до города и Св. Софія огорѣ вся, и дворъ Владычнь, и Людгоща улица, а церкви кам. 12 огорѣ, а деревян. сгорѣ 6. Постави Владыка Іоанъ (въ Новѣгородѣ) церковь кам. на Верендѣ Св. Преображенія, и свяща ю самъ, и монастырь устрои. Поставиша церковь кам. Св. Власій въ Людинѣ Концѣ, а братеничи Юрьи Посадникъ Дмитріевичь и братъ его Яковъ церк. кам. Чюдо Архистр. Михаила въ Хонѣхъ въ Аркажи монастырѣ. Князь Костянтинъ Дмитріевичь со Псковичами создаша церковь Св. Афанасія въ единъ день въ Недѣлю, Марта 29. Новогородци въ то время приведоша къ собѣ изъ Литвы Князя Лугвеня, а все то Псковичемъ не на добро, и хотяху искоренити отъ основанія градъ Псковъ. Тое жь зимы Новгородцы взяша къ собѣ Князя Данила и брата его, Князя Юрья, и даша имъ градъ Порховъ. Въ Тфери заложена колоколня около старыя Вел. Княземъ Иваномъ Михайловичемъ въ Петрово говѣніе, и кончаша подписывати церковь на Городкѣ Св. Архистр. Михаила; а Владыка Арсеній Тферскій прибавилъ притвора отъ Тмаки рѣки на Желтиковѣ. Маія въ 25 въ раннюю зарю мѣсяцъ погибе. Червь (по *Никон. Лѣт.*) окрылатѣвъ идяше отъ Востока на Западъ, и пояде древо и засуши я́. Авг. мѣс. бысть въ Литвѣ мятежъ и усобницы и гладъ. Бысть знаменіе на Похрѣ: иде кровь отъ Св. Богородицы.

«Князь Иванъ Михайловичь» (зимою въ 1408 году) «оженися на Тфери, поятъ за ся дщерь Княжь Дмитріеву Еремеевича. Тое же зимы Князь Володимеръ Андреевичь ожени сына своего Ярослава у Ярославского Князя, и бысть свадьба на Москвѣ. Марта въ 9, въ Пятокъ, преставися Епископъ Ларіонъ Смоленскій и положенъ въ Сборной церкви на Коломнѣ. Марта въ 11 день, въ Недѣлю, у гроба Петра Митрополита исцѣлѣ нѣкій человѣкъ. Тое же зимы снѣгъ великъ былъ до шти пядей; а на ту весну поводь велика: за 20 лѣтъ старіи памятуки не запомнять толь великія. Апрѣля въ 7, въ Субботу Лазареву, преставися Князь Ѳедоръ Михайловичь Мологскій, во Мнишеск. чину Ѳеодоритъ, и положенъ въ своей отчинѣ въ градѣ Мологѣ въ Сборной церкви. Мая въ 25 начаша подписывати церковь кам. великую Сборную Св. Богородица, иже въ Владимірѣ, повелѣньемъ Князя Великого, а Мастеры Данило иконникъ, да Андрей Рублевъ. Повелѣньемъ Князя Великого срубиша городъ деревяный Ржеву, а Воевода бѣ у нихъ Князь Юрій Козельскій, да Юрьи Васильевичь. Іюня въ 21, въ Четвергъ о полудни, бысть пожаръ великъ въ градѣ Ростовѣ, и самая чудная Сборная церковь изгорѣ, и каменіе распадеся, иконы и съсуды златыя и сребреныя съ женьчугомъ и съ каменьемъ, то все огнемъ позже... Бяше бо ведрино и засуха, и буря и вихорь... и человѣцы погорѣша, числомъ болѣ яко 1000; и толь велика пожара за 200 лѣтъ не бывало въ Ростовѣ. Пріиде въ Новгородъ Кн. Костянтинъ Дмитреевичь на Намѣстничьство. Поби Владыка Іоаннъ Св. Софію свинцемъ, а маковицу большую златовръхую устрои. Татарове бишась съ Княземъ Рязаньскимъ, Ѳедоромъ Олговичемъ, и побиша рать Коломеньскую. Дороговь бысть житу по всей земли Русьской. Постави Харитонъ, Архимандритъ Кіевскый, церк. камен. Трехъ Святитель на Красномъ островѣ.

«Въ лѣто 6917 (1409), Марта во 2, преставися Владыка Тферскій, Арсеній. Февр. въ 28, въ Четв., поболѣ главою; къ полунощи же случися словесному органу угаснути и затворитися. Наставшю же Марту по книжному, а по лунному Февр. 15, въ Пятокъ по заутренней, приходитъ къ нему Великій Князь съ своею братьею, съ дѣтми и съ Боляры, и съзываетъ Архимандриты на помазаніе Святителя... глубоцѣ нощи суще, пресѣдяху у него 10 Черноризцевъ... и той нощи за полтретья часа отъ житія къ Богу отыде... и вложи Богъ въ мысль Великому Князю и всѣмъ людемъ положити его у Св. Богородици и у Св. отецъ Ѳеодосья и Антонія, въ его монастыри... Преставися Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь въ Новѣгородѣ. Постави Владыка Іоаннъ теремецъ каменъ, идѣ же воду священотъ на всякый мѣсяць, и пекелницу камену. Преставись Посадн. Есипъ Захаріиничь. Ноября въ 30 чюдо бысть страшно въ церкви Св. Михаила на Сковоротке: звукъ бысть въ маковицѣ по 2 дни и по 2 нощи.

«Въ лѣто 6918 (1410) пріиде изъ Цариграда на Москву Митрополитъ Фотій Апр. 22 на Великъ день, поставленъ Патріархомъ Матѳеемъ.» (Въ Кіевъ пріѣхалъ онъ изъ Константинополя 1 Сент. 1409). «Іуля 15 бысть побоище Королю Ягайлу и Витовту съ Нѣмцы съ Прусы межи городовъ Дубравны и Острода, и убиша Местера и Маршалка, и Кунтуры побиша, и городы ихъ Нѣм. поимаша, но только 3 городы не вдашась Королю и Витовту, и бысть той осени Ляхомъ 3 побоища съ Нѣмци, и на всѣхъ избиваху ихъ, и стояша подъ Марьинымъ городомъ 8 недѣль, и взяша 2 охабна, а вышняго не взяша, и ходиша по Нѣм. земли полъдругынатцаты недѣли. Бысть (въ Новѣгородѣ) знаменіе въ церкви Св. Георгія конець Лубянки отъ иконы Св. Богородицы молебной. Варламъ Архимандритъ постави церк. кам. въ воротѣхъ монастыря Лиситьского во имя Св. Варлама Хутиньского, а въ Русѣ поставиша 2 церкви камены, Св. Георгія и Благовѣщеніе. Въ Св. Софіи отъ иконы Гуріа и Самона и Авива Дек. 21 сътворися знаменіе. Преставись Посадн. Кирилъ Ондреяновичь въ Мниш. чину. Ходиша опять Ягайло и Витовтъ къ Марінну городу, и рать Нѣм. побѣдивъ, и миръ взяша, а съ города взяша 300 тысяць пѣнязей златыхъ, какъ тѣ крилошанинъ хлѣбца не сѣялъ... Великій Князь Василей повелѣ рубити градъ Плесо. Приходиша (по *Никон. Лѣт.*) Татарове на Рязань изгономъ; Рязанцы же биша ихъ и полонъ отъяша. Бысть вода велія.

«Въ лѣто 6919 (1411) постави Владыка Іоаннъ церк. кам. Свят. Исповѣдникъ. Сей же зимы иде Владыка Іоаннъ на Москву къ Митрополиту Фотію... Тое жь зимы Князь Иванъ Михайл. Тферскій прислалъ Боярина своего къ Митрополиту Фотію, и Фотій иде во Тферь и постави Антонія Епископа Тфери Февр. 2. Тое жь весны преставись Княгиня Оѵдотія Вел. Князя Ивана Михайл. Тферскаго, другая дщи Князя Дмитрея Еремеевича, Апр. въ 13 въ Понедѣльникъ, на завтрее Велика дни, и положена у Св. Спаса... Родися Лугвеню на Копорьи сынъ Ярославъ, а въ крещеніи Ѳедоръ. Родися Матѳею сынъ Кипріанъ.

«Въ лѣто 6920 (1412) поставиша церковь кам. Св. Николу въ Порховѣ, а другу на Веряжи у

мосту Св. Николу древян. въ монастырѣ, а третью на Клопьскѣ древян. Троицу. Пріѣха изъ Литвы во Тферь Кн. Александра Ивановичь. Князь Вел. Иванъ Мих. Тферскій заложи градъ на Новогоржскомъ рубежи. Генв. въ 17 Князь Иванъ Васильевичь Ярославскій выдалъ дщерь свою Марію за Князя Александра Өедоровича. Меженина бысть въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ: купили мѣру ржи по сороку алтынъ старыми деньгами. За два дни до Ильина въ Кашинѣ при вечерѣ видѣша серпъ изъ облака. Въ Оспожино говѣніе бысть вода велика въ рѣкахъ. Григорій, Владыка Ростовскій, вторый Архіепископъ, поставилъ церк. кам. Благовѣщенія на Дорогомиловѣ надъ рѣкою Москвою, а земли Митропольской Кудринскаго села отступился. Окт. въ 31 на ночь во Тфери погорѣ Городецъ на Волзѣ и церк. Богоматери и Княжь дворъ и запасъ.

«Въ лѣто 6921 (1413) постави Владыка Іоаннъ съ Воеводами Новогородскыми и съ вои ихъ, что были у Выбора, и пометомъ» (сборомъ) «Христіанскымъ церк. кам. Съборъ Архані. Гаврила на Хревковѣ улицѣ, и свяща ю самъ въ праздникъ его; а Иванъ Морозовъ постави церк. кам. на Десятинѣ Зачатіе Св. Іоанна Предтеча; и погорѣ Тферь того дни. Отъ Можайска за 10 верстъ, въ отчинѣ Князь Андрея Дмитреевичь, отъ иконы Богородицы явись жалованія и прощенія много, слѣпымъ, хромымъ» (Здѣсь разсказывается, что земледѣлецъ, именемъ Лука, нашелъ сію икону на деревѣ; обогатился; ходя съ нею изъ города въ городъ, построилъ великолѣпный домъ и жилъ Княземъ. презирая всѣхъ; что ловчій Князя Андрея Димитріевича, оскорбленный грубымъ Лукою, пустилъ на него медвѣдя, который изломалъ сего человѣка; что Лука, приведенный въ чувство увѣщаніями Князя Андрея, отдалъ ему чудотворную икону и все свое имѣніе для построенія обители Колочинской, самъ постригся въ ней и скоро умеръ). «Владыка Іоаннъ иде въ Плесковъ. Поставлена (во Псковѣ) церк. кам. Св. Василей на Горкѣ. Владыка Іоаннъ, благословивъ Псковичь, отъѣха. Авг. въ 6. Князь Костянтинъ отъѣха въ Новгородъ, и тамо пребысть годъ, и пакы пріѣха во Псковъ. Владыка Новог. Іоаннъ былъ на Москвѣ у Фотія Митр. съ дары, и тогда на Москвѣ преставися Архидіаконъ его Іоакимъ, и положенъ въ монастырѣ Ивана Златоустаго внѣ града Москвы.

«Въ лѣто 6922 (1414) погорѣша въ (Новогородскомъ) монастырѣ на Деревяницѣ Владычни хоромы и церк. кам. Св. Богородица обгорѣ, да человѣкъ сгорѣ. Бѣ болѣзнь тяжка костоломъ. Авг. въ 3 погорѣ Неревскый Конецъ отъ Св. Владимера и до Гъзени, а церкви кам. огорѣ 8, а деревян. 5. Той осени съвръшиша церк. кам. Св. Евфимія въ Плотьницкомъ Концѣ. Пострижеся Владыка Іоаннъ въ Скиму, а Посадн. Кирила Дмитреевичь преставись. Псковичи поставиша градъ Коложе на новомъ мѣстѣ на Опочкѣ, а здѣлаша весь въ 2 недѣли въ осень по Покровѣ. Кн. Костянтинъ поѣха изо Пскова на Москву въ Петрово говѣнье.

«Генв. въ 20 (1415) сниде Владыка Новогород. Іоаннъ съ Владычества, бысть въ Владычествѣ 30 лѣтъ безъ тріи. Иде вода възводъ (въ Новѣгородѣ). Повоеваша Татарове Елетскую землю (по *Никон. Лѣт.*) и Князя убиша. Смоленскъ выгорѣ и Москва» (по *Никон. Лѣт.*) «и на Саву Аврамієва, иже клевета на Фотія Митр., огнь аки облакъ преклонись отъ горницы Фотієвой и снѣде его жива. Іюня 7 въ Пятокъ бысть знаменіе въ солнцѣ» (затмѣніе). Преставись (въ Новѣгородѣ) Посадн. Өеодосій Обакуновичь въ Мнишеск. чину. Поставиша Св. Троицу кам. на Видогощи въ монастырѣ. Новъгородци, съдумавъ на Ярославлѣ дворѣ и ставъ Вѣчемъ у Св. Софія, положиша 3 жеребья на престолѣ, написавъ имена Самсона Черньца отъ Св. Спаса съ Хутина, Михаила Игумена Св. Михаила съ Сковоротки, Лва Игумена Св. Богородицы съ Колмова, и по отпѣтіи Св. службы Василій Протопопъ Старый вынесе на Вѣче Львовъ жребій, по семъ Михаиловъ, и остася на престолѣ Самсоновъ; и Посадникъ Ондрей Ивановичь и Тысяцкой Александръ Игнатьевичь възведоша Самсона въ домъ Св. Софіи на сѣни Авг. въ 11 въ Недѣлю. Того же дни священа бысть церк. древян. Въскресеніе на Красной горкѣ у Плотничскаго Конца, и монастырь устроиша. Той же осени съвръшиша 2 церкви кам. въ Людинѣ Концѣ, Въздвиженье и Св. Луку ... Купци Псковскыя разбиша старую церковь Св. Софію и начаша новую дѣлать. Мастеръ Еремей съверши церкв. кам. Вѣры, Любве и Надежи Іуня въ 18 благословеніемъ служителя Св. Мученицъ, Ивана Священника Хахиловичь, а повелѣніемъ купецкыхъ старостъ Андрея Тимоөеевичь и Осея и всѣхъ купцовъ... Той же зимы отъѣха Князь Ярославъ Володимировичь изъ Москвы въ Литву. Марта въ 10 день родись Великому Князю Василью Дмитріевичу сынъ Василій. Начатъ мати его велми изнемогати... Великому жь Князю въ скорби сущу. Бѣ же въ то время нѣкій старецъ святъ въ монаст. Св. Ивана Предтечи подъ боромъ за рѣкою Москвою, знаемъ же бѣ и Велик. Князю, къ нему же посла Вел. Князь, да помолится о Княгинѣ. Онъ же отвѣща посланному: шедъ рцы Вел. Князю, да помолится Мученику Логину: понеже той данъ бысть отъ Бога помощникъ всему роду вашему. Княгиня здрава будетъ; родитъ тебѣ сына въ вечерь сій, наслѣдника. Внегда же родись, и въ той часъ Священнику, Духовнику Вел. Князя, сѣдящу въ келіи въ монастырѣ Преображенія, пришедъ нѣкто удари въ двери и рекъ: иди, нарцы имя Великому Князю Василью. Онъ же вскорѣ вставъ и изыде, и не видѣ никого посланнаго, и пойде на дворъ Княжь, и срѣте его посланъ по него, глаголя, да идетъ и наречетъ имя рожденному сыну Вел. Князя. Священникъ же вопроси его, аще онъ и прежъ приходилъ по него — и рече: нѣсмь. И шедъ нарече имя отрочати Василій — и повѣда сія Вел. Князю и Княгинѣ, и удиви всѣхъ.

«Февр. 23 въ Недѣлю (1416) пріѣха Самсонъ къ Митрополиту ставитися, а съ нимъ послы Новог. Василій Обакуновичь, Тысяцской Василій Есиповичь, Тысяц. Александръ Игнатьевичь. Марта въ 9 въ Понедѣльникъ и въ Четв. 12 простилъ Богъ у гроба Петра Митрополита, у человѣка нога прикорчена исцѣлѣ, а въ 15 Февр у Черницы руцѣ исцѣлѣша; а въ той день Фотій постави Самсона Діакономъ, а въ Субботу третью постави Попомъ, а въ Недѣлю Средокрестную въ 22 Архіепископомъ въ церкви Св. Архистрат. Михаила, и нареченъ бысть отъ Митрополита Симеономъ; а на поставленіи было Владыкъ 5: Григорій Ростов., Митрофанъ Сузд., Антоній Тфер., Тимоөей Сарьскій, Исакій Пермскій, при Вел. Князѣ и при братѣ его Юрьѣ и Костянтинѣ; и пріѣха въ Новгородъ Апр. въ 16, и Посадн. Иванъ Богдановичь, Тысяцк. Борисъ Васильевичь съ Игумены и съ Попы срѣтиша его конець Славна; а на ту нощь преставися Наумъ, крилошанинъ Св. Софіи. Поставиша Св. Илію конецъ Пруской улици. Той осени съвръшени 2 церкви кам.: Св. Петръ Митрополитъ, да Св. Аөанасій. стяжаніемъ Владыки Симеона... Градъ Кострома заложена бысть. Маія въ 3 преставися Григорій, Архіепископъ Ростовскій. Воеваша Татарове Литву и возвратишася съ полономъ.

«Въ лѣто 6925 (1417) преставись Новог. Посадникъ Юрьи Онцифоровичь, бывъ нѣмъ годъ и 3 мѣсяца. Іюня въ 10 бысть громъ въ церкви Св. Евпатія на Рогатицѣ и иконы опалиша. Того же мѣс. въ 24 преставися Владыка Іоаннъ на Дерявиницѣ и положенъ у Св. Въскресенія въ притворѣ; а на Москвѣ преставися Князь Иванъ, сынъ Князя Великого, Василія, ѣдучи съ Коломны. Съвръшены быша (въ Новѣгородѣ) 5 церкви кам., на Колмовѣ Св. Никола, Св. Мина на Даньславлѣ улицѣ, Св. Андрей на Щитной улицѣ, Св. Антоній у Спаса на Хутинѣ, Св. Никола на Холопьи городкѣ. Псковскіи Посадники Өеодосъ и Селивестръ и весь Псковъ наяша мастеровъ и здѣлаша стѣну отъ костра на Незвановѣ горкѣ и до Сысоевыхъ воротъ, а другыхъ наймитовъ наяша и поставиша костеръ на Крому отъ Псковы, а поимаша то серебро на корьчмитѣхъ. Попове не вкупніи собравшесь, биша челомъ Пскову, и устроиша третій Соборъ у Св. Николы надъ греблею. Преставися Князь Григорій (Псковскій), на Снетной горѣ постригся, и положенъ въ притворѣ на десной странѣ. Тое жь зимы многи люди отъ мраза изомроша

«Въ лѣто 6926 (1418) въ церкви Св. Анастасіи (въ Новѣгородѣ) идяше отъ иконы Св. Богоматери Покрова акы кровь по обѣ стороны ризы ея Апр. въ 19. Поставлены 4 церкви кам. въ Новѣгородѣ: Св. Власій на Черницинѣ улици, Св. Саву па Кузмодимьянѣ, Св. Илію у Спаса на Хутинѣ, Въскресенье общи монастырь и Св. Николу на Пилбѣ. Той же осени пойде Владыка Симеонъ въ Псковъ на свой подъѣздъ, и мѣсяць судилъ и поучи ихъ: да чтобы есте Церковь не обидѣли и не въступалися ни во что, елико изъ начала Епископьи потягло при прежебывшихъ Архіепископъ, въ домъ Св. Софіи, въ земли и въ воды, и въ суды и въ печать... Въ Новгородъ пріѣха Князь Тферскый Андрей Дмитріевичь, и пріяша его... Князь Дашко Өеодоровъ сынъ Острожского взялъ Кременецъ Витовтовъ въ Великій Четвергъ; послалъ прежь себя дву человѣкъ своихъ, Дмитрея да Илью, а съ ними ся зговоря: предайтеся служити Кондрату Прусу, Воеводѣ Кременецкому; егда же пріиду ко граду, и вы взводъ оттните, а мостъ положите... и Дашко пріѣхалъ ко граду въ ночи въ 500 человѣкъ; и тѣ его совѣтницы у города отводъ отътяша, а мостъ положиша, и Дашко съ други своими въ городъ въѣха, Кондрата Воеводу уби, а приставовъ Королевыхъ и Витовтовыхъ присѣклъ, а Князя Свитригайла изъ желѣзъ высѣклъ, сѣдѣвша полдевята года; и оттолѣ ѣде Свитригайло въ Угры, и взялъ Луческъ, да у Волынскихъ Бояръ 150 коней отлучилъ... Поставленъ Ростову Епископъ Діонисій... Преставися Князь Александръ Ивановичь *Брюхатой* Суждальской, зять Великаго Князя: Князь же Великій дасть дочь свою Василису за другова мужа, за Князя Александра *Вметпя* Даниловича Суждальского и Нижегородского; а другую дочь свою Марью Князь Вел. дасть за Кн. Юрья Патрекеевича Наримантовича.

«Въ лѣто 6927 (1419) Маія въ 1 погорѣ Славенскый Конецъ и Плотничьскій и до Өедорова ручья, церкви 24, а Св. Отецъ церк. вся выгорѣ, а людій изгыбло много. Преставись Новог. Посадн. Иванъ Богдановичь. Апр. въ 9 по Вечерни буря велія и дождь и громъ, и у Св. Богородицы у городнихъ воротъ уби сторожа Андрея, а чепь паникадилную, что въ лбѣ, всю порвало, и двери Царскія опалѣли, и Св. Іоаннъ Предтеча, и на Св. Николѣ и на Василіи знадбу сътвори, а подъ церк. въ воротѣхъ 2 человѣка убило; а инии падоша аки мертви, ови онѣмѣша, а инии безъ ногъ бѣша и глуси... и въ Св. Костянтинѣ иконы опалѣша... Варлаамъ Архимандритъ постави церк. кам. въ Юрьевѣ монаст. Рожество Богородицы, и Михайло Юрьевичь церк. древян. на Колмовѣ, а Өедосій Игуменъ Св. Троицю кам. на Клопскѣ въ 60 дній... При Владыцѣ Симеонѣ во Псковѣ преставись Романъ Посадникъ, а на зиму въ Суб. Мясопустную Ларіонъ Посадникъ. Поставлена въ Псковѣ церк. кам. Св. Никола въ Пескахъ. Поставиша костеръ на Крому отъ Псковы падшій. Бысть моръ въ Кіевѣ. Симеонъ Владыка Новог. ѣздилъ по Корельской землѣ въ поѣздѣ своемъ. Поставиша церк. древян. Св. Антонія на Вежищахъ.

«Въ лѣто 6928 (1420) Псковичи наяша мастеровъ Өедора и дружину его побивати церковь Св. Троица свинцомъ, и не обрѣтоша Псковичи таковаго мастера въ Псковѣ, ни въ Новѣгородѣ, кому лити свинчаты доски, а къ Нѣмцемъ слаша въ Юрьевъ, и поганіи не даша мастера, и пріѣха мастеръ съ Москвы отъ Фотія Митрополита и научи Өедора мастера Св. Троицы, а самъ отъѣха на Москву, и тако до году побита бысть Св. Троица Авг. во 2, и даша мастеромъ 44 рубли. Бысть знаменіе велие въ Чирскахъ отъ иконы Св. Богородицы: изъ обоюоку идяху слезы, и Священники послаша, Попы и Діаконы, а отъ Пскова послаша Өедора Шибалкина и иныхъ Бояръ — и принесоша икону, и усрѣтоша ихъ съ кресты весь Псковъ за Старымъ Вазнесеньемъ, идѣ же и нынѣ крестъ въ тыну, и поставиша церк. въ женск. монастыри, и оттолѣ начаша праздновати Знаменіе Богородицы Іуля въ 16... Приде изъ Угорскія земли Князь Швитригайло Олгердовичь въ Литовскую землю жити. Поставлены 2 церкви древян. (въ Новѣг.), Св. Никола въ Іовинѣ пустынѣ и Св. Онуфрій на Красномъ островѣ.

«Въ лѣто 6929 (1421) бысть зима снѣжна и вода велика въ Волховѣ и снесе Вел. мостъ, и Нерединьской и Жилотужской, а съ Кольмецъ и церковь снесе Св. Троицю, а въ Щиловѣ и на Соколницѣ и въ Радоковицахъ и въ Въскресеніи въ Людинѣ Концѣ, въ тѣхъ церквахъ толко на полатѣхъ пѣли, а по концамъ хоромы снесе, и разліяся въ городняя ворота до Рыбниковъ. Маія въ 19, вшедши тучи съ полудни, въ полунощи громъ страшенъ и дождь прапруденъ и съ каменіемъ акы яблока, а иное аки яица... и бысть все лѣто дождево... Преставися въ Мнишьск. чину 2 Посадника, Өедоръ Тимоөеевичь и Александръ Өоминичь. Іюня въ 15 преставися Архіеп. Новогор. Симеонъ... и Новогородцы положиша 3 жеребія на престолѣ Св. Софіи, Игумена Өеодосія Св. Троицы съ Клопска, Игум. Захарію отъ Благовѣщенія и Арсенія Ключника Владычня съ Лисичьей горкы... и Труфанъ Попъ вынесе Арсеніевъ жребій и Захаріинъ, а на престолѣ остася Өедосьевъ. Посадникъ Тимоөей Васильевичь и Тысяцкой Кузма Терентьевичь съ Новогородци введоша Өедосія въ домъ Св. Софіи на сѣни Сент. въ 1, въ Понедѣльникъ. Съвръшены 4 церк. кам.: Богоявленіе на полѣ, Воскресеніе въ Павловѣ монастырѣ, Въскресеніе у Благовѣщенія въ монастырѣ, Давыдомъ Дмитріевичемъ Иванъ Милостивый въ Людинѣ Концѣ; а Новогородци цѣловаша крестъ за единъ братъ. Перхурей Черненъ Сопешка даде мѣсто земли, и поставиша (во Псковѣ) церк. Благовѣщеніе и монастырь женскый въ Пескахъ. Свершиша церк. кам. Св. Варвару возлѣ Николы въ Опонковѣ Конци... Князь Иванъ Тферскый изнима Боярина Новоторжьскаго, Ивана Кумганца, и сына его Өому, и бивъ ихъ, заточи въ Новый городокъ. Свершиша 2 церкви кам., Исакъ Окинфовичь въ монастырѣ на полѣ Богоявленіе, Василій Филиповичь съ Лукьяномъ Онцифоровичь Св. Спасъ на Розважи улици... Мѣсяца Окт.» (въ другихъ спискахъ: 15 Генв.)

свершиша въ Новѣгородѣ мостъ Великій. Тое жь осени Княгиня Настасія Юрьева Дмитріевича была у отца своего на Москвѣ, а пойде съ Москвы за недѣлю до Рожества. Тое жь зимы Князь Юрьи Ивановичь Тферскій женись у Ивана Дмитріевичь.

«Въ лѣто 6930 (1422) преставися Княгиня Настасія Юрьева Дмитрієвича въ Звенигородѣ, а положена на Москвѣ у Вознесенья. Августа въ 18 *отъ пороху* погорѣ Москва, въ полночи загорѣся, а о полудни преста.

«Въ лѣто 9631 (1423) бысть знаменіе въ солнцѣ, и съвершиша 2 церкви кам.: Св. Богородицю на Холмовѣ и Св. Іоанна на *Лужищи*. — Авг. въ 30 сослаша Новогородци Ѳеодосія, нареченнаго ихъ Епископа, со Владычня двора въ его монастырь, глаголюще: не хотимъ *шестника*» (см. Т. IV, примѣч. 380)... «и возведоша на дворъ Владычень по жребію Инока Емельяна отъ Св. Воскресенія съ Древяницы. Моръ бысть по Корельской землѣ.

«Въ лѣто 6932 (1424) Митрополитъ Фотій на Москвѣ постави въ Новгородъ Емельяна Инока въ Епископы, и нареченъ бысть Евфимій. Съвръшены 2 церкви кам. (въ Новѣгородѣ): Св. Лука на *Лубяници* и Св. Борисъ и Глѣбъ на Гзенѣ. Постави Владыка Евфимій церковь Милостиваго Спаса за олтаремъ у Св. Софіи... Кончана бысть стѣна камена (во Псковѣ) перси Кромскыа, а дѣлаша полчетверта года 200 мужь, а найма взяша 1200 рублевъ, и поставиша на персехъ колоколницю и колоколи повѣсиша, и 3 года стоявше, распадошася перси.

«Въ лѣто 6933 (1425) бысть въ Псковѣ хлѣбъ подешевле, по 5 зобницъ на полтыну ржи»

(255) См. выше, примѣч. 254, подъ годомъ 1415.

(256) Въ *Степен. Книгѣ* сказано: «Митрополитъ посла по Юрья, хотя ему поручити *старѣйшинство* Великаго Княженія:» или Авторъ разумѣлъ подъ *старѣйшинствомъ* только первое мѣсто въ Великокняжескомъ Совѣтѣ, или ошибся въ своей догадкѣ о приверженности Фотія къ Юрію: ибо послѣдствіе доказываетъ, что Митрополитъ усердно держалъ сторону юнаго Василія. — Герберштеинъ пишетъ, что Василій Димитріевичь будто бы не любилъ сына, подозрѣвая супругу, именемъ *Анастасію* (развѣ Софію?) въ прелюбодѣяніи, и наслѣдникомъ своимъ объявилъ брата, Юрія: завѣщаніе Василія Димитріевича опровергаетъ сіе извѣстіе.

(257) По извѣстію другихъ Лѣтописцевъ не Константинъ, но Андрей Димитр. Можайскій ходилъ въ слѣдъ за Юріемъ съ 30,000 или съ 25,000 воиновъ до рѣки Суры и возвратился ни съ чѣмъ, *норовя* ему. — Далѣе: «Митрополитъ прінде въ Ярославль на Рожество Предтечево, и ту ни мало помотчавъ, но точію ужиналъ у Князя Ивана Васильевича; молиша его Княгини Ярославстии, чтобы у нихъ наутріе обѣдню слушалъ, и не послуша ихъ, пойде въ Галичь... Митрополитъ же вшедъ въ посадъ града, и пойде къ Соборной церкви Преображенія: бѣ же та на посадѣ на полѣ у озера... И посла Юрій Боярина своего, Бориса Галичскаго, и Данила Чешка въ Москву,» и проч.

(258) «Въ лѣто 6934 (1426) преставися В. К. Иванъ Мих. Тферскій, и сяде на его мѣсто сынъ его, Александръ, и вскорѣ преставися; и сяде на его мѣсто сынъ его, Кн. Юрьи Александр., и сидѣлъ 4 недѣли, и преставися; и сяде братъ его, Кн. Борисъ Александр., а племяннику, Князю Ивану Юр., *далъ* городъ Зубцовъ... Того же лѣта Князь Борисъ поималъ *дядю*, Князя Василья Михайл. Кашинскаго. — Тоя же осени (1426) преставися Кн. Андрей Володимер. во иноч. чину Сава, и положенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ..: и К. Ярославъ Волод. и К. Иванъ Васил. Ярославскій... Въ той же моръ преставися (въ 1427 г.) К. Василей Волод. и положенъ во Архангелѣ на Москвѣ... Преставися (въ 1428) К. Петръ Димитр.» (а не Константинъ, какъ въ *Псков. Лѣт.*) — «И послѣ того мору, какъ послѣ потопа, толико лѣтъ люди не почали жить, но маловѣчіи и худи и щадушіи начаша быти» (см. ниже, примѣч. 386, г. 1425, 1442 и 1448). Въ 1431 было небесное знаменіе, три огненные столпа, и проч.

(259) Въ *Никон. Лѣт.* (1426): и рѣзаша у Татаръ... и въ ротъ влагаху имъ наругающеся, яко же бо и самому Витовту видѣти.»

(260) Въ *Псков. Лѣт.*: «Псковичи биша челомъ Новгородцемъ (въ 1425 г.), и они отрядиша послы къ Витовту, а Псковичи послаша съ ними Ѳеодора Посадника и Андрея Ларіоновичь и Ивана Ларьяновичь и Бояръ; они же не учиниша ничто же... Въ лѣто 6934 (1426), Іуня въ 29, отступивъ Витовтъ разверже миръ съ Псковичанами, и Псковичи послаша къ Новугороду, абы помогли, и не помогоша, но еще и послаша Александра Игнатьевичь къ Витовту на Псковское зло, и егда мимо иде 4 недѣли и 4 дни, и Витовтъ... прінде къ Опочкѣ Авг. въ 1 день, а Опочани бьяхуть ихъ ово каменьемъ, ово колодьемъ отъ заборолъ отсѣкая, и поганіи, всуе трудившесь 2 дни и 2 нощи, отъидоша... И прінде Витовтъ къ Вороначю Авг. въ 25, и счинивше пороки, шибаху на градъ каменіе, и бѣ Вороночаномъ притужно, и послаша ко Пскову, чтобы печаловалися о нихъ, и Псковичи послаша къ Витовту Посадника Ѳеодора Шибалкина, а съ нимъ Бояръ, и биша много челомъ; онъ же челобитья не пріять, и начаша къ городу лѣзти, пушками шибая и пороками, и приспѣвши нощи, и бысть чюдо страшно» (тутъ описаніе грозы)... «а Вороночани моляхуся Богу и Мученику Георгію, а Псковичи ожгоша посады своя; и Витовтъ призва Вороночанъ, и обольстивъ ихъ, и взя перемирье съ ними; и Вороночани послаша гонца ко Пскову, а Псковичи къ Витовту Якима Посадника и Ѳедоса и Бояръ. Еще же и о семъ повѣмъ: тогда же въ засаду къ Котелну городу послаша Посадниковъ Селивестра и Ѳеодора Шибалкина, и съ ними 400 мужь, а Витовтъ посла къ Котелну 7000 мужь Литвы и Татаръ, а Псковичемъ того не вѣдущимъ, и подъ Котелномъ удариша на нихъ Литва и Татары, и убиша Псковичь 17, а руками яша 13; а Псковичи съ ними бишась побѣгая къ городку, и побиша Литвы много, и тако вбѣгше въ Котелной, затворишась. А Островичи тогда ходиша торопомъ» (набѣгомъ) «къ Велью, и наѣхаша на ночьлезѣ Татаръ и убиша 40 мужь, а мало ихъ убѣжа, и инѣхъ подо Вревомъ Вревичи побиша... И пріѣхавше Якимъ Посадникъ и Ѳеодосій, биша много челомъ, и срядишася дати 1000 рублевъ, и взяша миръ съ Витовтомъ Авг. въ 25, а полоненыхъ даде на пороку Посадникомъ, а срокъ положиша привезти 1000 рублей и полоненыхъ всѣхъ въ Вильни поставити на Крещеніе... Псковичи (въ 1427 г.) послаша къ Вел. Князю Юрью Посадника Тимоѳеевичь и Бояръ, чтобы послалъ своихъ Бояръ къ Витовту и ударилъ бы челомъ за Псковичь; и бяше ему тогда брань съ Княземъ Юрьемъ о Великомъ Княженіи, но обаче о всемъ томъ небрегъ уречеся; и на зиму присла Вел. Князь Бояръ своихъ во Псковъ, и Псковичи послаша съ ними Посадниковъ Якима Павловичь и Ивана Сидоровичь и Бояръ, и даша имъ реченное Витовту сребро. Они же ѣхавше въ Вилно на срокъ, и поставиша плѣненыхъ предъ Витовтомъ, и сребро положиша 1000 рублей; онъ же поганый сребро взя, а плѣненыхъ на крѣпости посади... За 3 недѣли до Ве-

лица два Псковичи послаша къ Витовту Посадника Селивестра Левонтьевичь и Владычня Намѣстника Пареея... и докончяща за полоненых полпятаста рублевъ, а сребро дати на Покровъ.» На противъ того *Никон. Лѣт.* сказываетъ, что посолъ Великаго Князя, Александръ Владиміровичь Лыковъ, нашедши Витовта еще подъ Вороночемъ, уговорилъ его взять съ Псковитянъ только 1000 рублей вмѣсто трехъ тысячь. — Ливон. Лѣтописецъ говоритъ, что Псковитяне ссорились тогда съ Епископомъ Дерптскимъ, Дитрихомъ, который убѣдилъ Витовта итти на нихъ войною (см. Гадебуш. Liefländ. Jahrb. г. 1426). — См. *Новог. Лѣт.* г. 1428, и Длугош. Hist. Polon. стр. 509 — 510, гдѣ онъ говоритъ о характерѣ Новогородцевъ. — *Тюфяками* назывались особеннаго роду пушки. — Объ осадѣ Порхова въ *Никон. Лѣт.*: пушка у церкви Св. Николы переднюю и заднюю стѣну во олтари прорази и градныя каменныя зубцы срази, и изыде паки изъ града на полки Витовтовы... и много изби воинства и коней. Бысть же се въ самую Литургію; Священника же ничимъ не вредя, а Нѣмчина мастера, похвалившагось на Св. Николу, размета невидимо гдѣ... точію *полкабата* (камзола) его остася.» Въ *Новог. Лѣт.*: «Порховичи докончаша за себе 5000 рублевъ» (въ *Арханг. Лѣт.* прибавлено: *Рижскою*, т. е. Рижскимъ серебромъ)... «а Новогородци другую 5000 серебра, а шестую на полову; и то серебро браша на всѣхъ волостехъ Новгородскыхъ и по Заволочію съ десяти человѣкъ рубль.» Въ *Псков. Лѣт.*: Новгородци прислаша ко Пскову помощи просити противу Витовта, и Псковичи отрекоша: какъ вы намъ не помогосте, тако и мы вамъ не поможемъ; а еще межю нами крестное цѣлованіе съ Витовтомъ, что намъ по васъ не пособляти... И Новгородци съ Владыкою Евфиміемъ привезше дары многы (къ Витовту) и добиша чоломъ *пятьюнадесять тысящь* рублей, и стоя подъ Порховомъ недѣлю, и отъиде Іюля въ 28 день.» Въ *Никон. Лѣт.* сказано, что Архіепископъ Евфимій выкупилъ плѣнниковъ за 3000 рублей.

(261) Въ *Новог. Лѣт.*: «А Князь Великій тогда къ дѣду своему Витовту и крестъ поцѣлова, что ему не помогати по Новѣгородѣ, ни по Псковѣ.» — Въ Императорской Библіотекѣ есть *списокъ* присяжной грамоты, около сего времени данной Княземъ Рязанскимъ Витовту. Въ ней сказано: «Господину Осподарю моему, В. К. Витовту. Се язъ К. В. Иванъ Ѳеодоровичь Рязанскый добилъ есми челомъ, далъ ся есми ему на службу... а быти ми съ нимъ за-одинъ на всякого... А будетъ ли которая валога В. К. Василью Васильевичь, внуку его, изъ которые стороны, а звелитъ ми К. В. Витовтъ, и мнѣ пособляти ему (Василію); а судъ и исправы держать ми съ В. К. съ Василіемъ по старинѣ. А будетъ ли В. К. Витовту съ В. К. съ Василіемъ Вас., со внукомъ своимъ, какое нелюбіе, или съ дядами его, или съ братьею его, и мнѣ пособляти В. К. Витовту, своему Осподарю. А В. К. Витовту въ отчину мою не вступатися, вынемши Тулу, Берестей, Дороженъ... А суды и исправа давати ему мнѣ чисто... Съѣхався судіамъ В. К. Витовта съ моими, судити имъ, цѣловавъ крестъ... а что сопрутся, ино положить на Осподаря, на В. К. на Витовта, кого обвинитъ,» и проч.

(262) Длугош. Hist. Polon. кн. XI, Стриков. кн. XV, гл. 13, и *Никон. Лѣт.* г. 1430. Въ Генв. 1429 Витовтъ угощалъ въ Луцкѣ Сигизмунда, Короля Римскаго, и Ягайла, а осенью въ 1430 Князей Россійскихъ въ Трокахъ и въ Вильнѣ. Стриковскій въ числѣ гостей именуетъ и Датскаго Короля, Эрика (что сомнительно). Означенное количество меду и запасовъ отпускалось ежедневно на пиры въ Луцкѣ; но Виленскіе не уступали имъ въ роскоши. На первомъ съѣздѣ Сигизмундъ предложилъ Литов. Князю назваться Королемъ; а второй съѣздъ былъ для ожидаемой коронаціи Витовта. Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ хранятся письма Витовтовы о сихъ происшествіяхъ къ Магистру Нѣмецк. Ордена, Павлу Руслорфу: въ одномъ (отъ 17 Генв. 1429) сказано, что Ягайло уже въ Луцкѣ, а Сигизмундъ скоро будетъ; въ другомъ (Авг. 1430) говорится о Вел. Князѣ Московскомъ, пріѣхавшемъ къ нему вмѣстѣ съ Тверскимъ около 8 Авг.: wir beiten (erwarten) euer hie mit autem Gemute mit den Gästen, als mit dem Großen Fursten von der Moskaw und von Twere, und sunst mit viel andern (Длугошъ упоминаетъ единственно о Татарскомъ Царѣ, сверхъ Князей Россійскихъ).

(263) Длугош. Hist. Polon. 559.

(264) См. *Никон. Лѣт.* г. 1440, Стриков. кн. XVII, гл. 5 — 8, и Кромера гл. XXII, стр. 337. Послѣдній пишетъ: Michael apud Moschos exulans veneno, opera Lituanorum procerum, ut creditum est vulgo, in poculum infuso, extinctus est; а Стриковскій говоритъ, что какой-то Игуменъ Московскій отравилъ Михаила ядомъ въ просфорѣ (около 1452 года). — Подлинная Свидригайлова договорная грамота находится въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, но такъ ветха, что не льзя разобрать ни одной цѣлой строки: видно только, что говорится о свободной торговлѣ въ обѣихъ земляхъ, и проч. На примѣръ: «Язъ, Князь Великій Швитрикгайло, миръ... съ Новымгородомъ... а послѣ грамотъ мѣсяцъ не воеватися... А на семъ язъ, Кн. Вел. Швитрикгайло, крестъ цѣловалъ; тако же и посломъ Новогородскимъ... Иванъ Ермолиничь... Харьиничь... Индикта IX,» то есть, 1431 г. — Свидригайло въ 1432 заключилъ миръ и съ Псковитянами, отъ коихъ ѣздили къ нему Посадники Іоакимъ, Алексѣй Ефремовичь и Бояре. Съ обѣихъ сторонъ утвердили старую границу, какъ было при Витовтѣ (см. *Псков. Лѣт.*). — Въ *Новог. Лѣт.*: «той же зимѣ (1436) послаша Новгородци Посадника Григорія Кириловичъ къ Литов. Кн. Жидимонту, и Жидимонтъ цѣлова крестъ къ Новугороду по старинѣ. — Изъ Кенигсбергскаго Архива прислана ко мнѣ слѣдующая Свидригайлова грамота, достойная замѣчанія и слогомъ и содержаніемъ: «отъ Великаго Князя Швитрикгайла приятелю нашему, милому Князю Павлу, Мистру Прускому. Грамоты ваши Князя Лодвиковъ Кунтура Кьгмевьского слуга Климокъ принеслъ къ намъ къ Смоленьску на третьей недели въ Четвергъ по Велику дни. Пишете, иже есте готови со всими своими людми къ семой недели въ Лядкую землю потягнути: то намъ велми любо, што не вмѣшкивая дело чините. А пишете, што быхомъ псали прося Волоского Воеводы, што бы въ тыи часы также съ своими людми отъ своее стороны втягнулъ въ Ляцкую землю: и мы къ нему послали, просячи его. А пишеть о Князя Михайла и о Князя Федка, што быхомъ и тымъ отъ тое стороны и съ Подолья Ляцкой земли велѣли заважати и щколити; а о Князя Олександра о Носа ведома ещо вамъ не было, што приступилъ къ намъ: ино о томъ есмо къ вамъ ужо послали перво грамотъ и словомъ пакъ приказали есмо, а потомъ и слугу его отпустили есмо, што послалъ къ вамъ, то вжь (уже) вамъ ведомо есть; ино Князю Федку велѣли есмо оттуль отъ Подольское земли заважати Ляхомъ, што наиболши могучи со всими тамошними людми, а и съ Татары пакъ: занюжь и Татаръ съ нимъ досыть есть; а Князь Олександръ Носъ отъ Луцкое стороны. Надеемся, имуть имъ много заважати и щкодити ихъ земли; о томъ есмо послали къ

намъ, ко Князю къ Олександру и ко Князю Федку; ко Князю Михайлу, Воеводе Киевъскому велѣли есмо къ собѣ тягнути ему. Мы жь, Богъ дасть, хочомъ на тотъ жо день, на семую Суботу, со всими нашими людми и съ Мистромъ Лифлянтьскимъ соймася въ Полоцку или где будетъ споручь и намъ и ему, хочомъ пойти въ Литву на тотъ же рокъ, какъ и вы потягнете. А также оногды ещо у (въ) Великии постъ, какъ толко отпустивъ Лодвика Кунтура Къгмевьского къ вамъ, послали есмо Боярина нашего, на имя Михайла Арбанаеса, ко Царю Магметю къ Орде, а после опять передъ Великою ночью послали есмо къ Орде жь Пана Ивашка Монивидовича, прося Царя, штобы намъ также отъ себе помоглъ. Тотъ жо Михайло Арбанасъ приѣхалъ къ намъ къ Смоленьску того жь дни, какъ Кунтуровъ слуга Климокъ: приказалъ съ тымъ Михайломъ къ намъ Царь Магметь Ордьский, молвя, какъ есми взялъ братство за-одно стояти съ тобою, съ своимъ братомъ съ Великимъ Княземъ Швитрикгайломъ, то такъ держу полно свое слово, свое докончанье. А послалъ былъ есмь сее зимы къ тобѣ брату на помочь своихъ люди двападцать тисячь, а съ ними многихъ въ головахъ Улановъ Князей, и дошбдшо до Киева вернулися опять: за снегомъ не могли далей пойти; снеги были велики; а нынѣчи шлю къ своему брату, къ тобѣ къ Великому Князю Швитрикгайлу, на помочь сына своего большого Манутака Царевича, а правую руку зятя, Князя Айдара, а другого зятя, Князя Ельбердѣя, со многими людми; одно братъ мой пришлетъ ко мне человѣка доброго, кому быхъ тыи свои люди далъ на руки, ижъ бы ихъ довелъ до моего брата, до Великого Князя Швитрикгайла. А о Пана Ивашка, что есмо послали къ нему, ведомо ему ещо не было; и сустрѣлъ тотъ Михайло нашъ Пана Ивашка въ поли; надеемся вжо въ Орде есть у Царя; а людей своихъ готовы держить Царь; отрядивъ съ Паномъ Ивашкомъ ихъ и отпуститъ къ намъ на помочь, и сына и двy зятей тыхъ своихъ со многими людми; а и то приказалъ къ намъ съ тымъ Михайломъ и на ярлыце псалъ на своемъ: будетъ тыхъ людей моихъ мало, а будетъ самого мене надобе со всими моими людми, готовъ есми къ тобе, къ своему брату Великому Князю Швитрикгайлу; одно где ми узвелишь. Такъ намъ приказалъ молвить, што его неприятель, то и мой неприятель; но хочомъ Богу моляся съ одного своего добра смотреть. А псанъ у Смоленьску Мая 3 дне» — вѣроятно, въ 1432 году.

(265) См. *Никон. Лѣт.* г. 1426 и 1429. Первое нападеніе было *осенью:* вѣроятно, еще въ 1425 г. Татары, стоявъ въ Галичѣ мѣсяцъ, взяли Кострому 6 Генв. Съ дядями Великого Князя ходилъ къ Нижнему Бояринъ Иванъ Дмитріевичь. — О походѣ въ Болгарію см. *Никон. Лѣт.* г. 1430.

(266) Сія грамота находится въ Архивѣ подъ No 22 и 23 (см. *Собр. Госуд. Грам.* 86). Въ началѣ: «На семъ, *брате молодшій*, Князь Юрьи Дмитреевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ,» и проч. Она подписана Митрополитомъ; въ ней означенъ годъ, Индиктъ и день (Марта 11). Въ лѣтописи: Тое жь зимы (1431) Кн. Юрьи разверже миръ.»

(267) Но въ такомъ единственно случаѣ, когда бы Василій не оставилъ сыновей; и притомъ въ завѣщаніи нѣтъ имени Юрьева, а сказано только: «кто будетъ подъ тѣмъ (Василіемъ), ино тому сыну моему Княжь Васильевъ удѣлъ.»

(268) «Князь Юрьи Дмитр. на Рожество Богородицы бысть на Литургіи у Пречистые на Сторожехъ, и пойде ко Ордѣ же; и взятъ ихъ къ себѣ въ улусъ Дорогаминъ Московской Минъ-Булатъ... но добръ бяше до Юрьи Князь великій Ордынскій Ширинъ-Тегиня... Нѣкто же Татаринъ, Усеинъ именемъ, Постельникъ Царевъ, братаничь Тегинѣ, сказа ему душу Цареву... Пріиде Князь Великій В. В. на *Москву* на Петровъ день, а съ нимъ Царевъ посолъ, Уланъ Царевичь: тотъ его садилъ на Великое Княженіе у Пречистые у золотыхъ дверей» (въ Успенскомъ Соборѣ) «а К. Юрьи пойде въ Звенигородъ, а оттолѣ въ Дмитровъ.» Только въ одномъ *Архангельск. Лѣт.* сказано, что Мурза Ханскій посадилъ Василія на престолъ будто бы въ *Владимірѣ*.

(269) Великій Князь не былъ доволенъ тѣмъ, что Ханъ отдалъ Юрію Дмитровъ.

(270) (*) «И Микула поясъ далъ въ приданые жь Ивану Дмитріевичю, а Иванъ Дмитр. далъ его за своею дочерью Князю Андрею Володимеровичю; по смерти же Андреевой, по Ординскомъ приходѣ, Иванъ Дмитріевичь Княжну, Андрееву дщерь, а свою внуку, обручалъ за Князя Василья Юрьевича, и тотъ поясъ далъ ему.» Въ *Архангельск. Лѣт.:* на той свадбѣ (Великаго Князя) Захарья Ивановичь Кошкинъ имался за поясъ у Князя Василья Юрьевича у Косова, а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою.» Лучше вѣрить Московскому Лѣтописцу. — Юріевичи, уѣхавъ изъ Москвы, ограбили Ярославль и взяли *казны всѣхъ Князей.*

(271) «Посла противу ему (Великій Князь Юрія) Θеодора Андреевича Лужа и Θеодора Товаркова.» — О Москов. воинахъ: «піяни бяху, а и съ собою медъ везяху, чтобъ пити еще.»

(272) Въ *набережныхъ* сѣняхъ.

(273) Въ *Собраніи Госуд. Грамотъ,* I. 99. Тамъ сказано: «Цѣлуй крестъ ко мнѣ и къ моему сыну, К. Дмитрею меньшому, и съ нашимъ братомъ молодшимъ, К. Костянтиномъ Дмитр., и съ нашими братаничи Княземъ Иваномъ и К. Михайломъ Андреевичемъ» (Можайскими, сыновьями умершего Андрея Димитріевича) «и со К. Васильемъ Ярославичемъ... А держати ми тобя, Великого Князя, въ старѣйшиньствѣ... а дѣтей ми своихъ большихъ, Князя Василья, да Князя Дмитрея, не пріимати и до своего живота, ни моему сыну меньшому; а тобѣ ихъ также не пріимати... Что отчина брата нашего, Княжа Петрова Дмитреевича, Дмитровъ со всѣми волостьми, того ми всего подъ тобою, подъ Вел. Княземъ, блюсти... а что есмь взялъ Царевъ ярлыкъ на Дмитровъ, и тотъ ми ярлыкъ тобѣ дати... Что ми еси нынѣча отступилъ Сурожыка, да Лучинского, да Шепковы, и Шачебала, и Лакурги, и Костромскихъ волостей... и Бѣжыцского Верха... А въ Литву ти у мене помочи не имати, а къ тобѣ ми не ѣздити... а которыя суды судилъ изъ Князь Юрьи Дмитреевичь, сидя на Москвѣ, а тѣхъ ти судовъ моихъ не посужати... А что поимана твоя казна и твоее матери, или Бояръ, и мнѣ то отдати... А что будутъ поклажей моихъ Бояръ, Семеновы Θедоровича, или иныхъ, и тобѣ то отдати... А что Князь Василей Ярославичьималъ или люди его грабили, а на то судъ и исправа. А что еси платилъ въ Ордѣ за мою отчину за Звенигородъ и за Галичь два выхода и съ распанами, а о томъ ми съ тобою розчестися... А что есмь занялъ у гостей и у суконниковъ шесть сотъ рублевъ, да заплатилъ есмь въ твой долгъ въ Ординской Резепъ-Хозѣ, да Абипу въ кабалы и на кабалахъ есмь то серебро подписалъ, и тобѣ съ мене тотъ долгъ сняти, а съ тѣми гостьми вѣдатися тобѣ.»

Въ лѣтописи: «Князь Великій В. В. посла Воеводу, Князя Юрья Патрикеевича, а съ нимъ Дворъ

(*) „См. Лѣт. Софійск. II, 11. В. Княгиня Марія названа внукою Марьи Голтаевой.“ (Отмѣтка Исторіографа на собств. его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

своей, многіе люди, на Кострому на Юрьевичевъ, а съ ними баше Вятчане и Галичане; и сташа на бой, на рѣчкѣ на Куси, и рать Вел. Князя побиша, а Воеводу, Юрья Патрикеевича, поимали, и пріидоша опять на Кострому; а какъ Волга стала, и оня ступили къ Турдеевымъ врагомъ... К. В. слышавъ измѣну дяди, что на бою у дѣтей его были Воеводы его со многими людьми, и пойде на него ратію; онъ же (Юрій) бѣжа къ Бѣлуозеру, и Князь Великій Галичь вся и сожже» (въ *Архангельск. Лѣт.* сказано, что онъ не взялъ крѣпости, гдѣ засѣли Косой и Шемяка.)... «и возвратися къ Москвѣ. А Князь Юрьи приде въ Галичь, и посла по дѣти своя, и собра силу многу, и Вятчанъ приведе... Князь же Великой пойде противу, а съ нимъ Князь Иванъ Можайской... и срѣтошася у Николы Св. на горѣ въ Субботу Лазареву... а Князь Иванъ Можайской бѣже ко Тфери: тамо бо и мати его бѣжала ко дочери своей; и К. В. посла къ нему Андрея Өедоровича Голтяева... А Князь Юрьи присла къ нему Якова Жеткова, зовя его къ собѣ; Иванъ же пойде со Тфери къ Юрью, и срѣте его у Троицы, и пойде съ нимъ къ Москвѣ.» (Въ *Новгор. Лѣт.*: На Св. недѣли, Апр. въ 1, пріѣха въ Новгородъ Князь Вел. Василій, и выѣха весь Великій Новгородъ ратью на поле на Зарѣчскую сторону къ Жилотугу, а Князь Великій былъ на Городищи, и не бьють имъ ничего же; и К. В. въ Новѣгородѣ пребывъ 3 недѣли и 4 дни, отъѣха на Тферь Апр. въ 26.») «Пріиде же Юрьи подъ Москву на Страстной недѣли въ Среду, и стоя подъ городомъ недѣлю... и взя Москву, и Княгинь Великихъ посла въ Звенигородъ.» Во *Псков. Лѣт.* сказано такъ о началѣ войны между Юріемъ и Великимъ Княземъ: «К. В. пойде ратью на Князя Юрья, а черезъ мирную руку и правду, церкви пожже въ Галичѣ и монастыря, и много народу посѣче, а К. Юрья ту не быоть; и приде въ Переславъ, и учини пакость велику.»

(274) «Преставися (въ 1432 г.) дядя В. К. Василія, Князь Андрей Можайскій, въ своей отчинѣ мѣсяца Іюня, и привезоша его на Москву и положиша во Архангелѣ.» Въ 1433 г. К. Иванъ и братъ его К. Михайло Андреевичи заключили союзъ съ Василіемъ, жившимъ тогда въ Коломнѣ: см. ихъ договоръ въ *Собраніи Государственныхъ Грамотъ*, I, 92.

(275) См. *Собр. Госуд. Грамотъ* стр. 90. Въ обѣихъ грамотахъ Юрій называется *Великимъ Княземъ*. Въ Рязанской сказано: «Тобѣ, Вел. Князю Юрью Дмитр., отчины моей Княженья Рязанского, Переславля и Пронска по рѣку Оку блюсти подо мною... а въ *Тулу* и въ Берестій тобѣ и твоимъ дѣтемъ не вступатись... А со Княземъ еси съ Проньскимъ и съ его братьею любовь взялъ; а что ся промежъ насъ учинить, ино межъ насъ управить тобѣ, Вел. Князю... а съ Торускимъ Княземъ взяти ми любовь, зане тѣ Князи съ тобою одинъ человѣкъ. А Новосильскіе Князи добьютъ челомъ тобѣ, и мнѣ съ ними взяти любовь... А что будетъ покупилъ въ Мещерскихъ мѣстѣхъ дѣдъ мой и отецъ мой и язъ или мои Бояре, и въ та мѣста мнѣ не вступатись: знати намъ свое серебро, а земля къ Мещерѣ, какъ было при В. К. Иванѣ Ярославичѣ и при Князи Александрѣ Уковичѣ... а *Князи Мещерскіе* не имутъ тобѣ, Вел. Князю, править, и мнѣ ихъ не приматъ... А что будетъ въ моей вотчинѣ Егедѣева полону, коли былъ Егедѣй у Москвы, тѣхъ ми отпустити, а съ купленыхъ окупъ взяти; также и Царевичь Махмутъ-Хозя какъ былъ у тобе въ Галичѣ ратью... А что есми посылалъ свою рать съ твоимъ братычемъ, со Княземъ съ Васильемъ, и воевали и грабили, ино тому всему погребъ,» и проч. Въ *Родословной Книгѣ* (II, 239) сказано о *Мещерьскихъ Князьяхъ* такъ: «Въ лѣто 6706 (1198) Князь Ширинской Бахметъ, Усеиновъ сынъ, пришелъ изъ Большіе Орды въ Мещеру, и Мещеру воевалъ, и засѣлъ ее, и родился у него сынъ Беклемишъ, и крестился Беклемишъ, и названъ Михаиломъ, и въ Андреевѣ городкѣ поставилъ храмъ Преображенія, и съ собою крестилъ многихъ людей. У Князь Михайла сынъ Князь Өедоръ, у Өедора Юрьи, и Князь Юрьи былъ на Дону, пришелъ изъ Мещеры къ В. К. Дмитрію Ивановичу съ своимъ полкомъ. У Юрьи сынъ Князь *Александръ*:» сей-то Александръ есть *Уковичь*, продавшій Мещеру Дмитрію Донскому (см. выше, стр. 62); но Князь Ширинской Бахметъ вышелъ изъ Орды безъ сомнѣнія гораздо послѣ 1198 года, когда еще и Большой Орды не было.

(276) *Собр. Госуд. Грамотъ*, 105. Юрій отказываетъ Косому Звенигородъ, разныя села, и между прочимъ Тамашенскіе луга на Перервѣ; Шемякѣ Рузу, а Красному Галичь съ соляными варницами (кромѣ церковныхъ), Вышегородъ, и между прочими деревнями Подмосковное сельцо *Сущевское* съ *Ходынскимъ* лугомъ: Московскіе же доходы, Дмитровъ, Вятку, дворъ, загородный садъ и садикъ всѣмъ тремъ вмѣстѣ. Далѣе: «Благословляю сына своего, Василья, икона пречистая Богородица, окована золотомъ, Смоленская; а благословляю сына своего, Дмитрея, икона Спасъ окована, что мя ею благословила Княгиня Марья Данилова; а благословляю сына своего, Дмитрея меньшаго, икона Пречистая золотомъ окована, что мя благословила мати моя Княгиня Великая. А что изъ золота, даю сыну своему Василью поясъ золотъ съ каменьемъ на чепехъ безъ ремени; а Дмитрею, сыну своему, даю поясъ золотъ на червьчати ремени; а Дмитрею, сыну своему меньшему, даю поясъ золотъ съ каменьемъ безъ ремени, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой. А что моего осталося золота, или женчугу, или матери его золота, или женчугу, а тѣмъ благословляю сына своего, Дмитрея меньшего. А Богъ дастъ, будетъ Митрополитъ на Русь, и язъ ему велѣлъ дати блюдо свое большее двоколечное... А писалъ есьми грамоту сю передъ Бояры.»

Въ Архангельскомъ Соборѣ на гробѣ Юріевомъ изображены годъ и число его смерти: «л. 6940, Авг. 19;» но въ томъ и въ другомъ ошибка. По всѣмъ лѣтописямъ онъ скончался въ 6942 году, а по *Архані. Лѣт.* 6 Іюня. Сія надпись безъ сомнѣнія не есть древняя.

(277) См. о Константинѣ выше, примѣч. 192, а грамоту въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, 107. Начало: «Божіею милостію и Пречистыя Его Богоматере и *по нашей любви*,» и проч. Далѣе: «што еси взялъ у Семена у Аминева пасынка въ Тростнѣ въ своемъ имяни, и то село твое» (въ Звенигородской области)... «А што, брате, еще въ цѣлованьи будучи со мною, не додалъ ми еси въ выходы серебра и въ Ординскые проторы, и што есмь посылалъ киличеевъ своихъ ко Царемъ, къ Кичимъ-Ахметю и къ Сиди-Ахметю, а то ти мнѣ, брате, отдати по розочту... а што въ наше розмирье (было), а тому всему *дерть*» (забвеніе).

(278) Въ Синод. *Псков. Лѣт.*: «Князь Василій Юрьевичь, побравъ злато и сребро, казну отца своего, и градскій запасъ и весь и *пускичи* (пушки) и подойма съ собою Князя Романа *Переяславскаго*» (вѣроятно, бывшаго Намѣстникомъ въ *Переславлѣ*) побѣже къ Новугороду... и егда прибѣже въ Новгородъ, а Князь Романъ побѣже отъ него; онъ же, поимавъ его, повелѣ отсѣщи руку и ногу, и умре; а самъ Кн. Василій Юрьевичь, на Горо-

днищѣ поживъ 8 недѣль, поѣха на Заволочье.» — Въ *Никон. Лѣт.* и въ другихъ: «Косой, шедъ на Кострому, нача собирати воя... и прiѣха въ Новгородъ... и пойде и пограби по Мстѣ рѣцѣ и по Бѣжецкомъ Верху и по Заволочью... и пойде съ Костромы со многими силами къ Москвѣ, а Князь Великій противу... и срѣтошась въ Ярославской отчинѣ у Козмы и Даміяна на Которосли, Генв. въ 6 (1435), и поможе Богъ Вел. Князю, а Косой убѣже въ Кашинъ... и пойде изгономъ къ Вологдѣ на Вел. Князя заставу... и тамо Воеводу поималъ, Өеодора Михайловича Челядну, Андрея Өеодоровича Голтяева, Володимера Андреевича Зворыкина, Михайла Чепчика и иныхъ; и пойде къ Костромѣ, и посла по Вятчанъ, и пріидоша къ нему... а Князь Великій пойде на него, и ста па мысѣ у Св. Ипатія межи Волги и Костромы, и не лзѣ бѣ битися имъ, межи бо ихъ рѣка Кострома, и взяша миръ... а весна была вельми студена.» (Между рукописями Императорской Библіотеки находится списокъ мирнаго договора, заключеннаго тогда между Великимъ Княземъ и Косымъ). Далѣе: «Косой же пришедъ въ Дмитровъ, и пребысть въ немъ 1 мѣсяцъ... и пойде опять па Кострому, а къ Вел. Князю розметные послалъ, а жилъ на Костромѣ до пути зимняго, а на пути пойде къ Галичю, а изъ Галича къ Устюгу, и на Кичьменгу на верхъ Югу рѣки приде въ Николинъ день, а на Устюгъ подъ городъ Гледенъ Генв. въ 1 (1436), а ждалъ Вятчанъ и стоялъ 9 недѣль, и на всякъ день приступалъ, а города не взялъ; а на городѣ былъ Воевода Вел. Князя, Князь Глѣбъ Ивановичь Оболенскій; а волости выпустошилъ, а послѣ Гледенъ взялъ па цѣлованье, а Князя Глѣба взялъ душею на правѣ, *да* его убилъ, и положенъ бысть въ Соборн. церкви на Устюзѣ; а *Десятинника* Владычня, Іева Булатова, повѣсилъ, и много Устюжанъ казнилъ, вѣшалъ, сѣклъ.»

(279) «А приставъ у него Иванъ Старковъ, а Намѣстникъ на Коломнѣ онъ же... Тое же весны, въ 4 недѣлю поста Великого, пойде Кн. В. Ю. Косой похваляся на Великого Князя... а К. В. стрѣтилъ его на Скоротинѣ въ Ростов. области.»

(280) Объ немъ сказано въ *Псков. Лѣт.*: «Пріѣха во Псковъ изъ Риги (въ 1436 г.) отъ Местера Князь Иванъ Баба, а въ своемъ безвременьи, и пребывъ въ Псковѣ до полузимы, поѣха на Москву.»

(281) «Угони Косого Борисъ Тоболинъ, и нача кликати: *ось Князь Василей Юрьевичь!* и пригна къ нему Князь Иванъ Баба.» Далѣе въ *Архангел. Лѣт.* стр. 122: «А когда К. Василій Юрьевичь перевезлся Волгу, и пойде конною силою на Нерехту, а Вятчанъ отпустилъ 400 въ судѣхъ къ Ярославлю, а Князь Великій чаялъ судовые силы много со Княземъ Васильемъ, и онъ велѣлъ Князю Александру Өеодоровичю Брюхатому Ярославскому съ Ярославцы и съ Углечяны въ судѣхъ быти подъ Ярославлемъ, а силы съ нимъ 7,000, а Вятчяня, не дошедъ до Ярославля за 15 верстъ на усть рѣчки Тунашмы, суды оставя въ рѣчкѣ, а сами пѣши посковчили за Княземъ Васильемъ, да не поспѣли на бой, стрѣтили бѣглыхъ съ бою, а сказываютъ, что Князя Василья на бою поимали. И Вятчяня побѣгли взадъ подлѣ Которосль рѣку внизъ, а ужъ нощь, и прибѣгли близъ Ярославля на свѣтлой зарѣ, ажъ Чернецъ единъ ѣдетъ по Которослѣ вверхъ, и начаша спрашивати его: гдѣ Князь Александръ стоитъ? Чернецъ же чаявъ Князь Александровы люди, и рече имъ: близъ на усть Которосли шатромъ стоитъ на Волзѣ со всею силою, а иные въ Которосли, а Княгини со Княземъ спитъ въ шатрѣ. А того утра была мгла велика: Вятчянижъ здумавше и кинувся скоро, Князя Александра и со Княгинею поимавше, и вметалися во Княжіе же суды, и отъ берегу отпехнулися на Волгу, а всѣхъ Вятчанъ 40; рать же Князь Александрова вся спала, и вскакали, начаша хватати доспѣхи; Вятчяня же пловучи внизъ по Волзѣ со Княземъ и Княгинею, и стоячи надъ Княземъ и надъ Княгинею съ копьи и съ топоры, и рѣша: одинъ на насъ стрѣлу стрѣлитъ, мы Князя и Княгиню погубимъ; Князь же нача кликати Ярославцемъ и Угличаномъ, чтобы не стрѣляли. Вятчаняжъ перегребшися за Волгу, и сташа, и нача Князь за себя и за Княгиню сулить окупъ 400 рублевъ. Вятчаня же велѣша послати по казну въ городъ Ярославль, и Казначей Княжей казну привезлъ: Вятчяня же вземше казну, а Князя Александра и со Княгинею не отпустили; а побѣгли къ Вяткѣ мимо Казань въ судѣхъ, а Князя и съ Княгинею свели къ Вяткѣ неволею. Приде же вѣсть Великому Князю на Москву, что Вятчяня Князя Александра и со Княгинею поимали, и на Вятку свели, и Князь Великій велѣлъ Князю Василью Косому очи выняти Маія въ 21 день.»

(282) *Собр. Госуд. Грамотъ*, 118: «А Москва намъ, господине, съ тобою держати по душевной грамотѣ дѣда нашего... А что вселъ зять твой, Князь Александръ Ивановичь, отцю моему четыре села, въ долгу въ пяти сотъ рублехъ, и тобѣ то, господине, мнѣ и моему брату отправити по докончанью; а запрится твой сестричь, и тобѣ В. Князю взяти у него судъ.» Сія грамота писана въ Москвѣ, Іюня 13, съ означеніемъ Индикта XIV. — Косой умеръ въ 1448 году.

(283) «Устюжане (въ 1425 г.) воеваша Заволочскую землю... Того же лѣта Новогородци ходиша ратью къ Устюгу.» Далѣе: «Посадники Новогород. Иванъ Васильевичь, да Григорій Кириловичь, Тысяцкій Өедоръ Елисеевичь, Есипъ Васильевичь, Опанья Семеновичь, Остафей Есиповичь, а съ Рушаны Өедоръ Остафьевичь, Михайло Буйносовъ и Порховичи, идоша (въ 1435 г.) треми путьми, и казниша *Ржевичь*, и села пожгоша по Ржевѣ по Плесковскый рубежъ и на Бардовѣ.» Здѣсь говорится не о Московскомъ и Тверскомъ Ржевѣ, но объ нынѣшнемъ Псковскомъ Новоржевѣ, который назывался прежде *Ржевою Пустою*. Далѣе: «Той же зимы В. К. Василей цѣловаше крестъ къ Вел. Новуграду, что отступитися ему Новогород. отчины и слати своихъ Бояръ на розводъ земли на Петровъ день; а Новогородскимъ Бояромъ отступитись Княжчинъ, гдѣ ни есть. Послаша Новогородци (въ 1436 г.) на отводъ земли на Бѣжитьскій Връхъ Посадника Григорія Кириловича и Ивана Максимовичь, а Житьихъ Кузму Тарасина, Ивана Максимова, а иныхъ на Ламскій Волокъ и на Вологду.» — Далѣе: «пріѣха (въ 1437 г.) съ Москвы въ Новгородъ отъ Князя Вел. К. Юрьи Патрикеевичь черного бору прошати, и Новогородци даша.» Грамота, тогда писанная, находится въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: вотъ она:

«Отъ Посадника В. Новагорода Степенного Оѳонаса Остафьевича, и отъ всѣхъ Старыхъ Посадниковъ, и отъ Тысяцкого Степенного Михаила Ондрѣевича, и отъ всѣхъ Старыхъ Тысяцкихъ, и отъ Бояръ, и отъ Житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего В. Новагорода на Вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ: Се дахомъ черный боръ на сей годъ Великому Князю Василью Васильевичу всея Руси. А послалъ К. В. на черный боръ Семена Яковлича въ *Торжокъ:* а брати Князь Великого черноборцемъ на Новоторжскихъ волостехъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ: съ сохи по гривнѣ по новой; а писцу Княжу мордка съ сохи; а въ соху два коня; а третьи припражъ;

да тшанъ кожевничской за соху; неводъ за соху; лавка за соху; плугъ за двѣ сохи; кузнецъ за соху; четыре пѣшцы за соху; лодья за двѣ сохи; црень (см. Т. II, примѣч. 267) за двѣ сохи. А кто сидитъ на исполовь, и на томъ взяти за полсохи. А гдѣ будетъ Новгородецъ заѣхалъ лодьею, или лавкою торгуетъ, или староста, на томъ не взяти. А кто будетъ одерноватый, емлетъ мѣсячину, на томъ не взяти. А кто поверга свой дворъ, а вбѣжитъ въ Боярскій дворъ, или кто иметъ соху таити, а изобличать, на томъ взяти вины въ двое за соху. А кормъ съ десяти сохъ Князя Великого чернобордемъ взяти тритцать хлѣбцовъ, баранъ, а любо полоть мяса, трое куровъ, сито заспы, два сыра, бѣкарь соли; а коневого корму пять коробей овса въ старую коробью; три возы сѣна съ десяти сохъ, какъ пошло; по двѣ подводы отъ стану до стану; а брати имъ, куды и прежде сего чернoборци брали по старинѣ.»

(284) Въ *Никон. Лѣт.:* «Того жь лѣта (1435) Евфимій, Владыка Новог., заложи у себя во дворѣ церковь Ивана Златоуст. на вротѣхъ; того жь лѣта и совершена бысть...' и егда мастеры отступиша вси отъ церкви, и церковь вся и до основанія падеся великимъ разрушеніемъ: *и се знаменье показася, яко хощетъ власть Новогродскихъ Посадниковъ и Тысяцкихъ и всѣхъ Боярь и всея земли Новогородскія разрушитися.*»

(285) Послы Новогородскіе, Архіепископъ и Бояре, встрѣтили Василія въ Деревской области, у городка Демона. Въ *Новог. Лѣт.:* «Въ то же время Воеводы Новгородскіи съ Заволочаны по вотчинѣ Князя Великого воеваша.» Въ *Псков. Лѣт.:* Вел. Князь присла посла, веля Псковичамъ развергнути миръ съ Новгородци, а самъ стоялъ въ Торжку, и Псковичи отслаша мирную грамоту Новугороду, и идоша къ Порхову, и стояша 3 дни, и повоеваша Новгородецъ область отъ Литовскаго рубежа и до Нѣмецкого въ длину на 300 верстъ, а поперегъ на 50 верстъ; а Князь Вел стоялъ подъ Демономъ.

(286) Сіе извѣстіе находится не во всѣхъ лѣтописяхъ: оно внесено въ *Степен. Книгу* (II, 99) съ такимъ прибавленіемъ: «Инокъ святъ отъ Вельможска роду, живый въ монастыри Клопском, внезапу нача звонити въ колокола, и мнози снидошася; онъ же яко уродствуя бяше, и всѣмъ людемъ, и самому Архіепископу вопія и глаголаше... Гордыню вашу упразднитъ (Іоаннъ), и ваше самовластіе разрушитъ, и самовольные ваши обычаи измѣнитъ, и за ваше непокорство многу бѣду и посѣченіе и плѣнъ надъ вами сотворитъ, и богатство и села ваши воспріиметъ.» — По тогдашнему обыкновенію давали младенцу имя Святаго, коему празднуютъ въ день его рожденія, а при крещеніи другое.

(287) См. Лызлова и *Казанск. Исторію*, стр. 77. Но въ договорѣ, заключенномъ между Великимъ Княземъ и Шемякою въ 1436 году, говорится о дани Ханской: «а Орда, господине, управливати и знати тобѣ, а у мене ти имати *выходъ* по старымъ дефтеремъ.» — Въ лѣтописи: «Приходиша (въ 1437 г.) Татарове на Рязань, и украйные села поимаша, и возвратишася во своаси... Татарове (въ 1439 г.) воеваша Рязань, и много зла учиниша и отъидоша.» — Махметъ, какъ мы описали, утвердилъ Василія на Великомъ Княженіи. Братъ его именуется въ грамотѣ 1434 года (см. выше, примѣч. 277) Кичимъ-Ахметъ, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Кичи-Махметъ.

(288) «Убіенъ же бысть въ городѣ Князь Петръ Кузминской, да Семенъ Волынецъ: гнашася бо тѣ за Татары до половины града, а прочіи вои отъ града возвратишася.» — О бѣгствѣ Россіянъ: «Бысть же сіе Дек. въ 5; убіени же быша на томъ бою Андрей Костянтиновичь Шопуровъ, К. Өедоръ Торусскій, К. Андрей Стародубскій, Лобанъ, Микита Турнковъ, Семенъ Горстнинъ, Кузма Порховской, Иванъ Кузминской, Андрей Хоробровъ, Дмитрей Кака, и иныхъ множество.

Въ *Арханг. Лѣт.* разсказаны обстоятельства иначе: «Воеводы Вел. Князя изошли Татаръ подъ городомъ безвѣстно, и Царь противъ города сѣлъ въ острозѣ, а учалъ бити челомъ... а Григорей Протасьевъ, Воевода Мченскій, учалъ Царю норовити, а Воеводамъ Вел. Князя» — ибо Григорій былъ Литовскимъ, а не Московскимъ подданнымъ — «говорити такъ: К. В. прислалъ ко мнѣ, битися со Царемъ не велѣлъ, а велѣлъ миритися и полки распустити; и Воеводы учали слабѣти, и на ту ночь Григорей Протасьевъ послалъ своего человѣка ко Царю въ острогъ, а ркучи тако: чтобы еси утре на рать Великого Князя пришелъ; и того утра мгла бысть велика, и Царь пришелъ, а сторожи Руския не видали, а учали Русь сѣчи, а Григорей Протасьевъ напередъ всѣхъ побѣжалъ, кличючи: побѣжи! побѣжи! и побѣгоша» (*).

(289) См. выше, примѣч. 176, *Казанск. Лѣт.* въ *Казанск. Исторіи* Рычкова стр. 81, и Лызлова *Скиө. Ист.* I, 86. Казанскій Лѣтописецъ разсказываетъ, что Улу-Махметъ сдѣлалъ себѣ ледяной городокъ и передъ битвою молился въ пустой церкви Христіанской; что какой-то чудесный свѣтъ вывелъ его изъ укрѣпленія и далъ ему смѣлость ударить на Россіянъ; что у Шемяки было 20,000 Москвитянъ, 10,000 Тверскихъ и 10,000 Рязанскихъ воиновъ, и проч. — По другому сказанію, первымъ Царемъ въ Казани былъ сынъ Улу-Махмета, Мамутякъ (см. ниже, примѣч. 329). Далѣе въ лѣтописи: «Того же лѣта (1439) Махметъ приходилъ къ Москвѣ Іюля въ 3, въ Пятокъ... и стоявъ 10 дней, поиде прочь, и идучи назадъ досталь Коломны пожеглъ, а людей плѣнилъ, а иныхъ изсѣклъ... Тоя же осени (1439) Царь Ахметъ (Кичимъ-Ахметъ) Болшія Орды убилъ Болшаго своего Князя Ординскаго, Мансупа, и много Татаръ избіено бысть въ Ордѣ; не точію же тамо, но и въ иныхъ Ордахъ мятежь бысть и межиусобныя брани.»

(9) *Собр. Госуд. Грам.* 130. Въ сей грамотѣ сказано: «также и нынѣча што будете взяли на Москвѣ *нынѣшнимъ приходомъ* у меня, и у моее матери, и вамъ то отдати.» Кажется, что Юрьевичи имѣли передъ симъ войну съ Великимъ Княземъ; но въ лѣтописяхъ нѣтъ о томъ ни слова. Далѣе упоминается о *поручникѣ* К. Дм. Ряполовскаго, о К. Ив. Засѣкѣ, о должникѣ Васил. Вепревѣ. На оборотѣ: «А подписалъ Өедько Дьякъ... въ лѣто 6948 (1440) Іюня въ 24.»

(291) «Сент. въ 22 преставися К. Дм. Юрьевичь Красной... преже бо глухота ему бысть и болячка въ немъ движеся... и Священникъ со причастіемъ въ сѣнехъ ожидая. Отецъ же его духовный, Осія именемъ, Священноинокъ, заткну ему бумажкою ноздри: Князь же вставъ срѣте причастіе въ дверехъ... и возлеже... и покуша отъ ухъ мясныя и рыбныя, и вина чашу испи, и рече своимъ: выступити вонъ; дадите ми упокой; заспати ми ся хощетъ. Они же возрадовашася, мняше кровь ту за потъ, и поидоша ясти къ Деонисію Өомину; и какъ бысть уже вечеръ, и се единъ притече къ Осіи (ту бѣ и Діяконъ Княжь Дементей) и рече: Князь отходитъ... и пришедъ канонъ на исходъ души и молитву промолвиша и отдале духъ. Осія же загнете ему очи и покры его... Единъ Діяконъ не испилъ тогда, но легъ

(*) „Соф. II, 45." (Ссылка Исторіографа въ собств. его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

противу Князя на другой лавицѣ, зряще нань... и яко же бысть въ полунощи, Князь же скину одѣяло и рече великимъ гласомъ: *Петръ же позна, яко Господь есть*... Потомъ же нача пѣти демество: *Господа пойте*... таже аллилуія, стихъ Богородичной... а поюще очи смеживъ, а тѣло на немъ яко же у живаго. Предъ Утренею же нача тишати, и по Утрени отецъ его духовный принесе съ причастіемъ запаснымъ, а Князь таки не зглядывалъ. Осія же двинулъ по устомъ лжицею, и Князь возгляну... и рече: *радуйся утроба Божествен. воплощенія* — и причастися, и въ Понедѣльникъ той и во Вторникъ глаголаше отъ Писаній и поюще стихи; и людей знаяше, и глаголаше къ нимъ, но не по ряду... а кто что къ нему ни промолвитъ того не слышаше. Въ Среду же преста говорити, а люди знаяше; а Четвертокъ же, въ Обѣдню, егда начаша чести Евангеліе, отдаде духъ Сент. въ 22... И Бояре послаша по Князя Шемяку на Угличь, а его нарядивъ, яко же достояше надъ мертвыми, несоша въ церковь Св. Левонтія, а церковь та безъ пѣнія стояше.. Въ осьмый же день пріиде Шемяка, и тогда отпѣвше надгробная, и положиша его въ колоду, и осмоливше съ полстьми, повезоша на Москву на носилѣхъ... и дважды срониша его; привезоша же на Москву Окт. въ 14... По отпѣтіи же разсѣкоша о немъ колоду, мняще толико кости обрѣсти,» и проч. — Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Шемяка будто бы содержался тогда подъ стражею въ Коломнѣ, и по смерти брата освобожденный, былъ отпущенъ въ Угличь.

(292) *Степен. Кн.* II, 40: «Апрѣля въ 20, въ Пятокъ Св. Пасхи, по утреннѣй службѣ Митрополиту пришедшу въ ложницу свою и немощи ради возлегшу на одрѣ, и почивающу, и внезапу зритъ, съ полунощныя страны вниде яко человѣкъ зѣло свѣтелъ, власы имѣя яко златы, и вѣнецъ на главѣ, и одежда его бяше преудобрена паче смысла человѣческаго, и посохъ златъ имѣяше въ рукѣ, и ста предъ Святителемъ, и не глагола ничто же. Фотій же рече: *кто еси ты, удивевый мене? писано бо есть, не входяй дверми тать есть.* Тогда глагола ему: *есмь Божій Ангелъ... Се даетъ ти Христосъ Богъ седмицу*... Живъ же Фотій по явленіи лѣто едино и мѣсяца три и дній 20.» Тутъ же и грамота Фотіева, въ коей между прочимъ сказано: «Вѣдомо всѣмъ, что како есми пришелъ на Митрополію, не нашелъ есми ничто же въ дому церковнѣмъ Митрополитстѣмъ: все запустѣло... Вѣдомо же всѣмъ, что како отъ пожара грамоты вси погорѣля церковныя,» и проч Онъ скончался 8 Іюля, и былъ погребенъ въ Успенск. Соборѣ на правой сторонѣ, гдѣ находился гробъ Кипріана Митрополита. Мы имѣемъ разныя сочиненія Фотіевы, въ коихъ видны умъ, знанія богословскія и краснорѣчіе: 1) *Посланія во Псковъ о Стригольникахъ*, которые въ его время снова явились (см. выше, примѣч. 124); 2) *Слово къ Іереямъ и Монахамъ;* 3) *Слово къ Епископамъ;* 4) *Посланія къ народу, Правительству и Духовенству Псковскому*, въ коихъ Митрополитъ жалуется, что Іереи въ крещеніи употребляютъ муро *Латинское*, а не *святое*, и передъ судіями гражданскими даютъ присягу въ полномъ Священническомъ одѣяніи, и проч ; 5) *Посланіе въ Новгородъ къ Архіепископу Іоанну* и къ мірскимъ чиновникамъ о соблюденіи Христіанскихъ добродѣтелей, и проч. (см. въ Синод. библіотекѣ книгу подъ No 164).

Въ *Новог. Лѣт.* Попа Іоанна г. 1434: «той весны поѣха на поставленіе Евфимій къ Митрополиту Герасиму въ Смоленскъ Апр. въ 11.» См. выше, примѣч. 243. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1434. «тоя осени Герасимъ Владыка пріѣха изъ Царяграда въ Смоленьско отъ Патріарха поставленъ Митрополитомъ на Рускую землю, а на Москву того ради не поѣха, Князи Великіи заратишася между собою.»

Степен. Кн. II, 69 — 71: «Іона бысть родомъ отъ мѣстъ града Галича близь предѣлъ Костромскія земли, растояніе имѣя отъ Соли Галичскія яко шесть верстъ на рѣцѣ на Святицѣ, родися отъ отца благочестива, именемъ Ѳеодора, зовомаго Одноуша, идѣже нынѣ погостъ по его имени Одноушево именуемо, его же той Одноушъ далъ въ Домъ Соборной церкви Пречистыя, иже на Москвѣ... И двунадесятимъ лѣтомъ исполнившимся отъ рожества его, во Мнишескій образъ облечеся... и пріиде во обитель на Симоново, иже на Москвѣ, и тамо подвизашеся... съ блаженнымъ Варѳоломеемъ, и съ Иваномъ Златымъ, и Игнатіемъ иконникомъ, не дадуще никакову безчинію бывати въ монастыри, ни самому Архимариту не попущаху ... аще и многу скорбь и опечаленіе пріимаху... Блаженнаго Варѳоломея по мнозѣхъ лѣтѣхъ преставленія его показа Богъ стояща въ церкви на мѣстѣ, идѣже въ животѣ еще обычай имѣя молитися, якоже о сихъ свидѣтельствуетъ въ духовномъ завѣщаніи преподобнаго Іосифа Волоцкаго .. Пріиде нѣкогда Фотіи Митрополитъ во обитель на Симоново въ псколыницу, иже есть хлѣбня, и видѣ сего блаженнаго Іону уснувша отъ великого воздержанія и десную свою руку на главѣ своей держаще согбену, яко благословяше ею. Святитель же, пророчествуя о немъ, глаголаше,» и проч. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 104) есть такъ называемое *порученіе Митрополиту Московскому* — вѣроятно, избранному тогда Іонѣ — *на Кіевскую Митрополію отъ Короля* Казимира. Въ сей грамотѣ сказано: «Какъ бывало за отца нашего, Короля Володислава, и В. К. Витовта, мы Казимиръ, Божіею милостію и проч. гадавше и добрѣ смотривше съ нашимъ братомъ, съ В. Княземъ, и съ нашими Князьми и Паны, и съ нашею Радою, полюбили есмо собѣ отцемъ Митрополитомъ»... Имени нѣтъ. Далѣе: «и дали есми ему столецъ Митрополичь Кіевскій и всея Руси, какъ бывало по уставленію... Про то же Князи наши, Епископи и Бояре, и Архимандриты, и Игумени, и Попове, и весь Посполитый народъ имѣете его и чтите... Притомъ во доброныи были стрыйко нашъ, К. Швитригайло, братъ Кн. Александро Володимеровичь, Князь Матей Бискупъ Виленскій, Воевода Виленьскій Панъ Кгаставтъ, Воевода Троцкій Панъ Монивидъ, Воев. Новогородскій, Маршалокъ Земьскій, Панъ Петрашъ Монтикгирдовичь, Панъ Судивой Намѣстникъ Ковельскій, Панъ Виленскій, Намѣстникъ Смоленскій, Панъ Семенъ Кьгедикгольдовичь, Панъ Ондрей Немировичь, Панъ Ондрей Исаковичь, Намѣст. Полоцкій, Панъ Юрша Староста Бряславскій, Панъ Михайло Канцлеръ, и иныхъ многихъ нашихъ Князей и Пановъ. А дана въ Вильнѣ.»

(293) См. Флёри Hist. Eccl. XV, 593, г. 1463, и *Степен. Кн.* II, 71.

(294) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1437 — 1440 — Грека Сильвестра Сгуропула Hist. Concilii Florentini, переведенную на Латинскій языкъ Робертомъ Крейтономъ (Creyghton) — Льва Аллація (Allacii Exercitationes in Creyghtoni Apparatum, versionem et notas ad Historiam Con. Flor. scriptam a Sguropulo — Мозгейма Kirchengeschichte, V, 50 — Флёри Hist. Eccl. XV — *Никон. Лѣт.*, *Степен. Кн.* II и двѣ рукописи, Синодальн. библіотеки No 364 и Архив. No 10, гдѣ сказано въ заглавіи: *Повѣсть Симеона Суздальскаго о осьмомъ Соборѣ.*

(295) *Степен. Кн.* II, 72. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1435: Того же лѣта Князь Литовскій Свитригайло поима Митрополита Герасима въ городѣ Смоленьскѣ и окова твердо желѣзы, и сковали въ Видбескъ, и державъ на крѣпости 4 мѣсяци, сожже огнемъ Іуля 26, за толику вину, что перевѣтъ на него дръжалъ къ Князю Жидимонту, и выня у него грамоты перевѣтныя.» — Исидоръ пріѣхалъ въ Москву во Вторникъ Святой Недѣли (въ 1437 г.).

(296) Сіе описаніе находится въ Синодальн. библ. No 329 и напечатано въ *Древ. Рос. Вивліов.* VI, 27. Совѣтуемъ любопытнымъ прочитать его. (*) — Въ *Псков. Лѣт.*: «Пріѣха во Псковъ Сидоръ Митрополитъ Дек. въ 6 (г. 1437) и въ Св. Троицѣ Литургію сверши, и пребысть 7 недѣль, и отъя судъ и печать, и волы, и землю, и вся пришлины Владычни, и на тѣхъ оброцѣхъ посади Намѣстника своего, Гедасія Архимандрита, а самъ поѣха на осьмый Соборъ.» Письмо Великаго Магистра Нѣмецкаго къ Исидору сообщено мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива подъ No736 Оно такъ начинается: Allerwirdigster Vater und Grosmechtiger, besunder lieber Herr! Вотъ содержаніе: «Свѣдавъ отъ вашего посланнаго и Маршала Ливонскаго, что вы, ревностно желая способствовать единомыслію въ Христіанствѣ, спѣшите на Соборъ Италіянскій, но досели не могли безопасно проѣхать чрезъ Самогитію, писалъ я о томъ къ Вел. Герцогу Литовскому Сигизмунду, который и доставилъ мнѣ пропускъ и другую, по-Руски писанную бумагу, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ письмомъ: что все къ вамъ посылаю Увидите, что Герцогъ не ручается за Самогитію. И такъ посовѣтуйтесь съ Маршаломъ и съ иными Орденскими чиновниками, а въ особенности съ Архіепископомъ Рижскимъ, какъ вамъ лучше ѣхать, берегомъ ли (obir den Strant) или другимъ путемъ. Архидіаконъ Вашего Высокопреосвященства (euwir Herlichkeit), отправленный вами напередъ въ Италію, получилъ отъ насъ оберегательную грамоту на путь,» и проч. Между рукописями Іосифова Волоколамскаго монастыря, No 665, л. 352, есть переводъ *опасной грамоты*, данной Папою Тверскому Боярину Ѳомѣ для его возвращенія въ Россію. Сказано: «Евгеній... всѣмъ и комуждо, къ нимъ же настоящая сія писанія прійдутъ, Св. Апост. благословеніе. Какъ возлюбленный сынъ, благородный мужъ Ѳома, Рускій Посолъ, благоговѣнія виною» (за духовнымъ дѣломъ) «въ Римъ нынѣ приходилъ, и къ нѣкоимъ міра частемъ, также и къ своимъ возвращаяся, дойти умышляетъ, и мы хощемъ того Ѳому съ товарищи и со служебники его, числомъ съ десятми, и съ рухлядми ихъ всякими итти и стояти полнымъ вездѣ безбоязніемъ и опасеніемъ радоватися... Подвластнымъ убо нашимъ заповѣдаемъ... того Ѳому съ товарищи... свободно пропущати... не давайте обидѣти, но паче ему о опасномъ путешествіи и о приманіи въ домы и о провожаніи ихъ... тако же ласкою промыслити... чтобы онъ возмоглъ нами ему порученная совершити, да отъ того къ намъ и къ сѣдалищю Апостольскому прійдетъ благоговѣніе... Данъ въ Флоренціи, въ лѣто Воплощенія Господня 1438» (1439?).

(297) Соборъ Базельскій склонялъ и Грековъ на свою сторону, отводя ихъ отъ Папы.

(298) Наши Лѣтописцы говорятъ, что Греки, а не Паписты сидѣли на правой сторонѣ.

(299) Сгуропул. Hist. Conc. Florent. гл. VII.

(300) Сгуропул. Hist. Conc. Flor. и рукопись Синод. библ. No 361, гдѣ такъ предложена рѣчь Іоаннова: «Мы оставихомъ отечество наше и пріидохомъ съ великимъ трудомъ, имуще единенія церкви, и да престанутъ соблазны... и вси мы потрудишася ради надежды наслѣдниковъ своихъ; азъ же единъ за едину надежду всѣмъ тружающи и злостражду, яко да пріиму отъ Бога прощеніе: зане ниже дѣти имѣю, ниже иныя чести хощу, токмо сего ради и ради рода Греческаго творю, яко да возвратимся въ отчество наше съ честію съединени,» и проч. Это, кажется, переводъ съ Греческаго. У Сгуропула все подробнѣе.

(301) См. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* VI, 43.

(302) См. ихъ имена въ Синодальн. рукописи No 364, стр. 1473 — 1476. — Повѣсть Симеона Суздальскаго о Флорент. Соборѣ (см. выше, примѣч. 294) заключается такъ: «Посла Папа Епископа своего Христофора къ Епископу Суздальскому, дабы и онъ подписалъ; ему же не хотящу сего сотворити, Митрополитъ Исидоръ ятъ его и заключи въ темницу и сидѣлъ недѣлю, и той подписалъ нуждею. Видѣвшу же мнѣ такую прелесть, и Митрополиту многажды глаголахъ вопреки: онъ же мене укоряше, и наединѣ многажды томляше мя; мнѣ же укрѣпльшуся и не послушавъ его ни въ чемъ, но йдохъ ко Св Марку Митрополиту Ефескому (еще убо ему тогда за стражи сѣдящу) и поклонихся ему, и вся сказа, яже о мнѣ; онъ же благослови мя, и оттолѣ никакова зла не пріяхъ. Потомъ же Папа даде Царю честь велію и дары многія, не прихода ради, но подписанія ради, и пойде Царь отъ града того Августа въ 26 день, и пріѣха въ Венецыю: Венеція же градъ стоитъ среди моря; и пребысть Царь въ Венеціи 33 дни, и оттолѣ пойде моремъ, и на томъ пути постиже его смертный часъ, и погребенъ на земли, его же и земля трижды изрину изъ себе. Исидоръ же Московскій Митрополитъ похвалися Папѣ, еще рече, яко вси Князи и люди въ моей рукѣ суть и Епископи; ни единъ противу мене не можетъ глаголати; а Князь Великій младъ есть, и той въ моей воли; а нынѣ вси Князи боятся мене. И того ради Папа даде ему область Православныхъ Патріарховъ въ первыхъ не поминати, ни православныхъ Царей въ началѣ не поминати; а на томъ Исидоръ Папѣ приклякнулъ. Папа же даде ему много злата, и пойде Исидоръ отъ Папы Септемврія въ 14 день, и пріѣха въ Венецыю, и пребысть ходя по божницамъ, и приклякня какъ и Фрязи; и намъ тако же повелѣваше. Пойде изъ Венецыи посолъ Ѳома; азъ же видѣвъ такую велику ересь, и пойде съ посломъ Декемврія въ 9 день и пріиде въ Великій Новъградъ, и все лѣто пребысть у Владыки Евфимія.»

(303) Императоръ прибылъ въ Константинополь 1 Февр 1440.

(304) Скандербегъ помогалъ Фердинанду Аррагонскому противъ Графа д'Анжу. Исторія сего Албанскаго Героя издана Іезуитомъ дю-Понсе (Poncet) въ 1709 году.

(305) Исидоръ получилъ Кардинальское достоинство 18 Дек. 1439 г. — Евгеній пишетъ (въ Райнальд. Annal. Eccl.) къ Исидору: Venerabili fratri Isidoro Kien ac totius Russiæ Metropolitæ in Lituaniæ, Livoniæ et Russiæ provinciis, ac in civitatibus, dioecesibus, terris et locis Lechiæ, quæ tibi jure Metropolitico subesse noscuntur, Apostolicæ sedis Legato salutem, и проч.

(306) По *Никон. Лѣт.* Исидоръ пріѣхалъ въ Будинъ Марта 5 въ 1441 году; но это ошибка (см. ниже.) — Въ *Каталогѣ Рос. Епископовъ* сказано несправедливо, что Кіевское Духовенство выгнало Исидора: оно не отреклось повиноваться и преемнику его, Григорію. Въ *Новгород. Лѣт.*: «Исидоръ нача зватися Легатосомъ отъ ребра Апостольского Сѣдалища и нача поминати Папу и иныя

(*) „Соф. II, 49.“ (Ссылка Исторіографа въ собств. его экземпл. Ист. Гос. Рос.).

вещи, ихъ же николи же слышахомъ отъ крещенія Русской земли, и повелѣ въ Латьскыхъ божницахъ Рускымъ Попомъ служити, а въ Рускыхъ церквахъ Капланомъ. Литва же и Русь о томъ не внимша.»

Никон. Лѣт. г. 1441, стр. 155: «*Посланіе Евгенія Папы Римскаго къ Великому Князю о Исидорѣ Митрополитѣ.* Евгеній Епискупъ, рабъ рабомъ Божіимъ, превысокому Князю Василію Васильевичу Московскому и всеа Русіи Великому Царю спасеніе и Апостольское благословеніе. Благодаримъ Вседержителя Господа Бога, якоже нынѣ по многѣхъ трудѣхъ, Духа Святаго благодати помощію, Восточная Церкви съ нами едина есть, еже ко спасенію идетъ душъ многихъ людей, и къ *твоей славѣ и хвалѣ* пишется; и къ сему единачеству и согласію многое поможеніе и поспѣшеніе честнѣйшаго брата нашего, Исидора Митрополита твоего Кіевского и всеа Русіи и отъ Апостольского престола посла, иже за свое благое крѣпчайше потрудился о соединеніи. И того ради потребно есть помогати ему каждому во всѣхъ дѣлѣхъ, а наипаче въ сихъ дѣлѣхъ, еже пристояніе имѣетъ ко достоинству и чину церковному, врученну ему; а твое превысочайшее въ Господа Іисуса Христа со многимъ желаніемъ просимъ сего Митрополита Исидора о оправданіи, и о добрѣ церковнѣмъ прежереченнѣмъ, да пріимеши его Бога ради и насъ *для*, занеже то съ желаніемъ и со многимъ раченіемъ къ тебѣ о немъ призываемъ во всѣхъ вещехъ, еже имаши видѣти отъ него о церковнѣй пошлинѣ пристояніе, да будеши помощникъ ему усердно всею своею мышцею, еже да будетъ хвала и слава отъ людей, а отъ насъ благословеніе, а отъ Бога вѣчное дарованіе да имаши. А дано въ Флорентіи Священства нашего въ 9 лѣто.»

(307) См. Ходык. Dissert — Въ *Псков. Лѣт.*: «Тоя же осени на Покровъ Св. Богородицы (въ 1440 году) пріѣха въ Литву Митрополитъ Исидоръ отъ Римьскаго Папы, и присла въ Псковъ свои грамоты и благословеніе, и своего Намѣстника, Архимандрита Геласія, сводѣ, и потомъ присла Архимандрита Григорія, Генв. въ 18... Тоя же весны пріѣха изъ Литвы на Москву Исидоръ на Вербной недѣли... Убѣжа съ Москвы на Тферь Митроп. Исидоръ, и Князь Тферскый Борисъ, пріимъ его, за приставы посади, и потомъ отпусти въ Великій постъ на Средокрестной недѣли, и поѣха въ Литву къ Князю Казимиру на Новый Городецъ.» Въ *Никон. Лѣт.*: «Исидоръ нощію, исшедъ тайно, бѣгу ятся и со ученики своими, съ Черицемъ Григоріемъ и Аѳанасіемъ, и побѣжа съ Москвы ко Тфери, а изо Тфери къ Литвѣ, да и къ Риму»

См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1458. Исидоръ назывался *Митрополитомъ Россійскимъ* и *Епископомъ Сабинскимъ*.

(308) *Архивск. Лѣт.* No 8, г. 6951, л. 97: «Того же лѣта К. В. посла во Царьгородъ Полуехта Моря, что былъ посломъ во Царѣградѣ со Іоною Епископомъ Рязанскимъ, и съ нимъ посла писаніе сицево: Державнѣйшій, боговѣнчанный, высочайшій Царю Греческій! братъ святаго ти Царства, Великій Князь Московскій и всея Руси, достойное,» и проч. О путешествіи Іоны въ Константинополь сказано: «Послахомъ же и посла нашего съ нимъ *Боярина Василья* съ прошеніемъ святому вашему Царству, къ Святѣйшему Патріарху и къ божественному священному Собору съ грамотами.» — Объ Исидорѣ: «Колико возбраняхомъ ему, да не пойдетъ» (на Соборъ въ Италію)! Онъ же нача извѣты сицевыя творити, глаголя, яко не мощно ми есть, яко да не пойду; имамъ отъ Святѣйшаго Патріарха вмѣсто благословенія клятву воспріяти, яко и рукописаніе дахъ на собя.» — Далѣе: «Мы же по святымъ правиламъ собравше во отечествіи нашемъ, въ Русьтѣй земли, боголюбивыя Епископы... избравше человѣка добра, мужа духовна, вѣрою православна, да поставятъ намъ Митрополита на Русь: понеже прежь сего за нужу поставленіе въ Руси Митрополитомъ бывало.»

(309) Въ *Степен. Кн.* II, 77: «Св. же Іона пріиде съ Углеча на Москву» (въ 1446 году) «ему же Шемяка жити повелѣ на Митропольи дворѣ, понеже *преже нареченъ бысть и благословенъ на Русскую Митрополію.*» Въ *Архивск. Лѣт.* No 8, л. 102: «По сихъ же не малу времени минувшу, Исидоръ лстецъ второе въ Римъ пришедъ и оболга Папу: бѣ бо другій Папа въ Римѣ поставленъ послѣ Евгенія; сему Исидоръ ложными словесы повѣда, яко не хощу назадъ ити на Русьскую Митрополію, да молю твое Папежство, да послеши къ нимъ въ мое мѣсто Митрополита — ученика своего нарекъ Григорья, и рекъ, яко достойна суща и мудра велми языку Русьскому. Онъ же послуша моленіе его, постави Григорья Митрополитомъ на Русь, и грамоты свои къ Королю и ко всѣмъ Папомъ и ко Княземъ подаваше ему, яко да пріимутъ его.» Въ *Степен. Кн.* II, 78: «Злаго Исидора злѣйшій ученикъ Григорій пріиде отъ Рима къ Литву, поставленіе имѣя отъ Цареградскаго Патріарха, отступника православныя Вѣры, Григорія же, единоименна себѣ.» Патріархъ Константинопольскій, Григорій IV Мамма, ревностный защитникъ Флорентійскаго Собора, въ 1452 году уѣхалъ изъ Греціи въ Римъ, гдѣ, какъ вѣроятно, онъ и посвятилъ Митрополита Григорія (см. ниже, примѣч. 311 и 317). — Въ *Каталогѣ* упоминается еще о Лжемитрополитѣ Спиридонѣ, названномъ *Сатаною* и будто бы посвященномъ въ Турецкой области согласно съ волею Амурата II, около 1143 года.

(310) Райнальд. Annal. Eccl г. 1443, No 22: Universis ecclesiis, earumque Episcopis seu *Wladicis* (Владыкамъ), Prælatis, Clero et cæteris personis ecclesiasticis eiusdem ritus Græci et Ruthenorum hæc omnia jura, libertates, modos, consuetudines et immunitates universas duximus in perpetuum concedendas et præsentibus concedimus, и проч.

(311) *Архив. Лѣт.* No 8, л. 105: «Андрей (Казимиръ) Король Польскій съ прошаніемъ посла къ своему брату, къ Вел. Кн. Василью, дабы къ себѣ принялъ Григорья на Русск. Митрополью: зане бо Іона Митрополитъ престарѣлся уже» (см. ниже, примѣч. 317).

Литовскія Епархіи именованы въ Буллѣ Пія II, писанной въ 1458 году. Весьма неясный переводъ ея внесенъ въ *Архивск. Лѣт.* No 8, л. 102. подъ заглавіемъ: «Посланіе къ Королю Польскому Андрею въ лѣто 6950» (пѣтъ, въ 6966: см. ниже) «отъ Римскаго Папы Піуса о Митрополитѣ, Исидоровѣ ученикѣ, Григоріи Литовскомъ, поставленномъ въ Римѣ.» Въ ней сказано: «Хвалебный у Бога братъ нашъ, Исидоръ, Бискупъ Сабинскій, Архіепископство Кіевское и всея Руси, Церкви той поданное, которое опекапіе держа, въ рукѣ доброе памяти Калиста Папы, намѣстника (предмѣстника) нашего, двоенадесятного дне Календъ Августовыхъ, *четвертаго лѣта,* добровольнѣ пустилъ... и потомъ того же дня милого сына Григорья Олекша Кіевскаго, тогда Опата (Аббата) монастыря Св. Димитрея Костантинопольскаго, закона святаго Божія Капляна... Архіепископомъ уставилъ и Пастыремъ, яко въ нашихъ грамотахъ выписано есть,» и проч. Слѣдственно уже при Калистѣ III Григорій сдѣлался Митрополитомъ Кіевскимъ, въ *четвертый* годъ его Первосвященства или въ 1458? Въ *Каталогѣ Епископомъ* несправедливо сказано, что Григорій посвященъ Евге-

ніемъ IV въ 1449 г.; а Кодыцевичъ вмѣсто Евгенія и Нія именуетъ Николая V, говоря, что сей Митрополитъ управлялъ Кіевскою Церковію отъ 1452 до 1468 года. — *Далѣе* въ Буллѣ именованы Литовскія Епархіи, а внизу подписано: «*Дано въ Римѣ у Св. Петра, Папежства нашего лѣта первое:*» слѣдственно въ 1458 году.

Мы имѣемъ *Рукописаніе Даніила, Епископа Владимірскаго* (Волынскаго) и Берестійскаго, въ коемъ онъ признаетъ Исидора еретикомъ Латиносиномъ, а Митрополита Іону единственнымъ законнымъ Первосвятителемъ Церкви Россійской, говоря: «Нынѣ азъ смиренный прежнее исповѣданіе свое и Исидорово мнѣ поставленье отметаю и ниж Папино и осьмаго Сбора сбраніе, и проклинаю, и повинуюся во всемъ Господину своему Митрополиту Кіевскому Іонѣ и всея Русіи... Къ симъ же исповѣдую, яже имать пошлины Митрополичій престолъ, во всемъ придѣлѣ моемъ соблюдати непорочно, и не сотворити ничто же по нужи, ни отъ Царя (Греческаго), ни отъ Короля и Литов. В. Князя, аще и смертію претятъ ми... ни единаго же отъ нашея Вѣры не пускати къ Арманомъ свадьбы творити и кумъство и братства, и къ Латиномъ... Аще ли же буду оный Латинскый Сборъ похвалити, или Папу или того Исидора, чуждъ буду Святительства... Подписалъ своею рукою въ лѣто 6960 (1452), Индикт. 15, м. Окт. въ 28.» Сія рукопись находится въ библіотекѣ Новогород. Соф. Собора.

(312) Въ *Новг. Лѣт.*: «Хощеши, Княже, и ты къ намъ поѣди; а не хощеши, како тобѣ любо... Въ Новѣгородѣ (Мая 11, г. 1442) пожаръ бысть великъ на Подолъи, и церквей камен. огорѣ 12, и Конецъ весь погорѣ до Св. Георгія, и Христіанъ множество сгорѣ, и креста на Лубяницѣ... Того же мѣсяца погорѣ заполье Микитины улицы ... которыи люди посидѣли отъ перваго пожару съ животы своими, и ти вси погорѣша... Похвативше люди имаи напрасно, а глаголюще имъ: втайнѣ не ходите, людемъ не являетесь, зажигаете градъ.»

(313) Въ Синод. *Новог. Лѣт.* No 349, л. 150: «въ Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть, по всю десять лѣтъ по двѣ коробіи на полтину, овогда же больше, а иногда менши, часто же негдѣ и купити; и бысть туга,» и проч. *Далѣе*, г. 1444: «Пріѣха Кн. Иванъ Володимеровичъ изъ Литов. земли отпущенъ отъ В. К. Казимира въ Новгородъ на пригороды, на коихъ былъ Князь Лугвень и сынъ его Юрьи; а Князь Юрьи Семеновичъ поѣха къ Нѣмцомъ, и Нѣмци пути ему не даша, и онъ отъѣха на Москву.»

(314) Сіе было въ 1444 году. *Далѣе* въ Синод. *Новог. Лѣт.*: «того же лѣта (1445) пріѣха съ Москвы К. Юрьи Семеновичь, и Новогородци даша ему кормленіе, по волости хлѣбъ, а пригородовъ не даша; а Князь Иванъ отъѣха въ Литву.» — Въ *Псков. Лѣт.* г. 1443: «Пріѣха во Псковъ отъ Князя Великого Намѣстникомъ Князь Александръ Васильевичь Черторижскый въ Недѣлю Сыропустную... и Авг. въ 25 пріѣхаша послы отъ Великого Князя и поручиша ему Княженіе, и цѣлова крестъ къ Князю Великому и Пскову.» Такъ было до 1448 года, когда Псковитяне безъ согласія Василія приняли къ себѣ Князя Суздальскаго (см. ниже, примѣч. 386, г. 1448).

(315) См. Гадебущ. Liefländ. Jahrbüch. г. 1442. Въ *Псков. Лѣт.* г. 1443: «Псковичи послаша Посадника Ѳедора Патрикіевичь и Прокопю судію въ Ригу къ Князю Местеру и взяша миръ на 10 лѣтъ Сент. въ 8... Тоя же осени Князь Александръ Васильевичь съ Псковичи ѣздивше подъ Новый городокъ Нѣмецкый и потроша жито на своей земли и потравише у Прощекъ дойдуща. Того же лѣта (1444) Князь Свейскый Выборскій съ иногими Свейцы пріѣхавше на Норову и поимаша на нашей сторонѣ Посадника Максима Ларивоновича и съ нимъ 30 человѣкъ безъ трехъ, а иныхъ иссѣкоша, а на миру, и быша въ полону годъ. Въ лѣто 6953 (1445) Псковичя послаша Прокопію къ Выборъ къ Князю Карлу, и взяша Максима и дружину его на окупъ, а иніи тако изомроша, а даша окупа 120 рублей, а всей протори 150 рублей.»

(316) Въ Синод. *Новг. Лѣт.*: «Тоя же осени (г. 1444) Нѣмци у Ямы городка посадъ пожгоша и берегъ повоеваша, а въ Новгородъ присылаша глаголюще: не мы, а воюетъ васъ Григорій Князь изъ заморья Клевскый изо своего проводника и толка Руговицы; а все то Нѣмци лгаще... Тоя же зимѣ Новгородци, шедше за Нарову съ Княземъ Иваномъ Володимеровичемъ, воюгоша около Руголива и до Пудожни, а подлѣ Нарову и до Чюдского озера. Того же лѣта Местеръ съ ратьми своими вси пришедши подъ Яму, биаше городъ пушками, а изъ города противу такожь, и перечитую ихъ великую пушку заморскую привезенные изъ города разбиша и пушечника убиша; и отъ часа того нападе страхъ на нихъ, а они стояша 5 днiй, и въ то время по Водьской земли и по Ижорѣ и по Невѣ много попакостиша, а городъ ублюде Св. Архангелъ Михаилъ... и отъидоша; а въ то время въ городѣ былъ Князь Василій Юрьевичь Суздальскыхъ Князей, а Новгородци послаша къ нему сельниковъ Лужьскихъ и Водьскыхъ, а Ижорьскихъ Бояръ напередъ; а Новгородци съ ними не пойдоша того ради, понеже тогда біяше моръ на кони; а Псковичи въ то время присылаше въ Новгородъ свои послы о миру, и уарѣша, оже въ Новѣгородѣ много коній падутъ, а Новгородци не идоша за Нарову, и отъѣхаша безъ миру... Той же зимѣ (г. 1445) посылаша Новгородци въ съѣздъ съ Нѣмци, съ Княземъ Местеромъ, Князя Юрья Семеновичь и Бояръ и купцовъ. Местеръ же не хотѣ Острова, и безъ миру поѣхаша прочь.»

Изъ Кенигсбергскаго Архива получилъ я болѣе двадцати бумагъ, относящихся къ сей войнѣ и писанныхъ старымъ Нѣмецкимъ языкомъ: 1) No 737, Письмо Великаго Магистра Прусскаго къ Князю Юрію Лугвеніевичу о Клевскомъ Принцѣ. 2) No 743, Наставленіе того же В. Магистра Коммандору Б*, отправляемому къ Герцогу Литовскому Казиміру въ 1444 году, съ порученіемъ отвести его отъ союза съ Новогородцами. 3) No 796, Записка въ 1444 году поданная Вел. Магистру Нѣм. Ордена, Секретаремъ Ливонскаго Магистра, Павломъ, о причинахъ войны между Новымгородомъ и Ливоніею, съ просьбою, чтобы онъ на сейма въ Крестмемелѣ отвратилъ Вел. Герцога Литовскаго отъ союза съ Россіянами. Тутъ сказано, что Ливонскій Орденъ, заключивъ вѣчный миръ съ Новогородцами, никогда не имѣлъ отъ нихъ управы въ своихъ жалобахъ; что назначенный съѣздъ въ Нарвѣ остался безполезнымъ; что они, давъ проводниковъ Герцогу Клевскому, не защитили его въ обидахъ; что Вел. Магистръ не могъ удовлетворить ихъ требованію и выдать имъ людей, которые именемъ сего Герцога грабили Новогородскую землю; что Россіяне сами начали войну, и проч. 4) No 756, Записка Литовскаго посла, врученная Вел. Магистру Прусскому, и отвѣтъ Магистра о ссорѣ Ливонцевъ съ Новымгородомъ въ 1444 году, гдѣ сказано: der Meister von Lyffland hette czu dem H. Grosfursten gesandt und hette em (ihm) lassen sagen, das der von Cleve den Neugartern den Schaden, der em gescheen were, gethan hette: nu hette der Grosfurste dirfaren (erfahren), das der Meister von Lyffland den Schaden gethan hette darnoch, als die

Neugarter dem H. Grosfursten gehuldet hetten. 5) No 759, Наставленіе Вел. Магистра Прусскаго послу его, отправленому въ 1445 году на свадьбу Короля Датскаго и Шведскаго Христофора, чтобы склонить его къ содѣйствію противъ Новогородцевъ. 6) No 760, Записка Литовскаго посла, врученная Вел. М. Прусскому о войнѣ Ливонскаго Ордена съ Новымгородомъ въ 1445 г., гдѣ сказано: der Meister von Liffland hatte zeu uns gesand den Kompthur von Aschrade und lies uns sagen, der (er) hette nicht geheret, sunder der Herczog von Cleue hette es getan, und lies uns auch bitten, das wir zeu den Grosneugartern senten. Wir santen unsirn Schreiber Pusir zeu en (ihnen), alzo santen der Grosneugarter iren Boten mit demselben: der behielt den Neugarter Boten bey sich... furthe in ut die Grenitz und nam im was her hatte und lies in nackt weg lawffen, und czeug selbst hernoch heerete und brante... Dorumb wellen wir nich damit zeu thun haben. Item der Röm. König und Kurfursten haben uns geschreben, das ir ubir uns geclaget habt, das die Grosneugarter in Liffland Frawen, Jungfrawen und Kinder beschemet hatten: segben wir uns doch mit enander zeu Kirsmemel, do saget ir uns nichts von: warumb? Далѣе увѣряетъ Казимиръ, что онъ не помогалъ Новогородцамъ ни совѣтомъ, ни дѣломъ, прибавляя: Das wir en (ihnen) eynen Houbtman gegeben haben, was konde der mit seynem Hoffegesinde vile thun? Es ist geweß (gewesen) noch bey Herczog Witowt, unsers Vettern, geczeiten, das en eyn Grosfurst eynen Houbtman gegeben hat; doch begerten sie forder keyner Hulffe, т. е. сами Новогородцы не требовали помощи. Далѣе Казимиръ говоритъ, что Магистръ Ливонскій, узнавъ о намѣреніи ихъ поддаться Литовскому Государю, и живъ дотолѣ въ мирѣ съ ними, началъ воевать, и помирился со Псковитянами, Казимировыми врагами. — 7) No 761, Запросы Вел. Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому о правѣ Новогородцевъ на половину рѣки Наровы въ 1445 году: ap (ob) sie em (ihm) den halben Strom der Narwen und dem Holm (островъ) lassen welden (wollten)? — 8) No 763, Письмо Вел. М. Нѣм. къ городу Любеку о непосыланіи хлѣба къ Новогородцамъ въ 1446 году. — 9) No 772, Письмо о томъ же къ Королю Датскому и Шведскому въ 1446 году, гдѣ сказано, чтобы въ особенности изъ Швеціи не посылать къ нимъ хлѣба, и что они много зла сдѣлали, дѣлаютъ и намѣрены дѣлать Ордену. — 10) No. 784, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому, чтобы онъ пропустилъ къ нему посольство *Герцога* Новогородскаго, Юрія Лугвеніевича, въ 1447 году. 11) No 785, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году, въ коемъ онъ увѣдомляетъ его, что Князь Новогородскій Юрій Лугвеніевичъ ѣдетъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ въ Вильснакъ (zcum heiligen Blute) и требуетъ свободнаго пропуска черезъ Ливонію и Пруссію. Тутъ сказано, что хотя Юрій и получилъ отъ Казимира свою отчину въ Литвѣ, однакожь не хочетъ отказаться отъ Новагорода. — 12) No 787, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о знатномъ витязѣ ѣдущемъ изъ Моравіи въ Новгородъ съ 600 всадниками: der habe wol 600 Pferde gehabt, und habe gesprochen, her welde zeu Herzog Ulotken in die Masau reyten, und als sie nun uff im Wege waren, vernam disser, das sie zeu Herczog Jorgen (къ Юрію въ Новгородъ) reiten welden; und als her eyn solchs vernam, sluz her sich von en und wolde furder nicht mit em reyten. — 13) No 791, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году, съ увѣдомленіемъ, что онъ посылаетъ къ нему Фогта Роггаузенскаго, Вольфганга Заура, витязя искуснаго, съ нѣкоторымъ числомъ воиновъ. — 14) No 792, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о посланіи къ нему воиновъ изъ Данцига моремъ въ Нарву, а другаго изъ Мемеля сухимъ путемъ; онъ приказываетъ заготовить все нужное для ихъ продовольствія. — 15) No 793, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о посланіи къ нему Рыцаря Генриха, eynen Buchsenschutczen — 16) No 794, Письмо Вел. М. Нѣм. къ Ливонскому въ 1447 году о томъ, что противные вѣтры не дозволяютъ отправить къ нему помощи въ Ревель, но что люди уже на судахъ, и что съ ними ѣдетъ и Рыцарь Генрихъ. «Бояре Литовскіе въ Краковѣ» (прибавляетъ онъ) «говорятъ, что вамъ не будетъ удачи въ войнѣ съ Новогородцами, которые ожидаютъ сильной помощи. Нынѣ пишутъ ко мнѣ, что Волохи и Татары намѣрены итти къ нимъ. Слышали мы также, что Новогородцы предлагали уступить вамъ половину рѣки Наровы съ островомъ, но что вы не захотѣли мира, и тѣмъ возбудили противъ себя и Псковитянъ.» 17) No 798, Вел. М. Нѣм. пишетъ въ 1446 г. къ Ливонскому, чтобы онъ задержалъ Прусскія суда, которыя везли хлѣбъ и медъ въ Россію, и чтобы сообщилъ ему имена сихъ купцевъ, дабы они были наказаны. — 18) No 804, Письмо Вел. М. Нѣм. въ 1447 году къ Прокуратору Двора Римскаго о томъ, чтобы онъ склонилъ Папу уступить Ордену церковные сборы въ Пруссіи и въ Ливоніи для войны съ Русскими отступниками, и чтобы Св. Отецъ вмѣстѣ съ Кардиналами молился о побѣдѣ. Тутъ сказано: Die abgesunderten, ungeloubigen Rewsen v. Gr. N., die auch in Meynung seyn, sich mit andern Ungeloubigen, als Mußkauwitrn, Pleskauwitrn und vielleicht mit den Tatern zeu vereynen... Wir auch unserm Herr Rom. Kon. und Kurfursten und Fursten in Deutschen Landen zeu wissen haben getan, и проч. 19) No 807, Вел. М. Нѣм. въ 1447 году увѣдомляетъ Ливонскаго, что онъ соглашается пропустить Князя Юрія Лугвеніевича черезъ Орденскія владѣнія, но безъ многочисленной свиты. — 20) No 817, Вел. М. Нѣм. посылаетъ къ Ливонскому въ 1446 году проектъ дружественнаго союза съ Королемъ Датскимъ и Шведскимъ, но совѣтуетъ ему лучше не заключать его, напоминая худыя слѣдствія бывшаго союза съ Литовскимъ Княземъ, Свидригайломъ. Вотъ условія сего трактата: Wir Meister zeu Liessland addir unsern Gebiettiger Anwalden und Leute sollen mit ganczer Macht diße der mehgedacht. n Rewßen von Groſe Newgarten Gebiete Newslos und Capporg, die an unsers Ordens Grenitczen stoßen und ruren, kriglichen oberczihen... und in gleicher Weyße unsir H. Koning Cristoffer addir seyn Anwolde und Lewte sullen auch zeu derselben zceit mit fuller irer Macht dise der berurten Rewsen Gebiete Jauteborg (Орѣховъ), Landskron und Walchaw, die an des obengedachten unsirs H. Koning Reyche Grenitzcen stoßen, kriglichen oberczihen. — 21) No 820, Установленіе Вел. М. Нѣмецкаго для всей Пруссіи о молебствіи и ходахъ церковныхъ, гдѣ сказано: Unsers Ordens Pristerbruder seyn bestellt... dißer nachgeschrebener dreyer Messen eine, als von unser lieben Frauwen adir von allen lieben Heiligen, adir contra paganos... und in denselben die collecten contra paganos ingelegt werde, и проч. Тутъ же говорится о силахъ Волошскихъ и Татарскихъ, идущихъ въ помощь Новугороду.

Всѣ любопытныя бумаги, полученныя мною изъ Кенигсбергскаго Архива, намѣренъ я отдать въ нашъ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(317) Арнта Liefl. Chr. стр. 135.

(318) Въ *Псков. Лѣт.* г. 1447: «Князь Александръ Васильевичь (Черторижскій) поѣха изо Пскова въ Новгородъ Намѣстникомъ въ Петрово говѣніе. Новогородцы (въ 1448) съ Кн. Александромъ Черторискымъ ходиша на Нѣмець противу Князя

Местера Рижского и Короля Прусьскаго и Короля Свейскаго, и бишась съ Нѣмци черезъ Норову, и побиша Нѣмець много, овыхъ на мори въ *бусахъ* побиша и истопиша, а иныхъ подъ Яиою, а иныхъ руками яша 84 и Князи 4.» — Въ Синод. *Новогор. Лѣт.* г. 1444: «Корѣла ходиша на Мурманы и избиша ихъ много, и пріидоша здравіи... Пріидоша (въ 1445 г.) Свея-Мурманя безвѣстно за Волокъ на Двину ратью, Ненсксу воевавъ, и пожгоша, и людей иасѣкоша, а иныхъ въ полонъ поведоша... и Двиняне пойдоша вборзѣ на нихъ, и овыхъ иасѣкоша, а иныхъ прислаша въ Новгородъ 40 человѣкъ, а Воеводы ихъ, Ивора и Петра, убиша, а иніи вметавшесь въ корабль, бѣгоша въ море.»

(319) Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* г. 1445: «Той же зимѣ Князь Тферскый Борисъ взя Новгородскыхъ волостій 50, повоева и пограби Бѣжичьскый Верхъ, и около Трьжку и Торжокъ... Того жь лѣта Воеводы Новгородскіи пондоша ратью на Югру, и поимавше Югрьскыхъ людей много, и жонъ и дѣтей, и расплошишась... Югреци же удариша на острогъ на Васильевъ, и много добрыхъ людей и Дѣтей Боярьскыхъ иасѣкоша 80, а Василій съ сыномъ убѣжа, а иніи разбѣгошась по лѣсу; а другый Воевода Михайло Яковль былъ въ иной рѣцѣ, и егда пріѣха къ Васильеву острогу, и видѣ острогъ разоренъ, а люди побиты, и нача искати своихъ по рѣцѣ, и скопишась къ нему Василій съ сыномъ и иніи, и пріѣхаша въ свою землю.» Въ *Псков. Лѣт.* г. 1447: «Псковичи послаша въ Новгородъ Посадника Зиновія Михайловичь и Стефана Юрьевичь и Ондрона Тимоѳеевичь, и взяша миръ по старинѣ.» О прежнихъ ссорахъ и мирѣ Псковитянъ съ Новымгородомъ см. ниже, примѣч. 386, г. 1427, 1430, 1431, 1432, 1434... «Послаша Псковичи (въ 1448 г.) на Норову рѣку возлѣ Новгородцовъ взяти миръ съ Нѣмци, Посадника Ѳеодора Патрикіевичь, Стефана Юрьевичь, Аѳанасія Юрьевичь, и Левонтія Макарьиничь, Тимоѳея Власьевичь, Парфея Володимичь, Алексѣя Мархинея, Игнатья Пяткова и иныхъ Бояръ, и докончаша миръ Посадники Новгородскіи и Псковскіи съ Княземъ Местеромъ *Инри Винки* Рижскымъ и съ Юрьевци на 25 лѣтъ. Они погани возвратиша со студомъ вся старины Псковскія, и докончаша на Успеніе; а отъ Новогородцевъ Князь Александръ Васильевичь, Посадники Самсонъ Ивановичь, Дмитрей Васильевичь Глуховъ, Иванъ Лукиничь Щока, Осифъ Андреевичь Горшковъ, Богданъ Осиповичь и иныхъ много.»

(320) «Князь Юрьи Семеновичь Лугвеневъ выѣха изъ Новагорода въ Литву, и В. К. Казимиръ даде ему отчину его всю, Мстиславль, Кричевъ и иныхъ градовъ не мало; онъ же возгордевся засяде Смоленескъ... и бяше ему не полезно и людемъ на мятежъ... и избѣже на Москву.» См. также Стрыков. *Хрон. Литов.* кн. XVII, гл. 7. (*) Далѣе: «Приходиша къ Колузѣ Литва, Панъ Судивой, Панъ Родивиль Осесовичь, Андрюшка Мостиловичь, Ябубъ Раловичь, Андрей Исаковичь, Николай Немировичь, Захарья Ивановичь Кошкинъ... И собрася Можанчевъ 100 человѣкъ, а Воевода у нихъ Князь Андрей Васильевичь Лугвица Суздальскихъ Князей — и сто же человѣкъ изъ Верен, а Воевода у нихъ Судокъ — и Василья Ярославичи люди 60 человѣкъ, а Воевода у нихъ Жиневъ... и срѣтошась, и убиша ту К. Андрея Лугвицу, да Корачарова, да иныхъ 4 человѣка; а Яропка, да Семена Ржевскаго поимали, Кн. Ивана Андреевича Можайскаго Воеводъ; а Кн. Михайла Андреевича Верейскаго поимали Воеводъ Судока, да Филипа Щокина, да Кенійскаго, да 5 человѣкъ молодыхъ; а Литвы убили 200 человѣкъ.» Стрыковскій (кн. XVII, гл. 8) разсказываетъ, что самъ Великій Князь Василій въ 1442 году съ помощію Царя Казанскаго, ходилъ къ Вязмѣ; что Казимиръ оставался въ Смоленскѣ, поручивъ войско Вельможѣ Станиславу Кишкѣ; что Станиславъ, опустошивъ владѣнія Московскія, уже возвращался въ Литву, когда 15,000 Россіянъ окружили его; что онъ, вмѣстѣ съ Паномъ Зеновичемъ и двумя Родивилами, хитростію побѣдилъ ихъ, и проч.

(*) „Соѳ. II, 44." (Ссылка Исторіографа въ собств. его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

(321) «Посла (Великій Князь) К. Василья Оболенского и Андрея Ѳедоровича Голтяева, да Дворъ свой, да Мордву *на ртахъ* (лыжахъ)... а *Козаки* Рязанскіе тако же на ртахъ... и рать съ ослопы и съ топоры... Князя Мутъ-Мурзу али, да Князя Азбердѣя, Мишерсванова сына... а Великого Князя полку убили Илью Ивановича Лыкова.» — Сіе было въ 1444 году. Послѣ, въ Сент., Татары нападали на Рязанскія области и на Мордву.

(322) Въ Нижегородскомъ Лѣтописцѣ подъ годомъ 1422: «Въ Нижнемъ Новѣгородѣ подъ *старымъ городкомъ* вверхъ по Окѣ рѣкѣ была слобода на берегу Оки, и гора ополала и съ лѣсомъ сверху на слободу, и засыпало 150 дворовъ; а тотъ городъ поставленъ былъ, какъ Великіе Князи Суздальскіе ходили на взысканіе, гдѣ поставити городъ и распространити Княженіе Суздальское за Низовской землѣ за Волгою и за Окою, гдѣ были лѣса великіе и жили поганая Мордва, которыхъ они отогнали, и земли ихъ населили Русью.» — Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Улу-Махметъ пришелъ въ Нижній будто бы прямо изъ Бѣлева; но лучше вѣрить Казанскому Лѣтописцу. Далѣе: «А Татарове въ то же время, коли Царь подъ Муромъ ходилъ, Лухъ воевали... И В. К. слыша то, пойде противу, и взя Крещеніе въ Володимирѣ... и возвратися отъ Мурома къ Суздалю, а изъ Володимеря пріиде на Москву въ Пятокъ Великій вечера... Князь же Великій, заговѣвъ Петрово говѣйно, пойде съ Москвы ратью... и въ Юрьевъ прибѣгоша къ нему Воеводы Новогородскіе, Князь Ѳедоръ Долголдовъ, да Юшка Драница... Князь же Великій взя Петровъ день въ Юрьевѣ, и пойде къ Суздалю; тогда пришли К. Иванъ Можайскій, да братъ его, К. Михайло Верейскій, да К. Василей Ярославичь... и сташа на рѣцѣ на Каменкѣ Іюля въ 6, во Вторникъ.»

(323) «Ту бо нощь въ Юрьевѣ ночевалъ.»

(324) «Татаръ было полчетверты тысящи.» — Въ *Степен. Кн.*: «Сто Татариновъ паде отъ руки Великаго Князя; на самомъ же многи быша раны; у правыя руки его три персты отсѣкоша: только кожею удержашася. Лѣвую жь руку насквозь прострѣлиша, и на главѣ его бяше 13 ранъ; плеща же и груди отъ стрѣльнаго удареніа и отъ сабельнаго, и *бруены* его бяху синя, яко и сукно»

(325) «Царевичи сташа въ монастырѣ Еѳимьевѣ, и ту сняше съ Великого Князя кресты его, *тѣльники*, и послаша на Москву съ Татариномъ Ачисаномъ.» *Тѣльниками* назывались кресты носимые *на тѣлѣ*.

(326) Въ одной лѣтописи сказано, что сгорѣло 2700 человѣкъ, а въ другой 1500. Церковь Воздвиженія развалилась отъ пожара.

(327) Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: «Прислалъ Князь Тферскый Борисъ своихъ Воеводъ на Торжокъ, останокъ людій разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окупъ прода, а животовъ и товара Московскаго 4 повозковъ свезли во Тферь, а иніи съ товаромъ потопиши въ рѣцѣ; а въ Бѣжичскомъ Верху и по Заборовью осми волостей повоева въ два году.»

(328) «Стояху въ Суздали 3 дни и перешедъ Клязму, сташа противъ Володимеря.»

(329) Въ *Архив. Лѣт.* № 8, л. 114: «Тое же осени Царь (Царевичь) Мамутякъ, Улу-Махметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, и вотчича Казанскаго, Князя *Либея*, убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовати.» Въ *Никон. Лѣт.* VII, 233: «Мамутякъ, пришедъ изъ Курмыша, Казань взялъ, а Казанского Князя, *Азыя*, убилъ, а самъ на Казани вокняжился.»

Въ *Никон.* и въ другихъ лѣтописяхъ: «Царь Улу-Махметъ и сынъ его, Мамутякъ, утвердиша Великого Князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дати ему съ себя окупъ, *елико можетъ*.» Въ *Синод. Новгород. Лѣт.*: «Царь Махметъ взя на немъ окупа 200,000 рублевъ, а иное Богъ вѣсть, и они въ себѣ.» Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Князь Великій окупъ посулилъ на собе отъ злата и сребра, и отъ портища всякого, и отъ коней, и отъ доспѣховъ 29,500; а съ нимъ пріидоша 500 Татаръ.» Въ другихъ: «съ нимъ послали» (Махметъ и сынъ его) «Князя Сеит-Асана и Утеша, и Курацша, и Долмоею, и Айдара и иныхъ многихъ. Князь же Великій, отшедъ отъ Курмыша два дни, отпустилъ къ Москвѣ съ *сеунчомъ* Андрея Плещеева» (*сеунчь* есть слово Татарское и значитъ *вѣсть*: то есть, Плещеевъ былъ посланъ съ вѣстію о Василіевомъ освобожденіи. Сіе слово употребляется въ Розрядныхъ Книгахъ.) . . . «А Ѳедоръ Дьякъ съ Бигичемъ въ туже пору пойдоша изъ Мурома судномъ, а кони отпустиша берегомъ. Андрею же пришедшу противъ Иванова села Киселева, межъ Новагорода и Мурома, и срѣте ту Пашину Образцова съ коньми съ Бигичевыми и съ Ѳедоровыми, и сказавъ имъ, что Князь Великій отпущенъ; они же вернувшеся оттолѣ, перениша Ѳедора подъ Дудинымъ монастыремъ, а онъ пловетъ съ Бигичемъ Окою . . . и К. Василей Ивановичь Оболенской изымалъ Бигича и оковалъ, а Князь Дмитрій, слышавъ то, бѣжа къ Угличю; а Князь Великій пойде къ Мурому и къ Володимерю, и на Дмитріевъ день пріиде въ Переславль,» и проч. — Въ *Степен. Кн.*: «Шемяка увѣща Бигича, еже убіену быти Великому Князю . . . Намѣстницы же Муромстіи повелѣніемъ Великого Князя послаша къ Бигичю меду; онъ же напився и усну; а сіи пришедше емше его, и оковаша и въ Муромъ приведоша.»

(330) «Мнози же неспяще, слышавше то, во скорби бѣша . . . наутріе жъ со многими слезами неслышавшимъ сія исповѣдаху.»

(331) Великій Князь сказалъ въ Троицкой Лаврѣ (см. ниже), что Шемяка и Можайскій жили съ нимъ тогда въ мирѣ. См. ихъ договоры въ *Собраніи Государств. Грамотъ*, I, 107 и 133. Шемякина несправедливо отнесена къ 1434 году.

(332) Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: «Сѣдумавше три Князи, К. Дмитрій, К. Иванъ Можайскый и К. В. Тферскый Борисъ.» Въ Императорской Библіотекѣ есть *список* договора, заключеннаго К. Борисомъ съ Василіемъ Темнымъ около 1437 года: ибо въ сей грамотѣ (и только въ ней одной изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ) названъ Митрополитъ *Исидоръ*. Выписываемъ любопытнѣйшее: «Божіею милостію и пречист. Его Богоматери, и по благословенію отца нашего, Исидора Митрополита... на семъ на всемъ, брате, К. В. Василій В., цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату и В. К. Борису Александр . . . и къ моей братьѣ молодшей, К. Ѳедору Ѳедоровичь, и ко К. Ивану Юрьевичь и ко К. Андрею Ивановичь . . . Имуть вамъ Татарове давать Домъ Св. Спаса, Тферь и Кашинъ, и вамъ ся не имать за нашу отчину . . . А быти вамъ на Татары и на Ляхи, и на Литву и на Нѣмци заодинъ . . . А что ся есте воевали съ Царемъ, а положитъ Царь на весь вину въ томъ, и мнѣ вамъ не дати ничего въ то . . . А къ Жигимонту вамъ цѣлованіе сложити безъ перенода . . . а будетъ вамъ, брате, взять любовь съ Жигимонтомъ или кто иный Осподарь сядетъ на Литовской земли, и вамъ безъ мене любви не взяти . . . А къ Ордѣ ти (Борису) путь чистъ ко Царю . . . А что судилъ Кипріянъ Митрополитъ судей нашихъ обчихъ . . . или что судили судьи наши обчіи и грамоты подавали, что будетъ взято, то взято; а что не взято, то есмя *погренули* (оставили); а грамоты тѣхъ судовъ подрати . . . А полонъ ти нашъ Тферскый и Кашинскый отпустить безъ окупа; а кто купилъ полонника, и онъ возметъ цѣну по цѣлованію . . . А съ Новымъ ти (Борису) городомъ жити по старинѣ,» и проч.

(333) «Ничто же много чая, но токмо накрѣпити братію Великія Лавры.» Далѣе см. *Ростов. Лѣт.*

(334) «Сіи смущають насъ; а азъ съ своею братіею во *крестномъ цѣлованіи* . . . и повелѣ его съ монастыря сбити, и назадъ поворотити его; и яко бывшу тому, яша того ратніи (непріятельскіе) сторожи и биша . . . Посла (Великій Князь) сторожи къ Радонежу. Сани съ рогозинами, а иніи съ полстьми, а на нихъ по два человѣка въ доспѣсѣхъ, а третій идетъ подлѣ какъ бы за возомъ... Убѣжати не камо баше; снѣгъ былъ въ 9 пядей... Пономарь Никифоръ Инокъ отмче церковь . . . и ушедъ схоронися . . . Убійцы яко свирѣпіи волци возгониша на монастырь на конехъ; преже всѣхъ Никита Костянтиновичь, и на лѣствицу на кони къ преднимъ дверямъ церковнымъ, и ту спехну ему съ коня, и заразися о камень . . . и прочіи подняша его; онъ же едва воздохнувъ и бысть яко піянъ, а лице яко у мертвеца . . . И взятъ (Василій) икону Явленія Св. Богородицы со двѣма Апостолома . . . Въ Понедѣльникъ на ночь, Февр. въ 14, привезоша Вел. Князя . . . а самъ Шемяка стоялъ на дворѣ Поповкинѣ.» Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: «и ослѣпиша его про сію вину: почто еси Татаръ привелъ на Русьскую землю и городы подавалъ еси имъ и волости въ кормленіе; а Татаръ и языкъ ихъ паче мѣры любишь, а Христіанъ безъ милости томишь, и злато и сребро Татаромъ даешь? и за тый гнѣвъ, что ослѣпилъ Василья Юрьевича.»

(335) Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей.

(336) «И многихъ подговоривъ съ собою, и пограби уѣзды Коломенскія.» — К. Василій Ярославичь Боровскій, въ 1433 году заключивъ договоръ съ Великимъ Княземъ, какъ съ *отцемъ* своимъ и съ Государемъ Московскимъ, (см. *Собраніе Государствен. Грамотъ*, I, 90), оставался ему вѣрнымъ во всѣхъ перемѣнахъ судьбы его.

(337) *Собр. Госуд. Грам.*, 135: «Божьею милостью, и проч. держати ти насъ собѣ, мене К. Василья Юрьевича, собѣ сыномъ, а брата моего молодшего К. Ѳедора Юрьевича братаничемъ, а сыну ти, Господине, своему, Князю Ивану Дмитреевичю, держати меня братомъ ровнымъ, а мене ти, Господине, К. Ѳедора Юрьевича, держати сыну своему, К. Ивану, братомъ молодшимъ: а намъ тебя, своего господина, держати мнѣ К. Василью Юрьевичу господиномъ и отцемъ, а сына твоего, К. Ивана Дмитреевича, братомъ ровнымъ; а мнѣ, К. Ѳедору Юрьевичу, держати ми тебя собѣ господиномъ и дядею, а сына ми твоего, К. Ивана Дмитр., братомъ старѣйшимъ . . . А которыми ся дѣлы братъ твой, К. Иванъ (Можайскій), имется въ нашу отчину вступати, и тобѣ насъ отъ него боронити. А что К. Иванъ, держа за собою Суздаль, далъ Св. Троицѣ село наше, а другое Боярину Петру, а у Княгини у Марьи купилъ собѣ Князь Иванъ село, ино тѣ села намъ по старинѣ. . . А что К. Великій отъималъ у насъ безъ пошлины села, да подавалъ Св. Рожеству

въ монастырь въ Володимерь, и тѣ намъ по старинѣ; а десятое монастырю по старинѣ. А вашему, господине, Великому Княженью съ нашею прадѣдиною и дѣдиною и отчиною судъ по старинѣ... како же дасть ти Богъ велитъ достати свое отчины, Великого Княженья.» Къ сей грамотѣ приложена восковая печать. На оборотѣ написано: *Великого Князя Дмитрея Юрьевича съ братьею, со Княземъ Васильемъ, да со Княземъ Ѳедоромъ, Юрьевичи*. Послѣднія слова заставляютъ думать, что сія грамота была писана еще прежде, нежели Шемяка овладѣлъ всѣмъ Московскимъ Княженіемъ. — О К. Василіи Юрьевичѣ Суздальскомъ см. выше, примѣч. 316.

(338) Въ Хронографѣ: «отъ сего убо времени въ Великой Русіи на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*.»

(339) «Іона пойде къ Мурому въ судѣхъ... и шедъ въ Соборную церковь Рожества Богоматери,» и проч.

(340) «Бѣ же въ той мысли съ ними» (Ряполовскими) «К. Иванъ Вас. Стрига, да Ив. Ощера съ братомъ Боброиъ, да Юшка Драница, да Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, да Русалко, да Руно и иные; учиниша себѣ срокъ всѣмъ быти подъ Угличемъ на Петровъ день о полудни; и Семенъ Филим. на тотъ срокъ пришелъ, а про Ряполовскихъ учинилась вѣсть Князю Дмитрею, и не смѣяша пойти подъ Угличь, но поидоша за Волгу къ Бѣлуозеру, и К. Дмитрей посла за ними съ Углича рать съ Василіемъ съ Вепревымъ, да Ѳедора Михайловича съ полки, а сойтися имъ на устѣ Шексны у Всѣхъ Святыхъ, и Ѳедоръ не успѣ къ Василью, а Ряполовскіе воротившеся на Василія, побиша его на устѣ Мологи; а Ѳедоръ перевезся Волгу на устѣ Шекснѣ: они же и на того воротившася: Ѳедоръ же побѣже опять за Волгу. Ряполовскіе пойдоша по Новгородской землѣ къ Литвѣ... а Семенъ Филимоновъ со всѣми своими отъ Углича пойде къ Москвѣ, яко ничто же про тѣхъ вѣдая; одинъ Руно отвернулся отъ него за Ряполовскими.»

(341) См. *Арханг. Лѣт.* г. 6955.

(342) «Учиниша себѣ срокъ всѣмъ сзятися на Пацынѣ... К. Василей Ярославичь во Мстиславлѣ, а съ нимъ Ряполовскіе 3, да К. Иванъ Стрига, да Ощера; а во Брянскѣ К. Семенъ Оболенской, да Басенокъ... и приде къ нимъ вѣсть, что Князь Великій выпущенъ, а пригонилъ Данило Башмакъ, а во Брянескъ Кіяниңъ, Полтинкою зовутъ, а лежалъ тотъ на Москвѣ отъ Княгини Настасіи Олельковы на вѣстехъ про Великого же Князя.» Олелько, сынъ Владиміра Ольгердовича Литовскаго и зять Василія Темнаго, господствовалъ въ Кіевѣ (см. ниже, примѣч. 386, г. 1451). Далѣе: «Изъ Брянска погонилъ (Полтинка) къ Кіеву... Князь же Василей Ярославичь со всѣми Бояры, и съ женами, и съ дѣтьми, пойдоша... и пригонилъ къ нимъ (въ Пацынъ) Дмитрей Андреевъ сынъ, что уже Князь Великій пошелъ съ Вологды къ Бѣлуозеру и ко Тфери... Пришедшимъ же имъ къ Ельну, и ту срѣтошася съ ними Татарове, и начаша межь себя стрѣляти. По семъ же Татарове начаша Руси кликати: вы кто есте? Они же отвѣщаша: Москвичи... А вы кто есте? Мы изъ Черкасъ,» и проч. См. также *Степен. Кн.* II, 19. Въ *Арханг. Лѣт.*: «Царевича два *Кайсимова*, Трегубъ да Ягупъ.»

(343) «А въ ту пору ѣхала во градъ къ завтренѣ Княгиня Ульяна, Княжа Васильева Володимеровича... Намѣстникъ же Княжь Дмитріевъ, Ѳедоръ Галичской, у заутрени убѣжа; а Княжа Иванова Намѣстника, Василья Шигу, бѣжавша изъ города на конѣ изымалъ истопничишко Великіе Княгини, Ростопчею звали, и приведе его къ Васильевѣ, и сіи оковаша его.»

(344) «И оттолѣ пойде съ матерью къ Переславлю, а Сабуровъ (Мих. Ѳедор.) съ прочими добиша челомъ Вел. Князю, не возвратишася къ Шемякѣ.» — Кутузовъ назывался Василій Ѳед.

(345) См. въ *Собр. Госуд. Грам.*, стр. 149, договорную грамоту Шемяки и Можайскаго съ Кн. Михаиломъ Верейскимъ и Василіемъ Ярослав. Боровскимъ, гдѣ сказано: «намъ бити челомъ своему господину, Великому Князю... А К. В. Борисъ Олександровичь съ нашимъ братомъ съ старѣйшимъ, съ Великимъ Княземъ, одинъ человѣкъ. ... А что язъ К. Дмитрей Юр. и К. Иванъ Ондр. поимали есмя Князя Великого кресты и Страсти Спасовы, да казну и матери его, и его Великіе Княгини, и Марьину Голтяевы, и намъ то все отдати... А по сей грамотѣ взяли есмя перемирье со К. Михайломъ Ондр. и со Княземъ Васильемъ Ярослав. Петрова говѣнья въ Недѣлю... А подписалъ Ѳедоръ Дьякъ.»

Договорныхъ грамотъ съ К. Іоанномъ Андр. четыре (см. *Собр. Г. Г.* 138 — 154). Въ третьей: «А исполнится твоимъ дѣтемъ (Великаго Князя) по двѣнатцати лѣтъ, и твоимъ дѣтемъ цѣловати крестъ самимъ ко мнѣ, къ твоему брату молодшему ко К. Ивану Ондр... А о семъ о всемъ поставили есмя па собя свидѣтеля Вседержателя Господа Бога, и пречистую Его Богоматерь, и Великихъ Чудотворцевъ, Святителя Николу, и Св. Петра Митрополита, и Св. Леонтія Епископа Ростовскаго, и преподобныхъ Старцевъ Сергія и Кирилла, и молитву святыхъ родитель нашихъ, отецъ, дѣдъ и прадѣдъ нашихъ Великихъ Князей; а къ тому взели есмя по собѣ на обѣ стороны брата своего Великого Князя Бориса Олександровича Тферского, и свою сестру, а его Великую Княгиню Настасью, и свою братью молодшую, К. Михаила Ондр. и К. Василья Ярославича; и будутъ по цѣлованью съ правымъ на виноватаго. А писана грамота въ лѣто 6956 (1448); а подписалъ Дьякъ Княжь Ивановъ Ондреевича Кулударъ.» Въ четвертой грамотѣ: «а что мя еси, господине Князь Великій пожаловалъ, далъ ми еси Бѣжицкій Верхъ въ отчину... да половину Заозерья Кубенскихъ Князей, да Лисину вотчину... А жити ми, господине, съ тобою въ Москвѣ по душевной грамотѣ дѣда нашего, Великого Князя Дмитрея Ивановича; а вотчина ти наша подо мною держати по душевной грамотѣ отца нашего, Князя Ондрея Дмитреевича... А Орда, господине, тобѣ знати и исправливати самому; а мнѣ Орды не знати; а выходъ ти у мене имати съ моее вотчины по старымъ дефтеремъ... а съ Полуозерья давати ми тобѣ какъ преже сего давали Заозерьскіе Князи Ярославскимъ во Царевъ выходъ. А писана грамота на Коломнѣ въ лѣто 6956 (1448) мѣсяца Септемврія; а подписалъ Княжь Ивановъ Ондреевича Дьякъ Щербина.» Къ сей грамотѣ приложены двѣ восковыя печати: на оборотѣ грамоты написано: «Княжа Ивана Можайского съ Бѣжицкимъ Верьхомъ;» а ниже: «Княжи Ивановы Можайского и Княжи Михайловы.»

О примиреніи Великаго Князя съ Можайскимъ сказано въ *Арханг. Лѣт.* г. 6957: «Тое же весны Князь Великій былъ на Рудинѣ горѣ въ Ярославлѣ, и присиѣ Шемяка, да Князь Иванъ Можайскій со многими людьми, и мало не бысть кровопролитія; и не захотѣлъ Князь Иванъ Можайскій съ Шемякою, и увернуся у него, и доби челомъ Вел. Князю за свою вину, и пожаловалъ далъ ему Бѣжицкій Верхъ.» — О Шемякѣ: «Князь Великій пойде къ Галичю... и ста на Костромѣ, и начаша межь себя посылати послы. Князь же Дмитрей, убояся, нечетъ мира просити, и грамоты на себя

проклятые далъ» (см. ниже)... «Князь же Великій возвратися съ Костромы въ Великій Четверкъ, а Великъ день взялъ въ Ростовѣ, а назавтрее праздновa Благовѣщеніе въ Ростовѣ же... и того дни къ Москвѣ пойде и пріиде въ Недѣлю Ѳомину; а сынъ его, Князь Иванъ, былъ въ Володимерѣ»

(346) См. *Архив. Лѣт.* No. 8, л. 127 на обор. и *Степен. Кн.* II, 79. — Въ книгѣ названной *Посланіемъ Россійскихъ Митрополитовъ* (Синодал. библіот. No 164) есть письмо Василія Темнаго къ Греческому Царю о поставленіи Іоны; въ немъ сказано: «Поставили есмы Іону Митрополитомъ, но за великую нужду сіе сотворихомъ, а не кичѣніемъ, ни дерзостію... Церковь наша Святыя Софіи Цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ во всемъ по древнему благочестію... развѣе нынѣшнихъ новоявльшихся разгласій, и молимъ святое ти Царство, да будетъ къ тому нашему Митрополиту добрыя воли... Хотѣхомъ же убо писати и къ Святѣйшему Патріарху, требующе о всемъ благословенія; но не вѣмы, аще уже есть въ царствующемъ градѣ святѣйшій Патріархъ... по древнему благочестію,» и проч.

(347) См. выше, примѣч. 311. Въ сей Буллѣ сказано: «отщепенца и противника, злочестиваго сына, Іону.» Папа совѣтуетъ Королю схватить и заключить нашего Митрополита въ темницу, буде онъ пріѣхалъ бы въ Литву. Письмо Іоны о Григоріи къ Литовскимъ Князьямъ, Панамъ, Боярамъ и Воеводамъ находится въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 42). Тамъ же (л. 90) есть грамота его къ Мисаилу, Епископу Смоленскому, гдѣ сказано: «Вѣдомо тобѣ, моему сыну, что есмь посылалъ отъ Кіева великія обители Св. Троицы Сергіева монастыря Настоятеля духовнаго, Игумена Васіяна, о Св. Дусѣ дочери нашего смиренія Княгинѣ Княжѣ Александровѣ Володимеровича Настасьѣ и къ ихъ дѣтемъ... чтобы отъ благочестія своего не умалено было, ни приложено, и что отъ того волка и единомысленника Исидорова, что же нынѣ именуетъ себе Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси... пришолъ съ Папежскими листы, да и съ первоначяльнаго отступника Патріаршими Григорьевыми грамотами и съ Исидоровыми, и пишется въ нихъ Сидоръ Легатосомъ и Кардиналомъ, а мене пишутъ отступникомъ... И нынѣ отъ Короля къ Вел. Князю о томъ Григорьѣ Якубъ Писарь да Ивашевецъ пріѣздили посольствомъ, чтобы его Князь Вел. принялъ и держалъ собѣ отцемъ Митрополитомъ; и господинъ и сынъ мой К. В. и сынъ его, К. В. Иванъ Васильевичь, не хотя его не токмо видѣти, но и слышети .. и того ради тобѣ пишу,» и проч. — Упомянемъ здѣсь о грамотѣ Іоны къ Царю Казанскому, писанной съ его слугою, который ѣздилъ въ Казань по торговымъ дѣламъ. Митрополитъ говоритъ: «Слыша, что Вышняго Бога силою держишь свое Государьство, и купцемъ щкоты и убытковъ нѣтъ никоторыхъ ни отъ кого, и на то надѣяся, послали есмо своего слугу съ своею рухлядью... и прошу жаловати,» и проч. См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* л. 118.

(348) См. *Собр Г. Г.* 171. — Въ Синод. *Новог. Лѣт.* г. 6954: «и присла (Шемяка) поклонъ въ Новгородъ: Новгородци же послаша къ нему послы, Посадн. Ѳедора Яковлячь, Посадн. Василья Стефановичь, и Князь Дмитрій цѣловалъ крестъ на всѣхъ старинахъ; а Князь Тферьскый Борисъ на опасѣ державъ 4 мѣсяца Новгородскыхъ пословъ, и отпусти ихъ; то же поѣхали къ Князю Дмитрію.» — Въ Пушкин. собраніи Двинскихъ грамотъ No I: «По благословенію Преосв. Архіепископа Великаго Новагорода и Пскова, Владыки Евфимія, отъ Посадн. Новгород. Ивана Лукинича, отъ Тысетского Василія Пантелеевича, и отъ всего В. Новагорода. Се пріѣхали послове къ В. К. Василію Василіевичу всея Руси, и къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, отъ В. Новагорода, Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадн. Ѳедоръ Яковличь, Посад. Василей Степановичь, Тысятской Яковъ Ивановичь, Тысятскій Новгородскій Василей Пантелеевичь; а отъ Житьихъ Офонасъ Микуличь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, Еремей Кузмичь, Василей Захарьиничь, и докончали миръ по крестнымъ грамотамъ... какъ цѣловалъ Князь Великій Ондрей, и Князь Великій Иванъ, и Князь Великій Семенъ, и прадѣдъ твой Князь Великій Иванъ, и дѣдъ твой Князь Великій Дмитрій, и отецъ твой Князь Великій Василей. Новгородъ держати вамъ въ старинѣ по пошлинѣ безъ обиды; а намъ, мужемъ Новгородцемъ, княженіе ваше держати честно и грозно безъ обиды; а пошлинъ вашихъ Князей Великихъ не таити.» Слѣдуютъ обыкновенныя условія, извѣстныя читателю по древнѣйшимъ грамотамъ Новогородскимъ.

(349) См. въ *Собр. Г. Г.*, стр. 185, договоръ К. Суздальскагѡ, *Ивана Васильевича*, *съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ*. Тамъ сказано: «по благословенью отца вашего *Іоны*, *Митрополита всея Руси*, на семъ на всемъ, Господине Осподарь Князь Великій Василей Васильевичь, и съ своимъ сыномъ, съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ, и со Кн. *Ондреемъ* Васильевичемъ, со Кн. *Семеномъ* Васильевичемъ, цѣлуй крестъ,» и проч. Далѣе: «Моя братья Князь Александръ и *Князь Василей*,» и проч.

Договоръ съ Рязанскимъ Княземъ въ *Собр. Г. Г.* 142: «На семъ, брате *молодшій*, Князь Великій Иванъ Ѳедоровичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ: имѣти ти К. Ивана Ондр. собѣ братомъ, а брата К. Михайла Ондр. братомъ молодшимъ... и К. Василья Ярославича... А всхочетъ съ тобою К. В. Литовской любви, и тобѣ съ нимъ взять любовь со мною по думѣ; а писать ти съ нимъ въ докончальную грамоту, что есь со мною одинъ человѣкъ; а будетъ ему любовь со мною, ино и съ тобою; а не будетъ ему любви со мною, ино и тобѣ съ нимъ любви нѣтъ... А пойдетъ на тобя, и мнѣ пойти самому тобя боронить... А что Резанское на Резанской сторонѣ за Окою, что *довелѣ тягло къ Москвѣ*, Почевъ, Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадено городище, Дубка, Дежль, Бродчичь съ мѣсты, какъ ся отступили Торускіе Князи Ѳедору Святославичу, и та мѣста къ Резани; а въ *Тулу* и въ Берестій не вступатися мнѣ, Вел. Князю Василью Васильевичу... А со Княземъ Пронскимъ и съ его братьею любовь взялъ еси ты; а что ся промежъ васъ учинитъ, ино промежъ васъ управити мнѣ... А Новосильскіе Князи добьютъ мнѣ челомъ, и тобѣ съ ними взять любовь... А Князи *Мещерскіе* не учнутъ мнѣ правити, и тобѣ ихъ не пріимати, а добывать ти ихъ мнѣ безъ хитрости по тому цѣлованью.. А намъ, Княземъ Великимъ, въ судъ въ вопчей (общій) не вступатися; а судьямъ нашимъ сѣсти судити, цѣловавъ крестъ... *Третій* межи насъ хто ищетъ, тотъ воименуетъ три Князи Христіянскіе; а на комъ ищутъ, тотъ собѣ беретъ изъ трехъ одиного; а судьи наши вопчеи о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій по томужъ... А пошлинъ съ бѣглеца съ семьи два алтына, а съ одинца алтынъ... а мыта съ воза въ городѣхъ всѣхъ пошлинъ деньга, а съ пѣшехода мыта нѣтъ; а тамги и всѣхъ пошлинъ отъ рубля алтынъ, а съ лодьи со деки по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набоя деньга; а со Князей Великихъ людей пошлинъ нѣтъ. А писана на Москвѣ въ лѣто 6955 (1447) мѣсяца Іюля въ 11 день.»

Тамъ же, стр. 171, въ договорѣ съ Тверскимъ Княземъ: «Али имутъ насъ сваживати Татарове,

а учнутъ вамъ (Вел. Княземъ Московскимъ) давати домъ Святаго Спаса, а нашу отчину Тферь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имати за домъ Св. Спаса, и за нашу отчину... Тобѣ, В. К. Василью, подо мною, и твоимъ дѣтемъ подъ моимъ сыномъ подъ Княземъ подъ Михайломъ, ни меньшимъ твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми, кого ми Богъ дастъ, ни подъ моею братьею молодшею подъ К. Дмитреемъ Юрьевичемъ, и подъ К. Иваномъ Юрьевичемъ, ни вашимъ внучатомъ... а быти вамъ на Татаръ и на Ляхи, и на Литву, и на Нѣмцы за-одинъ. Которой ти иный братъ сгрубитъ, и мнѣ къ собѣ ихъ не пріимати. Такожъ, которой мой братъ молодшей и изъ меньшіе братьи изгрубятъ мнѣ, тѣхъ вамъ къ собѣ не пріимати... А рубежъ Тфери и Кашину, какъ было при моемъ пращурѣ, при В. К. Михайлѣ Ярославичѣ... А съ Новымъ ми городомъ жити по старинѣ... А которые земли и воды отошли отъ Тфери и Кашина при твоемъ отцѣ и при тобѣ, а тѣмъ землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны. А новыхъ мытовъ не замышляти, а на старыхъ мытѣхъ имати пошлины съ воза деньга, а *костокъ»* (дорожной пошлины) «съ человѣка деньга же; а поѣдетъ на версѣ (верхомъ) съ торговлею, ино деньга же; а кто ся промытитъ, ино съ воза промыти 6 алтынъ; а заповѣди 6 алтынъ, колько бы возовъ ни было; а промыта то, кто объѣдетъ мытъ; а проѣдетъ мытъ, а мытника у забору не будетъ, ино промыты нѣтъ; а встижетъ его мытникъ, ино возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ; а съ лодьи пошлина съ доски по два алтыне; а больше того пошлины нѣтъ; а съ струга алтынъ, а тамги и осминичего отъ рубля алтынъ, а тамга и осминичее взяти, аже иметъ торговати; а поѣдетъ мимо, инъ знаетъ свои мыты да костки, а болѣ того пошлинъ нѣтъ; а поѣдетъ безъ торговли, ино съ того мыта нѣтъ и пошлинъ.»...

Въ договорѣ съ Василіемъ Ярослав. (тамъ же, 168, 177): «А что есмь былъ, брате, пожаловалъ тобе своею отчиною городомъ Дмитровомъ съ волостьми, и ты, брате, Дмитрова и съ волостьми отступился еси мнѣ Великому Князю... А чего, брате, достанешь отъ моихъ недруговъ, или отъ-инуда отколѣ казны моее, и моее матери, и моее Великіе Княгини казны: и то ти, брате, мнѣ отдати. А Князей ти моихъ служебныхъ съ вотчинами не пріимати... А въ городѣ на Москвѣ посылати намъ своихъ Намѣстниковъ, и они очистятъ нашихъ холоповъ и сельчянъ. А кого выму собѣ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ Великому Князю и моимъ дѣтемъ два жеребья; а тобѣ, брате, того треть.»

Въ договорѣ съ Михаиломъ Верейскимъ: «да что мя еси, Господине Князь Великій, пожаловалъ своего брата молодшего, далъ ми еси *Вышегородъ* съ волостьми въ вотчину и въ удѣлъ, какъ было за тобою; да къ тому ми еси придалъ Плѣскъ, опрочь Плѣсенскаго села, что еси пожаловалъ Семена Ондреевича Плота; а судъ, господине, мой того села и дань по землѣ и по водѣ... да пожаловалъ мя еси, далъ еси Вышегороду моему и тѣмъ волостемъ льготу на пять лѣтъ, выхода не дати, а моей еси, господине, отчинѣ всей пожаловалъ отдалъ ми еси половину выхода на три года... А дана грамота на Москвѣ въ лѣто 6958 (1450) Іюля въ первый день.»

Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 153) есть грамота Іоны къ Королю Казимиру *о братствѣ и о любви съ Великимъ Княземъ*. Въ ней сказано: «Что, господине и сыну, присылалъ къ своему брату, къ Вел. Князю, своего посла Гармана съ рѣчьми и съ листы о вашихъ дѣлѣхъ о земскихъ, а ко мнѣ еси приказалъ же съ нимъ, чтобы попеченье имѣлъ о вашемъ братствѣ... и азъ по твоему приказу, Великого Короля, Вел. Князю рѣчи твои говорилъ съ благословеніемъ и съ мольбою, и Князь Вел., братъ вашъ, вельми хочетъ братства и любви и прочнаго доброжитья... и о всемъ къ тобѣ на своемъ листу написалъ и рѣчии къ тобѣ съ своимъ Діакомъ Степаномъ приказалъ... И благодарю и благословляю, чтобы еси къ своему брату, а къ нашему сыну, любовь свою имѣлъ по тому крестному цѣлованію ... а о великомъ вашемъ жалованіи и о вашемъ поминкѣ (дарѣ) благодарю... О чемъ ти, господине, опрочь сего нашего листу иметъ мой Діакъ, Василей Карло, говорити рѣчии, и ты бы тому вѣрилъ,» и проч.

(350) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. No 164, л. 70. Сія грамота Епископовъ къ Димитрію содержитъ въ себѣ 28 страницъ. Выписываемъ главныя мѣста: «Господину Князю Димитрію богомолци, господине, брата твоего старѣйшаго, Вел Князя, и вашего благородія общія, Ефремъ Владыка Ростовскій, Аврамій Вл. Суждальскій, Іона Вл. Рязанскій, Варламъ Вл. Коломенскій, Питиримъ Вл. Пермьскій, и мы ваши нищія и молебники Геронтій Архим. Симановскій, Мартиніянъ Игуменъ Сергіева монастыря, и съ прочими Архимандриты и Игумены (и проч.) челомъ бьемъ и благословляемъ... Вѣси, како отецъ твой тщаніе имѣлъ на начальство Вел. Княженія, яко же и древній нашъ праотецъ Адамъ ко обоженію, и въ Орду ходилъ, и коликіе труды подъялъ... а Княженія Великого не досяглъ, что ему Богомъ не дано, ни земскою пошлиною... Потомъ паки не уймися, собравъ къ собѣ злыхъ человѣкъ, да Вел. Князя згонилъ: и колико паки на Вел. Княженьи пожи? Не самъ же ли того часа съ великимъ челобитьемъ Вел. Князя на великое государство призвалъ, а самъ въ пяти человѣцѣхъ съѣхалъ? Потомъ и въ другіе пришедъ сѣлъ на вел. Государствѣ безъ пошлины же, паче рещи яко разбойнически: и колико пакъ и самъ пожилъ? Егда былъ ему при кончинѣ о своей души попеченіе помнѣти, и по желанію его древнему самоначальства Богъ ему здѣ попусти хотѣнію его исполнитися, токмо яко человѣкомъ на видѣніе, а ему отъ всѣхъ на осуженіе... Въспомянемъ же и тобѣ вмалѣ и тебе самого. Егда приходилъ къ Москвѣ безбож. Ц. Махметъ, и воя по земли распустилъ, и Князь Вел. колькое пословъ по тебе посылалъ, такоже и грамотъ? и ты не пошелъ: и въ томъ коликое крови Христіянскіе пролилося, и коликое множество въ полонъ пошло, и коликое церквей Божіихъ разрушилося, и черноризиць осквернено и дѣвиць растлѣно! Потомъ же безбож. Царевичь Мамотякъ приходилъ,» и проч. Далѣе: «И тобе Діаволъ на него (Василія) вооружилъ желаніемъ самоначальства, разбойнически нощетатствомъ изгонити его на крестномъ цѣлованьи, и сотворилъ еси надъ нимъ не меньши Каина и оканнаго Святополка... Чимъ еси себе самаго пользовалъ, и колико еси государствовалъ, и въ которой тишинѣ пожилъ еси? не все ли въ суетѣ и въ прескаканьи отъ мѣста до мѣста, во дни отъ помышленія томимъ, а въ нощи отъ мечтаній сновидѣнія? Ища и желая большего, и меншее свое изгубилъ еси... А братъ твой старѣйшій, В. К., опять на своемъ Государствѣ: понеже кому дано что отъ Бога, и того не можетъ у него отняти никто... Впалъ еси былъ самъ въ руки, яко же древній онъ гордый Фараонъ въ глубину моря, и аще не бы милосердіе свое показалъ на тобѣ К. В., то пришелъ еси былъ самъ къ своей погибели и со всѣми своими... вселила бы ся въ адъ душа твоя... Ты къ нему

цѣловалъ крестъ... быти съ Вел. Княземъ вездѣ заодинъ..., а съ кѣмъ будеть въ цѣлованьи, а къ тому ти цѣлованье сложити... а добра ти Вел. Князю хотѣти во всемъ вездѣ.... и подъ нимъ Вел. Княженья блюсти... и подъ его дѣтми... а давати ти выходъ по старымъ дефтеремъ. А что еси поималъ честные кресты и св. иконы и Страсти Спасовы, да и казну Вел. Князя и его Вел. Княгини казны и поклажи, и тобѣ то все отдавати Вел. Князю, и полонъ весь старой и нынѣшней безъ окуна, и татьевъ отпущати; а сѣдя на Москвѣ, кого людей Вел. Князя велѣлъ будеть давати на порукѣ или кабалы на кого или серебро переведено, и тобѣ съ тѣхъ поруки свести и переводное серебро, или что еси поималъ въ казну Вел. Князя, грамоты докончальные и ярлыки и дефтери, и тѣ отдати; а Боярину и Дѣтемъ Боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а кто служить Вел. Князю, а живеть въ твоей отчинѣ, и тобѣ тѣхъ блюсти какъ и своихъ; а казны отдати отъ того дни мѣсяцъ.... Или, господине, по нужи смѣемъ рещи, ослѣпила тя будеть душевная слѣпота возлюбленіемъ временныя и преходящія чести Княженья и начальства, еже слыщатися новому Княземъ Великимъ, а не отъ Бога дарованно, или златолюбствомъ объятъ еси, или женовнимателенъ и женопокоренъ, якоже Ироду подобствуя, явился еси, и крестное цѣлованіе ни вочтоже вмѣнивъ... а святые Петрахили наша скверниши неподобными своими богомерзкими рѣчми; а надѣемся, что и самъ знаешь, что суть тѣ св. Петрахили вообраоюженіе муки І. Христа... токмо самъ душу свою губишь. Мы же о прежстворенныхъ тобою твоихъ дѣлѣхъ не много глаголемъ, еже ни во Христіянѣхъ когда прежъ сего не есть сицево слышано, но о нынѣшнемъ толико твоемъ преступленіи... Ты въ цѣлованьи съ В. Новымгородомъ... да еще посылалъ еси и посла, а зовучи себе Княземъ Великимъ, да просилъ еси у нихъ собѣ помочи, а водя то слово, что Татарове наневолили нашу отчину Москву... Таже еси посылалъ ко Князю Ивану Андреевичю Михайла Сатина, а все одиначася съ нимъ на Вел. Князя, чтобы К. Иванъ и къ Вел. Князю то слово съ своимъ посломъ приказалъ: *только пожалуешь К. Дмитрія Юрьевичь, ино то еси мене пожаловалъ*. И Князь Ивановъ Андреевичь посолъ Елезаръ Васильевъ повѣстилъ то твое слово Вел. Князю отъ К. Ивана... Къ Вятчаномъ посылаешь, а въ Вятку ти ся по докончанью не въступати. Посылалъ еси въ Казань ко Царевичю Мамотяку на Вел. Князя лихо... и посолъ его къ тобѣ пришелъ: у собе его и нынѣ держишь; а за твоею посылкою къ Мамотяку Вел. Князя Киличея (посла) Мамотякъ поималъ да сковалъ... А Вел. Князь посылалъ къ тобѣ Боярина, а опять Дѣтей Боярскихъ, чтобы еси отпустилъ къ нему того посла Мамотякова; и ты къ нему какъ посла не отпустилъ, такъ и видѣтися еси не далъ его Боярину и Дѣтемъ Боярскимъ съ тѣмъ посломъ. Да отъ Царя Седи-Ахмета пришли къ Вел. Князю послы, и онъ къ тобѣ посылалъ просити, что ся тобѣ имаеть дати съ своей отчины въ тѣ Татарскіе проторы: и ты не далъ ничего, а не зовучи Седи-Ахмета Царемъ; а того нѣкакъ позабылъ еси, не на томъ ли юрту отецъ твой былъ у Царя съ Вел. Княземъ вмѣстѣ, и на пошлинѣ стояли?... Ино уже послѣ того срока болѣ шести мѣсяцъ княжцыхъ, и ты нѣчто малое казны Вел. Князя и его матери и его Вел. Княгини отдалъ, а большее, все лутшее, еще у тобе; а Марьина Өедоровы жены Өедоровича, того не отдаеш ничего: также ярлыки и грамоты и дефтери... Которые Бояре и Дѣти Боярскіе отъ тобе били челомъ Вел. Князю служити, и ты есй черезъ крестное цѣлованіе тѣхъ пограбилъ, села ихъ и домы у нихъ поотнималъ и животы всѣ и животину. Также, господине, вѣмы старѣна, что жити вамъ въ Москвѣ по духовной грамотѣ дѣда вашего, В. К. Дмитрея Ивановича: и ты шлешь къ своему Тіуну къ Ватазину свои грамоты, а велишь ему отзывати отъ Вел. Князя людей къ собѣ, а все подъ В. К. доставая Вел. Княженья; и тѣ твои грамоты вынимены у Ватазина на пути, какъ уже его былъ Князь Вел. отпустилъ къ тобѣ... А себе въ томъ во всемъ исправи... И о всемъ тобѣ управливатися срокъ по Крещеньи 2 недѣли.» Слѣдують примѣры высокоумія, взятые изъ Св. Писанія и Армянской Исторіи (о Царѣ Тиридатѣ, обращенномъ въ вепря за гоненіе Св. Григорія Великого). Далѣе: «И иныя бѣхомъ еще и много тобѣ писати отъ Божественнаго Писанія; но самъ, господине, какъ ти далъ Богъ разумъ, по тонку разумѣешь Бож. Писаніе... И аще не обратишися къ Богу и къ Вел. Князю чистымъ покаяніемъ, чюжь будешь отъ Бога и отъ Церкви Божіей и отъ православ. Вѣры, и части не имаши съ Вѣрными, и не будетъ на тобѣ милости Божіей и силы животворящ. креста, который еси къ своему брату старѣйшему, къ В. Князю, цѣловалъ, и проклятъ да будешь отъ Св. Апостолъ и отъ Св. Отецъ, и въ конечную погибель да пойдеши... А писана на Москвѣ м. Декабрія въ 29 день, въ лѣто 6956, Индикта II.»

(351) Въ *Арханг. Лѣт.* о второмъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ Татаръ г. 6963: «Приходили Татарове отъ *Синіе* Орды Ахметовы.» Сія Орда называлась послѣ Улусами Ногайскими, Большими и Малыми. Въ *Больш. Чертежѣ* стр. 229: «Отъ верху рѣки Бузуулука на поляхъ и до *Синего* (Аральскаго) моря кочевье все Большихъ Нагаевъ.» Тамъ же, стр. 93: «Отъ рѣки Кубы, отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому, и до верху рѣки Маначи кочевье Малыхъ Нагаевъ, Казыева Улуса.»

(352) «Ходилъ Вел. Князь къ Галичю, и бысть ему вѣсть, что Шемяка пошелъ къ Вологдѣ, и Князь Великій пойде на Следамъ, да Обнору. Бывшу же ему у Николы на Обнорѣ, и пріиде вѣсть, что опять воротился къ Галичю, и В. К. воротился Обнорою назадъ, да Костромою вверхъ, и пріиде на Желѣзной борокъ къ Ивану Святому... а большей Воевода Князь Василей Ивановичь Оболенской... и Царевичевъ отпустилъ съ нимъ... И молебная совершивъ въ церкви Св. Іоанна Предтечи» (послѣ сраженія). — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164) есть писмо Митрополита Іоны къ Литовскимъ Княземъ и Панамъ о вѣроломствѣ Шемяки. «Вѣдаете (говоритъ онъ) колико лиха и запустѣнія земли нашей починилося... и Князь Дмитрей въ познаніе пришелъ, да своему брату старѣйшему, Вел. Князю, добилъ челомъ и животворящій крестъ цѣловалъ и не одинова, да то все измѣнилъ... И сего ради пишу вамъ, чтобы есте пощадѣли себе вси Христіане, не токмо тѣлеснѣ, но паче душевнѣ, и посылали бы есте и били челомъ своему Господарю, Вел. Князю, о жалованьи, какъ *ему* Богъ положитъ на сердце; а не имете бити челомъ, а за тѣмъ кровь Христіянская прольется, и та вся на васъ отъ Бога взыщется... и чюжи будете нашего смиренія благословенія... тогды ни Христіанинъ кто будетъ именуяся въ вашей земли, ни Священникъ священствуя, но вси Божьи церкви въ вашей земли затворятся отъ нашего смиренія,» и проч.

(353) Въ *Архангел. Лѣт.*: «Шемяка утече къ Новугороду, а тутъ» (подъ Галичемъ) «убиша Григорья Семеновича Горсткина... и пришелъ на Устюгъ въ насадѣхъ, и Устюжане прогнавъ его

щита не держали» (не сопротивлялись)... и казнилъ Емельяна Лузскова, да Минію Жугулева, да Давида Долгошеина, да Еѳимья Ежевину: металъ ихъ въ Сухону... Ежевиня же, на днѣ сѣдя, изрѣшись и выплове внизъ живъ и утече на Вятку. Того жь лѣта Шемяка пойде на Вологду, и воевавъ, приде на Устюгъ, и жилъ на Устюзѣ два годы неполны.» Въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря, въ книгѣ подъ No 465, л. 198, находится посланіе Митр. Іоны къ Евѳимію, Архіеп. Новогородскому, гдѣ сказано: «Пишешь намъ, что будтось язъ посылаю къ тобѣ и пишу о К. Дмитрен о Юрьевичи, а называя его сыномъ: ино возри въ ту мою грамоту... язъ тобѣ и твоимъ дѣтемъ, Великому Новугороду, не велю съ нимъ ни пити, ни ѣсти... Колико лиха есть починилъ и крови Христіанскія пролилося!... и какъ того К. Дмитреа мощно именовать Церкви Божія, да нашему смиренію духовнымъ сыномъ?... Имѣемъ его неблагословена и отлучена Церкви. А что ми пишешь, что преже того Руские Князи пріѣжжали въ Домъ Св. Софея, въ В. Новгородъ, и честь имъ въздавали по силѣ, а прежніе Митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали: ино скажи, преже сего Князи которые съ такимъ лихомъ что учинили надъ своимъ братомъ старѣйшимъ, надъ В. Княземъ, чрезъ крестное цѣлованіе? Къ вамъ пріѣхавъ, Княгиню свою и дѣти, и весь свой кошь оставя у васъ, ходя въ В. Княженіе, Христіанство губилъ... Тобѣ пишу, чтобы еси своимъ дѣтемъ, Посадникомъ и Тысяцкимъ, и всему В. Новугороду думалъ, на прочное есть ихъ и всего Христіяньства добро, чтобъ послали съ челобитьемъ и съ всею управою къ сыну моему, В. Князю; а язъ по своему долгу радъ печаловатись какъ мощно... А писалъ Сент. въ 29 день.»

(354) Въ *Казан. Лѣт.*: «и тамо» (Улу-Махметъ въ Казани) «умре, съ сыномъ своимъ меньшимъ Юсупомъ оба ножемъ зарѣзаны отъ большаго сына его Мамутека; царствова въ Казани шесть лѣтъ.» Вѣроятно, что братья Мамутековы, Касимъ и Ягупъ, боясь подобной же участи, ушли тогда въ Черкаскую землю, (см. выше, примѣч. 342). — Въ *Арханг. Лѣт.*: «На самъ Великъ день приходили Татарове Казанскіе ратью на Устюгъ, стояли 3 дни, и въ Великъ день приступили, несучи на головахъ насадъ; бити ихъ не лзѣ, и зажгли городъ, и выгорѣло 2 городни у нижнихъ воротъ... Татаръ отъ города отбили, а они взяли миръ на томъ, что въ погоню за ними не ходити, а съ города и съ церквей взяли окупъ копейщину за 11000 всякою рухлядью... приходили мимо Галичь на Кичменгу, а пошли вверхъ по Югу, а по Ветлузѣ на плотѣхъ... а все Царевъ Дворъ, а въ Казань вошло 40 человѣкъ. Въ *Архнг. Лѣт.*: «Въ лѣто 6956 (1448) въ Филипово говѣйно Казан. Царь Мамутекъ посла всѣхъ Князей своихъ со многою силою воевати Муромъ и Володимерь... Князь же Вел. посла противу ихъ сына своего, Ивана.» Болѣе ни слова. Далѣе: «Скорые Татарове Седи-Ахматовы (въ 1449 г.) догонили до Похры, и Княгиню Василія Оболенского взяли Марью, и невѣстку ея Степаниду, жену Григорья Козлова-Морозова... Царевичь же Касимъ иде противу ихъ изъ Звенигорода, а они разсунушася по земли, и съ коими встрѣтился, тѣхъ билъ и полонъ отъималъ; они жо бѣжаша назадъ... Того же лѣта (1450) бывшу Вел. Князю на Коломнѣ, и пріиде вѣсть, что идутъ Татарове изъ поля, Малбердей и Уланъ... и посла Царевича съ Татары, да съ нимъ Воеводу, Костянтина Александр. Беззубцева, съ Коломничи, и угониша ихъ на Битюцѣ рѣкѣ въ полѣ... Тогда убиша Ромодана Зиновьева.»

(355) «Бывшу же Великому Князю близъ Брашевы... и воротился къ Москвѣ; а людей всѣхъ отпустилъ съ Княземъ Иваномъ Звенигородскимъ; онъ же убояся, вернуся инымъ путемъ, а не за Княземъ Великимъ. Князь же Великій вземъ Петровъ день на Москвѣ и градъ осадивъ, посади въ немъ матерь, да сына... прежде же всѣхъ Митрополита и Архіепископа Ростовскаго Ефрема... да самъ изъиде, и ночевавъ въ Озерецкомъ, а оттуду пойде къ Волзѣ; а Татары пришедъ у брега чаючи рати, и не бысть ничтоже. Они же чающе потаившуюся рать или брегъ дающу имъ, и послаша сторожи... и пріидоша къ Москвѣ въ часъ дни,» и проч. — Въ *Арханг. Лѣт.*: «Князь Великій выѣде изъ города противъ Татаръ... а Татарове съ нимъ разгрѣшилися» (разошлись)... и посады» (Москвы) «зажгоша, и понесе вѣтръ огнь на городъ. Святый же Митрополитъ Іона нача пѣти молебенъ, и вѣтръ утиши.»

(356) «К. В. веемъ на Москвѣ Рожество Христово, съ Васильева же дни пойде противу Шемякѣ, а Крещеніе бысть ему у Троицы въ Сергіевѣ; и оттуду пойде къ Ярославлю... отпустилъ сына на Кокшенгу, а съ Костромы отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися Царевича Ягупа, Мамутякова *сына* (*брата*), на Князя же Дмитрея; а преже того послалъ Князя Василія Ярославича, да съ нимъ Бояръ, Князя Семена Ивановича Оболенскаго... и Дворъ свой къ Устюгу; а Князь Дмитрій, подъ Устюгомъ стоя, пожегъ посадъ и побѣже. К. В. Иванъ и Царевичь, шелъ на Кокшенгу, градки ихъ поимаша... и ходиша до усть Ваги, и до Осинова поля.» Въ *Арханг. Лѣт.*: Князь Дмитрей побѣже къ Двинѣ, а на Устюзѣ оставилъ Намѣстника, Ивана Киселева... и застави Двинянъ рѣку Двину *полити* пониже городка Орлеца. К. В. Иванъ послалъ за нимъ Воеводъ Югомъ мимо Устюгъ, и подъ городомъ не стояли, за Шемякою пошли; а К. В. Иванъ съ Ондреевыхъ селищъ и съ Галицаны пошелъ на Городишную, да на Сухону, да въ Салегу на Кокшенгу воюючи; а городъ Кокшенской взялъ, а Кокшаровъ сѣклъ множество, а съ Кокшенги на Вологду... а Князь Дмитрей побѣжа къ Новугороду; а Воеводы, то слышавъ на усть Ваги, и воротилися по Вагѣ вверхъ на Кокшенгу жь.»

(357) «Пріиде вѣсть (Іюля 23) къ Великому Князю изъ Новагорода на Вечерни у Бориса Глѣба на Москвѣ на рвѣ, что Шемяка умре.» Въ *Арханг. Лѣт.*: «даша ему лютаго зелія.» Онъ умеръ Іюля 18 (см. Синод. *Псков. Лѣт.*).

(358) Въ Синод. *Псков. Лѣт.*: «Пріѣха во Псковъ Князь Иванъ Дмитріевичь Шемячиць изъ Новагорода Апрѣля 9 (въ 1454 г.) и выидоша противу его Игумени и Попове со кресты ко Св. Дмитрею на Псковy, и Псковичи пріяша его честно, и даша ему 20 рублевъ, и поѣха въ Литву Маія 1.» — Вина К. Іоанна Можайскаго изъяснена въ грамотѣ Митрополита Іоны къ Смоленскому Епископу Мисаилу (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ*, въ Синод. библіот. No 164, л. 151): «Учалъ (Князь Иванъ) Великому Князю не послушенъ быти... Приходила рать Седи-Ахметова... и отъ насъ было посылаемо о томъ, чтобы отъ него помочь была, и онъ ни самъ не поѣхалъ къ нему, ни къ его дѣтемъ, ни къ его людемъ, ни помочи не послалъ... Такъже на Галичь рать Татарская приходила, и сынъ нашъ, Вел. Князь, и мы посылали къ нему Коломеньскаго Владыку Геронтія, чтобы пошелъ на оборонь Христіяньству, Воеводъ ли бы послалъ; и онъ ни самъ пошелъ, ни людей не послалъ... Благословляю тобе, своего сына, чтобы еси того поберегалъ, чтобы какъ отъ того Князя Ивана въ вотчинѣ Вел. Князя пакости не

было . . . Князь Великій вельми хочетъ съ Королемъ братства и любви и прочнаго добраго житья; да того дѣля за нимъ не пошелъ, ни своихъ людей не послалъ. . . а въ обиду ему себе не мощно подавати. А сыну нашему Пану Михайлу Канцлерю говори, чтобы также о томъ побереглъ, какъ самъ вѣдаетъ.»

(359) См. ниже, примѣч. 386, г. 1448, и грамоту въ примѣч. 361. Далѣе въ лѣтописи: «Генв. 19, въ Понедѣльникъ (1456), К. В. пойде на Новгородъ . . . на Волокъ же пріиде къ нему Посадникъ Василей Степановъ.»

(360) Въ *Псков. Лѣт.*: «Русу взя (Вел. Князь) Февр. 2 . . . Москвичи убиша Посадника Іосифа Носова . . . а Князь Василей (Суздальскій) самъ-третей убѣжа.»

(361) Сей договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ: «А се за то яли ся послове отъ Великаго Новагорода къ Великому Князю Василію Василіевичу всея Руси и къ его сыну къ Великову Князю Ивану Василіевичу всея Руси по Новгородскому слову и по Новогородской грамотѣ, на чемъ послали къ Великимъ Княземъ Посадника Григорія Даниловича, Посадника Өедора Яковлича, Посадника Василія Степановича, Тысяцкого Якова Ивановича и Тысяцкого Василія Пантелѣевича; а отъ Житьихъ людей Офонаса Микулинича, Ивана Юріевича, Якова Ивановича, Еремѣя Кузминича, Василія Захарьинича. Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ, отъ Великихъ Князей Бояринъ судьею, отъ Новагорода Бояринъ. Судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новгородцемъ; а судити имъ какъ право по крестному цѣлованію. Аже ся сопрутъ о которомъ дѣлѣ, а не могутъ управити, и коли будетъ Князь Великій въ Новѣгородѣ, или Князя Великого сынъ, или Князей Великихъ братъ, и тому дѣлу тогды учинитъ Князь на Городищѣ съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то велѣхомъ имати Княземъ Великимъ съ Владыкою на виноватомъ отъ сего докончанія. А крюкъ Князю Великому по старинѣ на третей годъ, а отъ волостей даръ имати по старинѣ; а печати быти Князей Великихъ. А Виры имати Княземъ Великимъ по старинѣ, а Новгородцемъ не тянти; а пошлинъ Князя Великого Новгородцемъ не тянти по крестному цѣлованію. А что земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, что покупили наши Новгородцы, а тыхъ земель Княземъ Великимъ сступилися, и грамоты подавали; а полонъ съ обѣ половины безъ окупа. А кто будетъ продавалъ полонъ въ Княженьи въ Великомъ, а тому серебру погребъ съ обѣ сторонѣ. А кто будетъ продалъ полоняника своему, тому ся увѣдати самому, а полоняникъ пойдетъ прочь. А съ Новоторжцевъ Князи Великіи цѣлованіе сложили; а что сребро и хлѣбъ Княземъ Великимъ не добранъ въ Торжку, или на Губахъ, а то Княземъ Великимъ не надобѣ. А кто будетъ данъ на поруцѣ въ серебрѣ, или въ хлѣбѣ, съ тыхъ поруки доловъ; а что собрано, а то Княземъ Великимъ, а Новугороду въ томъ дѣлѣ на Новоторжцовъ нелюбія не держати, ни мщатись никоторою хитростью. А что война была Князей Великихъ надъ Новгородскою волостію, или Новгородская война была надъ Великихъ Князей волостьми, тому всему погребъ. А послѣ сего крестного цѣлованія аже доспѣется война съ обѣ половины, а не вѣдая сего докончанія, иманое назадъ отдати съ обѣ половины; а учинятся мертвые, а почнутъ клепати мертвыми или грабежомъ съ обѣ половины, ино судъ тому на Городищѣ передъ тыми судьями. А что были войны и грабежи изъ Великого Княженія и изъ Новгородской вотчины до складной грамоты Великого Князя съ обѣ половины, тому судъ на Городищѣ, а суда имъ у Князя у Великого Намѣстниковъ въ Новѣгородѣ не отъимати» (здѣсь, думаю, пропускъ) «развѣ ратной вѣсти, или городъ коли имутъ дѣлати безъ хитрости. А *Вѣчнымъ* грамотамъ не быти. А въ Волоцкую землю слати Княземъ Великимъ ежегодъ по старинѣ. А коли приведется взяти Княземъ Великимъ черный боръ, и намъ дати черной боръ по старинѣ. А позовъ по волостемъ по Новгородскимъ позывати позовникомъ Князей Великихъ, да Новогородскимъ, а въ городъ позывати Князей Великихъ Подвойскій, да Новогородской Подвойскій. Такъ же что наши братія Новогородцы покупили земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, или даромъ поимали, и намъ тыхъ земль обыскавъ отступитися вамъ, Великимъ Княземъ, по крестному цѣлованію. А кто которой земли запритца, тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А пріѣдутъ къ намъ, къ Великимъ Княземъ, отъ В. Новогорода послы Новогородскіе о какихъ обидныхъ дѣлахъ исправы просити, а наѣдутъ насъ обѣихъ Великихъ Князей въ Руской землѣ: ино имъ посольство правити обѣма Великимъ Княземъ, и исправы просити у обѣихъ; а имъ исправа дати В. Новугороду по крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати В. Новугороду. А наѣдутъ одного В. К. въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа дати В. Новугороду по тому жъ крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати В. Новугороду. А В. Новугороду К. Ивана Андреевича Можайскаго и его дѣтей, и К. Ивана Дмитріевича Шемякина и его дѣтей, и его матери Княгини Софьи и ее дѣтей и зятьи Новугороду не пріимати. А послѣ сего докончанія изъ Московской земли, изъ Великого Княженія, кто пріѣдетъ лиходѣй Великихъ Князей въ В. Новгородъ, и Новугороду ихъ не пріимати; или кто лиходѣй Великихъ Князей побѣжитъ изъ Руской земли, изъ Московского Княженія, въ Литву или въ Нѣмцы, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ къ В. Новугороду, и Новугороду тыхъ лиходѣевъ не пріимати. А коихъ людей привели къ цѣлованію за Великихъ Князей, кои живутъ на Новогородской землѣ въ Торжку, или за Волокомъ, или индѣ гдѣ ни есть, а съ тыхъ людей Князи Великіи цѣлованіе сложиша; а земли и воды къ В. Новугороду по старинѣ, и по старымъ по крестнымъ грамотамъ; а на тыхъ людей Новугороду про то нелюбія не держати по крестному цѣлованію. А что нятцевъ, или полону у Великихъ Князей, или у В. Новагорода нятцевъ и полону и старого полону Великихъ Князей и его братьи молодшой изо всего его Великого Княженія: ино тыи нятцы и той полонъ отпустиша безъ окупа на обѣ половинѣ и старой и новой. А на томъ на всемъ, Князи Великіе, цѣлуйте крестъ ко всему В. Новугороду безо всякого извѣта; такожь Посадники и Тысяцкіе, и весь Великій Новгородъ цѣлуйте крестъ къ Великому Князю Василію Василіевичу всея Руси, и къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, по любви въ правду безо всякой хитрости.» — Тутъ же находится и другая и слѣдующая грамота о платежѣ денегъ: «Се заплатиша отъ В. Новагорода Подвойскіе Степанъ Ильинъ, Степанъ Григорьевъ, и Вѣчный Дьякъ Яковъ, Ивану Володимеровичу тысячю рублевъ, да сто рублевъ послѣднего платежа, что добили челомъ Бояре Новогородскіе Великому Князю въ Яжелбицахъ: Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Өедоръ Яковличь, Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкой Яковъ Ивановичь, Тысяцкой Василей Пантелеевичь, а отъ Житьихъ Офонасъ Микулиничь, Иванъ Юріевичь, Яковъ Ивановичь, полу-девятою тысячею рублевъ, и грамоту дали Великому Князю въ той полу-девятѣ тысячѣ

рублевъ, и въ залоѣхъ отъ Демонского докончанія, за своими печатьми, и честный крестъ цѣловали. Ино та полъдевяты тысячи рублевъ Великому Князю дошла чисто вся, а залоги отъ Демонского докончанья осталися за Новымгородомъ; и мы ту грамоту у Ивана взяли, а въ залоѣхъ есмя Великого Князя, что ся за нами остало отъ Демонскаго докончанья, дали на собя сю грамоту, что справити намъ всѣ залоги по крестному цѣлованью, по тому какъ цѣловали въ Яжелбицахъ Посадникъ Григорей Даниловичь, Посадникъ Өедоръ Яковличь, Посадникъ Василей Степановичь, Тысяцкіе Яковъ Ивановичь, Василей Пантелеевичь, а отъ Житьихъ Офонасъ Микулиничь, Иванъ Юрьевичь, Яковъ Ивановичь къ Великому Князю; а какъ залоги дойдутъ всѣ Великого Князя, ино ся грамота подрати; а запечатали есьмя сю грамоту печатію Посадничею Степенного Ивана Лукинича и Тысяцкого Степенного печатію Михайловою Андреевича.»

Въ *Псков. Лѣт.*: «Прислаша Новгородци въ Псковъ гонца своего съ челобитьемъ... и Псковичи не помянуша древняя злобы ихъ, но правяще свое крестное цѣлованіе, отрядиша Воеводами Посадника Леонтія Макарьинича и Максима, и послаша съ силами Февр. 15. А стоялъ К. В. въ волостехъ Новгородскихъ полчетвертѣ недѣли. Псковичи пребыша въ Новѣгородѣ полторѣ недѣли.» Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Новогородцы заплатили 10,000 рублей.

(362) Тое жь весны преставись Князь Великій И. Ө. Рязанскій въ Черньцахъ, и нареченъ бысть Іона; а за мало преже его Княгиня его преставись.»

(363) *Собр. Г. Г.* 195. Сія грамота подписана Митрополитомъ Іоною. — Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Великій Князь взялъ своего шурина подъ стражу *съ супругою и съ дѣтьми.*

(364) Въ Пушкинскомъ собраніи Дияковъ грамотъ: «*Списокъ съ докончальные грамоты со Княжсы съ Ивановы Можайского, что кончали въ Литвѣ со Княземъ съ Иваномъ съ Ярославичевымъ сыномъ, а привезлъ сесь списокъ Володя Давыдовъ лѣта* 70 (то есть г. 6970). Милостію Божіею и пречистыя Его Богоматери, на семъ на всемъ, господине брате старѣйшій К. Иванъ Андреевичь, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату молодшему, Князю Ивану Василіевичу: что, господине, К. В. Вас. Васильевичь отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованьѣ, и выгонилъ тобе; также, господине, В. К. Вас. Васильевичь ялъ моего отца на крестномъ цѣлованьи безвинно, а мене выгонилъ изъ моее отчины и дѣдины, и тобѣ, господине, пойти доставати своее отчины и дѣдины, также моего отца доставати К. Василья Ярославича, и нашіе отчины и дѣдины; а мнѣ, господине, пойти съ тобою за-одинъ доставати своего отца и твоей отчины и дѣдины, и своей отчины и дѣдины. А иметъ, господине, Князь Великій тобя К. Ивана Андреевича звати на твою отчину, а иметъ ти давати твою отчину, или придавати, а моего отца не пожалуеть не выпустить, а отчины отцу моему не отдастъ по старинѣ, какъ было за моимъ отцемъ; или, господине, учнетъ жаловати отца моего какъ мнѣ нелюбо, и тобѣ, господине, съ Великимъ Княземъ безъ моей воли не кончивать, ни помиритись, а стоять ти, господине, со мною за-одинъ доставати отца моего. И по грѣхомъ, господине, К. В. отца моего убіетъ, или уморитъ въ нятьѣ, или какъ Богъ позоветъ отца моего къ собѣ въ нятствѣ: и тобѣ, К. Иванъ Андреевичь, съ Великимъ Княземъ ни кончати, ни помиритися безъ моей воли... Также, господине, К. В. отца моего пожалуетъ изъ нятства выпустить, а отчину отцу моему отдасть, а тебя, господине, К. В. не почнетъ жаловати по твоей любви, а отчины, господине, тобѣ К. В. не отдастъ, и мнѣ къ Великому Князю нейти безъ твоей воли, ни кончати, а отъ тобя ми не отставати безъ твоей воли. Также, господине, по грѣхомъ К. В. не смилуется, тобя не почнетъ звати, а отчины тобѣ не отдасть по твоей любви, а отца моего не пустить и отчины ему не отдастъ, и дастъ Богъ однова не по нашимъ грѣхомъ Князя Великого побіемъ, или нагонимъ; а дастъ Богъ, господине, достанешь Великого Княженія и отца моего достанешь: и тобѣ, господине, приняти отца моего въ любовь и въ докончанье по его любви, какъ любъ будетъ конецъ отцу моему; а въ его ти отчину не вступатись, что было за нимъ городовъ и волостей въ вотчину его и въ дѣдину... А меня ти, господине, пожаловати въ докончанье приняти, и въ браты молодшіе, и отчину ти мнѣ дати опрочь отца моего отчины: Дмитровъ съ волостьми, какъ былъ далъ К. В. моему отцу; да Суздаль съ волостьми. А кто ти меня изобговариваетъ чѣмъ, и тобѣ меня не изымати по тому крестному цѣлованью, а обослати мене Князь Ивана Васильевича своими Бояры, а вспросить ти мене по тому же крестному цѣлованью, и мнѣ тобѣ сказати въ правду, и тобѣ, господине, мнѣ вѣра яти. А однова, господине, К. В. почнеть водить съ собою отца моего, и тобѣ отца моего отчина дати мнѣ; а мнѣ ти, господине, таки дати, опрочь отца моего отчины, Дмитровъ въ вотчину, какъ за отцемъ за моимъ былъ со всѣмъ, да Суздаль со всѣмъ; а о моемъ ти, господине, отцѣ печаловатись по тому крестному цѣлованью, доколѣ дастъ Богъ достанешь моего отца. А какими, господине, дѣлы К. В. убіетъ отца моего, или Богъ позоветъ къ собѣ отца моего, умретъ своею смертью въ нятьи у В. К., и тобѣ въ вотчину отца моего не вступатись, а мнѣ ти отчину отца моего отдати; а также ти не вступатись въ то, что ти было мнѣ придати при моемъ отцѣ: Дмитровъ съ волостьми, Суздаль съ волостьми. А принять ти мене собѣ въ отца моего мѣсто въ браты въ докончанье, какъ былъ отецъ мой съ Великимъ Княземъ въ любви и въ докончаньи и въ крестномъ цѣлованьи. А въ треть ти, господине, въ Московскую и въ пошлины не вступатись: какъ было за моимъ отцемъ, такъ ти держати за мною. А имешь, господине, ходить доставати своее отчины, и отца моего, а что, господине, ходячи достанемъ городовъ и волостей, или казны Великого Князя, или Боярскихъ козенъ, или Князцевъ *окупныхъ:* и тобѣ, господине, во всемъ въ томъ дати мнѣ треть. А также по грѣхомъ по нашимъ дѣла своего добраго не здѣлаемъ, а учнешь, господине, собѣ въ которой земли мѣста искати: и тобѣ меня не оставити, а дѣлати со мною за-одинъ, и мѣста намъ собѣ искати за-одинъ по тому крестному цѣлованью. А учинишь срокъ, на которой день намъ выйти, а на тотъ срокъ не пойдешь, а имешь жити здѣсь: и мнѣ тобѣ крестное цѣлованіе сложити. А на семъ, господине, на всемъ К. Иванъ Андреевичь цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату молодшему Князю Ивану Васильевичу въ правду безъ хитрости.»

Въ лѣтописяхъ: «А тое же весны» (въ 1448 году) «по Велицѣ дни бысть у Великого Князя Посолъ Литовскій, Панъ Семенъ Едиголдовъ.»

(365) «Тое же зимы (г. 1462) многіе Дѣти Боярскіе Княжи Васильевы Ярославича вдумавши собѣ и цѣловаша крестъ меже себя; какъ бы имъ пришедъ изгономъ къ Угличу и выняти Князя своего, и бѣжати съ нимъ. Увѣденъ же бысть совѣтъ ихъ Великому Князю и повелѣ всѣхъ имати и казнити, бити кнутьемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ главы отсѣкати; тою казнію каз-

виша главною Володю Давыдова, Пареена Бренна, Луку Поденваева и иныхъ.»

(366) Василій Темный по завѣщанію своему (см. ниже) отдалъ Суздаль и Нижній Новгородъ одному изъ сыновей своихъ: слѣдственно тамъ уже не было Князей особенныхъ.

(367) «На Троицынъ день» (еще въ 1438 году) «Вятчяне приходили на Устюгъ, и городъ Гледенъ сожгли пустъ, а люди всѣ розбрелися на лѣсъ... Посылалъ (въ 1458 г.) Князь Великій рать свою на Вятку со Княземъ *Семеномъ»* (а по другимъ лѣтописямъ съ *Иваномъ*) «Ряполовскимъ: онъ же, ничто же успѣвъ, возвратися, и стоялъ подъ городомъ подъ Хлыновымъ долго, а городъ не взялъ: зане же Григорей Перхушковъ у Вятчанъ посулыималъ, а имъ наровилъ» (см. *Архангел. Лѣт.*). «Князь Великій (г. 1459) посылалъ рать на Вятку, Князя Ивана Юрьевича, да Ивана Ивановича, да Князя Дмитрея Ряполовскаго со многою силою, да Устюжанъ; они же взяша Котельничь да Орловъ,» и проч. Увидимъ послѣ, что Вятчане до временъ Іоанна Василіевича оставались народною Державою.

(368) Борисъ умеръ въ Февралѣ мѣсяцѣ. Между Новогородскими грамотами есть одна договорная съ симъ Княземъ о рубежѣ и судахъ (*Собр. Г. Г.* 23).

(369) Въ *Псков. Лѣт.*: «Того же лѣта (1456) пріѣха изъ Новагорода во Псковъ Кн. Александръ Черторизскый, а по Псковскому челобитью, Іуля 18» (вѣроятно, безъ дозволенія Великокняжескаго) ... «Князь Черторизьскый и Посадники и Псковичи ѣхавше (въ 1459 г.) на землю и воду Св. Троицы, на Озолицю и на Жолочко, и церковь поставиша Св. Михаила, и сѣно покосиша, и ловцемъ своимъ повелѣша рыбы ловити по старинѣ, и Чюхновъ на Рожкинѣ повѣшали... Въ Вел. постъ (г. 1460) Нѣмци изгонивше на Озолици церковь и 9 человѣкъ сожгли. Князь Черторизьскый съ Псковичи ѣхавше въ насадахъ и въ лодьяхъ на Озолицю, и въ Нѣмецкой земли много Чюди пожгоша. Нѣмци ѣхавше въ шнекахъ въ Норову, и насаду Псковскую у ловцовъ съ пушками и со всѣмъ запасомъ ратнымъ отняли, и 42 двора выжгли, а людей Богъ ублюде. Пріѣха (въ 1461 г.) посолъ отъ Новагорода во Псковъ, Посадникъ Карпъ съ дружиною, по челобитью Нѣмецкому, и по ихъ сроку, и поѣхаша Князь и Бояри Псковскіи на Озолицю и на Жалачко, и досмотрѣли того обидного мѣста, а поганіи Нѣмци не сташа на срокъ. Тоя же зимы въ Рожественое говѣніе Кн. Александръ со Псковичанами воеваша Нѣмецкую землю на 70 верстъ, и 3 нощи въ землѣ ихъ бывше, приведоша много полоненыхъ и скота, и божницу велику выжгли, и крестъ съ божницы и 4 колокола сняли и Попа Нѣм. поимали... Того же лѣта Генв. 20 (1461) пріѣха К. В. въ Новгородъ съ своими сынами, съ Юрьемъ и Андреемъ, и Псковичи послаша къ нему Посадника Юрья Тимоѳеевичь и Максима Ларивоновичь и съ ними Бояръ изо всѣхъ Концовъ, и даша имъ на дарове Великому Князю 50 рублевъ, и биша чоломъ Великому Князю о жалованіи и о печалованіи своея отчины, мужей Псковичь, доброволныхъ людій, что есме пріобижени отъ поганыхъ Нѣмець, и водою и землею и головами, и церкви Божіи пожжени отъ поганыхъ Нѣмець на миру и на крестномъ цѣлованіи; и потомъ биша челомъ Великому Князю о Князи Александри Васильевичь, чтобы ему быти Намѣстникомъ, а во Псковѣ Княземъ; и Князь Великій отвѣщалъ: я васъ, свою отчину, хощу жаловати, и боронити отъ поганыхъ, якожь отци наши и дѣди наши; а что ми повѣстуете о Князи о Александри Черторизскомъ, и о томъ васъ, свою отчину, жалую, аже только поцѣлуетъ крестъ животворящій Князь Олександръ ко мнѣ къ Великому Князю и къ моимъ дѣтемъ къ Великимъ Княземъ, что ему зла на насъ не мыслити: ино буди вамъ Князь, а отъ мене Намѣстникъ. И услышавъ Князь Олександръ отвѣтъ Князя Великого, и не восхотѣлъ цѣловати къ нему и къ его дѣтемъ, и поѣхалъ изо Пскова вонъ; а Псковичи много ему били челомъ, чтобы онъ жилъ; и поѣхалъ въ Литву, Мѣсяца Фев... и К. В. услышавъ, что Князя Александра во Псковѣ нѣтъ, и послалъ сына своего, Князя Юрья, съ Бояры во Псковъ, и Посадники Псковскіи и Бояры срѣтоша его за рубежомъ на Дубровнѣ съ великою честью, и пріѣхалъ во Псковъ въ Недѣлю Сыропустную Фев. 24, а Игумены, и Священники, и Діаконы срѣтоша его со кресты противъ старого Вознесенія, и вниде Князь Великый Юрьи Васильевичь въ домъ Св. Троицы, и все Священьство пѣвши ему много лѣтъ и посадиша его на столѣ отца его Великого Князя, и знаменась его честнымъ крестомъ, а Посадникы Псковскыи пріяша его честно, и биша челомъ, чтобы еси, господине, пожаловалъ, далъ бы еси намъ отъ Князя Великого и отъ себе Намѣстника во Псковъ Князя Ивана Васильевичь Стригу, и Князь Юрій пожаловалъ свою отчину по повелѣнію отца своего Князя Великого и брата своего Князя Великого Ивана Васильевича, далъ имъ Князя Ивана Васильевича Стригу Княземъ во Псковъ, и пріаша его Посадники и весь Псковъ съ великою честью Марта 23; и даша ему всю Княжую пошлину, и цѣловалъ крестъ честный ко Пскову; а К. В. Василей Васильевичь былъ въ Великомъ Новѣгородѣ 6 недѣль безъ дни, и поѣхалъ на Москву Марта въ 1; и потомъ того же времени пріѣхаша послове Нѣмецкія во Псковъ отъ Князя Местера Ризского бити челомъ Великому Князю Юрью Васильевичу за Юрьевцовъ о перемиріи, и К. В. Юрьй пріялъ ихъ челобитье и далъ имъ срокъ о перемиріи до Рожества Христова, а съѣзду быти на Успеніе; а на томъ Нѣмецкіи послове руку даша и крестъ поцѣловаша; а былъ К. В. Юрьи Васильевичь во Псковѣ 3 недѣли и 2 дни, а Посадники и весь Псковъ чтиша его и даша ему 100 рублевъ, и поѣхалъ изо Пскова Марта 18, и проводиша его честно изо Пскова, и за рубежъ. Въ лѣто 6969 пріѣхаша послы Нѣмецкія, судья великій, отъ Арцибискупа Ризского и отъ Пискупа Юрьевскаго и отъ всей Нѣмецкой земли, въ В. Новгородъ ко Владыки Іонѣ и къ Посадникомъ, и ко всему Новугороду, бити челомъ послу Великого Князя и Новгородцомъ, таже и Псковскому послу Посаднику Зеновею Михайловичь о перемирьи, чтобы К. В. далъ перемирья со Псковичи на 5 лѣтъ Нѣмцомъ, и Князя Великого посолъ и Новгородци испросившись со Пьсковичи и даша имъ перемирья на 5 лѣтъ, и цѣловаша на томъ Нѣмцы крестъ; а въ тую 5 лѣтъ ловити на обидномъ мѣстѣ Псковичамъ къ своему берегу, а Нѣмцомъ къ своему берегу; и пріѣхаша изъ Новагорода во Псковъ судья Нѣмецкый и također цѣловаша крестъ во Псковѣ, а отъ Пскова Зеновій Михайловичь, и судьи и Соцкій исписаша грамоты и запечатали. Того же лѣта послаша Псковичи послы своя съ Новгородцкымъ посломъ, Якова Кротова и иныхъ Бояръ, въ Юрьевъ къ Пискупу Юрьевскому, и ко всѣмъ Юрьевцомъ, и къ Арцибискупу Ризскому, рука имати, и Пискупъ даше руку Новгородскому послу и Псковскому, и Ратманы поцѣловаша крестъ по своей Вѣрѣ, что тая 5 лѣтъ держати крѣпко, и отдаваша Нѣмци Псковскія иконы, что на Жолочкѣ сожгли церковь храмъ Св. Архистратига Михаила, и товаръ Псковскій отдаша, и всему исправу учиниша. Того же лѣта поѣха изо Пскова К. Иванъ Стрига на Москву, а Псковичи послаша со К. Иваномъ Васильевичемъ

къ Великому Князю Посадника Максима Ларивоновичь и иныхъ Бояръ, чтобы К. В. печаловался своею отчиною мужей Псковичь, доброволныхъ людей, и послаша дару Князю Великому 50 рублевъ. Того же лѣта пріѣхаша послы Нѣмецкыи отъ Арцибискупа Ризского, и отъ Пискупа Юрьевскаго и отъ всей Нѣмецкой земли по своятство (собственность), и такоже поимаша Нѣмци своятство своя, и полоняниковъ своихъ и все своя поимаша, и всему исправу учиниша. Того же лѣта пріѣхаша послы Псковскіи отъ Князя Великого, Посадникъ Максимъ и Бояри вся здорови, а К. В. свою отчину жалуетъ, урекается стояти и боронити, за домъ Св. Троицы и за мужей Псковичь. Того же лѣта прислалъ К. В. Намѣстника своего въ Псковъ на Княженіе Князя Владимера Ѳндреевича, а не по Псковскому прошенію, и Псковичи пріяша его съ честью, и посадиша его на Княженіи.»

(370) Въ 1455 году: «тогда убитъ Князь Семенъ Бабичь, а не на суймѣ» (не въ схваткѣ) «но притчею нѣкоею. Того же лѣта (1459) Татарове Седи-Ахматовы похвалився на Русь пошли... и побѣгоша; и тоя ради похвалы Іона Митроп. поставилъ церковь камену Похвалу Богородицы, придѣлалъ къ олтарю Соборныя Пречистыя, возлѣ южныхъ дверей... Того же лѣта (1460) Царь Ахмутъ Большія Орды приходилъ подъ Переславль Ряз. и стоялъ 6 день въ постъ Успенія» Въ *Архангел. Лѣт.*: «Царь Ахметъ Кичимъ-Ахметовичь ... Казатъ Уланъ Рязанцамъ норовилъ... и пойде прочь Царь, на Казата Уланъ-Мурзу нелюбье держа.» — Миръ съ Казан. Царемъ заключенъ въ 1461 году.

(371) Во многихъ лѣтописяхъ: «не даша ему воли» Василій началъ лечиться въ Пятницу на первой недѣлѣ Великаго поста, а скончался Марта 17, въ Субботу, въ третьемъ часу ночи, и погребенъ въ Воскресенье.

«Іюня въ 15 преставися В. К. Софія, и положена того же дни въ монастыри въ Возънесеніи, идѣ же и свекры (свекровь) ея, Вел. Княгиня Евдокія.»(*). Духовная сей Княгини напечатана въ *Собр. Г. Г.* 191. Приводимъ нѣкоторыя мѣста: «Господинъ мой, сынъ мой В. К. Вас. Васильевичь... даю ему отъ святости ящикъ съ мощьми, а въ немъ крестъ... А сноху свою Вел. Княгиню Марію благословляю, даю ей святую икону окованy, на мусіи Святый... А внука своего, В. К. Ивана, благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю съ пеленою... А внука своего Князя Юрья благословляю, даю ему святую икону пречистую Богородицю, большую икону стѣнную съ пеленою и съ убрусцы... а то Олексино (село) дала есмь Княг. Ефросиньѣ... А внука своего Князя Ондрея благословляю, даю ему икону Св. Безсребреникъ Косму и Дамьяна... А внука своего Князя Бориса благословляю, даю ему икону Св. Великомученика Ѳеодорa Стратилата, выбиту на серебрѣ... которые святости, оприсно того, кого есмь чѣмъ благословила, честные кресты и святые иконы, или мощи Святыхъ... въ большомъ дубовомъ и въ меньшемъ ларчику, и въ ящику въ большемъ, и въ коробки: и язъ всѣмъ тѣмъ благословила внука жь своего Князя Бориса. А что ся останетъ у мене моее казны или какіе рухляди моее клѣтные, какіе ни буди, и язъ то все даю внуку же своему Князю Юрью; да даю ему дворъ свой Московской внутри города Оринииской Семеновы жены Васильевича, и съ тѣми своими дворци съ подольными, что стоитъ подъ моимъ дворомъ на томъ же Орининскомъ мѣстѣ; да и то мое мѣсто тутожь на подолѣ ему же, гдѣ собѣ поставилъ хоромы Степанъ Обобуровъ; да что ми далъ сынъ мой К. В. мѣсто дворовое Фоминьское Ивановича, и язъ на томъ на Фоминьскомъ мѣстѣ поставила житничный дворъ, да тогожъ Фоминьского мѣста промѣнила есмь была Ивану Старкову на его куплю на Степановьскій дворъ Дмитріевича и его дѣтей, Григорьевъ и Ѳедоровъ, на подолѣ, и тотъ есмь была Степановьскій дворъ взяла собѣ, а Ивану есмь была противу того дала того Фоминьского мѣста, гдѣ собѣ Иванъ хоромы поставилъ: и то свое мѣсто подольнее, свою куплю, вѣдаетъ Иванъ, а въ то ся мѣсто въ Фоминьское не вступаетъ, знаетъ свои хоромы; а язъ то все Фоминьское мѣсто и съ житничнымъ своимъ дворомъ дала внуку же своему Князю Юрью; а за городомъ дала есмь ему Елизаровьскій дворъ и со всѣмъ, что къ нему потягло, да Ивановьское мѣсто Конюшего; а на Великомъ посадѣ Моравьевскій дворъ и съ садомъ, то все ему жь... Да даю тѣ свои села къ тѣмъ Божьимъ церьквамъ со всѣмъ съ своимъ, да съ половиною издѣльного серебра, что на людехъ, а половину издѣльного серебра велѣла есмь Христіаномъ серебреникомъ отдавати, оприсно и страдниковъ; страдники пойдутъ на слободу... А о всемъ положила есмь на своемъ Господинѣ, на своемъ сыну на В. Князѣ о томъ серебрѣ: кто будетъ отъ тѣхъ издѣльниковъ охудѣлъ, а и половины того изъ долгу серебра заплатити не взможетъ, и сынъ мой В. К. тому велитъ отдати за мою душу все издѣльное серебро; а который будетъ издѣльный серебреникъ изможенъ въ животѣ, и на томъ сынъ мой В. К. велитъ все взяти... А что будетъ въ моихъ селѣхъ хлѣба стоячего на полѣ, ржи и яри, оприсно сѣменъ ярныхъ, и сынъ мой В. К. тотъ хлѣбъ стоячій весь велитъ попродати, да серебро роздастъ по моей души. А у сее моее духовныи грамоты были Священници, Спасьскій Архимандритъ Трифонъ, Симоновьскій Архимандритъ Геронтій, отецъ мой духовный Архимандритъ Ѳеодосій; а писалъ Митрополичь Дьякъ Ярлыкъ.» — Къ сей грамотѣ, въ которой по краямъ многихъ словъ не достаетъ, привѣшены двѣ восковыя печати, изъ коихъ одна Митрополичья, а другая Великія Княгини.

За 16 лѣтъ до кончины Софіиной преставилась вдовствующая супруга Князя Владиміра Андреевича, оплакавъ смерть всѣхъ сыновей своихъ. Она говоритъ въ завѣщаніи (см. *Собр. Г. Г.* 189): «Се язъ раба Божья инока Евпраксія пишу сію грамоту духовную своимъ цѣлымъ умомъ, во своемъ смыслѣ, при своемъ животѣ: бью челомъ своему Господину Великому Князю и своей Госпожѣ Вел. Княгинѣ Софьѣ, и приказываю свои снохи по грамотѣ своего Господина Княжѣ Володимеровѣ Ондреевича, чтобы Господинъ мой К. В. пожаловалъ печаловался моими снохами, чтобы были не обидны. А благословляю своего Господина Вел. Князя по своемъ животѣ селомъ Коломенскимъ съ деревнями; а внука своего благословляю К. Василья Ярославича селы... А сноху свою Княгиню Семенову Василису благословляю по грамотѣ Князя своего, Володимеровѣ Ондреевича, что былъ тѣмъ благословилъ по своемъ животѣ сына Князя Семена... А сноху свою Княгиню Васильеву Ульяну благословляю селы... А внуку свою благословляю Княгиню Марью Иванову селомъ... да въ городѣ мѣстомъ подъ дворомъ подъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были Владычни хоромы, до ее живота, а по животѣ внуку моему Князю Василью... А благословляю свои снохи и своего внука К. Василья Ярославича монастыремъ Рожествомъ Св. Бо-

(*) „Соф. (т. е. Софійск. временникъ) 63.“ (Отмѣтка Исторіографа на собств. его экземплярѣ Ист. Гос. Рос.).

городицы; а дала есьми тому монастырю, гдѣ ми самой лечи, село съ деревнями... А что мой долгъ, что есьми займовала, а платила за своего внука отчину за Князя за Василья 300 рублевъ безъ 20, а за Лужу 500 рублевъ, и Осподинъ мой К. В. вотчину мою Лужу взялъ, а далъ внуку моему, а долгъ мой яся заплатити, и внукъ мой Князь Василей свой долгъ 300 рублевъ заплатилъ безъ 20, а Лужевского заплатилъ сто рублевъ, а за нимъ ся остало четыре ста рублевъ; и Осподинъ мой К. В. Васильевичь пожаловалъ бы взялъ то серебро на моемъ внукѣ на Князѣ на Васильѣ, да далъ бы то серебро снохамъ моимъ, и снохи мои должникомъ заплатятъ, а съ моее души сведутъ, чтобы на меня должники мои не плакали, ни мои снохи. А приказываю внуку своему К. Василью Ярославичу, чтобы есть правилъ по душѣ дѣда своего, а моего Господина, Княжѣ Володимеровѣ Ондреевича, и по мнѣ и моихъ дѣтехъ; а снохамъ своимъ приказываю свою душу поминати и по своемъ Князѣ, и по моей, и по моихъ дѣтехъ, правити по силѣ. А у грамоты сидѣлъ отецъ мой Архимандритъ Ѳеофанъ духовный.»

(372) *Собр. Г. Г.* 202: «А сына своего старѣйшего Ивана благословляю своею отчиною Великимъ Княженьемъ, и даю ему треть въ Москвѣ и съ путьми и съ моими жеребьи... *Володимеромъ... Переяславлемъ... Кострома... Галичь* съ путьми и съ солью... *Устюгъ*... землю *Вятскую, Суздаль... Новгородъ Нижній... Муромъ... Боровескъ*... и *Суходолъ*... да *Калугу* и съ *Олексинымъ*... А сына своего Юрья благословляю третью въ Москвѣ Княжею Володимеровскою, съ сыномъ своимъ съ Ондреемъ по половинамъ, а держатъ по годамъ; да Юрью же сыну придаю годъ въ Москвѣ Княжь Костянтиновской Дмитреевича... *Дмитровъ... Можаескъ* и съ Медынью ... *да Серпуховъ*, да *Хотунь*... А сына своего Ондрея благословляю, даю ему *Углече* и съ *Устюжною*, и съ *Рожаловымъ*, и съ *Велетовымъ*, и съ *Кистмою*, и со всѣми тѣми, какъ было за Княземъ за Дмитреемъ за Шемякою... *Бѣжицкій Верьхъ*... а у Москвы село *Сущевское*, и съ дворы съ городскими, а чѣмъ его благословила баба его, Вышелѣсомъ, ино то его и есть. А сына своего Бориса благословляю въ Москвѣ годомъ Княжимъ Ивановымъ Можайского, да въ городѣ на посадѣ дворы около Св. Егорья каменные церкви, Марьинскіе Ѳедоровы; да даю ему *Ржеву... Волокъ... Рузу*... да лугъ на рѣцѣ Москвѣ *подъ Крутицею*... да что ему дала Марья и дворъ свой внутри города на Москвѣ, ино то его и есть. А сына своего Ондрея меньшого благословляю въ Москвѣ годомъ Княжимъ Петровымъ Дмитреевича; да у Москвы село Танинское, да Ясеневское... даю ему *Вологду* и съ *Кубеною* и съ *Заозерьемъ* ... А Княгинѣ своей даю *Ростовъ*... до ее живота; а Князья Ростовскіе что вѣдали при мнѣ, ино по тому держатъ и при моей Княгинѣ, а Княгини моя у нихъ въ то не вступается. А возметъ Богъ мою Княгиню, и Княгиня моя дастъ Ростовъ моему сыну Юрью, а онъ держитъ по тому же, какъ держала его мати... А что ее купля городокъ Романовъ, Княжо Михайлово Дѣева, и Княжыхъ Львовыхъ дѣтей, и Княже Давыдово Засѣкина и усть Шокстны, что собѣ купила у Князя у Семена и у Князя у Василья у Шохонскихъ: ино то ее и есть... Да даю своей Княгинѣ Нерехту съ *варницами*, Напрудское (село) у города, и съ дворы съ городскими, да мельницу Ходынскую съ лугомъ съ Ходынскимъ... А что ее купля, въ томъ вольна моя Княгини: опослѣ своего живота которому своему сыну всхочетъ дати, ино тому дастъ. А что моя тамга Московская, и язъ даю своему сыну Ивану треть тамги, и со всѣми пошлинами; а другую треть Княжу Володимерову сыну моему Юрью, да Ондрею большому по-половинамъ; а третью треть сыну своему Борису, да Ондрею меньшому по-половинамъ; а изъ тѣхъ изо всѣхъ трехъ третей далъ есмь своей Княгинѣ половину тамги и всѣхъ пошлинъ до ее живота, а по ее животѣ, ино отдастъ имъ ихъ жеребьи по сей духовной грамотѣ, какъ имъ написано. Да даю своей Княгинѣ изъ Новагорода изъ Нижняго половину пошлинъ своихъ всѣхъ, какъ было за моею матерью за Великою Княгинею... А какъ почнутъ дѣти мои жити по своимъ удѣломъ, и моя Княгиня, и мой сынъ Иванъ, и мой сынъ Юрья, и мои дѣти пошлютъ писцевъ, да удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людемъ, да по тому окладу моя Княгиня и мои дѣти и въ выходъ учнутъ давати сыну моему Ивану съ своихъ удѣловъ. А перемѣнитъ Богъ Орду, и моя Княгиня и мои дѣти возмутъ дань собѣ съ своихъ удѣловъ... А гдѣ есмь ни подавалъ своей Княгинѣ волости, и тѣ волости и села *данью и судомъ* потянутъ къ моей Княгинѣ; а Волостелей своихъ и Посельскихъ, и Тіуновъ, и Ключниковъ, и Доводщиковъ, судитъ моя Княгини... *А кому буду давалъ своимъ Княземъ и Бояромъ и Дѣтемъ Боярскимъ свои села въ жалованье*, или хотя и въ куплю, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ; во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тому то и есть. А по грѣхомъ у которого у моего сына вотчины отойимутся, и Княгини моя уйметъ у своихъ сыновъ изъ ихъ удѣловъ, да тому вотчину исполнитъ; а дѣти мои изъ ее воли не вымутся. А сына своего Ивана благословляю крестъ Петровъ Чудотворцовъ, да крестъ золотъ Парамшинской, да шапка, да бармы, да сердоличная коробка, да поясъ золотъ большой съ каменьемъ; а сына своего Юрья благословляю икона Филоѳеевская, да крестъ золотъ, что мя благословила моя мати Великая Княгини, да поясъ золотъ на червчатѣ ремени. А сына своего Ондрея большого крестъ золотъ Княжь Дмитреевской меньшего съ чепочкою; а сына своего Бориса благословляю крестъ золотъ, что мя благословила моя мати, коли есмь шолъ къ своей отчинѣ къ В. Новугороду; а сына своего Ондрея меньшого благословляю икона золота на изумрудѣ. А приказываю свою Княгиню и своего сына Ивана и Юрья, и свои меньшіе дѣти, брату своему Королю Польскому и Великому Князю Литовскому Казимиру, по докончальной нашей грамотѣ, на Бозѣ и на семъ на моемъ братѣ... а дѣти свои приказалъ есмь своей Княгинѣ... а который сынъ мой не иметъ слушати своее матери, на томъ не буди моего благословенья. А вы, дѣти мои, чтите и слушайте своего брата старѣйшего Ивана въ мое мѣсто своего отца; а сынъ мой Иванъ держитъ своего брата Юрья, и свою братью меньшую, въ братствѣ безъ обиды. А хто моихъ Бояръ иметъ служити моей Княгинѣ, а живутъ въ удѣлѣхъ дѣтей моихъ, и тѣхъ Бояръ дѣти мои блюдутъ съ одиного. А хто будетъ моихъ Казначеевъ, или хто моихъ Дьяковъ прибытокъ мой отъ мене вѣдали, или Посельскихъ, или Тіуновъ, или хто женился у тѣхъ, ино тѣ всѣ не надобны моей Княгинѣ и моимъ дѣтемъ; а хто сю мою грамоту переступитъ, ино по Евангельскому словеси: хто преслушается отца и матери, и заповѣди ихъ не хранитъ, смертью да умретъ. А у духовные сидѣлъ отецъ мой духовный Архимандритъ Спасскій Трифонъ, да Симоновскій Архимандритъ Афонасій; да мои Бояре Князь Иванъ Юрьевичь, да Иванъ Ивановичь, да Василей Ивановичь, да Ѳедоръ Васильевичь. А грамоту сю писалъ Дьякъ

-ной Василей Блда.» — На подлинной подписано тамъ: «смиренный Ѳеодосій *Архіепископъ всея Русіи.*» — Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ печати, изъ коихъ одна Великаго Князя, а другая Митрополичья.

Василій написалъ и другое завѣщаніе (стр. 207), также подписанное Митрополитомъ Ѳеодосіемъ; оно служитъ единственно прибавленіемъ къ первому.

Въ лѣтописи объ Іонѣ: «Марта въ 31, во вторый часъ дни, во Вторникъ Страстныя недѣли (въ 1461 году) преставился Іона Митрополитъ и положенъ бысть въ церкви Успенія за лѣвымъ крылосомъ противъ Митрополитовъ Кипріяна и Фотія: Князю жь Великому сущу тогда въ Володимерѣ; заратилъ бо ся съ Царемъ Казанскимъ» (см. выше)... «Тояже весны поставленъ на Митрополію Архіепископъ Ростовскій Ѳеодосій Владыками Рускими, нашея земли Московскія, Суздалскимъ Филипомъ, Рязанскимъ Евфросиномъ, Коломенскимъ Герентіемъ, Сарьскимъ Васіяномъ; а Новгородцкой Архіепископъ Іона и Тферскій Владыка прислаша послы съ грамотами своими, глаголюще тако: кого восхощетъ Господь Богъ и Пречистая Мати Его и великіи Чудотворцы, и Господинъ нашъ Князь Великій и братія наша Епископи Русіи и иже съ ними освященный Соборъ, то и намъ Митрополитъ; и подписашася вси за единъ.» — О чудесахъ Св. Іоны Митрополита см. въ *Степен. Кн.* II.

(373) Герберштейнъ въ *Rer. Moscov.*: Post Wolodimerum Monomach usque ad hunc Basilium Russia carebat Monarchis.

(374) Ослѣплены Василій Косой и самъ Великій Князь; отправлены Шемяка и Князь Литовскій Михаилъ, племянникъ Витовтовъ (см. выше). Вспомнимъ также, что Косой, братъ Шемякинъ, отсѣкъ руки и ногу Князю Переславскому Роману. — Чернь злодѣйствовала въ Новѣгородѣ въ 1442 году; плѣнниковъ терзали въ Опочкѣ, въ 1426 году, какъ мы описали. Въ лѣтописи: «Тое жь весны (въ 1444 году) Князь Иванъ Андреевичь Можайскій поималъ Андрея Дмитреевича и жену его и сжегъ на Мироносицы въ Можайскѣ... Тогда жь» (въ 1442 году) «Колударова и Режскаго кнутомъ били;» также и Дворянъ Василія Ярославича Боровскаго въ 1462 году.

(375) «Въ городѣ въ Тропѣхъ езеро Жидовское 3 дни стояло кроваво» (въ 1430 году)... «Въ Смоленщѣ явился волкъ голъ, безъ шерсти, и много людей ѣлъ» (въ 1430 году). Въ Синод. *Новгород. Лѣт.* л. 152: «Тоя же зимы, Генв. въ 3, бысть облакъ тученосенъ съ дождемъ, и паде съ облакы пшеница и рожь и жито, на поли и на лѣсѣ, отъ града 5 верстъ вдалѣ, отъ Волховца и Мьстѣ рѣкѣ на 15 връстъ; людье збравше, елико кто изобрѣте, и принесоша въ градъ; людье же стекошась видѣти сіе преславное чудо, откуду и како бысть.»

(376) Въ Синод. *Новгород. Лѣт.* No 349, л. 152: «Того же лѣта (1446) начаша Новгородци денги хулити сребреныя, и вси люди, другъ на друга смотря; и бысть межю ими голка и мятежъ и нелюбье; и Посадникъ и Тысяцкой и весь Новгородъ уставиша 5 человѣкъ денежниковъ, и начаша въ старыхъ денгахъ новіи ковати, въ ту же мѣру, на четыре почкѣ таковы же, а отъ дѣла отъ гривнѣ по полуденгѣ, и бысть Христіаномъ убытокъ великъ, и по волостемъ: да и сіе незабвенно будетъ въ послѣднихъ родѣхъ... Того же лѣта охулиша Новгородци старыя рубли, и бысть денежникомъ прибытокъ, а рубли передѣлаша на денги, а у денежниковъ посулы поимаша.» Въ Синод. *Новгород. Лѣт.* No 347 г. 1447: «Выведе Сѣкира Посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца, и напоивъ его нача сочити, на кого еси лилъ рубли? Онъ же оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчамъ иныхъ съ мосту сметаша, иныхъ домы разграбиша, и изъ церквей вывозиша животы ихъ; а преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Ѳеодора начаша безправдивіи Бояре наущати говорить на многыхъ людей, претяще ему смертію. Онъ же протрезвився рече: на всихъ есмь лилъ и вѣсилъ съ своею братьею ливци. Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи, а *голодники* и ябедники радовахуся; только бы на кого выговорилъ. И того самого смерти преда (Посадникъ), а животъ его въ церкви раздѣли и разграби. И бысть въ градѣ мятежъ великъ; и оттолѣ и самъ Сѣкира разболѣся и умре.»

(377) См. *Арханг. Лѣт.* г. 6963.

(378) См. *Лѣт. Соловецк. Монастыря.* Зосима пришелъ въ Соловки въ 1438 году съ Аввою Германомъ. Іона былъ Архіепископомъ Новогород. отъ 1458 до 1471 года. Первымъ Игуменомъ Соловецкимъ именуется Павелъ, вторымъ Ѳеодосій, третьимъ Іона, четвертымъ Зосима (съ 1452 года).

(379) Memor. popul. III, 531. О Торкахъ Россійскихъ мы часто упоминали въ Исторіи отъ X до XIII вѣка.

(380) См. Исторію Палеологовъ, описанную Дукою, Францову Hist. Byzant., напечатанную въ Венеціи въ 1733 году, и Кантемирову Оттоманской Имперіи.

(381) *Никон. Лѣт.* г. 1453, стр. 266: «Вельможи Костянтиновы набогатѣли отъ нечистаго своего собранія, отъ слезъ и отъ крови Христіанскія.« Стр. 268: «какъ конь подъ Царемъ безъ узды, такъ Царство безъ грозы.» — Стр. 273: «Цвѣтно было видѣти Вельможъ его (Константиновыхъ) полки, да противъ недруга крѣпкаго бою не держалися.» Стр. 272: «У него же у Турскаго Царя противъ недруга ставится игрою играти.» Стр. 277: Иного Христіанского Царства вольнаго» (кромѣ Русскаго) «и Закону Греческаго нѣтъ.» Стр. 261: «Но убо да разумѣеши, аще вся преждереченная Меѳодіемъ Патрьскимъ и Львомъ Премудрымъ и знаменія о градѣ семъ совершися, то и послѣдняя не прейдутъ, но такоже совершитися имутъ; пишетъ бо: *Руский* же родъ съ прежде-создавшими всего Измаилта побѣдятъ и Седмохолмаго пріимутъ, и въ немъ воцарятся.» Но Меѳодій въ своемъ сказаніи *о послѣднихъ вѣкахъ и народахъ* не говоритъ о Русскихъ: развѣ Левъ Премудрый въ какомъ нибудь сочиненіи, намъ неизвѣстномъ, упомянулъ о семъ пророчествѣ?

(382) Райнальд. Annal. Eccl. T. XVIII, г. 1453, No 5. Сіе громозвучное посланіе начинается такъ: Audite hæc, audite omnes gentes; auribus percipite qui habitatis orbem... universi quoque Reges et Principes Christocolæ ac universus Domini populus cum religiosis cunctis audite. Описавъ взятіе Константинополя, Исидоръ прибавляетъ: Eorum actus et opera propriis oculis vidi, et una cum aliquibus Constant. viris, plura perpessus sum mala et pericula, licet de manibus eorum me eripuerit Deus, ut Jonam de ventre ceti. Въ заключеніи: Licet enim in multitudine confidat (т. е. Магометъ) et feritate suorum, plures tamen sunt, qui nobiscum sunt, immo Dominus ipse omnium militiarum, pro cujus fide et religione pugnatis, ita quod centum ex vobis persequi et superare valeant mille ex illis, et mille ex vobis decem millia, и проч. — О погребеніи Исидора см. Флёри Hist. Eccl. XV, 593. По кончинѣ Исидора былъ названъ Латинскимъ Патріархомъ Царяграда Кардиналъ Виссаріонъ.

(383) См. Лызлова *Скиѳ. Ист.* I, 66, гдѣ разсказывается сказка о стрѣлахъ, которая гораздо древнѣе Элигеевыхъ временъ.

(384) См. Нарушев. *Таврикію*, стр. 119 и 128 — Дегина кн. XVIII, 375 — Абульгази Hist. des Tat. 467 — Лызлова II, 2. Такъ называемый *Михаилъ Литовецъ* (Michal. Litv. de moribus Tartarorum) жившій въ XVI вѣкѣ, именно пишетъ: Aczkirei apud Troki natus, et hinc a divo Withowdo ad Imperium illud missus.

(385) По извѣстію Михаила Литовца (см. Нарушев. *Таврикію*, стр. 128).

(386) Нарушевичь. Папа въ 1465 году присылалъ Антіохійскаго Патріарха Людовика уговаривать Ази-Гирея, чтобы онъ объявилъ войну Туркамъ, а сей Ханъ отвѣтствовалъ ему, что онъ готовъ во всемъ слушаться Короля Польскаго (см. Кромера de Reb. Polon. стр. 382). — Кромеръ (стр. 339) пишетъ, что Седи-Ахметъ, около 1452 года прибѣжавъ въ Литву съ девятью сыновьями и съ Вельможами, хотѣлъ уйти оттуда въ Кіевъ, но взятый подъ стражу, умеръ въ Ковнѣ.

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ СЕГО КНЯЖЕНІЯ:

Въ 1425 году «въ Новѣгородѣ погорѣ Торговая сторона и Людинъ Конецъ; преставись нареченный Владыка (Новогородскій) Ѳеодосій, Игуменъ Троицы, его же были избрали по жребію и паки не восхотѣша... Съ Ильина дни до Крещенія бысть моръ во Псковѣ и по всей волости желѣзою; а К. Ѳеодоръ Патрикіевичь, того мору убоявся, поѣха со всею челядью на Москву Авг. въ 22, а былъ во Псковѣ годъ и 2 мѣс.; и тамо смерти не избѣже: умре на Москвѣ. За Старымъ Коложемъ, на Каменнѣ озерѣ (въ Псков. области) у Васля у двора, отъ иконы Св. Богоматери, изъ праваго ока, идяше кровь Сент. въ 16 день, проявляя нахожденіе Витовта. Сентября въ 23 колоколы повѣшаху Псковичи на персехъ ко Св. Троицѣ на новой колокольницѣ, на новой стѣнѣ.»

Въ 1426 году. «Сент. въ 5 день около солнца 6 явися круговъ, а кругъ за кругъ связался, и различны бѣаху цвѣтами, овъ черменъ, овъ зеленъ, а иный жолтъ. Преста моръ въ Новѣгородѣ. За Волокомъ бысть гладъ: купиша кадъ верши (ржи) по 40 бѣлъ. Весною бысть пожаръ на Псковѣ на Запсковьи мѣсяца Мая: погорѣло 40 дворовъ; а потомъ на посадѣ за рвомъ, въ Трупеховѣ улицѣ, Іюня въ 5.»

Въ 1427 г. «умножи Богъ всякого обилья хлѣба во Псковѣ, по 7 зобницъ ржи на полтыну, а говадь 3 яловичи на полтыну. Апрѣля 9 преставися Посадникъ Псковскій Микула Павловичь. Съвръшена церк. кам. Спасъ Владыкою Евфиміемъ (въ Новѣгородѣ), и устроена бысть дивно иконами и книгами, и свинцомъ покры. Іюня въ 9 преставись Св. Игуменъ Кириллъ Бѣлоозерскій и положенъ въ своемъ монастыри. Нѣмцы убиша 6 Опочанъ бортниковъ на нашей земли, и посѣкше и пожгоша въ инѣхъ мѣстѣхъ, а все на миру. Псковичи, ѣхавше въ 2 насадѣхъ, пожгоша сѣно у Нѣмцевъ, и Чюди 7 человѣкъ повѣсиша у Выболска. Псковичи послаша къ В. Князю Посадника Ѳеодора Шибалкиничь, и испросиша собѣ Князя Александра Ѳедоровичь Ростовского; онъ же присла прежь себе сына своего, Дмитрія. Дмитрій же пребысть во Псковѣ и до полузимѣ, и не дождавъ отца отъѣха на Москву.» Въ 1428 году «преставися Посадникъ Псковскій Ѳеодоръ Шибалкиничь Генв. въ 10 день. Февр. въ 29 Котелно городъ выгорѣлъ весь, а загорѣлося отъ церкви Св. Николы. Преставись Игуменъ Никонъ, чудный старецъ. Псковичи подтвердиша миръ съ Местеромъ и съ Юрьевцы, а безъ Новагорода.»

Въ 1429 году «преставись (въ Новѣгородѣ) Владыка Евфимій Ноября въ 1, а былъ Владыкою 5 лѣтъ и 5 недѣль, а Чернцемъ на сѣнехъ годъ и 2 недѣли. Того жь мѣсяца въ 13 възведенъ бысть по жребію Священноинокъ Евфимій съ Лисичей горки на сѣни. Падеся (въ Новѣгородѣ) церковь Св. Отецъ на Княжи дворѣ. Псковичи послаша Микифора Совкина, Карпа Зобанова и Аѳанасья Терентѣевичь къ Князю Вел... и испросиша собѣ К. Александра Ѳедоровичь и пріѣха въ Псковъ съ сыномъ Дмитріемъ Февр. въ 20, уже въ третіе: а тогда баше ржи на полтыну 9 зобницъ. Князь Псковскій Александръ и Посадникъ Селивестръ заложиша новый городъ на новомъ мѣстѣ на рѣкѣ надъ Руголивомъ, и начаша дѣлати на Воздвиженіе и до зимы здѣлаша. Псковичи на торгѣ и на Черехѣ намостиша мостъ новой. Сент. въ 15 бысть буря во Псковѣ по 3 дни.»

Въ 1430 году «поставиша (въ Новѣгородѣ) церковь кам. Св. Отецъ вмѣсто падшей. Новогородци приставили къ Порхову другую стѣну. Пригонъ былъ Христіановъ къ Новугороду городъ ставити, а покручали (варяжали) отъ четырехъ пятаго. Той же осени вода бысть мала, и земля и лѣсы горяху, и дымъ многъ, и съ того дыму мряху рыбы и птицы, а рыбы дымомъ воняша и по два года. Тогда Псковичемъ съ Новогородци не баше миру, ни рати. К. Александръ Ѳедоровичь и Юрья Посадникъ Тимоѳеевичь и вси Посадники Псковскые заложили городъ новый, Выборъ тако нарицаемый, въ Котеленскомъ обрубѣ, а заложиша стѣну на Воздвиженье.»

Въ 1431 году «на весну Князь Псковскій Александръ Ростовскій и Посадникъ Якимъ Павловичь и Ѳеодосій Ѳеофиловичь и Стефанъ наяша 300 человѣкъ, и заложиша городъ на берегѣ, на рѣкѣ на Гдовѣ, на пятой недѣли по Великѣ дни, а на Гдовскыхъ земцахъ, у кого тамо отчина, взяша 300 рублей въ камену стѣну; а одиного лѣта доспѣша съ приступа; а по инымъ сторонамъ и деревяну стѣну окончаша Ноября въ 1. Іюля въ 24, въ 5 часъ нощи, бысть знаменіе въ лунѣ въ полнощи. Послаша Псковичи въ Новгородъ Ивана Посадника Сидоровичь и Селивестра Посадникъ и Бояръ, и биша чоломъ Владыцѣ Евфимію и всему Новугороду о миру; они же миру не даша, а рати не учиниша. Того жь лѣта знаменіе на небеси, три столпы огненны, и засуха была, земля и болота горѣли, и мгла 6 недѣль; солнца люди не видали, рыбы съ дыму мерли; а что скотъ и птица, все дымомъ слышати.»

Въ 1432 году «бысть знаменіе въ лунѣ, Генв. 5, въ 7 часъ нощи, и Генв. въ 17. Здѣлаша Псковичи прясло стѣны отъ Великіе рѣки у Сысоевыхъ воротъ; а того же лѣта ѣхаша на съѣздъ на Полочьскый рубежъ, и не учиниша ничто же. Мая въ 3 бысть (во Псковѣ) туча грозна... а на Светной горѣ въ монастыри пояху старци вечерню, и церковь исполнися пламени, а Черньци падоша отъ страха, а иконы позлащенныя вси потемнѣша. Послаша Псковичи къ Новугороду 3 Посадника, Юрья и Селивестра и Якима, о миру, и Новогородци миру не даша, а рати не учиниша. Владыка (Новогородскій) Евфимій постави церковь древяну Св. Апостолъ конець Чюдинцевѣ улици. Той осени пріѣха въ Новгородъ К. Юрьи Семеновичь съ своею Княгинею изъ Литовской земли; той же осени погорѣ околотокъ весь и Владычнь дворъ (и на Св. Софіи кровля погорѣ, а болшій верхъ позлащеный ублюде Богъ); заложиша церк. кам. Св. Юрія на Борковѣ улицѣ. Княземь Литовскымъ бысть (Дек. 8) брань велія между собою, Князю Жидимонту съ Княземъ Сenvтригайломъ, о Великомъ Княженіи... и одолѣ Жидимонтъ, а Сентригайло

побѣже къ Полотску.» — Въ 1433 году «Генв. 6 бысть знаменіе въ лунѣ, въ 7 часъ нощи, а мѣс. Іуня въ 14 отъ грому много людей и коней поби (въ Псковѣ) и за рѣкою противу Светиой горѣ дворъ сожже, а другій противъ Старого Вознесенія. Іюня въ 17 бысть знаменіе въ солнцѣ, а 29 въ лунѣ; тогда Нѣмецкый городъ Колывань выгорѣ весь отъ молніа. Іюля въ 3, въ Пятокъ, отъ молніа загорѣся два костра, единъ кутнѣй въ Крому, а другой на персехъ отъ Великой рѣки, а въ церкви у Св. Троицы Попа ожже въ обѣдню . . . а за рѣкою въ монастыри Св. Іоанна наполнися церковь пламени, и на иконахъ потемнѣло злато, и Попове со кресты по граду ходяще... Петровскія сусѣди (во Псковѣ) разбиша костеръ старый у Св. Петра и Павла, и въ томъ камени създаша церковь Св. Бориса и Глѣба, и начаша разбивати всю стѣну старую къ Великой рѣкѣ. Бысть побоище межю Кн. Жидимунтомъ и Свитригайломъ... и не учиниша ничто же. Въ веснѣ загорѣся (въ Новѣгородѣ) на Яневѣ улици, и погорѣ Загородскый Конець и Людинъ до Лукины улицы; свершиша Борковци церк. кам. Св. Георгія; нареченный Владыка Евфимій постави въ дворѣ у себе полату камену, а дверей у нее 30, а Мастеры дѣлали Нѣмецкія изъ заморья съ Новогородскыми мастеры.»

Въ 1434 году «Псковичи послаша къ Новугороду Ивана Посадника Сидоровичь, и Якима Посадника Павловичь, и Бояръ, и много биште чоломъ, а миру не взяша. Тоя же зимы К. Александръ поѣха изъ Пскова съ всею челядью своею на Москву Февр. 28, а былъ въ Псковѣ трижды, всего 12 годовъ, а въ тотъ же день пріѣха изъ Литвы во Псковъ зять его, Князь Володимеръ Даниильевичь, а былъ въ Литвѣ 10 лѣтъ, и Псковичи пріяша его честно. Того жь лѣта бысть хлѣбъ дорогъ вельми въ Нѣмецкой земли, а во Псковѣ ржи на полтину 13 зобници» (въ другомъ спискѣ: *по девяти денегъ зобница ржи*). «Свершиша церк. кам. Спасъ Милостивый на торгу (во Псковѣ) Іюля въ 23. Псковичи послаша къ Новугороду Селивестра Посадника и Стефана Родивоновичь и Бояръ, и взяша миръ; а отъ Новагорода цѣловалъ крестъ Самсонъ Посадникъ Ивановичь, а Тысяцкой Ѳеодоръ Елисеевичь, Іюля въ 22, и Псковичи цѣловаша крестъ предъ послы Новогородскими. Той же веснѣ подписана полата во Владычни дворѣ (въ Новѣгородѣ). Пріѣха въ Новгородъ Владыка Евфимій, поставленъ Митрополитомъ Герасимомъ Смоленьскымъ Маія въ 26. Поставиша церк. кам. въ Околоткѣ Іоанна Златоуст. на старой основѣ Посадникъ Григорій Кириловичь и Есифъ Андріяновичь (въ Новѣгородѣ), Горошковъ внукъ.»

Въ 1435 году «пріѣха во Псковъ Архіепископъ Новог. Евфимій Генв. въ 13, а не въ свое лѣто реченое, и хотѣ своего Новгородца Намѣстьника и Печатника посадити, а не якоже первіи Владыки уставиша, и Псковичи не даша ему тоя воли; онъ разгнѣвався поѣха изо Пскова, и К. Володимеръ и Посадникъ Селивестръ и Ѳеодосъ возвратиша его изъ Невадичей и даша ему судъ и на Попѣхъ подъѣздъ, и Посадники ему повелѣша сборовати въ Св. Троици; онъ же не хотѣ сборовати до Митрополита, и разгнѣвався и поѣха изо Пскова Генв. въ 30.» (Въ другомъ спискѣ: «и учалъ Намѣстникъ его судити не по Псковской пошлинѣ, учалъ посужати рукописанья и рядницы, и учали Діаконовъ сажати въ гридницу; а Псковичи за оброкъ не стояли, но по Діяволю наученью сталъ бой Псковичамъ съ Софеяны, и Владыка разгнѣвался.») Того же лѣта въ Петрово говѣніе морозъ побилъ рожь (въ Псковской области). Князь Свитригайло, собравъ Смольняны и Видьбляны, и Кіяны, и Полочаны, и КнязяМестера Ризьского съ силами и заморцовъ, пойде на Жидимонта, а онъ съ Литвою и съ Ляхи, и съступишася въ Жомоитьской земли Сент. въ 1, и одолѣ Жидимонтъ, и Местера Рижского убиша; а Свитригайло прибѣже въ Полотьско съ 30 мужь. Наяли Псковичи наймитовъ на новый мостъ на Псковѣ рѣкѣ, а запасъ дѣлки наймитовъ, а *рилины*» (перила: см. Т. IX, примѣч. 95, годъ 1564) «и городни и дубья Псковская, а даваху имъ найма 70 рублевъ, а наймитовъ было 40 человѣкъ.»

Въ 1436 году: «тоя же зимы пріѣха во Псковъ К. Борисъ Васильевичь, и Псковичи пріяша его, чаяхуть его пріѣхавша отъ В. Князя Намѣстникомъ, и послаша къ В. Князю Ивана Ларіонова и Тимоѳея Поткина, и съ ними К. Володимера... и дасть имъ отъ себе Намѣстникомъ К. Володимера Даниильевичь, а К. Бориса выпроводиша изо Пскова, а онъ пролгался. Тоя же зимы Новгородци воеваша Луки Великія и Ржову (Новоржевъ), и они не хотѣша дани давати.» *Новог. Лѣт.* въ 1435 году сказываетъ о томъ слѣдующее: «Посадники Новогородскія, Иванъ Васильевичь и Григорей Кириловичь, да Тысяцкій Ѳедоръ Елисеевичь, Есипъ Васильевичь, Ованья Семеновичь, Остафей Есиповичь, а съ Рушаны Ѳедоръ Остафьевичь, Михайло Буйносовъ и Порховичи идоша треми путьми и казниша Ржевичь, и села пожгоша по Ржевѣ по Плесковскый рубежь и на Бардовѣ.» Новоржевъ и Великія Луки оставались спорнымъ владѣніемъ между Литвою и Новымгородомъ. Далѣе: «Тоя весны Псковичи пріяша гостей Нѣмецкихъ товаръ, а самыхъ Нѣмець въ погребъ всадиша, 24 Нѣмчина: зане же они на крестномъ цѣлованіи Псковичей изымаша, а иныхъ избиша. За двѣ недѣли по Велицѣ дни пріѣха во Псковъ изъ Литвы К. Иванъ Андреевичь, внукъ Олгердовъ, а въ своемъ безвременіи, и Псковичи даша ему 100 зобницъ ржи, да 100 овса, да 10 рублевъ на кормлю» (въ другомъ спискѣ: «хлѣбомъ и *вологою*, и медомъ и поминкомъ почтиша) и пребысть въ Псковѣ до Рожества. Владыка Новогород. Евфимій заложивъ паки и свершн церк. Іоанна Златоуст. на воротѣхъ, а надъ полатою у себе часы звонящія устрои, и заложи церк. кам. Св. Николы на Вежищахъ. Той же осени мразъ обиліе погуби въ жатву въ всей Новгород. области, и мнози изыдоша въ Нѣмци. Вода бысть велика, и ледомъ мержею выломи у Великого мосту 7 огородень, и Жилотужьскый мостъ вынесе.»

Въ 1437 году «въ веснѣ подписанъ бысть Иванъ Златоустъ въ Владычнѣ дворѣ на воротѣхъ. Той же весны вода подмывала у дѣтинца города, и оползе валъ отъ стѣны, и падеся стѣна каменна и колокольница отъ Волхова. Владыка Евфимій благослови крестомъ на Вѣчѣ въ ризахъ Посадниковъ и Тысячскыхъ и весь Вел. Новгородъ въ Недѣлю, и поѣха на Москву къ Митрополиту Исидору Іуля въ 7. Паде церковь Николы на Вежищахъ, и Владыка Евфимій заложи церк. кам. Св. Петра Митрополита Русьского на воротѣхъ у себе на дворѣ, а старую порушавъ. Того жь лѣта (въ Новѣгородѣ) мостъ Вел. свершиша. Сент. 15 преставися Евпраксія Княгини, и погребе ея Исидоръ Митрополитъ» (см. выше, примѣч. 371). Окт. 9 пріиде въ Новгородъ съ Москвы Митрополитъ Исидоръ. Тое же осени родися Великому Князю сынъ Князь Юрьи большой.»

Въ 1438 году «въ веснѣ пріѣха въ Новгородъ К. Юрьи Семеновичь Марта въ 3, и поставиша опять церковь Св. Николу на Вежищах на старой основѣ. Поставлена бысть во Псковѣ церк. кам. Св. Аѳанасія въ Довмантовѣ стѣнѣ, а Св. Спасъ у

Старого костра. Тое жъ весны въ Суботу Вербную погорѣ городъ Коломна; загорѣся въ вечерню, а о заходѣ солнца преста.»

Въ 1439 году «постави Архіеп. Новогород. Евфимій *ключницу* хлѣбную камену, омаза известью Св. Софію всю, и постави колоколницу кам. на старомъ мѣстѣ на городѣ, иде же палася. Того же лѣта *обрѣтено бысть тѣло Архіепископа Іоанна, при коемъ были Суздальци подъ Новымгородомъ»* (во время Андрея Боголюбскаго). «Архіепископъ Евфимій *позлати гробъ Князя Владиміра, внука Великого Володимера, и подписа и покровъ положи, и память имъ устави творити на всякое лѣто, Окт. въ* 4. Пріѣха въ Псковъ Князь Александръ Ивановичь, правнукъ Олгердовъ, съ Тфери, и Псковичи посадиша его на Княженіи» (вѣроятно съ дозволенія Великокняжескаго) «а К. Володимера Даниліевичь выгнаша. Городъ Устюгъ заложили около Св. Покрова и монастыря.»

Въ 1440 году «погорѣ Полтескъ весь. Постави Владыка Новог. Евфимій церк. кам. Св. Настасія и комнату кам. меншую. Въ Вороначи бысть знаменіе Авг. въ 7 день, отъ иконы Св. Николы изъ суха дерева истече кровь изъ лѣваго уха, и Священники привезоша икону въ Псковъ, а Геласій Архимандритъ и Священники срѣтоша со кресты. Городъ Опочка выгорѣ весь Сент. 5, а загорѣся отъ церкви Св. Спаса, и тоя осени поставиша новый, а ѣздилъ туда Посадникъ Псковскый Тимоѳей.»

Въ 1441 году «преставися Князь Юрьи Васильевичь болшой, сынъ Вел. Князя, а другій Юрьи Васильевичь родился Генв. въ 22. Двиняне приходили ратью подъ Устюгъ, и стояли единъ день, и прочь пошли. Тое же осени пожаръ бысть на Москвѣ.»

Въ 1442 году «зима люта бысть зѣло, и много скотомъ и человѣкомъ зла сотворися. Тое же весны громы велики и вихри, и бысть страхъ на человѣцѣхъ. Бысть жито дорого. Владыка Новагород. Евфимій постави церк. Преображеніе въ Русѣ на старой основѣ, а пособници быша Новгородци и Рушани. Тоя же зимы въ Псковѣ бысть моръ великъ зѣло, и аще кому явится желѣза, наскорѣ умираше; а почало мерети 5 Дек., и мряху все лѣто; а почало изъ заулка и съ Пустынекъ отъ кам. церкви; и К. Александръ Ивановичь и Посадники 3, Юрьи Тимоѳеевичь, и Архимандритъ Григорій и Попове 3 Збора подумавше съ Псковичи, поставиша церковь въ единъ день на Романихѣ Похвалу Св. Богородици, въ Петрово говѣнье въ Среду на память Дороѳея; и въ тотъ день и Литургію свершиша; поставиша и другую церк. Св. Саву въ Микитьевѣ монастыри; и того же лѣта К. Александръ преставися въ Чернечествѣ; а преста моръ на Дмитровъ день, а по селомъ мерли и до Крещенія.»

Въ 1443 году «постави Новог. Владыка Евфимій духовницю камену и сторожницю; поставиша церк. кам. Св. Николу на Кречевѣ, близъ Русѣ. Поставлены (во Псковѣ) двѣ церкви на Завеличіи, Успеніе, и священа Окт. 26, а другая Богоявленіе на Запсковьи въ Бродѣхъ, священа Ноября 1.»

Въ 1445 году «постави Новог. Владыка Евфимій теплую церк. кам. Св. Евфимія въ сѣнехъ. Сотворися знаменіе въ Суздалѣ въ Соборной церкви Богоматери при Епископѣ Авраміи: начаша напрасно Святительскыя гробы внутри горѣти и падати, а назавтріе, въ праздникъ Преполовленія, падеся и сама церковь Сборная.»

Въ 1446 году «родися Великому Князю на Угличѣ сынъ Андрей Авг. въ 13» (по другимъ спискамъ 14). «Въ Новѣгородѣ хлѣбъ баше дорогъ, коробья ржи по полтинѣ; постави Владыка Евфимій церк. кам. Св. Варлаама на Хутинѣ, а камерду колоколницу, и заложи монастырь Св. Георгія въ Городкѣ, и стѣну камену поцови и подписа, идѣ же отпало, и покры ю чешуею; а все то сдѣлано въ 4 мѣс. Поставиша (во Псковѣ) церк. кам. на погребѣ въ Снетогорскомъ дворѣ Іоанна Богослова. Поставиша Княжанци (въ Новѣгородѣ) церк. кам. Св. Мироносиць на старой основѣ; а въ Русѣ церк. Св. Дмитрія кам. — Авг. въ 7 день Владыка Новог. Евфимій благослови своихъ дѣтей Посадниковъ и весь Новгородъ, и поѣха за Волокъ благословити Новогородскую отчину и своихъ дѣтей.»

Въ 1447 году «Генв. 23 пріѣха Владыка Евфимій изъ Заволочья въ Новгородъ; того же мѣс. въ 30 свяща церковь Соборомъ теплую Св. Евфимія.»

Въ 1448 году «моръ бысть силенъ на люди и на кони на Москвѣ. Генв. 14 пріѣхалъ во Псковъ изъ Новагорода К. Суздальскый, Василей Васильевичь *Гребенка*, и посадиша его на Княженіи во Св. Троици, и даша ему всю пошлину Княжью и цѣлова крестъ ко Псковичемъ по всей Псковской пошлинѣ. Пріѣха во Псковъ Владыка Евфимій Дек. 27, а при Князи Васильи Васильевичи Гребенки, при Посад. Степенномъ Ѳедорѣ Патрикыевичѣ, и срѣтоша его противъ дальнаго Пантелеймона, и на 3 день учини Соборъ въ дому Св. Троицѣ, и Сенедиктъ чтоша, злыя проклиша, которія хотятъ дому Св. Троицы и Св. Софіи зла, а благовѣрн. Княземъ, тамъ лежащимъ, пѣша вѣчную память и инѣмъ добрымъ людемъ, иже кровь свою проліяша за домъ Божій, а живымъ въ дому Св. Троицы и Св. Софіи пѣша много лѣтъ.»

Въ 1449 году «погорѣ весь Псковъ Окт. 22, а загорѣлося отъ Хытри кожевника, отъ Бурновѣ лавицы, отъ Кутнего костра, и горѣло полторѣ нощи да день, а дѣтинца ублюде Богъ. Родися Іуля мѣс. сынъ Великому Князю Борисъ.»

Въ 1450 году «постави Владыка Евфимій (въ Новѣгородѣ) часозвонъ. Володимеръ Григорьевичь Ховринъ Казначей поставилъ церк. кам. на Москвѣ на своемъ дворѣ Воздвиженіе на мѣстѣ первыя каменныя же, что роспалася въ пожаръ по Суздальщинѣ. Митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ полату камену, въ ней же церковь Ризъ Положеніе. Авг. въ 5 бысть туча велика на Москвѣ и громъ прорази церковь Соборн. Архан. Михаила. Авг. въ 13 буря сломи крестъ съ тоя же церкви.»

Въ 1451 году «поставлена стѣна новая (во Псковѣ) на Крому въ охабни» (въ другомъ спискѣ: *у персей отъ Великыхъ воротъ*) «и учиниша въ ней 5 погребовъ отъ Псковы межи воротъ. Былъ Князь Семенъ Алешковичь (Олельковичь Кіевскій) у своей бабы, Вел. Княгини Софіи, и у Вел. Князя Василія, дяди своего:» ибо Олелько былъ женатъ на сестрѣ Васильевой и дочери Софіиной. О семъ бракѣ упоминается въ письмѣ Ливонскаго Магистра къ Вел. Магистру Прусскому 1417 года: Des Koniges Tochter von Moskaw, Herzog Witoutis Tohtir-Tochtir, sol czu Manne nemen Kuese Olkneke, Wolledimers Son, eyn Russischen Herzogen, und dye Hochzeit solde syn des negesten Sontages vor Bartholomei (см. между моими Кенигсбергскими бумагами No 570).

Въ 1452 году «Іюня въ 4 женилъ Князь Великій сына своего, Вел. Князя Ивана, у Вел. Князя Бориса Тферскаго дщерію его Маріею. Родися Великому Князю сынъ Андрей Авг. въ 1.»

Въ 1453 году «пріѣха Новог. Владыка Евфимій во Псковъ Генв. въ 5, и соборова на 3 день во Св. Троицы; а въ тую зиму не бысть снѣга на земли: гола бысть зима. Биша челомъ Попове невкупніи Князю Василью и Посади. Степенному

Юрью Тимоѳеевичь, и всему *Господину Пскову*, чтобы быть четвертому Собору во Псковѣ... и благослови Владыка Поповъ невкупныхъ четвертый Соборъ дръжати вседенную службу у Св. Спаса Всемилостиваго на торгу, и у Св. Дмитрія у Довмонтовы стѣны. Тогда Владыка Евѳ. взя Ремду Ремедскую въ свою Владычкину... и проводиша Владыку до Торошины, до Св. Ильи. Того жь лѣта мразъ много жита побилъ. Здѣлаша Псковичи прясло стѣны у Лужскихъ воротъ. Апрѣля 9 выгорѣ Москва Кремль весь. Дек. 14 бысть пожаръ во градѣ Псковѣ; загорѣлось отъ Болобина Конца, отъ Прокопьева двора Владычня Намѣстника, и погорѣло 4 части града, а милостью Св. Троицы преметаше отъ Плотскихъ воротъ къ Св. Спасу по старую стѣну къ костру, а отъ стараго костра ко Врагоѣ улици, да къ Глухому костру; а горѣло нощь да день.»

Въ 1454 году «поставиша (въ Новѣгородѣ) церк. кам. на старой основѣ Св. Михаила на Михайловѣ улици. Пріѣха во Псковъ Митрополитъ Цареградскый Игнатей на 6 недѣли въ Суб. по Велицѣ дни, и поѣхалъ изо Пскова одаренъ въ Вел. Новгородъ Іюля 1. Марта въ 29 преставися Архіепископъ Ростовскій Ефремъ. Того же лѣта поставленъ бысть Ростову Архіеп. Митрополитомъ Іоною Ѳеодосій Бывальцевъ, бывый Архимандритъ у Арханг. Михаила у Чюда. Авг. въ 31 бысть громъ страшенъ на Москвѣ и прорази церк. кам. Рожество Богоматери, иже имать придѣлану къ ней церк. Лазарь Св. Того же лѣта дождь бысть умноженъ и ржей не сѣяли.»

Въ 1455 году «Князь Вас. Васильевичь Гребенка выѣха изо Пскова въ Новгородъ Іюля въ 15, и Псковичи били челомъ, чтобы осѣлся, и не послуша, и проводиша его честно до Череского мосту. Того же лѣта много дождя бысть, а хлѣба Богъ умнози. Бысть знаменіе отъ иконы Богоматери въ селѣ во Зраковицахъ, изъ праваго ока слезы шли, и проводили ю во Псковъ Авг. въ 24. Псковичи послаша Стефана Посадника Аристовичь, а съ нимъ Бояръ, бити челомъ Князю Александру Черторизскому въ Русу о Княженіи. Постави Владыка Евѳимій колоколницю каменну (въ Новѣгородѣ), Св. Илью въ Славнѣ на старой основѣ.»

Въ 1456 году «Генв. пріиде изъ Смоленска на Москву Владыка Мисаилъ со многими мѣстичи» (гражданами) «бити челомъ Великому Князю, чтобы пожаловалъ отпустилъ икону Богоматери, ея же плѣномъ взялъ Юрга. Князь же Великій, помысливъ съ Митрополитомъ и съ Бояры, сотворяетъ празднество на отпущеніе и призываетъ Іону Митроп. и весь Священ. Соборъ въ церковь Благовѣщенія на свой дворъ: понеже бо тамо стояше икона на поклонѣ, на деснѣй странѣ отъ дверей Царскихъ — и совершиша молебная и Литургію; и приходятъ К. В. ко образу, и Митрополитъ, и Вел. Княгиня Марія, и сынове ихъ, Иванъ и Юрьи, Андрей и Борисъ, и Андрей меншій принесенъ на рукахъ, и знаменашася вси. Князь же Великій многи слезы изліявъ, и Митрополитъ, и взимаютъ икону изъ кіота и вручаютъ Епископу Смол. Мисаилу, еще же и ины иконы многи менши, златомъ и каменіемъ и жемчюгомъ украшены того же плѣна, и не просившу Епископу, изъ нихъ же Митр. Іона едину веемъ Богоматерь съ младенцемъ, рече: о Епископе, брате и сыну! сей образъ, на воспоминаніе сего дни, остави Господину Великому Князю и Княгини и чадомъ его... и Епископа призвавъ, и обою, въ рукахъ вземше, и знаменаютъ ею Вел. Князя и Княгиню и чадъ ихъ, и выдаютъ въ руцѣ Великому Князю... и облобыза сію икону со слезами... и поидоша, несуще Богоматерь и ту икону, яже оставлена Великому Князю на благословеніе... и Князи и Бояре; бѣ бо тогда и множество воинства на Москвѣ. Проводи же В. К. Богоматерь Смоленскую, и съ чады своими, до Благовѣщенія на Дорогомиловѣ, два поприща за градъ, и возвратися за тою иконою, юже оставиша у него, и молебная совершаху, и пришедъ въ церковь Благовѣщенія, поставити ея повелѣ, идѣ же стояла икона, ея же отпустилъ, и повелѣ ину въ тоя мѣсто писати, снемъ мѣру съ нея и образъ назнаменова; а предъ тою, иже оставлена, повелѣ на всякъ день молебенъ пѣти. Бысть же сіе Генв. въ 18, въ Недѣлю. Въ Вел. Новѣгородѣ знаменіе бысть отъ грома мѣс. Іуня и отъ молніи страшныя: много людей поби и коней. Пріѣхалъ Кн. Александръ Васильевичь Черторизскый изъ Новагорода во Псковъ Іуля 18, и посадиша его на Княженіе. Бысть осень вся мокра, и рѣкы воды наполнишась акы веснѣ. Мостъ намостиша Псковичи великъ чрезъ рѣку Пскову, а даша мастеромъ 80 рублевъ.»

Въ 1457 году «пріѣхалъ во Псковъ Новог. Владыка Евѳимій Генв. 4, и въ той день и Литургію сверши у Св. Троицы, и Сенедиктъ чтоша, и подъѣздъ (пошлину) веемъ, и выѣха изо Пскова Генв. 27. Погорѣ градъ Муромъ, Кремль весь, Сент. въ 29. Окт. въ 20 въ 9 часъ нощи загорѣся на Москвѣ внутри города близъ Володимеровы церкви Ховрина и погорѣ до третіе части града. Погорѣ все Заисковіе отъ Богоявленія и до монастыря Воскресенія и Св. Козмы и Даміана згорѣ: а загорѣлося отъ Якова отъ Желѣзова съ Мощоной улици, Окт. 3, въ полнощь; тогда и Крому было притужно.»

Въ 1458 году «Февр. 15, въ Среду на Ѳедоровѣ недѣли, егда начаша часы пѣти, родися Великому Князю Ивану Васильевичу сынъ Иванъ. Поставиша (въ Новѣгородѣ) церк. кам. Богородицу въ торгу на старой основѣ, а старую церковь порушивъ, и священа Владыка. Марта 10 преставися Новог. Владыка Евѳимій. Создана на Москвѣ церк. кам. Введеніе на Симоновскомъ подворьѣ у Никольскихъ воротъ. Прибавиша Псковичи зобницы. Отъ грому згорѣ Св. Воскресеніе на Полоницы (во Псковѣ), а иконы и книгы выносили; тогда же и кам. церк. поставиша на томъ мѣстѣ. Псковичи наддѣлаша на старую стѣну новую ввышь на Крому отъ захабня до Кутнего костра, а даша мастеромъ 150 рублевъ.»

Въ 1459 году «мѣс. Февраля поставленъ бысть на Архіепископію Новугороду Великому Священноинокъ Іона Митрополитомъ Іоною.» О семъ Св. Іонѣ, Архіеп. Новогородскомъ, находится слѣдующее сказаніе въ одной рукописи (см. въ Волоколам. монастырѣ книгу подъ No 666, л. 358): «Повѣда намъ самъ Г. Архіеп. Іона. Егда, рече, бѣхъ еще младенецъ, оставшу ми сиротою отъ отца седми лѣтъ, а отъ матери трехъ лѣтъ, и положилъ Богъ на сердце женѣ вдовицѣ, именемъ Натальи, матери Якова Дмитріевича Медоварцова, а Михайловѣ бабѣ, и взя мя въ домъ къ собѣ и начатъ кормити и одѣвати, и вда мя въ наученіе грамотѣ Дьяку. Бысть же въ училищѣ томъ *множество дѣтей учащихся:* мнѣ же отъ убожества сущу тиху. Въ единъ убо отъ дній, дѣтемъ играющимъ по вечернѣ, абіе идяше по улицѣ блаженъ мужъ: дѣти же устремившеся на него и начаша метати каменіе и сметіе на очи его; а мнѣ стоящу недвижимо. Онъ же, оставя всихъ дѣтей, притече ко мнѣ, и вземъ мя за власы, да поднялъ выше себе, и нача звати именемъ, никако же зная мя: *Иванецъ! учися грамотѣ: быти тебѣ въ В. Новѣгородѣ Архіепископомъ*... И бысть на Архіепископствѣ 12 лѣтъ и 6 мѣсяць. Бысть же при его Святительствѣ миръ со всѣми землями и тишина и гобзованіе плодомъ.»

Въ 1460 году «Генв. 22, о свадьбахъ, бысть пожаръ во Псковѣ; загорѣлося на Усохѣ отъ Ѳедоса отъ Гоболя отъ мясника, и переметаше отъ торгу отъ Св. Спаса возлѣ Торговскый и Боловинскый Конецъ до Св. Георгія и до Куклинѣ лавици и до стѣнѣ по конецъ Враговѣ улици, а выгорѣло 3 конца, Опоцкей, Городецкей, Острой, и лавици и Княжей дворъ по самъ торгъ. Того же лѣта въ Вельи въ монастыри Св. Спаса внутрь церкви отъ грому попалѣло и пономаря зашибло. Іюня въ 13, въ 6 часъ дни, съ западныя страны бысть туча страшна на Москвѣ... и Богъ услыша моленіе рабъ своихъ, и туча пребѣже чрезъ градъ, и бысть тишина... назаутріе по вечерни, уже въ 15 часу, взыде паки туча съ полуденныя страны... земля и храмы яко пламень видяхуся отъ молніи, и буря многи церкви кам. поколеба, храмы же ободра и верхи смета, а градные забрала разнесе, и по селомъ многіе церкви изъ основанія взимая, далече отнесе, а лѣсы и раменье и дубы изъ коренья исторже... но человѣки нигдѣ не вредило. Іюня въ 18, въ Пятокъ, во 2 часъ дни нача гибнути солнце, и бысть яко пяти дней мѣсяць; а въ пятый часъ бысть полно; а того же мѣсяца въ нощи и мѣсяць гиблъ. Поставлена на Москвѣ церк. кам. Богоявленія Игуменомъ Троицкимъ Сергіева монастыря.»

Въ 1461 году, зимою «у Св. Спаса на Хутынѣ (въ Новѣгородѣ) у гроба Варламьева исцѣлѣ Отрокъ Княжь Григорей, а яко мертвъ лежаше.(*) Мѣсяца Дек. погибе мѣсяць нощію. Князь Великій *поставилъ* на Москвѣ *церковь камену, Рожество Іоанна Предтечи, у вратъ Боровицкихъ; а прежде бѣ древяная: глаголютъ же, яко та первая церковь на Москвѣ: на томъ-де мѣстѣ боръ былъ, и та церковь въ томъ лѣсу срублена; тажe-де тогда и Соборная церковь была при Петрѣ Митрополитѣ, и дворъ Митрополичь туто же былъ, гдѣ нынѣ дворъ Княже Ивановъ Юрьевича.*»

Въ 1462 году «поставиша во Псковѣ церк. кам. Успеніе на Мелотовѣ и новый городокъ на обидномъ мѣстѣ, надъ Великимъ озеромъ, и нарекоша его Кобылою при Посадникѣ Максимѣ Ларивоновичь, и церковь въ немъ Св. Архистратигъ Михаилъ, а дѣлаша Псковскія мастеры 60 человѣкъ, и взяша 90 рублевъ. На Москвѣ Генв. въ монастыри Св. Арханг. Михаила, честв. его Чюдеси, у гроба Св. Алексія Митроп., прощенъ бысть Чернецъ того монастыря Наумъ, иже отъ младенства имы усохшу ногу и на древяницы хожаше, служа въ поварни и въ пекольницы; и пришедъ въ нощи ко образу Святаго, иже написанъ у гроба его, и нача молити... и простре нога его, и скинувъ древяницу, и отъиде здравъ. Тоя же зимы преставись Епископъ Рязанскій Евфросимъ Звенецъ, и поставленъ бысть въ его мѣсто Давидъ, иже прежде былъ Казначей Іоны Митрополита, Февр. въ 1.»

(387) Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбоевъ и воровства въ Московскомъ Великомъ Княженіи (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 319).

(388) См. сей *Исторіи* Т. II, въ *Поученіи* или въ Духовной Владиміра Мономаха — также въ описаніи временъ Донскаго, г. 1375 — выше, примѣч. 244, въ судной Двинской грамотѣ, и 365. Добродушный Александръ Невскій и Темный рѣзали носы преступникамъ, Василій Димитріевичь отсѣкалъ руки и ноги, Юрій Смоленскій изрубилъ на части Княгиню Вяземскую, Опочане сдирали кожу съ Литовскихъ плѣнниковъ, и проч. и проч.

(*) Противъ сего года рукою Исторіографа въ собств. его экземплярѣ отмѣчено: „Соф. II, 66. О бунтѣ въ Новѣгородѣ и трусѣ."

(389) См. на примѣръ рѣчь Изяслава II, Т. II, въ описаніи 1152 года, и рѣчь Донскаго передъ битвою съ Мамаемъ.

(390) Вѣчевый колоколъ еще былъ въ Владимірѣ и при Іоаннѣ Калитѣ (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 302, выше, примѣч. 91, и въ описаніи временъ Донскаго, годъ 1375).

(391) Владиміръ Святый въ 993 году сдѣлалъ одного храбраго юношу и отца его Великими Мужами или Боярами. Въ *Русской Правдѣ* Бояринъ называется *Мужъ Княжь*. Владиміръ Мстиславичь сказалъ, что онъ переименуетъ своихъ Отроковъ въ Бояре (см. Т. II, въ описаніи 1167 года). — О городскихъ Боярахъ см. въ описаніи войска собраннаго Димитріемъ противъ Мамая въ 1380 году. Убійца Св. Бориса и Глѣба, Святополкъ, пріѣхавъ въ Вышегородъ, призвалъ къ себѣ тамошнихъ Бояръ или *Боярцевъ* (см. Т. II, примѣч. 3): симъ уменьшительнымъ именемъ названы они въ отношеніи къ Княжескимъ Боярамъ.

(392) См. договоры Княжескіе въ *Собр. Госуд. Грам.* и сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 324.

(393) См. Т. IV, примѣч. 38.

(394) См. Т. IV, въ описаніи 1318 года. Бояраи гнали Михаила Тверскаго, но уже доброхотствовали Василію Темному (см. выше, въ описаніи 1431 года).

(395) См. Т. IV, примѣч. 327, и выше, примѣч. 364.

(396) См. Т. IV, примѣч. 245.

(397) См. Т. IV, въ описаніи 1352 года. — Митрополитъ Платонъ нашелъ въ архивѣ Чудова монастыря собственноручную записку Св. Алексія Митрополита слѣдующаго содержанія: «Черкизово сельцо куплено на мое *серебрецо*.» — См. выше, примѣч. 254, подъ годами 1391 и 1400; и Т. IV, примѣч. 328.

(398) Такъ Димитрій Іоанновичь изгналъ Кипріана, а Василій Темный Исидора. Мы видѣли, что Митрополитъ въ угодность Іоанну Калитѣ наложилъ клятву на Псковитянъ, и проч.

(399) См. *Степен. Кн.* II, 84, гдѣ сказано, что Митрополитъ вмѣстѣ съ Новогородскимъ Архіепископомъ Іоною, склонивъ Василія на милость къ Новогородцамъ, предсказали ему, что Великіе Князья уже не будутъ ходить въ Орду для поклоненія Царямъ.

(400) Вотъ слова Рубруквиса по Французскому переводу: Les femmes Russiennes ornent leurs tetes, ainsi que les notres, et bordent leurs robes depuis le bas jusques aux genoux de bandes de vair et d'hermines; les hommes portent des manteaux comme les Allemands.

(401) На примѣръ, конь назывался у насъ *лошадью* гораздо прежде завоеваній Батыевыхъ (см. Т. II, примѣч. 198). Мономахъ въ своемъ Поученіи именуетъ хозяина *умникомъ;* въ лѣтописяхъ XII вѣка находимъ *сайгатъ* и другія слова восточныя. Татарскія слова *Киличей, Дорогаминъ*, и проч. исчезли; но остались *тамга, ямъ, карій, деньга*, и проч.

(402) См. выше, примѣч. 244. Въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 402: «тѣ суды судятъ наши Намѣстники; а которыя слуги потягли къ Дворьскому, а черныя люди къ Сотскому,» и проч. Тамъ же, стр. 189: «А намъ Княземъ Великимъ въ судъ въ обчей не вступатись:» слѣдственно Князья обязывались исполнять приговоры общаго Боярскаго суда.

Между рукописями ИМПЕРАТОРСКОЙ Библіотеки есть слѣдующая судебная грамота XV вѣка, *или запись, что тянетъ душегубствомъ къ Москвѣ:* «А на Москвѣ на посадѣ лучится душегубство за рѣкою за Москвою, ино къ тому и Даниловское;

а будетъ за Яузою, ино къ тому и Андроньевъ монастырь и Городище; а лучится на Великой улици у Николы у Мокрово, ино къ тому отъ Острого Конца и до Варьской (Ва́рварской) улици; а лучится за Варьскою, ино къ тому и Устрѣтенская улица и по Неглимну; а лучится за Неглимною, ино къ тому и Дорогомилово, все Занеглименье и Семьчинское... Ити искати передъ Большего Намѣстника Московьского; а судья за нимъ идетъ, своего прибытка смотритъ. А поимаютъ съ поличнымъ, ино судьи за нимъ нѣтъ; ино судитъ и казнитъ Большей Намѣстникъ. А посулятъ Большему Намѣстнику, а двѣмя Третникомъ то же.» (Большимъ назывался Великаго Князя Намѣстникъ, а двумя Третниками Намѣстники его братьевъ, которые вмѣстѣ съ ними вѣдали Москву)... «А Тивуну Вел. Князя у поля *вяжщого* (за связаніе) треть, и пересуда треть же, да что посулятъ; а у душегубства треть же, да что посулятъ. А поголовщины Намѣстникомъ 4 рубли, а Тивуну Вел. Князя вяжщого треть; и пересуда треть. А у Намѣстниковъ Третниковъ пересуда идетъ съ рубля по десяти денегъ; а меньше рубля пересуда нѣтъ. А кто учнетъ бесчестья искать, то со всякого пересудъ... Поимаютъ опроче того въ *пеномъ*» (отъ слова *пеня*) «дѣлѣ въ какомъ ни есть, срокъ ему дать, судью за собою поставить: занеже въ доканчаньи писано по крестному цѣлованью въ Московскіе суды не вступатись ни которому Князю. По старинѣ бывало, что вси дворы и дворцовыи Великіе Кнегини и Удѣльныхъ Князей всихъ суживалъ Намѣстникъ Большей, а судьи за ними не бывало; а учинила то Кнегини Великая Софья» (мать Темнаго) «что судья за ними ставится... А что деревни въ Московскомъ въ Становомъ (вѣдомствѣ) Удѣльныхъ Князей, и Волостели ихъ судятъ, а доложатъ своего Князя, аже будетъ на Москвѣ; а не будетъ, и имъ доложить Великаго Князя или Большаго Намѣстника; а по инымъ городомъ не водить къ докладу. А поимаютъ Тферитина съ поличнымъ на Москвѣ, а отсылки и судьи за нимъ нѣтъ, а судятъ и казнятъ его на Москвѣ; а поимаютъ въ пеномъ дѣлѣ, ино на Москвѣ; а поимаютъ въ пеномъ дѣлѣ, ино его дать на поруцѣ, а искать на немъ во Тфери.»

(403) См. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. Библіот. No 164. л. 438. Фотій пишетъ: «Который человѣкъ позовется на *поле*, да придетъ къ которому Попу причаститися, ино ему Св. причастія нѣтъ, ни цѣлованія крестнаго; а который Попъ дастъ ему Св. причастіе, тотъ Поповства лишенъ. А кто утепетъ лѣзти на поле, погубитъ душю, по Великого Василья слову, и душегубець именуется, въ церковь не входить, ни доры не пріемлетъ, ни Богородицына хлѣба, причащенія же Св. не пріемлетъ 18 лѣтъ; а убитого не хоронити; а который Попъ того похоронитъ, тотъ Поповства лишенъ.»

(404) Сію грамоту нашелъ я въ Синодальной лѣтописи подъ No 348 на первомъ листѣ. Вотъ она: «Судить Владычню Намѣстнику, аже Попъ, или Дьяконъ, или противу Черница, или Чернецъ; а будетъ оба непростыи люди, церковныи, ино не судити Князю, ни Посаднику, ни судьямъ не судить: занеже тотъ судъ Владычня Намѣстника. А будетъ одинъ человѣкъ простый истець міряниңъ, а не церковный человѣкъ съ церковнымъ, то судитъ Князю и Посаднику съ Владычнимъ Намѣстникомъ вънчи, такоже и судьямъ. Которой человѣкъ имется за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ млъвитъ, то у мене свое рощеное: ино правда дати, какъ что ся рощеное. Кто предъ господою ударитъ на судѣ своего истьца, ино его въ рубли выдати тому человѣку, а Князю продажа: боранъ присужати 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю, а судьи 3 деньги и старая правда; за гусакъ и за гусыню присужати по двѣ деньги государю, а судьи 3 деньги; за утицу и за селезеня, и за курицу и за кочетъ, присужати по двѣ деньги... Кто съ кимъ напьяни помѣнится чимъ, или что купить, а потомъ проспятся, и одному истцу нелюбо будетъ, ино имъ размѣнитися, а въ томъ цѣлованія нѣтъ, не присужать. Княжимъ людемъ корчмы по дворамъ не държать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корсцъ, ни бочкою меду не продавати. Кто зажоги на комъ учнетъ сочить, ино на вольную роту възвать вольно. Кто у кого бороду вырветь, а послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати, и битися на полѣ; а послухъ изможетъ, ино за бороду присужати два рубля и за бой, а послуху быти одному. Кто корову купитъ за слюблено, а по торговли телятъ не сочить, а толко корова кровію помачиваться иметь: ино тая корова назадъ воротити, чтобы и денги заплачены были. Жонки съ жонкою присужати поле, а наймиту отъ жонки не быти ни съ одну сторону. Кто учнетъ на комъ сочить бою 5 человѣкъ или 10, или сколько ни будетъ, на 5 боевъ или на одномъ, да утяжутъ: ино имъ присужати всимъ, за вси боеви, единъ рубль, и Княжая продажа одна.»

Судная грамота Новогородская находится въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ и писана въ 1471 году. Сообщаемъ оную здѣсь:

Господы Великихъ Князей, В. К. Ивана Васильевича всея Руси, и сына его, В. К. Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенью нареченнаго на Архіепископство В. Новагорода и Пскова Священноинока Ѳеофила, се покончаша Посадники Новгородскіе, и Тысяцкіе Новгородскіе, и Бояре, и Житьи люди, и купци, и черные люди вся пять Концовь, весь Государь Великій Новгородъ на Вѣчѣ на Ярославлѣ Дворѣ, нареченному на Архіепископство В. Новагорода и Пскова Священному Иноку Ѳеофилу судити судъ твой, судъ Святительскій по Святыхъ Отецъ правилу, по Номоканону; а судить ему всѣхъ ровно, какъ Боярина, такъ и Житьего, такъ и молодчего человѣка. А Посаднику судити судъ свой съ Намѣстники Великого Князя по старинѣ; а безъ Намѣстниковъ Посаднику суда не кончати. А Намѣстникомъ Великого Князя и Тіуномъ пересудъ свой вѣдати по старинѣ. А Тысецкому судить свой судъ, а судить имъ право по крестному цѣлованью. А сажати въ суду по два человѣка. А кто кого въ суду посадитъ, ино тотъ съ тѣмъ и вѣдается. А Посадника и Тысецкого и Владычня Намѣстника и ихъ судей съ суда не збивати. А истцю на истца наводки не наводить, ни на Посадника, ни на Тысецкого, ни на Владычня Намѣстника, ни на иныхъ судей, ни на докладщиковъ. А кто наведетъ наводку на Посадника, или на Тысецкого, или на Владычня Намѣстника, или на иныхъ судей, или на докладщиковъ, или истець на истца у суда, или у доклада, или у *поля*, ино взять Великимъ Княземъ и В. Новугороду на виноватомъ: на Бояринѣ 50 рублевь, а на Житьемъ дватцать рублевь, а на молодшемъ 10 руб. за наводку; а истцу убытки подоймётъ. А кому будетъ о землѣ дѣло, о селѣ, или о дву, или больши, или менши: ино ему до суда на землю не наѣжжать, ни людей своихъ не насылать, а о землѣ позвати къ суду. А утяжетъ въ землѣ, ино взяти ему грамота у судьи въ землѣ и въ убыткѣ на истцѣ; а отъ земли судьѣ кунъ не взять. А отъ судного рубля взять Владыкѣ, и его Намѣстнику, и Ключнику отъ печати гривна; а отъ безсуднаго рубля отъ грамоты взять Владыкѣ и его Намѣстнику и Ключнику три денги.

А Посаднику и Тысецкому, и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ имати отъ суднаго рубля по семи денегъ, а отъ безъсуднаго рубля по три денги. А орудье судить Посаднику и Тысецкому, и Владычню Посаднику, и ихъ судьямъ, и инымъ судьямъ мѣсяцъ: а далѣ того имъ орудья не волочить. А кто на комъ поищетъ наѣзда, или грабежа въ земномъ дѣлѣ: ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ; а о земли послѣ судъ. А кого утяжутъ въ наѣздѣ и въ грабежѣ, ино взять Великимъ Княземъ и В. Новугороду на виноватомъ: на Бояринѣ 50 рублевъ, а на Житьемъ 20 рублевъ, а на молодчемъ 10 рублевъ; а истцю убытки подойметь. А о землѣ судъ, а не будетъ суда въ Новѣгородѣ, а о наѣздѣ и грабежѣ судъ. А кой истецъ похочетъ искать наѣзда, или грабежа и земли вдругъ: ино другому истцю ему отвѣчать. А утяжетъ въ землѣ, и въ наѣздѣ и въ грабежи, и судьѣ дать на него грамота въ землѣ и въ наѣздѣ и въ грабежи. А кто кого утяжетъ въ землѣ и судную грамоту возметь, ино ему ѣхать на свою землю по судной грамотѣ, да и володѣть ему тою землею; а въ томъ пени нѣтъ. А въ которомъ дѣлѣ позоветъ истецъ истца, и поищетъ своего дѣла, а будетъ тому истцю до своего истца дѣло: ино ему позвать своего истца, а поискать ему одиного иъ дѣла; а иныхъ позвовъ на него не класти въ иномъ дѣлѣ, ни Новогородцовъ не научивати безъ хитрости по крестному цѣлованью, доколѣ тѣ суды кончаютъ. А кто на комъ какова дѣла поищетъ, а креста не цѣлававъ на сей грамотѣ: ино крестъ поцѣлововъ одинова, да искать; а кому будетъ отвѣчивать, а креста не цѣлававъ на сей грамотѣ, ино ему крестъ поцѣлововъ да отвѣчать; а не поцѣлововъ креста, тымъ его и обинить. А отъ коего истца отвѣтчикъ станетъ на судъ, а истецъ тотъ будетъ креста не цѣлававъ на сей грамотѣ: ино тому истцю крестъ цѣловать одинова, а отвѣтчику въ его мѣсто отвѣчивать; а не поцѣлуетъ креста, ино тѣмъ его и обинить. А кому будетъ какое дѣло до Старѣйшей жены, или до Житьей кой вдовы, а у коей есть сынъ, ино сыну ее цѣловать крестъ на сей грамотѣ за собя и за матерь одпова; а не поцѣлуетъ сынъ креста за матерь, ино цѣловать крестъ матери однова у собя въ дому передъ истцомъ и передъ приставы Новгородскими, а цѣловать Бояриву и Житьему, и купцю, какъ за свою землю, такъ и за женнию. А позовутъ Бояриша и Житьего и купца въ его землѣ, или въ женинѣ, ино ему отвѣчать, или отвѣтчика послать въ свое мѣсто и въ женнино, по тому крестному цѣлованью; а отвѣтчику съ послухомъ на учанѣ крестъ цѣловать. А при которыхъ докладчикѣхъ судъ роскажетъ, ино тѣмъ докладчикомъ тотъ судъ кончать; а судьямъ какъ роскащики укажутъ, *ино коему ни есть* судьѣ велѣти своему Дьяку тое дѣло записать; а роскащикомъ къ тѣмъ спискомъ свои печати приложить. А послуху на послуха не быть. А Псковитину не послуховать, ни одерноватому холопу. А холопъ на холопа послухъ. А кто съ кѣмъ пошлется на послуха, ино взять закладъ шестнику на сто верстъ по старинѣ, а Подвойскимъ и Софьяномъ, и Биричемъ, и изветникомъ на сто верстъ четыре гривны. А кой истецъ скажетъ послуха далѣ ста верстъ, а похочетъ и другой истецъ слаться на того послуха: ино слаться на него; а не всхочетъ другой истецъ слаться далѣ ста верстъ, ино поставить ему своего послуха у суда: а срокъ ему взять на послуха на сто верстъ по три недѣли; а закладъ дать виноватому истцю на сто верстъ шестнику. А кто съ кѣмъ ростяжется о землѣ, а почнетъ просить сроку на управы, или на шабры: ино ему дать одинъ срокъ на сто верстъ три недѣли; а далѣ и ближе, а то по числу; а ему сказать шабра своего на имя, за кѣмъ управы лежать по крестному цѣлованью; да и по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ; а Посаднику приложить къ срочной грамотѣ свою печать, а иному сроку не быть; а отъ сроку взять гривна. Также и инымъ судьямъ давать срокъ потомужъ. А кой истецъ не возметъ срочной за печатью, ино тѣмъ его и обинить тому судьѣ, передъ кимъ судъ былъ; а сроку не ждать, а о иныхъ дѣлѣхъ срокъ по старинѣ. А въ Тіунѣ одринѣ быти по приставу съ сторону, *людемъ добрымъ, да судити имъ въ* правду, крестъ поцѣлававъ на сей на крестной грамотѣ. А докладу быти во Владычнѣ комнатѣ а у докладу быть изъ Конца по Боярину да по Житьему, кимъ людямъ въ судѣ сидѣти, да и приставомъ; а иному никомуже у доклада не быть. А докладчикомъ садиться на недѣлю по трижды: въ Понедѣльникъ, въ Среду и Пятокъ. А кой докладчикъ не сядетъ на тотъ день, ино взять на Бояринѣ два рубли, а на Житьемъ рубль. А докладчикомъ отъ доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростію по крестному цѣлованью. А кому сѣсти на докладѣ, ино ему крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ однова. А Посаднику и Тысяцкому, и Владычню Намѣстнику, и ихъ *судьямъ*, и инымъ судьямъ всимъ крестъ цѣловать, да судить имъ въ правду. А земное орудье судити два мѣсяца; а больши дву мѣсяцъ не волочити. А какъ межникъ пріѣдетъ съ межи, ино той судъ кончати въ другіе два мѣсяца томужъ Посаднику, а далѣ не волочить. А кой Посадникъ межника давъ, а поѣдетъ прочь изъ города не кончавъ того суда, ино Великимъ Княземъ и В. Новугороду на томъ Посадникѣ 50 рублевъ, а истцю убытки подойметь; или Тысетской поѣдеть прочь изъ города не кончавъ суда, или Владычень Намѣстникъ, ино взять Великимъ Княземъ и В. Новугороду 50 рублевъ; а истцю убытки подойметь. А не кончаетъ судья земного орудья въ два мѣсяца, ино истцю взять на него приставы у В. Новагорода, ино ему тотъ судъ кончати передъ тыми приставы; а не укажутъ судъ и докладчики въ тую два мѣсяца, ино ити судьѣ съ истцомъ къ В. Новугороду, да взяти приставы на докладчиковъ: а докладчикомъ указати судъ, и тое дѣло передъ тыми приставы; а судьѣ кончати истцю тое дѣло передъ тѣмижь приставы. А будели истци у коего судьи возмутъ срокъ и срочные за печатьми, а той судья перемѣнится, а кто будетъ судья на его мѣсто, ино тымъ истцомъ стать передъ тыми судьями, да и срочные свои положити на той срокъ: а тому судьѣ судити той судъ, да и кончати. А одинъ истецъ станетъ на тотъ срокъ передъ судьею, да и срочную свою грамоту положитъ, а другой не станетъ, ино тому судьѣ дати на него грамота; да и срочная грамота къ той же ему грамотѣ припечатать, а отсылки ему не отсылати. А во чье будетъ мѣсто отвѣтчикъ срокъ взялъ, а до тово сроку сведется отвѣтчику смерть: ино на той срокъ стать самому истцю, или иного отвѣтчика поставить въ свое мѣсто; а не станетъ самъ, или иного отвѣтчика не поставить, ино тымъ его и обинить. А кто кого утяжетъ въ татьбѣ съ поличнымъ, или въ разбоѣ, или въ грабежи, или въ поголовщинѣ, или въ холопствѣ, или о полевой грамотѣ: ино взять судьямъ отъ судной грамоты 4 гривны, а отъ безсудной 2 гривны. А кто на кого возметъ грамоту судную, а будетъ ему дѣло до судьи, или до истца: ино ему переговариваться съ ними мѣсяцъ; а не почнетъ переговариваться въ тотъ мѣсяць, ино взять на него приставы съ Вѣча, да имать его въ городѣ и въ селѣ съ тыми приставы; а почнетъ хорониться отъ при-

ставонъ, ино его казнить всѣмъ Великимъ Новымгородомъ. А кого опослушествуетъ послухъ, ино съ нимъ увѣдается въ двѣ недѣли; а въ тѣ двѣ недѣли не дастся послухъ позвати, ино позвати истца; а послухъ истьцъ хоронитъся, ино то послушство не въ послушство; а другого истца тымъ и оправить. А кто не почнетъ позывать въ тѣ двѣ недѣли послуха, или истца, ино дать на него грамота судная по тому послушству. А кому будетъ дѣло до Владычня человѣка, или до Боярского, или до Житейского, или до купецкого, или до монастырского, или до Кончанского, или до улицкого, въ волости о татьбѣ, и о розбоѣ, и о грабежи, и о пожозѣ, и о головщинѣ, и о холопствѣ, а кто будетъ крестъ цѣловалъ на сей грамотѣ, ино ему речи правое слово, а рука дать по крестному цѣлованью, что той человѣкъ тать и разбойникъ, или грабежщикъ, или пожегщикъ, или душегубецъ, или холопъ. Ино въ коей волости будетъ отъ Владыки волостель, или посельникъ, ино имъ поставить того человѣка у суда; а Бояриму и Житьему, и купцу, и монастырскому закащику, и посельнику, и Кончанскому, и улицкому также своихъ людей ставить у суда, а срокъ взять на сто верстъ три недѣли, а ближе и далѣ по числу, а до суда надъ нимъ силы не дѣять; а кто силу досиѣетъ, ино тымъ его и обвинить. А кого утяжутъ, а далъ ся въ грамоту, ино ему у того осподаря въ волости не жить; а иметь жить у того осподаря въ волости, а доличать, ино той государь тѣ убытки подоймегъ. А пойдетъ жить въ иную во чью волость, ино тому государю выдать его тому истцю; а въ иную ему волость не отсылати по крестному цѣлованью, ни его людемъ; а о иныхъ дѣлѣхъ, ино знать истцу истца: и коли не скажетъ кто того человѣка у собя по крестному цѣлованью, да и руку дасть, что тамъ ему не быти, а уличатъ, что у него въ волости, ино той государь ему истцу убытки подоймегъ. А къ коему государю въ иную волость прибѣжитъ, и ему государю поставить его у суда по крестному цѣлованью: а кто не поставитъ, ино взять на томъ закладъ по Новгородской грамотѣ. А кто на кого заповоритъ на Владычня человѣка, или на Боярского, или на Житьего, или на купецкого, или на монастырского, или на Кончанскаго, или на улицкого, а будетъ самъ креста не цѣловалъ на сей грамотѣ, и онъ самъ увѣдается съ своимъ истцомъ по своей исправѣ опрочь осподаря. А кто обѣчается къ суду къ коему дни, ино опослѣ обѣта отсылка къ нему не слать; а не сядетъ судья того дни, ино коли судья сядетъ, и тогда къ нему отсылка; а не видитъ отсылки, и почнетъ хоронится, ино слать къ нему отсылка въ дворъ трижды, да и Биричемъ кликать; а не станетъ къ суду, ино дать на него грамота обѣтная: а обѣту больше трехъ денегъ не быти. А примутъ позовника въ селѣ, а почнутъ надъ нимъ силу дѣять, ино дать въ позовниково мѣсто грамота безсудная, племяннику его или другу. А кто кого позоветъ въ селѣ позовкою, или Дворяниномъ, ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли, а далѣ и ближе, а то по числу. Отъ Конца или отъ улицы, и отъ Ста, и отъ Раду итти ятцамъ двѣма человѣкомъ; а инымъ на пособіе не итти къ суду, ни къ росводу. А будетъ наводка отъ Конца, или отъ улицы, или ото Ста, или отъ Ряду: ино Великимъ Княземъ и Вел. Новугороду на тыхъ двухъ человѣкъ по Новогородской грамотѣ...»

(405) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 328.

(406) Король Французскій, Карлъ VII, первый въ Европѣ учредилъ всегдашнее, нераспускное войско въ 1445 году: оно состояло изъ 9000 всадниковъ и 16,000 пѣшихъ.

(407) См. выше, примѣч. 47 и 115, также въ описаніи Митяева путешествія въ Грецію. О Городскихъ Боярахъ, см. выше, въ примѣч. 391.

(408) На примѣръ, Василій Темный въ 1433 году вооружилъ Московскихъ купцевъ для битвы съ дядею.

(409) См. выше, примѣч. 81, описаніе Куликовской битвы, похода Димитріева противъ Ольгерда въ 1372 году и Василія Темнаго противъ Шемяки въ 1450.

(410) Димитрій Волынскій или Волынецъ находился въ засадѣ съ Владиміромъ *Храбрымъ* и рѣшилъ судьбу Куликовской битвы. Василій Оболенскій разбилъ Шемяку подъ Галичемъ въ 1450 году. Басенокъ отличился въ разныхъ случаяхъ.

(411) См. Окольскаго Orb. Polon. III, 318. Они ходили тогда подъ начальствомъ Предслава Ланцкоронскаго къ Турецкому Бѣлогороду или Акерману въ числѣ 1200 человѣкъ.

(412) См. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 218 и 347.

(413) Т. I, примѣч. 388.

(414) См. *Лѣтопись Малорос.*, Piasecii Chronicon, Hist. Belli Cosacco-Polonici, authore Samuele Grondsky, и Миллер. Ursprung der Kosaken, въ Samml. Russ. Gesch. T. IV.

(415) Болтинъ пишетъ, что Хинскіе Баскаки имѣли при себѣ воиновъ, называемыхъ *Козаками*, и что города наши, подражая имъ, завели своихъ *Козаковъ:* въ лѣтописяхъ нѣтъ того.

(416) Сіе слово въ Турецкомъ языкѣ есть новое и произошло отъ разбоевъ Козацкихъ. — Нѣкоторые иностранные Писатели производятъ названіе Козакъ отъ *косы, козы, козявки, Козаровъ, Кипчака*, и проч. У насъ есть рукописное сочиненіе *о Козакахъ Запорожскихъ*, гдѣ сказано, что они уже существовали въ 948 году; что какой-то Семенъ вышелъ изъ Польши къ устью Буга, основалъ свое жилище на одной косѣ, донынѣ именуемой *Семеновымъ рогомъ*, и призвалъ туда болѣе ста человѣкъ; что они, сшивъ себѣ одежду изъ *козьихъ* шкуръ, назвались *Козарами*, служили Греческому Императору противъ Турковъ, въ награду за мужество получили отъ него имя *Козаковъ* и перешли жить на берегъ Днѣпра къ Очакову, снискавъ особенную милость Государей Польскихъ. Сія басня изобрѣтена однимъ изъ ученыхъ Запорожцевъ. — Донынѣ *Козаками* именуютъ у насъ *вольныхъ* работниковъ или наемниковъ.

(417) См. Т. II, примѣч. 419, и выше, примѣч. 32. Италіанскій купецъ, I. Барбаро, отъ 1436 до 1452 года жилъ въ Азовѣ и проѣзжалъ чрезъ Россію: путешествіе его, Viaggio di Messer Iosafa Barbaro alla Tana, напечатано въ собраніи историческихъ твореній, изданныхъ Рамузіемъ. Въ двухъ послѣднихъ главахъ пишетъ онъ о Россіи, но сказываетъ мало любопытнаго: всѣ мѣста отъ Москвы до границы Литовской казались ему печальною степью, гдѣ видны были развалины селеній и нѣсколько хижинъ.

(418) См. въ Т. II, *Поученіе или Духовную Мономаха*, гдѣ онъ разсказываетъ дѣтямъ о своей ловлѣ. См. также въ концѣ описанія временъ Донскаго Путешествіе Митрополита Пимена въ Царьградъ. Ханы посылали къ намъ ловить лебедей (см. Т. IV, примѣч. 167). Въ *Уложеніи* Царя Алексія Михайловича еще говорится о бобровыхъ ловахъ близъ Москвы.

(419) Въ Бержерон. Voyages, стр. 162: Les Ruchéniens occupent une très grande province, qui s'etend presque jusqu'au pole arctique. Ils sont Chrêtiens, selon les rites des Grecs; ils sont blancs et beaux, tant les hommes que les femmes; ils ont les cheveux plats. Ils paient tribut au Roi des Tartares, aux quels ils sont voisins du coté de l'Orient.

Il y a aussi chez eux une grande quantité de pelleteries precieuses, et ils ont beaucoup de mines d'argent; mais le pays est très froid: parcequ'il s'etend du coté de la mer glaciale. Il y a cependant quelques îles dans cette mer, ou l'on trouve des Griffons, des hérodiens, et des faucons en abondance, et que l'on transporte en differentes parties du monde. См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88, Сарторія Gesch. des Hanseat. Bundes, Ч. I, стр. 189 — 198, и Ч. II, стр. 428 — 474.

(420) Т. IV, примѣч. 223, и выше, примѣч. 260. Новогородцы въ 1316 году обязывались заплатить Михаилу Тверскому, по сказанію Лѣтописца, 50,000 гривенъ или 25,000 фунтовъ серебра; но въ грамотѣ означено только 12,000 гривенъ. Въ договорахъ и въ завѣщаніяхъ Княжескихъ часто опредѣляется соразмѣрность между общею и частною Ханскою данію, платимою Великимъ Княженіемъ; на примѣръ, Князь Юрій Димитріевичь пишетъ въ завѣщаніи: «Звенигороду (платить) въ *семитысячной* выходъ *пять сотъ рублевъ и одиннадцать рублевъ, а* Галичу *пять сотъ рублевъ* и *пол тритцать рублевъ:*» изъ чего Штриттеръ заключилъ, что Великіе Князья платили Ханамъ ежегодно 7000 рублей; но вѣроятнѣе, что сіе количество серебра было только *частію* ежегодной дани, опредѣленною для срочнаго взноса въ Ханскую казну; можетъ быть, взносили серебро потретямъ; можетъ быть также, что дань расчисляли по городамъ, и что одна Москва платила 7000 рублей. — О деревняхъ см. выше, примѣч. 103. Если на деревню полагать кругомъ четыре земледѣльца, то въ семъ году 7000 рублей собиралось съ пятидесяти-шести тысячь земледѣльцевъ (надобно вспомнить, что тогдашній рубль содержалъ въ себѣ пять нынѣшнихъ серебряныхъ).

(421) Слово *деньги* въ смыслѣ пѣнязей употребляется у насъ съ XV вѣка. На примѣръ, въ Новогородской грамотѣ 1471 года (которую сообщимъ въ слѣдующемъ томѣ) сказано: «а дати намъ то серебро Великимъ Княземъ *деньгами* въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ.» См. выше, примѣч. 241.

(422) Въ *Древн. Рос. Вивліоѳ.* I, 363: «а гостемъ торговати добровольно безъ *зацѣпокъ* и безъ пакости.» Прежде обыкновенно писали: «безъ *рубежа* и безъ пакости.» — При Димитріи Донскомъ уже существовали Галицкія соляныя варницы (см. выше, примѣч. 122). Двиняне вмѣсто денежныхъ пошлинъ давали соль (см. выше, примѣч. 244). Жители Торжка платили Василію Темному съ кожевенныхъ чановъ (см. выше, примѣч. 283). — О Псковскихъ варницахъ см. выше, примѣч. 137, г. 1364, и примѣч. 222.

(423) См. Т. IV, примѣч. 373. Въ *Словарѣ Академическомъ* несправедливо *хартія* названа *бумагою*. Греки называли Египетскій *папиръ* Χάρτον, а Римляне charta; но древній *папиръ* не бумага; у насъ же подъ именемъ *хартіи* всегда разумѣлся пергаментъ (Χάρτον Περγάμου): отъ того названіе *харатейный*, или на *пергаменѣ писанный*. Мы имѣемъ еще нѣсколько харатейныхъ рукописей пятаго-надесять вѣка, но весьма мало. См. выше, примѣч. 136 и 376, также въ описаніи 1451 года.

(424) Послѣ *Спаса на бору* въ Кремлѣ, древнѣйшія церкви сего времени находятся въ Троицкой Лаврѣ, въ Симоновѣ монастырѣ, и проч. — Въ описаніи Московскаго пожара въ 1445 году упоминается только о каменныхъ церквахъ и стѣнахъ. О палатахъ Архіепископа и Митрополита см. выше, примѣч. 386, г. 1433, 1434, 1436 и 1449. Далѣе см. духовныя завѣщанія Великихъ Князей въ *Собр. Госуд. Грам.*

(425) Ученымъ извѣстенъ любопытный каталогъ сей Библіотеки, сочиненный Г. Матеемъ.

(426) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 346, гдѣ приведенъ стихъ Гомеровъ о *лести*. Въ похвалѣ Донскому Сочинитель говоритъ: «инови бо Философи быша въ міру, но двѣма главѣ быша Философомъ, *Платонъ* и *Пиѳагоръ*.»

(427) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 272. Житіе Александра Великаго вписано въ Синодальную Псковскую лѣтопись No 349, подъ слѣдующимъ оглавленіемъ: *Повѣсть о храбрости Александра, Царя Македонскаго, къ воинствомъ устремляющимся полезно есть слышати. Створивый есть Аріанъ, ученикъ Епиктита Философа. Господи благослови, отче!* Древность слога въ семъ переводѣ указываетъ на XIV или на XIII вѣкъ.

(428) См. выше, примѣч. 65, 76, 79. Первое мѣсто такъ въ подлинникѣ: «Рече же Князь Владиміръ: Господине Княже! Воеводы у насъ вельми крѣпцы, а Рускія удальцы свѣдомы, имѣютъ подъ собою борзыя кони, а доспѣхи вельми тверды, злаченныя колонтари» (латы) «и булатныя *банданы*, и кончаны (кончары, мечи) Фряжскія и *курды* Ляцкія и сулицы Нѣмецкія, а щиты черленыя, и копья злаченыя, сабли булатныя; а дорога имъ вельми свѣдома, а береги имъ по Окѣ изготовлены; хотятъ главы свои сложити,» и проч. Далѣе о плачѣ Евдокіи: «Великая Княгиня и съ своею *снохою*» (которой не было) «и со иными Воеводскими женами взыде на златоверхій свой теремъ въ набережной и сяде подъ южными окны и рече: убо конечное зрѣніе зрю на тя, Великаго Князя... слези бо отъ очію ея ліяхуся аки быстрина рѣчная, и воздохнувъ печально, приложивши руцѣ къ персемъ, и рече: Господи Боже великій! призри на мя смиренную: сподоби мя еще видѣти славнаго въ человѣцѣхъ, В. К. Димитрія Ивановича; даждь ему помощь на противныя отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ. Не сотвори, Господи, якоже прежде на Калкѣ рѣцѣ было Христіаномъ отъ злаго Батыя» (на Калкѣ не было Батыя)... «не даждь погибнути оставшему Христіанству... Отъ тоя бо рати Руская земля уныла... Азъ же имѣю два отрасли, но еще малы суть: егда повѣетъ ихъ вѣтръ съ Юга или съ Запада, не могутъ терпѣти, и ни на чтоже опирався; или зной поразитъ ихъ, тако же имъ погибнути,» и проч.

(429) «Инѣмъ бо человѣкомъ въ начадцѣхъ похваленіе бываетъ, инѣмъ бо во средовѣчіе, другимъ же въ старость: сій же убо весь съ похвалою добродѣтели вся лѣта живота своего сврьши... Богомъ дарованную пріимъ власть, и съ Богомъ веліе царство сътвори... и вскипѣ земля Руская въ дне Княженіа его... Бываетъ же (Димитрій) другомъ стѣна и твердь, противнымъ же мечь и огнь... Князи Рускыя въ области своей крѣпляше, но тихъ въ нарядѣ и Вельможамъ увѣтливъ бываше... Высокый умъ, смиреный смыслъ... Красенъ бѣ взоромъ и чистъ душею... мало глаголаше, а много разумѣваше; предобдаваніемъ словесъ учитель препираше, и Философъ уста смотрѣніемъ заграждаше... Яко отець міру, око слѣпымъ, нога хромымъ, труба спящимъ... Егда же успе вѣчнымъ сномъ великій Царь Димитрій Рускыя земли, аэръ възмутися, земля трясашеся и человѣци смятошася... день той день скорби и туги, день тмы и мрака, день захлипаніа и кричаніа; но токмо слышахъ народъ глаголющь: о *горе намъ, братье! Князь Княземъ успе; звѣзда сіяюща всему міру къ западу грядетъ!...* Обѣма» (Димитрію и супругѣ его) «едина душа бѣ, двѣ тѣлѣ носяще, и единое обѣма добродѣтельное житье, яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица съ умиленіемъ смотряху своего спасенія въ чистѣй совѣсти.» Здѣсь соединилъ я мѣста раз-

сѣянныя въ подлинникѣ. Слѣдуетъ плачь Евдокіи: «Видѣвъ его Княгини (Княгиня) мертва на постели лежаща въсплакася горкымъ гласомъ, огненныя слезы отъ очію испущающе, въ перси своя рукама біющи, яко труба рать повѣдающи, яко ластовица рано шепчющи и арганы сладковѣщающи, и глаголюще: Зайде свѣтъ отъ очію моею! Гдѣ отходиши, скровище живота моего? Почто не промолвиши ко мнѣ, утроба моя, къ женѣ своей? Цвѣте прекрасный! что рано увядаеши? Виноградъ многоплодный! уже не подасть плода сердцу моему и сладости души моей! Чему, господине мой милый, не возриши на мя? Чему не обратишися ко мнѣ на постели своей? Уже ли мя еси забылъ, мене и дѣти свои? Чему имъ отвѣта не даси? Кому ли мене приказываеши?... Царю мой милый! како пріиму тя? како тя обойму? или како ти послужю? Гдѣ, господине, честь и слава твоя? Господинъ всей земли Руской былъ еси: нынѣ мертвъ лежиши, никимъ же владѣеши! Многы страны примирилъ еси: нынѣ же смертью побѣжевъ еси! Измѣнися слава твоя и зракъ лица твоего превратися въ истлѣніе. Животе мой! како намилуюся тебе?... За многоцѣнныя багряница худыя сія и бѣдныя ризы пріемлеши; не моего наряда одѣяніе на себе въздѣваеши, и за Царскый вѣнецъ худымъ симъ платомъ главу покрываеши; за палату красную гробъ сій пріемлеши!... Аще Богъ услышитъ молитву твою, помолися о мнѣ, Княгини твоей: вкупѣ жихъ съ тобою, да вкупѣ нынѣ и умру! Уность не отъиде отъ насъ, а старость не постиже насъ... Не много, господине, нарадовахся съ тобою: за веселіе печаль и слезы пріидоша ми, за утѣху и радость сѣтованіе и скорбь яви ми ся. Почто родихся? и родився преже тебе како не умрохъ, дабыхъ не видѣла смерти твоея и своея погибели? Не слышишь ли бѣдныхъ моихъ словесъ? не сжалятъ ли тя моя горкаа слезы? Крѣпко еси, господине мой драгій, уснулъ; не могу разбудити тебе. Съ которыя войны еси пришелъ? истомился еси велми. Звѣри земніи на ложе свои идуть, а птица небесна ко гнѣздомъ своимъ летять: ты же, господине, отъ своего дому не красно отходиши. Кому уподоблюся? како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю азъ сего. Жена ли ся нареку? остала есмь Царя. Старыя вдовы потѣшайте мене, а младыя вдовы поплачите со мною! вдовья бо бѣда горчае всѣхъ... Великій мой Боже, Царь Царемъ! заступникъ ми буди! Пречистаа Богородице! не остави мене въ время печали моея!»

(430) Новогородцы *протакали* свою вольность.

(431) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 261, и главу *о состояніи древней Россіи*, гдѣ мы говоримъ о Словесности.

(432) Въ сіе время уже начинали писать *полкъ*, а не *плъкъ* — *перстъ*, а не *пръстъ* — *свершн*, а не *съвършн*, и проч.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ V ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VI ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) «Въ лѣто 72 К. Вел. и мати его Марья отпустили К. Рязанскаго И. В. на Рязань на его отчину, и тоя же зимы Генв. пріѣде къ Москвѣ и новятъ за себе сестру Вел. Князя, Анну, и вѣнчася у Преч. Богородицы въ Недѣлю о Блуднѣмъ, и на той же недѣли на память 3 Святителей пойде на свою отчину и съ Княгинею.»

(2) *Собр. Госуд. Грам.* 209.

(3) Тамъ же, 215.

(4) *Архив. Псков. Лѣт.*: «Юрьевцы (въ 1463 г.) посла Псков. Кондрата Сотцкаго и гостя посадиша въ погребъ, а Псковичи Нѣмецк. гостя, а на миру... И Марта въ 21, въ 1 часу дни, пріидоша Нѣмцы къ Новому городку... и начаша шибати пушки, а иная сила жеща Псков. исады; и Князь Иванъ Иванов. Дебрянскихъ Князей прислалъ своего человѣка, что рать Нѣм. подъ городкомъ... а Нѣмцы, услышавше Псков. силу, отбѣгоша... Тогоже м. въ 27 пришедши Нѣмцы, два исада большихъ выжгоша, Островье, да Полешье... и поидоша борзо чрезъ озеро въ свою землю... И Псковичи пойдоша къ Воронью каменю, и Чюдинъ доброхотъ сказа Посадникомъ, что Нѣмцы хотятъ ударить на Колпиное, и Псковичи взвратишася на тую же нощь и узрѣша рано, что Нѣмцы зажгоша церковь Колпинскую, и Посадники ударишася на нихъ на Колпиной рѣцѣ, и Нѣмцы устремишася на бѣгъ Марта въ 31, и биша ихъ на 13 верстъ до Коховѣ рѣцѣ... а иная рать Псковская, нерублевые люди, охвочей человѣкъ, ходиша за Изборскъ въ слободу и воеваша съ Воеводою Ивашкомъ Дьякомъ... Апреля въ 4 пріидоша Изборяны подъ Новой городокъ Нѣм. и волости пожгоша. Апр. въ 10 день пріиде во Псковъ на Княженіе К. Иванъ Александр. Звенигороцкой, и выйдоша противъ его со кресты, и Псковичи посадиша его на Княженіе, на всей Псковской пошлинѣ. Іюля въ 8 день присла В. К. Воеводу своего, К. Ѳедора Юрьевича, съ людьми своими, и быша во Псковѣ съ недѣлю, на подворьи у Св. Спаса въ монастыри на Мирожи и у Св. Николы на Завеличьи... И совокупишася Псковичи съ Воеводою и пойдоша за Великую рѣку къ Новому городку... И выѣхаша 3 Нѣмчина съ вѣстью къ Юрьеву, и наши погнаша за ними, и Москвитинъ удари по главѣ Нѣмчина саблею, и поймаша жива, а 2 убѣжаша и стояша 4 дни, и пустиша болшею пушкою на городокъ, и колода вся изломалася, и желѣза около разорвашася, а пущича вся цѣла, и отыдоша... Посадникъ Дороѳей Олферьевичь съ охвочимъ человѣкомъ пойде въ насадахъ воевать Нѣмецкой земли, а иноземцы биша челомъ, чтобъ приняли въ насады къ собѣ, и пріяша... И много воеваша, и Кжерлу половину выжгоша... И Нѣмцы въ шнекахъ и въ лодьяхъ ударишася на Наровлянъ... И ту поимаша нашихъ 8 человѣкъ, а судью Сидора Оданья мечи изсѣкоша, и Гдовляне прислаша гонца во Псковъ, что Нѣмцы воюютъ, а Нѣмцы прислаша на Псковъ *святымъ словомъ*, чтобъ нашему послу добровольно пріѣхать на говорку, и Псковичи даша ему на томъ руку; и присла Князь Местеръ Иванъ Князча Сивладайскаго и толка своего Индрика и миръ взяша; и о пошлинѣ Великихъ Князей, что въ Юрьевѣ, а то Пискуну давати Вел. Князю по старинѣ; а что Рускій Конецъ и Святыя церкви, а то имъ держать по старымъ грамотамъ... И печати своя привѣсиша Князь Местера и Арцыбискупль на Вѣчѣ... И послаша Іюду суконника и Василья Луковицъ въ Юрьевъ,» и проч. Въ 1464 г. пріѣзжалъ посолъ Дерптскаго Архіепископа во Псковъ для окончанія сего дѣла.

(5) См. Архив. *Псков. Лѣт.* годъ 6972 — 6978: Великій Князь присылалъ для того во Псковъ Боярина Селивана, а Митрополитъ своего чиновника.

(6) *Архив. Лѣт.* г. 1465 и *Степен. Кн.*

(7) Въ предисловіи Новогородск. Архіепископа Геннадія къ *Церковному Кругу* сказано: «Нѣціи мнѣша, яко скончеваемѣ седмой тысущи быти и скончанію міра, якоже и преже скончеваемѣй шестой тысущи сицево же мнѣніе объдержаше люди.» Въ описанномъ нами раздорѣ Духовенства Псковскаго съ Новогородскимъ Владыкою также упоминается о наступающемъ концѣ міра (см. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 6972 — 6978). Я имѣю прекрасный списокъ Геннадіева *Церковнаго Круга*. Въ началѣ сказано: «Писавый же сей *Кругъ* Великаго Новагорода Акаѳоликіа церкве Великіа Св. Софіа Премудрости Божіа Священнаго Собора и Св. Исповѣдникъ и Чюдотворцовъ Гуріа и Самона и Авива грѣшный Попъ Агаѳонище грѣшною рукою по обѣту.., На второмъ пренесеніи многочюдесныхъ мощей Св. Петра Митрополита, *изъ сребреныя раки преложенныхъ во златую раку* въ лѣто 7046, Мая въ 5 день (въ 1538 г.)... Въ то время прилучившу ми ся быти въ богоспасаемѣмъ градѣ Москвѣ велми болну сущу,» и проч.

(8) *Архив. Лѣт.* г. 6975, Ноября 1: «Ставясь озеро Ростовское выло по двѣ недѣли, и ночи людемъ въ городѣ спати не дало, и послѣ протяжно застучитъ, какъ бы въ десетерѣ молотятъ или въ осмерѣ, и за много лѣтъ того не бывало.» Затмѣніе луны было въ 1465, Окт. 5, въ первомъ часу ночи.

(9) Въ 1466 году, Мая 14, и въ 1467, Мая 5, «снѣгъ палъ пяди и лежалъ 2 дни, и того же м. въ 26 день снѣгъ лежалъ день; Авг. въ 18 морозъ былъ и другой того же м. въ 27 и ярь билъ... Мая 5 снѣгъ палъ въ полколѣни и лежалъ 3 дни. Мѣсяца Іюня 2 мразъ былъ.»

(10) См. *Архив. Новогород. Лѣт.* No 1, стр. 116, г. 1467: «*Симеоновской* моръ въ Новѣградѣ. Въ л. 6975 бысть моръ великъ зѣло въ Вел. Новѣградѣ, во Псковѣ, въ Старой Русѣ и во всѣхъ Пятинахъ Новогородскихъ. Преставися въ Вел. Новѣградѣ 48,402 человѣка; еще же и Богъ вѣсть что; а въ монастырехъ Игуменовъ и Монаховъ и въ Дѣвичихъ монастырехъ Игуменій и Монахинь 7652 человѣка; а въ Старой Русѣ Священниковъ 28, а Монаховъ 1300; въ Новѣ же градѣ (въ монастыряхъ) Игуменовъ и Священниковъ 18, а во градѣ Священниковъ 300, Діаконовъ 21; а которые Священники овдовѣли и постриглися 19, а Діаконовъ 6; всего же въ Вел. Новѣградѣ и въ Старой Русѣ и во всѣхъ Пятинахъ Новогородскія области мужеска пола и женска 250,652 человѣка. Бысть же въ Новѣградѣ въ Неревскомъ Концѣ въ Звѣринскомъ Дѣвичемъ монастырѣ близь церквей Покрова Богородицы скудельница веліа. Архіепископъ же Іона бысть въ велицѣй печали, и во ужасѣ слыша гласъ свыше сице: *иди со кресты въ Неревскій Конецъ и престанетъ моръ*. Тогда явися на скудельницѣ образъ Св. Симеона Богопріимца. Архіепископъ же пойде со множествомъ народа въ Звѣринской мон., и падъ на колѣна предъ иконою Св. Симеона, молящеся со слезами... и нача пѣти молебенъ на скудельницѣ, и того дне поставиша церковь деревяну во имя Св. Симеона; людіе же носиша бревна на раманъ изъ лѣса Окт. въ 1 день, и освяти ю самъ Архіепископъ.» Во Псковѣ моръ

начался въ 1465. «Поча мрети изъ Опочскаго Конца отъ Ропатой Лавиды у Ѳедорка у Царьска сына: пріѣхавъ изъ Юрьева, преставись Іюля въ 24... Той же осени бысть моръ великъ во Псковѣ и по всей волости по Семенѣ дни Лѣтопроводца, и бысть самъ напоръ въ Рожественское говѣнье... во всякомъ Концѣ позади скудельницы ископаша и тамо кладоша мертвыя; а мроша сице: аще у кого явится желѣза, то на другій или на третій день умираше... Бысть моръ по два годы съ одного... Того же лѣта (1467) во Псковѣ моръ преста; а былъ той моръ и въ Новѣгородѣ и по всей волости желѣзою» (см. *Архив. Псков. Лѣт*).

(11) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1463: «отъ Сент. до Филипова заговѣйна отъ *коросты* люди многіе мерли... Тое же зимы Генв. 14 (г. 1467) бысть моръ лютъ и множество людей изомре по дорогамъ и на Москвѣ, и по инымъ городомъ и по селомъ.»

(12) См. *Лѣт. Русск.* изданный Львовымъ, Ч. II, г. 1467, стр. 363. Марія, *добрая, смиренная*, умерла Апрѣля 22, въ 5 часу ночи.

(13) *Лѣт. Русск.* издан. Львовымъ, Ч. II, г. 1464. Ѳеодосій оставилъ Митрополію Сент. 13, а Филиппъ былъ поставленъ въ Ноябрѣ. Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* есть грамота Ѳеодосіева къ Новогородцамъ, о томъ, чтобы они не вступались въ Епископскія дѣла и суды (см. Синод. библіот. No 164, л. 40). Тамъ же (л. 126) находится и покаяніе его, писанное имъ еще во время его Архіепископства въ Ростовѣ... «Азъ смиренный Ѳеодосей (говоритъ онъ) по Діаволю искушенію, а по своему скудоумьству, дерзнухъ сотворити новоначальствено въ церкви Божіей, и чрезъ уставленое въ Св. уставѣхъ... якоже нынѣ прилучися седмыя тысяща послѣдняго ста 63 лѣта навечерію Богоявленія Господня быть въ день Недѣльный: азъ же, худый и грѣшный, по уставу о пѣніихъ Литургинных и Вечерныхъ свершивъ, и сѣдохъ за трапезою, и не вѣмъ, какъ по искушенію Діаволю, или по своему грѣху, вмѣни ми ся тако, яко да и самъ ямы сыръ и млеко, и прочимъ Инокомъ повелѣлъ та же ядение ясти, и мірьскимъ человѣкомъ мясо; мнози же прилучишась тогда ту отъ Священниковъ и Иноковъ и отъ мірьскихъ благоразумныхъ, много возбраняху ми таковыхъ не творити; азъ же не послушахъ, и отвѣщахъ имъ токмо единою рѣчью, Недѣльнымъ днемъ. Господинъ же нашъ и Осподарь, Іона Митрополитъ, собравъ Бож. и Свящеп. Сборъ, и Великій Государь земьскій, В. К. Василей Васильевичь, съ своимъ Синклитомъ, да и по меня послали, и возря въ Божественная правила, да мене духовно наказали; азъ же пришедъ въ чювство, каюся,» и проч.

(14) По Родословн. Книгамъ (Синод. Библiот. No 461, л. 176) Мамутекъ оставилъ двухъ сыновей, Халила и Ибрагима: слѣдственно жена Касимова была вдовою Мамутека, Герберштейнъ пишетъ, что Царь Казанскій, *Хелеалекъ*, умеръ бездѣтенъ, и что жена его, Нурсалтанъ, вышла за Ибрагима (R. M. Comment. стр. 67): сей *Хелеалекъ* есть Халилъ, сынъ Мамутековъ, братъ Ибрагимовъ.

(15) Въ *Арханг. Лѣт.* сказано, что Великій Князь еще въ 1463 г. посылалъ Воеводъ своихъ, Бориса Кожунова и Бориса Слѣпаго, съ Устюжанами, Вологжанами и Галичанами на Черемису; что они шли мимо Устюга къ Вяткѣ, Вяткою до Камы и сею рѣкою въ Великую Пермь; что Казанцы съ Черемисою въ томъ же году приходили на Устюжскій уѣздъ, въ верховье Юга, на волость Лоху, и плѣнили многихъ людей; что Устюжане догнали и побили ихъ.

Касима обманули Ибрагимовъ Вельможа, Князь Авдулманъ-Амонъ, и другіе, увѣривъ, что доставятъ ему престолъ. Въ *Арханг. Лѣт.*: «Пришла сила Вел. Князя къ Волзѣ на Звеничѣ бору, и Татарове пришли на нихъ въ судѣхъ, и выѣхали на берегъ, а наши норовятся заскочити ихъ отъ судовъ, и нѣкто Айдаръ, Постельникъ Вел. Князя, Григорьевъ сынъ Карпова, не отпустя Татаръ отъ судовъ, кликну на нихъ: Татарове же вметався въ суды и побѣгоша за Волгу; а судовая сила еще не поспѣла.»

Въ *Продолженіи Нест. Лѣт.* стр. 265: на Вербной недѣли взяша Татарове Казанскіе двѣ волости Костромскихъ, Кусь, и множество полону: Князь же Иванъ Васил. Стрига ходи за ними и до Унжи съ Костромы. Тое же весны тѣ же Татарове имаша около Мурома въ недѣлю Св. Муроносицъ, и отыдоша. Того же лѣта воеваша около Мурома: Князь же Данило Дмитр. Холмскій иде за ними изъ Мурома и постиже, и бивъ ихъ,» и проч.

(16) Онъ выѣхалъ изъ Владиміра въ Москву въ Великую Пятницу.

(17) Въ *Арханг. Лѣт.* говорится о семъ походѣ такъ: «К. В. посылалъ рать на Черемису двою, Ивана Ивановича Глухова, да Ивана Руно, а съ ними Устюжане, да Галичане, и шедше на Каму, да изымали языка; а сказываетъ, что Татарове пошли вверхъ по Камѣ въ Великую Пермь, и Воеводы шедше за ними, да ихъ побили. На томъ бою убитъ Атаманъ Устюжской Сава Осѣевъ.» Въ *Архив. Лѣт.*: «По Велицѣ дни послалъ К. В. Дворъ свой на Каму съ Москвы къ Галичю Руна съ Казаки, а изъ Галича Семеновыхъ дѣтей Филимонова Глѣба, Ивана Шуста, Василья Губу, и пойдоша къ Вологдѣ, а съ Вологды въ судѣхъ съ Вологжаны къ Устюгу на Николинъ день, и съ Устюга пойде К. Иванъ Звенецъ, а Иванъ Игнатьевичь Глухой съ Кичменжаны... и Вятчане пойдоша съ ними, и бысть Вятчанамъ вѣсть, что идутъ на нихъ Казанцы, и возвратишася... И въ то время Татарове Казанскіе 200 ч. пошли восвати, и пометавше (на Волож...) коней у Черемисы, пойдоша въ судѣхъ по Камѣ... и Воеводы избраша отъ своихъ людей седмь насадовъ и отпустиша съ ними Воеводу Руна... Татарове же выскакаша на берегъ, и забѣгоша за рѣчку... и ту ихъ избиша, и Воеводу ихъ Тулазея изымаша, Князева сына Тарханова, да другова Бердешкина... а Руси убили 2 человѣка, да 60 ранили.»

(18) Тутъ убили еще богатыря Колупая. Сраженіе было за 40 верстъ отъ Казани, на Звеничѣ бору.

(19) Не возмогоша противитися.» Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* стр. 266: «Вятчане же обѣщашася имъ дань давати гобины дѣля: отняша бо у нихъ гобину. Потомъ же не даша имъ. Татарове же идоша прочь; не сотвориша зла никоего же.»

(20) «Съ Москвы послалъ Сурожанъ и суконниковъ и купчихъ людей... и тѣ пойдоша Москвою рѣкою, а иные Клязмою; а Коломничи Окою, и Муромцы такожь; а Володимерцы и Суздальцы Клязмою; а Дмитровци, Можаичи, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и вся Поволжане Волгою.»

(21) Того же дни отплывше 60 верстъ ночевали; а наутріе обѣдали на Розвѣжи, а ночевали на Чебоксарѣ, а отъ Чебоксара шли день и ночь всю и пришли под Казань на раннѣй зорѣ.»

(22) См. *Арханг. Лѣт.* стр. 144.

(23) «Коломнятинъ.»

(24) «Срокъ имъ учинилъ пол-четыре недѣли... Костянтинъ же стоялъ еще пол-четыре недѣли.»

(25) «Пришедше на Звеничь островъ, ту ночеваша.»

(26) *Арханг. Лѣт.* стр. 145 и 146: «К. Данила убили и Никиту Костянтиновича, а Петра Плещеева полониша, а Григорей Перхушковъ пробѣжалъ не бився... Всѣхъ Устюжанъ изгибло 110, а всѣхъ Рускихъ 430 человѣкъ, и побили и въ Орду свели, и К. В. многихъ выкупалъ, и послалъ (Устюжанамъ) двожды по деньгѣ золотой, а они собѣ отдали Попу Ивану... а въ третія послалъ ужину запасъ 700 четвертей муки, да 300 пудовъ масла, да 300 луковъ, 600 стрѣлъ, да 300 шубъ бараньихъ, да 300 однорядокъ Чипскихъ и *Лунскихъ*» (Лондонскихъ: см. Т. VIII, примѣч. 435) и Новогельскихъ и Трецумскихъ, да 300 сермягъ; а велѣлъ имъ еще итти подъ Казань съ К. Юрьемъ на зимованіе.» Убитый Воевода К. Данило названъ въ сей лѣтописи *Александровичемъ Пенкомъ-Ярославскимъ*, а въ другихъ лѣтописяхъ *Васильевичемъ* Ярославскимъ. Даніилъ Пенко былъ еще живъ въ 1505 году; а по Родословнымъ Книгамъ не знаемъ другаго К. Ярославскаго Даніила.

(27) «Да Ѳедоръ Давыдовичь.»

(28) *Арханг. Лѣт.* стр. 147.

(29) *Архив. Лѣт.* стр. 6: «Ради *послѣдняго сего времени* тое старины всее по грѣхомъ позабыли, а дѣла Государьскаго ничего не исправили, а пошлинъ не отдають, а которыхъ земель и водъ съ суда по старинѣ отпустилися Вел. Князю, да тѣ опять за собя поймали и людей къ цѣлованью приводили на Новогородское имя, и на дворѣ Вел. Князя на Городищѣ съ Большаго Вѣча присылали многихъ людей Намѣстниковъ его, да и послу Вел. К. *лаяли*, да въ имени Вел. К. за отказомъ на Городищѣ дву Князей поймали сильно, а людей перебили и перейнали и въ городъ сводили и мучили въ его имени, а съ рубежовъ съ Новугородскихъ отчинѣ Вел. К. и его братьи отчинамъ и людамъ пакость чинили, грубячи Вел. Князю, а *сами держати себе мысля*,» и проч.

(30) Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1466: «тое же осени К. Иванъ Александровичь, ударивъ челомъ Псковичемъ за все добро Псковское, и поѣха на Москву.» Они просили себѣ въ Правители К. Ѳедора Юрьевича. «И пріѣха К. Ѳедоръ Апр. въ 29 (въ 1467 г.), и выйдоша противо его со кресты... А посадники и Псковъ даша ему на всѣхъ 12 пригородахъ Намѣстниковъ держати и судове судити; а изъ вѣковъ Княжіе Намѣстники бывали только на семи пригородѣхъ.»

(31) Во-первыхъ Іона, Архіепископъ Новогородскій, крайне оскорблялъ ихъ своимъ мздоимствомъ и самовластіемъ въ дѣлахъ церковныхъ; во-вторыхъ Новогородцы обижали купцовъ Псковскихъ и даже пословъ (см. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1470).

(32) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1471: «Вашего посла къ Вел. К. не хотимъ подымати, ни сами ему челомъ бити не хотимъ, а вы бы есте за насъ на конь усѣли по своему съ нами мироДокончанію... И Псковъ учиниша Родіону, послу Новогородскому, таковъ отвѣтъ: какъ вамъ К. Вел. отпишетъ возметную грамоту, тогда намъ явите; а мы о томъ погадавъ вамъ отвѣчаемъ... А отъ Новогородцкаго посла людей его поотнимавъ обидніи люди» — тѣ, которые въ Новѣгородѣ были обижены — «во Псковѣ на Вѣчѣ, да и серебро на нихъ поймали, и у Новогородцкаго посла полчетвертатцать (35) рублевъ; а имали серебро порубленніи люди, которые въ Новѣгородѣ были въ порубахъ намучени или отъ посла отимани, какъ ѣздилъ въ Новгородъ Иванъ Ѳомичь, Владычень Намѣстникъ, а больше полугода сидѣли на крѣпости, намучени въ желѣзахъ отъ биричей; и только ихъ головами выправилъ Посадникъ Псковской, Яковъ Ивановичь, какъ ѣздилъ на Москву бить челомъ о томъ же.»

(33) «Въ сіе же лѣто и въ мимошедшее прежде сего много знаменія начаша быти въ Новѣгородѣ, яко же слышахомъ отъ тамосущихъ жителей.... Въ монастыри Св. Евфиміи въ женстѣмъ отъ иконы Богородицы слезы отъ очію исхожаху,» и пр.

(34) Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1471: «Тоя же осени преставися К. Симеонъ Кіевскій на Кіевѣ, братъ Михаиловъ Олельковичь, честно боронивъ свою отчину Кіевъ отъ сильнѣй себѣ Ординскихъ Царей: тѣмъ же и превознесеся во всей Руси, яко же и Великихъ Кіевскихъ Князей древнихъ честно имя его.» Михаилъ прибылъ въ Новгородъ 8 Ноября 1471 года.

(35) Лѣтописцы называютъ его просто Священноинокомъ; но *Псковскій* именно «*Протодіакономъ* и *Ризникомъ* Владычнимъ.» *Для* выбора клали на престолъ Софіи жеребей Варсонофія, Духовника Архіеп., Пимена Ключника Владычня, и Ѳеофиловъ. Іона умеръ 5 Ноября, а Ѳеофилъ въ тотъ же день былъ нареченъ Святителемъ.

Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома, **издан. 1819 года**: Въ одномъ рукописномъ Сборникѣ XVI вѣка находится посланіе В. К. Іоанна Вас. къ Новогород. Архіеп. Іонѣ, въ коемъ сказано: «Братъ нашъ Казимеръ, Король Полскый, и В. К. Литовскый, еще къ нашему отцу, а нынѣча ко мнѣ Пословъ своихъ не одинова присылалъ о томъ, чтобы есмя приняли къ собѣ его Митрополита Григорья: ино, отче, вѣдомо тебѣ, тотъ Григорей отколѣ пришелъ, отъ кого поставленъ? Пришелъ изъ Рима отъ Папы, а поставленъ въ Римѣ Григорьемъ Патріархомъ бывшимъ Цареградскымъ, который повиновался Папѣ съ осмаго Собора; а сами вѣдаете, за колико лѣтъ раздѣлилася Греческая Вѣра съ Латынскою, и Святыми Отцы заклято и утвержено, что съ Латыною не совокуплятися... Въ сего (Григоріево) мѣсто иный Патріархъ въ то время (былъ) на Царигродѣ; а онъ, будучи въ чюжей странѣ, въ Римѣ, да поставилъ того Григорья, Сидорово ученика, въ Митрополиты на всю Русь, и отецъ мой послалъ къ Королю, чтобы еси, братъ, того Григорья къ собѣ не пріималъ на нашего отца на общаго, на Іону Митрополита, а новины бы еси не чинилъ, а нашея бы еси старины не рушалъ... Іонѣ взысканіе Митропольское нашихъ прародителей, Вел. Князей Рускыхъ, и наше и до сѣхъ мѣстъ, а не В. Князей Литовскыхъ: кто будетъ намъ любъ, тотъ будетъ у насъ на всей Русіи; а отъ Рима у насъ Митрополиту не быти... А примешь, ино ты Церковь Божію раздѣляешь, а не мы. А Король пакы тако принялъ его, и церквей ему Рускыхъ поступился... Князь Великый повѣствуетъ: коли еси, нашъ богомолецъ, пріѣзжалъ къ нашему отцу и ко мнѣ, и къ Іонѣ Митрополиту на свое поставленіе, ино тебѣ о томъ гораздо и самому вѣдомо... и каковъ пакы еси обѣтъ свой далъ Іонѣ Митрополиту, что ти къ тому Григорью не приступати... а опослѣ его живота Ѳеодосію Митрополиту, да и нынѣшнему отцу нашему, Филиппу Митрополиту. Нынѣча пакы являемъ тебѣ: прислалъ ко мнѣ изо Царяграда Іоасафъ Митрополитъ Кесаріи Филипповы грамоту свою, что поставленъ у насъ на Москвѣ и у насъ былъ... а являетъ намъ о томъ Григоріи... (что) онъ посылалъ до Царяграда Посла своего Мануила, ищучи себѣ благословенія и подтвержденія отъ Цареградскаго Патріарха, а хотячи быти у насъ на Москвѣ... да чтобы о немъ Патріархъ Посла своего послалъ до меня, да отъ того-дей много пореклъ злата и портъ Патріарху... и въ то-дей время Патріархъ былъ, Симономъ звали, надъ нѣ-

потерпимъ монастыремъ надъ убогимъ, а болшіе церкви Божія Соборные Турецкый Царь въ мизгити починилъ, а которыя церкви оставилъ Патріарху, на тѣхъ крестовъ нѣтъ, ни звону у нихъ нѣтъ: поютъ безъ звону; и тотъ-дей Симонъ человѣкъ разсудителенъ, да у того Посла Мануила поминковъ не принялъ, а благословенія не далъ, а отрекъ-дей ему такъ: *азъ самъ живу въ убожествѣ, въ Бесерменскыхъ рукахъ, въ чюжей неволѣ, а наше ся уже православье изрушило:* и мы умыслили собѣ съ своимъ отцемъ съ Митрополитомъ, и съ своею матерью, и съ своею братьею ... и со всѣмъ Священствомъ, да того ми Посла Патріарша, ни Григорьева, и въ землю свою впущати не велѣть: не требую ни его благословенія ни его неблагословенія; имѣемъ того Патріарха чюжа и отречена... Тобѣ бы, нашему богомолцу, вѣдомо было... Которыми дѣлы тотъ Посолъ Патріаршъ пойдетъ къ тобѣ съ тѣмъ посланіемъ, или тотъ Григорей учнетъ ся подсылати, и ты бъ того горазде ся оберегалъ и дѣтей своихъ (Новгородцевъ) наказалъ, чтобъ никоторому посланью Патріаршу, ни Григорьеву, не вѣрили, ни поученья его, ни ложнаго благословенія не требовали... и помнилъ бы еси, отче, свой обѣтъ,» и проч. (*Сообщено отъ Г. Строева*).

(36) Синод. *Лѣт. Новг.* въ листѣ No 46, подъ годомъ 6985: «Сент. въ 21 бысть пожаръ отъ Розважи улицѣ и до Борковѣ улицѣ, погорѣ побережье все и до Великой улицы, и *Мареѣ Посадницы чюдный дворъ*. — Въ *Исторіи Рос. Іерархіи*, Ч. IV, стр. 629 — 632, напечатана грамота, данная Мареою Корельскому Николаевскому монастырю на села, земли, рыбныя ловища, и сказано, что сей монастырь основанъ ею на мѣстѣ, гдѣ погребены ея (взрослые) сыновья, Антонъ и Феликсъ *Филипповы*, утопшіе въ морѣ. Обитель Св. Николая уже существовала въ 1419 году (см. Т. V, примѣч. 218). Положимъ, что *Филиппомъ* назывался первый супругъ Мареы: но какихъ же лѣтъ была она въ 1471 году, еще столь бодро дѣйствуя въ мятежѣ народномъ и думая опять выйти за-мужъ? Слогъ грамоты также не имѣетъ признаковъ древности: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се азъ раба Божія Мареа... поставила есми церковь, храмъ Св. Николы въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ, Антона да Филикса; а дала есми въ домъ Св. Николы куплю мужа своего, Филиппа... А приказываю домъ Св. Николы господину, своему деверю, Ѳедору Григорьевичу и его дѣтямъ, и Леонтію Аввакумовичу, и зятю своему Афронею Васильевичу; а на то Богъ послухъ и отецъ мой духовной, Игуменъ Василій Св. Спаса; а кто сіе писаніе преступитъ или *порудитъ* (испортитъ), а наши памяти залягутъ, сужуся съ нимъ предъ Богомъ въ день Страшнаго суда.»

(37) См. Въ Минеяхъ житіе *Св. Зосимы*.

(38) См. Послужной Списокъ Бояръ въ *Опытѣ Трудовъ Вольнаго Рос. Собранія*, I, 219. Мареину сыну данъ чинъ Боярина въ 1471 году, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Давыдовичемъ Хромымъ.

(39) Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1471: «Марта въ 15 день выѣха изъ Новагорода К. Михайло Кіевскій, а былъ въ Новѣгородѣ 4 мѣсяцы и 8 дней, а Новегороду было истомно сильно кормы и волоогою и великими дарми. Пріѣхавъ въ Русу, оброки взя силою и пограби, а отъ Русы къ рубежу ѣдя, взя посну и животъ и головы война велікою... а головы повезе до самаго рубежа.»

(40) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*, г. 1471: «По нѣколицѣхъ днехъ» (послѣ избранія Ѳеофилова) «Великой Новгородъ Ключника Владычня Пимена великимъ сильнымъ избесчествовавъ бесчестіемъ, на крѣпости издержавъ самаго измучивъ... и самаго на 1000 рублевъ продалъ.»

(41) См. *Лѣт. Ростов., Архив.* и *Степен. Кн.*

(42) Сей важной договоръ нашелъ я въ Пушкинскомъ собраніи Двинскихъ грамотъ, и выписываю его отъ слова до слова:

«Списокъ съ докончальные, что были написали собѣ Новгородцы съ Королемъ лѣта семдесять девятаго.

«Се язъ честный Король Польскій и Князь В. Литовскій докончалъ есмь миръ съ нареченнымъ на Владычьство съ Ѳеофиломъ и съ Посадники Новогородскими и съ Тысяцкими, и съ Бояры и съ Житьими, и съ купци, и со всѣмъ В. Новымгородомъ. А пріѣхаша ко мнѣ послове отъ нареченнаго на Владычьство Ѳеофила, и отъ Посадника Степеннаго и отъ Тысяцкого Степенного Василія Максимовича, и отъ всего В. Новагорода мужей вольныхъ, Посадникъ Новогородскій Ѳефонасъ Остафьевичь, Посадникъ Дмитрей Исаковичь, и Иванъ Кузминъ сынъ Посадничь, а отъ Житьихъ Панфилей Селифонтовичь, Кирило Ивановичь, Якимъ Яковличь, Яковъ Зиновьевичь, Степанъ Григорьевичь. Докончалъ есмь съ ними миръ я со всѣмъ В.. Новымгородомъ, съ мужи вольными; а держать ти, честный Король, Новгородъ на сей на крестной грамотѣ. А держати тобѣ, честному Королю, своего Намѣстника на Городищѣ отъ нашей Вѣры отъ Греческой, отъ православнаго Христіянства. А Намѣстнику твоему безъ Посадника Новогородскаго суда не судити, а отъ мѣста кунъ не имати, а В. Новугороду у твоего Намѣстника суда не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленія. А судити твоему Намѣстнику по Новогородской старинѣ; а Дворецкому твоему жити на Городищѣ во дворцѣ по Новогородской пошлинѣ; а Дворецкому твоему пошлины продавати съ Посадникомъ Новогородскимъ по старинѣ съ Петрова дни. А Тіуну твоему судити въ одринѣ съ Новогородскими приставы. А Намѣстнику твоему и Дворецкому и Тіуну быти на Городищѣ въ пятидесяти человѣкъ. А Намѣстнику твоему судити съ Посадникомъ во Владычнѣ дворѣ на пошломъ мѣстѣ, какъ Боярина, такъ и Житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина; а судити ему въ праведу по крестному цѣлованью всѣхъ равно. А пересудъ ему имати по Новогородской грамотѣ по крестной противу Посадника; а опричь пересуда посула ему не взяти. А во Владычень судъ и въ Тысяцкаго, а въ то ся тебѣ не вступати, ни въ монастырскіе суды по старинѣ. А пойдетъ Князь Великій Московскій на В. Новгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подыметъ на В. Новгородъ, ино тебѣ, нашему господину, честному Королю, всѣсти на конь за В. Новгородъ, и со всею съ своею Радою Литовскою противъ Великаго Князя, и боронити В. Новгородъ. А коли, господине честный Король, не умиривъ В. Новагорода съ Вел. К., а поѣдешь въ Лятцкую землю или въ Нѣмецкую; а безъ тебе, господине, пойдетъ К. Вел. или его сынъ, или его братъ, или кою землю подоймотъ на В. Новг., ино твоей Радѣ Литовской всѣсти на конь за В. Новгородъ по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ. А что Ржова и Великія Луки и Холмовской погостъ, четыре перевары, а то земли Новогородскіе, а въ то ся тебѣ, честному Королю, не вступати, а знать тебѣ своя черна куна; а тѣ земли къ Вел. Новугороду. А Ржевѣ и Лукамъ и Холмовскому погосту и инымъ землямъ Новогородскимъ и водамъ отъ Литовской земли рубежъ по старинѣ. А сведется Новгородцу судъ въ Литвѣ, ино его судити своимъ судомъ, а блюсти Новогородца какъ и своего

брата Литвина по крестному цѣлованью. А сведется судъ Литвину въ Вел. Новѣгор., ино его судити своимъ судомъ Новогородскимъ, а блюсти его какъ и своего брата Новогородца по крестному цѣлованію такожь. А сведется поле Новогородцу съ Новогородцомъ, ино Намѣстнику твоему взяти отъ поля гривна, а дѣна приставомъ двѣ денги. А учнутъ ходити за сречкою на поле, ино взяти твоимъ приставомъ двѣ денги. А въ Русѣ ти имати за проѣжжій судъ черезъ годъ сорокъ рублевъ; а держать ти десять варницъ въ Русѣ. А въ Водцкой землѣ имать ти за проѣжжій судъ черезъ годъ тритцать рублевъ; а въ Ладогѣ ти пятнатцать рублевъ; а съ Ижеры два рубля; а съ Лопци рубль за проѣжжій судъ черезъ годъ; а по инымъ по волостемъ по Новогородскимъ имати тобѣ пошлины по старинѣ. А Новугороду пошлинъ не таити по крестному цѣлованію. А вывода ти, честный Король, изъ Новогородской отчины не чинити; а челяди не закупати, ни даромъ не принимать. А подводъ по Новгор. отчинѣ не имати, ни твоимъ посломъ, ни твоему Намѣстнику, ни иному никому жь въ твоей Державѣ. А черна куна имать ти по старымъ грамотамъ и по сей крестной грамотѣ. А на Молвотицахъ взяти ти два рубля, а Тіуну рубль за Петровщину; а на Кунскѣ взяти ти рубль; а на Стержи тритцать куницъ, да шестьдесять бѣлъ; а съ Моревы сорокъ куницъ, да восьмьдесятъ бѣлъ; а Петровщины рубль, а въ осеннѣ полрубля; а въ Жавнѣ двацать куницъ да восьмьдесятъ бѣлъ, а Петровщины рубль, а медъ и пиво съ перевары по силѣ; а на Лопастицахъ и на Буйцахъ у чернокунцовъ по двѣ куницы, и по двѣ бѣлѣ, а слугамъ бѣла; а на Лукахъ нашъ Тіунъ, а твой другой, а судъ имъ наполѣ. А Торопецкому Тіуну по Новогородской волости не судити. А въ Лубоковѣ и въ Заклиньѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣлѣ, а Петровщины сорокъ бѣлъ; а во Ржевѣ по двѣ куницы и по двѣ бѣлѣ, а съ перевары медъ, пиво по силѣ. А въ Новогородскихъ волостехъ, ни на Домонѣ, ни на Цснѣ, ни на Полоновѣ ненадобѣ иное Литвѣ ничтожь, ни черны куны не брати. А иныхъ пошлинъ тобѣ, честный Король, на Новогородскіе волости не вскладывать черезъ сію крестную грамоту. А сведется Вира, убьютъ Соцкаго въ селѣ: ино тобѣ взяти полтина; а не Сотского, ино четыре гривны. А намъ Виръ не таити въ Новѣгородѣ; а о убиствѣ Виръ нѣтъ. А что волости, честный Король, Новогородскіе: ино тобѣ не держати своими мужи, а держать мужми Новогородскими. А что пошлина въ Торжку и на Волоцѣ, Тивунъ свой держать на своей части, а Новугороду на своей части Посадника держати. А се волости Новогородскіе: Волокъ со всѣми волостьми, Торжокъ, Бежицы, Городецъ, Палецъ, Шипинъ, Мелеча, Егна, Заволочье, Тиръ, Пермь, Печера, Югра, Вологда съ волостьми. А пожни, честный Король, твои и твоихъ мужъ, а то твои; а что пожни Новогородскіе, а то къ Новугороду, какъ пошло. А Дворяномъ съ Городища и Извѣтникомъ позывать по старинѣ. А на Новгородской землѣ тебѣ, честный Король, селъ не ставити, ни закупать, ни даромъ не примать, ни твоей Королевѣ, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ Княземъ, ни твоимъ Паномъ, ни твоимъ слугамъ. А холопъ, или роба, или смердъ почнетъ на осподу вадити, а тому ти, честный Король, вѣры не нять. А купецъ войдетъ . . . а смердъ потягнетъ въ свой потугъ къ Новугороду, какъ пошло. А приставовъ тебѣ, честный Король, не всылати во всѣ волости Новогородскіе. А у насъ тобѣ, честный Король, Вѣры Греческіе православные нашей не отъимати; а гдѣ будетъ намъ В. Новугороду любо въ своемъ православномъ Христіанствѣ, ту мы Владыку поставимъ по своей воли. А Римскихъ церквей тебѣ, честный Король, въ В. Новѣгородѣ не ставити, ни по пригородомъ Новогородскимъ, ни по всей земли Новогородской. А Тіуну твоему въ Торжку судити судъ съ Новг. Посадникомъ; такожь и на Волоцѣ по Новогородской пошлинѣ Новогородскимъ судомъ: а Виры и полевое по Новогородскому суду. А что во Псковѣ судъ и печать и земли Вел. Новг., а то къ Вел. Новуг. по старинѣ. А умиришь, господине честный Король, Вел. Новг. съ Вел. К., ино тебѣ взяти, честному Королю, черный боръ по Новогород. волостемъ по старинѣ единова по старымъ грамотамъ; а въ иные годы черный боръ ненадобѣ. А Нѣмецкаго Двора тебѣ не затворяти, ни приставъ своихъ не приставливати; а гостю твоему торговати съ Нѣмцы нашею братьею. А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь имъ чистъ по Литовской землѣ и по Новогородской. А держать тебѣ, честный Король, Вел. Новг. въ воли мужей вольныхъ по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ. А на томъ на всемъ, честный Король, крестъ цѣлуй ко всему Вел. Новуг. за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую въ правду безъ всякаго извѣта; а Новогородскіе послове цѣловаша крестъ Новогородскою душею къ честному Королю за весь Вел. Новг. въ правду, безъ всякаго извѣта.»

(43) См. *Архив. Лѣт.* л. 28 на обор.

(44) См. *Степен. Кн.*

(45) См. *Ростов. Лѣт.*, *Никон.*, *Степен. Кн.* и *Архив. Лѣт.* л. 24.

(46) См. *Архив. Лѣт.* л. 29, и *Ник.* стр. 22.

(47) См. *Архив. Лѣт.* 31. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Пріѣха съ Москвы посолъ Дьякъ Яковъ на Троицкой недѣли въ Пятокъ, а веля Пскову въ Новѣгородѣ положити розметніи грамоты въ другую Недѣлю заговѣвъ Петрова говѣнія, а Вел. К. за вашими свои грамоты положитъ. И Псковичи Іюня въ 16 послаша съ розметными Подвойскаго Савку въ Вел. Новг. А самъ той посолъ много позывая Псковичь на конь всѣсть, и Псковичи обѣщаша, доколѣже услышимъ въ Новгор. земли Вел. Князя; и онъ на другой недѣли въ Середу Петрова говѣнія съ Псковскими послы поѣхалъ къ Вел. К. . . . Въ самъ Петровъ день пріѣха Князя Вел. Бояринъ, на имя Василей Зиновьевъ, а съ нимъ 100 человѣкъ. . . . и привезъ съ собою шкабатовъ клячь Новогородскихъ съ 300, и все роспрода, и Псковичи ему дали подворье у Св. Спаса въ монастыри за рѣкою, и бысть Пскову истора кормомъ . . . и весь Псковъ пригороды и волости собравъ. К. Ѳеодора Юрьевича сынъ Василей и Тимоѳей Васильевичь, Посадники Псковскія, а съ ними 13 Посадниковъ пойдоша на Новг. землю Іюля въ 10 день, въ Среду, а въ 12 начаша воевати. Въ тожь время пріѣхалъ къ нимъ посолъ нашъ Богданъ, а съ нимъ Бояринъ Вел. К. Кузма Коробьинъ, а сказываетъ наѣхалъ Вел. Князя въ Петровъ день въ Торжку, а вы бысте, отчина моя Псковъ, въ Ильинъ день на конь всѣли . . . а только есми у него день былъ, а Василья Быкова оставилъ у себя . . . Новгородцы пригонивше съ Вышегорода, и въ Наволоцкой губѣ много хоромъ пожгли и церковь Св. Николы вельми преудивленну, и таковой не было во всей Псковской волости, о полтретьюдесяти углахъ . . . Псковская сила обступиша Вышегородъ Іюля въ 15, и начаша бити пушками и примѣтъ приметывати, и зажгоша . . . и мало не подохшеся въ городкѣ . . . и на завтрее выидоша со кресты и на забороль начаша повѣствовати съ

челобитьемъ и съ плачемъ... и Воеводы челобитье приняли... и Новогородцы отрядиша на Псковичь Казимера, да Дмитрія, Марѳина сына, и болѣе 40,000, и пойдоша, и наѣхаша на Шелони на Московскую силу.» — Въ то же время 2000 *охотниковъ* Псковскихъ жгли за рѣкою Лютою: Новогородцы разбили ихъ, но ушли назадъ, оставивъ и своихъ убитыхъ. Псковитяне возвратилися черезъ 9 дней и схоронили трупы.

(48) Въ *Архив. Лѣт.* говорится здѣсь только объ одной битвѣ (такъ и въ Синод. *Новогородск.*), а въ *Ростов.* и въ *Никон.* о двухъ. «Пріидоша Воеводы Вел. Князя на мѣсто нарицаемое Коростыня у езера Ильмери на брезѣ, и пріиде на нихъ рать въ судѣхъ... И оттолѣ паки возвратишася къ Русѣ въ той же день, аже въ Русѣ иная рать пѣшая множае первѣй, и пришли рѣкою же въ судѣхъ, Полою именемъ. Воеводы же и тѣхъ побиша.»

(49) Въ Синод. *Новогород. Лѣт.* No 46, стр. 409: «Новогородци изыдоша на Шолону, а къ Русѣ послаша пѣшую рать, и пѣшая рать бишася много, и побиша Москвичь много, и пѣшей рати паде много, а иніи разбѣгошась, а иныхъ Москвичи поимаша; а коневая рать не пошла къ пѣшей на срокъ въ пособье, занеже Владычень стягъ не хотяху ударитись на Княжю рать, глаголюще: Владыка намъ не велѣлъ на Вел. К. рукѣ подынуть; послалъ насъ Владыка на Псковичь.»

Изъ Прибавл. въ концѣ VIII тома издан. 1819 года: Между бумагами Кенигсбергскаго Архива, не давно мнѣ доставленными, нашелъ я письмо Ливонскаго Магистра къ Магистру Нѣмецкаго Ордена (отъ 15 Авг. 1471 года), гдѣ сказано, что Новогородцы заключаютъ съ Орденомъ союзъ противъ невѣрныхъ Псковитянъ и Вел. Кн. Московскаго.

(50) Въ *Архив. Лѣт. л.* 33 на обор.: «Послаша другова посла къ Вел. К., Посадника Луку Клементьевича,» и проч.

(51) См. ниже, примѣч. 53.

(52) Синод. *Новогород. Лѣт.* No 46, л. 409 на обор.: «Начаша Новгородци вопити на большихъ людей, которые пріѣхали ратью на Шолону: *ударимся нынѣ*. Кождо глаголюще: *азъ человѣкъ молодый; испротеряхся конемъ, да доспѣхомъ*. Москвичамъ же до Понедѣльника отлогающимъ: бяше бо Недѣля; и начашася бити, и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону рѣку, и ударишася на Новгородцевъ западная рать Татары, и паде Новгородцевъ много, а иніи побѣгоша, а иныхъ въ полонъ поведоша.» — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Наѣхаша (Новогородцы) на Шелони силу Московскую К. Данилья; ѣдутъ съ ними по ровну обонъ-полъ рѣки, и не дошедше Мустца и Сольцы, и вергошася Москвичи въ рѣку Дрянь съ берега, и ударишася на нихъ, и побѣдиша ихъ.» Въ другомъ мѣстѣ, ниже: «Данило Холмскій въ день Недѣльный до обѣда срѣте ихъ рать, и бысть сѣча люта, и вся сила Новгород. показаша плеща своя... и гнашась по нихъ и до Глинъ.» Лѣтописцы за чудо сказываютъ, что Холмскій перешелъ рѣку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никогда не бывало броду.

(53) Въ *Архив. Лѣт. л.* 36: «Гласы отвсюду слышахусь; идѣ же изъ женущихъ не бѣ никого же, и тамо слышаху, яко уставленъ бѣ ясакъ глаголати: Москва!»

(54) «Посадницы Кузма Григорьевъ, Яковъ Ѳедоровъ Матвѣй Селезеневъ, Василій Селезеневъ, два сестричича Казимеровы, Павелъ Телятевъ, Кузма Грузовъ, а Житьихъ множество.» О числѣ плѣнныхъ см. *Архив. Лѣт.* л. 36 на обор. — Москвитяне спрашивали у плѣнныхъ, отъ чего они, имѣя болѣе войска, не могли драться? Новогородцы отвѣтствовали: «Мы бо видѣхомъ васъ безчисленное множество грядуще на насъ, и еще иные полки видѣхомъ въ тылъ по насъ пришедшихъ; знамена же имутъ желты и большія стяги и скипетры, и говоръ людскій многъ, и топотъ конскій страшенъ, и ужасъ нападе на ны.»

(55) *Архив. Лѣт. л.* 36 на обор.

(56) «Замятня пригонилъ Іюля въ 18. Въ тогда у Вел. К. Царевичь Даніяръ и братіе его, Юрій и Андрей: и обѣщася К. Вел. поставити на Москвѣ церковь Св. Апостола Акилу, еже и бысть; а Воеводы К. Данила и Ѳеодоръ другую Воскресеніе... Кн. же Вел. отпусти Луку Клементьева съ Селищъ противу Демона... Воеводы Новогородскіе въ Демонѣ предашася на томъ, что ихъ головами выпустити, а съ города окупа дали 100 рублевъ.»

(57) «И великое мѣсто, зовомое Новое село, пожгоша.»

(58) *Архив. Лѣт. л.* 38, и Синод. *Новогород. л.* 410. Въ *Послужномъ Боярскомъ Спискѣ* сказано, что въ сей годъ *выбылъ* Дмитрій Исаковичь Борецкой.

(59) «Съ Воеводами Вел. К. были рати 4000 безъ 30 человѣкъ. Вышедъ изъ судъ обои пѣши и начаша битися (на рѣчкѣ Шиленгѣ) о третьемъ часѣ дне и до захожденія солнечнаго... И знамя у Двинянъ выбиша, а трехъ знаменщиковъ убиша: убили бо первагo, ино другой подхватилъ.... Убиша тогда 8 Вятчаниновъ, да Устюжанина одного, да Борисова Слѣпцева человѣка Мигуна.» Въ Синод. *Новогор. Лѣт.*: «Паде многое множество съ обѣ половины; а Двиняне не тягнуша по Князи по Васильи Васильевичь и по Воеводѣ по Васильи по Микифоровичь, и *шестники* (иноземцы?) измогоша, и Заволочанъ посѣкоша и Двинянъ иссѣкоша.» Въ *Архив. Лѣт.* сказано, что съ Шуйскимъ были и Новогородскіе *шильники*: т. е. бродяги, сволочь?

(60) Синод. *Новогород. Лѣт. л.* 409 на обор. и *Архив. Лѣт.* стр. 148.

(61) Въ Синод. *Новогород. Лѣт. л. 411*: «А перевѣтника Упадыша Новгородъ казниша... Съ своими единомысленики 55 пушокъ желѣзомъ заколачивалъ.»

(62) Синод. *Новогород. Лѣт. л.* 410.

(63) *Архив. Лѣт. л.* 39. Ѳеофилъ прибылъ въ станъ Московскій 27 Іюля.

(64) Лѣтописецъ Львова, III, 17: «Испроси у матеря своей, у Вел. Княг., Дьяка Степана Бородатаго, умѣюща говорить по Рускимъ лѣтописцамъ,» и проч.

(65) *Архив. Лѣт. л.* 40.

(66) Сіи пять грамотъ находятся въ Пушкинскомъ Собраніи Двинскихъ грамотъ. Выписываю здѣсь четыре; а пятая о *судѣ* уже сообщена нами (Т. V, стр. 227).

1. *Лѣта* 79, *Августа* 11, *новая докончальная Великому Князю съ Новымгородомъ на Шолонѣ, да и приписная грамота.* «По благословенію нареченнаго на Архіепископство Великаго Новагорода и Пскова Священноинока Ѳеофила. Се пріѣхаша къ Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси и къ его сыну, къ Вел. К. Ивану Ивановичу всея Руси, отъ Посадника Новгородскаго Тимоѳея Остафіевича и отъ Тысяцкаго Новгородскаго Василія Максимовича, и отъ всего Вел. Новаг., Посадники Новгородскіе, Посадникъ Иванъ Лукиничь, Посадникъ Яковъ Александровичь, Пос. Ѳеофилатъ Захарінничь, Пос. Лука Ѳедоровичь, Пос. Иванъ Василіевичь; а отъ Житьихъ Лука Остафьевичь, Александръ Клементьевичь, Ѳедоръ Іевличь, Онкифъ Василіевичь, Дмитрей Михайло-

вичь, и добили челомъ своей Господѣ Великимъ Княземъ, и кончали миръ по крестнымъ грамотамъ съ Вел. Княземъ Иванъ Василіевичемъ и съ его сыномъ съ Вел. К. Иван. Иван., какъ цѣловалъ К. Вел. Андрей, и К. Вел. Иванъ, и К. Вел. Семенъ, и прапрадѣдъ твой К. Вел. Иванъ и прадѣдъ твой К. Вел. Димитрій, и дѣдъ твой К. Вел. Василей, и отецъ твой К. Вел. Василей: цѣлуй Господине К. Вел. Иванъ Васильевичь, и К. Вел. Ив. Ивановичь, по томужь кресть ко всему Вел. Новугороду. И по сей грамотѣ Новг., Господине, держати вамъ въ старинѣ по пошлинѣ безъ обиды, а намъ мужемъ Новгородцемъ Княженіе ваше держати честно и грозно безъ обиды. А за Короля и за Вел. К. Литовскаго, кто Король или Вел. К. на Литвѣ ни буди, отъ васъ отъ Вел. Князей намъ вашей отчинѣ, Вел. Новгороду, мужемъ вольнымъ, не отдатися никоторою хитростію, а быти намъ отъ васъ отъ Вел. Князей неотступнымъ ни къ кому. А Князей намъ у Короля и у Вел. К. Литовскаго собѣ на пригороды не просити, ни пріимати изъ Литвы Князей въ Вел. Новгородъ. Такъ же намъ, отчинѣ вашей, недруговъ вашихъ, К. Ивана Можайскаго, и К. Ивана Шемякина, и К. Василія Ярославича, и ихъ дѣтей и ихъ зятьи къ собѣ въ Новгородъ не пріимати. А послѣ сего докончанія изъ Московской земли, изъ Вел. Княженья, кто лиходѣй Вел. Князей пріѣдетъ въ Вел. Новг., и Новугороду ихъ не пріимати. Или кто лиходѣй Вел. Князей побѣжить изъ Московской земли въ Литву или въ Нѣмцы а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжить въ Новгородъ, и Новугороду ихъ не пріимати. А на Владычество намъ, Вел. Новугороду, избирати собѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему Владыцѣ въ дому Пречистыя и у гроба Св. Петра Чудотворца на Москвѣ, у васъ у Вел. Князей, у вашего отца Митрополита, которой Митрополитъ у васъ у Вел. Князей на Москвѣ ни буди, а индѣ намъ Владыки опричь Московскаго Митрополита нигдѣ не ставити. А пошлины вамъ, Вел. Княземъ, и вашему отцу Митрополиту отъ Владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти. А на Волоцѣ и на Вологдѣ Владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ. А что Юрьевскаго монастыря земля на Волоцѣ, и та земля къ Юрьеву монастырю по старинѣ. А пошлинъ вашихъ, Вел. Князей, намъ Вел. Новугороду не таити,» и проч., какъ въ древнихъ Новогород. грамотахъ.

2. «А се за то ялися послове отъ В. Новагорода къ Великому Князю Ивану Василіевичу всея Руси и къ его сыну, В. К. Ивану Ивановичу всея Руси, по Новогородскому слову и по Новгородской грамотѣ, на чемъ послали къ Великимъ Княземъ Посадника Ивана Лукинича, Посадника Якова Александровича, Пос. Феѳилата Захарьинича, Пос. Луку Ѳедоровича, Пос. Ивана Василіевича, а отъ Житьихъ Луку Остафьевича, Александра Климентьевича, Ѳодора Іевлича, Онкифа Василіевича, Дмитріа Михайловича. Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ. Отъ Великихъ Князей Бояринъ судьею, а отъ Вел. Новагорода Бояринъ. Судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новогородцомъ, а судити имъ какъ право по крестному цѣлованію. Аже ся сопрутъ о какомъ дѣлѣ, а не взмогутъ управити, и коли будетъ К. Вел. въ Новѣгородѣ, или Великаго К. сынъ, или Великаго К. братъ, и тому дѣлу тогды учинитъ К. на Городищѣ съ Посадникомъ конецъ. А что закладъ въ рядныхъ грамотахъ, а то имати Великимъ Княземъ съ Владыкою на виноватомъ отъ сего докончанія. А крюкъ Великимъ Княземъ по старинѣ на третій годъ. А отъ волости даръ имати по старинѣ. А печати быти Князей Великихъ. А Виры имати Княземъ Великимъ по старинѣ, а Новгородцомъ не таити. А съ Новоторжцевъ и съ Демонцовъ Князи Великіе цѣлованіе сложили. А что серебро и хлѣбъ Великимъ Княземъ въ Торжку, или на Губахъ, а то Великимъ Княземъ не надобѣ. А кто будетъ данъ на порукѣ въ серебрѣ, или въ хлѣбѣ, а съ тѣхъ порука доловъ. А что собрано, а то Великимъ Княземъ; а Новгороду о томъ на Новоторжцовъ нелюбіа не держати, ни мщатися имъ никоею хитростію. А что война была Князей Великихъ надъ Новгородскими волостьми, или Новгородская война была надъ Великихъ Князей волостьми, тому всему погребъ. А послѣ сего крестнаго цѣлованія аже доспѣется война съ обѣ половинѣ, а не вѣдая сего докончанія, имание назадъ отдати съ обѣ половинѣ. А учинится мертвый, а почнутъ клепати мертвыми, или грабежемъ съ обѣ половины: ино судъ тому на Городищѣ передъ тѣми судьями; а суда намъ у Великихъ Князей Намѣстниковъ не отъимати, опрочь ратныя вѣсти, или коли имутъ городъ дѣлати безъ хитрости; а Вѣчнымъ грамотамъ не быти. А въ Вочскую землю слати Княземъ Великимъ ежегодъ по старинѣ. А коли приведется Княземъ Великимъ взяти черной боръ, и намъ черный боръ дати по старинѣ. А позовъ по волостемъ Новогородскимъ позывати позовникомъ Великихъ Князей, да Новгородскимъ; а въ городѣ позывати Князей Великихъ Подвойской, да Новгородской Подвойской. Такъ же что наша братья Новгородци покупили земли Ростовскіе и Бѣлозерскіе, или даромъ поймали, и намъ, объискавъ тѣхъ земель, вамъ Великимъ Княземъ отступитися по крестному цѣлованію; а кто которые земли запрится, и тому судъ и исправа по крестному цѣлованію. А пріѣдутъ къ вамъ, къ Вел. Княземъ, отъ Вел. Новагорода послы о какихъ обидныхъ дѣлѣхъ исправы просити, а наѣдутъ васъ Вел. Князей, обою въ Руской землѣ, ино имъ посольство правити обѣма Вел. Княземъ, и исправы просити у обоихъ Вел. Князей, а имъ исправа дати Вел. Новгороду по крестному цѣлованію, и отвѣтъ дати Вел. Новгороду; а наѣдутъ одного Вел. Князя въ Руской землѣ, ино одному посольство правити, а ему исправа дати Вел. Новгороду по томужь крестному цѣлованію . . . А коихъ людей привели къ цѣлованію за Вел. Князей, которые живутъ на Новгородской землѣ въ Торжку, или за Волокомъ, или индѣ гдѣ ни есть, и съ тѣхъ людей Великіе Князи цѣлованіе сложили, а земли и воды къ В. Новгороду по старинѣ, и по старымъ крестнымъ грамотамъ, и по сей грамотѣ; а на тѣхъ людей Вел. Новгороду нелюбіа не держати по крестному цѣлованію. А Псковскимъ посломъ ѣздити къ Вел. Княземъ, также и отъ Вел. Князей назадъ ко Пскову черезъ Новгородскую землю путь чистъ добровольно, также и Новгородскимъ посломъ ѣздити черезъ Псковскую землю гдѣ ни есть путь чистъ изъ Новагорода и въ Новгородъ. А учинится татьба или розбой въ Великомъ Княженіи Новгородцу, ино Вел. Княземъ объискати то дѣло въ правду по крестному цѣлованію. А доспѣется Великого Князя торговцу въ Новгородской земли татьба или розбой, ино то дѣло Новгороду объискати въ правду по крестному цѣлованію. А что грамота докончальная въ Новѣгородѣ промежъ собя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати Вел. Князей. А что закладъ въ той въ Новгородской грамотѣ въ докончальной написано на наѣзщиковъ и на грабежщиковъ, и на надвощиковъ, ино Княземъ Вел. взяти половина отъ сего докончанія, а Вел. Новгороду половина взяти. А кто почнетъ посулъ давати, или кто почнетъ

имати по Концемъ и по Рядомъ, и по Станъ, и по улицамъ, и у грабежщиковъ, и у надвощика, и у наѣзщика: ино взяти на томъ той же закладъ Вел. Княземъ половина по Новгородской грамотѣ, а Вел. Новугороду половина. А Сотскимъ и Рядовичемъ безъ Князей Великихъ Намѣстника и безъ Посадника не судити нигдѣ. А что у насъ у Великихъ Князей пятцевъ и полону, и мы Вел. Князи пожаловали свою отчину Вел. Новгородъ, тѣхъ есмя пятцевъ Новгородскихъ всѣхъ и полонъ весь велѣли отпустити. А на всемъ на томъ, Господине Князь Вел. Иванъ Василіевичь всея Руси и К. Вел. Иванъ Ивановичь всея Руси, цѣлуйте, Господине, крестъ ко всему къ Вел. Новгороду безо всякого извѣта. Также и мы Посадники и Тысяцкіе и весь Вел. Новгородъ цѣлуемъ крестъ къ своей Господѣ къ Великимъ Княземъ, къ Вел. К. Ивану Василіевичу всея Руси и къ Вел. К. Ивану Ивановичу всея Руси, по любви въ правду безо всякія хитрости. А писанъ лѣта 79, Августа въ 11 день.»

3. О *деньгахъ*. «Се добилъ челомъ Вел. Князю Ивану Василіевичу всея Руси и сыну его Вел. Князю Ивану Ивановичу всея Руси нареченный на Архіепископство Вел. Новагорода и Пскова Священноинокъ Өеофилъ, и Посадники Новогородскіе. . . по Новгородскому велѣнію всего Новгорода за Новгородскую проступку полушестьминатцаты тысячи рублевъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ; а дати намъ то серебро своей Господѣ, Вел. Княземъ, на Рожество Св. Богородицы полтретьи тысячи рублевъ, а на Крещеніе Господне три тысячи рублевъ, а на Великъ день 5000 р., а на Успеніе въ той же годъ 5000 р.; дати намъ тое серебро на тыя сроки по крестному цѣлованію. А сія грамота писана лѣта 79, Августа 9.»

4. О *земляхъ*. «По благословенію нареченного на Архіепископство Вел. Новагорода и Пскова Священноинока Өеофила, отъ Посадника Степенного Новгородского Тимофея Остафьевича, и отъ всѣхъ Старыхъ Посадниковъ и отъ Тысяцкого Степенного Василія Максимовича и отъ Старыхъ Тысяцкихъ и отъ Бояръ и отъ Житьихъ людей и отъ купцевъ, и отъ черныхъ людей, и отъ всего Вел. Новгорода съ Вѣча съ Ярославля Двора на Пинегу, и на Кегролу, и на Чаколу, и на Пермьскіе, и на Мезень, и на Пилія горы, и на Немьюгу, и на Пинешку, и на Выю, и на Суру на Поганую, къ Старостамъ и ко всѣмъ Христіаномъ, что тые земли на Пинезѣ, Кегролу, и Чаколу, и Пермьскіе, и Мезень, и Пильи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выю, и Суру Поганую поймали за себе наши братья Новгородци, и васъ къ цѣлованію привели на Новгородское имя: ино то земли Осподы нашей Вел. Князей, Вел. Князя Ивана Василіевича всея Руси, и сына его Вел. К. Ивана Ивановича всея Руси; а то крестное цѣлованіе Новугороду съ васъ доловъ.»

Въ Архив. *Псков. Лѣт*. сказано: «Сверхъ сего Вел. Князь на нихъ (Новогородцахъ) 17 тысячь рублей *копейного* прикончалъ, ино Владычня ради челобитья 1000 отдалъ . . . и Псковичи пойдоша отъ Вел. К. ко Пскову Авг. въ 15. . . К. Вел. на Рожество Св. Іоанна съ Москвы выступилъ, а въ Петровъ день сталъ въ Торжку, и былъ въ немъ 4 дни; а подъ Демономъ Вел. Князю вѣсть приде о побіеніи Новгородскомъ, а полоняниковъ привели къ нему Іюля въ 14 до обѣда . . . а стоялъ на Коростыни 2 недѣли, а Псковичи въ Княжичахъ.»

(67) Вел. Князь выступилъ съ Коростыни къ Москвѣ Авг. 13: «Срѣте его Митрополитъ со кресты близъ церкве, съ мосту большего спедъ каменнаго до кладезя площадного, а народи Московскіи далече за градомъ, иніи за 7 верстъ пѣши... а сынъ его и братъ и Бояре на канонъ Семены дни, идѣ же бѣ ему ночевати.»

(68) Въ *Ростов.* и *Никон. Лѣт*. сказано такъ; въ *Архані. Лѣт.*: «изгибшихъ людей числомъ яко двѣ семь тысячь.» Въ Синод. *Новог. Лѣт.*: «Бысть буря велика и истопи Рушанъ много опослѣ рати на Илменѣ на усть Ловоти, которые отъ рати бѣгали изъ Русы въ Новгородъ, учаповъ 90, а малыхъ судъ 60, а Крестьянскихъ душъ въ едином мѣстѣ обрѣтоша 120, а болѣ того Богъ вѣсть, зане же Ловоть засохла, бише бо засуха того жъ лѣта, и бысть пагуба велика.»

(69) Онъ пріѣхалъ 30 Ноября съ чиновниками, поставленъ 15 Дек., а выѣхалъ назадъ 23. — Освобожденныхъ Новогородцевъ было 30.

(70) «Мѣсяца Дек. по Рожествѣ явися звѣзда велика, а лучь отъ нея дологъ, толстъ, свѣтелъ, свѣтлѣе самыя звѣзды, а восхождаше о 6 часѣ нощи съ лѣтняго Всхода солнечнаго и идяше къ Западу лѣтнему же, а лучь отъ нея впередъ протяжеся, а конецъ луча аки хвостъ великія птицы распростертъ. — По Крещеніи другая звѣзда явися хвостата надъ лѣтнимъ Западомъ; хвостъ же тонокъ, а не добрѣ дологъ, а первый звѣзды луча потемнѣе, но первая за 3 часа до всхода на кое мѣсто приходила, а другая по захожденіи солнца 3 часа на томъ же мѣстѣ являшеся, да къ Западу же идяше.»

(71) См. Т. IV, стр. 136.

(72) См. выше, примѣч. 66.

(73) «Іюня въ 26 пріиде вѣсть къ Вел. К., что Воевода его землю Перьскую взялъ; а пришелъ на усть Черныя рѣки на Өоминой недѣли въ Четвертокъ, и оттуду пойде на плотѣхъ и съ коньми. . . на Верхнюю землю, къ городку Искору, а Гаврила Нелидова отпустилъ на Нижнюю землю на Уросъ, на Чердыню, да на Почку на Князь Михайло... Зыранъ же по опасу пришелъ къ нему. Поймалъ же и иные городки и пожегъ. . . и оттуду послалъ К. Өедоръ *Пермскихъ* Воеводъ къ Вел. К., *Князя Михайла* и Бурмота и Мичкина» (см. *Архив. Лѣт.*: л. 51). — Въ *Продолженіи Несторова Лѣт.* стр. 177: «Въ лѣто 7013 Князь Великій, Иванъ Васильевичь свелъ съ Великія Перми *вотчичя* Князя Матвѣя Михайловича, а на Великую Пермь послалъ Намѣстника своего, К. Василья Андреевичя Ковра: сей же бысть *первый отъ Рускихъ* Князей, а пріѣхалъ въ Недѣлю Цвѣтную.» — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (въ Синод. Библіот. No 164, л. 219) находится письмо Митрополита Симона отъ 22 Авг. 1501 къ слугѣ В. К., Князю Матвѣю Михайловичу Пермскому, и ко всѣмъ *Пермичамъ большимъ и меньшимъ людямъ, мужамъ и женамъ, юношамъ и младенцамъ*. Тамъ сказано: «А кумиромъ бы есте не служили, ни требъ ихъ не пріимали; ни Воипелю болвану не молитеся по древнему обычаю, и всѣхъ Богу ненавидимыхъ тризнищъ не творите идоломъ, ни женитвъ незаконныхъ не чините, яко же слышу о васъ, что поимаются въ племени по ветхому по Татарскому обычаю: хто у васъ умретъ, и вторый его братъ жену его поимаетъ, и третей его братъ также творитъ; а жены ваши ходятъ простоволасы, непокровенными главами; ино то чините не по Закону Христіянскому . . . А сію бы есте грамоту положили въ церкви,» и пр.

(74) Въ *Продолженіи Несторова Лѣт.* стр. 264: «Тое же осени приходиша Татарове отъ Большие Орды и воеваша около Рязани села и волости. Рязанцы же совокупишася и гнаша по нихъ, и бысть бой и сѣча зла. Татарове же знамя подсѣкоша у Рязанскова полку: Рязанцы же замятошася и побѣгоша. Татаръ же множество избіено ту.»

(75) Въ *Ростов. Лѣт.* 500 на обор. и 511. Кирей пріѣхалъ въ Орду осенью 1470 года, а выѣхалъ оттуда через годъ.

(76) *Архив. Лѣт.* л. 42 на обор. и *Арханг.* 149. Въ первомъ сказано, что Большая Орда кочевала *за едино днище* отъ Сарая; что Татары хотѣли перехватить Вятчанъ и подъ Казанью; а во второмъ, что Воеводою Вятчанъ былъ Костя Юрьевъ; что они плѣнили Княгинь Сарайскихъ, и пр.

(77) Именемъ Григорій Волынъ (см. *Архив. Лѣт.* л. 54).

(78) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(79) Холмскій и Стрига выступили изъ Москвы 10 Іюля; въ тотъ же день выѣхала въ Ростовъ и мать Іоаннова; за нею братья Вел. Князя противъ Ахмата 30 Іюля «во второмъ часу дне Вел. К. повелѣ пѣти обѣдню, и не вкусивъ ничтоже, пойде къ Коломнѣ, а сыну повелѣ за собою въ Ростовъ.»

(80) Въ *Архаиг. Лѣт.* стр. 152: «Въ городѣ былъ Воевода Семенъ Васильевичь Беклемишевъ... и захотѣ у жителей посула, и Олексинцы давали ему 5 рублей, и онъ хотѣлъ шестова женѣ своей... и пріидоша Татарове, и Воевода побѣже за Оку... и Царь повелѣ зажещи городъ. Князь же Юрье и ины Воеводы плачюще стояху, а пособить не лзѣ глубины ради того мѣста... Царь же нача боятися Князя Юрья, понеже бо его трепетаху многи страни поганіи. Татарове же распросивше Татаръ, кои на сей сторонѣ Вел. Князя, только ли силы Рускія? Они же рѣша: самъ К. Вел. подъ Ростиславлемъ, а Даньяръ на Коломнѣ, а въ Серпуховѣ Углечскій Кн. Андрей, а съ нимъ Муртоса Царевичь Мустофинъ Казанскаго. Слышавъ то, Ахматъ побѣже, ведя съ собою полону не много, и вопроси Русина, что много у него были Олексинцы, полону мало, а сгорѣло мало? и Русинъ запроси живота себѣ: Царь отпустити его обѣща. Онъ же рече: болѣе тысящи головъ забѣгло въ тайникъ съ добромъ. Царь было съ двѣ версты отшелъ и воротися на пожарище и взя тайникъ и съ людми и съ добромъ... и прочь пойде; а тайникъ былъ выведенъ къ рѣцѣ, а повѣдавшаго отпусти.»

(81) См. *Никон. Лѣт.* стр. 46, и *Ростов.*

(82) *Собр. Г. Г.* 230: «Дати ми Володимеру Григоріевичю 300 рублевъ и 80 р. да полтину, а положилъ есмь въ томъ серебрѣ заклада чепь золоту 4 гривенки да полчетверта золотника, да поясъ золотъ на червчатѣ тясмѣ полпяты гривенки да 6 золотникъ, да поясъ золотъ на синѣ тясмѣ 5 гривенокъ, да поясъ золотъ 2 гривенки да 6 золотникъ, да чару золоту 2 грив. безъ полулевята золотника, да ковшъ золотъ гривенка да полтора золотника, да ковшъ серебренъ съ вѣнцемъ 8 грив. да полпята золотника, да ковшъ серебр. 4. гривенки безъ полупята золотника, да кубокъ серебрянъ на чешую битъ 5 грив. да 4 золотники, да кубокъ серебрянъ па косые грани битъ 5 грив. безъ 7 золотникъ.» Слѣдственно въ 380½ рубляхъ закладомъ служило 9 фунтовъ золота и 11 фунтовъ серебра съ золотниками: что по нынѣшней цѣнѣ составило бы около десяти тысячь рублей ассигнаціями. Далѣе: «дати ми Ондрею Шихову 30 рублевъ, а мой у него поставъ Ипской (Ипрской) свѣтло зеленъ... Да взялъ есмь у Петра у Игнатіева копь сѣръ, цѣна ему десять рублевъ,» то есть, два фунта серебра или около 180 рублей ассигнаціями. Далѣе: «Сестрѣ своей Вел. Княгинѣ Рязанской Аннѣ даю монисто, чѣмъ мя благословила баба моя.» Далѣе отказываетъ многія села монастырямъ, уступая крестьянамъ недоимку. Въ концѣ: «у грамоты сѣдѣли господинъ мой Живоначальные Троицы Сергіева монастыря отецъ мой духовной Игуменъ Спиридоней, да Бояринъ мой Иванъ Микитичь, да Бояринъ мой Василей Ѳеодоровичь Веліаминовъ, да Иванъ Василіевичь Ощера.»

(83) См. *Архив. Лѣт.* стр. 64, и *Рос. Вивліов.* II, 51, 73.

(84) Дю-Канжъ Histor. Byzant. стр. 247. Ѳома преставился въ Римѣ 12 Мая, 1465 года.

(85) «Февр. въ 11 день пріиде изъ Рима посолъ,» и проч.

(86) «Листы своя Папа далъ I. Фрязину, что посломъ Вел. Князя ходити доброволько 2 года по всѣмъ землямъ, которые подъ его Папежствомъ присягаютъ до Рима.» Въ *Лѣт.* Львова стр. 30: Царевну на иковѣ написавъ принесе.»

(87) См. Райнальд. Annal. Eccl. г. 1470, No 9.

(88) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1471, No 48.

(89) Всѣ сіи любопытныя подробности находятся въ Райнальдѣ, г. 1471. Къ сожалѣнію, онъ сгорѣлъ у меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ моею библіотекою во время нашествія Французовъ.

(90) См. *Никон.*, *Ростов.*, *Архив. Псков. Лѣт.* и Арнта Lief. Chr.

(91) См. *Архив. Псков. Лѣт.* г. 6981.

(92) Такъ во всѣхъ лѣтописцахъ; а въ Львовскомъ, стр. 32: «вѣнча его Протопопъ Коломенскій Осія, занеже здѣшнимъ Протопопомъ и Духовнику своему не повелѣ, понеже вдовцы.»

(93) Въ *Лѣт.* Львова, стр. 30—31, сказано, что Фрязинъ уже отпустилъ было Тревизана съ переводчикомъ въ Орду, и что посланные Вел. Князя догнали его въ Рязани. Тревизанъ сидѣлъ въ Москвѣ подъ стражею въ домѣ у Никиты Беклемишева.

(94) *Лѣт.* Львова стр. 32.

(95) Кранцъ въ Wandal. стр. 397.: «Ea quoque spes fovebat Pontificem Sixtum, qoud inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiæ Romanæ, in quibus ea fuerat educata apud sedem Apostolicam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Russorum, in quibus et pater ejus victitabat.

(96) Въ Дю-Канжевой росписи Палеологовъ нѣтъ сего Рала. — О Ѳеодорѣ Ласкирѣ сказано въ Родослов. Книгахъ, что онъ пріѣхалъ къ намъ отъ Короля Венгерскаго, и что отецъ его былъ въ Царѣградѣ Тысячскимъ.

(97) См. Дю-Канжа Hist. Byzant. стр. 248. Елисавета Кастильская извѣстнѣе подъ именемъ Изабеллы. Андрей умеръ въ Римѣ въ 1502 году.

(98) См. *Собраніе Государ. Г.* Т. I, стр. 333. Вел. Князь началъ употреблять сей гербъ съ 1497 года; до 1472 на печати его изображались Ангелъ, держащій въ рукѣ кольцо, и человѣкъ съ обнаженнымъ кинжаломъ; а съ сего времени до 1497 г. левъ терзающій змѣю: работа Греческая, и, какъ вѣроятно, подарокъ Софіинъ.

(99) *Лѣт.* Львова стр. 32.

(100) «И Князь Вел. отъ того дня велѣлъ Тривизана изъ желѣзъ выпустити и у собя ему быти.» Далѣе см. *Лѣт.* Львова стр. 33.

(101) Въ 1471 г., осенью, Митрополитъ велѣлъ заготовлять камень для строенія церкви; 30 Апрѣля заложили ее. Главные Архитекторы были Ивашко Кривцовъ и Мышкинъ: они растворяли известь съ пескомъ, и весьма жидко; а въ стѣны насыпали мелкихъ каменьевъ. Митрополитъ обложилъ серебромъ всѣ монастыри и церкви для строенія сего храма (см. *Лѣт. Руск.* Львова). Въ Маѣ и въ Іюлѣ перенесли туда мощи Митрополитовъ. «И вземше раку Кипріана и поставиша въ кіотѣ въ стѣнѣ на деснѣй странѣ... а Фотія поставиша съ Кипр. во единомъ кіотѣ... Егда же сняша дску съ гроба Іоны, изыде благоуханіе;

мощи же вси цѣлы: прильпе бо плоть къ кости, и не двигнушася составы, а ризы не истлѣша... и поставиша на лѣвой странѣ въ кіотѣ... И егда разбираша церковь, и выняша изъ стѣны церкви Св. Димитрія мощи Княжы Юрьевы Даніиловича, Вел. Князя, и вложше въ раку древяну поставиша ихъ на гробѣ Ѳеогноста Митр., идѣ же была церковь Поклоненіе Веригъ, и егда же, зиждуще церковь, уготоваша мѣсто въ той же церкви въ Великомъ Димитріи въ стѣнѣ на той же сторонѣ, и принесше ихъ на уготованное мѣсто, и положиша тамо.... И разобраша надгробницу Св. Петра М., и мощи его яко свѣтъ сіяху; а гробъ распался отъ огня: тогда изгорѣлъ бяше, егда Тохтамышъ взялъ Москву, и тогда разорили гробъ его, чающе нѣчто сокровенно, и не обрѣтоша ничтоже... И вземше понесоша раку на уготованное мѣсто, идѣ же бѣ и прежде, но тогда бѣ мѣсто оно внутрь олтаря близъ жертвенника, а въ нынѣшней церкви предъ дверьми жертвенника... Во время пренесенія мощей Святаго голубь бѣлъ надъ гробомъ его видѣша высоко паряще; когда же покрыша мощи, невидимъ бысть.» См. подробности въ *Никон.*, въ *Ростов.* и въ *Архив. Лѣт.* — Далѣе: «Апр. въ 4 загорѣся внутри града у Рожества Богородицы... и Митрополича дворъ сгорѣ, и Княжь Борисовъ Василіевича по Богоявленіе Троицкое, да по житницы городскіе, и дворецъ житничной... да по каменный погребъ, что на Княжѣ Михайловѣ дворѣ Андреевича во стѣнѣ... и градная кровля обгорѣ, и приправа вся городная... и Митрополитъ вышелъ изъ града въ монастырь Св. Николы Стараго, и огню унимающуся въ послѣднемъ часу нощи, пріиде въ церковь Пречистыя. Пріиде ту и Вел. К., и видѣ его плачущася, и глагола: отче господине! не скорби; тако Богу изволившу... Азъ ти колико хощеши хоромъ дамъ, или кой запасъ, то все у меня емли. ... Тогда бо бяше церковь (Успенія) воздѣлана до большаго пояса до половины... И нача (Митрополитъ) о томъ же приказывати Володимеру Григорьевичю и сыну его Ивану Головѣ.» Филиппъ, благословивъ многихъ Бояръ, Князей, Княгинь, Священниковъ, преставился съ пятаго на шестое Апрѣля. «Мнози глаголаху, яко видѣніе видѣ въ церкви. Обрѣтошася подъ свиткою на тѣлѣ его великія чепи желѣзны, иже и нынѣ зримы суть на гробѣ его, а преже ни Духовнику его, ни келейнику вѣдомы были... Апр. въ 7 день положиша его въ церкви Пречистыя... И избраша Геронтія, и возведенъ бысть на дворъ Митрополичь Іюня въ 4, а поставленъ въ 29 день.» — Въ *Лѣт.* Львова, стр. 34: «Вел. К. (по кончинѣ Митроп.) нача пытати, кто содѣлалъ ему цѣпи, и кузнецъ избрася единъ, его же искупилъ Митроп. изъ полону у Татаръ... и той рече, яко единъ жеребей приковахъ къ тѣмъ желѣзамъ, занеже они тѣсны ему, и не повелѣ никому же сказывати.» Сей кузнецъ на другой день сказалъ, что Филиппъ явился ему во снѣ и прибилъ его своими веригами за нескромность.

(102) «Мая въ 20 день (въ 1474 г.), въ 1 часъ нощи, паде церковь Пречистыя... Воздѣлана уже бѣ до сводовъ... И чудотворца Петра гробъ засыпа,» и проч. См. *Никон. Лѣт.* и друг.

(103) *Лѣт.* Львова стр. 39. Зодчій и Механикъ Аристотель извѣстенъ въ Италіи подъ двумя именами: Alberti Aristotile и Ridolfe Fioraventi. Пишутъ, что онъ какою-то механическою хитростію передвинулъ Болонскую колокольню Св. Маріи del Tempis съ мѣста на мѣсто, а въ городѣ Ченто выпрямилъ колокольню Св. Власія, не вынувъ изъ нее ни одного кирпича; что, уѣхавъ въ *Венгрію*, онъ сдѣлалъ тамъ удивительный мостъ, былъ за то пожалованъ въ Кавалеры, имѣлъ дозволеніе бить монету и вырѣзывать на ней свое имя. Вмѣсто *Венгріи* надобно поставить *Россію*. См. статью объ немъ въ Dictionnaire historique. Въ *Лѣт.* Львова: «домъ же (у Аристотеля въ Венеціи) добръ и палаты есть и блюдо у него мѣдяно на четырехъ яблокахъ; судно же на немъ яко умывальница, яко же оловяничнымъ дѣломъ; и началъ лить изъ него изъ одного на блюдо воду и вино и медъ, и что хотяше, то и потечеть... Взялъ же съ собою Аристотель сына своего, Андрея, да паробка Петрушку... Ту же церковь разбя сицевымъ образомъ: три древа постави, и концы ихъ верхніе совокупивъ, и брусъ дубовый обѣсилъ на ужищи посреди ихъ поперегъ, и конецъ его обручемъ желѣзнымъ скова, и раскачиваючи разби; а иные стѣны сысподи подобра и полѣніе подставляя, и зажже полѣніе, и стѣны падошася... Книжницы же называли брусъ *бараномъ*... Сицевымъ образомъ Титъ Іерусалимъ разби... Кирпичь его нашего уже, да продолговатѣе; егда его ломать, то въ водѣ размачиваютъ; известь же густо мотыгами повелѣ мѣшати: яко наутріе засохнетъ, то ножемъ не можно расколупати. Св. Петра Чудотворца въ Иванъ Св. вынесли подъ колоколы.» — Въ *Ростов. Лѣт.*: «мѣсяца Іюня Венеційскій *муляръ* Аристотель нача рвы копати, глубина 2 сажени и глубже... Апр. въ 22 (г. 1476) начаша дѣлати у церкви Богоматери... Мая въ 12 молитвы глаголемы отъ Митрополита на основаніе храма и почтеніе креста.» — Въ *Лѣт.* Львова, стр. 44, 65, 70: «На первое лѣто изведе церковь изъ земли Аристотель, известь же какъ тѣсто густое растворяше, а мазаше лопатками желѣзными, а камень равной внутри класти повелѣ; столпы же едины четыре обложи круглы, крѣпко стоять, а въ олтарѣ 2 столпа кирпичные, тѣ на 4 углы, а все дѣлано въ кружало и въ правило... Тогожъ лѣта (1475) храмъ по кивоты сотвори; внутрь же стѣнъ цѣпи положи... и между столповъ, идѣ же брусье дубовое въ нашихъ церквахъ, то все желѣзное... И колесо сотворилъ (г. 1476), и вверхъ каменіе ношаше, ужищемъ цѣпляше... Вверху же цѣпляше малые колесца, еже плотники векшею зовутъ, чѣмъ на избы землю волочатъ; на столпы же камени велики положи, и совокупивъ кружало, и истеса на нихъ по четыре конца на четырехъ странахъ, едино противъ другаго, и мнити кому, яко на каменныхъ деревьяхъ насквозь каменіе то збито... Сотвори Аристотель у церкви верхи 4, около шеи большіе казну сотвори, полати же подлѣ олтаря отъ стороннихъ дверей, и на верхъ церкви всходити лѣствицу, своды же въ одинъ кирпичь, того ради, егда дождь идетъ, ино каплетъ. Помостъ же мелкимъ каменіемъ измости; въ олтарѣ же надъ Митрополичьимъ мѣстомъ крыжъ Ляцкій истеса на камени за престоломъ; передъ передними дверьми помостъ накрылъ каменіемъ и въ одинъ кирпичь сведе, и середину на гирѣ повѣси на желѣзной.» — Въ *Ростов. Лѣт.*: «Верхи же церкви тоя крыти привелъ Князь Вел. изъ Новаграда мастеры; они же начаша крыти прежде древомъ хорошо велми, по древу же желѣзомъ Нѣмецкимъ... Князь же Великій (въ день освященія) повелѣ раздати милостыню на весь градъ, а Митрополитъ со Епископы и Архимандриты съ нимъ на обѣдѣ у него ядоша, и вси Боляре; а Собори вси 7 дній на его же дворѣ въ другой храминѣ ядоша и пиша.» 25 Авг. Вел. Князь и сынъ его съ помощниками перенесли Св. Митроп. Петра въ деревянной ракѣ въ новую церковь, а 27 Авг. мощи другихъ Митрополитовъ: «Взяша раку кам. съ мощми Митр. Кипріана... и поставиша на десной странѣ у преднія стѣны во углѣ равно съ мостомъ церковнымъ

... И Фотіевы мощи поставиша рядомъ съ Кипріаномъ, и учиниша надъ ними надгробницы каменны... Вземлютъ же раку древяную, въ ней же лежитъ Іона Чудотв. въ тѣлѣ, и принесше поставиша на другой сторонѣ противъ тѣхъ Митрополитъ на верхъ мосту. Ѳеогноста же поставиша въ церкви Св. А. Петра на верхъ мосту и окладоша кирпичемъ объ едину стѣну съ Св. Петромъ, яко же и прежде лежали бяху. Потомъ же Князя Юрья Даниловича мощи въ древянѣ гробѣ пренесоша и положиша въ церкви Св. Димитрія въ застѣніе въ землю съ мостомъ равно, и надгробницу учиниша надъ нимъ. По семъ же пріидоша ко гробу Митр. Филиппа: той бо лежаше посторонь новые церкви на лѣвой странѣ, юже бѣ самъ заложилъ, и открыша гробъ, и видѣша его цѣла, яко же и Митроп. Іона, и ризы его ни мало не истлѣша... и взяша его во гробѣ каменнѣ и поставиша на той же странѣ, идѣ же Іона... и 12 дній лежалъ не покрытъ, и въ 13 *д.* складоша надъ нимъ надгробницу.» Въ слѣдующій день Митроп: и всѣ Соборы обѣдали у Государя въ *средней горницѣ*, а самъ Вел. К. стоялъ передъ ними и съ сыномъ своимъ. — Всѣ подробности описаны въ *Ростов.*, въ *Никон.* и въ *Архив. Лѣт.* — Въ лѣтописи Львова 131, 180: «тогда нѣцы клеветаша на Митрополита, яко не по солнечному ходу ходилъ со кресты около церкви; сего ради гнѣвъ воздвиже нань Вел. К... и много пыташе, и написанія не обрѣте объ освященіи церкви, чтобъ по солнцу ходить или не по солнцу. Речено же о томъ много бысть: овіи по Митрополитѣ глаголаху Архимандриты и Игумены; иной рече во Святѣй Горѣ видѣлъ, что такъ же святили церковь. Вел. К. Геннадія призва Архимандрита и Владыку Ростовскаго Вассіана на споръ. Митрополитъ свидѣтельство приводя: еда кругъ престола Діаконъ въ олтарѣ изъ правую руку ходитъ съ кадиломъ? а они глаголаху: солнце праведное, Христосъ, на Адъ наступи и смерть связа; и того ради исходятъ на Пасху... и много препирахуся, и не обрѣтоша истины... Митроп. же съѣха на Симоново, посохъ свой остави въ церкви, только ризницу взялъ, думая, ежель Вел. К. не упроситъ его и роптанія не оставитъ, что по солнцу ходити, онъ хотѣлъ оставить санъ и въ кельи жить. Много бо церквей Вел. К. своихъ, Іоанна Златоуст. на посадѣ каменную, съ годъ не велѣлъ святить, и Рожд. Богород. въ городѣ и Онуфрія придѣла, доколѣ преложитъ на одно; но вся книжники по Митрополитѣ глаголаху, а по Вел. Князѣ единъ Владыка Ростов., Князь Іоасафъ, да Архим. Геннадій. Князь же Вел. посла сына своего моля Митроп., дабы возвратился; онъ же не послуша. Князь же Вел. самъ ѣхавъ, моля его, и виннымъ въ спорѣ себя творя... Митрополитъ же возвратися» (въ 1483 г.).

(104) Въ началѣ 1490 года съ братомъ Вел. Княгини Софіи и съ нашими послами, Димитріемъ и Мануиломъ, сыновьями Ивана Палеолога Рала, пріѣхали въ Москву Архитекторъ Петръ Антоній, ученикъ его Замантоній, пушечный мастеръ Яковъ съ женою, серебреники Христофоръ съ двумя учениками изъ Рима, Нѣмецъ Олбертъ изъ Любека, Карлъ съ ученикомъ изъ Милана, Грекъ Петръ Райко изъ Венеціи, Капланъ изъ бѣлыхъ Чернцевъ Августинова Ордена, Иванъ *Спаситель*, и Грекъ Арганнагой (см. *Продолженіе Нестор. Лѣт.* стр. 317). Въ 1490 году былъ въ Римѣ нашъ посолъ, Грекъ Юрій Траханіотъ или Тарханіотъ. Въ Маѣ 1493 Вел. К. посылалъ въ Венецію и въ Миланъ Грека Мануила Ангелова и Данила Мамырева за *стѣнными* и *палатными* мастерами. Въ 1494 они возвратились съ Алевизомъ, стѣннымъ мастеромъ, съ Петромъ *пушечникомъ* и съ другими художниками. Въ 1499 Грекъ *Димитрій*, сынъ Ивана Палеолога Рала, и Митрофанъ Ѳедоровъ Карачаровъ ѣздили въ Италію за *Государевыми потребами* черезъ Краковъ и Венгрію: да съ ними послалъ Вел. К. Михайла Погожево къ Олбрехту Королю, чтобъ далъ путь посломъ черезъ свою землю.» Въ 1504 г. они возвратились и призвали съ собою многихъ *мастеровъ серебреныхъ*, *пушечныхъ* и *стѣнныхъ*.

(105) *Никон. Лѣт.* стр. 119, 122, 129.

(106) «Апр. въ 5 день вышелъ К. Вел. изъ своего двора изъ стараго во Княжь Ивановъ дворъ Юрьевича (Патрекеева) въ новой и съ Вел. Княгинею и съ дѣтми и съ невѣсткою и со внукомъ... и нача ставити каменной дворъ... Того же лѣта поставиша Вел. Князю дворъ древянъ... Тое же весны (г. 1493) на Радуницу, 16 Апрѣля, погорѣ Москва нутрь весь, и казна у Чуда въ монастырѣ; только остался дворъ новой Вел. К... Іюля 28 въ 7 часовъ загорѣсь отъ свѣчи церковь Св. Николы на песку, и вста буря велія, и кинуло огнь на другую сторону Москвы-рѣки ко Всѣмъ Святымъ на Кулишкахъ и оттолѣ на Дмитровку къ Св. Георгію... и выгорѣ посадъ за Неглинною, и отъ Св. Духа по Черторью до Петровской слободки, и Орбатъ и Срѣтинская по Васильевъ лужокъ... и въ городѣ дворъ новой Вел. Князя... и стрѣлница Боровицкая... и во градѣ всѣ *алачюги* погорѣли, понеже бо не поспѣли и хоромъ поставити послѣ вещняго пожара... и изъ града загорѣся торгъ, и посадъ подлѣ Москву рѣку до Зачатья на Востромъ концѣ... и по Старую Троицу... Людей згорѣ болѣе 200, а все то въ половину дни до вечера, и, по Лѣтописцамъ, какъ Москва стала, таковъ пожаръ не бывалъ.» Въ 1484 Вел. К. за новою церковію Благовѣщенія заложилъ палату, а въ 1485 г. каменный погребъ на Казенномъ дворѣ. Ховринъ и Василей Образецъ построили каменные домы въ 1485 или 1486 году. Митрополитъ Зосима въ 1493 г. поставилъ на своемъ дворѣ три келліи каменныя съ подклѣтами.

(107) «Повелѣніемъ Вел. К. (въ 1493 г.) сносиша дворы за Неглинну и церкви, и устави мѣру отъ стѣны до дворовъ 109 сажонъ болшихъ... Тоя же весны (въ 1495) велѣлъ дворы сносити и церкви за Москвою противъ города, и заложилъ стѣну градную каменну на Москвѣ не по старой стѣнѣ возлѣ Неглинны.» Архіеп. Новогород. Геннадій въ писмѣ къ Митрополиту Зосимѣ говоритъ: «Нынѣ бѣда ся стала земская... церкви извѣчныя выношены изъ города вонъ, да и монастыри съ мѣста переставлены... и кости мертвыхъ вынешены на Дорогомилово; и кости выносили, а тѣлеса вѣдь туто осталися, въ персть разошлися, да на тѣхъ мѣстѣхъ нынѣ садъ посаженъ... отъ Бога грѣхъ, а отъ людей соромъ. Здѣсь пріѣхалъ Жидовинъ новокрещеной, Даниломъ зовутъ, да мнѣ сказывалъ за столомъ во всѣ люди: Князь-де Великой» (такъ говорили Данилу Жиды въ Кіевѣ) «на Москвѣ церкви изъ города въ селы металъ вонъ... А что дворы отодвинуты отъ города, ино то и въ лѣпоту; а церкви бы стояли вокругъ города: еще бы честь граду большая была... Гдѣ престолъ стоялъ, да и жертвенникъ, а нынѣ тѣ мѣста неогорожены: ино и собаки на тѣ мѣста ходятъ и всякой скотъ.» См. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 285, 287.

(108) «Мая (1505 г.) въ 21 разбраша церковь Св. Архистр. Михаила... и заложиша новую на томъ же мѣстѣ и вынесоша мощи Вел. Князей и Удѣльныхъ; и другую разобраша Ивана Лѣствичника, иже подъ колоколы; создана отъ Вел. же Князя, Ивана Даниловича, въ лѣто 6837, и заложиша новую на томъ же мѣстѣ.

(109) Но не ту, которая нынѣ слыветъ въ Москвѣ *большою пушкою:* она вылита въ 1686 году Андреемъ Чоховымъ, какъ означено въ ея надписи.

(110) Сіи монеты весьма извѣстны. Есть и съ другими именами.

(111) См. Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1472. К. Ѳедоръ ограбилъ всѣхъ чиновниковъ Псковскихъ, посланныхъ съ честію проводить его до границы. К. Ярославъ пріѣхалъ во Псковъ въ 1473 году, Февр. 29.

(112) *Псков. Лѣт.* г. 1469: «Марта 8 Нѣмцы побиша Псковичь 26... а перевѣтъ учинилъ Ив. Подкурской, да Ив. Торгоша: онъ вѣсть ко Пскову пригонилъ, и Псковъ его рублемъ жаловалъ... Ив. Подкурскаго, довѣдався, на березнѣ замучили.»

(113) Марта въ 5 (г. 1471) пріѣздилъ отъ К. Местера братъ его, Пантелей Алыскій, съ своею дружиною и весь Псковъ честь ему воздали, и онъ 2 недѣли бывъ поѣхалъ... Присла Местеръ (въ 1472 г.) своего посла во Псковъ и срокъ положи, что быти съѣзду на Рожество Богородицы.» Вел. Князь 3 Сент. прислалъ на сей съѣздъ Боярина своего, Андрея Тимоѳеевича, съ 20 Боярскими Дѣтьми; но 8 Сент. явился во Псковѣ Нѣмецкій посолъ съ отвѣтомъ, что Магистру не досугъ. «Пріѣха (въ Ноябрѣ) отъ Князь Местера Клавши съ порубежья, да Иванъ Бояринъ земный, и Псковъ ихъ съ обидными людми пріялъ въ серебрѣ, что К. Местеръ съѣзды складываетъ, а на съѣздъ не ѣдетъ. Тоя же весны (въ 1473 г.) по Велицѣ дни пріѣхали отъ К. Местера послы и выняша Никулу Клавша, да Ивана Земскаго, а серебро за нихъ 75 рублевъ поплативъ, а о земли и о водѣ срокъ положили съѣзду быти за 2 недѣли по Петровѣ дни... И отрядивъ посла, Алексѣя Посадника (и другихъ) въ Новое село на Нарову на съѣздъ къ Новогородцкимъ посломъ, а К. Местеръ своихъ въ Ругодивъ прислалъ, и по недѣлю съѣзжався и разъѣхашася, а управы не учинивше. Того жь лѣта К. Местеръ прислалъ посла въ В. Новгородъ, и Псковъ отрядивъ Посадниковъ, Ивана Гаховонча (и другихъ), а съ ними Богдана, что ему ѣхати изъ Новагорода къ Вел. К., что ни учинитца на томъ съѣздѣ, и бывши недѣли 3, о миру не учинили ничего, а К. Местеръ и перемирья не емлетъ со Псковомъ по срочныхъ.» — Войско Московское пришло во Псковъ около 30 Ноября.

(114) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Прислалъ Пискупъ Юрьевскій и Посадники и Ратмани во Псковъ Иванъ Бобровъ, Иванъ Земскій, *Дек.* въ 24, перемирья просить на 5 лѣтъ, и начаша миръ прикончивати.» Магистръ (въ Генв. 1474 г.) прислалъ во Псковъ какого-то Генриха для заключенія мира. Новогородское войско пришло туда Генв. 5. Юрьевцы также обязались «во Псковъ корчмы не возити, ни торговати, ни *колоды* (заставы) у костра не держати.» Холмскій выѣхалъ оттуда Генв. 30.

(115) *Древ. Рос. Вивліоѳ.* II, 94 — 96.

(116) См. *Послужный Списокъ Бояръ въ Трудахъ Вольн. Рос. Собранія*, Т. I.

(117) Архив. *Псков. Лѣт.*

(118) Въ Генв. 1470 г. Псковскіе чиновники ѣздили къ Королю въ Полоцкъ: «и посольство правиша Генв. въ 31; а были у Короля 3 дни на очахъ, а самъ Король былъ въ Полоцку недѣлю, и преже того былъ за 21 годъ.» Положили быть съѣзду на границѣ около Рождества Богоматери. «Отрядивъ 4 Посадники и Бояръ изо всѣхъ Концовъ, да съ ними самъ К. Ѳедоръ Юрьевичь, и бывъ на съѣздѣ на Березничи, понеже на томъ мѣстѣ исперва съѣзжаются съ Литовскими Паны, да истомы по 4 дни положа, розно розъѣхалися... а отъ Короля былъ Панъ Родивилъ Остиковичь, Троцкій Воевода, да Панъ Никула Нѣмировичь Маршалокъ, и Панъ Богданъ Ондрюшковичь, Сент. въ 14.» — Въ 1471 году опять ѣздили Псковскіе чиновники къ Королю въ Вильну: въ аудіенціи 30 Марта онъ далъ имъ слово быть на границѣ (см. Архив. *Псков. Лѣт.*).

(119) Богданъ пріѣхалъ въ Сент. 1474 года. Василій Китай съ Ѳедькою Мансуровымъ отправился въ Литву 2 Апр. 1475.

(120) Еще въ 1471 году, во время Новогородскаго похода, Никита Беклемишевъ ѣздилъ въ *поле* за Муртозою, и привезъ его въ Москву къ сыну Іоаннову. См. *Никон. Лѣт.* стр. 33 и 35.

(121) См. Кромера к. XXVII, 390. Абульгази, стр. 367, говоритъ объ *осьми* сыновьяхъ Ази-Гиреевыхъ.

(122) Въ посольствѣ Семена Борисовича, 1486 года, о семъ Хозѣ Кокосѣ сказано такъ: «Молвити Кокосю Жидовину: какъ еси напередъ того намъ служилъ и добра нашего смотрилъ, и ты бы и нынѣ намъ служилъ.» См. Дѣла Крымскія No 1, стр. 122.

(123) См. *Дѣла Крымскія* въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, No 1, л. 14.

(124) Сообщаемъ сей договоръ въ примѣръ тогдашняго дипломатическаго слога:

«Вышняго Бога волею язъ Менгли-Гирей Царь съ своимъ братомъ, съ Великимъ Княземъ Иваномъ, взяли есмя любовь и братство и вѣчный миръ. Отъ дѣтей и на внучата быти намъ вездѣ за-одинъ, другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. Хто будетъ другъ мнѣ Менгли-Гирею Царю, тотъ и тобѣ другъ Великому Князю Ивану; а хто будетъ мнѣ Менгли-Гирею Царю недругъ, тотъ и тобѣ Вел. К. Ивану недругъ; а хто будетъ другъ тобѣ Вел. К. Ивану, тотъ и мнѣ другъ; а хто будетъ тобѣ недругъ, тотъ и мнѣ недругъ. А мнѣ Менгли-Гирею Царю твоее земли и тѣхъ Князей, которые на тобя смотрятъ, не воевати, ни моимъ Уланомъ, ни Княземъ, ни Казакомъ; а безъ нашего вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое отдати, и головы людскіе безъ окупа намъ тобѣ отдать. А коли мой посолъ отъ меня пойдетъ хъ тобѣ Вел. Кн. Ивану, и мнѣ его хъ тобѣ послати безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; а твой посолъ ко мнѣ пріидетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ; а пошлинамъ *Даражскимъ* (путевымъ) и инымъ всѣмъ пошлинамъ никоторымъ не быти; а на семъ на всемъ, какъ писано въ семъ ярлыцѣ, язъ Менгли-Гирей Царь съ своими Уланы и со Князми тобѣ брату своему Вел. Кн. Ивану, молвя крѣпкое слово, *шерть* (клятву) есми далъ, жити намъ съ тобою по сему ярлыку.»

Беклемишевъ поѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1474, а Старковъ 23 Марта въ 1475 году. — Наставленія Посламъ давались весьма обстоятельныя. Выписываемъ нѣчто для примѣра:

«*Правити посольство Олексѣю Ивановичу Старкову.* — Князь Великій велѣлъ тебѣ говорити:

«Князь Великій челомъ бьетъ. Какъ ми еси пожаловалъ, на чемъ еси ко мнѣ крѣпкое свое слово молвя, *шерть* далъ, и на чемъ ярлыкъ свой шертный далъ, въ томъ бы еси пожаловалъ и стоялъ. ... И учнетъ Царь говорити: приказывалъ есми къ своему брату, да и ярлыкъ свой къ нему посылалъ есми, чтобы со мною былъ на Царя Ахмата за-одинъ: коли пойдетъ на меня Ахматъ, и онъ бы Царевичевъ своихъ отпустилъ на Орду; и братъ мой, Князь Великій, у своей правды то выговорилъ, а на томъ мнѣ правды не далъ.

«И Олексѣю говорити такъ: Осподарь мой К. В. посылалъ къ тобѣ своего Боярина Микиту, а

билъ тобѣ челомъ по твоему жалованью, по твоему приказу, какъ еси къ нему приказалъ съ своимъ посломъ съ Азп-Бабою, что другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти, безъ выговора на всякаго недруга: ино не Государь мой то выговаривалъ на имя: выговорилъ ты, *вольной человѣкъ*, у своей шерти Осподаря нашего недруга Короля, а нашему Государю не хочешь на Короля помогати, а то Осподарю моему большой недругъ; и говоришь, вольный человѣкъ, то, что Король еще съ твоимъ отцомъ въ братствѣ и въ доконьчаньѣ былъ, а съ тобою нынѣча также въ братствѣ и въ докончаньѣ, и ты тово не хочешь порушити: ино ты вѣдаешь, что Осподари наши, Великіи Князи, отъ отцовъ и отъ дѣдъ и отъ прадѣдъ слали своихъ пословъ къ прежнимъ Царямъ къ Ординскимъ, а они своихъ пословъ посылали къ Великимъ Княземъ; а Осподарь мой, К. В., и нынѣча потомужь своихъ пословъ шлетъ къ Ахмату Царю и брату его къ Махмуту, а они своихъ пословъ къ моему Государю посылаютъ. И Осподарь мой тебѣ выговорилъ у своее правды Царя Ахмата, не хотя старины порушити, потому же, какъ ты моему Осподарю у своей роты Короля выговорилъ.» — Называясь *братомъ*, Іоаннъ всегда писалъ Менгли-Гирею *челобитье*; а Менгли-Гирей къ нему *поклонъ*, или, въ знакъ особенной ласки, *много*, *много поклонъ;* то есть, Вел. Кн. употреблялъ почтительнѣйшія выраженія. — Ближними Ханскими Вельможами были Именекъ, Авдула и Карачь Мурза. Беклемишеву велѣно было дать двумъ первымъ по сороку соболей, а если мало, то и по два сорока.

(125) «А какъ будетъ быти Олексѣю у Князя у Исайка, ино поклонитися К. Исайку и его Княгинѣ, да подати имъ поминки, да и до *черныхъ* отъ Вел. К. поминокъ подати» (т. е. и простымъ людямъ)... «А се говорити Алексѣю Кокосу, бывши у Князя у Исайка: К. В. велѣлъ тобѣ говорити, что еси ко мнѣ присылалъ свою грамоту о томъ, что у К. у Исайка дочи, и мнѣ бы пожаловати та его дочка взяти за своего сына: ино Бояринъ мой Никита дѣвку видѣлъ... и ты бы мнѣ учинилъ вѣдомо о томъ, что взятка съ дѣвкою на колько тысячь золотыхъ; то бы еси переписалъ на списокъ, да ко мнѣ прислалъ.» — Послѣ увидимъ, что Султаны Турецкіе присылали къ намъ Князей Манкупскихъ послами, и что сіи Князья были Греки.

(126) См. сей *Исторіи* Т. I.

(127) *Архив. Лѣт.* г. 1475: «Туркове взяша Кафу, и гостей Московскихъ многихъ побиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ на окупъ даваша; Азп-Гирееву Орду Крымъ и Перекопь осадиша дань давати, и посадиша у нихъ меншова сына Азп-Гиреева, Менди (Менгли) Гирея, а два сына Азп-Гиреевыхъ убѣжаша; а приходилъ Воевода Турского Цари, а Царь самъ не бывалъ.»

(128) См. Кромера стр. 412 и Кантемира въ *Исторіи Оттоман. Имперіи*.

(129) *Архив. Лѣт.* г. 1476.

(130) Дѣла Крымскія No 1, л. 30. Вел. К. желалъ имѣть посла Зенебекова, но съ условіемъ, чтобы онъ пріѣхалъ съ немногими людьми и безъ *пошлинниковъ*.

(131) См. Длугоша Hist. Polon. 588, *Ядро Рос. Исторіи* 200, Герберштейна Rer. Moscov. Comment. 8, и ниже о *басмѣ* примѣч. 208. Послѣдній говоритъ, что Іоаннъ при въѣздѣ Ординскихъ пословъ всегда сказывался больнымъ.

(132) См. *Рос. Вивліоѳ.* II, 86, 106.

(133) *Никон. Лѣт.* стр. 58.

(134) *Лѣт.* Львова, стр. 33. Въ *Архив. Лѣт.* стр. 67: «Тое же осени *прибѣжалъ* изъ Орды Вел. Князя посолъ, Дмитрей Лазаревъ.» Можетъ быть, Ханскій гнѣвъ заставилъ его *поспѣшно уѣхать* изъ Орды.

(135) *Архив. Лѣт.* л. 78. Съ Бочюкомъ находилось 50 человѣкъ дружины, да 550 купцевъ съ лошадьми и съ разнымъ товаромъ. Онъ поѣхалъ назадъ 6 Сент.

(136) Герой Галлерова Романа, Узонга.

(137) См. Voyage de Perse par Ambroise Contareni, въ Бержеронѣ стр. 38 — 55.

(138) Архив. *Псков. Лѣт.*: «А Новгородцы люди *Житіи* и Молодшія сами призвали (его)... а пріѣхалъ во Вторникъ на Введеніе Св. Богородицы.»

(139) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова: «Лѣта 6984, Окт. въ 22, Князь Вел. поѣхалъ съ Москвы въ В. Новгородъ миромъ, а съ нимъ Бояре Иванъ Юрьевичь, Ѳедоръ Давыдовичь, Василей Ѳедоровичь Образецъ, Петръ Ѳедоровичь, К. Иванъ Булгакъ, К. Данило Щеня, Василей да Иванъ Борисовичи, Григорей Васильевичь Морозовъ, К. Александръ Васильевичь Оболенской, да Василей Китай — Окольничей Андрей Михайловичь, Иванъ Васильевичь Ощеря — Дворецкой Михайло Яковлевичь Русалка — а Дѣти Боярскіе К. Михайло Колышка, К. Ивановъ сынъ Юрьевича Григорей Малой, К. Иванъ Звенецъ, Иванъ Товарковъ Молодой, К. Петръ Васильевичь Оболенской, Юрья Шестакъ — а Дьяки Микита Беклемишевъ, Алексѣй Полуектовъ.» — Вел. К. въ Дмитріевъ день обѣдалъ въ Волокѣ у своего брата, Бориса. См. всѣ дальнѣйшія подробности въ *Архив.*, *Ростов.* и въ *Никонов. Лѣт.*

(140) Назывались *Ипскими*. Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Іеродіакона Геронтія сказано здѣсь, что поставъ сего сукна стоилъ 30 рублей, т. е. шесть фунтовъ серебра. Въ старинныхъ нашихъ ариѳметическихъ книгахъ опредѣлена мѣра *постава:* въ немъ было около 37 аршинъ сукна.

(141) См. Круга Münzkunde Rußlands, 162.(*) На сихъ монетахъ Англійскихъ и Французскихъ XIV и XV вѣка изображались *роза* и *корабль;* по-Нѣмецки назывались онѣ Rose-Nobel и Schiff-Nobel; ходили въ Германіи, Даніи, Пруссіи, Ливоніи.

Великій К. уже изъявлялъ неблаговоленіе къ Архіепископу, какъ то видно изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописей: «Владыка прислалъ къ Дворецкому и къ Конюшему (людей своихъ) кормы отдавати, и К. Вел. тѣхъ не похотѣлъ, да и на Владыку озлобился, что то не пригоже. Архіепископъ же добилъ челомъ, и велѣлъ кормы отдавати Намѣстнику своему, Юрію Репехову... и К. Вел. нелюбіе Владыцѣ отложилъ, и былъ того дне у него Владыка, и билъ челомъ, звалъ его хлѣба ясти къ себѣ, и К. Вел. не пожаловалъ.»

(142) См. Далин. Gesch. des R. Schwed. II, 607. Въ *Ростов. Лѣт.*: «пришелъ посолъ Нѣмецкій отъ *Короля* Свейского, отъ *Герстура*, сестричь его Орбанъ, Генв. въ 12 день,» и проч.

(143) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 6983: «Пріѣха съ Москвы Ноября въ 13 Князь Псковской Ярославъ и нача у Пскова просити и судъ держати не по Псковской старинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородомъ его Намѣстникомъ Княжая продажа имати, такожь и денги Намѣстничи.» Граждане посылаютъ съ жалобою къ Вел. Кн. и представляютъ ему древнія грамоты: онъ взглянулъ на нихъ, отдалъ назадъ посламъ и сказалъ, что сіи грамоты писаны не Великими Князьями, и что Псковитяне должны удовлетворить всѣмъ требованіямъ Ярослава. Второе челобитье Псковитянъ: Вел. К. даетъ слово отправить къ нимъ посла для разобранія всѣхъ жалобъ. Они присылаютъ

(*) „И сей Исторіи Т. X. примѣч. 270.“ (Приписка Исторіографа на собств. его экземплярѣ).

ему въ Новгородѣ 50 рублей въ даръ. Тутъ въ *Псков. Лѣт.* разсказывается чудо. «Послове же пріѣхали во Вторникъ па другой недѣли, и въ Четвертокъ на ту нощь бысть чудо дивно и страха исполнено. Стряхнувшеся Вел. Новгородъ противъ Князя В., и бысть пополохъ во всю нощь сильно по всему городу, и въ ту же нощь видѣша и слышаша многи вѣрніи, какъ столпъ огнянъ стоящь надъ Городищемъ отъ небеси до земля, такоже и громъ; и ко свѣту не бысть ничто жее» Вел. К. велѣлъ остаться посламъ въ Новѣгородѣ до прибытія Ярославова, который и пріѣхалъ наконецъ Дек. 12, взявъ съ своихъ граждапъ 20 рублей на путь, съ обѣщаніемъ ходатайствовать за нихъ у Государя; но вмѣсто ходатайства началъ жаловаться. «И Бояре пріѣхаша во Псковъ, а за ними К. Ярославъ Генв., а съ нимъ послы Вел. К., повѣстуя, чтобы есте К. Ярославу денгу Намѣстничю освободили, и ѣзды вдвое и продажи по городомъ Намѣстникомъ имати Княжія, и нивніи судове по старинѣ судити, всякая копная и изгородное прясло и коневая валища... а насъ прислалъ въ пять дней отъ васъ и сѣмо и тамо съѣздити... За все сполу К. Ярославу Псковъ далъ на Вѣчѣ 130 р., а Вел. Князю за все то поимали жь, чего онъ просилъ, тое оправити и его Намѣстникомъ. Того же мѣс. въ 5 день опять поѣхалъ Ярославъ и съ послы Вел. Князя (въ Новгородъ), а Псковъ съ ними отрядилъ Посадниковъ... и К. Вел. (отвѣчалъ), что есте рклися К. Ярославу, тѣмъ васъ жалую, а кого къ вамъ ни пришлю, и вы бы есте меня слушали... и пріѣхаша во Псковъ Генв. въ 18.»

(144) См. Архив. *Псков. Лѣт.* и Синод. *Новгор.* No 46. Въ первомъ: «много Христіанъ пограблено по дороги и по селомъ и по монастыремъ, и числа края нѣтъ, колико золота и серебра вывезе отъ нихъ.» Во второмъ: «бысть Новгород. области убытка много, и съ кровію.» Въ обоихъ сказано, что съ Іоанномъ находилось *много силы*, т. е. людей воинскихъ, но не полковъ.

(145) Ѳеофилъ пріѣхалъ Марта 30, съ Посадникомъ Яковомъ Коробомъ, Казимеровымъ братомъ, и проч. — «Коихъ поималъ Вел. К. въ Новѣгородѣ, послалъ въ заточеніе трехъ на Коломну, Ивана Аѳанасова съ сыномъ Олферьемъ, да Богдана; а трехъ въ Муромъ, Ѳедора Исакова, да Василья Ананьина, да Ивана Лошинского. И дары много привезъ Владыка... а обѣдалъ у Вел. К. Апр. 1 со всѣми своими, а въ 7 день, въ Недѣлю Вербную, былъ пиръ отпускной на Владыку у Вел. Князя.» На другой день онъ уѣхалъ. — Ѳедоръ Исаковъ, Маренинъ сынъ, постригся въ Муромѣ и умеръ 9 Мая въ 1476 году, еще до прибытія Ѳеофилова въ Москву.

(146) Лѣтописцы забыли, что и Мономахъ заставилъ ихъ ѣздить къ себѣ на судъ.

(147) Въ *Ростов.* и въ другихъ: «Въ лѣто 6985 (1477 г.) «мѣс. Марта, Архіеп. и весь В. Новгородъ прислали къ Вел. Княземъ, Іоанну и сыну его, Назара Подвойского, да Захарія Дьяка Вѣчного, бити челомъ и называти себѣ ихъ Государи... Апр. въ 24 К. Вел. посла Ѳеод. Давид. и Ивана Борисовичь, да съ ними Дьяка Василья Долматова ко всему В. Новугороду покрѣпити того, какова хотятъ Государства отчина ихъ, В. Новгородъ; и они того заперлися, рекуще: *съ тѣмъ есмя не посылывали,* и назвали то лжею.» — Но въ Архив. *Псков. Лѣт.* гораздо обстоятельнѣе: «Мая въ 18 пріѣхалъ посолъ отъ Вел. Князей въ Новгородъ Ѳед. Дав., да съ нимъ Тучковъ и окольнихъ людей много и коневъ, и сталъ на Городищи, и пришелъ на Вѣче, и училъ В. Новугороду повѣствовати, что есте Княземъ Великимъ своихъ пословъ присылали и съ своею грамотою, а что его есте Государемъ собѣ назвали и за него есте задавали, и суду его у васъ въ В. Новѣгородѣ быти, и по всѣмъ улицамъ сидѣти Князя Великого Тіуномъ, и Ярославле вамъ Дворище очистити, и въ Вел. Князей судъ не вступати? И Новгородцы же тѣхъ Посадниковъ и Бояръ и животъ пограбили, и дворы и доспѣхи поотнимали, и всю ратную приправу, которые такъ чинили, а безъ В. Новѣгорода вѣдома тую прелесть чинили.»

(148) См. *Ростов.* и Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ Василій названъ *Ананьинымъ:* въ другихъ же во всѣхъ Никифоровымъ.

(149) Архив. *Псков. Лѣт.:* «Вамъ, Господиномъ своимъ, челомъ біемъ, а что *Государи* васъ, а то не зовемъ; а судъ вашимъ Намѣстникомъ на Городищѣ по старинѣ; а вашему суду Вел. Князей, ни вашимъ Тіуномъ, то у насъ не быти; ни Дворища вамъ Ярославля не даемъ. На чемъ есмы съ тобою на Коростыни миръ кончали и крестъ цѣловали, по тому докончанью хотимъ съ вами и жити,» и проч.

(150) См. *Ростов. Лѣт.* л. 534.

(151) 30 Сент. съ Подьячимъ Родіономъ Богомоловымъ.

(152) Первый пріѣхалъ въ Торжекъ къ Намѣстнику Великокняжескому, Василію Китаю, еще въ Августѣ; а вторый въ Октябрѣ.

(153) Въ *Ростов. Лѣт.:* «да Новоторжцы, *Берновы* и *Глуховы.*» Ружанами именуются жители Рузы.

(154) «Окт. въ 19 пріѣхали въ Торжекъ къ Вел. К. Бояре Новогородскіе, Лука Клементьевъ, да братъ его Иванъ, и били челомъ въ службу... Окт. въ 26 на Волочкѣ Посадникъ Новогород. Григорій Михайл. Тучинъ билъ челомъ въ службу.»

(155) «Велѣлъ имъ (Вел. К.) стояти на Бронничи, а ждати вѣсти отъ себе; а инымъ Воеводамъ у езера Илмеря на Взвадѣ и на Ужинѣ.»

(156) Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «Іюня въ 15 (въ 1476 г.) послаша Псковичи Бояръ изо всѣхъ Концовъ на Москву съ грамотою жалобною съ плачемъ къ Вел. Князю на К. Ярослава, чтобъ его сослалъ, а намъ бы далъ К. Ивана Александ. Звенигородцкого; и Князь Великой только нялся посла своего прислати... а хочетъ судъ творити по его засылнымъ грамотамъ, а не по своимъ старинамъ, какъ его прародители... И Псковичи другово посла отрядили Авг. въ 27 просити Князя Ивана Бабича, понеже К. Иванъ Звенигородцкой преставися въ *Великомъ* Володимерѣ въ Великой Пятокъ, и постригся... Сент. во 2 роспервчишася съ людми люди на Княжи дворѣ съ пьяными Княжедворцы, и се почаша битися, а *сестники* (*шестники,* пришельцы?) ножи колотися, а наши каменіемъ, и пойдоша *сестники* на весь міръ съ ножи на торгъ; а иные съ луки... а Псковичи только боронилися... и самъ Ярославъ пьянъ же, и въ пансырѣ вышедъ, почалъ стрѣлять... и пойдоша на торгъ Посадники и Бояре и люди Житейскія и съ запасы, и къ вечеру Князь и *сестники* пойдоша на сѣни, людми доброхотящими укрощени. А Псковичь баше тогды полно побито до крови, много въ ногу, иныхъ въ хребетъ.» О причинѣ ссоры такъ въ Синод. *Псков. Лѣт.:* «Повезе Псковитинъ съ огорода капусту черезъ торгъ мимо Княжей дворъ, и шестникъ похитивъ силою наручье капусты, даде Княжому барану; и про то начаша Псковичи которатись... дву человѣкъ до смерти застрѣлиша... и убиша на торгу повара Княжого Курву.» Псковичи стояли съ оружіемъ во всю ночь, ибо люди Княжескіе грозились зажечь городъ. На другой день Вѣче отрѣшило Ярослава; но Іоаннъ не хотѣлъ смѣнить его, и посолъ Великокняжескій, Бояринъ Иванъ Ѳедоровичь

Товарковъ, сдѣлалъ Псковитянамъ множество убытку и досадъ. Новое челобитье Государю. «Генв. во 2 день (1477) пріѣхаша послы Псковскія: наѣхали Вел. К. въ Володимерѣ, и тамъ державъ ихъ 3 дни, опять на Москву отослалъ, и на Москвѣ ждали 4 недѣли, и К. Вел. отвѣтъ далъ: *коли отчина моя Псковъ на дворъ нашего Намѣстника, а своего Князя, на... ла, ино сама изъ старины выступила, а не язъ Князь Великой*. Тоя же зимы К. Великой, Февр. въ 15, прислалъ грамоту къ Ярославу, веля ему къ собѣ ѣхати, и со Княгинею и со всѣмъ Дворомъ.» 23 Февр. онъ уѣхалъ. Лѣтописецъ говоритъ, что никогда не бывало у нихъ такого Князя злосердаго и хищника: Намѣстники его въ пригородахъ также грабили. «А Псковъ, того не рядя, слали ему на всякъ станъ кормъ съ честію до послѣдняго стана... Онъ же приставы и Старостъ Губскихъ (Губныхъ), которые его честовали, всѣхъ 18 человѣкъ повязавъ мучи и съ собою на Москву увелъ... Марта въ 9 послали къ Вел. Княземъ Посадниковъ и Бояръ Андрея Рублева, Трофима и проч. бити челомъ о своихъ старинахъ и Князя просити себѣ вольного, К. Василья изъ Новагорода, или К. Ивана Володимерича, такожe и о сведеныхъ людехъ... Апр. въ 23 пріѣхаша во Псковъ здоровы, и тѣхъ всѣхъ съ собою припровадили, которыхъ Ярославъ свелъ ... а самъ Ярославъ ни на очехъ въ то время при нашихъ послѣхъ не бывалъ... а К. Великой и поминки принялъ 100 рублевъ, и съ честію отпустилъ, а *язъ къ вамъ шлю своихъ пословъ*... Іюня въ 7 пріѣхалъ отъ Вел. Князей Иванъ Зиновьевъ и Дьякъ Григорей Ивановъ сынъ Волнинъ, поднимая Псковъ на Новгородъ... и бывъ недѣлю, прочь поѣхали.» Псковитяне сами отправили посольство къ Вел. К.; оно возвратилось 27 Авг. «Отвѣтъ таковъ: со всѣмъ моимъ приказомъ мой посолъ еще у васъ будетъ... Сент. въ 5 пріѣха опять Дьякъ Волнинъ, а веля сими часы грамоты вскинути В. Новугороду; а за нимъ много гостей прибѣгоша Низовскихъ и съ товары изъ Новагорода, а иніи поѣхали на Литву. Вскинуша грамоту Новугороду Сент. 30 на Вѣчѣ, а свои Князь Вел. на заутре положи.»

(157) См. Архив. *Псков. Лѣт.* — Дьякъ Волнинъ схватилъ на Вѣчѣ втораго посла Новгородскаго, но освободилъ изъ уваженія къ ходатайству Псковитянъ, которые все еще не хотѣли вооружиться и пересылались съ Вел. К. «Григорей Дьякъ приходя на Вѣче повѣстовати: на конь всѣдайте, а язъ вамъ приставленъ Воеводою; а какъ Князя Великого гдѣ наѣдемъ, и онъ вамъ и Намѣстника дастъ, а я вамъ Князя.»

(158) См. *Ростов. Лѣт.* — Въ *Псков. Лѣт.*: «Окт. 10 загорѣлося въ 3 часу нощи отъ Сысоевыхъ воротъ, отъ Ѳедора отъ Дмитрова двора, и погорѣ всего града застѣнье и до кола, а горѣло до назаутрея до вечера.»

(159) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Князь Василей пріѣхалъ съ Вел. Князя Воеводою, съ Васильемъ съ Дятлемъ... и крестъ поцѣлова на Вѣчѣ на всѣхъ Псковскихъ пошлинахъ и старинахъ Ноября въ 25.»

(160) См. *Ростов.*, *Архив. и Никон. Лѣт.*

(161) «Говорили о томъ, что *Князя Великого Мукобряне* позываютъ на судъ Новогородцевъ,» и проч. Не знаю, что такое *Мукобряне:* это имя не встрѣчалось мнѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Но видно по связи словъ, что они были Великокняжескіе люди.

(162) См. *Ростов. Лѣт.* л. 539.

(163) «Пришелъ К. В. подъ градъ черезъ Ильмерь по льду.» — Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «сталъ (В. К.) въ *Ракомли* надъ Волховомъ за 3 версты отъ В. Новагорода.»

(164) «По Пидбѣ вверхъ по лѣвой сторонѣ и на Стипѣ.»

(165) «И Савастіанъ Кушелевъ (посланный) срѣтилъ ихъ (Псковитянъ) у Солнцы на Шолонѣ.»

(166) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(167) См. Синод. *Псков. Лѣт.* л. 209.

(168) См. *Ростов. Лѣт.* л. 541 — 542.

(169) Въ *Ростов. Лѣт.*: «и донелѣже К. В. возвратися къ Москвѣ, а мостъ стоитъ.»

(170) См. *Псков.* и *Ростов. Лѣт.* Сей Гребенка Шуйскій названъ братаничемъ К. Ивана Горбатаго. Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* сказано, что Вел. К. далъ ему Новгородъ Нижній.

(171) «И Кн. Вел. у Владыки взялъ 10 волостей, Порогъ Ладожскій и земля Порожская по обѣ стороны Волхова, да въ нагоріи Емелегежскій погостъ, да Колбалской, а сохъ въ нихъ $43^1/_2$; да въ Дреглехъ погостъ, да Кременицкой, 50 сохъ; да на мѣстѣ Бѣлая $39^1/_2$ сохъ; да Удомля 50 сохъ; да Кирва, да Ахона $52^1/_2$ сохъ; да Перосъ, а въ ней 80 куницъ и двѣ... да преже-писанныхъ шести монастырей по половинѣ волостей; а Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ Кн. Великій 720 обежъ; а у Аркажа 332, у Благовѣщенскаго 253; а у Никольскихъ Неровскаго Конца 251; а у Антонова монастыря 50 сохъ; а у Михайловскаго 97 обжей, да шесть селъ, которыя были за Княземъ В. Шуйскимъ, а сохъ 58.» Въ *сохѣ* было три *обжи*. Хотя мы и назвали здѣсь *обжу* тягломъ, но иногда въ *пяти* обжахъ находилось *семь* работниковъ, иногда *шесть* (см. Архив. Книгу Помѣстнаго Приказа). Въ лѣтописяхъ же сказано здѣсь: «обжа (Новогородская) единъ человѣкъ на единой лошади оретъ.»

(172) «Кн. Вел. захотѣлъ взяти съ обжи по полугривнѣ, и Владыка со всѣми своими начаша бити челомъ, чтобы Государь ималъ дань, какъ біемъ челомъ, по 7 денегъ съ сохи единова на годъ, и Кн. Вел. тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати ему съ сохи по полугривнѣ.» Слѣдственно въ гривнѣ было только 14 денегъ *Новогородскихъ:* такъ говоритъ и Герберштейнъ.

(173) Съ Одинцомъ.

(174) «Да тотъ списокъ и *подписати* велѣлъ Владыцѣ.»

(175) «Да и о Попѣ Іоаннѣ говорили (Бояре Вел. Кн.), да о Сенкѣ о Княжескомъ, чтобы Попомъ ругу отдали за давніе годы, что имъ не дали, да и впередъ бы давали ругу; а что у Попа Іоанна взяли, а то бы ему все отдали, а Сенкѣ бы дворъ, да и статокъ весь отдали, что у него взяли.»

(176) Посольство правилъ *одинъ* К. Иванъ Юрьевичь.

(177) См. *Ростов. Лѣт.* л. 548.

(178) Въ *Ростов. Лѣт.*: «а что услышите кто у брата своего Новогородца о Вел. Князехъ о добрѣ и о лихѣ, а вамъ то сказати своимъ Государемъ; а что учнутъ Вел. Князи съ вами говорити которое свое дѣло или Боляре Вел. Князя, и того вамъ Государского дѣла не проносити.»

(179) Февр. въ 2 день Вел. Княгиня Марья постриглась на своемъ дворѣ и наречена бысть Марѳа; а постригъ ее Игуменъ Кирилова монастыря.» Гонецъ пріѣхалъ въ Москву 27 Генв.

(180) Въ Тверской Губерніи, въ Вышневолоцкомъ Уѣздѣ, въ селѣ Млевѣ, при церкви Спаса Нерукотвореннаго, есть надгробный камень съ надписью: *Лѣта З... положенася*, преставися раба Божія Марѳа на пам.»... Нѣкоторые думали, что Борецкая, не доѣхавъ до Москвы, умерла и погребена въ семъ мѣстѣ. Надпись дѣйствительно кажется древнею: но числительная буква *З* указываетъ на семитысячной годъ, а Борецкая отпра-

влена изъ Новагорода въ 6986 году отъ сотворенія міра.

(181) «Чепь златую 5 гривенокъ, чару золоту 10 грив., чару золоту $1^1/_2$ грив. и 10 золотникъ, ковшъ золотъ гривенка и 3 золотника, кружку золочену сребрену 13 грив., да кубокъ складной золоченъ 14 грив., да мису сребрену 11 грив., да кубокъ золоченъ $6^1/_2$ грив., да поясъ золоченъ великіе оковы $18^1/_2$ грив.»

(182) Длугош. Hist. Polon. кн. XIII, 538, и Арнта Liefl. Chron. — Въ Кремлевскомъ Арсеналѣ показываютъ набатной колоколъ вылитый въ 1714 г. изъ стараго набатнаго: увѣряютъ, что сей послѣдній былъ Вѣчевый Новогородскій.

(183) *Ростов. Лѣт.* л. 503 на обор.: «наймоваху злыхъ смердовъ... и тіи приходяще на Вѣче, біяху въ колоколы, и кричаху,» и проч.

(184) При Олегѣ.

(185) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 126.

(186) Кранцъ въ Wandal. стр. 301: Ita civitas potentissima, non tam armis quam *ingenio*, servit hodie. Далѣе Историкъ говоритъ, что успѣхи торговли противны духу воинскому, и проч.

(187) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 96.

(188) Кранцъ въ Wandal. 301: Novguardia metropolis Russiæ tam potens, ut in proverbio efferrent cives ejus: *quis potest contra Deum et magnam Novguardiam?* Сочинитель *Жизни* Царя *Іоанна Васильевича* (Ioannis Basilidis, Magni Moschoviæ Ducis vita, a Paulo Oderbornio conscripta) также говоритъ о сей пословицѣ; а Нѣмецкій его переводчикъ, Христ. Куне, сообщаетъ ее и на стоомъ Русскомъ языкѣ: Ochto moschet stojati protif Bocho di Welik Novogorod? то есть: *кто можетъ стояти противъ Бога да Великого Новагорода?*

(189) Т. II, стр. 4.

(190) Т. III, стр. 103.

(191) Т. V, стр. 123.

(192) Т. IV, стр. 63.

(193) См. выше, примѣч. 49.

(194) Т. V, г. 1404.

(195) Новогородцы изъявили рѣдкую умѣренность, разбивъ войско Боголюбскаго и Михаила Тверскаго (Т. III и IV); приняли Князей Суздальскихъ, ослѣпленныхъ Всеволодомъ Великимъ (Т. III); Юрія Смоленскаго, Шемяку (Т. V), Гребенку Шуйскаго (см. выше) и проч.

(196) Сія *Исторія* представляетъ доказательства.

(197) См. въ Тацитѣ рѣчь Гальбы при усыновленіи Оттона.

(198) Во многихъ сказано только: «поймалъ Владыку въ *крамолѣ*... а казну его, множество злата и сребра и сосудовъ взялъ на себя.» Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.*: «Не хотяше бо той Владыка, чтобы Новгородъ былъ за Вел. К., но за Королемъ или за инымъ Государемъ. Кн. Вел. отъя половину волостей у Владыки, и про то Владыка нелюбіе держаше.» — Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ* (Синод. библіот. No 164, л. 191) есть *отписная Ѳеофилова грамота*, которою онъ отказывается отъ Архіепископіи, говоря: «Познаваю убожество своего ума и великое смятеніе своего неразумія... и того ради азъ, смиренный Ѳеофилъ, Бога молю и челомъ бью господину своему и отцю, Геронтію Митрополиту, и извѣщаю предъ своею братіею, предъ Архіеп. и Епископы, и пріимаю благословеніе и прощеніе о своемъ дерзновеніи и о своей грубости и о недостатковствѣ своего ума, что Христова стада пасти не возмогохъ: и того ради оставляю свою Архіепископью.» Ѳеофилъ клянется провести остатокъ жизни въ смиреніи, не именоваться Архіепископомъ, благословляетъ Вел. Кн. и сына его, и внизу подписалъ грамоту собственною рукою.

(199) «Положили (въ 1483 г. Іюля 17) жребій на престолъ Елисея Архимандрита Спаскаго, да Сергія Старца Троицкаго, да Геннадія Архим. Чудовскаго на Архіепископство въ Новгородъ... Сент. въ 4 поставленъ Сергій, бывшій Протопопъ Богородскій Симеонъ.» Въ Архив. *Новогород. Лѣт.* Іеродіакона Геронтія, л. 463, находится слѣдующее: «И прилучися ему (Архіеп. Сергію или Симеону) ѣхати мимо монастырь Арханг. Михаила Сковоротку. Сергій же сниде съ коня и вниде въ монастырь, и помолися... и пойде въ паперть, и сказаша тỳто гробъ строителя монастыря того, Архіеп. Моисея. Онъ же повелѣ Священнику гробъ вскрыти. Священникъ не смѣя, и рече: подобаетъ Святителю Святителя вскрывати. Архіеп. же рече съ гордости; *кого сего смердовича и смотрити!* и пойде изъ монастыря, и пріѣде въ Новгородъ, и отъ того времени прииде на него изумленіе: овогда видяху его въ Софійской паперти сѣдяща въ одной ряскѣ; иногда же въ полдни у Святѣй безъ манатіи, и свезоша его къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь въ свое постриженье.» Въ Лѣтоп. Львова, стр. 190: «Не хотяху Новогородцы покоритися ему, что не по ихъ онъ мысли ходитъ, понеже Вел. К. посла Боярина своего съ нимъ и Казначея и Дьяка; они же отъяша у него умъ волшебствомъ и глаголаша: Іоаннъ Чудотворецъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ сотвори ему.» Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 217: «Въ *Новѣгородѣ* Владыкѣ Сергію начаша являтися Святители Новогородстіи, овогда во снѣ, овогда явѣ, обличающе безумное дрьзнутіе на поставленіе, яко оставльшу Каноны, въ нихъ же глаголетъ, яко живу сущю Епископу и не яту, ни обличену ересьми, ни по правиломъ изгнану, не подобаетъ иному на престолъ его дрьзати. И сія глаголюще, въ недуги вложиша его... и невидимою силою порази его о землю, и пребысть нѣколико нѣмъ... и пострижесь въ Скимѣ въ монастыри на Хутыни, и тамо его невидимо паче перваго явленія умучи и внѣ монастыря изверже; и отъѣха на Москву съ своими Дворяны Іюл. 23.» Геннадій поставленъ 9 Дек. 1484.

(200) *Лѣт.* Львова стр. 189. Новогородцевъ допрашивалъ въ Москвѣ на дворѣ Ивана Товаркова Подьячій Гречновикъ.

(201) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова сказано: «Какъ Богъ поручилъ Вел. Кн. Ивану Васильевичу подъ его державу В. Новгородъ, и по его Государеву изволенію распущены изъ Княжескихъ дворовъ и изъ Боярскихъ служилые люди, и тутъ имъ имена, кто чей бывалъ, какъ ихъ помѣстилъ Государевъ писецъ Дмитрій Китаевъ:

1. «Янышевы, Борановы, Тыртовы, Постельниковы, Клементьевы, Чепуюговы, Печенѣговы, Хомутовы: то Ивановскіе послужильцы Борисовича Тучкова восемь семей въ тѣ поры двора его испомѣщены.

2. «Сарыевы, Теткины, Зеленины, Берюлевы, Битюговы, Амбучевы: то Князь Семена Ряполовскаго послужильцы шесть семей.

3. «Шедрюнины, Быковы, Ланкины, Пестриковы, Хомутовы, Печенѣговы, Нефедьевы, Щербинины, Редровы: то Васильевскіе послужильцы Тучкова 9 семей.

4. «Мустофины, Татьянины, Нестеровы, Норовятые, Нелединскіе: тѣ Шереметевскіе послужильцы 5 семей.

5. «Шляковы, Обрамовы, Тарузины, три семьи Шереметева двора.

6. «Быковы Васильевскіе послужильцы Кузмина 1 семья.

7. «Базаровы, Авсіевы, Гулдовы, Назимовы: то Богдановскіе послужильцы Есипова 4 семьи.

8. «Бѣлосельскіе, Одинцовы, Рындины, Чернышевы, Сабуровы, Колокольцовы, Савины, Мещениновы: тѣ Салтановскіе послужильцы Травина 8 семей.

9. «Муравьевы. — 10. Некрасовы, Назимовы: тѣ Обрамовскіе послужильцы 2 семьи.

«И помѣщены по Государеву указу въ Вотцкой Пятинѣ.»

(202) *Лѣт. Никон.* стр. 158.

(203) См. *Архив. Псков. Лѣт.* — Сей Лѣтописецъ такъ заключаетъ исторію Новагорода: «И посади Вел. Князь во градѣ четыре свои Намѣстники, два на Ярославли дворѣ, Князь Ивана Стригу да брата его Кн. Ярослава; а на Владычни сторонѣ Бояръ Василья Китая да Ивана Зеновьева, и дѣла судебныя и земскія правити, а Владыкѣ опрочь Святительскаго суда, ни Посадникомъ, ни Тысяцкимъ, ни всему Новугороду не вступатися ни во что же; ни Вѣчу быти, ни пословъ слати намъ къ нимъ, посольства правити со иныя земли къ Намѣстникомъ, а не къ Владыкѣ, ни къ Новугороду... Сеже все бысть по строенію Божію. Что ми о семъ промышляти много, или писанію предавати?... *Доздѣ вся скончашася о Великомъ Новѣгородѣ!*»

(204) Первая родилась Апр. 18 въ 1474 году, вторая въ Маѣ 1475, третья (по кончинѣ первой) 9 Мая 1476.

(205) См. *Степен. Кн.* II, 137. Сіе видѣніе было Софіи за монастырскимъ селомъ Клементьевымъ, когда она сходила въ долину къ Лаврѣ. Василій родился 25 Марта и названъ именемъ Гавріила въ честь Архангела Благовѣстителя.

(206) Юрій или Георгій родился 23 Марта 1480 года, Димитрій 6 Окт. 1481, Θеодосія въ 1485, Симеонъ въ 1487, Андрей 4 Авг. 1490. Годъ рожденія Евдокіи не означенъ въ лѣтописяхъ.

(207) Архив. Дѣла Крымскія No 1, л. 34 — 39. Братья Менгли-Гиреевы пріѣхали въ Москву осенью въ 1479 году, когда Вел. К. находился въ Новогородскомъ походѣ. Въ лѣтописяхъ: «тое же весны Мердоулата Царевича, Мердоулатова сына, зарѣзалъ Татаринъ его, и тому Татарину отецъ его голову отрѣзалъ.»

(208) Въ *Казанск. Лѣт.:* «Великій же Князь, пріемъ басму лица его (Царскаго), и поплевавъ на ню, излома,» и проч. У насъ несправедливо толковали, что *басма* есть Ханская грамота съ печатью: грамоты Хановъ назывались *ярлыками*, а печать *нишаномъ*. *Басма* собственно значитъ *тисненіе, изображеніе, снимокъ*, отъ глагола *басмакъ*, такъ изъясняемаго въ Латин. словарѣ, *Bastmak*, calcare, premere, impressionem facere.

(209) Синод. Лѣт. въ четвертку, No 365, л. 466.

(210) Контарини, стр. 45, пишетъ: En ce tems l'Empereur des Tartares avoit la guerre avec son neveu, qui, parce que son pere avoit tenu l'Empire, pretendoit le lui disputer.

(211) По тому что Іоаннъ не захотѣлъ ѣхать къ нему въ Орду.

(212) См. *Лѣт.* Львова, г. 1480, стр. 132.

(213) Синод. *Псков. Лѣт.* л. 211 на обор.: «Князь Андрей *Горяй* и Борисъ разгнѣвашася на брата, на Вел. Кн.... и поидоша прочь; а около ихъ Бояръ и людій, яко мнѣти ми, до 20,000, и сташа на Лукахъ на Великыхъ, а волости вся положиша пусты,» и проч. — О замышляемомъ ими бѣгствѣ Іоаннъ узналъ будучи въ Новѣгородѣ и спѣшилъ возвратиться передъ Вел. постомъ. Борисъ пріѣхалъ къ Андрею въ Угличь на Масленицѣ, отпустивъ свое семейство во Ржеву, куда послѣ и самъ отправился съ братомъ. Іоаннъ присылалъ къ нимъ во Ржеву (или Ржевъ) Боярина Андрея Михайловича (см. Архив. Лѣт.).

(214) *Синод. Лѣт.* No 365, л. 466: «И Король *порадовася* тому;» однакожь не хотѣлъ явно вступиться за нихъ: «послали къ Королю, чтобы ихъ управилъ въ обидахъ съ Вел. Княземъ и помогалъ, и Король имъ *отмолвилъ*» (См. *Архив. Лѣт.*).

(215) Въ *Архив. Лѣт.:* «быша въ страсѣ велицѣ... всѣ грады быша въ осадѣхъ, и по лѣсомъ бѣгаючи, многіе мерли.»

(216) См. *Лѣт.* Львова, стр. 136.

(217) Вассіанъ ѣздилъ къ нимъ два раза: сперва въ Молвятицы (въ области Новогородской), откуда они послали съ нимъ къ Іоанну Бояръ своихъ, двухъ Князей Оболенскихъ, требуя удовлетворенія. Сей Архіепископъ возвратился въ Москву на Страстной недѣлѣ, а 27 Апр. опять поѣхалъ къ нимъ въ Великія Луки вмѣстѣ съ Дьякомъ ихъ матери.

(218) См. *Казанск. Лѣт.*

(219) Въ *Синод. Лѣт.* въ четв. No 365, л. 467, сказано, что вмѣстѣ съ Вассіаномъ былъ тамъ и Владыка Прохоръ *Подрѣльскій*. Крутицкіе Епископы назывались прежде и *Подрѣльскими* (см. ниже, примѣч. 326).

(220) См. *Синод. Лѣт.* въ четв. No 365, л. 468. Съ Софіею и съ казною Великокняжескою поѣхали Василій Борисовичь и Андрей Михайл. Плещеевъ.

(221) Въ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 467 на об.: «Сила его ста по Окѣ и по Угрѣ на 60 верьстахъ.»

(222) *Лѣт.* Львова, стр. 169.

(223) *Лѣт.* Львова стр. 169. Но въ семъ Лѣтописцѣ все перемѣшено.

(224) Мать его и Митрополитъ посылали своихъ Бояръ уговаривать Князей Андрея и Бориса; они усовѣстились и прислали въ Москву своихъ чиновниковъ. См. *Ростов. Лѣт.*

(225) *Лѣт.* Львова стр. 170: «Дмитровцевъ же въ осаду въ Переславль велѣлъ перевести Полуехту Бутурлину, да Ивану Кикѣ.»

(226) Между Боровска, Медыни и М. Ярославца.

(227) См. *Синод. Лѣт.* No 365, л. 469.

(228) См. *Лѣт. Архив.* и Львова.

(229) См. *Синод. Лѣт.* No 365, л. 469 на обор. Стриковскій пишетъ, что Темиръ, подкупленный Великимъ Княземъ, отвелъ Ахмата отъ сраженія и зарѣзалъ сего Царя.

(230) См. *Лѣт.* Львова стр. 172.

(231) Въ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 487, означено внизу грамоты, что она писана на *Дорогомиловѣ*. См. *Ростов. Архив. Лѣт.* и *Степен. Кн.* II, 140. Я выписалъ здѣсь только сильнѣйшія мѣста сего Вассіанова посланія, достойныя войти въ Исторію: то есть, сократилъ его безъ всякихъ прибавокъ или украшеній. — Грамота Геронтіева къ Іоанну находится въ посланіи *Рос. Митрополитовъ* (въ Синод. Библіот. No 164, л. 254).

(232) *Синод. Лѣт.* No 365, л. 487.

(233) Въ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 471; «Царь же хотя искрасти Вел. Князя подъ Опаковымъ Городищемъ, хотя прелѣзти Оку.» — Въ *Казан. Лѣт.:* «И могу нарещи ту рѣку (Угру) поясъ самыя Пречист. Богородицы, аки твердь отъ поганыхъ защищающу Русскую землю.»

(234) Въ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 487 на обор.: «отступи со всею силою въ поля къ Боровецку, какъ мощно бой поставити противу Ахмата.»

(235) *Синод. Лѣт.* No 365, л. 487 — 488.

(236) *Синод. Лѣт.* No 365, л. 488: «Прочь идучи, приходилъ Царевъ сынъ, Амуртоза, на Конинъ, да на Нюхово въ вечери; а Кн. Вел. отпустилъ братію, К. Андрея, да К. Бориса, да К. Андрея меншаго со множествомъ Воеводъ. Татарове же нощи тое поимаша человѣка и начаша мучити, а прашивая Кн. Великаго. Онъ же сказалъ, что Кн. Вел. близко... и побѣже (Царевичь) на ранней зори.»

(237) См. въ *Казанск. Лѣт.* главу X.
(238) См. *Лѣт.* Львова стр. 174 и 175.
(239) *Степен. Кн.* II, 150: «Отъ того времени уставища праздникъ праздновати Пречист. Богородицы и хождение со кресты м. Iюня въ 24 день.» Не 24, а 23 Iюня. Въ сей день бываетъ въ Москвѣ Крестный ходъ въ Срѣтенской монастырь.

(240) См. *Ростов.*, *Никон.* и *Казан. Лѣт.* гл. XI. Тамъ сказано, что Ахмата убилъ шуринъ его, Ногайскій Мурза Ямгурчей; но обстоятельнѣе и вѣрнѣе говоритъ о семъ *Архангельскій Лѣтописецъ*, стр. 159: «Тое же зимы слышавъ Царь Ивакъ Шибанскій, что Царь Ахматъ идетъ съ Руси, а воевалъ землю Литовскую, и полону и богатства безчисленно, и приде Царь Ивакъ въ Нагаи, а съ нимъ силы 1000 Казаковъ, и вземъ съ собою шурью свою изъ Нагай, Мусу Мырзу, да Ямгурчей Мырза, а съ ними силы 15,000 Казаковъ, и перевевеся Волгу на горную сторону, а уже осень, и пойде на перееиъ на Ахмата, и переняль слѣдъ его за Дономъ и пойде послѣ Ахмата по вѣстемъ, и какъ Ахматъ раздѣлился съ своими Салтаны, на зимовище приде, и ста зимовати, расплошася; а Царь Ивакъ приде на него съ силою своею безвѣстно съ Мырзами, Генв. въ 6 день (1481), на утрѣназоревся, а Царь Ахматъ еще спитъ, а Царь Ивакъ самъ вскоча въ бѣлу вежу Цареву Ахматову и уби его своими руками, а *силы межи собою не бились, а Шибаны съ Ногаи* начаша Ахматову Орду грабити межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близъ Азова; и стоялъ Царь Ивакъ 5 дней на Ахматовѣ Ордѣ и пойде прочь; а Ордобазаръ съ собою повеле въ *Тюмень* не грабя, а добра и скота и полона Литовскаго безчисленно поималъ, и за Волгу перевелъ. Того же лѣта Царь Ивакъ послалъ Чюмгура Князя къ Вел. Князю Ивану Васильевичю и къ сыну его съ радостію, что супостата твоего есми убилъ Царя Ахмата; и Кн. Вел. посла Ивакова чествовалъ и дарилъ, и отпусти ко Царю съ честію, а Царю Иваку тѣшь послали.» — *Шибаны* и *Нагаи* кочевали въ сосѣдствѣ, однакожь раздѣлялись между собою; первые, кажется, такъ назывались отъ имени *Шибана* или *Шейбани-Хана*, Батыева брата, который господствовалъ въ Туранѣ или въ Сибири (См. Абульгази Hist. des Tat. стр. 483, и въ Бержеронѣ путешествіе Карпина и Рубруквиса). Въ другихъ лѣтописяхъ и въ самыхъ посольскихъ бумагахъ Шибанскіе Татары именуются обыкновенно Ногаями. Дѣла Ногайскія въ Архивѣ начинаются съ 1489 года (см. ниже примѣч. 308). Въ семъ году и въ 1494 былъ въ Москвѣ Иваковъ посолъ Чюмгуръ; но о первомъ его посольствѣ въ 1481 году нѣтъ извѣстій въ Архивѣ. Ивакъ въ своихъ грамотахъ къ Вел. Кн. именуетъ себя Ибрагимомъ, сыномъ Шыбана Царя, бывшаго съ Россіею въ дружбѣ: «отецъ мой стоитъ съ твоимъ юртомъ въ опришнину; и другъ и братъ былъ.» (См. Дѣла Ногайск., л. 30).

(241) См. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 74.

(242) *Больш. Чертежъ*, стр. 229: «отъ верьху рѣки Бузувлука на поляхъ и до Синяго моря кочевье все Большихъ Нагаевъ.» Стр. 93: «отъ рѣки Кубы, отъ горъ къ Черному морю и къ Азовскому, и до верьху рѣки Маначи все кочевье Малыхъ Нагаевъ, Казыева Улусу.»

(243) См. въ Архивѣ *Дѣла Ногайскія*, л. 2 и 30. Ивакъ въ своей грамотѣ къ Вел. Кн., 1494 году, пишетъ: «Мнѣ счастье далъ Богъ: Тимеръ-Кутлуева сына убивши, Саинской есми стулъ взялъ: да еще самъ съ братьями и съ дѣтьми условившыся, а Вел. Князя дѣтей на княженье учинивъ:» какого *Вел. Князя?* думаю, Ахмата, котораго онъ изъ презрѣнія не хочетъ назвать *Царемъ*.

(244) См. *Лѣт. Архив.*, *Ростов.* и Львова. Въ семъ послѣднемъ, стр. 175, сказано: «да не похвалятся несмысленніи, въ своемъ безуміи глаголюще: *мы своимъ оружіемъ избавихомъ* Рускую землю! . . . Богъ спасе,» и проч.

(245) Вассіанъ преставился въ 1481 году, Марта 23.

(246) Андрей скончался 10 Iюля 1481.

(247) *Рос. Вивліов.* II, 146, или *Собр. Г. Г.*

(248) *Рос. Вивліов.* II, 102 — 146. Въ Синод. Лѣт. No 365, л. 488 на обор. сказано, что Вел. Кн. далъ тогда и вѣрному своему брату, Андрею Меньшему, городъ Серпуховъ съ волостями.

(249) Веснoю въ 1480 году.

(250) Андрей пишетъ: «въ выходъ мнѣ давати въ 1000 рублевъ 100 рублевъ и 30 алтынъ и 3 денги . . . а съ Романова городка давати Татарщину къ Ярославлю по старинѣ.» Борисъ давалъ на тысячу 60 рублей (см. *Вивліов.* II, 106, 124).

(251) Дѣла Крымскія No 1, стр. 60. Скряба поѣхалъ изъ Москвы 26 Апрѣля 1481. Іоаннъ уже зналъ о смерти Ахматовой, ибо говоритъ въ наставленіи послу: «ко мнѣ вѣсть пришла, что Ахмата Царя въ животѣ не стало.»

(252) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «А какъ Кн. Вел. стоялъ подъ Новымгородомъ, въ тоежь время воеваша Вел. Князя Воеводы и по Заволочью и по западной сторонѣ и за Яму за городокъ и до моря въ Нѣмецкую землю ходиша, и Нѣмецъ побиша Ругодивцовъ, иныхъ изсѣкоша, а иныхъ съ собою приведоша, и много Чюди и добытка.» Веснoю Магистръ захватилъ многихъ купцевъ Псковскихъ, и хотя скоро выпустилъ, но удержалъ ихъ товары въ Ригѣ. Въ Сент. Псковичи воевали область Ливонскую, и заключили Нѣмецкихъ купцевъ, узнавъ, что въ Дерптѣ заключены Псковскіе. «Въ лѣто 6988 (1479) пріѣхалъ Кн. Вел. въ Новгородъ Дек. 2 . . . и Кн. Псковской Василей Васил. Шуйской и Посадники Дек. 7 поѣхали къ Вел. Кн. и повезоша поминки 65 рублевъ серебромъ . . . Дек. 30 пріѣхали послы отъ Вел. Кн. во Псковъ, и Генв. 6 на крестномъ цѣлованіи Местеровы люди да Арцыбискупли Вышегородокъ взяли, да и стѣну сожгли, и церковь Бориса и Глѣба, а мужей и женъ и дѣтокъ изсѣкли; а Нѣмецъ пало въ городкѣ 50, а иніи погорѣли . . . И срубишася съ четырехъ сохъ конь, и пріѣхаша, а уже Нѣмцы прочь побѣгоша . . . И послу Вел. Кн. поминка дали на Вѣчѣ 20 рублевъ . . . Генв. 20 Нѣмцы пріидоша нощію ко Гдову и почаша пушками шибать; а иная рать подъ Городкомъ. Псковичи же слаша къ Вел. Кн. въ Новгородъ силы просити, и Кн. Вел. прислалъ Воеводу Кн. Андрея Никитича Ногтя съ людьми своими . . . и начаша совокуплятися подъ Изборескъ . . . и пойде вся сила Псковская по Великому озеру къ Костру Нѣмецкому . . . и взяша, и много добра изъ него и пушекъ и зелей пушечныхъ; а Нѣмцы сами дашась руками, и жонокъ и робятъ 52; и Псковичи сожгли Костеръ, да и поидоша къ Юрьеву и стояли ту нощь да день, а подъ Костромъ 3 дни, да поѣхали ко Пскову . . . и Воевода Вел. Князя и его сила много добра повезоша на Москву и головами Чюди и Чюдокъ множество . . . Февр. 25 пріѣха Местеръ съ Нѣмцы со многимъ замышлѣніемъ къ Изборску и пожже волости.» Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 240: «И пойде къ г. Пскову и не дошедше за 30 верстъ, възъгнетиша въ нощь многи огни . . . и Князь и Посадники и вся Псковичи всѣдше на коня ови въ доспѣсѣхъ, а иніи нази, токмо въ кого что угодилося, или копіе, или оружіе, или

щитъ, ови на конехъ, ови пѣши, и стяги поимавше, выйдоша и сташа въ Устьяхъ . . . и Нѣмци устрашишася, а Псковичи убояшась, и не съступишась на бой. Токмо сторожовый полкъ Нѣмецкый зашедъ пѣшцовъ Псковичь побиша 300 человѣкъ, а доспѣшная рать на конехъ того не видѣша, и стояша съ поранья до вечера; а Князь Местеръ побѣже . . . и пріидоша (Нѣмцы) къ Новому городку Кобылѣ Марта въ 4 день. . . и принесше подъ градъ хврастіе съ смолою, зажгоша градъ, а людіе начаша чрезъ стѣну рѣятись; они же поганіи камѣніемъ побиша, а иныхъ сулицами . . . а Макарью Посадника и иныхъ живыхъ поимавше.»

(253) Списокъ сего донесенія присланъ ко мнѣ изъ Кенигсбергскаго Архива, г. 1480, No 700. См. ниже, примѣч. 258.

(254) См. Арнта Liefl. Chron. стр. 159.

(255) Архив. *Псков. Лѣт.*: «Авг. 18 приде Местеръ со всею землею къ Изборску, хупучися на домъ Св. Николы... пушками шибаючи во градъ... и пойдоша Нѣмцы ко Пскову, а стояли подъ Изборскомъ 2 дни.» Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 212: «Тогда поганый взъярився и попухневъ лицемъ, пріиде ко Пскову, съкрежеща своими многоядными зубы . . . а Псковичи Завеличье сами зажгоша, а по Великой рѣкѣ на Выбутѣ и въ Устьяхъ заставы поставиша; а на четвертый день Юрьевцы въ снекахъ пріѣхаша и привезоша множество ратнаго запаса и хлѣбовъ и пива и вологи, акы на пиръ зовоми . . . и напившесь заклятшась Местеру посады зажещи, а Псковъ взяти, и собравше по Завеличью оставшаяся древеса и накладоша 2 учаны и поліяша хврастъ смолою, и хотѣша Запсковіе зажещи: бяше бо посиленъ вѣтръ отъ Завеличья на градъ. И бяху Псковичи въ скорби . . . и мнози безумніи побѣгоша за рубежъ, отъ нихъ же помяну Филипа Посадника Пукышова: поимаша его внѣ града . . . а К. Василій повелѣ своимъ и кони сѣдлати и хотѣ бѣжати . . . Явися тогда етеру мужю благовѣрный К. Довмонтъ, веля ему: *одѣяніе гроба моего вземше, и съ кресты около града грядите трижды, и молитесь, и не бойтеся.* Онъ же, скоро отъ сна вставъ, завѣсти Стефану Посаднику . . . И тако нощію вземше отъ гроба одѣяніе благовѣрнаго Кн., обходиша и съ кресты около Крому . . . и поганія, влѣзше въ снеки по сту человѣкъ али и болѣ, и попустиша ово стрѣлами, ово пушками, аки дождемъ . . . и преплывше рѣку межю Св. Лазаря и Св. Спаса, въ лугу приставше, хотѣша на брегъ вылѣзти . . . И истопоша 50 Нѣмчиновъ,» и проч.

(256) См. сіе письмо подъ No 701 между моими Кенигсбергскими бумагами. Магистръ говоритъ, что Псковитяне предлагали ему размѣнъ плѣнныхъ, человѣка на человѣка; хотѣли возвратить Нѣмцамъ разныя мѣста, и проч. Онъ долженъ былъ, по словамъ его, отступить за недостаткомъ въ фуражѣ. См. Арнта Liefl. Chr. 159.

(257) Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 213 на обор.: «Сент. въ 3 день (1480) пріѣхаша въ Псковъ братія Вел. К. и быша во Псковѣ 10 дней . . . и рекоша: како намъ пойти съ вами въ иновѣрныхъ землю, а наши жены и дѣти и животы повержены въ чюжей земли? Егда убо здѣ изволите быти женамъ нашимъ, тогда ради есмо васъ боронити. И бѣху Псковичи въ сѣтованіи, не домышляющесь, что сътворити, боящесь Кн. Великого: понеже врага Царскаго аще хто хранитъ, супостатъ ему есть . . . и отрекоша имъ . . . Они же разгнѣвавшесь, поѣхаша изъ града . . . и сташа на Мелотовѣ, и распустиша по всѣмъ волостемъ люди своя: бяше бо людей около нихъ, мню, яко до 10,000, и повоеваша много волостей аки невѣрніи, и домы Божія пограбиша и скоту много посѣкоша, а жены и дѣвици посквернипа и плѣнивше многыхъ сведоша; не оставиша ни куряти; токмо огнемъ не жгоша, ни оружіемъ не сѣкоша . . . И Псковичи, много бивше чоломъ, даша 200 рублевъ, а околицы 15 рублевъ; и тако отъидоша въ Новгородскую съ многымъ вредомъ.»

(258) См. между моими Кенигсбергскими бумагами No 702 письмо Магистра Ливонскаго къ Вел. Магистру Прусскому, въ коемъ онъ жалуется, что Нѣмецкій Орденъ не далъ никакой помощи Ливоніи. Приведемъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ говорится о мнимыхъ, какъ надѣюсь, злодѣйствахъ Россіянъ: Sie obirczogen disse Lande Junckfrauwen und Frauwen beschemten, ere Borste abesneten unnd den Mennen in de Munde stißen, den Mennen ere Gemechte berobten unnd den Weibespersonen in de Munde hynghen, den Cristenen Nessen unnd Oren abesneten, Fyngben tederten, Hende unnd Fuße abehywen, schwanger Frouwen offsneten, de Frucht awßem Leibe nomen unnd spißeten, dy Dermen hefften an dy Böme, dy Lewthe dwungben ere eygene Yngewethe awßem Leibe zu reißen. (Физически невозможно!) — и проч. Такіе ужасы обыкновенно разсказывали непріятели другъ о другѣ, чтобы питать взаимную ненависть между народами. Историкъ замѣчаетъ, но рѣдко вѣритъ. Далѣе Магистръ пишетъ, что, кромѣ Москвитянъ, находилось въ Русскомъ войскѣ множество Татаръ, Сарацынъ, невѣрныхъ.

Въ Синод. *Псков. Лѣт.* л. 214 на обор.: «Тоя же зимы послаша Псковичи къ Вел. Кн. бити чоломъ о помощи . . . Воеводы же пріѣхаша во Псковъ Февр. въ 11 день . . . и плѣниша всю землю Нѣмецкую отъ Юрьева и до Риги; а Лотыголу и Чюхновъ овыхъ насѣкоша, овыхъ пожгоша, а сущіи въ лѣсѣхъ отъ мраза измерзьше умроша; а иніи гладомъ: бѣ бо тогда мразы силно велицы, и снѣгъ человѣку въ пазуху . . . А Нѣмецкая земля вся тогда бяше не въ опасѣ . . . пива многи варяху, не чаяху на себе таковыя пагубы . . . и отмстиша Нѣмцовъ за свое и въ двадесятеро, али и болѣ, якоже нѣціи рекоша: *Псковъ сталъ, не бывало тако.*» — Въ *Архив. Лѣт.* сказано, что Псковитяне прислали къ Вел. Кн. 50 Феллинскихъ колоколовъ.

(259) См. *Архив. Лѣт.* л. 130: «Взяша съ Вышегорода Веліяда таемъ 2000 рублевъ.» Прежде сказано о Феллинѣ: разбивше стѣну, охабень Веліяда взяша.» За Магистромъ гнались 50 верстъ.

(260) См. выше, прим. 258. Слова Магистровы: Pristere gegeißelt unnd dareyn yns Fewr geworffen.

(261) См. Кранца Wand., Кельха, Арнта, Гадебуша.

(262) Такъ въ *Архив.* и *Никон. Лѣт.*; а въ *Псков.*: «Пріѣхаша Нѣмци въ Новгородъ и добиша чоломъ Намѣстникомъ Князя Вел. и Посадникомъ Псковскимъ, и взяша миръ въ Данильеву грамоту» (то есть, по договорной грамотѣ Даніила Холмскаго) «на *десять* лѣтъ . . . Тогожь лѣта пріѣхаша Нѣмци отъ Кн. Местера послове и просиша пути къ Москвѣ и ѣздиша къ Вел. Кн., не вѣмы, чего *дѣля*, Авг. въ 18 . . . Тогожь лѣта пріѣхаша послы отъ Вел. Кн. и ѣздиша къ Кн. Местеру въ Кесь, не вѣмы, о чемъ.»

(263) Въ *Лѣт.* Львова, стр. 184: «Король прислалъ Богдана, прося Новагорода Великаго и Лукъ Великихъ.» О семъ посольствѣ упоминается въ дѣлахъ Крымскихъ 1482 года, No 1, стр. 79. Іоаннъ приказывалъ къ Менгли-Гирею: «Посылалъ есмь къ Королю о любви и докончаньи, и Король ко мнѣ присылалъ *Богдана* послѣ того, какъ есми въ тебѣ отпустилъ пословъ, а любви и докончанья Король со мною не хочетъ, а горо-

ды мои и земли за собою держитъ, а того мнѣ не отдастъ.» О другомъ Королевскомъ посольствѣ къ Вел. Кн. упоминается еще въ 1481 году (см. сіи Дѣла стр. 63).

(264) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1482, л. 128 на обор.. «Бысть мятежъ въ Литовской земли: восхотѣша вотчичи Олшанской, да Олельковичь, да К. Ѳ Бѣльской отъѣхати къ Вел. Кн. на Москву и отсѣсти Литовскіе земли по Березыню, и дойде мысль ихъ до Короля: Король же Ошшанскаго и Олельковича сталъ.». Въ Архив. *Кіев. Лѣт.* No 70: Августа 30 (1481) Казимиръ повелѣ стяти Кн. Михаила Олельковича и Кн. Ивана Юрьевича, а вина ихъ Богу единому свѣдущу, при Воеводѣ Виленскомъ Пану Олехну Судимонтовичу.

(265) Кромеръ стр. 427. — Кранцъ пишетъ, что Литовскіе Князья по согласію съ Іоанномъ хотѣли умертвить Казимира (Wandal. стр. 304).

(266) Синод. *Псков. Лѣт.* л. 216 на обор.: «Тоя же зимы (1484) Лит. Король Андрей (Казимиръ) заставу постави въ Смоленскѣ 10,000 ратныхъ, боящесь Вел. Князя, и стояша осень и зиму и лѣто все. Тоя же зимы послаша Псковичи къ Королю многыхъ исправъ просити Посадника Василья и Андрея Рублова; они же наѣхаша Короля въ Городнѣ: онъ же наскорѣ подаваше имъ исправу о всемъ съ кротостію, и много почествовавъ и отдаривъ ихъ отпусти; и при послѣ нашемъ преставись у него сынъ.»

(267) Юрій былъ отправленъ изъ Москвы 15 Марта 1482, Кутузовъ 14 Мая (см. Крымск. дѣла No 1, стр. 69 — 84).

(268) См. *Архив. Лѣт.* л. 131 *Никон.* стр. 118 и *Синопсисъ*. Въ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 489 на обор.: «Приде къ нему (Хотковичу) вѣсть за 4 дни, что идетъ . . . онъ же осаду осади . . . изъ монастыря Печерскаго изыде Игуменъ со Старци во градъ, и казну и сосуды въ градъ же снесе. Пріиде Царь на Семень день въ 1 часъ дни и приступи ко граду и не мало не побився зажже, и погорѣша людіе вси и казны, и мало изъ града выбѣгоша, и тѣхъ поимаша, а посадъ пожгоша и ближнія села . . . и прочь пойде.

(269) Онъ посылалъ къ Хану Князя Ив. Владиміровича Лыкова и К. Вас. Ноздроватаго. Первый выѣхалъ изъ Москвы 9 Марта 1483, а второй 14 Марта 1484. Между тѣмъ и Крымскіе послы находились въ Москвѣ (см. Крым. Дѣла N. 1, стр. 84 — 100).

(270) Менгли-Гирей въ письмѣ къ Магметъ-Аминю отъ 10 Марта 1490 говоритъ: «Съ *Намаганскимъ* (Золотой Орды) Юртомъ, Султанъ Баязытъ межъ ихъ вступився, въ сусѣдствѣ жили бы есте, молвилъ; и мы пакъ старую недружбу съ сердца сложивши, на добрѣ есмя стояли: и въ то время отъ Султана, Бактеемъ Князя зовутъ, посольствомъ пріѣхалъ. Седихматъ, Шигъ-Ахматъ Цари, Мангытъ-Азика Князь въ головахъ отъ всѣхъ *Карачаевъ* и отъ добрыхъ людей человѣкъ пріѣхалъ и шерть и правду учинили; и мы, ротѣ ихъ повѣривъ, улусы свои на пашни и на жито распустили; а послы ихъ у насъ были передъ Крымомъ.» Тутъ описывается нападеніе сыновей Ахматовыхъ. См. Дѣла Крымск. и *Лѣт. Архив.* лѣтъ 133.

(271) Лѣтописецъ называетъ его Махмутомъ. «Отъя брата своего Муртозу, и посади на Царствѣ. Менгли-Гирей же посла къ Турскому, и Турской (Султанъ) посла ему силу свою, да и къ Нагаемъ послалъ, велѣлъ имъ воевати Орду.»

(272) См. Дѣла Крым. No 1, стр. 139.

(273) См. *Архив., Никон. Лѣт.* и Дѣла Цесарскія No 1, л. 172 — 186. Матеей еще присылалъ въ Москву Климента и въ 1488 году Дьяка Ивана, того же, думаю, который былъ у насъ въ 1482 году. Въ отвѣтѣ ему сказано: «Посолъ Ѳедоръ (Курицынъ) до насъ (Іоанна и сына его) дошелъ и грамоту Королеву утверженную донеслъ, и мы видѣвъ грамоту брата своего, тогда же съ Божіею волею почали есмя дѣло дѣлати и наступили на своего на вопчего недруга, на Казимира, и не съ одну сторону; а напередъ того нашъ братъ Матеашъ Король присылалъ къ намъ своего человѣка Климента, потвержая, чтобы намъ съ Казимиромъ не миритися . . . что нашъ братъ Матеашъ съ Казимиромъ роскинулъ, а на него готовъ, а Панове Ляцкіе, которые ему норовятъ, уже почали . . . И мы посылали (къ Матеею) своего человѣка Ѳедца . . . И братъ нашъ прислалъ къ намъ тебя . . . и какъ межи насъ съ нашимъ братомъ Матеашомъ записано, и мы на томъ твердо стоимъ . . . а ты намъ отъ Короля о томъ дѣлѣ никоторыхъ рѣчей не говорилъ, а почина и наступа Королева не слышимъ никоторого.»

(274) См. Дѣла Цесарскія No 1, л. 178—179.

(275) Тамъ же л. 184: «а поминокъ послалъ Кн. Вел. къ Матіашу соболь чернъ, ноготки у него золотомъ окованы съ жемчюги, 20 жемчюговъ Новогородскихъ на всѣхъ ногахъ, а жемчюги не малы и хороши и чисты; а то отъ Вел. Князя Угорскому Королю первой поминокъ.»

(276) См. сей *Исторіи* Т. IV, стр. 180.

(277) См сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 389.

(278) См. Дѣла Крым No 1, л. 54—56. Въ наказѣ послу К. Ивану Звенцу 1480 года сказано: «Князь Великій велѣлъ тобѣ говорити: присылалъ ко мнѣ Стефанъ Воевода Волошскій о дѣлѣ, и язъ къ нему посылалъ своего человѣка молодого, и ты бы (Менгли-Гирей) пожаловалъ меня дѣля велѣлъ до Стефана моего человѣка допровадити, а ко мнѣ Стеф. Воевода пошлетъ своего человѣка, и ты бы отпустилъ его ко мнѣ съ моимъ Бояриномъ . . . *Князю Ивану Звенцу:* отпустити къ Волошскому Княгинина Ѳедкина человѣка не мотчая; а се говорити Ѳедкину:

«Княжа Семенова Юрьевичь Княгини Ѳедка велѣла тобѣ (Стефану) говорити, что еси присылалъ къ моему брату, ко Князю Михайлу Александровичю (Олельковичу) и къ моему сестричичю, ко Князю Ивану Юрьевичю, о томъ, что мнѣ бити челомъ Вел. Княгинѣ Маріи, чтобы печаловалася сыну своему, Вел. Князю, чтобы Князь В. за своего сына твою дочку взялъ . . . Князь Вел. хочетъ . . . и приказали, чтобы еси съ тѣмъ дѣломъ прислалъ своего человѣка доброго и язъ тогды приказала къ своему брату ко Кн. Михайлу о томъ . . . и до сихъ мѣстъ ты своего человѣка не присылывалъ. . . а нынѣча Вел. Князя Бояринъ К. Звенецъ въ Ордѣ у Царя у Менгли-Гирея, и ты бы своего человѣка прислалъ къ Звенцу. . . и (онъ) вмѣстѣ съ Звенцомъ будетъ у Вел. Князя.»

(279) *Лѣтоп.* Львова стр. 185 и *Синод. Лѣт.* No 365 л. 490.

(280) Вѣнчалъ Спаской Архимандритъ Елисей (см. тамъ же).

(281) Супруга его преставилась въ 1483 году.

(282) Синод. *Псков. Лѣт.* л. 219 на обор.: «и испроси (Михаилъ) у Короля за себе внуку.»

(283) *Архив. Лѣт.* л. 132.

(284) *Рос. Вивліоѳ.* II. 202.

(285) *Лѣтоп.* Львова стр. 194 и *Архив. Лѣт.* лѣтъ 133.

(286) *Архив. Лѣт.* л. 144: «Того жъ лѣта (1491) послалъ Кн. Вел. писать Тверскіе земли въ сохи Кн. Ѳедора Олабыша, а въ Старицу Бориса Кутузова, а Зубцова да Опокъ Дмитр. Пѣшкова, а Клина Петра Лобана Заболоцкаго, а Холму и Новогородка Андрея Карамышева, а Кашина Василья Карамышева.»

(287) Въ 1488 году, Іюля 29, Вел. Кн. отправилъ къ Матѳею какого-то Штибора и Василья Карамышева съ письмомъ: «Божіею милостію Государь всея Русіи, Вел. Кн. Иванъ Васильевичь Володимерскій и Московскій, и Новогородцкій, и Псковскій, и *Тферскій*, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій и иныхъ, възможному и честнѣйшему Матеашу Божіею милостью Угорскому и Чешскому и иныхъ земль Кралю и Князю Авшріе, вамъ брату почтенному и другу милому здравіе.» Слѣдуетъ повтореніе сказаннаго на словахъ послу Венгерскому, Дьяку Ивану (см. выше, примѣч. 273): Вел. Кн. убѣждаетъ Матѳея быть ему вѣрнымъ союзникомъ противъ Казиміра. См. дѣла Цесарскія No 1, л. 179 — 186. Въ Наказѣ, данномъ Штибору, сказано: «А вспросятъ о томъ, которые городы и волости Князь Великій поималъ у Казиміра, ино сказати ти: Луцкой городъ (Великія Луки) да Ржевской и иные.» — Штиборъ возвратился въ 1489 году, Апрѣля 9, съ письмомъ отъ Матѳея, въ коемъ сказано: «о здравіи твоемъ и честнѣйшемъ животѣ, о любви и вѣрѣ радуемся. Добробытье, миръ и единачество Кралевства и земль твоихъ ради слышимо, и о всѣхъ реченныхъ обрадовася сердце наше . . . Егда будети готовъ на общего нашего недруга со всею мощью наступити и съ нимъ дѣла дѣлати, рано и вскорѣ намъ прикажи,» и проч.

Со вторымъ Венгерскимъ посломъ Климентомъ пріѣхалъ въ Москву *Матфейко Ляхъ* и *Фрянцоскъ* Фрязинъ: Вел. Кн. не отпустилъ ихъ назадъ, сказавъ, что *Матфейко*, будучи Казиміровымъ подданнымъ, можетъ сдѣлать намъ вредъ, а *Фрянцоскъ* живетъ въ Москвѣ у своего брата, у Фрязина, и занимается Государевымъ дѣломъ.

(288) *Лѣтоп.* Львова стр. 188: «Восхотѣ Кн. Вел. сноху свою дарити *саженьемъ* первые своей Вел. Княгини Тверскіе. . . Она же (Софія) не даде, понеже много истеряла казны Вел. Князя: давала бо бѣ брату, иное же за своею племянницею въ приданые Князю Василью Верейскому. Кн. же Вел. посла и взя у него приданое все; еще же хотѣлъ его и съ Княгинею поимать. Онъ же бѣжа въ Литву и со Княгинею. Кн. же Вел. посла за нимъ въ погоню К. Бориса Михайловича Туреву-Оболенскаго и едва его не пойма.»

(289) Димитрій родился Окт. 10, въ десятомъ часу дня.

(290) *Собр. Г. Г.* 290. Въ сей договорной грамотѣ сказано: «А съ сыномъ ти своимъ, со Кн. съ Васильемъ, не ссылатися никоторою хитростью; а кого къ тобѣ пришлетъ съ какими рѣчми, и то ти мнѣ сказати вправду, а того ти ко мнѣ прислати, ково къ тобѣ пришлетъ.» Писана 12 Декабря 1483.

(291) Въ *Архив. Лѣт.* 135: «Преставися К. Мих. Андр. Верейской въ Недѣлю 3 по Пасцѣ, и положиша его въ Пафнутьевѣ монастырѣ, и на похоронахъ былъ у него Князь Вел. Иванъ Ивановичь.»

(292) *Собр. Г. Г.* 299. Михаилъ отказалъ монастырямъ и церквамъ нѣсколько волостей и знатныя суммы денегъ. «Даю брату своему, Кн. Ивану Юрьевичю, свои сельца . . . того дѣля, что даровъ его за мною много, да и душу мою поминаетъ . . . Да чтобы Господинъ мой, Кн. Вел., пожаловалъ послѣ моего живота судовъ моихъ не посудилъ . . . А что есми давалъ сыну своему, Кн. Василью, коли сынъ мой у меня былъ, и своихъ своей, Княг. *Марью*, а тотъ есми списокъ велѣлъ подписать Духовнику жь своему, Ивану Печатнику. . . Г. Кн. Вел. дастъ дочери моей, Княгинѣ Настасьѣ, 300 рублевъ.»

(293) Въ *Архан. Лѣт.* 140: «Тогожъ лѣта (1463) Князи Ярославскіе поступилися вотчины своея Вел. Князю, печалованіемъ Алексѣя Полуехтовича, Дьяка Вел. Князя.» Въ *Архив. Лѣт:* «Тое же зимы (въ 1474) продаша Вел. Князю Ростовскіе Князи отчину свою половину Ростова . . . Князь же Вел. далъ матери своей.»

(294) См. *Собр. Г. Г.* Въ началѣ сей грамоты: «по благословенью Семіона, Владыки Рязанскаго и Муромскаго.» Кн. Рязанскій Иванъ былъ женатъ на дочери К. Ѳеодора Бабича, Агриппинѣ. На оборотѣ написано: «Списки . . . а самые грамоты съ печатьми (пославы) къ Вел. Княгинѣ къ Рязанской, къ Огроѳенѣ, съ ее человѣкомъ съ Медвѣдемъ.»

(295) Царь Казанскій пришелъ на Масленицѣ и воевалъ до четвертой недѣли поста. Въ *Лѣт.* Львова, стр. 127: «Пріиде вѣсть ложная въ Казань, яко не взялъ Кн. Вел. Новагорода и побили его Новогородцы и самъ-четвертъ убѣжа раненъ... потомъ пріиде правая вѣсть, и, посла Царь Казанскій и велѣлъ скоро воемъ своимъ возвратиться: они же бѣжаша; елико варяху въ котлѣхъ яству, все опрометаша.» Въ *Арханг. Лѣт.*: «И на Устюгъ пошелъ былъ (Ибрагимъ): ино Молома рѣка была водяна; не льзѣ итти, и онъ шедъ день единъ, да воротился. . . а Устюжане въ осадѣ сидѣли и зиму всю.»

(296) *Архив. Лѣт.* л. 107.

(297) Дѣла Крым. No 1, стр. 140. Нурсалтанъ вышла за Менгли-Гирея около 1485 года.

(298) *Лѣт.* Львова стр. 195 и 196: «Пріѣха Царевичь Казанскаго Царя сынъ, Темиревъ внукъ (въ 1485 году): еще бѣ малъ . . . Прислали Казанцы къ Вел. Кн., глаголюще: мы отпустили къ тебѣ Царевича *для* того, что хотѣли извѣдать смыслу у другаго Царевича. . . а нынѣ оставшій у насъ Царевичь, меншицынъ сынъ, почалъ надъ нами дѣлать худо: зазвавъ насъ къ себѣ на обѣдъ, и всѣхъ хотѣлъ перетерять: отъ чего мы въ поле убѣжали, а онъ въѣхавъ въ градъ и его укрѣпя, за нами жь въ поле вышелъ.»

(299) Въ Розрядной Книгѣ Бекетова: «Лѣта 6990 (1482), Іюля 16, въ Нижн. Новѣгородѣ стояли Воеводы отъ Алегама Царя беречь . . . и Кн. Вел. велѣлъ имъ говорить: послалъ есми въ Казань къ Царю Звенца . . . и вы бы отобралися съ тѣми людми, которые въ легкихъ судѣхъ . . . и промышляли моимъ дѣломъ.» Въ *Русск. Лѣт.* Львова сказано, что Аристотель съ пушками былъ тогда въ Нижнемъ. Далѣе въ Розрядной Книгѣ: «Посылалъ Государь (въ 1485 г.) Воеводъ своихъ въ Казань, на Алегама, Царевича Магметъ-Аминя, да съ нимъ Кн. Василья Ивановича, да Юрья Захарьевича, да Кн. Семена Романовича Ярославскаго, да К. Ивана Ромодановскаго; и братъ его Алегамъ пришедъ изъ Нагай по слову съ Казанцы . . . и они, шедъ на Казань, *взяли* съ Магметъ-Аминемъ.» Это несправедливо по лѣтописямъ: ходили, но не взяли. «Посылалъ Государь (въ 1486 году) въ Казань къ *Магметъ-Аминю* Царю» (развѣ Алегаму?) «Князь Василья Ивановича Оболенскаго, да Кн. Василья Тулупова, да К. Тимоѳея Тростенскаго, да по Царевѣ присылкѣ, что хотѣлъ выдать братью свою къ Вел. Князю, и Князи Казанскіе воли ему не дали, хотѣли его самого убить. Магметъ-Аминь (Алегамъ) ушелъ къ Государевымъ Воеводамъ, и Князи Казанскіе добили ему челомъ, и Магметъ-Аминь (Алегамъ) пошелъ къ нимъ опять въ городъ на Царство. — Посылалъ Государь (въ 1487 году) Воеводъ своихъ (К. Данила Холмскаго и другихъ) и согналъ съ Казани Магметъ-Аминя (Алегама). — Въ *Арханг. Лѣт.*: «Воеводы Казань обсѣли, и Кн. Та-

тарскій Алгавый со Царемъ въ городъ не полѣзъ, и зла много чинилъ, и сила Вел. Князя прогна его за Каму.»

(300) См. Дѣла Ногайск. л. 4, гдѣ Вел. Кн. такъ отзывается о сверженномъ Казанскомъ Царѣ: «Алегамъ Царь былъ съ нами въ правдѣ и грамоты были межъ насъ съ нимъ записаны... да на чемъ намъ молвилъ, въ томъ ни въ чемъ не стоялъ, а намъ не правилъ.»

(301) Холмскій выступилъ изъ Москвы Апрѣля 11, а Магметъ-Аминь выѣхалъ Апр. 24 (см. *Архив. Лѣт.* и Львова стр. 197).

(302) Съ 1487 года находимъ сей титулъ въ государственныхъ бумагахъ Іоанновыхъ (см. Дѣла Архивскія его времени).

(303) Дѣла Крым. No 1, стр. 147.

(304) Тамъ же, стр. 149.

(305) Въ Іюнѣ 1484 года былъ посыланъ въ Тавриду Костя Севрюкъ, въ Іюлѣ 1485 Шемердень Умачевъ, въ Мартѣ 1486 Семенъ Борисовичь, въ Іюнѣ тогожь года вторично Шемердень Умачевъ, въ Авг. Татаринъ Резякъ, въ Мартѣ 1487 Татаринъ Белекъ Ардашовъ, въ Іюнѣ Грибецъ Ивановъ, въ Авг. вторично Белекъ Ардашовъ, въ Окт. 1488 Дмитрій Васильевичь Шеинъ. См. Дѣла Крым. No 1, стр. 100—170.

(306) Вотъ подлинникъ (Дѣла Крым. N. 1, страница. 163):

«Братъ мой Нордовлатъ Царь! Дай Господи, твое Осподарьство у тобя было; дни бъ твои впередъ были на многіе лѣта. Ближней еси намъ братъ, святой и милосердной и прямой вѣдомой еси промежъ всѣхъ добръ, правдою праведенъ, а величьствомъ еси великъ и ко всѣмъ тщивецъ еси привѣтливъ, милосердой Государь ты; на семь свѣтѣ Вѣрѣ еси нашей подпора, Бесерменомъ и Бесерменьству нашему помочь ты еси и Закону наказатель; милосердого Бога милостью истинной еси прямой Осподарь. Ино, брате Нурдовлатъ Царь, велика бы и счястна была твоя Держава до второго пришествія Магатметевы дѣля молитвы и учениковъ его. А послѣ сего добра и похвалы свѣдомо бы тобѣ то было, что изъ старины и до сѣхъ мѣстъ съ вами мы одного отца дѣти есмя были: правда такъ есть. Послѣ пакъ того прилучей таковъ състался, предніе наши о кости, о лодыжномъ мозгу Юрта дѣля своего разбранилися: да того дѣля промежъ ихъ много лиха и нелюбви было; а опослѣ того опять то лихо отъ себя отложили, и кои потоки кровью текли, тѣ опять межъ ихъ молокомъ протекли, а тотъ бранной огонь любовною водою угасили; а съ вашимъ Юртомъ нашъ Юртъ какъ бы одинъ учинилъ, кой на Божей покой пошолъ, святой Ахматъ Царь, и какъ ся ужъ есмя умирили, и тотъ бранной огонь опять зажогъ братъ твой, Менглигирей Царь, а право свое порушилъ, а намъ не по мѣрѣ силу учинилъ былъ: ино Сотворитель всей вселеннѣй, Господь Богъ, то лихо на него оборотилъ. Сколько надъ нимъ дѣлъ състалося, то тебѣ свѣдомо. А нынѣча отецъ мой, Ахматъ Царь, милосердіе Божіе надъ нимъ было: онъ былъ то намъ въ прокъ учинилъ; а мы пакъ братья твои: инако учинити, того у насъ на мысли нѣтъ; а хто будетъ лихъ, тому противу Богъ самому отдастъ. Намъ вѣрнымъ про твое величество своего брата, что ты живешь промежъ невѣрныхъ, не пригоже ся видить такъ. Сѣмъ случаемъ величству твоему тяжелой поклонъ съ легкимъ поминкомъ, Шихбаглуломъ зовутъ слугу своего, послалъ есми. А ещо сесь Шихбаглулъ доѣдетъ до твоего величества, лице твое увидитъ, и что будутъ у тобя твои тайные рѣчи, и ты тѣ рѣчи про свое величество и здоровье съ Шихбаглуломъ ко мнѣ прикажи, насъ собѣ въ любви держа. Нѣчто изъ тое изъ поганые земли избыти захочешь мысль твоя будетъ, ино язъ къ Ивану съ тѣмъ же Шихбаглуломъ о томъ же грамоту свою послалъ есми. Авосе пакъ нѣчто не всхочешь, мысли твоей не будетъ, и ты гдѣ ни будешь, тамъ бы еси здоровъ былъ, а насъ въ братствѣ не забывай. Молвивъ, грамоту послалъ есми; лѣта 891 писана.»

(307) Дѣла Крым., No 1, стр. 179—181.

(308) Муромскій Намѣстникъ, Кн. Ѳеодоръ Хованской, остановивъ сихъ пословъ въ своемъ городѣ, писалъ къ Вел. Кн. въ Сент. 1489 года: «Холопъ твой, Государь, Ѳедорецъ челомъ бьетъ. Пріѣхали, Государь, къ тебѣ послы изъ Ногайскія Орды... а всѣхъ ихъ, Государь, 22; а сказываютъ, Волгу возлился подъ Черемшаны... а проважали ихъ полемъ до Суры до Папулы до Мордвина; а оттолѣ, сказываютъ, ѣхали на Князя на Ромодана, да на Кирданову Мордву, да на Саканы; а нынѣча, Государь, стоятъ за рѣкою противъ города, и язъ, Государь, на сю сторону ихъ возити не велѣлъ безъ твоего вѣдома; и ты, Государь, какъ укажешь? — И Кн. Вел. послалъ противъ Ногайскаго посла Юшка Подьячего, а велѣлъ ему давати послу кормъ на стану по два барана, а овчины назадъ отдавать; а на кони, на которыхъ они ѣдутъ, на десетеро лошадей четьверть овса; а которые кони гонятъ на продажу, на тѣ не давати.»

Сіи посольства отъ 1489 года идутъ до 1509 (см. Дѣла Ногайск.).

(309) Вел. Кн. пишетъ къ Ямгурчею (Ног. Дѣла л. 34 на обор.), «ваши люди изъ Асторокани и сего лѣта нашихъ людей рыболовцей на Волзѣ побили и пограбили: ино пригоже ли ся такъ дѣлаетъ?»

(310) Дѣла Ногайск., л. 13. Магметъ-Аминь пишетъ: «Брату Великому Кн. челомъ ударя поклонъ... Пріѣхавъ Ѳедоръ Киселевъ, чего изъ старины не бывало, лишнихъ пошлинъ съ Цевели Десятского Артака съ дѣтми взымавъ взялъ да билъ, силою взялъ 3 кади меду, да конь, да корову, да овцю, да 7 куницъ, да 3 лисицы взялъ; да съ Багатыря съ Десятскаго 3 кади меду, да бобръ, да 2 куницы, да 3 лисицы; да на Алмышѣ на рѣкѣ съ Шиховыхъ дѣтей взялъ конь сивъ, да конь *куръ*, да конь гнѣдъ, да 700 бѣлъ, да два бобряшка ярчики.»

(311) *Лѣт.* Львова стр. 196, 197. Вятчане не только худо слушались Вел. Князя, но и грабили въ его владѣніяхъ. Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 142, г. 1466: «Вятчане ратью прошли мимо Устюгъ на Кокшевгу, а сторожи не слыхали на городѣ, а шли по Сухонѣ вверхъ... а назадъ шли Вагою внизъ, а по Двинѣ вверхъ до Устюга... и Намѣстникъ Василій Сабуровъ послалъ гонца къ Вел. Кн., и Кн. Великій велѣлъ Вятчанъ перенимати... и Сабуровъ доспѣлъ (ихъ) подъ городкомъ подъ Гледеномъ, и Вятчане дали ему посулъ, и стоявъ 3 дни, къ Вяткѣ пошли.» Стр. 162, г. 1486: «Марта въ 18 Вятчане пришли ратью на Устюгъ... и стояли подъ Осиновцомъ городкомъ день, и 3 волости разграбили; а Устюжане въ погоню за ними ходили. Тогожь лѣта о Троицынѣ дни двою Вятчане приходили въ судѣхъ на Устюгъ подъ Осиновцомъ изгономъ, и стали обѣдать, а Воевода Костя шолъ съ ними въ неволю, а въ ту пору сына его Торопа Иванъ Трясца поималъ, и онъ захотѣлъ соку сосноваго, и Костя съ нимъ пошелъ въ лѣсъ, вземъ топоръ, и съ сыномъ къ городъ въ Осиновецъ утеклъ, и Осиновляне на конехъ отпустили къ Москвѣ, и Кн. Вел. ихъ пожаловалъ; а Вятчане хватилися, оже Воеводы

нѣтъ, и возмялись; начаша къ городу приступати, чаючи въ городѣ. Осиновляне же имъ правду сказаша... и они на ту ночь побѣгоша къ Вяткѣ.» Въ *Посланіи Рос. Митрополитовъ*, л. 65 и 68 (въ Синод. Библіот. No 164) есть письмо Митрополита къ Вятчанамъ и къ ихъ Духовенству: первыхъ укоряетъ онъ непослушаніемъ Вел. Князю и разбоями, а Священниковъ именуетъ зловѣрными, ибо они не требовали поставленія отъ Митрополитовъ, совокупляли бракомъ родныхъ, дозволяли пятый, шестый и седьмый бракъ, и проч.

(312) *Арханг. Лѣт.* 165: «Кн. Вел. послалъ К. Данила, да Григорья Поплева... а у Тверичь Воевода Ондрей Коробовъ, да К. Осипъ Дорогобужской, а у Устюжанъ К. Ив. Ивановичь Звенецъ, а у Двинянъ К. Иванъ Лыко, а у Важанъ и у Каргапольцовъ Юрье Иван. Шостакъ; а Царь Казанской посла 700 Татаръ, а Воевода Уракъ Князь; а Москвичи иные шли коньми, а Устюжане и Бѣлозерцы и Вологжане и Вымичи и Сысоличи въ судѣхъ... Пришли Іюля въ 24, а Московская конная рать въ 30 день подъ Котельничь, а Татарская Августа во 2; а стояли подъ Котельничемъ до 6 Авг.; а было силы 64,000... Пришли къ Хлынову Авг. въ 16. Вятчане жь затворишась, а къ Воеводамъ послаша съ поминки Исупа Еснпова сына Глазатово, и Воеводы дали Вятчанамъ опасъ; а назавтрее Вятчане люди большіе вышли бить челомъ Воеводамъ... *покоряемся на всей волѣ Великого Князя, а дань даемъ и службу служимъ.* И Воеводы отвѣчали: цѣлуйте за Вел. Кн., а измѣнниковъ и коромольниковъ выдайте головами: Ивана Оникіева, да Пахомья Лазарева, да Палцу Богодайщикова. И Вятчане рекли: дайте намъ сроку до завтрея... и думали 2 дни, да Воеводамъ отказали — и Воеводы велѣли приступъ готовити и приметъ къ городу всякому человѣку по беремени смолъ да берестъ, да на 50 человѣкъ по двѣ сажени плетеня, и къ городу плетени поставляли. Вятчане же добили челомъ... а Ивана Оникіева, до Пахомью, да Палку вывели.... и Воеводы поковавъ дали ихъ на руки Устюжаномъ... А на Семень день всю Вятку розвели... а приставы у нихъ были Кн. Иванъ Волкъ Ухтомской съ товарищи; и Кн. Великій велѣлъ Аникіева, Пахомья, да Палку кнутьемъ бити, да и повѣсити.» См. еще *Архив. Лѣт.* и Львова 202.

(313) См. сей *Исторіи* Т. III, въ концѣ княженія Боголюбскаго.

(314) См. *Архив. Лѣт.* л. 138 на обор.

(315) См. *Архив. Лѣт.* л. 138 на обор. и *Никон.* стр 125.

(316) Онъ скончался 7 Марта въ 1490 году.

(317) *Никон. Лѣт.* стр. 125.

(318) *Лѣт.* Львова стр. 185: «Врачь Нѣмчинъ Антонъ пріѣха (въ 1485 г.) къ Вел. Кн., его же въ велицѣ чести держалъ Вел. Кн.; врачева же К. Каракачу, Царевича Даньярова, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же Вел. выдалъ его сыну Каракачеву; онъ же мучивъ его, хотѣ на окупъ дати. Князь же Вел. не повелѣ... они же сведше его на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножемъ какъ овцу.»

(319) См. о сей ереси книгу Св. Іосифа Волоцкаго въ Синод. библіотекѣ подъ No 334, и *Рос. Вивліоѳ.* XIV, 128.

(320) Іосифъ: «и Кн. Вел. молвилъ: язъ-де вѣдалъ ересь ихъ; да и сказалъ ми, которую дръжалъ Олексѣй Протопопъ ересь, и которую держалъ Ѳедоръ Курицынъ; а Иванъ-де Максимовъ и сноху у мене мою въ Жидовство свелъ.» Новогородскій Архіеп. Геннадій въ письмѣ къ Митроп. Зосимѣ говоритъ: «Craлася та бѣда съ тѣхъ мѣстъ, какъ Курицынъ изъ Угорскія земли пріѣхалъ; а отселѣ еретицы сбѣжали на Москву... Протопопъ Алексѣй, да Истома, да Сверчекъ, да Попъ Денисъ приходили къ Курицыну, да иные еретицы: да онъ-то у нихъ и печальникъ» (заступникъ): см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 285.

(321) Въ *Лѣт.* Львова г. 1497, стр. 190: «Геронтій Митроп. хотѣлъ оставить Митрополію и съѣха на Симоново, и ризницу и посохъ взялъ, понеже боленъ, и оздравѣ, и хотя опять на Митрополію: Кн. же Великій не восхотѣ того, и неволею остави Митрополію; и посла къ нему Пансію, и не може его ввести въ то: многажды убѣгалъ изъ монастыря, и имаша его, и тужилъ много по Митрополіи. Кн. Вел. хотяше Паисію на Митрополію: онъ же не хотяше: принуди бо его дотолѣ Князь Вел. у Троицы въ Сергіевѣ Игумномъ быти и не може Черцевъ превратити на Божій путь... и хотѣша его убити: бяху бо тамо Бояре и Князи постригшіяся, и не хотяху повиноватися, и остави Игуменство и Митрополія не восхотѣ. По Кузмо-Демьянѣ (г. 1488) возведе Кн. Вел. тогожь Митрополита Геронтія на престолъ.» Геронтій преставился 28 Мая въ 1489 году. Къ сему Митрополиту въ Іюнѣ 1480 писалъ Іерусал. Патріархъ Іоакимъ: «Григорій Русинъ дошелъ до насъ, яко купецъ, и наше смиреніе обрѣлъ въ Египтѣ... и молился намъ, дабы есмя дали свое благословеніе къ твоему Святительству... и того ради посылаемъ благословеніе,» и проч. (см. *Вивліоѳ.* XIV, 271). Зосима Соборомъ Святительскимъ избравъ 12 Сентября, а поставленъ 26 въ 1490.

(322) 17 Окт. 1490: см. *Архив. Лѣт.* л. 140 на оборотѣ.

(323) Тамъ же л. 141.

(324) Въ *Степен. Книгѣ* сказано, что нѣкоторыхъ сожгли; но это было уже послѣ вторичнаго суда въ 1503 году. Въ *Архив. Лѣт.* г. 1488, л. 136 на обор.: «били въ торгу Поповъ Новогородскихъ, что поругались иконамъ піяни, а прислалъ ихъ Архіеп. Геннадій; и бивъ, отослали ихъ опять ко Владыцѣ.» Это было еще при Митроп. Геронтіи. Ересь уже и тогда открывалась, какъ видно изъ письма Геронтіева къ Геннадію, напечатанному въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 235. «Писалъ еси къ намъ (говоритъ онъ) къ Господину и къ сыну моему къ Вел. Кн., да и ко мнѣ, что прозябаютъ ереси въ Новѣгородѣ... да и списки на еретиковъ прислалъ, какъ они хулили Христа, и ругалися свят. иконамъ, а величаютъ Жидовскую Вѣру — и мы то дѣло съ Госп. съ Вел. Кн. и со всѣмъ православ. Соборомъ поразсудили, что въ твоемъ спискѣ писаны Попъ Григорей Семеновской, да Попъ Герасимъ Никольской, да Поповъ сынъ Григорьевъ Самсонко Діакъ... и Кн. Вел. велѣлъ тѣхъ трехъ казнити градскою казнью, да казнивъ, послалъ ихъ къ тебѣ; а ты бъ у себя въ своемъ Зборѣ тѣхъ обличивъ, да понакажи духовнѣ... а не покаются, и ты ихъ пошли къ Намѣстникомъ Вел. Князя, и они ихъ тамо велятъ казнити градскою казнію по Вел. Князя наказу, *какъ писано въ Царскихъ правилѣхъ*, а Гриня Діакъ не дошелъ еще по правиломъ градскія казни, потому что на него одинъ свидѣтель, Попъ Наумъ... а которыхъ еси иныхъ писалъ, и ты бы того обыскивалъ... а Кн. Вел. приказалъ съ тобою того дѣла обыскивати Намѣстникомъ Якову да Юрью Захарьевичамъ... и которые дойдутъ духовныя казни, и ты ихъ духовнѣ казни; а которые дойдутъ градскія казни, ино тѣхъ Намѣстники казнятъ,» и проч. Такъ называемыя *Царскія Правила* или законы Греческихъ Царей, взятые изъ Кормчей Книги, служили добавленіемъ къ

Судебнику въ старыхъ спискахъ онаго: см. *Судебникъ* изданный Башиловымъ. Тамъ, стр. 43, именно сказано, что свидѣтельство одного человѣка недостаточно для обвиненія; по тому и не льзя было осудить Діака Гридю. — Вмѣстѣ съ Митрополитомъ писалъ тогда къ Геннадію и Вел. Князь: сія грамота находится въ библіотекѣ Волоколам. монастыря, въ книгѣ подъ No 666, л. 167. Іоаннъ, говоря то же, прибавляетъ, что Намѣстники опишутъ имѣніе осужденныхъ. Внизу подписано: «А Князь Великій и Митрополитъ писалъ съ Кривоборскимъ о еретицѣхъ въ лѣто 96 (1488) февр. 13.»

Изъ Прибавленій въ концѣ VIII тома издан. 1819 года. Изъ одного Сборника (см. выше, прим. 35) выписано слѣдующее: «Генадій, Архіеп. Вел. Новаграда и Пскова... Нифонту, Еписк. Суздальскому... Что есми послалъ Государю В. К. грамоты, да и Митрополиту, да и подлинникъ о Новгородскихъ еретикѣхъ, а Прохору Епископу Сарскому о той же ереси, а тебя тогды на Москвѣ не было, и о семъ воспоминаю, чтобы еси посмотрѣлъ въ Прохорову грамоту... Нынѣ, какъ продлилось то дѣло, обыскъ ему не крѣпокъ чинится... Уже нынѣ наругаются Христіанству: вязутъ кресты на вороны и на вороны... воронъ летаетъ, а крестъ на немъ вязанъ древянъ... а на воронѣ крестъ мѣдянъ; садятся на стервѣ и на калу... А здѣсе обрѣтохъ икону у Спаса на Ильинѣ улицѣ, Преображеніе... стоитъ Василій Кисарійскый, да у Спаса руку да ногу отрѣзалъ; а на подписи написано: *обрѣзаніе Господа нашего, Ісуса Христа*. Да привели ко мнѣ Попа да Діака, а они крестьянину дали крестъ тѣлникъ: древо плакунъ, да на крестѣ вырѣзанъ соромъ.... и Христіанинъ-дей съ тѣхъ мѣстъ (учалъ) сохнути, да немного болѣлъ, да умерлъ. А Діакъ сказывается племенникъ Гридѣ Клочу еретику, что въ подлинникъ написанъ... И того толко не управитъ Государь, ино будетъ послѣдняя лесть горше первыя... А тому бы есте не вѣрили, что ся они зовутъ Христіане: то они покрываютъ тѣмъ свою ересь,» и проч. «Противень посланъ Нифонту, да Филоѳею Епископу Перьмьскому въ одни рѣчи о еретицѣхъ съ Семеномъ съ Зезевитомъ лѣта 96 (1488) Генваря.» (*Сообщено отъ Г. Строева*).

(325) Сіе письмо находится въ той же книгѣ Іосифа о ереси.

(326) Зосима удаленъ 17 Мая. См. въ *Вивліов.* XIV, 203, письмо Новогород. Архіеп. Геннадія къ Святителямъ Рос., гдѣ сказано: «Зосима М. ради немощи оставилъ столъ Руск. Митрополіи, и пришедъ въ Соборн. церковь, предъ всѣми Омофоръ свой на престолѣ положилъ, свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему Святительская дѣйствовати, ни Митрополитомъ нарицатись.» Въ ветхомъ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 510: «Сент. въ 8 день (г. 1495) въ 4 часу дни нареченъ бысть Митрополитомъ Игуменъ Симонъ. Кн. же Вел. со Владыками и съ своими дѣтьми и со внукомъ и съ Бояры и съ Дьяки проводилъ нареченнаго Митр. съ своего Двора въ Соборную церковь, въ Пречистую, и знаменовася у иконы и у гробовъ Святительскихъ... и ставъ передъ Митрополитскимъ мѣстомъ, и сотворили Трепари и Достойно, и поведоша его на Митрополичь дворъ... Кн. Великій въ дверехъ западныхъ предастъ его Владыкамъ: они же его возведоша на его дворъ въ полату отъ сторожни и посадиша, и благословишась отъ него и прочь отъидоша; у Митрополита жь тогда не обѣда ни одинъ Владыка, а обѣдали у него старцы Троицкые Сергіева монастыря, Сава, Веньяминъ Плещеевъ, Келарь Васьянъ Ковезинъ, Филипъ Износокъ, Ѳегнастъ Дубеньскій, да его Бояре и Дѣти Боярскіе. Того же мѣсяца въ 20, въ Недѣлю, и поставленъ бысть; а на поставленіи его было Владыкъ Тихонъ Ростовскій, Нифонтъ Суздальскій, Семіонъ Рязанскій, Авраней Коломеньскій, Силуянъ *Подрѣльскій* и *Крутицкой*, Филоѳей Перьмьскій; и тогда обѣдаша у Митрополита всѣ Владыки; а осля тогда водилъ подъ Митрополитомъ Михайло Русалка.» См. еще *Никон.* и *Архив. Лѣт. л.* 155.

(327) См. въ книгѣ Іосифа письмо его къ Государеву Духовнику, Архимандриту Андроникова монастыря, Митрофану, гдѣ сказано: «да по та мѣста, господине, мнѣ Кн. Вел. велѣлъ простати говорить; и мнѣ, господине, мнится, кое Государь нашъ блюдется грѣха казнити еретиковъ,» и проч.

(328) Въ лѣтописяхъ упоминается объ немъ въ 1496 году а въ грамотахъ Архивскихъ и послѣ (см. *Рос. Вивліов.* Т. II).

(329) Іюля 4.

(330) См. *Рос. Вивліов.* II, 230.

(331) *Архив. Лѣт. л.* 136, годъ 1888, и Львова стр. 198.

(332) *Архив. Лѣт. л.* 142. Магметъ-Аминь также посылалъ съ ними войско, предводительствуемое Собашъ-Уланомъ и Собурашъ-Сеитомъ. Сей походъ былъ въ Маѣ.

(333) *Арханг. Лѣт.* 170. Андрей пришелъ къ Вел. Кн. въ ту горницу, которая называлась *западнею*. «И Кн. Вел., посидѣвъ, выйде отъ него въ *повалушу*... и сидѣлъ въ *западнѣ* до вечерни, и посла (Вел. Кн.) на Углече Поле К. Василья Косова, да брата его К. Ивана Мынынду, К. Ивановыхъ дѣтей Юрьевича, да К. Петра Ушатова и Дѣтей Боярскихъ по 500, и велѣлъ поимати дѣтей... и желѣза возложиша (на Андрея) Сент. въ 22, и сторожевъ къ цѣлованію приведше.»

(334) *Никон. Лѣт.* стр. 129.

(335) Ветхій *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 507: «а по Князя по Бориса Вас. на Волокъ послалъ тогожь часу Боярина своего Данила Иванова,» и проч. Онъ пріѣхалъ въ Москву Окт. 7. — К. Андрей скончался Окт. 7, а Борисъ въ Маѣ 1494, въ своемъ удѣлѣ; погребенъ въ Москов. Архангельскомъ Соборѣ Мая 29: тамъ лежитъ и Андрей.

(336) См. печатный Лѣтописецъ, служащій продолженіемъ Несторова, стр. 339.

(337) *Рос. Вивліов.* II, 286, 294.

(338) См. сей *Исторіи* Т. III, г. 1189.

(339) См. Дѣла Цесарскаго Двора No 1, *л.* 1—19. Начала нѣтъ. Первая страница содержитъ конецъ вѣрющей грамоты, данной Императоромъ Поппелю: «Николая, слугу нашего милого, къ тебѣ посланого, принялъ,» и проч. — Поппель требовалъ, чтобы Государь бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, выславъ Бояръ; но Великій Кн. не хотѣлъ того. Сей рыцарь ѣхалъ черезъ Псковъ и Новгородъ съ дружескими письмами Ливонскаго Магистра къ тамошнимъ Намѣстникамъ. Въ грамотѣ къ К. Псковскому, Константину Ярославичу, Магистръ подписался такъ: «Иванъ братъ Фридахъ (Freitag) Монастыря Св. Пречистые и Местеръ Ливонскій.»

(340) *Листъ* 16: «А что еси намъ говорилъ о Королевствѣ, если намъ любо отъ Цесаря хотѣти Кралемъ поставлену быти на своей землѣ: и мы Божіею милостію Государи на своей землѣ изъ начала отъ первыхъ своихъ прародителей; а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; а просимъ Бога, чтобы намъ далъ Богъ и нашимъ дѣтемъ и до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ Государи на своей землѣ; а поставленія какъ есмя напередъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ.»

(341) «Лѣто 97 (1489) Марта 22 послалъ Кн. Вел. къ Римскому Цесарю Федерику и къ сыну его къ Максиміану, къ Бергонскому Князю, посла своего, Юрья Грека; а съ нимъ послалъ Ивана Халяпу, да Костю Оксентьева, а въ Ругодивъ (Нарву) и въ Колывань (Ревель) съ нимъ же посланъ съ грамотами о его проѣздѣ Кулпа Оксентіевъ... А сего правити посольствомъ Юрію Траханиоту. Первое поклонъ: Іоаннъ, *Великій* Государь всея Руси, твоему Величеству велѣлъ поклонитись. А опослѣ поклона о здоровіи вспросити: Государь всеа Руси твоей Свѣтлости велѣлъ здоровіе видѣти. А опослѣ за поминки поклонится.. Да послѣ поминки подати: Государь всея Руси твоей Свѣтлости поминается 40 соболей, да шуба горностайна, да шуба бѣлинна. А опослѣ подати грамота; а се съ тое грамоты списокъ:

«Іоаннъ Божіею милостію Великій Государь всеа Руси, Володимерскій и Московскій, и Новогородскій, и Псковскій, и Тферскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и иныхъ. Пишемъ твоему Величеству пріятельски и ласковѣ, чтожь пріѣхалъ до насъ посолъ твой, Николай Поплевъ, Рицерь Двора вашего, и листъ намъ вѣрющій отъ твоей Высоты подалъ съ дары ваше Свѣтлости, и говорилъ намъ, абы межи насъ было пріятельство и любовь въ нашей съ тобою знамости; и мы для пріятельства дары ваши съ любовію приняли, а тые рѣчи отъ посла вашего выслушали, и добрѣ тому сразумѣли, и съ доброю волею и хотѣніемъ для предняго пріятельства и любви послали есмя де ваше Свѣтлости посла нашего Георгія Траханита Грека, вѣрнаго нашего, съ нашими рѣчми, и что будетъ тебѣ отъ насъ говорити, твоя бы Свѣтлость ему правѣ увѣрилъ; то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ отъ съданія міру въ лѣто 6997, Марта 22. А на подписи: Свѣтлѣйшему и Наяснѣйшему Фердерику, Римскому Цесарю и Кралю Ракусскому и иныхъ, пріятелю нашему возлюбленому.»

(342) «*Память Юрію да Халепѣ.* Добывати имъ мастеровъ, рудника... да другова, которой умѣетъ отъ земли роздѣляти золото и серебро... А рядити тѣхъ мастеровъ на наемъ, покольку имъ найму на мѣсяць давати за все про все: а дано на тѣ мастеры Юрію, чѣмъ ихъ до Вел. Кн. провадити, 2 сорока соболей, да 3000 бѣлки; а что у того останется, и Юрію добывати мастера хитрого, которой бы умѣлъ къ городомъ приступать, а другова, которой бы умѣлъ изъ пушокъ стрѣлять; да каменщика хитрово, которой бы умѣлъ палаты ставити, да серебрянова мастера хытрово, который бы умѣлъ болшие ссуды дѣлати, да и кубки, да и чеканити и писати на ссудѣхъ; а рядити ихъ на наемъ же; а не поѣдутъ на наемъ, а похотятъ поѣхати на Вел. Князя жалованьѣ, и Юрію ихъ съ собою взяти; а не пойдутъ тѣ соболи и бѣлки на мастеры, ино то продати на золотые на Венедитскіе или на Угорскіе, да золотые привезти къ Вел. Князю.»

(343) Сіе посольство, какъ замѣчаетъ Миллеръ, описано Леманомъ въ Спирской Хроникѣ, кн. VII, гл. 120, стр. 999.

(344) Л. 31 на обор.: «И Юрьи сказалъ, что ему отъ Цесаря и отъ его сына, Максиміана Короля, честь была велика; а коли къ нимъ Юрьи прихаживалъ, и они сами встрѣчали его, съступивъ съ своего мѣста ступени 3 или 4, да руку подавали стоя; а коли Юрьи въ первые былъ у Максиміана, и онъ посадилъ его противъ себя на скамейкѣ близко; а опослѣ того сажалъ всегда подлѣ себя; а какъ поѣхалъ отъ Максиміана къ Цесарю, Цесарь послалъ противъ его въ срѣчю Бояр своихъ въ судѣ, моремъ връстъ за 5 или за 6 отъ того города, гдѣ его наѣхалъ.» Сей городъ не наименованъ.

(345) Вѣроятно, тѣмъ самымъ, котораго Леманъ (см. выше, примѣч. 343) называетъ Торномъ.

Л. 32 на обор.: «На Москвѣ Приставомъ велѣлъ Кн. Вел. быти у посла Ивану Берсеню (Беклемишеву), и встрѣтилъ его за 10 верстъ отъ Москвы у Кузмы-Демьяны на Химскѣ на Тферской дорогѣ; а велѣлъ ему Кн. Вел. у себя быти Іюля 18; а посылалъ по него на подворье Окольничего К. Ивана Звенца, да Юрія Грека, и пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ на дворъ; и Кн. Вел. велѣлъ его встрѣтити на своемъ дворѣ конецъ лѣсницы каменые Околничему Ивану Чеботу, да Дьяку Ѳедору Курицыну, а передъ своими дверми передъ полатою передъ малою Боярину своему, Андрею Михайловичю Плещееву, да Одинцу Діаку. А какъ пришолъ къ Вел. К., и онъ отъ Короля Максиміана поклонъ правилъ. Кн. Великій вставъ, да вспросилъ о Королевѣ здоровіи, да и руку ему подалъ стоя, да велѣлъ ему сѣсти на скамейкѣ противу себя близко; да посидѣвъ мало, Юрій вставъ подалъ грамоту вѣрющую... А се списокъ:

«Максимиліанъ Божіею милостію Король Римскій, всегда Августъ, и Князь Авьстрьскій, Кн. Бергоньскій, Лургинскій, Стырскій и Карантеньскій и иныхъ. Премощнѣйшему и начальнѣйшему дражайшему другу. Мы есмя нашему съвѣтнику и въ царьствѣ драгому и вѣрному Юрію Далатору нѣкія вещи съ твоимъ Навышствомъ отъ нашеа страны приказали говорити, якоже онъ отъ насъ паединѣ и по части есть изображенъ. Просимъ отъ твоего Навышества, любообразно моляся, оному угодно буди, предреченному нашему Совѣтнику нынѣ совершенно, аще бы какъ тѣлу нашему, възанти достойную вѣру, и въ семъ явить твое дражайшество любезнѣйшее изволеніе. Данъ въ градѣ нашемъ Бебрѣ въ 17 день Февруаріа, отъ Въплощенья Хр. въ 1490, въ 5 лѣто государства нашего. — А на подписи: *Свѣтлѣйшему и всемочнѣйшему и началнѣйшему Іоанну, вседръжавному Государю Руському, нашему дражайшему другу.* А опослѣ грамоты подалъ отъ Короля поминокъ, бархатъ Венедитикой темно синь гладокъ. — А того дни рѣчей Вел. Князю отъ Короля не говорилъ. А тогды были при немъ у Вел. Кн. дѣти его, К. Василей да К. Юрій; а поклона имъ отъ Максиміана не правилъ; а руки ему подавали и о здоровьѣ его вспросили. А Бояре всѣ были у Вел. Князя. И ѣлъ того дни у Вел. Кн.»

(346) Дѣла Цесарскія No 1, л. 44 на обор.

(347) Сказано: «въ повалушѣ въ середней.»

(348) Л. 41: «Да тутожь на отпускѣ пожаловалъ К. Вел. Максиміанова Королева посла, Юрья Делатора, учинилъ его *Золотоносцемъ:* далъ ему чепь золоту со крестомъ, да шубу отласъ съ золотомъ на горностаехъ, да остроги серебряны золочены.»

(349) Л. 48: «Говорити Королю, чтобы велѣлъ писати грамоту свою докончальную Рускимъ писмомъ, будетъ у него писецъ Сербинъ или Словенинъ... а не будетъ у Короля такова писца, ино по-Латыньски писати или по-Нѣмецки... а будетъ писано по-Латыньски или по-Нѣмецки, ино выговорити у цѣлованья... зане же мы Латынскіе грамоты и Нѣмецкіе не знаемъ.»

(350) Николай Поппель въ своей грамотѣ къ Вел. Князю изъявилъ большую досаду на Московскихъ Вельможъ, которые не хотѣли вѣрить его первому посольству и смѣялись надъ нимъ. Далѣе говоритъ онъ: «Язъ коли есмь былъ у Высокости твоей, слышелъ есми, иже монисто и ожерелье златые, которые принесъ мой слуга на продажу

отъ купца изъ Ноберька, Высокости твоей полюбилися: и язъ нынѣче тое манисто и ожерелье купивши, послалъ къ твоей чьсти и любви... да и 15 локоть Московскихъ бархату на золотѣ; а сыну твоему первородному платно, черленой бархатъ на золотѣ съ подкладкою синего чамлата... Святое Величчьство Цесарское про то ся на мене злобитъ, иже есмь не привелъ изъ твоей земли живыхъ звѣрей, иже словутъ по-Руски лоси, а по-Нѣмецки *Элеутъ*... Да пожаловалъ бы прислалъ одного *Гогулятина*, которые ѣдятъ сырое мясо, и Цесарскому Величьству будетъ вельми за честь; а естьли не лзя будетъ послати одного *Гогулятина*, и ты бы еси послалъ предреченные звѣрята лоси... а какъ будутъ молоды, тѣмъ и лутчи, иже бы были смирны; а естьли будутъ старые, ино имъ роги сняти.» Далѣе Поппель говоритъ о своей болѣзни и надписываетъ грамоту: «Свѣтлѣйшему Князю и Господину Государю Ивану Васильевичю, Вел. Князю Московскому, Государю моему ласковому.» Ѳедоръ Курицынъ отвѣчалъ его слугѣ именемъ Вел. Князя: «Государь твой Николай писалъ къ Государю нашему не по-пригожу, какъ есть пишутъ къ Великимъ Государемъ: ино намъ поминки его не надобѣ.» См. л. 60 — 66.

(351) Л. 78: «И та грамота дана Дмитрею Володимерову въ казну.» То есть, они размѣнялись грамотами. Не знаю, сохранилась ли Іоаннова въ Императорскомъ Вѣнскомъ Архивѣ; но Максимиліанова подлинная у насъ пропала: имѣемъ только списокъ.

(352) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 627.

(353) На примѣръ (л. 86): «Наяснѣйшый и наесвѣтлѣйшый Государь, единъ *Царь* всеа Руси.» Съ Траханіотомъ послана была грамота къ Любекскому Бургомистру, въ коей Іоаннъ называетъ себя *Царемъ*: «Божіею милостію Государь *Царь* всеа Руси.» Такъ и во многихъ иныхъ бумагахъ.

(354) Дѣла Цесар. л. 82 — 93. Онъ былъ въ Москвѣ около пяти мѣсяцевъ. Максимиліанъ прислалъ съ нимъ Вел. Князю поставъ *скарлату и дамашки*.

(355) Л. 94. — Въ даръ Максимиліану была послана шуба соболья и горностаевая съ камкою.

(356) Л. 111: «а сказываютъ, Государь, что въ Филяндріи рожь дорога: купятъ по сту золотыхъ ластъ.»

(357) Л. 114 — 128.

(358) См. сей *Исторіи* Т. III, примѣч. 88, и Т. IV, примѣч. 291.

(359) См. выше, стр. 108.

(360) Они выѣхали изъ Москвы Марта 26, нашли руду Авг. 8, а возвратились Окт. 20. Въ ветхомъ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 508: «въ лѣто 6999, Марта въ 2» (не въ 1491, а въ 1492 году) «отпустилъ Кн. Вел. Мануила Иларіева сына, Грека, да съ нимъ своихъ Дѣтей Боярскихъ, Василья Болтина да Ивана Брюха Коробьина, да Ондрюшку Петрова съ мастеры съ Фрязы серебра дѣлати и мѣди на рѣцѣ на Цылмѣ, а дѣловцовъ съ ними, кому руда копати, съ Устюга 60 человѣкъ, съ Двины 100, съ Пинеги 80; а Пермичь и Вымичь и Вычегжанъ и Усоличь 100: тѣмъ ужина провадити въ судѣхъ до мѣста, а не дѣлати.»

(361) Упомянутый серебряный снимокъ, хранящійся въ Монетномъ Кабинетѣ Эрмитажа, сдѣланъ безъ сомнѣнія иноземцемъ, который изобразилъ подпись такимъ образомъ: ИКОЙВЕЛ (вмѣсто *Великой*) ДРСОНГО (вмѣсто *Госоударь* или *Государь*, т. е. поставивъ заднія буквы напередъ) ЗЕ *ле* (т. е. 7005 лѣто) *створилъ единъ талеръ златъ и сълилъ златъ и подирова Кнегини своа Тодосіа*. Св. Николай изображенъ въ Святительскомъ облаченіи; правою рукою благословляетъ, а въ лѣвой держитъ книгу; на правой сторонѣ образъ Спасителя, на лѣвой Богоматерь.

(362) Дѣла Цесарскія No 1, 120 — 127. Спустъ отправился назадъ съ приставомъ и слѣдующею подорожною:

«Отъ Вел. Кн. И. Вас. всея Руси отъ Москвы по дорозѣ по нашимъ землямъ, по Московской и по Тферской, по ямомъ ямъщикомъ до Торжку, а въ Торжекъ Старостѣ, а отъ Торжку по Новогородцкой землѣ по ямьщикомъ до Новагорода, послалъ есми Сенку Зезевидова съ Нѣмчиномъ, и вы бы давали Сенкѣ по двѣ подводы по ямомъ, а Нѣмчину по двѣ же отъ яму до яму, а корму на Нѣмчина на яму, гдѣ ему лучитца стати, куря да двѣ части говядины, да 2 части свинины, да соли и заспы (крупы) и сметаны, и масла, да 2 колачи полуденежные по сей моей грамотѣ. Лѣта 7001 Генваря.»

(363) Сей *Исторіи* Т. II, стр. 23.

(364) Т. IV, стр. 44

(365) Т. IV, стр. 144.

(366) *Архив. Лѣт.* л. 150, 152. Датскій посолъ пріѣхалъ въ Іюлѣ. См. Далина II, 631, и Маллета Hist. des Dan. г. 1493: первый называетъ его Рошильдскимъ церковнымъ сановникомъ. Ралевъ и Зайцевъ возвратились въ 1494 году: «они же привели Короля къ цѣлованью на докончальныхъ грамотахъ, и грамоты розняша, а съ ними пришелъ къ Вел. Кн. посолъ отъ Дацк. Короля, именемъ Давыдъ, такожь о братствѣ и о любви.»

(367) Въ *Архив. Лѣт.* л. 140: «Пріиде (28 Сент. 1490) посолъ изъ Чаадай отъ Усеинъ-Салтана, Урусъ богатырь, о дружбѣ, и о любви.»

(368) См. Memor. Popul IV, 258, и Voyage de Contareni въ Бержеронѣ.

(369) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 159, и Т. III, стр. 83.

(370) *Архив. Лѣт.* л. 144, на обор. Вотъ письмо Александрово къ Вел. Князю (см. *Посланіе Рос. Митрополитовъ* въ Синод. библіот. No 164, л. 180): «Великому Царю и Господарю, Вел. Князю, низкое челобитіе. Вѣдомо бы было, что изъ дальные земли ближнею мыслью менщій холопъ твой Александръ челомъ бью. Темнымъ еси свѣтъ зеленого неба, звѣзда еси, Христіянская еси надежа, Вѣры нашіе крѣпости всесвѣтлый Государь, всѣмъ еси Государемъ прибѣжище, всѣмъ еси Государемъ законъ, бѣднымъ еси подпора и Бесерменомъ еси надѣя, законной земли грозный Государь, всѣмъ еси Князем справедливая управа, всѣмъ Князем вышшій Князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси Николинъ. Добрыхъ Государей молитвою и счастіемъ мы еще здѣсе въ Иверьской землѣ въ здравіи живемъ. Аще бы про ваше здравіе слышали быхомъ, слава Богу. И еще свѣдомо буди, много Государю челомъ бьючи. Наримана Даніина ко твоему порогу послали есмя, Хоземаруна, Шекенца въ товарищехъ съ ними же послали есмя вашего здравіа отвѣдати. Посылка наша дай Богъ въ доброй часъ. Счастокъ дай Богъ всегды бы былъ. И холопству твоему недостойный Александръ. А писана лѣта 91 Генваря.» Въ лѣтописяхъ посолъ Иверскій названъ Мурамомъ.

(371) Дѣла Крым., No 1, л. 115.

(372) Тамъ же, стр. 176.

(373) Тамъ же стр. 336 — 339. Начало: «Салтану, великому Царю. Межи Бесерменскихъ Государей великой еси Государь, надъ Турскими и надъ Азямскими Государи воленъ еси; польской (земной) и морской Государь еси, Салтанъ Баязитъ,» и проч.

(374) Тамъ же, стр. 196 и слѣд. Ромодановскій выѣхалъ изъ Москвы 28 Окт. Онъ возвратился 16 Ноября 1491 съ двумя послами Менгли-Гиреевы-

ми, которыхъ Вел. К. не пустилъ въ Москву, для того, что дорогою умерло у нихъ нѣсколько слугъ отъ язвы. Они зимовали въ селѣ Волконѣ, куда былъ посланъ К. Василій Ноздроватой съ толмачами, которые говорили съ ними через рѣку.

(375) Тамъ же, стр. 270. Лобановъ поѣхалъ 20 Марта.

(376) Въ образецъ слога приведемъ слѣдующее мѣсто грамоты Магметъ-Аминя къ Менгли-Гирею (Дѣла Крым. стр 300): «Единъ Богъ! Въ большей бесѣдѣ вольному. Надъ храбрыми и надъ грамотники большой еси; надъ Вѣрою Осподарь еси; надъ Турскымъ и надъ Азямскимъ Осподаремъ волёнъ еси, и силы отъ Бога въ прокъ и имя великое досталъ еси; надъ недруги силенъ еси: надъ Бесермены въ Бесерменской Вѣрѣ святъ еси; отъ лиха уймаешь; въ Вѣрѣ чистота еси; Божіа застѣнь еси; на земли чистъ еси; отъ воды и отъ земли създанъ еси; вся сотворшаго Бога изволеніемъ чистъ еси; на сей земли все твое велѣніе; сего времяни и сего свѣта Осподарь еси... Братъ мой, Менгли-Гирей Царь! Осподарьства бы его свыше Богъ учинилъ. Величеству твоему отъ Магметъ-Аминя, челомъ ударивъ, поклонъ.» Освѣдомляясь о злоровьѣ Менгли-Гирея, онъ извѣщаетъ его о частыхъ впаденіяхъ Князей Ногайскихъ въ Казанскую область, и проч. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Вел. К. далъ Царевичу Летифу Звенигородъ съ пошлинами.

(377) К. Тимоѳей Владиміровичь Мосальскій, Смоленскій Окольничій, былъ у насъ въ началѣ Окт. 1487, вторично въ Мартѣ 1488, Плюсковъ въ исходѣ Декаб., К. Мосальскій въ третій разъ 23 Іюля 1489, Подстолій Станиславъ Петряшковичь Строминловъ 29 Іюня 1490, Дворянинъ Василій Хребтовичь 30 Нояб. 1491, Намѣстникъ Утенскій Войтко Яновичь Клочко 19 Марта. Отъ насъ къ Казимиру ѣздили Михайло Кляпикъ Яропкинъ 1 Генв. 1488, Боярскій сынъ К. Ѳеодоръ Ивановичь Палецкій 9 Марта, Боярскій Сынъ Василей Карамышевъ 29 Іюля, вторично Яропкинъ 20 Марта 1489, Дворянинъ Григорій Аѳанасьевъ Путятинъ 22 Дек., Боярскій Сынъ Михайло Зворыкинъ 18 Февр. 1490, въ третій разъ Яропкинъ 7 Мая, Боярскій Сынъ Иванъ Никитичь Беклемишевъ 16 Мая 1492. См. Дѣла Польскаго Двора No 1, стр. 5 — 151.

(378) Дѣла Крым. No 1, 324. Заболоцкой поѣхалъ 30 Авг. 1492.

(379) *Никон. Лѣт.* 133.

(380) К. Оболенскій плѣнилъ Мценскаго Воеводу, Бориса Семеновича Александрова. См. Дѣла Польск. Двора стр. 182 и слѣд.

(381) Намѣстникъ Полоцкій, Янъ Юрьевичь Забережской, послалъ прежде къ Новогородскому Воеводѣ, Якову Захарьевичу, своего писаря Лаврина въ Іюлѣ 1492, говорить о сватовствѣ. Воевода извѣстилъ о томъ Вел. Князя, который писалъ къ нему, чтобы онъ на вѣжливость отвѣчалъ вѣжливостію, но что нельзя думать о сватовствѣ до мира. Ноября 2 прислалъ Забережской грамоту къ К. Ивану Юрьевичу Патрекееву и писалъ такъ: «Коли есми былъ отъ Государя нашего въ посольствѣ у Вел. К., и твоя милость велѣлъ ми у себя хлѣба ясти, и розмовалъ твоя милость о згоду межи Государей, а межи словъ припомянулъ еси житье Вел. Князя Василья Васильевича съ нашемъ Госуд. Витовтомъ... ино, Господине, и нынѣ похотимъ межи Осподарей на обѣ сторонѣ добра... была бы воля его (Іоаннова) дати дочку свою за нашего Осподаря; а мы здѣ съ дядями и братіею нашею хочомъ въ томъ дѣлѣ постояти,» и проч. См. Дѣла Польск. Двора стр. 173 — 180.

(382) Тамъ же, стр. 182 и слѣд.

(383) См. *Архив. Лѣт.* л. 146, — *Никон.* 134, и Львова 219. Плѣнниковъ выведено 530. Войскомъ предводительствовали Кн. Рязанскій Ѳеодоръ, Воевода брата его, Іоанна, Инко Измайловъ, и Московскіе Полководцы, К. Михайло Ивановичь Колышко и К. Александръ Васильевичь Оболенскій.

(384) Вязьму взялъ К. Данило Васильевичь Щевя. Одинъ изъ Князей Виземскихъ, Михайло, былъ сосланъ на Двину, и тамъ умеръ въ оковахъ (см. *Арханг. Лѣт.*). — Князь Михайло Романовичь Мезецкой самъ привезъ въ Москву братьевъ своихъ, К. Семена и Петра.

(385) Въ *Архив. Лѣт.* л. 147 на обор.: «того же лѣта Авг. послалъ К. Вел. К. Дмитрія да К. Семена Воротынскихъ на городъ на Мосалескъ; они же градъ взяша.» Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что онъ завоевалъ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, Лучинъ, Мощинъ, Городечну, Дмитровъ, Залидовъ, Бѣлую, Осугу (см. Дѣла Крым. стр. 404, 417).

(386) См. *Архив. Лѣт.* л. 148, и *Никон.* 135. Лукомскаго сожгли въ Генв. 1493.

(387) Дѣла Крым. No 1, 357 — 383.

(388) Тамъ же, стр. 406 — 414.

(389) Тамъ же, стр. 440 и слѣд.

(390) Посолъ Мазовецкій пріѣхалъ въ Маѣ 1493, а К. Вел. отправилъ съ нимъ въ Мазовію 21 Мая Василья Асанчука Заболоцкаго и Василья Третьяка Далматова (см. въ Архивѣ столпцы Польскаго Двора г. 1498).

(391) Дѣла Крым. стр. 360.

(392) См. донесенія Заболоцкаго въ Дѣлахъ Крымскихъ.

(393) Загряскій поѣхалъ 5 Генв. 1493 (см. Дѣла Польск. Двора стр. 203) съ Третьякомъ, Михайловымъ сыномъ, прозвищемъ Синія Губы.

(394) Послами были Андрей Олехновичь, Намѣстникъ Переломскій, и Войтко Яновичь Клочко. Пріѣхали 29 Іюня 1493, а выѣхали 8 Іюля. 16 Сент. Клочко возвратился въ Москву за *опаснымъ листомъ* или проѣзжею грамотою для Великихъ Пословъ. Литовскіе Сенаторы писали къ К. Ивану Юрьевичу, чтобы онъ употребилъ стараніе для заключенія мира.

(395) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 247.

(396) Подлиннаго договора нѣтъ въ Архивѣ; остался только списокъ: сообщаемъ его здѣсь.

«По Божіей волѣ и по нашей любви, Мы Александръ Божіею милостію Вел. Князь Литовскій и Рускій и Жомонтскій и иныхъ, взяли есмя любовь и вѣчное докончанье съ своимъ братомъ и со тьстемъ съ Іоанномъ, Государемъ всеа Русіи, и Вел. Княземъ Володимерскимъ, и Московскимъ, и Новогородскимъ, и Псковскимъ, и Тферскимъ, и Югорскимъ, и Пермскимъ, и Болгарскимъ, и иныхъ. Жыти мнѣ съ нимъ въ любви по сей грамотѣ, а быти мнѣ съ нимъ вездѣ за-одинъ, и добра мнѣ ему хотѣти и его землямъ вездѣ, гдѣ бы ни было; а ему мнѣ добра хотѣти и нашимъ землямъ вездѣ, гдѣбъ ни было; а кто будетъ мнѣ другъ, то и ему другъ; а кто мнѣ недругъ, то и ему недругъ; а кто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; кто будетъ ему недругъ, то и мнѣ недругъ. А быти ти, брате, на всякого моего недруга со мною вездѣ за-одинъ и на Татаръ; а мнѣ на всякаго твоего недруга быти съ тобою вездѣ за-одинъ, и на Татаръ. А пойдутъ ли, брате, Татарове на нашы Украйные мѣста и Княземъ нашимъ и Воеводамъ нашимъ Украйнымъ, нашимъ людемъ, сослався да боронитися имъ съ одиного. А гдѣ тебѣ, моему брату, будетъ моя помочь надобѣ на всякаго твоего недруга, и на Татаръ, и тебѣ ко мнѣ послать, и мнѣ тебѣ помочь дати; а также коли твоя помочь мнѣ будетъ надобѣ, и мнѣ къ тебѣ послати, и тебѣ, моему брату, мнѣ помочь дати на всякаго моего

недруга и на Татаръ. А коли пришлешь ко мнѣ про помочь, а мнѣ къ тебѣ будетъ въ ту пору помочи не льзѣ послати, ино то тебѣ отъ меня не въ измѣну; а также коли язъ къ тебѣ пошлю про помочь, а тебѣ ко мнѣ будетъ въ ту пору помочи нелзѣ послати, ино то мнѣ отъ тебя не въ измѣну. А въ вотчину намъ, брате, въ твою, во всѣ твои Великіе Княжества, и въ Новгородъ Великій и во Псковъ и во вся Нуогородская и во Псковская мѣста не вступатися ничѣмъ, также во Тферь и во вся Тферская мѣста не вступатися мнѣ ни чѣмъ, и блюсти и не обидѣти, ни подъискивати подъ тобою и подъ твоими дѣтми всее твоее отчины, Великихъ Княжествъ; а рубежъ Новогородскимъ волостемъ, Лукамъ Великимъ и Ржевѣ, и Холмскому погосту, и Велилѣ, и Лопастицамъ и Буйцу, и инымъ волостемъ, всей землѣ Новгородской съ Литвою, и съ Полочяны, и съ Видбляны, и съ Торопчаны, землѣ и водѣ по старому рубежу; а Пскову, отчинѣ твоей, рубежъ съ Литвою, землѣ и водѣ, по старому рубежу; также и Тфери, отчинѣ твоей, и всей Тферской землѣ рубежъ съ Литвою по старому рубежу; также и въ брата твоего, въ Княжу Борисову отчину, мнѣ, Великому Князю Александру, не вступитися, и во Ржеву съ волостми по озеро по Орлинце на полы, по Озеро по Плотинце, по Красной Борокъ, по Боравью рѣчку на верхъ Бѣлейки, по Бѣлейкѣ на Поникль, съ Поникли на верхъ Сижки, съ Березы на Мохъ, со Мху на верхъ Осуги... А по которая мѣста вѣдали Волостели Осугу при Великомъ Князѣ Кестутьѣ, и моимъ Волостелемъ потомужо вѣдати: а тебѣ, Вел. Кн. Ивану, не вступатися... Также мнѣ не вступатися въ вашу отчину въ городъ Вязму, и въ городы и въ волости... ни Князей мнѣ Вяземскихъ къ себѣ не пріимати, также и Ѳедора Блудова и Олександрова Борисова сына Хлепеньского, и Княжа Романова Фоминскаго, и ихъ братьи и братаничевъ, и Юрьева доли Ромейковича, и Княжа Ѳеодорова мѣста Святославича, тѣ вотчины всѣ твои, Великого Князя Ивановы и твоихъ дѣтей. Такожe мнѣ не вступитися у васъ въ Олексинъ и въ Тѣшыловъ, и въ Рославль, и въ Веневъ, и во Мстиславль, и въ Торусу, и въ Оболенскъ... да и въ Козельскъ, и въ Людимескъ, и въ Серенескъ, и во всѣ ваши Украйные мѣста ... А Князи Новосилскіе, Олоевскіе и Воротынскіе, и Перемышльскіе, и Бѣлевскіе всѣ твои Великого Князя Ивановы и твоихъ дѣтей и съ своими отчинами къ вашему Великому Княжеству... а мнѣ не пріимати ихъ съ ихъ отчинами. Также ми и въ Мещеру, въ вотчину твою, не вступатися и не пріимати ихъ; а тебѣ, Вел. Кн. Ивану, въ вотчину мою, во всѣ мои Великіе Княжества, не вступатися, ни въ Смоленскъ и во вся Смоленская мѣста, ни въ Любутескъ, ни во Мченесъкъ, ни во Бряжескъ, ни въ Серпѣескъ, ни въ Лучинъ, ни въ Мосалескъ, ни въ Дмитровъ, ни въ Жулинъ, ни въ Лычино, также и въ Залидовъ, и въ Бышковичи, и въ Опаковъ по Угру, ни во всѣ мои Украйные мѣста, и что къ нимъ потягло, не вступатися ничѣмъ и блюсти и не обидѣти... А Мѣзецкіе Князи, К. Михайло Романовичь и Княжы Ивановы дѣти Ѳеодоровича Говдыревьсково, Кн. Василей и Кн. Ѳеодоръ, служать тебѣ Вел. Кн. Ивану и твоимъ дѣтемъ, и съ своими отчинами, что ихъ долницы въ городѣ въ Мезецку и въ волостехъ; а мнѣ, Вел. Кн. Александру, ихъ не обидѣти и не пріимати ихъ и съ ихъ отчинами; а что служать мнѣ Мѣзецкіе Князи, К. Ѳедоръ Сухой, да К. Василей, К. Ѳеодоровы дѣти Андреевича, и тѣ Князи въ Мѣзецку вѣдають свои отчины, долницы свои; а тебѣ ихъ не пріимати съ ихъ отчинами; а что у тебя въ нятствѣ Мѣзецкіе Князи, К. Семенъ Романовичъ и К. Петръ Ѳеодоровичь, и тебѣ тѣхъ Князей отпустити въ Мѣзческъ на ихъ отчину, и они кому хотять, тому служать и съ своими вотчинами... и учнуть служити мнѣ, ино ихъ тебѣ и твоимъ дѣтемъ не пріимати и съ ихъ вотчинами; а учнуть служити тебѣ и твоимъ дѣтемъ, ино ихъ не пріимати. А Кн. Вел. Иванъ Васильевичь Рязаньской и братъ его К. Ѳеодоръ и съ своими дѣтьми и съ своею землею въ твоей сторонѣ въ Великого Князя въ Ивановѣ; а мнѣ, Вел. К. Александру, ихъ не обидѣти, ни въ землю ми въ ихъ не вступатися, и въ чемъ мнѣ Кн. Вел. Иванъ Рязаньской и братъ его К. Ѳеодоръ съгрубять, и мнѣ о томъ прислати къ тебѣ Вел. К. Ивану, и тобѣ то мнѣ направити. А которые Князи служуть мнѣ, Вел К. Александру, съ своихъ вотчинъ, и тебѣ и твоимъ дѣтемъ ихъ блюсти и не обидѣти; а которые Князи служать тебѣ и твоимъ дѣтемъ съ своихъ отчинъ, и мнѣ ихъ блюсти, а не обидѣти; а которой иметъ обидѣти Князей Служебныхъ своего брата, и намъ о томъ сослати судей, и они тому учинять исправу безъ перевода; а Князей намъ Служебныхъ по та мѣста на обѣ стороны съ вотчинами не пріимати. А что у меня Вел. Кн. Александра вашихъ нялецъ дѣти, Княжы Ивановы дѣти Можайсково и Княжы Ивановы дѣти Шемякина и К. Ивана Ярославича, также и К. Михайло Борисовичь Тѳерскый, и К. Михайловъ сынъ Андреевича, К. Василей, и мнѣ на ваше лихо ихъ не отпущати никудѣ; а пойдуть отъ меня кроче изъ земли, и мнѣ ихъ опять не пріимати, а быти ми съ тобою, съ своимъ братомъ, и съ твоими дѣтьми на нихъ везлѣ за-одинъ. А о земляхъ и о водахъ и о всѣхъ обидныхъ дѣлѣхъ на обѣ стороны межы насъ судъ вопчей впередь отъ сего нашего докончанья; а судьямъ нашымъ судити цѣловавъ крестъ. А что учинится въ нашей любви межы нашими людьми и вашими, ино тому всему судъ: Волостели наши съѣхався да учинятъ тому исправу безъ перевода; а про то намъ нелюбья не держати, а суженого не посужати; а суженое, заемное, положеное, поручьное дати; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежника по исправѣ выдати. А посломъ нашымъ по нашымъ землямъ на обѣ стороны путь чистъ безъ всякихъ зацѣпокъ; а гостемъ нашымъ по нашымъ землямъ на обѣ стороны ѣздити безъ рубежа и безъ всякіе пакости; а твоимъ гостемъ Ноугородцомъ изо всей Новогородскіе земли въ моихъ земляхъ, во всей моей отчинѣ, торговати безъ пакости; также и моимъ гостемъ изо всей моей отчины въ Новѣгородѣ Великомъ торговати съ Новогородци безъ пакости; а Псковскому послу и гостю изо всей твоей отчины изо Псковскіе земли путь чистъ во всѣ мои земли, въ мою отчину; а гостю Псковскому торговати во всѣхъ моихъ земляхъ въ моей отчинѣ безъ пакости по старой пошлинѣ со всякимъ гостемъ; также изъ моихъ земель въ твою отчину во Псковъ послу и гостю путь чистъ во Псковскую землю изо всей моей отчины, а гостю торговати во Псковѣ безъ пакости по старой пошлинѣ со всякимъ гостемъ; а судъ съ моими землями отчинѣ твоей Пскову на обѣ стороны держати по старинѣ. Также моимъ гостемъ изо всѣхъ моихъ земель торговати въ твоей отчинѣ во Тферской землѣ безъ пакости; а твоимъ гостемъ изъ твоей отчины изъ Тферскіе земли торговати во всѣхъ моихъ земляхъ безъ пакости. А придетъ Божія воля къ тому, дастъ ми Богъ дѣти, а меня Богъ возметъ съ сего свѣта, а ты останешь живъ, и тебѣ, брате, вотчины моей подъ моими дѣтьми блюсти, а не обидѣти, ни вступатися во всѣ нашы Великіе Княжества, ни въ Смоленескъ, ни во вся Смо-

лошлей мѣста, ни во всѣ наши Украйные мѣста не вступатися, ни подыскивати всѣхъ нашыхъ Великихъ Княжествъ. А придетъ Божія воля, возметъ Богъ тебя съ сего свѣта первіе, а язъ остапу жывъ, и мнѣ подъ твоими дѣтьми вашые отчины блюсти, а не обидѣти, ни вступатися во всѣ ваши Великіе Княжества, и въ Новгородъ въ Великій, и во Псковъ, и во вся Ноугородская и во Псковская мѣста, также и во Тферь и во вся Тферская мѣста и во всѣ ваши Украйные мѣста не вступатися... А на томъ на всемъ мы Александръ Божіею милостію Вел. К. Литовскій и Рускій и Жомоитскій и иныхъ цѣловалъ есмь крестъ къ брату своему и ко тьстю ко Іоанну Государю Всея Русіи и Вел. К. Володимерскому и Московскому, и Новогородскому, и Псковскому и Тферскому, и Югорскому, и Перьмскому, и Болгарскому, и иныхъ, по любви въ правду; а по сей намъ грамотѣ правити.»

(397) «Далъ имъ по шубѣ по собольей, отласы на нихъ золотомъ; да по ковшу по серебряному по великому. А отъ Вел. Княгини по шубѣ по горностайной по голой; а отъ Вел. Княжны по шубѣ по собольей по голой.»

(398) «Да приказалъ К. Вел. съ ними къ В. К. къ Олександру *поклонъ*, а дѣти В. Князя и внукъ *челобитье*; да были у В. Княгини, а Княжна была тутъ же.» Выѣхали Февр. 11, бывъ у Государя 11 разъ на посольствѣ, да трижды у стола.

(399) Пріѣхавъ въ Вильну 18 Апр. на третій день они поднесли Александру обручальные дары.

(400) «Да молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобы учинилъ насъ для, велѣлъ бы нашей дочери, а своей Вел. Княгинѣ поставити церковь нашего Греческаго Закона на переходѣхъ у своего двора у ее хоромъ, чтобы ей близко къ церкви ходити, а его бы жалованье къ нашей дочери намъ добро слышати» (стр. 371).

(401) *Дѣла* Польск. Двора стр. 390 и 434.

(402) Тамъ же, стр. 440. См. также *Рос. Вивліов.* Т. XIV, стр. 1 — 21.

(403) Вопреки нашимъ Каталогамъ Митрополитовъ и Ходыкевичу, Симеонъ, Кіевскій Митроп., преемникъ Мисаиловъ, скончался въ 1488 году. Его мѣсто заступилъ Іона Глезна. «Въ лѣто 7003 (1495) «събравшесь Епископи, Володимерскій Васьянъ, Полоцкій Лука, Туровьскый Васьянъ, Луцкій Іона, и поставиша Митрополитомъ *Макарія* Архимандрита, порекломъ *Чорта*, Кіеву и всея Руси, а до Патріарха по благословеніе послаша Старца Деонисея и Германа Діакона Инока» (см. Архив. *Кіев. Лѣт.* No 70).

(404) *Дѣла* Польск. Двора стр. 330. Съ сими жалобами пріѣзжали отъ Александра въ Москву, 13 Авг. 1494, Маршалокъ Янъ Литоворъ Хребтовичь, да Писарь Адамъ.

(405) *Дѣла* Польск. Двора стр. 449 — 473. Станиславъ Петряшковичь, внукъ Строииловъ, пріѣхалъ въ Москву 15 Мая, а выѣхалъ 24.

(406) *Дѣла* Полск. Двора стр. 473 — 482.

(407) Тамъ же, стр. 482 — 486.

(408) Въ Ноябрѣ 1493 Іоаннъ посылалъ Константина Малечкина къ Менгли-Гирею съ убѣжденіемъ не принимать никакихъ мирныхъ условій отъ Литвы, а въ Маѣ 1495 извѣстилъ его о союзѣ съ Александромъ. Отвѣтъ Менгли-Гиреевъ см. въ Крым. *Дѣлахъ* стр. 463.

(409) *Дѣла* Польск. Двора No 1, 496 — 522.

(410) См. выше, стр. 144.

(411) *Дѣла* Польск. Двора No 1, г. 1496, стр. 539 — 539.

(412) Тамъ же, стр. 539 — 554. Тогда Іоаннъ посылалъ въ Вильну Михайла Кляпика Яропкина съ Подъячимъ Тимоѳеемъ Микулинымъ (19 Мая 1496).

(413) Тамъ же, стр. 552.

(414) Тамъ же, стр. 555 — 557. Съ сею грамотою пріѣхадъ (въ Ноябрѣ 1496) въ Москву Алексѣй Семчовъ, Дворянинъ находившійся при В. Княгинѣ Еленѣ.

(415) *Дѣла* Крым. No 1, стр. 477—496. Звенецъ поѣхалъ 11 Сент. 1496.

(416) См. *Никон. Лѣт.* 132, и между моими Кенигсбергскими бумагами отношенія Ливонскаго Магистра 1492 и 1493 годовъ къ Нѣмецкому Ордену, No 728 и 729. О продолженіи перемирія сказано: denn sie (Ливонскіе Рыцари) jezt mit den von Muschkow uff x Jar sich gefriedet und mit dem Großfürsten uß Littawen den ewigen Frieden beswern und vernewet haben.

(417) In horrendo flagitio (см. Кравц. Wandal. стр. 327).

(418) *Никон. Лѣт.* стр. 141. *Дѣла* Польск. Двора No 1, стр. 564: «и въ тѣхъ городѣхъ Нѣмцы черезъ крестное цѣлованье и черезъ перемирные грамоты нашымъ людемъ много лиха и убытковъ починили.»

(419) Кельхъ стр. 153.

(420) Гадебушъ Th. I, Abschn. II, стр. 247. Вел. К. посылалъ въ Новгородъ Дьяка Василья Жука и Данила Мамырева, чтобы опечатать товары Ганзейскихъ купцевъ (см. *Продолженіе Несторов. Лѣт.* 336).

(421) *Дѣла* Цесарскія No 1, л. 106: «*Память Юрью* (Траханіоту) и *Михаилу*. Били ему (Вел. Князю) челомъ Ноугородскіи купци, а сказываютъ, что приходитъ въ Новгородъ соль и медъ отъ Нѣмецъ неполно, того дѣля, что въ Новѣгородѣ вѣсу нѣтъ. Въ ласту приходитъ 90 пудовъ Московскихъ, а въ иномъ менши; а напередъ того въ ласту приходило по 100 пудовъ и по 20. А медъ приходитъ не половъ же, бочка по 9 пудовъ... а напередъ того приходила бочка по 10 пудовъ... Пошлинники Новогородскіе нынѣ вѣсчего на Нѣмцѣхъ не емлютъ: емлютъ на купцѣхъ, кто у нихъ купитъ; а Великого же Князя въ вотчинѣ во Псковѣ у Нѣмецъ соль и медъ вѣсятъ и вѣсчее на Нѣмцѣхъ емлютъ: ино лжи нѣтъ отъ Нѣмецъ... А Колыванци и Ругодивци сами у заморскихъ купцовъ изъ кораблей соль и медъ вѣсятъ, а Ноугородскимъ купцомъ у себя продаютъ соль и медъ, вѣсятъ же и вѣсчее на нихъ емлютъ: и они въ одномъ Новѣгородѣ хотятъ безъ вѣсу продавати.»

(422) Въ Архив. Розрядн. Книгѣ л. 12 на обор.: «На зговорѣ съ Нѣмцы Костянтинъ Григорьевъ сынъ Заболоцкой, да Михайло Кляповъ, да Дьяки Кулешинъ, да Волкъ Курицынъ, а съ ними дѣтей Боярскихъ и гостей 19 человѣкъ.» Келеръ въ Ганзейской Хроникѣ пишетъ слѣдующее: «Послы съ обѣихъ сторонъ долго спорили о назначеніи мѣста для переговоровъ. Московскіе хотѣли, чтобы имъ выдали тѣхъ Нѣмцевъ, которые въ Ригѣ и въ Ревелѣ осудили нѣсколько Россіянъ на казнь; а Ганзейскіе требовали свободы четырехъ Нѣмецкихъ купцевъ, заключенныхъ въ Новгородѣ: ибо въ Ливонскихъ городахъ освободили всѣхъ Россійскихъ плѣнниковъ. Сіе требованіе не было уважено. Тогда сказали Московскимъ посламъ, что, согласно съ ихъ желаніемъ, Россіянамъ дозволяется имѣть церковь въ Дерптѣ и въ Ревелѣ; но они хотѣли еще казни упомянутыхъ четырехъ купцевъ, по тому что имъ не выдаютъ судей Ревельскихъ и Рижскихъ. Между тѣмъ началась ссора Великаго Князя съ женою и съ сыномъ: послы Московскіе уѣхали.» Гадебушъ г. 1489, стр. 254.

(423) *Никон. Лѣт.* 142 — Кранцъ. Wandal. 327 — Кельхъ 153 — Гадебушъ 250.

(424) См. Арнта Liefl. Chr. 158.

(425) См. Сарторія въ Gesch. des Hans. Bund.

(426) См. Далина Gesch. des R. Schw. II, 632.

(427) См. выше, примѣч. 366.

(428) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 572. «А въ Степени тогда былъ Посадникъ Яковъ Аѳанас. Брюхатой, да Василій Онаньковичь, и учали сильно дѣяти надъ Священники и лазили многажды на сѣни и въ Вѣчіи, и хотѣли Поповъ кнутомъ избезчествовати, Іоанна Рожественскаго и Андрея... въ одныхъ рубахахъ стояли на Вѣчи; и иныхъ всѣхъ насромотиша.» См. также *Архив. Лѣт.*, л. 154, и Розрядныя Книги. Въ большомъ полку находился К. Щеня, въ передовомъ К. Петръ Никитичь Оболенской, въ правой рукѣ Петръ и Василій Борисовичи; а у Воеводы Новогородскаго, Якова Захарьевича, въ передовомъ Иванъ Андр. Лобанъ-Колычевъ, въ правой рукѣ Ѳедоръ Конст. Беззубцевъ, въ лѣвой К. Тимоѳей Александ. Тростенской. Они воевали Шведскія владѣнія отъ Сент. до Рождества (въ 1495 году). Подъ Выборгомъ убитъ изъ пищали Иванъ Андреевичь Субота-Плещеевъ.

(429) См. Далина II, 636.

(430) Государь выѣхалъ изъ Москвы Окт. 24, а пріѣхалъ въ Новгородъ Ноября 17 (въ 1495 г.). О свитѣ его см. Архив. Розр. Книгу л. 6.

(431) Воеводы пошли Генв. 17. Въ большомъ полку К. Василій Косой съ Андреемъ Ѳедор. Челядинымъ, въ передовомъ К. Ростовск. съ К. Иваномъ Михайл. Рѣпнею, въ правой рукѣ Дмитрій Васил. Шеинъ съ Григорьемъ Ѳедоровичемъ (внукомъ Давыдовымъ), въ лѣвой Семенъ Карповичь съ Андреемъ Иванов. Коробовымъ. См. Далина II, 637.

(432) *Архив. Лѣт.* 156 на обор.: «а се имъ (рѣкамъ) имена: Кемъ, Торна, Колоконъ, Овлуй, Сиговая, Снѣжна, Гавка, Путашъ.» Въ *Арханг. Лѣт.*: «Извоевали Полну рѣку да Торнову, да Снѣжну; добра поимали много, а полону безчисленно; а ходили съ Двины моремъ Акіяномъ, да черезъ Мурманской Носъ.»

(433) См. Далина II, 638, и *Архив. Лѣт.* л. 159. Стокгольмъ названъ въ сей лѣтописи *Стекольномъ*, а Свантъ Стуръ *Княземъ Стефаномъ Кстуромъ*. Онъ пришелъ Авг. 19.

(434) Въ *Архив. Лѣт.* л. 166 на обор.: «Тое же зимы (1500) Февр. приде посолъ на Москву отъ Дацкого Короля Ивана Капляяъ, именемъ Иванъ...' Тоя же весны, Апр. 2, послалъ К. Вел. къ Дацкому Королю посольствомъ Юрья Мануиловича Грека, да Дьяка Третьяка Долматова, да и Дацкого посла Капляна съ ними же отпустилъ... Пріидоша Авг. (1501) отъ Дацк. Короля Юрій Старой да Третьякъ, да съ ними вмѣстѣ Дацкого посолъ Давыдъ.» Въ *Архив. Лѣт.*: «Оня пришли на Двину около Свейского Королевства и Мурманского Носу, мимо Соловецкой монастырь на Двину; да съ собою привели Якова разбойника Нѣмчина самъ-третей.»

(435) Далина II, 642.

(436) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 563, въ отвѣтѣ Александрову послу 1497 года: «Напредъ сего Свейскіе Господареве и Воеводы ихъ и Свейская земля присылали о перемирьехъ и о иныхъ дѣлахъ въ нашу отчину въ Вел. Новгородъ... а и нынѣ Свейской Воевода и Свейская земля пришлютъ въ нашу отчину, въ В. Новгородъ, къ нашимъ Намѣстникомъ бити челомъ о перемирьѣ, и наши Намѣстники емлютъ съ ними перемирье, какъ будетъ пригоже, по тому, какъ бывало у нихъ напередъ того.»

(437) Въ Маѣ 1496 года пришла вѣсть въ Москву о нападеніи Мамука, *Шибанскаго* Царя, на Казань: «а измѣну чинятъ Казанскіе Князи Калеметъ, да Уракъ, да Садыръ, да Агышъ.» Въ началѣ Сент. Рядоловскій вышелъ изъ Казани. — Мамукъ умаръ на возвратномъ пути въ Ногайскую землю. Въ Апрѣлѣ 1497 года возвели Летвфа на престолъ. См. *Никон. Лѣт.* стр. 146 и *Архив.* л. 157.

(438) См. Дѣла Крымск. No 1, стр. 536—546.

(439) Тамъ же, стр. 570—604.

(440) См. выше.

(441) Посольство его въ Крымск. Дѣлахъ No 1, стр. 496—536. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Сент. 1496, вмѣстѣ съ К. Иваномъ Звенцомъ, отправленнымъ къ Менгли-Гирею. Въ свитѣ Плещеева находились Костя Оксентьевъ, Подьячій Родя Кудолжиковъ, толмачь Кудашъ и Лука Сокольникъ.

(442) Вотъ подлинный переводъ Баязетовой грамоты:

«Богъ! — Великоименитой Хумаюнъ (птица) Баязидъ Султанъ Мухаммедовичь нынѣ въ своей земли Божіею милостью Анатолейскій и Румской земли, Бѣлого моря и Черного моря, и Карамавскій и Меншего Рима, и иныхъ многихъ земль Государь, Султана Махаммеда Царя сынъ Султанъ Баязидъ; а всея Русіи, и Въсточной и Полской и иныхъ многихъ земль Князь Иванъ. Къ моему порогу послалъ ты въ частіе доброе своего посла, отъ своего правого сердца чистого, доброго человѣка Михайла. Посольства его путь до меня дошелъ, мене какъ видѣлъ, и твою грамоту полную мнѣ далъ, и язъ ее взявъ приложилъ къ своему сердцю, и что въ той грамотѣ написано было, и что твой посолъ своимъ языкомъ говорилъ отъ тебя, то до меня дошло отъ твоего праваго сердца, и разумѣлъ есми, единачества со мною хочешь, каковъ бы ты ко мнѣ, таковъ бы язъ къ тебѣ, и по семъ межы бы насъ послы наши ходили часто; и гости свои въ мою землю отпущай, и пришедъ увидятъ нашу правду къ тебѣ и тобѣ скажутъ. Что о тѣхъ гостехъ писалъ ты ко мнѣ пережъ сего, о всемъ твой посолъ и твоя грамота вѣдомо мнѣ дала съ правдою, и познавъ язъ то нынѣ, твоему послу своимъ языкомъ говорилъ и грамоты свои къ тебѣ послалъ, и онъ тебѣ мои рѣчи скажетъ и грамоты подастъ; а твой посолъ мнѣ по пошлинѣ службу полну учинилъ; а нынѣ у мене посолъ твой отпросился назадъ; и язъ его отпустилъ въ свою страну, и онъ отъ меня и пошолъ. Дай Богъ, твой посолъ по-здорову дошолъ до тебя. Мое здоровье и дружбу и любовь тобѣ скажетъ, отъ меня тебѣ великой поклонъ; и хто мнѣ другъ, и тобѣ другъ, и тому великой поклонъ. А писанъ по конецъ мѣсяца Речедбюль Мюраћедль, девять сотъ вторага лѣта въ Констянтинѣ градѣ. (*Переводъ Молникъ Шамахійскаго*).» — Дѣла Крымск. стр. 522. Плещеевъ возвратился 27 Февр. 1498.

(443) «Того же лѣта (1497) Авг. пріиде на Москву В. Княгиня Рязан. Анна, и Князь срѣте ее на Всполье за Болвановьемъ со внукомъ и съ дѣтми, такожь Вел. Княгиня Софья съ снохою, съ Вел. Княгинею Еленою и съ Боляринями, и пребысть В. К. Анна на Москвѣ до Крещенья, и отпустилъ ее К. Вел. съ великою честію и со многими дары, и проводилъ ее К. Юрьи до Угрѣши, и отпустилъ ее К. Вел. наборзѣ свадьбы для: дала она тогда дочь свою за К. Ѳ. И. Бѣльского; а свадьба была на Рѣзани Генв. 1.»

(444) Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 569: «Онъ (Василій) свѣдалъ отъ Діака отъ Ѳ. Стромилова то, что отецъ его хощетъ жаловати Вел. Княженіемъ внука своего, и нача думати Князю Василію вторый Сатанинъ предотеча Аѳанасій Ропчепокъ; бысть въ думѣ той и Діакъ Ѳ. Стромиловъ и Поярокъ, Руновъ братъ, и иные Дѣти Болярскіе; а иныхъ тайно къ цѣлованію приводиша на томъ, что Князю Василію отъ отца своего отъѣхати, Великаго Князя казна пограбити на Вологдѣ и на

Бѣлоозерѣ, и надъ Княземъ *Димитріемъ*, надъ внукомъ, израда учинити. И свѣдавъ то и обыскавъ Кн. Вел. злую ихъ мысль, и велѣлъ измѣнниковъ казнити. Казниша ихъ на Москвѣ-рѣцѣ понииже мосту шестерыхъ: Аѳ. Роцченку руки да ноги и голову, а Поярку руки и голову, а Ѳ. Стромилову да Володимеру Елизарову (Гусеву), *да* Князю Палецкому-Хрулю, да Щавію Скрябина сына Травина, тѣмъ головы отсѣкли, Дек. въ 27 день... И въ то время опалу положилъ на жену свою, на Софію, о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зеліемъ, и обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, Кн. Вел. велѣлъ ихъ казнити.»

(445) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 39 и 140 — *Новогород. Лѣт.* стр. 62, и сей *Исторіи* Т. III, стр. 122.

(446) См. *Никон. Лѣт.* стр. 156.

(447) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 569 на обор. — Сію такъ называемую Августову крабію можно видѣть въ нашей Оружейной Палатѣ. — Герберштейнъ (R. M. Comment. стр. 16) пишетъ, что коронованному Димитрію за Великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, въ исполненіе древняго обряда, подали блюдо *сельдей Переславскихъ*: симъ напоминалось новому В. К., что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ.

(448) Герберштейнъ (стр. 7) говоритъ объ ней: Aiunt Sophiam hanc fuisse astutissimam, cuius impulsu Dux multa fecit.

(449) См. выше стр. 88.

(450) То есть, Іоанна и Стефана Молдавскаго.

(451) Въ *Степен. Книгѣ* II, 160: «Вел. Князь испыта подробно вся прежде бывшая *крамолы*, ихъ же ради повелѣ К. С. Ряполовскаго казнити,» и проч. Въ *Архан. Лѣт.* стр. 173: «К. Вел. поималъ въ *измѣнѣ* К. Ивана Юрьевича и сына его, да К. С. Ряполовскаго.» — Въ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 513 на об., сказано, что тогда же, въ Апрѣлѣ, Государь приказалъ взять подъ стражу К. Василья Ромодановскаго и Андрея Коробова Тверитянина.

(452) См. сей *Исторіи* Т. V, примѣч. 254, подъ годомъ 1418. Въ Родословныхъ Книгахъ мать К. Ивана Юрьевича несправедливо именуется Анною.

(453) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 186. — Ряполовскіе происходили отъ Стародубскихъ Князей: см. Родослов. Книгу II, 76.

(454) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* 569 на обор. К. Иванъ Юрьевичь скончался въ томъ же 1499 году, а сынъ его, К. Василій Косой, въ 1500: см. Послужной Списокъ Бояръ въ *Трудахъ Вольн. Рос. Собранія*, I, 226.

(455) Въ *Степен. Книгѣ* II, 160: «о внукѣ своемъ не радѣти нача.» Въ *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго: Послаша Посадниковъ... и по 3 Боярина съ Конца бити челомъ... который бы былъ Великій Князь на Москвѣ, той бы намъ былъ Государь... И В. Князь опалился: чи не воленъ я во своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочю, тому дамъ Княжество... Посадниковъ Григорья Хрустолова да Ѳедора всадилъ въ костеръ, а Посадника Стефана отпустилъ... Того же лѣта пріѣхалъ Владыка Генадей Мая въ 30 д. во Псковъ, и Псковичи (ему) соборовать не дали: ты-де хощешь молити Бога за Князя Великого Василья: ино наши Посадники поѣхали о томъ къ Вел. Кн.» и проч. Іоаннъ, убѣжденный ихъ смиренными извиненіями, выпустилъ Посадниковъ въ Сент. 1499 и прислалъ къ Псковитянамъ своего Боярина Ив. Чеботова съ объявленіемъ прощенія за дерзость: «и Псковичи честь ему подаваша отъ хлѣба и отъ меда много; а на отвѣтъ дали ему поминка 10 рублевъ.»

(456) См. Эрбелот. Bibl. Orient. II, 426.

(457) «Тое же зимы (1499) Марта приде посолъ отъ Шамахейскаго Государя, отъ Махмуда Салтана, Салтанъ Махметева сына, внука Ширваншина, именемъ Шебендинъ, и посольство правилъ о любви.»

(458) См. выше, прим. 104, и *Дѣла Крымск.* стр. 615. Грекъ Дмитрій и Голохвастовъ поѣхали изъ Москвы въ Мартѣ.

(459) См. Крым. *Дѣла* стр. 622 и 639. Посолъ Кафинскій, Конюшій Салый, съ толмачемъ и съ *Дворянами* пріѣхалъ въ Окт. 1499 года. Тогда же возвратился изъ Крыма и К. Семенъ Ромодановской, а Голохвастовъ 6 Февр. 1500. Въ 1501 году Вел. Кн. послалъ въ Кафу Андрея Семен. Кутузова, убитаго на возвратномъ пути Азовскими Татарами (Дѣла Крым. стр. 895). Въ Сент. сего года былъ въ Москвѣ Кафинскій посолъ Алакозь: съ нимъ вмѣстѣ отправился къ Султану Шихъ-Зодѣ Алексѣй Яковл. Голохвастовъ, требовать, чтобы Азовскіе разбойники были наказаны и все пограбленное ими возвращено (см. тамъ же, стр. 879 — 894).

(460) Въ *Архангельск. Лѣт.* 141: «Того жь лѣта (1465) велѣлъ Князь Вел. Василью Скрябѣ Устюжанину Югорьскую землю воевати, а шли съ нимъ хотячіе люди, да Кн. Василій Вымскій Ермоличь съ Вымичи и съ Вычегжаны; а пошла рать съ Устюга Мая въ 9 день... и полону много вывели и землю за Вел. Кн. привели,» и проч. Стр. 142: «Того жь лѣта (1467) Вятчанъ 120 человѣкъ ходили на Вогуличя, да съ ними Пермяки Вогуличь воевали, а Князя Вогулскаго Асыку на Вятку привели.» — Стр. 160: «Того жь лѣта (1481) Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Великую Пермь, да побили Вогуличь подъ Чердынемъ, а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ, да пограбили.»

(461) «Ивана Ивановича, а съ ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки... Юмшанъ убѣжалъ... Шли мимо Тюмень въ Сибирскую землю... а отъ Сибири по Ирьтишу ... А пошла рать съ Устюга Мая 9, а пришли на Устюгъ на Покровъ; а въ Югрѣ померло Вологжанъ много, а Устюжане всѣ вышли. Тое же весны (1484) пришли съ челобитьемъ Князи Вогульскіе и Югорскіе, Вогульскій Юмшанъ да Калпа, а Сибирскій Князь Лятикъ, а Югорскій Пыткей, а Большой Князь Югорской Молданъ: того съ собою напередъ Курбскій привелъ, и Князь Великій дань на нихъ уложилъ, да отпустилъ въ своясы.» *Арханг. Лѣт.* 160. Въ *Синод. Лѣт.* No 365: Поимаша (Салтыкъ и Курбскій) на рѣцѣ на Оби Князя Молдана и Княжихъ Екмычеевыхъ двою сыновъ... Того же лѣта (1484) приходили къ Вел. Кн. отъ Вогульского Кн. Юмшана, Асыкына сына, бити челомъ о опасѣ шурину его Вогулятинъ Юрга, да Сотникъ его Вогулятинъ Анфимъ, а печаловался о немъ Владыка Филоѳей Перьмьскій, и Кн. Вел. опас далъ, и послалъ Владыка съ Вел. Князя опасомъ къ Юмшану слугу своего Леваша. Того же лѣта приходилъ къ Вел. Князю бити челомъ Вогулятинъ Кн. Пыткей съ поминки съ великими отъ Князей Кодскихъ, отъ Лаба да отъ Чангила, и отъ всее земле Кодскіе и Югорьскіе, да били челомъ о полоненыхъ Князехъ, о Молданѣ съ товарищи, и Кн. Вел. отпустилъ ихъ во свою землю, да и Пыткея печалованіемъ Владыки Филоѳея, да Володимера Григорьевича Ховрина. Тое же зимы Генв. 4 (1485) Князи Кодскіе, Молданъ съ дѣтми, да Пынзей, да Совта, да Пыткей имали миръ подъ Владычнимъ городомъ Устьвымскимъ за вси свои земли съ Князьми Вымскими, съ Петромъ да съ Ѳедоромъ, да съ Вычегодскымъ Сотникомъ, Алексѣемъ Казаковъ, да съ Владыч-

нимъ слугою съ Левашовъ, на томъ, что имъ лиха не смыслити, ни силы не чинити надъ Пермьскими людми, а Вел. Князю правится во всемъ; а крѣпость ихъ, со золота воду пили, и пойдоша въ свою землю Февр... Авг. 18 пріиде ко Владыцѣ Филоѳею на усть Вымп по опасу Вогульскій Кн. Юмшанъ, а съ нимъ Вогуличи, тесть его Калба да Аемотко. Сент. въ 1 пойде съ ними Филоѳей къ Вел. Кн. бити челомъ,» и проч.

(462) См. Архив. Розрядную Книгу л. 16 и 23 на обор.: «Хоженіе Воеводъ Князя Петра Ѳедоровича Ушатаго, да К. Сем. Ѳед. Курбскаго, да Василья Ивановича Заболоцкаго-Бражника на Югорскую землю, на Куду и на Гогуличи. Послалъ Кн. Вел. Петра Ѳедоровича, да подалъ ему Дѣтей Боярскихъ Вологжанъ, а пошли до Циноковского волоку рѣками 2000 верстъ, да тутъ ся сождали съ Двиняны да съ Важаны, и пошли съ Ильина дни Колодою рѣкою 150 верстъ, съ Оленья броду да многія рѣки ходили, и пришли въ Печеру рѣку ... и сождались К. Петръ со Княземъ Семеномъ, да съ Васильемъ Ивановъ... и пошли съ Печеры на Введеніе... шли до *Камени* двѣ недѣли, и туто розвелись Воеводы: К. Петръ да К. Семенъ (пошли чрезъ) Камень щелью; а Камени въ оболокахъ не видать; коли вѣтрено, ино оболока роздираетъ; а длина его отъ моря до моря,» и проч.

(463) См. Гербершт. стр. 61. Кн. Симеонъ Курбскій былъ еще живъ, когда Баронъ Герберштейнъ находился въ Москвѣ. Сей Воевода разсказывалъ ему, что онъ 17 дней взбирался на горы и никакъ не могъ перейти черезъ ихъ вершину, именуемую *столпомъ*.

(464) Гербершт. Rer. Mosc. Comment. стр. 63. — Іоаннъ еще и прежде сего назывался въ титулѣ Княземъ Югорскимъ.

(465) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 54.

(466) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 300.

(467) Агалака (въ 1499 году) подвелъ Казанскій Кн. Уракъ. Бѣльской предводительствовалъ въ конной рати большимъ полкомъ, Кн. Симеонъ Романовичь Ярославскій передовымъ; въ правой рукѣ былъ Юрій Захарьевичь, въ лѣвой Дмитрій Васильевичь Шеинъ; а съ судовою ратью Кн. Иванъ Александровичь Суздальской Борбашъ, Михайло Константиновичь Беззубцевъ, Андрей Васильевичь Сабуровъ и Семенъ Карповичь. — Ногайскіе Мурзы осаждали Казань въ 1500 году. «Царь же повелѣ около города нарядити острогъ, и по вся дни выходя бой творяху... и Ногаи вскорѣ пойдоша прочь,»

(468) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 558 — 567, въ посольствѣ Зенка, пріѣхавшаго къ намъ въ Мартѣ 1497.

(469) Тамъ же, стр. 568 — 574, въ посольствѣ Ивана Санбги, 13 Іюня 1497. Турковъ было за Дунаемъ 60,000. Отъ голода и мора они потеряли 40,000 человѣкъ.

(470) Тамъ же, стр. 580 — 596, въ посольствѣ Боярина Петра Григорьевича Лобана-Заболоцкаго и Дьяка Ивана Волка. Въ *Русск. Лѣт.* Львова: «и Александръ сотвори лесть: самъ возвратися, а Князей Рускихъ съ силою своею послалъ къ брату своему Албрехту на помощь.»

(471) Тамъ же, стр. 654 — 675, въ Іюлѣ 1498. Въ Мартѣ сего года ѣздилъ въ Литву нашъ Бояринъ К. Василій Васильевичь Ромодановскій.

(472) Дѣла Крымск. No 1, стр. 622 — 638, г. 1499, и стр. 691, г. 1500.

(473) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 585 — 590, г. 1498.

(474) Кромеръ, стр. 440: Helena... Græcorum schismati dedita, ab instituto Ecclesiæ Romanæ abhorreret. — Государь получалъ извѣстіе о гоненіи нашей Вѣры въ Литвѣ отъ Вязенскаго Намѣстника, Кн. Бориса Оболенскаго, а сей Кн. отъ Молвячего, Ѳедора Шестакова, бывшаго при Еленѣ. См. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 676 — 684. Около сего времени Елена занемогла: Александръ увѣдомилъ о томъ Вел. Князя, чрезъ Дьяка Горемыку: см. тамъ же, стр. 685 — 687.

(475) Въ Архив. *Кіев. Лѣт.* г. 7005: «Мая въ 1 день убили безбожныи Татарове Перекопскыя Преосвящ. Митропол. Кіевскаго и всея Руси, Архіеписк. Макарія, нореклом Чорта, въ селѣ Сарегголовѣ, на Бчичи рѣцѣ, за 5 миль отъ Мозыря; ту его нагнаша, невѣдущю о нихъ никоимъже, и всѣхъ, еже съ нимъ, побиша, а иныхъ въ плѣнъ побрали... съгрѣшихомъ бо отъ ногъ до главы ... Поѣхалъ былъ до Кіева хотя вѣнощи церкви Божьей Софіи, разореной тыми жь Агаряны прежде... Никогда бо сіе случися въ Руской земли, яко нынѣ тому Архіерею Божію отъ поганыхъ.» Въ *Русск. Лѣт.* Львова стр. 178: «Пріѣзжалъ (посолъ) изъ Литвы (въ 1483 г.) отъ Митрополита, иже злѣ Чернецъ бывалъ, его же Сатаною зовутъ за рѣзвость, и шедъ въ Царьградъ, ста въ Митрополиты. Король же посади его въ заточеніе. И сказа (посолъ) отъ него Вел. Князю, яко много мощей везохъ къ тобѣ, Король все взялъ къ себѣ. Кн. же Вел. держа того Пана долго, и отпустивъ рекъ: не подымати рати съ Королемъ за сіе.» — Въ Архив. *Кіев. Лѣт.*: «въ лѣто 7006 (1498) Мая въ 30 Вел. Кн. Александръ Литовьскый даде Митрополью Кіевьскую и всея Руси Іосифу Епископу Смоленскому съ Епископью Смоленскою.» — *Руской Временникъ* Ч. II, 188: «на него же (Іосифа) Богъ послалъ недугъ разслабу, и въ томъ недузѣ и поставленъ бысть на Митрополію, и пребысть въ томъ сану едино лѣто, и живота лишися.»

(476) По крайней мѣрѣ требовали ихъ благословенія. Въ Архив. *Кіев. Лѣт.* г. 1495: «Той же осени пріиде изъ Цариграда отъ Патріарха Нифонта посолъ, келейникъ его, Старецъ Исаѳъ, и Митрополита Кіевскаго Макаріа послы съ нимъ Деонисей Старецъ, а Германъ Діаконъ, и принесоша листы благословенныя подъ великими печатьми оловяными Вел. Князю и Вел. Княгинѣ, и Митрополиту, и Епископомъ, и Княземъ, и Бояромъ, и всѣмъ православ. Христіяномъ; токмо прирече Патріаршь посолъ Епископомъ, да не поставите потомъ Митрополита, аще не преже отъ насъ благословеніе берете, кромѣ великое нужда. Они же рекоша: мы не отмещемся древныхъ обычаевъ Сборныя Церкве Цареградцкія и благословенія отца нашего, Патріарха, но за нужю сътворихомъ се, яко же и преже насъ сътвориша братія наша Епископи при Вел. Князѣ Витовтѣ, поставиша Митрополитомъ Григорія Цембвлака.»

(477) Райнальд. Annal. Eccl. г. 1501, No. 37.

(478) См. *Никон. и Архив. Лѣт. годъ 1500*; также Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 733 — 736. Бѣльскій выѣхалъ къ намъ 12 Апр.

(479) См. Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 737 — 748. Станиславъ пріѣхалъ Апр. 23.

(480) См. Дѣла Крымск. стр. 733.

(481) Въ Апрѣлѣ 1500. Іоаннъ извѣстилъ Менгли-Гирея, что К. Семенъ Ивановичь поддался намъ съ Черниговымъ, Стародубомъ, Гомьемъ, Любичемъ; К. Василій Шемякинъ съ Рыльскимъ и Новымгородкомъ Сѣверскимъ; Князья Трубецкіе съ городомъ Трубецкимъ, Мосальскіе съ Мосальскимъ, а Бѣльской съ своею отчиною (см. Дѣла Крымск. No 2, стр. 733).

(482) Дѣла Польск. Двора No 2, стр. 54.

(483) Въ Розряд. Книгахъ: «Посылалъ Кн. Вел. къ Путивлю и ко Брянску Царя Магметъ-Аминя, а съ нимъ Бояръ и Воеводъ: въ большомъ полку Яковъ Захарьичь, въ правой рукѣ К. Тимоѳ. Алек-

сенд. Тростенской, въ передовомъ К. Иванъ Мих. Рѣпня, въ сторожевомъ Петръ Мих Плещеевъ, въ лѣвой К. Василій Семенъ Микитъ-Рѣполовской.» — См. еще Герберштейн. Comment. и Стрыков. Литовскую Хронику.

(484) Сей Юрій, братъ Якова Захарьевича, былъ отецъ Романа Юрьевича, дѣдъ Никиты Романовича и Царицы Анастасіи Романовны, первой супруги Царя Іоанна Васильевича, прадѣдъ Филарета, прапрадѣдъ Михаила. — У Юрія въ правой рукѣ былъ К. Ѳеодоръ Ивановичь Стригинъ и Воевода племянника Іоаннова, Ѳеодора Борисовича, К. Иванъ Хованской-Ушакъ; въ передовомъ Иванъ Щедра Вельяминовъ и Князья Туренины, Василій и Владиміръ Борисовичи; въ лѣвой Петръ Ивановичь Житовъ и К. Ивана Борисовича, племянника Іоаннова, Воевода Облязъ-Вельяминовъ.

(485) См. Стрыков. Хрон. кн. XXI, гл. 5.

(486) Польскіе Родословы производятъ Константина отъ Даніилова брата, Василья, сказывая, что у Василья былъ сынъ Даніилъ, у Даніила Василій; у Василія Ѳеодоръ, у Ѳеодора Василій, у Василія Иванъ, у Ивана сей Константинъ (Korona Polska, przez Kaspra Niesieckiego, подъ именемъ Ostrog, стр. 511). Яблоновскій въ своихъ генеалогическихъ таблицахъ даетъ Даніилу Васильевичу Острожскому сына Романа, Роману Василія, Василію Симеона и Ѳеодора (Энгеля Gesch. von Halitsch, стр. 610—611, таблица No 11). Но мы знаемъ по современной Волынской лѣтописи, что у Василія Романовича, брата Короля Даніила, былъ только сынъ Владиміръ, который умеръ бездѣтнымъ (см. сей Исторіи Т. IV, стр. 92).

(487) Korona Polska подъ именемъ Ostrog, стр. 514: Domi Numa religiosus, fortis Romulo non inferior, и проч. Сей Легатъ былъ Пизонъ.

(488) Архив. Розряд. Книга, л. 19: «Въ большомъ полку Бояринъ и Воевода К. Данило Васильевичь Щеня, да Бояринъ К. Семенъ Ивановичь Ярославской; въ правой рукѣ Бояринъ К. Осипъ Андр. Дорогобужской, да К. Ѳедоръ Васил. Оболенской, да К. Петръ Иван. Стригинъ, да съ Татары К. Иванъ Мих. Воротынской; въ передовомъ Бояринъ К. Мих. Ѳедор. Телятевской, да К. Петръ Васил. Оболенской, да К. Волод. Борисовичь Туренинъ-Оболенской; въ сторожевомъ Бояринъ Юрій, да Иванъ Васил. Шадра; въ лѣвой рукѣ К. Володимеръ Андр. Микулинской, да Дм. Вас. Кикдыревъ, да Петръ Иван. Житовъ. А по вѣстямъ присланы на прибавку отъ Государя по К. Даниловѣ отпискѣ К. Семенъ Роман. Ярославскій, да Дмитрей Васил. Щеня; а велѣлъ К. Семену быть въ большомъ полку со К. Даниломъ, а Дмитрею въ передовомъ на Княже Петрово мѣсто Оболенскаго.»

(489) Архив. Розряд. Книга, л. 21: «Бояринъ Юрии Захар. писалъ къ Вел. Кн., что ему въ сторожевомъ полку быти не мочно: то мнѣ стеречи Князя Данила. И Кн. Вел. къ нему приказалъ со К. Константиномъ Ушатымъ: Гораздо ли такъ чинишь? Говоришь, тебѣ не пригоже стеречи Князя Данила: меня и моего дѣла? Каковы Воеводы въ большомъ полку, тако чинятъ и въ сторожевомъ: ино не соромъ тебѣ,» и проч. Вел. К. приказалъ напомнить Юрію, что знаменитый Бояринъ Ѳедоръ Давидовичь въ свое время не стыдился предводительствовать сторожевымъ полкомъ.

(490) Герберштейнъ Rer. Moscov. Comment. 7. Стрыков. пишетъ (кн. XXI, гл 7): «Острожскій пойде къ Смоленску... и взя съ собою Воеводу Смоленскаго Кишку и вся Смольяны... и поимаша единого отъ войска Московскаго именемъ Германа, иже прежде убѣже до Москвы (бѣ Дьякомъ у Богдана Сапѣги): той повѣда, яко Воевода Московск. съ малымъ людомъ подъ Дорогобужемъ стоялъ, и се третій день пріидоша къ нему другіи Воеводы... и не совѣтова, дабы сразитися... Обаче Литва, не имуще ему вѣры, повелѣша обѣсити (повѣсить) его; а сами поидоша, и прешедши село Лопачино, и не дошедши рѣки и села Ведроши, въ 10 поприщахъ отъ войска Москов. сташа, гдѣ увѣдѣша истинно, яко Москвы много и ожидаютъ Литвы. Константинъ, сотворивши совѣтъ съ Воеводы, пойдоша тѣсными лѣсы и блатнымъ путемъ, и сразишася... Москва уступивши вспять за рѣку Ведрошу къ своимъ великимъ полкомъ... Бѣ Москвы 40,000 конныхъ, кромѣ пѣшихъ, а Литвы пол-четыре тысящи.» По другимъ извѣстіямъ силы были равныя: Герберштейнъ приписываетъ нашу побѣду не числу воиновъ, но искусству Воеводъ, которые умѣли скрыть засаду и во время употребить оную. Въ Москов. Лѣт. (въ Синодальной книгѣ подъ титуломъ: О древностяхъ Рос. Государства, Т. 1, л. 193 на обор.): «убили (Литовскихъ) большихъ людей 5000, а съ меньшими всѣхъ человѣкъ съ пол-осьмы тысящи побили.» Въ ветхомъ же Синод. Лѣт. No 365, л. 517: «а убіенныхъ Литвы и Ляховъ болши тритцати тысячь.» Въ первомъ именованы плѣнники, Друцкіе Князья, К. Юрій Михайловичь, К. Богданъ Одинцовъ, К. Богданъ Горнской, К. Олехно Масланской, К. Михайло Глушонокъ-Глазыничь, К. Тувенъ Татаринъ, Иванъ Муникъ, Староста купцевъ Смоленскихъ, и множество другихъ. По Ростов. Лѣт.: число ихъ простиралось до 500 или болѣе. Въ Архангел. Лѣт. «И срѣтошась обои полки о рѣцѣ о Тросни, и стояша много дній, и Литва переѣзжала по мосту, и бишась до 6 часовъ, имающеся за руки, и въ трупу конь не скочитъ... и мало ихъ утече, занеже Вел. Князя сила пѣшая зашли да мостъ посѣкли на Троснѣ.»

(491) Стрыковскій: «Повѣдано бѣ, яко имъ руцѣ назадъ оловомъ залиты и ноги окованы; егда бо не можаше и добротою, тогда тяжкою неволею въ вѣрности ко крестному цѣлованію Московскій Князь принуждалъ, еже по семъ, аще и отъ неправаго сердца, сотвори умысльнѣ, и бѣ одаренъ Княжьскими имѣніи въ Москвѣ, и велія брани съ Татары имѣлъ и побѣждалъ.» Въ Архангел. Лѣт.: Князя Острожскаго оковавъ посла (Іоаннъ) на Вологду, и велѣлъ его не нужно держати и поити и кормити довольно; инымъ Княземъ и Паномъ кормили по полуденгѣ на день, а Острожскому по четыре алтына на день... а своимъ Воеводамъ воздалъ честь и дары и жалованья.»

(492) Въ Розряд. Книгѣ Бекетова и другихъ: «И Кн. Вел. прислалъ о здоровьѣ спрашивать Петра Плещеева; а велѣно ему перво говорить Князю Данилу Васильевичу, да К. Осипу Дорогобужскому.»

(493) Въ Розряд. Книгахъ сказано, что сраженіе было на рѣкѣ Подмѣ, на Тешковѣ полѣ. Въ Синод. Лѣт. No 110, л. 86: «Посылалъ Кн. Вел. своихъ братаничевъ... да Боярина Андрея Ѳедор. Намѣстн. Новогородскаго, да Кн. Александра Володимер Ростовскаго, Намѣстн. Псковскаго; они же Торопецъ взяша, и волости около Полотска и Витебска поплѣниша, а людей многихъ мечеви предаша.» Въ Лѣт. Псков Графа Толстаго: «Прислалъ Кн. Вел. во Псковъ, чтобы отчина моя послужила на Александра Короля, а назывыли его Милостивымъ... и Псковичи порубилися съ 10 сохъ конь, а съ 40 рублевъ конь и человѣкъ въ доспѣсѣхъ, або были пѣши люди.» Они, взявъ Торопецъ, черезъ 11 недѣль возвратились.

(494) См. Дѣла Крымск., No 2, стр. 789.

(495) К. Иванъ Семеновичь Кубенской съ Ѳедоромъ Кушелевымъ, съ Толмачемъ и толмачами поѣхали изъ Москвы въ Апр. 1500, Иванъ Гри-

горьевъ Мамоновъ 11 Авгус., К. Ѳедоръ Ромодановской 11 Марта въ 1501 году. Первый, доѣхавъ наконецъ до Тавриды безъ бумагъ, правилъ посольство на память. Ромодановскій, выкупленный въ Кафѣ толмачемъ Султанскимъ за 70 рублей, также немедленно отправился къ Менгли-Гирею. — Здѣсь въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ о *Козакахъ Азовскихъ:* «Въ лѣто 7008 Сент. (1499) придоша Татарове Ординскіе Казаки и *Азовскіе* подъ Козелескъ и взяша сельцо Олешню; и К. Ив. Перемышльской и Одоевскіе Князи ихъ побиша, а иныхъ изымаша и приведоша на Москву. — И пріидоша на нихъ (на Кубенскаго) Татарове, *Азовскіе Козаки,* Угу Черкасъ да Коробай, и грабиша ихъ.»

(496) Въ донесеніи Ромодановскаго къ Государю (Дѣла Крымск. No 2, стр. 820): «Воевали Царевичи въ Литов. землѣ Хмѣльникъ, да и посадъ сожгли, да Вишневецъ, да Кременецъ, да Березынъ на Стырѣ рѣцѣ; да въ Ляцкой землѣ взяли городъ Рубешовъ, и сожгли, да городъ Люй на Бугу на рѣцѣ, да городокъ Белзу, да Львъ, да Бойской на Сакалѣ на рѣцѣ, да Холмъ, да Люблинъ, да Красной Ставъ посадъ сожгли; да въ Литов. землѣ воевали Берестъ и посадъ сожгли, а съ города окупъ взяли; да воевали Каменецъ Литовской, да Володимерецъ, да Луческъ, да Браславль; а полону, сказываютъ, взяли съ 50,000 душъ; а пришли Царевичи по Николинѣ дни, а люди многіе по Рожествѣ пришли.»

(497) Дѣла Крымск. No 2, стр. 729: «Послалъ есми» — говоритъ Іоаннъ Менгли-Гирею — «къ Волошскому Воеводѣ своего Діака земского Микиту въ 1500 году, а съ нимъ послалъ есми къ Воеводѣ его человѣка Петра,» и проч.

(498) Стрыков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

(499) Менгли-Гирей прислалъ къ Вел. К. (въ 1500 году) списокъ грамоты, полученной имъ отъ Александра. Въ ней сказано: «коли онъ намъ, зятеви своему, слова своего, докончанія и присяги не држалъ: чи бы пакъ онъ имѣлъ тебѣ то долго держати? а онъ што и братьи своей роженой подѣлалъ также черезъ присягу свою, и какою ихъ смертію уморилъ? и инымъ сусѣдомъ своимъ то чинитъ» (Дѣла Крымск. No 2, стр. 762).

(500) Менгли-Гирей пишетъ къ Іоанну: «ко мнѣ съ пустыми рѣчми посылаетъ (Александръ), а въ Орду посла послалъ, и мои люди того въ Азовѣ видѣли» (см. тамъ же, стр. 758). Стефанъ Молдавскій (въ 1501 году) вызывался быть посредникомъ между Вел. Княземъ Литовскимъ и Менгли-Гиреемъ; но послѣдній никакъ не хотѣлъ заключить мира безъ своего друга, Іоанна, (см. тамъ же, стр 820).

(501) Мамоновъ писалъ къ Государю: «Сказывалъ Куртка» — человѣкъ Менгли-Гиреевъ, ѣздившій въ Польшу — «что В. К. Александръ ко брату своему, къ Королю Польскому, послалъ на дву возѣхъ серебра наймывать жолнырей пѣшихъ къ Смоленску» см. тамъ же, стр. 817).

(502) Гадебушъ Liefl. Jahrb., Т. 1, стр. 253, 255.

(503) Тамъ же, стр 256.

(504) Посломъ Владислава Венгерскаго былъ Постельничій Матвѣй Цезелицкій, а Короля Албрехта Александръ Скорута (см. Дѣла Польск. Двора No 2, 55—61). Нарбутъ привезъ письмо отъ Троцкаго Воеводы, Яна Заберезжскаго, къ Іоаннову Боярину, Якову Захарьевичу, въ коемъ онъ именемъ всего Литовскаго Сената убѣждалъ его стараться о заключеніи мира.

(505) Стрыков. Хрон. кн. XXI, гл. 7.

(506) Супруга Александрова, Елена, какъ иновѣрная, не могла быть коронована: см. Кромера, стр. 440.

(507) Въ Розряд. Книгахъ: «Мая въ 14 день (1501) въ розрядѣ написано, въ рѣчи Ноугороцкымъ Намѣстникомъ, К. Семену Роман. да Ивану Андр. Колычеву Лобану съ Ярцомъ Зайцовымъ: будетъ дѣло отъ Литвы, ино бы шолъ Намѣсти. К. Семенъ, а быти съ Великого Князя сыномъ, съ В. К. Васильемъ. Въ большомъ полку К. Вел. Василій Ивановичь, да съ нимъ Намѣсти. К. Семенъ; въ правой рукѣ К. Иванъ Буйносъ, Князь Александровъ сынъ Хохолковъ-Ростовской, К. Иванъ Гундоръ; въ передовомъ К. Иванъ Тулупъ, да Михайла Андр. Колычовъ; въ сторожевомъ Игнатій Образецъ; въ лѣвой рукѣ Иванъ да Василей Григорьевы дѣти Морозовы.» Въ лѣтописяхъ: А въ Новѣгородѣ велѣлъ (Государь) быти Владыкѣ Генадію, да Намѣстнику Ивану Андр. Лобану-Колычову, да Дворецкому Ивану Мих. Волынскому, да съ ними Дьяку Сумороку Вокшерину, да Дворцовому Дьяку Ермолѣ.»

(508) Сыномъ Юрія Лугвеніевича. Въ Розряд. Книгахъ: «А Ѳедня Крылова изымали, и посады пожгли; а Мих. Ижеславской, да Якушъ Костевинъ, да Остафей Дашковъ утекли въ городъ. А въ больш. полку со Княземъ Стародубскимъ и съ Шемячичемъ были К. Алексан. Володим. Ростовской, да Семенъ Иванов. Воронцовъ; въ передовомъ К. Петръ Семен Ряполовской-Лобанъ, да К. Иванъ Мих. Воротынской; въ правой рукѣ Григорей Ѳедор; въ лѣвой Иванъ Васил. Жукъ; въ сторожевомъ К. Василій Васил. Ромодановской.» Получивъ отъ Воеводъ извѣстіе о побѣдѣ, Вел. К. отправилъ къ нимъ Ивана Микулина Ярого съ изъявленіемъ милости; приказалъ Ростовскому и другимъ Воеводамъ быть къ себѣ, а Воротынскому и Ряполовскому остаться въ Стародубѣ.

(509) Въ *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго сказано, что Нѣмцы остановили 25 судовъ Псковскихъ съ товаромъ и людей 150. Далѣе: «Послаша Псковичи въ Юрьевъ Олексѣя судью, чтобы гостя отпустили; и Алексѣя пріяли, а гостя не отпустили; и другаго посла пріяша, отпустивъ Олексѣя, и посольство пословаша на Вѣчи отъ Нѣмецъ, чтобъ наше святъстию отдали и мощей и татьбу, что крали Петра и Павла. И Псковичи третьяго посла послаша, и Нѣмцы втораго посла отпустили съ тѣмъ же посольствомъ, а третьяго пріяша. И Новогородскія Намѣстники своего посла послаша, и того пріяша, а товаръ изъ учановъ вывезоша на Юрьевъ, а гостей въ погребъ посажали.»

(510) См. Руссова, Кельха, Арнта, Гадебуша подъ г. 1501. Плеттенбергъ, готовясь къ походу, извѣстилъ Вел. Магистра Нѣмецкаго, что онъ будетъ около 15 Авг. на границѣ Россійской, прибавляя о Королѣ Александрѣ: up welke Tyt he vick de Here Groitf. (Литовск.) mit den sinen vermuge unses Bundes an geleegenen Enden unns doch Biande Lande so dat ouerkomen under eaen vertolgend wirt, и проч. См. между моими Кенигсберг. бумагами No 716.

(511) См. *Псков. Лѣт.* Графа Толстаго. Вел. Кн., исполняя прозьбу Псковитянъ, прислалъ къ нимъ сперва Шуйскаго, а черезъ недѣлю К. Даниила Пенка. «И жили во Псковѣ 3 недѣли, а Псковичамъ много проторы: овса 100 зобницъ, а сѣна 100 стоговъ; да кое на колачи, кое на хлѣбы 25 рублевъ на одинъ день.» Псковитяне 4 раза посылали въ Москву съ требованіемъ защиты.

(512) См. Руссова, Кельха, Арнта. — Въ *Архив. Лѣт.*: «Тое же осени послалъ Кн. Вел. Воеводъ своихъ, Кн. Даниила Александ. Пенка и иныхъ.» Въ Розряд. Книгахъ сказано въ одномъ мѣстѣ: «въ большомъ полку К. Дан. Ал. Пенко да со Пскова велѣлъ итти Намѣстнику своему К. Ивану Горбатому, со Псковичи.» Въ другомъ мѣстѣ:

«въ большомъ полку Кн. Д. А. Пенковъ, *да Кн. Василей Васильевичь Шуйской*, въ правой рукѣ Иванъ Борисовичь Захарьинъ, да Кн. Андр. Кропотка, да К. Ив. Гундоръ большой; въ передовомъ К. Ив. Тулупъ, да Мих. Андр. Колычевъ, да К. Ѳедоръ; въ лѣвой Петръ Борисов. Захарьинъ, да Иванъ да Василей Григорьевичи Поплевины; въ сторожевомъ К. Ив. Буйносъ Ростовской, да Образецъ Симской.»

(513) Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго сказано, что войско наше выступило изо Пскова 22 и 23 Авг.; что другое, состоящее изъ *добровольныхъ* людей, отправилось на лодкахъ, но ничего не сдѣлало; что Псковитяне начали битву, и потерявъ 20 человѣкъ, убили множество Нѣмцевъ и Чуди; что сраженіе сдѣлалось общимъ; что Псковитяне, видя своего Воеводу, Посадника Ивана Теншина, убитаго, обратили тылъ; что Москвитяне слѣдовали ихъ примѣру. «Изборяне, выскоча изъ Изборска, какъ бѣжали мимо, и грабиша *быто* Московское и Псковское,» и проч. Тамъ же означены день и мѣсто. Въ другихъ лѣтописяхъ: «Срѣтоша ихъ (нашихъ Воеводъ) Нѣмцы, многіе люди, безвѣстно на *Сирицѣ*, и потопташа ихъ Нѣмцы, понеже Вел. Князи Воеводы не успѣли вооружитися; и на томъ бою убили изъ пушки Ив. Борисовича Бороздина, а иныхъ немногихъ людей побиша... И К. Данило стойде и ста во Псковѣ.» Ливонскіе Историки, Руссовъ и Кельхъ, сказываютъ только, что сраженіе было въ нашихъ предѣлахъ 7 Сент. (см. ниже), вмѣсто 27 Авг.; другіе же (Арнтъ, Галебушъ) несправедливо полагаютъ оное близъ Магольма, въ трехъ миляхъ отъ Везенберга и въ двухъ отъ Финскаго залива.

(514) См. *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго, гдѣ сказано: «Поидоша (Россіяне) противу Нѣмцевъ по другую сторону Великой рѣки, и ту бишася много на бродахъ, и пріидоша Нѣмцы къ Острову городку, и начаша бити пушками и огненные стрѣлы пущати Сент. въ 7» (см. выше, примѣч. 513) «и плѣниша домъ Св. Николы и огнемъ выжгоша... и того дни прочь отойдоша... къ Изборску, и ночеваша, а назавтріе пойдоша прочь и запалоша (скрылись въ засадѣ); а Изборяне пріидоша на станъ, и удариша (на нихъ) Нѣмцы западные и гнашася за ними до самыя стѣны, и всѣхъ изсѣкоша, а иныхъ руками яша, 130 человѣкъ.»

(515) Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толст.: «Тогоже времени Нѣмцы съ Литвою совокупишася, а быти было имъ вмѣстѣ подо Псковомъ, и Панъ Черникъ не поспѣлъ: подъ Опочкою услышилъ, что Нѣмцы выжгли Островъ; а Литва мало не взяли Опочки: Спасъ ублюде.» О болѣзни Нѣмцевъ см. Руссова, Кельха, Арнта.

(516) Въ *Архив. Лѣт.* и въ другихъ: «И Кн. Вел. *посолъ* послалъ К. Данила Васильевича Щеню, да К. Вас. Васильев. Шуйскаго въ большомъ полку, въ передовомъ Кн. Александра Васильев. Оболенскаго, да Петра да Василья Борисовыхъ; въ правой К. Михайла Телятевскаго, да К. Володимера-Микулинскаго, да Петра Житова; въ сторожевомъ Ив. Андр. Лобана Колычева, да Игнатья Образца, да Андр. Короба; а въ лѣвой К. Михайла Карамыша, да К. Ив. Щетину Оболенского, да Дмитрея Киндырева со многими людми Нѣмецъ воевати Ливонскіе земли... Воеводымъ Вел. Кн., *два Князя Данила*» (т. е. Щеня и Пенко) «съ товарищи начаша плѣнити,» и проч. — Плеттенбергъ въ исходѣ Ноября вторично писалъ къ Вел. Магистру Нѣмецкому о семъ впаденіи Россіянъ, соединенныхъ съ *Татарами* (mircklichen Tall Tataren), о разлитіи водъ и худыхъ дорогахъ: so vill der gelykene by Menschen Dechtnissen nue gehort, и проч. См. между моими Кенигсб. бумагами No 717.

(517) См. Руссова и Кельха.

(518) *Архив. Лѣт.* и въ другихъ: «И внезапу лучися имъ (Воеводамъ) бой великъ Ноября въ 24, на третьемъ часу ночи: пріидоша Нѣмцы безвѣстно съ стороны со многою силою, съ пушками и съ пищальми, и Божіею милостію Воеводы Вел. Кн. одолѣша: овѣхъ побиша, и иныхъ поимаша, а множество ихъ утече,» и проч. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго: «Посла Вел. Кн. своего Воеводу К. Ал. Оболенскаго съ силою Московскою и Царя Тотарскаго (Магметъ-Аминя) съ Татары .. а вкяша собѣ Воеводы (Московскіе) праву руку, а Псковичи лѣвую, и услышавши Воеводы, что подъ Гелменемъ сила Юрьевская, и изъясачившися и пойдоша на нихъ, и на первомъ оступѣ убіенъ К. Оболенскій за Св. Троицу... и биша поганыхъ на 10 верстъ, и не оставиша ихъ ни вѣстоноши; а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ Москвичи и Татарове аки свиней шестероперы, и идоша мимо Юрьевъ и Руголивъ къ Иванюгороду; а Псковичи трупъ наѣхаша на 3 день, а не вѣдаша того бою, и выйдоша вси здрави.» См. также Руссова, Кельха, Арнта. Плеттенбергъ отъ 28 Дек. изъ Вейсенштейна писалъ къ Вел. Магистру Нѣмецкому, что онъ вышелъ наконецъ съ войскомъ въ поле, но не могъ нигдѣ *догнать* Россіянъ и долженъ былъ остановиться; что они между тѣмъ осадили Гельметъ, и что нѣкоторые Рыцари съ людьми набранными въ Гарріи, въ Вирландіи и съ дружиною Епископа Дерптскаго хотѣли отразить ихъ 24 Ноября, убили тысячи двѣ непріятелей, но сами также потерпѣли уронъ (so ist des Bisschops Volk eyen Dach tovorn in der Nacht van den Russen bedrungt und bith to Helmede vor dem Slotte erslagen worden) См. мои Кениг. бумаги No 718.

(519) Марта 9 «убили Ивана Андреев. Лоб Колычова, да Михайла Смолка, Иванова сына Сляднева и иныхъ 20 человѣкъ: понеже тогда съ Иваномъ Андреев. были не многіе люди, а Нѣмцы пришли многіе люди.» Въ Кенигсб. бумагахъ, No 719 и 720, въ донесеніяхъ Ландмаршала и Командора Ревельскаго къ Магистру, описано сіе нападеніе Ливонцевъ: первый жегъ и грабилъ семь дней около Краснаго; а вторый хвалится побѣдою, одержанною имъ при Иванѣ-городѣ надъ 1600 латниками Московской конницы, de all woll gewapenth, gebarnschet unde schöne geperet werenn .. twyste Dȳsl Bepatenn. Нѣмцы убили 200 человѣкъ и гнались за бѣгущими до города Ямы; возвратились отъ усталости и сожгли предмѣстіе Ивань-города. — Въ *Псков. Лѣт.* Гр Толстаго: «Марта 17 пришедши Нѣмцы ко Красному городку, и въ Коройбору волость взиша, и головъ посѣкоша много, а въ городѣ притужно было, и Богъ ублюде, и завѣщаша церковь поставити Св. Пятницу; а Нѣмцомъ видѣлося за Синею рѣкою на горѣ отъ часовни Св Георгія сила велика... и побѣгоша... а Псковскіе Воеводы не пособиша имъ ничимъ же»

(520) Иванъ Мамоновъ писалъ къ Вел. Кн. въ Іюнѣ 1501: «Сказываютъ, Государь, что Орда нынѣча худа. . прикочевала къ Дону за тѣмъ, что Муртоза нынѣ въ Тюмени, а съ Муртозою Азика Кн; а Тюмень и Черкасы Ордѣ недруги; и тамъ ся Орда отселя блюдетъ: за тѣмъ тамъ и не пахали.» (Дѣла Крым No 2, стр. 818) Выкупленный изъ неволи посолъ нашъ, Кн. Ромодановскій, догнавъ Менгли-Гирея на Ярышѣ, извѣстилъ Государя; что сей Ханъ думалъ воевать Литву, но принужденъ былъ итти на Ахматовыхъ сыновей, чтобы не допустить ихъ до соединенія съ Литвою Самъ Менгли-Гирей писалъ къ Вел. К. изъ своего стана при Кобыльей Водѣ: «Шихъ-Ахметъ и Сеидъ-Махмутъ къ Дону пришли, на

Капдаувскомъ песку воевати хотятъ... *Десять* тысячь человѣкъ посадивъ на конь, къ намъ пришли... въ судѣхъ пушки и пищали пришлемъ, только славы дѣля, имя бы было» (стр. 824). Іоаннъ 7 Авг. послалъ Магметъ-Аминя съ Нордоулатовыми Уланами и К. Ноздроватаго, велѣвъ имъ взять съ собою Воеводъ Рязанскихъ, *Великой Княгини* и К. Ѳеодора (см. Розрядн. Книги г. 1501). Иванъ Мамоновъ, находясь въ походѣ съ Менгли-Гиреемъ, писалъ: «Шигъ-Ахметъ Царь съ Сеидъ-Махмутомъ Царемъ базаръ роздѣлилъ... и не дошодъ Дону, да разбраниицъ съ Шигъ-Ахметемъ, Сеидъ-Махмутъ отъ него воротился, да пошолъ къ Асторохани. а рати, сказываютъ, съ Шигъ-Ахметемъ и съ Салтаны и со Князьми конныхъ и пѣшихъ тысячь съ двадцать, а послы Литовской и Польской съ нимъ, да перешодъ Донъ, да тутъ себѣ учинилъ крѣпость; а Менгли-Гирей дошолъ Орды Шихъ-Ахметя въ Середу передъ Оспожинымъ заговѣньемъ, да прогнавъ ихъ крѣпость учинилъ» (стр. 836). Менгли-Гирей 7 Авг. прислалъ гонца въ Москву требовать себѣ *корму* и людей, а черезъ 5 дней увѣдомилъ Іоанна о своемъ отступленіи, говоря: «корму у насъ не стало, а слышелъ есми, къ Шихъ-Ахметю Мусинъ Княжей сынъ Шицимъ-Мурза ѣдеть... Шихъ-Ахметъ охудѣлъ, и ты бы Казаковъ своихъ послалъ Улусовъ его воевати и животину отгонити... Въ борзыхъ днехъ того нашего недруга дасть намъ Богъ, чаемъ. Молвя, жиковиною запечатавъ, ярлыкъ послалъ есми, итс. Іюля въ 18 день.» — Авг. 30 Вел. Кн. писалъ къ Менгли-Гирею (стр. 849): «Шихъ-Ахметь пришелъ къ нашихъ Князей отчинѣ, къ Рыльску, и наши Князи К. Семенъ Иван. и К. Василей Шемячичь и наши Воеводы со многими людми пошли противъ ихъ.» Стриковскій въ своей Хроникѣ пишетъ ложно, что Шигъ-Ахметъ имѣлъ 100,000 воиновъ, разбилъ Менгли-Гирея, опустошилъ владѣнія Московскія до Брянска, и взявъ Новгородъ Сѣверскій съ другими мѣстами, отдалъ ихъ Александрову послу, Пану Михайлу Халецкому. Менгли-Гирей въ Генв. 1502 года увѣдомлялъ Іоанна, что Ахматовы сыновья зимуютъ близъ устья Семи (или Сейма), около *Бѣлагорода*, и что онъ велѣлъ жечь степи (стр. 855; см. еще стр. 926). Въ Мартѣ Вел. К. отправилъ въ Тавриду посла Алексѣя Заболоцкаго и приказалъ сказать Хану: «Хотѣлъ есми къ тебѣ послати и судовую рать съ пушками и съ пищальми» (когда Менгли-Гирей стоялъ на Тихой Соснѣ) «и мнѣ нынѣ рати своей къ тебѣ послати не лзѣ, за тѣмъ, что нашъ недругъ Литовской, связся съ Нѣмцы, стоитъ противъ насъ.»

(521) См. Кромера de Reb. Polon. стр. 440.

(522) См. тамъ же.

(523) Дѣла Крым., въ Посольствѣ Заболоцкаго, стр. 868: «Сего лѣта присылалъ ко мнѣ Азика К. братанича своего Камбарана, съ тѣмъ, чтобы язъ (Іоаннъ) Азику къ себѣ взялъ, а Азикѣ бы моимъ жалованьемъ своего Юрта доставати; да и о Сеитъ-Махмутѣ Царѣ говорилъ, чтобы азъ къ себѣ взялъ... Приказалъ есми, чтобы ко мнѣ пошли, твоего для дѣла да и своего.»

(524) Дѣла Крымск. стр. 867, и *Архив. Лѣт.* 173. Сей посолъ, Князь Хазъ Согеръ, пріѣхалъ въ Декабрѣ съ людьми шурина Менгли-Гиреева, Тевеколя, Улусника Шихъ-Ахметова.

(525) Въ *Архив. Лѣт.*: «тое же зимы, Марта (1502), отпустилъ К. Вел. посла Большіе Орды, да съ нимъ своего посла, Давыда Лихарева Ясельничего о любви же.»

(526) См. *Архив. Лѣт.* 174, и Дѣла Крым. стр. 332. Іюня 28 съ сею вѣстію возвратился изъ Крыма Ѳедоръ Михайловъ сынъ Киселевъ, посланный туда 7 Окт. 1501; а 3 Іюля пріѣхалъ въ Москву послъ Менгли-Гиреевъ съ грамотами.

(527) См. Дѣла Крым. стр. 957. 16 Окт. 1502 года послалъ Вел. К. въ Тавриду Ивана Никитина Берсеня Беклемишева, приказавъ къ Менгли-Гирею: «Коли Шихъ-Ахметъ Царь отъ нашего недруга отъ Литовскаго отстанетъ, а брату моему Менгли-Гирею лиха не учнетъ чинити, и язъ, уповая на Бога, хочю ему Азторокани достати.» Передъ тѣмъ были въ Москвѣ Шигъ-Ахметовы послы, Чятырбай и Аллагъяра. Царемъ Астраханскимъ былъ тогда дядя Шигъ-Ахметовъ, Абдылъ-Керимъ (см. тамъ же, стр. 987).

(528) См. Дѣла Крым. г. 1504, въ письмѣ Менгли-Гиреевомъ къ Вел. К., стр. 1100.

(529) См. тамъ же, въ письмѣ Вел. К. къ Менгли-Гирею, 20 Авг. 1504.

(530) См. Стрик. Хрон., кн. XXII, гл. 3, 4 и 6. Шигъ-Ахметъ умеръ послѣ 1505 года. — Объ Астраханскихъ Царевичахъ см. ниже, примѣч. 629, г. 1502.

(531) Александръ въ 1502 году предлагалъ Хану Крымскому миръ весьма выгодный, уступалъ ему нѣкоторыя мѣста, обязывался ежегодно присылать дары, изъявлялъ желаніе помириться и съ Вел. К., говоря въ письмѣ къ Менгли-Гирею: «Ино сколько лиха межь насъ ни будетъ, а Ивану Князю, взявъ Литовская вотчина, не продержати; а мнѣ взявши Московскую отчину не продержати.» Менгли-Гирей прислалъ сію грамоту къ Іоанну. См. Дѣла Крым. стр. 982.

(532) Въ наказѣ послу Берсеню Беклемишеву сказано: «язъ (Іоаннъ) былъ Абдылъ-Летифа пожаловалъ посадилъ на Казани, и онъ мнѣ почалъ лгати, и ни въ какихъ дѣлѣхъ не училъ управы чинити, да и землѣ Казанской училъ лихъ быти, и язъ его того дѣля съ Казани свелъ и держу у себя.» Дѣла Крым. стр. 1007.

(533) *Архив. Лѣт.* г. 1502, л. 173: «Тое же зимы, Генваря, послалъ К. Вел. въ Казань К. Вас. Ноздроватаго, да Ивана Телешова, велѣлъ поимати Царя... а на Казань пожаловалъ Магметъ-Аминя, да и Царицу ему далъ, невѣску его Алегамовскую; а со Царемъ послалъ въ Казань К. Семена Борисов. Суздальскаго, да К. Василья Ноздроватаго.» Въ *Архан. Лѣт.*: «К. Вел. велѣлъ К. Казанскому Калемету поимати Царя; онъ же пріѣхавъ съ Москвы въ веснѣ на полѣ волѣ, Царя поималъ, *да сковавъ въ желѣза* къ Москвѣ послалъ; а К. Вел. на Казань послалъ Магметъ-Аминя Царя: онъ же пріѣхавъ въ Казань, да К. Камелета убилъ, а на Вел. Кн. гнѣвъ держа.»

(534) См. Дѣла Крым. стр. 1029 и 1030. «Тебѣ, надѣюсь, вѣдомо» — пишетъ Менгли-Гирей — «въ Эндустанской землѣ *Кергеденемъ* зовутъ одноротъ звѣрь, и рогъ его о томъ дѣлѣ надобенъ, у кого на рукѣ будетъ, какъ ѣдячи то лизати, и въ той ѣствѣ что лихое зеліе будетъ, и тому человѣку лиха не будетъ. Слышелъ есми *Кергеденевъ* рогъ въ Ханъ-Дыкаровѣ казнѣ есть, и просити послалъ есми, и онъ двѣ жиковины (два перстня) нарядивъ послалъ ко мнѣ,» и проч.

(535) См. тамъ же, стр. 1031.

(536) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1502, л. 174: «Апрѣля 11 опалился К. Вел. на внука своего и на его матерь, и отъ того дни не велѣлъ ихъ поминати въ охтеньяхъ и на литіяхъ, ни нарицати Великимъ Княземъ, и велѣлъ ихъ посадити за приставы... Апр. въ 14 день пожаловалъ сына своего, Василья, посадилъ на Великое Княженье, на Володимерское и Московское всея Руси» Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 174: «А внука своего посадилъ въ камень, и желѣза на него возложилъ.» Въ томъ же Лѣтописцѣ сказано послѣ, что Димитрій былъ окованъ уже

при Вас. Іоанновичѣ. — Въ ветхомъ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 519 на обор.: «за нѣкое ихъ прегрѣшенье съ очей сосла и въ крѣпости посади до ихъ смерти.»

(537) Дѣла Крым., стр. 967, 1009, 1131.

(538) Елена погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ. — Въ *Переписной Книгѣ* Архива Посольскихъ Дѣлъ означена *тетрадка, а въ ней писано, какъ стеречи внука:* нѣтъ сомнѣнія, что это былъ наказъ В. К. Іоанна, данный надзирателямъ Димитрія. Къ сожалѣнію, сія книжка утратилась послѣ 1614 года.

(539) Въ грамотѣ Вел. К. къ послу Заболоцкому, Іюля 1502: «Мнѣ сказывали, что Стефанъ Воевода вашыхъ пословъ да и мастеровъ къ намъ не отпуститъ, ни денегъ, ни платья, ни коней имъ на путь не дасть» (Дѣла Крым. стр. 942).

(540) См. Кантемирову Исторію Оттоманской Имперіи.

(541) 14 Іюля. Въ большомъ полку съ Димитріемъ Воевода К. Василій Даниловичь Холмскій и Яковъ Захарьевичь; въ передовомъ К. Симеонъ Иванов. Стародубскій, К. Вас. Иван. Шемячичь, К. Алекс. Владим. Ростовскій, К. Михайло Корамышь; въ правой рукѣ К. Өедоръ Борисов. Волоцкой, К. Өедоръ Иван. Бѣльской, Димитрій Васил. Шеинъ; въ лѣвой К. Өедоръ Иван. Рязанской, Воевода Москов. К. Василій Мнихъ Стрига-Ряполовскій, К. Ив. Михайл. Рѣпня; въ сторожевомъ К. Ив. Борис., К. Михайло Өедор. Телятевской, К. Өед. Васил. Телепень, К. Констант. Ярославской. Выступили въ походъ изъ Воронцова. См. Розряд. Книги.

(542) Дѣла Крым., стр. 964: «Смоленска не взяли за тѣмъ, что пришла великая рать, ино корму не стало.» Такъ долженъ былъ сказать посолъ Беклемишевъ Менгли-Гирею. Димитрій возвратился въ Москву 23 Окт.

(543) Стрыков. (кн. XXI, гл. 7) пишетъ: «Староста Жмодскій со всею Литовскою, также Черный Чехъ со всѣми иноземцы, прешедше рѣку Днѣпръ, подъ Оршу иде съ Татарами Заволоскими: что слыша К. Димитрій, вскорѣ побѣже къ Москвѣ; а Литва ста на горахъ, и бѣ тамо чрезъ всю есень.» Король Александръ, въ письмѣ своемъ къ Магистру хвалясь счастливыми вылазками Смоленскихъ Воеводъ, изъявлялъ опасеніе, чтобы они не сдалися отъ голода и заразы, производимой множествомъ гніющихъ жертвыхъ тѣлъ подъ стѣнами (см. мои Кенигсб. бумаги, No 721).

(544) См. Дѣла Крым. стр. 992 и Розряд. Книги. Въ большомъ полку находились Князья Стародубскій, Шемякинъ, Александр. Володим. Ростовскій; въ правой рукѣ Бояринъ и Воевода К. Васил. Семенов. Одоевской и Вел. Княгини Рязанской Воевода Яковъ Захарьев.; въ передовомъ Бояринъ и Воевода К. Ив. Семенов. Одоевской-Сухорукъ, К. Ив. Мих. Воротынской и Брянской Намѣстникъ, Ив. Васил. Жукъ; въ лѣвой Бояринъ и Воевода К. Ив. Мих. Оболенской Рѣпня и Воевода К. Өедора Рязанскаго, Чавка Васильевъ Дурной; въ сторожевомъ К. Васил. Васильев. Ромодановской.

(545) Герберштейнъ въ Comment. стр. 85.

(546) Въ *Продолженіи Нестор. Лѣтоп.*, стр. 344: «Пріидоша Нѣмцы и Местерь со многимъ воинствомъ и стояша подъ Изборскомъ, и биша стѣны многими пушками, и градъ разбиша, и оттолѣ поидоша за Великую рѣку подъ градъ Псковъ, и стояша подъ градомъ, и стѣны биша многими пушками и пищальми, и граду не доспѣша ничтоже.» — Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго: «Пріиде Мастеръ Сент. во 2 день ко Изборску, и городка Богъ ублюде... а стоялъ подъ городкомъ одну нощь... Того же мѣсяца въ 6 день пришли (Нѣмцы) на Завеличье, и Псковичи зажгоша посадъ, и вышли противъ ихъ... и биша пушками по городокъ на Кромъ, а дѣтинца Богъ ублюде... и пошли на бродъ къ Выбуту, и Псковичи противу ихъ, да много бились съ ними на броду, и перебродилися Нѣмцы къ Полонищу и къ стѣнѣ пришли... и стояли на Полонищи 2 дни и прочь отошли... А ждала Псковская сила Москов. Воеводъ въ Пескахъ по два дни...; а Нѣмцы выжгоша мостъ на Черехѣ, и пойдоша въ бродъ, куды они погані не бывали... и ожгоша Псковичи около Полонища посады и Гремячюю гору.»

(547) Въ *Продолженіи Нест. Лѣтописца*, стр. 344: «И Кн. Вел. послалъ Воеводъ своихъ, въ большомъ полку Боярина К. Даніила Васильев. Щеню, да Боярина К. Ив. Васил. Шуйскаго, да К. Бориса Иванов. Тулупова (или Тебетуланова); въ правой рукѣ Бояр. К. Осипа Андр. Дорогобужскаго да Окольничего Петра Иванов. Житова; въ передовомъ Боярина К. Василья Васил. Шуйского, да К. Петра Семен. Ряполовского Лобана; въ сторожевомъ Окольничего Семена Карповича, да Мих. Семен. Колычева; въ лѣвой рукѣ Бояр. К. Володим. Андр. Микулинского, да К. Семена Ромодановского, со множествомъ воинства (изъ Новагорода) во Псковъ противу Нѣмецъ. Нѣмцы же убоявшеся отступиша отъ града за 30 поприщъ. Воеводы же Вел. К. обойдоша ихъ отъ града Изборска, и срѣтошася съ Нѣмцы на озерѣ на Смолинѣ и учиниша имъ бой м. Сент. въ 13 день, и бишася, разыдошася обои; и на томъ бою убиша К. Өедора Кропотича (Александровича Кропоткина), да Григор. Димтр. сына Давидовича, да Юрья Тимоөеева сына Юрлова (Плещеева) и иныхъ многихъ Дѣтей Боярскихъ, а Нѣмецъ падоша безчисленно; и оттолѣ Нѣмцы отыдоша во своясн, а Воеводы Вел. К. разыдошася и съ своимъ воинствомъ къ собѣ.» — Въ *Архив. Лѣт.*: «И Воеводы дондоша ихъ (Нѣмцевъ) на Смолинѣ, и сказаша Воеводамъ Данило Щекинъ, да Лева Харламовъ, што Нѣмцы бѣжатъ, и люди многіе Вел. К. изъ полковъ погониша, а полки изрушили, и кошевыхъ (обозныхъ) людей Нѣмецкихъ многихъ побили, и пришли на полки Нѣмецкіе, а Нѣмцы стоятъ исполчася, и Вел. Князя людей не много избиша, которые пришли изрывкою, а сами ся остали, потому что у Вел. Кн. Воеводъ полки ся изрушили.» Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго: «И погнашася Воеводы Вел. Князей и Псковичи, и нагнаша Нѣмцевъ въ озеровахъ на *Могилникѣ*, и Нѣмцы кошъ свой поставиша опрочь, и молвиша: толке де Русь ударится на кошъ, и мы-де выйдемъ изо Псковской земли; а толке же де и на насъ, ино туто намъ головы покласти своя. И Псковичи первое ударишася на кошъ, и потомъ Москвичи, и начаша межи собя дратися о бытѣ Нѣмецкомъ, а Чюдь кошевую всю присѣкоша, и Нѣмцы въ то время сступишася съ Москвичи и со Псковичи, и бысть сѣча, а не велика, и К. Псковскій Иванъ Горбатой нача заганивати Псковичь, чтобъ не ѣхали розно; а они вси по закустовью, и начаша ему Псковичи прозвище давати *Опрѣномъ* и *Кормихномъ:* аще бы не тотъ Г. Кн. Иванъ велѣлъ стѣну деревянную поставити около Полонища и бродей, ино все тобъ дымомъ взялося и до старой стѣны.» — Гербершт., стр. 85, пишетъ, что Нѣмцы, малочисленные и тяжело вооруженные, не могли гнаться за Россіянами, которые ободрились, снова напали на пѣхоту Орденскую, состоявшую изъ 1500 человѣкъ, и разбили оную; что отъ измѣны Гаммерштетовой погибло около четырехъ сотъ Ливонскихъ пѣшихъ воиновъ; что остальные вмѣстѣ съ конницею благополучно возвратились въ свою землю. Онъ самъ видѣлъ Гаммерштета въ Москвѣ при

Дворѣ Василья Іоанновича. — Ливонскіе Историки пишутъ, что у Магистра было 7000 всадниковъ, 1500 Нѣмецкихъ солдатъ, 5000 Курляндскихъ, Летландскихъ, и нѣсколько сотъ Эстонскихъ крестьянъ; что плѣнники сказали ему о числѣ Россіянъ, которые показались въ двѣнадцати толпахъ; что Магистръ привелъ ихъ въ безпорядокъ дѣйствіемъ своей артиллеріи; что нашихъ убито 40,000, а Ливонцевъ 400 пѣшихъ, нѣсколько всадниковъ, Капитанъ Матвѣй Пернауеръ, Поручикъ Генрикъ, братъ его, и Прапорщикъ Конрадъ Шварцъ (см. Руссова, Кельха, Арнта и Гадебуша).

(548) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 64—67.

(549) Петръ, Воевода Ланчицкій; Станиславъ Глѣбовичь Маршалокъ; Войтекъ Яновичь, Кухмистръ Королевинъ; Янъ Бучицкій, Подчашій; Петръ Врицымовской, Стольникъ Краковскій; Иванъ Сапѣга, Писарь Королевскій, и Канцлеръ Королевинъ (см. тамъ же, стр. 67—69).

(550) Сей отвѣтъ Іоанновъ находится въ Дѣлахъ Крым. No 2, стр. 998.

(551) Плеттенбергъ, увѣдомляя Вел. Магистра Нѣмецк. о возвращеніи своихъ пословъ изъ Москвы, говоритъ: sye van dem Grossfursten zcur Moscow und seinen Hern vil Widderwertigkeith, Frevel und Schmaheit, umb der Vorbuntnisse willen zcwischen Konig. Majest. und uns gescheen, das durch nu die Russischen Lande im Furstenthume zcu Lettawen einzcunemen vorhindert is, geleden und gehad haben (см. мои Кенигсберг. бумаги No 740). Онъ называетъ сіе перемиріе жалостнымъ и постыднымъ для Короля. Тогдашній мирный Плеттенберговъ договоръ съ Вел. К. состоялъ изъ 54 статей, но утратился. Знаемъ только, что Епископъ Дерптскій обязывался въ ономъ платить дань Россіи. Ливонскіе и въ особенности Дерптскіе земледѣльцы (какъ пишутъ) искони давали Новугороду и Пскову извѣстное количество меду и воску (см. Арнта Lief. Chr. 177), Важность сего обстоятельства увидимъ въ царствованіе Іоанна IV.

(552) См. Дѣла Крым., стр. 1050, 1054, 1055, 1128. Иванъ Беклемишевъ (см. выше, прим. 527) не доѣхалъ до Тавриды: Царевичь Ногайскій, Ахметъ, сынъ Мамуковъ, напалъ на него близъ Оскола и плѣнилъ многихъ бывшихъ съ нимъ людей: Беклемишевъ ушелъ обратно въ Москву. Въ Сент. 1503 Вел. К. отправилъ къ Менгли-Гирею Ивана Иванова Ощерина. Кромѣ пословъ, съ обѣихъ сторонъ ѣздили гонцы съ письмами.

(553) Дѣла Польск., No 2, стр. 69—70. Послами были Бояринъ и Окольничій Петръ Мих. Плещеевъ, Бояр. и Дворецкой Конст. Григорьевъ. Заболоцкой, Окольничій Мих. Яков. Яропкинъ, и Дьякъ Никита Моклоковъ. Ихъ сослали въ Троки.

(554) Дѣла Польск. No 2, стр. 70—71.

(555) Тамъ же, стр. 82. Іоаннъ посылалъ тогда къ Еленѣ Дьяка Губу-Моклокова, который долженъ былъ таить свое порученіе отъ мужа ея. Она велѣла сказать родителю, что есть дочери у *Маркграфа;* есть и другія невѣсты въ Германіи, и пр.

(556) Она скончалась въ девятомъ часу дня, 7 Апр. 1503.

(557) Гербершт. стр. 7: Aiunt Sophiam hanc fuisse astutissimam, cuius impulsu Dux multa fecit. — Кранцъ въ Wandal. стр. 297: ingeniosa, ut ferebant, mulier.

(558) Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 Сент. 1503, а возвратился въ Ноябрѣ.

(559) См. *Рос. Вивліоѳ.* II, 408, или *Собраніе Государ. Грамотъ*, I, 389.

(560) *Собр. Государ. Грамотъ*, I, 397: «Сынъ мой Юрьй съ братьею по своимъ Удѣломъ въ Московской землѣ, и въ Тферской денегъ дѣлати не велятъ, а деньги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Тфери. А *откупъ* вѣдаетъ сынъ мой Василей; а въ откупъ у него мои дѣти Юрья съ братьею не вступаются... А которые есми городы и волости подавалъ дѣтямъ своимъ, Юрью съ братьею въ Удѣлы, а тянули душегубствомъ къ городу къ Москвѣ: и тѣ городы и уѣзды и волости тѣхъ городовъ тянутъ душегубствомъ къ городу къ Москвѣ, по старинѣ; а дѣти мои, Юрья съ братьею, въ то не вступаются.»

(561) Тамъ же, стр. 393: «Благословляю сына своего Василья и дѣтей своихъ меньшихъ въ Москвѣ годомъ Княжь Костянтиновскимъ Дмитреевича, что былъ данъ брату моему, Юрью, да годомъ Княжымъ Петровскимъ Дмитреевича, что былъ данъ брату моему, Андрею Меньшому, да годомъ Княжь Михайловскимъ Андреевича; а дръжитъ сынъ мой Василей и мои дѣти меньшіе на тѣхъ годѣхъ на Москвѣ своихъ Намѣстниковъ, перемѣняя 5 лѣтъ по годомъ. А что былъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ Княжь Ивановской Андреевича, и тотъ годъ приходилъ брата моего Борисовымъ дѣтемъ обѣма дръжати на Москвѣ своего Намѣстника на шостой годъ, и братаничь мой Иванъ ту полгоду далъ мнѣ, и язъ ту полгоду даю сыну своему Василью, и братаничь мой Ѳедоръ съ сыномъ съ моимъ съ Васильемъ тотъ шостой годъ дръжатъ по полугоду.» — О собственности и наслѣдствѣ меньшихъ сыновей см. тамъ же, стр. 397.

(562) Кн. Рязанскій умеръ 29 Мая: «а сынъ его Иванъ остался *полупята* года.»

(563) Анна Рязанская скончалась въ Апрѣлѣ, на Святой недѣлѣ въ Среду, въ 6 часу дня. Имя ея невѣстки, Агриппины, извѣстно намъ по дѣламъ Архивскимъ. На примѣръ, въ 1502 году Вел. К., отпустивъ назадъ Кафинскаго посла Алакоза, съ своимъ чиновникомъ, Яков. Телешовымъ, черезъ Рязань, велѣлъ поклониться *Великой* Княгинѣ *Аграфенѣ* и сказать: «Отпустилъ есмь судномъ посла Турецкого до Старой Рязани; а отъ Ст. Рязани ѣхати ему Пронею вверхъ, а изъ Прони къ Пранову, а изъ Прановой Хуптою вверхъ до Переволоки до Рясского поля. И ты послала бъ 130 человѣкъ его проводити до Переволоки, да Переволокою Рясскимъ полемъ до рѣки до Рясы; а деверю твоему, К. Ѳедору, велѣли есми послати 70 человѣкъ... А сколько имъ будетъ надобѣ коней и телегъ, и ты бъ имъ дала два жеребья; а Князю Ѳедору велѣлъ есми дати треть... И ты бы у Алакоза десяти человѣкомъ ослободила (позволила) нанятись Козакомъ, а не лучшимъ людемъ.. Занежь твоимъ людемъ служилымъ, Боаромъ и Дѣтямъ Боярскимъ и сельскимъ, быти всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людямъ лутчшимъ и середнимъ и чернымъ быти у тобя въ городѣ... а ослушается и пойдетъ кто (на Донъ), ихъ бы велѣла казнити... а не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити и продавати.» См. Дѣла Крым. г. 1502 въ посольствѣ Голохвастова.

(564) *Рос. Вивліоѳ.* II, 300, или *Собр. Госуд. Грамотъ* I, 344. Сохранилась только грамота договорная между Василіемъ и Юріемъ, писанная 16 Іюня 1504. Въ ней сказано: «А Орды, Господине, вѣдати и знати тобѣ, Великому Князю (Василію)... а въ выходы ми (Юрію) въ Ординьскіе и въ Крымъ, въ Асторокань, и въ Казань, и во Царевичевъ городокъ (Касимовъ) и въ иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у тобя въ землѣ, давати ми тебѣ по тому, какъ отецъ нашъ въ своей духовной грамотѣ написалъ.» Внизу подпись: «Смиренный Симонъ Митрополитъ всея Русія.»

(565) Іосифъ Волоцкій въ своей книгѣ о ереси: «Они же (еретики) убояшася казни и начаша клятися вси: Архіепископъ же Генадей иТъ вѣру по-

каянію ихъ, и дастъ имъ ослабу, и яко пріяша ослабу, и абіе вси на бѣгство устремишась, иніи въ Литву, иніи же въ Нѣмцы и въ иныя грады.»

(566) См. *Никон. Лѣт.* VI, 138 и 171.

(567) Казнь совершилась 27 Дек. 1503. Некрасу отрѣзали языкъ, а послѣ сожгли его въ Новѣгородѣ, также и брата Кассіанова. Іосифъ Волоцкій пишетъ: «Они же (еретики) таковую свою бѣду видя, вси начаша каятися... а Божественная Писанія повелѣваютъ на покаяніе пріимати по своей воли, а не по нужи кающихся,» и проч.

(568) *Степен. Книга*, II, 155.

(569) Дѣла Польск., No 2, стр. 73 — 74.

(570) Тамъ же, стр. 73 — 78. Отъ насъ въ 1504 году ѣздилъ въ Польшу Константинъ Замыцкій, съ кречетами, съ бѣлками и съ сухою рыбою для Елены; а въ 1505 Рахманинъ Тюленинъ и Подъячій Грида Чеслюковъ. Отъ Короля были въ Москвѣ гонецъ Матвѣй Кунцевичь въ 1504, Посланникъ Дьякъ Залуцкій и Дворянинъ Богданъ Долгирдовичь.

(571) См. Дѣла Цесарск. Двора No 1, л. 129. Онъ называется въ сихъ бумагахъ Юдокъ Кантирьгеръ, Картингиръ, а послѣ Гертинге, Гертингъ. Пріѣхалъ въ Москву 2 Іюля.

(572) Дѣла Цесар. Двора No 1, л. 137: «Лѣта 7013 Іун. 16 прислали изъ Новагорода Намѣстники К. Данило Васильев. и К. Вас. Шуйской грамоту: Государь и В. К.! холопи твои Данило да *Васюкъ* Шуйской челомъ бінтъ. Прислалъ къ намъ съ Ивангорода К. Костантинъ Ѳедоровичь грамоту Цесарского Короля... и тое у насъ перевести некому,» и проч. К. Констант. Ушатой писалъ къ Новогородскимъ Намѣстникамъ: «Прислалъ ко мнѣ Юштъ Римского Цесаря посолъ, чтобы язъ выслалъ къ нему Дмитріа Щербатова на рѣку, а Дмитрій (слова Юштовы) «языку нашему умѣетъ и меня знаетъ, а язъ тутожъ буду на рѣкѣ, да и грамоту дамъ ко Государемъ, Рускимъ Царемъ... И напередъ того тотъ Юштъ былъ посольствомъ у Государей, Вел. Князей.» — Гартингеръ пишетъ въ своихъ посольскихъ рѣчахъ къ Іоанну. «А велѣлъ бы Ваше Величество писати по-Латыньски, зане же не могутъ разумѣти письма Рускаго; а были нѣкоторые разумѣющіе языкъ Руской, тѣхъ не стало: также и Юрья Делатора не стало.»

(573) См. Дѣла Польск. Двора No 2, стр. 71 — 72. Дьякъ Моклоковъ былъ посланъ къ Королю Александру требовать, чтобы онъ дозволилъ послу Датскому ѣхать изъ Москвы черезъ Литву. Маллетъ пишетъ, что Король Датскій не согласился выдать дочери за Василья (Histoire de Dan. к. VI, г. 1500).

(574) Гербершт. Comment. стр. 18. — Въ Родослов. Книгахъ: «Въ лѣто 6838 пріиде изъ Орды Князь Четъ, а во крещеніи Захарія, а у Захаріи сынъ Александръ, у Александра сынъ Димитрій Зерно, а Димитріевы дѣти Иванъ да Константинъ Шея, да Димитрій, а у Ивана Димитріевича Зернова дѣти Ѳедоръ Сабуръ, да Иванъ Годунъ.»

(575) Въ первой годъ сего царствованія. Василій женился 4 Сент. 1505. Митрополитъ вѣнчалъ его въ Успенскомъ Соборѣ.

(576) См. *Казан. Лѣт.* гл. 12. Сія Царица названа женою *большицею*, то есть, первою женою.

(577) См. тамъ же.

(578) Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Татары 30 дней приступали къ Нижнему; а по другимъ лѣтописямъ они ушли на третій день.

(579) См. *Казан. Лѣт.* Татаръ было 60,000, какъ онъ говоритъ.

(580) Въ 1500 году онъ роздалъ имъ Новогородскія земли.

(581) О семъ пишутъ Олеарій и Флетчеръ, который былъ Англійскимъ посломъ въ Москвѣ при Ѳеодорѣ, сынѣ Царя Іоанна Васильевича, и написалъ книгу Of the Russe Common-Wealth.

(582) Древнѣйшая изъ Розрядныхъ Книгъ, мнѣ извѣстныхъ, начинается съ 6979 или 1471 года.

(583) См. выше, примѣч. 489.

(584) Въ *Продолженіи Нестор. Лѣт.* стр. 343: Пожаловашеся (Димитрій) отцу своему: многіе Дѣти Боярскіе подступали подъ градъ и въ волости отъѣзжая грабили безъ его вѣдома, а его не послушаша. За то К. Вел. воспалился на тѣхъ, и многихъ повелѣ испоимати, да казнити, по торгу водя кнутьемъ бити, а многихъ въ тюрму пометати.»

(585) Гербершт. Comment. стр. 8: Stephanus, crebro in conviviis ejus mentionem faciens, diceret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse.

(586) См. въ *Труд. Вольнаго Рос. Собранія* послужный списокъ Бояръ, стр. 217 — 229.

(587) Мы говорили о томъ въ описаніи Посольствъ.

(588) См. Петрееву Musskow. Chron. стр. 165. Онъ называетъ его Grotzdyn. Въ Лѣтописцѣ Латухинскомъ, которой у меня, сказано: «Сей бо Вел. Кн. Іоаннъ, именуемый Тимоѳей *Грозный.*» См. также *Ядро Рос. Исторіи.*

(589) См. Гербершт. стр. 8.

(590) Въ *Лѣт. Русск.* Львова стр. 199: «Тое же зимы (г. 1488) Архимандрита Чудовскаго били въ торгу кнутьемъ, и Ухтомскаго Кн. и Хомутова, про то, что здѣлали грамоту на землю послѣ Князь Андр. Васильев. Вологодскаго кончины, въ коей написали, яко бы онъ Андрей далъ къ Спасову монастырю на Каменное.»

(591) Hist.Polon. кн.XIII, стр. 587: Dux Iwan magni animi et factivitatis erat vir. См. также Кромера, стр. 445.

(592) Гербершт. стр. 8. См. также Петрея Musskow. Chron. стр. 165 — 169.

(593) Солиньякъ въ Hist. de Pologne, кн. XV, г. 1479.

(594) Дѣла Крым., стр. 99, 169, 170. Къ Жиду Захаріи Скарьѣ были посланы двѣ грамоты, одна въ 1484, а другая въ 1487 году. Таманскій Князь, Захарія Гуйгурсисъ, въ Окт. 1487 прислалъ изъ Крыма въ Москву на Латинскомъ языкѣ письмо съ Армениномъ Богданомъ, говоря: «Посылаю сего человѣка къ Осподарствію твоему, да повѣсть моихъ бѣдъ прошлыхъ: шолъ есмь найти Осподарствія твоего, и на пути меня Стефанъ Воевода ограбилъ, да и мучилъ мя только что не до конца; также мя отпустилъ нагово, и тово ради есмь не могъ ити къ Осподарьствію твоему, но и назадъ есмь хотѣлъ воротитися... Аще Осподарьствіе твое въсхощетъ пріати единого слугу аки мене, есмь хотящь и готовъ, токмо слышанья ради великихъ добротъ и хвалу, юже имѣети по всей земли... Пріиду съ всѣмъ ли своимъ домомъ или нынѣ преже мнѣ единому съ нѣкими малыми людьми?» и проч. Кто быль сей Князь? не плѣнени ли Козарскихъ Хановъ? имя кажется Азіатскимъ.

(595) См. выше, въ описаніи перваго Императорскаго посольства. — Въ грамотахъ къ Еврею Скарьѣ и въ другихъ: «Божіею милостію Господарь Рускіе земли, Великій Князь Иванъ Васильевичь, *Царь* всея Руси.» (Дѣла Крым. стр. 169).

(596) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 160, и Т. V, стр. 238.

(597) См. Баера въ Origin. Russ. — Въ нашемъ переводѣ Св. Писанія вмѣсто Cæsar говорится *Кесарь*; а Царь есть совсѣмъ иное слово.

(598) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 302. Вопреки Татищеву, я нигдѣ не находилъ имени *Бѣлой* Россіи до временъ Іоанна III.

(599) См. Никон. Лѣт. VI, 130: «К. Вел. посылалъ Тверскіе земли писати по-Московски въ сохи.»

(600) См. въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, подъ No 5; Книгу Помѣстнаго Приказа. На примѣръ: «Деревня Ольховець: Божка Степанковъ, Ермачко Елексинъ, сѣютъ ржы 6 коробей, а сѣна косятъ 20 копенъ: двѣ обжы. Стараго дохода двѣ гривны, четыре денги; двѣ коробьи ржы, три коробьи овса, полкоробьи пшеницы, полкоробьи ячмени, а ключнику полкоробьи ржы, два сыра, двѣ лопатки бораньи, двѣ горсти льну.» Въ другомъ мѣстѣ: «Дохода съ обѣихъ деревень» (съ четырехъ тягохъ) «пять денегъ, а изъ хлѣба пятина, два сыра, двѣ овчины, двѣ горьсти льну, возъ сѣна.» Иные давали и хмель. — Сія Книга писана не въ 1677 году, какъ замѣтилъ кто-то изъ Архивскихъ чиновниковъ на ея переплетѣ, а безъ сомнѣнія или при Іоаннѣ Васильев. I или при его сынѣ Василіи: первое даже вѣроятнѣе. Вотъ доказательства:

1) Вездѣ говорится о *Великомъ Князѣ;* нигдѣ нѣтъ имени *Царя* въ титулѣ.

2) Упоминается о родоначальникахъ фамиліи Кожемякиныхъ, Александрѣ и Василіи, *тогдашнихъ* помѣщикахъ Новогородскихъ: отъ нихъ до малолѣтства Петра I было въ семъ родѣ шесть поколѣній (см. печатную Родослов. Книгу, II, 97): слѣдственно прошло лѣтъ около двухъ сотъ.

3) Упоминается еще объ Ильѣ, сынѣ Квашнии, тогдашнемъ помѣщикѣ бывшихъ деревень Марфы Исаковой Борецкой: прадѣдъ сего Ильи выѣхалъ изъ Литвы около 1340 года во время Іоанна Калиты (см. въ Синод. библіот. Родослов. Книгу подъ No 461, л. 125).

4) Сей Илья Квашнинъ означенъ *первымъ* владѣльцемъ бывшихъ Марфиныхъ деревень, описанныхъ на Государя въ 1478 году. Гдѣ владѣльцы уже перемѣнялись, тамъ сказано, кто именно послѣ кого владѣлъ.

5) Говорится о рубляхъ *Новогородскихъ*, коихъ уже не было при сынѣ *Царя* Іоанна, Ѳеодорѣ.

6) Сказано о нѣкоторыхъ деревняхъ, что онѣ *тянутъ судомъ и всѣми пошлинами по старинѣ ко Пскову:* Василій Іоаннов. уничтожилъ сію *старину.*

7) Письмо сей книги древнѣе XVII вѣка и сходно съ письмомъ Іоаннова времени.

(601) Въ духовномъ завѣщаніи Іоанна: «Ставятся гости съ товаромъ иноземцы и изъ Московскія земли... на гостиныхъ дворѣхъ; а дѣти мои у моего сына у Василья въ тѣ дворы въ гостиные и въ тѣ пошлины не вступаются.» См. *Собр. Г. Г.* или *Древ. Рос. Вивліов.*

(602) См. тамъ же.

(603) Дѣла Крым. стр. 907, 913, 914, въ росписи вещей, отнятыхъ Татарами, Азовцами и Кафинцами у нашихъ людей. На примѣръ: «Копыла, Боброва брата, самаго взяли Татарове, коли Кубенского грабили, а съ нимъ взяли сороковъ собольихъ и горностаевъ и бѣлки, и шубъ бѣльихъ, и черевъ рысьихъ, и однорядокъ Лунскихъ, и шубъ горлъ лисьихъ, и зубовъ рыбьихъ, и коней и мериновъ, всего на 1364 рубли... и холстовъ и кожей на 50 рублевъ... Ортема да Мартьяна Котельниковыхъ не стало въ Азовѣ, а рухлядь свою приказали Олешунѣ Селиванову полшесть десятъ косяковъ *бези*, да 11 литръ шолку Бурского, да на 30 рублевъ женчугу, да полтора косяка тафты Бурскіе червчатые.

(604) См. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 310.

(605) Тамъ же, примѣч. 391.

(606) Т. II, примѣч. 134.

(607) Въ духовн. завѣщаніи Іоанна: «Сына своего Василья благословляю крестъ Животворящее древо въ рамѣ Цареградской, да крестъ Петровъ Чюдотворцевъ; а Юрью крестъ золотъ Борисоглѣбской; а Дмитрея крестъ золотъ Парамшина дѣла; а Семена крестъ золотъ Михайловской Владычевъ; а Андрея икона золота Распятье, дѣлана финифтомъ съ каменьемъ и съ жемчюги. А что есми далъ своей казны Юрью, Дмитрею, Семену, Андрею, и то есми поклалъ въ ларци; а у тѣхъ ларцовъ печать моя,» и проч. Сіи ларцы стояли у Казначея Дмитрія Владимірова, у Печатника Юрія Дмитріева Грека, у Дьяковъ Данилки Мамырева и Тишки Моклокова; а ключи были у сыновей Іоанновыхъ.

(608) См. выше, примѣч. 324.

(609) Въ *Продолженіи Нестор. Лѣтописца*, стр. 339: «Въ лѣто 7006 Кн. Вел. Окольничимъ и всѣмъ судіямъ уложилъ судъ, судити Бояромъ по судебнику Володимера Гусева.» Сей Судебникъ былъ намъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ статьямъ его, переведеннымъ на Латинскій языкъ Герберштейномъ: Ordinationes a Ioanne Basilii, Magno Duce, anno mundi 7006 factæ (*Rer. Moscow. Comment.* стр. 38). Но въ 1817 году, стараніемъ нашего знаменитаго, просвѣщеннаго Любителя Древностей, Государственнаго Канцлера, Графа Николая Петровича Румянцева, нашелся современный списокъ Іоанновыхъ законовъ. Вотъ начало: «Лѣта 7006, м. Сент. (въ 1497 г.) уложилъ К. В. Иванъ Васильевичь всея Руси съ дѣтми своими и съ Бояры о судѣ, како судити Бояромъ и Окольничимъ... а на судѣ быти у Бояръ и у Окольничихъ Діакомъ, а посуловъ отъ суда и отъ печалованія не имати... не мстити, ни дружити никому. А какой жалобникъ къ Боярину приидетъ, и ему жалобниковъ отъ себе не отсылати, а давати всѣмъ управа... а котораго жалобника не пригоже управити, и то сказати Вел. Князю, или *къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдати*» (изъ сего мѣста можно заключить, что тогда уже существовали *Приказы*). Далѣе: «А имати Боярину въ судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ 2 алтына, а Діаку 8 денегъ» (слѣдственно 20 денегъ или десятую долю рубля): «а будетъ дѣло выше рубля или ниже, имати по тому росчету. А досудятся до поля, а у поля не стоявъ помирятся, и Боярину и Діаку по тому росчету... а Окольничему и Діаку (его) и Недѣльщикомъ пошлинъ полевыхъ нѣтъ.» Кромѣ Бояръ, имѣвшихъ судную власть въ Москвѣ и въ другихъ областяхъ, главнымъ распорядителемъ поединковъ былъ Государевъ Окольничій. *Недѣльщикомъ* именовался приставъ, который ѣздилъ за обвиняемыми и представлялъ ихъ въ судъ. Далѣе: «А у поля стоявъ помирятся, Окольничему четверть (рубля) и Діаку 4 алтыны съ деньгою» (сверхъ извѣстнаго платежа Боярину и Дьяку его) «а Недѣльщику четверть, да Недѣльщику же вясчего 2 алтына» (*за вязаніе*, за представленіе отвѣтчика). «А побіются на поли въ заемномъ дѣлѣ или въ бою (въ дракѣ), и Боярину съ Діакомъ взяти на убитомъ (побѣжденномъ) противень противу исцева» (то же, что беретъ истецъ) «а Окольничему полтина, а Діаку четверть, а Недѣльщику полтина, да вясчего 4 алтыны. А побіются на поли въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбои, или въ татбѣ, ино на убитомъ исцево доправити, да Окольничему полтина да доспѣхъ, а Діаку четверть, а Недѣльщику полтина, да вясчего 4 алтыны; а самъ убитой въ казни и въ продажи Боярину и Діаку» (то есть, имъ отдавалось его имѣніе, которое они дѣлили по вышсозначенной соразмѣрности). «А доведутъ на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное лихое дѣло, и будетъ *вѣдомой* лихой, и Боярину того велѣти

казнити смертною казнью, а исцево доправити; а что ся останетъ, ино то Боярину и Діаку... А не будетъ, чѣмъ исцево заплатити, и Боярину лихого истцу въ его гыбели не выдати, а велѣти его казнити смертною казнью Тіуну В. К. Московскому да Дворскому» (слѣдственно симъ чиновникамъ поручалось исполненіе казни). «А государьскому убойцѣ» (убійцѣ господина своего) «и коромолнику» (мятежнику, измѣннику) «и церковному татю и *головному*» (кто людей крадетъ, уводитъ, похищаетъ: plagiarius у Герберштейна, Othenrdieb, Menschendieb; а не смертоубійца, какъ изъясняетъ Татищевъ) «и *подымщику*» (описка вмѣсто *подметчика: см.* Судебникъ Царя Іоанна и Герберштейна. R. M. C. 39) «и зажигальнику живота не дати... А котораго татя поимаютъ впервые, ино его казнити торговою казнію, да исцево доправя, да судѣ его продати; а не будетъ, чѣмъ исцево заплатить, ино его, бивъ кнутіемъ, да исцу выдать головою, а судѣ не имати ничего на немъ. А поимаютъ вдругые, ино казнити... а не будетъ у татя съ исцеву гыбель, ино его исцу въ гыбели не выдати: казнити его смертною казнью. А на кого вамолвятъ Дѣтей Боярскыхъ человѣкъ 5 или 6 добрыхъ по крестному цѣлованью, что онъ тать, ино на томъ взяти исцеву гыбель безъ суда. А съ поличнымъ его приведутъ впервые, а вамолвитъ на него человѣкъ 5 или 6, что онъ тать вѣдомой, и прежъ того крадывалъ, ино того казнити... А на кого тать вамолвитъ, ино того опытати, будетъ *прочной*,» (описка вмѣсто *прирочной* или порочной) «человѣкъ съ *домомъ*» (описка вмѣсто *съ доводомъ*)... Слѣдуетъ уставъ судейскихъ пошлинъ: съ рубля за *правую грамоту* Боярину 9 денегъ *отъ печати*, Дьяку за подпись алтынъ, Подьячему за написаніе 3 деньги; за холопью отпускную то же; за *докладной списокъ* Боярину алтынъ, Дьяку 4 деньги, Подьячему 2 деньги (а если *докладъ* былъ предложенъ Вел. Князю и дѣтямъ его, то Государевъ Печатникъ бралъ 9 денегъ, а Дьякъ алтынъ); за *безсудной списокъ* Печатнику алтынъ, Дьяку то же, Подьячему 2 деньги; за *срочныя* Дьяку 2 деньги. *Правою грамотою* называли ту бумагу, которая давалась оправданному въ судѣ; *докладнымъ спискомъ* описаніе или предложеніе дѣла, или экстрактъ; *безсуднымъ* обвиненіе того, кто не явился къ суду; *срочными* тѣ грамоты, въ коихъ означался срокъ для суда. Далѣе: «А котораго обвинитъ Бояринъ не по суду (несправедливо) и грамоту правую на него съ Діакомъ дастъ, ино та грамота не въ грамоту, а взятое отдати назадъ; а Боярину и Діаку въ томъ пени нѣтъ; а исцемъ судъ съ головы» (см. сію статью въ Судебникѣ Царя Іоанна, у Татищ. стр. 12). Далѣе запрещается Намѣстникамъ и Волостелямъ освобождать и выдавать рабовъ безъ суда Боярскаго. О Недѣльщикахъ сказано, что имъ дается *приставная грамота*, съ которою они должны ѣхать за отвѣтчикомъ. Далѣе: «Отъ приставныхъ имати Печатнику у Недѣльщиковъ по ѣзду: съ которые приставные рубль Недѣльщику, и Діаку отъ подписи взяти алтынъ у Недѣльщика съ рубля, а Печатнику алтынъ же... а будетъ въ приставной искъ меньше ѣзду, и Діаку тѣхъ приставныхъ не подписывати; а безъ Недѣльщиковъ Діакомъ приставныхъ не подписывати же. А колько вытей» (частей, дѣлъ, порученій) «въ приставной ни будетъ, и Недѣльщику ѣздъ одинъ до того города, въ которой приставная писана; а хоженого на Москвѣ, площадного (площаднаго), Недѣльщику 10 денегъ, а на правду (на судъ) вдвое, и отъ поруки ціминовъ не имати имъ; а ѣздъ емлетъ до которого города, а на правду имъ имати вдвое.» Слѣдуетъ уѣздъ объ ѣздѣ. Недѣльщику давали за восьмину отъ Москвы до Калуги рубль, до Вязмы 2 рубли, до Звенигорода 2 гривны, до Козельска рубль съ четвертью, до Переславля 20 алтынъ, и такъ далѣе. «А ѣздити имъ самимъ съ приставными, или своихъ племянниковъ и людей посылати; а урочниковъ» (собирающихъ уроки или пени? см. *Русс. Правду*) «не посылати. А въ которомъ городѣ живетъ Недѣльщикъ, ино ему съ приставными въ томъ городѣ не ѣздити.» Изъ слѣдующаго видно, что Недѣльщикъ пыталъ воровъ и могъ отвѣтчиковъ *давать на поруку*. Ему предписывалось быть безпристрастнымъ, безкорыстнымъ, и проч. Далѣе: «А въ которой городъ или въ волость пріѣдетъ Недѣльщикъ, и ему приставная явити Намѣстнику или Волостелю; а будутъ оба исца того города, и ему обоихъ поставити предъ Намѣстникомъ... А Бояромъ или Дѣтемъ Боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ Боярскимъ, судити; а на судѣ у нихъ быти Дворьскому и Старостѣ и лутчимъ людемъ; а безъ Дворского и безъ Старосты и безъ лутчихъ людей Намѣстникомъ и Волостелемъ не судити... А имати ему (Намѣстнику, Боярину), оже довщется ищея своего, по грамотамъ; а не будетъ гдѣ грамоты, и ему имати противу исцева; а не довщется ищея своего, а будетъ виноватъ ищея, и ему имати на ищеи съ рубля по 2 алтына, а Тіуну его по 8 денегъ.» Слѣдующее доказываетъ, что судебные поединки были и въ волостяхъ. Далѣе: «А съ холопа и съ робы отъ отпустные имати Боярину или Сыну Боярьскому, за которымъ кормленіе съ судомъ съ Боярскимъ, отъ печати съ головы по полутретья алтына, а Дьяку по 3 деньги; а Тіуну его на кормленіе холопу правые грамоты безъ доклада государя» (т. е. его начальника или Боярина) «и отпустныя не дати. А положитъ кто отпустную безъ Боярьского докладу и безъ Дьячей подписи или съ городовъ безъ Намѣстнича докладу, и та отпустная не въ отпустную, опроче тое, что государь (господинъ холопа) своею рукою напишетъ... Намѣстникомъ и Волостелемъ, которые держатъ кормленіе безъ Боярьского суда, и Тіуномъ Вел. Князя и Боярьскымъ Тіуномъ холопа и робы безъ доклада не выдати и отпустные не дати, а татя и душегубца не пустити, и всякого лихого человѣка безъ докладу не продати, ни казнити, ни отпустити. А приставомъ (Недѣльщикамъ) Намѣстничимъ по городомъ имати хоженое и ѣздъ по грамотѣ, а гдѣ нѣтъ грамоты, и ему хоженое имати въ городѣ по 4 деньги, а ѣздъ на версту по денгѣ... Аще кто пошлетъ Пристава по Намѣстника и по Волостеля, по Боярина и по Сына Боярского... и имъ къ сроку отвѣчивати ѣхати... А кого послухъ послушествуетъ въ бою, или въ грабежю, или въ займѣхъ, ино судити на того волю, на комъ ищутъ: хощетъ на поле съ послухомъ лѣзетъ, или, ставъ у поля, у креста положитъ, (чего) на немъ ищутъ, и истецъ безъ цѣлованія свое возметъ, и отвѣтчикъ полевые пошлины заплатитъ, а вины ему убитые нѣтъ» (т. е. не наказывается, какъ побѣжденный). «А не стоявъ у поля, у креста положитъ, и онъ судіамъ пошлину по списку заплатитъ, а полевыхъ ему пошлинъ нѣтъ. А противу послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или безвѣченъ, или Попъ, или Чернецъ, или Черница, или жонка, ино противу послуха наймитъ наняти вольно, а послуху наймита нѣтъ... а послухъ не пойдетъ предъ судью, ино на томъ исцово и убытки взяти; а съ праветчикомъ о сроцѣ тому послуху судъ. А послухъ не говоритъ передъ судьями въ исцевы рѣчи» (согласно съ истцемъ) «и истецъ тѣмъ и виноватъ. А на комъ чего взыщетъ жонка, или дѣтина малъ,

или кто старъ, или немощенъ, или чѣмъ увѣчонъ, или Попъ, или Чернецъ, или Черница, или кто отъ тѣхъ въ послушествѣ будетъ кому, ино наймита наняти вольно. А исцемъ или послуху цѣловати» (присягать) «а наймитомъ битися; а противу тѣхъ исцу или отвѣтчику наймитъ же, а восхочетъ и онъ самъ... А кто кого поимаетъ приставомъ въ бою, или въ лаѣ (въ брани), или въ займѣхъ, и на судъ ити не восхотятъ, и доложа судіи помирятся: а судьи продажи на нихъ нѣтъ; опроче ѣзду и хоженого. А наймитъ не дослужитъ своего урока, и пойдетъ прочь, и онъ найму лишенъ.» Смыслъ законовъ о куплѣ, наслѣдствѣ, земледѣльцахъ, холопяхъ, и проч., мы предложили въ текстѣ Исторіи. Выпишемъ только нѣкоторыя мѣста. «А которой Христіанинъ (земледѣлецъ) поживетъ за кимъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а 2 года поживетъ, и онъ полдвора платитъ; а 3 годы поживетъ, и платитъ $^3/_4$ двора; а 4 годы, и онъ весь дворъ платитъ» (т. е. рубль).. А гдѣ отхожіе пожни (сѣнокосъ), ино поженному государю не городитися: городитъ тотъ всю огороду, чья земля оранная къ пожни... Кто межу переоретъ или перекоситъ, ино Волостелемъ или Посельскому имати на томъ *за боранъ*» (вѣроятно, на харчь: у Татищева *заборомъ*) «по 2 алтына; и за рану (убытокъ, вредъ) присудятъ посмотря по человѣку, и по ранѣ, и по разсуженію... А которые земли за Приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати, а пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ 2 гривны; а меньше рубля пересуда нѣтъ. А съ списка съ суднаго и съ холопа и съ земли пересуда нѣтъ; а съ поля со всякого пересудъ. А списокъ оболживитъ кто, да пошлется на правду, ино въ томъ пересудъ; а Подвойскымъ праваго десятка 4 денги на виноватомъ... А велѣти прокликать по торгомъ, чтобы судьямъ и приставомъ посулу не сулили... а послушствуетъ послухъ лживо, не видѣвъ, ино на томъ послухѣ гибель исцева вся и съ убыткы. А къ полю пріѣдетъ Окольничей и Діакъ, и въспросити исцевъ, ищеи и отвѣтчиковъ, кто за нимп стряпчей и поручникы, и тѣмъ велѣти и стояти, а доспѣху и дубинъ и ослоповъ стряпчимъ и поручникомъ у себя не держати» (изъ сего несправедливо заключали, что и бойцы сражались у насъ только ослопами и дубинами). «А которые имуть опришніе (посторонніе) у поля стояти, и тѣхъ отслати прочь; а не пойдутъ, и на тѣхъ исцово доправити и съ пошлинами, да дати ихъ на поруку, да поставити передъ Вел. Княземъ.»

(610) Сіе обстоятельство и слѣдующее взято изъ Герберштейна R. M. C. 39.

(611) Извѣстныхъ намъ по Олегову договору съ Греками и *Правдѣ Русской* (см. Т. I и Т. II).

(612) См. выше, примѣч. 324.

(613) «Того же лѣта (1504) поставиша на Москвѣ решотки по улицамъ.» Павелъ Іовій въ описаніи древней Москвы говоритъ: unaquæque urbis regio foribus, cancellisque sepitur.

(614) См. *Ядро Рос. Исторіи* стр. 216. Древнѣйшіе изъ чужеземцевъ, бывшихъ въ Россіи, согласно пишутъ, что пароду Московскому дозволялось пить вино только въ нѣкоторые дни (см. Флетчера и Олеарія).

(615) Въ духовномъ завѣщаніи Іоанна: «Сынъ мой Василей въ своемъ Вел. Княженьѣ держитъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были ямы и подводы на дорогахъ при мнѣ.» См. выше, примѣч. 362.

(616) Стриков. Хрон. кн. XXI, гл. 1.

(617) Дѣла Польск. Двора No 1, стр. 684: «Память Ивану Мамонову. Пытати ему въ Вязмѣ Кн. Бориса, въ Вязму кто не пріѣзживалъ ли болезнь изъ Смоленска тою болѣстью, что болячки кочится, а словетъ Француозска, а будто въ винѣ ее привезли; да и въ Смоленску о томъ опытати, ещо ли та болѣсть есть или нѣтъ: да о томъ къ Вел. Кн. отписати; да и въ Вильнѣ о томъ пытати, есть ли ещо та болѣсть или нѣтъ.»

(618) См. выше, стр. 8. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «Въ лѣто 7000, сирѣчь *начало* осьмыя тысячи мѣсяца *Сентября*, повелѣніемъ Вел. К. Ив. Вас. всея Русіи того ради снидошася на Соборъ къ Москвѣ Преосвящ. Зосима Митроп., Геналій Архіеп. Вел. Новаграда и Пскова, Тихонъ Архіеп. Ростовскій и Ярославскій, Нифонтъ Епиbudск. Суздальскій и Таруcкій, Симеонъ Рязанскій и Муромскій, Васьянъ Тферскій и Кашинскій, Аврамій Коломенскій и Каширскій, Прохоръ Сарскій и Подонскій, Филоѳей Пермскій, и Архимандриты и Игумены, и весь Освященный Соборъ, и начаша Св. Міротворный кругъ,» и проч.

(619) Въ подлинникѣ: «О лѣтѣхъ же и о времени нѣсть наше искати, но подобаетъ намъ молити Господа о устроеніи всего міра и о благосостояніи Божіихъ Церквей, и о пособленіи и укрѣпленіи благовѣрн. и христолюб. Вел. Кн., Ив. Васильевича, всея Руси Самодержца, и о здравіи его,» и проч. Далѣе: «Въ лѣто 7001 повелѣно бысть отъ Господина, отца нашего, Зосима Митр. всея Руси, мнѣ Генадію, Архіепископу Вел. Новагорода и Пъскова, учинити Пасхалія на осьмую тысящу,» и проч. См. выше, примѣч. 7.

(620) *Синод. Лѣт.* No 365, *л.* 509. «Въ лѣто 7001, Ноября въ 27, Зосима Митрополитъ на Москвѣ соборнѣ изложилъ Пасхалію на 20 лѣтъ; прислалъ на Вологду Владыцѣ Филоѳею Пермьскому и Вологодцкому за своею подписью, а Филоѳею такожь соборнѣ велѣлъ о томъ поискати; и Владыка пообыскавъ, ино пришли по Митрополичи жь Пасхаліи, и послалъ къ Митрополиту свою Пасхалію на 19 лѣтъ за своею подписью за Пермьскою.»

(621) См. выше, примѣч. 617.

(622) См. въ Синод. библіот. книгу въ четвертку подъ No 79, л. 31. Тамъ сказано: «Въ Царство Вел. Кн. Ив. Васил., всея Русіи Самодержца, Соборъ былъ о земляхъ церковныхъ, Святительскихъ и монастырскихъ. Симонъ Митрополитъ всея Русіи со всѣмъ Освящен. Соборомъ первое сіе послаша писаніе къ Вел. Кн. съ Діакомъ съ Левашемъ:

«*Говорити Вел. Князю Ив. Вас. всея Русіи отъ Симона Митр. всея Русіи и отъ всего Освящ. Собора Діаку Левашу:*

«Отецъ твой, Господине, Симонъ Митрополитъ и весь Освящ. Соборъ говорятъ, что отъ перваго благочестиваго, Святаго и равнаго Апостоломъ Великаго Царя Константина... и матери его Елены, да и по нихъ... Святители и монастыри грады и власти и села держали,» и проч. Далѣе: «Такоже, Государь, и въ нашихъ Русійскихъ странахъ при твоихъ прародителехъ, при В. К. Владимірѣ, и при его сынѣ, Вел. К. Ярославѣ... даже и до сѣхъ мѣстъ Святители и монастыри грады и власти, слободы и села имѣли, и суды и управы, и пошлины и оброки и дани церковныя держали по Божественнымъ велѣніемъ и уставленіемъ, и по правиломъ Св. Апостолъ, и Св. Отецъ, и Христолюб. Царей и по твоихъ прародителей, В. К. Владиміра и его сына, В. К. Ярослава, уставленію и утвержденію, яко же тамо въ ихъ уставленіи подлинно писано есть... И нынѣ Святители и монастыри земли держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ,» и проч. Слѣдуетъ сказаніе о томъ, что Андрей Боголюбскій далъ церкви Владимірской. Далѣе: «Мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ Царей въ своихъ Царствахъ отъ Св.

церквей и отъ свящ. мѣстъ ничто же не имаху, и недвижимыхъ вещей не смѣли двигнути, и судити или поколебати... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху не токмо въ своихъ странахъ, но въ Русійскомъ нашемъ Царствіи, и ярлыки давали,» и проч.

(623) См. въ Синод. библіот., подъ No 529, *Книгу о древностяхъ Рос. Государства*, I, 327, и *Древ. Рос. Вивліоѳ*. XIV, 206. Сей Соборъ былъ въ Сент.

(624) *Архив. Лѣт*. л. 176 и 177 на обор. и *Руск. Лѣт*. Львова, стр. 280, гдѣ сказано: «нача мзду имати совѣтомъ своего любовника, Дьяка Михайла Иванова сына Алексѣева Гостенка.» Геннадій сверженъ въ Іюнѣ 1504 года, а скончался въ третій годъ своего заключенія.

(625) См. ниже, примѣч. 629, годъ 1464 и 1497.

(626) См. тамъ же, г. 1492, и выше, примѣч. 104.

(627) См. ниже, примѣч. 629 въ разныхъ годахъ.

(628) Въ 1493 году, какъ видно изъ послужнаго списка Бояръ Іоаннова времени. См. *Древ. Рос. Вивліоѳ*. Т. XIII, в Бекетова Розряд. Кн. У Дружки были *поддатень*, Окольничій Иванъ Чеботъ, и два разсыльщика. *Коверъ Княжій* (а въ другомъ спискѣ *колпакъ*) держалъ Николай Ангеловъ, перемѣняясь съ Иваномъ Баршовымъ. Дьяки назначали *сельшниковъ, коровайниковъ, фонарниковъ*. Одни чиновники стояли у *сголовья мѣстнаго*, другіе несли подушки въ церковь, или передъ камками и слали ихъ подъ ноги жениху съ невѣстою. Конюшій Гридя Аѳанасьевъ ѣздилъ на жеребцѣ; у него было 15 человѣкъ Дѣтей Боярскихъ. Попъ Аѳанасій стоялъ съ крестомъ у постели. У саней Софіиныхъ шли Бояре Греки Димитрій, Юрій и Юшко Малой, любимецъ Василіевъ, о коемъ мы упоминали въ описаніи женитьбы сего молодаго Вел. Князя. Въ заключеніи сказано: «А что отъ Вел. К. и отъ Вел. Княгини даровъ Кн. Василью Даниловичу Холмскому было, и то записано на Казенномъ Дворѣ.» — Ѳеодосія скончалась 19 Февр. 1501. См. подробнѣйшее извѣстіе о свадебныхъ обрядахъ въ VII Т.

(629) Я нашелъ ихъ въ библіотекѣ Троицы Сергіева монастыря при одной лѣтописи въ четвертку стариннаго письма. Вотъ начало: «Господи Іисусе Христе! помилуй мя раба своего грѣшнаго, Аѳанасья Микитина сына. Се написахъ грѣшное свое хожденіе за три моря: первое море Дербентское или Дорія Хвалитская; второе море Индѣйское, Дорія Индустаньская; третье море Черное, Дорія Стембульская. Пойдохъ отъ Св. Спаса Златоверхаго съ его милостью отъ Вел. Кн. Михаила Борисовича и отъ Владыки Генадія Тверскыхъ; пойдохъ на низъ Волгою и пріидохъ въ монастырь къ Св. и Живоначальной Троицѣ, Св. Мученикомъ Борису и Глѣбу, и у Игумена ся благословивъ у Макарія. Изъ Колязина пойдохъ на Углечь, съ Углеча на Кострому ко Кн. Александру съ иною грамотою, и Кн. Вел. отпустилъ мя всея Руси добровольно, и на Плесо въ Новгородъ Нижній къ Михайлу къ Киселеву къ Намѣстнику и къ Пошлиннику Ивану Сараеву пропустили добровольно; а Василей Папинъ проѣхалъ городъ, а язъ ждалъ въ Новѣгородѣ 2 недѣли посла Татарского Ширваншина Асамбека; а ѣхалъ съ кречеты отъ Вел. К. Ивана, а кречетовъ у него 90. И поѣхалъ съ нимъ нанизъ Волгою, и Казань есмя, и Орду, и Усланъ, и Сарай, и Бекерзаны проѣхали добровольно, и въѣхали есмя въ Бузань рѣку, и ту наѣхали насъ три Татарины поганыи и сказали намъ лживыя вѣсти: *Кайсымъ Солтанъ стережетъ гостей въ Бузани; а съ нимъ* 3000 *Татаръ*. И посолъ Ширваншинъ Асанбекъ далъ имъ по однорятки, да по полотну, чтобы провели мимо Азтрахань, и они вѣсть дали въ Азторожани Царю, и язъ свое судно покинулъ, да полѣзъ есми на судно послово съ товарищи. По мѣсячу ночи парусомъ Царь насъ видѣлъ, и Татарове насъ кликали: *не бѣгайте!* и Царь послалъ за нами всю свою Орду, и по нашимъ грѣхомъ насъ постигли на Бузунѣ: застрѣлили у насъ человѣка, а мы у нихъ двухъ застрѣлили, и судно наше меншее стало на езу, и они его взяли часа того, да розграбили, а моя рухлядь вся въ меншемъ суднѣ; а болшимъ есмя судномъ дошли до моря, ино стали на усть Волгы на мели, и они насъ туто взяли, да судно есмя взадъ тянули до езу, и тутъ судно наше большее взяли и 4 головы взяли Рускіе, а насъ отпустили голыми головами за море, а вверхъ насъ не пропустили вѣсти дѣля, и пошли есмя къ Дербенти двѣма суды: въ одномъ суднѣ посолъ, а Русаковъ насъ 10 головами, а въ другомъ 6 Москвичь, да 6 Тверичь; и встала фурстовина на морѣ, да судно меншее разбило о берегъ, и пришли *Кайтаки*, да людей поймали всѣхъ. — И пришли есмя въ Дербенть, и ту Василей (Папинъ) по-здорову пришелъ, а мы пограблены; и билъ есми челомъ Василью Папину да послу Ширваншину, что есмя съ нимъ пришли, чтобы ся печаловалъ о людехъ, что ихъ поймали подъ Тархы (Тарки) Кайтаки. И Асанбекъ печаловался и ѣздилъ на гору къ Ширваншѣбегу... И Ширваншабегъ того часа послалъ къ шурину своему Алильбегу, Кайтаческому Князю, что судно ся мое разбило подъ Тархы, и твои люди пришедъ людей поимали, а товаръ ихъ пограбили, и ты бы мене дѣля люди ко мнѣ прислалъ и товаръ ихъ собралъ, занеже тѣ люди посланы на мое имя; а что тобѣ будетъ надобѣ, и ты ко мнѣ пришли, и я тобѣ, своему брату, за то не стою. И Алильбегъ того часа отослалъ людей всѣхъ въ Дербенть добровольно, а изъ Дербенти послали ихъ къ Ширваншы, въ Орду его Койтулъ; а мы поѣхали къ Ширваншѣ въ Койтулъ, и били есмя ему челомъ, чтобы насъ пожаловалъ чѣмъ дойти до Руси, и онъ намъ не далъ ничего. Ано насъ много, и мы заплакавъ, да разошлися кой куды. У кого что есть на Руси, и тотъ пошелъ на Русь; а кой долженъ, а тотъ пошелъ куды его очи понесли; а иные осталися въ Шамахѣ, а иные пошли работать къ Бакѣ.»

Сего довольно для примѣра въ слогѣ. Теперь, *другими словами*, предложимъ извлеченіе:

«Я пошелъ въ Дербентъ, въ Баку, гдѣ горитъ огнь неугасаемый; изъ Баки за море въ *Чебокару* (Бокару), въ Сару, въ землю *Маздраньскую* (Мазандеранскую), въ *Амиль* (Амоль), *Димовантъ* (Демавенд), *Корею* (Кіеру), *Кашень* (Кашанъ), *Наинъ* (Наинъ), *Ездью* (Ездъ), *Сырчанъ* (Керманъ или Sirjan), *Таромъ* (Таремъ), *Ларъ*, Бендеръ, *Гурмызъ* (Ормусъ), гдѣ я взялъ первый Великій день (или Пасху), и гдѣ пламенное солнце жжетъ человѣка. Тутъ пристанище цѣлаго свѣта: видишь людей и товары всѣхъ странъ; что родится на землѣ, есть въ Ормусѣ; но пошлина весьма тягостна для купцевъ: берутъ изо всего десятое. Оттуда поѣхали мы моремъ *съ конями въ Мошкатъ* (Маскатъ), *Кузрятъ* (Гузуратъ), Камбатъ, гдѣ родится краска *далекъ* (индиго); изъ Камбата въ *Чивиль*; изъ Чивиля сухимъ путемъ въ *Пали* (Пили), къ горамъ Индѣйскимъ, въ *Умри* (Ормаръ), въ *Чюнеръ*, городъ на каменномъ островѣ, и въ Бедеръ, столицу Великаго Султана. Именую единственно большіе города, между коими находится множество иныхъ, разстояніемъ одинъ отъ другаго въ десяти и менѣе верстахъ. Въ сей Индостанской странѣ господствуютъ Хоросанцы. Султанъ ихъ есть двадцатилѣтній юноша, управляемый Боярами; онъ имѣетъ 300,000 воиновъ. Народъ Ин-

дѣйскій, ему подвластный, многочисленъ, но бѣденъ, особенно въ селахъ. За то Вельможи Хоросанскіе богаты: ихъ носятъ на серебряныхъ кроватяхъ; а передъ ними идутъ кони украшенные золотомъ, воины, трубачи, *свирѣльники*. Съ Султаномъ на охотѣ бываетъ всегда 10,000 всадниковъ, 50,000 пѣшихъ, 200 слоновъ наряженныхъ въ блестящіе доспѣхи, 100 обезьянъ и 100 наложницъ. Дворецъ его великолѣпенъ: нѣтъ камня простаго; все украшено искусною рѣзьбою и золотомъ. Для безопасности города всякую ночь разъѣзжаетъ по улицамъ стража съ факелами. Жители весьма склонны къ воровству и злодѣяніямъ; а жена рѣдкая цѣломудренна, рѣдкая не вѣдьма. Войны бываютъ частыя; главная сила рати состоитъ въ слонахъ, покрытыхъ доспѣхами; къ рылу ихъ и зубамъ привязываютъ длинные мечи; на спинѣ же у каждаго сидитъ 12 человѣкъ съ пушками. Всадники и Воеводы всѣ Хоросанцы; пѣхота Индѣйская. Въ Бедерѣ торгуютъ лошадьми, камками и всякимъ товаромъ; но мало годнаго для Русской земли, хотя и думаютъ у насъ, что въ Индостанѣ рай купечества. Дешевы перецъ и краски, шелкъ, сахаръ. Пошлина вездѣ большая, разбойниковъ множество. Жить здѣсь дорого: я издерживаю въ день 15 денегъ» (около 1½ рубля ассигнаціями). «Въ 300 верстахъ отъ Бедера родится алмазъ, въ горѣ принадлежащей Вельможѣ Меликхану: локоть ея продается по 2000 фунтовъ золота; а *почка* хорошаго алмаза стоитъ 10 рублей . . . Нѣтъ, братья Христіане, не ѣздите въ Индію, если мила вамъ православная Вѣра: или сдѣлаетесь Магометанами, которые здѣсь господствуютъ, или претерпите страшныя бѣдствія. Увы! я все забылъ, не имѣя книгъ съ собою: не знаю ни праздниковъ, ни Середы, ни Пятницы. По крайней мѣрѣ молюся Богу истинному, Вседержителю, Творцу неба и земли; инаго не призывалъ, вопреки заблужденіямъ сего народа, исповѣдающаго 84 Вѣры, согласныя въ поклоненіи Буту, но столь несогласныя въ правилахъ, что Индѣйцы разныхъ Вѣръ не хотятъ ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, и не совокупляются бракомъ между собою.» Нашъ древній путешественникъ называетъ Вѣрами гражданскія степени, или *Касты* Индѣйцевъ. Продавъ въ Бедерѣ своего жеребца, онъ ѣздилъ въ *Индѣйскій Іерусалимъ*, и пишетъ, что сіе каменное зданіе величиною будетъ съ полТверя; что на стѣнахъ его вырѣзаны дѣянія Брамы, представленнаго въ видѣ обезьяны, съ хвостомъ, съ десницею простертою, какъ у статуи Царя Іустиніана въ Константинополѣ, и съ копіемъ въ лѣвой рукѣ; что передъ нимъ стоитъ необыкновенной величины быкъ, вырѣзанный изъ чернаго камня, съ позолотою; что народъ, осыпая его цвѣтами, лобызаетъ въ копыто, и проч. Описавъ войну Султана Бедерскаго съ Наидерскимъ, въ которой будто бы сражалось болѣе милліона людей, нашъ путешественникъ отправился въ Дабуль, Индостанскую гавань, куда привозятъ лошадей изъ Мизора, Аравіи, Хоросана, Туркестана. За два червонца нанявъ для себя мѣсто на Индѣйской Тавѣ или кораблѣ, онъ вышелъ на берегъ въ Ормусѣ, и поѣхалъ сухимъ путемъ черезъ Ларъ, Ширасъ, Ездъ въ Испагань, Кашанъ, Саву, Султанію, Таврисъ, Требизонтъ и Кафу.

Въ Воскресенской лѣтописи, отысканной Гм. Строевымъ (чиновникомъ служащимъ въ Архивѣ Иностр. Кол.) подъ годомъ 6983 (1475) сказано слѣдующее: «Того же году обрѣтохъ написаніе Оѳонаса Тферитина купца, что былъ въ Индѣи 4 годы, а ходилъ, сказываетъ, съ Васильемъ съ Папинымъ; азъ же опытахъ, коли Василей ходилъ съ кречаты посломъ отъ В. К., и сказаша ми, за годъ до Казанскаго похода пришелъ:» слѣдственно въ 1468?

Дополнительная выписка изъ лѣтописей.

Годъ 1462: «Поставленъ бысть Архіепископомъ Ростову Трифонъ Архимандритъ Спаскій Московскій Маія въ 13; а пріиде въ Ростовъ въ 23. — Скопившеся (во Псковѣ) Попове искупиіи, биша челомъ Пскову, чтобы пятому Собору быти . . . и повелѣша быти у Похвалы Св. Богородица да у Покрова, да у Св. Духа за Довмантовою стѣною. Заложиша (во Псковѣ) церковь кам. у примостья на Запсковьи Св. Козмы и Даміяна К. Володимеръ Андреев. и Посадникъ Степенный Зиновей Михайловичь... Псковичи заложиша иный городокъ новъ на Володчинѣ горѣ, и нарекоша Володимерецъ. Поставиша церковь Св. Николы. Задѣлаша Псковичи прясло стѣны на Крому отъ Великія рѣки, и врата на рѣку уряднша подлѣ Великую рѣку отъ Кутняго острова и до Смердьихъ воротъ, какъ съ другой стороны вдѣлано преже, также въ вышину отъ Псковы рѣки. . . Поставиша (въ Новѣгородѣ) церковь кам. Св. Диитріа на Славковѣ улицы на старой основѣ; священъ Архіеп. Іона Окт. 26.»

Г. 1463: «Во градѣ Ярославлѣ, въ монастыри Св. Спаса, обрѣтены быша мощи К. Ѳедора Ярослав. и сыновъ его, Костянтина и Давыда, подъ церковью тою въ подклѣтѣ цѣлы вси. Архимандр. же Христофоръ монастыря того взятъ ихъ оттолѣ съ великою честію, принесе во Храмъ Спаса и положи въ единъ гробъ и ризы Чернеческія новы положи на нихъ, понеже во Мнишескомъ чину преставишась; и бяху отъ нихъ многа чудеса и исцѣленія. — Іона, Епископъ Пермскій, крести Великую Пермь, и Князя ихъ» (вѣроятно, Михаила взятаго послѣ въ плѣнъ войскомъ Московскимъ), «и церкви поставилъ, и Игумены и Попы . . . Почаша Псковичи дѣлати стѣну на Крому перси въ Довмантовѣ стѣнѣ; совершиша церковь Козмы и Даміяна; помостиша мостъ чрезъ Великую рѣку. Бысть во Псковѣ темьянъ дорогъ, по 60 денегъ рублевая гривенка.»

Г. 1464: «Марта 4 Ѳеодосій Митроп. поставилъ нѣкоего Іерусалимлянина Іосифа, брата Патріарха Іерусалимскаго, Митрополитомъ въ Кесаріи Филиповы; а той Патріархъ Іерусалимскій пошолъ былъ на Москву милостины ради, понеже бо бѣ истома имъ отъ Египетскаго Салтана, и не дошедъ преставися въ Кафѣ, и той Іосифъ хотѣ быти на его мѣсто, и тако поставися и иде отъ Митроп. нашего, много собравъ милостины, и не дойде своея земли.» (Въ *Посланіи Рос. Митропол., л.* 99, есть письмо Митроп. къ Новогородцамъ и Псковитянамъ о семъ Іосифѣ: тамъ сказано: «Прииде къ намъ отъ Господня гроба Іосифъ Протосингелъ, возвѣщая онаго пришедшаго съ небеси страшнаго труса . . . не пощаде раздѣлити церкви Св. Воскресенія, иже надъ Св. гробомъ, и церковный лобъ впадъ внутрь сокрушилъ; и слыша о томъ Салтанъ Египетскій, и хотя разорити храмъ и на мѣстѣ томъ поставити свою мизгить. Онъ же Іоакимъ Патріар. много плакався, проша, да окупъ возметъ . . . и едва сталъ на полшести тысящи златыхъ Венедицкыхъ, и въ томъ поручники много Христіанъ; данъ же и закладъ, много святости церковныя,» и проч.) — . . . Кн. Псковскій Ив. Александ. и Посадникъ Степен. Алексѣй Васильев. заложиша градъ новъ деревянъ на Синѣ рѣцѣ и нарекоша Красной городецъ. Мѣс. Іюля бысть дождя много и вода велика, а хлѣбъ дешевъ (во Псковѣ): зобница ржи по 17 денегъ, а овса по 7, а пудъ соли по 3 денги.»

Г. 1465: «Прибѣжа на Москву Еѳимей Епископъ Брянскій и Черниговскій, покиня свою Епископью,

и даша ему Суждаль и Колугу и Торусу. Окт. въ 5, въ 1 часу нощи, мѣсяцъ гиблъ, и вторый часъ весь . . . Покрыша (во Псковѣ) церковь Св. Софіи желѣзомъ и всю церковь; преставися Посадн. Максимъ во Иноческомъ чину, и сынъ его Симеонъ, и Посадн. Юрьи Тимофеев.; прясло стѣны отвалишеся у Крома отъ рѣки Псковы, и того же лѣта и сдѣлаша; бысть пожаръ на Запсковьи Маія въ 16, и погорѣ монастырь и церковь Св. Ильи; совершиша перси у Крому Авг. въ 30, а дѣлаша 80 мужей наймитовъ по 3 лѣта, а взяша 175 рублевъ, и колокольницу на стѣнѣ на персехъ поставиша ко Св. Троицы; почаша крыти храмъ Св. Троицы доски; покрыша Св. Воскресеніе желѣзомъ и всю церковь въ Домантовѣ стѣнѣ; почаша подписывати церковь на Мелетовѣ; подписаша притворъ Св. Троицы спереди отъ сторонниихъ дверей. Авг. въ 9 Псковичи съ посажаны, своихъ хоромовъ блюдучи, заложиша стѣну древяну отъ Великой рѣки отъ монастыря отъ Покрова да и до Псковы, а отъ Псковы на Запсковьи заложиша отъ Гриячей горы до Великой рѣки, до Св. Варлама; а дѣлаша сами посажаны своимъ запасомъ и поставиша тую стѣну въ едину недѣлю. Той же осени, Окт. 6, пріѣха во Псковъ Архіеп. Іона, и срѣтоша его со кресты за новою стѣною, и соборовавъ у Св. Троицы, и Сенадиктъ чтоша и пѣша многая лѣта, и злыя проклята. Окт. въ 19 загорѣлося на Усоѣ у старой стѣны, въ Бараусовѣ дворѣ, и погорѣ весь Псковъ, а загорѣлося въ лягомо; а Владыка съѣхалъ на Снетную гору, и поѣха Окт. въ 24.»

Г. 1466: «Апрѣля въ 8 преставися Васьянъ, Епископъ Сарайскій. Переставися Княжь Петрова Княиня Дмитріевича Донского, жила долго въ Черницахъ и въ Схимѣ на Москвѣ у Вознесенья, нареченная во Мнишескомъ чину Еросинья. Заложиша (во Псковѣ) церковь кам. Похвалу Св. Богородицы на Романовѣ, и 16 Іюня загорѣлось въ Кузнецкой улицѣ отъ Климентія кузнеца и погорѣша Полонище и до Рожества до монастыря, и церквей погорѣ 12, а горѣло отъ Великія рѣки по Лужскій Костеръ и ко Псковѣ рѣкѣ, и Богъ ублюде Св. Троица: въ томъ мѣстѣ переметаша хоромы. Того же лѣта покрыша верхъ у Св. Іерусалима желѣзомъ; того же Авг. въ 1 повѣсиша колоколъ на персехъ на новой стѣнѣ; свершиша церковь на Романовѣ; побиша лобъ у Св. Троица желѣзомъ; бысть хмѣль дорогъ во Псковѣ, зобница по полтинѣ и по 10 денегъ.»

Г. 1467: «Апрѣля 14 родися К. Вас. Иванов. Рязанскому сынъ Иванъ на Москвѣ. Заложиша (во Псковѣ) церковь кам. на Полонищѣ, Св. Вознесеніе; а хлѣбъ то лѣто во Псковѣ дешевъ, по 18 денегъ зобница ржи, а овса по 8, а соли пудъ по 3 деньги, а меду по семи пудъ за полтину; только хмѣль сильно дорогъ, по 60 денегъ позобенье, только не велико время. Отписася своей Епископьи Архіеп. Ростов. Трифонъ Авг. въ 6: бѣ бо боленъ, и сойде въ монастырь ко Спасу. Обновлена бысть на Москвѣ церковь Вознесеніе Вел. Княгинею Марьею Вас. Васильев. Темнаго; заложила ту церковь Вел. Княгиня Евдокія Ди. Иванов. Донского преже сего за 60 лѣтъ, и при ней не много сдѣлано, понеже того лѣта преставися; по многихъ же лѣтѣхъ нача ту церковь совершати Вел. К. Софья Вас. Дмитріев., и соверши по кольцо, но верху не сведе; по многихъ же пожарѣхъ и сводомъ двигнувщимся, а внутри все твердо бяше: Вел. же К. Марья восхотѣ разобрати и новую поставити, и помысливъ о семъ Вас. Дмитріев. Ермолинъ съ мастеры, и не разобраша, но изгорѣлое каменье обломаша и своды разбиша, и сдѣлаша новымъ каменьемъ и кирпичемъ, яко всѣмъ дивитися. Ноября 3 священа сія церковь Филиппомъ Митроп. Дек. 10 поставленъ Ростову Архіеп. Васьянъ Рыло; преже былъ Игуменъ Троицкой.»

Г. 1468: «Февр. 15 Устюгъ Кремль весь сгорѣлъ. Заложиша (во Псковѣ) въ монастырѣ на Красномъ дворѣ церковь кам. Св. Пантелеймона Апр. въ 16, а взяша отъ нея дѣла своего мзду 30 рублевъ у Черицевъ. Той же веснѣ весь Псковъ подѣлаша по два пригорода на вси Концы, коемужь Концу къ старымъ пригородамъ новыя жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей К. Василей, К. Ѳедора Юрьев. сынъ, съ престола. Мая въ 23, во второмъ часу нощи, загорѣся посадъ на Москвѣ у Николы у Мокрого, и много дворовъ безчисленно сгорѣ, верхъ по рву и за Богоявленскую улицу, мимо Висяковыхъ дворъ по Иванъ Св. на пяти улицахъ, а отъ Св. Ивана на подолъ по Васильевской лугъ, да на Большую улицу на Вострой конецъ по Кузьму и Даміана; вѣтрено было и истомно въ городѣ. Поставлена Вел. Княземъ церковь обѣтная Симеонъ Дивногорецъ. Бысть дождь все лѣто, 4 мѣсяцы, и много по полю хлѣба погнило, а траву водою отняло, и ржей многіе не засѣяли. Авг. 4 бысть гибель мѣсяцу. Бысть моръ великъ на кони. Родися К. Василью сынъ Петръ. Срубиша на Волзѣ городокъ Романовъ. Бывшій Архіеп. Трифонъ преставися Дек. 30 и положенъ бысть въ Ярославли въ монаст. Св. Спаса.»

Г. 1469: «Пять Соборовъ (во Псковѣ) и все Священство написавъ грамоту изъ Номоканона и въ ларь положиша о церковныхъ вещехъ» (во время ихъ ссоры съ Архіеп. Новогородскимъ) «а надъ собою въ правители на Вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ посадили Попа Андрея Козу Св. Михаила, а другова съ Завеличья Харитона Попа Успенія, и восташа клеветницы на Попа Андрея, и бѣжа въ Новгородъ ко Владыцѣ, и Генв. 22 пріѣха Владыка, и встрѣтиша его со крестами, и призвавъ къ собѣ въ Пустынской дворъ, нача спрашивати о грамотѣ крѣпостной . . . и не даша ему, и поѣадъ свой на Священникахъ побравъ, поѣха Февр. въ 5. Здѣлаша великія врата каменныя (во Псковѣ) и костеръ наверху большой выше старыхъ по конецъ мосту Запсковского, и взяша мастеры 30 рублевъ сребра. Былъ во Псковѣ хлѣбъ и все дешево, а со всѣхъ сторонъ мирно и тишина велика. — Начаша (въ Новѣгородѣ) тополци садити на Славковѣ улици. Авг. въ 30 бысть буря сильна, и градъ и громъ, и страхъ велій. Тоя же осени пріѣхалъ во Псковъ посолъ отъ В. Кн., именемъ Селиванъ, такожь отъ Митроп. Глѣбъ съ Митрополичьею грамотою, а глаголя такъ, чтобы есте, сынове, тое управленіе церковное на своего Архіеписк. положили... Весь же Псковъ благословеніе его и своего Государя, Вел. Князя, слово пріяли, а крѣпость ларную вынемше подрали Генв. въ 5. — Дек. 21 у гроба Митроп. Петра отроковица слѣпа прозрѣ; такожe исцѣлѣ человѣкъ нѣкій изъ Рязани странной, имѣ руку прикорченну и къ ребромъ приростшую.»

Г. 1470: «Марта 13 бысть громъ и молнія и дождь великъ. Апрѣля въ 15 по Вечерни въ 12 часовъ бысть знаменіе въ солнци, явился кругъ на небеси единымъ краемъ посреди неба, а другой спустился къ Западу, и половина круга того изнутри червлена, а около зелено до половины круга вверхъ по краемъ, якоже бываетъ дуга на небеси тѣмъ цвѣтомъ; а другая половина бѣла; а подъ кругомъ тѣмъ двѣ дуги тѣмъ же образомъ, снизу зелено, а внутри червлено, а концы дугъ до самаго Запада; внутри же ихъ на серетцѣ солнце сущее ихъ близъ къ Западу идяше, а межи дугъ подъ самымъ кругомъ яко два рога, единъ концомъ на Югъ, другой на Сѣверъ, а межи ихъ яко солнце сіяше свѣтло, а стояше надъ сущимъ солн-

цемъ прямо, а на нихъ отъ того солнца, иже межи рогъ, промежъ дугъ по обѣ стороны по солнцу, противъ сущаго солнца. И такъ 2 часа бяше видѣти; и потомъ кругъ и дуги изгибоша. А тѣ три солнца необычныя снидошася вмѣсто, и бысть едино, и идяше за сущимъ солнцемъ повыше его и зайдоша вмѣстѣ, преже сущее, а то необычное за нимъ. Около же круга, иже былъ посредя неба, по обѣ стороны его повыше бѣло, вверхъ не снидеся, а внизъ до полукруга концы ихъ. Сіе же знаменіе видѣли мнози на Москвѣ, въ прочихъ же градѣхъ не видѣли. — Тоя же веснѣ (во Псковѣ) бысть вода велика, и наполнишася рѣки и озера. Мая въ 21 бысть во всю нощь громъ и молнія, и тресну громъ вельми, и молніею у Св. Пантелеймона (въ Псковѣ) въ монастыри на Красномъ дворѣ на иконахъ золото пожгло, а въ церкви холпла стрѣлка, и тою жь молніею зажже церковь въСитвѣ, и Богъ вѣсть, сколько побило Христіянъ, и храмовъ и древесъ пожгло. — Того же мѣсяца женился К. Андрей Васильев. Углецкій на Москвѣ, понялъ у К. Романа Мезецково дщерь Елену, а вѣнчалъ ихъ въ Пречистой Филипъ Митрополитъ. Тараканъ купецъ заложилъ себѣ (въ Москвѣ) палаты кирпичные у градной стѣны у Фроловскихъ воротъ, единаго лѣта и сведе. — Іюня 24 (во Псковѣ) предъ вечеромъ бысть грохотъ, громъ съ молніею силенъ, и на Звоницѣ у Коровьи гридницы 7 человѣкъ молніею опали, и бысть дождь *прапрудою;* а тѣхъ 4 человѣки отволочили, а три до смерти сразило; а въ гридницы которые ни были, а ти добры здоровы. Свершиша (во Псковѣ) церковь въ монаст. Св. Никиты, а взяша мастеры 20 рублевъ сребра — Тогоже лѣта Авг. въ 1, исходящу второму часу, загорѣся на Москвѣ внутри города на подолѣ, близъ Царя Костянтина и Елены, отъ Богданова двора Носова, и до вечерни выгорѣло все и за рѣкою многіе дворы погорѣли, а головни и береста далече носило, много верстъ; а К. Вел. тогда былъ на Коломнѣ: остался въ городѣ только дворъ К. Ивана Юрьев., да братаничевъ его два двора, да Орины Олексѣевы: оттолѣ бо вѣтеръ тянулъ. Преставися Іона, Епископъ Пермскій. Того же лѣта (въ Новѣгородѣ) на Ѳедоровѣ улици изъ тополья воды капало много, отъ верха и изъ сучья; помостиша мостъ новъ отъ Лубянкѣ во весь Конецъ Плотницкой; а на Славковѣ улици поставиша гридницу нову среднюю.»

Г. 1471: «Тоя жь зимы бысть снѣжно и бурно, а веснѣ по рѣкамъ воды мало. Марта 23 преставися Княгиня Инока Марѳа Ростовская, и положена у Рожества Богородицы въ монастыри. Тое же весны Прохоръ поставленъ бысть Епископомъ Сараю. Отъяли невѣгласи мздоиматели (во Псковѣ) на Вѣчѣ землю и воду отъ Св. Троицы, Апрѣля въ 7, Матутину землю, его прадѣда Нѣжатина данъ, Посадника, и въ тыя часы, еще и Вѣче не поспѣло разойтись, загорѣся за стѣной того жь Матути дворъ, а той Матута преже того за 4 мѣсяцы преставися, и въ пяти мѣстѣхъ загоралося. Намостиша мостъ (во Псковѣ) на новомъ мѣстѣ, на Черехѣ рѣки, а даша мастерамъ $18^1/_2$ рублевъ. Тое жь весны женися К. Борисъ Васильев. у К. Мих. Холмскаго, понялъ Княжну Ульяну. Преставися К. Алекс. Ѳедоров. Ярославскій, Апрѣля 17, и положенъ въ Ярославли у Св. Спаса въ монастыри. Априля конецъ ветха и Мая новаго быша морози велицы по 9 утръ, а обилье Богъ ублюлъ, а дубіе молодое и ясенѣ и папорть вся мразъ приэнобн. Бысть на Яковлѣ улици (въ Новѣгородѣ) пожаръ и середъ Борковѣ улици и до Козмодемьянѣ, и 4 церкви огорѣ, и того же лѣта 2 церкви отъ грома сгорѣша, конецъ Пруской улици, Илья Св., а другая Св. Ѳедоръ въ Ракомѣ. *Потрясеся на Москвѣ земля* Авг. въ 29» (сказано въ *Архаңг. и Новогород. Лѣт.*). «Той же осени бысть пожаръ въ Новѣгородѣ, отъ Вареской улици отъ берега и до Лубяници, и 2 церкви огорѣша, Св. Іоанна у Нѣмецкого Двора и Св. Георгія въ Торгу. и Нѣмецкій Дворъ горній погорѣ. Нояб. 8 поставленъ Еписк. Перми Филоѳей. Нояб. въ 27 бысть гибель лунѣ. Дек. 8 поставленъ Рязани Епископъ Ѳеодосій, Архимавд. Чудовской, а на поставленіи были Архіеп. Ростовскій, Еписк. Суздальскій Ефимій, Коломенской Геронтій, Сарскій и Пермскій. Погорѣ градъ Островъ, пригородъ Псковскій. Попы невкупніи быша челомъ Пскову о шестомъ Соборѣ. Тогды же и льняную грамоту подраша, вынемше изъ ларя, и бысть всѣмъ радость велія: съ восьми бо годъ она была въ ларю, да много Христіяномъ истомы и убытковъ въ тыя времена было. Бысть въ Новѣгородѣ всякаго блага обильно и хлѣбъ дешевъ.»

Г. 1472: «Тоя жь зимы преставися въ Литвѣ Григорей Митр. въ Новѣгородцѣ. Іюля въ 22 и въ 3 часъ нощи загорѣся на Москвѣ на Посадѣ у Воскресенія на рвѣ и горѣло всю ночь и назавтріе до обѣда, единыхъ церквей 25 сгорѣло, по брегу до Вздвиженья на Востромъ концѣ, да по Васильевской лугъ и по Кулишку, а вверхъ отъ Воскресенья по рву по Вознесенье на рвѣ, да по Яръ, да Богоявленье каменное, да по Воскресенье на Дмитровской улицѣ, да по Св. Евпатія и по Кулишку; бысть буря, и огнь метало дворовъ за восемь большихъ, и съ хоромовъ верхи срывало; истомно бѣ внутри града, но вѣтеръ тянулъ съ града, и самъ Вел. К. тамъ и по многимъ мѣстомъ стоялъ со многими Дѣтьми Боярскими, объѣзжая вскорѣ и повелѣвая гасити и розметывати. — Помазана бысть известью церк. Іоаннъ Вел. на Петрянѣ дворѣ (въ Новг.); а на Княжи дворѣ свершиша гридницу каменну. Сент. 9 загорѣся на Яневѣ улицѣ (въ Новѣг.), и погорѣ побережье все и за Даньславлю улицу и городной стѣны отъ берега полтора прясла, и Гребельскій мостъ, и Гребля до Вел. мосту, и 3 церкви огорѣша Св. Владимеръ и Св. Димитрей на Даньславлѣ улицѣ, и Св. Кирилъ предѣлъ у Св. Дмитрія.»

Г. 1473: «Тоя жь весны около Св. Николы въ Опоческомъ Концѣ (во Псковѣ) каменемъ одѣлавъ и врата каменныя изрядивъ, и садомъ яблонями насадили. Іюля въ 25 поставленъ на Епископью Коломенскую Священноинокъ Никита Семешковъ, сынъ Архангельскаго Протопопа, иже на Москвѣ. Того же мѣсяца обрѣтоша во церкви Св. Спаса Княг. Марью Вел. К. Симеона Иванов., во Минишескомъ чину Фетинію, въ тѣлѣ неврежену ничѣмъ же, толико риза истлѣ; и посла К. Вел. по Игуменью Алексѣевскую, и повелѣ возложити на ню новые ризы. — Человѣкъ нѣкій во градѣ Москвѣ, ходивъ по обычаю къ селу скудельничу, иже имѣють граждане на погребеніе страннымъ: имѣютъ же обычай то погребеніе дѣлать въ Четвертокъ седьмыя недѣли по Пасцѣ; тамо поютъ Панихиды; и сей помянутый боленъ идяше, и творя то, что и людіе: стары ямы засыпая, а новы выкапывая; и нечаянно упалъ въ тѣснотѣ народа, ибо несъ изъ новой ямы на старую землю: оглохъ и онѣмѣлъ. . . и нача прикладыватися ко всѣмъ гробомъ (въ Успенскомъ Соборѣ), и яко же къ Ѳеогностову приложися, и проглагола и прослыша... и сказаша Митроп. Геронтію и В. Князю. Они же невѣріемъ одержими быша, не повелѣша звонити и всему городу славити его . . . и задѣлаша мощи его (Ѳеогностовы) и покрова на гробницѣ не положиша; и нынѣ въ небреженіи гробъ его.»

Г. 1474: «Ноября въ 9 Вел. Князя Ловчей Григорей Перхушковъ ѣздилъ на поле и видѣлъ зна-

женіе на небѣ два солнца въ 2 часу дни: сущее солнце идяше своимъ путемъ, а другое необычное свыше того, и свѣтло вельми бѣлостію; а лучей отъ него не бяше; видѣлъ же то не одинъ Григорей, но и съ нимъ бывшіе. — Въ Новѣгородѣ и на Устюзѣ моръ бысть на люди, и поставиша единаго дне на Устюзѣ церковь Воскресеніе надъ рвомъ, и преста моръ.»

Г. 1475: «Апр. 23 по вечерни (въ Москвѣ) взошла туча, и бысть громъ великъ съ полудни, а морозы и студень до 8 Мая, и пошли дожди на всякъ день. Іюня 10 загорѣся за рѣкою на Москвѣ близъ церкви Николы Борисова, и погорѣ много, и та церковь. Сент. 12 въ полунощи загорѣлось на Москвѣ на посадѣ за Неглинною межъ Николы и Всѣхъ Святыхъ, и тѣ церкви погорѣша, а 27 Сент. погорѣлъ совсѣмъ на Арбатѣ Никифоръ Басенокъ: точію главами выметашась. — Сент. 30 въ 2 часъ дни гибло солнце; треть его изгибла, и бысть яко мѣсяцъ въ розѣхъ. На Москвѣ же сего не видѣлъ никто, а на Коломнѣ и въ предѣлѣхъ ея. — Преставися прежде бывшій Ѳеодосій Митроп. въ Сергіевѣ монастырѣ; туже и положенъ. — Окт. въ 4 часъ дни загорѣся на Москвѣ внутри города близъ воротъ Тимоѳеевскихъ: Князь же Вел. самъ пришедъ со многими людьми, угасиша, и оттолѣ пойде К. Вел. за столъ, и часа того загорѣся внутри же града близъ Никольскихъ воротъ въ 5 часъ дни, межъ Введенія и Козмы и Даміяна, и выгорѣ мало не весь градъ, по Вел. Князя дворъ да по монаст. Спаской, да по Княжь Михайловъ Андреев. дворъ, а Подоломъ по Ѳеодоровъ дворъ Давидовича, и едва угасиша въ 3 часъ нощи: понеже самъ К. Вел. пристоялъ со многими людьми. Едиными церквей кам. 10 обгорѣ, а древяныхъ сгорѣ 12, да два застѣнка у Архангела разметаша, Воскресеніе да Акилу. — Той же зимѣ (въ *Новогор. Лѣт.*) нѣкоторыи Философове начаша пѣти: *Господи помилуй!* а друзіи: *Осподи помилуй!*»

Г. 1476: «25 Февр. во 2 часу дни бысть гибель солнцу и тма велика, яко и человѣкомъ другъ друга въ лице не видѣти; и того бысть не долго. Людямъ страхъ былъ великъ. А на той же недѣли въ нощи свѣтъ блисталъ на небеси. — Тое же весны почаша дѣлати въ Сергіевѣ монаст. церкви Св. Троица кирпичная другая на мѣстѣ древяныя церкви Псковскими мастеры. Того же лѣта здѣлана бысть колокольница въ Ростовѣ Архіеп. Васьяномъ. Марта 10 въ 3 часу нощи нача гибнути мѣсяцъ. Пріиде изъ Царяграда въ Литовскую землю Митроп. Спиридонъ, родомъ Тверитинъ, поставленъ на мздѣ Патріархомъ, а повелѣніемъ Турскаго Царя. Апр. въ 11 бысть знаменіе въ солнцѣ въ 1 часъ дни: восшедшу ему вельми ясну, по нашему же зраку, яко видѣхомъ его изъ Москвы, яко же бѣ взошло ровно съ верхомъ храма нерукотвореннаго образа, иже въ монаст. Андрониковѣ; бѣ же кругъ солнца вельми великъ, яко дуги образомъ червлено, зелено, багряно, желто; далече же отъ него лучи сіяющи по сторонамъ два, единъ нами зримъ аки за Св. Ильею подъ сосною, а другій за Св. Никитою за Яузою; третій же лучь высоко надъ солнцемъ; а въ томъ же кругѣ стояше межи ихъ яко рогъ: бѣста бо отъ него яко 2 рога, единъ направо, а другій налѣво, но было повыше же того луча, иже рогъ тѣхъ, дуга бѣ образомъ, но верхомъ ко кругу, иже около солнца, а концы ея простерлися до среди неба; цвѣти же ея яко же въ дождь дуга бываетъ видѣти. Сіе было до исхода 2 часа. На Св. недѣли погорѣ въ полѣ на Пруской улицѣ (въ Новѣг.) и на Чюдинцовѣ и на Легощи, и до Іоанна Богослова, и городной стѣны выгорѣ полтретья прясла. — Авг. 31 въ 1 часъ нощи бысть громъ ужасенъ и въ монаст. на Симоновѣ съ церкви верхъ сшибло стрѣлкою, и по церкви ходя, много мосту рвало, и стѣну преднихъ дверей проразя, и иконы побило, а икона Одигитріа на поклонѣ на лѣвой сторонѣ ничѣмъ же повреди. — Сент. 3 гиблъ мѣсяцъ въ нощи о полнѣ лунѣ. Сент. 26 сгорѣла на Москвѣ церковь Вознесенія на рвѣ. Того же мѣсяца горѣло въ Новѣг. Вел., и церкви, и люди горѣли, и не помнятъ на себя такова пожара, 15 церквей сгорѣло, а 3 каменные разсыпалися, а надъ городомъ яко солнце красно стояло. Сія же осень суха была и студена; рѣка стала Ноября въ 12, а на Введеніе дождь былъ, а оттолѣ морозовъ великихъ нѣколико, а снѣгу не бывало. — Погорѣ монаст. каменной на Кубенскомъ езерѣ, церковь со всѣмъ узорочьемъ и съ книгами, и съ кузнью, и кельи. — Тоя же зимы пріѣхавши Слобожане изъ Кокшинской волости, учили бить челомъ всему Пскову, чтобы освободили имъ Новогородцы у рѣчкѣ у Лодѣ поставити городъ, и Псковъ на Вѣчѣ освободилъ, и грамоту далъ, что имъ запасы запасая на томъ мѣстѣ класти, гдѣ быти городу; и того же лѣта послаша Посадниковъ и Бояръ своихъ изо всѣхъ Концовъ окладати города Городча у рѣчкѣ у Лодѣ въ Кокшинской волости. Тоя же осени Псковъ вспалився испродавалъ Опочанъ, а взялъ 100 рублевъ, дā далъ К. Ярославу, что они повѣсили татя коневаго, а безъ повелѣнія Псковскаго. — Владыка Ѳеофилъ пріѣха во Псковъ Дек. 24, и часы повелѣ своимъ мастеромъ самозвонные поставити на Снятогорскомъ дворѣ, а тыя часы самъ же Владыка съ своимъ Бояриномъ Автономомъ присла въ домъ Живоначальныя Троицы... и жилъ во Псковѣ весь свой мѣсяцъ: иные же Владыки такъ всего мѣсяца въ свой пріѣздъ не живали.»

Г. 1477: Генв. въ 9 снѣгъ пошелъ, а не много, а на пядь не бывало его во всю зиму. — Преставися Епископъ Генадей Тверскій. — Февр. въ 16 въ 7 часъ нощи (въ Москвѣ) сгорѣла у Михайлова Чюда трапеза, да Архимандричья келья Генадіева. Марта въ 20 въ 7 часъ нощи загорѣлся дворъ К. Андрея Меншево и згорѣша дворы обѣихъ Князей Ондреевъ; а которые дворцы малые около ихъ Поповъ Архангел., а тѣ разметаша: пристоялъ бо самъ К. В. и сынъ его, понеже не успѣ лещи еще К. В. послѣ Стоянія Канона Андреева. — Мая въ 1 день въ 15 часъ дня преставися Игуменъ Пафнутій обители Рожества Богоматери на рѣцѣ Поротвѣ, близъ града Боровска за 2 версты; самъ же и состави обитель ту, пришедъ изъ монаст. Высокого изъ Боровска: преже бо тамо игуменилъ при Князѣ тамошняго отчича К. Василья Ярославича... и въ обители Богоматери церковь воздвиже древяну, потомъ же камену, и подписалъ чудно вельми, и украси иконами и книгами, яко дивитися и Самодержцемъ Рускія земли нашея. — Мая въ 31 морозъ вельми великъ былъ, и всякъ овощь побило и садове и все обилье. — Сдѣланъ бысть верхъ церкви на Симоновѣ, иже громъ сразилъ, а дѣлалъ мастеръ Венецейскый другій, не той, иже большую церковь Пречистыя ставитъ. — Дек. 6 поставленъ бысть во Тверь на Владычество Священноинокъ Васіянъ Архиманд., Княжь Ивановъ сынъ Васильев. Стригинъ Оболенского.»

Г. 1478: «Тоя же весны Іосифъ Старецъ началъ строити монастырь на Ламскомъ Волоцѣ въ пустыни. — Тоя же зимы бысть моръ въ Вел. Новѣг.: мряху бо старыя мужи и жены и молодыя дѣтки: выкопаютъ яму, ино въ тую яму положатъ 2 и 3 и 10 человѣкъ. — Преставись въ Новѣг. Намѣстникъ К. Ив. Васильев. Оболенской-Стрига, и при-

везоша его оттуда, и положенъ въ Суздалѣ у Спаса въ Еѳимьевѣ монаст. какъ самъ повелѣлъ. — Бысть брань межъ Митроп. и Васьяномъ Архіеп. Ростовскимъ о Кириловѣ монаст.: начатъ бо Геронтій отнимати отъ Ростов. Епископьи, научаемъ Княземъ Михайломъ Андреев. Тіи бо Черицы Кирил. монаст. превознесшесь высокоуміемъ и богатствомъ, не восхотѣша быти подъ правдами Ростов. Епископовъ, и научиша К. Михайла . . . и даде Митроп. грамоту, что Князю Михаилу вѣдати монастырь. Архіеписк. же билъ челомъ Вел. Князю и нача суда просити по правиломъ съ Митрополитомъ. К. же Вел. посла взяти грамоту и повелѣ Собору быти всѣмъ Епископомъ и Архимандритомъ на Москвѣ и даде судъ Архіепископу на Митроп. Митрополитъ же убоясь суда и умоли В. К. — и умири ихъ, и указа вѣдати по старинѣ. Се же зло бысть отъ Игумена Нифонта и отъ новыхъ Черницевъ и отъ прихожихъ смутовъ; а старые Старцы не хотѣша того. — Преставися Зосима Соловецкій, а Саватей Соловецкій преставися въ лѣто 6937. — Кн. Вел. прислалъ гонца на Устюгъ къ Намѣстнику Петру Ѳедоров. Челядиину, а велѣлъ ставити городъ Устюгъ новой, а старой розвалити. Ноября 13 бысть вода велика (во Псковѣ) и много шкоты учиниша по Великой рѣкѣ около города и по волостемъ, а мимо городъ несло внизъ запасъ холодья и дровъ, ово сѣнные стоги; да въ другой рядъ ледъ сталъ . . . и Дек. 7 бысть оттепель и вода болши первой, да и ледъ снесло, и множае шкоты учинило, и въ третіе ледъ сталъ наборзѣ неровенъ какъ хоромы, и до устей до озера, а Христіяне добры здоровы. — Дек. 26 нощію, по Великаго Князя войнѣ (Новогородской) нощію бысть громъ и молнія.»

Г. 1479: «Іюля въ 14 заложилъ Вел. К. церковь камен. Іоанна Златоустаго, а древяную разобралъ; бѣ же та церковь изначала строеніе гостей Московскихъ, да уже нача оскудѣвати монастырь той: К. же Вел. Игумена учини у тое церкви въ Соборѣ подъ Воскресенскимъ Игуменомъ загородцкихъ Поповъ прежъ сего, егда обѣтъ положилъ: понеже имя его нареченно бысть Генв. въ 27; а въ застѣнкѣ тоя церкви повелѣ церковь другую учинити Апостола Тимоѳея: въ той бо день родился; а ту разобранную церковь древян. повелѣ поставити въ своемъ монастырѣ у Покрова въ садѣхъ, первую малую разобравъ. — Шилники здумали на Устюзѣ Андрей Мишневъ, да безъ вѣдома Вел. Кн. Емчу взяли. Сент. въ 9 въ 6 часовъ нощи загорѣся Москва внутри града у церкви Петра Чюдотворца на Угрѣшскомъ дворѣ: бѣ бо поварня за градомъ подъ стѣною, и отъ того кровля градная загорѣся, а людемъ спящимъ, и кричаша изъ зарѣчья: градъ горитъ! и горѣ подоломъ по Владыченъ дворъ Коломенского, да по Ѳедоровъ Давидовича, а горою по Архангела и по Св. Іоаннъ и по Пречистую, да по Княжь Борисовъ дворъ, да по Богоявленіе на Троицкомъ дворѣ и къ Никольскимъ вратомъ. Самъ Кн. Вел. и сынъ его во всю нощь и 4 часа дни съ коней не съсѣдающе, своими руками разметающе . . . и поча быти вѣтеръ на погорѣлыя мѣста, и тако преста горѣніе; на 5 же часѣ начаша въ Соборнѣхъ церквѣхъ литургисати.»

Г. 1480: «Тое же весны преставися Коломенскій Епископъ Никита. — Разобраша старую церковь на Троецкомъ дворѣ: бѣ бо трухла вельми, и заложиша новую. — Сгорѣ церковь Св. Николы въ Никольскомъ во Архіепископлѣ въ Ростовѣ, и кресты чудотворные сгорѣша, и множество кузни; а на Москвѣ у Рожества у Св. Лазаря верхъ падеся напрасно нѣкако и страшно въ нощи, и иконы поби, и множество въ казнѣ Вел. К. сосудовъ поби. — Окт. въ 9 вожжеся свѣща о себѣ въ храмѣ Пречистыя у гроба Петра Чюдотворца: Митроп. же молебная совершивъ, и вощаницу оныя свѣщи нарядивъ, посла къ Вел. К. на Угру. — Поставиша Священники (во Псковѣ) въ Донантовѣ стѣнѣ избу Священникомъ и Діакономъ, а дали мастеромъ 5 рублевъ.»

Г. 1481: «Іюля въ 22 поставленъ Архіеп. Ростову Іоасафъ Оболенскихъ Князей; того же мѣс. въ 29 поставленъ Коломнѣ Епископъ Герасимъ Сморлковъ; а того же лѣта Симеонъ, Духовникъ Митрополита, Еписк. Рязани. — Псковичи привезоша къ Вел. К. Нѣмецкого полону 8 колоколовъ Вельяскихъ. — Сент. 8 заложены быша 2 церкви, Архангела и придѣлъ Воскресеніе, да Акила Апостолъ (въ Москвѣ). — Былъ К. Вел. въ Володимерѣ. — Андрей Мишневъ съ шильники и съ Устюжаны ходили въ Вел. Пермь, да побили Вогуличь подъ Чердынемъ, а на Каму шедши, да встрѣтили гостей и Тюменскихъ Татаръ, да пограбили.»

Г. 1482: «Заложи Кн. Вел. церковь кам. Срѣтеніе на полѣ на Кучковѣ. — Иконники Діонисей да Попъ Тимоѳей, да Ярецъ, да Кнашъ написали Деисусъ вельми чюденъ въ новую церковь Пречистыя. — Окт. въ 13 священа церк. Воскресеніе, а въ 27 Св. Апостолъ Акила.»

Г. 1483: «Згорѣ икона Одигитріа на Москвѣ въ церкви Вознесенія Греческаго письма, въ ту мѣру якоже въ Царѣградѣ здѣлана; только ликъ да окладъ згорѣ: доска цѣла, и написа Діонисій иконникъ на той же доскѣ той же образъ. — Тое же зимы случися навечеріе Крещенія въ Недѣлю: Архиманд. Чудовскій Генадей повелѣ воду Богоявленскую ѣдши пити, въ Уставѣ же не писано о томъ. Митроп. же посла изымать его: онъ же къ Вел. К. убѣжа. Митроп. же самъ иде къ В. К., и много глаголаше нань . . . К. В. выдалъ его Митрополиту: Митроп. же велѣлъ его сковати и подъ полатою въ ледникъ посадити. К. же В. съ Бояры выпечалова его, приводяще, егда Владыка Ростовскій Ѳеодосій повелѣ тако же мясо ясти въ навечеріе Богоявленія, зане случися въ Суботу: Митроп. же Іона Чюдотворецъ потязавъ его прости. — Апр. въ 2 преставися Княг. Елена Князя Андрея Васильев. Углецкого. — Заложилъ церковь кирпичную за Яузою Св. Спаса Игуменъ Чигасъ. — Архиманд. Чюдовской Генадей Гонзовъ заложи церковь у Чюда въ монастырѣ Алексѣя Чюдотворца, да и трапезу кам. — Поставиша (во Псковѣ) церковь Аѳанасья, да Николу на Валку, да Георгія въ Почки. Посѣкоша Псковичи дворы у Посадниковъ и у иныхъ многихъ.»

Г. 1483 и 1484: «Геронтій Митрополитъ заложи у своего двора церк. кам. Пречистыя Ризы Положеніе. — Повелѣніемъ В. К. начаша здати въ Вел. Новѣг. градъ каменъ по старой основѣ на Софейской сторонѣ. — Дек. въ 9 поставленъ Архиманд. Симоновской Нифонтъ Епископомъ въ Суздаль. — Совершена (во Псковѣ) церк. Св. Духъ въ Глинѣ монастырѣ. — Хлѣбъ уродился послѣ Петрова дни; въ той же день почали ржи жати, а съ Ильина дни ярь. — Лѣта за два сусѣди Запсковляне, Богоявленскый Конецъ, заложиша стѣну отъ Псковы свою треть, и сего лѣта свершена бысть, и на осень и покрыша; а тоя же весны сусѣди Кузмодемьянскіи заложиша стѣну отъ Великой рѣки свои 2 части до Богоявленцовъ стѣны. — Посадиша (во Псковѣ) смердовъ на крѣпость въ погребѣ, а Посадниковъ закликаша, что грамоту новую списали и въ ларь вложили на сѣняхъ со К. Ярославомъ, а Псковъ того не вѣдаетъ. Посадника убиша Гаврила Іюня въ 13 всѣмъ Вѣчемъ. — Въ Петрово говѣніе идяше дождя много и рѣки наполнишась, аки весною, а рожь цвѣтяше, и превратись много

ржи на метлу и на костеръ, а яроваго обилья Богъ умножи. Тогда же нѣкоему Священнику въ Велейской волости на Плотичнѣ ѣдущю путемъ, бысть тма, и по тѣмъ облакъ свѣтелъ, и гласъ невидимый глаголя: *повѣжь людемъ, дабы ся обратили*. И бысть ино проявленіе на городкѣ на Влодимирци: Іюля въ 18 нѣкоторой дѣвицѣ бысть гласъ, велѣше молитись... и въ ту нощь у Св. Ильи свѣща сама загорѣлася; а Новогородци обрѣтоша икону Св. Бориса и Глѣба на Волховѣ плавающю, и явись въ Новѣг. знаменіе отъ иконы Св. Богородицы, пляку слезы кровавыя седмію мѣсты. Іюля въ 24 бысть туча страшна и громъ и градъ. Сент. 5 явись на небеси (во Пск.) 3 мѣсяца: предъ сими бо деньми Туркове плѣниша землю Волынскую. Тоя же осени Псковичи поставиша новый мостъ черезъ Пскову, а даша мастеромъ 60 рублей, а взимаша то серебро массники. — Тоя же зимы Псковичи послаша къ В. Кн. бити челомъ, чтобъ отдалъ своея нелюбкы, что казнили смердовъ, и онъ веполѣвся велѣлъ смердовъ отпустити, а Посадниковъ отвликати и животы отпечатати, а Князю Ярославу добити челомъ — и Псковичи чорныя люди тому вѣры не яша, и за недѣлю по Рожества послаша иныя послы, а смердовъ не отпустя, а Посадниковъ не отвликавъ, и К. В. изополѣвся на нихъ, и на 3 день повелѣ своимъ Бояромъ отвѣтъ дати, какъ первымъ посломъ — и черніи люди ни тѣмъ вѣры не яша, рекуще: занеже сіи съгласишась по челобитью Посадниковъ, которіи збѣгли на Москву — и начать быти мятежъ великъ межю Посадникы и Бояры и Житьими людми, понеже сіи въсхотѣша правити слово Князя В., смердовъ отпустити, а Посадниковъ отклинать, а мертвая грамота, списаная на никъ, выкынути, а К. Ярославу добити челомъ, блюдущесь казни, еже безъ его повелѣнья и предъ посломъ В. Князя смерда казнили, и Посадника Гаврила убили; а черніи людіи мололіи не восхотѣша, рекуще: мы прави... и послаша отъ молодыхъ людей Перха къ Вел. К... и въ Тверской земли, въ Великое говѣніе (уже въ 1485 г.), разбойники убиша Перха и Лакомцова и дружину и вметаша въ рѣку; и Псковичи послаша по Велицѣ дни Посадниковъ на Москву, и Вел. К. съ великою опалкою отвѣщалъ: аже моя вотчина слово мое поправитъ, и потомъ начнете ми бити челомъ о моей нечести... и Псковичи вскорѣ отпустиша смердовъ, Стехна и Сырня и Лажня, и списавую грамоту мертвую на Посадниковъ изъ ларя выкынуша, и животы и дворы отпечаташа.»

Г. 1485: «Архіеп. Генадій на Масленой во Псковъ прислa свою грамоту благословеную и даде въ даръ Псковичемъ турей рогъ окованъ златомъ, да икону Деисусницю на златѣ. — Подписалъ церковь Срѣтеніе (въ Москвѣ) Долматъ иконникъ. — Апр. во 12 погорѣлъ градъ Москва. — Свершиша на Симановѣ трапезу камену у воротъ. — Въ сіе лѣто (во Пск.) съ осени палъ снѣгъ на талую землю, и потомъ быша мрази и зима вся бяше тала, и по рѣкамъ и по болотамъ грязи люты, и подъ снѣгомъ подпрѣлъ корень ржаный, и по Велицѣ дни бысть ведряно и солнечно, и потомъ студено и мокро, слоть съ морозомъ, и померже вшедшей ржаный корень, и бысть черна земля, и потомъ не бысть дождя до Петрова заговѣнья, а ярь сѣяна въ сухую землю, и егда помолишась, бысть туча, и начаша дождеве быти по мѣстомъ, и гдѣ быша, умножи Богъ яроваго обилья... и купиша четвертку ржи по 8 денегъ, а жита по 5, а овса зобницю по 10 и 12 денегъ. — Тоя же осени Владыка Генадій присла въ Псковъ Боярина своего Безсона и съ нимъ Игумена Евфимія, иже преже былъ ларникомъ въ Псковѣ, и въ той власти много зла народу учини... и убѣжа и пострижеся; и мысляше Владыка того вмѣстити Архимандритомъ въ себе мѣсто правителемъ Пскову, и веляше описати церкви и монастыри и Поповъ; и Псковичи не вдашась въ волю его. Тоя же осени, въ Недѣлю предъ Въздвиженьемъ, К. Псковскій Ярославъ и Посадники и Бояре ѣхаша на Москву и биша челомъ Князю Вел., что били смердовъ презъ его повелѣнье, и В. К. пожаловалъ, повелѣлъ по всей старинѣ Пскову жити. К. Ярославъ оженись на Москвѣ, и приведе Княгыню въ Псковъ. И тамо уляже брань о смердахъ, и много тогда напасти учинилось, яко до 1000 рублевъ. И потомъ прилучись нѣкоему Попу у Кировскихъ смердовъ найти тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ Князю дань дати и Пскову, и всякія работы по той грамотѣ имъ знати, а о той грамотѣ всей земли смятенье бысть, что они потаивше грамоту не потягнуша на работы, а Псковичемъ не свѣдущимъ, како бысть, а смерды обольстиша Князю Великому и все по криву сказаша. И таковую грамоту смердъ исторже у Попа изъ рукъ и скры. Псковичи же посадиша того смерда на крѣпости... и начаша изъ пригородовъ и изо всѣхъ волостей обидніи люди бити челомъ Пскову на Намѣстниковъ К. Ярослава и на самаго. И Псковъ събраша многыя обиды и отрядиша послы, Боярина Андрея Семеновичь Рублева и иныхъ, и биша челомъ Князю В., и повѣдаша о смердѣ, что грамоту потерялъ, и какъ намъ Государь укажеши о томъ? и К. В. прямымъ окомъ възрѣвъ рече: *давно ли язъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? а нынѣ на тожь наступаете!* И оттолѣ ни единыя жалобы на Ярослава не пріятъ, и отвѣтъ далъ: се язъ посылаю по васъ уже своя Бояры и прикажю имъ о всѣхъ вашихъ дѣлѣхъ. Посадники пріѣхаша во Псковъ Іюля въ 8» (уже въ 1486 году).

Г. 1486: «Генв. въ 19 пріѣха во Псковъ Архіеп. Генадій, а съ нимъ Бояръ много... и пребысть 3 недѣли, пришедъ на Вѣче народъ благословилъ, и многа словеса учительная простеръ, вдасть грамоту, и отъѣха прочь. Срубленъ градъ Володимеръ, а рубилъ Дьякъ Василей Мамыревъ. — На Ильинъ день гибло солнце все на многъ часъ. — Авг. 31 священа (въ Москвѣ) церковь Ризъ Положенія.»

Г. 1487: «Бысть (во Пск.) градъ великъ съ яблоко садовое. — Бысть моръ великъ въ Псковѣ, и поставиша 2 церкви, Св. образа Ісуса, да Св. Мученицу Анастасію. — Того же лѣта Князь Окт. 4 Яросл. преставися во Псковѣ и положиша его у Св. Троицы; та же и Княг. его и сынъ преставися, и положены у Св. Ивана Предтечи, на Завеличьи. — Постави (Литовскій) Митрополитъ Симеонъ Епископомъ Васьяна Владимерю и Берестью. Поѣха изо Пскова на Москву сынъ К. Ярослава, Костантинъ, Окт. 5.»

Г. 1488: «Февр. 13 присла Вел. К. во Псковъ Намѣстника, Симеона Романовича, Княземъ, и цѣлова крестъ на Вѣчи по Плотинной грамотѣ. — Поставиша градъ новъ на Бѣлѣозерѣ въ Карголомѣ отъ стараго за 10 верстъ. — Предъ Вел. днемъ въ сѣняхъ у Вел. Кн. громко изъ народа закричалъ изъ Спасова монастыря Галичанинъ, глаголя: *горѣть Москвѣ на Великъ день!* Кн. же Вел. яко урода велѣ его поимати и на Угрѣшу его посла къ Николѣ. Глаголютъ же, яко гости свѣдавши носилися изъ града, боящеся пожара. Сбыстьса же его слово. — Авг. 13, въ 9 часу дни, загорѣлося (въ Москвѣ) Благовѣщеніе на Болотѣ и погорѣло до Кулишки, мало не до Всѣхъ Святыхъ, до Покрова въ Садѣхъ, да по Неглинну, а церквей згорѣло 42. — Бысть знаменіе (во Псковѣ) у Св. Николы на прудѣ.»

Г. 1489. «Генв. 15 Владыка Ростовскій Іасафъ оставя Епископію и поставиша Тихона, иже прежде былъ Архимандр. у Спаса въ Ростовѣ. — Мая въ 16 преставися Коломенскій Владыка Герасимъ въ Никоньтьевѣ пустынѣ. Авг. 9 священа церковь Благовѣщенія на Вел. Князя Дворѣ на Сѣняхъ; а въ 20 день Василій Кесарійскій, придѣлъ у Благовѣщенія.»

Г. 1490: «Повелѣніемъ Вел. К. поставленъ въ Новѣг. В. градъ каменъ; двѣ части града ставили Вел. Князя казною, а треть Владыка Генадій своею казною. — Загорѣлося (въ Новѣг.) на Великомъ мосту у город. вратъ, и церковь Богоматери на городнихъ вратѣхъ и стрѣльница огорѣли, а изъ стрѣльницы похватило тесницу съ огнемъ и снесло на Яневу улицу, и Янева выгорѣла, и Ростнина, и Хревкова, и Легоще, и Щеркова, и Розважа, и церквей 6 огорѣ Апр. въ 25. — Поставленъ на Коломну Епископомъ Авраній, Игуменъ Угрѣшской. Ноября въ 8 въ Новѣг. Вел. въ 4 часъ нощи явися знаменіе лѣтняго Востока до лѣтняго Запада, на сѣверной странѣ промежъ Востока и Запада, доспѣлося небо свѣтло аки заря ведреная свѣтла вечерняя, а въ зарѣ той столпы аки лучи солнечные, и освѣтиша весь градъ и поля аки пожаръ силенъ, и сходишася столпы и расходилися многажды въ нощи той часа 3 и больше, да изгибли; а послѣ 3 столпы великіи и высокіи явилися, да стояли 13 часовъ, и како уже времени быть заутрени, пришли облаци съ Востока, да ту свѣтлость помрачили; потомъ взошла заря по своему обычаю, и Богъ свѣтъ далъ; а изъ Юрьев. монаст. видѣли какъ бы страшный пожаръ и чаяли, что градъ весь горитъ. — Устюжане и Двиняне на службѣ на лежачей на Костромѣ были, а отборщикъ Семенъ Болтинъ, и билися Устюжане съ Костромичи. — Погорѣ на Устюзѣ посадъ отъ Скоморошьи мовницы и Соборн. церковь Авг. 1; и били челомъ Устюжскіе Попы В. Князю о погорѣвшей церкви Успенія, и въ книгахъ Дьяки поискали, кто ставилъ изначала оную; и нашли лѣта 6905 Еписк. Ростовскій Григорей на Устюзѣ поставилъ церк. древяну вельми велику Успенія, и по тѣмъ книгамъ К. В. велѣлъ Архіеп. Ростов. Тихону поставити на Устюзѣ Соборн. церк. такову же, и грамоту Попомъ далъ къ Тихону, и Владыка того лѣта не послалъ мастеровъ, а у Устюжанъ бревенъ было мало припасено, и послалъ Владыка мастера Алексѣя Вологжанина съ своимъ Дьякомъ съ Иваномъ съ Вискуномъ послѣ Покрова 2 недѣли спустя, и онъ церковь заложилъ не по старинѣ кресьчату, и срубилъ до шти рядовъ, да и въ Ростовъ поѣхалъ; а Устюжаномъ тотъ окладъ сталъ не любъ, и хотѣли бить челомъ Вел. Князю, и Владыка не велѣлъ, а яся церковь поставити по старинѣ, и прислалъ Алексѣя да 60 человѣкъ рубленниковъ, и припровадили Епископли крестьяне изъ Шейбохты лѣсъ и береста, и заложили круглу по старинѣ о 20 стѣнахъ Мая въ 13» (уже въ 1492 году).

Г. 1491: «Бысть громъ зимѣ Генв. 9, въ 2 часъ нощи, явися звѣзда хвостата, съ Запада хвостъ ея на Востокъ съ двѣ сажени, и бысть до 6 часа нощи. Бысть знаменіе въ солнцѣ мѣс. Мая, и двѣ части изгибе. — Пріѣхалъ Февр. въ 17 К. Василей Ѳеодоровичь Намѣстникомъ во Псковъ, а К. Симеонъ выѣхалъ въ Москву. — Приходиша Татарове Заволжскыя на Волыньскую землю 10,000: въ Володимери церкви пожгли, и великую церк. Богомат. мурованую; а людей безчисленно посѣкли и полонили. И събрашась Волынци съ Ляхи, угониша ихъ не далече отъ Жеславля и побиша поганыхъ, и полонъ отполониша; мало утекло ихъ, и тыя отъ зимы измроша, не дошедши Улусовъ. Надъ Волынци Старостою былъ Луцкимъ К. Симеонъ Юрьевичь Голшанскый. Мало нашихъ убито, ниже и десяти; а поганцевъ 8000. — Повелѣніемъ В. Князя Архим. Спаскій Аѳанасій заложилъ церковь кам. на Новомъ Преображеніе. — Мая 23 згорѣлъ градъ Володимеръ весь, и посады, и церковь Пречистыя Рожества въ монастыри внутри города выгорѣ, и *тѣло Князя Вел. Александра Невского огорѣ;* а всѣхъ церквей згорѣло въ городѣ 9, а на посадѣ 13. — Того же лѣта Іюня згорѣлъ градъ Углечь весь, дворовъ болши 500, а церквей 15. — Совершена (въ Москвѣ) церковь кам. на Симоновскомъ дворѣ у Никольскихъ воротъ, Введенія Богородицы. — Іюня 5 преставися Дьякъ Вел. Князя Василей Момыревъ въ Чернцѣхъ и въ Схимѣ, и нареченъ Варсонофей, а въ Дьякахъ былъ 18 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, а жилъ 58 лѣтъ, и положенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ Іюня въ 7. На Сергіеву память К. Вел. торгъ перевелъ отъ Троицы на Городокъ въ Радовежъ.»

Г. 1492: «М. Февр. повелѣніемъ В. Князя Митроп. Зосима и Архіеп. Генадій придали изъ Митрополіи и Архіепископіи Новогородскіе церкви свои на Вологдѣ, въ городѣ и на посадѣ, Епископу Пермскому Филоѳею въ Пермскую Епископію. — Февр. пріиде изъ Волохъ Скуратъ Зиновьевичь, а съ нимъ посолъ Стефановъ, Мушатъ. — Тоя жъ весны послалъ Вел. К. Дьяка своего Василья Кулешина рубити города Володимера древяна по Васильеву окладу Мамырева, и срубиша его въ 2 мѣсяца. Мая въ 17 Иванъ *Спаситель* Фрязинъ, Капланъ постриженный Августинова закона бѣлыхъ Черцевъ, закона своего отрекся, и Черечество оставилъ, женился и понялъ за себя Алексѣевскую жену Сѣринова, и К. В. его пожаловалъ селомъ» (см. выше, примѣч. 104). «Іюля 10 приходили Татарове, Ординскіе Козаки, въ головахъ Темешемъ зовутъ, а съ нимъ 120 Козаковъ, во Алексинъ на волость на Вошанъ, и пограбивъ пойдоша назадъ; и пріидоша погоня В. Князя, Ѳедоръ Колтовской, да Горяинъ Сидоровъ, а всѣхъ 64, и бысть имъ въ полѣ бой межъ Трудовъ и Быстрые Сосны, и убьено бысть людей Вел. Князя 40 человѣкъ, а Татаръ 60, а иные Татарове, ранены идучи, померли на пути. — Тоя жь осени Ноября побѣжалъ отъ В. Князя въ Литву Юшко Елизаровъ.» — Епископъ Сарскій Прохоръ оставилъ Епископью и сойде съ Крутицъ къ Богоявленію въ монастырь.»

Г. 1493: «Святая гора (во Пск.) погорѣ вся и церковь. — Бысть знаменіе въ солнцѣ, 4 луча и кругъ за кругъ. Церковь поставиша Св. Георгія въ Острой лавицѣ. — Въ Вербную Суботу погорѣ градъ Кострома весь. — Священа бысть церковь Успенія Соборная на Устюзѣ Апр. 22. — Мая въ 4 поставленъ Силуянъ Игуменъ Угрѣшскій на Епископство Сарское и Подонское на Крутицу. — Повелѣніемъ В. Кн. поставиша градъ древянъ на Лукахъ Вел. по старой основѣ. — Приходили Татарове, Козаки Ординьскіе, изгономъ на Рязанскія мѣста, и взяша 3 села, и пойдоша назадъ. — Іюля въ 16 заже громъ верхъ маковицы большія тесъ подъ желѣзомъ у Соборныя церкви Успенія (въ Моск.), а внутри церкви мало попалило на Царскихъ дверяхъ, да половина опоны згорѣла на амвонѣ, да 2 болванца древяны розразило подъ амвономъ, а верхъ вскорѣ угасиша. Въ той же день въ Володимерѣ у Пресвятыя бурею крестъ сломило. — М. Сент. згорѣлъ городъ Рязань весь. — На Устюзѣ въ монаст. у Преображенія отъ иконы шло мѵро у Спаса изъ грудей, и у Моисея и у Иліи.»

Г. 1494: «Поставиша церковь кам. на взвозѣ Св. Георгія, и оставиша вдовыхъ Поповъ отъ службы (во Пск.). — Апр. загорѣлося (въ Новѣг.) отъ Никиты отъ денежника на Дворищѣ, и огорѣло 3

3 церкви, Никола да Пятница, да Борисъ и Глѣбъ; а Иванъ Великій отняли, и Маковицы до половины и Успеніе; а ряды всѣ выгорѣша до вел. мосту мало не до половины; а переняли у Лубяницы.»

Г. 1495: «Поставиша церковь кам. Св. Варлаамъ на Запсковьи. Пріѣхалъ Архіеп. Генадій во Псковъ при К. Псковскомъ Василіи Ѳеодор. Февр. въ 26, и соборовалъ, и былъ тамъ 30 дней. — Мая въ 30 преставися на Устюзѣ Иванъ Юродивый. — Приходиша Татарове Перекопьскыи, сынъ Царевъ Менгли-Гиреевъ, въ Волыньскую землю, и мало не добыша града Корца, и уби ихъ нѣколико К. Симеонъ Юрьевичь, Староста Луцкій, Маршалько Волыньской земли, съ Литвою и съ Волынци. Преставись Еписк. Луцкій Іона: бѣ бо тогда моръ въ Литовской земли и въ Лятской и въ Волынской и по инымъ странамъ; насъ же Богъ избавилъ (т. е. Кіевлянъ). Поставленъ Епископомъ граду Луцку Кирилъ Архиманд. Приходиша въ Волыньскую землю сынове Крымского Царя… и церковь и монаст. Св. Николы въ Жидычинѣ сьжгоша, и обогнаша К. Семена Юрьевича и Пана Василья Хрептовича, Намѣстника Володимерского, и К. Констянтина Острозскаго и всѣхъ Волынцевъ въ градѣ Ровномъ, и начаша Татарове пріѣзжати къ граду; наши же не видѣвше, яко множьство ихъ, и рекоша къ собѣ: *сътворимъ что мужско;* и выѣхаша противу ихъ предъ мѣсто, и бишась крѣпко… и выступиша множество Татаръ, и К. Семенъ възвратись въ градъ; и Половци же мѣсто съжгоша, и мало нѣчто съ града окупа вземше, и съ плѣномъ възвратишась въ своаси. — Той же осени Вел. К. Александръ и Король Польскый Ольбрехтъ снималися въ Парьцевѣ, никто же не вѣсть, чего ради; слышахомъ бо сами отъ нѣкоторыхъ Вельможъ, яко и Панове ихъ Рада о семъ не вѣдали.»

Г. 1496: «Пріиде въ землю Волыньскую Перекопьскій Епочча Солтанъ, и множество Христіянъ плѣни, и въ Лядской земли не мало. — Зима люта бысть, мрази и снѣги велики, а на веснѣ половодіе зѣло велико, и не помнятъ таковой воды. — Іюля въ 29 бысть пожаръ на Устюзѣ, загорѣся церк. Успеніе изнутри въ 3 часъ нощи, и згорѣ со всѣми иконами и съ кузнью и съ книги, и не сняли и замка; згорѣша на площади и Борисъ и Глѣбъ, Прокопей Св. и Егорей, Козма и Даміянъ, и дворовъ много. — Преставися К. Псковской Васил. Ѳеодор. пріѣхавъ съ войны Свейской; а К. В. прислалъ К. Алекс. Володим. Ростовскаго на Княженіе во Псковъ Марта 24. Бысть пожаръ во Псковѣ, а зажегъ Чюхно, а послаша его Нѣмцы; изымаша его на Крому и сожгоша Апр. во 12. — Сент. въ 18 священа бысть церковь Преображенія въ монаст. на Новомъ Митропол. Симономъ при Архимандритствѣ Аѳанасья Щедраго. — Дек. 18 поставленъ на Крутицу Епископомъ Еѳимей Старецъ отъ Троицы изъ Сергіева монаст., а на Рязань Протасій.»

Г. 1497: «Послалъ К. В. ко Стефану Воеводѣ въ Волохи Ивана Ощерина, да Луку Волошенина лѣта 7004; отпущены же назадъ, и на пути подъ Теребовлимъ пограбилъ ихъ Япочча Салтанъ, Крымск. Царя сынъ, съ своими Козаки: онижь возвратишась къ Стефану. Стефанъ же посла къ Царю Менгли-Гирею: Царь же повелѣ то обыскати; они же, сыскавъ мало, отослаша… и пріидоша на Москву л. 7005 Авг.; а съ ними пріиде посолъ изъ Волохъ Иванъ Пштаро, и отпустилъ его К. В. Сент. 3. Да съ тѣмъ же посломъ пріидоша къ В. К. Игуменъ Паисея да 3 Старцы изъ Св. Горы милостыни ради, и К. В. милостынею издоволилъ, и на иные монастыри послалъ: понеже бо изъ старины тотъ монаст. Св. Пантелеймона въ Св. горѣ строеніе бяше прежнихъ Великихъ Князей Рускихъ отъ Вел. Володимера. — Марта во 2 приходиша Татарове и съ Турки въ Волыньскую землю, и около Кремянца съ 400 душъ плѣниша, и собрася К. Михайло Острозькій съ своими людми, и угна ихъ за Половымъ и изби ихъ всѣхъ, и плѣнъ возврати, благодарственныя пѣсни Богу воспѣвая. Того же лѣта пріидоша Татарове Перекопьскыи и множество поплѣниша во Олевской волости и въ Мозырьской, и угониша ихъ К. Михайло да К. Костянт. Островскій съ Дворяны Князя Вел. въ Суботу по Велицѣ дни въ земли Бряславской на Сороцѣ рѣцѣ на Кошилавскихъ селищахъ, а другихъ верхъ Умы рѣки у могилы Пѣтуховы, и избиша всѣхъ до конца: убили Царевича Акмаилу, а всѣхъ 340, а нашихъ 1 человѣкъ. — Того же лѣта пойде Вел. К. Александръ со всѣми вои Литовскими и Рускими, Жомонтскими и иными, противъ Царя Перекопьского, и стоя въ Жеславли, и оттолѣ пойде до Бряславля, и тамо городъ заруби, и опять взвратись въ свою землю; а Царь не смѣ ополчитись противъ его. Того же лѣта Король Польской Олбрахтъ ходи въ землю Волоскую со всими вои, и много зла вои его сътвориша церквамъ и образомъ: срамъ и писанію предати; и взя миръ съ Волоскимъ черезъ брата своего послы Короля Ческого и Угорьского Владислава, и взвратись въ свою землю, и которою дорогою повелѣ ему пойти Волоскій, туда не восхотѣ пойти, и пойде просто до Снятина по Буковинью, и пріидоша Волохове и Туркове на него, и много отъ вой его убиша; а самъ Король въ тотъ часъ бѣ боля. Тогожь году преставися Епископомъ Володимерскый» (въ Волыніи).

Г. 1498: «Апр. въ 26 палъ снѣгъ въ полколѣни, а лежалъ до Бориша дни, а на Боришъ день шелъ дождь, и нача быти тепло, и учали пахати. — Хлѣбъ былъ дорогъ во Псковѣ; четвертка по 9 денегъ, овсяная по 4 деньги, а жита по 6, а пшеницы зобница по 50, а соли мѣхъ по полсорока денегъ.»

Г. 1499: «Іюня въ 12 преставися Еписк. Крутицкой Евфимей. — Іюля въ 14 поставленъ на Епископью Сарскую на Крутицу Трифонъ Игуменъ Богоявленскій, а на поставленіи его сѣдѣлъ съ Митрополитомъ на мѣстѣ К. *Великій* Дмитрій Ивановичь и Владыкъ пять. — Сент. пріидоша Татарове Ординскіе Козаки и Азовскіе подъ Козельскъ и взяли сельцо Олешну, и К. Иванъ Перемышльской да Одоевскіе Князи да Петровы дѣти Плещеева, Василей да Иванъ, догонивъ ихъ побиша, а иныхъ изымаша и приведоша на Москву.»

Г. 1500: «Погорѣ Запсковье на Ѳоминѣ недѣли, а горѣло отъ Жирковского всхода до Толокнянской улицы. — Тоя жь весны пріиде къ В. К. посолъ Волоскій, именемъ Ѳедоръ Исаевъ, Намѣстникъ Хотенскій. — Авг. въ 17 на осьмомъ часу дни загорѣся на Москвѣ на большомъ посадѣ и погорѣ отъ Москвы рѣки и до Неглинной и пушечной избы и Рожественской монастырь. — Бысть пожаръ во Псковѣ Окт. 6, и 2 костра поставиша на Запсковьи и на устьи Псковы рѣки. Псковичи порубившися, съ 10 сохъ конь, а съ 40 рублевъ конь и человѣкъ въ доспѣсѣхъ, або были пѣши люди, и поѣхаша на Литву Княземъ Великимъ въ пособіе.»

Г. 1501: «Выѣхалъ К. Псковской Александръ Волод. на Москву Марта 24, и пріяша Псковичи К. Ивана Ивановича на Княженіе Апр. 24. — Апр. Еписк. Филоѳей Перьмскій оставилъ Епископью и пріиде въ Кириловъ монастырь. — Апр. въ 23 у гроба Св. Максима Уродиваго Богъ простилъ человѣка имущаго ногу прикорчену. — Повелѣніемъ В. К. разобраша старую церковь Чюдо Св. Арханг. на Москвѣ, юже бѣ совершилъ Св. Алексѣй Митроп. въ лѣто 6873, и заложиша новую

при Архимандр. Феогностѣ. — Тоя жь осени преставися Еписк. Коломенскій Аврамій. Бысть лѣто все не погоже, бури великіе, и хоромы рвало и деревья изъ коренія, а дожди великіе, и хлѣбу неродъ; а то непогодье стояло и до Николина дни.» —

Г. 1502: «Мая въ 1 поставленъ на Епископью Коломен. Игуменъ Никонъ изъ Павловой пустыни, а Мая въ 5 на Епископью Пермьскую Игум. Никонъ отъ Св. Деонисія съ Глушицы. — Пріидоша къ Вел. Князю служити два Царевича изъ Астрахани, Исупъ Салтанъ, Ягупъ Салтановъ сынъ, да Шигавліяръ Салтанъ, Бахтѣяръ Салтановъ сынъ, братаничи Акмата Царя Большія Орды. — Повелѣніемъ Вел. Князя поставленъ бысть древяный В. Новгородъ по старому спу, и стрѣльницы древяныя, а старыя каменыя разбили.»

Г. 1503: «Генв. Тихонъ Ростов. за немощью оставилъ Архіепископью, и сойде въ монаст. къ Борису и Глѣбу на Устью. — Пріѣхалъ во Псковъ К. Дм. Волод. Ростовской Мая въ 6. — Сент. 6 священа ц. Архистр. Михаила на Москвѣ Митрополитомъ и Архіеп. Генадіемъ. — На Устюзѣ погорѣ посадъ и 4 церкви, Св. Никола, Рожество, Св. Аѳанасій и Варвара. — Тоя же осени преставися Княг. Уліяна, К. Бориса Васильевича Ноября, и К. Ѳедоръ Борисовичь женился послѣ ея, а братъ его, К. Иванъ Бор., на свадьбѣ его разболѣлся и преставился, и положиша его въ Іосифовѣ монастырѣ. — Слитъ колоколъ на Москвѣ большой, а дѣлалъ Петръ Фрязинъ, а мѣди въ немъ 350 пудъ, кромѣ олова.»

Г. 1504: «Повел. В. Князя на Вознесеньевъ день Архим. Митрофанъ въ Андрониковѣ монастырѣ заложилъ трапезу кирпичну. — Разобраша старую церк. Козмы и Даміяна въ Москвѣ противъ Михайлова Чюда и заложиша новую. — Городъ сгорѣль Чердынь, и Князь Матѳей Михайловичь Великопермскій поставилъ городъ на Почкѣ новой. — Ѣздили Посадники Псков. къ Вел. Князю о Ржевскомъ дѣлѣ.»

Г. 1505: «Въ Понедѣльн. на Страстной рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Вел. Пермь, Кулукъ Салтанъ, Ивака Царевъ сынъ, съ братьею и съ дѣтьми, города не взяли, а землю Нижнюю извоевали, въ Усольѣ на Камѣ Русаковъ вывели и высѣкли, и Князь Василей Коверъ на полѣ волѣ въ погоню послалъ Русаковъ въ судѣхъ и догнали ихъ въ Сылвѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили.»

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ VI ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VII ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Герберштейнъ именно говоритъ, что Василій ни при жизни отца, ни по смерти его не хотѣлъ короноваться, для того, что Димитрій былъ коронованъ (R. M. Comment. стр. 8). Онъ же разсказываетъ, что Іоаннъ, готовясь умереть, призвалъ Димитрія къ себѣ и сказалъ ему: «Любезный внукъ! я согрѣшилъ предъ Богомъ и тобою, заключивъ тебя и лишивъ законнаго наслѣдія: прости мнѣ сію жестокость. Ты свободенъ: иди и пользуйся своимъ правомъ!» Димитрій, тронутый до глубины сердца, искренно простилъ дѣда; но какъ скоро вышелъ отъ умирающаго, то Василій приказалъ отвести его въ темницу. — Сіе любопытное повѣствованіе кажется невѣроятнымъ. Іоаннъ безъ сомнѣнія взялъ бы мѣры для непремѣннаго исполненія воли своей, если бы хотѣлъ оставить престолъ внуку: собрали бы Вельможъ, обязали бы ихъ присягою служить Димитрію, а не Василію, который въ такомъ случаѣ не могъ бы столь легко заключить племянника. Не говорю о твердости Іоаннова характера; не говорю даже о завѣщаніи, въ коемъ Василій объявленъ наслѣдникомъ Монархіи: ибо оно сохранилось только въ спискѣ; подлинника не имѣемъ.

(2) Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 178: «К. В. Василей Иванов. *посадилъ въ желѣза* племянника своего, В. К. Димитрея Иванов., и въ полату тѣсну посади.» Первое кажется невѣроятнымъ и несогласнымъ съ характеромъ Василія, который не любилъ безполезныхъ жестокостей. Димитрій сидя въ темницѣ, имѣлъ помѣстья, свою казну, чиновниковъ, какъ видно изъ его завѣщанія. Такихъ правъ не оставляютъ колодникамъ въ цѣпяхъ.

(3) Въ лѣтописяхъ сказано: «Февр. 14 преставился В. К. Дмитрей Иванов. въ *нужѣ*, въ тюрмѣ.» Гербершт. пишетъ: «думаютъ, что онъ умеръ отъ холода, или отъ голода, или задохнулся отъ дыма.»

(4) См. *Собраніе Государственныхъ Грамотъ*, Т. I, стр. 405. При описаніи многихъ драгоцѣнныхъ вещей Димитрій говоритъ: «што мнѣ далъ К. В. Василей.» Между оными были подаренныя Димитрію дѣдомъ, Королемъ Казимиромъ, Княземъ Иван. Юрьев. Патрикеевымъ, Митроп. Геронтіемъ, Архіеписк. Новогородскимъ, Бояриномъ Морозовымъ и проч. Далѣе сказано: «а вся моя рухлядь въ сундукѣ за моею печатью въ казнѣ у моихъ Дьяковъ... а платье у моего Постельничово... а денегъ моихъ въ казнѣ осталося у моихъ Дьяковъ 1000 рублевъ... А у сево списка былъ отецъ мой духовной, Воскресенской Архиманд. Ефремъ, да Бояринъ мой К. Андрей Федоров. Хованской; а писалъ Дьякъ мой Небогатой Исаковъ сынъ Дубровина.» Внизу приписано рукою его слѣдующее: А къ сему списку язъ К. Дмитрей Ивановичь руку свою приложилъ. А што есми въ семъ списку написалъ, у кого есми села покупилъ, и К. бы Великій пожаловалъ тѣ села имъ подавалъ и купчіе грамоты велѣлъ имъ выдати безденежно.»

(5) На примѣръ, въ дѣлахъ Крымскихъ No 3, стр. 24, 25, и далѣе обыкновенно встрѣчается выраженіе: «приговорилъ К. В. съ Бояры.»

(6) Гербершт. стр. 9: multas provincias non tam bello, in quo erat infelicior, quam industria imperio suo adiecit.

(7) Вел. К. 7 Дек. 1505 года послалъ въ Крымъ своего *ближняго человѣка*, Василья Наумова, который пріѣхалъ назадъ 1 Авг. 1506 съ послами Ханскими, Князьями Казимиръ-Кіадомъ и Магмедшею. Они выѣхали изъ Москвы въ Декаб. съ Константиномъ Григорьев. Заболоцкимъ.

(8) См. *Никон. Лѣт.* и *Временникъ* стр. 204. Царевичь отнесся сперва къ Митрополиту Симону. Его крестилъ 21 Дек. 1505 у тайника Спасскій Архимандритъ Аѳанасій; онъ же вѣнчалъ и свадьбу 25 Генв. 1506. — Царевичь Петръ обязался клятвенною грамотою въ вѣрности къ Государю за поручительствомъ Митропол. и духовнаго отца своего, Епископа Суздальскаго Нифонта (См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, I, 401).

(9) См. *Временникъ*, II, 205. Димитрій, братъ В. К., прозывался *Жилкою* (см. Розряд. Кн. о семъ походѣ). Съ нимъ былъ и двоюродный братъ его, К. Ѳедоръ Борисов. Волоцкій; а Воеводъ множество: К. Иванъ Васильев. Курака, Дмитрій Иван. Ларевъ, К. Давидъ Даннлов. Пенковъ-Хромой, К. Иванъ Михайлов. Репня Оболенскій, К. Мих. Ѳед. Телятевскій, Князья Микулинскіе, К. Иванъ Иванов. Щетина Стригинъ-Оболенскій, Ѳедоръ Юрьев. Щука-Кутузовъ, К. Ѳед. Сицкій-Кривой, К. Семенъ Ѳед. Курбскій, К. Александ. Оленка и проч. Одна судовая рать послана была на перевозъ, 30 верстъ ниже Казани.

(10) См. *Казан. Лѣт.* гл. XIV, и Гербершт. R. M. Comment., стр. 68. Послѣдній говоритъ, что Казанцы обманули Россіянъ *притворнымъ* ужасомъ и бѣгствомъ изъ шатровъ своихъ въ городъ, а послѣ съ Черемисскими стрѣлками ударили на нихъ въ расплохъ. — Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что кромѣ К. Михаила Ѳедоров. Курбскаго и К. Ѳедора Иванов. Палецкаго, тутъ погибъ и третій Воевода, К. Романъ, братъ перваго; что Дмитрій Шеинъ былъ замученъ Магметъ-Аминемъ; что Россіянъ изо 100,000 спаслось только 7000. См. также *Архив. Лѣт.*, *Продолженіе Нестора* и *Русск. Времен.* — Съ вѣстію о первой неудачной битвѣ Димитріевой пріѣхалъ въ Москву 9 Іюня Василій Голенинъ.

(11) См. *Родослов. Кн.* — Въ *Казан. Лѣт.* Ѳедоръ Киселевъ несправедливо именуется въ числѣ убитыхъ подъ Казанью.

(12) См. Гербершт. R. M. Comment. 68. Между сими иноземцами былъ Италіянецъ Бартоломей, который принялъ нашу Вѣру и пользовался особенною милостію Василія, когда Герберштейнъ находился въ Москвѣ.

(13) См. Розрядн. Кн., гдѣ сказано: «Того же лѣта по Казанскимъ вѣстямъ послалъ К. В. въ Муромъ К. Данила Васильев. да Юрья Констант. Сабурова, а на Плесо К. Михайла Голицу Ивановича Булгакова... Розрядъ: въ большомъ полку Бояр. и Воев. К. Данило Васильев. Щеня... а Царевичу Енаю (или Зеденаю) быти у передоваго полку на правѣ» и проч.

(14) Въ Мартѣ 1507 Магметъ-Аминь прислалъ своего чиновника, Абдулу, съ извинительною грамотою. Марта 25 Вел. К. отпустилъ его назадъ съ своимъ гонцемъ, Алексѣемъ Лукинымъ. «И Царь со Алексѣемъ прислалъ Бакшея своего, Бозека, съ грамотою бити челомъ, чтобы К. В. пожаловалъ взялъ съ нимъ миръ по старинѣ, какъ было со отцемъ его, съ Вел. К. Иваномъ Васильев.; а посла его, Мих. Кляпика, отпущу съ его товарищи, да и тѣхъ людей, которые на бою въ наши руки попали. И К. В., приговоря съ братьею и съ Бояры, для Христьянскихъ душъ, коя въ бусурменскіе руки попали, проступку его ему отдалъ... и послалъ къ Царю Дьяка Екулу Сукова... И тогожь лѣта Царь Мих. Кляпика отпустилъ, да и людей, коихъ поималъ, да и своего посла, Барашъ-Сента, прислалъ бити челомъ о

миру... Сент. 8 К. В. Баранъ-Сеита отпустилъ, и послалъ Боярина, Окольничаго Ивана Григорьева Поплевина, да Дьяка Алексѣя Лукина въ Казань ... Тояжъ зимы Генв. (1508) прiиде въ Москву Поплевинъ, да и грамоты шертныя отъ Царя привезли, да Царь передъ нимъ и шерть далъ о дружбѣ и о братствѣ, *какъ было съ В. К. Иваномъ Васильев.;* да и тѣхъ людей отпустилъ, кои ему на бою въ руки попали.»

(15) См. *Дѣла* Польскiя No 2, стр. 78. Посломъ былъ Богданъ Долгирдовичъ.

(16) Тамъ же, стр. 79. Юрiй Глѣбовъ былъ Намѣстникъ Витебскiй, а Иванъ Сапѣга Намѣст. Брясловскiй. Съ ними находился Конюшiй Смоленскiй, Иванъ Ѳедоровъ.

(17) Ѳедора Степановича Ярошина, Ивана Оксенова и Подьячаго Ивашку Микулина.

(18) См. тамъ же, стр. 81. Василiй требовалъ пропуска и для посла Датскаго, бывшаго въ Москвѣ. Король хотѣлъ отвѣчать на то послѣ.

(19) См. тамъ же, стр. 83; «Съ писаремъ Королевскимъ, Григорьемъ съ Горемыкою, прiѣхалъ къ Государю отъ Кiев. Митроп. Iоны человѣкъ его Левка съ грамотою, штобъ Государь милость показалъ, велѣлъ его сына Сенку Кривого пустити на обмѣну на одномъ Сынѣ Боярскомъ, и К. В. приказалъ Левкѣ съ Болдыремъ Плясовымъ, што о Митрополичьѣ сынѣ о Сенкѣ били челомъ Митрополитъ Симонъ да и Бояре, и Государь того Сенку отдалъ Симону Митроп. и Бояромъ своимъ.»

(20) См. Дѣла Польскiя No 2, стр. 83.

(21) Тамъ же, стр. 85. Сигизмундъ присылалъ въ Москву Пана Яна Николаевича Радзивила, Намѣст. Слонимскаго, Кухмистра Олехнова и Писаря Богдана Сапѣгу, Окольничаго Смоленскаго.

(22) Воеводы пошли на Литву 14 Сент. См. ниже, примѣч. 46. Въ *Продолж. Нестора*, стр. 347, сказано, что Воеводы Литовскiе сожгли тогда Черниговъ и ушли назадъ; что подъ Кричевымъ застрѣлили изъ пищали Михайла Васильев. Образцова, и что Россiяне выжгли посады въ Мстиславлѣ. Въ Розряд. Книгахъ наименованы главными Полководцами Князья Стародубскiе, а при нихъ въ большомъ полку Холмскiй, Яковъ Захарьев. и К. Владимiръ Андреев. Микулинскiй и проч. Стрыйковскiй (кн. XXIII, гл. 2) пишетъ, что Король выщелъ тогда съ войскомъ, заставилъ Россiянъ удалиться въ свои предѣлы и взялъ Гзыковъ.

(23) Сигизмундъ вторично присылалъ пословъ въ Москву, Петра Кухмистра и Богдана Сапѣгу, которые говорили, что Ханъ Менгли-Гирей многократно предлагалъ Королю заключить твердый миръ съ Россiею, и что Король самъ желаетъ того, если В. К. освободитъ ихъ плѣнниковъ и возвратитъ отнятые у Литвы города. Чрезъ нѣсколько дней прiѣхалъ отъ Сигизмунда гонецъ съ извѣстiемъ, что новые Большiе послы Литовскiе ѣдутъ въ Россiю. Король, жалуясь на впаденiе Россiянъ въ Литву, просилъ Василiя отпустить задержанныхъ въ Москвѣ купцевъ Польскихъ (см. Дѣла Польск. No 2, стр. 86—90).

(24) См. Стрыков. Хрон. кн. XXIII, гл. 2, и цѣловальную запись Острожскаго въ *Собранiи Госуд. Грамотъ*, I, 403, въ коей сказано: «Се язъ Константинъ Иван. Острожской, что есми билъ челомъ своему Государю В. К. Василью Ив. за свою вину своимъ господиномъ Симономъ Митрополитомъ и его дѣтми и сослужебники, Трифономъ Епископомъ Сарскимъ, Спаскимъ Архим. Аѳанасьемъ, Чудов. Ѳеогностомъ, Симонов. Варламомъ, Андрониковъ. Митрофаномъ, Богоявлен. Игуменомъ Ниломъ, и Государь мой, К. В., ихъ дѣля прощенья меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое мнѣ отдалъ. А мнѣ своему Государю, Вел. К. Василью Иван. и его дѣтемъ служити и до своего живота, а не отъѣхати ми (отъ него) и отъ его дѣтей къ его братьѣ, ни къ иному никому... а въ томъ во всемъ ялся по мнѣ господинъ мой, Митроп. и его сослужебники... А черезъ сiю мою грамоту что учинится которое мое лихо передъ моимъ Государемъ, ино не буди на мнѣ милости Божiей... въ сесь вѣкъ, ни въ будущiй... А дана грамота на Москвѣ л. 7015 (1506) Окт. въ 18.» Курбскiй пишетъ, что К. Острожскiй, сосланный въ Вологду Iоанномъ III, подружился тамъ съ Св. Димитрiемъ Прилуцкимъ. Далѣе: «Той Святый К. Константина (Острожскаго) отъ многолѣтныхъ его веригъ свободилъ, ими же былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и иссохшiя уже ему руцѣ прикосновенiемъ своимъ исцѣлилъ, яко и здѣ (въ Польшѣ) уже Князь сей зѣло Святаго прославлялъ, и любовь къ нему велiю имѣлъ до преставленiя своего.»

(25) Въ Родослов. Кн.: «Къ В. К. Витовту прiѣхалъ служити Татаринъ К. Лексада, престился, и во крещенiи имя ему Александръ; а отчина у него была Глинескъ да Глиница, да Полтава.» Нѣкоторые производятъ родъ Глинскихъ отъ Мамая.

(26) См. Стрыков. Хроник. кн. XXIII, гл. 3. Кромера стр. 447, и Гербершт. 79.

(27) См. *Архив. Лѣт.* л. 186, и *Русск. Времен.* стр. 215. Король прислалъ къ Глинскимъ въ Туровъ Пана Яна Костевича, съ клятвою убѣждая ихъ возвратиться къ нему; но они не вѣрили Яну и требовали, чтобы Сигизмундъ велѣлъ присягнуть за себя Пану Албрехту Мартынову-Гастовтову. Вел. К. отправилъ къ нимъ прежде Боярскаго Сына Коломнятина Митю Губу, а послѣ въ Мозырь Дьяка Никиту Губу-Моклокова, который заключилъ съ ними договоръ; а Глинскiе посылали въ Москву Боярскаго Сына, Ивана, и Королевскаго Дворянина, Пана Воина Ясковича.

(28) Стрыков.: «Срѣте въ пути Глинскiй любительницу Забрезинскаго, и поимавши ю, повелѣ мучити, да повѣсть вся тайны Забрезинскаго, как отъ страха вся исповѣда. Тако Глинскiй, обскочившiй его во дворѣ, повелѣ въ ложницу двери разбити... и повелѣша обезглавити его Турчениму, и воткнувши главу его на саблю, принесли предъ Глинскаго: онъ же ту повелѣ на древо воткнути, и несли ю предъ нимъ 20 поприщъ, до езера единаго къ Вильни идучи, и тамо ю повелѣ утопити, гдѣ и доднесь столпъ каменный при томъ езерѣ въ бору стоитъ.»

(29) Менгли-Гирей присылалъ Вельможу своего въ Мозырь, откуда Глинскiй ходилъ къ Глуцку, гдѣ встрѣтили его послы наши: Иванъ Юрьев. Шигона-Поджогинъ, и Господаря Волошскаго, Стефана Александров., за три недѣли до Пасхи.

(30) Стрыков. кн. XXIII, гл. 3. Анастасiя жила тогда въ Слуцкѣ.

(31) См. *Русск. Времен.* 216, и Розряд. Кн. Изъ Дорогобужа ходили на Литву Воеводы К. Телятевскiй, Микулинской и проч.; на Смоленскiя области Иванъ Щедра Окольничiй, К. Палецкiй, Салтыковъ; отъ Стародубскихъ же Князей и Шемякина К. Сицкiй, Скрябинъ, Мурза Конбаръ, Прозоровскiй; а съ Шемякинымъ были еще Андрей Сабуровъ, К. Александръ Оленка и другiе Воеводы, которые пришли къ Бобруйску передъ Троицынымъ днемъ.

(32) Стрыков. кн. XXIII, гл. 9.

(33) См. *Русск. Времен.* 219, и Розряд. Книги. Въ первомъ: «К. Василей Шемячичь и всѣ Воеводы пошли отъ Орши за Днѣпръ, и послѣ того три дни спустя, пришелъ Король; а В. К. Воеводы пошли ко Мстиславлю.» Въ послѣднихъ: «Воеводы съ Королемъ подъ Оршею объ рѣку Днѣпръ

сошлись, и полки съ полками видѣлись, и Шемячичь и Глинскій и Воеводы отъ Днѣпра отступили и стояли въ Дубровнѣ 7 дней; а Король за рѣку ни самъ не пошелъ, ни людей не послалъ; и Воеводы В. К. пошли подъ Кричевъ и подъ Мстиславль, и воевавъ Литовскую землю, вышли на Брянскъ со всѣми людми, далъ Богъ, здорово.» Стрыковскій пишетъ, что Литовцы переходили за Днѣпръ, разгромили нашъ обозъ и побили многихъ Россіянъ; что Глинскій совѣтовалъ Воеводамъ сразиться всѣми силами, но что они не хотѣли того, и проч.

(34) Въ Розрядн. Книгахъ: «7017 (1508) Сент. въ 4, писалъ къ В. К. изъ Торопца К. Данило Васильев., что Торопчане его встрѣтили, и онъ ихъ къ цѣлованью привелъ; а которые у него не были, и онъ по тѣхъ послалъ; а которые Литовскіе люди приводили Торопчанъ къ цѣлованью, и тѣ сбѣжали.»

(35) См. *Русск. Времен.* 220 и Розряд. Кн.

(36) См. *Архив. Лѣт.* л. 189 на об. и Стрыков. кн. XXIII, гл. 3. Въ Розрядн. Кн.: «И по тѣмъ вѣстимъ послалъ К. В. къ Воеводамъ К. Семена Серебренаго, а велѣлъ итти къ Дорогобужу, и Воеводы приказали къ В. К. со Князь С. Серебренымъ, что съ ними людей мало, и къ нимъ бы людей еще прибавили; и К. В. отъ себя послалъ къ Воеводамъ Шигоню Поджогина съ рѣчми и приказалъ, которымъ Воеводамъ въ которомъ полку быти... И послали Воеводы изъ Вязмы напередъ себя къ Дорогобужу К. Мих. Горбатаго, да Алексѣя Заболоцкаго Литовскихъ людей отвѣстить и языковъ добывать, и которые люди Литовскіе дѣловцы пришли было города Дорогобужа дѣлати, они тѣхъ побили, а человѣкъ со 100 послали къ В. К. А Станиславъ Кишка, заслышавъ то, изъ Дорогобужа побѣжалъ назадъ... и К. В. приказалъ городъ Дорогобужъ дѣлати древяной.» — Главные изъ Воеводъ были тутъ: Князья Холмскій, Александ. Ростовскій, Вас. Вас. Шуйскій, Иванъ Мих. Воротынскій, Конст. Ушатой, Вас. Вас. Голенинъ, Петръ Семен. Одоевскій, Ив. Вас. Шуйскій, Петръ Өедор. Челядинъ, К. Александ. Оленка, Ив. Вас. Хабаръ, К. Сицкій, К. Вас. Губка-Ростовскій, К. Ив. Мих. Рѣпня, Андрей Курбскій, Стригинъ-Оболенскій, Лобанъ Ряполовскій, Петръ Царевичь и другіе.

(37) «Тогоже лѣта (1507) приходиша Крымскіе Татарове, Ячигитъ Мурза, Янкуватовъ сынъ, на Бѣлевскіе мѣста и на Одоевскіе, и воеваша; и Воеводы В. К., К. Иванъ Холмской, да К. Конст. Ушатой, а изъ своихъ отчинъ К. Вас. Сем. Одоевской, да К. Ив. Воротынской, да Козельской Намѣстникъ К. Александръ Стригинъ, побили ихъ, а полонъ весь отполониша; а гоняли ихъ до рѣчки до Рыбницы.»

(38) См. въ Архивѣ Ин. Кол. Дѣла Ногайскія, No 1, л. 42 на об. Князь Темиръ Якщенинъ былъ посланъ 13 Апр. 1508 съ письмами къ Асану и къ Алачу Мурзѣ, въ коихъ сказано: «Зять вашъ Шигъ-Ахметъ Царь, надѣясь на Литовского дружбу, въ его землю пришелъ, и Литовской Царя поималъ... а намъ Литовской недругомъ ся учинилъ; ино какъ нынѣ вамъ, такъ и мнѣ недругъ.» Темиръ долженъ былъ увѣдомить Государя, гдѣ найдетъ Улусы Ногайскіе, на сей или на той сторонѣ Волги. Въ данной ему *памяти* сказано: «А какъ дастъ Богъ, Темиръ пріѣдетъ съ ними (Ногаями) къ Дону, и Темиру тогды проситися, чтобы его отпустили къ В. К.... *и Государь мой также вашему и своему недругу Литовскому недружбу будетъ чинити*... Да говорити, чтобы Мурзы всѣ заказали своимъ людемъ на-крѣпко, чтобы надучи В. Князя людемъ Украйнымъ лиха не чинили.» — Нѣсколько разъ послы Ногайскіе были въ Москвѣ съ изъявленіемъ дружества и съ просьбою о свободной торговлѣ въ Россіи. Они всегда приводили къ намъ лошадей. Въ 1507 году В. К. писалъ къ Асану и къ другимъ Мурзамъ, чтобы они не помогали Казанскому Царю Магметъ-Аминю, и напоминалъ имъ свое благодѣяніе, которое состояло въ томъ, что Василій освободилъ какого-то юнаго Князя ихъ, бывшаго у насъ плѣнникомъ. Въ Августѣ 1508 пріѣзжалъ къ В. К. сынъ Царевича Ногайскаго Ахкурта, Акдевлетъ, и просилъ, чтобы Государь далъ отцу его или Казань или городъ Мещерскій (Касимовъ), или Андреевъ городокъ каменной. Чиновники Великокняжескіе отвѣчали ему, что Казанскій Царь, Магметъ-Аминь, сдѣлался уже другомъ Василію, а городокъ Мещерскій и Андреевъ пожалованы Янаю Царевичу. Акдевлета отпустили съ дарами, но безъ писемъ. См. тамъ же, л. 56 — 65.

(39) Подлинная договорпая грамота хранится въ Архивѣ подъ No 5.

(40) См. Дѣла Польскія No 2, стр. 90 — 95. Отъ насъ ѣздили послами въ Литву Бояринъ и Намѣстникъ Новогородскій Григорій Өедоров. Давыдовъ, Бояринъ и Конюшій Иванъ Андреев. Челядинъ, Сокольничій Михайло Клапикъ-Яропкичъ и Дьякъ Никита Моклоковъ. — Съ Глинскими выѣхали тогда въ Россію Кн. Иванъ Озерецкій, Дмитрій и Иванъ Глинскіе, К. Дмитрій и Василій Жижемскіе, Панъ Андрей Александров. Дрожжа съ братомъ Петромъ, Якубъ Ивашинцовъ, Семенъ Александровъ съ сыновьями Михайломъ и Борисомъ, К. Василій Мунча, Мих. Гагинъ, Дьякъ Королевской Никольской, К. Андрей Друцкій, Петръ Фурсъ съ братомъ Өедоромъ, Иванъ Матовъ, Святоша Демеля, Измаилъ Туровъ, Воинъ Янковичь, трое Крижиныхъ, К. Иванъ Козловскій. *Времен.* 225: «К. В. пожаловалъ К. Ивану да К. Василью Глинскимъ во отчину Медыню, а К. Михайлу Ярославецъ, да Боровскъ въ кормленіе, а всѣхъ Княжатъ и Пановъ пожаловалъ помѣстьи.»

(41) См. Дѣла Крымск. No 3, л. 24.

(42) Тамъ же л. 1, и No 4, л. 95. Послами отъ Царя были К. Магмедша, *Тетъ* (то есть, второй человѣкъ въ посрльствѣ) Абдылъ Зода и Бакшей Кайсымъ. Они пріѣхали въ Москву 27 Окт. 1508. «Окт. 24 послалъ К. В. противъ Крымскихъ Пословъ Өеодора Иванова сына Карпова, да Таможника своего Микиту Романова, да Діяка Алексѣя Лукина, а велѣлъ имъ у гостей рухлядь попечатать, которые идутъ съ послы. Окт. 27 послалъ К. В. противъ Крым. пословъ Ясельничего Өеодора Семенова сына Хлопова, а велѣлъ ихъ спросити о здоровіи, и встрѣтилъ ихъ Өеодоръ за рѣкою за Москвою на Поклонной горѣ, и ѣхалъ съ ними въ городъ до ихъ подворей... и К. В. послалъ къ нимъ о Царевѣ здоровьѣ спросити, да и о ихъ здоровьѣ Цигора Щепина.»

(43) No 3, л. 7: «*У* тебя, брата своего, прошу кречата бѣлаго, которой лебеди ловитъ, да сѣрого кречата *дикомыти*, да высокого кречата, да бѣлого ястреба; да на поминки пришли мнѣ пять кречатовъ, да три сороки добрыхъ соболей, да шесть великихъ зубовъ рыбьихъ, да горла черныхъ лисицъ; а восемь горлъ столько не будетъ, пришли 40 черныхъ лисицъ; да еще прошу 5 одинцовъ добрыхъ соболей. Да братъ мой К. В. Иванъ присылывалъ ми чару серебряну съ серебрянымъ черпальцомъ: ино у меня ее взялъ Баазитъ Салтановъ сынъ, Шахъ-Зада: и ты бы нынѣ ко мнѣ прислалъ... и язъ бы за-все изъ нее пилъ, а тебя, брата своего, поминалъ... да пансырь, которой бы былъ легокъ, а стрѣла бы его не

вила, да чтобы еси показалъ Магмедшѣ, и онъ бы его попыталъ стрѣляти,» и проч. Менгли-Гирей требовалъ еще съ В. К. полутора-ста тысячь Оттоманскихъ денегъ, отданныхъ имъ Молдавскому Господарю Стефану за нашихъ Пословъ Италіянскихъ, Ларева и Карачарова; просилъ освободить Крымцевъ, плѣненныхъ Холмскимъ во время ихъ набѣга на Украйну; желалъ, чтобы купцы его торговали въ Россіи безъ пошлины, и проч. Царица Нурсалтанъ, братъ Ханскій Ямгурчей-Салтанъ, сыновья Менгли-Гиреевы, Магметъ-Гирей, Ахматъ, Фети, Бурнать, Мубарекъ, Магмутъ, Саипъ, Саадетъ, и Алли-*Гирем*, также многіе Князья и Царевны особенно писали къ В. К., хвалились оказанными ему услугами и просили даровъ.

(44) «И ты бы нынчи, братъ мой, по старинѣ, что намъ идетъ съ Одоева, безъ ущерба собравши, сполна прислалъ.»

(45) Дѣла Крым. No 3, *л.* 24. Крымскіе послы хотѣли, чтобы В. К. непремѣнно далъ Летифу Коширу, а не Юрьевъ: наконецъ уступили волѣ Государя.

(46) Тамъ же, *л.* 44: «А Литовской, Господине, послалъ на Государя нашего слугъ, па дву Князей Василіевъ (Шемякина и Стародубскаго) Воеводъ своихъ; а вѣсть Государю нашему учинилась, что ты дѣтей своихъ и рать свою на Государя нашего землю послалъ вмѣстѣ съ Литовского людми... Государя нашего Воеводы слугъ его Князей отстояли и людей Литовского прогонили.»

(47) Тамъ же, *л.* 45 на об.: «Государь нашъ, Господине, по которой годъ стоялъ противъ недруговъ своихъ безъ пособи? и люди ся потомили. А Нѣмци и нынѣ съ Государемъ нашимъ не въ миру, а Нагаи на поли на сей сторонѣ Волги. А къ Азтарахани рати посылати не мочно, какъ судовъ тамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ и при отцѣ его не дѣлывали, да и нынѣ не дѣлають, а наряду служебного нынѣ допровадити туды не мочно.» — Морозовъ выѣхалъ изъ Москвы 4 Марта 1509.

(48) Тамъ же, *л.* 61 — 63. Еще до пріѣзда Морозова въ Тавриду сынъ Менгли-Гиреевъ, Магметъ-Гирей, разбилъ Ногайскихъ Мурзъ, Агиша, Ахметъ-Али и Шидяка, которые, соединясь съ Астраханскимъ Царемъ Абдылъ-Киримомъ, переправились черезъ Волгу и хотѣли напасть на Крымскія владѣнія. Менгли-Гирей собралъ тогда до 250 тысячь воиновъ, какъ онъ самъ писалъ къ Василію съ гонцемъ своимъ пріѣхавшимъ въ Москву 12 Сент. 1509. «Слава Богу! (говоритъ Ханъ) рати нашіе рука надъ нашимъ недругомъ высока учинилася: Мурзъ пограбили, улусы и кувы, кони и верблюды, овци и животину, ничего не оставивъ, взявъ привели» (*л.* 51). — Изъ донесеній Морозова видно, что Ханскіе Мурзы нагло обирали Заболоцкаго, когда онъ былъ посломъ въ Тавридѣ.

(49) См. Дѣла Цесарскаго Двора No 1, *л.* 151. Гартингеръ пріѣхалъ 4 Окт. 1506 съ грамотою *безъ печати*, писанною 25 Мая сего же года. Писецъ ошибкою, вмѣсто Василіева, поставилъ Іоанново имя: въ чемъ Гартингеръ извинился, сказавъ: «ино то Дьякъ описался; а Государю нашему то дополна вѣдомо, что Государя вашего отца въ животѣ не стало; а сказывалъ ему посолъ Волошской; да и меня Государь мой выспрашивалъ о имени Государя вашего, В. К. Василья... а печать притчею порушилася,» и проч. Съ Гартингеромъ имѣлъ переговоры Великокняжескій Дьякъ Болдырь Паюсовъ черезъ Нѣмецкаго толмача. Отвѣтная Василіева грамота писана была на Латинскомъ языкѣ.

О мирѣ съ Орденомъ см. Арнта Liefland. Chr. 177, и *Архив. Лѣт.* *л.* 192. Ливонскіе послы пріѣхали въ Москву 8 Марта 1509. Подлинная договорная Нѣмецкая грамота находится въ Архивѣ подъ No 2. Въ ней именованы, сверхъ Магистра, Архіепископъ Рижскій, Епископы Юрьевскій, Островскій или Эзельскій, Курляндскій и Ревельскій. В. Князю дается титулъ Императора. — Послами были Іоаннъ Гильдорфъ, Магистръ І. Ольденбоэнъ, Канцлеръ І. Каммеръ и Карстенъ-Зеге. Вмѣсто Намѣстниковъ крестъ цѣловали Дворянинъ Замыцкой и Купецкіе Старосты Саларовъ и Кириловъ.

Максиміліаново письмо о Ганзѣ привезли (17 Іюня 1509) изъ Нарвы къ Ивангородскому Намѣстнику, Князю Ивану Тенкѣ, Нѣмцы *Гриди* и *Еремейко, заморяне*. Оно писано изъ Брюсселя отъ 19 Февр. 1509. Василій отвѣчалъ Императору 9 Авг. (см. Дѣла Цесарскія No 1, *л.* 167 — 171).

(50) См. Т. VI, примѣч. 629, подъ годомъ 1485.

(51) Тамъ же, подъ г. 1484 и 1485.

(52) См. *Русск. Времен.* 227 и *Архив. Лѣт.* 194 на обор.

(53) Вел. К. выѣхалъ 23. Сент., а пріѣхалъ въ Новгородъ Окт. 26. Съ нимъ былъ и Симоновскій Архимандритъ Варлаамъ.

(54) См. Псковскую Лѣтопись, подаренную въ Библіотеку Архива Иностран. Коллегіи Е. П. Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Малиновскимъ. Мы будемъ означать сію любопытную рукопись, стараго письма, его именемъ.

(55) Тамъ же: «К. В. даръ ихъ честно принялъ, а сердечныя мысли никто жь вѣсть, что К. В. вздумалъ на свою отчину и на градъ Псковъ.»

(56) См. *Русск. Времен.* 228.

(57) Въ *Псков. Лѣт.* Малиновскаго: «Поѣхалъ изо Пскова К. Иванъ Рѣпня Суздальскихъ Князей къ Государю жаловатись на Псковичь, что ле его безчествовали. А тотъ Рѣпня не пошлинною (не законно) пріѣхалъ во Псковъ, да сѣлъ на Княженіе, не по крестному цѣлованью учалъ во Псковѣ жити, а не учалъ добра хотѣти Живоначальной Троицѣ... много зла чинилъ Дѣтямъ Боярскимъ и Посадничимъ, и тые Дѣти Боярскіе и Посадничи ѣхали В. Князю бити челомъ... и Посадники со Псковичи здумавъ себѣ не на пользу, и начаша грамоты писати по пригородомъ и по волостемъ, ркучи то: аще которой человѣкъ жаловался на Князя, и выбъ ѣхали ко Государю въ Новгородъ бити челомъ. И на той же недѣли поѣхалъ Леонтей Посадникъ бити челомъ на Посадника Юрья, и Юрьи поѣхалъ отвѣчати.» Въ *Русск. Времен.*: «а иные на Новогородскихъ помѣщиковъ.»

(58) Тамъ же: «и Юрьи Посадникъ прислалъ грамоту во Псковъ, а пишетъ: аже не ѣдутъ Посадники противъ Князя говорити, ино будетъ вся земля виновата. И въ ту пору Псковичемъ сердце уныло.»

(59) См. ниже, примѣч. 370.

(60) Въ Московскихъ лѣтописяхъ (*Времен.* 228) сказано такъ: «и Князь Великій велѣлъ Псков. Намѣстнику съ Посадники стати предъ собою, и выслушалъ ихъ и обыскалъ, что Намѣстнику его отъ Псков. Посадниковъ непослушаніе было великое, и въ суды и въ пошлины у него вступалися, также отъ нихъ и своей братьѣ многи обиды были; надъ всѣмъ же симъ его Государское имя презираху: и за то на тѣхъ Посадниковъ опалу свою положилъ.» А въ *Псков. Лѣт.* Малинов.: «К. В. управы имъ (Псковичамъ) никакой не даетъ, а рекъ тако: *копитеся вы, жалобные люди, на Крещеніе Господне, и азъ вамъ всѣмъ управу подаю*,» и проч. Въ сей день суда не было, а только взяли ихъ подъ стражу. Въ *Псков. Лѣт.* названъ Епископъ, святившій воду, *Смоленскимъ*.

(61) См. *Псков. Лѣт.* Малинов.

(62) См. *Времен.* 229 и *Архив. Лѣт.* *л.* 198.

(63) См. *Архив. Лѣт.* *л.* 200 на обор.

(64) Въ *Псков. Лѣт.* Малин.: «И прислалъ К. В. Дьяка Третьяка Долматова съ жалованнымъ со льстивымъ словомъ, и Псковичи обрадовались... Третьякъ имъ на Вѣчи сказалъ первую и новую пошлину: поклонъ онъ В. К.,» и проч. Далѣе: «да отговоривъ то (Третьякъ), да сѣлъ на степени, и Псковичи удариша челомъ въ землю, и не могли противъ его отвѣта дати отъ слезъ и туги сердечныя... Токмо тые не испустили слезъ, иже младенцы ссущіе млеко... И бѣ тогда во Псковѣ плачь и стонаніе во всѣхъ домѣхъ, другъ друга обимающе,» и проч. Сіе было съ Субботы на Воскресенье.

(65) См. Т. VI, примѣч. 30.

(66) Въ *Псков. Лѣт.* Малин. и Толст.: «На утріе жъ, освитающу дни, позвониша на Вѣчье, и собрашася... И начаша ему (послу) тако говорити: тако у насъ написано въ лѣтописцѣхъ: съ прадѣды и съ дѣды и со отцемъ его, Государемъ, крестное цѣлованіе съ В. Князми положено, что намъ Псковичемъ отъ Государя своего, В. К., кой ни будетъ на Московскомъ Государствѣ, и намъ отъ него не отойти, ни въ Литву, ни въ Нѣмцы, а намъ жити по старинѣ въ добровольи; а мы Псковичи отъидемъ отъ В. К. въ Литву или въ Нѣмцы, или особѣ станемъ жити безъ Государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь, и потопъ и нашествіе поганыхъ; а Государь нашъ не учнетъ тое крестное цѣлованіе на себѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати. А нынѣча Богъ воленъ да Государь въ своей отчинѣ и дѣдинѣ во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежнего своего цѣлованія не хотимъ измѣнити, и мы на Государя своего руки подняти и въ городѣ заперетися не хотимъ; а Государь нашъ хочетъ Живонач. Троицѣ помолитися, а въ своей отчинѣ побывати во Псковѣ, и мы его, Государя своего, ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца. И Генв. въ 13 спустиша колоколъ Вѣчной у Св. Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли, и повезоша его на Снетогорской дворъ, къ Ивану Богослову, гдѣ нынѣ Намѣстничь дворъ,» и проч.

(67) *Архив. Лѣт.* л. 201: Генв. въ 15 Дьякъ Т. Долматовъ къ В. К. изо Пскова пріѣхалъ... а съ Третьякомъ пріѣхали ко Государю бити челомъ отъ всего Пскова Посадникъ Кузьма Сысоевъ, да Бояре; и того же дни послалъ К. В. напередъ собя Бояръ своихъ,» и проч. — Знатнѣйшіе Псковитяне ждали В. К. на Дубровнѣ.

(68) Въ *Псков. Лѣт.* Толст. и Малин.: «Генв. въ 24 пріѣхалъ Государь, и того дни пораву пріѣхалъ Владыка Коломенской, Васьянъ Кривой» (а по Москов. лѣтописи Митрофанъ)... «и хотѣша встрѣтити Государя у образа въ поли, и Владыка молилъ: не велѣлъ Государь встрѣчати далече... и встрѣтилъ его Владыка на торгу, идѣже нынѣ площадь, и К. В. слѣзъ съ коня у Спаса на площади... и благословляя его Владыка, рече: Богъ де тобя благословляетъ, Государь, Псковъ вземши безъ брани; и кои Псковичи были въ церкви, и то слышали, и заплакали горько,» и проч.

(69) См. *Псков. Лѣт.* Малин., *Архив. Лѣт.* и *Времен.* Въ *Ростов. Лѣт.*: «Вина Псковичей та, что былъ Архіеп. Генадій во Псковѣ, и они не велѣли своимъ Попомъ съ нимъ служити, а проскурницамъ проскуръ печи.»

(70) То есть, сыну Боярину Ѳеодора Давидовича; а въ *Псков. Лѣт.* сей Намѣстникъ именуется Морозовымъ.

(71) «Посла К. В. къ Москвѣ Петра Яковлев. Захарьева, Москвѣ всей здравствовати, что К. В. Псковъ взялъ, и присылаша съ Москвы гостей тамгу уставливати, занеже во Псковѣ тамга не бывала, безданно торговали; и прислаша съ Москвы пищальниковъ казенныхъ 1000 и воротниковъ; и даша мѣсто, гдѣ новой торгъ ставити за середнимъ городомъ противъ Лужскихъ воротъ за рвомъ на Юшковѣ огородѣ Носухина, да на Григорьевѣ Посадниковѣ Кротовѣ; да и церковь постави К. В. Преподобную Ксенію, въ которой день Псковъ взялъ, на Пустой улицѣ, въ Ермолинѣ въ садикѣ Хлѣбникова; а потому та улица Пустая слыла, что межъ огородовъ, а дворовъ на ней не было; а жилъ К. В. во Псковѣ 4 недѣли, и поѣха на другой недѣли въ Понедѣльникъ.»

(72) Въ *Архив. Псков. Лѣт.* сказано, что число Псковитянъ, задержанныхъ въ Новѣгородѣ, простиралось также до трехъ сотъ.

(73) *Псков. Лѣт.* Малинов.: «И тогда отъятся слава Псковская, и бысть плѣненъ не иновѣрными, но своими единовѣрными людьми. И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ? О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ! почто сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ когтей, и взя отъ мене три кедра Ливанова, и красоту мою и богатство и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наша; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметаша, и отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша... И мнози тогда мужи и жены постригошася во иноческій образъ,» и проч. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: «Такъ Богъ повелѣлъ быти, занеже писано во Апокалипсисѣ, глав. 54: пять бо Царей минуло, а шестый есть, но еще не бѣ пришелъ: шестое бо Царство именуетъ въ Руси Скиѳскаго; именуетъ и седмый потомъ еще, а осмый Антихристъ. Се бо Христосъ глаголя: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ Суботу. Се убо пріиде на ны зима. Сему бо Царству расширятися и злодѣйству умножитися.»

(74) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1348.

(75) Тамъ же, Т. III, г. 1329 и слѣд.

(76) Въ *Псков. Лѣт.* Малин. и въ *Русск. Времен.* 233: «Велѣлъ К. В. у себя быти Посадникомъ Псковскимъ и Дѣтемъ Посадничьимъ, и Бояромъ.» Такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ Новѣгородѣ именовали гражданъ нарочитыхъ *Житьими людми*, а во Псковѣ *Житейскими*.

(77) Въ *Псков. Лѣт.* Малинов. и Толст.: «Посади 12 Городничихъ и Старостъ Московскихъ 12 и Псковскихъ 12; а велѣлъ имъ въ судѣ сидѣти съ Намѣстники и съ Тіуны правды стеречи, и у Намѣстниковъ и у ихъ Тіуновъ и у Дьяковъ В. К. правда и крестное цѣлованье возлетѣли на небо, а кривда въ нихъ нача ходити... а Псковичи бѣдныя не вѣдаша правды Московскія, и далъ К. В. свою грамоту уставную Псковичамъ... и начаша Пригородскіе Намѣстники пригорожаны торговати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ... а Приставы ихъ (Намѣстниковъ Псков.) начаша отъ поруки имати по десяти рублевъ и по семи и по пяти; а Псковитянъ кто молвитъ: В. Князя грамотою по чему отъ поруки имати велѣно? и они того убьютъ... И разбѣгошася (граждане) по чюжимъ городомъ, пометавъ женъ и дѣтей; а кои иноземци жили во Псковѣ, и тѣ разыдошася въ свои земли. Только одны Псковичи осташа: ано земля не расступитца, а вверхъ не взлетишь... Пригородовъ было во

Псков. земли 10 и 2 Городища: Кобылье и Вышегородище; а всѣ были жилы, а стали пусты отъ Намѣстниковъ; и на второй годъ услышалъ К. В. таковое насильство, и свелъ ихъ, и прислалъ на ихъ мѣсто К. Петра Великого-Шуйского, да К. Симеона Курбскаго, и К. Петръ прежъ бывалъ во Псковѣ, и начаша добры быти до Псковичь,» и проч.

(78). Въ *Псков. Лѣт.* Малин.: «Ходилъ К. В. подъ Смоленескъ, а со Пскова взялъ 1000 пищалниковъ и Псковскихъ земцовъ: тогда еще не сведены быша въ своихъ вотчинъ.»

(79) Стрыков. кн. XXIII, гл. 5.

(80) Дѣла Польск. Двора, No 2, стр. 97 — 110. Въ 1509 г. пріѣзжали къ намъ отъ Короля Дворянинъ Долгирдовъ, Янъ Радзивиловичь, Намѣст. Слонимскій, Войтехъ Яновичь, Намѣст. Бѣльской, и Писарь Богушъ; а отъ насъ ѣздили въ Польшу Борисъ Голохвастовъ и Печатникъ Николай Иванов. Ангеловъ, развѣдать о неудовольствіяхъ вдовствующей Королевы Елены. Сигизмундъ требовалъ, чтобы мы отпустили къ нему остальныхъ плѣнниковъ: Никол. Глѣбовича, К. Богдана Глинскаго, К. Андрея Проворовскаго, Якуба Ивашенцова, Кіевскихъ военныхъ людей и Нѣмцевъ; а Василій требовалъ жены К. Ивана Озерецкаго, матери Князей Друцкихъ, и проч. Въ 1510 г. послы Литовскіе, Войтехъ Нарбутовичь, Намѣстн. Переломскій, и Григорій Горемыка, Писарь Королевскій, пріѣхали къ Государю во Псковъ, сказывая, что Князья Друцкіе съ ихъ матерью отпущены въ Россію и находятся въ Полоцкѣ. Въ семъ же году Меньшой Путятинъ былъ посыланъ къ Сигизмунду, который жаловался, что Россіяне отняли у него волости Витебскія, Усвятскія и другія. Въ 1511 году Дворецкій В. Князя, Михайло Юрьевъ, ѣздилъ къ Королю съ разными жалобами. Ему надлежало узнать отъ Елены, какимъ образомъ Василій можетъ переписываться съ нею тайно. Король присылалъ въ Москву Воеводу Полоцкаго, Станислава, и Дворянина Богдана Долгирдова. Сигизмундъ изъявлялъ неудовольствіе на Можайскаго Воеводу, которой захватилъ нѣсколько селъ Литовскихъ и считаетъ рѣку Днѣпръ границею. В. К. далъ слово отпустить въ Литву женъ К. Боратинскаго и Сапѣги. — Въ 1512 г. Константинъ Замыцкой, возвратясь изъ Литвы, извѣстилъ Государя о неистовыхъ поступкахъ Вельможъ Королевскихъ съ Еленою.

(81) Для того ѣздили къ Королю Григорій Жорновъ и Меньшой Путятинъ въ 1512 г.

(82) Въ Генв. 1511: см. *Никон. Лѣт.* 189.

(83) Съ Царицею возвратился нашъ посолъ Морозовъ 21 Іюля. Она выѣхала въ Казань 20 Авг. съ Дворяниномъ Иваномъ Кобякомъ, возвратилась 22 Іюня 1511, а поѣхала въ Крымъ 5 Дек. К. Михайло Щенятевъ провожалъ ее до Путивля.

(84) Магметъ-Аминь прислалъ въ Ген. 1512 къ Государю Вельможу Шаусеина-Сеита для написанія шертной грамоты, которую отвезли въ Казань Окольничій Морозовъ и Дьякъ Харламовъ, а въ Февр. чрезъ слугу своего, Бузюку Бакшея, Царь молилъ Василія отправить къ нему Челяднина: см. *Никон.* 191, и *Казан. Лѣт.*

(85) Стрыков. кн. XXIII, гл. 6.

(86) Вѣсть о нападеніи Крымцевъ пришла въ Москву 8 Мая 1512. Они злодѣйствовали еще около Алексина, Воротынска, Коломны, *Волкона* (см. *Продолж. Нестора* 355).

(87) См. Розрядн. Книги.

(88) Или до Сернавы, какъ сказано въ другихъ лѣтописяхъ; см. *Продолж. Нест.* 355.

(89) Тогда былъ посыланъ въ Крымъ *Останя* Андреевъ къ Окольничему, Михаилу Васильевичу Тучкову: см. Архив. Переписную Книгу, л. 203 на об.

(90) Въ Розрядн. Книгахъ, г. 1512: «Писали къ В. Князю К. Шемякинъ, что отъ Менгли-Гирея Царя отступили дѣти его, Ахматъ» (а въ лѣтописяхъ: *Магмедъ*) «съ братьею, пять Царевичей, а хотятъ быти на В. Князя украйны,» и проч.

(91) Дѣла Польск. No 2, стр. 111.

(92) Съ сею грамотою отправили къ Борису Подъячаго Ваську Воесвяцкаго: см. Дѣла Польск. No 2, стр. 111 — 112.

(93) См. между моими Кенигсб. бумагами письмо Плеттенберга къ Магистру Прусскому 1513 г. No 719: Jnn seynem Aussʒuge sich personnlich horen lassen, das her dyweile seyne Pferth geben unnd seyne Sabell schneiden will, nicht abʒihenn, и проч.

(94) Въ Розряд. Книгахъ: «А съ нимъ братья его, К. Юрьй, да К. Дмитрей Ивановичи, да К. Ѳедоръ Борисовъ, да Петръ Царевичь, да Царевичь Шигъ-Авлеяръ (Астраханскій); а Воеводы К. Ив. Мих. Воротынской, да Петръ Иван. Житовъ. А напередъ себя послалъ къ Смоленску: въ больш. полку К. Ив. Мих. Рѣпня, да Конюшей Ив. Андр. Челяднинъ; въ передов. К. Андр. Вас. Бѣлевской, да Ѳед. Никитичь Бутурлинъ; въ правой рукѣ К. Ив. Андр. Лугвица Микулинской, да Ѳед. Клементьев. Протасьевъ; въ лѣвой К. Никита Вас. Оболенской, да Иванъ Никитичь Бутурлинъ; въ сторож. Мих. Юр. Захарьинъ, да Ив. Вас. Собакинъ. А къ Бряславлю послалъ К. Великій Ѳед. Юр. Щуку Кутузова, да Мих. Семен. Воронцова, да Анд. Никит. Бутурлина. А съ Лукъ велѣлъ итти ко Бряславлю же: въ больш. полку К. Вас. Семен. Одоевской, въ перед. К. Семенъ Ѳед. Курбской, въ правой рукѣ К. Данило Бахтеяръ, да Ив. Мисиновъ, въ лѣвой К. Петръ Елецкой, да Андр. Кутузовъ, въ сторож. Ив. Андр. Колычевъ. А изъ Новагорода велѣлъ стоять въ Холмскомъ городѣ Воеводамъ: въ больш. полку К. Василей Васил. Шуйской, въ перед. К. Борисъ Тебетъ-Улановъ, въ правой рукѣ Ив. Григор. Морозовъ, въ лѣвой Василей Григ. Морозовъ, въ сторож. К. Ив. Александ. Буйносъ-Ростовской. — Пошелъ К. В. изъ Можайска къ Смоленску, а Воеводы въ больш. полку Петръ Царевичь, да Бояринъ К. Данило Вас. Щеня, да Кн. Мих. Льв. Глинской, да Мосальскіе К. Дмитрей, да К. Семенъ Ивановичи; въ перед. К. Вас. Семен. Стародубской, да Боляр. К. Вас. Шуйской, да К. Ив. Мих. Воротынской, да Петръ Яковлев. Захарьинъ; въ правой рукѣ братъ В. Князя К. Юр. Иванов. Дмитровской, да К. Алексан. Володимир. Ростовской, да К. Петръ Лобанъ Семеновичь Ряполовской; въ лѣвой рукѣ братъ В. К. К. Дмитрей Иванов. да Григор. Ѳед. Давыдовъ, да К. Ив. Ѳед. Ушатой; въ стор. К. Ѳед. Борисов. Волоцкой, да К. Мих. Ив. Голица, да Петръ Ив. Жито, да К. Констант. Ѳед. Ушатой. А Дворовые Воеводы Дворецкой Василей Андр. Челяднинъ, да Оружейничей Андр. Мих. Салтыковъ.»

(95) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «Пріѣхалъ К. В. подъ Смоленскъ въ Рожественское говѣніе, а 1000 пищальниковъ со Пскова, а Псковичемъ тотъ рубежъ не за обычай... и велѣлъ имъ коритъ давати, и стояли 6 недѣль, и К. В. далъ Хорузѣ Сотнику съ товарищи 3 бочки пива, да 3 меду, и напившися и полѣзоша на приступъ, и иныхъ городовъ пищальники, и приметъ понесли въ полнощь... а изъ туровъ пушками биша и много побиша, занеже пьяни полѣзоша... и нойха К. В. ничтоже учинивъ.» Государь возвратился въ Москву на третьей недѣли Вел. поста.

(96) Въ *Никон. Лѣт.* 193: «и Королевы Елены въ той нужи и въ животѣ не стало, Богъ вѣсть, которыми дѣлы!» Она скончалась 24 Генв. 1513.

(97) Дѣла Польск. No 2, стр. 112, 113.

(98) Въ Розрядн. Книгахъ: «В. К. пошелъ къ Боровску, а съ нимъ братья его, К. Дмитрей, да К. Андрей, и отпустилъ ихъ на Коширу, а брату своему, К. Юрью, велѣлъ выѣхати изъ Дмитрова тогожъ дни, а стояти въ Рузѣ, а въ Вязму не ходити. Бояре съ В. К. Григор. Ѳед. Челяднинъ, Конюшей и Бояринъ Ив. Андр. Челяднинъ, Дворецкой Вас. Андр., Оружничей Никита Иван. Карповъ; да съ нимъ же стряпаютъ у доспѣха Юшка да Василей Княжь Ивановы дѣти Щетинина... Послалъ К. В. напередъ себя Воеводъ къ Смоленску изъ Дорогобужа: въ больш. полку К. Ив. Мих. Рѣпня, въ перед. Окольничей Анд. Васил. Сабуровъ, да Юрій Замятнинъ, да съ служивыми Татары Гридя Аѳанасьевъ Дровнинъ; въ правой рукѣ К. Ив. Андр. Микулинской, да К. Андр. Семен. Мезецкой, да К. Юрья Иванов. Воевода, К. Давыдъ Данила Хромой; въ лѣвой рукѣ Мих. Андр. Плещеевъ, да К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой; въ сторож. К. Петръ Семен. Романовича Ярославской, да Ѳедоръ Никит. Бутурлинъ. А съ Лукъ велѣлъ отпустить къ Полоцку Князю Вас. Вас. Шуйскому: въ больш. полку К. Михайло Вас. Горбатой, въ перед. Дмитр. Вас. Китаевъ, въ правой рукѣ К. Семенъ Ѳед. Курбской, въ лѣвой К. Петръ Ив. Елецкой, да Дмитр. Даниил. Ивановъ; въ сторож. Ив. Семен. Колычовъ, да Вас. Иван. Володимеровъ. А большимъ Воеводамъ велѣлъ К. В. итти къ Смоленску изъ Дорогобужа напередъ себя Авг. въ 11 день: въ больш. полку К. Данило Вас. Щеня, да К. Ив. Михайл. Рѣпня; въ перед. К. Мих. Льв. Глинской, да Андр. Вас. Сабуровъ, да Юр. Замятнинъ; въ правой рукѣ К. Мих. Даниил. Щенятевъ, да Ѳедоръ Никит. Бутурлинъ (а какъ придетъ К. Лобанъ-Ряполовской, и Лобану быти со К. Михайломъ въ правой рукѣ на Ѳед. мѣсто Бутурлина, а Ѳедору быти со К. Даниломъ въ больш. полку); въ лѣвой рукѣ К. Андрей Ивановичь Курака-Булгаковъ, да Мих. Андр. Плещеевъ; въ сторож. К. Борисъ Ив. Горбатой, да Григ. Ѳоминъ Ивановъ. Да съ Лукъ велѣлъ К. В. итти къ Полоцку: въ больш. полку Бояринъ К. Василей Вас. Шуйской, въ перед. К. Борисъ Тебетъ-Улановъ, въ правой рукѣ Окольничей Ив. Григор. Морозовъ, въ лѣвой Ив. Андр. Колычовъ, въ сторож. К. Ив. Александр. Буйносъ-Ростовской; а какъ придутъ къ Полоцку, и тогды быти въ больш. полку К. Василью Вас. Шуйскому да Морозову, въ перед. К. Мих. Вас. Горбатову да Димит. Вас. Китаеву, въ правой рукѣ К. Семену Ѳед. Курбскому, въ лѣвой Ив. Андр. Колычову, въ сторож. Буйносу-Ростовскому, да Ив. Семен. Пунку-Колычову. А на Москвѣ К. В. оставилъ Петра Царевича, а съ нимъ быти Бояромъ К. Василью Мих. Холмскому, К. Вас. Ромодановскому, Петру Житову, Ѳед. Мусавешкову-Сабурову. — Тогоже лѣта съ Марта были Воеводы на Тулѣ: въ больш. полку К. Александ. Волод. Ростовской, да Мих. Юр. Захарьинъ; въ перед. К. Ив. Мих. Воротынской, да К. Ив. Семенка Семенов. Ярославской, да Юр. Замятнинъ; въ правой рукѣ К. Ив. Дмитр. Пронской, да Мих. Сем. Воронцовъ, въ лѣвой К. Ѳед. Дмитр. Пронской, да К. Ив. Мих. Шаминъ; въ сторож. К. Андр. Дмитр. Курбской, да Андр. Никит. Бутурлинъ, да Вас. Андр. Коробовъ. — Того же лѣта были на Угрѣ: въ больш. полку К. Ив. Мих. Булгаковъ-Голица, въ перед. К. Ив. Ив. Телепневъ, да К. Семенъ Дмитр. Серебряной; въ правой рукѣ К. Костянт. Ѳед. Ушатой; въ стор. К. Сем. Мезецкой, въ лѣвой К. Ив. Ушатой. Изъ тѣхъ Воеводъ К. В. послалъ въ Стародубъ К. Ив. Ушатова, да К. Семена Серебрянова съ людми ко К. Василью Семенов. Стародубскому, да К. Василью Шемячичу; а на Угрѣ велѣлъ быти въ больш. полку Князю М. И. Голицѣ, да К. Ив. Вас. Нѣмому-Оболенскому; въ перед. К. Ив. Дмитр. Золотому, въ правой рукѣ Окольничему К. Кост. Ѳед. Ушатому, въ лѣвой К. Андр. Мих. Пенинскому, въ сторож. К. Семену Мезецкому; да изъ Тульскихъ Воеводъ взялъ К. В. Князя Ив. Воротынскаго, да К. Ив. Сем. Ярославскаго, да К. Андрея Курбскаго, да Андр. Никит. Бутурлина; а въ ихъ мѣсто послалъ К. Ив. Бѣлевскаго, да Щуку-Кутузова, да Петра Яков. Захарьина, да К. Ив. Шамина. — Того же лѣта въ Вязьмѣ были Воеводы въ больш. полку Бояр. К. Дан. Вас. Щеня, въ перед. Бояр. К. Рѣпня, въ правой рукѣ К. Мих. Данил. Щенятевъ, въ лѣвой К. Андрей Ивановичь Курака-Булгаковъ, въ сторож. Окольн. Андр. Вас. Сабуровъ. Въ Дорогобужѣ въ больш. полку К. Борисъ Горбатой, да Григор. Ѳоминъ Ивановъ, въ перед. К. Ив. Лугвица-Микулинской, въ лѣвой рукѣ Мих. Андр. Плещеевъ, въ сторож. Ѳед. Ник. Бутурлинъ. Іюня въ 18 день К. В. пришелъ въ Боровскъ для своего дѣла Смоленского и того дня стоялъ противъ Савы Св. на Митрополичьемъ лугу; а изъ Боровска пошелъ къ Смоленску Сент. въ 5 (въ лѣтописяхъ 11), а подъ Смоленскъ пришелъ Сент. въ 25.»

(99) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «Поѣха К. В. подъ Смоленескъ съ пушками, и туры поставиша, и что разобьютъ днемъ, а въ нощи все задѣлаютъ; и К. В. посылаше къ нимъ грамоты многіе о добрѣ и о злѣ, чтобъ задалися за него.» Далѣе говорится о приходѣ Новогородцевъ и Псковскихъ Дѣтей Боярскихъ съ К. Мих. Кислицею (Горбатымъ) 26 Окт. «И нарядъ весь отослалъ (В. К.) къ Москвѣ, а самъ послѣ пошолъ, погодя мало, а не учинивъ ничтоже»

(100) См. Дѣла Цесарск. Двора No 1, л. 163.

(101) Въ *Никон. Лѣт.* 195.: «Февр. 2 пріиде на Москву отъ Цесаря Максиміяна посолъ, именемъ Сницепномеръ, Цесар. Величествія Совѣтникъ, о любви и о братствѣ. Княжь же В. съ Максиміаномъ братство и любовь и вѣчное докончанье взялъ, да и грамоты докончальные промежъ себя написаша, и печать свою златую къ ней приложилъ, и почтивъ посла, отпустилъ Марта въ 7.» Стр. 203: «Дек. въ 1 день пріиде на Москву посолъ Дмитрей Ласкаревъ да Е. Суковъ, и грамоту Цесареву докончальную привезоша... А съ ними пришелъ Максиміяна посолъ, именемъ Яковъ Докторъ да Маврецъ.» Стр. 204: «Тоя же весны Апр. (1515) Государь отпустилъ Максиміянова посла, да съ нимъ послалъ Алексѣя Григорьевича Заболоцкаго, да Дьяка Алексѣя Малаго.» Русская союзная грамота утратилась. Государь Петръ Великій приказалъ издать Нѣмецкую съ Французскимъ и Русскимъ переводомъ, напечатаннымъ 10 Мая 1718 въ Императорской С. Петербургской типографіи. Въ Русскомъ переводѣ поставлено: «дано въ нашемъ градѣ *Гунденъ;*» а въ Нѣмецкомъ ошибкою: Brundenaw. Сія ошибка заставила нѣкоторыхъ ученыхъ людей сомнѣваться въ истинѣ договора: ибо нѣтъ города *Брунденау;* но въ подлинникѣ стоитъ ясно Gmunden, какъ я видѣлъ собственными глазами; окончательный слогъ aw, а не aw, относится къ слѣдующему: aw viertten Tag. Гмундъ есть извѣстный городъ въ Верхней Австріи, гдѣ живали Императоры. Выраженія: Wir haben genomen Liebschaft und ewige Verpundtnüß — bis zu unnser Lebent — und ist Sach das yeßt Veindt die Sach nit nach unnser Mannunnge geschicht — и другія показались странными; но должно знать, что наше древнее Министерство всегда требовало словеснаго перевода Русскихъ выраженій въ заключаемыхъ съ иноземцами договорахъ, не заботясь о чистотѣ языка, какъ-то свидѣтельствуютъ многія старинныя

Нѣмецкія грамоты въ Московскомъ и Кенигсбергскомъ Архивѣ, наполненныя *Рутенизмами*, только для насъ ясными. — Императоръ Іосифъ II, будучи въ Москвѣ, съ любопытствомъ читалъ сію харатейную Максимиліанову грамоту, и сказалъ съ усмѣшкою чиновникамъ Архивскимъ: «Господа! покажите это Французскому Королю:» ибо Версальскій Дворъ долго не хотѣлъ именовать нашихъ Государей Императорами.

(102) Дѣла Цесар. No 1, л. 189 (въ Государевомъ наказѣ Окольн. Ивану Григорьев. Морозову, Намѣст. Новогород.): *я* а опослѣ стола похотятъ у тебя пити, и ты бы ихъ унялъ и сѣлъ съ ними пити; а какъ будетъ чаша подати, и ты бы чашу подалъ вмѣстѣ и мою и Максиміянову, а помянулъ бы еси первое мое здоровье, а послѣ его; а поспѣшатъ они чашу подати своего Государя, и ты бы ихъ не унималъ, а ты бы опослѣ его мою чашу не подавалъ.»

(103) Сія харатейная договорная грамота находится въ Архивѣ между *Лифляндскими* No 3. Она писана въ Маѣ 1514. Начало такъ: «По Божьей волѣ и по Великаго Государя велѣнью» (слѣдуетъ титулъ В. К.)... «мы послове семидесяти городовъ, изъ Юрьева Иванъ Буликъ Бергоместеръ, да Арентъ фонъ Лоне Ратманъ, да Попъ Матіясъ, Лемке писарь Юрьевской, а изъ Колывани Иванъ Віянтъ Бергоместеръ, да Иванъ Ротгерсъ Ратманъ, какъ отъ Любека, такъ отъ Риги... и отъ всѣхъ семидесяти городовъ съ сее стороны поморья и съ оной стороны заморья, пріѣхаша въ Вел. Новгородъ къ В. Государя Намѣстникомъ... бити челомъ о томъ, чтобы Вел. Государь, Божіею милостію Царь» (а въ Нѣмецк. подлинникѣ стоитъ, какъ обыкновенно, Kayser) «всея Руси Бергаместровъ и Ратмановъ и всѣхъ купцовъ и купецкихъ дѣтей семидесяти городовъ пожаловалъ,» и проч. Далѣе: «Торговати бы велѣлъ всякимъ товаромъ безъ вывѣта... а которые церкви Рускіе и Концы въ Неметцкихъ городѣхъ, и тѣ очистити по старинѣ, а ихъ не обидѣти... Гостю Ноугородцкому ѣздити въ Нѣметцкую землю съ товаромъ, горою и водою путь чистъ... А купитъ Нѣмчинъ у Ноугородца воскъ, а будетъ воскъ не чистъ, и Ноугородцу тотъ воскъ обмѣнити... А будетъ продавати въ ластъ, ино съ него вѣсчего нѣтъ; а учнетъ купити и продавати въ вѣсъ, ино съ него вѣсчее имати... А дасть Нѣмчинъ серебро, а будетъ нечисто, и Нѣмчину то серебро обмѣнити; а учнетъ продавати Нѣмчинъ соль и сельдь и медъ въ ластъ, ино вѣсчего нѣтъ... а ласть имъ продавати и купити по старинѣ не скупо... А доспѣется каково лихо надъ Ноугородцкимъ купцомъ на морѣ отъ лихихъ людей семидесяти городовъ, ино тѣхъ искати семидесяти городовъ... и казнити смертью... а въ лихомъ человѣкѣ, въ разбойникѣ, купцовъ не порубати... А похочетъ Ноугородецъ товаръ класти съ Нѣмчиномъ въ лодью или въ бусу въ одномъ мѣстѣ, а доспѣетца притча на морѣ, ино дѣлитись по товару, что останетца по крестному цѣлованью; а задеретъ на морѣ Новогородцкую бусу вѣтромъ, да прибьетъ къ Нѣметцкому берегу семидесяти городовъ, также и Нѣметцкую къ Новогородцкой землѣ, и тѣ бусы обыскавъ отдавати на обѣ стороны безъ хитрости... имати отъ тѣхъ бусъ перейма отъ 10 рублевъ по рублю... А дойдетъ Ноугородецъ до казни въ семидесяти городѣхъ, ино его не казнити, а обослатись съ Намѣстники Вел. Новагорода, и Намѣстники пришлютъ въ Ригу и въ Юрьевъ и въ Колывань человѣка два или трй добрыхъ, и намъ передъ тѣми людми Ноугородцу туто и управа учинити... А взыщетъ Ноугородецъ на Нѣмчинѣ, а досудятъ до цѣлованья, ино цѣловати отвѣтчику... А въ Нѣмецк. городѣхъ судити Ноугородца какъ своего Нѣмчина, а въ Новѣгородѣ Нѣмчина какъ своего Ноугородца... а порубу не быти на обѣ стороны... ни въ клѣтку, ни въ погребъ безъ суда не сажати, ни ковати.» Далѣе сказано, что послы наши и другихъ Государей къ намъ ѣздятъ свободно чрезъ Нѣмецкіе города, а Ганзейскіе послы черезъ Россію. За Намѣстниковъ цѣловали крестъ Бояре Новогородскіе, Григорій Петровичь Валуевъ, Иванъ Ивановичь Пушкинъ, Купецкій Староста Василій Никитичь Торокановъ, а вмѣсто другаго Старосты Купецкаго Новогородскій купецъ Ѳедоръ Владиміровъ Волковъ. Къ грамотѣ было привѣшено 5 печатей: ихъ уже нѣтъ; остались только снурки.

(104) См. Арнта Liefl. Chr. стр. 158.

(105) Михайло Ивановъ сынъ Алексѣевъ былъ отправленъ изъ Москвы 15 Дек. 1512, и возвратился въ Маѣ 1514 (см. *Дѣла Турец.* No 1, *л.* 1 — 17, и *Никон. Лѣт.* 195, гдѣ Турецкій посолъ названъ Кемалби). Камалъ писалъ съ дороги къ Трахавіоту. «Господине брате Георгіе! отъ мене Камала, нѣкогда зовомый Ѳеодоритъ: послалъ есми къ твоему господству племянника своего Мануила,» и проч. Алексѣевъ въ донесеніяхъ Государю жаловался на К. Василія Шемякина, что онъ въ городахъ своихъ худо кормилъ его и пословъ Крымскихъ, Девлетъ-Кельдея и Кудояра, вмѣстѣ съ нимъ ѣхавшихъ изъ Москвы.

(106) «И Маія 28 велѣлъ К. В. Камалу быти на Дворѣ и у себя... а передъ Малою палатою стояли Княжата и Дѣти Боярскіе въ терликѣхъ въ саженыхъ, а иные въ кожусѣхъ и въ шубахъ... и К. Вел. велѣлъ ему сѣсти близко себя на скамьѣ.» Посолъ не долго сидѣлъ за столомъ, и вышелъ вонъ по болѣзни.

(107) «И Камалъ говорилъ: то дѣло великое: намъ то какъ умѣть сказать: кто нашему Государю другъ, и кто недругъ?

(108) См. Герберштейн. R. M. Comment. стр. 9.

(109) Стрыйков. кн. XXIII, гл. 7.

(110) См. Розряд. Книги. 4 Мая В. К. послалъ въ Тулу Воеводъ К. Александ. Ростовскаго, Мих. Юрьевича Захарьина, К. Ив. Мих. Воротынскаго, Григ. Ѳомина Иванова, К. Андр. Дмитр. Курбскаго, Андр. Бутурлина, К. Семенку Ярославскаго, Юрья Замятнина, К. Ив. Андр. Микулинскаго и К. Ив. Шамина. Подъ Смоленскимъ главными Воеводами были К. Даніилъ Щеня, Конюшій Челядинъ; а въ перед. полку К. Мих. Глинскій съ К. Мих. Горбатымъ; въ правой рукѣ К. Мих. Дм. Щенятевъ, К. Никита Вас. Оболенскій и К. Ив. Ѳед. Ушатой; въ лѣвой К. Андрей Ивановичь Курака-Булгаковъ, К. Ив. Ив. Щетинъ-Оболенскій; въ сторож. К. Бор. Ив. Горбатой и Дмит. Вас. Китаевъ. Новогородскіе Намѣстники, К. Вас. Шуйскій и Морозовъ, съ Конюшимъ Замятнею и съ Конст. Беззубцевымъ стояли въ Лукахъ; тутъ же и К. Ив. Ив. Тетка-Ростовскій, Вас. Ив. Овца-Владиміровъ, Ив. Сем. Пупокъ-Колычовъ. Іюня 7 Вас. Серг. Левашевъ былъ отправленъ къ нимъ съ повелѣніемъ итти къ Оршѣ. Тульскіе полки также двинулись къ Смоленску. *Дворовыми* Дѣтьми Боярскими предводительствовали К. Вас. Андр. Ногтевъ и К. Алекс. Ѳед. Сицкій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именованы еще К. Ив. Дм. Золотой-Щепинъ, К. Ив. Вас. Нѣмой-Телепневъ, К. Сем. Дм. Серебряной-Щепинъ. На Угрѣ оставались Бояринъ Сем. Ив. Воронцовъ, Окольничіе Ив. Вас. Хабаръ и Петръ Яков. Захарьинъ.

(111) См. *Арханг. Лѣт.* 181 — 183. — *Никон.*, *Архиг.* и проч. Сказано, что Смоленскъ сдался Государю 31 Іюля.

(112) См. жалованную грамоту Смоленскимъ жи-

тенныхъ въ *Собраніи Государств. Грамотъ* I, 411. Василій уже называется въ ней *Смоленскимъ;* она писана или 30 или 31 Іюля: число стерлось: видна только одна черта буквы *Л*. Начало: «*Даемъ вѣдати*, что намъ билъ челомъ нашъ богомолецъ, нашіе Смол. отчины Владыка Варсонофей и Урядники, Окольничіе, и Князи, и Бояре, и мѣщане, и черные люди, о томъ, что намъ ихъ пожаловати, держати въ ихъ старинѣ, какъ ихъ держалъ К. В. Витовтъ и иные прежніе Государеве ихъ, по той утвержоной грамотѣ, какову имъ далъ Александръ Король, и въ Домъ Пречистые и въ скарбъ, и во всѣ монастыри и въ церков. земли и въ воды не вступатися; а которые отчины за ними, и намъ въ тѣ не вступатися, и розвода имъ самимъ не чинити... Въ ихъ выслугу не вступатися, ни у жонъ, ни у дѣтей... ни по неволѣ жонъ замужъ не отдавати; а кого въ животѣ не станетъ, ино намъ животъ свой дастъ послѣ себя, и намъ у нихъ въ тѣ ихъ животы не вступатися... А который судъ былъ у нихъ при Витовтѣ, и суду у нихъ быти о всемъ по тому. А кто приведетъ тата съ поличнымъ къ нашимъ Намѣстникомъ, и поличное отдать истцу... Намѣстникомъ и Околничимъ, и Княземъ, и Бояромъ и мѣщаномъ, и черным людемъ, и ихъ людемъ, и всѣмъ Урядникомъ Смоленскіе земли корчемъ не держати; а Недѣльщикомъ Намѣстничимъ имати хоженое съ рубля съ Рязского по два гроша. Также есми пожаловалъ Смолянъ, съ котораго товару имѣли вѣсчего напередъ сего, съ воску и съ меду и съ соли и съ иного товару, тѣмъ есми ихъ пожаловалъ, мѣщаномъ и черным людемъ то вѣсчее имати на себя. А что давали прежнимъ Государемъ со всего города съ году на годъ по сту рублевъ, и язъ ихъ тѣмъ пожаловалъ: того имъ въ нашу казну не давати. А Бояромъ мѣщанъ и черныхъ людей въ закладни не пріимати; а мѣщаномъ и чер. людемъ недъ наши гонци подводъ не давати, а держати подводы нашимъ ямщикомъ, и наемъ давати отъ подводъ по томужь, какъ и въ нашихъ земляхъ. Также есми Бояръ Смоленскихъ пожаловалъ: которые волости Смоленскіе, тѣ волости держати Бояромъ Смоленскимъ, какъ котораго пожалую... Наши Намѣстники и Окольничіе, кудѣ имъ лучится ѣхати или послати, и имъ у мѣщанъ и у черн. людей подводъ не имати, а ѣзду давати имъ довотчину на милю по грошу, а на праву вдвое. А черезъ поруку Намѣсничимъ людемъ людей въ желѣза не ковати и въ тюрму не метати. А Сокольничей нашъ и Намѣстники емлютъ съ ясниковъ, которой на посадѣ убьетъ, съ яловицы по полугрошу. А отъ ябедниковъ Намѣстнику и Окольничимъ Бояръ и мѣщанъ беречи; а котораго ябедника утяжутъ, и они его казнятъ по его винѣ. А конюшіе наши Смоленскіе съ конскаго стада и съ животинного за лѣто емлютъ по 12 грошей. Также есми пожаловалъ мѣщанъ и черн. людей, велѣлъ есми имъ лѣсъ сѣчи въ своихъ лѣсѣхъ и въ Боярскихъ около города безъ явки. А мировая куница и свадебная имати по 6 грошей; а со вдовы имати по томужь, которая пойдетъ за-мужъ. А люди Околничихъ и Князей и Бояръ Смоленскихъ которые живутъ на посадѣ и въ городѣ, а торгуютъ, и съ тѣхъ емлютъ съ воротъ сторожевщину по силамъ, по старинѣ. А хто человѣка держитъ въ денгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а Окольничіе въ то у него не вступаютца.» Привѣшена Великокняж. печать съ двуглавымъ орломъ; на оборотѣ грамоты подписано: «Вел. Государь Василей, Божіею милостію Государь всеа Русіи и Вел. Князь.»

(113) См. *Арханг. Лѣт.* 183: «и которые *похотѣли* на Москвѣ жити, и тѣмъ людемъ денегъ на подъемъ давалъ своей казны.»

(114) Стриков. кн. XXIII, гл. 7, и Гербершт. R. M. Comment. 79.

(115) *Арханг. Лѣт.* 1.83

(116) Гербершт. R. M. Comment. 79.

(117) «Авг. 7 послалъ К. В. Боярина Воеводу, К. Мих. *Даниил.* Щенятева, да К. Ив. Мих. Воротынскаго, да Князей и Бояръ Смоленскихъ ко Мстиславлю... Тогоже мѣсяца въ 13 день пріѣхаша изъ Кричева и изъ Дубровны мѣщане и черные люди, чтобы Государь пожаловалъ, велѣлъ имъ себѣ служити.»

(118) *Арханг. Лѣт.* 184. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь поѣхалъ въ Москву.

(119) Такъ въ *Арханг. Лѣт.* стр. 185. «Князь же Михайло Голица скоро вѣсть посла Воеводѣ Ив. Андр. Челяднину, а самъ всѣдъ борзо на конь со всѣмъ Дворомъ своимъ... и тое ночи гнавъ... и бысть въ четвертую стражу нощи, оже М. Глинскій ѣдетъ одинъ напередъ своихъ Дворянъ за версту, и поима его К. М. Голица а Дѣти Боярскіе переимали Дворянъ Глинскаго; а на всходѣ солнечномъ приспѣ Иванъ Андреевичь.» Герберштейнъ разсказываетъ, что Глинскій, не вѣря Королю, требовалъ ручательства его двухъ любимцевъ, Нѣмцевъ Георгія Писбека и Ганса Рехенберга, которые и присягнули ему въ искренности Сигизмундовой; что слуга Глинскаго съ Королевскимъ отвѣтомъ попался въ руки нашимъ Воеводамъ; что Сигизмундъ въ тоже время послалъ къ Глинскому Дворянина Трепко, также захваченнаго и пытаннаго Россіянами, но не открывшаго имъ своей тайны; а Стриковскій прибавляетъ, что Трепко назвался посломъ Римскимъ, и что Василій приказалъ наконецъ съ честію отпустить его. Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «и человѣка его (Глинскаго) изымаша съ перевѣтными грамотами къ Королю.» — Далѣе пишетъ Герберштейнъ, что Глинскій отвѣтствовалъ Василію на его укоризны: «Если бы ты исполнилъ данное мнѣ обѣщаніе (въ разсужденіи Смоленска), то я до гроба служилъ бы тебѣ вѣрно. Не боюсь казни, и готовъ умереть, чтобы не видать тирана.» Въ Вязьмѣ привели его къ Московскому Воеводѣ, который, бросивъ передъ нимъ тяжкія цѣпи, сказалъ: «Государь нашъ любилъ тебя, а ты измѣнилъ ему: и такъ пріими сіи оковы.» Михаилъ, видя вокругъ себя множество людей, произнесъ будто бы длинную рѣчь, доказывая вѣроломство В. К. и свою невинность. «Обманутый имъ (говорилъ онъ), я хотѣлъ только удалиться отъ него, мирно и безъ всякаго предательства,» и проч.

(120) Гербершт. R. M. Comment. стр. 9. Тоже говоритъ и самъ Король Сигизмундъ въ письмѣ къ Магистру Ливонскому (см. между моими Кенигсбер. бумагами No 733).

(121) См. *Арханг. Лѣт.* 186, гдѣ однакожь несправедливо названа рѣка *Березиною:* сраженіе было на *Днѣпрѣ* по всѣмъ другимъ лѣтописямъ, Розряд. Книгамъ и по сказанію Герберштейна. Одинъ Стриковскій пишетъ, что Константинъ 27 Авг. имѣлъ на *Березинѣ*, Бобрѣ и Дровѣ счастливыя сшибки съ Россіянами, которые послѣ отступили за Днѣпръ.

(122) Гербершт. R. M. Comment. 9.

(123) *Арханг. Лѣт.* 186: «Нача съ Литвою первое битися К. Мих. Голица своимъ полкомъ, а Ив. Андреев. въ зависти не поможе К. Михайлу, и не бися съ Литвою въ ту пору; и бившеся много, и раступившеся. И въ другіе Литва пришла на Ив. Андр., и начатъ Ив. Андр. битися, а К. Мих. не поможе; и бившеся много, и раступившеся, а силы паде на обоихъ сступѣхъ много. И въ третіе наступиша Литва на К. Мих. Голицу, и бися К. Михайло много, и Иванъ Андр. въ ту

пору К. Михайла выдалъ, а самъ побѣже... а за Ив. Андр. погнаша, да и того поимавше,» и проч. Въ *Никон. Лѣт.*: «В. К. пойде изъ Смол. на Москву, а къ Воеводамъ, ко К. Мих. Булгакову и инымъ послалъ, велѣлъ имъ ити за собою къ Москвѣ. Воеводы же постались, ожидая тѣхъ людей, которые были отъ нихъ посланы на Друцкіе поля и къ Борисову и къ Менску; и въ тѣ поры, по того измѣнника К. М. Глинского ссылкѣ, Королевы Воеводы со многими людми *безвѣстно* нападоша на Воеводъ В. К.,» и проч. Въ *Руск. Временникѣ*: «а мѣсто пришло тѣсно, и побиша В. К. людей изъ лѣсовъ, и убиша изъ пушки Воеводу въ перед. полку, К. Ив. Ив. Темку-Ростовскаго.» Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин.: «Бысть побоище великое подъ Оршею и возопиша жены Оршанки на трубы Московскія, и слышаша быти стуку и грому велику межу Москвичами и Литвою, и вдаришася Бояре и Князи Рускія съ дивными удальцы Рускими на сильную рать Литовскую, и треснули копія, и гремятъ мечи булатныя о шеломы Литовскія на полѣ Оршанскомъ.» Это напоминаетъ *Слово о полку Игоревѣ*.

(124) См. Герберштейн. R. M. Comment. стр. 9. По его извѣстію, не весьма удовлетворительному, Литовцы вытянули свои ряды на большомъ пространствѣ. Главная наша сила была въ серединѣ, а два крыла подались впередъ, чтобы окружить непріятеля. Въ 4000 шагахъ отъ города Орши вступили въ бой: напали Россіяне, съ ужаснымъ воплемъ: Литовцы отразили ихъ; но первые съ новыми полками напали вторично и смяли Литовцевъ. Нѣсколько разъ тѣ и другіе бѣжали и гнали; наконецъ сошлись главныя рати. Тутъ Литовцы хитрымъ отступленіемъ навели Россіянъ на пушки, зашли имъ въ тылъ, разбили ихъ сторожевой полкъ, и дружнымъ общимъ нападеніемъ одержали побѣду.» Стриковскій воспѣлъ ее въ стихахъ, сказывая, что Константинъ, велѣвъ готовить суда и дѣлать мостъ на Днѣпрѣ для пѣхоты, переправилъ 16,000 конницы въ бродъ; что съ нимъ соединился Польскій Воевода Свѣрчовскій, и проч. — У меня есть краткій Кіев. современный лѣтописецъ, который удивительнымъ образомъ славитъ Острожскаго за сію побѣду, сравнивая его съ Александромъ Македонскимъ, Поромъ Индѣйскимъ, со всѣми Героями свѣтской и священной Исторіи; радуется, что птицы клюютъ и звѣри терзаютъ тѣла Москвитянъ, и говоритъ о Великомъ Князѣ, что онъ клятвопреступникъ, имѣющій *ненасытную утробу лихоманія*, и проч.

(125) Въ письмѣ Короля къ Магистру Ливонскому: Triginta milia sunt cesæ, octo summi et precipui eorum Voyewode et consiliarii, triginta septem Duces, Barones et Officiales cum aliis super mille quingentis Nobilibus capti. Стриковскій полагаетъ число убитыхъ Россіянъ до 40,000, кромѣ утопшихъ, именуя знатныхъ плѣнниковъ: Челяднина, К. Мих. Голицу, К. Дмит. Булгакова (Михаилова брата), К. Ив. Дм. Пронскаго, Дм. Вас. Китаева, Дан. Андр. Плещеева, Ив. и Владим. Сем. Колычовыхъ, К. Бориса и сына его К. Петра Ромодановскихъ, К. Ив. Сем. Стародубскаго, К. Петра и племянника его К. Сем. Ив. Путятиныхъ, Бориса Ив. Плещеева, Ив. Вас. Калешова, Фил. Ив. Киселева, Юр. Дмит. *Лычкова*, Андр. Фил. Нащокина, Ив. Андр. Яропина, Матв. Ив. Внука, Тимоѳ. Дм. Губарева, К. Юр. Ив. Дива, Ѳед. Ив. Новосильцева, Гр. Борис. Безумнаго, и другихъ.

(126) Константинъ обѣщался построить 2 церкви, и велѣлъ сперва пѣть молебенъ на Латинскомъ, а послѣ на Русскомъ или Славянскомъ языкѣ (см. Энгеля Gesch. der Ukraine, стр. 52).

(127) Герберштейн. пишетъ, что онъ, будучи въ Вильнѣ, съ Королевскаго дозволенія ходилъ къ Челяднину и къ двумъ, весьма старымъ Воеводамъ нашимъ, окованнымъ цѣпями: утѣшалъ ихъ и далъ имъ въ заемъ нѣсколько золотыхъ гульденовъ (R. M. Comment. 10).

(128) Стриков. (кн. XXIV, гл. 2), пишетъ, что Сигизмундъ послалъ къ Папѣ 14 Дворянъ Московскихъ, но Императоръ Максимиліанъ велѣлъ отнять ихъ у посла, и чрезъ Любекъ отправилъ въ Россію.

(129) Король пишетъ къ Магистру Ливонскому: Iam arcem Dembrowno de manibus eorundem hostium eripuimus, speramusque fore quod brevi et Smolensko et reliquas arces nostras, dudum amissas, recuperabimus. Далѣе говоритъ о бѣгствѣ В. К. въ Москву, и проч.

(130) Ваську Кодыкина.

(131) *Арханг. Лѣт.* 187.

(132) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* Малин. сказано, что Епископа Варсонофія и сначала подозрѣвали въ ненависти къ В. К., который для того, будучи въ Смоленскѣ, не поѣхалъ къ нему обѣдать, жилъ за городомъ и ѣздилъ только всякой день въ Соборную церковь; что Государь, получивъ извѣстіе о несчастной битвѣ, спѣшилъ удалиться отъ Смоленска, а Варсонофія сослалъ на *Кубено озеро, на Камено въ монастырь.* — На мѣсто Варсонофія поставили въ Москвѣ Чудовскаго Архимандр. Іосифа, 15 Февр. 1515. Онъ поѣхалъ въ Смоленскъ на четвертой недѣлѣ поста, въ Мартѣ.

(133) См. Т. VI, въ описаніи 1504 года. Неизвѣстно, когда ушелъ Дашковичь въ Литву.

(134) См. Энгеля Gesch. der Ukraine, стр. 49 — 50.

(135) См. Дѣла Турецк. No 1, л. 26 — 27.

(136) Василій Андреевъ Коробовъ былъ отправленъ 15 Марта 1515 (см. Дѣла Турецк. No 1, л. 28 — 65). — Ему дали и грамоты образцовыя для заключенія союза съ Селимомъ. Въ тоже время Василій Копылъ и Ив. Варавинъ поѣхали въ Греческіе монастыри съ милостынею. — Коробовъ возвратился въ Москву 19 Февр. 1516) см. тамъ же, л. 87). Султанъ писалъ къ В. К. о купеческихъ дѣлахъ: «А торговымъ людемъ нашимъ и вашимъ съ торгомъ и безъ торгу слободно ходити, и ходятъ безъ всякихъ зацѣпокъ, въ береженьи и въ обороньи, и да торгуютъ какъ хотятъ... Которому человѣку смерть ся лучитъ, остатокъ его взяти, что ся остало, какъ было по старому закону при славномъ родителѣ нашемъ... все переписати и запечатати сполна; все лицемъ на торгъ посылати.» Писано Авг. 30, 1516. — Въ сихъ переговорахъ упоминается о Козакахъ Азовскихъ: В. К. требовалъ, чтобы Салтанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украйну и хватать людей, которые посылаются оттуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ.

(137) Менгли-Гирей умеръ въ Вел. Субботу 1515 (см. Дѣла Турецк. л. 70 на об.) и погребенъ въ Свѣтлое Воскресеніе.

(138) См. Дѣла Крым. No 4, л. 20 и слѣд. Посолъ, Янчюра Дуванъ, привезъ въ Москву (31 Авг. 1515) и Менгли-Гирееву грамоту, писанную симъ Ханомъ передъ его смертію къ В. К., такого же содержанія, какъ и Магметова. — Злоба покойнаго Хана на Россію (какъ писалъ одинъ изъ нашихъ доброжелателей, К. Аппакъ) произошла отъ того, что В. К. прислалъ къ его старшему сыну болѣе даровъ, нежели къ самому Менгли-Гирею.

(139) В. К., призвавъ къ себѣ Летифа, сказалъ ему: «Мы тебя съ собою въ дружбѣ и братствѣ учинили... и то вѣдаешь, котораго есмя для дѣла не учали съ тобою быти въ дружбѣ и въ братствѣ; а опослѣ того Менгли-Гирей Царь съ нами не учалъ быти въ дружбѣ, и то тебѣ вѣдомо, что

Магметъ-Гирей приходилъ на наши Украйны, и ты все вѣдаешь, котораго еси для дѣла у насъ такъ былъ» (см. Дѣла Крым. No 4, л. 59).

(140) Ив. Григорьев. Мамоновъ выѣхалъ въ Тавриду 15 Ноября 1515, и повезъ Хану краснаго кречета, соболью шубу, чару, ковшъ и черпало серебряныя.

(141) Нашъ посолъ Коробовъ ѣхалъ тогда отъ Султана съ его сановникомъ черезъ Тавриду. Магметъ-Гирей сказалъ нашему доброжелателю, К. Кудояру: «Се таковъ твой К. В.! ссылался съ Турскимъ: ино Камалъ (Селимовъ посолъ) здѣсь былъ да бредилъ, да и у В. К. бредилъ же, будто Турской говорилъ: *Магметъ-Кирей вся Орда въ моей волю*. И К. В. по знатью послушалъ того, да опроче меня Камалу и своему послу по своей земли на Донъ дорогу доспѣлъ. А была бы В. Князя правда, пригоже было ему, со мною обослався, да отпустить было ему тѣхъ пословъ на мою землю.» (Дѣла Крым. No 4, л. 333 на об.).

(142) Мамоновъ писалъ къ Государю, что съ него въ Ханскомъ дворцѣ Ясаулы требовали *посошной* дани за входъ и силою взяли дары для Царевича Алпъ-Гирея, который находился въ Литвѣ и въ угожденіе Сигизмунду посылалъ своихъ Татаръ на Смоленскія мѣста.

(143) Кудояръ сказалъ Мамонову: «Король прислалъ ко Царю на два года поминки, 500 поставовъ сукна, да 30,000 золотыхъ, и Царь все золотые себѣ затаилъ.» (Дѣла Крым. No 4, л. 332, на обор.).

(144) Сей Василій Ивановъ Шадринъ былъ захваченъ Крымцами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ на Россію и послѣ освобожденъ. В. К. отправилъ къ нему въ помощники Дворянина Илью Челищева.

(145) «Видишь самъ, каковъ мой братъ Царь! Коли былъ отецъ нашъ Царь, ино онъ одинъ былъ Царь, а мы дѣти его слушали, а Князи и всѣ люди его же слушали; а нынѣча братъ нашъ Царь, а сынъ у него Царь же, а Князи у него Цари же» (Дѣла Крым. No 4, л. 330 на обор.).

(146) «К. В., братъ мой! гораздо выслушавъ, подумай. Сего году рать свою отъ всѣхъ сторонъ пооставя: пошли свою рать, чтобы взяти Кіевъ. Съ сю сторону язъ пришедъ, имъ подокучаю; а съ другіе стороны твоя рать приди; а сее бы зимы Кіевъ взявъ ты, да мнѣ, брату своему, далъ: ино бы въ немъ язъ сидѣлъ, а послѣ того Вильну и Троки, Королевской столъ, язъ взявъ, да тебѣ дамъ» (см. тамъ же, л. 372 на обор.).

(147) Калга Ахматъ-Гирей писалъ къ Государю въ Нояб. 1516: «Брата моего сынъ (Алпъ-Гирей), да и мой сынъ Геммеmenъ-Гирей на недруга твоего, на Литовской Юртъ, а съ ними 40,000 варядные рати воевати ходили, и, слава Богу! по здорову и обогатѣвъ пришли» (см. тамъ же, л. 370 на об.).

(148) См. *Казан. Лѣт.* гл. XV.

(149) См. *Никон.* 205 и *Архив. Лѣт.* л. 220. Послами изъ Казани (въ Іюнѣ 1515) были Усеинъ-Сеитъ (духовный сановникъ), Земской Князь Шаисупъ и Бакшей-Бузака. Съ Мих. Вас. Тучковымъ ѣздили въ Казань Оружничій Никита Ив. Карповъ и Дьякъ Ив. Телешевъ, съ коими вторично пріѣхалъ въ Москву Шаусеинъ-Сеитъ: тогда Василій далъ Летифу городъ Каширу.

(150) Въ 1516 году, въ бытность В. Князя въ Можайскѣ, пріѣхалъ посолъ отъ Хана, Абдылъ Авельшихъ Зода, который не былъ званъ ни къ рукѣ, ни къ столу Государеву, для того, что въ Тавридѣ свирѣпствовала язва. Магметъ-Гирей, хвалился нападеніемъ на Литву, писалъ, что его *Ширинскіе* или первостепенные Князья не хотятъ присягнуть въ дружбѣ къ Россіи, видя Шигъ-Алея Владѣтелемъ городка Мещерскаго; требовалъ также, чтобы Василій превзошелъ Сигизмунда въ щедрости даровъ. — Гонецъ Великокняжескій, Байкула Олферовъ, въ Іюнѣ 1517 г. былъ посланъ къ Хану съ извѣстіемъ, что Россіяне готовы итти на Астрахань.

(151) Въ *Архив. Лѣт.* 222 (г. 1517): «Король Польскій посылалъ въ Крымъ Пана Олбрехта Мартынова съ великою казною, къ Менгли-Гиреевымъ дѣтямъ, а велѣлъ ихъ наводити на Вел. Государя Василья Украйны... И того же лѣта Авг. приходиша Крым. Татарове Туказанъ Мурза, Бехтеревъ сынъ Шириновъ, да Уденъ Мурза Мангитъ, да Алповъ Царевичевъ шуринъ... и начаша воевати около Тулы и Безпуты... И Воеводы посылаша Ивашку Тутыхина да *Волконскихъ* Князей со многими люди... Тогоже мѣсяца (Ноября) прислалъ К. Василей Ивановъ. Шемячичь своего человѣка Мих. Япова съ тѣмъ, что приходили Татарове,» и проч.

(152) Въ *Никон. Лѣт.* 195: «Апрѣля въ 9 К. В. отпустилъ Датскаго посла Давыда, да съ нимъ послалъ Ивана Микулина, да Дьяка Василья Бѣлаго; того же лѣта Авг. въ 14 и пріидоша на Москву, а съ нимъ послалъ Короля Кристерна, тотъ же Давыдъ.» Сей Давидъ (родомъ изъ Шотландіи по сказанію Герберштейна) называется въ договорѣ *Герольтомъ*, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ *Герладомъ*. См. Маллет. Hist. de Dannemarc, кн. VI, г. 1513. Максимиліанъ и Людовикъ XII предлагали Королю Іоанну послать знатнѣйшихъ Духовныхъ сановниковъ въ Пизу на Соборъ; Іоаннъ же хотѣлъ, чтобы сей Соборъ былъ въ Германіи; въ такомъ случаѣ надѣялся, что и мы согласимся въ ономъ участвовать, а можетъ быть и пристанемъ къ Римской Церкви.

(153) Сей договоръ хранится въ Копенгагенскомъ Архивѣ и напечатанъ на Нѣмецкомъ языкѣ въ Бюшинговомъ Историч. Магазинѣ, Ч. III, стр. 178. О взаимной помощи сказано такъ: Sind wir übereinkommen, nach Inhalt dieses Briefs, wo das nöthig ist, unsern Bruder, König Christian, unsre Hülfe und Beystand zu leisten, wo wir können, das Ihr uns auch wiederum, da es nöthig, eure Hülfe und Beystand leisten sollet, so viel als möglich. Und in eurer Widerwärtigkeit gegen der Schweden Statthalter, Herr Schwantsohn, Stein Sture, den Statthalter zu Wyburg und gantzen Schweden-Land wollen wir zusammen kommen mit unsern Bruder für einen Mann, und wollen das Schweden-Land unter uns erobern und unterbringen... Im Fall, daß der König von Pohlen Sigismund dir, unserm Bruder, widerstehen würde, so will ich (Король Датскій) dagegen meine Hauptleute auf Sigismund ohne Arglist schicken. Упоминается о Максимиліанѣ какъ о союзникѣ Василіевомъ противъ Сигизмунда. Писано въ Москвѣ 2 Авг. 1517.

Въ нашемъ Архивѣ сохранились только выписка изъ сего договора и привилегія данныя Христіановымъ подданнымъ въ Россіи: сообщаемъ оныя здѣсь:

1. «А которые наши земли сошлися рубежемъ съ вашими землями, имъ съ обѣихъ сторонъ быть по прежнему, чтобы въ землях и въ водахъ, гдѣ рыбныя ловли и всякія угодья есть въ нашихъ землихъ, также и въ землях и въ водахъ и гдѣ рыбная ловля обрѣтается и всякія угодья, тебѣ и землямъ твоимъ отъ насъ и отъ людей нашихъ никакого преступленія не было; также въ тѣхъ землях и въ водахъ, гдѣ рыбная ловля и всякія угодья тяглыя, въ вашихъ землях, намъ и людямъ нашимъ отъ васъ и отъ вашихъ людей противъ того никакова наѣзда не будетъ.

«Такожъ иноземцамъ, и торговымъ людямъ, и всякому, и всѣмъ ремесленнымъ людямъ вольно

будетъ ѣздить въ наши земли и по водамъ, и торговати и всякой промыслъ чинити по ихъ волѣ съ обѣихъ сторонъ безъ всякихъ убытковъ, всякому на своихъ проторехъ, какъ въ иныхъ государствахъ повелось, такожь имъ въ оберегательствѣ быти, и управа съ обѣихъ сторонъ будетъ безо всякія хитрости.» Писано 2 Авг. 1517.

2. «Мы, Великій Князь Василій, Божіею милостію Царь и Обладатель всеа Русеіи и Великій Князь, по прошенію брата нашего Крестьяна, Короля Дацкого, пожаловали его земли Датцкіе торговыхъ людей и дали имъ мѣсто въ нашей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ у Волквы рѣки противъ Любеницъ длиною шестдесать саженъ, а поперешнину тридцать саженъ, а въ Иванѣгородѣ такожъ указалъ имъ мѣсто дать въ деревнѣ Увагѣ избу подъ горою противъ Стрильской улицы къ воротамъ противъ города, длинику тритцать саженъ, поперешнину дватцать саженъ, а Кирку на томъ дворѣ пожаловали строить велѣли и держать имъ попа или старца въ той Киркѣ, а въ Иванѣгородѣ строить имъ дворъ и Кирку, такожъ заборъ около деревянной, и даемъ имъ повольность въ нашемъ государствѣ торговать всякими товары; а въ которомъ городѣ въ государствѣ нашемъ у торговыхъ людей Датцкихъ съ нашими людьми ссоры и дѣла будутъ, и имъ въ тѣхъ же городахъ управа учинена быти имѣетъ во всякихъ дѣлахъ противъ сей грамоты и при крестномъ цѣлованьи. — А буде Датчане въ нашемъ государствѣ учнутъ бити челомъ на нашихъ людей, что до крестнаго цѣлованія дойдетъ, и отвѣтчику крестъ поцѣловать. А будутъ наши на Датчанъ въ нашемъ государствѣ о управѣ бити челомъ, и буде до крестнаго цѣлованія дойдетъ, и Датчанину отвѣтчику такожъ присягать, а судиться имъ въ нашемъ государствѣ въ Великомъ Новѣгородѣ и въ Иванѣгородѣ Датчаномъ, какъ нашимъ Новогородцамъ; а во всѣхъ дѣлахъ управу дать истцу и отвѣтчику по нашему уложенью, а въ томъ имъ никакихъ убытковъ и налогъ не доставить на обѣ стороны; также на обоихъ сторонахъ никакихъ поединковъ *не полить;* а буде погода Датскимъ кораблямъ на морѣ какую досаду учинитъ, и прибьетъ ихъ нашего государства къ берегу, и корабль и достальные товары, которые на немъ, отдать назадъ безо всякой хитрости противъ сей грамоты, и по крестному цѣлованью взять изъ того корабля отъ двухъ рублей по рублю; а сколько тѣхъ товаровъ найдется, столько съ нихъ противъ того и имать съ того корабля; а гостемъ Датцкимъ въ наше Государство пріѣхать и отъѣхать вольно будетъ со всякими товарами по ихъ волѣ безъ помѣшки, и торговать имъ всякими товарами безъ разбору.» Писано въ Іюлѣ 1517.

(154) Вотъ подтвердительный мирный договоръ съ Швеціею, находящійся въ Московскомъ Архивѣ: «Мы послы Генстенъ-Стуровы, Правителя Свейскіе земли, Николай Ешкилевъ, да Индрикъ Стеневъ, да Арвидусъ Канонйкъ Абской, Бартоломей Капланъ, били есма челомъ Вел. Государя Василья, Божіею милостію Царя и Государя всеа Русіи, и В. Князя Боярину и Намѣстнику В. Новагорода, К. Василью Васильевичу (Шуйскому) и Окольничему и Дворецкому Ивану Андреевичю отъ Генстенъ-Стура, Прав. Свѣйск. земли, и отъ Арцибискупа Псаленского (Упсальскаго) и отъ Бископовъ и отъ всее земли Свейскіе, что В. Госуд. Василей (и проч.) Шванта (Сванта-Стура) и всю землю Свейскую по ихъ челобитью пожаловалъ, велѣлъ своимъ Намѣстникомъ В. Новагорода взяти съ ними перемирье на 60 лѣтъ отъ прошедшаго лѣта отъ Благовѣщеньева дни лѣтъ 7018 (1510)... Да и грамоты перемирные написаны... И нынѣ Шванта не стало, а на Швантово мѣсто учиненъ Генстенъ-Стуръ; и В. Госуд. Царя Боярь и Намѣстника В. Новагор. тотъ миръ держали крѣпко... И добиша челомъ мы послы... К. Василью Васильев. и Окольн. и Двор. Ивану Андреев., и приговорили съ ними... тотъ миръ держати крѣпко ... на тѣжь лѣта... А что былъ учиненъ срокъ съѣзду быти на Соболинѣ, на Оксѣ рѣкѣ, послѣ взятья миру на четвертомъ году на Ильинъ день, лѣта 7021, и мы послы... приговорили о томъ, чтобы тотъ срокъ отсрочити, съѣзду быти на цтое лѣто ... на Соболинѣ же послѣ сего приговора на шестомъ году, л. 7026, да землямъ и водамъ рубежи учинити.»... Внизу: «Язъ Барголомей Капланъ сію запись писалъ рукою своею лучшею... Писанъ въ В. Новѣгородѣ лѣта 7021 (1513) м. Маія въ 9 день.»

(155) Христіанъ въ 1520 году присылалъ 2500 ратниковъ въ помощь В. Магистру Нѣмецкому противъ Сигизмунда.

(156) См. нашей *Исторіи* Т. IV, стр. 16.

(157) См. Дѣла Прусск. Двора No 1. Въ началѣ сказано: «Лѣта 7024 (1516) пріѣхалъ къ В. К. отъ Максимиліана Алексѣй Заболотцкой, да Дьякъ Олексѣй Малой, а ѣхали на Маистра Прусского землю... И Маистръ имъ говорилъ, чтобы В. Государь меня жаловалъ и берегъ и во единачествѣ меня учинилъ съ собою; а язъ о томъ хочю слати къ В. Государю своего человѣка Шенберга. И К. В. послалъ къ Максимиліану Діака своего Василья Тетерина, а поѣхалъ Васил. на Маистрову землю, и К. В. приказалъ Маистру, что его жаловати и беречи хочетъ.»

(158) Дѣла Прусск. No 1, л. 37. Условія состояли въ томъ, чтобы В. К. помогалъ Магистру, а Магистръ В. Князю на Сигизмунда. Шонбергъ предлагалъ-было, чтобы Государь далъ Ордену 30 или 40 тысячь конныхъ воиновъ; но сіе осталось безъ дѣйствія. Въ записи посольской сказано между прочимъ: «И аще нѣчто взято будетъ у недруговъ, ближняя часть будетъ Государю Царю, а другая середняя часть, ближняя къ землямъ Г. Маистра, будетъ его Свѣтлости.»

(159) См. тамъ же, л. 30.

(160) Дмитріемъ Давыдовымъ, отправленнымъ въ Мартѣ 1517.

(161) Вторый посолъ Орденскій, Мелхіоръ, 26 Авг. привезъ Магистрову грамоту къ Василію отъ 2 Іюля, въ коей сказано: «Потреба есть, чтобы Величество Ваше на всякой мѣсяцъ 40,000 золотыхъ Ренскихъ добрые цѣны и вѣса на удержаніе десяти тысячь пѣшихъ людей, по четыре золотые на простого Желнеря, считая также на всякой мѣсяцъ 20,000 золотыхъ Ренскихъ по той-же цѣнѣ на удержаніе дву тысячь конныхъ людей, по 10 золотыхъ на одного коня и одного человѣка, опроче того, что хитрецемъ и къ пушкамъ пристоитъ, да готово имѣетъ.» (Въ другомъ мѣстѣ сказано, что давать на лошадь, которая везетъ пушку или снарядъ, по 3 червонца)... «Прошу убо смиреннѣйше, чтобы В. В. къ початию воеванія денегъ 50,000 гривенокъ серебра чистого во Псковъ послалъ, что коли мы захотимъ начати брань нашу, и чтобъ то серебро привезено было въ Королевецъ (Кенигсбергъ), и тамо совѣтомъ приставниковъ В. В. учинена будетъ денга, чтобы 20 ихъ достойны были золотово Ренского. Назнаменаетъ же ся денга выше-реченная съ оружіи и написаніемъ по изволенію В. В. А серебро и денги всегды имѣютъ быти въ рукахъ приставниковъ В. В., и добрымъ счетомъ и полнымъ давати, какъ приговоръ Теодрика Шкенборка рукою написаной яснѣ изъявитъ, которой послѣ себя въ канселаріи В. В. оставилъ.»

(162) См. между иными Кенигсбергск. бумагами письма Плеттенбергевы къ Прусскому Магистру въ

1513 г. Отъ даже совѣтовалъ ему помогать Королю (No 711).

(163) См. выше, стр. 20.

(164) Дѣла Прусск. No 1, л. 56.

(165) Дѣла Цесар. Двора No 2, л. 3 и слѣд. Герберштейнъ пріѣхалъ 18, а былъ представленъ 21 Апрѣля. Къ нему нарядили 15 Дѣтей Боярскихъ Московскихъ и 30 конюховъ. Государь велѣлъ тотчасъ отвести къ послу съ конюшни своей иноходца въ сѣдлѣ. Съ Герберштейномъ былъ его племянникъ Іоаннъ Фонъ-Турнъ.

(166) См. тамъ же, л. 36.

(167) Герберштейнъ 29 Апр. отправилъ въ Литву своего племянника съ извѣстіемъ о согласіи В. К. вступить въ переговоры; а Королевскіе послы прибыли 18 Окт. (См. Дѣла Польск. Двора No 2, стр. 114 — 117).

(168) См. *Архангел*. *Лѣт*. 189. Сіе было въ 1515 году. — Въ Архив. *Псков*. *Лѣт*. Малин.: «Лѣта 7023, Генв. въ 28, послалъ К. В. Воеводъ своихъ К. Ивана Шуйскаго, да Юрья Замятнина, да Намѣстнику Псковскому, Андр. Вас. Сабурову, Боярину своему и Окольничему, да *Дьяку* Мисюрю Мунехину, велѣлъ имъ съ силою Псковскою и Новогородцкою итти подъ *Брясловъ*... И посадъ ожгоша, да и подъ *Вашковъ* посадъ же ожгоша, и подъ *Друи* сожгоша; а вышѣ городомъ на Друи не дойде... И пріидоша Богомъ сохранени къ Опочки.» Здѣсь говорится, думаю, о разныхъ походахъ, хотя и въ одномъ году.

(169) См. *Никон*. *Лѣт*. 210 и Дѣла Прусск. No 1, л. 122, гдѣ сказано: «И Государя нашего *Дѣти Боярскіе*, К. Ѳед. Вас. Оболенской, дошелъ Литовскихъ людей: стояла застава 5000, и онъ побилъ всѣхъ и переималъ; а въ другомъ мѣстѣ сынъ Боярскій, Ив. Колычовъ, 3000, и тѣхъ побилъ; а Ив. Вас. Лятцковъ пришелъ на заставу отъ большихъ людей за 5 верстъ, 6000, и Иванъ побилъ всѣхъ и переималъ... И ему сказали, что стоитъ иная застава, многіе люди, отъ Государя нашего отъ Украйного пригородка отъ Краснаго, и Иванъ тѣхъ людей побилъ и Воеводъ переималъ, Черкаса Хрептова, брата его Мисюра, Ив. Зеленугу.» — Читая извѣстія Лѣтописцевъ и наши Министерскія бумаги того времени, дивлюсь ихъ согласію. Надобно думать, что Государь Василій приказывалъ сообщать народу донесенія Воеводъ: можетъ быть, ихъ читали въ церквахъ, а Лѣтописцы вносили въ свое повѣствованіе. — Въ *Псков*. *Лѣт*. Толст.: «Литва поганая отъ большія силы ходиша подъ Вороначь и подъ Велье и подъ Красной, даже думавше и до Пскова; а В. Князя сила пришла съ Лукъ Великихъ, и стояша за Сороттою за рѣкою въ Неборинкѣ и въ Володимерцѣ. Ив. Вас. Лятцкой отъ Большихъ Воеводъ со многими людьми перевозился черезъ Великую рѣку и черезъ Синю рѣку, а хотѣлъ ходити подъ большою силою Литовскою; а иная сила Литовская пришла отъ Брясловля Красногородцкіе волости: Воевода у нихъ Пинъ Черкасъ — и обосторожилися на Бую, и услышаша Лятцкой полоняные наши, и обойдоша силы В. К. около острога ихъ и взяша острогъ, и полоненыхъ своихъ выпустиша изъ церкви, а Черкасъ Воевода нача изъ Попова двора битися, и перебиша ихъ всѣхъ, а Черкаса и съ нимъ удалыхъ послаша къ Москвѣ, и бысть Лятцкому отъ К. В. честь велика.»

(170) См. Дѣла Цесар. No 2, л. 106 — 165.

(171) Тамъ же: «А отъ того тебѣ не меньши честь будетъ, какъ Пирру, Царю *Индійскому*, который 200 поиманыхъ Римляномъ даромъ отослалъ.» Герберштейнъ безъ сомнѣнія зналъ, что Эпиръ не Индія. — В. К. соглашался только оставить Королю Витебскъ и Полоцкъ, а на требованіе Герберштейново, возвратить Смоленскъ, отвѣтствовалъ: «Жигимонте! мы вельми дивимся, что которую нашу отчину намъ Богъ далъ, и намъ бы тое отчины Королю поступитись!» — Литовскіе послы выѣхали Нояб. 18, а Герберштт. 22.

(172) Тамъ же, л. 166 — 219. Владиміръ Семеновъ Племянниковъ съ Толмачемъ Истомою Малымъ выѣхалъ изъ Москвы 24 Ноября 1517, пріѣхалъ къ Императору въ Инспрукъ 23 Марта, а возвратился въ Іюлѣ 1518.

(173) Дѣла Прусск. No 1, л. 88 на обор.: «Не добро, что Король прогонится, а Царь всея Россіи великъ учинится.»

(174) Дѣла Цесар. No 2, л. 219 и слѣд. Съ нимъ пріѣхалъ и Герберштейновъ племянникъ, Іоаннъ Фонъ-Торнъ.

Описаніе сего Посольства издано въ 1603 году на Италіянскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Trattamento di pace tra il serenis. Sigismondo Rè di Polonia et Gran Basilio, Principe di Moscovia, hauuto dalli Illustri Signori, Frances. da-Collo, Caualllier, Gentil' huomo di Conegliano, et Antonio de-Conti Caualllier, Gentil' huomo Padouano Oratori della Maestà di Massimilian, Primo Imperatore, l'anno 1518. Scritta per lo medisimo Sig. Caual. Francesco. Stampato in Padoa. Con licenza della S. Inquisitione. Переговоры съ Москов. Боярами описаны слово въ слово, какъ въ нашихъ Архивскихъ бумагахъ. Мы въ другомъ мѣстѣ переведемъ любопытнѣйшее изъ сей книжки, весьма рѣдкой (см. ниже).

(175) Тамъ же, л. 232.

(176) Тамъ же, л. 346. Къ симъ посламъ Максимиліановымъ пріѣхалъ изъ Вѣны чиновникъ Императорскій, Іоаннъ Криштонъ: наши Бояре жаловались имъ на его неистовые поступки слѣдующими словами (л. 300): «Отъ того Яна брату Государя нашего, Максиміяну, много нечти и безчиманія сталося... Которой Подьячей В. Государя у васъ стряпаетъ, вамъ кормъ даетъ, и онъ того билъ самъ, а дѣтина его Подключникова дѣтину кордомъ сѣкъ... да у руки перстъ оттялъ, а у иного человѣка взялъ корову... А гдѣ Государя нашего недруга Королевы люди сидятъ въ тюрмѣ, которые пріѣзжали отъ Литовскихъ Пановъ къ измѣннику къ Глинскому съ грамотами и съ неподобными рѣчми, и онъ къ нимъ съ ѣствою посылаетъ и самъ къ нимъ къ тюрмѣ ѣздитъ,» и проч. — О посланномъ къ Императору Дьякѣ Семенѣ Борисовѣ см. л. 357 на обор.

(177) Ноября 9.

(178) В. К. по кончинѣ Летифа отправилъ къ Царицѣ Нурсалтанъ человѣка его, у коего на рукахъ онъ умеръ, и жаловался Хану на разбои Крымцевъ. Нашъ повѣренный въ дѣлахъ, Шадринъ, возвратился въ Москву съ Ханскимъ чиновникомъ, Магмедомъ Агою; а скоро пріѣхалъ и товарищъ Шадрина, Илья Челищевъ, съ посломъ Кудояромъ. На рѣкѣ Самарѣ ограбленные Астраханцами, они шли пѣшіе до Путивля. Калга Ахматъ писалъ къ В. К., что онъ не можетъ сносить обидъ Царя, брата своего, и хочетъ переселиться къ намъ. Ханъ увѣдомлялъ Василія, что его сыновья, Богатырь и Алпъ-Гирей, со 100,000 воиновъ идутъ на Литву, и проч. Магмедъ-Гирей, по увѣренію нашихъ доброхотовъ, отказался отъ предлагаемыхъ ему Королемъ пятнадцати-тысячь золотыхъ и *девятныхъ* поминковъ, желая пріобрѣсти Васильеву дружбу. Калгу Ахмата убилъ племянникъ, Алпъ-Гирей, и заступилъ его мѣсто. Сынъ Ахматовъ, Геммет, находился тогда въ Константинополѣ. См. Дѣла Крым. No 5, л. 653 — 732.

(179) То есть, не Оттоманскаго и не духовный. См. Дѣла Крым. No 5, л. 653 — 732.

(180) Л. 735 на об.: «Ахметъ Паша (говоритъ

Аппаковъ) ставъ на колѣнехъ, и колпакъ съ себя снялъ; а К. Иванъ (Өедоровичъ Палецкой) ему рѣчь говорилъ отъ В. К., также ставъ на колѣнехъ, да колпакъ съ себя снялъ.» Аппакъ пріѣхалъ въ Мартѣ, а выѣхалъ изъ Москвы 8 Сент.

(181) 29 Дек. 1518 пріѣхалъ изъ Казани Куллербышъ отъ Сеита, Улановъ, Князей, Карачей, Ичекъ, Мурзъ, Моллъ, Шигъ-Зодъ и всѣхъ людей съ извѣстіемъ о смерти Царя. 6 Генв. Василій отправилъ туда Михайла Юрьева Захарьевича съ Дьякомъ Ив. Телешовымъ: они возвратились съ Казанскими послами Абибазеемъ, Карачемъ, Булатомъ, Княземъ Ширинскимъ, К. Шаисуповъ и Бузукою Бакшеемъ. 1 Маія объявленъ Царемъ Шигъ-Алей, сынъ Шигъ-Авлеаровъ, внукъ Салтана Бахтеяра, брата Ахматова, и 8 Марта поѣхалъ въ Казань съ Бѣльскимъ, съ Михайломъ Юрьевымъ и съ Дьякомъ Телешовымъ. Шигъ-Алей далъ особенную на себя грамоту В. Князю въ соблюденіи къ нему вѣрности.

(182) Дѣла Крым. No 5, л. 782.

(183) Въ лѣтописяхъ: «Констянтинъ Острожскій съ Литцкими людми и съ Подоляны и съ Волынцы пойде противу, и Богатырь Царевичь Воеводъ и Пановъ многихъ побилъ, а иныхъ переималъ, а Острожской едва утекъ; и убили на томъ бою Царевичи К. Василья Четвертенскаго и К. Александра Борямского; К. Василья, да К. Александра, да К. Льва Корецкихъ, да Гетмана Краковскаго Станислава, Старосту Каменского, да брата его Яна Скурятцкихъ.» Стриковскій (кн. XXIV, гл. 4) пишетъ, что Татары плѣнили 60,000 человѣкъ. Въ Дѣлахъ Турецк. No 1, л. 192 (въ письмѣ Голохвастова изъ Кафы къ В. К.): «А Багатырю Царевичю, сказываютъ, бой былъ съ Острожскимъ; а было Литвы и Ляховъ 20,000; и Острожской съ малыми люди ушелъ... Литву побили,» и проч.

(184) См. Переписную Архив. Книгу, л. 205, гдѣ сей посолъ названъ Клементьевичемъ Протасьевымъ.

(185) Дѣла Турецк. No 1, л. 105 и слѣд. Борисъ Голохвастовъ выѣхалъ изъ Москвы въ Мартѣ 1519.

(186) Преданный Геммету чиновникъ Крымскій, Бурнашъ, писалъ изъ *Ядрина* (Адріанополя) къ В. К.: «А Государю нашему, Гемметъ-Салтану, Богъ счастокъ дастъ, въ Перекопи Государемъ будетъ.» (Дѣла Турецк. No 1, л. 135).

(187) Въ исходѣ 1519 г. наши посланники въ Кенигсбергѣ, Некрасовъ и Василій Бѣлой, писали къ Государю: «И мы Маистру говорили, по Государя нашего велѣнью Крымской Царь посылалъ своихъ дѣтей на Литовскую землю, а Турской посылалъ многихъ людей на Литцкую землю, по Государя нашего велѣнію (см. Дѣла Прусск. No 1, л. 407).

(188) Турецк. No 1, л. 133. Голохвастовъ возвратился 8 Генв. 1521, черезъ Сербскую землю, Килію, Бѣлгородъ или Акерманъ и Перекопь.

(189) Шонбергъ (который вторично былъ у насъ въ Мартѣ 1519) въ своей посольской записи говоритъ: «Папа хочетъ его (В. К.) и всѣхъ людей Русскіе земли приняти въ единачество и согласіемъ Римскія Церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, но хочетъ покрѣпити и грамотою Апостольскою утвердити и благословити вся та предреченная: зане же Церковь Греческая не имѣетъ Главы: Патріархъ Константинопольскій и все Царство въ Турскихъ рукахъ; и онъ вѣдаетъ, что духовнѣйшій Митрополитъ есть на Москвѣ: хочетъ его, и кто по немъ будетъ, возвысити и учинити Патріархомъ, какъ было преже Костянтинопольской, а наиясвѣйшаго и непобѣдимѣйшаго Царя всея Русіи хочетъ короновати въ Крестьянского Царя, и того Папа отъ сердца желаетъ... а отъ того Папа не проситъ ничего прибытка, но только хочетъ хвалы Божіей и соединенія Христовѣрныхъ... А вѣдомо, что Литву не надобѣ оружьемъ воевати: *время ее воюетъ*: занеже Король не имѣетъ наслѣдника... а то извѣстно, что Литва не похотятъ никако же надъ собою Государя Ляха имѣти, ни Ляхове Литвина, и отъ того разорятца оба Государства... А нѣчто похочетъ К. В. за свою отчину Костянтинопольскую стояти, и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь да и помочь, что ни за сто лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники Констянтинопольскіе не имѣли,» и проч. (Дѣла Прусск. No 1, л. 164 — 167).

(190) Павла Іовія de legatione Basilii, въ Rer. Moscov. Auct. стр. 120.

(191) Дѣла Прусск. л. 252 (въ наказѣ Посланнику Замыцкому: «Государь нашъ съ Папою хочетъ въ дружбѣ и въ согласьѣ быти о дѣлѣхъ о которыхъ; а какъ напередъ того Государь нашъ съ Божьею волею отъ прародителей своихъ Законъ Греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ съ Божьею волею Законъ свой держати крѣпко хочетъ.»

(192) Слова Магистровы (л. 152 на об.): «Тотъ посолъ, Г. Николай Шхемборхъ Мнихъ, а въ Папинѣ Дворѣ въ Римѣ у его Святыни ближней служебникъ имѣетца.» См. тамъ же, л. 190 на обор.

(193) Тамъ же л. 213 — 216. Сія *первая* Великокняжеская грамота къ Королямъ Французскимъ, послѣ обыкновеннаго титула, содержитъ слѣдующее: «Наиясвѣйшему и вельможнѣйшему Каролу, Королю Французскому, поздравленіе. Намъ явѣйско вѣдомо, колика твоя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Албертовѣ, Нѣметцкого Чина высокого Маистра, Маркрабія Брандеборскаго, его посломъ Өеодорикомъ Шымборкомъ, горазо Величества твоего и твоее персоны хвала изъявлена; а и предки твои тотъ Чинъ въ великомъ до сего времени жалованіи всегда возвысили и имѣли. Просимъ того ради и воспоминаемъ, чтобъ Величество твое, пресвѣтлѣйшихъ отецъ твоихъ послѣдуя стопамъ, тотъ Чинъ милостивнѣ берегъ и его противу нашего недруга, Короля Польского, не оставилъ; а тотъ Чинъ и Маистра Алберта тебѣ поручаю, коего и мы всѣми силами, сколько намъ Богъ поможетъ, не оставимъ; и что противу твоему Величеству учинити возможемъ, обѣщеваемъ прилѣжаніемъ нашимъ, да возмогаетъ благочестивѣ Величество твое. Писано въ нашемъ Государствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣтъ 7027 Марта» (1519).

Магистръ взялся доставить сіе письмо Королю, также и другое къ Курфирстамъ, къ Архіепископу *Магунскому* или Маницскому и проч.

(194) л. 136: «И просилъ (Магистръ), штобы посолъ отъ таковые почести престалъ: зане же Г. Магистръ вѣдаетъ величество и превозвышенье Государя Царя всеа Русіи, или паче же вѣрность и велемощьство, что таковаго смиревья показанье не пригоже ко Г. Магистру, и просилъ о томъ, какъ опять Царя всеа Русіи Божьею помощью посолъ очи увидитъ, и онъ бы до земли отъ Г. Магистра не главою только, но и всѣмъ тѣломъ смиритися и преклонитись и простретись учинилъ.» См. также л. 267. — Посолъ Магистровъ говоритъ въ своей запискѣ (л. 190): «Чтобъ Его Величество изволилъ ослободити на годъ или на два въ Новѣгородѣ или во Псковѣ побыти Вулкану Погу, слузѣ моего Государя, у Презвитера учитись языку и грамотѣ.»

(195) Л. 145, 282, 283.

(196) Въ Генв. 1520 посолъ Магистровъ, Мелхіоръ, говоритъ нашимъ Боярамъ (л. 397): «Царь всеа Русіи съ Степаномъ писалъ, также съ Діакомъ Ив. Харлановымъ приказалъ, что В. К. помочь на 1000 Жолнѣрей на годъ прислалъ: ино моему Государю нѣчто отъ того серебра съ своихъ

Діакомъ приселалъ: его милость, какъ есть Вашему Величеству пригоже, съ вел. благодареніемъ воспріялъ; но мой Государь какъ увидѣлъ то серебро и уразумѣлъ скудость, что тотъ счетъ на тысячю человѣкъ не полонъ, и нѣсть болѣ, но только съ четыренатцать тысячь золотыхъ приносить; а В. Царск. Величеству во единомъ списочкѣ особномъ помѣчено, что на ту помочь надобѣ пятдесятъ тысячь и пять тысячь золотыхъ.»

(197) Въ письмѣ Некраса Харламова къ Государю изъ Риги, въ Ноябрѣ 1519 (л. 388): «Магистръ Ливонской отвѣчивалъ Магистровымъ людемъ Пруского: *язъ де живу у Вел. Государя всея Руси поближже Магистра Прусского, а Русской обычай знаю: словомъ сулятъ, а дѣломъ тому не мочно статись.»*

(198) Въ Мартѣ 1520 Государь велѣлъ сказать послу Мелхіору (л. 431): «и мы для Магистрова челобитья на 1000 человѣкъ пѣшихъ еще къ тому посылаемъ своего серебра, что есмя къ нему послали съ Дьякомъ своимъ, съ Иваномъ.» Оно было послано съ Аѳанасьемъ Моклоковымъ.

(199) Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: «Посла К. В. своего Новогородцкого Намѣстника, К. Вас. Шуйского, съ Новог. силою и съ нарядомъ большимъ, а изо Пскова брата его К. Ив. Шуйского, со Псковскою силою и съ снарядомъ и съ пищальники и *съ посохою*, а со Священниковъ кони и телеги, и повезоша нарядъ рѣкою Великою до пристани, а отъ пристани на Псковскіе кони и телеги положиша и приставиша къ нему *посоху* къ Полоцку, и начаша туры подъ городомъ ставити и пушками бити городъ, и Полочане много съ нашими бишася; а К. Мих. Кислица съ Московскою силою пришелъ отъ Смоленска туто же; и бысть гладъ великъ: колпакъ сухарей въ алтынъ и болѣ, и коневый кормъ дорогъ. И отняша струги подъ городомъ, и въ тѣхъ Дѣти Боярскіе добрые, *хупавые* сиѣльцы, перевезошася за Двину на добытокъ; и отъ Короля шелъ Воевода Волынецъ Полоцку въ помощь, и побѣгоша къ Двинѣ Москвичи, и не бѣ имъ перевезтися всѣмъ, и потопоша ихъ много въ Двинѣ и отойдоша отъ Полоцка... А на лѣто (1519) посла К. В. К. Мих. Кислицу съ Новогород. и со Псков. силою въ Литовскую землю подъ Молодечно, и выидоша здравы на Смоленескъ.» Дѣла Прусск. No 1, л. 307 и 346: «И послали есмя нынѣ въ своего недруга въ Литовского землю Воеводъ своихъ со многими людми, отъ Смоленска К. Вас. Вас. Шуйского, а отъ Новогородцкіе и отъ Псковскіе Украйны съ Лукъ съ Великихъ Намѣст. Псков., К. Мих. Вас. Горбатаго, а изъ Стародуба и изъ Сѣверы К. Семена Ѳед. Курбскаго... прямо къ Вилнѣ... И пошли Авг. въ 1 (1519)... И въ Кретвѣ городкѣ собралися были Литовскіе Панове, Виленской Воевода Николай Николаевъ, Троцкой Олбрехтъ Мартиновъ, Городенской Юрьй Николаевъ, Радивилова Старосты Жомотцкого сынъ, К. Мих. Жеславской, Янъ Николаевъ сынъ Радивилова и Лятцкой Воевода Янъ Свирщевской... И наши Воеводы, оставя кошъ въ Красномъ, пошли на нихъ, да переднихъ людей у нихъ побили, К. Вас. Полубенского, Воротынского Королева Дворянина Чижа, да Королева же Дворянина, великого человѣка, Рая изымали, а Гроденского Воеводы кошъ взяли... И Воеводы наши воевали по Вилну, Логоескъ, Менескъ, Айну, Красное село, Молодечну, Марково, Лебедево, Кревъ, Ошмону, Мѣдники, Мядела, Куренской Камень, Березвичи, Жесно, Курецъ, Волоескъ, Радошковичи, Борисово.» См. еще *Никон. Лѣт.* 223.

(200) Дѣла Прусск. л. 433. О семъ походѣ В. К. извѣщалъ Магистра въ Мартѣ 1520 г.

(201) См. тамъ же, л. 487. Герберштейнъ сказываетъ намъ, что сей Царевичь былъ сынъ Алеганова брата, Менникшара или, по Розряд. Книг., Мулехдара. Съ нимъ находился Воевода и Бояринъ К. Мих. Данил. Щенятевъ. Братъ Ѳеодоровъ, Царевичь Василій, также именуется въ числѣ тогдашнихъ Воеводъ, и Авдовлетъ или Акидевлетъ, сынъ Шибанскаго Царевича, Ахтурта или Ахпурта. Отъ 1515 до 1519 года войско наше стояло на границахъ, въ Лукахъ, на Вошанѣ, угрожая Полоцку, Мстиславлю, Могилеву (см. Розряди. Книгу). Въ послѣдній разъ упоминается о знаменитомъ К. Даніилѣ Щенѣ въ 1515 г.: онъ предводительствовалъ войскомъ, которое собиралось въ Дорогобужѣ. — Также въ Мещерѣ, на Толстикѣ, стояли Воеводы. Между новыми именами замѣтимъ Князей Кривоборскаго, Рѣпнина, Хованскаго, Галецкаго, Овчину-Оболенскаго, Мещерскаго, Голенина, Хрипуна, Кашина, Пестраго, Хохолкова, Алабышева, Збарецкаго.

(202) Дѣла Прусск. л. 521.

(203) Стрыков. гл. XXIV, кн. 4.

(204) Дѣла Прусск. л. 84. Магистръ Прусскій велѣлъ сказать Государю: «Чахове и Нѣмцы, которыхъ Король у себя имѣлъ, такіе на Короля рѣчи изнесли въ Чахѣхъ и Нѣмцѣхъ, что великую невѣрность на него положили.»

(205) Въ первый разъ тогда, какъ измѣнилъ ему Мих. Глинскій.

(206) Дѣла Польск. No 2, стр. 118 — 120: «Посылалъ Григорей Ѳедоровичь къ Пану Николаю, Воеводѣ Виленскому, человѣка съ грамотою о томъ, будетъ Король похочетъ миру, и онъ бы слалъ пословъ... И по опасной грамотѣ приходили Воевода Подляской, и Маршалокъ, Янъ Станиславовичь Лелюшевичь, и Подскарбій Земскій, Маршалокъ и Писарь Королевской и Державецъ Каменецкой Богушъ Боговитиновичь... И К. В. посылалъ (къ нимъ) съ отвѣтомъ Дворецкого Тверского, Мих. Юрьева, да Шигону Поджогина... И городовъ на обѣ стороны просили... А послѣ тѣхъ рѣчей послы говорили, штобъ Государь здѣлалъ перемирье годы на четыре или на пять, и Государь такъ не хотѣлъ, а учинилъ перемирье съ лѣта 7029 Сент. 2 по Масленое заговѣнье, доколѣ отъ Короля Большіе послы придутъ, а въ то время съ обое стороны войны не вчинати, и опасную имъ грамоту на послы дали; а были у Государя пятью, а на пріѣздѣ ѣли.»

(207) Дѣла Прусск. л. 412, 470, 493. У Сигизмунда было 16,000 войска противъ Магистра, который сказалъ нашему Посланнику, Некрасу Харламову: «Хотятъ Польское войско итти къ Королевцу, а мѣщане со мною не хотятъ стояти, и мнѣ велика нужа; а тебѣ здѣсе быти не пригоже: занеже каково дѣло станется, що моя голова подойметь, а тебя есми взялъ у Государя на свои руки... и тебѣ пригоже быти въ моемъ городѣ въ Мемелѣ, а съ тобою отпущаю Брузвиньскаго Князя.»

(208) См. Гарткноха Alt und Neues Preussen, стр. 323 — 325.

(209) Дѣла Турецк. No 1, л. 147. Третьякъ выѣхалъ изъ Москвы 20 Іюня 1521.

(210) Бурганъ Ага *Дездаръ* Азовской, нашъ *доброхотъ* или *норовникъ*, писалъ къ В. К.: «Приказалъ Великій Государь (Султанъ) ко Царю Магметъ-Гирею: слышалъ есмя, что хочешь пойти на Московского землю: и ты ся береги на свой животъ, и не ходи на Московского, занеже ми есть другъ великъ; а пойдешь на Московскаго, и я пойду на твою землю. И Царь осердитися, а рать его собрана, а злобенъ добрѣ» (см. Дѣла Турецк. л. 146).

(211) Дѣла Турецк. л. 170 и 187 на обор.

(212) Тамъ же, л. 191: «Не велишь мнѣ пойти на Московского и на Волошского, ино мнѣ чѣмъ быти сыту и одѣту?»

(213) Послѣ Боярина Протасьева въ 1520 г., ѣздилъ въ Крымъ Михайло Никитинъ Измайловъ, а въ 1521 Василій Наумовъ; въ Москвѣ же находился тогда Ханскій посолъ Ахметъ Паша (см. Архив. Переписн. Книгу л. 205 — 206).

(214) Гербершт. R. M. Comment. стр. 68.

(215) *Казан. Лѣт.* гл. 16.

(216) Гербершт. R. M. Comment. 68, и *Казан. Лѣт.* гл. 16, гдѣ сказано: «Всю Русь (Казанцы) присѣкоша, при Царѣ Шигъ-Алеѣ служащихъ его Руских людей и варваръ убиша 5000, и Царскую его казну взяша... и Воеводы Москов. домъ разграбиша и людей 1000 убиша.» Во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ сказано: «В. Князя гостей переграбивъ, у себя (Казанцы) держали.» Убіеніе Россіянъ случилось уже въ 1523 году. См. также Гербершт. R. M. Comment. 68. Онъ пишетъ, что самъ Ханъ Крымскій былъ въ Казани и возвелъ тамъ брата на престолъ.

(217) *Казан. Лѣт.* гл. 17: «Веде съ собою болѣ 1000 рыболововъ Московскихъ, ловящихъ рыбы на Волгѣ подъ горами Дѣвичьими и до Зміева Камени и до Увѣказа, 1000 верстъ отъ Казани; заѣхавше тамо, живяху лѣто все, и въ осень возвращахуся на Русь съ рыбою.»

(218) См. тамъ же.

(219) Гербершт. R. M. Com. 68. Нижній Новгородъ и Владиміръ были, по его сказанію, опустошены Казанскими Татарами. Въ ветхомъ *Синод. Лѣт.* No 365, л. 543: «Великую рѣку Оку удобь (Ханъ) прейде, и В. Князя Воеводъ побиша, и на томъ бою убиша К. Волод. Курбского да Ив. Андреев. Шереметева, да Якова да Захарья Замятниныхъ и многихъ дѣтей Боярскихъ; да на томъ же бою взяли К. Өед. Вас. Обол.-Лопату, и Коломенскія мѣста и Коширскіе и Боровскіе и Володимерскіе и подъ Москвою повоеваша, и монастырь Николы на Угрѣшѣ и Вел. К. любимое село Островъ сожгоша; а иные Татарове и въ Воробьевѣ въ В. К. селѣ были и медъ на погребѣхъ В. К. пили, и многіе села Князей и Бояръ около Москвы пожгоша. Царь же стоя на единомъ мѣстѣ 10 дней промежъ Сѣверки рѣки и Лопасны за 60 верстъ отъ Москвы» (а Гербершт. пишетъ, за 13 миль)... «И возвратися и пріиде къ Переславлю къ Рязанскому... И туто жъ подъ городомъ Иванъ Вас. Хабаръ окупилъ К. Өед. Вас. Обол.-Лопату, а далъ на немъ 700 рублевъ. А. К. В. былъ въ тѣ поры и съ своею братьею, со К. съ Юрьемъ и съ Андреемъ, въ Микулинѣ.»

(220) См. тамъ же и Розряд. Кн., гдѣ сказано, что Бояре и Князья Дмит. Өед. Бѣльскій и Вас. Вас. Шуйскій были въ Серпуховѣ, К. Пенковъ и Лопата-Оболенскій въ Коширѣ, К. Мих. Дан. Щенятевъ и К. Ив. Мих. Воротынской въ Торусѣ, и проч. Гербершт. пишетъ, что В. К., по разсказамъ какихъ-то людей, нѣсколько дней укрывался близъ Москвы въ сѣнѣ. — *Никон. Лѣт.* говоритъ о семъ нашествіи, что Ханъ повоевалъ Коломенскія мѣста, плѣнилъ множество людей, осквернилъ церкви; что В. К. уѣхалъ въ Волокъ собирать полки, и что Магметъ-Гирей, боясь его, ушелъ назадъ.

(221) Гербершт. R. M. Com. 68. Я не повѣрилъ бы ему одному; но Розряд. и Родословн. Книги подтверждаютъ его сказаніе (см. ниже, примѣч. 224). Онъ пишетъ, что въ Москвѣ находились тогда послы Ливонскіе, которые, боясь Татаръ, въ одинъ день прискакали оттуда въ Тверь.

(222) Въ 1504 году.

(223) Дѣла Турец. No 1, л. 192, (въ письмѣ Бургана, Паши Азовскаго, къ В. К.): «Пришло на Крымъ Азтороканцовъ три станицы, въ станицѣ 300 человѣкъ, а въ другой 200 челов., а въ третей 80, и съ Крымскихъ Улусовъ поимали озырю и верблюдовъ, и много животу мѣсть числа; а Царя Асторонанского Чеибека не стало, а иного Царя въ Азторокани по сѣ мѣста еще не вѣдаемъ.»

(224) Въ Родослов. Кн. (рукописныхъ): «А у Василья Образца два сына, Иванъ Хобаръ, которой на Рязани обманомъ взялъ у Крымского Царя грамоту данную на В. К. въ лѣто 7029.» Въ Розряд. Кн.: Приходилъ Крымской Царь Магметъ-Гирей съ сыномъ своимъ съ Салтаномъ Богатыремъ подъ *Коломну* и много пакости доспѣлъ Христіанству; и тогды Царь взялъ грамоту на В. К., что ему дань давати, и тое грамоту Божіимъ милосердіемъ взялъ у Царя на Рязани обманомъ Ив. Вас. Хабаръ Симскій.» Онъ пожалованъ въ Бояре 1524 г. Родъ его производятъ отъ К. Редеди, побѣжденнаго Мстиславомъ, сыномъ Св. Владиміра.

(225) Будто бы 800,000 человѣкъ; но самъ Герберштейнъ не вѣрилъ тому. Онъ въ числѣ ихъ именуетъ К. Өед. Лопату, выкупленнаго въ Рязани. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: «Много людей (Татары) иасѣкли, и въ полонъ вели многихъ Болярынь и Болярскихъ дочерей 150; дѣтей у персей отняли; да опослѣ Татаръ сконивъ дѣтей и и свезли къ Москвѣ къ В. К.»

(226) См. *Степен. Кн.* II, 200, и *Русск. Времен.* 280. Разсказываютъ, что Татары хотѣли выжечь Московскіе посады, но увидѣли вокругъ города безчисленное войско Россійское и съ ужасомъ прискакали къ Хану, который, не вѣря имъ, послалъ другихъ: «и видѣша того сугубѣйшее воинство Русское... И сказаша ему... И третіе посла нѣкоего отъ ближнихъ увѣдати истину... И трепеща прибѣже и вопія: *о Царю! что коснѣши? побѣгнемъ... Грядутъ на насъ безмѣрное множество войска отъ Москвы*... И побѣгоша.» Это было видѣніе.

(227) Сіи ходы бываютъ 21 Мая, 23 Іюня и 26 Августа.

(228) Никлаесъ былъ родомъ изъ Спира, а Іорданъ изъ окрестностей Инспрука. Герберштейнъ пишетъ, что В. К., при въѣздѣ въ Москву встрѣченный множествомъ народа, увидѣлъ Никлаеса и громко сказалъ ему: «знаю важную твою услугу и не оставлю тебя безъ награды.» Тоже обѣщалъ и другому пушкарю, Іордану; но забылъ ихъ: наконецъ, услышавъ, что они въ досадѣ хотятъ ѣхать изъ Россіи, прибавилъ имъ по 10 флориновъ жалованья.

(229) См. Гербершт. R. M. Comment. 50 и 70, и въ *Собр. Госуд. Грамотъ*, стр. 425, запись К. Ив. Михайлов. Воротынскаго, данную имъ въ 1525 г. Государю съ клятвою заслужить вину свою.

(230) Дѣла Турецк. No 1, л. 194 (въ письмѣ Бургана къ В. К.): «А Крымской Царь пришолъ изъ твоей земли къ собѣ въ Перекопь, и велѣлъ по три торги у себя въ Перекопи и въ Крымѣ и въ Кафѣ кликати, чтобы Князи и Мурзы и Татарове были готовы всѣ, а кони бъ тучны, а хочетъ итти сее же осени на твою землю.»

(231) Гербершт. R. M. Comment. 36. — Въ Розряди. Кн.: «Приговорилъ К. В. всеа Русіи съ братьею своею и съ Бояры быти самому противъ Крымского Царя на Коломнѣ; а напередъ себя отпустилъ на Коломну Воеводъ, К. Дм. Өед. Бѣльскова, да К. Мих. Данил. Щенятева, да К. Мих. Вас. Горбатова, да Окольничего Ив. Вас. Хоборова, Андр. Вас. Сабурова, да Дворецкого Тверского Мих. Юр. Захарьина. Изъ Вязмы велѣлъ итти на Коломну же К. Андр. Бор. Горбатому, да Вас. Андр. Шереметеву, да Мих. Сем. Воронцову, Ан. Ник. Бутурлину, Ив. Вас. Лятцкому, К. Ив. Мих. Шамину, К. Петру Өед. Охлябину. А самъ пошелъ К. В.

мѣсяца Мая 19, а съ нимъ братья его, К. Юрьи да К. Андрей Ивановичи, а Воеводы съ нимъ К. Ив. да К. Сем. Ѳедоровичи Бѣльскіе, да Окольничей Пет. да Вас. Яков. Захарьины, К. Ив. Нѣмой, да К. Ѳед. Вас. Телепневъ, К. Сем. Дм. Серебряной, К. Ив. Ѳед. Ушатой, Мих. Андр. Плещеевъ, К. Юр. Андр. Хохолковъ-Ростовской, К. Мих. Ив. Кубенской, Ив. Вас. Лятцкой, Оружничей Ник. Ив. Карповъ; а у доспѣха стряпали К. Юр. да К. Вас. Иванов. Щенятевы; а *Рынды* (оруженосцы) были К. Юр. Мих. Булгаковъ, Ив. Юр. Сабуровъ, Подрынды Мих. Борис. Извольской, Петръ да Васюкъ Ступишины... Ясельничей Ѳед. Сем. Хлоповъ, да съ нимъ у коней стряпаютъ Васюкъ Безъзубцевъ, у коня В. К. Ивашко Касировъ, а къ нимъ 16 человѣкъ; а за постелею Козаринъ Буруновъ, да Ѳедецъ Кученской. А на Москвѣ оставилъ зятя своего, Петра Царевича, а съ Коломны велѣлъ себя встрѣтить Бояромъ и Воеводамъ, а съ ними сто человѣкъ лучшихъ Дворянъ; и пришедъ на Коломну, послалъ брата своего, К. Юр. Ив., въ Серпуховъ, а Воеводамъ велѣлъ стояти по мѣстамъ: въ Больш. полку подъ Дѣвичьимъ, К. Дм. Ѳед. Бѣльской, да К. М. Д. Щенятевъ, да М. С. Воронцовъ; въ правой рукѣ подъ Головинымъ К. А. Ѳ. Горбатой, да В. А. Шереметевъ, да Игнатей Мих. Салтыковъ; въ передовомъ на усть-Осетра К. М. В. Горбатой, да К. П. С. Лобанъ-Ряполовской, да К. П. Ѳед. Охлябининъ; въ лѣвой рукѣ противъ Рославля Окольничей И. В. Хабаръ, да И. В. Лятцкой, да Ив. В. Лошаковъ-Колычовъ; въ сторож. на Кошпрѣ А. В. Сабуровъ, да А. Н. Бутурлинъ, да К. Ю. М. Шаминъ; а на Рязань послалъ Воеводъ И. Ю. Микулина, да Дм. Ив. Волынского... А какъ шолъ К. В. съ Коломны къ Москвѣ, а на Коломнѣ оставилъ брата своего, К. Андрея Ивановича.»

(232) Тамъ же, стр. 70.

(233) *Дѣла Турецк.* No 1, *л.* 207 и *слѣд.* Губинъ пріѣхалъ къ Государю въ Коломну 18 Мая 1522, а Скиндеръ оставался въ Москвѣ.

(234) Тамъ же, л. 213 на обор.: «Скиндеръ пришедъ цѣловалъ В. К. въ руку, да отшедъ подалъ грамоту Салтанову, и К. В. велѣлъ ему сѣсти близко собя на скамьѣ, ближе того, какъ иныхъ Государей послы садятся.»

(235) Скиндеръ сказалъ, л. 216 на обор.: «Государь мой приказалъ собѣ нѣкоторой товаръ купити на свои потребы, и Государь бы К. В. тотъ товаръ ослободилъ купити, да и человѣка бы далъ, кому тотъ товаръ указывати.» — Султанъ писалъ еще къ В. К. о врачѣ Маркѣ: «пришелъ къ намъ нашъ человѣкъ именемъ Андроникъ, и жаловался намъ, что прежъ сего времени зять его, Марко врачь, Царства *Мидакщикъ*, торгованія ради пришелъ въ землю благородствія твоего, и нынѣ есть тамъ, и сказываетъ шуринъ его, что во Царѣгородѣ жена его и дѣти: и того ради шуринъ его Андроникъ посланъ съ нашимъ посломъ... и ты бы того человѣка Марка къ намъ послалъ.» На сіе В. К. приказалъ отвѣчать Султану: «Марко пріѣхалъ къ Государю нашему давно, да билъ челомъ въ службу, да и о томъ, чтобы Государь приказалъ къ отцу твоему о его женѣ, чтобы отецъ твой жену Маркову къ нему отпустилъ... и отецъ твой хотѣлъ отпустити. А нынѣ въ В. Новѣгородѣ боленъ Бояринъ К. Алекс. Володим. (Ростовской), и Государь послалъ его того Боярина лечити» (л. 249).

(236) Иванъ Семеновъ Морозовъ былъ отправленъ уже въ Апрѣлѣ 1523 г. Между прочимъ надлежало ему говорить Султану: «Твои Казаки Азовскіе нашихъ людей имаютъ на полѣ, да водятъ въ Азовъ, да ихъ продаютъ, а емлютъ съ нихъ окупы великіе: и ты бы приказалъ, чтобы того не чинили... Въ нашей землѣ твоего гостя Ефабардѣя въ животѣ не стало, и мы велѣли товаръ его переписати и отдати твоему послу» (л. 233). Въ наставленіи, данномъ Морозову, сказано: «О всѣхъ тамошнихъ вѣстехъ пытати Ивану не приказныхъ людей: кто что ему скажетъ изъ стороннихъ людей, и ему то писати; а приказныхъ не пытати; а кто что молвитъ, ино то написати же... Ивану къ Пашамъ на подворье никакъ пейти, а говорити: *меня Государь послалъ къ Султанъ-Салтану: и мнѣ къ вамъ чего дѣля итти?...* А въ ту пору будутъ у Салтана послы отъ Крымскаго или отъ Угорского или отъ Литовского или отъ иныхъ Государей, и Ивану съ посломъ къ Салтану ни съ которымъ не ходити, да ни индѣ нигдѣ съ ними ни пити, ни сходитися ѣсти, опричь того, нѣчто которой посолъ похочетъ съ нимъ видѣтись о В. К. дѣлѣ, и Ивану велѣти ему быти у собя на подворьѣ или на поле выѣхати... И нѣчто взмолвятъ: есть ли съ тобою списокъ, какові грамотѣ межи Салтана и Государя вашего пригоже быти? и Ивану говорити: *нѣтъ*... И нѣчто взмолвятъ: Государь нашъ съ В. К. на Крымского будетъ за-одинъ, а Государю нашему недругъ Литовской, и К. В. на Литовского будетъ ли съ нимъ за-одинъ? и Ивану говорити: о томъ отъ Салтана ко Государю съ его посломъ приказу не было, и Государь о томъ со мною не наказалъ ничего... А опослѣ Ивану говорити накрѣпко, чтобъ Салтанъ послалъ къ В. К. своего посла, человѣка доброго... Да и то молвити въ разговорѣ: Государемъ великимъ пригоже промежъ собя посылати такихъ людей, которые бы жили близко при Государехъ и дѣло бы знали, а не корыстей смотрѣли... И нѣчто взмолвятъ Ивану: пріѣхавъ къ Скиндерю люди на подворье, да людей его перебили и самого лаяли, и въ томъ ему оборони не учинили; и Ивану говорити: въ Государя нашего Государствѣ много чюжихъ людей и изо многихъ земель, и приставове Государя говорили Скиндерю, чтобъ его люди безъ пристава съ подворья не ходили, и они не слушали, и ѣхали пьяни Азтороканского посла люди, и Скиндеревы пьяни же съ ними побранили, и учали битись, и Скиндеревы ихъ же били и перевязали, и приказщики Государя нашего тѣхъ велѣли пустити: ино было Скиндеревыхъ людей какъ боронити?» (л. 234—247).

Морозовъ нашелъ Солимана въ Анатоліи, въ станѣ. Онъ пишетъ: «Приставове Чеуши осталися у Салтанова шатра, а посторонь Салтановы полатки сидитъ человѣкъ съ десять въ бархатѣхъ... и вшелъ Иванъ къ Салтану, а онъ сидитъ на своемъ мѣстѣ, а у него Ибреимъ-Паша, да Казначей Діакъ Аббисаломъ, да у дверей Капичей-Баша, и велѣлъ Паша Ивану пойти къ Салтану къ руцѣ; а опослѣ Иванъ отъ Государя Салтану поклонъ правилъ и поминки являлъ по записи и посольство правилъ и грамоты подалъ; а взялъ грамоты Ибреимъ-Паша... Ибреимъ-Паша у Ивана рѣчи переялъ, а говорилъ: иные рѣчи съ нами переговоришь, и мы ихъ Государю скажемъ. А Салтанъ не проговорилъ ни одного слова, и вышелъ Иванъ отъ Салтана... а поминки В. К. велѣли приставове у Казаковъ взяти Янычаномъ... и Салтанъ поминки смотрѣлъ изъ-за людей... а корму давали Ивану отъ Салтана колачи, да рыбу шевриживу сухую, да на дву блюдѣхъ икры, да ягоды зятинные соленые, да изюмъ, да арбузы и дыни.» Ибрагимъ-Паша звалъ его къ себѣ въ шатеръ; но Морозовъ, исполняя въ точности Государевъ наказъ, не хотѣлъ къ нему итти. Паша разсердился и велѣлъ ему сказать: *коли ко мнѣ не ѣдешь, и мнѣ до тебя дѣла нѣтъ, а тебѣ до меня.* Каз-

начей Солимановъ требовалъ себѣ даровъ: Морозовъ отвѣтствовалъ, что послы ѣздятъ для государственныхъ дѣлъ, а не для посуловъ. Его представили вторично Султану и немедленно отпустили (л. 277—236). Онъ возвратился лѣтомъ въ 1524 году; а съ нимъ опять пріѣхалъ въ Москву Скиндеръ, но единственно для закупки соболей.

(237) Дѣла Польск. No 2, стр. 123—125.

(238) Сія договорная грамота хранится въ Архивѣ подъ No 7. Въ ней сказано, что Россіи владѣть отъ Днѣпра ниже Смоленска рѣкою Мерею вверхъ, между Пречистые, Взруба и Звѣровичь въ Иваку рѣку.

(239) Стрпков. кн. XXIV, гл. 4.

(240) Гарткноха Alt und Neues Preussen, стр. 325—326.

(241) Арнта Liefl. Chr. 191.

(242) Сія договорная харатейная грамота, отъ 1 Сент. 1521, Русская и Нѣмецкая, находится въ Архивѣ между Лифляндскими трактатами подъ No 4. Она писана въ Новѣгородѣ отъ имени Магистра, Архіепископа Рижскаго и Епископовъ Дерптскаго, Эзельскаго, Курляндскаго, Ревельскаго, и Новогород. Намѣстниковъ, К. Александра Ростовскаго и Мих. Морозова. Послами были фонъ-деръ-Таманъ, фонъ-Боргъ, Іоаннъ Лоде, I. Дюкеръ и Георгій Ковіеръ. Магистръ обѣщался не имѣть союза съ Королемъ Польскимъ. Сказано, что рубежъ нашихъ владѣній идетъ отъ Чудскаго озера *стержнемъ* (или, какъ нынѣ пишутъ, по *тальвегу*) Наровы рѣки поперегъ острова ниже Иванягорода и Ругодива или Нарвы въ Соляное море. См. Арнта Liefl. Chr. 183—184. Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: «Посла В. К. Намѣстн. Псков. К. Петра Рядоловскаго въ Вороночь съ Дѣтьми Боярскими и съ Тотары, и быша тамъ и до Покрова, а послы Нѣмецкіе ѣхаша на Псковъ къ В. К. мира просити; и К. В. велѣлъ имъ миръ имати въ Новѣгородѣ, и поѣхаша туда отъ Пскова Мисюръ Дьякъ и добрые люди.» Тамъ же подъ годомъ 1523: «Проси Арцыпискупъ Ровенскій у В. К. силы на Местера и посылаше къ Мисюрю Дьяку, и К. В. не да ему силы.»

(243) Въ договорѣ заключенномъ съ Императоромъ Максимиліаномъ въ 1514 году. — О городахъ Рязанскихъ К. Θеодора см. въ завѣщаніи В. К. Іоанна Василіевича.

(244) См. Т. VI, примѣч. 563.

(245) Ибо они происходили отъ Святослава Ярославича, который былъ старѣе Всеволода, Мономахова отца.

(246) См. Герберштейн. R. M. Comment. стр. 48.

(247) См. *Арханг. Лѣт.* подъ симъ годомъ. Въ другихъ нѣтъ о томъ ни слова.

(248) См. Герберштейн. стр. 48, и Родослов. Кн. Первый разсказываетъ, что К. Іоаннъ Рязанскій имѣлъ еще двухъ старшихъ братьевъ, Василія и Θеодора; что они воевали другъ съ другомъ; что одинъ изъ нихъ лишился жизни въ междоусобной битвѣ на поляхъ Рязанскихъ, а другой братъ скоро умеръ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ деревянный крестъ въ память сего происшествія. Думаю, что Герберштейнъ ошибся: по лѣтописямъ не видимъ, чтобы у К. Іоанна были братья. — Въ Архивѣ Иностран. Кол. нашлася слѣдующая бумага изъ розыскнаго дѣла о побѣгѣ изъ Москвы Рязан. Князя Іоанна: «Лѣта 7029 (1521), Авг. 31 сказывалъ Митька Сунбуловъ сынъ пытавъ, что Князь Иванъ Рязанской съ Москвы побѣжалъ съ Недѣли на Понедѣльникъ; а быть было ему въ Пустынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ. А мнѣ послѣ себя велѣлъ назавтрее ѣхать на Рязань къ Мишурину и къ Клементію Кобяковымъ, да къ Федору Сунбулову, да къ Назарію Семенову сыну Глѣбова съ братьею, да къ Одувану; а велѣлъ мнѣ имъ говорить, чтобы у него они были въ Пустынѣ, или въ Шумашѣ, или въ Дубровицахъ; а выѣхалъ бы къ нему изъ города потихоньку; а къ Мишурѣ и Клементью Кобяковымъ и грамоты со мною къ нимъ были, а писалъ тѣ грамоты Клементьевъ сынъ Кобякова Гридя; а писалъ въ нихъ то къ Мишурѣ да къ Клементью Кобяковымъ, чтобы они выслали конюховъ его съ коньми къ нему; а Клементью приказано было у него кони и конюхи; и тѣ грамоты, сказываетъ Митька, взяли у него Татарове; а изъ Пустыни было, или изъ Шумашп, или изъ Дубровицъ, Князю Ивану ссылатись со Царемъ (Крымскимъ); а нечто не станется его ссылка со Царемъ, и какъ приводутъ къ нему кони свѣжіе съ Рязани, да Дѣтей Боярскихъ съ собою прибавитъ; а почуетъ Литву на Великаго Князя, и ему было тогда бѣжать къ Литовскому. А нынѣ только будетъ его не истеряли Татарове, и онъ однолично въ Пустынѣ, или въ Шумашп, или въ Дубровицахъ; и Государь бы нынѣ послалъ меня съ кѣмъ нибудь, и я чаю его допытаюсь; а на томъ Государю крестъ цѣлую, что ему послужу прямо, и его Князя поотвѣдаю накрѣпко, только будетъ онъ не убитъ.»

(249) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 102.

(250) См. сей *Исторіи* Т. V, стр. 16, и Герберштейнъ стр. 48.

(251) См. *Дѣла Турецк.* No 1, л. 3, 4; также Гербершт. и Курбскаго *Исторію Царя Іоанна* въ началѣ.

(252) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи, между бумагами Миллера, въ *Собраніи древнѣйшихъ дипломатическихъ извѣстій,* No 80 грамоты Шемякины къ Государю и Государевы къ нему. Сей Князь называется и *Шемячичемъ* и Шемякинымъ. Герберштейнъ пишетъ, что въ Путивлѣ господствовалъ прежде К. Димитрій, обнесенный Государю Шемякинымъ и заключенный въ Москвѣ; что сынъ его, именемъ также Димитрій, бѣжалъ къ Татарамъ, принялъ Вѣру Магометанскую, похитилъ одну знатную дѣвицу и былъ застрѣленъ ея родственниками; что отецъ Димитріевъ, свѣдавъ о кончинѣ сына, умеръ съ горести въ 1519 году; что Шемякинъ своими доносами погубилъ и К. Коширскаго (R. M. Comment. 51). Мы не знаемъ ни К. Димитрія Путивльскаго, ни К. Коширскаго.

(253) По *Розрядн. Кн.* въ 1519 году уже не было К. Василія Стародубскаго. Герберштейнъ сказываетъ, что Шемякинъ выгналъ его и *завладѣлъ* Стародубомъ: это несправедливо. Розряды доказываютъ, что симъ городомъ управляли Государевы Намѣстники. Въ *Архив. Лѣт.* л. 181 на обор., г. 1506: «Того же лѣта, Апрѣля, говорили отъ В. К. Бояринъ Яковъ Захарьичь, да Бояринъ Григорей Θеодоровичь, да Печатникъ Юрьи Дмитріевичь Траханіотъ, да съ ними Дьяки, Князю Василью Семеновичу Стародубскому, что жалуетъ его К. В., даетъ за него своякиню свою, Юрьеву дочь Сабурова.»

(254) Герберштейнъ. R. M. Comment. 51. Тамъ сказано, что Шемякинъ писалъ къ Сигизмунду чрезъ Кіевскаго Воеводу, который прислалъ его письмо къ Василію.

(255) См. въ Архивѣ Иностран. Коллегіи *Слѣдственное дѣло Максима Грека.* Великокняжескій чиновникъ Берсень говоритъ: «А то Митрополитъ самъ позабылъ, что къ Шемячичу грамоту писалъ и руку свою къ той грамотѣ и печать приложилъ, а взялъ его на образъ Пречистые, да на Чюдотворцевъ, да на свою душу.»

(256) Герберштейнъ. R. M. Com. 20. Варлаамъ оставилъ Митрополію 17 Дек. 1521, и скончался въ Симоновѣ монастырѣ. Даніилъ поставленъ 27 Февр. 1522.

(257) Въ *Дѣлѣ Максима* Грека (см. выше, примѣч. 255): «И Митрополитъ В. Князю велику хвалу вздаетъ ... а се де Богъ его избавилъ запазушного врага. И язь (Берсенъ вьспросилъ: хто запазушной врагъ? И Митрополитъ молвилъ: Шемячичь.»

(258) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна*. Онъ разсказываетъ, что Василій, обманутый клеветою, велѣлъ привезти сего святаго мужа изъ Бѣлаозера въ Москву, оковалъ его и поручилъ истопнику, именемъ Павлу; что жена Павлова изъ человѣколюбія скрыла Порфирія и мыслила дать ему свободу; что истопникъ, устрашенный бѣгствомъ Царскаго узника, хотѣлъ зарѣзать себя ножемъ; что Порфирій явился и сказалъ ему: «се я: твори со мною волю Государеву;» что Василій, тронутый симъ великодушіемъ, немедленно отпустилъ его въ мирную пустыню, и проч.

(259) См. *Ростов. Лѣт.* л. 580. Шемякинъ былъ еще живъ въ 1526 году.

(260) См. Архив. *Переписную Кн.* No 1, л. 207, и *Дѣла Турецк.* No 1, л. 241.

(261) Поджогина: это было весною.

(262) См. Гербершт. R. M. Comment. 75 — 76.

(263) См. *Дѣла Крымск.* No 6, л. 2 — 34. В. Князю было извѣстно, что Саипъ-Гирей дѣйствовалъ въ семъ случаѣ по совѣту измѣнника нашего, Сеита Казанскаго, т. е. главнаго изъ духовныхъ сановниковъ.

(264) См. *Дѣла Турецк.* No 1, л. 302. В. К. прибылъ съ братьями въ Нижній 23 Авг.

(265) «Въ большомъ полку К. И. Ѳ. Бѣльской, да К. Мих. Вас. Горбатой, да Мих. Юрьев.; а въ передовомъ полку К. Сем. К. Курбской, да И. Вас. Лятцкой; а въ правой рукѣ К. Сем. Дмитр. Серебряной, да К. Петръ Охлябининъ; а въ лѣвой рукѣ К. Юр. да К. Вас. Васильев. Ушатые; а въ сторожевомъ К. Мих. Ив. Кубенской, да К. Ив. Шаминъ; а въ конной рати Бояринъ Хабаръ, да Мих. Сем. Воронцовъ, Вас. Андр. Шереметевъ, Ѳед. Сем. Колычовъ, К. Петръ Ив. Рѣпнинъ, Дмит. Бутурлинъ, К. Ив. Ѳед. Овчина, да К. Андр. Кропоткинъ.» и проч. — См. *Казан. Лѣт.* гл. 18, и Гербершт. R. M. Comment. 71. Послѣдній сказываетъ, что Россіянъ было 180,000.

(266) Сына Фети-Гиреева.

(267) Гербершт. приписываетъ сей случай людямъ подкупленнымъ Россіянами.

(268) См. *Никон. Лѣт.* и Гербершт. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Казанцевъ въ сей битвѣ, на полѣ Отяновѣ, легло 42,000; начальниками ихъ были *Отучь Сильный* и Князь Аталыкъ.

(269) *Казан. Лѣт.* говоритъ объ истребленіи Яртоульнаго полку и другихъ, числомъ до 30,000 воиновъ. Гербершт. пишетъ, что Черемисы истребили нашъ конный, пятисотный отрядъ, посланный для развѣдыванія, и два раза побили К. Палецкаго.

(270) См. Рычкова *Казан. Исторію* стр. 102.

(271) См. *Никон. Лѣт.* 230, Гербершт. и *Казан. Лѣт.* Въ Архив. *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 423, напечатана запись Ив. Бѣльскаго отъ 20 Сент. 1523, гдѣ сказано, что В. К. отпускаетъ ему вину его по челобитью Митрополита и Духовенства. Гербершт. пишетъ, что одинъ пушкарь, родомъ изъ Савоіи, хотѣлъ уйти отъ насъ въ Казань, былъ пойманъ и не наказанъ: сіе обстоятельство многихъ увѣрило въ измѣнѣ главнаго Русскаго Воеводы.

(272) Послами были Аппа Уланъ и Бахчидей Князь; а въ Казань ѣздилъ отъ насъ К. Вас. Данил. Пенковъ съ Дьякомъ Аѳанасіемъ Ѳедоровымъ Курицынымъ.

(273) Гербершт. R. M. Comment. 73.

(274) См. Житіе Макарія въ Прологѣ.

(275) Въ *Дѣлѣ Максима Грека* (выше, примѣч. 255) Берсенъ говоритъ: «Митрополитъ В. Князю великую хвалу вздаетъ, что городъ поставилъ: тѣмъ-де городомъ всю землю Казанскую возметъ.» Въ другомъ мѣстѣ: «Почто К. В. въ Новгородъ (Нижній) ѣздилъ? поставилъ на ихъ сторонѣ лукно: ино какъ ся помирити? Ино было поставити на своей сторонѣ; ино бы лзѣ миру быти.»

Въ Мартѣ 1526 пріѣзжали въ Москву изъ Казани Казый Князь, Чюра Князь и Тевкель Бакшей; а въ 1527 ѣздилъ отъ насъ въ Казань Андрей Ѳедоровъ Пильемовъ.

(276) Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толст. подъ г. 1523: Поѣха К. В. въ объѣздъ. Бысть же шествовати ему на колесницѣ позлащеннѣй; оружницы съ нимъ яко же подобаетъ Царемъ. И возрѣвъ на небо, и видѣвъ гнѣздо птаче на древѣ и сотворя плачь и рыданіе велико, въ себѣ глаголюще: лютѣ мнѣ! кому уподоблюся? Азъ не уподобихся ни птицамъ небеснымъ, яко птицы небесніи плодовити суть: ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовити суть — ни водамъ, яко плодовити суть: волны бо ихъ утѣшающе, и рыбы ихъ глумящеся. — И посмотря на землю и глаголя: Господи! не уподобихся азъ ни земли сей, яко земля приноситъ плоды своя на всяко время, и тя благословятъ, Господи! И пріѣха тоя осени К. В. изъ объѣзда къ Москвѣ, и нача думати со своими Бояры о своей В. Княгини, что неплодна бысть; и нача съ плачемъ говорити къ Бояромъ: кому по мнѣ царствовати на Русской земли и во всѣхъ городѣхъ моихъ и въ предѣлѣхъ? Братіи ли дамъ? ино Братья своихъ Удѣловъ не умѣютъ устраивати. И начаша Бояре говорити: Государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда,» и проч.

(277) См. выше, въ описаніи сего года. Въ Сиподальной библіотекѣ, въ книгѣ подъ No 347, л. 354 — 363, есть выписка изъ грамоты Паисія, старца Керапонтовой обители, о второмъ бракѣ Василія, любопытная, но едва ли достовѣрная. Тамъ сказано, что Великій Князь хотѣлъ знать мнѣніе Старца Симоновскаго, Вассіана, о разводѣ съ Соломоніею, именуя сего мужа подпорою Державы, *умягченіемъ* души своей, *веселіемъ бесѣды*, *наставникомъ любви;* что Вассіанъ объявилъ замышляемый имъ вторый бракъ прелюбодѣяніемъ; что раздраженный Государь велѣлъ Дьяку Трифону Ильину отвести дерзкаго Старца въ Чудовъ монастырь, гдѣ Дьяки Андрей Гостевъ и Семенъ Плѣшивый были его стражами; что Великій Князь, по совѣту Митрополита, писалъ къ Греческимъ Патріархамъ, требуя ихъ благословенія на разводъ; что Патріархи не дали онаго; что Іерусалимскій, именемъ Марко, въ духѣ пророка отвѣтствовалъ Василію: «если женишься вторично, то будешь имѣть злое чадо; Царство твое наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, падутъ главы Вельможъ, грады запылаютъ,» и проч.; что Митрополитъ Даніилъ сказалъ тогда: «мы обойдемся и безъ ихъ благословенія;» что Государь уѣхалъ въ село Александровское и тамъ долго совѣтовался съ Досиѳеемъ, Епископомъ Сарскимъ, и съ Чудовскимъ Архимандритомъ Іоною; что въ сіе время возвратился изъ Крыма посолъ Иванъ Колычовъ, а съ нимъ пріѣхалъ Инокъ Святыя Горы, Гавріилъ, съ письмомъ отъ всѣхъ тамошнихъ монастырей, которые также не одобряли развода — и проч. и проч. Въ сей выпискѣ много странныхъ выраженій и словъ *вымышленныхъ*, какихъ не бывало въ языкѣ нашемъ: роды Боярскіе именуются *Сарападаситіи*, Христіане *Урьдюкелями*, шапка Мономахова *ялдарыломъ*, и проч. Инокъ Вассіанъ сочинилъ посланіе, въ коемъ онъ, укоряя Монаховъ въ нѣгѣ, доказываетъ необходимость отнять у нихъ вотчины. На

сіе посланіе отвѣтствовалъ ученикъ Максима Грека, Инокъ Зиновій. «Вассіанъ (говоритъ онъ) не изволи брашна Симоновского ясти... яде приносимое ему отъ трапезы Вел. Князя, хлѣбы пшеничны, крупитчаты, брашна заслажаемая и многопестротѣ застроенаемая... піяше Романію, Бастръ (см. ниже, примѣч. 399), Мушкатель, Ренское бѣлое вино... Брашно же (въ монастырахъ) хлѣбъ овсянъ невѣянъ, или класы ржаные толчены, и таковые хлѣбы сухи безъ соли; питіе же вода, и вареніе имѣющихъ капустное листвіе; преимѣющіи же въ нихъ, аще зеліе, имѣютъ свеклу и рѣпу; овощи же имъ рябина и калина; о одежди же что и глаголати? искропаны,» и проч. Сія рукопись въ Новогород. Софійской библіотекѣ. См. *Исторію Рос. Іерархіи*, Т. II, стр. XXX.

(278) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна* и Гербершт. R. M. Com. 58. Симеонъ Курбскій въ старости не ѣлъ мяса, а рыбу только въ Воскресенье, Вторникъ и Субботу.

(279) Архив. *Псков. Лѣт.* Малинов.: «К. В. постриже Княгиню Соломонію, а Елену взятъ за собя, а все то за наше согрѣшеніе... Иже аще кто пуститъ жену свою, а оженится иною, прелюбы творитъ.»

(280) Герберішт. R. M. Com. 18, 19. Она вырвала кукуль изъ рукъ Митрополита, бросила на землю и топтала погами, говоритъ сей Историкъ, прибавляя, что Шигона ударилъ ее и сказалъ: «смѣешь ли противиться волѣ Государя?» *А ты какъ смѣешь поднять на меня руку?* спросила несчастная. «Именемъ В. Князя,» отвѣтствовалъ Шигона. — Въ Синод. Лѣт. No 365: «К. В. велѣлъ пострични свою В. Княгиню и послалъ въ Суздаль къ Покрову въ дѣвичь монастырь; а постригъ ее на Москвѣ у Рожества Пречистые за пушечными избами въ дѣвичѣ монастырѣ Никольской Игуменъ Старого Давидъ.» Въ Государственномъ Московскомъ Архивѣ хранится слѣдующая подлинная грамота: «Се язъ Князь Великій Василей Ивановичь всеа Русіи пожаловалъ есми *Старицу Софью* въ Суздалѣ своимъ селомъ Вышеславскимъ съ деревнями и съ починки, со всѣмъ съ тѣмъ, чтобы къ тому селу и къ деревнямъ и къ починкомъ истари потягло, до ее живота; а послѣ ее живота, ино то село Вышеславское въ Домъ Пречистые Покрову Св. Богородици Игуменьѣ Ульянѣе и всѣмъ сестрамъ, или по ней иная Игуменья будетъ въ томъ монастырѣ, въ прокъ имъ. Писанъ на Москвѣ л. 7035, Сент. 19 дня» (1526 года). Весьма вѣроятно, что сія Монахиня Софія есть бывшая Вел. Княгиня Соломонія. Въ рукописной Суздальской лѣтописи сказано: Вел. Княгиня *Соломонія*, въ постриженіи *Софія*, скончалась 7051 (1542) Дек. 18; иночествовала 17 лѣтъ и 15 дней; погребена въ Покровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.»

(281) Герберішт. R. M. Com. 19.

(282) См. тамъ же.

(283) Въ Февр. 1527. См. въ *Собраніи Госуд. Грамот.* стр. 428, запись Князей Пенковыхъ и другихъ Дворянъ, данную ими Боярамъ, Князьямъ Бѣльскому, Шуйскому и Горбатому въ поручительство за вѣрность Михаила Глинскаго. Въ случаѣ его бѣгства они обязывались заплатить 5000 рублей.

(284) См. *Древ. Рос. Вивліое.* XIII, стр. 5.

(285) Герберішт. R. M. Com. 96: Cum enim alteram uxorem duxisset, totam barbam abraserat: quod nunquam ab alio Principe factum perhibebant.

(286) См. *Никон. Лѣт.* г. 1521, и Павла Іовія de Legatione Basilii, Magni Principis Moscoviæ.

(287) См. П. Іовія de Legatione etc. — Около сего времени писалъ *Альберто Кампензе* Lettera intorno le cose di Moscovia al beat. Padre Clemente VII, убѣждая Папу стараться о присоединеніи Россіянъ къ Латинской Церкви. Альбертъ слышалъ о Россіи отъ своего отца и братьевъ, которые долго жили въ ней; но почти всѣ его географическія извѣстія выписаны изъ Мат. Мѣховскаго.

(288) См. Архив. Переписную Кн. No 1, л. 262.

(289) См. тамъ же, л. 262. Въ выпискахъ Абата Альбертранди изъ Ватиканской библіотеки есть наказъ, данный Сигизмундомъ сему послу Римскому. Король хотѣлъ заключить вѣчный миръ единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Василій возвратилъ ему Смоленскъ.

(290) См. Архив. Переписную Книгу, No 1, л. 256, гдѣ сказано: «Отпускъ ко Цесарю Великово Князя Подьячево Якуша Полушкина, да Цесарского Нѣмчина Вартоломея съ грамотами» (въ 1528 г.). Сей Бартоломей не былъ ни посланникомъ, ни гонцемъ Карловымъ, а находился у насъ, какъ вѣроятно, по своимъ дѣламъ. Въ 1524 году Якушъ возвратился въ Москву съ посломъ Антоніемъ, а К. Ярославскій Засѣкинъ съ Дьякомъ Семеномъ Борисовымъ отправились къ Императору.

(291) Данному имъ В. К. Іоанну.

(292) Герберішт. R. M. Com. 99, 109, 112, и Дѣла Польск. No 2, стр. 133 — 134. Въ Ватиканскихъ выпискахъ Аб. Альбертранди, въ прибавленіи къ отвѣту, данному Сигизмундомъ посламъ Карлову и Фердинандову, сказано, что они по тайному предписанію должны были утвердить Василія въ ненависти къ Королю и произвести войну между ним, дабы Фердинандъ Австрійскій могъ тѣмъ удобнѣе овладѣть Венгріею и Богеміею. Это можно было думать, но было несправедливо.

(293) См. *Никон. Лѣт.* 232, и Архив. Переписн. Кн. No 1, л. 262. Бумаги сихъ посольствъ утратились.

(294) Мстиславскій выѣхалъ къ намъ въ Іюлѣ 1526, и въ 1529, 23 Авг., уже былъ супругомъ Анастасіи, дочери Петра Царевича. Въ данной имъ тогда записи онъ клянется быть вѣрнымъ Государю и не сноситься въ Литвѣ съ отцемъ своимъ, К. Михайломъ Ивановичемъ. См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 433. — Въ Синод. Лѣт. No 356 сказано, что В. К. отдалъ Мстиславскому городки Шемякины въ отчину, Ярославецъ, Кременецъ, волость Мышегу, да Коширу въ помѣстье или *въ кормленіе*.

(295) Дѣла Польск. No 2, стр. 134 — 153. Не выписываемъ здѣсь мелочныхъ подробностей; замѣтимъ только, что Сигизмундъ въ 1529 году извѣстилъ Василія о возведеніи девятилѣтняго сына своего, Августа, на престолъ Королевскій; а въ 1532 году В. К. приказалъ остановить Литовскихъ пословъ на границѣ и спросить у нихъ подъ присягою, нѣтъ ли язвы въ *Литвѣ?* Новое перемиріе на годъ заключено въ Москвѣ въ 1532 г. Сапѣгою и Клочкомъ.

(296) См. Далин. Gesch. des Reiches Schw. III, 74, и сей подлинный договоръ, утвержденный въ Новѣгородѣ 3 Апрѣля 1524 и находящійся въ Архивѣ Ин. Коллегіи на Латинскомъ языкѣ. Внизу слѣдующія подписи: 1. ad hanc cedulam electi Regis Svecie Gostafui ego orator Chanatus Erici mandavi Capellano meo Iohanni Erasmo pro me apponere manum, quia ego scribere ne scio; то есть: «я посолъ Канутъ велѣлъ за себя руку приложить Капеллану моему, ибо самъ писать не умѣю.» 2... Orator Bero Nicolai. 3... Orator Presbiter Iohannes Canonicus Aboensis.

Въ Архивск. Переписн. Книгѣ записано: «въ 7032 (1524) году пріѣздъ къ Москвѣ и отпускъ съ Москвы Свейскихъ пословъ Ирика Фланина съ товарищи.»

(297) См. Герберішт. R. M. Com. стр. 33, и Далин. Т. III, стр. 112. Ваза посылалъ для того въ Москву вторично Эрика Флеминга, который

выѣхалъ оттуда уже по кончинѣ Василія. О семъ посольствѣ упоминается въ Архив. Переписн. Кн. подъ 1534 годомъ, л. 276.

(298) Дѣла Турецк. No 1, л. 290 — 334. Скиндеръ умеръ въ Москвѣ въ 1530 году.

(299) См. Дѣла Крымск. No 6, л. 159 — 160, и *Никон. Лѣт.* 234. Исламъ пришелъ къ Окѣ 5 Сент. Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: «Бѣ нѣгдѣ село В. К. а въ немъ церковь Николы, и К. Алай Исламовъ зажже оную, и ту удержанъ бысть гнѣвомъ Божіимъ и поиманъ Воеводами,» и проч. Сей Лѣтописецъ говоритъ, что у Ислама было 60,000 воиновъ, и что онъ стоялъ въ 20 верстахъ отъ Оки.

(300) Дѣла Крымск. л. 159 на обор.: «А Крымскихъ пословъ, Чабыка съ товарищи, К. В. въ тѣ поры велѣлъ потопити.»

(301) Предложимъ выписку изъ Крымскихъ дѣлъ. Сайдетъ-Гирей въ 1524 году прислалъ къ В. К. союзную грамоту, но включалъ въ оную выраженія непристойныя: се не приняли. Сей Ханъ заточилъ брата своего, бывшаго Царя Казанскаго, Саипъ-Гирея, въ Балаклавѣ и думалъ умертвить племянника, Магметъ-Гиреева сына, Ислама, который, узнавъ о томъ, собралъ войско, схватилъ мать Сайдетъ-Гирееву на пути въ Кыркоръ, отогналъ стада Ханскія и назвался Царемъ съ согласія Улановъ Крымскихъ. Сайдетъ-Гирей заперся въ Перекопи, освободилъ Саипъ-Гирея, далъ ему чинъ Калги, и его стараніями опять привлекъ къ себѣ Улановъ, такъ, что Исламъ, ими оставленный, долженъ былъ уйти изъ Крыма, ограбивъ на Молочныхъ Водахъ купеческій караванъ, въ коемъ находилось много Армянъ и Россіянъ: тогда послы Сайдетъ-Гиреевы, Чабукъ-Мурза и К. Янышъ, заключили въ Москвѣ союзъ съ Россіею (въ 1525 г.). Между тѣмъ В. К. звалъ къ себѣ странствующаго Ислама; но свѣдалъ, что сей бѣглецъ уже снова царствуетъ въ Тавридѣ, изгнавъ Сайдетъ-Гирея и побивъ 1700 Турковъ, пришедшихъ изъ Кафы на помощь къ Хану. Нашъ Бояринъ Колычовъ возвратился изъ Крыма съ симъ извѣстіемъ. Исламъ не долго властвовалъ, и едва не убитый Мурзами, бѣжалъ въ Тюмень; а послѣ примирился съ Сайдетъ-Гиреемъ, и напалъ на Россію. Чрезъ годъ онъ уже опять скитался въ степяхъ изгнанникомъ. Сношенія съ Ханомъ продолжались. Великокняжескій посланникъ Челищовъ умеръ въ Тавридѣ. Въ 1530 году Сайдетъ-Гирей требовалъ тысячи алтынъ съ Одоева и съ Рязанскихъ городовъ, сказывая, что сія дань со временъ дѣда его, Азя-Гирея, принадлежала одному знаменитому Крымскому чиновнику; ограбилъ нашего посла Злобина, и тревожилъ набѣгами Бѣлевскія и Тульскія мѣста. Государь (въ 1531 г.), послалъ въ Путивль Царя Шигъ-Алея и Шибанскаго Царевича Ахдовлета съ Городецкими Козаками и съ служивыми Татарами, К. Бориса Горбатаго, Воронцова, Оболенскаго (Намѣстника Новагорода Сѣверскаго) съ Дѣтьми Боярскими, Козаками и *Севрюками*, а въ Коломну и Кошру К. Василья Шійускаго съ сильнымъ войскомъ, написавъ къ Хану грозное письмо. Умертвивъ Ширинскаго Князя, Бахтіяра, господствовавшаго въ Старомъ Крымѣ, и многихъ знатныхъ, Ханъ выслалъ Калгу Саипъ-Гирея, ненавистнаго Вельможамъ, въ Царьградъ, возобновилъ союзъ съ Василіемъ, вредилъ Литвѣ, и наконецъ (въ 1532 году) сверженный съ престола, уѣхалъ къ Султану. Исламъ объявилъ себя Царемъ: будучи изгнанникомъ, онъ требовалъ, чтобы В. К. усыновилъ его, и Василій далъ ему имя сына. По волѣ Султана уступивъ престолъ Саипъ-Гирею, Исламъ остался Калгою; а новый Царь, бывъ дотолѣ въ дружеской перепискѣ съ Василіемъ, началъ весьма грубо требовать богатыхъ даровъ. В. К. послалъ къ нему Вас. Левашева съ поздравительною грамотою. См. Дѣла Крым. No 6, отъ л. 52 до конца сей книги.

(302) См. *Никон. Лѣт.* 234 и слѣд.; также *Казан. Лѣт.* гл. 19. — Сафа-Гирей присылалъ Князей Табая, Давая и Бакшея Ибрагима въ Новую Слободу къ Государю; а послѣ Князей Мамыша и Курата. — Въ большомъ полку съ Бѣльскимъ были Новогородскій Намѣстникъ К. Мих. Вас. Горбатой и К. Мих. Ив. Кубенской, въ передов. К. Ѳед. Вас. Лопата Телепневъ-Оболенской и К. Сем. Ѳед. Сѣцкой; въ правой рукѣ Ѳед. Юр. Щука-Кутузовъ и К. Ѳед. Мих. Курбской-Карамышевъ; въ лѣвой Ив. и Андр. Ник. Бутурлины; въ сторожевомъ К. Ив. Ив. Барбатинъ и Мих. Ильинъ Бокеевъ; а въ конницѣ К. М. Глинскій, Вас. Андр. Шереметевъ; въ передов. полку К. Ив. Ѳед. Овчина-Телепневъ-Оболенской и Чулокъ-Засѣкинъ; въ правой рукѣ К. Петръ и Вас. Ив. Рѣпнины; въ лѣвой К. Ѳед. Овчина-Телепневъ-Оболенскій и Ѳед. Онучковъ Рязанецъ; въ сторожевомъ Дм. Воронцовъ и К. Ив. Мезецкой. Конная рать имѣла нѣсколько сшибокъ до соединенія съ главнымъ войскомъ. Въ Казани были и Астраханцы. Объ Аталыкѣ сказано: «Спящу ему въ шатрѣ съ женою на дворѣ своемъ, и вскочившу въ одной срачицѣ на конь, и безъ пояса и необувенъ въ сапоги, и хотѣ во градъ убѣжати, и конь его аки крылатъ рѣку перелетѣ: онъ же спаде съ коня и остася на сей странѣ, и ту убиша его: наѣзжалъ на 100 воинъ, удалыхъ бойцевъ; коего ударяше мечемъ во главу, и растинаше на двое до сѣдла; стрѣляше далѣе версты въ примѣту; бѣ исполинъ тѣломъ; очи кровавы и велики аки буйволовы... К. Ѳед. Лопату въ мышку застрѣлиша, и отече рука его аки мѣхъ и умре въ третій день.» По другому извѣстію Аталыка убитъ съ женою въ острогѣ. Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Сафа-Гирей съ тремя тысячами Крымцевъ ночью пробился сквозь наше войско и раненый бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ жилъ 18 мѣсяцевъ. Сіе извѣстіе несправедливо: въ концѣ 1530 года онъ былъ въ Казани и прислалъ въ Москву пословъ. Въ Синод. Лѣт. No 365: «Погониша за Царемъ къ Арскому городку; а промежъ Большими Воеводами пришла брань, и обозу города Гуляя не сомкнуша, и пришла Черемиса, и городъ Гуляй взяли, и пищалей затинныхъ (ломовыхъ) 70... и на той стравкѣ убили К. Ѳ. Вас. Лопату и К. Ив. Осиповича Дорогобужскаго, Порашу да Игнатья Ив. Жулебина, да Григ. Андр. Сабурова, да Ѳ. Тимоѳ. Замятнина; а Ив. Кляпикова на Свіязѣ взяли, и въ Казани казнили.» По другимъ лѣтописамъ Царь не выходилъ изъ Казанской крѣпости, К. Лопата былъ застрѣленъ съ городской башни, а Дорогобужской пронзенъ копьемъ.

(303) Въ Казанскомъ походѣ 1524 года.

(304) Будучи внукомъ В. Княгини Рязанской, сестры Іоанновой.

(305) См. *Казан. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Казань три дни стояла пустая и беззащитная; что Россіяне взяли выходы и оброки впредь на 3 года; что никто изъ Воеводъ не хотѣлъ тамъ остаться; что Бѣльскій обогатился золотомъ; что, кромѣ Митрополита, ходатайствовалъ за него Троицкій Игуменъ Порѳеній; что Бѣльскій сидѣлъ 5 лѣтъ въ темницѣ. См. *Никон. Лѣт.* 257.

(306) Къ Сафа-Гирею ѣздилъ Боярской сынъ Иванъ Полевъ, который прислалъ Бояр. Сына Сурю Нехаева съ вѣстію объ измѣнѣ Царя. Съ послами Казанскими въ Москвѣ говорили Ѳедоръ Ивановъ Карповъ и Дьякъ Меньшій Путятинъ. Ноября 24 отправили въ Казань Посника Головина съ письмами къ Уланамъ и Князьямъ, а Дек. 10 Шигъ-Алея съ

Казанскими послами въ Нижній, куда 20 Дек. поѣхалъ Дьякъ Аѳанасій Курицынъ съ новыми грамотами, которыя надлежало переслать въ Казань Намѣстнику Нижегородскому, Вас. Вас. Шуйскому. 17 Мая пріѣхалъ изъ Казани въ Москву Головинъ съ извѣстіемъ объ изгнаніи Сафа-Гирея, а чрезъ два дни послы отъ Царевны, Кичигилея Мурзы, К. Булата и всѣхъ Улановъ, чтобы дать имъ въ Цари Еналея. В. К. послалъ въ Мещерскій Городокъ Ѳед. Сем. Воронцова, велѣлъ Еналею къ 22 Іюня быть въ Василѣ, а Князю В. В. Шуйскому взять съ него присягу. Морозовъ и Дьякъ Курицынъ возвели Еналея въ Казани на престолъ Іюня 29. *Никон. Лѣт.* ошибается въ числахъ.

22 Февр. 1533 Еналей, Царевна и Вельможи Казанскіе прислали въ Москву К. Агыша съ прозьбою, чтобы Государь не бралъ у нихъ пушекъ. Іюня 6 Уланъ Аппай и другіе послы Казанскіе требовали у него дозволенія женить Царя и предлагали ему на рѣшеніе дѣла земскія.

(307) Въ Генварѣ 1533.

(308) Въ *Степен. Кн.* Латухина: «Вел. Княгиня Елена вопроси нѣкоего мужа юрода, именемъ Доментіана, глаголя: что имамъ родити? Онъ же яко юродствуя глаголаше: родится Титъ, широкій умъ.» — Синод. библіот. въ Лѣтописцѣ Димитрія Ростовск. въ листъ, No 87, л. 204: «Въ л. 7037 К. Великій В. I. и съ Вел. Княгинею былъ на Вологдѣ и въ монастырехъ у Чудотворцевъ въ Кирилловѣ, на Каменномъ, на Глушицѣ, на Прилуцѣ у Спаса, въ Корниліевѣ въ Павловѣ пустыни, и милостыню велію давалъ и потѣшеніе по монастыремъ и во градѣ Попомъ, а велѣлъ молитися о чадородіи, чтобъ далъ Богъ, отродъ у него былъ; а пріѣха на Вологду за недѣлю до Рожд. Христова; а въ монастырь ѣздилъ 4 дни до Кириллова; а Рождество Христ. взялъ на Вологдѣ, назадъ ѣдучи изъ Кириллова.»

(309) Въ *Ростов. Лѣт.* 587: «Въ настоящій часъ рожденію его (Іоаннову) бывшу, внезапу бысть громъ страшенъ зѣло, и блистанію молніи бывшу *по всей области Державы ихъ*, яко основанію земли поколебатися, таковому страшному грому.» Но другимъ лѣтописямъ сія необыкновенная гроза была только въ Новѣгородѣ.

(310) Синод. Лѣтоп. Димит. Ростов. No 87, л. 204: «И на той радости К. В. пожаловалъ многихъ людей опальныхъ, К. Ѳ. М. Мстиславскаго, да К. Мих. Данил. Нариманотова Щенятева, да К. Бориса Ив. Суздальскаго-Горбатова, да Мих. Андр. Плещеева, да Як. Давид. Морозова, да Ив. Вас. Лятскаго, да Ив. Юр. Шигону, да Ив. Ив. Телешова Дьяка, да иныхъ многихъ Дѣтей Боярскихъ — и тюрмы велѣлъ распущать.» — См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ* записи Мстиславскаго и Плещеева (стр. 439 и 448), писанныя въ 1531 и 1532 году: первый винится въ замыслѣ бѣжать въ Литву, а вторый обѣщается впредь не приставать къ лиходѣямъ В. Князя и *Елены*. См. также Курбскаго *Исторію Царя Іоанна:* о гоненіи на тѣхъ, которые осуждали вторый бракъ Іоанновъ.

(311) *Степен. Кн.* II, 210. Въ Синод. Лѣт. No 351: «Петру Чюдотворцу раку *злату* вычеканити повелѣ и образъ златъ каменіемъ украсити, а страны у раки сребряны, а Св. Алексію раку сребряну всю, а на ракѣ образъ его позлатити и столпцы у раки.» Онѣ были сдѣланы въ 1535 году, и въ Февралѣ, въ Четвертокъ первой недѣли поста, Митрополитъ Даніилъ преложилъ мощи Св. Алексія въ новую раку.

(312) 30 Окт. 1532, въ седьмомъ часу дня; крещенъ на третьей недѣлѣ у Богоявленія на Троицкомъ дворѣ Игуменомъ Троицкимъ Іоасафомъ и Даніиломъ Переславскимъ. На пиру были Государевы братья и всѣ Вельможи.

(313) Андреевны, 22 Февр. 1533. — Братья Государевы, К. Симеонъ скончался 26 Іюня 1518, а К. Андрей 14 Февр. 1521.

(314) Въ 1528 и 1530 г. были у насъ Волошскіе или Молдавскіе послы, Александръ Кержа съ товарищи; а къ Господарю ѣздили Посломъ Константинъ Замыцкій, а Посланникомъ Чудинъ Карачаровъ (см. Дѣла Польск. No 2, стр. 139 — 145). 3 Мая 1532 посылалъ В. К. въ Молдавію черезъ Крымъ Подьячаго Ивашка Елизарова, который возвратился оттуда 7 Ноября съ Молдавскимъ чиновникомъ Юшкомъ, отправленнымъ назадъ въ Молдавію 19 Іюня 1533 съ Дворяниномъ Ѳедоромъ Леонтьевымъ (см. *Архив.* и *Никон. Лѣт.*).

(315) Іюля 21 (1532) пріѣхалъ на Москву изъ Асторохани отъ Касыма Царя человѣкъ его Злоба съ товарищи, съ грамотою, и послѣ того пріѣхали съ Волги Казаки Городецкіе, да сказывали, что Черкасы Асторохань взяли, Царя и Князей побили... А Царемъ учинился Аккубекъ Царевичь. — Того же лѣта (1533) Авг. пріиде на Москву изъ Асторохани отъ Царя Абдылъ-Рохмана Кудояръ,» и проч. См. *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(316) *Никон. Лѣт.* 249.

(317) См. *Архив.* и *Никон. Лѣт.* 250. Сіе было въ Сент. 1532. Бабуръ названъ *Падшею*, т. е. Пашею.

(318) См. *Архив. Ростов.* (л. 593) и *Никон. Лѣт.* 256. Государь выслалъ на Оку съ полками К. Дим. Бѣльскаго, В. Б. Шуйскаго, Мих. Вас. Горбатаго, Мих. Сем. Воронцова, Ив. Лятцкаго.

(319) См. Дѣла Крым. No 7, л. 69 — 76.

(320) *Ростов. Лѣт.* л. 594: «Людіе же поразсудивъ и глаголаху въ себѣ, яко быти во Царствѣ премѣненію нѣкоему.»

(321) Выписываемъ здѣсь подробности изъ *Ростов. Лѣт.*, л. 594:

«Объявися у него болячка близъ нужнаго мѣста, на сгибѣ, багрова, верху нѣсть, ни гною... И пріиде въ Нохабное село, и пойде нужно въ Покровское въ Фуниково, и ту празднова Покрову, и оттуда пойде въ свое село Покровское и пребысть 2 дни, и пріиде на Волокъ нужно въ Недѣлю послѣ Покрова, и бысть пиръ у Дворецкаго Тверскаго и Волоцкаго, И. Ю. Шигоны... Наутріе съ великою нуждею дойде до мыльни и за столомъ сѣде въ постельныхъ хоромахъ великою нуждею; на утріе же бысть поголіе велію тѣшитися Государю, и послаша по Ловчихъ, по Ѳедора Михайлова Нагова, да по Бориса Васильева Дятлова, да по Бобрищу Пушкина, и пойде въ село свое Колпь, болѣзнію одержимъ... И ѣдучи мало бысть потѣхи... И сѣдяше за столомъ нуждею. Посла по брата, К. Андрея Іоан., на потѣху къ себѣ, и пріѣха. Тогда съ великою нуждею поѣха со К. Андреемъ на поле съ собаками, и поѣздиша мало... И сѣдящу ему за столомъ съ братомъ изнемогающе; и оттолѣ стола у него не бысть, но вкушаше мало на постели... И повелѣ прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную съ медомъ прѣснымъ и лукъ печенъ... И нача рдѣтися... И учинися прыщалъ и появися мало гною. Живе же въ Колпѣ 2 недѣли, и понесоша его на носилицахъ Дѣти Боярскіе и Княжата (въ Волокъ)... И повелѣ К. В. прикладывати масть (бальзамъ), и нача изъ болячки гной итти до полутаза и по тазу... Въ грудѣхъ ему бысть тягость, и того ради *озяша* горшки тридневные и *сѣменники*, и съ того пронесе ему напизъ... И не нача ѣсти.» (Тутъ посылаетъ за грамотами въ Москву)... «Въ нощи противу Димитріевы Суботы спадше множество звѣздъ съ небеси яко велія градовыя или дождевыя тучи проливахуся на землю... Въ Субботу же противу

Димитріева дни на 6 часу нощи повелѣ принести къ себѣ тайно духовныя грамоты... И нача мыслити, когда пустати въ ту думу.» (Тутъ пріѣзжаетъ къ нему братъ Георгій и ѣдетъ назадъ)... «Тогда же, предъ памятію Варлаама Хутынскаго, въ нощи выйде у него много изъ болячки гною, и стержень болѣ полуторы пяди, но еще не весь. Князь же Великій возвеселился, чая облегченія, и посла къ Москвѣ по Гетмана своего Яна. Янъ же нача прикладывати къ болячкѣ мастъ обычную... И мало отокъ полаже... И посла по старца своего, по Мисаила Сукина... Болѣзнь же его тяжка бысть ... и посла по Боярина по Михайла Юрьевича... И быша съ нимъ Дьяки его, Гр. Путятинъ и Елизаръ Цыплятевъ, Аѳанасій Курицынъ, Третьякъ Раковъ... И не исхождаше отъ постели (В. Князя) ни мало; обращаху его со страны на страну. И егда же пойде съ Волока во Іосифовъ монастырь, и бысть у него въ каптанѣ (саняхъ) К. Дм. Ив. Шкурлятевъ, да К. Дм. Ѳед. Палецкой; обращаху его ѣдучи... И взяша подъ руки и пойдоша ко храму... Игуменъ же (послѣ обѣдни) моли Государя въ келліи, чтобы вкусилъ брашна... И вкуси нуждею... И посла брата съ Бояры во трапезу сѣсти, и ночева въ монастырѣ... Пойде къ Москвѣ, а брата отпустилъ въ его удѣлъ... Станы же В. Князя часты... И бысть въ Воробьевѣ два дни... Мостъ намостиша, а городовой прикащикъ бысть Димитрій Волынской, да Алексѣй Ховшиковъ и иные. На утріе же въ Недѣлю пойде В. К. къ Москву... У каптаны въ оглоблехъ впряжены 4 саванни вороны... Пойде во врата Боровицкіе... И повелѣ тайно служити у Благовѣщенія въ придѣлѣ, въ Василія Великомъ, Благовѣщенскому Попу Григорію, а на обѣдни туто были Владыка Коломен. Васіанъ, да Мисайло Сукинъ, да Протопопъ Алексѣй, и несъ дары Владыка... Въ среду же противъ Четверга В. К. тайно масломъ священся, а передъ Николинымъ днемъ въ нощи явственно свящался.... И несъ къ В. К. дары Протопопъ Алексѣй... Дару же и Пречистые хлѣбъ мало вземъ, и возлеже» и проч. Василій причащался 3 раза.

(322) См. *Собран. Госуд. Грам.*, стр. 416. Въ 1523 г. думая итти съ войскомъ къ Казани, В. К. подтвердилъ сіе первое духовное завѣщаніе, намъ неизвѣстное. — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «Нарече (Василій) сына своего при своемъ животѣ В. Княземъ, и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ Бояромъ немногимъ.»

(323) «Князь же Великій вкуси единыя миндальныя каши, мало токмо ко устомъ принесе.»

(324) Въ *Степен. Кн.* сказано, что Василій благословилъ сына и крестомъ Мономаховымъ, вручивъ ему вѣнецъ, діадиму, жезлъ и всю Царскую утварь сего древняго Великаго Князя.

(325) Жену Василія Андреев. Челяднина, бывшаго Дворецкимъ въ 1513 году.

(326) Жена Ивана Андреев., именемъ Елена.

(327) «Благословилъ его и далъ ему крестъ Пангійской, и приказа отнести тотъ крестъ по преставленіи своемъ Боярину Михайлу Юрьевичу.»

(328) «И посла своего Дворецкаго Тверскаго (Шигону) къ Алексію Протопопу, и повелѣ ему принести дары, и повелѣ его пытати, въ обычай ли ему то дѣло, егда же разлучается душа отъ тѣла? Протопопъ же отвѣща, егда мало того бывало... И какъ начали Канонъ пѣти, и забыся мало, и пробудився и нача говорити, яко видѣніе видѣ: *Государыня великая Екатерина! пора царствовати!* и пріимъ образъ Великомученицы Екатерины и любезно приложился къ ней, и коснуся рукою правою образу ея: понеже бо въ тѣ поры рука ему больна сущи... И мощи ея принесоша къ нему... Протопопъ хотя ему дары дати, онъ же уявъ его, и рече: видиши самъ, что лежу боленъ, а въ разумѣ своемъ; и егда станетъ душа отъ тѣла разлучатися, тогда ми и дары дай.» Василій уже не могъ креститься: «И подносяше ея (правую руку) Бояринъ его Михайло Юрьевичь... Патрахиль бѣ и пострижаніе у Митрополита. Еще тогда исповѣдалъ К. В. Митрополиту, когда дары взялъ въ Недѣлю передъ Николинымъ днемъ: аще ли не дадутъ мене пострищи, то на мертваго положи платіе Чернеческое... Митрополитъ же вземъ патрахиль и подасть чрезъ В. К. Игумену Іоасафу... И спѣшаху стрищи его.»

(329) «И видѣ Шигона духъ его отшедшъ аки дымецъ малъ.» — Всѣ сіи подробности взяты изъ *Ростов. Лѣт.*

(330) Василій въ 1531 году, Авг. 24, обязалъ брата, К. Юрія Іоанновича, клятвенною грамотою быть вѣрнымъ ему и сыну его. Она написана отъ слова до слова такъ, какъ писались договоры старыхъ Великихъ Князей Московскихъ съ младшими Удѣльными Князьями. Упоминается даже о *выходахъ* Ордынскихъ: «Орды вѣдати мнѣ Великому Князю и сыну моему, а тобѣ Ордъ не знати; а въ выходы ти въ Ордыньскіе, и въ Крымъ, и въ Асторокань, и въ Казань, и въ Царевичевъ городокъ, и въ иные Цари и въ Царевичи, которые будутъ у меня въ землѣ, и во всѣ Татарскіе проторы давати ти мнѣ съ своей отчины, какъ отецъ нашъ написалъ.» См. *Собраніе Госуд. Грамотъ*, стр. 445.

(331) «А у В. К. остася Игуменъ Троицкій Іоасафъ, да Старецъ его Мисайло Сукинъ, и начаша его наряжати и браду чесати, якоже подобаетъ по Чернеческому чину, и положиша подъ него отъ Михайлова Чуда ордъ... и Старцы Іосифовскіе начаша его наряжати, а Стряпчихъ В. Князя отсылаша; и начаша пѣти у него Заутреню... И поговоря съ Митрополитомъ и съ братіею В. К. и съ Бояры, Бояринъ его Михайло Юрьевичъ повелѣ ископати гробъ подлѣ отца его, противъ Симеона Лѣтопроводца, и послаша Постельничаго Русина, свемъ съ него мѣру, ему гробъ привезти каменный. Тогда же пріиде Митрополитъ и съ нимъ Владыка Васіанъ Коломенскій и Досиѳей Крутицкой, а иные Владыки быша во своихъ областяхъ и не поспѣша. Архимандриты же, Чудовскій Іона, Симоновскій Филоѳей, Андрониковскій Зосима, Игуменъ Троицкій, Іосифовскій и Московскіе всѣ... и повелѣша Діакомъ его любимымъ пѣвчимъ большой станицы стати во дверехъ, и начаша пѣти... Великую же Княгиню несоша изъ ея хоромъ въ саняхъ на собѣ Дѣти Боярскіе на лѣствицу... Боярыня же тогда бысть съ нею К. Ѳед. Мстиславскаго Княгиня Анастасія, да К. Иванова Данилов. Пенково Княгиня Марья, да Челяднина Ивана Андреев. Елена, да Василья Андреев. Агрипина, да Михайла Юрьев. Ѳеодосія, да Василья Иванов. Агрипина, да К. Васильева Львовича Глинскаго Анна.»

(332) Въ Синод. Лѣт. Димит. Ростовск., л. 203 на обор.: «Добрый и ласковый Государь.»

(333) Павелъ Іовій, стр. 129: Specie corporis eximia. Мы имѣемъ портреты Василіевы, которые считаются копіями современнаго.

(334) Сихъ писемъ, хранящихся въ Архивѣ, пять (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* III, 99). Выписываемъ для примѣра:

«Женѣ моей Оленѣ. Что меня не держышь безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ, ино то дѣлаешь гораздо; и ты бъ и впередъ не держала меня безъ вѣсти, какъ тобя Богъ милуетъ. Да и о Иванѣ сынѣ ко мнѣ отпиши, какъ его Богъ милуетъ. А язъ здѣсе милостію Божіею и родительскою молитвою далъ

Богъ живъ до Божіей воли и по-здорову есми совсѣмъ. Да писала еси ко мнѣ напередъ сего, что противъ Пятницы Иванъ сынъ *покрячелъ;* а нынѣ писала еси, у сына у Ивана явилось на шеѣ подъ затылкомъ мѣсто высоко да крѣпко, а напередъ сего о томъ еси ко мнѣ не писала; а нынѣ пишешь, что утромъ въ Недѣлю на первомъ часу то мѣсто на шеѣ стало у него повыше, да и червленнѣе, и гною нѣтъ, и то мѣсто у него поболяетъ: и ты ко мнѣ напередъ того чего дѣля о томъ не писала?... И ты бъ нынѣ отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него таково на шеѣ явилося, и которымъ обычаемъ, и сколь давно, и каково нынѣ; и со Княгинями бы еси и съ Боярынями поговорила... живетъ ли таково у дѣтей у малыхъ; и будетъ живетъ, ино съ чего, съ роду ли или съ иного съ чего? О всемъ бы еси поговорила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ язъ вѣдалъ... И какъ нынѣ тобя Богъ милуетъ и сына Ивана, ко мнѣ отпиши. А писалъ у меня сію грамоту Діакъ мой Меншыкъ Путятинъ; а запечаталъ есми ее своимъ перстнемъ.» — Въ другомъ письмѣ: «Да поболяетъ у тебя полголовы и ухо и сторона; и ты бъ ко мнѣ и о томъ отписала, какъ тобя Богъ миловалъ, не баливала ли у тобя полголовы и ухо и сторона?» — Въ третьемъ: «Да писала еси ко мнѣ, что Юрьи сынъ попысался, а въ тѣ поры его парили въ корытѣ проскурникомъ, а спускъ крѣпокъ, черёнъ... Да Бога ради не кручинся, а о всемъ клади упованье на Бога.» — Въ четвертомъ: «А зубу моему таковожъ, какъ есми къ тобѣ писалъ... Да о кушеньѣ о Ивановѣ и впередъ ко мнѣ отписывай, что Иванъ, сынъ мой, коли покушаетъ, чтобъ то мнѣ вѣдомо было.» — Въ пятомъ: «Нынѣ есми послалъ къ Митрополиту да и къ тобѣ Юшка Шеина, а съ нимъ образъ Преображенье; да въ сей грамотѣ запись свою руку: и ты бъ ту запись прочла, да держала ее у собя. А язъ, оже дасть Богъ, одноличпо ко Крещенью буду на Москву.»

Сіи грамоты писаны въ послѣдніе годы Василіевой жизни; но откуда, не означено.

(335) Въ Синод. Лѣт. No 365: «Тояже зимы (въ 1525 г.) велѣлъ К. В. казнити Боярина своего Берсеня-Беклемишова, голову съсѣчи на Москвѣ на рѣкѣ; а Ѳедору Жареному языкъ вырѣзати.» Злословіе Берсеня и Жаренаго описано въ дѣлѣ Максима Грека (см. ниже, примѣч. 344—346). Иванъ Берсень въ допросѣ 22 Февр. 1525 показалъ: «Уговилъ меня Ѳедько Жареной тому съ недѣлю противъ Николы, а Максима уже изымали, и училъ мнѣ сказывати: *велятъ мнѣ Максима клепати*... а сказываетъ, что К. В. присылалъ къ Ѳедьку Игумена Троецкаго: *только мнѣ солжишь на Максима, и язъ тобя пожалую.*»

(336) *Никон. Лѣт.* 184, и Гербершт. R. M. Comment. стр. 11.

(337) *Собран. Госуд. Грамотъ*, стр. 414, 425 и 430. Повинная запись К. Ив. Мих. Воротынскаго писана въ 1525 году, К. Василія Шуйскаго въ 1522, съ ручательствомъ Духовенства; а Князей Ивана и Андрея Михайловичей Шуйскихъ въ Іюнѣ 1528, съ ручательствомъ Князей Ростовскихъ и многихъ Дворянъ, которые, въ случаѣ ихъ (Шуйскихъ) измѣны, обязывались внести въ казну 2000 рублей.

(338) Гербершт. R. M. Comment. стр. 31.

(339) См. рукописную повѣсть или *Сказаніе о Максимѣ Инокѣ Святогорцѣ Ватопедскія Обители*, найденное мною въ библіотекѣ Троицкой Лавры.

(340) Въ Посланіи Максима къ В. К. Василію о переводѣ *Толковой Псалтири:* «Сътрудившихся со мною и причастниковъ дѣла бывшихъ, Власа и Митю толмачей, и Михаля Медоварцова, и Сильвана Инока и брата нашего, писарей и малѣйшихъ служебниковъ Царствія твоего познати да изволиши и трудовъ помянати; мнѣ же и сущимъ со мною братіи возвращеніе къ Св. Горѣ за вся просящимъ даровати, да изволиши отъ долгія сея печали свободити. Воздай паки насъ добрѣ и опаснѣ честному монастырю Ватопеди, издавна насъ ждущу, по подобію птенцовъ питающія ихъ ждущихъ, да не лишимся многолѣтныхъ тамошнихъ трудовъ и потовъ нашихъ, ихъ же положихомъ тамо о надеждѣ нашего о Господѣ скончанія... Да уразумѣютъ отъ насъ и тамо пребывающіи Христіане, яко имѣютъ еще Царя, не о языцѣхъ токмо безчисленныхъ и о иныхъ множайшихъ удивленія и слышанія достойныхъ царски изобилующа, но яко правдою и православіемъ паче всѣхъ прославленъ есть, яко Константину и Ѳеодосію Великимъ уподобитися мощи, имъ же и твоя Державa послѣдующи, буди и намъ нѣкогда царствовати, отъ нечестивыхъ работы свобожденнымъ Тобою: вся бо возможна всѣхъ Владыцѣ; и якоже древле отъ Нижнихъ Галловъ воздвигнувъ великаго въ Царехъ Константина Древняго Рима, злѣ стужима, избави отъ нечестиваго Максентія: сице, и нынѣ тезоименитаго тому Новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ Агарянъ, Державою Царствія твоего да изволитъ свободити.» См. сей *Исторіи* Т. VIII, примѣч. 71.

(341) См. рукописное собраніе Максимовыхъ твореній въ библіотекѣ Троицкой Лавры, числомъ 134. Означимъ титулъ нѣкоторыхъ: 1) *Посланіе къ Даніилу Митрополиту;* 2) *Сказаніе о томъ, что подъ крестомъ на церкви мѣсяцъ младъ;* 3) *Слово на Николая Нѣмчина*, 4) *На Ивана Лудовика*, 5) *На Лютеры*, 6) *На Самуила Евреина*, 7) *О пожарѣ Тверскомъ*, 8) *Благодарственное къ Богу о побѣдѣ на Крымскаго пса*, 9) *Отвѣтное Николаю Латинянину;* 10) *Словцо хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя;* 11) *Посланіе къ В. К. Василію Ивановичу,* 12) *Къ Ѳед. Ивановичу Карпову;* 13) *Похвала Акакію, Епископу Тверскому;* 14) *Совѣтъ на злодѣя Исаака Жидовина;* 15) *Предисловіе къ житію Чудотворцевъ Соловецкихъ;* 16) *Слово къ отрицающимся поставленія Греческаго Патріарха, аки въ области суще безбожныхъ Турковъ;* 17) *Слово къ самому Царю, В. К. Ив. Васильев. воспоминательно;* 18) *Посланіе къ нѣкоему другу сѣдящу въ темницѣ*, 19) *Къ потопляемымъ и погибаемымъ безъ ума гнуснымъ Содомскимъ грѣхомъ;* 20) *О Сивиллахъ, колико ихъ было;* 21) *Къ Сильвестру Попу;* 22) *Къ Григорію Діакону.*

(342) См. Курбскаго *Исторію Царя Іоанна.*

(343) См. Курбскаго — и выше, примѣч. 341; но Максимъ въ разсужденіи своемъ говоритъ болѣе о тѣхъ мужьяхъ, которые, оставляя женъ, идутъ въ монахи. Въ Хронографѣ Гр. Толст. подтверждается сказаніе Курбскаго такими словами: «Писано, яко сего ради на Старца Максима и на прочихъ гнѣвъ бысть В. Князя, дабы изложенія и обличія ихъ не было, егда восхотѣ первую В. Княгиню отринути отъ себя неплодствія ради и второму браку сопричаститися; и того ради Симоновскій Старецъ Васіянъ отсылается въ Іосифовъ монастырь, а Максимъ во градъ Тверь, Саву въ Зосиминъ монастырь, Селивана въ Соловки, доброписца Михайла Медоварцова на Коломну, иже данъ бысть Максиму писати книги.» Въ другой, Синод. рукописи (см. выше, примѣч. 277) сказано тоже, съ прибавленіемъ: «Составилъ (Митрополитъ) на Максима свѣдѣтеля Архим. Чудов. Іону... и Васьяна Топоркова, Еписк. Колом., и велѣлъ Іонѣ глаголати на Соборѣ.»

(344) Въ Дѣлѣ Максима Грека, хранящемся въ Архивѣ: «Максимъ сказалъ: въспросилъ его Ив. Берсень: какъ тебя Государь хочетъ отпустити въ Святую Гору? и язъ ему молвилъ: прошуся много, да Государь меня не отпуститъ (не отпускаетъ); и Берсень молвилъ: а и не бывать тебѣ отъ насъ; и язъ его вопросилъ, за что мнѣ не быти? и Берсень молвилъ: мнѣнья па тебя держитъ, что сюдѣ еси пришелъ, а человѣкъ еси разумной, и свѣдалъ еси наша добрая и лихая, и тобѣ тамо отшедъ сказати. Да вспросилъ меня Берсень: вѣдаешь ли де, съ которымъ дѣломъ къ намъ пришелъ Турецкой посолъ Скиндеръ? И Максимъ молвилъ: не вѣдаю, господине, а слышу, что денги Салтановы съ нимъ, купить что приказалъ. И Берсень молвилъ: начто намъ его дружба? лутчи было не дружитися съ нимъ, по тому же, какъ покойникъ К. В. Иванъ Васильевичь посылалъ посла къ Турецкому къ Салтану, и Салтанъ призвалъ посла нашего и молвилъ ему: скажи своему Государю: далече отъ меня живетъ; нѣтъ ему до меня дѣла; а будетъ ему которое дѣло, ино сынъ мой живетъ въ Кафѣ: посылай къ нему. — И Максимъ сказывалъ: пришелъ ко мнѣ Берсень, коли былъ въ опалѣ, а тому съ годъ нѣтъ, не помню, о котору пору, и язъ попыталъ, былъ ли еси у Митрополита? и Берсень молвилъ: язъ того не вѣдаю, есть ли Митрополитъ на Москвѣ. И язъ молвилъ: какъ Митрополита нѣтъ? Даніилъ. И Берсень молвилъ: не вѣдаю де Митрополита: простой Чернецъ; учительна слова отъ него нѣтъ никотораго, и не печалуется ни о комъ; а прежніе Святители сидѣли на своихъ мѣстѣхъ въ манатьяхъ, и печаловалися Государю о всѣхъ людехъ.»

(345) Въ *Сказаніи о Максимѣ Грекѣ:* «Злоначальный врагъ (Діаволъ) воздвиже нѣкоторыхъ небратолюбцевъ на зависть, яко иноплеменный человѣкъ въ толику высость воздвигся; забыша бо Апостольское слово: *нѣсть Іудей, ни Еллинъ, ни варваръ, ни Скиөъ: вси бо о Христѣ едини есте.* И сего Максима оклеветаша еретикомъ и прелестникомъ, и врагомъ земли Русской... лжесвидѣтельствомъ украшаху клевету. И тако неповиннаго заточенію осуждаютъ; и бысть въ заточеніи лѣтъ 22 во градѣ Твери... и ослабу улучи отъ Епископа Тв. Акакія, по благословенію Митрополита Іоасафа: къ церкви хожденіе и Св. Таинъ причащенія.» Самъ Максимъ въ посланіи къ Митрополиту Даніилу пишетъ: «Осудисте мя нѣкихъ ради малыхъ описей, обрѣтенныхъ въ бывшемъ отъ мене преводѣ, о нихъ же вещахъ вашему Собору, яко ниже по ереси, ниже по лукавству, но по нѣкоему случаю, или по забвенію, или по скорби смутившей мою мысль, или нѣчто излишному винопитію погрузившу мя, написашесь тогда тако. И падъ ницъ трижды предъ Соборомъ, прощенія просихъ... и вмѣсто прощенія оковы паки дасте ми.» — Въ одной лѣтописи сказано, что Максимъ былъ сперва сосланъ въ Іосифовскій Волоколамскій монастырь.

(346) Въ Дѣлѣ Максима Грека: «Берсень говорилъ, что Государь упрямъ и встрѣчи (противорѣчія) противъ себя не любитъ; а хто молвитъ противъ Государя, и онъ на того опалится. А отецъ его К. В. противъ себя встрѣчю любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали... Да въспросилъ язъ (Максимъ) Берсеня: Господине Иванъ! за что К. В. такова разумна человѣка не жалуетъ? И Берсень молвилъ: по грѣхомъ по мо имъ обговоры пришли на меня... говорилъ встрѣчи В. Князю о Смоленьску, и К. В. того не полюбилъ, да молвилъ: *пойди, смердъ, прочь; не надобенъ ми еси...* А тебя есмя, господине Максимъ, взяли изъ Св. Горы, да отъ тебя есмя какую пользу взяли? И язъ ему молвилъ: язъ, господине, сиротина: какой отъ меня пользѣ быти? И Берсень молвилъ: ты человѣкъ разумной, и можешь насъ пользовати, и пригоже было намъ тебя въспрашивати, какъ устроити Государю землю свою, и какъ людей жаловати, и какъ Митрополиту жити. И язъ молвилъ: у васъ книги и правила есть... Да Берсень же говорилъ: Добръ-де былъ К. В. Иванъ и до людей ласковъ, и пошлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшней Государь не по тому: людей мало жалуетъ. А какъ пришла сюда мати В. Князя Софья съ вашими Греки, ино земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша Руская жила въ тишинѣ и въ миру; пришли нестроенія великіе, какъ и у васъ во Царѣгородѣ. И язъ молвилъ: В. Княгиня Софья по отцѣ Царьскій родъ, а по матери В. Дукуса Феррарійского. И Берсень молвилъ: какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла. Вѣдаешь, а и мы слыхали у разумныхъ людей, которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи К. В. перемѣнилъ... Нынѣ Государь нашъ запершися самътретей у постели всякія дѣла дѣлаетъ... Подворье у меня отнялъ въ городѣ, а поставили на немъ Шемячичеву Княгиню; а изъ Новагорода изъ Нижнего людей всѣхъ роспустилъ, а сына моего одного оставилъ... А нынѣ отвсюды намъ брани; ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ: ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью, за наше нестроенье. И въспросили (судьи) Максима, что онъ молвилъ: *за наше нестроенье?* и Максимъ молвилъ: мнѣ ся мнитъ по моей мысли, какъ бы *несовѣтіемъ и высокоуміемъ.*»

Сіи любопытные допросы уцѣлѣли въ подлинникѣ; видны поправки въ рѣчахъ.

(347) P. Iovii de Leg. 129.

(348) Герберштейн. R. M. Comment. 96.

(349) *Никон. Лѣт.* 219: «Выѣхалъ К. В. къ Николѣ на Угрешу (въ Маѣ 1519), а оттолѣ въ Островъ, и тамо жилъ до Петрова заговѣнья; а пріѣхавъ въ Москву, жилъ лѣто все въ Воронцовѣ и до осени.»

(350) На прим. въ Можайскѣ, гдѣ было заключено перемиріе съ Литвою въ 1526 г.

(351) Герберштейн. R. M. Comment. 99.

(352) См. тамъ же.

(353) См. выше, примѣч. 231, и *Послужный Списокъ Бояръ.* Первымъ Ловчимъ былъ въ 1509 г. Нагой, Оружничимъ въ 1511 Салтыковъ, Крайчимъ въ 1514 братъ В. Княгини Иванъ Сабуровъ.

(354) Герберштейн. R. M. Comment. 34.

(355) То есть, изъ лисьихъ *горлъ* или душекъ черныхъ. Фр. да-Колло сказываетъ, что при его встрѣчѣ стояло въ ружьѣ, отъ Кремля до Посольскаго Двора, 40,000 богато-одѣтыхъ воиновъ.

(356) См. Герберштейн. R. M. Comment. 89 — 101, и Trattamento л. 53 на обор. Францискъ да-Колло пишетъ объ освѣщеніи улицъ: erano disposti et accesi *lumi di tiglia* di altezza d' un passo, dall' una et dall' altra parte della strada, discosti l' un da l' altro intorno a due passi. Что такое lumi di tiglia? вѣроятно, не пылающіе отрубки *липоваго дерева,* а пуки зажженной лучины. Они были вышиною около аршина и разставлены на обѣихъ сторонахъ улицы, шагахъ въ двухъ одинъ отъ другаго. — Великій Князь за обѣдомъ подзывалъ къ себѣ пословъ, и спросилъ между прочимъ у Герберштейна, брѣетъ ли онъ бороду? Брею, отвѣчалъ Баронъ. *Это по нашему*, сказалъ Василій.

(357) См. Дѣла Прусскія, л. 214.

(358) Тамъ же, л. 43. Фр. да-Колло упоминаетъ о Медикѣ *Николаѣ*, бывшемъ тогда въ Москвѣ:

Maestro Nicolo Lubacense, professor di Medicina et di Astrologia, et di tutte le scienze fondatissimo: это *Николай Любекъ*, какъ вѣроятно. Онъ разсказывалъ Франциску много любопытнаго о горахъ Югорскихъ или Уральскихъ.

(359) Дѣла Турецк. 222, 249, и Фр. да-Колло л. 51 на обор.

(360) См. въ *Указатель Рос. Законовъ*, ч. 1. стр. 81 и 86, Судебникъ Царя Ивана Васил.

(361) См. выше, примѣч. 112.

(362) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 579: «Лѣта 7027 Сент. въ 6 (1518) пожаловалъ Государь В. К. во своей отчинѣ, въ В. Новѣградѣ, слыша, что Намѣстники сильно и Тіуны ихъ судятъ по мздѣ, и велѣлъ своему Дворецкому Ив. Константиновичю, да Дворцовымъ Діакомъ, Семену Борисову, да Звягѣ Софонову, выбрати изъ улицы лучшихъ людей 48 человѣкъ, и къ цѣлованію привести; и оттолѣ по Государеву слову В. К. *Іоанна* Васильевича оставили судити съ Намѣстники Старосту купецкого Василія Никитина сына Тараканова, а съ Тіуны судити цѣловальникомъ по четыре на всякій мѣсяцъ.» Если здѣсь не описка въ имени В. Князя, то слѣдуетъ, что *Іоаннъ* обѣщалъ Новогородцамъ сихъ Присяжныхъ.

(363) Въ *Архив. Ростов. Лѣт.* 588 на обор.: «Прислалъ К. В. (въ Іюлѣ 1531) къ Архіеп. Макарію въ В. Новградъ грамоты и Дьяковъ своихъ, Якова Тишкина, Аѳан. Фуника и Дворцоваго Дьяка Митю Великого, и повелѣ имъ на Софейской сторонѣ улицы разсмотрѣть, и начата размѣряти Великую улицу отъ Володимерскихъ воротъ прямо, въ конецъ, и всѣ улицы изъ поля въ берегъ прямо, и мѣста по всему пожару, и решетки повелѣша ставити по всему граду и огневщики уставити. Тое же осени начаша у решетокъ стречи Окт. въ 1; но поневеже прежде сего въ градѣ было много злыхъ человѣкъ, грабежи и татьбы и убійства, и оттолѣ начаша милость Божія быти и тишина по всему граду; и многи зліи человѣцы тоя ради крѣпости градской избѣгоша, а иніи на покаяніе обратишася и къ рукодѣлію навыкоша.»

(364) См. *Никон. Лѣт.* 182, 187, 227, 231, 245. Ровъ Кремлевскій обложенъ кирпичами въ 1508 г.; крѣпость въ Нижнемъ застроена тогда же, Тульская въ 1520, Коломенская въ 1525, а совершена въ 1531. Въ *Архив. Лѣт.* л. 249: «Поставленъ бысть градъ каменъ на Осетрѣ у Николы у Заразского» (въ 1531 г.) Тогда же срубили крѣпость въ Черниговѣ и Коширѣ..

(365) Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 575: «Прислалъ К. В. Боярина своего Борба (въ 1508 г.), велѣлъ ему урядити въ Новѣгородѣ торги, ряды и улицы розмѣрити по-Московски.» См. выше, примѣч. 36.

(366) См. въ *Собраніи Госуд. Грамотъ*, стр. 416, запись В. Князя, писанную въ Іюнѣ 1523 г., передъ его Казанскимъ походомъ. См. также *Архив. Лѣт.* л. 212 на обор. и 238, гдѣ сказано: «Тое же весны (1525) поставиша новой монастырь Дѣвичей у града Москвы близъ монастыря Св. Савы за посадомъ.» Тамъ же, л. 182: «Тогоже лѣта (1506) заложиша во градѣ въ Москвѣ церковь Св. Николы, идѣже стояла старая церковь Николы *льняной*: тако бо изначала именуема.» Сію церковь освятили 1 Окт. 1506, и В. К. поставилъ въ ней образъ Св. Николая, украсивъ его золотомъ и каменьями драгоцѣнными.

(367) См. *Архив. Лѣт.* л. 184.

(368) См. *Архив. Лѣт.* л. 190 и 219 — *Ростов. Лѣт.* л. 578, и *Никон.* 182.

(369) *Никон. Лѣт.* 220.

(370) Въ *Продолженіи Несторá*, стр. 352: «Поималъ К. В. (въ Маѣ 1509 г.) Новог. Арх. Серапіона и велѣлъ его везти къ Москвѣ, и учиниша на него Соборъ, что посылалъ Серапіонъ грамоту неблагословенную на Іосифа, что Іосифъ отказался изъ его Архіепископьи отъ К. Ѳедора (Борисовича, двоюроднаго брата Государева) и съ монастыремъ къ В. Князю безъ его вѣдома... Отпустилъ К. В. (15 Мая 1512) бывшаго Арх. Новог. Серапіона въ Сергіевъ монастырь.» — Въ Архив. *Новгор. Лѣт.* Малин.: «Лѣта 7034 Марта 4 (1526) поставленъ бысть Архіеп. Новугороду и Пскову Макарій Архим. изъ Лушковъ на Москвѣ... При немъ В. К. Дек. 24 (того же года) въ навечеріи Рождества пріѣхалъ на Тихвину, и бысть тамо 3 дни, и сталъ на Москвѣ на Крещеніе. И бысть при семъ Владыцѣ во всей его Архіепископіи молитвами его времена тиха и прохладна, и обиліе веліе: коробью убо жита купили по семи Новогородокъ.» — Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 578 на обор.: «Смирился К. В. съ Серапіономъ (въ 1516 г.); а кто ни состоялъ, Вас. Андр. Челяднинъ и Владыка Ростов. Васіанъ и братъ его Іосифъ, и Владыка Суздальскій, и того лѣта вси умерли; а Ив. Вас. Челяднинъ въ Литвѣ главу положилъ; а Рязанской Тарасій и Владычество оставилъ его же ради; да того же лѣта и Пермской Протасій умре. Того же лѣта преставися Серапіонъ Архіеп. у Троицы въ Сергіевѣ въ Лазареву Субботу и положенъ въ схимѣ.» Тамъ же, л. 584: «Архіеп. Макарій (въ 1528 г.) созва къ себѣ Игумены Антоніева монастыря и Деревяницкаго, и Благовѣщенскаго, и Оркажа, и прочіи, идѣже нѣсть общины, и нача ихъ учити, еже имъ устрояти общее житіе койждо въ своемъ, и трапезы со церквами ставити каменныя, иніи же древяныя; а прежде бо сего точно велицы монастыри общины имѣша, а въ прочихъ, иже окрестъ града, (иноки) койждо особѣ въ келліяхъ ядяху и всякими житейскими печальми одержими бяху; а въ лучшихъ монастыряхъ 6 или 7 Чернцевъ, а въ прочихъ 2 или 3. Тогда нача благодать множитися, и братія въ монастыри начаша приходити: идѣже было 2 или 3, ту 12 и 15; а гдѣ 6 или 7, ту 20 и 30; а въ прочихъ 40 и множае. Которые монастыри общины устроиша, се ихъ имена: Антоніевъ, на Деревяницѣ, Благовѣщеніе, Аркажь на Колмовѣ, на Волотовѣ, Наситенкій, Чудо Архангела на Сковороткѣ, въ Нередицахъ, въ Чиловѣ на Коломцахъ, на Липнѣ, на Перинѣ, на Николинѣ конецъ Легощи улицы, въ Пантелеевѣ. Только именитыхъ два монастыря не устроиша общины: Николинъ монастырь въ Неревскомъ Концѣ, а Игуменъ Илія Цвѣтной, да Рождество Хр. на полѣ, а Игуменъ Іоаннъ Заяцъ; не хотяху: въ томъ бо безчиніи обыкоша жити. — Тогда же Архіепископъ и Черницамъ вдасть монастыри: на Десятинѣ, Петровской, Иевской, Иевской на Волоцкой доровѣ, на Сокольницѣ Богословской, на Витцѣ, на Шиетивѣ; а прежде жили тамо Игумены и Чернцы, и Архіеп. повелѣ отвести Игуменовъ въ мужескіе монастыри, а Черницамъ вдасть Игуменіи.» Объ украшеніи Софійскаго храма см. тутъ же. Объ амвонѣ: «постави (въ 1533 г.) амвонъ велми чуденъ, и Святыхъ на немъ отъ верха въ три ряды тридесять, и рѣзію и различными подзоры и златомъ лиственнымъ украшенъ, а отъ земли амвона устроены яко человѣчки древяные 12, и всякимиваны украшены и въ одеждахъ, и яко со страхомъ на главахъ держатъ сію святыню.» Далѣе разсказывается, что Макарій мыслилъ удивить народъ чудомъ: поставить мельницу на Волховѣ, на Софійской сторонѣ, гдѣ была на рѣкѣ баня: «а ту *рѣлку* (мысъ) звали крюкъ, а на ней жили нарочитые Дворяне Владычня двора.» Сыскался хитрецъ, житель Псковскій, увѣрилъ Макарія въ возможности сего дѣла: онъ началъ работать, затопилъ множество срубовъ, утвердилъ на нихъ жер-

новъ, хотѣлъ молоть; но весною пришелъ ледъ изъ озера Ильменя и разрушилъ все. Художникъ бѣжалъ; а Макарій велѣлъ поставить на семъ мѣстѣ конюшню.

Между бумагами Іосифовскаго Волоколамскаго монастыря находятся грамота Св. Іосифа къ Вельможѣ Борису Васильевичу и его духовное завѣщаніе, писанное въ 1507 году. Въ первомъ изображаются всѣ наглыя обиды, претерпѣнныя имъ и монастыремъ отъ К. Ѳед. Борисовича, который отнималъ у него вклады, деньги, вещи; хотѣлъ сѣчь Монаховъ кнутомъ, и проч. (см. *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 177). Тутъ подробно описана ссора Іосифова съ Архіеписк. Новогородскимъ.

(371) Въ Архив. *Ростов. Лѣт. л.* 581 и 589 на обор.: «Пріѣхаша къ Москвѣ (въ 1526 г.) Поморцы и Лопляне съ моря Окіяна изъ Кандолажской губы, устъ Нивы рѣки, изъ дикой Лопи, и били челомъ Государю, и просили Антиписа и Священниковъ церковь священи и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ, и Государь велѣлъ Архіеп. Макарію послати изъ Новаграда отъ Соборныя церкви Священника и Діакона, и они ѣхавше священи церковь Рождества Іоанна Предтечи и многихъ Лоплянъ крестиша... Тое же зимы (1532) пріѣхаша въ В. Новградъ Лопляне съ Мурманского моря, съ Колы рѣки, съ Тутоломи, и просили у Макарія Антиминсовъ и Священника — и посла отъ Соборныя церкви Священника и Діакона, и они ѣхавше церкви священи Благовѣщенія и Св. Николая въ Филипповъ постъ, и самихъ многихъ крестиша за Св. Носомъ Лоплянъ..» — Въ 1530 г. В. К. далъ милостивую грамоту Лапландцамъ, по коей они долженствовали быть судимы не Намѣстниками и не Тіунами Новогородскими, а Государевыми Дьяками. Сказано: «Пожаловалъ есми въ Вотцкой Пятинѣ у Студеново моря, отъ Каянскихъ Нѣмецъ съ рубежа, Лопь крещеную и некрещеную Шуи рѣки, Илейку Никитина, да Павлика, да у Кеми рѣки Старосту Сеньку, съ двѣ сотъ съ полутретьятцати луковъ... приставове-де Намѣстничи по нихъ ѣздятъ, а съ ними ябедники Ноугородцкіе человѣкъ по тритцати, а отъ поруки-де на нихъ емлютъ рублевъ по десяти, а сроки наметываютъ въ дѣловую пору... А коли Дьяки наши посылаютъ къ нимъ моей дани брати Подьячихъ... и сроки имъ мечютъ стати въ Новѣгородѣ на Благовѣщеньевъ день... и тѣ Подьячіе медовъ и винъ съ собою не возятъ и сзывовъ не чинятъ и лишковъ не емлютъ.» См. *Собр. Госуд. Грамотъ,* стр. 436, Архив. *Ростов. Лѣт. л.* 606 подъ годомъ 1534, и въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIV, 149, грамоту Макаріеву къ жителямъ Вотской Пятинѣ, къ Чуди погоста Толдожскаго, Ижерскаго, Дудровскаго, Замошскаго, Егорскаго, Ополецкаго, Кипенскаго, Псковскаго, Зарѣцкаго, и проч. Въ сей послѣдней сказано: «Жертву на скверныя мольбища носятъ Арбуевъ Чюцкихъ, и мертвыхъ кладутъ по курганомъ и по коломищемъ съ тѣми же Арбуи... и къ родильницамъ призываютъ ихъ, и тѣ Арбуи младенцемъ имена нарекаютъ своисии... Арбуевъ бы есте и ихъ учениковъ къ тому нашему Священнику велѣли на поученіе приводити... И вы бъ о тѣхъ непослушницѣхъ сказывали тѣмъ Дѣтемъ Боярскимъ, которые Христіане за которыми Дѣтьми Боярскими живутъ, чтобы они тѣхъ имали и къ намъ присылали.» Писана 25 Марта 1534: слѣдственно уже по кончинѣ Василія. Такого же содержанія грамоту писалъ и Новогород. Архіеп. Ѳеодосій къ сановникамъ Чудской земли, духовнымъ и свѣтскимъ, въ 1548 г.: см. *Вивліоѳ.* XIV, 167.

(372) См. въ *Псков. Лѣт.* Г. Толст. посланіе Памфила къ Намѣстнику Псков., К. Димитрію Владиміров. Ростовскому и проч. Вотъ собственныя слова его: «Егда приходитъ день Рождества Предотечева и прежде того, исходятъ *огавницы,* мужіе и жены чаровницы, по лугомъ и по болотомъ, и въ пустыни и въ дубравы ищущи смертные травы и *привѣточрева* отъ травнаго зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ; ту же и дивія коренія коплютъ на потворенія мужемъ своимъ. Сія вся творятъ дѣйствомъ діяволимъ въ день Предотечевъ съ приговоры Сатанинскими. Егда бо пріидетъ праздникъ во Святую нощь, мало не весь градъ возмятется и въ сѣлѣхъ возбѣсятся въ бубны и въ сопели и гуденіемъ струнныхъ, плесканіемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ непріязненъ кличь, вся скверные пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе, и поганъ ихъ скаканіе и топтаніе; туже есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе, ту же и женское и дѣвичье шетаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣнія,» и проч.

(373) «Марта 4 пріиде изъ Царяграда Василій Копылъ да Иванъ Варавинъ, да съ ними отъ Патріарха Митрополитъ отъ града *Жихна*, да съ ними Старцы отъ Св. Горы изъ Ватопеда монастыря Максимъ Грекъ, да Неофитъ Грекъ, да Лаврентій Болгаринъ, а отъ Св. Пантелеймона изъ Русскаго монастыря Сава Игуменъ; а напередъ тѣхъ за годъ пришелъ отъ Св. 40 Мученикъ монастыря Исаія Священноинокъ Сербинъ .. и повелѣ имъ В. К. пребыти въ монастырѣ у Михайлова Чуда.» Они поѣхали назадъ 11 Сент. 1519.

(374) См. въ Синод. библіотекѣ рукопись въ листъ подъ No 87, *л.* 407: *Соборъ въ богоспасаемомъ градѣ Вильни бывшій* (Генв. 18, г. 1509). Кромѣ Митрополита Іосифа находились тамъ Епископы: Вассіанъ Владимірскій и Берестенскій, Варсонофій Смоленскій, Кириллъ Луцкій и Острожскій, Евфимій Полоцкій и Витебскій, Арсеній Туровскій и Пинскій, Антоній Перемышльскій и Филаретъ Холмскій. Уложивъ, что Іереями быть могутъ единственно люди безпорочные и женатые; что Князья и Паны, хищники церковнаго имѣнія, отлучаются отъ церкви; что Иноки не выходятъ изъ монастырей безъ воли Настоятелей, Святители говорятъ далѣе: «Правилъ Божественныхъ мірскимъ людемъ не подобаетъ въ себе (у себя) держати, занеже держаще ихъ мірскіи люди въ нѣкоторыхъ дѣлѣхъ законъ презираютъ и Пастырей своихъ преслушаются; ино таковыи, по Св. Апостолу, *сами собѣ законъ бываютъ.*» Осуждаютъ Епископовъ, которые берутъ на себя мірскія дѣла, и за недосугами уклоняются отъ церковныхъ Соборовъ. Въ заключеніи такъ: «Аще ли отъ Господаря или отъ Вельможъ у (въ) сихъ предреченныхъ дѣлѣхъ, нами соборнѣ положенныхъ, хотя въ единомъ изъ нихъ до Митрополита или до Епископа присыланіе будетъ, сію заповѣдь, по правиламъ святымъ нами утвержденную, хотя зрушити, и ихъ волю вчинити: намъ ни единому на то не дерзнути никакоже; всѣмъ намъ зъѣхатися до Митрополита, кажный подъ своимъ накладомъ и школою, и о томъ Господарю челомъ бити и непоколебимо стояти.» Внизу подписано: «Сей Соборъ на паргаминѣ письмомъ стародавнымъ, яко же здѣ слово въ слово имаши, есть писанъ, у него же печатей завѣшенныхъ осмь.» — Въ языкѣ уже видимъ нечистую примѣсь Польскаго.

(375) Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: «Отъ Ильина дни (1521) мряхуть во Псковѣ мужи и жены, старыя и младыя, а отъ гостей и отъ лучшихъ людей безъ мала вси не изомроша; а Москвичамъ то бысть не обычно; а гостей кто приметца у кого за животъ, и тотъ весь вымретъ; и первое почаша мерети на Петровской улицы у Юрья у Табулова, и К. Мих. Кислица велѣлъ улицу заперети, а самъ

побѣже на Руху въ паствище. И освящаша церковь кам. на Завеличьѣ Успенія 15 Авг. и стекошася весь градъ, а иные пойдоша къ печерѣ и молящеся о избавленіи града.» Великій Князь и Митрополитъ прислали Святую воду съ гонцемъ, а Псковитяне срубили церковь Покрова на Петровской улицѣ, гдѣ была прежде *Мотыльная гридница*. Моръ пресѣкся въ Февралѣ. *Ростов. Лѣт.* л. 574 и 590: «Бысть во Псковѣ (въ 1532 г.) моръ великъ отъ Іюля и до Рождества, яко и Воеводамъ и сановникомъ страха ради смертнаго вонъ выѣхати; въ селѣхъ и мѣстѣхъ тайныхъ крыяхуся... и Арх. Макарій мощи Святыхъ омывая и посылаше Святую воду... Тое же осени въ Окт. пача являтися на человѣцѣхъ вредъ яко прыщи... и Арх. Макарій (8 Ноября) вниде въ Св. Софію и нача молебная совершати отъ 2 часа дни, и всему народу повелѣ лѣсъ на рли во Славнѣ и церковь рубити... А Священники шести Соборовъ положиша Евангеліе на престолѣ, украсиша его паволокою и сребромъ... а людіе украсиша церковь Деисусы и иконами; и Архіеп. молебная совершая даже и до вечернія годины, и егда совершися верхъ церкви, тогда вниде самъ въ церковь, и свяща во имя Св. Евангелиста Марка по жребію; прежде бо во всемъ градѣ не быша храмовъ Св. Евангелистъ Матѳея и Марка... и помалѣ повѣтріе преста.» См. *Продолженіе Нестора* 355. Въ 1506 г. былъ во Псковѣ моръ *безымянной*.

(376) См. *Архив. Лѣт.* л. 190, 238, 256, и *Ростов. Лѣт.* 592. Засуха 1533 г. настала послѣ ужасной грозы, бывшей 23 Іюня; молніею убило въ Москвѣ 9 человѣкъ.

(377) См. *Никон. Лѣт.* 213. Дожди начались въ Петровъ постъ.

(378) См. *Продолженіе Нестора* 355.

(379) См. *Ростов. Лѣт.* л. 578 на обор. В. К. ѣздилъ тогда съ супругою въ Ярославль и въ другіе города. См. еще Герберштейн. R. M. Com. 45.

(380) См. Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 575, 588, 592, и *Никон.* стр. 245. «Авг. 20 (1508) загорѣлася Торговая сторона (въ Новѣгородѣ) въ 11 ч. нощи на Коржевѣ улицѣ... мала часть стѣны осталася; мнози же и каменныя палаты развалишася... и церковь Димитрія въ Торгѣ выгорѣ... и бысть вихрь велій и гремѣнія страшна, и вихромъ суды великія съ Волхова съ людьми и животы въ огнь привношаше; иніи же въ водѣ истопаша... а горѣло день и нощь до полдней. — Бысть пожаръ на Яневѣ улицѣ (въ 1531 г.) у тюремъ; изъ дву тюремъ Литву вывели, а изъ третьей не успѣли, и сгорѣ 145 человѣкъ; и Арх. Макарій повелѣ ровъ ископати у Св. Арханг. Гавріила, конецъ Фревковы улицы, и пѣвъ самъ надгробное пѣніе, и погребоша ихъ. — Бысть во Псковѣ пожаръ (въ Авг. 1533), и весь средній градъ выгорѣ, гдѣ живутъ гости Московскіе. — Іюля 3 (1531) загорѣся въ Нижнемъ Новѣгородѣ на посадѣ, выше Козмы и Даміана, и кровля городская и зеліе пушечное въ Ивановской стрѣльницѣ, и паде стрѣльница, и внутрѣ сгорѣ дворъ В. Князя... И загорѣся зеліе пушечное на Москвѣ на Успленскомъ врагѣ, на Олевизовскомъ дворѣ: дѣлаша бо его на томъ дворѣ градскіе люди, и сгорѣ ихъ во единъ часъ болѣ 200 человѣкъ, и ко двору не прикоснусь огнь.»

(381) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1531: «Того лѣта явися звѣзда великая надъ лѣтнимъ восходомъ солнечнымъ по многія заутреннія; лучи отъ нея сіяша велики, и вверхъ идяше не по обычному теченію на полунощную страну, и послѣ являшеся на вечерней зарѣ червленымъ образомъ надъ лѣтнимъ западомъ... Окт. (1532) явися звѣзда за два часа до свѣта надъ зимнимъ восходомъ; лучь сіяше отъ нея великъ на полдни; являшеся на единомъ мѣстѣ отъ 1 дни Окт. до 9 Ноября... Іюля (1533) являшеся звѣзда въ 4 часъ нощи надъ западомъ, а лучь отъ нее дологъ и широкъ на зимній востокъ по многія нощи.» Въ *Ростов. Лѣт.* сказано, что она показывалась дней 30 и болѣе. — Въ *Псков. Лѣт.* Толст. упоминается о явленіи Кометы въ 1520 году.

(382) На примѣръ, Анабаптисты и другіе.

(383) См. выше, примѣч. 341.

Выписка изъ лѣтописей:

Г. 1506. «Генв. 15 поставленъ въ Москвѣ Архіеписк. Новугороду Серапіонъ, Игуменъ Троицкой Сергіева монастыря; а въ 18 день Архіеп. Вассіанъ Ростову и Ярославлю, Архим. Симоновскій.» Приходили старцы отъ Св. горы, и черезъ 6 мѣсяцовъ, 9 Мая, выѣхали изъ Москвы обратно. В. К. посылалъ К. Петра Семен. Лобана Ряполовскаго на Бѣлую, чтобы основать тамъ новую крѣпость въ защиту отъ Литвы. «Пренесли въ Троицкой монастырь *храмъ* Петра Митроп. изъ Петровскаго, а били челомъ міромъ Игумену Сергію.»

Г. 1507. Въ Февр. поставленъ Андроник. Архим. Митрофанъ Епископомъ въ Коломну. В. К. вызвалъ изо Пскова К. Дим. Ростовск., а на его мѣсто прислалъ К. Петра Васильев. Великаго.

Г. 1508. 23 Генв. поставленъ Епископъ Крутицкій Досиѳей. 8 Марта умеръ въ Москвѣ Епископъ Суздальскій Нифонтъ и отвезенъ въ Суздаль. 23 Мая умеръ Тверск. Еписк. Вассіанъ. Расписана и украшена золотомъ церковь Благовѣщенія на Великокняжескомъ дворѣ въ Москвѣ. 14 Мая въ Москвѣ горѣлъ отъ Цанскаго двора посадъ и торгъ. Совершена тамъ церковь Іоаннъ Лѣствичникъ подъ колоколами; 5 Ноября священа церковь Іоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ, а 8 Михаила Архангела на площади. Заложили Псковичи стѣну около Гремячей горы.

Г. 1509. В. К. смѣнилъ Псков. Намѣстника К. Петра Великаго, а на его мѣсто прислалъ К. Ивана Михайлов. Рѣпню-Оболенскаго, прозваннаго во Псковѣ *Найденомъ*: «А по тому его назвали *Найденомъ*, что онъ не пошлиною (не по обычаю) пріѣхалъ; *нашли* его Псковичи на Загорскомъ дворѣ, а Священники противъ его съ кресты не ходили, а пѣли молебенъ на торгу, да шли ко Св. Троицѣ и посадили его на Княженіе; а бысть той Князь лютъ до людей (см. *Псков. Лѣт.* Г. Толст.). — На Масленой недѣли поимали (во Псковѣ) пономаря Троицкаго Ивана, а онъ изъ ларевъ деньгиималъ 400 рублевъ, и на Вѣчи казнили его кнутьемъ, и онъ сказался, и посадили его на крѣпость, и по Троицынѣ дни на Великой рѣки огнемъ сожгли его.» Поставлены въ Епископы Авг. 21 Симеонъ Архим. Андрониковскій въ Суздаль, а 24 Игуменъ Богоявленскій въ Тверь. Совершили и 1 Сент. освятили на Симоновѣ церковь Рождества Богоматери. Сдѣланъ мостъ въ Новѣгородѣ черезъ Волховъ къ пріѣзду В. К. Написанъ Деисусъ въ Новогород. Софіи Андреемъ Лаврентьевымъ и Иван. Дермаярцовымъ. «В. К., ѣдучи изо Пскова, велѣлъ устроити у Св. Троицы свѣщу неугасимую день и нощь, а въ Новѣгородѣ предъ Софіею... Постави гость Иванъ Сырковъ церковь Мироносицъ на Дворищѣ, и въ ней три службы; да пометными деньгами со всего града поставлена ц. Николы конецъ Легощи улицы.»

Г. 1510. 8 Сент. В. К. выѣхалъ въ Переславль, Юрьевъ, Суздаль, Владиміръ, Ростовъ; а въ Москву возвратился съ супругою 5 Дек.

Г. 1511. Апр. 26 занемогъ Митроп. Симонъ, послалъ за бывшимъ Новогород. Архіеп. Серапіономъ въ Троицкій монастырь, помирился съ нимъ,

скончался 30 Апрѣля и погребенъ въ Успенск. храмѣ; Іюля 27 избранъ въ Митрополиты Симон. Архим. Варлаамъ, а 3 Авг. поставленъ Святителями. «Послѣ Велика дни скрыся гробъ Архіепископовъ Новогородскихъ Мартиріевъ да Семеновъ... и ко взятію Пскова скрыся, и ко сведенію Архіеп. Симеона скрыся.»

Г. 1513. Въ Февр. скончалась В. Княгиня Евдокія, сестра Государева, супруга Петра Царевича. Въ Маѣ умеръ К. Ѳедоръ Борисов. Волоцкій. Выгорѣлъ Изборскъ въ день Св. Георгія.

Г. 1514. Поновленъ въ Москвѣ славный образъ Богоматери Владимірской, а В. К. приказалъ сдѣлать для онаго кивотъ, украшенный серебромъ и золотомъ. Построены въ Москвѣ на большомъ посадѣ за торгомъ церковь Введенія, въ садахъ церковь Св. Владиміра, на Воронцовѣ Благовѣщеніе, на Государевомъ дворѣ Рождество Богоматери съ придѣломъ Св. Лазаря, за Неглинною Св. Леонтій Ростовскій и Петръ Чудотворецъ, на Ваганковѣ Благовѣщеніе, въ Дѣвич. мон. Алексій Божій человѣкъ, за рѣкою подъ боромъ Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, на Срѣтенкѣ Введеніе и церковь Св. Варвары, созданная Василіемъ Бобромъ и братьями его (Архитекторомъ былъ Алевизъ). Юрій Григорьевъ Бобынинъ построилъ въ городѣ у Фроловскихъ воротъ церковь Аѳанасія Александрійскаго.

Г. 1515. 15 Февр. Архим. Чудова монастыря Іосифъ поставленъ въ Епископы Смоленску, куда и поѣхалъ въ Мартѣ. Государь въ первый разъ ѣздилъ на охоту въ Волокъ Ламскій. Авг. 12 святили въ Тихвинѣ церковь Успенія; *нарядчикъ* былъ Дмитрій Сырковъ, а мастеръ Фрязинъ изъ Москвы. Авг. 28 преставился Ростов. Архіеп. Вассіанъ на Дорогомиловѣ и отвезенъ въ Ростовъ. 12 Ноября скончался Суздальскій Епископъ Симеонъ. Игуменъ Сергій поставилъ церковь Преображенія на Хутынѣ въ Новѣгородѣ.

Г. 1517. 10 Февр. Владимірскій Рожественскій Архим. Геннадій поставленъ въ Епископы Суздалю, а Февр. 12 Архим. Андрониковскій Сергій Рязани. «Паде стѣны 40 саженъ (во Псковѣ) на Крому до костра Световаго надъ рыбнымъ торгомъ, и падѣла Фрязинъ Иванъ ту сорокъ; а камень возиша Священники, а стала 40 саженъ В. Князю въ 700 рублевъ опричи повозу Поповскаго; а Псковичи песокъ носили решетомъ сѣючи. Тоя же осени дѣлаша стѣну въ пескахъ на прудѣхъ къ Гремячей горѣ и пескомъ посыпали; и чаяли Литвы подо Псковомъ.»

Г. 1518. В. К. прислалъ во Псковъ ко храму Троицы большой колоколъ на мѣсто Вѣчеваго. Въ Іюнѣ Коломенскій Святитель Митрофанъ оставилъ Епископію. Въ Іюлѣ иконы древнія Спасителя и Дѣвы Маріи были принесены изъ Владиміра въ Москву, встрѣчены Митрополитомъ у Срѣтенія на посадѣ и внесены въ Успенскій Соборъ, гдѣ В. К., возвратясь изъ Троицкой обители, молился имъ съ усердіемъ, и велѣлъ поновить ихъ въ домѣ у Митрополита, который самъ участвовалъ въ трудѣ живописцевъ. Приходилъ Старецъ отъ Синайской горы. Разобрали въ Кремлѣ старую церковь Вознесенія. 12 Сент. освятили церковь Св. Леонтія за Неглинною. Ѣздилъ В. К. на охоту въ Волокъ и возвратился на Дмитріевъ день. Святили въ Москвѣ церковь Введенія на Срѣтенкѣ.

Г. 1519. Съѣхали Намѣстники Псковскіе, К. Ив. Шуйскій и Андрей Вас. Сабуровъ; ихъ мѣсто заступили К. Михайло Кислица и К. Петръ Лобанъ Рядоловскій. «Начаша Мисюрь Мунехинъ Дьякъ, да его Подьячей Ортюша Псковитинъ пазирати убогое мѣсто, незнаемо никимъ же, подъ Нѣмецк. рубежомъ 40 верстъ отъ Пскова, въ Тайловѣ погостѣ, 7 верстъ отъ Новаго городка Нѣмецкаго, Печерской монастырь, Виѳлеемскую пещеру, и начаша на праздники Пречистыя Богородицы ѣздити со многими людми и монастырь кормити; а монастырецъ былъ на версѣ горы... и нача Пречистая недужныя исцѣляти, и услыша вся земля Русская, яко не токмо Крестьянъ, но и Латыны исцѣляетъ, и нача Мисюрь волостьми своею казною по обѣ стороны ручья горы копати и церковь большую созидати и въ гору копатися далѣ и глыбле, и начаша монастырь строити въ подолѣ межъ горъ, а ручей сквозь монастырь и воду возведоша вверхъ, а Св. Ѳеодосія и Антонія свесоша съ горы въ печеру въ новую церковь, и начаша съ проскурою и со святою водою къ Государю ѣздити, и нача быти славенъ монастырь до моря Варяжска.» Сент. 15 отпущены изъ Москвы поновленныя иконы Владимірскія: самъ Государь провожалъ ихъ за Андрониковъ монастырь, коего Архимандр. Игнатій отправился съ ними въ Владиміръ; а В. К. далъ пиръ Духовенству и Боярамъ, удоволилъ бѣдныхъ милостынею и велѣлъ праздновать сей день въ честь Богоматери. — «Былъ судъ Окольничему Андр. Ник. Бутурлину съ Андр. Никол. Яровымъ на Волокѣ на Ламскомъ: К. В. оправилъ Бутурлина и далъ ему правую грамоту.»

Г. 1520. Февр. 9 поставленъ Симоновскій Архимандр. Іоаннъ Архіепископомъ въ Ростовъ, Февр. 14 Игуменъ Угрешскій Тихонъ Епископомъ въ Коломну, Февр. 16 Игуменъ Соловецкій Нименъ на Вологду и въ Пермь. Священа въ Новѣгородѣ церковь Климента на Иворовѣ улицѣ.

Г. 1521. Игуменъ Илья Цвѣтной поставилъ церковь Иліи на сѣняхъ въ Новогород. Николинѣ монастырѣ. 14 Мая вашли въ землѣ мощи Св. Макарія Колязинскаго при основаніи новой церкви.

Г. 1522. 23 Марта поставленъ Рязанскій Епископъ Іона, а 30 Тверскій Акакій.

Г. 1523. Окт. 1 святили въ Савинской пустынѣ церковь Покрова и гробъ Св. Саввы Вышерскаго. Въ *Псков. Лѣт.* Толст.: «Поставлена церковь кам. Св. Димитрей въ Домантовѣ стѣнѣ и священа Окт. 26; а старая первая бысть во Псковѣ каменая съ кирпичемъ, а поставилъ ее К. *Авдѣй*, нареченный во Св. крещеніи Дмитрей; а мощи его лежатъ у Св. Спаса на Мирожи на лѣвой странѣ подъ стѣною, а стояла первая церковь 400 лѣтъ безъ 20.» — Татары сожгли посады въ Галичѣ. Близъ Новагорода выпалъ снѣгъ послѣ Троицына дня и лежалъ 4 дни.

Г. 1524. «Начаша поновляти Св. Пятницу (въ Новѣг.) Московскій гость Дмитрій Сырковъ и людіе, иже въ великомъ ряду сидятъ, и начаша голбцы разрушати и помость возрывати, и ту обрѣтоша сокровище сребра древнихъ рублевъ Новогородскихъ литыхъ 170, а полтинъ 44, и Намѣстники повелѣша вложити ихъ въ сосудъ и запечаташа.»

Г. 1525. Апрѣля 2 поставленъ на Коломну Епископъ Вассіанъ Топорко, а на Вологду, 9 Апр., Алексій Игуменъ Кириллова монастыря. — Поставилъ Филатъ Бобринъ церковь Св. Троицы на Коломцахъ въ Новѣгородѣ. «На 2 недѣли по Пасцѣ иде вода въ Волховѣ ни вѣтромъ, ни бурею, но повелѣніемъ Творца своего, Бога, и до дней 9, а на 10 возвратися паки и пойде по своему подобію.» Дьякъ Мисюрь во Псковѣ сдѣлалъ каменную стрѣльницу на Гремячей горѣ, исполняя повелѣніе Государя.

Г. 1526. 9 Сент. святили въ Новѣгор. церковь Св. Филиппа на Нутной улицѣ. Въ Дек. Архіеп. Макарій ѣздилъ въ Тихвинъ, гдѣ былъ тогда В. К., молясь о чадородіи, и гдѣ роздали много денегъ бѣднымъ.

Г. 1527. В. К. жилъ въ Воробьевѣ до Успенія. Онъ поставилъ на своемъ дворѣ церковь Преображенія, другую у Фроловскихъ воротъ Св. Георгія, а третью Бориса и Глѣба на Арбатѣ. Государь женилъ К. Ивана Пенкова на своей своячинѣ, Княжнѣ Марьѣ. — Архіеп. Макарій въ Новѣгор. поновилъ чудотворную икону Знаменія Богоматери и 20 Окт. поставилъ ее на Ильинѣ улицѣ въ церкви Знаменія, тогда же передѣланной.

Г. 1528. «Пріѣха Владыка Макарій во Псковъ Генв. въ 26, а хотѣлъ жити тамъ мѣсяцъ, и Мисюрь Дьякъ показалъ ему грамоту В. К., что ему велѣно жити 10 дней; и срѣтоша его Намѣстники К. Василей Микулинской и Ив. Вас. Лятцкой и весь Псковъ... Марта 11 преставися Дьякъ Мисюрь и положенъ въ Печерѣ, и нача К. В. животъ его сыскивати, а на его мѣсто прислалъ Володим. Племянникова, и найдоша въ его казнѣ книги вкратцѣ написаны, кому что далъ на Москвѣ Бояромъ или Дьякомъ, и К. В. все то выискалъ на собя, а иное его племянники; и Подьячей Ортюша Псковитинъ, любезный его, на Москвѣ и на пытки былъ; и бысть въ людехъ мятежъ о его животахъ. И быша по Мисюри Дьяки частые и мудрые, а земля пуста; и нача казна В. К. множитися во Псковѣ; а сами ни одинъ не съѣхаша по здорову со Пскова къ Москвѣ, другъ на друга воюя.» В. К. провелъ осень въ Новой Слободѣ, а послѣ заговѣнья ѣздилъ въ Переславль, Ростовъ, Ярославль, на Вологду и въ Бѣлозерскій Кирилловъ монастырь. — Въ Новогор. монастырѣ на Колмовѣ освятили храмъ Успенія; Сент. 9 двѣ церкви у Св. Николая на Полатяхъ во Дворищѣ, Вознесенія и Зачатія Св. Анны; а 13 Сент. Евангелиста Луки на Лубяницѣ въ полѣ. Въ Новѣгородѣ 28 Окт., въ часъ обѣдни, въ церкви Пятницы опустился помостъ у лѣваго крылоса, гдѣ прежде нашли кладъ: народъ бросился изъ церкви, и множество людей задавили, 80 женщинъ и 4 мущинъ; а тѣ, которые послушались Священниковъ и остались въ храмѣ, вышли цѣлы и невредимы.

Г. 1530. Въ день рожденія Царя Іоанна вылили въ Новѣгородѣ большой колоколъ, какого не бывало.

Г. 1531. По волѣ Государя были принесены 2 ветхія чудотворныя иконы изо Ржевы въ Москву, Параскевы Преподобной и Мученицы, поновлены и назадъ отправлены: а новыя, съ нихъ списанныя, остались въ Москвѣ, въ церкви Параскевы, тогда же созданной близъ Покрова. Сію церковь освятили 27 Ноября и уставили ежегодный въ оную ходъ со крестами. Кострома сгорѣла. — Въ одной лѣтописи сказано, что 15 Авг. Новогородцы присягали В. Князю, супругѣ и сыну его Іоанну. Скончался Епископъ Суздальскій въ Москвѣ и погребенъ въ Суздалѣ. Въ Авг. В. К. поставилъ въ одинъ день церковь обѣтную на Ваганковѣ, Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи, заложивъ ее собственными руками; весь Дворъ и городъ были на ея освященіи. — Свирѣпствовала язва въ Ревелѣ. Преставился Пафнутій Боровскій.

Г. 1532. Іюня 22 преставился Іосифъ, Епископъ Смоленскій, и погребенъ въ Смоленскѣ. — Николай Фрязинъ слилъ въ Москвѣ колоколъ въ 500 пудъ. — Совершена церковь Вознесенія въ Коломенскомъ, и Лѣтописецъ говоритъ, что такой великолѣпной еще не бывало въ Россіи. Государь украсилъ ее иконами и сосудами богатыми. 3 Сент. Митрополитъ святилъ ее, а В. К. въ сей день далъ пиръ въ Коломенскомъ, и жилъ тамъ 3 дни. — Государь въ Сент. ѣздилъ къ Троицѣ, былъ въ Слободѣ и 3 Окт. возвратился въ Москву. — Въ Новѣгор. на Павловой улицѣ построены 2 церкви каменныя, Апостола Іакова и Зачатіе, Московскимъ купцемъ Корюковымъ, а третья деревянная Успенія у каменной стѣны городской, по приказанію В. Князя. Тамъ же сдѣлали мостъ черезъ Волховъ, взявъ изъ казны В. Князя 200 рублей; а нарядчикомъ былъ Филатъ Бобровникъ. Тамъ же Окт. 16 святили церковь Козмы и Даміана въ Кузнецахъ на Гзени.

Г. 1533. 10 Марта выѣхалъ Государь къ Николѣ Заразскому и возвратился 19. Мая 24 была страшная гроза въ Москвѣ. Слитъ въ Москвѣ колоколъ *благовѣстникъ* (Николаемъ Нѣмчиномъ) вѣсомъ въ 1000 пудъ, и поставленъ на деревянной колокольнѣ. — 30 Авг. преставился Игуменъ Александръ, основатель монастыря на рѣкѣ Свирѣ.

(384) R. M. Comment. стр. 11 и 92. Герберштъ. говоритъ, что прежде его описывалъ Россію *Николай* Кузанъ: извѣстны сочиненія *Антонія* Кузана, напеч. въ Парижѣ 1513 г.; но въ нихъ не упоминается о Россіи. — Францискъ да-Колло (см. выше, примѣч. 174) говоритъ (л. 51, 52), что воля Государева служитъ въ Россіи вмѣсто писанныхъ законовъ, и что кому Вел. Князь прикажетъ повѣситься, тотъ немедленно исполнитъ надъ собою сей указъ; что никто не смѣетъ называть свое своимъ, а все называется Государевымъ; что имѣніе дѣйствительно переходитъ изъ рукъ въ руки по волѣ Вел. Князя, который возвышаетъ или унижаетъ людей въ одну минуту; что они всегда благодарятъ его, и за милость и за наказаніе.

(385) Тамъ же, стр. 36, 37, и въ прибавленіяхъ къ старому Нѣмецк. переводу Герберштъ., напечатанному въ Базелѣ 1567 г. стр. 204. Фр. да-Колло пишетъ о 400,000 конныхъ воиновъ Россійскихъ, прибавляя, что они служатъ не изъ жалованья, а изъ любви, страха и повиновенія (per amore, timore et obedientia).

(386) См. Павла Іовія стр. 128, и Герберштъ. R. M. Comment. 21, 36, 38, 40.

(387) Тамъ же, стр. 42, 45, 49, 53 — 59, и Пав. Іов. 126 — 128. Толмачь Димитрій, говоря съ Іовіемъ о нашемъ дикомъ медѣ, разсказывалъ ему, что одинъ крестьянинъ, его сосѣдъ, спустился въ борть и едва не утонулъ въ меду, два дни имъ питался, кричалъ и не могъ вылѣзти вонъ; къ счастію, пришелъ медвѣдь и полѣзъ въ ту же борть задними ногами: крестьянинъ схватилъ его за хвостъ, и страшно закричалъ; медвѣдь испугался, бросился назадъ и вытащилъ крестьянина. — Фр. да-Колло цѣнитъ лучшаго соболя даже во 100 червонцевъ (л. 52 на обор.). Онъ волчьи шкуры называетъ, кажется, собачьими: pelli di cani, che eccedono di bellezza et di pretio le pelli de Lupi ceruieri (рысьи). Далѣе сказываетъ, что большихъ собакъ впрягаютъ въ сани, тамъ, гдѣ ловятъ соболей.

(388) Герберштт. 42. На Псковскихъ монетахъ голова человѣческая представлена такъ грубо, что она казалась Герберштейну бычачьею. На древнѣйшихъ Московскихъ, по его сказанію, изображалась роза

(389) Тамъ же, стр. 56 — 59.

(390) Тамъ же, стр. 11.

(391) Тамъ же, стр. 41.

(392) Тамъ же, стр. 45, 46, и Контарини въ Бержеронѣ, стр. 53. Фр. да-Колло несправедливо пишетъ, что въ 1518 г. была только одна каменная церковь *въ Россіи:* Кремлевскій храмъ Успенія. Онъ говоритъ о четырехъ или пяти каменныхъ домахъ, построенныхъ Итал. Архитекторами въ Кремлѣ, и называетъ стѣны его *деревянными*.

(393) Гербершт. стр. 41 — 56.

(394) См. сей *Исторіи* Т. II, въ примѣч. на *Рус. Правду*.

(395) Герберштт. стр. 36.

(396) Тамъ же, стр. 35, 36 — 41.

(397) Тамъ же, стр. 40. *Доказательствомъ*, что свободные земледѣльцы продавали себя въ холопство, служитъ 77 статья Судебника, гдѣ сказано: «а которой крестьянинъ съ пашни продается кому въ полную въ холопи,» и проч.

(398) Тамъ же, стр. 35, 40.

(399) Тамъ же, стр. 36, 40, 56 и выше, примѣч. 277. Всѣмъ извѣстно Бургонское вино, называемое Романеею, la Romanée. Вѣроятно, что его привозили въ Россію Нѣмецкіе купцы. Нынѣ у насъ въ питейныхъ домахъ именуется такъ наливка *красная*, составляемая изъ вина, черники, клюквы и меду. — *Вастръ* (у Поляковъ Bastard, Baster, у Нѣмцевъ Bastardwein: см. въ Лексиконахъ Линде и Троца) есть Канарское вино. Имя Мальвазія не встрѣчалось мнѣ въ древнихъ Русскихъ извѣстіяхъ: не она ли называлась Мушкателемъ? Въ старинныхъ Русскихъ Ариеметикахъ, писанныхъ въ концѣ XVI вѣка, означена слѣдующая цѣна винамъ: «Ренского вина стопа 11 денегъ, Романеи 10, Вастру два алтына и двѣ деньги» (14 денегъ) «Алкану» (Аликанту?) «по семи денегъ, красново по алтыну.» — Герберштейн. говоритъ, что Псковитяне стригли себѣ волосы какъ Поляки, и тѣмъ отличались отъ другихъ Россіянъ. — Выписываю здѣсь, что говоритъ о старинномъ платьѣ Россіянъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ:

«Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставляется изъ-подъ одежды) они надѣваютъ узкое и короткое полу-кафтанье, едва достающее до колѣнъ и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ тафты или атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоячимъ, а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но всегда стеганый и называемый *фереземъ или ферезью;* а когда идутъ со двора, тогда всякой наряжается въ кафтанъ длинной, суконной, темносиней или кофейной, иногда же въ парчевой или атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сбористыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранится множество въ Царской кладовой; въ день аудіенціи даютъ ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запираютъ въ сундуки. — Бояре, при всякомъ торжественномъ случаѣ, являются въ высокихъ шапкахъ собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другіе знатные или богатые люди носятъ обыкновенно бархатныя съ собольею опушкою. Сапоги у нихъ короткіе, по большой части изъ Персидскагѡ сафьяна, остроносые и съ высокими каблуками. Женщины носятъ ферези, или сарафаны, а сверхъ шубу, или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мущины, съ застежками или съ серебряными пуговицами. Замужнія ходятъ въ шапкахъ съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и вышитыхъ золотомъ; а дѣвицы въ большихъ лисьихъ.»

Гваньини, современникъ Царя Іоанна Васильевича, пишетъ, что по указу Государеву запрещалось бѣднымъ наряжаться, и что Москвитяне, видя простаго человѣка въ богатомъ платьѣ, говорили ему: «Откуда взялъ ты, измѣнникъ, такую одежду, которой самъ не стоишь? смѣешь ли наряжаться Паномъ? Вѣрно задумалъ бѣжать въ Литву!» Онъ же сказываетъ, что вороты рубашечные вышивались обыкновенно въ женскихъ монастыряхъ, и что сапоги, всегда подкованные желѣзомъ, не доставали до колѣна. — Флетчеръ, описывая наши обычаи во время Царя Θеодора Іоанновича, говоритъ, что Русскіе богачи носятъ на головѣ подъ шапкою скуфью, Taffia, вышитую золотомъ или шелкомъ съ жемчугомъ; на шеѣ козырь въ 3 или 4 пальца, также украшенный жемчугомъ; сверхъ рубашки легкое шелковое полу-кафтанье, Shepon, *зипунъ* или *жупанъ*, до колѣна; сверхъ жупана кафтанъ парчевой узкой, застегнутой, съ Персидскимъ поясомъ, а за поясомъ ножъ съ вилками; сверхъ кафтана *ферезь*, или широкую шелковую одежду, подбитую мѣхомъ; сверхъ ферези *охабень*, Alkaben, или длинное платье съ рукавами и воротникомъ; сверхъ охабня, для выѣзда, *однорядку*, Honoratkey, суконную или камлотовую, длинную одежду, подобную охабню, но безъ воротника, сапоги сафьянные съ жемчугомъ; нижнее платье парчевое. — Фр. да-Колло пишетъ, что Вел. Князь жаловалъ храбрыхъ, любимыхъ воиновъ одеждами шелковыми, суконными, шубами, коихъ лежало всегда безчисленное множество въ кладовыхъ, занимавшихъ въ Москвѣ цѣлую улицу.

(400) Пав. Іовій, стр. 127.

(401) См. сей Исторіи Т. VI, примѣч. 629, подъ годомъ 1473.

(402) Пав. Іов. de Legat. стр. 129. Фр. да-Колло: «В. К. Василій, вздумавъ жениться,» (это было еще при отцѣ его) «обнародовалъ во всемъ Государствѣ, чтобы для него выбрали самыхъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, знатныхъ и незнатныхъ, безъ всякаго различія. Привезли ихъ въ Москву болѣе пятисотъ: изъ нихъ выбрали 300, изъ трехъ сотъ 200, послѣ 100, наконецъ только десять, осмотрѣнныхъ повивальными бабками; изъ сихъ десяти Василій избралъ себѣ невѣсту, и женился на ней (на Соломоніи): однакожь не имѣлъ удовольствія быть отцемъ, и потому не весьма уважалъ супругу, такъ, что я, находясь въ Москвѣ, долженъ былъ ходатайствовать о свободѣ брата ея, сидѣвшаго въ темницѣ за легкую вину.»

(403) Т. е. которыя горѣли въ навечеріи Богоявленія Христова при освященіи воды. — Сіе описаніе Василіевой свадьбы напечатано въ *Древн. Рос. Вивліо*θ. XIII, 5.

(404) Герберштейн. R. M. Comment. 92.

(405) Тамъ же, стр. 35.

(406) Павл. Іовія de Legat. стр. 128.

(407) См. тамъ же.

(408) Т. VI, стр. 95.

(409) См. *Степен. Кн.* II, 205, 206.

(410) *Степен. Кн.* II, 205, 206, 213.

(411) Сіи двѣ повѣсти: *Слово о нѣкоемъ купцѣ* и *Сказаніе о Дракулѣ*, нашелъ я между рукописями купленными Графомъ Θеодоромъ Андреевичемъ Толстымъ у Княгини Голицыной изъ Архангельской библіотеки К. Дмитрія Михайловича Голицына, о коей упоминаетъ Татищевъ. Списокъ долженъ быть XVII вѣка; но сочиненіе древнѣе. Вотъ начало первой повѣсти: «Бысть нѣкій купецъ богатъ въ Рустѣй земли во градѣ Кіевѣ, именемъ зовемый Дмитрей Басарга, тако нарицаемъ. Сей купецъ много намъ повѣдаше приключившуюся надъ нимъ бѣду, глаголя, яко бысть мнѣ нѣкогда отплыти въ корабли отъ славнаго Царяграда; пловящу же ми по морю — бѣ бо азъ единъ купецъ; рабовъ же моихъ и наймитовъ въ корабли 150: бѣ бо у меня со мною сынъ мой единочадый семи лѣтъ суще возрастомъ; а товару же много множество — пловящу же ми по морю, возста буря и вѣтръ великъ и волненіе посѣще корабль на волнахъ; быше буря 30 дней. Божіимъ же изволеніемъ узрѣхомъ издалеча градъ великъ,» и проч. Загадки Царскія не весьма остроумны и весьма безтолковы. На примѣръ: 1) *много ли того, мало ли отъ Востока и до Запада?* Отвѣтъ сына Димитріева: «Отъ Востоку и до Западу ни много, ни мало: день съ ночью.» 2) *Что есть: днемъ десятая часть по міру прибываетъ?* Отвѣтъ: «десятая часть по міру днемъ убываетъ

изъ моря изо всего, и изъ рѣкъ и изъ озеръ, на всякъ день солнцемъ усыхаетъ, а десятая часть прибываетъ нощію изо дна моря.» 3) *Что есть то, чтобъ тобѣ поганой не смѣялся?* Сынъ Димтріевъ выпрашиваетъ у Сміяна корону, скипетръ, порфиру, мечь булатный, отсѣкаетъ Царю голову и говоритъ: «се язъ *отгонулъ* загадку твою, чтобы ты, поганой, не смѣялся!»

Герой второй сказки, Дракула или Драгулъ (какъ его называетъ Византійскій Историкъ Дука, въ гл. XXVIII) былъ побочной сынъ Воеводы Волошскаго, Мильцы; служилъ Императору Греческому; разбилъ наслѣдника и внука Мильцына, Дана; отсѣкъ ему голову и сдѣлался Господаремъ Волошскимъ. Онъ дѣйствительно былъ тиранъ. — Въ примѣръ слога выписываемъ нѣсколько строкъ:

«Нѣкій купецъ приде отъ Угорскіе земли: оставилъ возъ свой на улицы во градѣ предъ полатою и товаръ свой на возѣ, самъ спяше въ полатѣ, и пришедше нѣкто, украде его злато. Купецъ же пойде къ Дракулѣ и повѣда ему изгубленіе злата. *Поди: въ сію нощь обрящеши злато* — и повелѣ по всему граду искати татя, глаголя: *аще не обрящетца злато, весь градъ погублю* — и повелѣ свое злато принесши положити на возу нощію, и приложи едину златницу. Купецъ же вставъ и обрѣте единъ лишній златникъ, и шедше къ Дракулѣ рече: *Государь! обрѣтохъ злато свое все; единъ лишній, а не мой.* Тогда приведоша татя со златомъ, и глагола Дракула купцу: *иди съ миромъ; аще бы еси не повѣдалъ злата, то и тебя бы повелѣлъ съ татемъ симъ на колъ посадити.*»

(412) Герберштт. R. M. Comment. стр. 74.

(413) Тамъ же, стр. 76. Герберштт. прибавляетъ, что Ханъ имѣлъ обыкновенно четырехъ Совѣтниковъ для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ: первый именовался *Ширни*, вторый *Барни*, третій *Гаргни*, четвертый *Кипчанъ*. Въ Крымскихъ Дѣлахъ No 8, л. 97, упоминается о сихъ четырехъ главныхъ совѣтникахъ Ханскихъ, или Карачахъ: о *Ширинѣ, Барынѣ, Аргынѣ, Кыпчанѣ.*

(414) Тамъ же, стр. 60 и 89. — Лербергъ, въ своемъ разсужденіи о землѣ Югорской, догадывается, что подъ именемъ *черныхъ людей* Сибирской торговли надобно разумѣть Индѣйцевъ или Бухарскихъ купцевъ, а *Грустинцы* должны быть Gaustinzi, о коихъ упоминаетъ Штраленбергъ въ описаніи Сибири, и которые жили близъ Томска: Татары идолопоклонники, числомъ до двухъ сотъ семействъ. Миллеръ въ своей Сибирской Исторіи называетъ ихъ Евштинцами (см. Лерберг. Untersuch. 38 и слѣд.). — Гербертшеинъ зналъ Географію Россіи лучше, нежели Фр. да-Колло: послѣдній говоритъ нелѣпости о теченіи Дона, Волги, Двины (см. его Trattamento etc. л. 56).

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ VII ТОМА.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ VIII ТОМУ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) Въ *Синод. Лѣт.* No 351, л. 117: «Приказываетъ (Василій) Еленѣ скипетръ Великія Руси до возмужѣнія сына: вѣдаше бо ея боголюбиву и милостиву, тиху и праведливу, мудру и мужественну, и всякого Царьскаго разума исполнено сердце ея, иже всѣмъ уподобися Великой Еленѣ Русской.» Сія лѣтопись и *Царственная Книга* суть главные источники для описанія первыхъ временъ Іоанновыхъ.

(2) См. въ *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 27, *Списокъ Бояръ*, гдѣ сказано: «при Вел. Князѣ Иванѣ Васильевичѣ Бояре отца его: Князь Василій Васильевичь Шуйской, К. Борисъ Ивановичь Горбатой, К. Никита Васильевичь Хромой-Оболенской, Иванъ Никитичь Бутурлинъ, Михайло Семеновичь Воронцовъ, К. Иванъ Щетина Ивановичь Оболенскій, К. Дмитрій Өедоровичь Бѣльской, Михайло Юрьевичь Захарьинъ, , К. Иванъ Өед. Бѣльской, К. Иванъ Данил. Пеньковъ, К. Мих. Ив. Кубенской, К. Өедоръ Ив. Одоевской, К. Иванъ Ивановичь Барбашинъ, К. Ив. Вас. Шуйской, К. Вас. Андр. Микулинской, Ив. Григ. Морозовъ, Конюшій К. Иванъ Өедоровичь Овчина-Телепневъ-Оболенскій, К. Иванъ Андр. Катыревъ-Ростовской, Вас. Григ. Морозовъ, К. Романъ Ив. Одоевской.»

Князь Щербатовъ въ своей Исторіи напрасно *угадываетъ*, кто именно засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ при Еленѣ: самъ Бояринъ означалъ Великокняжескаго Совѣтника.

Князь Борисъ Горбатый былъ Намѣстникомъ въ Новѣгородѣ, К. Михайло Кубенскій во Псковѣ, Князь Барбашинъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, и проч.

(3) См. Т. VII, стр. 101.

(4) См. Герберштейн. R. M. Comment. стр. 80.

(5) На примѣръ, во всѣхъ бумагахъ дѣлъ внутреннихъ писали: «повелѣніемъ благовѣрнаго и христолюбиваго Вел. Князя Государя Ивана Васильевича всея Руси и его матери, благочестивой Царицы, Великой Государыни Елены»; или: «Князь Великій и мати его Вел. Княгиня, посовѣтовавъ о томъ съ Бояры, повелѣли,» и проч. (см. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 126 на обор. и 143); въ дѣлахъ же иностранныхъ совсѣмъ не упоминается о Еленѣ.

(6) См. *Царствен. Кн.* 35, и *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго, гдѣ сказано: «и начаша Государя ставити, К. Ивана Васильевича, на Великое Княженіе въ Соборной церкви: Митрополитъ Даниило... благослови его крестомъ, и нача ему высочайшимъ гласомъ глаголати: Богъ, Государь, благословляетъ тебя, Князь Великій, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Болгарскій, Смоленскій, и иныхъ земель многихъ Царь и Государь всеа Русіи! Добръ здоровъ буди на Вел. Княженіи отца своего! И начаша ему пѣти многолѣтіе, и поидоша къ нему Князи и Бояре, и понесоша ему дары многи.»

(7) См. *Синод. Лѣт.* No 351. К. Горбатый названъ братомъ Шуйскаго. О прежнемъ бѣгствѣ К. Андрея сказано: «Князь Великій посылалъ по него и по брата его, К. Ивана: оба бо тогда отъѣзжали. Князь же Юрій вскорѣ ихъ отда... Князь же Великій велѣлъ ихъ оковавши разослати по городомъ. Послѣ же Великая Княгиня ихъ пожаловала выпустила; а больше Митрополитъ и Бояре объ нихъ печаловались,» и проч.

(8) См. *Царствен. Кн.*

(9) Увидимъ, что К. Андрей Шуйскій былъ освобожденъ по кончинѣ Правительницы. Въ Послужномъ Спискѣ тогдашнихъ чиновниковъ (см. *Древ. Рос. Вивліов.* XX, 28) наименованъ онъ въ числѣ новыхъ Бояръ Іоаннова времени подъ г. 1535; но здѣсь ошибка: въ лѣтописи сказано, что К. Андрей уже въ 1538 году получилъ сіе достоинство (см. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 195 на обор.).

(10) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: «Діяволъ вложи имъ мысль сію, вѣдяше бо, аще не поимавъ будетъ Князь Юрьи, не тако воля его совершитися въ грабленіи и во убійствахъ.»

(11) Отецъ Бѣльскихъ выѣхалъ изъ Литвы. К. Симеонъ и Лятцкій съ сыномъ бѣжали въ Августѣ.

(12) См. Герберштейн. R. M. Com. 80, *Царствен. Кн.* 38 и *Синод. Лѣт.* 128 и 178, гдѣ сказано: «Сент. 15 преставися К. Мих. Льв. Глинской въ нужѣ, поиманъ бысть по слову наносному отъ лихихъ людей... и положенъ бысть за Неглинною, за Ямскимъ дворомъ... а послѣ въ Троицѣ отвезенъ того жъ мѣс. 16.» — Сочинитель *Ядра Рос. Исторіи* говоритъ, что Глинскаго ослѣпили и замучили по совѣту К. Ивана Телепнева-Овчины.

(13) См. *Послужный Списокъ Бояръ въ Древ. Рос. Вивліов.* XX, 30.

(14) См. *Дѣла Крым.* No 8, л. 90. Нашъ посланникъ долженъ былъ сказать Хану: «Нынѣ съ Божіею волею Князь Великій Иванъ учинился Государемъ, а у него братъ Великаго Князя Андрей Ивановичь.»

(15) Въ *Синод. Лѣт.* No 351, л. 176 на обор.: «Авг. 7 въ Четвергъ, въ третій часъ дни, преставися К. Юрій Ивановичь *страдальническою смертію, гладною нужею.*»

(16) См. *Синод. Лѣт.* л. 182 — 186 и *Царствен. Кн.* 67. Андрея звали въ Москву будто бы для того, чтобы узнать его мнѣніе о войнѣ Казанской. Въ сіе время Сафа-Гирей подступалъ къ Мурому (см. ниже). «И Өеосилъ сказалъ про Андрея, что болѣзнь его легка; сказываетъ на стегнѣ болячка, а лежитъ на постелѣ... Князь же Великій и его мати послаша ко К. Андрею... и сказали тѣ посланники, что люди у него прибылные есть, которые не всегда у него живутъ, а говорити не смѣютъ... Послалъ К. Андрей на Москву Боярина своего, К. Өедора Дм. Пронскаго... а сынъ Боярской Княжь Андреевъ, К. Василей, Княжь Өедоровъ сынъ Голубого, Ростовскихъ Князей, изъ Старицы прислалъ тайно ночью къ К. Ив. Өед. Овчинѣ человѣка Еремку съ тѣмъ, что К. Андрею на утро бѣжати... и Князь Великій и мати его послали за К. Андреемъ Владыку Досиѳея, да Архим. Симонов. Филоѳея, да отца его духовнаго, Протопопа Спасскаго, Симеона; а велѣли дати слово К. Андрею, что у нихъ лиха въ мысли нѣтъ ... А нѣчто не повѣритъ и побѣжитъ, того для послали за К. Андреемъ Бояръ Князей Оболенскихъ со многими людьми, а велѣли стоять на Волоцѣ. А Боярина Княжь Андреева, К. Өедора Пронскаго, поимати (на дорогѣ) и на Москву привезти... И какъ его имали, ушелъ Княжь Андреевъ Сынъ Боярской, Судокъ Дм. Сатинъ, и сказалъ К. Андрею... И приходилъ съ Волока въ Старицу Княжь Андреевъ же Сынъ Боярской, Яковъ Веригинъ, а сказалъ, что пріѣхали К. Никита, да К. Ив. Овчина, а ѣдутъ тебя имати... И К. Андрей побѣжалъ Мая 2..: и изъ Бернова побѣжалъ отъ К. Андрея К. Василей Өед. Голубого, да сказалъ Вел. Князю и его матери... И К. Андрей изъ Новоторжскаго уѣзда за рубежъ не поѣхалъ, а пошелъ къ Новугороду... Велѣли Князю Никитѣ Оболенскому крѣпити Новгородъ а людей къ цѣлованію привести, да противъ К. Андрея стояти

и посаду ему жечи не дати... Архіепископъ Макарій (см. *Архив. Ростов. Лѣт.*) въ Новѣгородѣ по вся дни молебная совершая, а Намѣстникъ К. Дмитрій Горбатой и Дьяки повелѣша градъ ставити на Торговой сторонѣ, и поставиша въ 5 дней; и противъ К. Андрея послаша Воеводу Бутурлина... А К. Андрей отъ Заячьского яму своротилъ влѣво, къ Тюхоли, отъ яму верстъ съ пять... Княгиню Андрееву посадили на Берсеневѣ дворѣ ... а Бояръ его, К. Өедора Пронскаго, К. Ив. Андр. Пенинского-Оболенскаго, Дворецкаго К. Юрья Андр. меньшаго Пенинскаго, Конюшаго К. Бориса Ив. Палецкаго, Князей и Дѣтей Боярскихъ, которые у него въ избѣ были и его думу вѣдали, Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колычева, да шурина Княжь Андреева, К. Ив. Андр. Хованскаго, велѣли пытати и казнити торговою казнію, и въ наугольную стрѣльницу посажати; и К. Пронскаго въ той нужи не стало... и Дѣтей Боярскихъ, Андрея Пупкова, да Гаврила Volод. Колычевыхъ съ товарищи 30 человѣкъ, велѣли бити кнутіемъ на Москвѣ и повѣсити по Новог. дорогѣ не вмѣстѣ, и до Новагорода.»

Въ Синод. Лѣт. въ листъ, подъ No 318, сказано: «Князь Великій Иванъ Вас. и мать его начаша помышляти, какъ бы имъ К. Андрея изъимати, и послаша къ нему К. Бориса Щепина-Оболенскаго, и повелѣша ему отъ себя послати на Коломну Воеводу своего, К. Юрья Ондр. Оболенскаго, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ многихъ, Старичанъ и Олексинцовъ, и Веренчь, и Вышегородцовъ — и посла... И яша К. Өедора Проньскаго въ селѣ въ Павловскомъ на Истрѣ за 30 поприщь отъ Москвы, и посадиша въ нутрѣ города на Княжь Ондреевѣ дворѣ Ивановича... И бысть К. Андрею третій станъ на Цнѣ, проѣхавъ Волочокъ Вышній, и побѣгоша отъ него Дѣти Боярскіе, два Валуевыхъ, да Бекетовъ, да Вешнякъ; и Ондрея Валуева ухватиша и приведоша ко Князю, и повелѣ ближнему своему Дворянину Кашѣ блюсти его крѣпко; а Каша повелѣ людемъ своимъ связати ему руцѣ и нозѣ, и вергоша его въ озерко въ одной срачицѣ, а главу ему выставиша на берегъ, дабы онъ не залился, и пыташа, много ли ихъ въ думѣ было? и онъ сказа на многихъ... Князь же Андрей то слышавъ, и повелѣ закрыти, понеже не всѣхъ тѣхъ перевѣшати. Слышавъ то Воевода К. Андреевъ, К. Юрьи Оболенской, въ Коломнѣ, и нача Богу молиться, и утаясь Воеводъ Великаго Князя, поѣха съ Коломны, и Волгу лѣзе подъ Дегулинымъ, и повелѣ суды перевозные просѣчи, и наѣха своего Князя на рѣчкѣ на Березнѣ, мало не доѣхавъ Ѣдрого яму, и радъ бысть ему Князь... И пріидоша на него въ Тюхолехъ К. Иванъ Өед. Овчина, да К. Романъ Ив. Одоевской, да К. Дм. Ив. Оболенской Шкурлетевъ, да К. Вас. Өед. Оболенской-Лопатинъ, да Окольничей Дм. Данил. Слѣпой, и начаша наступати на заднихъ сторожовъ. Княжь же Андрей восхотѣ битися, и Воеводы Московскіе начаша посылати къ нему, чтобы крови не пролилъ, а Государь и мать его отпустятъ тебя на твою отчину невредимо, и Бояръ твоихъ. И не успѣша дѣла въ словѣ положити, понеже приспѣ вечеръ. И съ того стану отъ К. Андрея побѣжалъ К. Константинъ Өед. Проньской, да шутъ его Гаврила, да Ключникъ. И на завтра Воеводы даша клятву К. Андрею... и бывшю К. Андрею близь Москвы у Св. Николы на Хмыскѣ, и нѣкто отъ его *Столпниковъ*, К. Иванъ Шахъ Чернятинской, нача совѣтовати съ Столпники, дабы ему сложити съ собя К. Андрею цѣлованье, убоявся поиманья, и не добыша собѣ поборника никого же. Бысть же у посаду у Москвы, противъ Хлынова, и нача складывати съ собя крестное цѣлованье Ивану Ивановичу Колычову Умному, чтобы Князю сказалъ. Иванъ же въ томъ ему словѣ отречесь.» Въ Архивѣ Иностран. Кол. сохранились нѣкоторыя бумаги о дѣлѣ Князя Андрея. Выписываемъ изъ нихъ слѣдующее: «К. Андрей Ивановичь велѣлъ тобѣ, Государыни своей (Еленѣ), челомъ ударити... Насъ по грѣхомъ отъ осени немочь постигла великая... и Государь приказалъ къ намъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобы намъ у него однолично быти... а прежъ сего того не бывало, чтобъ насъ къ вамъ Государемъ на носилахъ волочили; и язъ своею болѣзнью и бѣдою съ кручины отбылъ ума и мысли... И вы бъ, Государи, показали милость, огрѣли сердце и животъ холопу своему своимъ жалованьемъ.» Митрополитъ Даніилъ велѣлъ Епископу Досиөею говорить такъ предѣ Княземъ Андреемъ: «Ты хочешь оставити благословенье отца своего и гробы родителей и святое отечество... и се ты, чадо непослушное, самъ на себе налагаешь тягость церковную и юзу вѣчную... Не буди на тебѣ милости Божія... да будеши проклятъ.» Въ *Синод. Лѣт.* No 351, л. 191: Декабря 10 въ 7 часу ночи преставися К. Андрей Ивановичь въ нужѣ страдальческою смертію въ полатѣ на дворцѣ у Рожества Ивана Предтечи.»

(17) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 138 на обор. и 181. Первые Финляндскіе послы пріѣхали въ Моску 16 Генваря въ 1535 г. и названы Гутманъ Лавровъ Матіяшь Лавровъ (у Далина Гудмундъ Ларсонъ, Матсъ Ларсонъ) и Олбрехъ Окиновъ; а вторые, Шведскіе, пріѣхавшіе 25 Февр. 1537, Кнутъ Андрей съ товарищи. Договоръ ихъ съ Новогород. Намѣстниками, подписанный 25 Марта, хранится въ Архивѣ Иностранной Коллегіи. Далинъ пишетъ (III, гл. 5), что Густавъ не утвердилъ договора, заключеннаго первыми Послами.

(18) См. сію грамоту въ Архивѣ Иностран. Коллегіи No 3 между *Лифляндскими*. Со стороны Псковитянъ были при договорѣ Старости Богданъ Ковырипъ, Назаръ Глазатой, Андрей Анкудиновъ; отъ Магистра же Иванъ Лоденъ и Өедоръ Корфъ. О границѣ сказано: «по Норовѣ рѣкѣ стержнемъ.» О торговлѣ: «Горою и водою путь чистъ... А корчмы Нѣмцомъ во Псковской земли не продавати, а цѣны товаровъ у Нѣмецкихъ гостей Псковичемъ не уставливати и гостинцовъ не имати; а воску у Псковскихъ гостей Нѣмцомъ не колупати, опричь того, что уколупивъ не много на опытъ, да ему жь отдати назадъ... А выше десяти рублевъ будетъ каково дѣло, ино въ тѣхъ Нѣмецкихъ городѣхъ Псковитина съ Нѣмчиномъ не судити, а дати Псковитина на поруку, да о томъ сослатися съ Намѣстники Великаго Государя.» См. *Синод. Лѣт.* л. 142. Тамъ сказано, что Послы Ливонскіе пріѣхали въ Москву 16 Марта 1535; а въ грамотѣ, что перемиріе заключается отъ 1 Октября 1534.

(19) См. *Синод. Лѣт.* л. 124, 129, 131, 154. Прежде Тимоөея Васильевича Заболоцкаго ѣздилъ въ Молдавію Посланникъ Иванъ Прокудинъ.

(20) См. Кантемирову Исторію Оттом. Имперіи.

(21) См. *Синод. Лѣт.* л. 193. Грекъ Андреянъ пріѣхалъ 6 Марта вмѣстѣ съ Монахами Синайской горы, у которыхъ было письмо отъ Цареградскаго Патріарха къ Вел. Князю.

(22) Вел. Князь въ Окт. 1536 году послалъ въ Астрахань Сына Боярскаго, Өед. Быкова: онъ возвратился 30 Августа 1537 съ Царскимъ Посломъ, К. Ишимою, который 17 Окт. выѣхалъ изъ Москвы съ Боярск. Сыномъ Ив. Клушинымъ. Ногайскіе Татары Мамаевы ограбили ихъ въ степи. Узнавъ, что сдѣлалось въ Астрахани, Бояре велѣли Клушину возвратиться, а К. Ишиму отправили туда Волгою.

(23) См. Дѣла Ногайскія, No 2, л. 7, 9, 18, 67, 103. Ногайскіе Послы были въ Москвѣ въ 1534,

1536 и 1537 годахъ. Иногда, на возвратномъ пути, они грабили въ Россіи. Отъ насъ также ѣздили посланники въ Ногаи.

(24) См. Дѣла Польскія No 2, 167 — 169. Въ Переписной Архивской Книгѣ No 1, л. 257 на обор. означено, что еще въ 1531 году были посыланы Мешко Ивашкинъ и Булгаковъ къ Венгерскому Королю Фердинанду.

(25) Въ Генв. 1534 поѣхалъ Сынъ Бояр., Тимоѳей Заболоцкій, къ Сигизмунду съ извѣстіемъ о кончинѣ Василія, и возвратился 22 Іюля. См. Дѣла Польскія No 2, стр. 154. — Въ Іюлѣ Великокняжескій Посолъ, Ѳедоръ Ив. Беззубцевъ, взялъ присягу въ Казани съ Царя и народа.

(26) 8 Мая. Плѣнниковъ взяли только 53.

(27) Бѣльскому далъ Король Зизморы, Стоклиски и Кормялово, а Лятцкому съ сыномъ Высокій Дворъ и Жолудокъ въ Троцкомъ Воеводствѣ. (См. Стриковскаго).

(28) См. *Царствен. Кн.* 38 — 40, *Синод. Лѣт.* л. 132 — 134, и *Архив. Лѣт.* л. 10 — 11.

(29) См. Архив. *Псков. Лѣт.* — Въ Архив. *Рост. Лѣт.*: «многихъ по своей Вѣрѣ православнѣй отпущали, а Церкви православныe вельми честно велѣли держати воинству,» и проч.

(30) *Царствен. Кн.* 40, *Синод. Лѣт.* л. 135 — 137, и Дѣла Крымскія No 8, л. 130. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго сказано, что въ войскѣ Московскомъ находилися Татары съ Царемъ своимъ, лыжники и Мордвичи Рязанскіе; что онъ на возвратномъ пути шелъ черезъ область Псковскую и весьма отяготилъ землю поборами. Сей Царь долженъ быть Шигъ - Алей; но еще Василій сослалъ его на Бѣлоозеро. Здѣсь Лѣтописецъ по видимому ошибся, равно какъ и въ томъ, что будто бы Алея заточили въ 1534 году. Онъ пишетъ: « Въ лѣто 7042, въ Великій постъ, засадиша на Москвѣ Царя Шигъ-Алея и послаша его на Бѣлоозеро, а людей его по городомъ разведоша, во Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ съ женами и съ дѣтьми; и приведоша ихъ во Псковъ и нарядиша имъ избы на Ямскомъ дворѣ у Трупѣховскихъ воротъ; а Дьяка Колтырю Ракова свелъ Князь Вел. на Москву, и бысть Псковичемъ радость; а онъ многія пошлины уставилъ, а нога у него крива... Мѣсяца Іюня (1535) посадиша Татаръ Царя Шигъ-Алея людей 73 въ тюрму въ среднемъ городѣ подъ Бурковскимъ костромъ на смерть, и малыхъ дѣтокъ 7, и ти изомроша, и выкидаша ихъ вонъ, а 8 живы осташася ни поены, ни кормлены, а тѣхъ прибиша, а Катуней посадиша въ иную тюрму... И Владыка Макарій (въ 1536 г.) упроси у Вел. Князя на свое бремя Татаръ Шигъ - Алея женъ, кои сидѣли въ тюрмахъ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ, и подаваше ихъ Священникомъ и повелѣ ихъ крестити, и бысть радость велія въ людехъ, и начаша ихъ Священники давати замужъ, а онѣ къ Вѣрѣ Хр. добры быша.» Въ Новѣгородѣ умерло Шигъ-Алеевыхъ Татаръ въ темницѣ болѣе 80. Одинъ изъ нихъ, Осанъ, крестился, и былъ названъ Михаиломъ (см. Архив. *Ростов. Лѣт.*); а женъ Татарскихъ крестилось тамъ 43, дѣтей 36, во Псковѣ женъ и дѣтей 51, въ Орѣшкѣ 12, въ Корелѣ 30.

(31) См. *Синод. Лѣт.* л. 129 на обор.

(32) Генв. 8, 1534 г., отправился къ Хану Посланникъ Иванъ Челищевъ; Іюня 22 Исламъ увѣдомилъ Вел. Князя о своемъ воцареніи. Вторымъ нашимъ Посланникомъ въ Тавридѣ былъ Ѳедоръ Логиновъ; а Князь Мезецкій съ *большою казною* поѣхалъ туда въ началѣ 1535 году. Исламовъ Посланникъ Булалый Мурза, на возвратномъ пути, въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ поссорился въ корчмѣ съ людьми Намѣстника, К. Ивана Барбашина, и былъ раненъ ими въ дракѣ: Правительство наше выдало ему сихъ людей головою. Исламовъ Посолъ, К. Темешь, подалъ грамоты самому Іоанну 24 Генв. Для истребованія отъ Хана новой шертной грамоты ѣздилъ къ нему Данило Загряской (см. Дѣла Крымскія No 8, л. 3 — 203).

(33) См. *Синод. Лѣт.* л. 144 — 147. Вторымъ начальникомъ Московской рати былъ К. Данило Дмитріевичь Пронскій. Въ числѣ другихъ Воеводъ именуются К. Ѳедоръ Курбскій, К. Василій Охлябининъ, К. Троекуровъ, и проч. Въ *Псков. Лѣт.* Гр. Толстаго: « Псковичи нарядиша 500 пищальниковъ и 3000 коней въ телегахъ и человѣка на кони, и 3000 *четвертей* овсяной засыпы толокно, 3000 полтей свинины, 3000 четвертей солоду, 360 четвертей гороху, 360 сѣмени конопляного, а на Москву послаша пищальниковъ 400 — все то одного году. А Новгородцы посохи много послаша Себежа новаго дѣлати, 60 верстъ отъ Опочки, въ Петровъ день, а кончанъ бысть Іюля 25; затвориша его и освящаша церкви Усѣкновеніе Главы Св. Іоанна, да придѣлъ Св. Николы, да другой Царя Константина; а Священниковъ *трей* послали изо Пскова.» Въ Архив. *Ростов. Лѣт.*: «И градъ поставили на Себежѣ, и Князь Великій приказалъ Архіепископу Макарію Священниковъ Соборныхъ туда послати, а самому имя граду нарещи, и Макарій имя нарекъ *Иванъ-городъ на Себежѣ.*»

(34) См. Дѣла Крымскія, л. 209, 227.

(35) *Синод. Лѣт.* л. 147 — 150. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго сказано о числѣ Татаръ. Воеводы Московскіе посылали за Оку три отряда выгнать ихъ изъ Рязанскихъ предѣловъ.

(36) См. *Синод. Лѣт.* Въ *Царствен. Кн.* сказано, что Щепинъ *встрѣтилъ* непріятелей и сдалъ имъ городъ.

(37) См. *Синод. Лѣт.* л. 150 — 152. О подкопѣ сказано: наставиша въ яму подъ стѣною множество бочекъ съ пушечнымъ зеліемъ, и позажгоша тамо свѣчи, и догорѣша свѣчи до земля, и гряну аки громъ;» а въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «подкопашася подъ стѣну 200 сажень, и подкатиша порами бочки съ зельями и зажгоша съ устья, и треснуше зеліе, и вынесе 4 прясла стѣны и стрѣльницу.» Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* прибавлено, что у Литовцевъ было два *чародѣя*, и что Воеводы Стародубскіе сказали дружинѣ: « братіе! аще не нынѣ умремъ, умремъ убо всяко, но постраждемъ за Святую Вѣру.» — Въ Почепѣ Воеводою былъ К. Юрій Вас. Ушатый: его за болѣзнію отвезли въ Москву. Ѳедоръ Сукинъ названъ *Осадчикомъ*. Литовцы, оставивъ Стародубъ, шли мимо Почепа, гдѣ бродило, среди дымящихся развалинъ, нѣсколько бѣдныхъ людей, которыхъ они заставили присягнуть Королю Сигизмунду.

(38) Здѣсь сія Царевна именуется *Ковгоршадъ*, а прежде названа была *Горшадною*. Далѣе: «Октября въ 4 пріѣхалъ Ѳетко Дѣвочкинъ Новогородецъ, а посланъ былъ въ Казань съ Ѳед. Беззубцовымъ, а сказалъ, что Князи Казанскіе, выпустивъ Еналея Царя изъ Казани, на рѣчкѣ Казани велѣли его убити Сент. 25.» Въ дѣлахъ Крымскихъ сказано (No 8, л. 267 на обор.): «и сталъ Яналей молодостью ѣздити не по прежнимъ мѣстомъ, и въ Казани лихихъ людей много, люди съѣзжіе, и они Царя убили... и прочь поѣхали въ Азторокань и въ иные мѣста; а другіе побоялися, да взяли Царевича изъ Крыма Сафа-Гирея.» А въ *Казанск. Лѣтописцѣ* сказано, что Еналей убитъ спящій. О женитьбѣ Сафа-Гиреевой см. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 110 на обор.

(39) «25 Окт. пріѣхали на Москву Казаки Городецкіе Татарове, а убили на Волгѣ 100 человѣкъ ихъ, а сказывали, что Казанскіе Князи, Шабалъ Епанчинъ, да братъ его Шабалатъ, да Карамышъ

съ братомъ Келушемъ, Хурсуловы братья, и съ ними Князей и Мурзъ и Казаковъ съ 60 человѣкъ изъ Казани вышло, и къ нимъ на островъ изъ судовъ выходили,» и проч.

(40) За Шигъ-Алеемъ посылали К. Никиту Туренина. Онъ пріѣхалъ въ Москву 12 Дек.

(41) «Князь Великій велѣлъ Царю встати и звалъ къ себѣ карашеватись и сѣсти съ правые руки на другой лавкѣ.»

(42) «Княжь Ѳедорова Княгини Мих. Мстиславскаго Княгиня Анастасія, да Елена Иванова жена Андреевича, да Аграфена Васильевская жена Андреевича» (Челядины) «и иные многіе.»

(43) «К. В. Василей Ивановичь вскормилъ меня какъ щеня... Хощу умерети яко же братъ мой, чтобы и мнѣ тотъ *миньять* (пятно) съ себя свести.»

(44) «Велѣла (Елена) встрѣтити ее у сеней Огрофенѣ Ивановской женѣ Волынскаго, да съ нею молодымъ боярынямъ, и какъ Царица взошла середи лѣсницы, и туто встрѣтила ее Боярыня Огрофена Васильевская жена также съ молодыми Боярынями... И Князь Великій вошелъ въ полату, и Царица востала, и Князь Вел. молвилъ Царицѣ: *Табугь Саламъ*, и съ нею карашевался, и сѣлъ у Царицы съ правой руки, а Бояре по обѣ стороны; а у Вел. Княгини были Княгиня Анастасія (Мстиславская), Боярыни Елена да Огрофена (Челяднины); да Огрофена, жена Волынскаго, и иныя.» За столомъ Царица сидѣла у Елены на правой сторонѣ въ углу, а на лѣвой Княгиня Мстиславская, Боярыни Челяднины и другія; на скамьѣ Княгиня Марѳа Бѣльская, Волынская и другія. У Елены былъ Кравчимъ Иванъ Ивановичь Челяднинъ.

(45) Въ *Царствен. Кн.* стр. 54: «Елена посовѣтовала съ Бояры, что пригоже ли у нее быти Царю, зане же еще Вел. Государь младъ, а положеніе Царскаго сиипетра и державы на ней,» и проч.

(46) «Окт. 24 пріѣхалъ изъ Казани Данилко Смагинъ... а сказалъ, что Царица Сафа-Гиреева, а Мамаева дочь, изъ Нагай въ Казань пріѣхала, а ѣздилъ по нее Табай Князь, да съ ней не пріѣхалъ въ Казань, а того вѣдома нѣтъ, гдѣ ся дѣлъ.»

(47) «Пришли къ Сурѣ» (Гундоровъ и Замыцкій) «и нашли на Сныгу Татаръ... и возвратились; а Татарове пришедъ на Нижегородскіе мѣста нощію на сонные люди, Дек. 24, повоевавъ да и прочь пошли; а Воеводы изъ Нижн. Новагорода за ними, а чаяли, что Татарове придутъ къ Мещерскымъ Воеводамъ, а они назади, а К. Сем. Гундоровъ и Вас. Замыцкой ушли въ Мещеру, и Князь Великій и мати его велѣли Нижегород. Воеводамъ воротитись... Генваря 6 приходили Татарове на Балахну... и бѣглыхъ людей на Волгѣ много посѣкли... и съ полономъ пошли... и учинилася вѣсть Воеводамъ Муромскимъ и Новогородцкимъ, и К. Ѳедоръ Мстиславской и Нижегород. Воеводы вышли, и загонщики Татаръ 50 человѣкъ убили, и Татаръ дойдоша на становищехъ, и дѣла не дѣлали, что ночь пришла,» — и проч. Въ Генварѣ же разбили Татаръ въ Коряковѣ.

(48) *Синод. Лѣт.* л. 169. Въ церкви были придѣлы Богоматери, Покрова и Св. Сергія. Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «не мы ихъ (Литовцевъ) побили, но Богъ ихъ побилъ, овыхъ избиша народомъ городовымъ, а иные во озерѣ истопоша, а иныхъ подъ стѣной побиша аки свиней, и Ририка Воеводу убиша Лятцкого.» Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* прибавлено, что и два чародѣя, бывшіе съ Литовцами подъ Стародубомъ, утонули въ озерѣ.

(49) *Синод. Лѣт.*, л. 170 — 172. Почепъ возобновленъ въ Окт. 1535, а Стародубъ весною въ 1536 г. Воевода К. Ив. Вас. Горенскій ходилъ оттуда къ Любечу, сжегъ его острогъ, убилъ, плѣнилъ множество людей подъ городомъ и въ разныхъ областяхъ Литовскихъ. — К. Иванъ Барбашинъ, 19 Апрѣля, основавъ новую крѣпость Велижъ на старомъ городищѣ и докончавъ ее въ Іюлѣ, сжегъ Витебскій посадъ, и проч. — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «Тоя же весны поставиша новой городъ на Заволочьѣ озеро, а островъ Груда, и начаша звать его по озеру городъ Заволочье, и церкви поставиша Покровъ, а придѣлы Іоанна Усѣкновеніе Главы, да Георгія Великого, и присудъ съ дворецъ и Намѣстниковъ дву, и посажанъ свели на Заволочье.» Въ *Царств. Кн.* 59: «велѣлъ Вел. Кн. поставити во Ржев. Уѣздѣ градъ земляпъ Заволочье, и дворы Ржевскіе велѣлъ перевезти.»

(50) Дѣла Крымск. No 8, л. 246. Сіе было въ концѣ зимы 1536.

(51) *Синод. Лѣт.*, л. 172. Тутъ были и Азовскіе Татары.

(52) См. Дѣла Крым. No 8, л. 201 — 305. Послѣ Темеша Исламъ присылалъ еще въ Москву Князя Бачака для возобновленія союза.

(53) Въ *Синод. Лѣт.* л. 147: «а Лятцково велѣлъ Краль за сторожи держати.»

(54) См. Дѣла Польск. No 2, стр. 155 — 159.

(55) Послы Литовскіе пріѣхали 14 Генв., а выѣхали изъ Москвы 18 Февраля. Секретарь ихъ, Венцлавъ Николаевичь, былъ, по сказанію Лѣтописца, *Всемірскаго Закона* (*Синод. Лѣт.* л. 179 на об.). Кромѣ Себежа и Заволочья Россія взяла волость Долійскую съ селами Чечерскими и Крычевскими, Залѣсье, Бабичи, Свѣтиловичи, Голодно, Скарбовичи и Липечи. Подлинная перемирная грамота находится въ Архивѣ подъ No 11.

(56) Дѣла Польск. No 2, стр. 166 — 169.

(57) Дѣла Крым. No 8, л. 308, 317 и 318 на обор. Исламъ пишетъ: «Салтанъ говорилъ: коли только Исламъ умеръ» (ибо въ Константинополѣ разнесся ложный слухъ о его смерти) «ино-де и вся земля нечестивыхъ моя ся учинила; а коли будетъ Московскоа земля моа, а нечестивыхъ земля Литовскоа, тогды ужь у меня въ рукахъ.»

(58) Дѣла Крым. No 8, 318 — 331. Объ угрозахъ Симеона Бѣльскаго Великій Князь писалъ къ Исламу: «Нашъ холопъ Бѣльской, позабывъ Бога и наше жалованье и свою душу, неподобные рѣчи говоритъ: мы того холопа рѣчи ни во что вмѣняемъ; а кто ся на насъ подвигнетъ и похочетъ намъ недружбу дѣлати, и мы съ Божьею волею противъ своихъ недруговъ можемъ стояти и дѣла своего беречи.»

(59) См. Дѣла Ногайск. No 2, л. 185, 186.

(60) Узнавъ о мирѣ Саипъ-Гирея съ Исламомъ, Бояре посылали къ первому гонца съ грамотою и съ дарами, а послѣ и знатнаго чиновника Никиту Мяснаго. Саипъ также писалъ къ намъ дружелюбно (см. Дѣла Крым. No 8, л. 214, 344, 374).

(61) См. тамъ же, л. 416, 425, 473, 478.

(62) «Того жь мѣсяца 23 (Іюня 1536) прислалъ Мурза Галдей Городецкой, что посылалъ ихъ Князь Великій на Волгу 500 человѣкъ беречи въ Казань и изъ Казани въ иные Орды посылокъ, и пошелъ изъ Казани въ иные Орды Уланъ Тебенекъ со многими людьми, и Казаки наши ихъ побили, а Тебенека и 14 человѣкъ поимали... Того жь лѣта приходили Татарове на Костромскіе мѣста и на Галичьскіе, и Князь Великій послалъ Воеводъ Мих. Сабурова, да К. Петра Пестрого Княжь Вас. сына Засѣкина, и Воеводы, не собрався съ людьми, поскорили наѣхати на Татаръ, и они по грѣхомъ разгонили ихъ, и К. Петра, да Меншика Полева убили... Учали вѣсти приходить, что Сафа-Гирей сбираетца съ Казанцы и съ Крымцы и съ Ногаи на Костромскіе мѣста, и Великій Князь послалъ Воеводъ въ Володимерь и въ Мещеру. Царь же

Казанской, яко змій вынырнувъ изъ хврастія, прiиде безвѣстно Генв. въ 15 подъ Муромъ... Изъ пушекъ и изъ пищалей изъ града биша ихъ много... Царь же слышавъ, что Воеводы изъ Володимеря и изъ Мещеры идутъ къ Мурому, и пошелъ прочь,» и проч.

(63) См. Дѣла Крым. No 8, л. 480.

(64) См. *Никон. Лѣт.* стр. 2, *Синод. Лѣт.* л. 127 и 144. Въ *Ростов. Лѣт.:* поставиша градъ около посада, сплетаху тонкій лѣсъ около большаго древія и внутрь насыпаху землю и крѣпко утвержаху, и приведоша къ каменной стѣнѣ, и наверсѣ устроиша градъ по обычаю и нарекоша *Китай.*» Сію деревянную стѣну разобрали, когда начали строить каменную. — Въ *Синод. Лѣт.* No 365: «Вел. Князь велѣлъ городъ Китай дѣлати и торги всѣ ввести въ городъ, отъ Никольскихъ воротъ по Неглиннѣ вверхъ къ Троицѣ, гдѣ ся поля били, да по Ивановъ Дворъ Челядина, да по Коневой площадкѣ на Васильевской лугъ къ Кузма Демьяну на Вострой Конецъ, да вверхъ по Москвѣ рѣкѣ къ Свибловѣ стрѣльницѣ.»

(65) См. Олеарія. *Китаемъ* назывались многіе изъ Татарскихъ чиновниковъ, и даже Андрей Боголюбскій во младенчествѣ своемъ, какъ сказано *въ Синопсисѣ.*

(66) Городъ въ Мещерѣ на Мокшѣ строили отъ 17 Дек. 1535 до 27 Марта 1536, Буйгородъ на Корегѣ въ томъ же году, Балахну отъ 20 Іюля до Октября въ томъ же году, Пронскъ-также. Въ лѣтописяхъ сказано, что сами жители Мещерскіе и волостей Костромскихъ требовали основанія двухъ первыхъ городовъ. — Владиміръ горѣлъ 13 Апр. 1536. Часть стѣны обратилась въ пепелъ. Изъ Соборной церкви вынесли иконы, сосуды и книги; половина ея кровли сгорѣла. Для строенія посылали туда изъ Москвы Истому Курчева. — Пожаръ въ Ярославлѣ былъ 9 Іюля 1536, а въ Твери два раза лѣтомъ, въ Іюнѣ и 22 Іюля 1537. Не осталось ни одного двора. Въ Соборной Тверской церкви сгорѣли всѣ древнія иконы и книги. Епископа Акакія (какъ сказано въ *Архив. Рост. Лѣт.*) едва умчали изъ города *промежъ двухъ коней...* Темниковъ перенесенъ на другое мѣсто въ 1536 году; строили его отъ 29 Марта до 2 Августа. Устюгъ окруженъ стѣною деревянною и Вологда распространена въ томъ же году, подъ надзираніемъ Московскихъ чиновниковъ, Данила Загрязскаго и Ивана Боброва. — Въ Новѣгородѣ на Софійской сторонѣ сдѣлали деревянную стѣну въ Іюлѣ 1534 на счетъ однихъ городскихъ жителей. — Въ Архив. *Ростов. Лѣт.* л. 611: «Тое жь зимы (г. 1535) въ Великій постъ выѣхали изъ Литвы на Государево слово триста семей съ женами и съ дѣтьми.» Тамъ же, л. 610: «Государь и мати его повелѣли Владыкѣ Макарію въ ту мзду» (на выкупъ плѣнныхъ) «самому вкупну быти по обежному щету въ своей Архіепископіи со всѣхъ монастырей... и Макарій скоро подвигся и повелѣ собрати 700 рублевъ, и посла къ Государю своего Князя Мих. Ѳед. Оболенскаго, да Дьяка своего Одинца Ноября 22.» О поѣздкѣ Макарія въ Москву въ Дек. 1534 см. тамъ же.

(67) Въ *Синод. Лѣт.*, л. 143: «Князь Великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись подд́ѣльныхъ и рѣзаныхъ, и восхотѣ то лукавство вывести, и повелѣ дѣлати деньги новые, изъ гривенки по три рубли, а старые и поддѣльные, и рѣзаные передѣлывати, а поддѣльнымъ и рѣзанымъ не ходити; а въ старыхъ въ деньгахъ въ добрыхъ, въ Новогородкахъ и въ Московкахъ, въ гривенкѣ полтретья рубля съ гривною; и Великая Княгиня велѣла прибавити въ гривенку новыхъ денегъ, чтобъ было людемъ не великой убытокъ отъ лихихъ денегъ... и впредь не велѣла лихимъ деньгамъ ходити; а поддѣлщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла обыскивати и казнити.» Въ Архив. *Ростов. Лѣт.:* «Повелѣ Вел. Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго примѣса изъ гривенки изъ *каловые* 300 денегъ Новогородскихъ, а въ Московское число три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлали 250 денегъ Новогородскихъ, а въ Московское число полтретья рубли съ гривною. А при Вел. Князѣ Василіи Іоанновичѣ бысть знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ; а К. В. Іоаннъ Вас. учини знамя на деньгахъ Князь Великій на конѣ, а имѣя копіе въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги *копейные...* Безумніи въ толико безуміе пришедше, яко половину у всякой деньги отрѣзати, и гривенку доспѣти въ 500 денегъ и больши... и того ради въ людехъ клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися... иніи вмалѣ обогатѣша, а вскорѣ погибоша; многи напрасными и безгодными смертьми изомроша... И начаша (въ Новѣгородѣ) дѣлати новые деньги Іюня въ 20; а во дворѣ денежномъ велѣлъ Князь Великій смотрѣти накрѣпко мастеровъ своему гостю Московскому Богдану Семенову сыну Курюкова съ товарищи.» Въ *Синод. Лѣт.* No 365: «Въ лѣто 7042 Сент. на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ, Москвичь и Смольнянъ, и Костромичь, и Вологжанъ, и Ярославцовъ, и иныхъ многихъ городовъ Московскихъ, а казнь была, олово лили въ ротъ, да руки сѣкли.»

(68) Герберштт. R. M. Comment. 80, и Одерборн. Ioannis Bas. Vita, стр. 251, 252, въ Rer. Moscov. Auct.

(69) Въ 1536 г., 20 Іюня, Елена съ двумя сыновьями, съ Бояраии К. Ив. Вас. Пеньковымъ, Конюшимъ Телепневымъ, съ Дворецкимъ К. Ив. Ив. Кубенскимъ и со многими иными ѣздила къ Троицѣ и возвратилась 22 Іюня; тула же 21 Іюня и 29 Сент. въ 1537 году; а въ 1538, Генв. 24, въ Можайскъ, поклониться тамъ образу Св. Николая.

(70) R. M. Comment. 80: ipsam (Елену) quoque ita sævientem, veneno sublatam, и проч.

(71) *Синод. Лѣт.* л. 194.

Въ лѣтописяхъ Еленина времени находятся еще слѣдующія извѣстія:

24 Окт. или Дек. 1533: «во градѣ Москвѣ видѣша мнози людіе звѣзды по небеси протягахуся яко же верви, и летяху съ Востока на зимній Западъ.»

Въ 1534 году, въ Февр. «отъ иконы Св. Варвары бысть чюдотвореніе, слѣпіи прозираху (и проч.), еже бѣ за торгомъ у Пвскаго двора; а преже сего чюдотворенія быша въ тайнѣ, а нынѣ явлена и видима... На Покровъ бысть вражіимъ навожденіемъ страхованіе велико въ Шелонской (Новогородской) Пятинѣ въ 5 погостѣхъ, въ Косицкомъ, въ Передольскомъ, во Фроловскомъ, въ Петровскомъ, въ Городенскомъ; начаша люди бѣгати никимъ гонимы, а мнѣша вси, яко иноплеменницы на нихъ идутъ; и много шкоты учинилося, и 15 человѣкъ безъ вѣсти погибе.» См. Архив. *Ростов. Лѣтоп.*

Г. 1535. «Бысть того лѣта, купили четвертку (въ Новѣгородѣ) по 2 деньги Новогородскую ржи, а коробью ржи по 7 денегъ... Посылалъ Архіеп. Макарій преждеписаннаго Инока Илію въ тѣ же мѣста и повелѣ въ Чюдской земли разорити ихъ обычаи, и женамъ ихъ власовъ не постригати, и ривъ яко мертвечьихъ на главахъ и на рамѣхъ не носити, и кудесы своя проклятн: таковъ бѣ обычай злый въ Чюди и въ Ижерѣ и по всей Корельской земли... Апр. 11 основана бысть церковь кам. Св. Георгія на Хутыни, и совершиша ю

въ два лѣта о единомъ версѣ, но вельми чудно, яко таковы нѣсть въ Новогородской земли: окольная стѣна имѣя угловъ 8, а двери 5, при Игуменѣ Ѳеодосіи; а прежде была церковь не на томъ мѣстѣ, кругла яко столпъ и не широка, толико сажени единыя со олтаремъ внутри... А строитель церкви Игуменъ Ѳеодосій, иже взятъ бысть изъ Іосифова монастыря; а мастеры Тверскія земли: большему имя Ермола; а отъ дѣла дано полсемдесятъ рублевъ, а весь запасъ и нарядъ домовой» (см. тамъ же).

Г. 1536: «Преложена бысть Псалтирь Толковая отъ Римскаго писанія и рѣчей на Руское писаніе и на Рускую рѣчь въ Вел. Новѣгородѣ, повелѣніемъ Владыки Макарія, и совершенія достиже Окт. въ 15, въ ней же и толковниковъ 6: Бруно Епископъ Гербипопскій, Іеронимъ Пресвитеръ старѣйшій Великія Церкви Римскія, и Августинъ отъ Аврикіи, Григорій Великій, Беда Пресвитеръ, и Кассіодоръ; преложи Димитрій, зовомый Толмачь, во старости мастятѣ; аще и Схоластика себе нарекъ, но Равуни своему отъ всея души послужи Макарію, и ветхая понови и наполни во истинну мѣру натканну и потрясну.» (См. сей *Исторіи* Т. VII, примѣч. 340)... «Тое же весны прислалъ Князь Великій въ Новгородъ своего сына Боярскаго и конюха Бунду, да Подъячаго Ивана, и повелѣ пожни у всѣхъ монастырей отняти около всего града и у церквей, и давати ихъ въ *бразгу*, что которая пожня стоитъ, тѣмъ же монастыремъ и церковникомъ; а се учинилося по оклеветанію нѣкоего безумна человѣка.» (См. Архив. *Ростов. Лѣт.*). — «Обложили церк. кам. Бориса и Глѣба на старомъ мѣстѣ въ Плотницкомъ Концѣ Мая въ 14, а старую разрушиша, а основанія съ земли не двигнуша, и совершиша ю о 5 версѣхъ въ 5 мѣсяцъ; а мастеровъ больших 20 человѣкъ, и даша имъ 50 рублевъ и три; а строена двѣма улицы, Запольскою и Конюховою.... Іюня 13 основана церк. кам. Похвала Богородицы на старомъ мѣстѣ о трехъ версѣхъ, повелѣніемъ Боголюбиваго человѣка Аѳанасія Филиппова Новогородца съ Лубяницы; а мастеръ Новогородецъ: имя ему Игнатій *Сррсреея*. Тое же осени поставили мостъ новой въ Неревской Конецъ ко Свв. 40 Мученикомъ. Ноября 27, въ первомъ часу ночи, бысть знаменіе въ лунѣ, и ста яко кровава, а свѣтлаго мѣста яко меньше пятыя части» (см. тамъ же). Г. 1537: Архіеп. Макарій ко Пасцѣ у Церкви Св. Софіи обложи сребромъ большой Деисусъ 13 иконъ и украси златомъ. — Тое же весны присланъ съ Москвы въ Новгородъ Сынъ Боярской, храбръ воинъ, Вас. Мих. Тучковъ, на собраніе воинскаго чину; и слыша Владыка Макарій, яко издѣтска сей Василій навыкъ Св. Писанія, и нача его благословляти на духовное дѣло: тайну Цареву, чадо, храни, а дѣла Божіи ясно напиши и чудеса Михаила блаженнаго, нарицаемаго Саллоса, жившаго у Св. Троицы на Клопки; прежде бо написана быша, но вельми просто: понеже бо тогда человѣцы въ Новѣгородѣ еще быша не искусни въ писаніи. Сей же Василій ветхая понови и вельми чудно изложи, храбрый воинъ, свѣтлое око, и всегда во Царскихъ домѣхъ живый, и мягкая нося, и подружіе законно имѣя, а велика разума сподобися. Нача и соверши лѣта 7045, а мѣсяца и дній не вѣмъ: толико въ то время садове плодоносніи вельми цвѣтоша, и всякій овощь на торжищи продаяху, и только едино гроздіе еще отъ Святителя благословенія не пріятъ... Тоя же осени поставили мостъ въ Новѣгородѣ на городняхъ въ Гончарской Конецъ ко Образу Святому. — Окт. въ 21 освящена церковь Срѣтеніе *теплая* на Дворищѣ; а се *начальная* церковь *теплая* въ Новѣгородѣ, опрично того, что у Архіепископа во дворѣ и въ обителехъ» (см. тамъ же). — Г. 1538. «Во Славенскомъ Концѣ въ Новѣгородѣ, Авг. въ 8, на Павловѣ улицѣ, въ берегу у трубника Тимохи жена роди младенца женскъ полъ о дву главахъ, да о дву рукахъ, да о четырехъ ногахъ, а станъ единъ, путь единъ, а дѣтородныя уды двои женска полу; а родился мертвъ.»

(72) См. Т. VI, стр. 78.

(73) См. Послужный Списокъ Бояръ въ *Рос. Вивліоѳ.* XX, 27.

(74) Въ *Синод. Лѣт.*: «Апрѣля 9 поиманъ К. Иванъ Ѳед. Овчина-Телепневъ-Оболенской Боярскимъ совѣтомъ К. Василья Шуйскаго и брата его и иныхъ, за то, что Государь въ приближеньи държалъ.»

(75) Въ *Синод. Лѣт.*: «Пожаловалъ ихъ (Государь) Боярствомъ.» Въ Послужномъ Спискѣ (*Рос. Вивліоѳ.* XX, 28) Андрей Шуйскій наименованъ Бояриномъ въ 1535 году; но лѣтосчисленіе сего Списка весьма недостовѣрно: на примѣръ, смерть Конюшаго Телепнева, Еленина любимца, означена въ немъ послѣ смерти К. Василія Шуйскаго и К. Ивана Бѣльскаго, убитаго еще будто бы въ 1539 году: а онъ жилъ и господствовалъ до 1542 году.

(76) Свадьба была Іюня 6. К. Василій Шуйскій пожалованъ въ Бояре въ 1506 году (см. Списокъ Бояръ).

(77) См. Т. VII, стр. 68.

(78) 21 Октября: см. *Царствен. Кн.* 75, и *Синод. Лѣт.* No 351.

(79) По *Никон. Лѣт.* К. Василій умеръ въ Октябрѣ же 1538 году: слѣдственно тотчасъ по сверженіи Бѣльскаго.

(80) 2 Февраля. Тогда былъ въ Москвѣ Архіепископъ Новогородскій, Макарій. 6 Февраля возвели Іоасафа на дворъ Митрополичій, а 9 посвятили. — Запись, которою Даніилъ отрекается отъ своего сана, находится въ одной исторической рукописи, принадлежащей Г. Строеву: онъ по своей благосклонности сообщилъ мнѣ ее. Въ заглавіи: «Сей отписи *просили* у *бывшаго* Митрополита Данила.» Слѣдуетъ грамота: «Се азъ смиренный Данилъ Митроп. всея Руси, пребывшу ми въ Митрополіи на Москвѣ время доволно, и тако не по колицѣхъ лѣтѣхъ едва въ себѣ бывшу ми, размотрихъ разумѣніа своя немощна къ таковому дѣлу, и мысль свою погрѣшителыну, и недостаточна себе разумѣхъ въ таковыхъ Святительскихъ начинаніихъ, отрекохся Митрополіи и всего Архіерейского дѣйства отступихъ, и молихъ всего Осв. Събора, Архіеп. Макаріа Вел. Нов. и Пскова, и всѣхъ о Христѣ Епископьскій Съборъ, да простятъ ми отпустити мя и не позазрятъ моему отступленію отъ Святительства, и молятъ Государя, В. К., отпустити мя въ молчалное житье; и тако по моей мысли вся съвръшишась, и нынѣ отхожу отъ Митрополіи и отрекаюсь всего Архіер. именованіа, и оставляю Государю, В. К., миръ и благословеніе, такожь и Господѣ своей Архіепископомъ и всѣмъ еже о Христѣ братіи моей Епископомъ оставляю миръ и благословеніе, и требую молитвъ ихъ яже о мнѣ; послѣди же и того благословляю и прощаю, его же изберетъ себѣ Богъ Пастыря Митрополита своей Церкви въ мое мѣсто предстателя, да о всемъ славится Богъ въ Троици пѣваемый.» — Между рукописями Новогород. Софійской библіотеки находится нѣсколько правоучительныхъ посланій, писанныхъ сверженнымъ Митроп. Даніиломъ къ разнымъ лицамъ и къ Царю Іоанну Вас. См. *Исторію Рос. Іерархіи* II, XXVIII.

(81) Самъ Іоаннъ въ отвѣтной грамотѣ къ К. Курбскому пишетъ: «Отъ юности единое воспомяну: намъ бо въ юности дѣтства играюще, а К. Ив.

Вас. Шуйской сѣдитъ на лавѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ къ намъ... И таковой гордыни кто можетъ понести?... А казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша, и въ той нашей казнѣ исковаша себѣ сосуды златы и сребрены, и имена на нихъ родителей своихъ подписаша; а всѣмъ людемъ вѣдомо, при матери нашей у Князя Ив. Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи: коли бы то ихъ было старина, ино лучше бы шуба перемѣнити.» — Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «быша Намѣстники на Псковѣ свѣрѣпи аки лвове и люди ихъ аки звѣріе дивіи до Крестьянъ,» и проч. См. также Архив. *Псков. Лѣт.*

(82) См. Дѣла Крымскія, No 8, л. 490 — 492: «Государьского обычая не держалъ отецъ твой какъ неискусный народъ, занеже никоторой Государь такъ не дѣлывалъ... Нашихъ людей у себя побилъ... и опослѣ того, уже два года тому, посылалъ есмя въ Казань съ Керейчею своего Кадыя, и твои люди на дорозѣ ихъ переимавъ, да къ тебѣ привели, и мати твоя ихъ велѣла побити... Болѣ ста тысячь рати у меня есть; и возьму шедъ изъ твоей земли по одной головѣ, сколько твоей земле убытка будетъ и сколько моей казнѣ прибытка?... Чаешь меня, какъ прежніе наши были; а се иду ... и ты буди готовъ; изъ схоронясь нейду... Твою землю возьму; а ты захочешь мнѣ лихо чинити, на мою тебѣ землю нейти... Съ великимъ Царемъ Магмедемъ, съ упокойникомъ съ дѣдомъ нашимъ, изъ Суждаля прадѣдъ твой Василій бился съ нимъ, да и въ руки ему попалъ... А онъ его простилъ... и Москву ему опять отдалъ,» и проч.

(83) Окольничій Степанъ Ивановичь Злобинъ отправился Посломъ къ Хану въ 1538 году.

(84) См. *Архив. Лѣт.*, л. 51, и Дѣла Крымскія No 8, л. 514 на обор. Кромѣ гонцевъ и Посланниковъ съ обѣихъ сторонъ, осенью 1538 году ѣздилъ изъ Москвы въ Казань Посолъ Игнатій Ивановичь Яхонтовъ; но Царь требовалъ еще знатнѣйшаго, и не отправлялъ своего Посла къ намъ будто бы для того, что носился слухъ о походѣ Россіянъ къ Казани (см. *Синод. Лѣт.* л. 195 — 210).

(85) См. *Казан. Лѣт.*

(86) Дѣла Крым. No 8, л. 617: «наши люди его людей червымъ волосомъ не двинули для твоего слова.»

(87) См. Дѣла Крым. No 8, 580 — 650. Ханскій Посолъ Сулеша привезъ шертную грамоту въ Москву весною 1539 года; но Бояре требовали перемѣны нѣкоторыхъ словъ, и Ханъ на то согласился.

(88) *Синод. Лѣт.*, л. 209 и 213. Иминя, грабившаго Ростовскую волость, встрѣтилъ Рязанскій Воевода, К. Сем. Ив. Микулинскій, взялъ нѣсколько плѣнниковъ и прислалъ въ Москву, въ Окт. 1539.

(89) Ѳедоръ Григор. Адашевъ поѣхалъ въ Царьградъ 26 Дек. 1538, а возвратился въ Ноябрѣ 1539. — Шарапъ Замыцкій отправился изъ Новагорода въ Швецію 7 Сент. 1538, а возвратился 12 Іюля 1539 съ Шведскимъ Посланникомъ Нилусомъ. — Посолъ Ганзы, Яковъ, прибылъ въ Москву 27 Февраля 1540. О сихъ и другихъ посольствахъ см. въ *Синод. Лѣт.* л. 200 — 222.

(90) Тамъ же, л. 215: «К. Ив. Вас. Шуйской на Митрополита и на Бояръ учалъ гнѣвъ держати, и къ Вел. Князю не ѣздити, ни съ Бояры совѣтовати,» и проч.

(91) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1541: «Князь Великой пожаловалъ свою отчину Псковъ, далъ грамоту судити и пытати и казнити Псковичамъ разбойниковъ и лихихъ людей; и бысть Псковичамъ въ радость; а злыя люди разбѣгошася, и быстъ тишина.» Въ *Псков. Лѣт.* Г. Толстаго: «Лихихъ людей обыскивати самымъ Крестьяномъ по крестному цѣлованію, и ихъ казнити смертною казнію, а не водя къ Намѣстникомъ и къ ихъ Тивуномъ... И начаша Цѣловальники и Сотціе судити на Княжи Дворѣ въ судницѣ надъ Великою рѣкою... а К. Андрея Шуйского Князь Великой къ себѣ свелъ.»

(92) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221 и 231. К. Владиміръ освобожденъ въ Дек. 1540.

(93) См. Т. VI, г. 1491.

(94) *Синод. Лѣт.* No 351, л. 221: «А съ Углечского со Княжь Ондреева сына Васильевича, со Князя Дмитрея, тягость сняти,» и проч.

(95) См. *Родослов. Кн.* I, 23.

(96) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 223: въ Маѣ 1541.

(97) Тамъ же, л. 220. Съ нимъ были и Крымцы и Ногаи. Онъ стоялъ два дни подъ Муромомъ. — Въ ветхомъ Синод. Лѣт. подъ No 365 прибавлено слѣдующее: «Въ лѣто 7048 приходили Татарове Казанскіи къ Мурому и къ Костромѣ, и учинися бой пониже Костромы у Пятницы Св. на Плесѣ, и убили туто 4 Воеводъ Большихъ: К. Ѳедора Курпьского, да К. Бориса Сисеева, да К. Ондрея Тулупова, да К. Никиту Засѣкина, и иныхъ Дѣтей Боярскихъ много; и сами Татарове побѣгоша; и придоша на нихъ Царь Шигъ-Алей, да К. Ѳедоръ Мих. Мстиславской, и побиша Татаръ, а иные по лѣсомъ разбѣгошася и отъ мраза измроша; а полонъ Вел. Князя отполониша весь.» Это случилось за годъ до нашествія Сафа-Гиреева.

(98) См. *Царственную Кн.* 78.

(99) См. *Синод. Лѣт.* No 351, л. 225 — 230, и *Царствен. Кн.* 78 — 96. Съ Ханомъ были и Бѣлогородцы, т. е. жители Акермана. Выписываемъ нѣкоторыя подробности: «Прибѣжали изъ Крыма два полоняника, а сказали Вел. Князю, что пріѣхалъ передъ ними съ Москвы Царевъ человѣкъ, а сказалъ Царю, что К. Вел. Воеводъ своихъ послалъ къ Казани... Пріѣхалъ къ Вел. Князю Станичникъ Толмачь Гавриловъ, что посылалъ его К. Петръ Ив. Кашинъ къ Св. Горамъ, и они наѣхали вверхъ Донца Сѣверскаго люди многіе Крымскіе, и гоняли за ними день цѣлъ, а идутъ тихо, съ тою примѣтою, чаяти Царь идетъ; и Іюля 21 прислалъ къ Вел. Князю Воевода К. Семенъ Ив. Микулинской грамоту, а писалъ, что идетъ Царь и сынъ его, и Бака Князь Нагайскій... и повелѣ Царь кликати въ Ордѣ, которые люди съ нимъ не поспѣютъ, и тѣ бы его доѣзжали въ Кламкилиннѣ городкѣ.» — Розрядъ Воеводамъ: «Въ большомъ полку К. Дм. Ѳед. Бѣльской, К. Ив. Михайловичь Шуйской, Мих. Ив. Кубенскій; въ передовомъ К. Ив. Ив. Турунтай-Пронской, да К. Вас. Ѳед. Охлябининъ; въ правой рукѣ К. Иванъ Вас. Шемяка-Пронской, да Сем. Сем. Беззубцовъ; въ лѣвой К. Ив. Мих. Троекуровъ, да К. Вас. Сем. Мезецкой; въ сторожевомъ К. Юрьи Ив. Темкинъ-Ростовской, да К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой... А Царевича Шибанскаго, да Боярина К. Юрья Мих. Булгакова Князь Вел. отпустилъ съ Москвы, а съ ними Двора своего многихъ людей, и велѣлъ стояти на Похрѣ.»

(100) «А 9 Татариновъ Н. Глѣбовъ живыхъ къ Вел. Князю прислалъ .. и Князь Вел. Царевичу Шигалею и К. Юрью Булгакову съ Похры велѣлъ итти на берегъ же Оки; а на Похру отпустилъ К. Вас. Мих. Щенятева, да Конюшего своего, Ив. Ив. Челяднина, а съ ними Двора своего многихъ людей... А изъ Володимеря велѣлъ Дворяномъ своимъ итти на берегъ же Оки.»

(101) Въ *Никон. Лѣт.*: «О [illegible]истая! покажи милость... Помиловала еси пр[illegible]да нашего отъ безбожнаго Темиръ-Аксака; и нынѣ пошли ми-

лость, да не рекутъ поганіи: гдѣ есть Богъ ихъ?... Осталися есмы отъ пазухи отца своего и отъ чреслъ матери своея млады; ни отколу себѣ на земли утѣхи не имѣемъ: и нынѣ приде на насъ великая натуга... Не остави насъ во время скорби нашея,» и проч.

(102) См. Т. V, стр. 112.

(103) «И у посада по улицамъ надолобы дѣлати.» Въ Синод. Лѣт.: «по вспольскимъ решоткамъ надолобы подѣлати... и людемъ животы возити въ городъ, и всякій запасъ.»

(104) Въ Розрядахъ сего времени весьма часто находимъ, что Воеводы отказывались служить подъ начальствомъ другихъ.

(105) См. *Никон: Лѣт.* 25.

(106) То есть, *для* поминовенія въ церквахъ.

(107) «Азъ столько многихъ людей и нарядныхъ, ни *Кутарниковъ*, ни *Аргамачниковъ* не видалъ въ одномъ мѣстѣ... И у Турокъ многіе пушки разбиша... А еще не всѣ пришли: съ Угры Воеводы К. Романъ Ив. Одоевской, да Ив. Петровичь со многими людьми еще не пришли на берегъ.»

(108) Въ *Царствен. Кн.*: «Правнукъ Остѣевъ, родъ Свиблов.» Вторымъ начальникомъ былъ Александръ Кобяковъ, изъ Рязанскихъ Бояръ.

(109) «Пріѣхали отъ Воеводъ Андрей Вас. Овцынъ, да Ив. Сем. Нащекинъ съ товарищи 7 человѣкъ съ вѣстію, чтобы сидѣли въ городѣ крѣпко.... И въ то время городской человѣкъ попался въ руки Царевымъ сторожамъ, и сказалъ, что въ городѣ радость... и сторожи Царевы сказали, что тѣхъ людей и сами видѣли, коли въ городъ ѣхали.» См. *Царствен. Кн.*

(110) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: «А Царевичь Иминь-Гирей отъ отца своего отворотилъ со многими людми на Одоевскіе мѣста, и К. Володимеръ Ив. Воротынской съ своею братьею изъ Одоева вышедъ, многихъ Татаръ побилъ, а 45 человѣкъ живыхъ на Москву прислалъ.»

(111) Государь Бояръ и Воеводъ пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, шубами и кубки.»

(112) Въ *Царствен. Кн.*: «А Новогородцы всѣ городомъ» (за Шуйскаго).

(113) Съ ними былъ еще Иванъ Большой Шереметевъ.

(114) Новогородцевъ, какъ прибавлено въ *Царствен. Кн.* См. также *Синод. Лѣт.* No 351.

(115) «И пѣти у Крестовъ заставили.»

(116) «А на весну, Мая мѣсяца, послаша Бояре на Бѣлоозеро, К. Ивана Бѣльскаго убити въ тюрмѣ, Петрока Ярцова сына Зайцова, да Митьку Иванова сына Клобукова, да Ивашку Елизарова сына Сергѣева; они же, ѣхавъ тайно безъ Великого Князя вѣдома, Боярскимъ самовольствомъ К. Ивана Бѣльскаго убили.»

(117) Курбскій пишетъ: «Убиша мужа пресильнаго, зѣло храбраго Стратига и великороднаго, иже былъ роду Княжатъ Литовскихъ, именемъ Князь Иванъ Бѣльскій, иже не токмо былъ мужественъ, но и въ разумѣ многъ и въ Священныхъ Писаніяхъ искусенъ.»

(118) При Государѣ Василіи Іоанновичѣ, въ 1524 и 1530 году.

(119) См. выше, г. 1541.

(120) 19 Марта на посвященіи были Досиѳей Архіеп. Ростовскій, Ѳерафонтъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Іона Рязанскій, Акакій Тверскій, Вассіанъ Коломенскій, Досиѳей Сарскій, Алексій Вологодскій.

(121) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «и паки Намѣстники премогоша; а то было добро велми по всей земли.»

(122) Въ перемирной грамотѣ 1537 г. было сказано: «Въ тѣ перемирныя лѣта слати обѣимъ сторонамъ между себя Великихъ Пословъ *для заключенія* вѣчнаго мира.» Князь Иванъ Бѣльскій въ 1541 г. послалъ въ Литву Ѳедора Загряжскаго напомнить о томъ Сигизмунду. Король лежалъ больной: Загряжскій не хотѣлъ отнестись къ его сыну, Августу. Въ Мартѣ 1542 г. прибыли въ Москву Королевскіе Послы, Янъ Юрьевичь Глѣбовичь, Воевода Полоцкій, Николай Яновичь Цѣхановецкій, Староста Мельницкій, и Писарь Николай Андрушевичь. Договоръ заключенъ 21 Марта. См. Дѣла Польскія No 3, стр. 1 — 63.

(123) Дьякъ читалъ Русскую перемирную грамоту. Послы стояли близъ Государя. Секретарь ихъ читалъ Литовскую. Ту и другую положили на блюдо: Русскую сверху; а на нихъ *Воздвизальный крестъ*. Государь всталъ и поцѣловалъ крестъ: Послы также. Имъ вручили грамоту, и самъ Вел. Князь подчивалъ ихъ вишневымъ медомъ. — 28 Іюня Бояринъ Вас. Григорьевичь Морозовъ, Дворецкой Ѳедоръ Семен. Воронцовъ и Дьякъ Ѳед. Моклоковъ отправились въ Литву *для* размѣны грамотъ. — Сигизмундъ сказалъ имъ, что онъ еще для Василія Іоанновича снялъ цѣпи съ нашихъ плѣнниковъ, которые вообще не терпятъ никакой нужды.

(124) Дѣла Польскія No 3, стр. 193 — 217.

(125) К. А. В. Кашинъ пріѣхалъ въ Москву 24 Іюля. Онъ долженъ былъ выкупить себя и заплатить Хану 500 рублей. — Иминь нападалъ на Сѣверскія области въ Мартѣ 1542, а Мурзы на Рязанскія въ Августѣ. К. Петръ Дан. Пронской и К. Юрій Ив. Дѣевъ прогнали ихъ за Донъ и побили на Куликовѣ полѣ. Въ Мартѣ 1543 Ханъ снова писалъ къ В. К. о мирѣ.

(126) Здѣсь въ *Царствен. Кн.* описывается впаденіе Ногайскихъ Мурзъ; но это ошибка: сіе впаденіе принадлежитъ къ 1550 году.

(127) *Синод. Лѣт.* No 351, л. 234, 236, 237, 239 на обор., и *Царствен. Кн.* 104. «И та» (Коргоршадъ или Горшадна Царевна) «сестра Магметъ-Аминя, иже грамотѣ Татарской научена бысть и волхвованіи навыче, сказываше въ Казани Посланникомъ Вел. Кн.: *отнынѣ почти на десяти лѣтѣхъ Татарове Казанстіи не возмогутъ противиться Вел. Князю*... И сами Татарове сказываху, яко видяху многа дивная знаменія, еще живу сущу Сафа-Гирею.»

(128) *Синод. Лѣт.* л. 236 на обор.: «Іюля 8 пришелъ Посланникъ изъ Астарахани Ѳедоръ Невѣжинъ, а сказалъ, что идетъ служити къ Вел. Князю Царевичь Астараханскій Едигеръ, а остался у Шигъ-Алея въ Касимовѣ.» Черезъ недѣлю Царевичь пріѣхалъ въ Москву.

(129) *Синод. Лѣт.* л. 239 на обор.: «Ноября 8 пріидоша на Москву Послы отъ Воеводы отъ Ивана Петрова сына Стефановича, Крестовлодовичь Перколагъ, да Петръ Корковичь Логоѳетъ, да Писарь Иванъ Стефановъ... что его» (Воеводу) «выгналъ Салтанъ, и Воевода хотѣлъ ѣхати на Москву, ино было не мощно проѣхати: Турецкой и Крымской его землю плѣнили, а съ Королемъ также ратенъ; и онъ ѣхалъ въ Угорьскую землю, и ходилъ къ Салтану бити челомъ, и Салтанъ отдалъ ему двѣ части Малдовскіе земли, а съ третьей взялъ окупа 300 тысячь» (въ другихъ лѣтописяхъ: 30,000) золотыхъ червленыхъ опричь дани.» Въ Февр. 1543 Государь отпустилъ ихъ назадъ и послалъ съ деньгами къ Воеводѣ Семена Батюшкова.

(130) Если вѣрить *Послужному списку Бояръ*, то К. Иванъ Вас. Шуйскій умеръ въ 1546 году. Въ 1542 году, при возобновленіи перемирія съ Литвою, онъ сидѣлъ на *второмъ* мѣстѣ подлѣ Государя (а на первомъ К. Димитрій Бѣльскій); но съ

сего времени нигдѣ не находимъ его имени, ни въ дѣлахъ Министерскихъ, ни въ Розрядахъ.

(131) Братъ Боярина Михайла Семеновича, который былъ любимцемъ В. К. Василія Іоанновича.

(132) *Царствен. Кн.:* «Сент. 9 взволновашася Бояре въ столовой избѣ у Вел. Князя на совѣтѣ... и биша его» (Воронцова) «по ланитамъ, и платіе на немъ ободраша, и хотѣша его убити... и посла къ нимъ Государь Митрополита и Ивана и Вас. Григорьевичевъ Поплевиныхъ-Морозовыхъ... Они же» (Шуйскіе и другіе) «ведоша его (Воронцова) съ Вел. Государя сѣней, съ великимъ срамомъ біюще и пхающе на площадь, и отслаша его за Неглинну на Ивановъ дворъ Зайцова,» и проч.

(133) Курбскій пишетъ: «Питаша его (Іоанна) гордые Бояре на свою и дѣтей своихъ бѣду, рѣтящеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи. Егда же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ дванадесять, началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ высокихъ крылецъ мечуще, або съ теремовъ; а пѣстуномъ ласкающимъ, попущающе сіе и хваляще. Егда уже приходящу къ пятому-надесять лѣту, тогда началъ человѣковъ уроняти, и собравши юныхъ около себе дѣтей и сродныхъ оныхъ предреченныхъ Синклитовъ, по стогнамъ и по торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити и всенародно мужей, старцевъ и женъ топтати и бити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочиннѣ... Ласкателемъ же таковое на свою бѣду восхваляющимъ: о! *храбръ*, глаголюще, *будетъ сей Царь и мужественъ!*»

(134) Курбскій называетъ Михайла Васильевича Глинскаго *всему злу начальникомъ*. Народъ, какъ увидимъ послѣ, ненавидѣлъ К. Юрья Глинскаго, пожалованнаго въ 1540 г. изъ Кравчихъ въ Бояре.

(135) *Царствен. Кн.* 114: «влекуще къ тюрмамъ, противъ воротъ Ризъ Положенія въ градѣ.»

(136) См. *Синод. Лѣт.* No 50, л. 415, бывшій въ рукахъ К. Щербатова.

(137) *Царствен. Кн.* 114.

(138) 16 Дек. 1544. Мать его была дочь К. Андрея Васильевича Углицкаго, брата Іоанна III: см. *Родослов. Кн.* I, 123.

(139) Курбскій: «мужъ зѣло разумный и тихій, въ совершенныхъ уже лѣтѣхъ.»

(140) Т. VI, г. 1491.

(141) 3 Сент. 1545. Въ *Царствен. Кн.* 119: «урѣзаша языка ему у тюремъ за его вину, за невѣжливые слова.»

(142) Сынъ Ивана Васильевича Шуйскаго. Это было въ Окт. 1545: въ Дек. сняли съ нихъ опалу.

(143) 30 Дек. 1544. Воеводы тамъ были К. Петръ Щенятевъ, К. Конст. Шкурлятевъ и Мих. Воротынской.

(144) Отъ 6 Мая до Августа 1546.

(145) Въ *Царствен. Кн.:* «и Государя не пропустили тѣмъ же мѣстомъ къ своему стану проѣхати, но объѣха инымъ мѣстомъ.»

(146) Казнь была Іюля 21. Въ *Синод. Лѣт.* No 351: «по Дьяволю дѣйству оклеветалъ ложными словесы Вел. Князя Бояръ Василей Григорьевъ сынъ Захарова Гнилевской.» См. также *Царствен. Кн.* 124. Тогда же Ивана Петровича Өедорова сослали на Бѣлоозеро, а Ив. Воронцова заключили. Курбскій (см. ниже) въ числѣ казненныхъ или убитыхъ, Царскимъ именемъ, около сего времени называетъ еще Өедора Невѣжу, *богатаго землянина*, и трехъ знатныхъ юношей: К. Михайла Трубецкаго (Богданова сына), К. Ив. Дорогобужскаго и К. Өед. Овчину.

(147) 22 Марта 1545 пріѣхалъ въ Москву отъ Сигизмунда-Августа посланникъ Янъ Комаевскій. Лѣтописцы наши говорятъ здѣсь о кончинѣ отца Августова, Сигизмунда; но онъ жилъ еще около трехъ лѣтъ.

(148) *Царствен. Кн.* 116: «Апрѣля (1545) послалъ Князь Вел. Воеводъ своихъ, К. Сем. Ив. Пункова, а въ передовомъ полку Ив. Вас. Шереметева, а въ сторожевомъ К. Дав. Палецкаго, къ Казани легкимъ дѣломъ въ струзѣхъ; а съ Вятки К. Вас. Сем. Серебреново... А во Свіягу посылали Воеводы отъ себя Дѣтей Боярскихъ; и тамо многихъ Казанцевъ побили и Тевекелева сына Княжь Муртозу Мурзу поимали и иныхъ дѣтей его побили... А Вяучко Львовъ съ Пермичи не поспѣлъ, а пришелъ въ судѣхъ опослѣ, и Казанскіе люди его побили и самого убили. И Государь Воеводъ и Дѣтей Боярскихъ жаловалъ, кто о чемъ билъ челомъ.»

(149) «Многіе поѣхали къ Вел. Князю, и иные по инымъ землямъ... Іюля 29 прислали къ Вел. Князю изъ Казани Кадышъ Князь, да Чура Нарыковъ, сына Боярскаго Галичанина Ваську Бортева, чтобы послалъ къ Казани рать... И въ Володимерѣ Генв. 17 (1546) пріѣхалъ къ Вел. Князю изъ Казани отъ Посла отъ Игнатія Яхонтова Рудакъ Булатовъ съ грамотою, а Казанцы прислали Гамегъ-Шиха, Абеюрганъ, Сеитъ и Кадышъ и Чюра, что Сафа-Гирея согнали... и пожаловалъ бы на Казань Царя Шигъ-Алея...» (По дѣламъ Ногайскимъ No 4, л. 43, извѣстно, что Сафа-Гирей возвратился-было къ Казани съ толпою Астраханцевъ и хотѣлъ силою войти въ городъ, но отраженный жителями, ушелъ къ своему тестю, Юсуфу, Ногайскому Князю. О семъ упоминаетъ и *Казанская Лѣт.;* но говоритъ несправедливо, что Сафа-Гирей подступалъ къ Казани съ Юсуфомъ). Далѣе: «и Князь Вел. послалъ въ Казань Астафья Андреева къ правдѣ ихъ привести... Марта 15 Астафій изъ Казани пріѣхалъ, а Сеитъ и Уланы прислали и вся земля своихъ Пословъ, Уразлыя Князя, да Андрычей Афыза, и Апр. 7 Князь Вел. Шигъ-Алея на Казань отпустилъ, а съ нимъ К. Дм. Өед. Бѣльскаго, да К. Дм. Өед. Палецкого, да Дьяка Постника Губина посадити его на Царство... и посадили Іюня 13 и пріѣхали къ Вел. Князю на Коломну; а Шигъ-Алей прислалъ отъ себя бити челомъ на Царствѣ Вел. Князю Чапкина Мурзу; а Игнатія Яхонтова съ товарищи отпустилъ, и Большихъ Пословъ прислалъ, Алабердей Улана, да Тевекеля Князя.»

(150) См. *Казан. Лѣт.* Онъ пишетъ, что Казанцы, встрѣтивъ Шигъ-Алея не съ дарами, а съ оружіемъ, тогда же побили многихъ изъ его Князей и Мурзъ, а другихъ заключили въ темницу; что Бѣльскій, имѣя при себѣ 1000 воиновъ, остался въ Казани, и жилъ за городомъ, будучи подозрѣваемъ въ измѣнѣ; что Іоаннъ, узнавъ отъ Шигъ-Алея о тайной связи нѣкоторыхъ Вельможъ Московскихъ съ Казанскими мятежниками, осудилъ трехъ Бояръ на смерть; что одинъ изъ виновныхъ самъ отравилъ себя ядомъ, а другіе разбѣжались. Это противно сказанію другихъ, достовѣрнѣйшихъ Лѣтописцевъ.

(151) См. *Казан. Лѣт.* Въ *Царствен. Кн.:* «И какъ вѣсть пришла къ Государю, что Шихъ-Алей съ Казани збѣжалъ, а не вѣдомо, на которыя мѣста, и Государь послалъ Царя стрѣчати на поле Льва Андр. Салтыкова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ и Татаръ, а на Вятку Алексѣя Дан. Басманова; и Левъ Царя встрѣтилъ на полѣ; а Шигъ-Алей какъ збѣжалъ Волгою въ судѣхъ, поимал кони У Городецкихъ Татаръ и послалъ къ Великому Князю своего Дворянина съ грамотою... а шелъ чрезъ поле въ городъ, и пришелъ на Украйну Авг. 15... Сафа-Гирей въ Казани убилъ Чюру

Князя, Баубека, Кадыша и иныхъ.» *Казан. Лѣт.* говоритъ, что Шигъ-Алей долженъ былъ въ какомъ-то мѣстѣ ждать вѣрнаго Князя Чуры, но оставилъ его.

(152) *Царствен. Кн.:* «Декабря 6 (1546) прислали Горяя Черемиса, Туга съ товарищи, дву Черемисиновъ бити челомъ,» и проч.

(153) Въ 1544 г., 3 Марта, Іоаннъ съ братомъ ѣздилъ въ Колязинъ монастырь къ Св. Макарію, а оттуда въ Заболотье на медвѣжью охоту и къ Троицѣ; а Маія 21 въ 1545 году съ братомъ Юрьемъ и съ К. Владиміромъ Андреевичемъ въ Троицкій монастырь и въ Переславль, откуда, отпустивъ Князей Юрія и Владиміра въ Москву, поѣхалъ въ Ростовъ, Ярославль, на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь, Ѳерапонтовъ, Вологодской Спасовъ на Прилукѣ, Корниловъ, Павловъ, къ Борису и Глѣбу на Устью; 15 Сент. опять къ Троицѣ, въ Слободу (Александровскую) и въ Можайскъ на охоту; 27 Дек. въ Воры для звѣриной ловли и въ Владиміръ; 15 Сент. въ 1546 году къ Троицѣ, въ село Воробьево, Денисьево, Починки, на богомолье въ Можайскъ къ Св. Николаю, Волокъ, Ржевъ, Тверь, Новгородъ и Псковъ. — Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «К. В. Иванъ Васильевичь, да братъ его К. Георгій быша въ Новѣгородѣ и во Псковѣ Дек. 28: одну ночь ночевалъ, а на другую на Вороночи былъ, а третью въ Печорахъ, и паки во Псковѣ, и поѣде къ Москвѣ, съ собою вземъ К. Володимера Андреевича; а Князь Юрій, братъ его, оста, и той, бывъ не много, поѣде къ Москвѣ, а не управилъ своей отчины ничего; а Князь Великій все гонялъ на яскахъ (ящаках) а Христіаномъ много протори учинилъ.»

Въ одномъ лѣтописцѣ нашелъ я слѣдующее сказаніе, похожее на сказку: «Какъ пріѣхалъ Великій Князь Иванъ Васильевичь съ Москвы въ Новгородъ, и невѣдомо, какъ увѣда казну древнюю, сокровенну въ стѣнѣ Создателемъ Св. Софеи, Княземъ Владиміромъ *Великимъ*» (нѣтъ, внукомъ Св. Владиміра), «и невѣдомо бысть о семъ никѣмъ, ниже слухомъ, ниже писаніемъ; и тогда пріѣхавъ нощію и начатъ пытати про казну Ключаря Софейскаго и пономаря, и много мучивъ а не допытався, понеже не вѣдяху; и пріиде самъ Князь Вел. на всходъ, гдѣ восхождаху на церковныя полати, и на самомъ всходѣ, на правой сторонѣ, повелѣ стѣну ломати, и просыпася веліе сокровище, древнія слитки въ гривну и въ полтину и въ рубль, и насыпавъ возы, посла къ Москвѣ.»

ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

«Февр. 3 (1540) принесены изо Ржевы на Москву двѣ иконы чудотворныя, образъ Пречистыя и крестъ честный; орѣтоша со кресты Митрополитъ и Князь Великій съ Бояры и съ народомъ близъ Новаго монастыря Митрополича, и повелѣ Вел. Князь на томъ мѣстѣ церковь поставити во имя Пречистыя. Іюня 1 поставленъ Макаріемъ Митрополитомъ Архіепископъ Ѳеодосій Великому Новугороду и Пскову, Игуменъ съ Хутыни. — Остави Епископію Васіанъ Коломенскій» (въ Іюнѣ 1542). «Іюля 2 поставленъ Макаріемъ Митрополитомъ Епископъ на Коломну Ѳеодосій, Архим. отъ Спаса Новаго съ Москвы. Преставися (въ Августѣ) Архіеп. Ростов. Досиѳей и положенъ въ Ростовѣ. — Февр. 25 (1543) поставленъ Архіеп. Ростову и Ярославлю Алексѣй, Троицкій Игуменъ Сергіева монастыря. Тоя же зимы преставися Еписк. Ѳерапонтъ Суздальскій, и положенъ въ Суздалѣ. Додѣлаша (въ Сент.) церковь Воскресеніе на площади возлѣ Иванъ Святый подъ колоколы, а заложена повелѣніемъ Вел. Князя Василья Ивановича въ л. 7040 (1532), а мастеръ началъ дѣлати и совершилъ безъ лѣстницы Петрокъ Малой Фрязинъ, а лѣстницу и двери придѣлаша въ л. 7060 (1552) мастеры Московскіе, и во 63 лѣто Царь и Митрополитъ въ ту же церковь принесли Рожество Христово отъ Мстиславского двора и Соборъ уставили. Тоя же осени бысть дожди веліи и вода велика, и ледъ пройде аки въ веснѣ.» — 21 Ноября 1543 г. построили въ Новѣгородѣ восемь казенныхъ корчемныхъ дворовъ. — «Генв. 22 (1544) згорѣша избы Митрополичьи на Митропол. дворѣ, а Митрополитъ ѣздилъ тогда въ Можаескъ и въ Пафнутіевъ монастырь. Преставися Еписк. Крутицкій Досиѳей (въ Февралѣ). Поставленъ въ Суждаль Епископъ Іона Собина, Архим. Чудовскій, Февр. 21, и Епископъ на Крутицу Сава, Архим. Симоновскій.» Былъ дорогъ хлѣбъ: *четверка* ржи стоила въ Новѣгородѣ около гривны Московской. Въ 1545 г. была въ Новѣгородѣ дорога бумага: книжная десть стоила два алтына.

(154) См. *Царствен. Кн.*

(155) «Какъ наши прародители, Царя и Великіе Князи, и сродничь нашъ, Вол. Князь Владимеръ Всеволодичь Мономахъ.»

(156) См. сей *Исторіи* Т. II, г. 1116 — 1123.

(157) См. тамъ же, примѣч. 220.

(158) «И покрывъ златою поволокою, на ней же саженъ крестъ бисеромъ и многоцѣннымъ каменіемъ, дасть Протопопу Ѳеодору; онъ же пріемлетъ со страхомъ и поставляетъ у себя наверхъ главы. .. И полчаса спустя, вышелъ Князь Великій изъ брусеныя, изъ столовыя избы, и пошелъ къ Пречистой.»

(159) «А Митрополитъ стоялъ на крылосѣ у своего мѣста во всемъ Святительскомъ сану, и велѣлъ Архидіакону начати молебенъ Богородицѣ и Чудотворцу Петру.» — Не повторяемъ здѣсь того, что уже говорили мы въ описаніи Димитріева вѣнчанія.

(160) «И противъ Архангела осыпаша его, и на средней лѣствицѣ.»

(161) Только въ одной новѣйшей рукописной *Степен. Книгѣ* упоминается здѣсь о мvропомазаніи. Подробное описаніе Царскаго вѣнчанія (въ Синод. Библіот. No 355) составлено въ 1642 году. Тамъ находимъ мvропомазаніе, причащеніе, нѣкоторыя новыя молитвы и поученіе Царю отъ Патріарха. Въ описаніи Царской утвари Михаила Ѳеодоровича уже говорится о *скипетрѣ* и *яблокѣ* или *державѣ* (см. *Никон. Лѣт.* VIII, 206).

(162) Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «и восхотѣ Царство устроити на Москвѣ, и яко же написано въ Апокалипсисѣ: пять бо Царевъ минуло, а шестой есть, но не убо бѣ пришелъ.» Въ Апокалипсисѣ сказано, что пять Царей пало, одинъ (шестый) есть, а другой (седьмый) еще не пришелъ.

(163) Въ рукописной *Степен. Книгѣ* Латухина: «Удивишася вси врази Россійской земли, невѣрніи, поганіи Царіе и нечестивіи Крали... и послы своя съ великими дарами къ нему присылаху... Паче же Великій Салтанъ Турецкій похвальная словеса восписа ему,» и проч. Грамота Патріарха Іоасафа находится между Греческими дѣлами въ Архивѣ, No 1, л. 175. Іоасафъ пишетъ: «Понеже убо наше смиреніе вѣрно увѣдахомъ не точію преданіемъ многихъ достовѣрныхъ мужей, но и писаніемъ и сказаніемъ Лѣтописца, яко нынѣшній наставшій Царь Московскій Іоаннъ отъ роду своего и крови Царскіе ведется, иже отъ тоя приснопамятныя Царицы и Владычицы Госпожи *Анны* сестры Самодержца и Царя Багрянороднаго *Мономаха*, *въ шестыхъ же* отъ благочестив. Царя Константина, и съ тогдашнимъ Патріархомъ и со Священ. Архіереи Собора Константинаграда по-

слина Митрополита Ефесского и Антіохійского изрядновачальнѣйшего Епарха и вѣнчаша благочест. Вел. Князя Владимера на Царство, и дароваша его тогда Царьскимъ вѣнцемъ на главу его, и діадимою украшенною бисеромъ и инымъ Царьскимъ знаменіемъ... и Пресвящ. Митрополитъ Московскій и всея Великія Россіи Господинъ Макарей вѣнчалъ Благочест. Князя на Царство закономъ; и мы же единымъ образомъ уложихомъ, и благословили его... и собраша Митрополитовъ и Епископовъ содѣйствомъ и благодатію Св. Духа, еже быти и зватися ему Царемъ, законно и благочестно вѣнчанному вкупѣ и отъ насъ и отъ нашея Церкви,» и проч. Если Патріархъ говоритъ объ *Аннѣ* супругѣ Владиміра Святаго, то братъ ея Константинъ не именовался *Мономахомъ*.

Курбскій пишетъ: «Посла Царь Ѳеодорита (инока) Соловецкаго къ Патріарху Константинаграда просити о Царскомъ вѣнчаніи, и ходи вяшше года, и принесе отъ Патріарха благословеніе, и книгу Царскаго вѣнчанія присла Патріархъ съ Митрополитомъ своимъ и Михаиломъ Протопсальтомъ Пресвитеромъ. Царь же подарова Ѳеодорита тремя сты сребреными и шубою соболей подъ аксамитомъ; онъ же взя точію 25 сребреники.»

(164) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «поя Княгиню Настасью у вдовы у Романовскія Юрьевича.»

См. Собран. Госуд. Грамотъ, Т. II, стр. 43. Въ Новгородъ *для* выбора невѣстъ былъ посыланъ Окольничій И. Д. Шеинъ, а въ Вязьму Князь И. С. Мезецкій и Дворцовый Дьякъ Гаврило Щенокъ, съ слѣдующими грамотами: «Велѣлъ есми (Царь) смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты... а которой дочь дѣвку у себя утаитъ, и тому быть въ великой опалѣ и въ казни.» Въ грамотѣ къ жителямъ Вязмы и Дорогобужа сказано: «Вы дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете — и вы то чините не гораздо,» и проч.

Описаніе сей Іоанновой свадьбы см. въ *Рос. Вивліоѳ.* XIII, 29. Тамъ сказано: «На первой день въ большомъ мѣстѣ сидѣлъ за столомъ братъ В. К., К. Юрій Вас., а въ материно мѣсто была Княгиня Евфросинья, а въ Тысяцкихъ К. Володимеръ Андр.» (сынъ ея); «а въ дружкахъ съ В. К. сторону Бояринъ К. Дм. Ѳед. Бѣльской съ женою, да Бояринъ Ив. Мих. Юрьева съ женою; а съ Вел. Княгини сторону Бояр. К. Ив. Ив. Пронской съ женою, да быть было Вас. Мих. Тючкову, и не былъ за тѣмъ, что убился съ коня, а была жена его, а въ его мѣсто дружка Мих. Яков. Морозовъ; а въ свахахъ Ѳедорова жена Михайловича Нагова Авдотья... Въ казнѣ Вел. Княгини были и въ хоромахъ сидѣли у платья Дьяки Сукинъ и Захаровъ; а къ вѣнчанью шелъ за сѣньми Сукинъ же; а у завтраковъ во всѣ три дни былъ онъ же, и свадебные списки были у него же. А на В. Князи мѣстѣ сидѣлъ К. Дмитріевъ сынъ Бѣльскаго Иванъ; а у мѣста съ чарками стоялъ Дьякъ Боканъ, и какъ голову чесали, да вѣнецъ держалъ онъ же... А у постели былъ Бояринъ К. Юр. Вас. Глинской, а Боярини Княгиня В. В. Шуйскова, да Княгиня Юрьева, Вас. Глинскова, Ксенія... А К. Ив. Ѳед. Мстиславской, да Никита Ром. Юрьевъ спали у постели... а постелю слалъ Бояринъ Ю. В. Глинской, а съ нимъ *Алексѣй* да *Данило* Ѳедорова дѣти *Адашева*... а мыльню топилъ Ив. Як. Чеботовъ; а у воды были Казариновъ и два Подъячихъ; а у платья Окольничей Мансуровъ, да Дьякъ Никита *Фуниковъ;* а колпакъ держалъ К. Ю. Шемякинъ. А въ мыльнѣ мылись съ В. К. Бояринъ К. Ю. В. Глинской... Спальники и мовники К. Ив. Ѳед. Мстиславской, да К. Ю. Шемякинъ, да Никита Ром., да *Алексѣй Адашевъ;* а съ платьемъ бѣлымъ и съ поясы ходилъ къ мыльнѣ Постельничей Мансуровъ... А ѣздилъ около подклѣта Бояринъ и Конюшей Мих. В. Глинской... а вино несъ къ церкви въ скляницѣ Дворецкой Хабаровъ.» Далѣе сказано, кто несъ свѣчи, фонарь, короваи, зголовья, коверъ, скамьи; кто слалъ камки и положилъ *миндерь* подъ ноги новобрачнымъ.

Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Андрей Ивановичь Кобыла имѣлъ брата Ѳедора Шевлягу; что у Андрея былъ сынъ Ѳедоръ Кошка, у Ѳедора Иванъ, у Ивана Захарія, у Захаріи Юрій, у Юрія Романъ, у Романа Данило, Долматъ и Никита. Сестра Анастасіи, Анна, была супругою Князя Сицкаго. — Новѣйшіе повѣствователи увѣряютъ, что отецъ Андреевъ былъ Князь Прусской, одинъ изъ потомковъ перваго Царя Латышскаго, Видвуша; что сей Князь, выѣхавъ къ намъ съ двумя сыновьями, крестился въ 1287 году и былъ названъ Іоанномъ. См. объ Андреѣ Кобылѣ сей *Исторіи* Т. VI, примѣч. 365.

(165) Въ лѣтописяхъ именно сказано, что *предобрая* Анастасія *наставляла* и *приводила Іоанна на всякія добродѣтели.* Рѣчь Митр. Макарія къ новобрачнымъ, Царю и Царицѣ, напечатана въ *Древ. Рос. Вивліо.* XIV, 227. Онъ велитъ имъ посѣщать церкви и темницы, любить родныхъ, чтить Духовенство, жаловать Бояръ и народъ, не слушать клеветниковъ, праздновать Воскресеніе и другіе святые дни, наблюдать посты, *совокупляться* только *въ благополучное время*, и проч.

(166) Въ *Царствен. Кн.* 142: «Въ тѣ поры Глинскіе у Государя въ приближеньи и въ жалованіи (были), а отъ людей ихъ чернымъ людемъ насильство и грабежъ; они же ихъ отъ того не унимаху.»

(167) Въ Архив. *Псков. Лѣт.:* «Въ лѣто 7055 (1547) въ Петровъ постъ Псковичи послаша 70 человѣкъ на Москву жаловатися на Намѣстника на Турунтая, и оны жалобщики били челомъ Государю на сельцѣ на Островкѣ, и Государь опалился на Псковичь сихъ... безчествовалъ обливаючи виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчю зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ по земли; и въ ту пору на Москвѣ колоколъ благовѣстникъ напрасно отпаде, и Государь поѣде къ Москвѣ, а жалобщиковъ не истеря.» Въ *Царствен. Кн.:* «Іюня 3 начаша благовѣстити Вечерню, и отломишася уши у колокола у благовѣстника, и паде съ деревянные колокольницы, а не разбися.»

(168) См. Курбскаго.

(169) На примѣръ, въ государствованіе Донскаго и Темнаго.

(170) «Загорѣся лавка въ *Москотинномъ*» (нынѣ Москотильномъ) «ряду... Сгорѣша церкви и монастырь Богоявленской и Ильинской... У рѣки у Москвы въ стрѣльницѣ загорѣшесь зеліе пушечное,» и проч.

(171) «Загорѣся за Яузою на Болвановьѣ... и церковь Спасъ въ Чигасовѣ монастырѣ; подпись тоя чудна была Діонисія иконописца — и Лыщиково погорѣ по Яузу.»

(172) См. *Стоглавъ.*

(173) «Загорѣся Воздвиженіе на Арбатской улицѣ на островѣ... и промчеся огнь и до восполія Неглиннаю, и Черторіе погорѣ до Семчинского сельца, возлѣ рѣку Москву, и до Ѳедора Св. на Арбатской; и обратися буря на градъ большой, загорѣся у Соборныя церкви верхъ, и на Царскомъ дворѣ кровли и избы древяныя, и полаты, украшенныя златомъ, и казенной дворъ съ Царскою казною, и церковь на Царскомъ дворѣ у Царскія казны, Благовѣщеніе златоверхая, Деисусъ Андреева письма Рублева златомъ обложенъ и образы

многоцѣнныя Греческаго письма прародителей его . . . и оружничая палата вся погорѣ, и постельная съ казною, и въ погребѣхъ на Царскомъ дворѣ подъ полатами, выгорѣ все древяное въ нихъ, и конюшня Царская . . . и дворъ Митрополичь. . . И пойде Митрополитъ изъ церкви, и несъ на собѣ Пречистую Петрова Чудотворцова письма, а Протопопъ Гурій несъ за нимъ *правила.*» (Въ Латухин. *Степен. Кн.* сказано, что они привезены Митрополитомъ Кипріаномъ). . . «и съ нимъ шелъ Татищевъ, Княжь Владиміровъ Ясельничей, да Священникъ Соборной Пречистенской Жижелевъ Иванъ, и тѣ оба сгорѣли на площади . . . а Протопопъ Гурій пробылъ на тайникѣ . . . Едины мощи Св. Алексія сохранены быша, а Старцовъ (въ Чудовѣ) сгорѣша по погребомъ и по полатамъ 18, а слугъ 8; а въ Вознесенскомъ 10 Старецъ: токмо единъ образъ Пречистыя Протопопъ вынесъ . . . А въ другомъ градѣ (Китаѣ) двѣ церкви Богъ сохранилъ, на рвѣ Рожество Христово, да Рожество Пречистыя, да на Никольскомъ крестцѣ лавокъ съ десять... А за городомъ большой посадъ сгорѣ возлѣ Неглинну, пушечной дворъ . . . и Рожественская улица и монастырь Рожественской до Николы до Драчевскаго монастыря, а по Устрѣтенской до Стефана Св., а по Ильинской до Флора Св. въ Мясникѣхъ, а Покровскою по Василій Св., а Варварскою всѣ Святые, и Св. Пятница, и Рожество Пречистыя, и Никола Подкопаевъ, и Флоръ Св. у конюшни, и конюшня Вел. Князя, и по Воронцовской дворъ и по Илію подъ Сосенки; а Великою улицею возлѣ Москвы рѣки, и Никола Кошелевъ и Андрей Св., и Воздвиженіе у рѣки Москвы, и Козьма и Даміанъ, и Кулишка вся, и возлѣ Яузу по Воронцовской садъ, и по законюшни по Смолину улицу. А отъ города за рвомъ на площадкѣ отъ Преображенія не горѣша дворы до Всѣхъ Святыхъ по Варварскую улицу на Кулишкѣ, а позадь погорѣша всѣ дворы,» и проч. Въ Латухин. *Степен. Кн.:* Василій юродивый (на канунѣ пожара) пріиде въ монастырь Воздвиженія, иже зовется на Островѣ, и ста предъ церковію, къ ней же умильно зря, и умно молитву творя, и плакашеся неутѣшно. Людіе, видяще его, дивляхуся . . . Желѣзо яко олово разливашеся и мѣдь яко вода растаяваше.»

(174) «См. *Царствен. Кн.* 142. Самъ Царь Іоаннъ въ грамотѣ къ К. Андрею Курбскому пишетъ: «Множество народа, воскричавъ Іудейскимъ обычаемъ, пріидоша Соборныя церкви въ предѣлъ Св. Великомученика Димитрія Селунскаго, и изымавъ Боярина нашего, К. Юрья Вас. Глинскаго, безчеловѣчнѣ выволокли въ Соборную церковь и убиша безвинно въ церкви противъ Митрополича мѣста, и кровію его помостъ церковный окровивше.»

(175) «Много же и Дѣтей Боярскихъ незнакомыхъ побиша изъ Сѣверы, называючи ихъ Глинского людьми.»

(176) См. Курбскаго.

(177) Курбскій: «И аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему, не вѣмъ, аще истинные, или токмо ужасновеніе пущающе буйства его ради и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ умыслилъ было себѣ сіе, яко многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхи.»

(178) См. Курбскаго и *Стоглавъ,* гдѣ самъ Іоаннъ говоритъ о тогдашнемъ своемъ исправленіи.

(179) Курбскій: «Съ нимъ же (Сильвестромъ) соединяется въ общеніе единъ, благородный тогда юноша къ доброму и полезному обществу, именемъ Алексѣй Адашевъ: Цареви же той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ *общей вещи* зѣло полезенъ, и отчасти въ нѣкоторыхъ нравѣхъ Ангеломъ подобенъ: и аще бы все по ряду изъявилъ о немъ, воистину вѣрѣ не подобно было бы предъ грубыми и мірскими людьми.»

(180) «Приходиша многіе люди чернь скопомъ къ Государю, глаголюще нелѣпая, что будто Государь хоронитъ у себя Княгиню Анну и К. Михайла.» Левекъ вообразилъ, что подъ словомъ чернь разумѣются Монахи, и пишетъ: Le Clergé eut l'audace d'aller trouver le Tsar, de le prier ou plutot de lui ordonner de livrer Anne et celui de ses fils qui vivoit encore. Вотъ не маловажная ошибка! Слѣдуетъ и другая. Лѣтописецъ говоритъ о черни: «оныхъ же мнози разбѣгошася;» а Левекъ: «Elle (la famille de Glinsky) fut obligée de fuir et de se disperser. C'est peut être la seule fois qu'on puisse accuser Ivan de foiblesse.» *Обвинять въ слабости* того, кто велѣлъ немедленно казнить мятежниковъ!

(181) См. Курбскаго. Самъ Іоаннъ говоритъ Московскому Собору 1551 году, описавъ бѣдствіе пожара: «Отъ сего убо вниде страхъ въ душу мою... и припадохъ ко твоему Первосвятительству и ко всѣмъ, еже съ тобою Святителемъ, съ истиннымъ покаяніемъ прося прощенія, еже злѣ содѣяхъ; и Божія ради великія милости получихъ отъ васъ миръ и благословеніе и прощеніе.»

(182) Сія любопытная рѣчь находится въ Архив. *Степен. Книгѣ* Хрущова. Выписываемъ оную отъ слова до слова: «Повелѣ (Іоаннъ) собрати свое Государство изъ городовъ всякаго чина, и въ день Недѣльный изыде со кресты на лобное мѣсто, и совершивъ молебная, нача рѣчь говорити къ Митрополиту: *Молю тя, Св. Владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ. Вѣмъ, блага дѣла и любви желатель еси. Азъ, Владыко, и самъ ты вѣси, яко азъ остался отца своего четырехъ лѣтъ, а матери своей осьми лѣтъ. Родители о мнѣ не брегоша, а сильніи мои Бояре и Вельможи о мнѣ не радѣша и самовластни быша, и сами себѣ саны и чести похитиша моимъ именемъ, имъ же нѣсть возбраняющаго, и во многіе корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся. Азъ же яко глухъ, и не слышахъ, и не имый во устѣхъ своихъ обличенія юности ради моея и пустоты. Они же властвоваху... О неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ по себѣ творяще! что нынѣ намъ отвѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздвигосте? Азъ же чистъ отъ крове сея. Ожидайте воздаянія своего.* И всѣмъ поклонися на всѣ страны, и глагола: *Людіе Божіи, и намъ дарованіи Богомъ! молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Нынѣ вашихъ обидъ и разореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моея и пустоты и безпомощства, и неправдъ ради Бояръ моихъ и властей, и безсудства неправеднаго и лихоиманія, и сребролюбія. Молю васъ, оставите другъ другу вражды и тяготы свои, развѣ елико чего большего дѣля не вмѣстно; и въ томъ и въ иныхъ вновь я вамъ, елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона, и неправды разоряти, и хищенія возвращати.*» Въ сей *Степен. Кн.* сказано, что Іоанну было тогда 20 лѣтъ: не 20, а 17, если онъ говорилъ эту рѣчь скоро послѣ бывшаго пожара.

(183) Въ *Стоглавѣ* пишетъ Іоаннъ: «*Въ предъидущее лѣто* билъ есми вамъ (Святителямъ) челомъ и съ Боляры своими и своемъ согрѣшеніи» (см. выше, примѣч. 181). «а Боляре такоже: и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили; а язъ по вашему прощенію и благословенію Бояръ своихъ въ прежнихъ во всѣхъ винахъ пожаловалъ и простилъ; да имъ же заповѣдалъ со всѣми Христіаны Царствія своего въ прежнихъ

во всякихъ дѣлѣхъ помиритись на срокъ; и Боляре мои всѣ и приказныя люди и кормлейщики со всѣми землями помирилися во всякихъ дѣлѣхъ. Да благословилися есьмы у васъ *тогда же* Судебникъ исправити по старинѣ.» Судебникъ уже былъ написанъ въ 1550 году: слѣдственно прощеніе Бояръ и всеобщій миръ относятся не къ сему году, а къ предшедшимъ.

(184) Въ Архив. *Степен. Кн.* Хрущова: «Въ той день *пожаловалъ въ Окольничіе* Адашева, и говорилъ рѣчь ему: «Алексіе! взялъ я тебя отъ нищихъ и отъ самыхъ молодыхъ людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и нынѣ взыскахъ тебе выше мѣры твоея, ради помощи души моей; хотя и твоего желанія на сіе нѣтъ, но обаче азъ возжелахъ не токмо тебе, но и иныхъ такихъ, ктобъ печаль мою утолилъ и на люди моя, Богомъ врученныя намъ, призрѣлъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ чести на ся, и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и немощныхъ погубляющихъ; ни (вѣрити) бѣднаго слезамъ ложнымъ и клеветающимъ напрасно на богатыхъ, хотящимъ ложными слезами неправедно оболгати и правыми быти; но вся» (долженъ ты) «испытно разсмотряти и къ намъ истину приносити, боясь суда Божія. — И избра судей праведныхъ отъ Бояръ и отъ Вельможъ, и глагола имъ ту рѣчь съ прещеніемъ; и оттолѣ нача и самъ судити многіе суды и разыскивати праведно.» Алексѣй Адашевъ по списку Бояръ и чиновниковъ Двора (см. Древ. *Рос. Вивліов.* XX, 40) былъ пожалованъ въ Окольничіе уже въ 1555 году.

(185) См. Курбскаго.

(186) Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Тогда бо и къ Опочки послалъ Князь Великой Воеводу съ 2000 вой Салтана ради Сукиныхъ: той бо Салтанъ пошлинникъ много сотворилъ зла, и Опочане изымавъ въ крѣпость посадили.» Сіе случилось послѣ 1547 и прежде 1551 года. См. также Курбскаго. — Въ библіотекѣ Волоколамскаго монастыря, въ книгѣ подъ No 666, л. 164, находится списокъ грамоты Новогород. Архіеп. Ѳеодосія къ Іоанну, писанной около сего времени. Въ ней сказано: «Бога ради, Государь! промысли о своей отчинѣ, о В. Новѣгородѣ! Что ся нынѣ въ ней чинитъ? Въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ безъ покаянія и причастія, въ домѣхъ и на путехъ, и на торжищехъ убійства и грабленія во градѣ и по погостомъ: прохода и проѣзду нѣтъ. Кромѣ тобя, Государя, того душевнаго вреду и треволненія внѣшняго уставити некому. Пишу не яко уча твое остроуміе и благодарную премудрость (ни бо лѣпо намъ забыти своея мѣры и на таковыя дерзати), но яко ученикъ учителю, и яко рабъ Государю воспоминаю тобѣ. Далъ ти есть Небесный Царь скипетръ земнаго Царствія, да человѣки научиши правду хранити. Яко кормчій бдитъ всегда, тако и Царскій многоочитый твой умъ съдержитъ твердо добраго закона правило, иссушаа крѣпко беззаконіа потоки, да корабль всемірныя жизни не погрязнетъ волнами смущенія. Отверзи Царскіа своя уши къ нужи страждущимъ, да обрящеши Божій слухъ собѣ отверзенъ... Солнцу свое дѣло свѣтити лучами всю тварь: Царю же добрыя дѣтели,» и проч.

(187) См. Курбскаго.

(188) Въ *Царствен. Кн.* 146: «Генв. 6 (1549) Протопопъ Благовѣщенской Ѳедоръ Бармин разнеможеся, и пріиде на него страхованіе; онъ же опросися въ Чернцы у Государя, а постриже́ся у Михайлова Чуда.»

(189) Князь Юрій женился 3 Ноября 1547. См. описаніе его свадьбы въ *Древ. Рос. Вивліов.* XIII, 36. Тамъ сказано: «Приговорилъ Государь (Сент. 18) брата своего женити, и ходилъ съ нимъ къ Митрополиту, чтобы его благословилъ... И Царь велѣлъ Бояромъ и Княземъ дочери привести на Царской дворъ... и дѣвокъ смотрѣли, и полюбилъ К. Юрій Княжну Ульяну... Въ Дружкахъ (Царь) велѣлъ быти Боярину Ив. Григ. Морозову, да Вас. Сем. Карпову» (а ихъ женамъ въ Свахахъ)... «А со Княгинину сторону Сем. Ив. Морозову съ женою, да Дворецкому Долмагу Ѳед. Карпову съ женою; а со К. Юрьемъ ѣхать къ вѣнчанью и по монастырямъ Боярину К. Мих. Ив. Кубенскому... а ходить передъ Княземъ А. Квашнину... а у постели Тверскому Дворецкому Вас. Мих. Юрьеву, да Казначею Ѳ. Сукину, а Боярынямъ Романовѣ женѣ Юрьевича, да Даниловѣ женѣ Романовича, *да Алексѣевѣ женѣ Адашева Настасѣѣ*... а спати у постели и ѣздити со Княземъ и въ мыльнѣ мытися К. Ив. Ѳед. Мстиславскому, Н. Романовичу Юрьеву, К. Ив. Ив. Шемякину, Ив. Петров. Яковлеву... а у коня и кругъ сѣнника ѣздити Ив. Колычеву, а колпакъ держати Ив. П. Яковлеву... Да велѣлъ Царь нарядити середнюю палату, образы Богородицы поставить на всѣхъ сторонахъ, и мѣста нарядить, гдѣ сидѣти Князю и Княгинѣ; да положити на нихъ зголовья мѣстныя, да по сороку соболей; а у мѣста быти Сем. Вас. Яковля, да Ив. Мих. Юрьева; а постелю слати Дворецкому Тверскому, да Казначею Ѳ. Сукину, *Алексѣю да Даниль Ѳедоровымъ дѣтямъ Адашева*, Алексѣю Сатину, да Боярынямъ. А какъ постелютъ, и Князь готовъ, и Государь пошелъ въ заднюю палату, а Царицѣ велѣлъ итти въ среднюю, а предъ Царицею Дѣти Боярскіе, да Попъ съ крестомъ и Св. водою, а за Попомъ съ свѣчами и съ короваями, да свахи со Княжною, а за Княжною Царица... И Царь вшелъ и сѣлъ возлѣ Царицы, а по К. Юрья послалъ... и его благословилъ, и Священникъ благословилъ же; и К. Юрій сѣлъ на мѣсто, и голову чесала Князю и Княгинѣ Царица; а у нее чару держалъ съ виномъ и гребень Дьякъ... и осыпала Князя и Княгиню Царица и сорокомъ собольми опахивала Царица, и давала ширинки всему поѣзду. И посидѣвъ Царь отпустилъ К. Юрья къ вѣнчанью... а К. Ульяну опослѣ... Митрополитъ взялъ К. Юрья за руку, да поставилъ противъ Царскихъ дверей на камкѣ и соболяхъ, да Княгиню рядомъ, да взялъ у нихъ перстни золоты, да положилъ на Евангеліе... и обручалъ.» (Слѣдуетъ вѣнчаніе и поздравленіе)... «Отъ церкви К. Юрій поѣхалъ къ Царю, а Княгиня къ Царицѣ... И Царь цѣловался съ нимъ, и Бояре... и К. Юрій завтракавъ поѣхалъ по монастырямъ... И какъ куры подали» (за свадебнымъ обѣдомъ) «и Царь велѣлъ К. Юрью встати, да итти передъ собою до палатныхъ дверей, а Княгиню его велъ за руку. К. Юрій сталъ за порогомъ, а Царь ему говорилъ рѣчь: *Юрій братъ! Божіимъ велѣніемъ, а нашимъ жалованьемъ велѣлъ тебѣ Богъ женитися, а поняти жену Княгиню Ульяну, и ты свою жену держи по томъ, какъ Богъ устроилъ.* Да взявъ его за руку, далъ ему Княгиню... и во дворѣ ихъ осыпала Царица (хмѣлемъ). А на-завтрѣе К. Юрій какъ былъ въ мыльнѣ, и Царь посылалъ къ нему свое жалованье платье, а Княгиню его шелъ вскрылъ самъ; а какъ Князь Юрій пришелъ къ Царю, и Царица велѣла ставити передъ него овощи, и подавала вино... И того дня Царь ѣлъ у К. Юрья съ Царицею; а послѣ стола К. Юрій просилъ Царя, чтобъ пожаловалъ, былъ веселъ;» и проч. — К. Юрій тогда же переѣхалъ жить во дворецъ.

Въ 1547 г. вошли въ Бояре Дворецкій Ив. Ив. Хабаровъ, Григорій Юрьевичь Захарьинъ, К. Да-

вило Дмитріевичь Пронскій, К. Дм. Ѳед. Палецкій, и К. Ѳед. Андр. Куракинъ-Булгаковъ.

(190) На его мѣсто былъ пожалованъ К. Вас. Вас. Чулокъ-Ушатой, а въ 1550 году Бояринъ Ив. Петр. Ѳедоровъ.

(191) Глинскій съ Турунтаемъ бѣжалъ 5 Ноября 1548. «И К. Петръ Ив. Шуйской (съ Дворянами) дошелъ ихъ во Ржевскихъ мѣстѣхъ, въ непроходимыхъ тѣснотахъ. Они же, послышавъ за собою погоню, и узнаша, что имъ уйти невозможно изъ тѣхъ тѣснотъ, и они возвратишась ко Царю, и хотѣша въѣхати въ городъ тайно на Москву и бити челомъ Царю, что они не бѣгали, и поѣхали были молитися Пречистой въ Оковецъ; и К. Ив. Турунтая изымаша въ Завтреню у новаго города въ воротѣхъ въ Неглименскихъ, а онъ хотѣлъ войти въ городъ съ Попы; а К. Михайла изымалъ К. Петръ Шуйской на посадѣ во дворѣ у Вознесенія, у хорошія колокольницы за Неглимною на Никитской улицѣ 11 Ноября.»

(192) Со времени Донскаго.

(193) «Мая 18 (г. 1550) Царь и Вел. Князь пожаловалъ Князя Владимера Андреевича женилъ, взялъ за него дщерь Александрову Нагово Евдокею; а свадьба была у Царя на дворѣ, и вѣнчалъ ихъ Макарій Митрополитъ.» См. описаніе сей свадьбы въ *Вивліоѳ*. XIII, 46. Тамъ сказано: «Сент. въ 1 день (1549) приговорилъ Государь женить брата своего, К. Володимера Андр... и пересмотрѣть у Бояръ и Князей дочерей... а свадьбу отложилъ *для* своего походу къ Казани... И Маія въ 24 въ Недѣлю смотрѣлъ Царь и К. Володимеръ дѣвокъ, и полюбилъ дочь Нагова... а свадьбѣ быть въ Недѣлю Маія въ 31» (сіи числа были Воскресными днями въ 1551 году). Далѣе описываются свадебные обряды, уже извѣстные Читателю.

(194) На примѣръ въ Судебникѣ: «Царь и Вел. Князь *съ своею братьею* и съ Бояры уложилъ.»

(195) См. указъ 1556 г. *о кормленіяхъ и о службѣ*, въ прибавленіяхъ къ Судебнику.

(196) См. въ прибавленіяхъ къ Судебнику указъ 1550 г. о мѣстничествѣ.

(197) См. *Стоглавъ* въ Синод. Библіот. No 524. На Соборѣ были, кромѣ Митрополита, Ѳеодосій Архіеп. Новогородскій, Никандръ Арх. Ростовскій, Трифонъ Еп. Суздальскій, Гурій Смоленскій, Кассіанъ Рязанскій, Акакій Тверскій, Ѳеодосій Коломенскій, Савва Сарскій и Подонскій, Кипріанъ Пермскій.

(198) См. *Стоглавъ* л. 12 и 14 на обор. Вотъ слова его: «Навыкохъ ихъ злокозненнымъ обычаямъ, тая же мудрствовати яко же и они; и отъ того времени какихъ золъ не сотворихомъ предъ Богомъ?»

(199) Тамъ же, л. 12 — 19.

(200) Вел. Князь Василій Іоанновичь далъ Присяжныхъ Новугороду, а К. Иванъ Бѣльскій Пскову, какъ мы уже сказали выше.

(201) Въ *Стоглавѣ*, л. 22: «По вашему благословенію Судебникъ исправили и великія заповѣди написали... Да устроилъ по всѣмъ землямъ моего Царствія Старосты и Цѣловальники и Соцкіе и Пятидесятниковъ по всѣмъ градомъ и по пригородомъ, и по волостемъ и по погостомъ, и Дѣтей Боярскихъ, и уставныя грамоты подписалъ. Сей Судебникъ предъ вами, и уставныя грамоты прочтете и разсудите, чтобы было наше дѣло по Бозѣ въ родъ и родъ неподвижимо по вашему благословенію, аще достойно сіе дѣло, на Св. Соборѣ утвердивъ, и подписати Судебникъ и на уставной грамотѣ, которой въ казнѣ быти: *дана сія соборнѣ*.» — Въ Судебникѣ, гл. 68: «Въ которыхъ волостяхъ напередъ сего Старосты и Цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостехъ быти Старостамъ и Цѣловальникамъ... А безъ Старостъ и безъ Цѣловальниковъ Намѣстникомъ и Волостелемъ и ихъ Тіуномъ не судити.»

(202) Вотъ заглавіе сего устава: *Царскіе вопросы и Соборные отвѣты и многоразличныхъ Церковныхъ чинѣхъ*. Послѣ будемъ говорить объ немъ въ особенной статьѣ.

(203) См. въ *Древ. Рос. Вивліоѳ*. XIV, 266, грамоту Новогород. Архіеп. Геннадія къ Митрополиту Симону (писанную около 1500 года), гдѣ сказано: «Приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю дати чести Апостолъ, и онъ не умѣетъ ни ступити ... И язъ велю имъ азбуку учити, и онъ поучився мало, да просится прочь... А моей силы нѣтъ, что ихъ не учивъ мнѣ ставити,» и проч.

(204) Въ концѣ *Стоглава*: «Лѣта 7059, Маія въ 11 день, Царь и Вел. Князь приговорилъ со отцемъ своимъ съ Макаріемъ Митрополитомъ и со Архіепископы и Епископы и со всѣмъ Соборомъ, что впредь Архіепископомъ и Епископомъ и монастыремъ вотчинъ безъ Царева и Вел. Князя вѣдома и безъ докладу не покупати ни у кого, а Княземъ и Дѣтемъ Боярскимъ и всякимъ людемъ вотчинъ безъ докладу имъ не продавати; а кто купитъ или кто продастъ, и у тѣхъ, кто купитъ, деньги пропали, а у продавца вотчина; а взяти вотчина на Государя Царя безденежно.» — Въ Глушицкомъ (Вологодскомъ) монастырѣ есть грамота Вел. Князя Іоанна Вас., писанная къ Игумену Ѳеодосію въ 1535 году (слѣдственно еще въ малолѣтство Іоанново), въ коей уже запрещается монастырямъ покупать и брать въ закладъ вотчины безъ вѣдома Государева. См. *Исторію Рос. Іерархіи* III, 712.

(205) См. Preußisches Archiv, von Faber, стр. 6. Іоаннъ Шлиттъ или Шлитте былъ родомъ изъ Гослара.

(206) У Гадебуша (Liefl. Jahrbüch. I, 389) умножено сіе число до трехъ сотъ; но по бумагамъ самого Шлитта, хранящимся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ, ихъ было 123 человѣка: 4 Ѳеолога, 4 Медика, 2 Юриста, 4 Аптекаря, 2 Оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 3 плотника, 12 каменщиковъ, 8 столяровъ, 2 Архитектора, 2 литейщика, 1 стекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 2 рудокопа, 1 человѣкъ искусный въ водоводствѣ, 5 толмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовникъ *для* винограда, другой *для* хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 пробирщикъ, 2 повара, 1 пирожникъ, 1 солеваръ, 1 карточникъ, 1 ткачь, 4 каретника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшешникъ, 1 типографщикъ, 2 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 корешщикъ, 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерстобой, 1 сокольникъ, 1 штукатуръ, 1 мастеръ для варенія квасцовъ, другой для варенія сѣры, 4 золотаря, 1 площильщикъ, 1 переплетчикъ, 1 портной.

(207) См. Preuß. Archiv. Шлиттъ, сидя въ заключеніи, уговорилъ одного Доктора Правъ, Іоанна Цегендера, ѣхать отъ него съ письмомъ въ Москву; но сей Докторъ былъ остановленъ въ Ливоніи и сидѣлъ 5 лѣтъ въ темницѣ. Шлиттъ послалъ къ Царю другое донесеніе съ Брауншвейгскимъ купцемъ, Арнольдомъ Пенномъ, который *для* своей безопасности списалъ оное собственною рукою, а подлинное возвратилъ Шлитту: въѣхавъ благополучно въ Россію, онъ вздумалъ назваться Шлиттомъ и съ великою честію прибылъ въ Москву; но Государь изъявилъ ему гнѣвъ за такой обманъ, и не хотѣлъ вѣрить бумагамъ, писаннымъ не Шлиттовою рукою, однакожь безъ наказанія отпустилъ его назадъ въ Германію. Черезъ полтора года Шлиттъ бѣжалъ изъ Любекской темницы, и

въ 1555 году, 5 Марта, писалъ къ Царю изъ Аугсбурга, требуя денегъ и новой вѣрющей грамоты; увѣрялъ, что исполнитъ данное ему порученіе; дѣйствительно старался о томъ на Сеймѣ Аугсбургскомъ, но не имѣлъ успѣха, и послалъ какого-то Іоанна Фоглера, Цюрихскаго уроженца, къ Царю съ кипою бумагъ, относящихся къ образованію Россіи. Фоглеръ уѣхалъ въ Италію, и тамъ заложилъ сіи бумаги. Одинъ изъ его заимодавцевъ, Веитъ Ценге, выкупилъ ихъ, привезъ въ Аугсбургъ, и требовалъ денегъ съ Шлитта; но Шлиттъ скрылся и лѣтомъ въ 1557 году былъ уже въ Москвѣ, куда отправился Веитъ Ценге, который, проѣзжая чрезъ Кенигсбергъ, далъ списокъ со всѣхъ бумагъ Шлиттовыхъ Герцогу Прусскому, Алберхту. Сей списокъ уцѣлѣлъ въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Шлиттъ предлагаетъ, чтобы Посолъ Россійскій, всегда находясь при особѣ Императора, имѣлъ у себя Доктора и Магистра Богословіи, двухъ Докторовъ Правъ, Гофмейстера, Медика, двухъ Секретарей, нѣсколько чиновниковъ, Пажей, слугъ, искусныхъ поваровъ; давалъ обѣды, пиры и на все издерживалъ болѣе шестидесяти тысячь талеровъ.

Сей-то Шлиттъ сочинилъ отъ имени Царя Іоанна письмо къ Карлу V, напечатанное въ Materialien zu der Russ. Geschichte, I, 431 — 460, весьма не глупое, отчасти и достопамятное, но содержащее въ себѣ нѣсколько историческихъ ошибокъ; на примѣръ, тамъ сказано, что *предки Іоанновы* посылали на Соборъ въ Констанцію Григорія, Архіепископа Кіевскаго съ другими пятью Епископами (сіи Епископы были *Литовскіе*, посыланные Витовтомъ: см. Т. V, примѣч. 242); что Василій, отецъ Іоанновъ, въ 1523 году чрезъ Посланника Димитрія предлагалъ Папѣ соединить Церковь Восточную съ Западною (грубая ложь: см. Т. VII, г. 1526); что Императоръ, Фридерикъ III, былъ женатъ на *Зимбургѣ* (Zimburga), дочери *Московскаго Герцога, именемъ Симонита!!* Переведемъ нѣкоторыя мѣста изъ сей длинной *эпистоліи*, писанной совсѣмъ не въ духѣ Русскомъ, и безъ сомнѣнія отверженной Царемъ: «Желая соединенія Вѣръ, мы (Іоаннъ) хотѣли имѣть ученыхъ Богослововъ Нѣмецкихъ, чтобы они узнали нашъ Законъ, а мы вашъ Латинскій; искали также Архитекторовъ для строенія крѣпостей, искали пушечниковъ, оружейниковъ, дабы съ успѣхомъ отражать невѣрныхъ, Татаръ, Скиѳовъ... Дружелюбный отвѣтъ твой (Карла V), изъ Аугсбурга отъ 31 Генв. 1548, дошелъ до насъ весьма поздно, и то въ спискѣ, отъ зависти и злословія негодныхъ корыстолюбцевъ, торгующихъ въ Россіи (Ганзейскихъ купцевъ)... Они будутъ наказаны... Вопреки ихъ клеветамъ, мы издревле Христіане истинные... Дѣдъ, отецъ мой сколько варварскихъ земель покорили единственно во славу Христа!... У насъ вездѣ множество церквей: въ одномъ Кремлѣ Московскомъ 16, а въ Новѣгородѣ болѣе, чѣмъ дней въ году, какъ то пишетъ ученый Севастіанъ Мюнстеръ въ своей Космографіи... Каждой Россіянинъ носитъ крестъ на груди... Для удобнѣйшаго сношенія съ Имперіею хотимъ имѣть всегдашняго Посла, Нѣмца, при твоей особѣ, или въ Аугсбургѣ, знаменитѣйшемъ городѣ, отъ коего до Москвы онъ учредитъ почту; а его, какъ искуснаго въ дѣлахъ церковныхъ и государственныхъ, мы сдѣлали Кавалеромъ новаго Россійскаго Ордена... Чрезъ Господъ Фуггеровъ, Антонія и Іоанна, славныхъ богатствомъ въ Европѣ, мы доставимъ 750,000 талеровъ, обѣщанныхъ нами Имперіи для войны съ Турками... Пришлемъ и войско съ братомъ моимъ, Георгіемъ... Мы одного происхожденія съ Нѣмцами: ихъ предки жили въ Скиѳіи и Сарматіи; многіе древніе города наши, рѣки, горы, лѣса, называются Нѣмецкими именами... Для того выписываемъ ученыхъ не изъ Франціи, не изъ Италіи, а изъ Германіи... Желаемъ имѣть полкъ Нѣмецкій... Дадимъ Имперіи, въ залогъ вѣрности, 25 молодыхъ Князей... Пылаемъ ревностію итти на Царьградъ, да коего отъ насъ не далеко,» и проч.

(208) См. Гадебуша Liefl. Jahrbüch. I, 388.

(209) См. Курбскаго.

(210) Сей походъ былъ въ 1547 и 1548 году: «По леду поступити невозможно, и многіе люди въ продушинахъ потопоша, занеже подъ водою продушинъ не знати.» Царь возвратился въ Москву 7 Марта.

(211) 18 Февраля. Они 7 дней воевали Казанскія окрестности и благополучно вышли. Подъ Казанію убитъ тогда Дворянинъ Григорій Шереметевъ. — Въ *Казан. Лѣт.* названы Предводителями К. Семенъ Микулинскій и Василій Оболенскій-Серебряный, которые будто бы ходили водою къ Казани, встрѣтили Сафа-Гирея на ловлѣ, побили у него 3000 человѣкъ и могли бы взять Казань: ибо Вельможи ея разъѣхались гулять по деревнямъ. Тамъ же сказано, что Сафа-Гирей послалъ 20,000 воиновъ въ слѣдъ за Россіянами, которые, узнавъ о томъ, засѣли въ крѣпкихъ мѣстахъ, и нечаянно напавъ на оплошнаго непріятеля, убили 17,000 человѣкъ, плѣнили 2000, а 1000 прогнали назадъ. Это басня.

(212) Въ Окт. 1548.

(213) См. Дѣла Польскія, No 4, стр. 1 — 80. Послы уѣхали было 10 Февр., а 13 утвердили перемиріе. Съ грамотою ѣздили отъ насъ въ Литву Бояринъ Мих. Яков. Морозовъ, Дворецкій Рязанскій Петръ Вас. Морозовъ и Дьякъ Карачаровъ.

(214) См. тамъ же, стр. 80 — 195. Споры о пограничныхъ земляхъ продолжались.

(215) Въ Дѣлахъ Крымскихъ, No 9, л. 57: «На недруга своего на Астраханскаго ходили есмя, и Богъ милосердье Свое учинилъ: взяли есмя Юртъ его; хотѣли есмя держати, да за тѣмъ покинули, что мѣсто не добро; и мы того для людей ихъ и Улусовъ ихъ тамъ не оставили: всѣхъ пригонили къ себѣ. И какъ оттолѣ пошли есмя назадъ въ свою землю, и заходили есмя на *Кабайтерскые* Черкасы, да и дань есмя на нихъ положили... А послѣ ходили на *Кайтаки*,» и проч.

(216) См. Тамъ же, л. 30 на об. и 56 на об.

(217) Тамъ же, л. 51: «Князь Великій приговорилъ своего Посла въ Крымъ не послати и на Крымскихъ Пословъ опалу положити, для того, что Крымской Царь Подъячаго Ляпуна соромотилъ, носъ и уши зашивали, и обнажа по базару водили, и на гонцѣхъ тридевять поминковъ напрасно емлетъ, а нынѣ Вел. Князя людей 55 человѣкъ себе похолопилъ.» Это было еще въ 1546 году.

(218) Въ *Казан. Лѣт.*: «Сафа-Гирей пьянъ лице свое умывая, и напрасно запенся о умывальный теремецъ, и главою весь о землю разразися и умре того же дни, и приказа Царство меньшей Царицѣ Нагаянынѣ; тріемъ же Царицамъ раздѣли равно имѣніе Царско, и отпустити повелѣ въ отчествія ихъ; онѣ же возвратишася: большая въ Сибирь ко отцу своему, вторая же въ Астрахань ко отцу своему, Астраханскому Царю; третья же въ Крымъ къ братьѣ своей, Княземъ Ширинскимъ; четвертая же бѣ Руская, плѣненна дщи нѣкоего Князя славна, и та по возвращеніи Царя изъ Нагай умре въ Казани.» Но въ послѣдствіи увидимъ, что одна изъ женъ Сафа-Гиреевыхъ, кромѣ Сююнбеки, оставалась въ Казани, и вышла за Шигъ-Алея. Въ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Казанцы

и Крымцы съ общаго согласія объявили Утемишъ-Гирея Царемъ.

(219) Въ *Царственн. Кн.*: «А въ Крымъ послали просити помочи и сверстного Царя, и Царя и Вел. Князя Казаки Урачко съ товарищи пословъ Казанскихъ побили и ерлыки ихъ поймали и къ Государю прислали... Іюля 6 прислалъ къ Царю и Вел. Князю изъ Казани Утемишъ-Гирей Царь своего человѣка съ грамотою о миру.»

(220) «Большаго полку Воеводѣ Бояриму К. Дмитрею Ѳед. Бѣльскому, да К. Володимеру Ив. Воротынскому — передоваго полку Воеводѣ К. Петру Ив. Шуйскому и К. Вас. Ѳед. Лопатину — правой руки Боярину К. Александрѣ Борис. Горбатаго, да Дворецкому Углецкому, Князю Вас. Сем. Серебреного — лѣвой руки К. Мих. Ив. Воротынскому, да Бор. Ив. Салтыкову — сторожевому Боярину К. Юрью Ив. Кашину... А изъ Володимера прислалъ Царь и Вел. Князь по Макарія Митрополита, и Митрополитъ, да Крутицкій Владыка Сава съ своимъ Соборомъ пріѣхали въ Володимеръ ... Дек. 20 отпустилъ Царь и Вел. Князь съ нарядомъ въ Нижній Боярина Вас. Мих. Юрьева, а Шигъ-Алею и Царевичу Едигерю и Воеводамъ, кои збиралися съ людьми по городомъ, и тѣмъ велѣли быти въ Нижнемъ Генваря; а самъ пойде изъ Володимера Генв. 7, а въ Нижній пришелъ Генв. 18; а изъ Нижнева пошелъ Генв. 23.»

(221) См. Курбскаго. Сей Историкъ ставитъ Іоанна въ примѣръ Государямъ Западнымъ, которые любятъ сидѣть дома, играть въ карты; оставляютъ своимъ Полководцамъ сражаться за ихъ честь, и сами только-что забавляются.

(222) *Казан. Лѣт.* говоритъ, что неудача Россіянъ произошла, можетъ быть, отъ искусства Казанскихъ волхвовъ, и что Іоаннъ, восшедши на Круглую гору, только въ умѣ назначилъ быть тутъ крѣпости, не объявивъ никому своей мыслы. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано противное. См. *Никон. Лѣт.* 70.

(223) Въ *Казан. Лѣт.*: «Глаголютъ же о томъ Воеводѣ, яко большая измѣна бѣ въ немъ, и сего ради Казанцы, ходяще войною, не воеваху селъ и градовъ его, но около ихъ обхожаху, и ни единого куряти не взимаху.»

(224) См. выше, стр. 44.

(225) Государь выѣхалъ 20 Іюля, а возвратился въ Москву Авг. 23.

(226) «Дек. 26 пришли войною Уразлы Мурза, да Отай Мурза, да Телякъ Мурза и иные... и Воеводы съ Рязани К. Петръ Мих. Щенятевъ, да К. Александръ Воротынской, да отъ Николы Заразскаго К. Дм. Ив. Пунковъ сошлись вмѣстѣ, и вездѣ ихъ побивали... и изъ Елатмы К. Костянтинъ Ив. Курлятевъ, да Семенъ Шереметевъ, да Степанъ Сидоровъ также, и сошлись вмѣстѣ... и пришли снѣга великіе и морозы и позябли многіе (Ногаи), а достальныхъ вольные Казаки Вел. Князя побили до Волги, и пришелъ въ Нагаи Араспанъ Мурза, да Отай, а всего съ ними пѣшихъ 50.»

(227) См. Дѣла Ногайскія, No 3, л. 111, 112, 135 на обор. и 158; см. также *Никон. Лѣт.* 72.

(228) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: «поставленіе Новаграда Свіяжскаго, нареченнаго во Царьское имя *Иванъградъ.*» Сіе имя исчезло. Въ *Царственн. Кн.*: Государь призываетъ къ себѣ Діака своего, Ив. Григор. Выродкова, и посылаетъ, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ на Волгу въ Углецкой Уѣздъ, въ Ушатыхъ вотчину, церквей и города рубити, и въ судѣхъ съ Воеводами нанизъ везти.» Въ числѣ Казанскихъ Вельможъ, бывшихъ тогда у насъ, именуются Костровъ Князь, *Чапкунъ* и *Бурнашъ*. К. Симеонъ Микулинскій съ Окольничими Владиміромъ Вас. Морозовымъ и Ѳедоромъ Григор. Адашевымъ (отцемъ любимца Государева, Алексѣя) шелъ впереди къ устью Свіяги; ему надлежало быть градоначальникомъ въ Свіяжскѣ. Изъ Мещеры было послано туда 5000 конныхъ и пѣшихъ Козаковъ. Свіяжскъ, какъ сказано, основанъ между Свіягою и Щучьимъ озеромъ.

(229) «А пришелъ (К. Серебряный) на Казанскій посадъ на 1 часу дни не со всѣми людьми; многіе заблудилися: мгла бо велика тогда бысть на Волгѣ.» Лѣтописцы разсказываютъ здѣсь о знаменіяхъ бывшихъ на Свіягѣ рѣкѣ, о чудесномъ колокольномъ звонѣ, о явленіи Св. Сергія, о пророчествахъ и чудесахъ въ Казани. На примѣръ: «Отъ коровы родися дѣтищь человѣческимъ образомъ, и внезапу премѣнися въ совершенна мужа вооруженна и глаголаше зрящимъ на него: *повинуйтеся безъ лукавства Московскому Государю!...* и абіе невидимъ бысть... Рыболовы извлекоша мрежу и видѣша въ ней человѣка стара лежаща и глаголюща къ нимъ: *поспѣшите умолити Московскаго Царя.* Они же хотѣша убити его; онъ же вверженся въ рѣку... Во градѣ же Казани имѣяху многія избы вкопаны въ землю отъ Русскаго стрѣлянія огненнаго, и во едину вшедшимъ Татаромъ, и видѣша ю теплу и благовонну, яко же Христіанскую избу, и пещь полну хлѣбовъ пшеничныхъ, и во единой странѣ постеля вельможска, на ней же лежаше мужъ сѣдъ, и рече: *не будете противни Москов. Царю...* и абіе невидимъ бысть, ни одръ, ни хлѣбы, ни благовоніе, но смрадъ ощутися,» и проч.

(230) «Городъ же, которой сверху привезенъ, на половину тое горы сталъ, а другую половину тотчасъ здѣлали.»

(231) «Шигъ-Алей съ тѣмъ послалъ (въ Москву) Дворецкаго своего Шабаса Князя Шамова, а Бояре Ивана Шишкина.» — Въ *Казан. Лѣт.*: Двѣ бо Черемисы въ Казан. области, а языки ихъ три; четвертый же варварскій. Едина Черемиса объ сю страну Волги сидитъ по удоліямъ и словетъ Горная, а другая объ овую Луговая; а всѣ тѣ люди землепашцы и труженики и злолютые ратники. Въ той же странѣ Луговой есть Черемиса Коншажская и Ветлужская, живутъ въ пустыняхъ лѣсныхъ, ни сѣютъ, ни орютъ, но ловомъ звѣринымъ и рыбнымъ и войною питаются и живутъ аки дикіе.»

(232) «И послалъ Государь съ золотыми къ Воеводамъ Стряпчаго Игнатія Вешнякова — и Воеводы Горнихъ людей, Князей и Мурзъ, и Сотныхъ Князей и Десятныхъ, и Чувашу и Черемису, и Мордву, и *Можаровъ* и *Тархановъ* привели къ правдѣ... Да послали ихъ къ Казани, а съ ними смотрѣти Петра Турова и Алексѣя Ершева, и Горніе собрався много да пошли — и перевезли ихъ Казаки подъ Тарлошью да на Каменномъ перевозѣ, и пошли къ городу Іюня, и пришли на Арское поле, и вышли къ нимъ всѣ Казанскіе люди и Крымцы, и билися крѣпко, и вывезли на нихъ пушки, и Чуваша и Черемиса дрогнули и побѣжали; а Казанцы убили у нихъ человѣкъ со сто, и 50 живыхъ поймали. А Шихъ-Алей и Воеводы ходили въ тѣ поры на Гостинъ островъ, и за Волгою стояли на Терень-Узякѣ; а Горніе люди къ нимъ прибѣжали, и велѣли ихъ опять за рѣку возить... Горніе же люди ѣздили къ Государю во все лѣто человѣкъ по пяти сотъ, и онъ жаловалъ Князей и Мурзъ и Сотныхъ Казаковъ шубами съ бархаты съ золотомъ, инымъ камчаты и атласныя, а молодымъ однорядки и сукна и шубы бѣльи.»

(233) «И пріѣхали къ Государю служити многіе Князи и Мурзы, и Государь, ихъ жалуючи, опять отпущалъ во Свіяжской городъ, а велѣ ихъ тутъ устраивати.»

(234) «И приходили Чуваша Арская съ боемъ на Крымцевъ: *о чемъ-де не біете челомъ Государю?* на Царевъ дворъ, и Кощакъ Уланъ съ товарищи съ ними бились, и побили Чувашу.» См. еще *Казан. Лѣт.*

(235) «И Крымцы, пограбя что возможно, побѣжали 300 человѣкъ Улановъ и Князей, и Азеевъ, и Мурзъ и Казаковъ добрыхъ, опричь ихъ людей, и прибѣжали па Каму, а тутъ стоятъ Дѣти Боярскіе и Стрѣльцы — и прибѣжали къ Вяткѣ, а тутъ стоялъ Бахтеяръ Зузинъ съ Вятчаны да Казаки утаяся, и Крымцы, подѣлавъ тары, да повезлись, и Вятчаны и Казаки побили ихъ и потопили.» Въ *Казан. Лѣт.* сказано, что Государь предлагалъ Кощаку креститься.

(236) «А Казанцы прислали къ Шигъ-Алею и къ Воеводамъ Кульшерифъ-Моллу, да Тюменскаго Князя Бибарса, да К. Растова, и срокъ учинили не воевати ихъ 20 дней... и Казанцы послали къ Государю Енбарса Мурзу, Растова сына, и подали Государю челобитную отъ земли, Кудайгулъ Уланъ въ головахъ, да Муралей Князь, и вся земля, Моллы и Сеиты, Шихи и Шихзады и Моллзалы, и Мамы, и Ази, и Афази, Князи и Уланы, и Мурзы, и Ички дворные и задворные, Казаки и Чуваша, и Черемиса, и Мордва, и Тарханы, и Можары.» — Адашевъ пріѣхалъ къ Шигъ-Алею Авг. 6. Далѣе: «Авг. въ 9 къ Царю Шигъ-Алею и къ Воеводамъ пріѣхали изъ Казани Молла Касымъ, да Бибарсъ Князь, и иные... и они были во многомъ заперлися, и Царь имъ велѣлъ итти съ Бояры въ Боярскіе шатры, и дѣлати по Государеву наказу... Бояре же ни во единомъ ихъ лукавствѣ не поступили... и прислали изъ Казани, что Царя Утемишъ-Гирея и Царицу Сююнбеку везутъ, и Бояре велѣли бы встрѣтить; и Воеводы послали К. Петра Сем. Серебрепаго съ Дѣтьми Боярскими, и встрѣтилъ ихъ на Казанскомъ устьѣ.» *Казан. Лѣт.* баснословитъ, что Алей хотѣлъ тогда жениться на Сююнбекѣ, но что она прислала ему ядъ въ кушаньѣ и въ одеждѣ; что Алей далъ первое собакѣ, и собака издохла; надѣлъ вторую на преступника, и преступникъ упалъ мертвый. Это напоминаетъ Медею. Сююнбека была послѣ женою Алея, какъ увидимъ.

(237) См. *Казан. Лѣт.* Но то не правда, чтобы К. Серебряный-Оболенскій взялъ Царицу въ Казани и вывезъ оттуда всѣ Царскія сокровища. Сей Лѣтописецъ, не всегда достовѣрный, говоритъ: «Москов. Воевода, К. Василій (Петръ) Серебряный, вшедъ въ Казань съ 3000 вооруженныхъ и съ 1000 огненныхъ Стрѣльцовъ, ятъ Царицу и со Царевичемъ яко смирную нѣкую птицу въ полатахъ ея. Аще бы вѣдала изыманіе свое, то сама бы ся убила. Вшедъ же къ ней Воевода съ Казанскими Вельможами, одѣянъ въ златую одежду, и ста предъ нею съемши златый шлыкъ, и рече ей слово тихо и честно: поимана еси, вольная Царица, Великимъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ... Той отъемлетъ Царство твое и предаетъ тя въ руцѣ великому и благочест. Царю Ивану Васильевичу... Она же воспрянувъ отъ мѣста Царского и ста поддержима подъ руку двѣмя рабынями, и отвѣща: буди воля Божія и Самодержца Московскаго!... и разразися о полъ... И хотяху Казанцы Воеводу убити; но не даша имъ властели ихъ и біяша ихъ шалыгами и ботоги. Воевода же дасть ей 10 дней пробыть въ полатахъ своихъ за крѣпкими стражами; и Цареву казну запечата и наполни 12 лодей златомъ и сребромъ... И влѣзши Царица въ мечеть, и роздра верхнія ризы своя, и паде у гроба Царева, власы своя терзающе и лице свое деруще.» Слѣдуетъ ея плачь, напоминающій Евдокіинъ (супруги Донскаго). На примѣръ: «О милый мой Царю! виждь Царицу свою, ея же любилъ паче всѣхъ: се ведома въ плѣнъ иноязычными воины и съ любимымъ сыномъ твоимъ... Увы! почто рано зайде красота твоя отъ очію моею подъ темною землею, оставивъ меня сиротою? Увы мнѣ! гдѣ тамо живеши, да пойду и живу съ тобою? Почто мы остави здѣ? Предаемся въ руцѣ Москов. Царю: мнѣ единой не могущей противитися силѣ и крѣпости его, и не имѣхъ помогающихъ мнѣ. Аще бы отъ иного коего Царя плѣнена быхъ была языка нашего и Вѣры, то шла бы и не тужила. Увы милый мой Царю! отверзи мнѣ темный свой гробъ, и буди намъ гробъ твой единъ тебѣ и мнѣ Царская наша ложница и свѣтлая палата!... Пріими юную Царицу свою, да не насладятся иновѣрцы красоты моея!... Кому печаль мою возвѣщу? сыну ли? но той еще млечныя пищи требуетъ. Или отцу моему? но той далече. Казанцамъ ли? но они чрезъ клятву отдаютъ меня! Увы милый Царю! не отвѣщаеши ничто же. Се при дверяхъ немилостивые воины стоятъ, и хотятъ мя яко звѣріе дивіе восхитити. Царица быхъ, нынѣ же горькая плѣнница и раба убогая; за радость и за веселіе слезы горькія постигоша насъ. Уже плакатися не могу, ослѣпостивъ очима, и премолче гласъ мой отъ вопля.» — Самъ Воевода нашъ, смотря на нее, плакалъ, какъ сказано въ сей лѣтописи. Далѣе: «Царица же, егда повезена бысть къ Москвѣ, горько плакашеся, Волгою ѣдучи, зряще прямо на Казань и глаголюще: Горе тебѣ, градъ кровавый и унылый! Спаде вѣнецъ съ главы твоея, и яко вдова являешися, осиротѣвши, и рабъ еси, а не Государь: прейде бо слава твоя; ты же изнемогши падеся, яко звѣрь не имущій главы. Не срамъ ти есть: аще бы и Вавилонскія столпы и Римскія стѣны имѣлъ еси, то никако отъ таковаго Царя сильнаго устояти не возмоглъ бы еси. Царство Царемъ премудрымъ самодержится, а не стѣнами и столпами. Царь твой сильный умре, и Воеводы изнемогоша... Гдѣ нынѣ Царскія твои пирове и веселія? Гдѣ Улановъ и Князей твоихъ красованіе и величаніе? Гдѣ младыхъ женъ и красныхъ дѣвицъ ликовъ и пѣсни и плясаніе? Въ тебѣ рѣки медвеныя (медовыя) и потоцы винныя течаху: нынѣ же людей твоихъ крови проливаются и слезъ горячихъ источницы протекаютъ, и не иссякнутъ, и мечь Руской не отымется, дондеже въ тебѣ вся люди твоя изгибнутъ. Увы мнѣ! гдѣ возьму птицу борзолетающую, глаголющую языкомъ человѣческимъ, да пошлю къ отцу моему и къ матери, да возвѣститъ случившееся чаду ихъ? Суди Богъ и мсти супостату нашему, злому Шигъ-Алею, не хотящу мя плѣнницу поняти и большею женою имѣти!» и проч. Тутъ же сказано, что Казанцы выдали Алею Сеита своего, коему онъ велѣлъ отрубить голову.

Царица только ночевала въ Свіяжскѣ. Бибарсъ Князь и Алимерданъ Азій привезли двухъ сыновей Кощака Улана и другихъ дѣтей знатныхъ Крымцевъ. Сююнбека пріѣхала въ Москву Сент. 5.

(238) «Авг. 13 Шигъ-Алей и Воеводы пріѣхали на Казанское устье и стали отъ Волги до Бежболды, а вверхъ двѣ версты, а за Казань внизъ до Царева лугу... И Царь Шигъ-Алей и вся земля Казанская на томъ Государю правду дали, что имъ въ Горнюю сторону не вступатися, да и въ половину Волги, а ловцемъ ловити по своимъ половинамъ... И къ правдѣ ходили по сту человѣкъ и по двѣстѣ и по триста... Авг. 16 Шигъ-Алей поѣхалъ па Царство въ Казань, а съ нимъ 300 человѣкъ Городецкихъ Князей и Мурзъ и Козаковъ, да 200 Стрѣльцовъ Царя и Вел. Князя; а жили всѣ у Царя па дворѣ... И того дни (Авг. 17) Шигъ-Алей отдалъ Бояромъ 2700 плѣнниковъ; а Бояре послали къ Государю Данила Ѳед. Адашева,

да Стрѣлецкого Голову Ив. Черемисинова, и пріѣхали въ Москву Авг. 28.»

(239) «Бояре К. Юрій Мих. и Данила Ром. со всѣми людьми своими пошли къ Государю вверхъ Волгою, а К. Дм. Хилковъ черезъ Горнюю сторону къ Мурому.» Въ *Новогород. Лѣт.* Малинов. сказано, что Государь прислалъ чиновника въ Новгородъ съ вѣстію о покореніи Казани, и что тамъ былъ церковный звонъ во весь день.

(240) «Прислалъ Шигъ-Алей къ Государю гонца, что отпущаетъ Пословъ своихъ Большихъ; а отъ Боярина и отъ Діака Ив. Выродкова пригонилъ Сынъ Боярской, что Казанцы въ полону не прямятъ... Того жь мѣсяца (Сент.) отпустилъ Государь къ Шигъ-Алею Боярина К. Дм. Ѳед. Палецкого, да съ нимъ Діака Ив. Клобукова, съ жалованьемъ къ Царю... И Шигъ-Алей Ив. Ив. Хабарова отпустилъ къ Государю... Окт. пришли Послы Казан. Карча большой Ширинъ, Муралей К. Булатовъ, да Шибасъ К. Шамозъ, и говорили, чтобы Государь Горніе стороны Царю поступился, или бы ясаковъ оттуда придалъ, и пожаловалъ бы велѣлъ правду учинити землѣ Казанской на томъ, на чемъ земля Государю правду дала... Велѣлъ Государь имъ отвѣтъ учинити Боярину Ив. Вас. Шереметеву, да Алексѣю Адашеву, что съ Горніе стороны къ Казани ни одной деньги не отдавывать, а о правдѣ, что Казанцы еще многой полонъ у себя держатъ, и какъ свободятъ весь, и Государь тогда правду учинитъ; а вы здѣ побудьте... Того же мѣсяца пріѣхали Бояринъ Хабаровъ, да Ив. Выродковъ, а сказывали, что Казанцы куютъ и по ямамъ полонъ сажаютъ, и Шигъ-Алей не добрѣ прямитъ... а сказываютъ ему, что Казанскіе Князи ссылаются въ Ногаи.»

(241) «Ноября 14 пригонилъ къ Государю изъ Казани Уразымъ Мурза, а отъ К. Дмитрея Митька Волоховъ, что Князья Казан. Бибарсъ и многіе иные ссылаются на Царя въ Ногаи, и хотѣли убить его и Боярина К. Дмитрея, и Царь довѣдалъ то и грамоты ссыльныя у нихъ повынималъ... А убилъ Царь Бибарса съ братіею, Кадыша богатыря, Карамышъ-Улана... Да приказывалъ Шигъ-Алей и К. Дмитрей, что Муралей и Костровъ К. ихъ же дума, и чтобы ихъ не отпускать въ Казань. А Муралей и Костровъ били челомъ, чтобы Государь пожаловалъ по ихъ жены послалъ.»

(242) Въ *Синод. Лѣт.* No 351: «Дай мнѣ, К. Дмитрей, правду на томъ, что меня Вел. Князю не убити и къ Городку придати что пригоже; а азъ здѣсь лихихъ людей еще изведу, да пушки и пищали и зеліе перепорчю; и Государь приди самъ, да промышляй... Да К. Дмитрея и Алексѣя отпустилъ къ Государю, а у Царя К. Дмитрей оставилъ Ив. Черемисинова съ Стрѣльцы... и какъ пріѣхалъ на Свіягу, и говорили ему Князи, которые живутъ на Свіягѣ, Чапкунъ и Бурнашъ, что слышатъ отъ земли, что Казанцы весною хотятъ измѣнити Государю, а Шигъ-Алея не любятъ, и Государь бы промышлялъ — а и Горнимъ не угонимъ... И Государь послалъ къ Шигъ-Алею Семена Ярцова, чтобы жилъ брежно отъ Казанцевъ.» — Въ Генв. послы Казанскіе предложили Іоанну свергнутъ Шигъ-Алея. Въ Февр. поѣхалъ Адашевъ въ Казань.

(243) См. *Синод. Лѣт.* No 351. Тамъ же сказано, что Адашевъ уговаривалъ Шигъ-Алея остаться въ Казани до весны, но онъ не хотѣлъ того, боясь лишиться жизни; что первый требовалъ отъ него казни злодѣя Касымъ-Моллы и другихъ мятежниковъ. Алей выѣхалъ Марта 6, и привезъ въ Свіяжскъ 84 человѣка изъ Вельможъ Казанскихъ.

(244) Они прежде были въ Москвѣ у Государя. Съ ними поѣхалъ въ Казань Ив. Черемисиновъ. «И на завтріе пріѣхали въ Свіяжской городъ изъ Казани Кудагулъ Уланъ, да многіе Моллы и Князи, да Ив. Черемисиновъ, и Чапкунъ и Бурнашъ, и правду Бояромъ дали, и у Бояръ правду взяли, что имъ жаловати Казанцевъ, какъ въ иныхъ городѣхъ Вел. Князя; да говорили Бояре, чтобъ Царицу Шигъ-Алееву, *меншицу* Цареву» (то есть, младшую жену; а въ другихъ спискахъ *измльщицу*) «прислали... а Шигъ-Алей объ ней Бояромъ говорилъ... И К. Семенъ послалъ въ Казань Ив. Черемисинова и толмача Ѳедька Палецкого, да дѣтей Боярскихъ къ правдѣ людей приводити и смотрѣти, нѣтъ ли лиха... и Черемисиновъ прислалъ къ Бояромъ, что лиха нѣтъ: Царицу отпускаютъ; а сельскіе люди, давъ правду, по селомъ разъѣзжаются; да пришлите и конь свой легкой съ ѣствою, да съ нимъ Козаковъ сто, и они на Царевѣ дворѣ пригодятся на всякое дѣло... и Бояре отпустили 70 Козаковъ, а пищалей 72... и К. Семенъ, да Ив. Вас. Шереметевъ, да К. Петръ Серебреной съ товарищи поѣхали къ Казани; а въ сторож. полку К. Ѳедоръ Ромодановской, да Казанцы всѣ, которыхъ Царь вывелъ... И на Волгѣ у Ирихова острова встрѣтили ихъ Шамся Князь, да Ханкилдей и иные... и Царицу встрѣтили Бояре на Волгѣ же... а въ Казань и изъ Казани Дѣти Боярскіе ѣздятъ, а сказываютъ, что всѣ люди ради, а Черемисиновъ иныхъ еще къ правдѣ приводитъ.»

(245) «И какъ на Бежбольду Воеводы пріѣхали, и поѣхали напередъ въ городъ отъ Воеводъ Исламъ Князь, да Кебякъ К., да Алексѣй Мурза Чуринъ, братъ Нарыкова; а Бояре ихъ не брегли, потому что всѣ ихъ Князи выручили.» — Мы слѣдуемъ достовѣрному Лѣтописцу Московскому; а Казанской многое не такъ разсказываетъ: выписываемъ нѣкоторыя мѣста изъ него:

«Шигъ-Алей» (сдѣлавшись Царемъ въ Казани) вшедъ въ градъ бережно, и пристави ко всѣмъ вратомъ своя ратники, и ключи вратные повелѣ на всяку нощь Воеводѣ своему приносити; такожде и двора его стрежаху по 1000 огненныхъ Стрѣльцовъ въ день, а въ нощь по 3000; Воеводскаго же двора стрежаху по 500 въ день, а въ нощь по 1000. На котораго Казанца окомъ мигнетъ или перстомъ показа, они же вскорѣ того разсѣкаху на кусы... Бѣгунъ Казанскій, Князь Чапкунъ, прибѣжа на Русь служити, и Государь дастъ ему великъ домъ на Москвѣ. Окаянный же служилъ 5 лѣтъ, и моляшеся, да отпущенъ будетъ въ Казань... и паки приложися къ Казанцамъ, жены своей послушавъ... и пойдоша Казанцы къ Воеводамъ и облыгаютъ Шигъ-Алея, яко хочетъ измѣнити Государю... Воеводы же послаша къ Москвѣ, яко да изведетъ Государь Шигъ-Алея изъ Казани. Государь же, прочетъ грамоту, дивися, что нова лесть явися въ немъ на старость его, и отписа ему, да оставитъ Царство; а на мѣсто его повелѣ быти К. Петру Шуйскому... Шигъ-Алей же повелѣ Уланамъ и Княземъ проводити себя до Свіяжского града... и повелѣ врата градная затворити, и поймаша 700 человѣкъ,» и проч.

(246) «И встрѣтилъ Воеводъ на Булакѣ Ив. Черемисиновъ, да Кулалей Князь... И пріѣхали Воеводы къ Царевымъ воротамъ... а ихъ тутъ встрѣтилъ Кудагулъ Уланъ и иные, а говорятъ: боятся-де люди побою, а насъ не слушаютъ... И велѣли Воеводы изымати Кудагулъ-Улана и Алимана К. съ сыномъ, Шамсу К., Чуру К. Кадыева, Богодана К. Арского, Ханкилдея К., и иныхъ Князей и Козаковъ, да которыхъ Царь вывелъ, тѣхъ всѣхъ же переимали... И стояли, ночевавъ, до полденъ и ссылалися... и пришли въ Свіяжской городъ Марта 12.»

ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

Въ 1547 г. Генв. поставленъ Московъ. Богоявленскій Игуменъ Кирiакъ въ Епископы на Пермь. 30 Iюля, въ 9 часу дня, явилась туча съ зимняго Запада надъ Москвою и шелъ градъ величиною съ лѣсное яблоко. Дек. 20 въ Новѣгородѣ Царь уничтожилъ корчмы: «давали по Концамъ и по улицамъ Старостамъ на 30 человѣкъ двѣ бочки пива, да 6 ведеръ меду, да вина горскаго полтора ведра на разрубъ.» — Генв. 13, въ 1548, въ 3 часа ночи, было въ Москвѣ сѣверное сiянiе: «явишась на небеси многiе лучи на полунощной странѣ аки огненные, и быша чрезъ всю нощь и до утреней зари. Февр. 9 въ нощи явишася лучи на полунощной же странѣ и предъ Заутренею иступоша. Апрѣля 22 поставленъ бысть Епископъ на Рязань Архимандр. Чудовскій Михаилъ. Юня 1, въ 14 часъ дни, взошла туча съ зимнего Западу, и молонья велика, и громъ страшенъ, а загорѣся отъ молнiи верхъ терема Воробьевскаго, и сгорѣ теремъ и всѣ хоромы на Царскомъ дворѣ въ Воробьевѣ. Iюня 21 Царь и Вел. Князь пойде пѣшъ къ Живоначальной Троицѣ и съ своею Царицею и съ братомъ, и возвратися на Москву 28 Iюня. Сент. 14 пойде пѣше Царица къ Троицѣ въ Сергiевъ монастырь, а Царь поѣхалъ туда же 22 Сент.; а оттуда въ отъѣздъ на свою Царскую потѣху и съ своею Царицею въ Слободу и въ Дмитровъ, и въ Звенигородъ, и въ Можаескъ, а на Москву прiѣхалъ Окт. 28. — Февр. 25 (г. 1549) въ нощи явися свѣтъ на полунощной странѣ аки зоря предъ восходомъ солнечнымъ и стоя до утренней зори. Марта 10 поставленъ бысть Епископъ въ Суждаль, Архим. Симоновскій Трифонъ, а Марта 17 Архiеп. въ Ростовъ, Игуменъ Троицкій Никандръ.» Въ Новѣгородѣ 14 Мая отрыли въ землѣ 12 человѣческихъ тѣлъ, совершенно цѣлыхъ: Царь и Митрополитъ велѣли ихъ похоронить Соборомъ, въ ямѣ за олтаремъ Св. Софiи, въ одномъ гробѣ. «Авг. 10, въ 4 часъ нощи, родися Царю дщи, Царевна Анна; и прiѣхалъ Царь въ Новой Дѣвичь Монастырь и обложилъ храмъ Св. Богоотецъ Iоакима и Анны, и ту слушалъ Всенощную и Заутреню, и во утрiе церковь священъ, и дщерь свою крестилъ; а крестилъ ее Старецъ Андреянъ Андроновы Пустыни, да Старецъ Генадій Сирарайскія Пустыни, а дѣйствовалъ Священническая Игуменъ Троицкій Серапiонъ Курцовъ. Дек. 30 Государь въ В. Новѣгородѣ порушилъ ряды и грамоты рядовыя собралъ въ казну. — Авг. (г. 1550) преставися Царевна Анна, и положена въ Новомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. Мѣсяца Сент. позлащенъ бысть верхъ большой у Соборной церкви Пречистыя. Окт. 26 слитъ большой колоколъ и поставленъ у Архангела за олтаремъ на древяной колокольницѣ» (въ Москвѣ). Въ *Новог. Лѣт.* Малинов., въ описанiи пожара, сказано, что онъ былъ по Московскимъ часамъ въ третьемъ часу, а по Новогородскимъ въ шестомъ. — Марта 17 (г. 1551) «въ 10 часъ нощи родися Царю дочь, Царевна Марiя, и крещена бысть по Пасцѣ въ Пятокъ. Iюня 14 поставленъ Архiеп. въ Великій Новградъ, Серапiонъ Курцовъ, Игуменъ Троицкій Сергiева монастыря; а Iюня 18 Епископъ въ Суздаль, Аѳанасій, Игуменъ Кириллова монастыря. Мѣсяца Авг. поставленъ на Пронѣ Михайловъ городъ, а ставили его Воеводы К. Александръ Ив. Воротынской да Михайло Петр. Головинъ; а какъ ставили городъ, и учали мѣсто чистить, гдѣ поставити церковь Архангела Михаила, и тутъ обрѣли, гдѣ олтарю стояти, образъ Арханг. Михаила, древнее письмо, обложенъ серебромъ, и Царь и Митрополитъ по тотъ образъ посылали Священниковъ, и встрѣтивъ его честно, и пѣвъ молебны, отпустили въ храмъ на то мѣсто, гдѣ явился. — Поставленъ (въ 1552 году) Шатской городъ въ Мещерѣ, а ставилъ его Воевода К. Дм. Сем. Шестуновъ: былъ для береженья; а дѣлалъ его Борисъ Сукинъ, и сдѣланъ великъ и хорошъ.» 9 Апрѣля прiѣхалъ въ Новгородъ Цареградскій Митрополитъ Ѳеодосій. 8 Мая привезли туда 60 человѣкъ Казанскихъ Татаръ, коихъ должны были содержать Архiепископъ и купцы; ихъ посадили въ три новыя тюрмы.

(247) См. *Царствен. Кн.* 203 — 205. Снарядъ огнестрѣльный надлежало вести Боярину Михайлу Морозову.

(248) См. Дѣла Польск. No 4, л. 196 — 204.

(249) См. выше, примѣч. 246.

(250) См. сей *Исторiи* Т. VI, примѣч. 495, и Т. VII, примѣч. 136.

(251) Ногайскій Мурза Белекъ, жалуясь Iоанну на Донскихъ Козаковъ или Черкасовъ, пишетъ: «Бѣлово (Россійскаго) Князя Черкасы бѣглые холопи были» (см. Дѣла Ногайск. No 4, л. 91). Самъ Царь Iоаннъ Васильевичь, въ сношенiяхъ съ Ханомъ Крымскимъ, говоритъ: «*Нашихъ* Казаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего Государства *бѣглые* люди.» Въ другомъ мѣстѣ: А которые на Дону живутъ, *давно бѣгая* изъ нашего Государства,» и проч. (См. Дѣла Крым. No 15, л. 446 — 447).

(252) См. сей *Исторiи* Т. VII, стр. 139.

(253) См. сей *Исторiи* Т. VII, примѣч. 136.

(254) Князь Ногайскій Юсуфъ въ 1549 году писалъ къ Государю: «Холопи твои, нѣхто Сарыазманъ словетъ, па Дону въ трехъ и четырехъ мѣстѣхъ городы подѣлали.» (См. Дѣла Ногайск. No 3, л. 135 на об.). Нашъ Посланникъ, Петръ Тургеневъ, въ 1551 году доносилъ Iоанну изъ Ногайскихъ Улусовъ: «Прислалъ Турецкой Царь къ Исмаилъ Мирзѣ посла сее весны, съ тѣмъ: въ нашихъ-де въ Бусурманскихъ книгахъ пишетца, что тѣ лѣта пришли, что Русского Царя Ивана рука надъ Бусурманы высока; уже-де и мнѣ отъ нево обида великая: поле-де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пустъ у меня доспѣлъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова оброкъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ.... А на Крымѣ посаженъ мой Царь: какъ ему велю, такъ и дѣлаетъ.» См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 39.

(255) Девлетъ-Гирей, по нашимъ Родослов. Книгамъ, былъ сынъ Мубарекъ-Гирея, и внукъ Менгли-Гиреевъ. Дегинъ пишетъ, что Салтанъ въ 1551 году посылалъ Рустанъ-Пашу свергнуть Саипъ-Гирея за убiенiе Ислама (см. Histoire des Huns, кн. XVIII).

(256) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 39 и 40.

(257) Ногайскій Мурза Белекъ писалъ къ Государю: «Аккобекъ Царь съ Черкасы въ свойствѣ учинился, и ему братство учинили, и они ему Юргъ его взявъ дали; и Ямгурчей Царевичь въ свойствѣ учинился, и ему Юртъ его взявъ дали же.» Дѣла Ногайск. No 4, л. 91.

(258) «Пришли ко Царю (въ 1551 г.). Послы изъ Астрахани отъ Ямгурчея, Ишымъ Князь съ товарищи, и били челомъ, чтобы его Государь пожаловалъ, велѣлъ себѣ служити и съ Юртомъ, и жаловалъ бы какъ и Шигъ-Алея Царя и иныхъ Царей, которые ему служатъ... Того же году» (послѣ 1 Сент.) «послалъ Государь въ Астрахань посла своего Савастьяна видѣти Царевы правды и его землю всю къ правдѣ привести... Въ Маѣ (г. 1552 выѣхалъ къ Государю изъ Астрахани Царевичь Кайбула, Ахкубековъ сынъ,» и проч.

(259) Сперва Горные люди побили Казанцевъ, привели въ Свiяжскъ двухъ взятыхъ ими чиновниковъ

и казнили ихъ; но въ Апрѣлѣ Воеводы увѣдомили Государя объ ихъ невѣрности: «Пригонялъ Михалко Шипиловъ ко Государю съ грамотами отъ Бояръ изъ Свіяжска, а пишутъ, что къ нимъ пріѣхалъ Дворецкой Данило Романовичь; что Шигъ-Алея и со Царицею вверхъ отпустили по Государеву наказу; а Горніе люди волнуются и ссылаются съ Казанцы... и по Цывили въ городъ на Свіягу не ѣздятъ.»

(260) «Посылали за ними Казаковъ, и Казанцы побили ихъ: убили 70 человѣкъ, да и пищали поймали... а отъ К. Михайла съ Камы ѣхали Казаки въ судѣхъ на Свіягу по кормъ, Северга съ товарищи, и Казанскіе люди ихъ побили, а Севергу въ Казань привели, да тамъ убили, и товарищевъ его 30 человѣкъ... А изъ Казани прибѣжали полоненики, а сказали, что Казанцы тѣхъ Дѣтей Боярскихъ и Казаковъ и людей Боярскихъ, которыхъ затворили на миру въ городѣ, побили всѣхъ; а всѣхъ затворили 180 человѣкъ, и иные изъ нихъ утекли на Свіягу, и рухлядь Воеводскую по себѣ раздѣлили... А съ Камы отъ Боярина К. Мих. Глинскаго пришли грамоты... да привели Янгару Богатыря; а сказываютъ, что пришелъ изъ Нагай Царевичь Едигеръ Магметъ, Касымовъ Харевъ сынъ Астроханска Царя; а прислали его Нагайцы по Казанской ссылкѣ на Царство въ Казань... и Казанцы повеля его мѣстъ искати, гдѣ его перевезти, а Янгура приходилъ на берегъ отвѣдывати, и Казаки его изымали; а со Царевичемъ 500 человѣкъ... и Царевичь Каму перевезся тайно и пришелъ въ Казань... На Княжь Михайлову сторожу пришли Казанцы нощію, да побили четырехъ Сыновъ Боярскихъ, да 17 Стрѣльцовъ.» — Сей Едигеръ не тотъ ли самый Царевичь, который прежде былъ въ Москвѣ? См. выше, примѣч. 128.

(261) «Совѣтуетъ Митрополитъ, да принесутся мощи Святыхъ въ церковь Соборную... и приходятъ вкупѣ Царь и Святитель въ церковь Благовѣщенія, еже близу казны Царскія, и вымаютъ мощи изъ ссудовъ и полагаютъ на блюдо и несутъ на главахъ въ Соборную церковь и свершаютъ молебныя службы, и святятъ воду со всѣхъ мощей, и крестомъ животворящимъ древомъ... и посылаютъ его (Тимоѳея) въ Нижній Новгородъ, и велятъ ѣхати вмѣстѣ съ Бояры и нарядомъ Царскимъ, и посылаютъ съ ними воды Святые и поученіе» (см. оное въ *Царствен. Кн.* стр. 210—217).

Въ сіе время (въ Апр. 1552) Государь далъ въ Москвѣ наказъ чиновникамъ, Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину, чтобы они строго наблюдали за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года въ отношеніи ко нравамъ Духовенства и мірянъ; чтобы Иноки и Священники не ходили въ корчмы, ни пьяные по улицамъ; чтобы никто не дерзалъ ни срамословить, ни клясться, ни *брить бороды*, ни заниматься волшебствомъ или звѣздочетствомъ: «По Цареву слову Ондрею да Хозяину велѣти по торгомъ кликати, чтобы Христіане, отъ мала и до велика, именемъ Божіимъ во лжу не клялись и на кривѣ креста не цѣловали... и матерны бы не лаялись... и бородъ бы не брили и не обсѣкали, и усовъ бы не подстригали, и къ волхвомъ бы и къ чародѣемъ и къ звѣздочетцомъ холхвовати не ходили, и у поль бы» (при судныхъ поединкахъ) «чародѣи не были.» Уличенные преступники подвергались *великой опалѣ по градскимъ законамъ* и *духовной казни по священнымъ правиламъ*. О Монахахъ и Священникахъ сказано: «Безчинниковъ Поповъ и Діаконовъ и Черцевъ имати, да и заповѣдь на нихъ Царскую имати по земскому обычаю, якожь и съ простыхъ людей безчинниковъ... да отсылаютъ тѣхъ въ монастыри... и ихъ смиряютъ; а Поповъ и Діаконовъ къ Поповскымъ Старостамъ... и ихъ исправляютъ; а на которомъ Черньцѣ невозможно заповѣди доправити, ино взяти заповѣдь на томъ, кто его напоитъ.» См. *Законы В. К. Іоанна Вас. и внука его*, стр. 113 — 115.

(262) Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ почетномъ званіи, которое давалось знаменитѣйшимъ Вельможамъ.

(263) Въ *Царствен. Кн.* 218: «да билъ челомъ Шигъ-Алей Государю о Царицѣ Сююнбекѣ Сафа-Гиреевской, а прежде Сафа-Гирея была она за Шигъ-Алеевымъ братомъ въ Казани, за Еналеемъ Царемъ; и Государь Царицу за него далъ.» Отецъ Сююнбеки, Князь Ногайскій Юсуфъ, усильно требовалъ, чтобы Іоаннъ прислалъ ее къ нему и съ сыномъ; но Государь отвѣчалъ, что она сама захотѣла быть супругою Шигъ-Алея (Дѣла Ногайск. No 4). Генв. 30, 1554 г. Іоаннъ писалъ къ Шигъ-Алею, что Юсуфъ считаетъ дочь свою убитою: «будто бы ты, братъ нашъ, по нашему слову Сююнбекъ Царицу казнилъ, носа ей урѣзалъ, и поруганье великое учиня, убилъ ее до смерти.» Это было вымышлено (см. тамъ же, стр. 240 — 242).

(264) Въ *Царствен. Кн.* 225: «Царь Шигъ-Алей веліе тѣло имяше, и не многій скоро на конехъ ѣздити; разумиченъ же Царь премалшіе, но не храбръ сый, и дружинѣ своей не податливъ.»

(265) Въ *Царствен. Кн.* 220: «Повелѣваю тебѣ милостыню творити въ нашихъ Царскихъ опалахъ разрѣшати и въ темницы заключенны испущати, да сугубу мзду пріимемъ: азъ за храбрство, а ты за сія благая дѣла.»

(266) «И любезно припадаетъ къ чудотворному образу Богоматери, и предастъ въ руцѣ ея градъ и люди... Приходитъ же и къ мощамъ Петра Чудотворца и Іоны... Митрополитъ же Государя благословляетъ крестомъ животворящимъ.»

(267) «Пригонилъ изъ Путивля Станичникъ Ивашко отъ Айдара отъ Волжина.»

(268) «И тутъ пріѣхалъ Айдаръ Волжинъ... И другіе вѣстницы ускоряютъ.»

(269) «Пришли по многіе люди, 7000, да поворотили изъ земли.»

(270) «А ему приказываетъ не исходити изъ церкви, донде же что Богъ произведетъ.»

(271) «Яко же на потѣху и на ловы.»

(272) «Бояре его и *Жильцы*, выборомъ Дѣти Боярскіе.» Имя происходитъ отъ того, что они *жили* въ столицѣ, при Государѣ, будучи первостепенными воинами.

(273) Въ Архив. *Новгород. Лѣт.* Малинов. сказано, что въ 1551 году привезли въ Новгородъ шурина Царя Крымскаго: «И сидѣлъ здѣсь въ заточеніи въ желѣзѣхъ въ городѣ въ дѣтинци, въ стѣнѣ каменной подъ водяными вороты; а прежъ того сидѣлъ въ тюрьмѣ въ деревяной.» Въ годѣ можетъ быть ошибка; но въ *Царствен. Книгѣ* и въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Камбирдея убили.

(274) «И пришли къ нимъ Воеводы съ Пронги, К. Мих. Рѣпнинъ, а съ Михайлова Ѳедоръ Салтыковъ.»

(275) См. *Курбскаго*. Онъ сказываетъ, что ему было тогда 23 года.

(276) «Ханъ телеги пометалъ и вельблюды многіе порѣзалъ, и многіе живые пометалъ.... И повелѣ Государь языковъ пытати.... Царь же (Крымскій) отъ Рѣзани хотѣлъ возвратиться въ Крымъ: Князи же ему рѣша: аще хощеши срамъ свой покрыти, есть у Вел. Князя градъ Тула на полѣ, а отъ Коломны за велики крѣпостьми и лѣсы; и ты учинишь тому, что и въ Литвѣ Брясловлю.»

(277) «Послалъ къ Москвѣ Сем. Вас. Яковлева; а на Свіягу возвѣстити Воеводамъ милосердіе Бо-

жіе Өедьку Черемисинова... Іюля 1 Воеводы съ Тульского дѣла пришли всѣ, и сказали, что Царь Крымскій пошелъ невозвратнымъ путемъ, верстъ по 60 и 70 на день, и коней мечетъ.»

(278) Курбскій пишетъ: «Идохомъ отъ Царя по правой руцѣ яки въ 5 дняхъ конемъ ѣзду; понеже мы заслонихомъ его тѣмъ войскомъ отъ Заволжскихъ (Ногайскихъ) Татаръ, да не пріидутъ на него безвѣстно.»

(279) «Пріѣхалъ къ Государю въ Муромъ съ Свіяги Ив. Вокшеринъ, а сказывалъ: Бояре ходили на Горнякъ, въ большомъ полку К. Семенъ Микулинскій, въ передовомъ Данило Романовичъ, а въ сторожевомъ К. Петръ Серебреной... и потоптали Горнихъ людей; а на томъ бою убили К. Александра Жижемскаго.»

(280) *Царствен. Кн.* 236 — 253. Государь прибылъ изъ Коломны въ Владиміръ 8 Іюля, и нашелъ тамъ Архангельскаго Протопопа Тимоѳея возвратившагося изъ Свіяжска съ доброю вѣстію; Іюля 10 выступилъ изъ Владиміра и 13 пріѣхалъ въ Муромъ, гдѣ чрезъ Боярина Митрополитова получилъ грамоту Макаріеву отъ 13 Іюля.

(281) «И посылаетъ Государь Стольника Өедора Ив. Умного по Шигъ-Алея, и Шигъ-Алей пріѣхалъ въ Муромъ... А рати всей велѣлъ возитися за рѣку Оку по многимъ перевозомъ... Приказываетъ Государь во своемъ полку, да урядятъ коемужду сту Дѣтемъ Боярскимъ голову изъ великихъ отцевъ дѣтей, изячныхъ молодцовъ и искусныхъ... Воеводы же выбравъ великихъ отцевъ дѣтей и Стольниковъ Государевыхъ, и Дѣтей Боярскихъ расписаша по нихъ... Тако же и по всѣмъ полкомъ.» * Яртоуломъ* или *Яртоульнымъ полкомъ* назывался *легкій передній отрядъ передоваго полку.* — «И того дни (Іюля 20) ночевалъ Государь на лѣсу... а четвертой станъ на полѣ на Иржѣ, а пятой на Авшѣ рѣчкѣ, а шестой на Кевсѣ, а седмой на озерѣ на Икшѣ, а осьмой на озерѣ не дошедъ Піаны рѣки; и тутъ ко Государю пришелъ изъ Городка (Касимова) Акъ Сеитъ Черевсеевъ со всѣми Городецкими Князьми и Татары; а шелъ Сеитъ на Монсыровъ Уголъ, и Государь велѣлъ ему ити съ Яртоуломъ и на Піанѣ подѣлать мосты многіе... А девятой станъ на Дубровкѣ на озерѣ, а десятой на рѣчкѣ на Медянкѣ... 12 станъ на Алатырѣ; и тутъ пришелъ Еникей Князь Темниковской со всѣми Темниковскими Татары и Мордвою; а на Алатырѣ здѣлалъ до Государя 3 мосты. 13 Станъ на рѣкѣ на Большомъ Сарѣ; и тутъ присылали ко Государю Бояре и Воеводы К. Ив. Өед. Мстиславской съ товарищи, что они пришли вверхъ тое же рѣки... и велѣлъ имъ Государь ити прямо къ Сурѣ, и возитися выше собя для тѣсноты людемъ, а къ собѣ быти за Сурою рѣкою на поляхъ ... 14 Станъ на Сурѣ подъ Баранчеевымъ Городищемъ, и на Сурѣ подѣланы были многи мосты.»

(282) Въ *Царствен. Книгѣ:* «И таковое многое воинство всюду яко Богомъ уготовану пищу обрѣтаху на поли, убо всякимъ благовоннымъ овощіемъ довляхуся; отъ животныхъ же лоси яко самозванни на заколеніе прихождаху; въ рѣкахъ же множество рыбъ ловяху; отъ воздуха же множество птицъ прилетаху, и во всѣхъ полцѣхъ на землю припадаху, яко сами дающеся въ руцѣ... Егда же приспѣ постъ, и въ ты дни не видаху ни птицы, ни лосей... Черемиса же и Мордва вся потребная приношаху, хлѣбъ и мёдъ и говяды, ова дарованіемъ, иная же продаваху, и мосты дѣлаху.» Однакожь Курбскій жалуется на худую пищу, и говоритъ: «того дни» (по соединеніи съ Іоанномъ) «хлѣба сухаго наидохомся со многою сладостію и благодареніемъ.»

(283) «Встрѣтили съ Свіяги отъ Воеводъ... и сказали, что К. Петръ Ив. Шуйской, да Данило Романовичъ ходили на достальныхъ Горнихъ людей... И къ Воеводамъ Государь послалъ, велѣлъ имъ собя встрѣтити за два дни отъ Свіяжска города вверхъ Свіяги... И перешелъ Суру; и тутъ пришли къ Государю справа Воеводы его, К. Ив. Мстиславской съ товарищи; и Государь велѣлъ передовому полку предъ своимъ полкомъ за Ертоуломъ пойти; а правой рукѣ неправѣ у собя, а большему полку назади своего полку, а за нимъ сторожевому, а лѣвой рукѣ у собя налѣвѣ... 16 Станъ на Яклѣ, 17 на Чивли; и тутъ встрѣтили многіе Горніе люди, и били челомъ... 18 Станъ на Карлѣ, 19 на Булѣ, 20 на Беѣ. По праздницѣ же Преображенія пріиде изъ Нижняго Новагорода Протопопъ съ освященною водою къ Царю.» Тутъ разсказывается чудо, бывшее въ Нижнемъ.

(284) См. *Курбскаго.* Во второмъ полку былъ и отецъ Алексѣя Адашева, Окольничій Өедоръ Григорьевичь Адашевъ.

(285) Курбскій пишетъ: «А Малвазіи и любимыхъ трунковъ Панскихъ не воспоминай. Черемисскій же хлѣбъ сладостнѣе калачей обрѣтеся: занеже подвизахомся за отечество.» — 21 Станъ былъ на Итяковѣ полѣ.

(286) См. Курбскаго.

(287) «Авг. 16 велѣлъ Государь возитися за рѣку противъ Свіяжскаго города, а ставитися на лузѣхъ Яртоуломъ и передовому полку, правой рукѣ и больш. полку. Авг. 18 пріиде Государь въ Соборную церковь... и благословляется отъ Протопопа, и поѣде за Волгу; а сторожевому полку и лѣвой рукѣ велѣлъ возитися выше собя.»

(288) Только въ одномъ Морозовскомъ Лѣтописцѣ Графа Толстаго нашелъ я сіе число Іоаннова войска. Тамъ сказано: «И приказалъ Государь Бояромъ своимъ, Князю Петру Ивановичу Шуйскому, да К. Михайлу Ивановичу Воротынскому, со всѣми Розрядными Дьяки сочести свое воинство, и сочтоша во всѣхъ полкахъ, конныхъ и пѣшихъ, сто-пятьдесятъ тысячь.»

(289) *Тарасы,* подобно турамъ, насыпались землею, и служили защитою въ осадѣ городовъ. — «И тутъ Государь дневалъ; и пойде на Казань рѣку Авг. 20.»

(290) См. *Курбскаго.* — К. Щербатовъ несправедливо пишетъ, что стѣны Казанскія были *каменныя.* Въ лѣтописяхъ сказано: «срубленъ бяше весь градъ изъ дубоваго древа; стѣны зѣло широки; въ городни же межъ стѣнъ набивано плоть и каменіемъ многимъ» (въ *Царствен. Кн.:* «землею и хрящемъ»).

(291) «Княжь Усеиновъ сынъ, а съ нимъ 7 Казаковъ.»

(292) См. *Курбскаго.* Всѣ косыми буквами напечатанныя слова взяты изъ него, или изъ лѣтописей.

(293) «Япанчу Князя, да Чапкунова племянника, Шунакъ-Мурзу, да Арьского Князя Явуша послали на засѣку.»

(294) *Туръ,* а не *тура:* коробъ, насыпаемый землею.

(295) «Близъ Утучевы мизгити» (мечети)... Авг. 23 пойде Государь къ городу съ Терень-Узека... за большимъ полкомъ; и за собою велѣлъ ити наряду» (или снаряду, т. е. артиллеріи) и сторожевому полку и лѣвой рукѣ.»

(296) См. *Курбскаго.*

(297) См. тамъ же. Курбскій такъ описываетъ положеніе города: «Лежитъ въ великой крѣпости; съ Востоку отъ него идетъ Казань рѣка, а съ Западу Булакъ рѣчка, зѣло тиновата и непроходима,

подъ самое мѣсто (городъ) течетъ и впадаетъ подъ угольную вежу (башню) въ Казань рѣку; а течетъ изъ езера Кабана, которое езеро кончится аки полверсты отъ мѣста. Какъ переправиться тую нужную рѣчку, тогда между езеромъ и мѣстомъ лежитъ съ Арскаго поля гора прикрая (крутая) и ко восхожденію нужная; а отъ тое рѣки около мѣста ровъ зѣло глубокій, аже до езера реченнаго Поганова, еже лежитъ подлѣ самую Казань рѣку: а отъ Казани рѣки гора такъ высока, иже окомъ возрѣти прикро, на ней же градъ стоитъ и полаты Царскіе и мечети зѣло высокіе мурованные, идѣ же ихъ умершіе Цари клались, числомъ, памятами-сь, пять ихъ.»

(298) Въ *Царствен. Кн.* 267: «и велѣлъ Государь изъ полку изъ своего Дѣтемъ Боярскимъ пособити Стрѣльцомъ.» См. Курбскаго.

(299) Въ *Царствен. Кн.* 270: «въ Среду въ вечерѣ бысть буря велія,» и проч. — Государь ежедневно молился въ храмѣ Св. Сергія.

(300) «И повелѣ Государь большую крѣпость» (укрѣпленія) «дѣлати противъ Царевыхъ воротъ и Арскихъ, и Аталаковыхъ, и Тюменьскихъ.»

(301) «А изъ своего полку посылаетъ Головы на конехъ выборные съ Дѣтьми Боярскими... а съ ними Боярскихъ людей, всякому Сыну Боярскому по сту человѣкъ; а велѣлъ имъ быти у К. Михайла пѣшимъ... К. Михайло велѣлъ итти къ городу Стрѣлецкимъ Головамъ, Ивану Черемисинову, Григорью Жолобову, Ѳед. Дурасову, Дьяку Ржевскому съ ихъ Стрѣльцами; да Атаманамъ съ Козаками, да Головамъ съ Боярскими людми, и туры катити; а самъ съ Дѣтьми Боярскими пойде пѣшь за ними.»

(302) Здѣсь разсказываются чудесныя видѣнія Апостоловъ, Св. Николая, Даніила Переславскаго, и проч. — Слово *бойницы* употребилъ я въ смыслѣ *батарей*, какъ оно употреблялось иногда въ старинныхъ книгахъ; обыкновенно же называли такъ отверстія въ городской стѣнѣ или на валу, чрезъ кои дѣйствовали пушки.

(303) «И посылаетъ Государь Окольничаго Петра Вас. Морозова къ турамъ, и Окольничаго Ив. Мих. Воронцова мѣстъ смотрѣти, гдѣ стояти болшему полку, и вылазилъ изъ Крымскихъ воротъ Карамышъ Уланъ — тѣ же ворота быша ему приказаны — хотяше добыти языка,» и проч.

(304) «И поставленнаго на сторожѣ Третьяка Лошакова убиша.»

(305) Онъ былъ Воеводою Князя Владиміра Андреевича.

(306) Тутъ былъ взятъ въ плѣнъ Мурза, сынъ Князя Шаболота.

(307) «И поставиша туры отъ большихъ туръ, что К. Михайло ставилъ по Казань рѣку противъ Кабацкихъ воротъ, да Збойливыхъ, да Крымскихъ, да Елбугиныхъ... и гдѣ нельзѣ туромъ быти, и Государь повелѣлъ Дьяку своему, Ив. Выродкову, проможъ туръ тынъ ставити.»

(308) Курбскій: «Великихъ и среднихъ, а и меньшія по полторы сажени, окромѣ полковыхъ около Царскихъ шатровъ.» Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ именуются здѣсь главныя пушки: *Конца*, *Ушатая*, *Змѣй Сверстной*, *Змія Летучая*.

(309) См. *Курбскаго*.

(310) 340 человѣкъ. — «И присла К. Александръ ко Государю Божія щедроты возвѣстити Голову Царскаго полку и К. Ив. Ив. Кашина.» См. Курбскаго.

(311) См. *Курбскаго*. Въ другихъ лѣтописяхъ сказано, что Государь велѣлъ побить плѣнниковъ.

(312) То же сказали Государю и наши плѣнники, которые нашли способъ уйти къ намъ изъ Казани.

(313) «Государь же повелѣ сторожеваго полку Воеводамъ, К. Вас. Семеновичу и Семену Вас. испорушить путь ихъ къ водѣ; они же много покушашася, но не возмогоша: твердо бо землею путь ихъ къ водѣ утерженъ... и Государь послалъ Алексѣя Адашева, да съ нимъ Размысла, и велѣлъ ему на то дѣло учениковъ отрядити... И Бояринъ К. Василей гласы Татарскіе услышавъ, что съ водою уже чрезъ нихъ ходятъ, и возвѣстилъ Государю.»

(314) «Многое же воинство — крестоносныя хоругви, Богомъ подвизаемы, яко облакомъ носими — скоро устремительно на градныя стѣны и въ самый градъ скакаху, и яко львы рыкающе, свирѣпо Татаръ убиваху и живыхъ плѣняху.»

(315) См. *Курбскаго*.

(316) «И пошли другою стороною Воеводы къ Казани... Война ихъ была на 150 верстъ, поперегъ, а въ длину и по Каму.» См. *Курбскаго*.

(317) См. *Курбскаго*.

(318) Не большой родъ пушекъ: см. *Курбскаго*.

(319) См. *Исторію о Казанск. Царствѣ* неизвѣстнаго сочинителя, стр. 204, и Лызлова I, 145. Но Болгарская земля никогда не принадлежала Россіи.

(320) См. *Курбскаго* и *Царствен. Кн.* 290 — 292.

(321) «Да въ то же время Зейнешъ Князь со всѣми Ногаи и со многими Казанцы вылѣзли изъ Збойливыхъ воротъ на туры передоваго полку Яртоула; но тѣ туры не близъ города. Воеводы же припустиша ихъ близко, и удариша на нихъ Стрѣльцы изъ пищалей, и Воеводы нападоша, и гнаша ихъ.»

(322) См. *Курбскаго*.

(323) Въ *Царствен. Кн.*: «въ башни утвердишася, и на стѣнахъ градскихъ, и у Арскихъ воротъ... и сидяще на градѣ два дни и двѣ нощи, ожидая приступу.»

(324) «На Галицкой дорогѣ за Казанію рѣкою велѣлъ быть К. Ив. Ромодановскому близко Бежболды, да Княжь Володимерову Андреевича Воеводѣ, Ив. Угримову Заболотцкому; да за Казанію же рѣкою Головѣ съ Дворяны Царскаго Полку Мих. Ив. Воронову; а вверьхъ по Казани у Стараго Городища Головѣ Мих. Петр. Головину.

(325) Они же назывались и *Боярскими Людьми*, и были ниже *Дѣтей* Боярскихъ. Въ *Казан. Исторіи* сказано, что при каждомъ конномъ полку было 1000 Стрѣльцовъ съ пищалями, и 700 или 800 Козаковъ, съ луками и рогатинами; что полки Боярскихъ людей состояли изъ пяти тысячь. А Лызловъ, ссылаясь на Ботера, пишетъ, что Государь для пѣшихъ велѣлъ сдѣлать щиты на кадкахъ и колесахъ изъ досокъ.

(326) «И нача вооружатися, *юмшанъ* на себя класть» (такъ называлась часть латъ, которою закрывалось туловище)... «и ближнимъ своимъ говоритъ: *звоны, звонъ-де слышу, какъ бы Симонова монастыря звонъ* — и внятъ, яко быти благодати Божіей.»

(327) См. *Царствен. Кн.* 300 — 302, *Исторію Казанскую* 213, и Лыз. I, 163. Слѣдуемъ въ главныхъ обстоятельствахъ *Царствен. Кн.* или Московскому Лѣтописцу, столь вѣрному, что и Курбскій на него ссылается. На примѣръ, въ *Исторіи Казанск.* несправедливо написано, что Государь еще передъ взорваніемъ подкоповъ выѣзжалъ къ войску и стоялъ съ своимъ полкомъ на горѣ противъ Арскихъ воротъ. Тамъ же разсказывается, что въ сіе время пріѣхалъ къ Іоанну Монахъ Троицкой Обители, Адріанъ Ангеловъ, и Священники: «и принесоша Царю нѣкое пламенное оружіе, крестъ запечатлѣнъ, а въ немъ мощи и образъ видѣнія Св. Сергія, какъ видѣ Богоматерь, и просфиру, и воду Святую, и отъ Игумена благословеніе; такожде и

Димитріевскій Игуменъ принесе къ Государю крестъ Киликеевскій.»

(328) Въ *Исторіи Казан.*: «Подкопъ бѣ въ двух мѣстѣхъ: единъ подъ стѣну отъ Поганова озера на углу подъ стрѣльницу, на десной странѣ Арскихъ воротъ, идѣ же нынѣ Спасскія ворота, храмъ въ нихъ Св. Кипріяна и Устинія; а другой подкопъ на углу подъ стрѣльницею же, отъ Булака стрѣльбище, по лѣвую сторону: то были Ногайскія ворота, нынѣ же зарушены.» Тамъ же сказано, что Государь передъ взорваніемъ подкоповъ велѣлъ отвезти наши пушки далѣе отъ сего мѣста.

(329) Въ *Царствен. Кн.*: «И се пріиде нѣкій ближній Царевъ, глаголя ему: «Государь! время тебѣ ѣхати, яко убо біющимся твоимъ съ невѣрными, а многіе полки тебя ожидаютъ. Царь же отвѣща: аще до конца пѣнія дождемъ, да совершенную милость отъ Христа получимъ.» И се вторая вѣсть приде изъ града: великое время Царю ѣхати, да укрѣпяться воини.»

(330) Тамъ же: «И пріѣхалъ Самодержецъ въ полкъ свой, и по всѣмъ странамъ посылаетъ, утверждаетъ воины... и въ той часъ отъ всѣхъ странъ яко же на крылѣхъ на стѣны градскіе взлетѣли.» См. *Курбскаго*. Онъ пишетъ, что братъ его первый взошелъ на стѣну.

(331) Изъ полку Курбскаго легло въ городѣ 98 воиновъ, самыхъ лучшихъ. Сѣча продолжалась часовъ пять.

(332) «Самаго Царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взявъ, близъ хоругви поставиша» (Вельможи).

(333) См. *Курбскаго*. По *Казан. Исторіи* воины Рос. хотѣли убить Едигера, не зная его; но Татары закричали: *не убивайте: се Царь!*

(334) Онъ пишетъ: «хотѣша пробитися прямо противъ моего стану на шанцы тѣми дирами, идѣ же шесть дѣлъ (пушекъ) великихъ стояло; и абіе по нихъ ударено изъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, и воздвигошась оттуду, и пойдоша внизъ аки 3 перестрѣла лучныхъ, и начаша легчитися... Мы же добыша себѣ коней отъ своихъ становъ изъ-за рѣки, и заступиша имъ путь, и обрѣтоша ихъ еще не прешедшихъ рѣку, и собрашася насъ около двухъ сотъ коней... Перебредши рѣку, ополчишася, и уже на тетивахъ стрѣлы имуще, и начаша мало отъ брегу подвигатися, учиня чело не малое; а за ними всѣмъ идущимъ вкупѣ зѣло густо и долго, аки два стрѣлянія не малыя лучныхъ по примѣтѣ... Мы же, отпустя ихъ мало что отъ брегу, удариша на нихъ... Молюся, да не возмнитъ мя кто безумно самъ себя хваляще; правду глаголю, и духа храбрости, отъ Бога данной ми, не таю. Къ тому же и коня зѣло быстра и добра имѣхъ, и всѣхъ первѣе вразихся во весь полкъ Бусурманскій, и памятую то, иже сѣкущесь три разы въ нихъ конь мой оперся, и въ четвертый зѣло раненъ повалися въ срединѣ ихъ со мною; и уже отъ великихъ ранъ не памятую вяще. Очнувся же потомъ, аки по малѣ годинѣ, видѣхъ, аки надъ мертвецомъ, плачущихъ двѣмя слугамъ моимъ надо мною и двѣмя воиномъ Царскимъ. Азъ же видѣхъ себя обнаженна лежаща, многими ранами учащенна, а животъ цѣлъ: понеже на мнѣ збруйка была праотеческая зѣло крѣпкая... Послѣди же увѣдахъ, иже тѣ всѣ благородные, ихъ же уже собралося аки съ триста, яже обѣщались устремитись вкупѣ со мною, не сразився возвратишася паки сзади онаго Бусурманскаго полку, и сѣщи начаша наѣзжаючи и топчуще ихъ... Потомъ, глаголютъ, приспѣвъ мой братъ, и въ самое чело быстро, всѣми уздами распустя коня, вразися въ нихъ, такъ храбро, иже вѣрѣ не подобно, яко всѣмъ свидѣтельствовати, аки два кратъ проѣхавъ посреди ихъ, сѣкуще ихъ и обращающе конемъ посреди ихъ. Егда же въ третій разъ вразися въ нихъ, поможе ему нѣкій благородный воинъ. Всѣмъ же со града зрящимъ и дивящимся, и которые еще не вѣдали о Царевѣ отданіи, мняще Царя Казанска между ихъ ѣздяща, и такъ его уранили, иже по пяти стрѣлъ въ ногахъ ему было, кромѣ иныхъ ранъ... Егда же уже тотъ конь подъ нимъ ураненъ, другаго коня обрѣлъ у единаго Дворянина, гонивъ паки съ другими воины полкъ Бусурманскій... Имѣхъ таковаго брата, и храбра и добра нрава, и зѣло разумна, иже во всемъ войскѣ не обрѣтающеся храбрѣйшій и лучшій, — аще бы обрѣлся кто и таковый же! Паче же мнѣ превозлюбленъ, и во истину имѣлъ бы за него душу положити и животомъ своимъ здравіе его откупити: понеже умре на другое лѣто отъ тѣхъ лютыхъ ранъ.» Сіе рѣдкое мужество Курбскаго засвидѣтельствовано и другими Лѣтописцами (см. *Царствен. Кн.* 307, и *Архив. Лѣт.*).

(335) «Царь же послалъ къ Бежболдѣ Боярина, К. Сем. Микулинскаго, да Оружничаго Льва Андр. Салтыкова, и за Казань Боярина К. Мих. Васильевича Глинскаго, да Боярина, Дороваго Воеводу, Ив. Вас. Шереметева; и тамъ за Казанью были Голова Царск. полку Мих. Вороной, да Княжь Владимеровъ Андреевича Воевода Ив. Угримовъ. Бояре побили поганыхъ отъ рѣки Казани и до лѣса, и въ лѣсѣ мертвіи лежаша.»

(336) *Для* нѣкоторыхъ читателей замѣтимъ, что *сѣча* означаетъ битву или сраженіе, а не убіеніе людей уже безоружныхъ.

(337) Въ *Царствен. Кн.*: «а ратныхъ за ихъ измѣны повелѣ Царь избивать всѣхъ.»

(338) См. *Царствен. К.*, *Архив. Лѣт.*, *Казан. Исторію* и Лызлова. Церковь была посвящена Спасу. Узнавъ о совершенномъ взятіи Казани, Государь послалъ туда шурина своего, Данила Романовича.

(339) См. *Казан. Исторію* 242. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что Едигеръ тогда же требовалъ крещенія.

(340) Въ *Царствен. Кн.*: «Государь ему (Шигъ-Алею) отвѣща: Царь Господине! тобѣ, брату нашему, вѣдомо, много есми къ нимъ посылалъ, чтобы похотѣли покою; а тобѣ жестокость ихъ вѣдома,» и проч.

(341) См. *Царствен. Кн.* 312 и *Лызлов.* 183. «Видѣвъ поганыхъ избіенныхъ, восплакася погибели ихъ и рече: аще и нечестивіи, обаче Богомъ сотворенніи человѣцы.»

(342) «Видѣша Животв. крестъ и Царя благочестиваго въ запустѣнной мерзости Казанской. Прежде на томъ дворѣ нечестивые Царіе водворялись, и кровь Христіанская проливалася,» и проч.

(343) См. *Исторію Казанск.* 245, *Царствен. Кн.* 313 и Лызлов. 183.

(344) «Собрашася къ Царскому стану военачальницы и все воинство обагрени суще кровьми нечестивыхъ; овіи же паче пресвѣтлаго каменія цвѣтущія раны на себѣ имуще. Государь же исшедъ къ нимъ веселымъ образомъ, любовь и милость воинству проявляя, и свѣтлымъ гласомъ рече во услышаніе всѣмъ могущимъ слышати:

«О мужественніи мои воини, Боляре и Воеводы, и вся прочія страдатели знаменитіи имене ради Божія и за свое отечество и за насъ! Никто же толикую показа въ нынѣшнихъ временѣхъ храбрость и побѣду, яко же вы, любимія мною!... Вторые есте Македоняне, и наслѣдователи есте храбрости прародителей вашихъ, показавшихъ пресвѣтлую побѣду съ В. К. Димитріемъ за Дономъ надъ Мамаемъ! За которое ваше преславное мужество достойни есте не точію отъ мене благода-

ренія, но и отъ Божія десницы воздаянія. Смертную чашу испивши причестися имутъ первымъ Святымъ Мученикомъ, ихъ же и мы должни есми поминати вѣчно, и предавъ написати имена ихъ въ Соборной Апост. Церкви въ вѣчное поминовеніе; кровь же своя источившихъ, живыхъ же сущихъ, такожде и всѣхъ васъ храбрствовавшихъ обѣщаемся пожаловати по достоинству вашему стократно,» и проч. Сія рѣчь находится въ *Казан. Лѣт.* и въ Лызловѣ, I, 184 — 186.

(345) См. *Царствен. Кн.* 314.

(346) «И посла Государь по всѣмъ Улусомъ жаловальныя грамоты . . . и прислали люди Арскіе бити челомъ Казаковъ Шемая, да Кубиша . . . и Царь послалъ къ нимъ Сына Боярского Ник. Казаринова, да Камая Мурзу. А съ Луговой Стороны также Черемиса пріѣхали бити челомъ... Того жь мѣсяца пріѣхалъ Н. Казариновъ, да Камай Мурза, а съ ними многіе Арскіе люди . . . и Царь ихъ пожаловалъ, ясаки на нихъ велѣлъ имати прямые, какъ было при Магмедъ-Аминѣ Царѣ . . . Тогожь дни Луговые люди изъ Якъ къ Государю пріѣхали. . . и приказалъ Боярину своему, К. Александру Борисовичу (Горбатому), ихъ къ шерти привести.»

(347) «И освятя градъ во имя Святыя Троицы и Богоматери и великихъ Чудотворцевъ.»

(348) См. сей *Исторіи* Т. III, стр. 125.

(349) См. сей *Исторіи* Т. VI, стр. 208.

(350) Окт. 6 священъ Государь церковь Благовѣщенія, и священъ Андрей Протопопъ, да съ Свіяги Рождественскій Протопопъ Аѳанасій со Игумены и Священники.»

(351) См. *Курбскаго.*

(352) Даниломъ и Никитою Романовичами.

(353) Курбскій пишетъ: «А кони наши всѣ послалъ не тою дорогою доброю, ею же самъ шелъ къ Казани, но возлѣ Волгу, зѣло претрудными стезями, по великимъ горамъ, и того ради погубилъ у всего воинства кони; у кого было 100 або 200 коней, едва два або три вышли.»

(354) См. *Царствен. Кн.* 318.

(355) «И тутъ встрѣтилъ его отъ Царицы Бояринъ К. Ѳед. Андр. Булгаковъ, отъ Князь Юрія Окольничей его Володимеръ Вас. Морозовъ, а отъ Митрополита Бояринъ Иванъ Кузминъ, да Елизаръ Соболевъ.»

(356) Въ *Морозов Лѣт.*: «И отъ великія радости образъ лица его вельми цвѣтяше; тому же Василью Юрьевичу жалуетъ изъ-подъ себя иноходца коня и все платье съ себе, и до последнія срачицы.»

(357) См. выше, примѣч. 246, г. 1549, 1550 и 1551.

(358) «Изъ Володимера поѣхалъ Государь въ Суздаль къ Покрову Пречистыя, и тамъ молебная соверша, поѣхалъ на Юрьевъ къ Живоначальной Троицѣ къ Св. Сергію, и встрѣтиша его за градомъ *бывшій Митрополитъ Іоасафъ* и Игуменъ съ братіею съ кресты . . . Игумену и братіи великіе слова съ челобитьемъ говоритъ за ихъ труды и молитвы.» Неизвѣстно, когда Іоасафъ, сверженный Шуйскими, возвратился изъ Кириллова монастыря въ Троицкій, гдѣ онъ былъ прежде Игуменомъ.

(359) Гдѣ нынѣ деревня Растокино.

(360) См. выше, стр. 86.

(361) Въ *Казан. Исторіи* несправедливо сказано, что Митрополитъ встрѣтилъ Іоанна въ Китаѣ, на Срѣтецкой улицѣ: см. *Царствен. Кн.* 321.

(362) См. *Царствен. Кн.* 321 — 328.

(363) Въ *Казан. Исторіи* 256: «бысть же радость великая о таковой побѣдѣ не токмо во единомъ Рускомъ Царствѣ, но и во всѣхъ дальнихъ странахъ; во иновѣрныхъ же странахъ бысть плачь и уныніе и страхъ.»

(364) См. *Царствен. Кн.* 330.

(365) Нынѣ сія церковь именуется *Василіемъ Блаженнымъ*: см. ниже, примѣч. 587, г. 1554 и 1555.

(366) *Царствен. Кн.* 337.

(367) Воспріемникомъ Утемишъ-Гирея былъ Савва, Крутицкій Епископъ, Генв. 8.

(368) *Царствен. Кн.* 334 и *Никон. Лѣт.* 208. Симеонъ женился Ноября 5. См. описаніе его свадьбы въ *Древ. Рос. Вивліоѳ.* XIII, 57. Замѣтимъ слѣдующее: «И какъ столъ отошелъ, и Княгиню его (Симеонову) Царь и Вел. Князь взявъ за руку и пришелъ къ дверямъ столовыя избы, а Царь (Симеонъ) сталъ за порогомъ; а Царь и Вел. Князь молвилъ: *Царь Симеонъ! Божіимъ велѣніемъ, а нашимъ жалованьемъ велѣлъ тебѣ Богъ женитися: и ты свою жену держи по Христіанскому закону* . . . и далъ ему Княгиню; а велѣлъ ему итти съ нею до сеней не распущаясь . . . И Царь Симеонъ (въ спальнѣ), вставъ, кушалъ, да кушавъ опять легъ... И какъ (на другой день) изъ мыльни вышелъ, да пошелъ съ Княгинею въ подклѣть, да сѣли на постели, да кушавъ, послалъ Дружекъ съ кашею ко Царю. . . А Царь и В. Князь послалъ къ Ц. Симеону Боярина Морозова, а велѣлъ Княгиню его вскрыти, а Симеону сказалъ Государево жалованье, городъ Рузу въ вотчину со всѣмъ . . . И билъ (Симеонъ) челомъ Государю, чтобы у него того дни хлѣба ѣлъ, и Государь его жаловалъ, подалъ вина. . . и Царицѣ Вел. Княгинѣ билъ челомъ, и Царица велѣла ему сѣсти, да велѣла ставити овощи... А столъ былъ въ столовой же избѣ, и Симеонова Княгиня тута жь была. . . А Ц. Симеонъ передъ Царемъ стоялъ.» (Тутъ обѣдали братъ Государевъ, Юрій съ женою, свахи, Боярыни *Сидячія, Дружки*, и Вельможи приглашенные на свадьбу) . . . «А послѣ стола Царь Симеонъ билъ челомъ Государю, чтобы Государь пожаловалъ былъ веселъ.» (Симеонъ дарилъ Царя, Царицу и другихъ бархатами *Бурскими, алтабасами* и атласами *Венедицкими,* камками золотыми, соболями.) . . . «А Ц. Симеонъ пошелъ ко Царю и къ Царицѣ съ оловенники бить челомъ, подчивати. . . и Царь Ц. Симеона звалъ ѣсть... А за столомъ билъ (Симеонъ) челомъ Царю, чтобы Государь завтре ѣлъ хлѣба у него.»

(369) См. Архив. *Псков. Лѣт.*, *Новогород. Лѣт.* Малинов. л. 52; и *Царствен. Кн.* 330, 331.

(370) «Дек. въ 21 писали Воеводы изъ Василя города, что на Волгѣ побиты гонцы и гости и Боярскіе люди съ запасы . . . И К. Петръ Шуйскій отпустилъ Бориса Ив. Салтыкова» (прозваніемъ Борозока, выхваляемаго Курбскимъ), «и Борисъ пріѣхалъ на Цивль, да иныхъ повѣшалъ, а иныхъ въ Свіяжскѣ, а животы истцомъ . . . Дек. въ 25 прислалъ изъ Казани К. А. Горбатой Никиту Казаринова, что которые Казанцы хотѣли лихо чинить, Тугаевы дѣти съ товарищи, и Воеводы посылали Камая Мурзу, да Ник. Казаринова, и ихъ побили, а другихъ въ Казани перевѣшали... И посылали на Арскую и Побережную сторону ясаковъ брать, и собрали . . . Марта 10 прислали изъ Казани, что Луговые измѣнили, ясаковъ не дали, и ясатчиковъ побили и пришли на Арское, и стали у засѣки; и Воеводы посылали на нихъ Вас. Елизарова, и Казаки съ Стрѣльцами порознилися разными дорогами, и Арскіе и Луговые убили полчетверта ста Стрѣльцовъ, да полпята ста Казаковъ, и поставили городъ на Мешѣ. . . и приходили на Горнюю сторону Зейзетъ да Сарый богатырь, и К. Петръ Шуйскій отпущалъ на нихъ изъ Свіяжска Воеводу Бор. Ив. Салтыкова, а съ нимъ Дѣтей Боярскихъ, да Горныхъ людей всѣхъ, и Бориса жива взяли, да 36 Сыновъ Боярскихъ убили, да Боярскихъ людей 50 человѣкъ, да 170 Горнихъ, да живыхъ взяли 200.» См. *Царствен. Кн.* 331 — 336, и Курбскаго, который пишетъ, что

мучители не хотѣли отдать Салтыкова на выкупъ и черезъ два года умертвили его.

(371) См. выше, стр. 116.

(372) См. Курбскаго. Онъ приписываетъ сію робость внушенію нѣкоторыхъ Монаховъ.

(373) Въ Большомъ Лѣтописцѣ, хранящемся въ Лаврѣ Александро-Невской, No 4: «въ Среду 3 недѣли поста, Марта 11, разболѣся Царь.» Въ *Царствен. Кн.* 336: «Грѣхъ ради нашихъ посѣти Богъ немощью нашего Царя и сбыстся на насъ Евангельское слово: *поразисте пастыря, разыдутся овцы*,» и проч. Тутъ же сказано, что Государь, поѣхавъ къ Троицѣ, велѣлъ Боярамъ *промышлять о Казанскомъ дѣлѣ* и распорядить помѣстья; но что они занимались только послѣднимъ дѣломъ, не думая о первомъ. См. еще *Архив.* и *Никон. Лѣт.*

(374) Въ *Царствен. Кн.* 338: «всегда бо бяше у Государя сіе готово.» Тутъ описаны всѣ подробности Іоанновой болѣзни.

(375) См. *Курбскаго*.

(376) «Да которые Дворяне *не были у Государя въ думѣ*, Алексѣй Адашевъ и Игнатей Вешняковъ, и тѣхъ Государь привелъ къ цѣлованію ввечеру же.» Видно, что Захарьины-Юрьевы, какъ ближайшіе къ Царицѣ люди, окружая больнаго, старались удалить Адашева отъ Государя.

(377) «Государю сказывалъ Бояринъ Иванъ Петровичь Ѳедоровъ, что говорили съ нимъ Бояре К. Петръ Щенятевъ, К. Ив. Пронской, И. Симеонъ Ростовской: вѣдь-де нами владѣть Захарьинымъ... Сказывалъ Окольничей Левъ Андр. Салтыковъ, что говорилъ ему, ѣдучи на площади, К. Дмитрей Ив. Нѣмого: какъ-де служить малому мимо стараго?» и проч.

(378) Въ *Царствен. Кн.* 342: «Бысть у Благовѣщенія, иже на сѣнехъ (во дворцѣ), нѣкій Священникъ Селивестръ, родомъ Новгородецъ: бысть же у Государя въ великомъ жалованіи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога, и вся его послушаху... указываше бо и Митрополиту... и приказнымъ людемъ и Воеводамъ... и спроста рещи, всякія дѣла Святительскія и Царскія правяше, и никто же не смѣяше рещи, ни сотворити не по его велѣнію... Точію имени и образа и сѣдалища не имѣяше Святительскаго и Царскаго... чтимъ добрѣ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники.» Тутъ несправедливо сказано, что Князь Владиміръ Андреевичь былъ его заступленіемъ выпущенъ съ матерью изъ-подъ стражи: тогда еще властвовалъ Князь Иванъ Бѣльскій, а Государь находился во младенчествѣ. См. о Сильвестрѣ выше, стр. 99.

(379) «А за нимъ (Бороздинымъ) бѣ К. Дмитрея Палецкого сестра, а Васильева сестра родная была за Хованскимъ, а Хованскаго дочь Княжа Владимірова мать.»

(380) См. *Собраніе Государств. Грамотъ*, стр. 460. Сія цѣловальная запись подписана 12 Марта 1553. Болѣзнь Іоаннова именуется въ лѣтописяхъ *огневою*. — Въ лѣтописи Александро-Невской (см. выше, примѣч. 373) сказано: «бысть болѣсть его тяжка зѣло, мало и людей знаяше.» Далѣе: «Да почали» (послѣ К. Воротынскаго) «и иные Бояре говорити, чтобы К. Володимеръ Андр. цѣловалъ крестъ, а не учнетъ цѣловати, и ему оттудова» (изъ дворца) «не выйти — и цѣловалъ по неволѣ... Посылалъ Государь К. Дм. Ѳед. Палецкого, да Дьяка своего Ивана Михайлова ко Княгинѣ» (матери К. Владиміра Андр.) «чтобы велѣла къ той грамотѣ печать привѣсити, и ходили къ ней трожды, и много рѣчей бранныхъ говорила. И оттолѣ бысть вражда, а въ Боярѣхъ смута, а Царству во всемъ скудость.»

(381) Здѣсь должны мы замѣтить важную ошибку К. Щербатова: ссылаясь на *Царствен. Книгу*, онъ пишетъ, что Іоаннъ по выздоровленіи своемъ велѣлъ Дьяку Захарову изслѣдовать, по чьему наущенію Бояре не хотѣли *присягать Царевичу Димитрію: казнилъ* Дворецкаго К. Ивана Ивановича Кубенскаго, Ѳедора и Василія Воронцовыхъ, и К. Дмитрія Курлятева, а Боярина Ивана Петровича Ѳедорова сослалъ на Бѣлоозеро.» Кубенскаго и Воронцовыхъ казнили еще въ 1546 году (о чемъ мы писали во второй главѣ Іоаннова Царствованія); тогда же сослали и Ѳедорова; а К. Дмитрей Курлятевъ черезъ пять лѣтъ по выздоровленіи Государя воеводствовалъ въ Ливоніи, и умеръ въ 1562 году. Самъ К. Щербатовъ писалъ въ 1546 году о казни первыхъ, но забылъ! Сія ошибка произошла отъ того, что листы въ *Царствен. Кн.* перемѣшены, и нѣкоторые вдойнѣ: см. стр. 124 и 346, также стр. 142 и 347. Слова же Щербатова: «сопротивленіе въ требуемой присягѣ Царевичу Димитрію,» прибавлены имъ на угадъ; въ *Царствен. Кн.* сказано только: «провѣдати, по чьему науку бысть сіе сопротивство,» то есть, оказанное въ 1546 году Новогородскими воинами: въ слѣдствіе чего Кубенскому и Воронцову отрубили головы.

(382) Ѳедоръ Григорьевичь Адашевъ пожалованъ въ Бояре въ 1553 году.

(383) Самъ Іоаннъ въ посланіи своемъ къ Курбскому пишетъ: «Они же» (Сильвестръ и Адашевъ) хотѣша тогда воцарити Князя Владиміра, младенца же нашего подобно Ироду погубити.» Курбскій въ отвѣтѣ Царю говоритъ, что это ложь; что они знали неспособность К. Владиміра быть Царемъ.

(384) Въ томъ же письмѣ: «на нашу Царицу Анастасію ненависть зѣльную воздвигше» (Адашевъ и Сильвестръ). Въ другомъ мѣстѣ: «егда (Анастасія) сопротивъ зла вашего бысть.»

(385) Тамъ же: «Попу же Селивестру и Алексѣю не престающе намъ *утѣсненіе* горчайше творити» (по выздоровленіи Царя).

(386) Въ Хронографѣ Гр. Толстаго, л. 429: «Неповинный (Максимъ) въ заточеніи бысть во Твери 22 лѣта, а преже въ Іосифовѣ монастырѣ въ темницѣ, и ту Св. Параклиту Канонъ написа углемъ по стѣнамъ; благословеніемъ же Макарія Митрополита нача къ церкви ходити и Святыхъ Таинъ причащатися, и написа исповѣданіе свое, очищая себя отъ всѣхъ плевелъ еритическихъ — и послѣди Вел. Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, а умоленіемъ Троицкаго Сергіева монастыря Игумена Артемія, изведенъ бысть изо Твери и повелѣно ему жити въ Троицк. монастырѣ. и преставися въ лѣто 7064» (1556). См. о Максимѣ Т. VII, стр. 107. Въ библіотекѣ Волоколам. монастыря, въ книгѣ подъ No 666, есть списокъ грамоты Александрійскаго Патріарха Іоакима къ Царю Іоанну о Максимѣ Грекѣ: тамъ сказано: «Въ Царствѣ твоемъ обрѣтается нѣкій человѣкъ, учитель вѣры, Инокъ отъ Св. горы Аѳонскія — имя ему Максимъ — его же, отъ дѣйства Діавола и злыхъ человѣкъ козней, ввергла еси въ темницахъ и узахъ нерѣшимыхъ, и не можетъ ходити и учити Слову Божію; о немъ бо слышахомъ и писанія пріяхомъ отъ многихъ, якоже неправедно связанъ есть отъ власти твоея... Сицево не творятъ Царіе достойни, но всѣмъ имѣютъ дверь свою отворену приходящимъ... Учителя, яко же того убогаго Максима, иже научилъ и пользовалъ многихъ Христіанъ въ Царствіи твоемъ и индѣ, нѣсть праведно дръжати силою... ниже лѣпо есть, да вѣру имеши всякому слову безъ испытанія. Сего ради молимъ, да освободишь Инока Максима и даси ему всяку волю итти, идѣже хощетъ, а наипаче въ постриженіе его... Не оскорби убо мене о семъ... не престану отъ таковаго прошенія... лѣта 7053 (1545), Апр. въ 4.»

(387) См. Курбскаго.

(388) Курбскій: «не доѣзжаючи монастыря Кириллова, еще Шексною плывучи, сынъ ему умре.» Въ *Никон. Лѣт.* 202: «поѣхалъ Царь съ братомъ К. Юріемъ Вас. на Пѣсношу къ Николѣ, да тутъ сѣлъ въ суды на Яхромѣ рѣкѣ, да Яхромою въ Дубну, да былъ у Пречистые въ Медвѣдевѣ пустынѣ; да Дубною въ Волгу, да былъ въ Колязинѣ монастырѣ у Макарія Чудотворца, да оттолѣ на Угличѣ и у Покрова въ монастырѣ; а оттолѣ на устье Шексны на Рыбную, да Шексною вверхъ къ Кириллу Чудотворцу; да въ Кирилловѣ молебная совершилъ, учредивъ братію; да ѣздилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь и по пустынямъ; и Царица была въ Кирилловѣ; и оттолѣ Царь пойде Шексною внизъ, да и Волгою внизъ на Романовъ въ Ярославль и въ Ростовъ, и былъ у Чудотворцевъ, да въ Переславль къ Троицѣ, и пріѣхалъ къ Москвѣ мѣс. Іюня. Того жь мѣсяца не стало Царевича Дмитрея, назадъ ѣдучи къ Москвѣ, и положили его въ Архангелѣ, въ ногахъ у В. К. Василья Ивановича.»

(389) Вассіанъ, родомъ изъ Дворянъ, прозваніемъ Топорко или Топорковъ, былъ Епископомъ отъ 1525 до 1542 года.

(390) Въ 1555 году.

(391) Царевичъ Іоаннъ родился 28 Марта 1554, и былъ крещенъ 15 Апрѣля въ Чудовѣ монастырѣ у мощей Св. Алексія. Митрополитъ Макарій принялъ его отъ купѣли... «а священная дѣялъ Андрей Протопопъ Благовѣщенскій.»

(392) *Собраніе Госуд. Грамотъ*, стр. 465. Тамъ сказано: «А жити ми на Москвѣ въ своемъ дворѣ; а держати ми у себя своихъ людей всякихъ сто восмь человѣкъ, а болѣ не держати; а опричь ми того служилыхъ людей своихъ всѣхъ держати въ своей отчинѣ... А безъ Бояръ ми сына твоего никотораго дѣла не дѣлати, которые Бояре въ твоей, Государя моего, душевной грамотѣ писаны, и не сказавъ ми сыну твоему и его матери никаково дѣла не вершити; какъ ми прикажетъ сынъ твой и мать его, по тому ми всякіе дѣла вершити... А по грѣхомъ мать моя учнетъ мя наводити на которое лихо сына твоего, Царевича Ивана, и на матерь его лихо, или иной которой твой сынъ на Государствѣ будетъ: и мнѣ матери своей въ томъ ни въ чемъ не слушати, а сказати ми тѣ ее рѣчи сыну твоему и матери его... А возметъ Богъ и сына твоего, Царевича Ивана, а иныхъ дѣтей твоихъ, Государя нашего, не останетъ же ся: *и мнѣ твой*, Государя своего, *приказъ весь исправити твоей Царицѣ, В. Княгинѣ Анастасіи, и твоему брату, К. Юрью Васильевичю, по твоей душевной грамотѣ, какъ еси имъ написалъ.*» Іоанново завѣщаніе утратилось; но ясно, что К. Владиміръ по смерти Іоанновыхъ сыновей долженствовалъ быть Царемъ, клятвенно обязываясь въ такомъ случаѣ отдать Анастасіи и К. Юрью назначенные имъ въ Государевой духовной удѣлы. — Сія *цѣловальная запись* подписана Митрополитомъ Макаріемъ въ Маѣ 1554 года.

(393) «Въ Іюлѣ (1554) побѣжалъ въ Литву К. Никита Сем. сынъ Лобановъ-Ростовской, и поимали его Дѣти Боярскіе... и сказалъ на Боярина К. Семена Ростовского... и К. Семенъ сказалъ, что хотѣлъ бѣжать отъ убожества и малоумства, понеже скудота у него была разума, и въ пустотѣ изъѣдающе Царское жалованье и своя домашняя... И человѣкъ его Семека сказалъ, что онъ съ Послы Литов. ссылался человѣкомъ своимъ Бакшеемъ, и самъ съ ними двожды видѣлся и правдою увѣрился, и думу Царя Посломъ приказывалъ, и за тѣмъ Послы вѣчнаго миру не здѣлали... и Бакшея къ Королю послалъ. И К. Семенъ и самъ сказалъ, что все то отъ малоумства говорилъ; а съ нимъ ѣхать хотѣли такіе же малоумцы, Ростов. Князи Лобановы и Пріимковы... И послали его на Бѣлоозеро въ тюрму, а людей его Царь велѣлъ распустить.»

(394) См. въ *Никон. Лѣт.* годъ 1553, стр. 204, и Щербатовскій Лѣтописецъ въ томъ же году (*Исторія Рос.* К. Щербатова, V, 466). О поставленіи Рязан. Еп. Кассіана нѣтъ въ лѣтописяхъ. Въ нѣкоторыхъ Каталогахъ показано, что онъ отлученъ въ 1554 году. — Въ одномъ краткомъ лѣтописцѣ, принадлежащемъ Графу Ѳ. А. Толстому, нашелъ я слѣдующее мѣсто: «Въ лѣто 7062 бысть Соборъ на Москвѣ на Матѳеа Башкина еретика и о Епископѣ Кассіанѣ Рязанскомъ и Муромскомъ. Сей убо Епископъ начатъ поборати по еретицѣхъ, паче же по своемъ старцѣ по Исаѣ Бѣлобаевѣ, приведену ему бывшу изъ пустыни Соловецкія, нѣчто и тому развращающу отъ церковныхъ законъ (по немнозѣ же времени и живота лишися). Кассіанъ же начатъ хулити книгу Іосифа Волоцкаго на ереси Новогород. еретиковъ, еже счини хитрѣ и мудрѣ отъ Божеств. Писанія, принесеннѣй ей бывши на Соборъ тогда на обличеніе еретикомъ. Благовѣрный же Царь и Митроп. Макарій и весь Соборъ зѣло похвалиша ю. Богъ же, не терпя хулы на Преподобнаго, посылаетъ Кассіану жезлъ наказанія: отъятся ему рука, тако же и нога, и немогій языкомъ глаголати; и бысть разслабленъ, и остави Епископію, и пребысть въ монастырѣ; но не остася своего права, но ино развращеніе начатъ глаголати, и Христа Бога не Вседержителемъ нарицати: болѣ, рече, согрѣшаемъ Богу, еже Христа Вседержителемъ нарицаемъ. Нѣкогда же иде помолитися къ Димитрію Прилуцкому, паче же ругатися и сварятися тамо на Епископа, гордостію нѣкако глаголя: чесо ради встрѣчаеши мене? азъ тебе старѣе... и отъиде бездѣльно, и тамо злѣ развратя животъ свой, обратившися главѣ его назадъ, и тако злѣ умре.» — Вѣроятно, что о сей же ереси упоминаетъ К. Курбскій въ житіи благочестиваго Инока Ѳеодорита, сказывая, что многіе невинные пострадали тогда отъ клеветы: на примѣръ, бывшій Троицкій Игуменъ Артемій и Монахъ Савва Шахъ, обнесенный злымъ навѣтникомъ, Старцемъ Нектаріемъ; также и самъ блаженный Ѳеодоритъ Соловецкій, призванный быть свидѣтелемъ вмѣстѣ съ Бѣлобаевымъ: ихъ подозрѣвали въ согласіи съ еретиками. Курбскій пишетъ, что Царь, Митрополитъ и *пьяные* Епископы не исполнили своего долга: не просвѣтили раскольниковъ, а только наказали заточеніемъ. Лѣтописецъ напротивъ того хвалитъ ревность, благоразуміе, умѣренность Собора.

(395) Весною въ 1553 г. — «И Данило стоялъ по Камѣ и по Волгѣ и побивалъ на перевозѣхъ Казанскихъ и Ногайскихъ людей, и живыхъ въ Казань прислалъ 240.» К. Микулинскій съ товарищами выступилъ изъ Нижняго 6 Дек. Въ *Архив. Лѣт.*: «Февр. пріѣхалъ отъ Воеводъ Назарей Глѣбовъ, что съ ними ходили Воеводы изъ Свіяжска города... и пришли изъ Казани Арскою дорогою на высокую гору въ засѣки, и послали воевати Головы по Чувашской дорогѣ и Ногайской, и по Камѣ и по Мешѣ, и во многія мѣста; и сами идучи на Арской и къ Нурмѣ и на Уржумъ... А война ихъ была по Каму, а отъ Волги за Ошитъ и за Уржумъ и на Илетъ отъ Казани вверхъ полтриста верстъ, а отъ Волги къ Вяткѣ поперегъ 200 верстъ... а не была война вверхъ по Волгѣ по Кокшагамъ и по Руткамъ; и пришли къ Воеводамъ Усеинъ Сеитъ и Таокмышъ Шихзада, и за всю Арскую сторону и Побережную добили челомъ,» и проч. Микулинскій возвратился къ Государю въ исходѣ Марта. См. также Курбскаго.

(396) «Авг. (1554) писали Воеводы изъ Казани, К. М. В. Глинской съ товарища, что посылали на Луговыхъ измѣнниковъ Князей Казанскихъ, Ке-

беняка да Кулая Мурзу, и всѣхъ Арскихъ и Побережныхъ людей съ Нагорною, а съ ними Н. Кулѣшова, и Казанцы солгали, не пошли, и сложася съ измѣнники, да тѣхъ Арскихъ людей черныхъ, которые Государю прямы были, побили, и къ городу Казани приходити почали на сѣнокосъ. . . . Апр. 13 (1555) прислалъ К. И. Ѳ. Мстиславской Дмитрея Плещеева, что Воеводы пришли въ волость Вошлу, а Ив. Петровича отпущали въ Етлугу и въ Рутки . . . и приходили пѣшая Черемиса на лѣсу на сторожевой полкъ К. Вас. Токмакова, и онъ побилъ ихъ; а отъ большихъ Воеводъ война была въ волостяхъ въ Шумортѣ, да въ Хозяковѣ, да во Шли, да въ Мазарѣхъ въ обоихъ, да въ дву волостехъ во Оршахъ, да въ Битшѣ, да въ Кушкули, въ Сорокѣ Кушнахъ, да въ Василуковѣ Белякѣ, да Маничь-Бердѣевой волости, да Килѣеву волость да Кикину, да въ Кухтулкокшахъ, да волость Сызалъ, да въ Маши, да Монамъ, да Кемерчи, да Удылазы. . . да были въ войнѣ двѣ недѣли, да вышли на Волгу, и къ Казани ходили и назадъ шли Волгою же къ Государю . . . Марта 1 писалъ К. М. Глинской, что Луговые приходили на Арскую сторону, и Арскіе отъ нихъ отбилися, остроги подѣлавъ, а съ ними были Стрѣльцы Царя . . . а Луговые воевали села Татарскіе . . . Прислалъ изъ Свіяжскаго К. Мих. Воротынской, посылалъ Горнихъ на Луговую сторону 700 человѣкъ на ртахъ (лыжахъ), и побили людей и животину . . . М. Окт. прислалъ К. Глинской Данила Адашева, что посылали на измѣнниковъ, на Кебеулуна съ товарищи, Князей Казанскихъ Еналея Чигасова, да Еналея Моматова, да Соцково Стрѣлецково Ѳеоньку Бортенева, да И. Мохнева съ Жильцы и съ новокрещены . . . и побили, и привели Кебенека Князя, Курманалея К., Кулая Мурзу, да Нинячебака Мурзу, и многихъ . . . и велѣли ихъ всѣхъ побить. И Арскіе и Побережные перенимали многихъ Татаръ и рѣзали; и побили ихъ тою осенью 1560 именныхъ людей, Князей, Мурзъ, да Сотныхъ Князей, да лучшихъ Казаковъ. И Государь послалъ съ золотыми къ Воеводамъ и тѣмъ Татарамъ, которые прямо служатъ . . . А Луговые Сотники, Маничь Бердей съ товарищи, въ городъ не пошли, и на Волгѣ приходятъ на суды . . . И Государь послалъ рать, К. И. Мстиславскаго, да Боярина Данила Романовича, да Мих. Яков. Морозова, да К. Вас. Сицкаго, да И. В. Меньшаго Шереметева,» и проч. . . «Марта 1 (1556) писалъ изъ Казани Бояринъ К. Петръ Ив. Шуйской, что Арскіе и Побережные измѣнили и Стрѣльцовъ побили . . . а Маничь Бердей взялъ къ себѣ Царевича изъ Нагай, а съ нимъ человѣкъ со сто Нагай. . . Тогожъ мѣсяца Горніе люди, Алтышъ Сотникъ съ товарищи, привезли къ Государю Маничь Бердея, что приходилъ ихъ воевати, а съ нимъ 2000 человѣкъ, и къ острогу ихъ приступалъ . . . и они съ нимъ сговорили, что имъ также измѣнити, да взяли его пити къ себѣ, а съ нимъ человѣкъ 200, да всѣхъ побили . . . М. Апр. писалъ Намѣстникъ К. П. Шуйской: отпущалъ отъ Боярина Петра Вас. Морозова, да съ нимъ Дѣтей Бояр. и Казаковъ, и Стрѣльцовъ, и новокрещеновъ, и Татаръ на Побережныхъ людей и на Чалымской городокъ, и Петръ городъ сжегъ и побилъ многихъ... И мѣсяца Мая ходилъ Петръ же на Арское и на Мешѣ встрѣтилъ Петра Девлякъ Мурза съ Арскими людьми . . . и Девляка побили и жива поймали . . . и Арскіе мѣста повоевали . . . и съ Петромъ ходилъ безъ мѣстъ Воевода Ѳед. Ив. Бутурлинъ . . . Мѣсяца Іюня Петръ же ходилъ изъ Казани, да съ нимъ Ѳед. Игн. Салтыковъ, да Дѣти Бояр. изъ Казани и Свіяжскаго, обои и перемирные и старые, и годовальщики, и Татарове, и новокрещеные, и Казаки, и Стрѣльцы за Арское, за Ошитъ и за Уржумъ, и не доходили до Ватки за 50 верстъ, и полонъ имали, женки и робята, а мужиковъ всѣхъ побивали. А Бояринъ К. Петръ Иванов. отпущалъ языковъ добывати, и воевали Арскую сторону и Побережную до конца въ вужѣ чинили, и достальные всѣ пришли въ Казань и били челомъ за свои вины . . . Апр. (1557) писалъ изъ Казани К. П. И. Шуйской: велѣлъ Арскимъ и Побережнымъ Татаромъ поставити на Камѣ въ Лаишовѣ городъ, и въ немъ устроилъ новокрещеныхъ да Стрѣльцовъ, а у нихъ Головъ Дѣтей Бояр. для Нагайскихъ людей приходу; а новокрещенымъ велѣлъ тутъ пашню пахати, и у Казани и по пустымъ селамъ, и Рускимъ людемъ. Тогожъ мѣсяца писалъ изъ Свіяжскаго Ив. Пет. Ѳедорова, что приходили на Горную Луговые люди, Ахметекъ богатырь, и Иванъ посылалъ на нихъ Дѣтей Бояр. съ К. Іосифомъ Ковровымъ, и Горнихъ, и Стрѣльцовъ, и своихъ людей, и побили, и Ахметека жива взяли. Изъ Чебоксаръ писали, что приходили Луговые на Арскіе мѣста и на Горнюю, и вездѣ ихъ побили, и изъ Казани, и изъ Свіаги, изъ Чебоксаръ посылаютъ ежедень на Луговую воевати. . . Мѣсяца Мая писалъ Ив. Петровичь, что Луговые прислали бити челомъ о своихъ винахъ . . . и Государь послалъ Стряпчего своего, Сем. Степ. Ярцова . . . и всѣ правду дали . . . А изъ Казани писалъ К. П. Ив., что Енебякъ съ товарищи добили челомъ, а Башкирцы и ясакъ поплатили. А изъ Чебоксаръ писалъ К. Петръ Сем., что Маничь-Бердеевы дѣти, Ика Сотцкой, и всѣ достальные били челомъ и правду дали . . . И С. Ярцовъ къ Государю пріѣхалъ, и сказывалъ, что всею землею люди правду дали . . . и къ Государю пріѣхали ото всей земли Сотные Князи, Казимиръ да Какадаянъ Тимиръ съ товарищи,» и проч.

(397) Еще Іоаннъ III посылалъ *золотые* храбрымъ воинамъ: см. Т. VI въ описаніи 1469 года. Сіи медали были иногда золотыя иностранныя деньги, иногда же нарочно для того битыя въ Москвѣ, и назывались Московками. Я видѣлъ ихъ нѣсколько, и разной величины, въ Кабинетѣ Г. А. И. Мусина-Пушкина. Воеводамъ давались большія, съ изображеніемъ лица Государева.

(398) См. Курбскаго.

(399) Въ *Никон. Лѣт.* 231: «А сперва Митрополитъ и всѣ Владыки и монастыри пособствуютъ Казанскому Владыкѣ деньгами и хлѣбомъ.» Гурій, избранный *по жеребью* Февр. 3, и поставленный въ присутствіи всего Двора, Литовскихъ и Волошскихъ Пословъ, отправился въ Казань 26 Мая съ образами, съ Архимандритами и Игуменами. Царь и Митрополитъ проводили его за Флоровскія ворота, Бояре и Духовенство до Симонова, а Епископъ Крутицкій до судовъ.

(400) *Никон. Лѣт.* 286.

(401) Т. I, стран. 25.

(402) Т. IV, стр. 40.

(403) См. выше, въ описаніи 1552 года.

(404) *Никон. Лѣт.* 209.

(405) Тамъ же: «Владиміръ, раздѣляя области на части дѣтемъ своимъ, ту Асторохань (тогда именовалася Тмуторокань) далъ сыну своему Мстиславу.»

(406) См. тамъ же и Дѣла Ногайскія, No 4, л. 86. Въ Окт. 1553 пріѣхали Ногайскіе Послы въ Москву, гдѣ Алексѣй Адашевъ уговорился съ ними, чтобы Исмаилъ дѣйствовалъ противъ Астрахани въ одно время съ нашимъ войскомъ, и свергнулъ брата своего, Юсуфа, который держалъ Іоанновыхъ гонцевъ въ оковахъ. — Дербышъ находился въ Россіи еще съ Окт. 1551 и владѣлъ Звенигородомъ.

(407) См. Курбскаго и *Никон. Лѣт.* 210.

(408) «Угонилъ Атаманъ Ѳедка Павловъ ушкулъ съ дѣвками Царевыми, да и кабаты Царевы... И Воеводы пошли въ Чагань да въ Казань (нынѣ Бузанской протокъ) на море, а въ Баллы (нынѣ Балдинской протокъ) послалъ Головы, да въ Иванчюкъ, и языки сказывали, что Царь пошелъ въ Мочакъ... и пришли на Бѣло озеро... и сказали, что Царю бѣжати въ Тюмень... и Воеводы выгребли на море... и Головы имали Богатыя Князя, и сказывалъ, что Царицы идутъ въ Базцыжь Мочакъ, и пришли туда Атаманъ Ѳедка съ товарищи, и Царицъ поймали, большую Тефкель Келмагметову Мурзину дочь, другую Крымшавкалову Цареву дочь Кандазу, да Цареву Емгурчееву дочь Ертугану, да Цареву жь Емгурчееву меншицу Ельякши Биримину, и взята родила сына Ярышты, да Царевичеву жену Анболатову Мергивану, да Царевичеву дочь Байбиче Царевну; а людей многихъ побили; а Князи и Мурзы и всѣ люди Астрах. пошли Узкимъ Мочакомъ къ Карабулаку, и тѣхъ Воеводы дошли Іюля въ 7, и побили... и Астраханскіе люди пошли на поле, конные и пѣшіе, и Воеводы дошли ихъ у Бѣлого озера, и тутъ многихъ побили, и полону Руского много отполонили; и Астрах. люди учали бить челомъ: пріѣхалъ Кара Иклешъ Князь, и учалъ бити челомъ... и Ишимъ К., и Алей и иные... и поѣхали въ судѣхъ съ Воеводами... и Енгуватъ Азей пришолъ, а съ нимъ Моллы и Азеи, и правду учинили... И стояли Воеводы въ Асторохани 4 недѣли и пошли Іюля 29.» См. *Никон. Лѣт.* 217 — 223, и *Архив. Лѣт.* л. 231 и слѣд. *Тюмень,* о коемъ здѣсь упоминается, не есть Сибирскій: такъ назывался городъ около Терека во стѣ-осьмидесяти верстахъ отъ Дербента (см. *Большой Чертежъ,* стр. 242).

(409) «К. Юрій Шемякинъ прислалъ *съ сеунчемъ* (съ вѣстію) К. Вас. Барбашина; а Государь былъ въ своемъ селѣ Коломенскомъ, праздникъ творяще рожденію своему: тамо бо по вся лѣта праздноваше,» и проч. — Дербышъ прислалъ тогда двухъ Князей съ изъявленіемъ благодарности Государю.

(410) Царицы пріѣхали въ Москву 18 Окт. Ихъ встрѣчали за посадомъ Казначеи, и кушанье присылали имъ изъ дворца.

(411) См. Дѣла Ногайскія No 4, л. 253.

(412) 13 Апр. 1555 Дербышъ извѣстилъ Государя о приходѣ изгнанника Ямгурчея въ Астрахани, а въ Маѣ уже началъ сноситься съ Ханомъ Крымскимъ. Тургеневъ долженъ былъ выѣхать оттуда, но встрѣтивъ на Волгѣ Козаковъ и Стрѣльцовъ съ Головою Григорьемъ Кавтыревымъ, возвратился къ Дербышу. «Мѣсяца Авг. прислалъ изъ Асторохани Г. Кавтыревъ, а сказываетъ: Дербышъ и всѣ люди изъ города выбѣжали, по тому, солгали имъ, что Царь и В. К. велѣлъ ихъ побити; а Крымской къ нимъ прислалъ трехъ Царевичевъ съ пушками. И Григорій съ Дербышемъ сослался... и Дербышъ и вся земля пришла въ Асторокань... Мая 20 отпустилъ Государь въ Асторокань Посла Л. Мансурова съ своимъ жалованьемъ, да отпустилъ къ Дербышу Царицы, даословъ его... Пришли (въ Нояб. 1555) Г. Кавтыревъ, да Посолъ Тургеневъ, да Дербышевъ, а сказывали, что Дербышъ не прямитъ, а отъ Измаиля выбитыхъ Мурзъ перевезъ къ себѣ и укрѣпился съ ними, что ему съ Юсофовыми дѣтьми стояти за-одинъ... Отпустилъ Государь (въ Мартѣ 1556) въ Асторохань Черемисинова... да Вятчаны въ судѣхъ .. Писали изъ Асторохани Головы (въ Сент.), Черемисиновъ съ товарищи, что они пришли, а городъ пустъ, и утвердивъ его пошли за Дербышемъ къ морю, и нашли суды всѣ Асториханскіе, и посѣкли, и пожгли... и сошли Царя отъ берега верстъ съ 20, ночью, и побили. И на утро собрався Дербышъ съ Мурзами Ногайск. и Крым., и билися съ ними идучи до Волги весь день, и отошли Головы здорово. А преже ихъ приходилъ на Царя Ляпунъ Атаманъ (Донской), и поймалъ многіе Улусы: потому Асторохáнцы выбѣжали изъ города. Черемисиновъ съ Царемъ ссылается, и правду Дербышъ и вся земля дали... и Андр. Тишкова вымѣнили на жонки, дали 15 жонокъ Асторох. полону... и укрѣпилися во градѣ, и по Волгѣ Казаковъ и Стрѣльцовъ разставили, и отняли волю у Нагай и рыбныя ловли и перевозы у Асторохапцевъ. Того жь мѣсяца 23 писалъ Черемисиновъ, что Дербышъ въ городъ къ нимъ не поѣхалъ, измѣнилъ, а отводятъ его отъ Государя Атаманъ Дуванъ, Крым. Воевода, который къ нему съ весны присланъ и съ пушками, и Юсуфовы дѣти ... Мѣс. Дек. писалъ Ив. Черемисиновъ и М. Кулупаевъ, что Юнуэъ Мурза, да Адалей, Юсуфовы дѣти, Исмаилю Князю добили челомъ... и пришли на Дербыша, да его прогнали, а пушки поймали и прислали въ городъ къ Ивану, и Дербышъ побѣжалъ въ Азовъ, а оттолѣ къ Меки; а черные люди Асторохáнцы приходятъ и бьютъ челомъ Государю... а иныхъ многихъ розвели Нагаи... Писали изъ Асторохани (въ Маѣ 1557), что кочевали и зимовали Ногаи подъ Асторохáнью и торговали во всю зиму полюбовно; а изо многихъ земель присылали, изъ Шевкалъ, изъ Шамахеи, изъ Дербени, изъ Юргенча, о братствѣ и любви, и на веснѣ хотятъ со многими торги быти въ Асторохань... а люди Асторохáнскіе, Чалымъ Улапъ въ головахъ, и Моллы, и Ходжіи, и Шихи, и Шихзады, и Князи и Мурзы, и Козаки, и вся чернь правду дали Государю; и Иванъ и Михайло роздавали имъ острова и пашни по старинѣ, и ясаки платить по старинѣ, какъ прежнимъ Царемъ платили; а Князи отъ себя прислали, чтобы ихъ Государь въ Крымъ и въ Нагаи не выдалъ и въ холопствѣ у себя учинилъ.» См. *Никон. Лѣт.* 224 — 287.

(413) На примѣръ, въ грамотѣ Царя къ Іоанну, Королю Шведскому (Дѣла Шведск. No 3, л. 6 на обор.): «Царствъ нашихъ Россійскаго 26, Казанского 20, Астароханскаго 18.»

(414) См. Т. V, стр. 180.

(415) «Ив. Черем. писалъ (въ Іюлѣ 1557), что пришли гости изъ Шамахеи, Дербени, Шевкалъ (въ Дагестанѣ), Тюмени, Юргенча (Хивы), Сарайчика, со всякими товары... Да пришли изъ Асторохани жь послы отъ Крымшевкала и отъ всей земли Шавкалскіе, да отъ Тюменскаго Князя съ поминки бити челомъ, что Государь велѣлъ имъ быти въ своемъ имени и въ холопствѣ у себя учинилъ... и что ся Государю у нихъ полюбитъ, ино то все присылать станутъ ежегодъ... Пришли въ Москву послы (въ Окт. 1558) изъ Юргенча отъ Царя Хадчима, посолъ Тенишъ Азей съ товарищи, съ поминки и съ великимъ челобитьемъ о любви, чтобъ Государь велѣлъ дорогу гостемъ дати и его бы берегъ... Пошли послы изъ Бухаръ изъ Шамархани отъ Царя Бухарсково и Шамарханско (Самаркандскаго), Азамай Азей да Шихъ, съ любовнымъ челобитьемъ: просятъ дороги гостемъ. Пришли послы изъ Тюмени отъ К. Тюменскаго, чтобы Государь держалъ его въ своемъ имени — и отъ Шавкала, чтобы Государь оборонилъ ихъ отъ своихъ холопей, отъ Черкасскихъ Князей... Писалъ изъ Астрахани Ив. Выродковъ (въ Дек. 1559), что Тюменской Мурза Мамай, Агишевъ сынъ, пріѣхалъ бити челомъ, чтобы Государь далъ ему рать на дядю его, Тюменсково Князя, и учинилъ бы его па Тюмени; а онъ холопъ Государевъ... Да изъ *Щелкалъ* (Шавкалъ) ко Государю приказываютъ, чтобы прислалъ рать на

Крымщелкалъ, а имъ далъ много, а они всею землею холопи Государевы.» См. *Никон. Лѣт.* 289, и *Архив. Лѣт.* л. 327 на обор. и 344.

(416) «Пріѣхали къ Государю (въ Нояб. 1552) Черкаскіе Князи Маутукъ да К. *Иванъ* Енѣзбозлуковъ, да Танашукъ, чтобы Государь вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ Крымского оборонилъ... Пріѣхали изъ Черкасъ Князи (въ Авг. 1555) Сибохъ да братъ его Арцыгукъ, *Жжанскіе*, (Жаженскіе) Черкаскіе Государи, да Тутарыкъ К. Езбулаеевъ, да съ Сибокомъ сынъ его Кудадекъ, а людей съ ними 150, да Государевъ Посолъ пришелъ, Андрей Щепетовъ, и били челомъ, чтобы Государь далъ имъ помочь на Турского городы и Азовъ и на Крымского, а они холопи его; а Андрей сказалъ, что дали правду всею землею... И Сибокъ билъ челомъ, чтобы крестити сына его... а Тутарикъ К. о себѣ билъ челомъ... и въ крещеніи Тутарику имя К. Иванъ... Пріѣхали (въ Іюнѣ 1557) Князи Черкаскіе служить Государю, Машукъ К., да Себокъ... Да Татаръ Мурза: служилъ у Крымского, ему шуринъ... Мѣсяца Іюля прислалъ И. Черемисиновъ Васку Вражскаго съ Черкаскимъ Мурзою съ Калычемъ, отъ Кабартывскихъ Князей и Черкаскихъ, отъ Темерюка, да отъ Тазрюта К., чтобы Государь велѣлъ имъ собѣ служити, а на Шавкалъ бы помочь учинить Асторохански́мъ Воеводамъ... Иверской Князь и вся земля Иверская Государю съ нимъ же бьютъ челомъ... Пріѣхали (въ Окт. 1558) изъ Черкасъ изъ Кабарды большого Князя дѣти Темрюковы, Булгерукъ, да Салтанукъ Мурза,» и проч. См. *Архив. Лѣт.* л. 327, 344 и *Никон.* 197, 246, 288, 289.

(417) Въ XIII вѣкѣ Рубруквисъ находилъ тамъ многихъ Христіанъ между Аланами. Въ 1552 г. пріѣзжалъ въ Москву К. Черкасскій *Иванъ*, вѣроятно Христіанинъ (см. выше, примѣч. 416).

(418) См. Дѣла Ногайск. No 4, л. 313 и слѣд. Въ Февр. 1555 Исламъ прислалъ въ Москву своихъ пословъ и Россійскихъ, бывшихъ въ неволѣ у Юсуфа, съ извѣстіемъ, что сей мятежный Князь имъ убитъ (см. *Никон. Лѣт.* 230).

(419) Дѣла Ног. No 4, л. 326 и 356.

(420) См. Абульгази и Карпина, также сей *Исторіи* Т. IV.

(421) Въ грамотѣ къ Анг. Кор. Эдуарду VI: Commander of all Siberia (см. Hakluyt's Navigations, II, 255).

(422) См. *Никон. Лѣт.* г. 1555, стр. 228.

(423) *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 278 и 328.

(424) Hakluyt's Navigations II, 232 — 236. Имена Англійскія: Hugh Willoughby, Chanceller, Chancelor, ChanceIour.

Въ *Двинск. Лѣтописцѣ*, стр. 126: «Въ лѣто 7063 по зимѣ пріиде вѣсть къ Царю отъ заморскія Корелы: нашли-де мы на Мурманскомъ морѣ два корабля, стоятъ на якоряхъ въ становищахъ, а люди на нихъ всѣ мертвы, а товаровъ на нихъ много... И Государь указалъ Намѣстнику, К. Сем. Ив. Микулинскому, съ Двины послати въ лодьяхъ къ тѣмъ кораблямъ, и переписавъ товаръ, велѣлъ привезти на Холмогоры. К. же Сем. послалъ выборнаго Голову Фофана Макарова, да Мих. Косицына, да Анфиловья Посельскаго, да Емельяна Епихова; они же въ корабляхъ товаръ переписавъ взяли, и пушки и пищали и снасть корабельную привезли на Холмогоры. Князь же Сем. весь бытъ запечаталъ до Государева указу.»

(425) Сіи люди были рыбаки: они хотѣли тотчасъ уплыть въ лодкѣ, но Ченселеръ догналъ ихъ (см. Hakl., стр. 246).

Въ *Двинск. Лѣт.* стр. 125: «Авг. въ 24 (1553) пришелъ корабль съ моря на устье Двины, и обослався, пріѣхали на Колмогоры въ малыхъ судѣхъ отъ Аглянскаго Короля Элварта Посолъ Рыцертъ, а съ нимъ гости, а сказался, что идетъ къ Вел. Государю... и Прикащики Колмогорскіе, выборные Головы Филипъ Родіоновъ, Фофанъ Макаровъ и земскіе судьи, о приходѣ того Посла писали къ Царю, и велѣли корабль на зимовье ввести въ Унскую губу, лѣта 7062 Окт. Посолъ же и гости отпущены къ Москвѣ съ Колмогоръ Ноября 23.»

(426) Hakl. Navig. стр. 231, 249.

(427) Тамъ же, стр. 230. Сіе письмо издано на Англійскомъ и Латинскомъ языкѣ.

(428) Англичане пишутъ, что слуги во время обѣда три раза перемѣняли одежду, и что сей обѣдъ продолжался до ночи (зимою): см. тамъ же, стр. 250.

(429) Тамъ же, стр. 255. Письмо Государево было писано по-Русски съ Голландскимъ (Dutch: не съ Нѣмецкимъ ли?) переводомъ, въ Февр. 1554. Въ *Двинск. Лѣт.* 126: «Марта въ 15 Царь отпустилъ Посла и гостей съ Москвы; они же, пріѣхавъ, жили у корабля до весны и отошли въ свою землю.»

(430) George Killingworth, Graie, по старинному правописанію. Ниже упоминается о Капитанѣ Burrough. Въ нашихъ лѣтописяхъ: «Мѣсяца Октября (1555) пришли отъ Карлосова сына Агл. Филиппа Короля и его Королевы Маріи Посланники Рыцертъ (Ричардъ Ченселеръ) да Юрьи (George Killingworth) съ грамотами, одна по-Фряски (Италіански), другая по-Польски, а третья по-Гречески, а во всѣхъ писано одно дѣло... съ великою любовною похвалою, нарицая Государя Царемъ благочестивымъ» (Emperor of all Russia). Въ *Двинск. Лѣт.*: «Іюля 23 пришелъ корабль изъ Агл. земли, а на немъ Посолъ съ гостьми, и на Холмогорахъ суды наймовали, и товаръ взявъ къ Вологдѣ пошли. Пришли Агл. 4 корабля, а Вологодскіе суды съ Рускими товары ходили къ кораблямъ на Корельское устье.»

(431) Hakl. Navig. стр. 265.

(432) Тамъ же, стр. 263: The 11 day of Sept. we came to Vologda, and there we laide all our wares up, and sold very little: but one marchant would have given us 12 robles for a broad cloth... and 4 altines for a pound of sugar. Далѣе сказано, что рубль есть гинея, алтынъ шиллингъ.

(433) *Никон. Лѣт.* 264. Они поѣхали изъ Москвы въ Іюнѣ, а отплыли съ Двины 23 Іюля. Государь велѣлъ отдать Англичанамъ все найденное на корабляхъ несчастнаго Виллоби. Съ Непѣею поѣхали въ Лондонъ изъ гостей Фофанъ Макаровъ и Михайло Григорьевъ. Здѣсь Двинскій Лѣтописецъ называетъ Англію *Нѣмецкою* землею.

(434) Hakluyt II, 287 и 288: The Lord Bishop of Elie and Sir William Peter, chief Secretary to their Highnesse, who after divers secret talkes, reported to their Highnesse their proceedings, the gravitie, wisedome and stately behaviour of the said Ambaassdour, in such sort as was much to their Majesties concentations.

(435) Въ *Архив. Лѣт.* г. 1557, Сент.: «Да Король прислалъ доспѣхъ свой полной, да скорлаты и отласы... и Царя и В. К. гостемъ путь чисть учинили и дворъ имъ въ большомъ своемъ городѣ въ *Лунскомъ* (Лондонѣ) дали и безо всякихъ пошлинъ торговати велѣли; да отпустили съ Непѣею мастеровъ многихъ, Дохтуровъ, и злату и серебру искателей и дѣлателей, и иныхъ.» Тутъ Шотландія названа *Шетцкимъ* Королевствомъ. — Непѣя подалъ Маріи и Филиппу списокъ Іоанновымъ дарамъ, которые были расхищены Шотландцами: 1) 6 паръ богатыхъ соболей; 2) 20 цѣлыхъ соболей съ зубами, ушами и когтями; 3) четыре живыхъ съ цѣпями и ошейниками; 4) шесть большихъ шкуръ (не мѣховъ ли?) которыя носилъ самъ Царь

за ихъ рѣдкость; 5) бѣлой кречетъ съ серебрянымъ барабаномъ и съ вызолоченною сѣткою. Марія и Филиппъ послали къ Іоанну: 1) два куска парчи; 2) половинку алаго сукна, фіолетоваго, голубаго; 3) два панцыря и шлемъ, покрытый алымъ бархатомъ и съ вызолоченными гвоздями; 4) льва и львицу. — Съ Непѣею было въ Лондонѣ девять Россіянъ, названныхъ отчасти странными именами въ Гаклуйтѣ (II, 287 — 290).

(436) As a testimonie and witness of their good hearts, zeale and tendernesse towards him and his countrey.

(437) Hakl. II, 324. Въ *Двинск. Лѣт.* 127: «Пришли (въ 1555 г.) Голанскія и Брабанскія земли корабли, а на нихъ торговые иноземцы, и съ Рускими людьми торговали на Корельскомъ устьѣ по 95 годъ.»

(438) Въ 1553 г. Ханъ присылалъ гонца, обѣщаясь доставить шертную грамоту, и требуя, чтобъ Іоаннъ отпустилъ къ нему назадъ пословъ его, задержанныхъ въ Москвѣ. Іюня 29 Царь отпустилъ ихъ и послалъ къ Хану Дворянина Ѳед. Дм. Загряжскаго. Іюля 6 услышали, что Крымцы идутъ на Россію: Государь съ Царемъ Симеономъ, Шигъ-Алеемъ, съ Князьями Черкесскими и съ Царевичемъ Кайбулою выѣхалъ въ Коломну, пославъ К. Владиміра Андр. съ К. Микулинскимъ въ Серпуховъ, а Царя Дербыша съ К. Мстиславскимъ въ Калугу. Воевода Мценскій, К. Петръ Горенскій, побивъ отрядъ Крымцевъ, узналъ отъ плѣнниковъ, что Девлетъ-Гирей ходилъ на Черкесовъ, а въ Россію уже не будетъ. 13 Окт. пріѣхалъ въ Москву Ханскій Посолъ Шагмансырь Улапъ съ Шертною грамотою. Въ Апр. 1554 Ханъ черезъ гонца требовалъ даровъ. Іоаннъ предлагалъ ему размѣняться Послами, и въ Мартѣ 1555 увѣдомилъ его о завоеваніи Астрахани. Въ Маѣ Девлетъ-Гирей писалъ къ Царю, что отпуститъ Загряжскаго вмѣстѣ съ новымъ посломъ своимъ, но обманулъ (см. *Никон. Лѣт.* 202 — 240).

(439) См. Курбскаго.

(440) Іоаннъ въ 1556 г. писалъ къ Исламу, Ногайскому К.: «нынѣ намъ дорога Крымская вѣдома, и Богъ дастъ, хотимъ съ Крымскимъ свое дѣло дѣлати; того для есмя и съ Литовскимъ помирилися.» Онъ велѣлъ сказать Исмаилу, что Россія можетъ послать *до четырехъ сотъ-тысячь* воиновъ на Хана.

(441) См. выше, стр. 87.

(442) Въ Мартѣ 1558 г. пріѣзжалъ въ Москву отъ Султана купецъ Мустафа Челибей съ богатыми дарами, бархатами, атласами, коврами шелковыми, для Царя и дѣтей его (см. *Никон. Лѣт.* 300).

(443) «И пошли изъ Бѣлева на Троицынъ день Муравскою дорогою, и пришли вверхъ Мжаи и Коломока, и ту прибѣжалъ къ нимъ сторожъ отъ Святыхъ горъ... и воротилися и пошли подъ сакму (на слѣдъ)... И Царь того же дни отпустилъ Воеводъ, а самъ пошелъ на третій... и на Столцѣ пришла вѣсть къ нему отъ Ив. Шереметева, что, идучи за Хавомъ, посылалъ на его кошъ Головы ... и кошъ взяли... и Воеводы пошли за Царемъ его сакмою и встрѣтилися со Царемъ... и посылали назадъ по Головы и по Дѣти Боярскіе, чтобы къ нимъ спѣшили, и прискакали не многіе... и Царь Крымскій (на другой день) съ своимъ полкомъ пришелъ, да Воеводъ разгромилъ, а самъ къ Тулѣ идетъ... И Царь и В. К. пришелъ на Тулу въ Суботу на солнечномъ всходѣ, и тутъ пріѣхали Бояринъ Ив. Вас. Шереметевъ, да Окольничей Левъ Андр. Салтыковъ... Дмит. Плещеевъ и Бахтеяръ Зузивъ пріѣхали того же дни... На томъ бою убили — и взяли Дѣтей Боярскихъ 320, а Стрѣльцовъ 34,» и проч. См. *Никон. Лѣт.* 242.

(444) См. Курбск. Онъ жалуется на излишнюю довѣренность Іоаннову къ Дьякамъ, говоря, что сіи люди никогда прежде не бывали въ такой чести.

(445) См. тамъ же.

(446) Черезъ 5 недѣль: см. *Никон. Лѣт.* 244.

(447) См. Далина Gesch. des R. Schw. III, 344, 351, 360. Марія отвѣчала, что она не запретитъ своимъ подданнымъ выгодной для нихъ торговли, но возметъ мѣры, чтобы они не доставляли воинскихъ снарядовъ Россіянамъ.

(448) См. сей *Исторіи* Т. IV, г. 1349 — 1350.

(449) Въ *Никон. Лѣт.* 247: «и Нѣмцы (Шведы) почали села жечь (въ 1555 г.) и Дѣтей Боярскихъ убиваютъ, и гостей у себя задержали, и Сына Бояр. на колъ горломъ посадили... И К. Дм. Палецкой, обослався съ Царемъ, послалъ свое взяти Ив. Бибикова... и Нѣмцы его побили.» Далинъ пишетъ, что у Бибикова было 30,000 воиновъ; что онъ, видя малочисленность непріятеля, въ насмѣшку пилъ здоровье ихъ Полководца, Іонса Макссона. Сей же Историкъ пишетъ, что Россіяне 2 Генв. 1555 свирѣпствовали въ окрестностяхъ Выборга и потонули въ Рафлавдскомъ озерѣ; что самъ К. Палецкій ходилъ въ Финляндію, и проч.

(450) См. Дѣла Шведск. No 1, л. 1 — 56.

(451) Кузминъ говорилъ о *Мурманской* (Норвежской) землѣ и *Варгавѣ*: Шведы не понимали его, какъ пишетъ Далинъ, не зная сихъ названій.

(452) См. Далина, стр. 354, и Дѣла Швед. No 1, л. 47. Въ *Никон. Лѣт.*: «Пришелъ (въ Сент.) Яковъ Бага отъ Выбора на конехъ и пѣшіе, и въ бусѣхъ съ моря Невою съ нарядомъ... Взяли у нихъ бусу, а на ней 150 человѣкъ да 4 пушки... а Семенъ Шереметевъ (Новогород. Дворецкій) приходилъ на тѣхъ, которые воевали за Невою... И какъ пошли Нѣмцы отъ Орѣшка, К. Андр. Ногтевъ, да Петръ Петровъ (защитники Орѣшка) и С. Шереметевъ были на три полки, а люди не сошлись, и Нѣмцы учали стрѣляти, и передовой полкъ дрогнулъ, а не убили тутъ Нѣмцы никово: мертвыхъ отъ стрѣлъ и отъ пищалей на обѣ стороны было человѣкъ по пяти и по шти.» А Далинъ пишетъ, что Шведы побили множество Россіянъ.

(453) «Февр. 7 пріѣхалъ отъ Воеводъ Шеміна К. Дмит. Гагаринъ, а отъ Царевича Уразлы Мурза ... Какъ Воеводы пришли за рубежъ въ Смолино и въ Лебежье, и послали къ городу къ Киновепи, (Кинодепи, Кивену)... И пришли (Шведы близъ Выборга) на Яртоульской полкъ, К. Микиту Пріимкова Ростовскаго, да Ѳед. Пушкина, и Ѳедора съ коня сбили и ранили, и К. Микиту... и напустили передовымъ полкомъ Сем. да Никита Шереметевы и побили Нѣмцевъ и гоняли по гору; а тутъ пріѣздъ тѣсенъ, и ранили Ник. Шереметева; и поспѣшилъ къ нимъ Царевичъ Кайбула... а правой руки Воевода Ив. Шереметевъ меньшой обшолъ около..., а К. Андр. Ногтевъ не былъ на бою: ногу испортилъ еще на рубежѣ... и велѣли К. Григ. Путятину по Выбору изъ наряда бити... и изъ горола вылазити не дали... и послали въ Лаврецкой погостъ верстъ за сто за Выборъ, и стрѣтилися Нѣмцы изъ Стекольна отъ Короля, и тѣхъ побили... и къ городку Дошанову (Дашану) посылали,» и проч. См. *Архив. Лѣт.* л. 261, и *Никон.* 254. Далинъ пишетъ, что Русскіе бѣжали отъ Выборга, испуганные возами сѣна, которое Шведы везли въ крѣпость!

(454) Дѣла Ног. No 4, л. 315.

(455) Дѣла Швед. No 1, л. 5 и слѣд.

(456) Тамъ же, л. 18 и 34: «Къ рукѣ его и ѣсти не звалъ того для, что пріѣхалъ въ первые послѣ войны, и еще не вѣдомо, что въ грамотахъ писано... И того дни» (уже по прочтеніи грамотъ) гонецъ Кнутъ у Царя и В. К. ѣлъ.»

(457) Тамъ же, л. 49: «Самому будетъ тебѣ не вѣдомо', и ты купцовъ своихъ вспроса увѣдай: Ноугородцкіе пригородки Псковъ и Устюгъ и Двинскую землю чаю знаютъ: сколькимъ многимъ однимъ изъ тѣхъ больши Стекольны?»

(458) Тамъ же, л. 60: «кубокъ золоченъ, съ покрышкою поставной, а на верху въ покрышкѣ часы.»

(459) Тамъ же, л. 97: «К. Ѳедоръ былъ Даировичь, и то Ибреима Царя Казанского внукъ; а К. Михайло Кисло и К. Борисъ Горбатой, и то Суздальскіе Князи отъ корени Государей Руских — К. Юрьи Мих. Булгаковъ, и то Королю Литовскому братъ въ четвертомъ колѣнѣ — а нынѣ К. Мих. Вас. Глинской, и то было не давно, К. Мих. Львовича Глинского въ Нѣметцкихъ землях знали многіе; а Олексѣй Данил. Плещеевъ, и то извѣчные Государскіе Бояре родовъ за тритцать и болѣе... А про Государя вашего въ розсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, которого онъ роду, и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ: то не давно ся дѣлало, и всѣмъ вѣдомо.» Густавъ, въ 1519 г. ушедши изъ Даніи, ѣхалъ съ Саксонскими промышленниками, которые торговали волами: см. Далина III, 8.

(460) Въ *Никон. Лѣт.* 281: «Государь велѣлъ Ноугородцкимъ Намѣстникомъ перемирье утвердити... и отпустилъ Пословъ съ Москвы въ Новгородъ Марта, и Намѣстники Ноугород. Свизского Короля къ цѣлованію привели, и грамоты утвердили печатьми; а отъ себя къ Королю послали Ив. Шарапова Замыцкаго.»

(461) Дѣла *Швед.* л. 59.

(462) Далинъ 362.

(463) Тамъ же.

(464) Дѣла Польск. No 4, 644 — 661, Окт. 1556.

(465) Въ Дек. 1552 пріѣзжалъ въ Москву гонецъ съ письмами отъ Литовскихъ Вельможъ къ нашимъ Боярамъ и Митрополиту, чтобы они уговорили Царя быть другомъ Литвѣ. Митрополитъ отвѣчалъ словесно, что государственныя дѣла до него не касаются; а Бояре писали къ нимъ, что сношенія между Литвою и Россіею пресѣклись отъ несогласія Августова именовать Іоанна Царемъ; что мы никогда не шлемъ Пословъ въ чужія земли для переговоровъ о мирѣ, но что другіе Государи обыкновенно присылаютъ къ намъ для того своихъ. Въ Іюнѣ 1553 г. явился въ Москвѣ Августовъ Посланникъ, Андрей Станиславъ, съ извѣстіемъ, что за нимъ будутъ Большіе Послы. Станиславъ не обѣдалъ во дворцѣ; у него не взяли и даровъ: ибо онъ въ разговорахъ не хотѣлъ называть Іоанна Царемъ. 22 Авг. пріѣхали въ Москву Воевода Полоцкій С. Довойна и Маршалокъ Воловичь. Споръ о титулѣ опять воспрепятствовалъ миру, и Государь, отпуская ихъ, сказалъ: «Намъ ся видитъ, что пришли есте не дѣла для, но для раздору.» Они уѣхали. Іоаннъ, безпокоясь тогда о слѣдствіяхъ Казанскаго мятежа, согласно съ общимъ мнѣніемъ Думы велѣлъ имъ воротиться и заключилъ перемиріе съ Литвою на 2 года. Бояринъ Вас. Мих. Юрьевъ ѣздилъ къ Августу съ договорными грамотами. Король хотѣлъ дать присягу только на своей; но Юрьевъ заставилъ его сложить обѣ вмѣстѣ, то есть, Литовскую съ нашею, и произнести клятву въ вѣрномъ исполненіи договора. Переписка о титулѣ продолжалась до Марта 1556 года, когда Витебскій Воевода, К. Степ. Андр. Збаражскій, и Маршалокъ Шимковичь заключили въ Москвѣ новое перемиріе на шесть лѣтъ. Они спросили у Бояръ: «если Государи ваши издавна именовались Царями, то для чего же отецъ и дѣдъ Іоанновъ не требовали отъ насъ сего титула?» *Для того* (сказали Бояре), *что они не вѣнчались на Царство. Государи Польскіе также назывались единственно Великими Князьями до Ягайла; но послѣ его Королевскаго вѣнчанія приняли титулъ Королей.* — Бояринъ Ив. Мих. Воронцовъ отвезъ къ Августу договорную грамоту. См. Дѣла Польск. No 4, 215 — 661.

(466) Въ Окт. 1555 пріѣхали изъ Крыма въ Москву гонецъ Ханскій и нашъ отъ Загряжскаго, Татаринъ Баймеря, который сказалъ Государю, что Девлетъ-Гирей въ битвѣ съ Шереметевымъ лишился знатнѣйшихъ Князей и Мурзъ: см. *Ник. Лѣт.* 250.

(467) Въ Мартѣ 1556 Атаманъ Мих. Грошевъ ходилъ изъ Рыльска въ степи и схватилъ многихъ Крымцевъ, объявившихъ ему о намѣреніи Хана итти на Россію. Тогда Дьякъ Ржевскій былъ высланъ изъ Путивля на рѣку Пселъ, построилъ суда и съ Козаками отправился къ Днѣпров. порогамъ; а другіе Козаки стояли на берегахъ Дона (см. *Никон. Лѣт.* 262, 264).

(468) «Царь и В. К., пріѣхавъ отъ Троицы, пошелъ въ Серпуховъ предъ заговѣньемъ Петровымъ, а съ нимъ К. Владиміръ Андреевичь, Царь Симеонъ, да Бояре; а велѣлъ у собя быти въ Серпуховѣ Царевичу Кайбулѣ, а съ нимъ всѣ Князи и Мурзы Городецкіе, а стояти въ Торусѣ, да передовому полку, да правой рукѣ, а большому усть Поротвы, а лѣвой на Сенкинѣ перевозѣ, а сторожевому усть Лопасны... и послалъ Окольничаго Ник. Вас. Шереметева заняти мѣста за Шавороною... И сказали Хану, что Царь и В. К. ждетъ его... и пошелъ былъ на Черкасы, и на Міюсъ прислали за нимъ изъ Крыму, что видѣли многихъ Руских на Днѣпрѣ къ Исламъ-Кирменю... и воротился, и многіе люди у него померли повѣтріемъ.» См. *Архив. Лѣт.* и *Никон.* 266.

(469) «Ходили подъ Исламъ-Кирмень и Вósланъ-Кирмень: люди уберeглись, а животину отгонили ... и у Очакова острогъ взяли... и за ними ходили Санчаки Очаковской и Тягинской, и Дьякъ на нихъ учинилъ въ тростнику у Днѣпра подсаду и побилъ изъ пищалей... и подъ Исламъ Кирмень пришелъ Калга, а съ нимъ весь Крымъ... и бился съ нимъ изъ пищалей 6 дней, да отогналъ ночью стада конные, да на островъ къ себѣ перевезъ, и по Заднѣпрью по Литовской сторонѣ вверхъ пошелъ и расшелся съ Царевичемъ Дьякъ, далъ Богъ, здорово.» См. *Архив. Лѣт.* и *Ник.* 266 и 267.

(470) Въ Сент. 1557 К. Вишневецкій прислалъ въ Москву Атамана Есковича съ предложеніемъ своихъ услугъ Царю и съ извѣстіемъ, что онъ укрѣпился близъ Крымскихъ кочевищъ (см. *Никон. Лѣт.* 272, 274, 276, 284).

(471) См. тамъ же, стр. 276. Вишневецкій взялъ Исламъ-Кирмень, а Черкесы Темрюкъ и Таманъ въ Окт. 1556. Ханъ нападалъ на перваго весною въ 1557 году.

(472) Курбскій. Слѣдующее взято изъ него же. Въ лѣтописяхъ сказано, что Ханъ въ 1577 г. захватилъ девять Улусовъ Ногайскихъ, и что они ушли отъ него опять къ Исмаилу (см. *Никон. Лѣт.* 292).

(473) Въ *Никон. Лѣт.* 276: «Пришелъ (въ Дек. 1556) изъ Нагай Ц. Тахтамышь... а былъ много лѣтъ въ Крымѣ... и выбѣжалъ къ Исмаилю К., и Исмаиль отпустилъ его служити Царю.»

(474) Вишневецкій въ Окт. 1557 писалъ къ Государю о своемъ вступленіи въ Каневъ, а въ Нояб. пріѣхалъ въ Москву (см. *Никон. Лѣт.* 293).

(475) Въ *Никон. Лѣт.* 296: «Изъ Крыма Посолъ Ѳед. Загряжской» (въ Генв. 1558) «пришелъ, а сказывалъ, что Царь правду учинилъ, и сына своего на Короля Литовскаго отпустилъ,» и проч. — Государь отпустилъ тогда стараго Ханскаго посла, а новаго у себя задержалъ.

(476) См. *Дѣла Польск.* No 4, 661 — 692. Въ *Архив. Лѣт.* 297 на обор.: «Воевалъ Царевичь Крымской (въ 1558 г.) Литовскую землю, Волынь, Подляшье, Подолье, а былъ въ землѣ 4 недѣли, и взялъ полону больши 40 тысячь; а встрѣчи ему и посылки за нимъ не было.» Курбскій такъ говоритъ о Королѣ и Панахъ: «Его Королевское Величество не къ тому» (не къ защитѣ земли) «обращалося умомъ, но паче въ различныя плясанія и въ преиспещренныя машкары; также и Властели земли тоя драгоцѣнными колачи гортань и чрево натыкающе, и яко бы во утлыя дельвы дражайшія различныя вина безмѣрно ліюще и съ Печенѣги купно высоко скачуще и воздухъ біюще, и прегордѣ другъ друга пьявіи восхваляюще... Егда же возлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми перинами, тогда едва ко полудню проспавшись со связанными головами едва живы съ похмѣлья.»

(477) Въ *Никон. Лѣт.* 295: «Отпущенъ въ Черкасы» (Мурза Кабардинскій Канклычь) «на Казань да на Астрохань судномъ, изъ Черкасъ имъ итти ратью мимо Азова... А велѣлъ ему (Вишневецкому) Государь суды подѣлати и съ запасы итти на Днѣпръ» (въ Генв. 1558). См. Курбскаго.

(478) См. *Дѣла Польск.* No 4, стр. 661 — 718. Къ Королю посланъ былъ Романъ Вас. Олферьевъ, а отъ него съ благодарностію пріѣзжалъ Виленскій Конюшій Волчковъ. Августъ освободилъ тогда К. Мих. Юр. Оболенскаго, К. Ив. Ѳед. Шелешпальскаго и трехъ иныхъ плѣнниковъ.

(479) См. между моими Кенигсберг. бумагами, No 638, письмо Филиппа Фонъ-деръ-Брюггена, Ливонскаго Посла, къ Римскому Императору въ 1551 году, гдѣ сказано: des Moscobitters Gewalt und Macht ist sehr gros und dermaßen erschrecklich, das auch alle angrentzende Konige und Grosfürsten Christlichs Namens ihre Häupter gegen ime nidderslaach und den Frieden diemutig von ime bitten müssen. Und der Moscobiter hat fur und fur mit gantzem Ernst und Vleis darnach getracht, wie er Leifflandt gemeiner Christenheit und dem heiligen Reich Teutsher Nation abziben und unter seinen grausamen Gewalt und Unglauben bringen mochte, der Hoffnung, wo er Leifflandt erobert und dardurch der Ostsehe mechtig wurde, die andern nagelegenen anstoßenden Lande, als Littawen, Polen, Preußen und Schweden, desto schleiniger auch unter sain Gehorsam zu bringen... Der itzige Moscobiter ist ein junger Man und deswegen zum Kriege und Pluetvergießen desto hitziger. ... Und dangt dieser Beschwerung weiter an das unter dem Schein der Handtwercks-Leute, Kriegs- und Dienstvolcks, allerley verdampte Secten und Rotten, alls Sacramentirer, Widdertheuser und dergleichen, die nirgent sicher zu hausen wissen, sich dahin in großer Antzal wurden begeben, daselbst der Moscobiter wüste Religion gar verwuesten und gemeiner Christenheit pluetige Tragedien, wie derselben Art und Gebrauch ist, anrichten.

(480) *Никон. Лѣт.* 215, Арнтъ Liefl. Chr. 217, и между моими Кенигсберг. бумагами No 698 донесеніе Ливон. Пословъ Магистру. Сіи Послы были отъ Магистра и Архіеп. Рижскаго, І. Фон-Бокгорстъ, Отто Гротгузенъ, Бенедиктъ Ферстенау и переводчикъ Мельхіоръ Гротгузенъ, а отъ Епископа Дерптскаго Вольмеръ Врангельнъ, Дитрихъ Кавернъ и Блазіусъ Бекке.

(481) Арнтъ 194.

(482) См. Кельха Liefl. Hist. 189 и Кенигсберг. бумаги No 697. Въ *Архив. Лѣт.* г. 1556, л. 277: «Окт. 2 пріѣхалъ къ Государю изъ Нѣмецъ гонецъ Гриша Флямивъ бити челомъ о салѣ и о воску, чтобъ имъ пансыри пропущати; а Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ сало и воскъ пропущати; и Государь велѣлъ Посломъ ихъ быти.»

(483) Сей умникъ назывался Георгъ Гольцшуэръ: см. Арнта 229, Кельха 215, и Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1554.

(484) По сказанію Арнта: «Береги и корми сего теленка, чтобъ онъ выросъ и разжирѣлъ.»

(485) Такимъ образомъ: «и всея Сибирскіе земли и сѣверныя страны повелителя, и Государя Ливонскіе земли и иныхъ.» Сей титулъ уже находится въ письмѣ Іоанна къ Эдуарду VI отъ Февр. 1554: Lord and Great Duke of Novograd, of Cernigo, Resan, Polotskoy, Rostove, Jaruslavley, Bealozera, Liefland, Oudoria (см. Hakluyt II, 255).

(486) Въ *Никон. Лѣт.* 282: «Прислалъ Маистръ Валентина, да Мельхера, да писаря Гавуса,» и проч.

(487) См. тамъ же, стр. 283 и 288. Шастуновъ съ товарищами поѣхалъ въ Апр., а въ Іюлѣ городъ былъ уже готовъ: «ставилъ его Петръ Петровъ, да Иванъ Выродковъ.»

(488) См. Кельха, стр. 190, 200.

(489) См. Арнта, стр. 194, 195.

(490) Въ *Никон. Лѣт.* г. 1556, стр. 259, и *Архив. Лѣт.* л. 267: «По се время Бояре и Князи и Дѣти Боярскіе сидѣли по кормленіямъ для расправы людемъ и себѣ для покою... и какъ съѣдутъ съ кормленій, и мужики многими иски отыскиваютъ, и много въ томъ кровопролитія и оскверненія душамъ содѣяша... и многіе Намѣстники и Волостели и стараго своего стяженія избыша, животовъ и вотчинъ... И повелѣ Государь во градѣхъ и волостехъ росчинити Старосты и Сотцкіе, и Пятидесятцкіе и Десятцкіе, и страшнымъ и грознымъ запрещеніемъ заповѣдь положити, чтобъ имъ разсуждати промежь разбой и татьбы и всякіе дѣла, отнюдь бы никоторая вражда не именовалась, также ни мзда, ни лживое послушество; а кого лиха найдутъ, таковыхъ велѣлъ казнемъ предавати; а на грады и на волости положити оброки по ихъ промысламъ и по землямъ» (см. ниже, примѣч. 587, г. 1557)... «Бояръ же и всѣхъ воиновъ устроилъ кормленіемъ праведнымъ, уроки, ему же достоитъ по отечеству и по дородству, а городовыхъ въ четвертой годъ, а иныхъ въ третій годъ денежнымъ жалованьемъ. Потомъ же и сія разсмотри, которые Вельможи и всякіе воини многими землями завладали и службою оскудѣша, не противъ Государева жалованья и своихъ вотчинъ служба ихъ, Государь же имъ ровненіе творяше въ помѣстьяхъ землемѣріемъ... а съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учини же, со ста четвертей угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальній походъ отъ дву конь; и кто послужитъ, и Государь ихъ жалуетъ своимъ жалованьемъ, и на уложеные люди денежное; а кто землю держитъ, а службы съ нее не служитъ, и на тѣхъ на самихъ имати деньги за люди; а кто даетъ въ службу люди лишніе передъ землею, и тѣмъ большое жалованье самимъ, а людемъ предъ уложенными въ полтретья давати деньгами» (слѣдственно въ два раза съ половиною).

Еще до Казанскаго похода, въ Окт. 1550 года, Царь издалъ слѣдующій указъ о раздачѣ земель сановникамъ и Дѣтямъ Боярскимъ:

«Приговорилъ Государь съ Бояры учинити въ Московскомъ уѣздѣ... отъ Москвы верстъ за 60 и за 70 помѣщиковъ, Дѣтей Боярскихъ, лучшихъ слугъ, тысячу человѣкъ; а которымъ Бояромъ и Окольничимъ быти готовымъ къ посылкѣ, а помѣстья и вотчинъ въ Москов. уѣздѣ у нихъ не будетъ, и имъ дати помѣстье въ Москов. уѣздѣ по двѣсти четвертей, а Дѣтемъ Боярскимъ въ первой статьѣ по 200 жь четвертей, а въ другой статьѣ Дѣтемъ Боярскимъ по сту по пятидесяти

четвертей, а въ третьей по сту; а сѣна жь имъ давати по столькужь копенъ, на сколько кому дано четвертныя пашни, опричь крестьянскаго сѣна; а крестьяномъ дати на выть по 30 копенъ; а который изъ того чину вымретъ, а сынъ его не пригодится къ той службѣ, и въ то мѣсто прибрати иного; а за которыми Бояры и за Дѣтьми Боярскими вотчины въ Москов. уѣздѣ или въ иномъ городѣ близко Москвы верстъ за 50 или за 60, и тѣмъ помѣстья не давати.» Слѣдуетъ списокъ Бояръ, сановниковъ и Дѣтей Боярскихъ, коимъ даны тогда земли. См. въ *Указитель Рос. Законовъ* Т. 1, стр. 106 — 117.

(491) Въ *Никон. Лѣт.* 265: «И по сему множество воинства учинишася.»

(492) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* г. 1581: «А у В. К. и Царя было въ собраніи тогда 300 тысячь въ Старицѣ.»

(493) Уже при отцѣ его, В. К. Василіи, брали съ городовъ *Пищальниковъ,* которые были то же, что Стрѣльцы: См. Т. VII, примѣч. 78. Въ *Двинск. Лѣт.* сказано, что въ 1656 г. взято было на Двинѣ 500 уѣздныхъ людей въ городовые Стрѣльцы, а въ 1658 съ двухъ дворовъ крестьянскихъ по человѣку въ Московскіе Стрѣльцы.

(494) Въ *Никон. Лѣт.* 260: «и потѣхи никоторые во умъ его Царской не внидетъ, токмо Законъ Христовъ и ратные дѣла.» Въ Таклуйтѣ II, стр. 320: Hee settets all his delight upon two things, first to serve God, and the second, howe to subdue and conquere his enemies.

(495) Кельхъ, Арнтъ и проч.

(496) См. Арнта 226.

(497) «Въ большомъ полку Шигъ-Алей, да Бояре К. Мих. Вас. Глинской, да Дан. Романовичь, да Черкаскіе Князи Сибокъ съ братьею; а въ передов. Царевичь Тахтамышъ, да Бояре Ив. Вас. Шереметевъ большой, да Алексѣй Дан. Басмановъ, да Черкаскіе Князи Иванъ Маашикъ съ братьею, да Дан. Адашевъ, а съ нимъ Казанскіе люди и съ Свіяги, и изъ Чебоксаръ, и Черемиса, и новокрещеные; а въ правой рукѣ Царевичь Кайбула... и Городецкіе люди, Сеитъ и Князи и Мурзы,» и проч.

(498) Въ *Никон. Лѣт.* 294: «М. Дек. пришли отъ Маистра Клаусъ да Тонасъ, да Мелькеръ, а отъ Епискупа Юрьев. Елертъ, да Христофоръ, да Власъ Бека» (Арнтъ и Кельхъ именуютъ только Элерда, Крузе и Клауса Франке)... «и добили челомъ, что дати полпятдесятъ тысячь ефимковъ, а Московская 18 тысячь рублевъ.»

(499) См. Кельха, стр 223. Впрочемъ съ Послами обходились весьма учтиво. Тогда родился у Царя сынъ Ѳеодоръ: имъ дозволили быть свидѣтелями его крещенія, а не *пріемниками*, какъ сказано въ *Подробной Лѣтописи*, которой сочинитель бралъ свои извѣстія изъ Бреденбаха или Гваньини, и въ которой есть нелѣпости; на примѣръ, сказано, что Іоанновымъ войскомъ въ Ливоніи предводительствовалъ *Сисегалердія,* (Шигъ-Алей), *славный морскій разбойникъ* (стр. 10: см. Арнта 229 въ примѣчаніи).

(500) См. тамъ же.

(501) По нашимъ лѣтописямъ: «Новова городка, Керекепи, Алыста, Курслова, Бабя городка.» Я называю всѣ мѣста по Арнту (Tabelle der Städte, стр. 338).

(502) Въ *Никон. Лѣт.* 297: «Пришли на Ертоулъ... Послалъ Бояринъ Ив. Вас. Шереметевъ Дѣтей Боярскихъ, да К. Вас. Сем. Серебреной, да Ив. Меньшой Шереметевъ... и многіе Черкасы... и побивали Нѣмецъ по самой городъ, а къ Воеводамъ привели 54 человѣка.»

(503) Одинъ городокъ названъ въ Лѣтописи: *Аскилусъ.* Это не Ужсиль: ибо Русскіе не подходили такъ близко къ Ригѣ: развѣ Atzell? Они всего на все потеряли тогда 33 человѣка.

(504) См. Арнта 230. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: «А иное сторонщики воевали по всему рубежу, охочіе... а зима была гола, безъ снѣгу, и ходъ конемъ былъ нужно грудовато; а ходили полчетыре недѣли.»

(505) Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: «И тотъ К. Михайло, съ людьми своими ѣдучи, дорогою сильно грабилъ своихъ, и на рубежи люди его деревни Псковскіе земли грабили и животъ сѣкли, да и дворы жгли. И Царь и В. К. про то на него опалился, и велѣлъ обыскати, кого грабили дорогою, и на немъ доправити.»

(506) См. Кельха 223, и Арнта 230. Современникъ благоразумный, Нейштетъ, хвалитъ Шигъ-Алея.

(507) Сіе перемиріе было означено въ *опасной грамотѣ,* данной Государемъ для свободнаго проѣзда Магистровыхъ Пословъ въ Москву. См. въ моихъ Кенигсберг. бумагахъ донесеніе Ливон. Пословъ No 699.

(508) См. Курбскаго.

(509) Въ *Никон. Лѣт.* 300 — 305: «Писали съ Иваня города Воеводы... что Нѣмцы стрѣляютъ изъ наряду, а они не смѣютъ безъ Царева вѣдома... и К. Григорей Темкинъ съ товарищи воевали городъ Влехъ, Резицу, Лужу и Чясвяни четыре дни... и прислали 26 Нѣмчиновъ въ доспѣсѣхъ... И Государь послалъ на Иванъ-городъ Дьяка Шестака Воронина, а велѣлъ изо всего наряду стрѣляти въ Ругодивъ... а по инымъ по всѣмъ украйнамъ воевати не велѣлъ... и въ Великую Субботу выѣхали Ругодовскіе Посадники и били челомъ... а за Князца (Фохта) не стоятъ: воровалъ о своей головѣ... и послали къ Государю, а въ Иванѣгородѣ посадили въ закладѣ у Воеводъ ратниковъ своихъ лучшихъ, Ивана Бѣлого, да Ашпиря Чернново... И Царь послалъ на Иванъ-городъ Боярина Алексѣя Дан. Басманова, да Воеводу Дан. Ѳед. Адашева... И Маія въ 1 Якимъ и Захаръ» (Нарвскіе Депутаты) «въ Москву пріѣхали,» и проч.

(510) Тамъ же, стр. 305: «Пришли съ Ругодива Ратманъ Ромашко самъ-пятъ, о томъ де-мы не посыловали, что намъ отъ Маистра отстать... и Давило ихъ не отпустилъ.»

(511) Тамъ же: «Воеводы отпустили» (Головъ Стрѣлецкихъ) «за рѣку, чтобы сторожей стоптати не дати и отвести къ себѣ за рѣку... и учали возитца ниже Ругодива 5 верстъ; а Нѣмцы весь нарядъ въ Ругодивъ отпустили, а сами пришли къ перевозу, а всего осталося на ихъ сторонѣ человѣкъ со сто, а Нѣмцевъ съ тысячю, и конныхъ и пѣшихъ... и побили ихъ, и гоняли подъ самой Ругодивъ, а взяли у нихъ 33 человѣка... и языки сказывали, что Ругодивцы Царю измѣнили, Якима да Захара (къ нему) отпустили, а къ Маистру послали, чтобъ ихъ не выдалъ... и прислалъ Князца, а съ нимъ съ пищальми 700 человѣкъ, да съ нарядомъ люди; и Ругодивцы промежъ собою крестъ цѣловали, что имъ Царю не здатца.»

(512) Курбскій: «овіи же врата вымающе отъ домовъ своихъ, и поплыша.» Въ *Никон. Лѣт.* 306: Воеводы къ нимъ послали, на чемъ били челомъ, чтобъ на томъ словѣ и стояли, и Нѣмцы отказали.» См. Арнта 232.

(513) См. Курбск. въ *Никон. Лѣт.* 307: «Увидѣли на великомъ пламени образъ Пречистыя лежитъ лицомъ на огонь, и ничѣмъ невреженъ; и въ другомъ мѣстѣ нашли Николинъ образъ... и огонь началъ тишать.» Съ сими иконами Архіеп.

Новогородскій 4 Авг. прислалъ въ Москву Юрьев. Архимандрита и Софійскаго Протопопа: Царь и Митрополитъ встрѣтили ихъ у Пятницы Ржевской и отнесли въ Успенскій Соборъ, гдѣ пѣли молебенъ. См. *Архив. Лѣт.* 315.

(514) Въ *Архив. Лѣт.*: «Пришли (въ Маѣ) отъ Манстра Послы, Ѳедоръ Ферштибетрехъ, братъ Манстровъ, да Клаусъ, да Симонъ (Гросманъ), да Мелхеръ, а Бискуповы Архимандритъ Юрьевской Велва» (Вольфгангъ Цаберъ) «да Ганусъ Иванъ, да Власъ Бека; и Клаусъ и Архимандр. на дорогѣ померли.» См. и *Никон. Лѣт.* 309. Ливонскіе Историки несправедливо пишутъ, что сіи Послы привозили съ собою деньги, и что Царь уже не хотѣлъ взять оныхъ. См. слѣдующее примѣч.

(515) См. между моими Кенигсбергск. бумагами отвѣтъ Царя Посламъ Ливонскимъ, и донесеніе ихъ No 698 и 699, гдѣ сказано: Daß wir sie nun solten begnadigen, unsern Zorn von ihnen abwenden und den Derptischen Zins nicht von ihnen nehmen, derhalben, daß das Stifft Derpt gar ist verheret und vertorben, und in vielen Jahren bey Menschengedencken nicht kan erholet werden, und unser Kriegsvolck haben in dem Kriege mehr genommen, als der Zins gewesen ist. Далѣе Царь изъявляетъ свое неудовольствіе, что Магистръ и Епископъ Дерптскій не хотѣли прислать къ нему такихъ знатныхъ чиновниковъ, какихъ присылалъ въ Москву Король Шведскій. Hierauf durch die Gesanten semptlichen eingeworfen, daß mein gnediger Herr Meister seinen eigenen Blutsfreundt (брата) und der Bischoff seinen eldisten Prelaten, so in Got verstorben, neben inen andern abgefertigt. Далѣе говорятъ Адашевъ и Дьякъ Михайловъ: So die Hern (Магистръ и Епископъ) des Grosfursten Zorn stillen und seine Macht von den Landen zu Lifflandt abwenden wolten, solthen sie thun, als die Keisers zu Casan und Asterkan, einer von Kriesten (Христіанинъ) und auch der Keiser Segalei (Шигъ-Алей) selbst, mechtige Herr, gethan hetten, und vor dem Grosfursten komen mit dem Zins aus dem ganzen Lande zu Liefflandt, ihrer Key. Grosmajest. das Haupt schlagen (челомъ ударить) und ferner thun, was ihre Key. Grosm. von ihnen wurde begeren.

(516) См. Арнта 233.

(517) Въ *Архив. Лѣт.* л. 309—311: «нарядъ изъ судовъ выняли»... (у *Сыренска* или Нейшлоса) ... черные люди изо всего Сыренскаго уѣзда, Латыши и *Бать* и Чюхи правду дали... Прислали къ Государю изъ Руголива Бояринъ и Намѣстникъ Олексѣй Дан. Басмановъ да Воевода И. А. Бутурлинъ, что *Адежского* города люди добили челомъ.» По Латышски Адежемъ назывался городокъ Neuermühlen; но онъ былъ въ 11 верстахъ отъ Риги (см. Арнта 344): здѣсь говорится о другомъ мѣстѣ, къ сторонѣ Везенберга.

(518) *Архив. Лѣт.* л. 311 на обор. Тутъ былъ и Данило Адашевъ.

(519) См. тамъ же, л. 312—Арнта 234 и Курбскаго.

(520) См. Кельха, стр. 228.

(521) См. Курбскаго и Арнта 233.

(522) Въ *Архив. Лѣт.* 312—314: «Прибѣжали къ Воеводамъ два Латыша, а сказали, что Манстеръ и Бискупъ отъ Керепети побѣжали, и Воеводы отпустили Воеводу же А. И. Шеина, да Дан. Ѳ. Адашева къ Керепети... и пошли за ними же... и Андрей и Данило Керепеть взяли, и тое же ночи пошли за Манстромъ. . и Манстръ пошелъ налѣво, а Бискупъ къ Юрьеву, и Воеводы Бискупа сошли на утрѣ за полтретьяцать верстъ отъ Юрьева... и гоняли по самой посадъ... а взяли 27 Нѣмчиновъ, Посадникъ Юрьевскихъ и Бискупа лучшихъ людей, и телеги съ доспѣхи и съ зельемъ... и пошли назадъ къ Керепети... и сошлися съ Большими Воеводами... и дошли Манстра... и Нѣмцы побѣжали, и Ертоулы за ними гоняли верстъ 15... а люди отъ Манстра разъѣхались,» и проч. См. Арнта 234.

(523) См. Арнта и Кельха. Кетлеръ принялъ тогда единственно имя Коадъютора или Помощника Магистерскаго, а Магистромъ былъ названъ въ слѣдующемъ году.

(524) См. Арнта 237.

(525) Въ *Архив. Лѣт.* 314: «Тогожъ мѣсяца (Іюля) прислалъ Манстръ Ливонской Едиргъ (Готгардъ) человѣка своего, Индрика, съ тѣмъ, что стараго Манстра Вилгима (Вильгельма) скинули, а его Манстромъ учинили, и Государь бы его пожаловалъ, рать свою унялъ,» и проч.

(526) См. *Архив. Лѣт.* 313, и Арнта 235. Въ *Архив. Псков. Лѣт.*: «Костеръ на Оновжѣ (Энбахѣ) взяли Козаки.»

(527) См. Курбскаго.

(528) См. Арнта 236.

(529) См. Арнта 237.

(530) См. тамъ же.

(531) У Арнта: Ein Woywode mit der Fridensfahne ritte voraus.

(532) Сверхъ того нѣсколько бочекъ вина, пива, рыбы, овса.

(533) Съ извѣстіемъ о взятіи Дерпта пріѣхалъ въ Москву сынъ К. Василья Серебрянаго, Борисъ. Въ *Архив. Лѣт.* 314: «Изъ наряду 6 дней по городу били и стѣну розбили, и въ городѣ многихъ людей изъ наряду побили, и вылазки многіе были, и на вылазкѣ Нѣмцевъ вездѣ побивали... и Бискупа въ монастырь жити въ *Муково* (Фалькенау) отпустили... и животъ Бискуповъ, и коихъ людей остался, поймали на Государя.» Очевидецъ, Дерптскій знатный Баронъ Крузе, пишетъ, что добыча Россіянъ была не весьма важна, по великодушію Шуйскаго (см. Арнта 237). Несогласіе между жителями Дерптскими Латинской и Лютеранской Вѣры способствовало намъ, какъ увѣряютъ, овладѣть симъ городомъ. — Курбскій сказываетъ, что Царь далъ Епископу большое помѣстье въ Россіи.

(534) Между моими Кенигсберг. бумагами находятся отношенія Бояръ къ Магистру, къ Правительству Ревеля, Маріенгаузена и другихъ городовъ, съ требованіемъ, чтобы они изъявили покорность Царю.

(535) См. Кельха 234.

(536) Въ *Архив. Лѣт.* 315—316: «Пошли изъ Сыренска къ *Ракобору* (Везенбергу), и сказали заставу Нѣмецкую изъ Лаюса, и они побили... и у Пайдуса (Падиса) посадъ пожгли... Посылали воевать Кеснихъ (Венденскихъ) мѣстъ, и приходили на нихъ Нѣмцы, Индрикъ да Кашпаръ, со многими людми, и К. Никита (Кропоткинъ) ихъ (начальниковъ) поималъ и къ Воеводамъ привелъ ... Да посылали къ Говью (Ацелю), да къ Голубину (Шваненбургу)... и всѣхъ городовъ Нѣмецкихъ взяли въ 66 году (1558) двадцать съ волостьми, и во всѣхъ городѣхъ церкви Хрестьянскіе воздвигнули... Идучи (Воеводы) изъ Юрьева по Государеву наказу, посылали къ Голбину, а стояли тутъ Архіепискуплевы люди въ заставѣ, и Борисъ Колычовъ со всѣми людьми укрылся, а къ городу послалъ Богдана Ржаникова съ немногими, и Нѣмцы учали Богдана гоняти и мчали полкомъ до Бориса, и онъ напустилъ и побилъ, и взяли 34 лучшихъ Нѣмецъ... Отпущали подъ Говью... и взяли,» и проч.

(537) По извѣстію Нейштета, современника: см. Гадебуша Liefl. Jahrb. г. 1558, стр. 545.

(538) Кавелехтъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ Киневель и Птивпевель, а Верполь Полчевъ: см. *Архив. Лѣт.* л. 326.

(539) См. *Архив. Псков. Лѣт.* г. 7067.

(540) Въ *Архив. Лѣт. л.* 326 — 328: «Государь велѣлъ итти къ Рынголу (Рингену) изъ Ракобора К. М. Рѣпнину... изо Пскова Черкаск. Княземъ ... а съ Вышегорода Ѳ. Шереметеву, а съ Красново Ѳ. Третьякову, а изъ Юрьева К. Щепину... а съ Москвы послалъ Воеводу Бориса Колычова... и приходятъ на кормовщиковъ и побиваютъ, а языки сказываютъ, что Маистръ приступаетъ къ Рынголу ежедень... и Воеводы къ нему приходятъ къ становъ, и онъ бьетъ изъ пушекъ .. а на встрѣчю нейдетъ... а сказываютъ, что Юрьевскіе Ратманы и Посадники съ Маистромъ ссылаютца, а велятъ ему быть къ Юрьеву, а въ Юрьевѣ люди не многіе... Послалъ Маистръ кормовъ для и заставу послалъ брата своего, Ягана Кетлеръ, и Воеводы заставу побили и брата Маистрова взяли, да Оружничево, да Окольничево, да Ковюшево и иныхъ Князьковъ и Мызниковъ, всего 106 человѣкъ; а во всѣхъ посылкахъ 260 человѣкъ, а убили тысячи съ три,» и проч. См. еще Курбскаго и Архив. *Псков. Лѣт.*, гдѣ сказано, что Магистръ потерялъ на приступахъ до двухъ тысячь воиновъ.

(541) Въ Архив. *Псков. Лѣт.* сказано, что Россіянъ было 2000. Тутъ Нѣмцы взяли въ плѣнъ одного раненнаго чиновника Московскаго, которой сказалъ Фелькерзаму по-Латини: Rogo Dominationem tuam, intercedat pro me apud Dominum suum, Magnum Livoniæ Magistrum, ut me in civitatem ad medicos mittat, quia graviter et letaliter sum vulneratus (т. е.: молю тебя быть моимъ ходатаемъ предъ В. Магистромъ, чтобы онъ послалъ меня въ городъ къ Медикамъ: ибо я тяжело раненъ»); но сей чиновникъ тогда же умеръ (см. Арнта 243).

(542) Арнтъ пишетъ, что Кетлеръ велѣлъ изрубить 400 Россіянъ въ замкѣ; а по сказанію Курбскаго, онъ уморилъ ихъ голодомъ и холодомъ.

(543) См. Архив. *Псков. Лѣт.*

(544) 130,000, по сказанію Ливонскихъ Историковъ, которые число нашихъ всегда умножаютъ, а своихъ уменьшаютъ: см. *Архив. Лѣт. л.* 329.

(545) Въ *Архив. Лѣт. л.* 335: «Шли къ Алысту (Маріенбургу) и Голбину и къ Чесвину (Зесвегену), и отъ Чесвина пришли Нѣмцы... и Воеводы ихъ Гедерда и Гануса побили, а третьево Яна Тува взяли, Печатника Арцыбискупова, и лучшихъ 34 человѣка; да оттуды пошли къ Ровному, да мимо Кесь... А городковъ взяли Пиклинъ, Рекотъ, Пиболда, Зербинъ, Скуянъ, Ерль, Радогожъ, Нитоуръ, Сундежъ, Малополь, Новой городъ, и покинули Нѣмцы 11 городовъ,» и проч. См. Арнта 245, и Архив. *Псков. Лѣт.*

(546) Въ *Архив. Лѣт. л.* 332 на обор.: «Ходили Казаки своею охотою за Воеводами 500 человѣкъ ... и пришли къ Смелтину и на посадѣ Нѣмецъ побили... и городъ взяли, а живыхъ Нѣмецъ 20, да 200 Латышей.»

(547) См. выше, стр. 256.

(548) См. Дѣла Польск. No 5, стр. 1 — 113. Отъ Короля пріѣзжали въ Москву Воевода Подляшскій Тишковичь и Андрей Хоружевъ, въ Мартѣ и въ Ноябрѣ 1559. Іоаннъ въ Іюнѣ посылалъ къ Августу Дворянина Пивова требовать удовлетворенія въ обидахъ, сдѣланныхъ нашимъ купцамъ въ Литвѣ, и подписался *Государемъ Ливонскіе земли града Юрьева.* — Адашевъ, именемъ Царя говоря съ Тишковичемъ, сказалъ ему: «Што прибыли въ перемирьѣ? На всякой годъ Король въ Крымъ посылаетъ дань и дары и накупаетъ на православіе; и Крымцы дары емлютъ, а Державу Королевскую ежелѣтъ воюютъ... и тѣхъ кровей Крестьянскихъ отъ чьихъ рукъ Богъ взыщетъ?... А Государь нашъ какъ возрасту своего дошелъ и сѣлъ на свой конь, какъ всѣмъ Бусурманскимъ Государемъ противенъ сталъ,» и проч. См. *Архив. Лѣт. л.* 334.

(549) Дѣла Швед. No 1, л. 189 на обор.: «Хотимъ послати къ Ливонцамъ и повелимъ у нихъ выслушати, хотятъ ли они нынѣча въ ноги пасти и учинити, какъ имъ достойно есть.» Въ Апр. 1559 пріѣзжалъ отъ Густава въ Москву гонецъ Матвѣй, въ Окт. Посланникъ Матсонъ, а въ Іюлѣ 1560 Посланникъ Ларсонъ (см. тамъ же, л. 151-202).

(550) См. сей *Исторіи* Т. III, г. 1223.

(551) См. Арнта 242 и слѣд.

(552) См. Дѣла Датскія, No 1. Послы пріѣхали въ Москву 19 Марта 1559: Клаусъ Урне или Vhroe, Войдиславъ Вобиссеръ, Петръ Бильде и Іеронимъ Теннервъ (Thennerw или Ternetz), Секретарь и Докторъ Правъ.

(553) См. тамъ же. Въ сей грамотѣ сказано: «Мы для Фредерика Короля васъ пожаловали: дали вамъ *тихое престояніе* на 6 мѣсяцъ отъ Маіа 1.»

(554) См. выше. Въ *Архив. Лѣт.* 307: «Прислалъ К. Дм. Ив. Вишневецкой (въ Маѣ 1558), что приходилъ къ Перекопи... а стоялъ и ночевалъ за 10 верстъ, и пошелъ къ Днѣпру на Тованской перевозъ ниже Исламъ-Кирмени полтритцать верстъ и стоялъ 3 дни... Царь Крымскій со всѣми людьми былъ въ осадѣ, и пришелъ на Хортицкій островъ далъ Богъ здорово; тутъ дождался Дьяка Ржевскаго съ суды и встрѣтилъ Дьяка выше пороговъ, и съ коши и съ запасы оставилъ выше пороговъ на Монастырскомъ острову, а Дѣтей Боярскихъ, которые истомились, отпустилъ къ Государю, а у себя оставилъ не многихъ... и пошелъ лѣтовати въ Исламъ-Кирмень и приходити на Улусы за Перекопь и подъ Козелецъ... и Государь послалъ къ нему и къ Дьяку съ золотыми,» и проч.

(555) Въ *Архив. Лѣт.* 315: «Писали изъ Свіязсково города, приходили Крымцы (въ Іюлѣ 1558) ... и Горніе люди, Кочакъ К. съ товарищи, побили ихъ; а Крымцовъ было 300 человѣкъ... Приходили Крымцы на рыболовы на Волгѣ, и Ив. Клушинъ съ Вятчаны побилъ ихъ; а было ихъ 100 человѣкъ, а ушло шесть.»

(556) Курбскій пишетъ, что сія вѣсть дана была Хану изъ Москвы отъ Татаръ.

(557) Въ *Архив. Лѣт.* 227: «Отъ Исмаила К. дѣти отступили и съ Улусы, и многіе Мурзы, и пошли въ Крымъ служити.»

(558) Въ *Архив. Лѣт.* 330 — 332: «Пришли (Крымцы) на Мечю, за два днища до Украйны, и тутъ поймали рыболововъ 5 человѣкъ, и рыболовы сказали... и шелъ за нимъ» (Воротынскій за Царевичемъ) «до Аскала (Оскола) и къ Донцу... а на сакмѣ его много тысячь мертвыхъ лошадей и верблюдовъ,» и проч.

(559) *Архив. Лѣт.* 332 и 336 на обор. Вишневецкій и Данило Адашевъ поѣхали изъ Москвы въ Фев. 1559. Первый въ Апрѣлѣ прислалъ къ Государю 14 языковъ Крымскихъ, извѣстивъ его, что онъ разбилъ на Идарѣ близъ Азова 250 Татаръ, шедшихъ къ Казани, и что Михайло Черкашенинъ истребилъ еще другой отрядъ Ханскій.

(560) См. Курбскаго.

(561) Въ *Архив. Лѣт.* 337 на обор.: «и какъ пришли подъ Очаковъ, и тутъ взяли корабль, и Турчанъ и Татаръ побили, а иныхъ поймали съ вожи, и пришли на Чюю островъ на море, и тутъ на протокахъ взяли другой корабль... и пришли на Крымскіе Улусы, на Ярлашъ островъ, и тутъ многіе верблюжьи стада поймали... и пришли на сидячихъ людей, на Кременчикъ, да на Коршалы, да на Когольникъ, отъ Перекопи за 15 верстъ, и послали передъ собою К. Ѳед. Хворостинина... и повоевали, и отошли на Озибекъ островъ,» и проч.

Тамъ же, л. 348 на обор.: «Коли Данило съ моря приходилъ на Улусы, тогда у нихъ страхъ былъ великой отъ Царева и В. К. приходу... и всею землею ко Царю (Хану) приходили, чтобы ся со Царемъ и В. К. помирилъ, а отъ Днѣпра Улусомъ нужа великая.» Выше, л. 338 на обор.: «пошли вверхъ Днѣпромъ... и далъ Богъ и перевозы и пороги прошли... и тутъ прибѣжалъ къ Данилу отъ Царя (Хана) Ѳ. Ершовской, а служилъ въ Крыму, а сказалъ, что Царь ходилъ за Даниломъ Св. недѣлю... и возъярився хочетъ нынѣ на Монастырской островъ приходити... и Данило послалъ про Царя провѣдати Нечая, и наѣхалъ Царевы станы за 15 верстъ, а Царь на спѣхъ пошелъ прочь.» — Вѣсть о томъ получена Государемъ въ Іюлѣ.

(562) Тамъ же: «Руская сабля въ нечестивыхъ тѣхъ жилищехъ кровію очервлена не бывала и по се время, ниже трубѣ прежъ сего гласящи, православно воинство созывающе.»

(563) Съ Марта 1559 Царь началъ-было готовиться къ большому походу на Крымъ со всѣми знатнѣйшими Воеводами, оставляя Главою Москвы брата, К. Юрія (см. Розряд. Кн. г. 1559).

(564) Въ *Архив. Лѣт.* 339 — 346: «Царь Крымской Нагайскихъ Мурзъ побилъ въ Крыму, а Юсуфовы дѣти убѣжали въ Нагаи... Прислалъ съ Дону Постельничей Игнатей Вешняковъ, что шли въ Крымъ Наг. Мурзы, Арaслановы братья... и Игнатей ссшелъ ихъ на устьѣ Днѣпра и поймалъ... Писалъ (въ Дек. 1559) Ив. Выродковъ изъ Астрахани, что Исмаилъ отпустилъ сына своего на Крымъ, и Иванъ съ нимъ отпустилъ дву Мурзъ Нагайскихъ, а съ ними Астраханскихъ людей... Того же мѣс. пришли съ Днѣпра Атаманы Черкаскіе, Гаврило Слѣпетцкой, да Сем. Высоцкой, а оставливалъ ихъ на полѣ Дан. Адашевъ, и привели Мурзъ Нагайскихъ Кипчашского Улусу... а сказываютъ, приходили Атаманы послѣ Данила въ осень многажды на Крым. Улусы и на тотъ Кипчатцкой Улусъ, и взяли женъ и дѣтей, и Мурзы къ нимъ пріѣхали сами на Государево имя, и увѣряся съ ними, тѣ Атаманы и Казаки Черкаскіе пришли всѣ на Крым. Улусы .. и бой былъ имъ съ Крымцы великой, и побили... и поймали многіе Улусы, и 7 Мурзъ убили... а Царю Крымскому рознь великая съ Нагаи, *и голодъ въ Крымѣ великой.*» Слѣдующія извѣстія выписываю изъ Синодальнаго Лѣтописца No 270, въ листъ, и съ такими же раскрашенными изображеніями, какъ въ Царственной Книгѣ; онъ идетъ далѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ лѣтописцевъ времени Іоаннова: я буду называть его *Продолженіемъ Царственной Книги*, л. 478: «Прислалъ изъ Асторохани Иванъ Выродковъ (въ Мартѣ 1560), что ходили Мырзы въ Крыму воевати и воевали добрѣ Царевы стада, и Ширинскихъ Князей всѣхъ Улусы повоевали... и Исмаилъ къ Государю прислалъ бити челомъ, чтобы ему на Крымъ изъ Асторохани помочь была ... и Государь отпустилъ Пословъ своихъ къ Исмаилю, и приказалъ, что на Донъ Козаковъ пошлетъ, а онъ бы промышлялъ надъ Крымомъ... Прислали Мырзы (въ Апр.) съ Дону, чтобы Государь велѣлъ имъ кочевати промежъ Дону и Волги, и на Крымъ бы имъ помочь учинилъ; а Исмаилю они добили челомъ; а ходили, сказываютъ, послѣ Исмаилева сына... и пришли къ Перекопи, и въ тѣхъ мѣстѣхъ Улусовъ не было: были за Перекопью, а иные, Крымскіе и Нагайскіе, забиты за Днѣпръ на Литовскую сторону; и ходили за Днѣпръ, и нашли Улусы Нагайскіе и пристали всѣ ко Тортаръ-Мурзѣ съ товарищи, и Крымскіе Улусы повоевали, и подъ Бѣлгородъ и подъ Очаковъ и по рѣкамъ, по Бугу и по Ингуломъ... и шли назадъ мимо Перекопь, и вылазки не было: сидѣли отъ нихъ Крымцы въ осадѣ во всю зиму, и Казаки Государевы съ Дону съ пищалями были съ ними же, и пришли на Донъ. Отпустилъ Царь (въ Маѣ) на Донъ Чигри-Бердѣя Мырзу, Кенчака Нагайскаго, съ нимъ Данила Чюлкова, а съ нимъ Козаковъ многихъ, а велѣлъ имъ быти съ Мырзами за-одинъ... и ослободилъ имъ во всѣ свои городы ѣздити торговати.»

Не смотря на то, Крымцы еще дѣлали набѣги на Россію. Въ *Архив. Лѣт.* 337: «Приходили къ Пронску» (лѣтомъ въ 1559 г.) «Крымскіе люди, и Василій Бутурлинъ ихъ побилъ, взялъ языковъ 16 и прислалъ къ Государю.» Въ Розряди. Книг.: «Были на Коломнѣ (въ 1559 г.) Воеводы Ив. Петр. Ѳедоровъ, да Вас. Андр. Бутурлинъ, да К. Вас. Мих. Троекуровъ; и приходили Царевичи, и Воеводы послали Головъ ... и Царевичей побили, и многіе языки поймали, и за послугу къ нимъ былъ присланъ съ золотыми К. Петръ Холмской.» Въ другихъ Розрядахъ именованъ, вмѣсто Холмскаго, Левъ Андр. Салтыковъ. — Другой набѣгъ былъ на Тульскія мѣста. Въ *Архив. Лѣт.* 342 на обор.: «Пріѣхали (въ Ноябрѣ 1559) къ Государю въ Можаескъ два Татарина Крымскіе, а сказывали, что пришолъ изъ Крыму Диви Мурза Нагайской, да съ нимъ Мурзы Ширинскіе, на Украйну войною, а съ ними 3000 человѣкъ. Того же мѣсяца писалъ съ Тулы Воевода, К. Ѳед. Ив. Татевъ, что приходилъ Диви Мурза и воевали Ростовскую волость безвѣсно, и К. Ѳедоръ на нихъ приходилъ и языки поймалъ, а за ними не ходилъ, что люди къ нему вскорѣ не собралися.»

(565) См. *Архив. Лѣт.* л. 348. Гонецъ отъ Хана пріѣзжалъ въ Генв. 1560.

(566) Въ *Архив. Лѣт.* 340 и 349: «Пріѣхалъ съ Дону» (въ Сент. 1559) К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ Мурза Черкаской, и билъ челомъ ото всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ Государь пожаловалъ, далъ бы имъ Воеводу своего въ Черкасы, и велѣлъ бы ихъ крестити всѣхъ... Отпустилъ Царь (въ Февр. 1560) въ Черкасы Воеводу своего, К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ Князей Черкаскихъ, К. Ивана Баашика, да К. Василья Сибока съ братьею, и Поповъ Хрестьянскихъ, а велѣлъ ихъ крестити по ихъ обѣщанью и по челобитью... По челобитью Кабардинскихъ Князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ отпустилъ (Царь) Воеводу Ив. Семен. Черемисинова съ товарищи на Шевкалъ и на Тюмень, и съ Иваномъ отпустилъ Попы Хрестьянскіе крестити Кабардинскихъ Черкасъ.»

Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ въ 1582 г., называетъ Черкесъ Христіанами Греческой Вѣры (Moscovia Antonii Possevini, стр. 9).

(567) См. выше, прим. 479.

(568) См. Дѣла Польск. No 5, 113 — 141.

(569) Арнтъ 248 и Гадебушъ 552, г. 1559.

(570) См. сей *Исторіи* Т. VII, стр. 43.

(571) Арнтъ 248.

(572) Въ *Архив. Лѣт.* 341 — 343: «Писалъ изъ Юрьева Воевода К. Андрей Ивановичь Ростовской, что Маистръ пришолъ (въ Окт.) въ Юрьевской уѣздъ Сангатцкую мызу, и Царь послалъ Боярина А. Д. Басманова во Псковъ къ Боярину К. Юрью Ив. Темкину, а велѣлъ отпустити изо Пскова Воеводъ Зах. Плещеева, а съ Краснова и съ Вышегорода Замятню Сабурова, да Ал. Скрябина, и велѣлъ имъ приходити на загонщиковъ и провѣдывати до-полна, коимъ обычаемъ Маистръ измѣнилъ... Прислали (въ Ноябрѣ) къ Государю въ Можаескъ Воеводы Зах. Плещеевъ съ товарищи, что они не въ одномъ мѣстѣ побивали Нѣмецк. людей, а языки сказываютъ, что пришолъ Тре-

градцкой Князецъ Мешкалло, а съ нимъ люди Заморскіе, а Маистра и Арцыбискупа дожидатца имъ въ тѣхъ мызахъ... А итти Маистру къ Юрьеву и стояти вся зима, и не взявъ Юрьева прочь нейти ... и Маистръ сталъ воевать по ссылкѣ Юрьевскихъ людей... Государь велѣлъ итти К. Ю. Темкину и А. Басманову изо Пскова къ Юрьеву... и Стрѣльцовъ многихъ послалъ въ Юрьевъ... Писалъ Зах. Плещеевъ, что приходили на нихъ Нѣмцы, Треградцкой Князецъ, да ихъ стоптали, и Воеводу А. Сирябина убили, да Дѣтей Боярскихъ 90 человѣкъ, да 30 Боярскихъ людей.» Въ Архив. *Псков. Лѣт.*: «Маистръ приходилъ на нашихъ дважды искрадомъ, побивалъ людей, а иные, пометавъ коня и всякой запасъ, на лѣсъ убѣгли.» Тогда Государь выслалъ изъ Москвы Большихъ Воеводъ противъ Магистра. Далѣе въ *Архив. Лѣт.*: «Писали Воеводы, К. Ю. Темкинъ, да А. Басмановъ, что они пришли въ Изборескъ, въ Юрьевской уѣздъ, а Захарья съ товарищи не успѣлъ съ ними сойтися, и пришолъ Маистръ и Арцыбискупъ со многими людми и убили 70 Сыновъ Боярскихъ, да 1000 Боярскихъ людей, а кошъ взяли. Стояли Воеводы оплошно; подъѣзчиковъ и сторожей у нихъ не было; сошли ихъ Нѣмцы всѣхъ на станѣхъ.» Сраженіе было при Рупнѣ, а Магистровъ станъ въ Нюггенѣ.

(573) См. Арнта. Въ *Архив. Лѣт.*: «Писалъ (въ Дек.) К. Андр. Ив. Ростовской, что Маистръ отъ Юрьева пошолъ... Изъ города вылазили Дѣти Боярскіе конные и Стрѣльцы, и убили у Маистра человѣкъ со сто, а Стрѣльцовъ убили съ 30, да дву Сотниковъ, а Дѣти и люди Боярскіе не многіе ранены.» Въ Архив. *Псков. Лѣт.* сія вылазка названа не весьма удачною.

(574) См. Руссова и Гадебуша 554, г. 1559. Въ *Архив. Лѣт.*: «К. Андрей изъ Юрьева посылалъ А. Чюлкова съ товарищи за Маистромъ, и они Нѣм. людей побили на Омовжѣ... да послѣ посылалъ Головъ, К. Д. Кропоткина, да Р. Кантырева, и они дошли послѣднихъ людей Маистровыхъ, да побили, а живыхъ взяли 37... Еще посылалъ Головъ К. Глѣба Оболенскаго да Тим. Тетерина, и они дошли послѣднихъ людей... взяли 24 человѣка, и тѣ всѣ сказывали, что Маистеръ пошолъ къ Лаюсу; и К. Андрей послалъ Голову Андр. Кошкарова въ Лаюсъ, а съ нимъ его Стрѣльцы 100. А въ Лаюсѣ были Головы К. Ан. Бабичевъ, да А. Соловцовъ, и съ ними 100 Сыновъ Боярскихъ, да 200 Стрѣльцовъ.» Кошкаровъ принялъ тамъ главное начальство. Далѣе: «М. Генв. пріѣхалъ ко Царю А. Кошкаровъ... Приходилъ Маистеръ съ великимъ снарядомъ... и розбилъ городу 15 саженъ... и приступалъ по два дни тѣмъ мѣстомъ розбитымъ и къ инымъ... Побили у Маистра многихъ людей и поймали въ городъ, и доспѣхи, и всякое ратное орудіе многое, и изъ города изъ наряду розбили у Маистра 2 пушки... И Андрея Государь за его прямую службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ.» Кетлеръ оставилъ тяжелыя пушки въ Феллинѣ. См. Арнта.

(575) Дѣла Польск. No 5, стр. 113 — 141. Володковичь пріѣхалъ въ Москву 22 Генваря 1560. Бояре показали ему Ливонскую договорную грамоту о дани: онъ съ удивленіемъ сказалъ, что это ни ему, ни Панамъ Королевскимъ не было извѣстно.

(576) См. тамъ же, стр. 141 — 183. Съ отвѣтомъ Государевымъ посылали къ Королю Никиту Сущова. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 11 Іюля, а 15 пріѣхалъ отъ Августа Дворянинъ Станиславовичь съ грамотою отъ 15 Іюня, въ коей онъ жалуется на взятіе въ плѣнъ стараго Магистра Фирстенберга; но Россіяне взяли Феллинъ и Фирстенберга уже въ концѣ Августа.

(577) Въ *Продолж. Царствен. Кн.* (см. выше, примѣч. 564): «Того же мѣс. (Февр.) пріѣхалъ гонецъ отъ Цысоря Римского, и наивышшаго Короля Фердунандуса, Ериномъ, съ грамотою... И Царь и В. К. гонца Цысарева отпустилъ почтивъ, а къ Цысарю съ нимъ грамоты послалъ, объявляя свое Государьство, что ему Богъ далъ, и похочетъ Цысарь быти въ любви и въ братствѣ..., и онъ бы прислалъ своихъ Великихъ Пословъ отъ Совѣтниковъ своихъ, и тогды о всѣхъ дѣлѣхъ договоръ учинятъ.» Грамота Фердинандова, отъ 19 Окт. 1558, находится въ Ватиканскихъ выпискахъ Аббата Альбертранди. Объяснивъ связь Ордена съ Имперіею и необходимость вступиться за Ливонію, разоряемую нашимъ войскомъ, Фердинандъ убѣждаетъ Іоанна (Serenitatem Vestram benevole hortamur et requirimus) прекратить непріятельскія дѣйствія, возвратить завоеванныя имъ мѣста (et quidquid locorum, terrarum, et subditorum illis ademit, integre restituat, кончить ссору дружелюбнымъ разборомъ, и проч.

(578) Въ *Продолж. Царств. Кн.* л. 472: «Посылалъ изъ Юрьева Бояринъ К. Ан. Ив. Кафтыревъ (Ростовскій) Вас. Розладина и иныхъ Головъ къ Тарвасу (въ Генв. или Февр.) а тамъ былъ старой Маистръ Велимъ... и воевалъ (Розладинъ) 3 дни... Посылалъ К. Анд. же К. Глѣба Оболенского Вильянскихъ мѣстъ воевати, и К. Глѣбъ воевалъ за 10 верстъ отъ Вильяна; а какъ пошелъ прочь, и Нѣмцы его угонили и билися... и у Нѣмецъ многыхъ убили.» Главные Воеводы прислали къ Государю въ Февр. Князей Барбашина и Шевырева съ вѣстію о завоеваніи Маріенбурга. Іоаннъ послалъ къ нимъ медали съ К. Палецкимъ. См. тамъ же, л. 473 — 476, и Курбскаго.

(579) См. выше, и Арнта 250.

(580) См. *Архив. Псков. Лѣт.*

(581) См. Курбскаго.

(582) См. Арнта 253 и Курбскаго.

(583) См. Курбск. Онъ пишетъ, что къ нему присоединилось тогда 2000 охотниковъ.

(584) Въ *Архив. Лѣт.*: «Февр. 26 (въ 1556 г.) родися Царю и В. К. дщерь, Царевна Евдокія... Крестилъ ее у Чюда Архистр. Михаила, а принялъ отъ купѣли Макарій Митрополитъ. — Маія 11 (1557) родися сынъ Царю, Ѳедоръ, на четвертомъ часу дни и крещенъ въ обители Чюда, у Чюдотворца Алексія; а принялъ его отъ купѣли Митроп. Макарій. — Преставися (въ Іюнѣ 1558) дщи Царя Евдокія, и того же дни ее схоронили въ монастырѣ у Вознесенья.»

(585) Анастасія занемогла въ первый разъ въ Ноябрѣ 1559, когда Іоаннъ былъ съ нею въ Можайскѣ. Въ *Продолж. Царствен. Кн.* л. 454 на об.: «Государь хотѣлъ ѣхати вскорѣ къ Москвѣ, да не возможно было ни верхомъ, ни въ санехъ: безпута была кромѣ обычая на много время; а се грѣхъ ради нашихъ Царица недомогла.»

(586) Тамъ же, л. 486: «17 Іюля на семомъ часу дни загорѣлося на Арбатѣ у Ризъ Положенія Князя Ѳедоровской дворъ *Пожарьского*» — (здѣсь, кажется, въ первый разъ упоминается о Князьяхъ *Пожарскихъ*) — «и погорѣ много множество храмовъ и дворовъ отъ Успленского врага подлѣ полое мѣсто до дровенего двора и берегъ весь до Клементія Св. въ Черторьѣ и по Семчинское сельцо по Пречистую на Могилицахъ, и Арбатъ весь и за Арбатъ по Новинской монастырь; а Царица и В. К. Анастасія въ то время бысть больна, и Царь и В. К. Великую Княгиню отпровадилъ во свое село Коломенское съ великою нужею, зане же болѣзнь ее бысть велика зѣло; и пріѣхалъ на по-

жаръ, и великъ подвигъ учинилъ со К. Владимір. Андреев. и съ Бояры о унятіи пожара... а у Леонтіа Св. на Успенскомъ врагу ставъ встрѣчю огню... и тако въ той ночи досталь посаду сохранена бысть. Іюля въ 19 на 5 часу дни загорѣлося на Большомъ посадѣ въ Ромодановской слободѣ, и погорѣ дворовъ съ 20. Того же дни на осьмомъ часу загорѣся за Неглинною по Дмитровской улицѣ... и погорѣ много множество, и едва Царь съ дворомъ своимъ угасише огнь...»

«Авг. въ 7, въ пятый часъ дни, преставися Царица и В. Княгиня Анастасія... Та бысть *первая* Царица Руская *Московского Государьства*,» и проч.

(587) Тамъ же, л. 490: «Всѣ нищіи и убозіи со всего града пріидоша на погребеніе не *для* милостыни,» и проч.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЫПИСКА ИЗЪ ЛѢТОПИСЕЙ СЕГО ВРЕМЕНИ:

Въ 1553 г. основанъ городъ въ Мещерѣ, въ Шацкихъ воротахъ, на рѣкѣ Шатѣ, К. Дм. Сем. Шестуновымъ. — Въ 1554, 11 Марта, поставленъ на Крутицу Владыка, Новоспасскій Архим. Нифонтъ, а на Рязань Гурій, Игуменъ Троицкій. На полѣ, противъ Тулы, сдѣланъ городъ Дедиловъ К. Дм. Жижемскимъ. 23 Мая Новогородцы присягали Царю. Іюня 22 въ Новѣг. заложили церковь надъ гробомъ блаженнаго Николы Кочанова. Въ Сент. ѣздилъ Царь къ Троицѣ. «Повелѣ Государь воздвигнути церковь Покровъ съ придѣлы надо рвомъ у града близъ Фроловскихъ воротъ; а прежъ сего на тѣхъ мѣстѣхъ бывали церкви; и Сент. 30, въ Недѣлю, Макарій Митр. Вечерню пѣлъ въ новопоставленномъ храмѣ (и бѣ ту Государь и братъ его, К. Юрій Вас.), и Окт. 1 свяща ту церковь... Окт. 7 священа церковь Николы Гостунского Макар. Митрополитомъ. Окт. 8 выѣхалъ Государь въ село свое Черкизово, и въ Клинскіе лѣса, и на Волокъ, и въ Можаескъ, и въ Княже Володимірово село Городенъ, и К. Владиміръ Андр. его встрѣтилъ, и Государь жаловалъ его, хлѣба ѣлъ и пировалъ; а оттолѣ въ свое село Денисьево и въ Крылатцкое, и тамъ велѣлъ церьковь свящати. Окт. 20 съ 1 часу ночи до 5 было (въ Новѣгор.) на небеси знамя: огнь ходилъ аки молонья, и жгло небо; а ходило полосами, и бѣлыми и красными, и расходилось и сшибалось вмѣстѣ аки люди. Женилъ Государь (въ Ноябрѣ) К. Ив. Дм. Бѣльского: далъ за него сестричну свою, Царевичеву Петрову внуку, дщерь К. Вас. Васильев. Шуйского; а выдавалъ ее съ своего Двора. Пріидоша (въ Дек.) Старцы отъ горы Аѳонскія изъ Хиландаря монастыря Сербского, и били челомъ, чтобы ихъ Государь взялъ во Царьское свое имя: а мы выкупаемъ Вѣру Крестьянскую у Салтановъ, а соль не имѣемъ, но сами дѣлаемъ винограды и землю копаемъ; и Государь ихъ взялъ во свое имя, и строеніе церковное посылаетъ. Генв. 1 (1555) давали Дьяки по монастыремъ (въ Новѣг.) Татаръ, которые сидѣли въ тюрмѣхъ и захотѣли креститись; а которые не захотѣли, ино ихъ метали въ воду... Того жь мѣсяца пришли Послы отъ Волошского Воеводы Александра, Степанъ Перкалабъ Романовской, да Микула Перколабъ Сорокичь, били челомъ, чтобъ Государь помогъ, чѣмъ окупитися отъ Турского, и Государь Пословъ отпустилъ по прежнимъ обычаемъ... По всѣмъ монастыремъ Новгородскимъ збирали деньги на Владыку Казанского, да и книги пѣвчи. Да бысть сѣмя огуречное дорого, гривенка 20 алтынъ, а блюдечко по гривнѣ Новгородская; и мосты мостили по всѣмъ дорогамъ Великого Князя; да опальныхъ людей и Псковичь свели въ Казань 10 семей; да и бумага дорога была, листъ полденги пищей... Сгорѣло (въ Новѣг.) 15 улицъ, а дворовъ 1500... Старцы Святогорского монастыря ѣздили по всѣмъ монастыремъ, прошали милостыни, а съ ними Сынъ Боярской Московской; а Царь и В. К. прислалъ по монастыремъ милостыню и кормъ. — Марта 17 поставленъ въ Смоленскъ Владыка, Кирилловской Игуменъ Симеонъ, а Гурей оставилъ Епископство за немощью и сниде въ монастырь... Апр. 28 женилъ Царь и В. К. брата своего, К. Владим. Андреев., взялъ за него дщерь Княжъ Романову Одоевского, Евдокію... Пришли Священники съ Вятки бити челомъ Государю, что на Вяткѣ образъ Николы Великорѣцкаго чюдеса творитъ, да отъ многа лѣтъ не подѣлыванъ, и Государь велѣлъ имъ съ образомъ въ судѣхъ быти, и шолъ образъ Вяткою и Камою, да Волгою и Окою, а съ Коломны Москвою, и принесенъ бысть Іюня 29, и Государь велѣлъ брату своему, К. Юрью Вас., встрѣтити у Николы на Угрѣшѣ у судна на рѣкѣ Москвѣ, а на Симановѣ встрѣтилъ самъ Царь, а Владыки у Яузкого мосту, а Митрополитъ у Фроловскихъ воротъ, и поставиша въ Соборной церкви, и много исцѣленія быша по вся дни. И обновляя образъ самъ Митрополитъ (бѣ бо иконному писанью наученъ), а съ нимъ Андрей Протопопъ Благовѣщенской... и много образовъ съ него пишуще мѣрою и подобіемъ; и Государь велѣлъ заложить церьковь каменну Покровъ о девяти верхахъ, которой былъ преже древянъ, о Казанскомъ взятьѣ у Фроловскихъ воротъ надо рвомъ придѣлъ той же церкви Живонач. Троицы Николу Чудотворца Вятцкаво; а прежъ того за два года заложена едина Троица, и Государь велѣлъ прибавить къ той же церкви Покровъ Богоматери и придѣлы, и поставити церковь древяну Св. Николы Вятцково, и съ его образа такой же написати въ новый храмъ Покрова, и свяща ю Митрополитъ Іюля въ 29; и чюдотворнымъ образомъ изцѣленія многа быша. — М. Марта (1556) явилася звѣзда копейнымъ образомъ съ теплаго вѣтра межъ Полудни и Запада, и днію и нощію хождаше къ Востоку, и не много поступаше къ Сѣверу весь Мартъ. Того же лѣта Госпожина дни заговѣнья бысть знаменіе (во Псковѣ) того мѣста, гдѣ звѣзда была на небеси, явися яко змій образомъ безъ главы стояше, ставъ не далече отъ земля на небеси, и зрящимъ людемъ, ино яко хоботъ хвостъ збираше, и бысть яко бочка, и спаде на землю огнемъ, и бысть яко дымъ по земли, и подня ю, а стояше съ часъ. Авг. 3 отпущенъ изъ Москвы образъ Николы на Вятку, украшенъ златомъ и жемчюгомъ; и Царь и Царица проводили до Пречистые до Ямъ, и тутъ обѣдню слушали; а К. Юрьи Васильев. провожалъ образъ до Ростокина, и отпущенъ образъ на Устюгъ. Васильгородъ переставленъ на гору. Позлащенъ верхъ у Троицы Сергія. Сент. 1 выѣхалъ Царь съ Царицею и съ сыномъ, и братъ его К. Юрьи Вас. ко Троицѣ, и оттуду въ Переславль къ Никитѣ Чюдотворцу, и повелѣ Игумену общину содѣлати; и велій монастырь сограждаша, и пріѣхали къ Москвѣ 29. Пришелъ отъ Патріарха Діонисія изъ Царяграда Митрополитъ Іоасафъ Кизитцкой, а привезъ къ Государю мощи Георгія Мученика, да Пантелеймона, да Варнавы Апостола, а Патріархъ билъ челомъ для нужи о милостынѣ, и уложилъ соборнѣ молити Бога о Царѣ. 1 Ноября священа церковь Ивана Лѣствичника, да придѣлъ Евдокіи у Чюда Михаила Арханг. на заднихъ воротѣхъ строенья Царского; а былъ тутъ самъ Царь и Царица. 1 Дек. поставленъ городъ въ Галичѣ Ив. Выродковымъ. — Отпущенъ (въ Генв. 1557) Митропол. Греческой, а съ нимъ Государь послалъ къ Патріарху соболей на 2000 золотыхъ, а въ Хи-

ландарь монастырь многую милостыню, да катопетазму шиту, на ней образъ І. Х. и Богоматери, также утварь съ женчюгомъ и яхонты; и пѣлъ тогда Государь молебенъ въ Пречистой, и Митрополитъ Греческой облачался по-Гречески и Священники Сербскіе; и Митроп. Макарій обѣдню служилъ съ Руск. Соборы; и къ Митрополиту послалъ Царь съ грамотою Ивашка Волохова, а въ Св. Гору бывшаго Архиманд. Евфимьева монастыря, Ѳеодорита. Почаша писцы (см. Архив. *Псков. Лѣт.*) писати городъ Псковъ и пригороды, и земли мѣрити, и оброки велики на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложиша. Бысть гладъ по всей землѣ, а больше въ Заволожьѣ: во время жатвы дожди были великіе, а за Волгою морозъ хлѣбъ побилъ, и люди помроша; а зима студена, и снѣги паче мѣры. Окт. 28 Игуменъ Спаской Маркелъ Хутынскаго монастыря, оставя Игуменство, жилъ въ Антоновѣ монастырѣ, да сотворилъ житіе Никитѣ, Епископу Новгородскому, и Канунъ, да поѣхалъ къ Москвѣ. — Пришли за милостынею (въ 1558 г.) отъ Патріарха Іоакима изъ Александреи старцы съ грамотою, а писалъ Патріархъ похваляя Государя...» Слѣдуетъ многорѣчивое письмо и отвѣтъ Царя. «Апр. въ 30 обрѣтоша мощи Епископа Св. Никиты цѣлы... и послаша къ Москвѣ. — Іюня въ 24 поѣхалъ къ Москвѣ (изъ Новагорода) Архидіаковъ Генадей, а ѣхати ему ко Царюграду и въ Іерусалимъ, и во Св. Гору и во Египетъ по монастыремъ съ милостынею Царскою, и обычаи во странахъ тѣхъ писати ему. Іюля 26 Архим. Юрьевской повезъ въ Москву шапку Іоанна Златоустаго Лисья монастыря, да ризы Никиты Чудотворца, Еписк. Новог. Въ Февр. (1559) родися сынъ у К. Юрья Васильев. Московского, Углецково и Колужсково, К. Василей Юрьев.; а крестили у Чюда Архистр. Михаила; а принялъ отъ купѣли Митроп.; а на крещеньи былъ Государь и К. Влад. Андреевичь. Въ Сент. пошолъ Государь въ монастырь къ Троицѣ и по селомъ. Окт. 1 священы предѣлы въ новомъ городѣ у Фролов. воротъ, что ставлены о Казан. взятіи и Астраханскомъ, Живон. Троица, да Входъ во Іерусалимъ, да Никола Великорѣцкой, Кипреянъ и Устина, Варламъ Хутынскій, Александръ Свирскій, Григорей Епископъ Арменскій, — Александръ, Иванъ и Павелъ, новые Патріархи Цареградцкіе; а были тутъ Царь, Царица и Царевичи... а большая церковь средняя, Покровъ, тогда не совершена. Ходилъ (въ Окт.) Государь въ Можаескъ къ Николѣ молитися и со Царицею и со Царевичи, и въ иные монастыри и въ села *прохладитися*. — Февр. 20 (1560) преставился К. Василей Юрьевичь, Княжъ Юрьевъ сынъ Васильевича, году безъ дву недѣль, и о семъ Государю скорбь бысть не мала. Тое же ночи родился К. Володимеру Андреев. дщерь Евдокія отъ его Княг. Евдокіи, и Царь, а съ нимъ сынъ его, Царевичь Иванъ, да Царь Александръ Казанской и многіе Бояре на завтрее того у К. Володимера Андр. на его радость были и овощи кушали.»

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ VIII ТОМА.

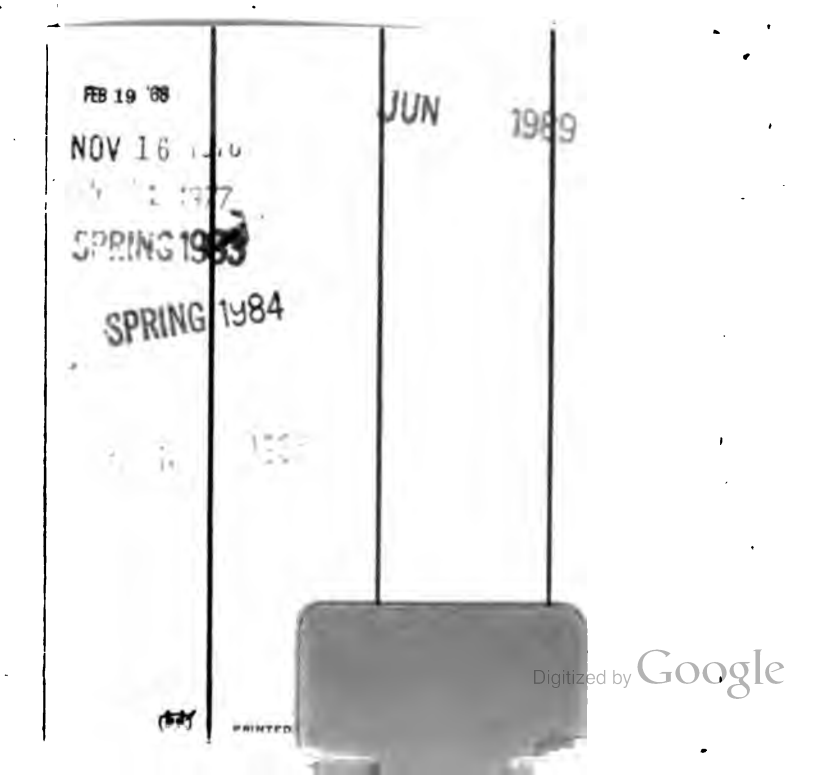
ОГЛАВЛЕНІЕ II КНИГИ.

ТОМЪ V.

ТОМЪ VI.

ТОМЪ VII.

ТОМЪ VIII.


FEB 19 '68
NOV 16
1977
SPRING 1983
SPRING 1984
JUN
1989